

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ. ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ШЕСТАЯ

Томъ 10 и 11.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. П. ЗЫКОВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К^о
Большая Подъяческая, № 39.
1899.

Рисунки дозволени цензурою.

Оглавленіе шестой книги.

Томъ X.

С Ѣ В Е Р Н А Я   А Ф Р И К А .

Ч А С Т Ъ   П Е Р В А Я .

С Ѣ В Е Р Н А Я   А Ф Р И К А . — Б А С С Е Й Н Ѣ   Н И Л А .

ГЛАВА I.			стр.
	стр.	4) Бассейны рѣкъ Собать и Джаъ.....	164
Общій взглядъ.....	1	5) Эѳіопія.....	175
		6) Собственно Абиссинія ...	182
		7) Шоа, земля данакмловъ; сѣверныя госу- дарства галласовъ.....	267
ГЛАВА II.		8) Верхняя Нубія ...	317
Бассейнъ Нила:.....	41	9) Кордофанъ.....	375
1) Рѣка.....	41	10) Дарфуръ.....	394
2) Область большихъ озеръ.....	101	11) Нубія.....	408
3) Страна рѣкъ.....	132	12) Египетъ.....	443

ТОМЪ ХІ.

СЪВЕРНАЯ АФРИКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СЪВЕРНАЯ АФРИКА.—ТУНИСЪ.—АЛЖИРІЯ.—МАРОККО.—САХАРА.

ГЛАВА I.		ГЛАВА IV.	
Триполитанія	СТР. 1	Марокко	СТР. 599
1) Барка.....	1	2) Соціальное и экономическое состояніе	
2) Оазисъ Ауджилъ.....	31	Марокко.....	700
3) Оазисъ Куфра.....	37		
4) Берега большого Сирта и Триполи...	44		
5) Феццанъ.....	87		
6) Гадамесъ.....	109		
7) Ратъ ..	121		
8) Правительство и администрація регентства Триполи	125		
ГЛАВА II.		ГЛАВА V.	
Тунисъ	127	Сахара	713
		1) Великая пустыня.....	713
		2) Тибести и Борку.	728
		3) Дорога изъ Феццана на озеро Цаде. Оазисы Каваръ	744
		4) Джебель Ахаггаръ и окружающія плоскогорья, сѣверные туареги.....	750
		5) Туатъ	774
		6) Аиръ и плоскогорье Ауэллимиденъ.....	787
		7) Западная Сахара	796
Алжирія	265	Географическій глоссарій Сѣверной Африки.	807

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ Х.

Сѣверная Африка.—Бассейнъ Нила.

Переводъ подъ редакціей С. П. Зыкова,
дѣйствительнаго члена императорскаго географическаго общества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К". Большая Подъячская, 39.

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

СЪВЕРНАЯ АФРИКА.

Глава I

Общій взглядъ.

Самое имя Африки показываетъ, что еще въ недавнюю эпоху этотъ материкъ не принадлежалъ къ извѣстному свѣту. Для грековъ эта земля была Ливіей (название, произведенное отъ семитическаго слова, по-еврейски *Лубъ*, во множественномъ *Лубимъ*), съ невѣдомыми границами, простиравшаяся далеко къ странамъ юга и запада; они давали ей также, между многими другими наименованіями, неопредѣленные названія Эсхатія, или «Конецъ міра», и Гесперія, или «Страна запада» ¹⁾, которое служило также для обозначенія Италіи, затѣмъ Испаніи, и, подъ арабской формой Магрибъ, сдѣлалось именемъ Мавританіи. Что касается слова «Африка», прилагаемаго теперь ко всей совокупности континента, то происхождение его неизвѣстно. Есть ли это названіе древняго Картегена, въ смыслѣ «Отдѣлившагося» или «Колонія», и напоминаетъ ли оно такимъ образомъ о сюзеренной власти Тира финикійскаго (семитическій корень *фарака* значитъ *отдѣлять, раздѣлять*) ²⁾? Слѣдуетъ ли видѣть въ немъ общее наименованіе берберовъ ³⁾, или наименованіе одного только народа ⁴⁾, авриговъ или африковъ, имѣвшаго свой періодъ преобладанія? Какъ бы то ни было, Африка, названная такъ Эниемъ до второй Пунической войны, была сначала для римлянъ просто ливійской страной, союдною съ Ита-

ліей, тунисскимъ Теллемъ, именуемымъ еще и нынѣ Фригой ¹⁾, и лишь мало-по-малу это имя сдѣлалось названіемъ всего континента, подобно тому, какъ Азія Кайстра постепенно разрослась до того, что включила въ себя Индію, Сибирь и Китай, или какъ въ Европѣ область Иль-де-Франсъ сообщила свое наименованіе всей Галліи. Быть-можетъ, сходство имени Африка съ именемъ одного мифическаго героя, сына Геркулеса, «Чернаго» или «Дикаго», способствовало въ извѣстной степени тому, что этимъ именемъ стали обозначать «страну Чудовищъ», область столь долго неизвѣстную и грозную.

Отнынѣ обследованная на всей ея окружности, Африка, часть Стараго Свѣта, имѣющая наиболѣе точныя границы, можетъ быть разсматриваема, какъ огромный островъ; только узкая полоса суши, шириной около 150 километровъ, соединяетъ Египетъ, землю африканскую, съ Аравіей и Палестиной, территориями азіатскими. Да и самый этотъ перешеекъ есть не что иное, какъ бывшее дно рѣчное и морское. На сѣверѣ земли его состоятъ изъ наносовъ Средиземнаго моря; на югѣ онѣ были отложены Краснымъ моремъ, тогда какъ между двумя поясами морской почвы простираются остатки древней дельты Нила, который, быть-можетъ, сообщался съ Иорданомъ, какъ о томъ можно заключить по средству фауны. Суэзскій перешеекъ не существовалъ въ третичную эпоху, но другіе континентальные рукава соединили Египетъ съ Кипромъ и съ Сиріей, ибо

¹⁾ D'Avezac, «Esquisse générale de l'Afrique».

²⁾ Suidas;—D'Avezac, цитированное сочиненіе;—Duveyrier, рукописныя замѣтки.

³⁾ Barth, «Reisen», vol. I;—Egli, «Etymologisch-Geographisches Lexicon».

⁴⁾ Gaffarel, «L'Algérie», p. 332.

¹⁾ Duveyrier, рукописныя замѣтки.

нигдѣ на поверхности земнаго шара не встрѣтишь двухъ близкихъ заливовъ, которые бы такъ рѣзко отличались другъ отъ друга животнымъ царствомъ, какъ заливы Суэзскій и Газа ¹⁾. Но если воды Индійскаго океана оставались совершенно отдѣленными отъ Средиземнаго моря со времени эоценоваго періода — развѣ что, можетъ-быть, соединялись мелководнымъ проливомъ въ потретичную эпоху, — то отнынѣ трудъ человѣка привелъ ихъ въ сообщеніе; благодаря его искусству, два потока смѣшиваются во внутреннемъ портѣ озера Тимсахъ, и теперь самые большіе корабли могутъ совершать плаваніе вокругъ всей Африки. Въ сравненіи съ южнымъ материкомъ, столь опредѣленно ограниченнымъ, двѣ другія части Старога Свѣта кажутся сливающимися въ одну: впадина, идущая вдоль восточнаго основанія Уральскихъ горъ, отъ Обской тубы до Каспійскаго моря, и Манычскій перешеекъ, между Каспіемъ и Понтомъ Эвксинскимъ, представляють географическія черты, не имѣющія, какъ раздѣльные поясы, той отчетливости очертаній, какою отличается морская борозда, проведенная изъ Суэда въ Портъ-Саидъ.

Однако, какъ ни точно ограниченъ нынѣ материкъ Африки, онъ не настолько отличается отъ Европы и Азии, какъ это можно было бы думать, судя по очертанію его береговъ; даже нѣкоторыя изъ его странъ соединялись непосредственно съ землями, лежащими по другую сторону Средиземнаго моря. Было время, когда Гибралтарскій проливъ не существовалъ, и когда Атласъ соединялся расположенными въ видѣ уступовъ цѣпами съ параллельными горами Сіерры-Невады: еще въ концѣ пліоценоваго періода Тунисъ примыкалъ къ Сициліи и къ Италіи широкимъ поясомъ земель, слабый обломокъ которыхъ составляютъ два мальтійскіе острова; Греція была соединена обширными равнинами, орошаемыми большими рѣками, куда приходили пять слоны и пырять гирипотамы. Хотя отдѣленная отъ Испаніи и Италіи, сѣверо-западная Африка является еще по своей геологіи, равно какъ по своей естественной исторіи и своему климату, землей существенно средиземноморской, и составляетъ, вмѣстѣ съ противоположащимъ побережьемъ Европы, особую область, — по обѣ стороны Средиземнаго моря одни и тѣ же ископаемые встрѣчаются въ древнихъ горныхъ породахъ; сходныя флора и фауна овладѣли нынѣ почвой. Страны мавританскаго побережья гораздо больше отличаются отъ Нигриціи, отъ которой онѣ отдѣлены пустыней, нежели отъ Прованса, лежащаго по другую сторону большихъ водъ, какъ это говорилъ уже Саллюстіи, что Африка, принимаемая въ узкомъ смыслѣ

Мавританіи, есть часть Европы. На востокъ, эіопійскіе берега Краснаго моря также принадлежатъ къ тѣмъ же формациямъ, какъ и противоположные берега. Климатъ, произведенія, народы — все сходствуетъ по ту и другую сторону Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, въ Эіопіи и въ Іеменѣ.

Отличаясь массивностью контуровъ, Африка походить на два другіе материка юга, Южную Америку и Австралію, общимъ очертаніемъ своихъ береговъ. Она даже менѣе изрѣзана, чѣмъ соотвѣтственная половина Новаго Свѣта, и не дополняется, какъ Австралія, цѣлой плядой большихъ и малыхъ острововъ, которыми устья моря на сѣверѣ и востокѣ материка Новой Голландіи. Громадность размѣровъ способствуетъ тому, что африканскій континентъ имѣетъ тяжеловѣсный видъ. Занимаемая имъ поверхность исчисляется въ 29.909.444 кв. километровъ, изъ которыхъ на материкъ приходится 29.283.390 кв. килом., а на острова 626.054 кв. килом., то-есть слишкомъ въ три раза превосходить пространство Европы, въ четыре раза пространство Новой Голландіи. А между тѣмъ протяженіе африканской береговой линіи значительно меньше, чѣмъ протяженіе европейской. Въ то время, какъ наша часть свѣта имѣетъ не менѣе 31.900 километровъ морскихъ береговъ, не считая многочисленныхъ малыхъ изсѣченій, каковы, наприкладъ, фьорды Скандинавіи и подобные имъ заливы (firths) Шотландіи, въ Африкѣ длина береговой линіи составляетъ всего только 27.638 километровъ, и на этомъ протяженіи сколько пространствъ, гдѣ берегъ не вдается въ материкъ даже настолько, чтобы образовать своимъ изгибомъ простую бухточку! Въ цѣломъ ливійскій континентъ имѣетъ форму эллипсона, ориентированнаго по направленію съ сѣвера на югъ, и на которомъ приставлена на западѣ, отъ мыса Бона до Гвинейскаго залива, полуэллиптическая масса, съ контурами еще менѣе изсѣченными. Двѣ черты всего болѣе видоизмѣняютъ массивную правильность контуровъ африканскаго материка: на западѣ — входящая дуга побережья, позволяющая водамъ Атлантическаго океана удвоить ширину ихъ бассейна, и на востокѣ — заостренный полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Гвардафуй и затѣмъ снова появляющійся среди моря въ видѣ острова Сокотра или Сокотора. Этотъ выступающій берегъ восточной Африки, отдѣленный Аденскимъ проливомъ отъ песчаныхъ береговъ Гадрамаута, имѣетъ точно такое же направленіе, какъ и юго-восточная оконечность Аравіи. Этой чертой своей конфигураціи, равно какъ своимъ климатомъ, этотъ полуостровъ Азии кажется принадлежащимъ къ Африкѣ; это переходная земля, составляющая въ одно и то же время часть двухъ міровъ.

Правильность формы африканскаго материка

¹⁾ Neumayr, „Zur Geschichte des östlichen Mittelmeergebietes“.

даетъ поводъ думать, что онъ представляетъ въ цѣломъ болѣе простоту плана, что онъ отличается единствомъ своей архитектуры. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Европа, несмотря на разнообразіе своихъ безчисленныхъ изсѣченій, можетъ быть уподоблена организованному тѣлу, снабженному спиннымъ хребтомъ и членами; громадная Азія уравнивается свои равнины и полуострова вокругъ высшаго горба материка, «Крыши міра»; Сѣверная и Южная Америка имѣютъ на западѣ длинную цѣпь Кордильеръ, а на востокѣ обширныя рѣчные равнины, едва отдѣленные одна отъ другой невысокими водораздѣльными порогами. Африка, въ сравненіи съ другими континентальными массами, является землей почти безформенной, земель, такъ сказать, зачаточной организации, безъ центрального массива и безъ правильныхъ покатостей. Однако, береговые горы, поднимающіяся въ восточной Африкѣ, параллельно побережью Индійскаго океана, могутъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, рассматриваемы какъ составляющія, если не становой хребетъ, то по крайней мѣрѣ краевую цѣпь континентальнаго хребта. Несмотря на широкіе проломы, гдѣ проходятъ рѣки Лимпопо, Замбези, Джуба, можно признать остатокъ горнаго вала въ совокупности цѣпи, начинающейся на Мысѣ Доброй Надежды и продолжающейся на сѣверъ до Эіопскаго массива. Въ этомъ поясѣ краевыхъ горъ находятся высочайшіе пики Африки, потухшіе вулканы Килиманджаро и Кенія, быть-можетъ, тѣ самыя вершины, которымъ древніе давали названіе «Лунныхъ горъ». Къ западу отъ этихъ пиковъ тянется на плоскогорья параллельный рядъ другихъ вулкановъ, изъ которыхъ иные, какъ говорятъ, поныѣ еще дымятся, а по другую сторону озера Ньянца третья цѣпь, доминируемая остроконечными вершинами, Мфумбиро и Гамбарагара, образуетъ западный краевой хребетъ, водораздѣльную возвышенность между верхнимъ Ниломъ и притоками Конго. Въ этой области верхнее, представляющее какъ бы конецъ крыши, плоскогорье имѣетъ около 900 километровъ въ ширину. Оно оканчивается на сѣверѣ группой абиссинскихъ горъ, каменной твердыней, цоколь которой превосходитъ мощностью всѣ другія орографическія системы континента. Возвышенности Эіопія лежатъ напротивъ возвышенностей Іемена и составляютъ, подобно этимъ послѣднимъ, часть бордюра, который опоясываетъ Индійское море и Великій Океанъ, отъ Мыса Доброй Надежды до мыса Горнъ, въ видѣ огромнаго полукруга, длиною около 40.000 километровъ, равнаго окружности земнаго шара.

Хотя Африка еще не вся изслѣдована, однако мы достаточно знаемъ ее, чтобы представить себѣ ея рельефъ въ главныхъ его чертахъ. Болѣе массивный, менѣе изрѣзанный въ своихъ

контурахъ, чѣмъ другія части свѣта, «черный материкъ» также менѣе изборозженъ внутри процессомъ размывающаго дѣйствія водъ: среднее возвышеніе его земель превосходитъ среднее возвышеніе Европы и Азіи, хотя онъ почти не имѣетъ горъ, равныхъ большимъ Альпамъ и Кавказу, ни одной горы, которая могла бы равняться съ Гималаемъ. Высота континента, рассматриваемаго какъ тѣло съ вертикальными боковыми плоскостями и съ горизонтальной поверхностью, исчисляется Шаванномъ по меньшей мѣрѣ въ 580 метровъ ¹⁾, по болѣе мѣрѣ въ 660 метровъ ²⁾, и, слѣдовательно, превосходитъ среднюю высоту Азіи. Линія, проведенная наискось отъ береговъ Лоанды, на Атлантическомъ океанѣ, къ берегу Краснаго моря, между Суакимомъ и Массовой, ограничиваетъ область, представляющую въ цѣломъ почти сплошную плоскую возвышенность, горные массивы которой стоятъ на цоколяхъ, высотой отъ 1.000 до 1.500 метровъ. Бассейны Конго и Нила, соединяющіеся нѣкоторыми изъ своихъ притоковъ, промежуточные пороги которыхъ не опредѣлены, ограничиваютъ съ сѣвера и съ запада эту область плоскогорій, занимающую около трети материка. По другую сторону срединной впадины снова начинаются высокія земли, но съ менѣе выпуклымъ рельефомъ и гораздо болѣе раздѣленныя, чѣмъ возвышенности южной и восточной Африки. Одна изъ этихъ группъ возвышеній рельефа поднимается между Конго и Нигеромъ, другая между Ниломъ и озеромъ Чаде или Чадъ; среди Сахары высятся два острововидные массива Тибести и Ахагаръ; на западѣ, за граница плоскогорій и горъ тянется параллельно побережью сѣверной Гвинеи и Сенегамбін; наконецъ, горы Мавританіи, этотъ Атласъ, который древнія басни изображали богомъ, поддерживающимъ на своихъ плечахъ небесный сводъ, составляютъ въ Африкѣ особую систему, нѣкогда примыкавшую къ цѣпамъ южной Европы. Къ югу отъ горныхъ цѣпей, лежащихъ противъ горъ Испаніи, ливійскій материкъ, взятый въ цѣломъ, можетъ быть сравненъ съ плоскостью, наклоненной по направленію къ сѣверо-западу.

Зачаточная форма, характеризующая совокупность континента, проявляется также въ его гидрографическомъ развитіи. Главныя рѣки Африки, врывающіяся значительной своей частью въ толщу плоскогорья, имѣютъ по большей части теченіе неправильное и какъ бы недоконченное: онѣ перерѣзаны порогами и водопадами; долины ихъ узки и часто сводятся къ простымъ ущельямъ. Даже самыя многоводныя изъ нихъ сравнительно менѣе доступны судамъ, чѣмъ рѣки другихъ континен-

¹⁾ «Afrika im Lichte unserer Tage».

²⁾ «Mittheilungen der geographischen Gesellschaft in Wien», 1881.

товъ: въ этомъ отношеніи контрастъ полный между двумя частями свѣта, которыя всего чаще сравниваютъ одну съ другой, между Африкой и Южной Америкой, ибо въ этой половинѣ Нового Свѣта рѣчныя устья имѣютъ видъ заливовъ, и впадающіе въ нихъ могучіе потоки широко открыты до самой подошвы Андъ. Небольшая относительная длина судоходныхъ рѣкъ есть, безъ сомнѣнія, одна изъ причинъ, которыя, вмѣстѣ съ рѣдкостью береговыхъ острововъ, недостаткомъ гаваней и громадною пустынь, способствовали тому, что Африка осталась въ сторонѣ отъ общаго движенія торговыхъ націй. Три главные, по длинѣ теченія рѣки: Конго, Джозеба или Нигеръ и Ниль, перерѣзаны порогами и водопадами, заграждающими доступъ въ многочисленныя страны, рѣчное развѣтвленіе которыхъ простирается на сотни милліоновъ гектаровъ. Конго и Ниль, зарождающіяся въ области высокихъ плато, гдѣ скать еще не опредѣлился, проходятъ въ верхней своей части черезъ большія озера, которыя смутное преданіе представляло прежде какъ внутреннее море, имѣющее огромную поверхность. Въ шестнадцатомъ столѣтіи португальскіе изслѣдователи имѣли нѣкоторое понятіе объ этой гидрографической системѣ; они рисовали въ центрѣ Африки большіе озерные бассейны¹⁾; но, чертя контуры этихъ озеръ, опирались ли они на положительныя свѣдѣнія, какъ это думаютъ многіе писатели, или, что, кажется, болѣе вѣроятно, просто ограничивались копированіемъ древнихъ картъ²⁾? Какъ бы то ни было, португальцы, быть можетъ, подъ влияніемъ тѣхъ мистическихъ идей объ общемъ началѣ большихъ рѣкъ, которыя преобладали въ Китаѣ, въ Индіи, въ Халдеѣ, вѣрили въ существованіе одного истока или переплетающихся истоковъ для Нила, Конго и даже Замбези; но при этомъ допускали также, что воды проходить обширныя пространства подъ землей. Одна итальянская карта, гравированная въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія, представляетъ треглавый Ниль, отдѣленный большимъ пространствомъ отъ истоковъ первоначальнаго ключа³⁾. Впрочемъ, тотъ же самый Ниль перерѣзываетъ континентъ съ сѣвера на югъ: малой дельтѣ Египта соответствуетъ гораздо болѣе значительная дельта южной Африки.

Новѣйшіе изслѣдователи, путешествуя въ самой странѣ, тоже подпадали подъ влияніе этихъ традиционныхъ идей; такъ, Спикъ начерталъ теченіе четырехъ рѣкъ, выходящихъ, будто бы, изъ различныхъ частей озера Ньянца и по соединеніи между собой образующихъ Ниль, а Стэнли принималъ озеро Танганьика за нача-

ло двухъ истоковъ; одного—спускающагося на сѣверъ къ Нилу, другаго—текущаго на западъ къ Конго. Впрочемъ, если великая рѣка, спускающаяся къ Средиземному морю, и рѣка, катящая свои воды къ Атлантическому океану, не изливаются черезъ одиакъ и тотъ же бассейнъ, то по крайней мѣрѣ большая часть раздѣльнаго порога представляетъ лишь незначительное возвышеніе между двумя покатоками, и легкихъ колебаній почвы было бы достаточно, чтобы измѣнить направленіе того или другаго притока. Быть-можетъ, даже существуютъ на водораздѣльной линіи нѣкоторыхъ бассейновъ озера или болота съ двойнымъ истеченіемъ.

Неоконченная форма рѣкъ центральной Африки, водопады, прерывающіе ихъ теченіе, озерные резервуары, разсѣянные на плоскогорьяхъ, придаютъ центральнымъ областямъ ливійскаго континента нѣкоторое сходство съ сѣверными землями, какова, на примѣръ, Скандинавія. Но, понятно, въ странахъ крайняго сѣвера, которыя еще въ недавнюю геологическую эпоху были покрыты льдомъ, двойная работа размыванія и сплочиванія почвы, производимая рѣками, едва только началась. Въ серединѣ Африки климатическія явленія, конечно, совершенно иныя, чѣмъ на Скандинавскомъ полуостровѣ, и хотя нѣкоторые признаки позволяютъ предположить существованіе древняго ледянаго періода даже въ тропическомъ поясѣ⁴⁾, но длинныя вѣка, протекшіе съ той отдаленной эпохи, должны были изгладить почти всѣ слѣды глетчеровъ и моренъ. Быть-можетъ, зачаточная форма рѣчныхъ бассейновъ зависитъ отъ совершенно другой причины: возможно, что климатъ, прежде гораздо болѣе сырой въ Сахарѣ, былъ несравненно суше въ восточныхъ областяхъ, на плато озера Ньянца; дожди, падавшіе тамъ рѣдко, какъ теперь въ пустыняхъ Сахары и Калагари, не бороздили скалъ рытвинами и оврагами, не расширяли узкихъ долинъ, и впадины, занимаемыя нынѣ озерами, не могли быть заполнены постепенно отлагающимися наносами. Въ теченіе цикловъ нашей земли климатическіе поясы непрестанно перемѣщаются. Если въ нѣкоторыхъ странахъ дожди теперь обильнѣе, чѣмъ были прежде, то въ другихъ, напротивъ, они стали рѣже: такъ, бассейнъ Игаргара, въ сѣверо-западной Африкѣ, принадлежитъ къ одной изъ этихъ высохшихъ областей.

Къ востоку отъ Нила и страны большихъ озеръ, скать плоскихъ возвышенностей и горъ слишкомъ узокъ, чтобы рѣки могли тамъ развиться въ потоки значительной длины: Красное море получаетъ съ Египетскихъ горъ лишь уади съ временнымъ теченіемъ, а Индійскій океанъ

¹⁾ Luciano Gordeiro, „L'Hydrographie africaine au seizième siècle“.

²⁾ Lelewel, „Géographie du moyen-âge“.

³⁾ Elia Lombardini, „Essai sur l'Hydrologie du Nil“.

⁴⁾ Albrecht Penck, „Einfluss des Klima auf die Gestalt der Erdoberfläche“.

до южной части Мозамбикского берега, на пространстве около 4.000 километров, не имѣтъ иныхъ притоковъ, кромѣ рѣчекъ, гдѣ лодки съ трудомъ плаваютъ между свѣвшими на мель стволами деревьевъ: таковы Джуба, Тана, Луфиджи, Ровума. Но къ югу отъ большихъ центральныхъ плоскогорій, усѣянныхъ озерными бассейнами, рѣка Замбези, первая воды которой берутъ начало въ сосѣдствѣ западнаго берега, несетъ морю избытокъ влаги съ очень обширной территоріи, поверхность которой исчисляется въ 1.430.000 кв. километровъ, т. е. почти въ три раза больше Франціи. По количеству протекающей воды, Замбези занимаетъ третье мѣсто между африканскими рѣками, по длинѣ же русла только четвертое. Южнѣе, Лимпопо тоже катитъ значительную массу воды, тогда какъ Оранжевая рѣка, бассейнъ которой обнимаетъ площадь въ миллионъ слишкомъ квадр. километровъ, приноситъ южной Атлантикѣ лишь незначительный остатокъ воды, выпавшей, въ видѣ дождя, въ овраги его верхняго бассейна. Болѣе обильныя рѣки, Кунеме и Коанца, слѣдующія одна за другой по направлению съ юга на сѣверъ, представляютъ относительно лишь незначительные потоки по размѣрамъ ихъ территоріи истеченія; то же самое можно сказать о рѣкѣ Огове, которая беретъ начало на полуостровѣ, образуемомъ большимъ протокомъ Конго, на востокъ Экваторіальной Гвинеи.

Вмѣстѣ съ Ниломъ, Замбези и Конго, Нигеръ или «Нилъ Черныхъ» (т. е. чернокожихъ) есть одна изъ четырехъ главныхъ рѣкъ Африки. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Дюро-де-ла-Малль перечисляетъ причины, заставляющія его вѣрить въ соединеніе Нигера и Нила черезъ континентъ¹⁾. На многихъ старинныхъ картахъ «Нилъ Черныхъ» представленъ вытекающимъ изъ того же озера, откуда выходитъ восточный Нилъ, тогда какъ въ дѣйствительности главный истокъ Нигера находится совсѣмъ не въ центрѣ Африки, а въ сосѣдствѣ западнаго берега, на горѣ Лома, на скатѣ Гвинейскихъ горъ. Истоки этихъ двухъ рѣкъ отстоятъ другъ отъ друга по малой мѣрѣ на 4.500 километровъ; разстояніе между ихъ ближайшими притоками опредѣляютъ въ 1.200 километровъ. Нигеръ не имѣетъ никакой связи съ гидрографической системой Нила: онъ принадлежитъ къ другой области, совершенно отличной отъ восточной Африки по формѣ и положенію ея плоскихъ возвышенностей. По другую сторону горъ, гдѣ берутъ начало Нигеръ и первые его западные притоки, нѣсколько рѣкъ: Понго, Рио-Гранде и Гамбیا изливаются въ лиманы прибрежья и, далѣе на сѣверѣ, Сенегалъ, зарождающійся на той же покатости, какъ и Нигеръ, огибаетъ горы, чтобы достиг-

нуть Атлантическаго океана, переходя черезъ скалистые пороги водопадами. Это—послѣдняя многоводная рѣка африканскаго побережья въ сѣверномъ направленіи. Отъ бара Сень-Луи до бара Розетты, на пространство около 8.000 километровъ, встрѣчаются только уади, какъ Драа, къ югу отъ Марокко, или мелководныя рѣчки, какъ Малуйа, Шелифъ, Меджерда, въ Мавританіи. Такимъ образомъ распределеніе водъ на окружности африканскаго материка совершается весьма неравномѣрно. Конго одинъ катитъ, вѣроятно, столько же воды, сколько всѣ другія рѣки Африки, взятыя вмѣстѣ, и въ тотъ же океанъ, съ другой стороны Гвинейскаго залива, изливается самый значительный послѣ него потокъ, Нигеръ. По объему протекающей воды Нилъ занимаетъ лишь четвертое мѣсто между двумя рѣками Африки.

Нѣкоторыя области континента представляютъ собою постоянно или временно замкнутые бассейны, въ которыхъ теряются воды, не находя себѣ выхода къ морю. Двѣ главныя впадины этого рода—впадина озера Чадъ на сѣверѣ и впадина озеръ Макаракари и Нгами на югѣ—лежатъ почти на равномъ разстояніи отъ нижняго Конго, представляя такимъ образомъ симметричное расположеніе по обѣ стороны экватора. Самый обширный замкнутый бассейнъ, бассейнъ озера Чадъ или Цадъ, находится также въ сѣверной части Африки, болѣе обширной, чѣмъ южная: площадь двухъ пространствъ безъ истеченія соразмѣрна поверхности окружающей области съ океаническими покатостями. Эти два бассейна различаются, однако, своей исторіей, если правда, что впадина, заключающая озеро Чадъ, всегда была замкнутой²⁾; въ предшествующую геологическую эпоху озерные резервуары Макаракари и Нгами соединялись съ рѣками Лимпопо и Замбези. Кромѣ центральной котловины каждая половина Африки имѣетъ свои пустыни, усѣяныя второстепенными бассейнами, оазисами, воды которыхъ теряются въ песокъ, перерѣзанныя временными потоками, или уади почти всегда пересохшими. Совокупность африканскихъ земель, не посылающихъ морю никакого избытка атмосферныхъ осадковъ, исчисляется Шаванномъ почти въ 7 съ половиной миллионъ квадр. километровъ, изъ которыхъ 1.400.000, то-есть около пятой части, лежатъ на югѣ отъ экватора.

Замкнутые гидрографическіе бассейны африканскаго материка:

Сѣверная Африка. Бассейнъ озера Чадъ, включая сюда Феде—1.820.000 кв. килом.; Игарга—816.500; другіе бассейны и безводныя пустыни—3.362.600 кв. килом.

Южная Африка: Бассейнъ о. Нгами—785.000

¹⁾ «Géographie physique de la mer Noire, de l'intérieur de l'Afrique et de la Méditerranée».

²⁾ Henri Duveyrier, рукописныя замѣтки.

кв. килом.; другіе бассейны и безводныя пустыни—642.400 кв. килом.

Между пространствами безъ истеченія Сѣверная Африка заключаетъ нѣсколько котловинъ, уровень которыхъ теперь ниже уровня моря: это, вѣроятно, остатки заливовъ и проливовъ, принадлежавшихъ къ морямъ Средиземному и Красному, въ предшествовавшую геологическую эпоху. Самыя большія впадины этого рода—тѣ, которыя, кажется, составляютъ продолженіе малаго тунисскаго Сирта на югѣ Алжира, и въ которыя прежде изливалась рѣка Игаргаръ, теперь высохшая, длиной теченія (1.300 километр.) превосходящая Лимпопо. Другія котловины, лежація ниже морской поверхности, слѣдуютъ одна за другой между Ниломъ и Большимъ Сиртомъ, на югъ отъ плато Киренаики. У основанія горъ Эіюпіи, на берегахъ Краснаго моря также видны глубокія водовмѣстилища, поверхностная вода которыхъ испарилась до уровня гораздо болѣе низкаго, чѣмъ уровень соедѣнныхъ заливовъ. Въ южной части континента нѣтъ такихъ прибрежныхъ бассейновъ испаренія.

Очень бѣдный выступами и вырѣзками на береговой линіи, африканскій материкъ не имѣетъ также почти на всей своей окружности островныхъ прибрежій. По подводному рельефу, острова Средиземнаго моря принадлежатъ гораздо болѣе къ Европѣ, чѣмъ къ Африкѣ: Критъ связанъ съ Малой Азіей и съ Греціей; Сицилія, Корсика, Сардинія прилегаютъ къ Апеннинскому полуострову; Балеарскіе острова соединены съ берегомъ Валенсіи подводнымъ порогомъ; только островъ Джерба и нѣкоторые острова Малаго Сирта и мавританскихъ водъ отдѣлились вдоль африканскаго берега. На западѣ, на берегу съ двойкой кривизной, омываемомъ водами Атлантики, континентъ не имѣетъ другихъ островныхъ отрывковъ, кромѣ скалъ, банокъ и отмелей, каковы, напримѣръ, архипелагъ острововъ Биссагосъ или Бихлао, которые небольшою слою наносовъ или незначительное поднятіе почвы соединили бы съ твердой землей. Острова, лежащіе въ открытомъ морѣ: Мадера и Порто-Санто, Канарскіе, архипелагъ Зеленаго Мыса, отдѣленные отъ материка пучинами слишкомъ въ 1.000 метровъ глубины, представляютъ собою группы вулканическаго происхожденія, груды лавы и пепла, выдвинувшіяся надъ глубокими трещинами, на краю подводнаго цоколя, несущаго на себѣ все континентальное зданіе. Въ Гвинейскомъ морѣ острова Аннобонъ, св. Томы, Принчипе, Фернандо-По и полуостровъ Камараносъ также не что иное, какъ массивы изверженія, стоящіе на трещинѣ морскаго ложа и соедѣннаго берега. Эта цѣпь вулкановъ, расположенная по слегка вогнутой линіи, какъ другіе ряды огнедышащихъ горъ, въ Антильскихъ островахъ, на Зондскомъ архипелагѣ, въ

Алеутскомъ морѣ, есть продуктъ второстепенныхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто послѣ образованія Африки. На восточной сторонѣ континентъ тоже очень бѣденъ прибрежными островами. Маленькіе архипелаги у береговъ Египта и Эіюпіи въ Красномъ морѣ не что иное, какъ бахрома изъ коралловыхъ построекъ, доминируемая тамъ и сямъ вулканическими конусами. Единственные истинно-африканскіе острова Индійскаго океана—это земля Сокотра или Сокотора, составляющая какъ бы копье разорваннаго полуострова, оканчивающагося нынѣ притупленной стрѣлкой мыса Гвардафуй. Пемба, Занзибаръ и Мафія продолжаютъ параллельно побережью, какъ прежній берегъ, разломанный ударами волнъ. Коморскіе острова—вулканическаго происхожденія. Что касается большой островной массы—Мадагаскара, то она слишкомъ удалена отъ Мозамбика, чтобы ее можно было признать за африканскую землю: ближайшій къ матеріку мысъ этого острова отстоитъ отъ противоположнаго берега на 300 километровъ, а быстрое теченіе, идущее черезъ проливъ, еще весьма значительно удлиняетъ это разстояніе, такъ какъ невозможно переплыть проливъ, не будучи отнесеннымъ силой теченія къ югу: для обыкновеннаго судоходства Мадагаскаръ, такъ сказать, отодвинутъ вдвое далѣе въ Индійскій океанъ, чѣмъ было бы въ томъ случаѣ, если бы онъ отдѣлялся отъ Африки тихими водами. При томъ флора и фауна этого большаго острова доказываютъ, что онъ составляетъ часть особой области въ естественной исторіи. Жоффруа-Сентъ-Илеръ видѣлъ въ немъ независимую часть свѣта; послѣ него большинство зоологовъ смотрятъ на Мадагаскаръ, какъ на отрывокъ древней континентальной земли «Лемуриі», которая заключала въ себѣ также гранитный архипелагъ Сенельскихъ острововъ, островъ Родригесъ, тоже кристаллическій, можетъ-быть также Цейлонъ и Мальдивскіе острова, и которая простиралась до Целебеса, въ Австраліи¹⁾.

Изъ всѣхъ частей свѣта, въ Африкѣ явленія климата представляютъ, въ среднемъ выводѣ, наиболѣе правильности: причину этого слѣдуетъ искать въ массивной формѣ континента и въ его положеніи на экваторіальномъ поясѣ. Въ области, ближайшей къ линіи равноденствія, на сѣверѣ и на югѣ, дожди падаютъ во всякое время года, благодаря встрѣчѣ пассатныхъ вѣтровъ, которые, нейтрализуя другъ друга, часто поддерживаютъ штиль въ атмосферѣ и позволяютъ мѣстнымъ парамъ сгущаться дома, не пускаясь въ дальнія странствія. На сѣверѣ отъ экватора, въ сѣверномъ полушаріи, до 15 градуса широты, простирается поясъ съ двойнымъ періодомъ дождей; лѣтомъ дожди льютъ

¹⁾ Alfred R. Wallace, „The Malay Archipelago“; — Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

тамъ очень обильно, когда юго-западные пассатные вѣтры приносятъ, въ видѣ огромной скатерти, тяжелыя тучи съ океана; черезъ шесть мѣсяцевъ, когда сѣверныя земли погрузились въ зимній періодъ, а южныя вступили въ періодъ лѣта, сѣверо-западные пассаты, вторгаясь, въ свою очередь, на южное полушаріе, увлекаютъ туда также, въ видѣ воздушнаго моря, дождевыя облака. Но по обѣ стороны тропическаго пояса, обнимающаго около семи десятыхъ поверхности африканскаго материка, различіе въ порядкѣ движенія вѣтровъ имѣетъ слѣдствіемъ соответственный контрастъ въ выпаденіи атмосферныхъ осадковъ. Тамъ пассатные вѣтры держатся постоянно или лишь съ слабыми временными варіаціями въ своемъ нормальномъ направленіи; дуть съ сѣверо-востока въ сѣверномъ полушаріи, съ юго-востока въ южномъ, они увлекаютъ къ экватору весь водяной паръ, примѣшивающійся къ ихъ теченію: небо остается чистымъ, а земля иссушенной. Такимъ образомъ. Африка имѣетъ два пояса камней, гравія, мергелей, глины и песковъ, почти совершенно безплодныхъ: на сѣверѣ — Сахару и Ливійскую пустыню, на югѣ — Калагари и другія пустыни. Симметрия климатовъ дополняется правильнымъ чередованіемъ вѣтровъ и дождей, въ мавританской зонѣ и въ зонѣ Мыса Доброй Надежды, которыя обѣ принадлежатъ къ области субтропическихъ дождей, падающихъ во время соответственной зимы каждаго полушарія ¹⁾. Такимъ образомъ, Африка разрѣзана, по направленію съ сѣвера на югъ, на полосы попеременно сѣрыя и болѣе или менѣе густаго зеленаго цвѣта, которыя, быть-можетъ, представляютъ обитателямъ другихъ планетъ видъ, подобный тому, какой намъ являютъ параллельные поясы вокругъ Юпитера. Эти различныя зоны влажности, предѣлы которыхъ совпадаютъ во многихъ мѣстахъ съ изотермами, тянутся черезъ континентъ настолько правильно, что Шаваннъ могъ начертить ихъ карту. Африка точнѣе раздѣлена на особыя области пустынями, чѣмъ была бы раздѣлена широкими рукавами моря или проливами, и распредѣленіе народовъ совершилось тамъ почти единственно по климатическимъ условіямъ, соразмѣрно обилію дождей и зелени.

По своему животному и растительному царству, такъ же, какъ съ точки зрѣнія геологій и климата, сѣверная полоса Африки принадлежитъ къ переходному поясу съ Европой и Азіей: кажущееся единство, придаваемое этому матеріку его массивной формой, не проявляется въ совокупности явленій жизни. Киренаика и все мавританское поморье на покази Атласа составляютъ часть средиземноморской области растительности, которая обни-

маетъ также Испанію, Провансъ, Италію, Балканскій полуостровъ и берега Малой Азіи и Сиріи. Поясъ Сахары, простирающійся подъ тропикомъ Рака черезъ весь континентъ, продолжается въ Аравіи до Персидскаго залива, и даже берега Белуджистана, Таръ, Равннъ, полуостровъ Каттаваръ въ Индіи, примыкаютъ своими рѣдкими видами къ той же растительной области. Наконецъ, флора Гемена и Гадрмаута походитъ на флору Нигриціи: узкое Аравійское море было легко перейдено африканскими сѣменами.

Характеристическимъ поясомъ растительности для Ливійскаго континента можно считать поясъ Судана и экваторіальныхъ областей, который простирается отъ моря до моря и отъ пустыни до пустыни, между Атлантикой и Индійскимъ океаномъ, между Сахарой и Калагари. Въ цѣломъ эта зона гораздо менѣе богата растительными видами, чѣмъ другія страны жаркаго пояса — Индія, Зондскіе острова, и даже менѣе, чѣмъ разныя субтропическія области, какъ, напримѣръ, Малая Азія. Однако, нѣкоторыя центральныя области материка отличаются замѣчательнымъ разнообразіемъ растений: такова земля, орошаемая рѣкой Діуръ, недалеко отъ водораздѣльной возвышенности между Ниломъ и Конго; въ продолженіе пяти мѣсяцевъ ботаникъ Швейнфуртъ собралъ тамъ около семисотъ видовъ явнобрачныхъ, чего невозможно было бы сдѣлать въ богатѣйшемъ округѣ Европы. Наибольшая часть тропической области Африки лежитъ въ полосѣ періодическихъ дождей, и растения выносятъ тамъ длинный періодъ засухи. Вслѣдствіе этого, древесная растительность нигдѣ не представляетъ столько мощи, какъ въ Южной Америкѣ, развѣ только въ равнинахъ между Ниломъ и Конго, на берегу нѣкоторыхъ рѣкъ, исчезающихъ подъ галлерейми изъ зелени, и въ сѣдствіи Бенинскаго залива, гдѣ атмосфера гораздо влажнѣе, чѣмъ внутри материка. Саванны занимаютъ большое протяженіе пояса Судана; правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ злаки и другія травы растутъ массами, дотога густыми, что животныя отказываются проникать въ эту травяную чащу: въ нильскихъ болотахъ нѣкоторые виды народныхъ имѣютъ стебли, не деревянистые, достигающіе высоты въ 6 слишкомъ метровъ ¹⁾; жирафы могутъ, съ поднятой головой, находить убижище въ этой исполнистой травѣ и скрываться изъ глазъ охотника. Различныя злаки центральной Африки не перемѣшиваются, какъ травы европейскіхъ луговъ: на пространствахъ въ нѣсколько сотъ квадр. километровъ почва сплошь занята однимъ какимъ-нибудь видомъ. Съ нѣкотораго разстоянія кажется, что видишь передъ собой

¹⁾ Josef Chavanne, „Afrikas Ströme und Flüsse“.

¹⁾ Werno, „Expedition zur Entdeckung des Weissen Nils“.

поля, засѣянные какимъ-то хлѣбомъ съ гигантскими стеблями; ботаникъ издалика узнаетъ растительныя формы по цвѣту и волнообразнымъ движеніямъ массы, колеблемой вѣтромъ ¹⁾).

Колючія растенія пропорціонально очень многочисленны въ лѣсахъ суданской зоны, и говорятъ, что послѣ расчистокъ лѣса не возобновляются такъ же легко, какъ въ Южной Америкѣ; поля, заброшенные неграми, долго не покрываются новой лѣсной порослью. Виды пальмъ болѣе рѣдки въ африканской флорѣ, чѣмъ во флорѣ другихъ тропическихъ странъ: Америка, Азія каждая имѣетъ ихъ въдесятеро больше; но зато въ Африкѣ область распространения господствующихъ породъ обширнѣе, и число видовъ сравнительно значительнѣе. Въ другихъ частяхъ свѣта экваторіальныя области почти не имѣютъ лѣсовъ кокосовой пальмы, развѣ только на берегахъ Малабара, на островѣ Цейлонѣ, на берегахъ Караибскаго моря, тогда какъ въ Нигриціи пальмы *дума* (*hurphaeus thebaica*), съ раздвоеннымъ стволомъ, и *делебъ* (*borassus flabelliformis*), со стволомъ, утолщеннымъ къ серединѣ, встрѣчаются цѣлыми обществами или лѣсами, также какъ финиковая пальма (*phoenix dactylifera*) въ оазисахъ сѣверной Сахары; въ различныхъ областяхъ онѣ занимаютъ одной сплошной полосой пространства въ нѣсколько сотъ квадр. километровъ. Сравнительно съ числомъ своихъ видовъ, флора Нигриціи заключаетъ много деревьевъ, отличающихся ненормальнымъ развитіемъ ствола, листьевъ или плодовъ. Баобабъ замѣчателенъ громадностью своего ствола, который раздувается въ формѣ тыквы; инія бивюни, напримѣръ *киелія*, имѣютъ плоды въ два фута длиной ²⁾; одинъ видъ банановыхъ, *энсете* (*Musa ensete*), разстилаетъ огромные листья, самые большіе, какіе только существуютъ въ растительномъ мірѣ. Въ восточной Африкѣ, на берегахъ Нила, не встрѣтишь дерева, которое не было бы поражено солнечнымъ ударомъ, и у котораго та или другая часть не была бы иссохшей: то бокъ коры, то вѣтвь или листва ³⁾).

Флора Калагари, къ югу отъ области тропической растительности, походитъ на флору Сахары; но южная пустыня не имѣетъ оазисовъ, и встрѣчающіяся тамъ кое-гдѣ орошаемыя мѣста не осынены пальмами. Флора эта характеризуется колючими акаціями, мимозами, и, подобно флорѣ сѣверной Нигриціи, очень богата видами злаковъ; на сѣверѣ ея границъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ, рѣдко увлажняемыхъ дождями мѣстностяхъ странное дерево *вельвичія*, мимо котораго многіе путешествен-

ники проходили, не замѣтивъ его—такъ мало поднимается оно надъ почвой: закопавшись въ землю въ формѣ опрокинутого конуса, оно выставляетъ на свѣтъ Божій только шероховатую площадку, шириной въ метръ слишкомъ, разстилая направо и налево двѣ сѣмьноды, похожія на изодранные кожаные передники и достигающія иногда болѣе пяти метровъ въ длину, послѣ столѣтняго періода роста.

На восточномъ берегу Африки, переходъ отъ одной области растительности къ другой совершается съ большей постепенностью, чѣмъ на западномъ, гдѣ область пустыни Калагари рѣзко ограничиваетъ тропическую полосу; на востокѣ переходъ дѣлается нечувствительно на сѣверъ и на югъ, черезъ бассейны Лимпопо и Наталь; на берегу Индійскаго океана, омываемомъ теплымъ теченіемъ Мозамбикскаго пролива, южный предѣлъ пальмы проходитъ на 16 градусовъ южнѣе, чѣмъ на берегахъ Атлантики ⁴⁾. Но въ цѣломъ растительность южной Африки, къ югу отъ Оранжевой рѣки, ясно отличается отъ формъ всякой другой области. Хотя страна не получаетъ дождей въ большомъ изобиліи, и хотя геологическія формации представляютъ тамъ мало разнообразія, однако флора Мыса Доброй Надежды, состоящая главнымъ образомъ изъ травъ, кустовъ, кустарника, есть единственная въ свѣтѣ по многочисленности перемѣняемыхъ видовъ: въ этомъ отношеніи съ ней не могутъ быть сравниваемы даже богатѣйшія страны Европы; нигдѣ горы не представляютъ на своихъ скатахъ болѣе растительныхъ формъ, расположенныхъ поясами, точно разграниченными линіями высоты. Невольно возникаетъ вопросъ: не есть ли флоральная область Капской земли остатокъ гораздо болѣе обширныхъ земель, поглощенныхъ моремъ, но растенія которыхъ могли почти всѣ найти себѣ убѣжище на относительно тѣсномъ пространствѣ, ограниченномъ на сѣверѣ бассейномъ Оранжевой рѣки? Такъ, островъ Мадагаскаръ сохранилъ въ большей части флору древняго «лемурийскаго» континента; онъ заключаетъ болѣе сорока растительныхъ семействъ, исключительно ему свойственныхъ. «Открытіе» Африки, затѣмъ вторженіе туда европейцевъ и семитовъ сопровождалось введеніемъ множества новыхъ видовъ, которые во многихъ мѣстахъ отгѣснили или даже истребили туземныя формы; но есть также растенія, область произрастанія которыхъ, повидимому, измѣнилась безъ вмѣшательства человека. Такъ, папирусъ былъ три тысячи лѣтъ тому назадъ однимъ изъ характеристическихъ растений египетскаго Нила; въ настоящее же время его находятъ, по свидѣтельству Швейнфурта, только на верховьяхъ рѣки, въ сосѣдствѣ экватора. Розовый лотосъ (*nelumbium speciosum*), распу-

¹⁾ Parnim; — Hartmann, „Reise durch Nordost-Afrika“.

²⁾ Schweinfurt, „Au cœur de l'Afrique“.

³⁾ Grisebach, „Végétation du Globe“, trad. par Tchihatcheff.

⁴⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1858, карта № 7.

стившійся цвѣтокъ котораго былъ символомъ оживляющей рѣки, распространяющаго плодородіе солнца, благословляющаго божества, не цвѣтетъ болѣе на водахъ Египта. На муміяхъ

всѣ эти растенія были экзотическіе виды, культивируемые въ садахъ: они, очевидно, жили на почвѣ, которая нынѣ не питаетъ ихъ ¹⁾.

Что касается фауны, то Африка не имѣетъ

Видъ Нила со стороны острова Филе.

въ некрополяхъ Верхняго Египта находятъ гирлянды изъ цвѣтовъ, гдѣ есть много видовъ, какъ, напримѣръ, дикій макъ и золототысячникъ *depressa*, недостающихъ въ наши дни мѣстной самородной флорѣ. Невѣроятно, чтобы

областей, столь же точно ограниченныхъ, какъ области флоры: переходя съ мѣста на мѣсто

¹⁾ Schweinfurth, „Nature“, jan. 31, 1884;—Fr. Lenormant, „Histoire ancienne de l'Orient“, t. II.

ст. большей легкостью, чѣмъ растенія, животныя перешли во многихъ случаяхъ предѣль, начертанный растительности климатическими условиями. Правда, средиземноморская площадь растительныхъ видовъ совпадаетъ въ площади животныхъ формъ; Сахара тоже составляетъ особую область какъ въ отношеніи животного, такъ и въ отношеніи растительнаго царства; но одни и тѣ же типы животныхъ господствуютъ во всей Нигриции и на сѣверѣ колоніи Мыса Доброй Надежды: многіе виды млекопитающихъ и птицъ встрѣчаются отъ южной оконечности континента до береговъ Сенегала; нигдѣ горы и плоскогорья не достигаютъ такой высоты, чтобы могли препятствовать переходамъ животныхъ. Въ Африкѣ не горные хребты, а только широкія пустынные пространства раздѣляютъ спеціальныя фауны. Маскаренскіе острова и особенно Мадагаскаръ имѣютъ виды, исключительно имъ свойственные: это—независимые центры жизни; большой островъ Ова и Сакалава заключаютъ больше сотни животныхъ, не встрѣчающихся въ другихъ мѣстахъ. Но переселенія и завоеванія арабовъ и европейцевъ имѣютъ слѣдствіемъ прибавленіе новыхъ видовъ къ африканской фаунѣ, взамѣнъ тѣхъ, истребленію которыхъ они способствуютъ. Верблюды—животное, безъ котораго немислмы караваны, переходящіе Сахару, безводную и безплодную пустыню, какой она является въ наши дни,—былъ, однако, введенъ въ этой части свѣта уже въ историческую эпоху, ибо изображеніе его не встрѣчается на древнихъ памятникахъ Египта, ни на «писанныхъ камняхъ» прежнихъ берберовъ; это потому также, что Сахара не всегда была пустыней: драгоценныя эпитафии, подтверждающіе текстъ Геродота, доказываютъ, что быкъ и зебу были первыми выюжными животными гарамантовъ на дорогѣ изъ Фецана въ отечество племени гауса¹⁾. Въ наши дни человѣкъ приходитъ въ сопровожденіи своихъ обычныхъ товарищей и спутниковъ, каковы собака и лошадь, по крайней мѣрѣ въ тѣ области Африки, гдѣ онѣ могутъ приспособиться къ климату. Когда американецъ Шалье-Лонгъ появился на конѣ при дворѣ короля Уганды, на плато верхняго Нила, негры впади въ ту же самую иллюзію, какую испытали древніе мексиканцы при видѣ испанскихъ всадниковъ: они вообразили, что видятъ передъ собой центавра, и когда чужеземецъ слѣзъ съ лошади, разбѣжались въ страхъ, полагая, что животное раздѣлилось на два различныя существа²⁾. Наибольшее препятствіе заселенію Африки происходитъ отъ простой мухи, цеце или *glossina morsitans*, ужаленіе которой убиваетъ лошадей, быковъ, верблюдовъ и собакъ, тогда какъ оно безвредно для

человѣка, для теленка, козы и дикихъ животныхъ: предполагали, вѣрно или нѣтъ, что это смертоносное наѣкомое передаетъ чумный нарывъ животнымъ, которыхъ оно жалитъ. Очень обыкновенная въ нѣкоторыхъ округахъ южной и центральной Африки, муха цеце не переходитъ на сѣверѣ за Бахрѣ-эль-Газаль¹⁾ и Сеннааръ²⁾; она неизвѣстна въ сѣверо-западной части континента. Другое двукрылое наѣкомое, *дондеробо*, наблюдаемое на югъ отъ горы Килиманджаро, не трогаетъ быковъ, но нападаетъ на ослівъ, козъ и барановъ³⁾.

Самый массивный изъ всѣхъ материковъ, Африка есть вмѣстѣ съ тѣмъ та часть свѣта, гдѣ живутъ самые большіе звѣри, огромныя травоядныя млекопитающія, слоны, носороги разныхъ породъ, бегемоты, жирафы и другія животныя, питающіяся злаками и листьями. Тогда какъ Южная Америка отличается въ особенности своей растительностью, Африка превосходитъ всѣ другія части свѣта большимъ числомъ животныхъ видовъ, изъ которыхъ многіе еще не приручены и имѣютъ большіе размѣры, чѣмъ подобныя же существа другихъ континентовъ. Однако, африканскій слонъ, отличающійся отъ индійскаго выпуклостью лба, шириной ушей и другими физическими признаками, меньше ростомъ и слабосильнѣе своего азіатскаго родича; но онъ рѣдко даетъ себя приручить. Попытки Гордона сдѣлать это животное домашнимъ и употреблять его для войсковой службы не увѣнчались успѣхомъ. Въ этомъ отношеніи европейцамъ нужно еще открыть секреты, которыми обладаютъ индусы и которые были извѣстны уже древнимъ, даже африканскимъ племенамъ южной части Мавританіи, можетъ быть, говорить Дюверье, вавкорамъ въ западной Сахарѣ. Атласскій левъ свирѣпѣе вавилонскаго; горилла—самая сильная и самая страшная изъ обезьянъ, зебръ—самый дикій изъ всѣхъ однокопытныхъ; ни американскій кайманъ или аллигаторъ, ни индустанскій гавіаль не равняются размѣрами съ африканскимъ крокодиломъ, и изъ всѣхъ бѣгающихъ птицъ африканскій страусъ—самая большая и самая сильная. Въ отношеніи животного царства Африка превосходитъ всѣ другія части свѣта не только числомъ и величиной, но также многочисленностью видовъ: такъ, въ центральныхъ ея областяхъ путешественникамъ случалось видѣть обширныя равнины, покрытыя на необозримое пространство стадами жвачныхъ, а Ливингстонъ рассказываетъ, что онъ долженъ былъ отстранять рукой антилопъ, чтобы открыть себѣ проходъ черезъ несмѣтное стадо. Но истребительныя

¹⁾ H. Duveyrier, рукописныя замѣтки.

²⁾ Chaillé-Long, „American Geographical Society“, 1878.

¹⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sudan“.

²⁾ Hartmann, „Naturgeschichtlich-medizinische Skizze der Nilländer“.

³⁾ H. Duveyrier, рукописныя замѣтки.

охоты сдѣлали уже много пробѣловъ въ животныя населенія Африки, на берегахъ Нила и въ южныхъ областяхъ; высчитано, что для того, чтобы получить семьсотъ тысячъ килограммовъ слоновой кости, ежегодно ввозимыхъ въ Англію, нужно убить пятьдесятъ тысячъ слоновъ ¹⁾. Многимъ видамъ этого огромнаго континента грозитъ опасность исчезнуть, какъ исчезли уже малый мавританскій слонъ и нѣкоторыя животныя формы на Маскаренскихъ островахъ въ Индійскомъ океанѣ. Площадь распространенія носорога обнимала прежде также юго-западную часть Марокко ²⁾.

Въ первой половинѣ этого столѣтія европейскіе географы, зная на ливійскомъ материкѣ почти только пустынные или малонаселенныя мѣстности морскаго побережья, легко впадали въ преувеличенія относительно протяженія пустынь и охотно принимали за пустыни всѣ пространства, оставленные на картахъ бѣлыми. Думали, что общее число жителей доходитъ только до пятидесяти или шестидесяти милліоновъ, много-много что до ста милліоновъ. Съ этой эпохи были сдѣланы точныя статистики въ нѣкоторыхъ колоніяхъ или европейскихъ владѣніяхъ морскаго побережья; основанныя на собранныхъ данныхъ исчисленія опредѣлили приблизительно населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей, мало удаленныхъ отъ приморскихъ портовъ, и путешественники—число которыхъ увеличивается съ каждымъ десятилѣтіемъ—проходившіе внутреннія страны, вынесли оттуда по крайней мѣрѣ общія впечатлѣнія, достаточныя для того, чтобы можно было причислить эти страны къ густо или слабо населеннымъ. Есть области, гдѣ жители скучены столь же плотными массами, какъ въ Бельгіи. Въ нѣкоторыхъ плодородныхъ округахъ деревни слѣдуютъ одна за другой, въ видѣ непрерывнаго пояса жилищъ, который тянется на пространствахъ нѣсколькихъ миль. Бассейны озера Чадъ и рѣки Джолиба, или Нигера, и почти вся территорія Нигриціи, къ югу отъ пустыннаго пояса Сахары, очень густо населены; точно такъ же часть области большихъ озеръ, дельта, берега Нила въ землѣ шилуковъ и страны, по которымъ протекаетъ Конго и его главные притоки. Общее населеніе африканскаго континента нужно считать приблизительно въ двѣсти милліоновъ человекъ. Около ста лѣтъ тому назадъ Пинкертонъ и Вольней опредѣляли его въ тридцать милліоновъ; позднѣе Вальби остановился на цифрѣ шестидесяти милліоновъ, которая долго была принимаема, какъ наиболѣе вѣроятная. Мало-по-малу изслѣдованія путешественниковъ по-

зволяютъ уменьшать долю гадательнаго въ этихъ приблизительныхъ цифрахъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, населеніе Африки простирается до 178.706.000 душъ.

Африку часто называютъ «чернымъ материкомъ», какъ будто всѣ ея жители—негры въ собственномъ смыслѣ, представляющіе типъ, подобный типу прибрежныхъ жителей экваторіальной Атлантики, такъ что наименованіе Беледъ-эс-Суданъ или Нигриціи оказывается распространеннымъ на всю совокупность континентальной массы. Но настоящіе негры, хотя, можетъ быть, составляющіе большинство жителей Африки, не занимаютъ даже половины территоріи: другія области, на сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ, принадлежатъ націямъ и племенамъ, отличнымъ отъ негровъ по физическому виду и группирующимся въ особыя расы и подрасы. Утверждали, что всѣ народы Африки, всѣ «потомки Хама», отъ берберовъ до готтентотовъ, происходятъ отъ одного первоначальнаго корня, и что ихъ отклоненія отъ общаго типа или разновидности, представляющія постепенные переходы, составляютъ продуктъ приспособленія къ различнымъ средамъ ¹⁾. Но это не болѣе, какъ гипотеза, которая не можетъ быть доказана, и наблюдатели особенно поражаютъ этнические контрасты, первоначальные или производные, которые представляютъ, по направленію съ сѣвера на югъ, различныя африканскія населенія. Между разными группами чернокожихъ—если возьмемъ только эту породу людей—различія костяного остова, мускулатуры, фizioноміи, окраски кожи, также какъ разнообразія языковъ, составляютъ противоположности столь же рѣзкія, какъ тѣ, которыя отличаютъ бѣлолицыхъ европейцевъ и желтокожихъ жителей восточной Азіи ²⁾. Однако, классификаціи, предложенныя этнологами, на основаніи физическаго сходства и родства языковъ, имѣютъ еще лишь условное и временное значеніе. Есть очень много народовъ, извѣстныхъ почти только по имени, и которыхъ помѣщаютъ то въ одну группу, то въ другую: иногда приходится идти, такъ сказать, ощупью въ хаосѣ названій народовъ, племенъ и родовъ, собранныхъ путешественниками въ разныхъ частяхъ Африки; въ одномъ случаѣ одно и то же имя приписывается двумъ разнымъ націямъ, въ другомъ различныя наименованія, нанесенныя на карты, какъ принадлежащія отдѣльнымъ населеніямъ, прилагаются къ одной и той же группѣ.

Средиземноморская область ливійскаго континента разнится отъ остальной Африки своими жителями, также какъ своей геологической исторіей, формой своего рельефа, флорой и фауной. Основу мавританскаго населенія

¹⁾ *"Afrique découverte et civilisée"*. N° 1, juillet 1879.

²⁾ H. Duveyrier, *"Sculptures antiques de la province marocaine de Souss"*; *"Bulletin de la Société de Géographie de Paris"*, août 1876.

¹⁾ Antoine d'Abbadie;—Robert Hartmann, *"Les peuples de l'Afrique"*.

²⁾ H. Duveyrier, рукописныя замѣтки.

составляют берберы (имазины, имохаги), которые гораздо более походят на европейцев, чѣм другіе африканцы: между ними есть много племенъ, гдѣ голубые глаза и блѣдые или свѣтлорусые волосы вовсе не рѣдкость, такъ что многіе склонны были видѣть въ нихъ—хотя это не вѣрно—потомковъ европейскихъ поселенцевъ. Вѣроятнѣе, что эти берберскія населенія—единоплеменники первобытныхъ египтянъ: возможно даже, что въ доисторическія времена одинъ и тотъ же этнический корень заселялъ южную Европу и побережье Берберіи съ двухъ сторонъ Средиземнаго моря; подобно растительнымъ или животнымъ видамъ, населенія, можетъ-быть, имѣютъ отчасти общее происхожденіе. На югъ отъ Мавританіи берберы заселяютъ также оазисы и долины горъ среди пустыни, и нѣкоторые изъ ихъ племенъ, обозначаемыя подъ именемъ «мавровъ», обитаютъ даже къ югу отъ Сахары, на правомъ берегу Сенегала. Между берберами, различные народцы,—какъ-то имохаги или туареги Ахаггара и Азджера и имазиги или кабилы, то-есть «племена», преимущественно племена Марокко,—повидимому, чистой расы, но въ равнинахъ и особенно въ городахъ скрещиванія до безконечности видоизмѣнили типъ на тысячу ладовъ и породили помѣси, извѣстныя подъ разнообразнѣйшими именами. Какъ въ Европѣ «маврская» кровь течетъ еще въ жилахъ андалузцевъ, жителей Мурсіи, Валенсіи и Алгарвій, такъ точно и въ Африкѣ финикійцы, римляне, вандалы, испанцы, провансальцы, итальянцы, греки и французы оставили нѣкоторые слѣды своего прохода или пребыванія, либо въ качествѣ завоевателей, либо въ качествѣ невольниковъ. Съ другой стороны, коренные чернокожіе Сахары и негры, привезенные съ юга во всѣ страны Берберіи, разнообразно скрещивались съ берберскими племенами, въ то время какъ пришедшіе съ Востока завоеватели, называемые «арабами» и смѣшанные съ сирійцами и восточными людьми всякаго происхожденія, прибавили новые элементы къ расѣ, уже столь смѣшанной. Дошло до того, что «арабами» стали называть большую часть мавританскаго населенія, которое на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ это имя только по языку, традиціи завоеванія, религіи, да по нѣкоторымъ сомнительнымъ родословнымъ.

Въ бассейнахъ Нила раса тоже очень смѣшанная; но европейскіе элементы имѣли, черезъ турокъ, лишь весьма малую долю въ этихъ скрещиваніяхъ, тогда какъ семиты, арабы и другіе играли преобладающую роль въ образованіи многихъ населеній сѣверо-восточной Африки. Многіе историки дѣлали безусловное различіе, въ отношеніи первоначальнаго происхожденія, между египтянами и прибрежными жителями Нила выше пороговъ: имъ каза-

лось, что обитатели трехъ египетскихъ провинцій, столь замѣчательныхъ по исторіи цивилизаціи, должны быть либо причислены къ семитамъ или арабамъ, либо разсматриваемы, какъ особая раса; они старались приурочить ретовъ или ротовъ, т. е. древнія населенія нижняго Нила, къ корню прото-семитовъ, отъ котораго, будто-бы, произошли арабы¹⁾. Хотя аргументы, почерпнутые изъ глоссологии, не имѣютъ абсолютной цѣны, однако, по общепринятому мнѣнію, «хамитическая» семья языковъ, заключающая въ себѣ языки древнеегипетскій, галла, берберскій²⁾, представляетъ, по своему строю, отдаленное сродство съ идіомами семитовъ; но самое несомнѣнное родство древній египетскій и происшедшій отъ него современный коптскій языки имѣютъ, по мнѣнію ученыхъ, съ берберскими діалектами³⁾. Что касается типа ретовъ (рету или роту), воспроизводимого типомъ нынѣшнихъ феллаховъ, несмотря на скрещиванія и видоизмѣненія всякаго рода, принесенныя временемъ, то онъ вовсе не семитическій. Онъ не примыкаетъ также къ типу негровъ внутренней Африки. Безъ сомнѣнія, какъ это замѣтилъ уже Шамполіонъ младшій, многіе египтяне походятъ на нубійскихъ барабровъ, которые, въ свою очередь, едва отличаются отъ беджасовъ⁴⁾. Путешественники, поднимающіеся вверхъ по Нилу, констатируютъ, что типъ сѣверныхъ феллаховъ приближается нечувствительными градаціями къ типу южныхъ народцевъ, но это явленіе есть необходимое слѣдствіе смѣшенія расъ. Скрещиванія, переселенія, завоеванія, привозъ невольниковъ, пища, социальныя условія видоизмѣняли на тысячу ладовъ первоначальный типъ, то образуя смѣшанныя породы, то вводя между сосѣдними народцами разнообразнѣйшіе контрасты въ отношеніи роста, цвѣта кожи, нравовъ, языковъ и политическихъ учрежденій.

Въ области большихъ озеръ и верхнихъ притоковъ Нила, различные группы народцевъ, какъ-то фунджи, шиллухи, бари, денка, являются представителями «негрскихъ» націй въ собственномъ смыслѣ. Негры далеко не представляютъ въ большинствѣ тѣхъ характеристическихъ признаковъ—черная, лоснящаяся кожа, толстыя губы, выдавшіяся впередъ челюсти, плоское лицо, приплюснутый носъ съ широкими ноздрями, курчавые волосы,—которые, какъ обыкновенно думаютъ, составляютъ достояніе всѣхъ африканцевъ. Даже нація монбутту, обитающая къ югу отъ ніамъ-ніа-

¹⁾ De-Rougé;—Ebers;—Maspero.

²⁾ Fred. Müller;—Fr. Lenormant, „Histoire ancienne des peuples d'Orient“;—R. N. Cust, „Sketch of the modern languages of Africa“.

³⁾ Ernest Renan, „Histoire des langues sémitiques“;—H. Duveyrier, рукописныя замѣтки.

⁴⁾ Hartmann, цитированное сочиненіе.

мовъ, между бассейномъ верхняго Нила и бассейномъ Конго, отличается почти свѣтлымъ цвѣтомъ лица, довольно густой бородой, прямымъ или орлинымъ носомъ, и между ними часто встрѣчаются индивидуумы съ волосами пепельнаго цвѣта: по исчисленію Швейнфурта, эти негры-блондины составляютъ болѣе одной двадцатой всего племени монбутту. Быть-можетъ, плотоядный образъ жизни, заключающій даже человѣческое мясо, способствуетъ до известной степени сообщенію этимъ туземцамъ относительно свѣтлаго цвѣта кожи; ибо наблюденія Антуана д'Аббади надъ эіопскими племенами, подтвержденные многими другими путешественниками, установили тотъ фактъ, что мясоядные населенія, даже населенія жаркихъ равнинъ, имѣютъ гораздо болѣе свѣтлый цвѣтъ лица, чѣмъ зерноядныя, даже когда послѣднія живутъ на большей высотѣ, на плоскогорьяхъ или склонахъ горъ. Негры, которые всего болѣе подходятъ къ традиціонному типу, популяризованному на сценѣ,—это прибрежные жители Атлантическаго океана: нигдѣ торговля невольниками не сдѣлала столько опустошеній, какъ между ихъ племенами, и ненависть господина, то-есть бѣлаго, къ своему рабу популяризовала типъ безобразія, въ большей части мнимый, который приписываютъ всѣмъ порабощеннымъ.

По словамъ физиологовъ, кровь чернокожихъ гуще, менѣе красна, чѣмъ кровь бѣлыхъ; она свертывается скорѣе и бѣется медленнѣе. У чернокожаго африканца, такъ же, какъ у желтокожаго азіата, чувствительность болѣе приглушена, чѣмъ у европейца: онъ менѣе страдаетъ отъ хирургическихъ операцій и не подвергается въ такой же мѣрѣ опасности травматическихъ лихорадокъ; его нервная жизнь менѣе напряжена: онъ не волнуется, какъ бѣлый. Многія изъ болѣзней, опустошающихъ Европу, неизвѣстны или по крайней мѣрѣ рѣдки на африканскомъ континентѣ: ракъ, каменная болѣзнь, крупъ, зубная кистоза, лихорадки болотныя и тифозныя—не негрскія болѣзни; но негры подвержены желчнымъ и на-кожнымъ болѣзнямъ: столбнякъ очень страшенъ для нихъ, и малѣйшая переменна климата подвергаетъ ихъ легочнымъ болѣзнямъ. Тамъ, гдѣ бѣлые и черные живутъ бокъ-о-бокъ, бичи дѣлятъ между собой смертность: желтая лихорадка уноситъ въ могилу бѣлыхъ, холера убиваетъ африканцевъ. Тоска по родинѣ также одна изъ самыхъ гибельныхъ для расы болѣзней ¹⁾. Сколько невольниковъ, умирающихъ съ глазами, обращенными къ родимой сторонѣ, гдѣ мать качала ихъ въ колыбели!

Часть Африки, лежащая въ южномъ полушаріи, занята главнымъ образомъ племенемъ банту, различные народцы котораго имѣютъ

сходный типъ и говорятъ нарѣчіями, происшедшими отъ одного общаго корня, какъ это указалъ Лихтенштейнъ уже въ началѣ настоящаго столѣтія. Кафры Наталя и колоніи Мыса Доброй Надежды принадлежатъ къ красивѣйшимъ представителямъ этой великолѣпной расы банту, которая не уступаетъ привильскимъ барабрамъ въ отношеніи горделивости осанки и изящества движеній. Но непосредственно въ сосѣдствѣ съ этими величавыми африканцами живутъ другіе туземцы, представляющіе совершенно иной и гораздо менѣе благородный типъ: это койкойны или готтентоты, малорослые, съ желтоватымъ, грушевиднымъ лицомъ, съ мало развитыми мускулами. Быть-можетъ, эти народцы, такъ же рѣзко отличающіеся отъ банту, какъ китайцы отъ арабцевъ, представляютъ побѣжденную расу, оттѣсненную мало-по-малу завоевателями въ южную часть континента; но гипотеза этого рода, кажется, гораздо вѣрнѣе въ отношеніи народцевъ «пигмеевъ», разсѣянныхъ на африканскомъ материкѣ. Таковы саны, извѣстные у голландцевъ подъ именемъ Boschjesmannen, т. е. «кустарниковые» или «лѣсные люди», а у англичанъ подъ именемъ бушменовъ (bushmen—значеніе то же самое), въ южной Африкѣ, доко въ Каффе, акка или тикки-тикки на берегахъ Уалле, обитавшіе въ области Огове. Говоря объ этихъ населеніяхъ маленькихъ людей и особенно о бушменахъ, антропологи высказали замѣчаніе, что если Африка страна большихъ человѣкоподобныхъ обезьянъ, гориллы и шимпанзе, то она также страна наиболѣе обезьяноподобныхъ людей: въ этой части свѣта, говорятъ они, переходъ между двумя формами первобытныхъ породъ наименѣе значителенъ. Въ этихъ маленькихъ людяхъ склонны видѣть слабый остатокъ первобытныхъ населеній (аборигеновъ), у которыхъ другая, болѣе сильная раса исторгла господство надъ территоріей ¹⁾. Что касается жителей Мадагаскара, то изъ нихъ только часть можетъ быть причислена къ африканцамъ. Тамашнее население гова—малайскаго происхожденія; оно прибыло, по всей вѣроятности, съ Суматры въ первые вѣка христіанства и такъ же, какъ растенія и животныя, свидѣтельствуетъ о географической независимости этого острова. Но на Коморскихъ островахъ языкъ африканскій.

Расовая гордость, отъ которой не свободны и историки, породила тотъ очень распространенный предразсудокъ, что будто африканцы не принимали никакого участія въ общемъ дѣлѣ цивилизаціи. Первый примѣръ, который обыкновенно приходитъ на умъ,—это примѣръ дагомейскаго короля, празднующаго «великій обычай» закланіемъ массы людей и наполненіемъ цѣлаго озера человѣческой кровью; или

¹⁾ Bordier, „Géographie médicale“.

¹⁾ O. Lenz, „Skizzen aus West-Afrika“;—Hartmann, „Völker Afrika's“.

въ воображеніи рисуется образъ вооруженныхъ ордъ племени монбутту, которые бросаются въ битву, скрежеща зубами и оглашая воздухъ дикими криками: «мяса! мяса!» Но эти ужасающія картины не резюмируютъ исторіи Африки. Напротивъ, изученіе нашего собственнаго прогресса не приводитъ ли насъ необходимо къ бассейну Нила, на африканскую землю? Устремляя взоръ въ длинную перспективу прошлаго, далеко за героическій періодъ Греціи, гдѣ родилась наша культура специально-европейская, мы восходимъ изъ вѣка въ вѣкъ до той эпохи, когда были воздвигнуты пирамиды, до той сѣдой старины, когда первая соха распахла тучныя земли, оставленные разливомъ Нила. Въ Египтѣ мы находимъ древнѣйшіе письменные памятники точной исторіи: права прибрежныхъ жителей великой рѣки на первенство, какъ цивилизаторовъ, были такъ прочно установлены, что сами эллины смотрѣли на нильскую страну какъ на общую колыбель человѣчества. Какова бы ни была доля участія элементовъ, образовавшихъ народъ, къ которому мы относимъ начало нашего интеллектуальнаго развитія, не подлежитъ сомнѣнію, что его цивилизація—африканскаго происхожденія; она возникла въ узкой плодородной долині Нила, между безплодной скалой и еще болѣе безплоднымъ пескомъ. Черезъ эту рѣку, выходящую изъ глубины континента, установились торговыя сношенія и взаимныя вліянія, обмѣнъ произведеній и идей между различными частями Старого Свѣта. На западѣ другія страны сѣверной Африки должны были оставаться почти бесполезными въ смыслѣ посредниковъ, особенно до введенія верблюда на континентъ, такъ какъ онъ былъ отдѣленъ отъ населенныхъ областей Судана громаднымъ пространствомъ пустыни.

Со временъ глубокой древности африканцы, даже въ Египтѣ, принимали участіе въ побѣдахъ человѣчества надъ природой, какъ скотоводы или воздѣлыватели почвы: мы обязаны имъ многими драгоценными культурными растеніями, многими домашними животными. Съ африканскаго материка мы получили ту разновидность сорго, которая, подъ именемъ дурры, сѣется на всемъ пространствѣ отъ береговъ Нила до береговъ Южнаго моря, и которая соперничаетъ съ пшеницей и рисомъ своей экономической важностью, какъ пищевой продуктъ. Африка же дала намъ другой видъ хлѣба—финики: вѣроятно, суданцы или берберы первые изучили образъ жизни этой пальмы, растущей въ ихъ лѣсахъ въ дикомъ состояніи, и научились оплодотворять это дерево. По словамъ Швейнфурта, дикая форма эоіопскаго банана, извѣстная у ботаниковъ подъ именемъ *musa ensete*, была родоначальникомъ сотни разновидностей садоваго банана, плодъ котораго служить хлѣбомъ также во многихъ стра-

нахъ Америки. Къ этимъ тремъ растительнымъ видамъ, имѣющимъ первостепенную важность для питанія человѣка, ливійскій континентъ прибавилъ четвертый—кофейное дерево (названіе отъ области Каффа), бобы котораго треть человѣческаго рода считаетъ плодомъ по преимуществу и высоко цѣнитъ приготовляемый изъ нихъ напитокъ за его чудный аромат и свойство оживлять энергію. Цивилизованный міръ обязанъ африканцамъ также многими полезными домашними животными. Нѣкоторыя породы собакъ, кошка, сеннаарская свинья, хорекъ (африканскій) были приручены ими и сдѣлались товарищами человѣка; неграмъ же, можетъ-быть, мы обязаны козой, овцой, коровой; оселъ, этотъ терпѣливый и неутомимый слуга,—несомнѣнно африканскаго происхожденія. Еще недавно Африка вторично подарила португальцамъ цесарку, которую она еще въ древности дала грекамъ и римлянамъ, но породы которой въ послѣдствіи вывелась въ Европѣ, снова впавшей почти въ состояніе варварства въ періодъ среднихъ вѣковъ.

Даже по части искусствъ и промышленности Африка внесла свой вкладъ въ общее достоинство человѣчества. Грандіозные памятники Египта, его дороги, обширныя сооруженія по канализаціи и устройству плотинъ, его богатая ткань, мебель и домашняя утварь, драгоценныя украшенія, рѣзные работы изъ дерева и металловъ, тысячи вещей, находимыя въ его некрополяхъ, были дѣломъ рукъ не однихъ только ремесленниковъ, этихъ цивилизованныхъ африканцевъ, сосѣдей семитовъ: въ произведеніяхъ античной египетской индустріи часто узнаешь формы, встрѣчающіяся въ Нубіи, въ Абиссиніи и даже въ Суданѣ¹⁾. Полезнѣйшее металлургическое открытіе—искусство плавленія иковки желѣза возникло у жителей Нигриціи²⁾, такъ же, какъ и у халибовъ Малой Азіи, и нѣкоторые дикія племена, именно бонго въ странѣ Рѣкъ, очень остроумно устриваютъ плавильныя печи. Правда, плавильщики и кузнецы должны довольствоваться самыми примитивными снарядами, но они пользуются ими съ удивительнымъ искусствомъ. Фаны въ области Огове выдѣлываютъ желѣзо такого отличнаго качества, что даже европейскіе заводы не сумѣли бы произвести подобнаго³⁾. У большинства африканскихъ племенъ кузнецы составляютъ особую касту, и ихъ очень боятся, какъ колдуновъ, знающихъ искусство магіи. Въ Эоіопіи, въ Сеннаарѣ, ихъ обвиняютъ въ томъ, что будто они по ночамъ оборачиваются въ гіенъ и другихъ хищныхъ звѣрей, чтобы

¹⁾ Hartmann, „Die Völker Afrikas“.

²⁾ De Mortillet, „Origine du fer“; — Hamy, „Congrès du Havre“, 1 sept. 1877.

³⁾ A. Wermann, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg“, 1880—1881.

бродить вокругъ селеній и откапывать мертвые тѣла.

Такимъ образомъ, посредствомъ земледѣлія и промышленности африканцы имѣли свою долю въ исторіи цивилизаціи; но ихъ прямое вліяніе во всемірной торговлѣ было ощутительно только въ Египтѣ и въ Мавританіи, на побережьи Средиземнаго моря. Движеніе торговаго обмѣна распространялось, правда, съ одного конца континента на другой, но распространялось медленно и черезъ тысячу посредниковъ: вмѣсто того, чтобы установиться въ видѣ правильной теченія, торговля подвигалась шагъ за шагомъ частными струями, подобно тому, какъ въ водной площади частицы перемѣшиваются мало-по-малу, при чемъ движеніе жидкой массы остается незамѣтнымъ. Произведенія центральной Африки приходили въ Европу, но потребители ничего не знали о мѣстѣ ихъ происхожденія; на берегахъ Нигера туземныя населенія покупали манчестерскія нитки и бирмингемскіе гвозди, не зная, что ихъ рѣка впадаетъ въ море, и что существуютъ другія части свѣта за предѣлами ихъ материка ¹⁾. Но не подлежитъ сомнѣнію, что уже тысячи лѣтъ во внутренней Африкѣ ведется очень дѣятельная торговля. До недавняго времени караваны считались священными, неприкосновенными и безопасно проходили между двумя враждебными арміями, собирающимися сразиться на полѣ битвы ²⁾. Коммерческій духъ такъ же сильно развитъ у многочисленныхъ племенъ Мавританіи, верхняго Нила и Судана, какъ у евреевъ и армянъ, и ихъ торговцы всѣ отличаются хитростью, стойкостью, неистощимой любезностью и умѣньемъ угодить покупателю, составляющими главные качества торговой касты. Съ незапамятныхъ временъ раковинки каури (сургее помета) съ Малийскихъ острововъ, замѣнявшія другіе мелкіе предметы, какъ зерна дурры и разныя сѣмена, проникли, какъ мѣншой денежный знакъ, до западной Африки: ихъ привозятъ черезъ Калькутту и Лондонъ или черезъ Занзибаръ на берега Бенинскаго залива, откуда онѣ отправляются на главный рынокъ озера Чадъ ³⁾. Но уже большинство африканскихъ народовъ употребляютъ ихъ только въ видѣ украшенія. Испанскіе піастры и талеры Маріи Терезіи опережаютъ европейскіхъ путешественниковъ въ большинствѣ неизвѣстныхъ областей внутренней Африки; даже одинъ народъ, именно бонго, знаетъ и самъ чеканилъ монету ⁴⁾; куски желѣза въ дециметръ длиной, обмѣняемые племенемъ фанъ въ Огове на

товары, тоже играютъ роль ходячей монеты. Но въ морской торговлѣ доля африканцевъ почти ничтожна. Если не принимать во вниманіе Александрію, которая по своему положенію на дорогѣ изъ Индіи въ Европу является существенно между-континентальнымъ портомъ, единственный городъ африканскаго материка, Кароагенъ, сдѣлавшійся цвѣтущимъ и могущественнымъ черезъ торговлю, былъ финикійская колонія, расположенная на мысѣ, протянутомъ, словно рука, по направленію къ Европѣ. Населенія изъ мореходовъ составляютъ рѣдкость на африканскихъ берегахъ: указываютъ только сомаловъ на восточномъ мысу материка и на кра или круменовъ на атлантическомъ побережьи. Но первые не переходятъ за черту Аденскаго пролива, гонимые отъ одного побережья къ другому по-перемѣннымъ дуновеніемъ пассатныхъ вѣтровъ; а крумены плаваютъ лишь въ сосѣдствѣ береговыхъ лагунъ и лимановъ, никогда не пускаясь въ открытое море.

Со времени паденія Кароагена и упадка египетской цивилизаціи, важнѣйшимъ событіемъ африканской исторіи было нашествіе ислама. Ревностная пропаганда магометанскихъ миссіонеровъ всего болѣе на вербовала вѣрующихъ на черномъ континентѣ. Простота мусульманскаго вѣроученія, ограничивающагося провозглашеніемъ догмата единого, всемогущаго и всеблагаго Бога, ясность правилъ, предписывающихъ прежде всего молитву и опрятность тѣла, символъ чистоты души, рвеніе проповѣдниковъ, обаяніе побѣдъ—все это соблазняло египтянъ, бишарі, берберовъ и негровъ; изъ вѣка въ вѣкъ мусульманская территорія разрасталась все шире и шире, и теперь она обнимаетъ почти половину континента, отъ Суэзскаго перешейка до истоковъ Нигера и даже до береговъ Бенинскаго залива. Въ первые вѣка своихъ триумфовъ исламъ, принося въ то же время знанія, переданныя византійскимъ міромъ, воскресилъ, такъ сказать, Египетъ и Мавританію, далъ имъ новый періодъ цивилизаціи, и черезъ караваны Марокко, ставшаго складочнымъ мѣстомъ мусульманской Испаніи, сдѣлавъ городъ Тимбукту на Нигерѣ центромъ торговаго и умственного движенія. Въ Нигриціи распространеніе магометанства тоже совпадаетъ съ важными политическими и социальными перемѣнами. Образовались большія государства въ территоріяхъ, которыя до того времени были раздѣлены между сотнями племенъ, жившихъ въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ; нравы смягчились; чувство солидарности развивается между расами, прежде враждовавшими. Магометанство имѣетъ болѣе матеріальной связи на ливійскомъ континентѣ, нежели въ Европѣ и Азіи, гдѣ правовѣрные раздѣлены пустынями и морскими проливами: въ Африкѣ исламу принадлежитъ пространство

¹⁾ Winwood Reade, "The Martyrdom of Man".

²⁾ Antoine d'Abbadie;—R. Thomassy. "Bulletin de la Géographie de Paris", 1843.

³⁾ John E. Hertz, "Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg", 1880—1881.

⁴⁾ Georg Schweinfurth, "Au coeur de l'Afrique".

въ одномъ кускѣ, столь же обширное, какъ Европа, отъ береговъ Краснаго моря до береговъ Атлантическаго океана, и религія помогаетъ распространенію идей, нравовъ, обычаевъ и языка арабовъ. Теперь христіанство пытается оспаривать народы Африки у магометанской пропаганды; протестантскіе миссіонеры достигли нѣкотораго успѣха, особенно въ южной части материка. Но, въ сравненіи съ вѣтниками ислама, они имѣютъ ту невыгоду, что могутъ лишь мистически называть себя братьями прозелитовъ: проповѣдникъ «благой вѣсти» не выдастъ своей дочери замужъ за туземца, хотя бы даже обращеннаго въ христіанскую вѣру, и не вступить съ его дочерью въ законный бракъ; какъ бѣлый, онъ не хочетъ осквернять себя примѣсью черной крови. Онъ остается человѣкомъ другой расы и другой касты ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ Африка сдѣлалась черезъ торжество ислама страной вѣры, въ ней не разъ появлялись пророки достаточно сильныя, чтобы провозглашать священную войну. Во время вторженія войскъ первой французской республики въ Египетъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, одинъ *махди*, то-есть «вождь», возвыщенный древними пророчествами, призывалъ своихъ единовѣрцевъ къ истребленію чужеземцевъ. Въ послѣднее время другіе махди поднимали племена на западъ противъ французовъ въ сенегалѣ, на востокъ противъ турокъ и англичанъ въ Египтѣ, и фанатики въ сѣверныхъ странахъ, въ Алжирѣ, въ Триполі, сенусіи, готовятъ эмисаровъ, чтобы посылать ихъ на хожденіе изъ мечети въ мечеть съ цѣлю поддерживать ненависть къ невѣрнымъ ²⁾. Въ Меккѣ самые ревностные пилигримы, тѣ, которые всего чаще впадаютъ въ религіозный экстазъ, — такруры или такариры, имя, подъ которымъ понимаютъ вообще негровы западной Африки, хотя оно прилагается специально къ нигриційскимъ племенамъ, отъ Уада до Бурну ³⁾, и къ жителямъ страны Метамме, на сѣверо-западѣ Эіюпіи: несмотря на трудности путешествія, тысячи такруровъ каждый годъ предпринимаютъ хожденіе къ святымъ мѣстамъ магометанства. Проповѣдниками ислама въ западной Африкѣ являются не арабы, хотя языкъ, который они употребляютъ, и который въ Африкѣ служитъ главнымъ проводникомъ цивилизаціи, есть языкъ пророка. Миссію эту выполняютъ нигриційцы разныхъ племенъ: въ качествѣ торговцевъ или промышленниковъ, они обходятъ племена, обитающія на берегахъ Гамби, появляются даже въ странѣ ашантиевъ и въ Дагомеѣ, на Золотомъ бе-

регу и у Бенинскаго залива. Въ восточной Африкѣ, на берегахъ Индійскаго океана, пропаганда тоже очень дѣятельна, хотя большинство арабскихъ купцовъ, еще вчера бывшихъ неготорговцами, ни мало не заботятся объ обращеніи въ свою вѣру несчастныхъ, которыхъ они эксплуатируютъ. Напротивъ—они рады, если тѣ останутся язычниками, потому что это даетъ имъ право ненавидѣть и обкрадывать ихъ, какъ язычниковъ; если бы они обращали невольниковъ въ свою вѣру, на нихъ лежала бы обязанность обходиться съ ними, какъ съ братьями. Но если купцы подвергнуть попавшихся въ ихъ руки туземцевъ обрѣзанію, хотя бы только затѣмъ, чтобы не пришлось ѣсть мяса животныхъ, заколотыхъ не «чистыми» руками, то этого внѣшняго знака уже достаточно, чтобы прибавить такого якобы-мусульманина къ сонму вѣрующихъ и такимъ образомъ увеличить силы ислама. Впрочемъ, нѣтъ недостатка и въ искреннихъ магометанахъ, которые, принимая близко къ сердцу заповѣди корана, трудятся надъ освобожденіемъ невольниковъ. Фелькинъ встрѣтилъ въ провинціи Бахрѣ-эль-Газаль одного купческаго сына, который, сдѣлавшись, послѣ смерти отца, владѣльцемъ нѣсколькихъ сотъ негровъ, немедленно отпустилъ всѣхъ ихъ на волю.

Но арабскіе негоціанты такъ же, какъ европейскіе купцы, еще недавно смотрѣли на чернокожаго, какъ на главную статью торговли, гораздо болѣе важную, чѣмъ зубы слона, хлопокъ, страусовыя перья или пальмовое масло. Негры, къ несчастію для нихъ, самые покорные и самые преданные изъ слугъ. Антропологи не разъ указывали на то, что въ сравненіи съ бѣлыми негры представляютъ типъ существенно женскій. Послѣдніе имѣютъ вообще голосъ мягкій, бороду мало обросшую, суставы тонкіе, пальцы длинныя, ногти розовые, кожу бархатную, мускулы округленные ⁴⁾; по своей походкѣ и манерамъ, какова бы, впрочемъ, ни была ихъ физическая сила, они приближаются къ общему типу женщины. Они робки и любопытны, кокетливы и ревнивы, болтливы, большіе любители сообщать секреты, скоры на любовь и ссору, сопровождаемую примиреніемъ. У нихъ, какъ и у многихъ женщинъ, есть тотъ большой недостатокъ, что они находятъ удовольствіе въ повиновеніи во что бы то ни стало и готовы жертвовать собой за тѣхъ, кто ихъ угнетаетъ и презираетъ. Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что со временъ глубокой древности чернокожіе были наиболѣе цѣнными изъ невольниковъ, и что между данями или подарками, посылаемыми европейскимъ и азиатскимъ государямъ, всего благосклоннѣе были принимаемы тѣ, которые сопровождались африканскими плѣнниками. На черномъ континентѣ нѣтъ народа, который бы не имѣлъ своихъ

¹⁾ W. Blunt, „Fortnightly Review“, 1881.

²⁾ Henri Duveyrier, „La Confrérie musulmane de Sidi Mohamet ben'Ali es-Senoussi“.

³⁾ Cheykh Mohammed Ebn-Omar El Tounsy, „Voyage au Darfour“.

⁴⁾ G. d'Eichthal;—Winwood Reade.

невольниковъ, а у многихъ племенъ половина населенія состоитъ въ рабствѣ у другой половины. Военнопленные, на которыхъ смотрятъ какъ на товаръ, вымѣниваются на другія вещи или продаются съ публичнаго торга, чтобы идти работать въ полѣ господина; или чтобы увеличить собой число туземцевъ, окружающихъ могущественнаго начальника племени; или, какъ это водится въ некоторыхъ странахъ, чтобы быть заколотыми для жертвоприношенія въ честь фетишей или предковъ; или, наконецъ, какъ это въ обычаѣ у племени монбутту, чтобы быть изжаренными и съѣденными за торжественной трапезой. Однако, положеніе невольника обыкновенно не имѣетъ въ себѣ ничего жестокаго; часто онъ самъ отдается въ рабство, чтобы избѣгнуть голода, и если владѣлецъ нехорошо обращается съ нимъ, обычаи позволяютъ ему перемѣнить господина: отрекаясь отъ своей свободы, рабъ вступаетъ въ новую семью, и дѣти его, рожденные отъ свободной женщины, съ которой онъ сочетался бракомъ, становятся свободными, какъ и ихъ мать.

Нельзя скрыть того факта, что вліяніе европейской «цивилизациі» всего болѣе отягчило положеніе африканскаго невольника. Уже задолго до того времени, когда берега Гвинеи были открыты кораблями бѣлыхъ, и когда европейскія націи основали колоніи въ Новомъ Свѣтѣ, торговля невольниками открыто производилась въ Севильѣ и въ Лиссабонѣ. Впоследствии, когда Португалія сдѣлалась обладательницей береговъ «черной» страны, этой обширной невольничьей лабораторіи, когда завоевателямъ двухъ Америкъ, испанцамъ, португальцамъ, англичанамъ, французамъ, голландцамъ, понадобились въ ихъ владѣніяхъ сильные работники, которые могли бы замѣнить собой истребленныхъ туземцевъ, тогда большая часть Африки была превращена въ громадный паркъ для охоты на человѣка, и имя «бѣлый» сдѣлалось синонимомъ людоеда, каковое значеніе оно и до сихъ поръ еще имѣетъ въ языкѣ галла ¹⁾. На окружности континента существовалъ рядъ станцій, служившихъ складочными мѣстами живаго товара. Португальцы отправляли въ Бразилію негровъ, изловленныхъ въ Анголѣ; Ямайка, Барбадосъ, Виргинія получали своихъ рабовъ съ Кепъ-Коста, Луизіана и французскіе Антильскіе острова вербовали своихъ каторжниковъ въ Сенегалѣ и на Невольничьемъ берегу; Мина была главной конторой голландскихъ негроторговцевъ изъ Новаго Амстердама; словомъ, каждой американской плантаціи соответствовало невольничье депо въ Гвинее. Высадившись на берегъ африканскаго материка, негроторговцы передавали сосѣднимъ начальникамъ пле-

мени свои заказы на поставку такого-то количества рабовъ: облавы устраивались въ окрестностяхъ; скоро требуемые способные къ работѣ люди, съ цѣпами на рукахъ и съ арканомъ на шеѣ, дефилировали передъ приѣзжимъ купцомъ, и уплата за этого живого товаръ производилась тканями, ружьями, порохомъ, мелкими стеклянными издѣліями. Извѣстны ужасы перевозки негровъ въ этихъ невольничьихъ корабляхъ, гдѣ, ради сбереженія пространства, работорговцы натискивали живыя тѣла, какъ гробы въ склепѣ, и гдѣ тифъ, невыносимая жара и духота, жажда, иногда добровольная смерть дѣлали въ немноге двѣй такіе широкіе пробѣлы. Нѣтъ возможности вычислить хотя бы приблизительно тѣ массы человѣческихъ существъ, которыя погубила торговля невольниками, черезъ войны, которыя она породила на всей окружности Африки, эпидеміи, которыя она распространила, возмущенія и поголовныя избиенія, которыя были ея естественнымъ слѣдствіемъ. Милліонами и милліонами перевозились африканцы въ Новый Свѣтъ, а между тѣмъ цвѣтное населеніе, состоящее почти исключительно изъ мужчинъ, возрастало очень медленно; только въ этомъ столѣтіи установилось, наконецъ, равновѣсіе половъ въ ссыльной расѣ. Въ настоящее время число американцевъ чистой или смѣшанной породы, насчитывающихъ негровъ между своими предками, превышаетъ 25 милліоновъ, и въ этомъ числѣ есть еще полтора милліона неосвобожденныхъ. Но послѣ кровопролитной гражданской войны, которая окончилась въ Соединенныхъ Штатахъ освобожденіемъ чернокожихъ, эта старая форма рабства осуждена окончательно, и съ каждымъ днемъ послѣдніе ея оплоты, Бразилія и Куба, видятъ у себя постепенное уменьшеніе числа порабощенныхъ ¹⁾. Въ самой Африкѣ это гнусное учрежденіе поражено на-смерть закрытіемъ заграничныхъ рынковъ сбыта, и что бы ни говорили, число барокъ, арабскихъ или другихъ, которымъ удастся, на берегахъ Индійскаго океана, форсировать блокаду, чтобы провезти невольниковъ, весьма незначительно.

Невольничьи суда, захваченныя и осужденныя на восточномъ берегу Африки:

Въ 1876—77 гг.—27 судовъ, съ 438 невольниками; въ 1877—78 гг.—15 судовъ, съ 60 невольниками.

Но есть еще много этого рода судовъ, которыя успѣваютъ переплыть Красное море, пренебрегая англичанами Адена, французами Обока и итальянцами Ассаба, и еще десятками тысячъ охота на человѣка считается своимъ ежедневнымъ жертвы во внутренней Африкѣ. Во время цвѣтущаго состоянія этой торговли, барыши негроторговцевъ стоили каждый годъ жизни

¹⁾ Léon des Avanchers, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1858.

¹⁾ на о. Кубѣ рабство отиѣнено въ 1880 г., а въ Бразиліи—въ 1888 г. Ред.

по меньшей мѣрѣ полмилліону людей. Въ сравненіи съ этой эпохой, уже отдаленной отъ насъ, нынѣшній періодъ можно смѣло назвать вѣкомъ прогресса: невольничьи склады на африканскомъ побережьи не наполняются болѣе жертвами, и, какъ это было въ Новомъ Свѣтѣ, войны, поднятыя работорговцами, приводятъ къ упадку ихъ безчеловѣчнаго промысла.

Питаемая нынѣ другими товарами, помимо невольниковъ, торговля Африки имѣетъ болѣе легкія средства доставить своимъ агентамъ доступъ во внутреннія области страны и связать этотъ материкъ съ остальнымъ міромъ; при томъ и ресурсы, которыми теперь располагаютъ изслѣдователи, гораздо болѣе значительны, чѣмъ тѣ, которыми пользовались ихъ предшественники. Цѣлая армія путешественниковъ, избирая себѣ пункты атаки на окружности континента, идетъ на изслѣдованіе мѣстностей малоизвѣстныхъ или еще неоткрытыхъ, и въ числѣ этихъ отважныхъ волонтеровъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ Африкѣ съ начала настоящаго столѣтія, есть сотни такихъ, которые пускались въ путь, не имѣя иной цѣли, кромѣ успѣховъ науки и напередъ принося для нея въ жертву свою жизнь. Нашъ вѣкъ по справедливости можетъ гордиться тѣмъ, что произвелъ столько героевъ, частью прославившихся, частью оставшихся безвѣстными, которые добровольно обрекли себя на всякаго рода лишенія и опасности, чтобы прибавить нѣсколько новыхъ чертъ къ рисункамъ нашихъ картъ, нѣсколько новыхъ названій горъ, рѣкъ и народовъ къ номенклатурамъ нашихъ географій. Сколько этихъ смѣльчаковъ нашли смерть при исполненіи принятой на себя задачи! Г. Анри Дюверье, самъ принадлежащій къ числу этихъ отважныхъ изслѣдователей, наиболѣе прибавившихъ къ нашему запасу географическихъ знаній, составилъ «некрологическую» карту Африки¹⁾, гдѣ нанесены имена главныхъ путешественниковъ, которые въ періодъ времени съ 1800 по 1874 годъ были убиты фанатиками мусульманами, или погибли жертвой собственной неосторожности, или, наконецъ, не перенесли трудностей путешествія или вреднаго дѣйствія климата. Съ этой эпохи списокъ еще значительно увеличился; имена: Флаттерса и его спутниковъ, Шувера, Саккони и многихъ другихъ прибавились къ длинному мартирологу науки.

Въ исторіи африканскихъ открытій, также какъ въ исторіи всѣхъ другихъ завоеваній чело-вѣка, прогрессъ не совершался непрерывнымъ образомъ: напротивъ, дѣло изслѣдованія подвигалось впередъ послѣдовательными скачками, иногда сопровождавшимися временнымъ регрессомъ. Между первымъ путешествіемъ вокругъ Африки, о которомъ повѣствуетъ Ге-

родотъ, какъ о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ царствованіе фараона Нехао¹⁾, и подобнымъ же путешествіемъ, выполненнымъ португальцемъ Васко-де-Гама, протекло двадцать-одно столѣтіе, и въ этотъ длинный промежутокъ времени многія уже сдѣланныя открытія пришли въ забвеніе: географы пятнадцатаго вѣка были знакомы съ результатами древнихъ изслѣдованій во внутренней Ливіи лишь по неточнымъ таблицамъ Птолемея, которые съ теченіемъ времени, благодаря ошибкамъ переписчиковъ и воображенію комментаторовъ, сдѣлались еще болѣе неточными; пришлось снова открывать морскіе берега, уже извѣстные финикиянамъ, ибо Ганнокъ за тысячу девятьсотъ лѣтъ до португальцевъ доплывалъ до мѣстъ, лежащихъ южнѣ Сенегала, около Сиерра-Леоне²⁾. Даже послѣ перипла (плаванія вокругъ всего континента) Васко-де-Гамы и овладѣнія португальцами болѣею частью морскаго побережья, знакомство съ мѣстностями уже посѣщенными не разъ затѣмнилось, особенно благодаря зависти завоевательныхъ націй, которые хотѣли сохранить для себя секретъ своихъ путешествій въ дальнія и невѣдомыя страны. Теперь ученые разныхъ націй изъ патріотизма стараются утвердить каждый за своимъ отечествомъ право на первенство изслѣдованія африканскихъ земель, забытыхъ съ той поры. Кажется, можно принять за достовѣрное, что задолго до португальцевъ итальянскіе мореплаватели обследовали наибольшую часть береговъ сѣверо-западной Африки и даже острова, сгруппированные въ архипелаги и лежащіе въ открытомъ морѣ. Портуланъ 1367 года, составленный венеціанцемъ Марко Пиццигани и хранящійся въ парижской публичной библиотекѣ, даетъ всему африканскому побережью до мыса Бохадоръ общее очертаніе, согласное съ тѣмъ, которое найдено точными съемками новѣйшихъ моряковъ³⁾. Съ своей стороны, діепцы (во Франціи) утверждаютъ, что ихъ предкамъ принадлежитъ слава основанія въ 1364 году «Малаго Діеппа», на Гвинейскомъ берегу⁴⁾, и колонизаціи Канарскихъ острововъ въ 1402 году, подъ предводительствомъ французскаго морехода Жана де-Бетанкуръ. Что касается португальцевъ, мореплавателей, которые первые проникли въ «Непроницаемое море» и озарили свѣтомъ «Темный Океанъ», то они тоже приписываютъ своимъ миссіонерамъ шестнадцатаго вѣка первенство главныхъ открытій, сдѣланныхъ въ это послѣднее время во

¹⁾ Геродотъ. книга IV, 42;—D'Avezac, „Esquisse générale de l'Afrique“

²⁾ Vivien de Saint-Martin, „Histoire de la Géographie“.

³⁾ Federico Bonola, „Société de Géographie du Caire“, séances du 20 mars et du 26 mai 1876.

⁴⁾ Estancelin, „Recherches sur les voyages des navigateurs normands en Afrique au delà de la Sierra Leone“;—D'Avezac, „Esquisse générale de l'Afrique“.

¹⁾ „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, déc. 1874.

внутренней Африкѣ. Однако, долго спустя послѣ этихъ миссіонеровъ можно было читать на картахъ Африки имена народовъ «безъязы-

Въ наши дни географическіе архивы содержатся настолько въ порядкѣ и точности, что не допускаютъ никакихъ сомнѣній относитель-

Типы и костюмы нубійскихъ женщинъ.

кихъ» и «безносыхъ», онистодактиловъ, то-есть «людей съ вывернутыми наружу пальцами», и «пигмеевъ, оспаривающихъ свою пинчу у журавлей»!

но дорогъ, пролагаемыхъ путешественниками на черномъ континентѣ, и можно начертить, по крайней мѣрѣ приблизительно, сѣть пройденныхъ путей, которые увеличили сумму нашихъ

знаний. Въ послѣднія сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Англіи основалось въ 1788 году общество для изслѣдованія Африки, члены котораго нѣмецъ Горнеманъ и шотландецъ Мунго-Паркъ были «первыми героями и первыми жертвами»¹⁾, этотъ материкъ былъ много разъ пройденъ на всемъ его протяженіи отъ моря до моря. Ливингстонъ, Камеронъ, Стэнли, Серпа-Пинто, Массари, Висманъ и Буонфаччи совершили этотъ подвигъ, и десятками нужно считать путешественниковъ менѣе счастливыхъ, которые, однако, проникали внутрь страны на тысячи верстъ отъ порта высадки. Впрочемъ, не длинной пути измѣряется важность изысканій, и многія путешествія, незначительныя по пройденному разстоянію, тѣмъ не менѣе отмѣчены въ географической исторіи континента. Уже можно было составить точныя и подробныя карты для нѣкоторыхъ областей морскаго побережья, каковы Мысъ Доброй Надежды, дельта Нила, Тунисъ, Алжиръ, отнынѣ соединенный съ Европой сигналами, блистающими отъ горы до горы черезъ Альмерійскій проливъ, и списокъ мѣстъ, опредѣленныхъ астрономически, который обнимаетъ уже многія тысячи именъ, увеличивается съ каждымъ днемъ²⁾. Не проходитъ недѣли, которая бы не привнесла намъ вѣсти о какомъ-нибудь новомъ географическомъ завоеваніи. Пройденные изслѣдователями пути пересѣкаются на картѣ такъ, что не оставляютъ много пробѣловъ большаго протяженія, и даже тамъ, гдѣ простираются еще неизвѣстныя области, мы знаемъ по крайней мѣрѣ участки долинъ, рѣкъ или горныхъ хребтовъ, которые облегчаютъ изысканія будущимъ экспедиціямъ. Въ настоящее время самое большое пространство «неизвѣдомой земли», которое остается еще открытъ въ Африкѣ, — то, которое тянется параллельно экватору на сѣверъ отъ Огове и Конго, между Серра де-Кристалъ и горами Мфумбиро и Гамбарагара между Ниломъ и Конго: это площадь по малой мѣрѣ въ миллионъ квадр. километровъ, слѣдовательно, въ полтора раза превосходящая Францію и составляющая тридцатую часть континента. Но въ настоящую минуту эти неизвѣдомыя области уже атакуются путешественниками на многихъ точкахъ ихъ окружностей, и еще не такъ давно, въ декабрь 1883 года, черезъ путь по Конго сомкнулось послѣднее звено цѣпи гостепріимныхъ станцій, протянутой отъ атлантическаго берега до береговъ Индійскаго океана. Такимъ образомъ дорога изслѣдованія перерѣзываетъ континентъ во всю его ширину.

Африка, конечно, была бы уже открыта на всемъ ея протяженіи, если бы всѣ бѣлые, проникавшіе въ страну, умѣли быть справедливы-

ми къ туземцамъ и тѣмъ самымъ пролагать дорогу своимъ преемникамъ. Люди, которые проходятъ, дѣлая добро, какъ Бартъ, Спикъ, Ливингстонъ, Пиаджіа, Джесса, Швейнфуртъ, Эминъ-бей, уже своими поступками оказываютъ покровительство всѣмъ тѣмъ, которые будутъ слѣдовать за ними: человекъ же буйный, грозящій или убивающій, дѣлаетъ то, что приходящіе послѣ него подвергаются опасности поплатиться головой за его дурное обращеніе. Но какъ бы ни было велико безкорыстіе людей, устремляющихся на научное завоеваніе неизвѣстныхъ странъ, туземцы, относящіеся съ недоверіемъ къ иностранцамъ, видя въ нихъ какъ-бы авангардъ воинственныхъ экспедицій, не обманываются въ своихъ опасеніяхъ; совершенно вѣрно, что европеецъ, даже такой, который любитъ туземцевъ и умѣетъ заставить ихъ полюбить его, есть въ извѣстномъ смыслѣ ихъ врагъ; онъ прокладываетъ дорогу преемникамъ менѣе безкорыстнымъ, чѣмъ онъ самъ. Какъ часто честный изслѣдователь, пользуясь гостепріимствомъ въ краѣ, долженъ думать съ нѣкотораго рода угрызненіемъ совѣсти о той будущности, которую онъ приготовляетъ своимъ радушнымъ хозяевамъ: даже самъ того не желая, онъ приводитъ за собой купцовъ и солдатъ; онъ напередъ предаетъ тѣхъ, которые оказываютъ ему такой дружелюбный приемъ. Чтобы извинить себя сколько-нибудь въ собственныхъ глазахъ, онъ долженъ говорить себѣ, что завоевательныя войны и насильственные присоединенія составляютъ лишь предварительныя явленія сознательнаго и мирнаго союза между народами.

Наибольшая часть африканскаго побережья уже присоединена, какъ завоеванная территория, къ европейскимъ государствамъ, и каждое новое изслѣдованіе во внутренней части материка позволяетъ солдатамъ, чиновникамъ и сборщикамъ податей проникать все далѣе впередъ. Торговля возрастаетъ съ каждымъ годомъ; теперь одна только страна, Египетъ, производитъ болѣе обширныя годовыя торговыя обороты, чѣмъ производилъ весь континентъ въ эпоху предшествовавшаго поколѣнія. Внѣшняя торговля Африки въ 1860 году простиралась до 943.025.000 франк. ³⁾ Въ 1895 года торговля одного Египта опредѣлилась по ввозу въ 218.140.000 франковъ, по вывозу въ 328.432.000 франковъ. Строятся дороги отъ береговъ моря къ внутреннимъ нагорьямъ; чтобы облегчить путь будущимъ экспедиціямъ, и даже желѣзнодорожныя линіи, соединяясь съ нѣкоторыми приморскими портами, извиваются по оврагамъ, взбираются на кручи горъ и направляются къ центру материка, гдѣ онѣ и сойдутся современнымъ. Къ этимъ первымъ

¹⁾ Emile Banning, „L'Afrique et la conférence géographique de Bruxelles“.

²⁾ H. Duveyrier, „Liste des positions géographiques en Afrique (continents et îles)“.

³⁾ Ravenstein, „Introduction to Travels and Researches by Lewis Kropf“.

участкамъ, выходящимъ съ египетскихъ береговъ изъ Тувиса и Алжира, изъ Сенегала, съ Мыса Доброй Надежды и изъ Наталя, прибавятся скоро другіе, на подобіе траншей, выкапываемыхъ осаждающими вокругъ укрѣпленнаго мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, Африку можно сравнить съ большою осажденной крѣпостью, и двѣсти миллионъ людей, которые составляютъ ея гарнизонъ, раздѣленный на безчисленное множество ничѣмъ не связанныхъ между собой и даже неизвѣстныхъ другъ другу группъ, заранее обречены на необходимость отворить ворота, т. е. впустить европейцевъ въ качествѣ завоевателей или въ качествѣ покровителей. Обладаніе внутренней частью континента должно неизбѣжно выпасть на долю тѣхъ, кто господствуетъ надъ моремъ и побережьемъ. Если бы даже по счастливому обороту фортуны, то или другое изъ государствъ центральной

Африки отвоевало на нѣкоторое время области на морскомъ берегу, то, въ качествѣ владѣтельной державы, оно было бы вынуждено тотчасъ же вступить, для защиты своего побережья, въ соглашеніе съ которой-нибудь изъ европейскихъ морскихъ націй, и самый этотъ союзъ облегчилъ бы входъ на его территорію. Хотя еще не вполне открытая, Африка, тѣмъ не менѣе, есть уже, съ политической точки зрѣнія, простая провинція Европы: открывъ Суэзскій каналъ и дополнивъ такимъ образомъ блокаду Африки, эту часть свѣта вдвойнѣ отдѣлили отъ Азіи. Теперь на европейцахъ лежитъ обязанность привить африканскимъ народамъ новую цивилизацію, возвратить чернокожимъ, подъ другой формой, ту культуру, которую сами они получили отъ прибрежныхъ жителей Нила.

Глава II

Бассейнъ Нила.

Рѣка.

Спускаясь съ юга на сѣверъ и проходя въ нижнемъ своемъ теченіи черезъ широко открытыя равнины, Нилъ, такъ сказать, наклоняетъ всю сѣверо-восточную Африку къ бассейну Средиземнаго моря. Дельтаго соответствуетъ, несмотря на разницу формъ, другому устью, въ одно и то же время морскому и рѣчному, устью Дарданеллъ и Босфора, черезъ которое страны, орошаемыя рѣками восточной Европы, тоже наклоняются къ Средиземному морю. Такимъ образомъ, какъ внутренній кругъ, вписанный въ другой, болѣе обширный кругъ, развертывается въ центрѣ Стараго Свѣта поясъ прибрежныхъ земель, образующій какъ бы отдѣльный макрокосмъ и насчитывающій въ числѣ городовъ, блистающихъ въ исторіи, такіе, какъ Мемфисъ, Александрія, Іерусалимъ, Тиръ, Антиохія, Эфесъ, Милетъ, Смирна, Аонны, Константинополь.

По длинѣ теченія Нилъ—одна изъ величайшихъ рѣкъ земнаго шара, и между племенами, обитающими на его берегахъ, многія вѣрятъ, что міръ раздѣленъ на-двое этой рѣкой, мнѣніемъ змѣенъ, обвившимся вокругъ свѣта и кусающимъ свой хвостъ. Онъ несомнѣнно превосходитъ всѣ другіе большіе потоки восточной

группы материковъ, даже Янтцекіангъ и три главныя сибирскія рѣки; по протяженію онъ стоитъ выше даже Амазонской рѣки и уступаетъ, вѣроятно, только одной Миссури-Миссисипи. Вотъ для сравненія длина самыхъ большихъ рѣкъ земнаго шара: Миссури-Миссисипи—7.052 килом.; Нилъ, съ верхнимъ притокомъ о. Ніанца—7.000 килом.; Амазонка съ Апуримакомъ—6.000 килом.; Иртышъ-Обь—5.685 килом.; Селенга-Ангара-Енисей—5.500 килом.; Витимъ-Лена—5.465 килом.; Янтцекіангъ—4.650 килом.

Впрочемъ, намъ еще не извѣстна съ полной достовѣрностью главная рѣка, впадающая въ большое озеро Ніанца и образующая верхнее теченіе Нила; быть можетъ, эта рѣка болѣе значительна, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и извилины ея теченія даютъ совокупности рѣчнаго ложа, отъ истоковъ, находящихся въ южной Африкѣ, до береговъ Средиземнаго моря, длину еще большую, чѣмъ длина американской рѣки. Протяженіе Нила, измѣряемое только отъ озера Ніанца, 6.270 километровъ; по прямой линіи, слѣдуя по меридіану, вправо и влево отъ котораго извиляется долина Нила, разстояніе отъ озера до моря составляетъ 31 съ половиною градусовъ, то-есть около 3.500 километровъ; но, можетъ быть, нужно спуститься еще на 5 слишкомъ градусовъ къ югу отъ экватора и на 2 градуса къ востоку отъ

истока озера, чтобы найти первыя воды Нильскаго бассейна. Извилины русла удлинняютъ рѣчное теченіе болѣе, чѣмъ на три четверти ¹⁾. Въ отношеніи поверхности бассейна Ниль стоитъ ниже двухъ американскихъ рѣкъ, Амазонской и Миссури-Миссисипи; по приближительному начертанію нашихъ картъ Африки, онъ почти равенъ Конго по протяженію площади истеченія; за исключеніемъ средней части его теченія, между землей племени макрака и Эѳіопіей, боковыя его покатости имѣютъ небольшую ширину.

Приблизительная площадь рѣчныхъ бассейновъ:

	Кв. килом.
Амазонка	7.000.000
Миссисипи	3.496.000
Ниль	3.350.000
Конго	3.200.000

Наконецъ, сухость климата въ большей части странъ, черезъ которыя протекаетъ Ниль, не позволяетъ ему сравниться, въ отношеніи объема жидкой массы, съ другими главными рѣчными артеріями земнаго шара. По таблицѣ, показывающей приблизительныя количества несомой рѣчными теченіями воды, Ниль занимаетъ, вѣроятно, двадцать седьмое мѣсто между главными рѣками Стараго и Новаго Свѣта. По исчисленіямъ инженеровъ, Атрато, впадающій въ Караибское море, близъ Панамскаго перешейка, и составляющій какъ бы противовѣсѣ великой африканской рѣкѣ, катитъ болѣе значительную массу воды, хотя бассейнъ его почти въ сто разъ меньше.

Общій скатъ почвы, отъ плоскогорій центральной Африки до береговъ Средиземнаго моря, совпадаетъ съ долиной Нила; однако, области, проходимыя этой рѣкой, единственно ей обязаны своимъ географическимъ единствомъ. Возвышенности внутренней Африки, усѣяныя озерами; болотистыя пространства, гдѣ главные юго-западные притоки соединяются съ Бѣлымъ Ниломъ; питадель горъ, занятая эѳіопами; Кордофанъ, окруженный пустынями; пустыни Нубіи; узкая и извилистая долина Верхняго Египта, наконецъ зеленѣющая равнина, гдѣ развѣтвляются рѣчные рукава прежде, чѣмъ соединиться съ Средиземнымъ моремъ,—всѣ эти страны представляютъ совершенно отдѣльныя, самостоятельныя географическія области, и исторія ихъ имѣла бы чисто мѣстный характеръ, если бы Ниль и его притоки, извиваясь отъ одной страны къ другой, не связали ихъ своими серебристыми нитями. Только благодаря рѣкѣ, берега нижняго Нила заселились колонистами нубійскаго происхожденія, и древняя цивилизація Египта распространилась нѣкогда вверхъ по теченію до Мероэ и даже далѣе; точно также частыя войны свирѣпствовали

между эѳіопами и обитателями равнинъ именно изъ-за обладанія притоками Нила, и въ теченіе этого столѣтія каирскіе вице-короли и хедивы дѣлали постоянныя усилія, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ весь бассейнъ верхняго Нила вплоть до большихъ озеръ и водораздѣльной возвышенности. Естественныя дѣленія между прибрежными народами отмѣчены на этой длинной водной артеріи сѣверо-восточной Африки порогами водопадовъ и слияніями рѣкъ. Поэтому нужно прежде всего изучить рѣку, которая создала исторію этихъ странъ.

Древніе говорили, что Ниль беретъ начало въ «Лунныхъ горахъ», и дѣйствительно, въ У-Ніамуэзи, или «Странѣ Луны», англичанинъ Спикъ видѣлъ самыя южныя притоки озерной системы, откуда выходитъ Ниль. Но между этими притоками есть ли такой, который бы можно было по длинѣ его теченія, если не по обилію его водъ, признать за главную вѣтвь великой африканской рѣки? Поиски этой «головы Нила» и теперь еще продолжаются; какъ во времена Лукана, и въ наши дни никто еще не можетъ похвалиться, что видѣлъ зародышъ Нила, по крайней мѣрѣ тѣ, которые живутъ на его берегахъ, не знаютъ его исторической роли. Судя по картамъ, которыя были составлены на основаніи путевыхъ журналовъ Стэнли, Пирсона, Смита и французскихъ миссіонеровъ, казалось, что Мвару (Ливумба, Луамбе), берущій начало къ югу отъ пятаго градуса сѣверной широты и текущій на сѣверъ, затѣмъ на сѣверо-западъ къ озеру Ніанца, и есть истинный Ниль «Луны», по крайней мѣрѣ по отношенію длины русла; но если барометрическія высоты, сообщаемыя изслѣдователемъ Пирсономъ, точны, то невозможно, чтобы эта рѣка впадала въ озерный бассейнъ, такъ какъ она, течетъ на меньшей высотѣ. Съ другой стороны, она не могла бы направляться на западъ, къ озеру Танганика, такъ какъ она отдѣлена отъ послѣдняго порогами около 150 метровъ высоты ¹⁾, и многочисленныя путешественники должны бы были переходить ее; значитъ, она, вѣроятно, теряется въ какомъ-нибудь испаряющемся бассейнѣ. Туземцы говорили Спикъ, что эта область, заключающаяся между большимъ озеромъ и высокими горами побережья, усѣяна озерами и солончаками, подобными тѣмъ, которые арабскіе развѣдчики Денгардта, Эргарда, Уэкальда открыли сѣвернѣе. Недавно можно было думать также, что обильныя рѣки спускаются съ западнаго склона африканской горы-великана Килиманджаро, который вздымается свои двѣ сѣгровыя остроконечныя вершины въ 400 километрахъ къ востоку отъ озера Ніанца; но воды, вытекающія изъ овраговъ огромнаго вулкана, принимаютъ преимуще-

¹⁾ Elia Lombardini, „Essai sur l'hydrologie du Nil“.

¹⁾ E. G. Ravenstein, „Map of Eastern Equatorial Africa“.

ственно направлѣніе къ востоку и къ югу, чтобы излиться въ Индійскій океанъ; маловодные ручьи западнаго ската теряются въ углубленіяхъ плоскогорья. Потоки, изслѣдованные Стэнли и другими путешественниками на восточномъ берегу озера Ніанца, нельзя назвать значительными рѣками, да при томъ они берутъ начало еще далеко отъ горы Килиманджаро. Водораздѣлъ между покатостью Индійскаго океана и покатостью верхняго Нила не имѣетъ такой высоты, какъ восточныя вершины, и походитъ скорѣе на высокій берегъ или яръ, круто обрывающійся на востокъ и полого спускающійся съ западной стороны. На этомъ крутомъ берегу высятся, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, вулканы, и, по словамъ арабовъ, разсказъ которыхъ недавно былъ подтвержденъ свидѣтельствомъ путешественника Фишера, многія изъ этихъ горъ обнаруживаютъ еще признаки дѣятельности; говорятъ, бывали даже изверженія. Одинъ изъ конусовъ называется Дулье-Нгай или «Небесная гора»; двѣ вершины носятъ имя Дулье-Мбуру или «Гора дыма», и горячія воды текутъ въ изобиліи изъ ихъ трещинъ. У основанія крутаго восточнаго склона террасы, возвышающейся почти на 1.300 метровъ, на которой стоятъ Небесная гора и другіе краевые вулканы, простирается термальное озеро, продолжаемое болотами, гдѣ отлагается натръ. Въ этомъ мѣстѣ почва образуетъ глубокую впадину между цѣпью вулкановъ и Килиманджаро; высота озера всего только 640 метровъ¹⁾.

Притокъ большаго озера, который, несомнѣнно, имѣетъ всего болѣе правъ на признаніе его главной рѣкой бассейна, по крайней мѣрѣ въ отношеніи объема жидкой массы, есть Тангуре, Кагера или рѣка Кетангуле, изливающаяся въ западную часть внутренняго моря, почти около середины побережья: первые ея изслѣдователи дали ей имя «Ниль Александры». Она беретъ начало въ гористой области, въ сотнѣ километровъ къ югу отъ экватора и почти въ 3.900 километрахъ по прямой линіи отъ Средиземнаго моря; затѣмъ, соединившись съ ручьями, спускающимися съ массива Мфумбиро, она течетъ въ нормальномъ направленіи къ сѣверо-востоку. Стэнли проникъ въ долину этого верхняго Нила ниже его слиянія съ истокомъ озера Аканіару, названнаго также, прежде посѣщенія его, «озеромъ Александры». Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Стэнли изслѣдовалъ рѣку, послѣдняя проходитъ черезъ нѣсколько озеръ и принимаетъ въ себя притоки изъ другихъ озерныхъ бассейновъ, разбѣянныхъ въ котловинахъ; средняя глубина ея 15 метровъ, и папирусы окаймляютъ оба ея берега въ видѣ высокой стѣны, совершенно скрывающей горизонтъ.

Спикъ и Грантъ, которые первые видѣли верхній Ниль, переправились черезъ него гораздо ниже, за водопадомъ Моронго, на разстояніи одного или двухъ-дневнаго перехода отъ вступленія рѣки въ озеро. Тангуре—могучая рѣка, разливающаяся на нѣсколько верстъ въ ширину въ сезонъ дождей; она напомнила путешественнику Гранту р. Хугли между Чандернагоромъ и Калькуттой. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Спикъ перешелъ рѣку Тангуре, въ январѣ 1862 года, т.-е. въ періодъ мелководія, ширина ея была всего только 75 метровъ, но она походила на каналъ, открытый между двухъ стѣн тростника; вода была такъ глубока, что лодчики не могли обойтись при помощи багровъ и должны были прибѣгнуть къ весламъ. Теченіе Нила Александры очень быстрое, по меньшей мѣрѣ 6 километровъ въ часъ: лодки лишь съ большимъ трудомъ могутъ плыть вверхъ по рѣкѣ. При устьѣ, открывающемся въ формѣ лимана, онъ имѣетъ 130 метр. ширины, а глубина его измѣняется отъ 25 до 40 метр.; однако, скорость его водъ все еще значительна, и можно прослѣдить на разстояніи нѣсколькихъ верстъ демаркаціонную линію между потокомъ Нила, «темно-желзнаго цвѣта», и голубыми водами озера¹⁾. Туземцы питаютъ чувство благоговѣнія къ своей рѣкѣ, и Спикъ пришлось долго спорить съ перевозчиками, которые хотѣли заставить его снять обувь, садясь въ лодку: они боялись, какъ бы непочтительное поведеніе чужеземца не повело къ катастрофѣ; они не позволяли также Гранту бросать дотъ въ священную воду²⁾. Одно изъ именъ, даваемыхъ прибрежными жителями рѣкѣ, подтверждаетъ гипотезу, по которой эта рѣка должна быть признана за главную вѣтвь Нила: по словамъ Стэнли, они называютъ ее «матерью Каменнаго потока», обозначая этимъ послѣднимъ именемъ истокъ озера, въ землѣ У-Ганда³⁾. Въ сѣверо-западномъ углу озера изливается другая многоводная рѣка, Катонга, берущая начало на западѣ, въ сосѣдствѣ озера Мвуганъ-Нзиге; длина теченія ея не превышаетъ 200 километровъ, но достоверно извѣстно, что по объему жидкой массы она уступаетъ рѣкѣ Тангуре.

«Ніанца» по преимуществу или озеро У-Кереве, принимающее въ себя эти притоки, и откуда вытекаетъ великій Ниль, есть самый обширный озерный бассейнъ африканскаго континента: по предварительной картѣ Стэнли, это озеро по величинѣ поверхности уступаетъ во всемъ свѣтѣ одному только Верхнему озеру британской Америки; Мичиганъ и Гуронъ менѣе обширны на нѣсколько тысячъ квадр. километровъ. Даже Аральское озеро, обыкновенно называемое «моремъ», какъ по причинѣ его

¹⁾ Stanley, „Through the dark continent“.

²⁾ „Journal of the Geographical Society“, 1876;—Speke, „Discovery of the Source of the Nile“.

³⁾ Бауманъ, въ 1893 г., достигъ истоковъ Кагеры.

¹⁾ Fischer, „Hamburger Correspondent“. 21 дек. 1881 г.;—„Proceeding“ of the Geographical Society“, febr. 1884.

большихъ размѣровъ, такъ и за соленость его водъ, не покрываетъ столь значительнаго пространства, какъ Нѣанца.

Площадь главныхъ озеръ земнаго шара:

	Квадр. килом.
Верхнее	83.000
Нѣанца	66.500
Аральское море	65.780
Гуронъ	61.340
Мичиганъ	59.672
Эри.	28.400

И не только по пространству, занимаемому имъ на земной поверхности, но также по глубинѣ своихъ водъ, внутреннее море Африки можетъ сравниться съ главными озерными котловинами материковъ: уже въ непосредственномъ сосѣдствѣ восточнаго берега и въблизи острововъ и островковъ, дотъ досталъ дно лишь на глубинѣ 177 метровъ. Вѣроятно, въ среднихъ частяхъ, вдали отъ всякихъ береговъ, глубина еще значительнѣе и если это такъ, то Нѣанца, по объему жидкой массы, занимаетъ первое мѣсто между прѣсноводными морями. Высота положенія этой громадной водной площади относительно уровня океана была разнo исчисляема изслѣдователями, согласно показаніямъ ихъ инструментовъ: цифра 1.200 метровъ пока принята какъ очень близкая къ истинѣ.

Абсолютная высота озера Нѣанца, по измѣреніямъ разныхъ изслѣдователей:

по Спикку, въ 1858 г. — 1.140 метровъ; по Спикку, въ 1862 г. — 1.008 метровъ; по Стэнли, въ 1875 г. — 1.237 метровъ; по Смитту, въ 1876 г. — 1.138 метровъ; по Пирсону, въ 1879 г. — 1.231 метръ; по Вильсону и Фелькину, въ 1881 г. — 1.293 метра; по Маккею, въ 1883 г. — 1.006 метровъ.

Спикъ, открывшій это внутреннее море Африки, окрестилъ его, поанглійскому обычаю, именемъ своей государыни, назвавъ озеромъ Викторіи или Викторіи-Нѣанца. Каждый народецъ окрестныхъ мѣстностей обозначаетъ его особеннымъ наименованіемъ: у суагеловъ, обитающихъ на берегахъ Индійскаго океана, оно извѣстно подъ названіемъ Бахари, что значитъ «Второе море»; кромѣ того, исторія упоминаетъ много другихъ названій, очевидно, относящихся къ этому озерному бассейну плоскихъ возвышенностей. Название его Кереве происходитъ отъ самаго большаго острова у южныхъ береговъ У-Кереве, который отдѣленъ отъ твердой земли простымъ ровомъ въ нѣсколько метровъ шириной, такъ называемымъ проливомъ Ругеши, почти сплошь заросшимъ папирусамъ и другими водяными растениями. Но, по Вильсону, общераспространенное названіе озера — Нѣанца, т. е. «Внутреннее море» по преимуществу. Къ югу отъ острова У-Кереве находится далеко вдающийся въ сушу заливъ, ко-

торый Стэнли называлъ заливомъ Слика, въ честь своего предшественника по изслѣдованію центральной Африки. Огромные крокодилы населяютъ болотистыя воды, окаймляющія тамъ и самъ окружность залива; тѣ изъ нихъ, которые во множествѣ укрываются въ тростникахъ близъ вѣтви Тангуре, считаются у туземцевъ чѣмъ-то въ родѣ полу-боговъ, олицетворяющихъ собой генія рѣки¹⁾. Нѣкоторые острова составляютъ безспорное владѣніе воинственныхъ бегемотовъ, которые группируются по племенамъ и родамъ и не терпятъ присутствія большихъ животныхъ на ихъ территории. Туземцы устроили особаго рода суда для ловли этихъ чудовищъ: навоса удары судну, массивный звѣрь попадаетъ головой въ дыру, сдѣланную въ деревянной обшивкѣ, чѣмъ и пользуются, чтобы провзвить его коньями; но такая охота всегда сопряжена съ опасностію²⁾.

На огромной окружности, длиною слишкомъ въ 1.200 километровъ, не считая тысячи небольшихъ изсѣченій береговъ, видъ и характеръ мѣстности измѣняется до безконечности. Почти повсюду побережье каменисто, — гнейсъ, гранитъ или базальтъ; но въ то время, какъ во многихъ мѣстахъ береговой поясъ представляетъ ровное и безлѣсное пространство, въ другихъ — у самаго края воды поднимаются высокіе холмы или даже настоящія горы, усыяныя лѣсками и группами деревьевъ, между которыми видѣются селенія.

На пространствѣ отъ рѣки Катонга до Тангуре берегъ большей частью низменный, и рыбаки двигаютъ свои плоты баграми до разстоянія 5 километровъ отъ твердой земли. На югѣ высятся голые утесы, которыми естественные узоры изъ лишаевъ, красныхъ или оранжевыхъ, придаютъ видъ огромныхъ глыбъ желѣза, и многія изъ этихъ скалъ дѣйствительно состоятъ изъ желѣзной руды³⁾. Самые живописные пейзажи развертываются на сѣверо-западѣ бассейна и въ У-Гандѣ, или землѣ Ганда: бухты, разрывавшія берегъ, кажутся раздѣленными на неравныя водныя площади высокими лѣсистыми мысами; вездѣ, куда ни взглянешь, блистаютъ серебристыя воды среди чащей зелени; изъ каждой долины, изъ каждаго оврага выбѣгаетъ ручей, окаймленный высокою травой или кустарникомъ, надъ которыми распростерты вѣтви большихъ деревьевъ. Нѣтъ, вѣроятно, страны въ центральной Африкѣ, которая бы имѣла почву болѣе плодородную и климатъ болѣе ровный, чѣмъ эта земля Ганда: растенія умѣреннаго пояса, введен-

¹⁾ Mackay, „Proceedings of the Geographical Society“, may, 1884.

²⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Soudan“.

³⁾ Mackay, „Proceedings of the Geographical Society“, may 1884.

ния тамъ европейцами, принялись вполне успешно¹⁾.

Напротивъ побережья Ганда, между откры-

тырехсотъ острововъ, самая значительная группа котораго носитъ имя Сессе. Пейзажи этого островнаго міра еще болѣе разнообразны, чѣмъ

Типы и костюмы торговцевъ изъ Короско.

тыми моремъ и береговыми заливами, протянулся непрерывной цѣнью архипелагъ изъ че-

¹⁾ Wilson, „Proceedings of the Geographical Society“, Jan. 1880.

ландшафты береговъ У-Ганда, и растительность тамъ еще богаче: великолѣпныя деревья покрываютъ склоны до самыхъ береговъ, которые обрамлены бордюромъ изъ папирусовъ.

На западѣ базальтовый островъ Букебере, названный Стэнли «островомъ Алисы» (Alice-Island), вздымается свои черноватые стѣны на 100 слишкомъ километровъ надъ поверхностью озера. Изъ всѣхъ островныхъ скалъ, окаймляющихъ берегъ на окружности озера Нѣнца, самая странная та, которую Стэнли назвалъ «островомъ Моста». Эта скала, лежащая недалеко отъ сѣверо-восточнаго угла озера, состоитъ изъ двухъ базальтовыхъ столбовъ, соединенныхъ аркадой, пониженной метра на четыре отъ стрѣлки. Изъ расщелинъ камня выросли деревья: скала исчезла, видны только двѣ группы зелени, обвитыя гирляндами изъ лианъ, которыя ниспадаютъ въ воду, проводя на ея поверхности маленькую борозду; сквозь аркаду, убранную фестонами изъ растений, показывается вдали подернутая фіолетовой дымкой цѣпь береговыхъ горъ.

Суда, плавающія по озеру, иногда группируясь въ значительные флоты, еще болѣе увеличиваютъ красоту пейзажей Нѣнца. Нѣкоторые прибрежные жители имѣютъ парусныя суда, купцы пустили большія лодки, въ родѣ *дхау* занзибарскихъ арабовъ, а европейскіе миссіонеры смастерили шлюпки по англійскому образцу. Но большинство лодокъ — самой примитивной конструкціи: это просто пироги, закругленные въ западной части и заостренные спереди; передняя половина вся высовывается изъ воды и приподнята на манеръ гондолъ высокимъ носомъ, украшеннымъ двумя рогами антилопы и букетомъ изъ перьевъ: издали кажется, что плыветъ какое-то огромное животное, выставившее шею изъ воды и высматривающее себя добычу. Эти лодки, экипажъ которыхъ состоитъ изъ десяти и до сорока-восьми гребцовъ, ходятъ только съ помощью веселъ; на нихъ нѣтъ ни мачты, ни паруса; сложенные кое-какъ изъ дурно отесанныхъ бревенъ, связанныхъ гибкими вѣтками, и законопаченныя корой, смѣшанной съ грязью, онѣ плохо выдерживаютъ напоръ воды, и несчастные случаи съ ними нерѣдки; впрочемъ, гребцы и не пускаются далеко отъ берега. Еще недавно гандскіе флоты боялись подходить близко къ острову У-Вума: вооруженные простымъ ножомъ, островитяне подплывали къ берегамъ, ныряли съ нѣкотораго разстоянія, чтобы добраться до подводной части судна и перерѣзывали ея связи изъ прутьевъ; въ нѣсколько секундъ барка погружалась въ волны, а гребцамъ приходилось бороться со смертью¹⁾. Опасности плаванія на Викторіи обезпечиваютъ божествамъ озера большую почесть со стороны всѣхъ прибрежныхъ жителей. Эти боги, имѣющіе мѣстопребываніе на островахъ, удостоиваютъ вступать въ сношеніе съ смерт-

ными лишь черезъ посредство пословъ, съ которыми можно говорить не иначе, какъ имѣя полныя руки даровъ²⁾. Но уже недалеко то время, когда пароходы лишатъ этихъ озерныхъ боговъ ихъ престижа и заставятъ ихъ снова вступить въ ряды простыхъ смертныхъ. Когда американецъ Шалье-Лонгъ хотѣлъ отправиться въ плаваніе по озеру, король страны У-Ганда приказалъ отрубить головы семи чародѣямъ, которыхъ боготворили и въ то же время проклинали какъ злыхъ геніевъ озера: онъ надѣялся этимъ средствомъ обезпечить благополучное путешествіе своему гостю³⁾. Бури и смерчи составляютъ частое явленіе на озерѣ. Вильсонъ констатировалъ существованіе постоянного теченія, которое ощутительно въ заливѣ Слика и направляется на западъ параллельно побережью. Теченіе это производитъ юго-восточный пассатъ, дующій здѣсь правильно почти круглый годъ.

Излишняя вода внутренняго моря вытекаетъ медленно черезъ широкій заливъ сѣвернаго берега, открывающійся на сѣверѣ отъ острова У-Вума; затѣмъ, постепенно суженная въ рѣку, она ускоряетъ свое теченіе: здѣсь-то и образуется Нилъ. Едва успѣлъ истокъ озера принять видъ рѣки, какъ онъ уже достигаетъ края порога, съ котораго и ниспадаетъ каскадомъ: это — «Каменный потокъ». Группа скалъ, увѣчанная нѣсколькими деревьями, вздымается по серединѣ водопада, имѣющаго около 400 метровъ въ ширину; другія каменные глыбы, менѣе высокія, дѣлятъ потокъ съ правой и съ лѣвой стороны, а ниже опять идутъ подводные камни, разсѣянные въ потокѣ, среди плывущей и кружащейся массы воды; отсюда имя Джинджа или «Каменный», которымъ жители страны «У-Ганда» обозначаютъ водопадъ. Спикъ далъ ему названіе «водопадовъ Рипона», Riponfalls, которое и показано на всѣхъ картахъ. Вертикальная высота водопада 4 метра, и, однако, рыбы, собирающіяся ватагой у основанія низвергающейся водной площади, подпрыгиваютъ сотнями за-разъ, чтобы попасть въ верхній потокъ. Въ небольшомъ разстояніи вверхъ до Джинджи черезъ рѣку, въ томъ мѣстѣ тихую, ходитъ паромъ. Видъ озера въ большей части заслоненъ лѣсистымъ мысомъ; маленькая пальмовая роща на низменномъ полуостровѣ указываетъ раздѣльную линію между водами залива и рѣчнымъ теченіемъ. Далѣе, зеленѣющіе острова кажутся продолженіемъ холмовъ твердой земли.

По Стэнли, Нилъ, называемый здѣсь Кивира, почти на треть значительнѣе, чѣмъ Тангуре, главный притокъ большаго озера. Имѣя въ среднемъ почти полверсты ширины, онъ течетъ сначала на сѣверо-западъ, образуя нѣ-

¹⁾ Ernesti Linant de Bellefonds, «Bulletin de la Société de Géographie du Caire», 1876.

²⁾ Speke, цитированное сочиненіе.

³⁾ «Petermann's Mittheilungen», 1875, № XI.

создать стремнинъ или пороговъ; ниже онъ разливается направо и налево обширными болотами, поросшими тростникомъ, но рѣка сохраняет свою нормальную глубину между стѣнами камышей, и далѣе, за этими болотами, двѣ покатости рѣчной долины развертываютъ передъ взорами путешественника свои лѣса, дуга, боковыя долины и овраги. Верстахъ въ ста отъ своихъ водопадовъ Нилъ впадаетъ въ другое озеро, Гита-Нзиге, которому американецъ Шалье-Лонгъ, открывшій его въ 1875 году, далъ названіе озера Ибрагима. Это—водная площадь не очень обширная въ сравненіи съ прѣсноводными морями, которыми обладаетъ центральная Африка: она занимаетъ пространство около 500 кв. километровъ. Въ этой области Нилъ получаетъ нѣсколько притоковъ, между прочимъ, рѣку Луаджерри, берущую начало въ холмахъ страны У-Ганда, недалеко отъ берега Ниланца, и которую Спикъ считалъ истокомъ этого громаднаго озера. Англійскій изслѣдователь начертилъ на картѣ третій истокъ, Кафу, который, какъ онъ полагалъ, соединяется съ Большимъ Ниломъ, послѣ 200 километровъ теченія. Это было бы необычайное явленіе, если бы рѣки, вытекающія изъ одного и того же озера, впоследствии опять соединились, пройдя черезъ неровныя, пересѣченныя возвышеніями мѣстности, но дѣло въ томъ, что Кафу, какъ и Луаджерри, беретъ начало въ соседствѣ озера, не имѣя съ нимъ никакого соображенія.

Едва вступивъ снова въ узкое русло, по выхodu изъ озера Ибрагимъ, Нилъ опять, говоритъ Шалье-Лонгъ, разливается въ ширь, чтобы образовать огромное болото, имѣющее въ среднемъ не болѣе 3 или 4 метровъ глубины и покрытое растительностью: мѣстами деревьями, мѣстами цѣлыми лѣсами тростника. Это болото, называемое Кюджа или Капекн, открыто итальянцемъ Пиаджия. Въ небольшомъ разстояніи ниже, на западной дугѣ длинной излучины, Нилъ принимаетъ въ себя судоходную рѣку Кафу. Далѣе онъ описываетъ другую дугу къ востоку и къ сѣверу; затѣмъ, круто повернувшись на западъ, сохраняетъ то же направленіе до большаго озера Мвутанъ-Нзиге: въ этой части своего теченія онъ вообще обозначается на англійскихъ картахъ подъ названіемъ Сомерсетъ. Имѣя слишкомъ 400 метровъ средней ширины, рѣка была бы вполне судоходна, если бы покатость ея не была такъ крута: по приблизительнымъ измѣреніямъ, сдѣланнымъ разными путешественниками, общее паденіе Нила на этомъ пространствѣ, длиной около 150 километровъ, равно 695 метрамъ, что составитъ болѣе 4 съ половиной центиметровъ на 1 метръ теченія. Первый водопадъ въ этой части Нила, называемый Карума,—скорѣе стремнина; вода, сжатая между двухъ сіенитовыхъ стѣнъ, скользитъ съ уступа, почти столь же пра-

вильнаго, какъ запруда, сдѣланная рукой человека, и бѣжитъ въ видѣ прыгающихъ площадей: между верхвей и нижней частью стремнины разность уровня около 3 метровъ. Но за этой первой стремвиной слѣдуютъ другія: Тада, Накони, Ассака, Кадія, Ваде, Кетуту; здѣсь и есть главный порогъ, черезъ который переходитъ Нилъ, чтобы спуститься изъ области высокихъ плоскогорій. На пространствѣ 30 километровъ вода вырывается изъ шлюза въ шлюзъ, ударяясь о скалы, наполняя атмосферу брызгами, ниспадающими въ видѣ дождя на деревья, растущія на берегу; даже пироги туземцевъ не могутъ пускаться въ эти стремнины. Дѣйствіе потока, такъ сказать, выпило скалу, понижая постепенно уровень рѣки: стѣна южнаго берега поднимается на 40 или 50 метровъ вертикальной высоты надъ kloчущимися водами!).

Каскадное теченіе Нила заканчивается величественнымъ водопадомъ. На пространствѣ около двадцати километровъ вверхъ отъ этого водопада вода бѣжитъ по плоскости съ такимъ большимъ наклономъ, что одна стремнина смѣняется другой; скатъ рѣки составляетъ по меньшей мѣрѣ 10 метровъ на километръ²⁾. Вдругъ потокъ, сгузившійся до того, что ширина его не превышаетъ 50 метровъ, обрывается съ карниза между двумя черными утесами и падаетъ на глубину 35 метровъ въ бассейнъ кружащихся волнъ, обведенныхъ кольцомъ пѣны; радужный туманъ поднимается съ водопада, какъ столбъ дыма, изгибающійся отъ дуновенія бризы; на высотѣ 100 метровъ надъ постоянно волнующимся потокомъ качаются вѣтра пальмы. Бекеръ, первый европеецъ, посѣтившій этотъ водопадъ, далъ ему названіе «водопадъ Мурчисона», которое можно бы было замѣнить именемъ ближайшей деревни Шоа-Мору. Почти тотчасъ же за нижнимъ водоворотомъ вода успокоивается: рѣка, имѣющая отъ 150 до 250 метровъ ширины, не проявляетъ ни малѣйшаго теченія: скорѣе можно подумать, что это отливъ озера Мвутанъ-Нзиге, чѣмъ продолженіе сейчасъ видѣннаго быстрого потока, бѣгущаго между скалами. Явленіе это объясняется, по мнѣнію Линанъ-де-Бельфона и другихъ путешественниковъ, существованіемъ боковаго истока, который направляется на сѣверо-западъ, чтобы идти на соединеніе съ нижнимъ Ниломъ, не проходя черезъ озеро: этотъ истокъ, будто бы, и есть настоящая рѣка³⁾.

Озеро, открытое Бекеромъ и названное имъ Альбертъ-Ниланца, извѣстно у жителей его восточныхъ береговъ подъ наименованіемъ «Моря

¹⁾ E. Linant de Bellefonds, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1876.

²⁾ C. G. Gordon, „Journal of the Geographical Society“, 1876.

³⁾ Chippendal; — C. G. Gordon, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, nov. 1875; — „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1876.

Саранчи»—Мвутанъ-Нзиге. Другіе туземцы называютъ его «Большой Водой». Однако, размѣры его гораздо меньше размѣровъ Викторіи-Ніанца: оно простирается съ юго-запада на сѣверо-востокъ на протяженіи около 150 километровъ; средняя ширина его превышаетъ 30 километровъ; по приблизительнымъ измѣреніямъ Мезона, оно занимаетъ пространство въ 4.650 кв. километр.; высота его положенія относительно уровня океана 700 метровъ. Слѣдовательно, отъ озера Викторіи-Ніанца до этого нижняго бассейна Нилъ спустился почти на половину покатости континента между плоскими возвышенностями Средней Африки и Средиземнымъ моремъ. Подобно Мертвому морю, озеро Мвутанъ-Нзиге, кажется, наполняетъ дно разсѣлины земной коры; съ правой и съ лѣвой стороны оно обставлено крутыми горами, тогда какъ на обѣихъ оконечностяхъ, сѣверной и южной, оно оканчивается бухтами съ пологимъ скатомъ, окаймленными низменными берегами. Высокіе утесы восточнаго берега, состоящіе изъ гранита, гнейса и краснаго порфира, составляютъ какъ бы первую ступень лѣстницы, поднимающейся къ плоскогорью У-Ніоро и У-Гавда. Рѣки, вытекающія изъ болотъ этихъ возвышенностей, не могли еще вырыть себѣ правильнаго русла черезъ вѣтшія стѣны нагорья, и, такъ же, какъ Нилъ у водопадовъ Мурчисона, всѣ онѣ спускаются водопадами менѣе могучими, чѣмъ водопады великой рѣки, но имѣющими болѣе значительную высоту: высота столбовъ воды, назвергающихся въ темныя ущелья съ высоты карнизовъ скалъ, исчисляется приблизительно въ 300 метровъ.

Ливингстонъ и другіе изслѣдователи центральной Африки считали озеро Танганика принадлежащимъ къ бассейну Нила и полагали, что избытокъ его водъ изливается на сѣверо-востокъ въ озеро Мвутанъ-Нзиге. Но недавнія открытія доказали, что эти два большія озера не имѣютъ между собой сообщенія. Во время своихъ путешествій вокругъ озера Альбертъ-Ніанца, Джесси, потомъ Мезонъ убѣдились, что это озеро не получаетъ въ южной своей части ни одного притока, кромѣ мелководной, лѣнливой рѣчки, заросшей травой; въ этихъ болотистыхъ водахъ оно покрыто пловучимъ или на половину погруженнымъ въ воду лѣсомъ амбачей или амбаджей, деревьевъ изъ семейства бобовыхъ (*herminiera elaphroxylon*), которыя вздымаютъ на высоту 5 или 6 метровъ свои стволы, украшенные листьями въ видѣ звѣздъ и золотисто-желтыми цвѣтками, въ родѣ цвѣтковъ дрока; амбачевое дерево, похожее на пробковое, самое легкое, какое только извѣстно до сихъ поръ: одинъ человѣкъ легко несетъ плотъ изъ этого дерева, могущій сдержать во семь человѣкъ ¹⁾. Даже барки туземцевъ не мо-

гутъ проникать въ эту чашу, среди безконечной сѣти корней, переплетающихся въ тинистомъ днѣ. Съ высоты мачты Джесси могъ видѣть, что за лѣсами простирается обширная саванна, между двумя стѣнами горъ, составляющихъ продолженіе береговыхъ цѣпей. Если не считать южныхъ отмелей, гдѣ вода черноватая и мутная, и нѣсколькихъ пространствъ на восточномъ берегу, гдѣ бьютъ соляные ключи, утилизируемые жителями страны У-Ніоро, Альбертъ-Ніанца, жидкая масса котораго безпрестанно обновляется теченіемъ Нила, содержитъ вообще прѣсную и чистую воду. Теченій въ немъ не замѣтно, кромѣ зыби, поднимаемой вѣтромъ. Плаваніе по этому озеру очень опасно, по причинѣ внезапныхъ переменъ воздушныхъ токовъ при поворотѣ мысовъ и у выхода изъ ущелій. Садясь на свои ненадежныя суда, туземцы каждый разъ бросаютъ въ воду какія-нибудь драгоценныя вещицы въ даръ богамъ «моря»: одинъ начальникъ племени, другъ Бекера, выпросилъ у него бусъ и другихъ стеклянныхъ издѣлій, чтобы принести ихъ въ даръ озеру и тѣмъ сдѣлать послѣднее милостивымъ къ чужеземцу. Но со времени этихъ первыхъ посѣщеній, Мвутанъ-Нзиге, который одно время былъ присоединенъ къ владѣніямъ вице-короля египетскаго, видалъ и другія суда: два парохода объѣхали его во всѣхъ направленіяхъ. Чтобы привести эти пароходы, которымъ порѣги преграждали путь по теченію Нила, пришлось разобрать ихъ и отправить частями волокомъ: 4.800 человѣкъ перенесли на себѣ пароходъ *Хедивъ* до верфи, гдѣ онъ былъ снова собранъ; шестьсотъ негровъ тащили паровикъ черезъ болото, устарикъ и скалы. Откосы восточнаго берега гораздо выше, чѣмъ откосы западнаго; плывя вдоль послѣдняго, легко видишь другую сторону озера, тогда какъ изъ восточныхъ областей озеро кажется безбрежнымъ моремъ ¹⁾.

Относительно Нила, такъ же, какъ относительно всѣхъ другихъ рѣкъ, впадающихъ въ озеро и затѣмъ опять выходящихъ изъ него, говорятъ, что будто онъ проходитъ черезъ озеро Альбертъ-Ніанца, не смѣшиваясь съ окружающими водами. Но это невѣрно; смотря по разности температуръ въ двухъ жидкихъ массахъ, рѣчная вода, болѣе теплая, разливается тонкимъ слоемъ по поверхности озера, и вѣтры производятъ смѣшеніе, или же, болѣе холодная, она опускается въ глубины озерной котловины, чтобы занять мѣсто поднимающихся сверху болѣе легкихъ водъ. Хотя выходной заливъ находится всего только въ разстояніи двадцати километровъ отъ входнаго залива, однако Нилъ, убѣгающій въ сѣверномъ направленіи, не тотъ потокъ, который образовалъ-

¹⁾ "Petermann's Mittheilungen", 1860, № 11;—Schweinfurth, тотъ же сборникъ 1888, № 1.

¹⁾ Mason, "Bulletin de la Société de Géographie du Caire", № 5, 1878.

водопад Мурчисона: этот поток потерялся въ «Большой Водѣ»; другая рѣка есть излишекъ воды громаднаго резервуара. Между двумя рѣчными воронками глубина незначительна, и водное пространство передъ берегомъ усѣяно цѣлымъ архипелагомъ островковъ и песчаныхъ мелей.

По выходѣ изъ озера Альбертъ-Ніанца, Нилъ, называемый также, въ этой части своего теченія, Киръ, Мери и Бахръ-эль-Джебелъ, или «Горная рѣка», и многими другими именами, смотря по нарѣчіямъ прибрежныхъ племенъ, течетъ въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіи. Рѣка идетъ тихимъ ходомъ и, имѣя въ ширину отъ 500 до 2.000 метровъ, извиливается длинными излучинами между двумя зелѣющими берегами. Въ серединѣ фарватера вода глубока, отъ 5 до 12 метровъ, и большія суда могли бы во всякое время года совершать плаваніе между береговыми пристанями до разстоянія 200 километр. внизъ отъ озера. Вдоль береговъ разбѣяны лѣсистыя острова и островки, возвышающіеся изъ воды словно рошцы папирусовъ: часто, особенно въ началѣ разлива, можно видѣть пловучіе острова, спускающіеся внизъ по теченію. Первоначальные матеріалы этихъ острововъ состоятъ изъ полосъ листьевъ и тростника, которыя задерживаются на чащахъ высокихъ водяныхъ травъ, крѣпко натягиваясь подъ напоромъ воды, какъ якорные канаты. Эти остатки растеній разлагаются и образуютъ первый слой пловучаго чернозема, который вскорѣ покрывается растительностью; корешки и корни переплетаются и въ концѣ концовъ сообщаютъ растительному коврику нѣкоторую прочность; въ теченіе пяти, шести лѣтъ флора обновляется въ этихъ пловучихъ садахъ, затѣмъ сплетеніе мочекъ разлагается, въ свою очередь, земли раздѣляются и спускаются внизъ по рѣкѣ веревочными кружками, вращаясь на водѣ¹⁾. Но часто случается, что растительные обломки скопляются въ достаточно большомъ количествѣ для того, чтобы пловучія массы укоренились тамъ и сямъ на днѣ рѣчнаго ложа, и въ бассейнѣ Нила иногда видѣли рѣки, совершенно покрытыя этими подвижными и эластичными мостками, по которымъ рѣшаются переходить даже караваны. Въ слѣдствіе быстрого образованія такихъ травяныхъ острововъ, Нилъ нерѣдко оказывался запруженнымъ въ этой части своего теченія и принужденъ былъ вырывать себѣ новыя русла. Въ равнинахъ, простирающихся на западъ отъ нынѣшняго Нила, видны во многихъ мѣстахъ остатки прежнихъ теченій, «ложныхъ рѣкъ», бывшихъ нѣкогда Ниломъ. Невысокая горная цѣпь, ограничивающая эту равнину на западѣ и составляющая водораздѣлъ между бассейномъ Нила и бассейномъ Конго, могла бы быть обозначена именемъ

«цѣпи изслѣдователей»: вершины, слѣдующія одна за другой съ юга на сѣверъ, получили, въ честь извѣстныхъ путешественниковъ, названія: Швейнфуртъ, Юнкеръ, Чиппендалъ, Спикъ, Эминъ-бей, Бекеръ, Гордонъ и Джесси.

Большая дуга, которую Нилъ описываетъ внизъ отъ поста Дуфиле, на высотѣ около 600 метровъ, отмѣчаетъ мѣсто очень важное въ гидрографіи бассейна. Нѣсколько многоводныхъ рѣкъ соединяются здѣсь съ главнымъ потокомъ, между прочимъ, Асуа или Аша; нѣкоторые географы представляютъ эту рѣку выходящей изъ озера Мбаринго или Баринго (Бахръ-Инго), которое Спикъ считалъ прежде сѣверо-восточнымъ заливомъ Викторіи-Ніанца, и самое существованіе котораго впоследствии стали оспаривать послѣ того, какъ Баринго было признано отдѣльнымъ бассейномъ. Быть-можетъ, это имя Бахръ или «Море» есть не что иное, какъ невольный каламбуръ, происходящій отъ наименованія племени Ба-Ринго или «народъ леопарда», названный такъ потому, что они на войнѣ носятъ леопардовы шкуры¹⁾. Путешественникъ Томсонъ, недавно посѣтившій эти страны, но рассказы котораго еще не изданы въ свѣтъ, безъ сомнѣнія, разрѣшилъ этотъ спорный «вопросъ» о Баринго. Какъ бы то ни было, можно, кажется, считать вѣроятнымъ предположеніе, что рѣка Асуа не выходитъ изъ озера, а спускается изъ гористой области, на востокъ отъ Нила-Сомерсетъ. Что касается истока озера Мбаринго, то онъ, по видимому, изливается непосредственно въ озеро Ніанца; это, вѣроятно, рѣка Ягама, впадающая въ сѣверо-западный заливъ большаго озера. Въ мѣстѣ ихъ соединенія эти двѣ рѣки, Нилъ и Асуа, обставлены справа и слѣва горами, загромождены скалами и подводными камнями, затрудняющими судоходство; выше слиянія, наклонная плоскость, по которой теченіе Нила скользитъ пѣнящимися скатертями, какъ по откосу насыпи, совершенно непроходима²⁾: это порогъ Фола, названный Вильсономъ «восьмымъ» водопадомъ. Всѣ суда на верхнемъ Нилѣ должны останавливаться ниже этого водопада и перегружать свои товары: эта вынужденная задержка судоходства и была одной изъ причинъ, заставившихъ покинуть путь Нила выше пороговъ. Начиная отъ большаго изгиба, образуемаго Ниломъ у Дуфиле, караваны, направляющіеся къ берегамъ Викторіи-Ніанца, продолжаютъ свой путь на юго-востокъ и достигаютъ Нила-Сомерсетъ у Фовейры или Фауэйры, выше Карумскихъ пороговъ. Эта дорога по прямой линіи, служившая также военнымъ путемъ новѣйшимъ египетскимъ завоевателямъ, вдвое короче извилистой дороги по рѣчной долині.

¹⁾ Mackay, «Afrique explorée et civilisée», mai 1884.

²⁾ Gordon, «Journal of the R. Geographical Society», 1876.

¹⁾ Reimold Gessl, «Esploratore», 1877.

Ниже слиянія съ Асуа Нилъ еще кое-гдѣ усаженъ скалами и камнями, затрудняющими проходъ: въ Иербора, частные потоки пробираются между каменными глыбами; въ Македо они образуютъ два водопада, имѣющіе около двухъ метровъ высоты по отвѣсу, затѣмъ низвергаются еще стремнинами въ Теремо-Гарбо и въ Дженколи-Гарбо ¹⁾; но пороги эти вездѣ бываютъ переходимы въ періодъ разливовъ. До этого мѣста добрался Арно во время своей памятной экспедиціи, въ 1841 году. Пароходы свободно поднимаются въ теченіе девяти мѣсяцевъ въ году до Рагата и до излучины Бедень, ниже этихъ водопадовъ, образующихъ «седьмой водопадъ»; въ мелководье они могутъ ходить только до знаменитаго поста Измаилія, или Гондокоро, который долго былъ главнымъ городомъ верхнихъ провинцій египетскаго Судана. Песчаный (хотя по виду вулканическій) холмъ Реджафъ, который вздымается на 100 слишкомъ метровъ надъ уровнемъ окружающей мѣстности свою коническую массу, совершенно правильную и оканчивающуюся на вершинѣ скалой въ формѣ богани, служить какъ-бы пограничнымъ столбомъ, указывающимъ издали судовщикамъ предѣлъ большого судоходства. Эта горка извѣстна у туземцевъ племени бари подъ именемъ Логвекъ или «Дрожащая», потому что почва часто колеблется въ этой мѣстности; по Фелькину, площадь сотрясенія, начинающаяся въ Реджафѣ, простирается далеко на юго-западъ и обнимаетъ всю страну большихъ озеръ ²⁾.

Въ начальномъ пунктѣ навигаціи по среднему теченію, въ Реджафѣ или Гондокоро, нормальное количество протекающей въ рѣкѣ воды, вычисленное Ломбардини, на основаніи исчисленій Довіака и Пене, составляетъ отъ 550 до 560 кубич. метровъ въ секунду; воды, регулируемыя большими озерными резервуарами Викторія-Ніанца и Альбертъ-Ніанца, измѣняютъ свой объемъ отъ 300 (въ періодъ мелководья) до 900 (въ періодъ разлива) кубич. метровъ въ секунду ³⁾. Потокъ дождевыхъ водъ, соединяющійся въ одно общее теченіе у Гондокоро и у Ладдо или Лардо, новой столицы экваторіальной провинціи, представляетъ внутреннее зрѣлище; но, протекая по равнинѣ съ очень малымъ скатомъ, онъ развѣтвляется на многочисленныя побочныя рѣки: справа и слева Бахръ-эль-Джебеля и Кира — какъ называютъ туземцы племени денка эту часть Нила — извиляются другіе второстепенные потоки, перемежающіеся съ болотами. Наконецъ, главная рѣка совершенно раздвояется: въ то время,

какъ собственно Нилъ сохраняетъ сначала свое направленіе къ сѣверо-западу, другой рукавъ, Бахръ-эль-Зарафъ, или «Рѣка жирафовъ», течетъ на сѣверъ, чтобы опять соединиться съ главной рѣкой послѣ блуждающаго теченія на пространствѣ около 300 километровъ черезъ саванны и болота: это не рѣка, говоритъ Марно а только *хоръ*, или боковая вѣтвь, плаваніе по которой къ тому же съ каждымъ годомъ становится все труднѣе; суда могутъ пускаться по «Жирафовой рѣкѣ» лишь въ періодъ высокихъ разливовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже только нѣсколькихъ недѣль ¹⁾. Очевидно, все низменное пространство, гдѣ извиваются Бахръ-эль-Джебелъ, Бахръ-эль-Зарафъ, ихъ безчисленные истоки и рѣки, впадающія въ нихъ, было нѣкогда обширнымъ озеромъ, которое рѣчные наносы постепенно наполнили; нѣсколько каменистыхъ острововъ, покоящихся на цоколѣ изъ окрѣпшихъ земель, съ хорошо огражденными берегами, возвышаются среди этихъ равнинъ, находящихся еще въ періодъ образованія. Мѣсто, гдѣ начинается сѣверный высокій берегъ этого бывшаго внутренняго моря, указано крутой переменной теченія Нила при слияніи его съ Бахръ-эль-Газаль или «Рѣкой газелей». У этого поворота, называемаго «ярмо рѣкы», вся система водъ, главная рѣка и побочные потоки, должна изгибаться къ востоку, чтобы продолжать свое теченіе вдоль возвышенныхъ равнинъ Кордофана. Остатокъ озера, называемый Но, Ну или Биркетъ-эль-Газаль, наполняетъ еще одну впадину бывшей котловины; но отъ дѣйствія теченій, разливовъ, наносовъ, эта водная площадь, болотистая на берегахъ, безпрестанно мѣняетъ свою форму; она перемежается, дѣлится на части, снова соединяется въ одно цѣлое, чтобы затѣмъ опять дробиться на отдѣльные водовмѣстилища. На всѣхъ оригинальныхъ картахъ контуры ея показаны различно; теперь она, кажется, уменьшается вслѣдствіе постоянного отложенія землястыхъ частицъ, приносимыхъ главной рѣкой и второстепенными потоками; въ 1840 году, когда Арно составилъ ея карту, это былъ весьма значительный бассейнъ.

«Ярмо рѣкы» есть та часть Нила, гдѣ растительные обломки всего чаще преграждаютъ проходъ: пловучіе острова, приносимые потоками и боковыми рукавами, останавливаются на крутыхъ поворотахъ и образуютъ во всю ширину рѣки, отъ одного берега до другаго, подвижной плотъ; встрѣтивъ препятствіе, рѣка бросается въ сторону, но другія *седды*, или скопленія травы, задерживаемыя чащами амбачеваго дерева, заграждаютъ новое русло; во многихъ мѣстахъ эти естественныя запруды

¹⁾ Alf Peney, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1863.

²⁾ „Essai sur l'Hydrologie du Nil“

³⁾ Marne, „Petermann's Mittheilungen“, 1873, № 4; — „Reisen im Egyptischen Sudan“.

¹⁾ „Société de Géographie du Paris“, Séances du 3 déc. 1880 et du 28 juin 1884.

или плотины из травы, тростника и вѣтвей тянутся версты на двадцать въ ширину. Новообразующаяся земля, слой обломковъ, мало-помалу скрѣпляется, покрывается папирусами, даже древесной растительностью, и цѣлые лѣса растутъ надъ скрытой рѣкой, которая продолжаетъ медленно свое теченіе въ глубинахъ. Многочисленные семьи племени нуэровъ располагаютъ свои становища на ковчѣ изъ плывучей травы, питаются единственно рыбой, которую они ловятъ, пробивая насквозь почву, и сѣменами различныхъ видовъ кувшинковыхъ ¹⁾. На высокихъ берегахъ рѣки и болотъ видѣются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мірады земляныхъ горокъ, воздвигнутыхъ термитами и настолько высокихъ, что верхняя ихъ часть всегда остается выше уровня наводнений. Смотри по высотѣ разливовъ, муравьи поднимаются или спускаются изъ этажа въ этажъ въ своихъ жилищахъ ²⁾. Одинъ изъ интереснѣйшихъ обитателей этихъ затопляемыхъ пространствъ — птица, называемая арабами «отцомъ башмака», по причинѣ формы ея клюва: это *belaniceps* *rex* натуралистовъ. Когда примѣтнѣе издали, на верхушкѣ муравейника, это странное животное на длинныхъ ногахъ, въ сѣроватомъ опереніи, съ огромной головой, долго остаешься въ недоумѣніи, что это за существо — птица или рыба-нуэръ, вымазавшій себѣ тѣло золой ³⁾.

Извѣстно, что эти естественныя запруды Нила часто преграждали путь изслѣдователямъ, начиная съ той эпохи, когда развѣдчики, посланные Нерономъ на поиски истоковъ великой африканской рѣки, должны были остановиться передъ моремъ травы. Большинство путешественниковъ, плывшихъ по Верхнему Нилу въ послѣднюю половину настоящаго столѣтія, должны были силой открывать себѣ проходъ черезъ переплетающуюся траву; одинъ изъ побочныхъ потоковъ, гдѣ прошелъ пароходъ дѣлщины Тинне, сохранилъ въ память ея, имя Майя Синьора. Въ теченіе семи лѣтъ, съ 1870 по 1877 годъ, рѣка была совершенно запружена, и всѣ плававшіе по ней принуждены были пытаться проходъ черезъ Бахръ-эль-Зарафъ ⁴⁾. Многимъ изъ нихъ пришлось провести цѣлыя недѣли или даже мѣсяцы на этихъ распространяющихся сразу водахъ, съ которыхъ поднимаются несмѣтные тучи москитовъ. Въ этихъ обширныхъ камышахъ Джесси очутился, въ 1880 году, запертымъ со всѣхъ сторонъ, точно въ блокадѣ, съ пистюлами солдатъ и множествомъ освобожденныхъ невольниковъ; пароходъ его и другія суда не могли пробить себѣ дорогу ни назадъ, ни впередъ; три безконечныхъ мѣсяца прошло, прежде чѣмъ прибывшая на

помощь египетская флотилія, подѣ начальствомъ австрійца Марно, успѣла вновь открыть рѣку, работая снизу надъ разрушеніемъ преграды. Пожираемые наѣдомыми и лихорадкой, не имѣя другой пищи, кромѣ травы и мяса несчастныхъ товарищей, падавшихъ жертвой голода и болѣзней, большинство узниковъ нашли могилу среди этихъ страшныхъ болотъ; да и тѣ, которые избѣгли смерти, умерли почти всѣ отъ истощенія нѣсколько времени спустя; самъ Джесси пережилъ только нѣсколькими мѣсяцами свое плѣненіе въ травахъ Нила. Болотамъ же слѣдуетъ приписать происхожденіе тѣхъ «зеленыхъ водъ», которыя появляются въ Каврѣ въ первой половинѣ іюня и иногда продолжаютъ до двадцати или даже тридцати дней. Вода рѣки, наполненная растительными клѣточками, принимаетъ тогда болотный вкусъ и дѣлается нездоровой, такъ что прибрежные жители въ это время не пьютъ ее и довольствуются водой, запасенной до наступленія періода прохода муты и тины. Первые разливы потоковъ Эѳіопіи потопляютъ всѣ эти растительныя частицы или отбрасываютъ ихъ въ каналы, возвращая такимъ образомъ нильской водѣ ея столь прославленные качества ¹⁾.

«Рѣка Газелей», соединяющаяся съ главнымъ потокомъ въ бассейнѣ озера Но, есть «бахръ», то-есть значительная рѣка, «море», текущее перпендикулярно Верхнему Нилу, въ направленіи отъ запада къ востоку, то-есть въ томъ же направленіи, какое имѣютъ соединенныя воды ниже слиянія. Бахръ-эль-Газаль приноситъ потокъ разлива, разрушающій временныя бары и расчищающій проходы: онъ, такъ сказать, сметаетъ преграды, образуемыя Ниломъ. Въ этомъ общемъ теченіи Бахръ-эль-Газаль соединились сотни другихъ рѣкъ, составляющихъ поразительный контрастъ своей многочисленностью и многоводностью съ бѣдностью или полнымъ недостаткомъ текущихъ водъ, какой представляетъ далѣе на сѣверѣ гидрографическій бассейнъ великой рѣки. Въ цѣломъ развѣтвленіе притоковъ Нила распределяется весьма неравномѣрно, дѣлая, такъ сказать, видимой противоположность климатовъ. Въ области истоковъ, на плоскогорьяхъ, озера Викторіи-Ніанца и Ниль Сомерсетъ получаютъ притоки съ востока и съ запада; дожди выпадаютъ во всей этой области въ количествахъ настолько значительныхъ, что заставляютъ рѣки и рѣчки со всѣхъ сторонъ сходить, какъ къ общему центру, къ озерному резервуару. Но на сѣверѣ озера Альбертъ-Ніанца группы притоковъ расположены попеременно то на одномъ, то на другомъ берегу Нила. Въ той части рѣчного теченія, которая оканчивается болотами озера Но, притоки приходятъ съ запада; сѣвер-

¹⁾ Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

²⁾ Samuel Baker, „Alber Nyanza“.

³⁾ Marno; — Schweinfurth, „Au coeur de l'Afrique“.

⁴⁾ Marno, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Schnepf, „Bulletin de l'Institut égyptien“, 1861-1862; — Lombardini, цитированное сочиненіе.

нѣе, они спускаются съ эіопскихъ горъ, лежащихъ на востокъ отъ рѣки: далѣе, на пространствѣ 2.500 километровъ, Нилъ не получаетъ болѣе ни одного притока ни съ правой, ни съ лѣвой стороны; овраги, впадающіе въ его долину, даютъ во время рѣдкихъ ливней лишь временные ручьи, скоро пересыхающіе. Великая рѣка жаркаго пояса походитъ на обгорѣлое дерево, сохранившее лишь два пучка вѣтвей. Единственный между большими потоками земной поверхности, Нилъ является въ наибольшей части своего протяженія рѣкой безъ бассейна, дающаго притоки. На западномъ его берегу нужно подняться вверхъ по рѣкѣ на 3.700 километровъ отъ устья, прежде чѣмъ встрѣишь притокъ, существующій дольше періода проливныхъ дождей; но начиная съ этого пункта контрастъ полный и внезапный: вслѣдствіе перемѣны климата, отражающейся на почвѣ, полоса равнинъ и безплодныхъ скалъ вдругъ смѣняется областью, гдѣ воды текутъ въ изобиліи.

Вся страна треугольной формы, заключающаяся между теченіемъ Вахрѣ-эль-Джебелъ, водораздѣльной линіей между Ниломъ и Конго и возвышенностями области Форъ, перерѣзана рѣками, которыя почти всѣ сходятся въ направленіи бывшаго озера, засыпаннаго остатками растений. Вмѣстѣ со своими притоками и подпритоками, эти рѣки образуютъ обширный лабиринтъ, въ которомъ изслѣдователямъ очень трудно ориентироваться, особенно по причинамъ множества названій, такъ какъ каждый потокъ имѣетъ, какъ и самъ Нилъ, столько наименованій, сколько есть разныхъ племенъ въ его долину или въ сосѣдствѣ. Назовемъ здѣсь лишь главные изъ этихъ притоковъ: Іей, теряющійся въ прибрежныхъ болотахъ Нила; Роль, впадающій въ Вахрѣ-эль-Газаль; Роя, соединяющійся съ Тонджей, чтобы образовать рѣку Анабу; Диуръ, сливающійся съ Вахрѣ-эль-Газалемъ; близъ Мешра-эль-Рекъ (то-есть «Рекскій Амбаркадеръ») и дающій «Рѣкѣ Газелей» больше воды, чѣмъ всѣ другіе притоки; Панго, притокъ Диура; наконецъ Фаникамъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Вахрѣ-эль-Арабъ, «Рѣка арабовъ»: эта рѣка, ограничивающая на сѣверѣ всю область истечения и продолжающаяся Вахрѣ-эль-Газалемъ, увлекаетъ Нилъ въ восточномъ направленіи. Общій скатъ большинства этихъ рѣкъ весьма незначителенъ; самыя быстрыя изъ нихъ берутъ начало въ горахъ, сосѣднихъ съ озеромъ Мвутанъ-Нзиге; но есть между ними такіа, теченіе которыхъ, отъ начальной до конечной его точки, находится въ области равнинъ, такъ что, переходя ихъ истоки и вступая въ бассейнъ Конго, не замѣчаешь промежуточнаго порога. Въ нижней части своего теченія Роль, Диуръ и другіе притоки Нила, не будучи въ состояніи изливаться довольно скоро въ главную рѣку, запруженную травой, вы-

ступаютъ, подобно Нилу, изъ береговъ, и въ періодъ наводненія вся страна, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадр. километровъ, превращается въ одно непроходимое болото. Большая доля атмосферной воды, выпадающей въ этой области нильскаго бассейна, испаряется, не достигая теченія рѣки; въ одной этой части рѣчнаго бассейна годовые дожди представляютъ массу воды, болѣе значительную, чѣмъ сколько катитъ Нилъ передъ Каиромъ.

У поворота, который дѣлаетъ Нилъ ниже области камышей и травъ, чтобы снова принять свое нормальное направленіе къ сѣверу, онъ принимаетъ въ себя съ восточной стороны притокъ Собатъ, обозначаемый тоже множествомъ различныхъ наименованій. Приводимъ здѣсь названія Верхняго Нила и его притоковъ:

Нилъ: Кивира, Сомерсетъ (между двумя большими озерами); Мери, у племени мади; Карре, у племени бари; Киръ, у племени денка; Іеръ, у нуэровъ; Вахрѣ-эль-Джебелъ, у арабовъ между озерами Мвутанъ-Нзиге и Но; Вахрѣ-эль-Абіадъ, внизъ отъ Собата.

Іей: Айи, Догургуру, Джемидъ, Роди, Вахрѣ-Лау.

Роль: Намъ-Роль, Феріаль, Велли, Іабо, Намъ-Гель.

Роа: Меридди, Вахрѣ-Джау.

Тонджъ: Лесси, Доггору, Куанъ.

Диуръ: Горе, Ньенамъ, Вахрѣ-Вау, Угуль, Реляба.

Панго: Джи, Диши, Онгакеаръ, Вахрѣ-эль-Хомръ.

Фаникамъ или Вахрѣ-эль-Арабъ: Ліалуи, Лоль, Лолло, Комкомъ.

Собатъ: Вахрѣ-эль-Мокате арабовъ; Вайкъ, Тельфіу, Вахъ или Тахъ, у шиллуковъ; Пиньявъ или Тильфи, у нуэровъ; Біель, Кіети, Киди или Кирадидъ, у племени денка.

Рѣка Собатъ, бассейнъ которой очень обширенъ, и которую Руссегеръ считалъ истиннымъ Ниломъ, есть первый притокъ, получающій часть своей жидкой массы съ эіопскихъ горъ; въ самомъ дѣлѣ, этотъ притокъ часто катитъ большее количество воды, чѣмъ Вахрѣ-эль-Джебелъ; когда онъ въ полномъ разливѣ, воды главной рѣки останавливаются передъ его теченіемъ и отливаютъ назадъ, вмѣстѣ съ принесенными ими массами травы ¹⁾. Если судить по цвѣту его бѣловатаго потока, въ которомъ теряется темная вода Нила, Собатъ имѣетъ болѣе правъ на названіе Вахрѣ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка» ²⁾. Нѣкоторые притоки Собата зарождаются въ низменностяхъ, простирающихся на востокъ отъ Нила; но самый важный изъ нихъ беретъ начало гораздо восточнѣе, въ высокихъ долинахъ горъ Геша, обра-

¹⁾ Sammel Baker, „Ismailia“.

²⁾ Russegger;—Hansal;—Beke, „Sources of the Nile“.

зующих водораздѣльную возвышенность между покатоками Средиземнаго моря и Индійскаго океана. Эта рѣка Баро, означаемая, кромѣ того, какъ и всѣ другія рѣки бассейна, десяткомъ различныхъ наименованій, проходить, привступленіи въ равнину, черезъ болотистое озеро Бехайръ (по-арабски), которое голландецъ Шуверъ, въ память своей родины, называлъ «Гарлемскимъ моремъ». Баро приноситъ Собату, въ періодъ дождей, большое количество воды. Въ 120 километрахъ отъ слиянія съ Ниломъ путешественникъ Пруйсенере измѣрялъ протокъ этой рѣки 15 іюня 1862 года: она катила тогда слишкомъ 1.200 кубич. метровъ воды въ секунду. Поэтому въ эпоху разливовъ

веществъ мутны, бѣловаты; воды Голубой Рѣки, спускающіяся изъ каменистой страны, вообще болѣе чисты и прозрачны. Но главный контрастъ между двумя потоками-соперниками происходитъ отъ разности ихъ стока или количества протекающей воды, смотря по времени года. Западный Нилъ—самый значительный по длинѣ теченія, такъ какъ отъ Хартума до его истока, еще не найденнаго, разстояніе больше, чѣмъ отъ того же города до Средиземнаго моря—отличается въ то же время большей правильностью содержанія: его жидкая масса, регулируемая большими озерами и болотами, окружающими озеро Но, сохраняетъ большую равномерность въ продолженіе цѣлаго

Нилъ у Хартума.

судоходство можетъ производиться безпрепятственно во всей нижней части Собата; но если пловцы не удалятся въ-время, то они сильно рискуютъ застрять на песчаной мели, какъ это случилось съ купцомъ Андреа Дебоно, который, въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, былъ плѣнникомъ рѣки.

Ниже впаденія Собата Нилъ принимаетъ, наконецъ, въ обыкновенной рѣчн, то арабское названіе Бахръ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка», которымъ онъ вообще обозначается европейцами вверху отъ Хартума, гдѣ другой Нилъ, Бахръ-эль-Азракъ, «Голубая Рѣка», приходитъ ему на встрѣчу. Эти два потока, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко различаются цвѣтомъ своихъ водъ: воды Бѣлой Рѣки отъ примѣси органическихъ

года: уровень ея не такъ низокъ въ періодъ мелководія и не такъ высокъ въ эпоху разливовъ, какъ въ восточномъ. Порывистый Бахръ-эль-Азракъ обнаруживаетъ свойства горныхъ ручьевъ; едва только большіе ливни выпадутъ на плоскогорьяхъ Эѳіопіи, какъ уже волны наводненія бурнымъ потокомъ несутся по рѣчному ложу; тогда стокъ Голубой Рѣки превышаетъ стокъ Бѣлой, и, заключая по этой импонирующей массѣ воды, путешественники долгое время, по примѣру Брюса, ставили на первое мѣсто Нилъ восточный. Но со времени открытій Спика, Гранта и Бекера на эту рѣку нельзя смотрѣть иначе, какъ на простой притокъ Бахръ-эль-Абіада; среднее количество несомой ею воды менѣе значительно, и барки не могутъ

плавать по ней въ мелководье. Какъ было сказано, Бѣлый Нилъ поддерживаетъ теченіе рѣки до самаго моря, но Голубой Нилъ приноситъ благотворное наводненіе: безъ перваго потока не было бы Египта; безъ втораго эта страна не имѣла бы того баснословнаго плодородія, какимъ она прославилась со временъ глубокой древности ¹⁾. Рѣки Эіопія не только изливаютъ въ равнины нильской дельты плодотворную воду, онѣ приносятъ ей также землю, постоянно обновляющую почву, обезпечивая навсегда непрерывную смѣну жатвъ. Это въ эіопскихъ горахъ нужно искать объясненія тайны египетской рѣки, которая каждый годъ переполняется и выступаетъ изъ береговъ, затѣмъ снова входитъ въ свое русло, совершивъ дѣло оплодотворенія земли. Нельзя не пожалѣть, что количество протекающей воды не было измѣрено правильнымъ образомъ въ обоихъ Нилахъ; Хартумскій нилометръ служить лишь для вычисления стока Голубаго Нила ²⁾.

Бахръ-эль-Абіадъ: Половодье — 5.005 куб. метр. (Ливанъ); мелководье — 277 куб. метр. (Ливанъ).

Бахръ-эль-Азрекъ: Полноводье — 6.104 куб. метр. (Ливанъ); мелководье — 150 куб. метр.

При слияніи двухъ Ниловъ мы находимся уже въ странѣ, извѣстной съиздревле. Бахръ-эль-Азрекъ — это *Asturus* Птолемея; возможно даже, что римляне знали мѣсто происхожденія этой рѣки, ибо они изображаютъ ее на картахъ вытекающею изъ озера *Soloe Pagus*, но помѣщая это озеро на 12 градусовъ къ югу отъ настоящаго его положенія. Тана или Цана разсматривается какъ тотъ озерный резервуаръ, откуда вытекаетъ Абай, хотя рѣка Бешто, берущая начало въ 250 километрахъ восточнѣе, должна бы быть признана за главную вѣтвь, если бы принимать во вниманіе только длину теченія ³⁾. Истокъ Таны имѣетъ то преимущество, что онъ гораздо болѣе постояненъ въ своемъ содержаніи, благодаря озеру, которое регулируетъ расходъ водъ, поднимаясь медленно въ сезонъ разлива, понижаясь также съ нечувствительной постепенностью въ періодъ засухи: годовая разность между крайними уровнями озера не превышаетъ одного метра. Абай, самая многоводная изъ рѣкъ, изливающихъ въ этотъ бассейнъ, беретъ начало въ Гишъ-Абаѣ, близъ сѣверо-восточнаго основанія цѣпи Денгуйя ⁴⁾, въ сотнѣ километровъ отъ озера. Нѣтъ сомнѣнія, что португальцы, поселившіеся колоніей въ этой области въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, посѣтили истоки Абая; но первое описаніе этихъ исто-

ковъ было дано іезуитомъ Педро Паэцъ. По его словамъ, воды этой рѣки, просачиваясь изъ болотистаго дуга, образуютъ маленькое прозрачное озеро, которое туземцы называютъ «бездоннымъ», потому что не могутъ достать его дна своими копьями. Изъ озера выходитъ ручей, теченіе котораго можно примѣтить лишь по колеблющемуся подъ ногами травяному ковру прикрывающей его трясинѣ; затѣмъ, въ 2 километрахъ ниже, вода появляется на поверхности: это и есть рѣка, которую португальцы и Брюсъ называли Ниломъ ¹⁾. Воспламеняющіяся испаренія газовъ, безъ сомнѣнія, блуждающіе огоньки, видимые надъ истоками Абая, сдѣлали этотъ потокъ предметомъ поклоненія у окрестныхъ туземцевъ, которые и теперь еще приносятъ животныхъ въ жертву геніямъ рѣки ²⁾. Имѣя около 10 метровъ въ ширину, Абай изливается въ юго-западный заливъ озера Тана; воды его, часто мутныя, отложили въ озерномъ бассейнѣ длинный аллювиальный полуостровъ, дельту, изрѣзанную блуждающими устьями. Но потокъ, выходящій изъ озера, и который также называютъ Абаемъ — чисто голубаго цвѣта и вполне заслуживаетъ данное ему арабами названіе Бахръ-эль-Азрекъ или Азракъ, то-есть «Голубая Рѣка». Такъ же, какъ относительно всѣхъ другихъ озерныхъ бассейновъ, гдѣ главный притокъ носить то же названіе, какъ и истокъ, туземцы и путешественники наперерывъ другъ передъ другомъ повторяютъ, что Абай или Голубой Нилъ проходитъ черезъ озеро Тана, не смѣшиваясь съ окружающими водами. Но это, очевидно, дѣло невозможное: въ силу различія температуръ, вода Верхняго Абая должна разливаться далеко по поверхности озера или погружаться въ глубины; но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ чувствительное теченіе, направляющееся отъ входнаго устья къ выходному, и это теченіе, образуемое водами самого озера, часто отличается издали отсвѣчиваніемъ поверхности ³⁾.

Озеро Тана не можетъ быть сравниваемо по пространству съ большими озерами Средней Африки: по измѣреніямъ Штеккера, площадь его 2.980 квадр. километровъ (по картѣ Антуана д'Аббади, 3.940 квадр. килом.), слѣдовательно, менѣе одной двадцатой площади озера Ньянца; прежде оно имѣло болѣе значительные размѣры, какъ о томъ свидѣлствуютъ, преимущественно на сѣверѣ, нѣсколько аллювиальныхъ равнинъ. Общая форма его напоминаетъ кратеръ вулкана, за исключеніемъ южной части, гдѣ оно продолжается, въ видѣ залива, къ выходному лиману. Многіе писатели высказали

¹⁾ Samuel Baker, „The Nile tributaries of Abyssinia“; — Winwood Reade, „Martyrdom of Man“.

²⁾ Mason, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1882.

³⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

⁴⁾ Antoine d'Abbadie, „Géodésie d'Ethiopie“, карта № 5.

¹⁾ Desborough Cooley, „Notice sur le P. Pedro Paéz“, „Bulletin de la Société de Géographie“, 1872.

²⁾ Beke, „Journal of the Geographical Society“, 1844.

³⁾ Stecker, „Mittheilungen des Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, 1881.

предположеніе, что это озеро въ самомъ дѣлѣ представляетъ огромную вулканическую воронку; но проще было бы видѣть въ немъ бассейнъ, образовавшійся вслѣдствіе провала,—

а круглые острова, выступающіе изъ его водъ, были, повидимому, конусы изверженія. Вѣроятно, въ центральной части бассейна глубина весьма значительна; Роше-д'Эрикуръ нашелъ

Видъ берега Ніянца въ У-Гандѣ.

бассейнъ, какихъ не мало встрѣчается въ различныхъ странахъ, скрывающихъ въ своихъ вѣдрахъ подземные очаги. Базальтовые холмы, поднимающіеся въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ, висятъ въ видѣ мысовъ вокругъ озера,

197 метровъ глубины недалеко отъ острова Метераха или Матраха, близъ восточнаго берега; но промѣры, сдѣланные впоследствии въ тѣхъ же водахъ, кажется, указываютъ ошибку въ его измѣреніяхъ: наибольшая тол-

нѣе, они спускаются съ эіопскихъ горъ, лежащихъ на востокъ отъ рѣки: далѣе, на пространствѣ 2.500 километровъ, Нилъ не получаетъ болѣе ни одного притока ни съ правой, ни съ лѣвой стороны; овраги, впадающіе въ его долину, даютъ во время рѣдкихъ ливней лишь временные ручьи, скоро пересыхающіе. Великая рѣка жаркаго пояса походить на обгорѣлое дерево, сохранившее лишь два пучка вѣтвей. Единственный между большими потоками земной поверхности, Нилъ является въ наибольшей части своего протяженія рѣкой безъ бассейна, дающаго притоки. На западномъ его берегу нужно подняться вверхъ по рѣкѣ на 3.700 километровъ отъ устья, прежде чѣмъ встрѣтишь притокъ, существующій дольше періода проливныхъ дождей; но начиная съ этого пункта контрастъ полный и внезапный: вслѣдствіе перемѣны климата, отражающейся на почвѣ, полоса равнинъ и безплодныхъ скалъ вдругъ смѣняется областью, гдѣ воды текутъ въ изобиліи.

Вся страна треугольной формы, заключающаяся между теченіемъ Бахрѣ-эль-Джебелъ, водораздѣльной линіей между Ниломъ и Конго и возвышенностями области Форъ, перерѣзана рѣками, которыя почти всѣ сходятся въ направленіи бывшаго озера, засыпаннаго остатками растений. Вмѣстѣ со своими притоками и под-притоками, эти рѣки образуютъ обширный лабиринтъ, въ которомъ изслѣдователямъ очень трудно ориентироваться, особенно по причинѣ множества названій, такъ какъ каждый потокъ имѣетъ, какъ и самъ Нилъ, столько наименованій, сколько есть разныхъ племенъ въ его долинѣ или въ сосѣдствѣ. Назовемъ здѣсь лишь главные изъ этихъ притоковъ: Іей, теряющійся въ прибрежныхъ болотахъ Нила; Роль, впадающій въ Бахрѣ-эль-Газаль; Роя, соединяющійся съ Тонджей, чтобы образовать рѣку Анабу; Діуръ, сливающійся съ Бахрѣ-эль-Газалемъ; близъ Мешра-эль-Рекъ (то-есть «Рекскій Амбаркадеръ») и дающій «Рѣкѣ Газелей» больше воды, чѣмъ всѣ другіе притоки; Панго, притокъ Діура; наконецъ Фамикамъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Бахрѣ-эль-Арабъ, «Рѣка арабовъ»: эта рѣка, ограничивающая на сѣверѣ всю область истеченія и продолжающаяся Бахрѣ-эль-Газалемъ, увлекаетъ Нилъ въ восточномъ направленіи. Общій скатъ большинства этихъ рѣкъ весьма незначителенъ; самыя быстрыя изъ нихъ берутъ начало въ горахъ, сосѣднихъ съ озеромъ Мвутанъ-Нзиге; но есть между ними такіа, течение которыхъ, отъ начальной до конечной его точки, находится въ области равнинъ, такъ что, переходя ихъ истоки и вступая въ бассейнъ Конго, не замѣчаешь промежуточнаго порога. Въ нижней части своего теченія Роль, Діуръ и другіе притоки Нила, не будучи въ состояніи изливаться довольно скоро въ главную рѣку, запруженную травой, вы-

ступаютъ, подобно Нилу, изъ береговъ, и въ періодъ наводненія вся страна, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадр. километровъ, превращается въ одно непроходимое болото. Большая доля атмосферной воды, выпадающей въ этой области нильскаго бассейна, испаряется, не достигая теченія рѣки; въ одной этой части рѣчнаго бассейна годовые дожди представляютъ массу воды, болѣе значительную, чѣмъ сколько катитъ Нилъ передъ Каиромъ.

У поворота, который дѣлаетъ Нилъ ниже области камышей и травъ, чтобы снова принять свое нормальное направленіе къ сѣверу, онъ принимаетъ въ себя съ восточной стороны притокъ Собатъ, обозначаемый тоже множественствомъ различныхъ наименованій. Приводимъ здѣсь названія Верхняго Нила и его притоковъ:

Нилъ: Кивира, Сомерсетъ (между двумя большими озерами); Мери, у племени мади; Карре, у племени бари; Киръ, у племени денка; Іеръ, у нуэровъ; Вахрѣ-эль-Джебелъ, у арабовъ между озерами Мвутанъ-Нзиге и Но; Вахрѣ-эль-Абіадъ, внизъ отъ Собата.

Іей: Аји, Догургуру, Джемидъ, Рода, Бахрѣ-Лау.

Роль: Намъ-Роль, Феріаль, Велли, Іабо, Намъ-Гель.

Роа: Меридди, Бахрѣ-Джау.

Тонджъ: Лесса, Доггору, Куанъ.

Діуръ: Горе, Ньенамъ, Бахрѣ-Вау, Угулъ, Реляба.

Панго: Жи, Диши, Онгакеаръ, Бахрѣ-эль-Хомръ.

Фаникамъ или Бахрѣ-эль-Арабъ: Ліалуи, Лоль, Лолло, Комкомъ.

Собатъ: Бахрѣ-эль-Мокате арабовъ; Вайкъ, Тельфиу, Вахъ или Тахъ, у шиллуковъ; Пиньянъ или Тильфи, у нуэровъ; Біель, Кіети, Киди или Кирадидъ, у племени денка.

Рѣка Собатъ, бассейнъ которой очень обширенъ, и которую Руссегеръ считалъ истиннымъ Ниломъ, есть первый притокъ, получающій часть своей жидкой массы съ эіопскихъ горъ; въ самомъ дѣлѣ, этотъ притокъ часто катитъ большее количество воды, чѣмъ Бахрѣ-эль-Джебелъ; когда онъ въ полномъ разливѣ, воды главной рѣки останавливаются передъ его теченіемъ и отливаютъ назадъ, вмѣстѣ съ принесенными ими массами травы ¹⁾. Если судить по цвѣту его бѣловатаго потока, въ которомъ теряется темная вода Нила, Собатъ имѣетъ больше правъ на названіе Бахрѣ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка» ²⁾. Нѣкоторые притоки Собата зарождаются въ низменностяхъ, простирающихся на востокъ отъ Нила; но самый важный изъ нихъ беретъ начало гораздо восточнѣе, въ высокихъ долинахъ горъ Геша, обра-

¹⁾ Sammel Baker, "Ismailia".

²⁾ Russegger; — Hansal; — Beke, "Sources of the Nile".

зующихъ водораздѣльную возвышенность между лобатостями Средиземнаго моря и Индійскаго океана. Эта рѣка Баро, означаемая, кромѣ того, какъ и всѣ другія рѣки бассейна, десяткомъ различныхъ наименованій, проходитъ, привступленіи въ равнину, черезъ болотистое озеро Бехайръ (по-арабски), которое голландецъ Шуверъ, въ память своей родины, назвалъ «Гарлемскимъ моремъ». Баро приноситъ Собату, въ періодъ дождей, большое количество воды. Въ 120 километрахъ отъ сліянія съ Ниломъ путешественникъ Пруйсенеръ измѣрялъ протокъ этой рѣки 15 іюня 1862 года: она катила тогда слишкомъ 1.200 кубич. метровъ воды въ секунду. Поэтому въ эпоху разливовъ

вещества мутны, бѣловаты; воды Голубой Рѣки, спускающіяся изъ каменистой страны, вообще болѣе чисты и прозрачны. Но главный контрастъ между двумя потоками-соперниками происходитъ отъ разности ихъ стока или количества протекающей воды, смотря по времени года. Западный Нилъ—самый значительный по длинѣ теченія, такъ какъ отъ Хартума до его истока, еще не найденнаго, разстояніе больше, чѣмъ отъ того же города до Средиземнаго моря—отличается въ то же время большей правильностью содержанія: его жидкая масса, регулируемая большими озерами и болотами, окружающими озеро Но, сохраняетъ большую равномерность въ продолженіе цѣлаго

Нилъ у Хартума.

судоходство можетъ производиться безпрепятственно во всей нижней части Собата; но если пловцы не удалятся во-время, то они сильно рискуютъ застрять на песчаной мели, какъ это случилось съ купцомъ Андреа Дебоно, который, въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, былъ плѣнникомъ рѣки.

Ниже впаденія Собата Нилъ принимаетъ, наконецъ, въ обыкновенной рѣчн, то арабское названіе Бахръ-эль-Абиадъ или «Бѣлая Рѣка», которымъ онъ вообще обозначается европейцами вверхъ отъ Хартума, гдѣ другой Нилъ, Бахръ-эль-Азракъ, «Голубая Рѣка», приходитъ ему на встрѣчу. Эти два потока, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко различаются цвѣтомъ своихъ водъ: воды Бѣлой Рѣки отъ примѣси органическихъ

года: уровень ея не такъ высокъ въ періодъ мелководія и не такъ высокъ въ эпоху разливовъ, какъ въ восточномъ. Порывистый Бахръ-эль-Азракъ обнаруживаетъ свойства горныхъ ручьевъ; едва только большіе ливни выпадутъ на плоскогорьяхъ Эѳіопіи, какъ уже волны наводненія бурнымъ потокомъ несутся по рѣчному ложу; тогда стокъ Голубой Рѣки превышаетъ стокъ Бѣлой, и, заключая по этой импонирующей массѣ воды, путешественники долгое время, по примѣру Брюса, ставили на первое мѣсто Нилъ восточный. Но со времени открытій Спика, Гранта и Бекера на эту рѣку нельзя смотрѣть иначе, какъ на простой притокъ Бахръ-эль-Абиада; среднее количество несомой ею воды менѣе значительно, и барки не могутъ

нѣе, они спускаются съ эѳіопскихъ горъ, лежащихъ на востокъ отъ рѣки: далѣе, на пространствѣ 2.500 километровъ, Нилъ не получаетъ болѣе ни одного притока ни съ правой, ни съ лѣвой стороны; овраги, выпадающіе въ его долину, даютъ во время рѣдкихъ ливней лишь временные ручьи, скоро пересыхающіе. Великая рѣка жаркаго пояса походить на обгорѣлое дерево, сохранившее лишь два пучка вѣтвей. Единственный между большими потоками земной поверхности, Нилъ является въ наибольшей части своего протяженія рѣкой безъ бассейна, дающаго притоки. На западномъ его берегу нужно подняться вверхъ по рѣкѣ на 3.700 километровъ отъ устья, прежде чѣмъ встрѣтишь притокъ, существующій дольше періода проливныхъ дождей; но начиная съ этого пункта контрастъ полный и внезапный: вслѣдствіе перемѣны климата, отражающейся на почвѣ, полоса равнинъ и безплодныхъ скалъ вдругъ смѣняется областью, гдѣ воды текутъ въ изобиліи.

Вся страна треугольной формы, заключающаяся между теченіемъ Бахрѣ-эль-Джебелъ, водораздѣльной линіей между Ниломъ и Конго и возвышенностями области Форъ, перерѣзана рѣками, которыя почти всѣ сходятся въ направленіи бывшаго озера, засыпаннаго остатками растений. Вмѣстѣ со своими притоками и под-притоками, эти рѣки образуютъ обширный лабиринтъ, въ которомъ изслѣдователямъ очень трудно оріентироваться, особенно по причинѣ множества названій, такъ какъ каждый потокъ имѣетъ, какъ и самъ Нилъ, столько наименованій, сколько есть разныхъ племенъ въ его долинѣ или въ сосѣдствѣ. Назовемъ здѣсь лишь главные изъ этихъ притоковъ: Іей, теряющійся въ прибрежныхъ болотахъ Нила; Роль, выпадающій въ Бахрѣ-эль-Газаль; Роя, соединяющійся съ Тонджей, чтобы образовать рѣку Анабу; Діуръ, сливающійся съ Бахрѣ-эль-Газалемъ, близъ Мешра-эль-Рекъ (то-есть «Рекскій Амбаркадеръ») и дающій «Рѣкѣ Газелей» больше воды, чѣмъ всѣ другіе притоки; Панго, притокъ Діура; наконецъ Фаникамъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Бахрѣ-эль-Арабъ, «Рѣка арабовъ»: эта рѣка, ограничивающая на сѣверѣ всю область истеченія и продолжающаяся Бахрѣ-эль-Газалемъ, увлекаетъ Нилъ въ восточномъ направленіи. Общій скатъ большинства этихъ рѣкъ весьма незначителенъ; самыя быстрыя изъ нихъ берутъ начало въ горахъ, сосѣднихъ съ озеромъ Мвутанъ-Нзиге; но есть между ними такіа, теченіе которыхъ, отъ начальной до конечной его точки, находится въ области равнинъ, такъ что, переходя ихъ истоки и вступая въ бассейнъ Конго, не замѣчаешь промежуточнаго порога. Въ нижней части своего теченія Роль, Діуръ и другіе притоки Нила, не будучи въ состояніи изливаться довольно скоро въ главную рѣку, запруженную травой, вы-

ступаютъ, подобно Нилу, изъ береговъ, и въ періодъ наводненія вся страна, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадр. километровъ, превращается въ одно непроходимое болото. Большая доля атмосферной воды, выпадающей въ этой области нильскаго бассейна, испаряется, не достигая теченія рѣки; въ одной этой части рѣчнаго бассейна годовые дожди представляютъ массу воды, болѣе значительную, чѣмъ сколько катитъ Нилъ передъ Каиромъ.

У поворота, который дѣлаетъ Нилъ ниже области камышей и травъ, чтобы снова принять свое нормальное направленіе къ сѣверу, онъ принимаетъ въ себя съ восточной стороны притокъ Собатъ, обозначаемый тоже множественствомъ различныхъ наименованій. Приведемъ здѣсь названія Верхняго Нила и его притоковъ:

Нилъ: Кивира, Сомерсетъ (между двумя большими озерами); Мери, у племени мади; Карре, у племени бари; Киръ, у племени денка; Іеръ, у нуэровъ; Бахрѣ-эль-Джебелъ, у арабовъ между озерами Мвутанъ-Нзиге и Но; Бахрѣ-эль-Абіадъ, внизъ отъ Собата.

Іей: Айи, Догургур, Джемидъ, Рода, Бахрѣ-Лау.

Роль: Намъ-Роль, Феріаль, Велли, Іабо, Намъ-Гель.

Роя: Меридди, Бахрѣ-Джау.

Тонджей: Лесса, Доггору, Куанъ.

Діуръ: Горе, Ньенамъ, Бахрѣ-Вау, Угулъ, Реляба.

Панго: Жи, Диши, Онгакеаръ, Бахрѣ-эль-Хомръ.

Фаникамъ или Бахрѣ-эль-Арабъ: Ліалуи, Лоль, Лооло, Комбомъ.

Собатъ: Бахрѣ-эль-Мокате арабовъ; Вайкъ, Тельфиу, Вахъ или Тахъ, у шиллуковъ; Пиньянъ или Тильфи, у нуэровъ; Біель, Кіети, Киди или Кирадидъ, у племени денка.

Рѣка Собатъ, бассейнъ которой очень обширенъ, и которую Руссегеръ считалъ истиннымъ Ниломъ, есть первый притокъ, получающій часть своей жидкой массы съ эѳіопскихъ горъ; въ самомъ дѣлѣ, этотъ притокъ часто катитъ большее количество воды, чѣмъ Бахрѣ-эль-Джебелъ; когда онъ въ полномъ разливѣ, воды главной рѣки останавливаются передъ его теченіемъ и отливаютъ назадъ, вмѣстѣ съ принесенными ими массами травы ¹⁾. Если судить по цвѣту его бѣловатаго потока, въ которомъ теряется темная вода Нила, Собатъ имѣетъ больше правъ на названіе Бахрѣ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка» ²⁾. Нѣкоторые притоки Собата зарождаются въ низменностяхъ, простирающихся на востокъ отъ Нила; но самый важный изъ нихъ беретъ начало гораздо восточнѣе, въ высокихъ долинахъ горъ Геша, обра-

¹⁾ Sammel Baker, „Ismailia“.

²⁾ Russegger;—Hansal;—Beke, „Sources of the Nile“.

зующихъ водораздѣльную возвышенность между покатоками Средиземнаго моря и Индійскаго океана. Эта рѣка Баро, означаемая, кромѣ того, какъ и всѣ другія рѣки бассейна, десяткомъ различныхъ наименованій, проходить, при вступленіи въ равнину, черезъ болотистое озеро Бехайръ (по-арабски), которое голландецъ Шуверъ, въ память своей родины, назвалъ «Гарлемскимъ моремъ». Баро приноситъ Собату, въ періодъ дождей, большое количество воды. Въ 120 километрахъ отъ сліянія съ Ниломъ путешественникъ Пруйсенеръ измѣрялъ протокъ этой рѣки 15 іюня 1862 года: она катила тогда слишкомъ 1.200 кубич. метровъ воды въ секунду. Поэтому въ эпоху разливовъ

вещества мутны, бѣловаты; воды Голубой Рѣки, спускающіяся изъ каменистой страны, вообще болѣе чисты и прозрачны. Но главный контрастъ между двумя потоками-соперниками происходитъ отъ разности ихъ стока или количества протекающей воды, смотря по времени года. Западнѣй Ниль—самый значительный по длинѣ теченія, такъ какъ отъ Хартума до его истока, еще не найденнаго, разстояніе больше, чѣмъ отъ того же города до Средиземнаго моря—отличается въ то же время большей правильностью содержанія: его жидкая масса, регулируемая большими озерами и болотами, окружающими озеро Но, сохраняетъ большую равномерность въ продолженіе цѣлаго

Ниль у Хартума.

судоходство можетъ производиться безпрепятственно во всей нижней части Собаты; но если пловцы не удалятся въ-время, то они сильно рискуютъ застрять на песчаной мели, какъ это случилось съ купцомъ Андреа Дебоно, который, въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, былъ плѣнникомъ рѣки.

Ниже впаденія Собаты Ниль принимаетъ, наконецъ, въ обыкновенной рѣчи, то арабское названіе Бахръ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка», которымъ онъ вообще обозначается европейцами вверху отъ Хартума, гдѣ другой Ниль, Бахръ-эль-Азракъ, «Голубая Рѣка», приходитъ ему на встрѣчу. Эти два потока, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко различаются цвѣтомъ своихъ водъ: воды Бѣлой Рѣки отъ примѣси органическихъ

года: уровень ея не такъ низокъ въ періодъ мелководія и не такъ высокъ въ эпоху разливовъ, какъ въ восточномъ. Порывистый Бахръ-эль-Азракъ обнаруживаетъ свойства горныхъ ручьевъ; едва только большіе ливни выпадутъ на плоскогорьяхъ Эіопіи, какъ уже волны наводненія бурнымъ потокомъ несутся по рѣчному ложу; тогда стокъ Голубой Рѣки превышаетъ стокъ Бѣлой, и, заключая по этой импонирующей массѣ воды, путешественники долгое время, по примѣру Брюса, ставили на первое мѣсто Ниль восточный. Но со времени открытій Спика, Гранта и Бекера на эту рѣку нельзя смотрѣть иначе, какъ на простой притокъ Бахръ-эль-Абіада; среднее количество несомой ею воды менѣе значительно, и барки не могутъ

нѣе, они спускаются съ эіопскихъ горъ, лежащихъ на востокъ отъ рѣки: далѣе, на пространствѣ 2.500 километровъ, Нилъ не получаетъ болѣе ни одного притока ни съ правой, ни съ лѣвой стороны; овраги, впадающіе въ его долину, даютъ во время рѣдкихъ ливней лишь временные ручьи, скоро пересыхающіе. Великая рѣка жаркаго пояса походить на обгорѣлое дерево, сохранившее лишь два пучка вѣтвей. Единственный между большими потоками земной поверхности, Нилъ является въ наибольшей части своего протяженія рѣкой безъ бассейна, дающаго притоки. На западномъ его берегу нужно подняться вверхъ по рѣкѣ на 3.700 километровъ отъ устья, прежде чѣмъ встрѣишь притокъ, существующій дольше періода проливныхъ дождей; но начиная съ этого пункта контрастъ полный и внезапный: вслѣдствіе перемѣны климата, отражающейся на почвѣ, полоса равнинъ и безплодныхъ скалъ вдругъ смѣняется областью, гдѣ воды текутъ въ изобиліи.

Вся страна треугольной формы, заключающаяся между теченіемъ Бахрѣ-эль-Джебелъ, водораздѣльной линіей между Ниломъ и Конго и возвышенностями области Форъ, перерѣзана рѣками, которыя почти всѣ сходятся въ направленіи бывшаго озера, засыпаннаго остатками растений. Вмѣстѣ со своими притоками и под-притоками, эти рѣки образуютъ обширный лабиринтъ, въ которомъ изслѣдователямъ очень трудно ориентироваться, особенно по причинѣ множества названій, такъ какъ каждый потокъ имѣетъ, какъ и самъ Нилъ, столько наименованій, сколько есть разныхъ племенъ въ его долинѣ или въ сосѣдствѣ. Назовемъ здѣсь лишь главные изъ этихъ притоковъ: Іей, теряющійся въ прибрежныхъ болотахъ Нила; Роль, впадающій въ Бахрѣ-эль-Газаль; Роя, соединяющійся съ Тонджей, чтобы образовать рѣку Анабу; Діуръ, сливающійся съ Бахрѣ-эль-Газалемъ; близъ Мешра-эль-Рекъ (то-есть «Рекскій Амбаркадеръ») и дающій «Рѣкѣ Газелей» больше воды, чѣмъ всѣ другіе притоки; Панго, притокъ Діура; наконецъ Фамикамъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Бахрѣ-эль-Арабъ, «Рѣка арабовъ»: эта рѣка, ограничивающая на сѣверѣ всю область истечения и продолжающаяся Бахрѣ-эль-Газалемъ, увлекаетъ Нилъ въ восточномъ направленіи. Общій скатъ большинства этихъ рѣкъ весьма незначителенъ; самыя быстрыя изъ нихъ берутъ начало въ горахъ, сосѣднихъ съ озеромъ Мвутанъ-Нзиге; но есть между ними такіа, теченіе которыхъ, отъ начальной до конечной его точки, находится въ области равнинъ, такъ что, переходя ихъ истоки и вступая въ бассейнъ Конго, не замѣчаешь промежуточнаго порога. Въ нижней части своего теченія Роль, Діуръ и другіе притоки Нила, не будучи въ состояніи изливаться довольно скоро въ главную рѣку, запруженную травой, вы-

ступаютъ, подобно Нилу, изъ береговъ, и въ періодъ наводненія вся страна, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадр. километровъ превращается въ одно непроходимое болото. Большая доля атмосферной воды, выпадающей въ этой области нильскаго бассейна, испаряется, не достигая теченія рѣки; въ одной этой части рѣчнаго бассейна годовые дожди представляютъ массу воды, болѣе значительную чѣмъ сколько катитъ Нилъ передъ Каиромъ.

У поворота, который дѣлаетъ Нилъ ниже области камышей и травъ, чтобы снова принять свое нормальное направленіе къ сѣверу онъ принимаетъ въ себя съ восточной стороны притокъ Собатъ, обозначаемый тоже множествомъ различныхъ наименованій. Приводимъ здѣсь названія Верхняго Нила и его притоковъ:

Нилъ: Кивира, Сомерсетъ (между двумя большими озерами); Мери, у племени мади; Карре, у племени бари; Киръ, у племени денка; Іеръ, у нуэровъ; Бахрѣ-эль-Джебелъ, у арабовъ между озерами Мвутанъ-Нзиге и Но; Бахрѣ-эль-Абиадъ, внизъ отъ Собата.

Іей: Аий, Догургур, Джемидъ, Роди, Бахрѣ-Лау.

Роль: Намъ-Роль, Феріаль, Велли, Іабо, Намъ-Гель.

Роя: Меридди, Бахрѣ-Джау.

Тонджъ: Лесса, Доггору, Куанъ.

Діуръ: Горе, Ньенамъ, Бахрѣ-Вау, Угулъ-Реляба.

Панго: Джи, Диши, Онгакеаръ, Бахрѣ-эль-Хомръ.

Фаникамъ или Бахрѣ-эль-Арабъ: Ліалуи-Лоль, Лолло, Комкомъ.

Собатъ: Бахрѣ-эль-Мокате арабовъ; Вайкъ-Тельфиу, Вахъ или Тахъ, у шилуковъ; Пиньянъ или Тильфи, у нуэровъ; Біель, Кіети, Киди или Кирадидъ, у племени денка.

Рѣка Собатъ, бассейнъ которой очень обширенъ, и которую Руссегеръ считалъ истиннымъ Ниломъ, есть первый притокъ, получающій часть своей жидкой массы съ эіопскихъ горъ въ самомъ дѣлѣ, этотъ притокъ часто катитъ большее количество воды, чѣмъ Бахрѣ-эль-Джебелъ; когда онъ въ полномъ разливѣ, воды главной рѣки останавливаются передъ его теченіемъ и отливаютъ назадъ, вмѣстѣ съ принесенными ими массами травы ¹⁾. Если судить по цвѣту его бѣловатаго потока, въ которомъ теряется темная вода Нила, Собатъ имѣетъ больше правъ на названіе Бахрѣ-эль-Абиадъ или «Бѣлая Рѣка» ²⁾. Нѣкоторые притоки Собата зарождаются въ низменностяхъ, простирающихся на востокъ отъ Нила, но самый важный изъ нихъ беретъ начало гораздо восточнѣе, въ высокихъ долинахъ горъ Геша, обра-

¹⁾ Sammel Baker, „Ismailia“.

²⁾ Russegger; — Hansal; — Beke, „Sources of the Nile“.

зующихъ водораздѣльную возвышенность между покатолями Средиземнаго моря и Индійскаго океана. Эта рѣка Баро, означаемая, кромѣ того, какъ и всѣ другія рѣки бассейна, десяткомъ различныхъ наименованій, проходить, привступленіи въ равнину, черезъ болотистое озеро Бехайръ (по-арабски), которое голландецъ Шуверъ, въ память своей родины, называлъ «Гарлемскимъ моремъ». Баро приноситъ Собату, въ періодъ дождей, большое количество воды. Въ 120 километрахъ отъ сліянія съ Ниломъ путешественникъ Пруйсенеръ измѣрялъ протокъ этой рѣки 15 іюня 1862 года: она катила тогда слишкомъ 1.200 кубич. метровъ воды въ секунду. Поэтому въ эпоху разливовъ

вещества мутны, бѣловаты; воды Голубой Рѣки, спускающіяся изъ каменистой страны, вообще болѣе чисты и прозрачны. Но главный контрастъ между двумя потоками-соперниками происходитъ отъ разности ихъ стока или количества протекающей воды, смотря по времени года. Западный Нилъ—самый значительный по длинѣ теченія, такъ какъ отъ Хартума до его истока, еще не найденнаго, разстояніе больше, чѣмъ отъ того же города до Средиземнаго моря—отличается въ то же время большей правильностью содержанія: его жидкая масса, регулируемая большими озерами и болотами, окружающими озеро Но, сохраняетъ большую равномерность въ продолженіе цѣлаго

Нилъ у Хартума.

судоходство можетъ производиться безпрепятственно во всей нижней части Собата; но если пловцы не удалятся въ-время, то они сильно рискуютъ застрять на песчаной мели, какъ это случилось съ купцомъ Андреа Дебово, который, въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, былъ плѣнникомъ рѣки.

Ниже впаденія Собата Нилъ принимаетъ, наконецъ, въ обыкновенной рѣчѣ, то арабское названіе Бахръ-эль-Абиадъ или «Бѣлая Рѣка», которымъ онъ вообще обозначается европейцами вверху отъ Хартума, гдѣ другой Нилъ, Бахръ-эль-Азракъ, «Голубая Рѣка», приходитъ ему на встрѣчу. Эти два потока, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко различаются цвѣтомъ своихъ водъ: воды Бѣлой Рѣки отъ примѣси органическихъ

года: уровень ея не такъ низокъ въ періодъ мелководія и не такъ высокъ въ эпоху разливовъ, какъ въ восточномъ. Порывистый Бахръ-эль-Азракъ обнаруживаетъ свойства горныхъ ручьевъ; едва только большіе ливни выпадутъ на плоскогорьяхъ Эѳіопіи, какъ уже волны наводненія бурнымъ потокомъ несутся по рѣчному ложу; тогда стокъ Голубой Рѣки превышаетъ стокъ Бѣлой, и, заключая по этой импонирующей массѣ воды, путешественники долгое время, по примѣру Брюса, ставили на первое мѣсто Нилъ восточный. Но со времени открытій Слика, Гранта и Бекера на эту рѣку нельзя смотрѣть иначе, какъ на простой притокъ Бахръ-эль-Абиада; среднее количество несомой ею воды менѣе значительно, и барки не могутъ

плавать по ней въ мелководье. Какъ было сказано, Бѣлый Ниль поддерживаетъ теченіе рѣки до самаго моря, но Голубой Ниль приноситъ благотворное наводненіе: безъ перваго потока не было бы Египта; безъ втораго эта страна не имѣла бы того баснословнаго плодородія, какимъ она прославилась со временъ глубокой древности ¹⁾. Рѣки Эіопіи не только изливаютъ въ равнины нильской дельты плодотворную воду, онѣ приносятъ ей также землю, постоянно обновляющую почву, обезпечивая навсегда непрерывную смѣну жатвъ. Это въ эіопскихъ горахъ нужно искать объясненія тайны египетской рѣки, которая каждый годъ переполняется и выступаетъ изъ береговъ, затѣмъ снова входитъ въ свое русло, совершивъ дѣло оплодотворенія земли. Нельзя не пожалѣть, что количество протекающей воды не было измѣрено правильнымъ образомъ въ обоихъ Нилахъ; Хартумскій нилометръ служитъ лишь для вычисления стока Голубаго Нила ²⁾.

Бахръ-эль-Абиадъ: Половодье — 5.005 куб. метр. (Ливанъ); мелководье — 277 куб. метр. (Ливанъ).

Бахръ-эль-Азрекъ: Полноводье — 6.104 куб. метр. (Ливанъ); мелководье — 150 куб. метр.

При слияніи двухъ Ниловъ мы находимся уже въ странѣ, извѣстной съиздревле. Бахръ-эль-Азрекъ—это *Astarus* Птоломея; возможно даже, что римляне знали мѣсто происхожденія этой рѣки, ибо они изображаютъ ее на картахъ вытекающею изъ озера *Coloe Parus*, но помѣщая это озеро на 12 градусовъ къ югу отъ настоящаго его положенія. Тана или Цана разсматривается какъ тотъ озерный резервуаръ, откуда вытекаетъ Абай, хотя рѣка Бешто, берущая начало въ 250 километрахъ восточнѣе, должна бы быть признана за главную вѣтвь, если бы принимать во вниманіе только длину теченія ³⁾. Истокъ Таны имѣетъ то преимущество, что онъ гораздо болѣе постояненъ въ своемъ содержаніи, благодаря озеру, которое регулируетъ расходъ воды, понижаясь медленно въ сезонъ разлива, понижаясь также съ нечувствительной постепенностью въ періодъ засухи: годовая разность между крайними уровнями озера не превышаетъ одного метра. Абай, самая многоводная изъ рѣкъ, изливающихся въ этотъ бассейнъ, беретъ начало въ Гишъ-Абаѣ, близъ сѣверо-восточнаго основанія цѣпи Денгуйя ⁴⁾, въ сотнѣ километровъ отъ озера. Нѣтъ сомнѣнія, что португальцы, поселившіеся колоніей въ этой области въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, посѣтили истоки Абая; но первое описаніе этихъ исто-

ковъ было дано іезуитомъ Педро Паэцъ. По его словамъ, воды этой рѣки, просачиваясь изъ болотистаго дуга, образуютъ маленькое прозрачное озеро, которое туземцы называютъ «бездоннымъ», потому что не могутъ достать его дна своими коньями. Изъ озера выходитъ ручей, теченіе котораго можно примѣтить лишь по колеблющемуся подъ ногами травяному коврику прикрывающей его трясинѣ; затѣмъ, въ 2 километрахъ ниже, вода появляется на поверхности: это и есть рѣка, которую португальцы и Брюсъ называли Ниломъ ¹⁾. Воспламеняющіяся испаренія газовъ, безъ сомнѣнія, блуждающіе огоньки, видимые надъ истоками Абая, сдѣлали этотъ потокъ предметомъ поклоненія у окрестныхъ туземцевъ, которые и теперь еще приносятъ животныхъ въ жертву геніямъ рѣки ²⁾. Имѣя около 10 метровъ въ ширину, Абай изливается въ юго-западный заливъ озера Тана; воды его, часто мутныя, отложили въ озерномъ бассейнѣ длинный аллювиальный полуостровъ, дельту, изрѣзанную блуждающими устьями. Но потокъ, выходящій изъ озера, и который также называютъ Абаемъ—чисто голубаго цвѣта и вполне заслуживаетъ данное ему арабами названіе Бахръ-эль-Азрекъ или Азракъ, то-есть «Голубая Рѣка». Такъ же, какъ относительно всѣхъ другихъ озерныхъ бассейновъ, гдѣ главный притокъ носить то же названіе, какъ и истокъ, туземцы и путешественники наперерывъ другъ передъ другомъ повторяютъ, что Абай или Голубой Ниль проходитъ черезъ озеро Тана, не смѣшиваясь съ окружающими водами. Но это, очевидно, дѣло невозможное: въ силу различія температуръ, вода Верхняго Абая должна разливаться далеко по поверхности озера или погружаться въ глубины; но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ чувствительное теченіе, направляющееся отъ входнаго устья къ выходному, и это теченіе, образуемое водами самого озера, часто отличается издали отсвѣчиваніемъ поверхности ³⁾.

Озеро Тана не можетъ быть сравниваемо по пространству съ большими озерами Средней Африки: по измѣреніямъ Штеккера, площадь его 2.980 квадр. километровъ (по картѣ Антуана д'Аббади, 3.940 квадр. килом.), слѣдовательно, менѣе одной двадцатой площади озера Ньянца; прежде оно имѣло болѣе значительные размѣры, какъ о томъ свидѣлствуютъ, преимущественно на сѣверѣ, нѣсколько аллювиальныхъ равнинъ. Общая форма его напоминаетъ кратеръ вулкана, за исключеніемъ южной части, гдѣ оно продолжается, въ видѣ залива, къ выходному лиману. Многіе писатели высказали

¹⁾ Samuel Baker, „The Nile tributaries of Abyssinia“;—Winwood Reade, „Martyrdom of Man“.

²⁾ Mason, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1882.

³⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

⁴⁾ Antoine d'Abbadie, „Géodésie d'Ethiopie“, карта № 5.

¹⁾ Desborough Cooley, „Notice sur le P. Pedro Paez“, „Bulletin de la Société de Géographie“, 1872.

²⁾ Beke, „Journal of the Geographical Society“, 1844.

³⁾ Stecker, „Mittheilungen des Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, 1881.

предположеніе, что это озеро въ самомъ дѣлѣ представляетъ огромную вулканическую воронку; но проще было бы видѣть въ немъ бассейнъ, образовавшійся вслѣдствіе провала,—

а круглые острова, выступающіе изъ его водъ, были, повидимому, конусы изверженія. Вѣроятно, въ центральной части бассейна глубина весьма значительна; Роше-д'Эрикуръ нашелъ

Видъ берега Ніянца въ У-Гандѣ.

бассейнъ, какихъ не мало встрѣчается въ различныхъ странахъ, скрывающихъ въ своихъ недрахъ подземные очаги. Базальтовые холмы, поднимающіеся въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ, высятся въ видѣ мысовъ вокругъ озера,

197 метровъ глубины недалеко отъ острова Метераха или Матраха, близъ восточнаго берега; но промѣры, сдѣланные впоследствии въ тѣхъ же водахъ, кажется, указываютъ ошибку въ его измѣреніяхъ: наибольшая тол-

щина слоя воды, найденная Штеккеромъ, всего только 72 метра; впрочемъ, нужно замѣтить, что онъ бросалъ лотъ въ южномъ заливѣ озера, далеко отъ безостровныхъ пространствъ сѣверной части. Вода въ озерѣ Тана замѣчательно чистая и столь же приятная на вкусъ, какъ и вода Нила; побережье его окаймлено камышами только въ юго-западной части, гдѣ прибрежные жители дѣлаютъ изъ этого длиннаго и легкаго тростника средиземноморскаго вида (*arundo donax*), связывая его въ пучки, лодки или плоты на двухъ или четырехъ гребцовъ, при чемъ въ центрѣ плота помѣщаютъ высокія скамейки, для того, чтобы товары не заливались водой. Но торговое движеніе между противоположными берегами незначительно. Сквозь нѣтъ деревьевъ, образующихъ зеленый поясъ вокругъ живописнаго озера и переплетающихъ свою листву съ разнообразно окрашенными листьями ползучихъ растений, видны только отдаленныя горы и островные конусы, окруженные сверкающей или голубой водой. Часто на поверхности воды появляются гиппопотамы цѣлыми стадами, оставляя за собой длинную борозду; но крокодиловъ нѣтъ въ этомъ озерѣ, хотя они водятся въ Абай, ниже водопадовъ. Между обитателями эѳіопскаго внутренняго моря, говорятъ, находится также маленькая морская корова, называемая туземцами *ойла*¹⁾; однако, ни одинъ европейскій путешественникъ не видѣлъ ея. Воды чрезвычайно богаты рыбой, принадлежащей по большей части къ роду карповъ и составляющей особую фауну, отличную отъ фауны Нила; двустворчатые раковины, напоминающія устрицъ видомъ, и мясо которыхъ имѣетъ такой же вкусъ, какъ мясо устрицъ, живутъ на отмеляхъ побережья. Но рыболовы, занимающіеся эксплуатаціей этихъ пищевыхъ богатствъ, немногочисленны.

Выходя изъ озера на высотѣ 1.860 метровъ (по измѣреніямъ Антуана д'Аббади), Абай или Бахр-эль-Азрекъ спускается сначала на юго-востокъ ровнымъ потокомъ; затѣмъ, недалеко отъ Вореба, въ 8 километрахъ отъ озера, онъ образуетъ первый водопадъ. Ниже рѣка, имѣющая около 200 метровъ въ ширину, извивается среди луговъ, подъ тѣнью деревьевъ, затѣмъ вдругъ низвергается съ выступа скалъ водопадомъ въ 25 метровъ высоты: это—водопадъ Тисъ-Эсатъ или «Дымящійся», называемый обыкновенно водопадомъ Алата, по имени соединяющаго ручья. Сквозь паръ, поднимающійся клубами надъ пропастью, виднѣется посерединѣ каскада скала въ формѣ пирамиды, и на вершинѣ ея дерево, всегда качаемое обратнымъ движеніемъ воздуха. Вдругъ суженный ниже воронки, гдѣ кружатся воды, Абай проникаетъ въ извилистое ущелье, имѣющее не болѣе двухъ или трехъ метровъ ширины въ самой узкой

части. Въ этомъ мѣстѣ перекинутъ мостъ португальской конструкціи, простая аркада, продолжаемая другими аркадами на западномъ берегу²⁾. Верстахъ въ пятидесяти ниже по теченію черезъ рѣку построенъ другой мостъ, но средняя арка сломалась, и обломки ея образуютъ подводную скалу среди шумящихъ водъ. Пространство между двумя мостами представляетъ рядъ слѣдующихъ одинъ за другимъ водопадовъ и пороговъ, имѣющихъ вмѣстѣ покатость по меньшей мѣрѣ около 600 метровъ. Альпы высятся справа и слѣва надъ долиной, которая кажется безвыходной; но, описавъ полный полукругъ около Эѳіопскаго плоскогорья, Абай вступаетъ въ равнину, слѣдуя въ сѣверо-западномъ направленіи. Общее его паденіе въ этомъ обширномъ полукругѣ превышаетъ тысячу двѣсти метровъ, тогда какъ въ нижней части теченія, оканчивающейся у Хартума при слияніи съ Бахр-эль-Абиадомъ, покатость его едва замѣтна: онъ извивается длинными излучинами между берегами аллювиальнаго образованія, которые подъ напоромъ потока иногда внезапно обваливаются вертикальными призмами. Въ мелководье воды Бахр-эль-Азрека уменьшаются въ объемѣ отъ верховья къ низовью; тогда можно переходить Нилъ во многихъ мѣстахъ, не встрѣчая глубины, гдѣ бы вода была выше груди. Ябусъ и Туматъ, главные южные притоки, по виду представляютъ безводныя песчаные русла въ продолженіе большей половины года, но вода течетъ въ нихъ невидимо. Одинъ изъ большихъ восточныхъ притоковъ, Рахадъ или Абу-Ахразъ, берущій начало на западномъ склонѣ краевой эѳіопской цѣпи, совершенно пересыхаетъ передъ наступленіемъ періода разлива, на большое разстояніе вверхъ отъ слиянія; но съ іюня до половины сентября, когда дожди падаютъ ливнями на скаты горъ, обширное рѣчное ложе наполняется до краевъ, и прибрежныя поля получаютъ въ изобиліи необходимую влагу. Дендеръ—другая рѣка эѳіопскаго происхожденія, лучше снабжаемая, чѣмъ Рахадъ,—говорятъ, сохраняетъ воду круглый годъ³⁾. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ рѣкъ, гдѣ было бы полезнѣе и легче устроить задерживающіе бассейны или водохранилища, чтобы собирать излишекъ разливовъ и возвращать его рѣкѣ въ сухое время года⁴⁾. Абсолютная высота мѣста слиянія двухъ Ниловъ у Хартума опредѣляется различно, отъ 378 до 433 метровъ.

Такъ же, какъ южная область Эѳіопскаго нагорья, сѣверная часть его принадлежитъ къ бассейну Нила, и притоки главной рѣки зарождаются тамъ не на западномъ склонѣ горъ,

¹⁾ Antoine d'Abbadie, "Géodésie d'Ethiopie", карта № 5;—Achille Raffray, "Abyssinie";—Ch. Beke, "Sources of the Nile".

²⁾ P. Trémeaux, "Le Soudan".

³⁾ Samuel Baker, "The Nile tributaries of Abyssinia".

⁴⁾ Th. von Heuglin, цитированное сочиненіе.

а въ самомъ сердцѣ возвышенностей, въ непосредственномъ сосѣдствѣ цѣпи, господствующей надъ покатою Краснаго моря. Таккацѣ, главная вѣтвь всей гидрографической системы рѣки Атбары, беретъ начало на высотѣ слишкомъ 2.000 метровъ и течетъ сначала на западъ, какъ бы для того, чтобы излиться въ озеро Тана; но ущелье, въ которомъ она спускается между двумя стѣнами изъ кристаллическихъ сланцевъ, вдругъ понижается до уровня гораздо меньшаго, чѣмъ уровень эіопскихъ плоскогорій: въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка поворачиваетъ къ сѣверу, она находится уже на высотѣ 1.300 метровъ, и на берегахъ ея начинается показываться тропическая растительность; когда спустишься съ окружающихъ горъ, открытымъ холоднымъ вѣтрамъ, испытываешь то же ощущеніе, какое бываетъ при входѣ въ теплицу¹⁾. По выходѣ изъ области плоскогорій, Таккацѣ снова принимаетъ западное направленіе, и, переходя изъ ущелья въ ущелье, вступаетъ, наконецъ, въ равнину; тамъ онъ принимаетъ названіе Сетитъ и получаетъ притокъ, рѣку Атбару, гораздо менѣе обильную, чѣмъ онъ самъ, и вдвое меньшую по длинѣ теченія; но среднее направленіе его долины, начинающейся непосредственно къ западу отъ озера Тана, то же самое, какъ и направленіе соединенныхъ водъ: онъ-то и даетъ названіе всей гидрографической системѣ, какъ американскій Миссисипи, когда онъ соединяется съ желтыми и кружащимися водами могучаго Миссури. Одинъ изъ притоковъ Таккацѣ, Гоангъ, беретъ начало на сѣверѣ, въ котловинѣ озера Тана, отъ котораго онъ отдѣленъ лишь порогомъ въ 50 метровъ высоты²⁾. Ниже слиянія, Атбара, сохранившая до сихъ поръ свое древнее названіе *Astaboras*, данное Птолемеємъ, уменьшается мало-по-малу, такъ же, какъ его бывший притокъ Маребъ, описывающій въ своемъ верхнемъ теченіи одну изъ тѣхъ большихъ кривыхъ въ формѣ полукруга, которыя характеризуютъ эіопскія рѣки. Можно сказать, въ самомъ дѣлѣ, что Маребъ, или «Западная рѣка», названный такъ эіопами благодаря его направленію, пересталъ быть притокомъ Атбары. Называемый Сона въ своемъ среднемъ теченіи и Гашъ въ нижнемъ, гдѣ онъ имѣетъ уже только періодическое теченіе, Маребъ течетъ на сѣверъ параллельно Атбарѣ и наконецъ истекаетъ въ аллювиальныхъ земляхъ, не достигая своего древняго устья, называемаго Гашъ-да или «устье Гаша» кочевниками гагендоа. Когда Мунцингеръ посѣтилъ страну въ 1862 году, русло слиянія не наполнялось водой ни разу въ продолженіе двадцати лѣтъ. Причина этой перемѣны въ мѣстной гидрографіи—пригационныя работы, исполнен-

¹⁾ G. Rohlf, цитированное сочиненіе.

²⁾ Th. von Heuglin;—G. Lejean.

ныя на лѣвомъ берегу Гаша: обведенная съ этой стороны плотиною, рѣка устремляется вправо, подтачивая свой восточный берегъ, болѣе высокій; теченіе его, прежде перпендикулярное къ Атбарѣ, становится ей параллельнымъ; но, продолжаясь къ сѣверу, она, наконецъ, истекаетъ¹⁾. Въ 1840 году одинъ египетскій завоеватель, Ахмедъ-паша, хотѣлъ было отвести Гашъ прямо на западъ въ Атбару, но построенная имъ плотина была пробита прибрежными жителями нижней равнины²⁾. Прежде рѣка Барка или Барака, теряющаяся въ прибрежныхъ болотахъ Краснаго моря, недалеко отъ Суакима, тоже была разсматриваема какъ принадлежащая къ нильскому бассейну чрезъ одну вѣтвь Мареба, блуждающую рѣку: это преданіе мало разнится отъ сообщаемаго Страбономъ преданія, по которому одинъ боковой потокъ или рукавъ рѣки Астабары, будто бы, впадаетъ въ Эритрейское море. Можетъ-быть, эта традиція основана отчасти не смѣшеніи именъ, ибо равнина, простирающаяся на востокъ отъ Мареба къ Атбарѣ, называется Барка или Барака, какъ и Хоръ, текущій въ восточномъ направленіи. Какъ бы то ни было, эіопы-аксумиты и послѣ нихъ абиссинцы, долго считавшіе свой Таккацѣ истиннымъ Ниломъ, цѣлые вѣка воображали, что легко было бы отвести ихъ рѣку въ море и такимъ образомъ лишить Египетъ благодѣтельной воды, обусловливающей его необычайное плодородіе. Впрочемъ, эта иллюзія раздѣлялась также иностранцами, доказательствомъ чего служить тотъ фактъ, что Аріосто говоритъ о ней въ своемъ «Неистовомъ Роландѣ». Повторяя угрозу Альбукерка, просившаго короля португальскаго прислать ему рабочихъ съ острова Мадеры, чтобы выкопать Нилу новое русло до Краснаго моря, абиссинскій негусъ, «царь царей» Оеодоръ, утверждалъ, что онъ отброситъ Маребъ въ Барку, чтобы морить голодомъ Египетъ и принудить каирскаго хедива просить пощады³⁾.

Въ сухое время года Атбара не достигаетъ даже, какъ Голубой Нилъ, главной рѣки. Ложе ея, шириной около 400 метровъ, совершенно пересыхаетъ: «пустыня среди пустыни», это ложе представляетъ тогда песчаную равнину, которая издали, отъ дѣйствія миража, кажется блестящей, какъ поверхность воды. Однако, кое-гдѣ остаются лужи въ нижнемъ руслѣ Атбары; на поворотахъ, тамъ, гдѣ воды, ударяясь съ силой о высокіе берега, вырыли почву на нѣсколько метровъ ниже обыкновеннаго дна, сохраняются пруды, осыненные деревьями, которыя нѣсколько предохраняютъ ихъ отъ испа-

¹⁾ „Ost-Afrikanische Studien“.

²⁾ Ferdinand Werne, „Feldzug von Sennaar nach Taka, Bana und Bani-Amer“.

³⁾ Beke, „Sources of the Nile“;—De Malzac;—Vayssier, etc.

рения. Въ этихъ лужахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя тянутся на цѣлую версту и больше, а другія имѣютъ поверхность всего въ нѣсколько квадр. метровъ, толпятся, въ сосѣдствѣ слишкомъ близкомъ для ихъ удобства или безопасности, все рѣчные животныя—рыбы, черепахи, крокодилы и даже бегемоты; дикіе звѣри приходятъ на водопой къ этимъ прудамъ, буквально кипащимъ жизнью, и каждая пальма, каждый кустъ на берегу служить убѣжищемъ цѣлой колоніи пернатыхъ. Въ большей части рѣкъ равнины, вода, приносимая дождливымъ временемъ года, спускается медленно въ каналъ: предшествуемая воздушнымъ токомъ, который сообщаетъ листьямъ растущихъ на берегу деревьевъ веселый шелестъ, она движется съ легкимъ шумомъ, напоминающимъ шуршаніе матеріи. Первая водная площадь представляетъ лишь массу желтоватой пѣны, содержащей различные обломки; за этой смѣсью воды и грязи слѣдуетъ вторая волна, въ которой можно уже признать рѣчную струю; затѣмъ появляется нормальный потокъ, къ которому и бросаются животныя, чтобы утолить жажду¹⁾. Но могучая водная масса Атбары несется стремительно, словно снѣжная лавина. Когда рѣка снова наполняетъ свое русло, она наполняетъ его не медленнымъ и постепеннымъ приливомъ воды: напротивъ, разливъ появляется внезапно. Если путешественнику въ это время случится заснуть на песчаномъ ложѣ, онъ вдругъ просыпается, разбуженный сотрясеніемъ почвы и шумомъ, похожимъ на раскаты быстро прибывающаго грома: «Эль-бахръ! эль-бахръ!» (рѣка! рѣка!) вскрикиваютъ арабы, и едва путники успѣютъ взбѣжать на высокій берегъ, какъ уже налетаетъ грозный потокъ, гонящій передъ собой волны грязи, увлекающій на своихъ первыхъ пѣнящихся валахъ множество камышей, бамбуковъ и всякаго рода обломковъ, оторванныхъ отъ береговъ. Скоро рѣка является во всемъ объемѣ, разливаясь на полверсты въ ширину, достигая отъ 5 до 6 метровъ глубины, и тихо кадитъ свои воды, какъ будто течение ея никогда не прерывалось. Такъ же, какъ Голубой Нилъ, Атбара, называемая арабами Бахръ-эль-Асвадъ или «Черной рѣкой», прибавляетъ свой потокъ къ потоку Большаго Нила, и, спускаясь вмѣстѣ съ нимъ съ водопада на водопадъ, приноситъ берегамъ нижней рѣки тѣ тишныя воды, которыя обновляютъ плодородіе почвы²⁾.

Ниже соединенія двухъ Ниловъ, на сѣверъ отъ Хартума, рѣка не имѣетъ болѣе видимыхъ притоковъ въ сухое время года, такъ какъ

нижнее русло Атбары совершенно пересыхаетъ, но, вѣроятно, она получаетъ воду въ видѣ ключей, бьющихся со дна ложа, ибо испареніе, боковыя просачиванія и расходъ жидкости на орошеніе прибрежныхъ равнинъ уменьшаютъ объемъ рѣчной воды только на одну седьмую по Ломбардини, на одну пятую по Готбергу, на всемъ протяженіи 2.700 километровъ между Хартумомъ и Капромъ. Рѣка медленно уменьшается въ огромной дугѣ, которую она описываетъ черезъ Нубію; но на взглядъ путешественника она кажется неизмѣняющеюся въ объемѣ на этомъ длинномъ пространствѣ, проходимомъ ею по земной окружности. Катя количество воды, въ четыре раза превосходящее стокъ Луары или въ семь разъ стокъ Сены, Нилъ содержитъ бы, въ среднемъ, объемъ воды, достаточный, чтобы носить безъ затрудненія суда отъ моря до центра континента, если бы рѣчное теченіе не прерывалось въ разныхъ мѣстахъ порогами изъ скалъ и камней. Шесть естественныхъ запрудъ раздѣляютъ такимъ образомъ нубійскій Нилъ на семь судоходныхъ бассейновъ, но суда могутъ проходить изъ одного бассейна въ другой только во время полноводія; въ остальное же время года это возможно лишь при помощи сотенъ людей, которые тянутъ или сдерживаютъ судно. Если бы запруды водопадовъ не задерживали водъ, и жидкая масса могла бы утекать свободно въ сухое время года, оставалось ли бы ей достаточно для цѣлаго года? Образовалась ли бы дельта? Существовалъ ли бы Египетъ?³⁾

Самый южный, такъ называемый, «шестой» водопадъ (между Хартумомъ и устьемъ Атбары), которому предшествуютъ двѣ сильныя стремнины (между Таманиатомъ и Джебель-Мелехатомъ) и ущелье, доминируемое двумя базальтовыми колоннадами⁴⁾, не заслуживалъ бы этого названія на сѣверныхъ рѣкахъ, каковы, на примѣръ, рѣки Канады или Скандинавіи,—странъ, гдѣ долины, еще молодыя, сохранили обрывистые уступы, несмотря на непрестанное размываніе ихъ дна бѣгущими потоками. Этотъ водопадъ Гарри представляетъ собою скорѣе стремнину, образуемую служеніемъ Нила между гранитными скалами; но онъ достаточенъ для того, чтобы останавливать судоходство въ продолженіе большей части года. Когда со временемъ желѣзная дорога, долженствующая сдѣлаться выходомъ всего бассейна Верхняго Нила, соединитъ съ побережьемъ Краснаго моря сліяніе Атбары и Нила, этотъ новый путь долженъ быть продолженъ до водопада Гарри, для того, чтобы движеніе торговаго обмѣна могло совершаться безъ прерыва. «Пятый» водопадъ, за которымъ слѣ-

¹⁾ Beltrame, «Il Sennaar e lo Sciangallah»; — J. M. Schube, «Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen», № 72.

²⁾ Samuel Baker, «The Nile tributaries of Abyssinia»; — Ch. Beke, «The Sources of the Nile».

³⁾ E. de Gottberg, «Des Cataractes du Nil».

⁴⁾ Samuel Baker, «The Albert Nyanze».

думать пороги: Герашебский, Могратский и другие, между Бербером и Абу-Гамедомъ, составляетъ препятствіе только въ періодъ мелководія; но ниже идутъ естественныя запруды, болѣе высокія. Большинство путешественниковъ, проходящихъ черезъ Нубію между Суданомъ и Египтомъ, предпочитаютъ ѣхать сухимъ путемъ изъ Абу-Гамеда въ Короско, не только по причинѣ большого изгиба, который дѣлаетъ Нилъ въ этой части своего теченія, описывая обширный полукругъ къ западу, но также потому, что три ряда водопадовъ прерываютъ его русло. Одна изъ этихъ группъ пороговъ, извѣстная подъ названіемъ «четвертаго» водопада, довольно длинна и дѣлится на нѣсколько уступовъ, какъ шлюзъ, расположенный ярусами. Сначала высокая скала, островъ Дульга, на которомъ сохранились развалины крѣпости, раздѣляетъ потокъ; затѣмъ другія глыбы гранита выставляютъ свои верхушки надъ водой, не препятствуя, впрочемъ, судоходству; за этой первой запрудой слѣдуютъ острова, песчанья мели; далѣе идутъ другія скалы, раздѣляющія рѣку на наклонные каналы, и дефилей оканчивается, близъ Герендида, своего рода порталомъ, образуемымъ утесами, каждый съ остатками старинной крѣпости. Въ этомъ мѣстѣ нѣтъ ни одного дерева, какъ на пятомъ водопадѣ или на третьемъ, лежащемъ ниже Донголы Девятой; на берегахъ нигдѣ нѣтъ пояса зелени, которая бы смягчала нѣсколько суровость пейзажа: видишь только воду, камень, песокъ и небо. Вдали, внизъ по теченію, виднѣется столовая гора Баркаль.

«Третій» водопадъ заключаетъ, какъ и другіе пороги, нѣсколько частныхъ водопадовъ, ниже бывшаго озера, усѣяннаго большими островами, въ которомъ широко разливаются воды рѣки, имѣющей въ этомъ мѣстѣ около десяти верстъ отъ берега до берега. На первой гранитной запрудѣ, называемой Ганнекъ, по имени одного нубійскаго замка на лѣвомъ берегу, вода потока, раздѣленная на тысячу пѣнящихся каналовъ, представляетъ довольно сильную денivelляцію: тамъ черноватая скала, состоящая изъ роговой обманки и полевого шпата, поднимаются на 7 или на 8 метровъ надъ уровнемъ низкихъ водъ; суда не отваживаются пускаться между брешами этой неравной стѣны, заграждающей рѣку; только подлѣ восточнаго берега открывается болѣе широкий каналъ, гдѣ могли бы разойтись двѣ барки. При входѣ въ водопадъ, нѣсколько деревьевъ, убранныхъ фестонами изъ ползучихъ растений, осѣняютъ, въ видѣ густыхъ сводовъ, подводные камни, старательно избегаемые людьми, по причинѣ обитающихъ тамъ ядовитыхъ змѣй. Ниже, среди рѣки, разсыпаны другіе острова, составляющіе своей зеленью яркій контрастъ съ черными, высунувшимися изъ воды, скала-

ми¹⁾. Общая длина Ганнекскихъ пороговъ 6.470 метровъ, а разность уровней между двумя крайними пунктами 5,1 метровъ въ мелководье, 3,2 метра въ періодъ наводненія. Изъ этого видно, что паденіе относительно очень не велико, всего около пятнадцати сотыхъ; въ большей части другихъ водопадовъ скатъ не больше этого. Ниже Ганнека, Нилъ вдругъ поворачиваетъ на востокъ, чтобы затѣмъ, такъ же внезапно, опять броситься на сѣверъ, къ Кайбарскому или Каджбарскому порогу, который во время мелководія совершенно запираетъ рѣку своей блестящей массой, словно искусственная плотина, которая, вълѣдствіе контраста темной скалы и сѣрыхъ водъ, кажется поднимающеюся на большую высоту. Нужно подойти къ самому порогу, чтобы примѣтить извилистые переулки, черезъ которые пробиваются пѣнящіяся струйки Нила и гдѣ русло такъ узко, что не можетъ пройти никакая барка. Во время наводненія Кайбарскіе пороги исчезаютъ совершенно подъ водой: не видно ни одного выступа скалъ, никакихъ стреминъ и водоворотовъ. Рѣка величественно катитъ свои воды между обступившихъ ее съ обѣихъ сторонъ береговыхъ утесовъ.

«Второй» водопадъ, называемый также Уади-Хальфа, замѣчательнъ, между прочимъ, какъ рубежъ, у котораго останавливается большинство европейскихъ и американскихъ путешественниковъ, совершающихъ «поѣздку по Нилу»: скала Абу Сиръ, господствующая надъ шумящими водами, и съ которой открывается обширный видъ къ южному горизонту, вся испещрена именами, которыя написали путешественники, гордые тѣмъ, что проникли такъ далеко по таинственной рѣкѣ²⁾. Водопадъ продолжается на пространствѣ слишкомъ 25 километровъ, но онъ составляетъ лишь нижнюю часть цѣлаго ряда пороговъ, называемаго Батнъ-эль-Хагаръ или «Каменное брюхо», общая длина котораго 130 километровъ³⁾. На этомъ длинномъ протяженіи рѣка повсюду представляетъ одинъ и тотъ же видъ: широкое ложе усѣяно скалами, по большей части округленными, какъ «кудрявые» камни, отшлифованные ледниками; другія раздѣлены вертикально, какъ базальтовыя колоннады, или разрѣзаны на неравные гребни, усаженные остроконечными шипами и иглами. Между этими глыбами камня бѣгутъ извилистые потоки, имѣющіе каждый по маленькому каскаду; въ иныхъ мѣстахъ открываются водоемы, гдѣ кружащаяся вода кажется навсегда запертой безвыходно; далѣе слѣдуютъ новые пороги, новые каскады, новые водовороты: словомъ, катарактъ распа-

¹⁾ Frédéric Caillaud, «Voyage à Meroé, au Fleuve Blanc», etc.—E. de Gottberg, «Des Cataractes du Nil».

²⁾ J. J. Ampère, «Voyage en Egypte et en Nubie».

³⁾ E. de Gottberg, цитированное сочиненіе.

дается на тысячи частных водопадовъ. Но въ періодъ мелководія едва видны эти бесчисленные струйки, теряющіяся въ безконечномъ лабиринтѣ пороговъ. Архипелагъ состоитъ изъ 353 острововъ и островковъ, не считая подводныхъ камней, и всѣ они имѣютъ свое нубійское имя; болѣе пятидесяти изъ нихъ обитаемы и воздѣланы ¹⁾). На сѣверѣ, вдоль праваго берега тянется хаосъ потухшихъ вулкановъ, смѣняющій лабиринтъ водопадныхъ скалъ. Конусы съ кратерами, выступы раздутыхъ скалъ, бугры отвердѣвшаго вулканическаго пепла, горки изъ шлаковъ обрисовываются въ видѣ длинной зубчатой стѣны на горизонтѣ Ливійской пустыни ²⁾).

«Первый» водопадъ, Ассуанскій, не такъ длиненъ, не такъ однообразенъ и не представляетъ такого дикаго, безотраднaго вида, какъ водопадъ Уади-Хальфа; но онъ не болѣе предвѣдущаго заслуживаетъ то названіе, которое намъ завѣщено древними: это также рядъ стремнинъ или водопадовъ, развѣтвляющихся до безконечности между гранитными скалами разныхъ формъ и цвѣтовъ, почти всѣ безъ растительности, но также представляющихъ тамъ и сямъ картины грандіозныя или очаровательныя безпорядочнымъ нагроможденіемъ каменныхъ глыбъ, окруженныхъ гнѣдой или живописной группировкой пальмъ, тамарисковъ или кустовъ, обвитыхъ гирляндами лѣанъ. Сверху островъ Филе, въ одно и то же время храмъ и садъ, снизу Элефантина, островъ «Цвѣтовъ», охраняютъ подходы водопада и бросаютъ въ воды Нила отблескъ своей красоты; историческія воспоминанія, отголосокъ того, что говорили древніе, еще болѣе усиливаютъ интересъ, возбуждаемый зрѣлищемъ пороговъ, и, вмѣстѣ съ грандіозностью самаго явленія, дѣлаютъ это зрѣлище одною изъ тѣхъ картинъ природы, которыя неизгладимо запечатлѣваются въ памяти. Здѣсь «ворота» Египта; здѣсь, съ начала писаной исторіи, проводятъ какъ-бы видимую границу между двумя мірами. Замѣчательно, что эта граница почти совпадаетъ съ тропической линіей, ибо именно въ этомъ мѣстѣ, близъ Ассуана, астрономы увидѣли въ первый разъ, въ день лѣтняго солнцестоянія, гномоны, неотбрасывающіе тѣни, и колодцы, освѣщенные до самаго дна отвѣсно падающими лучами солнца. За этой умственно проводимой линіей для нихъ начиналась другая, совершенно особенная область: имъ казалось, что въ жаркомъ поясѣ все должно составлять рѣзкій контрастъ съ явленіями умѣреннаго пояса. И теперь еще легко увлекаются въ этомъ отношеніи, сильно преувеличивая всѣ мѣстныя различія между странами, простирающимися по обѣ стороны водопада, и между населяющими ихъ народами.

Въ періодъ разлива навигація не прерывается на той части теченія, которую называютъ водопадомъ: суда безопасно спускаются и поднимаются по рѣкѣ надъ подводными камнями. Но когда воды низки, переходъ, при спускѣ или подъемѣ, по тысячѣ рукавовъ громадной «лѣстницы Нептуна» можетъ быть совершаемъ только съ помощью *шеллаловъ* или водопадныхъ прислужниковъ, напоминающихъ волжскихъ бурлаковъ, которые тащатъ или сдерживаютъ судно посредствомъ канатовъ; около пятидесяти большихъ *дахабіе* или ладей, занимаемыхъ посѣтителями Нила, переходятъ такимъ образомъ опасное мѣсто, и, благодаря опытности кормчихъ, несчастные случаи рѣдки. Искусство судовщиковъ при спускѣ по водопаду состоитъ въ томъ, чтобы удерживать барку на центральной выпуклости, образуемой теченіемъ и поднимающейся иногда на 2 метра, и даже болѣе, выше уровня воды, текущей вдоль скалъ: съ высоты этого движущагося холма кормчій обозрѣваетъ шумный водопадъ. Какъ только ладья соскользнетъ вправо или влево съ этого хребта волнъ, опасность начинается; если лодочники не смогутъ, при помощи веселъ или руля, снова привести ее въ стержень теченія, она неминуемо увлечется въ водоворотъ того или другаго края, и скалы, которыя арабы сравниваютъ съ чудовищами, «кусаютъ» ее во время прохода.

При видѣ пороговъ невольно задаешь себѣ вопросъ, принимая, конечно, во вниманіе поэтическое преувеличеніе, котораго не чужды древнія описанія: не были ли скалы этой естественной запруды выше двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и не образовали ли воды Нила въ ту эпоху настоящій водопадъ? Въ самомъ дѣлѣ, можно допустить, съ извѣстной степенью вѣроятности, что рѣка низвергалась въ то время водопадомъ съ высоты гранитнаго уступа. Къ востоку отъ пороговъ, въ пустынѣ, открыли старый рукавъ рѣки на уровнѣ нѣсколькихъ метровъ надъ нынѣшней высотой разливовъ. Даже путешественникъ, не привыкшій къ наблюденію природы, не можетъ не замѣтить, что онъ идетъ по старому рѣчному ложу, покинутому водами: онъ видитъ еще извилины рѣки между скалами, покрытыми іероглифическими надписями; тамъ и сямъ встрѣчаются высокіе берега и мели, кое-гдѣ показываются рѣчные наносы подъ буграми песка, нанесенными вѣтрами пустыни. Лѣтописи, разбираемые археологами на утесахъ, повѣствуютъ о проходѣ завоевателей, отъ Тутмоса и Рамзеса до генерала Дезе (Desaix), по этому старому рѣчному руслу; но очень вѣроятно, что въ первыя времена египетской исторіи это ущелье, такъ давно уже высохшее, было занято рукавомъ Нила. Наблюденія, сдѣланные Лепсіусомъ въ Семне, выше втораго водопада, подтверждаютъ эту гипотезу: замѣтки, вырѣзанные

¹⁾ Rifaat, «Tableau de l'Égypte, de la Nubie».

²⁾ Amelia Edwards, «A Thousand Miles up the Nile».

въ этомъ мѣстѣ на камнѣ 4.700 лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Аменхемхы III, доказываютъ, что уровень разлива превышалъ тогда на нѣсколько метровъ высоту наводнений въ наши дни: для самаго высокаго разлива это превышеніе составляло 8 метровъ, и даже самый низкій разливъ поднимался на 4 слишкомъ метра выше уровня самыхъ большихъ нынѣшнихъ наводнений ¹⁾. Точно такъ же на правомъ берегу Ганнекского водопада путешественникъ Готбергъ нашелъ слои нильскаго ила на высотѣ 3 1/2 метровъ надъ поверхностью самыхъ высокихъ современныхъ разливовъ. Не пороги ли водопадовъ задерживали такимъ образомъ воды рѣки и заставляли ее бросаться въ побочную долину, нынѣ высохшую, которая служить большой дорогой между Египтомъ и Нубіей ²⁾? Выше «Каменнаго брюха» есть много пространствъ, которыя нѣкогда были обработаны, а теперь лежатъ совершенно безплодными пустырями, потому что воды разлива уже не доходятъ до нихъ. Такъ же, какъ всѣ рѣчныя долины, русло которыхъ регулируется дѣйствіемъ водъ, долина Нила уравниваетъ свой скатъ, понижаясь въ Нубіи и повышаясь въ Нижнемъ Египтѣ. Готбергъ объясняетъ пониженіе водной плоскости въ Нубіи исчезновеніемъ водопадовъ, существовавшихъ прежде между Уади-Хальфа и Ассуаномъ, и отъ которыхъ еще остались кое-какіе слѣды. Скалы, образовавшія порогъ въ этомъ мѣстѣ, состояли изъ сланцевъ, которые не устояли, какъ кристаллическіе подводные камни, противъ разрушительной силы потока. Гранитныя массы тоже разрушаются отъ дѣйствія водъ, но очень медленно. Камни, принесенные теченіемъ въ углубленіе скалы, кружатся въ водоворотѣ, вырывая мало-по-малу яму въ стѣнѣ, и въ концѣ-концовъ образуютъ такъ называемые «котлы великановъ», по большей части вертикальные, но иногда также наклонные или даже горизонтальные. Когда скала такимъ образомъ просверлена нѣсколькими цилиндрами, она обрушивается и каналъ перемѣняетъ мѣсто. Нубійцы, живущіе въ сосѣдствѣ водопадовъ, утилизируютъ обломки этихъ «котловъ», дѣлая изъ нихъ ступы для толченія зерна и другую хозяйственную утварь ³⁾.

Ниже гранитнаго порога, съ котораго скатываться воды перваго водопада, утесы, господствующіе надъ рѣкой, состоятъ изъ пластовъ песчаника, за которыми слѣдуютъ известковые массивы. Историческій Египетъ начинается у подножія этого барьера изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, прикрытыхъ съ двухъ сто-

ронъ третичными слоями ⁴⁾. Къ сѣверу отъ Ассуана противоположные утесы въ началѣ раздѣлены небольшимъ пространствомъ, отъ 3 до 4 километровъ шириной: поля и деревья, стѣсненные между откосами и берегомъ, представляютъ съ той и другой стороны лишь узкую ленту зелени, которая вьется у подошвы сѣрой или желтой скалы, блистающей на солнцѣ, какъ золото или огонь. Поясъ воздѣланныхъ земель продолжается въ особенности на западѣ, вдоль берега, называемаго «Ливійскимъ», выставленнаго восточнымъ лучамъ. Подобно большинству другихъ рѣкъ сѣвернаго полушарія, Нилъ направляется преимущественно къ правому берегу, и теченіе слѣдуетъ вдоль основанія скалъ или откоса обваловъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отвѣсный утесъ «аравійскаго» берега вздымается прямо надъ потокомъ. Города построены большей частью на лѣвомъ берегу; но многіе изъ нихъ, покинутые далеко среди земель, принуждены были перемѣщаться, по мѣрѣ того, какъ нагорный берегъ отодвигался отъ нихъ, и вновь отстраиваться въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась ихъ пристань ⁵⁾. Въ тѣснѣнѣ Сильсилэ, то-есть «Цѣпи»,—гдѣ долина, суживающаяся до того, что разстояніе между стѣнами противоположныхъ береговъ не болѣе 1.200 метровъ, была, говорятъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда запираема желѣзною цѣпью,—набережныя пристани прилегаютъ къ древнимъ каменоломнямъ, гдѣ высѣкали глыбы камня и статуи для дворцовъ фараоновъ, и гдѣ до сихъ поръ видна еще голова сфинкса, вырѣзанная въ скалѣ. За этимъ ущельемъ горы раздвигаются немного, и рѣка течетъ извилинами въ равнинѣ около 15 километровъ шириной,—первая равнина ниже водопада, гдѣ есть достаточно мѣста для большаго города: здѣсь-то и стояли нѣкогда стовратныя Оивы. Далѣе долина еще расширяется, и отъ горы до горы разстояніе измѣняется отъ 20 до 25 километровъ; но въ этой части своего теченія, такъ же, какъ и выше Оивъ, рѣка напираетъ преимущественно на правый берегъ, подтачивая основаніе скалъ Аравійской цѣпи. На краю лѣваго берега единственная горка—это песчаная дюна, измѣняющая форму и немного передвигающаяся при каждой новой бурѣ: даже среди воздѣланныхъ пространствъ является ливійская пустыня, которую можно созерцать во всей ея мрачной безпредѣльности, поднявшись на высокіе мысы западной цѣпи.

Верстахъ въ шестидесяти ниже Оивъ, близъ города Кенехъ, Нилъ описываетъ излучину, подходи въ этомъ мѣстѣ всего ближе къ Аравійскому заливу: по прямой линіи разстояніе между рѣкой и моремъ всего только около

¹⁾ Richard Lepsius, „Briefe aus Egypten, Ethiopien und der Halbinsel des Sinai“.

²⁾ J. J. Ampère;—Amelia Edwards, „A. Thousand miles up the Nile“.

³⁾ E. de Götberg, цитированное сочиненіе

⁴⁾ Girard „Observations sur la vallée d’Egypte“, tome XX.

⁵⁾ S. Schweinfurth, „Petermann’s Mittheilungen“, 1865, № IV.

сотни километровъ. Именно въ этомъ направленіи восточная цѣпь прерывается однимъ изъ самыхъ глубокихъ поперечныхъ ущелій, перерѣзывающихъ ее отъ востока къ западу, и невольно рождается вопросъ: не направлялся ли Нилъ, въ предшествующую геологическую эпоху, черезъ эту брешь къ Красному морю? Въ этомъ ущельѣ, какъ на покатости Нила, такъ и на покатости моря, видны плоскіе берега, покрытые галькой и валунами, которые могли быть отложены только текучими водами, и вѣроятно, эти-то слѣды бывшаго потока и породили въ живомъ воображеніи арабовъ мысль, что легко было бы отвести Нилъ въ его прежнее русло, — предполагая, что этотъ оврагъ дѣйствительно нѣкогда принималъ въ себя рѣчные воды. По крайней мѣрѣ, если нельзя отвести теченіе Нила въ это боковое ущелье, то не трудно будетъ построить тамъ желѣзную дорогу, которая сдѣлаетъ портъ Косейръ главнымъ мѣстомъ сбыта для произведеній всего Верхняго Египта. Уже болѣе полвѣка тому назадъ англичане выкопали тамъ, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, колодцы, въ видахъ утилизированія этой дороги какъ пути въ Индію.

Пройдя нѣкоторое разстояніе къ западу, ниже Кенехской луки, Нилъ принимаетъ сѣверо-западное, затѣмъ сѣверное направленіе; но въ этой части своего теченія онъ раздвояется. Отъ него отдѣляется вѣтвь, сопровождающая главный потокъ съ западной стороны на разстояніи, среднимъ числомъ, около двѣнадцати километровъ: это Бахръ-Юзефъ, или «Іосифова рѣка», названная такъ въ память Іосифа, проданнаго братьями и сдѣлавшагося главнымъ начальникомъ Египта, или, что вѣроятнѣе, въ честь нѣкоего Юзефа, министра фатимитовъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи ¹⁾. Но эта вѣтвь Нила, кажется, не была вырыта рукой человека, хотя она много разъ была задерживаема плотинами, отклоняема въ сторону, отводима въ боковые рвы, какъ всѣ текуція воды этой долины: еще недавно отводъ воды изъ нея былъ перемѣщенъ, и каналъ, окрещенный именемъ Ибрагиміе, былъ отведенъ на возвышенности праваго берега, чтобы легче можно было регулировать истеченіе водъ разлива. Въ той части своего теченія, гдѣ онъ не регулированъ, Бахръ-Юзефъ, лѣвый берегъ котораго окаймленъ дюнами, нанесенными вѣтромъ пустыни, является такой же извилистой рѣкой, какъ и Нилъ, имѣющей, подобно ему, свои острова и песчаные мели, свои нагорные берега, подтачиваемые водами, свою сеть побочныхъ потоковъ и ложныхъ рѣкъ. Средняя ширина его около 100 метровъ, но по количеству катимой воды онъ представляетъ лишь весьма незначительную часть Нила. Притоки

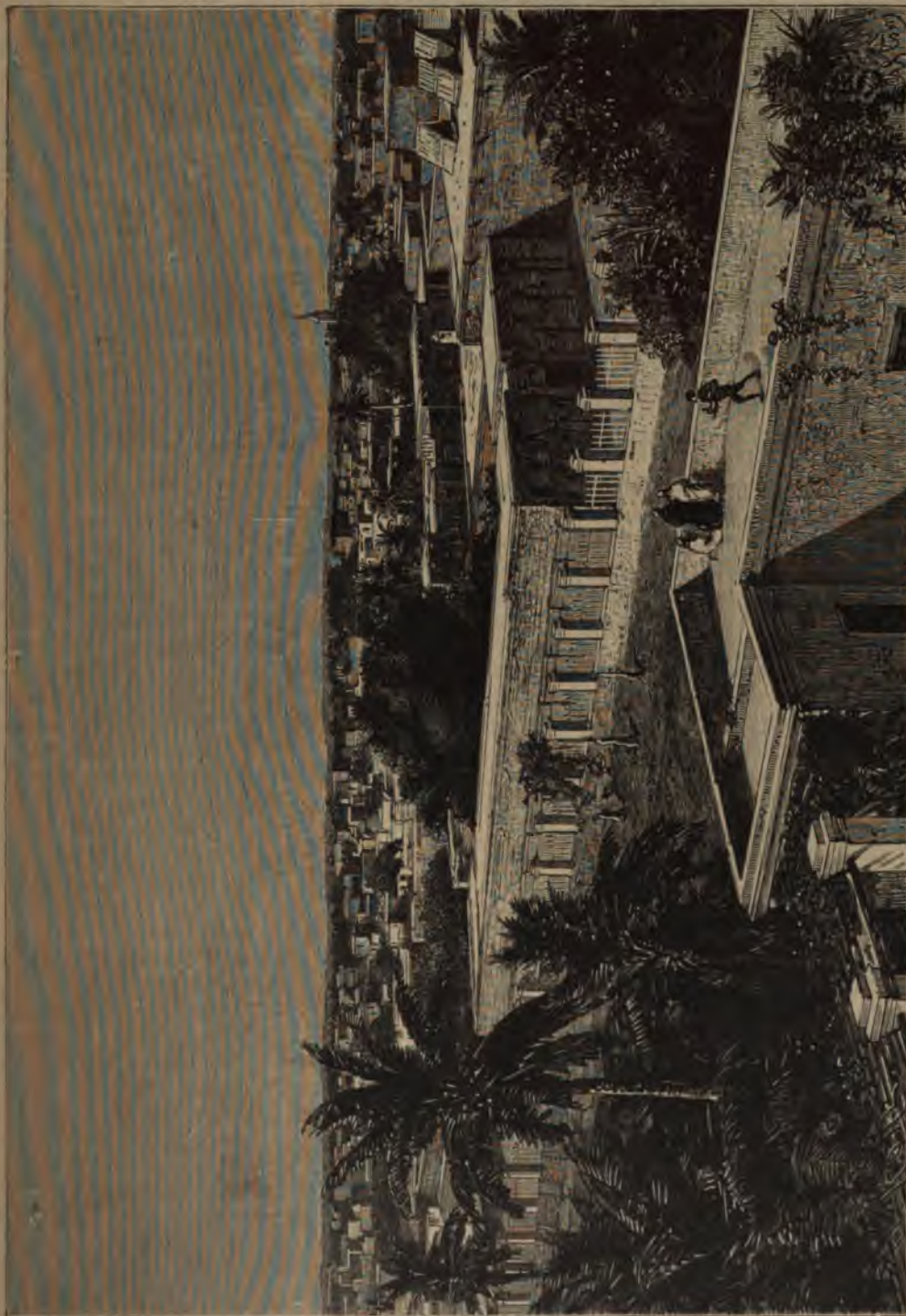
главной рѣки, пересѣкая промежуточную равнину, питають мѣстами Іосифову рѣку, пополняя такимъ образомъ убыль, происходящую отъ испаренія. Это явленіе двухъ параллельныхъ потоковъ, бѣгущихъ въ одной и той же долині, — главного, несущаго почти всю жидкую массу, и побочнаго, сравнительно незначительнаго, извивающагося въ старомъ рѣчномъ руслѣ, — можно наблюдать почти во всѣхъ долинахъ, гидрографическій порядокъ которыхъ еще не былъ совершенно измѣненъ сооруженіемъ плотинъ и дренажными работами. Даже многія рѣки, обведенныя по берегамъ земляными насыпями, также имѣють, подобно Нилу, свои Бахръ-Юзефы: такова, на примѣръ, во Франціи Луара, которую сопровождаетъ Сисса, медленно текуція воды, вышедшія изъ Шера, Индры и Вьенны, затѣмъ рѣка Отіонъ и выходящіе изъ нея ручьи.

Приблизительно въ 500 километрахъ отъ мѣста развѣтвленія, Бахръ-Юзефъ проникаетъ въ боковую долину, гдѣ онъ дѣлится, въ свою очередь, на два потока. Восточная вѣтвь, составляющая продолженіе собственно рѣки, идетъ на сѣверо-востокъ черезъ скалистую брешь, открывающуюся при основаніи Ливійской цѣпи, и соединяется съ Ниломъ выше дельты; но послѣ разлива вода нижней рѣки течетъ обратно съ сѣвера на югъ въ этомъ каналѣ, гонимая наводненіемъ Нила. Западная вѣтвь круто поворачиваетъ къ сѣверо-западу и вступаетъ въ каменистое ущелье, но теченіе ея регулируется при самомъ входѣ въ дефи-лей мостомъ о трехъ аркахъ, построеннымъ въ тринадцатомъ вѣкѣ и снабженнымъ затворами, при помощи которыхъ можно пропускать воду или отбрасывать ее назадъ въ долину Нила. За этой запрудой каналъ извивается въ ущельѣ, перерѣзывающемъ Ливійскую цѣпь на протяженіи около десяти верстъ, и затѣмъ вдругъ выходитъ въ долину въ формѣ амфитеатра, имѣющую около 180 километровъ въ окружности: это — Файюмъ. Воды канала, развѣтвляясь на ручьи и ручейки, окаймленные ивами и тамарисками, представляютъ видъ системы жилъ и жилокъ въ живомъ организмѣ; на картѣ Файюмъ походить на рисунокъ изъ анатоміи. Въ цѣломъ все пространство, окруженное кольцомъ горъ, образуетъ котловину съ очень мало наклоненными скатами, но представляющую, тѣмъ не менѣе, чувствительную отлогость на всей своей окружности, на югѣ, на западѣ, на сѣверѣ. Въ низкой части почва Файюма лежитъ, по разнымъ измѣреніямъ, отъ 29 до 35 метровъ ниже уровня Средиземнаго моря. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ каналъ, отведенный изъ Бахръ-Юзефа, воды увлекаются силой тяжести на всей окружности Файюма и даютъ его полямъ плодородіе, не уступающее плодородію нильской долины. Излишняя влага образуетъ на югѣ небольшое озеро Гараа, то-есть

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

«Виадина», вода котораго такъ же прѣсна, всю западную котловину долины, и животныя охотно ходять туда на водопой¹⁾; но когда испареніе сильно уменьшитъ объемъ жидкой массы, она дѣлается соленой, и берега ея по-

Видъ Хартума.

нины собираются въ одно большое озеро, имѣющее, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, около 50 километровъ въ длину. Этотъ резервуаръ, называемый Биркетъ-эль-Керунъ, содержитъ чуть солоноватую воду, когда онъ занимаетъ

крываются кристаллическимъ налетомъ, похожимъ на свѣтъ; тинистыя пространства дна, прикрытыя тонкимъ слоемъ соли, какъ себѣ

¹⁾ Martin, „Description de l’Egypte“, tome XVI.

въ Алжирѣ, образуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предательскія топи, гдѣ люди и скотъ не могутъ ходить, не подвергаясь опасности увязнуть въ болотѣ ¹⁾. Прежде полагали, что узкая поперечная долина, открывающаяся на сѣверѣ въ стѣнахъ Файюмской долины, уноситъ избытокъ водъ въ котловину Бахрѣ-Белама, то-есть «рѣка или море безъ воды»; но изслѣдованія геологовъ не подтвердили этой гипотезы. Во множественномъ числѣ названіе этихъ долинъ—ибо есть нѣсколько отдѣльныхъ бассейновъ—Бахаръ-бела-ма или «Безводныя озера». Тамъ нигдѣ не нашли слоевъ нильскаго ила, которые должны бы были существовать, если бы рѣка когда-нибудь проходила въ этомъ мѣстѣ; предполагаемая линія уровня, открытая путешественниками, оказались слоями гравія, а корабельныя мачты и рей, о которыхъ рассказываютъ арабы, не что иное, какъ окаменѣлыя стволы деревъ, какіе встрѣчаются въ разныхъ частяхъ пустыни. Нѣкоторыя котловины «Безводныхъ озеръ» имѣютъ нѣсколько миль въ длину ²⁾.

Файюмъ, Арсиноитида древнихъ, есть одна изъ мѣстностей, гдѣ производились замѣчательнѣйшія гидравлическія работы египетскихъ инженеровъ. До внимательства труда человѣка вся обширная котловина, въ которую тогда свободно изливались воды Юсифовой рѣки, была внутреннимъ моремъ: преданіе единогласно въ этомъ отношеніи, и при томъ непрерывный приливъ нильскихъ водъ въ замкнутую низменность Файюма долженъ былъ имѣть результатомъ наполненіе впадины до уровня, достаточнаго для того, чтобы убыль черезъ испареніе вознаграждалась водой, приносимой рѣкой. Самое имя Файюмъ или, вѣрнѣе, Піомъ, Файомъ, на древне-египетскомъ языкѣ означало, говорятъ, «затопленную землю»; по-арабски слово *Файюмъ* имѣетъ смыслъ очень подходящий къ свойству мѣстности: оно значитъ «производитель колосьевъ» ³⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ западная вѣтвь Бахрѣ-Юсефа была запружена при вхоdѣ ея въ ущелье, это море, теряя мало-по-малу часть своей жидкой массы, уменьшилось до того, что превратилось, наконецъ, въ простое болото полукруглой формы; оно высохло бы совершенно, если бы открываемые, по мѣрѣ надобности, затворы запруды не пропускали въ Файюмъ воды, необходимыя для орошенія земель, образовавшихся изъ высохшаго дна. Это было уже немаловажное дѣло приобрести для земледѣлія обширное пространство, гдѣ насчитывали, говорятъ, до ста

пятидесяти деревень. Но по гипотезѣ весьма вѣроятной, основанной на внимательномъ изученіи страны—гипотезѣ, состоятельность которой старался доказать инженеръ Линанъ-де-Бельфонъ ⁴⁾,—самая высокая часть земель, отвоєванныхъ у внутренняго моря, была утилизирована для созданія знаменитаго Меридова озера, которое считалось однимъ изъ чудесъ свѣта, и на которое и теперь еще, спустя многіе вѣка послѣ его исчезновенія, должно смотрѣть какъ на одно изъ удивительнѣйшихъ произведеній человѣческаго искусства. Что придаетъ гипотезѣ Линана наибольшую вѣроятность—это то, что еще въ наши дни въ этой египетской землѣ, гдѣ преданія такъ крѣпко держатся, водохранилища, служація для собранія излишка разлиновъ, который затѣмъ, въ сухое время, идетъ на орошеніе жаждущихъ влаги полей, устраиваются точно такимъ же образомъ, какъ былъ устроенъ Меридовъ резервуаръ, судя по виду мѣстности. Въ восточной части Файюма сохранились остатки плотинъ, имѣющіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 9 метровъ высоты и 60 метровъ въ основаніи: это были, безъ сомнѣнія, внѣшнія земляныя насыпи громаднаго бассейна, въ который изливались, во время разлива, воды Юсифовой рѣки, по объему равныя приблизительно отъ двадцати четвертой до двадцати восьмой части Нила. Пирамиды, стоявшія по угламъ этой запруды, и остатки которыхъ отысканы путешественниками, повѣствовало о славіи фараона Аменемхи III, въ царствованіе котораго, за сорокъ семь вѣковъ до прорытія Суэзскаго канала, былъ устроенъ великолѣпный резервуаръ Мериды. Геродотъ, видѣвшій, можетъ-быть, этотъ бассейнъ, но не измѣрившій его, даетъ ему огромную окружность, гораздо большую, чѣмъ окружность всего Файюма; съ другой стороны, многіе древніе географы приписываютъ ему размѣры, меньшіе его настоящей величины. По Линану, онъ занималъ площадь около 300 квадр. километровъ въ восточной части Файюма, и замкнутая въ немъ жидкая масса должна была достигать, къ концу наводненія, громадной цифры 2.915 милліоновъ кубич. метровъ. Незначительная часть этой воды могла служить для орошенія западнаго Файюма; но почти весь избытокъ, взятый у Нила въ періодъ его полноводія, возвращался приливскимъ равнинамъ въ періодъ засухи: этотъ запасъ воды былъ достаточенъ для орошенія 180.000 гектаровъ. Между нынѣшними искусственными водохранилищами нѣтъ ни одного, которое могло бы сравниться размѣрами съ этимъ исполинскимъ резервуаромъ нашихъ цивилизаторовъ египтянъ; нѣтъ ни одного, которое было бы такъ разумно

¹⁾ Paul Lucas, "Troisième Voyage";—Jomard, "Description de l'Égypte", tome VI.

²⁾ Olivier, "Voyage dans l'Empire Ottomann";—Ascheron, "Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg", 1876—77;—Gerhard Rohlfs, "Petermann's Mittheilungen", 1879, I.

³⁾ H. Duveyrier, рукописныя замѣтки.

⁴⁾ Mémoire sur le lac Moeris;—Mémoires sur les principaux travaux publics exécutés en Égypte.

устроено, какъ Меридово озеро, и въ главной долины, подвергающейся непосредственному дѣйствію потоковъ и водъ разлива. Задерживательные бассейны, сооружаемые инженерами, это не что иное, какъ искусственные озера, въ которыя устремляется вся масса рѣчныхъ водъ, и откуда выливается излишекъ, чтобы направиться въ нижнее русло; рѣка же, съ ея водоворотами, подтачивая и размывая сдерживающія ее преграды, непрерывно и неустанно трудится надъ разрушеніемъ своего резервуара, и мы знаемъ изъ тысячи примѣровъ, что она часто достигаетъ своей цѣли. «Резервуаръ, перейденный рѣкой, есть резервуаръ разрушенный», говоритъ одинъ современный гидравликъ. Въ настоящее время трудно было бы поправить бассейнъ Меридова озера, ибо, по причинѣ возвышенія аллювиальныхъ земель при входѣ въ Файюмъ, инженерамъ пришлось бы поднять на нѣсколько метровъ гребень плотинъ ¹⁾.

Бахрѣ-Юзефъ продолжается, подъ разными именами, до самой дельты, но въ нижней своей части онъ уже несетъ весьма незначительное количество воды: одно русло, русло Большаго Нила, собралъ въ себѣ почти всѣ рѣчныя воды; потокъ соединяется въ одинъ стволъ прежде, чѣмъ раздѣлится на тысячу каналовъ въ равнинахъ Нижняго Египта. Хотя уменьшенный въ объемѣ, Нилъ представляетъ и здѣсь такой же видъ, какъ въ Нубіи, или еще выше, въ мѣстѣ слиянія при Хартумѣ; замедленіе теченія, имѣющее слѣдствіемъ расширеніе рѣчнаго ложа, дѣлаетъ то, что Нилъ даже кажется болѣе могучей рѣкой въ своихъ низовьяхъ. Воды его текутъ медленно и правильно между высокими берегами, отражая въ своей поверхности деревья, селенія или группы жилищъ изъ сѣрой глины, нѣсколько бѣлыхъ зданий. Ничего рѣзкаго, поражающаго въ необъятномъ пейзажѣ; извилины рѣки развертываются длинными кривыми, около 5 километровъ среднимъ числомъ, и на подвижной скатерти водъ, простирающейся отъ одного горизонта до другаго, отражается изображеніе неба, всегда чистаго, съ оттѣнками, нечувствительно переходящими одинъ въ другой, безъ рѣзкихъ противоположностей; только нѣсколько барокъ, *dxahabie* или «позолоченныя», всѣ одинаковой формы и съ одинаковыми парусами, нарушаютъ однообразіе картины. Съ каждой стороны узкой равнины, горные склоны, овраги, террасы продолжаютъ одни за другими, нисколько не мѣняя своего вида; въ этой странѣ съ такими простыми линіями почти не удивляешься, увидя правильныя массы пирамидъ, разставленныя на краю западнаго плоскогорья, — утромъ розовые, подернутые дымкой, конусы, точно горящіе факелы при бле-

скѣ дня, вечеромъ темные треугольники, выдѣляющіеся на пылающемъ небѣ.

Ниже Каира, два ряда высотъ, между которыми течетъ Нилъ, какъ во рвѣ, раздвигаются, понижаясь, и рѣка раздѣляетъ свои воды на расходящіяся вѣтви, чтобы излиться въ Средиземное море. Извѣстно, что треугольная форма аллювиальной равнины, которую Нилъ «подарилъ» Египту, какъ выразился Геродотъ, подала поводъ дать имя дельты всей области устьевъ этой рѣки, и, по аналогіи, также всѣмъ странамъ такого же образованія, каковы бы, впрочемъ, ни были неправильности ихъ контура; но, несмотря на всѣ перемѣны, происшедшія въ мѣстной географіи въ послѣднія двадцать пять столѣтій, египетская дельта осталась образцомъ изыщества по ритму ея расходящихся вѣтвей и вырѣзкамъ ея береговъ.

Въ первыя времена исторіи вершина дельты была южнѣе, чѣмъ теперь. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ мѣсто развѣтвленія находилось въ 7 километрахъ ниже нынѣшняго пригорода Булакъ; но такъ какъ промежуточная стрѣлка не была защищена плотинами, то теченіе неустанно подтачивало и размывало ее, изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, и заставляло отступать къ низовью: вся дельта въ цѣломъ передвигается съ юга на сѣверъ по мѣрѣ отложенія рѣчныхъ наносовъ за чертой устьевъ и по мѣрѣ возвышенія dna русла. Въ настоящее время мѣсто развѣтвленія или вершина дельты, называемая Батъ-эль-Бакара, или «Брюхо коровы», находится въ 21 километрѣ отъ Каира, считая по извилинамъ рѣки, усѣянной островами; перемѣщеніе, слѣдовательно, составляло около 7 метровъ въ годъ. Во всей остальной дельтѣ произошли подобныя же перемѣны: излучины вѣтвей были то вправо, то влево въ неплотную, легкоподвижную почву рѣчныхъ наносовъ; простые рвы превратились въ широкія русла, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ могучія рѣки высохли; каждый клочокъ земли былъ поочередно захватываемъ и покидаемъ потоками. Подъ вліяніемъ мистическихъ идей о значеніи чиселъ, писатели древняго міра единогласно насчитывали семь главныхъ вѣтвей въ дельтѣ; другіе рукава рѣки были въ ихъ глазахъ не болѣе, какъ «ложныя устья»: меньшее обиліе водъ, часто останавливаемыхъ баромъ при входѣ въ Средиземное море, позволяло смотрѣть на эти второстепенныя рукава какъ на маловажныя побочныя потоки. Впрочемъ, постоянныя работы по расчисткѣ руселъ, устройству плотинъ и канализации поддерживали въ періоды мира нормальное направленіе рѣкъ, необходимое для хорошаго содержанія полей. Невозможно было бы начертать на картѣ теченіе семи древнихъ вѣтвей дельты, такъ какъ, предоставленныя самимъ себѣ, онѣ снова начали блуждать по равнинѣ, мѣняя мѣсто при каждомъ новомъ разливѣ; но

¹⁾ Duponchel, «Théorie des alluvions artificielles».

географы приблизительно согласны между собой относительно общаго направленія этихъ нильскихъ рѣкъ, и тотъ или другой покинутый каналъ, куда рѣка возвращается лишь во время наводненій, та или другая впадина въ днѣ лагуны морскаго побережья могутъ быть разсматриваемы какъ слѣды старыхъ руслъ. Изысканія, сдѣланныя въ области дельты учеными, состоявшими при египетской экспедиціи Наполеона I, пролили свѣтъ на многіе сомнительные пункты гидрологіи Нила во времена Геродота и Страбона ⁴⁾.

Въ наши дни считаютъ всего только двѣ главныя вѣтви, указываемыя, впрочемъ, на вышуклой дугѣ побережья двумя плоскими мысами, которые образовались изъ аллювіальныхъ косъ, далеко выдвинувшихся въ море. Эти двѣ вѣтви суть: рѣка Рашидъ или Розетская, отождествляемая съ Большитиной древнихъ, и рѣка Даміетская, носившая нѣкогда названіе Фатнетійской и Буколійской. Первая вѣтвь, т. е. Розетская, которая на 23 километра короче второй и, слѣдовательно, немного ниже уровня отъ 80 центиметровъ до 1,20 метра, уноситъ наибольшее количество воды; Даміетская вѣтвь, вмѣстѣ съ промежуточнымъ каналомъ райя Менуфіе, проходящимъ черезъ запруду, уноситъ только четыре девятихъ нильскаго потока. Несмотря на то, Даміетскимъ рукавомъ гораздо больше пользуются для орошенія, по причинѣ большаго возвышенія его уровня.

Количество протекающей въ Нилѣ воды, на запрудѣ во время мелководія 1873 года, по Али-пашѣ Мубареку:

Розетская вѣтвь—181, куб. метр.; Даміетская—245 куб. метр.; райя Менуфіе—19,4 куб. метр. Вмѣстѣ—445,9 куб. метр. Среднее количество за годъ—4.750 куб. метр.

Какъ два радіуса круга, двѣ главныя вѣтви Нила изливаются въ море, одна на сѣверо-западъ, другая на сѣверо-востокъ, выдвигая свои устья километровъ на двѣнадцать за черту морскаго берега. Но та и другая, такъ же, какъ всѣ рѣки, впадающія въ Средиземное море, на половину заперты при входѣ барами изъ илу и песку, черезъ которые не могутъ переходить большія суда. Западный рукавъ, Розетскій, имѣетъ два прохода, глубиной одинъ въ 2, другой—2,20 метра; Даміетскій рукавъ, менѣе открытый, имѣетъ только 1,60 метра глубины въ устьѣ. Высота этихъ пороговъ, зависящая отъ дѣйствія морскихъ водъ, поднимающихъ песокъ на продолженіи побережья, очень мало измѣняется отъ большаго или меньшаго обилія рѣчныхъ водъ. Въ эпоху большаго разлива, когда устья рѣки изливаются въ море жидкую массу около 13.400 куб. метровъ въ секунду, баръ лежитъ всего только на одинъ или два дециметра глубже, чѣмъ въ мелководье,

когда количество несомой воды падаетъ до 330 куб. метровъ. Но если глубина остается почти одинаковой, то мѣстоположеніе бара, указывающее точку равновѣсія между двумя сталкивающимися водными массами, измѣняется на нѣсколько километровъ. Въ періодъ разлива теченіе Нила ощутительно въ морѣ вереть на пять отъ берега, и иногда достаточно для того, чтобы чувствительно разбивать силу волнъ. Суда могутъ находить тамъ безопасное убѣжище, какъ въ рейдѣ ⁴⁾.

Фронтъ дельты постепенно выдвигается въ море, но гораздо медленнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по обилію нильскихъ водъ и значительному содержанію въ нихъ твердыхъ земляныхъ частицъ. Изъ сравненія всѣхъ замѣтокъ, найденныхъ въ древнихъ и средне-вѣковыхъ письменныхъ памятникахъ, геологъ Эли-де-Бомонъ опредѣлялъ въ 4 метра среднее годовое приращеніе египетскаго побережья, но, вѣроятно, эта цифра, относительно незначительная, если сравнить ее съ размѣромъ постепеннаго движенія другихъ меньшихъ дельтъ, на примѣръ, дельты Роны или По, сама по себѣ еще слишкомъ высока. Первая морская карта Розетскаго рукава, снятая въ 1687 году инженеромъ Разо (Razaud), даетъ первый элементъ для положительныхъ сравненій. Двѣ послѣдующія карты, вполне сравнимыя между собой—карта, составленная моряками французской экспедиціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, и карта, начертанная Ларуссомъ въ 1860 году, во время предварительныхъ работъ по прорытію Суэзскаго канала—показываютъ для Розетскаго устья годовое наращеніе въ 40 метровъ, а для Даміетскаго въ 11,60 метровъ въ тотъ же промежутокъ времени. Но это перемѣны мѣстныя, и когда рѣчныя устья перемѣщаются, постепенно отложенные ими аллювіальные полуострова скоро смываются волнами, и песокъ, изъ котораго они состояли, разносится вдоль побережья; во многихъ мѣстахъ констатированы эти разрушительные возвраты моря. Береговое теченіе, очень замѣтное, идетъ вдоль египетскаго берега, направляясь отъ запада къ востоку, отъ Александріи къ Портъ-Саиду, но образуя тамъ и сямъ малыя мѣстныя возвратныя теченія, какъ водоворотъ, происходящій между Розетскимъ устьемъ и Абукирскимъ мысомъ. Непрестанное усиліе береговаго теченія направлено къ тому, чтобы срѣзать мысы и засыпать заливы, возстановляя красивую параболическую кривую берега: повсюду, гдѣ это теченіе встрѣчаетъ препятствіе, оказывающее сопротивленіе, оно соединяетъ его съ твердой землей песчанымъ берегомъ въ формѣ полукруга. Такъ оно скопляетъ пески противъ западнаго жете Портъ-

⁴⁾ Barois, рукописныя замѣтки.

⁴⁾ Laronisse, „Annales hydrographiques“, 2 semestre 1871.

Санда, чтобы засыпать входъ въ него; но эти наносы не настолько значительны, чтобы поставить въ опасность бассейны новаго порта, и человекъ легко можетъ справиться съ ними при помощи землечерпательныхъ машинъ. Въ цѣломъ нельзя считать больше 2 съ половиной метровъ ежегодное приращеніе дельты со стороны моря, такъ что, слѣдовательно, выигрышъ материка не превышаетъ 6 километровъ со времени Геродота.

Можетъ-быть, когда-нибудь существовало даже равновѣсіе между наносами рѣки на внѣшній берегъ и размывающимъ дѣйствіемъ воды, ибо геологическій видъ морскаго берега представляетъ видъ бывшаго береговаго кордона или вала, составлявшаго продолженіе небольшой Александрійской известняковой цѣпи, которая теперь оканчивается на Абукирскомъ мысѣ. Въ неглубокихъ водахъ волны пользуются такимъ образомъ каменистыми точками, островами или мысами, чтобы опереть на нихъ свои песчаные насыпи, которыя отдѣляютъ отъ моря бухты неправильной формы и постепенно превращаютъ ихъ въ береговые озера или лагуны. Прежде чѣмъ приступить къ работѣ завоеванія дна Средиземнаго моря, Нилъ долженъ былъ засыпать пруды, отдѣляемые отъ моря песчаной косой, и это дѣло осушенія прибрежныхъ водныхъ площадей еще не окончено. Впрочемъ, нѣкоторые признаки позволяютъ думать, что трудъ засыпки лагунъ замедляется общимъ осѣданіемъ страны, подобно тому, какое констатировано во многихъ аллювиальныхъ странахъ: въ Голландіи, на берегахъ Сѣверной Германіи, при устьяхъ По, на берегахъ заливообразнаго устья рѣки Амазонской. Такъ, искусственные гроты, вырытые нѣкогда близъ Александріи на нѣкоторой высотѣ надъ моремъ, теперь находятся подъ водой: это могильные склепы, извѣстные подъ именемъ «Клеопатриныхъ купалень» ¹⁾. Общее пониженіе уровня почвы, если оно дѣйствительно существуетъ, объясняетъ также образованіе новыхъ лагунъ, которыя, пробывъ долгое время высохшими, снова открываютъ свои протоки или *боазы*, чтобы наполнить частію свои старыя русла.

Какъ бы то ни было, озерные бассейны дельты содержатъ уже незначительное количество воды, и дѣло засыпки ихъ легко могло бы быть приведено къ успѣшному концу. Уже восточная оконечность озера Мензалехъ, отдѣленная отъ области Нила насыпями Суэскаго канала, превращена въ твердую землю, одновременно съ засыпкой стараго русла пелузійской вѣтви. Само озеро Мензалехъ уменьшилось со времени изслѣдованія Андреосси, въ концѣ прошлаго столѣтія, и теперь тамъ уже не находятъ глубины 5 метровъ, какую онъ показалъ на своей картѣ въ сосѣдствѣ богазовъ или про-

токовъ. Въ наши дни средняя глубина этого бассейна не превышаетъ одного метра, но занимаемое имъ пространство достигаетъ 1.200 квадр. километровъ во время разливовъ Нила; тогда онъ принимаетъ въ себя временные каналы и рѣки, которые отлагаютъ содержащіяся въ нихъ земляныя частицы по ту и другую сторону своего теченія, и сообщается съ моремъ двумя протоками, куда заходятъ морскія свиньи. Въ періодъ мелководія песчаные мели и островки выступаютъ на поверхность въ такомъ множествѣ, что судоходство дѣлается невозможнымъ въ значительной части пруда, но и пѣшеходы не могутъ пускаться безопасно черезъ эту водную площадь, по причинѣ болотистыхъ рвовъ, раздѣляющихъ выступившія изъ-подъ воды земли.

Озеро Бурлосъ, лежащее къ востоку отъ Розетской вѣтви, въ сѣверной части дельты, почти такъ же обширно, какъ и Мензалехъ, и, подобно послѣднему, увеличивается или уменьшается съ измѣненіемъ высоты рѣчныхъ водъ, являясь попеременно то прѣсноводнымъ бассейномъ, когда оно сообщается съ Ниломъ, то резервуаромъ, наполненнымъ солоноватымъ остаткомъ, когда поверхностный слой жидкой массы испарится. Съ моремъ оно сообщается только однимъ постояннымъ проливомъ. Озера Эдку и Абукирское почти не заслуживаютъ этого имени и должны быть скорѣе названы прудами. Что касается лагуны Мариутъ (Мареотида древнихъ), то она имѣетъ по меньшей мѣрѣ около сотни верстъ въ окружности, и нѣкоторые изъ ея береговъ на западѣ и на югѣ круто обрываются въ бассейнъ, что придаетъ ему видъ настоящаго озера. Однако, Мариутъ былъ совершенно высохшимъ въ 1799 году, когда англичане прорвали, на югѣ отъ Александріи, плотину, отдѣлявшую его отъ моря; но, снова наполнившись водой, онъ опять сталъ уменьшаться въ объемѣ съ тѣхъ поръ, какъ брешь была задѣлана. Потому ли, что древніе египтяне тоже осушали это озеро, совершенно разобщая его съ моремъ, или потому, что общій уровень материка былъ тогда выше, но не подлежитъ сомнѣнію, что котловина Мареотиды была сухой вся или частію въ продолженіе извѣстнаго періода древней эры, ибо тамъ нашли остатки храмовъ и статуй.

Если захваты нильскихъ наносовъ на морѣ и на озерахъ дельты трудно вычислить, то то же самое можно сказать о постепенномъ возвышеніи прибрежныхъ земель Нила во всей области, орошаемой разливами, тѣмъ болѣе, что нужно бы было въ то же время принимать въ разсчетъ песчаные частицы, приносимыя вѣтромъ и смѣшивающіяся съ наносами ²⁾. На основаніи сравнительныхъ наблюденій, сдѣланныхъ во время изслѣдованія Египта, Жи-

¹⁾ Lyell, „Antiquity of Man“.

²⁾ H. Duveyrier, рукописныя замѣтки.

раръ пришелъ къ тому выводу, что аллювиальные слои, отлагаемые ежегодно Ниломъ, производятъ среднее повышение уровня почвы на 126 миллиметровъ въ столѣтíе: слѣдовательно, въ продолженіе послѣднихъ пяти тысячъ лѣтъ, то-есть съ той эпохи, когда египтяне предпринимали уже самыя обширныя работы по канализации, уровень нильскихъ равнинъ долженъ бы былъ повыситься слишкомъ на 6 метровъ ¹⁾, хотя дельта за этотъ промежутокъ времени очень маловыдвинулась въ море. Правда, болшинство памятниковъ, построенныхъ въ сѣдствіе рѣки, теперь зарыты въ землю до нѣкоторой высоты: каменные плиты, которыми вымощены большія аллеи сфинксовъ передъ Карнакомъ, скрыты подъ отложеніями Нила; точно также у колоссальныхъ статуй Мемнона, стоящихъ верстахъ въ двухъ отъ рѣки, почти весь пьедесталъ закопанъ въ толщину аллювія, такъ что нужно было въ самой почвѣ искать греческую надпись, которая, безъ сомнѣнія, была вырѣзана на высотѣ роста человѣка. Но это еще не доказательства возвышенія почвы, потому что тяжелыя массы зданій и особенно громадныя глыбы камня, какъ колоссы Мемнона, должны постепенно осѣдаться, углубляться въ аллювиальную почву прибрежныхъ равнинъ Нила: зала съ колоннами въ Оивахъ, которая, очевидно, была построена выше уровня разлива, теперь затопляется каждый годъ, и въ ней прогуливаются на лодкѣ ²⁾. То же самое мы видимъ въ другихъ мѣстахъ: такъ, эрратическіе камни Швейцаріи и колоннады римскихъ храмовъ все глубже входятъ въ рыхлую землю, которая ихъ поддерживаетъ. Нилометръ, открытый Жираромъ на островѣ Элефантинѣ, есть, можетъ быть, одинъ изъ тѣхъ памятниковъ, фундаментъ которыхъ осѣлъ: изъ того, что уровень разлива въ наши дни превышаетъ 2 съ половиною метра древнія измѣренія, нельзя еще заключить, что высота рѣчнаго ложа и береговъ настолько же увеличилась. Это явленіе было бы въ явномъ противорѣчii съ фактомъ осушки старой долины къ востоку отъ Ассуана, нынѣ покинутой теченіемъ.

Ежегодный разливъ Нила, возрождающій всю природу и наступленіе котораго древніе египтяне праздновали, какъ воскресеніе бога, есть явленіе очень правильное въ отношеніи времени появленія, представляющее лишь весьма незначительныя отклоненія въ своемъ періодическомъ чередованіи; возвратъ водъ разлива древніе сравнивали съ возвратомъ небесныхъ свѣтилъ. Какъ было прибрежнымъ народамъ не боготворить эту благодѣтельную рѣку, «творца пшеницы, производителя ячменя», рѣку, безъ которой «боги упали бы ницъ и погибли бы люди»? «Привѣтъ тебѣ, Нилъ, даю-

ній жизнь Египту!»—такъ прославляли его нѣкогда египетскіе жрецы ¹⁾. Съ порядкомъ его теченія все сообразовалось, да и теперь еще сообразуется: сельскія и городскія работы, религиозныя и гражданскія праздники; но въ наши дни легче приготовиться къ пришествію могучаго потока, возвѣщающему изъ Хартума за тридцать или сорокъ дней напередъ. Почти всегда 10 іюня рѣка начинаетъ расти, катя «зеленыя» и нездоровыя воды, происходящія изъ большихъ болотъ Верхняго Нила; но въ началѣ повышение уровня идетъ почти незамѣтно. Около половины іюля разливъ быстро увеличивается, вслѣдствіе внезапнаго притока «красныхъ» водъ, приносимыхъ потоками Есіюліи; часто кривая, графически изображающая ходъ наводненія, представляетъ маленький «рогъ» или изгибъ, образуемый пониженіемъ и слѣдующимъ затѣмъ новымъ повышеніемъ уровня: это явленіе происходитъ отъ несовершенія разлива между Голубымъ Ниломъ и Атбарой. Къ концу августа Нилъ бываетъ уже почти въ половодье; однако, наводненіе и послѣ того еще понемногу увеличивается до 7 октября,—средній день, когда воды достигаютъ своей кульминаціонной точки. Съ этого момента начинается спадъ водъ, происходящій постепенно, почти безъ всякихъ второстепенныхъ изгибовъ въ его нормальной кривой и продолжающійся до того времени, когда опять наступаетъ повышение уровня. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ высокаго стоянія водъ жидкая масса, катимая Ниломъ въ море, представляетъ три четверти общаго годоваго количества, именно 90 миллиардовъ кубич. метровъ изъ 120 миллиардовъ ²⁾. Само собой разумѣется, высота наводненія уменьшается отъ верховья къ низовью. Передъ Ассуаномъ она составляетъ 16 или 17 метровъ; въ Каирѣ горизонтъ воды на 10 метровъ ниже; во время большаго разлива 1880 года высота достигала 7,961 метра, тогда какъ въ 1799-мъ, который былъ годомъ низкихъ водъ, она не превышала 6,857 метровъ. Опираясь на нѣкоторые древніе тексты, между прочимъ, на одно мѣсто у Геродота, возбуждавшее много споровъ, утверждали, что будто высота разлива значительно измѣнилась съ первыхъ вѣковъ египетской исторіи; но нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы съ достовѣрностію рѣшить этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ, среднее возвышеніе водъ разлива не измѣнилось съ конца восьмага столѣтія послѣ Р. Х., ибо точныя измѣренія, сдѣланныя въ эту эпоху, сохранились до нашего времени, и констатировано, что они сходятся съ измѣреніями, опубликованными учеными французской экспедиціи, и съ непрерывнымъ рядомъ новѣй-

¹⁾ Description de l'Egypte, tome VI.

²⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Maspero, «Catalogue du Musée de Boulaq».

²⁾ Barois, рукописныя замѣтки.

шихъ наблюденій¹⁾. Впрочемъ, разливы бывають то больше, то меньше, колеблясь вокругъ средней равновѣсія; иногда вода не поднимается довольно высоко, чтобы наполнить всѣ каналы; въ другіе годы, напротивъ, наводненіе бываетъ слишкомъ велико, и поля не обсыхаютъ довольно скоро, чтобы посѣвы могли дать хорошій урожай. Нужно сказать, что вообще размѣръ налоговъ, падающихъ на землю, измѣняется сообразно высотѣ и содержанію рѣки; оттого публичный глашатай, возвѣщающій всенародно уровни разлива, часто давалъ ложныя показанія, по внушенію фиска, имѣющаго въ виду болѣе значительное поступленіе налоговъ. День, когда Нилъ поднимается вровень съ берегами, и когда приготавливаются прорвать плотины, отдѣляющія его отъ каналовъ внутренней канализаціи, есть день всеобщей радости для прибрежныхъ жителей, такъ какъ эта прибывающая вода представляетъ для нихъ хлѣбъ, который вырастаетъ въ бороздѣ; но вода не успѣла еще смочить ихъ полей, какъ уже является сборщикъ податей требовать долю, и больше, чѣмъ долю, слѣдующую казнѣ. Извѣстно, что въ старину приносили на рѣку съ большою торжественностію молодую дѣвушку и бросали ее пожирающимъ водамъ, чтобы богъ послалъ хорошій урожай; теперь въ потокъ ввергаютъ уже не живаго человѣка, а только куклу, но до сихъ поръ все еще поручаютъ палачу приносить этотъ даръ Нилу, напоминая чуждыя жертвоприношенія минувшихъ временъ.

Два пояса аллювіальныхъ земель, идущихъ вдоль Нила, пересѣкаются ирригаціонными каналами, которые всюду разносятъ плодотворную воду. Нилъ такъ же, какъ и всѣ другія рѣки, текущая въ аллювіальной равнинѣ, имѣетъ берега болѣе высокіе, чѣмъ часть равнины, удаленная отъ русла. Поперечный разрѣзъ, перпендикулярный къ направленію долины, показалъ бы, что отъ утеса до утеса равнина имѣетъ въ цѣломъ выпуклую форму: стержень теченія, въ періодъ разлива, занимаетъ самую высокую часть всего промежуточнаго пространства между боковыми холмами. Отъ этого средняго выступа поверхность воды наклонена направо и влѣво, и покатость продолжается съ той и другой стороны въ прибрежныхъ равнинахъ. Наибольшая высота равнины въ сосѣдствѣ рѣки объясняется тѣмъ, что на этой позѣ воды разлива отлагаютъ наибольшую часть содержащихся въ нихъ земляныхъ частицъ: потокъ, разливающийся поверхъ высокихъ береговъ, стремится спускаться нисколько, увлекаемый по двойному скату: съ одной стороны—въ общемъ направленіи долины, съ другой—въ направленіи перпендикулярномъ къ ли-

ніи теченія. Если бы вода не встрѣчала никакого препятствія въ оросительныхъ каналахъ, отведенныхъ изъ Нила, она тотчасъ же устремилась бы къ низкой части прибрежныхъ равнинъ, то-есть вдоль откосовъ пустыни, и превратила бы эту котловину въ огромное озеро: нужно задерживать потокъ разлива въ верхней части канала при помощи поперечной плотины, которую открываютъ только тогда, когда верхняя часть была достаточно затоплена. Затѣмъ вода пребываетъ извѣстное время во второй части канала, тоже ограниченной запрудой, и такимъ образомъ каналы, расположенные уступами, послѣдовательно разносятъ плодотворную влагу во всѣ части равнины²⁾. Однако, встрѣча теченій въ боковыхъ каналахъ и мѣстное отложеніе рѣчныхъ наносовъ измѣнили во многихъ мѣстахъ нормальную покатость почвы; съ другой стороны, пески, приносимые вѣтромъ съ сосѣднихъ высотъ, поднимаютъ тамъ и сямъ земли равнины до одинаковаго или даже болѣе высокаго уровня, чѣмъ уровень береговъ Нила. Вслѣдствіе этого, земледѣльцы принуждены измѣнять всю систему своихъ каналовъ. Въ прежнія времена, когда Нилъ давалъ пріютъ въ своихъ водахъ пяти видамъ крокодила, маленький безвредный крокодилъ, называемый *сука*, путешествовалъ впереди водъ; появленіе его всегда предшествовало наступленію разлива, это былъ глашатай великой вѣсти. Оттого поселяне встрѣчали празднествами этихъ крокодиловъ, радостныхъ вѣстниковъ, и даже въ городахъ, отдаленныхъ отъ Нила, имъ воздавали торжественный культъ: имъ воздвигали храмы, гдѣ въ святилищѣ жили эти животныя, украшенные браслетами и подвѣсками и кормимыя мясомъ жертвъ³⁾. Теперь нѣтъ болѣе крокодиловъ въ египетскомъ Нилѣ. Большая ящерица, которую видали еще въ началѣ этого столѣтія въ каналахъ, перерѣзывающихъ Канрь, не встрѣчается уже даже въ Оивахъ: первые крокодилы найдены были недавно въ Омбосѣ, между тѣсною Цѣней и Ассуаномъ⁴⁾; въ области водопадовъ водятся также электрическія рыбы⁵⁾. Бегемоты, или «нильскія лошади», удалились еще выше по рѣкѣ, къ слиянію Атбары.

Когда уровень начинаетъ понижаться въ руслѣ Нила, жидкая масса, наполняющая верхнюю часть каналовъ, тотчасъ ушла бы въ рѣку, если бы не запирали входъ рва: этимъ способомъ земледѣльцы запасаютъ себѣ на весну и лѣто воду, необходимую для орошенія полей и садовъ. Когда рѣка идетъ на убыль, уровень наводненія поддерживается въ прибрежныхъ рав-

¹⁾ Girard, "Description de l'Égypte", tome XX.

²⁾ Geoffroy Saint Hilaire, "Revue Encyclopedique", tome XXXVIII, mai 1828.

³⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки; — Prokesch-Osten, "Nilfahrt".

⁴⁾ Gottberg, цитированная статья.

⁵⁾ Jomard, "Bulletin de la Société de Géographie de Paris", avril 1864.

нинахъ на 5 или 6 метровъ выше уровня теченія въ рѣчномъ ложѣ. Кромѣ того, земледѣльцы пользуются водами Нила, которыя просачиваются по бокамъ въ почву на разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ береговъ, но просачиваются такъ медленно, что дѣйствіе разлива дѣлается тамъ замѣтнымъ только спустя нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ послѣ нормальнаго періода наводненія: въ 100 метрахъ отъ рѣки нужно ждать отъ восьми до десяти дней прежде, чѣмъ увидишь подъемъ воды въ колодцахъ; въ разстояніи около версты она начинаетъ подниматься только тогда, когда вода въ рѣкѣ уже спала. Слѣдствіемъ этого бываетъ то странное явленіе, что во время мелководія Нила вода въ колодцахъ, удаленныхъ отъ береговъ, достигаетъ уровня, на 3 или 4 метра превышающаго уровень самой рѣки. Пользуясь этимъ, земледѣльцы продолжаютъ орошеніе, которое безъ подземнаго притока было бы невозможно.

Каналы, поперечныя плотины, утилизируемые какъ пути сообщенія между деревнями, придаютъ всей странѣ видъ обширной шахматной доски воздѣланныхъ земель, раздѣльных линій которыхъ представляютъ то выступы, то впадины; живительная вода циркулируетъ повсюду, какъ кровь въ артеріяхъ животнаго. Но содержаніе въ порядкѣ всего этого организма требуетъ величайшей заботливости, и малѣйшей неисправности въ этихъ почти совершенно плоскихъ равнинахъ, неимѣющихъ опредѣленной покатости, достаточно, чтобы произвести трещины и завалы, чтобы превратить каналы въ болота. Изнуренные неустаннымъ трудомъ, обезкураженные алчностью фиска, феллахи не всегда обладаютъ свободой духа, нужной для того, чтобы содержать въ исправномъ состояніи сѣть каналовъ, которая, между тѣмъ, необходима имъ для питанія ихъ первобытныхъ оросительныхъ снарядовъ. Въ большихъ имѣніяхъ воду поднимаютъ при помощи *sakie* или «колось съ бадьями», подобныхъ тѣмъ, какія употребляются въ Сиріи, и приводимыхъ въ движеніе волами или ослами, въ Нубіи—верблюдами. Но большинство крестьянъ употребляютъ *шадуфы*, сосуды или кадки, которые два человѣка, дѣйствуя на одно плечо рычага, попеременно опускаютъ въ воду и поднимаютъ наверхъ. Достигнувъ верхней точки описываемой ею дуги, кадка опирается въ канавку, затѣмъ снова спускается и опять поднимается. Шадуфъ поднимаетъ такимъ образомъ воду на высоту 2 или 3 метровъ; если поля, которыя нужно орошать, лежатъ на болѣе высокомъ уровнѣ, прилагается второй снарядъ, дѣйствующій надъ первымъ: иногда на уступахъ берега видишь три этажа поставленныхъ одинъ надъ другимъ шадуфовъ. Но эти примитивные способы берутъ у Нила лишь весьма незначительную часть воды, которая могла бы быть утилизируема для оро-

шенія. Изъ 120 миллиардовъ кубич. метровъ, катимыхъ Ниломъ въ продолженіе года, только 5 миллиардовъ употребляются прибрежными жителями для цѣлей земледѣлія; оттого обработанная земля составляетъ только половину, можетъ-быть, даже треть почвы, которую можно было бы утилизировать¹⁾. Теперь въ бассейнѣ Нила живутъ много-много что сорокъ миллионъ людей, а между тѣмъ эта вода-кормилица могла бы производить хлѣба еще для многихъ десятковъ миллионъ.

Нильскій илъ, бураго или черноватаго цвѣта, составляетъ единственное удобреніе полей въ Египтѣ. Отъ дѣйствія солнечной теплоты онъ скрѣпляется и можетъ быть обдѣлываемъ въ кирпичи и въ сосуды. Подъ ногами онъ дѣлается твердымъ, какъ камень, и сжимается, образуя глубокія трещины. Древніе песчаные и известковые грунты, смѣшанные у основанія холмовъ съ галькой и валунами, которые были принесены наводненіями, предшествовавшими современной геологической эпохѣ, прикрыты слоемъ, толщиною отъ 10 до 12 метровъ²⁾, составляющимъ необычайно богатую пахатную почву, которая, будучи разложена на другія равнины, была бы достаточно, чтобы сдѣлать плодороднымъ пространство, въ сто разъ болѣе значительное. По химическому составу этотъ илъ Нила, создавшій Египетъ, отличается отъ ила всѣхъ европейскихъ рѣкъ³⁾; анализы его, даваемые учеными, много разнятся, смотря по времени отложенія и мѣсту происхожденія, въ сосѣдствѣ или въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. Но всякій нильскій илъ содержитъ значительную долю углекислой извести и магнезіи, окиси желѣза и углерода, происходящаго изъ разлагающихся органическихъ веществъ; каждый миллиметръ этого ила заключаетъ въ себѣ также кремнистыя палочки діатомей. Анализъ египетскаго ила, сдѣланный Реньо:

Воды	11	частей на 100
Углерода	9	" "
Окиси желѣза	6	" "
Кремнезема	4	" "
Углекислой магнезіи	4	" "
" извести	10	" "
Глинозема	48	" "

Въ этой столь прѣсной водѣ Нила находятся всякаго рода твердыя частицы, приносимыя изъ всѣхъ провинцій огромнаго бассейна, животные остатки, окаменѣвшіе въ лужахъ Вахрзель-Азрека, болотные мхи и тростники Кира и рѣки Газелей. Между песками, глинами, угрюмыми скалами двухъ пустынь пролегаетъ узкій поясъ зелени, образуемый смѣшанными земли-

¹⁾ Stephan, „Das heutige Egypten“; — Raoul Pictet, „Société de Géographie de Genève“, séance du 23 janvier 1874.

²⁾ Girard, цитированное сочиненіе.

³⁾ Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.

стыми частицами, которые воды приносят съ половины африканскаго континента.

II. Область больших озеръ.

Бассейнъ озера Викторія-Ніанца и бассейны Верхняго Ніла до прохода рѣки черезъ озеро Альбертъ-Ніанца, или Мвутанъ-Нзиге, обнимаютъ значительное пространство, которое можно исчислять въ 430.000 квадр. километровъ, не претендуя, однако, на очень большую точность: пока не будутъ извѣстны опредѣленно линіи раздѣла между покатостями, можно дѣлать лишь грубыя вычисленія, по площадямъ, ограничиваемымъ линіями сѣти долготъ и широтъ. Эта обширная область, средняя высота которой слишкомъ 1.200 метровъ, составляетъ часть континентальнаго горба: по своимъ водамъ, текущимъ въ египетскую рѣку, она принадлежитъ къ бассейну Средиземнаго моря; но она лежитъ гораздо ближе къ берегамъ Атлантическаго океана, а южная ея оконечность отстоитъ меньше, чѣмъ на 400 километровъ отъ Индійскаго океана. По удобству сообщенія съ вѣнскимъ міромъ, берега Большаго Ніанца находятся въ кругѣ притяженія Занзибара. Даже когда путь по Нілу открытъ, и война не опустошаетъ его береговъ, европейскимъ путешественникамъ, отправляющимся въ эту часть Африки, все-таки выгоднѣе избрать путь Индійскаго океана и подниматься къ плоскогорьямъ дорогами, по которымъ слѣдуютъ арабскіе купцы.

Хотя область Ніанца составляетъ раздѣльную возвышенность между склономъ Средиземнаго моря и покатостями Атлантическаго и Индійскаго океановъ, она, однако, гораздо ниже другихъ частей континента. Если исключить мѣстность около истоковъ Тангуре, гдѣ высится Мфумбиро, поднимающійся, можетъ-быть, на 3.000 метровъ, и далѣе на сѣверѣ, мѣстность, гдѣ тянется, параллельно меридіану, массивъ Гамбарагара, еще болѣе высокій, — плоскогорье не представляетъ большихъ горъ; выпуклости рельефа возвышаются всего только на нѣсколько сотъ метровъ надъ окружающими равнинами; нигдѣ природа не противопоставляетъ непроходимыхъ препятствій изслѣдованію страны. Между территоріями верхняго нильскаго бассейна есть такія, которые по справедливости могутъ считаться привилегированными странами, въ Африкѣ и во всемъ свѣтѣ, по разнообразію и живописности пейзажей, обилію водъ, богатству растительности, плодородію почвы; таковы именно прибрежныя области озера Ніанца, на западѣ и на сѣверѣ. На югѣ этого резервуара, въ землѣ У-Ніамези, жители менѣе благодѣтельствованы природой: долины тамъ чередуются съ холмами и плоскогорьями; но въ дождливое время года онѣ почти вездѣ затоп-

ляются и превращаются въ болота. Вслѣдствіе этого, всѣ селенія и всѣ пашни расположены тамъ по скатамъ высотъ: промежуточные долины утилизируются только, какъ пастбища въ сухое время года; холмы состоятъ изъ гранитныхъ массъ, прикрытыхъ тамъ и сямъ тонкимъ слоемъ чернозема, гдѣ растетъ мелкій кустарникъ. Къ востоку отъ внутренняго моря Африки, почва, не такъ обильно орошаемая, усѣяна котловинами, гдѣ разстилаются солончатыя или соляныя болота, тогда какъ на сѣверѣ, между двумя озерами Викторія и Альбертъ-Ніанца, прѣсноводныя болота, чащи нунуфара, медленно текуція рѣки, съ широкими извилистыми руслами, занимаютъ обширное пространство.

Хотя Ніанца пересѣкается равноденственной линіей, но значительное возвышеніе страны надъ уровнемъ моря, свободный проходъ, представляемый ею всѣмъ атмосфернымъ теченіямъ, а также древесная растительность, поддерживаемая обильными дождями, умѣряютъ среднюю температуру, и здѣсь никогда не бываетъ такихъ чрезмѣрныхъ жаровъ, какъ въ Нубіи, въ 20 градусахъ къ сѣверу отъ экватора. Правильныя метеорологическія наблюденія, производившіяся въ Рубагѣ, главномъ городѣ земли У-Ганда, въ нѣсколькихъ минутахъ къ сѣверу отъ равноденственной линіи, показываютъ, что климатъ этихъ странъ нельзя назвать жаркимъ. Самая высокая температура, которую тамъ пришлось выносить европейцамъ, была всего только 34,8° Ц., а самая низкая точка, до которой опускалась ртуть термометра, была 10,7° Ц.: между этими двумя крайностями средняя температура каждаго мѣсяца колеблется между 20 и 22 градусами; для цѣлаго года она составляетъ 21,4 градусовъ стоградуснаго термометра¹⁾: это температура Кантона, Туниса, Новаго Орлеана; Капръ, Багдадъ, Гаванна, Ріо-Жанейро имѣютъ болѣе высокую среднюю температуру, не говоря уже о такихъ «пеклахъ», какъ Буширъ, Маскатъ, Карачи, Бискра, Мурзукъ. Господствующіе вѣтры въ этой области — южный и юго-восточный, привлекаемые тепловымъ фокусомъ Сахары; когда разражается гроза, что почти всегда бываетъ въ одинъ и тотъ же часъ по полудни, то это вообще происходитъ вслѣдствіе встрѣчи этихъ южныхъ воздушныхъ теченій съ другими теченіями, идущими съ сѣвера и сѣверо-запада. Ни одинъ мѣсяцъ не бываетъ безъ дождей; въ этой области, соответствующей «западнѣ» Атлантическаго океана, дождевыя облака образуются во всякое время года; однако, іюль мѣсяцъ относительно сухой: самые обильные дожди выпадаютъ въ періодъ съ сентября до ноября; апрѣль представляетъ второй максимумъ выпаденія

¹⁾ E. Ravenstein, „Appendice to Wilson and Felkin's Uganda“; — Hann, „Petermann's Mittheilungen“, 1878, p. 64; 1880, p. 143.

атмосферныхъ осадковъ. Впрочемъ, годовой слой дождевой воды въ Угандѣ составляетъ, по Вильсону, всего только 1,2₃ метра, что объясняется недостаткомъ высокихъ горъ, задерживающихъ облака во время прохода ихъ надъ страной. Мѣсяцы не отличаются одинъ отъ другаго увеличеніемъ или уменьшеніемъ тепла; и такъ какъ единственные замѣчательныя явленія солнечнаго года—два дождливыхъ сезона: одинъ весенній, другой осенній, то жители Уганды приняли за естественное дѣленіе времени эпоху дождей, совпадающую для нихъ съ періодомъ полевыхъ работъ: ихъ годы, слѣдовательно, составляютъ лишь половину нашихъ; каждый годъ состоитъ изъ шести мѣсяцевъ, изъ которыхъ первый называютъ «мѣсяцемъ, когда сѣютъ», а остальные пять—«мѣсяцами, когда вѣдятъ»¹⁾.

Благодаря обилію дождей, флора очень богата въ плодородныхъ областяхъ, окружающихъ большое озеро Ніанца, почва которыхъ состоитъ изъ растительной земли, залегающей на красной глинѣ, смѣшанной съ пескомъ и имѣющей не менѣе десятка метровъ толщины. Въ У-Гандѣ, около экваторіальной линіи, нигдѣ не увидишь перерыва въ поясъ зелени, покрывающей страну: гдѣ прекращаются массивы банановъ и другія культуры, обширные сады, въ которыхъ исчезаютъ селенія, тамъ тотчасъ же начинаются лѣса большихъ деревьевъ, несущихъ на своихъ вѣтвяхъ цѣлыя колоніи чужезданныхъ растений и соединяющихся съ деревьями подлѣсья фестонами лианъ; болѣе пятидесяти различныхъ видовъ папоротниковъ растутъ въ этихъ лѣсныхъ чащахъ. Ручьи, извивающіеся на днѣ овраговъ, текутъ какъ бы въ подземныхъ галлереяхъ, куда проникаетъ лишь слабый свѣтъ; издали присутствіе ихъ можно узнать только по пышно разросшимся деревьямъ, переплетающимъ свои раскидистыя вѣтви надъ потокомъ. Но какъ ни прекрасна флора плоскогорій Верхняго Нила, она, повидимому, не отличается большимъ разнообразіемъ: изъ 750 видовъ, которые Грантъ привезъ изъ своего путешествія по Африкѣ, отъ Занзибара до Нижняго Нила, только 80, самое большое сотня, были еще неизвѣстны ботаникамъ. Флора Мыса Доброй Надежды, флора Абиссиніи, флора Нила смѣшиваются на этихъ высотахъ; встрѣчаются даже нѣкоторые виды, свойственные Индустану²⁾, а теперь, кромѣ того, привились многія европейскія растенія, нашедшія тамъ вполне подходящий климатъ³⁾. Грантъ полагаетъ, что эта область, особенно Карагуэ, была бы какъ нельзя болѣе благоприятна для куль-

туры чайнаго дерева⁴⁾. Самое большое дерево этой страны—мпаффу; изъ ствола его, имѣющаго до 7 и 8 метровъ (почти до 4 сажень) въ окружности, течетъ благовонная камедь.

Подобно флорѣ, фауна плоскихъ возвышенностей отличается отъ животнаго царства окружающихъ областей лишь небольшимъ числомъ видовъ. Озеро населено бегемотами и крокодилами, какъ Нилъ и Нигеръ, и птицы-рыболовы гнѣздятся массами въ тростникахъ или сидятъ на вѣтвяхъ деревьевъ, растущихъ на берегу. Въ земледѣльческой странѣ, откуда присутствіе человека удалило почти всѣхъ дикихъ звѣрей, остались, однако, въ лѣсныхъ чащахъ леопарды, которыхъ поселеніе очень боятся; гіены тоже бродятъ вокругъ хижинъ; лисицы пугаютъ путника своимъ зловѣщимъ таяканьемъ; дикія кошки и другія животныя изъ породы африканскихъ хорьковъ преслѣдуютъ мелкую дичь; бѣлки перепрыгиваютъ съ вѣтки на вѣтку; большіе сѣрые попугаи слетаютъ съ верхушки деревьевъ, испуская рѣзкій крикъ; тогда какъ внизу, между цвѣтами, порхаетъ цѣлый міръ маленькихъ птичекъ и бабочекъ, блистающихъ яркими красками. Вдали отъ воздѣланныхъ мѣстностей, именно въ землѣ У-Суй, на границахъ области Карагуэ и въ сѣверной части У-Ганды, гдѣ лѣсныя деревья замѣнены дикими пальмами и папоротниками—злаками, антилопы многочисленныхъ видовъ, носороги, слоны, зебры рыскаютъ по странѣ; буйволы населяютъ окраины болотъ, а дикіе вербры скрываются въ кустарникѣ. Въ лѣсахъ Плоскогорья обитаютъ многія породы обезьянъ, между прочимъ, видъ *colubus guereza*, съ пышной бѣлой и черной шевелюрой; даже чимпанзе, говорятъ, принадлежатъ къ фаунѣ тѣхъ краевъ⁵⁾. Левъ очень рѣдко встрѣчается на плоскихъ возвышенностяхъ экваторіальной Африки; однако, его могучій голосъ и тамъ раздается иногда, наводя страхъ на другихъ животныхъ. Страусы живутъ въ открытыхъ равнинахъ, а безчисленные семьи цесарокъ ютятся подлѣ кустами. Коршуны особой мелкой породы очищаютъ страну отъ труповъ, остающихся послѣ казни и битвъ.

Нѣкоторыя части области Верхняго Нила принадлежатъ къ числу самыхъ многоядныхъ странъ Африки. Описанія Спика и Гранта, Станли, Шалье-Лонга, Линана и Джесси, частныя исчисленія миссіонеровъ сходятся между собой въ этомъ отношеніи. На основаніи этихъ согласныхъ свидѣтельствъ относительно У-Ганды и многихъ смежныхъ государствъ, можно съ вѣроятностію заключить, что населеніе въ части покатоности Средиземнаго моря, лежащей вокругъ озеръ Викторія-Ніанца и Альбертъ-

¹⁾ Wilson and Felkin, "Uganda and the Egyptian Soudan".

²⁾ Speke, "Journal of the Discovery of the Source of the Nile".

³⁾ Wilson, "Proceedings of the R. Geographical Society", juin 1880.

⁴⁾ "A. Walk across Africa".

⁵⁾ Emin-bey, "Petermann's Mittheilungen", 1881.

Ніанца, простирается до 10 или 12 милліоновъ

человѣкъ.

По языку и, вѣроятно, также по расѣ, пле-

мена и націи Плоскогорья примыкаютъ къ оби-

«людей», замѣчательныхъ своими гармониче-

скими и гибкими варѣчіями, отличающимися

необычайнымъ богатствомъ и пластичностью.

Только къ востоку отъ Ніанца живутъ, можетъ-

Нилъ у вторыхъ пороговъ.

тателямъ южной Африки: этнологическая об-

ласть захватываетъ въ этомъ мѣстѣ часть сѣ-

верной покатости на протяженіи около тысячи

километровъ. Прибрежные жители бассейна

Ніанца принадлежатъ къ семьѣ банту, то-есть

быть, племена, говоряція идіомами того же

происхожденія, какъ діалектъ племени нуба,

въ Кордофанѣ; во всякомъ случаѣ, не подле-

житъ сомнѣнію, что по близости озера есть се-

ленія масаевъ и ва-квафи, языкъ которыхъ не

одинаковаго происхожденія съ языкомъ банту¹⁾. Между прибрежными племенами есть такія, которыя еще не были въ сношеніяхъ съ европейскими путешественниками: пока ихъ причислили къ бантусамъ, въ ожиданіи положительныхъ свидѣтельствъ, которыя, конечно, не заставятъ себя долго ждать, такъ какъ миссіонеры разныхъ вѣроисповѣданій начинаютъ появляться въ большомъ числѣ на берегахъ озера Ніанца.

Часть группы племенъ, извѣстныхъ подъ именемъ ніамези (у-ніамези), поселилась въ холмистой области, простирающейся къ югу отъ залива Слика, самаго обширнаго въ бассейнѣ Ніанца. Въ этой странѣ, орошаемой рѣкой Симейу и другими притоками залива, населеніе, обозначаемое въ совокупности именемъ сукума, дѣлится на множество маленькихъ народцевъ бантускаго происхожденія, но сильно измѣнившихся вслѣдствіе скрещиваній съ невольниками всякаго происхожденія и часто перемѣняющихъ мѣсто жительства, чтобы избѣгнуть нападеній разбойниковъ или *руа-руа*. Большинство племенъ области У-Сукума, хотя соединенныя въ общій союзъ или конфедерацію, отличаются одно отъ другаго чертами таутировки и способомъ заостренія зубовъ; главное украшеніе ихъ состоитъ изъ желѣзной проволоки, которую они обвиваютъ вокругъ рукъ, ногъ, шеи и которая очень затрудняетъ быстрыя движенія; кромѣ того, мужчины и женщины привязываютъ себѣ къ ногамъ колокольчики, чтобы сопровождать свою рѣчь серебрянымъ звономъ²⁾. Начальники племени въ принципѣ располагаютъ лишь весьма ограниченной властью; во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ они должны спрашивать совѣта у стариковъ, хранителей обычая; тѣмъ не менѣе, налоги, взимаемые царьками и дѣлающіе ихъ крупными собственниками страны, позволяють имъ часто дѣйствовать съ полнымъ произволомъ, въ качествѣ безответственныхъ деспотовъ. Варятъ ли поселяне себѣ пиво или *помбе*, король угощаетъ себя этимъ пивомъ до тѣхъ поръ, пока не напьется до-пьяна; убьютъ ли охотники слона, король получаетъ на свою долю лучшіе куски и завладѣваетъ бивнями; всѣ шкуры львиныя, леопардовыя или зебровыя принадлежатъ ему заранее; проѣзжіи торговцы должны показать свои товары королю, который взимаетъ проѣздную пошлину, какую ему заблагоразсудится назначить; наконецъ, когда какой-нибудь несчастный сожженъ на кострѣ или прозентъ копьями за колдовство, все его наслѣдство достается начальнику племени³⁾. Хотя женщины вообще очень мало уважаются въ странѣ, однако одно многочис-

ное селеніе управляется королевой⁴⁾. Волшебники пользуются большою властью, и тѣ изъ нихъ, предсказанія которыхъ исполнились и которымъ молва приписываетъ какія-нибудь чудеса, располагаютъ безграничнымъ могуществомъ, присвоеннымъ непогрѣшимости. Орудіемъ волшебства у нихъ служитъ рогъ коровы или антилопы, который они наполняютъ чудодѣйственнымъ порошкомъ и который, будучи водруженъ въ землю у входа въ селеніе, имѣетъ силу отгонять неприятеля. Однако, часто приходится прибѣгать въ болѣе энергическимъ чарамъ. Когда готовятся къ битвѣ, чародѣй сдираетъ кожу съ ребенка, затѣмъ кладетъ его, всего окровавленного, посреди «дороги войны», и бойцы проходятъ по этому обезображенному тѣлу, чтобы шествовать къ побѣдѣ. Прибытіе европейскихъ миссіонеровъ нанесло сильный ударъ могуществу чародѣевъ, такъ какъ миссіонеры тоже слывуть «лѣкчарами», и ихъ лѣкарственные «снадобы» считаются болѣе дѣйствительными, чѣмъ зелья черныхъ знахарей. Дождемѣрь, поставленный миссіонерами близъ одной станціи на берегахъ Ніанца, пришлось убрать по требованію туземцевъ, чтобы не повредить заклинаніямъ, которыя дѣлали мѣстные чародѣи въ видахъ привлеченія дождя.

Страна Сукума представляетъ нѣкоторую важность въ торговомъ отношеніи, благодаря своему положенію на дорогѣ арабскихъ купцовъ между У-Ніамези и У-Ганда; со времени Слика и Гранта многіе европейцы посѣтили ее. Самый многочисленный округъ—Урима²⁾, при развѣтвляющемся лиманѣ, который Сликъ называлъ Jordans' Nullah (рѣка Иорданъ), по имени его загороднаго дома. На лѣвомъ берегу озера наиболѣе посѣщаемая пристань—деревня Кагей, гдѣ были спущены первыя шлюпки англійской конструкціи: *Lady Alice* Стэнли, затѣмъ *Daisy*, *Eleonor*. Видъ озера закрытъ горами острова У-Керева, имя котораго часто дается всему внутреннему морю. Почти сплошь покрытый лѣсами, этотъ островъ составляетъ отдѣльное государство, столица котораго, Букиндю, расположена близъ сѣверной оконечности, на берегу бухточки, хорошо защищенной отъ вѣтровъ островками. Въ центрѣ города обширный дворъ, обнесенный заборомъ изъ цѣльныхъ стволовъ деревьевъ, заключаетъ внутри большую королевскую хижину, хижины Гинекея, житницы, сарай, гдѣ хранятся военные барабаны. Въ этой первой оградѣ находится судное мѣсто, гдѣ король, возсѣдая на тронѣ, украшенномъ звѣриными зубами, когтями и рогами, разбираетъ споры своихъ подданныхъ; вдоль кривыхъ улицъ тянутся ряды хижинъ мелкаго люда, каждая съ садомъ, гдѣ садятъ

¹⁾ R. N. Cust, "The Modern Languages of Africa".

²⁾ Missionnaires d'Alger, "A l'assaut des pays nègres".

³⁾ Speke, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

²⁾ Mackay, "Proceedings of the R. Geographical Society", may 1884.

табакъ, сѣютъ хлѣбныя растенія и разныя овощи, привозимыя съ морскаго берега арабами. Второй частоколь, менѣе солидный, чѣмъ палисада королевскаго дворца, окружаетъ все селеніе.

Къ западу отъ рѣки Изанги, которая соединяется съ узкимъ фьордомъ, вдающимся верстъ на пятьдесятъ внутрь материка, страна Зинджа или У-Зинджа (Зинза, У-Зинза) окаймляетъ юго-восточную часть озера Ніанца. Это область мало изслѣдованная, которую европейскіе путешественники постигли еще только въ довольно большомъ разстояніи отъ Ніанца и на южномъ склонѣ возвышенности, отдѣляющей этотъ озерный бассейнъ отъ бассейна Танганьики. Ва-Зинджа или жители Зинджи, такъ же, какъ сукулазы, дѣлятся на нѣсколько народцевъ, управляемыхъ начальниками племени и чародѣями и живущихъ въ постоянномъ страхѣ; въ нѣкоторыхъ округахъ жители едва осмѣливаются выходить изъ своихъ деревень, опасаясь, какъ бы вдругъ не нагрянули разбойники племени ва-тута, о которыхъ говорятъ, что это бантусы южной Африки, можетъ-быть, зулусы, пришедшіе съ береговъ озера Ніасса черезъ бассейнъ Танганьики, грабя и убивая, какъ стая дикихъ звѣрей. Народцы племени зинджа, обитающіе въ области песчаниковыхъ холмовъ, на сѣверѣ страны, и которымъ менѣе угрожаютъ вражескіе набѣги, состоятъ изъ болѣе сильныхъ физически и болѣе смѣлыхъ людей, чѣмъ ихъ соплеменники, живущіе въ равнинѣ. Горные зинджасы одѣваются въ юбку изъ дубленой бычачьей кожи, носятъ на шеѣ украшенія и амулеты и натираютъ себѣ тѣло прогорклымъ коровьимъ масломъ. На нижней части ноги у нихъ надѣты расположенные одинъ надъ другимъ мѣдные браслеты или свернутыя латунныя полоски. Племена области У-суй самыя могущественныя въ землѣ У-Зинджа.

Въ этихъ странахъ власть принадлежитъ родамъ хума (ва-хума), пастушеской расѣ, имѣющей своихъ представителей на всѣхъ высокихъ плато, вокругъ озера Ніанца; по Спикъ и Гранту, это—галласы, пришедшіе въ качествѣ завоевателей съ горъ Эѳіопіи. Въ области У-Ніамези и до сѣдмаго градуса къ югу отъ экватора живутъ племена того же происхожденія, извѣстныя подъ именемъ ва-туси и не отличающіяся отъ хумасовъ ни нравами, ни языкомъ. Отъ своихъ осѣдлыхъ сосѣдей они отличаются болѣе высокимъ ростомъ и болѣе правильными чертами лица: овалъ лица у нихъ довольно красивый, носъ прямой и хорошо очерченный, губы никогда не имѣютъ той толстоты, которая прежде считалась однимъ изъ характеристическихъ признаковъ всѣхъ чернокожихъ народностей. Особенно хумскія женщины имѣютъ красивый эѳіопскій типъ, и начальники другихъ расъ охотно покупаютъ ихъ себѣ въ жены. Но

въ то время, какъ другіе народцы края постепенно видоизмѣняютъ свой типъ этими скрещиваніями, ва-хума сохраняютъ его въ первоначальной чистотѣ, воздерживаясь отъ всякаго смѣшенія съ мѣстными жителями. Почти всѣ они пастухи и живутъ внѣ селеній, такъ что путешественникамъ рѣдко случается встрѣчать этихъ номадовъ. Хотя они дали королей большинству племенъ, населяющихъ Плоскогорье, тѣмъ не менѣе негры-земледѣльцы смотрятъ на нихъ какъ на варваровъ, подобно тому, какъ въ Среднемъ царствѣ манчжуры, раса побѣдителей, презираются китайцами, потомками побѣжденных. Но среди всѣхъ этихъ населеній, гордящихся своими культурами и искусствами, хумасы имѣютъ по крайней мѣрѣ то превосходство, что они ведутъ вольную и независимую жизнь: они не терпятъ никакихъ господъ между собой; на тѣхъ, которые не сумѣли охранить своей свободы, они перестаютъ смотрѣть какъ на принадлежащихъ къ ихъ націи. Спикъ рассказываетъ даже, что хумскія женщины, захваченныя въ плѣнъ и обращенныя въ рабство, сжигаются своими соотечественниками, если снова попадутся въ ихъ руки. Языкъ ва-хума неизвѣстенъ: говорятъ ли они галласскимъ идиомомъ, смѣшаннымъ съ бантусскими словами, или бантусскимъ діалектомъ, сохранившимъ часть галласскаго словаря? Путешественникамъ еще не приводилось жить съ ними достаточно долго, чтобы этотъ вопросъ могъ быть рѣшенъ въ томъ или другомъ смыслѣ ¹⁾.

Королевство Карагуэ занимаетъ, на западѣ озера Ніанца, пространство около 15.000 квадр. километровъ, ограниченное съ юга территоріей У-Зинджа, съ запада и съ сѣвера рѣкой Тангуре, которую за обиліе ея водъ называютъ Верхнимъ Ниломъ: полоса пустынной земли, «мархія», пересѣкаемая рѣкой Лохугати, притокомъ Ніанцы, отдѣляетъ Карагуэ отъ области У-Суй. Карагуэ—одна изъ красивѣйшихъ странъ Центральной Африки: холмы и долины ея покрыты богатой растительностью; въ каждой долинѣ, въ каждомъ оврагѣ журчатъ текуція воды; вся страна, похожая на паркъ, могла бы быть превращена въ одинъ обширный садъ. Западная область королевства довольно высока; хребты плоскогорья достигаютъ высоты 1.500, даже 1.800 метровъ, и когда погода ясная, вдали, за долинами, гдѣ берутъ начало притоки рѣки Тангуре, видѣются синеватыя вершины Мфумбири и другихъ остроконечныхъ пиковъ, которые Спикъ обозначалъ подъ названіемъ Лунныхъ горъ. На высотахъ земли Карагуэ вѣтеръ довольно свѣжъ, такъ что негры съ Занзибарскаго берега, когда имъ случится быть на этихъ высотахъ, воображаютъ себя въ сосѣдствѣ съ Англіей,—един-

¹⁾ R. N. Cust, „The Modern Languages of Africa“.

ственная холодная страна, которую они знают по наслышкѣ. Въ лощинахъ образовалось нѣсколько озеръ; одно изъ нихъ, Раверу (на высотѣ 1.295 метровъ), излишекъ воды котораго изливается черезъ короткій истокъ въ рѣку Тангуре, показалось англійскимъ путешественникамъ Спикку и Гранту столь же прекраснымъ, какъ озерный бассейнъ Уиндермиръ, въ ихъ отечествѣ, и они дали ему то же названіе; но хотя оно окружено со всѣхъ сторонъ живописными зеленѣющими склонами, поднимающимися отъ четырехсотъ до пятисотъ метровъ надъ его поверхностью, это все-таки не альпійское озеро: въ самомъ впадомъ мѣстѣ глубина его не достигаетъ даже 14 метровъ ¹⁾. Другое озеро, Уриги, лежащее близъ южной границы королевства, можно назвать скорѣе большимъ прудомъ, бродячая вода котораго спускается на сѣверъ къ Тангуре. По разсказамъ туземцевъ, еще въ недавнюю эпоху вся эта долина была покрыта водой, суда могли подниматься изъ Ніанца до озера Уриги, и маленькія горки въ формѣ купола, разсѣянные по равнинѣ, были тогда островками. Холмы эти состоятъ изъ глинистаго песчаника, ярко-краснаго цвѣта, чередующагося съ бѣлыми плитками кварца; разложенье пластовъ песчаника, господствующей горной породы всей страны, даетъ красную землю, очень плодородную, которая сторицей возвращаетъ земледѣльцу вѣдряемыя ей сѣмена. Въ сѣверо-западной области Карагуэ, на днѣ одной тѣнистой долины, спускающейся въ Тангуре и впадающей въ долину этой рѣки близъ водопадовъ Моронго, бьютъ изъ земли шесть горячихъ ключей Мтагата, температура которыхъ 54 градуса по Цельсію; негры стекаются къ этимъ источникамъ изъ всѣхъ мѣстностей Плоскогогорья искать исцѣленія отъ болѣзней.

Населеніе въ королевствѣ Карагуэ довольно рѣдкое; только нѣкоторые округа, между прочимъ, округъ столицы, недалеко отъ Уиндермирскаго озера, густо населены. Главная масса націи состоитъ изъ племени ва-ніамбо, говорящаго діалектомъ Зонгора, нарѣчіемъ бантускаго языка; но у нихъ, такъ же, какъ у ихъ сосѣдей, власть принадлежитъ хумасамъ, которые не позволяютъ своимъ дочерямъ вступать въ бракъ съ неграми низшей касты. Жизнь хумасовъ считается священной и неприкосновенной; смертная казнь никогда не примѣняется къ нимъ ни за смертоубійство, ни за какую бы то ни было другую вину; совершенные ими преступленія и проступки наказываются только пенями. Извѣстно, что во многихъ частяхъ Африки жены начальниковъ племени систематически откармливаются до того, что онѣ не могутъ даже подняться съ мѣста; тучность су-

пруги считается тамъ высшей заслугой, безсмыслия, потому, что она доказываетъ богатство личностей, которыя могутъ такъ откармливать своихъ женъ, освобождая ихъ отъ всякаго труда. Изъ подобныхъ же побужденій очень многіе начальники племени, въ Карагуэ, отпускаютъ себѣ длинные ногти, какъ аннамскіе мандарины, чтобы показать съ гордостью, что имъ нѣтъ надобности употреблять свои руки для какого-нибудь труда, и что невольники пахутъ и собираютъ для нихъ. Можетъ быть, ни въ одной африканской странѣ не заботятся такъ много, какъ въ Карагуэ, о приданіи принцессамъ тѣхъ колоссальныхъ формъ, какія требуются обычаемъ; въ конусообразныхъ хитинахъ начальниковъ племени на поперечныхъ перекладинахъ повѣшены ряды молочныхъ горшковъ; женщинамъ, сидящимъ на дерновыхъ скамьяхъ, стоитъ только протянуть руку, чтобы схватить чашу питательнаго напитка. Что касается молодыхъ дѣвушекъ, которыя еще не понимаютъ своихъ обязанностей и не всегда охотно даютъ себя закармливать, то отецъ вынужденъ бываетъ иной разъ прибѣгнуть къ розгѣ, чтобы образумить непослушныхъ. Есть обстоятельства, когда обычай требуетъ отъ этихъ дѣтей еще большей жертвы—требуетъ ихъ жизни. Когда умираетъ король, народъ строитъ надъ его тѣломъ погребальный дворецъ, куда ввергаютъ пять молодыхъ дѣвушекъ и пятьдесятъ коровъ, которыя должны умереть голодной смертью, чтобы сопровождать покойнаго владыку въ его великомъ странствіи въ обитель духовъ.

Столица королевства Карагуэ, Варахандже, занимаетъ великолѣпное мѣстоположеніе. Она расположена на высотѣ слишкомъ 1.300 метровъ, на луговой террасѣ, откуда открывается обширный видъ: внизу подъ ногами разстилается скатерть водъ небольшого озера Рверу (Уиндермирское), надъ которымъ господствуетъ крутой холмъ, служащій мѣстомъ погребенія королей; далѣе видѣется долина Нила-Тангуре, обширный лѣсъ папирусовъ, гдѣ блестятъ тамъ и сямъ серебристыя водныя площади; еще далѣе слѣдуютъ одна за другой параллельныя цѣпи, надъ которыми поднимаются на крайнемъ горизонтѣ три фіолетовыхъ конуса горы Мфумбиро. Земля Карагуэ лежитъ въ кругѣ притяженія Занзибара. Недалеко отъ Варахандже, у южнаго основанія промежуточнаго хребта, арабскіе купцы основали складочное мѣсто Куфро (Кафуро), гдѣ ткани, соль и товары европейскаго происхожденія обмѣниваются на слоновую кость, кофе и другія произведенія края. Слоны, на которыхъ охотятся для торговцевъ, стали уже рѣдки; но носороги еще очень многочисленны; Спикъ въ одинъ день убилъ ихъ нѣсколько штукъ на берегахъ Уиндермирскаго озера. Нѣкоторые изъ этихъ огромныхъ млекопитающихъ составляютъ бѣ-

¹⁾ Stanley, „Through the Dark Continent“.

лужу или сѣроватую разновидность ¹⁾). На западѣ и на сѣверѣ королевства Карагуэ, большія животныя африканской фауны еще не были потревожены въ своихъ логовищахъ ни арабами, ни европейцами, такъ какъ до сихъ поръ эти страны оставались вѣѣ маршрутовъ путешественниковъ: защищенныя горными массивами, которые въ этомъ мѣстѣ образуютъ какъ бы крѣпость, населенія края сохранили даже свою независимость, почти республиканскую.

Руанда, простирающаяся отъ Тангуре на западъ и проникающая далеко до сѣверной покатости озера Танганика, есть, вѣроятно, самое могущественное государство этой еще неизслѣдованной области ²⁾: по рассказамъ арабовъ, которые тщетно пытались водвориться тамъ и были скоро изгнаны, «потому что приводили за собой засуху и голодъ», въ этомъ государствѣ есть очень большія селенія, и край изобилуетъ минералами и горячими источниками; на югѣ горы Мфумбиро, всѣ склоны, будто бы, покрыты обширными лѣсами, состоящими изъ драгоцѣнныхъ породъ деревьевъ. На сѣверѣ, земли Мпороро и У-Сагара, иначе называемыя Анкори и Нколе, тоже сльвуть странами, богатыми цѣнными произведеніями. Про этотъ таинственный край рассказываютъ самыя странныя вещи; и во всѣхъ этихъ рассказахъ главную роль играютъ злые карлики, болѣе страшные, чѣмъ великаны: вѣроятно, въ высокихъ долинахъ массива Мфумбиро и горъ, которыя тянутся въ сѣверномъ направленіи къ горѣ Кибанга и Гамбарагара, живутъ малорослые люди, въ родѣ аккасовъ, обитающихъ въ лѣсахъ области Узлле, и обонгосовъ, жителей береговъ рѣки Огове. По словамъ Стэнли, угандскій король посылалъ экспедицію противъ этихъ карликовъ, но холодъ, будто бы, помѣшалъ его войнамъ проникнуть въ нагорныя долины. Кажется, что власть и тамъ принадлежитъ хумасамъ; если это такъ, то, значить, эти завоеватели, пришедшіе съ Востока, достигли водораздѣльной возвышенности между бассейномъ Нила и бассейномъ Конго. Безъ всякаго сомнѣнія, эта страна, нынѣ неизвѣстная, получитъ рано или поздно въ исторіи континента первостепенную важность, подобную той, какую она и теперь уже имѣетъ въ отношеніи географическаго рельефа; по своему климату и произведеніямъ она можетъ сдѣлаться новой Европой въ самомъ центрѣ Африки, подъ экваторіальнымъ поясомъ; тамъ будетъ главная санитарная станція низменныхъ областей Нила и Конго.

Королевство У-Ганда (*У-Ганда* значитъ «земля Ганда»; *м'ганда*—«гандскій человѣкъ»; *ки-ганда*—«гандскіе люди»; *ки-ганда*—«ган-

скій языкъ»), наиболѣе извѣстное изъ государствъ Плоскогорья въ вильскомъ бассейнѣ, въ то же время, какъ кажется, и самое населенное; во всякомъ случаѣ оно считается у окружающихъ народовъ самымъ могущественнымъ. Очертаніе его имѣетъ форму полумѣсяца, развѣтывающагося на западъ и на сѣверѣ озера Нianца; оно обнимаетъ Коки, У-Ду (Удду) и другія владѣнія до устья Нила-Тангуре; на востокѣ же переходитъ даже за Ниль-Кивира, присоединяя къ себѣ мало-по-малу территорію У-Сога; кромѣ того оно владѣетъ большимъ архипелагомъ Сессе и нѣсколькими другими островами; внутри земель его неопредѣленные границы теряются въ необитаемыхъ джунгляхъ, и въ это послѣднее время оно еще присвоило себѣ сюзеренитетъ надъ странами Карагуэ и У-Суй ³⁾. Можно считать все пространство страны Ганда въ 50.000 квадр. километровъ; но вмѣстѣ съ зависимыми отъ нея землями она обнимаетъ около 175.000 квадр. километровъ. Исчисленія Стэнли, основанныя на числѣ вооруженныхъ людей, опредѣляютъ совокупность націи въ 2.775.000 человѣкъ; но если правда, какъ это полагаютъ англійскіе миссіонеры, что число жителей Ганды простирается до 5 милліоновъ душъ, то плотность населенія составляетъ около сотни лицъ на одинъ квадратный километръ, то-есть почти на четверть превышаетъ плотность населенія во Франціи. Впрочемъ, позволительно сомнѣваться относительно цѣны этой гадательной статистики, тѣмъ болѣе, что другое утвержденіе Вильсона и Фелькина кажется еще болѣе страннымъ: по ихъ словамъ, численное отношеніе женщинъ въ три съ половиной раза больше отношенія мужчинъ ⁴⁾,—явленіе безпримѣрное въ демографіи. До сихъ поръ всѣ правильно составляемыя статистики показывали, что два пола на-ходятся почти въ численномъ равновѣсіи, либо съ небольшимъ излишкомъ для числа женщинъ, какъ во всѣхъ странахъ Европы и Новаго Свѣта, либо съ маленькимъ превышеніемъ для числа мужчинъ, какъ въ Японіи. По мнѣнію англійскихъ путешественниковъ, причины этой необыкновенной несоразмѣрности въ численномъ отношеніи половъ въ одно и то же время естественныя и политическія. Дѣвочки рождаются въ семьяхъ въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ мальчики, какъ въ этомъ легко убѣдиться, видя группы дѣтей, играющихъ передъ хижинами, а война дѣлаетъ остальное, уменьшая число мужчинъ опасностями битвы и избіеніемъ плѣнниковъ. Въ случаѣ успѣшной экспедиціи воины ва-ганда, такъ же, какъ ихъ сосѣди, убиваютъ, въ непріятельскомъ лагерѣ, мужчинъ и захватываютъ въ плѣнъ всѣхъ женщинъ, которыя затѣмъ дѣлятся между побѣдителями.

¹⁾ Missionnaires d'Alger, „A l'assaut des pays nègres“.

²⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sudan“.

³⁾ Speke, цитированіе сочиненіе.

⁴⁾ J. A. Grant, „A Walk across Africa“.

Въ странѣ Ганда, какъ и въ большинствѣ другихъ государствъ нагорья, власть принадлежитъ націи ва-хума, но большинство жителей состоитъ изъ людей, давшихъ свое имя королевству, изъ ва-ганда. Это настоящіе «негры», съ кожей почти черной и волосами короткими и курчавыми; ростъ ихъ выше средняго, тѣло-сложеніе очень крѣпкое; женщины отличаются сравнительно маленькими руками и ногами. Ваніамбо, приходящіе изъ Карагуэ и соседнихъ провинцій и по большей части избирающіе ремесло пастуховъ, выглядятъ болѣе худощавыми, чѣмъ туземцы; что касается ва-сога, переселенцевъ изъ странъ, лежащихъ къ востоку отъ Нила-Кивира, то они не уступаютъ ва-ганде ростомъ и силой; кожа у нихъ еще болѣе темнаго цвѣта. Среди этихъ различныхъ націй альбиносы довольно многочисленны; впрочемъ, ихъ показываютъ, какъ рѣдкость, въ хижинахъ важныхъ особъ. Общераспространенный между африканскими племенами обычай татуировать лицо, или вытягивать мочку уха, или подпиливать и заострять зубы, никогда не практикуется въ этой странѣ: всякое добровольное уродованіе тѣла запрещено подъ страхомъ смерти. Ва-ганда, жители возвышенностей, не натираютъ себѣ тѣла жиромъ, какъ большинство другихъ африканцевъ. Они, впрочемъ, очень опрятны и часто моются. Самая страшная болѣзнь въ У-Гандѣ—оспа, заносимая, вѣроятно, съ восточнаго берега; она рѣдко излечима, когда является въ эпидемической формѣ. Иногда бываютъ тамъ и сямъ отдѣльные случаи проказы, и часто можно встрѣтить людей, у которыхъ черная кожа усыяна бѣлыми пятнами, какъ у мексиканскихъ пинтадосовъ.

Главную пищу жителей У-Ганды составляетъ бананъ, котораго у нихъ есть нѣсколько разновидностей, между прочимъ, эіопскій райскій бананъ (*musa ensete*), который они приготавливаютъ на разные лады, даже дѣлаютъ изъ него муку и хмѣльной напитокъ. Сладкій картофель (пататы), бобы, различные виды тыквы и пасленовыхъ, мансъ, просо, папайя, рисъ и овощи, введенные арабами, также принадлежатъ къ числу ихъ пищевыхъ растений; кофейное дерево тоже культивируется, но оно даетъ очень мелкіе плоды, изъ которыхъ ва-ганда не дѣлаютъ отвара, а употребляютъ ихъ только для жеванья. Мясо они ѣдятъ рѣдко, потому что скотъ, состоящій изъ тонкихъ коровъ, мало дающихъ молока, изъ козъ и овецъ съ курдюками, принадлежитъ пастухамъ хума, которые его не продаютъ. На берегахъ озера и на островахъ населеніе въ изобиліи находитъ пищу, благодаря множеству рыбы, живущей въ этомъ внутреннемъ морѣ. Впрочемъ, мало найдется звѣрковъ, которыми бы брезговали обитатели Уганды; они лакомятся термитами и саранчей, даже охотятся на рой мошекъ, которыхъ ловятъ при помощи сѣти, быстро водимой по воздуху.

Такъ какъ на этихъ плоскогорьяхъ Центральной Африки свѣжесть воздуха иногда бываетъ чувствительна, то ва-ганда строятъ себѣ дома съ большей заботливостью, чѣмъ большинство другихъ народовъ континента, и жилища ихъ настолько велики, что всѣ домашнія работы могутъ исполняться внутри хижины. Типъ этихъ хижинъ почти всегда такой же, какъ типъ улья. Онѣ состоятъ изъ двойнаго полушарія или купола изъ вѣтвей, поддерживаемаго столбами и покрытаго толстыми слоями соломы, которую доставляетъ одинъ злакъ, «тигровая трава», длинной отъ пяти до шести метровъ; между двумя крышами воздухъ циркулируетъ свободно, освобождая хижину отъ всякаго дурнаго запаха¹⁾. Вокругъ всей хижины сдѣлана широкая дерновая скамья или завалина, отлогая кнаружи, для того, чтобы стекала вода въ сезонъ дождей. Во многихъ домахъ есть низенькая дверь, черезъ которую входятъ ползкомъ; въ этомъ, такъ же, какъ въ привычкѣ преклоняться передъ высшими, вѣроятно, и заключается причина складокъ, образующихся у большинства туземцевъ на кожѣ колѣнъ и принимающихъ иногда форму настоящихъ кармановъ²⁾. Внутри хижинъ полъ устланъ пучками мелкой травы, расположенными въ формѣ геометрическихъ фигуръ; общій видъ внутренности жилья довольно приглядный, пока стѣны не почернѣли вслѣдствіе недостатка отверстій. Въ послѣднее время арабы и европейцы стали строить другаго типа дома, съ фронтонами и окнами; но король У-Ганды не позволялъ возводить каменныхъ зданій, на томъ основаніи, что никто не имѣетъ права обитать въ жилищѣ болѣе пышномъ, чѣмъ палаты государя. Национальный костюмъ тоже измѣняется подъ влияніемъ иностранныхъ модъ. Между племенами Центральной Африки одно только ва-ганда, да еще ва-ниоро, одѣваются съ головы до ногъ; тамъ даже грозить смертная казнь всякому мужчине и всякой женщинѣ, которыхъ бы встрѣтили внѣ ихъ дома недостаточно прикрытыми свою наготу. До недавняго времени національный костюмъ состоялъ изъ *мбугу*, одежды изъ коры одного вида фигового дерева (*figus ludia*), которую предварительно долго разбиваютъ, чтобы сообщить ей достаточную мягкость. Поверхъ *мбугу* начальники племени носили кожаное платье, состоявшее либо изъ воловьей шкуры, либо изъ двадцати или тридцати сшитыхъ вмѣстѣ шкурокъ маленькой антилопы *птагана*, которая величиной не больше зайца, и коричневый мѣхъ которой замѣчательно красивъ. Но арабскія одѣянія постепенно одерживаютъ верхъ. Теперь даже бѣдные туземцы покупаютъ себѣ хайкъ, рубашку, поясъ, кафтанъ; начальники украшаютъ

¹⁾ J. A. Grant, "A walk across Africa".

²⁾ Peney, "Bulletin de la Société de Paris", juillet 1863;—Felkin, цитированное сочиненіе.

свои головы богатыми чалмами или носятъ египетскую феску; чулки и бабуши (туфли) замѣняютъ грубыя сандаля изъ буйволовой кожи. То же самое и съ оружіемъ: Занзибаръ присылаетъ ружья, и гандскіе воины складываютъ дротики и луки, какъ вещи ненужныя болѣе, въ какой-нибудь дальній уголъ хижины. Тщетно египетское правительство запретило вывозъ военнаго оружія къ области озера Нianца: оно ввозится туда изъ другихъ мѣстъ.

Обычай многоженства гораздо болѣе распространенъ у народа ва-ганда, чѣмъ у магометанъ Европы и Азии: начальники племени не знаютъ предѣла для числа своихъ женъ, которые въ то же время исполняютъ должность слуганокъ. Король Мтеза имѣетъ, говорятъ, не менѣе семи тысячъ супругъ, купленныхъ въ обмѣнъ на какое-нибудь животное, на подюжины иглокъ или коробку капсуль. Начальники въ этомъ отношеніи подражаютъ своему государю: каждый изъ нихъ обзаводится цѣлой арміей женъ, самый мелкій вассалъ имѣетъ свой гаремъ; савошники королевства присваиваютъ себѣ такую значительную долю женскаго населенія, что, несмотря на большое численное превосходство дѣвочекъ надъ мальчиками, невестъ не хватаетъ для всѣхъ гандскихъ мужчинъ; тамъ часто встрѣчаешь крестьянъ, которые изъ скудныхъ сборовъ полевыхъ плодовъ не могли скопить суммы, достаточной для покупки себѣ жены. Въ У-Гандѣ нѣтъ закона, воспреещающаго браки въ близкой степени родства; тамъ даже искони ведется такъ, что по смерти отца старшій сынъ наследуетъ всѣхъ его женъ, за исключеніемъ своей матери; иногда онъ дѣлитъ это живое наследство съ другими членами семьи мужескаго пола. Въ періодъ кормленія грудью, продолжающійся два года, жены живутъ вдали отъ мужа; король и начальники племени имѣютъ для этихъ кормилицъ отдѣльные загородные дома, разсѣянные по всему пространству государства.

Почти всѣ домашнія работы взымаются на женщинъ и рабовъ; свободный человѣкъ не можетъ позволить себѣ другаго труда, кромѣ постройки своего жилища: прирожденный воинъ, онъ долженъ беречь свои руки для владѣнія оружіемъ. Само собой разумѣется, гандсамъ свойственны всѣ пороки, порожаемые подобнымъ порядкомъ вещей: они лѣнны, лгуны и трусы; тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ женъ и невольниковъ, чтобы заставить работать вмѣсто себя, проводятъ все время въ игрѣ и попойкахъ. Что всего болѣе поражаетъ иностранца въ гандскомъ народѣ—это то, что у него слишкомъ мало цѣнится человѣческая жизнь. Убить человѣка—это такая бездѣлица, о которой не стоитъ и говорить, которая никого не волнуетъ и не возмущаетъ. Одинъ придворный пажъ требуетъ ружье: онъ цѣлится въ перваго встрѣчнаго и послѣ удач-

наго выстрѣла возвращается въ восхищеніи отъ вѣрности своего глаза и мѣткости своего оружія. Другой пажъ пожалуется королю на свою горькую долю, заставляющую его служить, тогда какъ ему хотѣлось бы самому быть начальникомъ. «Такъ убей твоего отца!» совѣтуетъ ему король, и сынъ спѣшитъ привести въ исполненіе эту счастливую мысль, чтобы получить въ наследство отцовскихъ женъ и невольниковъ, которые дадутъ ему возможность, въ свою очередь, сидѣть сложа руки¹⁾. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы ва-ганда были злы, скорѣе ихъ можно назвать добродушными и доброжелательными. Со своими невольниками они обращаются вообще очень кротко, чужеземцу оказываютъ хорошій приемъ. У-Ганда, говорятъ, единственная страна въ Африкѣ, гдѣ жизнь гостя всегда свято уважалась и оберегалась. Когда вспыхнетъ война, всѣ иностранцы водворяются въ какое-нибудь одно селеніе и отдаются подъ надзоръ начальника, отвѣтствующаго за ихъ безопасность и обязаннаго доставлять имъ кровъ и пропитаніе; но если они самовольно отлучатся изъ мѣста, назначеннаго имъ для жительства, то начальникъ не отвѣчаетъ болѣе за нихъ, что бы съ ними ни случилось.

Очень смысленные и понятливые, располагающіе удивительно гибкимъ, звучнымъ и логически правильнымъ языкомъ, ва-ганда, вѣроятно, болѣе другихъ народовъ Африки подвинулись въ своемъ внутреннемъ развитіи съ тѣхъ поръ, какъ Спикъ, первый европейскій посѣтитель, проникъ въ страну, въ 1862 году; уже въ 1880 году посланцы изъ Уганды пріѣзжали въ Европу. Введены были новыя растенія, равно какъ новыя способы культуры; промышленность тоже обновляется. Очень искусные въ ковкѣ желѣза, ва-ганда въ совершенствѣ подражаютъ европейскимъ издѣліямъ и даже умѣютъ передѣлывать кремневые ружья въ ударныя. Они охотно учатся иностраннымъ языкамъ, и въ столицѣ и торговыхъ мѣстахъ уже бѣгло говорятъ «приморскимъ» діалектомъ савагили, самымъ полезнымъ въ восточной Африкѣ; многіе начальники племени даже говорятъ и пишутъ по-арабски. Дѣти и взрослые въ нѣсколько дней одолѣваютъ всѣ трудности латинскаго алфавита, который англійскіе миссіонеры сдѣлали болѣе легкимъ, чѣмъ арабскій, гдѣ звукъ такъ рѣдко соответствуетъ письменному знаку; гандская азбука состоитъ изъ латинскихъ буквъ, исключая *x* и *q*, замѣненныхъ другими знаками.

До сихъ поръ иностранныя религіи не находили доступа въ край. Исламъ, сдѣлавшій такіе большіе успѣхи на сѣверѣ и на югѣ плоскогорья возвышенностей Африки, казалось, долженъ былъ одержать верхъ и въ У-Гандѣ; но

¹⁾ Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

обычай обрѣзанія, безъ котораго теперь почти нѣтъ мусульманъ, развѣ въ Сенарѣ и выше, на Голубомъ Нилѣ ¹⁾, встрѣтилъ препятствіе въ формальномъ законѣ страны, который, дозволяя смертоубійство, запрещаетъ всякое уродованіе тѣла. Около сотни молодыхъ людей, давшихъ совершить надъ собой обрядъ обрѣзанія, были сожжены по приказанію короля; однако, чужеземные мусульмане ²⁾ получили разрѣшеніе построить себѣ мечеть. Христіанскіе мисіонеры, католическіе и протестантскіе, приобрѣли лишь весьма незначительное число прозелитовъ, хотя тѣ и другіе надѣялись сразу достигнуть большого успѣха, обративъ въ свою вѣру короля, окрещеннаго заранѣе «чернымъ Константиномъ». Впрочемъ, у ва-ганда нѣтъ идоловъ или боговъ-фетишей въ собственномъ смыслѣ: они вѣруютъ во всеобщаго творца, называемаго Катондой, но не боготворятъ его, считая его слишкомъ высоко стоящимъ для того, чтобы онъ удостоилъ выслушивать ихъ молитвы; они ограничиваются тѣмъ, что вызываютъ къ *лубари*, милостивымъ геніямъ или страшнымъ демонамъ, обитающимъ въ озерахъ, въ рѣкахъ, на деревьяхъ, на скалахъ горъ. Мукуса, богъ Ніанцы, воплощается иногда въ волшебника или волшебницу, устами которыхъ онъ возвѣщаетъ засуху или дождь, войну или миръ, бѣдствія или торжества. Другой грозный богъ, ниспосылающій бичъ оспы, есть, кажется, духъ одного короля, и мѣстомъ пребыванія его служитъ вершина горы Гамбарагара, поднимающаяся за облака. Всѣ короли послѣ смерти получаютъ апофеозъ и, сдѣлавшись полубогами, продолжаютъ управлять своимъ народомъ, казнятъ и милуютъ, какъ дѣлали при жизни. Богъ-громовержецъ есть одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ, и мѣсто, куда ударила молнія, считается священнымъ: на этомъ мѣстѣ воздвигаютъ аркаду, подъ которой не имѣетъ права проходить ни одинъ иностранецъ; или строятъ тамъ хижину, на которую смотрятъ какъ на нѣчто въ родѣ храма; но не дозволяется починаеть ее, когда она приходитъ въ разрушеніе. Противъ всѣхъ окружающихъ его опасностей, происходящихъ отъ злыхъ геніевъ и воздушныхъ силъ, гандскій человекъ оберегаетъ себя амулетками изъ дерева, рога или камня, и лоскутками матерій, которые ему фабрикують *манды* или знахари. Кажется, впрочемъ, что эти чародѣи имѣютъ извѣстную долю законнаго вліянія, которою они обязаны своей наукѣ леченія болѣзней травами и корнями. По словамъ Слика, одинъ духовный лентъ, надъ которымъ угандскій король имѣетъ лишь косвенную власть, занимаетъ большое пространство на лѣвомъ берегу Нила.

Въ У-Гандѣ единственная имѣющая нѣкото-

рую важность торговля всецѣло находится въ рукахъ арабовъ и метисовъ изъ Занзибара: Нилъ-Кивира и рядъ пороговъ, отъ Карумы до водопада Мурчисона, составляютъ предѣлы ихъ рынковъ въ сѣверномъ направленіи; если они проникаютъ на западъ къ озеру Альбертъ-Ніанца, то устраиваютъ свои складочные пункты въ странѣ Ганда. Арабскіе купцы привозятъ ружья, боевые припасы, разныя ткани, стеклянныя издѣлія, нѣкоторые предметы европейской фабрикаціи, и берутъ въ обмѣнъ слоновую кость и главную статью средне-африканской торговли — невольниковъ; по меньшей мѣрѣ тысяча чернокожихъ продаются такимъ образомъ каждый годъ арабамъ. Такъ какъ слоны, преслѣдуемые охотниками, все болѣе и болѣе уходятъ въ джунгли, удаленныя отъ всякаго человѣческаго жилья, то ва-ганда не имѣютъ другаго средства платить за покупаемые товары, какъ отдавая каждый годъ все большее и большее число невольниковъ торговцамъ человѣческимъ мясомъ: констатировано уже, что невольничье населеніе въ краѣ уменьшается. Слоновая кость получается главнымъ образомъ изъ земли У-Сога, а соль привозится черезъ область У-Ніоро съ береговъ озера Мвутанъ-Нзиге; до недавняго времени производилась также небольшая торговля съ египетскими владѣніями Судана, которымъ У-Ганда поставляла кофе, табакъ, скотъ, въ обмѣнъ на бумажныя ткани, желѣзныя издѣлія и бабуши. Въ торговыхъ сдѣлкахъ еще рѣдко употребляется монета; представительнымъ знакомъ мѣны служитъ *доти*, то-есть, «восемь локтей» миткаля; съ этой денежной единицей, равноцѣнной тысячѣ раковинокъ каури, сравнивается всякая цѣна товаровъ. Но нѣтъ сомнѣнія, мѣновой торгъ скоро уступитъ мѣсто куплѣ и продажѣ, ибо удобства торговаго обмѣна увеличиваются, благодаря многочисленнымъ караванамъ, которые ходятъ между моремъ и озеромъ по легкодоступнымъ дорогамъ страны Масаи; плаваніе по озеру Ніанца стало менѣе опаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ арабы пустили на его воды свои ладьи — *дхау*; въ самой У-Гандѣ настоящія дороги постепенно замѣняютъ прежнія болотныя тропинки. Дорога, соединяющая столицу съ ея пристанью на озерѣ Ніанца, сдѣлала бы честь даже европейцамъ: она проходитъ черезъ болото по плотной настилкѣ изъ стволовъ дикихъ пальмъ ¹⁾.

Египетскія завоеванія, въ эпоху ихъ наибольшаго распространенія, не достигали границъ У-Ганды; офицеры хедива проникали въ эту страну только въ качествѣ посланниковъ. Королевство ничего не измѣнило въ своемъ старомъ феодальномъ порядкѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно находится въ торговыхъ сношеніяхъ

¹⁾ Beltrame, «Il Senaar et lo Sciangalla».

²⁾ «Annales de la Propagation de la Foi».

¹⁾ Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

съ арабами и европейцами. Въ принципѣ король есть неограниченный властитель земли и живущихъ на ней людей, и въ маловажныхъ дѣлахъ, какова жизнь его женъ или *вакопи*,

палачей, у которыхъ голова перепоясана веревками, всегда готова къ его услугамъ; онъ вѣкуда не ходитъ иначе, какъ въ сопровожденіи этой страшной свиты. Но по отношенію къ

Статуя Мемнона.

подданныхъ земледѣльческаго класса, онъ воленъ дѣйствовать по своему произволу. Король или Мтеса, то-есть, по одному изъ толкованій этого слова, «приводящій въ трепетъ», вполнѣ заслуживаетъ этого имени: маленькая армія

государственнымъ дѣламъ онъ не полномочный господинъ: три *вакуиу*, наследственные вассалы, контролируютъ его власть. Главный сановникъ, *катекиро*, нѣчто въ родѣ палатнаго мэра и вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ области

У-Ду, назначается королемъ и можетъ быть выбранъ даже изъ крестьянъ. Онъ засѣдаетъ вмѣстѣ съ государемъ и тремя вакунгами въ тайномъ совѣтѣ, и председательствуетъ, въ отсутствіе короля, въ правительствующемъ собраніи или *ликико*, состоящемъ изъ всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ страны, вассаловъ и подвассаловъ, вакунгу и ватонголи; главный королевскій поваръ и другіе придворные сановники также имѣютъ голосъ въ этомъ государственномъ совѣтѣ. Когда король умираетъ, право назначенія ему преемника принадлежитъ тремъ вакунгамъ, которые выбираютъ одного изъ сыновей скончавшагося повелителя; братьевъ же избраннаго держатъ въ заключеніи во все время ихъ малолѣтства; затѣмъ, по достиженіи совершеннолѣтія, сжигаютъ ихъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, которые оставляются для продолженія рода, въ случаѣ, если бы новый король умеръ бездѣтнымъ. Если три главныхъ начальника не придутъ къ соглашенію относительно выбора государя, споръ рѣшается войной, и побѣдитель возводитъ на престолъ своего кандидата. Для войны у вакунговъ нѣтъ недостатка въ солдатахъ: всѣ способные къ работѣ мужчины, то-есть отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ человекъ, упражняются въ употребленіи оружія и должны являться по первому призыву своихъ начальниковъ. Королевская гвардія состоитъ частью изъ уроженцевъ восточнаго Судана и Донголы, дезертировъ египетской арміи. Нѣсколько сотенъ лодокъ составляютъ флотъ У-Ганды.

Столица мѣняется по прихоти короля. Въ 1862 году, во время посѣщенія страны Спикомъ и Грантомъ, резиденціей была Банда. Въ государствѣ съ обширной торговлей это мѣсто пользовалось бы выгодами своего географическаго положенія, такъ какъ оно находится на порогѣ волока между большой бухтой Мвару-Луаджерри, называемой англичанами Мурчисоновою (Murchison bay), и рѣкой Катавана - Луаджерри, впадающей въ Нилъ у озера Ибрагимъ. Теперь отъ резиденціи Банда остались только деревушки, разбѣянные среди развалинъ, которыя всеразрушающее время скоро сравняютъ съ землей. Важнѣйшая изъ нынѣшнихъ столицъ, Рубага, лежитъ километрахъ въ двѣнадцати къ сѣверо-западу, на холмѣ, окруженномъ ручьями, изъ сліянія которыхъ образуется рѣка Мверанго, притокъ Нила черезъ Кафу. Большая королевская хижина, указываемая издали ея высокой конусообразной крышей и мачтой съ развѣвающимся флагомъ, стоитъ на вершинѣ холма, окруженнаго садами, надъ которыми возвышаются коническія кровли хижинъ, занимаемыхъ супругами короля и сановниками. Къ сѣверу оттуда, на другомъ холмѣ, расположена вторая королевская резиденція и деревня Набулагала (по Стэнли — Улагалала): это складочный пунктъ арабскихъ куп-

цовъ, откуда идетъ караванная дорога къ Мрули, главному рынку на Нилѣ-Кивира. Изъ гандскихъ пристаней на большомъ озерѣ замѣчательны, какъ наиболѣе посѣщаемыя, двѣ: У-Савара, на берегу Мурчисоновои бухты, и Нтебби, на берегу залива, ограничивающаго на югѣ архипелагъ Сессе.

На востокъ отъ бассейна Нianza самое могущественное государство — Кавирондо, имѣющее, говорятъ, родъ верховной ленной власти надъ всѣми населеніями побережья, между островомъ У-Керева, на юго-востокѣ, и страной У-Ганда, на сѣверо-востокѣ отъ большаго озера¹⁾; такимъ образомъ два королевства, Ганда и Кавирондо, раздѣляются только пограничной полосой земли или маршіей, обитаемой племенемъ ва-сога. Собственно Кавирондо, лежащее почти по срединѣ западнаго берега, по картѣ Равенштейна, или на сѣверо-востокѣ отъ озера, по рассказамъ Томсона, новѣйшаго изслѣдователя, представляетъ травяную равнину, среди которой возвышаются нѣсколько уединенныхъ холмовъ; на сѣверѣ поднимается высокій массивъ Нанда. Несмотря на обиліе дождей, страна очень бѣдна лѣсомъ, и рѣдко гдѣ увидишь рощицу или группу деревьевъ, вслѣдствіе чего жители принуждены, какъ въ сирійскихъ степяхъ и въ Египтѣ, подбирать и хранить, какъ драгоценность, коровій калъ для топки очага. Многочисленныя рѣки извиляются по равнинѣ, и одна изъ нихъ, Мори, выходящая изъ озера, будто бы, теряется, испаряясь до послѣдней капли, въ низменности, лежащей ниже уровня бассейна Нianza; но этотъ замѣчательный фактъ пока еще не имѣетъ за себя другаго свидѣтельства, кромѣ разсказа одного арабскаго торговца, описавшаго пройденный имъ путь по возвращеніи изъ путешествія²⁾. На этой рѣкѣ, такъ странно текущей, будто бы, есть висячій мостъ передъ городомъ Камреле. Недалеко отъ этого рѣчнаго бассейна, на островѣ У-Кава, живетъ, по словамъ англійскихъ путешественниковъ Фелькина и Вильсона, раса маленькихъ людей, средній ростъ которыхъ не достигаетъ даже 1,62 метра.

Жители этой страны, ва-кавирондо, имѣютъ негрятинскій типъ. Это рослые и сильные люди; кожа у нихъ почти черная, носъ приплюснутый, губы толстыя; судя по языку, а также и по чертамъ лица, они принадлежатъ къ тому же корню, какъ шилуки, обитающіе на Среднемъ Нилѣ; чертами лица и языкомъ они ясно отличаются отъ другихъ прибрежныхъ жителей бантусскаго происхожденія. Женщины та-туируютъ себѣ грудь и спину, тогда какъ мужчины рѣдко прибѣгаютъ къ этого рода украшеніямъ; но, подобно многимъ другимъ афри-

¹⁾ Denhardt, "Petermann's Mittheilungen", 1881.

²⁾ Farler, "Proceedings of the R. Geographical Society, des. 1882.

канскимъ народцамъ, они не оставляютъ своихъ зубовъ въ ихъ естественномъ состояніи и вырываютъ два среднихъ рѣзца въ нижней челюсти. Ходятъ они совершенно голые или прикрываютъ свою наготу однимъ передникомъ; только женщины прибавляютъ къ этому хвостъ изъ древесной коры, подробность туалета, объясняющая—какъ у другихъ народцевъ хвосты изъ заплетенныхъ кожаныхъ ремней—происхождение басенъ, такъ долго державшихся у арабовъ, объ африканскихъ населеніяхъ, составляющихъ нѣчто среднее между обезьяной и человекомъ. За исключеніемъ этого хвоста, кавириондскія женщины не носятъ никакихъ другихъ украшеній, но онѣ намазываютъ себѣ тѣло жиромъ, смѣшаннымъ съ коровьей мочей, ингредиентомъ, который употребляется ими также для чистки посуды, приготовленія лекарствъ и даже кушанья¹⁾; моча и зола богатыхъ поташемъ травъ замѣняютъ соль, не встрѣчающуюся въ ихъ странѣ. Ва-кавириондо не считаютъ трудъ позорнымъ, какъ ва-ганда; они не взыскиваютъ на одѣхъ женщинъ обработку земли, но наравнѣ съ ними пахутъ, сѣютъ, живутъ и собираютъ плоды; кромѣ того, они занимаются охотой, рыбной ловлей, птицеводствомъ, въ которомъ очень искусны, и пускаютъ по озеру Ніанца парусныя барки, болѣе солидныя, чѣмъ лодки, употребляемыя племенемъ ва-ганда. Очень трудолюбивые, ва-кавириондо въ то же время очень миролюбивы; однако они мужественно защищаются отъ нападеній, и кочевники изъ внутреннихъ частей края остерегаются близко подходить къ оградѣ, которыми окружены ихъ жилища. У ва-кавириондо есть король, но онъ не полновластный господинъ, распоряжающійся по произволу жизнью своихъ подданныхъ; эта страна скорѣе конфедерация республиканскихъ деревень, чѣмъ феодальное королевство, какъ У-Ганда. Ва-кури и ва-кара, живущіе южнѣе, въ той области прибрежья, которая граничитъ съ заливомъ Спика, походятъ на ва-кавириондо языкомъ и нравами, съ той лишь разницей, что ва-кара носятъ одежду изъ древесной коры и татуируютъ себѣ грудь и окрашиваютъ тѣло въ красный и бѣлый цвѣта при помощи глины, разжиженной въ деревянномъ маслѣ²⁾. Но между многочисленными народцами этой восточной покатости озера Ніанца нѣкоторые составляютъ этнологическіе островки, отличающіеся отъ окружающихъ группъ нравами и, можетъ-быть, также происхожденіемъ. Таковы ва-ганда, населяющіе долины горъ того же имени, на сѣверѣ Кавириондо. Эти туземцы, напротивъ, чрезвычайно свирѣпы: всѣ иностранные торговцы остерегаются проходить въ окрестности ихъ логовищъ. Про нихъ рассказы-

ваютъ, что «одежда ихъ сдѣлана изъ ножей», которые они носятъ на всемъ тѣлѣ—на рукахъ, на бедрахъ, на груди и за поясомъ³⁾.

Мѣстечки кавириондовъ настолько многочисленны, что заслуживаютъ названія городовъ. Самое большое изъ нихъ—Кабондо, лежащее на восточной границѣ страны, недалеко отъ территоріи, занимаемой племенемъ масаевъ. Въ четырехъ часахъ ходьбы къ сѣверо-западу, въ Ніавѣ, находится резиденція короля; затѣмъ, почти въ такомъ же разстояніи и въ томъ же направленіи, въ виду горъ Нанда, которыя высятся на сѣверѣ, лежитъ городъ Сендеге, складочный пунктъ мусульманскихъ купцовъ изъ Занзибара. Караваны, которые ходятъ очень медленно, дѣлая не болѣе двѣнадцати или пятнадцати километровъ въ день, употребляютъ цѣлыхъ два мѣсяца на весь путь. Болѣе счастливые, чѣмъ въ У-Гандѣ, миссіонеры ислама предъявляютъ права на Кавириондо, какъ на свое завоеваніе: по крайней мѣрѣ большинство жителей этого края подвергается обрѣзанію.

На сѣверѣ отъ У-Ганды наибольшая часть полуостровной территоріи, заключающейся между озеромъ Альбертъ-Ніанца (Мвутанъ-Нзиге) и Ниломъ-Кивира, принадлежит націи ва-ниоро. Нѣкогда вся страна, простирающаяся между двумя нильскими озерами, составляла обширное королевство Китвара, управляемое династіей хумскихъ завоевателей. Впослѣдствіи это обширное царство раздѣлилось на нѣсколько государствъ, изъ которыхъ У-Ганда самое могущественное; но государь земли Ніоро, говорятъ, еще сохраняетъ надъ своими сосѣдями родъ виртуального сюзеренитета или верховной ленной власти, и все еще носитъ официально титулъ короля Китвары⁴⁾. Однако, страна У-Ніоро не можетъ сравниться съ королевствомъ У-Ганда ни по пространству воздѣлываемой территоріи, ни по числу жителей, ни по политической сплоченности частей. Несмотря на точность естественныхъ границъ, указываемыхъ берегами Нила и озера, предѣлы его сдѣлались неопредѣленными, вслѣдствіе набѣговъ враждебныхъ племенъ. Необитаемыя марши отдѣляютъ У-Ніоро отъ У-Ганды, но тамъ находится весьма важная въ торговомъ отношеніи область, принадлежащая въ одно и то же время обоимъ королевствамъ, какъ мѣсто перехода, и черезъ которую караваны должны проходить подъ сильной защитой, избирая обыкновенно ночь для раздыховъ: эта спорная область есть поясъ земли, заключающийся между болотами Эргугу и крутымъ изгибомъ Нила у Мрули; ва-ганда должны неминуемо проходить этой территоріей, отпра-

¹⁾ Denhardt, цитированная статья.

²⁾ Wakefield, „Proceedings of the R. Geographical Society“, dec. 1882.

³⁾ Farler, цитированная статья.

⁴⁾ Samuel Baker, „Albert-Nyanza“.

вляясь изъ Рубаги въ Суданъ; также и ва-ниоро не могут избирать другаго пути, чтобы посѣтить свои селенія, лежащія къ востоку отъ Нила. Война никогда не прекращается въ У-Ниоро и дѣлитъ страну на множество владѣній, имѣющихъ каждое своего вождя и увеличивающихся или уменьшающихся въ протяженіи, смотря по исходу битвъ. У ва-ниоро вошло въ обычай, что послѣ смерти государя его ближайшіе родственники оспариваютъ другъ у друга право престолонаслѣдія: тѣло скончавшагося короля не предается погребенію до тѣхъ поръ, пока не одержитъ верхъ одинъ изъ претендентовъ; но побѣдитель слишкомъ часто спѣшитъ отпраздновать свое торжество, и война продолжается цѣлыя поколѣнія между братьями и близкими родственниками. Въ настоящее время страна У-Ниоро дѣлится на нѣсколько враждебныхъ государствъ; кромѣ того, египетскіе гарнизоны, отрѣзанные отъ центра администраціи, до недавняго времени занимали линію Нила между Фовейрскимъ изгибомъ и озеромъ Альбертъ-Ніанца, и многочисленные племена остаются независимыми, особенно въ юго-западной гористой области, между двумя озерами Нзиге.

Въ цѣломъ У-Ниоро представляетъ плоскогорье, покатое къ сѣверо-востоку, параллельно озеру Мвутанъ-Нзиге. Дожди очень обильны въ этой области, и многія впадины почвы заняты болотами, переходить черезъ которыя нужно очень осторожно, по причинѣ множества ямъ, оставляемыхъ тяжелыми ногами слоновъ; посреди лужъ разсыяны большіе камни гранита и гнейса, присутствіе которыхъ на этихъ аллювіальныхъ земляхъ трудно объяснить. Растительность въ У-Ниоро, кажется, вообще менѣе пышна, чѣмъ въ У-Ганда, исключая мѣстностей, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ Ниломъ: растенія изъ семейства бобовыхъ представлены тамъ въ большомъ числѣ; кромѣ того, тамъ встрѣчаются лѣса акацій, нѣжная листва которыхъ издали кажется легкимъ туманомъ, плавающимъ вокругъ вѣтвей. Антилопы водятся во множествѣ въ этихъ областяхъ, даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ дорогой, которою слѣдовали почти всѣ путешественники, вдоль хора Эрругу, между Рубага и Мрули.

Ва-ниоро ростомъ меньше своихъ сосѣдей ва-ганда и уступаютъ имъ въ физической силѣ и въ умственныхъ способностяхъ, но не въ промышленности, какъ кузнецы и гончары. Они принадлежатъ къ той же расѣ, какъ жители У-Ганды, и говорятъ языкомъ банту того же происхожденія, но они не такъ черны: обыкновенный цвѣтъ ихъ кожи темнокрасный, и волосы у нихъ курчавые¹⁾. Вообще очень опрятные, они всегда моютъ руки до и послѣ

ѣды; однако, хижины ихъ имѣютъ неприглядный видъ: всѣ онѣ построены изъ вѣтвей, воткнутыхъ въ землю вокругъ большого кола и загнутыхъ къ верхушкѣ, такъ что все строеніе образуетъ правильный конусъ. Что касается домашнихъ животныхъ, то у этихъ туземцевъ есть только коровы, козы и мелкая птица; когда какая-нибудь скотина заболѣетъ, она обыкновенно лечатъ ее кровопусканіемъ и боятся употреблять въ пищу кровь, выпущенную изъ больного животного. Ва-ниоро носятъ одежду и на этомъ основаніи считаютъ себя гораздо выше занильскихъ голыхъ народовъ²⁾; впрочемъ, молодые люди у нихъ облачаются въ одѣяніе изъ древесной коры или изъ кожи не ранѣ, какъ по достиженіи возмужалости; съ этого времени съ ними уже обращаются какъ съ полноправными членами племени, и въ удостовѣреніе ихъ новаго достоинства, имъ вырываютъ четыре нижнихъ рѣзца; двѣ линіи, накалываемыя съ каждой стороны лба, служатъ знакомъ, отличающимъ ихъ отъ сосѣднихъ племенъ. Многоженство составляетъ общее правило; даже самые бѣдные изъ ва-ниоро имѣютъ по двѣ и по три жены, покупаемыхъ, правда, между самими уродливыми, ибо красивая супруга стоитъ по меньшей мѣрѣ четырехъ коровъ. Такъ же, какъ въ У-Гандѣ, братья могутъ жениться на сестрахъ; даже отцы берутъ себѣ въ жены своихъ дочерей, а сынъ наследуетъ весь отцовскій гаремъ, за исключеніемъ своей матери. Король имѣетъ монополію на всѣхъ незамужнихъ женщинъ, и ему достается львиная доля дохода, получаемого путемъ проституціи, которою онѣ занимаются по его приказу. Разбогатѣвъ отъ своего ремесла, эти женщины поселяются въ сосѣдствѣ королевскаго дворца, и царекъ выбираетъ имъ мужа между своими придворными. Дѣти ихъ мужскаго пола зачисляются въ королевскую свиту, а дочери продолжаютъ материнскую профессію³⁾. Жены короля и начальниковъ племени, какъ и въ Карагуэ, считаютъ всякій трудъ позорнымъ и полагаютъ свою честь и славу въ томъ, чтобы вѣсить вдвое больше пролетаріевъ. Въ У-Ниоро рѣдко можно встрѣтить женщинъ, имѣющихъ болѣе двухъ или трехъ дѣтей.

Исламъ уже проникъ въ У-Ниоро. По примѣру египтянъ, которые держали гарнизоны на берегахъ Нила, очень многіе начальники племени обратились въ магометанскую вѣру; но большинство націи приняло изъ религіи побѣдителей лишь предписанія относительно нечистаго мяса и попрежнему придерживается религіозныхъ обрядовъ, основанныхъ на волшебствѣ и совершаемыхъ подъ руководствомъ знахарей. Амулетки, особые тѣлодвиженія, колдов-

¹⁾ Samuel Baker, „Albert-Nyanza“; — Grant, цитированное сочиненіе.

²⁾ Richard Buchta, „Petermann's Mittheilungen“, 1881, № 3.

³⁾ Emin-bey (Schnitzler), „Petermann's Mittheilungen“, 1878, № 10.

ство и пляски — вотъ тѣ средства, при помощи которыхъ ва-ниорцы стараются умиловить «великаго волшебника» и миръ духовъ. Ворожен, принадлежаще къ бродячей кастѣ, которую Эминъ-бей сравниваетъ съ европейскими цыганами, имѣютъ обширную практику. Пуще всего униорцы боятся дурнаго глаза, особенно когда гибельный взглядъ исходитъ отъ старой женщины, такъ какъ этотъ взглядъ, будто бы, имѣетъ свойства отравлять мясо и питье. Всякій больной считаетъ себя околдованнымъ и, чтобы исцѣлиться отъ недуга, плюетъ трижды въ лицо каждой встрѣчной женщиной: выздоровленіе наступаетъ тогда, когда ему, наконецъ, удастся напасть на виновницу своей болѣзни. Всякая встрѣча съ дикимъ звѣремъ, всякое движеніе листьевъ, всякое явленіе въ окружающей природѣ имѣетъ свой смыслъ, благоприятный или злобщій. Униорецъ всегда насторожѣ, вопрошая травы, птицъ, состояніе неба. Онъ ни за какія деньги не пойдетъ назадъ той же дорогой, если ему нужно вернуться, онъ пойдетъ другой тропинкой, параллельной первой, или даже проложитъ себѣ новую черезъ джунгли¹⁾. Кузнецъ, ударяя молотомъ по раскаленному желѣзу, поетъ пѣсню для того, чтобы слова его вошли въ металл и сообщили ему крѣпость. Когда два пріятеля клянутся другъ другу въ вѣчной дружбѣ, они смѣшиваютъ свою кровь и обмакиваютъ въ нее кофейное зерно, для того, чтобы такимъ образомъ итаться добродѣтелями друга; между двумя братьями по крови существуетъ полное и никогда необманиваемое взаимное довѣріе: оттого король выбираетъ себѣ самыхъ преданныхъ слугъ между людьми, соединенными съ нимъ братствомъ по крови. Говорятъ, что ночныя пляски, справляемые при колеблющемся свѣтѣ факеловъ и пылающихъ костровъ, представляють чрезвычайно оригинальное, никогда забываемое зрѣлище; наряженные въ шутовскіе костюмы чародѣи, съ раскрашенными лицами, заклиная демоновъ прыжками, кривляньями и криками, то являющіеся въ полномъ свѣтѣ, то скрывающіеся въ тѣни, кажутся и сами какими-то фантастическими существами, ночными привидѣніями. У ва-ниоро есть также военная пляска, напоминающая пляску южно-африканскихъ зулусовъ: та и другая нація принадлежатъ къ одной и той же расѣ и ведутъ войну одинаковымъ способомъ и одинаковымъ оружіемъ.

Самыя могущественныя племена, которыя, не составляя части ниорской націи, занимають ея земли, это ланго или лонго, живущіе на обоихъ берегахъ Нила, между Фовейрой и Магунго. Народцы эти, можетъ быть, соплеменники хумовъ, такіе же завоеватели, пришедшіе съ востока; но лангосы по крайней мѣрѣ сохра-

нили свой галласскій діалектъ: они не приняли, какъ ва-хума, бантусскій языкъ побѣжденных народовъ. Лангосы живутъ на полной волѣ, группами независимыхъ семействъ, и признають власть выборныхъ начальниковъ только во время военныхъ экспедицій¹⁾. Между этими африканскими націями, надъ которыми кокетство и щегольство имѣютъ такъ много власти, мало найдется племенъ, которыя бы проводили больше времени въ уходѣ за своей прической и больше заботились о томъ, чтобы придать ей возможно болѣе изящный или величественный видъ; большинство лангосовъ дѣлають изъ своей куафюры родъ каски, гдѣ каждая косичка переплетена разноцвѣтной шерстью, и которая оканчивается ореоломъ изъ перьевъ, гирляндами раковинъ и стеклянныхъ украшеній, тыквами, загнутыми на подобіе буйволовоу роговъ: цѣлые годы употребляютъ на сооруженіе зданія шевелюры²⁾. Женщины этого племени (ланго) — самыя красивыя и стройныя во всей области плоскогорья; одежды онѣ не носятъ, но украшаютъ себя ожерельями, поясами, браслетами и кольцами. Хотя пастушескій народъ, лангосы однако употребляютъ не исключительно растительную пищу, какъ ва-гандаи ва-ниоро. На югъ отъ Нила живутъ народцы ва-чопи или шефалу, составляющіе, подобно лангосамъ, этнологическій островокъ; по языку и наружному виду, ихъ можно причислить къ шилукской націи, главная масса которой обитаетъ почти на тысячу километровъ сѣвернѣе, за рѣкой Газелей. Сами шефалу говорятъ, что они происходятъ отъ завоевателей, пришедшихъ съ сѣвера³⁾.

Городъ Мазивди, стоящій на берегахъ одного притока озера Мвутаъ, былъ во время посѣщенія страны Спикомъ, Грантомъ, Бекеромъ, резиденціей короля униорскаго; въ 1877 г. онъ былъ замѣненъ, какъ столица, Нيامогой, которая тоже занимаетъ выгодное географическое положеніе въ центрѣ страны, ограниченной озеромъ Мвутаъ и большой дугой, описываемой Ниломъ ниже Мрули. Этотъ послѣдній городъ, занимающій важное стратегическое и торговое положеніе на западной оконечности крутаго изгиба Нила, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка принимаетъ въ себя болотистыя воды рѣки Кафу, и гдѣ оканчивается дорога, которою слѣдуютъ караваны изъ У-Ганды, — пересталъ быть передовой цитаделью египтянъ. Уже до возстанія форскихъ мусульманъ войска хедива покинули этотъ постъ, какъ слишкомъ удаленный отъ Хартума, такъ же, какъ постъ Кирота, лежащій къ сѣверо-западу въ лѣсной прогалинѣ, и выбрали политической

¹⁾ Ernest Linant de Bellefonds, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, tome I, 1876.

²⁾ Ernest Linant de Bellefonds; — Felkin; — Richard Buchta, etc.

³⁾ Emin-bey, „Petermann's Mittheilungen“, 1881, №1.

⁴⁾ Richard Buchta, цитированный мемуаръ.

границей теченіе Нила въ области водопадовъ. На западѣ оборонительнымъ пунктомъ служить городъ Фовейра (Фауэра, Фаувера), который египтяне перенесли на яръ восточнаго берега Нила, близъ устья рѣки Кубули, спускающейся изъ земли Ланго, и недалеко отъ излучины, которою Нилъ принимаетъ западное направленіе къ озеру Мвутанъ-Нзиге. Другой крѣпостца находится къ сѣверу отъ рѣки, близъ Карумскихъ пороговъ и на сѣверѣ Павіатоли, резиденціи одного изъ главныхъ уніорскихъ начальниковъ. Третій укрѣпленный пунктъ египтянъ въ землѣ племени ва-ніоро — Магунго, лежащій на правомъ берегу Нила, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка вступаетъ въ озеро, безъ замѣтнаго теченія. Сначала онъ былъ построенъ на лѣвомъ берегу; но такъ какъ этотъ берегъ, подтачиваемый водой, грозилъ обваломъ, и мѣстность оказалась нездоровой вслѣдствіе вредныхъ испареній, поднимающихся съ сосѣднихъ стоячихъ водъ, то пришлось перенести фортъ далѣе на востокъ. Это укрѣпленіе, окруженное глубокимъ рвомъ, необходимо для плоховооруженныхъ и недисциплинированныхъ войскъ, каковы войска лангосовъ или ніоросовъ. Къ востоку отъ Магунго пароходы поднимаются по рѣкѣ до лѣсистаго ущелья, на днѣ котораго находится водопадъ Мурчисона, гдѣ вода низвергается съ уступа скалъ въ видѣ бѣлаго столба, окруженнаго парами.

На западномъ берегу озера Мвутанъ-Нзиге, подъ покровомъ высокаго мыса, защищающаго отъ сѣверныхъ вѣтровъ, египтяне построили другой укрѣпленный лагерь, Махаги. Вся эта область озернаго побережья извѣстна подъ именемъ Луръ; населеніе ея, болѣе многочисленное, кажется, одного происхожденія степегитянскими племенами, обитающими на Нилѣ до р. Бахръ-эль-Газаль, и говоритъ языкомъ, мало отличнымъ отъ нарѣчія шуліевъ, живущихъ на востокъ отъ Нила. Нравомъ луръ походятъ на ва-ніоро, съ которыми они прежде имѣли частыя торговыя сношенія, и отъ которыхъ они и теперь еще состоятъ въ нѣкотораго рода вассальной зависимости, хотя и не платятъ имъ никакой дани. Къ юго-западу отъ египетскаго военнаго поста находится, близъ берега рѣки, горячіе ключи, сѣрные, какъ всѣ минеральныя источники, открытые до сихъ поръ въ области Верхняго Нила ¹⁾. Между западнымъ и восточнымъ берегами озера существуетъ довольно оживленное судоходство, направляющееся преимущественно къ портамъ Мбаковія и Киберо, гдѣ добывается много соли, извлекаемой изъ глины посредствомъ выщелачиванія.

¹⁾ Эмилъ-бей (Шинцлеръ), „Petermann's Mittheilungen“. 1879, № V.

III. Страна рѣкъ.

Область нильскаго бассейна, заключающаяся между озеромъ Мвутанъ-Нзиге и мѣстомъ сліянія Бахръ-эль-Газаль съ Ниломъ, совершенно отличается отъ сосѣднихъ странъ обиліемъ водъ, соединеніемъ нѣсколькихъ, сходящихся здѣсь рѣкъ, значительнымъ протяженіемъ болотъ, общимъ однообразіемъ покатости. Теченія Нила и Асуа на востокъ и юго-востокъ, теченіе Бахръ-эль-Газаль на сѣверѣ составляютъ естественныя границы этой географической области. Въ историческомъ движеніи континента жители этой области тоже играли особую роль: здѣсь находится главное мѣсто перехода изъ бассейна Нила въ бассейнъ Конго. Такъ какъ водораздѣлъ не обозначенъ никакой замѣтной возвышенностью, то переселенія съ одной покатости на другую дѣлаются безъ всякаго затрудненія; раздѣльная гидрографическая линія не составляетъ естественной границы между расами, и различныя націи, между прочимъ, нація ніамъ-ніамовъ, занимаютъ поясъ съ двойнымъ скатомъ, распространяясь все далѣе и далѣе къ сѣверу. Черезъ эту раздѣльную область, безъ сомнѣнія, пройдетъ въ будущемъ главный путь сообщенія съ востока на западъ континента, между Краснымъ моремъ и Бенинскимъ заливомъ; уже путешественники Пене и Лежанъ, Питерикъ, братья Понсе, Піаджия, Швейнфуртъ, Потагосъ, Юнкеръ, Бондорфъ проложили дорогу, и по ихъ слѣдамъ идутъ другіе изслѣдователи. Къ сѣверу отъ Области Рѣкъ находится истинная естественная граница, но не обозначенная какой-либо раздѣльной возвышенностью: пограничную линію проводятъ здѣсь климатъ, слѣдствіемъ чего и является тотъ контрастъ, который представляютъ, по обѣ стороны этой линіи, видъ мѣстности, растительность, фауна и самая населенія. Параллельная экватору впадина или долина, въ которой извиается Бахръ-эль-Арабъ, въ общемъ совпадаетъ съ этой климатической границей. На югѣ, дождевыя воды довольно обильны, чтобы образовать ручьи и рѣчки, текущіе постоянно, круглый годъ, или по крайней мѣрѣ въ продолженіе половины года; на сѣверѣ, овраги, спускающіеся къ рѣкѣ Арабовъ, не что иное, какъ уади, въ которыхъ бѣгутъ воды только послѣ сильныхъ дождей. Къ сѣверу и къ югу отъ пояса Бахръ-эль-Араба, лѣса, состоящіе изъ различныхъ породъ, имѣютъ не одинаковую фizioномію: съ одной стороны, по направленію къ странѣ Форъ, господствуетъ баобабы, съ громаднымъ раздутымъ стволомъ; съ другой, по направленію къ области Фергитъ, преобладаютъ лѣса лулу или «маслянаго дерева», покрывая своими перпендикулярными вѣтвями пространства

въ нѣсколько сотъ километровъ. Большія обезьяны не переходятъ границы страны Рѣкъ и не встрѣчаются въ Кордофанѣ; точно также слонъ не заходитъ на сѣверъ далѣе Бахръ-эль-Газали, и страшная муха цеце не распространяетъ своихъ опустошеній на стада сѣверныхъ равнинъ. Область Рѣкъ есть страна негровъ и рогатого скота, тогда какъ противоположная покатость есть область арабовъ и лошадей.

Страна, заключенная между рѣками Бахръ-эль-Джебелъ и Бахръ-эль-Арабъ, такъ хорошо характеризуемая развѣтвленіемъ пересѣкающихъ ее потоковъ, не имѣетъ общаго названія, и извѣстна только по именамъ племенъ, которыя въ ней обитаютъ: политически, западная часть края обозначается какъ провинція Бахръ-эль-Газаль, которая должна бы принадлежать только къ бассейну этого притока Нила. Всю область въ совокупности можно бы назвать именемъ «Страны Рѣкъ», такъ какъ въ предѣлахъ ея находятся всѣ западные притоки Нила, къ сѣверу отъ озера Мвутанъ-Нзиге: общее пространство этой обильно орошаемой территоріи около 350.000 квадр. километровъ, по предварительнымъ картамъ, составленнымъ новѣйшими путешественниками, а средняя высота ея 800 метровъ.

Почва страны, состоящая изъ разложившагося гранита, смѣшаннаго съ рѣчнымъ аллювіемъ и перегноемъ, необыкновенно плодородна. Обширные пространства покрыты краснымъ, залегающимъ на рудѣ болотнаго желѣзняка: эти обломки, въ соединеніи съ иломъ рѣкъ и съ остатками растительности, тоже отличаются большимъ плодородіемъ; но тамъ, гдѣ слой желѣзной руды лежитъ очень близко къ поверхности, корни растений съ трудомъ проникаютъ въ твердую почву, которая даже послѣ дождей покрывается лишь скудной травой. Тамъ и сямъ лужи стоячей воды, исчезающія подъ ковромъ зелени, разсыяны во впадинахъ скалы, и глыбы камня украшены розовыми цвѣтками діантеры, — растенія, соответствующаго клейкой смолянкѣ европейской флоры¹⁾. Вездѣ, гдѣ почва не состоитъ изъ металлической настилки, она производитъ обильные урожаи, и ея дикорастущая флора содержитъ большое число видовъ, продукты которыхъ, до недавняго времени неизвѣстные европейцамъ, могли бы давать очень полезный матеріалъ для обрабатывающей промышленности. Въ этой области Нигриціи произрастаетъ, между прочимъ, румъ, родъ большаго хлопчатника (*eriopendron anfractuosum*), изъ котораго можно бы было выдѣлывать ткани; дерево лулу (*butyrospermum Parkii*), образующее цѣлые лѣса, даетъ въ своихъ плодахъ масло; другія породы деревьевъ доставляютъ въ изобиліи разные сорта каучука. Кое-гдѣ встрѣчается хиг-

ликъ (*balanites aegyptiaca*) или «слоновое дерево», подъ которымъ часто выкапываютъ большія ямы, прикрываемыя вѣтвями, для ловли великана лѣсовъ, который любитъ лакомиться листьями этого дерева. Эти огромные представители африканской фауны очень обыкновенны въ Рѣчной области. Хотя ихъ ежегодно убиваютъ отъ пяти до шести тысячъ головъ, однако еще незамѣтно, говоритъ Лептонъ, уменьшенія ихъ стада; но это утверждение опровергается другими путешественниками. Мѣстный губернаторъ насчитываетъ до сотни (?) разныхъ видовъ антилопъ, бродящихъ по странѣ¹⁾. Большія обезьяны — по мнѣнію Фелкина, чимпанзе — внушаютъ страхъ туземцамъ. Однажды сотня этихъ двурукихъ напала на контору Габа-Шамбе, на Нилѣ, и разнесла много дома, послѣдствіемъ чего былъ пожаръ, истребившій товарные склады. Что касается домашнихъ животныхъ, то они немногочисленны. Лошади, такъ же, какъ мулы, ослы, верблюды и вьючные волы, приводимые баггарцами, не выживаютъ больше года въ лѣсныхъ странахъ, граничащихъ на югѣ съ Форомъ и Кордофаномъ. Эминъ-бей приписываетъ вымирание всѣхъ этихъ животныхъ, привозимыхъ изъ другихъ мѣстъ, самопроизвольному развѣтію у нихъ огромнаго множества глистовъ. До третьяго градуса къ сѣверу отъ экватора туземцы много страдаютъ отъ подкожной глисты, извѣстной подъ именемъ «мединскаго червя или струнца».

Пятьдесятъ милліоновъ людей могли бы жить въ довольствѣ въ этой богатой странѣ. Въ нѣкоторыхъ округахъ, защищенныхъ болотами или другими естественными препятствіями отъ нападенія завоевателей, деревни слѣдуютъ одна за другой непрерывнымъ рядомъ, и джунгли давно исчезли, замѣненные садами; но почти повсюду видны слѣды грабительскихъ набѣговъ, и многія мѣстности, недавно бывшія въ культурномъ состояніи, теперь совершенно обезлюднѣли и обратились въ пустыню. Нигдѣ въ восточной Африкѣ торговля неграми не приняла столько бѣды, какъ въ этихъ густо населенныхъ равнинахъ. Сдѣлавшись господами края подъ титуломъ египетскихъ офицеровъ и чиновниковъ, неготорговцы въ теченіе многихъ лѣтъ открыто производили свой гнусный торгъ человѣческимъ тѣломъ. Имѣя порученіе снабжать рынки Хартума и Капра молодыми дѣвушками и евнухами и вербовать солдатъ для арміи, чиновники могли безбоязненно совершать то, что официальные рапорты веле рѣчиво называли ихъ «цивилизаторской миссіей»: деревни пустыли, и изъ каждой *зерибы* арабскихъ купцовъ или изъ Донголы регулярно отправлялись къ берегамъ Нила партіи несча-

¹⁾ Schweinfurth, „Im Herzen Afrika's“.

¹⁾ „Proceedings of the Royal Geographical Society“, 1884.

стныхъ, связанныхъ по-парно при помощи развилинъ и колець, надѣтыхъ на шею невольника и привязанныхъ къ верховому животному господина. Еще въ наши дни дороги, которыми слѣдовали эти невольничьи караваны, легко узнать по человѣческимъ костямъ, разсыяннымъ вдоль тропинокъ. Даже когда торговля невольниками была официально воспрещена въ провинціи Бахрѣ-эль-Газаль, египетскимъ чиновникамъ не трудно было обходить приказы, данные имъ не письменно, а устно. Посредствомъ такихъ обходовъ, тѣмъ болѣе жестокихъ, что они порождали больше разбойничьихъ набѣговъ и рѣзни, торговцы невольниками и составляли свой *мамы* или человѣческій капиталъ. Сами они не нападали на селенія, но направляли племена одно на другое. Подстрекаемый къ грабежу, тотъ или иной туземный народецъ вторгался неожиданно въ предѣлы сосѣдней земли, убивалъ мужчинъ, захватывалъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Не было ли тогда кажушимся дѣломъ человѣколюбія со стороны негропромышленниковъ, если они являлись на выручку плѣнниковъ, чтобы облагодѣтельствовать ихъ менѣе тяжелой неволей въ своей зернѣ или въ сѣверныхъ городахъ? Но побѣжденное племя равно или поздно оплачивало побѣдителя той же монетой, и неготорговцы опять вступались за плѣнниковъ, чтобы освободить ихъ въ свою пользу. И если война продолжалась безъ пощады, охватывала всю провинцію, не слѣдовало ли вмѣшаться между враждующими племенами и положить конецъ безпорядку, взявъ заложниковъ у той и другой стороны? Таковъ былъ порядокъ вещей, введенный «эрой прогресса», и благодаря этому порядку, не только край обезлюдѣлъ, но, что еще хуже, оставшееся населеніе подверглось нравственной порчѣ, усвоивъ себѣ пороки, порожденные насиліемъ: мирныя племена обратились въ шайки разбойниковъ¹⁾. Одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ имѣлъ цѣлый арсеналъ карабиновъ, приклады которыхъ были увѣшаны черепами убитыхъ ими негровъ²⁾.

Когда европейскій губернаторъ, извѣстный Гордонъ, вознамѣрился положить конецъ этимъ ужасамъ, вспыхнулъ бунтъ, и въ то время, какъ официально власть поощряла своихъ представителей къ сопротивленію, мятежникамъ посылались боевые припасы: торговцы невольниками пользовались сообщничествомъ, явнымъ или замаскированнымъ, почти всѣхъ египетскихъ чиновниковъ, и общее мнѣніе было то, что области Бахрѣ-эль-Газаль и Форъ скоро образуютъ, подъ управленіемъ неготорговца Сулеймана, отдѣльное отъ Египта королевство, поставящее ему невольниковъ и избавленное отъ всякаго европейскаго контроля. Но эти расчеты

были разстроены, благодаря геройской настойчивости и военному генію итальянца Джесси, который не только заставилъ снять осаду крѣпости, гдѣ онъ былъ запертъ, но еще восторжествовалъ въ концѣ концовъ надъ привычнымъ къ войнѣ непріателемъ, далеко превосходящимъ его численностію, и совершенно умиротворилъ край, организовавъ свою стражу изъ *базенировъ*, то-есть освобожденныхъ имъ невольниковъ. Однако, ему не простили этой побѣды; вскорѣ послѣ того онъ былъ отозванъ, такъ же, какъ и Гордонъ, генераль-губернаторъ всего египетскаго Судана. Тѣмъ не менѣе, старый порядокъ крайняго угнетенія, кажется, не былъ возстановленъ. Власть хедива, официально реставрированная, существуетъ еще, но крайней мѣрѣ по имени, такъ какъ въ началѣ 1884 года возмущившіеся мусульмане не перешли рѣки Бахрѣ-эль-Газаль; силы Лептонъ-бея, уменьшенная на двѣ трети ихъ численнаго состава частыми стычками, побѣдоносно отразили всѣ набѣги баггарасовъ, съ помощью нуэровъ и денкасовъ; онъ рассчитывалъ на поддержку нiams-niamsъ, чтобы восторжествовать надъ арабами, но сообщенія Страны Рѣкъ съ сѣверомъ были отрѣзаны. Прежде, когда Ниль былъ запертъ естественными преградами въ видѣ травяныхъ острововъ, путешественники могли по крайней мѣрѣ проходить эту страну, дѣлая кругъ черезъ Форъ и Кордофанъ; теперь же египетскіе чиновники могли бы пытаться вернуться въ Каиръ иначе, какъ спускаясь на югъ къ Занзибару или на западъ къ Конго. Управляемая ими провинція силой обстоятельствъ сдѣлалась на время автономнымъ королевствомъ; но, несмотря на обѣщанія Англіи, нужно опасаться, что далеко еще то время, когда «Суданъ» дѣйствительно будетъ принадлежать «суданцамъ». Въ Африкѣ нѣтъ страны, которая бы обѣщала сдѣлаться болѣе богатой, когда охота на человѣка будетъ замѣнена эксплуатаціей почвы и когда населеніе, исчисляемое въ три милліона душъ, займется вывозомъ, кромѣ слоновой кости, также другихъ мѣстныхъ произведеній, изъ которыхъ важнѣйшія — каучукъ, разныя смолы, стручки тамариндовъ, воскъ, растительное масло, фрукты, сѣмена и овощи всякаго рода, хлопокъ, выдѣланные кожи и металлы. Европейцы могутъ жить въ странѣ подъ условіемъ, если будутъ вести очень дѣятельный образъ жизни: тѣмъ не менѣе эта область, по причинѣ обширныхъ болотъ, находящихся въ нижней ея части, все-таки опасна для эмигрантовъ, пока не будутъ основаны въ южныхъ горахъ санитарныя станицы, подобныя тѣмъ, какія существуютъ въ Индіи.

Войны и облавы неготорговцевъ имѣли слѣдствіемъ во многихъ мѣстахъ смѣшеніе племенъ; старыя границы сдѣлались неопредѣленными;

¹⁾ Hartmann; Schweinfurth; Lejean; Gessi; Marno; Felkin.
²⁾ G. Lejean, „Tour du Monde“, 1863.

территоріи перемѣняли жителей; въ періодъ жизни послѣдняго поколѣнія населеніе сохранилось неизмѣнно въ наслѣдственныхъ владѣ-

густо населена; тамъ можно путешествовать по цѣлымъ днямъ, не встрѣчая мѣстности, которая бы не была измѣнена земледѣльческой культу-

Берегъ Нила.

иныхъ только на обоихъ берегахъ Нила, между Магуго и Дуфале, куда не проникали торговцы невольниками, или гдѣ они по крайней мѣрѣ не долго пробыли. Оттого эта часть страны

рой, гдѣ существовалъ бы еще остатокъ джунгля или дѣвственнаго лѣса. Въ этихъ округахъ, миръ которыхъ не былъ нарушенъ въ теченіе многихъ поколѣній, нравы кротки; тамъ никогда

не услышишь о преступленіяхъ; путешественникъ можетъ объѣхать страну во всѣхъ направленіяхъ, не имѣя другаго оружія, кромѣ палки. Великъ контрастъ между этими мирными населеніями и тѣми, надъ которыми неготорговцы практиковали свой чудовищный промыселъ! А между тѣмъ, почти всѣ эти народцы одного происхожденія, и въ прежнее время всѣ они имѣли одинаковые нравы, одинаковое политическое и социальное устройство. По примѣру большей части негритянской расы, они говорятъ языками, совершенно отличными отъ бантусскихъ идиомовъ, употребляемыхъ прибрежными племенами бассейна Ниланца. Между этими говорами области Бахр-эль-Газала только два или три были возведены миссіонерами на степень письменныхъ діалектовъ; нарѣчія барн, денка, шилукъ были частію закрѣплены вокабуляріями и переводами книгъ духовнаго содержанія. Изъ всѣхъ глоссологическихъ группъ африканскаго континента эта группа наименѣе извѣстна въ ея совокупности, хотя страна была посѣщена гораздо большимъ числомъ европейскихъ путешественниковъ, чѣмъ другія области Африки ¹⁾.

Шули—первыя племена, черезъ земли которыхъ проходитъ Нилъ, по выходѣ изъ озера Мвутанъ-Нзиге. На западной покатости рѣки, гдѣ они владѣютъ лишь узкой полосой, ограниченной съ запада горнымъ хребтомъ, ихъ называютъ луръ или лури; по крайней мѣрѣ оба народа, очевидно, принадлежатъ къ одному корню. Совокупность территорій племенъ луръ и шули обнимаетъ лѣвый берегъ озера Мвутанъ-Нзиге и, на правомъ берегу Нила, обширную территорію въ формѣ полумѣсяца, которая изгибается къ сѣверо-востоку и къ сѣверу до теченія рѣки Асуа, захватывая полосу земли даже за этой рѣкой. Наружность у шули была бы довольно пріятна, если бы они не усвоили, чтобы отличиться отъ другихъ народцевъ, привычки прокалывать себѣ нижнюю губу и продѣлывать сквозь нее кусокъ кристалла, палочку или какое-нибудь другое украшеніе (длиной отъ 7 до 10 сантиметровъ), которое болтается, когда они говорятъ; кромѣ того, они вырываютъ себѣ четыре верхніе рѣзца, отчего рѣчь ихъ непонятна. Красятся они въ красный цвѣтъ съ помощью окиси желѣза, но это раскрашиваніе не подчинено никакимъ правиламъ и всецѣло предоставлено личному вкусу и фантазіи. У однихъ лицо красное, а тѣло черное, у другихъ есть только пятна или полосы на лицѣ, наведенныя охрой, тогда какъ туловище или ноги имѣютъ кровавый цвѣтъ, какъ у гиппорея, о которыхъ рассказываетъ Плиній; иные испещряютъ себѣ тѣло сѣрыми линіями: издали кажется, что видишь солдатъ разнаго рода оружія, одѣтыхъ каждый въ особенный

мундиръ. Какъ вообще у большинства дикихъ племенъ, щегольство и кокетство составляютъ принадлежность мужскаго пола. Подобно своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, мади, и южнымъ, ланго, шули проводятъ большую часть жизни въ размалевываніи и украшеніи своего тѣла: пышныя зданія ихъ причесокъ, воздвигаемыя каждымъ по своему вкусу, разнятся по формѣ и объему, но всѣ содержатся съ величайшей заботливостію; есть шевелюры въ нѣсколько этажей, украшенные всякаго рода украшениями—ключьями шерсти, гирляндами изъ травы, кольцами, фестонами изъ бусъ, и носитель этого архитектурнаго памятника, когда идетъ, едва смѣетъ пошевелить головой. Богатые щеголи накладываютъ себѣ на плечи шкуру антилопы, бѣдные носятъ по крайней мѣрѣ козью шкуру, а руки, ноги и шея обвиты желѣзными ожерельями. Подъ этой массой металла, сдавливающей мускулы и вены, трудно двигаться; чтобы посмотрѣть въ бокъ, родовитый шули долженъ повернуться всѣмъ корпусомъ. Красныя и бѣлыя бусы, шелковыя амулеты, корни, зубы и рога дополняютъ костюмъ. Въ сравненіи съ мужчинами, женщины одѣваются очень просто: передникъ, длинный хвостъ, какъ у нямъ-ниамовъ, нѣсколько стеклянныхъ украшеній и узоровъ—вотъ и весь костюмъ замужнихъ женщинъ; молодыя дѣвушки ходятъ безъ всякой одежды. Шули, лури, мади отличаются отъ сосѣднихъ племенъ уваженіемъ, которое они оказываютъ женщинамъ въ общественной жизни. Совершеннолѣтнія дѣвушки, живущія отдѣльно въ отведенныхъ имъ хижинахъ, имѣютъ право выбрать себѣ мужа, прежде чѣмъ быть купленными у родителей. Жена никогда не подвергается побоямъ, и обыкновенно мужъ не принимаетъ никакого рѣшенія, не посоветовавшись съ подругой жизни, не получаетъ никакого подарка, не подѣлившись съ ней. Полевые работы не взысканы на женщинъ, какъ у племенъ ва-ганда и ва-ніоро: здѣсь женщины знаютъ только домашнее хозяйство.

Такъ какъ имя шули нѣсколько напоминаетъ имя шилукъ, данное могущественнымъ племенамъ, живущимъ далѣе на сѣверѣ, на берегахъ Бѣлаго Нила, то нѣкоторые писатели высказали мнѣніе, что шули, вѣроятно, потомки шилукскихъ эмигрантовъ, переселившихся въ давнія времена ¹⁾. Какъ бы то ни было, нарѣчія этихъ двухъ націй представляютъ большое сходство: солдаты изъ шилуковъ, приводимые въ край египетскими офицерами, сразу понимаютъ мѣстный говоръ. Но эти потомки древнихъ завоевателей, преобразившіеся въ мирныхъ жителей, занимаются преимущественно земледѣліемъ; прекрасный видъ ихъ полей свидѣтельствуетъ объ ихъ трудолюбіи. Они воз-

¹⁾ R. N. Cust, „The modern Languages of Africa“.

¹⁾ R. N. Cust, цитированное сочиненіе; —Emin-bey, „Esploratore“, gennaio 1881.

дѣлаваютъ отличный табакъ и разнаго рода овощи, изъ которыхъ инны только недавно введены въ краѣ арабами и европейцами; вокругъ большихъ деревень тянутся на необозримое пространство поля, засѣянные хлѣбомъ и кунжутномъ. Посреди фруктовыхъ деревъ стоятъ тамъ и сямъ деревья-фетиши, вѣтви которыхъ увѣшаны рогами, зубами и черепами животныхъ, приносимыми охотниками. Шули, такъ же, какъ прибрежныя племена озера Ніанца, строятъ маленькія хижины, посвященныя духамъ земли, и не пускаются ни въ какое предпріятіе, не спросивъ совѣта у чародѣевъ. Очень гостепріимные, они радушно принимаютъ путешественника и, въ знакъ любви и дружбы,

Египетскіе паши основали на шулійской территоріи нѣсколько военныхъ постовъ, расположенныхъ на разстояніи двухъ или трехъ дней ходьбы одинъ отъ другаго, такъ чтобы можно было господствовать надъ страной посредствомъ сѣти стратегическихъ путей. Одна такая крѣпость, Ваделай, стоитъ на лѣвомъ берегу Нила, при впаденіи въ него одной рѣчки; но самое важное населенное мѣсто, Фатико, находится верстахъ въ ста къ востоку отъ Нила, между двумя притоками рѣки Асуа, на красной почвѣ, необыкновенно плодородной, надъ которой господствуютъ гранитныя кручи; къ сѣверу отъ мѣстечка, одна изъ этихъ скалъ возвышается на сотню метровъ надъ

Музыканты племени шули.

плюютъ ему на руку, или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ соотвѣтственный жестъ. Когда чужеземецъ отправляется въ дальнѣйшій путь, хозяинъ закалываетъ козу на тропинкѣ, для того, чтобы отвратить всякую опасность худой встрѣчи. Три дня недѣли считаются благопріятными, три другіе—несчастливыми, седьмой же безразличенъ—ни хорошъ, ни дуренъ. Путешественнику, который не принимаетъ въ расчетъ этихъ мѣстныхъ суевѣрій, часто приходится раскаиваться, ибо его спутники, проворные, доверчивые и смѣлые, когда отправляются въ путь при счастливыхъ предзнаменованіяхъ, отказываются отъ работы и дрожатъ при малѣйшемъ шумѣ, когда природа кажется имъ враждебной ¹⁾.

¹⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sudan“.

равнинами, и съ вершины ея открывается обширный видъ, простирающійся до самаго Нила; на сѣверо-востокъ, остроконечная гора Шона (одна стѣна которой, почти отвѣсная, поднимается на 250 метровъ) указываетъ путешественникамъ направленіе, котораго нужно держаться при проходѣ черезъ лѣса и степи. Мѣстечко Фатико, лежащее на высотѣ около 1.200 метровъ, занимаетъ какъ разъ верхушку области племени шули: съ этой высшей точки можно спуститься на сѣверъ, на западъ, на югъ рядомъ террасъ съ крутыми уступами. Находясь на полдорогѣ отъ станціи Фовейра, на Нилѣ-Кивира, и отъ Дуфиле, на «Горномъ» Нилѣ, Фатико занимаетъ великолѣпное торговое положеніе, въ равнинѣ, окруженной круглыми холмами и прозванной раемъ ботаниковъ; онъ отправляетъ много хлѣба и воска. Другія

многолюдныя селенія страны Шули, къ востоку и къ сѣверу отъ рѣки Асуа, суть: Фаджелло или Фаджули, Фадибекъ, Фараджакъ и Оббо. Туземцы племени мади, живущіе на сѣверѣ, преимущественно на правомъ берегу рѣки, имѣютъ такую же наружность, какъ шули, такъ же кокетливо убираютъ свою шевелюру, такъ же имѣютъ привычку раскрашивать себѣ тѣло; и не только походятъ на нихъ внѣшностію, обычаями и модами, но дѣлать съ ними также рѣдкую привилегію уважать свободу женщинъ и допускать ихъ въ свои совѣты. Можно подумать, что мади и шули одноплеменники, а между тѣмъ языкъ первыхъ совершенно отличенъ отъ языка луровъ, шулиевъ, шилуковъ, и приближается, напротивъ, къ нарѣчію ніамъ-ніамовъ: онъ изобилуетъ односложными словами, выговоръ отрывистый и съ повышеіемъ голоса ¹⁾. Безъ сомнѣнія, это различіе языковъ и сходство нравовъ объясняется совмѣстнымъ существованіемъ двухъ народовъ, теперь слившихся въ одинъ; покоренныя племена, болѣе многочисленныя, постепенно ассимилировали себѣ завоевателей, но эти послѣдніе сохранили и сдѣлали господствующимъ свой языкъ. Эти завоеватели пришли, вѣроятно, съ юго-запада: съ этой стороны мади занимаютъ два склона водораздѣльной возвышенности и граничатъ, въ бассейнѣ Конго, съ населеніемъ того же языка и того же происхожденія, именно съ галиками.

Въ территоріи племени мади главная станція египтянъ — Дуфиле, мѣстечко, лежащее на западномъ берегу рѣки, недалеко отъ большой излучины, которую описываетъ Малый Нилъ, прежде чѣмъ соединиться съ р. Асуа. Дуфиле занимаетъ вершину треугольника, образуемаго этими двумя потоками и Ниломъ-Кивира, между Фсвейрой и Магунго; кромѣ того, противъ Дуфиле въ Нилъ впадаетъ рѣка, судоходная на протяженіи около двадцати километровъ. Это весьма важная позиція въ стратегическомъ отношеніи, и, нѣтъ сомнѣнія, въ будущемъ городокъ сдѣлается центромъ оживленной торговой дѣятельности; здѣсь находится паромная пристань Верхняго Нила, запертаго ниже порогами Фола. Палисада Дифуле окружена пальмами, за которыми видѣются вдали крутыя склоны горы Кулу. На сѣверѣ, цѣль, поднимающаяся мѣстами метровъ на 200 надъ уровнемъ рѣки, продолжается въ близкомъ разстояніи отъ берега. Два укрѣпленныхъ поста Лаборе, на половину скрытый въ зелени деревьевъ, и Муги, близъ порога Иербора, — имѣютъ лишь узкую полосу воздѣланныхъ земель между Ниломъ и скалами. Съ южной стороны Дуфиле соединяется съ постомъ Фатико многолюднымъ мѣстечкомъ Фалоро, которое считается одной изъ житницъ египетскаго Судана. Сѣверные

солдаты, обогатившіе мѣстную флору и фауну многими новыми видами, занесли, къ несчастію, міриады клоповъ; но это насѣкомое не переходитъ за Фалоро ¹⁾. Поля мадіевъ обработаны очень тщательно; женщины и дѣти сѣютъ каждое зерно отдѣльно.

Бари, слѣдующіе за мади на обоихъ берегахъ рѣки, составляютъ, между негритянскими племенами, одну изъ замѣчательнѣйшихъ группъ по красотѣ тѣла и благородству осанки. Путешественникъ можетъ безъ труда изучать ихъ великолѣпныя формы, такъ какъ они ходятъ совсѣмъ голые. Они думаютъ, что достоинство мужчины не позволяетъ прикрывать наготу. Пеней рассказываетъ, что они даже «боятся одежды»; чтобы найти хорошій приемъ у туземцевъ, этотъ путешественникъ принужденъ былъ снять съ себя все платье ²⁾. Обычай раздѣвается женщинамъ одѣваться; но большинство ихъ прикрываются только *рагадомъ* или передникомъ изъ желѣзныхъ цѣпочекъ или изъ кожаныхъ ремней, и звѣриной шкурой, накинутаю на плечи; волосы у нихъ всегда острижены на-голо, тогда какъ мужчины оставляютъ маленькій пучокъ на макушкѣ, освѣщенный страусовыми перьями у главныхъ начальниковъ. Бари не обвѣшиваются украшеніями и амулетками, какъ шули, но нѣкоторые изъ нихъ тоже раскрашиваютъ себѣ тѣло, особенно для военныхъ плясокъ, и татуируются разноцвѣтными арабесками или геометрическими фигурами; но эти операціи, производимыя въ эпоху возмужалости, очень опасны и часто оканчиваются смертью пациента. Бари, между которыми до недавняго времени опа похищала много жертвъ, прибѣгли, по словамъ Фелькина, къ изобрѣтенному ими самими способу оспопрививанія, и этотъ профилактическій методъ леченія, кажется, увѣчался полнымъ успѣхомъ. Воины этого племени считаются самыми храбрыми изъ прибрежныхъ жителей Нила, и между ними не рѣдкость встрѣтить удалцовъ, носящихъ на рукѣ браслетъ изъ слоновой кости: это охотники, которымъ удалось одолѣть слона въ борьбѣ одинъ-на-одинъ. Между этимъ же племенемъ торговцы невольниками обыкновенно вербовали свои шайки охотниковъ на негровъ, и имя этихъ бандитовъ наводило страхъ на мирныхъ жителей даже въ сосѣдствѣ большихъ озеръ. Впрочемъ, племена бари и сами много страдали отъ набѣговъ негроторговцевъ: нѣкоторыя части ихъ территоріи были совершенно опустошены и обезлюдѣли. Зная, что главное богатство баріевъ — рогатый скотъ и что они гордятся своими прекрасными животными, весело позванивающими привѣшеннымъ на шеѣ колокольцемъ, негропромышленники захватывали прежде всего стада, и чтобы ихъ выку-

¹⁾ Emil-bey, „Petermann's Mittheilungen“, 1880, VI.

²⁾ Emin-bey, „Petermann's Mittheilungen“, 1880, VI.

²⁾ „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, juillet 1863.

пить, бари приводили собственных женъ или дѣтей, если имъ не удавалось совершить счастливой экспедиціи и забрать въ плѣнъ семьи сосѣднихъ племенъ ¹⁾. Корова—животное почти священное для этихъ принильскихъ народовъ, и даже калъ ея считается обладающимъ чудодѣйственной силой: онъ входитъ, какъ главный ингредиентъ, въ мазь, употребляемую для залечиванія ранъ. Около хижины баріевъ, впрочемъ содержимыхъ въ замѣчательной чистотѣ, земля изъ битой глины и золы всегда смѣшана съ коровьимъ каломъ, какъ прежде полъ на гумнѣ французскихъ крестьянъ. Въ-сто того, чтобы присѣдать на корточки, какъ

стараясь усадить покойника въ могилѣ какъ можно удобнѣе. Прежде, говорятъ они, на небо можно было всходить по веревкѣ, привязанной къ звѣздамъ, но эта веревка порвалась ²⁾. Отъ церкви, бывшей центромъ миссій на Верхнемъ Нилѣ, не сохранилось даже развалинъ, и только красивая аллея лимонныхъ деревьевъ указываетъ еще мѣсто, гдѣ стоялъ «городъ» Гондокоро; кирпичи отъ дома австрійскихъ миссіонеровъ были все растащены туземцами, которые приготавливали изъ нихъ, съ примѣсью жира, краску для раскрашиванія себѣ тѣла. Паша Самуилъ Бекеръ сдѣлалъ Гондокоро главнымъ административнымъ пунктомъ своей гу-

Кузнецы племени бари.

большинство другихъ негровъ, или скрещивать ноги, какъ арабы, бари имѣютъ привычку садиться на табуреты, обыкновенно покрашенные красной краской.

Католическіе миссіонеры много трудились среди племени бари, но почти безъ всякаго успѣха, потому что поведеніе христіанъ неготорговцевъ было не таково, чтобы могло содѣйствовать пропагандѣ духовныхъ лицъ. Бари по-прежнему остались при своей вѣрѣ въ волшебство, при старомъ анимистическомъ культѣ, при боготвореніи змѣи, которую они называютъ «бабушкой», при почитаніи умершихъ, которыхъ они хоронятъ въ сидячемъ положеніи,

берни, подъ именемъ Измаилин; но перемѣненіе рѣки, образованіе болотъ и песчаныхъ мелей вынудили Гордона покинуть этотъ постъ: онъ основалъ губернаторскую резиденцію километрахъ въ двадцати ниже по теченію, въ Ладо или Лардо, на яру западнаго берега. Этотъ городъ, съ кирпичными, крытыми желѣзомъ, зданіями, представляетъ довольно красивый видъ, въ сравненіи съ окружающими селеніями; вокругъ города идетъ бульваръ; эвкалиптовое дерево, посаженное Эминъ-беемъ, уже высоко поднимается надъ массой домовъ; до недавняго времени вдоль набережной всегда стоялъ рядъ судовъ. Другія станціи въ странѣ Бари, выше Гондокоро, — Кирри и Беденъ; въ

¹⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sudan“.

²⁾ Kaufmann, „Das Gebiet des Weissen Flusses“.

последней есть паромъ черезъ рѣку. Къ юго-востоку отъ Гондокоро находятся селенія Биллигонгъ и Беленангъ, славящіеся желѣзными рудниками и мастерскими для фабрикаціи дропиковъ и копій. Въ сосѣднихъ горахъ, называемыхъ Локойя, живутъ самые отважные туземцы изъ племени бари, нерѣдко беспокоившіе своими набѣгами бѣлыхъ, поселившихся въ Гондокоро. Сѣвернѣе, берри, баръ или бехранъ, обитающіе въ степяхъ къ сѣверо-востоку отъ Гондокоро, составляютъ группу племенъ, отличную отъ бари, и говорятъ языкомъ почти тождественнымъ съ нарѣчіемъ пудіевъ, на которыхъ они походятъ также чертами лица и нравами. Другой родственный народецъ — ширь, селенія которыхъ расположены на обѣихъ берегахъ Нила, ниже Ладо. Не имѣя желѣза, эти чернокожіе дѣлаютъ наконечники стрѣлъ изъ черного дерева ¹⁾.

Къ востоку отъ бари, одна территорія, хорошо орошаемая херанами, спускающимися къ Нилу, съ юго-востока на сѣверо-западъ, занята племенемъ латука, нисколько не похожимъ на сосѣднихъ негровъ. Почти всѣ путешественники причисляютъ это племя къ галласскому корню ²⁾: латукскій языкъ, говорятъ, принадлежитъ къ той же семьѣ, какъ и языкъ племени ильмъ-орма (по Равенштейну, онъ близко подходитъ къ языку масаевъ ³⁾). Отличительные признаки латуковъ — высокое чело, прямой и твердый носъ, большіе глаза, толстая, но не вздутая губы — не позволяютъ сомнѣваться относительно ихъ происхожденія. Средній ростъ этихъ туземцевъ отъ 1,70 до 1,75 метровъ. Другіе народцы, живущіе восточнѣе въ направленіи Собата, именно племя арборе, принадлежатъ къ той же семьѣ; но племена аккара и иренга говорятъ другими языками. Характеромъ латуки много разнятся отъ сосѣднихъ негровъ: они веселѣе, откровеннѣе, очень храбры, такъ что негриторговцамъ никогда не удавалось захватывать невольниковъ между ними. Если бы латуки соединились, вмѣсто того, чтобы безпрестанно воевать между собой, племя съ племенемъ, они, несомнѣнно, были бы одной изъ могущественныхъ націй Африки. Хотя первоначальный языкъ, физическія черты и характеръ этихъ галласскихъ эмигрантовъ въ большей части сохранились до сихъ поръ, однако, вслѣдствіе смѣшенія черезъ браки, латуки приблизились нравами къ негритянскимъ народцамъ, обитающимъ по Нилу: подобно шилукамъ и бари, они стыдятся носить одежду, но полагаютъ свою славу въ томъ, чтобы шевелюра ихъ имѣла изящную, по ихъ понятіямъ, форму, именно форму каски. Нужно отъ

восьми до десяти лѣтъ терпѣливаго труда, чтобы вполне придать куафюрѣ надлежащій видъ: волосы, заплетаемые съ волокнами коры, превращаются въ родъ войлока, который унизанъ бусами и фарфоровыми шариками: спереди, надъ челою блестятъ мѣдная бляха, а на макушкѣ развѣваются хохолки, пучки перьевъ ¹⁾. Что касается женщинъ, которыя вообще менѣе красивы, чѣмъ мужчины, и отличаются только необыкновенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, то онѣ не имѣютъ права на равное съ мужчинами количество украшеній и ограничиваются небольшою татуировкой; кромѣ того, носятъ хвостъ, похожій на конскій, и, подобно большинству другихъ женщинъ этой области, вырываютъ себѣ четыре нижнихъ рѣзца. Хижины у латуковъ похожи на жилища сосѣднихъ туземцевъ: онѣ имѣютъ форму колокола, безъ всякихъ отверстій, кромѣ низенькой двери, черезъ которую нужно проходить ползкомъ. Около каждаго селенія имѣется кладбище, куда переносить кости, когда трупъ, погребаемый сначала подлѣ хижины, совершенно разложится; вокругъ умершихъ по цѣлымъ недѣлямъ справляютъ похоронныя пляски. Поля латуковъ очень производительны; тамошній табакъ въ большомъ спросѣ у окрестныхъ племенъ, хотя онъ почти всегда съ примѣсью коровьяго кала. Изъ дикихъ звѣрей въ краѣ считается опаснымъ только леопардъ, часто нападающій даже на человѣка; льва же здѣсь не боятся. Эминъ-бей рассказываетъ, что когда одинъ изъ этихъ царей лѣсовъ попалъ въ яму, устроенную для леопардовъ, то населеніе тотчасъ же вытасило его оттуда ²⁾.

Территорія племени латука, ограниченная на востокъ горной цѣпью Лофитъ или Лафитъ, поднимающейся на тысячу метровъ надъ равнинами, ограничена на югъ другими, еще болѣе высокими горами: въ цѣломъ этотъ краѣ представляетъ длинную плодородную долину, усыпанную деревьями; между ними часто попадаетъ хагликъ, сладкіе плоды котораго такъ богаты поташемъ, что ихъ употребляютъ вмѣсто мыла. Селенія довольно многочисленны, и нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ даже имени городовъ. Тарранголе, главный городъ, лежащій въ серединѣ страны Латука, на берегу хора Кохсъ, говорятъ, заключаетъ въ своихъ стѣнахъ не менѣе трехъ тысячъ хижинъ, не считая сараевъ или навѣсовъ, подъ которыми помѣщается отъ десяти до двѣнадцати тысячъ головъ скота. Городъ обнесенъ крѣпкимъ палисадомъ, и, кромѣ того, каждый домъ защищенъ еще частоколомъ; въ разныхъ пунктахъ города возвышаются трехъэтажныя сторожевыя башенки, на которыхъ по ночамъ стоятъ часовые, обозрѣвающіе окрестности и готовые

¹⁾ Zuchinetti, "Bulletin de la Société de Géographie du Caire", février 1881.

²⁾ Peney; — Baker; — Emin-bey.

³⁾ "Proceedings of the Royal Geograph. Society", may 1884.

¹⁾ Samuel Baker, "Albert Nyanza".

²⁾ "Petermann's Mittheilungen", 1882, № VII.

абить тревогу при малѣйшемъ признакѣ опасности. Въ Тарранголе только одна широкая улица, проходящая черезъ весь городъ; другіе проходы не что иное, какъ кривыя аллеи, гдѣ сороки могутъ входить лишь по одиночкѣ, для того, чтобы ихъ легче было считать и чтобы неприятель не могъ неожиданнымъ нападеніемъ

если только не считать ланго, на Верхнемъ Нилѣ, и хума, на плоскогорьяхъ, тоже представителями этой расы; но на самомъ Бахрь-эль-Джебелѣ и къ западу отъ этой рѣки не увидишь уже никакихъ другихъ народовъ, кромѣ негровъ. На западъ отъ племени бари, туземцы нямбара или нямъ-бари, занимающіе гористую

У-Ганда. — Резиденція Мтезы.

овиать большими стадами. Въ сѣверной области края двѣ деревни, Ваккала или Оккела и Лороніо (называемая иначе Латоме, по имени ея начальника), тоже насчитываютъ значительное число жителей. По словамъ Эминъ-бея, женское населеніе тамъ, какъ и въ У-Гандѣ, гораздо многочисленнѣе мужскаго.

Латуки — наидальнѣе выдвинутое въ восточномъ направленіи изъ всѣхъ галасскихъ племенъ,

территорию, которая образуетъ водораздѣльный массивъ между Ниломъ и его притокомъ Уей,—одноплеменники съ баріями; впрочемъ, ндіомъ ихъ отличается большимъ разнообразіемъ интонацій, чѣмъ языки сосѣднихъ племенъ, а также свистящими согласными. Рослые и сильные, какъ и племя бари, нямбары ходятъ, подобно имъ, нагишомъ; но они увѣнчиваютъ себя повязками, кольцами и дру-

гими желѣзными украшеніями. Нѣкоторые облакаются въ «латы»; кромѣ того, женщины всегда носятъ кинжалъ за поясомъ. Въ то время, какъ серьги неизвѣстны у большинства при- нильскихъ народцевъ, нямбары протыкаютъ себѣ мочки ушей по всей окружности и продѣ- ваютъ въ отверстія серьги и стеклянныя ко- лечки: какъ орегонцы Южной Америки, они дѣлаютъ себѣ такимъ образомъ съ каждой сто- роны лица широкіе пологи, придающіе имъ странную фizioномію. Женщины прокалываютъ себѣ также обѣ губы и продѣваютъ въ нихъ ку- сокъ кварца или, за недостаткомъ такового, деревянный цилиндръ или обломок тро- стника; онѣ не носятъ передника, а только ку- сокъ кожи, листья, иногда гремушку. Въ по- ловинѣ этого столѣтія, до прибытія въ край торговцевъ слоновой костью, бивни слона имѣли такъ мало цѣны, что ихъ употребляли только на изгороди для загонокъ скота. Нямбары охотятся на этого великана лѣсовъ не такъ, какъ другія племена: охотникъ, спрятавшись въ листья дерева, ждетъ, пока загонщики при- гонять животное подъ тотъ сукъ, на которомъ онъ сидитъ съ копьемъ въ рукѣ; вскорѣ желѣзный наконечникъ, длиной отъ 60 до 70 цен- тиметровъ, вонзается по самое древко въ спи- ну слона, производя глубокую рану, почти всег- да смертельную¹⁾. Нямбары не только искус- ные охотники: они, кромѣ того, очень хорошо обрабатываютъ свои поля и сады, и разводятъ ульи вокругъ своихъ хижинъ; какъ кузнецы, они не уступаютъ беленіанскимъ бари. Одно изъ ихъ главныхъ селеній носитъ имя племени (Нямбара); оно лежитъ на высотѣ 620 метровъ, въ котловинѣ, окруженной высокими холмами, которые соединяются боковымъ развѣтвленіемъ съ цѣпью горъ, господствующихъ надъ Ни- ломъ, отъ Муги до Дуфиле; ники Кугу, похожіе видомъ на пирамиды, поднимаются надъ ням- барскими равнинами, погруженные основаніями въ море зелени. Во многихъ мѣстахъ страны есть горячіе источники, которыми пользуются какъ туземцы, такъ и арабскіе купцы.

Изъ всѣхъ народовъ, живущихъ на берегу рѣки Бахръ-эль-Джебелъ, денка или динка, на- зываемые также дженгъ или джанге, зани- маютъ обширную область; территория ихъ ис- числяется въ сотню тысячъ квадр. километровъ, и племена ихъ или независимые роды насчи- тываются десятками: наиболѣе извѣстны изъ нихъ тѣ, съ которыми торговцы приходятъ въ соприкосновеніе, какъ-то: тучъ, боръ, киджъ или кичъ, элабъ, прибрежные жители Нила, и ваджъ, рекъ, афоджъ, обитающіе западнѣе, на бе- регахъ притоковъ Бахръ-эль-Газала («Рѣка Га- зелей»); другіе народцы племени денка тоже жи- вутъ на правомъ берегу Бахръ-эль-Абіада, ниже

слиянія его съ Собатомъ. Но, несмотря на то, что черезъ земли этого народа протекаетъ до- рога, которою необходимо должны слѣдовать всѣ путешественники, поднимающіеся по Верх- нему Нилу или отправляющіеся на покатость Конго, денкасы ни въ чемъ не измѣнили сво- его образа жизни, подъ вліяніемъ иностранной цивилизаціи: они остались по-прежнему воль- ными людьми въ своихъ саваннахъ или боло- тахъ и не покупаютъ почти ничего у арабскихъ купцовъ; удой стадъ, плоды сада, зерна и ово- щи поля достаточны для ихъ пропитанія. Боръ, на правомъ берегу Нила, въ землѣ племени того же имени, — крѣпостца, построенная еги- петскимъ правительствомъ для наблюденія за денкасами. Къ послѣднимъ, также какъ и къ племени бари, прѣзжали католическіе миссіо- неры изъ Италіи и Австріи и основали свое мѣстопробываніе ниже Бора, въ Панамѣ или Фаутентумѣ, въ землѣ киджей, на лѣвомъ бере- гу Нила; но это поселеніе, названное колоніей св. Креста (Santa-Croce, Heiligen Kreuz), при- шлось вскорѣ покинуть, по причинѣ болѣзней, опустошившихъ миссію. При томъ же усиліи обратить туземцевъ въ христіанскую вѣру были безуспѣшны: единственный результатъ пребы- ванія патеровъ — собраніе вокабуляріевъ и пе- реводовъ, привезенное ими изъ денкаского края. Проповѣдники ислама также не имѣли успѣха у этихъ приильскихъ племенъ, оставшихся анимистами, какъ большинство другихъ наро- довъ центральной Африки.

Подобно племени бари, съ которымъ они родственны по языку, денкасы считаютъ за стыдъ носить одежду; они ходятъ голые, пре- доставляя женщинамъ привязывать звѣриныя шкуры къ поясу; но не гнушаются украшеній, носятъ желѣзныя кольца на рукахъ, на лодыж- кахъ, въ ушахъ, украшаютъ голову страусо- выми перьями, татуируютъ себѣ лицо для от- личія отъ другихъ народцевъ и вырываютъ рѣз- цы на нижней челюсти; большинство бреютъ волосы на головѣ, но щеголи разрисовываютъ свою шевелюру такъ, чтобы она походила на прическу европейца, и сообщаютъ ей рыжева- тый оттѣнокъ, смачивая волосы коровьей ури- ной. Кожа ихъ, въ естественной окраскѣ, имѣетъ прекрасный блескъ бронзы; но изъ опа- сенія, чтобы она не попортилась, они почти всегда натираютъ ее маслянистыми вещества- ми²⁾ и затѣмъ посыпаютъ золой, отчего она получаетъ синеватый цвѣтъ. Такъ какъ они имѣютъ обыкновеніе зажигать по вечерамъ большіе костры, вокругъ которыхъ все населе- ніе проводить цѣлую ночь, вмѣстѣ со своими стадами, чтобы защитить скотъ отъ москитовъ, то деревни усѣяны большими кучами золы, въ которыхъ обитатели катаются съ наслажде- ніемъ. Денкасы восточной области принадле-

¹⁾ Peney, «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», juillet 1864.

²⁾ G. Sshweinfurth, цитируемое сочиненіе.

лежать къ самымъ великорослымъ изъ африканцевъ; между ними не рѣдкость встрѣтить молодцовъ въ 1,80 метра (немного болѣе двухъ съ половиной аршинъ); особенно гиджи отличаются высокимъ ростомъ (отъ 1,70 до 1,85 метра)¹⁾; но на западѣ, въ бассейнѣ рѣки Бахрѣ-эль-Газаль, денкасы немногимъ выше средняго роста поствившихъ ихъ европейцевъ. Вообще эти туземцы отличаются большой физической силой, хотя они ѣдятъ обыкновенно только разъ въ день, около заката солнца²⁾. Ноги у нихъ длинныя и тонкія, а походка, какъ у нугровъ и шилуковъ, обитающихъ также въ болотистыхъ мѣстностяхъ, напоминаетъ походку голенастыхъ птицъ. Когда увидишь денкаса, медленно шагающаго черезъ камыши, поднимающаго колѣно и осторожно выдвигающаго свои широкія плоскія ступни, невольно приходится на умъ сравненіе съ аистомъ. Подобно болотнымъ птицамъ, они усвоили себѣ привычку держаться неподвижно на одной ногѣ, согнувъ другую; они могутъ стоять такимъ образомъ въ продолженіе цѣлаго часа³⁾.

Хотя денкасы живутъ въ періодъ полнаго развитія желѣзнаго вѣка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ предпочтеніе, оказываемое ими орудіямъ изъ этого металла, у нихъ нѣтъ кузнецовъ, по той причинѣ, что аллювіальная почва ихъ страны не содержитъ желѣзной руды; но зато они очень искусные мастера въ разныхъ другихъ ремеслахъ. Любимое ихъ оружіе — палка, за что сосѣди въ насмѣшку прозвали ихъ «палочниками». Они выдѣлываютъ очень ловкіе, гибкіе луки и вырѣзаютъ курьезныя трости съ ручкой изъ раковины, назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы защищать руку, отбивая удары противника; дома они строятъ больше, чѣмъ у сосѣднихъ племенъ, а по части кулинарнаго искусства обладаютъ исключительнымъ талантомъ: въ этомъ отношеніи они, говорятъ, не имѣютъ себѣ равныхъ во всей Африкѣ. Въ то же время денкасы страстные скотоводы и держатъ огромныя стада; когда скотина заболѣетъ, они отдѣляютъ ее отъ другихъ и лечатъ въ особомъ помѣщеніи, содержимомъ въ образцовой чистотѣ; никогда не убивая крупнаго скота, но иногда подвергая его кровопусканію, чтобы пить кровь, смѣшанную съ молокомъ⁴⁾, они ѣдятъ только мясо животныхъ, умершихъ отъ болѣзни или случайно. Кажется, что, несмотря на такой заботливый уходъ, коровы вырождаются въ край, можетъ-быть, по причинѣ неблагоприятныхъ климатическихъ условій, или, какъ полагаютъ Швейнфуртъ, вслѣдствіе недостатка

скрещиванія между расами и совершеннаго отсутствія соли въ кормѣ, даваемомъ скоту. Изъ сотнѣ животныхъ едва ли найдется одно, у котораго хватитъ силы перейти изъ одного *мураха* (огороженное мѣсто для скота) въ другой и перенести выюкъ, какіе носятъ баггаранскіе воны. Впрочемъ, денкаскія коровы — очень красивыя животныя, съ тонкими рогами, хорошо очерченной головой, такъ что ихъ почти можно принять за антилопъ. Тамовіе бараны замѣчательны гривой, покрывающей плечи, шею и грудь, тогда какъ на тѣлѣ и на хвостѣ шерсть очень короткая; они походятъ на маленькихъ бизоновъ. Денкасы держатъ также козъ: это единственное животное, которое они убиваютъ на мясо. Народъ пастушескій, живущій небольшими группами среди степей, денкасы не имѣютъ культа публичнаго или частнаго; впрочемъ, помнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ, многие мѣстные обычаи заставляютъ предполагать существованіе у этого народца религіи, имѣющей сходство съ религіей арийцевъ Семирѣченской области. Почитаніе коровы, простирающееся до того, что калъ и моча ея старательно собираются для всякаго домашняго употребленія и даже для приготовленія приправы къ кушаньямъ, составляетъ, какъ полагаютъ, остатокъ древняго культа. Подобно шилукамъ и бари, денкасы питаютъ также особенное уваженіе къ змѣямъ, которыхъ они называютъ «братьями». Убить это пересмыкающееся имъ кажется преступленіемъ. Швейнфуртъ увѣрилъ, что въ каждомъ жилищѣ домашнія змѣи извѣстны индивидуально главамъ семьи и знаютъ свою кличку, подползая къ тому, кто назоветъ ихъ по имени.

Большая рѣка Уей, которая беретъ начало въ «Голубыхъ горахъ», на незначительномъ разстояніи отъ Верхняго Нила и земли Маді, и описавъ большую дугу къ западу черезъ болотистыя долины, соединяется съ Ниломъ ниже станціи Габа-Шамбе и разлѣивается Бахрѣ-эль-Зарафа (Жирафовой рѣки), пересѣкаетъ въ своемъ теченіи страны, населенія которыхъ, какуаки, фаджеллу, кедеру, принадлежатъ по большей части къ той же группѣ народовъ, какъ бари и денка. Но между племенами этого бассейна есть по крайней мѣрѣ одно, именно племя иддіо или макрака, которое отличается отъ сосѣднихъ народцевъ какъ языкомъ, такъ наружностью и нравами. Эти туземцы принадлежатъ къ довольно многочисленной націи а-занде или ніамъ-ніамъ, область которой простирается главнымъ образомъ на юго-западѣ, въ бассейнѣ Конго. Макраки (макараки), то есть «людоѣды», въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ такого названія, какъ это удостовѣрено свидѣтельствомъ Швейнфурта, подтверждающимъ рассказы купцовъ; но, взятые въ массѣ, они несомнѣнно стоятъ выше окружающихъ негровъ. Цвѣтъ кожи у нихъ чернѣйшій съ красно-

¹⁾ R. Buchta, „Petermann's Mittheilungen“, 1881 № II.

²⁾ Beltame, „Il fiume Bianco e i Denka“.

³⁾ Th. von Heuglin, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 15.

⁴⁾ Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

ватымъ отливомъ; носъ менѣе сплюснутъ, скулы менѣе выдаются, лицевой уголъ болѣе развитъ, чѣмъ у ихъ сосѣдей, растительность на тѣлѣ менѣе рѣдкая, чѣмъ у большинства обитателей Нигриціи; волосы у нихъ длинные и почти шелковистые: при помощи зеренъ и разныхъ ингредиентов, извлекаемыхъ изъ деревьевъ, они придаютъ своей шевелюбѣ самыя причудливыя формы; въ этомъ отношеніи они не уступаютъ племени мади въ изобрѣтательности и кокетливости. У нихъ нѣтъ обычая вырывать себѣ рѣзцы, какъ это дѣлаютъ сосѣднія негритянскія племена; но эти туземцы, единственные между не-мусульманскими жителями страны, практикуютъ обрѣзание: оттого ихъ считаютъ въ нѣкоторомъ родѣ магометанами, хотя они вовсе не исповѣдуютъ ислама, и это религіозное полу-братство было одной изъ причинъ, почему египетскіе губернаторы избирали ихъ для вербовки своихъ войскъ; главная же причина этого выбора—страхъ, который макраки внушаютъ населенію своей храбростью, и который, до недавняго времени, поддерживался ихъ репутаціей людоедовъ. Купцы, разъѣзжавшіе по странѣ, часто должны были вступать въ вооруженную борьбу съ макраками, при чемъ имъ недостаточно было побѣдить мужчинъ, но еще нужно было одолѣть и женщинъ, также находившихся въ числѣ сражающихся. Этотъ нѣамъ-нѣамскій народецъ отлично воздѣлываетъ землю и обладаетъ значительнымъ разнообразіемъ культурныхъ растений. Хотя территория его не обширна, но матеріальное благосостояніе, которымъ онъ пользуется, поставило его на первое мѣсто между племенами края, и одна изъ *мудирій* (губерній), учрежденныхъ египетскимъ правительствомъ, названа по имени этого народа, хотя она заключаетъ въ своихъ предѣлахъ, кромѣ макараковъ, много другихъ группъ населенія.

Самую обширную территорию въ бассейнѣ рѣки Уей, выше земли племени денка, занимаетъ нація мору, одинъ народецъ которой, хорошо изученный путешественникомъ Фелькиномъ¹⁾, носитъ имя мади, какъ большое племя, обитающее на берегахъ рѣки Бахрзъ-Джебелъ. Мало отличаясь нравами отъ бари и денка, мору тоже ходятъ голые и не носятъ никакихъ украшеній, кромѣ желѣзныхъ колецъ; отличительнымъ признакомъ ихъ расы служатъ десять чертъ, накалываемыхъ на лбу; камни, складываемые на ихъ могилахъ, имѣютъ такую же форму, какъ дольмены, находимые въ Бретани. Очень сильные, мору употребляютъ въ качествѣ носильщиковъ на всѣхъ станціяхъ Страны Рѣкъ; какъ земледѣльцы и садовники, они тоже очень искусны, и около каждой хижины есть огородъ, гдѣ грядки дѣлаются очень

узкія и высокія (аршина въ полтора вышины), для того, чтобы можно было сажать овощи, полоть и поливать, не нагибая спины. Старый порядокъ общаго владѣнія и пользованія не исчезъ окончательно у этого народа и не во всѣхъ случаяхъ замѣненъ частной собственностью. Такъ, напримѣръ, пиво, которое варятъ женщины, принадлежитъ всѣмъ: оно ставится въ общественное зданіе, и всякій жаждающій, все равно, мѣстный житель или прохожій, можетъ пить его въволю, но никто не беретъ пива на выносъ, никто не злоупотребляетъ даровымъ напиткомъ: пьянство тамъ неизвѣстно. Въ хорошую погоду всѣ обитатели деревни, мужчины и женщины, обѣдаютъ вмѣстѣ, при чемъ дѣти прислуживаютъ за столомъ. Вѣжливость составляетъ одну изъ добродѣтелей, особенно заботливо соблюдаемыхъ морусами. Женщины пользуются у нихъ почетомъ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя занимаются леченіемъ (впрочемъ, говорятъ, гораздо болѣе толково и успѣшно, чѣмъ мужчины); лекарка всегда провожается до самой двери ея жилища главою той семьи, которую она почтила своимъ посѣщеніемъ. На воспитаніе дѣтей смотрятъ какъ на главный долгъ племени: мальчики и дѣвочки приучены оказывать почтеніе старшимъ и молчать передъ ними; они обучаются пляскамъ, пантомимамъ, упражняются въ играхъ, развивающихъ силу и ловкость, учатся владѣть оружіемъ, и, выбирая отца за мишень, пускаютъ въ него изъ лука стрѣлы съ тупымъ концомъ. Дѣтей водятъ въ лѣсъ и нарочно даютъ имъ заблудиться, затѣмъ издали наблюдаютъ за ними, чтобы видѣть, какъ они станутъ отыскивать дорогу въ деревню. Воспитаніе завершается путешествіями. Въ десятилѣтнемъ возрастѣ дѣти покидаютъ родительскій домъ, чтобы посѣтить дальнихъ друзей изъ той же націи или у другихъ народцевъ, и такимъ образомъ совершаютъ свое «кругосвѣтное путешествіе», знакомясь съ нравами и обычаями другихъ племенъ и народовъ. Въ случаѣ, если молодой дѣвушка утомится отъ продолжительнаго пути, братья отводятъ ихъ домой, а сами продолжаютъ свою одиссею. Женаъ они ищутъ также на чужбинѣ, особенно у нѣамбаровъ, такъ какъ экзогамія составляетъ общее правило у моруской націи, тогда какъ у баріевъ она неизвѣстна. Когда молодой морусъ выглядитъ себѣ подходящую дѣвушку, онъ подходитъ къ ней и обвиняетъ ей руку гирляндой листьевъ; если она приметъ этотъ подарокъ, парень можетъ надѣяться, и между родителями начинаются переговоры о бракѣ¹⁾.

Главное населенное мѣсто территоріи Мору—деревня Мади (Амади), лежащая на лѣвомъ берегу р. Уей и на караванной дорогѣ

¹⁾ „Proceedings of the R. Society of Edinburg“, session 1883—84.

¹⁾ Emin-bey, „Petermann's Mittheilungen“, 1883, № VII.

между Ладю и Демъ-Сулейманъ, посреди просовыхъ и кунжутныхъ полей, простирающихся на необозримое пространство. Это одинъ изъ торговыхъ центровъ между долиной Нила и землей племени монбутту: официальные отчеты подробно говорятъ о числѣ центнеровъ словеновой кости, покупаемой тамъ чиновниками египетскаго правительства, но умалчиваютъ о другой, болѣе важной статьѣ торговли, о невольникахъ, захватываемыхъ между мирнымъ населеніемъ страны. До недавняго времени мѣстечко Маді послало также большое число евнуховъ въ города на Нижнемъ Нилѣ и въ Аравію. Рассказываютъ, что торговцы невольниками старались особенно захватывать въ плѣнъ и кастрировать начальниковъ племени, которые не потворствовали ихъ торговлѣ человѣческимъ мясомъ. Неудивительно, что одинъ видъ «турка» наводитъ страхъ на чернокожихъ этихъ мѣстностей; примѣтивъ незнакомца, дѣти разбѣгаются съ криками ужаса.

Рѣка Роль, текущая, подъ разными названіями, параллельно р. Уей и теряющаяся, наконецъ, въ низкихъ болотахъ, выше травяныхъ преградъ, проходитъ черезъ территорию многочисленныхъ племенъ, неимѣющихъ между собой никакой политической связи, какъ-то абукайя, лори, леси, белли, джири. Въ землѣ агаровъ, принадлежащихъ къ большой націи денка, на правомъ берегу рѣки есть настоящій городъ, обнесенный палисадомъ и окопанный ровомъ, — Аякъ или Дуфалла; хижины, построенныя на высокихъ помостахъ, тѣсно сгущены внутри ограды, и цѣлый поясъ пригородныхъ деревень окружаетъ эту зерибу. Къ сѣверо-западу отъ Аяка, далеко отъ рѣки, въ холмистой равнинѣ, покрытой воздѣланвыми полями, находилась другая зериба, основанная арабскими купцами: это городъ Румбекъ, называемый иначе Роль, такъ же, какъ рѣка и главное прибрежное племя; онъ служитъ административнымъ центромъ египетскаго округа. По Фелькину, въ городѣ около трехъ тысячъ жителей, а населеніе ближайшихъ деревень простирается до тридцати тысячъ душъ. Въ городѣ Роль ношеніе одежды считается привилегіей религинъ; за исключеніемъ женщинъ, вышедшихъ замужъ за арабовъ, ни одна не имѣетъ права показываться на улицѣ одѣтой.

На западѣ, большая нація бонго, называемая иначе доръ или деранъ, населяетъ, къ сѣверу отъ ніамъ-ніамовъ, холмистыя равнины, орошаемыя рѣками Джау, Тонджъ, Диуръ, Бонго и ихъ многочисленными притоками. Швейнфуртъ, прожившій два года среди племени бонго, рассказываетъ, что до прибытія торговцевъ невольниками численность этихъ туземцевъ должна была доходить до трехсотъ тысячъ душъ, теперь же населеніе убавилось до одной трети. Раздѣленные нѣкогда на безчисленныя мѣленькія независимыя общины, жив-

шія въ мирѣ одна съ другой, бонгосы не научились соединяться, чтобы общими силами отражать нападенія враговъ; когда явились негритоторговцы со своими шайками, вооруженными винтовками, они легко овладѣли населенными мѣстами равнины, учредили свои зерибы на стратегическихъ пунктахъ, и вскорѣ весь край былъ въ ихъ власти: можно было думать, что черезъ нѣсколько лѣтъ исчезнетъ вся нація бонго, — такъ быстро рабство и угнетеніе обезлюдили страну; мѣстная цивилизація стала приходить въ упадокъ, нѣкоторые роды промышленности были покинуты. Швейнфуртъ задавалъ себѣ вопросъ: не прекратитъ ли эта оригинальная раса, представляющая такъ много любопытнаго и въ физическихъ чертахъ, и въ нравахъ, своего существованія въ тотъ самый моментъ, когда она только-что была впервые открыта для науки? Кажется, однако, что въ это послѣднее время край сталъ оправляться и приходить въ прежнее цвѣтущее состояніе, благодаря нѣсколькимъ годамъ мира; къ сожалѣнію, ему снова грозятъ набѣги арабовъ и союзныхъ съ ними племенъ. Семьи бонгосовъ довольно многочисленны, можетъ-быть, благодаря относительно позднимъ бракамъ: молодые люди у этихъ народцевъ вступаютъ въ бракъ не ранѣе пятнадцати-семнадцатилѣтняго возраста ¹⁾, тогда какъ у ихъ сосѣдей брачные союзы обыкновенно заключаются въ тринадцать или четырнадцать лѣтъ.

Бонгосы составляютъ совершенный контрастъ со своими сѣверными сосѣдями, денкасами, хотя языки тѣхъ и другихъ какъ будто указываютъ на нѣкоторое сродство. Они далеко не такъ черны, какъ послѣдніе, то-есть денкасы; кожа у нихъ краснобурая, почти такого же цвѣта, какъ желѣзистая почва террасъ этой страны, понижающейся уступами въ сѣверномъ направленіи ²⁾. Мѣнѣе рослые, чѣмъ денкасы, они сильнѣе ихъ, болѣе коренасты; ноги у нихъ не такія длинныя и поджарыя, какъ у обитателей болотъ, напоминающихъ въ этомъ отношеніи голенастыхъ птицъ: напротивъ, они отличаются сильно развитой мускулатурой ляшекъ и икръ; особенно у женщинъ огромныя бедра, и походка ихъ напоминаетъ походку животнаго; хвостъ, которымъ они любятъ украшать себя и который болтается при каждомъ шагѣ, еще болѣе увеличиваетъ сходство съ животнымъ. Тогда какъ у денкасовъ голова узкая и длинная, бонгосы всѣ брахицефалы: черепъ у нихъ почти круглый; по увѣренію Швейнфурта, ни одинъ народъ не имѣетъ болѣе высокаго головного показателя; кажется, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ округахъ матери искусственно, посредствомъ сдавливанія головы, придаютъ желаемую форму черепамъ сво-

¹⁾ Felkin, "Uganda and the Egyptian Soudan".

²⁾ Schweinfurth, — Lupton, "Proceedings of the R. Géographical Society", march 1884.

ихъ дѣтей. Мужчины не ходятъ совсѣмъ нагіе, какъ многіе другіе обитатели Рѣчной области; они прикрываются какимъ-нибудь лоскуткомъ, а желѣзные кольца, надѣваемые ими на руку, такъ плотно прилегаютъ одно къ другому, что образуютъ настоящія наручи. Женщины не носятъ передника, онѣ только привязываютъ себя къ поясу вѣтку съ листьями или пучки травы; для нихъ самое главное украшеніе— гвозди или металлическія пластинки, продѣваемые сквозь нижнюю губу; часто встрѣчаешь бонгосовъ, у которыхъ, какъ у бразильскихъ ботокудовъ, губа снабжена такимъ большимъ кружкомъ, что онъ можетъ служить блюдомъ для кушанья; кромѣ того, франтихи вводятъ себя маленькіе болты въ спайки губъ, въ ноздри, на всѣхъ выступахъ и складкахъ тѣла; есть такіе, что прокалываютъ себя такимъ образомъ въ сотни разныхъ мѣстъ.

По добротѣ, кротости, трудолюбію, бонгосы, можетъ-быть, занимаютъ первое мѣсто между народами Африки. У нихъ нѣтъ исключительной страсти къ скоту, какъ у бариевъ и денкасовъ; они занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ, и мужчины, такъ же, какъ и женщины, прилагаютъ всѣ труды и заботы къ возможно лучшей обработкѣ почвы и содержанию пашенъ. Плодородный красноземъ даетъ имъ обильные урожаи табаку, кукурузы, дурры и пищевыхъ растений. Но, несмотря на это разнообразіе растительныхъ продуктовъ, къ которымъ нужно еще прибавить подземные клубни дикорастущихъ видовъ и грибы, всѣ съѣдобные, бонгосы не брезгаютъ никакимъ мясомъ, свѣжимъ или гнилымъ, исключая собачьяго; они отгоняютъ коршуна, чтобы поживиться добычей—остатками падали, лакомятся внутренностями червями, собираемыми въ брюхѣ быка, ѣдятъ скорпионовъ, личинки термита, все, что ползаетъ и копошится на землѣ; у нихъ, такъ же, какъ у сосѣднихъ племенъ, очень распространена привычка ѣсть землю. Какъ кузнецы, бонгосы не имѣютъ себя равныхъ между африканцами; это они поставляютъ денкасамъ оружіе и разныя украшенія изъ желѣза. Они очень остроумно устраиваютъ плавильныя печи и фабрикутъ, съ помощію самыхъ простыхъ инструментовъ, издѣлія, не уступающія по чистотѣ работы произведеніямъ европейской промышленности. Какъ нѣкогда жители области Логоне въ бассейнѣ озера Чадъ ¹⁾, они пришли къ мысли употреблять кружки изъ желѣза въ видѣ монеты; со свертками этихъ кружковъ, называемыхъ *куллукъ*, молодой парень является къ родителямъ своей невѣсты, чтобы заплатить условленный калымъ. Очень искусные строители и рѣзчики на деревѣ, бонгосы строятъ себя прочныя дома, окружая ихъ широкой завалиной, служащей тер-

расой или балкономъ. Вокругъ могилъ начальниковъ племени они втыкаютъ колья, придавая имъ, посредствомъ рѣзца, форму человѣческихъ изображеній, очень похожихъ на божества островитянъ Океаніи; но эти статуэтки бонгосовъ не идолы; онѣ изображаютъ собою мертвыхъ, выходящихъ изъ могилы: это—символы воскресенія. Бонгосы вѣрятъ также въ переселеніе душъ: по ихъ вѣрованію, души старухъ переходятъ въ тѣло гіенъ; оттого тамъ никогда не убиваютъ этихъ звѣрей: каждый думаетъ, что, можетъ-быть, встрѣченная имъ гіена принадлежитъ къ его семьѣ ¹⁾.

Диуры, то-есть «лѣсные люди», «дикари», получили это унизительное прозвище отъ денкасовъ, которые смотрятъ какъ на низшія существа на всѣхъ, кто не богатъ скотомъ; настоящее же ихъ имя луо или льво; это—шилукскіе эмигранты, такъ же, какъ беланда,—племя, переселившееся далеко на югъ, въ территорію ніамъ-ніамовъ; они говорятъ еще шилукскимъ языкомъ, почти нисколько неизмѣнившимся, и нѣкоторые старики имѣютъ традиціонную татуировку. Диуры живутъ на послѣднихъ желѣзистыхъ террасахъ нагорья, между территоріями Бонго и Денка; черезъ ихъ страну протекаетъ нѣсколько рѣкъ, изъ которыхъ важнѣйшая носитъ названіе племени. По Швейнфурту, общее число диуровъ не превышаетъ двадцати тысячъ душъ; но оно быстро возрастаетъ въ мирное время, такъ какъ семьи, замѣчательныя трогательною взаимною привязанностію всѣхъ членовъ, вообще многочисленны. Диуры, гораздо лучше сложенные, чѣмъ денкасы, принадлежатъ къ числу голыхъ народовъ, которыхъ первые путешественники причисляли къ «хвостатымъ людямъ»; они обыкновенно носятъ два хвоста, привязываемые къ поясу. Искусные кузнецы, подобно бонгосамъ, они сами выдѣлываютъ кольца для украшенія рукъ и бедеръ, но не слѣдуютъ болѣе шилукской модѣ относительно оруженія сложной шевелюры: мужчины и женщины почти всѣ носятъ короткіе волосы. Старые нравы мало-по-малу исчезаютъ: такъ, диуры уже не плюютъ другъ на друга, чтобы засвидѣтельствовать взаимное почтеніе ¹⁾. Точно такъ же теперь уже не красуется, какъ бывало прежде, при входѣ въ каждую деревню, «дерево смерти», увѣшанное головами убитыхъ непріятельскихъ воиновъ.

Главная зерниба страны, Диуръ-Гаттасъ, занимаетъ очень выгодное положеніе въ мѣстѣ соприкосновенія трехъ націй: бонго, диуръ, денка, и въ переходномъ поясѣ между болотистыми саваннами и областію холмистыхъ террасъ, гдѣ лѣса чередуются съ лугами. Не далѣе какъ въ сотни верстъ къ сѣверо-востоку находятся, при слияніи рѣкъ Диуръ и Момуль,

¹⁾ H. Duveyrier, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Werne;—Peney;—G. Schweinfurth, etc.

въ лабиринтъ каналовъ и къ востоку отъ обширныхъ лѣсовъ, селеніе и группа складочныхъ пунктовъ, называемые Мешра-эр-Рекъ или «Рекская приставъ»: здѣсь начинается судоходство по «Рѣкѣ Газелей» и составляются всѣ караваны, проникающіе на югъ, на юго-западъ и на западъ въ «Страну Рѣкъ»; до войны, раздѣлившей области Верхняго Нила и Хартумъ, вверхъ по Бахрѣ-эль-Газалю периодически ходилъ пароходъ до пристани Мешра-эр-Рекъ. Къ сѣверо-западу отъ Діурь-Гаттасъ сѣдуютъ, одна за другой, другія зерибы въ землѣ Діурь, изъ которыхъ замѣчательны Кучукъ-Али, гдѣ Джесси одержалъ рѣшительную побѣду надъ торговцемъ невольниками Сулейманомъ, и гдѣ находятся прекрасные сады банановыхъ, лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ, посаженныхъ Швейнфуртомъ, и городъ Вау, окруженный большими лѣсами, доставлявшими Джесси строевой лѣсъ для его флотилии, спускавшейся внизъ по Діуру до пристани на р. Бахрѣ-эль-Газаль. На главной дорогѣ, соединяющей Діурь-Гаттасъ съ Демъ-Сулейманомъ, Джесси установилъ паромы на всѣхъ рѣкахъ.

Къ западу отъ бонгосовъ живутъ племена сере и голо, территорія которыхъ имѣютъ общей границей рѣку Жи или Панго. Серены, которые граничатъ съ нямъ-нямами и долгое время были подвластны имъ, очень походятъ на эту націю западной покатости Африки. Это люди сильные, хорошо сложенные, очень опрятные и очень трудолюбивые: въ ихъ хижинахъ всѣ предметы разставлены въ величайшемъ порядкѣ. Характеръ у нихъ самый счастливый: они никогда не жалуются ни на усталость, ни на голодъ и жажду, и когда имъ нечего ѣсть, они забавляются дѣтскими играми, чтобы заглушить требованія желудка. Изъ всѣхъ негровъ они самые бѣдные домашними животными (вокругъ ихъ жилищъ увидишь только куръ), потому ли, что предки ихъ не приручали животныхъ, или потому, что племя переселенцевъ, пришедшее въ долину рѣки Панго, не привело съ собой скота. Наружнымъ видомъ и правыми голосами походятъ на бонгосовъ, но говорятъ совершенно другимъ языкомъ. Круглыя хижины ихъ покрыты плоской кровлей съ очень широкими краями, которые подперты рядомъ столбовъ, такъ что кругомъ всего жилища идетъ веранда; стѣны домовъ вымазаны каломъ гнѣть. Житницы у голосовъ очень красивы: онѣ имѣютъ форму вазы, стоящей на широкой скамьѣ, и подвижная крыша ихъ заканчивается суланомъ. Къ западу отъ племени голо живутъ креди или креджи, по отзыву Швейнфурта самые уродливые и наименѣе цивилизованные изъ видѣнныхъ имъ негровъ: такъ бѣглецы, они бродятъ среди лѣсовъ малочисленными группами. Впрочемъ, эта область, воды которой текутъ на сѣверо-востокъ

въ Бахрѣ-эль-Арабъ черезъ Бири и другіе потоки, есть одна изъ тѣхъ, гдѣ расы всего болѣе смѣшивались, не чрезъ добровольныя скрещиванія, но чрезъ насильныя переселенія, прохожденіе солдатъ и торговцевъ невольниками. Даръ-Фертитъ, какъ арабы называютъ эту часть Страны Рѣкъ, до недавняго времени былъ на всемъ его протяженіи однимъ непрерывнымъ станомъ негропромышленниковъ. Названіе Демъ или Дуэмъ, то-есть «городъ», прибавляемое ко многимъ наименованіямъ мѣстъ, указываетъ зерибы или укрѣпленныя станціи торговцевъ невольниками. Одна изъ этихъ станцій, Демъ-Идрисъ, главное мѣсто земли голосовъ, есть одинъ изъ важнѣйшихъ складочныхъ пунктовъ слоновой кости: въ концѣ 1883 года, когда Бондорфу, спутнику Юнкера, удалось ускользнуть на сѣверъ, тамъ скопилось большое количество слоновыхъ бивней. Губернаторъ Лептонъ исчислялъ, что онъ могъ бы отправить въ Хартумъ 125.000 килограммовъ слоновой кости и 15.000 килограмм. каучука, если бы сообщенія по рѣкѣ не были прерваны возстаніемъ.

Главный городъ «дуэмовъ», Демъ-Зиберъ или Демъ-Сулейманъ, названный такъ по имени двухъ торговцевъ невольниками, отца и сына, могущество которыхъ было ниспровергнуто Джесси въ 1878 году, есть самое большое городское поселеніе въ нильскомъ бассейнѣ выше Хартума; египтяне сдѣлали его столицей провинціи Бахрѣ-эль-Газаль; посланники угандскаго короля, прибывъ въ этотъ «большой городъ», подумали, что попали въ богатую Англію, про которую имъ рассказывали столько чудесъ. Магазины Демъ-Сулеймана снабжены въ изобиліи европейскими произведеніями, также какъ и мѣстными продуктами, экзотическими плодами и овощами, акклиматизированными въ садахъ окрестностей. Въ этомъ городѣ имѣются даже ювелиры, а тамошніе скульпторы вырѣзываютъ изъ слоновой кости браслеты, рукоятки для сабель и кинжаловъ и разныя другія украшенія, и всѣ издѣлія ихъ отличаются большимъ вкусомъ; этотъ матеріалъ подвергается обработкѣ для того, чтобы онъ не поддавался подѣйствію закона, объявляющаго бивни слона собственностью хедива. Демъ-Сулейманъ — единственный городъ въ рѣчной области, гдѣ существуетъ мечеть.

Къ сѣверу отъ Фертита, Джесси избралъ мѣстомъ стоянки гарнизона, на арабской границѣ, городъ Гиффи, лежащій въ сосѣдствѣ большихъ лѣсовъ, около истоковъ ручьевъ, спускающихся къ Бахрѣ-эль-Арабу, но лѣтомъ совершенно пересыхающихъ. Одно изъ сосѣднихъ племенъ, тогои — дикое, безобразное и нравственно испорченное, тогда какъ другіе народцы, индери и ширъ, имѣютъ правильныя, по словамъ Фелькина, «почти европейскія»

черты лица и отличаются хорошими нравственными качествами. Деревня Гонду, километрахъ въ сорока къ сѣверу отъ Гиффи — главная твердыня племени ширъ, построенная на вершинѣ холма, возвышающагося метровъ на сто надъ равниной; крутая тропинка извивается по склону горки; но арабскіе завоеватели тщетно пытались взобраться по ней, чтобы овладѣть деревней. Ширъ, вооруженные только стрѣлами да камнями, каждый разъ съ успѣхомъ отражали приступы нападающихъ. Оставаясь независимыми и сохраняя гордый, чуждый всякаго раболовства, характеръ, эти туземцы не утратили и своей природной доброты и привѣтливости; завидѣвъ иностранца, входящаго въ ихъ селеніе, они бросаютъ работу и бѣгутъ къ нему на встрѣчу, радостно приветствуютъ и угощаютъ яствами и прохладительными напитками. Типъ шировъ несколько не похожъ на типъ негра: губы у нихъ тонкія, носъ хорошо сформированъ; они натираютъ себѣ тѣло красной охрой, смѣшанной съ деревяннымъ масломъ, что придаетъ имъ сходство съ одноименнымъ народцемъ, обитающимъ на берегахъ Нила. Подобно мади и другимъ племенамъ верхне-нильской области, они проводятъ значительную часть жизни въ уходѣ за своей шевелюрой ¹⁾: ихъ любимая прическа имѣетъ форму ореола, состоящаго изъ отдѣльных пучковъ. Къ сѣверу отъ племени ширъ, мандара или мандала составляютъ, со стороны арабовъ баггара, авангардъ негритянскихъ населеній: по словамъ Джесси, это — переселенцы, пришедшіе изъ Багирми, близъ озера Чадъ. Убѣгая отъ торговцевъ вевольниками, они избрали себѣ мѣстомъ убѣжища одну изъ странъ, которыя, однако, наиболѣе страдали отъ набѣговъ негропромышленниковъ. Это былъ своего рода охотничій паркъ, куда форскій султанъ ѣзжалъ въ былое время устраивать облаву на людей, чтобы захваченной добычей уплатить свои долги ²⁾. Мандарасы почти всѣ магометане, какъ и ихъ сосѣди, живущіе на берегахъ р. Бахрѣ-эль-Арабъ; они не разъ соединялись съ баггаранами и нуэрами, чтобы общими силами дѣлать нападенія на египетскіе гарнизоны Рѣчной области: многія изъ ихъ атакъ были отражены губернаторомъ Лештономъ въ сосѣдствѣ мѣстечка Майендуть. Въ землѣ Фертитъ проходитъ этнологическая граница между народами голыми и народами одѣтыми. Этотъ контрастъ, въ соединеніи съ контрастами природы, поражаетъ путешественниковъ: имъ кажется, что они вступаютъ въ другой міръ.

Въ нижнемъ своемъ теченіи «рѣка арабовъ» извивается по негритянской территоріи до

слиянія съ Бахрѣ-эль-Газалемъ и Ниломъ, в болотистыя равнины ея береговъ заняты племенами денка, затѣмъ народцами, принадлежащими къ большой и воинственной націи нуэровъ. Изъ всѣхъ африканцевъ нуэры наиболѣе заслуживаютъ названіе голенастыхъ, даваемого жителямъ часто затопляемыхъ земель. Какъ денкасы, и даже въ еще большей степени, они отличаются длинными ногами съ плоскими ступнями, которыя они осторожно ставятъ на топкую почву и поднимаютъ надъ высокой травой. Ходятъ они нагишомъ, какъ большинство негровъ Рѣчной области; впрочемъ, одежда сильно стѣсняла бы ихъ на этой почти всегда сырой почвѣ; но они очень заботятся о красотѣ своей шевелюры, которой они придаютъ красновато-бурый оттѣнокъ, намазывая волосы смѣсью золы съ коровьимъ каломъ; у кого волосы короткіе, тѣ носятъ парикъ изъ ваты, окрашенной въ красный цвѣтъ; они также дѣлаютъ себѣ наръзки на лбу, а молодыя женщины, кромѣ того, продѣваютъ себѣ сквозь верхнюю губу палочку, на которую нанизаны бусы ³⁾. Нуэры, луга которыхъ выше средняго уровня наводненій, владѣютъ, какъ и денкасы, большими стадами крупнаго рогатаго скота, которыя пасутъ очень заботливо; самая торжественная клятва у этого народа — поклясться породой своихъ быковъ ⁴⁾. Есть также нуэрская республика, живущія среди болотъ, на островахъ изъ травы и тростника, приносимыхъ рѣкой во время разлива. Подобно водянымъ птицамъ, нуэры питаются рыбой; они ѣдятъ также корни, сѣмена нелюмбо; тѣмъ не менѣе всѣ путешественники удивляются, какъ могли эти существа, на половину земноводныя, приспособиться къ этой средѣ грязи и гниющихъ веществъ, воспринимать въ ней дѣтей, сдѣлать ее своей родиной. Существовать имъ, должно быть, очень трудно; они вообще довольно угрюмы, и чужеземцы рѣдко хвалятся ихъ приѣмомъ.

IV. Бассейны Рѣкъ Собать и Джаль.

Рѣка Собать, которую многіе изслѣдователи принимали за главную вѣтвь Нила, за истинный Бахрѣ-эль-Абиадъ, и которая, въ самомъ дѣлѣ, катитъ иногда болѣе значительную массу воды, чѣмъ главная рѣка, получаетъ избытокъ воды весьма обширнаго бассейна, площадь котораго, по приблизительному исчисленію, достигаетъ 150.000 квадр. километровъ, — огромное пространство, которое на картахъ остается еще бѣлымъ или заключается только имена народовъ, поставленныхъ немножко наугадъ, по

¹⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sudan“.

²⁾ Mohammed el Tounsy, „Voyage au Darfour“, trad. par Perron.

³⁾ A. Kaufmann, „Das Gebiet des Weissen Flusses und dessen Bewohner“.

⁴⁾ Andrea Debono, „Tour du Monde“, 2-e semestre 1860.

указаніямъ туземцевъ и разсказамъ европейцевъ, проникавшихъ болѣе или менѣе далеко внутрь страны. Путешественникъ Дебоно поднимался на баркѣ по этой рѣкѣ на 300 слич-

они разспрашивали арабскихъ купцовъ и туземцевъ и передаютъ ихъ разсказы въ описаніи своихъ путешествій. Джаль или Яль, зарождающійся въ горахъ Амамъ и Берта, подъ

Типы племени макрака.

сомъ километровъ; одинъ пароходъ доходилъ до пункта, отстоящаго на 230 километровъ отъ мѣста слиянія; Антуанъ д'Аббади, Беке и Шуръ прошли нѣкоторыя побочныя долины, на западнѣе склоны горъ Эюопія; кромѣ того,

именами Яванъ или Кишаръ—то-есть Большая рѣка—еще менѣе извѣстенъ, чѣмъ Собать, въ среднемъ и нижнемъ его теченіи: арабскіе торговцы называютъ его «Собать», тѣмъ же именемъ, какое носитъ гораздо болѣе значи-

тельная рѣка, текущая южнѣе; въ устьѣ онѣ бываетъ запертъ песками только въ исключитель- но сухіе годы ¹⁾, каковъ былъ, напримѣръ, 1861-й. Между Джалемъ и Голубымъ Ниломъ, на пространствѣ болѣе пяти градусовъ по широтѣ, Бѣлая Рѣка не получаетъ ни одного притока, текущаго весь годъ. По берегамъ Нила и двухъ его притоковъ растутъ пальмы дельбъ, тамаринды, роши черного дерева и большіе лѣса акацій, которые можно бы утилизировать ради ихъ смолы, но которые употребляются только какъ дерево. Изъ разныхъ породъ этихъ акацій особенно замѣчательна *соффаръ* или акація-флейта (*acacia fistula*), съ бѣлыми, какъ слоновою костью, вѣточками, усаженными чернильными орѣшками, на которыхъ наскочное, прокалывая ихъ, оставляетъ дырочки; вѣтеръ, качая деревья, проникаетъ въ эти от- вѣстия, которыя издають пріятный звукъ, на- поминающій звуки флейты ²⁾. Около устья Джа- ля лѣса акацій прекращаются, не видно болѣе и огромныхъ баобабовъ; по обѣ стороны рѣки простирается голая степь, гдѣ иногда вдали видѣется столбъ дыма, поднимающійся изъ арабскаго становища ³⁾.

Огромное большинство населенія въ бассей- нѣ Собать принадлежитъ къ негритянской ра- сѣ; галласы встрѣчаются тамъ лишь относи- тельно необширными островами или черезпо- лосицами. Въ первыхъ равнинахъ, по кото- рымъ протекають верхніе притоки Баро и Гарре, по выходѣ изъ эіопскихъ горъ, жи- вутъ народцы денка и другіе, искавшіе у по- дошвы горъ убѣжища отъ нижнесобатскихъ негропромышленниковъ: подвергаясь смѣше- нію вслѣдствіе бѣгства, эти племена образу- ютъ новыя группы, мало отличающіяся отъ ко- реннаго населенія. На югѣ, среди равнинъ, по которымъ протекаетъ рѣка Бако, бродятъ ям- бо или гамбо, которыхъ А. д'Аббади, судя по ихъ языку, причисляетъ къ шилукской націи, тогда какъ Шуверъ считаетъ ихъ соплеменни- ками денкасовъ. Еще далѣе, гдѣ почва, посте- пенно поднимаясь, образуетъ плоскогорье, жи- вутъ другіе народцы, какъ говорятъ, негри- тянскаго корня, — киримъ, мала, ишнингъ, маце- малея. Одно изъ этихъ племенъ состоитъ, буд- то бы, изъ малолѣтнихъ людей, средній ростъ которыхъ не превышаетъ 1,4 метра.

До недавняго времени на опушкѣ громад- наго лѣса Валлега, который тянется вдоль за- паднаго основанія горъ Эіопіи, подъ той же широтой, какъ слияніе Нила съ Собатомъ, жила группа воинственныхъ народцевъ, означа- емыхъ общимъ именемъ гамбилъ. Главная рѣка, протекающая черезъ ихъ территорію и впадаю- щая въ Собать, носила у нихъ названіе Ко- манджи или «Коровей», потому что въ сухое

время года стада ихъ, не находя въ другихъ мѣстахъ травы, скучивались на берегахъ этой рѣки. Чтобы вызвать дождевыя облака, гамбили бросали въ потокъ ободранную корову; чѣмъ далѣе расходилась кровь по поверхности воды, тѣмъ обильнѣе обѣщали быть дожди. Раса этихъ негровъ была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ во всей Нильской области по своей тѣлесной силѣ. Отличительными знаками ихъ племени были два рога газели или козы, привязываемые ко лбу; у нихъ былъ также обычай вырывать себѣ два переднихъ зуба на нижней челюсти. Но отъ этого народа остались лишь слабые отпрыски. Истребительныя войны, внесенныя въ страну египетскими «цивилизаторами», распространились до равнинъ Команджи. По- терявъ скотъ, перешедшій въ руки арабскихъ торговцевъ, привильскіе денкасы бросились на своихъ сосѣдей гамбилей, чтобы на ихъ счетъ пополнить свои стада: между двумя націями возгорѣлась неумолимая грабительская война, въ которой гамбили были побѣждены. Нѣкото- рые изъ нихъ, углубляясь на востокъ, въ верх- нія долины Эіопіи, пошли просить убѣжища у галласскаго народа лега, но ихъ приняли лишь затѣмъ, чтобы обратить въ рабство; другіе бѣ- жали въ южныя области, и только немногіе бро- дятъ еще въ родимыхъ равнинахъ. Главный городъ ихъ, Команджокъ, лежитъ въ развали- нахъ, также какъ бывшій ихъ рынокъ Кепі- ель, куда легасы привозили металлы и стеклян- ныя издѣлія.

Лучше защищенные своими горами, комасы, живущіе къ сѣверо-востоку отъ бывшей терри- торіи гамбилей, на югъ отъ верхнихъ прито- ковъ Джаля, составляютъ значительную націю. Арабы пока еще не пробрались къ нимъ, въ качествѣ купцовъ, и «турокъ» неизвѣстенъ до- статочно даже по имени, чтобы можно было опасаться его нападеній. Впрочемъ, комасы — народъ мирный, съ давняго времени не имѣв- шій никакихъ войнъ съ сосѣдами. Они плохіе стрѣлки, безъ сомнѣнія, по той причинѣ, что имъ нѣтъ надобности заботиться о защитѣ оте- чества, какъ, съ другой стороны, у нихъ нѣтъ обычая предпринимать экспедиціи для ловли невольниковъ у окрестныхъ племенъ. Но если комасы неискусны въ ратномъ дѣлѣ, то они от- личные земледѣльцы, и получаемые ими сборы превосходнаго ямса и зерновыхъ хлѣбовъ не только вполне достаточны для собственнаго продовольствія, но еще даютъ значительный излишекъ; единственный продуктъ, спрашива- емый у нихъ въ обмѣнъ за желѣзо, соль и дру- гіе покупаемые ими товары, — дикій медъ, въ изобиліи доставляемый тамошними лѣсами. Горы Кома, средняя высота которыхъ около 2.000 метровъ, составляютъ одну изъ пріят- нѣйшихъ областей Африки по ровному климату, довольно прохладному, чтобы не страдать отъ жары, и довольно тепломu, чтобы обходиться

¹⁾ A. Kaufmann, цитированное сочиненіе.

²⁾ G. Schweinfurth, цитированное сочиненіе.

³⁾ Brun Rollet, „Le Nil Blanc et le Soudan“.

безъ одежды и мѣховъ; почва, достаточно поката, чтобы воды не могли задерживаться, какъ нельзя болѣе благоприятна въ санитарномъ отношеніи; со всѣхъ сторонъ живописные холмы, зеленѣющія долины, весело журчащіе свѣтлые ручьи представляютъ прелестные пейзажи. Хижины разсыяны среди деревьевъ—доказательство общей безопасности: ни враги, ни хищные звѣри не бродятъ вокругъ жилищъ. Во время своихъ одиннадцати путешествій по бѣлому свѣту Шуверъ нигдѣ не встрѣчалъ людей, которые бы болѣе гармонировали съ окружающей природой своей тихой жизнью, простыми радостями, взаимнымъ доброжелательствомъ. Республиканскія общины комасовъ никогда не воюютъ одна съ другой, и никакая ревнивая власть не мѣшаетъ отдѣльнымъ семьямъ жить и поступать по своей волѣ: общественное мнѣніе и, въ важныхъ дѣлахъ, рѣшенія народнаго собранія служатъ правилами для гражданъ. Комасы вырываютъ себѣ верхніе рѣзцы; мужчины ходятъ нагіе, какъ большинство ихъ сосѣдей, но нѣкоторые имѣютъ галстуки, ожерелье изъ зубовъ и бусъ; женщины одѣваются съ ранняго возраста въ покровы изъ древесной коры и изъ тканей, нефысты и замужнія женщины носятъ по большей части передники, вышитыя бисеромъ и кружками изъ скорлупы страусовыхъ яицъ. Кромѣ того, женщины прицѣпляютъ себѣ хвосты изъ конской гривы или изъ растительныхъ волоконъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ; этими хвостами онѣ стегаютъ самихъ себя, когда голосать по покойникамъ. Почти каждое утро, даже до первыхъ пѣтуховъ, слышны ихъ жалобные вопли и причитанія. Тѣла умершихъ, мужчинъ и женщинъ, сохраняются въ продолженіе отъ семи до десяти лѣтъ въ особыхъ хижинахъ, устроенныхъ такъ, что туда не могутъ проникать термиты, и время отъ времени родные и друзья покойника приносятъ ему подарки, состоящіе изъ бусъ или соли; когда же кости предадутъ погребенію, всѣ эти вещи продаются съ публичнаго торга, и вырученная сумма идетъ на покрытіе издержекъ по устройству общественнаго пиршества ¹⁾. Къ сѣверу отъ племени кома верхнія долины рѣки Джаль принадлежатъ амамамъ, которыхъ Матеуччи называетъ, но несправедливо, «африканскими патагонцами»: росту они, правда, большаго, уступая, однако, въ этомъ отношеніи нуэрамъ и киджамъ, но они такъ успѣшно отражали нападенія египтянъ, что послѣдніе описывали ихъ великанами и прославили людодѣями. На самомъ же дѣлѣ эти туземцы походятъ нравами на комасовъ.

Суросы, кочующіе на югъ отъ территоріи Гамбилъ, въ сосѣдствѣ Каффы, считаются даже

данниками этого послѣдняго государства: они находятся уже въ кругѣ политическаго вліянія Эѳіопіи; какъ всѣ племена, служащія дичью абиссинцамъ, они извѣстны у нагорныхъ населеній подъ названіемъ «шангалла», но это прозвище вовсе не указываетъ на родство съ сѣверными шангалласами, каковы, напримѣръ, базены. Несмотря на частый приходъ арабскихъ купцовъ, суросы остаются еще дикими пастухами какъ шилуки. Они ходятъ нагишомъ, за исключеніемъ женщинъ, носящихъ узкій передникъ; только начальникъ племени облачается въ одежду, замѣняющую ему знаки власти. Подобно различнымъ негритянскимъ племенамъ въ бассейнѣ Нила, суросы выбиваютъ себѣ два зуба на нижней челюсти и втыкаютъ деревянный кружокъ въ нижнюю губу; они прокалываютъ себѣ также хрящъ уха по всей его окружности, чтобы втыкать въ дырочки стебли травы. Такъ же, какъ ихъ цивилизованные сосѣди, жители плоскогорья, они не ѣдятъ никакого другаго мяса, кромѣ коровьяго ¹⁾.

На Нижнемъ Собатѣ, прибрежные жители, носящіе различныя племенные названія,—всѣ нуэры или шилуки; грозные джиббасы ²⁾, бонджаки, ниваки, суть группы, отдѣлившіяся отъ этой послѣдней націи; балоки, поселившіеся западнѣе, ндіекены, живущіе ниже,—нуэры; наконецъ, обитатели нижней долины, близъ слиянія, также шилуки, отдѣленные отъ главной массы націи только теченіемъ Нила. Египетское правительство учредило-было постъ Насеръ на Собатѣ, въ 200 километрахъ выше слиянія; но такъ какъ расходы по содержанію его вознаграждались только незначительной торговлей, и владѣніе той мѣстностью имѣло лишь фиктивную цѣну, то эта военная станція была покинута въ 1876 году. Въ настоящее время ни Эѳіопія, ни Египетъ не предъявляютъ правъ на этотъ обширный неизслѣдованный бассейнъ, который въ политическомъ отношеніи находится еще въ состояніи раздробленности и неустойчивости, происходящихъ отъ безпрестаннаго передвиженія племенъ, вслѣдствіе ихъ переселеній и завоеваній. Но эти нынѣ неизвѣстныя области, черезъ которыя протекаютъ Верхній Собатъ и его притоки, безъ сомнѣнія, будутъ современемъ въ числѣ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстностей Африки, такъ какъ тамъ именно водораздѣльная возвышенность между Бахръ-эль-Абиадомъ и Индійскимъ океаномъ переходима всего легче; между горами Каффы и вулканическими массивами земли Масай краевая цѣпь мѣстами прерывается, и широкія бреши, занятые нынѣ сильнымъ населеніемъ галла, служатъ дорогой отъ одного склона къ другому.

¹⁾ Beke, „Journal of the R. Géographical Society“. 1843.

²⁾ Peherick, „Egypt, the Sudan and Central Africa“.

¹⁾ J. M. Schuer, „Reisen im oberen Nilgebiet, Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“. № 72.

Шилуки, населяющіе лѣвый берегъ Нила, ниже «Ярма рѣкъ» и Собата, до острова Абба, на протяженіи слишкомъ 600 километровъ,— по численности одна изъ большихъ націй Африки и единственная, на берегахъ Нила, которая признаетъ *бандо* или короля, властвующаго надъ совокупностью племенъ и продающаго въ рабство тѣхъ, кого поражаетъ его правосудіе или гнѣвъ. Прибрежный поясъ, обитаемый шилуками, не широкъ, отъ 15 до 20 километровъ, такъ какъ внутреннія равнины заняты боггаранами (баггара или бакара), или «коровниками», то-есть арабами чистокровными или помѣсями, которымъ дали это прозвище по причинѣ ихъ многочисленныхъ стадъ рогатаго скота; но права они далеко не такого смирнаго, какъ ихъ животныя: это, напротивъ, грубые и смѣлые наѣзники, наводящіе страхъ на шилуковъ, которыхъ они тѣснятъ къ берегу рѣки. Судя по результатамъ суммарной переписи, произведенной по распоряженію египетскаго правительства въ 1871 году, послѣ завоеванія края, шилукское населеніе, сравнительно съ площадью воздѣланной земли,—одно изъ самыхъ плотныхъ въ свѣтѣ: оно распредѣлено въ трехъ тысячахъ деревень, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ отъ 45 до 200 семействъ, такъ что вся нація состоитъ по меньшей мѣрѣ изъ 1.200.000 человекъ. Въ Европѣ только окрестности большихъ городовъ, да промышленныя мѣстности имѣютъ такіа скученныя массы жителей. Это объясняется тѣмъ, что мало странъ, гдѣ бы природа давала въ такомъ изобиліи все нужное человѣку. По берегу рѣки мѣстечки слѣдуютъ одно за другимъ въ видѣ одного длиннаго города; самые большіе промежутки между селеніями не достигаютъ даже километра: издали съ середины рѣки эти скопленія хижинъ, совершенно похожихъ одна на другую, похожатъ на ряды шампильоновъ: бѣловатый цилиндръ зданія, круглая сѣрая кровля, которою онъ покрытъ, точно шапкой, усиливаютъ иллюзію. По серединѣ каждой деревни оставлено свободное круглое пространство, нѣчто въ родѣ площади, гдѣ обыватели собираются по вечерамъ: лежа на рогожахъ или на воловьихъ шкурахъ, они покуриваютъ табакъ мѣстнаго производства изъ глиняныхъ трубокъ съ длинными чубуками, вдыхая въ себя испаренія дымящихся навозныхъ кучъ, разжигаемыхъ для удаленія москитовъ. На деревѣ, стоящемъ посреди площади, повѣшены барабаны съ тою цѣлю, чтобы публичные глашатаи могли, въ случаѣ тревоги, тотчасъ же извѣстить жителей сосѣднихъ мѣстечекъ о грозящей опасности¹⁾.

Гартманъ и большинство путешественниковъ, проникавшихъ въ эту принильскую страну, смотрятъ на шилуковъ какъ на типическихъ представителей той группы негритянскихъ

націй, область которой ограничена съ юга бантусами, съ востока галласами и другими населеніями эіопской расы, съ сѣвера нубійцами и обѣарабившимися племенами, съ юго-востока нѣмъ-нѣамами. Впрочемъ, шилуки много превосходятъ числомъ сосѣднія племена, и ихъ нація высылала наибольшее количество роевъ въ разныя части страны. Сами они пришли, будто бы, съ юго-востока, изъ равнинъ, орошаемыхъ притоками Собата; съ тѣхъ поръ колонисты ихъ расы, луо или діуры, заняли часть юго-западной территоріи, между бонгосами и денкасами; другіе даже перешли Ниль-Кивира и поселились, подъ именемъ шефалу, въ землѣ племени ва-ніоро; теперь они колонизуютъ на правомъ берегу Нила, ниже впаденія Собата, пространства, опустѣвшія въ странѣ Денка послѣ прохода негропромышленниковъ. На обоихъ берегахъ населеніе было «несмѣтное», nepостижимо густое¹⁾, правый берегъ былъ, правда, сравнительно менѣе многолюденъ, но и тамъ слѣдовали одна за другой непрерывнымъ рядомъ сотни денкаскихъ деревень. Всѣ эти селенія были преданы пламени; въ 1862 году одинъ предводитель авантюристовъ, Могамедъ-Геръ, соединился съ арабскимъ племенемъ абу-рофы, населяющимъ, къ западу отъ Сенаара, большую часть междурѣчья двухъ Ниловъ, и страна была совершенно опустошена. Абу-рофы, выстроившіе шелонами у подошвы горъ на огромной линіи, отбивали денкасовъ на Ниль и Собатъ, гдѣ ихъ сторожили барки неготорговцевъ. Облава увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: ни одинъ чернокожій не избѣгъ плѣна²⁾; цѣлый край въ нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ километровъ обратился въ безлюдную пустыню. Послѣ этого повѣтны угрызения совѣсти, которыя часто испытывалъ такъ трагически кончившій жизнь Гордонъ по поводу того, что онъ содѣйствовалъ распространенію въ тѣхъ странахъ «благодѣяній цивилизаціи». «Не хотимъ мы вашихъ бусъ, не хотимъ вашей дружбы. Не нужно намъ вашего покровительства; объ одномъ просимъ васъ—уходите поскорѣй!». Такъ говорили ему делегаты одного племени, которое онъ присоединилъ къ Египту.

Несмотря на продолжительное соприкосновеніе съ арабами-мусульманами, шилуки сохранили свои нравы и религію. Подобно племенамъ бари и денка, они отказались отъ одежды, которую имъ предлагали пріѣзжіе купцы изъ Хартума, и покупаютъ только украшенія изъ стекла или металла; однѣ женщины носятъ телячью шкуру, привязываемую къ поясу. У бѣдняковъ одежду замѣняетъ слой золы, которою они намазываютъ себѣ тѣло, такъ что ихъ издали можно узнать по сѣрому цвѣту; богатые покрываютъ себѣ тѣло коровьимъ каломъ. Какъ

¹⁾ F. Werne, „Expedition zur Entdeckung der Quellen des Weissen Nil“.

²⁾ Guillaume Lejean, „Les deux Nils“.

¹⁾ G. Schweinfurth, „Im Herzen Afrika's“.

въ другія прибрежныя населенія Бѣлойрѣки, шилуки придаютъ своей шевелюрѣ, изукрашенной травой и цвѣтами, самыя причудливыя формы—пѣтушьяго гребня, опахала, ореола, каски, даже шляпы съ широкими полями; увидя Швейнфурта, прѣхавшаго въ широкополой касторовой шляпѣ à la Bolivar, туземцы приняли его сначала за одного изъ своихъ и разинули рты отъ удивленія, когда онъ снялъ шляпу. Форма волоснаго зданія всего чаще зависитъ отъ материнской фантазіи; матери еще во время кормленія грудью обдѣлываютъ ребенку волосы съ помощью глины, смолы, ко-

дитъ, не тронувъ мнимаго мертвеца. Шилуки вѣрятъ въ сверхъестественное, но мало имъ занимаютъ: они чтутъ предка, считая его въ то же время за бога и творца всего сущаго, взываютъ къ рѣкѣ и омываются въ ея святой водѣ; говорятъ не иначе, какъ съ трепетомъ о духахъ умершихъ, летающихъ въ воздухѣ, забирающихся въ стволы деревьевъ, въ тѣла животныхъ ¹⁾. Порядокъ престолонаслѣдія у нихъ довольно своеобразный: власть переходитъ не отъ отца къ сыну, а къ сыну сестры или какому-нибудь другому родственнику по женской линіи; пока новый король не провозглашенъ,

Типъ шилукскаго племени.

ровьяго кала, золы; затѣмъ мальчику или дѣвчкѣ остается только поддерживать шевелюру въ томъ видѣ, какой ей приданъ заботливой родительской рукой. Хорошіе звѣроловы, шилуки, подобно баггаранамъ, охотятся на страусовъ; они умѣютъ даже воспитывать эту птицу, и молодые страусы клуютъ зерна вокругъ ихъ жилищъ, какъ цыплята ¹⁾. Изъ животныхъ эти туземцы всего больше боятся буйвола; когда нельзя избѣгнуть встрѣчи съ разъяреннымъ звѣремъ, они ложатся лицомъ къ землѣ и притворяются мертвыми; буйволъ нѣсколько минутъ обнюхиваетъ лежащее тѣло, затѣмъ ухо-

дитъ, не тронувъ мнимаго мертвеца. Шилуки вѣрятъ въ сверхъестественное, но мало имъ занимаютъ: они чтутъ предка, считая его въ то же время за бога и творца всего сущаго, взываютъ къ рѣкѣ и омываются въ ея святой водѣ; говорятъ не иначе, какъ съ трепетомъ о духахъ умершихъ, летающихъ въ воздухѣ, забирающихся въ стволы деревьевъ, въ тѣла животныхъ ¹⁾. Порядокъ престолонаслѣдія у нихъ довольно своеобразный: власть переходитъ не отъ отца къ сыну, а къ сыну сестры или какому-нибудь другому родственнику по женской линіи; пока новый король не провозглашенъ,

тѣло скончавшаго государя остается запертымъ въ его токулѣ; дочери его не имѣютъ права вступать въ бракъ: имъ отводится особая деревня, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста жительства. Въ шилукской территоріи египетское правительство основало, въ 1867 году, столицу своей провинціи Бахръ-эль-Абіадъ, городъ Фашоду. Хотя резиденція короля шилуковъ, въ то время это была просто кучка соломенныхъ жилищъ, деревня Денабъ; теперь это — четырехугольная крѣпость довольно внушительнаго вида, окруженная соломенными постройками, мага-

¹⁾ Gessi, „Esploratore“, aprile 1884.

²⁾ Gessi, „Esploratore“, aprile 1884.

знами и загородами; но въ началѣ 1884 года городъ совершенно опустѣлъ: вспыхнувшая война выгнала изъ него всѣхъ жителей. Въ это мѣсто египетское правительство посылало тѣхъ, кто былъ обреченъ на вѣчную ссылку. Фаода лежитъ на лѣвомъ берегу Нила, въ хорошей стратегической позиціи, на излучинѣ, которую описываетъ эта рѣка, чтобы спуститься къ сѣверу, послѣ соединенія съ Бахрѣ-эль-Зарафомъ и съ Собатомъ. Мѣсто слиянія послѣдняго съ Ниломъ защищается на востокѣ постомъ Тауфикиа, названнымъ такъ въ честь хедива, на западѣ—деревней Собатъ, официально основанной въ видахъ наблюденія за негроторговцами. Кака, до недавняго времени главный невольничій рынокъ на Верхнемъ Нилѣ, есть важнѣйшій *геллетъ* или городокъ нилукскаго края; онъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки, около сѣверной оконечности территории, занимаемой этой націей.

У. Эѳіопія.

Названіе Эѳіопія, подобно многимъ другимъ географическимъ выраженіямъ, не разъ мѣняло значеніе въ теченіе вѣковъ. Такъ же, какъ терминъ «Ливія», названіе это служило нѣкогда для обозначенія всего африканскаго континента; оно имѣло даже болѣе обширный смыслъ, такъ какъ примѣнялось ко всѣмъ вообще южнымъ странамъ, со включеніемъ Индіи, ко всѣмъ землямъ «жаркаго» пояса, гдѣ обитаютъ «люди, почернѣвшіе отъ солнца»: таково точное значеніе слова, которымъ они обозначаются. «Населенія Эѳіопіи, самыя отдаленныя въ свѣтѣ, — говоритъ Гомеръ — живутъ одни къ восходу, другіе къ заходу солнца». «Мудрые», обитающіе въ области Верхняго Нила, и считающіе въ своей средѣ макробійцевъ или «долговѣчныхъ», люди наиболѣе приближающіеся къ золотому вѣку нравами и учрежденіями, тѣ «добродѣтельныя существа, празднества и пиршества которыхъ удостоиваетъ посѣщать самъ Зевсъ», — люди эти называются у Геродота эѳіопами; но отецъ исторіи называлъ тѣмъ же именемъ и западныхъ негровъ, которые по степени цивилизаціи едва возвышались надъ животными. Однако, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось знакомство съ Африкой, терминъ «Эѳіопія» принималъ болѣе опредѣленный смыслъ и прилагался къ менѣе обширному пространству. Въ наши дни онъ примѣняется только къ гористымъ странамъ, образующимъ водораздѣлъ между Краснымъ моремъ, Аденскимъ заливомъ и Среднимъ Ниломъ. Это та область, которую арабы называютъ Хабешъ, — слово, передѣланное европейцами въ Абиссинію; но это наименованіе, которому приписываютъ уничижительное происхожденіе, такъ какъ оно означаетъ «сбродъ», «массу или

толпу», съ неудовольствіемъ принимается туземцами, знающими арабскій языкъ. «Итіопіанъ», то-есть эѳіопецъ или эѳіопъ, — такъ именуетъ себя, въ гордомъ сознаніи славнаго прошлого своего отечества, обитатель плоскихъ возвышенностей, откуда спускаются Голубая рѣка и другіе большіе притоки Нила. Тѣмъ не менѣе, названіе Абиссинія, какъ названіе Германія и многія другія географическія наименованія, отличныя отъ тѣхъ, которыя сами жители даютъ своей странѣ, получило у иностранцевъ силу обычая, которую нужно принимать въ расчетъ, чтобы быть понятнымъ.

Перемѣны границъ, происходящія вслѣдствіе превратностей войнъ и завоеваній, долго мѣшались и теперь еще мѣшаютъ тому, чтобы названія Абиссинія и Хабешъ представляли точно опредѣленную политическую индивидуальность. Эти наименованія то примѣняются только къ высокой твердынѣ горъ, центральная впадина которой занята озеромъ Тана, то обнимаютъ всѣ окружающія страны, съ одной стороны до Нильскихъ равнинъ, съ другой—до береговъ Краснаго моря: въ обыкновенной рѣчи названіе Абиссиніи употребляется специально въ политическомъ смыслѣ, и предѣлы ея отмѣчаются арміями «царя царей». Слово «Эѳіопія» имѣетъ болѣе обширное значеніе. Съ географической точки зрѣнія, естественныя границы этой страны начертаны линіями высоты, которыя въ то же время служатъ раздѣльными линіями между областями разныхъ флоръ, фаунъ и населеній. Можно сказать вообще, что вся страна треугольной формы, поднимающаяся между Краснымъ моремъ и Ниломъ, надъ покоемъ въ тысячу метровъ высоты, составляетъ истинную Эѳіопію. Со всѣхъ сторонъ вѣтшіе откосы плоскогорья указываютъ переходный поясъ между эѳіопскими землями и окружающими странами. На сѣверѣ, отроги горнаго массива выдвинулись почти до самаго Краснаго моря, оставивъ при основаніи лишь узкую полосу прибрежныхъ равнинъ; на востокѣ, крутые склоны Альпъ, Тигре, Ласта, Шоа рѣзко ограничены волнообразными равнинами, продолжающимися до самаго моря, которыя, кажется, нѣкогда были частію дномъ морскимъ; вдоль подошвы горъ тянутся уади, болота, въ родѣ длинныхъ прудовъ, огибающихъ основаніе недавно выступившихъ изъ-подъ воды скалъ. На западѣ отлогости представляютъ болѣе постепенное паденіе: горы, разрѣзанныя на маленькія цѣпи и мысы, понижаются послѣдовательными уступами, сливаясь послѣдними отрогами съ волнообразной поверхностью равнинъ и снова поднимаясь тамъ и сямъ въ видѣ отдѣльных массивовъ и островерхихъ горокъ сквозь слои аллювальной формаціи. На югѣ естественные предѣлы Эѳіопіи менѣе точны, такъ какъ плоскогорье продолжается въ этомъ направленіи къ возвышенностямъ земли маса-

евъ; тѣмъ не менѣе извѣстно, что въ этой области существуютъ невысокіе пороги, позволяющіе легко переходить изъ долинъ, притоковъ Нила, чрезъ р. Собать въ долины, воды ко-

возможно опредѣлить съ нѣкоторой точностію протяженіе эіопскихъ областей. Можно сказать только, что въ ихъ нынѣшнихъ политическихъ предѣлахъ Абиссинія и Шоа заклю-

Водопадъ Мурчисона.

торыхъ текутъ, чрезъ р. Джубу, къ Индійскому океану.

До тѣхъ поръ, пока эти едва извѣстныя страны не будутъ пройдены путешественниками-ислѣдователями во всѣхъ направленіяхъ, не-

чаютъ пространство около 240.000 квадрат. километровъ, то-есть пространство, равное половинѣ Франціи. Къ этимъ странамъ слѣдуетъ прибавить, какъ связанныя съ ними географическимъ единствомъ, землю Каффа и часть

Плоскогорья, населенную галласами и другими племенами до раздѣльнаго порога между рѣками Собатъ и Джуба.

Пространство и населеніе эіопскихъ областей (по приблизительному исчисленію):

	Квадр. ки- лометровъ.	Жите- лей на 1 квадрат. километръ.
Абиссинія (Тигре, Ангара, Годжамъ и пр.)...	200.000	2.000.000 10
Шоа.....	40.000	1.500.000 37
Земли богосовъ, менса- евъ, бени-амеровъ и др.	70.000	100.000 1
Массова и земля шого- совъ.....	25.000	50.000 2
Земли афаровъ обоковъ и ассабовъ.....	100.000	200.000 2
Земли иссановъ и др.....	15.000	60.000 4
Гарраръ и сосѣднія земли.	20.000	1.200.000 60
Галласскія государства южной Эіопіи *).....	160.000	3.500.000 22
	630.000	8.610.000 14

Что касается низменностей, прежде зависѣвшихъ политически отъ Эіопскаго королевства, который простираются на востокъ отъ абиссинскихъ горъ къ Красному морю и Аденскому заливу, то онѣ занимаютъ пространство почти равное пространству собственной Абиссиніи. Вся область, заключающаяся между Ниломъ, степями Така, морскимъ побережьемъ, отъ Суакима до Зейлы, и извилистой линіей, образуемой водораздѣльной возвышенностію между бассейнами Ауама, Голубаго Нила, Собата и притоковъ Индійскаго океана, представляетъ площадь, превышающую 600.000 квадрат. километровъ. Обитающее на этомъ пространствѣ населеніе можетъ быть исчисляемо приблизительно въ девять миллионъ душъ.

Отличаясь отъ окружающихъ странъ рельефомъ своихъ горъ и плоскогорій, Эіопія отличается отъ нихъ также климатомъ, растительностію, фауною, населеніемъ, а слѣдовательно и исторіей. Въ этой необъятной Африкѣ, гдѣ народы перемѣшиваются точно волны моря, высятся, на подобіе острова, высокая крѣпость горъ, составляющая особый міръ. Абиссинцы имѣютъ собственную эволюцію, отличную отъ эволюціи націй, сталкивающихся у основанія ихъ скалъ; войны, обширные перевороты развертывались подъ ними, не достигая ихъ, словно волны, слѣдующія одна за другой у подножія высокаго мыса. Но если Эіопія, повидимому, живетъ независимой жизнью и медленно воспринимаетъ вліяніе окружающихъ странъ, за то она представляетъ въ своемъ внутреннемъ развитіи замѣчательную аналогію съ умѣренной Европой. Не есть ли это одно изъ любопытѣйшихъ явленій, что жители Эіопіи одни на африканскомъ континентѣ приняли и сохранили ту самую религію, которая, подъ мало отличными формами, господствуетъ у европейскихъ на-

цій? И не только религиозные догматы, но также политическія учрежденія и нравы свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ сходствѣ между нынѣшнимъ развитіемъ эіоповъ и средневѣковой исторіей народовъ, живущихъ по другую сторону Средиземнаго моря. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Хабешъ—это африканская Европа.

Но въ теченіе вѣковъ сношенія между Эіопіей и сѣверными внѣ-африканскими странами были рѣдки и мимолетны. Греки впервые встрѣтились съ жителями абиссинскихъ плоскогорій только при Птоломеяхъ; порты, открытые на сосѣднемъ побережьи, служили для обмѣна произведеній, и въ то же время способствовали распространенію эллинской культуры, какъ о томъ свидѣтельствуютъ надписи, найденныя путешественниками въ различныхъ странахъ Эіопіи; этимъ же путемъ проникло въ край христіанство, какъ до него іудейство. Многочисленные преданія сохранились отъ той давноминувшей эпохи, когда господствовало эллинское вліяніе, и нынѣшніе эіопы, несмотря на свидѣтельство путешественниковъ и отдаленное эхо европейской исторіи, склонны еще думать, что греки, смутно смѣшиваемые ими съ исповѣдниками православной вѣры, — самая могущественная нація въ Европѣ⁴⁾. Но вскорѣ послѣ обращенія абиссинцевъ въ христіанство прекратились всякія сношенія между ними и византійцами, и только доходящая черезъ посредство арабовъ смутная молва напоминала о существованіи этихъ африканскихъ единовѣрцевъ; во время крестовыхъ походовъ часто ходилъ слухъ, что будто эіопскій царь собирается идти на помощь своимъ христіанскимъ братьямъ. Однако, рассказы объ этихъ африканскихъ христіанахъ походили скорѣе на легенду, чѣмъ на исторію, и Эіопія, какъ монгольскія нагорья, имѣла свое царство «священника Іоанна», гдѣ воображали счастливое населеніе, живущее въ новомъ золотомъ вѣкѣ. Въ продолженіе почти тысячи лѣтъ непосредственныхъ сообщеній между Европой и Эіопіей оставались прерванными; они возобновились лишь около 1450 года, благодаря торговлѣ итальянцевъ съ Индіей. Если вѣрить Брюсу, венеціанецъ Бранкаліоне велъ богословскіе диспуты съ абиссинскими духовными лицами въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія; впослѣдствіи португалецъ Педро Ковильяо, выѣхавшій изъ Сантарема въ 1487 году, успѣлъ, въ сопровожденіи другаго Бранкаліоне, добраться до абиссинскаго плоскогорья и до двора эіопскаго царя; но ему не было позволено вернуться въ свое отечество. Въ то же время одинъ эіопскій богомолецъ, по имени Маркосъ, ѣздивъ изъ Іерусалима въ Лиссабонъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи португальцы проникли на плоскогорье, основали тамъ духовныя и военныя заведенія и изслѣдовали

⁴⁾ По исчисленію швейцарца Нальга, министра Менилика, нынѣ пространство Абиссиніи 2.500.000 кв. вил., а населеніе 15 милл. Р е х.

⁴⁾ Gerhard Röhfs, „Meine Mission nach Abessinien“.

страну во всѣхъ направленіяхъ. Однако, отношенія съ Европой не были завязаны окончательнымъ образомъ: португальскіе патеры, обвиненные въ стремленіи къ политическому господству, были прогнаны изъ страны. Правда, вскорѣ послѣ нихъ туда пріѣзжалъ, по приглашенію абиссинскаго царя, одинъ французскій врачъ, нѣкто Повсе, но затѣмъ прошло цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ между его короткимъ посѣщеніемъ и путешествіемъ шотландца Брюса, начинающимъ собой эру новѣйшихъ изслѣдованій. Съ этой эпохи множество европейцевъ, ученыхъ, купцовъ, авантюристовъ, солдатъ и миссіонеровъ, объѣхали страну въ разныхъ направленіяхъ; даже военная европейская экспедиція проникла въ самое сердце Абиссиніи. Торговля сношенія все болѣе учащаются, и уже многіе округа плоскогорья намѣчены изслѣдователями, какъ удобныя мѣста для будущаго переселенія европейцевъ. Но союзъ между расами можетъ ли установиться полюбовно? Или и онъ будетъ предшествовать, какъ многія другія смѣшенія, враждебными столкновеніями и истребительными войнами?

Нѣкоторыя части Эіопіи уже лучше извѣстны географически, чѣмъ всякая другая страна Африки, лежащая внѣ колоній и областей морскаго прибрежья, гдѣ господствуетъ европейское вліяніе. Со времени изслѣдованія Брюса многіе путешественники, какъ-то: Сальтъ, Рюшпель, Роше, Ферре и Галинье, Беке, Салето, Крапфъ, Комбъ и Тамизье, Лежанъ, Муцингеръ, Раффрей, Рольфъ, Гейглинъ, изучали страну и вывезли оттуда наблюденія всякаго рода, профили и карты. Болѣе того—г. Антуанъ д'Аббади воспользовался своимъ двѣнадцатилѣтнимъ путешествіемъ по Эіопіи, чтобы снѣсть ея геодезическій планъ быстрыми, но вѣрными и точными способами, уступающими въ строгости только методамъ триангуляціи, употребляемымъ на досугъ европейскими геодезистами. На картѣ г. д'Аббади берега Краснаго моря соединены съ горами плоской возвышенности непрерывными цѣпами треугольниковъ, и опредѣлено положеніе по широтѣ и долготѣ около девятисотъ пунктовъ; густая сѣть геодезическихъ линій и маршрутовъ путешественниковъ покрываетъ карту Эіопіи, и названія различныхъ мѣстностей нанесены въ клітки этой сѣти безъ большихъ погрѣшностей¹⁾. Ни одна изъ странъ, гдѣ еще не работали партіи топографовъ, не обладаетъ картой, которая могла бы сравниться по точности съ картой, составленной упомянутымъ французскимъ ученымъ. Кромѣ того, детальныя съемки были сдѣланы англійскими офицерами во всей области, по которой прошли британскія войска въ 1868 году, отъ бухты Адулисъ до «горы-крѣпости» Магдалы.

VI. Собственно Абиссинія.

Большинство европейскихъ путешественниковъ, посѣтившихъ возвышенности Абиссиніи, совершали восхожденіе съ восточной стороны, т. е. съ той, откуда эта громада горъ представляеть наиболѣе поразительное зрѣлище. Надъ голой равниной (*самхаръ* или *мудунъ*), отдѣляющей морское побережье отъ первыхъ откосовъ плоскогорья, вздымаются одинъ надъ другимъ, въ видѣ куполовъ и пирамидъ, наружные уступы эіопской платформы, спаленныя скалы или зеленѣющіе склоны, вершины которыхъ, съ контурами, почти всегда дрожащими въ фіолетовой дымкѣ, сливаются въ одинъ неровный гребень. У выхода овраговъ, расѣкающихъ скалистыя массы своими параллельными бороздами, глина равнины смѣняется валунами, обвалившимися камнями, и тамъ и сямъ показывается одиноко стоящее дерево, чащи кустарника, клочки луговой земли въ низинахъ, гдѣ скопляется дождевая влага, гдѣ проходитъ иногда внезапно появляющаяся и съ шумомъ бѣгущая вода временныхъ потоковъ. Выше вздымаются склоны каменистые или поросшіе лѣсомъ, крутыя стѣны, огибаемыя опасными тропинками. Когда путешественникъ достигнетъ, наконецъ, вершины горы, онъ очутится не на гребнѣ, какъ ожидалъ, а на пастбищахъ почти ровныхъ и уединенныхъ большими деревьями можжевельника. На высотѣ отъ 2.200 до 2.700 метровъ обрисовывается въ профилѣ закраина этого плато, откуда видишь, съ одной стороны, сѣрую и голую равнину, съ другой — странную шахматную доску внутренней Эіопіи съ ея неравными террасами, уставленными неправильными массивами и перерѣзанными глубокими ущельями.

Въ цѣломъ Эіопское нагорье состоитъ изъ множества отдѣльныхъ плато, которыя можно сравнить съ многогранными призмами, образующимися на глинистыхъ поляхъ вслѣдствіе растрескиванія почвы отъ дѣйствія солнечнаго жара. Эти столбообразныя горы, перерѣзанныя пропастями и уставленныя башнями, имѣютъ различную величину: нныя образуютъ цѣлыя территоріи, заключающія города и многочисленное населеніе; другія, называемыя *амбами*, суть не что иное, какъ глыбы камня, четырехугольные столбы въ нѣсколько сотъ метровъ высоты, въ родѣ *друговъ*, или «неприступныхъ», южной Индіи, или въ родѣ уединенныхъ «каменей» Саксонской Швейцаріи. Въ восточной Эіопіи происхожденіе этихъ амбъ нужно искать въ дезагрегаціи толстаго слоя краснаго или сѣроватаго песчаника, который дѣлится на вертикальныя массы и обнаруживаетъ тамъ и сямъ напластованіе нижнихъ

¹⁾ «Géodésie d'une partie de la haute Ethiopie».

слоистыхъ породъ и кристаллическое ядро¹⁾. Во внутренней Эѳіопіи, и особенно на западѣ, гдѣ преобладаютъ вулканическія формаціи, большинство естественныхъ башенъ состоятъ не изъ песчаника, какъ на восточномъ плато, въ Саксоніи и въ Индіи, но изъ лавы, и оканчиваются на верху базальтовыми столбами, изъ которыхъ иные расположены сходящимися пучками, какъ стволы срубленныхъ деревьевъ, сложенные въ кosterъ, а другіе высятся въ видѣ колоннадъ, какъ храмы акрополя. Призмы, у которыхъ верхняя терраса достаточно обширна, чтобы представлять пахотныя поля и давать начало источникамъ, по большей части служили крѣпостями, и часто случалось, что какое-нибудь племя, какая-нибудь шайка осажденныхъ разбойниковъ оставались цѣлые годы на одномъ изъ такихъ камней, совершенно разобщенныя съ остальнымъ міромъ. Другія амбы были выбраны иноками для основанія монастырей, и, какъ мѣста священные, служатъ убѣжищемъ преслѣдуемымъ. Наконецъ, самые узкіе столбы часто назначаются царемъ, какъ мѣсто заключенія вельможей, впавшихъ въ немилость.

Въ восточной Эѳіопіи общая поверхность плоскогорья болѣе изломана, разрѣзана на большее число второстепенныхъ плато и призмъ, чѣмъ въ западной. Большинство частныхъ массивовъ обращены главнымъ откосомъ къ востоку, на западъ же наклоняются болѣе пологими скатами. Это, въ малыхъ размѣрахъ, та же форма, которую представляетъ въ цѣломъ вся страна, круто обрывающаяся на сторонѣ, обращенной къ Красному морю, и понижающаяся длинными скатами къ приливскимъ равнинамъ²⁾. Впрочемъ, только точные инструменты могутъ обнаружить эту общую покатость страны, такъ какъ видъ плоскогорья и возвышающихся надъ нимъ горъ слишкомъ неровенъ, чтобы можно было распознать первоначальный планъ. Амбы, имѣющія разную высоту, обрисовываются на голубомъ фонѣ неба въ видѣ стѣнъ и башенъ; подъ ними, зеленѣющій цоколь плоскогорья мѣстами разрѣзанъ пропастями, крутыя стѣны которыхъ показываютъ издали правильные четырехугольники, образуемые линіями наслоенія и вертикальными трещинами; на эти стѣны опираются откосы обваловъ, въ иныхъ мѣстахъ исполосованные лавинами камней, въ другихъ одѣтые зеленью; террасы, на которыя осыпались эти обломки, сами, въ свою очередь, ограничены новыми утесами, и гора понижается такимъ образомъ съ уступа на уступъ до зеленѣющей долины, гдѣ извивается ручей. Пейзажи Абиссиніи напоминаютъ пейзажи Скалистыхъ горъ Сѣверной Америки своими, расположенными

одна надъ другой, террасами и огромными утесами монументальнаго вида. Недалеко отъ Магдалы восточный край плоскогорья Таланта, говорятъ, оканчивается вертикальной стѣной изъ базальтовыхъ колоннъ, поднимающейся на 1.000 слишкомъ метровъ¹⁾.

Высота эѳіопскихъ плоскогорій различна; между крайними массивами: на сѣверѣ массивомъ Сименъ, на юго-востокѣ и юго-западѣ массивами Ласта и Годжамъ, среднее возвышеніе ихъ около 2.400 метровъ. Всѣ мѣстности, достигающія или превосходящія эту высоту, обозначаются именемъ *дега*, аналогичнымъ персидскому *саржагъ* и арабскому *неджедъ*. Ниже 1.800 метровъ, отрывающіяся между плато промежуточные долины и ущелья, вырытыя горными потоками на различныхъ глубинахъ, называются *куалла*, *колла* или *кулла*, полосы «жаркихъ земель», какъ гермисры въ Персіи и техамы въ Аравіи: между этими двумя поясами простирается область или *война-дега*. Во многихъ мѣстахъ крутизна склоновъ производитъ рѣзкій, почти непосредственный контрастъ между дегами и куаллами, и къ различію рельефовъ присоединяется различіе климата, растительности, санитарныхъ условій мѣстности; водопады, какъ напримѣръ, водопадъ Давезута, близъ Дебра-Табора, ниспадаютъ однимъ потокомъ или рядомъ пороговъ изъ одного пояса въ другой. Впрочемъ, названія, употребляемые для различныхъ областей, имѣютъ лишь относительное значеніе, какъ термины плато и долина: иная сравнительно низкая страна называется дегой соседними жителями, обитающими въ болѣе глубокой куаллѣ; иная дега, напротивъ, считается куаллой въ отношеніи выше лежащихъ деревень²⁾.

У большинства частныхъ отрывковъ плоскогорья, гранитовъ или базальтовъ, внѣшнія стѣны состоятъ изъ лежащихъ одинъ надъ другимъ утесовъ и откосовъ, которые придаютъ горамъ видъ пирамидъ со ступеньками; но нѣкоторыя изъ куаллъ не что иное, какъ расщелины, узкія поперечныя долины или ущелья, въ родѣ сѣверо-американскихъ каньоновъ. Отъ одного края ущелья до другаго разстояніе кажется такое маленькое, что можно перебросить камень; но чтобы попасть на другую сторону, нужно спуститься въ пропасть, идти цѣлые часы по краю головокружительныхъ обрывовъ, перейти черезъ текущую на днѣ рѣку, иногда съ опасностію жизни, затѣмъ подняться зигзагами на противоположныя, столь же крутыя, стѣны. Камни, приносимые ручьями, запираютъ иногда ущелье, скопляясь съ той и другой стороны у выступовъ скалъ, и эти преграды, случалось, задерживали на цѣлые часы караваны или вооруженныя банды. Самыя замѣча-

¹⁾ H. Saint-Clair Wilkins, "Reconnoitring in Abyssinia".

²⁾ Antoine d'Abbadie, цитированное сочиненіе.

¹⁾ "Petermann's Mittheilungen" 1869, № V.

²⁾ Arnaud d'Abbadie, "Douze ans dans la haute Ethiopie".

тельные ущелья Эѳіопіи находятся на восточной окраинѣ плоскогорья, гдѣ общій разрѣзъ превышаетъ 2.000 метровъ, отъ высотъ деги до уровня моря. Нигдѣ нельзя лучше убѣдиться въ

ставляетъ выемку твердыхъ каменистыхъ породъ, объемомъ по меньшей мѣрѣ въ 300 миллионовъ кубич. метровъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе воды совершенно урегулировали покатость дна, ко-

Типы и костюмы у-нюрцевъ.

огромной силѣ размыванія, проявляемой текущими водами. Иное ущелье, противоположная стѣны котораго поднимаются почти вертикально на разстояніи нѣсколькихъ метровъ одна отъ другой и на сотни метровъ высоты, пред-

торая въ среднемъ составляетъ всего только одинъ метръ на сорокъ. Это очень легкій подъ-

¹⁾ Blanford, „Observations on Geology and Zoology of Abyssinia“;—Saint-Clair Wilkins, „Reconnoitring in Abyssinia“.

тѣмъ уменьшается и относительная высота горъ.

Высшій массивъ сѣверной Эіопіи отдѣленъ отъ страны Тигре на сѣверѣ и на востокѣ куаллой, вырытой въ сланцевыхъ породахъ, на днѣ которой развѣтывается въ видѣ полукруга теченіе Таккаце; на югѣ и на западѣ притоки этой большой рѣки, вѣзвываясь въ массу плоскогорья, отдѣляютъ Симентъ (Саменъ, Семенъ, Семьенъ или Семьене), то-есть «Сѣверъ» или «Холодную страну». Средняя высота ея краевъ превышаетъ 3.000 метровъ, тогда какъ окружающія долины, на югѣ долины р. Балагасъ, на сѣверѣ долина р. Таккаце, лежатъ соответственно на 1.500 и 2.000 метровъ ниже: оттого воды, спускающіяся съ снѣговыхъ высотъ Симена, имѣютъ очень быстрое теченіе, прерываемое во многихъ мѣстахъ водопадами. Гейглинъ описываетъ одинъ изъ этихъ водопадовъ, низвергающійся съ высоты 400 метровъ въ пропасть, бывшую, повидимому, кратеромъ, который частью разрушенъ процессомъ размыванія. Симентъ, какъ большинство другихъ отрывковъ собственно Эіопскаго нагорья, состоитъ сплошь изъ эруптивныхъ (вулканическихъ) породъ: трахитовъ, базальтовъ, фонолитовъ, пемзы; но горы, вздымающія свои покрытые полосами снѣга склоны на плато «Холодной страны», не имѣютъ кратеровъ. До недавняго времени самой высокой вершиной Симена считали Расъ-Дажанъ, высота котораго, вѣроятно, превышаетъ 4.620 метровъ; но первое мѣсто принадлежитъ, можетъ быть, Буагиту или Абба-Яреду. Вотъ высота главныхъ вершинъ Симена, по измѣреніямъ разныхъ путешественниковъ:

Абба-Яредъ: 4.578 метр. (Рюппель); 4.483 метр. (А. д'Аббади); 4.602 метр. (Штеккеръ). Буагитъ: 4.510 метр. (А. д'Аббади); 4.529 метр. (Штеккеръ); 4.917 метр. (Абаргуэсъ-де-Состень). Расъ-Дажанъ: 4.685 метр. (Ант. д'Аббади), 4.620 метр. (Лифеъръ); 4.430 метр. (Шимперъ); 4.631 метр. (Абаргуэсъ-де-Состень).

Верхніе куполы или главы двухъ первыхъ горъ, Абба-Яреда и Буагита, соперничающихъ по высотѣ съ европейскими Монъ-Розой или Монъ-Бланомъ, часто бывають покрыты полосами снѣга, и, по свидѣтельству туземцевъ, фирновыя поля держатся тамъ круглый годъ. Изъ двухъ путешественниковъ, которые недавно входили на Буагитъ, спустя слишкомъ тридцать лѣтъ послѣ перваго восхожденія, современнаго Антуаномъ-д'Аббади, одинъ, именно испанскій изслѣдователь Абаргуэсъ-де-Состень, видѣлъ на этой горѣ фирновыя пространства, усѣянные обломками камней¹⁾, тогда какъ другой, Штеккеръ, тщетно искалъ ихъ; но по-

слѣдній нашелъ на горѣ Абба-Яредъ пространства кристаллической воды, которая, по его мнѣнію, вовсе не фирны, а поля градинъ, сохраняющихся въ твердомъ состояніи по причинѣ низкой температуры окружающаго воздуха¹⁾; какъ и Брюсъ²⁾, онъ отрицаетъ существованіе въ Абиссиніи этого снѣга, который, однако, многіе другіе путешественники видѣли собственными глазами и трогали собственными руками. Впрочемъ, на Симентѣ мало мѣстъ, гдѣ бы горы имѣли величественный видъ большихъ Альпъ, такъ какъ ихъ относительная высота не болѣе 500—800 метровъ надъ уровнемъ плоскогорій. Но съ краевъ террасъ, отдѣленныхъ отъ нихъ глубокими пропастями куаллъ, эти горы, фантастически разбѣзанные на множество башенъ и пирамидъ и представляющія послѣдовательные переходы всѣхъ климатовъ на своихъ склонахъ, являются во всемъ своемъ величіи. Изъ прохода Ламальмонъ на Гондарской дорогѣ, чудная картина открывается вдругъ при поворотѣ одной скалы, и путешественники не могутъ удержатъ крикъ удивленія при видѣ этихъ снѣговыхъ горъ, гордо вздымающихъ свои остроконечныя главы подъ облака. Не слышать, чтобы туземцы или путешественники, взбравшіеся по кручамъ Симена, когда-нибудь жаловались на «горную болѣзнь»; но холодъ ежегодно похищаетъ тамъ не малое число жертвъ³⁾; такъ, въ 1848 году триста человѣкъ погибли въ снѣгахъ горы Буагитъ. Антуанъ-д'Аббади передаетъ легенду объ одной знатной дамѣ, пришедшей на минутку отдохнуть на перевалѣ. Она окоченѣла на мѣстѣ, и въ продолженіе восьми дней прохожіе съ ужасомъ видѣли ее подлѣ тропинки сидящею точно богиня морозовъ, облеченная въ драгоценныя одежды.

Къ востоку отъ Тигре, цѣпь, образующая восточную закраину Эіопіи, продолжается правильно съ сѣвера на югъ, иззубренная брешами въ 2.500 до 3.000 метровъ высоты, которыя позволяли бы спускаться въ прибрежныя равнины, если бы страна не была занята страшнымъ племенемъ афаръ. Высота крайней цѣпи сохраняется на пространствѣ около 300 километровъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступы, почти совершенно притулленные, сливаются въ одну неправильную нагорную равнину, пониженія которой наполнены озерами, какъ-то: Ашанги, Гаикъ, Ардиббо. На востокѣ одно предгорье выдвигается далеко въ территорію Сомали: это терраса Зебуль, поднимающаяся на тысячу метровъ и доминируемая вершинами болѣе высокими на 300—600 метровъ. Въ сравненіи съ большими горами Эіопіи, остроконечныя вершины Зебули имѣютъ скромный видъ; однако, подъѣмъ на

¹⁾ «Asociación española para la exploración del Africa». Madrid, 5 déc. 1883.

¹⁾ Gerhard Rohlfs, «Ausland», 30 juin 1884.

²⁾ «Travels to discover the Source of the Nile».

³⁾ Eduard Rüppel, «Reise in Abyssinien».

нихъ труденъ, не потому, чтобы склоны раздѣльной возвышенности около истоковъ были слишкомъ круты, а потому, что Таккаце и Бешило, Бекенна или Беркона, ихъ покрываетъ густая растительность, гдѣ притокъ Ауаша, отдѣляетъ краевую цѣпь отъ

Водопадъ Давезу въ Абиссиніи.

сѣти лианъ переплетаются съ колючими вѣтвями¹⁾. Одна изъ рѣкъ, спускающихся съ водо-

боковаго массива Аргобба, далеко выдвинутого въ равнины. Это, на юго-востокѣ, последнее предгорье собственно Абиссиніи.

Линія поперечныхъ пониженій, указывае-

¹⁾ Abargosa de Sostan, цитированный мемуаръ.

емъ; однако, есть много такихъ дефилеевъ, куда нельзя пробраться по цѣлымъ мѣсяцамъ, по причинѣ воды, наполняющей ихъ дно и кружащейся въ водоемахъ; тропинки приходится каждый годъ вновь прокладывать черезъ наведенныя водами груды обломковъ. Есть даже тропы совершенно заброшенные: такъ, на примѣръ, дорога изъ Кумайли, которую избрала англійская армія, чтобы достигнуть плоскогорій Абиссиніи, не была употребляема для передвиженія военной силы, можетъ быть, со временъ грековъ. Эіопія оказывается такимъ образомъ раздѣленною ущеліями на множество обособленныхъ областей; вмѣсто того, чтобы облегчать сообщенія, какъ въ равнинныхъ странахъ, рѣки Абиссиніи представляютъ своего рода рвы, трудно переходимые, и часто даже совершенно раздѣляютъ двѣ смежныя провинціи въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ. Единственная по своей изолированности среди народовъ, осаждающихъ основаніе ея горъ, Эіопія очень раздроблена внутри разрѣзами ея плоскогорья, чѣмъ и объясняются независимость ея въ отношеніи другихъ народовъ и ея безпрестанныя гражданскія войны: географія согласуется съ общими чертами исторіи.

Съ геологической точки зрѣнія существуетъ большое сходство между эіопскими массивами и противолежащими массивами Аравіи. Форманціи и тутъ, и тамъ тѣ же самыя, вслѣдствіе чего горы имѣютъ почти одинаковыя контуры, одинаковый общій видъ, почти одинаковую растительность, и тѣ изъ жителей этихъ двухъ плоскихъ возвышенностей, которые имѣли общее происхожденіе, развивались въ средѣ почти тождественной. Хребетъ всего эіопскаго плоскогорья, еще означаемый на нѣкоторыхъ старыхъ картахъ подъ названіемъ *Spina Mundi* (хребетъ міра), образуетъ восточная закраина горъ, которыя господствуютъ надъ низменностями, прилегающими къ Красному морю. На протяженіи около 1.000 километровъ эта закраина,—гора по одному изъ своихъ склоновъ, слегка покатая равнина по другому склону,—продолжается съ сѣвера на югъ, едва отклоняясь отъ направленія меридіана. Къ западу отъ этого хребта, составляющаго въ то же время линію водораздѣла, совокупность плоскогорій постепенно понижается къ Нилу, слѣдуя по скату, обозначаемому гораздо болѣе точнымъ образомъ куаллами, въ которыя изливаются воды Мареба, Таккаце, Бешило, Абая, Джеммы и ихъ притоковъ. На восточной покато-сти, склоны горъ перерѣзаны въ разныхъ мѣстахъ глубокими долинами уади, спускающимися съ плоскогорья и открывающими доступъ къ внутренней части Эіопіи; но одна рѣка, Ауашъ, беретъ начало въ большемъ разстояніи къ западу отъ горной цѣпи: долина этого потока описываетъ правильный полукругъ на югъ отъ горъ Шоа, составляя естественную

границу между Абиссиніей и страной южныхъ галласовъ.

Въ сѣверной своей части горная ось имѣетъ небольшую ширину, всего какихъ-нибудь сто километровъ, вмѣстѣ съ предгорьями и боковыми отрогами. Первые ея возвышенности господствуютъ на югъ надъ равниной Токаръ, гдѣ рѣка Барка теряется въ болотистой дельтѣ; поднимаясь обрывистыми уступами, она образуетъ крутой массивъ, господствующій надъ морскимъ берегомъ, въ иныхъ мѣстахъ изрѣзанный бухтами, въ другихъ усаженный полуостровами; крутыя вершины оставляютъ при основаніи лишь узкій проходъ, загроможденный скалами, прерываемый руслами уади, усѣянный тонкими болотами: это были бы эіопскія Термопилы для арміи, которая пыталась бы проникнуть съ этой стороны въ область горъ. Южнѣе, горы отодвигаются отъ моря, и вдоль основанія крутыхъ склоновъ, состоящихъ изъ гнейса, гранита и сланцевъ, тянется полоса низменныхъ земель, шириной около 20 километровъ, извѣстная, какъ въ Алжирѣ, подъ именемъ Сахель; нѣсколько конусовъ изверженія разсыяны у подошвы горъ и на берегу моря, и потоки лавы чередуются съ песками, глинами, конгломератами пустынного прибрежнаго пояса. Надъ Сахелемъ хребетъ горъ возвышается на 1.000—1.650 метровъ. Параллельныя цѣпи, называемыя въ этой области *рорами*, расширяются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ, что образуютъ плато, которыя, при обиліи дождей и плодородіи почвы, могли бы быть превращены въ одинъ обширный садъ, если бы тамъ поселилось земледѣльческое населеніе. Такъ, рора Азгеде, направленіе которой параллельно направленію морскаго берега, соединяется второстепенными хребтами съ ророй Цаллимъ или «Черной горой», ближе лежащей къ морю, и ограничивается вмѣстѣ съ ней возвышенную равнину Нафка (средняя высота около 1.500 метровъ), которая изливаетъ свои воды въ ручей, впадающій въ Красное море: въ настоящее время пустынная область, имѣющая только пастбища, Нафка, по отзыву одного путешественника, «самая пріятная мѣстность Абиссиніи», была бы пригодна для всякихъ культуръ—кофейнаго дерева, хлопчатника, шелковицы, винограда и табаку¹⁾. Нѣсколько горныхъ массивовъ выдвинулись въ видѣ высокихъ мысовъ къ западу отъ Рора-Азгеде: такова, на примѣръ, группа Хагаръ,—или Хагаръ-Абей-Неджранъ, то-есть столица Неджрана,—на которой прежде находился знаменитый монастырь, посѣщаемый богомольцами, отправлявшимися изъ Аксума въ Іерусалимъ; эта гора, гдѣ теперь видны только развалины, превышаетъ 2.400 метровъ. Южнѣе, другой

¹⁾ Werner Munzinger „Petermann's Mittheilungen“, 1872, № VI.

массивъ, почти уединенный, господствуетъ съ востока надъ долиной р. Ансебы: это Дебръ-Аби или «Большая гора», называемая иначе Тембелле. Муницингеръ, первый описавшій эту гору, голыя, крутыя, даже неприступныя для скота, далъ свое имя одной изъ главныхъ вершинъ, высоту которой онъ опредѣляетъ приблизительно въ 2.700 метровъ.

Ограниченный съ запада долиной Барки, горный хребетъ, составляющій южное продолженіе Роры-Азгедэ, перерѣзанъ многочисленными ручьями и рѣчками, усиливающими теченіе этой рѣки. Главные изъ этихъ притоковъ, именно Ансеба и сама Барка, берутъ начало къ западу отъ Массая или Массовы, на плато въ 1.400 метровъ высоты, составляющемъ сѣверо-восточный уголъ собственно Эіопіи. На этомъ цоколѣ стоятъ, поднимаясь на 500 метровъ выше, горы, которымъ ихъ уединенное положеніе, крутыя стѣны, гранитные зубцы придаютъ величественный видъ. Такова знаменитая вершина Дебра-Сина или «Гора Сивай», возвышающаяся къ востоку отъ Керена, главнаго города земли племени богосовъ. Верхушка этой горы представляетъ хаотическую массу камней всякой величины, какъ будто выброшенныхъ какимъ-то изверженіемъ, но которые обязаны нынѣшней своей формой только медленному дѣйствію метеоровъ. Покоясь конечно одинъ на другихъ, эти каменные глыбы служатъ сводами многочисленнымъ пещерамъ, которыя трудъ человѣка урегулировалъ во многихъ мѣстахъ и соединилъ въ галлерей: въ одной изъ нихъ высѣченъ монастырь и церковь, куда ежегодно стекаются со всѣхъ концовъ Эіопіи тысячи богомольцевъ, находящихся себѣ приютъ подъ скалами. Къ югу отъ Керена высится другая гора, прославившаяся въ религіозной исторіи страны: это Цадъ-Амба или «Бѣлая Крѣпость». Стѣна этой горы вздымается почти вертикально на высоту 1.200 метровъ надъ долиной Барки, и остроконечная вершина ея представляетъ такое узкое пространство, что монахи едва могли построить тамъ стѣны своей обители; плоды нѣсколькихъ дикихъ смоковницъ, да молоко козъ, которыя щиплютъ рѣдкую траву между скалами — вотъ и вся пища иноковъ, если не считать добродѣтельныхъ подаваній, приносимыхъ братьями-сборщиками. Монастырь Бѣлой Крѣпости соединенъ съ плоскогорьемъ только каменнымъ гребнемъ, длиною около тысячи шаговъ, кривая котораго имѣетъ такой же видъ, какъ кривая веревки, протянутой между двумя берегами рѣки; около середины этого гребня держится въ равновѣсіи большая уединенная глыба камня, служащая пристанищемъ боршунамъ. Когда нѣкоторые послушники, почувствовавъ головокруженіе, отказались идти по опасной тропинкѣ, ихъ ввели въ монастырь потайной дорогой на западномъ склонѣ, взявъ

съ нихъ предварительно клятвенное обѣщаніе никогда никому не открывать точнаго мѣста этого входа ¹⁾).

Въ собственной Эіопіи, которая начинается плоскогорьемъ Гамазенъ, цоколь возвышенностей шире и выше, чѣмъ въ землѣ богосовъ или биленовъ: средняя высота этой провинціи превышаетъ 2.000 метровъ. Плато Гамазенъ, такъ же, какъ большая часть эіопскихъ массивовъ, покрыто лавами базальтовыми или трахитовыми, поверхъ которыхъ лежатъ слои красной или желтоватой земли, содержащей большое количество желѣза, такъ что во многихъ мѣстахъ прямо собираютъ эту поверхностную руду и, подвергнувъ ее обжиганію, получаютъ нечистый металлъ, изъ котораго выдѣлываютъ оружіе и разные желѣзные вещи. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ охряной слой, покрывающій однообразной скатертью плоскогорья Абиссиніи, образовался изъ разливающейся лавы, какъ тѣ мощные пласты латерита, которые простираются по Декану и почти по всей южной Индіи. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются базальтовые колоннады, частію преобразованныя въ массы красноватой глины. Вообще нормальный цвѣтъ эіопскихъ горныхъ породъ красный; даже жилы кварца часто имѣютъ розовый оттѣнокъ, происходящій отъ присутствія окиси желѣза. По словамъ Гейглина, по крайней мѣрѣ одна изъ огнедышащихъ горъ, откуда изливались нѣкогда лавы Гамазена, вполнѣ сохранилась, почти на половинѣ дороги между Кереномъ и Адуа, столицей Тигре. Кратеръ, поднимающійся метровъ на 120 надъ правильной поверхностью плоскогорья, все еще, будто бы, имѣетъ конечное жерло и центральную пирамиду изъ шлаковъ, словно онъ только недавно потухъ; но, слѣдуя по тому же маршруту, Рольфсъ тщетно искалъ этотъ вулканъ. На югѣ и на восточной окраинѣ плоскогорья, составляющей родъ раздѣльной линіи, высится тамъ и сямъ правильные конусы другихъ уединенныхъ вулкановъ. Нѣкоторые изъ вершинъ южнаго Тигре — настоящія горы, не только по общей или абсолютной высотѣ, но даже и по относительной высотѣ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Такъ, къ востоку отъ города Адуа, гора Семайята, которую легко узнать по трещинѣ на вершинѣ, поднимается на 3.092 метра, то-есть на 1.000 слишкомъ метровъ выше города, пріютившагося у ея подножія въ пониженіи плоскогорья; на востокъ, около вѣшной закраины плоскихъ возвышенностей, выступаютъ вершины, соперничающія по высотѣ съ Семайятой, а одна изъ нихъ, конусообразная гора Алеква, даже превосходитъ ее, достигая высоты 3.375 метровъ. На западѣ, между рѣками Маробъ и Таккаце, плоскогорье постепенно понижается, а вмѣстѣ съ

¹⁾ Th. von Henglin, „Reise nach Abessinien“.

емъ; однако, есть много такихъ дефилеевъ, куда нельзя пробраться по цѣлымъ мѣсяцамъ, по причинѣ воды, наполняющей ихъ дно и кружащейся въ водоемахъ; тропинки приходится каждый годъ вновь прокладывать черезъ нанесенныя водами груды обломковъ. Есть даже тропы совершенно заброшенныя: такъ, на примѣръ, дорога изъ Кумайли, которую избрала англійская армія, чтобы достигнуть плоскогорій Абиссиніи, не была употреблена для передвиженія военной силы, можетъ быть, со временъ грековъ. Эіопія оказывается такимъ образомъ раздѣленною ущеліями на множество обособленныхъ областей; вмѣсто того, чтобы облегчать сообщенія, какъ въ равнинныхъ странахъ, рѣки Абиссиніи представляютъ своего рода рвы, трудно переходимые, и часто даже совершенно раздѣляютъ двѣ смежныя провинціи въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ. Единственная по своей изолированности среди народовъ, осаждающихъ основаніе ея горъ, Эіопія очень раздроблена внутри разрѣзами ея плоскогорья, чѣмъ и объясняются независимость ея въ отношеніи другихъ народовъ и ея безпрестанныя гражданскія войны; географія согласуется съ общими чертами исторіи.

Съ геологической точки зрѣнія существуетъ большое сходство между эіопскими массивами и противлежащими массивами Аравіи. Формации и тутъ, и тамъ тѣ же самыя, вслѣдствіе чего горы имѣютъ почти одинаковыя контуры, одинаковый общій видъ, почти одинаковую растительность, и тѣ изъ жителей этихъ двухъ плоскихъ возвышенностей, которые имѣли общее происхожденіе, развивались въ средѣ почти тождественной. Хребетъ всего эіопскаго плоскогорья, еще означаемый на нѣкоторыхъ старыхъ картахъ подъ названіемъ *Spina Mundi* (хребетъ міра), образуетъ восточная окраина горъ, которыя господствуютъ надъ низменностями, прилегающими къ Красному морю. На протяженіи около 1.000 километровъ эта окраина, — гора по одному изъ своихъ склоновъ, слегка покатая равнина по другому склону, — продолжается съ сѣвера на югъ, едва отклоняясь отъ направленія меридіана. Къ западу отъ этого хребта, составляющаго въ то же время линію водораздѣла, совокупность плоскогорій постепенно понижается къ Нилу, слѣдуя по скату, обозначающему гораздо болѣе точнымъ образомъ куаллами, въ которыя изливаются воды Мареба, Таккаце, Бешило, Абая, Джеммы и ихъ притоковъ. На восточной покато-сти, склоны горъ перерѣзаны въ разныхъ мѣстахъ глубокими долинами уади, спускающимися съ плоскогорья и открывающими доступъ къ внутренней части Эіопіи; но одна рѣка, Ауашъ, беретъ начало въ большомъ разстояніи къ западу отъ горной цѣпи: долина этого потока описываетъ правильный полукругъ на югъ отъ горъ Шоа, составляя естественную

границу между Абиссиніей и страной южныхъ галласовъ.

Въ сѣверной своей части горная ось имѣетъ небольшую ширину, всего какихъ-нибудь сто километровъ, вмѣстѣ съ предгорьями и боковыми отрогами. Первые ея возвышенности господствуютъ на югъ надъ равниной Токаръ, гдѣ рѣка Барка теряется въ болотистой дельтѣ; поднимаясь обрывистыми уступами, она образуетъ крутой массивъ, господствующій надъ морскимъ берегомъ, въ иныхъ мѣстахъ изрѣзанный бухтами, въ другихъ усаженный полуостровами; крутыя вершины оставляютъ при основаніи лишь узкій проходъ, загроможденный скалами, прерываемый руслами уади, устьяныя тонкими бслотами: это были бы эіопскія Термопилы для арміи, которая пыталась бы проникнуть съ этой стороны въ область горъ. Южнѣе, горы отодвигаются отъ моря, и вдоль основанія крутыхъ склоновъ, состоящихъ изъ гнейса, гранита и сланцевъ, тянется полоса низменныхъ земель, шириной около 20 километровъ, извѣстная, какъ въ Алжирѣ, подъ именемъ Сахель; нѣсколько конусовъ изверженія разсѣяны у подошвы горъ и на берегу моря, и потоки лавы чередуются съ песками, глинами, конгломератами пустыннаго прибрежнаго пояса. Надъ Сахелемъ хребетъ горъ возвышается на 1.000—1.650 метровъ. Параллельныя цѣпи, называемыя въ этой области *рорами*, расширяются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ, что образуютъ плато, которыя, при обилии дождей и плодородіи почвы, могли бы быть превращены въ одинъ обширный садъ, если бы тамъ поселилось земледѣльческое населеніе. Такъ, рора Азгеде, направленіе которой параллельно направленію морскаго берега, соединяется второстепенными хребтами съ ророй Цаллимъ или «Черной горой», ближе лежащей къ морю, и ограничиваетъ вмѣстѣ съ ней возвышенную равнину Нафка (средняя высота около 1.500 метровъ), которая изливаетъ свои воды въ ручей, впадающій въ Красное море: въ настоящее время пустынная область, имѣющая только пастбища, Нафка, по отзыву одного путешественника, «самая пріятная мѣстность Абиссиніи», была бы пригодна для всякихъ культуръ — кофейнаго дерева, хлопчатника, шелковицы, винограда и табаку¹⁾. Нѣсколько горныхъ массивовъ выдвинулись въ видѣ высокихъ мысовъ къ западу отъ Рора-Азгеде: такова, на примѣръ, группа Хагаръ, — или Хагаръ-Абей-Неджранъ, то-есть столица Неджрана, — на которой прежде находился знаменитый монастырь, посѣщаемый богомольцами, отправлявшимися изъ Аксума въ Іерусалимъ; эта гора, гдѣ теперь видны только развалины, превышаетъ 2.400 метровъ. Южнѣе, другой

¹⁾ Werner Munzinger „Petermann's Mittheilungen“, 1872, № VI.

массивъ, почти уединенный, господствуетъ съ востока надъ долиной р. Ансебы: это Дебръ-Аби или «Большая гора», называемая иначе Тембелле. Муниципалъ, первый описавшій эти горы, голыя, крутыя, даже неприступныя для скота, далъ свое имя одной изъ главныхъ вершинъ, высоту которой онъ опредѣляетъ приблизительно въ 2.700 метровъ.

Ограниченный съ запада долиной Барки, горный хребетъ, составляющій южное продолженіе Роры-Азгедэ, перерѣзанъ многочисленными ручьями и рѣчками, усиливающими теченіе этой рѣки. Главные изъ этихъ притоковъ, именно Ансеба и сама Барка, берутъ начало къ западу отъ Массая или Массовы, на плато въ 1.400 метровъ высоты, составляющемъ сѣверо-восточный уголъ собственно Эіопіи. На этомъ цоколѣ стоятъ, поднимаясь на 500 метровъ выше, горы, которымъ ихъ уединенное положеніе, круглыя стѣны, гранитные зубцы придаютъ величественный видъ. Такова знаменитая вершина Дебра-Синя или «Гора Сипай», возвышающаяся къ востоку отъ Керена, главнаго города земли племени богосовъ. Верхушка этой горы представляетъ хаотическую массу камней всякой величины, какъ будто выброшенныхъ какимъ-то изверженіемъ, но которые обязаны нынѣшней своей формой только медленному дѣйствію метеоровъ. Похожее косвенно однѣ на другія, эти каменные глыбы служатъ сводами многочисленнымъ пещерамъ, которыя трудъ человѣка урегулировалъ во многихъ мѣстахъ и соединилъ въ галлерей: въ одной изъ нихъ высѣченъ монастырь и церковь, куда ежегодно стекаются со всѣхъ концовъ Эіопіи тысячи богомольцевъ, находящихъ себѣ пріютъ подъ скалами. Къ югу отъ Керена высится другая гора, прославившаяся въ религіозной исторіи страны: это Цадъ-Амба или «Бѣлая Крѣпость». Стѣна этой горы вздымается почти вертикально на высоту 1.200 метровъ надъ долиной Барки, и остроконечная вершина ея представляетъ такое узкое пространство, что монахи едва могли построить тамъ стѣны своей обители; плоды нѣсколькихъ дикихъ смоковницъ, да молоко козъ, которыя щиплютъ рѣдкую траву между скалами — вотъ и вся пища иноковъ, если не считать добродѣтельныхъ подаваній, приносимыхъ братьями-сборщиками. Монастырь Бѣлой Крѣпости соединенъ съ плоскогорьемъ только каменнымъ гребнемъ, длиною около тысячи шаговъ, кривая котораго имѣетъ такой же видъ, какъ кривая веревки, протянутой между двумя берегами рѣки; около середины этого гребня держится въ равновѣсіи большая уединенная глыба камня, служащая пристанищемъ ермитажамъ. Когда нѣкоторые послушники, почувствовавъ головокруженіе, отказались идти по опасной тропинкѣ, ихъ ввели въ монастырь тайной дорогой на западномъ склонѣ, взявъ

съ нихъ предварительно клятвенное обѣщаніе никогда никому не открывать точнаго мѣста этого входа ¹⁾).

Въ собственной Эіопіи, которая начинается плоскогорьемъ Гамазентъ, цоколь возвышенностей шире и выше, чѣмъ въ землѣ богосовъ или биленовъ: средняя высота этой провинціи превышаетъ 2.000 метровъ. Плато Гамазентъ, такъ же, какъ большая часть эіопскихъ массивовъ, покрыто лавами базальтовыми или трахитовыми, поверхъ которыхъ лежитъ слой красной или желтоватой земли, содержащей большое количество желѣза, такъ что во многихъ мѣстахъ прямо собираютъ эту поверхностную руду и, подвергнувъ ее обжиганію, получаютъ нечистый металлъ, изъ котораго выдѣлываютъ оружіе и разныя желѣзныя вещи. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ охряной слой, покрывающій однообразной скатертью плоскогорья Абиссиніи, образовался изъ разливающейся лавы, какъ тѣ мощные пласты латерита, которые простираются по Декану и почти по всей южной Индіи. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются базальтовые колоннады, частію преобразованныя въ массы красноватой глины. Вообще нормальный цвѣтъ эіопскихъ горныхъ породъ красный; даже жилы кварца часто имѣютъ розовый оттѣнокъ, происходящій отъ присутствія окиси желѣза. По словамъ Гейглина, по крайней мѣрѣ одна изъ огнедышащихъ горъ, откуда изливались нѣкогда лавы Гамазена, вполне сохранилась, почти на половинѣ дороги между Кереномъ и Адуа, столицей Тигре. Кратеръ, поднимающійся метровъ на 120 надъ правильной поверхностью плоскогорья, все еще, будто бы, имѣетъ конечное жерло и центральную пирамиду изъ шлаковъ, словно онъ только недавно потухъ; но, слѣдуя по тому же маршруту, Рольфсъ тщетно искалъ этотъ вулканъ. На югѣ и на восточной окраинѣ плоскогорья, составляющей родъ раздѣльной линіи, высится тамъ и сямъ правильные конусы другихъ уединенныхъ вулкановъ. Нѣкоторые изъ вершинъ южнаго Тигре — настоящія горы, не только по общей или абсолютной высотѣ, но даже и по относительной высотѣ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Такъ, къ востоку отъ города Адуа, гора Семайята, которую легко узнать по трещинѣ на вершинѣ, поднимается на 3.092 метра, то-есть на 1.000 слишкомъ метровъ выше города, пріютившагося у ея подножія въ пониженіи плоскогорья; на востокѣ, около вѣшной окраины плоскихъ возвышенностей, выступаютъ вершины, соперничающія по высотѣ съ Семайятой, а одна изъ нихъ, конусообразная гора Алеква, даже превосходитъ ее, достигая высоты 3.375 метровъ. На западѣ, между рѣками Марей и Таккаце, плоскогорье постепенно понижается, а вмѣстѣ съ

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

емь; однако, есть много такихъ дефилеовъ, куда нельзя пробраться по цѣлымъ мѣсяцамъ, по причинѣ воды, наполняющей ихъ дно и кружащейся въ водоемахъ; тропинки приходится каждый годъ вновь прокладывать черезъ напесенныя водами груды обломковъ. Есть даже тропы совершенно заброшенныя: такъ, на примѣръ, дорога изъ Кумайли, которую избрала англійская армія, чтобы достигнуть плоскогорій Абиссиніи, не была употребляема для передвиженія военной силы, можетъ быть, со временъ грековъ. Эіопія оказывается такимъ образомъ раздѣленною ущеліями на множество обособленныхъ областей; вмѣсто того, чтобы облегчать сообщенія, какъ въ равнинныхъ странахъ, рѣки Абиссиніи представляютъ своего рода рвы, трудно переходимые, и часто даже совершенно раздѣляютъ двѣ смежныя провинціи въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ. Единственная по своей изолированности среди народовъ, осаждающихъ основаніе ея горъ, Эіопія очень раздроблена внутри разрѣзами ея плоскогорья, чѣмъ и объясняются независимость ея въ отношеніи другихъ народовъ и ея безпрестанныя гражданскія войны: географія согласуется съ общими чертами исторіи.

Съ геологической точки зрѣнія существуетъ большое сходство между эіопскими массивами и противолѣжащими массивами Аравіи. Формации и тутъ, и тамъ тѣ же самыя, вслѣдствіе чего горы имѣютъ почти одинаковыя контуры, одинаковый общій видъ, почти одинаковую растительность, и тѣ изъ жителей этихъ двухъ плоскихъ возвышенностей, которые имѣли общее происхожденіе, развивались въ средѣ почти тождественной. Хребетъ всего эіопскаго плоскогорья, еще означаемый на нѣкоторыхъ старыхъ картахъ подъ названіемъ *Spina Mundi* (хребетъ міра), образуетъ восточная закраина горъ, которыя господствуютъ надъ низменностями, прилегающими къ Красному морю. На протяженіи около 1.000 километровъ эта закраина, — гора по одному изъ своихъ склоновъ, слегка покатая равнина по другому склону, — продолжается съ сѣвера на югъ, едва отклоняясь отъ направленія меридіана. Къ западу отъ этого хребта, составляющаго въ то же время линію водораздѣла, совокупность плоскогорій постепенно понижается къ Нилу, слѣдуя по скату, обозначающему гораздо болѣе точнымъ образомъ куаллами, въ которыя изливаются воды Мареба, Таккаде, Бешило, Абая, Джеммы и ихъ притоковъ. На восточной покатости, склоны горъ перерѣзаны въ разныхъ мѣстахъ глубокими долинами уади, спускающимися съ плоскогорья и открывающими доступъ къ внутренней части Эіопіи; но одна рѣка, Ауашъ, беретъ начало въ большомъ разстояніи къ западу отъ горной цѣпи: долина этого потока описываетъ правильный полукругъ на югъ отъ горъ Шоа, составляя естественную

границу между Абиссиніей и страной южныхъ галласовъ.

Въ сѣверной своей части горная ось имѣетъ небольшую ширину, всего какихъ-нибудь сто километровъ, вмѣстѣ съ предгорьями и боковыми отрогами. Первые ея возвышенности господствуютъ на югъ надъ равниной Токаръ, гдѣ рѣка Барка теряется въ болотистой дельтѣ; поднимаясь обрывистыми уступами, она образуетъ крутой массивъ, господствующій надъ морскимъ берегомъ, въ иныхъ мѣстахъ изрѣзанный бухтами, въ другихъ усаженный полуостровами; крутыя вершины оставляютъ при основаніи лишь узкій проходъ, загроможденный скалами, прерываемый руслами уади, устѣянный топкими болотами: это были бы эіопскія Термопилы для арміи, которая пыталась бы проникнуть съ этой стороны въ область горъ. Южнѣе, горы отодвигаются отъ моря, и вдоль основанія крутыхъ склоновъ, состоящихъ изъ гнейса, гранита и сланцевъ, тянется полоса низменныхъ земель, шириной около 20 километровъ, извѣстная, какъ въ Алжирѣ, подъ именемъ Сахель; нѣсколько конусовъ изверженія разсыяны у подошвы горъ и на берегу моря, и потоки лавы чередуются съ песками, глинами, конгломератами пустыннаго прибрежнаго пояса. Надъ Сахелемъ хребетъ горъ возвышается на 1.000—1.650 метровъ. Параллельныя цѣпи, называемыя въ этой области *рорами*, расширяются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ, что образуютъ плато, которыя, при обиліи дождей и плодородіи почвы, могли бы быть превращены въ одинъ обширный садъ, если бы тамъ поселилось земледѣльческое населеніе. Такъ, рора Азгеде, направленіе которой параллельно направленію морскаго берега, соединяется второстепенными хребтами съ ророй Паллимъ или «Черной горой», ближе лежащей къ морю, и ограничиваетъ вмѣстѣ съ ней возвышенную равнину Нафка (средняя высота около 1.500 метровъ), которая изливаетъ свои воды въ ручей, впадающій въ Красное море: въ настоящее время пустынная область, имѣющая только пастбища, Нафка, по отзыву одного путешественника, «самая пріятная мѣстность Абисиніи», была бы пригодна для всякихъ культуръ — кофейнаго дерева, хлопчатника, шелковицы, винограда и табаку¹⁾. Нѣсколько горныхъ массивовъ выдвинулись въ видѣ высокихъ мысовъ къ западу отъ Рора-Азгеде: такъ, на примѣръ, группа Хагаръ, — или Хагаръ-Абей-Неджранъ, то-есть столица Неджрана, — на которой прежде находился знаменитый монастырь, посѣщаемый богомольцами, отправлявшимися изъ Аксума въ Іерусалимъ; эта гора, гдѣ теперь видны только развалины, превышаетъ 2.400 метровъ. Южнѣе, другой

¹⁾ Werner Munzinger „Petermann's Mittheilungen“, 1872, № VI.

массивъ, почти уединенный, господствуетъ съ востока надъ долиной р. Ансебы: это Дебрь-Аби или «Большая гора», называемая иначе Тембелле. Мунцингеръ, первый описавшій эти горы, голыя, крутыя, даже неприступныя для скота, далъ свое имя одной изъ главныхъ вершинъ, высоту которой онъ опредѣляетъ приблизительно въ 2.700 метровъ.

Ограниченный съ запада долиной Барки, горный хребетъ, составляющій южное продолженіе Роры-Азгеде, перерѣзанъ многочисленными ручьями и рѣчками, усиливающими теченіе этой рѣки. Главные изъ этихъ притоковъ, именно Ансеба и сама Барка, берутъ начало къ западу отъ Массауа или Массовы, на плато въ 1.400 метровъ высоты, составляющемъ сѣверо-восточный уголъ собственно Эіопіи. На этомъ цоколѣ стоятъ, поднимаясь на 500 метровъ выше, горы, которымъ ихъ уединенное положеніе, крутыя стѣны, гранитные зубцы придаютъ величественный видъ. Такова знаменитая вершина Дебра-Сина или «Гора Синай», возвышающаяся къ востоку отъ Керена, главнаго города земли племени богосовъ. Верхушка этой горы представляетъ хаотическую массу камней всякой величины, какъ будто выброшенныхъ какимъ-то изверженіемъ, но которые обязаны вышней своей формой только медленному дѣйствію метеоровъ. По коему косвенно одѣ на другихъ, эти каменные глыбы служатъ сводами многочисленнымъ пещерамъ, которыя трудъ человѣка урегулировалъ во многихъ мѣстахъ и соединилъ въ галлерей: въ одной изъ нихъ высѣченъ монастырь и церковь, куда ежегодно стекаются со всѣхъ концовъ Эіопіи тысячи богомольцевъ, находящихъ себѣ пріютъ подъ скалами. Къ югу отъ Керена высится другая гора, прославившаяся въ религіозной исторіи страны: это Цадъ-Амба или «Бѣлая Крѣпость». Стѣна этой горы вздымается почти вертикально на высоту 1.200 метровъ надъ долиной Барки, и остроконечная вершина ея представляетъ такое узкое пространство, что монахи едва могли построить тамъ стѣны своей обители; плоды нѣсколькихъ дикихъ смоковницъ, да молоко козъ, которыя щиплютъ рѣдкую траву между скалами — вотъ и вся пища иноковъ, если не считать добродѣтельныхъ подаваній, приносимыхъ братьями-сборщиками. Монастырь Бѣлой Крѣпости соединенъ съ плоскогорьемъ только каменнымъ гребнемъ, длиною около тысячи шаговъ, кривая котораго имѣетъ такой же видъ, какъ кривая веревки, протянутой между двумя берегами рѣки; около середины этого гребня держится въ равновѣсіи большая уединенная глыба камня, служащая пристанищемъ коршунамъ. Когда нѣкоторые послушники, почувствовавъ головокруженіе, отказались идти по опасной тропинкѣ, ихъ ввели въ монастырь потайной дорогой на западномъ склонѣ, взявъ

съ нихъ предварительнѣ клятвенное обѣщаніе никогда никому не открывать точнаго мѣста этого входа ¹⁾).

Въ собственной Эіопіи, которая начинается плоскогорьемъ Гамазентъ, цоколь возвышенностей шире и выше, чѣмъ въ землѣ богосовъ или биленовъ: средняя высота этой провинціи превышаетъ 2.000 метровъ. Плато Гамазентъ, такъ же, какъ большая часть эіопскихъ массивовъ, покрыто лавами базальтовыми или трахитовыми, поверхъ которыхъ лежитъ слой красной или желтоватой земли, содержащей большое количество желѣза, такъ что во многихъ мѣстахъ прямо собираютъ эту поверхностную руду и, подвергнувъ ее обжиганію, получаютъ нечистый металлъ, изъ котораго выдѣлываютъ оружіе и разныя желѣзные вещи. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ охристый слой, покрывающій однообразной скатертью плоскогорья Абиссиніи, образовался изъ разливающейся лавы, какъ тѣ мощные пласты латерита, которые простираются по Декану и почти по всей южной Индіи. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются базальтовые колоннады, частію преобразованныя въ массы красноватой глины. Вообще нормальный цвѣтъ эіопскихъ горныхъ породъ красный; даже жилы кварца часто имѣютъ розовый оттѣнокъ, происходящій отъ присутствія окиси желѣза. По словамъ Гейглина, по крайней мѣрѣ одна изъ огнедышащихъ горъ, откуда изливались нѣкогда лавы Гамазента, вполнѣ сохранилась, почти на половинѣ дороги между Кереномъ и Адуа, столицей Тигре. Кратеръ, поднимающійся метровъ на 120 надъ правильной поверхностью плоскогорья, все еще, будто бы, имѣетъ конечное жерло и центральную пирамиду изъ шлаковъ, словно онъ только недавно потухъ; но, слѣдуя по тому же маршруту, Рольфсъ тщетно искалъ этотъ вулканъ. На югѣ и на восточной окраинѣ плоскогорья, составляющей родъ раздѣльной линіи, высится тамъ и сямъ правильные конусы другихъ уединенныхъ вулкановъ. Нѣкоторые изъ вершинъ южнаго Тигре — настоящія горы, не только по общей или абсолютной высотѣ, но даже и по относительной высотѣ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Такъ, къ востоку отъ города Адуа, гора Семайята, которую легко узнать по трещинѣ на вершинѣ, поднимается на 3.092 метра, то-есть на 1.000 слишкомъ метровъ выше города, пріютившагося у ея подножія въ пониженіи плоскогорья; на востокъ, около вѣднейшей окраины плоскихъ возвышенностей, выступаютъ вершины, соперничающія по высотѣ съ Семайятой, а одна изъ нихъ, конусообразная гора Алеква, даже превосходитъ ее, достигая высоты 3.375 метровъ. На западѣ, между рѣками Марербъ и Таккаде, плоскогорье постепенно понижается, а вмѣстѣ съ

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

емъ; однако, есть много такихъ дефилеевъ, куда нельзя пробраться по цѣлымъ мѣсяцамъ, по причинѣ воды, наполняющей ихъ дно и кружащейся въ водоемахъ; тропинки приходится каждый годъ вновь прокладывать черезъ наведенныя водами груды обломковъ. Есть даже тропы совершенно заброшенныя: такъ, на примѣръ, дорога изъ Кумайли, которую избрала англійская армія, чтобы достигнуть плоскогорій Абисиніи, не была употребляема для передвиженія военной силы, можетъ быть, со временъ грековъ. Эіопія оказывается такимъ образомъ раздѣленною ущеліями на множество обособленныхъ областей; вмѣсто того, чтобы облегчать сообщенія, какъ въ равнинныхъ странахъ, рѣки Абисиніи представляютъ своего рода рвы, трудно переходимые, и часто даже совершенно раздѣляютъ двѣ смежныя провинціи въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ. Единственная по своей изолированности среди народовъ, осаждающихъ основаніе ея горъ, Эіопія очень раздроблена внутри разрѣзами ея плоскогорья, чѣмъ и объясняются независимость ея въ отношеніи другихъ народовъ и ея безпрестанныя гражданскія войны: географія согласуется съ общими чертами исторіи.

Съ геологической точки зрѣнія существуетъ большое сходство между эіопскими массивами и противолежащими массивами Аравіи. Формации и тутъ, и тамъ тѣ же самыя, вслѣдствіе чего горы имѣютъ почти одинаковыя контуры, одинаковый общій видъ, почти одинаковую растительность, и тѣ изъ жителей этихъ двухъ плоскихъ возвышенностей, которые имѣли общее происхожденіе, развивались въ средѣ почти тождественной. Хребетъ всего эіопскаго плоскогорья, еще означаемый на нѣкоторыхъ старыхъ картахъ подъ названіемъ *Spina Mundi* (хребетъ міра), образуетъ восточная закраина горъ, которыя господствуютъ надъ низменностями, прилегающими къ Красному морю. На протяженіи около 1.000 километровъ эта закраина, — гора по одному изъ своихъ склоновъ, слегка покатая равнина по другому склону, — продолжается съ сѣвера на югъ, едва отклоняясь отъ направленія меридіана. Къ западу отъ этого хребта, составляющаго въ то же время линію водораздѣла, совокупность плоскогорій постепенно понижается къ Нилу, слѣдуя по скату, обозначаемому гораздо болѣе точнымъ образомъ куаллами, въ которыя изливаются воды Мареба, Таккаце, Вешило, Абая, Джеммы и ихъ притоковъ. На восточной покато-сти, склоны горъ перерѣзаны въ разныхъ мѣстахъ глубокими долинами уади, спускающимися съ плоскогорья и открывающими доступъ къ внутренней части Эіопіи; но одна рѣка, Ауашъ, беретъ начало въ большомъ разстояніи къ западу отъ горной цѣпи: долина этого потока описываетъ правильный полукругъ на югъ отъ горъ Шоа, составляя естественную

границу между Абисиніей и страной южныхъ галласовъ.

Въ сѣверной своей части горная ось имѣетъ небольшую ширину, всего какихъ-нибудь сто километровъ, вмѣстѣ съ предгорьями и боковыми отрогами. Первая ея возвышенности господствуютъ на югъ надъ равниной Токаръ, гдѣ рѣка Барка теряется въ болотистой дельтѣ; поднимаясь обрывистыми уступами, она образуетъ крутой массивъ, господствующій надъ морскимъ берегомъ, въ иныхъ мѣстахъ изрѣзанный бухтами, въ другихъ усаженный полуостровами; крутыя вершины оставляютъ при основаніи лишь узкій проходъ, загроможденный скалами, прерываемый руслами уади, усаженный тонкими бодотами: это были бы эіопскія Термопилы для арміи, которая пыталась бы проникнуть съ этой стороны въ область горъ. Южнѣе, горы отодвигаются отъ моря, и вдоль основанія крутыхъ склоновъ, состоящихъ изъ гнейса, гравита и сланцевъ, тянется полоса низменныхъ земель, шириной около 20 километровъ, извѣстная, какъ въ Алжирѣ, подъ именемъ Сахель; нѣсколько конусовъ изверженія разбѣяны у подошвы горъ и на берегу моря, и потоки лавы чередуются съ песками, глинами, конгломератами пустыннаго прибрежнаго пояса. Надъ Сахелемъ хребетъ горъ возвышается на 1.000—1.650 метровъ. Параллельныя цѣпи, называемыя въ этой области *рорами*, расширяются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ, что образуютъ плато, которыя, при обилии дождей и плодородіи почвы, могли бы быть превращены въ одинъ обширный садъ, если бы тамъ поселилось земледѣльческое населеніе. Такъ, рора Азгеде, направленіе которой параллельно направленію морскаго берега, соединяется второстепенными хребтами съ ророй Цаллимъ или «Черной горой», ближе лежащей къ морю, и ограничиваетъ вмѣстѣ съ ней возвышенную равнину Нафка (средняя высота около 1.500 метровъ), которая изливаетъ свои воды въ ручей, впадающій въ Красное море: въ настоящее время пустынная область, имѣющая только пастбища, Нафка, по отзыву одного путешественника, «самая пріятная мѣстность Абисиніи», была бы пригодна для всякихъ культуръ — кофейнаго дерева, хлопчатника, шелковицы, винограда и табаку¹⁾. Нѣсколько горныхъ массивовъ выдвинулись въ видъ высокихъ мысовъ къ западу отъ Рора-Азгеде: такова, на примѣръ, группа Хагаръ, — или Хагаръ-Абей-Неджранъ, то-есть столица Неджрана, — на которой прежде находился знаменитый монастырь, посѣщаемый богомольцами, отправлявшимися изъ Аксума въ Іерусалимъ; эта гора, гдѣ теперь видны только развалины, превышаетъ 2.400 метровъ. Южнѣе, другой

¹⁾ Werner Munzinger „Petermann's Mittheilungen“, 1872, № VI.

массивъ, почти уединенный, господствуетъ съ востока надъ долиной р. Ансебы: это Дебрь-Аби или «Большая гора», называемая иначе Тембелле. Муцингеръ, первый описавшій эти горы, голыя, крутыя, даже неприступныя для скота, далъ свое имя одной изъ главныхъ вершинъ, высоту которой онъ опредѣляетъ приблизительно въ 2.700 метровъ.

Ограниченный съ запада долиной Барки, горный хребетъ, составляющій южное продолженіе Роры-Азгеде, перерѣзанъ многочисленными ручьями и рѣчками, усиливающими теченіе этой рѣки. Главные изъ этихъ притоковъ, именно Ансеба и сама Барка, берутъ начало къ западу отъ Массауа или Массовы, на плато въ 1.400 метровъ высоты, составляющемъ сѣверо-восточный уголъ собственно Эіопіи. На этомъ цоколѣ стоятъ, поднимаясь на 500 метровъ выше, горы, которымъ ихъ уединенное положеніе, крутыя стѣны, гранитные зубцы придаютъ величественный видъ. Такова знаменитая вершина Дебра-Сина или «Гора Синай», возвышающаяся къ востоку отъ Керена, главнаго города земли племени богосовъ. Верхушка этой горы представляетъ хаотическую массу камней всякой величины, какъ будто выброшенныхъ какимъ-то изверженіемъ, но которые обязаны нынѣшней своей формой только медленному дѣйствію метеоровъ. Покоясь косвенно одинъ на другихъ, эти каменные глыбы служатъ сводами многочисленнымъ пещерамъ, которыя трудъ человѣка урегулировалъ во многихъ мѣстахъ и соединилъ въ галереи: въ одной изъ нихъ высѣченъ монастырь и церковь, куда ежегодно стекаются со всѣхъ концовъ Эіопіи тысячи богомольцевъ, находящихъ себѣ пріютъ подъ скалами. Къ югу отъ Керена высятся другая гора, прославившаяся въ религіозной исторіи страны: это Цадъ-Амба или «Бѣлая Крѣпость». Стѣна этой горы вздымается почти вертикально на высоту 1.200 метровъ надъ долиной Барки, и острокопечная вершина ея представляетъ такое узкое пространство, что монахи едва могли построить тамъ стѣны своей обители; плоды нѣсколькихъ дикихъ смоковницъ, да молоко козъ, которыя щиплютъ рѣдкую траву между скалами — вотъ и вся пища иноковъ, если не считать добродѣтельныхъ подаяній, приносимыхъ братьями-сборщиками. Монастырь Бѣлой Крѣпости соединенъ съ плоскогорьемъ только каменнымъ гребнемъ, длиною около тысячи шаговъ, кривая котораго имѣетъ такой же видъ, какъ кривая веревки, протянутой между двумя берегами рѣки; около середины этого гребня держится въ равновѣсіи большая уединенная глыба камня, служащая пристанищемъ коршунамъ. Когда нѣкоторые послушники, почувствовавъ головокруженіе, отказались идти по опасной тропинкѣ, ихъ ввели въ монастырь потайной дорогой на западномъ склонѣ, взявъ

съ нихъ предварительно клятвенное обѣщаніе никогда никому не открывать точнаго мѣста этого входа ¹⁾.

Въ собственной Эіопіи, которая начинается плоскогорьемъ Гамазень, цоколь возвышенностей шире и выше, чѣмъ въ землѣ богосовъ или биленовъ: средняя высота этой провинціи превышаетъ 2.000 метровъ. Плато Гамазень, такъ же, какъ большая часть эіопскихъ массивовъ, покрыто лавами базальтовыми или трахитовыми, поверхъ которыхъ лежатъ слои красной или желтоватой земли, содержащей большое количество желѣза, такъ что во многихъ мѣстахъ прямо собираютъ эту поверхностную руду и, подвергнувъ ее обжиганію, получаютъ нечистый металлъ, изъ котораго выдѣлываютъ оружіе и разныя желѣзныя вещи. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ охристый слой, покрывающій однообразной скатертью плоскогорья Абиссиніи, образовался изъ разливающейся лавы, какъ тѣ мощные пласты латерита, которые простираются по Декану и почти по всей южной Индіи. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются базальтовые колоннады, частію преобразованныя въ массы красноватой глины. Вообще нормальный цвѣтъ эіопскихъ горныхъ породъ красный; даже жилы кварца часто имѣютъ розовый оттѣнокъ, происходящій отъ присутствія окиси желѣза. По словамъ Гейглина, по крайней мѣрѣ одна изъ огнедышащихъ горъ, откуда изливались нѣкогда лавы Гамазена, вполнѣ сохранилась, почти на половинѣ дороги между Кереномъ и Адуа, столицей Тигре. Кратеръ, поднимающійся метровъ на 120 надъ правильной поверхностью плоскогорья, все еще, будто бы, имѣетъ конечное жерло и центральную пирамиду изъ шлаковъ, словно онъ только недавно потухъ; но, слѣдуя по тому же маршруту, Рольфсъ тщетно искалъ этотъ вулканъ. На югѣ и на восточной окраинѣ плоскогорья, составляющей родъ раздѣльной линіи, высятся тамъ и сямъ правильные конусы другихъ уединенныхъ вулкановъ. Нѣкоторые изъ вершинъ южнаго Тигре — настоящія горы, не только по общей или абсолютной высотѣ, но даже и по относительной высотѣ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Такъ, къ востоку отъ города Адуа, гора Семайята, которую легко узнать по трещинѣ на вершинѣ, поднимается на 3.092 метра, то-есть на 1.000 слишкомъ метровъ выше города, пріютившагося у ея подножія въ пониженіи плоскогорья; на востокѣ, около вѣшней окраины плоскихъ возвышенностей, выступаютъ вершины, соперничающія по высотѣ съ Семайятой, а одна изъ нихъ, конусообразная гора Алеква, даже превосходитъ ее, достигая высоты 3.375 метровъ. На западѣ, между рѣками Марербъ и Таккаде, плоскогорье постепенно понижается, а вмѣстѣ съ

¹⁾ Th. von Henglin, „Reise nach Abessinien“.

тѣмъ уменьшается и относительная высота горъ.

Высшій массивъ сѣверной Эіопіи отдѣляетъ отъ страны Тигре на сѣверѣ и на востокѣ куаллой, вырытой въ сланцевыхъ породахъ, на двѣ которой развѣтывается въ видѣ полукруга теченіе Таккаце; на югѣ и на западѣ притоки этой большой рѣки, врѣзываясь въ массу плоскогорья, отдѣляютъ Симентъ (Саментъ, Сементъ, Семьентъ или Семьене), то-есть «Сѣверъ» или «Холодную страну». Средняя высота ея краевъ превышаетъ 3.000 метровъ, тогда какъ окружающія долины, на югѣ долина р. Балагасъ, на сѣверѣ долина р. Таккаце, лежатъ соответственно на 1.500 и 2.000 метровъ ниже: оттого воды, спускающіяся съ снѣговыхъ высотъ Симена, имѣютъ очень быстрое теченіе, прерываемое во многихъ мѣстахъ водопадами. Гейглингъ описываетъ одинъ изъ этихъ водопадовъ, низвергающійся съ высоты 400 метровъ въ пропасть, бывшую, повидимому, кратеромъ, который частью разрушенъ процессомъ размыванія. Симентъ, какъ большинство другихъ отрывковъ собственно Эіопскаго нагорья, состоитъ сплошь изъ эруптивныхъ (вулканическихъ) породъ: трахитовъ, базальтовъ, фonoлитовъ, пемзы; но горы, вздымающія свои покрытые полосами снѣга склоны на плато «Холодной страны», не имѣютъ кратеровъ. До недавняго времени самой высокой вершиной Симена считали Расъ-Дажанъ, высота котораго, вѣроятно, превышаетъ 4.620 метровъ; но первое мѣсто принадлежитъ, можетъ быть, Буагату или Абба-Яреду. Вотъ высота главныхъ вершинъ Симена, по измѣреніямъ разныхъ путешественниковъ:

Абба-Яредъ: 4.578 метр. (Рюппель); 4.483 метр. (А. д'Аббади); 4.602 метр. (Штеккеръ). Буагитъ: 4.510 метр. (А. д'Аббади); 4.529 метр. (Штеккеръ); 4.917 метр. (Абаргуэсъ-де-Состенъ). Расъ-Дажанъ: 4.685 метр. (Ант. д'Аббади), 4.620 метр. (Лифеъръ); 4.430 метр. (Шимнеръ); 4.631 метр. (Абаргуэсъ-де-Состенъ).

Верхніе вузолы или главы двухъ первыхъ горъ, Абба-Яреда и Буагита, соперничающихъ по высотѣ съ европейскими Монъ-Розой или Монъ-Бланомъ, часто бываютъ покрыты полосами снѣга, и, по свидѣтельству туземцевъ, фирновыя поля держатся тамъ круглый годъ. Изъ двухъ путешественниковъ, которые недавно всходили на Буагитъ, спустя слишкомъ тридцать лѣтъ послѣ перваго восхожденія, совершеннаго Антуаномъ-д'Аббади, одинъ, именно испанскій изслѣдователь Абаргуэсъ-де-Состенъ, видѣлъ на этой горѣ фирновыя пространства, усыпанныя обломками камней¹⁾, тогда какъ другой, Штеккеръ, тщетно искалъ ихъ; но по-

слѣдній нашелъ на горѣ Абба-Яредъ пространства кристаллической воды, которая, по его мнѣнію, вовсе не фирны, а поля градинъ, сохраняющихся въ твердомъ состояніи по причинѣ низкой температуры окружающаго воздуха²⁾; какъ и Брюсъ³⁾, онъ отрицаетъ существованіе въ Абиссиніи этого снѣга, который, однако, многіе другіе путешественники видѣли собственными глазами и трогали собственными руками. Впрочемъ, на Симентѣ мало мѣстъ, гдѣ бы горы имѣли величественный видъ большихъ Альпъ, такъ какъ ихъ относительная высота не болѣе 500—800 метровъ надъ уровнемъ плоскогорій. Но съ краевъ террасъ, отдѣленныхъ отъ нихъ глубокими пропастями куаллъ, эти горы, фантастически разрѣзанныя на множество башенъ и пирамидъ и представляющія послѣдовательные переходы всѣхъ климатовъ на своихъ склонахъ, являются во всемъ своемъ величіи. Изъ прохода Ламальмонъ на Гондарской дорогѣ, чудная картина открывается вдругъ при поворотѣ одной скалы, и путешественники не могутъ удержать крикъ удивленія при видѣ этихъ снѣговыхъ горъ, гордо вздымающихъ свои остроконечныя главы подъ облака. Не слышать, чтобы туземцы или путешественники, взбиравшіеся по кручамъ Симена, когда-нибудь жаловались на «горную болѣзнь»; но холодъ ежегодно похищаетъ тамъ не малое число жертвъ⁴⁾; такъ, въ 1848 году триста человѣкъ погибли въ снѣгахъ горы Буагитъ. Антуанъ-д'Аббади передаетъ легенду объ одной знатной дамѣ, присѣвшей на минутку отдохнуть на перевалѣ. Она околѣнѣла на мѣстѣ, и въ продолженіе восьми дней прохожіе съ ужасомъ видѣли ее подлѣ тропинки сидящею точно богиня морозовъ, облеченная въ драгоценныя одежды.

Къ востоку отъ Тигре, цѣпь, образующая восточную закраину Эіопіи, продолжается правильно съ сѣвера на югъ, иззубренная брешами въ 2.500 до 3.000 метровъ высоты, которые позволяли бы спускаться въ прибрежныя равнины, если бы страна не была занята страшнымъ племенемъ афаръ. Высота краевой цѣпи сохраняется на пространствѣ около 300 километровъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступы, почти совершенно притушенные, сливаются въ одну неправильную нагорную равнину, пониженія которой наполнены озерами, какъ-то: Ашанги, Гаикъ, Ардиббо. На востокѣ одно предгорье выдвигается далеко въ территорію Сомали: это терраса Зебуль, поднимающаяся на тысячу метровъ и доминируемая вершинами болѣе высокими на 300—600 метровъ. Въ сравненіи съ большими горами Эіопіи, остроконечныя вершины Зебули имѣютъ скромный видъ; однако, подъѣмъ на

¹⁾ «Asociación española para la exploración del África». Madrid, 5 déc. 1883.

²⁾ Gerhard Rohlfs, «Ausland», 30 juin 1884.

³⁾ «Travels to discover the Source of the Nile».

⁴⁾ Eduard Rüppel, «Reise in Abyssinien».

нихъ труденъ, не потому, чтобы склоны раздѣльной возвышенности около истоковъ были слишкомъ круты, а потому, что Таккаце и Бешило, Бекенна или Беркона, ихъ покрываетъ густая растительность, гдѣ притокъ Ауаша, отдѣляетъ краевую цѣпь отъ

Водопадъ Давезу въ Абиссиніи.

сѣти лѣанъ переплетаются съ колючими вѣтвями¹⁾. Одна изъ рѣкъ, спускающихся съ водо-

боковаго массива Аргобба, далеко выдвинутаго въ равнины. Это, на юго-востокѣ, послѣднее предгорье собственно Абиссиніи.

Линія поперечныхъ пониженій, указывае-

¹⁾ Abargues de Sostien, цитированный мемуаръ.

мая на морскомъ берегу заливомъ Таджура, а во внутренней Эѳіопіи впадиной, которую наполняетъ озеро Тана, ясно обозначена въ краевой террасѣ узломъ расходящихся долинъ. Тутъ главный центръ, откуда расходится въ разные стороны эѳіопскія рѣки; недалеко отъ теплаго источника, признаваемого за начало могучаго Таккаце, зарождаются другія рѣки, усиливающія этотъ потокъ; главные притоки рѣки Бешило или Бешло, соперницы Абая въ образованіи Голубаго Нила, тоже вытекаютъ изъ этихъ горъ, тогда какъ на восточной покатости быть изъ земли первыя воды Гвалимы или Голимы, которая теряется въ равнинахъ Данакиль, и воды многихъ притоковъ Ауаша. Въ сосѣдствѣ озера Хаикъ, къ востоку отъ крѣпости Магдалы, одна брешь гребня поднимается немного выше 2 000 метровъ: это, кажется, самый низкій порогъ краевой цѣпи на восточномъ фронтѣ Эѳіопіи. Но по эту сторону, въ областяхъ, уже разрѣзанныхъ на отдѣльные отрывки глубокими куаллами рѣкъ, многія горы достигаютъ значительной высоты, уступая въ этомъ отношеніи только вершинамъ Симена и Годжама: къ востоку отъ озера Ашанги, въ островномъ почти массивѣ Ласта, ограниченномъ кривой верхняго Таккаце и рѣкой Целлари, горы Бяла и Гавзигила превышаютъ 3.800 метровъ. Горы Абуна-Юзефъ и Имарага, недалеко отъ истоковъ Таккаце, имѣютъ больше 4.000 метровъ высоты. Къ югу отъ нарождающейся рѣки тянется въ западномъ направленіи разрѣзанное плато, оканчивающееся огромнымъ массивомъ Гуна, одной изъ самыхъ высокихъ вершинъ Абиссиніи (4.231 метръ); его западное предгорье, наклоненное къ озеру Тана, есть знаменитая Дебра-Таборъ, или «гора Фаворъ», гдѣ находится военная столица нынѣшней Эѳіопіи. На сѣверѣ высятся горы Бегемедера, затѣмъ горы Белеса, еще очень мало извѣстныя, которые соединяются съ горами Вагары и Куаллы-Вагары, слѣдующими одна за другой, какъ ступени пирамиды, по направленію къ припильскимъ равнинамъ.

Къ западу отъ плоскогорья Галла-Волло, какъ полагаютъ, обширнаго поля лавы, склоны постепенно понижаются къ Бѣлому Нилу, прерываемые, однако, второстепенными цѣпями. Перерѣзанное на югъ глубокимъ водопадомъ въ формѣ полукруга, гдѣ проходятъ воды Абая или Голубаго Нила, плоскогорье снова начинается западнѣе и поднимается террасами до горъ Годжама, которыя, вмѣстѣ съ горами Симена и Ласты, составляютъ высшія точки Абиссиніи. Главная цѣпь этой гористой провинціи развертывается въ видѣ полукруга, концентрическаго съ полукругомъ, описываемымъ Голубымъ Ниломъ. Высшій гребень, извѣстный подъ названіемъ Тальба-Вага, вѣроятно, превышаетъ 3.600 метровъ; но хотя одна изъ

вершинъ называется, какъ гора при Адуѣ, Семайятой, то-есть «Цѣлющей небо», однако хребетъ этотъ, кажется, никогда не бываетъ покрытъ снѣгомъ: повидимому, въ этой области, между 10 и 11 градусами широты, горныя вершины не достигаютъ линіи вѣчныхъ снѣговъ¹⁾.

Горы Тальба-Вага понижаются крутыми откосами на западъ и на сѣверъ, какъ большинство другихъ цѣпей Эѳіопіи, тогда какъ на западѣ онѣ спускаются пологимъ скатомъ къ землѣ племенъ гуму и берта. На сѣверѣ и на сѣверо-западѣ остатокъ плоскогорья, разрѣзанный рѣками на безчисленное множество отрывковъ, образуетъ рядъ уступовъ, доминируемыхъ нѣсколькими, относительно невысокими пирамидами: вершины Вальдебба, на сѣверо-западномъ углу озера Тана, достигаютъ 2.340 метровъ. Вся эта область Эѳіопіи вулканическаго происхожденія и оканчивается со стороны равнины обрывистыми массами, имѣющими до 30 метровъ вертикальной высоты и несущими базальтовые колоннады на вершинѣ. За мысомъ, называемымъ Расъ-аль-Филь или «Слоновымъ» и ограниченнымъ на юго-западѣ теченіемъ рѣки Рахадъ, гладкая поверхность степи усажена зубцами и шпиками разной величины, придающими странѣ чрезвычайно странный видъ. Гранитная, совершенно уединенная, гора Гана или Джебель-Арангъ есть передовая каменная масса этой своеобразной формаци; большія деревья, въ томъ числѣ баобабы, достигающіе въ этомъ мѣстѣ сѣвернаго предѣла своей области распространенія, растутъ на склонахъ Ганы и вѣчаютъ ея вершину, на высотѣ около 600 метровъ²⁾.

Вѣтъ эѳіопскихъ плоскогорій, нѣсколько массивовъ и уединенныхъ горъ высятся въ сосѣдствѣ Краснаго моря. Таковъ Гадамъ или Гедемъ, который нѣкогда былъ островной скалой, а теперь выдвигается въ видѣ высокаго мыса между заливомъ Массова и бухтой Адулисъ, оканчиваясь съ восточной стороны крутыми стѣнами. Имѣя красивую правильную форму вулкана, Гадамъ представляетъ собою, однако, гранитную массу, черезъ трещины которой вылились расплавленные вещества, на поверхность, усаженную выступами и мѣстами почти недоступную. Хотя Гадамъ весь, его основанія до вершины, виденъ изъ Массовы, измѣренія его высоты не всегда отличались достаточной точностію: показанія путешественниковъ разнятся отъ 811 до 1.029 метровъ³⁾; геодезическимъ способомъ Антуанъ д'Аббади нашелъ 995 метровъ для самой высокой вершины. Полуостровъ Бури, ограничивающій на востокъ бухту Адулисъ, также оканчивается конической горой грандіознаго вида: это вул-

¹⁾ Beke, „Journal of the R. Geographical Society“, 1844.

²⁾ Th. von Heuglin, „Reisen in Nordost-Afrika“.

³⁾ Англійскія морскія карты, — Rohlfs; — Stecker, etc.

канъ, лавы котораго расходятся по всѣмъ направлениямъ длинными потоками, выдвигаясь далеко въ море въ видѣ дамбъ съ шероховатой поверхностью, которыя были разорваны волнами въ разныхъ мѣстахъ, такъ что образовались островки и подводные камни. Вулканъ Бури или гора Ауэнь (на англійскихъ картахъ Hurtow-peak), повидимому, отдыхаетъ, но въ скалахъ его кое-гдѣ открываются фумароллы, иногда дѣйствующія и выдѣляющія сѣрные пары, столбы которыхъ, по словамъ афаровъ, видны съ далекаго разстоянія. Кромѣ того, на окружности горы въ разныхъ мѣстахъ бьютъ обильные ключи, нагрѣваемые подземнымъ очагомъ расплавленной лавы; среди подводныхъ камней морскаго берега вытекаютъ изъ земли тысячи струекъ горячей воды (температура 67 градусовъ Цельсія), черезъ которыя туземцы прохаживаютъ бѣгомъ, чтобы не обжечь себя ногъ ¹⁾.

Къ югу отъ полуострова Бури, другіе холмы, обрѣзанные по большей части въ видѣ террасъ и утесовъ бывшими берегами моря, тоже состоятъ изъ вулканическихъ породъ, совершенно отдѣленныхъ отъ горъ собственно Абиссиніи. Но одна вершина, еще дымящаяся, высится на оконечности террасы эіопскаго плоскогорья къ юго-западу отъ бухты Ганфила или Гамфале. Этого дѣйствующій вулканъ, свидѣтельство внутренней, подземной работы, примѣры которой въ настоящее время такъ рѣдки на африканскомъ континентѣ, извѣстенъ у афаровъ подъ названіемъ Артали или Ортоале, то есть «Горы дыма». Гильдебрандтъ, единственный путешественникъ, восходившій на эту гору почти до самаго кратера, описываетъ ее какъ конусъ черноватой лавы, перерѣзанный трещинами и выдѣляющій густые клубы белого пара. Въ сосѣдствѣ другая гора, теперь пребывающая въ состояніи покоя, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ залежи сѣры, откуда и самое имя ея Кибреале или «Сѣрная гора». Сѣвернѣе, въ солончаковой равнинѣ находятся уединенныя сольфатары Делоль или Даллоль, гдѣ абиссинцы съ плоскогорья добываютъ сѣру, необходимую для фабрикаціи пороха. Наконецъ, на востокъ, близъ маленькаго порта Эддъ, раскинулся на большомъ пространствѣ цѣлый хаосъ сольфатаръ и горъ съ кратерами, придающій страннѣе видъ взволнованнаго моря. Моряки говорятъ объ изверженіяхъ лавы, которыя, будто бы, имѣли мѣсто на разстояніи «одного дня ходьбы» отъ Эдда, именно въ 1861 году; но неизвѣстно, гдѣ находится сама огнедышащая гора; можетъ быть, это тотъ же вулканъ Ортоале, лежащій, правда, дальше, чѣмъ на разстояніи дневнаго перехода, верстахъ въ ста внутри материка. Горы съ кратерами очень

пугаютъ туземцевъ, которые считаютъ ихъ мѣстопробываніемъ злыхъ духовъ; подъ предводительствомъ своихъ чародѣевъ, они отводятъ туда корову для жертвоприношенія, но какъ только животное поставлено на пылающій костеръ, всѣ участники церемоніи убѣгаютъ безъ оглядки, потому что ихъ ожидала бы большая бѣда, если бы они увидѣли, какъ духи будутъ пожирать свою добычу.

Если вулканъ Ортоале стоитъ не на берегу моря, то онъ по крайней мѣрѣ вздымаетъ свой дымящійся конусъ надъ озерной равниной, которая нѣкогда была морской бухтой. Эта низменность Рахадъ, которую Мунцингеръ называетъ также Ансалийской, по имени уединеннаго холма, лежащаго посреди пустыни, занимаетъ пространство около 2.500 квадр. километровъ, и средній ея уровень метровъ на шестьдесятъ ниже поверхности Краснаго моря: это «горъ» въ миниатюрѣ, подобный той впадинѣ, въ которой течетъ Иорданъ и залегаетъ Асфальтовое озеро. Почти по всей окружности этой котловины тянется извилистый гипсовый утесъ или валъ, прерываемый въ разныхъ мѣстахъ руслами уади, и изъ этихъ скалъ вытекаютъ источники, осыненные пальмами думъ; такимъ образомъ поясъ зелени окружаетъ пустынное, голое пространство, гдѣ увидишь только акаціи, кое-какой кустарникъ, да солянковыя растенія. Центральная часть, покрытая глинистой почвой, окружена полосой песковъ. Уже въ небольшомъ разстояніи отъ береговъ появляется соляной налетъ, слой котораго мало-по-малу утолщается къ серединѣ равнины и превращается въ плиту въ полметра толщины, представляющую мѣстами видъ сѣроватаго паркета, пазы котораго наполнены кристаллами ослѣпительной бѣлизны. Въ самой глубокой части низменности, между холмомъ Ансали и вулканомъ Ортоале, скопляются воды озера Алаальбедъ или Аллолебодъ, размѣры котораго измѣняются, смотря по количеству воды, приносимой ручьями; въ среднемъ, оно имѣетъ не болѣе метра глубины. Осушеніе бывшей бухты Ансали объясняютъ повышеніемъ морскаго побережья, которое постепенно поднималось на западной сторонѣ Краснаго моря, такъ же, какъ на восточномъ берегу, въ Аравіи: коралловые мели, раковины нынѣ живущихъ видовъ, находимыя на сѣверѣ равнины, свидѣлствуютъ о пребываніи морскихъ водъ на выступившемъ теперь порогѣ, между Рахадской равниной и бухтой Аувакиль ¹⁾. Рѣки, спускающіяся съ эіопской цѣпи, даже Рагуали или Рагуле, получающія нѣсколько притоковъ и постоянное теченіе которой поддерживаетъ на ея берегахъ богатую растительность, недостаточно обильны, чтобы вознаграждать убыль во-

¹⁾ J. M. Hildebrandt, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, 1875.

¹⁾ W. Munzinger, „Journal of the R. Geographical Society“, 1871.

ды отъ испаренія, и, вслѣдствіе этого, бывшее озеро, нѣкогда очень обширное, постепенно сократилось до размѣровъ неглубокаго болота. Талталы, обитающіе въ окрестныхъ мѣстностяхъ, рассказываютъ абиссинцамъ, вѣроятно, съ той цѣлью, чтобы напугать ихъ и избавиться отъ ихъ посѣщенія, что иногда озеро вдругъ «выступаетъ въ походъ», покидая старое ложе и перебираясь на новыя мѣста. Бѣда караванамъ, если ихъ застигнетъ внезапное наводненіе! Впрочемъ, даже вдали отъ озера они рисковали бы увязнуть въ обманчивой почвѣ тоней, и цѣлые отряды, будто бы, исчезали такимъ образомъ, люди и животныя ¹⁾). Тѣмъ не менѣе мели, окружающія озеро, эксплуатируются безопасно сотнями талталовъ, которые извлекаютъ оттуда почти всю потребляемую абиссинцами соль, а также раковинки (кегля или конусъ), которыя употребляются въ южной Эіопіи, какъ мелкая размѣнная монета. По словамъ Мунцингера, со дна озера Алаальбедъ ежегодно добывается этихъ раковинъ около тридцати милліоновъ штукъ, представляющихъ въ Анталго, на плоскогорьѣ, сумму въ восемь милліоновъ франковъ.

Острова сосѣдняго побережья, между прочимъ, большой островъ Далакъ, самый обширный на Красномъ морѣ, прикрывающій съ восточной стороны Массовскую бухту, — частію коралловаго происхожденія; но тамъ есть также вулканическіе конусы, и застывшіе потоки лавы образовали на краю материка рядъ мысовъ. Во многихъ мѣстахъ почва перерѣзана глубокими трещинами, провешедшими, повидимому, вслѣдствіе подземныхъ сотрясеній. Двѣ губы этихъ пропастей не всегда сохранились на одинаковой высотѣ послѣ разрыва почвы, и разность высоты противоположныхъ краевъ доходитъ до пятнадцати метровъ для нѣкоторыхъ трещинъ. Въ періодъ дождей тамъ скопляется вода; затѣмъ, когда она испарится, сырая почва покрывается лугами, составляющими пріятный контрастъ съ голыми скалами окрестной мѣстности ²⁾). Землетрясенія, производимыя, говорятъ туземцы, тѣлодвиженіями быка, «на которомъ стоитъ свѣтъ», довольно часты на островѣ Далакъ. Во внутренней части острова быть изъ земли ключи горячей воды, температура которой превышаетъ 60 градусовъ по Цельсію, что не мѣшаетъ рыбѣ размножаться въ этихъ источникахъ ³⁾).

Эіопія, вершины которой поднимаются въ область вѣчныхъ снѣговъ, тогда какъ основаніе ея скалъ лежитъ въ жаркомъ поясѣ, а выступы его или мысы погружены въ воды Краснаго моря, имѣетъ, понятно, цѣлый рядъ климатовъ,

измѣняющихся, смотря по высотѣ и положенію мѣстности: на скатахъ плоскогорій и горъ времена года идутъ, такъ сказать, ярусами, расположенными одинъ надъ другимъ, перекрещивая до безконечности цѣпь своихъ изотермическихъ линій, представляющихъ такой правильный изгибъ на картахъ, которыя изображаютъ континентъ безъ рельефа, приведенный къ однородному уровню морскихъ береговъ. Сколько разъ путешественники, идя подъ холоднымъ пронизывающимъ до костей вѣтромъ высокихъ плато, должны были бороться со смертью, или даже засыпали на дорогѣ тѣмъ страшнымъ сномъ, отъ котораго нѣтъ пробужденія! Во время военныхъ экспедицій цѣлые батальоны замерзали при переходѣ черезъ снѣговые хребты; одна хроника, приводимая въ путешествіи Антуана д'Аббади, рассказываетъ даже, что однажды отъ холода погибла вся армія въ Ластѣ. Напротивъ, на двѣ узкихъ куаллъ часто рискуешь погибнуть отъ жара. Лѣтомъ, въ тѣ часы, когда солнце особенно сильно печетъ, почва этихъ раскаленныхъ печей, на которую отражаются жгучіе лучи отъ блестящей поверхности стѣнъ, нагревается иногда до 70, даже до 75 градусовъ ⁴⁾). Воздухъ обыкновенно спокоенъ въ этихъ ущельяхъ безъ видимаго выхода; но какъ только равновѣсіе воздушныхъ массъ нарушилось, поднимается страшный вѣтеръ и яростно несется вверхъ по долинкамъ, сгибая, какъ тонкіе прутки, попадающіеся на пути деревья; затѣмъ такъ же внезапно наступаетъ тишина, и воздухъ снова дѣлается недвижимъ. Недостатокъ правильныхъ атмосферныхъ теченій, очищающихъ воздухъ, дѣлаетъ дно куаллъ очень опаснымъ для перехода. До или послѣ сезона дождей нужно поспѣшно переходить долины ущелій, быстро подниматься по склонамъ, чтобы какъ можно скорѣе достигнуть области, простирающейся надъ поясомъ лихорадокъ. Почти такъ же знойныя, прибрежныя равнины Чермнаго моря представляютъ мѣстность гораздо болѣе здоровую; климатъ тамъ опасенъ только въ тѣ годы, когда количество дождей превышаетъ среднюю цифру: тогда въ краѣ господствуютъ лихорадки.

Крайности климатовъ, стужа верхнихъ плато и жара глубокихъ ущелій неизвѣстны въ средней Эіопіи, гдѣ сгруппировалось почти все населеніе, сосредоточились всѣ города, за исключеніемъ тѣхъ, которые возникли вокругъ какой-нибудь крѣпости или привлекающей богомольцевъ церкви, пріютившихся на вершинѣ горы. Поясъ заселенія въ Эіопіи заключается между 1.800 и 2.500 метрами: это *война-дега* или область винограда, между дегой и куаллой. На этихъ высотахъ средняя температура соотвѣтствуетъ средней температурѣ береговъ Средиземнаго моря, съ тою разницей, что перемѣ-

¹⁾ Lefebvre, «Voyage en Abyssinie».

²⁾ Rüppell, «Reise in Abyssinien»; — Raffray, «Abyssinie».

³⁾ Léon des Avanchers, «Annales de la Propagation de la Foi», nov. 1851.

⁴⁾ Ferret et Galinier; — Antoine d'Abbadie.

на время года, съ зимы на лѣто, тамъ гораздо менѣе чувствительна. Такъ какъ плоскогорье Эіюпіи лежитъ въ тропическомъ поясѣ, то лучи солнца имѣютъ тамъ всегда почти равную силу, и разница между зимой и лѣтомъ

наименьшая, въ августѣ, $13^{\circ},_{49}$ Ц. Такъ же, какъ на Антильскихъ островахъ и въ странахъ, гдѣ чередуются муссоны, эіюпскій годъ дѣлится на два времени, определяемыхъ появленіемъ и исчезновеніемъ дождей.

Общій видъ селенія Сулейманъ.

незначительна; колебанія температуры зависятъ главнымъ образомъ отъ чистоты неба и густоты облаковъ. По Брюсу, наибольшая температура въ Гондарѣ, въ апрѣлѣ, $22^{\circ},_{17}$ Ц.,

Сравнительныя температуры плоскогорья Эіюпіи и береговъ Краснаго моря ¹⁾):

¹⁾ Rüppell; — Ferret; — Galinier; — Steudner; — Rohlf; — Hann, „Handbuch der Klimatologie“.

		Широта.	Высота.	Средняя годовая температур.	Средняя самого холодного мѣсяца.	Средняя самого теплаго мѣсяца.
Побережье.	Массова.	15°36' с.	0 метр.	31°4 Ц.	Январь. 25°5	Юнь. 36°9
	Гондаръ.	12°36' "	2.270 "	19°4 "	Декабрь. 17°6	Апрѣль. 22°7
Плоскогорье	Анкобаръ	9°34' "	2.500 "	13°0 "	Декабрь. 11°0	Юнь. 16°7

Періодъ дождей въ отношеніи времени наступленія и продолжительности мѣняется, смотря по широтѣ, высотѣ, положенію различныхъ эіопскихъ странъ; нѣкоторыя мѣстности имѣютъ даже два дождливыхъ сезона, какъ переходная территория, принадлежащая въ одно и то же время къ двумъ метеорологическимъ областямъ. На возвышенностяхъ южной Эіопіи бывають двѣ зимы: одна начинается въ іюль, когда солнечные лучи падаютъ почти вертикально на землю, и оканчивается въ сентябрь; другая, менѣе продолжительная, падаетъ на январь или на февраль и мартъ, когда полоса облаковъ, образующаяся въ поясъ столкновенія между контръ-пассатами и полярными вѣтрами, отодвигается къ югу. Въ центральной области Эіопіи зимнее время или *азмара* начинается обыкновенно въ апрѣль и продолжается, съ нѣкоторыми перерывами, до конца сентября; но у сѣверо-западнаго основанія горъ, въ провинціяхъ Бого, Галабатъ, Гедарефъ и Сенааръ, этотъ дождливый сезонъ распадается на два, изъ которыхъ одинъ наступаетъ въ апрѣль или въ началѣ мая, а другой, періодъ большихъ ливней, обнимаетъ мѣсяцы іюль, августъ и сентябрь ¹⁾. Дожди, приносимые вѣтрами, дующими съ Краснаго моря или Индійскаго океана, падаютъ почти всегда послѣ полудня и сопровождаются грозами; послѣ ливня небо опять проясняется и остается безоблачнымъ всю ночь и все слѣдующее утро до новаго дождя. На восточной покатости Эіопскихъ горъ порядкомъ времени года обратный: тамъ дожди, приносимые сѣвернымъ вѣтромъ, падаютъ зимой, то есть съ ноября по мартъ; африканскіе берега Краснаго моря находятся въ области зимнихъ дождей Средиземнаго моря, тогда какъ аравійскіе берега, внутренняя часть Египта и верхняя Эіопія принадлежатъ къ другому климатическому поясу ²⁾. Иная гора, лежащая на рубежѣ двухъ поясовъ, получаетъ попеременно и лѣтніе, и зимніе дожди, такъ что абиссинскимъ пастухамъ стоитъ только вертѣться кругомъ горы, чтобы находить, смотря по времени года, траву, необходимую для стада, или землю, пригодную для культуры ³⁾. Въ эту пору года воздухъ, надъ низменными равнинами эіопской территоріи, отличается необыкновенной влажностію: гигрометръ никогда не показываетъ меньше 60 процентовъ.

На плоскогорьяхъ, напротивъ, воздухъ вообще сухъ.

Въ тѣхъ областяхъ Абиссиніи, гдѣ годовое количество дождя было измѣряемо, оно колеблется между 7 и 8 дециметрами; но это количество должно быть гораздо больше въ нѣкоторыхъ высокихъ долинахъ, гдѣ грозовыя облака сдавливаются вѣтрами; число градусовъ тамъ весьма значительно. Извѣстно, что водяныя лавины имѣютъ очень грозный характеръ въ долинахъ, доминируемыхъ крутыми и лишенными растительности склонами; на восточной покатости краевыхъ горъ Эіопіи, гдѣ ложе ручьевъ такъ сильно наклонено, эти внезапные потоки болѣе опасны, чѣмъ гдѣ-либо: какъ только послышался отдаленный гулъ потока, нужно поскорѣй взбираться на склоны горы; еще нѣсколько минутъ—и внизу, по дну долины, уже несется огромная масса воды, грязь и мелкихъ камней. Въ дождливое время года сообщенія совершенно прерываются между плато, раздѣляющими глубокія куаллы. Въ равнинахъ Самхара, среди песковъ, солончаковыхъ глинъ и лавъ, караваны задерживаются иногда нестерпимой жарой, которую отражаютъ почва или скалы, или песчаными вихрями *харифа*,—красные движущіеся столбы, прогуливающіеся по пустынямъ.

Флора Эіопіи очень разнообразна, благодаря различію климатовъ. Главныхъ поясовъ растительности, разумѣется, два: поясъ высокихъ плато и поясъ низкихъ долинъ; но есть очень много видовъ, которые успѣшно произрастаютъ и въ той, и въ другой зонѣ: каждое растеніе имѣетъ свою особенную область, отличающуюся протяженіемъ и вертикальной высотой вдоль склоновъ. Берега Краснаго моря имѣютъ свою специальную флору, главными представителями которой являются кассинурея (*cassipourea africana*) и шора (*avicennia tomentosa*),—деревья, растущія въ зонѣ побережья, попеременно покрываемой и оставляемой водами; на берегахъ бухты Гауакиль эти деревья почти такой же величины, какъ европейскій букъ, и походятъ на него видомъ ⁴⁾. У подошвы горъ Эіопской цѣпи зона степи Сахель, которую часто называютъ пустыней, но совершенно несправедливо, заключаетъ почти только кустарникъ, исключая мѣста, лежащія въ сосѣдствѣ источниковъ. Флора куаллъ отличается особенно тѣмъ, что она очень богата деревьями, которые теряютъ листву въ сухое время года. Тамъ растутъ сикоморы и смо-

¹⁾ G. Schweinfurth, „Petermann's Mittheilungen“, 1868, V.

²⁾ G. Rohlfs, „In Abessinien“.

³⁾ Werner Munzinger, „Ostafrikanische Studien“;—Ach. Raffray, „Abyssinie“.

⁴⁾ Henglin, „Reise nach Abessinien“.

ковницы; тамариски тѣнутся по берегамъ ручьевъ, акаціи переплетаютъ свои колючія вѣтви на каменистыхъ пространствахъ; тамъ и самый огромный баобабъ, «слонъ растительнаго міра», — этотъ представитель семейства мальвовыхъ, который, будучи самымъ большимъ деревомъ, имѣетъ однако во многихъ отношеніяхъ видъ травы, — высоко поднимаетъ свой пузатый стволъ, часто полый внутри и наполненный водой, и свои короткія толстыя вѣтви, оканчивающіяся розетками листьевъ; когда буря повалитъ этого великана растительнаго царства, его громадный стволъ, имѣющій отъ 20 до 25 метровъ (до 12 сажень) въ окружности, утилизируется пастухами, которые укрываются въ немъ, вмѣстѣ со стадами, отъ жары и непогоды. Пальмы не проникаютъ въ куаллы, онѣ не удаляются отъ береговъ Краснаго моря; финики привозятся въ Эіопію изъ Аравіи. Растенія, доставляющія абиссинцамъ хлѣбные злаки особенныхъ видовъ или разновидности, совершенно отличныя отъ европейскихъ растений этого рода, — особенно успѣшно произрастающія въ поляхъ средней высоты, гдѣ сгруппированы почти всѣ города Эіопіи. Земледѣльцы Шоа и Амгары, говорятъ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи 28 сортовъ проса, 24 сорта пшеницы, 16 разновидностей ячменя ¹⁾, разные виды ржи и кукурузы; самое обыкновенное хлѣбное растеніе — элевзина, по мѣстному дакусса, изъ которой варятъ пиво, и которая въ прежнее время доставляла исключительно хлѣбъ для царскаго стола; абиссинская поа, по мѣстному тефъ или тѣефъ, тоже въ большомъ употребленіи: маленькія зерна ея даютъ муку, изъ которой готовится хлѣбъ. Картофель, ввезенный изъ Европы Шимперомъ, нѣкоторое время хорошо родился, но затѣмъ, когда на немъ появилась болѣзнь, эіопскіе крестьяне совершенно перестали сѣять его. Видъ банана, *musa ensete*, растущій въ куаллахъ, рѣдко приноситъ плоды, можетъ-быть, потому, что онъ родомъ изъ равнинъ галлаской земли; въ Эіопіи пользуются только листьями, идущими въ кормъ скоту, и корнями, которые отъ варки приобрѣтаютъ вкусъ картофеля, и изъ которыхъ готовятъ тѣсто, очень цѣнное въ землѣ Ильмъ-Орма. Что касается европейскихъ фруктовыхъ деревьевъ или соответственныхъ видовъ, то они даютъ по большей части превосходные плоды; но виноградъ, который былъ, безъ сомнѣнія, введенъ изъ Европы, какъ о томъ свидѣлствуетъ его почти греческое названіе *война* (ойносъ) и который прежде былъ очень распространенъ, судя по тому, что вся промежуточная полоса Эіопіи называлась «страной виноградниковъ», то теперь едва существуетъ еще нѣсколько футовъ этого растенія: онъ погибъ отъ болѣзни, назы-

ваемой цвѣлью ¹⁾; нѣкоторые путешественники въ исчезновеніи винограда винятъ также царя Θεодора, приказавшаго вырвать всѣ лозы, подъ предлогомъ, что вино должно быть предоставлено существамъ, стоящимъ выше человека ²⁾. Наконецъ, кофейное дерево, божественное растеніе страны Каффа, кажется, не мѣстнаго происхожденія въ собственной Эіопіи: его культивируютъ только въ Годжамѣ, въ окрестностяхъ Гндара, на южныхъ берегахъ озера Тана и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ плоскогорья.

Одно изъ самыхъ характеристичныхъ дикихъ растений Эіопіи, одно изъ тѣхъ, которыя наиболѣе способствуютъ сообщенію пейзажамъ страны ихъ специальной фizioноміи, — колкуаль, молочай-канделябръ, похожій на гигантскіе молочаи Канарскихъ и Азорскихъ острововъ; эти растенія такъ плотно переплетаютъ свои мясистыя вѣтви, что изъ нихъ дѣлаютъ живыя изгороди вокругъ полей и деревень для защиты отъ непредвидѣннаго нападенія; у нѣкоторыхъ экземпляровъ развѣтвляющійся стебель достигаетъ около 6 сажень высоты; молочный сокъ колкуала — страшный ядъ, находящій обширное примѣненіе въ эіопской фармакопее, а древесина его идетъ на приготовленіе пороку. Другое растеніе, видомъ и размѣрами похожее на пальму, украшаетъ склоны горъ до высоты 3.300 метровъ: это джибара (*rhynchopetalum montanum*), оканчивающаяся наверху пучкомъ мечевидныхъ листьевъ, изъ котораго поднимается цвѣточный стебель, отъ 3 до 5 метровъ (до 7 аршинъ), опоясанный красивыми лиловыми цвѣтками, открывающимися послѣдовательно снизу вверхъ; но растеніе умираетъ, когда отцвѣтеть. Другое характеристическое растеніе эіопскихъ возвышенностей — репейникъ гигантскій (*echinops giganteus*), стволъ котораго похожъ на стволъ дерева, а цвѣты величиной съ человѣческую голову. Еще больше верескъ, достигающій высоты 8 метровъ. На террасахъ же дегъ растетъ величественный кусо (*brayera anthemintica*), густая листва котораго увѣшана безчисленными гроздьями розовыхъ цвѣтовъ, употребляемыхъ въ видѣ настоя противъ солитера, не только въ Эіопіи, но также въ Европѣ съ тѣхъ поръ, какъ медикъ Брайеръ рекомендовалъ это средство. Одинъ видъ фиговаго дерева, *figus daro*, походитъ на индійскую смоковницу своими воздушными корнями, образующими новые стволы, начинающіеся лѣсъ, подъ которымъ сотня людей могли бы найти тѣнь: легенды, относящіяся, очевидно, къ даро, говорятъ о цѣлыхъ арміяхъ, стоявшихъ лагеремъ подъ вѣтвями одного абиссинскаго дерева. Ванце (*cordia*

¹⁾ Harris, „The Highlands of Ethiopia“.

²⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

³⁾ Ach. Raffray, „Abyssinie“.

abyssinica) — густое дерево, которое обыкновенно садятъ вокругъ домовъ. Семейство хвойныхъ представлено на высокихъ плоскогорьяхъ Эіопіи тисомъ и особенно можжевельникомъ, исполинскій стволъ котораго достигаетъ высоты 30 и 40, а въ Шоа даже 50 метровъ высоты. Этимъ деревомъ обсажены кладбища, и вѣтки его бросаются на могилы. Можжевельникъ, раскалываемый на длинныя щепы, — ибо туземцы даже не даютъ себѣ труда распиливать его на доски, — есть главный строевой лѣсъ въ Абиссиніи; кромѣ того, его употребляютъ какъ топливо.

Нѣкоторыя эіопскія области, именно предгорья Зебуля, къ востоку отъ краевой цѣпи, покрыты громадными лѣсами можжевельника, гдѣ топоръ пока еще сдѣлалъ очень мало работы. Лѣса эти представляютъ единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, такъ какъ ни въ какой другой части свѣта не увидишь хвойныхъ деревьевъ, какъ деревья сѣвернаго пояса, соединенныхъ одно съ другимъ сѣтью лианъ, такъ густо переплетающихся, какъ лианы тропическихъ лѣсовъ ¹⁾. Но въ цѣломъ Эіопія страна безлѣсная; общераспространенный въ Африкѣ обычай выжигать сухую траву на пастбищахъ объясняетъ истребленіе почти всѣхъ лѣсовъ на высотахъ. Во многихъ мѣстахъ не увидишь, съ высоты горъ, другихъ зеленыхъ пятенъ, кромѣ тѣхъ, которыми кажутся пашни вокругъ селеній и священныя роціи при церквяхъ. Впрочемъ, древесныя породы, принадлежащія абиссинской флорѣ, немногочисленны: до сихъ поръ извѣстно не болѣе 235 различныхъ породъ, изъ которыхъ только 30 свойственны области война-дега и 10 области дега ²⁾. Но, благодаря разнообразію климатовъ и растительныхъ видовъ, измѣняющихся послѣдовательно съ увеличеніемъ высоты на горныхъ склонахъ и террасахъ, Эіопія могла бы сдѣлаться современемъ обширнымъ ботаническимъ садомъ для культуры всѣхъ европейскихъ деревьевъ, всѣхъ пищевыхъ и промышленныхъ растений. Бѣдная минералами, такъ какъ имѣетъ только желѣзо, соль и сѣру въ вулканическихъ мѣстностяхъ, да немного золотого песку въ Годжамѣ и Дамотѣ ³⁾, эта страна располагаетъ зато безконечными ресурсами, которые даетъ ей универсальность ея флоры, европейской на вершинѣ, индійской у основаній горъ; но эти естественныя богатства будутъ оставаться почти непродуцируемыми до тѣхъ поръ, пока удобные пути сообщенія не поставятъ эіопскія плоскогорья въ торговые сношенія съ вѣнскимъ міромъ. Въ самую благоприятную пору года, когда дожди не превра-

щаютъ тропинки въ непроходимыя топи, а ручьи въ бурные потоки, путешественнику нужны обыкновенно цѣлые мѣсяцы, чтобы пройти Абиссинію, отъ береговъ Краснаго моря до равнинъ, спускающихся къ Нилу. Мѣста остановокъ, условія продовольствія опредѣляются верховной властью, и многимъ путешественникамъ приходилось ждать по недѣлямъ и мѣсяцамъ разрѣшенія продолжать путь.

Разнообразіе климатовъ и флоръ имѣетъ слѣдствіемъ разнообразіе животныхъ видовъ, дикихъ и домашнихъ: какъ растенія слѣдуютъ одно за другимъ на бокахъ горъ въ порядкѣ, соответствующемъ порядку поясовъ на поверхности земнаго шара, такъ точно и фауна расположена ярусами по горнымъ склонамъ. Внизу абиссинская фауна имѣетъ арабскій или сахарскій характеръ; на предгорьяхъ она соответствуетъ фаунѣ Сенегала; средиземноморская на плоскогорьяхъ, она почти европейская на вершинахъ горъ ⁴⁾. Въ нижнихъ равнинахъ водятся жирафы, зебры, дикіе ослы, одна форма которыхъ была новинкой для натуралистовъ. Страусы тоже живутъ въ низменностяхъ. Изъ многочисленныхъ видовъ антилопъ, обитающихъ въ Эіопіи, нѣкоторые поднимаются по откосамъ плоскогорья лишь на небольшую высоту, тогда какъ въ высочайшихъ вершинахъ Симена, на высотѣ болѣе 4.000 метровъ, встрѣчается каменный баранъ. Разныя породы обезьянъ, между прочимъ, *colubus guereza*, съ великолѣпной черной и бѣлой шерстью, не покидаютъ лѣсовъ низменныхъ областей Шоа, Годжама, Куалла-Воггара; но на высотѣ 2.000 метровъ живутъ нѣкоторые виды собачьеголовые (павіановъ). Что касается носорога, то его видали въ горахъ Абиссиніи до высоты 2.500 метровъ, среди скалъ, на которыхъ онъ взбирается бѣгомъ. Слоны тоже горное животное, хотя онъ и предпочитаетъ лѣсныя чащи нижнихъ равнинъ, гдѣ дѣлаетъ большія опустошенія, пожирая листья, ломая вѣтви, вырывая съ корнемъ деревья. Но когда рѣки изсякнутъ, недостатокъ воды гонитъ его изъ низменныхъ мѣстностей: тѣсно тяжелыя животныя ложатся въ высохшее русло потока, въ надеждѣ, что хоть немножко влаги насочится во впадину, выдавленную ихъ грузнымъ тѣломъ; покидая теплыя земли, чтобы забраться въ высокія долины, гдѣ еще текутъ кое-какіе ручьи, они бродятъ въ горахъ области Бого, господствующихъ надъ теченіемъ Таклаце и надъ берегами озера Тана. Впрочемъ, эти толстокожія становятся рѣдкими, потому что охотники преслѣдуютъ ихъ съ ожесточеніемъ, не только ради ихъ драгоценныхъ бивней, но также потому, чтобы отмстить за вредъ, наносимый ими полямъ. Арабы, жители равнины, рассказываютъ, что слоны отлично

¹⁾ Abargues de Sostes, „Asociacion espannola para la exploracion de Africa“.

²⁾ G. Schweinfurth, „Petermann's Mittheilungen“, 1868, № V.

³⁾ Навѣтъ, недавно объѣзжавшій Каффу, нашелъ эту область очень богатой минералами.

Ред.

⁴⁾ Ach. Raffray, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

знаютъ, когда нужно ожидать прохода обозовъ съ дуррой, отправляемой въ горы: подкарауливая караванъ изъ засады, они вдругъ появляются посреди дороги; испуганные верблюды становятся на дыбы и убѣгаютъ, сбросивъ съ себя кожаные мѣшки, наполненные хлѣбомъ, и догадливые грабители овладѣваютъ большими запасами зерна ¹⁾. Недостатокъ же воды въ равнинахъ заставляетъ бегемотовъ пробираться во внутреннюю Эіопію, до подошвы водопадовъ: они купаются въ водоемахъ верхняго Таккаце и не боятся всходить по скатамъ горъ на большое разстояніе отъ потока; эти толстокожія водятся также во множествѣ въ водахъ озера Тана, но не достигаютъ тамъ такихъ большихъ размѣровъ, какъ въ африканскихъ бѣгахъ. Крокодилы поднимаются по рѣкамъ Абиссиніи почти до самыхъ истоковъ; но тѣ изъ нихъ, которые не могутъ уйти, поднимаясь по текучимъ водамъ, и которыхъ отступленіе озеръ или временныхъ лужъ въ высохшихъ рѣкахъ оставляетъ въ тинѣ, погружаются въ спячку на все время, пока продолжается засуха; новый разливъ пробуждаетъ ихъ изъ оцепенѣнія.

Левъ рѣдко заходитъ въ мѣста, лежація выше низменныхъ пространствъ, и по направленію къ сѣверу не переходитъ за территорію племени бени-амеръ; отъ своихъ родичей центральной Африки онъ отличается темнымъ цвѣтомъ гривы, а одна разновидность, живущая на берегахъ Таккаце, имѣетъ даже совершенно черную шерсть. Убить льва считается славнымъ подвигомъ для воина: побѣдитель съ торжествомъ приноситъ шкуру сраженного льва своему королю, который жалуетъ ему отъ нея нѣсколько обрѣзковъ, прибываемыхъ къ шити въ видѣ украшенія. Леопардъ опаснѣе льва, потому что онъ смѣлѣе и рыскаетъ по странѣ до высоты 3.300 метровъ; отвѣдавъ разъ человѣчьяго мяса, онъ уже предпочитаетъ его всякому другому: Эіопія, какъ и Индія, имѣетъ своихъ «людоедовъ» между дикими животными. Другой хищный звѣрь, еще болѣе страшный, — *добо* или *асамбо*, котораго Лефевръ считалъ волкомъ ²⁾, но который, говорятъ, имѣетъ свойства льва и леопарда: во всѣхъ мѣстностяхъ Эіопіи туземцы увѣряютъ, что видели его желтую или сѣроватую, съ черными полосами, шубу; къ югу отъ Абая, одинъ изъ этихъ звѣрей напалъ на хижину Чекки и разорвалъ ребенка ³⁾. Пятнистая гіена очень обыкновенна. Буйволъ, встрѣчающійся особенно въ куаллахъ, близъ рѣкъ и ручьевъ, изъ этихъ звѣрей всего чаще нападаетъ на человека; нѣтъ врага, котораго бы онъ испугался; никакія преграды не въ состояніи остано-

вить его — ни болота, ни скалы, ни чащи колючаго кустарника. Когда убиваютъ старыхъ буйволовъ, всегда находятъ у нихъ на тѣлѣ глубокіе знаки битвъ; часто они ломаютъ свои исполнскіе рога, достигающіе иногда 60 сантиметровъ въ окружности основанія; рога эти служатъ любимымъ кубкомъ у эіопскихъ гастрономовъ. Дикая фауна заключаетъ въ себѣ также кабановъ, мясо которыхъ эіопскіе хрістіане иногда ѣдятъ, чтобы подразнить магометанъ; но обыкновенно это животное считается нечистымъ. Абиссинцы не прикасаются также къ черепашему мясу; но изъ всѣхъ живыхъ существъ заяцъ наиболѣе противенъ имъ, и они ни за что не рѣшались отвѣдать мяса этого грызуна, въ отношеніи котораго ими еще строго соблюдается законъ Моисея. Обыкновенно повторяютъ, что въ Африкѣ нѣтъ пѣвчихъ птицъ, но нигдѣ нельзя лучше, чѣмъ въ Эіопіи, убѣдиться въ неосновательности этого общепринятаго мнѣнія: пѣвчія птицы представлены въ этой странѣ большимъ числомъ видовъ, при томъ почти всѣ онѣ отличаются яркимъ опереніемъ ⁴⁾. Священный ибисъ (*geronticus aethiopicus*), котораго не видно больше на берегахъ египетскаго Нила, все еще живетъ въ высокихъ абиссинскихъ долинахъ. На вѣтвяхъ деревьевъ, наклоненныхъ надъ ручьями и стоячими водами, висятъ безчисленные гнѣзда ткачика (*textor alecto* или *plocceus aureus*), птички изъ семейства воробьиныхъ; Штеккеръ насчиталъ 872 этихъ корзиночекъ, висѣвшихъ на одной акаціи ⁵⁾.

Смотря по высотѣ обитаемой ими области, абиссинцы имѣютъ различныхъ домашнихъ животныхъ. Верблюдовъ они держатъ только въ низменныхъ частяхъ страны, и выше 1.500 метровъ уже не встрѣтишь этого животного. Что касается абиссинской лошади, очевидно, арабскаго происхожденія, то она распространилась во всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ Эіопіи, но видоизмѣняясь мало-по-малу: она меньше, коренастѣе арабской, отличается собачьей вѣрностію и не уступаетъ мулу выносливостію и ловкостію при восхожденіи по горнымъ тропинкамъ. Оселъ тоже былъ введенъ на плоскогорьяхъ, но тамъ это животное почти безсильное и мало пригодное для перевозки; онъ не имѣетъ ни одного изъ качествъ, такъ выгодно характеризующихъ его египетскихъ родичей. Эіопія, съ ея обширными пастбищами, покрытыми густой, сочной травой, — страна особенно благоприятная для скотоводства, и нѣкоторыя изъ расъ, отличающихся ростомъ и формой, длиной роговъ и цвѣтомъ шерсти, могли бы соперничать съ лучшими европейскими породами. Два вида овецъ, одна съ тонкимъ, другая съ толстымъ хвостомъ, такъ

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abyssinien“.

²⁾ „Voyage en Abyssinie“, 4 partie, „Histoire naturelle, Zoologie“.

³⁾ Th. von Heuglin; — Antinori; — „Esploratore“, dic. 1882.

⁴⁾ Rohlf, „Meine Mission in Abessinien“.

⁵⁾ „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, vol. III, 1881, № 1.

же, какъ промежуточный видъ, встрѣчаются въ различныхъ частяхъ плоскогорья. Абиссинцы разводять также козъ, кожа которыхъ даетъ пергаментъ, употребляемый главнымъ образомъ для переписки книгъ духовнаго содержания; но у нихъ нѣтъ ни свиней, ни голубей, ни утокъ, ни гусей; куръ можно встрѣтить въ каждой деревнѣ, а при нѣкоторыхъ церквяхъ держать пѣтуховъ, которые своимъ пѣніемъ возвѣщаютъ часъ утренней молитвы. Домашнія собаки всѣ мелкой породы, безъ замѣчательныхъ качествъ, за исключеніемъ пастушьихъ собакъ, отличающихся крупнымъ ростомъ и большою храбростію. Въ нѣкоторыхъ округахъ Эіопіи занимаются также пчеловодствомъ; но замѣчено, что медъ имѣетъ ядовитыя свойства вездѣ, гдѣ пчелы сосутъ цвѣтки молочая-канделябра,—явленіе, подобное тому, которое наблюдали со временъ глубокой древности въ горахъ Кавказа и Понта.

Въ населеніи Эіопіи слились весьма разнообразныя элементы. Переселенцы съ полуострова Аравійскаго, съ береговъ Нила, съ окружающихъ высокихъ и низменныхъ равнинъ неоднократно смѣшивались тамъ съ аборигенами или первоначальными жителями страны. Аборигенами считаются агау или «вольные люди»¹⁾, которые еще составляютъ основу эіопской націи и живутъ главнымъ образомъ въ провинціяхъ Ласты, на Верхнемъ Таккаце, и въ Агаумедерѣ, къ западу отъ озера Тана. По мнѣнію египтологовъ, агау — потомки нубійскаго народа уауа, о которомъ говорятъ древніе египетскіе памятники, и который былъ постепенно оттѣсненъ къ Верхнему Нилу и въ горы. Различные обряды указываютъ, будто бы, на продолжающееся вліяніе древне-египетской религіи. На берегахъ Голубаго Нила, такъ же, какъ на Таккаце, агау справляютъ праздники въ честь божественной воды. Они почитаютъ также змѣю, которая играла такую важную роль въ первоначальной міеологіи египтянъ, и которую и теперь еще боготворятъ многіе народы Стараго и Новаго Свѣта²⁾. Агау говорятъ особеннымъ нарѣчіемъ, хамтенга или хамва, которое, впрочемъ, принадлежитъ къ тому же корню, какъ и амхаринья, обычный языкъ абиссинцевъ.

Фелаши, эіопскіе евреи, число которыхъ опредѣляютъ различно, отъ 10.000 до четверти міліона, по всей вѣроятности, братья агау по происхожденію: они встрѣчаются во всѣхъ частяхъ плоскогорья и даже въ Шоа и Кураге, раздѣленные на три религіозныя группы, имѣющія каждая своего первосвященника: въ южной Эіопіи ихъ называютъ феиджами; теперь ихъ уже нѣтъ въ горахъ Симена, гдѣ они еще

въ концѣ шестнадцатаго столѣтія составляли большинство населенія³⁾. Имя ихъ «фелаша» значитъ «изгнанные», и они дѣйствительно называютъ себя потомками изгнанниковъ Святой Земли. Съ другой стороны, они любятъ также ссылаться на легенду, производящую ихъ отъ Менелика, сына Соломона и царицы Сабейской. Изъ путешественниковъ, посѣтившихъ фелашей, многіе находятъ, что типъ ихъ очень напоминаетъ восточныхъ евреевъ; но большинство изслѣдователей не замѣтили поразительной разницы въ чертахъ лица между этими туземцами и ихъ сосѣдями, развѣ только ту, что глаза у первыхъ немного скошены, какъ и у агуа⁴⁾. Равнымъ образомъ и языкъ фелашей, куара, хуара или хуараца, который, впрочемъ, кажется, близокъ къ исчезновенію, походитъ на ідиомъ агау, что придаетъ еще большую вѣроятность гипотезѣ относительно общности происхожденія этихъ двухъ группъ населенія. Но религіозное рвеніе «изгнанниковъ» такъ сильно связываетъ ихъ съ евреями, что нѣтъ ничего удивительнаго, если другіе сыны Израіля смотрятъ на нихъ какъ на единоплеменниковъ⁵⁾. Во всякомъ случаѣ, было время, когда религіозная связь между различными іудейскими общинами, отъ Палестины до Эіопіи, была полная: отъ іерусалимской горы Морія до многочисленныхъ «Синаевъ» африканскихъ плоскогорій сообщенія были непрерывныя, благодаря могущественнымъ еврейскимъ республикамъ, занимавшимъ большую часть Аравійскаго полуострова, и изъ которыхъ одна существовала еще въ Гиміаритской странѣ за пятьдесятъ лѣтъ до рожденія Магомета. Съ востока религія распространилась черезъ Красное море, и когда наступилъ періодъ упадка, «избранный народъ» всего лучше сохранился на западѣ. Фелаши не имѣютъ уже, какъ прежде, религіознаго преобладанія въ Эіопіи, и династіи ихъ оставили по себѣ одно только воспоминаніе; однако, они и не составляютъ, какъ евреи въ Аравіи, всѣми презираемой и гонимой касты.

Во всѣхъ почти провинціяхъ фелаши держатся особнякомъ отъ другихъ абиссинцевъ, живя въ отдѣльныхъ селеніяхъ или въ особыхъ кварталахъ въ городахъ: ихъ «мечети», раздѣленные на три отдѣленія неравной святости, какъ скинія первыхъ израильтянъ, можно узнать издали по глиняному горшку, поставленному на конькѣ кровли. Очень заботящіеся о сохраненіи въ чистотѣ своей расы, эти эіопскіе евреи никогда не женятся на иновѣрцахъ; имъ даже запрещено входить въ жилища христіанъ, и когда имъ случится осквернить себя подобнымъ посѣщеніемъ, они обязаны очи-

¹⁾ Sapeto, „Esplorazione“, vol. I, 1877—78.

²⁾ Hartmann, „Abyssinien und die übrigen Gebiete der Ostküste Afrika's“.

³⁾ Ed. Rüppel, „Reise in Abyssinien“.

⁴⁾ Arnaud d'Abbadie, „Douze ans dans la haute Éthiopie“;—Hartmann, цитированное означеніе.

⁵⁾ Joseph Halévy, „Prières des Falachas“.

ститься, прежде чѣмъ снова переступить порогъ своего дома. Многоженство не въ обычаѣ, и бракъ уважается у нихъ гораздо больше, чѣмъ у другихъ абиссинцевъ, хотя женщины пользуются большою свободой; въ противоположность христіанскимъ семействамъ, ранніе браки рѣдки: брачные союзы обыкновенно заключаются въ возрастѣ отъ двадцати до тридцати лѣтъ для мужчинъ и отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ для женщинъ¹⁾. Подобно магометанамъ, они вообще стоятъ по нравственности гораздо выше христіанъ, своихъ господъ. Въ противоположность другимъ евреямъ, абиссинскіе іудеи не имѣютъ никакой охоты къ торговлѣ; они по большей части ремесленники—кузнецы, каменщики, плотники, гончары, ткачи; есть между ними и такіе, которые занимаются земледѣліемъ или скотоводствомъ, но въ они единогласно осуждаютъ профессію купца, какъ несогласную съ закономъ Моисея. Изъ этого видно, что толкованіе священныя книги у нихъ иное, чѣмъ у раввиновъ Европы и Азии; впрочемъ, каково бы ни было ихъ усердіе въ исполненіи предписаній «закона», къ обрядамъ ихъ примѣшано не мало церемоній, заимствованныхъ отъ мѣстныхъ христіанъ. Главная ихъ забота—строго соблюдать день субботній, приносить жертвы на священномъ камнѣ храма и, согласно традиціоннымъ формамъ, держать себя въ чистотѣ посредствомъ частыхъ омовеній и удаленія лицъ, оскверненныхъ болѣзнями: каждая семья имѣетъ въ деревни хижину, куда должны быть переносимы больные на определенное число дней, и тамъ же всего чаще кончаютъ свою жизнь старики, лишенные неумолимымъ закономъ счастья имѣть подлѣ себя сына. Но, вѣроятно, въ очень недолгомъ времени религіозные обычаи фелашей перейдутъ въ область воспоминаній, такъ какъ эіопское правительство держится того принципа, что подданный долженъ исповѣдывать вѣру своего повелителя.

Каста камантовъ, которые встрѣчаются въ небольшомъ числѣ въ горахъ окрестностей Гондара и въ куаллахъ сѣверо-западной покато-сти Эіопіи, а также въ Шоа, говоритъ языкомъ фелашей и не отличается отъ нихъ типомъ лица, почему и этихъ туземцевъ причисляютъ къ агаусской расѣ. Своими преданіями они связаны съ фелашами и, подобно послѣднимъ, называютъ себя послѣдователями пророка Моисея; если они не празднуютъ субботы, то по крайней мѣрѣ отдыхаютъ въ этотъ день отъ трудовъ; нѣкоторые, говорятъ, воздерживаются отъ работы въ христіанскіе праздники. Однако, и христіане, и евреи смотрятъ на нихъ какъ на язычниковъ; говорятъ, что они ходятъ исполнять нѣкоторые обряды у подошвы скалъ.

Въ началѣ своего царствованія Теодоръ хотѣлъ было обратить ихъ насильно въ христіанскую вѣру; но ему замѣтили, что не годится третировать какъ равныхъ передъ Богомъ людей презираемаго сословія, служащихъ водоносами и дровосѣками у гондарской буржуазіи. Каманты очень трудолюбивы, и въ этомъ отношеніи могли бы служить примѣромъ абиссинцамъ, считающимъ себя выше ихъ: это благодаря имъ, Гондаръ и другіе сосѣдніе города получаютъ каждое утро необходимое продовольствіе²⁾. Какъ орегонцы Новаго Свѣта, какъ ва-куафи, живущіе въ сосѣдствѣ Килиманджаро, и различныя бантусскія племена, камантскія женщины прокалываютъ себѣ мочку ушей при помощи деревянныхъ кружковъ, такъ чтобы наружный хрящъ свѣшивался на плечи. Обитающіе на берегахъ озера Тана войтосы, охотники на бегемотовъ и рыболовы, которые еще недавно говорили агаусскимъ языкомъ, также принадлежать къ первоначальному, коренному населенію: они не подвергаютъ своихъ дѣтей обрѣзанію и питаются безразлично мясомъ чистыхъ и нечистыхъ животныхъ. Целланы, въ той же области, суть кочующіе пастухи.

Племена менса и бого или билентъ, живущія на сѣверной покато-сти Эіопскихъ горъ, въ Сенгитѣ, Сеннагейтѣ или «Прекрасной странѣ», отдѣляющей Сахель отъ Барки, тоже, будто бы, агаусскаго происхожденія, тогда какъ, по мнѣнію Антуана д'Аббади, они происходятъ отъ блемисовъ. Богосы, или вѣрнѣе боасгоры, то-есть сыны Боаса, производятъ свой родъ отъ одного агауса изъ Ласты, который, будто бы, покинул родину около половины шестнадцатаго вѣка, чтобы избѣгнуть грозившей ему вендетты (родовой мести). Живя на военной границѣ между магометанами равнины и христіанами плоскогорья, богосы были почти истреблены тѣми и другими; въ 1858 году общее число ихъ не превышало 8.400 душъ; однако, этотъ слабый обломокъ націи сохранилъ свой языкъ, билентъ, и кое-какіе остатки христіанскихъ вѣрованій и обрядовъ. Хотя низведенный въ своей численности до нѣсколькихъ группъ семействъ, этотъ маленькій африканскій народъ есть, однако, одинъ изъ тѣхъ народовъ, которые сдѣлались предметомъ глубокаго и всесторонняго изученія, такъ какъ ихъ обычаи взяты за типъ обычаевъ, наблюдаемыхъ у всѣхъ населеній сѣверной Эіопіи³⁾. Общество дѣлится на двѣ рѣзко разграниченныхъ класса—классъ «старшихъ», или *шумалье*, и классъ «кліентовъ», или «тигре», изъ чего можно заключить, что эти племена—побѣжденные абиссинцы или иммигранты,

¹⁾ Stern, цитированное сочиненіе.

²⁾ Werner Munzinger, «Ueber die Sitten und das Recht der Bogos»;—G. Lejean, «Revue des Deux Mondes», 1-er juin 1865;—Antoine d'Abbadie, «Bulletin de la Société de Paris», 1866.

³⁾ Henri A. Stern, «Wanderings among the Falashas in Abyssinia».

принятые въ качествѣ просившихъ убѣжища припльцевъ. Тигреецъ—крѣпостной «старшаго» или шумалье; но послѣдній не имѣетъ права продать его: онъ можетъ только уступить его вмѣстѣ съ землей другому помѣщику; онъ даже обязанъ оказывать ему покровительство и защиту, мстить за нанесенныя ему обиды; кровь тигрейца оцѣнивается въ другую плебейскую кровь или въ 93 коровы, тогда какъ кровь шумалье должна быть оплачена другой благородной кровью или 158 головами скота. Старшій сынъ дворянина получаетъ въ наслѣдство его обоюдоострый мечъ, бѣлыхъ коровъ, земли и крѣпостныхъ, но домъ отеческій достается самому младшему изъ сыновей. Дочери, почти всегда выдаваемые замужъ въ очень раннемъ возрастѣ, не наслѣдуютъ послѣ родителей. Добродѣтель женщинъ цѣнится очень высоко, посягнувшій на нее приравняется убійцѣ; но женщина, не пользующаяся уваженіемъ какъ человекъ, цѣнится только какъ вещь, какъ собственность: лично она существо безправное, безответственное, даже не имѣющее никакихъ обязанностей; ее уподобляютъ гнѣвъ, животному, наиболѣе презираемому въ Эіопіи. У богосовъ мужъ никогда не видитъ лица своей тещи и даже никогда не произноситъ ея имени. Съ своей стороны, жена не могла бы, не совершивъ преступленія, назвать имена своего мужа и свекра. По преданію, великолѣпная страна, обитаемая нынѣ богосами, была отечествомъ ромовъ, которые до сихъ поръ еще прославляются въ пѣсняхъ, какъ храбрые воины, «такіе смѣлые, что бросали копьа въ небо». Надъ костями ихъ воздвигнуты каменные памятники, и въ народѣ есть повѣрье, что злые духи стерегутъ сокровища, зарытыя въ этихъ древнихъ могилахъ. Кто были эти ромы? Можетъ-быть, колонисты византійской цивилизаціи, хвалившіеся именемъ римлянъ; можетъ-быть, адултанцы, загнанные внутрь страны мусульманскимъ нашествіемъ ¹⁾).

Къ сѣверу отъ богосовъ, и тоже на передовыхъ террасахъ Эіопскихъ горъ, живетъ племя такуэ, также агаусскаго происхожденія, говорящее биленскимъ нарѣчіемъ, почему этихъ туземцевъ, какъ и богосовъ, называютъ иногда биленами. Подобно большинству своихъ сосѣдей, такуэ съ гордостью называютъ себя—вѣроятно, не безъ основанія—націей побѣдителей; но они уроженцы Африки, по крайней мѣрѣ съ незапамятныхъ временъ, и въ Гамасенѣ еще показываютъ поля, принадлежащія ихъ родамъ. Дамбеласы, на западѣ, тоже абиссинцы, тогда какъ менса, на восточныхъ плато, и мареа, въ гористой области, ограниченной съ сѣвера теченіемъ Ансебы, приписываютъ себѣ арабское происхожденіе и даже производятъ свой родъ отъ дяди пророка Магомета; они

полу-номады, хотя и земледѣльцы, и живутъ въ шатрахъ. Впрочемъ, оба эти племена, менса и мареа, были христіанами, такъ же, какъ такуэ и богосы, и только въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія началось дѣло обращенія ихъ въ магометанскую вѣру, прежде всего бѣдняковъ и поработенныхъ; начальники же приняли новую религію только послѣ обращенія главной массы націи; въ большихъ бѣдахъ они иногда взываютъ о помощи къ старому богу Эгзиабегеру, замѣняемому Аллахомъ въ обычныхъ молитвахъ. Со времени своего вступленія въ лоно ислама, мареа не дѣлаютъ болѣе земляныхъ насыпей надъ могилами покойниковъ, какъ богосы. Въ числѣ около 16.000 душъ, они дѣлятся на два племена—на «черныхъ» и «красныхъ»; но, по странному контрасту, «красные», составляющіе южный отдѣлъ, воздвигаютъ черноватые земли, тогда какъ мареа, «черные», живутъ на почвѣ краснаго цвѣта. Что касается ихъ языка, то они говорятъ нарѣчіемъ побѣжденнаго народа тигрейцевъ, жалкихъ илотовъ, безправныхъ существъ, которыхъ считаются рабами каждаго мареа въ отдѣльности и цѣлой націи, вопреки правиламъ ислама, дающимъ имя братьевъ всѣмъ вѣрующимъ безъ различія. Когда умираетъ кто либо изъ благороднаго сословія, то-есть изъ мареа, каждый домохозяинъ тигреецъ обязанъ привести корову наслѣдникамъ усопшаго. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ расы аристократовъ, которая бы равнялась мареусу по гордости. Оттого «смерть безъ фразъ» есть единственная кара, какая можетъ быть на него наложена; онъ никогда не явится ни передъ какимъ судилищемъ, никогда не унижится до того, чтобы извиниться или оправдываться. Когда кровь расы осквернена рожденіемъ внѣ брака, отецъ, мать, ребенокъ предаются смерти всѣ вмѣстѣ: такъ исчезаютъ слѣды преступленія противъ чистоты породы ¹⁾).

Хабабы или азъ-гиббесы, пастухи, кочующіе къ сѣверу отъ племенъ менса и мареа, на гористыхъ плато, ограниченныхъ съ востока прилегающею къ Красному морю равниной Сахель, съ запада долиной Барки, тоже связаны съ эіопскими населеніями своимъ языкомъ, происходящимъ отъ языка гезъ, какъ и тигрейскій, и преданіями, ибо они были христіане, по крайней мѣрѣ по имени, до половины девятнадцатаго столѣтія; сдѣлавшись изъ земледѣльцевъ номадами, они приняли религію другихъ кочевыхъ племенъ, которыми они окружены. Раздѣленные на маленькія пастушескія республики, все богатство которыхъ заключается въ скотѣ, хабабы перекочевываютъ съ горъ на предгорья и въ равнину, отыскивая мѣста, гдѣ есть вода и пастбища. На зиму великолѣпное плато Нафка, которое можетъ быть разсматриваемо какъ центръ области хабабовъ, совер-

¹⁾ G. Lejean, цитированное сочиненіе.

¹⁾ W. Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

шенно пустѣть и отдается въ полное владѣніе дикимъ звѣрямъ; между тѣмъ остатки построекъ, могилы, расположенныя тремя или четырьмя круговыми уступами ¹⁾, доказываютъ, что прежде эта страна была обитаема осѣдлымъ образомъ: развалины эти приписываются бетъ-малъе или «людямъ богатаго дома» ²⁾, маленькому племени, какъ полагаютъ, принадлежащему къ первобытнымъ жителямъ. Слоны въ землѣ хабабовъ такой же кочевникъ, какъ и люди. Пока продолжаются зимніе дожди, онъ бродитъ цѣлыми группами по восточнымъ скатамъ плоскогорья, на окраинѣ равнины Сахель; затѣмъ, лѣтомъ, поднимается къ высотамъ плато Нафка, чтобы спуститься послѣ на западъ и пробраться въ долину Барки и на склоны абиссинскихъ горъ ³⁾.

Къ западу, къ сѣверу и къ востоку отъ хабабовъ, въ низменностяхъ, тянется полукругомъ смѣшанный поясъ, занимаемый бени-амерами, которые произошли, кажется, отъ смѣшенія абиссинцевъ и беджасовъ, и у которыхъ «бедуинскій» идиомъ беджасовъ борется за преобладаніе съ тигранскимъ діалектомъ, извѣстнымъ въ краѣ подъ именемъ гасса. Сахельскіе небабы, всѣ благородные и признаваемые за таковыхъ сосѣдями, тоже раздѣлены между двумя глоссологическими зонами. Эіопскій элементъ тѣмъ сильнѣе представленъ, чѣмъ ближе племена бени-амеровъ къ большому плоскогорью: племена, живущія въ сосѣдствѣ менсавъ, въ равнинахъ Самхара, говорятъ почти исключительно тигранскимъ нарѣчіемъ ⁴⁾; кровные союзы дѣлаются черезъ дочерей богофовъ и другихъ горныхъ народцевъ, которыхъ, т. е. дочерей, бени-амеры берутъ себѣ въ жены; сами же они слишкомъ горды, чтобы отдавать своихъ дочерей въ замужество къ абиссинскимъ племенамъ. Въ этихъ промежуточныхъ областяхъ, какъ на невольничьихъ рынкахъ, окружающихъ область плоскогорій, можно встрѣтить самые разнообразныя типы, отъ типа агау, съ широкимъ лицомъ и выдающимися скулами, до типа арабовъ или арабизованныхъ, каковы гадендоа или шайкіехи, съ высокимъ лбомъ, съ плоскими щеками, съ тонкимъ носомъ, съ длинными, почти свирѣлыми взглядомъ.

Что касается сахо или шохо, которые занимаютъ къ западу отъ Массовы, покатоствъ плоскогорья Гамасенъ, и которые къ ресурсамъ, даваемымъ скотоводствомъ, прибавляютъ заработки, доставляемые имъ ремесломъ проводниковъ между приморскимъ портомъ и горами, то они признаются нѣкоторыми писателями за истинныхъ абиссинцевъ, тогда какъ большинство путешественниковъ причисляютъ ихъ къ афа-

рамъ или даже къ галласамъ ¹⁾; нарѣчія ихъ, афарскаго происхожденія, походятъ на діалекты, которыми говорятъ во всей южной области до рѣки Ауашъ. Хотя очень умѣренные въ пищѣ, они довольно полные изъ себя, и цвѣтъ лица у нихъ удивительно свѣжій. Господствующая религія у племени шохо, какъ и у всѣхъ народностей поморья, — магометанская; однако, въ сосѣдствѣ плоскогорья встрѣчаются туземцы этого племени, у которыхъ къ мусульманской вѣрѣ примѣшано не мало христіанскихъ воспоминаній, и нѣкоторыя селенія, гдѣ имѣютъ пребываніе миссіонеры, обратились въ католицизмъ. Шохо, хотя номинально подвластные «царю царей», въ дѣйствительности независимы, и начальники ихъ не имѣютъ другаго авторитета, кромѣ имени: всѣ члены племени совѣщаются, какъ равные, въ собраніяхъ, и тотъ изъ нихъ, кто попытался бы продиктовать свою волю, былъ бы исключенъ или преданъ смерти. Соблюденіе насѣдственныхъ обычаевъ, уваженіе общественнаго мнѣнія — вотъ узлы, соединяющія шохо въ сплоченную націю. Законъ крови соблюдается съ крайней строгостію. Убийца долженъ умереть или заплатить цѣну, опредѣленную за человѣческую жизнь. Когда скрывшійся убійца не имѣетъ родныхъ, которые могли бы отвѣтить за него, племя должно заступить ихъ мѣсто, и тогда бросаютъ жребій, чтобы узнать, кто будетъ должникомъ крови. Впрочемъ, иногда бываетъ, что семья убійцы соглашается на его казнь, и въ этомъ случаѣ родные и друзья приходятъ, каждый по очереди, взять свою долю отвѣтственности за смерть, потянувъ веревку, привязанную къ ногамъ казнимаго ²⁾.

Къ западу отъ эіопскихъ плоскогорій, на предгорьяхъ, обращенныхъ къ Атбарѣ, Рахаду, Деидеру, Голубой рѣкѣ и ея притоку Тумату, скрещенія абиссинской расы происходили не съ арабами или афарами, но съ другими этническими элементами, съ негритянскими народностями. Общее имя, даваемое этимъ туземцамъ, населяющимъ западный склонъ горъ Эіопія, — шангалла или шанкалла: подъ этимъ наименованіемъ соединяютъ множество племенъ, различныхъ по наружному виду, языку и происхожденію. Они схожи между собою только цвѣтомъ кожи, почти чернымъ, да состояніемъ относительнаго варварства, въ которомъ ихъ поддерживаютъ постоянныя войны и непрерывная охота на человѣка. Съ незапамятныхъ временъ и понынѣ эіопскіе «бароны», живущіе въ сосѣдствѣ шангалласкихъ племенъ, считаютъ однимъ изъ драгоценнѣйшихъ своихъ правъ право спускаться въ лѣса предгорій со своей шайкой загонщиковъ и стрѣлковъ, убивать несчастныхъ, осмѣливающихся защищать

¹⁾ Th. von Henglin, "Reise in Nordost-Africa".

²⁾ Henri Duveyrier, рукописныя замѣтки.

³⁾ Th. von Henglin, "Bulletin de la Société de Géographie du Caire", 1876.

⁴⁾ Werner Munzinger, "Ostafrikanische Studien".

¹⁾ Ed. Rüppel, "Reise in Abyssinien".

²⁾ Ach. Raffrey, "Abyssinie".

свои деревни, и уводить партію плѣнниковъ, чтобы презентовать ихъ своему государю или продать торговцамъ невольниками. Въ сосѣдствѣ равнины, шавгалласамъ угрожаетъ другой врагъ,—арабы, которые тоже обратили въ рабство значительную часть чернокожаго населенія. Наконецъ, на югѣ нашествія галласовъ или ильмъ-орма часто сопровождались обезлюдненіемъ страны; правда, галласы, опустошивъ нѣкоторые округа, сами поселились въ нихъ на жительство: таковы, къ западу отъ Абая, галласы провинці Меча, сдѣлавшіеся постоянными жителями на абиссинской территоріи; у этихъ галласовъ нѣтъ болѣе ярыхъ враговъ, чѣмъ ихъ прежніе соотечественники: патриотизмъ измѣнился вмѣстѣ съ почвой ¹⁾).

Цивилизованные эіопы плоскогорій составляютъ двѣ главныя группы, различающіяся языкомъ и преданіями: жители Тигре, то-есть сѣверо-восточныхъ возвышенностей, и жители Амгары и Шоа, западныхъ и южныхъ областей. Тигрейцы, давшіе свое имя занимаемой ими провинціи, имѣютъ, можетъ-быть, немного болѣе рѣзкія черты лица, чѣмъ другіе абиссинцы, отъ которыхъ ихъ, впрочемъ, трудно отличить; но они говорятъ особеннымъ языкомъ, тигринья, происшедшимъ отъ геза, классическаго языка, на которомъ написаны религіозныя книги, и на которомъ священнослужители совершаютъ богослуженіе въ церквахъ, какъбы для того, чтобы придать болѣе святости своимъ молитвамъ и славословіямъ, произнося слова, непонятныя народу. Семитическіе корни геза встрѣчаются, болѣе или менѣе смѣшанные со словами языка аборигеновъ и со словами галласскаго происхожденія, въ діалектѣ тигринья, такъ же, какъ въ родственномъ нарѣчій тигріе (тигре, тиграй), употребляемомъ населеніями сѣвернаго склона горъ, въ высокихъ долинахъ притоковъ Барки. «Бедуинскій» языкъ хабабовъ есть гезъ, сохранившійся почти безъ измѣненій, и часто бывали примѣры, что абиссинскіе теологи нарочно отправлялись въ сѣверныя горы и подолгу жили среди этихъ смиренныхъ пастуховъ, чтобы изучить въ живой рѣчи начала своего священнаго языка ²⁾. Другое нарѣчіе того же происхожденія, гасса, мало отличающееся отъ тиграй, сохранилось у беніамеровъ, въ равнинахъ Самхара, прилежащихъ къ Красному морю; но у этого народа, гдѣ арабскій элементъ борется съ элементомъ эіопскимъ, первый постепенно одерживаетъ верхъ; съ этой стороны, глоссологическій поясъ Абиссиніи мало-по-малу суживается въ пользу арабскаго языка, подобно тому, какъ до недавняго времени христіанская религія была оттѣсняема исламомъ.

Изъ двухъ главныхъ эіопскихъ языковъ,

тигринья и амхаринья, послѣдній, также происшедшій отъ геза, болѣе распространенъ, благодаря превосходству цивилизаціи, принадлежащему жителямъ Амхары, и ихъ политическому преобладанію. Амхаринья—языкъ торговли и дипломатіи; онъ въ то же время и языкъ литературный, имѣющій свою особенную азбуку, состоящую изъ 33 буквъ, каждая съ 7 различными формами, слѣдовательно, всего изъ 251 знака, которые пишутся отъ лѣвой руки къ правой, какъ въ нашихъ европейскихъ языкахъ, и число сочиненій, написанныхъ на этомъ языкѣ, уже настолько значительно, что они составляютъ цѣлыя библіотеки. Важнѣйшія изъ этихъ библіотекъ находятся въ Европѣ, и первое мѣсто между ними занимаетъ абиссинская библіотека Британскаго музея, которая заключаетъ 348 сочиненій, взятыхъ большей частью изъ коллекцій царя Θεодора. Большинство амхаринскихъ книгъ духовнаго содержанія и составлены для назиданія вѣрующихъ, но магія, исторія, грамматика тоже представлены въ собраніяхъ эіопскихъ сочиненій, наприкладъ, въ библіотекѣ д'Аббади, состоящей изъ 234 рукописей ³⁾. Наука обладаетъ уже тремя словарями языка амхаринья; новѣйшій изъ нихъ, составляющій филологическій трудъ капитальной цѣнности, есть тотъ, надъ которымъ д'Аббади работалъ болѣе четверти столѣтія. Что касается нарѣчій тигринья, то они не имѣютъ никакой литературы.

Абиссинцы различныхъ провинцій, Тигре и Амхары, представляютъ значительные контрасты, смотря по мѣсту жительства, роду занятій, пищѣ, расовымъ смѣшеніямъ; но если не брать въ расчетъ крайностей, измѣняющихся отъ негритянскаго типа до типа бѣлыхъ европейцевъ, то можно сказать, что въ цѣломъ эіопы отличаются красивымъ, пропорциональнымъ тѣлосложеніемъ и правильностію чертъ лица. Большинство средняго роста (1,60 метра; отъ 1,56 до 1,65 метр.) ²⁾, широкоплечи, немного худощавы, но удивительно изящны въ жестахъ и манерѣ держать себя; одѣтые въ свою шуму, похожую на римскую тогу, они располагаютъ съ большою граціей складки костюма, сообразно подвижнымъ впечатлѣніямъ своего ума. Лобъ у нихъ вообще высокій, носъ прямой или даже орлиный, губы толстыя, ротъ болѣе выдвинутый, чѣмъ у европейца, подбородокъ заостренный. Голова, продолговатая, покрыта волосами слегка вьющимися, почти курчавыми, часто расположенными въ видѣ маленькихъ пучковъ, извѣстныхъ у мусульманъ, торговцевъ невольниками, подъ именемъ фильфиль или «зеренъ перца». Борода у абиссинцевъ, какъ и у большинства африканцевъ, рѣдкая; точно такъ же, подобно другимъ афри-

¹⁾ Arnaud d'Abbadie, «Douze ans dans la haute Ethiopie».

²⁾ Werner Munzinger, «Ostafrikanische Studien».

³⁾ Ant. d'Abbadie, «Catalogue raisonné de manuscrits éthiopiens».

²⁾ Hartmann, «Abyssinien».

канцамъ, они имѣютъ привычку, моргая, щурить свои большіе глаза, что часто придаетъ ихъ фیزیономіи нѣсколько фальшивое и вѣро-
янное выраженіе. Что касается цвѣта кожи,

темно-желтый, иногда выпадающій въ кирпично-красный; у абиссинки цвѣтъ лица обыкновенно довольно свѣтлый, такъ что можно замѣтить внезапно выступившую краску. Въ молодости

Горы Сименъ.

въ Эфиопіи увидишь всѣ оттѣнки, отъ совершенно чернаго цвѣта негра до смуглаго цвѣта блѣднаго европейца, прибрежнаго жителя Средиземнаго моря; но господствующій цвѣтъ—

большинство женщинъ очень граціозны, но періодъ красоты продолжается недолго; ростъ ихъ пропорціонально меньше, чѣмъ ростъ мужчинъ; по Гартману, онъ равняется, въ сред-

немъ, отъ 1,45 до 1,48 метра, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ превосходить эту высоту.

Эіопы, мужчины и женщины, всѣ имѣютъ внутреннихъ нахлѣбниковъ въ видѣ солитеровъ. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что причина этого паразитизма — употребленіе въ пищу сыраго мяса, общераспространенное у абиссинцевъ, за исключеніемъ жителей сѣверной провинціи Серауэ, употребляющихъ исключительно растительную пищу ¹⁾. Въ прошломъ столѣтіи рассказы Брюса объ абиссинскихъ пирахъ, гдѣ главное блюдо составляетъ *брондо*, то-есть еще трепещущее мясо только-что убитаго быка, приправленное перцемъ и пиментомъ, были встрѣчены общимъ недоумѣніемъ и дали поводъ къ обвиненію шотландскаго изслѣдователя въ недобросовѣстности; но всѣ путешественники, посѣтившіе послѣ него эіопскія плоскогорья, только подтвердили его слова. Чтобы избавиться отъ своего докучливаго гостя, абиссинцы прибѣгаютъ къ декокту изъ листьевъ куссо, къ горькой корѣ и къ другимъ растительнымъ лекарствамъ; но обыкновенно они предпочитаютъ лучше подвергнуться опасности заболѣванія глистами, чѣмъ отказаться отъ лакомаго *брондо*. Между различными недугами, которыхъ должны опасаться жители нагорья, нужно упомянуть на первомъ мѣстѣ проказу, довольно обыкновенную въ куаллахъ и особенно въ селеніяхъ, обитаемыхъ феллахами ²⁾; высокія долины въ Эіопіи такъ же, какъ въ Европѣ и Южной Америкѣ, имѣютъ много зобатыхъ между своими обитателями, особенно между женщинами ³⁾. По словамъ англичанина Бланка, медика, бывшаго долгое время плѣнникомъ царя Теодора, смертность поражаетъ въ особенности женщинъ въ родахъ, тогда какъ въ сосѣднихъ странахъ роды вообще очень легки. Раны медленно заживаютъ въ Абиссиніи, и малѣйшая контузія часто влечетъ за собой трудно-излечимыя болѣзни костей; а между тѣмъ ампутаціи рукъ и ногъ, такъ же, какъ кастраціи, столь частыя въ этой странѣ пыточниковъ и старыхъ солдатъ, дѣлаются почти всегда безъ смертельныхъ послѣдствій, и исцѣленіе вообще идетъ быстро ⁴⁾. Жители высокихъ плато боятся лихорадочнаго воздуха куаллъ не меньше европейцевъ и не спускаются ниже 1.000 метровъ высоты въ дождливое время года. Опасность, которой подвергаются горцы подъ убійственнымъ вліяніемъ влажной жары, есть лучшая гарантія для населеній равнины противъ всякихъ нападений со стороны абиссинцевъ: когда «царь царей» хочетъ наказать какой-нибудь народецъ жаркихъ земель, онъ посылаетъ туда предпочти-

тельно галласскихъ воиновъ, на половину акклиматизованныхъ своимъ пребываніемъ въ лѣсахъ Южной Эіопіи. Впрочемъ, охотники на слоновъ и негропромышленники, спускающіеся въ низменныя области въ погонѣ за своей дичью, могутъ, говорятъ, безнаказанно пренебрегать миазмами равнины; они каждый день окуриваютъ себя сѣрой ⁵⁾.

Европейцы, путешествовавшіе по Абиссиніи, различно изображаютъ характеръ эіопскихъ населеній, смотря по тому, имѣли ли они поводъ жаловаться на туземцевъ, или остались довольны оказаннымъ имъ приѣмомъ. Тѣмъ не менѣе, изъ ихъ описаній можно сдѣлать тотъ общій выводъ, что амхаринцы и тигрейцы отличаются живымъ умомъ, большимъ запасомъ природной веселости и привѣтливостію. Не учившись искусству хорошо говорить, они, однако, выражаются съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, поддерживаемымъ благородствомъ позы и пристойностію жестовъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые посѣщали школу, гдѣ, за исключеніемъ чтенія, не научились почти ничему, кромѣ пустыхъ формулъ (число грамотныхъ между амхаринцами составляетъ одну пятую, между тигрейцами одну двѣнадцатую ⁶⁾), вносятъ въ свою бесѣду, всегда блестящую, только банальности или софизмы; они съ граціей касаются слегка, поверхностно всѣхъ сюжетовъ, не углубляясь въ нихъ, мысль ихъ всегда перебѣгаетъ съ предмета на предметъ, не сосредоточиваясь ни на одномъ. Преисполненные самолюбія, тщеславные, иногда щепетильные, они легко увлекаются въ смѣлыя предпріятія: никакая будущность не кажется слишкомъ славной ихъ честолюбію; но въ случаѣ неудачи они принимаютъ злую судьбу съ полной покорностію. Въ этой странѣ, гдѣ междоусобныя войны порождаютъ такіе быстрые превратности въ жизни, нужно быть готовымъ ко всякимъ перемѣнамъ, ждать безъ волненія перехода отъ бѣдности къ богатству, безъ страха—паденія изъ роскоши въ нищету: среди абиссинцевъ нѣтъ сумасшедшихъ. Печальное политическое состояніе Эіопіи объясняетъ происхожденіе многихъ пороковъ, свойственныхъ ея обитателямъ. Безпрестанныя войны отвращаютъ населеніе отъ мирныхъ занятій; солдаты, живущіе грабежомъ, монахи, питающіеся подаеніемъ, заставляютъ презирать трудъ, и вся работа падаетъ на женщинъ и рабовъ. Какъ смиренные феллахи Египта, абиссинцы часто столь гордые, не считаютъ для себя униженіемъ выпрашивать подаянны: «Богъ далъ намъ языкъ для того, чтобы просить», говорятъ они цинически. У шогосовъ любовь къ бакшишу доходитъ до того, что многіе начальни-

¹⁾ Werner Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

²⁾ Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“.

³⁾ G. Rohlf, „Meine Mission in Abessinien“.

⁴⁾ D-r Petit, Notes au „Voyage en Abyssinie“ par Lefebvre.

⁵⁾ Antoine d'Abbadie, „Séance de la Société de Géographie de Paris“, 14 avril 1882.

⁶⁾ Gobat, „Journal of a three years residence in Abyssinia“.

из племени велеть хоронить себя съ рукой, врытой въ землю, какъ бы для того, чтобы просить еще изъ глубины могилы¹⁾. Другой обыкновенный порокъ у абиссинскаго народа — недостатокъ правдивости. Истина не можетъ быть уважаема въ этой странѣ споровъ и тонкостей теологическихъ, гдѣ каждое толкованіе опирается на священный текстъ. Произнеси клятву, которую онъ не имѣлъ намѣренія сдержать, одинъ царь страны Шоа, рассказываетъ Вазениа, каждый разъ скребъ языкъ между зубами и плевалъ кругомъ себя, призывая своихъ царедворцевъ въ свидѣтели, что онъ чиститъ себя ротъ: данная клятва уничтожалась этой церемоніей. «Ложь придаетъ рѣчи «соль», которой всегда недостаетъ чистой правды», говорилъ одинъ абиссинецъ французскому изсѣдователю Антуану д'Аббади.

Хотя эѳіопы причисляются къ «цивилизованнымъ» народамъ, земледѣліе ихъ пребываетъ еще въ первобытномъ состояніи: сохи у нихъ зачастую имѣютъ, вмѣсто лемеха, просто заостренный колъ или наконечникъ копья, раздирающій только почву, не переворачивая ее; послѣ сѣва, никакого ухода, никакой заботы не прилагается къ землѣ до момента жатвы; нѣкоторыя растенія, очень полезныя по своимъ плодамъ или промышленнымъ продуктамъ, остаются въ дикомъ состояніи. Даже сборъ дикорастущихъ плодовъ или продуктовъ дѣлается небрежно; такъ, на примѣръ, камедь, производимая въ изобиліи акаціями въ равнинахъ Сахель, въ Самхарѣ и на покатоствахъ Эѳіопской цѣпи, собирается только въ непосредственномъ сосѣдствѣ торговыхъ тропинокъ между Массовой и плоскогорьями. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что многіе растительные виды были введены въ странѣ — между прочимъ, виноградъ — въ эпоху торговыхъ сношеній съ Византіей; въ этомъ столѣтіи Шимперъ распространилъ культуру картофеля, нѣмецкіе миссіонеры привнесли съ собой красную капусту, паша Мунцингеръ (австріецъ) на дѣлалъ область богосовъ многими новыми растеніями. Если бы годныя къ воздѣлыванію земли Абиссиніи утилизовались такъ же, какъ утилизируются земли наиболѣе производительныхъ европейскихъ колоній, Эѳіопскія плоскогорья могли бы снабжать кофе и хиной все ширшіе рынки, а долины предгорій соперничали бы съ Соединенными Штатами по культурѣ хлопчатника.

Обработывающая промышленность находится въ такомъ же заброшѣ, какъ и земледѣліе, хотя эѳіопы несомнѣнно имѣютъ достаточно смѣлости и довольно искусныя руки, чтобы быть въ состояніи самимъ утилизировать свое сырье, вмѣсто того, чтобы отправлять его

за границу и получать обратно въ переработанномъ видѣ: безпрестанныя войны, во время которыхъ, случалось, все способное къ работѣ населеніе было призываемо подъ знамена, презрѣніе къ труду и къ трудящимся, выдаваемое во всѣхъ странахъ съ феодальнымъ и рабовладѣльческимъ строемъ, не позволили абиссинцамъ развивать свое искусство и природную склонность къ промышленности. Занятіе плотничнымъ, столярнымъ, каменщинымъ ремесломъ предоставлено евреямъ фелашамъ. Тѣ же фелашы фабрикуютъ всякаго рода орудія, инструменты и оружіе, рискуя, взаменъ этихъ услугъ, быть ненавидимыми и преслѣдуемыми, какъ *буды*, то-есть оборотни или по крайней мѣрѣ какъ колдуны. Нѣсколько семействъ, происходящихъ отъ индусовъ, и натурализованные армяне украшаютъ филиграновой работою щиты, мечи и сѣдла, выдѣлываютъ драгоценности и галантерейныя вещи, оправляютъ камни для женскихъ ожерельевъ и браслетовъ; европейскіе мастера, живущіе при дворѣ, тоже способствуютъ въ извѣстной мѣрѣ промышленному производству Эѳіопіи. Тонкія бумажныя ткани, употребляемыя для шумъ и другихъ принадлежностей одежды, фабрикуются въ краѣ, но бахрама красная и синяя, которой обшиваютъ края, получается вообще изъ за границы. Подобно сосѣднимъ магометанскимъ народамъ, абиссинцы очень искусны въ приготовленіи кожъ всякаго рода, изъ которыхъ они выдѣлываютъ множество разнообразныхъ вещей: щиты, сѣдла, амулеты. Большинство жителей сами шьютъ себѣ одежду и сами же моютъ ее съ помощью сѣмянъ растенія *эндотъ*, замѣняющихъ мыло: въ праздничные дни они считаютъ за честь показываться въ одеждѣ ослѣпительной бѣлизны. Что касается искусства въ собственномъ смыслѣ, то обыкновенно полагаютъ, хотя и ошибочно, что оно неизвѣстно абиссинцамъ. Большинство европейскихъ путешественниковъ съ насмѣшкой отзываются о произведеніяхъ туземныхъ художниковъ, и нѣкоторыя варварскія фрески дѣйствительно таковы, что вполне оправдываютъ эти незастылые отзывы. Однако, эѳіопская школа, происшедшая отъ церковной живописи византійцевъ, произвела нѣсколько картинъ, отличающихся по крайней мѣрѣ вдохновеніемъ и энергіей: въ руинахъ Коскоамскаго дворца, близъ Гондара, можно видѣть рядомъ португальскія фрески и абиссинскую живопись, и нельзя сказать, чтобы чужеземные художники, съ ихъ безжизненными, лишенными всякаго выраженія, лицами святыхъ, выигрывали при сравненіи. Впрочемъ, въ Абиссиніи нѣтъ недостатка въ живописцахъ-новаторахъ, которые смѣлостію своей кисти протестуютъ противъ неподвижности традиціонныхъ правилъ и рутинныхъ пріемовъ²⁾. Они пускаются даже въ

¹⁾ Lefebvre, цитированное сочиненіе.

²⁾ Guillaume Lejean, „Voyage en Abyssinie“.

госовъ и менсаевъ. Въ небольшомъ разстояніи къ востоку находится резиденція шума, претендующаго на титулъ «морскаго царя»: это деревня Асмара, лежащая на самомъ краю Эіопскаго нагорья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, достигнувъ покатости Краснаго моря, спускается зигзагами въ равнину. Нѣкоторыя другія группы жилищъ раздѣляютъ съ Асмарой выгоду быть мѣстомъ роздыха для каравановъ по прибытіи ихъ на хребетъ тигрейскаго плоскогорья. Казенъ, къ сѣверо-западу отъ Асмары, на конечномъ выступѣ Гамасена, тоже командуетъ одною изъ дорогъ, спускающихся къ Массовѣ, видимой иногда въ 75 километрахъ по прямой линіи, между сѣрою линіей горизонта и сѣрою поверхностію моря. Изъ Казена другая караванная дорога спускается къ сѣверо-востоку, направляясь къ Сентиту и столицѣ земли богосовъ, Керену, лежащему уже въ куалѣ, на высотѣ 1.452 метровъ, среди масляныхъ рощъ; возлѣ города египтянами была построена крѣпость, называемая Сентитомъ, какъ и самый край, но въ силу трактата, заключеннаго съ англичанами, она должна быть эвакуирована и передана эіопскому царю. Керенъ былъ центромъ католическихъ миссій въ сѣверной Абиссиніи, и изъ его большой семинаріи вышли многочисленные туземные священники для церквей, разбѣянныхъ въ разныхъ провинціяхъ имперіи. Почти все населеніе страны богосовъ и менсаевъ покинуло магометанскія обрядности, чтобы вернуться въ лоно христіанства, но подъ новой формой, проповѣдуемой миссіонерами лазаристами.

Спускаясь отъ Асмары къ Красному морю, дорога огибаетъ на сѣверѣ массивъ передовыхъ горъ, на одной изъ которыхъ находится знаменитый монастырь Виджанъ или Бизанъ, основанный въ четвертомъ столѣтіи и часто упоминаемый у португальскихъ писателей подъ именемъ монастыря Видѣнія: богомольцы, и въ числѣ ихъ путешественникъ Понсе, въ 1700 году, видѣли тамъ золотое облако, плавающее въ воздухѣ. Около тысячи монаховъ живутъ въ этой обители и въ принадлежащихъ къ ней общинахъ. У подошвы горъ, деревня Айлетъ, отдѣленная отъ приморской равнины цѣпью холмовъ, занимаетъ дно прекрасной долины, которая могла бы сдѣлаться одною изъ богатѣйшихъ земледѣльческихъ мѣстностей, а въ сосѣдствѣ, въ 5 километрахъ къ югу, быть изъ земли горячіе ключи (59° Цельсія), довольно обильные, чтобы образовать ручей; окружающая почва, до 50 метровъ вокругъ отверстія, изъ котораго выходятъ эти воды, настолько горяча, что по ней нельзя ходить босыми ногами. Спускаясь съ плоскогорья, абиссинцы имѣютъ обыкновеніе окунуться въ Айлетскій источникъ и иногда даже купаютъ въ немъ своихъ барановъ; въ той части этого горячаго ручья, гдѣ вода уже охладилась до 48 граду-

совъ¹⁾, живетъ жестоккрылое насѣкомое, укушеніе котораго ядовито. На сѣверѣ, въ Самхарѣ, видны многочисленные остатки древности, между прочимъ, могилы, изъ которыхъ нѣкоторыя походятъ на мегалитовые памятники Франціи²⁾. Древній городъ, теперь пустынный, покрываетъ пространство, имѣющее нѣсколько километровъ въ окружности.

Въ равнинѣ нѣсколько станцій слѣдуютъ одна за другой до Массовскаго берега, какъ-то: Сати, или «Луки», получившая это названіе отъ скопленій стоячей воды, которыя тамъ обыкновенно встрѣчаются въ сухое время года въ высохшихъ ложахъ потоковъ; Мкулу, которую проживающіе въ Массовѣ европейцы выбрали мѣстомъ лѣтняго пребыванія, и которую они обсадили группами тамариндовъ и другихъ деревьевъ; Готумлу, резиденція шведскихъ миссіонеровъ и мѣстопробываніе ихъ школѣ. На югѣ, деревня Аркико, дома которой проглядываютъ между мимозами, есть нѣчто въ родѣ столицы: тамъ имѣетъ пребываніе наибъ, происходящій отъ династіи начальниковъ, которые съ конца шестнадцатаго столѣтія служатъ посредниками для торговли между Эіопіей и Массовой; жители этого края состоятъ подъ двойной зависимостью отъ купцовъ сосѣдняго порта и отъ абиссинцевъ плоскогорья, которыхъ право собственности на землю существуетъ изъ вѣка въ вѣкъ и которые каждый годъ подновляютъ это право зимними посѣвами³⁾. Турки, овладѣвъ островомъ и поморьемъ въ 1557 году, попробовали сначала управлять непосредственно прибрежными населеніями; но, убѣдившись въ своемъ безсиліи противъ неумовимыхъ враговъ, кочевниковъ, передали свою власть начальнику белаусовъ, племени народа хабабъ, кочевавшему въ окружающихъ равнинахъ; даже гарнизонъ Массовы, состоявшій главнымъ образомъ изъ босняковъ, слился мало-по-малу съ хабабами посредствомъ смѣшанныхъ браковъ⁴⁾. Сдѣлавшись наибомъ или «намѣстникомъ» вице-королей Геджаса, вождемъ белаусовъ сталъ получать опредѣленную субсидію отъ турецкаго правительства, но съ обязательствомъ защищать турецкіе или абиссинскіе караваны отъ всякихъ нападений со стороны сосѣднихъ народцевъ, представлять сюзерену часть пошлинъ, платимыхъ купцами, и снабжать островъ необходимою для продовольствія водой. Послѣ того нерѣдко возникали несогласія между наибомъ и массовскими островитянами; водопроводы часто бывали перерѣзаны; нерѣдко и самъ наибъ, прогнанный изъ Аркико, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ внутри страны. Случалось также, что государи Эіопіи, которымъ необходимо, чтобы во-

¹⁾ G. Lejean, «Voyage en Abyssinie».

²⁾ G. Rohlfs, «Meine Mission in Abyssinien».

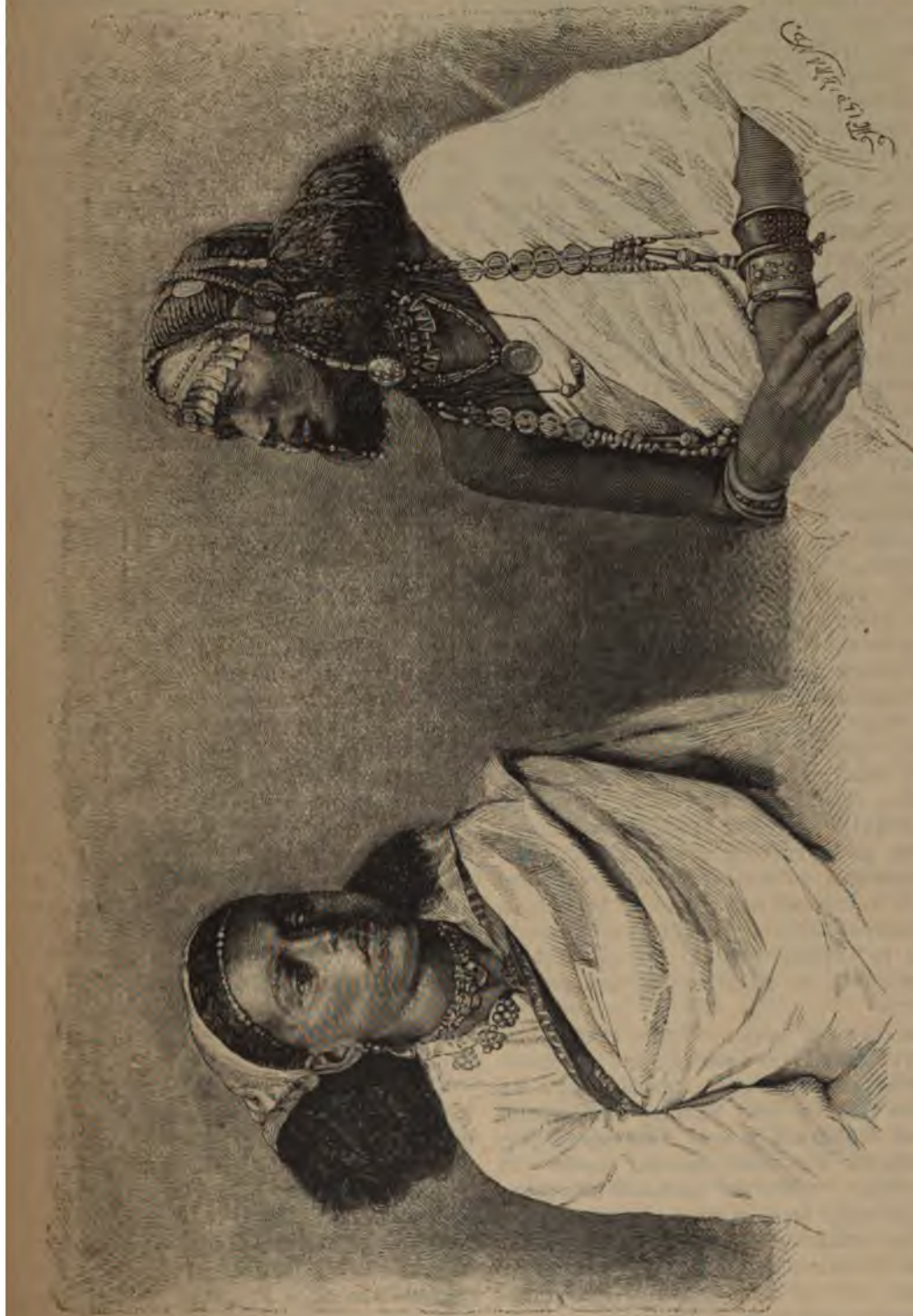
³⁾ Munzinger;—Rohlfs, etc.

⁴⁾ Werner Munzinger, «Ostafrikanische Studien».

домъ съ ихъ храмами; но они боятся, чтобы
ращеніе въ иноземную вѣру не было прелю-
бъ завоеванія. «Миссіонеры будутъ пользо-
ваться свободой дѣйствія въ моемъ царствѣ—

«я англичанинъ, потому что протестантъ!»¹⁾.
Позднѣе онъ даже запретилъ иностранцамъ
всякую проповѣдь и терпѣлъ ихъ только въ ка-
чествѣ ремесленниковъ. Собственная его судь-

Эѳіопка и арабъ.—Хартумскіе невольники.

ворилъ принцъ Касса, сдѣлавшійся впослед-
ствіи знаменитымъ царемъ Θεодоромъ,—но
то условіемъ, чтобы мои подданные не гово-
рили: «я французъ, потому что католикъ», или

ба должна была оправдать слова, которыя онъ
часто повторялъ: «Сначала миссіонеры, потомъ

¹⁾ Picard, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1871.

ковныя ограды служатъ кладбищами, и деревья, сажаемыя на могилахъ абиссинцевъ, считались бы и на Западѣ деревьями печали; это представители семейства хвойныхъ: кедры, тисы, можжевельники.

Королевская власть неограничена въ принципѣ, но *de facto* она сдерживается силою обычая и особенно могуществомъ тысячи безпокойныхъ вассаловъ и общинъ, населенныхъ ленниками, людьми со щитомъ или съ дротикомъ, крестьянами-дворянами, которыхъ малѣйшее измѣненіе политическаго равновѣсія можетъ соединить противъ царя. Можно предсказать съ большою вѣроятностію, что пока удобные пути сообщенія, проложенные по горнымъ хребтамъ и черезъ ущелья, не соединяютъ плоскогорья одно съ другимъ и не дадутъ странѣ недостающей ей нынѣ политической и экономической связи, до тѣхъ поръ Эіопія будетъ обречена на феодальный порядокъ. Каждый массивъ, усаженный деревьями или поселками, но точно ограниченный глубокими оврагами, составляетъ естественный ленъ, надъ которымъ господствуетъ амба или «столовая гора», такъ сказать, напередъ указанная условіями мѣстности, какъ мѣстопребываніе владѣтеля: съ высоты своей нагорной площади онъ обозрѣваетъ окрестности, высчитывая заранѣе на разстилающихся внизу поляхъ долю сбора плодовъ, которую дастъ ему барщина, и подстергая чужеземцевъ, которые заплатятъ ему проходную пошлину. Конечно, сюзеренъ старается жаловать большіе церковные или военные лены только членамъ царской фамиліи или преданнымъ слугамъ; кромѣ того, онъ окружаетъ себя постоянной арміею *воттоаддеровъ* или наемныхъ воиновъ, теперь хорошо вооруженныхъ скорострѣльными ружьями, «одѣтыхъ въ огонь», какъ европейскіе солдаты, что извѣщаетъ его отъ необходимости прибѣгать къ поддержкѣ безпокойныхъ феодаловъ или добровольцевъ; равнымъ образомъ онъ старается удерживать при дворѣ тѣхъ изъ вассаловъ, которымъ особенно недовѣряетъ, но его честолюбіе сталкивается съ другими честолюбіями, его хитрость должна бороться съ другими хитростями, и счастье не всегда улыбается одному и тому же человѣку. Новая исторія Эіопіи показываетъ, съ какою быстротою власть переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія, отъ сюзерена къ вассалу; хотя всѣ *негу-негести*, «цари царей», «государи Израіля», стараются связать свою генеалогію съ Соломономъ и царицей Савской, матерью Менелика, перваго эіопскаго царя, и носить на своихъ штандартахъ «льва колѣна Іудина», но имъ недостаетъ давности, чтобы убѣдить своихъ подданныхъ: царское достоинство не было прочно узаконено многочисленнымъ рядомъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ монарховъ. Въ дѣйствительности, императоръ абиссинскій властвуетъ

только надъ той почвой, на которой расположено станомъ его войско, и надъ широко открытыми городами, гдѣ его наѣзники могутъ появиться при малѣйшей тревогѣ.

Какъ въ принципѣ эіопскіе короли неограниченные повелители, такъ точно губернаторы провинцій, владѣльцы леновъ, *шумы* или «начальники» каждаго города, мѣстечка или селенія, имѣютъ право все дѣлать, безъ всякой отвѣтственности, кромѣ какъ передъ высшимъ начальствомъ. Существуетъ, впрочемъ, сводъ законовъ, «руководитель государей», составленіе котораго приписывается Константину Великому, и который, безъ сомнѣнія, восходитъ къ той эпохѣ, когда византійское вліяніе было преобладающимъ въ восточномъ мірѣ. Въ силу этого кодекса, который заключаетъ многія изъ предписаній Пятикнижія и различныя заимствованія изъ законовъ Юстиніана ¹⁾, отецъ имѣетъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми, такъ же, какъ царь надъ своими подданными; возмущеніе сына противъ отца, вассала противъ его господина наказывается ослѣпленіемъ или смертію, богохулецъ и лжецъ, призавшій все имя Божіе и царское, подлежитъ урѣзанію языка; воръ теряетъ правую руку, убійца выдается съ головой семьѣ жертвы и убивается такимъ же образомъ, какъ онъ самъ убилъ; однако, если убійство было невольное, потерпѣвшее семейство должно принять цѣну крови. Отрѣзанные или отрубленные члены осужденныхъ всегда поджариваются передъ глазами жертвъ и затѣмъ отдаются имъ, обмокнутые въ масло, дабы они могли сохранить ихъ и предать погребенію вмѣстѣ съ остальнымъ тѣломъ, такъ чтобы виновный всталъ цѣлымъ въ день общаго суда ²⁾. Курить запрещено, «потому что табакъ выросъ на могилѣ Арія», и нѣкоторые фанатическіе цари приказывали отрѣзывать губы виновнымъ въ куренія бѣсовскаго зелья ³⁾. Рѣдко случается, чтобы начальникъ приговаривалъ къ тюремному заключенію: цѣпь съ крѣпкими кольцами на концахъ прикрѣпляется однимъ концомъ къ правой рукѣ узника, другимъ къ лѣвой рукѣ его сторожа, который такимъ образомъ самъ становится плѣнникомъ; оттого онъ старается поскорѣе избавиться отъ своего стѣснительнаго товарища посредствомъ какого-нибудь компромисса или посредствомъ окончательнаго суда ⁴⁾. Челобитчикъ является съ камнемъ на шеѣ передъ грозными очами разгнѣваннаго начальника. Когда абиссинецъ хочетъ жаловаться на другаго, онъ привязываетъ свою тогу къ тогѣ противника, и послѣдній не можетъ отвязаться, не признавъ себя *ipso facto*

¹⁾ Ed. Rüppel, «Reise in Abyssinien».

²⁾ Lefebvre, «Voyage en Abyssinie».

³⁾ Stern; — Tagliabue, «Esploratore», giugno 1882; — Gabr. Ferrand, «Le Comal».

⁴⁾ Arnaud d'Abbadie, цитированное сочиненіе.

виновнымъ; онъ долженъ слѣдовать за обвинителемъ къ суду, и обѣ стороны, обнаживъ плечи и спину, какъ бы въ ожиданіи удара, ищущихъ постигнуть того и другого, просятъ представителя правосудія о разборѣ ихъ дѣла. На судѣ каждый лично ведетъ свою защиту; было бы постыдно поручать веденіе своего дѣла третьему лицу: титулъ адвоката считается позорнымъ, и назвать кого ниудь этимъ именемъ значить нанести ему обиду. Часто абиссинцы обращаются къ какому-нибудь ребенку, чтобы онъ разсудилъ ихъ; невинное само, дитя считается лучшимъ судьей для рѣшенія вопроса: кто правъ, кто виноватъ; выслушавъ съ важнымъ видомъ тяжущихся и свидѣтелей, маленький Соломонъ произноситъ свой приговоръ, который всѣ принимаютъ съ величайшимъ уваженіемъ, и который иногда бываетъ окончательнымъ рѣшеніемъ возникающаго спора.

Рабаго существуетъ въ Абиссиніи, но только по отношенію къ чернокожимъ, которые составляютъ весьма незначительную часть народонаселенія. Господинъ не имѣетъ права жизни и смерти надъ личностію невольника, и даже подлежалъ бы уголовной карѣ, если бы продалъ его; вообще послѣ нѣсколькихъ лѣтъ рабства, онъ отпускаетъ его на волю, снабжая при этомъ земледѣльческими орудіями, инструментами или деньгами, необходимыми для его содержанія: сдѣлавшись кліентомъ, вольно-отпущенный увеличиваетъ значеніе своего бывшего господина¹⁾. До принудительнаго обращенія мусульманъ въ христіанскую вѣру, вся торговля человѣческимъ мясомъ производилась черезъ ихъ посредство. Какъ американскіе аболіціонисты, но съ совершенно противоположной цѣлью, неготорговцы установили было «подземную дорогу», то-есть рядъ потайныхъ невольничьихъ депо подъ землей или подъ лѣсами, расположенныхъ непрерывной линіей между Гондаромъ и Метаммехомъ; партіи невольниковъ были тщательно запираемы на день и переходили отъ одного депо до другаго только по ночамъ²⁾.

Естественный центръ Эѳіопіи, бывший также въ разныя эпохи средоточіемъ имперіи, составляетъ плодородный бассейнъ, срединная впадина котораго занята водами озера Тана. Средняя высота этой благодатной области немного больше 2.000 метровъ; это поясъ война-дега, соответствующій умѣренной зонѣ Европы, но представляющій болѣе равномерную температуру и болѣе богатую растительность; въ этомъ счастливомъ климатѣ поля даютъ самые обильные и самые разнообразные урожаи сравнительно съ другими частями Эѳіопіи; тамъ же

находятся самые многочисленные города, вообще очень рѣдкіе въ этой феодальной странѣ, гдѣ дворянскіе роды являются крѣпко организованной силой. Другая важная выгода разсматриваемой области—это ея относительная доступность. Изъ Хартума къ озеру Тана прямая дорога поднимается постепенно, не встрѣчая крутыхъ хребтовъ, кромѣ перевала Вали-дабба, лежащаго къ сѣверо-западу отъ большого озера; но трудно было бы слѣдовать путемъ, начертаннымъ ущельями Голубаго Нила, огромнымъ полукругомъ, описываемымъ этой рѣкой внѣ Абиссиніи, въ земляхъ племенъ ильмъ-орма и берта.

Между городами центрального бассейна Эѳіопіи первое мѣсто занимаетъ Гондаръ, или точнѣе Гуэндаръ, которому прежде давали имя столицы государства, хотя онъ только духовная метрополія. Гондаръ не можетъ похвалиться древностію происхожденія: основаніе его относится къ первымъ годамъ семнадцатаго столѣтія, но онъ уже заключаетъ въ своихъ стѣнахъ больше разрушенныхъ зданій, чѣмъ домовъ въ хорошемъ состояніи. Большинство церквей были въ одинъ прекрасный день разрушены Θεодоромъ въ припадкѣ гнѣва. На округленномъ холмѣ, господствующемъ надъ городомъ съ сѣверной стороны, виднѣются развалины *имта* или «крѣпкаго замка», который, несмотря на свое полуразрушенное состояніе, все еще представляетъ собою самое величественное зданіе въ Эѳіопіи. Его массивныя стѣны изъ розоваго песчаника, съ базальтовыми наугольниками, его круглыя башни, его четырехугольная сторожевая башня, его высокіе порталы въ португальскомъ стилѣ придаютъ ему грандіозный видъ; но деревья и кустарники мало-помалу завладѣваютъ дворцомъ, и, кромѣ того, цѣлая часть его были систематически разрушены. «Если намъ нельзя строить памятниковъ—говорила одна царица въ половинѣ этого столѣтія—то зачѣмъ же мы будемъ оставлять въ цѣлости памятники другихъ?»¹⁾. Издали Гондаръ, раскинувшійся у подножія живописныхъ руинъ, доминируемый высокими куполами церквей и усѣянный группами деревьевъ, имѣетъ видъ европейскаго города, и, конечно, онъ былъ бы въ числѣ красивѣйшихъ, благодаря его амфитеатру горъ, серебристымъ ручьямъ, извивающимся въ лугахъ Дембен, синей поверхности озера, блистающей въ отдаленіи.

Гондаръ, лежащій на высотѣ около 2.000 метровъ (отъ 1.904—2.050 по различнымъ исчисленіямъ), занимаетъ южные и западные скаты пологого холма. Дома его не сгруппированы такъ, чтобы образовать городъ въ собственномъ смыслѣ: онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ кварталовъ или мѣстечекъ, раздѣленныхъ пусто-рожными пространствами и горами развалинъ,

¹⁾ Th. Lefebvre, «Voyage en Abyssinie».

²⁾ Guillaume Lejean, «Voyage en Abyssinie».

¹⁾ Guillaume Lejean, «Voyage en Abyssinie».

гдѣ иногда по ночамъ бродятъ леопарды и гиены; путешественнику Рюппелю пришлось однажды вступить въ бой съ тремя леопардами, забравшимися въ курятникъ его дома. Обширное пространство, на которомъ раскинулся Гондаръ, было вполне достаточно для десяти тысячъ семействъ, жившихъ въ этомъ городѣ во времена Брюса; но въ наши дни населеніе его исчисляется только въ пять тысячъ человекъ, христіанъ и евреевъ, сгруппированныхъ по отдѣльнымъ кварталамъ, смотря по религии: теперь кварталъ мусульманъ или джиберти самый пустынный¹⁾; напротивъ, кварталъ національнаго епископа, или ачаге, гдѣ право убѣжища вообще уважается, — самый многолюдный. Дома богатыхъ жителей Гондара по большей части имѣютъ форму круглой одноэтажной башни, нижній или подвальный этажъ которой занятъ только помѣщеніями для скота и кладовыми для орудій и съѣстныхъ припасовъ; крыша изъ тростника, покрытаго травой, возвышается въ видѣ конуса надъ башней. Городъ поповъ и монаховъ, Гондаръ не имѣетъ торговли и промышленности, кромѣ той, какая необходима для его мѣстнаго потребленія; большинство ремесленниковъ — кузнецовъ, каменщиковъ и плотниковъ — каманты и евреи; немногочисленные сапожники работаютъ исключительно только для духовныхъ лицъ, потому что абиссинцы миряне ходятъ босые или обутое только въ сандалии. Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ въ году Гондаръ былъ бы лишенъ всякаго сообщенія съ южными провинціями, если бы португальцы не построили на Магечѣ, главной рѣкѣ Дембейской равнины, солиднаго моста, который до сихъ поръ устоялъ противъ всѣхъ наводненій, и на который путешественники указываютъ какъ на одну изъ архитектурныхъ достопримѣчательностей Эіюпіи, гдѣ вообще такъ мало замѣчательныхъ памятниковъ строительнаго искусства. Къ западу отъ Гондара, разрушенный дворецъ Коскоамъ и другія развалины замковъ и церквей тоже принадлежатъ къ числу достопримѣчательностей страны. На югѣ мѣстечки Фенджа и Дженда окружены пахатными полями; вообще эта плодородная равнина, если бы она была вся обработана, могла бы прокормить сто тысячъ жителей.

Около сѣверо-западнаго угла Дембейской равнины разсѣяны деревни, составляющія вмѣстѣ городъ Чельгу, менѣе знаменитый, чѣмъ Гондаръ, но болѣе важный по своей значительной торговлѣ. Онъ лежитъ близъ водораздѣльнаго порога, между бассейномъ Голубаго Нила, черезъ озеро Тана и рѣку Абай, и покастію Атбары, черезъ Гоангъ. Въ этомъ городѣ встрѣчаются абиссинскіе купцы съ торговцами изъ Галабата и Гедарефа, пріѣзжаю-

щими черезъ Вови, первый постъ эіюпской границы; въ Чельгѣ же оплачиваются привозные товары таможенной пошлиной. Въ верхней долигѣ Гоанга находятся залежи превосходнаго каменнаго угля, расположенныя слоями толщиной отъ 30 сантиметровъ до полутора метра, и очень удобныя для разработки¹⁾. Съ плато, струящагося безчисленными ручьями и ручейками, которое поднимается на западѣ отъ города, и высота котораго 2.340 метровъ, можно созерцать обширный кругъ долины и горъ, и озеро Тана или Пана, какъ его называютъ тигрейцы, показывается почти во всемъ своемъ протяженіи. У подножья базальтоваго мыса Горгора, вздымающагося въ видѣ островнаго массива близъ сѣверо-западнаго берега озера, видѣется большое село Чангаръ, имѣющее пристань, которая служитъ портомъ Гондару, Чельгѣ и другимъ городкамъ этой провинціи. На одномъ изъ холмовъ мыса, близъ бывшей королевской резиденціи, стоитъ церковь португальской постройки.

Дембейская равнина сообщается съ прибрежными мѣстностями на востокъ озера только черезъ ущелье, гдѣ находится таможенный постъ Ферка-беръ, пугающій путешественниковъ. За этимъ постомъ, города и мѣстечки, принадлежащія къ бассейну озерной области, удалены отъ береговъ и находятся на значительной высотѣ надъ уровнемъ воды. Амбамаріамъ, или «крѣпость Маріи», замѣчательна своей знаменитой церковью, построенной на ровной и безлѣсной вершинѣ высокаго мыса, у подножья котораго деревни округа Эмфрасъ прячутся среди густой растительности. Ифагъ или Эйфагъ есть гирлянда деревень, окружающая основаніе голой вулканической скалы, высотой около 500 метровъ, надъ которою господствуетъ на сѣверѣ обрывистый валь плоскогорья Бегемедеръ, «страны барановъ». Другія песчаниковыя скалы, поднимающіяся удивительно, какъ неприступныя башни, среди равнины изъ лавы, покрытой слоемъ чернозема, служатъ жилищемъ несметному множеству коршуновъ, которые стаями кружатся около отвѣсныхъ стѣнъ. Помѣщенный у сѣверной оконечности богатой равнины, по которой протекаютъ многоводныя рѣки Ребъ и южная Гумара, и при входѣ въ узкіе проходы, огибающіе вдоль основанія горъ сѣверо-восточный уголъ озера, городъ Ифагъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ, и рынокъ его является средоточіемъ очень дѣятельной торговли: правительство воспользовалось этимъ и учредило тамъ также таможенную станцію; караваны останавливаются и вновь составляются нѣскольکو восточнѣе, близъ мѣстечка Дарита. Поля Фогары, простирающіяся къ югу отъ Ифага,

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Meine Mission in Abessinien“.

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reisen in Nordost-Afrika“; — „Petersmann's Mittheilungen“, 1862, № X.

производить, говорят, лучший въ Эіюпіи табакъ, а на лугахъ пасутся тучныя стада, часто совершенно скрытыя въ высокой травѣ. Прежде Ифагъ, такъ же, какъ лежащій южнѣ Коарата, славился во всей Абиссиніи своимъ превосходнымъ виномъ, получаемымъ съ растеній, разведенныхъ въ краѣ португальцами; но виноградныя лозы, которыя по большей части были колоссальныхъ размѣровъ, погибли почти всѣ отъ цвѣли, въ 1855 году, именно въ то самое время, когда и европейскіе виноградники были опустошаемы этимъ гибельнымъ грибомъ¹⁾.

Къ югу отъ равнины Фогара тянется хребетъ, покатый съ востока къ западу и доминируемый на востокъ конусомъ горы Гуна, почти всегда окутанной облаками. Этотъ широкій хребетъ, покрытый толстымъ слоемъ чернозема и изоборожденный ручьями, которые спускаются съ постоянно сырыхъ боковъ Гуны, есть плато Дебра-Таборъ или «гора Оаворъ», названное такъ по имени церкви, куда ходятъ на богомолье, и сдѣлавшееся въ царствованіе Θεодора главной резиденціей эіюпскихъ царей. Съ стратегической точки зрѣнія, позиція выбрана какъ нельзя болѣе удачно. На западѣ простираются прибрежныя равнины озера Тана, самыя плодородныя во всемъ государствѣ; съ вершины, гдѣ стоитъ его дворецъ, на высотѣ слѣшкомъ 2.600 метровъ, негусъ можетъ окинуть взоромъ поля, которыя доставятъ его арміи необходимое продовольствіе; онъ можетъ направиться отсюда либо на востокъ въ верхнюю долину рѣки Таккаде, черезъ которую легко переправиться въ этомъ мѣстѣ, чтобы попасть на высокія плоскогорья области Тигре, либо на югъ въ долину Абая и на дороги королевства Шоа: ни одна столица страны, находящейся въ непрерывной войнѣ, не имѣетъ болѣе счастливаго положенія. Но мѣсто расположенія королевскаго стана часто мѣнялось на плоскогорьѣ Дебра-Таборъ, и та или другая деревня, гдѣ тѣснились толпы чиновниковъ, поставщиковъ и женщинъ во время пребыванія арміи, остается почти покинутой, безлюдной, когда войско отправлялось въ какую-нибудь отдаленную экспедицію. Село на Дебра-Таборѣ, гдѣ часто имѣетъ резиденцію «царь царей» въ дождливое время года, носить имя Самары; въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверо-западу находится деревня Гафатъ, населенная прежде кузнецами «колдунами». Θεодоръ назначилъ ее мѣстомъ жительства многочисленной колоніи протестантскихъ миссіонеровъ, употребляемой не для проповѣдыванія евангелія жителямъ, но для фабрикаціи сбруи, оружія и боевыхъ припасовъ: Гафатъ въ то время былъ арсеналомъ Абиссиніи. Ручьи, вытекающіе съ плоскогорья Дебра-Таборъ, изли-

ваются въ озеро Тана черезъ рѣку Ребъ, которая недалеко отъ Гафата образуетъ величественный водопадъ высотой въ 20 слѣшкомъ метровъ: широкій водяной столбъ низвергается въ озеро, развертывая свою прозрачную занавѣсь впереди куполообразнаго грота, открывающагося въ фонолитовой скалѣ¹⁾. Къ западу отъ Дебра-Табора, на нижнемъ выступѣ плоскогорья, видны развалины замка Аренго, «Версали негусовъ», построеннаго въ тѣни большихъ деревьевъ на краю пропасти, откуда ниспадаетъ потокъ, исчезающій далѣе въ дѣтственномъ лѣсу. Горячіе ключи (отъ 37 до 42 градусовъ Цельсія) бьютъ въ изобиліи въ этой области; наиболѣе посѣщаемые изъ нихъ источники Ванциге, въ долинѣ южной Гумары; сосѣдняя деревня есть единственное мѣсто въ Эіюпіи, гдѣ существуютъ гостиницы; на близлежащемъ холмѣ находится королевская вилла²⁾.

Бассейнъ Гумары, какъ и бассейнъ Реба, включаетъ въ себѣ городъ, прославившійся въ лѣтописяхъ Эіюпіи: это Махдера-Маріамъ, или «Отдыхъ Маріи», который расположенъ между двумя притоками Гумары, на огромной базальтовой скалѣ, «группируя свои дома, опоясанные садами, вокругъ чащей можжевельника, указывающихъ присутствіе церквей»; съ трехъ сторонъ городъ окруженъ пропастями; только узкій перешеекъ, который легко было бы укрѣпить, соединяетъ его съ сосѣднимъ плато. Махдера-Маріамъ пересталъ быть королевской резиденціей, но двѣ его церкви, храмъ «Матери» и храмъ «Сына», все еще привлекаютъ массы богомольцевъ; купцы тоже съѣзжаются въ большомъ числѣ на тамошнюю ярмарку. Два отдѣльных квартала были до недавняго времени населены мусульманами, отличавшимися отъ другихъ абиссинцевъ только мирными нравами, да торговыми повадками; впрочемъ, эти послѣдователи ислама не знаютъ ни слова по-арабски, кромѣ обычныхъ привѣтствій, дѣлаемыхъ во имя Аллаха. Въ Махдера-Маріамѣ также есть горячіе источники, которыми пользуются врачи священники.

На восточномъ берегу озера Тана, важнѣйшій по торговлѣ городъ—Коарата, лежащій верстахъ въ десяти отъ того мѣста, гдѣ Абай выходитъ изъ озернаго бассейна, и въ сосѣдствѣ устьевъ Реба и Гумары: въ странѣ съ хорошо устроенными путями сообщенія этотъ городъ былъ бы пунктомъ пересѣченія дорогъ нѣсколькихъ долинъ. Базальтовый холмъ съ закругленнымъ хребтомъ поднимается среди равнины, выдвинувъ свою западную оконечность въ синія воды озера; холмъ этотъ окруженъ лугами и фруктовыми садами, а по равнинѣ извиляется живописная рѣка Изури. Го-

¹⁾ Th. von Heuglin; — G. Lejean, цитированныя сочиненія.

²⁾ Stecker, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, III Bd.

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

родъ раскинулся на значительномъ пространствѣ; каждое жилище богатаго или зажиточнаго семейства стоитъ посреди большаго сада; улицы — широкія тѣнистыя дороги, откуда видишь только коническія крыши домовъ, выступающія изъ чаши кедровъ, сикоморъ и плодовыхъ деревьевъ. Коарата, «самый красивый городъ Абиссиніи» ¹⁾, до недавняго времени былъ также и самый многолюдный: когда Антуанъ д'Аббади посѣтилъ его, онъ имѣлъ около 12.000 жителей; въ 1864 году ихъ осталось только 2.000 по Раффрею, отъ 800 до 1000 по Штеккеру; въ 1881 г. всѣ жившіе въ немъ мусульмане должны были отправиться въ изгнаніе. Въ настоящее время значится 1.200 ч. жителей. Тѣмъ не менѣе, онъ все еще остается центромъ значительной торговли, и многочисленныя танкуа, вытасканные изъ воды для просушки и лежащіе длинными рядами на берегу, свидѣлствуютъ о дѣятельномъ судостроствѣ между Коаратой и прибрежными мѣстечками озера. Своей важностію, какъ средоточіе торговаго обмѣна, этотъ городъ обязанъ святости одной церкви, которая въ прежнее время была мѣстомъ убѣжища, уважаемымъ государями; на дорогахъ, сходящихся къ священному холму, большія деревья указываютъ предѣлы неприкосновеннаго круга, за черту котораго только епископъ и императоръ могутъ переступить на лошади. Въ сосѣдствѣ Коараты разрабатываются ломки краснаго песчаника, откуда и были извлекаемы камни, употребленные на постройку дворцовъ и церквей Гондара. Коаратскій кофе отличнаго качества и далеко превосходитъ тотъ же продуктъ, получаемый съ полуострова Зиге, который виденъ на другой сторонѣ озера, верстахъ въ десяти къ юго-западу, и высокій холмъ котораго представляетъ одну обширную кофейную плантацію; городъ того же названія былъ сравненъ съ землей по приказанію Теодора. Рядомъ съ кофейными деревьями на полуостровѣ растутъ, въ садахъ, бананы, которые, однако, трудно сохранять, такъ какъ свиньи особой породы, называемыя *ассаами* (*potamochoerus penicillatus*), питаются исключительно корнями этого растенія ²⁾.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ озеро суживается, чтобы изливаться быстрымъ потокомъ Абая, стоятъ, одно противъ другаго, два мѣстечка. На востокѣ Дебра-Маріамъ, или «Гора Маріи», занимаетъ островъ, который во всѣ времена состоялъ во владѣніи абунъ; на западѣ, Бардаръ группируетъ свои хижины въ треугольной долинѣ между двухъ холмовъ. На южномъ берегу озера слѣдуютъ одна за другой нѣсколько деревень, содержимыхъ болѣе опрятно, чѣмъ селенія внутреннихъ областей. Островъ Декъ,

пространствомъ около 40 квадр. километровъ, есть невысокая вулканическая скала, покрытая густой растительностію; конусообразныя горки окружаютъ его, «какъ жемчужины короны» ¹⁾. Немногіе путешественники получили разрѣшеніе посѣтить этотъ островъ, гдѣ хранится сокровища коаратскаго духовенства; что касается островка Дега, посвященнаго св. Стефану, то это священная земля, куда не можетъ ступить нога профана. Другой священный островъ озера Тана, Матраха, лежитъ очень близко къ сѣверо-восточному берегу и представляетъ восхитительную картину, видимую сквозь вѣтви деревьевъ, на которыхъ качаются гнѣзда ткачика (*textor alecto*). Но святость острова не остановила Теодора: онъ заперъ всѣхъ его жителей въ монастырь, затѣмъ предалъ зданіе пламени. Къ юго-западу отъ озера Тана, на одномъ изъ его притоковъ, Исмала, главный городъ провинціи Ачаферъ, имѣетъ горячіе и минеральные источники, привлекающіе большое число посѣтителей ²⁾.

Вѣтъ бассейна озера Тана, эіопскіе города, принадлежащіе къ покатомямъ Абая или Голубаго Нила, по большей части лежатъ на плоскогорьяхъ или въ широкихъ равнинахъ съ травяными террасами, окаймляющихъ правый берегъ рѣки, и на которыхъ пасутся стада крупнаго рогатаго скота и табуны лошадей. Мота, находящійся на высотѣ, на оконечности плоскогорій, окаймляющихъ сѣверное основаніе горъ Тальба-Вага, есть одинъ изъ самыхъ значительныхъ рынковъ «королевства» Годжамъ; дома его, правильно построенные, окружены, какъ и дома въ Махдера-Маріамѣ, зелеными деревьями; вокругъ церкви разведенъ обширный паркъ, съ длинными симметрическими аллеями; внизу, подъ террасой, на которой расположенъ городъ, видны развалины моста черезъ Абай, близъ котораго французскій путешественникъ Пти былъ пожранъ крокодиломъ; изъ девяти аркадъ моста средняя, проходившая надъ рѣкой, ширина которой въ этомъ мѣстѣ около 20 метровъ, была сломана; но купцы протягиваютъ веревки отъ одного устья къ другому и ухищряются переходить сами и переправлять товары по этимъ временнымъ качелямъ ³⁾. Южнѣе, деревня Каранео и нѣсколько сосѣднихъ поселковъ населены *франсисами* или франками, то-есть потомками португальскихъ солдатъ, пришедшихъ въ шестнадцатомъ столѣтіи съ Христофоромъ де-Гамой. Одна церковь въ этой странѣ, называемая Маргола-Маріамъ, несомнѣнно португальской постройки, хотя мѣстные жители приписываютъ ей болѣе древнее происхожденіе; изваянія внутри храма, по отзыву путеше-

¹⁾ Lejean, цитированное сочиненіе.

²⁾ Stecker, цитированная статья.

³⁾ Henry Blanc, «Narrative of Captivity Abyssinia».

⁴⁾ Arnaud d'Abbadie, «Douze ans dans la haute Ethiopie».

⁵⁾ Beke, «Journal of the R. Geographical Society», 1844.

ственика Бека, превосходной работы. Протянув восточной дуги, описываемой течением Абая, слѣдуютъ одинъ за другимъ два религіозныхъ города, Дебра-Веркъ и Дима, пріобрѣвшие славу—первый своей духовной семинаріей, а второй своей церковью св. Георгія Побѣдоносца, съ любопытной живописью. Дебра-Веркъ построенъ въ видѣ амфитеатра на скатахъ холма, и изъ всѣхъ городовъ Эіюпіи дома его имѣютъ самый большой видъ по способу постройки и по высотѣ. Бишана, въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ Димы, имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ рынокъ, посѣщаемый галласами. Весь этотъ округъ есть самая богатая и наилучше обработанная часть Годжамы, населеніе которой, смѣшанное съ галласами, представляетъ замѣчательнѣйшіе типы женской красоты ¹⁾.

Къ югу отъ горы Раба, высшей вершины цѣпи Тальба-Вага, городъ Дамбадша посѣщается многочисленными магометанскими караванами и имѣетъ знаменитую святыню, подобную святынѣ города Димы. Недалеко оттуда, на юго-востокѣ находится Монкореръ, укрѣпленная резиденція годжамскаго «короля»; далѣе, на сѣверо-западѣ, слѣдуютъ одинъ за другимъ города Манкуса, Бури, Гудара, построенный на пригоркѣ изъ вулканическихъ скалъ, близъ временнаго озера и истоковъ Абая. Ашфа, лежащій къ западу отъ Гудары, въ очаровательной мѣстности, среди долинъ, пастбищъ, рощей, есть главный городъ провинціи Агаумедеръ, населенной агуасами, эмигрировавшими изъ Ласты. Эти населенія, еще на половину языческія—хотя въ каждой деревнѣ есть церковь, показывающая свою коническую кровлю сквозь листву деревьевъ,—самыя гордыя во всей Абиссиніи, единственные, которые сумѣли избѣгнуть облавъ, устраивавшихся по приказанію свирѣпаго Θεодора; ни въ одной области Эіюпіи жители не отличаются въ большей степени мужественными добродѣтелями храбрости и честности ²⁾. Къ югу отъ Годжамы, въ сосѣдствѣ галласовъ племени либенъ, два сосѣднихъ города, Еджиббе и Бассо, лежащіе въ двухъ боковыхъ долинахъ Абая, недалеко отъ южной излучины этой рѣки, слывутъ «большими торговыми городами», какъ мѣста, гдѣ встрѣчаются эіюпы и ильмъ-орма для обмѣна произведеній своего края. Купцы изъ Дамота и Каффы привозятъ въ Бассо немного золотаго песка: оттого страна, гдѣ виденъ драгоценный металлъ, сдѣлалась страной чудесъ въ глазахъ ея жадныхъ сосѣдей. Архіепископъ Берхудецъ, бывший католическимъ абубой Эіюпіи, рассказываетъ, что дамотское Эльдорадо есть въ то же время страна единороговъ и грифовъ, что амазонки воюютъ тамъ съ чудовищами, и

что фениксъ возрождается тамъ изъ своего пепла ³⁾; пчелы живутъ тамъ въ скалахъ, которые «дистиллируютъ медъ». Въ концѣ 1883 на Абаѣ, между Годжамомъ и Гудру, строилась мостъ, подъ руководствомъ итальянскаго инженера ⁴⁾.

Къ востоку отъ Абая, крѣпость, стоящая на мысѣ надъ верхней долиной рѣки Бешило, есть знаменитая Магдала, которая была, какъ и Дебра-Табора, одной изъ резиденцій Θεодора, той резиденціей, гдѣ онъ хотѣлъ умереть отъ собственной руки, еще свободный и бравировавшій осаждавшихъ его англичанъ. Амба Магдала, поднимающаяся на 2.760 метровъ абсолютной высоты, то-есть на тысячу метровъ надъ уровнемъ рѣки Бешило, походить на скалу Махдера-Маріамъ, но она выше, имѣетъ болѣе грандіозный видъ, и доступъ къ ней труднѣе. Этотъ съ виду неприступный базальтовый утесъ оканчивается на западѣ почти отвѣсной стѣной, развѣтывающейся въ формѣ полумѣсяца и понижающейся къ сѣверо-западу, чтобы затѣмъ снова подняться уединенной пирамидой. Отрывокъ плато, составляющій крѣпость, соединяется съ южнымъ плоскогорьемъ, гдѣ живутъ галласы племени волло, только узкимъ перешейкомъ: укрѣпленія заграждаютъ подступы къ Магдалѣ у прохода всѣхъ тропинокъ. Верхняя площадка, пространствомъ около 4 квадр. километровъ, занята многочисленными строеніями: арсеналами, казармами, тюрьмами, хлѣбными магазинами, складами разныхъ другихъ продуктовъ, домами-пріютами для царскихъ жень и дѣтей; цистерны и колодцы, вырытые въ почвѣ, содержатъ достаточно воды, а плодородныя долины окрестностей доставляютъ въ изобиліи предметы продовольствія. Здѣсь-то, въ этой горной твердынѣ, жестокій Θεодоръ держалъ въ продолженіе двухъ лѣтъ европейскихъ плѣнниковъ, для освобожденія которыхъ была послана, въ 1868 году, англо-индійская армія. Крѣпость Магдала, разрушенная англичанами, затѣмъ завоеванная королею государства Шоа у независимаго царька или раса и возвращенная имъ своему сюзерену, абиссинскому императору, была послѣ того реставрирована, въ виду ея стратегической важности, какъ передоваго укрѣпленія въ землѣ галласовъ, черезъ которую проходитъ кратчайшая дорога въ королевство Шоа. У восточнаго основанія магдальскихъ скалъ, въ ущельѣ, надъ которымъ господствуютъ на востокъ другія базальтовыя стѣны, пріютилась деревня Танта или Тевта, населенная купцами, которые снабжали цитадель предметами продовольствія.

Эіюпскіе города въ бассейнѣ Голубаго Нила:

¹⁾ Cambes et Tamisier, „Voyage en Abissinie“; — Lefebvre, „Voyage en Abissinie“.

²⁾ H. Blanc, „Journal of the R. Geograph. Society“, 1869.

³⁾ Veyssiere — Lacroze, „Histoire du christianisme d'Ethiopie et d'Arménie“.

⁴⁾ Bianchi, „Esploratore“, dic. 1883; sett. 1884.

Гондаръ—5.000 жит.; Фенджа, менѣе—1.000 жит.; Дженда, менѣе—1.000 жит.; Чельга, менѣе—1.000 жит.; Амба-Маріамъ—4.000 жит., по Лежану; Ифаль и Дарита,—4.000 ж., по Лежану; Самара (Дебра-Таборъ),—2.000 жит., Коарата—1.000 жит.; по Штеккеру; Дебра-Маріамъ—1.000 жит.; Бардаръ, менѣе—1.000 жит.; Исмала, менѣе—1.000 жит.; Махдера-Маріамъ—4.000 жит., по Лежану; Еджиббе, менѣе—1.000 жит.; Бассо, менѣе—1.000 жит.; Дебра-Веркъ,—3.000 жит., по Лефевру; Дима—2.500 жит., по Комбу и Тамизье; Мота—1.000 жит.; Дамбача, менѣе—1.000 ж.; Гудара—800 жит.; Манкуса, менѣе—1.000 жит.; Бури, менѣе—1.000 жит.; Ашфа, менѣе—1.000 жит.; Мадала—750 жит.

Абиссинскіе города, лежащіе на плоскогорьяхъ, перерѣзанныхъ ущельями рѣки Таккаце и ея притоковъ, имѣютъ по большей части, какъ и города покатоестей Голубаго Нила, военное или религіозное происхожденіе. Впрочемъ, города эти очень рѣдки, и нѣкоторые изъ нихъ, пройдя черезъ періодъ процвѣтанія, были покинуты, и теперь въ нихъ видно больше развалинъ, чѣмъ обитаемыхъ домовъ. Наименѣе населенная область этой покатоести та, воды которой текутъ на востокъ въ Таккаце между массивомъ Бегемедера и массивами Симена. Немногіе путешественники проходили эту провинцію Абиссиніи, Белессу, по причинѣ недостатка продовольствія и нездоровости куаллы, которую нужно переходить между различными отрывками плоскогорья. Но въ Сименѣ главные города этой гористой провинціи, Инчаткабъ, столица, Фарасъ-Саберъ и Добарикъ, лежащіе въ сосѣдствѣ горнаго прохода Ламальмонъ, были часто посѣщаемы, благодаря тому, что они находятся на дорогѣ изъ Гондара въ Массову черезъ Тигре. Добарикъ—это то мѣсто, гдѣ свирѣпый царь Теодоръ хладнокровно велѣлъ перерѣзать 2.000 человекъ, чтобы отмстить за смерть двухъ своихъ фаворитовъ, англичанъ Белля и Плоудена. Къ сѣверу отъ Симена разсѣяны деревни провинціи Вальдебба, составляющей личную собственность національнаго первосвященника эчаге и населенной по большей части монахами. Вальдебба—одна изъ святыхъ земель Эѳіопіи.

Къ востоку отъ Таккаце, недалеко отъ «глазъ» или истоковъ этой рѣки, находится другая священная мѣстность—городъ Лалибала съ его окрестностями. Городъ стоитъ на высокой базальтовой террасѣ, контрфорсѣ горы Аштенъ, которая вздымается на юго-востокъ свои лѣсистые склоны; семь возвышеній почвы позволяютъ лалибальскому духовенству говорить, что ихъ городъ, подобно Риму и Константинополю, построенъ на семи холмахъ; какъ Іерусалимъ, онъ имѣетъ свою Масличную или Элеонскую гору, и въ немъ есть деревья съ огромными стволами, выросшія изъ

вѣтокъ или молодыхъ деревьевъ, которые были привезены изъ Святой земли нѣсколько столѣтій тому назадъ. Городъ и церкви окружены садами и рощами, и обиліе зелени, вмѣстѣ съ вѣчной весной, царствующей въ этой умѣренной области, дѣлаютъ этотъ чудный уголокъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ мѣстопробываній. А между тѣмъ Лалибала очень слабо населена; старыя строенія сливаются со скалами, и подземныя галлерей засорились влѣдствіе обваловъ и осыпей; населеніе состоитъ почти исключительно изъ поповъ, монаховъ и ихъ слугъ. Церкви Лалибалы самыя замѣчательныя въ Эѳіопіи: всѣ онѣ высѣчены въ базальтовыхъ скалахъ, съ алтарями, изваяніями и колоннадами; къ несчастію, время обглодало камень во многихъ мѣстахъ, и отъ перистилля-монолита одного изъ красивѣйшихъ храмовъ теперь осталось только четыре столба. Очевидно, постройки Лалибалы принадлежатъ различнымъ эпохамъ; но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство этихъ памятниковъ должны быть приписаны царю, имя котораго сохранилось въ названіи города, «святому Людовику» Эѳіопіи, царствовавшему въ началѣ тринадцатаго столѣтія¹⁾. Рабочіе, высѣкшіе въ скалѣ эти любопытные подземные храмы, были, какъ гласитъ легенда, христіане, бѣжавшіе изъ Египта²⁾. Къ востоку отъ Лалибалы есть нѣсколько горныхъ проходовъ, ведущихъ черезъ краевую цѣпь Эѳіопіи въ страны Анготъ и Зебуль, содержащія въ своихъ водовмѣстилищахъ очаровательныя озера: Ардиббо, Ханбъ, Ашанги. Въ этой области, гдѣ лѣса чередуются съ пастбищами, находится нѣсколько большихъ деревень, гдѣ абиссинскіе государи часто имѣли свою резиденцію. Одинъ монастырь, прежде богатѣйшій въ Абиссиніи, стоитъ на тѣнистомъ островѣ «Грома», омываемомъ водами озера Ханкъ; на противоположномъ берегу твердой земли пріютилась деревня Дебра-Маріамъ, обитаемая преимущественно женами священниковъ, имѣющими права посѣщать своихъ мужей въ монастырѣ³⁾. Во время проѣзда черезъ эту страну Лефевра, въ водахъ озера жилъ только одинъ бегемотъ; туземцы берегли этого единственнаго представителя толстокожихъ и просили путешественниковъ не убивать его. Ниже, на покатоести Краснаго моря, большія торговыя мѣстечки Коббо, Гура, Вальдія, посѣщаемы абиссинцами и галласами, обозначены Лефевромъ какъ настоящіе города.

Сокота, главный городъ провинціи Вагъ, лежитъ на высотѣ 2.250 метровъ, къ сѣверу отъ

¹⁾ Rohlf, „Petermann's Mittheilungen“, 1869, tome IX.

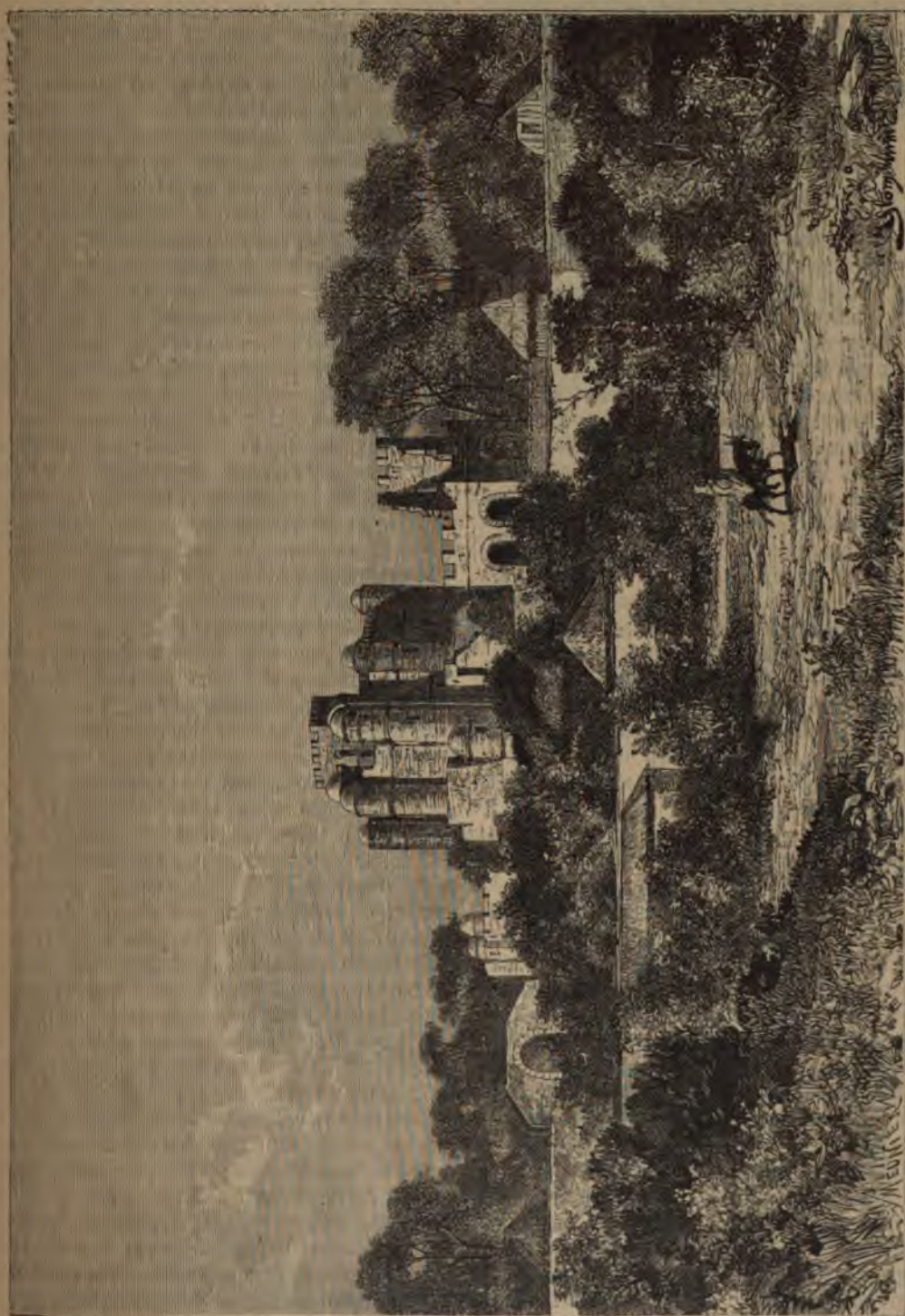
²⁾ Lejean, „Voyage en Abyssinie“.

³⁾ Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“;—Isenberg et Krapf, „Journal of the Church Missions to Abyssinia and Egypt“.

большихъ горъ Ласты, на обоихъ берегахъ рѣки Бальбисъ, подиритока Таккае черезъ Целлари. Сокота — городъ торговый, какъ о томъ свидѣтельствовала до недавняго времени

щіяся въ соседствѣ залежи каменнаго угля. Рынокъ Сокоты, продолжающійся два или три дня въ недѣлю, посѣщается преимущественно солеторговцами, товаръ которыхъ служить

Гондарскій замокъ — Римбъ.

его колонія магометанъ, посредниковъ въ дѣлѣ торговаго обмѣна: агаусы, составляющіе основу мѣстнаго населенія, слишкомъ бѣдны инициативой и не предприимчивы, чтобы заниматься торговлей или разрабатывать находя-

главной размѣнной монетой въ южной Эіоніи; въ сѣверномъ Тигре для этой цѣли употребляются больше куски полотна ¹⁾. Амале или

¹⁾ Ach. Raffray, „Abyssinie“.

монеты изъ соли, отесанные въ формѣ брусковъ, получаются съ солянаго озера Алабедъ: каждый брусокъ вѣситъ, среднимъ числомъ, полкилограмма, и цѣнность его, естественно, возрастаетъ внутри края пропорціонально увеличенію разстоянія. Въ то время какъ данакильскіе солепромышленники племени талталовъ даютъ за одинъ талеръ Маріи-Терезіи болѣе сотни амоле, на западныхъ берегахъ озера Танаихъ продаютъ иногда по франку за штуку; въ Сокотѣ они стоили около 25 сантимовъ во время проѣзда Сарзека и Раффрэ, въ 1873 году; восемь лѣтъ спустя, когда Рольфсъ посѣтилъ страну, цѣнность ихъ уменьшилась уже на три четверти; когда же средства сообщенія сдѣлаются болѣе легкими, амоле, безъ сомнѣнія, совершенно потеряютъ свою условную цѣну, какъ мѣновые знаки, и будутъ имѣть стоимость только какъ предметъ потребленія; абиссинская пословица: «онъ вѣстъ соль», употребляемая нынѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ дать понятіе о расточительности какого-нибудь человѣка, не будетъ болѣе имѣть причины къ существованію. Тамъ же чумаки принимаютъ всевозможныя предосторожности, чтобы предохранить свои соляные брусочки отъ сырости: они укладываютъ ихъ параллельно на полосахъ кожи въ формѣ патронгашей, которые навьючиваютъ на спину мула положенными одинъ на другой слоями, и тщательно закрываютъ сверху парусиными чехлами. Недавно Сокота очень обѣднѣла; опустошенный эпидемическими лихорадками, онъ потерялъ три четверти своего населенія: въ 1868 году въ немъ насчитывалось отъ четырехъ до пяти тысячъ жителей, а въ 1881 году, во время втораго проѣзда Рольфса, число ихъ уже не превышало полутора тысячъ. Въ сосѣдствѣ Сокоты одна церковь монолитъ, какъ храмы Лалибалы, высѣчена въ гранитѣ; склепъ ея заключаетъ муміи нѣсколькихъ государей страны ¹⁾. По сторонамъ дорогъ встрѣчаются дольмены, похожіе на тѣ, которые находятъ въ Бретани ²⁾. Одно изъ агаусскихъ племенъ, живущихъ въ окрестностяхъ Сокоты, носитъ названіе камъ или гамъ; по имени этого племени Антуанъ д'Аббади называетъ «гамитскими» тѣ группы населенія, ідиомы которыхъ pochodятъ на языкъ гамовъ или гамтенга ³⁾.

Отъ Сокоты до переднихъ горъ страны богосовъ другая караванная дорога, проходящая километрахъ въ ста къ западу отъ закраины эіопской цѣпи, идетъ черезъ Абби-Адди, главный городъ провинціи Тембіенъ, затѣмъ черезъ Адуз, столицу Тигре и самый большой рынокъ Абиссиніи послѣ Гондара и Бассо. Этотъ городъ находится почти посерединѣ области пло-

скогорій, разделяющей двѣ большія дуги, описываемыя рѣками Таккаце и Верхнимъ Маремомъ: ручей, извивающійся въ голой, но плодородной Адуанской равнинѣ, Ассамъ, есть притокъ Таккаце; онъ убѣгаетъ въ южномъ направленіи, тогда какъ къ сѣверу отъ холма, на скатѣ котораго построенъ городъ (1.950 метровъ), высится крутая уединенная масса горы Шелота или Шолода (2.725 метровъ); на востокѣ, изъ-за другихъ вершинъ, показывается еще болѣе высокая верхушка Семайаты (3.090 метровъ). Адуа не имѣетъ вида столичнаго города; ея кривыя, поднимающіяся въ гору, улицы обставлены каменными домиками, съ соломенными крышами и аспидными террасами; тамъ и сямъ встрѣчаются маленькія церкви, окруженныя рощами; на вершинѣ холма стоитъ кафедральный соборъ, громадное зданіе съ конической кровлей, такой же формы, какъ многія частныя жилища, недавно построенныя по плану одного итальянскаго архитектора: въ садахъ растутъ многочисленныя экзотическія растенія, ввезенныя изъ Египта и Сиріи. Въ небольшомъ разстояніи отъ Адуа виднѣются развалины Фремоны, семинаріи іезуитовъ, изгнанныхъ изъ Абиссиніи въ семнадцатомъ столѣтіи: окрестные поселяне боятся подходить къ руинамъ монастыря, который они считают жилищемъ злыхъ духовъ. Близъ этого города принцъ Кассай выигралъ битву, которая сдѣлала его императоромъ Эіопіи.

Адуа есть наследница города, который былъ столицей обширнаго Эіопскаго царства, простиравшагося отъ береговъ Нила до мыса Гвардафуй. Развѣнчанный и пришедшій въ упадокъ, Аксумъ сохраняетъ по крайней мѣрѣ свой рангъ, какъ священный городъ и мѣсто коронованія императоровъ, и бѣглецы находятъ тамъ убѣжище болѣе уважаемое, чѣмъ большинство монастырей; восемьсотъ священниковъ и сотни дѣтей, которые сдѣлаются въ свою очередь священниками, живутъ въ монастыряхъ. Аксумъ—Акесеме, какъ его называютъ абиссинцы,—лежащій верстахъ въ двадцати отъ Адуи и на 300 метровъ выше, представляетъ собраніе садовъ и рощъ, разведенныхъ при каждомъ домикѣ, при каждой церкви, и сплошь покрывающихъ своей густой зеленью склонъ холма; виднѣющіяся на заднемъ планѣ темныя базальтовыя стѣны служатъ рамкой этой прелестной картинѣ. По эіопскому преданію, Аксумъ основанъ Авраамомъ; имѣющій въ этомъ городѣ пребываніе высшій сановникъ церкви, едва уступающій въ достоинствѣ двумъ первосвященникамъ, абунѣ и эчаге, утверждаетъ, что у него хранятся «скрижали закона» и священный кивотъ завѣта, принесенные, будто-бы, изъ Іерусалима Менеликомъ, сыномъ Соломона и царицы Савской. Но Аксумъ имѣетъ и дѣйствительныя древности, которыя жители берегутъ съ ревнивой заботливостію.

¹⁾ Ach. Raffray, «Abyssinie».

²⁾ G. Rohlfs, «Meine Mission in Abessinien».

³⁾ Vivien de Saint-Martin, «Année Géographique», 1872.

Одинъ древній памятникъ въ видѣ столба носитъ греческую надпись ¹⁾, теперь почти стершуся и неудобочитаемую, которая прославляла жертвы нѣкогда царя Айзана, «сына непобѣдимаго Ареса». Кто былъ этотъ Айзанасъ? Есть ли это лицо, тождественное съ христіанскимъ царемъ Ла-Санъ, жившимъ въ половинѣ четвертаго столѣтія нашего лѣтосчисленія ²⁾, или, какъ можно предполагать, судя по его притязанію на титулъ сына Марса, Айзанасъ принадлежалъ къ какой-либо предшествовавшей языческой династіи ³⁾? Какъ бы то ни было, эта драгоценная надпись, воспроизведенная въ первый разъ путешественникомъ Сальтомъ, свидѣтельствуетъ о давнихъ сношеніяхъ Эіопіи съ древне-эллинскимъ міромъ. На другомъ подобномъ же памятникѣ, открытомъ путешественниками Ферре и Галинье, вырѣзана надпись гиміаритскими знаками, впрочемъ, почти совершенно изглаженными всеокрушающимъ временемъ; по чтенію Антуана д'Аббади, надпись эта прославляетъ «доблестнаго Галена, царя аксумскаго и гамерскаго», то-есть царя страны гиміаритовъ: юго-западная Аравія и Эіопія составляли нѣкогда одно царство ⁴⁾. На Аксумскомъ плато, подлѣ исполинской сикоморы, стволъ которой имѣетъ 15 метровъ (7 сажень) въ окружности, стоитъ другой любопытный памятникъ, въ которомъ думали видѣть доказательство существованія въ Абиссиніи древней египетской цивилизаціи: это обелискъ-монолитъ, высотой около 25 метровъ, но совершенно другаго стиля, чѣмъ египетскіе обелиски: по своей орнаментациі, онъ изображаетъ девятиэтажную башню съ окнами, увѣчанную маленькой пирамидой, съ выемчатымъ основаніемъ и съ сферическими гранями. Около полусотни другихъ обелисковъ разбѣяны на соседней площади: одни опрокинутые, другіе — наклоненные на стволы деревьевъ; посреди этихъ руинъ стоятъ тамъ и сямъ древніе алтари: недалеко оттуда видны еще на половину отесанные камни въ ломкѣ трахита, откуда строители извлекли обелиски. Между зданіями Аксума замѣчательна еще находящаяся въ самомъ оградѣ его гедема или «мѣсто убѣжища» — португальская церковь, большое строеніе съ зубчатой башней; въ городѣ есть водопроводъ, высѣченный въ скалѣ; въ окрестностяхъ бокъ одной горы изрѣзанъ подземельями, которыя были, говорятъ, могилами царей, и «гдѣ скрывается великій змѣй, древній государь Эіопіи» ⁵⁾.

Антало, бывший нѣкогда столицей Тигре, лежитъ на высотѣ около 2.400 метровъ, на

амбѣ, окруженной глубокими ущельями, гдѣ берутъ начало притоки Таккаце; верхнее плато, увѣчанное другой естественной крѣпостью, амбой Арадомъ, высится на западѣ, тогда какъ на югѣ и на востокѣ простирается обширная и плодородная равнина, гдѣ англичане установили свой главный лагерь во время абиссинскаго похода 1868 года. Антало, переставъ быть резиденціей, потерялъ почти все свое населеніе, и теперь три квартала его, раздѣленные глубокими оврагами, представляютъ одиѣ развалины. Жители развѣчанной столицы переселились въ Чаликутъ, лежащій километрахъ въ десяти къ сѣверо-востоку: это одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Эіопіи, благодаря садамъ и шпалерамъ деревьевъ, окружающимъ его дома и церкви. Расположенные на краевой цѣпи восточной Абиссиніи, на самомъ краю первыхъ уступовъ, которыми дорога спускается въ Данакильскую равнину, города Антало и Чаликутъ имѣютъ довольно важное торговое значеніе, какъ складочные пункты для солеторговцевъ, отправляющихся со своимъ товаромъ изъ земли племени талгалъ въ Сокоту. Между этимъ послѣднимъ городомъ и Чаликутомъ главные этапы: Самре, лежащій близъ большой, нѣкогда озерной, равнины Самра, затѣмъ Атеби или Ацебидера, и Фишо, находящіеся уже въ низменностяхъ. Новый городъ Макале, основанный негусомъ Іоанномъ, стоитъ на самомъ гребнѣ Эіопской цѣпи и служитъ иногда временной столицей государства, какъ Дебра-Табора, Адуа или Магада; одинъ итальянскій инженеръ построилъ тамъ царскій дворецъ «на европейскій манеръ» ¹⁾. Съ этой высокой обсерваторіи негусъ Іоаннъ видалъ у своихъ ногъ большую часть еще непокоренной области данакиловъ. Впрочемъ, онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько завоеваній въ этой низменной области, и на одной изъ четырехъ террасъ, спускающихся къ равнинѣ въ видѣ гигантскихъ ступеней, основалъ рынокъ Секеть, много посѣщаемый покупателями соли ²⁾.

Къ сѣверу отъ Антало и Чаликута нѣсколько торговыхъ селеній слѣдуютъ одно за другимъ черезъ длинныя промежутки, параллельно краевому хребту Эіопіи, на главной дорогѣ, соединяющей возвышенности съ морскими портами Зуллою и Массовой. Нѣкоторые изъ этихъ жалкихъ группъ хижинъ приобрѣли извѣстность въ исторіи изслѣдованій Абиссиніи, какъ мѣста стоянки и наблюденій для европейскихъ путешественниковъ. Одна изъ самыхъ многочисленныхъ деревень — Гауссенъ, на плато, перерѣзанномъ глубокими оврагами; далѣе слѣдуетъ Адди-гратъ (Адди-Игратъ) или Аттегра, лежащій на высотѣ 2.400 метровъ, въ плодо-

¹⁾ G. Rohlfs, „Meine Mission nach Abyssinien“.

²⁾ Ed. Rüppel, „Reise in Abyssinien“.

³⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abyssinien“.

⁴⁾ „Académie des inscriptions“, séance du 19 janvier 1877.

⁵⁾ Nathaniel Pearce, „Life and Adventures“.

¹⁾ „Esploratore“, dicembre 1882.

²⁾ Bianchi, „Esploratore“, settembre, ottobre 1834.

родной долины, надъ которой съ запада и юго-запада господствуютъ вершины, поднимающіяся на 1.000 метровъ выше; къ западу, на одной песчаниковой амбѣ, увѣчанной крутымъ утесомъ въ 30 метровъ высоты, на который можно взобраться только при помощи веревокъ, пріютился монастырь Дебра-Дамо, одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ Эіопіи: при малѣйшемъ признакъ войны жители окрестныхъ мѣстностей сѣшать снести туда свои богатства. Вершина скалы, покрытая слоемъ растительной земли и снабженная ста пятьюдесятью цистернами, тщательно обрабатывается, но собираемыхъ съ этого клочка плодовъ недостаточно для прокормленія монастырскаго населенія; иноки должны разсчитывать на великодушіе живущихъ внизу вѣрующихъ ¹⁾. Въ прежнее время на этой амбѣ водворяли на жительство младшихъ членовъ царствующей фамиліи. Деревня Сенафе, лежащая сѣвернѣе, пріютилась у подножія крутыхъ скалъ. Какъ первая горная станція на дорогѣ, по которой слѣдовала англійская армія, посланная для освобожденія плѣнниковъ Теодора, лагерь при Сенафе имѣлъ во время кампаніи 1868 года первостепенную стратегическую важность; по всей вѣроятности, эта деревня сдѣлается цвѣтущимъ городомъ, когда будетъ поправлена построенная англичанами колесная дорога, поднимающаяся отъ бухты Адулисъ въ Сенафе черезъ ущелья Кумайли. На западѣ, Галай или «Под-емъ», до недавняго времени населенный сплошь католиками, и Дигса (Дигсанъ), первый мѣстечки плоскогорья, которыя встрѣчаешь, поднимаясь по той или другой вѣтви овраговъ Гадаса, тоже получили извѣстность въ исторіи путешествій.

Отъ столицы Тигре къ берегамъ Краснаго моря ведутъ двѣ дороги: кратчайшая направляется на сѣверо-востокъ къ Сенафе, другая идетъ на сѣверъ, и, перейдя Маребъ на высотѣ около 1.200 метровъ, поднимается по долину этой рѣки высотами западной покатости. Къ сѣверу отъ того мѣста, гдѣ находится переправа черезъ рѣку, крутые откосы плоскогорья разрываются на базальтовые колоннады, мысы, обелиски и пирамиды причудливыхъ формъ, и на этихъ огромныхъ каменныхъ глыбахъ разсѣяны селенія, принадлежащія къ Гундетскому округу, сдѣлавшемуся знаменитымъ въ исторіи Африки: тамъ начался рядъ военныхъ неудачъ, которыя, вмѣстѣ съ финансовыми займами и ростовщичествомъ, сокрушили могущество Египта, низведя эту страну на степень ставки въ игръ, которую съ той поры ведутъ между собой европейскіе банкиры и дипломаты. Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, именно въ 1875 году, каирскій хедивъ

былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей въ свѣтѣ по обширности своихъ владѣній; намѣстники его поднялись было вверхъ по Нилу до озера Мвутанъ-Нзиге и проникли на покатость рѣки Конго; египетскіе гарнизоны занимали порты западнаго берега, на Красномъ морѣ, и даже на югѣ они прочно утвердились въ Харрарѣ и въ странѣ сомалиевъ. Завоеватели уже обходили Эіопію на югѣ; они думали, что настала минута овладѣть плоскогорьемъ. Но битва въ Гудда-Гудди или Гундетѣ кончилась полнымъ пораженіемъ египтянъ. Почти всѣ вторгшіеся иноземцы погибли, вмѣстѣ съ двумя своими вождями, Аракель-беемъ и датчаниномъ Арендрупомъ. Нашествіе, долженствовавшее навсегда подчинить Эіопію иностранному владычеству, доставило ей, напротивъ, политическое единство, отъ Гамасена до Шоа, и вернуло въ лоно христіанства всю эту область возвышенностей, которая, казалось, была обречена сдѣлаться достояніемъ ислама. Кости павшихъ въ битвѣ египтянъ бѣлѣются тысячами на поляхъ Гудда-Гудди, на половину прикрытыхъ листвою кустарника, высокой травой и гирляндами вьющихся растений. Въ 1876 году, вторая армія, подъ начальствомъ Гассана, сына хедива, снова взошла на Гамасенское плоскогорье и укрѣпилась въ хорошей стратегической позиціи, въ Гурѣ, къ востоку отъ Верхняго Мареба. Окруженные непріятелемъ въ нижней части ихъ расположенія, египетскія войска были почти совершенно истреблены: они оставили пушки и ружья на полѣ сраженія, и принцъ Гассанъ былъ освобожденъ изъ плѣна только за большой выкупъ; по легендѣ, которая сложилась тотчасъ же послѣ битвы, но которая, вѣроятно, не согласуется съ истиной ¹⁾, Гассанъ и всѣ другіе пощаженные плѣнники были зататуированы на рукѣ знакомъ креста, побѣдившаго мѣсяцъ.

На дорогѣ изъ Адуа въ Массову черезъ западную покатость Верхняго Мареба, самое многолюдное и самое важное въ торговомъ отношеніи мѣстечко — Кодо-Феласса (Годо-Фелассе), главный городъ провинціи Серауэ. Это мѣстечко замѣнило собой, какъ этапъ на упомянутой дорогѣ, городъ Дебароа, лежащій сѣвернѣе и нынѣ пришедшій въ упадокъ, но прежде бывшій резиденціей бахръ-нагашей или «царей моря», какъ обыкновенно называли губернаторовъ приморскихъ провинцій. Домъ въ Дебароа не похожъ на круглые каменные, крытые соломой, домики центральной Абиссиніи: это жилища частію подземныя, въ родѣ саклей, какія встрѣчаются во многихъ округахъ Кавказа и Курдистана. На скатѣ горы высѣкаютъ ступени, и полученное такимъ образомъ четырехугольное пространство пре-

¹⁾ Combes et Tamisier, цитированное сочиненіе; — Jacobis, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1849.

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Meine Mission in Abyssinien“.

вращается въ домъ приставкой глиняной крыши, которая сзади упирается въ почву, а спереди подперта столбами: сверху не видишь селенія, а только поросшіе травой уступы,

воздуха и свѣта, обращается въ вонючую пещеру¹⁾.

Лагерь *раса*, управляющаго страной Тигре, расположенъ въ Адагѣ (2.838 метровъ высо-

Столица королевства Тигре.

закъ площадки заброшенной лѣстницы. Таковъ способъ постройки деревень въ Гамасеѣ. Дымъ уходитъ черезъ дыру, оставленную въ крышѣ: когда идетъ дождь, отверстіе закуривается, и подземное убежище, лишенное

ты), въ мѣстѣ соединенія дорогъ, поднимающихся изъ Массовы, изъ области племенъ бо-

¹⁾ Salt, „Views of India“;—Rüppel, „Reise in Abyssinien“;—Lejean, „Voyage en Abyssinie“.

госовъ и менсаевъ. Въ небольшомъ разстояніи къ востоку находится резиденція шума, претендующаго на титулъ «морскаго царя»: это деревня Асмара, лежащая на самомъ краю Эіопскаго нагорья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, достигнувъ покатости Краснаго моря, спускается зигзагами въ равнину. Нѣкоторыя другія группы жилищъ раздѣляютъ съ Асмарой выгоду быть мѣстомъ роздыха для каравановъ по прибытіи ихъ на хребетъ тигрейскаго плоскогорья. Казень, къ сѣверо-западу отъ Асмары, на конечномъ выступѣ Гамасена, тоже командуетъ одною изъ дорогъ, спускающихся къ Массовѣ, видимой иногда въ 75 километрахъ по прямой линіи, между сѣрою линіей горизонта и сѣрою поверхностію моря. Изъ Казена другая караванная дорога спускается къ сѣверо-востоку, направляясь къ Сенгиту и столицѣ земли богосовъ, Керену, лежащему уже въ куаллѣ, на высотѣ 1.452 метровъ, среди масличныхъ рощъ; возлѣ города египтянами была построена крѣпость, называемая Сенгитомъ, какъ и самый край, но въ силу трактата, заключеннаго съ англичанами, она должна быть эвакуирована и передана эіопскому царю. Керень былъ центромъ католическихъ миссій въ сѣверной Абиссиніи, и изъ его большой семинаріи вышли многочисленные туземные священники для церквей, разбѣянныхъ въ разныхъ провинціяхъ имперіи. Почти все населеніе страны богосовъ и менсаевъ покинуло магометанскія обрядности, чтобы вернуться въ лоно христіанства, но подѣ новой формой, проповѣдуемой миссіонерами лазаристами.

Спускаясь отъ Асмары къ Красному морю, дорога огибаетъ на сѣверѣ массивъ передовыхъ горъ, на одной изъ которыхъ находится знаменитый монастырь Биджанъ или Бизанъ, основанный въ четвертомъ столѣтіи и часто упоминаемый у португальскихъ писателей подѣ именемъ монастыря Видѣнія: богомольцы, и въ числѣ ихъ путешественникъ Понсе, въ 1700 году, видѣли тамъ золотое облако, плавающее въ воздухѣ. Около тысячи монаховъ живутъ въ этой обители и въ принадлежащихъ къ ней общинахъ. У подошвы горъ, деревня Айлетъ, отдѣленная отъ приморской равнины цѣнью холмовъ, занимаетъ дно прекрасной долины, которая могла бы сдѣлаться одною изъ богатѣйшихъ земледѣльческихъ мѣстностей, а въ сосѣдствѣ, въ 5 километрахъ къ югу, бьютъ изъ земли горячіе ключи (59° Цельсія), довольно обильные, чтобы образовать ручей; окружающая почва, до 50 метровъ вокругъ отверстія, изъ котораго выходятъ эти воды, настолько горяча, что по ней нельзя ходить босыми ногами. Спускаясь съ плоскогорья, абиссинцы имѣютъ обыкновеніе окунуться въ Айлетскій источникъ и иногда даже купаютъ въ немъ своихъ барановъ; въ той части этого горячаго ручья, гдѣ вода уже охладилась до 48 граду-

совъ¹⁾, живетъ жестоккрылое насѣкомое, укушеніе котораго ядовито. На сѣверѣ, въ Самхарѣ, видны многочисленные остатки древности, между прочимъ, могилы, изъ которыхъ нѣкоторыя походятъ на мегалитовые памятники Франціи²⁾. Древній городъ, теперь пустынный, покрываетъ пространство, имѣющее нѣсколько километровъ въ окружности.

Въ равнинѣ нѣсколько станцій слѣдуютъ одна за другой до Массовскаго берега, какъ-то: Сати, или «Лужи», получившая это названіе отъ скопленій стоячей воды, которыя тамъ обыкновенно встрѣчаются въ сухое время года въ высохшихъ ложахъ потоковъ; Мкулу, которую проживающіе въ Массовѣ европейцы выбрали мѣстомъ лѣтняго пребыванія, и которую они обсадили группами тамариндовъ и другихъ деревьевъ; Готумлу, резиденція шведскихъ миссіонеровъ и мѣстопробываніе ихъ школъ. На югѣ, деревня Аркико, дома которой проглядываютъ между мимозами, есть нѣчто въ родѣ столицы: тамъ имѣетъ пребываніе наибъ, происходящій отъ династіи начальниковъ, которые съ конца шестнадцатаго столѣтія служатъ посредниками для торговли между Эіопіей и Массовой; жители этого края состоятъ подѣ двойной зависимостью отъ купцовъ сосѣдняго порта и отъ абиссинцевъ плоскогорья, которыхъ право собственности на землю существуетъ изъ вѣка въ вѣкъ и которые каждый годъ подновляютъ это право зимними посѣвами³⁾. Турки, овладѣвъ островомъ и поморьемъ въ 1557 году, попробовали сначала управлять непосредственно прибрежными населеніями; но, убѣдившись въ своемъ безсиліи противъ неудобимыхъ враговъ, кочевниковъ, передали свою власть начальнику белаусовъ, племени народа хабабъ, кочевавшему въ окружающихъ равнинахъ; даже гарнизонъ Массовы, состоявшій главнымъ образомъ изъ босняковъ, слился мало-по-малу съ хабабами посредствомъ смѣшанныхъ браковъ⁴⁾. Сдѣлавшись наибомъ или «намѣстникомъ» вице-королей Геджаса, вождемъ белаусовъ сталъ получать опредѣленную субсидію отъ турецкаго правительства, но съ обязательствомъ защищать турецкіе или абиссинскіе караваны отъ всякихъ нападеній со стороны сосѣднихъ народцевъ, представлять сузерену часть пошлинъ, платимыхъ купцами, и снабжать островъ необходимою для продовольствія водой. Послѣ того нерѣдко возникали несогласія между наибомъ и массовскими островитянами; водопроводы часто бывали перерѣзаны; нерѣдко и самъ наибъ, прогнанный изъ Аркико, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ внутрь страны. Случалось также, что государи Эіопіи, которымъ необходимо, чтобы во-

¹⁾ G. Lejean, "Voyage en Abyssinie".

²⁾ G. Rohlfs, "Meine Mission in Abyssinien".

³⁾ Munzinger; — Rohlfs, etc.

⁴⁾ Werner Munzinger, "Ostafrikanische Studien".

рота, представляемая Массовою, были открыты во внѣшній міръ, опустошали страну, чтобы отомстить береговымъ грабителямъ или торговцамъ невольниками. Въ силу трактатовъ, заключенныхъ въ 1884 г. адмираломъ Геветтъ отъ имени англійскаго правительства и Мазонъ-Бей со стороны Египта, доступъ въ Массову сдѣлался совершенно свободенъ для абиссинской торговли. Съ тѣхъ поръ, какъ Италія (27 февраля 1885 г.) утвердилась въ Массовѣ, она также примкнула къ договору Геветта; такимъ образомъ, если не съ политической точки зрѣнія, то по крайней мѣрѣ въ торговомъ отношеніи портъ Краснаго моря является болѣе, чѣмъ когда-либо, естественною принадлежностію Эіюпіи, и важность его, уже и теперь значительная, должна быстро возрастать, если міръ сохранится на плоскогорьяхъ. Отдѣльные форты командуютъ подходами къ городу и ограничиваютъ укрѣпленный лагерь, гдѣ египетское правительство содержало трехтысячный отрядъ войска.

Городъ Массова или Массауа (Медсауа или Муссауа по-арабски, Мутонья по-абиссински) занимаетъ коралловый островъ, длина котораго, отъ востока къ западу, около 1.000 метровъ; съ сѣвера на югъ онъ имѣетъ всего только 300 метровъ въ ширину. Каменные дома, арабскаго стиля, и хижины изъ древесныхъ вѣтвей тѣсно скучены на этой скалѣ, которая соединена плотиною съ еще меньшимъ островомъ Таулудъ, связаннымъ въ свою очередь съ материкомъ посредствомъ жете длиной около 1.500 метровъ, содержащаго драгоценный водопроводъ, по которому вода изъ Мкулу идетъ въ цистерны Массовы. Но водопроводъ и жете, такъ же, какъ казармы и укрѣпленія и всѣ зданія, построенныя лѣтъ двадцать тому назадъ, подъ руководствомъ паши Муинцингера, за недостаткомъ надлежащаго ремонта, пришли въ большую ветхость: какъ и въ собственномъ отечествѣ, египтяне умѣютъ строить, но не даютъ себѣ труда поправлять разъ построенное. Въ городѣ сохранилась еще старинная эіюпская церковь, построенная, какъ говорили вѣрующіе, Фрументіемъ, абиссинскимъ апостоломъ, и теперь преобразованная въ мечеть. Мѣстомъ якорной стоянки, которое въ древности называлось Сабайтиконъ, служить глубокий каналъ, простирающійся между сѣвернымъ берегомъ острова и материка; другіе островки защищаютъ этотъ каналъ на сѣверо-востокъ отъ вѣтровъ, дующихъ съ открытаго моря. Торговля Абиссиніи съ иностранными купцами—греками, баніанами и другими, имѣющими свои конторы въ Массовѣ—ведется черезъ посредство каравановъ. Послѣдніе, то-есть караваны, грузы которыхъ состоятъ главнымъ образомъ изъ драгоценныхъ произведеній галлаской земли—кофе, золота, бѣлаго воска, — выступаютъ съ мѣста обыкновенно въ концѣ зимы, такъ чтобы

успѣть переправиться черезъ Таккаде до весенняго разлива, и употребляютъ два или три мѣсяца на весь путь; домой они возвращаются въ концѣ осени, чтобы слѣдующей весной снова начать свое ежегодное странствіе. Въ 1861 г., цѣнность торговаго обмѣна Абиссиніи (считая въ томъ числѣ и живой товаръ, невольниковъ) черезъ массовскій портъ исчислялась въ миліонъ франковъ; двадцать лѣтъ спустя, въ 1881 году, она простиралась до 7 милліоновъ, а въ 1892 г. она достигла 10.903.000. Продаваемые товары, по порядку важности—кожи, коровье масло, отправляемые въ Аравію, и перламутръ. Вывозъ слоновой кости много уменьшился за послѣднее время. Плантаторы Майотты и Маскаренскихъ острововъ покупаютъ здѣсь муловъ абиссинскаго происхожденія.

Лежащіе къ востоку отъ Массовскаго залива большіе коралловые острова, называемые Далакскими, изъ которыхъ главные Далакъ и Нора, утратили почти совершенно важное торговое значеніе, какое они имѣли до турецкаго господства; въ тѣ времена они были обитаемы христіанскимъ населеніемъ, отъ котораго сохранились еще кое-гдѣ часовни; обычный языкъ на этихъ островахъ и теперь еще тигрейскій, хотя и сильно испорченный ¹⁾. Въ наши дни жители Далакскаго архипелага — всѣ мусульманской религіи и, въ числѣ не болѣе тысячи пятисотъ душъ, не имѣютъ другихъ источниковъ пропитанія, кромѣ продукта морскаго промысла, именно ловли жемчужныхъ раковинъ, если не считать молока и мяса, доставляемыхъ козами: каждый годъ иноземные купцы, бавіанскіе и персидскіе, приѣзжаютъ сюда покупать перламутръ и жемчугъ, собираемые въ окружающихъ бухтахъ; рынокъ находится на восточномъ берегу большаго острова, въ деревнѣ Демеле. Подобно барейнскимъ ловцамъ жемчужныхъ раковинъ, далакскіе островитяне спускаются на дно моря всегда послѣ сильныхъ дождей, такъ какъ жемчужный наростъ, говорятъ они, образуется только благодаря смѣшенію соленой и прѣсной воды ²⁾. Туземцы ловятъ также черепаху, но они не собираютъ губокъ, которые, однако, развиваются въ большомъ количествѣ на днѣ морскомъ ³⁾. Жители Далака и окружающаго архипелага держатъ въ большомъ числѣ козъ, верблюдовъ и ословъ, которыхъ они оставляютъ бродить по острову въ дикомъ состояніи или запираютъ на пустынные островки. На одномъ изъ этихъ острововъ есть даже нѣсколько коровъ.

Длинная и узкая бухта, вѣрзывающаяся, съ сѣвера на югъ, верстъ на пятьдесятъ въ твердую землю, и которую жители острова Диссе называютъ «Бархатнымъ заливомъ», можетъ-

¹⁾ Bianchi, „Esploratore“, agosto 1882.

²⁾ Edvard Rüppel, „Reise in Abyssinien“.

³⁾ Werner Munzinger, „Petermann's Mittheilungen“, 1864, № IX.

быть, по причинѣ спокойствія ея водъ, хорошо защищенныхъ отъ вѣтровъ ¹⁾, лежитъ еще ближе, чѣмъ Массова, отъ высокихъ эѳіопскихъ плоскогорій, и движеніе торговаго обмѣна много разъ принимало это направленіе. Эта вырѣзка морскаго побережья, называемая англичанами Аннеслей-бай, чаще обозначается подъ именемъ бухты Адулисъ, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда тамъ стояли на якорѣ флоты преемниковъ Александра Македонскаго. Одна греческая надпись, скопированная въ шестомъ столѣтіи египетскимъ монахомъ Космой Индикоплевстомъ, прославляетъ «великаго царя Птолемея, сына Птолемея и Арсинои»; другая, повѣствующая о славныхъ походахъ эѳіопскаго царя Эбъ-Агуды, представляетъ первостепенный географическій интересъ, такъ какъ она содержитъ рядъ двадцати трехъ абиссинскихъ названій мѣстъ ²⁾, первые элементы сравнительной географіи страны. Мариеттъ доказалъ, совершеннымъ сходствомъ многихъ именъ, вырѣзанныхъ на карнакскихъ пилонахъ, съ именами, упоминаемыми въ адулисской надписи, что сношенія Египта съ Эѳіопіей несомнѣнно восходили ко временамъ фараона Тутмеса III, царствовавшего въ девятнадцатомъ столѣтіи до Рождества Христова ³⁾. Отъ зданій древняго города отыскали только небольшое число капителей, высѣченныхъ въ лавѣ, и мраморовъ, изваянныхъ византійскими скульпторами; остатки эти находятся теперь въ 6 сличкомъ километрахъ внутри материка, можетъ-быть, вслѣдствіе поднятія берега, можетъ-быть, также просто по причинѣ постепеннаго нарастанія аллювиальнаго слоя. Древнее наименованіе существуетъ еще подъ формой Зулла. Южнѣе, на высотахъ, видны остатки какого-то города, бывшаго, вѣроятно, санаторіемъ Адулиса ⁴⁾. Во второй половинѣ настоящаго столѣтія имя Адулиса было часто произносимо, какъ имя будущей французской колоніи, потому что полоса земли, вдоль бухты, и островъ Диссе были уступлены Франціи, въ 1840 году, государемъ Тигре; но эта уступка на бумагѣ не была закрѣплена никакимъ актомъ фактической оккупации, и съ 1888 года Италія владѣетъ этимъ клочкомъ эѳіопской территоріи, послѣ того какъ нѣкоторое время тамъ господствовала Англія подъ египетскимъ флагомъ. Впрочемъ, нѣтъ страны, гдѣ бы Великобританія дала болѣе поразительный примѣръ своего могущества, какъ на этомъ знойномъ берегу Чермнаго моря. Въ бухтѣ Адулисъ, гдѣ едва увидишь какую-нибудь жалкую барку, и гдѣ рыболовные плоты

состоятъ изъ трехъ кусковъ дерева, почти совершенно погруженныхъ въ воду, которыми управляютъ при помощи гребка, безъ боязни многочисленныхъ акулъ,—въ этой самой бухтѣ плавали въ 1867 и въ 1868 годахъ сотни кораблей; высадочный молъ, отъ котораго остались кое-какіе слѣды, выдвигался въ море на цѣлую версту, желѣзная дорога проникала на югъ до самаго основанія крутъ, и громадные резервуары воды, вырытые у подножія горъ, поили индійскихъ слоновъ и 40.000 животныхъ. Въ Зуллѣ высадились британская армія, въ Зуллѣ же она сѣла на корабли и поплыла въ обратный путь, приведя къ благополучному концу экспедицію, безпримѣрную въ исторіи Англіи и во всемірной исторіи новаго времени, какъ по справедливости дѣла, такъ по математической точности движеній, по полнотѣ успѣха, достигнутого почти безъ пролитія крови, и по безкорыстію въ побѣдѣ. Эта военная прогулка европейской арміи на плоскогорья Эѳіопіи кончилась безъ завоеванія, и слѣды англійскихъ шаговъ скоро изгладились на знойномъ песку Зуллы, а между тѣмъ это кратковременное появленіе грознаго иноземца начинаетъ новую эру въ исторіи Абиссинскаго государства.

Эѳіопскіе города бассейна Таккае и покатоности Краснаго моря, съ цифрой населенія, показанной путешественниками.

Иначтбакъ. Добарекъ. Фарасъ-Саберъ, — 2.000 жит., по Феррету и Галинье. Лалибала — 1.200 жит., по Рольфсу. Сокота — 1.500 ж., по Рольфсу. Аятало — 1.000 жит., по Рольфсу. Чалкутъ — 2.000 ж., по Рольфсу. Макале. Самре. Гауссентъ — 1.200 ж., по Лефевру. Аддиградъ — 2.000 жит. Сенафе. Галай — 2.000 жит., по Росселю. Дигсанъ — 2.000 ж., по Лефевру. Абби-Адди — 2.000 ж., по Рольфсу. Адуа, — 3.000 жит., по Рольфсу. Аксумъ — 5.000 жит., по Рольфсу. Кодо-Феласси — 1.200 жителей, по Рольфсу. Атсега — 1.800 жит., по Гейглину. Керень — 1.800 жит. Аркико — 1.500 жит., по Рольфсу. Массова, съ предмѣст., — 8.000 жит. Афъ-Абадъ — 6.000 ж., по Сапето. Долка — 5.000 жит., по Сапето. Зулла — 1.000 жит.

Берегъ Краснаго моря, продолжающійся къ юго-востоку, изгибается тамъ и сямъ въ видѣ бухтъ и бухточекъ, гдѣ можно бы было устроить порты, если бы, къ несчастію, караваны не должны были проходить черезъ знойныя и небезопасныя земли данакиловъ, прежде чѣмъ достигнуть долинъ эѳіопской покатоности. Гавакильская бухта, изслѣдованная англичанами во время ихъ экспедиціи въ Абиссинію, zagrożена вулканическими конусами, окружена скалами и лавами, переходъ по которымъ представляетъ большія трудности. Гавфила, гдѣ, какъ полагаютъ, находился древній портъ Антифила, можетъ быть полезна только для эксплуатаціи

¹⁾ Antoine d'Abbadie, „l'Abyssinie et le roi Théodore“.

²⁾ Vivien de Saint-Martin, „Eclaircissements géographiques et historiques sur l'inscription d'Adulis“; — Guillaume Lejean, „Voyage en Abyssinie“, etc.

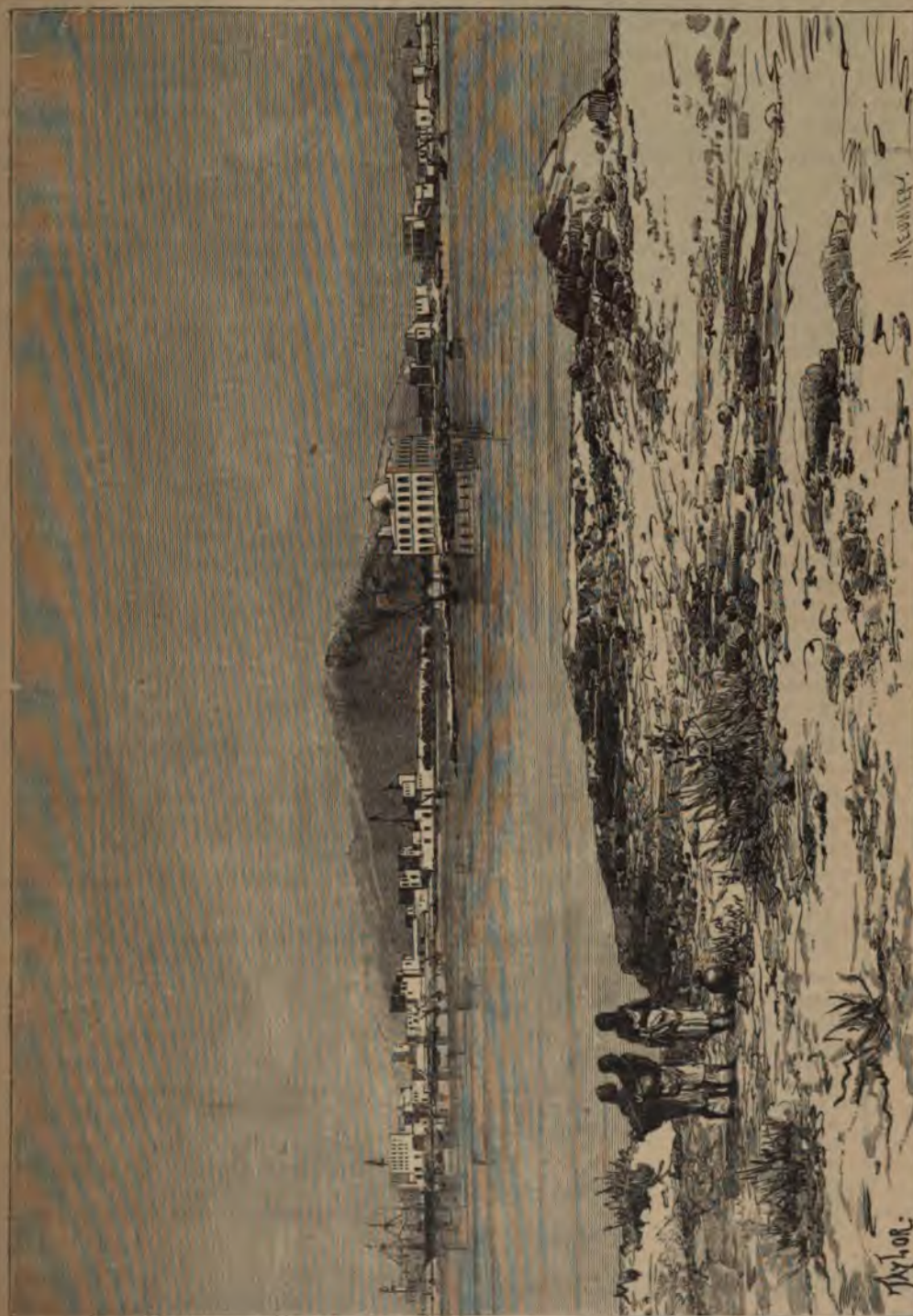
³⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки; — „Société de Géographie de Paris“, 19 avril 1874.

⁴⁾ Russel, „Abyssinie“.

солянаго озера Алеальбедъ и для ловли жемчуга и перламутра. Что касается маленькой гавани Эддъ, лежащей въ 200 километрахъ отъ Эвонской цѣпи, то она, какъ и Гавакильская

невозможности извлекать какую-либо пользу изъ этого пріобрѣтенія, она предлежала этого французскому правительству, которое, однако, отказалось отъ этого слишкомъ дорого стоящаго

Видъ Массовы.

буита, окружена потухшими вулканами и застывшими потоками лавы съ шероховатой поверхностью, которые дѣлаютъ край почти недоступнымъ. Одна нантская компанія пріобрѣла было его въ собственность но, убѣдившись въ

подарка; въ концѣ концовъ компанія уступила свои права египетскому вице-королю.

Административныя и политическія дѣленія Абиссиніи мѣняются до безконечности, смотря

по степени власти ленниковъ и по прихоти государей: иной расъ начальствуетъ надъ нѣсколькими провинціями или даже носитъ титулъ царя, какъ, напримѣръ, расъ годжамскій, короновавшійся въ 1881 году; другой вассалъ, напротивъ, долженъ довольствоваться простымъ кантономъ. Въ 1882 году большихъ леновъ было 24, изъ которыхъ 4 управляемыхъ расами перваго ранга, 5 управляемыхъ второстепенными расами и 15 состоящихъ подъ управленіемъ начальниковъ, имѣющихъ титулъ шума. Но, несмотря на политическія перемѣны

и превратности, большинство абиссинскихъ округовъ, какъ *ragi* древней Галліи, сохраняютъ свои имена и общіе контуры, указываемые на самой почвѣ рельефомъ и свойствомъ геологическихъ формаций. Въ настоящее время Эіопская имперія, безъ королевства Шоа, за-абайскихъ платящихъ дань государствъ, послѣднихъ присоединенныхъ территорій на сѣверѣ и округовъ племени галла, заключаетъ слѣдующія провинціи, или, лучше сказать, естественныя области, расположенныя по климатическимъ поясамъ и по рѣчнымъ бассейнамъ:

Губерніи.	Провинціи.	Рѣчные бассейны.	Климатическіе поясы.	Города.
Амхара	Дембеа.	Голубой Нилъ.	Дега, Война-дега.	Гондаръ.
	Чельга.	Голубой Нилъ, Атбара.	" "	Чельга.
	Лифангера.	Атбара.	" "	
	Дагосса.	Голубой Нилъ.	" "	
	Куарра.	" "	" "	
	Вегемедеръ.	Голубой Нилъ и Таккаце.	Дега, Война-Дега.	Сарама.
	Гуна.	Голубой Нилъ, Таккаце.	Дега.	
	Каните.	Голубой Нилъ.	" "	
	Санте.	" "	" "	
	Давонтъ.	" "	" "	
	Вадла.	Голубой Нилъ, Таккаце.	" "	
	Талавта.	Голубой Нилъ.	" "	
	Воггара.	Таккаце, Атбара.	Война-дега, Дега.	
	Симентъ.	Таккаце.	Дега.	Инчатбакъ.
	Целемъ.	" "	Война-дега, Куалла.	
Годжамъ	Эрмече.	Атбара.	Куалла.	
	Цагаде.	" "	" "	
	Колла-Воггара.	" "	" "	
	Вальдебба.	Таккаце.	" "	
	Волкавтъ.	" "	" "	Нагада.
Ласта	Ачеферъ.	Голубой Нилъ.	Война-дега.	Исмала.
	Мача.	" "	Дега, Война-дега.	
	Годжамъ.	" "	Война-дега, Куалла.	Монкореръ.
	Дамотъ.	" "	" "	
	Агаумедеръ.	" "	Дега, В.-дега, Куалла.	Ашфа.
Тигре	Даганахъ.	" "	" "	
	Седебъ.	" "	Дега, Война-дега.	Соката.
	Вагъ.	" "	Дега.	
	Воджератъ.	" "	Дега, Война-дега.	Макале.
	Эндерта.	" "	" "	
Тигре	Сака.	" "	" "	
	Авергале.	" "	" "	
	Иджу.	Покатость Краснаго моря.	Война-дега, Куалла.	
	Зебуль Анготъ.	" "	" "	Коббо.
	Слоа.	Таккаце.	" "	Самре.
	Тембиенъ.	" "	" "	Абби-Адди.
	Адетъ.	" "	" "	
	Геральта.	" "	" "	Гауссенъ.
	Вамбарта.	" "	" "	
	Гараматъ.	" "	Дега, Война-дега.	Чаликутъ.
Тигре	Адуа.	Таккаце, Марепъ.	" "	
	Шире.	" "	Война-дега, Куалла.	Адуа.
	Агаме.	" "	Дега, Война-дега.	Аддигратъ.
	Окуле-Кусай.	Марепъ.	" "	
	Сарауэ.	" "	Война-дега, Куалла.	Кодо-Феласси.
Тигре	Гамасенъ.	Марепъ, Барка.	" "	
			" "	

УП. Шоа, земля данакиловъ; сѣверныя государства галласовъ.

Шоа или Шава и горныя страны сѣверныхъ галласовъ составляютъ часть эіопскихъ плоскогорій; въ политическомъ отношеніи Шоа, бывъ долгое время независимымъ государствомъ, снова присоединилась къ Абиссинской

имперіи и платитъ ей опредѣленную дань: государь этой страны не иначе, какъ съ камнемъ на шеѣ, представляется «царю царей»⁴⁾. Къ

⁴⁾ После смерти негуса Абиссиніи Іоанна (1889 г.) тогдашній король Шоа, Менеликъ, сынъ Гайле Мелекоти и внукъ Менелика I, устранивъ всѣхъ соперниковъ, претендентовъ на корону Абиссиніи, самъ короновался негусомъ негусты и объединилъ Абиссинію и Шоа подъ своею властью.

югу отъ Абая, счастливыя экспедиціи покорили большинство племенъ, цивилизованныхъ или варварскихъ, подъ власть сѣверной Эіопіи, и каждый годъ посольства отъ этихъ племенъ привозятъ въ Дебра-Таборъ или въ Макале слоновую кость или какія-либо драгоценныя произведенія. Съ этой стороны неопредѣленные измѣнчивыя границы заключаютъ уже всю живую Эіопію вплоть до Каффы и даже далѣе: Шоа утонула въ протяженіи, также и королевство Годжамъ увеличилось въ той же пропорціи, хотя рѣка Абай въ продолженіе семи или восьми мѣсяцевъ въ году отдѣляетъ Абиссинію отъ земель народа ильмъ-орна. Населенія этихъ странъ, по большей части различающіяся происхожденіемъ, языкомъ, религіей и нравами, должны быть изучаемы отдѣльно. Что касается жителей равнинъ, заключенныхъ между главной цѣпью Эіопіи, берегами Краснаго моря, Аденскимъ заливомъ и водораздѣльной возвышенностію къ югу отъ бассейна Ауаша, то они составляютъ особую группу, опредѣлено отграниченную родомъ жизни, который обуславливается климатомъ и почвой; но, какъ посредники торговаго обмѣна между плоскогорьями и моремъ, эти обитатели равнинъ необходимы населеніямъ Шоа; какъ ни различны между собой эти двѣ страны, онѣ составляютъ часть одного и того же соціальнаго организма.

Къ югу отъ Ангота и Зебуля, главный хребтъ Эіопіи проникаетъ въ Шоа, затѣмъ немного уклоняется отъ меридіана, чтобы направиться къ юго-западу, параллельно теченію Ауаша. Эта часть краевой цѣпи носитъ названіе Шакка или Амба-Шакка; среднее возвышеніе ея, по Беке, отъ 2.400 до 2.700 метровъ, но многія вершины превосходятъ эту высоту. Самая высокая гора, по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ Анкобера—Метатите (3.278 метровъ), откуда видишь у себя подъ ногами наибольшую часть королевства Шоа и всѣ нижніе уступы или террасы, спускающіеся ступенями къ долинѣ Ауаша и къ притокамъ Абая. Ни одна область Эіопіи не разрѣзана рѣками такъ отчетливо на призматическіе отрывки. Съ нѣкоторыхъ возвышенныхъ пунктовъ плоскогорья эта страна представляется вдали какъ обширная, почти совершенно гладкая равнина, гдѣ долины едва обозначены перерывомъ зелени; но когда подойдешь ближе къ разсѣлинамъ, оказывается, что почва разверзается на огромныя глубины и образуетъ бездонныя пропасти: одно изъ ущелій, километрахъ въ шестидесяти къ сѣверо-западу отъ Анкобера, имѣетъ слѣшкомъ 1.250 метровъ глубины между губами плоскогорья, отстоящими одна отъ другой всего только на шестьсотъ-семьсотъ метровъ. Нѣкоторыя глубокія пропасти открываются въ скалахъ: такова, близъ старой столицы Шоа, Тегулетт-Ватъ или «Тегулетская бездна», разрывъ длиной около 180 метровъ, при ширинѣ

менѣе одного метра, куда, если бросишь камень, то звукъ паденія не доходитъ до поверхности. Рѣки, берущія начало на восточной покатости горъ Амба-Шакка, и которымъ нужно спуститься на протяженіи около 2.000 метровъ до Голубаго Нила, низвергаются въ ущелья слѣдующими одинъ за другимъ водопадами или порогами грандіознаго вида ¹⁾.

Къ востоку отъ главной цѣпи, нѣсколько массивовъ холмовъ, съ округленными формами, подпираютъ основаніе Амба-Шакки, и въ небольшомъ разстояніи тянутся параллельныя цѣпи, какъ, на примѣръ, Аргобба; но за ихъ вершинами видѣется волнообразная равнина, простирающаяся далеко къ Аденскому заливу и усаженная тамъ и сямъ вулканическими конусами, откуда вылились обширныя поля лавы. Одинъ изъ отдыхающихъ кратеровъ, близъ праваго берега Ауаша, къ сѣверо-востоку отъ Анкобера, представляетъ пропасть, имѣющую нѣсколько километровъ въ окружности. Другой кратеръ, гораздо меньше предыдущаго и открывающійся на вершинѣ пригорка, постоянно выдѣляетъ изъ себя пары: это Дофана, лежащій на лѣвомъ берегу Ауаша, километрахъ въ шестидесяти къ сѣверо-востоку отъ Анкобера. Его состояніе дѣятельности почти такое же, какъ состояніе горы Вулкано, на одномъ изъ Липарскихъ острововъ; на стѣнкахъ дымящагося кратера отлагаются пластинки сѣры, представляющія всевозможныя оттѣнки цвѣтовъ, отъ свѣтложелтаго до красно-бураго ²⁾. На югѣ, въ области Фатигаръ, находится другая группа вулкановъ, называемая Минчаръ, въ кратерахъ которой тоже сублимируется сѣра. Одно изъ этихъ огнедышащихъ жерлъ, кратеръ Винцегуръ, представляетъ огромный котелъ, имѣющій, по Гаррису, около 10 километровъ въ окружности и стѣнки высотой отъ 200 до 300 метровъ: черезъ двѣ бреши, открывающіяся въ этихъ стѣнкахъ, вылилась расплавленная лава, образовавшая рѣку черныхъ шлаковъ, которая изливается среди деревьевъ. Въ сосѣдствѣ лужа Буртчатта наполняетъ циркъ изъ черныхъ и желтыхъ лавъ, окруженный отвѣсными утесами; въ скалѣ открываются сотнями пещеры, на половину скрытыя подъ листовою растеній, прицѣпившихся къ стѣнкамъ; одно отверстіе кратера даетъ проходъ слонамъ и носорогамъ, приходящимъ ночью пить на озеро ³⁾. Къ западу отсюда, въ области Демби, итальянскій путешественникъ Антинори описываетъ другую группу вулкановъ, между которыми образовались лагуны, гдѣ до сихъ поръ не найдено никакой рыбы, изъ чего нужно заключить, безъ сомнѣнія, что

¹⁾ Isenberg and Krapf, *Journal of the Church Missions to Abyssinia and Egypt*.

²⁾ Rochet d'Héricourt, *Deuxieme voyage au royaume Choa*.

³⁾ Harris, *Highlands of Ethiopia*.

эти водныя площади недавняго происхожденія; но надъ водой кружится мириады водяныхъ птицъ¹⁾. Далѣе, на юго-западѣ, уединенная вершина огнедышащей горы Зикуалы (около 3.000 метровъ высотой), упоминаемой уже монахомъ Фра-Мауро въ его знаменитой картѣ, заключаетъ озеро въ своемъ конечномъ кратерѣ; на берегу этого озера стоитъ монастырь, основанный однимъ «укротителемъ бѣсовъ». Въ этихъ вулканическихъ мѣстностяхъ королевства Шоа встрѣчается множество горячихъ источниковъ, изъ которыхъ три, въ землѣ галласкаго племени финфини, недалеко отъ высокой уединенной горы Энтотто (2.987 метровъ), бьютъ изъ почвы фонтаномъ въ видѣ гейзера, и температура ихъ 100 градусовъ по Цельсію. Можетъ-быть, дѣйствию этихъ минеральныхъ водъ и слѣдуетъ приписать превращеніе въ ископаемое состояніе окаменѣлыхъ деревьевъ, находящихся во многихъ мѣстахъ плоскогорья между Ластой и Шоа; подобно «окаменѣлымъ лѣсамъ» Капра, ископаемые лѣса Эіопіи состоятъ изъ деревъ, принадлежащихъ къ порядку навозниковыхъ (*Sterculiaceae*)²⁾.

Перешеекъ изъ возвышенностей, отдѣляющій Абай отъ истоковъ Ауаша и изгибающійся къ юго-западу, составляетъ естественную границу между собственной Эіопіей и землей галласовъ: это область почти ровная, безъ всякихъ возвышеній рельефа, кромѣ береговыхъ утесовъ по обѣ стороны потоковъ. Но къ югу отъ этого перешейка горы снова появляются въ видѣ правильной цѣпи: скорѣе ихъ слѣдуетъ разсматривать какъ общую выпуклость почвы, разрыванную на отдѣльныя массы и остроконечныя вершины рѣками, которыя спускаются на сѣверъ къ Голубому Нилу, на югъ къ многоименной большой рѣкѣ, называемой Гугса, Ума, Абула. Вслѣдствіе размывающаго дѣйствія воды, источившей плоскогорье и сообщившей ему его нынѣшнюю внѣшнюю форму, ось горныхъ вершинъ направляется съ сѣверо-запада къ юго-востоку: въ этомъ направленіи слѣдуютъ, одна за другой, Горо-Ченъ, Бельбелла, Тулу Амара, Чиллимо, Дирико, Кало, Рогге—все горы, имѣющія болѣе, чѣмъ 3.000 метровъ высоты. Самой значительной вершиной этого хребта, у восточной его оконечности, считается Гамдо, поднимающійся на 3.456 метровъ надъ уровнемъ моря. Въ томъ же направленіи, но въ видѣ уединеннаго массива, окруженнаго со всѣхъ сторонъ глубокими долинами, высится, въ землѣ Гураре, вершина Вариро, которой путешественникъ Кіарини даетъ 3.898 метровъ высоты.

Горные массивы, ограниченные на сѣверѣ теченіемъ верхней Гугсы, не вздымаются на столь значительную высоту: въ среднемъ, они

имѣютъ только отъ 2.200 до 2.500 метровъ. Тѣмъ не менѣе, въ области Инарія, одна цѣпь, ось которой слѣдуетъ въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, имѣетъ вершины высотой около 3.000 метровъ, а самая высокая ея вершина, Эганъ, достигаетъ 3.090 метровъ. Въ землѣ Каффа другая цѣпь, ограниченная съ сѣвера теченіемъ Годжеба, соперничаетъ по высотѣ съ горами области Гураре, и гора Хотта, около восточной оконечности этой цѣпи, имѣетъ 3.685 метровъ высоты. Но исполнимъ территоріи Ильмъ-Орма считается гора Вошо, лежащая къ западу отъ рѣки Умы, въ землѣ племени варатта, которая до сихъ поръ еще не была посѣщена ни однимъ путешественникомъ. По приблизительной оцѣнкѣ Антуана д'Аббади, видѣвшаго вершину Вошо съ разстоянія около 200 километровъ, черезъ долину, въ которой течетъ Ума, эта гора должна имѣть болѣе 5.000 метровъ высоты.

Къ востоку отъ краевой цѣпи Эіопіи, земля афаровъ, которую обыкновенно обозначаютъ равниной, въ противоположность плоскогорьямъ Абиссиніи, есть, однако, страна съ поверхностью холмистой и даже гористой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Низменность Алельбеда ограничена, какъ извѣстно, вулканической цѣпью, въ которой часто раздаются удары «Чортова барабана», говорятъ талталы. Тамъ высится гора Ортоале, описанная Мунцингеромъ, а также другая «Дымящаяся гора», видѣнная издали путешественникомъ Біанки во время его безуспѣшной попытки достигнуть Ассаба, спускаясь изъ Макале¹⁾. Къ юго-западу отъ Ассабской бухты, другая крутая гора, вулканъ Муссали, возвышается слишкомъ на 2.000 метровъ (опредѣленія ея высоты у итальянскихъ путешественниковъ разнятся отъ 1.600 до 2.063 метровъ)²⁾; наконецъ, одна краевая цѣпь тянется на сѣверѣ вдоль бухты Таджурахъ, доминируемой конусами, откуда вылились лавы. Одинъ изъ этихъ потухшихъ вулкановъ, Джуда, вершина котораго лежитъ на высотѣ 914 метровъ надъ уровнемъ моря, подпертъ съ южной стороны массивомъ, который своими шейрами (застывшими потоками лавы) почти раздѣлитъ на двое оконечность залива: дно бухты представляетъ скорѣе внутреннее озеро, чѣмъ часть Индійскаго океана. На западѣ другіе потоки лавы сплошь покрыли пространство, бывшее нѣкогда дномъ морскимъ, и такимъ образомъ ограничили отрывокъ бухты, сдѣлавшійся озеромъ Ассаль, которое арабы въ шутку называютъ «Медовымъ», несмотря на соленость его водъ. Возможно также, что поднятіе почвы способствовало въ извѣстной мѣрѣ изолированію этой водной пло-

¹⁾ Antinori, «Bollettino della Società Geografica Italiana», 1880.

²⁾ Stecker, — R. Hartmann, «Abyssinien».

¹⁾ «Esplorazione», settembre 1884.

²⁾ Guido Cora, «Cosmos», 1882, выпуски V и VI.

шадн, такъ какъ берега океана, въ окрестностяхъ Таджураха, состоятъ большею частию изъ известковыхъ глинъ, содержащихъ, до высоты отъ 40 до 50 метровъ, раковины, совершенно сходныя съ видами, нынѣ живущими въ африканскихъ моряхъ. Озеро Ассаль, теперь отдѣленное отъ Таджурахской бухты порогомъ, длиною около двадцати километровъ, подверглось преобразованію, подобнымъ тѣмъ, какія испытало озеро Алаальбедъ. Оно тоже превратилось въ солончакъ, и соляная кора, окружающая отмели, такъ толста, что навьюченные верблюды могутъ проходить по ней до разстоянія версты и болѣе отъ берега. Ассальская соль, какъ и алаальбедская, составляетъ богатство сосѣднихъ племенъ; всѣ афарскіе и сомальскіе народцы страны приходятъ туда за солью, какъ для себя, такъ и для южной Эіюпіи, которая даетъ имъ въ обмѣнъ слоновую кость, кофе, цибетовый мускусъ и невольниковъ¹⁾. Такъ же, какъ Алаальбедъ, озеро Ассаль постепенно понизилось уровнемъ, такъ какъ приносимое временными ручьями или уади количество воды далеко не вознаграждаетъ убыли, происходящей вслѣдствіе испаренія: метрахъ въ пятнадцати надъ нынѣшней поверхностью озера бѣловатый слѣдъ, оставленный на скалахъ, указываетъ высоту, до которой прежде доходили воды. Въ 1834 году, во время перваго путешествія Роше въ Шоа, уровень озера Ассаль былъ на 185 метровъ ниже Таджурахской бухты; съ тѣхъ поръ эта разность уровней была показываема разными путешественниками различно, отъ 173 до 231 метра. Средняя глубина этого озера около сорока метровъ²⁾. По Біанки³⁾, многія другія низины земли афаровъ лежатъ на 200 метровъ ниже уровня моря.

Къ юго-западу отъ озера Ассаль, въ области, тоже усѣянной вулканами и покрытой застывшими потоками лавы, находятся другія озера; но эти озера рѣчнаго происхожденія и принадлежатъ къ бассейну Ауаша или Аваси. Эта рѣка восточной покатости Эіюпіи не теряется, какъ другія рѣки страны, на днѣ узкихъ ущелій. Въ то время, какъ другіе рѣчные потоки, такъ сказать, «дренируютъ» свое ложе и отнимаютъ у него плодородную почву, чтобы унести ее въ другое мѣсто⁴⁾, Ауашъ орошаетъ свою долину, какъ египетскій Нилъ, но онъ не можетъ достигнуть моря; подобно Рагуле и другимъ рѣкамъ земли афаровъ, онъ изсыхаетъ въ дорогѣ, хотя въ среднемъ своемъ теченіи кажитъ значительную массу воды. Ауашъ зарождается на юго-западной сторонѣ Альпъ Шоа, въ округѣ Финфини, отдѣленномъ тонкимъ потокомъ отъ нильскаго бассейна;

¹⁾ Rochet d'Héricourt, "Voyage dans le Choa".

²⁾ Rochet d'Héricourt; — Beke; — Christopher; — H. Saint-Guir Wilkins, "Reconnoitring in Abyssinia".

³⁾ "Exploratore", sett. 1884.

⁴⁾ Antoine d'Abbadie; — Arnaud d'Abbadie, etc.

истоки его образуютъ нѣсколько дужъ, которыя сообщаются между собою посредствомъ извилистыхъ каналовъ, заросшихъ травой. Уже довольно широкой и глубокой, этотъ ручей огибаетъ горы королевства Шоа, посылая ему часть своихъ водъ; затѣмъ течетъ въ направленіи съ юга на сѣверъ, слѣдуя вдоль основанія главной эіюпской цѣпи: въ этой части своего теченія рѣка является наиболѣе обильной; въ періодъ мелководья она вездѣ имѣетъ болѣе 50 метровъ въ ширину, болѣе метра глубины, и теченіе ея очень быстрое; во время же наводненій Ауашъ разливается на нѣсколько километровъ въ ту и другую сторону отъ своего русла, и уровень его поднимается до 12—14, даже до 18 метровъ¹⁾, такъ что можно было бы утилизировать рѣку для пароходства въ этой части ея теченія. Удаляясь отъ горъ, чтобы течъ на сѣверо-востокъ по направленію къ Таджурахской бухтѣ, рѣка сначала усиливается водами, приносимыми ея притокомъ Гермама или Казамъ, затѣмъ уменьшается мало-по-малу и верстахъ въ ста отъ моря, послѣ теченія, общую длину котораго можно считать въ 800 километровъ, теряется въ болотистомъ озерѣ Бада или Аусса, называемомъ также Абгельбадъ въ которыхъ авторами: эта водная площадь, лежащая, вѣроятно, ниже уровня моря, представляетъ поперебѣнное повышеніе и пониженіе уровня, сообразно чередованіямъ дождливаго и сухаго времени года²⁾. Воды этого озера прѣсныя и отлагаютъ плодотворный илъ, который возвращаетъ сторицей зерно, посеянное аусскими данакилами; запруда, построенная на сѣверѣ, задерживаетъ въ лѣтнее время воду, необходимую для орошенія полей; но когда земли достаточно увлажнены, тогда открываютъ шлюзы, и излишекъ водъ выливается въ водосточный бассейнъ, называемый «Натровымъ озеромъ» по причинѣ химическихъ веществъ, кристаллизующихся на его берегахъ³⁾. Другія, находящіяся въ той же области, озера принадлежатъ къ системѣ Ауаша и принимаютъ въ себя его воды разлива: таково озеро Леадо, надъ которымъ господствуютъ вулканы Дофана и Джебель-Кабретъ или «Сѣрная гора», недалеко отъ эіюпскихъ Альпъ. Озеро Цвай, иначе Джилалу, Лаки или Дамбалъ, въ землѣ Гураге, тоже, вѣроятно, составляетъ часть того же гидрографическаго бассейна, и излишекъ его водъ изливается въ рѣку Ауашъ; впрочемъ, туземцы говорили итальянскимъ путешественникамъ Антонелли и Чекки, что этотъ бассейнъ не имѣетъ истока, почему и получилъ названіе Цвай, означающее на языкѣ гезъ «Неподвижный». Къ юго-западу отъ озера Цвай простирается другая

¹⁾ Antonelli, "Exploratore", dic. 1883; — Brémont, "Exploration", janvier 1884.

²⁾ Th. von Heuglin, "Reise in Nordost-Afrika".

³⁾ Rochet d'Héricourt, цитированное сочиненіе.

водная площадь, почти такой же величины, которую Чекки явственно видѣлъ съ вершины горы Цикуала.

Климатъ южной Эіопіи походитъ на климатъ Абиссиніи, съ той разницею, что воздухъ въ первой болѣе влаженъ. Болѣе близкія къ экватору, возвышенности Шоа и земли галласовъ находятся также въ большей мѣрѣ подъ вліяніемъ дождливаго пояса, который образуется между областями двухъ пассатовъ, и который передвигается попеременно къ сѣверу и къ югу отъ равноденственной линіи. Тогда какъ среднее годовое количество атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ на абиссинскія плоскогорья, можетъ быть исчисляемо въ 75 сантиметровъ ¹⁾, на югѣ отъ рѣкъ Абая и Ауаша оно составляетъ цѣлый метръ. Вслѣдствіе этого, растительность гораздо обильнѣе и гуще въ южныхъ областяхъ Эіопіи, чѣмъ въ сѣверныхъ. Въ то время, какъ въ Абиссиніи лѣса вездѣ, за исключеніемъ только куаллъ, рѣдки, они, напротивъ, очень обширны въ горахъ Шоа, такъ же, какъ и въ горахъ земель, платящихъ дань этому королевству; почти всѣ путешественники, посѣтившіе тѣ края, говорятъ о большихъ лѣсахъ хвойныхъ, дикихъ маслинъ или другихъ деревъ, подъ которыми идешь по цѣлымъ часамъ, подъ шатромъ переплетающихся вѣтвей, покачивающихъ своими густыми шевелюрами изъ сѣраго мха. Число ботаниковъ, изучившихъ растительные виды тѣхъ странъ, пока еще не велико; но извѣстно достоверно, что всѣ абиссинскія растенія находятъ тамъ для себя благоприятный климатъ, и что тамъ произрастаютъ многіе другіе виды, полезные своими стеблями, смолами или сѣменами. Отечество кофейнаго дерева могло бы еще доставить земледѣльцамъ всего свѣта много другихъ драгоцѣнныхъ растений; оно и теперь даетъ торговлѣ одинъ плодъ, оджѣ или корарима, высоко цѣнимый за его нѣжный и сильный ароматъ.

Подобно флорѣ, и фауна описываемыхъ странъ отличается отъ абиссинской большимъ разнообразіемъ формъ; но въ цѣломъ типы здѣсь тѣ же самые, что и въ Абиссиніи. Шоа, кажется, можно считать истиннымъ отечествомъ *colubus guereza*, обезьянъ съ великолѣпной черной и бѣлой шевелюрой, на которыхъ суровѣрны жители края смотрятъ почти какъ на монаховъ, по причинѣ цвѣтовъ ихъ платья и ихъ уединенной жизни ²⁾; тамъ же, въ бассейнѣ Ауаша, живутъ замѣчательнѣйшіе быки, отличающіеся огромными размѣрами своихъ роговъ, которые достигаютъ 2 метровъ длины, при 15 сантиметрахъ толщины у основанія ³⁾. По высокимъ саваннамъ Шоа разгуливаетъ

зебръ особой породы, *equus Grevyi*, очень любопытный своимъ мѣхомъ, испещреннымъ полосами темно-пурпурнаго цвѣта. Галасская лошадь, которая не переноситъ переменъ климата и скоро умираетъ вдали отъ родимыхъ горъ, походитъ на чистокровную русскую своими сухими ногами, тонкой головой, полнымъ, округленнымъ крупомъ, пылкостью и упорствомъ ⁴⁾. Съ экономической точки зрѣнія наиболѣе цѣнное животное въ областяхъ южной Эіопіи—цибетъ (*civetta viverra*), мускусъ котораго монополизированъ различными властителями страны, исключая Каффы. Драгоцѣнное пахучее вещество доставляютъ только самцы: ихъ держатъ стадами въ сотню и до трехсотъ головъ, при чемъ каждое животное заперто въ продолговатую клітку, гдѣ ему нельзя повернуться; цибетовые парки нагрѣваются топкой до постоянной температуры, чтобы ускорить выдѣленіе мускуса, составляющее отъ 80 до 100 граммовъ въ каждые четыре дня; этимъ звѣркамъ даютъ исключительно животную пищу, состоящую изъ отборныхъ кусковъ, приготовленныхъ на коровьемъ маслѣ. Изъ боязни дурнаго глаза, иностранцевъ никогда не пускаютъ въ цибетовые парки ⁵⁾.

Цивилизованные и христіанскіе жители Шоа—амхаринцы въ большинствѣ, какъ и жители Гондара, но они отдѣлены отъ главной массы націи высокими хребтами: тогда какъ большинство абиссинцевъ живутъ на скатахъ, наклоненныхъ къ Голубому Нилу, обитатели Шоа населяютъ въ особенности покатость Ауаша, притока Краснаго моря; кромѣ того, большая часть плоскогорья, ограничивающаго Шоа съ сѣвера, занята населеніями галасскаго происхожденія. Слѣдовательно, съ этнологической точки зрѣнія Шоа составляетъ родъ островнаго массива: собственно эіопы окружены тамъ народомъ ильмъ-орма, гораздо болѣе многочисленнымъ, но раздѣленнымъ на множество племенъ, союзы которыхъ составляютъ и расторгаются сообразно интересамъ минуты и прихотямъ начальниковъ. Нравы жителей Шоа тѣ же, что и у амхаринцевъ, съ тою только разницею, что первые болѣе покорно повинуются своему королю: въ Шоа весь народъ по-рабощенъ государю; невольники въ собственномъ смыслѣ немногочисленны, и продажа негровъ воспрещена христіанамъ, но всѣ они въ сущности тѣ же рабы, которыхъ властелинъ можетъ лишитъ имущества и даже жизни. Нѣсколько общинъ фалашей или фенджей разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ королевства, и обыкновенно къ этимъ абиссинскимъ евреямъ причисляютъ секту талибановъ, которые имѣютъ монастырь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Анкоберомъ, среди лѣсовъ Эмапрета; оказыва-

¹⁾ Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“.

²⁾ Harris, „Highlands of Ethiopia“.

³⁾ Th. Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“.

⁴⁾ Arnoux;—Louis Lande, „Rèvue des Deux Mondes“, 1879.

⁵⁾ Bianchi, „Esploratore“, agosto 1883.

ное имъ уваженіе есть просто слѣдствіе страха, который они внушаютъ, какъ чернокожники. Какъ и въ собственной Абиссиніи, магометане королевства Шоа насильно были обращены въ христіанскую вѣру, но прежде они были очень

цузы и итальянцы, относительно многочисленны въ Шоа, и со времени посѣщеній Роше, Лефевра, Гарриса, Комба и Тамизье, Изенберга и Крапфа, сотни миссіонеровъ, промышленниковъ и купцовъ являлись къ кочующему двору

Мужчина и женщина племени сомали.

многочисленны, и имя джиберти, подъ которыми они извѣстны во всей Эіопіи, напоминаетъ, что городъ Джабарта, въ Ифатъ, теперь исчезнувшій, былъ однимъ изъ свѣщен- ныхъ городовъ. Иностранцы, особенно фран-

премниковъ Сехла-Селласть; но до сихъ поръ европейскія изобрѣтенія не нашли большого примѣненія въ этой странѣ: дѣло устройства оружейныхъ, пороховыхъ заводовъ и мельницъ не увѣчалось успѣхомъ, а концессіи на по-

стройку желѣзныхъ дорогъ, выданныя приѣзжимъ европейцамъ, свидѣтельствовали лишь о желаніи короля Шоа вступить въ непосредственныя сношенія съ могущественными заморскими союзниками. Путешествія съ цѣлью научнаго изслѣдованія въ галласскую землю, прекратившіяся со времени экспедиціи миссіонера Фернандеца, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, до путешествія Антуана д'Аббади, тоже становятся болѣе частыми, благодаря распространенію эіопской власти въ этихъ странахъ; но опасности, ожидающія тамъ путешественниковъ, еще велики, и изъ двухъ итальянцевъ, Кіарини и Чекки, которые проiakли до Бонги, одинъ не вынесъ трудностей пути, другой былъ спасенъ съ большимъ трудомъ вышнательствомъ годжамскаго раса. Задача, приведшая Антуана д'Аббади въ эти страны, именно полное обслѣдованіе теченія главной рѣки южной Эіопіи, еще не разрѣшена; относительно потока, составляющаго продолженіе Гусы и усиливаемаго водами Годжеба, еще неизвѣстно, какое направленіе онъ принимаетъ послѣ того, какъ описалъ большую дугу на востокъ отъ Каффы: возвращается ли онъ на западъ, чтобы течъ къ Нилу, или направляется навскось къ Индійскому океану; вѣроятнѣе всего, что онъ спустается на востокъ, чтобы образовать Джубу; во всякомъ случаѣ, это не Ниль, какъ ошибочно полагалъ д'Аббади.

Въ треугольномъ пространствѣ, заключенномъ между эіопской цѣпью, Краснымъ моремъ и теченіемъ Ауаша, главную массу жителей, кочующихъ и осѣдлыхъ, составляетъ нація афаровъ или аферовъ, то-есть «бродячихъ», чаще обозначаемыхъ европейцами подъ именемъ данакиловъ; въ сосѣдствѣ Ауаша ихъ обыкновенно называютъ аделъ или адайлъ, по имени племени адъ-али, одного изъ самыхъ могущественныхъ; но отъ одного племени до другаго различія нравовъ, обычаевъ, нарѣчій незначительны и объясняются переходомъ, болѣе или менѣе частымъ, иностранцевъ по караваннымъ дорогамъ. Сами данакилы называютъ себя арабами, какъ многіе другіе народцы восточной Африки, и это притязаніе можно объяснить мѣстными скрещиваніями, равно какъ номинальнымъ обращеніемъ афаровъ въ исламъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что вся нація, взятая въ совокупности, имѣетъ родственную связь съ западными галласами, съ сѣверными шогосами, съ южными сомалими; афары и данакилы тоже говорятъ языкомъ гамитскаго происхожденія и представляютъ сходный съ только что названными народами физическій типъ. Большинство ихъ еще грубые идолопоклонники; въ бесплодной области озера Алаальбедъ они боготворятъ одиноко растущее дерево, цезальпинію съ красивыми розовыми цвѣтками; въ другихъ мѣстахъ они приносятъ

жертвы сикоморѣ. Афары, вообще говоря, рослые, стройные люди, съ очень гибкими членами, и во время своихъ плясокъ выказываютъ замѣчательное изящество движеній. Данакильскія женщины, которыя всегда ходятъ съ открытымъ лицомъ, отличаются во время своей короткой молодости удивительно красивыми формами; но ихъ тяжелая, трудовая жизнь въ этой странѣ лавъ и песковъ, подъ самымъ знойнымъ климатомъ, какой только существуетъ на земномъ шарѣ, скоро уничтожаетъ ихъ красоту. Одѣтые болѣе сокращенно, чѣмъ абиссинцы и галласы, данакилы носятъ только передникъ изъ разноцвѣтной матеріи и тогу или шамму, часто замѣняемую шкурой какого-нибудь животнаго, небрежно накинутаю на плечи; мужчины втыкаютъ иглы дикобраза въ свою искусно заплетенную шевелюру; подобно галласамъ, они очень гордятся, когда могутъ украсить голову страусовымъ перомъ, которое служитъ доказательствомъ убійства врага. Въ сѣверной области хижины афаровъ убраны съ большимъ вкусомъ: полъ устланъ желтыми циновками, расшитыми красными и фіолетовыми узорами ¹⁾.

Афары — народъ независимый. Они дѣлятся на двѣ главныхъ группы: асахіанъ, или асаймара, и адохіанъ, или адоймара, и на множество племенъ или кабилетовъ (*кабайль*) — въ числѣ ста пятидесяти или больше, — которыя соединяются въ союзы или дѣйствуютъ каждое порознь, сообразно требованіямъ своихъ интересовъ. Афары признаютъ наслѣдственныхъ начальниковъ, называемыхъ султанами или *расами*, смотря по важности племени; но эти начальники не имѣютъ никакой власти: это просто исполнители воли всѣхъ, выражаемой по большинству голосовъ въ народныхъ собраніяхъ. Въ виду вышннго врага всѣ соединяются, какъ одинъ человекъ, и дерутся съ бѣшенствомъ за сохраненіе своей свободы. Самый могущественный изъ афарскихъ народцевъ — моданты, владѣющіе всей областью нижняго Ауаша, озеромъ Аусса и пастбищами, лежащими внутри страны между Эддомъ и Рахейтой. Ни одинъ европеецъ не проходилъ черезъ ихъ территорію безъ того, чтобы они не чествовали его въ качествѣ гостя, или не просили его заключить съ ними союзъ братства крови: два новыхъ брата зарѣзываютъ быка, кровь котораго обмазываютъ себѣ лобъ, а изъ кожи вырѣзаютъ ремни для ожерельевъ и браслетовъ ²⁾. Около 1840 года, арабы изъ Зейлы, подкрѣпленные переселенцами изъ Іемена и персидскими или белуджскими наемниками, вторглись въ землю данакиловъ и проникли до сосѣдней съ Ауссой мѣстности, но ни одинъ изъ нападавшихъ не вернулся цѣлымъ и невредимымъ изъ этой экспедиціи. Въ 1875 году

¹⁾ Hildebrandt, „Zeischrift für Erdkunde zu Berlin“, 1875.

²⁾ Antonelli, „Esploratore“, dic. 1883.

другой противникъ, болѣе страшный, чѣмъ прибрежные арабы, тоже пытался форсировать проходъ: во главѣ 350 египтянъ, вооруженныхъ усовершенствованными ружьями и имѣвшихъ нѣсколько пушекъ, паша Мунцингеръ хотѣлъ открыть себѣ путь къ Шоа, быть-можетъ, съ намѣреніемъ завоевать это королевство для вице-короля египетскаго, но то же самое племя модантовъ, которое истребило людей первой экспедиціи, ринулось на вторую съ такимъ же успѣхомъ. Мунцингеръ погибъ съ большою частью своего отряда подъ ударами данакильскихъ копій. «Ружья, говорятъ эти африканцы,

установленную обычаемъ; но зато онъ имѣетъ право на защиту со стороны племени, и благодаря даваемымъ ему проводникамъ и охраннымъ грамотамъ, можетъ безопасно совершать свой путь между моремъ и горами. Часто абиссинскіе государи хотѣли-было запретить торговлю ту или другую дорогу черезъ пустыню, чтобы открыть другіе, болѣе для нихъ выгодные пути; но власть ихъ останавливается у предѣловъ равнины, и тамъ уже одни данакилы показываютъ остриемъ своего копья дорогу, которою должны слѣдовать купеческіе караваны. Въ сѣверной части пустыни племя талаловъ,

Дѣвушка племени сомали.

годны только къ тому, чтобы пугать боязливыхъ¹⁾).

Такъ какъ текуція съ горъ воды теряются въ пескахъ и лавахъ, прежде чѣмъ достигнуть моря, то данакилы не могутъ заниматься земледѣліемъ, кромѣ какъ на берегахъ Ауаша, гдѣ виднѣются тамъ и сямъ сады, далеко недостаточные, однако, чтобы доставлять жителямъ необходимое продовольствіе. Только выгоды торговли позволяютъ данакиламъ добывать себѣ въ портахъ морскаго побережья и въ городахъ королевства Шоа пищевые продукты. При прохѣ каждый караванъ уплачиваетъ въ становашихъ данакиловъ таможенную пошлину,

которые, по словамъ Рюппеля, очень походятъ на абиссинцевъ чертами лица, занимается спеціально эксплуатаціей солянаго озера Алаальбедъ и продаетъ эіопамъ, жителямъ плоскогорья, таблички, выстѣченные въ соляныхъ плитахъ. Таоры и саорты, живущіе къ югу отъ бухты Адулисъ и на полуостровѣ Бури,—тѣ же афары, только измѣнившіеся подъ вліяніемъ скрещиваній съ абиссинцами; говорятъ они тигрейскимъ нарѣчіемъ, съ большою примѣсью арабскихъ словъ¹⁾; по Рольфу, женщины этихъ двухъ племенъ, сравнительно съ мужчинами, отличаются чрезвычайно малымъ ростомъ. У сѣверныхъ данакиловъ роль началь-

¹⁾ Antonelli, „Bollettino della Società Geografica italiana“, 1883.

¹⁾ G. Rohlf, „Meine Mission in Abessinien“

никовъ, или *реданто*, играютъ чародѣи, которые, якобы, имѣютъ сношенія съ міромъ духовъ и знаютъ звѣзду покровительницу каждаго человѣка. Достоинство реданта наследственно, но подлѣ условіемъ, чтобы сынъ былъ безъ всякаго порока физическаго или нравственнаго: онъ не могъ бы бесѣдовать съ духами, если бы не былъ здоровъ тѣломъ и умомъ ¹⁾. На берегахъ Краснаго моря нѣсколько афарскихъ семей живутъ рыбной ловлей и пускаются далеко въ море на ладьяхъ, загнутыхъ вверхъ и заостренныхъ съ обоихъ концовъ, на носу и на кормѣ, и снабженныхъ большимъ четырехугольнымъ парусомъ, сшитымъ изъ циновокъ. Въ прежнее время эти барки наводили страхъ на черноморскихъ мореплавателей: данакилы, столь же отважные на водѣ, какъ и на сушѣ, часто нападали на большія купеческія суда; но они должны были оставить это ремесло пиратовъ съ тѣхъ поръ, какъ паровыя канонерки могутъ преслѣдовать ихъ въ маленькихъ бухточкахъ побережья и среди лабиринта коралловыхъ острововъ. Сыны прежнихъ корсаровъ не знаютъ нынѣ иного промысла, кромѣ рыболовства; это единственные моряки на Красномъ морѣ, которые еще охотятся на дюгонга или морскую корову ²⁾; изъ костей этого животнаго они вытачиваютъ бусы съ волнистымъ лоскомъ, употребляемые для приготовления четокъ.

Раса сомали, родственныхъ афарамъ по чертамъ лица, языку и происхожденію, представлена въ бассейнѣ Ауаша, между Таджурахской бухтой и королевствомъ Гарраръ. Могущественное племя иссасовъ, кочующее въ этой области, переходитъ даже разъ въ годъ за рѣку Ауашъ, чтобы вступить въ предѣлы Данакильской равнины. Причина этихъ временныхъ перекочевокъ — неравенство климатовъ: дожди выпадаютъ не въ одну и ту же пору года на берегахъ Краснаго моря и Аденскаго пролива. Тотчасъ послѣ дождей, когда пажити покрываются густой, сочной травой, иссасы приходятъ просить гостепріимства у данакиловъ, а эти, въ свою очередь, перекочевываютъ въ страну Сомали, когда ихъ собственныя пастбища засохнутъ, и когда дожди орошаютъ южныя земли. Эта взаимная зависимость поддерживаетъ согласіе между двумя большими воинственными націями ³⁾. Номинально иссасы считались данниками египетскаго правительства; но въ дѣйствительности было наоборотъ. Египетъ долженъ былъ платить субсидію начальнику племени за то, чтобы онъ оказывалъ защиту караванамъ между горами Гарраръ и портомъ Зейлой. Иссаскіе погонщики верблюдовъ за-

нимаются почти исключительно перевозкой товаровъ до горъ, гдѣ передаютъ свою кладь другимъ перевозчикамъ. Жены ихъ сопровождаютъ своихъ мужей повсюду; въ караванахъ онѣ ведутъ верблюдовъ, несутъ на спинѣ дрова и кухонную посуду, а когда сбѣлаются матерями, то и новорожденнаго. У иссасовъ есть наследственные враги — другіе сомали, гадибурсы, смѣлые наѣзники-грабители, которые иногда захватываютъ стада даже въ сосѣдствѣ Зейлы ⁴⁾.

Раса галласовъ, по числу людей и пространству занимаемой территоріи, — одна изъ самыхъ значительныхъ въ Африкѣ. Уже нѣкоторые изъ народцевъ этой расы живутъ на окраинахъ Тигре, на восточной покатости Эіопской цѣпи; почти до самаго экватора, на протяженіи слишкомъ тысячи километровъ съ сѣвера на югъ, разбѣяны или сгруппированы другія племена той же расы; по направленію отъ востока къ западу галласы встрѣчаются во всей области, простирающейся отъ Верхняго Нила до Сомальскаго берега. Но еще неизвѣстно, гдѣ національный типъ всего лучше представленъ, или какой народецъ самый могущественный, такъ какъ страна южныхъ галласовъ одна изъ наименѣе изслѣдованныхъ путешественниками; въ этой области Африки пространство, болѣе обширное, чѣмъ Франція, составляетъ еще невѣдомую землю, и все заставляетъ думать, что эта область, простирающаяся на югъ отъ Каффы, будетъ послѣдняя изъ африканскомъ континентѣ, ожидающая еще путешественниковъ. Единственные, хорошо извѣстные галласы — это обитатели сѣверной области, которые, съ половины шестнадцатаго столѣтія ⁵⁾, живутъ въ эіопскихъ королевствахъ и на ихъ границахъ, а потому естественно перейти къ изученію этой расы вслѣдъ за расами Эіопіи.

Путешественникъ Беке сообщаетъ, будто галласы называются такъ сосѣдними народами по имени одной рѣки въ Гураре, близъ которой они выдержали большую битву; но обыкновенно это наименованіе истолковывается въ смыслѣ «искателей отечества», что свидѣлствуетъ объ ихъ бродячей жизни и завоеваніяхъ. Сами себя они называютъ оромо, то есть «люди», или ильмъ-орма, то есть «сыны людей», можетъ-быть, «храбрые люди» ⁶⁾; по словамъ Арно д'Аббади ⁷⁾, имя это есть синонимъ «благородныхъ», какъ испанское *hidalgos*. Преданія различныхъ племенъ этой націи разнятся между собой; однако, большинство галласовъ указываютъ на южный горизонтъ, какъ на страну, откуда, будто-бы, пришли ихъ предки; первоначальная родина ихъ, по преданію, находится далеко, около высокихъ горъ юга, и въ наши дни еще племена, живущія въ

¹⁾ Leo Reinisch; — Fr. von Bellwald, „Naturgeschichte des Menschen“.

²⁾ Eduard Rüppel, „Reise in Abyssinien“.

³⁾ Rochet d'Héricourt, „Premier voyage dans le royaume de Choa“.

⁴⁾ Gabriel Ferrand, „Le Comal“.

⁵⁾ Combes et Tamisier, „Voyage en Abyssinie“.

⁶⁾ Hartmann, „Abyssinien“.

⁷⁾ „Douze années dans la Haute Ethiopie“.

сосѣдствѣ съ Кеніей, ходятъ на богомолье къ этой горѣ, какъ къ своей матери, и приносятъ ей дары. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что около половины пятнадцатаго столѣтія совершилось великое переселеніе народовъ во всей восточной Африкѣ, и что это движеніе продолжалось и въ слѣдующіе вѣка; оно сохранилось даже до нашихъ дней въ направленіи съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ; галласы абиссинскіе, ва-хума прибрежныхъ государствъ озера Ніанца, были на сѣверѣ и на западѣ передовымъ отрядомъ этого пересе-

и другіе говорятъ нарѣчіями одной и той же семьи, классифицируемой пока, впредь до болѣе основательнаго изученія, подъ именемъ «гамитской». По Крапфу, всѣ галласы, какъ живущіе въ сосѣдствѣ экватора, такъ и оромо, обитающіе въ Эіопіи, говорятъ нарѣчіями, настолько близкими между собой, что безъ труда могутъ понимать другъ друга. Различные языки галласовъ могутъ быть сведены къ пяти главнымъ, которые всѣ представляютъ отдаленное сходство съ семитическими говорами, не вокабуляріемъ, а строеніемъ фразъ, указывающимъ

Дѣвушка племени галласовъ.

леніи народовъ оромо, вызваннаго, быть-можетъ, какъ предполагаютъ Бартъ и Гартманъ, какимъ-нибудь большимъ изверженіемъ горы Кенія и другихъ вулкановъ экваторіальной Африки.

Какъ бы то ни было, «сыны людей», которыхъ нѣкоторые писатели ошибочно считали семитами, даже «арійцами», на самомъ дѣлѣ негры, связанные нечувствительными переходами съ народностями центральной Африки: они походятъ во многихъ отношеніяхъ на своихъ сосѣдей: сѣверныхъ и восточныхъ — агаусовъ и восточныхъ — сомалиевъ, которые въ то же время ихъ непримиримые враги. Тѣ

на одинаковый складъ ума. Антуанъ д'Аббади замѣтилъ совпаденіе очень большаго числа корней и грамматическихъ формъ между языками галласскимъ и басскимъ ¹⁾. Въ языкѣ галласовъ, будто-бы, есть *clies* или звуки, похожіе на удары бича; но это наблюденіе Блика не подтверждено путешественниками. Незнакомые съ искусствомъ письма, оромо не имѣютъ книгъ, за исключеніемъ библии, привезенной миссіонерами и составляющей, вмѣстѣ съ нѣсколькими сборниками словъ и грамматикой

¹⁾ Vivien de Saint-Martin, „Année géographique“, 1872;— Cust, „Modern Languages of Africa“.

Тучека, всю галасскую литературу. Въ землѣ ильмъ-ормасовъ живутъ также народцы другого происхожденія, говорящіе отличнымъ отъ галасскаго языкомъ, еще не собраннымъ миссіонерами; это, очевидно, остатки покоренныхъ населеній, составляющіе въ массѣ побѣдителей, то-есть галасской націи, какъ бы этнологическіе островки. Среди оромской страны удержались также нѣсколько группъ амхаринцевъ, сохранившихъ эіопскій языкъ.

Галласы вообще средняго роста, именно около 160 сантиметровъ; но между ними встрѣчаются также люди великорослые, не уступающіе въ этомъ отношеніи скандинавамъ. Они широкоплечи, тонки въ талии; у молодыхъ людей грудь имѣетъ скульптурную форму; ноги пропорціонально сложены, ступни маленькія и всегда съ красивымъ изгибомъ. Сильные, гибкіе, стройные, галласы походятъ на абиссинцевъ, особенно на агаусовъ, которымъ они, вѣроятно, родственны по происхожденію, но обыкновенно фізіономія у нихъ болѣе привѣтливая и взглядъ болѣе откровенный. Очень долгоголовые, галласы имѣютъ лобъ высокій и хорошо округленный, носъ плоскій, губы полныя, но рѣдко вздутыя, бороду рѣдкую, волосы волнистые, дѣлящіеся мелкими прядями; самые красивые между ними—лимбусы и гудрусы, живущіе на берегахъ Абая: эти племена, по отзыву нѣкоторыхъ писателей, можно бы было принять за типы націи ¹⁾. Такъ же, какъ большинство туземцевъ области Верхняго Нила, «сыны людей» очень искусны въ сооруженіи своей шевелюры, которой они придаютъ видъ гребня, ореола или руна; но не всѣ имѣютъ право украшать себѣ голову: во многихъ племенахъ для этого нужно прежде убить хоть одного врага; не пріобрѣвшій же такого права подвергается бритью головы черезъ каждые три мѣсяца ²⁾. Цвѣтъ кожи разный: темно-смуглый или красно-бурый у мужчинъ, онъ вообще довольно свѣтлый у женщинъ, которыя, впрочемъ, почти всѣ слынутъ въ молодости за хорошенькихъ, даже въ глазахъ европейцевъ; по словамъ Беке, у галласовъ, живущихъ на берегахъ Абая или Голубаго Нила, цвѣтъ лица не темнѣе, чѣмъ у андалузскихъ крестьянъ ³⁾; эта относительная бѣлизна кожи народа ильмъ-орма и подала іезуитамъ поводъ производить обыкновенное его имя «галласы» отъ греческаго слова «гала», молоко ⁴⁾. Мужчины и женщины драпируются съ большимъ изяществомъ въ абиссинскую тогу, и герой, прославившій себя какимъ-нибудь подвигомъ, съ гордостью втыкаетъ въ свою шевелюру страусовое перо. Конь, обоюдоострый ножъ,

щитъ изъ буйволовои или носороговой кожи—вотъ оружіе галласовъ. Жилища ихъ, похожія на жилища эіоповъ, состоятъ изъ сложенныхъ въ видѣ круга дикихъ камней, на которые поставлена конусообразная крыша изъ травы или изъ тростника; почти всѣ они построены въ тѣни большихъ деревьевъ: путешественникъ проѣзжаетъ черезъ деревни, почти не замѣчая домовъ, которые едва виднѣются сквозь густую листву лѣса.

Сѣверные галласы, какъ и ихъ сосѣди, жители Эіопіи, одарены живымъ, восприимчивымъ умомъ; въ этомъ отношеніи они превосходятъ, въ среднемъ, даже европейцевъ, особенно той удивительной легкостью, съ какой они выучиваются иностраннымъ языкамъ ¹⁾. Они въ извѣстной мѣрѣ причастны эіопской цивилизаціи: занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, сѣютъ разнаго рода хлѣбныя растенія, воспитываютъ отличныхъ лошадей, лучшихъ во всей центральной Африкѣ муловъ, быковъ, принадлежащихъ къ двумъ видамъ, зебу и санка съ длинными рогами, при чемъ часто, ради забавы, обдѣлываютъ посредствомъ сдавливанія рога у телятъ и телушекъ, чтобы придать имъ красивую форму лиры; во многихъ мѣстахъ каждая деревня имѣетъ свои ульи пчелъ. Но не всѣ галласы обладаютъ мирными добродѣтелями земледѣльца; часто у нихъ пробуждаются воинственныя инстинкты; безпрестанныя непріятельскія дѣйствія опустошаютъ страну, и въ нѣкоторыхъ племенахъ осталась только треть способныхъ къ работѣ мужчинъ. Даже между отдѣльными семьями свирѣпствуютъ нескончаемыя войны вендетты, когда цѣна крови не была заплачена. Очень храбрые, галласы въ то же время и жестоки; подобно древнимъ израильтянамъ, они практикуютъ чудовищный обычай холостить павшихъ враговъ, живыхъ или мертвыхъ, и приносятъ домой отвратительные трофеи. Ихъ вмѣшательство въ абиссинскія войны, въ качествѣ союзниковъ, наемниковъ или непріятелей, поддерживаетъ этотъ ужасный обычай во всей Эіопіи; но по крайней мѣрѣ въ Амхарѣ и въ Тигре искалченные находятъ пріютъ и уходъ у своихъ друзей, тогда какъ въ галасской землѣ они считаются существами нечистыми; даже сынъ не можетъ помочь своему отцу и долженъ отказать ему въ почестяхъ погребенія ²⁾. Но если галласы по справедливости внушаютъ страхъ большинству своихъ сосѣдей, то и сами они нерѣдко бываютъ угрожаемы въ своей независимости, на сѣверѣ—абиссинцами Годжама и Шоа, на востокѣ—сомалиями; часто охотники на людей дѣлають просяки въ ихъ лѣсахъ, чтобы уводить оттуда партіи невольниковъ, особенно дѣти должны

¹⁾ Hartmann, „Abyssinien“.

²⁾ Rochet d'Héricourt, „Deuxième voyage dans le Choa“.

³⁾ „Journal of the R. Geographical Society“, 1884.

⁴⁾ Beke, „On the origin of the Gallas“.

¹⁾ Massys, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1845.

²⁾ New;—Hartmann, „Abyssinien“.

бояться чужестранныхъ купцовъ. Такъ сильна любовь къ свободѣ у галласовъ, что нерѣдко нидали плѣнниковъ, предпочитавшихъ скорѣе умерить себя голодомъ, чѣмъ работать на гос-

взимають налогъ дѣтьми въ семьяхъ; другіе налагають пени, которыя выплачиваются живымъ человѣческимъ мясомъ ¹⁾.

Нѣкоторыя галласскія племена образуютъ

Видъ Анкобера.

подина; но дѣти въ нѣсколько недѣль привыкають къ рабству. Почти во всѣхъ монархическихъ государствахъ галласовъ торговля малолѣтними производится за счетъ самихъ начальниковъ племени: нѣкоторые изъ нихъ прямо

республиканскія федераціи; но большинство племенъ, безпрестанно увлекаемыхъ на пути войны, поставили надъ собой вождей или *гейу*,

¹⁾ Rochet d'Héricourt; — Lejean; — Berlioux.

которые одни между галласами практикуютъ обычай многоженства; у южныхъ ильмъ-орма эти начальники всегда выбираются въ нѣсколькихъ благородныхъ семействахъ и остаются у власти лишь въ продолженіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Лишенные власти семейства обязаны, въ силу обычая, выставить своихъ новорожденныхъ дѣтей въ лѣсъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ; но, кажется, въ этихъ случаяхъ обыкновенно подсылаются друзья, чтобы спасти малютокъ и воспитать ихъ, какъ собственныхъ дѣтей; сдѣлавшись чужими своимъ роднымъ, эти подкидыши соперничающихъ расъ не внушаютъ болѣе подозрѣнія господствующей фамилии ¹⁾. У сѣверныхъ галласовъ установилась династическая королевская власть, по образцу эіопской имперіи. Большинство народа ильмъ-орма было обращено въ абиссинское христіанство до нашествія «Лѣвши» Могаммеда Гранье, испровергнушаго могущество старыхъ эіопскихъ царей, и отъ этой эпохи они сохранили нѣкоторые имена святыхъ, празднованіе воскресенья или «великой субботы» и другихъ праздниковъ христіанскаго происхожденія. Въ наши дни постоянно усиливающееся вліяніе абиссинскихъ государей заставило вернуться, добровольно или противъ воли, многія галласскія племена въ доно монофизитской церкви; кромѣ того, миссіонеры католическіе и протестантскіе обратили нѣсколькихъ туземцевъ въ свою вѣру. Что касается галласскихъ священниковъ, невольниковъ, которыхъ отцы капуцины купили отроками у родителей или у торговцевъ живымъ товаромъ, чтобы дать имъ воспитаніе во французскихъ духовныхъ семинаріяхъ ²⁾, то пропаганда ихъ, кажется, не имѣла большого успѣха между ихъ соотечественниками. Магометанскіе проповѣдники были болѣе счастливы, и цѣлыя населенія съ жаромъ приняли вѣру ислама. Обратившіеся въ магометанство туземцы племени волло, которые имѣли возможность приобрести экземпляры корана или какой-либо части мусульманскаго священнаго писанія, берегутъ ихъ съ величайшей заботливостію: они заключаютъ драгоценную книгу въ кожаный футляръ, который и носятъ съ собою на перевязи во всѣхъ путешествіяхъ ³⁾. У южныхъ галласовъ существуетъ преданіе, что будто они тоже имѣли коранъ, но однажды корова проглотила его: и теперь еще, когда эти туземцы убиваютъ корову, они вскрываютъ ей внутренности, въ надеждѣ найти тамъ листокъ священной книги ⁴⁾.

Но главная масса націи осталась вѣрна на-

туралистическимъ вѣрованіямъ и обрядностямъ. Галласы вѣруютъ, однако, въ верховнаго Бога, котораго они смѣшиваютъ съ небомъ, Вакъ, Вака или Вакайо, и къ которому они возносятъ свои молитвы, прося его о ниспосланіи дождя во время засухи и о дарованіи побѣды надъ врагами. Подъ этимъ высочайшимъ божествомъ возсѣдаютъ другіе безсмертные, изъ которыхъ одинъ, по крайней мѣрѣ, судя по его имени, иностраннаго происхожденія: это Сайтанъ, духъ зла; остальные божества—слѣдующія: Бовентича, геній-покровитель расы, Орліе—богъ рожденія, Атегіе—богиня плодородія. Въ началѣ дождливаго времени года галласы приносятъ жертву богу мужескаго пола; въ концѣ зимы, когда наступаетъ пора сбора плодовъ, они справляютъ праздникъ богини. Кромѣ того, они чтутъ все, что живетъ, все, что поражаетъ ихъ въ природѣ или внушаетъ страхъ—лѣса, горы, рѣки, громъ и вѣтеръ; каждая семья имѣетъ свое дерево-покровителя (часто маслину), которому даютъ имя Пресвятой Дѣвы, Михаила архангела или какого-либо святаго, и которое кропятъ кровью приносимыхъ въ жертву животныхъ, откармливаемыхъ коровьимъ масломъ, медомъ и пивомъ; у большинства племенъ цыплята предназначены богамъ: ихъ убиваютъ для жертвоприношенія, но никогда не ѣдятъ ¹⁾. Между животными всего болѣе чтимъ змѣй, «отецъ міра», и многія хижины имѣютъ своего домашняго ужа. У сѣверныхъ галласовъ есть жрецы и колдуны, внушающіе страхъ своими чарами. Эти колдуны, называемые калича, утверждаютъ, что въ ихъ рукахъ будущее, которымъ они могутъ распоряжаться по своему произволу; они даютъ жизнь и смерть; они призываютъ и заклиняютъ злаго духа. Но еще страшнѣе *буда* или оборотни, которые преобразуются въ лютыхъ звѣрей и убиваютъ людей одной силой взгляда: всякій, кто изобличенъ въ способности быть оборотнемъ, немедленно предается смерти; какъ бывало въ средневѣковой Европѣ, подозрѣніе въ колдовствѣ падаетъ вообще на старухъ, которыхъ обвиняютъ въ томъ, что будто онѣ ушатываются, по ночамъ, челоѣческими жертвами. Что касается простыхъ «бѣсноватыхъ», то ихъ пробуютъ лѣчить, изгоняя злаго духа или *зара* заклинаніями и безпрестаннымъ барабаннымъ боемъ ²⁾. Воровъ здѣсь розыскиваютъ посредствомъ придворнаго волшебника, называемаго *ліеба-шіай* и принадлежащаго къ числу высшихъ сановниковъ двора ³⁾; по свидѣтельству путешественника Антинори, этотъ чародѣй, которому много помогаетъ ужасъ, внушаемый его проницательностію, рѣдко ошибается въ своихъ указаніяхъ.

¹⁾ Antoine d'Abbadie;—Mascaya, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1858.

²⁾ Bruno, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1869.

³⁾ Combes et Tamisier, „Voyage en Abyssinie“.

⁴⁾ G. Ferrand, „Le Comal“.

¹⁾ Isenberg, „Abyssinien und die evangelische Mission“.

²⁾ Ach. Raffray, „Abyssinie“.

³⁾ Chiarini, „Bollettino della Società Geografica Italiana“, 1880.

Галласы рѣдко практикуютъ многоженство: обыкновенно они имѣютъ только одну жену, слишкомъ часто невольницу, на которую взвалены всѣ домашнія работы, но которая, однако, считается недостойной воздѣлывать землю, водить скотъ на водоной и доить коровъ. Формы брака многочисленны. Умыканіе невѣстъ еще въ большой модѣ у нѣкоторыхъ племенъ; но дѣло похищенія суженой берутъ на себя друзья искателя ея руки. Тотъ, которому удалось овладѣть молодой дѣвушкой и увезти ее, не смотря на ея крики, становится тѣмъ самымъ ея братомъ и покровителемъ; онъ доставляетъ ее въ домъ жениха, гдѣ тотчасъ же убиваютъ корову, чтобы окропить невѣсту кровью жертвы и дать ей выпить этой крови, наливъ ей нѣсколько капель въ руку: съ этого момента брачный союзъ считается ненарушимымъ, ибо ильмъ-орма, очень отличные въ этомъ отношеніи отъ сомалиевъ, «націи измѣнниковъ» и клиткопреступниковъ», никогда не нарушаютъ даннаго слова. Но часто умыканіе является простой комедіей, и родители сами приводятъ къ жизни жертвенную корову. Иногда сама молодая дѣвушка беретъ на себя починъ: она убѣгаетъ изъ родительскаго дома, неся пригоршню свѣжей травы, которою вѣячаетъ голову возлюбленнаго; затѣмъ становится на колѣни и ударяетъ землю направо и налѣво, какъ бы въ знакъ того, что вступаетъ во владѣніе домомъ избраннаго супруга. Случается даже, что дѣвушка некрасивая или немощная, которой ни одинъ молодой человѣкъ не захотѣлъ бы бросить ожерелье—обычная форма сватовства,—перелѣзаетъ ночью, съ помощью своихъ родителей или родныхъ, черезъ ограду дома желаемаго мужа и дежурить у его двери до утра. Если хозяевамъ не удастся прогнать ее оскорбленіями, то она завоевала себѣ вожделѣнный домъ, и женихъ волей-неволей приступаетъ къ жертвоприношенію коровы: «такъ велитъ законы предковъ»¹⁾. Когда галласъ тяжело заболѣетъ и нѣтъ надежды спасти его,—ему наполняютъ ротъ кислымъ молокомъ и заставляютъ холестиной: такимъ образомъ больного удушаютъ, чтобы избавить его отъ агоніи. Въ нѣкоторыхъ племенахъ дѣти и близкіе родственники убиваютъ также достигшихъ преклоннаго возраста родителей и родныхъ, даже не больныхъ. Церемоніи погребенія опредѣлены обычаями. На могилѣ воздвигаютъ трофей изъ вѣтокъ, гдѣ посвященные умѣютъ прочесть, каковы были богатства, социальное положеніе, вся исторія усопшаго; женскіе волосы, развѣсившіеся надъ ямой, буда положенъ покойникъ, выражаютъ печаль и отгоняютъ злыхъ духовъ. Вдова и сыновья переходятъ по наслѣдству къ старшему брату умершаго; но если бы послѣд-

ній не оставилъ послѣ себя дѣтей, то его брать или родители должны добыть, путемъ усыновленія или просто посредствомъ купли, наслѣдника, который принялъ бы имя покойнаго и поддержалъ, вмѣсто него, существованіе рода. Усыновленіе чужихъ дѣтей составляетъ довольно частое явленіе въ галлаской землѣ. Жена подставляетъ грудь приемышу, мужъ даетъ ему пососать свой большой палецъ, и съ этого момента узы родства считаются неразрушимыми¹⁾.

Можно бы было насчитать цѣлыя сотни группъ галласовъ, племенъ или частей племенъ, которые носятъ каждое свое особенное имя и вообще разнятся между собой болѣе или менѣе, смотря по мѣстности, въ какой обитаютъ—на плоскогорьяхъ, въ равнинахъ или долинахъ, и по политическимъ условіямъ, въ какихъ находятся. Нѣкоторые изъ этихъ народцевъ слились съ абиссинцами черезъ браки и образъ жизни: таковы, главнымъ образомъ, мечасы въ Годжамѣ, джаггада въ Бегемедерѣ, всѣ христіане по имени; далѣе, воллосы магометане, на большомъ плоскогорьяхъ, между Анкоберомъ и Магдалой, и наконецъ идолопоклонники борена, въ куаллѣ Абая. Въ проломахъ Эіопской цѣпи на восточныхъ покатосяхъ разныя племена, какъ-то: грозные ассебо, райа, эджу, даури, сохранили по большей части свои первобытныя нравы. То же самое нужно сказать объ ильмъ-орма (галласахъ), независимыхъ или данникахъ, которые живутъ на западѣ Шоа, около истоковъ Ауаша и на водораздѣльной возвышенности между Абаемъ и Гугсой: таковы джилли, соддо, гада, финфини, метта, нонно, либенъ, гудру, лимму, горро, джимма и другіе народцы области, извѣстной нѣкогда подъ именемъ «Большаго Дамота». Племена итту и арусси, на югѣ и на юго-востокѣ королевства Шоа, около области Гарраръ, занимаютъ очень обширную территорію. Наконецъ сидамы, населяющіе Иннарію (Энарю) и Каффу въ юго-западной области Эіопіи, разсматриваются какъ особая вѣтвь націи галласовъ: между ними христіанство имѣло нѣкогда наибольшее число послѣдователей, и вліяніе эіопской цивилизаціи было весьма значительно. Цвѣтъ кожи у сидамовъ по большей части свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ галласовъ; арабы сравниваютъ цвѣтъ лица сидамскихъ дѣвушекъ съ цвѣтомъ корицы. На сѣверѣ, нѣкоторое число сидамовъ говорятъ нарѣчіемъ гонга, которое близко подходитъ къ языку агау, и которое употребляютъ также абиссинцы Дамота, къ сѣверу отъ Голубой рѣки.

Политическій центръ государства Шоа занимаетъ область раздѣльнаго хребта, на обоихъ

¹⁾ G. Chiarini et A. Cecchi, „Bollettino della Società Geografica Italiana“, 1879.

²⁾ Arnaud d'Abbadie, „Deux ans dans la haute Ethiopie“.

склонахъ Эіопской цѣпи, на востокъ—къ бассейну Ауаша, на западъ—къ бассейну Голубаго Нила. Въ этой-то странѣ, съ умѣреннымъ климатомъ, гдѣ земля, лучше воздѣланная, чѣмъ во всякой другой области Эіопіи, доставляетъ въ изобиліи хлѣбъ и плоды, сгруппировались цивилизованныя населенія абиссинскаго происхожденія, и возникли города, избираемые послѣдовательно въ столицы королевства Шоа. Такъ какъ дворцы здѣсь тѣ же хижины, только болѣе большихъ размѣровъ, то перемѣщеніе главныхъ городовъ не представляетъ никакихъ затрудненій, и резиденція государя много разъ мѣняла мѣсто въ теченіе этого столѣтія, смотря по стратегическимъ выгодамъ или по царской прихоти.

Послѣдняя столица, Личе, основанная королемъ Менеликомъ, вышедшимъ негусомъ Абисиніи, расположена на террасѣ у западнаго основанія горъ, вѣнчаемыхъ вершиной Метатите, между двухъ овраговъ, гдѣ текутъ притоки Голубаго Нила черезъ Джемму. Возвысившись на степень главнаго города королевства, Личе вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался важнѣйшимъ рынкомъ страны. Восточнѣе, на уединенной скалѣ, болѣе близкой къ гребню, и въ сосѣдствѣ съ «Пропастью», или Ватъ, находятся развалины Тегулета, то-есть «Города волковъ», который былъ, послѣ Аксума, столицей и резиденціей Эіопіи, и имя котораго долгое время служило для обозначенія всего королевства Шоа. Крѣпость Тегулетъ, командовавшая страной, была взята приступомъ и разрушена въ 1528 году Могаммедомъ Гранье (Лѣвшой), завоевателемъ Эіопіи. Въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу, на другой террасѣ, откуда льются, величественными каскадами, золотопосные ручьи, находится Дебра-Берхамъ или «Свѣтъ-гора», бывшая королевской резиденціей до начала восемнадцатаго столѣтія. На юго-западѣ, въ томъ же рѣчномъ бассейнѣ Джеммы, на двухъ небольшихъ горкахъ, окруженныхъ грозными ущельями, разбросаны, на высотѣ 2.800 метровъ, жилища другой покинутой столицы, Анголады, основанной въ 1830 году королемъ Сагелы-Саласси. Наконецъ существуетъ пятая столица, исторически болѣе знаменитая, чѣмъ другія, какъ мѣстопребываніе многочисленныхъ европейскихъ путешественниковъ и пунктъ отхода или прихода красноморскихъ каравановъ. Самое названіе этого города, Анкоберъ или «Лѣсная таможня», напоминаетъ, что уже со временъ глубокой древности въ этомъ мѣстѣ были взимаемы пошлины съ иностранныхъ товаровъ¹⁾. Здѣсь же имѣютъ пребываніе члены высшаго духовенства. Лабиринтъ извилистыхъ тропинокъ между хижинами изъ битой глины, Анкоберъ занимаетъ восхитительное мѣстоположеніе, на хребтѣ горы въ видѣ

сфинкса, которая выступаетъ къ востоку изъ главной цѣпи, господствуя надъ долиной, откуда воды изливаются на югъ въ рѣку Ауашъ. Въ сосѣдствѣ, къ сѣверу, находится станція Летъ-Марефіа, которую итальянскіе путешественники Чекки, Кіарини, Антонелли избрали для своихъ астрономическихъ наблюденій и другихъ изслѣдованій. Летъ-Марефіа расположена на днѣ бывшаго кратера, изъ котораго лавы вылились на юго-востокъ; амфитеатръ горъ окружаетъ прежнія вулканическія жерла и прилегающія террасы. Днѣ изъ этихъ горъ, или, вѣрнѣе сказать, два отрывка Эіопскаго плоскогорья, связанные съ возвышенными равнинами узкими кряжами, окаймленными съ боковъ пропастями, носятъ на себѣ укрѣпленія, слыущія у абиссинцевъ неодолимыми: это двѣ амбы—Эманбретъ, или Эмемретъ, и Фекере-Гембъ, покрытыя при основаніи великолѣпными лѣсами. Послѣднее укрѣпленіе заключаетъ въ своей конечной оградѣ сокровища царя Менелика и запасы продовольствія для его арміи²⁾. На сѣверѣ, въ долинахъ предгорій, слѣдуютъ одинъ за другимъ, до самой страны народа аджугалла, нѣсколько городовъ, какъ-то: Арамба, Кокъ-Фара, Дауэ, Маджеттіе.

Въ будущемъ, быть-можетъ, отдаленномъ, когда явится возможность серьезно заняться дѣломъ соединенія южной Эіопіи съ берегами Краснаго моря посредствомъ быстрыхъ путей сообщенія, не преминутъ, конечно, изслѣдовать три естественныя дороги, указываемыя текучими водами: на сѣверѣ—дорога, спускающаяся съ плоскогорій южнаго Ластанъ долины рѣки Голимы и теряющаяся въ низменности, занятой соляными водами; южнѣе—подъ широтой Магдалы, дорога, слѣдующая по теченію Мелле или Аддифуаха до ихъ слиянія, затѣмъ до Ауаша и до озера Аусса, гдѣ она соединяется съ караванной дорогой, направляющейся къ Таджураской бухтѣ; третья дорога спускается отъ Аргоббы къ Ауашу черезъ рынки Дауэ и Маджеттіе; но ни одинъ европеецъ еще не слѣдовалъ этимъ путемъ. Испанскій путешественникъ Абаргуэсъ-де-Состень говоритъ, что прошелъ двѣ сѣверныя дороги въ верхней ихъ части³⁾, несмотря на страшное сосѣдство племени даури. Г. Біанки пытался пройти другою, болѣе сѣверной дорогой, изъ Макале въ портъ Ассабъ черезъ землю талталовъ, но тоже долженъ былъ вернуться вспять, не достигнувъ цѣли⁴⁾. Присутствіе свирѣпыхъ народцевъ на предгорьяхъ отталкиваетъ купцовъ отъ этой области Эіопскаго покатости; караваны, пришедшіе съ береговъ Краснаго моря или Таджураской бухты, должны уклониться въ сторону отъ этихъ относительно

¹⁾ G. Chiarini et A. Cecchi, «Bollettino della Società Geografica Italiana», anno XIII, vol. XVI.

²⁾ «Notas del Viaje por Etiopia».

³⁾ «Esploratore», settembre 1884.

⁴⁾ Rochet d'Héricourt, цитированное сочиненіе.

короткихъ путей, чтобы пройти окольнымъ въ провинціи королевства Шоа: изъ Таджураха до города Анкобера обыкновенная караванная дорога около 600 километровъ, слѣдовательно, на 200 или 250 километровъ длиннѣе, чѣмъ прямая дорога къ плоскимъ возвышенностямъ.

Въ настоящее время наиболѣе посѣщаемый путь между Анкоберомъ и берегами Индійскаго океана тотъ, который оканчивается въ портѣ Зейла, проходя черезъ княжество Харраръ. Съ высотъ Шоа путь этотъ спускается сначала къ мѣстечку Алиу-Амба, населенному, такъ же какъ сосѣднія деревни Абдерасуль, купцами, негроторговцами и другими, содержащими постоянныхъ дворовъ и харчевенъ, погонщиками муловъ, всякой расы и всякаго языка, но почти сплошь ревностными мусульманами ¹⁾. Уплативъ таможенные пошлины, купцы проходятъ черезъ Фарре или Фарри, послѣднее селеніе провинціи Эфать, построенное на высотѣ 1.372 метровъ на передовой террасѣ; затѣмъ, продолжая свой путь вокругъ кратеровъ и полей лавы, они достигаютъ Ауаша, черезъ который и переправляются, чтобы вступить въ большую равнину Муллу. Далѣе, караваны должны перейти холмы водораздѣльной возвышенности, принадлежащей къ землѣ племени итту, чтобы затѣмъ спуститься въ равнину Харрарскую. Километрахъ въ сорока къ западу отъ города Харрара нужно проходить мимо маленькаго озера Гарамойа, близъ котораго былъ измѣнически умерщвленъ, въ 1881 г., французскій путешественникъ Люсеро.

Городъ Гарраръ или Харраръ, называемый также Харрарге абиссинцами, Адаръ или Адарри сомалиями, Герреръ египтянами, лежитъ, по оцѣнкѣ путешественниковъ, какъ разъ на половинѣ дороги изъ Анкобера и изъ Зейлы, именно въ разстояніи 280 километровъ отъ того и другаго; средняя высота его 1.700 метровъ. Пользуясь климатомъ относительно умереннымъ (средняя температура отъ 12 до 15 градусовъ по Цельсію), онъ имѣетъ плодородныя поля, лѣски и рощи разнообразныхъ породъ деревъ, текуція воды между цвѣтущихъ береговъ. Очаровательный оазисъ среди безплодныхъ мѣстностей, Гарраръ могъ бы собственными средствами удовлетворять всѣ свои потребности, если бы даже не имѣлъ никакихъ торговыхъ сношеній съ сосѣдними странами; но онъ, сверхъ того, является еще значительнымъ складочнымъ мѣстомъ земледѣльческихъ произведеній и товаровъ, и черезъ свои два приморскихъ порта, Зейлу и Берберу, на Сомальскомъ берегу, ведетъ обширную мѣшовую торговлю съ Египтомъ и Аравіей; 1883 году въ немъ существовала европейская колонія, состоявшая изъ пяти человекъ ²⁾. Гарраръ,

основанный, говорятъ, около трехсотъ лѣтъ тому назадъ, есть самый многолюдный городъ всей Эіопской области и даже одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ на всемъ африканскомъ континентѣ: отъ Каира до Занзибара, на пространствѣ 4.000 километровъ, онъ не имѣетъ другаго соперника, кромѣ Хартума. Оттого египетское правительство овладѣло имъ, въ 1875 г., чтобы обезопасить драгоцѣнный рынокъ отъ нападеній сомалиевъ и галласовъ разныхъ племенъ, окружающихъ городъ; но болѣе опасный, чѣмъ окрестные кочевники, гарнизонъ изъ четырехъ или пяти тысячъ человекъ, который оно тамъ содержало, истощилъ край угнетеніемъ и грабежомъ.

Гарраръ, форма котораго можетъ быть сравнена съ формой груши, раскинулся на гранитномъ холмѣ, который тянется отъ востока къ западу, постепенно суживаясь; на югѣ высится гора Хакимъ, господствующая надъ городомъ (высота ея около 200 метровъ) и дающая начало нѣсколькимъ ручьямъ, которые орошаютъ сады Гаррара и теряются въ болотахъ, не достигая теченія Ваби, притока Индійскаго океана; многочисленные гроты этой горы населены рыжими обезьянами съ длиннымъ хвостомъ и густой гривой. Городъ, занимающій всего только 48 гектаровъ, составляетъ въ этомъ отношеніи рѣзкій контрастъ съ большинствомъ эіопскихъ городовъ, лагуны которыхъ разбросаны въ безпорядкѣ на значительномъ пространствѣ; его 9.500 домовъ съ террасами, построенные изъ туфа, наполненнаго окаменѣлыми растеніями, тѣсно сгущены и заперты въ оградѣ изъ каменныхъ стѣнъ съ зубчатыми башнями по бокамъ. Жилища имѣютъ мало отверстій на улицы, узкія, извилистыя и поднимающіяся въ гору; площади, немногочисленные и неправильной формы, находятся по большей части подлѣ мечетей; самое обширное свободное пространство, называемое Мейдамъ, занимаетъ вершину холма. Физиономія Гаррара напоминаетъ обычную физиономію арабскихъ городовъ. Жители города, харрари, почти все купцы — фанатики мусульмане, но шіитской секты, какъ персіане и различные племена южной Аравіи: изъ этихъ странъ, вѣроятно, и пришли миссіонеры, обратившіе въ свою вѣру сомалиевъ и галласовъ, потомство которыхъ составляетъ нынѣ населеніе города. Когда гаррарцы соберутся пожевать листьевъ ката (*celastrus edulis*), не менѣе цѣннаго ими, какъ возбуждающее средство, чѣмъ жителями Іемена, они открываютъ и закрываютъ это вечернее собраніе чтеніемъ корана и благодарственныхъ молитвъ, «потому что это растеніе святыхъ позволяетъ долѣе бодрствовать ночью, чтобы воздавать поклоненіе Господу».

Городъ принимаетъ все болѣе и болѣе европейскій характеръ.

¹⁾ Chisari et Cecchi, цитированное сочиненіе.

²⁾ Теперь эта колонія разрослась до того, что составляетъ значительную часть города, который съ каждымъ

Гаррарское общество отличается отъ всего остального мусульманскаго міра уваженіемъ, которымъ тамъ пользуется женщина. До прибытія египтянъ въ край только одинъ изъ жителей Гаррара, эмиръ, имѣлъ больше одной жены ¹⁾. Разводы, столь обыкновенные въ другихъ странахъ ислама, очень рѣдки въ этомъ городѣ. Женщины здѣсь ходятъ съ открытымъ лицомъ; онѣ даже сидятъ на базарѣ и продаютъ произведенія своихъ садовъ; мужчины берутъ на себя всѣ болѣе тяжелыя работы. Гарраръ блистаетъ также между мусульманскими городами образованностію своихъ гражданъ. По свидѣтельству Могамеда-Мухтара, тамъ всѣ дѣти умѣютъ читать и писать по-арабски, хотя этотъ языкъ для нихъ чужой, совершенно отличный отъ ихъ собственнаго языка, принадлежащаго къ галласскому корню, или, какъ полагаютъ Бертонъ и Максъ Мюллеръ, имѣющаго семитическое происхождение; на письмѣ они располагаютъ буквы вертикальными столбцами. У нихъ есть даже кое-какая литература, и писатели ихъ не ограничиваются комментированіемъ корана; переплетное мастерство составляетъ одну изъ отраслей мѣстной промышленности. Главная дѣятельность Гаррара — торговля (по даннымъ таможенъ, торговое движеніе въ 1879 году простиралось до 3.750.000 франк.); промышленныхъ же заведеній тамъ почти нѣтъ, кромѣ мастерскихъ для тканей, полотенецъ, употребляемыхъ для приготвленія тогъ, а также черныхъ платьевъ и мантілій, носимыхъ замужними женщинами, и красныхъ платьевъ, предназначенныхъ для молодыхъ дѣвушекъ; тонкія гончарныя издѣлія Гаррара тоже очень цѣнятся въ торговлѣ. Большая часть другихъ мануфактурныхъ произведеній привозится изъ Аравіи; точно также выходцы изъ Гадремаута вытаскиваютъ чотки, употребляемыя гаррарскими жителями. Съ тѣхъ поръ, какъ гаррарцы промѣняли свою независимость на египетское управленіе, они въ значительной степени утратили свое прежнее благосостояніе, населеніе уменьшилось въ числѣ, и вокругъ города теперь бродятъ гіены ²⁾. Главную отрасль земледѣлія въ этой области, то-есть въ окрестностяхъ Гаррара и въ равнинахъ, обрабатываемыхъ галласами, составляетъ культура кофейнаго дерева, бобъ котораго, превосходнаго качества, вывозится изъ Ходейдаха и изъ Адена подъ именемъ «мокскаго». Такъ же, какъ іеменскіе арабы, гаррарцы не варятъ кофе: они пьютъ отваръ изъ коры и даже изъ сухихъ листьевъ. Табакъ, макъ, дающій опиумъ, бананы, апельсины, виноградъ тоже принадлежатъ къ числу произведеній Гаррарскаго округа; не очень давно тамъ введена также культура картофе-

ля ³⁾; всѣ овощи, привезенныя изъ Европы, произрастаютъ тамъ съ полнымъ успѣхомъ. Въ лѣсахъ этого края Джюлетти нашли свистящую акацію, *соффара*, то же самое дерево, которое Швейвфуртъ видѣлъ на берегахъ Нила, при слияніи Собата ⁴⁾.

Двѣ дороги, часто отрѣзываемыя набѣгами грабителей, ведутъ изъ Гаррара въ Зейлу: одна, которая переходитъ раздѣльный хребетъ на сѣверѣ отъ города, чтобы спуститься въ бассейнъ Ауаша черезъ проходъ и долину Гальдесса, и затѣмъ направиться къ морю территоріей племени исса, которую пересѣкаетъ небольшая цѣпь трахитовыхъ породъ, ориентированная съ сѣвера на югъ; другая, болѣе прямая и болѣе крутая, которая поднимается на сѣверо-востокъ къ проходу Дарми и перерѣзываетъ земли народца гадибурси или гудабурси. Городъ Зейла, какъ бы осаждаемый съ юга гадибурсами, лежитъ на остроковечномъ выступѣ или мысѣ побережья, къ югу отъ маленькаго архипелага островковъ и подводныхъ камней; онъ имѣетъ два порта: одинъ, посѣщаемый барками, но гдѣ не могутъ бросать якорь большія суда, другой, находящійся въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ города, гдѣ суда находятъ, при глубинѣ отъ 8 до 10 метровъ, совершенно безопасное пристанище; но, къ сожалѣнію, эта послѣдняя гавань довольно тѣсна: по Роше д'Эрикуру, она можетъ вмѣщать только восемь или девять купеческихъ кораблей, поднимающихъ отъ трехсотъ до четырехсотъ тоннъ груза. Въ окрестностяхъ города простирается обширная салина, гдѣ исасы нагружаютъ на верблюдовъ соль, которую потомъ продаютъ по дорогой цѣнѣ жителямъ Гаррара. Зейла терпитъ недостатокъ въ ключевой водѣ; каждое утро длинная вереница верблюдовъ отправляется на уади Такоша за водой, необходимой для продовольствія жителей. Три четверти населенія состоятъ изъ иссаровъ, и городъ каждый вечеръ оглашается ихъ военными или походными пѣснями ⁵⁾. Маленькій англійскій гарнизонъ, пришедшій изъ Адена, занимаетъ теперь городъ; можно надѣяться, что онъ уничтожитъ, какъ и въ Аденѣ, торговлю невольниками, которой Зейла до недавняго времени была однимъ изъ главныхъ центровъ. Иногда до шести тысячъ невольниковъ бывало собрано одновременно въ становищахъ вокругъ этого города ⁶⁾.

Дорога изъ Шоа къ Таджурахскому заливу не имѣетъ на половинѣ пути, какъ дорога изъ Зейлы, этапнаго пункта, который могъ бы сравниться съ городомъ Гарраръ; однако, главное мѣстечко Ауесскаго округа, лежащее близъ южнаго берега прѣсноводнаго озера, въ кото-

¹⁾ Mohammed-Monkhtar, цитированное сочиненіе.

²⁾ „Exploratore“, gennaio 1882.

³⁾ Gabriel Ferrand, „Le Comal“.

⁴⁾ Arnaud Louis Lande, „Revue des Deux Mondes“, janvier 1879.

⁵⁾ Mohammed-Monkhtar, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, vol. I, p. 369.

⁶⁾ Sacconi, „Exploratore“, 1883.

ромъ теряется Ауашъ, можетъ быть разсматриваемо какъ настоящий городъ: это скопление слишкомъ тысячи соломенныхъ хижинъ, гдѣ собрались купцы и извозчики (погонщики верблюдовъ) данкальскаго племени модантовъ; Аусса была столицей мусульманскаго государства Адель. Отъ Ауссы до берега Таджурахскаго залива слѣдуютъ одна за другой нѣсколько другихъ группъ хижинъ, принадлежащихъ равнымъ образомъ племенамъ народа афаръ; затѣмъ поселки и деревни, довольно отдаленныя одна отъ другой, разсыяны по сѣверному берегу залива. Одно изъ этихъ селеній, Сагало, до недавняго времени служившее мѣстомъ посадки на суда галласкихъ невольниковъ, перевозимыхъ въ Аравію, было приобретено, въ 1882 году, французскимъ путешественникомъ Полемъ Солелье. Далѣе, къ востоку, деревушка Амбабо раскинулась на плоскомъ берегу, гдѣ тоже часто сажали на суда невольниковъ, не взирая на англійскихъ или французскихъ крейсеровъ, наблюдающихъ за берегами Индійскаго океана. За Амбабо, на томъ же берегу лежатъ мѣстечко Таджурахъ, по имени котораго была названа большая бухта, врывающаяся километръ на шестьдесятъ внутрь материка: такъ же, какъ Сагало, эта деревня была уступлена Франціи начальникомъ кабинета адъ-али, но взятіе во владѣніе обихъ этихъ группъ хижинъ произошло только въ 1884 году. Впрочемъ, Таджурахскій берегъ едва образуетъ выгибъ, гавань плохо защищена отъ вѣтровъ и безъ достаточной глубины, даже для судовъ средней вѣстимости. Единственный пунктъ на этомъ берегу, гдѣ французы основали серьезное поселеніе, когда вспомнили черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ о существованіи акта уступки территоріи, подписаннаго въ 1862 году,—это восточный полуостровъ земли данакиловъ, между Таджурахскимъ заливомъ и входомъ въ Красное море. Поселокъ Обока, лежащій въ сосѣдствѣ этого мыса, далъ свое имя всей присоединенной территоріи; съ 1881 года первая контора была открыта тамъ негодіантомъ Арну, который впоследствии былъ измѣнически убитъ изъ родовой мести.

Обока представляетъ большія выгоды, какъ пароходная пристань. Будучи расположенъ близъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, онъ командуетъ этимъ морскимъ проходомъ съ болѣе близкаго разстоянія, чѣмъ городъ Адень, и транспортныя суда могли бы тамъ запастись углемъ, не имѣя надобности сворачивать съ дороги въ сторону. Портъ не можетъ сравниться съ аденскимъ, однако онъ представляетъ хорошую якорную стоянку, и небольшихъ работъ достаточно было бы, чтобы сдѣлать его совершенно безопаснымъ пристанищемъ; онъ отдѣленъ отъ открытаго моря коралловыми банками, гдѣ открываются каналы или проливы,

удобнопроходимые для большихъ судовъ; сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, самые опасные для мореплавателей, отклоняются отъ гавани «мысомъ Колодца», Расъ-эль-Биръ, выдвинувшимся въ море сѣвернѣ Обока. Надъ долиной въ формѣ полумѣсяца, гдѣ постройки нарождающейся деревни начинаютъ замѣнять чащи акацій и другихъ деревьевъ, господствуетъ мадреноровый береговой утесъ около двадцати метровъ высотой, перерѣзанный нѣсколькими оврагами, куда стекаетъ излишняя вода во время слишкомъ рѣдкихъ дождей. Верхняя терраса и сама отдѣлена отъ Данакильской равнины вторымъ утесомъ, немного пониже перваго ¹⁾. Хотя поселеніе Обока страдаетъ вообще отъ засухи, однако нельзя сказать, чтобы тамъ невозможны были попытки введенія какой-либо культуры, и нѣкоторые путешественники, сравнивая растительность Обока съ голыми, спаленными солнцемъ, скалами Адена, описываютъ эту французскую станцію, какъ оазисъ; копая почву долины, вездѣ находятъ воду на глубинѣ одного или полутора метра, немного солоноватую въ сосѣдствѣ морскаго берега, но совершенно прѣсную въ нѣкоторомъ разстояніи внутри материка. Одному французскому путешественнику выдана негусомъ Менеликомъ концессія на постройку узкоколейной желѣзной дороги изъ Анкобера до Обока. Многіе караваны, шедшіе изъ Шоа, уже выгрузили свои товары на Обокомъ берегу. Съ 1896 г. официальное названіе этой колоніи: «франц. Сомалійскій берегъ», пространство ея—19.800 кв. км., населеніе (1896 г.)—22.400 ж., главный пунктъ съ 1896 г. Джибути, вмѣсто Обока.

Торговое соперничество между европейскими націями, сдѣлавшее изъ Зейлы англійскій городъ и воздвигающее теперь французскій городъ Обока, вызвало къ жизни также итальянскую колонію Эритрею на берегу Краснаго моря, въ 1870 году; такимъ образомъ южная Эіопія, до недавняго времени почти совершенно отдѣленная отъ остальнаго міра, будетъ имѣть, для отправки за границу своихъ произведеній, три приморскихъ порта, принадлежащихъ различнымъ націямъ. Серьезныя попытки колонизаціи были сдѣланы для Ассаба только въ 1882 году. Новый городъ, имѣющій уже нѣсколько строеній европейскаго стиля, лежитъ въ 120 километрахъ по прямой линіи къ сѣверу отъ Обока и въ 60 километрахъ отъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, на сѣверной сторонѣ длинной вырѣзки морскаго берега; многочисленные острова, разсыянные у входа въ рейдъ, закрываютъ видъ открытаго моря, развѣ только къ сѣверо-востоку, и продолжаютъ рифами, которые, вслѣдствіе наносовъ илу и песку, нарастанія водорослей и

¹⁾ Denis de Rivore, «Obok, Mascato, Bouchir, Basorah»;—Paul Soleillet;—Réveil.

коралловыхъ построекъ, постепенно расширяются и дѣлають захваты на поверхности залива; безъ сомнѣнія, рано или поздно эти острова соединятся, въ видѣ полуострова, съ континентомъ. Портъ, хорошо защищенный отъ вѣтровъ, находится передъ плоскимъ берегомъ Буйя, въ разстояніи около километра къ югу отъ Ассаба; самыя большія суда могутъ стоять тамъ на якорѣ не далѣе 150 метровъ отъ берега. Подвижная дюна или твердая скала, Ассабская территорія почти лишена растительности; значительная деревня Маргабле имѣетъ нѣсколько лужъ стоячей воды, окаймленныхъ травой; только тамъ и сямъ нѣсколько группъ пальмъ осыняютъ хижины афаровъ, да по берегу временныхъ рѣчекъ сѣтъ лянъ связываетъ мелкій кустарникъ въ густыя массы листьевъ и шиповъ. Самъ по себѣ городъ Ассабъ, не имѣющій чистой воды, кромѣ той, которая добывается искусственно при помощи дистиллирующихъ машинъ, лишенный пахатныхъ и вообще годныхъ для какой-либо культуры земель, не можетъ рассчитывать на великую торговую будущность; онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи только нѣсколько салинъ, которыя, впрочемъ, не можетъ разрабатывать вполне безопасно; но поселившіеся въ Ассабъ ¹⁾ итальянцы, въ числѣ двадцати пяти человекъ, вокругъ которыхъ сгруппировалось около пятидесяти арабовъ, афаровъ и сомалевъ, дѣлають большія усилія, чтобы установить постоянныя сношенія между ихъ станціей и городами Шоа. Хотя очень удаленный отъ внутреннихъ богатыхъ странъ—такъ какъ нужно по меньшей мѣрѣ 22, а среднимъ числомъ 35 дней ходьбы до Анкобера ²⁾—Ассабъ получилъ, однако, кое-какіе товары: кофе, сырая кожа и другіе продукты, благодаря стараніямъ гг. Антонелли, Біанки и другихъ путешественниковъ. Но и эта скромная торговля можетъ быть произведена не иначе, какъ подъ предводительствомъ и покровительствомъ туземцевъ; изслѣдователь Джюлетти, съ нѣсколькими спутниками, полагающіе, что можно обойтись безъ пропуска сосѣднихъ племенъ, были измѣнительно умерщвлены въ семи или восьми дняхъ ходьбы внутри страны. Почти вся торговля производится съ портами арабскаго берега, Аденомъ и Годайдахомъ, при помощи мелкихъ судовъ, поднимающихъ отъ 7 до 10 тоннъ груза; годовое движеніе ассабскаго порта выражается приблизительно цифрой 400 приходящихъ и уходящихъ судовъ.

Пространство итальянской территоріи ³⁾:
Эритрейская колонія—247.300 кв. килом.
Общее населеніе территоріи—219.600 чел.
Главный городъ—Массауа (Массова), съ 16.000 ж.

¹⁾ Rho, „Esploratore“, ottobre 1884.

²⁾ „Esploratore“, agosto 1882.

³⁾ Guido Cora, „Cosmos“, 1882, № 2.

Мѣстечко Рагейта (Рахента), лежащее южнѣе Ассаба, служить резиденціей одному султану, который въ то же время богатый купецъ, торгующій перламутромъ, страусовыми перьями, ладномъ, миррой и другими произведеніями морскаго побережья. На сѣверѣ, на морскомъ берегу лежитъ деревня Байбуль, резиденція другаго султана, состоящаго подъ покровительствомъ итальянскаго правительства.

Города восточнаго Шоа и восточныхъ земель, съ ихъ предполагаемымъ населеніемъ:

Шоа. Анкоберъ—7.000 жит.; Алиу-Амба—4.000; Личе—3.000; Анголала—4.000; Дебра-Берхамъ—2.500; Аусса—5.000; Рагейта—3.000; Харраръ—35.000; Таджурахъ—4.500; Зейла—8.000; Ассабъ—5.000 жит.

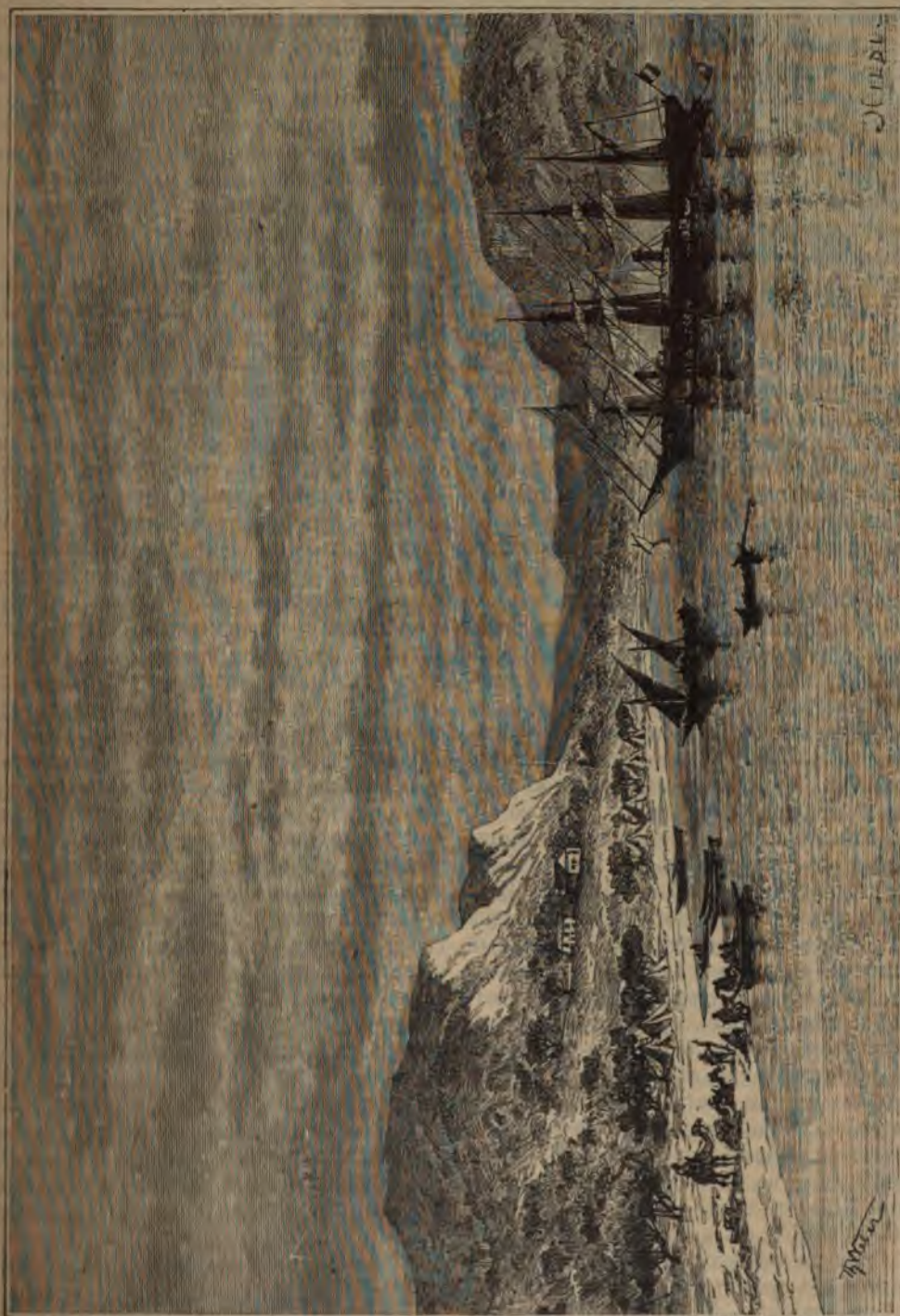
Въ западной части королевства Шоа важнѣйшая группа жилищъ—торговый городъ Фиче, построенный на углу плоскогорья, между глубокими куаллами. Недалеко отсюда находится знаменитый монастырь Дебра-Либаносъ или «Горы Ливанъ», построенный на трахитовой террасѣ, съ которой течетъ струйка воды, слывающая святою у христіанъ, мусульманъ и язычниковъ: со всѣхъ сторонъ стекаются пилигримы искать исцѣленія отъ недуговъ въ этихъ чудодѣйственныхъ водахъ, выходящихъ изъ земли по слову Текла-Гайманота, легендарнаго святаго эіоповъ; во время путешествія Комба и Тамизье монастырь былъ обитаемъ 3.000 иноковъ, изъ которыхъ двѣ трети были отставные солдаты, искалѣченные въ экспедиціяхъ въ галасскую страну. Никакое мѣсто убожища не пользуется большимъ уваженіемъ, чѣмъ Дебра-Либаносъ; прежде, чѣмъ начать восхожденіе на крутые склоны священной горы, богомольцы должны смыть съ себя грѣхи въ рѣкѣ Зига-Водіамъ, или рѣкѣ «Плоти и Крови», текущей въ глубокомъ ущельѣ ¹⁾. На одной изъ сосѣднихъ вершинъ, откуда ясно видны, черезъ долину Абая, горы Годжама и Дамота, стоитъ древняя крѣпость, въ которой нашелъ убожище одинъ изъ предковъ Менелика въ эпоху завоеванія страны Могомедомъ «Лѣвшой». Другой монастырь, Зена-Макосъ, лежащій къ сѣверо-западу отъ города Личе, на плато, окруженномъ оврагами, почти такъ же богатъ и такъ же много привлекаетъ богомольцевъ, какъ и Дебра-Либаносъ. На сѣверѣ, плоскогорья заняты вплоть до самой Магдалы и до мѣстности, сосѣдней съ истоками Таккаце, волосоми или другими галасскими народами. Волосы, которые дѣлятся на семь племенъ,—выходцы съ юга, пришедшіе въ шестнадцатомъ столѣтіи, во время нашествія «Лѣвши». Но, овладѣвъ землей, они усвоили по большей части обычай покоренныхъ ими амхаринцевъ. Отказавшись отъ кочевой жизни, они сдѣлались землевладѣльцами и облеклись въ тогу, но со-

¹⁾ Krapf, „Journal of the Church Missions Abyssinia and Egypt“.

хранили мусульманскую религію. По словамъ Бланка, въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ до сихъ поръ еще существуетъ обычай, въ силу котораго туземцы ссужаютъ своихъ женъ прохожимъ

части страны Волло, на скалѣ, очень хорошо защищенной самой природой, король Шоа основалъ укрѣпленный городъ Вореяллу, близъ границы собственной Абиссиніи: здѣсь-то сюзе-

Видъ Обока.

гостямъ, воллосъ, отправляющійся въ дальнее путешествіе, уступаетъ свою подругу брату на все время своего отсутствія¹⁾. Въ сѣверной

рентъ-негусъ Іоаннъ обыкновенно давалъ аудиенцію своему вассалу. Вореяллу сдѣлался важнымъ мѣновымъ рынкомъ между другими государствами.

На юго-западъ и на западъ отъ королев-

¹⁾ Н. Blanc, „A Narrative of Captivity in Abyssinia“.

ства Шоа вся территория принадлежит равным образом галласамъ или ильмъ-орма; но тамъ есть нѣсколько большихъ поселеній, заслуживающихъ почти имени городовъ. На одномъ изъ притоковъ верхняго Ауаша большая мусульманская деревня Роге или Рогье устья своими хижинами стѣрныя лѣсистые склоны горы Гьереръ или Джерреръ. Расположенное въ территоріи галласкаго племени галенъ, на границахъ области Кураге, въ мѣстности, безпрестанно опустошаемой военными экспедиціями, село Роге производитъ обширную торговлю кофеемъ и еще и въ наши дни является главнымъ невольничьимъ рынкомъ въ южной Эіюпін. Официально торговля живымъ товаромъ воспрещена во владѣніяхъ негуса Менелика, и плѣнники уже не выставляются на продажу публично; но гнусный торгъ ведется теперь тайкомъ, и невольники, проданные въ тѣни хижины, направляются по-прежнему къ морскимъ портамъ, откуда ихъ отсылаютъ въ Аравію и въ Египетъ: въ 1878 году путешественники Кларини и Чекки отмѣтили «прейсъ-курантъ» галасскихъ невольниковъ: цѣны варьировали отъ 30 или 40 ефимковъ Маріи-Терезіи за молодую и красивую дѣвушку до 4 ефимковъ за старуху. Всѣ жители мѣстечка Роге, въ числѣ около десяти тысячъ душъ, называютъ себя тигрейцами и производятъ свой родъ отъ двухъ магометанъ, переселившихся сюда нѣсколько столѣтій тому назадъ. На западѣ, близъ истоковъ Ауаша, равнина Финфини, при выходѣ страшнаго ущелья, часто избирается государями Шоа, какъ сборный пунктъ для войскъ во время экспедицій въ страну галласовъ; въ равнинѣ бьютъ горячіе ключи, куда ходитъ на водопой домашній скотъ, а сосѣднія горы доставляютъ желѣзную руду, служащую для выдѣлки почти всѣхъ орудій, употребляемыхъ въ Шоа. Окрестныя скалы изобилуютъ гротами: одна изъ этихъ пещеръ заключаетъ кораблеобразныя пространства (нефы), въ видѣ понижающихся сводовъ, раздѣленныхъ четырехъугольными столбами, служащими къ серединѣ. Эти произведения искусства позволяютъ измѣрить упадокъ цивилизаціи въ этой странѣ, гдѣ теперь встрѣчаешь только жалкія зачужки галласовъ племени катело ¹⁾. Уединенная гора Эндотто, которая высится къ западу отъ военнаго стана Финфини, носила на себѣ нѣкогда столицу королевства Шоа, и тамъ видны еще могилы древнихъ королей; въ настоящее время она служитъ резиденціей одного раса. Въ этой области, одной изъ самыхъ плодородныхъ во всей Эіюпін, французскій путешественникъ Арну добился у негуса Менелика уступки пространства земли въ сто тысячъ гектаровъ, на которомъ онъ хотѣлъ основать колонію европей-

цевъ ²⁾; безъ всякаго сомнѣнія, эта страна сдѣлается со временемъ одною изъ самыхъ производительныхъ въ Африкѣ, когда хорошіе пути сообщенія соединятъ ее съ Таджураскимъ заливомъ черезъ долину Ауаша; уже теперь слѣдовало бы заняться разведеніемъ, посредствомъ прививки, дикихъ маслинъ и плантацій хиннаго дерева, которыя подготовили бы будущее богатство этой мѣстности ³⁾. Деревня Дилла, лежащая къ западу отъ равнины Финфини, служила прежде резиденціей королю Шоа, благодаря ея выгодному стратегическому положенію, какъ позиціи, откуда удобно наблюдать за галасскими населеніями ⁴⁾.

По ту сторону Ауаша простираются республиканскія конфедераціи и маленькія монархическія государства галласовъ, съ неопредѣленными границами, и почти вездѣ отдѣленные одно отъ другаго пустынными маршіями или украинными. Одно изъ этихъ государствъ, на верхнихъ притокахъ рѣкъ Вайса и Ваби, есть Гураге, область возвышенностей, отдѣляемая землей народа соддо отъ Ауаша и отъ королевства Шоа. Эта провинція Гураге священна въ глазахъ абиссинцевъ, такъ какъ, по словамъ легенды, пять островковъ, находящихся на озерѣ Цвай, суть единственные уголки христіанской почвы, которые не были завоеваны Могаммедомъ Гранье, страшнымъ «Лѣвшой»; его солдаты не осмѣлились пуститься на плотяхъ къ этому маленькому архипелагу ⁵⁾. На островкахъ пріютились монастыри, гдѣ, говорятъ, хранятся древнія рукописи. Все населеніе государства Гураге до сихъ поръ еще называетъ себя христіанскимъ, хотя у него нѣтъ ни церквей, ни священниковъ, ни религіозныхъ догматовъ: ему достаточно повторять имена нѣкоторыхъ святыхъ и проклинать язычниковъ и магометанъ. Вновь впавшіе въ варварство, жители области Гураге, тѣмъ не менѣе, сохранили отъ своей прежней цивилизаціи искусство строить жилища гораздо болѣе красивые, чѣмъ жилища всѣхъ эіюповъ, за исключеніемъ обитателей Гондара ⁶⁾. Чтобы защищаться противъ соддо и другихъ галласовъ, живущихъ торговлей невольниками, жители Гураге выкопали въ разныхъ мѣстахъ ямы, въ которыя и прячутся, когда замѣтятъ приближеніе непріятеля; они наблюдаютъ за нимъ во время его прохода и часто нападаютъ на него неожиданно; иногда они отрѣзываютъ ему отступленіе, когда чув-

¹⁾ Louis Lande, "Revue des Deux Mondes", 15 décembre 1878.

²⁾ Brémont; — Soleillet, "Exploration", 4 janvier 1884.

³⁾ Въ настоящее время столицей негуса Абиссинскаго Менелика II служитъ Аддис-Абеба, гдѣ только-что оконченъ постройкою великолѣпный дворецъ, сооруженный въ европейскомъ вкусѣ.

⁴⁾ Taurin-Cahagne; — Antoine d'Abbadie, "Société de Géographie de Paris", séance du 7 mars 1884.

⁵⁾ Isenberg and Krapf; — Bianchi, "Esploratore", giugno 1881.

⁶⁾ Rochet d'Héricourt, "Second voyage dans le royaume de Chea".

ствуютъ себя достаточно сильными. Горіе-но — столица края, Гебиссо — его главный рынокъ; но еще важнѣе торговый пунктъ Могаръ, лежащій западнѣе, въ землѣ племени кабена. Племена гураге и кабена, часто причисляемые къ одной и той же политической группѣ, совершенно разнятся нравами, религіей и языкомъ; послѣдніе, то-есть кабена — фанатики — мусульмане, и когда властитель Шоа не возстановляетъ порядка своимъ вмѣшательствомъ, они постоянно воюютъ съ своими сосѣдями, именующими себя христианами: это главные поставщики невольниковъ для рынковъ Роге и Абдерасула. Земля племени кабена производитъ лучший въ южной Эіюпіи табакъ.

Область галласовъ, гдѣ вытекаютъ первыя воды Ауаша, и которая раздѣляетъ двѣ большія дуги Абая или Голубаго Нила и Гугсы, населена главнымъ образомъ народами націи либентъ. Далѣе на западъ, долины, надъ которыми господствуютъ большія Альпы, называемыя Джимма-Лагамара, обитаемы республиканскими племенами, такъ же, какъ равнина Гурду, притоковъ Голубаго Нила. За этими племенами слѣдуютъ одно за другимъ, по направленію къ области бертановъ, другія оромскія народности: алату, вобо, ваншити, ваза, о которыхъ путешественники пока еще собрали только противорѣчивыя свѣдѣнія; до сихъ поръ одному только изслѣдователю, итальянцу Чекки, удалось перейти, въ этомъ направленіи, большую рѣку Гибе, сѣверный притокъ Гугсы; черезъ этотъ могучій потокъ, разливающійся послѣ дождей на 1.200 метровъ въ ширину, переправляются въ узкихъ цѣпкахъ, выдолбленныхъ изъ цѣльнаго ствола дерева. Огромные лѣса занимаютъ часть области, простирающейся на западъ отъ горъ Джимма-Лагамара къ истокамъ Джабуса.

На югѣ, два королевства Гума и Лимму лежатъ еще большей частью своего протяженія въ бассейнѣ Оргеса или Дидеса, одной изъ самыхъ полноводныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе извѣстныхъ рѣкъ системы Голубаго Нила. Городъ Чора, столица Гумы, стоитъ на одномъ изъ притоковъ этой рѣки, тогда какъ Сака, главный рынокъ королевства Лимму, принадлежитъ по своему ручью уже къ покато-сти Индійскаго океана. То же самое нужно сказать о городахъ Иннаріи или Эннареи и всѣхъ другихъ южныхъ галласскихъ государствъ, какъ-то: Джимма-Какаи или «королевство Абба-Джифаръ», Гера, Янгаро, Сидамъ, Кулло, Гинира и большое государство Каффа, самая значительная изъ странъ съ галласскимъ населеніемъ, которая платой дани признаетъ надъ собою верховную ленную власть (сюзеренитетъ) Эіюпіи. Всѣ эти государства, какъ и провинціи собственной Абиссиніи, распределены различно между поясами дега, война-дега и куалла; но въ цѣломъ перевѣсъ имѣетъ про-

межуточная зона, гдѣ и сосредоточены главные города и торговые мѣста. Въ Джиммѣ и Гумѣ земли принадлежатъ въ особенности къ полосѣ высокихъ плоскогорій, такъ какъ тамъ сѣютъ всего больше ячмень; низменности занимаютъ болѣе значительное пространство въ Иннаріи, Лимму и Каффѣ ¹⁾.

Названіе Иннарія примѣнялось нѣкогда къ странѣ, несравненно болѣе обширной, чѣмъ та, которая сохранила нынѣ это наименованіе. Это было христіанское государство, какъ Эіюпія, и въ теченіе вѣковъ населявшій его народъ сидамъ успѣшно оказывалъ сопротивленіе напору окружавшихъ его язычниковъ и магометанъ. Кончилось, однако, тѣмъ, что сидамы пали въ этой борьбѣ: галласы изъ Лимму, живущіе въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Оргеса, овладѣли страной, и когда сами обратились въ исламъ, то навязали свою религію и побѣжденнымъ. Жители Иннаріи, которыми въ настоящее время управляетъ королева ²⁾, всѣ мусульмане; только имя сидамъ, теперь уже не имѣющее въполнѣ опредѣленнаго значенія, присволяется еще вообще христіанамъ эіюпскихъ странъ, ограниченныхъ на сѣверѣ теченіемъ Голубаго Нила. Иннарія въ собственномъ смыслѣ теперь обнимаетъ уже только верхнюю долину Гугсы, тамъ, гдѣ эта рѣка течетъ еще въ направленіи съ юга на сѣверъ. Дно и скаты этой долины могутъ считаться по преимуществу страной кофейнаго дерева, которое лучше произрастаетъ тамъ, чѣмъ даже въ Каффѣ, отъ которой оно получило свое названіе: говорятъ, что въ иннаріискихъ лѣсахъ встрѣчаются экземпляры кофейнаго дерева, имѣющіе отъ 2 до 3 метровъ въ обхватѣ. Кофе составляетъ монополию государя, и его невольники одни имѣютъ право собирать этотъ продуктъ въ лѣсахъ и продавать его, за счетъ своего господина, на рынокъ въ Сака. Что касается золотого порошка, составлявшаго прежде богатство Иннаріи, то онъ уже не имѣетъ нынѣ достаточной относительной цѣнности для вывоза. Хотя иннаріицы утратили свою древнюю цивилизацію, однако они и теперь еще могутъ считаться самыми цивилизованными жителями южной Абиссиніи, и даже какъ ремесленники они много превосходятъ абиссинцевъ; гондарскій рынокъ не представляетъ ничего, что могло бы сравниться съ ихъ вышивками или съ ихъ оружіемъ съ рѣзными рукоятками и серебряными инкрустаціями; они выдѣлываютъ разные желѣзные инструменты, которые находятъ обширный сбытъ и покупаются даже племенами, обитающими въ бассейнѣ Собата ³⁾. Укрѣпленный таможенный постъ защищаетъ

¹⁾ Beke, "Journal of the R. Geographical Society", 1843.

²⁾ G. Rohlf, "Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers", tome VII fasc. V.

³⁾ J. M. Schuerer, "Reisen im oberen Nilgebiet", "Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheil.", № 72.

на сѣверѣ подходы страны Лиму на абиссинской дорогѣ. Многія государства плоскогорья даже обнесены на большей части своей окружности двойнымъ рядомъ стѣнъ, обведены рвами и застѣками; кромѣ того, широкая пограничная полоса, гдѣ никто не имѣетъ права селиться, опоясываетъ всю страну на подобіе раздѣльной зоны, окружающей укрѣпленное мѣсто: каждое королевство есть какъ бы осажденная крѣпость ¹⁾. Понятно, какія огромныя трудности представляютъ сообщенія въ этой странѣ: пѣшеходъ могъ бы пройти въ четыре дня пространство въ 233 километра, раздѣляющее два большихъ рынка—Бассо, въ Годжамѣ, и Сака, въ Иннари, между тѣмъ купеческіе караваны употребляли до двухъ лѣтъ, чтобы совершить это маленькое путешествіе ²⁾.

Королевство Янгаро (Джанджеро, Зинджеро) занимаетъ, къ юго-востоку отъ Иннари и къ востоку отъ Джимма-Кака, часть горной покато-сти, наклоненной къ теченію рѣки Гугсы. Нѣтъ страны, гдѣ бы «права» царствующаго дома были ограждены большимъ количествомъ легальныхъ гарантій. За исключеніемъ короли, его дѣтей, и людей низшихъ кастъ, слишкомъ презираемыхъ для того, чтобы они могли внушать какія-либо опасенія въ политическомъ отношеніи, всѣ жители Янгаро мужскаго пола подвергаются частному изуродованію, дабы вещественный знакъ свидѣтельствовалъ объ ихъ неспособности къ занятію престола: таково единогласное показаніе всѣхъ, къ кому обращался съ разпросами Беке ³⁾. Одна изъ тысячи привилегій короля состоитъ въ исключительномъ употребленіи извѣстныхъ цѣлебныхъ средствъ, запрещенныхъ его народу: жители страны, не имѣя другой животной пищи, кромѣ сыраго мяса, всѣ страдают солитеромъ, какъ сѣверные абиссинцы; но одинъ только государь можетъ изгонять паразита посредствомъ отвара куссо, тогда какъ обыкновенные смертные не смѣютъ употребить «царскаго лѣкарства»; они должны довольствоваться горькими травами. Между другими странными вещами, сообщаемыми объ этой таинственной странѣ Янгаро, миссіонеры Изенбергъ, Крапфъ ⁴⁾, Массайя рассказываютъ, что человѣческія жертвоприношенія очень обыкновенны въ томъ краю: часто первенецъ приносится въ жертву божеству. У всѣхъ новорожденныхъ мужскаго пола, тотчасъ послѣ появленія на свѣтъ, обрѣзываютъ сосцы, дабы будущіе войны не имѣли сходства съ «трусливымъ поломъ». Когда торговцы невольниками увозятъ плѣнницъ изъ

этой страны, они каждый разъ бросаютъ самую красивую въ озеро, чтобы сдѣлать судьбу благоприятной ихъ путешествію. Но рѣдко случается, чтобы они тащили за собой невольниковъ мужскаго пола, такъ какъ мужчины, захваченные во время облавы, обыкновенно предпочитаютъ самоубійство рабству. Часто имя Янгаро смѣшивали иронически съ именемъ Зинджеро ¹⁾, означавшимъ «обезьяну» на амхаринскомъ языкѣ, и народная молва, всегда жадная къ чудесамъ, распространила въ Африкѣ рассказы о поработенныхъ четырехърукихъ. Джимма-Кака, или королевство Абба-Джиффаръ, есть одна изъ областей, доставляющихъ наибольшее количество невольниковъ торговцамъ живаго товара или джибберти; по словамъ Беке, почти всѣ евнухи, уводимые изъ галасской территоріи въ сѣверномъ и восточномъ направленіи, выходятъ изъ невольничьихъ дено, учрежденныхъ въ городѣ Фолла.

Страна Каффа есть одна изъ тѣхъ, жители которыхъ еще называютъ себя христіанами, хотя ихъ религіозныя вѣрованія и обрядности представляютъ значительныя отличія отъ вѣрованій и обрядовъ абиссинцевъ. Во всемъ этомъ государствѣ, говорятъ, существуетъ всего только шесть или восемь церквей, составляющихъ центры очень обширныхъ приходо-въ и мѣста убѣжища для преступниковъ и вообще всѣхъ преслѣдуемыхъ; подъ поломъ одного изъ этихъ храмовъ хоронятъ умершихъ монаховъ. По словамъ миссіонера Массайя, «христіане» Каффы не знаютъ даже имени Иисуса Христа; они почитаютъ трехъ святыхъ: Георгія, Михаила и Гавріила ²⁾. Очень строгіе и добросовѣстные исполнители традиціонныхъ обычаевъ, особенно тѣхъ, которые опредѣляютъ родъ пищи, жители Каффы не ѣдятъ никакихъ зеренъ, и самое слово «зерноядный» считаютъ большою обидой для себя: единственная ихъ растительная пища—стебель банана (*musa ensete*), растенія, которое культивируется вокругъ каждаго селенія. Обыкновенные зерновые хлѣба: пшеница, ячмень, бобы употребляются только въ кормъ скоту и для приготовленія пива. Относительно мяса обитатели Каффы не менѣе исключительны: изъ четвероногихъ имъ позволено только употреблять мясо быка; но мужчинамъ, пользующимся въ этомъ отношеніи большими льготами сравнительно съ представителями ихъ пола въ Янгаро и въ другихъ сосѣднихъ государствахъ, разрѣшается, сверхъ того, ѣсть птичье мясо. Въ силу обычая, женщины, принявшія участіе въ употребленіи этой послѣдней пищи, тѣмъ самымъ теряютъ свою свободу и немедленно продаются въ рабство, такъ какъ торговля человѣческимъ мясомъ не воспрещена каффскимъ

¹⁾ Cecchi, „Bollettino della Società geografica italiana“, 1882.

²⁾ Arnaud d'Abbadie, „Douze années dans la haute Ethiopie“.

³⁾ „Journal of the R. Geographical Society“, 1843.

⁴⁾ „Highlands of Ethiopia“;—„Journal of the Church Missions to Abyssinia and Egypt“.

¹⁾ Beke, „Geographical distribution of the Languages of Abyssinia and neighbouring countries“.

²⁾ „Annales de la Propagation de la Foi“, 1863;—Крапфъ, цитированное сочиненіе.

христіанамъ, какъ она запрещена христіанамъ сѣверной Эіюніи. Костюмъ жителей Каффы тоже строго опредѣленъ уставомъ. употребле- ніе кожъ дубленыхъ или недубленыхъ запре-

тамъ едва знали деньги даже въ половинѣ на- стоящаго столѣтія ¹⁾; единственными мѣно- выми знаками служили мелкія стеклянныя из- дѣлія и брусочки соли, привозимые изъ Сокоты;

Дѣвственный лѣсъ въ Фоцоклѣ

щено: одежда шьется изъ бумажныхъ тканей или изъ грубыхъ матерій, сотканыхъ изъ во- локонъ банана. Хотя столица Каффы, Бонга — «самый большой городъ, какой существуетъ въ Эіюніи», и очень дѣятельный рынокъ, но

на юго-западѣ, въ землѣ Шека или Сіека, ту- земцы собираютъ золотой порошокъ въ пескахъ ручьевъ. Государи Каффы налагаютъ на сво-

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reise in Nord-afrika“.

ихъ подданныхъ церемоніаль этикета, почти столь же строгій, какъ церемоніаль, установленный янгарскими королями. По словамъ путешественника Солейле, которому недавно удалось проникнуть въ эту страну, министры и высшіе сановники государства могутъ бесѣдовать съ своимъ повелителемъ не иначе, какъ одѣтые въ рубаша, точно невольники, да и то еще занавѣсъ отдѣляетъ ихъ отъ августѣйшаго присутствія. Чтобы не быть узнаннымъ, его величество и самъ выходитъ изъ дворца не иначе, какъ плохо одѣтымъ, и садится верхомъ на жалкую клячу; но его легко примѣтить издали по окружающимъ его гайдукамъ, и всѣ прячутся, чтобы избѣгнуть злополучной встрѣчи. Въ этой странѣ строгаго этикета обычная формула привѣтствія слѣдующая: «скрываюсь подъ землею». Когда христіанскіе священники жили еще въ странѣ, вѣрующіе обязанности были не допускать ихъ касаться ногами почвы между священническими домомъ и церковью; сильные мужчины всадили ихъ на своихъ плечахъ. Рассказываютъ, что эти священники, не имѣя возможности отправиться въ Гондаръ, къ абунѣ, чтобы получить отъ него рукоположеніе, поручали кунцамъ, ходящимъ съ караванами, привозить имъ изъ метрополии драгоценную коробку, которую святой отецъ наполнялъ своимъ дыханіемъ.

Города западнаго Шоа и сѣверныхъ галласскихъ государствъ: Фиче, Вореиллу, Роге, по Кларии, 10.000 жит.; Диллила; Горіено, Гебиссо, Могаръ, Чора, Сака, по Крапфу, 12.000 ж.; Бонга.

Къ югу отъ Каффы, на покатости Индійскаго океана, простираются обширные лѣса,

гдѣ живетъ таинственный народъ доко, то-есть по-галасски «невѣжды», «дикари»; по Крапфу, Изенбергу и другимъ путешественникамъ, доко — карлики, въ родѣ аккасовъ области Уалле, тогда какъ по Антуану д'Аббади, эти туземцы ничѣмъ не отличаются отъ своихъ сосѣдей, савагили.

Королевство Шоа долгое время находилось подъ деспотическою властью короля Менелика, который, несмотря на свое вассальное положеніе по отношенію къ негусу Абиссинскому, успѣлъ сдѣлаться фактически почти независимымъ правителемъ Шоа (1879 г.). Завѣтною его мечтою было покорить своей власти всю Абиссинію, но, чувствуя себя несостоятельнымъ для борьбы съ могущественнымъ въ то время негусомъ Іоанномъ, онъ долженъ былъ на время смириться и признать себя его вассаломъ. За то тотчасъ же послѣ смерти негуса Іоанна, въ 1889 г., Менеликъ выступилъ претендентомъ на корону Абиссиніи и, заключивъ союзъ съ Италіею, призналъ за нею протекторатъ надъ Абиссиніею, самъ же короновался негусомъ-негусті. Но когда власть его окрѣпла, Менеликъ пересталъ соблюдать условія договора съ Италіею и обострилъ отношенія съ нею до войны (1895—1896 гг.), въ которой одержалъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ, въ результатѣ ослабившихъ власть Италіи въ предѣлахъ Эритрейской колоніи и укрѣпившихъ за негусомъ Менеликомъ положеніе могущественнаго «царя царей».

Нижеслѣдующая таблица даетъ списокъ государствъ и провинцій южной Эіюпіи, распределенныхъ по рѣчнымъ бассейнамъ и естественнымъ областямъ:

Государства.	Провинціи.	Рѣчные бассейны.	Климатическіе поясы.	Города.
Шоа	Эфатъ.	Ауашъ и Нилъ.	Дега, Война-дега.	Авкоберъ.
	Аргобба.	Ауашъ.	Война-дега, Куалла.	Фарре.
	Гедемъ.	"	" " "	Кокъ-Фара.
	Эфрата.	Ауашъ, Нилъ.	Дега, Война-дега.	"
	Мавсъ.	Нилъ.	" " "	Личе.
	Тегулетъ.	"	" " "	"
	Марабіете.	"	" " "	"
	Шоа-Меда.	"	Война-дега.	"
	Тулома.	"	" " "	"
	Фатигаръ.	Ауашъ.	Война-дега, Куалла.	"
	Булгаръ.	"	" " "	"
	Демби.	"	" " "	"
	Этжу.	"	" " "	Роге.
	Даури.	"	" " "	"
	Волло.	Нилъ.	Дега, Война-дега.	Вореиллу.
	Борена.	"	Война-дега, Куалла.	"
	Соддо.	Ауашъ.	" " "	Толе.
	Гураге.	Ауашъ, Ваби, Гугса.	" " "	Горіено.
	Кабена.	Гугса.	" " "	Могаръ.
Земли вассальныхъ галласовъ.	Либенъ.	Нилъ, Гугса.	Дега, Война-дега.	"
	Гудру.	Нилъ.	Война-дега, Куалла.	"
	Джимма-Лагамара.	Нилъ, Гугса.	Дега, Война-дега.	Лагамара.
	Новно.	Гугса.	" " "	"
	Лимму.	Гугса, Нилъ.	" " "	Сака.
	Инварія.	Гугса.	Война-дега.	"
	Шора.	"	" " "	"
	Воторъ.	"	" " "	"
	Гума.	Нилъ.	Война-дега, Куалла.	"
	Гома.	"	" " "	"
	Гера.	Гугса.	" " "	"
	Джимма-Кака.	"	" " "	Фолла.

Государства.	Провинция.	Рѣчные бассейны.	Климатическія пояса.	Города.
Земли афаровъ . . .	Яггаро.	Гугса.	Война-дега, Куалла.	Бонга.
	Каффа.	"	" "	
	Гимира.	"	" "	Аусса.
	Моданто.	Ауашъ.	Равнины и пустыни.	
Земли сомалиевъ . . .	Сѣверныя племена.	"	" "	Ассабъ.
	Исса.	"	" "	
	Гадибурси.	"	" "	
Иностран. владѣнія . . .	Ассабъ.	"	" "	Обокъ.
	Обокъ и Таджуррахъ.	"	" "	
	Зейла.	"	" "	
	Харраръ.	Веби.	Долины и равнины.	Харраръ.

УІІІ. Верхняя Нубія.

Извѣстно, что вся западная и сѣверная половина Эіопіи, за исключеніемъ бассейна, орошаемаго Баркой, принадлежитъ, по своей гидрографіи, къ Нильской системѣ. Область, по которой протекають Голубой Нилъ, Атбара и ихъ притоки, по выходѣ изъ горныхъ ущелій, географически хорошо ограничена, на западѣ—теченіемъ Бахрѣ-эль-Аббада или Большаго Нила, на востокѣ—передовыми выступами или мысами абиссинскаго плоскогорья. На югѣ, водораздѣльная линия между Туматомъ, притокомъ Голубаго Нила, и Собатомъ, одной изъ главныхъ вѣтвей Бѣлаго Нила, состоитъ частью изъ горъ или высокихъ холмовъ, которые до сихъ поръ еще не были перейдены европейскими путешественниками. Неизвѣстная земля, на пространствѣ столь же большомъ, какъ Бельгія и Нидерланды вмѣстѣ взятая, простирается за этими предѣлами, и своими дикими населеніями, воинственными или бѣглыми, составляетъ границу болѣе трудную для перехода, чѣмъ если бы она была охраняема рядомъ таможенъ и крѣпостей. Что касается раздѣльнаго пояса между возвышенной и низменной Нубіей, то его составляетъ область, относительно не широкая, которая раздѣляетъ Нилъ, при сліяніи его съ Атбарой, и воды Краснаго моря; здѣсь пропадаютъ, сливаясь съ равниной, передовыя дѣли эіопскаго побережья, сопровождаемыя на западной сторонѣ теченіемъ Барки. Въ указанныхъ предѣлахъ совокупность равнинъ между Ниломъ и Эіопіей составляетъ область Нубіи, вообще обозначаемую именемъ «восточнаго Судана», хотя названіе Веледъ-асъ-Суданъ или «Земля Черныхъ» должно быть присвоено исключительно пространствамъ, населеннымъ неграми. Общая поверхность этой области можетъ быть исчислена приблизительно въ 560.000 квадр. километровъ; на всей территоріи, народонаселеніе, довольно густое въ бассейнахъ Тумата и Лабуса, достигаетъ, быть-можетъ, трехъ миллионовъ душъ.

Образуя особую область, которой общая по-

катость почвы придаетъ нѣкоторое географическое единство, восточный Суданъ состоитъ изъ отдѣльныхъ бассейновъ, которые нѣсколько сходятся къ сѣверо-западу Голубымъ Ниломъ и Атбарой, и расходятся на сѣверѣ Маремомъ и Баркой. Уединенные массивы въ равнинахъ, цѣпи высотъ, пустынные пространства раздѣляютъ восточный Суданъ на естественныя провинціи, изъ которыхъ постоянно воюющія между собой племена сдѣлали столько же маленькихъ государствъ съ неопредѣленными границами, безпрестанно мѣняющимися, смотря по превратностямъ битвъ и взаимному напору кочевыхъ народовъ. Чѣмъ рѣже населеніе, тѣмъ болѣе оно должно дробиться на независимыя одна отъ другой группы, имѣющія между собой сношенія лишь чрезъ посредство рѣдко наѣзжающихъ купцовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, въ этой области образовались туземныя государства, достигшія значительной степени могущества земледѣліемъ и торговлей и далеко распространившія кругъ своего владычества надъ окружающими народами. Такъ основалось нѣкогда, подъ влияніемъ египетской цивилизаціи, царство Мероз, обнимавшее не только «островъ» этого имени, ограниченный рѣками Астанусъ и Астаборасъ, но также и сосѣднія страны. Послѣ появленія ислама возникло королевство Сенааръ, которое тоже перешло за предѣлы своего «острова» или полуострова, между рѣками Бѣлой и Голубой. Но положеніе верхней Нубіи между плоскогорьями Эіопіи и берегами Нила, принадлежащими Египту, сдѣлало изъ нея естественное огороженное поле для государей этихъ двухъ странъ. Уже болѣе полстолѣтія, какъ египтяне вторглись въ промежуточный поясъ, и, несмотря на ихъ гибельныя столкновенія съ абиссинцами, можно было думать, что они окончательно завоевали Суданъ. Широко распространившееся возстаніе, вызванное ихъ притѣсненіями, оставило имъ лишь небольшое число мѣстъ въ этой странѣ, не очень давно присоединенной къ ихъ обширнымъ владѣніямъ, и теперь англичане замѣняютъ ихъ и занимаютъ пункты морскаго побережья, откуда могутъ современемъ, посредствомъ постройки дорогъ, приступить къ мирному завое-

ванію территоріи. Въ силу официальныхъ прокламаций, адресованныхъ ко всѣмъ жителямъ страны покойнымъ генералъ-губернаторомъ Гордономъ, «отъ имени свѣтлѣйшаго хедива и всемогущей Великобританіи», Суданъ долженъ «отнынѣ пользоваться полной независимостію и самъ управлять своими дѣлами, безъ всякаго вмѣшательства иностраннаго правительства».

Въ настоящее время стратегическая сила мусульманскихъ государствъ, образовавшихся въ этой области восточнаго Судана, заключается всецѣло въ недостаткѣ путей сообщенія, открывающихъ доступъ въ эти государства. Правда, на первый взглядъ кажется, что эта страна совершенно открыта эѳіопамъ, населяющимъ плоскогорья: повидимому, имъ стоитъ лишь идти внизъ по долинамъ рѣкъ, спускающихся съ ихъ горъ; но дѣло въ томъ, что климатъ низменностей для нихъ болѣе страшный врагъ, чѣмъ живущіе тамъ туземцы: они, то-есть гsrные абиссинцы, не могутъ долго дышать мѣфитическимъ воздухомъ низменностей; если имъ удастся сдѣлать тамъ завоеванія, то эти завоеванія не могутъ быть прочны и самой силой вещей скоро отнимаются у нихъ. Съ другой стороны, если абиссинцамъ, такъ сказать, запрещено природой покорять своей власти лежащія внизу территоріи, то и сами они были бы большою помѣхой для завоевателей изъ верхней Нубіи, которые захотѣли бы воспользоваться дорогой плодородныхъ предгорій, черезъ Массову и земли народовъ менса и бого: египтяне горькимъ опытомъ убѣдились, какъ неблагоприятно пускаться по этой дорогѣ, гдѣ войско постоянно подвергается опасности быть атакованнымъ съ фланга эѳіопскими воинами. Сѣвернѣе, отъ Суакима до Нила, воды колодезь едва достаточно для бродячихъ племенъ, и еще недавно англійскіе полки отказались идти въ глубь этихъ каменистыхъ степей, гдѣ копы бишариновъ навѣрно пронзило бы всѣхъ отставшихъ, томимыхъ жаждой, британскихъ солдатъ. Такимъ образомъ, пока не будетъ построена обыкновенная или желѣзная дорога, остаются по-прежнему, для вторженія въ равнины Голубой рѣки и Атбары, только три традиціонныхъ сѣверныхъ пути: во-первыхъ, путь, идущій вверхъ по теченію Нила отъ водопада къ водопаду, черезъ всѣ изгибы и повороты рѣки, и затѣмъ два пути, обходящіе большія дуги Нила, на западъ черезъ пустыню Байуда, между Деббехомъ и Хартумомъ, на востокъ черезъ Нубійскую пустыню, между Короско и Абу-Гамедомъ. Эти три дороги, какъ извѣстно, были заперты египтянамъ магометанскимъ возстаніемъ, и англичане должны вновь открывать ихъ пушечными выстрѣлами.

Внѣ эѳіопскихъ плоскогорій, провинціи вос-

точнаго Судана тоже имѣютъ свои горы, уединенныя или въ видѣ массивовъ, образующія среди равнинъ настоящіе архипелаги. Многія изъ этихъ высокихъ выпуклостей рельефа, рисуемая на картахъ, какъ составныя части орографической системы Абиссиніи, на самомъ дѣлѣ отдѣлены отъ этой системы широкими промежуточными равнинами: таковы, напримѣръ, горы Гумусовъ, господствующія на востокѣ надъ долиной, которою Абай или Голубой Нилъ завершаетъ полукругъ своего теченія и окончательно вступаетъ въ равнину ¹⁾. Нѣсколько предгорій, близко подходящихъ къ рѣкѣ, и на встрѣчу которыхъ выдвигаются мысы противоположной покатости, образуютъ послѣднюю тѣснину на эѳіопскомъ Нилѣ. Выше по рѣкѣ, высокая уединенная скала, называемая арабами Абу-Данабъ, галласами Тулу-Согида, поднимается близъ слиянія Абая и Джабуса: это «Солиная гора», обильные источники которой еще не были анализированы европейцами. Далѣе, по направленію къ юго-западу, Туматъ и Джабусъ, большіе притоки Голубаго Нила, текутъ вдоль восточнаго основанія другихъ горъ или бывшаго плоскогорья, которое текуція воды разрѣзали во всѣхъ направленіяхъ: это горы Берта, прославившіяся своими золотыми приисками, которые и были побудительной причиной египетскаго завоеванія.

Горы Берта, затѣмъ горы Лега (называемыя такъ по имени населяющихъ ихъ племенъ) — высочайшія вершины которыхъ, или *тулу*, превышаютъ 3.000 метровъ, тогда какъ средняя высота ихъ только около 1.500 метровъ, — продолжаютъ на югъ къ истокамъ притоковъ Собата, и промежуточными небольшими цѣпами, еще не изслѣдованными европейскими путешественниками, соединяются съ плоскогорьями Каффы. Но на сѣверѣ выступы рельефа постепенно понижаются; промежуточные равнины расширяются, затѣмъ соединяются, и горныя цѣпы обозначены тамъ уже только уединенными скалами, появляющимися, на подобіе острововъ, на поверхности низменностей, сначала довольно многочисленными, затѣмъ все менѣе и менѣе высокими и все болѣе и болѣе удаленными одна отъ другой. На западѣ страны Фазогль, одинъ изъ этихъ уединенныхъ массивовъ, могучій Джебель-Таби, частію покрытый лѣсами, вздымаетъ свои гребни болѣе, чѣмъ на 1.300 метровъ. Далѣе, конусъ краснаго гранита, Джебель-Гуле, то-есть «поросшая лѣсомъ гора», или, по Марно, «гора вѣдъмъ», на которую туземцы племени фугиъ или фунджъ указываютъ какъ на свою колыбель, достигаетъ 846 метровъ; еще далѣе на западѣ виднѣются нѣсколько небольшихъ горъ, слѣдующихъ одна за другой среди степей, окаймляю-

¹⁾ J. M. Schuer, „Reisen im oberen Nilgebiet“, Petermann's Mittheilungen, Ergänzungsheft, № 72.

ших правый берег Вѣлаго Нила; самая высокая изъ этихъ горъ—Дефафангъ, до недавняго времени служившая этнической границей между землей негровъ племени денка и землей арабовъ племени абу-рофъ. Два береговыхъ пояса на Вѣломъ и на Голубомъ Нилѣ, по обѣ стороны Сенаарской Месопотаміи, отличаются большимъ плодородіемъ, благодаря тучному илу, приносимому рѣками, и влажности, просачивающейся сквозь почву; но промежуточная область, образующая цокль разсѣянныхъ скалъ, представляетъ во многихъ мѣстахъ видъ степи: почва покрыта высокой травой, среди которой тамъ и сямъ показываются мимозы съ тонкой и нѣжной листвою. Населеніе только по берегамъ рѣки осѣдлое, остальное же ведетъ кочевую жизнь въ травяныхъ равнинахъ, окружающихъ горы полуострова.

Равнины, простирающіяся къ востоку отъ нижней долины Голубаго Нила, представляютъ подобный же характеръ: лѣсистыя и плодородныя по берегу рѣкъ, онѣ становятся безплодными вдали отъ текущихъ водъ, у основанія горъ, которыя высятся тамъ и сямъ. Въ области Гедарефа, между Рахадомъ и Атбарой, рѣдко гдѣ увидишь дерево: равнина гладкая, какъ лавда. Между уединенными массивами, разсѣянными въ степяхъ къ востоку отъ Голубаго Нила, самый замѣчательный Абу-Рамлехъ, или «Отецъ песковъ», имѣющій всего только 500 метровъ высоты, но величественно обставленный по бокамъ гранитными башнями, нагроможденными одна на другую въ видѣ колоссальныхъ ступеней: въ пробѣлахъ, остающихся между каменными бастионами, растутъ исполинскіе баобабы, покачивающіе свои могучія вѣтви надъ зияющей бездною; тамъ и сямъ какая-нибудь хижина, издали похожая на улей пчелъ, пріютилась между глыбами камня у подножія гигантскаго ствола ¹⁾. Въ сѣверной степи, наиболее выдвинутая впередъ гора, Джебель-Анангъ, поднимающаяся всего только на 600 метровъ абсолютной высоты, недалеко отъ праваго берега нижняго Рагада, въ большей части покрыта лѣсами, и между растущими на ней деревьями находится даже баобабы, которые въ этомъ мѣстѣ достигаютъ сѣвернаго предѣла своего пояса произрастанія. За Джебель-Анангомъ слѣдуетъ, въ восточномъ направленіи, Джебель-Абангъ, затѣмъ на югъ равнина усыяна другими вершинами въ видѣ отдѣльныхъ конусовъ или въ видѣ массивовъ, нѣкоторые изъ гранита, но почти всѣ вулканическаго происхожденія: иные изъ нихъ даже увѣнчаны колончатыми базальтами, являющимися въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: перистилей, кистровъ или расходящихся пучковъ и т. д. Эти высоты, стоящія среди степей, получаютъ болѣе значительную долю дож-

девой воды, чѣмъ равнина, и вода, быстро стекающая по склонамъ, теряется въ пескѣ или гравіи, окружающихъ каменистые откосы. Чтобы имѣть воду въ сухое время года, туземцы копаютъ почву у выхода овраговъ ¹⁾; эти лужи, по большей части окруженныя деревьями, обозначаются именемъ *харифъ*, какъ и дождливый сезонъ, который наполняетъ ихъ водой. Въ высохшихъ ложахъ рѣкъ и рѣчекъ лежатъ въ оцѣпенѣніи крокодилы; нѣкоторые рыбы, между прочимъ, сомовидный *sinodontus*, засыпаютъ въ глубокой тишѣ, чтобы снова возродиться съ наступленіемъ дождливаго времени года ²⁾.

Водораздѣльная линія между бассейномъ Нила и покатою Краснаго моря состоитъ изъ неправильныхъ массивовъ различной высоты, но не менѣе, однако, 1.000 метровъ: первозданныя горныя породы, вулканическія формации чередуются въ этой гористой области, представляющей во многихъ мѣстахъ видъ изрытаго оврагами плоскогорья. У выхода долинъ, спускающихся съ эіопскихъ возвышенностей, особенно на сѣверномъ склонѣ горъ Накфа, видны груды каменныхъ обломковъ, которыя путешественникъ Гейглинъ готовъ принять за морены древнихъ ледниковъ ³⁾, соответствующихъ глетчерамъ, слѣды которыхъ Фраасъ призналъ на Синайскомъ полуостровѣ. Съ обѣихъ сторонъ Краснаго моря гранитныя скалы, совершенно лишены растительности и отсвѣчивающія своими разноцвѣтными кристаллическими полосами, походятъ другъ на друга рѣзкостью формъ и блескомъ колорита. Одинъ изъ самыхъ величественныхъ массивовъ западнаго берега—это гора Шаба, высящаяся уединенно надъ болотистой низменностью, въ которой теряются воды рѣки Барки. Обширный полуостровъ изъ аллювіальныхъ земель, выдвинувшійся въ этомъ мѣстѣ въ бассейнъ Краснаго моря, доказываетъ, что рѣка прежде была гораздо обильнѣе, нежели въ наши дни.

Климатъ возвышенной Нубіи составляетъ переходъ между климатомъ влажнаго пояса экваторіальныхъ областей и климатомъ пояса рѣдкихъ дождей, гдѣ простираются Нубійскія пустыни. Однако, нѣтъ ни одной части страны, которая не имѣла бы своего сезона дождей, болѣе или менѣе обильныхъ. Въ Хартумѣ, лежащемъ подъ срединной широтой возвышенной Нубіи, харифъ начинается иногда въ маѣ, чаще въ іюнѣ или въ іюлѣ и оканчивается въ сентябрѣ: влажность приносятъ всегда восточные или юго-восточные вѣтры, то-есть вѣтры южныхъ пассатовъ Индійскаго океана; но послѣ дождей сухіе сѣверные вѣтры берутъ перевѣсъ и дуютъ постоянно вплоть до марта, эпохи весенняго равноденствія: они понижаютъ тем-

¹⁾ Schimper, цитированное сочиненіе.

Географія Рекл. т. X.

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reisen in Nordost-Afrika“.

²⁾ E. Marno, „Petermann's Mittheilungen“, 1872, № VI.

³⁾ „Reisen in Nordost-Afrika“.

пературу иногда до 10 градусовъ Цельсія, и въ это время года было бы неблагоприятно выходить безъ плаща утромъ или вечеромъ; суточная разность температуры составляетъ около 16 градусовъ.

Средняя температура въ Хартумѣ: за цѣлый годъ, 28,5° Ц. ¹⁾

Январь 19,7°; февраль 25,2°; мартъ 28,6°; апрѣль 30,2°; май 33,2°; июнь 33,1°; июль 33,1°; августъ 29,8°; сентябрь 29,3°; октябрь 29,2°; ноябрь 27,5°; декабрь 23,6°.

Во время харифа (дождливаго времени года) пребываніе на берегу рѣкъ, часто разливающихся и затопляющихъ прибрежныя мѣстности, опасно по причинѣ свирѣпствующихъ тамъ болотныхъ лихорадокъ, и многія племена удаляются тогда во внутреннія возвышенныя области ²⁾. Ибисы, бѣлые и черные, очень обыкновенны въ долинахъ Голубаго Нила въ сухое время года, тоже исчезаютъ до наступленія дождей, «изъ боязни малярии», говорятъ туземцы.

Возвышенная Нубія естественно дѣлится на земледѣльческую область и область пастбищъ, смотря по обилію дождей и текущихъ водъ, свойству и высотѣ почвы. Въ странѣ Фазогль и на берегахъ верхняго Джабуса древесная растительность почти такъ же густа, какъ въ самыхъ зеленѣющихъ долинахъ, окружающихъ большія озера. Въ поясахъ лѣсовъ, окружающихъ почти на всемъ протяженіи твердыню эѳіопскихъ плоскогорій и продолжающихся по берегамъ рѣкъ, устья долинъ и скаты горъ и холмовъ — самыя удобныя мѣста для земледѣльской культуры; благодаря своей плодородной аллювиальной почвѣ и превосходному климату, эти мѣстности могли бы сдѣлаться современнымъ одною изъ богатѣйшихъ странъ земнаго шара по производству хлопка и табака. Степь или *хала*, въ которой текутъ воды, можетъ быть утилизируема почти только для пастбы скота; однако, и тамъ встрѣчаются обширныя пространства, покрытыя баобабамъ, пальмами думъ, тамарискамы и камеденосными мимозами, продукты которыхъ, извѣстные подъ именемъ талька, далеко уступаютъ качествомъ кордофанскимъ смоламъ. Въ Сенаарѣ, такъ же, какъ въ Кордофанѣ и Форѣ, на границахъ областей, гдѣ воды рѣдки, полые внутри стволы баобабовъ, изъ которыхъ иные имѣютъ до двадцати шести метр. (слишкомъ 12 сажень) въ окружности, часто утилизируются какъ естественныя цистерны ³⁾. Во время сезона дождей дупла этихъ растительныхъ колоссовъ наполняются водой; нѣкоторые

стволы получаютъ такимъ образомъ для періода засухъ водный запасъ отъ 80 до 90 кубич. метровъ; взлѣзая на дерево до начала вѣтвей, туземцы черпаютъ кожаными ведрами воду, содержащуюся въ ихъ баобабахъ. Въ сѣверной части Судана нѣкоторыя пространства заслуживаютъ названія пустынь, а дюны правильно развертываютъ тамъ свои волны, подпачивая основаніе скалъ; на дорогѣ изъ Берберы въ Суакимъ уединенная глыба гранита, Абу-Одфа, была такимъ образомъ подточена дюнами на всей окружности ея основанія, и рано или поздно эта тяжелая каменная масса, сломавъ свою тонкую пожку, рухнетъ въ песокъ ⁴⁾. Всѣ камни и стѣны скалъ въ этой пустынной области возвышенной Нубіи однообразно покрыты чѣмъ-то въ родѣ черноватаго лаку, происхождение котораго еще не объяснено ⁵⁾; эти черныя блестящія стѣны придаютъ всему пейзажу нѣчто грандіозное и страшное, чего не имѣютъ другія мѣстности, гдѣ горы выше и склоны ихъ круче.

Въ лѣсахъ предгорій, также какъ среди высокихъ травъ саванны, поднимающихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, послѣ періода дождей, на 4 или 5 метровъ (7 аршинъ) надъ уровнемъ почвы, живутъ большія животныя: обезьяны, львы, леопарды, жирафы, буйволы, носороги, слоны; кочевники по большей части, огромныя толстокожія проходятъ отъ одного времени года до другаго обширныя пространства въ нѣсколько сотъ квадр. километровъ во всѣхъ направленіяхъ. Охотники изъ племени гамранъ, въ области Така, равно какъ сомали племени гадибурси по другую сторону эѳіопскихъ горъ, нападаютъ на этихъ громадныхъ звѣрей съ удивительною смѣлостію. Сидя верхомъ на быстроногихъ коняхъ, они скачутъ передъ слономъ, не давая настичъ себя, затѣмъ вдругъ дѣлаютъ крутой поворотъ назадъ и, бросаясь на землю позади звѣря, быстрымъ ударомъ ножа перерѣзываютъ ему поджилки. Слонъ топчется на мѣстѣ, и его противникъ можетъ выбрать удобный моментъ, чтобы нанести второй ударъ, часто смертельный ⁶⁾. Съ 1859 года многіе охотники, по большей части итальянцы и вѣмцы, регулярно посѣщаютъ область Така и сопредѣльныя провинціи, не только затѣмъ, чтобы добыть слоновой кости, состоящей обыкновенно изъ бивней гораздо меньшихъ, чѣмъ бивни слоновъ центральной Африки (всѣхъ большихъ, извѣстныхъ до сихъ поръ бивней: 80 килограммовъ или безъ малаго 5 пудовъ; средній вѣсъ: 17 килограм.; вѣсъ маленькихъ бивней: 12 килограм.), но также затѣмъ, чтобы наловить живьемъ дикихъ звѣрей, кото-

¹⁾ Hann, „Zeitschrift der österreichischen Gesellschaft für Meteorologie“, vol. X.

²⁾ Frédéric Cailliaud, „Voyage à Méroé“.

³⁾ Cailliaud; — Trémaux; — d'Escayrac de Lauture; — Matteucci; — Massari; — Beltrame; — Wilson and Felkin; — Marno.

⁴⁾ Colborne, „Cornhill Magazine“, may 1884.

⁵⁾ R. Hartmann und Barnim, „Reise durch Nordost-Africa“.

⁶⁾ Samuel Baker, „The Nile Tributaries“; — Gabriel Ferrand, „Le Çomal“.

рыхъ они потомъ продають содержателямъ Кассалъ, парки дикихъ звѣрей составляли одинъ звѣринцевъ. Одинъ изъ этихъ охотниковъ привезъ въ гамбургскій портъ партію, состоявшую изъ главныхъ источниковъ его продовольствія. Беджасы и абиссинцы тоже охотятся на круп-

Хартумскій кади и шейхъ изъ Хадендоа.

изъ 33 жирафовъ, 10 слоновъ, 8 носороговъ, 4 львовъ и многихъ другихъ мѣнѣ цѣнныхъ животныхъ. Во время продолжительной осады, которую египетскій гарнизонъ выдержалъ въ ныхъ звѣрей въ промежуточной нейтральной полосѣ, раздѣляющей ихъ территорію; но если имъ случится встрѣтиться, они мѣняють цѣль охоты и яростно нападаютъ другъ на друга,

какъ наслѣдственные враги. Ядовитая муха, называемая добоанъ или суррета, кружится роями въ долинѣ Мароба, но дикія животныя нисколько не страдаютъ отъ ея ужаленій, тогда какъ всѣ домашнія животныя—верблюды, лошади, ослы, быки—погибаютъ въ нѣсколько недѣль: это обстоятельство сильно затрудняетъ охоту въ такихъ, опустошаемыхъ ядовитымъ наѣдомъ, пастбищахъ, такъ какъ люди должны пѣшкомъ пробираться въ лѣсной чащѣ или въ высокой травѣ. Что это за муха? Есть ли это средне-африканская цеце, можетъ-быть, *naalia*, о которой упоминаетъ Брюсъ, какъ о «самомъ страшномъ изъ животныхъ»? Есть ли это то наѣдомое, о которомъ рассказываютъ уже древніе, говоря—впрочемъ, невѣрно,—что будто оно обращаетъ въ бѣгство даже льва ¹⁾? Къ востоку отъ Голубаго Нила, въ странѣ Куба, одна маленькая муха, отличная отъ добоана, гибельна своими укусами только осламя, лошадямъ, собакамъ и верблюдамъ ²⁾. Но, можетъ-быть, смертность животныхъ слѣдуетъ приписать не ужаленію одного наѣдомаго, а тысячамъ ранъ, наносимыхъ ежедневно цѣлыми роями слѣпней или оводовъ, которые не оставляютъ ни на одну минуту въ покоѣ несчастную скотину, доводимую ими до изступленія ³⁾. Животныхъ, которымъ грозитъ смерть отъ наѣдомыхъ, можно спасти не иначе, какъ держа ихъ днемъ въ хлѣвахъ или конюшняхъ, гдѣ курятся душистые травы, и выпуская ихъ только по ночамъ. Но существуютъ свободныя пространства, куда не проникаютъ фатальныя мухи, и гдѣ поэтому земледѣльческое населеніе скучено компактными группами: таковы, напримѣръ, массивъ Абу-Рамлехъ, къ юго-востоку отъ Розереса.

Между горами Эѳіопіи и холмистыми равнинами, наклоненными къ Нилу, контрастъ замѣчается не только въ рельефѣ поверхности, въ климатѣ, въ культурахъ; онъ сказывается также и въ самыхъ населеніяхъ: расы, языки, нравы и религіи различествуютъ, разграниченные полосой земли неравной высоты, огибающей бока горъ; во многихъ мѣстахъ между областями проходитъ маршія пустынная или населенная дикарями, постоянно живущими насторожѣ, въ страхѣ, потому что за ними охотятся какъ за дикими звѣрями. Всѣ эти племена, какъ извѣстно, обозначаются общимъ именемъ шавгалла—именемъ, не имѣющимъ опредѣленнаго этническаго значенія: всѣ темнокожіе, если они не арабы или не абиссинцы, суть шавгалласы на языкѣ жителей плоскогорій.

Въ верхнихъ долинахъ Джабуса и на го-

рахъ, надъ которыми господствуетъ двуглавая вершина Тулу-Валлель (3.200 метровъ), обращенная къ бассейну Собата своей южной стороной, живутъ племена легасовъ, галласская нація, надалѣе выдвинутая въ западномъ направленіи, если только не считать латуковъ и ва-хума принадлежащими еще къ той же расѣ, отъ которой они отдѣлены теперь столь различными населеніями. Легасы представляютъ типъ очень чистый и совершенно отличный отъ типа негровъ, хотя эти послѣдніе окружаютъ ихъ съ юга, запада и сѣвера. Цвѣтъ лица у нихъ свѣтлый, свѣтлѣе даже, чѣмъ у европейцевъ, загорѣвшихъ отъ тропическаго солнца. Рослые и вообще худощавые, они имѣютъ «руки и ноги, какъ у янки», шею длинную и тонкую, лицо узкое, сухое, безъ щекъ, но съ энергическими чертами и выразительнымъ взглядомъ, маленькимъ черепомъ, высокимъ, узкимъ и коническимъ лбомъ. Женщины, пропорціонально, ростомъ многонизже мужчинъ и вообще представляютъ съ ними гораздо болѣе физическій контрастъ, чѣмъ какой обыкновенно наблюдается между двумя полами; онѣ столько же полны, сколько тѣ худощавы и сухопары; руки и ноги у нихъ чрезвычайно маленькія. Королевская фамилія и фамилія легасскихъ начальниковъ племени гораздо менѣе чистой породы, чѣмъ главная масса націй; онѣ получили значительную примѣсь негритянской крови, и если цвѣтъ кожи у нихъ болѣе черенъ, то черты лица вообще красивѣе и тѣло мясистѣе, характеръ у нихъ тоже болѣе веселый: эти мулаты не имѣютъ меланхолическаго вида другихъ легасовъ, которые обыкновенно стоятъ, опираясь на копье и склонивъ голову на правое плечо: Шуверъ сравниваетъ ихъ съ журавлями. По измѣреніямъ этого путешественника, средній ростъ мужчинъ отъ 1,60 до 1,75 метр.; средній ростъ женщинъ отъ 1,50 до 1,60 метр. Легасы—одна изъ самыхъ многочисленныхъ націй плоскогорья, заключающая по меньшей мѣрѣ до ста тысячъ человекъ; король ихъ можетъ выставить въ поле двадцать тысячъ воиновъ, не считая негритянскихъ войскъ его вассаловъ; но онъ не злоупотребляетъ своимъ могуществомъ, чтобы дѣлать завоеванія. Народъ миролюбивый и добродушный, легасы предоставляютъ женщинамъ большую свободу въ образѣ жизни и позволяютъ невольникамъ работать по-своему. Сами они трудолюбивые земледѣльцы; они съ любовью обрабатываютъ красноземъ своихъ великолѣнныхъ долинъ, а вечеромъ отдыхаютъ передъ своими хижинами, покуривая наргиле, въ которыхъ шаромъ служить выдолбленная тыква, или пожевывая кофейные бобы, поджаренные съ солью, съ коровьимъ масломъ и съ лукомъ. Они не платятъ никакой подати, никакого налога своему королю, но племена принимаютъ на себя обязанность поочередно воз-

¹⁾ Grisebach, „Petermann's Mittheilungen“, 1885, № VII.

²⁾ J. M. Schuwer, цитированный жемуаръ.

³⁾ Ernst Marno, „Reisen im Gebiete des Blauen und Weissen Nil“.

дѣлывать и жать поля, долженствующія прокармливать его и его семейство; король опредѣляет пени, когда его подданные не предпочитают рѣшать свои споры по закону возмездія. Нація признаетъ также верховнаго жреца, совершающаго священныя таинства въ *киниссѣ*—мѣстное названіе, происшедшее, кажется, отъ слова «киласса», то-есть церковь, употребляемаго христіанскими населеніями восточнаго плоскогорья. Во время жертвоприношеній этотъ жрецъ, закалывая животное, всегда обливаешь себѣ лобъ кровью жертвы и оставляетъ текущую по лицу кровь засыхать на щекахъ въ видѣ черноватой коры. Но старая религія, повидимому, уже приходитъ въ упадокъ, и ревностные миссіонеры, проповѣдующіе вѣру Магомета, приобретаютъ все болѣе и болѣе возрастающее вліяніе; вѣроятно, черезъ немного лѣтъ легасы вступятъ въ доно ислама. Среди легасовъ живутъ нѣсколько тысячъ денкасовъ, пришедшихъ въ край просить убѣжища и теперь работающихъ въ качествѣ невольниковъ. Не имѣя никакой возможности укрываться отъ негропромышленниковъ въ открытыхъ равнинахъ по теченію рѣкъ Собата и Яла, гдѣ они прежде обитали, эти бѣглецы принуждены были удалиться въ горы, предлагая туземцамъ свои услуги въ качествѣ носильщиковъ и наемныхъ воиновъ. Эти денкасы отличаются отъ другихъ племенъ двумя или тремя горизонтальными чертами, которыя они себѣ нанесли на лбу, держа въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль стебли хлѣбныхъ злаковъ, туго обвязанные вокругъ головы. Они не вступаютъ въ бракъ съ туземками, и недостатокъ женщинъ своего племени вынуждаетъ ихъ держиваться полиандріи (многомужія), которая сдѣлалась у нихъ законнымъ учрежденіемъ, установленнымъ извѣстными церемоніями. Столица легасскаго государства—мѣстечко Гумбали, лежащее на высотѣ 1.980 метровъ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Джабуса. Резиденція главнаго жреца, деревня Гобо, находится южнѣе, на высотѣ 2.260 метровъ¹⁾.

Къ западу отъ горныхъ цѣпей Дамота, передовые массивы заняты многочисленными шангаласскими народцами; но самая могущественная нація та, которая населяетъ двѣ долины Джабуса и Тумата, притоковъ Голубаго Нила, и водораздѣльные горы между двумя полостями Бахрѣ-эль-Азрака и Бахрѣ-эль-Абиада. Эти негры, бертасы, которыхъ насчитываютъ около 80.000 душъ, и которые обозначаются у арабовъ именемъ джебалайинъ или «горцы»—именемъ, примѣняемымъ, впрочемъ, и къ другимъ народцамъ,—имѣютъ курчавые волосы, оттопыренные губы, плоское лицо, впрочемъ, менѣе плоское, чѣмъ у ихъ соплеменниковъ въ Западной Африкѣ;

но они хорошо сложены, стройны, имѣютъ гибкіе и сильные члены: бертанскій воинъ, вооруженный копьемъ и щитомъ, имѣетъ молодецкій видъ. Женщины украшаютъ себѣ лицо при помощи серебрянаго или мѣднаго кольца, проходящаго въ ноздрю, и желѣзнаго кружка, проходящаго сквозь верхнюю часть лѣваго уха; молодые люди привязываютъ себѣ къ вискамъ и на шею клыки кабана; въ торжественныхъ случаяхъ мужчины и женщины раскрашиваютъ себѣ тѣло въ красный цвѣтъ, какъ барійскіе воины; въ нѣкоторыхъ племенахъ женщины татуируютъ себѣ лицо такимъ образомъ, что производятъ порядочное количество пузырей, похожихъ на оспенныя²⁾. У другихъ народовъ войны имѣютъ довольно красивую татуировку, состоящую въ обнаженіи верхней кожицы такъ, чтобы порѣзы образовали изящныя арабески; но привилегія подобной татуировки присвоена обычаемъ только побѣдителямъ, отсѣкшимъ одну или нѣсколько вражескихъ головъ³⁾. Бертасы, также какъ всѣ другіе негритянскіе народцы, живущіе по Голубому Нилу, состоятъ исключительно изъ земледѣльцевъ: такова главная причина ихъ контраста съ неграми, обитающими на Бѣломъ Нилѣ, которые всѣ скотоводы. Языкъ бертасовъ принадлежитъ къ той же семьѣ, какъ и языкъ шилуковъ, нуэровъ и денкасовъ, но арабскій діалектъ сдѣлался у нихъ цивилизованнымъ языкомъ съ тѣхъ поръ, какъ страна, сначала египетскимъ завоеваніемъ, затѣмъ всеобщимъ возстаніемъ принильскихъ населеній, была вовлечена въ кругъ притяженія ислама: вездѣ арабы управляютъ деревнями и выбираютъ начальника племени; въ каждой независимой деревнѣ поселился какой-нибудь арабскій купецъ, исполняющій обязанности консула по защитѣ своихъ соотечественниковъ; благодаря ему, незнакомецъ находитъ такой же радушный пріемъ, какъ родной братъ. По случаю его прихода закалываютъ барана или козу, кровь которыхъ собирается въ тыквенную чашу; всѣ присутствующіе обмакиваютъ руку въ этотъ сосудъ и затѣмъжимаютъ другъ другу руки, сочащаяся кровью; съ этого момента острія копій, окропленныхъ кровью зарѣзаннаго животного, уже не могутъ быть обращены противъ гости. Бертасы—большіе говоруны и часто устраиваютъ большія собранія, гдѣ каждый по очереди говоритъ рѣчь, вспомошествоваемый одобрителемъ, который все время сидитъ рядомъ съ нимъ; но оратору нечего бояться, что его перебьютъ: болѣе благовоспитанные, чѣмъ западные люди, бертасы всегда ждутъ конца рѣчи, прежде чѣмъ отвѣчать на нее³⁾. За исключеніемъ сѣверныхъ округовъ, гдѣ всѣ туземцы причисляютъ себя къ послѣдователямъ

¹⁾ Frédéric Cailliaud, „Voyage à Méroë“.

²⁾ Козаженскій, „Annales des voyages“, 1850, № XI.

³⁾ Hartmann, „Die Völker Afrika's“.

¹⁾ J. M. Schaver, цитированное сочиненіе.

ислама, религія бертасовъ еще въ большей части анимистическая: во время новолунія они пляшутъ при свѣтѣ звѣздъ и завершаютъ свои празднества оргіями; вмѣсто амулетовъ они употребляютъ корни нѣкоторыхъ растений, цвѣтки и жука, вѣроятно, особый видъ навознаго (*ateuchus aegyptorum*): по прошествіи двухъ тысячъ лѣтъ египетское вліяніе еще проявляется у этихъ темныхъ, безвѣстныхъ народовъ Нильскаго бассейна¹⁾. Подобно бурунамъ и другимъ арабизированнымъ племенамъ²⁾, они употребляютъ *тарамбиши*—дубинки, загнутыя крючкомъ, форма которыхъ мало развилась отъ формы бумеранга; по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, они не метаютъ эту палку на манеръ австралійцевъ, а просто держатъ ее въ рукѣ и при восхожденіяхъ на горы цѣпаются ея крючкомъ за вѣтви кустарника или за выступы скалъ; но изслѣдователь Марно, прошедшій эти страны, утверждаетъ въ своихъ разсказахъ, что онъ видѣлъ, какъ туземцы пускали тарамбишъ, равно какъ кульдебу, еще болѣе страшное желѣзное орудіе, загнутое въ видѣ серпа³⁾. Шувертъ подтверждаетъ эти наблюденія, но, по его отзыву, бертасы не умѣютъ метать оружіе такъ, чтобы оно вернулось на то самое мѣсто, откуда было пущено. Городовъ въ собственномъ смыслѣ слова нѣтъ въ землѣ бертасовъ. Важнѣйшее селеніе ихъ, Кирияъ, лежащее на западной отлогости горъ, въ бассейнѣ рѣки Явашъ или Ялъ, состоитъ изъ большихъ хижинъ, разсыянныхъ между огромными гранитными глыбами горнаго обвала. Народныя собранія, происходящія въ этой столицѣ, представляютъ необыкновенно живописное зрѣлище, каждая скала имѣетъ свою группу людей, расположившихся въ самыхъ разнообразныхъ позахъ: кто стоитъ, кто лежитъ, кто сидитъ на корточкахъ, иные уцѣпились за выступы скалы. Многія бертанскія племена имѣютъ начальниковъ, которые носятъ титулъ королей, но власть которыхъ очень непрочна. Какъ только этотъ царекъ или мекъ пересталъ нравиться своимъ подданнымъ, мужчины и женщины собираются на вѣче и объявляютъ повелителю, что всѣ его ненавидятъ, рѣшительно всѣ, даже скотъ и куры, и что пора ему умирать, послѣ чего несчастнаго царька вѣшаютъ на ближайшемъ деревѣ. Если болѣзнь мѣшаетъ королю производить каждый день судъ, то подданные рѣшаютъ, что его вліяніе становится злополучнымъ, вмѣсто того, чтобы быть благоприятнымъ, и висѣлица избавляетъ отъ него народъ⁴⁾. Невѣрность жены всегда наказывается смертью.

¹⁾ Hartmann, „Die Völker Afrika's“.

²⁾ Frédéric Cailliaud, цитированное сочиненіе.

³⁾ Ernest Maro;—Hartmann und Barnim, цитированныя сочиненія.

⁴⁾ Rich. Lepsius, „Briefe aus Aegypten, Aethiopien und der Halbinsel der Sinai“;—E. Maro;—Hartmann und Barnim, цитированныя сочиненія.

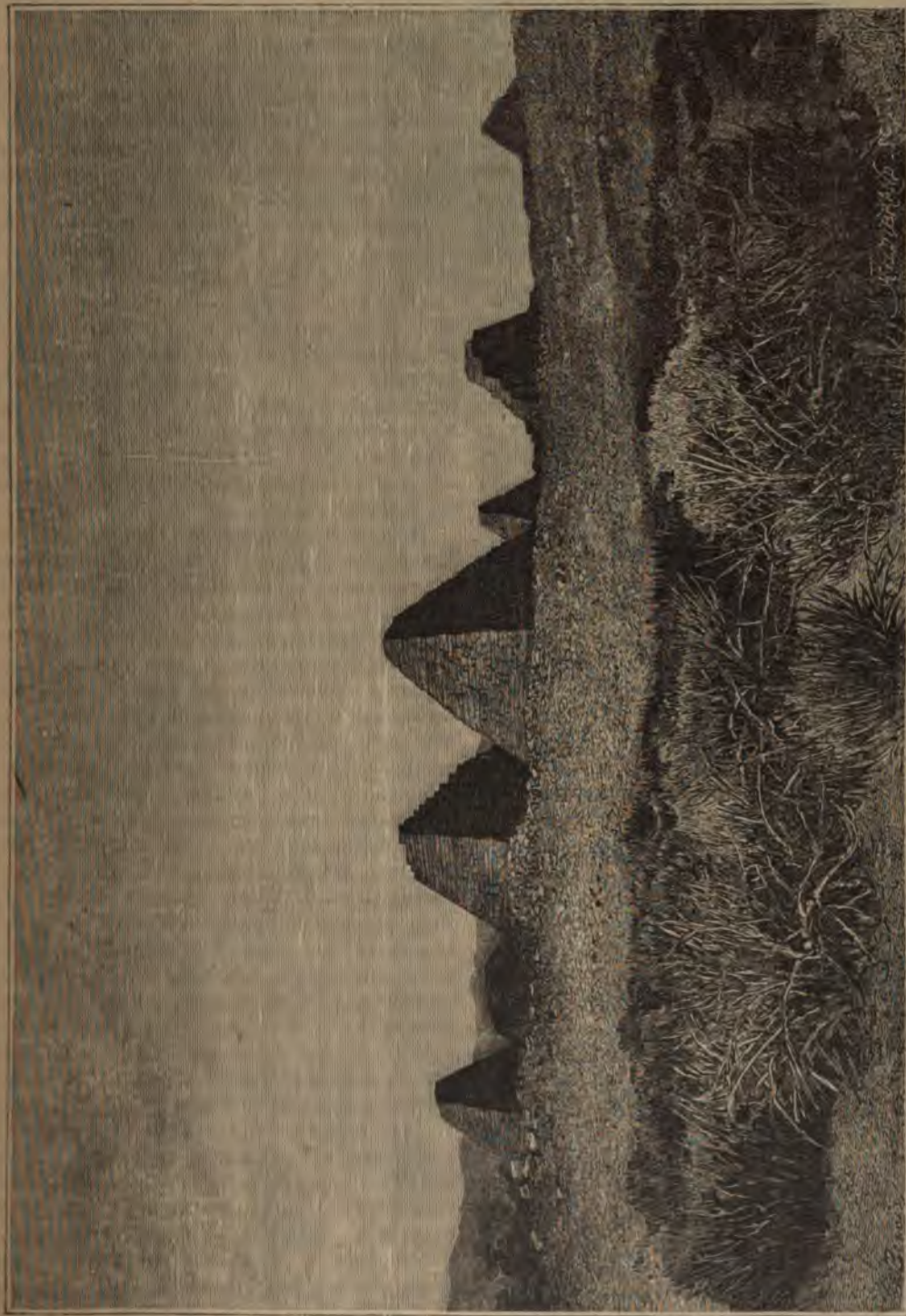
Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ бертасовъ, «никому не подвластная мархія», отдѣляющая Голубой Нилъ отъ эіопскихъ плоскогорій Агаумедера, занята многочисленными племенами различныхъ происхожденій: тамъ говорятъ пятью языками, не считая арабскаго и эіопскаго. Шейхъ, имѣющій резиденцію въ Кубѣ или Монкуисѣ, деревнѣ, пріютившейся на верху горы, обладаетъ, по крайней мѣрѣ по виду, верховной властью; но жители Кубы, гумусы, сіенетжо, кадало и бертасы, переселившіеся въ край, пользуются самоуправленіемъ и часто ведутъ войну между собой. Нѣкоторые гумусы живутъ въ совершенной независимости; каждое семейство имѣетъ отдѣльную хижину, стоящую особнякомъ, въ верстѣ или въ двухъ отъ ближайшаго дома; почти всѣ носятъ въ торжественныхъ случаяхъ почетные зонтики, имѣющіе форму и размѣры маленькаго дамскаго зонтика отъ солнца; этотъ знакъ отличія свидѣтельствуетъ въ ихъ глазахъ о степени цивилизаціи, которой они достигли. Кадалосы, селенія которыхъ построены на неприступныхъ скалахъ, украшенныхъ пучками вѣтокъ въ честь духа вѣтровъ, хвастаются, что будто они настоящіе аборигены; по описанію Шувера, они походятъ на негровъ Бѣлаго Нила гораздо больше, чѣмъ гумусы и бертасы: глаза у нихъ большіе, что особенно отличаетъ ихъ отъ гумусовъ, у которыхъ глазки маленькіе, «какъ у свиней». Что касается сіенетжо, которые выдаютъ себя за остатокъ народа, нѣкогда, будто бы, владѣвшаго страной и затѣмъ почти совершенно истребленнаго неграмми, то это, вѣроятно, единоплеменники другихъ туземцевъ того же имени, живущихъ восточнѣе между населеніями Дамота и Годжама¹⁾. Сіенетжо не черные, кожа у нихъ желтая; цвѣтъ ея замѣтно свѣтлѣе, чѣмъ у европейцевъ, подвергавшихся вліянію климата, лицо ихъ почти четырехугольное, лобъ очень широкій, черепъ правильный. Очень заботливые о чистотѣ своей расы, они никогда не позволяютъ своимъ дочерямъ выходить замужъ за негровъ или арабовъ. Опасаясь, совершенно основательно, чужеземцевъ, они живутъ на неприступныхъ скалахъ, естественныхъ крѣпостяхъ, на которыхъ женщины взбираются ежедневно, чтобы снабдить деревню съѣстными припасами; по тропинкѣ, ведущая на скалу, старательно скрывается отъ иноплемениковъ, доступъ которымъ строго воспрещенъ. Эти туземцы—единственные ткачи въ странѣ, въ то же время они единственные кузнецы, и только благодаря этимъ двумъ промысламъ имъ удалось до сихъ поръ сохранить независимое существованіе среди окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ враговъ. Они также искусные ювелиры и дѣлаютъ кра-

¹⁾ Arnaud d'Abbadie, „Douze ans dans la haute Ethiopie“.

сивым украшеніямъ изъ мѣди, но не продаютъ ихъ: эти украшенія предназначаются исключительно для ихъ женщинъ, которыя очень любятъ наряды; на шеѣ у нихъ висятъ въ нѣсколько рядовъ ожерелья изъ бусъ.

Эти выходцы прибываютъ въ край одиночными семьями и селятся въ лѣсныхъ прогалинахъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ одна семья отъ другой, не опасаясь какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій со стороны туземцевъ¹⁾:

Южная группа пирамидъ Меросъ

Къ востоку отъ гумусовъ, равнины, устьяныя небольшими холмами, которые продолжаютъ въ предгорьяхъ Дамота и Агаумедера, начинаютъ заселяться иммигрантами агаусами.

они знаютъ, что защитой имъ служить престижъ великой военной имперіи, Эѳіопіи; если

¹⁾ J. M. Schuerer, цитированное сочиненіе.

бы имъ учинили какую-нибудь обиду, то эта обида, конечно, была бы въ скоромъ времени отомщена истребительной войной. Такимъ образомъ предѣлы Абиссиніи расширяются годъ отъ году иммиграціей новыхъ колонистовъ; изъ независимыхъ туземцевъ гумусы мало-по-малу превращаются въ данниковъ. Гинжары или гинджары, занимающіе далѣе на сѣверѣ область предгорій вплоть до границъ Галабата, тоже должны платить данъ, часто даже невольниками: это чернокожіе, смѣшанные съ арабами и беджасами, вѣроятно, бѣглецами. Они называютъ себя магометанами и говорятъ испорченнымъ арабскимъ языкомъ; вся роскошь ихъ заключается въ ихъ шевелюрѣ, заплетенной, какъ прическа эоіоповъ, и жирно намазанной коровьимъ масломъ ¹⁾.

Горы междурѣчья двухъ Ниловъ заняты племенами, болѣе или менѣе смѣшанными, старой націи фунджъ или фугъ, которая господствовала нѣкогда надъ всей страной Сеннааръ. Фунджи почти всѣ утратили свой языкъ въ то время, когда обращались въ магометанскую вѣру ²⁾; однако, нѣкоторыя племена имѣютъ собственныя нарѣчія, впрочемъ, содержащія большую примѣсь арабскихъ словъ и принадлежащія къ группѣ языковъ нуба ³⁾. Магометанство также не вполне вытѣснило древній культъ. На Джебель-Гуле, которую фунджи чтутъ какъ свою священную гору, путешественникъ Прюссенеръ видѣлъ еще, какъ туземцы совершали фаллическія церемоніи вокругъ глинянаго алтаря и воздвигали деревянную статую, изображающую ихъ божка ⁴⁾. По словамъ Бельтрама, обращеніе фунджей въ исламъ такъ не серьезно, что большинство изъ нихъ даже не обрѣзаны ⁵⁾. Гартманъ, повторяя гипотезу Брюса, полагаетъ, что фунджи родственны шилукамъ, и что вся область, заключающаяся между ихъ территоріей и территоріей бертазовъ, населена народцами той же расы. Гаммеджи, теперь въ сильной степени смѣшанные съ арабами; буруны, о которыхъ путешественникъ Марно рассказываетъ, что они еще людодѣды ⁶⁾; гордые ингассаны, обитающіе въ долинахъ горы Таби и храбро отразившіе нападеніе «турокъ»—всѣ эти туземцы, какъ полагаютъ, принадлежатъ къ расѣ фунджей ⁷⁾. Самое это имя, означающее «горожанъ или мѣщанъ», указываетъ, будто-бы, что фунджи смотрѣли на себя, какъ на цивилизованныхъ по преимуществу, въ сравненіи съ своими единоплеменниками, пребывающими еще въ со-

стояніи варварства. Какъ бы то ни было, фунджи были въ относительно недавнее время однимъ изъ могущественныхъ народовъ Африки: въ началѣ шестнадцатаго столѣтія они разрушили королевство Алоа, средоточіе котораго находилось въ сосѣдствѣ слиянія двухъ Ниловъ, и основали другое государство, Сеннааръ, которое существовало до начала настоящаго столѣтія, пользуясь гегемоніей надъ сосѣдними населеніями Судана, Нубіи, даже Кордофана, и успѣшно отражая нападенія эоіопскихъ армій, которыя пытались иногда спускаться со своихъ плоскогорій. Но арабскіе визири мало-по-малу захватили въ свои руки власть, оставляя фунджскимъ государямъ только ея пустой вѣнчикъ блескъ; соперничество этихъ визирей и частые бунты привели въ разстройство государство, и когда войска Мегемета-Али, въ 1821 году, проникли въ Сеннааръ, они безъ труда покорили страну, благодаря своей дисциплинѣ и усовершенствованному оружію. Фунджи познакомились, какъ жертвы, съ систематической охотой за невольниками, съ разстрѣливаніями, съ сажаніемъ на колъ и съ прочими «благами цивилизаціи», принесенными египтянами.

Въ настоящее время фунджи, специально обозначаемые этимъ именемъ, немногочисленны, и даже вокругъ священной горы Джебель-Гуле очень мало встрѣтишь такихъ, которыхъ можно бы было считать типическими представителями расы. Многократныя и разнообразныя скрещиванія, произведенныя войной и невольничествомъ, до такой степени смѣшали эту расу, что очень трудно распознать въ народонаселеніи преобладающіе элементы. Арабы и обабившіеся люди всякаго племени, особенно баггаранскіе иммигранты, варварійцы, ремесленники, пришедшіе въ край попытать счастья, нубійцы изъ Кордофана, поселившіеся въ качествѣ военныхъ колонистовъ вокругъ городовъ,—всѣ эти пришлые иноплеменники способствовали этническому видоизмѣненію населеній нильской Месопотаміи. Одни только египтяне, мусульманскіе солдаты или коптскіе писаря, мало имѣли вліянія на расу, такъ какъ почти всѣ они быстро погибали отъ вреднаго дѣйствія непривычнаго климата. Разнообразіе происхожденія и физическаго вида такъ велико, что жители Сеннаара въ просторѣчьи подраздѣляются на бѣлыхъ, красныхъ, желтыхъ, синихъ, зеленыхъ и черныхъ ¹⁾. Однако, этническую основу сеннаарскаго населенія составляетъ, повидимому, фунджское племя. По наблюденіямъ большинства путешественниковъ, фунджи представляютъ средній типъ между типами нубійцевъ, негровъ и галласовъ. Голова у нихъ продолговатая, лицо прямошечное, черты правильныя, скулы мало выдаю-

¹⁾ Beke, "Journal of the R. Geographical Society", 1844;—G. Lejean, "Voyage aux deux Nils".

²⁾ P. Trémaux, "Le Soudan".

³⁾ R. N. Cust, "Modern Languages of Africa".

⁴⁾ Hartmann, "Die Völker Afrika's".

⁵⁾ "Il Sennar e lo Scianguallah".

⁶⁾ "Reisen im Aegyptischen Soudan".

⁷⁾ Hartmann und Barnim, "Reise durch Nordost-Africa".

¹⁾ Frédéric Cailliaud, "Voyage à Méroë".

пшяса, тѣло стройное и гибкое; подобно большинству другихъ африканскихъ туземцевъ, они очень заботятся о своей прическѣ. Нрава они смирнаго, веселаго, гостепріимны, и всѣ египтяне, которымъ приходилось жить въ Сеннаарѣ, пребываніе въ фунджской землѣ, около горы Джебель-Гуле, предпочитали пребыванію во всякомъ другомъ округѣ. Немошныя очень рѣдки среди фунджей, и—что большая рѣдкость между африканскими населеніями—женщины этого племени долго сохраняютъ молодость чертъ лица и красоту формъ¹⁾. Операция, называемая *делька* и состоящая въ растираніи тѣла, окуриваніи его благовонными веществами и намазываніи жирными маслами, въ большомъ ходу у фунджей и другихъ цивилизованныхъ обитателей верхней Нубіи²⁾. Уроженцы Сеннаара—искусные хирурги, и многіе изъ нихъ разбѣзжаютъ по бассейну Нила, чтобы примѣнять на дѣлѣ свои таланты: они извѣстны даже въ Египтѣ, такъ что феллахи называютъ сеннаарцами всѣхъ операторовъ, снимающихъ бѣльмо у слѣпыхъ, всѣхъ оспопрививателей и костоправовъ³⁾.

Къ сѣверу и къ сѣверо-востоку отъ гинжаровъ поясъ предгорій, отдѣляющій эіопскія плоскогорья отъ нубійскихъ степей, занятъ другими иммигрантами, такрурами или такарирами, уроженцами Фора, Уадаи и странъ западной Африки. Это по большей части хаджи, которые, возвращаясь изъ Мекки, предпочли остаться навсегда въ лежащей на пути странѣ, гдѣ они нашли земли, удобныя для воздѣлыванія и относительную независимость, чѣмъ возвращаться на родину, гдѣ ихъ навѣрно ожидало угнетеніе. Совершенно привыкшіе къ климату этихъ низменныхъ мѣстностей, гдѣ гибнутъ большинство абиссинцевъ и европейскихъ путешественниковъ, пришлые такруры занимаютъ теперь весь Галабатъ и многія изъ долинъ Эіопской Куарры. Сдѣлавшись автономными, они въ то же время пріобрѣли, какъ земледѣльцы и торговцы, большое благосостояніе; но эти поселенцы не всегда мирно пользовались своими завоеваніями, и часто гражданская война возгоралась между такрурами изъ Уадаи, уроженцами Фора и потомками иммигрантовъ, съ давняго времени поселившихся въ странѣ⁴⁾. Недавно большое число джиберти, мусульманъ, изгнанныхъ изъ Абиссиніи за то, что они не согласились отречься отъ своей вѣры, увеличили населеніе такарскихъ общинъ и арабовъ племени дабайна.

Кунамы, иначе базены или базасы, населяю-

щіе, въ числѣ около 150.000 душъ, долины Мареба и Таккаце, а также промежуточные плоскогорья, у выхода эіопскихъ каулъ, суть «шангалласы», успѣвшіе довольно хорошо избѣгнуть смѣшенія съ арабами. Они еще не говорятъ языкомъ сѣверныхъ завоевателей и кромѣ какъ въ сосѣдствѣ мархій не приняли еще магометанской религіи. Но если имъ удалось до сихъ поръ сохранить свою національную независимость, то это было достигнуто цѣной безпрестанныхъ и неумолимыхъ войнъ: между ними и сѣверными кочевниками идетъ безпощадная борьба, и пограничныя населенія должны всегда быть на-сторожѣ, чтобы избѣгнуть неожиданнаго нападенія и страшной рѣзни, которая была бы его роковымъ послѣдствіемъ. Въ то же время кунамы должны обороняться и со стороны юга, противъ горскихъ абиссинцевъ: такъ же, какъ ихъ сосѣди, бареа, вдесятеро менѣе многочисленныя, которые живутъ въ гористой области водораздѣла между бассейнами рѣкъ Мареба и Барки, базены находятся въ постоянной опасности быть раздавленными врагомъ, напирющимъ на нихъ съ двухъ сторонъ: здѣсь грозятъ арабы, поднимающіеся изъ равнины; тамъ—эіопы, спускающіеся со своихъ плоскогорій; Мунцингеръ сравниваетъ эти два племени, кунама и бареа, съ зерномъ, растираемымъ между двумя жерновами¹⁾. Между тѣмъ эти населенія, такъ сильно угрожаемыя, очень интересны своими нравами, чрезвычайно симпатичны своими прекрасными нравственными качествами, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вполне достойны подражанія: между ихъ общинами всегда царствуетъ миръ, и трудъ у нихъ пользуется уваженіемъ.

Несмотря на сходство политическихъ и социальныхъ учреждений, племена кунама и бареа не одного происхожденія и представляютъ не одинъ и тотъ же физическій типъ. Кунамы, поселившіеся въ краѣ съ незапамятныхъ временъ, считаютъ себя эмигрантами эіопскаго происхожденія, и сами абиссинцы смотрятъ на нихъ какъ на потомковъ древнихъ аксумитовъ. Цвѣтъ лица у нихъ темный, и между ними не рѣдкость встрѣтить людей почти столь же черныхъ, какъ негры западной Африки. Пропорціонально сложенные, сильные, широкоплечіе, кунамы принадлежатъ къ самымъ здоровымъ и самымъ крѣпкимъ физически народамъ африканскаго континента: между ними не увидишь немошныхъ, и постыдныхъ болѣзней, столь распространенныхъ у эіоповъ плоскогорья и у арабовъ равнины, не осквернили ихъ расы; подобно нуэрамъ и денкасамъ, они часто отдыхаютъ, стоя на одной ногѣ²⁾. Они рѣдко страдаютъ лихорадками, столь опасными

¹⁾ Frédéric Cailliaud;—P. Trémaux, цитированныя сочиненія.

²⁾ P. Trémaux, „Le Soudan“;—Didier, „Cinq cents lieues dans le désert“.

³⁾ Cony, „Annales des Voyages“, mars 1858.

⁴⁾ Heuglin;—Lejean;—Hausmann, „Petermann's Mittheilungen“, 1856, № VII.

¹⁾ „Ostafrikanisch Studien“.

²⁾ James, „Wild Tribes of the Soudan“.

иностранцамъ, и очень многіе изъ нихъ достигаютъ глубокой старости; только они имѣютъ нѣкоторую наклонность къ тучности, составляя въ этомъ отношеніи совершенную противоположность со своими сосѣдами бареасами и особенно арабами. Сами кунамы приписываютъ свое прекрасное здоровье шрамамъ, которыми они покрываютъ себѣ тѣло и лицо, и въ которыхъ они видятъ знаки красоты, въ то же время какъ и священныя писмена, возвѣщающія ихъ происхожденіе. У бареасовъ цвѣтъ лица свѣтлѣе, чѣмъ у кунамовъ, и вообще первые менѣе красивы и менѣе сильны; въ ихъ племенахъ много слѣпыхъ, особенно около болотистыхъ низменностей по теченію Барки. Тогда какъ почти всѣ кунамы имѣютъ фамильное сходство, бареасы представляютъ большое разнообразіе типовъ и, за исключеніемъ женщинъ, рѣдко обладаютъ правильными чертами лица. Языки этихъ двухъ народовъ тоже различны, хотя тотъ и другой причисляются пока, впродъ до болѣе основательнаго изученія, къ группѣ «гамитической»¹⁾; впрочемъ, нѣкоторые стороны они приближаются къ нубийскому идиому. Окончательно мѣсто ихъ можно будетъ опредѣлить только тогда, когда всѣ діалекты сѣверо-восточной Африки будутъ изучены такъ же тщательно, какъ были изучены нарѣчіе кунамовъ *базена* и нарѣчіе бареасовъ *нере-бена* Мунцингеромъ, Эдлувомъ, Галевинъ и Рейнишемъ. Кунамскій языкъ не имѣетъ ни ударенія, ни твердыхъ согласныхъ: ровный и мягкій, онъ вполне соответствуетъ миролюбивому характеру націи. Между кунами мало такихъ, которые говорили бы, кромѣ своего роднаго, еще какимъ-нибудь иностраннымъ языкомъ, тогда какъ бареасы почти всѣ знаютъ тигрейское нарѣчіе своихъ сосѣдей, жителей Эіопіи. Богатое сокровище народныхъ пѣсней и мелодій кунамовъ еще не собрано европейскими учеными.

Кунамы и бареасы суть земледѣльцы по преимуществу, всѣ воздѣлываютъ почву, безъ различія пола, состоянія и имущественнаго положенія; во все продолженіе періода дождей соха никогда не отдыхаетъ; вѣтъ дней, какъ у ихъ сосѣдей, которые были бы посвящены другому празднованію, кромѣ праздника труда. Всѣ домашнія животныя служатъ на полевыхъ работахъ: верблюды, ослы, быки и коровы запрягаются въ плугъ; въ случаѣ же недостатка скота, мѣсто его занимаетъ мужчина или женщина. При томъ вѣтъ ни одного туземца, который бы не владѣлъ полями; даже домашніе служители и служанки имѣютъ свои участки земли и располагаютъ достаточнымъ числомъ дней для распашки, посѣва и уборки хлѣба. Общественныя земли, находящіяся въ распоряженіи всѣхъ членовъ общины, настоя-

бо обширны, что землепашецъ всегда можетъ выбрать новый участокъ и замѣнить такимъ образомъ пашни, истощенныя продолжительной культурой; но перемѣна полей посредствомъ сѣвооборота дѣлается вообще довольно правильнымъ образомъ вокругъ разбросанныхъ, стоящихъ особнякомъ хижинъ, гдѣ живутъ отдѣльныя семьи. Тамъ, гдѣ холмы имѣютъ крутой скатъ, косогоры воздѣлываютъ въ видѣ террасъ, подпираемыхъ сложенными изъ камня стѣнами: базенъ не отступаетъ ни передъ какимъ трудомъ. Мирные хлѣбопашцы, занимающіеся исключительно обработкой почвы, базены и бареасы не группируются въ деревни, имѣя вѣтъ надобности заботиться о защитѣ общими силами своихъ очаговъ, развѣ только въ непосредственномъ сосѣдствѣ эіоповъ или арабовъ. Но тамъ они часто принимаютъ наступательный образъ дѣйствія: соединяясь въ небольшія дружины, они ходятъ разорять дальнія селенія и исчезаютъ, прежде чѣмъ жители тѣхъ селеній успѣютъ извѣстить сосѣдей объ ихъ нападеніи, и прежде чѣмъ окрестныя племена могутъ приготовиться къ преслѣдованію непріятеля или къ отрѣзанію ему отступленія. Абиссинцы и беджасы съ ужасомъ говорятъ о базенахъ и бареасахъ, и обыкновенно отзываются о нихъ, какъ о разбойничьихъ племенахъ²⁾. Эта дурная слава происходитъ отъ тактики, принятой этими двумя земледѣльческими народами: они нападаютъ, чтобы лучше защищаться. Однако, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые горцы племена бареа дѣйствительно отличаются жестокими нравами. Въ нѣкоторыхъ округахъ молодой человѣкъ не можетъ жениться съ честію, если уже не отрубилъ головы мужчине или женщинѣ, въ бою или нападеніемъ врасплохъ³⁾.

Какъ ни страшны эти два народа своимъ сосѣдамъ, они, однако, живутъ безъ всякаго правительства; они дѣлятся на столько независимыхъ группъ, сколько страна представляетъ естественныхъ дѣленій. Та изумительная сила сопротивленія, которая охраняла ихъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, происходитъ отъ присущаго имъ духа солидарности: какъ въ каждой отдѣльной общинѣ, такъ и члены разныхъ общинъ всѣ смотрятъ другъ на друга, какъ на братьевъ. Но у нихъ нѣтъ никакого начальства. Особенно у базеновъ, которые менѣе, чѣмъ бареасы, подвергались внимательству чужеземцевъ, чувство равенства составляетъ господствующую черту; въ этомъ отношеніи они, быть-можетъ, не превзойдены никакой другой націей во всемъ свѣтѣ. Имя бареа, которое абиссинцы дали двумъ группамъ, *нерейцамъ* и *могоробамъ*, означало первоначально «невольники», и, однако, это оскорбитель-

¹⁾ Lejean;—Samuel Baker;—James.

²⁾ Josef Menges, „Petermann's Mittheilungen“, 1844, № V.

³⁾ R. N. Cust, „Modern Languages of Africa“.

бомъ и Баркой. Альгаденъ лежитъ на дорогѣ, которою такруры ходятъ въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета; переходя изъ деревни въ деревню, эти странники платятъ за пріютъ и харчи проповѣдами, молитвами и амулетками¹⁾; они уже обратили въ исламъ альгаденское населеніе, въ большей части базенскаго происхожденія. Въ сосѣдней равнинѣ, жители Альгадена и Сабдерата одержали, около 1870 года, кровопролитную побѣду надъ арміей абиссинцевъ, которые оставили девять тысячъ своихъ на полѣ сѣчи²⁾. Къ юго-востоку отъ Альгадена, въ землѣ барасовъ, между рѣками Гашъ и Баркой, египтяне недавно основали двѣ военныя станціи, Куфитъ и Амидебъ. Первая была покинута въ 1875 году, но Амидебъ былъ еще оккупированъ въ эпоху всеобщаго возстанія племенъ; это одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя Англія, по трактату, напередъ отдала абиссинцамъ. Далѣе, за этими военными постами, на скалѣ, высящейся къ востоку отъ долины рѣки Ансеба, пріютилось мѣстечко Долька, бывшее долго неодолимымъ для солдатъ хедива. Въ сосѣдствѣ видны развалины города и христіанскихъ церквей, носящія надписи египетскія или гиміаритскія³⁾. Главное мѣстечко въ землѣ племени габабъ, Афъ-Абадъ или Тамаріамъ, лежитъ въ кругообразной равнинѣ, у подножія крутой горы, бока которой во многихъ мѣстахъ изрыты пещерами.

Ниже Кассалы, на р. Гашъ, и Гось-Реджеба, на р. Атбарѣ, есть только одинъ городъ въ этомъ бассейнѣ, Эдъ-Дамеръ, лежащій къ югу отъ слиянія, на южномъ полуостровѣ, который образуютъ Нилъ и устье Атбары: тамъ жило племя макабравовъ, въ которыхъ Швейцуртъ и Лжанъ предполагаютъ макробіевъ (долговѣчныхъ людей), почти легендарныхъ, древняго міра. Но этотъ городъ, бывшій прежде очень дѣятельнымъ рынкомъ, нынѣ утратилъ свою торговую важность, сдѣлавшись городомъ святыхъ и учителей ислама; онъ имѣетъ школы, нѣкогда знаменитые расадники мусульманской пропаганды, но давно уже пересталъ быть сборнымъ мѣстомъ купеческихъ каравановъ: торговое слияніе Нила и его сѣверно-эіопскихъ притоковъ находится въ километрахъ пятидесяти ниже Эдъ-Дамера, на томъ же берегу великой рѣки. Берберъ, недавно бывшій главнымъ городомъ египетской провинціи того же имени, есть самый значительный складочный пунктъ между Хартумомъ и границею собственнаго Египта. Названный такъ по имени обитающаго въ этой области Нубіи народа барабра, Берберъ официально носитъ наименованіе эль-Мехейръ, эль-Мухейрефъ или эль-Мешерифъ. До послѣдней войны, во время которой этотъ городъ былъ почти совершенно разрушенъ,

онъ тянулся по берегу рѣки на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ, и его бѣлые дома съ террасами выглядывали изъ зелени пальмъ. Нѣсколько садовъ окружаютъ Берберъ, но тотчасъ же за городской чертой начинаются невоздѣланныя, почти пустынные пространства, посѣщаемыя только кочующими бишаринами. Изъ Бербера выходитъ наиболѣе посѣщаемая караванная дорога между Среднимъ Ниломъ и Краснымъ моремъ, на которой колодцы служатъ мѣстами роздыха: въ этомъ мѣстѣ разстояніе, раздѣляющее рѣку и море, составляетъ, по извилистой дорогѣ пустыни, всего только 420 километровъ. Съ достаточнымъ запасомъ провизіи и воды, путешественники легко могутъ пройти это пространство менѣе, чѣмъ въ недѣлю, хотя обыкновенно они употребляютъ двѣ недѣли; въ настоящее время для этого достаточно нѣсколькихъ дней, благодаря желѣзнодорожной линіи, соединяющей Суакимъ съ маленькимъ портомъ Гандубъ, лежащимъ южнѣе, на токарской дорогѣ, и сдѣлавшей Берберъ экспедиционнымъ портомъ для торговли всего Верхняго Судана. Двѣ караванныя дороги, соединяющія Берберъ съ Суакимомъ, идутъ по обширнымъ песчанымъ пространствамъ, гдѣ не найдешь ничего, кромѣ колодцевъ солоноватой воды; затѣмъ онъ взбираются на гранитныя и порфировыя высоты: горный проходъ Гаратри, служащій водораздѣльнымъ порогомъ между бассейномъ Нила и бассейномъ Краснаго моря⁴⁾, лежитъ на высотѣ почти 900 метровъ, между двухъ горъ, поднимающихся вдвое выше. До войны, ежегодно около 20.000 верблюдовъ, навьюченныхъ камедью, совершали переходъ черезъ пустыню между двумя названными городами⁵⁾.

Суакимъ или Савакинъ—самый безопасный портъ на всемъ Черномъ морѣ. По расположенію мѣстности онъ походитъ на Массовскій портъ. Береговой поясъ коралловыхъ мелей прерывается извилистымъ каналомъ, который вдается на 4 километра внутрь твердой земли и оканчивается бассейномъ овальной формы, имѣющимъ около 2 километровъ протяженія съ сѣвера на югъ. На западной сторонѣ песчаная отмель, суживающія эту водяную площадь, продолжаются низменными берегами, поросшими лѣсами корнепусковъ. Два круглыхъ острова, окаймленные подводными камнями, выступаютъ на нѣсколько метровъ надъ поверхностью бассейна: одинъ изъ этихъ острововъ, называемый островомъ Шейха Абдаллы, не заключаетъ никакихъ строеній, кромѣ надгробныхъ памятниковъ на кладбищѣ; на другомъ, лежащемъ южнѣе, построены собственно городъ Суакимъ. Между этими двумя островами и находится главная гавань, но корабли

¹⁾ Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

²⁾ Josef Menges, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, V.

³⁾ Sapeto, „Petermann's Mittheilungen“, 1861, VIII.

⁴⁾ Colborne, „Cornhill Magazine“, may 1884;—Mosconas, „Exploration“, 1 février 1884.

⁵⁾ A. Bernard, „Bevue moderne“, 1 octobre 1884.

этого достаточно, чтобы и сами народцы, несмотря на свое туземное происхождение, называли себя арабами и часто считались за таковых другими. Впрочем, несомненно существуют къ западу отъ Краснаго моря населенія, первоначальная родина которыхъ находится на востокъ и которые, какъ достоверно извѣстно, перешли это море въ историческую или недавнюю эпоху. Такъ, въ сосѣдствѣ Акика, магометанское племя гѣтемъ, хорошо снабженное ружьями и гонящее передъ собой туземцевъ, вооруженныхъ копьемъ и щитомъ¹⁾, есть чисто арабское, безъ всякаго смѣшенія съ другими расами; еще недавно, въ 1865 году, оно увеличилось новыми переселенцами, пришедшими съ береговъ Йемена²⁾; путешествія съ одного берега на другой не трудны, и если бы англійскіе военные корабли не наблюдали строго за всѣми портами, сношенія между Аравіей и Суданомъ были бы довольно часты, чтобы быстро видоизмѣнить политическое равновѣсіе этихъ странъ.

Между несомнѣнно арабскими племенами Судана миссіонеръ Бельтрамъ упоминаетъ пастуховъ залабать, т. е. «горсть людей», или абуджеридъ, т. е. «отцы пальмъ», которые живутъ между Дендеромъ и Голубой рѣкой выше Сеннаара. По всей вѣроятности, эти кочевники пришли изъ Йемена до обращенія ихъ единоплеменниковъ въ исламъ, такъ какъ они не магометане, и культъ ихъ не сохранилъ никакихъ слѣдовъ мусульманскихъ обрядовъ: они огнепоклонники, каковыми были, до Магомета, многочисленныя племена южной Аравіи, каковыми были также блеммисы, которые, по свидѣтельству Прокопія, приносили въ жертву солнцу людей. Цвѣтъ лица у залабатовъ свѣтлѣе, нежели у сосѣднихъ населеній, и впадаетъ въ красный; по словамъ Лежана, они имѣютъ голубые глаза и гладкіе блѣлые волосы; камедь, выделяемая акаціями *сунте*, входитъ, какъ одна изъ значительныхъ составныхъ частей, въ ихъ повседневную пищу. Абуджериды съ ревнивой заботливостію охраняютъ чистоту своей расы: никогда, говорятъ они, никто изъ нихъ не женился на дѣвушкѣ чужаго племени; они не терпятъ невольничества, на томъ основаніи, что введеніе служителей и служанокъ въ кругъ семьи имѣло бы роковымъ слѣдствіемъ оскверненіе ихъ крови. «Раса избранная», они считаютъ священнѣйшей обязанностію поддерживать свою независимость и жить въ мирѣ: потому-то ихъ предки и удалились отъ свѣта, потому-то и сами они стараются жить особнякомъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы они были отдѣлены и защищены отъ грабительскихъ племенъ пустынными пологими землями. Они признаютъ существованіе

единого Бога, обнаруживающагося звѣздами, солнцемъ и огнемъ: когда они молятся, то дѣлаютъ это не иначе, какъ устремляя взоры къ звѣздамъ или обращаясь лицомъ къ дневному свѣтилу при его восходѣ или закатѣ, или наконецъ разводя большой огонь и созерцая пламенные языки, извивающіеся и кружащіеся отъ дуновенія вѣтра. Въ ихъ глазахъ огонь — великій очиститель: похоронивъ умершаго, головой къ восходящему солнцу, они зажигаютъ костеръ на могилѣ, какъ бы для того, чтобы увлечь душу усопшаго въ огненное круговращеніе. Они вѣрятъ также въ существованіе высшаго демона, бога мрака, и, чтобы умиротворить этого опаснаго врага, прибѣгаютъ къ жертвоприношеніямъ. Забалаты придерживаются единобрачія; только когда молодая дѣвушка не нашла себѣ мужа, или когда женщина остается вдовой послѣ короткаго замужества, у нихъ въ обычаѣ, чтобы одинъ изъ близкихъ родственниковъ женился на ней; случается иногда, что братъ становится такимъ образомъ мужемъ своей сестры. Управляется этотъ народъ обычаемъ, примѣненіе котораго принадлежитъ старикамъ; старики же выбираютъ начальника племени, то въ одной семьѣ, то въ другой, не будучи связаны въ отношеніи этого выбора никакимъ обязательствомъ, кромѣ того только, чтобы найти «лучшаго»¹⁾. Туземцы племени джалинъ или агалинъ, обитающіе въ области междурѣчья и по берегамъ Атбары, тоже считаются за арабовъ, и никто въ странѣ не подвергается сомнѣнію этого благороднаго происхожденія; и дѣйствительно, арабскій языкъ, которымъ они говорятъ, гораздо болѣе чистъ, чѣмъ тотъ же діалектъ, употребляемый другими бродячими племенами Нубіи. Между всѣми жителями края джалины отличаются своей любознательностію, любовью къ ученію, коммерческими инстинктами и религиознымъ рвеніемъ, но безъ фанатизма²⁾. Мужчины и женщины на берегахъ Нила носятъ, для предохраненія себя отъ палящаго солнца, широкополая шляпы изъ листьевъ. Многія сосѣднія населенія, именующія себя арабскими, не будучи, вѣроятно, таковыми, во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно обарабизировались.

Беджасы, блеммисы древнихъ, можетъ-быть, бонка или бонга, имя которыхъ читается въ аксумскихъ надписяхъ³⁾, составляютъ одну изъ этническихъ группъ, представленныхъ чрезвычайно большимъ числомъ племенъ; на сѣверѣ и на западѣ отъ базеновъ, они занимаютъ почти всю область, заключающуюся между Голубымъ Ниломъ и передовыми горами сѣверной Эіопіи; еще сѣвернѣе, главная масса расы, повидимому сохранившая эт-

¹⁾ Munzinger, „Petermann's Mittheilungen“, 1872 № 17.

²⁾ Th. von Heuglin, „Reise in Nordost-Afrika“.

¹⁾ Beltrame, „Il Sennaar e lo Sciangallah“.

²⁾ Werner Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

³⁾ Vivien de Saint-Martin, „Nord de l'Afrique dans l'antiquité“.

ническое имя подъ формой бишаринъ, распространена далеко въ низменной Нуби, владѣя всѣмъ пространствомъ, лежащимъ между большой западной дугой Нила и берегами Крас-

жасы изъ Кассалы и окружающихъ племенъ. Южные народцы, живущіе на югъ отъ караванной дороги, между Берберомъ и Суакимомъ, не имѣютъ съ другими никакой національной

Видъ Суакима.

наго моря; кромѣ того, многія беджасскія племена живутъ на западъ отъ большого Нила, въ Кордофанѣ и даже въ Форѣ. «Нубійцы», которыхъ видѣли въ Парижѣ посѣтителѣ акклиматизаціоннаго сада, были почти всѣ бед-

связи, и даже большинство ихъ постоянно враждуютъ между собой, прекращая раздоры только тогда, когда нужно соединиться противъ иностраннаго завоевателя: такъ, во время турецкаго нашествія, всѣ племена соеди-

нились воедино, но ихъ конфедерація была непродолжительна, и при египетскомъ господствѣ раса снова распалась на множество народцевъ безъ общей воли. Беджасы, а не абиссинцы, были, вѣроятно, «эіопы» Геродота, цивилизованные народы, построившіе городъ Мероэ и его пирамиды. Въ средніе вѣка беджасы тоже составляли могущественное государство, столицей котораго была Алоэ, на Голубомъ Нилѣ, километрахъ въ двадцати выше Хартума. Въ эту эпоху беджасы были христианами, по крайней мѣрѣ въ сосѣдствѣ сліянія ¹⁾. Когда городъ ихъ былъ разрушенъ фундами, и беджасы вернулись въ родныя степи, они приняли вмѣстѣ съ тѣмъ и религію кочующихъ пастуховъ. Всѣ беджасы магометане, но большинство ихъ, также какъ бедуины Сиріи и Аравійскаго полуострова, магометане только по имени, хотя они очень охотно стали въ ряды сторонниковъ махди, подъ предводительствомъ котораго они опять нашли нѣкоторое національное единство.

Изъ всѣхъ беджасскихъ племенъ юга самое могущественное — гагендоасы, которые кочуютъ въ степяхъ при Така, между рѣками Гашъ и Атбара на западѣ и Баркой на востокѣ, но въ своихъ путешествіяхъ со стадами въ горы во время лѣтнихъ жаровъ и въ своихъ грабительскихъ экскурсіяхъ часто переходятъ за эти предѣлы; по Мунцингеру, численность этого племени простирается до милліона душъ. Другой многочисленный народецъ — шукуріехи или шукріехи, которые пасутъ свои стада между Ниломъ и Атбарой и воздѣлываютъ орошаемыя долины въ окрестностяхъ Кассалы. Галленгасы живутъ въ узкой полосѣ земли, заключающейся между Атбарой и Гашемъ; гамраны обитаютъ въ равнинахъ, гдѣ соединяются Атбара и Бахръ-Сеттитъ; далѣе на западѣ и на юго-западѣ, племена дабайна кочуютъ по степямъ, гдѣ извивается рѣка Рахадъ. Въ междурѣчьи, то-есть пространствѣ, лежащемъ между двумя Нилами, почву оснаиваютъ другъ у друга племена абу-рофъ или руфа, джалинъ и гассаніе, то-есть «наѣзники», «конные люди». Наконецъ, къ востоку отъ племени гагендоа, окружность передовыхъ плоскогорій Эіопіи, между рѣкой Баркой и Краснымъ моремъ, почти до воротъ Суакима, занята племенемъ бени-амеръ. По мнѣнію Гартмана, гамраны, которыхъ они называютъ гомранами, что значитъ «красные», родственны агаусамъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти населенія называютъ себя арабами и вообще признаются какъ таковые, по причинѣ религіи, которую они исповѣдуютъ, ихъ пастушескихъ и воинственныхъ нравовъ и языка, который нынѣ преобладаетъ между ними. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что арабскій элементъ сильно представленъ въ этихъ

кочевыхъ племенахъ беджасовъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ многочисленные семейства, типъ которыхъ совершенно тождественъ съ типомъ арабовъ, уроженцевъ азіатскаго полуострова; по преданію, семьи эти происходятъ отъ племени удеъ-аббасъ, въ Геджасѣ. Въ наибольшей части мѣстностей, занятыхъ беджасами, природные діалекты уступаютъ передъ языкомъ Корана, но они еще существуютъ, по крайней мѣрѣ въ состояніи областныхъ нарѣчій, въ сосѣдствѣ эіопскихъ горъ. Алымъвиотъ, составившій общую грамматику беджасскихъ ідіомовъ, различаетъ четыре главныхъ діалекта, не считая жаргоновъ, которыми любятъ говорить охотники ¹⁾, вѣроятно, подъ влияніемъ суевѣрія, обыкновеннаго во многихъ странахъ, что извѣстные слова имѣютъ силу очаровывать животныхъ. Родной языкъ племени гагендоа, бишаринъ и половины племени бени-амеръ есть «бедуинскій», бедауйе или беджави, ідіомъ не арабскій, несмотря на названіе, но который во многихъ отношеніяхъ приближается къ семитическимъ говорамъ ²⁾.

Беджасы, взятые въ массѣ и не принимая во вниманіе многочисленныхъ мѣстныхъ различій, принадлежатъ къ числу африканцевъ, отличающихся красотой лица и стройностію формъ: большинство дѣтей производятъ самое пріятное впечатлѣніе своей миловидностію и живостию; между молодыми женщинами часто встрѣчаешь замѣчательно красивыхъ и стройныхъ особъ, могущихъ служить совершенными образцами въ отношеніи правильности чертъ лица и благородства осанки. У бени-амеровъ, въ нѣкоторыхъ семействахъ начальниковъ племени, гдѣ приготавливаются невольницами болѣе изысканныя блюда, чѣмъ какими довольствуются обыкновенные номады, примѣры тучности нерѣдки; цвѣтъ кожи благородныхъ тоже по большей части гораздо свѣтлѣе, чѣмъ у простолюдиновъ. Почти всѣ беджасы очень легки на бѣгу, что они приписываютъ своей умѣренной и простой пищѣ, состоящей почти единственно изъ молока и муки; руки у нихъ очень длинны сравнительно съ ростомъ. Путешественники, посѣтившіе тѣ страны, были поражены сходствомъ типа между беджасами, афарами, ильмъ-орма или галласами и даже бантусами южной Африки. Несмотря на ихъ претензіи на титулъ арабовъ, многія беджасскія племена сохранили моды негритянскихъ народностей относительно костюма и вырѣзыванія на тѣлѣ узоровъ; войны ихъ еще не совсемъ отказались отъ употребленія кольчуги, и нѣкоторыя племена все еще ограничиваются первобытнымъ оружіемъ, между прочимъ, дубинкой, простой или окованной желѣзомъ. Боль-

¹⁾ Hartmann, „Die Völker Afrika's“; — Alfred von Kremer, „Aegypten“.

²⁾ Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

¹⁾ Cailliaud; — Trémaux; — Hartmann.

множество беджасовъ носятъ очень густую шевелюру, чтобы защитить себя этимъ способомъ отъ солнца: на высотѣ глазъ они чертятъ на черепѣ круговую полосу, выше которой волосы поднимаются въ видѣ огромной щетки; по бокамъ и назадъ отдѣльныя космы, образующія гриву, защищаютъ уши и затылокъ; скребокъ, обыкновенно игла дикобраза, втыкается поперечно въ это черное руно, часто намазанное коровьимъ масломъ.

Говорятъ, что большинство беджасовъ, отличаясь очень живымъ умомъ въ молодыхъ годахъ, много теряютъ въ этомъ отношеніи

прежде чѣмъ потерпѣвшіе усилію собрать войнѣ, чтобы преслѣдовать дерзкихъ грабителей и сразиться съ ними. Различныя беджасскія племена почитаютъ также за честь воспитывать коней для битвы, но во многихъ мѣстахъ имъ приходится довольствоваться маленькими выносливыми лошадами эіопской породы; приводимые изъ Донголы кони, болѣе крупные и болѣе сильные, много страдаютъ отъ переменъ климата, и начальники племени должны постоянно обновлять свои конюшни. Нѣкоторые беджасскіе народцы занимаются земледѣліемъ, употребляя для об-

Беджа-шукүріехъ.

послѣ возмужалости: они ограниченны въ понятіяхъ, упрямы, хвастливы, грубы, неуважательны къ родителямъ, незаботливы объ удобствахъ и безопасности своихъ гостей. Они занимаются почти исключительно скотоводствомъ и слѣдуютъ за стадами съ пастбища на пастбище, хотя одно изъ становищъ, называемое цага, считается официальной резиденціей. Обычай запрещаетъ трогать это главное становище: грабители могутъ завладѣть стадами, но они уважаютъ палатки. Галдиоасы обладаютъ превосходной породой верблюдовъ, которая позволяетъ имъ появляться неожиданно на большомъ разстояніи отъ обычнаго ихъ мѣстопребыванія, и быстро убѣгать съ награбленной добычей,

работки почвы самыя первобытныя орудія, какова, на примѣръ, палка съ обугленнымъ концомъ, исправляющая должность плуга. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранились также кое-какіе остатки искусствъ и ремеселъ, на слѣдвіе древнихъ блеммисовъ, какъ-то: тканье матерій, обработка желѣза, плетеніе циновокъ, филиграновыя издѣлія. Любимое оружіе беджасовъ, прямая обоюдоострая сабля, — вообще нѣмецкой фабрикаціи, но они и сами кууютъ хорошее оружіе, мечи и кинжалы; ножны у нихъ деревянные, обитыя кожей, и у богатыхъ украшенныя слоновыми ушами; употребляемые ими щиты всегда дѣлаются изъ кожи носорога или другихъ большихъ животныхъ. Торговля ведется дѣлательно во всѣхъ племе-

зия въ тѣни, и воздухъ становится почти невозможнымъ для дыханія, когда къ нему примѣшивается, въ видѣ пыли, раскаленный песокъ пустыни. Послѣ трехъ мѣсяцевъ *сефа* или сезона засухи, густыя облака, скопляющіяся на южномъ горизонтѣ, возвѣщаютъ наступленіе харифа, періода дождей. Около первыхъ чиселъ іюня начинаются ливни, сильные, но вообще непродолжительные и часто раздѣленные промежутками ясной погоды. Дожливый сезонъ обыкновенно дебютируетъ большимъ беспорядкомъ въ воздушныхъ пространствахъ, круговращеніемъ вѣтровъ въ степи; но скоро ходъ атмосферныхъ теченій регулируется, и юго-западный вѣтеръ, продолженіе юго-восточнаго пассата въ южномъ полушаріи, устанавливается въ этой части сѣвернаго полушарія, сообразно видимому движенію солнца. Въ это время года температура, замѣчательно равномерная, держится въ предѣлахъ отъ 25 до 33 градусовъ; разность между крайними показаніями термометра составляетъ всего только 7 градусовъ стоградусной скалы. Казалось бы, такой климатъ долженъ быть очень пріятенъ; но пары, насыщающіе атмосферу, и къ которымъ примѣшиваются миазмы низменныхъ мѣстностей, попеременно то затопляемыхъ водой, то высыхающихъ, дѣлаютъ пребываніе въ Кордофанѣ очень опаснымъ, и арабы, турки, европейцы не избѣгаютъ эпидемическихъ лихорадокъ, часто имѣющихъ смертельный исходъ. Къ концу сентября, послѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ перемежающихся дождей, вѣтеръ мѣняется; сѣверо-восточный пассатъ, перемѣщенный на югъ движеніемъ солнца къ тропику Козерога, снова устанавливается, принося съ собой холода; по ночамъ температура иногда понижается до 15 градусовъ Цельсія.

Растительное царство Кордофана не очень богато: акаціи, тамаринды, баобабы—вотъ деревья, которыя придаютъ сельскимъ мѣстностямъ ихъ характеристическую фizioномію въ областяхъ неплодородныхъ или по крайней мѣрѣ не совершенно безлѣсныхъ. Акаціи, которыя даютъ камедь, составляющую предметъ торговли, принадлежатъ къ различнымъ видамъ. Дерево съ сѣрой корой, на которомъ собираютъ камедь лучшаго качества, усѣвается многочисленными рощицами восточную часть Кордофана. Въ южной полосѣ страны акаціи съ красной корой, дающія менѣе цѣнные продукты, тянутся обширными лѣсами, почти безпольными съ экономической точки зрѣнія; очень немногіе изъ поселянъ или номадовъ даютъ себѣ трудъ отдѣлать отъ дерева вытекающую изъ него прозрачную камедь. Важнѣйшее хлѣбное растеніе, общераспространенное почти во всемъ Кордофанѣ, — дохья (*penicilaria tiphoides*), жизнь котораго, отъ посѣва до жатвы, продолжается всего только четыре мѣсяца, обнимающіе періодъ харифа. Этотъ видъ проса

довольствуется такимъ малымъ количествомъ влаги, что онъ даже лучше растетъ на песчаныхъ горкахъ, чѣмъ на низкихъ мѣстахъ; девять десятыхъ населенія питается дохью. Дурра, или египетское просо, сѣется только въ хорошо орошаемыхъ долинахъ горъ. Пшеница, кувжуть, земляные фисташковые орѣхи, бобы, табакъ, хлопчатникъ культивируются въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ столицей округахъ; конопля сѣется ради волоконъ, которые употребляются для переплета въ стѣнахъ хижинъ.

Въ отпускной торговлѣ растительными произведеніями Кордофана первое мѣсто, по количеству вывоза, занимаетъ естественный продуктъ—камедь; точно также звѣроловство въ гораздо большей мѣрѣ способствуетъ движенію торговаго обмѣна, чѣмъ скотоводство; страусовыя перья—самый драгоцѣнный предметъ, который приходящіе съ сѣвера караваны спрашиваютъ у туземцевъ. Однако, послѣдніе почти совершенно извели страусовъ въ восточныхъ равнинахъ страны: теперь этого колосса пернатого міра можно встрѣтить бандами только къ западу отъ горъ Каджа и на границахъ Дарфура. Степи Кордофана были бы какъ нельзя болѣе пригодны для разведенія страуса, а между тѣмъ въ настоящее время ни въ одномъ дворѣ не держатъ этой птицы въ домашнемъ состояніи; съ другой стороны, число неприрученныхъ, живущихъ въ степи, страусовъ, во множествѣ убиваемыхъ охотниками, годъ отъ году уменьшается.

Главныя статьи вывоза изъ Кордофана и Дарфура въ Египетъ, до войны, по Прауту: страусовыя перья — 2.150.000 франкъ; камедь — 1.375.000 франкъ; кожи и шкуры — 62.500 франкъ. Ибисы очень обыкновенны въ Кордофанѣ; на одномъ и томъ же деревѣ найдешь до полсотни ихъ гнѣздъ; какъ и аистъ, эта птица считается священной, и жители края не позволяютъ иностранцамъ убивать ее¹⁾. У обитателей Кордофана есть нѣсколько породъ домашняго скота: лошади, ослы, козы и овцы; но вьючныя животныя принадлежатъ преимущественно кочующимъ племенамъ. На югѣ баггарасы имѣютъ по меньшей мѣрѣ сотню тысячъ быковъ съ горбомъ, приученныхъ носить на себѣ кладъ; но для полевыхъ работъ этимъ животнымъ нигдѣ не пользуются; тамоннія коровы даютъ очень мало молока. Любопытно, что рѣдкость воды въ равнинахъ измѣнила привычки скота въ Кордофанѣ: животныя тамъ ходятъ на водопой черезъ каждые два или три дня. Что касается верблюдовъ, то они успѣшно разведены только въ сѣверномъ Кордофанѣ, у кочеваго народа кабабинтъ; къ югу же отъ тринадцатаго градуса широты, они чахнутъ и вымираютъ, преслѣдуемые роями слѣпней и оводовъ.

¹⁾ Ign. Pallme, „Beschreibung von Kordofan“.

лонія святыхъ, живущихъ, подобно благороднымъ, на счетъ племени. Чтобы обезпечить свою власть надъ кочующими населеніями, египетскіе губернаторы позаботились заручиться

тивъ власти хедива, вспыхнувшее въ одномъ мѣстѣ, быстро распространилось по всему восточному Судану. Извѣстно, съ какимъ изумительнымъ мужествомъ, съ какимъ полнымъ пре-

Джебель-Аинъ.

поддержкой со стороны политическихъ и духовныхъ вождей народа, и чрезъ посредство тѣхъ и другихъ и собиралась дань съ племенъ; во тяжелые налоги, наконецъ, истощили терпѣніе беджасскихъ пастуховъ, и возстаніе про-

зрѣніемъ смерти бени-амеры, гадендоасы, битарини бросались на сомкнутыя въ карре англійскія войска, прокладывая себѣ ударами копій кровавую дорогу до пушекъ. Такъ что трудно сказать, что именно помѣшало въ послѣдствіи

британской арміи пуститься по Нильской дорогѣ, удаляясь отъ кораблей, стоящихъ на якорахъ въ Суакимской бухтѣ,—нестерпимая ли жара суданскаго климата, или, можетъ-быть, то, что англійскіе генералы не рѣшились снова поставить своихъ солдатъ лицомъ къ лицу съ неустрашными сынами пустыни.

Верхняя Нубія была, подъ египетскомъ управленіемъ, раздѣлена на провинціи, отчасти совпадающія съ естественными дѣленіями страны. При выходѣ Эіопскихъ горъ прибрежныя мѣстности по Голубой рѣкѣ составляли провинцію Фазогль; ниже, центральная часть бывшаго королевства Сеннааръ сохранила это имя; далѣе слѣдовали провинціи Хартумская и Берберская. На востокъ провинція Така заключала холмы и равнины, ограниченные съ одной стороны рѣкой Атбарой, съ другой р. Баркой; области морскаго побережья были раздѣлены между провинціями Массовской и Суакимской. Кромѣ того, нѣсколько независимыхъ государствъ, республикъ или княжествъ, занимали территорію пограничной полосы между Эіопіей и Суданомъ.

Городъ Фазогль, который далъ свое имя верхней провинціи Голубаго Нила и до египетскаго господства былъ резиденціей могущественнаго короля, теперь не болѣе, какъ незначительная деревушка. Онъ замѣненъ, какъ столица, мѣстечкомъ Фамака, гдѣ Могамедъ-Али, во время объѣзда своихъ южныхъ владѣній, въ 1839 году, велѣлъ построить себѣ «дворецъ», отъ котораго теперь осталось только нѣсколько разбросанныхъ кирпичей. По своему выгодному мѣстоположенію Фамака могъ бы сдѣлаться торговымъ городомъ, если бы охота на человѣка не разогнала окрестныя населенія и не заставила ихъ удалиться въ горы: дома этого мѣстечка, построенные на гнейсовомъ мысѣ, тянутся вдоль праваго берега Голубаго Нила, близъ впаденія въ него хора и въ небольшомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ рѣка Туматъ соединяется съ Бахръ-эль-Азрекомъ. Напротивъ Фамаки, къ югу, высится гора Фазогль, первая большая вершина, которую встрѣчаешь на берегахъ Нила, когда ѣдешь изъ Хартума: оттого она кажется болѣе величественной, чѣмъ многія другія, болѣе высокія горы, и прекрасная растительность, покрывающая ея склоны, представляется роскошною путешественнику, проѣзжавшему передъ тѣмъ по пустыннымъ, голымъ пространствамъ сѣвера.

Долина Тумата не была уже египетской землей задолго до того времени, когда вспыхнуло обширное возстаніе суданскихъ населеній. А между тѣмъ Могамедъ-Али смотрѣлъ на эту провинцію какъ на будущую сокровищницу своего царства: онъ рассчитывалъ на золото, примѣненное къ пескамъ Тумата и его притоковъ, какъ на средство платить жалованье своимъ арміямъ и избавиться отъ стѣснитель-

ной верховной власти своего сюзерена, константинопольскаго падишаха. Благодаря этимъ честолюбивымъ видамъ, верхній бассейнъ Тумата былъ изслѣдованъ европейцами: Кальо, Тремо, Ковалевскимъ, Руссгеромъ; но издержки по оккупации страны, войны, которыя пришлось постоянно вести противъ туземныхъ племенъ, обезлюдившіе страны, бывшее слѣдствіемъ охоты на человѣка, надзоръ за осужденными преступниками, занимавшимися промысломъ золотоносныхъ песковъ,—все это потребовало отъ бюджета вице-короля расходовъ, далеко превышавшихъ доходы, которые получались отъ золотыхъ приисковъ, и Саидъ-паша отдалъ приказъ о прекращеніи дальнѣйшей разработки этихъ приисковъ: крѣпости были скрыты, и въ деревняхъ снова поселились ихъ прежніе обитатели. Однако, туземные золотоискатели находили выгоду тамъ, гдѣ казна терпѣла одни убытки: золотыя блески, называемыя *тибрь* и собираемыя обыкновенно въ трубочки изъ перьевъ коршуна, служатъ монетой, которою туземцы платятъ за товары, привозимые странствующими торговцами, или *джеллаби*. Главныя золотопромывальни находятся на западномъ склонѣ горъ, въ долинѣ, спускающейся къ Голубому Нилу, и по срединѣ которой высится пирамидальная гора, Джебель-Дуль, гдѣ всѣ овраги доставляютъ золото. Общая добыча золота исчисляется Шуверомъ въ 40.000 франковъ въ годъ, съ которыхъ гомашинскій шейхъ беретъ около четверти въ свою пользу, въ видѣ промысловаго налога. Собравшіеся вокругъ этого шейха солдаты—по большей части бывшіе неготорговцы, избѣгшіе катастрофы, которая постигла Сулеймана въ странѣ Рѣкъ¹⁾. Галласы, приходящіе на рынки Тумата, предпочитаютъ золотому песку другой представительный знакъ цѣнностей и продаютъ свои произведенія не иначе, какъ въ обмѣнъ за плитки соли, привозимыя изъ восточной Эіопіи; по Шуверу, обитатели долины Тумата получаютъ ежегодно болѣе 30.000 килограммовъ соляной монеты.

Даже послѣ эвакуирования края египтяне заставляли прибрежныя племена Тумата платить имъ налогъ въ суммѣ около 150.000 франковъ въ годъ; но за округомъ Фадаси, находящимся въ другомъ рѣчномъ бассейнѣ, именно въ бассейнѣ Джабуса, власть ихъ прекратилась совершенно. Въ этомъ-то округѣ и должны были остановиться путешественники Марно въ 1850 году, Джесси и Маттеуччи въ 1878 году; имъ позволили только взойти на гору, которая возвышается къ югу отъ главнаго мѣстечка, называемаго Бимбани, по имени «тысячначальника», или египетскаго капитана, имѣвшаго пребываніе въ этомъ го-

¹⁾ Schuwer, „Reisen im oberen Nilgebiet“, Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen, № 72.

родѣ. Шуверъ—единственный путешественникъ, переходившій за эту границу владѣній хедива въ 1881 году. Бимбаши, окруженный многочисленными деревнями, разбросанными по склонамъ горъ, господствуетъ съ высоты своей террасы надъ обширнымъ горизонтомъ; это—торговое мѣстечко, довольно оживленное, хотя, впрочемъ, менѣе посѣщаемое, чѣмъ Бени-Шонгуль, лежащій на полдорогѣ изъ Фамаки, въ сосѣдствѣ золотыхъ приисковъ и развалинъ города Синдже, бывшей столицы страны. Сѣвернѣе, въ плодородной ложинѣ праваго берега Тумата, деревня Гезанъ тоже служитъ сборнымъ мѣстомъ каравановъ; исполинская сикомора, стоящая посреди базарной площади, укрываетъ въ своей тѣни, въ рыночные дни, пеструю толпу бертасовъ, нубійцевъ и арабовъ. Заброшенные лимонныя рощи, окружающія деревню, напоминаютъ о пребываніи здѣсь египетскихъ гарнизоновъ.

Ниже Фамаки, мѣстечко Розересъ или Розайресъ, дома котораго разсыяны среди рощъ пальмы думъ, тоже лежитъ на правомъ берегу Бахръ-эль-Азрека; оно дало свое имя *дару*, или довольно обширной области, которою управляли начальники племени, принимавшіе титулъ королей. Ниже, деревня Каркодъжъ, окруженная нѣсколькими большими деревьями, составляющими рѣзкій контрастъ съ голыми землями окрестностей, получила въ настоящее время нѣкоторую важность, какъ мѣсто торговли камедью и центръ соединенія нѣсколькихъ караванныхъ дорогъ, идущихъ изъ Гедарефа, Галабата и изъ Эѳіопіи; она унаслѣдовала часть торговли, которая производилась прежде въ городѣ Сеннаарѣ, лежащемъ въ сотнѣ километровъ ниже, на лѣвомъ берегу рѣки. Эта бывшая столица царства фунджей, построенная въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, пришла въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ мѣсто-пребываніе правительства было переведено въ Хартумъ: груды развалинъ, обширные пустыри раздѣляютъ теперь группы хижинъ; отъ бывшаго дворца уцѣлѣли только остатки стѣнъ, но въ Сеннаарѣ еще существуетъ мечеть. Въ этомъ городѣ былъ убитъ, въ 1705 году, Дюруль, французскій посолъ Людовика XIV, прежде чѣмъ достигъ владѣній государя, при которомъ былъ аккредитованъ; его подозрѣвали—такъ гласитъ арабское преданіе—въ намѣреніи помочь абиссинцамъ осуществить, наконецъ, часто повторяемую ими угрозу отвести воды Нила, чтобы отбросить ихъ на югъ далеко отъ Нубіи и Египта ¹⁾. Промышленности въ Сеннаарѣ нѣтъ почти никакой, кромѣ плетения соломенныхъ циновокъ, отличающихся очень красивымъ рисункомъ. Дороги, которыми слѣдуютъ караваны, направляются на юго-западъ къ Бѣлому Нилу, чтобы перейти его въ

одномъ изъ двухъ *мокадатовъ*, или бродовъ, образуемыхъ раковинными мелями ²⁾ и называемыхъ одинъ бродомъ Абу-Заида, а другой бродомъ Кельбъ или «Собачьимъ». По линіи, проходящей черезъ Сеннааръ, Месопотамскій полуостровъ, который арабы называютъ «Сеннаарскимъ островомъ», имѣетъ только около сотни километровъ въ ширину. По преданію, на бродѣ Абу-Заида арабы, предводительствуемые героемъ этого имени, въ первый разъ переправились черезъ Ниль, чтобы распространиться по всему Судану ³⁾.

Водъ-Медине или Вольдъ-Медине, сдѣлавшійся послѣ Сеннаара столицей египетскихъ провинцій, тоже былъ многолюднымъ городомъ въ качествѣ мѣсто-пребыванія гарнизона и торговаго центра. Положеніе его представляетъ большія выгоды, такъ какъ онъ находится почти при соединеніи сѣверо-западныхъ рѣкъ Эѳіопіи съ Бахръ-эль-Азрекомъ; въ небольшомъ разстояніи выше въ Голубой Ниль впадаетъ рѣка Дендеръ, усиливаемая передъ тѣмъ водами хора Магара и хора Эль-Ачанъ; еще ближе, со стороны низовья, находится мѣсто слиянія рѣки Рахадъ, судоходной, какъ и Дендеръ, въ продолженіе восьмидесяти дней въ году. Деревня, лежащая въ самомъ устьѣ, на «островѣ острова» (Джезиратъ-эль-Джезиретъ), получила названіе Абу-Ахразъ, или «Отецъ акацій», которое часто даютъ также и самой рѣкѣ Рахадъ, известной у абиссинцевъ подъ именемъ Шим-фахъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главной рѣки, близъ развалинъ города Арбаджи, разрушеннаго фундами, раскинулось, среди засѣянныхъ дуррой полей, многолюдное мѣстечко Мессаламие, укрѣпленный пунктъ, который инсургенты отвоевали у египтянъ послѣ продолжительной и убійственной осады; до войны этотъ городокъ сдѣлался-было значительнымъ рынкомъ именно потому, что онъ лежитъ вдали отъ рѣки, и кочевники могли тамъ менѣе, чѣмъ въ прибрежныхъ городахъ Голубаго Нила, опасаться прохода армій ³⁾. Ниже Абу-Ахразъ, на лѣвомъ берегу Голубой рѣки, кое-какія уцѣлѣвшія еще развалины указываютъ мѣсто-положеніе города Камлина или Камнина, гдѣ европейскіе промышленники основали въ 1840 году, подъ покровительствомъ египетскаго правительства, обширныя фабричныя заведенія: мыловаренныя, индиговыя, сахароваренныя, винокуренныя заводы. Заведенія эти долго процвѣтали, благодаря дешевизнѣ топлива и рабочихъ рукъ, благодаря въ особенности монополии, которою пользовались фабриканты, сбывая свои произведенія въ войска, такъ какъ офицеры и солдаты обязательно должны были потреблять эти продукты покровительствуемой промышленности, оплачиваемые каз-

¹⁾ Frédéric Cailliaud, „Voyage à Méroë“.

²⁾ Kaufmann, „Das Gebiet des Weissen Flusses“.

³⁾ Beltrame;—D'Escayrac de Lauture, etc.

³⁾ G. Lejean, „Voyage aux Deux Nils“.

ной изъ ихъ жалованья¹⁾). Но лѣса опустошены, край обезлюдѣлъ, и монополія имѣла свои обычные слѣдствія—обѣднѣніе и разореніе.

Какъ бы далеко ни углубляться въ исторію верхне-нильскихъ странъ, мы всегда видимъ значительный городъ въ соѣдствіи соединенія двухъ Ниловъ, Бѣлаго и Голубаго: географическое положеніе такой первостепенной важности не могло быть оставляемо въ пренебреженіи, даже въ эпохи варварства; но превратности войнъ и народныхъ переселеній, можетъ-быть, также какія нибудь перемѣны въ самомъ теченіи двухъ сливающихся рѣкъ, заставляли этотъ городъ часто мѣнять мѣсто. Извѣстно, что древній христіанскій городъ Алоа стоялъ въ 18 или 20 километрахъ выше «Хобота слона», на правомъ берегу Бахрѣ-эль-Азрека; тамъ найдено нѣсколько обломковъ колоннъ и изваяній, свидѣтельствующихъ о болѣе высокой цивилизаціи, чѣмъ цивилизація государства, смѣнившихъ беджасское царство Алоа. Въ настоящее время отъ этого города остались лишь безформенныя развалины, заросшія кустарникомъ; послѣдніе остатки его зданій были утилизированы хартумскими строителями; вблизи этихъ руинъ раскинулась арабская деревня, «Старая Соба», а на противоположномъ берегу видѣются кирпичные и черепичные заводы «Новой Собы». Нѣкоторыя урочища указываются какъ мѣстоположеніе древнихъ церквей и носятъ названіе *киниссе*, очевидно происшедшее отъ слова *кинисса*, которымъ обозначаются христіанскіе храмы въ турецкихъ земляхъ Европы и Азіи; даже въ окрестностяхъ Хартума, въ Бури, находится одна изъ этихъ кениссе. Недалеко отъ Водъ-Медине открыли склепы христіанскаго происхожденія: это наиболѣе удаленныя, по направленію къ югу, слѣды древности, которые до сихъ поръ были найдены въ равнинахъ, пробѣгаемыхъ Голубымъ Ниломъ, по выходѣ его изъ Эіопіи.

Послѣ разрушенія имперіи беджасовъ, городъ при слияніи Бѣлаго и Голубаго Ниловъ, включенный съ этого времени въ составъ царства фунджей, помѣстился нѣсколько сѣвернѣе, километрахъ въ двѣнадцати ниже теперешняго соединенія Бахрѣ-эль-Абіада и Бахрѣ-эль-Азрека: городъ этотъ, существующій донынѣ, хотя пришедшій въ сильный упадокъ, есть Гальфайя, резиденція главнаго шейха племени джалинъ. Одинъ рукавъ Нила, теперь высохшій или наполняющійся водою только въ періоды разлива, соединяется съ главнымъ русломъ къ западу отъ Гальфайи; городъ окруженъ садомъ пальмъ, осѣняющихъ его хижины; напротивъ, недалеко отъ лѣваго берега, тянется небольшой массивъ холмовъ, долины котораго, пріютившія тамъ и самыя группы деревьевъ, даютъ начало, во время дождей, ручьямъ или хера-

намъ, извивающимся въ равнинѣ. Взятый въ 1821 году египетскими войсками, городъ Гальфайя сохранялъ еще нѣсколько лѣтъ нѣкоторую важность, какъ стратегическій стражъ и торговый-складочный пунктъ слиянія; но самый мысъ, образуемый двумя рѣками и называемый «Концомъ Хобота», или «Расъ-эль-Хартумъ», показался Могамету-Али болѣе удобнымъ мѣстоположеніемъ для будущей столицы его громаднхъ южныхъ владѣній, и онъ велѣлъ построить тамъ казармы и провіантскіе магазины; въ 1830 году стояла только одна хижина тамъ, гдѣ десять лѣтъ спустя красовался первый городъ Нильскаго бассейна, за предѣлами Египта. Хартумъ, защищенный съ сѣвера и запада широкими руслами своихъ двухъ рѣкъ, дѣйствительно очень хорошо помѣщенъ въ отношеніи обороны, а крѣпостныя стѣны, фланкируемыя бастіонами и обведенныя рвомъ, охраняютъ его отъ неожиданнаго нападенія съ восточной и съ южной стороны; кромѣ того, укрѣпленный лагерь, расположенный на правомъ берегу Бахрѣ-эль-Абіада, близъ деревни Омдурманъ, облегчаетъ гарнизону переходъ черезъ рѣку къ западному берегу и командуетъ кордофанской дорогой; благодаря двумъ судходнымъ рѣкамъ, пароходы, постоянно плавающие взадъ и впередъ ниже Хартума, господствуютъ надъ всей страной, съ одной стороны до Рѣчной области, съ другой—до Бербера и Абу-Гамеда. Событія восьмидесятихъ годовъ доказали, какъ велика стратегическая важность этой позиціи между двумя Нилами. Съ торговой точки зрѣнія, мѣстоположеніе Хартума будетъ менѣе выгодно до тѣхъ поръ, пока не построитъ моста на Бахрѣ-эль-Азрекѣ, для того, чтобы караваны, приходящіе изъ Эіопіи, изъ Кассалы и съ береговъ Краснаго моря, могли доходить до самаго города. Однако, Хартумъ сдѣлался-было однимъ изъ большихъ городовъ африканскаго континента, и въ суетливомъ, занятомъ дѣлами населеніи, которое толпилось до недавняго времени въ его кривыхъ, извилистыхъ улицахъ, европеецъ мѣшался съ турками, съ данагла или донгольцами, съ арабами, съ неграми всякаго племени и всевозможныхъ оттѣнковъ кожи; итальянскій діалектъ оспаривалъ у арабскаго привилегію быть общепонятнымъ языкомъ. Внѣшняя торговля почти всецѣло находилась въ рукахъ французовъ и грековъ; черезъ Хартумъ проходилъ весь торговый обмѣнъ Европы и Египта съ странами по Верхнему Нилу; черезъ этотъ же городъ производились всѣ экспедиціи, всѣ передвиженія войскъ; тамъ же снаряжались миссіи духовныя, коммерческія или научныя. Городъ солдатъ, купцовъ и невольниковъ, Хартумъ не имѣетъ замѣчательныхъ памятниковъ, и со всѣхъ сторонъ окруженъ пространствами если не пустынными, то во всякомъ случаѣ безъ культуры или безъ древесной растительности.

¹⁾ Trénaux; — Lejean, цитированныя сочиненія.

Въ эпоху беджасскаго господства берега обоихъ Нилонъ были, говорятъ, осынены непрерывнымъ лѣсомъ пальмъ, обвитыхъ гирляндами винограда. Хартумъ—городъ нездоровый въ про-

здравіе въ Хартумъ такъ же хорошо, какъ и во всякомъ городѣ Африки.

Нѣсколько деревень слѣдуютъ за Хартумомъ и за мѣстечкомъ Гальфайя на берегахъ Нила;

Сѣверный нубійскій портъ Ассуанъ

долженіе извѣстной части года, когда дуютъ влажные вѣтры, поднимающіе уровень воды въ рѣкахъ: часто тифъ похищалъ болѣе чѣмъ десятаго изъ жителей, но зимой атмосфера очищается сѣверными вѣтрами, и общественное

не только на разстояніи слишкомъ 200 километровъ, въ землѣ джалинцевъ, мы встречаемъ первый городъ, Шенди, собраніе домовъ въ формѣ наперстка, съ террасами слегка покатыми, которое занимаетъ, на берегу рѣки, про-

странство въ одинъ квадратный километр. Шенди, лежащій ниже шестаго водопада, производитъ въ мирное время значительную торговлю съ городами предгорій Эѳіопіи; напротивъ, на западномъ берегу Нила, расположился пригородъ Метаммехъ, складочный пунктъ произведеній сѣвернаго Кордофана; въ сосѣдствѣ выщелачиваютъ песокъ пустыни, чтобы извлекать содержащуюся въ немъ поваренную соль. Въ этомъ самомъ Шенди Измаилъ-паша, завоеватель Нубіи и береговъ Голубаго Нила до Фазогля, получилъ вполнѣ заслуженное наказаніе за избіенія и пожары, произведенные по его приказанію: отправившись до вѣрчиво на парадный обѣдъ, устроенный въ честь его начальникомъ края, онъ былъ сожженъ живымъ со всѣми своими офицерами. Но вскорѣ послѣ того зять Могамеда-Али, свирѣпый дефтердаръ, пролилъ цѣлые потоки крови, чтобы отмстить за эту смерть.

Въ этой области Нубіи мы находимся уже среди классической Эѳіопіи, на почвѣ, гдѣ жили націи, увлеченныя въ движеніе египетской цивилизаціи. Многочисленныя развалины свидѣтельствуютъ о великолѣпіи древнихъ городовъ, и, по словамъ арабовъ, европейцы познакомились еще только съ небольшою частью памятниковъ старины, хранимыхъ пустыней. Въ одномъ днѣ ходьбы къ югу отъ Шенди, недалеко отъ Джебель-Ардана, въ мѣстности, называемой Нага, стоятъ два храма, покрытые изваяніями, которыя представляютъ побѣды какого-то царя, носящаго атрибуты египетскаго фараона; къ одному изъ этихъ зданій ведетъ аллея сфинксовъ. Путешественникъ Кальо, посѣтившій эти остатки древности, не замѣтилъ никакой надписи, по которой можно бы было опредѣлить съ точностью вѣкъ, къ которому относятся храмы въ Нага, но орнаменты греко-римскаго стиля дали ему основаніе заключить, что городъ существовалъ въ эпоху относительно новую. Впослѣдствіи Лепсіусъ открылъ римскую надпись и разныя изваянія, которыя показали ему изображеніями Юпитера и Иисуса Христа⁴⁾. Километрахъ въ двадцати къ сѣверу отъ Нага, въ одной долині пустыни, другой лабиринтъ разрушенныхъ строеній и грудъ обломковъ получилъ отъ арабовъ названіе Месауратъ. Центральное зданіе, лежащее теперь въ развалинахъ (желобчатая колонна котораго, украшенная рѣзьбой, но безъ іероглифовъ, суть, очевидно, произведенія эллинской архитектуры), представляетъ одно изъ обширнѣйшихъ строеній, какія намъ извѣстны: оно имѣетъ 870 метровъ въ окружности. Кальо полагаетъ, что это была коллегія жрецовъ; Госкинсъ, напротивъ, считаетъ это зданіе загороднымъ дворцомъ. Остатки города, въ ко-

торыхъ Кальо призналъ, въ 1821 году, древній Мерозъ, «столицу Эѳіопіи», находятся километрахъ въ пятидесяти ниже Шенди, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ праваго берега Нила; посреди развалинъ разсѣяно нѣсколько селеній, между прочимъ, деревня Эсъ-Суръ, по имени которой обыкновенно называютъ и сосѣднія пирамиды или *тарабиль*¹⁾. Пилоны, храмы, колоннады, статуи, аллеи, обставленные фигурами животныхъ, существуютъ еще; но песчаникъ, служившій матеріаломъ для построекъ Мерозъ и добываемый изъ сосѣднихъ каменоломенъ, менѣе проченъ, чѣмъ тотъ же камень, ломаемый въ Египтѣ. Пирамиды, въ числѣ около восьмидесяти, дѣлятся на три группы и стоятъ по большей части на холмахъ²⁾: недостижимые для воды во время разливовъ, эти памятники лучше противостояли разрушительному дѣйствію времени, чѣмъ строенія, воздвигнутыя въ равнинѣ. Тѣмъ не менѣе, ни одна изъ пирамидъ не сохранилась въ цѣлости: большинство ихъ были повреждены искателями кладовъ, и Лепсіусу, сопровождавшему военную экспедицію, лишь съ большимъ трудомъ удалось помѣшать систематическому истребленію всѣхъ памятниковъ древняго Мерозъ. По своимъ размѣрамъ эѳіопскія пирамиды не могутъ сравниться съ пирамидами Египта: самыя большія имѣютъ менѣе 20 метровъ въ сторонѣ основанія; многія не выше 4 метровъ. Многочисленныя надписи, собранныя въ руинахъ Мерозъ, позволили отыскать имена около тридцати государей, бывшихъ въ одно и то же время царями и главными жрецами; кромѣ того, установлено тожество наименованія самаго города, Меру или Меруа. Въ эпоху, когда строились эти зданія, іероглифы были уже устарѣлымъ письмомъ, точнаго смысла ихъ уже не понимали, а воспроизводили ихъ простымъ копированіемъ, невольно допуская при этомъ не мало ошибокъ, которыя дѣлаютъ чтеніе надписей труднымъ и сомнительнымъ. Большинство надписей сдѣланы эѳіопскимъ демотическимъ письмомъ, происшедшимъ отъ такого же письма египтянъ, но заключающимъ не болѣе тридцати знаковъ; въ этихъ надписяхъ, еще не вполнѣ разобранныхъ, стараются отыскать древній языкъ блеммисовъ, предковъ беджасовъ. Напротивъ Мерозъ, на западномъ берегу Нила, простиралось, кажется, общественное кладбище большаго города: значительныя пространства усыяны тамъ маленькими пирамидами, очевидно составлявшими подражанія въ миниатюрѣ пирамидамъ высокопоставленныхъ лицъ, похороненныхъ на правомъ берегу рѣки.

Въ бассейнѣ Атбары, ограничивающемъ съ восточной стороны полуостровъ, который

⁴⁾ Richard Lepsius, „Briefe aus Aegypten, Aethiopien und der Halbinsel des Sinai“.

¹⁾ Ch. Didier, „Cinq cents lieux sur le Nil“.

²⁾ Hoskins, „Travels in Ethiopia“.

древние называли «Островом Мероэ», города теперь немногочисленны, несмотря на плодородие долин и здоровый климат, которым пользуется большая часть этой территории. Большинство их не больше, как торговые мѣстечки, торжки, кишащие народомъ во время ярмарокъ и совершенно пустующіе на другой день послѣ рынка. Между этими «городами», нанесенными на карты Судана, есть и такіе, которые въ дѣйствительности представляютъ простыя прогалины въ лѣсу или голыя пространства на плоскомъ берегу рѣкъ¹⁾; самые большіе изъ нихъ—Горгуръ и Донгуръ, лежащіе къ западу отъ эіопскихъ плоскогорій, въ землѣ арабовъ дабайна и негровъ «шангалла».

Метаммехъ, столица территоріи Галабатъ, и часто обозначаемая именемъ своей провинціи, является въ сухое время года самымъ дѣятельнымъ центромъ торговаго обмѣна между беджасскими равнинами и плоскогорьями Эіопіи; на югѣ высятся горделивыя кручи горъ Расъ-эль-Филь, или «Голова Слона». Метаммехъ смѣнилъ, какъ большой рынокъ, другую деревню Канара, лежащую въ сосѣдствѣ. Въ сравненіи съ окрестными селеніями, представляющими кучки невзрачныхъ лачугъ, Метаммехъ почти имѣетъ видъ большого города; вмѣстѣ съ токулями, разбѣянными въ окрестностяхъ, среди полей, засѣянныхъ табакомъ или дуррой, и плантацій хлопчатника, онъ занимаетъ пространство около 100 квадр. километровъ. Разоренный ордами свирѣпаго Теодора, негуса абиссинскаго, Метаммехъ скоро оправился отъ разгрома и приобрѣлъ всю свою прежнюю важность; косогоры вдоль рѣки Мешарехъ, притока Атбары, вновь покрылись хижинами и амбарами, гдѣ купцы устроили свои склады: арабы, фунджи и беджасы опять стали посѣщать метаммехскій рынокъ; вокругъ ярмарочнаго поля тянется рядъ кирпичныхъ домовъ, нижній этажъ которыхъ наполненъ товарами. Пять или шесть тысячъ торговыхъ людей, по большей части арабовъ, сходятся на ярмарки въ Метаммехъ; кромѣ того, больше тысячи абиссинцевъ—носильщиковъ, дровосѣковъ, продавцовъ меда (напитка)—спускаются съ своихъ горъ, чтобы подбирать крохи, падающія съ пиршественнаго стола. Многочисленные крокодилы играютъ въ водахъ Мешареха, не пугаясь движущейся на берегу шумной толпы, но и не нападая ни на кого: жизнь ихъ поставлена подъ защиту галабатскаго шейха²⁾. Большинство постоянныхъ жителей состоитъ изъ такруровъ, которые подаютъ окрестнымъ населеніямъ примѣръ трудолюбія и промышленной инициативы. Эти такруры не только привозятъ изъ Эіопіи кожи, кофе, соль, слоновую кость, разныя ткани и животныхъ,

верховыхъ и вьючныхъ, чтобы продавать всѣ эти предметы купцамъ, пріѣзжающимъ съ Нила, но также собираютъ заботливо произведенія своей собственной страны: медъ, воскъ, табакъ, мансъ, камедь, ладанъ, красильныя и фармацевтическія вещества¹⁾; они же продаютъ абиссинцамъ наибольшую часть хлопка, въ которомъ тѣ нуждаются для тканья своихъ тогъ. Изъ провинціи Судана такруры получаютъ въ особенности стеклянныя издѣлія, оружіе и талеры Маріи-Терезіи, которые служатъ исключительно монетой въ сѣверной Эіопіи. Что касается торговли невольниками, до недавняго времени болѣе дѣятельной, чѣмъ всѣ другія отрасли торговли, то извѣстно, что она была нѣсколько разъ официально запрещена, но каждый разъ возобновлялась, только этотъ торгъ живымъ товаромъ не производился болѣе публично, на базарной площади; въ 1879 году общая выручка за проданныхъ рабовъ простиралась до 500.000 франковъ слѣшкомъ²⁾. Во время египетскаго господства хартумскій губернаторъ содержалъ въ Галабатъ гарнизонъ въ 2.000 человекъ. Въ настоящее же время Галабатъ составляетъ независимое княжество, не платящее болѣе дани ни Египту, ни Эіопіи.

Городъ Дока, на дорогѣ изъ Метаммеха въ Абу-Ахразъ, при слияніи Рахада съ Голубымъ Ниломъ, есть, такъ сказать, торговый аванпостъ Галабата. Но главнымъ торговымъ центромъ, если не постояннымъ, то по крайней мѣрѣ временнымъ, въ этой области равнинъ, является сукъ Абу-Синъ, или «рынокъ Отца Сина», называемый также Гедарефъ, по имени провинціи, въ которой онъ находится. Въ сезонъ дождей сукъ Абу-Синъ посѣщается только кочевниками изъ окрестныхъ мѣстностей; но по окончаніи харифа (дождливаго періода), когда Атбара и другія рѣки равнины опять дѣлаются переходимыми въ бродъ, и когда купцы не имѣютъ болѣе причины опасаться, для своихъ верблюдовъ и другихъ животныхъ, ужаленія ядовитой мухи, караваны прибываютъ со всѣхъ сторонъ, и тогда на ярмарочномъ полѣ собирается до 15.000 человекъ. До войны главныя статьи торговли на абу-синскомъ рынкѣ были камедь, воскъ, соль, хлѣбъ, скотъ, и къ толпѣ арабовъ и беджасовъ въ то время примѣшивались греческіе негоціанты. Мѣстечко Томатъ, при слияніи Сеттита и Атбары, тоже производитъ кое-какую торговлю; Гость-Реджебъ, на лѣвомъ берегу Атбары, лежитъ на караванной дорогѣ между Шенди и портомъ Массова. Развалины, видѣнныя Буркхардтомъ, напоминаютъ, что караваны египетскихъ купцовъ проходили также и въ этомъ мѣстѣ, отправляясь изъ Мероэ на берега Адулиса.

¹⁾ Guillaume Lejean, «Voyage en Abyssinie».

²⁾ Luigi Caprotti, «Esploratore», maggio 1882.

¹⁾ Th. von Heuglin, «Reisen in Nordost-Afrika».

²⁾ Gessi, «Esploratore», 1879, № III.

Въ настоящее время важнѣйшій городъ страны — Кассала-эль-Лузъ, столица провинціи Така и съ 1840 года главная крѣпость всей области, заключающейся между Ниломъ и Краснымъ моремъ; туземцы называютъ его также Гашъ, по имени рѣки, на берегу которой онъ расположенъ. Этотъ городъ, бывшій плацдармомъ египтянъ противъ Эѳіопіи, затѣмъ очищенный стоявшимъ въ немъ мусульманскимъ гарнизономъ, кажется, предназначенъ служить абиссинцамъ передовымъ укрѣпленнымъ пунктомъ противъ магометанскихъ населеній равнины: смѣнивъ Египетъ, въ качествѣ суверенной державы Судана, Великобританія сдѣлала «царю царей» этотъ подарокъ, въ знакъ радостнаго вступленія во власть и добраго сосѣдства. Расположенная на высотѣ 570 метровъ, у западнаго основанія «семиглаваго» массива гранитныхъ скалъ, возвышающагося на 300 слишкомъ метровъ надъ равниной и ея лѣсами пальмы думъ, Кассала представляетъ восхитительное зрѣлище, одно изъ живописнѣйшихъ, какія можно встрѣтить въ Африкѣ. Она, говорятъ, смѣнила еще болѣе значительный городъ, Факи-Эндоя, простиравшійся вдоль рѣки, въ разстояніи четырехъ или пяти верстъ отъ нынѣшняго. Доминируемый крѣпкимъ замкомъ, слѣды котораго еще видны на одной изъ «главъ» сосѣдней скалы, этотъ городъ былъ столицей націи галленга, могущественной въ то время, но нынѣ очень малочисленной, состоящей изъ жалкихъ группъ пастуховъ и земледѣльцевъ. Гора изрыта гротами, гдѣ, говорятъ, простирается подземное озеро, и лабиринты которыхъ были нѣкогда обитаемы челоѣкомъ; нѣсколько троподитовъ живутъ, будто-бы, и теперь въ галлерейхъ скалъ. По своему положенію на нижнемъ теченіи рѣки Гашъ или Марербъ, Кассала командуетъ распредѣленіемъ водъ въ прибрежныхъ равнинахъ; одинъ паша даже хотѣлъ-было сдѣлаться неограниченнымъ властителемъ существованія сосѣднихъ племенъ, задерживая теченіе рѣки передъ Кассалой, чтобы отбросить ее къ югу и тѣмъ заставить гагендоасовъ прійти съ покорной просьбой продать имъ струйку воды для орошенія ихъ полей. Подъ руководствомъ одного европейца, по имени Верне, не постыдившагося участвовать въ этомъ несправедливомъ дѣлѣ, была сооружена плотина длиной въ 1.613 метровъ, запрудившая теченіе Гаша и заставившая его течь въ западныя степи; но гагендоасы, понимая, что дѣло идетъ объ ихъ жизни, напали на запруду съ такимъ остревеніемъ, несмотря на защищавшихъ ее солдатъ, что скоро пробили брешь, и вода опять вступила въ свое обычное русло ¹⁾. До возстанія племенъ, пови-

нующихся махди, Кассала имѣла весьма важное значеніе, какъ транзитное мѣсто для отправки хлопка; и теперь еще можно видѣть обширный заводъ для эгренированія, гдѣ занимались сотни рабочихъ, съ помощью паровой машины; кромѣ того, Кассала приготавливала кожи, выдѣлывала цинковки и фабриковала мыло. Первая, относящаяся еще къ 1865 году, попытка египетскаго правительства установить сообщеніе Кассалы съ Берберомъ, Суакимомъ и Массовой посредствомъ телеграфныхъ линий не увѣнчалась успѣхомъ: потеряли болѣе 8.000 верблюдовъ въ этомъ предпріятіи; въ 1871 году новый опытъ былъ болѣе удаченъ, и, наконецъ, построили цѣлую сѣть телеграфовъ, станціи которыхъ служили въ то же время каравансараями для путешественниковъ ¹⁾. Отъ Кассалы до Массовы считаютъ шестнадцать дней ходьбы по дорогѣ, вдоль которой былъ проведенъ, черезъ землю племени богосовъ, телеграфъ, теперь разрушенный. Колодцы были выкопаны подлѣ каждой станціи между Кассалой и Абу-Ахразомъ ²⁾.

Въ сосѣдствѣ съ Кассалой находится нѣсколько деревень, обитаемыхъ осѣдлыми населеніями изъ племени галленга, гагендоа или базенъ, а въ сухое время года кочевники располагаются временными становищами въ высохшемъ ложѣ Гаша. Километрахъ въ тридцати къ востоку оттуда, мѣстечко Сабдератъ, ремесленники котораго ткуть матеріи, обдѣлываютъ кожу, шьютъ бабуши, напоминаютъ о чудовищныхъ жестокостяхъ свирѣпаго дефтердара, который перебилъ всѣхъ жителей и велѣлъ воздвигнуть въ этомъ мѣстѣ пирамиды изъ труповъ, чтобы заразить атмосферу и тѣмъ воспрепятствовать новому заселенію страны. На сѣверъ отъ Сабдерата слѣдуютъ одно за другимъ два большихъ гагендоасскихъ села, Миктинабъ и Филикъ, имѣющія нѣкоторую важность, какъ торговые мѣста. На юго-востокѣ, базенскіе земледѣльцы, на половину обращенные въ исламъ, населяютъ деревню Элитъ, построенную на высотѣ 400 метровъ надъ равниной, на неприступной почти террасѣ, на половинѣ гранитной горы, вершина которой какъ бы выдолблена и представляетъ четырехугольный бассейнъ, распахиваемый и засѣваемый хлѣбными растеніями; эта Элитская котловина есть, вѣроятно, не что иное, какъ провалъ почвы, какіе часто встрѣчаются въ горныхъ породахъ, изрытыхъ внутри пещерами. Къ сѣверу отъ Элита, уже на покатости хора Барка, деревня Альгаденъ или Альгеденъ состоитъ изъ хижинокъ, разсыпанныхъ между обвалившимися каменными глыбами, на скатахъ горы Даблотъ или Доблутъ, господствующей надъ обширнымъ горизонтомъ холмовъ и равнинъ между двумя рѣками, Мар-

¹⁾ Ferdinand Werne, „Feldzug von Sennaar nach Taka, Basa, und Beni-Amer“.

¹⁾ Rokedy, „Journal of the R. Geographical Society“, 1874.

²⁾ Penazzi, „Esploratore“, agosto 1882.

бамъ и Баркой. Альгаденъ лежитъ на дорогѣ, которую такъ ходятъ въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета; переходя изъ деревни въ деревню, эти странники платятъ за пріютъ и харчи проповѣдями, молитвами и амулетками¹⁾; они уже обратили въ исламъ альгаденское населеніе, въ большей части базенскаго происхожденія. Въ сосѣдней равнинѣ, жители Альгадена и Сабдерата одержали, около 1870 года, кровопролитную побѣду надъ арміей абиссинцевъ, которые оставили девять тысячъ своихъ на полѣ сѣчи²⁾. Къ юго-востоку отъ Альгадена, въ землѣ бареевъ, между рѣками Гашъ и Баркой, египтяне недавно основали двѣ военныя станицы, Куфитъ и Амидебъ. Первая была покинута въ 1875 году, но Амидебъ былъ еще оккупированъ въ эпоху всеобщаго возстанія племенъ; это одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя Англія, по трактату, напередъ отдала абиссинцамъ. Далѣе, за этими военными постами, на скалѣ, высящейся къ востоку отъ долины рѣки Ансеба, пріютилось мѣстечко Долька, бывшее долго неодолимымъ для солдатъ хедива. Въ сосѣдствѣ видны развалины города и христіанскихъ церквей, носящія надписи египетскія или гимаритскія³⁾. Главное мѣстечко въ землѣ племени габабъ, Афъ-Абадъ или Та-Маріамъ, лежитъ въ кругообразной равнинѣ, у подножія крутой горы, бока которой во многихъ мѣстахъ изрыты пещерами.

Ниже Кассалы, на р. Гашъ, и Гось-Реджеба, на р. Атбарѣ, есть только одинъ городъ въ томъ бассейнѣ, Эдъ-Дамеръ, лежащій къ югу отъ слиянія, на южномъ полуостровѣ, который образуютъ Нилъ и устье Атбары; тамъ жило племя макаберавовъ, въ которыхъ Швейнфуртъ и Лежанъ предполагаютъ макробіевъ (долгожителей), почти легендарныхъ, древняго міра. Но этотъ городъ, бывший прежде очень дѣятельнымъ рынкомъ, нынѣ утратилъ свою торговую важность, сдѣлавшись городомъ святыхъ и учителей ислама; онъ имѣетъ школы, некогда знаменитые расадники мусульманской пропаганды, но давно уже пересталъ быть сборнымъ мѣстомъ куческихъ каравановъ: торговое сѣніе Нила и его сѣверно-еюпскихъ притоковъ находится въ километрахъ пятидесяти ниже Эдъ-Дамера, на томъ же берегу великой рѣки. Берберъ, недавно бывший главнымъ городомъ египетской провинціи того же имени, есть самый значительный складочный пунктъ между Хартумомъ и границею собственнаго Египта. Названный такъ по имени обитающей въ этой области Нубіи народа барабра, Берберъ официально носитъ наименованіе эль-Мехейръ, эль-Мухейрефъ или эль-Мешерифъ. До послѣдней войны, во время которой этотъ городъ былъ почти совершенно разрушенъ,

онъ тянулся по берегу рѣки на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ, и его бѣлые дома съ террасами выглядывали изъ зелени и пальмъ. Нѣсколько садовъ окружаютъ Берберъ, но тотчасъ же за городской чертой начинаются невоздѣланные, почти пустынные пространства, посѣщаемыя только кочующими бишаринами. Изъ Бербера выходятъ наиболѣе посѣщаемая караванная дорога между Среднимъ Ниломъ и Краснымъ моремъ, на которой колодцы служатъ мѣстами роздыха: въ этомъ мѣстѣ разстояніе, раздѣляющее рѣку и море, составляетъ, по извилистой дорогѣ пустыни, всего только 420 километровъ. Съ достаточнымъ запасомъ провизіи и воды, путешественники легко могутъ пройти это пространство менѣе, чѣмъ въ недѣлю, хотя обыкновенно они употребляютъ двѣ недѣли; въ настоящее время для этого достаточно нѣсколькихъ дней, благодаря желѣзнодорожной линіи, соединяющей Суакимъ съ маленькимъ портомъ Гандубъ, лежащимъ южнѣе, на токарской дорогѣ, и сдѣлавшей Берберъ экспедиционнымъ портомъ для торговли всего Верхняго Судана. Двѣ караванныя дороги, соединяющія Берберъ съ Суакимомъ, идутъ по обширнымъ песчанымъ пространствамъ, гдѣ не найдешь ничего, кромѣ колодцевъ солоноватой воды; затѣмъ онъ взбирается на гранитныя и порфирныя высоты: горный проходъ Гаратри, служащій водораздѣльнымъ порогомъ между бассейномъ Нила и бассейномъ Краснаго моря¹⁾, лежитъ на высотѣ почти 900 метровъ, между двухъ горъ, поднимающихся вдвое выше. До войны, ежегодно около 20.000 верблюдовъ, навьюченныхъ камедью, совершали переходъ черезъ пустыню между двумя названными городами²⁾.

Суакимъ или Савакимъ—самый безопасный портъ на всемъ Черномъ морѣ. По расположенію мѣстности онъ походитъ на Массовскій портъ. Береговой поясъ коралловыхъ мелей прерывается извилистымъ каналомъ, который вдается на 4 километра внутрь твердой земли и оканчивается бассейномъ овальной формы, имѣющимъ около 2 километровъ протяженія съ сѣвера на югъ. На западной сторонѣ песчаные отмели, суживающія эту водяную площадь, продолжаются вязкими берегами, поросшими лѣсами корнепусковъ. Два круглыхъ острова, окаймленные подводными камнями, выступаютъ на нѣсколько метровъ надъ поверхностью бассейна: одинъ изъ этихъ острововъ, называемый островомъ Шейха Абдаллы, не заключаетъ никакихъ строеній, кромѣ надгробныхъ памятниковъ на кладбищѣ; на другомъ, лежащемъ южнѣе, построены собственно городъ Суакимъ. Между этими двумя островами и находится главная гавань, но корабли

¹⁾ Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

²⁾ Josef Menge, „Petermann's Mittheilungen“, 1884. V.

³⁾ Sapeto, „Petermann's Mittheilungen“, 1861. VIII.

¹⁾ Colborne, „Cornhill Magazine“, may 1884;—Mosconas, „Exploration“, 1 février 1884.

²⁾ A. Bernard, „Revue moderne“, 1 octobre 1884.

самаго большаго водоизмѣщенія могутъ становиться на якорь также и на сѣверѣ отъ острова Шейха Абдаллы; въ этомъ бассейнѣ, представляющемъ родъ озера, почти со всѣхъ сторонъ окруженнаго твердой землей, суда совершенно защищены отъ вѣтровъ и волненій моря. Суакимскій портъ, открывающійся среди морскихъ водъ, очень опасныхъ своими многочисленными рифами, вполне заслуживаетъ названіе «Гавани боговъ спасителей», которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, было дано ему во времена Птолемея. До недавнихъ военныхъ событій, доставившихъ Суакиму громкое имя въ современной исторіи, портъ его ежегодно посѣщали около дюжины пароходовъ и до трехсотъ арабскихъ барокъ, привозившихъ рисъ, финики, соль, раковинки каури и европейскіе товары, чтобы брать въ обмѣнъ невольниковъ, муловъ, краснаго звѣря и различныя произведенія области эіопскихъ предгорій, какъ-то: камедь, слоновую кость, страусовыя перья, кожи, воскъ, мускусъ, зерновые хлѣба и кофе. По Амичи, въ 1880 году въ Суакимскій портъ приходило 758 судовъ, общая вѣстимость которыхъ равнялась 171.681 тоннѣ. Цѣнность вывезенныхъ изъ этого порта товаровъ простиралась въ 1879 году до 6.414.025 франковъ. Въ Суакимѣ происходитъ посадка на суда пилигримовъ, отправляющихся въ Мекку, въ числѣ отъ шести до семи тысячъ ежегодно; переѣздъ черезъ Красное море, до порта Джедда составляетъ около 350 километровъ, включая сюда уклоненія отъ прямого пути для обхода рифовъ. Торговцы невольниками, пріѣзжающіе изъ внутренней части страны, являются въ качествѣ простыхъ путешественниковъ, но въ сопровожденіи женъ, наложницъ, прислуги. По возвращеніи же изъ Аравіи въ Суакимъ, они уже не имѣютъ при себѣ ни женъ, ни слугъ (*); разводъ, побѣги, разныя непредвидѣнныя обстоятельства, какъ они рассказываютъ, избавили ихъ и отъ семьи, и отъ челяди.

Городъ состоитъ изъ каменныхъ домовъ, съ красивыми рѣзными балконами и мушарабіе, надъ массой которыхъ тамъ и сямъ возвышаются стройные минареты мечетей. Это городъ-комполитъ, гдѣ коммерческая инициатива принадлежитъ главнымъ образомъ арабамъ; турки, гедарме, или «уроженцы Гадрмаута», встрѣчаются здѣсь съ греческими или мальтійскими негодіантами и съ западными людьми. Туземное же населеніе, обитающее въ шалашахъ изъ древесныхъ вѣтвей, покрытыхъ циновками, живетъ на материкѣ, въ предмѣстьи Эль-Кефъ, гораздо болѣе обширномъ, чѣмъ самый городъ; оно соединено съ островомъ, гдѣ расположенъ Суакимъ, низкимъ мѣстомъ около сотни метровъ длины, а съ 1884 года также желѣзнодорож-

нымъ путеводомъ. Эль-Кефъ окаймляетъ своими хижинами южный плоскій берегъ бассейна, противъ Суакима, и продолжается по обѣ стороны берберской дороги. Гадендоасы, населяющіе этотъ пригородъ, занимаются перевозкой и нагрузкой товаровъ, снабженіемъ города предметами первой необходимости: топливомъ, говядиной, птицей, масломъ, плодами, овощами, годной для питья водой; въ зимнее время они вдвое многочисленнѣе, чѣмъ лѣтомъ, когда часть ихъ пасетъ стада на сосѣднихъ высокихъ горахъ. Суакимъ, хорошо защищенный отъ набѣговъ грабителей своимъ островнымъ положеніемъ, безусловно зависитъ въ отношеніи своего продовольствія отъ материковаго пригорода Эль-Кефъ, вслѣдствіе чего принуждены были окружить послѣдній поясомъ укрѣпленій, чтобы отражать нападенія арабовъ и беджасовъ, возставшихъ противъ египетскаго правительства. Капитальная важность Суакима для торговли и политическаго могущества вполне оцѣнена воюющими сторонами: кровопролитныя дѣла, имѣвшія мѣсто въ его окрестностяхъ, на западѣ близъ Синкатскаго укрѣпленнаго лагеря и Таманіехскихъ колодезевъ, на юго-востокѣ передъ крѣпостью Токаръ и въ оазисѣ Эль-Тебъ, доказываютъ, что какъ важно было бы мусульманскому міру установить свободныя сообщенія между Меккой, духовной столицей ислама, и Африкой, самой обширной его провинціей, населенной самыми пылкими и ревностными его послѣдователями. Но Великобританія зорко стережетъ эту дверь африканскаго континента, и теперь она, отъ имени Египта, окончательно завладѣваетъ Суакимомъ, чтобы завоевать весь бассейнъ Верхняго Нила своей торговлѣ и своему влиянію. До сихъ поръ возставшіе беджасы могли имѣть лишь случайныя сношенія со своими единовѣрцами на противоположномъ берегу моря, при помощи барокъ, ухитившихся украдкой по ночамъ изъ маленькихъ портовъ побережья. До блокады Суакима возставшими арабами, негодіанты этого города проводили лѣтній сезонъ на дачахъ въ прелестной, живописной долиніи Синкатъ, которая открывается, на высотѣ 262 метровъ, между потухшими вулканами и холмами изъ красноватаго мергеля, отличающагося замѣчательнымъ плодородіемъ; горные скаты, выровненные въ видѣ террасъ, засажены акаціями и фруктовыми деревьями. Токаръ, крѣпость въ плодосной равнинѣ, гдѣ воды Барки развѣтвляются тысячами ирригаціонныхъ каналовъ и канавъ, стояла посреди этой житницы провинціи; въ періодъ сѣва и въ періодъ жатвы и сбора плодовъ болѣе двадцати тысячъ работниковъ толпились на поляхъ вокругъ Токара.

Города Верхней Нубіи, съ приблизительной цифрой ихъ населенія, указываемой путешественниками:

Бимбаша (Фадаси)—1.000 жит.; Фамака (Фа-

*) A. Bernard, «Revue moderne», 1 novembre 1884.

зогль)—2.000; Розересъ, по Бельтраму—8.000; Баркодъ—2.000; Сеннааръ—8.000; Водъ-Медина, по Марно—2.000; Мессаламие, въ 1862 г. (Лежанъ)—18.000; Абу-Ахразъ, по Мог. Мухтару—7.000; Дока—5.500; Хартумъ, въ

Капротти—8.000; сукъ Абу-Синъ—3.000; Кас-сала, въ 1882 году—10.000; Эдъ-Дамиръ, по св. англ. ген. шт.—2.000; Беркеръ, въ 1882 году—10.000; Суакимъ и Эль-Кефъ, въ 1882 г.—11.000; Токаръ—4.000.

Путь изъ Короско въ Абу-Гаметъ.

1882 г.—70.000; Гальфайя, по свѣд. англ. ген. шт.—3.500; Шенди, по свѣд. англ. ген. шт.—2.500; Гось-Реджебъ, по Рокби—1.500; Филикъ, по Рокби—1.000; Метаммехъ (Галабатъ), по

Нѣкоторыя изъ гаваней (марса или мирса) сосѣдняго морскаго берега могутъ имѣть болѣе или менѣе важное значеніе въ будущемъ, когда горы и холмы внутренней части страны по-

кроются селениями и воздѣланными полями. Одною изъ наиболее полезныхъ гаваней, какъ выходъ изъ долины хора Барка, будетъ, безъ сомнѣнія, портъ Акикъ, обширный и глубокий бассейнъ, хорошо прикрытый, подобно бассейну Суакима, островами и полуостровами; этотъ портъ безспорно одинъ изъ лучшихъ во всемъ Красномъ морѣ. На главномъ островѣ рейда одно племя націи бени-амеръ основало маленькую деревню Бадуръ, передъ которой даже большіе корабли могутъ смѣло бросать якорь, такъ какъ глубина тамъ отъ 7 до 8 метровъ. Въ соедѣствіи Суакима и Акика морская вода буквально кишитъ животными: часто поверхность моря бываетъ покрыта на необозримое пространство маленькими волнами, которыя можно принять за рябь, поднимаемую бризой; на самомъ же дѣлѣ это волненіе производятъ маленькія рыбки, изъ рода сардинокъ, милліардами играющія въ верхнихъ слояхъ воды.

IX. Кордофанъ.

Эта страна, бывшая египетская провинція, сдѣлавшаяся въ началѣ 1883 года центромъ новаго завоевательнаго государства, по всей вѣроятности, недолговѣчнаго, составляетъ совершенно особую естественную область, хотя она и не имѣетъ точныхъ границъ. Въ цѣломъ она образуетъ большой четырехугольникъ, протянувшійся съ сѣвера на югъ, параллельно теченію Нила между слияніемъ Собата и слияніемъ Голубой рѣки. На югѣ и на востокѣ Кордофанъ, или Кордофалъ, имѣетъ естественными границами низины, орошаемыя водами Нила; на сѣверѣ и на западѣ онъ сливается съ степями, по которымъ бродятъ кочующія племена. Общая поверхность этого края, которую, впрочемъ, невозможно было бы измѣрить, не давъ ему какихъ-либо чисто условныхъ границъ, можетъ быть исчисляема приблизительно въ 250.000 квадр. километровъ, слѣдовательно, почти равна половинѣ Франціи. Это пространство весьма рѣдко населено: въ 1875 году американецъ Праутъ, офицеръ египетской арміи, въ своемъ общемъ описаніи провинціи Кордофана, сообщилъ результаты народной переписи, по которой постоянные жители 854 городовъ и деревень этой провинціи оказались въ числѣ 164.740 человѣкъ. Въ это же время кочевыя племена заключали въ своемъ общемъ составѣ около 114.000 человѣкъ; но это число не полное, такъ какъ тогдашній египетскій губернаторъ не пытался пересчитывать буйныхъ южныхъ горцевъ¹⁾. Покаместъ, впредь до собранія болѣе точныхъ статистическихъ данныхъ, совокупность народонаселенія Кордофана мож-

но приблизительно считать въ 300.000 человѣкъ; при этой цифрѣ плотность населенія выразится такъ, что среднимъ числомъ на каждыя пять квадр. километровъ приходится шесть жителей. Войны часто опустошали этотъ край, и полагаютъ, что число его жителей значительно уменьшилось со времени поголовныхъ избиеній, произведенныхъ по приказанію Могамедъ-бея, страшнаго дефтердара, или «казнохранителя», который завоевалъ эти области для своего тестя, Могамеда-Али. Новыя побойща обогрили кровью страну съ того времени, какъ «вождь», или махди, сдѣлалъ Кордофанъ центромъ своей имперіи, и въ станахъ его войства была провозглашена священная война.

По общему скату почвы Кордофанъ принадлежитъ къ Нильскому бассейну: если бы дожди были довольно обильны, хераны, нынѣ исчезающіе при выходѣ изъ горныхъ долинъ, спустились бы до Бѣлаго Нила; даже воды, стекающія по западной покатости страны, находятъ временами дорогу къ Нилу, съ одной стороны черезъ Кейлакъ и Бахръ-эль-Газаль, съ другой — черезъ Уади-Мелекъ. Впрочемъ, уровень почвы, средняя высота которой отъ 400 до 500 метровъ, мало измѣняется въ большей части края: во многихъ мѣстахъ воды истеченія должны бы были блуждать безъ опредѣленнаго пути, прежде чѣмъ вырыть себѣ правильное русло по направленію къ Нилу. Почти на всемъ своемъ протяженіи Кордофанъ представляетъ слегка волнистую степь, по которой разсыяны горки въ нѣсколько метровъ высотой, служащія караванамъ верстовыми столбами во время длинныхъ часовъ странствованія: тамъ легко было бы ѣздить на колесахъ и замѣнить перевозку на спинѣ верблюдовъ перевозкой въ экипажахъ²⁾. Среди равнины поднимаются тамъ и сямъ уединенные пики, величественные на видъ, благодаря общему однообразію пространства, надъ которыми они господствуютъ; одинъ изъ нихъ, Джебель-Кордофанъ (850 метровъ), давшій свое имя всей странѣ, высится километрахъ въ двадцати къ востоку отъ главнаго города Эль-Обейдъ; недалеко отъ этого массива вздымается почти правильная пирамида горы Джебель-эль-Айнъ. Поверхностные слои почвы почти вездѣ состоятъ изъ гранитнаго песку, распавшихся обломковъ гортъ; песокъ этотъ содержитъ въ изобиліи частицы слюды и смѣшанъ съ нечистыми глинами; на глубинѣ отъ 20 до 50 метровъ находятъ пласты слюдянаго сланца.

Въ 200 километрахъ (среднее разстояніе) къ западу отъ Нила средняя область Кордофана приподнята въ видѣ горныхъ массивовъ, вершины которыхъ возвышаются на нѣсколько сотъ метровъ надъ уровнемъ равнины. На

¹⁾ H. G. Prout, „General Report on the province of Kordofan“.

²⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and Egyptian Soudan“; — Sidney Ensor, „Journey through Nubia and Darfour“.

сѣверо-западѣ страны хребты Джебель-Катулъ и Джебель-Каджа защищены со стороны равнинъ скалами довольно крутыми для того, чтобы нѣкоторые независимыя племена могли найти тамъ безопасное убѣжище отъ нападений своихъ сосѣдей; на сѣверѣ нѣсколько уединенныхъ массивовъ, какъ, напримѣръ, Джебель-Гараза, съ гранитными скалами, господствующими надъ извилястою дорогою, по которой ходятъ караваны между Эль-Обейдомъ и Донголой. Въ центрѣ Кордофана, массивъ Джебель-Дейеръ, покрывающій пространство около 500 квадр. километровъ, вздымаетъ свои вершины на 840 слишкомъ метровъ абсолютной высоты, то-есть на 300 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ степей. Вышнія его стѣны образуютъ какъ бы ограду, кое-гдѣ пробитую брешами; но внутри, по словамъ туземцевъ, отсрывается глубокая долина, бассейны, струящаяся водою, наполненный тѣнистыми деревьями, который окрестные номады описываютъ какъ рай земной. На югъ отъ этого массива степь не разстилается болѣе, какъ въ сѣверной части Кордофана, въ видѣ длинныхъ однообразныхъ повышеній и пониженій почвы, словно волны, не имѣющихъ другой древесной растительности, кромѣ лѣсковъ маленькой акации, да исполинскаго баобаба, съ его угловатыми вѣтвями, тамъ и сямъ вырисовывающагося на горизонтѣ; здѣсь, напротивъ, простирается плодородная, богатая лѣсами, равнина, откуда явнымъ вдали, опоясанные при основаніи зеленымъ кругомъ, синеватые конусы горъ Тагала, протянувшихся съ сѣвера на югъ, на пространствѣ по меньшей мѣрѣ 50 километровъ, къ степямъ, по которымъ кочуютъ багарасы. Далѣе на западъ слѣдуютъ другіе горные массивы, состоящіе тоже изъ гранитныхъ породъ и обозначаемые общимъ названіемъ Джебель-Нуба или Даръ-Нуба, то-есть «страна нубовъ», по имени населяющаго ихъ народа.

Горные массивы южнаго Кордофана получаютъ болѣе значительное количество дождевой воды, чѣмъ хребты сѣверной его части. Противные дожди, выпадающіе въ массивѣ Джебель-Нуба, достаточны, чтобы питать одинъ хребтъ, Абу-Габле, который течетъ сначала на востокъ, затѣмъ на сѣверо-востокъ, на протяжении слишкомъ 300 километровъ, прежде чѣмъ исчезнуть въ почву; говорятъ даже, что въ нѣкоторые дождливые годы небольшое количество воды Кордофана изливалось въ Нилъ черезъ это рѣчное русло. На пространствѣ течения хора Абу-Габле излишняя вода образуетъ въ разныхъ мѣстахъ въ періодъ харифа, то-есть съ іюня по октябрь, временныя водныя площади, обыкновенно означаемыя на картахъ какъ озера по преимуществу, напримѣръ, Эль-Биркетъ, Эль-Рахадъ. Рѣдко случается, чтобы вода держалась въ этихъ резервуарахъ до конца сухаго времени года; но ко-

пая песокъ дна до глубины 2 или 3 метровъ, собираютъ еще довольно жидкости, чтобы люди и животныя могли утолить жажду. Большинство другихъ водохранилищъ, вообще обозначаемыхъ именемъ *фула*, содержатъ воду только въ періодъ дождей. Въ населенной области сѣвернаго Кордофана, пространство которой Праутъ опредѣляетъ въ 43.000 квадр. километровъ, нѣтъ ни рѣки, ни лужи, а есть только колодцы, вырытые въ формѣ воронокъ, глубиной въ 25 и даже въ 50 метровъ (70 аршинъ), до слоя слюдянаго сланца, то-есть до непроницаемаго для жидкости пласта, по которому и скользятъ дождевыя воды, профильтрованные легкимъ рыхлымъ слоемъ поверхности; ступеньки, изсѣченные по окружности воронкообразнаго колодца, позволяютъ спуститься до самой воды. Научное изслѣдованіе страны обнаружило существованіе восьмисотъ колодцевъ, но по крайней мѣрѣ двѣсти изъ нихъ бываютъ совершенно сухими въ продолженіе цѣлой половины года, а многіе имѣютъ воду солоноватую или даже соленую. По свѣдѣніямъ, собраннымъ путешественниками д'Эскейракъ-де-Лотюръ и Маттеуччи, общее осушеніе страны, или обѣдненіе влагой, въ періодъ времени, обнимающій нѣсколько послѣднихъ поколѣній, есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію: множество колодцевъ, доставлявшихъ прежде воду въ изобиліи, теперь заброшены ¹⁾. Годовое количество дождей, составляющее среднимъ числомъ 35 сантиметровъ въ Эль-Обейдѣ, немного больше въ южныхъ горахъ, меньше въ сѣверныхъ—недостаточно для наполненія всѣхъ колодцевъ, копаемыхъ въ глубинахъ земли. Оттого цѣлыя деревни покидаются жителями въ сухое время года: какъ только *дожди*, единственный видъ проса, успѣшно произрастающій въ этомъ сухомъ климатѣ, сжать и убрать съ поля, земледѣльцы спускаются на жительство къ колодцамъ, сохраняющимъ хоть немного воды въ продолженіе цѣлаго года, и возвращаются къ своимъ полямъ только съ наступленіемъ приносящаго дожди харифа. Въ городахъ же и мѣстечкахъ вода составляетъ предметъ торговли, и къ концу сухаго времени года она стоитъ иногда въ Эль-Обейдѣ дороже, чѣмъ вино въ странахъ его производства: такъ, напримѣръ, въ 1873 году сосудъ, содержащій отъ шести до восьми литровъ (отъ 5 до 6 съ половиною кружекъ) воды, продавался по талеру Маріи-Терези ²⁾.

Несмотря на возвышенное положеніе Кордофана, климатъ этой страны одинъ изъ самыхъ жаркихъ, какіе существуютъ на земномъ шарѣ. Періодъ большихъ жаровъ начинается въ мартѣ: тогда термометрическій столбикъ ртути поднимается часто до 40 градусовъ Цель-

¹⁾ «Le Désert et le Soudan»; — «Explorateur».

²⁾ Prout, цитированное сочиненіе.

зия въ тѣни, и воздухъ становится почти невозможнымъ для дыханія, когда къ нему примѣшивается, въ видѣ пыли, раскаленный песокъ пустыни. Послѣ трехъ мѣсяцевъ *себа* или сезона засухи, густыя облака, скопляющіяся на южномъ горизонтѣ, возвѣщаютъ наступленіе харифа, періода дождей. Около первыхъ чиселъ іюня начинаются ливни, сильные, но вообще непродолжительные и часто раздѣленные промежутками ясной погоды. Дожливый сезонъ обыкновенно дебютируетъ большимъ беспорядкомъ въ воздушныхъ пространствахъ, круговращеніемъ вѣтровъ въ стени; но скоро ходъ атмосферныхъ теченій регулируется, и юго-западный вѣтеръ, продолженіе юго-восточнаго пассата въ южномъ полушаріи, устанавливается въ этой части сѣвернаго полушарія, сообразно видимому движенію солнца. Въ это время года температура, замѣчательно равномерная, держится въ предѣлахъ отъ 25 до 33 градусова; разность между крайними показаніями термометра составляетъ всего только 7 градусова стоградусной скалы. Казалось бы, такой климатъ долженъ быть очень пріятенъ; но пары, насыщающіе атмосферу, и къ которымъ примѣшиваются міазмы низменныхъ мѣстностей, попеременно то затопляемыхъ водой, то высыхающихъ, дѣлаютъ пребываніе въ Кордофанѣ очень опаснымъ, и арабы, турки, европейцы не избѣгаютъ эпидемическихъ лихорадокъ, часто имѣющихъ смертельный исходъ. Къ концу сентября, послѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ перемежающихся дождей, вѣтеръ мѣняется; сѣверо-восточный пассатъ, переименный на югъ движеніемъ солнца къ тропику Козерога, снова устанавливается, принося съ собой холода; по ночамъ температура иногда понижается до 15 градусова Цельсія.

Растительное царство Кордофана не очень богато: акаціи, тамаринды, баобабы — вотъ деревья, которые придаютъ сельскимъ мѣстностямъ ихъ характеристическую фizioномію въ областяхъ небезплодныхъ или по крайней мѣрѣ не совершенно безлѣсныхъ. Акаціи, которые даютъ камедь, составляющую предметъ торговли, принадлежатъ къ различнымъ видамъ. Дерево съ сѣрой корой, на которомъ собираютъ камедь лучшаго качества, усѣивается многочисленными рощицами восточную часть Кордофана. Въ южной полосѣ страны акаціи съ красной корой, дающія менѣе цѣнные продукты, тянутся обширными лѣсами, почти бесполезными съ экономической точки зрѣнія; очень немногіе изъ поселенцевъ или номадовъ даютъ себѣ трудъ отдѣлать отъ дерева вытекающую изъ него прозрачную камедь. Важнѣйшее хлѣбное растеніе, общераспространенное почти во всемъ Кордофанѣ, — дохвъ (*penicilaria tiphoïdes*), жизнь котораго, отъ посѣва до жатвы, продолжается всего только четыре мѣсяца, обнимающіе періодъ харифа. Этотъ видъ проса

довольствуется такимъ малымъ количествомъ влаги, что онъ даже лучше растетъ на песчаныхъ горкахъ, чѣмъ на низкихъ мѣстахъ; дѣвать десятыхъ населенія питается дохвомъ. Дурра, или египетское просо, сѣется только въ хорошо орошаемыхъ долинахъ горъ. Пшеница, кунжутъ, земляные фисташковые орѣхи, бобы, табакъ, хлопчатникъ культивируются въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ столицей округахъ; конопля сѣется ради волоконъ, которые употребляются для переплета въ стѣнахъ хижины.

Въ отпускной торговлѣ растительными произведеніями Кордофана первое мѣсто, по количеству вывоза, занимаетъ естественный продуктъ — камедь; точно также звѣроловство въ гораздо большей мѣрѣ способствуетъ движенію торговаго обмѣна, чѣмъ скотоводство; страусовыя перья — самый драгоценный предметъ, который приходящіе съ сѣвера караваны спрашиваютъ у туземцевъ. Однако, послѣдніе почти совершенно извели страусовъ въ восточныхъ равнинахъ страны: теперь этого колосса пернатого міра можно встрѣтить бандами только къ западу отъ горъ Каджа и на границахъ Дарфура. Степи Кордофана были бы какъ нельзя болѣе пригодны для разведенія страуса, а между тѣмъ въ настоящее время ни въ одномъ дворѣ не держать этой птицы въ домашнемъ состояніи; съ другой стороны, число неприрученныхъ, живущихъ въ степи, страусовъ, во множествѣ убиваемыхъ охотниками, годъ отъ году уменьшается.

Главные статьи вывоза изъ Кордофана и Дарфура въ Египетъ, до войны, по Прауту: страусовыя перья — 2.150.000 франкъ; камедь — 1.375.000 франкъ; кожи и шкуры — 62.500 франкъ. Ибисы очень обыкновенны въ Кордофанѣ; на одномъ и томъ же деревѣ найдешь до полсотни ихъ гнѣздъ; какъ и аистъ, эта птица считается священной, и жители края не позволяютъ иностранцамъ убивать ее ¹⁾. У обитателей Кордофана есть нѣсколько породъ домашнего скота: лошади, ослы, козы и овцы; но вьючныя животныя принадлежатъ преимущественно кочующимъ племенамъ. На югѣ баггарасы имѣютъ по меньшей мѣрѣ сотню тысячъ быковъ съ горбомъ, прирученныхъ носить на себѣ кладь; но для полевыхъ работъ этимъ животнымъ нигдѣ не пользуются; тамошнія коровы даютъ очень мало молока. Любопытно, что рѣдкость воды въ равнинахъ измѣнила привычки скота въ Кордофанѣ: животныя тамъ ходятъ на водопой черезъ каждые два или три дня. Что касается верблюдовъ, то они успешно разведены только въ сѣверномъ Кордофанѣ, у кочеваго народа кабабинъ; къ югу же отъ тринадцатаго градуса широты, они чахнутъ и вымираютъ, преслѣдуемые роями слѣпней и оводовъ.

¹⁾ Ign. Pallme, „Beschreibung von Kordofan“.

Центральный Кордофанъ, въ сѣдствѣ главнаго города Эль-Обейдъ, принадлежитъ къ числу странъ восточной Африки, имѣющихъ относительно густое населеніе; въ районѣ около ста километровъ вокругъ столицы селенія среднимъ числомъ отстоятъ одно отъ другаго не болѣе, какъ на 4 или 5 километровъ. Каждый токуль, или соломенная хижина съ круглой стѣной и конусообразной крышей, обнесена живой изгородью изъ колючихъ растений, а иногда и все селеніе окружено оградой того же рода. Обитатели этихъ постоянныхъ группъ жилищъ—люди очень смѣшанной расы, такъ что не легко распознать первоначальный типъ. Основанные какъ станціи на дорогахъ отъ Нила въ страны центральной Африки, города Кордофана служатъ сборными пунктами для кунцовъ, останавливающихся тамъ отдохнуть отъ труднаго пути черезъ окружающія пустыни. Солдаты, невольники всякаго происхожденія, сопровождающіе торговцевъ, способствуютъ смѣшенію расы и изглаженію отличительныхъ чертъ и признаковъ первоначальныхъ элементовъ: населеніе, происходящее изъ этихъ разнообразныхъ скрещиваній, отличается смѣшанностью, веселостію характера, болтливостію, «страстію къ пляскѣ и къ забавамъ»¹⁾. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ живутъ еще годіаты, гилледаты или говамехи, представляющіе, говорятъ, болѣе или мѣнѣе чистое потомство аборигеновъ. По мнѣнію Мунцингера, который обозначаетъ ихъ именемъ кадежатъ, они родственны фунджамъ. Эти годіаты или кадежаты обитаютъ на востоке и на югѣ отъ горнаго хребта Кордофана и Джебель-Айна, или «Горы Воды», и несмотря на завоеванія и перемѣны политическаго режима, составляютъ еще автономную, самоуправляющуюся группу населенія. Они признаютъ одного изъ своихъ главою племени, или шейхомъ, и платятъ ему дань; но иногда шейхъ своими дѣйствіями подаетъ поводъ къ неудовольствію и жалобамъ на него, они просятъ факиха снять съ него чалму инстинктуры и возложить ее на главу другаго лица. Этого достаточно, чтобы совершить перемѣну власти²⁾.

Въ силу продолжительной оккупации, внуки завоевателей, пришедшихъ въ эпоху уже отдаленную, рассматриваются какъ имѣющіе болѣе другихъ право на имя кордофанцевъ. Таковы мусабаты, которые указываютъ на Дарфуръ, какъ на свою первоначальную родину³⁾, и начальники которыхъ, имѣющіи пребываніе въ Эль-Обейдѣ, еще титулуются султаномъ. Таковы же кунджары, тоже дарфурской расы, которые овладѣли Кордофаномъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія и господствовали до 1820 года, когда должны были уступить власть егип-

тянамъ, послѣ битвы при Барѣ. Въ настоящее время кунджары, въ числѣ около тысячи человѣкъ, живутъ еще особнякомъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ окрестностяхъ Эль-Обейда, и старшина ихъ, подобно начальнику мусабатовъ, присвоиваетъ себѣ титулъ султана. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ нѣкоторые изъ кунджаровъ говорили своимъ дарфурскимъ языкомъ, но въ наши дни арабскій діалектъ сдѣлался общепотребительнымъ у нихъ, какъ и у всѣхъ потомковъ дарфурскихъ завоевателей. Зогава-сы, остатки націи, которая въ двѣнадцатомъ столѣтіи господствовала на всемъ пространствѣ, заключающемся между горами Дарфура и Ниломъ, встрѣчаются еще въ сѣверной части Кордофана. Другіе жители страны, происхожденіе которыхъ можетъ быть опредѣлено съ точностію, суть арабы племени джалія, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ почти всю мѣстную торговлю, и уроженцы Донголы, данагеле или данагла, собиравшіе налоги, по порученію египетскаго правительства. Сирійцы, христіане и мусульмане, арнауты, греки составляютъ элементы не-африканскаго населенія, встрѣчающіеся въ Кордофанѣ и способствующіе смѣшенію расъ. Но обновленіе происходитъ главнымъ образомъ отъ туземцевъ сѣверныхъ племенъ, приводимыхъ торговцами, какъ-то нуба, денка, бонго; кромѣ того, такруры, феллаты и другіе иммигранты съ запада, отправляющіеся по дорогѣ къ святымъ мѣстамъ ислама, чтобы продавать разный мелкій товаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространять ученіе Корана, поселяются въ краѣ на постоянное жительство и, женившись на арабскихъ дѣвушкахъ, образуютъ новые роды и колѣна. Большое число такруровъ приходятъ предлагать временно свои услуги, во время сѣва или уборки хлѣба, и остаются въ странѣ навсегда, если находятъ хорошій пріемъ. Острова Бѣлаго Нила, которые, впрочемъ, не считаются принадлежащими къ Кордофану, почти всѣ населены арабами: одинъ изъ нихъ, самый большой и одинъ изъ наилучше воздѣланныхъ, есть островъ Абба, на которомъ махди, Мохамедъ-Ахмедъ, открылъ свою миссію своимъ первымъ ученикамъ и одержалъ надъ египтянами, въ 1881 году, свою первую побѣду.

Нубасы, населяющіе хребетъ Джебель-Дейеръ, на югѣ Кордофана, и принадлежащіе къ націи, слабые остатки которой встрѣчаются также въ другихъ горныхъ массивахъ, говорятъ особымъ языкомъ, и вѣрнее сказать съ достовѣрностію, что они родственны нубійцамъ, отъ которыхъ они отдѣлены пустыней и другими народностями. Прогнанные съ равнинъ и отбѣсненные въ горы, нубасы ведутъ тревожную, скитальческую жизнь, потому что на нихъ смотрятъ какъ на дикихъ звѣрей, и преслѣдуютъ какъ таковыхъ; самое имя «нубовъ» есть синонимъ невольника въ Кордофанѣ, и дѣй-

¹⁾ G. Lejean, «Voyage aux deux Nils».

²⁾ Munzinger, «Ostafrikanische Studien».

³⁾ Prout, цитированное сочиненіе.

Южная Нубія своей дикой фауной нисколько не отличается отъ Кордофана и покатоности Эоипскихъ горъ. Львы, леопарды, гісны, антилопы и газели, жирафы, страусы бродятъ по лѣсамъ мимозъ на берегу Черной рѣки и въ Байудской степи; обезьяны спускаются по Нилу до Бербера и даже немного дальше; но ни слонъ, ни носорогъ не переходятъ за область лѣсовъ на средней Атбарѣ; послѣдній бегемотъ, котораго видѣли къ сѣверу, былъ убитъ въ Ганнекскихъ порогахъ въ половинѣ настоящаго столѣтія; между тѣмъ древнія изображенія показываютъ, что онъ прежде водился ниже Сіены¹⁾. Водяныя птицы милліонами гнѣздятся на островахъ и берегахъ Нила. Руссагеръ наблюдалъ на свѣжемъ илѣ, отложенномъ водами великой рѣки, слѣды какого-то невидимаго животнаго, которые походили на отпечатки, оставляемые ногами четырехрукихъ и направлялись отъ воды къ высокому берегу; но ему не удалось видѣть самаго звѣря, котораго нубійцы называютъ *омонитъ*, и о которомъ они рассказываютъ странныя вещи²⁾. Термиты, еще страшные въ Донголѣ, не встрѣчаются уже къ сѣверу отъ двадцатаго градуса широты. Что касается домашнихъ животныхъ, то у нубійцевъ есть только одна порода—лошади, великорослыя и отличающіяся особенными качествами. Очевидно арабскаго происхожденія, такъ же какъ лошади кабабинской расы, разводимыя въ сосѣднихъ оазисахъ, эти нубійскіе кони, съ продолговатой головой, съ сухими, бѣлыми до колѣнъ, ногами не походятъ уже на своихъ предковъ красотой и стройностью формъ, но они обладаютъ удивительною ловкостью и пылкостью; кормятъ ихъ молокомъ и дуррой, иногда финиками. Галопъ—ихъ обыкновенный аллюръ; они хорошо идутъ по всякому грунту, даже по вязкому илу Нила и по каменистымъ склонамъ горъ, но перемѣны климата не переносятъ и погибаютъ въ Нубіи; въ самой странѣ число ихъ сильно уменьшилось, вслѣдствіе реквизицій, производившихся египетскими офицерами³⁾. Верблюды бишаривовъ и абабдеховъ скоростію бѣга славятся не менѣе донгольскихъ лошадей.

Часто подавлявшая подъ власть иноземныхъ завоевателей и состоящая только изъ двойной прибрежной полосы по теченію Нила, Нубія населена жителями очень смѣшаннаго происхожденія: хамитами, арабами, неграми и турками; тѣмъ не менѣе можно сказать, что основу нубійскаго населенія составляютъ барабра, сами себя называющіе «народомъ почвы»⁴⁾.

Въ этомъ имени барабра нѣкоторые писатели¹⁾ усматривали синонимъ названія «берберы», примѣняемаго къ таурегамъ, къ кабиламъ Сахары и Мавританіи, родственнымъ по языку обитателямъ сосѣднаго съ Египтомъ оазиса Сивахъ. Однако, различіе цвѣта кожи, типа и характера такъ велико между этими народностями, что невозможно предполагать родства расъ, развѣ только восходя въ даль вѣковъ, предшествовавшихъ африканской исторіи: по общепринятому, но, вѣроятно, мало основательному мнѣнію, слово «берберы» или «барабра», превратившееся въ «берберійцевъ» или «варварійцевъ» въ языкѣ живущихъ въ Каирѣ франковъ, происходитъ, будто-бы, отъ греческаго и латинскаго слова «варвары», примѣнявшагося къ чернокожимъ народамъ, которые обитали выше нильскихъ пороговъ, за предѣлами культурнаго Египта²⁾. Главныя негритянскія племена, упоминаемыя слишкомъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ на столбахъ храмовъ, какъ народы, обитавшіе тамъ, гдѣ въ наши дни живутъ барабра, обозначаются именемъ уауа, которое, повидимому, свидѣтельству о нѣкоторомъ презрѣніи: названіе это буквально значитъ «тявкающее» и, слѣдовательно, мало разнится отъ выраженія «лепетуны», которое у эллиновъ составляло первоначальный смыслъ слова «варвары». Но съ тѣхъ поръ, какъ имя «бераберата» было отыскано на еванскихъ спискахъ народовъ, нельзя сомнѣваться, что отъ него произошло и названіе «барабра»³⁾. Какъ бы то ни было, негры уауа, такъ же какъ берабераты, были родоначальниками нынѣшнихъ барабра, при чемъ, однако, не обошлось безъ многочисленныхъ смѣшеній съ разными иноплеменными народностями. Въ періодъ времени отъ двѣнадцатой до двадцатой династіи вся долина Нила, колонизованная египтянами, сдѣлалась ретейкой страной по языку и расѣ. Въ персидскую эпоху началось обратное движеніе, но въ продолженіе римскаго періода туземные элементы снова получили перевѣсъ. Въ царствованіе императора Діоклетіана блеммійскія племена, въ которыхъ ученые признали нынѣшнихъ беджасовъ и особенно бишаринцевъ, захватили Нубійскую область и водворились тамъ насильно: пришлось вывести оттуда римскіе гарнизоны и призвать, для замѣны ихъ, воинственныя племена, извѣстныя подъ именемъ Nubotae и, по всей вѣроятности, родственныя кордофанскимъ нубасамъ. Эти-то племена и дали другимъ жителямъ края, неграмъ уауа блеммисамъ, диалектъ, господствующій донынѣ, но обогатившійся большою примѣсью арабскихъ словъ⁴⁾.

Барабрасы принадлежатъ къ числу афри-

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

²⁾ «Reisen in Europa, Asien und Afrika»;—Hartmann und Barmin, «Reise durch Nord-Ost Africa».

³⁾ Georges Pouchet, цитированное сочиненіе;—Bethune English, «Expedition to Dongola and Sennar».

⁴⁾ Ferd. Werne;—Hartmann und Barmin etc.

¹⁾ Hartmann, «Die Völker Afrika's».

²⁾ D'Escavrac de Lauture, «Le Désert et le Soudan».

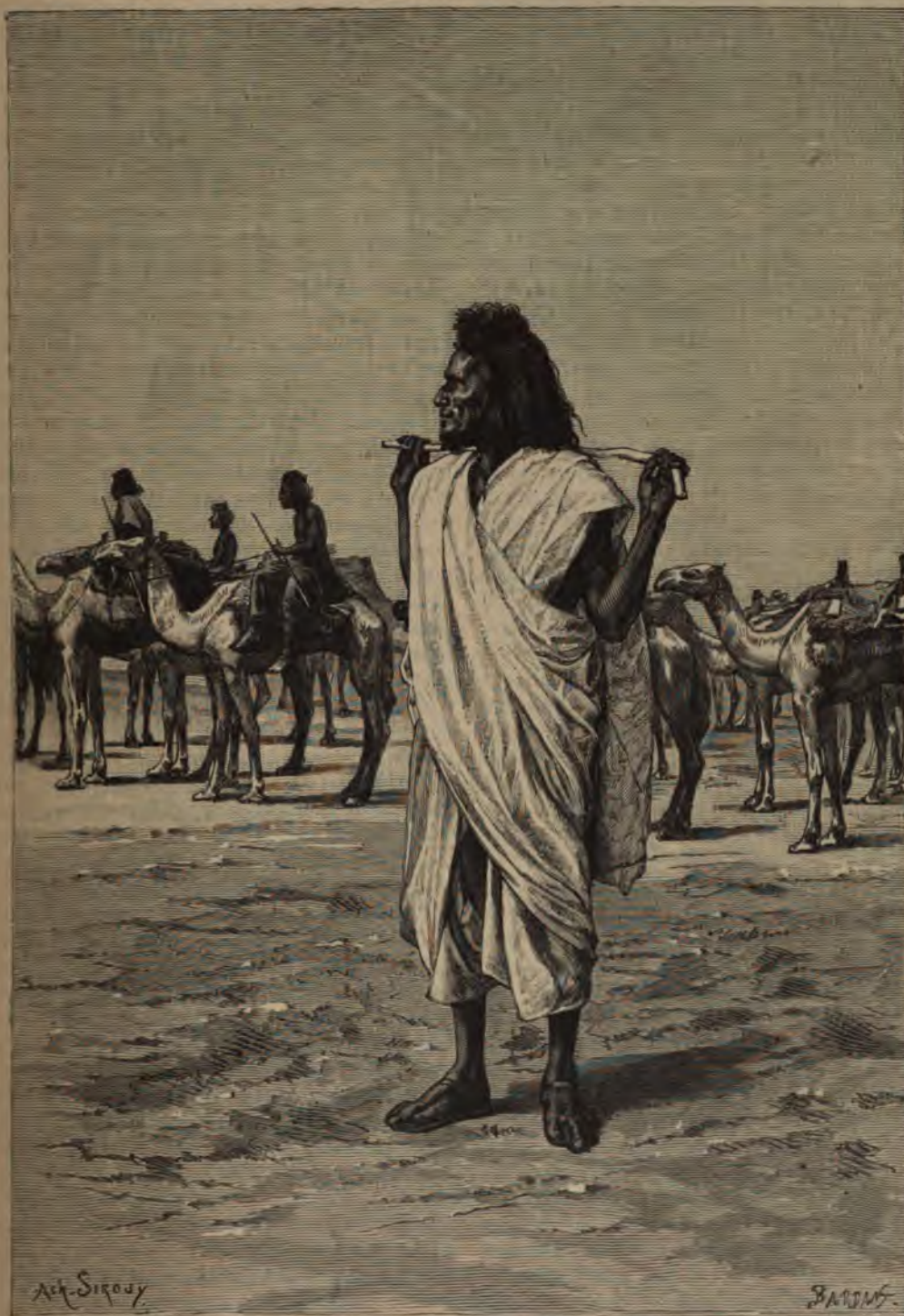
³⁾ Brugsch, «Geographie des alten Aegyptens».

⁴⁾ Rich. Lepsius;—Hartmann;—Cust.

и засѣянными уступами, какъ передовые холмы Альпъ, надъ Ломбардской равниной. Очень искусные кузнецы, тагалы покупаютъ привозное желѣзо и выдѣлываютъ изъ него оружіе,

лотоносные пески страны вубасовъ. Кордофанское золото не такъ высоко цѣнится, какъ золото изъ области Фазогль, по причинѣ его цвѣта ¹⁾).

Верблюдовожатый.

земледѣльческія орудія и разные инструменты; но мѣсторожденія мѣди, существующія въ ихъ горахъ, еще менѣе разрабатываются, чѣмъ зо-

Географія Рекла т. X.

Воздѣланные пространства Кордофана со всѣхъ сторонъ окружены кочевыми населеніями.

¹⁾ Werner Munzinger, цитированное сочиненіе.

ми, извѣстными подъ общимъ именемъ бедуиновъ и раздѣленными на двѣ главныхъ группы племенъ: на сѣверъ—кабабиши, или «козопасы», на югъ—баггарасы, или «коровы пастухи». Эти имена, обозначающіе просто родъ занятія и образъ жизни племенъ, не заключаютъ въ себѣ никакого указанія на расовое различіе, такъ что, можетъ-быть, кабабиши и баггарасы принадлежать къ одному и тому же этническому корню; по словамъ Брэнъ-Роллета, баггарасы сами себя называютъ гема¹⁾. Различія почвы и климата естественно должны были обуславливать различіе въ занятіяхъ и родѣ жизни: коза и верблюдъ могутъ быть съ успѣхомъ разводимы въ сѣверныхъ равнинахъ, почти всегда бѣдныхъ влагой; рогатый же скотъ находитъ воду въ достаточномъ количествѣ только въ южныхъ степяхъ. Всѣ эти кордофанскіе «бедуины» приписываютъ себѣ арабское происхожденіе, и, дѣйствительно, всѣ они говорятъ языкомъ пророка Магомета; но, какъ замѣчаетъ Мувицгеръ, идиомъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе въ этнологіи; всего важнѣе и характеристичнѣе здѣсь не самый языкъ, а то, какъ имъ говорятъ. Но изъ всѣхъ такъ-называемыхъ «арабовъ» Нильскихъ странъ баггарасы, а послѣ нихъ кабабиши, имѣютъ произношеніе, наиболѣе уклоняющееся отъ произношенія истыхъ арабовъ, уроженцевъ Аравійскаго полуострова: большое число звуковъ, употребляемыхъ въ классическомъ языкѣ, неизвѣстны имъ и замѣнены другими звуками, можетъ-быть, составляющими наслѣдіе исчезнушаго языка. Кабабиши, болѣе цивилизованные, благодаря своему географическому положенію, занимаются не единственно козоводствомъ и верблюдоводствомъ: они воздѣлываютъ также почву въ низменныхъ земляхъ, окаймляющихъ Нилъ, и основываютъ тамъ постоянныя деревни; осторожные и опытные конвоиры, они сопровождаютъ караваны отъ Эль-Обейда до нильскихъ станцій. Нѣкоторые племена кабабишей носятъ огромныя шляпы, похожія на головной уборъ тунисскихъ и алжирскихъ кабилловъ²⁾. Баггарасы не имѣютъ другихъ промысловъ или занятій, кромѣ пастбы своего скота, да охоты на слона, буйвола и другихъ большихъ животныхъ, а иногда и на человѣка. Какъ только пастбища не представляютъ болѣе достаточнаго корма ихъ стадамъ, или когда слѣны или оводы начинаютъ мучить скотъ, номады снимаютъ свой станъ или ферганъ, нагружаютъ на быковъ циновки, употребляемыя для устройства палатокъ, и въ сопровожденіи свирѣпой стаи своихъ маленькихъ собакъ перекочевываютъ на другое мѣсто степи. Итальянскій путешественникъ Карло Пиаджіа встрѣтилъ одинъ изъ такихъ каравановъ пе-

рекочевывавшихъ баггарасовъ, который тянулся на пространствѣ 4 километровъ: считая людей и животныхъ, караванъ этотъ заключалъ по меньшей мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ недѣлимыхъ; птицы, какъ бы увлекаемыя столбомъ воздуха, который перемѣщался движущимся караваномъ, кружились міриадами надъ животными, избавляя ихъ отъ мучительныхъ паразитовъ¹⁾. У большинства баггарасовъ кожа мѣднокрасная, какъ у американскаго индѣйца²⁾, а въ отношеніи красоты тѣла, атлетической формы груди и плечъ, изящества рукъ и ногъ они имѣютъ мало соперниковъ между людьми. Костюмъ у нихъ такой же, какъ у сельскихъ жителей Кордофана: они тоже носятъ родъ бѣлой рубахи, съ красными полосами, которая оставляетъ правую руку открытою; любимыя украшенія ихъ—стеклянные бусы, кольца, разныя побрякушки изъ слоновой кости и изъ рога. Женщины слѣдуютъ еще, въ отношеніи формы прически, древней египетской модѣ, представленной на памятникахъ, и ихъ волосы, ниспадающіе спереди косичками до половины лба и съ обѣихъ сторонъ длинными косами на плечи, намазаны масломъ и ароматическими помадами; золотое кольцо, которое многія женщины продѣваютъ себѣ въ носъ, часто привязывается къ цѣпи, висящей позади шею: это украшеніе напоминаетъ узду, которую употребляетъ гонщикъ верблюдовъ, чтобы вести свое верховое животное. Мужчины носятъ копье, которымъ владѣютъ съ большою ловкостью; впрочемъ, и съ европейскимъ оружіемъ—съ зингенскими шашками, съ лютихскими ружьями—они уже хорошо ознакомились; немногіе арабы столь же воинственны, какъ баггарасы, и съ такой же добросовѣстностью исполняютъ обязанности вендетты.

Баггарасы принадлежатъ къ числу ревностнѣйшихъ послѣдователей религіи Магомета и съ жаромъ ринулись, подъ предводительствомъ махди, въ священную войну; много разъ они переходили Бахрѣ-аль-Арабѣ, чтобы сдѣлать нападеніе на негритянскія населенія Области Рѣкъ³⁾. Каковъ бы ни былъ окончательный исходъ этой священной борьбы, несомнѣнно то, что исламъ, хотя онъ и распространяется изъ Кордофана по окрестнымъ территоріямъ, еще далеко не окончилъ своего дѣла въ самой странѣ, и многіе изъ обычаевъ или обрядовъ, воспринятыхъ Пророкомъ, сохранились до сихъ поръ; въ понятіяхъ кордофанцевъ главная разница между язычествомъ и магометанствомъ та, что въ одномъ случаѣ амулетка представляетъ кусокъ рога или тряпку, а въ другомъ она состоитъ изъ мѣшечка, за-

¹⁾ «Bollettino della Società Geografica Italiana», 1880.

²⁾ Prout, цитированное сочиненіе.

³⁾ Lupton-bey, «Proceedings of the R. Geographical Society», may 1884.

¹⁾ «Le Nil Blanc et le Soudan».

²⁾ Cuny, «Journal de Voyage de Siout à El-Obeid».

ключающего въ себѣ стихъ изъ Корана, или молитву, написанную рукой факиха.

Временный бракъ практикуется во всемъ Кордофанѣ: даже въ столицѣ его, Эль-Обейдѣ, обычай «четвертаго свободнаго дня», приписываемый спеціально гассанихамъ, встрѣчается, говорятъ, въ очень многихъ семьяхъ другихъ племенъ. Полиандрія (многомужіе), регулируемая для каждаго изъ мужей частной покупкой жены, составляетъ, будто-бы, одно изъ самыхъ обыкновенныхъ и общераспространенныхъ учреждений. У сельскихъ жителей племени годіа, у арабовъ племени джоама ни одна молодая дѣвушка не имѣетъ права выйти замужъ, пока не представитъ своему брату или дядѣ ребенка, сына неизвѣстнаго отца¹⁾, который, т. е. сынъ, когда вырастетъ, будетъ служить невольникомъ у главы семейства. Въ другихъ племенахъ женщина достается въ удѣлъ лишь болѣе сильному или болѣе выносливому изъ искателей ея руки. Въ назначенный день молодые люди, оспаривающіе другъ у друга обладаніе молодой дѣвушкой, собираются, вооруженные курбашемъ (бегемотовый хлыстъ), передъ старѣйшими и женщинами, и тотъ изъ нихъ, который перенесетъ, не жалуясь, наибольшее количество ударовъ, признается достойнымъ получить призъ. Иной разъ два соперника ложатся на землю, одинъ на правую, другой на лѣвую сторону дѣвушки, и невѣста, у которой локти вооружены острыми ножами, надегаетъ всей тяжестью своего тѣла на голыя бедра искателей ея руки. Тотъ изъ нихъ, который наиболѣе любезно выдержитъ прорѣзъ, дѣлается счастливымъ супругомъ, и первая забота новобрачной перевязать рану, которую она сама нанесла. Многіе другіе обычаи тоже свидѣлствуютъ о варварской энергіи этихъ такъ-называемыхъ «арабовъ» Кордофана и Дарфура. Часто, когда старикъ почувствуетъ приближеніе смерти, онъ уходитъ далеко отъ селенія, даже не предупредивъ своихъ, совершаетъ предписанный Кораномъ омовенія въ пескѣ пустыни, вырываетъ тамъ неглубокую яму и, завернувшись въ свой саванъ, ложится въ эту могилу, ногами къ Меккѣ. Онъ смотритъ въ послѣдній разъ на солнце, затѣмъ закрываетъ себѣ саваномъ лицо, ожидая, когда вечерній вѣтеръ занесетъ его пескомъ; быть-можетъ, гіены начнутъ грызть его прежде, чѣмъ онъ успеетъ испустить послѣднее дыханіе, но онъ умретъ безъ жалобъ: задача его существованія была кончена²⁾.

Столица провинціи Кордофанъ и резиденція махди, Эль-Обейдъ, называемая всѣми туземцами Лобеитъ, занимаетъ именно такое положеніе, гдѣ соединены всѣ условія, необходимыя для основанія города: разрушенная снова,

какъ это съ нею случилось уже въ 1821 году, во время прибытія египтянъ или «турокъ», какъ ихъ называли туземцы, она, безъ всякаго сомнѣнія, опять возродилась бы на томъ же мѣстѣ или въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Эль-Обейдъ построенъ въ одной изъ тѣхъ частей Кордофана, гдѣ дожди выпадаютъ въ наибольшемъ обиліи; жара тамъ тоже менѣе сильна, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ городъ лежитъ на высотѣ 579 метровъ, хотя и не нужно подниматься въ гору, чтобы достигнуть лощины, гдѣ онъ находится: въ этой области горы, стоящія уединенно или расположенныя въ видѣ аллей, оставляютъ открытый проходъ во всѣхъ направленіяхъ, и караванныя дороги сходятся туда, не встрѣчая препятствій. На западъ отъ Нила, Эль-Обейдъ — первая станція для роздыха и реорганизации каравановъ на дорогѣ въ Дарфуръ, Вадай и западную Африку; главныя его сношенія не съ Хартумомъ, а съ селеніями, лежащими у оконечности большой излучины, которую рѣка описываетъ выше Донголы. Такъ какъ пороги Нила много увеличиваютъ издержки перевозки, то караванамъ, идущимъ изъ Египта, выгодно держать путь черезъ пустыню, на юго-востокъ къ Хартуму, на югъ къ Эль-Обейду: въ обоихъ этихъ городахъ до возстанія, охватившаго Кордофанъ, товары европейской фабрикаціи продавались почти по одинаковой цѣнѣ. Въ то время торговля Эль-Обейда была весьма значительна, особенно по продажѣ невольниковъ, которые, по словамъ Мунцингера, составляютъ три четверти народонаселенія Кордофана; почти всѣ страусовыя перья, привозимыя изъ Дарфура, шли черезъ Эль-Обейдъ, такъ же, какъ европейскіе бумажные фабрикатъ, отправляемые въ западныя страны¹⁾. Вывозъ камеди исчислялся въ 1880 г. въ сто тысячъ метрическихъ центнеровъ, представлявшихъ цѣнность болѣе двухъ милліоновъ²⁾. Утративъ эту торговлю, которою единственно и обуславливалось важное значеніе Эль-Обейда, можетъ ли столица Кордофана рассчитывать на процвѣтаніе, въ случаѣ, если бы она была избрана главнымъ городомъ новаго царства? Впрочемъ, со времени уничтоженія египетской арміи, изолированное положеніе этого города не было столь полнымъ, какъ обыкновенно думаютъ: напротивъ, торговныя сношенія съ Триполи черезъ Вадай и Фецанъ были по-прежнему очень дѣятельны, только европейцы не имѣли въ этихъ сношеніяхъ своей привычной доли, въ качествѣ посредниковъ торговли. По свѣдѣніямъ, собраннымъ упомянутымъ выше американцемъ Праутомъ, торговля Кордофана въ 1876 году выразилась слѣдующими цифрами: привозъ простирался до 1.250.000 франковъ,

¹⁾ l'route;—Wilson and Felkin, цитированнаго сочиненія;—Cuny, „Journal de Voyage de Siout à El-Obeid“.

²⁾ Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

¹⁾ „Esploratore“, giugno 1882.

²⁾ Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

вывозъ до 3.312.000 франк., такъ что общая сумма оборотовъ вѣншей торговли равнялась 4.562.000 франковъ.

Эль-Обейдъ не представляетъ вида сплошнаго города: это скорѣ совокупность деревень, среди которыхъ встрѣчаются тамъ и сямъ кирпичные дома, построенные «на христіанскій манеръ». Вокругъ южнаго квартала, составляющаго собственно городъ, почти всѣ жилища—простые токулы, такіе же, какъ и въ настоящихъ деревняхъ, землянки, размыаемыя сильными дождями ¹⁾, хижины изъ циновки или древесныхъ вѣтвей, окруженныя живыми изгородями изъ колючихъ растений для того, чтобы верблюды не могли пробираться въ самое жилище и грызть находящіяся тамъ ткани и веревки. Населеніе распредѣлилось по кварталамъ, сообразно племенному происхожденію и національности: тутъ живутъ купцы племени джалинъ или данагла; тамъ поселились нубасы, далѣе такруры, иммигранты изъ Дарфура, варварійцы; до войны около четырехсотъ или пятисотъ грековъ имѣли свои лавки въ центрѣ южнаго квартала. Нѣсколько садовъ раскинулись по берегамъ херановъ или песчаныхъ ложъ, иногда сырыхъ, которые перерѣзываютъ городъ въ разныхъ направленіяхъ, но почти всѣ хижины окружены полями, засѣянными дохномъ. Во время засухъ между хатами видны лишь голыя пыльные пространства, и городъ представляетъ невеселое зрѣлище; но къ концу харифа, дождливаго сезона, когда растительность развивается во всей своей красѣ, вѣншіе кварталы Эль-Обейда имѣютъ видъ обширныхъ луговъ, и конусообразныя крыши токулей едва видны надъ волнующимся моремъ дохна съ красными колосьями. До войны населеніе Эль-Обейда, со включеніемъ подгородныхъ деревень, исчислялось въ 30.000 человекъ. Одинъ итальянскій путешественникъ говоритъ даже, что оно доходило до сотни тысячъ; но, вѣроятно, столица Кордофана почти совершенно опустѣла съ того времени, какъ махди приказалъ, подъ страхомъ смерти, покинуть кирпичные дома и жить либо въ палаткѣ, либо въ хижинѣ изъ древесныхъ вѣтвей, дабы никакой вѣншій признакъ не свидѣтельствовалъ о неравенствѣ между мусульманами, которые всѣ должны быть равны, какъ «дѣти одного Отца» ²⁾.

Къ юго-западу отъ Эль-Обейда, одна группа селеній имѣетъ нѣкоторую важность—это городъ Абу-Харазъ, лежащій въ широкой, поросшей лѣсомъ, долинѣ, среди садовъ, обвѣсѣнныхъ живыми изгородями. Другой городъ, Мельбейсъ, построенъ въ ложцѣ, близъ лужи, которую наполняютъ воды, текущія съ Кордо-

фанскихъ горъ. Неподалеку оттуда, на берегахъ хора Кашгиль, притока рѣки Абу-Габле, происходила въ 1883 году рѣшительная битва, положившая конецъ египетскому господству истребленіемъ одиннадцатитысячной арміи. Въ то же время престижъ европейцевъ сильно упалъ въ глазахъ туземцевъ, потому что египетскими войсками командовалъ англичанинъ, генералъ Гиксъ, и большинство его офицеровъ состояли до того на службѣ въ британской арміи. Во всемъ бассейнѣ Нила стояла молва, быстро переходившая отъ племени къ племени, разглашала, что Англія была побѣждена грознымъ махди. Пушки «невѣрныхъ» тщетно гремѣли противъ воинновъ, посланныхъ Богомъ.

Вдоль большихъ караванныхъ дорогъ въ Кордофанѣ до недавняго времени были протянуты проволоки электрическаго телеграфа, котораго сильно побаивались туземцы: многіе изъ нихъ едва осмѣливались говорить въблизи этихъ чудодѣйственныхъ желѣзныхъ нитей, опасаясь, какъ бы ихъ голосъ не былъ услышанъ въ Хартумѣ или въ Египтѣ ³⁾. Къ сѣверу отъ Эль-Обейда, главный городъ, лежащій на караванной дорогѣ между Кордофаномъ и колѣномъ Нила у Даббе,—Бара, основанный довольскими купцами. Подъ дарфурскимъ господствомъ, до нашествія египтянъ, это торговое мѣсто находилось въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: въ то время, гласитъ преданіе, «всѣ барскія женщины, даже самыя бѣдныя, имѣли золотыя серьги, золотые или серебряные браслеты и цѣпочки». Близъ Бары происходила, въ 1821 году, битва, доставившая египтянамъ обладаніе Кордофаномъ, и за которую отмстило, черезъ два поколѣнія, еще болѣе кровопролитное сраженіе при Кашгиль. Однимъ изъ этаповъ на дорогѣ между Барой и Даббе служитъ Каймарскій или Каджмарскій оазисъ, гдѣ находится маленькое перемежающееся озеро, наполненное соленой водой; но колодцы въ окрестностяхъ этого озера даютъ прѣсную воду, почти столь же хорошую, какъ нильская. Недалеко оттуда, въ массивѣ Джебель-Гараза, на одной скалѣ вырѣзаны курьезные рисунки, видѣнные французскимъ путешественникомъ Лежаномъ и представляющіе, вѣроятно, набѣгъ или облаву на людей; одно изъ дѣйствующихъ лицъ, гигантскаго роста, имѣетъ бороду клиномъ и одѣто въ костюмъ, довольно похожій на костюмъ франковъ во времена первыхъ крестовыхъ походовъ. За этой горой, на дорогѣ въ Даббе, простирается оазисъ Эль-Сафи, одинъ изъ лучшихъ во всей Африкѣ по богатству и великолѣпію своей растительности. Хотя необитаемый постояннымъ образомъ, этотъ оазисъ можетъ быть разсматриваемъ какъ центръ на-

¹⁾ G. Lejean, «Voyage aux deux Nils».

²⁾ O-Kelly, «Spectator», may 3, 1884.

³⁾ Wilson and Felkin, «Uganda and the Egyptian Sudan».

вѣрно возникъ бы даже большой городъ, если бы съ обѣихъ сторонъ Нила не простиралась безпредѣльная пустыня. Здѣсь великая рѣка, текущая до того къ сѣверо-западу, вдругъ поворачивается на юго-западъ и въ этомъ направленіи описываетъ большую дугу, оканчивающуюся въ 400 километрахъ сѣвернѣе. Чтобы избѣгнуть этого огромнаго обхода, купеческіе караваны должны покидать Нилъ и слѣдовать въ продолженіе семи или восьми дней дорогой, пролегающей черезъ скалы и пески пустыни. Значительный островъ, Могратъ, расширяетъ долину Нила, на югъ отъ Абу-Гамеда, и даетъ этому рынку болѣе обширныя пространства пахатной земли, чѣмъ тѣ, какими располагаютъ почти всѣ другіе нубійскія поселенія. Тѣмъ не менѣе, эта рѣчная пристань, гдѣ садятся на суда и высаживаются купцы изъ Короско, есть не болѣе, какъ кучка бѣдныхъ хижинъ, обитаемая погонщиками верблюдовъ и рыбаками. Правда, въ этой странѣ караванщики не имѣютъ надобности въ магазинахъ или амбарахъ для склада своихъ товаровъ: они сваливаютъ свои тюки прямо на песокъ, подъ покровительство домика или мавзолея, посвященнаго святому Абу-Гамеду, и когда вернутся, спустя мѣсяцы или годы, они найдутъ свою собственность нетронутою, лежащею въ томъ видѣ, какъ оставили ее подъ сѣнью всѣми чтимой гробницы святаго ¹⁾.

Кое-какія развалины встрѣчаются на берегахъ Нила, между Абу-Гамедомъ и четвертымъ водопадомъ, но замѣчательнѣйшіе остатки древности Верхней Нубіи, послѣ памятниковъ Мероэ, находятся ниже этихъ пороговъ. Деревня, лежащая нынѣ въ этомъ мѣстѣ долины, Марауи, носитъ названіе, повидимому, происшедшее отъ имени древней столицы; однако, археологи, основываясь на текстахъ древнихъ писателей, пришли къ тому убѣжденію, что Марауи есть Напата, упоминаемая Геродотомъ: всѣ разобранныя до сихъ поръ надписи единогласны въ этомъ отношеніи. Марауи, у подножія бывшихъ скалъ, занимаетъ важное географическое положеніе, тамъ, гдѣ снова начинается судоходство по Нилу, ниже четвертаго водопада и въ мѣстѣ соединенія двухъ дорогъ изъ Бербера и Шенди, черезъ степь Байуда; одна изъ плодороднѣйшихъ и наименѣе пересыхающихъ долинъ, Уади-Абу-Думъ, соединяется съ Нильскою долиною какъ разъ противъ Марауи. Высокія кучи мусора напоминаютъ разрушенныя памятники, а немного выше по теченію рѣки видны еще остатки большихъ зданий, у основанія величественной горы Баркалы, громадной четырехугольной массы песчаника, поставленной среди равнины, словно пьедесталь, ожидающій статуи; іероглифиче-

ское имя Баркала было «Святая гора», и на вершинѣ ея стоялъ главный храмъ въ честь бога Аммонъ-Ра. Отъ храма уцѣлѣли кое-какіе остатки, достаточные для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе относительно египетскаго происхожденія этого памятника, сооруженіе котораго приписываютъ Рамзесу Великому; однако, имя Аменемхи II тоже встрѣчается на баранахъ и на одномъ гранитномъ львѣ, въ натуральную величину. Въ 1863 году, Мариетъ открылъ между памятниками Баркала пять четырехугольных колоннъ, представляющихъ высокій научный интересъ, такъ какъ вырѣзанныя на нихъ надписи доказываютъ, что въ ряду египетскихъ династій должно быть отведено видное мѣсто Эѳіопіи: въ продолженіе періода, обнимающаго пятьдесятъ одинъ годъ, три эѳіопскихъ царя, имѣвшихъ резиденцію въ Нубіи, господствовали надъ большей частью Египта ¹⁾; одинъ изъ нихъ, Тахрака, велъ войны даже въ Азіи. Европейскіе музеи обладаютъ многими древностями съ горы Баркала.

Группы пирамидъ поднимаются въ сосѣдствѣ храма Аммонъ-Ра; но замѣчательнѣйшія постройки этого рода, въ числѣ двадцати пяти, находятся на лѣвомъ берегу Нила, близъ деревни Нури. Эти послѣднія, превосходя величиной пирамиды въ Мероэ, менѣе хорошо сохранились, по причинѣ меньшей твердости песчаника, и почти всѣ утратили уже свою наружную облицовку изъ шлифованныхъ камней: во внутренности видны своды, способъ подпоры, изобрѣтеніе котораго еще недавно приписывалось этрускамъ, но который теперь нашли также въ разныхъ странахъ Востока ²⁾, между прочимъ въ Саггарахъ, въ гробницахъ шестой династіи ³⁾. На югъ отъ Нури, въ долину уади Абу-Думъ, видны руины красивой церкви и монастыря въ византійскомъ стилѣ; но нигдѣ, на лѣвомъ берегу рѣки, незамѣтно слѣдовъ важнаго города, какимъ должна была быть Напата, на сѣверномъ берегу. Вся эта страна нѣкогда была густо населена. Ниже группы построекъ, центръ которыхъ составляетъ селеніе Марауи, разсыяны многочисленныя развалины, принадлежащія къ различнымъ историческимъ эпохамъ: пирамиды, относящіяся къ давно минувшимъ вѣкамъ египетской цивилизации, церкви и монастыри, напоминающіе византійское вліяніе; крѣпостцы, построенныя въ періодъ, слѣдовавшій за торжествомъ ислама.

Вершина кривой, которую описываетъ Нилъ, прежде чѣмъ снова принять сѣверное направленіе, не могла не сдѣлаться, такъ же какъ излучина при Абу-Гамедѣ, сборнымъ пунктомъ

¹⁾ Ernest Desjardins, "Revue des Deux Mondes", 15 mars 1874.

²⁾ Caillaud, "Voyage à Méroé";—Trémaux, "Voyage en Éthiopie";—Hoskins, "Travels in Ethiopia".

³⁾ Maspero, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Caillaud, "Voyage à Méroé";—Trémaux, "Voyage en Éthiopie".

England, вмѣсто «земля англовъ» или англичанъ), простирается къ западу отъ Кордофана, на дорогѣ къ Нигеру. Страна эта не вся принадлежитъ къ бассейну Нила: западная ея покатость, посѣщенная еще немногими путешественниками и потому мало изслѣдованная, кажется, теряетъ свои воды въ пониженіяхъ почвы, не имѣющихъ выхода; но если бы дожди были достаточно обильны, то хераны этой области, по всей вѣроятности, превратились бы въ постоянные потоки и достигали бы озера Цадъ или Чады. Воды, текуція по нильской покатости, тоже теряются въ равнинѣ, по крайней мѣрѣ въ сухое время года, такъ какъ въ сезонъ харифа, ручьи, берущіе начало въ южной части горъ Марра, настолько многоводны, что доходятъ до Бахрѣ-эль-Араба. Уади-Мелекъ или Уадъ-эль-Мекъ, то-есть «Царская долина» (называемый также Уади-Массуль), который направляется на сѣверо-востокъ отъ Дарфура къ большому изгибу Нила, тоже катитъ воду въ дождливые годы, можетъ-быть, въ продолженіе десяти или пятнадцати дней; но этотъ временный потокъ никогда не достигаетъ Нила, и устье его заграждено сыпучими песками. Это огромное рѣчное ложе, почти всегда сухое, могло бы вмѣщать жидкую массу, не меньшую той, какую заключаетъ русло Роны или Рейна; его высокіе берега, песчанниковые или известковые, перерѣзываемые тамъ и сямъ потоками лавы, отстоятъ одинъ отъ другаго на 5 и до 50 километровъ; деревья тянутся въ низинахъ непрерывнымъ рядомъ въ видѣ ленты зелени¹⁾. Восточная половина Дарфура, принадлежащая къ бассейну Нила, — самая важная область съ политической точки зрѣнія, вѣроятно, по причинѣ торговаго притяженія, производимаго Нильскими городами, и само собою разумѣется, жители скучены въ наибольшемъ числѣ въ сосѣдствѣ горъ, гдѣ вода течетъ всего обильнѣе. Въ этомъ отношеніи Дарфуръ производитъ Кордофанъ, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: вокругъ центральной области, усаженной постоянными деревьями, тянется поясъ травяныхъ степей или саваннъ, и пустыни. Такая страна, очевидно, не можетъ имѣть точныхъ границъ: какъ на урочища, на мѣста перехода изъ одной страны въ другую, путешественнику указываютъ на какія-нибудь становища помадовъ, колодцы, роицы акацій или кустарника, на лежащія среди степи кости верблюдовъ и тому подобныя замѣтки. Поэтому въ настоящее время невозможно опредѣлить, насколько приближается къ истинѣ цифра 500.000 кв. километровъ, обыкновенно принимаемая за мѣру поверхности Дарфура и причисляемыхъ къ нему земель: на сѣверѣ пустыня, на востокъ Кордофанъ, на югѣ течение

Бахрѣ-эль-Араба, на западѣ территорія Вадай ограничиваютъ это пространство, народонаселеніе котораго, по Нахтигалю, состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 4 миллионѣвъ челоѣкъ²⁾. Впрочемъ, Мазонъ, который тоже посѣтилъ этотъ край, не думаетъ, чтобы число жителей его превышало два миллиона душъ³⁾.

Дарфуръ, главный городъ котораго отстоитъ болѣе чѣмъ на 600 километровъ отъ Нила по прямой линіи, слишкомъ удаленъ отъ этой большой дороги торговаго движенія, чтобы быть часто посѣщаемымъ иностранными купцами или путешественниками. Онъ не былъ даже извѣстенъ, развѣ только по имени, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда въ первый разъ вошелъ въ исторію географіи, благодаря путешествію англичанина Броуна, который оставался три года въ странѣ, впрочемъ, скорѣе въ качествѣ плѣнника, чѣмъ въ качествѣ свободнаго челоѣка⁴⁾. Одинъ арабъ, шейхъ Могамедъ-эль-Тунси, то-есть «Тунисскій», долѣе прожилъ въ Дарфурѣ и составилъ интересное описаніе этой страны, которое впоследствии было переведено на французскій языкъ⁴⁾ и до сихъ поръ не утратило цѣны, заключаая въ себѣ очень много полезныхъ свѣдѣній объ исторіи, нравахъ и обычаяхъ дарфурцевъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи французъ Кюни (въ 1858 году) явился къ эль-Фашерскому двору, но умеръ тамъ таинственной смертію черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ, при чемъ даже его путевой журналъ, веденный во время слѣдованія изъ Эль-Обейда въ Эль-Фашеръ, не сохранился; повелитель Дарфура, безъ сомнѣнія, хотѣлъ оправдать прозвище, данное его государству: «Мышеловка для невѣрныхъ». «Гяуры, говорили дарфурцы, могутъ входить въ страну во всякое время, но оттуда они никогда не выходятъ». Только третьему европейскому посѣтителю, Нахтигалю, выпала честь описать, первому въ настоящемъ столѣтіи, внутренность такъ мало извѣстнаго края. Этотъ изслѣдователь былъ еще въ Дарфурѣ, какъ уже негроторговецъ Зиберъ началъ его завоеваніе, dokonченное вскорѣ послѣ того отъ имени египетскаго правительства. Страна была открыта путешественникамъ, и европейскіе офицеры генеральнаго штаба могли приступить къ составленію ея карты; но египетская оккупанція не продолжалась и десяти лѣтъ: губернаторъ, назначенный хедивомъ, былъ арестованъ возмущившимися мусульманами, и граница Дарфура снова сдѣлалась на время запретной для изслѣдователей.

Мало найдется земель, гдѣ бы можно было съ большимъ правомъ, чѣмъ въ Дарфурѣ, дать названіе остова или костяка горамъ страны:

¹⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1875, № VIII.

²⁾ Тотъ же сборникъ, 1880 г.

³⁾ W. G. Browne, „Travels in Africa“, 1799.

⁴⁾ Cuny, цитированное сочиненіе; — Sidney Ensor, „Journey through Nubia to Darfour“, — Colston, „Reconnaissance of Massoul“.

⁴⁾ Cheikh Mohammed ebn-Omar, el Tounsy, „Voyage au Darfour“, trad. par Perron.

вокругъ этихъ каменныхъ выступовъ рельефа, какъ вокругъ костей скелета, расположенъ и тѣсно съ ними связанъ весь живой организмъ — ручьи, растенія, животныя, человекъ и его исторія. Безъ горъ Марра не было бы и Дарфура. Эта горная цѣпь, состоящая изъ лавъ и гранитовъ и представляющая въ цѣломъ форму полумѣсяца, начинается на сѣверѣ отъ четырнадцатаго градуса широты и тянется въ южномъ направленіи на пространствѣ 200 километровъ, послѣ чего поворачиваетъ къ западу. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Нахтигаль перешелъ ее, около сѣверной ея оконечности, она носитъ имя Керакери, которое значитъ «обвалъ» и дано по причинѣ каменныхъ глыбъ, обвалившихся тысячами на склонахъ. На самомъ высокомъ порогѣ, черезъ который переходитъ дорога изъ Вадаи въ Эль-Фашеръ, этотъ путешественникъ нашелъ приблизительную высоту 1.066 метровъ, которую сосѣднія вершины превышаютъ на 150—300 метровъ. Въ продолженіе кратковременной оккупации края офицеры египетской арміи, а именно Мазонъ, Порди, Месседаля, изслѣдовали частію внутренность массива, измѣривъ нѣкоторыя вершины, господствующія надъ совокупностію гранитныхъ хребтовъ: одна изъ нихъ, Тура, въ сѣверной части цѣпи, поднимается на 1.440 метровъ; по Мазону, высшая точка горъ Марра достигаетъ 1.830 метровъ, слѣдовательно, почти на 800 метровъ возвышается надъ равнинами нижняго Дарфура. Въ скалахъ этого массива открываются многочисленные пещеры, изъ которыхъ многія служили прежде темницами: одні для княжескихъ сыновей, другія для визирей ¹⁾.

На сѣверѣ, на югѣ, высятся второстепенныя цѣпи и уединенные массивы, подобные горамъ Кордофана; таковы, на сѣверо-западѣ, величественная гора Гургеръ и стоящій совсѣмъ отдѣльно среди равнины массивъ Джебель-Си, оканчивающійся громадной скалой въ формѣ трона; вокругъ крутыхъ склоновъ этой горы расположилась деревня, защищенная кругообразной оградой ²⁾. Въ отдаленныхъ отъ центральнаго Дарфура мѣстностяхъ тоже есть нѣсколько независимыхъ массивовъ. Границы Вадаи, около сѣверо-западнаго угла Дарфура, указываются издали массивомъ Джебель-Абу-Ахразъ, или «Горой Отца Акацій»; другой массивъ, лучше извѣстный, потому что онъ господствуетъ на западѣ надъ караванной дорогой изъ Кобе въ Сіутъ, разставилъ свои острокопечныя вершушки, Джебель-Доръ, Джебель-Анеа, на продолженіи оси горъ Марра; на сѣверо-востокъ Дарфура массивъ Джебель-Медобъ возвышается на 1.100 метровъ свои песчаниконныя стѣны и гранитные куполы, пробитые тамъ и сямъ потоками лавы; далѣе тянется плато

массива Джебель-Айнъ, окаймленное «Королевскимъ» уади. На востокъ, Джебель-эль-Гилетъ, вокругъ котораго идетъ дорога изъ Эль-Фашера въ Эль-Обейдъ, и на югъ, въ гидрографическомъ бассейнѣ Бахръ-эль-Араба, многочисленныя массивы тоже стоятъ уединенно, не соединяясь никакимъ промежуточнымъ выступомъ рельефа съ системой горъ Марра. Одна изъ этихъ группъ холмовъ, Джебель-Хадидъ, очень богата желѣзными рудами. Километрахъ въ пятидесяти къ юго-западу отъ другаго массива, Джебель-Данго, въ мѣстности совершенно гладкой, находятся мѣдные рудники Гофра, славящіеся по всей центральной Африкѣ. Разрабатываемая нынѣ рудная жила залегаетъ на правомъ берегу Бахръ-эль-Фертита, притока Бахръ-эль-Араба. Здѣсь искателями руды вырыта огромная яма въ 150 метровъ длины, въ 15 метровъ ширины и въ 3 метра средней глубины; со всѣхъ сторонъ вокругъ этой ямы, на пространствѣ 500 километровъ, пробурены шахты, теперь заброшенныя ³⁾. Главнымъ образомъ въ виду завоеванія этихъ мѣдныхъ рудниковъ, хедивъ и велѣлъ оккупировать Дарфуру ⁴⁾. Вообще, немногія области породили больше войнъ между африканскими народами, чѣмъ эти рудныя мѣсторожденія, теперь не имѣющія никакой цѣны.

Дожди и воды уади регулируются порядкомъ движенія атмосферныхъ теченій, точно такъ же, какъ и въ Кордофанѣ; однако, болѣе значительная средняя высота и большее протяженіе высотъ Дарфура, кажется, имѣютъ то слѣдствіе, что здѣсь болѣе задерживаются на проходѣ дождливыя вѣтры, чѣмъ обезпечивается въ странѣ болѣе обильное орошеніе. Около центра гористой области, въ замкнутомъ амфитеатрѣ, покоится озеро, которое еще не было посѣщено ни однимъ европейскимъ путешественникомъ. Дожди болѣе обильны въ западной полосѣ Дарфура; кромѣ того, такъ какъ вогнутая сторона полумѣсяца горъ обращена къ западу, то потоки этого склона имѣютъ сходящееся направленіе, которое приноситъ главной водной артеріи, Уади-Азуму, относительно значительную жидкую массу; однако, ложе этой рѣки бываетъ сухимъ въ продолженіе извѣстной части года. На выпуклой отлогости горъ Марра потоки, расходясь въ разныя стороны отъ востока къ югу, не успѣваютъ всѣ соединить свои песчаныя русла въ одну общую гидрографическую систему и теряются одиноко въ пустынѣ; только на южной покатости, гдѣ дожди выпадаютъ чаще, рѣки имѣютъ болѣе длинное теченіе и составляютъ настоящіе рѣчные бассейны. Такъ, въ сезонъ дождей, Уади-Амуръ помогаетъ другому временному потоку, Уади-

¹⁾ Purdy, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, mai 1880.

²⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sudan“.

³⁾ Mohammed el Tounsy, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Messadaglia, „Esploratore“ 1880, № 2.

эль-Ко, наполнять рахадъ или озеро, довольно обширное, куда ходитъ на водопой скотъ баггарасовъ племени ризегать. Далѣе на западѣ, другіе уади катятъ въ періодъ харифа (дождливаго времени) столько воды, что ихъ потокъ, замедляемый недостаткомъ ската, разстилается въ видѣ обширныхъ временныхъ озеръ, гдѣ песчанья дюны, глинистые бугры являются въ видѣ острововъ. Есть даже степныя озера, напримѣръ, Таймо, гдѣ находятъ воду въ самое сухое время года; однако, Вильсонъ и Фелькинъ рассказываютъ, что въ Шеккѣ, въ сухіе мѣсяцы года, жители употребляютъ, вмѣсто воды, сокъ арбузовъ для хозяйственныхъ надобностей, и даже скотъ поить тѣмъ же сокомъ, за неимѣніемъ другой жидкости для питья. Верхній Бахръ-эль-Арабъ, получающій излишекъ воды всѣхъ уади южнаго Дарфура, течетъ видимымъ образомъ круглый годъ, а въ ложѣ Бахръ-эль-Фертита, сѣвернаго притока Бахръ-эль-Араба, всегда находятъ воду на глубинѣ нѣсколькихъ сантиметровъ отъ поверхности дна; рыбы удаляются въ глубокія лужи, выртыя потокомъ у подошвы высокихъ береговъ, линія которыхъ изгибается въ формѣ полумѣсяца; въ продолженіе харифа, эта рѣка, говорятъ, судоходна. Южная область, часто затопляемая, поставлена, въ санитарномъ отношеніи, въ менѣе благоприятныя условія, тогда какъ сѣверная, болѣе сухая и въ то же время болѣе возвышенная, пользуется здоровымъ климатомъ.

Флора Дарфура точно такая же, какъ и флора Кордофана, по крайней мѣрѣ въ той части, которая не орошается притоками Бахръ-эль-Араба; дикія растенія и животныя, равно какъ культивируемые растительные виды и домашній скотъ, нисколько не разнятся въ этихъ двухъ областяхъ: одинаковымъ климатическимъ поясамъ соотвѣтствуютъ одинаковыя живущія формы и одинаковыя произведенія; только западная часть Дарфура, гдѣ воды обильнѣе и слой растительной земли толще, гораздо болѣе богата органическими видами¹⁾. Какъ въ той, такъ и въ другой странѣ, лѣса и рощи встрѣчаются только на берегахъ уади, а промежуточные пространства имѣютъ характеръ степи или даже пустыни. Акаціи, тамаринды, сикоморы—самыя распространенныя древесныя породы. Исполнскій баобабъ, дупломъ котораго и въ Дарфурѣ пользуются какъ цистерной, наполняемой водой про-запасъ на время засухи, имѣетъ свой сѣверный предѣлъ около середины страны. Въ горахъ молочаи съ канделябромъ напоминаютъ флору эіопскихъ плоскогорій; тамъ же встрѣчаются еще кедры, лимонныя, апельсинныя, гранатныя деревья, напоминавшія итальянцу Месседаля его родину²⁾. Плоды тамаринда, приготовленные въ

формѣ маленькихъ хлѣбцевъ, вывозились до войны въ Нубію и Египетъ. Одно изъ наиболѣе цѣнныхъ деревьевъ — хигликъ или бала-нитъ (*balanites aegyptiaca*), плодъ котораго, пренебрегаемый въ странѣ Рѣкъ, употребляется дарфурцами въ пищу; изъ того же плода, превращеннаго въ тѣсто съ примѣсью толченыхъ корней, готовятъ мыло; молодые листья и побѣги служатъ приправой къ кушаньямъ; изъ золы дѣлаютъ родъ рассола, тоже утилизируемаго въ хозяйствѣ; наконецъ лучины изъ этого дерева, горящаго безъ дыма, употребляются для освѣщенія. Вообще хигликъ для дарфурцевъ то же самое, что финиковая пальма для египтянъ³⁾. Пальмовыя деревья здѣсь рѣдки; однако въ западныхъ округахъ растетъ во множествѣ винная пальма (*grahia vinifera*). Дарфуръ и Кордофанъ заключены между двумя поясами растительности: на сѣверѣ—поясъ финиковой пальмы, на югѣ—поясъ пальмы де-лебъ⁴⁾.

Равнымъ образомъ на югъ отъ Дарфура проходитъ сѣверный предѣлъ лѣснаго пояса; но благодаря дождямъ, онъ вдается къ сѣверу въ бассейнъ Бахръ-эль-Арабъ. Тамъ простираются густые лѣса Эль-Халла, въ которыхъ бродятъ слоны, носороги, жирафы, буйволы, преслѣдуемые баггаранскими охотниками изъ племени камбаніе или габаніе. Антилопы разныхъ породъ, страусы тоже водятся во множествѣ въ окружающихъ степяхъ; однако, излюбленнымъ мѣстомъ жительства для этихъ бѣгающихъ птицъ служатъ равнины въ сѣверныхъ провинціяхъ, откуда и получаютъ самыя красивыя страусовыя перья. Въ обширныхъ степяхъ, раздѣляющихъ Кордофанъ и Дарфуръ, пастухи-номады, дважды въ годъ, передъ и послѣ дождливаго сезона, устраиваютъ генеральную облаву на дикаго звѣря. Всѣ домашнія животныя племени, какъ верховныя, такъ и вьючныя—верблюды, лошади и быки, требуются для участія въ этомъ дѣлѣ и идутъ вмѣстѣ съ людьми, въ избранную для охоты мѣстность, гдѣ загонщики становятся на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, образуя кругъ, для того, чтобы гнать звѣря ко входу въ ближайшее ущелье, устланное желѣзными ловушками, и входы котораго хорошо охраняются. Конные охотники бросаются на попавшихся въ плѣнъ животныхъ и убиваютъ ихъ, прежде чѣмъ тѣ успѣютъ разломать предательскіе снаряды или высвободиться изъ нихъ: иногда на такой общей облавѣ въ одинъ день убивается до трехсотъ головъ крупнаго звѣря: антилопъ, гну, буйволовъ, и племя можетъ уплатить подати, часто остающіяся въ недомкѣ⁵⁾. Въ южной части Дар-

¹⁾ Purdy;—Nachtigal, цитированныя статьи.

²⁾ „Exploratore“, 1880, № 2.

³⁾ F. de Lesseps, „Nouvelles annales des Voyages“, 1857;—Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ G. Schweinfurth, „Petermann's Mittheilungen“, 1868.

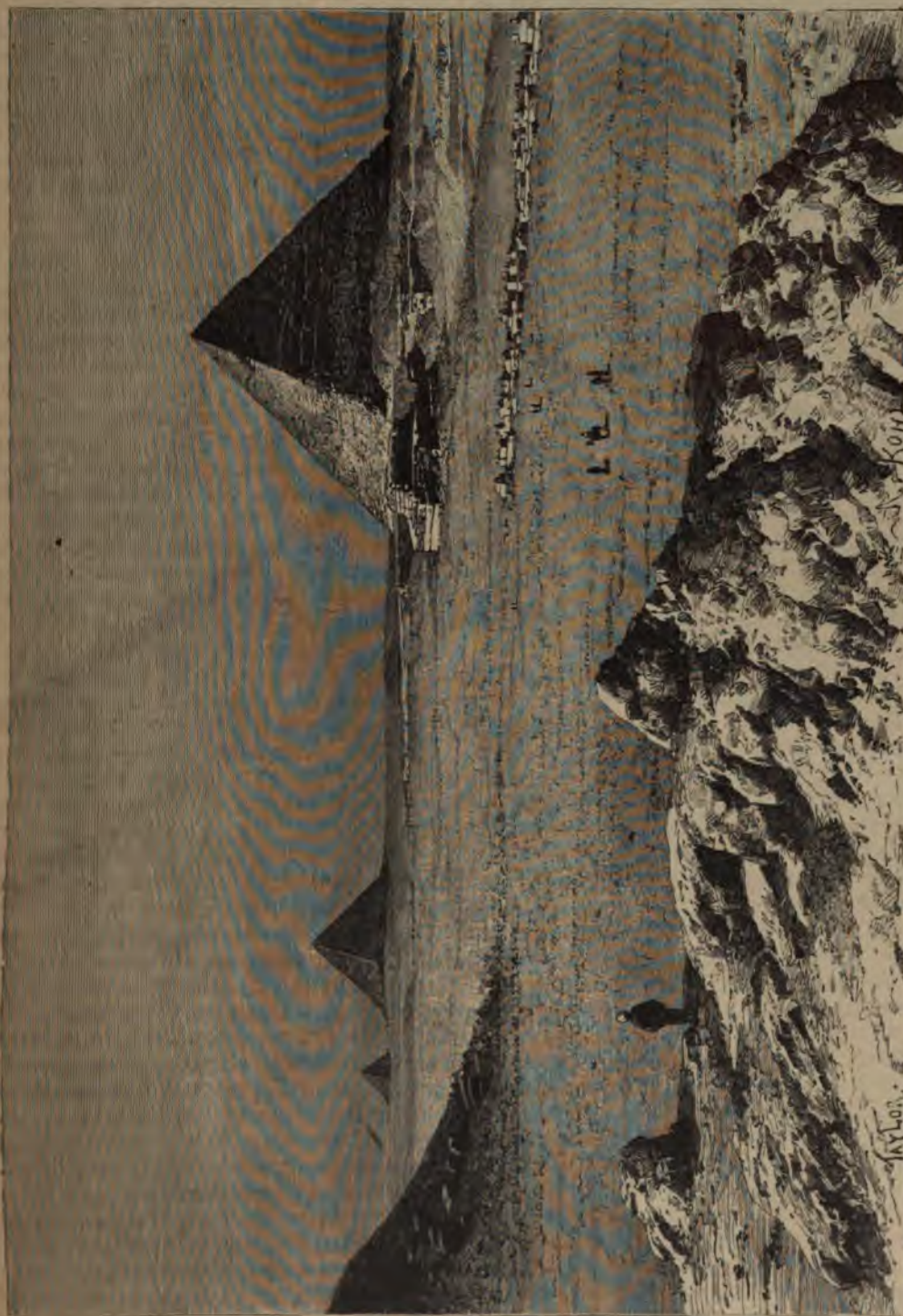
⁵⁾ Kotschy;—Hartmann, „Die Nilländer“.

фура, бѣлые муравьи, или *ардха*, образуютъ такія многочисленныя колоніи, что цѣлые лѣса истребляются этими насекомыми ¹⁾. Во время неурожая жители страны питаются термитами,

мидами «бѣлыхъ муравьевъ»; термиты массами собѣгаются на свѣтъ, и туземцы наполняютъ ими цѣлые ящики, «какъ въ Греціи коринкой» ¹⁾.

Раса «чистокровныхъ дарфурцевъ», какъ

Вторая, третья и четвертая пирамиды.

смѣшанными съ плодами тамаринда. Послѣ заката солнца они зажигаютъ огни передъ пира-

михъ называлъ упомянутый выше арабскій путешественникъ Могамедъ Тунисскій, населяетъ гористую область въ центрѣ страны. Насколь-

¹⁾ Parry, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, mai 1890.

¹⁾ Potagos, „Reisen im Gebiete des Nil und Uelle“.

ко можно судить по рѣдкимъ представителямъ тѣхъ племенъ, которыя были изучаемы путешественниками, это—нигриційцы чернобураго цвѣта, съ приплюснутымъ носомъ, съ низкимъ, подавшимся назадъ лбомъ; они дѣлятся на нѣсколько группъ, изъ которыхъ главная—кунджарцы, до недавняго времени господствовавшіе въ странѣ и управлявшіе Кордофаномъ, до прибытія египтянъ. Называемые въ на-смѣшку Насъ-эль-Белидъ, то-есть «глухимъ народомъ», дарфурцы по крайней мѣрѣ тѣмъ выгодно отличаются отъ своихъ сосѣдей, что имъ чужды характеризующія послѣднихъ жадность и жестокость: подъ ихъ управленіемъ, население Кордофана возросло и пользовалось матеріальнымъ благосостояніемъ, тогда какъ со времени ухода кунджарцевъ оно обѣднѣло и уменьшилось въ числѣ. Кунджарскій языкъ, самый распространенный, послѣ арабскаго, изъ языковъ, которыми говорятъ въ Дарфурѣ, принадлежитъ, можетъ-быть, къ нубійской группѣ; однако, Лепсіусъ констатировалъ существенныя различія между идіомами нубійцевъ и кунджарцевъ¹⁾. Номады племени масабатъ, кочующіе въ равнинахъ между Дарфуромъ и Кордофаномъ, тоже, кажется, дарфурской расы, хотя они не знаютъ никакого діалекта, кромѣ арабскаго²⁾. Кромѣ того, есть множество народцевъ, которыхъ не знаешь, какъ классифицировать, хотя сами они называютъ себя арабами, чтобы дать себѣ болѣе благородное происхожденіе; но большинство ихъ, вѣроятно, той же расы, что и дарфурцы. Могущественныя племена массалитовъ, изъ которыхъ многія живутъ въ полной независимости на западныхъ границахъ Дарфура и въ Удаѣ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыхъ считаютъ происходящими отъ аборигеновъ. До недавняго времени эти племена находились въ постоянной борьбѣ съ габаніеками, занимающими преимущественно южную область Дарфура, но теперь миръ между ними возстановленъ. По словамъ Нахтигала, нѣкоторые изъ этихъ народцевъ еще въ недавнюю эпоху предавались людоедству.

Сѣверная часть страны, на границахъ пустыни, между Кордофаномъ и Удаемъ, населена эмигрантами барабра, зогавахами, бидейатами, нѣкоторыми другими племенами и даже бишаринами изъ восточной Нубіи³⁾. Переселенцы изъ Удаа довольно многочисленны въ Дарфурѣ и такъ же, какъ другіе, поселившіеся въ этой странѣ уроженцы западныхъ странъ, извѣстны вообще подъ именемъ такруровъ или такарировъ. Фуласы, принадлежащіе къ той же расѣ, какъ и одноименные туземцы западной Африки, гомры, гамры или бени-гамраны, очень богатые верблюдами и указывающіе на

Марокко какъ на свою первоначальную родину, тоже колонизовали Дарфуръ; они живутъ преимущественно на сѣверо-востокѣ отъ горъ Марра, въ оазисѣ Омъ-Бедръ, и на западѣ, въ Уади-Баре, гдѣ занимаются колдовствомъ; нѣкоторые изъ ихъ родовъ пробрались даже въ Кордофанъ. По словамъ путешественника Энсора, гомры отличаются отъ другихъ обитателей Дарфура уваженіемъ, которое они оказываютъ своимъ женщинамъ. Огромное большинство чужеземцевъ состоитъ изъ арабовъ или обарабившихся инородцевъ, пришедшихъ съ сѣвера и съ востока. Уже многіе вѣка тому назадъ и, быть-можетъ, даже во времена, предшествовавшія геджрѣ, уроженцы Аравійскаго полуострова проникали въ Дарфуръ: тунджуры или тундзеры, нѣкогда господствовавшіе въ странѣ, и потомство которыхъ живетъ еще въ горахъ и въ равнинахъ, лежащихъ къ югу отъ города Эль-Фашеръ, называютъ себя арабами и считаются за таковыхъ, хотя они не магометане, и хотя въ этихъ краяхъ народы классифицируются обыкновенно по религій; Лежанъ полагаетъ, что это тоббусы, пришедшіе съ запада⁴⁾. Что касается кочующихъ въ равнинахъ «арабовъ»-мусульманъ, подразделяющихся на множество мелкихъ народцевъ, то они, очевидно, смѣшаннаго происхожденія, какъ и кордофанскіе якобы-арабы, съ которыми они сходятся нравами и языкомъ. Въ южномъ Дарфурѣ племена принадлежатъ къ большой семьѣ баггарасовъ. По свидѣтельству Могамеда Тунисскаго, дѣти, рожденныя отъ родителей различныхъ расъ, дарфурцевъ и арабовъ, почти всѣ умираютъ въ раннемъ возрастѣ, тогда какъ дѣти, происходящія отъ родителей одной и той же расы, вообще живучи и отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Чохотка — болѣзнь очень рѣдкая, почти неизвѣстная въ Дарфурѣ⁵⁾.

Дарфурская цивилизація имѣетъ мусульманскій характеръ: воспитателями населяющей эту страну націи были, очевидно, арабы. Литература и наука—если можно употребить эти слова, говоря объ умственной жизни народа, едва вышедшаго изъ состоянія варварства—сводятся къ изученію Корана; нѣкоторые обряды чародѣйства, вѣроятно, африканскаго происхожденія, перемѣшаны съ арабскими преданіями; еще въ настоящемъ столѣтіи совершались чело-вѣческія жертвоприношенія при большихъ царскихъ церемоніяхъ. При востесствіи на престолъ новаго государя и въ нѣкоторыхъ другихъ торжественныхъ случаяхъ, два брата-юноши приносились въ жертву съ большой помпой, и высшіе сановники государства, вмѣстѣ съ султаномъ, ѣли ихъ мясо⁶⁾. Земледѣліе, находящееся еще въ первобытномъ состояніи,

¹⁾ R. N. Cust, „Modern Languages of Africa“.

²⁾ Nachtigal, цитированная статья.

³⁾ Purdy, цитированный мемуаръ.

⁴⁾ „Voyage aux deux Nils“.

⁵⁾ Bordier, „Géographie médicale“.

⁶⁾ Werner Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

такъ какъ орудіемъ для распашки почвы тамъ служить еще родъ мотыки, которую пахарь тащить за собой, ходя по нивѣ ¹⁾—земледѣіе пользуется, тѣмъ не менѣе, большимъ уваженіемъ: въ прежнее время султанъ дарфурскій, такъ же, какъ король фунджей въ Сеннаарѣ, какъ императоръ китайскій и другіе государи, считалъ за честь быть первымъ сѣятелемъ своего государства. Послѣ дождей онъ выходилъ съ большой торжественностію, въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ государства и сотни молодыхъ и красивыхъ женщинъ, и разбрасывалъ сѣмена по заранѣ приготовленному полю: всѣ придворные и сановники слѣдовали его примѣру; затѣмъ народъ сѣялъ, въ свою очередь, каждый на своемъ полѣ, и когда наступала жатва, вознаграждавшая его трудъ, вѣрноподанный возносилъ свое чувство благодарности къ султану-пахарю. Почти вся область горъ совершенно воздѣлана въ видѣ террасъ и производитъ разнаго рода хлѣбъ и хлопчатку; въ равнинѣ же, по словамъ Энсора, запахивается никакъ не болѣе одной сотой части годныхъ къ обработкѣ земель. Промышленность въ Дарфурѣ мало развита, исключая разнѣ производства корзинъ и разныхъ издѣлій гончарнаго искусства; однако, бумажныя матеріи, выдѣлываемыя въ палаткахъ номадовъ, отличаются замѣчательной прочностію и высоко цѣнятся: для носки ихъ всегда предпочитаютъ подобнымъ же матеріямъ европейской или американской фабрикаціи, привозимымъ купцами изъ Донголы; эти послѣднія ткани утилизируются главнымъ образомъ въ видѣ монетъ ²⁾; пластинки соли тоже употребляются какъ мѣновой знакъ.

Со времени присоединенія Дарфура къ громадному протяженію египетскихъ владѣній, установились частыя торговыя сношенія съ Ниломъ: караваны стали часто ходить взадъ и впередъ между городомъ Эль-Фашеромъ и великой рѣкой черезъ рынки Кордофана, или иногда прямо къ Даббе, на большомъ изгибѣ рѣки. Въ 1875 году египетское правительство даже велѣло составить планъ будущей желѣзнодорожной линіи, которая должна направиться по нормальній дорогѣ, то-есть по дорогѣ, представляемой ложемъ Уади-Мелека и вообще избѣгаемой караванами, по причинѣ опасности впаденій ³⁾. До египетскаго завоеванія почти вся торговля Дарфура съ остальнымъ міромъ производилась посредствомъ «великаго каравана», который питали, какъ притоки главную рѣку, многочисленные второстепенныя кафилы, отправлявшіеся съ береговъ озера Цадъ въ Нигера. Каждый годъ или только каждыя два или три года, смотря по политическому поло-

женію и по состоянію рынковъ, такрускіе пилигримы въ сѣверномъ Дарфурѣ организовали изъ себя кафилы, и къ нимъ присоединялись купцы, чтобы за-разъ сдѣлать и благочестивое дѣло, и прибыльную торговую мѣну. Великій караванъ заключалъ иногда тысячи людей и до пятнадцати тысячъ верблюдовъ. Эта движущаяся армія, къ которой, конечно, не осмѣливалось подступить ни одно изъ разбойничьихъ степныхъ племенъ, не направлялась къ Хартуму, ни даже къ Нубійскому Нилу; держа свой путь по звѣздамъ и солнцу и слѣдуя по старымъ слѣдамъ, они шли отъ колодца къ колодцу въ сѣверномъ направленіи и достигали Нила лишь въ Сіутѣ. Подобно кордофанскому каравану, дарфурскій имѣлъ свою особую дорогу, свои колодцы и оазисы, не рискуя очутиться въ несприятномъ положеніи, когда пришлось бы оспаривать у другихъ обладаніе водой источниковъ, встрѣчающихся тамъ и сямъ въ пустынѣ. Впрочемъ, онъ и самъ дробился на нѣсколько отрядовъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ черезъ промежутки въ нѣсколько дней, чтобы дать водѣ время скопиться на двѣ колодцевъ. Когда нужно было снѣшить, въ которые караваны оканчивали весь путь въ сорокъ пять дней; но обыкновенно они останавливались на роздыхъ въ этапныхъ мѣстахъ, въ оазисахъ, и приходили въ долину Нила лишь послѣ двухъ или трехмѣсячнаго путешествія. Привозятъ драгоцѣнныя произведенія центральной Африки: слоновую кость, страусовыя перья, камедь, плоды тамаринда, звѣриныя шкуры, рога носорога—произведенія, къ которымъ прибавлялся и живой товаръ, невольники, евнухи и большинство верблюдовъ каравана, купцы оставались въ Египтѣ около шести мѣсяцевъ, чтобы выждать возвращенія пилигримовъ изъ Мекки; затѣмъ отправлялись обратно въ Дарфуръ, везя разные матеріи, жемчугъ, бусы, чеканное оружіе, предметы легкаго вѣса, но большой цѣнности, для перевозки которыхъ не требовалось длинной вереницы вьючныхъ животныхъ ⁴⁾. Во время французской экспедиціи въ Египетъ, генераль Бонапартъ, желая завязать черезъ большой караванъ сношенія съ дарфурскимъ султаномъ, просилъ его прислать въ обмѣнъ за товары «двѣ тысячи черныхъ невольниковъ, не моложе шестнадцати лѣтъ, сильныхъ и бодрыхъ».

Дарфуръ естественно дѣлится на центральную провинцію, обнимающую гористую область, откуда спускаются воды, и гдѣ почти всегда имѣли пребываніе властители страны, и на окраинныя провинціи, заключающія область степей. Срединный *даръ*, гдѣ находится округъ высокихъ горъ, извѣстенъ подъ именемъ Торра; другіе обозначаются по ихъ географическо-

¹⁾ Mengin, Langlès et Jomard, „Histoire de l’Egypte“.

²⁾ D’Escayrac de Lanture, „Le Désert et le Soudan“.

³⁾ Sidney Ensor, „Incidents on a Journey through Nubia to Darfour“.

⁴⁾ D’Escayrac de Lanture, цитированное сочиненіе.

знакъ истиннаго величія націи, государи Египта могли утилизировать для своихъ завоевательныхъ импульсивную силу, которую давала ихъ арміямъ ранѣе приобрѣтенная цивилизація, и владычество ихъ распространилось далеко за естественныя границы Нильскаго бассейна, проникнувъ даже въ Азію. По Мариетту и большинству египтологовъ, монархія фараоновъ, въ эпоху своего наибольшаго протяженія, обнимала все пространство, заключающееся между экваторіальными странами Верхняго Нила и берегами Каспійскаго моря, между берегами Индійскаго океана и Кавказскими горами. Но военныя экспедиціи всегда являются предвѣстникомъ упадка; при завоевателѣ Рамзесѣ II наденіе идетъ быстрыми шагами, и въ послѣдніе годы царствованія этого фараона въ египетскомъ искусствѣ появляются уже варварскія произведенія, «изваянія, поражающія странной грубостію стили»¹⁾. Сила, происходящая отъ высшей цивилизаціи, въ концѣ концовъ истощилась, и Египетъ былъ, въ свою очередь, завоеванъ: съ того времени, вотъ уже двѣ тысячи двѣсти лѣтъ, онъ постоянно находился подъ владычествомъ иноземныхъ династій.

Политическая и социальная судьба воздѣлывателей египетской почвы ясно опредѣляется средой, въ которой они живутъ. Ниль, общее достояніе націи, наводняетъ всѣ земли разомъ, и прежде чѣмъ земледѣльцы произвели разметку почвы, онъ долженъ былъ сдѣлать также и земли общей собственностію; ирригаціонныя каналы, сдѣлавшіеся необходимыми для земледѣлія съ тѣхъ поръ, какъ обработка почвы перешла за черту пояса періодически затопляемыхъ земель, не могутъ быть вырытаемы и содержимы въ исправности иначе, какъ массами землекоповъ, работающихъ сообща. Слѣдовательно, земледѣльцамъ предоставляется на выборъ одно изъ двухъ: быть всѣмъ равноправными общниками и собственниками земли, или быть всѣмъ рабами господина, туземнаго или иностраннаго. Въ теченіе писанной исторіи осуществлялось послѣднее, каковы бы, впрочемъ, ни были, при фараонахъ, Птолемеяхъ и султанахъ, великолѣпные городы и кажущееся благосостояніе страны. Барельефы памятниковъ показываютъ намъ египетскій народъ уже три тысячи лѣтъ тому назадъ согбеннымъ подъ плетью, какъ согбенъ онъ и въ наши дни, постоянно угнетаемый до крайности налогами: феллахъ не можетъ переходить съ мѣста на мѣсто, какъ это дѣлаютъ бедуины-номады; въ необъятной однообразной равнинѣ дельты или въ узкой долинѣ рѣки нѣтъ ни одного уголка, гдѣ бы онъ могъ попытаться устроить себѣ безопасное убѣжище. Бѣдственное его положеніе безвыходно, будущее безнадежно, а между

тѣмъ онъ страстно любитъ свою родную землю. Вдали отъ береговъ любимой рѣки феллахъ постоянно груститъ и наконецъ умираетъ, снѣдаемый тоской по родицѣ: самые красивые пейзажи—это самые простые.

Вотъ ужъ скоро сто лѣтъ, какъ западно-европейскіе завоеватели оспариваютъ другъ у друга Египетъ, этотъ естественный центръ Стараго Свѣта и ключъ ко всѣмъ колоніальнымъ владѣніямъ на берегахъ Индійскаго океана, какъ объ этомъ писалъ уже Лейбницъ въ 1672 году. Капитальная важность этой господствующей позиціи не могла ускользнуть отъ вниманія государственныхъ людей: тамъ именно нужно было выиграть ту партію, ставка которой—полуостровъ по сѣю сторону Ганга. Если бы армія первой французской республики успѣла сохранить Египетъ, такъ быстро ими завоеванный, онъ тѣмъ самымъ положили бы конецъ владычеству Англіи въ Индустанѣ: наслѣдіе Великаго Могола ускользнуло бы изъ ея рукъ. Но послѣ уничтоженія французскаго флота въ водахъ Абукира, Великобританія, вернувъ себѣ неоспариваемое обладаніе морскими путями, снова сдѣлалась, въ свою очередь, владычицей Египта, при чемъ ей даже не нужно было трудиться завоевывать его, и французы должны были очистить страну фараоновъ послѣ двухлѣтней оккупации. За вооруженнымъ столкновениемъ слѣдовали дипломатическіе маневры, борьба изъ-за вліянія между министрами въ Константинополѣ и въ Каирѣ. Со времени прорытія Суэзскаго канала, французскаго предпріятія, открывшаго пароходамъ прямой путь въ Индію, казалось, что Франція будетъ, наконецъ, пользоваться чѣмъ-то въ родѣ верховной ленной власти или сюзеренитета надъ Египтомъ; но Англія, сосредоточивая свои усилія на приобрѣтеніе этой переходной страны, кончила тѣмъ, что завоевала Египетъ политически, заняла его своими войсками, такъ же какъ обезпечила себѣ торговое преобладаніе на каналѣ, соединяющемъ два моря. Официально Англія вмѣшивается только затѣмъ, чтобы давать совѣты и оказывать услуги государю; въ дѣйствительности же ея посланники очень близки къ тому, чтобы играть роль самодержавныхъ повелителей. Они редижируютъ трактаты, объявляютъ войну и заключаютъ миръ, раздають мѣста и пенсіи, диктуютъ приговоры судебнымъ учрежденіямъ и стушевываются за египетскими чиновниками только тогда, когда дѣло идетъ о подписаніи списковъ налоговъ и о всякихъ другихъ правительственныхъ актахъ, за которые имъ нежелательно принимать на себя отвѣтственность.

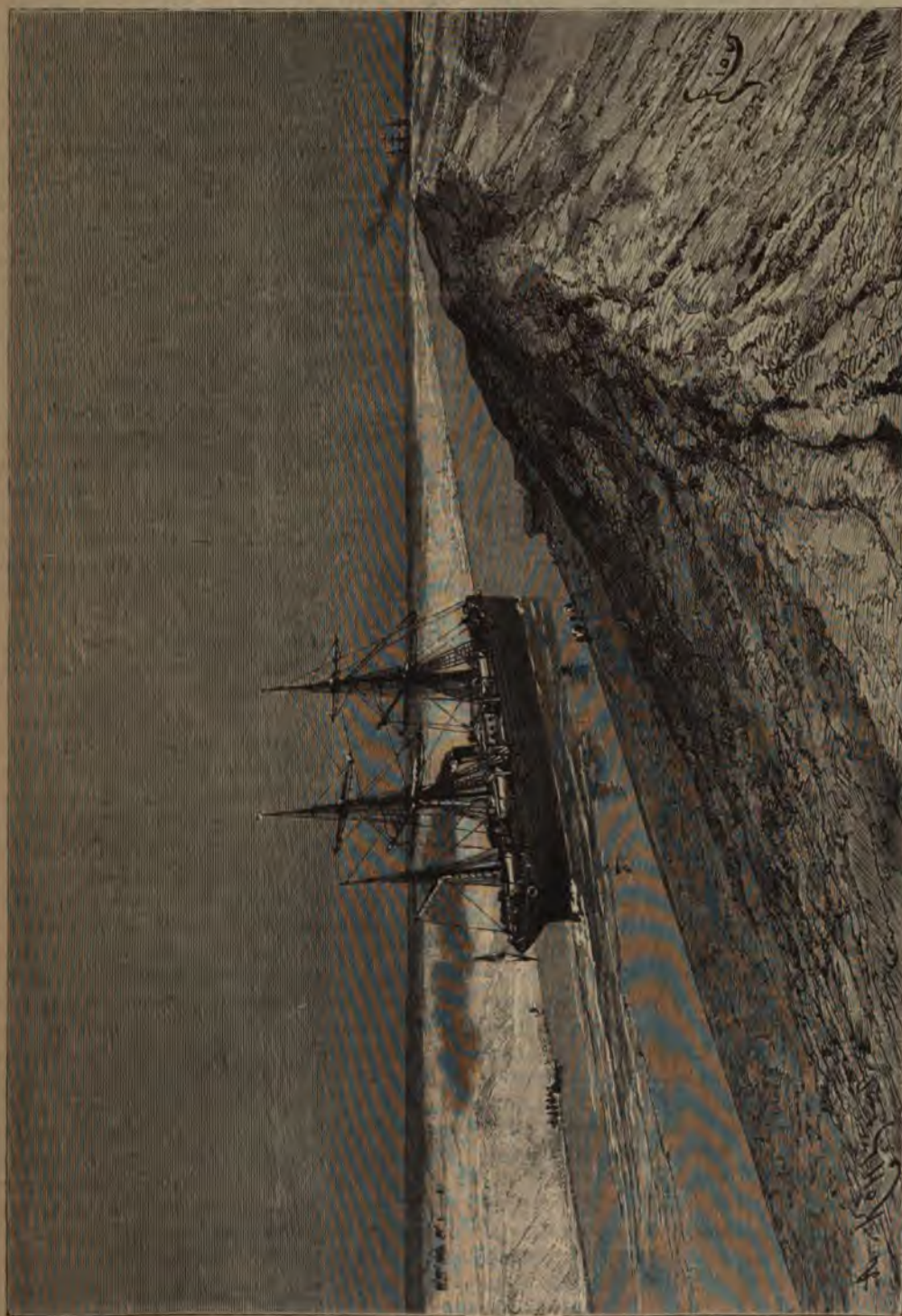
Можно сказать, что бассейнъ Нила, съ его сорокамилліоннымъ населеніемъ, сдѣлался, если не формально, то фактивно, на болѣе или менѣе продолжительное время, частью громадной Британской имперіи. Хотя англійскіе ге-

¹⁾ Fr. Lenormant, цитированное сочиненіе.

вералы не имѣютъ въ своемъ распоряженіи достаточнаго войска, но у нихъ не будетъ недостатка въ наемникахъ всякой расы, чтобы докончить завоеваніе, начатое недавно, за

даже другія европейскія державы помогли Великобританіи окончательно утвердить ея власть въ Египтѣ, власть эта не опиралась бы, какъ въ большинствѣ другихъ англійскихъ колоній,

Каналъ между Суецомъ и Сірапеумомъ

счета хедива и султана, Мунцингерами, Бэкеррами, Гордонами, Джесси, Стонами, Праутами. Однако, присоединеніе всей этой обширной страны къ британскимъ владѣніямъ встрѣчаетъ не одни только военныя затрудненія. Если бы

Географія Рекла. т. X.

на содѣйствіе населенія британскаго происхожденія. Тѣ изъ живущихъ въ краѣ иностранцевъ, которые располагаютъ финансовыми ресурсами, которые основываютъ промышленныя заведенія, издають журналы и газеты, уу-

ководятъ общественнымъ мнѣніемъ,—все это по большей части европейцы съ континента: итальянцы, французы, греки, австрійцы, интересы и стремленія которыхъ не сходятся съ интересами и стремленіями англичанъ. Лучшее принятое коренными жителями края, чѣмъ сѣверные завоеватели съ холоднымъ взоромъ, съ суровой рѣчью, завоеватели, которымъ самый климатъ всегда будетъ служить помѣхой къ образованію колоній въ собственномъ смыслѣ слова, эти не-англійскіе иммигранты изъ Европы составляютъ въ городахъ постоянно возрастающее общество, численность котораго простирается уже до сотни тысячъ лицъ, и которое, конечно, не преминетъ стѣснять проявленіе британской власти. Правда, новые властители страны имѣютъ вѣрное средство, если не заставить себя полюбить, то по крайней мѣрѣ приобрести уваженіе мѣстнаго населенія: это отдать землю тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, вырвать земледѣльца изъ рукъ разоряющихъ его ростовщиковъ, обезпечить ему безпристрастный судъ, предоставлять все болѣе и болѣе «Египетъ египтянамъ». Но какое же правительство обладало когда-нибудь этимъ искусствомъ ступеньваться мало-по-малу? Правительство Великобританіи покажетъ ли примѣръ въ этомъ отношеніи? Если вѣрить торжественнымъ и неоднократно повтореннымъ заявленіямъ государственныхъ людей, стоявшихъ и стоящихъ во главѣ англійскаго правительства, они имѣютъ въ данномъ случаѣ только одну цѣль, одно стремленіе: возстановить и обезпечить порядокъ въ финансахъ и администраціи Египта, затѣмъ, по исполненіи этого благотворительнаго дѣла, удалиться, оставивъ своимъ преемникамъ хорошій примѣръ для подражанія.

Привязанный къ кругу притяженія европейской политики, Египетъ есть, естественно, одна изъ наилучше изслѣдованныхъ странъ африканскаго континента. Во время французской экспедиціи конца прошлаго столѣтія, многочисленные ученые, сопровождавшіе Бонапарта, Дезе и Клебера, изучили край со всѣхъ точекъ зрѣнія и со всѣхъ сторонъ: изучили его геологію и минералогію, исторію почвы, гидрографію, лѣтописи, архитектуру, нравы и обычаи, его социальное устройство, и совокупность ихъ работъ и теперь еще составляетъ значительнѣйшій научный памятникъ, какой только существуетъ о нижней долиніи Нила. Генеральная карта, которую они составили въ масштабѣ одной стотысячной, тоже остается до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ самой полной, какою мы обладаемъ, особенно для Верхняго Египта или Саида. Карта меньшихъ размѣровъ, составленная стараніями Ливанъ-де-Бельфона, директора общественныхъ работъ въ Египтѣ, представляетъ другой драгоценный документъ; но, кромѣ главныхъ чертъ страны, отмѣчен-

ныхъ остовамъ возвышенностей и скалъ, ограничивающихъ зеленѣющія равнины, очертанія почвы мѣняются изъ года въ годъ, и та или другая мѣстная карта, снятая съ величайшей тщательностію въ періодъ жизни предшествоващаго поколѣнія, подлежала бы почти полной передѣлкѣ: съ одной стороны высокіе или нагорные берега Нила были подточены теченіемъ, съ другой—отложились наносы и образовались отмели, которыя феллахи уже обвели плотинами и обратили въ пашни; засоренные иломъ каналы были замѣнены другими ирригаціонными рвами и канавами; дороги, деревни перенесены на другія мѣста и носятъ новые имена; спеціальныя карты, сдѣланныя для кадастра большихъ имѣній, придаютъ имъ послѣдовательную различную фizioномію. Что касается пустынь «Аравійской» и «Ливійской», то онѣ пока еще извѣстны только по сѣти маршрутовъ нѣсколькихъ путешественниковъ, съ одной стороны между Ниломъ и портами Краснаго моря, съ другой—въ направленіи оазисовъ. Пора бы ужъ позаботиться, чтобы страна, гдѣ Эратосѣенъ сдѣлалъ, слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, первое измѣреніе дуги земнаго меридіана, обладала, наконецъ, сѣтью геодезическихъ измѣреній, которыя могли бы служить надежными точками опоры для всѣхъ спеціальныхъ картъ.

Но большинство изслѣдователей Египта болѣе изучали древнюю исторію народа, чѣмъ его современную жизнь и спеціальную географію страны. Когда открытіе Шамполіона приподняло завѣсу, которая, облекая столь долго и столь ревностно отыскиваемую тайну іероглифовъ, и когда ученые получили, наконецъ, возможность разбирать надписи, тысячами покрывающія стѣны и колонны громадной архитектурной библіотеки Египта, они съ восторгомъ устремились въ этотъ античный міръ, до того времени оставшійся почти невѣдомымъ: къ сочиненіямъ Геродота и греческихъ географовъ теперь прибавились документы еще болѣе драгоценные, «таблицы» и папирусы, писанные самими египтянами за сорокъ вѣковъ до нашей эпохи. Благодаря раскопкамъ Мариетта, продолжаемымъ нынѣ г. Масперо, благодаря надписямъ, прочитаннымъ Лепсіусомъ, Берчемъ, Шабасомъ, Эммануэлемъ де-Руژه, Дюмхеномъ и многими другими египтологами, исторія древней Нильской земли возстановляется мало-по-малу; мы все болѣе и болѣе знакомимся, въ его интимной жизни, въ его глубокой морали, въ его душѣ, такъ сказать, съ этимъ народомъ, которому мы обязаны такой большой долей полученнаго нами наслѣдія идей. Что бы ни говорили, произозлали значительныя перемены со временъ, представленныхъ на древнѣйшихъ памятникахъ. Правда, типъ лицъ и фizioноміи могутъ встрѣтиться у многихъ потомковъ ретовъ, этихъ древнѣйшихъ,

известныхъ намъ обитателей береговъ Нила; даже моды той отдаленной эпохи сохранились, если не у египтянъ, то, по крайней мѣрѣ, у покоренныхъ ими нубійцевъ; родъ культуры не измѣнился, по крайней мѣрѣ для поселянъ, и нынѣ, какъ и прежде, «температура Египта, всегда однообразная», дѣлаетъ тамъ, какъ выразился Боссюэтъ, «умы солидными и постоянными». Но событія исторіи не могли совершиться безъ того, чтобы не отразиться на египетскомъ населеніи: иммигранты всякой расы совершенно видоизмѣнили городскую цивилизацію; бывши нѣкогда учителямъ сосѣднихъ націй, Египетъ долженъ былъ въ послѣдствіи сдѣлаться, въ свою очередь, ученикомъ; римляне, византіяне, арабы, наконецъ европейскіе народы были послѣдовательно его наставниками.

Возможно, что Египетъ въ настоящее время менѣе населенъ, чѣмъ былъ въ эпоху наибольшаго своего могущества; но мѣстечки и селенія всегда были многочисленны на берегахъ Нила; они тянутся непрерывнымъ рядомъ, одно за другимъ, вдоль береговъ, какъ во время Геродота. Сравнительно съ площадью, годной къ воздѣлыванію почвы, Египетъ есть одна изъ странъ земнаго шара, гдѣ населеніе достигаетъ наибольшей плотности. Въ самомъ дѣлѣ, истинный Египетъ состоитъ единственно изъ низменныхъ земель, которыя могутъ быть подвергаемы дѣйствію водъ: каменистыя или песчанія пространства, простирающіяся внѣ рѣчной долины, составляютъ часть Ливіи или «Аравіи». Узкій бордюръ «золотой нити» и ея «бахрамы» въ дельтѣ—вотъ и вся страна феллаховъ; за этими предѣлами, нѣсколько оазисовъ на западѣ, да въ горахъ востока пастбища суть единственные удобныя для обитанія мѣста: треугольникъ дельты и извилистая долина Нила, которую пѣшеходъ легко можетъ перейти въ нѣсколько часовъ, если только найдеть лодку, чтобы переправиться черезъ рѣку,—вотъ и вся страна; какъ писалъ арабскій полководецъ Арму калифу Омару: «Бесплодная пустыня и великолѣпная равнина между двумя валами горъ—вотъ и весь Египетъ». Официально это государство имѣетъ будто-бы поверхность около милліона квадр. километровъ, не считая азіатскихъ владѣній по ту сторону Суэскаго канала, но со включеніемъ всей Нильской области между Ассуаномъ и Уади-Хальфа. Для этого огромнаго пространства, народонаселеніе въ 9.755.295 душъ, по переносу 1897 года, было бы очень незначительно, меньше даже, чѣмъ народонаселеніе Скандинавскаго полуострова, пропорціонально территории; но удобный для обитанія Египетъ, который въ отношеніи формы можно сравнить съ треугольнымъ бумажнымъ змѣемъ, снабженнымъ длиннымъ извилистымъ хвостомъ, не имѣетъ даже 30.000 квадр. километровъ; при

этихъ размѣрахъ плотность его населенія втрое больше, чѣмъ во Франціи, и превосходить даже плотность населенія Бельгіи и Саксоніи ¹⁾. Вотъ точныя цифры, показывающія пространство и народонаселеніе Египта въ 1897 году:

Пространство, по официальнымъ даннымъ: 994.668 кв. килом.; населеніе: 9.755.295 душъ; среднимъ числомъ 9,8 жителей на 1 кв. километръ. Площадь долины и дельты, вмѣстѣ съ рѣкой, каналами и озерами, по Амичи: 33.239 квадр. килом. Площадь удобной для обитанія почвы въ Египтѣ: 29.400 кв. километр.; вѣроятное населеніе 6.900.000 жителей; километрическое населеніе 234 жителя. Площадь удобной для обитанія почвы въ Бельгіи: 29.455 кв. килом.; вѣроятное населеніе 5.600.000 жителей; километрическое населеніе: 190 жителей.

Египетъ—это Ниль, и самое имя его есть то, которое носила нѣкогда эта великая рѣка. Древнѣйшее названіе страны, Кемъ или Кемі, то-есть «Черная», тоже происходитъ косвенно отъ Нила, такъ какъ оно дано по цвѣту темно-фіолетовыхъ наносовъ, отлагаемыхъ теченіемъ, которые составляютъ рѣзкій контрастъ съ «Краснымъ», то-есть съ песками и скалами пустыни: имя Камъ или Хамъ, присвоенное въ «Книгѣ Бытія» африканскимъ народамъ, есть, вѣроятно, не что иное, какъ самое наименованіе Египта ²⁾. Изъ этого чернозема, образовавшагося изъ рѣчнаго ила, рождаются питающія человѣка растенія, и самъ человѣкъ произошелъ изъ той же земли, повторяютъ древнія легенды. Всѣ города, всѣ селенія Египта расположены по берегамъ рѣки и ея каналовъ, всѣ они зависятъ въ отношеніи своего существованія отъ ея животворныхъ водъ. До недавняго времени сообщенія между Верхнимъ и Нижнимъ Египтомъ могли производиться не иначе, какъ по Нилу, который, впрочемъ, представляетъ очень удобный водный путь, такъ какъ барки поднимаются или спускаются по рѣкѣ съ одинаковой легкостью, либо гонимыя къ верховью сѣвернымъ вѣтромъ, господствующимъ почти въ продолженіе цѣлаго года, либо увлекаемыя къ низовью силой теченія. Крушенія или продолжительныя задержки судовъ могутъ случаться въ особенности при крутыхъ поворотахъ Нила и противъ выхода овраговъ, откуда дуютъ неправильныя вѣтры, непрерывно направляющія рѣку.

На пространствѣ отъ Ассуана до Каира, съ той и другой стороны, надъ берегами Нила господствуютъ либо склоны горъ, либо закраины плоскогорій, среднее возвышеніе которыхъ отъ 50 до 350 метровъ: съ этихъ высотъ видишь у себя подъ ногами цѣлый сегментъ Египта, отъ восточной границы до западной, съ его селеніями, каналами и обработанными

¹⁾ Brugsch, «Geographie des alten Aegypten».

²⁾ Alb. Réville, «Revue des Deux Mondes», 15 juin 1870.

землями; внизу желтоватая стѣна скалъ походить во многихъ мѣстахъ на каменоломни, дно которыхъ занято садомъ. Особенно на востокѣ утесы принимаютъ тамъ и сямъ грандіозный видъ, хотя нигдѣ они не вздымаются въ видѣ настоящихъ горъ: нужно отойти на нѣкоторое разстояніе отъ Нила, въ мѣстности, сосѣднія съ Краснымъ моремъ, чтобы достигнуть краевой цѣпи, впрочемъ недостаточно изслѣдованной, которая продолжаетъ въ сѣверномъ направленіи горы Этбая; нѣкоторыя изъ ея вершинъ поднимаются, говорятъ, на 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Эти высоты «Аравійской» пустыни, вообще обозначаемыя именемъ Эль-Джебелъ или «Гора», состоятъ изъ кристаллическихъ породъ: гранита, гнейса, слюдянаго сланца, порфира и діорита; онѣ образуютъ нѣсколько отдѣльныхъ массивовъ, раздѣленныхъ одинъ отъ другаго развѣтвленіями песчаныхъ уади. Одинъ изъ этихъ массивовъ, въ южномъ Египтѣ, даетъ начало поперечной цѣпи водопадовъ, которая ограничиваетъ собственно Нубію и соединяется съ Ливійской цѣпью у воротъ Ассуана: тамъ, въ сіенитовыхъ и гранитныхъ скалахъ, огниваемыхъ порогами рѣки, находятся знаменитыя, теперь заброшенныя, каменоломни, гдѣ во времена фараоновъ высѣкали громадныя монолиты для обелисковъ и статуй. Съ восточной стороны, тотъ же массивъ, который даетъ начало цѣпи водопадовъ, выдвигаетъ въ Красное море треугольный полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Расъ-Бенасъ и прикрывающій на югѣ заливъ Уммъ-эль-Котейфъ, который въ древности носилъ названіе гавани Вереники.

На сѣверъ отъ нубійской границы, гдѣ кристаллическія породы занимаютъ всю вершину египетской территоріи, поясъ гранитныхъ формаций постепенно суживается, но сохраняя свои главныя вершины въ сосѣдствѣ моря. Эта область, гдѣ въ настоящее время кочуютъ только малочисленныя номады, была нѣкогда эксплуатируема цѣлыми арміями рудокоповъ и каменотесовъ. Гора Джебелъ-Забара, Смарагдъ древнихъ, возвышающаяся на берегу Чермнаго моря, подъ шириной Эдфу, заключаетъ въ своихъ горныхъ породахъ гранаты и другіе драгоценныя кристаллы, и путешественникъ Кальо открылъ тамъ, въ 1816 году, мѣсторожденія изумрудовъ, впрочемъ рѣдкихъ и плохаго качества, — мѣсторожденія, которыя эксплуатировались, по приказанію государей Египта, въ разныя эпохи до 1358 г.; на сѣверѣ и на югѣ этого массива видны остатки селеній, построенныхъ для рудокоповъ. Сѣвернѣе, въ долинѣ, соединяющей Нильскую извилину съ портомъ Коссеиръ, нашли остатки города, состоявшаго изъ двухъ тысячъ каменныхъ жилищъ, и обширныя ломки «античнаго змѣвика», «египетской брекчій» и другихъ разновидностей діорита, которыя употреблялись преимуще-

ственно для рѣзбы вазъ, саркофаговъ и статуй¹⁾. Еще сѣвернѣе слѣдуютъ одинъ за другимъ два массива древней «Клавдіевой горы», Джебелъ-Фатире и Джебелъ-Доханъ, первый гранитный, второй порфировый, изъ которыхъ монолиты, доставляемые на берегъ Краснаго моря, перевозились затѣмъ по Суэзскому заливу или «Траяновой рѣкѣ» на Нилъ, потомъ въ Александрію, а оттуда отправлялись на кораблихъ во всѣ средиземноморскіе города римскаго міра²⁾. Джебелъ-Доханъ, или «гора Дыма», — «Порфировая гора» древнихъ — представляла наилучше эксплуатируемую во всемъ Египтѣ группу каменоломенъ; сами же египтяне не разрабатывали этой твердой породы. Со времени царствованія императора Клавдія, Римъ и Византія вывозили великолѣпный красный порфиръ, служившій матеріаломъ для постройки ихъ храмовъ и дворцовъ: тамъ и теперь еще можно видѣть колонны въ восемнадцать метровъ длиной и въ семь съ половиною метровъ въ окружности, превосходящія размѣрами самый большой камень «Помпеевой колонны». Нашествіе арабовъ въ Египетъ положило конецъ разработкѣ знаменитыхъ каменоломенъ, на которую указываютъ еще громадныя кучи обломковъ и остатки городовъ, нѣкогда существовавшихъ тамъ. Порфировый массивъ Джебелъ-Дохана поднимается среди гранитныхъ горъ, какъ подобныя же порфиры среди гранитовъ Синайскаго полуострова: съ обѣихъ сторонъ Краснаго моря горы имѣли, повидимому, одинаковое происхожденіе³⁾.

Противъ Тора, на синайскомъ берегу, массивъ Джебелъ-Гарибъ вздымаетъ свои островерхія пиццы на 1.885 метровъ высоты: это послѣдняя большая вершина краевой цѣпи, и, по Швейнфурту, самая высокая во всей Аравійской пустынѣ; она кажется неприступной, — такъ круты ея стѣны. Далѣе, за Джебелъ-Гарибомъ, показываются гора Тенасебъ, потомъ Джебелъ-Шеллала, который Уади-эль-Тихомъ, или «Долиной заблужденія», отдѣленъ отъ Джебелъ-Аттака; каждый массивъ этихъ странъ дѣлится на множество пирамидальныхъ вершинъ, контрфорсы которыхъ или предгорья тоже разрѣзаны на пирамиды, правильно слѣдующія одна за другою со всѣхъ сторонъ вокругъ центральнаго конуса⁴⁾. Этотъ массивъ, высота котораго не превышаетъ 300 метровъ, но который, благодаря своимъ обрывистымъ скаламъ, круто поднимающимся надъ Суэскимъ заливомъ, имѣетъ видъ высокой горы, — образуетъ сѣверную оконечность гранитной

¹⁾ Mitchell, «Bulletin de la Société de Géographie du Caire», 1879, № 6.

²⁾ Letronne, «Recueil des inscriptions grecques et latines de l'Égypte»; — J. Russegger, «Reisen in Europa, Asien und Africa».

³⁾ Schweinfurth und Gläsfeldt, «Globus», 1876, № 1.

⁴⁾ Schweinfurth, «La Terra incognita dell'Égitto propriamente detta». «Esploratore», 1878.

цѣпи. Далѣе на сѣверъ встрѣчаются только известковыя скалы или дюны. Оба склона цѣпи покрыты пластами менѣе древняго происхожденія. На востокѣ, мѣловые откосы опираются во многихъ мѣстахъ на гранитныя горы и образуютъ нѣсколько выступовъ, выдвинувшихся въ море въ видѣ мысовъ; въ этихъ возвышенностяхъ находятъ мѣсторожденія сѣры, равно какъ нефтяныя источники и кучи горной смолы; въ Джебельъ бывали когда-то базальтовыя изверженія: лавы эти встрѣчаются даже въ сосѣдствѣ Измаиліи. Грунтъ земли морскаго берега состоитъ изъ песчаниковъ и известняковъ современной формации, содержа-

ря. Въ цѣломъ западный берегъ здоровѣе, менѣе загроможденъ коралловыми постройками, чѣмъ восточный; море глубже въ сосѣдствѣ послѣдняго, и хорошія гавани на этомъ берегу многочисленнѣе.

На западѣ отъ гранитовъ, сланцевъ и порфира краевой цѣпи обшивка кристаллическаго ядра состоитъ, какъ и на востокѣ, изъ песчаниковъ и известняковъ. Въ южной части поднимается островообразный песчаниковый массивъ, подобный массивамъ Нубіи, Кордофана, Сеннаара. Особенно въ массивѣ Джебель-Сильсиле, между Ассуаномъ и Эсне, этотъ камень (песчаникъ), очень мелкаго зерна и дѣлящійся

Древнія каменоломни въ Ассуанѣ.

щами раковины и полипы: это обломки твердыхъ оболочекъ раковинъ, доставляющіе цементъ песчаныхъ частицъ; известняки и песчаники недавняго происхожденія сплошь состоятъ изъ этихъ перемѣшанныхъ частицъ песку и обломковъ черепа раковинъ. Прибрежные жители присутствуютъ при образованіи этихъ новыхъ горныхъ породъ, подобныхъ такъ называемому «*ташоппе-бон-Діеу*» (довольно плотный песчаникъ, содержащій въ себѣ довольно значительное количество раковинъ и коралловъ) Антильскихъ острововъ, и такъ же какъ на побережьи Аравійскаго полуострова, на египетскомъ поморьи замѣчается постепенное выступленіе берега изъ воды, происходящее либо вслѣдствіе вертикальнаго поднятія почвы, либо по причинѣ пониженія уровня мо-

правильными пластами, какъ это нужно для большихъ зданій, вырубленъ обширными ломками, откуда извлекли матеріалы для постройки тысячъ храмовъ; выемки, сдѣланныя въ скалахъ праваго берега, имѣютъ нѣчто ужасающее по своимъ громаднымъ размѣрамъ: по словамъ Шарля Блана, по крайней мѣрѣ половина египетскихъ памятниковъ вышла изъ этихъ горъ. Каменоломни западнаго берега, менѣе обширныя, болѣе замѣчательны съ точки зрѣнія искусства, потому что онѣ заключаютъ въ себѣ много храмовъ, высѣченныхъ въ скалѣ, погребальныя гроты, статуи: едва открытыя для разработки, эти каменоломни были превращены въ могилы. Въ сѣверной част- «аравійскихъ» горъ песчаники замѣнены известняками разныхъ геологическихъ вѣковъ

одинъ изъ этихъ известняковъ принадлежать къ мѣловому періоду, другіе къ эоценовымъ ярусамъ: такъ, надъ правымъ берегомъ Нила высятся, въ видѣ утесовъ, преимущественно мѣловые скалы, представляя живописнѣйшія формы съ ихъ монументальнаго вида цоколями, раздѣленными простыми разсѣлинами или темными оврагами и увѣнчанными пирамидами и башнями. На сѣверѣ, послѣднія скалы, оканчивающіяся въ самомъ Каирѣ Джебель-Мокаттамомъ, или «Писанными горами», почти сплошь состоятъ изъ нуммулитовъ, острей, черта и другихъ раковинъ, связанныхъ известковымъ цементомъ; по обилію своихъ ископаемыхъ и известковыхъ сростковъ эти горы сущее «Эльдорадо» для геологовъ. Нуммулитовые слои содержатъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ великолѣпнѣйшіе прозрачные алебастры; таковы, на западѣ отъ Вени-Суэфа, алебастры массива Джебель-Уракама, откуда были извлечены материалы, употребленные на постройку мечети Мохаммеда-Али, въ каирской цитадели; таковы же, южнѣе, алебастры, названные по имени города Алабастрона, который стоялъ въ недалекомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ нынѣ находится городъ Миніе. Но важнѣе, чѣмъ эти каменоломни, служившія удовлетворенію роскоши, были ломки строительнаго камня, находящіяся на берегу Нила, именно Турахская и Мазарахская: по пирамидамъ, воздвигнутымъ на другой сторонѣ рѣки, можно судить о громадной выломкѣ камня, произведенной въ теченіе шести тысячъ лѣтъ въ этихъ нуммулитовыхъ каменоломняхъ, которыя доставляли также материалы для построекъ Мемфиса и Каира.

Ливійскіе холмы ниже холмовъ «аравійскаго» берега. Въ цѣломъ рельефъ Египта представляетъ видъ наклонной плоскости, покатой по направленію отъ востока къ западу: отъ гребня, образуемаго краевой цѣпью, массивы и плато постепенно уменьшаются въ высотѣ до долины Чила; отъ западной окраины этой долины до оазисовъ почва тоже мало-помалу понижается и, наконецъ, достигаетъ уровня меньшаго, чѣмъ уровень моря. По обѣ стороны зеленѣющей и населенной равнины, черезъ которую протекаетъ Нилъ, поясъ скалъ одинаково лишенъ постоянныхъ жилищъ; но Ливійская область, болѣе однообразная, безъ высокихъ выступовъ въ видѣ горъ, и покрытая пескомъ, кажется болѣе угрюмой, чѣмъ восточный поясъ: она составляетъ уже часть той громадной пустыни, которая простирается на западъ до береговъ Атлантическаго океана. Съ вершины пирамиды Хеопса это ливійское плоскогорье представляется безконечной равниной, устланной песчаными буграми; но это только оптический обманъ зрѣнія, какъ о томъ могутъ засвидѣтельствовать рѣдкіе путешественники, проникающіе въ эти печальныя, безводныя и

безплодныя пространства. Въ цѣломъ пустыня, заключающаяся между Ниломъ и долиной оазисовъ, представляетъ плоскогорье изъ нуммулитоваго известняка, достигающее высоты 250 метровъ надъ уровнемъ рѣки. Крутые скаты обозначаютъ границы этого плоскогорья, а поверхность его разрѣзана на отдѣльные массивы древними размывами моря. Горки одинаковой высоты, поднимающіяся тамъ и сямъ надъ плоскогорьемъ, указываютъ первоначальный уровень страны. Безъ всякаго сомнѣнія, Средиземное море въ эпоху, предшествовавшую четверичному періоду, омывало основаніе всѣхъ этихъ мысовъ и разбивало свои волны среди этихъ архипелаговъ скалъ, гдѣ въ наши дни вода показывается лишь въ видѣ обманчивыхъ миражей.

Песокъ покрываетъ сплошь поверхность Ливійской пустыни: въ углубленіяхъ онъ скопляется толстыми слоями, навозышеніяхъ почвы носитъ въ видѣ ѣдкой пыли, но только въ немногихъ мѣстахъ скала является совершенно обнаженной: зерна кварца повсюду облегаютъ ее желтымъ или красноватымъ слоемъ. Эти кварцевые пески несомнѣнно иностраннаго происхожденія, такъ какъ плоскогорье пустыни представляетъ лишь известковыя скалы и глины; вѣтры, и раньше морскія воды, принесли съ дальнихъ горъ эти обломки первичныхъ горныхъ породъ. Безпрестанно передвигаясь взадъ и впередъ по почвѣ, пески сообщили ей замѣчательную шліфовку: во многихъ мѣстахъ скала имѣетъ блескъ отполированнаго мрамора. Всѣ разсѣянные по пустынѣ камни словно покрыты лакомъ отъ дѣйствія песка, притупляющаго ихъ углы и сглаживающаго всѣ шероховатости: нѣкоторыя изъ этихъ каменныхъ глыбъ имѣютъ такой лоскъ, что многіе путешественники принимали ихъ за вулканическіе обсидіаны. Геологъ Циттель полагаетъ, что безпрестанное треніе песковъ имѣетъ слѣдствіемъ химическое измѣненіе внутренняго строенія камней, такъ какъ встрѣчаются въ огромномъ множествѣ кремни, содержащіе въ центрѣ почку изъ нуммулитоваго известняка: слѣдовательно, камень преобразовался отъ вѣтшней къ вѣтренней части, и какая же могла быть причина этого явленія, если не постоянное прохожденіе песчинокъ по поверхности камня? Между міриадами нуммулитовъ, покрывающихъ почву толстыми слоями, всѣ тѣ, которые лежатъ на поверхности, постоянно подвергаясь тренію о нихъ песчаныхъ частицъ, совершенно превращены въ кремль и приняли синеватый цвѣтъ и почти металлическій блескъ, тогда какъ нуммулиты нижнихъ слоевъ, неподверженные тренію, равно какъ и дѣйствію свѣта, остаются бѣлыми и сохраняютъ свою известковую формацию ¹⁾.

¹⁾ „Briefe aus der libyschen Wüste“.

Каковы бы ни были химическія силы, которымъ нуммулиты обязаны своимъ превращеніемъ въ кремни, эти послѣдніе не остаются неизмѣнными послѣ своего образованія. Перемены температуры, столь значительныя отъ дня къ ночи подъ этимъ безоблачнымъ небомъ, заставляютъ раскалываться камни, и обширныя пространства усыяны ихъ осколками. Иногда изломъ кремней происходитъ такимъ образомъ, что они получаютъ совершенно правильную геометрическую форму: такъ, напримеръ, въ одномъ уади аравійской цѣпи къ западу отъ Бени-Суафа, встрѣчаются въ значительныхъ количествахъ обломки кремней, похожіе на усѣченные конусы съ восемью равными боковыми гранями ¹⁾. Этими же рѣзкими переменами температуры хотѣли было объяснить происхожденіе расколотыхъ и даже отесанныхъ камней, которые были найдены въ разныхъ доисторическихъ мастерскихъ Египта; однако, работа человѣка представляетъ точныя отличительныя признаки, которые нельзя смѣшать съ произведеніями природы ²⁾; упомянутый геологъ Питтель тщетно искалъ въ пустынѣ естественные осколки кремня, которые имѣли бы хотя лишь отдаленное сходство съ остриями копій и дротиковъ, какіе человѣкъ приготавливалъ себѣ въ продолженіе каменнаго вѣка, гдѣ бы то ни было: въ Египтѣ ли, въ Европѣ или въ Новомъ Свѣтѣ. Между камнями правильной формы, находимыми въ египетскихъ пустыняхъ, Кальо и Руссеггеръ указали сердолики, яшмы, агаты и другіе твердые камни, имѣющіе форму чечевицъ или дисковъ разной величины, окруженныхъ кругообразнымъ выступомъ въ видѣ кольца: внутренность этихъ кружковъ часто расположена концентрическими слоями. Эти слѣпки очень часто встрѣчаются вмѣстѣ съ ископаемыми лѣсами

Извѣстно, что по странному контрасту окаменѣлыя деревья встрѣчаются во многихъ мѣстахъ въ этой странѣ, гдѣ живыя деревья стали такъ рѣдки. Въ небольшомъ разстояніи отъ Каира, на восточной сторонѣ массива Джебель-Мокаттамъ, можно видѣть, если не «окаменѣлый лѣсъ», какъ обыкновенно говорятъ, или «мачты сѣвшихъ на мель кораблей», источенныя фолатами и покрытыя морскими обломками, какъ утверждали старинные путешественники ³⁾,—то по крайней мѣрѣ нѣсколько древесныхъ стволовъ, превращенныхъ въ столбы кремнезема и халцедона. Но углубляясь въ пустыню, находишь гораздо болѣе значительныя скопленія окаменѣлаго дерева, дѣйстви-

тельно заслуживающія названія «лѣсовъ». Къ юго-востоку отъ Каира, въ одной ложинѣ «аравійскихъ» плоскогорій, окаменѣлые стволы деревьевъ, большіе и маленькіе, являются въ такомъ множествѣ, что кремнистые стержни или куски ископаемаго дерева покрываютъ сплошь нѣкоторыя части почвы, съ исключеніемъ всякаго другаго камня. Къ западу отъ пирамидъ, въ ливійской пустынѣ, тоже встрѣчаются «окаменѣлые лѣса», заключающіе въ себѣ древесные стволы болѣе 20 метровъ (28 аршинъ) длинной, съ вѣтвями и корнями, и частію покрытые корой ⁴⁾. Наконецъ, путешественники находили эти скопленія ископаемаго дерева въ разныхъ частяхъ Нубійской пустыни, въ Сеннаарѣ и Кордофанѣ, даже на высокихъ плоскогорьяхъ Эѳіопіи, и во всѣхъ случаяхъ эти растительные остатки, превращенные въ кремнеземъ, принадлежатъ къ порядку навозняковыхъ (sterculiaceæ): въ Египтѣ это *nicholia nilotica*; въ одной изъ каирскихъ коллекцій находится также родъ бамбука, извлеченный изъ тѣхъ же залежей ископаемаго лѣса.

Откуда взялись эти стволы окаменѣлыхъ деревьевъ? Нѣкоторые геологи полагали, что они были принесены морскими волнами, когда Средиземное море простиралось далѣе къ югу, чѣмъ нынѣ; но въ такомъ случаѣ трудно было бы понять, какимъ образомъ эти ископаемыя деревья могли быть выброшены на берегъ такъ хорошо сохранившимися и безъ всякихъ слѣдовъ тѣхъ морскихъ организмовъ, растительныхъ или животныхъ, которые обыкновенно прицѣпляются къ пловучему лѣсу; кроме того, нужно было бы объяснить, какимъ образомъ могъ совершаться переносъ этихъ морскихъ выкидковъ черезъ горы и доли до возвышенностей Эѳіопіи. Точно также нельзя приписать и рѣчнымъ теченіямъ, какъ, напримеръ, теченію Нила, навозъ этихъ древесныхъ стволовъ, такъ какъ они не сопровождаются никакими аллювialными образованіями. Очевидно, эти навозняковые деревья находятся на самомъ мѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ своего первоначальнаго мѣста произрастанія. Наиболѣе вѣроятнымъ между геологами считается то мнѣніе, что растительныя волокна постепенно превратились въ кремнеземъ подъ дѣйствіемъ горячихъ минеральныхъ водъ, какія вытекаютъ изъ земли въ разныхъ частяхъ Египта, особенно въ оазисахъ; насыщенные этими водами, поваленные древесные стволы мало-по-малу измѣняются въ камень, какъ они измѣняются въ торфъ въ болотахъ сырыхъ сѣверныхъ странъ. Правда, окаменѣнія травы и деревьевъ, происходящія на нашихъ глазахъ, вокругъ гейзеровъ Исландіи и Монтаны, отличаются отъ петрификацій египетскихъ пустынь какъ

¹⁾ Russsegger, цитированное сочиненіе.

²⁾ Arcehin, "Matériaux pour l'histoire de l'Homme", février 1869;—Fr. Lenormant, "Premières Civilisations";—Richard Burton, "Stones and Bones from Egypt and Midian".

³⁾ Sicard, "Nouveau mémoire des missions de la Compagnie de Jésus". 1707.

⁴⁾ Calliaud;—Ehrenberg;—Figari-bey.

по наружному виду, такъ и по способу образования: тамъ дерево превращается не въ зерна кварца, а въ аморфный кремнеземъ. Но въ этомъ случаѣ, можетъ-быть, нужно принять въ расчетъ различіе климатовъ и продолжительное дѣйствіе времени. Рядомъ съ «окаменѣлымъ лѣсомъ» въ окрестностяхъ Каира есть куполообразный песчаниковый холмъ, Джебель-эль-Ахмаръ или «Красная гора», гдѣ ломка камня производится внутри горы, благодаря легкости работы въ глубокихъ слояхъ. Этотъ песчаный холмъ, стоящій среди нуммулитовыхъ известняковъ, не былъ ли извергнутъ какимъ-нибудь древнимъ гейзеромъ, и деревья сосѣдней равнины, покрытой лѣсомъ въ ту эпоху, не обязаны ли своимъ сохраненіемъ дѣйствію бившихъ изъ земли горячихъ водъ¹⁾?

На западѣ Египта, такъ же какъ на западѣ Нубіи, тянется цѣль оазисовъ, расположенныхъ по кривой, почти параллельной теченію Нила. Первый изъ этихъ оазисовъ, еще необитаемый, Куркуръ, находится километрахъ въ ста отъ Ассуана. Почти въ такомъ же разстояніи къ сѣверо-западу простирается Большой оазисъ древнихъ, нынѣ называемый Харге, какъ и главный его населенный пунктъ; онъ занимаетъ, по направленію съ сѣвера на югъ, включая сюда пальмовыя роши Бериса, низменность длиной около 150 километровъ. Впрочемъ, это не сплошной оазисъ, но скорѣе архипелагъ маленькихъ оазисовъ, плеяда острововъ культуры, раздѣленныхъ пространствами безъ всякой растительности. Далѣе слѣдуетъ, въ западномъ направленіи, оазисъ Дахель или Дакле, то-есть «Внутренній», называемый также Уа-эль-Гарбіе или «Западнымъ оазисомъ»; известковая пустыня, частью покрытая сыпучими песками, отдѣляетъ его отъ оазиса Фарафре, лежащаго въ 200 километрахъ къ сѣверо-западу. Лабиринтъ скалъ, занимающій пространство между этими двумя оазисами, есть одна изъ самыхъ странныхъ формаций этого рода, какія существуютъ на земномъ шарѣ. Узкія разсѣлины, извивающіяся и пересѣкающіяся подъ разными углами между оставшимися въ стоячемъ положеніи каменными массами, подходятъ на улицы какого-то фантастическаго города, обставленные по сторонамъ памятниками самыхъ причудливыхъ формъ: пирамидами, обелисками, трофеями, сфинксами и львами, даже статуями, имѣющими нѣкоторое подобіе человѣческой фигуры. На сѣверной сторонѣ этого каменнаго города безъ жителей открывающія входъ въ него естественныя ворота получили отъ Рольфа имя Бабъ-эль-Ясмундъ, въ честь одного его соотечественника. Одинъ ближній порталъ, еще болѣе гигантскій, стоящій у выхода изъ лабиринта со стороны

оазиса Дахель, названъ Бабъ-эль-Кальо, въ память перваго европейскаго путешественника, который въ новое время прошелъ эти негостепріимныя пространства.

Нѣсколько оазисовъ меньшей величины разсѣяны вокругъ Уа-эль-Фарафре, образуя архипелагъ, продолжающійся на сѣверо-востокъ оазисомъ Бахаріе (вѣроятно, «Малый оазисъ» древнихъ), однимъ изъ ближайшихъ къ Нилу: онъ находится всего только въ 150 километрахъ отъ воздѣланныхъ равнинъ Миніе, въ рѣчной долинѣ. Но въ этомъ мѣстѣ рядъ котловинъ раздвояется, и въ то время, какъ одна вѣтвь продолжаетъ развертываться параллельно Нилу, другая направляется параллельно берегу Средиземнаго моря, на западъ отъ Александріи. Ось ея пересѣкаетъ впадины «Безводныхъ озеръ», Бахръ-Бела-Ма, затѣмъ другія котловины, бывшія нѣкогда озерами, и доходитъ до оазиса Сивахъ, въ древности посвященнаго Юпитеру Аммону. На сѣверѣ отъ этой долины поднимаются, въ видѣ утеса, крутые склоны плоскогорья Киренаики, тогда какъ на югѣ высокія дюны окружаютъ удивительныя скалы изъ грубаго известняка. Въ этой области, лежащей въ сосѣдствѣ моря и уже въ поясѣ зимнихъ дождевыхъ облаковъ, вода образуетъ обширныя озерныя площади, но всѣ насыщенные солью. Большое озеро Ситра занимаетъ дно котловины, на половинѣ дороги между «Безводными озерами» и оазисомъ Сивахъ; но этотъ «блистающій сапфиръ, оправленный въ золото», продолжается болотами. Другія впадины теперь не содержатъ воды: вырытыя въ формѣ колодцевъ, глубиной отъ 20 до 50 метровъ, онѣ сохраняютъ на днѣ слой грязи, смѣшанной съ солью и гипсомъ; есть и такія, гдѣ бьетъ изъ земли ключъ, но кругомъ такого солянаго источника нѣтъ никакой растительности; въ водоемахъ бывшихъ озеръ попадаетъ кое-гдѣ низкій кустарникъ, и то только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ песокъ, нанесенный вѣтромъ, прикрываетъ толстымъ слоемъ соляной налеть. Недалеко отъ озера Ситра простирается нынѣ покинутый оазисъ Эль-Араджъ, которымъ мало-по-малу завладѣваютъ пески: уже ви́шній поясъ деревьевъ частью погребенъ подъ пескомъ; колодцы, на днѣ которыхъ можно найти лишь скудный запасъ воды, да и то соленой, тоже на половину засыпаны; растительность постепенно вымираетъ, и скоро въ этой равнинѣ не останется иного свидѣтельства о пребываніи человѣка, кромѣ гробницъ въ египетскомъ стилѣ, высѣченныхъ въ сосѣдней скалѣ.

Оазисъ Сивахъ, гдѣ вѣщалъ оракулъ при храмѣ Юпитера Аммона, котораго приходилъ вопрошать Александръ Македонскій, соперничаетъ въ красотѣ съ оазисомъ Дахель, хотя известковые холмы, образующіе его ограду, не могутъ сравниться съ живописными утесами

¹⁾ Georg Schweinfurth, „Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft“, oct., nov., déc. 1883.

портала Бабъ-эль-Кальо; но и эти холмы отличаются такой же причудливостію формъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалы Ливійскаго плоскогорья оканчиваются рядомъ ступеней, съ горизонтальными площадками и одинаковой высоты, точно подъѣздъ какого-нибудь дворца; цвѣтъ камня, составляющій рѣзкій контрастъ

ны зданіями, другія разрѣзаны въ формѣ башенъ и стѣвъ, имѣющихъ видъ крѣпостей. Лазурныя озера, разсыяныя среди зеленѣющей равнины, придаютъ оазису Юпитера Аммона видъ восхитительнѣйшаго уголка, настоящаго земнаго рая; однако, соленый вкусъ водъ и міазмы, поднимающіеся съ тины, на окружаю-

Развалины Эдфу. Сѣверныя ворота.

съ бѣлымъ пескомъ, покрывающимъ ступеньки, еще болѣе увеличиваетъ странность зрѣлища ¹⁾).

Въ измѣнности, ограничиваемой этими утесами въ формѣ лѣстницъ, крутыя горы поднимаются до высоты плоскогорій, часть которыхъ онѣ нѣкогда составляли; онѣ высятся въ видѣ острововъ среди воздѣланныхъ земель и пальмовыхъ рощицъ, и однѣ изъ нихъ увѣнча-

сти себѣ, скоро умѣряютъ восторгъ путешественника. Нѣсколько прѣсноводныхъ источниковъ, термальныхъ по большей части, текутъ рядомъ съ солеными ключами ²⁾; другія воды содержатъ сѣру; что касается родника, называемаго ключемъ «Солнца», вода котораго была, будто-бы, попеременно «холодная» среди дня и «теплая» ночью, то полагаютъ, что это тотъ самый источникъ, который находится въ

¹⁾ Hemprich und Ehrenberg, „Reisen in Aegypten, Libyen, Kabilen und Dongola“.

²⁾ Hornemann;—Frédéric Cailland, etc.

нѣкоторомъ разстояніи отъ храма Умъ-бейда, но температура его почти всегда одинакова, отъ 28 до 29 градусовъ Цельсія. Понятно, впрочемъ, что при отсутствіи точныхъ измѣреній, древніе могли ошибаться на счетъ дѣйствительной температуры источника, находить его прохладнымъ подъ жгучимъ зноемъ солнца и теплымъ во время холодныхъ ночей ¹⁾. Вмѣстѣ съ финиковыми пальмами, на этомъ оазисѣ растутъ маслина, абрикосовыя и гранатовыя деревья, виноградъ, слива; лѣсныя прогалины заняты полями, засѣянными лукомъ. Присоединенный къ Египту въ 1820 году, оазисъ Сивахъ составляетъ скорѣе естественную область Киренаики, такъ какъ онъ связанъ съ покатостію Сиртовъ оазисомъ Фарегда и другими островками растительности, окруженными скалами и песками. На сѣверѣ, по дорогѣ изъ Александріи, другая котловина среди скалъ заключаетъ въ себѣ оазисъ Гара, все населеніе котораго состоитъ изъ четырехъ десятковъ жителей: по мѣстному преданію, это число сорокъ не можетъ быть провозмодено, и смерть неминуемо и неумолимо возстановляетъ его каждый разъ, когда родится излишекъ дѣтей или когда новые поселенцы придутъ въ слишкомъ большомъ числѣ ²⁾.

При видѣ цѣпи оазисовъ, которая удаляется отъ Нила и извивается въ пустынѣ, чтобы достигнуть моря рядомъ долинъ и тѣсинъ, совершенно естественно явилось предположеніе, что эти низменные и плодородныя земли должны быть разсматриваемы, какъ остатокъ стараго рѣчнаго теченія, какъ рукавъ Нила, частію засыпанный песками. У туземцевъ существуютъ легенды, рассказывающія о высыханіи этой рѣки, теперь безводной, и до недавняго времени большинство путешественниковъ искали еще слѣды Нила въ оазисахъ Ливійской пустыни; даже на современныхъ картахъ теченіе Бахръ-Бела-Ма (безводная рѣка) начерчено изъ долины въ долину, какъ будто-бы это теченіе и вправду было обследовано. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что въ какую-нибудь предшествующую геологическую эпоху рѣчныя и морскія воды, вырывая долины и проливы, проходили въ область, занимаемую въ наши дни оазисами; но въ теченіе настоящаго періода ни рукавъ Нила, ни заливъ Средиземнаго моря не проникли въ эти низменности пустыни, такъ какъ тамъ до сихъ поръ не нашли ни ила рѣчнаго происхожденія, ни морскихъ отложений, содержащихъ современныя раковины ³⁾. Однако, горячіе источники оазисовъ заключаютъ въ себѣ животныя виды, принадлежащіе въ одно и то же

время къ фаунѣ Средиземнаго и къ фаунѣ Краснаго моря: таковы двѣ рыбы, называемыя *cypripodon dispar* и *cypripodon calaritanus* ⁴⁾. Но если оазисы независимы отъ нынѣшняго Нила по своему образованію, то весьма возможно, что они имѣютъ связь съ этой рѣкой посредствомъ водъ, которыя даютъ жизнь ихъ пальмамъ. Въ самомъ дѣлѣ, обильные источники, вытекающіе изъ земли въ оазисахъ Дахель и Фарафре, не могли бы образоваться въ самомъ краѣ, такъ какъ дожди тамъ составляютъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Мѣстные жители твердо убѣждены, что эти воды питаются Ниломъ, и утверждаютъ даже, что будто замѣчается нѣкоторое усиленіе въ истеченіи ихъ ключей въ эпоху разливовъ рѣки, что, впрочемъ, было бы очень удивительно, такъ какъ движеніе подземныхъ водъ должно быть чрезвычайно замедляемо песками, чрезъ которые онѣ должны проходить. Исслѣдователи Кальо и Руссеггеръ допускали, подобно туземцамъ, что вода оазисовъ — нильскаго происхожденія; однако, въ виду того, что оазисъ Дахель лежитъ гораздо выше, чѣмъ рѣчное ложе подъ той же широтой, нужно бы было искать начало глубокихъ водъ въ верхнемъ теченіи Нила; вѣроятно, онѣ выходятъ изъ южныхъ областей, гдѣ падаютъ тропическіе дожди. Какъ бы то ни было, высокая температура, которой она достигаетъ въ своемъ скрытомъ странствованіи, доказываетъ, что эта водная площадь течетъ на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ ниже поверхности земли; всѣ источники имѣютъ среднюю температуру отъ 36 до 38 градусовъ Цельсія, и вода ихъ употребляется какъ для орошенія полей, такъ и для леченія болѣзней. Съ 1850 года количество этихъ бьющихъ изъ земли водъ значительно увеличилось въ оазисѣ Фарафре, благодаря одному смѣлному человеку, который, совершивъ путешествіе съ французскимъ инженеромъ Лефевромъ, вернулся къ себѣ на родину, чтобы копать тамъ колодцы и проводить оросительныя канавки; кромѣ того, тамъ стали заботливо прокапывать подземныя галереи, подобныя Иранскимъ *канатамъ* или *харизамъ*, чтобы воспрепятствовать испаренію воды. До сихъ поръ не замѣчено, чтобы новые колодцы, арыки и подземные каналы сколько-нибудь уменьшили обиліе прежнихъ источниковъ; подземная водная площадь кажется неисчерпаемою. Въ оазисѣ Берисъ, къ югу отъ Харге, двѣсти колодцевъ засорены пескомъ; осталось всего только 25, въ которыхъ вода, горячая (отъ 25 до 30 градусовъ) и содержащая въ большомъ количествѣ желѣзо, встрѣчается лишь на глубинѣ, среднимъ числомъ, 60 метровъ ⁵⁾. По словамъ

¹⁾ Caillaud; — Bayle-St. John; — Rohlfs; — Zittel; — G. Parthey, „Das Orakel und die Oase des Ammon“.

²⁾ Hamilton, „Une visite à l'Ammonium d'Alexandrie“ „Revue Moderne“, 1868.

³⁾ Rohlfs, „Petermann's Mittheilungen“, 1879, N. VII.

⁴⁾ Zittel, „Die Sahara“.

⁵⁾ Russegger; — G. Schweinfurth; — Ascherson; — Zittel.

древнихъ писателей, нѣкоторые колодцы Большаго оазиса были некогда выкопаны до глубины болѣе 200 метровъ (болѣе 93-хъ сажень). Стѣны колодца скрѣплены деревяннымъ срубомъ, по которому можно спускаться до самаго дна; при буреніи новыхъ колодцевъ или при расчисткѣ засыпанныхъ старыхъ работа небезопасна, когда приходится прокапывать послѣдній слой песку. Тамъ, гдѣ вода течетъ въ изобиліи, въ оазисѣ Дахель и еще болѣе въ оазисѣ Харге, она разливается отравленными лужами.

Къ сѣверу отъ Бахрѣ-Бела-Ма и параллельно послѣдовательнымъ низменностямъ, извѣстнымъ подъ этимъ именемъ, тянется съ юго-востока къ сѣверо-западу болѣе правильная долина, дно которой занимаютъ семь неглубокихъ лужъ: это такъ называемыя «натровыя озера». Хотя долина Эль-Натрунъ и отдѣлена отъ ближайшей извилины Нила каменистой пустыней, имѣющей около 40 километровъ въ ширину, тѣмъ не менѣе она, по всей вѣроятности, питается нильскою водою: въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за осеннимъ равноденствіемъ, вода «темно-краснаго или кроваваго цвѣта», можетъ-быть, по причинѣ наполняющихъ ее инфузорій, просачивается изъ почвы на восточной сторонѣ долины и образуетъ ключи и ручейки, спускающіеся къ озерамъ. Воды въ бассейнахъ прибываютъ до конца декабря, когда достигаютъ отъ одного до полутора метра глубины; затѣмъ онѣ идутъ на убыль, и нѣкоторые изъ лужъ совершенно пересыхаютъ. Составъ озерныхъ водъ разнится, смотря по бассейнамъ: въ однихъ преобладаетъ морская соль, въ другихъ углекислый натръ; сѣрноокислый натръ примѣшанъ къ жидкости въ различныхъ пропорціяхъ. Два изъ этихъ озеръ, окрашенные въ красный цвѣтъ, высыхаютъ, окаймляясь кругомъ красной или коричневой соли, которая распространяетъ въ воздухѣ пріятный запахъ розы: разложеніе морской соли углекислой известью, содержащейся въ сырой почвѣ, производитъ кристаллы соды, которая отлагается сѣроватымъ слоемъ, и которую приходятъ собирать жители деревни Терране, лежащей на лѣвомъ берегу Розетскаго Нила. Нѣсколько струекъ прѣсной воды вытекаютъ изъ скалъ въ сосѣдствѣ озеръ, поддерживая скудную растительность, состоящую изъ средиземноморскихъ видовъ и нѣсколькихъ чахлахъ пальмъ. Вотъ химическій составъ натрона изъ озеръ Терране, по анализамъ Бертолле:

Хлористый натрій — 52 проц.; углекислый натръ—23; сѣрноокислый натръ—11; песокъ—3; углекислая известь—0,9; окись желѣза—0,2; вода—9,7 проц.

Единственные обитатели долины Эль-Натрунъ—монахи обителей деръ-Барамусъ, св. Макарія и другихъ монастырей, основанныхъ

въ четвертомъ столѣтіи послѣ Р. Х., когда тысячи иноковъ удалялись въ пещеры скалъ и долины дюнь; какъ древніе кеновиты, нѣпшіе отшельники долины Эль-Натрунъ не могутъ прокармливаться продуктомъ своихъ садовъ: свою ежедневную пищу они попрежнему получаютъ изъ Египта. Впрочемъ, духъ отреченія отъ міра въ наши дни не играетъ болѣе никакой роли въ заселеніи этихъ монастырей пустыни; большинство монашествующей братіи состоитъ теперь изъ изгнанниковъ, обреченныхъ на медленную смерть. Не видно никакихъ развалинъ древнихъ памятниковъ въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, кромѣ развѣ остатковъ стекляннаго завода, который можно узнать по обломкамъ кирпичныхъ печей, да по кускамъ шлаковъ и остеклованному песку¹⁾. До событій, отдавшихъ Египетъ во власть англичанъ, занимались нивелировкой почвы къ западу отъ Нила, съ цѣлью узнать, можно ли отвести рукавъ этой рѣки или Бахрѣ-Юзефа въ низменности Бахрѣ-Бела-Ма и приобрести такимъ образомъ около 200,000 гектаровъ для земледѣльской культуры.

Уровень оазисовъ не представляетъ правильной покатости отъ границъ Нубіи до береговъ Средиземнаго моря. Уже барометрическія измѣренія Кальо установили тотъ фактъ, что почва впадинъ понижается отъ оазиса Дахель до оазиса Фарафре, послѣ чего опять поднимается по направленію къ оазису Бахаріе, затѣмъ опускается ниже уровня моря въ оазисѣ Сивахъ. Измѣренія, сдѣланныя Іорданомъ въ 1873 и 1874 годахъ, съ болѣею тщательностію и при помощи инструментовъ лучшей конструкции, подтвердили результаты, полученные Кальо, но измѣнивъ нѣсколько цифры, данныя французскимъ путешественникомъ. Теперь въ всякаго сомнѣнія, что пальмовыя рощи оазиса Сивахъ имѣютъ болѣе низкій уровень, чѣмъ поверхность Средиземнаго моря, а оазисъ Арадъ находится метровъ на пятьдесятъ еще ниже.

Высота оазисовъ по Кальо и Іордану:

Харге—104 метр. (Кальо), 68 метр. (Іорданъ); Дахель—55 метр. (Кальо), 100 метр. (Іорданъ); Фарафре—33 метр. (Кальо), 76 метр. (Іорданъ); Бахаріе—35 метр. (Кальо), 113 метр. (Іорданъ); Арадъ—60 метр. (Кальо), 80 метр. (Іорданъ); Сивахъ—33 метр. (Кальо), 36 метр. (Іорданъ).

Далѣе, за Сивахомъ, цѣль оазисовъ, бывшая, можетъ-быть, проливомъ въ предшествующемъ геологическомъ періодѣ²⁾, продолжается, на югъ отъ плоскогорья Киренаики, оазисами Фаредга, Джало, Ауджила; кажется, что эта цѣль тоже, на всемъ своемъ протяженіи, лежитъ ниже уровня моря, и только баръ изъ

¹⁾ Andréossy, "Description de l'Égypte", tome XII;—L. Hugonnet, "En Égypte".

²⁾ "Petermann's Mittheilungen", 1869, № VII.

одни изъ этихъ известняковъ принадлежатъ къ мѣловому періоду, другіе къ эоценовымъ ярусамъ: такъ, надъ правымъ берегомъ Нила высятся, въ видѣ утесовъ, преимущественно мѣловые скалы, представляя живописнѣйшія формы съ ихъ монументальнаго вида цоколями, раздѣленными простыми разсѣлинами или темными оврагами и увѣнчанными пирамидами и башнями. На сѣверѣ, послѣднія скалы, окаймляющіяся въ самомъ Каирѣ Джебель-Мока-тамомъ, или «Писанными горами», почти сплошь состоятъ изъ нуммулитовъ, острей, церита и другихъ раковинъ, связанныхъ известковымъ цементомъ; по обилію своихъ ископаемыхъ и известковыхъ сростковъ эти горы сущее «Эльдорадо» для геологовъ. Нуммулитовые слои содержать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ великолѣпнѣйшіе прозрачные алебастры; таковы, на западѣ отъ Бени-Суэфа, алебастры массива Джебель-Уракама, откуда были извлечены матеріалы, употребленные на постройку мечети Мохаммеда-Али, въ каирской цитадели; таковы же, южнѣе, алебастры, названные по имени города Алабастроны, который стоялъ въ недалекомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ нынѣ находится городъ Миніе. Но важнѣе, чѣмъ эти каменоломни, служившія удовлетворенію роскоши, были ломки строительнаго камня, находящіяся на берегу Нила, именно Турахская и Мазарахская: по пирамидамъ, воздвигнутымъ на другой сторонѣ рѣки, можно судить о громадной выломкѣ камня, произведенной въ теченіе шести тысячъ лѣтъ въ этихъ нуммулитовыхъ каменоломняхъ, которыя доставляли также матеріалы для построекъ Мемфиса и Каира.

Ливійскіе холмы ниже холмовъ «аравійскаго» берега. Въ цѣломъ рельефъ Египта представляетъ видъ наклонной плоскости, покатой по направленію отъ востока къ западу: отъ гребня, образуемаго краевой цѣпью, массивы и плато постепенно уменьшаются въ высотѣ до долины Нила; отъ западной закраины этой долины до оазисовъ почва тоже мало-помалу понижается и, наконецъ, достигаетъ уровня меньшаго, чѣмъ уровень моря. По обѣ стороны зеленѣющей и населенной равнины, черезъ которую протекаетъ Нилъ, поясъ скалъ одинаково лишенъ постоянныхъ жилищъ; но Ливійская область, болѣе однообразная, безъ высокихъ выступовъ въ видѣ горъ, и покрытая пескомъ, кажется болѣе угрюмой, чѣмъ восточный поясъ: она составляетъ уже часть той громадной пустыни, которая простирается на западъ до береговъ Атлантическаго океана. Съ вершины пирамиды Хеопса это ливійское плоскогорье представляется безконечной равниной, устланной песчаными буграми; но это только оптический обманъ зрѣнія, какъ о томъ могутъ засвидѣтельствовать рѣдкіе путешественники, проникающіе въ эти печальныя, безводныя и

безплодныя пространства. Въ цѣломъ пустыня, заключающаяся между Ниломъ и долиной оазисовъ, представляетъ плоскогорье изъ нуммулитоваго известняка, достигающее высоты 250 метровъ надъ уровнемъ рѣки. Крутые скаты обозначаютъ границы этого плоскогорья, а поверхность его разрѣзана на отдѣльные массивы древними размывами моря. Горки одинаковой высоты, поднимающіяся тамъ и сямъ надъ плоскогорьемъ, указываютъ первоначальный уровень страны. Безъ всякаго сомнѣнія, Средиземное море въ эпоху, предшествовавшую четверичному періоду, омывало основаніе всѣхъ этихъ мысовъ и разбивало свои волны среди этихъ архипелаговъ скалъ, гдѣ въ наши дни вода показывается лишь въ видѣ обманчивыхъ миражей.

Песокъ покрываетъ сплошь поверхность Ливійской пустыни: въ углубленіяхъ онъ скопляется толстыми слоями, на возвышеніяхъ почвы носится въ видѣ ѣдкой пыли, но только въ немногихъ мѣстахъ скала является совершенно обнаженной: зерна кварца повсюду облегаютъ ее желтымъ или красноватымъ слоемъ. Эти кварцевые пески несомнѣнно иностраннаго происхожденія, такъ какъ плоскогорье пустыни представляетъ лишь известковыя скалы и глинны; вѣтры, и раньше морскія воды, привнесли съ дальнихъ горъ эти обломки первичныхъ горныхъ породъ. Безпрестанно передвигаясь взадъ и впередъ по почвѣ, пески сообщили ей замѣчательную шлифовку: во многихъ мѣстахъ скала имѣетъ блескъ отполированного мрамора. Всѣ разсѣянные по пустынѣ камни словно покрыты лакомъ отъ дѣйствія песка, притупляющаго ихъ углы и сглаживающаго всѣ шероховатости: нѣкоторыя изъ этихъ каменныхъ глыбъ имѣютъ такой лоскъ, что многіе путешественники принимали ихъ за вулканическіе обсидіаны. Геологъ Циттель полагаетъ, что безпрестанное треніе песковъ имѣетъ слѣдствіемъ химическое измѣненіе внутренняго строенія камней, такъ какъ встрѣчаются въ огромномъ множествѣ кремни, содержащіе въ центрѣ почку изъ нуммулитоваго известняка: слѣдовательно, камень преобразовался отъ внѣшней къ внутренней части, и какая же могла быть причина этого явленія, если не постоянное прохожденіе песчинокъ по поверхности камня? Между міриадами нуммулитовъ, покрывающихъ почву толстыми слоями, всѣ тѣ, которые лежатъ на поверхности, постоянно подвергаясь тренію о нихъ песчаныхъ частицъ, совершенно превращены въ кремнь и приняли синеватый цвѣтъ и почти металлическій блескъ, тогда какъ нуммулиты нижнихъ слоевъ, неподверженные тренію, равно какъ и дѣйствію свѣта, остаются бѣлыми и сохраняютъ свою известковую формацию ¹⁾.

¹⁾ «Briefe aus der libyschen Wüste».

Въ 1874 году Рольфъ, Циттель и другіе нѣмецкіе изслѣдователи тщетно пытались пройти эту пустыню по прямой линіи, чтобы добраться до Феццана. Въ предвидѣніи продолжительнаго

оазиса Дахель путешественники поняли, что верблюдамъ невозможно будетъ перейти послѣдовательныя гряды дюнъ, преграждавшія имъ дорогу въ направленіи Феццана, и потому

Египетскіе колоссы

путешествія, они отправились въ сопровожденіи цѣлаго каравана верблюдовъ, которые несли на себѣ большой запасъ воды, заключенной въ желѣзные, внутри обитые оловомъ, ящики. Но на шестой день по выходѣ изъ

повернули на сѣверъ, чтобы искать убѣжища въ оазисѣ Сивахъ, куда и прибыли на двадцать третій день послѣ послѣдняго встрѣченнаго ими источника прѣсной воды. Во все время своей экскурсіи они видѣли кругомъ себя тохъ-

по наружному виду, такъ и по способу образования: тамъ дерево превращается не въ зерна кварца, а въ аморфный кремнеземъ. Но въ этомъ случаѣ, можетъ-быть, нужно принять въ расчетъ различіе климатовъ и продолжительное дѣйствіе времени. Рядомъ съ «окаменѣлымъ лѣсомъ» въ окрестностяхъ Каира есть куполообразный песчанниковый холмъ, Джебель-эль-Ахмаръ или «Красная гора», гдѣ ломка камня производится внутри горы, благодаря легкости работы въ глубокихъ слояхъ. Этотъ песчаный холмъ, стоящій среди нуммулитовыхъ известняковъ, не былъ ли извергнутъ какимъ-нибудь древнимъ гейзеромъ, и деревья сосѣдней равнины, покрытой лѣсомъ въ ту эпоху, не обязаны ли своимъ сохраненіемъ дѣйствию бившихъ изъ земли горячихъ водъ¹⁾?

На западѣ Египта, такъ же какъ на западѣ Нубіи, тянется цѣль оазисовъ, расположенныхъ по кривой, почти параллельной теченію Нила. Первый изъ этихъ оазисовъ, еще необитаемый, Куркуръ, находится километрахъ въ ста отъ Ассуана. Почти въ такомъ же разстояніи къ сѣверо-западу простирается Большой оазисъ древнихъ, нынѣ называемый Харге, какъ и главный его населенный пунктъ; онъ занимаетъ, по направленію съ сѣвера на югъ, включая сюда пальмовыя рощи Бериса, низменность длиною около 150 километровъ. Впрочемъ, это не сплошной оазисъ, но скорѣе архипелагъ маленькихъ оазисовъ, плеяда острововъ культуры, раздѣленныхъ пространствами безъ всякой растительности. Далѣе слѣдуетъ, въ западномъ направленіи, оазисъ Дахель или Дакле, то-есть «Внутренній», называемый также Уа-эль-Гарбіе или «Западнымъ оазисомъ»; известковая пустыня, частію покрытая сыпучими песками, отдѣляетъ его отъ оазиса Фарафре, лежащаго въ 200 километрахъ къ сѣверо-западу. Лабиринтъ скалъ, занимающій пространство между этими двумя оазисами, есть одна изъ самыхъ странныхъ формаций этого рода, какія существуютъ на земномъ шарѣ. Узкія разсѣлины, извивающіяся и пересѣкающіяся подъ разными углами между оставшимися въ стоячемъ положеніи каменными массами, походятъ на улицы какого-то фантастическаго города, обставленныя по сторонамъ памятниками самыхъ причудливыхъ формъ: пирамидами, обелисками, трофеями, сфинксами и львами, даже статуями, имѣющими въ которое подобіе человѣческой фигуры. На сѣверной сторонѣ этого каменнаго города безъ жителей открывающія входъ въ него естественныя ворота получили отъ Рольфа имя Бабъ-эль-Ясмундъ, въ честь одного его соотечественника. Одинъ ближній порталъ, еще болѣе гигантскій, стоящій у выхода изъ лабиринта со стороны

оазиса Дахель, названъ Бабъ-эль-Кальо, въ память перваго европейскаго путешественника, который въ новое время прошелъ эти негостепримныя пространства.

Нѣсколько оазисовъ меньшей величины разсѣяны вокругъ Уа-эль-Фарафре, образуя архипелагъ, продолжающійся на сѣверо-востокъ оазисомъ Бахаріе (вѣроятно, «Малый оазисъ» древнихъ), однимъ изъ ближайшихъ къ Нилу: онъ находится всего только въ 150 километрахъ отъ воздѣланныхъ равнинъ Миніе, въ рѣчной долині. Но въ этомъ мѣстѣ рядъ котловинъ раздвояется, и въ то время, какъ одна вѣтвь продолжаетъ развертываться параллельно Нилу, другая направляется параллельно берегу Средиземнаго моря, на западъ отъ Александріи. Ось ея пересѣкаетъ впадины «Безводныхъ озеръ», Бахръ-Бела-Ма, затѣмъ другія котловины, бывшія нѣкогда озерами, и доходить до оазиса Сивахъ, въ древности посвященнаго Юпитеру Аммону. На сѣверѣ отъ этой долины поднимаются, въ видѣ утеса, крутые склоны плоскогорья Киренаики, тогда какъ на югѣ высокія дюны окружаютъ уединенныя скалы изъ грубаго известняка. Въ этой области, лежащей въ сосѣдствѣ моря и уже въ поясъ зимнихъ дождей облаковъ, вода образуетъ обширныя озерныя площади, но всѣ насыщенные солью. Большое озеро Ситра занимаетъ дно котловины, на половинѣ дороги между «Безводными озерами» и оазисомъ Сивахъ; но этотъ «блистающій сапфиръ, оправленный въ золото», продолжается болотами. Другія впадины теперь не содержатъ воды: выртыя въ формѣ колодцевъ, глубиной отъ 20 до 50 метровъ, онѣ сохраняютъ на днѣ слой грязи, смѣшанной съ солью и гипсомъ; есть и такія, гдѣ бьетъ изъ земли ключъ, но кругомъ такого солянаго источника нѣтъ никакой растительности; въ водоемахъ бывшихъ озеръ попадается кое-гдѣ низкій кустарникъ, и то только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ песокъ, нанесенный вѣтромъ, прикрываетъ толстымъ слоемъ соляной налети. Недалеко отъ озера Ситра простирается нынѣ покинутый оазисъ Эль-Араджъ, которымъ мало-по-малу завладѣваютъ пески: уже внѣшній поясъ деревьевъ частію погребенъ подъ пескомъ; колодцы, на днѣ которыхъ можно найти лишь скудный запасъ воды, да и то соленой, тоже на половину засыпаны; растительность постепенно вымираетъ, и скоро въ этой равнинѣ не останется инаго свидѣтельства о пребываніи человѣка, кромѣ гробницъ въ египетскомъ стилѣ, высѣченныхъ въ сосѣдней скалѣ.

Оазисъ Сивахъ, гдѣ вѣщалъ оракулъ при храмѣ Юпитера Аммона, котораго приходилъ вопрошать Александръ Македонскій, соперничаетъ въ красотѣ съ оазисомъ Дахель, хотя известковые холмы, образующіе его ограду, не могутъ сравниться съ живописными утесами

¹⁾ Georg Schweinfurth, „Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft“, oct., nov., déc. 1883.

господами атмосферы почти до самого входа въ Аравійскій заливъ. Чтобы избѣгнуть этого противнаго воздушнаго теченія, мореплаватели, приходившіе изъ Индіи или съ берега Ароматовъ, имѣли прямой интересъ выгружать свои товары въ портѣ, представляющемъ болѣе легкій доступъ, чѣмъ Суэзскій заливъ: этимъ и объясняется, почему гавани Вереники и Міосъ-Гормосъ получили такое важное значеніе, и почему Птоломеи и Цезари велѣли построить дороги, снабженныя цистернами, въ пустынь между Краснымъ моремъ и Ниломъ ¹⁾. Точно также въ Египтѣ, сѣверныя теченія дуютъ правильно въ сезонъ жаровъ, привлекаемыя высокой температурой сопредѣльныхъ песковъ, и освѣжаютъ атмосферу. Зимой та же самая причина даетъ преобладаніе сѣвернымъ вѣтрамъ надъ южными; только съ конца марта до начала мая устанавливается борьба между противоположными теченіями, и часто въ эту пору года Египетъ бываетъ подверженъ вліянію «пятидесятидневнаго» вѣтра, который, впрочемъ, рѣдко дуетъ въ продолженіе такого длиннаго періода; при томъ онъ никогда не господствуетъ во время ночи. Горячее дыханіе хамсина имѣетъ иссушающее свойство и насыщено пылью; по изслѣдованіямъ Пикте, одинъ кубическій метръ воздуха содержитъ до одного грамма пыли. Иногда этотъ вѣтеръ вполне заслуживаетъ названія симуна или самума, означающаго «ядъ»: приводятъ множество примѣровъ, когда караваны и путешественники, даже къ Нижнему Египтѣ, теряли своихъ вьючныхъ животныхъ, убитыхъ ядовитымъ дуновеніемъ удушливаго пыльнаго вѣтра ²⁾. Въ среднемъ, сѣверные вѣтры дуютъ въ Каирѣ въ шесть разъ чаще, чѣмъ южные. Но, по мѣрѣ того, какъ поднимаешься вверхъ по Нилу и приближаешься къ экваторіальнымъ областямъ, все болѣе и болѣе восстанавливается равновѣсіе между двумя противными воздушными теченіями: въ Нубіи мы видимъ уже почти полное равновѣсіе между сѣверными, или зимними, и южными, или лѣтними, вѣтрами.

Область египетской дельты принадлежитъ, въ отношеніи климата, къ средиземноморскому поясу. Лѣто и зима смѣняются тамъ такъ же, какъ и въ южной Европѣ, съ тою только разницей, что промежуточные времена года, весна и осень, въ этой области очень непродолжительны.

Средняя температура Египта: Александрія: 20°,8 Ц.; Каиръ: 21°,3 Ц.; Портъ-Саидъ: 21°,15 Ц. Температура самого теплаго мѣсяца (августъ): Александрія 26°,8 Ц.; Каиръ 29°,6 Ц. Температура самого холоднаго мѣсяца (январь): Александрія 14°,9 Ц.; Каиръ 12° Ц. Темпе-

ратура самая высокая извѣстная: Александрія 44°,5 Ц.; Каиръ 47° Ц.

Египетское лѣто, во время котораго разливается Нилъ, наводняя прибрежныя земли, есть періодъ, когда погода стоитъ наиболѣе ясная и небо бываетъ совершенно безоблачно; тѣмъ не менѣе, влажность воздуха въ эту пору года значительна и часто очень близка къ точкѣ насыщенія: особенно на берегахъ Чермнаго моря чувствуешь себя какъ въ паровой банѣ. Зима—сезонъ дождей, но приносимая ею влажность рѣдко бываетъ значительна, хотя въ нижней дельтѣ она часто затрудняетъ сообщенія: малѣйшій дождикъ превращаетъ берега каналовъ—единственныя дороги въ тѣхъ мѣстахъ—въ предательскую и скользкую грязь. Даже въ Александріи, которую омываютъ дождевыя облака, питаемыя Средиземнымъ моремъ, средняя высота слоя дождевой воды, выпадающей въ продолженіе года, составляетъ только 175 миллиметровъ по Руссеггеру, или 200 по выводамъ новѣйшихъ изслѣдователей, то-есть только третъ количества атмосферной влаги, получаемой Парижемъ, или одну пятую средняго количества, выведеннаго для всей Франціи. Въ Каирѣ, куда морскія облака приходятъ уже облегченныя отъ своей ноши водянаго пара, годовой слой дождей еще гораздо меньше, всего только 34 миллиметра: это пятидесятая часть того, что выпадаетъ въ Черра-Понджи, въ англійской Индіи. Въ Александріи среднее годовое количество дождевой воды, въ періодъ съ 1886 по 1893 годъ, составляло 215 миллиметровъ. Древніе египтяне называли себя обитателями «Чистой Области» ¹⁾; однако, небо надъ Каиромъ бываетъ покрыто облаками въ сложности болѣе четверти года ²⁾, и иногда ливни бывали тамъ настолько сильны, что производили временныя наводненія на улицахъ: въ 1824 и въ 1843 годахъ многіе дома были повалены вторженіемъ потока дождевыхъ водъ ³⁾. Къ югу отъ дельты, въ обѣихъ пустыняхъ, Аравійской и Ливійской, дожди еще рѣже; однако, они тамъ не неизвѣстны, какъ это часто повторяли: Калъ въ оазисѣ Сивахъ, Рольфсъ на западѣ отъ оазиса Дахель попали подъ сильныя ливни. Въ «Аравійской» пустынь внезапные дожди снесли деревню Дезамъ, близъ города Атфіе, такъ что жители дождямъ были перенести свое селеніе на новое мѣсто вѣдъ уади. Но бывали также случаи совершеннаго отсутствія дождей по нѣскольку лѣтъ: такъ, однажды въ мѣстности между Коссеиномъ и Кене шесть лѣтъ подрядъ не выпало ни одной капли дождя; всякій слѣдъ травы исчезъ въ долинахъ;

¹⁾ Elie Reclus, „Philosophie positive“, mars-avril 1870.

²⁾ Mackenzie Wallace, „Egypt and the Egyptian Question“.

³⁾ Въ Каирѣ среднимъ числомъ 240 дней въ году совершенно безоблачныхъ, 86-облачныхъ, 32 пасмурныхъ и 8 туманныхъ.

¹⁾ Ernest Desjardins, „Mémoire sur l'Inscription de Coptos“.

²⁾ Reynier, „Considérations générales sur l'agriculture de l'Egypte“.

изъ деревьевъ одна только акація устояла, нечувствительная къ окружающей засухѣ ¹⁾. А между тѣмъ цистерны, принимавшія въ себя дождевую воду, вдоль древней дороги изъ Коптоса къ порту Вереники, несомнѣнно доказываютъ, что прежде падали дожди въ этой области ²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятъ естественныя цистерны, водохранилища, образовавшіяся вслѣдствіе подземныхъ обваловъ, въ нуммулитовыхъ скалахъ, и въ которыхъ вода скопляется на непроницаемомъ для нея днѣ изъ кремнистыхъ пластовъ ³⁾. Эти меты, совершенно отличающіяся отъ поверхностныхъ источниковъ, обыкновенно называемыхъ *эль-аминъ*, почти всегда содержатъ превосходную воду, и окрестные арабы стараются скрывать ихъ существованіе отъ европейцевъ.

Какъ ни незначительна зимняя влажность, она обыкновенно достаточна, чтобы придать растительности, даже безъ помощи искусственнаго орошенія, видъ свѣжести и жизни, котораго ей недостаетъ въ лѣтнее время; въ этомъ отношеніи египетская зима составляетъ совершенную противоположность съ зимой умеренной Европы. Впрочемъ, дожди представляютъ въ дельтѣ лишь часть осаждающейся изъ воздуха влажности; ночныя росы довольно обильны, особенно при вѣтрахъ, дующихъ съ моря; чтобы смачивать регулярно крыши и балконы домовъ Александріи. Но по мѣрѣ удаленія отъ моря, обиліе росы все болѣе и болѣе уменьшается, и въ нубійскихъ пустыняхъ она уже осаждается въ очень маломъ количествѣ только въ соосѣдствіи рѣки. Среди египетскихъ пустынь тамъ, гдѣ скалы и бѣлые пески полученную въ теченіе дня теплоту теряютъ ночью лучеиспусканіемъ въ поднебесное пространство, часто случается, что капли росы замерзаютъ подъ утро; поднимаясь изъ-за горизонта, солнце, которое немного часовъ спустя сообщаетъ повсюду температуру болѣе двадцати градусовъ, начинается съ того, что растопляетъ тонкій слой гололедицы, покрывающей пустыню; даже въ воздѣланныхъ мѣстностяхъ растенія замерзаютъ иногда ⁴⁾; путешественникъ Масперо поднималъ льдину на дорогѣ изъ Эдфу въ Эсве. Въ Верхнемъ Египтѣ крайности тепла и холода, менѣе рѣзкія, чѣмъ въ Нубіи, все еще очень велики: онѣ постепенно возрастаютъ съ сѣвера на югъ, отъ изотермической линіи 20 градусовъ до линіи 25 градусовъ.

Египетъ есть одна изъ странъ, климатъ которыхъ, какъ кажется, сильно измѣнился съ начала исторической эпохи. Судя по барельефамъ, украшающимъ стѣны Саккарахскаго некрополя, быть-можетъ, самаго древняго въ

мірѣ, образъ жизни тогдашнихъ египтянъ былъ вовсе не такой, какой долженъ бы быть свойственъ жителямъ, осаждаемымъ грозной пустыней. Имъ не былъ пзвѣстенъ верблюдъ, домашнее животное, безъ котораго нынѣшній арабъ не могъ бы пускаться въ путь по знойнымъ, песчанымъ и каменнымъ равнинамъ; до прихода гиксовъ они не имѣли даже ни лошадей, ни овецъ: у нихъ былъ только рабочій волъ, помогавшій имъ пахать землю. Египтяне не были въ то время поработленнымъ народомъ, какимъ они изображаются на барельефахъ и картинахъ позднѣйшихъ вѣковъ; это были жизнерадостные земледѣльцы, любившіе поплясать и попить, незнакомые съ отвратительнымъ искусствомъ войны. Не подтверждаютъ ли эти признаки справедливость гипотезы, допускающей существованіе въ тѣ времена климата, отличнаго отъ нынѣшняго? Оскаръ Фраасъ идетъ даже такъ далеко въ этомъ предположеніи, что прямо говоритъ: «Пустыни въ то время не существовало» ¹⁾. Такое категорическое утвержденіе, безъ всякаго сомнѣнія, преувеличено, но несомнѣнно, что воды были прежде болѣе обильны въ долинахъ горъ ливійскихъ и «аравійскихъ»; во многихъ мѣстахъ примѣтны еще на скалахъ слѣды древнихъ водопадовъ, которые текли непрерывнымъ потокомъ, тогда какъ въ настоящее время эти страны безводны ²⁾. Тогда лѣса было достаточно для разработки рудниковъ, которые въ наши дни невозможно бы было утилизировать по недостатку топлива. Феллахи жгутъ для печенія хлѣба лепешки изъ кала животныхъ, смѣшаннаго съ рѣчнымъ иломъ и высушеннаго на солнцѣ.

Но если можно принять, какъ имѣющую большую степень вѣроятности, гипотезу значительнаго измѣненія египетскаго климата съ первыхъ временъ исторіи, то еще нельзя было бы допустить, какъ доказанныя, утвержденія многихъ путешественниковъ и метеорологовъ, относящихся къ климатическимъ перемѣнамъ, которыя, будто-бы, произошли съ конца прошлаго столѣтія. Часто утверждаютъ, что насажденія шелковицы и другихъ деревъ, сдѣланныя Могамедомъ-Али, имѣли ближайшимъ слѣдствіемъ увеличеніе дождей; большіе успѣхи, достигнутые земледѣльческой культурой въ періодъ жизни настоящаго поколѣнія, имѣли, будто-бы, тѣ же результаты; но эти утвержденія основаны на чисто личныхъ впечатлѣніяхъ, которыя до сихъ поръ еще не были подкрѣплены систематическими наблюденіями. Точно также можно задать себѣ вопросъ: правда ли, что мѣстный климатъ Суэзскаго перешейка, какъ увѣряютъ нѣкоторые писатели, нѣсколько измѣнился со времени постройки

¹⁾ G. Schweinfurth;—Klunzinger.

²⁾ Ernest Desjardins, «Inscription de Coptos».

³⁾ G. Schweinfurth, «La terra incognita dell'Egitto propiamente detta». Esploratore, 1878.

⁴⁾ Ernest Desjardins, рукописныя записки.

¹⁾ Russegger, цитированное сочиненіе;—Oscar Fraas, «Aus dem Orient».

²⁾ Wilkinson;—Chaux;—Russegger.

каналовъ прѣсной и соленой воды? Произведеніе это, безъ сомнѣнія, гигантское въ глазахъ человѣка, но ничтожное въ сравненіи съ поверхностію морей, могло ли оно, развѣ только въ непосредственномъ содѣйствіи канала, умѣрить крайности тепла и холода, сдѣлать атмосферу болѣе влажною, увеличить число и продолжительность дождей?

Мало найдется въ свѣтѣ странъ, по сю сторону полярнаго круга, которыя были бы менѣе богаты, чѣмъ Египетъ, растительными видами. Однообразіе равнины, недостатокъ разнообразія въ химическомъ составѣ почвы, отсутствіе хорошо орошаемыхъ холмовъ и горъ, правильность культуры,—все способствуетъ ограниченности флоры. Уже за тысячи лѣтъ до нашего времени земледѣльцы истребили лѣса, если не считать таковыми пространства, усыяныя нильской акаціей (*acacia nilotica*), извѣстной у туземцевъ подъ именемъ сунтъ,—деревомъ, нѣкогда священнымъ, давшимъ матеріалъ, изъ котораго евреи сдѣлали кивотъ завета ¹⁾. Дерево составляетъ такую драгоценность въ Египтѣ, что лодочники дѣлаютъ обшивку для своихъ ладей и барокъ изъ коровьяго кала, смѣшаннаго съ землею и рубленой соломой.

Въ цѣломъ египетская флора представляетъ смѣсь видовъ европейскихъ, азіатскихъ и африканскихъ; но преобладающая роль принадлежитъ послѣднимъ, по крайней мѣрѣ въ дельтѣ. Физиономію египетскимъ пейзажамъ сообщаютъ главнымъ образомъ африканскія растительныя формы: тарфа или тамарискъ (*tamarix nilotica*), финиковая пальма, сикомора или египетская смоковница, иначе Адамова фи́га (*figus sycomorus*); пальма думъ, которая, впрочемъ, не растетъ въ Египтѣ въ дикомъ состояніи, встрѣчается въ садахъ только выше города Эсне. Файюмъ носилъ нѣкогда названіе «Страны Сикоморъ», и одно изъ древнихъ названій Египта было «Страна дерева бекъ», которое, вѣроятно, принадлежало къ роду пальмъ ²⁾. Нѣтъ деревни, которая не имѣла бы пальмовыхъ аллей вокругъ своихъ стѣнъ и вдоль своихъ каналовъ, которая не обладала бы по крайней мѣрѣ сикоморой съ широкими развѣсистыми вѣтвями, подъ которыми жители собираются по вечерамъ. Въ прежнія времена сикомора, много отличающаяся отъ породы, которая извѣстна подъ этимъ именемъ въ Европѣ, была гораздо болѣе распространена въ Египтѣ: дерево ея, считавшееся «нѣжнымъ», употреблялось на выдѣлку дорожной мебели и особенно на приготовленіе гробовъ, которые ставились въ некрополяхъ: вышѣ, по прошествіи трехъ тысячъ лѣтъ, сикоморыя доски, извлекаемыя на свѣтъ божій

изъ глубины погребальныхъ подземелій, оказываются сохранившимися, благодаря сухости воздуха, всю крѣпость и тонкость своихъ волоконъ. Плодъ сикоморы цѣнился древними какъ одинъ изъ лучшихъ фруктовъ: «смертный, вкусившій этого плода, говаривали они, не можетъ преодолѣть желанія вернуться въ Египетъ», оттого, при отъѣздѣ, было въ обычаѣ ѣсть эти смоквы, чтобы обезпечить себѣ возвращеніе въ равнины Нила. Какъ же случилось, что въ настоящее время плоды смоковницы египетской такъ безвкусны, что ихъ прозвали «фигами ослонъ»? Измѣнились ли ихъ вкусъ, или, что болѣе вѣроятно, у самихъ египтянъ вкусъ ужь не тотъ, какой былъ у ихъ предковъ ³⁾? Но если нѣкоторыя древнія породы измѣнились, то другія, какъ извѣстно, совершенно исчезли. Деревья, въ выдолбленные стволы которыхъ клали умершихъ въ эпоху одиннадцатой династіи, теперь растутъ только въ Суданѣ ⁴⁾. Плоды пальмы думъ, нынѣ уже не переходящей за предѣлы Верхняго Египта, и пальмы аргунъ, теперь растущей уже только въ Нубіи, находятся въ изобиліи въ египетскихъ некрополяхъ. Что сталося съ папирусомъ, имя котораго отождествляется болѣе, чѣмъ всякое другое, съ именемъ самой египетской цивилизаціи? Сальтъ, Дроветти, Ренье, Минуттоли отыскивали его въ окрестностяхъ Даміетты, но его не видно болѣе ни въ какой другой части Египта ⁵⁾; прежнее отечество этого растенія не обладаетъ имъ больше, тогда какъ папирусъ существуетъ въ Сири, въ Сидоніи, гдѣ онъ былъ введенъ изъ долины Нила. Куда дѣвались чащи розоваго лотоса, съ широкими распростертыми листьями, подъ которыми плавали, во времена Страбона, жители Александріи, наслаждаясь прохладой водъ и благоуханіемъ цвѣтовъ? Бѣлый лотосъ, нѣкогда распространенный по всему Египту, теперь встрѣчается уже только въ области дельты ⁶⁾. Въ наши дни розовый кипрей (*epilobium*), вмѣстѣ съ тростникомъ—самыя обыкновенныя растенія на берегахъ озеръ и болотъ Нижняго Египта.

Флора оазисовъ, отдѣленная отъ растительности Нильской долины уже въ теченіе неизвѣстнаго періода вѣковъ, представляетъ замѣчательныя особенности. Такъ, въ то время какъ египетскія растенія въ большинствѣ случаевъ уроженцы Африки, растенія оазисовъ, какъ культурныя, такъ и дикорастущіе виды, по большей части европейскаго происхожденія.

¹⁾ Stephan, „Das heutige Aegypten“,—G. Maspero, рукописныя замѣтки.

²⁾ Mariette, „Académie des Inscriptions et Belles-Lettres“.

³⁾ H. von Minutoli, „Abhandlungen vermischten Inhalts“, zweiter Cyclus.

⁴⁾ Brugsch;—Ascherson.

⁵⁾ Jacques de Rougé, „Textes géographiques du temple d'Edfou“, „Revue Archéologique“, vol. XII.

⁶⁾ Alfred von Kremer, „Aegypten“.

подводныхъ скалъ и гряды дюнь мѣшаютъ морскимъ водамъ проникнуть въ это пониженіе материка: средняя разность уровней составляетъ около тридцати метровъ. Послѣ констатирования этого географическаго факта, заговорили о возможности превратить всю Киренаику въ одинъ большой островъ посредствомъ введенія водъ Средиземнаго моря въ ровъ, образуемый оазисами. Такимъ образомъ предлагали создать, по другую сторону Сиртовъ, новое «внутреннее море».

Слово «оазисъ» вызываетъ въ умѣ представленіе о какомъ-то раѣ земномъ, оживляемомъ текущими водами и богатою растительностію: древніе называли египетскіе оазисы «островами Блаженныхъ», какъ будто пребываніе въ этихъ пальмовыхъ рощахъ, осаждаемыхъ грозной пустыней, было милостію боговъ. Однако, государи Египта и позднѣе императоры Рима и Византіи узнали, что оазисы далеко не такіа счастливыя мѣста, какими ихъ воспеваютъ поэты, и ссылали туда своихъ враговъ, чтобы сжить ихъ со свѣта, обрекая на невыносимую тоску и скуку: тысячи христіанъ, изгнанныхъ другими христіанами, расходящимися съ ними въ мнѣніяхъ, пали жертвою ностальгіи въ этихъ обширныхъ тюрьмахъ. Нѣкоторые оазисы, между прочимъ, оазисъ Дахель, дѣйствительно кажутся очень живописными, благодаря величественной оградѣ изъ скалъ, горделиво вздымающихъ свои башни метровъ на двѣсти или на триста надъ крышами деревень и коронами пальмъ; но если путешественникъ восхищается красотой пейзажа, то это главнымъ образомъ подъ впечатлѣніемъ контраста, который представляетъ ихъ ласкающая взоръ зелень съ мрачными, безжизненными пространствами голыхъ камней и песковъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не прійти въ восторгъ, когда только что странствовалъ по безводной пустынѣ, въ погоню за столь желаннымъ берегомъ, и когда, наконецъ, находишь настоящіе источники, весело журчащіе подъ тѣнью пальмъ! Только въ послѣдствіи тѣсный оазисъ кажется печальнымъ и наводящимъ уныніе мѣстомъ, въ сравненіи съ открытыми зеленѣющими равнинами, продолжающимися, безъ видимыхъ границъ, отъ одного горизонта до другаго.

Пески пустыни развѣтываются въ видѣ дюнь, какъ пески плоскихъ береговъ Атлантическаго океана и Средиземнаго моря. Между теченіемъ Нила и цѣлью оазисовъ протянулось нѣсколько рядовъ этихъ дюнь, и почти всѣ онѣ ориентированы съ юго-востока на сѣверо-западъ, параллельно направленію рѣки между Ассуаномъ и Мянѣ. Дюны эти не поднимаются до такой значительной высоты, какой достигаютъ дюны французскихъ ландръ, безъ сомнѣнія потому, что лабораторія, гдѣ перетираются пески, находится дальше, а также потому, что вѣтры здѣсь дуютъ съ меньшей силой. Обыкновенно,

опорной точкой при образованіи песчаныхъ горокъ служить какое-нибудь деревцо, чаще всего тамарискъ. Песокъ, задерживаемый этимъ препятствіемъ, образуетъ позади его маленькую дюну, въ видѣ полумѣсяца, выдвинувшаго впередъ свои рога: скоро растеніе охватывается со всѣхъ сторонъ, и въ короткое время было бы совершенно засыпано пескомъ, если бы не выросло мало-по-малу, не тянулось кверху, чтобы высвободить свои вѣтви. Такъ возникаютъ небольшіе песчаные бугры, средняя высота которыхъ всего только отъ трехъ до пяти метровъ, и изъ которыхъ высовывается листья тамариска или какого-нибудь другаго деревца: эти незначительныя возвышенія почвы, формой и цвѣтомъ похожія на выгрызенныя временемъ скалы, но которыя всѣ имѣютъ на вершинѣ или на скатахъ кустъ или деревцо, придаютъ особенную фizioномію Ливійской пустыни. Пески не переходятъ за скалы, прерывающія средній уровень плоскогорья, они останавливаются также передъ пирамидами, на краю известковыхъ утесовъ, господствующихъ надъ долиной Нила: отсюда и явилось предположеніе, впрочемъ, лишнее всякаго здраваго смысла, что, будто-бы, колоссальныя усыпальницы фараоновъ были воздвигнуты именно съ цѣлью воспрепятствовать засыпанію Египта песками пустыни. Когда вѣтеръ дуетъ съ запада, тысячи маленькихъ водопадовъ краснаго или золотисто-желтаго песка ниспадаютъ съ каменистыхъ карнизовъ плоскогорья и образуютъ длинныя откосы, захватывающіе тамъ и сямъ воздѣланныя земли: такъ, теченіе Бахрѣ-Юзефа было постепенно оттѣснено къ востоку грядями дюнь, окаймляющихъ лѣвый берегъ; но это поступательное движеніе песковъ весьма незначительно и, можетъ-быть, еще вознаграждается размываніемъ, происходящимъ отъ дѣйствія теченія на утесы праваго берега Нила; при томъ же пески могутъ быть воздѣлываемы, какъ другія почвы, вездѣ, гдѣ они получаютъ оросительныя воды, приносящія жирный рѣчной илъ.

Къ западу отъ оазисовъ Ливійская пустыня еще не была пройдена изслѣдователями въ направленіи оазиса Куфра и Фецпана; громадное пространство, по меньшей мѣрѣ въ миллионѣ квадратныхъ километровъ, негостепріимное, непроходимое даже для путешественника, снабженнаго всѣми ресурсами, какіе можетъ дать современная индустрія, простирается въ этой части Африки, отдѣляя совершенно Египетъ и Киренаику отъ прибрежныхъ странъ озера Цадъ. Жители египетскихъ оазисовъ не могутъ ничего сообщить иностранцамъ объ этихъ таинственныхъ и страшныхъ пространствахъ, ограничивающихъ ихъ горизонтъ и въ которыя они боятся проникать; они рассказываютъ о нихъ только разныя странныя легенды, не имѣющія никакой исторической цѣны.

во внутренность озера; затѣмъ, въ заранее разсчитанный моментъ, ждутъ на своихъ баркахъ, вооруженные баграми, тогда какъ на сосѣднихъ берегахъ женщины готовятъ пищество. Вскорѣ на поверхности моря замѣчается какое-то сверканіе: несмѣтная стая рыбы, преслѣдуемая морскими свиньями и другими прожорливыми животными, приближается ко входу и сообщаетъ водамъ блескъ, какъ бы происходящій отъ множества молній; глухой шумъ, состоящій изъ безчисленныхъ всплесковъ и бурливаго волненія моря, постепенно усиливается и сливается съ криками рыбаковъ, съ визгомъ дѣтей и женщинъ. Вся живая масса низринувшись въ узкія ворота богаза (пролива) и вдругъ очутилась въ предательскихъ сѣтяхъ. Теперь начинается чудовищная бойня, и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ всѣ барки до краевъ наполнены добычей. Съ этого времени рыба можетъ безпрепятственно входить въ озеро въ теченіе всего сезона, и ловъ будетъ производиться свободно на всемъ пространствѣ бассейна. Самая обыкновенная рыба въ водахъ Нила, называемая арабами шабаль, вооружена на спинѣ тремя острыми и зубчатыми колючками, которыя наносятъ очень чувствительные уколы, когда до нихъ прикаснешься. Шабаль—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ рыбъ, которыя испускаютъ маленькій крикъ, когда ихъ вынимаютъ изъ воды: можно подумать, что слышишь трещаніе кузнечика, впрочемъ, звукъ немного слабѣе. Большое число рыбъ Нила и Краснаго моря были представлены на древнихъ памятникахъ, и съ такой вѣрностію, что Русагеръ могъ безошибочно отождествить всѣ изображенные тамъ виды съ нынѣ живущими ¹⁾. Извѣстно, что открытіе Суэзскаго канала имѣло слѣдствіемъ смѣшеніе фауны Средиземнаго и Чермнаго морей—фауны, до того времени столь отличныхъ одна отъ другой. Рыбы, моллюски, другія морскія формы перешли изъ одного бассейна въ другой; цѣлые караваны различныхъ животныхъ видовъ остановились во время этого путешествія въ Горькихъ озерахъ. Многія причины замедляютъ переселеніе животныхъ изъ одного моря въ другое: исключительно песчаное свойство дна и береговъ, теченія у входа и выхода бассейновъ, слишкомъ большая соленость воды, безпрестанное движеніе судовъ по каналу. Плотоядные виды рыбъ не проникаютъ далеко въ каналъ, по причинѣ рѣдкости тамъ животныхъ, служащихъ имъ пищей; формы коралловъ, представленные въ такомъ большомъ числѣ въ Красномъ морѣ, еще не образовали колонняковъ въ Средиземномъ морѣ ²⁾.

Одно египетское насѣкомое получило въ исторіи многовѣ символическій смыслъ непре-

кращающагося творенія и постоянного обновленія жизни: это *ateuchus sacer*, или священный жукъ. Образъ солнца и небесныхъ тѣлъ по своей шаровидной формѣ, этотъ жукъ также создаетъ особый міръ, глиняный микроскопъ, въ который кладетъ свои яички, и безъ малѣйшаго отдыха катитъ этотъ шарикъ съ рѣчнаго берега на край пустыни, гдѣ и зарываетъ его въ песокъ. Самъ онъ умираетъ тотчасъ же, какъ только окончитъ свое дѣло; но, едва вылупившись изъ яйца, новые жуки, въ свою очередь, принимаются за ту же работу созиданія. Кажется, что это священное насѣкомое отступило къ югу, подобно многимъ другимъ растительнымъ и животнымъ видамъ Египта; очень обыкновенный въ Нубіи, этотъ жукъ уже рѣдко бываетъ видимъ ниже Асуана; впрочемъ, г. Масперо видѣлъ нѣкоторое число этихъ насѣкомыхъ въ Саккарахъ. Причину этой рѣдкости священнаго жука въ Верхнемъ Египтѣ, быть-можетъ, слѣдуетъ искать въ слишкомъ большомъ пространствѣ воздѣланныхъ земель, раздѣляющемъ во многихъ мѣстахъ берега Нила и окраину пустыни; въ Нубіи, разстояніе, которое должны проходить жуки, катя свою драгоцѣнную ношу, обыкновенно гораздо меньше ¹⁾. Коптскія матери часто вѣшаютъ на шею своему больному ребенку тряпку или орѣховую скорлупу, заключающую внутри живаго жука ²⁾.

Нынѣшніе египтяне, потомки древнихъ реетовъ, очень походятъ на своихъ предковъ, хотя въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ много чуждыхъ элементовъ примѣшалось къ кореннымъ жителямъ, по крайней мѣрѣ въ области дельты и въ Среднемъ Египтѣ: первоначальный типъ проявляется вездѣ, несмотря на смѣшеніе расъ. Копты преимущественно передъ другими должны быть разсматриваемы какъ относительно чистокровные: ихъ до сихъ поръ еще называютъ «Народомъ Фаруна», то-есть «фараона» ³⁾. Правда, при правленіи Птолемеевъ, и позднѣе въ римскую эпоху, они, безъ всякаго сомнѣнія, разнообразно смѣшивались съ своими сосѣдями, прибрежными народами Средиземнаго моря; но съ того времени, какъ страна была покорена магометанами, слишкомъ тысячу двѣсти лѣтъ тому назадъ, религіозная ненависть держала этихъ христіанъ въ сторонѣ отъ ихъ поработителей, и специальный типъ у нихъ лучше сохранился, чѣмъ у другихъ египтянъ. Они гораздо многочисленнѣе, чѣмъ это думали до недавняго времени: по словамъ патріарха александрійскаго, спрошеннаго объ этомъ предметѣ Вансlebомъ въ 1671 году, въ ту эпоху было всего только десять или много-много что пятнадцать тысячъ коптовъ ⁴⁾; въ семидеся-

¹⁾ «Reisen in Europa, Asien und Afrika»: — Gardner Wilkison, цитируемое сочиненіе; — Ernest Desjardins, *pylons de Memphis*.

²⁾ Koller, «Nature», Déc. 21, 1882.

¹⁾ Amelia Edwards, «A thousand miles up the Nile».

²⁾ Pruner, «Krankheiten des Orients».

³⁾ Rudolph Klienpaul, «Die Bahabiyé».

⁴⁾ «Nouvelle relation d'un voyage fait en Egypte».

тыхъ годахъ ихъ исчисляли въ 150.000 душъ, перепись же 1882 г. насчитала ихъ уже слишкомъ 400.000 душъ, что составляетъ пятнадцатую часть всего народонаселенія. Копты болѣе, чѣмъ всѣ другіе этнические элементы страны, имѣютъ право называть себя египтянами. Самое имя ихъ «копты» или «кубтъ», есть, повидимому, не что иное, какъ испорченное древнее названіе Мемфиса, Ха-ка-Птахъ, жилище «Птаха», изъ котораго греки сдѣлали слово Айгуптосъ, примѣнявшееся одинаково къ рѣкѣ и къ странѣ¹⁾. Впрочемъ, это наименованіе «копты» производятъ также отъ Гуфтъ или Коптосъ, имени города, гдѣ они и теперь еще очень многочисленны: время разрушенія этого христіанскаго города императоромъ Диоклетіаномъ принято за исходную точку коптскаго лѣтосчисленія. Копты живутъ главнымъ образомъ въ Верхнемъ Египтѣ, вокругъ города Ассіута, называемаго «коптской столицей», и въ Файюмѣ, гдѣ они образуютъ цѣлыя деревни; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они избрали себѣ жилищами полуукрѣпленные монастыри, *деры* или *дейры*, которыхъ всѣ первые обитатели были люди, обрекавшіе себя на безбрачіе. Въ этихъ областяхъ, отдаленныхъ отъ столицы и частью лежащихъ въ сторонѣ отъ дороги завоевателей, копты могли сохранить свои нравы и монофизитскую вѣру, которую они получили изъ Византии, какъ и еѳіопы. Къ сѣверу отъ Ассіута, въ долину Нила, коптовъ можно встрѣтить только въ городахъ, въ качествѣ ремесленниковъ, мѣняль и мелкихъ чиновниковъ или служащихъ; благодаря господствующей вѣротерпимости, они пользуются теперь правомъ селиться во всѣхъ частяхъ Египта; но никто изъ нихъ не игралъ никогда политической роли, какъ турки, армяне и даже евреи. До того времени, когда они были совершенно уравнены съ мусульманами въ отношеніи всѣхъ гражданскихъ правъ, исламъ постоянно дѣлалъ въ средѣ ихъ захваты, преимущественно черезъ браки. Такъ какъ большинство коптовъ подвергаются обрѣзанію, согласно древнему египетскому обычаю, существовавшему задолго до Магомета, то они зачисляются въ ряды мусульманъ, какъ только переступятъ порогъ мечети. Въ настоящее время костюмъ ихъ уже не отличается отъ одежды другихъ египетскихъ туземцевъ: прежде цвѣтъ тюрбана у мужчинъ и цвѣтъ покрывала у женщинъ были признаками, отличавшими копта отъ феллаха-магометанина, и верѣдко коптъ наматывалъ себѣ на голову бѣлую чалму и вообще носилъ такую же одежду, какъ другіе крестьяне, чтобы тѣмъ возвысить свое достоинство. Копты имѣютъ нынѣ около 120 церквей въ различныхъ провинціяхъ; но встрѣчающіяся въ мно-

гихъ округахъ, гдѣ теперь уже не видно коптовъ, развалины религиозныхъ зданій свидѣтельствуютъ, что населеніе тамъ было еще христіанское нѣсколько столѣтій тому назадъ. Въ настоящее время число этихъ туземцевъ правильно возрастаетъ изъ года въ годъ, вслѣдствіе превышенія рожденій надъ смертными случаями, ибо копты, которые вообще вступаютъ въ бракъ въ болѣе позднемъ возрастѣ, чѣмъ другіе египтяне, болѣе уважаютъ семейныя связи и болѣе заботятся о своихъ дѣтяхъ.

Но если религія Магомета не восторжествовала надъ религіей Христа, то языкъ арабовъ успѣлъ достигнуть преобладающаго значенія въ Египтѣ: тотъ коптскій ідиомъ, который далъ возможность ученымъ разобрать древніе іероглифы, возстановляя египетскій діалектъ эпохи фараоновъ, отъ котораго онъ очень мало разнится, теперь не употребляется уже нигдѣ какъ устная рѣчь. Большинство коптовъ изучаютъ свой древній языкъ только для того, чтобы умѣть читать молитвы, смыслъ которыхъ они не всегда понимаютъ¹⁾; даже книги духовнаго содержанія пишутся на арабскомъ языкѣ. Коптскій языкъ имѣетъ также свою азбуку, составленную изъ греческихъ буквъ, къ которымъ были прибавлены нѣкоторые знаки, заимствованные отъ курсивныхъ формъ древняго національнаго письма. Первый письменный памятникъ коптскаго языка относится къ половинѣ третьяго столѣтія христіанскаго лѣтосчисленія; въ десятомъ вѣкѣ этимъ языкомъ еще говорили обыкновенно всѣ египтяне, за исключеніемъ завоевателей²⁾. Начиная съ семнадцатаго столѣтія арабскій языкъ становится господствующимъ и общеупотребительнымъ во всемъ Египтѣ; но большое число древне-египетскихъ словъ и теперь еще употребляются въ языкѣ страны. У коптовъ сохранились еще нѣкоторые древніе обычаи или обряды, установившіеся, безъ сомнѣнія, задолго до вторженія иностранныхъ религій. Такъ, они строятъ свои могилы въ формѣ домовъ, и каждое семейство собирается разъ въ годъ въ семейномъ мавзолѣѣ, чтобы справить поминки съ заупокойной трапезой. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ именъ, даваемыхъ при крещеніи, — Менасъ, напоминающее Мену или Менеса, истиннаго или предполагаемаго основателя первой египетской династіи.

«Пахари», или феллахи, принадлежатъ, какъ и копты, къ туземной расѣ, болѣе или менѣе видоизмѣненной скрещеніями съ другими этническими элементами. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ большихъ городахъ, Каира и Александріи, называютъ себя Ауладъ-Масръ, то есть «дѣтьми Масра» или «египтянами». Подобно своимъ предкамъ, копты и феллахи

¹⁾ Volney, «Voyage en Syrie et en Egypte»; — Brugsch, «Alte Geographie von Aegypten».

¹⁾ Fr. Lenormant, «Histoire ancienne de l'Orient».

²⁾ Alfred von Kremer, «Aegypten».

имѣютъ вообще ростъ средній (отъ 1,60 до 1,62 метра), тѣло гибкое, стройное, члены ловкіе и сильные. Голова у нихъ представляетъ красивый овалъ, лобъ широкій, носъ правильный, закругленный при оконечности, ноздри расширенныя, губы толстыя, но красиво очерченныя, глаза большіе, черные и бархатные,

нахъ деревень ¹⁾. Очень часто встрѣчаешь типы истинной красоты, напоминающіе черты сфинксовъ, и большинство молодыхъ женщинъ отличаются миловидностію, стройностію, изяществомъ манеръ и горделивой поступью; нѣтъ картины болѣе привлекательной, какъ видъ молодой матери, несущей своего голаго ре-

Восхожденіе на большую пирамиду.

бенка слегка приподняты кнаружи. Большинство дѣтей выглядятъ хилыми и угрюмыми; глаза у нихъ тусклые, кожа блѣдная, животъ вздутый; но тѣ изъ нихъ, которыя вынесутъ дѣтскую сухотку и другія болѣзни, дѣлаются красивыми и сильными: невольно удивляешься, какъ могли такіе красавцы парни, такіа красавицы дѣвушки вырасти въ грязныхъ хижинахъ.

Въ деревнѣ женщины не закрываютъ себѣ лица такъ строго, какъ въ городахъ; почти всѣ онѣ красятъ себѣ губы въ синій цвѣтъ и татуируютъ подбородокъ, накалывая на немъ изображеніе цвѣтка; нѣкоторыя украшаютъ себѣ такими же узорами

¹⁾ Lucy Duff Gordon, „Letters from Egypt“.

лобъ и другія части тѣла; кромѣ того, тѣ изъ нихъ, которыя не впали въ крайнюю бѣдность, носятъ діадемы и ожерелья изъ жемчуга, настоящаго или поддѣльнаго, цехины (золотыя монеты) или позолоченныя кружки; все состояніе семьи употребляется на эти женскія украшенія. Феллахъ, такъ сказать, не имѣетъ другой потребности, кромѣ этого излишка, который онъ презентуетъ своей супругѣ; жилище его — убогая землянка, куча комковъ земли, взятыхъ изъ бороздъ пашни; одежда его состоитъ изъ синей бумажной рубахи, такихъ же штановъ и тарбуша или войлочной шляпы; нѣсколько дурровыхъ лепешекъ, къ которымъ болѣе зажиточные прибавляютъ бобы, чечевицу, лукъ, арбузы, пару финиковъ, составляютъ обычную его пищу. Большие всего на свѣтѣ онъ любитъ миръ и тишину, и ни въ одной странѣ на всемъ земномъ шарѣ не видывали, при всеобщей воинской повинности или конскринціи, болѣе частыхъ примѣровъ членовредительства, примѣровъ добровольныхъ калѣкъ, кривыхъ, хромыхъ или безрукихъ. Вообще говоря, феллахъ добродушенъ, наивенъ, веселаго характера, услужливъ, гостеприименъ, насколько это позволяютъ его убогіе достатки; если онъ старается пустить въ ходъ противъ своихъ угнетателей оружіе слабаго, ложь и хитрость, то это въ большинствѣ случаевъ не удается ему: его маленькія махинаціи легко угадываются и часто навлекаютъ ему только сугубую жестокость со стороны его господъ. Коптъ обыкновенно болѣе умѣло хитритъ, чѣмъ простодушный феллахъ-мусульманинъ: это объясняется тѣмъ, что копту не только приходится терпѣть нищету, какъ и египтянину изъ магометанъ, но онъ еще долженъ, сверхъ того, казаться маленькимъ человекомъ, чтобы избѣгнуть преслѣдованія; изъ опасенія быть обобраннымъ до послѣдней нитки, онъ долженъ былъ скрывать свои маленькіе достатки; ему нужно было подбирать въ грязи подачку, бросаемую съ презрѣніемъ, сберегать скряжнически все добываемое трудомъ, хитростію или ниществомъ. Тѣ изъ коптовъ, которые получили кое-какое воспитаніе, выказываютъ обыкновенно истинный талантъ по счетной части и коммерческой бухгалтеріи: это достойные сыны тѣхъ древнихъ ретовъ, отъ которыхъ дошли до насъ счетныя книги и руководство къ ариметикѣ, съ задачами на дробь, на правило товарищества, на уравненія первой степени ¹⁾. Во времена владычества мамелюковъ управленіе финансами государства находилось всецѣло въ рукахъ коптовъ; благодаря изобрѣтенной ими совершенно особенной системѣ счетоводства, они сдѣлали свои бухгалтерскія книги никому непонятными, такъ

что эта профессія составляла ихъ неотъемлемую монополію. Но введеніе западныхъ методовъ счетоводства и особенно постоянно усиливавшаяся иммиграція сирійскихъ католиковъ, людей не менѣе ловкихъ и вкрадчивыхъ, не менѣе способныхъ къ интригѣ, чѣмъ копты, но болѣе образованныхъ и знакомыхъ съ арабскими классиками, мало-по-малу отняли у туземныхъ христіанъ высшія административныя посты. Низшія же должности счетчиковъ и писцовъ по-прежнему остались и до сихъ поръ остаются за коптами; вообще персоналъ египетской бюрократіи заключаетъ въ себѣ гораздо больше христіанъ, чѣмъ мусульманъ ¹⁾.

Семитическій элементъ сильно представленъ въ египетскомъ населеніи, даже со временъ, предшествовавшихъ арабскому завоеванію. Такъ, по Маріетту, туземцы, живущіе на южныхъ берегахъ озера Мензалехъ, — можетъ быть, прямыя и очень мало смѣшанные потомки тѣхъ «людей неблагородной расы», гиксовъ, которые овладѣли Египтомъ слишкомъ сорокъ вѣковъ тому назадъ: типъ ихъ точь-въ-точь такой же, какъ типъ царскихъ статуй и головъ сфинксовъ, открытыхъ въ Санѣ, древнемъ Танисѣ, среди аллювіальныхъ образований озера ²⁾. Эти потомки азіатовъ населяютъ мѣстечки Мензалехъ, Матаріехъ, Салкіехъ и сосѣднія деревушки. Рослые, съ сильно развитыми мускулами, они имѣютъ лицо очень широкое сравнительно съ ихъ закругленнымъ черепомъ, носъ крупный, скулы выдающіяся, лицевой уголъ очень открытый, лобъ высокій, взглядъ и улыбку осмысленныя. По словамъ Баярда Тайлора, потомки гиксовъ очень многочисленны также въ области Файюмъ.

Наиболѣе значительную долю семитической крови внесли въ египетское населеніе арабскіе и сирійскіе мусульмане, пришедшіе вслѣдъ за Амру. Безъ сомнѣнія, эти арабы не сохранились въ чистомъ состояніи ни въ одномъ изъ городовъ Египта, но какъ они, такъ и послѣдующіе пришельцы того же племени, были довольно многочисленны, чтобы произвести глубоко захватывающее видоизмѣненіе туземной расы, особенно въ городахъ, гдѣ всѣ магометане, за исключеніемъ турокъ и черкесовъ, обозначаются теперь общимъ именемъ арабовъ. На берегахъ Краснаго моря, недавно переселившіяся арабскія племена, абы, ауасимы, иренаты, живутъ рыбной ловлей и каботажной торговлей ³⁾. Въ сельскихъ мѣстностяхъ, на границахъ пустыни, многія племена бедуиновъ, ахр-эль-вабары или «люди шатровъ», сохра-

¹⁾ Mackenzie Wallace, „Egypt and the Egyptian Question“.

²⁾ Mariette, „Revue Archéologique“, 1861; — Edouard Naville, „Journal de Genève“, 22 juin 1882; — Couvieu, „Itinéraire du Canal de Suez“.

³⁾ Klunzinger, „Bilder aus Oberägypten, der Wüste und dem Rothem Meere“.

¹⁾ „Papyrus Rhind“ въ Британскомъ музеѣ; — A. Eisenlohr, „Ein mathematisches Handbuch der alten Aegypter“.

вились въ большой чистотѣ и съ гордостію выводить свою родословную отъ первыхъ завоевателей. Иногда, правда, арабъ беретъ себѣ жену въ семьѣ феллаха, но самъ онъ никогда не выдастъ за него свою дочь: полу-номадъ, раздѣляющій свою жизнь между воздѣланными полями и пустыней, онъ презираетъ несчастныхъ земледѣльцевъ, всегда согбенныхъ надъ своей пашней; хотя бы даже онъ самъ добровольно оставилъ бродячую жизнь, въ глазахъ бедуиновъ-кочевниковъ онъ уже будетъ не болѣе, какъ феллахъ, такой же, какъ другіе феллахи¹⁾; но обыкновенно онъ имѣетъ пребываніе въ деревнѣ, въ сосѣдствѣ полей, только въ теченіе извѣстной части года, и тотчасъ же возвращается въ пустыню, какъ только окончена жатва и уборка хлѣба: такъ что, слѣдовательно, населенія различаются здѣсь не столько по расѣ, сколько по образу жизни²⁾. Однако, даже поселившись въ деревняхъ и сдѣлавшись осѣдлыми земледѣльцами, сыны номадовъ пользуются большими привилегіями въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній: такъ, они освобождены отъ воинской и другихъ натуральныхъ повинностей. Впрочемъ, бедуиновъ, живущихъ въ предѣлахъ Египта, нельзя назвать независимыми: раздѣленные долиной Нила на двѣ особыя группы, бедуины «арабской» пустыни, какъ и бедуины ливійскихъ оазисовъ, занимаютъ открытыя пространства, легко доступныя нападению со всѣхъ сторонъ, и находятся въ полной зависимости отъ своихъ сосѣдей въ отношеніи торговли и продовольствія. Кромѣ того, они дѣлятся на большое число (около пятидесяти) племенъ, изъ которыхъ многія живутъ между собой въ постоянной враждѣ: не бывало примѣра, чтобы всѣ бедуины пустыни соединились для защиты общей свободы. Одно изъ самыхъ многочисленныхъ племенъ «аравійскихъ» горъ—мазехи или «козы пастухи», которыхъ путешественникъ Масперо считаетъ древними ливійцами изъи, обаравившимися въ сравнительно недавнюю эпоху. Это наслѣдственные враги абабдеховъ, народцевъ беджасской расы, живущихъ къ югу отъ Коссеира, въ долинахъ цѣпи пороговъ и въ Сѣверной Нубіи. На западъ отъ дельты, въ Ливійской пустынѣ, господствующее племя — ауладъ-али. Гаварахи, живущіе въ Верхнемъ Египтѣ и доставляющіе арміи вице-короля почти всю его иррегулярную кавалерію,—народъ туарегскаго происхожденія³⁾. По переписи 1882 года, число бедуиновъ-кочевниковъ и полуосѣдлыхъ, которыхъ еще въ семидесятыхъ годахъ насчитывали только 70.000 или 100.000 душъ, простирается до

246.000 душъ, съ значительнымъ преобладаніемъ мужскаго пола; мужчины, будто-бы, превышаютъ женщинъ на 11 слишкомъ процентовъ,—пропорція, какой не представляетъ никакая другая группа жителей, относительно которой дѣлалась правильная перепись, исключая развѣ нѣкоторыхъ округовъ Японіи, и которая не встрѣчается въ другихъ населеніяхъ Египта (численное отношеніе половъ между осѣдлыми туземцами въ 1882 году: мужчинъ 3.401.498; женщинъ 3.415.767). Нужно думать, что арабы во многихъ случаяхъ давали невѣрные свѣдѣнія агентамъ, производившимъ перепись.

Турки, официально властители страны со времени завоеванія ея султаномъ Селимомъ II, въ 1517 году, до сихъ поръ еще считаются иностранцами, и при томъ они всегда стояли внѣ населенія, какъ солдаты или чиновники. Число ихъ не велико, отъ 12.000 до 20.000, по разнымъ исчисленіямъ; но было бы ошибочно утверждать, какъ это часто дѣлали, что, будто-бы, дѣти этихъ чужеземцевъ обречены климатомъ на преждевременную кончину. Безъ сомнѣнія, смертность очень велика между дѣтми семействъ, не вполне акклиматизовавшихся; но потомство почти безъ исключенія слѣдуетъ національности матери; оно становится египетскимъ по чертамъ лица, какъ и по языку: названіе иностранца само собой пропадаетъ. Точныя статистическія данныя обнаружили, что бывшіе мамелюки имѣли очень мало дѣтей⁴⁾; но доказательствомъ того, что не всѣ мамелюки, грузины, черкесы, арнауцы, умерли безъ потомства, можетъ служить тотъ фактъ, что безпощадный истребитель этого воинства, Могамедъ-Али, самъ арнаутъ съ одного изъ острововъ Македоніи, имѣлъ многочисленную семью, понынѣ царствующую официально надъ Египтомъ. Точно также левантинцы, то-есть христіане родомъ изъ Сиріи, Греціи, Италіи или Испаніи, поселившіеся съ давнихъ поръ въ странѣ, конечно, сдѣлались родоначальниками на берегахъ Нила, какъ и ихъ конкуренты по торговлѣ, евреи или яхуды. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ ихъ роды или фамиліи вступаютъ въ браки только между собой, и, однако, они нисколько не утратили на чужой землѣ своей воспроизводительной силы. Европейцы, поселившіеся въ Каирѣ и въ другихъ большихъ городахъ Египта, съ успѣхомъ воспитываютъ своихъ дѣтей, если только заботливо соблюдаютъ правила гігіены. Даже смертность между новорожденными меньше у европейцевъ, нежели у туземцевъ, которые въ большинствѣ случаевъ не могутъ окружать своихъ дѣтей заботливымъ уходомъ, по причинѣ своей бѣдности (смертность дѣтей до десятилѣтняго

¹⁾ Du Bois-Aymé, „Mémoire sur les tribus arabes des déserts de l'Égypte“;—Jomard, „Description de l'Égypte“.

²⁾ Mackenzie Wallace, цитированное сочиненіе.

³⁾ Du Bois-Aymé, цитированное сочиненіе;—Alfr. von Kremer, „Aegypten“.

⁴⁾ Chabrol de Volvic, „Essai sur les mœurs des habitants modernes de l'Égypte“.

возраста составляла въ 1889 году: у европейцевъ 37,85, а туземцевъ 52,45 на сто¹⁾. Однако, иностранная колонія, гдѣ мужской полъ гораздо многочисленнѣе женскаго (по переписи 1882 года, между живущими въ Египтѣ европейцами насчитывалось 49.054 мужчинъ и 41.832 женщины), возрастаетъ только путемъ иммиграціи, а не вслѣдствіе избытка числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ. Въ настоящее время европейскій элементъ представленъ въ Египтѣ, по крайней мѣрѣ въ Александріи и въ Каирѣ, колоніей гораздо болѣе многочисленной, чѣмъ колонія турокъ. Въ 1892 году численность европейской колоніи превышала 600.000; колонія эта сдѣлается, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе многочисленною теперь, когда страна находится подъ протекторатомъ западной державы. Теперь уже не турки, а европейцы истинные властители Египта, по уственному развитію, матеріальной силѣ и обладанію капиталами. Этой иммиграціи господъ, прибывающихъ съ сѣвера, соответствуетъ приливъ служащаго люда, барабасовъ или варсарійцевъ, приходящихъ съ юга и играющихъ въ большихъ городахъ ту же роль, какую играютъ въ Парижѣ оверньянты²⁾. Фигуры нубійцевъ, изваянные на древнихъ памятникахъ земли фараоновъ, доказываютъ, что эта иммиграція съ юга продолжается уже многіе вѣка.

Народонаселеніе Египта по переписи 1897 г. (не считая 20.890 ж. оазиса Сивахъ, Синая и п. о. Оазосъ):

По образу жизни:

Осѣдлыхъ — 9.047.905; кочевниковъ — 573.974; иностранцевъ — 112.526; всего — 9.734.405.

По вѣроисповѣданіямъ: магометанъ — 8.978.775; христіанъ: коптовъ — 608.446; католиковъ — 56.343; греко-восточнаго исповѣд. — 53.479; лютеранъ — 11.895; евреевъ — 25.200; другихъ вѣроисповѣданій — 268.

Наконецъ, тѣ индусскія племена, которымъ испанцы и англичане дали названіе *Gitanos* и *Gypsies*, то-есть «египтянъ», и которыхъ извѣстны у насъ подъ именемъ цыганъ, встрѣчаются также и на берегахъ Нила, гдѣ ихъ называютъ гхагарами. У этихъ бродячихъ народцевъ мужчины промышляютъ въ качествѣ лошадиныхъ барышниковъ, лудильщиковъ, канатныхъ пласуновъ, показывателей обезьянъ, кузнецовъ, гадаальщиковъ; между ними же вербуются татуировщики и татуировщицы, исиллы или змѣзаклинатели, равно какъ кружащіеся дервиши, которыхъ обыкновенно считаютъ, но совершенно ошибочно, пылкими послѣдователями Магомета. Несмотря на свой азіатскій типъ и дикій, насквозь пронизывающій взглядъ, соста-

вляющіе отличительные признаки цыганъ, всѣ эти выходцы изъ Индіи выдаютъ себя за чистокровныхъ арабовъ и утверждаютъ, что будто бы предки ихъ первоначально эмигрировали въ Западную Африку, откуда впоследствии вернулись и поселились на берегахъ Нила. Самое «благородное» племя гхагаровъ присвоиваетъ себѣ даже имя бармесидовъ: это народецъ, извѣстный всего болѣе подъ названіемъ гавазин¹⁾, и среди котораго вербуются преимущественно альмея или *авалимея*, то-есть «ученые». Не въ этомъ ли имени гавазинъ нужно искать происхожденіе слова *Gabachos* или *Gavaches*, которое примѣняютъ въ Испаніи и на югѣ Франціи къ хитанамъ (цыганамъ), равно какъ ко всѣмъ презираемымъ иммигрантамъ?

Многочисленное народонаселеніе Египта, почти учетверившееся съ начала настоящаго столѣтія (въ 1800 году, во время французской оккупации, число жителей, считая по 8 человекъ на каждый домъ, при 603.700 домахъ, равнялось 2.514.400 душъ²⁾), и возрастающее среднимъ числомъ на 50.000 душъ въ годъ, свидѣтельству въ пользу благоприятныхъ климатическихъ условій страны (средняя смертность сравнительно не велика: она составляетъ отъ 26 до 27 на 1.000). Особенно въ Верхнемъ Египтѣ, гдѣ воздухъ не наполненъ сырыми испареніями, климатъ очень здоровый, несмотря на сильныя жары; въ пустынѣ онъ еще лучше, какъ это доказала медицинская статистика, правильно веденная во время работъ, столь тяжелыхъ и неблагоприятныхъ въ санитарномъ отношеніи, которыя были предприняты для прорытія Суэзскаго канала. Египетъ даже посѣщается зимой немалымъ числомъ европейцевъ, прѣзжающихъ туда для возстановленія разстроенаго здоровья, преимущественно при грудныхъ болѣзняхъ. Но, кажется, нельзя сказать, чтобы пребываніе въ томъ или другомъ изъ большихъ городовъ, въ Александріи или Каирѣ, гдѣ на улицахъ постоянно кружатся столбы или смерчи пыли, было удачно выбрано для леченія этого рода недуговъ; напротивъ, чахотка свирѣпствуетъ тамъ надъ пришельцами съ Верхняго Нила и каждый годъ похищаетъ большое число жертвъ даже между туземцами³⁾; въ Каирѣ одна седьмая смертности приходится на долю грудныхъ болѣзней; въ военныхъ госпиталяхъ бывали случаи, когда число умершихъ отъ буторчатки составляло цѣлую треть общаго числа смертныхъ исходовъ, но нѣкоторыя болѣзни дыхательныхъ путей, какъ, на примѣръ, катарръ легкихъ, не имѣютъ случая зародиться и развиваться у европейцевъ. Изъ болѣзней послѣдніе всего болѣе должны опасаться диссентеріи и, въ нѣкоторыхъ ча-

¹⁾ «Essai de statistique générale de l'Egypte»; — Bonola, «Esploratore», 1889.

²⁾ Edmond About, «Ahmed le Fellah».

¹⁾ Bayle St.-John, «Village Life in Egypt»; — Alfr. von Kremer, цитированное сочиненіе.

²⁾ Félix Mengin, «Histoire de l'Egypte».

³⁾ Wernich; — Schnepf; — Pruner-bey,

стях дельты, болотных лихорадок. Болѣзни печени, почти неизвѣстныя у магометанъ, которые воздерживаются отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, этой «специфической отравы печени», очень обыкновенны у европейцевъ, по причинѣ ихъ образа жизни¹⁾.

Главныя болѣзни, господствующія среди туземцевъ, это тѣ, которыя являются необходимыми слѣдствіемъ ихъ бѣдственнаго экономическаго положенія: чума, нѣкогда столь страшная, и отъ которой въ 1834 и 1835 годахъ погибло 45.000 человекъ въ Александріи и 75.000 въ Каирѣ, перестала свирѣпствовать между египетскими населеніями; холера, превратившая Даміетту въ 1883 году въ одинъ обширный госпиталь, производитъ періодически свои опустошенія только въ незначительной части страны; но анемія, происходящая отъ недостаточнаго питанія, свирѣпствуетъ по всему Египту, поражая преимущественно дѣтей. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ страны, гдѣ бы слѣпыя и кривые были болѣе многочисленны, чѣмъ въ Египтѣ; высадившись на александрійскую набережную, иностранецъ тотчасъ же замѣчаетъ дѣйствія заразительной офтальміи въ толкающейся вокругъ него толпѣ; и послѣдующія его наблюденія, опирающіяся на статистику (процентъ лицъ, страдающихъ глазами, въ египетскомъ населеніи, составляетъ, по Амичи, 17 на сто), вполне подтверждаютъ это первое впечатлѣніе. Малокровіе, ослѣпительное отраженіе яркаго свѣта отъ бѣлыхъ стѣнъ и отъ водъ рѣки, рѣзкія перемены температуры и особенно ѣдкая пыль, содержащая соляныя и селитряныя частицы, которая образуется путемъ разложенія нильскаго ила и которую вѣтеръ поднимаетъ столбами, кружащимися надъ подобіемъ хврей, — вотъ причины, которымъ должно быть приписано происхожденіе этихъ опасныхъ глазныхъ болѣзней; тѣмъ не менѣе, бедныя пустыни почти всѣ обладаютъ отличнымъ зрѣніемъ. Мухи, эта библейская «язва египетская», конечно, способствуютъ поддержанію и растравливанію офтальміи. Жалко смотрѣть на маленькихъ дѣтей, около которыхъ мушкетеры кружатся роями: у бѣдныхъ малютокъ даже нѣтъ силы отгонять назойливыхъ насекомыхъ, которыя садятся имъ на больные глаза, и печальные, неподвижные, они ждутъ, когда сонъ прерветъ на время ихъ страданія.

Проказа, менѣе обыкновенная въ Египтѣ, чѣмъ въ Сиріи, къ несчастію, еще не исчезла. Родъ гастрической лихорадки, извѣстной на Востокѣ подъ именемъ *denie*, тоже довольно распространенъ на берегахъ Нила. Слоновья или бугорчатая проказа (*elephantiasis*) арабовъ часто поражаетъ также туземцевъ, особенно въ области дельты; другая болѣзнь кожи, такъ называемый нильскій «бутона», аналогичный

багдадскому «финику» и алеппскому и бисскранскому «бутону», имѣетъ въ Египтѣ эндемическій характеръ, и большинство мѣстныхъ жителей и иностранцевъ должны вынести этотъ нарывъ или вередъ, одинъ разъ въ теченіе своей жизни или своего пребыванія въ краѣ, чаще всего подъ формой довольно доброкачественной.

Болѣе девяти десятыхъ населенія Египта состоятъ изъ магометанъ; но въ этой странѣ, гдѣ религіи слѣдовали одна за другою, какъ слои наносовъ Нила, нація не имѣла времени выработать себѣ вѣру, соответствующую своему официальному культу, и многіе наблюдатели находили въ легендахъ и въ церемоніяхъ феллаховъ слѣды религіи, которая нѣкогда собирала толпу вѣрующихъ на папертяхъ храмовъ Оивъ и Мемфиса: тотъ или другой ночной праздникъ, гдѣ толпятся крестьяне, ожидая пришествія золотой коровы, въ руинахъ Дендерахскаго святилища, напоминаетъ торжественныя процессіи, которыя въ древности совершались въ честь телицы Гаторъ⁴⁾. Египтяне только по наружности магометане, и между ними очень немногочисленны, въ сравненіи съ толпой индифферентовъ, тѣ правовѣрные, которые усердно и добросовѣстно исполняютъ всѣ предписанія Магомета. Мечети мало посѣщаются; феллахъ не всегда дѣлаетъ положенныя омовенія въ каналѣ, проходящемъ подлѣ его жилища, а бедунъ не останавливается въ пустынѣ, чтобы потереть себя пескомъ, за неимѣніемъ воды. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ духъ вѣротерпимости сдѣлалъ большіе успѣхи въ Египтѣ: какъ бы ни была велика ревность самыхъ горячихъ хаджи, никто изъ нихъ не являлся сражаться противъ англичанъ до тѣхъ поръ, пока не была провозглашена «священная война», и даже тогда между рѣдкими добровольцами, вступившими въ ряды священнаго воинства, не было ни одного уроженца Нижняго Египта⁵⁾. Какъ ни гордятся египетскіе мусульмане честью принадлежать къ избранному народу, они уже не имѣютъ права относиться съ презрѣніемъ или пренебреженіемъ къ иновѣрцамъ, такъ какъ не смѣютъ вступать съ ними въ открытый бой, и такъ какъ эти чужеземцы являются передъ ними со всѣми признаками умственнаго превосходства и со всѣми ресурсами матеріальной силы. Однако, именно въ предѣлахъ египетской территоріи находится центръ пропаганды, враждебной христіанамъ. Страшное мусульманское братство недавно умершаго махди или «вождя» Сиди-Могамедъ-Бенъ-Али-асъ-Сенуси имѣетъ свой главный монастырь въ Серхубѣ или Джарабубѣ, въ оазисѣ Фаредга⁶⁾; но самъ покойный махди, состояв-

⁴⁾ G. Maspero, рукописныя замѣтки.

⁵⁾ Mackenzie Wallace, цитированное сочиненіе.

⁶⁾ H. Duveyrier, «Bulletin de la Société de Géographie», 1885.

¹⁾ Wernich, „Geographisch-medicinische Studien“.

ний, говорятъ, въ союзѣ съ вождемъ, поднявшимъ арабскія племена Кордофана и Верхняго Нила, былъ алжирецъ, и почти всѣ окружающіе его вѣрующіе пришли изъ Мавританіи. Если онъ выбралъ именно это мѣсто своей резиденціей, то только потому, что оно представляетъ двѣ драгоцѣнныя выгоды: положеніе почти центральное для пропаганды въ мусульманскомъ мірѣ, и отдаленность Джарабуба отъ всякаго поста, военнаго и торговаго, занятаго европейцами. Махди могъ вести тамъ почти въ тайнѣ свое дѣло въ теченіе двадцати лѣтъ, не опасаясь какого-либо посторонняго вмѣшательства, могущаго противодействовать его усиліямъ.

Получивъ религію отъ арабовъ, египтяне приняли также, несмотря на свое большое численное превосходство, и языкъ побѣдителей, которымъ они, впрочемъ, говорятъ чисто; университетъ Эль-Азаръ, въ Каирѣ, есть даже одно изъ мѣстъ, гдѣ обсуждаются и рѣшаются самыя деликатныя вопросы, касающіеся арабской грамматики и литературы. Употребленіе нѣсколькихъ арабскихъ и коптскихъ словъ и особенный способъ произношенія для нѣкоторыхъ буквъ — вотъ единственныя отличія египетской рѣчи въ сравненіи съ языкомъ Геджаса. Арабы по религіи и языку, египтяне сдѣлались турками по политическому устройству, системѣ управленія, отсутствію наследственной аристократіи. Въ отношеніи социальныхъ учрежденій они также сообразовались съ примѣромъ, даннымъ ихъ завоевателями, арабскими и турецкими. Болѣе охотно, чѣмъ турки, они придерживаются многоженства, особенно въ правящихъ классахъ; но рѣдко можно встрѣять крестьянъ, имѣющихъ больше одной жены. Разводъ практикуется чаще, чѣмъ во всякой другой землѣ: говорятъ, около половины браковъ сопровождаются рано или поздно разлученіемъ супруговъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ коптскихъ семействахъ и теперь еще существуетъ обычай заключать временные браки, даже на нѣсколько недѣль; священники благословляютъ эти союзы съ обычной торжественностью, какъ будто бы они заключались на всю жизнь. Правда, если супруги пожелаютъ, этотъ пробный бракъ можетъ обратиться въ окончательный. Двоюродные братья и сестры часто бываютъ обручаемы уже съ колыбели и вступаютъ въ бракъ, какъ только достигнутъ возраста возмужалости. Прелюбодѣяніе составляетъ рѣдкое событіе въ семьяхъ.

Официально продажа людей не дозволяется въ Египтѣ, такъ какъ торговля невольниками строго воспрещена во владѣніяхъ на Верхнемъ Нилѣ. Въ силу прежнихъ конвенцій, заключенныхъ съ Англіей, личное рабство должно было бы быть совершенно отмѣнено 4 августа 1884 года въ предѣлахъ египетскаго вице-королевства; но статьи трактата остались мертвой бук-

вой, и представители Великобританіи, сдѣлавшіеся всемогущими въ Египтѣ, ограничились посылкой циркуляра, напоминающаго о законѣ, предписанномъ хедиву¹⁾. Вѣроятно, они будутъ соблюдать въ этомъ отношеніи ту же осторожность, какую обнаружилъ покойный Гордонъ въ египетскомъ Суданѣ, и оставить господамъ въ полную собственность мужчинъ и женщинъ, приобретенныхъ захватомъ или покупкой. Хотя невольничьи базары закрыты, но сдѣлки по куплѣ-продажѣ живаго товара все еще практикуются тайкомъ, и знатныя лица по-прежнему могутъ приобретать евнуховъ для обереганія своихъ женъ. Причину существованія рабства въ Египтѣ составляетъ содержаніе гаремовъ, таинственный порядокъ которыхъ не удовлетворяется служителями, могущими по желанію уничтожить свой контрактъ о наймѣ. Однако, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, за исключеніемъ дворцовъ, принадлежащихъ мусульманскимъ вельможамъ, невольничьи челядь мало-по-малу замѣняется вольнонаемной прислугой; всѣ чернокожіе, обращающіеся къ полицейской власти съ просьбой о выдачѣ имъ «вольной», тотчасъ получаютъ увольнительную грамоту и могутъ поселиться, гдѣ желаютъ, и заниматься какимъ угодно промысломъ или ремесломъ. Завоеватели подобно арабамъ и туркамъ, западные люди приносятъ съ собой новое общественное устройство.

Порядокъ землевладѣнія тоже видоизмѣняется, вслѣдствіе вмѣшательства европейцевъ въ управленіе дѣлами страны. По буквальному смыслу мусульманскаго закона, общество вѣрующихъ, представляемое государственною казною, *бейтъ-эль-маль*, есть единственный владѣлецъ земли; частное лицо можетъ быть лишь временнымъ владѣльцемъ, пользующимся доходами, которому только обычай, но не право, даетъ наследственность. Однако, этотъ принципъ давно уже потерялъ свое безусловное значеніе, и начало личной собственности, подобно господствующему въ Европѣ, установилось уже для большей части территорій. Со времени этого переворота, позволяющаго свободную передачу и отчужденіе земель, цѣнность почвы значительно возросла; крестьяне-собственники, теперь уже не платящіе налога натурой, выиграли въ благосостояніи, но, съ другой стороны, образовался новый классъ общества, классъ сельскаго пролетаріата, толпа несчастныхъ, которые не имѣютъ больше своей доли земли и потому принуждены наниматься въ работники, чтобы снискать себѣ пропитаніе (средняя плата земледѣльческому работнику отъ 37 до 68 сантимовъ, смотря по времени года)²⁾. Земли этихъ обездоленныхъ батраковъ-феллаховъ, почти всѣ конфискованныя за не-

¹⁾ F. Bonola. рукописный замѣтки

²⁾ Mac. Conn, „Egypt as it is“; — „Statistique de l’Egypte“ за 1878 г.

платежъ податей, увеличили собою частныя владѣнія вице-короля, удѣлы членовъ его фамиліи и имѣнія разныхъ высокопоставленныхъ лицъ въ государствѣ; компанія Суэзскаго канала тоже является однимъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ страны. Совокупность земельной собственности, принадлежащей, подъ разными наименованіями, вице-королевской фамиліи, исчисляють въ четверть всей пахатной почвы Египта; между Ассіутомъ и Бедрашейномъ почти вся земля составляетъ собственность хедива, и каждая станція желѣзной дороги построена рядомъ съ земледѣльской фермой и заводомъ. Другая четверть почвы состоитъ изъ земель *ушур* или «десятинныхъ» (обложенныхъ десятиной), принадлежащихъ на правахъ полной собственности тѣмъ, которые ведутъ на нихъ хозяйство. Что касается земель бѣднаго сельскаго люда, раздѣленныхъ на маленькіе участки вокругъ деревень и составляющихъ, вмѣстѣ съ владѣніями сельскихъ обществъ, половину территоріи, то онѣ обложены переменнымъ налогомъ, называемымъ *хараджъ*, который можетъ быть увеличенъ, по усмотрѣнію правителей, но который въ среднемъ составляетъ одну пиастру, какъ во времена Исхпфа¹⁾. Плата этотъ налогъ, держатель участка все-таки остается въ полной зависимости отъ благоусмотрѣнія властей; онъ собственникъ лишь по снисходительности начальства, и наследники его признаются таковыми только по представленіи доказательства, что они въ состояніи обрабатывать уступленную землю и исправно уплачивать падающіе на нее налоги. Если они желаютъ преобразовать свои земли *хараджъ* въ земли, принадлежащія имъ на правахъ полной собственности, то могутъ достигнуть этого подъ условіемъ уплаты налога за шесть лѣтъ впередъ, въ одинъ разъ или нѣсколькими частными взносами; кромѣ права полного владѣнія землей, эти досрочные платежи даютъ имъ освобожденіе на будущее время отъ половины поземельнаго налога. Земли *вакфъ* (вакуфы), принадлежащія мечетямъ или учебнымъ заведеніямъ, вѣроятно, переимѣнать владѣльцевъ, всѣ или частью; переходъ въ казну этихъ вакфуныхъ имѣній позволить британскому правительству уравнивать свой египетскій бюджетъ.

Официально наибольшую территоріальную собственность Египта составляютъ удѣльныя имѣнія хедива; однако, эти владѣнія, дайра-саніе, сдѣлавшіяся обезпеченіемъ европейскихъ заимодавцевъ съ 1878 года, поставлены подъ вѣдѣніе специальной комиссіи, дѣйствительное правленіе которой находится въ Европѣ, такъ что истинными владѣльцами являются западные банкиры. Значительная часть этихъ имѣ-

ній сдается въ оброчное содержаніе барышникамъ, которые, въ свою очередь, отдаютъ землю мелкими участками въ аренду крестьянамъ; поля непосредственно уступаются рабочимъ за извѣстную плату, но обширное пространство дайры, которое, конечно, было бы распаханно, если бы оно принадлежало феллахамъ, теперь остается невоздѣланнымъ. Для непосредственной эксплуатаціи удѣльныхъ земель кредиторы хедива прибѣгаютъ либо къ наемнымъ, состоящимъ на жалованьи, рабочимъ, либо къ агентамъ или подрядчикамъ, которые заключаютъ условіе съ сельскими старостами о поставкѣ извѣстнаго количества рабочихъ рукъ. Работа оплачивается правильными денежными выдачами или личными подарками, дѣлаемыми старшинамъ рабочихъ партій: отъ безвозмездной барщины до жалованья, опредѣленнаго по добровольному взаимному соглашенію между работникомъ и нанимателемъ, практикуются всевозможные способы вознагражденія за трудъ. Но столько посредниковъ должны получать свою долю барыша въ культурѣ вице-королевскихъ имѣній, столько заинтересованныхъ, якобы содѣйствовавшихъ, подъ разными титулами, «возрожденію Египта», требуютъ награды за свои добрыя услуги, что окончательный доходъ съ этихъ земель, славящихся своимъ необычайнымъ плодородіемъ, сводится къ сущей бездѣлицѣ: онъ не достигаетъ 60 франковъ съ гектара (0,92 десятины), и даже оказывается дефицитъ, если къ годовымъ расходамъ прибавить уплату процентовъ погашенія по прежде заключеннымъ займамъ.

Состояніе владѣній въ моментъ передачи ихъ въ вѣдѣніе кредиторовъ 31 октября 1878 года:

Площадь земель, воздѣлываемыхъ непосредственно—77.020 гектаровъ. Площадь земель, сдаваемыхъ въ аренду—53.719 гектаровъ; площадь полей, отдаваемыхъ рабочимъ—15.068 гектаровъ; площадь земель необработанныхъ—32.940 гектаровъ; всего—178.747 гектаровъ.

Различію порядка землевладѣнія между имѣніями высокопоставленныхъ лицъ и *хараджъ* своими участками мелкихъ землевладѣльцевъ соответствуетъ во многихъ мѣстахъ различіе способовъ орошенія. Съ точки зрѣнія приращенія нужно строго различать земли *сефи* и земли *нили*. Эти послѣднія, какъ показываетъ самое ихъ названіе, суть поля, которыя сплошь, на всемъ ихъ протяженіи, покрывались бы разливомъ рѣки, если бы его не сдерживали береговые плотины, и на которыя проникаютъ, путемъ просачиванія, глубокія воды, выходящія либо изъ самой рѣки, либо изъ каналовъ, естественныхъ или вырытыхъ на небольшой глубинѣ подъ поверхностью почвы. Самые глубокіе рвы имѣютъ уровень отведенной воды на 4 метра ниже воздѣланныхъ земель; они наполняются только въ періодъ наводненія и высыхаютъ въ періодъ низкихъ водъ. Въ промѣ-

¹⁾ Mackenzie Wallace, „Egypt and the Egyptian Question“.

ломъ столѣтій весь Египетъ былъ орошаемъ исключительно при помощи послѣдовательныхъ бассейновъ, расположенныхъ уступами на обоихъ берегахъ рѣки и получающихъ воду черезъ нильскіе каналы (нили) ¹⁾; и теперь еще болѣе трехъ четвертей обработанныхъ равнинъ Верхняго Египта получаютъ орошеніе посредствомъ системы этого рода каналовъ. Что касается каналовъ сефи, то-есть «лѣтнихъ», которые всѣ новѣйшаго происхожденія, то они вырыты ниже средняго уровня меженныхъ водъ, отъ 8 до 9 метровъ ниже почвы, такъ что вода проникаетъ туда даже въ самое сухое время года; въ области Верхняго Египта ихъ проводятъ параллельно рѣкѣ, по очень пологому скату, такъ чтобы они скоро достигали уровня подлежащихъ орошенію земель. Въ Нижнемъ Египтѣ, гдѣ система ирригаціонныхъ каналовъ совершенно исчезла, лѣтніе каналы (сефи) повсюду остаются ниже уровня земель, такъ что ирригаціонную воду приходится поднимать на требуемую высоту посредствомъ паровыхъ насосовъ, такіе или шадуфовъ. Одинъ изъ этихъ каналовъ сефи есть знаменитый каналъ Махмудіе, берущій воду изъ Нила, чтобы орошать краевыя поля пустыни до города Александріи, и служащій въ то же время большимъ судоходнымъ путемъ; но частію засоренный иломъ, онъ уже не имѣетъ достаточной глубины, при которой могло бы установиться правильное теченіе, и наполненіе канала до надлежащаго уровня производится при помощи паровыхъ машинъ, установленныхъ въ Атфехѣ, на Розетской вѣтви Нила. Даміетская вѣтвь тоже питаетъ большое число лѣтнихъ каналовъ, благодаря своему относительному возвышенію надъ равнинами дельты.

Первыя попытки культуры при помощи лѣтнихъ каналовъ сдѣланы были при Могамедѣ-Али, когда начали разводить плантаціи хлопчатника; и теперь еще на земляхъ сефи, орошаемыхъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ передъ наступленіемъ обыкновеннаго наводненія, получаютъ почти исключительно продукты большой цѣнности: кунжутъ, сахаръ, хлопокъ. Оттого мелкая земельная собственность не имѣетъ никакого участія въ пользованіи этими пространствами, орошаемыми во время низкихъ водъ въ рѣкѣ: высокопоставленные лица государства, да богатые заимодавцы, которымъ Египетъ платитъ проценты по долгамъ, одни только и пользуются этими жатвами промышленныхъ растений. А между тѣмъ, не одни они несутъ расходы по содержанію лѣтнихъ каналовъ, расходы громадныя, ибо грязь, скопляющаяся во рвахъ, мало-по-малу заполняетъ ихъ во многихъ мѣстахъ; одного года было бы достаточно, чтобы превратить каналъ сефи въ простой каналъ нили, если бы многочисленные

отряды феллаховъ не были употребляемы въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ на работы по расчисткѣ каналовъ. Совокупность каналовъ сефи представляетъ массу вынудой земли, равную полуторной массѣ, вынудой при прорытіи Суэскаго канала, и каждый годъ количество земли и ила, которое нужно снова перемѣщать для очистки лѣтнихъ каналовъ, доходитъ до трети первоначальныхъ выемокъ. Для этихъ громадныхъ работъ требуется содѣйствіе всего населенія; такъ какъ однодневнаго труда феллаха достаточно, въ среднемъ, только для перемѣщенія кубическаго полметра въ исключительно благоприятныхъ обстоятельствахъ, то число рабочихъ дней, потребное для исполненія всего дѣла, нужно считать десятками миллионныхъ: въ 1872 году инженеръ Линанъ-де-Бельфонъ оценивалъ въ 450.000 человѣкъ число рабочихъ, употребляемыхъ каждый годъ, въ продолженіе, среднимъ счетомъ, двухъ мѣсяцевъ, для очистки лѣтнихъ каналовъ ¹⁾, и каждый феллахъ долженъ, сверхъ того, заниматься расчисткой нильскихъ каналовъ своей общины, такъ же какъ расчисткой частной канавы, привносящей воду на его собственное поле. Для одного только канала Махмудіе Могаммедъ-Али употреблялъ 313.000 человѣкъ изъ категоріи обязанныхъ нести натуральныя повинности ²⁾.

Но это еще не все: исключительно большіе разливы Нила могли бы быть страшнымъ бѣдствіемъ для страны, если бы охранительныя плотины не содержались съ надлежащей заботливостію и не были возвышаемы въ опасныхъ обстоятельствахъ. Въ 1874 году всѣмъ лѣтнимъ культурамъ, каковы сахарный тростникъ, хлопчатникъ, дурра, маисъ, грозило совершенное истребленіе, и все богатство страны погибло бы разомъ, если бы населеніе, движимое чувствомъ общей опасности, не защитилось тотчасъ же противъ все выше и выше поднимавшихся водъ рѣки. Въ теченіе слишкомъ мѣсяца семьсотъ тысячъ человѣкъ трудились надъ укрѣпленіемъ и возвышеніемъ земляныхъ насыпей, такъ чтобы постоянно давать отпоръ наступающей рѣкѣ. Часто цѣлая треть населенія была занята одновременно этой борьбой съ Ниломъ; въ нормальные годы правительство призываетъ 160.000 подлежащихъ исполненію натуральныхъ повинностей феллаховъ, которые раздѣляются почти поровну между Верхнимъ и Нижнимъ Египтомъ ³⁾. Непрестанная борьба для приспособленія почвы къ рѣчнымъ водамъ только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ характеръ добровольнаго труда, предпринимаемаго населеніемъ по собственному почину. Потребованные на эту барщинную работу и не получающія отъ правительства никакого вознаграж-

¹⁾ «Mémoire sur les principaux travaux d'utilité publique exécutés en Egypte».

²⁾ Félix Mengin, «Histoire de l'Egypte».

³⁾ Rousseau, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Rousseau, «Irrigation d'Egypte».

денія или подарка, кромѣ выдаваемыхъ отъ казны лопаты и корзины, сплетенной изъ пальмовыхъ листьевъ,—крестьяне сельскихъ общинъ отправляются *in согроге* на верфь, предшественные своимъ шейхъ-эль-беледомъ, или старшиной, и часто въ сопровожденіи женщинъ и дѣтей: импровизированные лагери разбиваются на краю плотины, и рабочіе спускаются въ каналъ, чтобы копаться въ грязи и переносить на головѣ корзины земли на высоту десяти, двѣнадцати, даже шестнадцати метровъ, до обратной стороны береговой насыпи: женщины занимаются стряпней, то-есть пекутъ лепешки изъ дурры на очагѣ, который топится коровьимъ каломъ; дѣти играютъ въ песокъ; вооруженные солдаты молча расхаживаютъ по плотинѣ. Високо естественно, конечно, чтобы почти всѣ жители выходили разомъ на работы по исправленію ирригаціонныхъ каналовъ: вѣдь изъ нильской грязи родятся богатства Египта; въ этомъ отношеніи все населеніе солидарно; каналы, приносящіе плодотворную воду и безъ которыхъ прибрежные жители были бы обречены на голоданіе, представляютъ количество труда столь значительное, что содержаніе ихъ должно быть національнымъ дѣломъ. Но нужно бы было, чтобы это дѣло, въ исполненіи котораго принимаютъ участіе всѣ труженики, было дѣйствительно дѣлаемо въ интересѣ всѣхъ; нужно, чтобы оно приносило пользу не только нѣсколькимъ крупнымъ имѣніямъ, но также и мелкимъ крестьянскимъ хозяйствамъ; справедливость требуетъ, чтобы оно не ложилось всей своей тяжестью на земледѣльцевъ, которые слишкомъ бѣдны, чтобы выкупить свой трудъ; слѣдовало бы устроить такъ, чтобы несчастнымъ роющимся въ грязи на днѣ каналовъ, не приходилось терпѣть голодъ, и чтобы эпидеміи не производили опустошеній въ ихъ рядахъ: не курбанъ долженъ бы былъ давать тактъ работѣ! Памятники древняго Египта рассказываютъ намъ со временъ глубокой древности, восходящей за шесть тысячъ лѣтъ, печальную исторію феллаха, согбеннаго подъ тяжестью корзины съ грязью, тогда какъ надъ головой его носится шель надзирателя: хотя имена переименились, но эта форма античнаго рабства существуетъ и до сихъ поръ. Какъ писалъ арабскій полководецъ Амру калифу Омару, египетскій народъ, «назначенъ, предназначенъ работать только для другихъ, не пользуясь самъ плодами своихъ трудовъ».

Мало найдется въ свѣтѣ странъ, гдѣ бы старинные обычаи, трудно приспособляющіеся къ новымъ временамъ, представляли болѣе разительный контрастъ съ приемами, принимаемыми современной цивилизаціей. Въ то время какъ античный способъ культуры остается доселѣ такимъ же, какимъ онъ былъ при фараонахъ, въ то время какъ крестьяне, сообразуя свои полевныя работы съ разливомъ Нила, па-

шутъ, сѣютъ и жнутъ по-прежнему въ тѣ же сроки, пользуются такими же первобытными орудіями, воздѣлываютъ тѣ же самые сорта хлѣбныхъ злаковъ, ѣдятъ такой же хлѣбъ—новое земледѣліе черпаетъ воду прямо изъ рѣки паровыми машинами, культивируетъ экзотическія растенія Индіи или Новаго Свѣта, употребляетъ усовершенствованные плуги, жнеи, молотилки и другія земледѣльческія машины. Для удобренія почвы крестьяне не имѣютъ ничего, кромѣ птичьяго помета, который имъ доставляютъ милліоны голубей, кружащихся надъ хлѣбными полями; коровій калъ все еще утилизируется какъ топливо въ деревняхъ, смѣшиваемый нынѣ съ верблюжьимъ каломъ, между тѣмъ какъ агрономы выписываютъ изъ Европы и Америки фосфаты и гуано, химически приготовляемые для цѣлей удобренія. Желѣзныя дороги проходятъ подлѣ убогихъ землянокъ; стальные мосты самой смѣлой конструкціи перекинуты черезъ каналы и рукава Нила, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ феллахъ долженъ переправляться черезъ эти воды вплавь, наматывая свою тунику въ формѣ чалмы вокругъ головы, или сидя на циновкѣ изъ пальмовыхъ листьевъ, поддерживаемой пустыми кувшинами или выдолбленными тыквами, обернутыми сѣтью, или на связанныхъ вмѣстѣ пучкахъ травы, которые онъ направляетъ, устроивъ парусъ изъ своей рубахи¹⁾. Наконецъ, въ полной пустынѣ, среди песковъ и болотъ, маяки съ электрическими фонарями, эти «солнца христіанъ», какъ ихъ называютъ правовѣрные, освѣщаютъ между Средиземнымъ моремъ и Аравійскимъ заливомъ тотъ судоходный путь, который даже въ нашу эпоху гигантскихъ предпріятій есть самое грандіозное созданіе человѣческой индустріи.

Извѣстно, что каналъ между двумя названными морями, существовавшій, можетъ-быть, въ видѣ естественнаго пролива въ теченіе короткаго періода четверичныхъ (постлюценовыхъ) вѣковъ, былъ возстановленъ косвенно фараонами девятнадцатой династіи, слишкомъ три тысячи триста лѣтъ тому назадъ. Одна легенда, передаваемая Страбономъ, приписываетъ прорытіе канала Сезострису. Геродотъ рассказываетъ намъ, что Некось, сынъ Псамметиха, велѣлъ начать близъ Бубаста каналъ, который огибалъ горы каменоломень, то-есть Джебель-Мокаттамъ, и направлялся на востокъ, чтобы достигнуть Аравійскаго залива: уже сто двадцать тысячъ рабочихъ перемерли, трудясь надъ копаніемъ этого канала, отведеннаго изъ Нила, какъ вдругъ оракулъ остановилъ работы, «производимыя, сказалъ онъ, на пользу варвара». Въ самомъ дѣлѣ, это былъ чужеземецъ, персидскій царь Дарій, который установилъ сообщеніе между Ниломъ и заливомъ Ар-

¹⁾ Norden;—Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

синое, и, слѣдовательно, между Средиземнымъ и Чернымъ морями, посредствомъ хорошо вырытаго канала, «достаточно широкаго, чтобы могли разойтись двѣ триремы», говорить Геродотъ. Болѣе того—Дарій, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, имѣлъ мысль провести каналъ отъ моря до моря, между Пелузскимъ заливомъ и водами моря Эвфрейскаго; кажется даже, что работы по осуществленію этого плана были уже начаты, такъ какъ до сихъ поръ еще видны берега (высотой около 5 метровъ) рва, имѣвшаго отъ 50 до 60 метровъ ширины, которой направлялся отъ озера Тимсахъ къ Эль-Кантара черезъ Гисръ¹⁾; но затѣмъ явилось опасеніе, какъ бы «воды Краснаго моря, поверхность котораго лежитъ выше уровня земель Египта», не затопили всей страны, и прорытіе канала было оставлено. На берегахъ канала, у Суэца, были воздвигнуты памятники, носящіе надписи на четырехъ языкахъ: персидскомъ, лидійско-скинскомъ, ассирійскомъ и египетскомъ; надписи эти разсказываютъ о безплодныхъ попыткахъ Дарія осуществить грандіозное предпріятіе, доведенное въ наши дни до благополучнаго конца²⁾. Опасеніе персидскаго царя, которое еще до половины девятнадцатаго столѣтія раздѣлялось большинствомъ европейскихъ инженеровъ, станетъ вполне понятнымъ, если мы скажемъ, что средняя высота южныхъ водъ дѣйствительно превышаетъ высоту средиземноморскаго бассейна передъ Пелузіумомъ: въ часы отлива равенство почти полное между обоими уровнями, но въ часы прилива Красное море поднимается выше, иногда даже на два съ половиной метра въ исключительныхъ случаяхъ. Во времена Дарія теченіе, производимое въ каналъ съ юга на сѣверъ разностью уровней, было, безъ сомнѣнія, сильнѣе, чѣмъ въ наши дни, такъ какъ перешеекъ былъ тогда уже.

Осаждавшійся илъ постепенно наполнялъ этотъ Нильскій каналъ, и пески засыпали ровъ, прокопанный черезъ порогъ перешейка; однако, память объ исполненныхъ работахъ не исчезла, и многіе государи Египта стремились, какъ къ предпріятію славному по преимуществу, къ осуществленію проекта соединенія двухъ морей. Птоломей II, говорятъ, возстановилъ каналъ, и нѣкоторые писатели полагаютъ, на основаніи текстовъ—впрочемъ, недостаточно ясно выраженныхъ—Страбона и Діодора Сицилійскаго, что прорѣзъ былъ сдѣланъ прямо отъ залива до залива: искусно устроенныя ворота съ шлюзами позволяли баркамъ проходить безъ того, чтобы вода затопляла низменные земли. Однако, торговли между двумя морями была, вѣроятно, не настолько значительна, чтобы

стоило заботиться о содержаніи въ исправности проходовъ и шлюзовъ; утверждали, что въ царствованіе Клеопатры этотъ судоходный путь, должно быть, былъ уже снова запертъ, такъ какъ, по словамъ Плутарха, эта царица пыталась перевезти свои корабли сухимъ путемъ въ Красное море, чтобы убѣжать отъ Октавія со всеми своими сокровищами. Впрочемъ, возможно, что каналъ еще существовалъ временно въ теченіе періода нильскихъ разливовъ: когда царица хотѣла бѣжать, это былъ какъ разъ періодъ низкаго стоянія воды и каналъ былъ сухой³⁾. Послѣ Птолемея пришла очередь римскихъ завоевателей мечтать о соединеніи двухъ морей. Траянъ, ознаменовавшій свое царствованіе многими великими предпріятіями, велѣлъ также приступить къ работамъ по устройству канала въ Египтѣ, и при императорѣ Адрианѣ суда уже плавали по «Траяновой рѣкѣ», вырытой, какъ и прежняя рѣка Некоса, между Ниломъ, озеромъ Тимсахъ и Горькими озерами, въ поясъ пустыни, который тянется вдоль воздѣланныхъ земель. Какъ справедливо замѣчаетъ Летронъ, эксплуатация обширныхъ порфировыхъ каменоломенъ въ Клавдіевой горѣ была бы непонятна, если бы не существовало канала отъ моря до рѣки, позволявшаго отправлять водой громадные монолиты, выламываемые изъ горы; очевидно, невозможно было бы перевозить ихъ въ долину Нила черезъ горы и скалы «Аравійской» цѣпи. Каналъ Траяна строился такъ, чтобы быть долговѣчнымъ, какъ большинство римскихъ сооружений, и дѣйствительно онъ сохранялся въ теченіе многихъ столѣтій: Макризи разсказываетъ, что суда проходили имъ еще въ первыя времена исламизма. Когда полководецъ калифа Омара, Амру, овладѣлъ Египтомъ, этому арабскому завоевателю нужно было только велѣть вновь прокопать Траянову рѣку и отстроить на ней шлюзы. Но честолюбіе его шло дальше: онъ хотѣлъ открыть прямой каналъ изъ Чермнаго моря въ Фараму, на берегахъ Пелузскаго залива, для чего можно было утилизировать прорѣзы, сдѣланные Даріемъ и Птолемеями; но Омаръ, опасаясь, говорятъ, чтобы греки не пользовались этимъ средствомъ сообщенія для нападенія на пилигримовъ, отправляющихся въ Мекку, отказалъ въ просимомъ разрѣшеніи. Каналъ, реставрированный Амру, просуществовалъ недолго: спустя сто тридцать три года, онъ былъ закрытъ, по приказанію калифа Абу-Джафаръ-эль-Мансура, чтобы воспрепятствовать одному мятежнику получать этимъ путемъ продовольствіе для своихъ военныхъ силъ. Съ этой эпохи и до новыхъ временъ, въ продолженіе около одиннадцати столѣтій, медленная работа природы постепенно уничтожала дѣла

¹⁾ Linant de Bellefonds, цитированное сочиненіе;—Ferdinand de Lesseps, «Percement de l'isthme de Suez».

²⁾ Mariette:—Oppert, «Mémoire sur les relations de l'Égypte et de l'Abyssinie».

³⁾ Letronne, «Recueil d'inscriptions grecques et latines»;—Ferret et Galinier, «Voyage en Abyssinie».

рукъ человеческихъ: дома, шлюзы, запруды нѣкоторыхъ мѣстахъ, близъ Суэца, древнія исчезли; рвы были заполнены иломъ и пескомъ, плотины, построенныя изъ такихъ массивныхъ и твердыхъ камней, что арабы принимаютъ ихъ тогда какъ на мѣстѣ высокихъ береговъ образо-

Улица въ старомъ городѣ Каира.

вались лужи стоячей воды; форма побережья за естественныя скалы, поднимаются до высоты 6 метровъ надъ уровнемъ окружающей равнины. Это, вѣроятно, запрудъ, остатки которой еще многочисленныя слѣды прежнихъ сооруженій, египетскихъ, римскихъ и арабскихъ; въ видны еще до сихъ поръ, порогъ Гисра и обя-

занъ своимъ арабскимъ названіемъ, означавшимъ «плотину».

Въ то время, какъ пески и грязи стирали съ лица земли сооруженія фараоновъ и Птоломеевъ, Траяна и Амру, константинопольскіе султаны, сдѣлавшіеся владѣтелями Египта, часто строили планы возобновленія работы своихъ предшественниковъ; но проектъ реставраціи канала изъ области предположеній перешелъ на практическую почву только со времени французской экспедиціи: тогда, какъ извѣстно, въ Египетъ высадились плеяда людей, проникнутая страстнымъ желаніемъ совершить великія дѣла, и однимъ изъ самыхъ грандіозныхъ ей казался планъ соединенія двухъ морей. Леперъ и другіе ученые тотчасъ же принялись за работу, чтобы произвести нивелировку поверхности Суэзскаго перешейка и узнать точнымъ образомъ условія, въ которыхъ могло бы быть начато задуманное дѣло. Къ несчастію, результаты этого изслѣдованія были искажены досадной ошибкой, вкравшейся въ работы нивелированія. Леперъ, на основаніи своихъ измѣреній, пришелъ къ тому выводу, что уровень Краснаго моря превышаетъ на 9,908, или почти на 10 метровъ, уровень Средиземнаго, и подъ влияніемъ этой грубой погрѣшности присоединился къ ошибочному взгляду древнихъ, которые опасались для низменныхъ земель средиземнаго побережья разлитія водъ Чермнаго моря черезъ путь, который былъ бы имъ открытъ. Вслѣдствіе этого, онъ отказался предложить прорытіе непосредственнаго морскаго канала, хотя и признавалъ большія выгоды, какія получились бы для всемірной торговли отъ соединенія двухъ морей глубокимъ ровомъ, неподдерживаемымъ измѣненію уровня въ зависимости отъ поднятія и спада водъ въ Нилѣ¹⁾. Возвращаясь къ плану фараоновъ, онъ предлагалъ устройство канала, глубиной отъ 4 до 5 метровъ, направляющагося изъ Каира въ Суэцъ четырьмя расположенными на различной высотѣ, въ видѣ ступенекъ, и соединенными между собой бассейнами, изъ которыхъ два будутъ наполнены прѣсной водой Нила, а два другіе — соленой водой Краснаго моря; кромѣ того, этотъ каналъ долженъ былъ дополняться судоходнымъ путемъ, прорытымъ отъ вершины дельты до Александрійскаго порта. Пригодный лишь для плаванія нильскихъ барокъ, каналъ, проектированный Леперомъ, могъ бы служить какъ средство сообщенія между двумя морями только во время высокаго стоянія воды въ рѣкѣ.

Пребываніе французовъ въ Египтѣ было слишкомъ непродолжительно, чтобы дѣло могло быть начато, но мысль о раздѣленіи Африки и Азіи новымъ Босфоромъ не была оставлена,

она даже сдѣлалась догматомъ новой религіи: сент-симонисты ввели ее въ свой символъ вѣры, какъ одну изъ задачъ своей апостольской дѣятельности. Съ 1825 года они обсуждали этотъ вопросъ въ своихъ газетахъ и журналахъ, и когда многіе изъ нихъ принуждены были покинуть Францію, изученіе Суэзскаго канала было одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ ихъ направиться на Востокъ. Впослѣдствіи, когда сент-симонистская религія перестала существовать, но когда большинство ея бывшихъ послѣдователей сдѣлались людьми, сильными въ мірѣ промышленности, мысль о прорытіи Суэзскаго перешейка нашла между ними наиболѣе ревностныхъ поборниковъ. Наконецъ, общественное мнѣніе по этому вопросу сдѣлалось настолько настойчивымъ, что признали нужнымъ приступить къ новому нивелированію, контролирующему изслѣдованіе Лепера, результаты котораго многіе ученые, между прочимъ, Лапласъ и Фурье, всегда считали ошибочными²⁾. Въ 1847 году составилось европейское общество спеціалистовъ для производства изысканій на мѣстѣ, и подъ руководствомъ инженеровъ Линана, Талаботы, Бурдалу, почва перешейка была пронивелирована на всемъ протяженіи отъ Суэца до Пелузіума, на этотъ разъ уже окончательнымъ образомъ: съ этого времени былъ установленъ вѣтъ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что за исключеніемъ неравенствъ, производимыхъ приливами и обусловливающихъ нѣкоторое превышеніе средняго уровня въ Суэзскомъ заливѣ, воды представляютъ лишь незначительную разность уровней въ обоихъ моряхъ, какъ показываютъ слѣдующія, найденныя изслѣдователями числа:

Уровень Средиземнаго моря у Тинне, на Пелузскомъ заливѣ: при низкомъ стояніи воды — 0,0 метр., при высокомъ стояніи воды — 0,38 метр.

Уровень Краснаго моря у Суэца: при низкомъ стояніи воды — 0,7414 метр., при высокомъ стояніи воды — 2,0886 метр.

Операціи нивелировки, произведенной подъ руководствомъ Бурдалу, были затѣмъ проверены въ 1853, 1855 и 1856 годахъ, и результаты каждый разъ получался почти тождественный.

Казалось бы, что послѣ доказательства этого столь важнаго факта физической географіи оставалось только приступить къ прорытію прямаго канала; однако, первый проектъ, представленный однимъ изъ сотрудниковъ въ предпріятіи нивелированія, Поленомъ Талаботомъ, предлагалъ постройку канала изъ Суэца въ Александрію черезъ Каиръ. Этотъ проектъ, недавно вновь выдвинутый нѣкоторыми англій-

¹⁾ Linnat de Bellefonds, цитированная статья; — Ferdinand de Lesseps, „Perçement de l'isthme de Suez“.

²⁾ Ferd. de Lesseps, „Perçement de l'isthme de Suez. Exposition et documents“, 2 série. 1856.

скими инженерами, въ противоположность нынѣ существующему Суэзскому каналу¹⁾, предвидѣлъ устройство расположенныхъ уступами бассейновъ и шлюзовъ, чтобы подняться съ той и другой стороны до уровня Нила выше бифуркаціи: кромѣ того, пришлось бы устроить запоры, для сопротивленія рѣчнымъ наводненіямъ, и перекинуть бечевную мостъ на Нилѣ, между двумя половинами канала, для буксирования судовъ отъ одного берега до другаго. Съ точки зрѣнія судоходства этотъ прѣсноводный каналъ Нижняго Египта, очевидно, не можетъ сравниться съ морскимъ каналомъ перешейка, вырытымъ безъ шлюзовъ и почти вдвое болѣе короткимъ; но главная польза предлагаемаго новаго канала, долженствующаго имѣть около 100 километровъ длины, состояла бы въ орошеніи дельты. Однако, въ виду того, что интересы судоходства и ирригаціи земель совершенно различны и даже противоположны, такъ какъ судовики требуютъ низкаго уровня для своего канала, тогда какъ земледѣльцамъ выгодно провести русло своей искусственной рѣки на возможно большей высотѣ,—было бы неблагоприятно строить каналъ, долженствующій удовлетворить двумъ противорѣчащимъ одна другой цѣлямъ; вѣроятно, что если прибрежныя земли дельты когда-либо будутъ заперты кругообразнымъ рвомъ, то этотъ каналъ будетъ утилизируемъ только для цѣлей орошенія и мѣстной торговли.

Наконецъ, султанскій фирманъ, разрѣшавшій прорытіе прямого канала отъ моря до моря, былъ подписанъ въ 1854 году. Государь, подписавшій актъ концессіи, не вѣрилъ въ возможность исполненія этого проекта, и даже между инженерами, работавшими въ великомъ дѣлѣ соединенія двухъ морей, многимъ не доставало убѣжденія, которое должно бы было поддерживать ихъ въ задуманномъ предпріятіи. Но человекъ, въ пользу котораго былъ подписанъ фирманъ, Фердинандъ де-Лессепсъ, обладалъ непоколебимой вѣрой и настойчивой волей. Ничто не могло обезкуражить его—ни финансовыя затрудненія, ни слабость друзей, ни противодѣйствіе, скрытое или явное, противниковъ. Правительство Великобританіи, недовольное тѣмъ, что открывался къ Индіи прямой путь, относительно котораго оно не было увѣрено, что будетъ обладать современнымъ его значеніемъ, тоже было въ числѣ враговъ смѣлаго проекта Лессепса. Но и оно, въ свою очередь, должно было признать себя побѣжденнымъ, и 17 ноября 1869 года цѣлая эскадра пароходовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ видѣ праздничнаго кортежа, перевозила знатныхъ иностранцевъ, гостей хедива, изъ Портъ-Саида на озеро Тимсахъ. Пятнадцати лѣтъ было до-

статочно, чтобы осуществить это гигантское предпріятіе; но чтобы привести его къ желанному концу, нужно было изобрѣтать новые приемы производства работъ, новые снаряды и машины; израсходована была сумма въ 472 милліона франковъ, около половины которой покрыто подпиской во Франціи, и, сверхъ того, египетское правительство содѣйствовало осуществленію предпріятія многочисленными услугами: уступкой земель, постройкой маяковъ, выдачей денегъ въ займы безъ процентовъ, доставкой подлежащихъ барщинѣ рабочихъ,—услугами, которыя въ общей сложности представляли капиталъ по меньшей мѣрѣ въ сотню милліоновъ. Въ среднемъ, число туземцевъ, употреблявшихся на работы по прорытію канала, простиралось до 20.000 человекъ.

Этотъ новый морской путь, настоящій проливъ, куда заходятъ китообразныя и акулы и гдѣ встрѣчаются эритрейскіе и средиземноморскіе виды флоры и фауны, имѣетъ размѣры, которые въ свое время казались огромными и которые теперь признаются уже недостаточными. Длина канала отъ моря до моря 164 километра, ширина между берегами отъ 60 до 100 метровъ, ширина на днѣ 22 метра, глубина нигдѣ не меньше 8 метровъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 8 съ половиной; землечерпательныя суда постоянно заняты извлеченіемъ песка и грязи, увлекаемыхъ на дно ударомъ волны о берега. Объемъ вынутой при прорытіи канала земли, не считая послѣдующихъ драгажей, которые составляютъ около 600.000 кубич. метровъ въ годъ, представляетъ массу въ 83 милліона кубич. метровъ, или пирамиду, имѣющую километръ въ сторонѣ основанія и 250 метровъ въ вышину. Изъ простаго болота Тимсахъ, или «озеро Крокодиловъ», откуда эти животныя давно уже исчезли, превратилось во внутреннее море; бассейны Горькихъ озеръ получилъ изъ Краснаго моря водную массу, исчисляемую въ два слншкомъ милліарда кубич. метровъ; громадные соляныя банки, наполнявшія эти озера, постепенно растворяются отъ дѣйствія попеременныхъ теченій канала. По истинѣ грандіозное зрѣлище представляетъ этотъ каналъ между двумя откосами дювъ, въ Гисрѣ, поднимающихся съ той и другой стороны на высоту 15 метровъ надъ уровнемъ воды, и легко понять чувство удивленія, охватывающее наблюдателя, когда онъ, взойдя на вершину маяка въ Портъ-Саидѣ, видитъ у себя подъ ногами правильно построенный, въ родѣ шахматной доски, городъ, расположенный на пескѣ, обширный портъ съ его доками и боковыми бассейнами, кишачими садами, бѣлыми жете, теряющіися вдали въ синевѣ моря, а тамъ, внутри материка, среди дювъ и болотъ, колоссальныя пароходы, плывущіе дворцы, которые кажутся идущими по землѣ, движимые какою-то волшебной силой.

¹⁾ John Fowler and Benjamin Baker, "A sweet-water ship-canal through Egypt Nineteenth Century", № 71, Jan. 1883.

Судоходство по Суэзскому каналу быстро разрослось до такихъ размѣровъ, какихъ и не ожидали его строители. Парусныя суда не могли бы, безъ помощи буксирныхъ пароходовъ, ни спускаться, ни подниматься по Красному морю, противъ южныхъ или сѣверныхъ вѣтровъ, дующихъ прямо по направленію залива; но для сообщенія съ Индіей парусъ былъ замѣненъ паромъ; созданы были спеціальныя флоты пакетботовъ для правильныхъ заокеанскихъ рейсовъ черезъ Суэзскій каналъ и Черное море, и средняя вмѣстимость судовъ, выражаемая количествомъ тоннъ, возрастаетъ изъ году въ годъ, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Движеніе судоходства по Суэзскому каналу:

Года.	Число судовъ.	Валовая вмѣстим. тоннъ.	Чистая вмѣстим. тоннъ.	Плата за проходъ франк.
1870.	486	654.915	436.609	5.159.827
1875.	1.494	2.940.708	2.009.984	28.884.300
1880.	2.026	4.344.519	3.057.421	39.840.487
1883.	3.307	8.051.307	5.775.861	68.523.345

Средняя вмѣстимость судовъ: въ 1870 г., 1.343 тоннъ; въ 1877 г., 2.015 тоннъ.

Средняя проходная пошлина съ судна: 20.720 франк.

Число пассажировъ, перевезенныхъ въ 1883 г.: 119.177.

Въ 1883 году только одно парусное судно во весь годъ прошло каналомъ изъ моря въ море, тогда какъ каждый день, среднимъ числомъ, десять пароходовъ проходили этимъ путемъ.

Въ 1894 г. судоходство по Суэзскому каналу выразилось въ такихъ цифрахъ:

Число судовъ 3.541, вмѣстимостью въ 7.659.000 тоннъ, пассажировъ перевезено 189.809.

Доля флаговъ, участвовавшихъ въ судоходствѣ по Суэзскому каналу въ 1883 году:

Англіискія суда, вмѣстимостію—6.136.847 тоннъ; французскія суда, вмѣстимостію—782.133 тоннъ; нидерландскія суда, вмѣстимостію—309.583 тоннъ; нѣмецкія суда, вмѣстимостію—213.666 тоннъ; другихъ націй суда, вмѣстимостію—609.078 тоннъ.

Въ виду этого постояннаго и быстрого возрастанія судоходства, оказывается необходимымъ увеличеніе судоходнаго пути: нужно сгладить слишкомъ рѣзко выступающіе изгибы канала, какъ уже сгладили двойной поворотъ у Гисра, дать большую глубину фарватеру, докончить обшивку камнемъ береговъ, песокъ которыхъ, слишкомъ рыхлый, легко размывается и подтачивается теченіемъ, вырыть порты въ прибрежныхъ озерахъ; особенно необходимо расширить путь, такъ чтобы не было надобности въ побочныхъ развѣздныхъ путяхъ, устроенныхъ на нынѣшнемъ каналѣ, во избѣжаніе встрѣчи судовъ, черезъ каждые десять километровъ: при сооруженіи канала предполагали, что годовое сообщеніе черезъ этотъ путь не превзойдетъ, по вмѣстимости судовъ, шести милліоновъ тоннъ, теперь же нужно предвидѣть

вдвое или даже вчетверо большее движеніе судоходства для недалекаго будущаго. Проектируютъ увеличить втрое нынѣшнюю ширину канала, такъ чтобы судамъ при встрѣчѣ не нужно было замедлять хода и чтобы остановка какого-нибудь судна посреди канала не сопровождалась загражденіемъ пути для другихъ судовъ. И именно Англія, такъ упорно противившаяся нѣкогда открытію этого новаго морскаго пути, теперь настойчивѣе всѣхъ требуетъ увеличенія канала! Событія объясняютъ эту перемѣну политики. По флагу судовъ, пользующихся искусственнымъ проливомъ, этотъ послѣдній сдѣлался почти исключительно англійскимъ путемъ: около восьмой части всей внѣшней торговли Великобританіи, то-есть цѣнность свыше 2 милліардовъ, проходитъ черезъ Суэзскій перешеекъ. Кромѣ того, британское правительство сдѣлалось однимъ изъ главныхъ акціонеровъ канала, а вступивъ во владѣніе Египтомъ, оно получило въ полное свое распоряженіе этотъ путь, который оно можетъ открывать или закрывать по своему усмотрѣнію, какъ это оно и сдѣлало уже передъ битвой при Телль-эль-Кебирѣ, ни мало не заботясь о конвенціяхъ, гарантирующихъ нейтралитетъ прохода между двумя морями. Такимъ образомъ Великобританія, опасавшаяся, чтобы морская дорога въ Индію не попала въ руки ея противниковъ, успѣла обезпечить за собою обладаніе Суэзскимъ каналомъ. Но нужно надѣяться, что этого не случится съ трансконтинентальной желѣзной дорогой черезъ Малую Азію, Месопотамію, Персію,—дорогой, которая будетъ построена рано или поздно и которая превзойдетъ по важности извилистую дорогу судовъ. Этотъ будущій международный путь, по всей вѣроятности, не будетъ принадлежать Англіи.

Въ то время, какъ основываются новые города въ Египтѣ, его древніе города обращаются въ прахъ: большинство значительныхъ группъ населенія расположено въ близкомъ разстояніи отъ развалинъ, оставленныхъ бывшими столицами. Но эти уцѣлѣвшіе обломки сѣдой старины, болѣе интересныя, чѣмъ большинство современныхъ городовъ, рассказываютъ намъ исторію египетскаго народа. Во многихъ мѣстахъ убогія лачужки феллаховъ, — маленькіе кубы, кирпичные или земляные, покрытые кровлей изъ тростника или террасой изъ битой глины,—едва примѣтны рядомъ съ величественными пилонами и перистилиями античныхъ храмовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началось научное изслѣдованіе страны фараоновъ, не мало прекрасныхъ памятниковъ было открыто изъ песковъ, въ которыхъ они были погребены; но много другихъ совсѣмъ исчезли съ лица земли: селитра, которою насыщены пески, и аллювиальная пыль развѣдаютъ камни древ-

нихъ памятниковъ; искатели сокровищъ сры-
ваютъ стѣны; земледѣльцы, смѣшивающіе поро-
шокъ отъ руинъ съ землей, приготовляя такимъ
образомъ превосходный компостъ *себиакъ*, еще
болѣе разрушаютъ остатки древности. Печи
для обжиганія извести пожрали, камень за кам-
немъ, храмы, построенные изъ известняка; па-
мятники изъ песчаника, матеріалъ которыхъ
нельзя утилизировать для современныхъ по-
строекъ, были всего болѣе пощажены. Египет-
скія деревни носятъ самыя разнообразныя на-
званія, смотря по происхожденію жителей или
по формѣ землевладѣнія: онѣ называются *на-
хизъ*, *кафрзъ*, *азбегъ*, *нагъ*, *абадіе* или *мнишатъ*;
селенія, основанныя арабами, изъ кочевниковъ
превратившихся въ земледѣльцевъ, носятъ
названіе *назлахъ*, то-есть «пристаніца» или
колоніи. Деревни часто мѣняютъ мѣста, вслѣд-
ствіе наводненій или новаго начертанія кана-
ловъ; нерѣдко онѣ мѣняютъ и самое названіе,
съ переходомъ въ собственность другихъ вла-
дѣльцевъ ¹⁾. Въ деревняхъ до сихъ поръ еще
можно видѣть старый Египетъ: эта страна, по
образному выраженію одного писателя, пред-
ставляетъ своего рода «палимпсестъ», въ кото-
ромъ Библия написана поверхъ Геродота, а Ко-
ранъ поверхъ Библии; въ городахъ всего яв-
ственнѣе виденъ Коранъ; внутри страны сно-
ва является Геродотъ ²⁾.

Классическій Египетъ начинается у перваго
водопада, въ томъ мѣстѣ, гдѣ барки, приходи-
щія изъ Нубіи, выгружаютъ камедь, слоновую
кость и черное дерево на берегу Магатты,
подъ тѣнью сикоморъ и пальмъ. Передъ этимъ
мѣстечкомъ праваго берега рѣки еще имѣетъ
ровную поверхность, какъ озеро; но вдали, по
направленію къ сѣверу, уже видѣются черныя
скалы, между которыми извиваются пѣнящія-
ся струи водопадовъ. Прежде чѣмъ вступитъ
въ лабиринтъ пороговъ, медленно текущія во-
ды Нила омываютъ архипелагъ зеленѣющихъ
острововъ, одинъ изъ которыхъ есть знамени-
тый Филе, или Филы (Philae), Илакъ египтянъ,
священный островъ, куда была перенесена изъ
Абидоса гробница Озириса: изъ всѣхъ клятвъ
самую страшную считалась та, когда клялись
«Озирисомъ, сущимъ въ Филахъ». Островъ этотъ
очень маленькій, меньше километра въ окру-
жности, но онъ развѣтывается въ видѣ краси-
ваго овала, и во всемъ Египтѣ нѣтъ памятни-
ка болѣе изящнаго, чѣмъ юскъ (на восточ-
номъ берегу острова), тонкія колонны котора-
го, съ капителями въ формѣ цвѣтовъ, соперни-
чаютъ красотой съ стройными пальмами, кото-
рыми онъ окруженъ: это египетское зданіе вре-
менъ Тиверіи всего чаще воспроизводилось жи-
вописью; на немъ нѣтъ ни барельефовъ, ни
надписей, но своей формой оно напоминаетъ

афинскій Эрехтеонъ, и мѣстность, среди которой
оно стоитъ, по истинѣ очаровательна ¹⁾. Другіе
памятники этого острова, храмы Изиды, отстро-
енные послѣ завоеванія Египта Александромъ
Македонскимъ, болѣе замѣчательны своими над-
писями, нежели архитектурой; на колоннахъ
этихъ святилищъ видны еще картины, вполне
сохранившіяся. Островъ Филы приобрѣлъ из-
вѣстность въ исторіи наукъ, благодаря откры-
тымъ на немъ двумъ двуязычнымъ надписямъ,
изъ которыхъ одна, воспроизводящая надпись
знаменитаго «Розетскаго камня», прославляетъ,
въ іероглифическихъ и демотическихъ письме-
нахъ, побѣды и величіе Птолемея V, прозван-
наго «Везсмертнымъ». Въ Филахъ же нахо-
дился обелискъ, на которомъ Шамполіонъ, по-
слѣ того какъ имъ была открыта тайна свя-
щенныхъ писменъ, разобралъ имя царицы
Клеопатры; этотъ драгоценный памятникъ,
увезенный въ Европу Банксомъ и Бельзони,
составляетъ теперь часть одной частной кол-
лекціи въ Англіи ²⁾. Другая надпись въ Фи-
лахъ, относящаяся къ 8 вантозу VII года рес-
публиканскаго лѣтосчисления, напоминаетъ о
проходѣ первой дивизіи французской арміи,
подъ начальствомъ генерала Дезе, преслѣдовав-
шей мамелюковъ за водопады Нила. Подзем-
ный туннель проходилъ подъ узкимъ проли-
вомъ, отдѣляющимъ островъ Филы отъ остро-
ва Биггехъ, который въ древности тоже счи-
тался святой землей ³⁾.

Долина, черезъ которую нѣкогда изливались
воды Нила, когда онѣ текли на высшемъ уров-
нѣ, служила большою дорогой караванамъ,
которые обходятъ пороги, чтобы перевезти това-
ры сухимъ путемъ между Магаттой и Ассуа-
номъ: хедивъ Измаилъ-паша велѣлъ построить
тамъ желѣзную дорогу длиной около 15 кило-
метровъ, для перевозки войскъ. О важности,
которую во всѣ времена придавали этому тор-
говому пути, существующему уже по меньшей
мѣрѣ сорокъ семь вѣковъ, свидѣлствуютъ
многочисленные надписи на разныхъ языкахъ,
вырѣзанные на стѣнахъ скалъ; стратегическое
значеніе его тоже было признано въ древно-
сти, какъ это доказываетъ остатокъ крѣпостной
стѣны, защищавшей Сиену отъ нападений блем-
миевъ. Городъ этотъ стоитъ ниже водопада на
краю праваго берега рѣки и на скалистыхъ
отлогостяхъ, гдѣ дома расположены амфитеа-
тромъ. Суда, менѣе многочисленныя, однако,
чѣмъ въ Магаттской гавани, тѣсняются въ Ас-
суанской бухточкѣ, и шеллалы, или «люди ка-
таракта», стремглавъ бросаются къ берегу, какъ
только замѣтятъ, что какая-нибудь дахабіе сня-
лась съ якоря, чтобы направиться къ поро-
гамъ; базаръ наполненъ товарами, привезен-

¹⁾ Jomard, «Description de L'Egypte»; — Amici, «L'Egypte ancienne et moderne».

²⁾ Lucy Duff Gordon, «Letters from Egypt».

¹⁾ Ampère; — Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

²⁾ Amelia Edwards, «A Thousand Miles up the Nile».

³⁾ Howard Vyse, «Operations carried on at the Pyramids of Ghizeh».

ными изъ Нубіи и съ Верхняго Нила—оружіемъ и разными украшеніями, страусовыми перьями, шкурами дикихъ звѣрей, слоновой костью, деревомъ, драгоценными лѣкарственными снадобьями; рощи финиковыхъ пальмъ, въ окрестностяхъ города, доставляютъ въ изобиліи плоды, отправляемые на баркахъ въ Каиръ и въ дельту. Старое египетское названіе Суанъ, передѣланное арабами въ Асъ-Суанъ, сохранилось въ теченіе почти пяти тысячъ лѣтъ и подъ своей греческой формой Сіена сдѣлалось знаменитымъ въ классической древности: геологамъ это имя напоминаетъ обширныя каменоломни гранита и «сіенита», которыя изрѣзали скалы къ югу отъ города на пространствѣ болѣе 6 километровъ, и гдѣ еще виденъ обелискъ, длиной въ 36 метровъ, на половину отдѣленный отъ каменной массы горы; астрономамъ оно говоритъ объ изслѣдованіяхъ Эратосфена, сдѣланныхъ слишкомъ двѣ тысячи сто лѣтъ тому назадъ. Допуская, что городъ водопадовъ находится какъ разъ подъ линіей тропика, что не вполне точно (широта Ассуана $24^{\circ}5'23''$), и констатируя тотъ фактъ, что въ Александріи тѣнь гномона равнялась одной пятидесятой въ день лѣтняго солнцестоянія, Эратосфенъ вывелъ изъ этихъ данныхъ степень кривизны Земли и, слѣдовательно, размѣры нашей планеты. Онъ не измѣрялъ непосредственно разстоянія, раздѣляющаго Сіену отъ Александріи, но народъ, умѣвшій такъ же вѣрно, какъ и египтяне, строить свои зданія главнымъ фасадомъ къ восходящему солнцу, долженъ былъ знать не только разстоянія, но и точное направленіе относительно странъ горизонта, и народное исчисленіе пространства между двумя названными городами, воспроизводимое Эратосфеномъ, не могло значительно разниться отъ дѣйствительнаго. Если мѣра меридіана, взятая александрійскимъ астрономомъ, была выражена въ египетскихъ футахъ, что весьма вѣроятно, то онъ ошибся всего только на одну шестьдесятъ-пятую. Дѣйствительная длина дуги земнаго меридіана между Александріей и параллелью Сіены равна 787.760 метрамъ. Мѣра, найденная Эратосфеномъ, была 810.000 метровъ ¹⁾.

Островъ Элефантина, лежащій напротивъ Ассуана, по другую сторону рѣчнаго рукава шириной въ 150 метровъ, тоже заключалъ знаменитый городъ. Тамъ находился Абу, «городъ Слона»; можетъ-быть, впоследствии, въ греческую и римскую эпохи, онъ былъ складочнымъ мѣстомъ слоновой кости, привозимой съ Верхняго Нила ²⁾. Теперь на Элефантинѣ нѣтъ уже никакихъ памятниковъ древнихъ временъ: храмы ея были сломаны въ 1822 году и упо-

треблены какъ матеріалъ для построекъ; единственные еще оставшіяся древности—это нилومترъ, реставрированный въ 1870 году, да кучи античныхъ черепковъ, на которыхъ таможенные чины римской эпохи нацарапывали свои квитанціи въ полученіи пошлины; на развалинахъ выстроились двѣ барабасскія деревушки. Но зато Элефантина, которую арабы прозвали «Цвѣтущимъ» островомъ, можетъ похвастать своими великолѣпными группами финиковыхъ пальмъ и блескомъ своей зелени, составляющей яркій контрастъ съ черными скалами, стерегущими выходъ водопада.

Мѣсто, гдѣ стоялъ въ древности городъ Омбосъ, теперь указывается только однимъ селеніемъ, Комъ-Омбо, расположеннымъ на излучинѣ восточнаго берега, да руинами двухъ соединенныхъ между собой храмовъ, посвященныхъ двумъ противоположнымъ божествамъ: Горусу, богу свѣта, и Себеку, духу тьмы; воды рѣки, подтачивающія правый берегъ, скоро свесутъ, камень за камнемъ и песчинку за песчинкой, эти святилища и опоясывающую ихъ дюну. Ниже деревни Комъ-Омбо, въ тѣснинѣ Сильсиле или «цѣпи», всего легче было бы устроить запруду, чтобы поднять рѣчной уровень и отбросить часть теченія въ ирригаціонные каналы: по этому проекту, главный ровъ долженъ слѣдовать вдоль основанія Ливійской цѣпи, орошая всѣ земли, нынѣ безплодныя, которыя простираются на западъ отъ Бахръ-Юзефа. Ущелье «Цѣпи», образуемое песчаниковыми скалами, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ Египта. На восточномъ берегу утесы были изсѣчены камневодами въ видѣ аллей и цирковъ гдѣ нельзя не подивиться искусству, съ которымъ они выбирали слои камня самаго мелкаго и самаго ровнаго зерна, и той тщательности, какую они прилагали къ ихъ разработкѣ. Въ этомъ отношеніи камнеоломни Сильсиле могутъ служить образцомъ: «кажется, говоритъ Мариеттъ, что гору распиливали правильными кусками, какъ искусный плотникъ распиливаетъ на доски стволъ дорогаго дерева». На западномъ берегу утесы были менѣе тронуты ломкой, но они богаче изваяніями и надписями. Одинъ храмъ, изсѣченный въ скалѣ, заключаетъ между своими барельефами образъ богини Изиды, кормящей Горуса своимъ молокомъ: это одна изъ прелестнѣйшихъ картинъ, какія намъ оставила египетская древность ³⁾.

Два гигантскихъ пилона издали возвѣщаютъ путешественнику близость города Эдфу, Тебѣ древнихъ, Apollonopolis magna грековъ и римлянъ. Между святинами античнаго Египта храмъ въ Эдфу наилучше сохранился во всѣхъ

¹⁾ Faye, «Journal officiel de la République Française», 29 avril 1881.

²⁾ Jacques de Rougé, «Textes géographiques du temple d'Edfou».

³⁾ Mariette, «Itinéraire de la Haute-Égypte»;—Charles Blanc, «Voyage de la Haute-Égypte»;—Elie Reclus, «Philosophie positive», mars, avril 1870.

своихъ частяхъ и деталяхъ, и хотя это зданіе было построено только въ эпоху Птолемеевъ, оно отличается такою чистотою линий, такою пропорціональною и гармоніей частей, что его смѣло можно поставить на-ряду съ памятниками великихъ эпохъ египетскаго искусства; нигдѣ архитектурныя традиціи не были уважаемы въ такой степени. Только благодаря песку пустыни, это чудо античнаго зодчества было пощажено всеразрушающимъ временемъ; когда Мариеттъ, послѣ сноса девяноста-двухъ лачужекъ, разсыпавшихъ на горѣ храма, сгребъ песокъ, окружавшій и засыпавшій его на половину, зданіе явилось почти столь же совершеннымъ, какимъ оно было на другой день освященія и открытія; ничто въ немъ не повреждено, все сохранилось въ цѣлости, недостаетъ только нѣсколькихъ камней въ пилонахъ и кровлѣ; даже наружная ограда, скрывавшая святилище отъ взора профановъ, осталась совершенно цѣлою. Изъ входа во дворъ видишь передъ собою перспективу колоннадъ и залъ, продолжающуюся почти на 130 метровъ, и во всемъ этомъ громадномъ пространствѣ нѣтъ ни одного уголка, назначеніе котораго не объяснялось бы орнаментами, надписями и вообще всей вполне сохранившейся первоначальной обстановкой; при томъ каждая зала носитъ свое особое названіе: одна изъ нихъ называется библіотекой, или «домомъ книгъ», и каталогъ этихъ документовъ выгравированъ на стѣнахъ залы. Впрочемъ, все зданіе само есть громадная библіотека, заключающая въ себѣ не только начертаніе молитвъ и гимновъ въ честь божественной троицы—Гаргута, Гатора и Гарпохрота, но также религіозныя сцены всякаго рода, астрономическія таблицы и рисунки, картины изъ сельскаго быта, изображенія осадъ и битвъ, словомъ, этотъ обширный храмъ представляетъ, такъ сказать, энциклопедію египетской исторіи и міеологіи. Но главный интересъ открытому въ Эдфу памятнику придаютъ начертанные на его стѣнахъ двадцать-семь географическихъ списковъ Египта и Нубіи, гдѣ перечислены всѣ номы или области, съ ихъ произведеніями, городами и покровительствующими божествами¹⁾; благодаря этимъ именно номенклатурамъ, пополненнымъ пятнадцатью другими подобными же, болѣе или менѣе полными списками, найденными на различныхъ памятникахъ береговъ Нила, болѣе, чѣмъ на основаніи однородныхъ свидѣтельствъ какого-либо другаго египетскаго храма, Бругшъ имѣлъ возможность возсоздать географію древняго Египта²⁾. Взойдя на вершину одного изъ пилоновъ, господствующихъ съ высоты 38 метровъ надъ входомъ въ храмъ, видишь у себя подъ ногами нынѣшній городокъ, шашечницу

маленькихъ кубиковъ изъ желтой земли, окружающую куполь мечети и минареть, зданія очень скромныхъ размѣровъ въ сравненіи съ величественнымъ храмомъ египетскихъ боговъ.

Ниже города Эдфу, открывается, на востокъ, ущелье, которымъ спускались съ горъ грабители геруиса, предки нынѣшнихъ абабдеховъ. Для защиты отъ этихъ разбойничьихъ набѣговъ, были построены поперегъ ущелья валы, и надъ входомъ его господствовала крѣпость. Деревня Эль-Кабъ смѣнила это укрѣпленіе, носившее у древнихъ египтянъ названіе Нехабы, а у грековъ—Эйлетія. Между многочисленными погребальными гротами, вырытыми въ соедѣнныхъ скалахъ, особенно замѣчательны одинъ, гдѣ представлены побѣды Ахмеса или Амосиса надъ царями, пастухами и надъ племенами Эіюши.

Ниже, долина Нила расширяется, и на лѣвомъ его берегу тянется, между полями и садами, городъ Эсне, Латополь грековъ, сохранившій еще свое первоначальное названіе Сии. Эсне, главный административный пунктъ провинціи и промышленный центръ, гдѣ фабрикуютъ синія бумажныя матеріи, шали, охлаждающіе сосуды для воды и другія гончарныя издѣлія, есть одинъ изъ торговыхъ городовъ Верхняго Египта; плантація сахарнаго тростника занимаютъ часть равнины; здѣсь показываются еще кое-гдѣ пальмы думъ; но ниже, вдоль рѣки, видишь уже только финиковыя пальмы. Населеніе Эсне очень смѣшанное: къ коптамъ-христіанамъ и феллахамъ-мусульманамъ здѣсь присоединяются жители пустынь, нубійцы, беджасы различныхъ племенъ; сюда же, въ Эсне, были высланы изъ Каира Могамедомъ-Али альмен (танцовщицы и пѣвицы), и въ этомъ городѣ онѣ и теперь еще болѣе многочисленны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Египта. Древній храмъ въ Сии, посвященный Кнефу, «душѣ міра», былъ частію откопанъ, въ 1842 г., изъ покрывавшихъ его грудъ обломковъ и песковъ, но онъ все еще больше походитъ на подземное святилище или катакомбу, чѣмъ на зданіе, построенное на поверхности почвы, въ полномъ свѣтѣ; въ архитектурномъ и скульптурномъ отношеніи онъ далеко уступаетъ храму въ Эдфу.

Описавъ большую извилину ниже Эсне и пройдя живописную деревню Эрментъ, съ сахарными заводами, Нилъ вступаетъ въ равнину, гдѣ показываются, на обоихъ берегахъ, многочисленные памятники, цѣлые или въ развалинахъ, знаменитой оиванской аггломерациі, цѣлый міръ дворцовъ, колоннадъ, храмовъ и катакомбъ: нигдѣ нѣтъ такого множества религіозныхъ зданій, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ и представляющихъ такой великолѣпный ансамбль. А между тѣмъ сохранилась только незначительная часть того огромнаго города, который носилъ названіе стовратныхъ Оивъ;

¹⁾ Jacques de Rougé, "Textes géographiques de temple d'Edfo", "Revue Archéologique", vol. XII.

²⁾ "Geographie des alten Aegypten".

четыре главные группы существующихъ еще руинъ ограничиваютъ пространство, имѣющее не болѣе 12 квадратныхъ километровъ. Въ тѣ времена, когда Но, «Городъ» по преимуществу, болѣе извѣстный подъ названіемъ Па-Аменъ, «жилище Аммона», былъ средоточіемъ торговли и могущества Египта, онъ простирался гораздо далѣе на сѣверъ, въ равнины, окаймляющія правый берегъ рѣки. Во время разлива Нила группы памятниковъ возвышаются въ видѣ островковъ среди широкой поверхности воды.

Луксоръ (Эль-Аксорейнъ), или «два Дворца», самое многолюдное селеніе, построенное на мѣстѣ, гдѣ стояли древнія Оивы, занимаетъ лишь одну искусственную горку, груды обрушившихся обломковъ; но въ этомъ холмѣ частію погребенъ прекрасный храмъ, который теперь откапываютъ: передъѣзнымъ памятникомъ стояли два обелиска, носящіе надписи въ честь Рамзеса II; теперь остался только одинъ; другой — тотъ самый, который стоитъ въ Парижѣ. Вокругъ храма видны только безформенныя груды развалинъ, да воздѣланныя поля; но по направлению къ сѣверо-востоку продолжается широкая аллея, длиной около 2 километровъ, окаймленная по бокамъ пьедесталами и кое-гдѣ остатками сфинксовъ, съ туловищемъ льва, съ головой женщины, держащихъ между передними лапами изображеніе фараона Аменхотепа III. За этимъ проспектомъ слѣдуетъ аллея сфинксовъ съ головой овна, и мы находимся уже среди памятниковъ Карнака: пилоновъ, рѣзныхъ стѣнъ, нефовъ съ колоннами, обелисковъ, сфинксовъ, статуй. Въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ, отъ двѣнадцатой династіи фараоновъ до послѣднихъ Птолемеевъ, храмъ за храмомъ послѣдовательно воздвигались на этой священной почвѣ. На каждомъ шагѣ встрѣчаешь здѣсь чудеса искусства и труда; но гордость и славу этого обширнаго архитектурнаго музея составляетъ знаменитая «зала съ Колоннами», построенная въ царствованіе фараона Сети I: это — величайшая зала въ Египтѣ, видъ ея производитъ потрясающее впечатлѣніе на зрителя, и воспоминаніе объ этомъ грандіозномъ остаткѣ сѣдой старины всегда оживаетъ въ памяти, когда переносишь мысль на образцовыя произведенія человѣческаго генія. Плавонъ залы, которая имѣетъ не менѣе 23 метровъ (около 11 сажень) высоты въ среднемъ пространствѣ или нефѣ, покоится на 134 колоннахъ, имѣющихъ до 10 метровъ (14 аршинъ) въ окружности, въ центральномъ ряду. Всѣ колонны покрыты рѣзбой и ваиніемъ, такъ же какъ стѣны, и между барельефами, украшающими эту залу, нѣкоторые имѣютъ высокую историческую важность, представляя побѣды фараоновъ надъ арабами, спрійцами, гитти-тами. Недалеко отсюда, въ «большомъ храмѣ» находится знаменитая «численная стѣна», стра-

ница лѣтописей, часть которой была доставлена въ Луврскій музей Шамполіономъ, и которая теперь извѣстна въ цѣломъ объемѣ, благодаря раскопкамъ Мариетта. Этому же изслѣдователю наука обязана открытіемъ географическаго списка, содержащаго 628 именъ народовъ и мѣстъ, вырѣзанныхъ на пилонахъ: между перечисляемыми въ этомъ списокѣ племенами ученые могли отождествить многія племена Финикіи и Палестины, Ассиріи и другихъ болѣе отдаленныхъ странъ Азии, Эііопіи, области Благоніи, простирающейся на африканскомъ побережьи, къ югу Краснаго моря; тамъ разобрали также названія тѣхъ дальнихъ странъ большихъ озеръ, которыя въ наши дни Спики, Гранты, Бакеры вновь открыли во второй или въ третій разъ. По словамъ Гартмана, типъ фундаментъ можно признать самымъ точнымъ образомъ между фигурами эііопскихъ плѣнниковъ¹⁾.

Оивы лѣваго берега были болѣе городомъ мертвыхъ, чѣмъ городомъ живыхъ; однако, часть равнины, гдѣ почва начинается постепенно подниматься по направленію къ Ливійскимъ утесамъ, тоже очень богата памятниками древности, которые, впрочемъ, имѣютъ погребальный характеръ. Повышеніе почвы, носящее арабское названіе Мединетъ-Абу, устѣано храмами, гдѣ находимъ историческія картины, частію нарисованныя, частію изваянныя, представляющія съ изумительною точностію типы и костюмы побѣжденныхъ народовъ: гиттитовъ, аморреевъ, филистимлянъ, тевкровъ, данайцевъ, этрусковъ, сардовъ, эііоплянъ, аравитянъ, ливійцевъ; разъ откопанный и очищенный отъ песку и мусору, храмъ Мединетъ-Абу, «книга завоеваній и побѣдъ фараона Рамзеса III», этого «господина меча на землѣ», будетъ, безъ сомнѣнія, самымъ полнымъ, самымъ интереснымъ и самымъ драгоцѣннымъ изъ всѣхъ святилищъ древняго Египта²⁾. Недалеко отсюда находится храмъ Деиръ-эль-Медине, почти греческой архитектуры, построенный Птолемеємъ Филопаторомъ, и Рамессеумъ, съ его триумфальнымъ портикомъ, украшеннымъ четырьмя обезглавленными колоссами: это то самое зданіе, которое описано у Діодора Сицилійскаго подъ именемъ «гробницы Озиманда»; во дворѣ храма лежитъ разбитая статуя Рамзеса II, изъ розоваго гранита, нѣкогда монолитъ въ 17 метровъ высоты, вѣсившій слишкомъ тысячу тоннъ (около 61.000 пудовъ), слѣдовательно, болѣе, чѣмъ самый тяжелый камень Вальбекскихъ храмовъ, но на треть менѣе, чѣмъ эрратическая глыба, на которой поставлена конная статуя Петра Великаго, въ Петербургѣ. Между Рамессеумомъ и храмами Мединетъ-Абу высились нѣсколько колос-

¹⁾ „Zeitschrift für Ethnologie“, vol. I, 1869.

²⁾ Mariette, „Des nouvelles fouilles à faire en Égypte“.

совъ; изъ нихъ стоятъ теперь только два, тѣ самые, которые пользовались въ древнемъ мірѣ такой громкой извѣстностію подъ именемъ «колоссовъ Мемнона», и которые въ дѣйствительности представляютъ фараона Аменхотепа II, сидящаго въ гератической позѣ, съ руками, протянутыми на колѣняхъ. Эти двѣ статуи имѣютъ около двадцати метровъ высоты, вмѣстѣ съ пьедесталами, впрочемъ, большей частью закопанными въ аллювиальную почву. Колоссъ, на который греки и римляне приходили толпами посмотреть и подивиться, и который они покрыли безчисленными надписями въ стихахъ и въ прозѣ,—тотъ, который стоитъ сѣвернѣе; это и есть та статуя, потрескавшійся

На сѣверѣ и на западѣ отъ Рамессеума и отъ храма Сети, стоящаго на Курнахскомъ пригоркѣ, высятся скалы и отрываются овраги, сплошь устьянные подземными храмами и катакомбами. Холмъ пирамидальнаго вида, съ гигантскими параллельными ступенями, изсѣченными самой природой, высоко поднимается надъ равниной. По мнѣнію Нестора, эта характеристическая форма и послужила образцомъ для искусственныхъ пирамидъ, воздвигнутыхъ на могилахъ царей: такъ исполнились, въ Мемфисѣ, какъ и въ Оивахъ, слова ритуала, произносимыя богомъ ада: «я далъ тебѣ жилище въ горахъ Запада». Извилистое и развѣтвляющееся ущелье, идущее вокругъ

Входъ въ долину царскихъ гробницъ.

камень которой издавалъ звукъ, похожій на звукъ лопнувшей струны лиры, или даже, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, долго вибрировалъ, производя гармоническіе вздохи, въ моментъ, когда солнечные лучи обращали въ паръ утреннюю росу. Но съ тѣхъ поръ, какъ Септимій Северъ велѣлъ грубо починить или, лучше сказать, замазать известкой статую, въ надеждѣ сдѣлать ее болѣе звучною, колоссъ опѣмѣлъ. Теперь путешественникъ напрасно старался бы подслушать на разсвѣтъ звукъ нѣкогда говорившей статуи; болѣе счастлива будетъ попытка этого рода въ Карнакскомъ храмѣ: тамъ глыбы гранита вибрируютъ переплетающимися звуками въ моментъ, когда ихъ освѣтятъ лучи восходящаго солнца.

скаль, носить названіе Бибанъ-эль-Молукъ, или «Врата царей»; его голые утесы, изрѣзанные вертикальными трещинами, придаютъ ему сурово-величавый видъ: съ той и другой стороны этихъ воротъ смерти открываются безчисленныя царскія могилы. Почти у самой оконечности ущелья мы проникаемъ въ погребальный склепъ фараона Сети I, открытый изслѣдователемъ Бельцони, въ 1818 году; это одна изъ самыхъ любопытныхъ царскихъ усыпальницъ по украшающимъ ее барельефамъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ «четыре расы міра»: рету, аму, нагесу и тамагу, то-есть египтянъ, азіатовъ, негровъ и ливійцевъ, шествующихъ въ процессіи на похоронахъ Сети. При входѣ въ ущелья, между Курнахскимъ и

Ассасифскимъ холмами, Мариеттъ открылъ, въ 1859 году, мумію царицы Ааготеѣ, вѣроятно, матери царя Ахмеса или Амосиса, драгоценныя украшенія которой, хранящіяся теперь въ Булакскомъ музеѣ, возбуждаютъ удивленіе необыкновеннымъ изяществомъ и тонкостію отдѣлки; современные ювелиры объявили даже, что они не могли бы имитировать это чудо искусства ¹⁾. Вѣроятно, что папирусъ Эберса, «герметическая» книга, содержащая египетскую фармакопею временъ Тутмеса, тоже извлеченъ на свѣтъ Божій изъ какой-нибудь могилы въ холмѣ Ассасифъ. Къ западу отъ главнаго холма, и недалеко отъ другой горки, Шейхъ-Абдъ-эль-Курнахъ, изрытой подземными галлерейми, точно нора дикаго звѣря, погребальная капелла Деиръ-эль-Бахари, вѣроятно, служившая церковью христіанамъ, занимаетъ рядъ спускающихся уступами террасъ: на ея полуразрушенныхъ стѣнахъ Мариеттъ открылъ очень интересныя изваянія, представляющія разные историческіе сюжеты, между прочимъ, морскую экспедицію, посланную царицей-регентшей Гачопситу въ страну Пунтъ, то-есть въ южную Аравію или область сомалиевъ. Въ другой усыпальницѣ, гдѣ было похоронено тѣло Бехмары, также изображены этнографическія сцены, относящіяся къ странѣ Пунтъ. Одинъ сосѣдній гротъ недавно доставилъ гг. Масперо и Бругшу, которые давно искали эту катакомбу, цѣлую серію царскихъ мумій, въ томъ числѣ муміи Амосиса I, Тутмеса III, завоевателя Передней Азіи, Рамзеса II, легендарнаго Сезостриса грековъ, Сети Перваго, строителя знаменитой «залы Колоннъ» ²⁾, о которой говорено выше. Цѣлая коллекція египетскихъ древностей, которыми обладаютъ различные музеи Европы, происходятъ изъ катакомбъ стовратныхъ Оивъ. Съ высоты горъ обломковъ взоръ обнимаетъ всю совокупность памятниковъ «изъ вѣчныхъ камней», воздвигнутыхъ Рамзесами и Сети.

Большая дуга, описываемая Ниломъ къ востоку ниже Оивъ, и широкіе проходы, открывающіеся съ этой стороны черезъ «Аравійскія» горы въ направленіи Краснаго моря, естественно должны были обезпечить этой части долины первостепенную торговую важность; но рынокъ, возникшій здѣсь уже въ раннюю эпоху, не оставался постепенно на одномъ и томъ же мѣстѣ: разоряемые войной или даже разрушаемые до основанія завоевателями, города должны были возрождаться каждый разъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ предшествующаго мѣстоположенія. Въ этой области, Кубти, Коптосъ грековъ, обратившійся нынѣ въ бѣдную деревню Гуфтъ или Кофтъ, былъ первый торговый городъ, пять тысячъ лѣтъ тому назадъ,

при царяхъ двѣнадцатой династіи; онъ былъ даже соперникомъ Оивъ, какъ царская резиденція; до избѣженія христіанъ, имѣвшаго мѣсто въ царствованіе императора Діоклетіана, онъ оставался складочнымъ пунктомъ товаровъ, привозимыхъ въ Египетъ черезъ Красное море и портъ Вереники. Въ 1883 году Масперо открылъ въ селеніи Коптосъ, разыскивая храмъ Изиды, два четырехугольных камня изъ чернаго базальта, носящіе отрывки очень любопытной надписи, относящейся къ сооруженію римскими легіонерами цистернъ на дорогахъ изъ Коптоса въ портъ Вереники и въ Міось-Гормосъ ¹⁾. Кусъ или Гусъ, Аполлинополь Малый (Apollinopolis Parva) древнихъ, лежащій тоже на правомъ берегу рѣки, въ 9 километрахъ выше Коптоса, былъ преемникомъ послѣдняго, какъ складочное мѣсто товаровъ, и сдѣлался самымъ богатымъ городомъ Верхняго Египта во времена калифовъ и мамелюкскихъ султановъ. Въ настоящее время Кенехъ, Кайнополь или «Новый Городъ» грековъ, замѣнилъ Кусъ, какъ транзитный пунктъ для торговаго обмѣна между долиной Нила и Чернымъ моремъ; въ то же время это административный центръ провинціи. Изъ золы растенія альфа и сладкой глины, которую внезапныя воды уади Кенехъ приносятъ во время рѣдкихъ ливней, гончары этого рода фабрикуютъ водоохлаждательные сосуды, считающіеся лучшими въ Египтѣ; каждый годъ сотни барокъ спускаются къ Каиру, нагруженные этими глиняными издѣліями.

Открытіе Суэзскаго канала, имѣвшее слѣдствіемъ перемѣщеніе торговыхъ мѣстъ, въ сильной степени уменьшило значеніе Кенеха, какъ складочнаго мѣста товаровъ между Ниломъ и Аравійскимъ заливомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приморскій портъ Коссеиръ, служившій связующимъ пунктомъ для этой торговли и пристанью, гдѣ садятся на суда пилигримы, отправляющіеся въ Мекку, потерявъ значительную долю своей торговой дѣятельности и своего населенія. Однако, караваны знаютъ еще дороги черезъ пустыню между этими двумя городами, и все еще идутъ толки о постройкѣ рельсоваго пути, длиною около 200 километровъ, который, имѣя исходнымъ пунктомъ Кенехъ, сдѣлался бы истиннымъ торговымъ устьемъ Нила: паромы принимали бы грузы въ Коссеирѣ, и такимъ образомъ сберегались бы расходы по перевозкѣ товаровъ почти черезъ все протяженіе Египта до Александріи. Въ 1882 году англичане проектировали сооруженіе болѣе длинной желѣзной дороги, именно отъ города Кенеха до древняго порта Вереники, которая, т. е. дорога, слѣдовала бы почти по направленію римской дороги: благодаря этому желѣзно-

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

²⁾ G. Maspero, «La Trouvaille de Deir el-Bahari».

¹⁾ Ernest Desjardins, «Académie des Inscriptions», séance du 29 juin 1883.

му пути, парусные суда были бы избавлены отъ труднаго и опаснаго плаванія въ сѣверной части Аравійскаго залива ¹⁾).

Нынѣшнее мѣстечко Коссеиръ расположено на берегу съ едва замѣтнымъ изгибомъ въ сторону материка, вслѣдствіе чего суда, стоящія на якорѣ, выставлены дѣйствию вѣтровъ, дующихъ съ открытаго моря; барки арабовъ находятъ себѣ пристанище возлѣ самаго берега, гдѣ онѣ защищены отъ волненія съ сѣвера и съ сѣверо-востока коралловой мелью. Старый,

и вдоль морскаго берега повсюду видны только пески, глины и кораллы, постепенно поднимающіеся надъ уровнемъ моря. Старый Коссеиръ, лежащій въ 6 километрахъ къ сѣверо-западу, теперь уже недоступенъ для судовъ: шебъ, или лабиринтъ коралловыхъ рифовъ и мелей, растущій передъ берегомъ, до такой степени сѣзилъ входъ въ портъ, что моряки боятся проникать туда. Неизвѣстно, гдѣ именно—въ Коссеирѣ или сѣвернѣе, на бухтѣ Абу-Сомеръ ¹⁾, находилось мѣстополо-

Барельефъ въ Абидосѣ.

полупрушенный фортъ, господствующій надъ городомъ, былъ построенъ французами во время ихъ экспедиціи въ Египетъ. Коссеиръ очень бѣденъ источниками, а слѣдовательно и растительностію. Единственная истинно прѣсная вода та,— которая получается изъ Нила, во почти всѣ жители довольствуются жидкостью слегка сѣрнаго вкуса, за которой нужно отправляться въ пустыню, въ мѣста, отстоящія отъ города болѣе, чѣмъ на день ходьбы. Холмы и равнины въ окрестностяхъ Коссеира почти совершенно голыя, лишены всякой раститель-

женіе древняго Міосъ-Гормоса, одного изъ наиболѣе посѣщаемыхъ портовъ Краснаго моря во времена римскаго владычества. Могилы, надписи и другіе остатки сѣдой старины встрѣчаются въ большомъ числѣ въ окрестностяхъ и въ сосѣдствѣ колодцевъ, на дорогахъ «Аравійской пустыни». На сѣверѣ, по близости мыса Расъ-Эль-Гимсакъ лежащаго противъ мыса Расъ-Магометъ, на Синайскомъ полуостровѣ, разрабатывали, еще недавно, пласты гипса, очень богатые залежами сѣры.

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Letronne, "Recueil des inscriptions grecques et latines de l'Égypte".

Напротивъ Кенеха, на лѣвомъ берегу Нила, зеленѣющія равнины, окружающія Дендерахъ, Тентериду древнихъ грековъ, составляютъ яркій контрастъ съ желтоватыми горками мусора развалинъ и съ тройной оградой тройнаго святилища. Тентериты славились въ древности своимъ искусствомъ ловить и очаровывать крокодиловъ, которыхъ они употребляли въ качествѣ верховыхъ животныхъ; въ наши дни нѣтъ уже никакихъ крокодиловъ въ водахъ Дендераха. Обширный храмъ, построенный на фундаментахъ античныхъ памятниковъ зодчества, принадлежитъ эпохѣ относительно новой, какъ о томъ свидѣлствуютъ медальоны Клеопатры и римскихъ императоровъ до Антонина Пія, но по своему архитектурному плану и по характеру украшеній онъ воспроизводитъ собою болѣе древніе храмы, хотя подъ очевиднымъ влияніемъ эллинскаго искусства; богиня Гаторъ, которой поклонялись въ Дендерахъ, была повята платониками Александрийской школы совершенно иначе, чѣмъ ее понимали во времена фараоновъ. Очень хорошо сохранившійся, храмъ Гаторы есть одинъ изъ самыхъ богатыхъ важными религіозными документами, каковы: программы церемоній, географическія таблицы городовъ и областей, тексты молитвъ и заклинаній, календарь праздниковъ, медицинскіе рецепты, списки лѣкарственныхъ снадобій. Въ Дендерахъ же находился драгоцѣнный зодиакъ, перевезенный въ Национальную бібліотеку въ Парижѣ. Мариеттъ посвятилъ большое сочиненіе описанію этого храма, «каменнаго Талмуда», который онъ помогъ дешифровать и котораго онъ открылъ нѣсколько страницъ¹⁾; но эта литургическая поэма отличается гораздо большимъ единствомъ, чѣмъ Талмудъ: въ совокупности египетскаго памятника развѣртывается во всѣхъ своихъ деталяхъ представленіе древняго ритуала, и зритель видитъ передъ собой послѣдовательно всѣ церемоніи, переходя изъ залы въ залу, до святой святыхъ, гдѣ царь, проникавшій туда одинъ, встрѣчался лицомъ къ лицу съ самимъ богомъ.

Въ самой широкой части Нильской долины, ниже Дендераха, двѣ скромныя деревни Гарабатъ-эль-Мадфуне, то-есть «Гарабатъ Закопаный», и Эль-Харге, расположились на развалинахъ Абидоса. До недавняго времени полагали, что здѣсь находился древній Тисъ (Тинисъ), пользовавшійся нѣкогда большою славой, чѣмъ Оивы и Мемфисъ; однако, Мариеттъ предлагалъ искать остатки этого античнаго города ниже по рѣкѣ, не ближе какъ въ Гирге или по сосѣдству съ нимъ: теперь достоверно извѣстно, что Тисъ и Абидосъ занимали различные мѣста²⁾. Въ Тисѣ родился Мена или

Менесъ, называемый основателемъ египетской монархіи; въ этомъ же городѣ, по сказанію легенды, тѣло Озириса, перенесенное впослѣдствіи на островъ Филы, было похоронено за сотни тысячъ лѣтъ передъ тѣмъ; тамъ возникла египетская нація, и выработалась та самобытная цивилизація, отъ которой, черезъ посредство древней Эллады, произошла въ большей части и наша собственная культура. Храмъ, къ которому стекались пилигримы со всѣхъ концовъ страны, какъ въ наши дни паломники христіанскаго міра направляются къ Гробу Господню, не существуетъ болѣе; но въ пескѣ, пропитанномъ селитрой, отыскали большое число гробницъ и надгробныхъ памятниковъ, которые тамъ воздвигали себѣ знатныя особы Египта, желавшія покониться подлѣ своего бога: по словамъ Масперо, гораздо больше половины стелъ (четыреугольных колоннъ съ надписями), хранящихся въ музеяхъ, происходятъ изъ Абидоса. Нагроможденіе древнихъ могилъ, дотогѣ высокое, что оно приняло видъ вулканической горы, извѣстно подъ именемъ Комъ-эль-Султанъ или «Царская гора»: производимыя тамъ раскопки открываютъ все болѣе и болѣе древнія могилы, но мѣръ того какъ спускаешься далѣе въ глубь земли, такъ что самъ собой напрашивается вопросъ: не откроютъ ли рано или поздно входа въ катакомбу, которая вела въ усыпальницу бога³⁾? За этимъ античнымъ святилищемъ слѣдовало, на томъ же мѣстѣ, памятникъ, который, хотя онъ появился гораздо позднѣе храма Озириса, принадлежать, однако, къ числу древнѣшихъ памятниковъ Египта: это Мемноніумъ, который велѣлъ построить фараонъ Сети I, чтобы напомнить грядущимъ поколѣніямъ о славѣ его царствованія, но который сынъ его, Рамзесъ II, заставилъ служить гораздо больше для сохраненія въ потомствѣ своей собственной славы. На нижнихъ стѣнахъ этого храма Сети были изваяны географическіе списки⁴⁾. Британскій музей обладаетъ такъ называемой «Абидосской таблицей», искаженнымъ спискомъ царей, взятымъ изъ храма Рамзеса II; но раскопки Мариетта извлекли на свѣтъ новую «Абидосскую таблицу», содержащую полный списокъ семидесяти шести фараоновъ, отъ Менеса до Сети.

Ниже Абидоса, по теченію Нила, античные памятники исчезли по большей части; встрѣчаются только города и мѣстечки, если и не новаго происхожденія, то по крайней мѣрѣ не имѣющіе уже сколько-нибудь интересныхъ обломковъ предъидущихъ вѣковъ. Первая значительная группа населенія въ этомъ направленіи—Гирге или Герга, главный городъ провинціи, стоящій на лѣвомъ берегу рѣки, который въ этомъ мѣстѣ постепенно размывае

¹⁾ «Dendérah, description générale du grand temple de cette ville»;—Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

²⁾ G. Maspero, рукописныя замѣтки.

³⁾ Mariette, «Itinéraire de la haute Egypte».

⁴⁾ Jacques de Rougé, «Textes géographiques du temple d'Edfeu».

напоромъ теченія; воды Нила, прежде ударявшіяся о правый берегъ, вдругъ бросились влѣво и теперь подтачиваютъ высокій берегъ, на которомъ построенъ Гирге: цѣлая половина города исчезла уже вмѣстѣ съ мечетями и минаретами. Сохагъ и промышленный городъ Ахминъ, древній Хемво, Панополь грековъ, стоятъ другъ противъ друга, одинъ на правомъ, а другой на лѣвомъ берегу рѣки; затѣмъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ западной равнинѣ, два города Тахта и Абутигъ, въ сосѣдствѣ которыхъ находится ущелье, посѣщаемое пилигримами, обожателями священнаго змѣя; это та область Египта, гдѣ коптскій языкъ всего дольше

и набережными пристани. Недалеко отъ Сіута есть деревня Зауиэтъ-эль-Дейръ ¹⁾, гдѣ коптскіе монахи еще не такъ давно занимались, подъ покровомъ спеціальной привилегіи, гнуснымъ ремесломъ оскотленія мальчиковъ, для того, чтобы продавать ихъ въ послѣдствіи въ качествѣ стражей гаремовъ. Могоммедъ-Али однажды сдѣлалъ этой братіи заказъ на поставку трехсотъ штукъ евнуховъ. Копты ткутъ полотна и холсты, производство которыхъ составляетъ одну изъ спеціальностей промышленности Верхняго Египта.

Сіутъ болѣе, чѣмъ всякій другой египетскій городъ, имѣетъ непосредственныя сношенія съ

Подземная улица въ Мехенди, въ Нубіи.

сохранялся. Далѣе, въ сосѣдствѣ того же берега, но внутри материка, а во время наводненія между двухъ водныхъ пространствъ, обрисовывается живописный профиль большого города, который еще сохраняетъ свое древнее имя Саутъ, слегка видоизмѣненное въ Сіутъ или Ассіутъ: это Ликополь грековъ или «Городъ Волковъ», названный такъ потому, что онъ былъ посвященъ Анубису. Въ этомъ городѣ родился Платинъ. Сіутъ, административный центръ всего Верхняго Египта, — торговый и промышленный городъ: тамъ фабрикуютъ любопытныя глиняныя издѣлія, черныя и бѣлыя, а его знаменитыя трубки находятъ сбытъ даже внѣ Египта; базаръ его въ изобиліи снабженъ произведеніями Дарфура и оазисовъ; портъ Гамрагъ дополняетъ городъ своими амбаркадерами

оазисами, цѣпь которыхъ тянется въ видѣ обширнаго полумѣсяца, параллельно кривой, образуемой теченіемъ Нила на югъ, на западъ и на сѣверо-западъ. «Большой Оазисъ», называемый также Южнымъ или Харгехскимъ, не самый многолюдный, но онъ имѣетъ важное значеніе, какъ мѣсто прохода дарфурскихъ каравановъ. Въ главномъ его городѣ, Эль-Харге, который не мѣнялъ мѣста, по крайней мѣрѣ въ историческія времена, сохранился храмъ Аммона, воздвигнутый въ царствованіе Дарія, «сына Изиды и Озириса»; широкая аллея пилоновъ предшествуетъ святилищу, барельефы котораго представляютъ чрезвычайное разнообразіе лицъ: въ этомъ отношеніи храмъ Дарія — единственный

¹⁾ Galland, „Tableau de l'Egypte pendant le séjour de l'armée française“.

въ своемъ родѣ ¹⁾. Всѣ скалы въ окрестностяхъ этого храма изрыты подземными погребальными галереями, гдѣ христіанскія гробницы очень многочисленны; въ оазисѣ Берисъ, на югѣ, тоже сохранился египетскій храмъ римской эпохи ²⁾. Кругомъ нынѣшняго оазиса находятъ много развалинъ—доказательство, что воздѣланныя земли занимали въ старину болѣе значительное протяженіе: всѣ эти пространства могли бы быть вновь завоеваны у пустыни, такъ какъ большинство колодцевъ засыпаны пескомъ, и воды, утилизируемыя въ рисовыхъ поляхъ, образуютъ тамъ и сямъ болота, распространяющія вредныя испаренія. Жители, немного чернѣе египтянъ и, вѣроятно, смѣшанные съ нигриційцами, имѣютъ по большей части цвѣтъ лица, какъ у мертвеца; въ то же время они очень бѣдны, и во многихъ мѣстахъ принуждены уплачивать налоги корзинами, сплетенными изъ пальмовыхъ листьевъ ³⁾. Внутри города Эль-Харге строенія опираются одно на другое, и лабиринтъ узенькихъ улицъ проходить внизу сводообразными галереями; въ рѣдкихъ мѣстахъ отверстіе, подобно отверстію колодца, пропускаетъ въ эти темныя подземелья снолъ ослѣпительнаго свѣта. Таковъ способъ постройки во всѣхъ городахъ Сиваха, такъ же какъ во многихъ другихъ мѣстечкахъ оазисовъ: этотъ родъ архитектуры встрѣчается даже въ Нубіи ⁴⁾.

Оазисъ Дахель или Дахле, то-есть Внутренній, называемый также Западнымъ оазисомъ, Уахъ-эль-Габріехъ, гораздо болѣе населенъ, хотя онъ едва упоминается древними; подобно оазису Харге, онъ имѣетъ свой храмъ Юпитера Аммона, находящійся въ сосѣдствѣ его главнаго города, называемаго Эль-Касръ или «Замокъ»: это, вѣроятно, то самое святилище, которое хотѣлъ посѣтить Камбизъ во время своей неудачной экспедиціи ⁵⁾. Населеніе, состоящее изъ феллаховъ, имѣющихъ такіе же нравы, ведущихъ такой же образъ жизни, какъ и феллахъ Нильской долины, еще гуще скучено, чѣмъ на берегахъ великой рѣки; каждый комокъ годной къ культурѣ земли воздѣлывается самымъ тщательнымъ образомъ; финиковыя пальмы, за которыми ухаживаютъ съ величайшей заботливостію, даютъ обильные и превосходные плоды. «Фрагментъ, оторванный отъ Египта», оазисъ Дахель отличается отъ него, однако, своей растительностію; онъ имѣетъ прекрасныя плантаціи масличныхъ, лимонныхъ

и апельсиновыхъ деревьевъ, въ перемежку съ пальмовыми рощами, которыя даютъ лучшіе въ оазисахъ плоды. Жители Дахеля имѣютъ нѣсколькихъ лошадей, но верблюдовъ они не могли развести, причиной чему была ядовитая муха, составляющая бичъ страны въ лѣтнее время, и ужаленіе которой смертельно для животнаго. Недостатку верблюдовъ и приписываютъ главнымъ образомъ совершенное невѣдѣніе туземцевъ относительно пустыни, простирающейся на западъ. Берегъ песковъ для нихъ то же самое, что берегъ океана для народа, не имѣющаго кораблей.

Маленькій оазисъ Фарафре, лежащій въ 300 километрахъ отъ Сіута по прямой линіи, находится въ точности подъ тою же широтой. Протяженіе его очень незначительно, и населеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, могло бы, въ случаѣ надобности, укрыться въ оградѣ касра, господствующаго надъ главнымъ мѣстечкомъ. Посѣщенный только два раза европейскими изслѣдователями, въ 1819 году Фредерикомъ Кальо, и въ 1874 году Рольфомъ и его спутниками, Фарафре не очень дружелюбно принимаетъ у себя «невѣрныхъ», особенно потому, что братство сенусіевъ приобрѣло тамъ большое число приверженцевъ; эти мусульманскіе миссіонеры, пришедшіе чуть не нищими, теперь самые крупные землевладѣльцы оазиса, и можно сказать, все населеніе находится у нихъ въ порабощеніи; взамѣнъ того, они учили своихъ крѣпостныхъ стихамъ изъ Корана; благодаря ихъ стараніямъ, всѣ дѣти выучились читать и писать ¹⁾. Оазисъ Бахаріе, болѣе близкій къ долинѣ Нила и болѣе богатый бьющими изъ земли водами, чѣмъ Фарафре, также и гораздо болѣе населенъ: это, вѣроятно, «Малый Оазисъ» древнихъ, и тамъ можно еще видѣть нѣсколько памятниковъ римскаго владычества: величественную триумфальную арку, подземные водопроводы, укрѣпленія.

Наиболѣе отдаленные отъ Нила оазисы, по своему положенію и естественнымъ условіямъ принадлежащіе скорѣе къ Киренаикѣ, чѣмъ къ области великой рѣки, составляютъ группу Сивахъ, прославившуюся въ древности оракуломъ Аммона, который, по сказанію Геродота, родился «въ одно время съ оракуломъ Додоны». Два главныхъ города, Сивахъ и Агерми, построены изъ раковистаго известняка и изъ камней нечистой соли, каждый на скалахъ скалы; по расположенію своихъ вышнихъ стѣнъ и своихъ террасъ, они представляютъ изъ себя какія-то странныя крѣпости, впрочемъ, очень живописнаго вида. Крѣпость Сивахъ, въ оградѣ которой около пятнадцати воротъ, имѣетъ всего только 380 метровъ въ окружности; она увѣнчана высокими башнями, круглыми и че-

¹⁾ Hoskins, „Visit to the Great Oasis of the Libyan Desert“.

²⁾ Hoskins, цитированное сочиненіе;—G. Schweinfarth, „Petermann's Mittheilungen“, 1875.

³⁾ Amici, „L'Égypte ancienne et moderne“.

⁴⁾ Frédéric Caillaud;—Bayle Saint-John;—Rohlf;—Jordan;—Hénon, рукописныя замѣтки.

⁵⁾ Vivien de Saint-Martin, „Le Nord de l'Afrique dans l'Antiquité“;—G. Rohlf, „Drei Monate in der Lybischen Wüste“.

¹⁾ G. Rohlf, цитированное сочиненіе.

треугольными, различающимися формой и размерами: это словно дома, поставленные один на другой и скрывающие внутри цѣлую сеть подземныхъ галлерей; городъ растетъ въ вышину, прежде чѣмъ расширяться по поверхности земли. Храмъ Юпитера Аммона, куда приходилъ Александръ Македонскій, чтобы выслушать изъ устъ оракула о предназначенной ему роли властителя міра, еще виденъ въ окрестностяхъ Агерми, а въ разстояніи километра отсюда находятся развалины другаго храма, окруженные чальмами; іероглифы, вырѣзанные на этихъ руинахъ, еще не были разобраны. Одна изъ острововидныхъ скалъ, возвышающихся въ низменности Сиваха, гора Джебель-эль-Мутахъ, изрыта во всѣхъ направленіяхъ подземными галлерейми древняго некрополя.

Главное богатство Сиваха составляютъ финики. Путешественникъ Иорданъ пытался вычислить производительность финиковыхъ пальмъ оазиса по кубическому объему плодовъ, сложенныхъ въ кучи, для отправки въ мѣста сбыта, на складочной площади, пространствомъ около 3 гектаровъ, расположенной близъ большаго каравансарая; по этому приблизительному исчисленію, сто тысячъ пальмъ вокругъ города Сиваха доставляютъ около 3 миллионъ килограммовъ финиковъ, и почти столько же пальмы другаго города, Агерми ¹⁾; кромѣ того, общественныя пальмовыя рощи, небрежно содержимыя, даютъ плоды болѣе низкаго качества, которые идутъ въ кормъ скоту ²⁾. Сивахская соль высокаго достоинства, была встарину предназначена для нѣкоторыхъ религіозныхъ культовъ, и ее вывозили даже въ Персію для царскаго стола. Большіе домохозяева, жители Сиваха сами не вывозятъ своихъ произведеній, а ждутъ, пока къ нимъ явятся скупщики финиковъ и контрабанднаго табаку, привозимаго черезъ побережье Киренаики. Очень некрасивые лицомъ и, вѣроятно, весьма смѣшаннаго происхожденія, они не походятъ на феллаховъ, но такъ же худощавы и истощены лихорадкой, какъ и жители Эль-Харге; языкъ ихъ берберскаго происхожденія ³⁾; однако, большинство изъ нихъ понимаютъ арабскій диалектъ и кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, говорятъ на немъ. Они въ высшей степени ревнивы; неженатые, молодые люди или вдовцы, должны жить внѣ города, составляющаго какъ бы общій гаремъ племени; имъ указано для жительства отдѣльное поселеніе, нѣчто въ родѣ крѣпости, по наружному виду похожее на метрополию, и посѣщеніе города разрѣшается имъ только днемъ. Новобрачные тотчасъ же послѣ свадьбы устраиваютъ себѣ гнѣздо въ городѣ,

гдѣ старшіе члены патримоніальной семьи уступаютъ имъ верхній этажъ своихъ домовъ, построенныхъ въ формѣ пирамиды; различныя поколѣнія распределены въ этихъ жилищахъ по порядку возраста, отъ нижняго яруса къ верхнему ⁴⁾. Деревня Гара, въ оазисѣ того же имени, имѣетъ, какъ и Сивахъ, видъ феодальной крѣпости.

Населеніе оазисовъ въ 1894 году:

	Годичъ къ культуры земли.	Квадр. ки- лометровъ.	Населеніе. челом.	Среднее чи- сло жите- лей на 1 кв. километръ.
Харге.....	8,56 (по Швейн- фурту).	6.166	737	
Дахель.....	60 (по Иордану).	15.293	255	
Фарафре....	25 "	446	178	
Бахаріе....	8,42 (по Кальо).	6.176	734	
Сивахъ.....	15	4.147	278	
Тара.....	?	40	?	
Фаредга....	?	2.006	?	

Жители оазисовъ Сивахъ и Гара еще большіе фанатики, не столь ярые, однако, какъ обитатели оазиса, лежащаго дальше, въ направленіи къ заливамъ Сиртъ, и называемаго Фаредга. Тамъ, на отлогостяхъ плоскогорья, возвышающагося къ сѣверу отъ низменности, находится родительскій домъ секты сенусіевъ, Іеркбубъ или Джарабубъ, основанный въ 1861 году, и резиденція главы или грессмейстера ордена, Сиди-Мохамеда эль-Махди; при этомъ монастырѣ, населеніе котораго, въ 1883 году, состояло изъ 750 человѣкъ, уроженцевъ Алжира, Марокко и другихъ мусульманскихъ странъ, есть маленькій арсеналъ и оружейныя мастерскія ⁵⁾. Готфридъ Ротъ отзываясь о фаредгскомъ махди, какъ о «благодѣлѣ бедуиновъ», которые обязаны ему основаніемъ въ африканской пустынѣ болѣе пятидесяти станцій, гдѣ караваны находятъ воду и провизію.

Отъ Сіута до Каира всѣ города, соединенные между собой желѣзной дорогой, слѣдуютъ одинъ за другимъ на лѣвомъ берегу рѣки, единственномъ, который окаймленъ широкимъ поясомъ воздѣланныхъ равнинъ. За городомъ Манфалутъ открывается каналъ Ибрагиміе, отведенный изъ Бахръ-Юзефа; поля перерѣзаны во всѣхъ направленіяхъ ирригаціонными каналами и канавками. Эта плодородная область Египта нѣкогда была усѣяна значительными городами. У подножія «Аравійской» цѣпи находится обширный некрополь Телль-эль-Амарна, гдѣ всѣ мертвые поставлены подъ покровительство семитскаго бога Атена (Адонъ или Адовай), «лучезарнаго Диска». Ашмунейя, близъ станціи Рода и большаго сахарнаго завода, занимаетъ мѣстоположеніе древняго Хмуну, который греки и римляне называли Боль-

¹⁾ Jordan, „Physische Géographie und Meteorologie der Lybischen Wüste“.

²⁾ Amici, цитированное сочиненіе.

³⁾ Hornemann, „Voyage en Afrique“.

⁴⁾ Bayle Saint-John, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ H. Duveyrier, „La confrérie musulmane de Sidi Mohammed ben'Ali es-Sénoussi“.

ды оросительныхъ каналовъ, постепенно насыщающіяся солью, видѣются развалины храма, называемаго Касръ-Керунъ, или «Замокъ Роговъ»; полагаютъ, что это святилище занимаетъ мѣсто, гдѣ стояла деревня Діонисіада. На югъ отъ озера равнина простирается далеко къ Уади-Рейяну, нѣкоторыя части котораго, отдѣленные порогомъ «озера Роговъ», лежатъ на 83 метрахъ ниже входа Бахръ-Юзефа въ Эль-Лагунъ ¹⁾. Въ этой низменности Копъ-Уайтгоузъ ищетъ мѣсто нахождения Меридова озера.

Почти непосредственно къ сѣверу отъ входа въ Файюмъ стоитъ Мейдумская пирамида, которая начинается собою рядъ памятниковъ этого рода, оканчивающійся за Мемфисомъ: окруженная могилами, пирамида вздымается среди холма изъ обломковъ развалинъ свою башню съ наклонными стѣнами, оканчивающуюся наверху двумя ступеньками; теперешняя высота ея 60 метровъ слишкомъ. Этотъ странный памятникъ, извѣстный у туземцевъ подъ именемъ «лжепирамиды», не имѣетъ за собой такой глубокой древности, какая ему приписывалась до недавняго времени; по мнѣнію Масперо, который открылъ его, онъ относится къ эпохѣ одиннадцатой династии. Далѣе, возлѣ нынѣшней деревни Матаніе, стоятъ двѣ пирамиды, изъ которыхъ одна имѣетъ классическую форму, тогда какъ другая, болѣе наклонная къ вершинѣ, чѣмъ въ нижней части, имѣетъ видъ гигантскаго кристалла. Затѣмъ, въ сосѣдствѣ Нила, высятся четыре пирамиды, извѣстныя подъ названіемъ Дашурскихъ, изъ которыхъ одна достигаетъ 99 метровъ: это третья по высотѣ между египетскими пирамидами и лучше всѣхъ сохранившая наружную облицовку изъ полированныхъ камней. Семнадцать другихъ пирамидъ, расположенныхъ правильнымъ рядомъ на краю ливійскаго горнаго берега, надъ деревней Саккара, всѣ превзойдены въ высотѣ знаменитой пирамидой съ пятью ступенями, которую большинство египтологовъ считаютъ древнѣйшею изъ пирамидъ; самая форма ея, воспроизводящая форму многочисленныхъ скалъ Ливійской цѣпи, была, кажется, первоначальнымъ типомъ памятниковъ этого рода; сооруженіе ея Маріеттъ приписываетъ первой династии фараоновъ, царствовавшей за шесть съ половиной тысячъ лѣтъ до нашей эпохи. Многія изъ Саккарахскихъ пирамидъ, недавно открытыя, были изслѣдованы вполне; онѣ заключали въ себѣ гробницы государей шестой династии. На краю ливійскихъ утесовъ высятся четырехугольныя зданія, въ формѣ огромныхъ могиленныхъ камней: это такъ называемыя мастабы, воздвигнутыя надъ усыпальницами, высѣченными въ скалѣ. Самая большая изъ этихъ погребальныхъ построекъ, назы-

ваемая арабами Мастаба-аль-Фараунъ, была, какъ гласитъ легенда, престоломъ, съ высоты котораго государи Египта возвѣщали народу свою волю; раскопки доказали, что это была гробница Унаса, принадлежащаго къ пятой династии. Гробницы этого громаднаго некрополя раздѣлены правильными, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ, улицами, и Масперо полагаетъ, что пирамиды тоже были распределены по извѣстному порядку. Пирамиды первыхъ династій высятся на сѣверѣ; въ Файюмѣ мы видимъ пирамиды двѣнадцатой династии; нужно ожидать, что между этими двумя группами временемъ будутъ найдены царскія могилы промежуточныхъ династій, отъ шестой до двѣнадцатой, и тогда пополнится тотъ «большой пробѣлъ», на который указалъ Маріеттъ въ каменныхъ памятникахъ египетской исторіи.

У подножія откосовъ, на верху которыхъ высятся Саккарахскія пирамиды, неровности почвы обозначаютъ мѣстоположеніе и остатки знаменитаго Мемфиса; маленькая деревня Бед-решейя расположена на южной оконечности этой обширной области руинъ, а селеніе Мить-Рахине занимаетъ ея центръ. Пальмовый лѣсъ простирается на большей части нѣкогда обитаемой площади. Городъ, основанный Менесомъ, покрывалъ огромное пространство, судя по остаткамъ плотинъ, окаймляющихъ рѣку, и по горкамъ обломковъ, которыми усыяна равнина; но не испытавъ никакого вражескаго нашествія и разгрома, онъ былъ основательнѣе разрушенъ дѣйствіемъ времени и самъ собою пришелъ въ упадокъ, вслѣдствіе неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ. Основаніе Александріи, затѣмъ возникновеніе Каира на правомъ берегу рѣки, съ такими же географическими выгодами, какія представляло положеніе Мемфиса, сдѣлали безполезнымъ существованіе этого города; его мраморы и граниты были перевезены въ Александрію; менѣе цѣнные матеріалы пошли на постройку сосѣднихъ городовъ; онъ раздробился на множество феллахскихъ деревень. Отъ пышной столицы фараоновъ остались только имя, даваемое горкѣ Телль-Монфъ, и недалеко отъ этой горки двѣ колоссальныя статуи Рамзеса II. Громадный Мемфисскій некрополь, занимающій площадь въ нѣсколько сотъ квадратныхъ километровъ, принялъ въ себя миллионы мумій людей и животныхъ.

Песокъ, приносимый вѣтромъ изъ Ливійской пустыни, покрываетъ, безъ сомнѣнія, много памятниковъ древности. Въ 1850 году, Маріеттъ, примѣтивъ голову гранитнаго сфинкса, съ которой вихреобразный вѣтеръ сдулъ песокъ, пришелъ къ мысли, что тутъ, можетъ-быть, находилась аллея Серапеума, описанная Страбономъ, и тотчасъ же приступилъ къ раскопкамъ. Догадки его вполне оправдались: посредствомъ зондирования почвы въ разныхъ мѣстахъ, черезъ

¹⁾ Cope Whitehouse, „Athenaeum“, July 22, 1882.

равные промежутки, на протяжении 200 метров и продолжаемого до глубины 20 метров, он действительно открыл широкую аллею, где 141 сфинкс стояли еще на месте и которая оканчивалась полукругом статуй, представляющих великих людей Греции; затем он проник влево от аллеи в египетский храм, построенный фараоном Нектанебом, и далее нашел вправо вход в обширные подземелья, составлявшие усыпальницу Аписа: так был несомненно установлен тот факт, уже ранее предвиденный наукой, но еще не доказанный, что бог Серапис или Озирис-апис был бык Апис после его смерти, то есть воплощение Озириса. Не без труда, не без опасности даже, было исполнено дело этого замечательного открытия, ибо даже в преследовании высоких целей науки нужно считаться с завистливыми соперниками; но полученные результаты были громады. Раскопки Серапеума извлекли из недр земли семь тысяч давно засыпанных песком памятников, из которых самые драгоценные помещены в Лувр и в Булакском музее, в Каире, и дали целый ряд хронологических изданий, при помощи которых Мариетт мог проследить с достоверностью историю Египта до 980 года старой эры (до Р. X.). Некрополи Саккараха также доставили Мариетту и другим другим изследователям много чрезвычайно ценных предметов, между прочим, так называемую «Саккарахскую таблицу», содержащую список царей, и статую писца столь внимательного, с глазом, сделанную из горного хрусталя, которая теперь хранится в Луврском музее. Один из надгробных памятников, именно памятник над могилой Ти, который Рузе называет «чудом Саккараха», изображает восхитительную идиллию в ряд предельных картин, представляющих сельские пейзажи, работы и удовольствия. Под одною из сцен подписаны следующие слова, резюмирующие историю Ти: «когда человек работает, он полон благодарности, и я именно таков»¹⁾.

Пирамиды, которыми оканчивается этот ряд царских могил, получили название Гизских пирамид, по имени деревни, расположенной на левом берегу Нила, напротив Старого Каира. В этих памятниках, так сказать, символизирована вся земля египетская: три громадные массы, бодрствующие над зелеными полями и над извилистой рекой,—таков образ, который вызывает в ум самое имя страны. Правда, что треугольные профили этих масс, возвышающиеся над Ливийским плоскогорьем, видны с большого расстояния в долине Нила и в

равнинах его дельты. Идешь целые часы, не замечая, чтобы фигуры их увеличивались или уменьшались на горизонте; кажется, как будто они сопровождают путешественника, проходя над селениями, деревьями и пашнями. Разсматриваемые вблизи, они занимают всю сторону пространства, и зритель с изумлением следит взором за высоко-вздымающимися гранями этих исполинских каменных громад, резко обрисовывающихся на светлом фоне своими неровными и поломанными ступенями: они походят больше на горы, истощенные в вид каменоломней, чем на здания, воздвигнутые рукой человека; мы видим тут нечто переходное «между колоссами искусства и колоссами природы»²⁾.

«Все вещи боятся времени, говорит арабская пословица, но время боится пирамид»³⁾. Без сомнения, эти гигантские груды камней не имеют другой красоты, кроме красоты их геометрически правильных линий без всяких архитектурных орнаментов; но они imponируют своей массой и еще более своей древностью, воспоминанием о давно минувших временах, которые протекли у их подножия, как воды Нила. Как они ни стары, эти памятники рабства свидетельствуют о существовании целой грандиозной цивилизации, предшествовавшей науке и индустрии. В исполнении нагромождения каменной геометрии находят измерения, отличающиеся замечательной точностью; все, говорит Шарль Бляв, соразмерено точными пропорциями в этой колоссальности. Совершенство измерений, представляемое этими громадными зданиями, показалось не одному изследователю имеющим глубокий символический смысл и даже породило нечто в род «религии пирамид», имеющей адептов в Шотландии и в Новом Свете. По огромности своих размеров и правильности фигуры, пирамиды являются собою как бы «каменные библии».

Вычислено, что самая большая из трех пирамид, известная под именем пирамиды Хеопса или Хуфу, покрывает пространство в 5 слишком гектаров земли, и что ее боковая поверхность, то есть сумма площадей всех четырех треугольных сторон или граней, равна восьми с половиною гектарам. Количество материалов, которые нужно было перевезти или перенести на значительное расстояние от Нила, уложить на фундаментах скалы и вывести кладку до высоты слишком 150 метров, обтесывая камни и пригоняя их один к другому с величайшей тщательностью,—представляло в сложности не менее 2,560.000 куб. метров; это такая громадная масса камня, что из нее можно бы

¹⁾ «Mémoire sur les monuments des six premières dynasties».

²⁾ V. Denon, «Voyage dans la basse et la haute Égypte».

³⁾ L. Hugonnet, «En Égypte».

было построить стѣну въ два метра вышины и въ полметра толщины, которая протянулась бы черезъ всю западную Европу, отъ Лиссабона до Варшавы. Базилика апостола Петра, въ Римѣ, исчезла бы вся цѣликомъ, со своими колоннадами и съ колоссальнымъ куполомъ, во внутренности этого чудовищнаго каменнаго многогранника. По свидѣтельству Геродота, одна надпись на большой пирамидѣ исчисляетъ въ 1.600 талантовъ серебра, то-есть въ 10 миллионѣвъ франковъ, сумму, израсходованную только на покупку лука, чесноку и петрушки для приправы въ пищу рабочихъ, трудившихся надъ сооруженіемъ этой каменной громады ¹⁾. Какія же огромныя издержки потребовались на инструменты, машины, на работы въ каменоломняхъ! Какъ много, въ особенности, нужно было принести въ жертву человѣческихъ жизней ради суетнаго тщеславія! По греческой легендѣ, которая, впрочемъ, по словамъ Масперо, не опирается ни на какой историческій документъ, народъ египетскій, будто-бы, питалъ ужасъ и отвращеніе къ этимъ памятникамъ его рабства и нищеты: онъ даже, будто-бы, избѣгалъ произносить имена царей, въ честь которыхъ были воздвигнуты эти каменные горы!

Превосходи массою всѣ другія зданія, какія существуютъ на земномъ шарѣ, пирамиды уступаютъ по высотѣ нѣкоторымъ изъ соборовъ Запада: Хеопсова пирамида, уменьшившаяся на десятокъ метровъ вслѣдствіе потери наружной обшивки, а также вслѣдствіе осадки основанія, имѣетъ 137 метровъ высоты (точная высота, по Флиндерсу Петри, отъ цоколя до вершины, 146,7 метровъ); пирамида Хефрена или Хафры почти равна по высотѣ первой (всего только на 2 метра ниже ея), тогда какъ третья, пирамида Микерина или Менкеры, не достигаетъ даже половины этихъ размѣровъ. Другія пирамиды плоскогорья, представляющія, такъ сказать, только «эмбрионы» пирамидъ, едва отличаются отъ грудъ мусора, разсыпанныхъ вокругъ основанія двухъ главныхъ каменныхъ горъ: послѣдняя царская могила, въ направленіи къ сѣверу, есть пирамида Абу-Роашъ. Что бы ни говорили, подъемъ на двѣ большія пирамиды совсѣмъ не труденъ, даже безъ помощи бедуиновъ, которые взяли на себя обязанность, за извѣстный бакшишъ, заботиться о безопасности путешественниковъ, и, конечно, ничтожное усиліе восхожденія съ избыткомъ вознаграждается чуднымъ видомъ, который открывается съ вершины на безпредѣльную желтую и красную пустыню, гдѣ пески развѣваются на подобіе волвъ, и на зеленѣющую равнину, съ черноватыми пятнами, обозначающими селенія, и серебристыя площади озеръ наводненія, оставаемыхъ каналами и Ниломъ. Часто путеше-

ственники взбираются на Хеопсову пирамиду до разсвѣта, чтобы любоваться зрѣлищемъ восходящаго солнца, вдругъ освѣщающаго безконечное пространство. Большія пирамиды ориентированы по странамъ горизонта, и бедуины окрестныхъ мѣстностей отлично умѣютъ пользоваться этими древними памятниками, не только для опредѣленія временъ года, но даже для точнаго счета часовъ дня ²⁾. Въ день равноденствія, восходящее солнце, наблюдаемое такимъ образомъ, чтобы лучъ зрѣнія къ нему былъ направленъ вдоль сѣверной или южной стороны зданія, показываетъ почти въ точности только половину своего диска. Во время французской экспедиціи въ Египетъ, Кутель, измѣряя положеніе Хеопсовой пирамиды съ помощью буссоли, пришелъ къ тому выводу, что ориентировка зданія совершенно совпадаетъ съ положеніемъ странъ свѣта. Но впоследствии Нуэ констатировалъ точными измѣреніями, что это не совсѣмъ такъ ³⁾, и затѣмъ чрезвычайно тщательныя и кропотливыя работы Флиндерса Петри, производившіяся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, установили несомнѣннымъ образомъ тотъ фактъ, что двѣ параллельныя стороны, восточная и западная, вмѣсто того, чтобы указывать въ точности на сѣверъ, отклонены къ западу на 3°40' ⁴⁾. Гдѣ искать причину этого отклоненія? Нужно ли видѣть въ немъ результатъ ошибки вычисленія? Или не вѣрнѣе ли будетъ заключить, что земная ось, считавшаяся прежде неподвижною, сама мѣняется положеніе, и что вслѣдствіе ея колебанія сѣверъ постепенно перемѣстился къ западу? ⁵⁾.

Камни, употребленные на постройку Гизехскихъ пирамидъ, были извлечены изъ нуммулитовыхъ горъ Торахъ и Масарахъ, возвышающихся надъ восточнымъ берегомъ Нила, гдѣ теперь берутъ матеріалы для увеличенія Каира, послѣ того какъ были взяты для этой цѣли матеріалы, изъ которыхъ былъ построенъ Мемфисъ: народная легенда гласитъ, что безчисленныя ископаемыя, находимыя въ камняхъ, образующихъ ступеньки пирамидъ, не что иное, какъ бобы чечевицы, которые были оставлены рабочими, строившими эти громады. Нѣкогда нуммулитовыя глыбы памятниковъ были обшиты снаружы гладкимъ известнякомъ, сохранилась даже до сихъ поръ на вершинѣ пирамиды Хефрена; но теперь уже не видно болѣе никакого слѣда іероглифовъ, украшавшихъ наружную сторону памятниковъ ⁶⁾. Внутренніе

¹⁾ Mariette; — Biot; — de Rougé etc.

²⁾ Nouet, „Rapport sur la situation géographique des pyramides de Memphis“.

³⁾ Flinders Petrie, „The Pyramids and Temples of Gizeh“.

⁴⁾ Piazza Smith, „Nature“, oct. 16, 1884; — Jules Carret, „Le Déplacement polaire“.

⁵⁾ Ch. Lenormant, „Eclaircissements sur le cercueil de Mycerinus“.

⁶⁾ Книга II, гл. 125 и слѣдующія.

корридоры, нарочно расположенные такимъ образомъ, что искатели непременно заблудились бы въ безконечныхъ переходахъ и не могли бы добраться до входа въ погребальные склепы, выложены гранитомъ. Послѣ долгихъ поисковъ, археологамъ удалось наконецъ открыть саркофаги государей, въ память которыхъ были воздвигнуты эти гигантскія гробницы: саркофагъ Хеопса, или Хуфу, стоитъ еще на мѣстѣ въ комнатѣ со сводами; глыбы черного гранита, составляющія обшивку этой камеры, такъ хорошо отполированы, что посѣтитель видитъ, при свѣтѣ факеловъ, въ стѣнѣ свое изображение, какъ въ зеркалѣ. Усыпальница Менкеры или Мицерина находилась въ

тѣльно можетъ быть названо «чудеснымъ произведеніемъ боговъ», какъ гласитъ древняя надпись, прежде непонятная: это песчаниковая скала, которой игра природы придала неопредѣленные контуры сидящаго животного, и которую египетскіе зодчіе обшили каменной работою, предназначенной восполнить и додѣлать неясно очерченныя формы. Значительныя впадины заполнены большими, грубо сложенными камнями, но внѣшняя оболочка состоитъ изъ маленькихъ правильныхъ камней, тщательно отесанныхъ и вырѣзанныхъ, такъ что выдѣлены даже мускулы животного, которое представляло бога Гаръ-эмъ-Ху, то-есть «Горуса въ Лучезарномъ Солнцѣ» или «Горуса Двухъ

Сфинксъ.

скалѣ, первоначальномъ ядрѣ, надъ которымъ была построена пирамида; саркофагъ, который она содержала, погибъ у береговъ Португаліи, вмѣстѣ съ кораблемъ, везшимъ его въ Англію.

Въ углу, образуемомъ на сѣверо-западѣ между двумя колоссальными гробницами Хеопса и Хефрена, неровное и горбатое плоскогорье изрыто во всѣхъ направленіяхъ, какъ громадная нора, могилами и некрополями, гдѣ покоятся подданные фараоновъ. На югѣ, на востокѣ сохранились другіе остатки глубокой древности, стѣны и надгробные памятники, а на краю плато, окруженнаго дюнами, стоитъ сфинксъ, гигантскій стражъ пирамидъ. Чудовище, устремившее свой безстрастный взоръ на разстилающуюся внизу равнину, дѣйстви-

тельно можетъ быть названо «чудеснымъ произведеніемъ боговъ», какъ гласитъ древняя надпись, прежде непонятная: это песчаниковая скала, которой игра природы придала неопредѣленные контуры сидящаго животного, и которую египетскіе зодчіе обшили каменной работою, предназначенной восполнить и додѣлать неясно очерченныя формы. Значительныя впадины заполнены большими, грубо сложенными камнями, но внѣшняя оболочка состоитъ изъ маленькихъ правильныхъ камней, тщательно отесанныхъ и вырѣзанныхъ, такъ что выдѣлены даже мускулы животного, которое представляло бога Гаръ-эмъ-Ху, то-есть «Горуса въ Лучезарномъ Солнцѣ» или «Горуса Двухъ

¹⁾ Radolf Kleinpaul, „Die Dhababiyé“.

²⁾ Elie Réclus, „Philosophie positive“, mars, avril 1870.

кихъ украшеній и, повидимому, принадлежить къ переходной эпохѣ между мегалитовыми памятниками и зданіями въ собственномъ смыслѣ ¹⁾. Статуя фараона Хефрена, найденная въ этомъ храмѣ, и которую теперь можно видѣть въ Булакскомъ музеѣ, въ Каирѣ, есть, можетъ-быть, лучшее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ произведеній египетской скульптуры; въ эту эпоху искусства гѣратическое правило еще не навязало ваятелямъ неизмѣнныхъ формъ. Статуя была запятана, быть-можетъ, брошена въ колодезь, послѣ постройки зданія.

Преемникъ Мемфиса, Каиръ занимаетъ положеніе, подобное тому, какое занимала древняя столица, «Алмазная пуговица», застегивающая вѣрвь дельты. Каиръ, какъ и Мемфисъ, лежитъ въ вершинѣ треугольника воздѣланныхъ земель, орошаемыхъ рукавами рѣки ²⁾, и, слѣдовательно, находится въ мѣстѣ естественнаго схождения для всѣхъ дорогъ Нижняго Египта отъ Александріи до Эль-Ариша; подобно Мемфису, онъ расположенъ въ близкомъ соседствѣ съ бифуркаціей Нила; но онъ перемѣстился къ сѣверу, какъ и самыя воды. Перенесенный на лѣвый берегъ рѣки, Каиръ былъ бы простымъ продолженіемъ Мемфиса. Казалось бы, въ самомъ дѣлѣ, болѣе нормальнымъ относительно совокупности страны, чтобы столица государства находилась, какъ почти всѣ города Средняго Египта, на западномъ берегу, который представляетъ плугу болѣе трехъ четвертей годнаго для культуры пояса земель, и который въ то же время ближе къ Александріи, главному порту, откуда вывозятся произведенія страны; но не нужно забывать, что Каиръ городъ не египетскаго основанія: онъ былъ построенъ завоевателями, пришедшими изъ Азіи, а этимъ завоевателямъ, конечно, неудобно было бы помѣстить свою крѣпость въ мѣстности, отъ которой они были бы отдѣлены Ниломъ. Положеніе Каира на правомъ берегу рѣки достаточно доказываетъ, что Египетъ—покоренная страна.

Названіе Эль-Кагира, «Побѣдоносная», данное въ официальномъ языкѣ столицѣ Египта,—не то, которое слышится изъ устъ самаго народа: старинное названіе всей страны, Масръ, къ которому часто прибавляютъ эпитетъ «Мать міра», употребляется обыкновенно въ просторѣчьи для обозначенія ея нынѣшняго главнаго города. Въ 19 году магометанскаго лѣтосчисленія (геджры) тамъ находилась, немного выше теперешняго города, только маленькая крѣпость, носившая названіе Вавилона (Бабелунъ). Взятая арабскимъ полководцемъ Амру, она увеличилась на сѣверѣ новымъ кварталомъ «Шатровъ» (Эль Фостатъ), изъ котораго впоследствии образовался «Старый Каиръ», по-

арабски Масръ-эль-Атика; затѣмъ осажденный и завоеванный снова слишкомъ три столѣтія спустя, онъ увеличился, опять таки съ сѣверной стороны, третьимъ кварталомъ, военнымъ станомъ «Побѣдоносной»: здѣсь-то и выстроился новый городъ, названіе котораго, Эль-Кагира, видоизмѣнилось у европейцевъ въ Каиръ. На сѣверо-западѣ большое промышленное предмѣстье Булакъ, соединенное съ городомъ новою широкою аллеею, обставленною по сторонамъ строеніями, тянется вдоль праваго берега Нила, въ видѣ ряда трясущихся лачугъ; въ 1883 году, англичане, изъ боязни холеры, совершенно очистили отъ жителей это предмѣстье; въ одну ночь все населеніе было переведено въ палатки, близъ Торахскихъ каменоломенъ, находящихся противъ пирамидъ. Городскія стѣны Каира были по большей части разломаны или перейдены постройками разрастающагося города; отрывки ихъ существуютъ еще только на востокѣ и на югѣ, гдѣ онѣ опираются на груды мусора и обломковъ; утесы высотъ Джебель-Мокаттамъ, извѣченные ломками камня, выдвигаются до юго-восточнаго угла города и на крайнемъ ихъ выступѣ или мысѣ расположена цитадель. Съ высоты этого пригорка, обведеннаго по бокамъ подпорными стѣнами, виденъ, какъ на ладони, весь городъ съ его минаретами и куполами, съ его разноцвѣтными зданіями, съ его садами и деревьями. Кругомъ этого окрашеннаго въ яркіе, веселые цвѣта города, откуда несется несмокающій гулъ многотысячной толпы, разстилается на необозримое пространство сѣрая и безмолвная равнина, за которой вдали наблюдаютъ гигантскія пирамиды.

Каиръ былъ построенъ на самомъ берегу Нила, но рѣка перемѣстилась съ десятаго столѣтія, и еще недавно городъ отдѣлялся отъ рѣчныхъ водъ поясомъ рошъ и садовъ, шириной отъ одного до двухъ километровъ; только узкій каналъ, Халигъ, пересыхающій въ теченіе извѣстной части года, перерѣзываетъ городъ по всей его длинѣ. Другой каналъ, Измаиліе, широкій и вырытый на довольно большую глубину, чтобы имѣть воду во всякое время года, проходитъ на сѣверо-западной сторонѣ города, направляясь къ Суэцу черезъ Уади-Тумилать. Черезъ Нилъ, имѣющій 400 метровъ ширины между боковыми плотинами, построенъ мостъ новѣйшей конструкціи о четырехъ желѣзныхъ пролетахъ, покоящійся на каменныхъ быкахъ и продолжающійся на западъ длиннымъ путеводомъ, который перекинуть черезъ рукавъ, наполняющійся во время наводненія: если бы не пальмы, окаймляющія лѣвый берегъ рѣки, и не дахабіе и барки, стояція на якорѣ вдоль набережныхъ, можно бы подумать, смотря на этотъ желѣзный мостъ, что находишься въ какомъ-нибудь городѣ западнаго міра. Весь новый городъ, выстроившійся между египет-

¹⁾ François Lenormant, «Premières Civilisations».

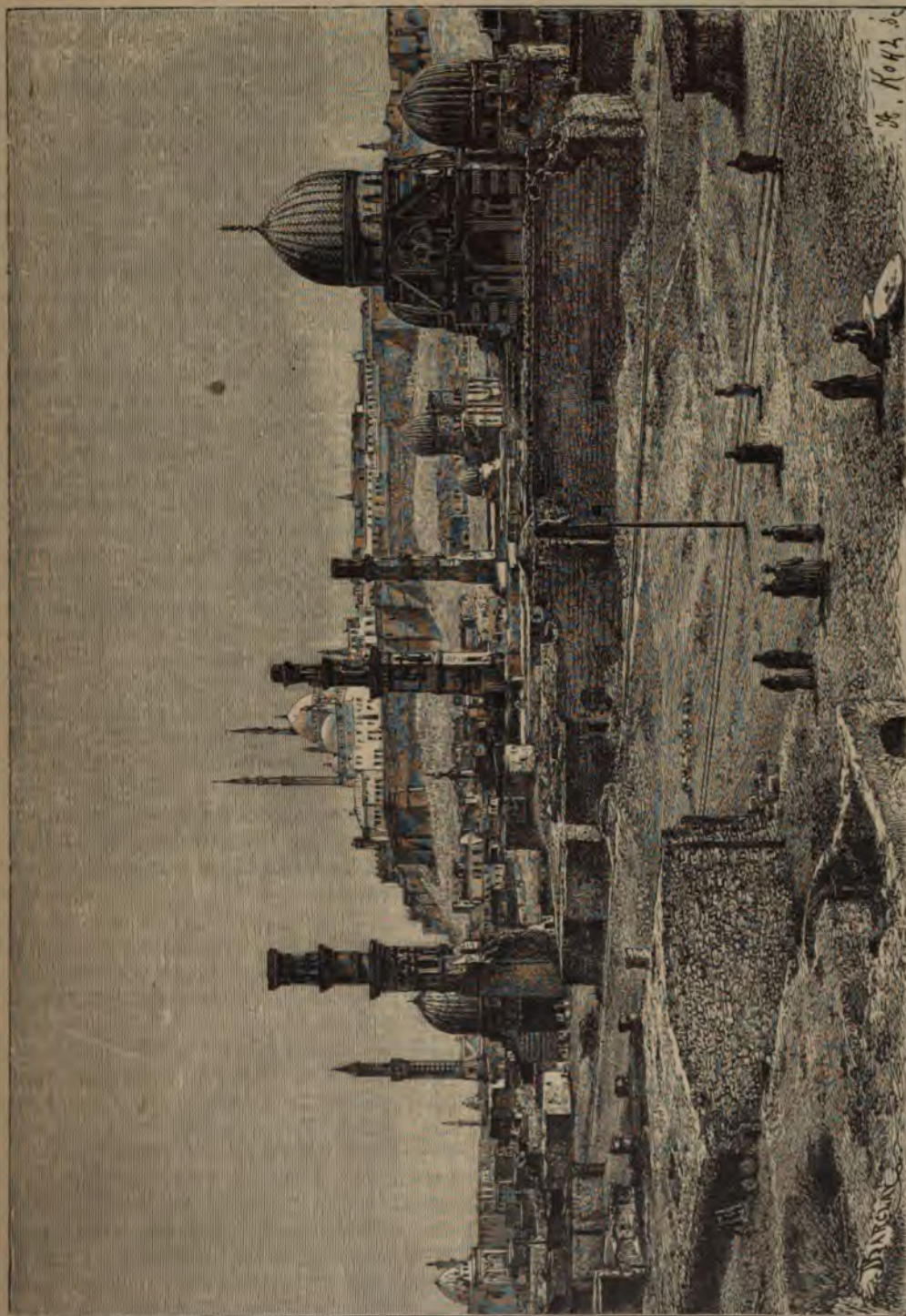
²⁾ Египетская пѣсня, приводимая Эдмондомъ Абу въ его романѣ, «Ahmed le Fellah».

скими кварталами и Ниломъ: казармы, министерства, дворцы, отели, тоже представляют чисто-европейскій видъ; только растенія, видящіеся сквозь рѣшетки садовъ, и большія

контрастъ съ банальными постройками этого новаго квартала ¹⁾.

Нѣсколько широкихъ и прямыхъ проспектовъ, обставленныхъ домами вульгарной архи-

Каирская цитадель.

акація лебекъ, осѣняющія съ обѣихъ сторонъ широкія улицы, напоминаютъ путешественнику, что онъ въ странѣ фараоновъ. Изысканныя зданія, окруженные зеленью, составляютъ рѣз-

тектуры, были недавно проложены черезъ старые кварталы, но почти всюду египетскій

¹⁾ G. Maspero, рукописныя записки.

городъ сохранилъ свою оригинальную фizioномію. Въ этихъ неровныхъ проходахъ или дорогахъ, то улицахъ, то переулкахъ, съ крутыми поворотами, идущихъ между рядами домишекъ, изъ которыхъ каждый ориентировался по своему произволу, разнообразіе перспективъ безконечно: здѣсь являются неправильныя площади, ограниченныя стѣнами какой-нибудь мечети съ разрисованными аркадами; въ иномъ мѣстѣ двѣ половины дворца соединяются надъ улицей сводообразными проходами; справа, слѣва, открываются ворота лабиринтовъ, приводящихъ въ безвыходные закоулки или проходящихъ черезъ дворцы, окруженные балконами, откуда спускаются повѣшенные на перилахъ разноцвѣтные ковры; мраморныя колонны, рѣзные портіи выступаютъ тамъ и сямъ на стѣнахъ изъ сѣраго или красноватаго кирпича. Мушарабіе (рѣзныя рѣшетки въ окнахъ) всѣ отличаются узоромъ рѣзбы. Даже этажи одного и того же дома различаются архитектурой и выступомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весь верхъ дома поставленъ на нижнемъ этажѣ въ формѣ китайскихъ ширмъ и образуетъ многочисленные изгибы или углы, — способъ постройки, нарочно употребляемый для того, чтобы женщинамъ удобнѣе было разсматривать прохожихъ; доски или бревна, положенныя наискось черезъ улицу съ одного конца кровли на другой, циновки, протянутыя на различныхъ высотахъ, обуславливаютъ чередованіе внизу, на улицѣ, прохлады и зноя; за темными, погруженными въ полумракъ, пространствами вдругъ слѣдуютъ полосы ослѣпительнаго свѣта, гдѣ кружится носящаяся въ воздухѣ уличная пыль. Луки, кучи сора, нечистоты или мусора задерживаютъ пѣшехода чуть не на каждомъ шагѣ, и маленькія кружащіяся дюны отлагаются въ брѣнахъ стѣнъ.

Въ этихъ кварталахъ стараго города населеніе представляетъ удивительное разнообразіе: египтяне и варварійцы, арабы и негры сталкиваются въ узкихъ улицахъ и переулкахъ, торгуютъ въ лавкахъ, толпятся вокругъ разсказчиковъ. Особенно въ Муски и въ другихъ сосѣднихъ съ базаромъ улицахъ, гдѣ происходятъ непосредственныя торговыя сдѣлки между туземцами и европейцами, бросается въ глаза эта пестрота толпы, это поразительное разнообразіе типовъ и костюмовъ; въ этой части города, лучше чѣмъ гдѣ-либо, можно наблюдать безпрестанно мѣняющіяся картины и сцены каирской уличной жизни. Вдоль стѣнъ пробираются, скорѣе скользятъ, чѣмъ идутъ, плотно закутанныя покрывалами женщины, мусульманскія и коптскія: движущіяся кучи разныхъ матерій, онѣ не имѣютъ съ виду ничего живаго, кромѣ глазъ, выглядывающихъ изъ щелокъ фаты, прикрѣпленной позолоченной застежкой къ прическѣ. Деревенскія женщины, одѣтыя въ простое платье съ длинными склад-

ками, свободно волнующееся соответственнo движеніямъ тѣла, почти всѣ ходятъ съ открытымъ лицомъ, предлагая прохожимъ разные сельскіе продукты. Сиріянки, левантинки, еврейки, сразу узнаваемыя по ихъ типу и поступи, по цвѣту и покрою одежды, по скромности или выставкѣ на показъ украшеній, пробираются черезъ толпу или останавливаются передъ магазинами. Пыльные варварійцы въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, бедуины, гордо драпирующіеся въ свои рубища, негры всякаго рода и племени, носящіе на лицѣ отличительныя нарѣзки своей націи, мѣшаются въ этой пестрой многоязычной толпѣ съ египтянами, облаченными въ оффиціальныя стамбульскія, съ тарбушемъ на головѣ, съ европейцами всякой національности, болѣе или менѣе вѣрными западному костюму, съ солдатами всякаго рода оружія, въ каскахъ, въ кепи, въ чалмахъ, въ куфиярахъ изъ повязокъ, какія можно видѣть на античныхъ статуяхъ. Сопровождаемые своими маленькими поговщиками, бѣгущими въ прыжку и постоянно покрикивающими, ослы и мулы, составляющіе славу и гордость Египта, бѣгутъ бодрой рысью, какъ бы ни были грузны или длинны ихъ всадники; военные начальники или богатые иностранцы важно разѣзжаются на кровныхъ арабскихъ коняхъ, съ широкимъ крупомъ, съ великолѣпной шеей; шегольскіе экипажи быстро перерѣзываютъ потокъ толпы, предшествуемые сансомъ или скороходомъ, въ албанскомъ костюмѣ, сплошь расшитомъ золотомъ и шелками, вооруженнымъ традиціоннымъ прутомъ, который въ былое время то и дѣло пускался въ ходъ, чтобы заставить посторониться слишкомъ неворотливыхъ пѣшеходовъ. Иногда, высоко подымаясь надъ толпой, какъ магъ на картинахъ Рубенса, появляется какой-нибудь негритянской начальникъ племени, пышно одѣтый въ бѣлый и красный шелкъ, съ поясомъ, блистающимъ дорогимъ дамасскимъ оружіемъ, важно возсѣдая на гигантскомъ верблюдѣ, увѣшанномъ узорчатыми коврами и бархатными чапраками съ золотомъ бахромой.

Въ настоящее время почти не бываетъ примѣра, чтобы иностранцы, если они сами не подадутъ повода какой-нибудь грубой выходкой, подвергались оскорбленіямъ со стороны фанатиковъ, даже въ сосѣдствѣ мечети Эль-Азхаръ, гдѣ обитаютъ самые пылкіе послѣдователи ислама. Теперь можно безбоязненно слѣдовать въ самыхъ глухихъ закоулкахъ за веселыми свадебными поѣздами или похоронными процессіями. Что касается большихъ религіозныхъ церемоній, на которыя прежде хрістіане могли смотрѣть лишь издали, или помѣщаясь въ сосѣдствѣ сановниковъ, подъ охраной жандармовъ и солдатъ, то онѣ утратили свою первоначальную торжественность, и нѣкоторыя части прежней программы подоб-

ныхъ церемоній нынѣ уже не исполняются. Известно, что самый большой мѣстный праздникъ — день «спуска», когда благодѣтельные воды рѣки вступаютъ въ каналы города, и самыя важныя религиозныя торжества — тѣ, которыя справляются въ день отправленія богомольцевъ въ Мекку и въ день прибытія ихъ оттуда. Праздникъ отъѣзда пилигримовъ, называемый туземцами «махмаль», извѣстенъ у европейцевъ подъ именемъ «ковра». Верблюды, украшенные богато расшитыми чапраками, султанами, блестящими металлическими бляхами и цѣпочками, несутъ на спинѣ роскошныя носилки, заключающія въ себѣ дары хедива меккскому храму Кааба; впереди идутъ музыканты, солдаты, а позади слѣдуетъ многочисленная толпа пилигримовъ всякой расы и всякаго цвѣта. По возвращеніи святаго каравана, празднуется день рожденія Пророка, и тогда дервиши, псаллы, факиры и скоморохи дѣлаются полными хозяевами города: никогда путешественникъ не имѣетъ болѣе удобнаго случая для изученія разноцвѣтнаго населенія Каира; каждый лабиринтъ извилистыхъ переулковъ и закоулковъ, каждая лачужка или землянка извергаетъ въ этотъ день свое населеніе — арабовъ, негровъ, абиссинцевъ, беджасовъ, сомальцевъ — на площади и на главное поле для народнаго гулянья, близъ Булака, гдѣ шейхъ дервишей проѣзжаетъ на конѣ по настилкѣ изъ человѣческихъ тѣлъ. Лошадь его сначала упирается, но два невольника держатъ ее за узду и, шагая сами по коврику изъ живаго мяса, заставляютъ животное слѣдовать за ними. Въ 1884 году, англійскія войска, созванныя на этотъ праздникъ, своимъ присутствіемъ напомнили мусульманамъ, что древній градъ Аму принадлежитъ отнынѣ невѣрнымъ.

Замѣчательнѣйшіе памятники Каира — мечети и гробницы. Изъ четырехсотъ мѣстъ молитвы, разбѣянныхъ въ разныхъ частяхъ города, нѣкоторыя безспорно принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ зданіямъ мусульманскаго міра. Мечеть Тулуна, составлявшая часть Стараго Каира до постройки новаго города, «Эль-Каира», приходитъ въ состояніе развалинъ, но она все еще сохраняетъ красоту, которую придаетъ ей благородная простота плана, большой открытый дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ двойнымъ перистилемъ и выходящій на святилище о четырехъ нефахъ съ стрѣлчатыми аркадами изъ финикового дерева; галлерей, украшенныхъ прелестными арабесками, были задѣланы кирпичемъ и превращены въ вульгарныя богадельни для немогущихъ и слабобумныхъ¹⁾. Мечеть султана Гассана, самая красивая въ Каирѣ, издавна бросающаяся въ глаза своимъ стройнымъ минаретомъ, высоко

поднимающимся надъ массой домовъ, тоже грозитъ разрушеніемъ, какъ и мечеть Тулуна: видя большія трещины, зіяющія въ ея стѣнахъ, посетитель не безъ страха вступаетъ во дворъ, гдѣ журчатъ фонтаны, не безъ страха поднимается по ступенямъ главнаго храма и боковыхъ предѣловъ, подъ колоссальными портиками, гдѣ кружатся пернатые обитатели. Мечеть Эль-Азхаръ, то-есть «Цвѣтущая», тоже была нѣкогда простымъ дворомъ, окруженнымъ портиками, но впоследствии къ первоначальному зданію были прибавлены многочисленные постройки, такъ какъ Эль-Азхаръ есть въ одно и то же время университетъ, бібліотека, страннопріимный домъ или гостиница для любителей путешествіевъ, богадельня для слѣпыхъ, пріютъ для бѣдныхъ. Плафонъ святилища поддерживается 380 колоннами изъ мрамора, гранита и порфира, часть которыхъ украсила въ древности римскіе храмы. Расположенныя вокругъ двора колоннады предназначены для студентовъ, которые группируются подъ столбами храма по національностямъ или мѣстамъ происхожденія: отъ Марокко до Индустана, отъ Нигера до Аму-Дарьи, всѣ народы ислама представлены въ этомъ университетѣ, древнѣйшемъ во всемъ свѣтѣ; до 12,000 студентовъ, не считая вольнослушателей, изучаютъ здѣсь, подъ руководствомъ сличкомъ 200 профессоровъ, Коранъ, законовѣдѣніе, арабскій языкъ и математику; кромѣ того, въ группѣ строеній или *ривакъ*, окружающихъ собственно храмъ, находится не менѣе десятка приготовительныхъ школъ, имѣющихъ каждая отъ 30 до 40 воспитанниковъ, и специальное училище для слѣпыхъ. Въ 1894 году въ Эль-Азхарѣ было внесенныхъ въ списки студентовъ 15.150; профессоровъ 250; по исповѣданіямъ они распредѣлялись такимъ образомъ:

Шафейтскаго исповѣданія: 7.800 студентовъ, 100 профессоровъ; малекитскаго — 5.600 студ., 82 проф.; ганефитскаго — 1.700 студ., 66 проф.; гамбалитскаго — 50 студ., 2 проф.

Другая мечеть, сооруженная въ честь султана Калауна, почти вся занята теперь подъ госпиталь душевно-больныхъ. Что касается мечети Могаммеда-Али, въ цитадели, то она очень пышна, полы и колонны ея сдѣланы изъ великолѣпнаго прозрачнаго алебаstra; но самое богатство ея только нагляднѣе выказываетъ дурной вкусъ строителя. Вблизи мечети находится «Іосифовъ колодезь», вырытый по приказанію Юсуфа-Сала-эдъ-дина, знаменитаго Саладина, и спускающійся до уровня Нила, на 88 метровъ; отъ поверхности почвы до половины глубины колодца устроена витая лѣстница съ перилами, по которой быки могутъ спускаться на нижнюю площадку, чтобы поднимать воду со дна посредствомъ пары ведеръ. На югъ отъ цитадели, въ направленіи Стараго Каира, и на сѣверо-востокѣ, у подножьи

¹⁾ Ebe Réclus, „Voyage au Cairo, Philosophie positive“, Paris, avril 1870.

Джебелъ-Мокаттама, разсыяны другія мечети, большія и малыя, вздымающія свои стрѣлчатые куполы надъ царскими или княжескими гробницами: эти граціозныя маленькія зданія составляютъ рѣзкій контрастъ съ голой землей, усыпанной обломками, и съ крутыми утесами каменоломенъ. Мечеть Каитъ-бей, къ сѣверу отъ массива холмовъ, — зданіе пятнадцатаго столѣтія, но недавно реставрированное, есть можетъ-быть, совершеннѣйшій памятникъ арабской архитектуры въ Египтѣ по красотѣ рисунка его стѣнъ съ геометрически правильною прошивкой; его высокій минаретъ съ выступающими галлереями — верхъ граціи и изящества. Страна, гдѣ воздвигнуты самыя массивныя постройки, какія существуютъ въ свѣтѣ, пирамиды и мастабы, есть въ то же время страна, обладающая самыми изящными минаретами, отличающимися удивительной легкостью стили и тонкостью профиля ¹⁾.

Первый городъ африканскаго континента по числу жителей, Каиръ является первымъ также по своимъ учебнымъ и ученымъ учрежденіямъ и по собраннымъ въ немъ сокровищамъ искусства. Не считая его религіознаго университета Эль-Азхаръ и сотенъ арабскихъ школъ, помѣщающихся подлѣ мечетей или въ верхнихъ этажахъ фонтановъ, городъ имѣетъ превосходныя европейскія училища, по большей части конфессіональныя, католическія, коптскія, мелькитскія, протестантскія и еврейскія; онъ имѣетъ школу медицины и фармаціи, публичную библиотеку, залы курсовъ, астрономическую обсерваторію, драгоценную коллекцію картъ и плановъ (къ сожалѣнію, порядкомъ опустошенную со времени прибытія англичанъ), географическое общество и другія ученые общества. Но славу и гордость Каира составляетъ его музей древностей, помѣщающійся въ предмѣстьи Булакъ, на самой плотинѣ, идущей вдоль праваго берега Нила. Это драгоценное собраніе замѣчательныхъ остатковъ старины, составленное Мариеттомъ, продолжаемое Масперо и уже слишкомъ богатое для зданія, служащаго ему хранилищемъ, представляетъ полный, великолѣпно комментированный, курсъ исторіи фараоновъ и египетскаго искусства: кромѣ тысячи предметовъ, встрѣчающихся во всѣхъ музеяхъ, стелъ (четыреугольных колоннъ), статуэтокъ, мумій, амулетовъ, различныхъ украшеній, папирусовъ, булакская коллекція заключаетъ въ себѣ много капитальныхъ произведеній античнаго искусства, каковы: діоритовая статуя, представляющая Хефрена, величавого и кроткаго, деревянная статуя добродушной особы, которую арабы называли шейхъ-эль-беледомъ или «сельскимъ старшиной», сфинксы гиксовъ, воспроизводящіе съ такой пора-

зительной точностію типъ этихъ пастуховъ-завоевателей. Во дворѣ музея стоитъ гробница Мариетта, саркофагъ изъ чернаго мрамора, откуда видишь у себя подъ ногами медленно текущія воды Нила. Булакъ — главный промышленный центръ столицы: правительство имѣетъ тамъ большую типографію и военные заводы и мастерскія, чугунно-литейный заводъ, оружейную фабрику. Рѣчная торговля, имѣвшая прежде свои верфи и склады въ Старомъ Каирѣ, сосредоточилась теперь передъ набережными Булака: рѣка тамъ сплошь покрыта лодками, барками, парусными судами и пароходами.

То, что осталось еще отъ Старога Каира или Эль-Фостата, отдѣленнаго пространствомъ около одного километра отъ юго-западнаго предмѣстья новаго города, расположено вдоль праваго берега небольшого рукава Нила. Мечеть, окруженная горками развалинъ, напоминаетъ о быломъ блескѣ и величіи древняго города: это храмъ, построенный арабскимъ полководцемъ Амру въ 21 году геджры, на глазахъ сподвижниковъ Маомета; послѣ мечетей святыхъ городовъ, ни одна джама не пользуется у правовѣрныхъ такимъ благоговѣніемъ, какъ этотъ старый памятникъ, который, впрочемъ, неоднократно подвергался передѣлкамъ и реставраціямъ; нѣкоторыя изъ 230 колоннъ, поддерживавшихъ плафоны галлерей и святилища, вокругъ центрального двора, сложились подъ тяжестью массивныхъ сводовъ. Островъ, большею частію покрытый пашнями, который отдѣляетъ Старый Каиръ отъ главнаго рукава Нила, называется по-арабски Джезиретъ-эль-Раудахъ; здѣсь племянникъ Саладина основалъ школу багаритовъ или «рѣчныхъ», которые были первыми мамелюками Египта. Южная оконечность острова Раудахъ заключаетъ знаменитый мекіасъ или «нилометръ», который нѣкогда такъ тревожно наблюдали, чтобы слѣдить за прибылью воды во время разлива. Древній нилометръ, замѣненный раудахскимъ измѣрителемъ, находился выше, на правомъ берегу рѣки, противъ Мемфиса. За исключеніемъ классическаго Нила, ни одна рѣка не дала своего имени скаламъ, служащимъ для измѣренія колебаній уровня: не говорить о падомертѣ, ни о роданомертѣ, показывающихъ прибыль и убыль воды въ По и Ронѣ.

Столица Египта, Каиръ дополняется курортомъ Гелуанъ, лежащимъ въ 24 километрахъ къ югу, по желѣзной дорогѣ, близъ праваго берега Нила; сѣрныя воды его, слегка термальныя (отъ 23° до 30° Цельсія), говорятъ, очень помогаютъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Многочисленные палатки разсыяны вокругъ этого мѣстечка, среди садовъ и парковъ, изъ которыхъ нѣкоторыя занимаютъ пространство въ нѣсколько квадратныхъ километровъ. Дворцы въ Гизѣхъ, въ Джезире слѣдуютъ одинъ за другимъ

¹⁾ Mariette:—Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки;—Ch. Blanc, „Voyage de la haute Egypte“.

по лѣвому берегу, напротивъ Каира; къ сѣверу отъ города стоитъ дворецъ Шубрахъ, соединенный съ желѣзнодорожною станціей великолѣпною аллеей сикоморъ, по обѣимъ сторо-

сѣдній дворецъ стоитъ невдалекѣ отъ деревни Матаріе, которая занимаетъ частію мѣстопо-
ложеніе древняго «города Солнца», Пе-Ра фараоновъ, Геліополя грековъ, гдѣ жрецы были

Мечеть Кайдъ-бей въ Каирѣ.

намъ которой тянется рядъ виллъ и дачъ; на сѣверо-востокѣ, на границахъ пустыни, показываются дворцы Эль-Куббе и Эль-Аббасіе, занимаемые нынѣ: одинъ политехническою школою, другой — военнымъ училищемъ. По-

свящаемы въ таинства своей науки. Отъ этого города храмовъ и школъ остались только основанія двухъ оградъ и обелискъ, вросшій въ землю метровъ на десять, который былъ воздвигнутъ фараономъ Усортесеномъ I, со-

рокъ шесть вѣковъ тому назадъ: изъ всѣхъ памятниковъ этого рода это — самый древній. Въ окрестныхъ болотахъ все еще можно видѣть хохлатую цаплю, называемую орнитологами *ard a garzetta* (чепура нѣжная), птицу, которая такъ прославилась въ исторіи символовъ, подъ именемъ феникса¹⁾; каждая пятьсотъ лѣтъ, въ день лѣтняго солнцестоянія, эта священная птица, возвратившись изъ Аравіи или изъ Индіи, садилась на кровлю храма Солнца, и тамъ на кострѣ изъ розмариноваго дерева, испускающаго запахъ аниса, сжигала себя, чтобы тотчасъ же возродиться изъ пепла, такой же молодою, какъ въ первый день своей жизни. Деревня Матаріе, на правомъ берегу Нила, такъ же какъ деревня Эмбабе на лѣвомъ берегу, вызываютъ въ умѣ воспоминаніе о происходившихъ тутъ битвахъ во время египетской экспедиціи французовъ: передъ Эмбабе Бонапартъ одержалъ побѣду, извѣстную въ исторіи подъ именемъ побѣды при «Пирамидахъ», а въ Матаріе и на развалинахъ Гелиополя Клеберъ нанесъ поражение турецкой арміи. Въ одномъ прелестномъ саду, въ Матаріе, коптскіе монахи показываютъ «дерево Пресвятой Дѣвы», — сикомору, не считывающую еще и трехъ вѣковъ отъ роду, подъ которой, будто бы, отдыхало Святое Семейство во время «бѣгства въ Египетъ». Въ томъ же мѣстечкѣ Матаріе находится единственная во всей Нильской дельтѣ ферма, гдѣ въ настоящее время занимаются страусоводствомъ.

Запруда Нила, зубчатая башня которой издали кажется крѣпостью, тоже принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ памятниковъ, которыми такъ богаты окрестности египетской столицы. Составленная изъ двухъ мостовъ, которые вмѣстѣ имѣютъ 134 арки и слишкомъ километръ длины (два километра вмѣстѣ съ дамбой), эта громадная плотина стоитъ поперекъ рѣки, верстахъ въ двадцати ниже Булаккаго предместья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды Нила дѣлятся на два потока; промежуточный ровъ, каналъ Менуфіе, раздѣливаетъ на-двое большой островъ Шалагане, преобразованный набережными и каменными стѣнами въ окруженное бастионами укрѣпленіе: это крѣпость Саадіе, командующая въ одно и то же время обѣими вѣтвями Нила и двумя главными желѣзными дорогами Нижняго Египта. Это гигантское сооруженіе, первый камень котораго былъ положенъ Мохаммедомъ-Али въ 1847 году, должно было дать въ результатъ, во-первыхъ, увеличеніе площади годныхъ для культуры земель на нѣсколько десятковъ тысячъ гектаровъ, и во-вторыхъ, возможность регулировать судоходство во всей области Нижняго Египта. Но вице-король не обнаруживалъ въ своихъ пред-

пріятіяхъ настойчивости, равной его горячности, и постройка нѣкоторыхъ частей запруды была оставлена въ небреженіи. Фундаменты подались, въ аркахъ образовались трещины, и изъ трехъ каваловъ, Шаркіе, Бехара и Менуфіе, которые предполагалось прорыть, только послѣдній былъ доведенъ до конца. Но даже и въ теперешнемъ своемъ состояніи Нильская запруда не есть, какъ это часто повторяютъ, сооруженіе совершенно безполезное, достойный сожалѣнія памятникъ безцѣльной расточительности: ею пользуются каждый годъ для поднятія на два метра горизонта воды въ рѣкѣ¹⁾. Если бы захотѣли возвысить уровень на 5 метровъ, согласно первоначальному плану, укрѣпить фундаменты и докончить канализаціонныя работы, то для этого достаточно было бы, по расчетамъ англійскаго инженера Фоулера, дополнительнаго расхода въ суммѣ около 25 милліоновъ франковъ²⁾; но при этомъ нужно было бы также видоизмѣнить первоначальный планъ, чтобы избѣжать скопленія на двѣ осадковъ ила и песку, образующагося выше преграды³⁾, или выкопать рядомъ съ Ниломъ судоходные каналы.

До открытія Суэзкаго канала, прямая желѣзная дорога, пересѣкающая пустыню по низменностямъ, которыми идетъ старая дорога пилигримовъ, соединяла Каиръ съ портомъ Краснаго моря. Нынѣшній городъ Суэцъ, лежащій близъ южной оконечности морскаго канала, смѣнилъ Клизму древнихъ грековъ, Кольцимъ арабовъ, мѣстоимѣніе котораго приурочиваютъ къ Телль-Кольцуму, лежащему въ 6 километрахъ сѣвернѣе, и станцію Арсиноз, называвшуюся въ послѣдствіи Клеопатриной, положеніе которой ищутъ восточнѣе, по близости нынѣшней деревни Агерутъ; вплоть до Горькихъ озеръ ясно видны слѣды давняго пребыванія въ этихъ мѣстахъ водъ Аравійскаго залива. Море отступило, и если бы городъ долженъ былъ слѣдовать за движеніемъ водъ, онъ перемѣстился бы еще, чтобы выстроиться въ 3 километрахъ южнѣе, у самаго входа въ каналъ, тамъ, гдѣ два расходящихся жете, длиной въ 2.310 метровъ, образуютъ портъ Тевфикъ, обставленный магазинами, принадлежащими компаніи Суэзкаго канала. На оконечности одного жете нѣсколько деревьевъ окружаютъ статую Вагхорна, одного изъ предшественниковъ Лессенса въ изысканіи быстрыхъ путей между Европой и Индіей. Суэцъ, потерявшій водопроводы, построенные при Птоломеяхъ, снабжается чистою водою посредствомъ канала, отведеннаго изъ Нила и проходящаго черезъ Уади-Тумилатъ; такъ что городъ могъ бы свободно развиваться, не она-

¹⁾ Barois, рукописныя замѣтки.

²⁾ "Rapport officiel. Réparation des barrages du Nil", 1875.

³⁾ Rousseau; — Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Brugsch, „Geographie des alten Aegypten“.

саясь погибнуть отъ жажды, какъ это было въ ту эпоху, когда онъ долженъ былъ довольствоваться солоноватой водой колодцевъ, вырытыхъ у подошвы массива Джебель-Аттака. Но послѣ быстрого роста, во время постройки морскаго канала, Суэцъ сталъ снова уменьшаться, такъ какъ большинство пароходовъ, вереницей слѣдующихъ одинъ за другимъ по каналу, проходятъ мимо этого порта, по предъявленіи въ немъ, для визы, своихъ корабельныхъ бумагъ. Самые большіе склады продовольствія для судовъ находятся на сѣверной оконечности канала, въ Портъ-Сандъ, со стороны, обращенной къ Европѣ. Но все-таки число судовъ, отдѣляющихся отъ проходящихъ по каналу флотовъ для захода въ южный портъ, настолько значительно, что Суэцъ занимаетъ въ ряду приморскихъ торговыхъ городовъ Египта третье мѣсто послѣ Александріи и Портъ-Саида.

Движеніе судоходства въ Суэскомъ портѣ, въ 1894 году:

Въ приходѣ 654 судно, вмѣстимостію—781.420 тоннъ; въ отходѣ 623 судно, вмѣстимостію—729.846 тоннъ. Выѣстъ 1.277 судна, вмѣстимостію—1.511.266 тоннъ.

Въ настоящее время желѣзная дорога, соединяющая Каиръ съ его портомъ на Черномъ морѣ, обгнаетъ на сѣверѣ передовые массивы «Аравійской» цѣпи, чтобы достигнуть низменности канала черезъ брешь Уади-Тамилать, древнюю землю Гессемъ, которую обрабатывали «нечистые», то-есть еврей-невольники; арабы племени тумилать, давшіе свое имя этому уади, живутъ въ странѣ уже только въ осѣдомъ состояніи и всѣ занимаются земледѣліемъ. Не доѣзжая того мѣста, гдѣ рельсовый путь вступаетъ въ Уади-Тамилать, поѣздъ проходитъ близъ станціи Шибинъ-эль-Канатеръ, мимо горки Телль-эль-Яхудъ или «Жидовскаго холма», напоминающаго о пребываніи евреевъ въ краѣ; въ этомъ мѣстѣ нашли слѣды зданія, воздвигнутаго Рамзесомъ III. Далѣе слѣдуютъ Бельбейсъ и Бордейтъ, въ безпредѣльной, хорошо орошаемой равнинѣ. Всѣ селенія этой мѣстности окружены полями хлопчатника, и въ каждой деревнѣ надъ массою хатъ господствуетъ, поднимаясь среди широколистныхъ коронъ пальмъ, высокая труба паровой фабрики, гдѣ греческіе торговые агенты производятъ черезъ рабочихъ очистку волокна и прессованіе его въ кипы для отправки за границу. Главнымъ складочнымъ пунктомъ для хлопка и хлѣба этой области дельты служитъ многолюдный городъ Загазигъ, лежащій въ мѣстѣ соединенія нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, противъ западнаго выхода долины Тумилать; населеніе его, обогащаемое культурою хлопка, уныло съ 1860 года. Къ югу отъ саванъ Загазига, высокіе холмы, называемые Телль-эль-Баста, носятъ еще названіе древняго

города Пабастъ (Бубастисъ греческихъ писателей), который былъ столицею Египта, отъ двухъ тысячъ восьмисотъ до двухъ тысячъ семисотъ лѣтъ тому назадъ, во времена двадцать-второй династіи фараоновъ, когда частыя войны съ Ассиріей заставили перенести къ востоку центръ тяжести государства. Фрагменты колоннъ, обдѣланные рѣзцомъ ваятеля камни свидѣтельствуютъ о быломъ блескѣ и величіи этой царской резиденціи. На сѣверо-востокѣ, въ сосѣдствѣ границъ пустыни и на послѣднихъ каналахъ, отведенныхъ изъ Нила, расположена деревня Караймъ, окруженная пальмовыми рощами, которыя производятъ лучшіе въ Египтѣ финики.

Входъ въ Уади-Тумилать охраняется на западѣ станціей Телль-эль-Кебиръ или «Большаго Холма», которую египтяне тщетно пытались въ 1882 году защитить отъ англійскихъ войскъ укрѣпленіями, впрочемъ, не особенно грозными и легко обходимыми. Дворецъ, стоящій въ сосѣдствѣ, есть центръ фермы «Уади», обширнаго имѣнія, занимающаго около 10.000 гектаровъ, которое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находилось въ пользованіи компаніи Суэскаго канала. Близъ восточной оконечности Уади-Тумилата, другія горки, какъ напримѣръ «Большой пригорокъ», холмы Телль-эль-Масхута, напоминаютъ о Питхомѣ, «городѣ сокровищъ», построенномъ еврейскими плѣнниками для Рамзеса II; Навиль недавно производилъ раскопки въ этихъ развалинахъ, которыя считаютъ остатками города Рамзеса, но которыя принадлежатъ другому одноименному городу, вѣроятно, сосѣднему, построенному въ ту же эпоху и тѣми же невольниками; во времена грековъ и римлянъ Питхомъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Геро и Герополи. Недалеко оттуда, Суэзская дорога и прѣсноводный каналъ направляются къ юго-востоку, тогда какъ одна вѣтвь идетъ на сѣверо-востокъ, на берега озера Тимсахъ, къ новому городу Измаилія, который во время прорытія пороговъ имѣлъ важное значеніе, какъ центръ снабженія продовольствіемъ тысячъ людей, работавшихъ на каналѣ; теперь онъ слишкомъ обширенъ для своего многочисленнаго населенія; площади его пустыни, а улицы, осѣненные деревьями, окаймленные садами, походятъ больше на аллеи парка, чѣмъ на дороги, предназначенныя для торговаго движенія. Однако, Измаилія могла бы снова сдѣлаться многолюднымъ городомъ, если бы вода, приносимая прѣсноводнымъ каналомъ, была болѣе щедро употребляема для орошенія земель оазиса, завоеваннаго у пустыни; каналъ не утилизируется также и для судоходства, хотя нормальная глубина его превышаетъ 3 метра, а ширина около 55 метровъ, — размѣры, достаточные для прохода судовъ, поднимающихъ до 400 тоннъ груза. Въ портѣ всегда бываетъ по нѣскольку пароходовъ,

приходящихъ изъ Суэзскаго канала, а рейдъ обыкновенно усяивъ большими судами (движеніе пароходства въ портъ Измаиліи въ 1882 году, безъ транзита: 271 пароходъ, вмѣстимостію 596.000 тоннъ). Отъ Измаиліи до Портъ-Саида по морскому каналу только одна станція заслуживаетъ имени деревни — Эль-Кантара или «Мостъ», получившая такое названіе отъ мостика, находившагося въ этомъ мѣстѣ на протокъ между озеромъ Балла и озеромъ Мензале. Расположенная на перешейкѣ, между затопляемыми пространствами, деревня Эль-Кантара была обязательнымъ мѣстомъ прохода каравановъ на пути изъ Африки въ Азію; да и теперь еще здѣсь проходитъ каждый годъ нѣсколько тысячъ верблюдовъ, которыхъ поятъ въ большихъ резервуарахъ, вырытыхъ компаніей близъ берега канала. Къ западу отъ этой деревни должны будутъ выкопать въ озерѣ Балла большой боковой бассейнъ или станцію для остановокъ при встрѣчѣ пароходовъ.

Портъ-Саидъ, городъ новый, какъ и Измаилія, но стоящій на пути процвѣтанія, благодаря постоянно возрастающему движенію судоходства въ каналъ, помѣщается на узкомъ песчаномъ берегу или косѣ, отдѣляющей озеро Мензале отъ Средиземнаго моря. Созданіе этого города на голомъ морскомъ берегу, осаждаемомъ волнами, въ 40 километрахъ отъ всякаго прѣсноводнаго потока или ключа, отъ всякой культуры, отъ малѣйшей рощицы или купы деревьевъ, составляетъ одинъ изъ триумфовъ современной индустріи. Между большимъ рейдомъ и внутренними бассейнами порта городъ состоитъ изъ полсотни острововъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго широкими улицами, пересекающимися подъ прямымъ угломъ; дома, построенные изъ дерева, изъ кирпича, изъ железа,—по большей части склады товаровъ и разнаго рода припасовъ, столь же богатые и такъ же хорошо снабженные, какъ склады торговыхъ городовъ Европы. Въ нѣсколькихъ стахъ метровъ къ западу отъ европейскаго города раскинулся городъ арабскій, гдѣ уже не мало домовъ, построенныхъ по образцу жилищъ гауровъ, и который въ концѣ-концовъ будетъ охваченъ разрастающимся европейскимъ городомъ; впрочемъ, ложе озера Мензале, покрытое очень тонкимъ слоемъ воды, представляетъ строителямъ неограниченное пространство свободныхъ мѣстъ. Внѣшній рейдъ защищенъ двумя волноразбивателями, сложенными изъ глыбъ бетона вѣсомъ въ 20 тоннъ; одно изъ жете, западное, имѣетъ 2.500 метровъ длины, другое, восточное,—1.900 метровъ; оба мѣста они ограничиваютъ передовою постю, образующій водную площадь около 2 квадрата километровъ, гдѣ свободно могутъ дѣлать эволюціи самыя большія суда, и который раздѣляется на нѣсколько бассейновъ, имѣющихъ около 50 гектаровъ пространства. Противъ

города, на азіатскомъ берегу, сложены груды каменнаго угля (ввозъ угля въ Портъ-Саидъ въ 1894 году: 683.085 тоннъ); на югѣ, на африканскомъ берегу, находятся мастерскія для постройки и починки барокъ и землечерпательныхъ машинъ; янки, пароходы снуютъ взадъ и впередъ между берегами; большія торговыя суда выстроились рядами вдоль набережныхъ, военные корабли стоятъ на якорѣ въ рейдѣ, у подножія маяка. Портъ-Саидъ, хотя лежащій на египетской территоріи, по своему населенію, торговлѣ, правамъ и обычаямъ, городъ чисто-европейскій, или, точнѣе сказать, французскій. Господствующій языкъ здѣсь французскій, на немъ же ведется преподаваніе въ двухъ соперничающихъ учебныхъ заведеніяхъ, капуцинскомъ и франкмассонскомъ, насчитывающихъ до полуторы тысячи воспитанниковъ. Портъ-Саидъ—самый здоровый городъ во всемъ Нижнемъ Египтѣ; если чего не достаетъ ему, то это главнымъ образомъ пояса деревьевъ; воды, посылаемой ему каналомъ Измаиліе по чугуннымъ водопроводамъ, въ количествѣ около 1.000 кубич. метровъ въ сутки, едва хватаетъ для повседнежнаго потребленія жителей, и она не можетъ быть употребляема на орошеніе садовъ. До конца 1884 года компанія тщетно добивалась для Портъ-Саида концессіи на проведеніе прямаго канала изъ Даміетскаго рукава Нила; также тщетно предлагаетъ она дать торговое единство Египту, соединяя непосредственно ея портъ съ сѣтью египетскихъ желѣзныхъ дорогъ особой вѣтвью, построенною черезъ озеро Мензале. Опасаясь быть вытѣсненною со всемірнаго рынка Портъ-Саидомъ, Александрія употребляетъ все свое вліяніе, чтобы замедлить успѣхи своего соперника, которому суждено, рано или поздно, одержать верхъ движеніемъ торговаго обмѣна, благодаря превосходству его порта и его положенію при каналѣ, соединяющемъ два моря.

Торговое движеніе Портъ-Саида, не считая мимо проходившихъ судовъ (транзита), въ 1894 году:

Въ приходѣ—1.727 судовъ, вмѣстимостію—1.097.755 тоннъ; въ отходѣ—1.780 судовъ, вмѣстимостію—1.102.303 тонны; вмѣстѣ—3.507 судовъ, вмѣстимостію—2.200.058 тоннъ.

Къ востоку отъ Портъ-Саида Египетъ владѣетъ еще группою домовъ, имѣющихъ титулъ города и рангъ административнаго центра провинціи: это Эль-Аришъ, лежащій на возвышенности, у выхода уади, который обыкновенно обозначается какъ граница между Египтомъ и Палестиною, какъ разъ по серединѣ вогнутой кривой средиземноморскаго побережья. Но отъ древнихъ городовъ, находившихся въ сѣверо-восточной области Египта, не осталось даже никакихъ развалинъ; аллювіальныя земли покрыли всѣ ихъ слѣды. Отъ Пелузы, «города грязей», теперь виднѣется только горка среди

болотъ, недалеко отъ протока, бывшаго пелузийской вѣтвью Нила. На западѣ, въ самомъ озерѣ Мензалехъ, два острова, Теннехъ и Туинахъ, заключаютъ лишь безформенныя кучи мусора. Санъ или Танисъ, бывшая столица «царей-пастуховъ», подъ именемъ Га-Уаръ или Аварисъ, и одинъ изъ большихъ египетскихъ городовъ, оставилъ послѣ себя болѣе значительныя развалины: холмъ, возвышающійся на южномъ берегу озера Мензалехъ, носитъ на себѣ остатки трехъ храмовъ, среди которыхъ были найдены колонны, обелиски и любопытныя сфинксы, представляющіе типъ гиксовъ, съ широкимъ лицомъ, съ крупнымъ носомъ, съ выдающимися скулами. Всѣ эти памятники были сдѣланы изъ гораздо болѣе цѣнныхъ матеріаловъ, чѣмъ памятники Верхняго Египта; не съ песчаниковыхъ или нуммулитовыхъ массивовъ, ближайшихъ къ дельтѣ, привозились камни для сооруженія храмовъ, воздвигнутыхъ Рамзесомъ II; это Ассуанъ доставлялъ ему глыбы розоваго гранита, обломки которыхъ видны на холмѣ Сана. Но позднѣйшіе строители — римляне, монахи, христіане или арабы — ничего не пощадили изъ этихъ величественныхъ построекъ; ни одинъ изъ четырнадцати обелисковъ, самыхъ большихъ, какіе существовали въ Египтѣ, не уцѣлѣлъ до нашего времени; колоссы были разломаны на мелкіе куски, такъ сказать, раздроблены въ порошокъ ¹⁾. Въ этихъ руинахъ, между прочимъ, нашли драгоцѣнный «Санскій камень», стѣль съ надписью на трехъ языкахъ, которая могла бы открыть тайну іероглифовъ, если бы Шамполионъ не дешифровалъ ее уже ранѣе въ «Розетскомъ камнѣ» ²⁾. Невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ могла выстроиться подобная столица среди этихъ, едва выступившихъ изъ-подъ воды земель, среди тоней и болотъ, среди солончаковъ, окаймляющихъ озеро Мензалехъ? Безъ сомнѣнія, страна измѣнила свой видъ съ древнихъ временъ; можетъ-быть, вслѣдствіе мѣстнаго осѣданія почвы.

Даміетскій Ниль, наименѣе обильная изъ двухъ рѣчныхъ вѣтвей, но гораздо лучше утилизируемая для орошенія, благодаря большей высотѣ ея уровня, имѣетъ нѣсколько городовъ на своихъ берегахъ, и многочисленныя деревни образуютъ во многихъ мѣстахъ какъ бы одинъ длинный городъ. Бенха-л'Ассаль, или «Медовый городъ», который дѣйствительно посылаетъ жителямъ Каира много меда, вмѣстѣ съ произведеніями своихъ садовъ и огородовъ, имѣетъ довольно важное значеніе, какъ мѣсто схожденія трехъ желѣзныхъ дорогъ: александрийской, каирской и загазигской; черезъ рѣку построены путеводъ. Невдалекѣ отъ станціи, холмъ или «телль» изъ безформенныхъ облом-

ковъ, лежащій, какъ и нынѣшній городъ, на правомъ берегу Даміетскаго Нила, есть все, что осталось отъ древняго Атрибиса. Митъ-Гамръ и Зифта, стоящіе другъ противъ друга, на двухъ берегахъ рѣки, принадлежатъ къ числу многолюднѣйшихъ городовъ Нильской дельты. Ниже, на правомъ берегу, Самангудъ, Себеннитосъ грековъ, замѣчательнъ какъ мѣсто рожденія анналиста Манефона; въ окрестностяхъ города видны остатки древняго храма, Изеума Птолемея Филадельфа, храма, болѣе извѣстнаго въ наши дни подъ арабскимъ именемъ Бельбентъ-эль-Хагаръ. Мансура или «Побѣдоносная», показывающаяся далѣе на правомъ берегу, не имѣетъ за собою античныхъ воспоминаній, но это одинъ изъ важнѣйшихъ по торговлѣ и промышленности городовъ Египта и столица провинціи; здѣсь Людовикъ IX попалъ въ плѣнъ къ мусульманамъ; уже за двадцать девять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1221 году, крестоносцы были побѣждены на томъ же мѣстѣ, и въ память ихъ пораженія и былъ основанъ самый городъ. Въ Мансурѣ изъ Нила выдѣляется рукавъ Бахръ-эсъ-Согейръ, впадающій въ озеро Мензалехъ, которое онъ дѣлитъ на два бассейна аллювиальнымъ полуостровомъ, и близъ оконечности этого низменнаго полуострова, окруженнаго болотами, слѣдуютъ одинъ за другимъ два города, Мензалехъ и Матаріехъ, населенные бѣдными рыбаками, типъ которыхъ, по словамъ Маріетта, доказываетъ, что они потомки гиксовъ. Почти вся прибыль отъ рыбной ловли поступаетъ въ пользу матаріехскихъ шейховъ: нѣкоторые изъ этихъ господъ — миллионеры ³⁾.

Даміетта или Думіатъ, давшая свое имя восточному рукаву Нила, до сихъ поръ остается самымъ большимъ городомъ его береговъ. Однако, она стоитъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ была Таміаида древнихъ грековъ. Послѣдняя находилась подлѣ самаго устья рѣки; но тотчасъ же послѣ безуспѣшной осады, предпринятой Людовикомъ IX, султанъ Бибарсъ велѣлъ срыть городъ и перевелъ жителей его верстъ за десять выше по Нилу, въ мѣсто менѣе доступное кораблямъ, близъ крутаго изгиба рѣки, легко защищаемаго отъ непріятельской эскадры. Новая Даміетта фабрикуетъ различныя ткани и ведетъ довольно обширную торговлю рисомъ, солью, рыбой; сюда приходитъ много мелкихъ каботажныхъ судовъ изъ Сиріи, изъ Малой Азіи, изъ Эгейскаго моря за грузами жизненныхъ припасовъ, привози въ обмѣнъ разные товары; но входитъ въ портъ небезопасно: иногда волны по цѣлымъ днямъ мѣшаютъ судамъ проникнуть въ устье рѣки.

Движеніе судоходства въ Даміетскомъ портѣ въ 1894 году:

Въ приходѣ — 1.220 судовъ, вмѣстимостью —

¹⁾ Edouard Naville, „Journal de Genève“, 22 juin 1882.

²⁾ Flinders Petrie, „Times“, april 24, 1884.

³⁾ Amici, „L'Egypte ancienne et moderne“.

84.615 тоннъ. Въ отходѣ—1.196 судовъ, вмѣстимостью—81.396 тоннъ. Вмѣстѣ—2.416 судовъ, вмѣстимостью—176.011 тоннъ.

Главная мечеть Даміетты, построенная полководцемъ Амру и замѣчательная богатствомъ и разнообразіемъ своихъ мраморовъ, обязана той исключительной славой, которою она пользуется въ мусульманскомъ мірѣ, своей «чудесной» колоннѣ, покрытой запекшейся кровью и засохшей слюной; по преданію, всякій больной, приходящій съ нѣброю лизать камень этой колонны до тѣхъ поръ, пока кровь потечетъ съ его языка, можетъ быть увѣренъ въ своемъ исцѣленіи. Однако, недавняя исторія Даміетты достаточно доказываетъ, что для избѣжанія эпидемій лучше было бы избавиться отъ нечистоты, наполняющихъ улицы города. Къ юго-западу отъ Даміетты, въ часто затопляемой равнинѣ, простирающейся къ озеру Бурлосъ, находится другое «мѣсто чудесъ», но совершаемыхъ христіанскою святою, а не мусульманскими хаджи: это коптскій монастырь Сетти-Даміана или «Даміанской Божіей Матери».

Въ той части дельты, которая заключается между двумя вѣтвями Нила, Даміетской и Розетской, есть нѣсколько торговыхъ городовъ, разбѣнныхъ среди каналовъ и оросительныхъ рвовъ, какъ-то: Менуфъ, который далъ свое имя большому каналу или райя Менуфіе, и гдѣ нашли обломки «треязычнаго камня», то есть съ надписью на трехъ языкахъ; Шибинъ-эль-Комъ, лежащій на бахрѣ (рукавѣ), извилистыя воды котораго изливаются въ озеро Бурлосъ; Тантахъ, населенный торговымъ людомъ; Махаллетъ-эль-Кебиръ, или «Большой городъ», которому прежде принадлежала монополія фабрикаціи египетскихъ шелковыхъ матерій, и раскиданные кварталы котораго окружены полями хлопчатника. Тантахъ, главный городъ провинціи, изъ всѣхъ городовъ дельты занимаетъ наиболѣе центральное положеніе: онъ лежитъ какъ разъ на половинѣ дороги между Александріей и Каиромъ, такъ же, какъ между Розетской вѣтвью и Даміетской; каналы, обыкновенныя дороги и желѣзные пути пересѣкаются въ этомъ городѣ: таковы причины, которыя, вмѣстѣ съ репутаціей мечети Сеида Эль-Радави, величайшаго мусульманскаго святаго Египта, объясняютъ значительную важность трехъ ярмарокъ Тантаха; въ глазахъ пилигримовъ, лужа, воспринимающая нечистоты этой мечети, соперничаетъ цѣлительной силой съ Даміетской колонною. Въ отношеніи численности населенія Тантахъ оспариваетъ у Даміетты третье мѣсто между городами Египта. Онъ имѣетъ высшую школу, Эль-Ахмади, которая послѣ университета Эль-Азхаръ, въ Каирѣ, занимаетъ первое мѣсто въ Египтѣ между арабскими учебными заведеніями; въ 1877 году въ ней насчитывали 4.885 воспитанниковъ¹⁾.

¹⁾ Fed. Bonola, рукописныя замѣтки.

Розетская вѣтвь Нила, сопровождаемая на половинѣ ея теченія желѣзной дорогою, которая опирается на первыя высоты Ливійской цѣпи, имѣетъ только одинъ важный городъ на своихъ берегахъ, тотъ, по имени котораго она и называется. Терранехъ, можетъ-быть, древній Теренуейсъ, служитъ складочнымъ мѣстомъ натрона, собираемаго въ соляныхъ озерахъ долины Уади-Натрунъ, близъ монастыря св. Макарія. Ниже по рѣкѣ, Тейріехъ, у выхода узкой полосы воздѣланныхъ земель, пролегающей между скалами и лѣвымъ берегомъ Нила, смѣнялъ тоже древній городъ, остатки котораго видны въ сосѣднемъ холмѣ, Телль-эль-Одамехъ, или «Курганъ костей». Кафр-эль-Зайатъ, гдѣ желѣзная дорога изъ Александріи въ Каиръ переходитъ рѣку по большому желѣзному мосту о двѣнадцати пролетахъ, не имѣетъ въ окрестностяхъ развалинъ изъ эпохи фараоновъ, но верстахъ въ двадцати ниже, на томъ же восточномъ берегу Розетскаго Нила, находятся обширныя руины города Са, Саиса грековъ, называемыя нынѣ феллахами Са-эль-Хагаръ. Саисъ, бывший столицею Египта во время нашествія персидскаго царя Камбиза, есть, можетъ-быть, одинъ изъ тѣхъ городовъ, къ которымъ человѣчество должно обращать взоры съ сыновней любовью, ибо оттуда вышли колонисты, которые основали Аѳины, принеся съ собою образъ богини Нейвъ, сдѣлавшейся Аѳиною грековъ и Минервою римлянъ; оттуда пришли Данаиды, усердно принявшіеся за неблагодарный трудъ земледѣлія на безплодныхъ земляхъ Аргоса, столь непохожихъ на благодатныя родныя равнины, оплодотворяемыя Ниломъ. Отъ древнихъ храмовъ Саиса остались только груды обломковъ, некрополи его тоже даютъ мало предметовъ, цѣнныхъ для археолога; но городскія стѣны, болѣе 2 километровъ въ окружности, все еще возбуждаютъ удивленіе своими колоссальными размѣрами: онѣ имѣютъ 25 метровъ въ вышину и слишкомъ 16 метровъ толщины. Древнее священное озеро теперь имѣетъ видъ болота.

Ниже Дессука, гдѣ желѣзная дорога переходитъ рѣку, и ярмарки котораго по многочисленности и оживленію уступаютъ только тантахскимъ, находимъ хорошенькій городокъ Фуахъ, или «Марена», съ многочисленными минаретами, расположенный на правомъ берегу Нила, почти противъ входа въ большой судоходный каналъ Махмудіе, направляющійся къ Александріи. Фаухъ, бывший соперникомъ Каира въ четырнадцатомъ столѣтіи, не имѣетъ уже плантацій, отъ которыхъ получилъ свое имя, но въ немъ есть кое-какая промышленность, главнымъ образомъ производствомъ тарбушей. Въ настоящее время Фаухъ уступаетъ по важности Решиду или Розеттѣ, главному городу провинціи, лежащему на правомъ берегу рѣки, верстахъ въ пятнадцати выше устья. Решидъ

основанный арабами въ девятомъ вѣкѣ, имѣлъ, какъ и Фаухъ, періодъ процвѣтанія: въ прошломъ столѣтіи портъ его былъ наиболѣе посѣщаемымъ портомъ Египта, и изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Леванта туда приходили каботажныя суда за грузами риса, который и теперь составляетъ главный предметъ отпуски торгующей страны.

Торговое движеніе Розетты въ 1894 году:

Пришло—756 судовъ, вмѣстимостью—22.380 тоннъ. Вышло—738 судовъ, вмѣстимостью—21.940 тоннъ. Въѣстъ—1.494 судовъ, вмѣстимостью—44.320 тоннъ.

Городъ окруженъ великолѣпными садами, среди которыхъ часто находили обломки античныхъ строеній: почти каждый домъ въ Розеттѣ украшенъ какимъ-нибудь фрагментомъ колонны, древнимъ мраморомъ, порфиромъ или гранитомъ. Знаменитый «Розетскій камень», сдѣлавшійся исходною точкою важнѣйшихъ открытій въ лингвистикѣ и въ исторіи, благодаря гениальной догадливости Шамполиона, былъ найденъ въ 1799 году инженеромъ Бушаромъ, состоявшимъ при французской экспедиціи въ Египетъ, въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ города, тамъ, гдѣ стоитъ фортъ св. Юліана. Эта драгоценная надпись на трехъ языкахъ, въ честь «Сына Солнца, безсмертнаго Птолемея», была уступлена англичанамъ по капитуляціи и помѣщена въ Британскомъ музее. Когда воды рѣки стоятъ низко, иногда случается, что море вливается въ Розетское устье, проникая выше города, и жители должны довольствоваться солоноватой водою, какую находятъ въ лужахъ.

На западъ отъ Розетскаго Нила весь сѣверо-западный уголъ дельты орошается водами, отведенными изъ этой вѣтви рѣки: каналъ Маріутъ, каналъ Абу-Дибабъ, ровъ Даманхурскій, каналъ Махмудіе и ихъ безчисленныя развѣтвленія, канавы и канавки, перерѣзываютъ эту равнину во всѣхъ направленіяхъ и изливаются въ озеро Маріутъ и Эдку. Даманхуръ, группа многочисленныхъ мѣстечекъ, есть столица этой земледѣльческой области, гдѣ высокія трубы заводовъ для очистки хлопка не менѣе многочисленны, чѣмъ минареты. Между Александріей и Даманхуромъ узкій перешеекъ соединяетъ окраины дельты съ береговымъ кордономъ или косой, и колесная дорога, рельсовый путь и каналъ защищены съ той и другой стороны плотинами противъ водъ Абукирскаго озера и озера Маріутъ. Этотъ проходъ составляетъ ворота Египта съ западной стороны; оттого, во время возстанія арміи Араби-паша заперъ этотъ входъ въ дельту, перегородивъ дорогу отъ одного берега до другаго линіями Кафръ-дуаръ; но вмѣсто того, чтобы форсировать эту преграду, англійскій главнокомандующій предпочелъ внезапно посадить свою армію на корабли и ввести ее черезъ противополож-

ныя ворота, представляемыя долиной Уади-Тумилатъ (земля Гессемъ).

Къ сѣверу отъ перешейка Кафръ-дуаръ, другою поясъ узкихъ земель, осаждаемый водами съ двухъ сторонъ, и по которому тоже проведена желѣзная дорога, соединяетъ Розетту съ Александрійскимъ полуостровомъ, проходя черезъ маленькій городъ Эдку (Эдко), окруженный дюнами. У выхода Абукирскаго озера Маадіе, то-есть «Бродъ» или «Проходъ», напоминаетъ теченіе древней Канопской вѣтви Нила, крайняго западнаго изъ семи рукавовъ рѣки. Городъ Канопъ, давшій свое имя этому рѣчному устью, оставилъ послѣ себя лишь неопредѣленные развалины на почвѣ, часто измѣняемой дѣйствіемъ водъ. Во всей части береговаго пояса, сосѣдней съ Маадіе, находятъ засыпанные песками остатки древнихъ строеній; многія деревни или мѣстечки, напирѣтъ, Мандарахъ, Абукиръ, построены частью изъ этихъ матеріаловъ. Абукиръ, лежащій на берегу бухты того же имени, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности находились Зефиріонъ и храмъ Арсинои Афродиты, есть маленькій портъ довольно дѣятельный, но гораздо болѣе прославившійся связанными съ нимъ историческими воспоминаніями, чѣмъ своей торговлей. Передъ Абукиромъ Нельсонъ уничтожилъ въ 1798 году французскій флотъ и такимъ образомъ отрѣзалъ всякое сообщеніе между завоевателями Египта и ихъ отечествомъ. Годъ спустя, Бонапартъ истребилъ на Абукирскомъ полуостровѣ турецкую армію, только что высадившуюся съ кораблей.

Александрія, одинъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ въ свѣтѣ и второй городъ Египта и всей Африки по числу жителей (320.000), есть также одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по оригинальности своей формы, впрочемъ, сильно измѣнившейся съ той эпохи, когда македонскій завоеватель, двѣ тысячи двѣсти лѣтъ тому назадъ, далъ мѣстечку Ракотисъ славное имя, которое городъ носитъ съ тѣхъ поръ. Въ этомъ мѣстѣ морскаго побережья скалистый береговой поясъ, протянувшійся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, былъ разорванъ двумя брешами, такъ что образовался островъ, подъ прикрытіемъ котораго стояли на якорѣ приходившіе сюда корабли финикійянъ и грековъ: это былъ островъ Фаросъ, упоминаемый уже у Гомера. Когда Динократъ строилъ городъ Александра, онъ воздвигъ храмы и дворцы только на континентальномъ берегу, который выдвигался въ видѣ остроковечнаго мыса или стрѣлки въ направленіи къ острову, удаленному отъ него на 1.400 метровъ; но одинъ изъ первыхъ Лагидовъ, Птоломей Сотеръ, соединилъ островъ съ твердою землею плотиною, называемою Гептастадіонъ (потому что имѣла въ длину семь стадій), черезъ которую проходили два канала, поддерживавшіе сообщеніе между

двумя половинами бухты, раздѣленной съ этого времени на два порта. Каналъ съ теченіемъ времени засорился, и соединительная дамба расширилась, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе осажденія морскихъ наносовъ и особенно по причинѣ выбрасыванія балласта съ греческихъ и итальянскихъ кораблей, которые въ теченіе всего средневѣковаго періода приходили съ балластомъ изъ камней въ Александрійскій портъ¹⁾. Въ наши дни Гептастадіонъ преобразованъ въ полосу земли шириною около 1.200 метровъ, которая соединяетъ мѣстоположеніе античнаго города съ сѣверо-восточной частью древняго Фароса: тутъ расположенъ теперь «турецкій городъ», лабиринтъ неровныхъ и кривыхъ улицъ и переулковъ, перерѣзываемый нѣсколькими широкими проспектами новаго вида. Островъ, превратившійся въ полуостровъ, и самъ покрытъ сплошь строениями, частными домами, казармами, складами и дворцами. На юго-западной оконечности высится большая башня нынѣшняго маяка, который замѣнилъ собою одно изъ «чудесъ свѣта», знаменитый Фаросъ Птолемея Филадельфа, памятникъ изъ бѣлаго мрамора, въ формѣ пирамиды со ступенями, воздвигнутый нѣкогда на другомъ концѣ острова: Масуди, видѣвшій еще руины этого памятника, говоритъ, что онъ имѣлъ «четыresta локтей въ вышину»; по словамъ Махмудъ-бея, высота его равнялась 110 метрамъ. Теперь уже не видно никакихъ слѣдовъ этого гигантскаго сооруженія; самое мѣстоположеніе его давно изглажено волнами, и фортъ, носящій его имя, построенъ не изъ его матеріаловъ; осталось только названіе, примѣняемое нынѣ, въ языкахъ, заимствовавшихъ его изъ греческаго, ко всѣмъ свѣтильникамъ морскихъ береговъ.

Въ то время какъ песокъ, приносимый волнами, образовалъ перешеекъ Гептастадіона, повышавшій впослѣдствіи слоемъ развалины города, много разъ разрушаемаго и вновь отстраиваемаго, другія части берега, повидимому, опустились въ теченіе историческаго періода: дороги, набережныя, древнія каменоломни, погребальныя склепы, вырытые въ высокихъ берегахъ сосѣдняго побережья, такъ же какъ искусственные гроты, извѣстные подъ именемъ «Клеопатриныхъ купаленъ», постоянно заливаются волнами, даже когда вода въ морѣ стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ. Несмотря на обширныя работы, предпринятыя инженерами по порученію Мохаммеда-Али, не удалось осушить озеро Мариутъ или Мареотида, которое создали англичане въ 1801 году, открывъ три или четыре бреши въ среднемъ кордонѣ, ограничивавшемъ Абукирское озеро съ западной стороны: наполненіе этой котловины водою продолжалось 66 дней. Образовавшійся бас-

сейнъ представляетъ теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 2 метра 40 сантиметровъ глубины. Нелегкое дѣло будетъ вернуть для земледѣлія эту территорію въ 60.000 гектаровъ, озерную въ средней впалой части, болотистую по берегамъ, гдѣ находились, говорятъ, около полтора ста деревень, когда вторженіе морскихъ водъ сдѣлало Александрію островнымъ городомъ; послѣ удаленія соленыхъ водъ, необходимо будетъ еще выщелочить почву, направляя послѣдовательно вѣтви канала Махмудіе на всѣ углубленія бассейна. Во времена Страбона вино изъ этой мѣстности (вокругъ озера Мареотида) считалось однимъ изъ лучшихъ винъ, производимыхъ прибрежными странами Средиземнаго моря. Въ этомъ озерѣ были вырыты порты для всѣхъ произведеній, привозимыхъ изъ внутреннихъ областей страны по Нилу и его каналамъ; въ наши дни этимъ бассейномъ уже не пользуются для торговыхъ цѣлей: вмѣсто того, чтобы проникать въ озеро, каналъ Махмудіе идетъ вдоль его берега между двухъ плотинъ.

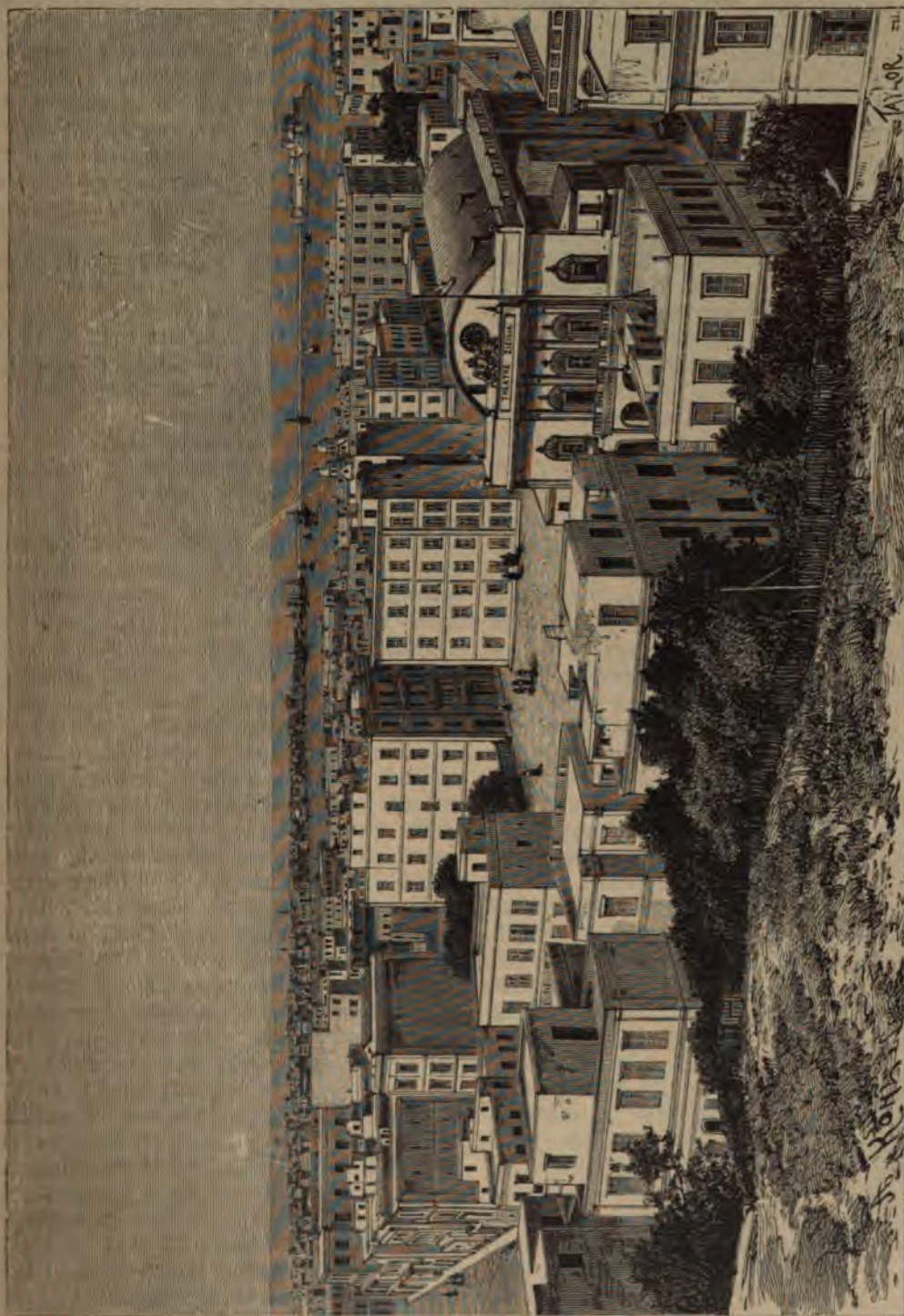
Нынѣшній «европейскій городъ», расположенный на востокъ и на югъ отъ «турецкаго», занимаетъ почти то самое мѣсто, гдѣ стоялъ древній городъ, построенный Динократомъ и Птолемеями Лагидами. Прямые и широкіе улицы образуютъ правильныя ансамбли, продолжающіеся на сѣверо-востокъ новыми предметами, главный проспектъ которыхъ—Розетская дорога, древній Канопскій путь. Но въ предѣлахъ современнаго города не видно болѣе никакихъ обломковъ античной Александрии. Все, что осталось отъ нея въ концѣ прошлаго столѣтія, когда самое большое какихъ-нибудь шесть тысячъ жителей группировалось среди развалинъ, было срыто строителями новыхъ кварталовъ; можно видѣть только нѣсколько фрагментовъ изваяній въ публичныхъ и частныхъ собраніяхъ древностей. Теперь уже извѣстно, гдѣ находилась Сомма, пышная гробница Александра; археологи спорятъ о мѣстоположеніи знаменитой обсерваторіи, при которой жили величайшіе астрономы древности: Эратосѣенъ, Гиппархъ, Птоломей; тщетно ищутъ камни отъ музея и бібліотеки, гдѣ преподавали Эвклидъ и Эразистратъ, куда ходили обогащаться знаніями Теокрытъ, Аратъ, Каллимахъ, Лукіанъ, и гдѣ было собрано до семисотъ тысячъ томовъ, сгорѣвшихъ во время войны, которую Юлій Цезарь внесъ въ Египетъ. Другое книгохранилище, пользовавшееся не меньшей славой, находилось внѣ нынѣшняго города, рядомъ съ храмомъ Сераписа: но извѣстно, съ какимъ рвеніемъ египетскіе монахи, въ концѣ четвертаго столѣтія христіанской эры, опираясь на эдиктъ, изданный императоромъ Θεодосіемъ, привяли, въ Александрію и во всея Египтъ, за разрушеніе языческихъ храмовъ, низверженіе античныхъ статуй, пре-

¹⁾ Mariette;—Ernest Desjardins, рукописныя записки.

даніе огню всѣхъ папирусовъ, всѣхъ сокровищъ искусства, завѣщанныхъ древнимъ міромъ. Такъ погибла богатѣйшая бібліотека, гдѣ были собраны, какъ драгоценность, всѣ про-

пеева колонна», хотя она была если не воздвигнута, то по крайней мѣрѣ реставрирована въ честь императора Діоклетіана; по всей вѣроятности, она составляла часть Серапеу-

Видъ Александріи.

изведенія эллисской науки и поэзіи. На холмѣ, гдѣ Серапеумъ оставилъ послѣ себя безформенныя развалины, уединенный столбъ, высотой въ 30 метровъ, стоитъ какъ надгробный памятникъ: это такъ называемая «Пом-

ма¹⁾; капитель ея—полая внутри, потому ли, что изъ нея былъ вынутъ камень для постановки пьедестала какой-нибудь статуи, или по-

¹⁾ Ampère, „Voyage en Égypte et en Nubie“.

тому, что въ христіанскую эпоху тамъ была устроена комната, служившая убѣжищемъ какому-нибудь столпнику ¹⁾. Къ сѣверо-востоку отъ города, близъ морскаго берега, обелискъ изъ розоваго гранита, называемый обыкновенно «Клеопатриной иглой», хотя онъ былъ перевезенъ изъ Гелиополя и поставленъ въ Александрію въ царствованіе Августа, — тоже указывалъ на близость древнихъ руинъ. Обелискъ этотъ былъ отданъ городскому общественному управленію Нью-Йорка и помѣщенъ въ Центральномъ паркѣ: Новый Свѣтъ тоже хочетъ имѣть свою долю египетскихъ памятниковъ. Другая «игла», которая была на половину зарыта въ песокъ, перевезена въ Лондонъ, гдѣ теперь господствуетъ надъ новыми гранитными набережными, на лѣвомъ берегу Темзы.

Конная статуя Мохаммеда-Али, на длинной площади «Консуловъ», въ центрѣ «европейскаго» города, представляетъ бѣдное вознагражденіе за всѣ произведенія античнаго искусства, истребленныя людскою злобой. Да и этой статуѣ грозила въ 1882 году гибель отъ бомбъ англичанъ, которые громили городъ, разрушали фортъ Кафарелли, построенный на горкѣ въ центрѣ Александріи, зажигали повсюду пожаръ, который заботливо поддерживался грабителями во все продолженіе ночи, слѣдовавшей за бомбардированіемъ. Кварталы города, бывшіе нѣкогда самыми пышными, представляли еще два года спустя послѣ катастрофы плачевное зрѣлище: камни песчаника, обломки разрушенныхъ домовъ лежали по обѣимъ сторонамъ улицъ огромными горами, съ которыхъ поднималась столбами ѣдкая известковая пыль; во многихъ мѣстахъ, гдѣ дѣло разрушенія было полное, можно было подумать, что находишься не въ городѣ, а въ какой-нибудь каменоломнѣ. Состояніе тревожной неизвѣстности, въ которомъ живетъ торговое населеніе Александріи, и разореніе большинства домовладѣльцевъ, тѣсно ожидающихъ обѣщаннаго возмѣщенія убытковъ, останавливали до сихъ поръ работы реставраціи разрушенныхъ бомбардированіемъ зданій. Платы для тротуаровъ и мостовыхъ Александріи привозились изъ Европы.

Въ Александрію, а не въ Каиръ, было основано главное ученое учрежденіе Нильской долины — египетскій институтъ для академіи наукъ и словесности; кажется, что, избирая этотъ городъ, хотѣли тѣмъ самымъ возродить традиціи прошлаго: припомнили, что Александрія нѣкогда была «мозгомъ человѣчества», и что тамъ возникла, съ Платиномъ, Прокломъ, Порфиріемъ, Ямвлихіемъ, знаменитая Александрійская школа; благодаря этой школѣ, установилась между восточными и западными народами, между Индіей, Египтомъ и Греціей, та связь преданій и идей, изъ которой роди-

лись современные философіи и религіи. Но египетскій городъ не вернулъ себѣ прежней славы, какъ центръ научнаго и литературнаго движенія; онъ является нынѣ прежде всего торговымъ городомъ. Болѣе трети всего торговаго обмѣна Египта съ остальнымъ міромъ производится черезъ Александрію; до открытія Суэскаго канала она владѣла монополіей морскихъ сношеній съ Западомъ; въ 1866 году, въ эпоху наибольшаго ея процвѣтанія, которому особенно способствовала междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ, отпускная торговля поднялась, по цѣнности, до полмилліарда франковъ.

Движеніе судоходства въ александрійскомъ портѣ въ 1895 году:

Пришло 2.393 суд., вмѣстимостію — 2.216.667 тоннъ; вышло 2.339 суд., вмѣстим. — 2.194.964 тоннъ. Вмѣстѣ 4.732 суд., вмѣстим. — 4.411.631 тонны, или 37 процентовъ всего судоходства египетскихъ портовъ.

Средняя цѣнность привоза — 787.426.600 піастровъ; сред. цѣнность вывоза — 1.116.354.300 піастровъ. Общая сумма обмѣна — 1.903.780.900 піастровъ.

Сѣверо-восточная гавань, невѣрно называемая «Новымъ портомъ», хотя въ ней не были производимы работы по приспособленію къ удобной стоянкѣ судовъ, мелководна и посѣщается только барками; въ прошломъ столѣтіи суда, принадлежащіе христіанамъ, обязаны были бросать якорь исключительно въ этой гавани. Юго-восточный портъ или «Старый портъ», Эвностосъ древнихъ, то-есть гавань «Благополучнаго возврата», служитъ пристанью для кораблей съ большою посадкой; къ сожалѣнію, входъ въ него затруднителенъ: проходы извилисты и окаймлены рифами, вслѣдствіе чего большія суда не могутъ пускаться туда безъ лоцмана; когда волненіе на морѣ значительно, мелкія суда рискуютъ даже быть брошенными на мель или на камни. Но внутри мола, продолжающаго на юго-западъ береговой кордонъ полуострова Фароса, суда находятъ безопасное пристанище и очень просторную якорную стоянку; общая площадь воднаго пространства въ портѣ и въ передовомъ портѣ не менѣе 420 гектаровъ, съ нормальной глубиной отъ восьми съ половиною до десяти метровъ (14 аршинъ). Каналъ Махмудіе, впадающій въ портъ, долженъ бы былъ служить и служить иногда средствомъ торговаго сообщенія между Александріей и долиной Нила. Но вода этого канала, впрочемъ, нечистая, употребляется главнымъ образомъ для водоснабженія Александріи и для орошенія прибрежныхъ полей и садовъ; случалось, что каналъ совершенно пересыхалъ, оставляя суда сидѣщими въ тинѣ. Промышленность самаго города участвуетъ лишь незначительной долей во внѣшней торговлѣ, доставляя ей цыновки, сплетенныя изъ

¹⁾ Charles Blanc, „Voyage dans la haute Égypte“.

камыша и пальмовыхъ листьевъ, эссенціи изъ цвѣтовъ и бумажныя и шелковыя ткани.

Александрія, подобно всѣмъ другимъ большимъ городамъ, дополняется загородными садами, съ увеселительными заведеніями, и дачными предмѣстями. На югѣ, вдоль канала и укрѣпленій, широкія пальмовыя аллеи, группы банановъ, мимозъ, священныхъ смоковницъ окружаютъ виллы и дачи; на сѣверо-востокѣ, Никополь, построенный Августомъ въ память битвы при Акціумѣ, превратился въ Рамлехъ, то-есть «Песокъ»; теперь это уже не подвижная дюна, какъ было въ прошломъ столѣтіи, но собраніе дворцовъ и виллъ, дачъ и гостиницъ, домовъ всякой формы и всевозможныхъ стилей, окрашенныхъ въ всевозможные цвѣта и разбѣянныхъ беспорядочно въ виду моря. Мѣстечко соединено съ Александріей желѣзною дорогою и служитъ любимую лѣтнею резиденціею вице-короля и александрійской знати. На югѣ, на береговомъ поясѣ земли, стоитъ замокъ Мексъ, господствующій въ одно и то же время надъ морскимъ берегомъ, надъ озеромъ Маріутъ и надъ Александріей; известковыя скалы этого берега доставили строительные матеріалы для большаго города и для портовыхъ жете. Далѣе къ юго-западу, за Мексомъ, встрѣчаются только группы хатъ, рыбацкія деревушки, да развалины древнихъ городовъ: пустыня начинается съ того мѣста, гдѣ перестаешь слышать гулъ, несущійся отъ многотруднаго города.

Къ западу отъ болотъ и береговаго кордона, гдѣ стоитъ замокъ Мексъ, находится деревня Абукиръ, напоминающая древній городъ Тапозирисъ. Далѣе, по берегу моря, слѣдуютъ на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой небольшія цѣпи холмовъ, отрывки, отдѣленные отъ плоскогорья, которое простирается на югъ къ оазису Сивахъ; два мыса, называвшіеся въ древности Катабаомусъ, имѣютъ менѣе 250 метровъ высоты. Деревня Мударъ—единственное населенное мѣсто на этомъ почти пустынномъ берегу, нѣкогда усѣянномъ городами, который продолжается на западъ къ Киренаикѣ: это главный этапный пунктъ каравановъ между Александріей и оазисомъ Сивахъ.

Города Египта, имѣющіе свыше 10.000 жителей, и нѣкоторые другіе съ меньшей цифрой населенія (для главнѣйшихъ городовъ—по переписи 1897 г., а для остальныхъ по переписи 1882 года):

Каиръ — 576.000 жителей; Александрія — 320.000; Даміетта — 31.000; Тантахъ — 57.000; Ассиутъ — 42.000; Магалетъ-эль-Кебиръ — 31.000; Мансура — 36.000; Мединетъ-эль-Файюмъ — 31.000; Дамангуръ — 32.000; Загазигъ — 35.000; Ахминъ — 19.875; Розетта — 19.666; Портъ-Сандъ — 42.000; Менуфъ — 16.280; Шибинъ-эль-Комъ — 16.250; Миніе — 24.000; Кенехъ — 15.450; Сангуретъ — 15.090; Гире —

15.580; Тахтахъ — 14.000; Манфалутъ — 13.200; Саманудъ — 10.550; Гизехъ — 11.500; Митъ-Гамръ — 11.225; Зифтахъ — 11.200; Суэцъ — 12.020; Меллавахъ — 11.000; Абутигъ — 11.000; Бени-Суэфъ — 10.085; Фуахъ — 10.000; Эснехъ — 9.422; Сохагъ — 15.000; Кадіубъ — 9.000; Мензалехъ — 8.550; Бенха-л'Ассаль — 8.350; Десиукъ — 7.600; Бельбейсъ — 7.300; Рамлехъ — 4.500; Харгехъ — 3.700; Касръ-Дахель — 3.500; Измаилія — 3.300; Абукиръ — 2.500; Эль-Аришъ — 2.430 жителей.

Извѣстно, что экономическіе ресурсы Египта заключаются почти исключительно въ его земледѣліи, какъ въ библейскія времена, когда коровы тощія и коровы тучныя представляли символически бѣдность или богатство націи. Аллювиальная почва, образующая слой около 10 метровъ средней толщины, могла бы быть очень плодородна, но необходимо обновлять ее производительную силу искусственными удобрениями, и кромѣ того, во многихъ мѣстахъ она насыщается солью и селитрой, если не выщелачивается правильно присутствіемъ обильныхъ водъ¹⁾. Въ цѣломъ, культура почвы находится еще въ самомъ первобытномъ состояніи: пшеница изъ Нильской долины, небрежно сжатая, всегда смѣшана съ землей и до такой степени насыщена солью, что сохраненіе ея дѣлается затруднительнымъ; едва сложенная въ житницы, она становится добычей долгоносиковъ. Употребляемая для посѣва сѣмена льна содержатъ по меньшей мѣрѣ на одну пядь примѣсь постороннихъ зеренъ; индigo получается съ изгариной и тусклаго, землистаго цвѣта; маковая эссенція фальсифицируется прибавленіемъ къ ней сока латука; волокна хлопка изобилуютъ всякаго рода соромъ и грязью²⁾. На поляхъ феллаховъ почти нѣтъ другой древесной растительности, кромѣ пальмъ; европейскія фруктовыя деревья обыкновенно даютъ продукты довольно посредственнаго качества; главнымъ плодовымъ деревомъ страны по-прежнему является финиковая пальма, приносящая въ среднемъ годового дохода около двадцати франковъ. Въ 1875 году во всемъ Египтѣ насчитывалось 5.000.000 финиковыхъ деревьевъ; ежегодный сборъ финиковъ простирался отъ 100.000 до 120.000 тоннъ. Земледѣльскія животныя не пользуются хорошимъ уходомъ, и египетскіе скотоводы могутъ похвалиться только своими прекрасными ослиными породами, особенно большими бѣлыми ослими, первоначальною родиной которыхъ считаютъ Іеменъ. Пшеница, ячмень, дурра, чечевица, горохъ, бобы, lupinъ (волчій бобъ), шафранъ, клеверъ, конопля, макъ, дыни, разные овощи растутъ по-прежнему на поляхъ феллаха; но, кромѣ этихъ, и нѣкоторыя другія растенія, неизвѣстныя древнимъ египтянамъ, были введены въ

¹⁾ Kussenger; — Mackenzie Wallace.

²⁾ John Ninet, „Revue des Deux Mondes“, дѣк. 1875.

годовые сѣвообороты, какъ-то: индиго, табакъ, кукуруза, рисъ, сахарный тростникъ, шелковица, хлопчатникъ. Прогрессъ обнаруживается особенно переверотомъ въ способѣ культуры. Къ растеніямъ, воздѣлываемымъ въ прошлые вѣка, прибавились новыя; съ другой стороны, естественное орошеніе дополняется теперь искусственной ирригаціей, и паровыя земледѣльческія машины замѣняютъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ имѣніяхъ, работу примитивныхъ плуговъ, какіе изображены на барельефахъ подземныхъ склеповъ, или простыхъ заостренныхъ на концѣ палокъ, какія и теперь еще можно увидѣть въ рукахъ пахара въ Дар-Фурѣ и даже въ Египтѣ, въ сосѣдствѣ Комъ-Омбо ¹⁾. Въ урожайные годы сборъ зерновыхъ хлѣбовъ простирается отъ 14 до 15 милліоновъ гектолитровъ (два гектолитра приблизительно равны четверти), изъ которыхъ на долю пшеницы приходится отъ 5 до 6 милліоновъ, на долю ячменя 4 милліона, на долю маиса 5 милліоновъ; вывозятся также рисъ и чечевица.

Сахарный тростникъ культивируется преимущественно въ Верхнемъ Египтѣ и въ Файюмѣ, на земляхъ большихъ княжескихъ имѣній или доменъ, такъ какъ огромными капиталами, необходимыми для устройства сахарныхъ заводовъ съ ихъ «дымящимися обелисками», могутъ располагать только хедивъ или могущественныя компаніи. Площадь земель, занятыхъ подъ культуру сахарнаго тростника, въ 1880 году равнялась 15.500 гектарамъ; производство составляло въ сложности 46.750 тоннъ; цѣнность собраннаго съ плантацій тростника исчислялась въ 23.375.000 франковъ. Хлопчатникъ занялъ видное мѣсто на поляхъ феллаховъ, благодаря посредничеству грековъ, которые скупаютъ у крестьянъ волокно и очищаютъ его въ своихъ маленькихъ деревенскихъ заводахъ; но между египетскими работниками не встрѣтишь ни одного иностранца: низкій размѣръ заработной платы всегда будетъ служить препятствіемъ къ основанію въ Египтѣ колоній европейскихъ земледѣльцевъ; иммигранты изъ Европы могутъ селиться только въ городахъ. Введенный въ Египтѣ въ царствованіе Мохаммеда-Али, главнымъ образомъ стараніями француза Жюмеля, хлопчатникъ получилъ постепенно, подѣ именемъ *мако*, нѣкоторую важность въ торговлѣ этой страны. Но когда междоусобная война Соединенныхъ Штатовъ лишила промышленниковъ ихъ обычныхъ запасовъ американскаго хлопка, всѣ усилія египетскихъ земледѣльцевъ направились на производство драгоценнаго продукта, и отправляемые изъ александрійскаго порта грузы этого товара оплачивались въ сложности милліардами. За періодомъ вышенаго процвѣтанія торговли хлопкомъ слѣдовала эпоха застоя и упадка, сопровождавшаяся банкротствами: куль-

тура хлопчатника перестала захватывать пахатныя земли въ ущербъ зерновымъ хлѣбамъ, но она осталась первенствующею по рыночной цѣнности ея продуктовъ. Даже хлопковое сѣмя, прежде не находившее никакого употребленія, получило весьма значительную экономическую важность. Производство египетскаго хлопка: въ 1820 г. 2 тонны, въ 1831 г. 8.400 тоннъ, въ 1851 г. 17.300 тоннъ, въ 1865 г. 111.561 тонна, въ 1882 году 122.375 тоннъ, въ 1895 г. 224.425 тоннъ. Площадь земель подъ хлопчатникомъ 300.000 гектаровъ. Цѣнность волокна въ 1892 г. 228.905.000 франковъ. Цѣнность сѣмени въ 1892 г. 49.824.000 франковъ. Всего 278.729.000 франковъ. Цѣнность вывоза въ 1866 г. 402.000.000 франковъ. Цѣнность вывоза въ 1895 г. 466.575.000 франковъ.

Масло, вытекающее изъ хлопка, подѣ давленіемъ прессовальныхъ машинъ, утилизируется не однимъ только феллахомъ, который приготавливаетъ на немъ свою неприхотливую пищу; оно употребляется также какъ подмѣсъ къ растительнымъ масламъ, потребляемымъ въ Европѣ: одни только дуврскіе заводы ввозятъ, для фабрикаціи этихъ сѣдобныхъ маселъ или для выдѣлки мыла, цѣлые грузы хлопкового масла ¹⁾.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, изслѣдователи, сопровождавшіе французскую экспедицію, исчисляли въ 24.000 квадр. километровъ площадь годныхъ къ культурѣ земель Египта. Въ настоящее время область пахатныхъ пространствъ увеличилась почти на одну пятую, благодаря расширенію сѣти оросительныхъ каналовъ и канавъ; но еще остается завоевать для земледѣлія болѣе трети дельты путемъ осушенія болотъ и болѣе цѣлесообразнымъ употребленіемъ ирригаціонной воды. Почти весь поясъ морскаго побережья, отъ озера Марео-тида до озера Мензалехъ, занятъ болотистыми и солоноватыми водами; между болотами высятся голыя дюны, а во всю длину озера, отъ Аравійской пустыни до Ливійской, тянется полоса земель, средней шириной отъ 30 до 35 километровъ, называемая Берари, почва которой, едва выступившая изъ-подъ воды, обращена въ культурную землю лишь въ видѣ рѣдкихъ островковъ. Нынѣшнее состояніе этой области дельты такое же, какъ состояніе французской Камарги, хотя развалины древнихъ городовъ, разбѣянные на возвышенныхъ мѣстахъ, свидѣтельствуютъ о предшествовавшемъ періодѣ, когда эти земли, теперь пустынные, прокармливали многочисленное земледѣльческое населеніе. На береговомъ поясъ, среди песковъ, путешественникъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревни, окруженныя финиковыми пальмами, виноградинками и садами. Возможно, значитъ, воздѣлывать даже пески.

¹⁾ Масpero рукописныя замѣтки.

¹⁾ John Ninet, цитированное сочиненіе.

болотъ, недалеко отъ протока, бывшаго дельтѣйской вѣтви Нила. На западѣ, въ самомъ озерѣ Мензалехъ, два острова, Теннехъ и Туннахъ, заключаютъ лишь безформенныя кучи мусора. Санъ или Танисъ, бывшая столица «царей-пастуховъ», подъ именемъ Га-Уаръ или Аварисъ, и одинъ изъ большихъ египетскихъ городовъ, оставилъ послѣ себя болѣе значительныя развалины: холмъ, возвышающійся на южномъ берегу озера Мензалехъ, носитъ на себѣ остатки трехъ храмовъ, среди которыхъ были найдены колонны, обелиски и любопытныя сфинксы, представляющіе типъ гиксовъ, съ широкимъ лицомъ, съ крупнымъ носомъ, съ выдающимися скулами. Всѣ эти памятники были сдѣланы изъ гораздо болѣе цѣнныхъ матеріаловъ, чѣмъ памятники Верхняго Египта; не съ песчанниковыхъ или нуммулитовыхъ массивовъ, ближайшихъ къ дельтѣ, привозились камни для сооруженія храмовъ, воздвигнутыхъ Рамзесомъ II; это Ассуанъ доставлялъ ему глыбы розоваго гранита, обломки которыхъ виднѣются на холмѣ Сана. Но позднѣйшіе строители — римляне, монахи, христіане или арабы — ничего не пощадили изъ этихъ величественныхъ построекъ; ни одинъ изъ четырнадцати обелисковъ, самыхъ большихъ, какіе существовали въ Египтѣ, не уцѣлѣлъ до нашего времени; колоссы были разломаны на мелкіе куски, такъ сказать, раздроблены въ порошокъ ¹⁾. Въ этихъ руинахъ, между прочимъ, нашли драгоцѣнный «Санскій камень», стѣль съ надписью на трехъ языкахъ, которая могла бы открыть тайну іероглифовъ, если бы Шамполіонъ не дешифровалъ ее уже ранѣе въ «Розетскомъ камнѣ» ²⁾. Невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ могла выстроиться подобная столица среди этихъ, едва выступившихъ изъ-подъ воды земель, среди топей и болотъ, среди солончаковъ, окаймляющихъ озеро Мензалехъ? Безъ сомнѣнія, страна измѣнила свой видъ съ древнихъ временъ, можетъ-быть, вслѣдствіе мѣстнаго осѣданія почвы.

Даміетскій Нилъ, наименѣе обильная изъ двухъ рѣчныхъ вѣтвей, но гораздо лучше утилизируемая для орошенія, благодаря большей высотѣ ея уровня, имѣетъ нѣсколько городовъ на своихъ берегахъ, и многочисленныя деревни образуютъ во многихъ мѣстахъ какъ бы одинъ длинный городъ. Бенха-л'Ассаль, или «Медовый городъ», который дѣйствительно посылаетъ жителямъ Каира много меда, вмѣстѣ съ произведеніями своихъ садовъ и огородовъ, имѣетъ довольно важное значеніе, какъ мѣсто схожденія трехъ желѣзныхъ дорогъ: александрийской, каирской и загазискской; черезъ рѣку построено путеводъ. Невдалекѣ отъ станціи, холмъ или «телль» изъ безформенныхъ облом-

ковъ, лежащій, какъ и нынѣшній городъ, на правомъ берегу Даміетскаго Нила, есть все, что осталось отъ древняго Атрибиса. Митъ-Гамръ и Зифта, стоящіе другъ противъ друга, на двухъ берегахъ рѣки, принадлежатъ къ числу многочисленнѣйшихъ городовъ Нильской дельты. Ниже, на правомъ берегу, Самангудъ, Себеннитосъ грековъ, замѣчателенъ какъ мѣсто рожденія анналиста Манефона; въ окрестностяхъ города видны остатки древняго храма, Изеума Птолемея Филадельфа, храма, болѣе извѣстнаго въ наши дни подъ арабскимъ именемъ Бельбеитъ-эль-Хагаръ. Мансура или «Побѣдоносная», показывающаяся далѣе на правомъ берегу, не имѣетъ за собою античныхъ воспоминаній, но это одинъ изъ важнѣйшихъ по торговлѣ и промышленности городовъ Египта и столица провинціи; здѣсь Людовикъ IX попалъ въ плѣнъ къ мусульманамъ; уже за двадцать девять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1221 году, крестоносцы были побѣждены на томъ же мѣстѣ, и въ память ихъ пораженія и былъ основанъ самый городъ. Въ Мансурѣ изъ Нила выдѣляется рукавъ Бахръ-эсъ-Согенръ, впадающій въ озеро Мензалехъ, которое онъ дѣлитъ на два бассейна аллювialнымъ полуостровомъ, и близъ оконечности этого низменнаго полуострова, окруженнаго болотами, слѣдуютъ одинъ за другимъ два города, Мензалехъ и Матаріехъ, населенные бѣдными рыбаками, типъ которыхъ, по словамъ Маріетта, доказываетъ, что они потомки гиксовъ. Почти вся прибыль отъ рыбной ловли поступаетъ въ пользу матаріехскихъ шейховъ: нѣкоторые изъ этихъ господъ — миллионеры ¹⁾.

Даміетта или Думіатъ, давшая свое имя восточному рукаву Нила, до сихъ поръ остается самымъ большимъ городомъ его береговъ. Однако, она стоитъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ была Таміаида древнихъ грековъ. Последняя находилась подлѣ самаго устья рѣки; но тотчасъ же послѣ безуспѣшной осады, предпринятой Людовикомъ IX, султанъ Бибарсъ велѣлъ срыть городъ и перевелъ жителей его верстъ за десять выше по Нилу, въ мѣсто менѣе доступное кораблямъ, близъ крутаго изгиба рѣки, легко защищаемаго отъ непріятельской эскадры. Новая Даміетта фабрикуетъ различныя ткани и ведетъ довольно обширную торговлю рисомъ, солью, рыбой; сюда приходитъ много мелкихъ каботажныхъ судовъ изъ Сиріи, изъ Малой Азіи, изъ Эгейскаго моря за грузами жизненныхъ припасовъ, привозя въ обмѣнъ разные товары; но входъ въ портъ небезопасенъ: иногда волны по цѣлымъ днямъ мѣшаютъ судамъ проникнуть въ устье рѣки.

Движеніе судоходства въ Даміетскомъ портѣ въ 1894 году:

Въ приходѣ — 1.220 судовъ, вмѣстимостью —

¹⁾ Edouard Naville, „Journal de Genève“, 22 juin 1882.

²⁾ Flinders Petrie, „Times“, april 24, 1884.

¹⁾ Amici, „L'Égypte ancienne et moderne“.

пустыни сношенія эти ограничиваются еще періодической посылкою каравановъ, которые возвращаются домой по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже цѣлаго года, тогда какъ на рѣкѣ ходятъ многочисленные пароходы, а равнины изрѣзаны во всѣхъ направленіяхъ желѣзными дорогами: теперь большинство пилигримовъ перевозятся въ портъ Мекки уже силою пара. Египетскихъ пароходовъ на Нилѣ 40, на Красномъ и Средиземномъ моряхъ 16, весь же торговый флотъ состоитъ изъ 1.500 судовъ. Нильскихъ барокъ насчитываютъ до 10.300. Дельта Нила есть одна изъ странъ, которая пропорціонально своей поверхности, но не плотности народонаселенія, имѣютъ наиболѣе развитую сѣть желѣзныхъ путей; кромѣ того, болѣе тысячи километровъ каналовъ, не считая двухъ большихъ вѣтвей Нила, открыты тамъ судоходству въ продолженіе всего года; въ періодъ высокихъ водъ сѣть судоходныхъ путей сообщенія представляетъ по крайней мѣрѣ втрое большую длину. Отъ вершины дельты сѣть желѣзныхъ дорогъ продолжается на правомъ берегу Нила до Сіута, и для перевозки своихъ войскъ въ Нубію послѣдній вице-король велѣлъ построить еще дальше другія линіи, которыя англичане предполагаютъ продолжить; кромѣ того, каждая плантація сахарнаго тростника имѣетъ свою сѣть узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ. Между проектами новыхъ рельсовыхъ путей есть нѣсколько, предлагающихъ соединить долину Нила съ портами Краснаго моря. Общая длина желѣзныхъ дорогъ Египта, въ 1897 году, равнялась 2.628 километрамъ, а вмѣстѣ съ земледѣльческими путями, 3.000 километровъ; перевезено пассажировъ: въ 1879 году 2.172.668, въ 1880 году 3.093.840, въ 1892 году 7.043.300; товаровъ въ 1879 году 5.250.000 тоннъ, въ 1892 г. 1.161.900 тоннъ.

Телеграфъ предшествовалъ желѣзной дорогѣ во всѣхъ направленіяхъ и проходилъ даже черезъ пустыню до экваторіальныхъ областей; общая длина проводовъ телеграфныхъ линій въ Египтѣ и въ египетскихъ владѣніяхъ въ 1878 году равнялась 7.841 километру, а въ 1896 году 14.650 километр. Но малое число частныхъ депешъ, такъ же, какъ незначительная пропорція писемъ, меньше одного на каждого жителя, доказываютъ, что, за исключеніемъ чиновниковъ, иностранцы, проживающіе въ Египтѣ, почти единственные лица, принимающія участіе въ посылкѣ корреспонденціи телеграфной и почтовой.

Заграничная корреспонд.: писемъ, отправленныхъ въ 1895 г. — 3.959.000; газетъ и друг. произведеній печати — 2.942.000; заказныхъ писемъ и посылокъ — 275.000; внутренняя корреспонд.: писемъ — 8.030.000; газетъ, журналовъ и пр. — 4 800.000; за-

казныхъ писемъ и посылокъ — 440.000; всего — 20.446.000.

Взятая въ совокупности, торговля Египта, пропорціонально пространству и населенію, стоитъ выше, чѣмъ торговля многихъ изъ европейскихъ странъ: по величинѣ доли, приходящейся на каждого жителя, она представляетъ почти половину торговли Франціи, а по относительному движенію судоходства въ портахъ даже превосходитъ послѣднюю. Въ 1895 году вишіяя торговля Египта выразилась слѣдующими цифрами:

Привозъ—8.390.000 египетскихъ фунтовъ; вывозъ—12.632.000 египетскихъ фунтовъ; общая сумма—21.022.000 египетскихъ фунтовъ.

Движеніе въ 1892 году судоходства въ египетскихъ портахъ, не считая Массовы, портовъ Нубіи и Синайскаго полуострова:

Пришло 14.041 судно, общею вмѣстимостію въ 15.842.286 тоннъ; вышло 14.041 судно, общею вмѣстимостію въ 15.842.286 тоннъ.

Великобританія уже до овладѣнія Египтомъ занимала первое мѣсто въ его морскихъ торговыхъ сношеніяхъ; за ней слѣдуютъ, по порядку важности, флаги австро-венгерскій и французскій, предшествуя флагу египетскому.

Доля различныхъ націй въ торговлѣ Египта въ 1895 году:

	Ввозъ, египетскихъ фунтовъ.	Вывозъ, египетскихъ фунтовъ.
Великобританія	3.266.000	7.413.000
Турція	1.673.000	344.000
Греція	58.000	9.000
Италія	303.000	438.000
Австро-Венгрія	635.000	528.000
Испанія	1.000	250.000
Франція и Алжиръ	958.000	1.038.000
Бельгія	340.000	46.000
Германія	216.000	395.000
Россія	361.000	1.253.000
Америка	46.000	469.000
Другія націи	533.000	449.000

Народное образованіе сдѣлало успѣхи, хотя большинство школъ все еще состоитъ изъ простыхъ куттабовъ, учрежденныхъ при мечетяхъ или фонтанахъ, и ученіе въ этихъ туземныхъ школахъ ограничивается обученіемъ грамотѣ и чтенію Корана.

Число воспитан. народныхъ школъ: въ 1820 г. 3.000; въ 1866 г. 60.000; въ 1873 г. 90.000; въ 1878 г. 137.550; въ 5.370 куттабахъ.

Кромѣ начальныхъ школъ, существуетъ нѣсколько высшихъ училищъ, гдѣ проходятся также курсы математики и юриспруденціи, какъ въ университетѣ Эль-Азхарѣ. Элементарныя школы по европейскому образцу стали основываться со временъ Мохаммеда-Али; но большинство этихъ заведеній впослѣдствіи закрылись, и мѣсто ихъ заняли школы, открытыя различными европейскими колоніями и

религиозными общинами. Въ 1880 году такихъ иностранныхъ школъ насчитывалось 152, съ 12.247 учащимися (7.622 мальчика и 4.625 дѣвочекъ); изъ нихъ 6.419 египтянъ и 5.828 иностранцевъ. Египетское правительство, въ подражаніе европейскимъ государствамъ, основало также среднія, высшія и спеціальныя учебныя заведенія; въ Каирѣ мы находимъ медицинскую академію, повивальный институтъ, политехническую школу, училище правовѣдѣнія, школу искусствъ и ремеселъ, институтъ, иностранныхъ языковъ, землемѣрное училище, школу бухгалтеріи и другія; однако, большинство молодыхъ людей, желающихъ серьезно изучить тѣ или другія науки, отправляются, для продолженія своего образованія, въ высшія учебныя заведенія Европы. Изъ иностранныхъ языковъ въ Египтѣ наиболѣе извѣстенъ французскій (въ 1879 году періодическихъ изданій выходило 29, изъ нихъ 9 французскихъ, 7 арабскихъ, 5 итальянскихъ, 3 греческихъ); но новое правительство сократило бюджетъ народнаго просвѣщенія, поражая преимущественно французскихъ профессоровъ и преподавателей, въ тѣхъ видахъ, чтобы въ болѣе или менѣе отдаленный срокъ изгнать ихъ языкъ изъ употребленія въ военныхъ и гражданскихъ школахъ.

Египетъ—страна деспотизма: въ силу политической традиціи, народъ не пользуется тамъ никакими правами, кромѣ права платить налоги и повиноваться; но по странности существующаго порядка вещей, явившагося результатомъ хитросплетенія тысячи интригъ, египтяне не стѣмѣли бы сказать, кто ихъ настоящіе господа. Они могутъ довольствоваться повтореніемъ старой арабской пословицы, гласящей, что «народъ какъ кунжутное сѣмя: его давить, пока не выжмутъ всего масла до послѣдней капли»¹⁾. Официально въ качествѣ государя Египта фигурируетъ принцъ изъ фамиліи Мохаммеда-Али, носящій титулъ хедива, рангомъ выше титула вице-короля, а сюзереномъ страны считается константинопольскій султанъ, отъ имени котораго собираются налоги и чеканятся деньги. Падишахъ все еще получаетъ съ Египта дань въ количествѣ 18 милліоновъ франковъ, какъ будто вмѣшательство Великобританіи не уничтожило самую тѣнь его власти; въ казну его поступаетъ, кромѣ того, отъ 7 до 8 милліоновъ франковъ, выручаемыхъ отъ монополіи, которую пользуется турецкій табакъ въ отношеніи ввоза въ Египетъ; однако, по крайней мѣрѣ три четверти потребляемаго въ этой странѣ табаку провозится контрабанднымъ путемъ, особенно черезъ границу пустыни. До недавняго времени

официальнымъ діалектомъ былъ турецкій, идиомъ господствующаго класса, а не арабскій, языкъ почти всего египетскаго населенія.

Но дѣйствительная власть не принадлежитъ болѣе султану; она находится теперь въ рукахъ европейскихъ христіанъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, роль соправителей играли совместно двѣ западныя державы—Франція и Англія; агенты ихъ контролировали государственнѣй бюджетъ, даже составляли и передѣлывали его по своему усмотрѣнію и такимъ образомъ ставили свою власть на мѣсто власти хедива; черезъ консульскіе суды, разбирательству которыхъ, въ силу такъ называемыхъ «капитуляцій», подлежали всѣ спорныя дѣла и тяжбы, касающіяся одновременно европейцевъ и туземцевъ,—европейскія націи были въ болѣе мѣрѣ господами Египта, чѣмъ вице-королевское правительство. Со времени возмущенія арміи, поднятаго при военномъ кличѣ: «Египетъ египтянамъ!», но которое, въ случаѣ успѣха, имѣло бы только тотъ результатъ, что отдало бы страну въ руки новыхъ мамелюковъ туземной расы, не менѣе тиранническихъ и алчныхъ, чѣмъ мамелюки другихъ расъ—арабы, черкесы, армяне, суданцы, Великобританія одна распоряжается въ Египтѣ. Назначенные ею министры рѣшаютъ дѣла согласно ея приказаніямъ, не давая себѣ даже труда спрашивать совѣта у официального государя: послѣднему предоставлено только давать свою подпись взамѣнъ получаемого имъ содержанія, и онъ не имѣетъ даже права положить конецъ, отреченіемъ отъ престола, своей мало почетной роли.

Политическое состояніе Египта тѣмъ менѣе опредѣленно, что англичане, удерживая въ своихъ рукахъ власть, не упускаютъ ни одного случая засвидѣтельствовать о своей твердой рѣшимости покинуть эту страну въ непродолжительномъ, времени и возвратитъ египтянамъ автономію, такъ давно ими утраченную. Дѣла, правда, расходятся со словами. Англичане, даже англо-индусы, христіане и магометане, пріѣзжаютъ сотнями, чтобы занимать мѣста, отнимаемыя у прежде служившихъ на нихъ лицъ, египтянъ, или иностранцевъ небританскаго происхожденія. Смѣтныя назначенія бюджета, употреблявшіяся, бывало, первымъ дѣломъ на удовлетвореніе кредиторовъ, сужавшихъ египетскую казну деньгами за огромные проценты, теперь имѣютъ въ виду прежде всего платежъ жалованья новымъ чиновникамъ; они служатъ также, въ извѣстной мѣрѣ, къ оплатѣ издержекъ по содержанію оккупационной британской арміи; но для покрытія громаднѣйшихъ расходовъ по этой статьѣ пришлось, конечно, черпать средства изъ англійской казны: вычислено, что перевозка солдатъ королевы въ Суданъ, включая сюда продовольствіе и боевыя припасы, обошлась по меньшей мѣрѣ въ 25.000

¹⁾ Heinrich Steptan, „Das heutige Aegypten“.

франковъ на каждого человѣка. Несмотря на официальные бюджеты, показывающіе въ началѣ каждого года превышеніе ожидаемыхъ доходовъ надъ исчисленными по смѣтѣ расходами, финансовое положеніе Египта таково, что, кажется, не предвидится другаго возможнаго исхода, кромѣ государственнаго банкротства. Вотъ для примѣра роспись доходовъ и расходовъ въ 1895 году:

Доходы — 10.260.000 египет. фунтовъ; расходы — 9.630.000 египет. фунтовъ; государственн. долгъ, включая сюда долгъ дайры — 104.499.160 фунтовъ стерл.; государственн. долгъ, вмѣстѣ съ внутр. долг. — 105.650.000 фунтовъ стерл.

Наименьшій размѣръ процента по займамъ, сдѣланнымъ у европейскихъ банкировъ съ 1870 года, — 12 съ половиною на сто, но многіе займы были заключены на вдвое болѣе тяжелыхъ условіяхъ¹⁾, и въ теченіе какого-нибудь десятка лѣтъ нація, всегда считавшая своего повелителя богатѣйшимъ изъ людей, увидѣла себя обремененною долгомъ почти въ три милліарда, что составитъ болѣе 2.000 франковъ на каждую семью.

Египетская армія, состоящая приблизительно изъ 3.000 человѣкъ, то-есть уменьшенная почти въ пять разъ противъ прежней ея численности, низведена до роли простой полицейской команды, и даже поговариваютъ о совершенномъ ея упраздненіи; конскрипція, хотя официально не отмѣненная, вышла изъ употребленія. Вся военная служба справляется теперь англійскими солдатами, число которыхъ къ концу 1895 года превышало 14.000 человѣкъ; даже спеціальныя констебли выписаны изъ Англіи. Официально военный флотъ въ 1895 г. состоялъ изъ одной колесной яхты, одного парохода, пяти крейсеровъ и одного фрегата, имѣющихъ около 2.000 человѣкъ экипажа и 54 оруд.

Что касается націи, то врядъ-ли она можетъ рассчитывать на обѣщанную автономію: хотя у нея тоже имѣется своя конституція, состоящая изъ сорока-деяти статей, но она не означаетъ отъ себя депутатовъ, и совѣта ея не спрашиваютъ ни въ какой формѣ. Собраніе представителей, созывавшееся ежегодно въ царствованіе Измаила-паши, для того, чтобы дать свое мнѣніе относительно распределенія отдѣльных статей бюджета, перестало собираться. Тѣмъ не менѣе, однако, національное чувство постоянно растетъ и усиливается въ Египтѣ, хотя страна виѣшней силой включена въ составъ европейскаго міра и сдѣлалась его нераздѣльной частью; иноземные владетели должны будутъ все болѣе и болѣе считаться не только съ колоніей континентальныхъ европейцевъ, но также и съ туземнымъ населеніемъ, тоже увлеченнымъ въ движеніе современныхъ идей.

¹⁾ Mac Coan, „Egypt as it is“.

Высшій духовный сановникъ ислама для египетскихъ мусульманъ — константинопольскій шейхъ-эль-исламъ, и англійское правительство оказало полное неуваженіе къ вѣковымъ преданіямъ магометанства, когда измѣнило законы страны, не спросивъ санкціи этого главы вѣрующихъ. Главный авторитетъ въ дѣлахъ религіи въ самомъ краѣ принадлежитъ корпораціи ученыхъ въ университетѣ Эль-Азхаръ. Коптская «яковитская» или національная церковь состоитъ подъ управленіемъ александрійскаго патріарха, который, несмотря на свое имя, всегда живетъ въ Каирѣ. Онъ выбирается изъ монашествующихъ, какъ и другіе патріархи восточной церкви; что касается пресвитеровъ, то они получаютъ рукоположеніе въ священнической санъ не иначе, какъ будучи уже женатыми; но, овдовѣвъ, не могутъ вступать во вторичный бракъ; точно также и вдовамъ священническимъ запрещено вторично выходить въ замужество. Копты, присоединившіеся къ римско-католической церкви (уніаты), впрочемъ, очень малочисленные, не имѣютъ патріарха; они управляются епископомъ, посвящаемымъ въ Римѣ.

Въ административномъ отношеніи Египетъ дѣлится на провинціи или *мудиріе*, управляемые губернаторомъ или *мудиромъ*, который называется *мохафезъ* или градоначальникъ, въ провинціяхъ, состоящихъ только изъ одного большаго города съ его окрестностями, образующими городскую округъ. Мудиріе подраздѣляются, въ свою очередь, на *марказы* или *кисмы*, управляемые *назирами*, а кисмы — на округи третьяго порядка, извѣстные подъ разными названіями. Мудиръ управляетъ своей провинціей въ одно и то же время какъ губернаторъ, какъ сборщикъ налоговъ и какъ воинскіе начальники. Всѣ другія должностныя лица провинціи непосредственно подчинены мудирю, но послѣдній обыкновенно возлагаетъ болѣшую часть своихъ функцій на *секиля*, или помощника, и на чиновниковъ, составляющихъ его диванъ; *каваасы* и полицейскіе чины, окружающіе начальника провинціи, имѣютъ обязанностію поддерживать порядокъ въ селеніи феллаховъ, что обыкновенно не трудно, такъ какъ жители Египта народъ очень смирный и всегда безпрекословно повинующійся приказаніямъ властей; однако, въ послѣдніе годы война и чужеземное нашествіе имѣли слѣдствіемъ появленіе шаекъ воровъ въ сельскихъ мѣстностяхъ дельты, и первый разъ на памяти ряда поколѣній стали извѣстны случаи нападенія разбойниковъ на деревни и обложенія ихъ выкупомъ.

Число чиновниковъ на жалованьи отъ правительства опредѣляютъ въ 21.000, между которыми, въ 1894 году, насчитывалось 4.500 европейцевъ всѣхъ національностей; но, кромѣ того, существуетъ множество сельскихъ

должностныхъ лицъ, которыя получаютъ плату непосредственно изъ суммъ, даваемыхъ сборомъ налоговъ. Крупные землевладѣльцы являются настоящими господами деревень, находящихся на ихъ земляхъ: такъ, одно лицо можетъ быть *омдехомъ* цѣлаго уѣзда, человѣкомъ, воля котораго — законъ въ отношеніи раскладки налоговъ и призыва подлежащихъ барщинѣ на работы. Точно также въ *тефти-мазѣ*, принадлежащихъ къ владѣніямъ хедива и членамъ его фамилии, которыхъ теперь занимаютъ агенты европейскихъ банкировъ, административное управленіе находится въ рукахъ представителей владѣльца имѣнія. Въ другихъ селеніяхъ обязанности старшины исполняются шейхъ-эль-беледами или «народными начальниками», изъ которыхъ каждый управляетъ группою семей или дворовъ: нѣкоторыя деревни имѣютъ только одного шейха,

въ другихъ ихъ бываетъ нѣсколько, иногда до двадцати. Въ теоріи они выбираются народомъ, но на дѣлѣ обыкновенно власть ихъ передается отъ отца къ старшему сыну, или въ одномъ и томъ же родѣ по старшинству возраста, отъ отца къ брату, или отъ отца къ сыну или къ племяннику. Въ нѣкоторыхъ захолустныхъ мѣстностяхъ, особенно въ округѣ дельты, называемомъ Берари, эти деревенскіе шейхи—неограниченные повелители, настоящіе царьки, рѣшенія которыхъ безапелляционны ⁴⁾.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ провинцій съ занимаемымъ каждой пространствомъ, включая сюда пустыню и оазисы, и ихъ народонаселеніе въ 1897 году:

⁴⁾ Mackenzie Wallace, цитированное сочиненіе.

Области.	Провинція.	Главные города.	Пространство въ квадратахъ километр.	Населеніе.	Число жител. на 1 квадрат. километр.
Нижній Египетъ.	Каиръ	Каиръ	20	576.400	—
	Александрія, Сивахъ.	Александрія ..	83.202	323.517	—
	Даміетта	Даміетта	904	43.477	—
	Розетта	Розетта	123	623.080	251
	Бегерахъ	Дамангуръ	10.780	747.315	318
	Шаркіехъ	Загазигъ	4.368	737.198	306
	Дахаліехъ	Мансура	2.061	1.297.853	214
	Гарбіехъ	Тантахъ	3.092	371.610	407
Востокъ.	Каліубіехъ	Каліубъ	822	864.141	522
	Менуфіехъ	Менуфъ	1.583		
Верхній Египетъ.	Портъ - Сандъ, Изма- лія	Портъ - Сандъ .. Суэцъ	6.238	61.105	—
	Суэцъ	Эль-Аришъ	86.086	16.992	—
Верхній Египетъ.	Ассиутъ	Ассиутъ	128.700	756.031	214
	Бени-Суэфъ	Бени-Суэфъ		313.780	257
	Файюмъ и оазисъ ...	Мединетъ-эль-Фай- юмъ	50.430	370.676	281
	Гиргехъ	Гиргехъ	15.703	687.890	408
	Гизехъ	Гизехъ	24.716	398.888	417
	Кенехъ	Кенехъ	87.075	705.081	500
	Коссеиръ	Коссеиръ		2.700	—
	Миніехъ	Миніехъ	110.911	542.858	271
	Эль-Хелудъ		862	220.180	255

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Эли́зе Реклю.

Томъ ХІ.

Сѣверная Африка.—Тунисъ.—Алжирія.—Марокко.—Сахара.

Переводъ подъ редакціей С. П. Зыкова,
дѣйствительнаго члена императорскаго географическаго общества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К^о. Большая Подъячская, 39.

СЪВЕРНАЯ АФРИКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I Триполитанія.

Часть африканскаго континента, обозначаемая на картахъ подъ именемъ Триполитаніи или Триполи, представляетъ территорію безъ географическаго единства: эта обширная область въ миллионѣ слишкомъ квадр. километровъ (по Бему и Вагнеру, пространство Триполитаніи, со включеніемъ Куфры, 1.213.400 квадр. километровъ; народонаселеніе 1.010.000 душъ, или среднимъ числомъ 0,8 жит. на квадр. километръ) состоитъ изъ отдѣльныхъ странъ, раздѣленныхъ пустынями необитаемыми или даже неудобными для жительства. Можно сказать, что если не пустыня въ собственномъ смыслѣ слова, то по крайней мѣрѣ предшествующія ей степи достигаютъ береговъ Большаго Сирта. Пространство, заключенное между Киренаикой на востокъ и Гуріанскими горами въ сосѣдствѣ Триполи, составляетъ нераздѣльную землю между средиземной зоной и поясомъ Сахары; даже вся южная Триполитанія принадлежитъ къ пустынѣ; тамъ вездѣ только и видишь, что голые камни, глину или песокъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ ложинъ, гдѣ есть немного воды, поящей человѣка и его пальмы. Слѣдовательно, Триполитанія только въ силу политической фикціи, а никакъ не по естественнымъ ея условіямъ разсматривается какъ нѣчто цѣлое; да и то не все пространство, понимаемое обыкновенно подъ этимъ именемъ, подвластно правительству Блистательной Порты. Такъ, оазисъ Куфра, хотя при-

числяемый къ турецкимъ владѣніямъ, остается совершенно независимымъ, и во многихъ оазисахъ, болѣе близкихъ къ морскому берегу, власть оттомановъ чисто номинальная.

I. Барка.

На западъ отъ Египта и принадлежащихъ къ нему сѣверныхъ оазисовъ тянется плоскогорье Барка, часто называемое также Киренаикой, по имени пышнаго города Кирены, который былъ тамъ построенъ элинами. Въ политическомъ отношеніи это плоскогорье составляетъ часть регентства Триполи и, слѣдовательно, состоитъ, по крайней мѣрѣ по виду, подъ непосредственной властью константинопольскаго султана; но съ географической точки зрѣнія это страна, совершенно отдѣльная отъ остальной Триполитаніи, и современныя событія показываютъ намъ, какъ неустойчиво нынѣшнее политическое равновѣсіе. Очень вѣроятно, что въ близкомъ будущемъ раздѣлъ Африки, къ которому теперь приступаютъ европейскія державы, передастъ Киренаику и Триполитанію изъ рукъ Турціи въ руки другихъ владѣльцевъ, быть-можетъ, итальянцевъ. Впрочемъ, и теперь уже тамъ управляютъ не тѣ господа, которые получили изъ Стамбула официальный фирманъ инвеституры: высшею властью во всей территоріи, заключающейся между египетской

границей и восточнымъ Сиртомъ, является духовный орденъ сенусіевъ, возникшій первоначально въ Алжирѣ, и столица котораго въ Джарабуѣѣ, въ оазисѣ Фаредга; турецкіе чиновники терпимы въ краѣ лишь подъ условіемъ готовности сообразоваться съ указами, даваемыми имъ представителями главы ордена, и всѣ должностныя лица, облеченныя судебною или муниципальною властью, принадлежать къ этой общинѣ; по зову джарабубскаго махди моментально поднялась бы цѣлая армія пѣшихъ и конныхъ воиновъ, организованная помимо турецкаго правительства ¹⁾.

Область африканскаго поморья, лежащая между Египтомъ и Триполи въ собственномъ смыслѣ, есть въ настоящее время наименѣ посѣщаемая европейскими коммерсантами и наименѣ населенная страна во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря. На этомъ обширномъ пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны предѣлами Египта, съ другой—низменностью, направляющеюся отъ оазиса Фаредга къ заливу Большой Сиртъ, живетъ никакъ не болѣе 300.000, можетъ-быть даже не болѣе 250.000 человекъ (по Камперіо, приблизительное пространство и населеніе Барки: 50.000 квадр. километр. и 246.000 жит., такъ что въ среднемъ приходится по 5 жителей на квадр. километр.). Пароходы, снующіе въ Средиземномъ морѣ по всѣмъ направленіямъ, рѣдко заходятъ въ порты Барки; для международныхъ торговыхъ сношеній морской берегъ, длиною около 2.000 километровъ, простирающійся отъ Александріи до Триполи, какъ будто не существуетъ. Но присущая европейскому міру сила расширенія имѣетъ неизбѣжныя слѣдствія; нѣтъ сомнѣнія, что Киренаика снова сдѣлается европейской колоніей, куда опять направятся, какъ это было двадцать пять вѣковъ тому назадъ, предприимчивые переселенцы изъ Греціи и Италіи. Выдвинувшееся побережье Барки отстоитъ менѣ чѣмъ на 400 километр. отъ мыса Матапанъ: въ этихъ водахъ, гдѣ проходитъ раздѣльная зона между восточнымъ и центральнымъ бассейнами Средиземнаго моря, Африка какъ будто идетъ на встрѣчу Европѣ, и нельзя не удивляться, что обратное движеніе западной цивилизаціи до сихъ поръ еще не распространилось боковымъ потокомъ въ этой ближайшей части «чернаго» материка. Въ то время какъ европейское вліяніе, слѣдуя вокругъ земнаго шара по великимъ морскимъ путямъ, сдѣлалось преобладающимъ даже въ областяхъ антиподовъ, оно почти не проникало въ эту страну Ливіи, которая въ теченіе слишкомъ тысячелѣтъ принадлежала къ эллинскому міру, средоточію науки и искусства. Въ эпоху римлянъ Киренаика разсматривалась какъ часть Гре-

ціи: она составляла одну провинцію съ островомъ Критомъ.

На сѣверномъ фронтѣ Африки округлый массивъ плоскогорья Киренаики соответствуетъ берегамъ, ограничивающимъ на западѣ заливы Большой и Малый Сиртъ, и выдвинувшимся къ Сициліи карфагенскимъ мысомъ. Эти двѣ страны сходятся географическимъ положеніемъ, климатомъ и произведеніями; обѣ онѣ играли также роль въ исторіи древняго міра: одна своими греческими колоніями, другая—своей Тирской республикой. Нѣкоторые писатели, сравнивая Кирену и Карфагенъ, указывали выгоды первой и выражали удивленіе, что она не сравнялась, по степени торговаго процвѣтанія, со вторымъ ¹⁾. Несомнѣнно, однако, что для международной торговли Карфагенъ занималъ несравненно болѣе выгодное положеніе, чѣмъ приморскіе города Киренаики. Не принадлежа къ греческому міру, онъ не достигъ той же высоты въ общей цивилизаціи и не оказывалъ такого же вліянія на развитіе наукъ и искусствъ, хотя и у него не было недостатка въ людяхъ великихъ мыслей; но зато онъ игралъ гораздо болѣе важную роль въ движеніи международного торговаго обмѣна. Окруженное со всѣхъ сторонъ пустынями, Киренское плоскогорье могло получать изъ внутреннихъ мѣстностей лишь небольшое число произведеній труднымъ путемъ черезъ оазисы, и всѣ его естественныя сношенія ограничивались эллинскими островами и полуостровами, лежащими напротивъ, по другую сторону Средиземнаго моря. Карфагенъ, поставленный въ болѣе благоприятныя условія, былъ портомъ обширной и многолюдной страны, простиравшейся далеко внутрь континента. Почти въ виду Сициліи, на берегу того большаго пролива Средиземнаго моря, гдѣ пересѣкаются главные судоходныя пути изъ Греціи въ Испанію, онъ занималъ центральный постъ всего морскаго бассейна; кромѣ того, онъ имѣлъ надъ греческими городами то преимущество, что былъ ближе къ Геркулесовымъ столпамъ, и корабли его первые завоевали безпредѣльный океанъ.

Разоренные арабами, особенно во время втораго нашествія, въ половинѣ одиннадцатаго столѣтія, жители Барки потеряли свою торговлю и культуру; страна снова впала въ состояніе варварства, опустошенные города и некрополи сдѣлались убѣжищемъ дикихъ звѣрей. Многъ о Геркулесѣ и Антеѣ рассказываетъ намъ про борьбу греческихъ поселенцевъ съ аборигенами Киренаики, почерпавшими, послѣ каждаго пораженія, новую силу въ любви къ родной землѣ; вопреки баснѣ, прославляющей побѣду Геркулеса, въ концѣ концовъ одерживаетъ верхъ Антеѣ. Однако, нельзя сказать, чтобы

¹⁾ Louis Rinn, „Marabouts et Khouan“;—Henri Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

¹⁾ James Hamilton, „Wanderings in North Africa“.

типъ древняго берберскаго населенія все еще являлся господствующимъ; разнообразно видоизмѣненная скрещиваніями съ греками, неграми и турками, берберская основа была замѣнена или почти совершенно преобразилась отъ смѣшенія съ арабами. Послѣдующія иммиграціи дадутъ политическое преобладаніе европейцамъ, но старая раса, вѣроятно, всегда будетъ имѣть численный перевѣсъ, какъ и въ остальной части сѣверной Африки.

Будущее присоединеніе Киренаики къ цивилизованному міру уже достаточно подготовлено изслѣдованіями европейскихъ путешественниковъ. Въ началѣ XVIII столѣтія оди́нъ французскій путешественникъ, Лемеръ, изучалъ развалины греческихъ городовъ. Поль Люкасъ, Шау, Брюсъ, Гранджеръ видѣли нѣкоторыя части побережья. Итальянцы Червелли и делла-Челла, проникшіе внутрь материка, въ 1811 и въ 1817 годахъ, первые привезли оттуда систематическія наблюденія относительно почвы, климата, произведеній и древностей страны. Затѣмъ слѣдуютъ братья Бичи, занимавшіеся въ особенности изученіемъ морскихъ береговъ, тогда какъ артистъ Пако посѣтилъ преимущественно лежація въ развалинахъ города плоскогорья и описалъ ихъ памятники. Делапортъ, де-Бурвилъ, Бартъ, Гамилътовъ, Бейерманъ, Гергардъ Рольфсъ, Мордокъ Смитъ и Порчеръ также объѣхали Киренаику, и въ эти послѣдніе годы большое число путешественниковъ — астрономовъ, географовъ, натуралистовъ — являлись одинъ за другимъ въ тѣхъ краяхъ, почти всѣ по порученію итальянскаго общества торговаго изслѣдованія въ Африкѣ: это систематическое изученіе страны имѣетъ главною цѣлью подготовить Италіи пути къ овладѣнію древними греческими колоніями.

Между Египтомъ и территоріей Барки нѣтъ естественныхъ границъ. Холмы и плато, возвышающіеся на сѣверной сторонѣ оазиса Сивахъ, продолжаютъ на западъ, но поднимаясь террасами, такъ что получили названіе Джебель по ту сторону залива Солумъ или Меллахъ, исходной точки демаркаціонной линіи, проводимой официально между Египтомъ и Триполи. Мысъ, доминирующій надъ заливомъ Солумъ, былъ даже для нѣкоторыхъ писателей древняго міра, наприм. Саллюстія, Помпонія Мелы, краугольнымъ межевымъ столбомъ между Африкой и Азіей, такъ какъ Египетъ они причисляли къ восточному матеріку ¹⁾. Въ этомъ мѣстѣ высшія точки плоскогорья переходятъ за 300 метровъ, и дорога побережья должна взбираться на выступающій гребень тропинкою, выстѣченной въ видѣ ступенекъ, отчего весь этотъ мысъ, до Расъ-эль-Меллахъ, или «Солянаго мыса», получилъ у грековъ

названіе Катабатмосъ Мегасъ или «Большой спускъ»; арабы, пришедшіе изъ Египта, даютъ ему теперь имя Акабетъ-эль-Кебиръ или «Большой подъемъ». У Эль-Эдризи, арабскаго писателя, онъ называется «Подъемомъ по ступенямъ», Акабахъ-эль-Солумъ, откуда произошло нѣтъшнее имя сосѣдняго залива. Понятно, что эти обрывистыя высоты и глубокая вырѣзка побережья, образуемая заливомъ Солумъ, во всѣ времена считались у моряковъ и караванщиковъ естественною границей, хотя внутри страны плоскогорье продолжается съ той и другой стороны безъ большихъ разностей уровня.

Отъ залива Солумъ до большой дуги, западную оконечность которой занимаетъ городъ Бенгази, побережье разрѣзано на двѣ почти равныя части заливомъ Бомба, надъ которымъ господствуетъ на западѣ мысъ, называемый Расъ-эль-Тинъ, или «Мысъ смоковницъ». На восточной сторонѣ этой глубокой бухты, которую уже заранѣе намѣтили, какъ самое удобное мѣсто для основанія военнаго порта, подобнаго Спеціи, простирается берегъ древней Мармарики или Мармариды; на западной — изгибается, въ видѣ красивой дуги круга, берегъ Киренаики въ собственномъ смыслѣ. Небольшая рѣка, уади Темминъ (длиною около 100 километр.), ясно разграничиваетъ эти двѣ страны, если не своей водой, которой въ ней совсѣмъ не бываетъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, то по крайней мѣрѣ песками своего ложа: это единственный потокъ Барки, про который нельзя сказать, что онъ простая промоина, высыхающая спустя нѣсколько часовъ послѣ дождя. Съ каждой стороны этой промежуточной впадины, высоты представляютъ различный характеръ. Миоценовое плато Мармарики, съ среднимъ, вдвое ниже плоскогорья Киренаики, и продольныя углубленія перваго, почти всѣ параллельныя берегу, можно назвать скорѣе складками каменистой поверхности, чѣмъ настоящими долинами. На западѣ, въ Киренаикѣ, холмы вздымаются такъ высоко, что образуютъ настоящій горный массивъ, Джебель-Ахдаръ или «Зеленая гора», главныя вершины котораго переходятъ за 1.000 метровъ ²⁾; но въ специальномъ его значеніи это имя примѣняется только въ западной части массива. Эта группа высотъ, отличающихся, впрочемъ, округленными формами, изъ всѣхъ африканскихъ горъ наиболѣе походитъ на Апеннины. Деревья и растенія подлѣсья здѣсь тѣ же, что и на Апеннинахъ; средняя температура на косогорахъ и въ долинахъ мало разнится отъ температуры Италіи; воздухъ, проходящій надъ лугами, пропитанъ такимъ же благоуханіемъ, и такія же лазурныя воды

¹⁾ H. Barth, „Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres“.

²⁾ Ch. Tissot, „Géographie comparée de la Province romaine d'Afrique“.

блестятъ у подножія береговыхъ утесовъ, какъ и въ Италіи. Итальянцу, проѣзжающему по Баркѣ кажется, что онъ опять видитъ свою родину. Извѣстно также, чѣмъ была эта страна для эллиновъ, которые сдѣлали изъ нея африканскую Грецію. Въ своемъ энтузіазмѣ они помѣстили тамъ первый изъ тѣхъ «Гесперидскихъ садовъ», которыми ихъ мореплаватели, пускавшіеся все далѣе и далѣе въ своихъ отважныхъ экспедиціяхъ, утѣшали, такъ сказать, все пространство отъ Киренаики до областей крайняго Запада. Что касается арабовъ, то самое имя «Зеленая гора», данное ими высотѣ джебелъ Барка, свидѣтельствуетъ объ удивленіи, которое возбуждалъ въ нихъ этотъ благодатный край. Съ какой бы стороны они ни направлялись къ нему—съ юга, съ востока или съ запада,—имъ всегда нужно было проходить черезъ голыя и безводныя пустыни: контрастъ зелени и текучихъ водъ производилъ такое сильное впечатлѣніе, что покрытые растительностью холмы и долины представлялись имъ настоящимъ земнымъ раемъ.

Красотой своего вида плато Киренаики обязано главнымъ образомъ изящному профилю своихъ горъ, закругляющихъ свои высочайшія вершины въ сосѣдствѣ морскаго побережья. Плоскій берегъ, мѣстами весь розовый отъ безчисленныхъ обломковъ коралловъ ¹⁾, составляющихъ около трети массы, окаймленъ землями, которые постепенно поднимаются до основанія отвѣсныхъ утесовъ или крутыхъ скалъ, раздѣленныхъ узкими оврагами, гдѣ проложены тропинки, поднимающіяся косвенно по отлогостямъ. Надъ этимъ изрѣзаннымъ краемъ известковаго пьедестала показываются верхушки Джебелъ-Ахдара, за которыми начинается уже покатость пустыни; въ южномъ направленіи открываются ложа уади, лѣсные холмы смѣняются *серирами*, обширными каменными пространствами, или равнинами, покрытыми скудной растительностью чернобыльника и альфы. Съ перемѣною рельефа мѣняется и цвѣтъ почвы: горы Барки покрыты красноватой землей, которая подала арабамъ поводъ дать этой странѣ имя Барка-эль-Гамра, т. е. «Барка красная»; къ югу же сѣрый колоритъ и бѣлизна песковъ или голыхъ камней смѣняются мало-по-малу плодородную красную глину возвышенной Киренаики: мы вступаемъ въ «Барку бѣлую», Барка-эль-Бейда, какъ ее прозвали арабы. Еще южнѣе, тамъ, гдѣ бесплодная почва не производитъ уже никакой растительности, разстилается настоящая пустыня, не имѣющая географическаго имени: это движущаяся дюна, голый камень или твердая глина, черезъ которые съ трудомъ пробіраются караваны, находя лишь колодцы съ

солончатой водой, да и тѣ встрѣчаются на большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго.

Сѣверная часть Барки, лежащая впереди серировъ и сыпучихъ песковъ «бѣлой» области, пользуется истинно «итальянскимъ» климатомъ. На уровнѣ моря нормальная температура года, смотря по широтѣ мѣста, 21 и 22 градуса по Цельсію, слѣдовательно, на нѣсколько градусовъ выше, чѣмъ въ южной Италіи; но на высотахъ, омываемыхъ болѣе разрѣженнымъ воздухомъ, температура понижается и сравнивается съ температурой Сициліи и Неаполитанской области; кромѣ того, морскія бризы, дующія съ замѣчательной правильностью, освѣжаютъ атмосферу. На плоскогорьѣ Киренаики, на высотѣ 500 метровъ, теплота дня, умѣряемая морскимъ вѣтромъ, колеблется отъ 12° Цельсія зимой ¹⁾ до 29 градусовъ лѣтомъ ²⁾. Ночью лучеиспусканіе почвы при ясномъ, безоблачномъ небѣ чувствительно понижаетъ температуру, но и тогда термометръ очень рѣдко опускается до точки замерзанія; вообще немногіе климаты могутъ сравниться съ климатомъ Киренаики по мягкости и равномерности. Путешественнику здѣсь не приходится часто страдать отъ крайностей тепла или холода; при томъ же онъ легко можетъ переходить изъ одной зоны въ другую, такъ какъ и равнина, и плато, и горы одинаково покрыты тѣмъ богатымъ красноземомъ, гдѣ съ успѣхомъ произрастаютъ всѣ культуры умѣреннаго пояса. Какъ рассказываетъ Геродотъ, въ «Киренской территоріи» три великолѣпныхъ времени года. Морскіе берега изобилуютъ плодами земными, которые первые достигаютъ зрѣлости: начинается жатва хлѣба и сборъ винограда; только что уберутъ урожай съ полей и виноградниковъ, какъ уже поспѣли плоды на холмахъ, и нужно приниматься за новый сборъ. Затѣмъ приходитъ очередь вызрѣванія плодовъ въ высшей области, такъ что первая жатва уже вышита и съѣдена, когда наступаетъ послѣдняя: такъ киренейцы цѣлые восемь мѣсяцевъ въ году только и дѣлаютъ, что собираютъ плоды земли ³⁾.

«Красная» Барка принадлежитъ къ средиземному поясу зимнихъ дождей, хотя нерѣдко ливни выпадаютъ тамъ и осенью: благодаря почти островному положенію Киренаики, всѣ вѣтры, за исключеніемъ южнаго и юго-восточнаго, приносятъ ей влажный воздухъ, и часто эта влажность, задерживаемая вершинами горъ, спускается на землю, въ видѣ обильныхъ дождей. Случалось, что потоки дождевой воды, хлынувшіе изъ овраговъ къ городамъ побережья, обращали въ грязь и уносили въ море многочисленныя мазанки, а въ домахъ, усто-

¹⁾ P. della Cella, «Viaggio da Tripoli di Barberia alle frontiere dell'Egitto, fatto nel 1817».

²⁾ Pache, «Voyage dans la Marmarique et la Cyrénaïque».

³⁾ Hamilton, «Wanderings in North Africa».

⁴⁾ Kinn IV, 199, франц. переводъ Gure.

явших против наводнения, проваливались террасы, так как ливень пробивал тонкий слой битой глины, покрытой цинковками и морской травой ¹⁾. Однако, годовое количество дождя все-таки меньше, чѣмъ въ большей части европейскихъ странъ; по Фишеру ²⁾, оно составляетъ, въ среднемъ выводѣ, отъ 350 до 500 миллиметровъ, то-есть отъ половины до двухъ третей количества, выпадающаго во Франціи. Вообще, это годовое количество возрастаетъ отъ Александріи до Кирены въ западномъ направленіи ³⁾. При томъ значительная часть дождевой воды тотчасъ же исчезаетъ въ трещинахъ известковой почвы и такимъ образомъ пропадаетъ для области плоскихъ возвышенностей; она снова появляется лишь въ равнинахъ, въ видѣ обильныхъ ключей, бьющихся изъ земли у основанія утесовъ; во многихъ мѣстахъ, особенно на западной сторонѣ Джебель-Ахдара, въ сосѣдствѣ города Бенгази, подземныя воды уходили бы въ море скрытыми галлереями, если бы древнимъ не удалось перехватить ихъ и опять вывести на поверхность ⁴⁾. Несмотря на дожди, изливающіеся на горы, Киренаика не имѣетъ ни одного постояннаго ручья; что касается «Бѣлой» Барки, въ области песковъ и голыхъ скалъ, то тамъ встрѣчаются только безводныя уади, да на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другаго колодцы, на днѣ которыхъ сочится соленоватая жидкость.

Растительность измѣняется количествомъ дождевой воды, или получаемой прямо на почву, или дистиллируемой бьющими изъ земли ключами, и, слѣдовательно, богатство ея постепенно увеличивается въ направленіи отъ востока къ западу. Въ то время, какъ Швейнфуртъ, тщательно изслѣдуя окрестности порта Тобрукъ, въ Мармарикѣ, собралъ 220 видовъ растений, Ашерсонъ насчитываетъ 493 вида для западной Киренаики ⁵⁾. Верхняя часть плоскогорья, съ которой дождевая вода быстро исчезаетъ, поглощаемая воронкообразными углубленіями почвы, представляетъ лишь сѣроватая пространства, гдѣ рѣдкая трава выгораетъ лѣтомъ подъ знойными лучами солнца: только изрѣдка какая-нибудь малорослая акація, мастиковое или терпентинное деревцо прерываютъ однообразіе бесплоднаго камня. Но на всѣхъ скатахъ и во всѣхъ ложинахъ, гдѣ почва долго сохраняетъ дождевую влагу, земляничное дерево, самбукъ, шиповникъ, мастиковое дерево, лавръ и миртъ растутъ смѣшанно вокругъ зеленыхъ дубовъ, туйи, большихъ кипарисовъ, болѣе стройныхъ, чѣмъ итальянскіе,

и достигающихъ 50 метровъ (болѣе 23 сажень) въ вышину: въ этихъ чащахъ вѣчно зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ сразу находишь разгадку имени Джебель-Ахдаръ, даннаго самому высокому массиву Барки. Лѣса страны теперь доставляютъ только бревна для постройки домовъ въ приморскихъ городахъ и дрова; но въ давнія времена киренаикская туйя служила матеріаломъ для выдѣлки тѣхъ драгоценныхъ столовъ съ «тигровыми» или «барсовыми» прожилками, которые имѣли такую высокую цѣну въ глазахъ римлянъ; не менѣе высоко цѣнился ароматическій запахъ его древесины, посредствомъ котораго Цирцея, будто-бы, производила свои чары. На болѣе близкихъ къ морю склонахъ растутъ цѣлыми лѣсами дикая маслина, ягоды которой составляютъ любимую пищу козъ и овецъ. Рожковое дерево, оставленное на свободѣ, пускаетъ изъ себя такое множество отпрысковъ, что они образуютъ обширный куполъ зелени, подъ которымъ цѣлая бедуинская семья удобно можетъ устроить себѣ лѣтнюю резиденцію, совершенно скрытую отъ взора постороннихъ ⁶⁾. Какъ ручьи Греціи, уади Барки окаймлены по берегамъ розовыми лаврами. Маленькія пальмы разсыпаны кустами на берегу моря; хорошо орошаемые сады, окруженные такъ называемыми «варварійскими смоковницами» (этими выходцами Новаго Свѣта, которые теперь сдѣлались однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ видовъ въ средиземной флорѣ), наполнены фруктовыми деревьями итальянской зоны, надъ которыми тамъ и сямъ господствуютъ высокіе стволы и короны финиковыхъ пальмъ: иная плодородная долина, выходящая къ морю, заключаетъ въ себѣ не меньше древесныхъ породъ, переплетающихся своими густыми вѣтвями, чѣмъ древній «Садъ Гесперидъ», описанный въ «Периплѣ» Скилакса. Гдѣ находилось это чудное мѣсто? Близъ Вереники, по свидѣтельству Плинія, или, какъ говоритъ Скилаксъ, въ сосѣдствѣ Расъ-Семъ (Rhusus древнихъ), самаго сѣвернаго мыса Барки ⁷⁾. По описанію греческаго автора, Гесперидскій садъ занималъ естественный оврагъ или бывшую каменоломню, въ родѣ сиракузскихъ латомій; братья Бичи ⁸⁾ полагаютъ, что онъ былъ расположенъ въ пропастяхъ, нынѣ наполненныхъ водой, которыя находятся къ востоку отъ горъ Бенгази; но ни одна изъ этихъ пропастей не имѣетъ размѣровъ сада, описываемаго Скилаксомъ. Можно составить себѣ понятіе объ этомъ дивномъ садѣ, посѣтивъ, въ окрестностяхъ сицилійскаго города, покрытая пышной растительностью пропасти, которыя неожиданно открываются среди каменстаго плато: лимонныя, апельсинныя, персиковыя деревья, ирга японская, стручковый

¹⁾ Hamilton, цитированное сочиненіе.

²⁾ „Das Klima der Mittelmeerländer“, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 58.

³⁾ Schweinfurth, „Esplorazione“, vol. VIII, 1883.

⁴⁾ G. Rohlf, „Von Tripolis nach Alexandrien“.

⁵⁾ G. Rohlf, „Kufra“.

⁶⁾ Hamilton, цитированное сочиненіе.

⁷⁾ Paolo della Cella, цитированное сочиненіе.

⁸⁾ Northern Coast of Africa.

багрянникъ, стремящіеся на вольный воздухъ и ясный свѣтъ, вытянулись на 15—20 метровъ въ вышину; стволы этихъ гигантовъ окружены густымъ кустарникомъ, а вѣтви ихъ увѣшаны гирляндами лѣанъ; аллеи усыяны цвѣтами и плодами; изъ густой листвы раздается веселое пѣніе птицъ; надъ этимъ элизіумомъ благоухающихъ и цвѣтущихъ деревьевъ высятся сѣрыя скалы, тамъ и сямъ обросшія плющемъ или увѣшанныя кустомъ на каждомъ изъ выступовъ.

Растеніе, составлявшее нѣкогда богатство Киренаики, и названіе котораго вошло у древнихъ въ поговорку, въ смыслъ драгоценнѣйшаго сокровища, *silphium* или *laserpitium*, существуетъ теперь только въ дикомъ состояніи на косогорахъ, если, впрочемъ, это то самое. Нѣкоторые писатели древности говорятъ, что оно уже въ ихъ время исчезло, а изъ новыхъ—Шрофъ, Эрстедъ, Ашерсонъ и другіе высказали мнѣніе, что растеніе, такъ высоко цѣнимое греками и римлянами за его цѣлебныя свойства, было не что иное, какъ одинъ изъ видовъ асса-фетиды; однако, большинство натуралистовъ не сомнѣваются въ вѣрности гипотезы перваго изслѣдователя страны, итальянца делла-Челла, по которой сильфій есть то же, что дріасъ или адриасъ туземцевъ, тапсиа (*thapsia garganica*) ботаниковъ. Древнія киренскія монеты даютъ намъ точное изображеніе этого зонтичнаго растенія, хотя форма его тамъ нѣсколько утолщена и плодъ представленъ съ контурами черезчуръ сердцевидными¹⁾. Какъ отвердѣвшій сокъ античнаго сильфія, цѣнившагося на вѣсъ серебра, и который хранился вмѣстѣ съ сокровищами государства, жидкость, извлекаемая изъ нынѣшняго дріаса, считается у туземцевъ панацеей противъ всѣхъ болѣзней и употребляется въ особенности для лѣченія ранъ животныхъ; въ Европѣ, изслѣдованія Гейнцмана тоже доказали, что это растеніе должно бы быть введено въ современную фармакопею за его кровеочистительныя свойства. Не замѣчено никакой видимой разницы между алжирской и киренаикской тапсией, а между тѣмъ должна существовать какая-нибудь особенность, такъ какъ алжирскій видъ не обладаетъ цѣлительной силой; съ другой стороны, верблюды могутъ щипать алжирскую тапсию совершенно безопасно, тогда какъ дріасъ, растущій въ Баркѣ, смертеленъ для нихъ, какъ былъ нѣкогда смертеленъ сильфій²⁾.

Въ настоящее время территория Барки лишь въ очень слабой степени способствуетъ своими культурами увеличенію богатствъ міра. Она не вывозитъ болѣе ни лѣкарственныхъ травъ, ни розовой эссенціи, ни бѣлыхъ трюфелей, составлявшихъ нѣкогда ея славу: ячмень, пшеница,

огурцы, кое-какія овощи, табакъ,—вотъ, вмѣстѣ съ плодами садовъ, единственные продукты киренскаго земледѣлія. Горныя пчелы собираютъ превосходный медъ въ цвѣтахъ кустовъ и травъ. Способъ культуры самый первобытный и сомнительно, чтобы баснословные урожаи, о которыхъ разсказываютъ древніе писатели, урожай, когда хлѣбъ родился самъ-сто и даже самъ-триста, возобновлялись въ новыя времена; напротивъ, теперь иногда даже бываетъ ооувъ плохой урожай; въ среднемъ, изъ пяти годчен одинъ неурожайный¹⁾. Склоны Джебель-Ахдара всего болѣе пригодны для культуры оливковаго дерева: масло, получаемое изъ нѣсколькихъ масличныхъ плантацій, содержимыхъ итальянцами, отличается превосходными качествами.

Столь богатая растеніями, «Зеленая гора» очень бѣдна животными видами. Изъ хищныхъ звѣрей тамъ водятся только гіена и шакалъ; дикій кабанъ живетъ въ лѣсныхъ чащахъ лощинъ и овраговъ; газели, зайцы, кролики разгуливаютъ по плоскогорью. Пресмыкающіяся, птицы, насѣкомыя принадлежатъ почти всѣ къ тѣмъ же формамъ, какъ и соотвѣтствующіе классы животныхъ въ Мавританіи. Саранча пожираетъ иногда молодые побѣги, а пчела складываетъ свой медъ въ трещинахъ скалъ. Къ югу фауна, уже такъ бѣдно представленная въ области высотъ, все болѣе и болѣе уменьшается; наконецъ, по ту сторону оазисовъ, она исчезаетъ совершенно: перейдя уади Фарегъ, путешественникъ замѣчаетъ, что даже блоха не послѣдовала за нимъ²⁾; онъ не видитъ болѣе ни одной раковины на землѣ, ни одной птицы въ воздухѣ. Въ селеніяхъ и становищахъ Барки домашнія животныя тѣ же самыя, что и въ Мавританіи: мулы и ослы, козы и бараны, рогатый скотъ. Лошади уже не той удивительной породы, которую прославлялъ Пиндаръ, воспѣвая Киренаику, богатую «прекрасными конями»: теперешнія лошади—маленькія и неуклюжія, но онѣ крѣпки на ноги и очень выносливы, почти не знаютъ усталости.

Страна Барка сплошь населена арабами, болѣе или менѣе смѣшанными, но выдающими себя за чистокровныхъ и говорящими языкомъ Пророка, по египетскимъ формамъ, съ мавританскимъ оттѣнкомъ. Въ наружности жителей незамѣтно ни одной черты, которая бы указывала на слѣды эллинскаго или римскаго происхожденія, а что касается берберскаго типа, то онъ въ этой области настолько близокъ къ арабскому, что трудно опредѣлить долю примѣси той и другой крови въ смѣшанномъ населеніи. Въ городахъ, какъ Дерна, Бенгази, гдѣ преобладаетъ вліяніе торговли, нравы и

¹⁾ Thrige;—Falbe;—Lindberg;—Muller;—„Numismatique de l'ancienne Afrique“.

²⁾ G. Rohlfis, „Von Tripolis nach Alexandrien“.

¹⁾ Mamoli, „l'Esploratore“, vol. V, 1881.

²⁾ G. Rohlfis, цитируемое сочиненіе;—„Kufra“.

обычай мало разнятся отъ арабскихъ, и женщины показываются на улицѣ не иначе, какъ съ закрытымъ лицомъ; жители группируются тамъ по ремесламъ и профессіямъ, а не по племенному происхожденію. Но въ городовъ, *айлеты*, какъ называются племена Киренаики, занимаютъ отдѣльныя мѣстности. Племя ауладъ-али, изъ египетской Ливіи, распространилось на западъ до горъ Барки и владѣетъ тамъ обширными пастбищными землями; оно смѣнило древнихъ мармарійцевъ, которые дали свое имя странѣ въ эпоху Птолемея и которые впоследствии были увлечены общимъ движеніемъ переселеній и завоеваній по направлению отъ востока къ западу ¹⁾. Племя зуйя кочуетъ въ сосѣднихъ съ гор. Дерна частяхъ плоскогорья и спускается на югъ до Бѣлой Барки, къ югу отъ гор. Бенгази; племя абей-даты, болѣе многочисленное, населяетъ, боковыя съ племенами бераса, гасса, дорса, области Джебель-Ахдара, лежащая къ востоку и къ западу отъ развалинъ Кирены; племя эштехъ живетъ въ западной части горной цѣпи, надъ Бенгази, тогда какъ непосредственно къ сѣверу и къ югу расположены становища племенъ брата и другихъ подраздѣленій ауагировъ, самаго могущественнаго изъ всѣхъ айлетовъ: 10.000 пѣхоты и 1.000 конницы, — такъ, говорятъ, вооруженная сила, которую различные кланы этого айлета могли бы выставить въ поле въ военное время. Гараби, могарба и другія менѣе важныя племена обитаютъ на нижнихъ террасахъ, между горами Барки и пустыней. Всѣ эти ливійскіе арабы любятъ раскрашивать себѣ сурьмой грудь, руки и лицо; женщины, которыя здѣсь никогда не ходятъ съ закрытымъ лицомъ, окрашиваютъ себѣ нижнюю губу въ черный цвѣтъ и обводятъ глаза той же краской; мужчины и женщины завертываются въ *таули*, родъ тоги, известной у европейцевъ подъ именемъ «баракана». Киренаикскія дѣвушки красивы въ молодости, но ростомъ онѣ гораздо ниже мужчинъ. Национальное блюдо — базина, родъ ячменной похлебки. Чума 1874 г. появилась между арабами Мерджа, древняго Барсе: говорятъ, что Киренаика есть, вмѣстѣ съ горами западной Персіи и горами Ассира въ Аравіи, одна изъ трехъ странъ, гдѣ зарождается бубонная чума ²⁾.

Съ половины текущаго столѣтія, вслѣдствіе основанія ордена сенусіевъ въ этой части Триполитаніи, арабы Барки несомнѣнно выиграли въ матеріальной культурѣ и въ нравственной связи; нравы измѣнились ³⁾, и теперь уже не практикуется болѣе обычай примитивнаго гостепріимства, описываемый всѣми путешествен-

никами, отъ Геродота до Барта ⁴⁾, который обязывалъ супруга уступать свои права гостю. Но, съ другой стороны, туземцы утратили прежнее радужіе и добросердечіе; они сдѣлались суровыми и непривѣтливыми. Въ 1843 году алжирскій шейхъ Сенуси-эль-Меджагири, вынужденный покинуть Мекку, гдѣ его подвижничество и строгость правилъ создали ему сильныхъ враговъ, пришелъ искать убѣжища въ Бенгази, затѣмъ основалъ въ Эль-Бендѣ, къ западу отъ Кирены, первую заую, въ одно и то же время монастырь, мечеть, школу, больницу, крѣпость и культурный центръ. По слѣдамъ его стали стекаться и другіе бѣглецы, алжирцы по большей части, какъ и самъ святой, призывавшій ихъ на «путь спасенія», и тоже были хорошо приняты; возникли новые монастыри въ другихъ частяхъ страны, и вскорѣ пришельцы изъ гостей сдѣлались хозяевами; уже въ 1851 году путешественникъ Гамилтонъ долженъ былъ защищаться отъ этихъ фанатиковъ. Въ настоящее время главное лицо Барки, даже въ Бенгази, гдѣ развѣваются консульскіе флаги Европы, — не мутесарифъ, назначенный султаномъ, а прокуроръ, или *укиль*, шейха сенусіевъ, которому правительство уступило даже право отправлять правосудіе; въ округѣ глава ордена имѣетъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ 25.000 воиновъ, пѣшихъ и конныхъ, не считая *хуановъ*, или братьевъ, и ихъ служителей, живущихъ въ двадцати зуйяхъ ⁵⁾; повсюду можно встрѣтить невольниковъ и животныхъ, заклеянныхъ именемъ Аллаха, съ печатью братства. А между тѣмъ, самъ шейхъ не живетъ болѣе въ странѣ; съ 1855 года онъ благоразумно удалился, чтобы быть подальше отъ зоркихъ глазъ Европы, въ оазисъ Фаредга, который, принадлежа официально къ Египту, находится въ дѣйствительности внѣ черты, до которой распространяется фактическая власть вице-королевскаго правительства, въ марши, окруженной пустынями, гдѣ не командуетъ ни султанъ, ни хедивъ. Первымъ его мѣстопробываніемъ тамъ былъ некрополь, высѣченный въ скалѣ; теперь же шейхъ имѣетъ въ Джарабубѣ, своей столицѣ, обширныя строенія, монастыри, казармы, арсеналы, склады, которые смотрятся въ соленныя воды озера Фаредга. Это и есть центръ духовной имперіи, которая простирается, съ одной стороны, до Сенегала, съ другой — до Месопотаміи ⁶⁾, заключаая въ своихъ предѣлахъ по меньшей мѣрѣ 1.500.000 подданныхъ, которые всѣ «въ рукахъ своего шейха, какъ трупъ въ рукахъ обмывателя мертвецовъ». Сынъ основателя, наслѣдовавшій

¹⁾ Tauxier, „Revue Africaine“, 1877.

²⁾ Mahé, рукописныя замѣтки.

³⁾ H. Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

⁴⁾ „Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres“.

⁵⁾ Louis Rinn, „Marabouts et Khouan“.

⁶⁾ Henri Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

своему отцу въ 1859 г., сдѣлался безспорнымъ и полновластнымъ повелителемъ всѣхъ хуановъ міра, которые видятъ въ немъ махди, «вожди», «руководителя», или вѣрнѣе, «хорошо руководимаго»¹⁾, призваннаго возстановить могущество ислама. Правда, сенусии по виду не преслѣдуютъ никакихъ политическихъ цѣлей; идеалъ ихъ—соединить всѣ правовѣрные ордена въ одно теократическое тѣло, независимое отъ свѣтской власти; они осуждаютъ насилие и рекомендуютъ своимъ гонимымъ братьямъ не возмущеніе, но добровольную ссылку изъ странъ, подвластныхъ христіанамъ, въ независимые зауи. Осуждая политическую агитацію, сенусии, тѣмъ не менѣе, стремятся къ независимости, и ихъ крѣпкая организація дѣлаетъ ихъ гораздо болѣе опасными врагами, чѣмъ многія безпокойныя, всегда готовые къ возстанію племена. Мусульманская солидарность доставила имъ болѣе завоеваній, чѣмъ оружіе. Такъ, они овладѣли Удаемъ, выкупивъ партію невольниковъ, которыхъ неготорговцы вели въ Египетъ, и отославъ ихъ обратно на родину, въ качествѣ миссіонеровъ общаго дѣла; теперь удайскій султанъ только намѣстникъ джарабубскаго махди, и всѣ его подданные присоединены къ ордену²⁾. По всей вѣроятности, скоро настанутъ трудныя времена для этихъ ревностныхъ панисламистовъ, когда вліяніе Европы вмѣшается непосредственно, открытымъ или замаскированнымъ присоединеніемъ территоріи Барки. Видимая власть турокъ и скрытое правительство сенусіевъ подвергаются опасности быть ниспровергнутыми въ одно и то же время. Говорятъ, будто въ эти послѣдніе годы правовѣрные, принадлежащіе къ ордену, особенно горожане въ Бенгази, стали не такъ строги въ соблюденіи правилъ орденскаго устава; теперь ужъ не рѣдкость встрѣтить между хуанами курящихъ табакъ и носящихъ шелковую одежду, расшитую золотомъ и серебромъ³⁾.

Вниманіе европейскихъ державъ направлено главнымъ образомъ на порты страны, защитить которые не можетъ никакая туземная сила, и откуда имъ уже легко будетъ командовать внутренними дорогами. На востокъ, въ Мармарикъ, гавань, или *марса*, Тобрукъ, называемая также Табаркой, кажется, изъ всѣхъ портовъ представляетъ наибольшія удобства для безопасности кораблей и для устройства товарныхъ складовъ. Въ этомъ мѣстѣ, полуостровной массивъ, параллельный морскому берегу, общее направленіе котораго отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, оканчивается на

восточной оконечности двумя острыми мысами, соединяясь съ другой стороны съ твердой землей невысокимъ перешейкомъ. Бухта, длиной около 3 километр., ограничена на сѣверѣ этимъ полуостровомъ, а на югѣ высокими берегами и утесами плато, изрѣзаннаго оврагами, гдѣ иногда можно видѣть блестящіе каскады въ 150 метр. высоты: суда, имѣющія болѣе 10 метр. водоизмѣщенія, могутъ съ полной безопасностью стоять на якорѣ въ этомъ большомъ естественномъ портѣ, защищенныя отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ восточнаго и юго-восточнаго; волноразбиватель, загибающійся дугой при входѣ въ бухту, могъ бы задерживать зыбь, набѣгающую съ востока, и такимъ образомъ превратилъ бы Тобрукъ въ одну изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ пристаней Средиземнаго моря. Сохранившіяся еще развалины Антипиргоса или какого-то другаго греческаго города, при основаніи полуострова, и остатки сарацинскаго замка на сѣверномъ берегу залива доказываютъ, что эта драгоцѣнная гавань никогда не была теряема изъ виду, хотя прилегающія къ ней мѣстности почти пустынные. Вѣроятно, въ древности Тобрукъ служилъ пристанью пилигримамъ, отправлявшимся въ оазисъ Юпитера Аммона⁴⁾; корабли, плывшіе изъ Рима въ Александрію, останавливались въ этомъ портѣ. Въ настоящее время отсюда отправляютъ скотъ, проданный александрійскимъ поставщикамъ сосѣдними пастушескими племенами (вывозъ скота изъ Киренаики въ Александрію въ 1882 году: 14.000 головъ); отсюда же снабжаются продовольствіемъ, путемъ контрабандной торговли, Джарабубъ и другіе зауи хуановъ братства сенуси⁵⁾. Швейнфуртъ обнаружилъ на окружности Тобрукской бухты слѣды мѣстнаго поднятія почвы: онъ нашелъ, до высоты 50 метр. и на разстояніи 700 метр. отъ берега, раковины сосѣднихъ морей, сохранившія еще свою натуральную окраску⁶⁾. Далѣе на западѣ, близъ Кирены и Бенгази, Гамильтонъ видѣлъ, какъ онъ полагаетъ, признаки противоположнаго явленія — осѣданія прибрежья⁷⁾.

Заливъ Бомба, болѣе посѣщаемый, чѣмъ Тобрукская бухта, мелкими каботажными судами, имѣетъ то преимущество, что находится непосредственно къ востоку отъ собственной Киренаики, въ сосѣдствѣ съ плодородной и относительно населенной страной; но онъ гораздо болѣе, чѣмъ Тобрукъ, открытъ вѣтрамъ съ моря, и большіе корабли, заходящіе въ этотъ заливъ, должны останавливаться въ большомъ разстояніи отъ берега: только мелкія суда идутъ искать безопаснаго пристанища позади

¹⁾ James Darmestetter, „Revue politique et littéraire“, 1885.

²⁾ Louis Rinn, цитированное сочиненіе;— Henri Duveyrier, цитированное сочиненіе.

³⁾ Pasqua, „Revue de Géographie“, avril 1880.

⁴⁾ H. Barth, „Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres“.

⁵⁾ Henri Duveyrier, цитир. мемуаръ.

⁶⁾ Schweinfurth, „Esplorazione“, vol. VII, 1883.

⁷⁾ Hamilton, „Wanderings in North Africa“.

острововъ, лежащихъ у входа въ заливъ. Мѣсто
якорной стоянки, называемое «гаванью Мене-
лая», находится въ сѣверной части рейда; но

та побережья, гдѣ уади Теммимъ теряетъ свои
воды, разливаясь вонючими лужами, основа-
ніе здѣсь европейской колоніи, часто предла-

Монастырь Зуайа—колыбель секты сенуситовъ.

на сосѣднемъ берегу разсѣяно лишь нѣсколь-
ко хижинъ. Эллинскіе города, существовавшіе
нѣкогда въ этой сторонѣ, исчезли почти без-
слѣдно, и въ виду крайне нездороваго клима-

та побережья, гдѣ уади Теммимъ теряетъ свои
воды, разливаясь вонючими лужами, основа-
ніе здѣсь европейской колоніи, часто предла-
гаемое въ итальянскихъ журналахъ и газетахъ,
было бы дѣломъ очень опаснымъ. Въ этихъ
водахъ моря береговое теченіе, направляющее-
ся отъ запада къ востоку, когда нѣтъ против-

наго вѣтра, движется съ средней скоростью около $2\frac{1}{2}$ километр. въ часъ ¹⁾).

Надо обогнуть на сѣверѣ красноватые утесы мыса Растъ-э-Тинъ и плыть вдоль берега на сѣверо-западъ километровъ пятьдесятъ, прежде чѣмъ увидишь городъ—первый, который имѣетъ территорія Барка на восточномъ берегу. Городъ этотъ, Дерна (древняя Darnis), заселенный въ XVI вѣкѣ андалузскими маврами, состоитъ изъ пяти деревень или отдѣльных кварталовъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ лишь груды развалинъ, и которые раздѣлены на двѣ группы ложемъ ручья. Каждый домъ въ ДERNѣ окруженъ трельяжемъ, обвитымъ виноградными лозами, каждый имѣетъ свою пальму, подъ которой и собираются обитатели послѣ дневныхъ трудовъ. Изъ всѣхъ садовъ Киренаики деревенскіе по ихъ гѣниности и обилію плодовъ наиболѣе заслуживаютъ названія «Гесперидскихъ»: орошаемые двумя ключами, бьющими изъ земли въ нѣсколькихъ километрахъ отъ основанія горъ и развѣтвляющимися на тысячу канавъ и канавокъ, они составляютъ густыми чащами своихъ зеленѣющихъ деревьевъ яркій контрастъ съ голыми, сѣрыми скалами оврага. Сады эти производятъ финики, винныя ягоды, виноградъ, апельсины и лимоны, а также превосходные бананы, которые, вмѣстѣ съ шерстью, пшеницей, воскомъ и медомъ, привозимыми съ плоскогорій, съ губками, вылавливаемыми на соседнихъ меляхъ, и съ кое-какими тканями, выдѣлываемыми въ краѣ, составляютъ главные статьи маленькой отпускной торговли. Масличные роши, сохранившіяся въ окрестностяхъ со временъ римской эпохи, не даютъ болѣе никакихъ продуктовъ; въ нихъ слѣдовало бы всѣ деревья замѣнить новыми насажденіями ²⁾. Дерненскіе коммерсанты имѣютъ сношенія съ Бенгази, Мальтой, Канеей, Александріей, и употребляютъ для этихъ сношеній суда, которые стоятъ на якорѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, въ рейдѣ, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, кромѣ западнаго и южнаго; въ ненастное зимнее время суда укрываются въ заливѣ Бомба. Въ 1815 г., когда Соединенные Штаты отправили экспедицію противъ Триполи для обузданія морскаго разбойничества, отрядъ моряковъ овладѣлъ ДЕРНОЙ и воздвигъ тамъ батарею, остатки которой видны и теперь еще, къ западу отъ города; американцы начали также прорытіе гавани у выхода оврага, но пребываніе ихъ на материкѣ было непродолжительно, и съ тѣхъ поръ работы эти не возобновлялись. При томъ же городъ пришелъ въ упадокъ съ этой эпохи: въ 1821 г. чума уменьшила число жителей съ 7.000 на 500 ³⁾;

большая часть ДЕРНЫ была покинута, и теперь въ ней едва-ли насчитается двѣ трети того населенія, которое она имѣла въ началѣ этого столѣтія.

Къ западу отъ ДЕРНЫ первый портъ, открывающійся на морскомъ берегу, сохранилъ, въ слегка измѣненной формѣ, имя «гавани спасительницы», которое даютъ ему нѣкоторые греческіе писатели: это Марса Суза, Аполлонія Птолемея. Благодаря своей маленькой гавани, хорошо защищенной отъ волнъ цѣпью островковъ и подводныхъ камней, этотъ приморскій городъ сдѣлался довольно важнымъ, на что указываютъ обломки памятниковъ, которые еще видны внутри старыхъ стѣнъ и даже за городской чертой, на узкой цѣпи скалъ, продолжающейся въ восточномъ направленіи. Но портъ исчезъ въ большей части, быть-можетъ, вслѣдствіе пониженія почвы, видоизмѣнишаго очертанія береговъ, ибо древнія могилы и каменоломни находятся теперь ниже уровня Средиземнаго моря, какъ предполагаемая «купальня Клеопатры» въ окрестностяхъ Александріи ⁴⁾. Впрочемъ, Аполлонія не имѣла независимаго существованія: она была лишь морской пристанью гораздо болѣе значительнаго города—гордой Кирены, которая стояла въ 16 километр. къ юго-западу, на самомъ краю плато, откуда открывается обширный видъ на разстилающуюся внизу равнины и холмы побережья. Легко понять, почему доряне изъ Оеры, основавшіе «златотронную» Кирену двадцать пять вѣковъ тому назадъ, покинули свои колоніи на морскомъ берегу и выбрали себѣ эту возвышенную позицію, удаленную отъ моря, хотя имъ тогда нечего было бояться нападеній пиратовъ. Причина та, что они хотѣли господствовать надъ населеніемъ возвышенностей, доставлявшимъ имъ свои произведенія, какъ жизненные припасы, такъ и товары для торговли, и что эта сильная стратегическая позиція представляла имъ лѣса, плодородную почву, а главное—великолѣпный источникъ, отъ котораго самый городъ получилъ свое имя и который былъ посвященъ Аполлону, какъ морская пристань. Въ глазахъ мѣстныхъ арабовъ славу лежащаго въ развалинахъ города составляетъ также источникъ живой воды, бьющій изъ скалы. Имя Кирена мало употребительно: они обыкновенно называютъ Кирену Айфъ-ашъ-Шехадъ, то-есть «вѣчный» или «неиссякаемый фонтанъ ⁵⁾», да и вся окрестная мѣстность обозначается тѣмъ же наименованіемъ ⁶⁾. Однако, количество воды въ «неиссякаемомъ» источникѣ уменьшилось не только съ древнихъ временъ, но даже съ начала настояща-

¹⁾ Schweinfurth, цитированный мемуаръ; — „Sailing Directions“.

²⁾ Mameli, „Esplorazione“, vol. V, 1881.

³⁾ Paolo della Cella, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Bechey, „Northern Coast of Afrika“; — Hamilton, „Wanderings in North Afrika“.

⁵⁾ Falbe; — Müller; — H. Barth, цитированн. сочиненіе.

⁶⁾ Murdoch Smith and Porcher, „Recent discoveries at Cyrene“.

го столѣтія: черты, оставленныя на скалѣ выше нынѣшняго уровня, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Скала, изъ которой потокъ, разливающийся между куполами мастиковыхъ деревьевъ и ракии, высѣчена въ видѣ стѣны, и на этой бѣлой стѣнѣ видны обрисовывающіеся въ формѣ фронтона слѣды кровли храма, прикрывавшаго фонтанъ при выходѣ его изъ горы. Галлерей, откуда онъ льется, была высѣчена рукой человѣка на протяженіи около 400 метр., но туземцы долго не пускали туда европейцевъ, увѣряя, что галлерей оканчивается у колеса, усаженного острыми ножами и непрерывно вертящагося передъ сокровищемъ ¹⁾. Кромѣ большого фонтана, приуроченнаго къ мнѣю о Киреѣ, дочери лапитскаго царя, въ Киренѣ были и другіе источники, между прочимъ, ключъ, называемый нынѣ арабами Бу-Гадиръ или «Отецъ зелени» и текущій на сѣверо-западъ по лѣсистой долинѣ. На плато была вырыта цистерна, одна изъ величайшихъ и наилучше построенныхъ, какія сохранились отъ древнихъ временъ. Къ юго-востоку отъ развалинъ, на еще болѣе высокой террасѣ, находится цистерна Сафсафъ, въ формѣ канала, имѣющая 265 метр. длины: она выложена огромными плитами, которыя покрываютъ ее по всей ширинѣ около 6 метровъ ²⁾.

Кирена, имя которой сдѣлалось именемъ всей страны, сохранила еще кое-какіе остатки памятниковъ, украшавшихъ ее въ эпоху ея славы, когда она отражала ливійцевъ, давала отпоръ Египту и распространяла далеко на африканскомъ континентѣ греческую цивилизацію: Аристотель написалъ ея исторію, не дошедшую до насъ, и между ея сынами были люди, приобрѣвшіе громкую славу, какъ философъ Аристиппъ, поэтъ Каллимахъ, астрономъ Эратосѣенъ. Со времени Пако, перваго изъ европейскихъ путешественниковъ посѣтившаго эти руины, онѣ стали менѣе явственны, и многія изваянія уже растащены; но и теперь еще можно различить храмы, театры, стадій, колоннады и городскія стѣны, ограничивавшія часть плато, около 5 километровъ въ окружности; со стороны равнины мѣстоположеніе города оканчивается высокими мысами, раздѣленными обрывистыми и глубокими оврагами. Во многихъ мѣстахъ, скала была гладко выровнена, словно выстругана, чтобы приготовить болѣе удобную поверхность для постановки зданій; черезъ плоскогорье проложены дороги, на которыхъ еще сохранились колеи. Но что всего болѣе возбуждаетъ удивленіе путешественниковъ, это громадный городъ мертвыхъ, окружающій то, что было нѣкогда городомъ живыхъ

на западѣ, на востокѣ, на югѣ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ; кажется, что вся Кирена была обширнымъ некрополемъ; въ этомъ отношеніи съ ней не могъ бы сравниться ни одинъ эллинскій городъ. Очевидно, сосѣдство, затѣмъ господство египтянъ оказало вліяніе на киренскихъ грековъ: вмѣсто сжиганія своихъ покойниковъ, они стали хоронить ихъ въ гротахъ или подъ гробницами. Въ иномъ оврагѣ встрѣчаешь тысячами зияющія отверстія погребальныхъ пещеръ; иной мысъ оканчивается десятию, двѣнадцатью террасами въ видѣ ступеней, изъ которыхъ каждая несетъ рядъ надгробныхъ памятниковъ: одни массивные, въ стилѣ почти египетскомъ, другіе — украшенные изваяніями, окруженные колоннадами, какъ маленькіе греческіе храмы; кое-гдѣ можно еще различить слѣды древняго разноцвѣтнаго украшения. Большинство гробницъ стоятъ на склѣпахъ, высѣченныхъ въ известковой скалѣ; легкость работы въ этой пористой горной породѣ позволила вырыть такимъ образомъ цѣлый подземный городъ; теперь въ одномъ изъ большихъ мавзолеевъ Кирены расположенъ сенуціанскій монастырь. На дорогѣ, которая вела въ Аполлонію, у основанія киренскихъ мысовъ, большія кладовыя, служившія, быть-можетъ, и могилами, также были высѣчены въ скалѣ ³⁾. Въ настоящее время видны только слѣды этого древне-греческаго пути. Смитъ и Порчеръ реставрировали его или, лучше сказать, открыли новый путь для перевозки драгоценныхъ статуй, собранныхъ ими для Британскаго музея; но туземцы очень косо смотрѣли на эту работу: они знаютъ, что проложенная дорога облегчаетъ входъ солдатамъ и сборщикамъ податей.

Въ сотнѣ километровъ къ юго-западу, на плоскогорьѣ, одна котловина, длиной 30 и шириной отъ 10 до 12 километровъ, извѣстна у арабовъ подъ именемъ Мерджъ: тамъ стоитъ теперь одно единственное дерево — пальма, служащая путеводителемъ путешественникамъ ⁴⁾. На этомъ бывшемъ двѣ озера былъ расположенъ древній эллинскій городъ Барке, соперникъ Кирены, потомъ первый, по степени важности, между «пятью городами», отъ которыхъ страна получила названіе Пентаполя (Пятиградіе); это крайній пунктъ континента, до котораго доходили персы, при Даріѣ, двадцать четыре вѣка тому назадъ. Греческая Барке превратилась впоследствии у арабовъ въ Барку, и такъ же, какъ Кирена, дала свое имя всей территоріи, отъ египетскихъ границъ до Сиртскаго залива. Этотъ городъ не оставилъ по себѣ, какъ его соперникъ, импонирующихъ руинъ, восходящихъ ко временамъ эллиновъ,

¹⁾ Augustin Cervelli, «Extrait du journal d'un Expedition de Tripoli à Derna».

²⁾ H. Barth, «Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres».

³⁾ Pacheco;—Beechey;—Barth;—Hamilton;—Smith and Parcher.

⁴⁾ Camperio;—Mamoli;—Haimann, «Esploratore»;—«Petermann's Mittheilungen», 1881.

но онъ имѣлъ важное значеніе въ средніе вѣка, какъ главный этапъ для арабскихъ армій между Александріей и Тунисомъ; онъ былъ тогда центромъ торговли и продовольствія. Отъ этой эпохи процвѣтанія Барка сохранила только развалины замка, да обширныя цистерны (она не имѣла, какъ Кирена, неизсякаемыхъ источниковъ). При Птоломеяхъ она была замѣнена, какъ главный городъ, ея морской пристанью, Птолемаидой, имя которой мало измѣнилось въ арабской формѣ. Теперь Тольмита уже не городъ, но еще видны остатки ея древнихъ стѣнъ, имѣвшихъ не менѣе 7 километровъ въ окружности, и фундаменты многихъ зданій; эти развалины заняты племенемъ марабутовъ аганлъ, которое, изъ зависти къ соперникамъ по ремеслу, долго противилось пропагандѣ сенусіевъ, но, наконецъ, должно было, въ свою очередь, обратиться въ ихъ вѣру ¹⁾. Гавань, хотя почти совершенно засыпанная пескомъ, представляетъ безопасное пристанище мелкимъ судамъ, до самаго Бенгази, который находится верстахъ въ ста къ юго-западу. Древняя Тейкера, другой приморскій городъ, бывший въ числѣ «пяти городовъ», вмѣстѣ съ Киреной, Аполлоніей, Барке и Гесперидой, сохранила свое имя, какъ и Птолемида: арабы называютъ ее Токра; тиетно давали ей официально наименованіе Арсинои, потомъ Клеопатриды. Токра не имѣетъ ни храма, ни порта, а только нѣсколько лагучъ да могилы, изъ которыхъ арабы сдѣлали себѣ лѣтнія жилища; но городскія стѣны ея принадлежатъ къ числу наилучше сохранившихся валовъ, какіе завѣщаны намъ древнимъ міромъ. Хотя вновь отстроенныя Юстиніаномъ, онѣ покоятся на болѣе древнихъ фундаментахъ, и многіе фрагменты восходятъ къ македонской эпохѣ: двадцатьчетыре четырехугольныя башни фланкируютъ эту великолѣпную ограду ²⁾.

Эугесперида, Гесперида или Гесперія, которой дали это имя, вѣроятно, потому, что она лежала къ западу отъ Киренейской области, и которая впослѣдствіи была названа Вереникой, въ честь киренеянки, супруги Птолемея Эвергета, сдѣлалась въ наши дни городомъ Бенгази: нынѣшнимъ своимъ наименованіемъ городъ обязанъ одному святому, гробница котораго находится по близости, на самомъ берегу моря. Столица территоріи Барки и всей восточной Триполитаніи, въ то же время самый многочисленный городъ страны, Бенгази занимаетъ мѣстоположеніе древней Геспериды, исключая части мыса (гдѣ теперь стоитъ замокъ), которая была размыта волнами, и своими обломками способствовала засоренію гавани. Городъ расположенъ на южной оконечности скалистаго мыса, омываемаго съ запада и юга

моремъ; на восточной сторонѣ разстилается соленое озеро, составлявшее часть Средиземнаго моря даже въ историческую эпоху, и въ которое и теперь иногда, во время бурь, вторгаются морскія волны; лѣтомъ оно представляетъ болотистую котловину, покрытую тонкимъ слоемъ соли. Посрединѣ перешейка, между озеромъ и моремъ возвышается горка, какъ полагаютъ, тотъ самый островъ, который, по описанію древнихъ авторовъ, лежалъ среди гавани, и на которомъ былъ воздвигнутъ храмъ Венерѣ, замѣненный теперь гробницей Марабута. Другія озера или, вѣрнѣе, болота тянутся на сѣверѣ и на югѣ, отдѣленные отъ моря узкой береговой полосой. Однако, Бенгази имѣетъ менѣе нездоровый климатъ, чѣмъ большая часть другихъ городовъ этого побережья, благодаря бризѣ, уносящей вредныя испаренія этихъ болотистыхъ водовмѣстилищъ. Но въ жилищахъ кишатъ насѣкомыя: у туземцевъ вошло въ поговорку, что Бенгази—это настоящее «мушинное царство».

Такъ какъ столица Барки находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ оазисами пустыни посредствомъ каравановъ, которые еще недавно тащили за собой цѣлыя партіи невольниковъ, то населеніе Бенгази очень смѣшанное: негритянской элементъ сильно представленъ между всѣми потомками берберовъ и арабовъ. Евреи, замѣчательные своей красотой, тоже очень многочисленны между жителями Бенгази: они поселились въ краѣ въ эпоху, предшествовавшую ихъ собственнымъ преданіямъ, и происходятъ, вѣроятно, отъ тѣхъ израильтянъ, которые эмигрировали въ Веренику во времена Птолемеевъ, съ собственнымъ политическимъ устройствомъ и со своими архонтами, и которые сдѣлались довольно могущественны, чтобы подняться противъ грековъ и перебить ихъ. Эмигранты изъ Мавританіи тоже составляютъ значительную часть населенія Бенгази, съ тѣхъ поръ, какъ духовный орденъ сенусіевъ сдѣлалъ нравственное завоеваніе страны и управляетъ ею черезъ посредство начальниковъ племени и турецкихъ чиновниковъ. Наконецъ, европейская колонія, представляемая главнымъ образомъ мальтійцами, итальянцами и греками, съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе, численность ея доходитъ до 1.000 человѣкъ на 15.000 жителей.

Бенгази уже не кучка убогихъ домишекъ изъ битой глины и роговъ, какимъ его видѣли рѣдкіе путешественники въ началѣ столѣтія: теперь онъ имѣетъ солидные каменные дома, въ одинъ и два этажа, маякъ, церкви, мечети и синагоги; но въ немъ нѣтъ болѣе ни одного памятника его прошлаго; только нѣсколько камней указываютъ мѣсто нахождения молотъ и набережныхъ. Однако, въ землѣ нашли драгоценныя изваянія, вазы, надписи, медали, и

¹⁾ H. Duveyrier, «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», 1884.

²⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

добрая часть этих находок досталась Луврскому музею, благодаря раскопкам Ватье-де-Бурвиля. Недавно кое-что сделано по улучшению порта; но в сравнении с тем, что было двѣ тысячи лѣтъ назадъ, онъ много потерялъ въ протяженіи, глубинѣ и безопасности: суда, сидяція въ водѣ болѣе, чѣмъ два съ половиною метра, не могутъ входить въ гавань и должны бросать якорь въ открытомъ морѣ; зимой, воды Бенгази почти совсѣмъ не посѣщаются судами. Несмотря на эти неудобства, городъ ведетъ значительную и постоянно возрастающую торговлю, особенно съ Франціей; онъ ввозитъ бумажные ткани, сахаръ, вино, строевой лѣсъ; но уже не вывозитъ, какъ прежде, слоновой кости, золота и страусовыхъ перьевъ; въ настоящее время главные предметы отпуска—живой скотъ и зерновые хлѣба, отправляемые на островъ Мальту, шерсть, коровье масло, кожа, соль, собираемая въ окрестныхъ озерахъ, губки, вылавливаемые у киренейскаго берега. Выходная торговля Бенгази, по цѣнности, составляла въ 1862 г. 1.026.000, въ 1871 г.—2.500.000, въ 1879 г.—11.685.000, въ 1890 г.—11.076.450 франковъ. Въ 1890 г. въ портъ Бенгази пришло: 52 парохода въ 34.321 тонну и 252 парусныхъ судна въ 14.084 тонны. Теперь греческіе и итальянскіе моряки собираютъ наибольшую часть губокъ при помощи скафандры (пробочной фуфайки); немногіе пырлящики бросаются голые въ воду. Стоимость годоваго улова губокъ опредѣляютъ въ 2.000.000 франковъ ¹⁾.

Окрестная мѣстность вокругъ Бенгази очень плодородна въ значительной части своего протяженія, именно на сѣверныхъ берегахъ, изгибающихся къ Токрѣ; но почва еще слишкомъ обширна для земледѣлія, и каждый можетъ выбирать себѣ любое поле: кто посѣялъ, тому и принадлежитъ урожай. Пальмовый лѣсокъ, единственный на берегу Киренаики, къ западу отъ Дерны, занимаетъ часть полуострова на сѣверъ отъ города, и нѣсколько садовъ и огородовъ окаймляютъ озера, но ихъ нужно было культивировать особеннымъ образомъ, чтобы фрукты и овощи хорошо родились. Для этой цѣли снимаютъ поверхностный слой почвы и устилаютъ дно рогожами, послѣ чего канавы снова наполняютъ вырытой землей, смѣшанной съ удобрениемъ: говорятъ, что рогожи не позволяютъ солянымъ частицамъ подниматься въ растительную землю и задерживаютъ навозъ. На востокъ, бывшія каменоломни и естественныя впадины или котловины утилизируются садовниками, которые воздѣлываютъ ихъ дно; это тоже были «Гесперидскіе сады», подобные тому, о которомъ говорить Скилаксъ, и садамъ, существующимъ въ окрестностяхъ Сиракузъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пропастей

наполнены водой, или временно, послѣ дождей, или постоянно, вслѣдствіе инфильтраціи ключей. Въ 8 километрахъ къ востоку отъ города, въ глубокой галлерей течетъ подземный ручей: этотъ таинственный потокъ есть Лаонъ или Лета, «рѣка Забвенія», которая то покажется на мгновенье, то опять исчезнетъ; впрочемъ, одна струя этихъ скрытыхъ водъ бьетъ изъ трещины скалы и уходитъ въ озеро, омывающее городъ Бенгази съ восточной стороны ¹⁾. Этотъ болотистый бассейнъ и самъ прославился въ исторіи мною: по словамъ Пиндара, Страбона, Лукана и неизвѣстныхъ авторовъ «Таблицы Пейтингера» ²⁾, это—одно изъ Тритоновыхъ озеръ; другое находилось къ западу отъ Сиртскаго залива.

За Бенгази, морской берегъ сначала продолжаетъ направляться къ юго-западу, затѣмъ поворачиваетъ къ югу и юго-востоку, прежде чѣмъ описать большую кривую, въ видѣ полукруга, образующую заливъ Большой Сиртъ. Ни одного города, только нѣсколько группъ лачугъ да становища бедуиновъ разбѣяны на громадной окружности этого обширнаго южнаго бассейна Средиземнаго моря; городъ Аджабія, многочисленный и торговый въ среднѣе вѣка, какъ морская пристань оазисовъ, не оставилъ послѣ себя даже развалинъ. Крѣпостцы, довольно многочисленныя въ сосѣдствѣ Бенгази, болѣе рѣдки въ южномъ направленіи, защищаютъ морской берегъ; однѣ изъ нихъ—простыя башни арабской постройки, другія—античныя бастионы, сложенные изъ циклопическихъ камней. Это четырехугольныя ограды, съ закругленными углами, внутри наполненыя землей почти до верху, такъ что вершина стѣны образуетъ парпетъ для защитниковъ; внѣ стѣнъ глубокий ровъ, съ выступающимъ контрэскарпомъ, высѣченъ въ скалѣ ³⁾; несомнѣнно, эти укрѣпленія были воздвигнуты цивилизованнымъ населеніемъ, предшествовавшимъ арабамъ. Воздѣланныя поля, все рѣже и рѣже встрѣчающіяся, по мѣрѣ того, какъ удаляешься отъ столицы Барки, чередуются съ травяными степями или съ соляными прудами, имѣющими болотистые берега. Невысокіе холмы, изрѣзанные оврагами, гдѣ живутъ гіены и шакалы, выдвигаются мысами къ морю и подводныя скалы выступаютъ рядами изъ водъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ тянутся плоскіе берега, окаймленные дюнами. Ни одна пальма не возвышается своей густолиственной короной надъ этимъ песчанымъ берегомъ, котораго такъ боятся моряки, и о который почти всегда ударяются волны, нагоняемыя сѣвернымъ вѣтромъ. Въ этой части побережья существуетъ только одна гавань, образуемая цѣпью рифовъ: это—Брайга, куда приходитъ нѣсколько шлюпокъ за

¹⁾ G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

²⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

³⁾ Beechey;—Barth, цитированныя сочиненія.

⁴⁾ Rocconi, „Esplorazione“, vol. IV, 1880.

грузами сѣры, собираемой въ нѣкоторомъ разстояніи внутри страны, къ югу отъ крайней южной вогнутости залива, называемаго иногда, по причинѣ этихъ рудныхъ мѣсторождений, «Сѣрнымъ заливомъ»; недалеко оттуда находится соляное озеро, уровень котораго, вслѣдствіе испаренія, сдѣлался ниже уровня Средиземнаго моря ¹⁾).

Въ Мухтарѣ, тамъ, гдѣ дорога, ведущая къ копямъ, подходитъ къ морскому берегу, кучи камня обозначаютъ границу между территоріей Бенгази и Триполи въ собственномъ смыслѣ. Вблизи этого мѣста, какъ полагаютъ комментаторы, произошла, — если только это не сказка древнихъ авторовъ, — памятная встрѣча молодыхъ скороходовъ изъ Кирены и Карфагена, которые, выйдя въ одинъ день каждый изъ своей территоріи, должны были провести границу въ томъ пунктѣ, гдѣ сойдутся. Но два брата Филены, бѣжавшіе за Карфагенъ, при помощи какого то-обмана, на много опередили своихъ противниковъ; когда имъ пришлось выбирать между смертью тутъ же на мѣстѣ и новымъ испытаніемъ, лучше контролируемымъ, они предпочли дать себя похоронить подъ памятникомъ, который съ тѣхъ поръ и обозначалъ общую границу двухъ государствъ: алтарь Филеновъ былъ съ того времени святымъ мѣстомъ для карфагенянъ.

II. Оазисъ Ауджила.

Отъ гребня Джебель-Ахдара почва понижается въ южномъ направленіи, но не постепеннымъ скатомъ, а скорѣе рядомъ террасъ и обширныхъ, лежащихъ одна надъ другой, равнинъ, изрѣзанныхъ многочисленными уади, ложа которыхъ были вырыты текучими водами въ ту эпоху, когда климатъ былъ болѣе влаженъ, чѣмъ въ наши дни. Впрочемъ, здѣсь видны не только слѣды древнихъ рѣкъ, но встрѣчаются также слѣды морскаго залива, который можно разсматривать какъ естественную границу страны Барка въ направленіи Ливійской пустыни. Къ западу отъ оазиса Сивахъ и его продолженія, оазиса Фаредга, устьяныхъ «горькими озерами», которые прежде были морскими бухтами, долина, вѣроятно, лежитъ ниже уровня Средиземнаго моря; ископаемая раковина морскаго ежа, гребешка, остреи покрываютъ тамъ почву миллиардами: тамъ и сямъ острововидныя горы, окруженные пескомъ, указываютъ прежній уровень равнины, размытой водами. Высокія дюны Рарта прерываютъ эту низменность, известную у арабовъ подъ именемъ Жердоба; но — если предварительныя измѣренія, сдѣланныя Рольфомъ и его спутниками; точны — она снова на-

чинается на западѣ, подъ видомъ извилистаго уади, соединяющагося съ оазисами Джало и Ауджила: уровень этихъ долинъ, по Рольфсу, отъ 30 до 51 метра ниже поверхности моря. Къ востоку отъ группы оазисовъ самая широкая долина, известная специально подъ именемъ «Уади», имѣетъ общее направленіе съ юга на сѣверъ и сѣверо-западъ и, вѣроятно, сливается съ другимъ морскимъ ложемъ, Биръ-Рассамъ, которое, по измѣреніямъ Рольфа, оказалось лежащимъ отъ 100 до 107 метровъ ниже уровня Сиртскаго залива: стволы окаменѣлыхъ деревьевъ, особенно пальмъ и мастиковыхъ деревьевъ, разсыяны тамъ по землѣ въ изобиліи, образуя большіе «окаменѣлые лѣса», подобные находимымъ въ Египтѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣмецкій путешественникъ переходилъ долину Биръ-Рассамъ, она направляется къ сѣверо-западу, чтобы соединиться, вѣроятно, близъ своего древняго устья, съ уади Фарегъ, другимъ покинутымъ водами ложемъ, которое, по рассказамъ арабовъ, имѣетъ въ длину пять дней ходьбы: устье его, запертое дюнами, можетъ быть, каменистыми холмами ¹⁾), находится въ мѣстѣ, называемомъ Айнъ-Кебрить, почти въ 200 километр. къ югу отъ Бенгази. Уади Фарегъ обыкновенно считаютъ границей между обитаемой землей и пустыней: путешественники, восходящіе въ первый разъ на его южный высокій берегъ, обязаны угостить своихъ спутниковъ такъ называемымъ «обѣдомъ долины»; въ случаѣ неисполненія этого обычая, люди каравана подбираютъ лежащіе кругомъ камни, чтобы напередъ соорудить надгробный памятникъ скупому путешественнику; это — «анаеема», въ родѣ той, которую устраиваютъ греческіе крестьяне сборщикамъ податей.

Такимъ образомъ известковое плоскогорье Киренаики и Мармарики, ограниченное на югѣ уади Фарегомъ, долиной Биръ-Рассамъ, временными ручьями оазисовъ Ауджила, Жердобой и озерами Юпитера Аммона, составляло, вѣроятно, большой островъ, едва связанный съ остальнымъ материкомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что воды моря нѣкогда наполняли эту низменность оазисовъ и уади. Отдѣленные отъ главнаго бассейна Средиземнаго моря образованіемъ узкихъ береговыхъ полосъ земли или кордоновъ, впадины постепенно обсохли подъ палящими лучами африканскаго солнца; но морскія воды оставили ясныя слѣды своего пребыванія, въ видѣ скопленій современныхъ раковинъ, слоевъ соли, гипса, селитры, магнезій и многочисленныхъ «горькихъ озеръ». Такимъ образомъ на той и другой оконечности Сиртскаго залива мы находимъ области, сходныя между собой внѣшнимъ видомъ, рельефомъ почвы и явленіями, которыхъ онѣ были театромъ; съ обѣихъ сторонъ тянутся далеко

¹⁾ Elie de la Primaudaie, „Littoral de la Tripolitaine“.

¹⁾ G. Rohlfs, „Esplorazione“, vol. IV, 1880.

внутри материка низменные пространства, лежащая часть ниже уровня моря и, как полагают, бывшая двомъ морскимъ въ болѣе или менѣе отдаленную эпоху. Для того и другаго

ливійскіе оазисы, Рольфъ полагалъ даже, что прорытіе береговаго порога, на Сиртскомъ заливѣ, имѣло бы результатомъ затопленіе большей части материка до 22-го градуса широты

Видъ некрополя въ Киренаикѣ.

бассейна одинаково предлагали или, по крайней мѣрѣ, выставляли возможнымъ образованіе «внутренняго моря», такъ, чтобы воды Средиземнаго моря проникли внутри континента. Во время перваго своего путешествія въ

къ югу отъ оазиса Куфра, и позволило бы «самымъ большимъ судамъ плавать до Феццана, можетъ-быть, до оазиса Ваджанга» ¹⁾! Послѣ-

¹⁾ G. Rohlf, „Von Tripolis nach Alexandrien“, 2-е Band, S. 68;—„Land und Volk in Afrika“.

дующія изслѣдованія доказали, что географическія перемѣны, произведенныя наводненіемъ, имѣли бы гораздо менѣе важное значеніе, и при томъ, прежде чѣмъ говорить о «внутреннемъ морѣ», нужно еще подождать точныхъ нивелировочныхъ работъ.

Въ части территорій, лежащей на югъ отъ плоскогорій Барки, нѣтъ ни городовъ, ни постоянныхъ селеній, развѣ только въ группѣ оазисовъ, которые занимаютъ углубленія пустыни, находящіяся ниже уровня Средиземнаго моря: по прямой линіи будетъ не менѣе 220 километровъ между оазисомъ Ауджила и побережьемъ Большаго Сирта, тамъ, гдѣ находилась Аджабія, прежняя морская пристань каравановъ; обыкновенно въ этомъ же мѣстѣ они и теперь подходятъ къ морскому берегу. Среднимъ числомъ, путешественники употребляютъ около десяти дней на прохожденіе разстоянія, отдѣляющаго Ауджилу отъ морскаго берега, и во время этого перехода имъ приходится проходить обширныя пустынные пространства, гдѣ «даже блоха покидаетъ странника», и гдѣ послѣдній не находитъ другой воды, кромѣ вонючей и солоноватой жидкости, отъ которой часто отказывается даже верблюдъ; во многихъ мѣстахъ песокъ засыпалъ слѣды, оставленные предыдущими караванами, и направление пути узнаютъ лишь по *аллемамъ*, или кучамъ камней, сложенныхъ черезъ извѣстныя промежутки. На востокъ, на дорогѣ въ оазисъ Фаредга, пески хранятъ сорокъ высохшихъ труповъ путешественниковъ, которые умерли отъ жажды, покинутые проводникомъ¹⁾.

Восточный оазисъ Ауджила, который во времена грековъ далъ свое имя всему архипелагу, не есть ни самый большой, ни самый многочисленный. При длинѣ около двадцати километровъ, онъ имѣетъ въ ширину (въ среднемъ) не болѣе одного километра, и тянется въ формѣ полумѣсяца, обращеннаго вогнутой стороной къ востоку; одинъ только ключъ, какъ это зналъ уже старикъ Геродотъ, бьетъ въ этой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ каменистыми террасами серировъ. Оазисъ Джало, въ центрѣ группы, можетъ-быть, въ десять разъ обширнѣе Ауджилы: длина его такая же, а ширина во многихъ мѣстахъ отъ 10 до 12 километровъ, но онъ не имѣетъ ни одного родника прѣсной воды: здѣсь можно найти только соленую жидкость, которая служитъ для орошенія пальмъ, за водой же для питья нужно ходить въ почти необитаемый оазисъ Уади, на востокъ. Въ наибольшемъ числѣ населеніе скучено въ западной части группы оазисовъ: пропорціонально своему протяженію, Ауджила одна изъ густо населенныхъ мѣстностей земнаго шара. Джало заключаетъ внутри обширныя

пустынные пространства, и пальмовыя рощи его мѣстами перерѣзаны рядами дюнь; на юго-востокъ, Батофль или Баттифаль, составляющій южную оконечность Уади, представляетъ собою впадину, съ скудными источниками, окаймленную тростникомъ, который щиплютъ верблюды, и устьянную становищами; но далѣе къ востоку весь поясъ лощинъ покинутъ жителями, за исключеніемъ маленькаго оазиса Лешкерре, окруженнаго сыпучими песками. Овощи, производимыя садами оазисовъ, хлѣбныя растенія и финики составляютъ главную пищу жителей; впрочемъ, послѣдніе имѣютъ нѣсколько стадъ овецъ и козъ, а также куръ и голубей. У нихъ нѣтъ ни ословъ, ни воловъ, и вся ихъ кавалерія состоитъ изъ трехъ или четырехъ лошадей. Собака—очень рѣдкое, но не совсѣмъ неизвѣстное въ странѣ животное.

Оазисы группы Ауджила: Ауджила—20 (?) квадр. килом., 4.000 жит., 40.000 пальмъ. Джало—200 (?) квадр. килом., 6.000 жит., 100.000 пальмъ. Уади—200 (?) квадр. килом., 1.080 жит., 40.000 (?) пальмъ. Лешкерре—10 (?) квадр. килом., 500 жит., 20.000 (?) пальмъ.

Племена, населяющія оазисы Ауджила, не принадлежатъ къ одной и той же расѣ. Называющіе себя аборигенами уаджилы происходятъ, можетъ-быть, отъ назамоновъ, о которыхъ упоминаетъ Геродотъ; они говорятъ еще берберскимъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ «тамасирту» туареговъ. Населяя западный оазисъ и часть оазиса Джало, окружающую его столицу, Леббу, уаджилы занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ и садоводствомъ, а также разрабатываютъ окрестныя салины (въ этихъ мѣстахъ, бывшихъ нѣкогда дномъ моря, соль вездѣ соединена съ гипсомъ); наконецъ, они отдають въ наймы караванамъ своихъ прѣвосходныхъ верблюдовъ и служатъ имъ проводниками на всѣхъ дорогахъ пустыни до Бенгази, Мурзука, Сиваха и Куфры. Туземцы моджабра, тоже приписывающіе себѣ берберское происхожденіе, хотя они говорятъ арабскимъ языкомъ, обитаютъ въ восточной части оазисовъ, особенно около Эль-Арега, въ оазисѣ Джало; они пренебрегаютъ земледѣліемъ, но зато это прирожденные торговцы, какъ жители Гадамеса, и, подобно этимъ послѣднимъ, они имѣютъ колоніи купцовъ во всѣхъ оазисахъ Ливіи. Путешественники хвалятъ ихъ мужество, трезвость, безупречную честность: это имъ принадлежитъ, по словамъ Буркгарта, честь открытія дороги между побережьемъ и Уадаемъ черезъ Кафру и Ваджангу. Что касается оазиса Лешкерре, то онъ населенъ племенемъ зуия (суаия), арабскаго происхожденія. Эти три племена—уаджилы, моджабра и зуия,—при всемъ различіи ихъ языка и происхожденія, очень сходны между собою по физическимъ признакамъ, и цвѣтъ ихъ кожи, почти

¹⁾ G. Roblfs, цитированное сочиненіе.

черный, свидѣтельствуешь о важной роли, которую игралъ негрѣтѣйскій элементъ въ скрещиваніяхъ. Брачныя узы очень не крѣпки у обитателей оазисовъ Ауджила; по словамъ Гамильтона, тамъ не рѣдкость встрѣтить мужчинъ, заключившихъ послѣдовательно отъ двадцати до тридцати браковъ, такъ какъ цѣна супруги колеблется между 30 и 40 франками; но поселеніе въ краѣ суровыхъ сенусіевъ, безъ сомнѣнія, повліяетъ на измѣненіе нравовъ въ томъ смыслѣ, что разводы сдѣлаются болѣе рѣдкимъ явленіемъ, а съ другой стороны и потребление пальмоваго вина уменьшится ¹⁾).

Торговля оазиса Ауджила съ внутренними государствами, именно съ Удаемъ и Дарфуромъ, повидимому, приняла значительные размѣры съ тѣхъ поръ, какъ Нильскій путь былъ запертъ войной. Въ 1855 г. торговля сношенія на дорогѣ изъ Ауджила въ Удай совершенно прекратились на нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе нападенія мальтійскихъ купцовъ, которые, какъ говорятъ, съ разрѣшенія триполійскаго паши, атаковали близъ Ауджила одинъ караванъ, убили нѣсколько человекъ и захватили десятка три плѣнныхъ. Чтобы отмстить за этотъ разбой, удайскій султанъ велѣлъ отрубить голову Фогелю и поклялся предавать смерти всѣхъ христіанскихъ путешественниковъ, которые попадутся ему въ руки ²⁾).

Во всѣхъ этихъ оазисахъ господствуетъ религіозный орденъ сенусіевъ, но официальнымъ представителямъ власти является муръ, имѣющій пребываніе въ оазисѣ Джало и составляющій рѣшенія именемъ губернатора Бенгази. Дѣятельность его ограничивается взиманіемъ налоговъ, такъ какъ различныя роды или кланы племенъ уаджила, моджабра и зуйя, въ числѣ около двадцати, пользуются самоуправленіемъ во всѣхъ общинныхъ дѣлахъ. Когда Пако посѣтилъ оазисъ Джало, власть принадлежала бывшему французскому барабанщику, бѣжавшему изъ арміи во время египетской экспедиціи, который, послѣ ряда приключеній, сдѣлался, совершенно невѣдомо для своихъ соотечественниковъ, правителемъ царства въ пустынѣ.

III. Оазисъ Куфра.

Архипелагъ зеленѣющихъ острововъ Куфра, затерянный среди песковъ и каменистыхъ пространствъ Ливійской пустыни, есть одна изъ самыхъ труднодоступныхъ мѣстностей африканскаго континента. Поэтому онъ оставался неизвѣстнымъ европейцамъ до конца прошлаго столѣтія, и нельзя утверждать съ увѣренностью, что онъ составлялъ часть извѣстнаго

¹⁾ Moritz von Beurmann, „Ergänzungsheft, № 8, zu Petermann's Mittheilungen“.

²⁾ G. Rohlf's, цитированное сочиненіе.

древнимъ свѣта, хотя тамъ несомнѣнно жило относительно цивилизованное населеніе. Горнеманъ первый услышалъ объ этихъ оазисахъ во время своего прохода черезъ Ауджилу; но ни Гамильтонъ, ни Бейерманъ, пытавшіеся пробраться въ эти таинственные края, не могли найти проводника, который бы согласился сопровождать ихъ, и когда Рольфсъ, Циттель, Горданъ отправились, въ 1874 г., изъ оазиса Дахель, чтобы идти прямо въ Куфру, по указаніямъ компаса, они должны были отказаться отъ этого плана, послѣ шести дней ходьбы: хотя сопровождаемые цѣлымъ обозомъ верблюдовъ, навьюченныхъ желѣзными ящиками съ водой, они принуждены были свернуть на сѣверъ въ Сиваху, чтобы идти между рядовъ дюнъ по относительно удобной для ходьбы почвѣ, тогда какъ по направленію къ Куфрѣ имъ нужно бы было переходить послѣдовательно, на пространствѣ 400 километр., сыпучіе пески, вздымающіе свои острые гребни на высоту 100 и даже 150 метровъ. Въ 1879 г. Рольфсъ, идя съ сѣвера, то-есть изъ оазиса Ауджила, успѣлъ, наконецъ, добраться до Куфры, гдѣ, впрочемъ, онъ подвергся большой опасности быть убитымъ, вмѣстѣ со своими спутниками. Отъ послѣдняго становища оазиса Джало, то-есть отъ колодца въ Баттифала, до перваго источника въ оазисѣ Куфра не менѣе 350 километр.; но слѣдъ идетъ не по прямой линіи, и особенно ночью караваны часто уклоняются въ сторону отъ точнаго направленія: дорога, пройденная Рольфсомъ, исчисляется имъ въ 400 километр., и это пространство пустыни было пройдено въ 106 часовъ непрерывной ходьбы. Правда, почва плоскогогорья, лежащаго между двумя группами оазисовъ, представляетъ лишь узкій поясъ дюнъ на южной своей оконечности, и около середины она перерѣзана долиной, лишенной зелени, бахаръ-бела-ма или «безводной рѣкой», впрочемъ, такъ мало отличающейся отъ окружающей мѣстности, что Рольфсъ перешелъ ее, не замѣтивъ, и упоминаетъ о ней только по разсказамъ туземцевъ. Почти все пройденное пространство состоитъ изъ серировъ, каменистыхъ плато, совершенно правильныхъ и покрытыхъ гравіемъ, дотога мелкимъ, что кажется, будто идешь по окаменѣлымъ чечевичамъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камешки имѣютъ величину маленькаго орѣха. Въ пустынѣ нѣтъ ни одного колодца, и жители оазиса Куфра зорко слѣдятъ, чтобы не выкапывали колодцевъ: они хотятъ, чтобы ихъ край оставался разобщеннымъ съ остальнымъ міромъ, потому что число ихъ очень не велико, можетъ быть, менѣе тысячи душъ, и они давно бы утратили свою независимость, если бы турецкія войска могли легко добраться до Куфры, переходя съ этапа на этапъ. Но если оазисы Куфра ошибочно показываются на многихъ картахъ, какъ

входящие въ составъ Триполи, то они, тѣмъ не менѣе, уже завоеваны иностранной державой—братствомъ сенусіевъ¹⁾. Посредствомъ религіозной пропаганды алжирскіе хуаны сдѣлались истинными властителями архипелага оазисовъ, и если бы ихъ метрополія, Джарабубу, лежащему еще слишкомъ близко къ прибрежью, грозилъ какой-нибудь завоеватель, христіанскій или магометанскій, они постарались бы перенести центръ своего могущества далѣе въ глубь пустыни, въ свою большую заюю аль-Истанъ. Во время своего путешествія Рольфсъ имѣлъ случай убѣдиться, насколько могущественны хуаны. Угрожаемый ими, онъ спасся отъ неминуемой гибели только бѣгствомъ; но какъ только личность его была защищена формальнымъ признакомъ фарегдскаго махди, всѣ стали оказывать ему почтеніе, и имущество его было строго уважаемо.

Оазисы Куфра лежатъ не ниже уровня моря, какъ это предполагали, когда былъ открытъ рядъ низменностей, простирающійся отъ египетскихъ оазисовъ до залива Большой Сиртъ. Начиная отъ оазиса Ауджила, лежащаго ниже поверхности Средиземнаго моря, почва незамѣтно поднимается, и уже оазисъ Тейсербо, самый сѣверный въ архипелагѣ Куфра, достигаетъ высоты 250 метровъ. Южный оазисъ этой группы, Кабабо, лежитъ на высотѣ 400 метровъ, и весьма вѣроятно, что почва продолжаетъ повышаться въ южной пустынѣ до оазиса Ваджанга. Въ то время, какъ на востокъ и на сѣверо-востокъ песчаный океанъ развѣтывается свои высокія волны, въ землѣ Куфра днѣ немного, развѣ только около центральной части, гдѣ онѣ окружаютъ оазисъ Бусейма, на западѣ и на югѣ онѣ исчезаютъ совершенно, и повсюду является гладкая плита или рыхлый песокъ, составляющій грунтъ оазисовъ. «Горы», круто поднимающіяся надъ пальмовыми рощами или надъ степями, состоятъ изъ нубійскаго песчаника и известняка, прикрытыхъ лавами. Отдѣленные одинъ отъ другаго, эти джебели, кажется, представляютъ остатки нѣкогда сплошнаго плоскогорья, которое годы или вѣтры разрушили въ большей части, оставивъ лишь одиноко стоящихъ «свидѣтелей» прошлаго: всѣ они имѣютъ почти одинаковую высоту, только идеальная плоскость, соединяющая всѣ вершины и вѣроятно совпадающая съ бывшей поверхностью плоскогорья, постепенно повышается въ направленіи съ сѣвера на югъ. Рольфсъ нигдѣ не открылъ горныхъ породъ, содержащихъ ископаемые организмы; но песокъ заключаетъ въ себѣ множество остеклованныхъ трубокъ, произведенныхъ или громомъ, или органическими выдѣленіями²⁾. Тамъ и самъ почва покрыта также песчаниковыми

шарами, большими и малыми, которые придаютъ равнинѣ видъ двора арсенала, устланнаго бомбами, ядрами и пулями. Между этими сrostками одни пусты внутри, другіе имѣютъ твердое ядро или наполнены пескомъ.

Вода есть въ изобиліи въ оазисахъ Куфра, и достаточно выкопать яму глубиной отъ одного до трехъ метровъ, чтобы найти жидкій слой: въ этомъ отношеніи Куфра отличается отъ большинства ливійскихъ оазисовъ; здѣсь вездѣ можно безъ труда добыть себѣ хорошей воды. Это водяное богатство кажется удивительнымъ въ странѣ, гдѣ дожди бываютъ не каждый годъ; нужно допустить, что горы, лежащія къ югу отъ этой области плоскогорья, довольно высоки, чтобы задерживать дождевыя облака, на проходѣ. Каждый изъ оазисовъ, за исключеніемъ, можетъ-быть, оазиса Сиргенъ (Зигенъ), лежащаго на сѣверо-востокѣ архипелага, имѣетъ въ центральной своей части либо озеро, либо, по крайней мѣрѣ, болотистую себху, гдѣ скопляется излишекъ грунтовыхъ водъ. Озеро Бусейма, по серединѣ оазиса того же имени, представляетъ издали даже видъ горнаго озера. Доминируемое отвѣсными кручами утесовъ и омывающее своими синими водами уединенную скалу пирамидальной формы, это озеро тянется между рядами пальмъ на пространствѣ около 10 километровъ, и соляныя эфлоресценціи его береговъ, на которыхъ непрестанно вибрируютъ и кружатся столбы нагрѣтаго воздуха, походятъ на пѣнящіеся гребни волнъ, разбивающихся на берегу. Подлѣ всякаго солянаго озера и болота Куфры можно копать колодцы, которые даютъ прѣсную воду, и вездѣ почва покрывается растительностью, древесной и травяной, по крайней мѣрѣ достаточной для пастбы верблюдовъ.

Хотя оазисы Куфры отличаются отъ большинства другихъ зеленѣющихъ острововъ пустыни богатствомъ своей растительности, они, однако, представляютъ лишь небольшое число формъ: одинъ и тотъ же видъ, на примѣръ, альфа, тамарискъ, акація или тальха, занимаетъ необозримое пространство, обнимающее нѣсколько десятковъ квадратныхъ километровъ. Исслѣдованіе Рольфса, которое, впрочемъ, было слишкомъ круто прервано, чтобы могло дать всѣ результаты, какихъ можно было отъ него ожидать, констатировало только 39 видовъ, въ томъ числѣ 26 культивируемыхъ. Одну изъ характерическихъ чертъ флоры Куфры составляетъ многочисленность дикихъ смоковницъ, которыя растутъ чащами, служащими убѣжищемъ безчисленному множеству змѣй. Змѣи эти, не ядовитыя, имѣютъ привычку обвиваться вокругъ вѣтвей смоковницъ или ваіи финиковыхъ пальмъ и, поднявъ голову, поджидать маленькихъ птичекъ, которыя садутъ на близкомъ разстояніи. Но зато другія птицы, принадлежащія, повидимому, къ специальной фаунѣ Куф-

¹⁾ Gerbard Rohlfis, "Kufra";—Henri Duveyrier, "Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1884.

²⁾ Rohlfis, "Kufra".

ры, занимаются неустанной охотой на этихъ змѣй. На болотахъ дикіе гуси и утки плаваютъ мириадами; аисты тоже показываются иногда въ соседствѣ водъ; кромѣ того, оазисы посѣ-

чаются во множествѣ мелкіе грызуны, а также нѣкоторые виды ящерицъ, пауковъ, муравьевъ. Улитокъ въ оазисахъ Куфры совсѣмъ нѣтъ, какъ и въ оазисахъ группы Ауджила ¹⁾.

Группа пальмъ въ оазисѣ Куфра.

щаются странствующими ласточками. Газели рѣдки, только въ оазисѣ Эрбена, на юго-западѣ архипелага, довольно обыкновенны; но встрѣ-

Имя Куфра, происшедшее отъ Кафиръ, означаетъ «страну невѣрныхъ». Однако, архипе-

¹⁾ Rohlfs, — Ascherson; — Peters, „Kufra“.

лагъ оазисовъ не заслуживаетъ болѣе этого названія съ первой половины XVIII столѣтія, когда язычники тиббу были прогнаны магометанами зуйя, пришедшими по большей части изъ оазиса Лешкерре и поддерживающими еще сношенія со своими земляками въ группѣ Ауджила. Тѣ тиббу, которыхъ нынѣ увидишь въ краѣ, только терпимы тамъ, и можетъ-быть, уже не существуетъ, кромѣ какъ въ южномъ оазисѣ, ни одного поселка, гдѣ бы они жили отдѣльной группой. Однако, многочисленныя строенія напоминаютъ о пребываніи этихъ прежнихъ жителей, также какъ о пребываніи ихъ предковъ или предшественниковъ, гарамантовъ. Находимые въ этой области Ливіи обдѣланные кремни свидѣтельствуютъ о доисторическомъ періодѣ, подобномъ тому, какой пережила Европа. На гребнѣ массива Джебель-Бусейма древнее селеніе такъ хорошо сохранилось, что достаточно было бы протянуть крышу изъ пальмовыхъ вѣтокъ надъ круглой стѣнной хижинѣ, чтобы сдѣлать ихъ снова жилищами; потерны, оборонительныя башни и вѣшній валъ являлись въ такомъ же видѣ, какъ были построены архитекторомъ. На верху скалы, высшейся по срединѣ озера Бусейма, стоитъ крѣпость того же рода, въ которой обитали прежніе владѣтели края. Остались также древнія кладбища, которыя магометане позволяютъ профанировать безъ всякаго протеста, на томъ основаніи, что находимые тамъ скелеты въ сидячемъ положеніи принадлежали проклятымъ кафирамъ. Арабы племени зуйя, сдѣлавшіеся господами страны по праву завоеванія, причисляютъ себя къ самымъ вѣрнымъ ученикамъ Пророка, съ тѣхъ поръ какъ получаютъ поученія отъ членовъ братства сенуси. Ихъ шейхъ никогда не показывается передъ людьми своего племени иначе, какъ верхомъ на конѣ, подъ зонтикомъ, съ соколомъ, сидящимъ на маленькой подушкѣ у него за спиной, и въ сопровожденіи борзой собаки; онъ всегда вооруженъ длиннымъ кремневымъ ружьемъ съ заржавленнымъ штыкомъ. Зуйи предоставляютъ презрѣннымъ тиббу южныхъ деревень употребленіе первобытнаго оружія, каковъ, на примѣръ, шангермангеръ, узкая желѣзная палица, тяжелая и заостренная, которая кружится въ воздухѣ прежде, чѣмъ достигнетъ цѣли.

Архипелагъ Куфра состоитъ изъ пяти главныхъ оазисовъ. На сѣверо-западѣ лежитъ оазисъ Тайсебро, прежняя столица котораго, Джрангедв, служившая резиденціей тиббускимъ султанамъ, до сихъ поръ еще доминируется остаткомъ замка, построеннаго изъ глыбъ каменной соли. Имя Куфра, примѣняемое теперь ко всей группѣ оазисовъ, въ началѣ, кажется, принадлежало одному только Тайсебро, но политическое первенство этого оазиса побудило распространить его специальное названіе и на другіе острова архипелага, хотя, въ среднемъ,

они отстоятъ одинъ отъ другаго верстѣ на сто. На сѣверо-востокѣ, оазисъ Сиргенъ почти необитаемъ, и зуйи даже не насадили тамъ финиковыхъ пальмъ, хотя безъ труда можно бы было въ короткое время развести обширныя пальмовыя плантаціи; тѣмъ не менѣе, этотъ оазисъ имѣетъ весьма важное значеніе, какъ этапное мѣсто для каравановъ, благодаря прекрасной пастбищѣ, которую находятъ тамъ верблюды. Оазисъ Бусейма, въ центрѣ архипелага, замѣчательнѣе своимъ озеромъ и окружающими, на подобіе крѣпостнаго вала, горами: на сѣверѣ — Джебель-Бусейма, на сѣверо-востокѣ — Джебель-Сиргенъ, на югѣ — Джебель-Нари; послѣдній, въ видѣ разорваннаго хребта, тянется подъ разными именами, съ востока на западъ, на пространствѣ около 200 километровъ. На юго-западѣ, оазисъ Эрбехна имѣетъ почти тѣ же размѣры, какъ оазисъ Бусейма, и представляетъ такой же видъ: это поясъ пальмъ, окружающій озеро, надъ которымъ господствуютъ крутые откосы горъ. Наконецъ, на юго-востокѣ, простирается самый значительный оазисъ архипелага Куфра — зеленѣющій полумѣсяцъ Кебабо, имѣющій не менѣе 200 километровъ отъ одной до другой оконечности. На этомъ оазисѣ сгруппировалось почти все населеніе Куфры: здѣсь, около середины оазиса, основалась деревня Джофъ, или «Полая», теперь самое большое поселеніе въ этой части Африки: здѣсь же находится монастырь, гдѣ живутъ владѣтели страны. Зауяя эль-Истатъ, или «обитель чистоты», походитъ скорѣе на крѣпость: изъ-за его высокихъ бѣлыхъ стѣнъ, которыя могли бы выдержать осаду, видѣются только верхушки домовъ съ террасами. Но, не опасаясь болѣе нападеній непріятеля, братья сенуси, живущіе въ оградѣ зауяи въ числѣ около двухсотъ пятидесяти человекъ и имѣющіе въ своемъ распоряженіи почти столько же невольниковъ, давно уже развели сады за стѣной; въ непосредственномъ соудѣствіи монастыря раскинутъ обширный, занимающій нѣсколько гектаровъ, садъ, гдѣ можно видѣть почти всѣ плодовые деревья, произрастающія въ оазисахъ Триполитаніи. Изъ милліона пальмъ, находящихся на земляхъ Куфры, они получили около трети въ даръ монастырю отъ благочестивыхъ вѣрующихъ.

Пространство группы оазисовъ Куфра, по Бему: оазисъ Тайсербо — 6.343; оазисъ Сиргенъ — 2.054; оазисъ Бусейма — 320; оазисъ Эрбехна — 314; оазисъ Кебабо — 8.793 кв. километр.; всего — 17.824 кв. километр.

IV. Берега большаго Сирта и Триполи.

Область триполійскаго побережья, ограниченная на востокъ крайней вогнутостью Большаго Сирта, на западѣ южными мысами тунис-

ских береговъ, составляетъ особую территорию въ административномъ отношеніи, и при томъ ясно очерченную рельефомъ почвы. Поясъ неравной ширины, уади котораго, съ ихъ безчисленными притоками, почти всегда сухими, наклонены къ Средиземному морю, обставленъ на югѣ и юго-западѣ цѣпями скалъ и горъ или изрытыми краями плоскогорья, которое, въ цѣломъ, тянется почти параллельно берегу Сиртовъ. Этотъ поясъ и есть Триполи въ собственномъ смыслѣ. Вилайетъ того же имени обнимаетъ, сверхъ того, часть плоскогорья, простирающуюся на юго-западъ черезъ Гадамесъ до алжирской границы, но то уже особая область, почва которой имѣетъ скатъ въ западномъ направленіи, къ Сахарѣ. На югѣ, разбросанные оазисы Феццана, отдѣленные отъ средиземной покатости горами, плоскими возвышенностями, обширными пустынными пространствами, составляютъ другую естественную область. Не включая Киренаики, Феццана, Гадамеса и Рата, но пренебрегая административными разграниченіями и принимая во вниманіе только водораздѣльныя возвышенности между бассейнами, пространство Триполитаніи можно считать приблизительно въ 260.000 кв. километровъ, а общее число жителей этой обширной страны около 650.000, что составитъ, въ среднемъ, отъ 2 до 3 человѣкъ на 1 квадрат. километръ.

Болѣе удаленные отъ Европы, чѣмъ Мавританія, и имѣющие въ сосѣдствѣ лишь небольшую полосу годныхъ къ культурѣ земель, берега Триполитаніи мало привлекали торговлю во все продолженіе историческаго періода; корабли, обибавшіе выдвинутые мысы Нумидіи или Киренаики и пускавшіеся въ южномъ направленіи, находили во многихъ мѣстахъ пустыню у самаго края морскихъ водъ; на пространствахъ нѣсколькихъ сотенъ верстъ тянутся низкіе песчаные берега; другія части побережья усыяны подводными камнями, а внутри материка разстилаются болота и лагуны, отдѣленные отъ моря узкими береговыми поясами суши; даже подходя близко къ берегу, съ трудомъ отлечаешь его отъ поверхности моря. Особенно боялись древніе мореплаватели залива Большаго и Малаго Сиртовъ, по причинѣ его бурновъ, бесплодія его береговъ, вредныхъ испареній его болотъ и дикости прибрежныхъ племенъ. Слабая населенность Триполитаніи, маловажность ея торговли въ совокупности обмѣна, происходящаго на Средиземномъ морѣ, скромная цифра доходовъ, получаемыхъ съ нея политическими ея владѣтелями, доказываютъ, что за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ знаніе страны очень мало увеличилось; значеніе это несомнѣнно уменьшилось на побережьѣ, гдѣ нѣкогда стояли большіе города, и въ областяхъ, черезъ которыя проходили морскіе пути. Теперь остается докончить изслѣдованіе—или,

пожалуй, можно сказать—открытіе. Триполитаніи. Хотя со времени путешествія Горнемана, въ прошломъ столѣтіи, она была посѣщена многими путешественниками-ислѣдователями, какъ Лайонъ и Ритчи, Денгамъ, Оудней и Клаппертонъ, Ленгъ, Ричардсонъ, Бартъ, Фогель, Бейерманъ, Дюверье, Мирчеръ и Ваттоне, Рольфсъ, Нахтигаль, фонъ-Бари, Крафтъ, однако пройденные ими пути, исходя по большей части изъ г. Триполи, оставили въ сторонѣ многія любопытныя мѣстности внутренней части, и изученіе страны въ геологическомъ, метеорологическомъ, этнологическомъ и археологическомъ отношеніи ожидаетъ еще новыхъ изслѣдователей.

Въ наши дни земля сдѣлалась маленькою подъ сѣтью опоясывающихъ ее дорогъ, и нѣкоторыя географическія условія, которыми древніе, вынужденные слѣдовать морскими путями, вовсе не интересовались, получили совершенно новое значеніе. Именно эта глубокая вырѣзка береговъ, отдаляющая Европу отъ равнинъ Триполи, оказывается выгодной для сообщеній съ внутренностью материка. Гавани Триполитаніи, какъ онѣ ни маловажны, являются естественными исходными пунктами для каравановъ, отправляющихся въ западный Суданъ. Благодаря заливу Сиртовъ, образуемому въ массѣ африканскаго континента вырѣзку, средняя ширина которой около 500 километровъ, путешествіе черезъ пустыню до внутреннихъ плодородныхъ областей сокращается на цѣлую четверть; кромѣ того, дорога изъ Триполи къ озеру Чаде, находящемуся прямо на югъ отъ этого города, относительно легка, такъ какъ караваны время отъ времени встрѣчаютъ на пути слѣдованія оазисы, феццанскіе и другіе; ни горы, ни дюны не представляютъ инженерамъ трудно-одолимыхъ препятствій, и рѣдкія населенія оазисовъ, съ давнихъ поръ посѣщаемыя иноземными изслѣдователями, конечно, не воспротивятся строительнымъ работамъ¹⁾. «Кто овладѣетъ Триполи, тому будетъ принадлежать и Суданъ!» восклицаетъ путешественникъ Рольфсъ, совѣтуя Италіи завоевать Триполитанію²⁾. Желѣзную дорогу онъ предлагаетъ провести изъ порта Триполи или изъ глубины Большаго Сирта, именно изъ гавани Брайга, къ городу Кука, у западнаго берега озера Чаде. Можетъ-быть даже, если бы рѣшились устроить достаточно глубокой портъ на западномъ берегу Большаго Сирта, напри-
мѣръ, въ бухточкѣ Зафранъ (Марса-Зафранъ), можно бы еще укоротить этотъ рельсовый путь на 200 километровъ. И не только этотъ планъ самый короткій, какой можно начертать для дороги, долженствующей соединить бассейны Средиземнаго моря съ бассейномъ большаго

¹⁾ G. Rohlfs, „Petermann's Mittheilungen“, 1877, 11.

²⁾ „Esploratore“, 1865, fasc. I.

внутреннего озера Африки, но онъ въ то же время, кажется, былъ бы наиболѣе подходящимъ для трансконтинентальнаго пути, который дойдетъ до крайней вогнутости Гвинейскаго залива, между Нигеромъ и Конго. Поэтому безспорно, что желѣзнодорожная линія, которая направится изъ Триполи къ югу, будетъ рано или поздно однимъ изъ главныхъ путей для всемирной торговли; но едва-ли она можетъ превзойти въ важности болѣе западное направленье, именно дорогу, которая, исходя изъ сѣти, уже дѣйствующей, алжирскаго поморья, достигнетъ черезъ уэдъ Мессаура, большой дуги, описываемой Нигеромъ ниже Томбукту. Съ этой стороны представляется громадная выгода въ обоихъ исходныхъ пунктахъ, какъ по многочисленности населенія, такъ по обилію произведеній и размѣрамъ торговой дѣятельности. При томъ же, въ случаѣ выбора болѣе западнаго направленія, нужно бы было только продолжить, на югъ Алжира, линіи уже открытыя или концессионированныя до болѣе южной широты, чѣмъ Триполи.

Горы Триполитаніи начинаются на востокѣ, въ неизслѣдованной еще области пустыни, цѣпью вулканическаго происхожденія, среднее направленье которой съ юго-востока на сѣверо-западъ: это Гаруджъ-эль-Асуадъ или «Гаруджъ Черный», названный такъ по причинѣ его лавъ. До сихъ поръ только одинъ путешественникъ, Горнеманъ, прошелъ эту цѣпь въ восточной ея части, и со времени его посѣщенія протекло около ста лѣтъ; позднѣйшіе изслѣдователи только видѣли эти горы издали или познакомились съ ними лишь по рассказамъ туземцевъ. Гаруджъ Черный, поверхность котораго покрыта также во многихъ мѣстахъ красноватыми шлаками, болѣе легкими, нежели черныя лавы, состоитъ изъ маленькихъ низкихъ цѣпей и уединенныхъ вершинъ съ крутыми откосами, изрѣзанныхъ глубокими разсѣлинами и трещинами: эти крутыя горы, около 200 метровъ средней высоты надъ плато, на которомъ онѣ стоятъ, и которое само возвышается на 600 метровъ (въ среднемъ) надъ уровнемъ океана, суть, можетъ-быть, вулканы, горѣвшіе нѣкогда на берегахъ Средиземнаго моря или озеръ, разстилающихся у ихъ основанія; но песчанковыя и известковыя формации, которыя лавы пробіли трещинами изверженія, тоже составляютъ значительную часть этой горной системы ¹⁾. На югъ отъ Гаруджа Чернаго продолжается далеко известковая гамада, плато, оканчивающееся на сѣверо-востокѣ Мурзукской низменности утесами и холмами, называемыми Гаруджъ-эль-Абиадъ, то-есть «Гаруджъ Бѣлый»; арабы говорятъ, что тамъ находятъ цѣлые скелеты большихъ морскихъ животныхъ ²⁾.

¹⁾ G. Rohlfs, „Kufra“.

²⁾ H. Duveyrier, „Exploration du Sahara, les Touaregs du nord“.

Западное продолженіе Гаруджа Чернаго за переваломъ, черезъ который можно пройти изъ оазиса Зелла, на сѣверномъ склонѣ, въ оазисъ Фога, на южномъ, составляетъ Джебель-эль-Сода или «Черная гора», упоминаемая уже Плиніемъ подъ именемъ Mons Ater. По объясненію римскаго энциклопедиста, это названіе, сохранившееся въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ тысячъ лѣтъ, происходитъ оттого, что горы кажутся почернѣлыми отъ дѣйствія огня, но, освѣщенные лучами солнца, онѣ имѣютъ видъ объятыхъ пламенемъ. Черная гора, самая высокая цѣпь южной Триполитаніи, развиваетъ свой гребень въ общемъ направленіи отъ востока къ западу, такъ что описываетъ дугу, слегка выпуклую къ сѣверу. Она дѣлится на двѣ части различнаго вида широкой брешью или вѣрнѣе, говоритъ Дюверье, «последовательнымъ рядомъ овраговъ», гдѣ проходитъ дорога (на высотѣ 736 метр. по Дюверье, 750 метр. по Нахтигалю), которую слѣдуютъ торговые караваны между Мурзукомъ и оазисомъ Джофра; самыя имена, данныя каждой изъ половинокъ цѣпи, Сода-Шеркіяхъ и Сода-Гарбіяхъ, указываютъ ихъ относительное положеніе на восточной и западной сторонѣ этой дороги. Сода-Шеркіяхъ, или «Восточная», образуетъ лишь небольшой выступъ надъ поверхностью плоскогорья, тогда какъ «Западная» Сода вздымается на значительную высоту; одна вершина, Кальбъ-Варкау, возвышается на 900 метр. ¹⁾; на западной оконечности хребта, тамъ, гдѣ онъ примыкаетъ къ большой каменистой гамадѣ, называемой Гамада-эль-Гомра или «Красное плато», другая вершина, Наберъ-эль-Джругъ, достигаетъ, будто-бы, 1.300 метр.; по Рольфу, который, впрочемъ, не дѣлалъ точныхъ измѣреній въ массивѣ Джебель-эль-Сода, есть также и въ восточной цѣпи вершины въ полтора километра. Какъ это было уже констатировано Горнеманомъ и подтверждено Дюверье, Джебель-эль-Сода въ большей части вулканическаго происхожденія. Этотъ послѣдній путешественникъ привезъ оттуда куски базальтовой лавы, которая, какъ полагаетъ Деклуазо, произошла, по всей вѣроятности, путемъ подводнаго изверженія.

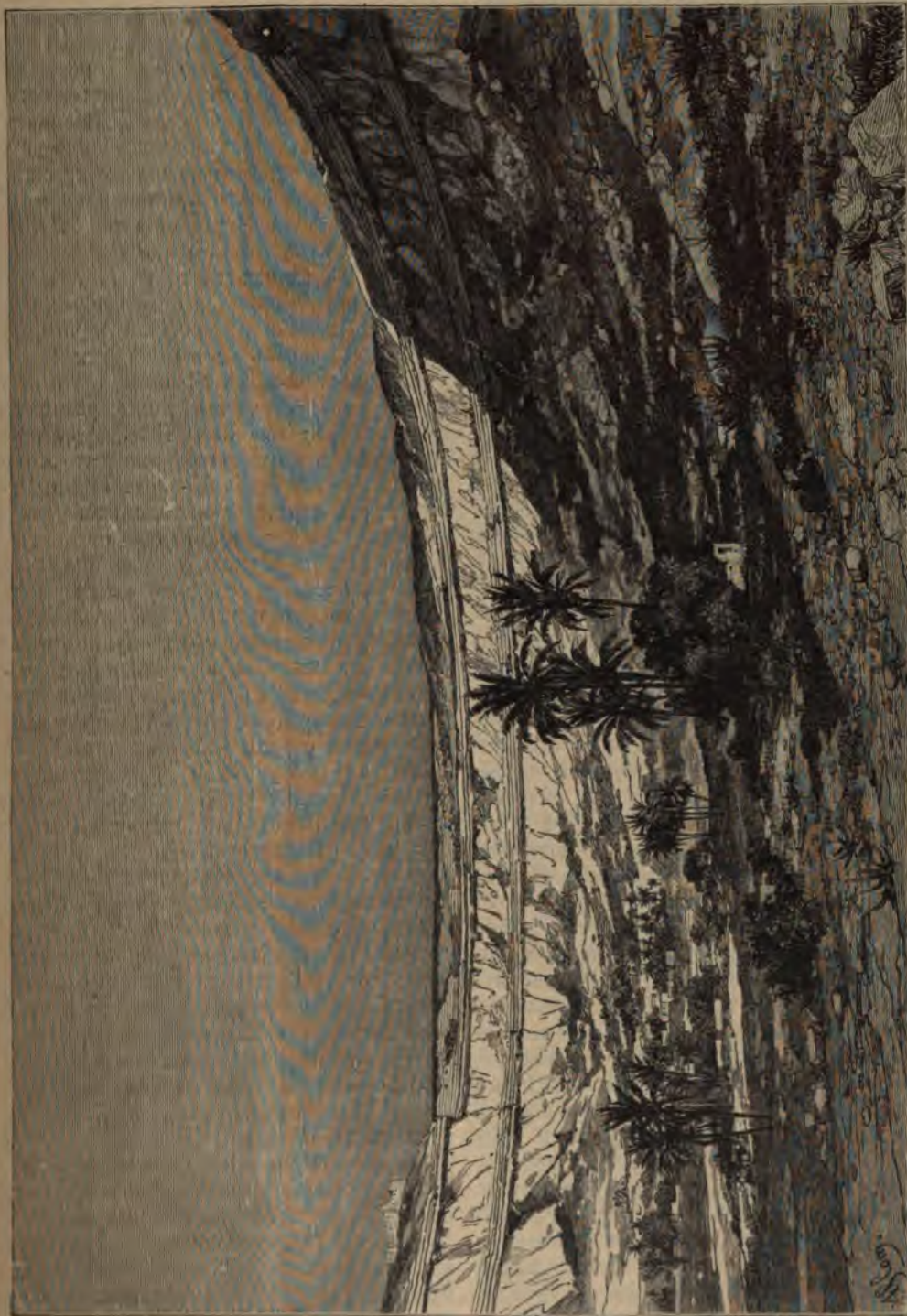
На сѣверѣ главная цѣпь выдѣляетъ изъ себя нѣсколько вѣтвей или отроговъ, которые теряются въ равнинахъ побережья. Многія предгорья являются также совершенно уединенными: таковы, напримѣръ, предгорья въ сосѣдствѣ оазиса Джорфа, поднимающіяся на 200 и 250 метровъ надъ уровнемъ уади, средняя высота котораго около 200 метр.; одна изъ этихъ уединенныхъ скалъ, Лохмани, росла пальмами до половины ея высоты. На сѣверѣ оазиса возвышается, среди равнины,

¹⁾ Nachtigal, „Sahara und Soudan“.

горный массивъ, совершенно отдѣльный отъ цѣпи Сода: это Джебель-Таръ, совокупность скалъ третичной формаціи, содержащихъ толстые слои ископаемыхъ. Высота этого масси-

соловей), изслѣдователя, такъ много сдѣланнаго для изученія Сахары и Судана, Рольфсъ далъ самой высокой вершинѣ Тара названіе Джебель-Бульбуль, или «Гора Соловья».

Касръ-эль-Джебелъ.

ва — всего только 400 метр. — недостаточна для того, чтобы облака задерживались на немъ и оставляли свою ношу влажности; оттого въ этихъ горахъ находятъ лишь горькіе ключи. Въ память своего друга Нахтигала (Nachtigal —

На западъ и сѣверо-западъ Черной Горы простирается безконечное «Красное плоскогорье», поверхность котораго исчисляется въ 100.000 квадр. километр.: съ сѣвера на югъ, тамъ, гдѣ его перешелъ Бартъ, въ 1850 году,

отъ пустынного берега Триполи до Мурзука, протяженіе его слишкомъ 200 километр., а съ востока на западъ оно продолжается, плоскогорьемъ Тингертъ, почти на 700 километр., на югъ отъ оазиса Гадамесъ и области алжирскихъ дюнь. Красная Гамада, между всѣми африканскими возвышенностями этого рода, есть «гамада» по преимуществу, «спаленная» область, самая опасная для каравановъ по причинѣ ея безводности; на краю утеса, по которому вступаютъ въ нее, каждый человѣкъ набожно кладетъ камень на бусафаръ («отецъ путешествія»), пирамиду «умилостивленія», возводимую изъ вѣка въ вѣкъ поколѣніями торговцевъ ¹⁾. Трава, кустарникъ и звѣри рѣдки на этомъ безжизненномъ плато; даже птицы избѣгаютъ его, боясь перелетать его страшныя пустыни, какъ пустыни океана ²⁾. Однако, верблюды находятъ себѣ тамъ и сямъ кое-какой кормъ; по сторонамъ тропы на гамадѣ кое-гдѣ попадаются впадины, покрытыя легкой зеленью; Бартъ видѣлъ даже въ одной ложинѣ малорослыя пальмы; вода, приносимая рѣдкими дождями, скопляется въ этихъ низинахъ, но, быстро испаряясь, оставляетъ послѣ себя лишь тонкую соляную кору. Во многихъ мѣстахъ образовались овраги уади, но воды было недостаточно, чтобы вырыть въ скалѣ цѣлое рѣчное ложе, и за послѣднимъ циркомъ, происшедшимъ путемъ размыванія, долина снова замыкается. Въ цѣломъ, плоскогорье это представляетъ замѣчательно ровную поверхность, гдѣ нѣтъ ни камней, ни дюнь; высота его очень мало измѣняется, именно отъ 450 до 500 метровъ; высшая точка дороги, которую слѣдовалъ Бартъ, лежитъ на высотѣ 511 метровъ, и указывается издали сложенною на ней кучей камней. На первый взглядъ можно подумать, что почва гамады образована изъ базальтовыхъ площадей,—дотого она кажется черной и обгорѣлой; но на самомъ дѣлѣ она состоитъ изъ пластовъ песчаника, прикрытыхъ глиной и гипсомъ, еще чаще мергелемъ, известнякомъ, кремнистыми слоями: тамъ собрано множество ископаемыхъ раковинъ. Съ южной стороны почва понижается рядомъ террасъ и утесами, изрѣзанными глубокими ущельями; обильный источникъ Гасси и другіе ключи, бьющіе на высотѣ 230 метровъ ниже поверхности плоскогорья, обозначаютъ границу сѣверной пустыни; на югъ начинается область оазисовъ, населенныхъ «эоипскими» расами. Невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ могли римскіе легіоны, не имѣвшіе въ своемъ распоряженіи верблюдовъ, какъ нынѣшніе караваны, переходить Красную гамаду, о чемъ свидѣлствуютъ древніе писатели и что доказываютъ богато изваянныя гробницы, стоящія черезъ извѣстные

промежутки вдоль дороги, особенно на вершинахъ или утесахъ, господствующихъ надъ обширнымъ пространствомъ? Нѣкоторые изъ этихъ надгробныхъ памятниковъ, называемыхъ арабами *санемъ*, представляютъ собою маленькія зданія необыкновенно изящнаго стиля, и показываютъ, что зодчіе и ваятели этихъ отдаленныхъ захолустій не уступали въ искусствѣ художникамъ метрополи. Изъ путешественниковъ новаго времени Бартъ, Овервергъ, Ричардсонъ первые изслѣдовали прямой переходъ черезъ гамаду; другіе европейскіе путешественники слѣдовали болѣе восточной дорогой, идущей черезъ цѣпь Черныхъ горъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что эта область обсохла въ теченіе послѣднихъ двадцати вѣковъ ¹⁾; только этимъ и объясняется относительная доступность, въ древности, западной дороги, *praeter caput saxi*, черезъ вершину скалы ²⁾.

На сѣверо-востокъ Красное плато окаймлено бахромой узкихъ выступовъ, разрѣзанныхъ на второстепенные мысы. Нѣкоторые изъ этихъ фрагментовъ громаднаго каменнаго стола даже совершенно отдѣлились отъ гамады и образовали самостоятельныя маленькія цѣпи, ограничennыя съ каждой стороны оврагами уади. Таковы Кафъ-Мужеладъ, Джебель-Хадамія, Джебель-Эргеннъ, средняя высота которыхъ почти та же, что и высота плоскогорья. Съ высоты перерѣзывающихъ ихъ проходовъ открывается видъ въ даль на сѣтъ широкихъ овраговъ, покатыхъ на востокъ и сѣверо-востокъ, къ Средиземному морю; каждый выступъ или мысъ этой горной страны увѣнчанъ, подобно вершинамъ гамады, руинами гробницъ и другихъ римскихъ зданій, украшенныхъ колоннами и изваяніями. Необходимо, говорить Рольфсъ, изслѣдовать методически всю эту часть Триполитаніи, чтобы изучить находящіяся тамъ драгоценныя надписи и собрать лучшіе барельефы. Основаніе музея древностей въ Триполи могло бы сохранить любопытные памятники старины, которымъ иначе грозитъ опасность обратиться скоро въ груды камня, въ родѣ *алл-момъ* или кучъ, складываемыхъ арабами среди песковъ и служащихъ указателями пути.

На сѣверѣ Красной гамады слѣдуютъ одна за другой нѣсколько цѣпей или, вѣрнѣе, выступовъ плоскогорья, имѣющихъ по большей части общее направленіе отъ востока къ западу, слѣдовательно, параллельное и къ окраинѣ гамады, и къ морскому побережью. Эти-то ряды высотъ, поднимающихся, въ среднемъ, выше главнаго песчанниковаго стола, и задерживающихъ на проходѣ приносимыя вѣтрами дождевыя облака, лишаютъ влаги обширную поверхность плоскогорья, простирающагося на югъ. Въ цѣломъ, вся эта гористая область сѣвера, из-

¹⁾ H. Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central Africa“.

²⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Barth; — Duveyrier; — Rohlfs, „Land und Volk in Afrika“.

²⁾ Плиній, кн. V, гл. 5.

вѣстная подъ общимъ именемъ «Джебелъ», *Cilius Mons* древнихъ, должна быть разсматриваема какъ терраса болѣе высокаго уровня, чѣмъ Гамада-эль-Гомра, но гораздо болѣе неровная и изрѣзанная по всей толщѣ глубокими уади. Средняя высота этой сѣверной террасы около 600 метровъ. Джебелъ-Гуріанъ, массивъ, образующій сѣверо-восточный бастионъ этой горной страны, синія главы котораго, поднимающіяся надъ коронами пальмъ, видны изъ Триполи, имѣетъ вершины въ 675 метровъ, а Бартъ упоминаетъ объ одной «очень высокой горѣ», по имени Бибель, не давая, однако, ея приблизительнаго возвышенія. Со стороны холмовъ и низменностей, покатыхъ къ морю и называемыхъ Эль-Джефарахъ или «Низкими», терраса Гуріанъ во многихъ мѣстахъ круто обрывается утесами; овраги основанія, наполненные зеленью фруктовыхъ деревьевъ, обставлены съ той и другой стороны голыми стѣнами, гдѣ изъ бѣлаго известняка, гдѣ изъ чернаго базальта. На краю одной изъ этихъ пропастей, почти вертикальной, стоитъ крѣпость Касръ-Гуріанъ, съ четырьмя круглыми башнями по угламъ. Изъ этого орлинаго гнѣзда турецкій гарнизонъ можетъ обозрѣвать значительное пространство вѣреннаго ея охраненію страны.

На западѣ Джебелъ-Гуріана край большой террасы, который Бартъ называетъ истиннымъ «континентальнымъ берегомъ», продолжается далѣе, представляя почти на всемъ своемъ протяженіи такой же крутой скатъ: на берегу Уади-Серта, въ Джебелъ-Іефренѣ, одинъ утесъ вздымается вертикально на высоту 500 метр. Одна изъ вершинъ, стоящихъ на вѣшнемъ ребрѣ террасы, пріютила на своей кульминаціонной точкѣ, на высотѣ 655 метр., цидатель, еще болѣе грозную, чѣмъ фортъ Гуріанъ, и которой по преимуществу даютъ имя Касръ-эль-Джебелъ, «Замокъ горы». Стѣны цирка, отрывающагося у подножія этой крѣпости, представляютъ удивительную правильность наслоения: различно окрашенные слои гипса и известняка, изъ которыхъ послѣдніе образуютъ выступающіе карнизы между мягкими пластами гипса, изгрызенными зубомъ времени, чередуются съ верху до низу утеса въ замѣчательномъ порядкѣ, какъ будто по плану архитектора ¹⁾. Высшая вершина этой области, примѣтная издалика по стоящей на ней руинѣ римскаго мавзолея, достигаетъ 850 метр. На западѣ Джебелъ-Іефрена слѣдуютъ другіе джебелы, еще очень мало извѣстные ²⁾, — Нефуса, затѣмъ Дупратъ, который тянется параллельно морскому берегу, на разстояніи около 100 километровъ, потомъ, приближаясь къ нему, сливается съ равниной въ Тунисѣ, близъ залива Габесъ. Почти вездѣ передовыя горы

Триполи покрыты растительной землей, какъ высоты алжирской Кабили, и плодовые деревья, культивируемые берберами той и другой страны съ одинаковой любовью, произрастаютъ тамъ тоже съ успѣхомъ: нѣтъ ни одной деревни, которая бы не имѣла своихъ рощъ финиковыхъ пальмъ, своихъ лѣсовъ маслины и другихъ фруктовыхъ деревьевъ: гранатаваго, абрикосоваго, смоковницы.

Впереди Джебеля въ собственномъ смыслѣ, то-есть изрѣзанной оврагами окраины плоскогорій, стоятъ удаленно нѣсколько потухшихъ вулкановъ; даже среди возвышенностей извержковыя породы мѣстами разорваны и представляютъ трещины, черезъ которыя вылились потоки базальтовыхъ лавъ. Нѣкоторые изъ этихъ конусовъ выдвинулись наружу черезъ осадочныя породы Джебелъ-Дуирата ³⁾. На сѣверо-западѣ Джебелъ-Гуріана высится двуглавый вулканъ Мантерусъ; восточнѣе, гора Текутъ, можетъ-быть, самая высокая изъ горъ сѣверной Триполитаніи (853 метр.), наклоняетъ въ южномъ направленіи свой кратеръ съ выбитымъ краемъ. На сѣверо-востокъ отъ конечнаго бастиона, образуемаго Джебелъ-Гуріаномъ, простирается нижняя терраса, устѣнная *шабами* или *шабатами*, то-есть жерлами изверженія, окруженными потоками лавы, которые теперь покрыты пучками алычи. Далѣе, святая гора Джебелъ-Мсидъ, съ арабскимъ замкомъ XIII столѣтія на вершинѣ, вздымается своей зеленѣющей, покрытой дерномъ, куполъ высоко надъ всѣми окружающими холмами. За этой горой, по направленію къ морю, простирается высокая равнина Таръ-Гона (300 метровъ), глинистая поверхность которой представляетъ тамъ и сямъ нѣсколько вулканическихъ пузирей, но которая вовсе не цѣль горъ, какъ ее обыкновенно изображаютъ на картахъ. На сѣверо-востокъ, другой Джебелъ-Мсидъ, тоже почитаемый какъ священная гора и увѣнчанный зауйей, или магометанскимъ монастыремъ, граничитъ съ одной стороны съ равниной Таръ-Гона, съ другой—съ холмами Бондара и Месселлата, массивы которыхъ продолжаютъ до самаго берега Средиземнаго моря. Въ одной изъ этихъ передовыхъ высотъ, вершина которой дѣлится на три гребня, путешественникъ Бартъ призналъ гору Трехъ Грацій, о которой говоритъ Геродотъ; одного, греческій историкъ помѣщаетъ ее гораздо далѣе внутри материка.

Превосходя пространствомъ половину Франціи, Триполитанія въ собственномъ смыслѣ не имѣетъ ни одной постоянной рѣки; но въ сезонъ дождей внушительные водопады извергаются съ высоты утесовъ Гуріана и Іефрена въ нижніе овраги, и часто грязныя воды пролагаютъ себѣ черезъ пески, скопившіеся въ ихъ ложѣ, дорогу къ морю. Бартъ рассказываетъ,

¹⁾ Barth;—Vattone, „Mission de Ghadâmes“.

²⁾ G. Rohlfs, „Esplorazione“, 1883.

³⁾ Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

со словъ туземцевъ, что въ 1806 г. Уади-эль-Газасъ, спустившійся съ Джебель-Иефрена, соединился съ другими потоками долины въ могучую рѣку, которая открыла себѣ устье черезъ пальмовыя рощи Зензура, на западѣ отъ Триполи, и окрасила море своими наносами до острова Джерба, на разстояніи 200 километровъ. Большая часть уидановъ, или ложъ уади, очень широки и имѣютъ высокіе берега, что доказываетъ обиліе временно протекающихъ водъ; тѣмъ не менѣе, путешественники почти всегда избираютъ извилистое дно этихъ ручьевъ, когда ихъ направленіе совпадаетъ съ направленіемъ долины, и, за исключеніемъ дождливаго времени года, не имѣютъ повода сожалѣть о разрушеніи римскихъ мостовъ, которые встрѣчаются тамъ и сямъ на часто посѣщаемыхъ дорогахъ.

Еще полезнѣе, чѣмъ реставрація древнихъ мостовъ, было бы исправленіе запрудъ, задерживающихъ, при выходѣ изъ высокихъ долинъ, скоро преходящую воду ливней. У основанія Джебель-Гуриана Бартъ видѣлъ одинъ изъ этихъ резервуаровъ, арабской постройки, черезъ проломы котораго теперь пролегаетъ тропинка каравановъ. Единственныя водохранилища, извѣстныя нынѣ триполитанцамъ—это каменные цистерны или *мйены*, ворота которыхъ тщательно запираются на замокъ, чтобы сберечь воду на время засухи. Во многихъ округахъ страны умѣютъ также выкапывать *фонараты*, то-есть подземныя галлерей, въ которыхъ скопляются воды, и которыя сообщаются съ поверхностью земли посредствомъ колодезцевъ, вырытыхъ черезъ извѣстные промежутки: это то же самое, что *канаты* Иранскаго плоскогорья¹⁾. Между «угасшими» рѣками, которыя нѣкогда катили значительныя массы воды, и въ которыхъ теперь, въ продолженіи большей части года, надо раскапывать ложе, чтобы увидѣть сочащуюся по каплямъ жидкость, да и то часто солоноватую,—есть много такихъ уади, которые совершенно теряются, прежде чѣмъ достигнуть морской покатости. Таковы ложа ручьевъ, которые берутъ начало въ западной области плоскогорій и змѣются въ западномъ направленіи.

На средиземноморской покатости Триполитаніи всѣ уади, каковы бы ни были объемъ воды, протекающей въ ихъ руслѣ послѣ ливней или продолжительныхъ дождей, тянутся до самаго моря или, по крайней мѣрѣ, до прибрежныхъ себхъ, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ очень обширный бассейнъ, въ сравненіи съ которымъ бассейны итальянскихъ рѣкъ, текущихъ напротивъ, по другую сторону Средиземнаго моря, кажутся незначительными. Такъ, уади впадающій въ море у Мухтара, то-есть на границѣ территоріи Барки и собственно

Триполитаніи, имѣетъ, на сѣверныхъ скатахъ Гаруджа и Черныхъ горъ, цѣлое развѣтвленіе второстепенныхъ уади, собирающихъ воду съ пространства шириной около 200 километровъ; западнѣе, уади-эшъ-Шегга тоже получаетъ воды обширной территоріи, въ составъ которой входитъ и оазисъ Джофра; уади Умъ-эшъ-Шейль беретъ свое начало въ самомъ сердцѣ плоскогорій, между Черной горой и Красной гамадой, и впадаетъ въ западную бухту большаго Сирта; длина его теченія не менѣе 500 километр. Уади-Земземъ, хотя короче предыдущаго, пользуется большей славой, какъ показываетъ уже его имя, заимствованное отъ священнаго фонтана въ храмѣ Каабы; вода, которую даютъ ямы, вырытыя въ его ложѣ, цѣнится такъ высоко, что ее сравниваютъ съ водой Меккскaго источника, впрочемъ, оказывающагося далеко ниже своей репутаціи. Суфаджинъ (Суфъ-эль-Джинъ), болѣе обильный, чѣмъ другіе временныя ручьи, питается всѣми оврагами плоскогорья, заключающагося между массивами Джебель-Гурианъ и Джебель-Хадамия: бассейнъ его—послѣдній, въ западномъ направленіи, бассейнъ Триполи, имѣющій значительную площадь (около 20.000 квадр. километровъ). Уади-эль-Каанъ, который переходятъ въ сосѣдствѣ Лептійскихъ рудниковъ, имѣетъ только нѣсколько километровъ теченія; но это Цинисъ, пользовавшійся такой громкой славой въ древности благодаря плодородію орошаемой территоріи; его называютъ также Уади-эль-Мгаръ-эль-Гринъ, или «рѣкой съ пропастями». Вода его, нѣкогда очень хорошая (такъ что ею пользовались, при помощи водопровода, жители Лептиса), теперь испортилась, неизвѣстно по какой причинѣ, и путешественники остерегаются пить ее¹⁾. На западѣ отъ Триполи, единственныя, сколько-нибудь значительныя по длинѣ, временныя ручьи—Уади-Гаэра, Уади-эль-Этель, Бейдха, Сегсао; всѣ они выходятъ изъ горъ «континентальнаго берега».

Весьма значительная часть триполійскаго побережья, на востокѣ и западѣ отъ гористой области, оканчивающейся мысомъ Мисрата, раздѣльнымъ угломъ между Большимъ Сиртомъ и Хомскимъ берегомъ, занята себхами, плоскодонными углубленіями почвы, въ которыхъ текутъ воды временныхъ ручьевъ; иногда и воды моря проникаютъ въ эти впадины черезъ береговой поясъ суши или по временнымъ каналамъ, открывающимся во время бурь; но большинство себхъ въ продолженіи большей части года представляютъ собою только естественныя салины; тогда болотистые берега, гдѣ растутъ солянки, окружаютъ соляныя площади, занимающія центръ котловины. Самая длинная изъ этихъ себхъ морскаго побережья начинается у

¹⁾ Nachtigal;—Rohlf, цитированныя сочиненія.

¹⁾ Barth, "Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres".

мыса Мисрата и продолжается на юго-востокъ и на востокъ параллельно берегу Сирта, отъ котораго она отдѣлена поясомъ дюнь: это себха Тауага, въ которую, въ сезонъ дождей, изливаются внутреннія уади. Озеро это, нѣкогда сообщавшееся съ моремъ, было судоходно, какъ о томъ свидѣлствуютъ остатки канала, извѣстнаго подъ именемъ «Римскаго» ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, очертанія себхи, также какъ и контуры воздѣланныхъ земель и оазисовъ, измѣняются вслѣдствіе вторженія береговыхъ песковъ, которые вѣтеръ съ моря гонитъ на нѣкоторое разстояніе внутрь материка и которые являются въ видѣ слѣдующихъ одинъ за другимъ рядовъ дюнь; таковы пески, окружающіе пальмовый лѣсъ около Триполи, и о которыхъ путешественники часто говорятъ какъ о принадлежащихъ уже къ «большой пустынѣ», которая, однако, находится въ сотняхъ километрахъ отсюда, по ту сторону Джебель-Гуріана. Морскіе приливы очень незначительны на берегахъ Большаго Сирта и западнаго Триполи; многіе путешественники — делла-Челла, Пизантъ, даже морякъ Бичи — отрицали ихъ существованіе; во время штиля высота прилива около 60 сантиметровъ; но иногда вода, гонимая сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, поднимается на полтора метра ²⁾. Трудно составить себѣ понятіе объ изумительной силѣ, проявляемой волнами на плоскихъ песчаныхъ берегахъ изгибающагося въ видѣ полумѣсяца залива Большой Сиртъ, который во все времена внушалъ страхъ мореплавателямъ, такъ что они считали его оказывающимъ своего рода притяженіе на корабли, чтобы вести ихъ на вѣрную гибель. По Саллюстію, имя Сиртъ указываетъ именно на эту притягательную силу волнъ; можетъ-быть, даже страшная Ламія, это прожорливое чудовище, которое, по мифологическимъ древнихъ грековъ, обитало въ пещерѣ на берегахъ Сирта, была въ ихъ глазахъ не что иное, какъ духъ вихрей и бурь. Въ Зафранѣ, близъ древняго Меданетъ-эль-Султанъ, побережье окаймлено громадными камнями, приподнятыми и сложными дѣйствіемъ волнъ въ формѣ волно-разбивателей. Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ взглядѣ можно подумать, что это остатки гигантскихъ набережныхъ, но большое протяженіе этой колоссальной каменной стѣны скоро убѣждаетъ, что тутъ имѣешь передъ глазами дѣло самой природы ³⁾. Однако, этимъ естественнымъ путемъ жители воспользовались какъ точкой опоры для искусственнаго мола, защищающаго гавань Зафранъ ⁴⁾. Триполійскій берегъ — одинъ изъ тѣхъ, гдѣ, какъ полагаютъ —

вѣрно или ошибочно, — наблюдали медленное пониженіе почвы или, можетъ-быть, повышеніе моря. У Триполи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ это движеніе составляло, будто бы, около 1 сантиметра въ годъ. Такимъ образомъ, если эти наблюденія вѣрны, Средиземное море работаетъ надъ постепеннымъ обратнымъ завоеваніемъ своихъ бывшихъ заливовъ, когда-то высохшихъ и лежащихъ нынѣ ниже его уровня ¹⁾.

Климатъ въ Триполи такой же, какъ и въ другихъ странахъ, занимающихъ сѣверную окраину Африки, съ той только разницей, что отступленіе морскаго берега въ южномъ направленіи сообщаетъ триполійскому климату болѣе высокую среднюю температуру и въ цѣломъ болѣе континентальный характеръ. Область побережья заключается между изотермами 20 и 22 градусовъ по Цельсію, тогда какъ внутри страны жаръ выше въ низменностяхъ, меньше на высотахъ; на пескахъ, при яркомъ свѣтѣ солнца, онъ превосходитъ 50 и 60 градусовъ; собака Рольфа не могла слѣдовать за нимъ по раскаленному песку, такъ что онъ принужденъ былъ надѣть ей на лапы сандалии. По словамъ того же путешественника, нормальная температура года въ оазисѣ Джофра, у подошвы Черной горы, достигаетъ почти 30 градусовъ; но надо сказать, что эти большіе жары далеко не такъ трудно переносимы во внутреннихъ, сухихъ мѣстностяхъ, какъ были бы на берегу моря, гдѣ обильная влажность воздуха препятствуетъ транспираціи; ощущеніе, производимое жарами на побережьи, можно сравнить съ тѣмъ, которое испытываешь въ турецкой банѣ. Между сильными жарами, превышающими 40 и 45 градусовъ Цельсія, и большими холодами, разность температуры громадная, такъ какъ на плоскогорьяхъ часто бываетъ морозъ; говорятъ даже, что выпадалъ свѣгъ въ оазисѣ Джофра, также какъ на сосѣднихъ горахъ.

На побережьи жаръ и сухость воздуха умѣряются днемъ, но крайней мѣрѣ, въ періодъ съ апрѣля до октября, морской бризой, дующей правильно съ сѣверо-востока, въ томъ же направленіи, какъ и нормальный вѣтеръ пасатовъ. Она поворачиваетъ постепенно къ востоку, затѣмъ, послѣ періода затишья, появляется сухопутная бриза, продолжающаяся всю ночь и подъ утро немного измѣняющая направленіе; она тогда кажется дующей съ запада. Иногда въ это время года бываютъ бури, но въ такихъ случаяхъ вѣтеръ есть та же морская бриза, только дующая съ удвоенной или утроенной силой: въ такую ненастную погоду плаваніе опасно въ сосѣдствѣ береговъ, гдѣ волны разбиваются съ страшной силой. Впродолженіи зимнихъ мѣсяцевъ, составляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ сезонъ дождей, вѣтры дуютъ обычно

¹⁾ Ch. Tissot, «Géographie comparée de la province romaine d'Afrique».

²⁾ Gerhard Rohlfs, «Land und Volk in Afrika».

³⁾ F. W. и H. W. Beechey, «Northern Coast of Africa».

⁴⁾ Ch. Tissot, «Géographie comparée de la province romaine d'Afrique».

¹⁾ Gerhard Rohlfs, «Land und Volk in Afrika».

венно съ запада, сѣверо-запада или сѣвера, принося съ собой бури; но внезапные скачки вѣтра, происходящіе по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ и вообще сопровождаемые громомъ и дождемъ, гораздо болѣе опасны по причинѣ ихъ неожиданнаго появленія. Штили здѣсь часты, и тогда пары скопляются въ воздухѣ въ такомъ обиліи, что затмеваютъ солнце; бѣлая завѣса скрываетъ все небо. На окружности Средиземнаго моря мало найдется странъ, гдѣ бы сѣрый цвѣтъ атмосферы былъ такимъ обыкновеннымъ явленіемъ: чтобы снова увидѣть синеву воздушныхъ пространствъ, надо проникнуть далеко внутрь материка. Тамъ пары, вмѣсто того, чтобы разстлаться по небу однообразной завѣсой, сгущаются въ видѣ слоевъ, свертковъ, мелкихъ облачковъ; однако, чистота небесной лазури никогда не можетъ сравниться въ Триполи съ тою, которою мы восхищаемся въ умѣренныхъ странахъ Европы; пыль, поднимаемая вѣтромъ пустыни, имѣющимъ характеръ симуна или самума, носится въ воздухѣ цѣлыя недѣли и мѣсяцы и всегда сообщаетъ небу слегка свинцовый колоритъ¹⁾. Часто на корабляхъ, стоящихъ на якорѣ въ гавани Триполи, палуба покрывается слоемъ песка; берегъ и городъ скрыты тогда какъ бы въ туманѣ, облакъ, которое сушить, вмѣсто того, чтобы мочить. Подъ дуновеніемъ пыльнаго вѣтра, называемаго обыкновенно гебли, или «южнымъ вѣтромъ», электричество освобождается въ изобиліи. Однажды, путешественникъ Штеккеръ, сидя въ палаткѣ, могъ написать свое имя огненными чертами на холщевой стѣнѣ.

Среднее годовое количество дождевой воды, выпадающее въ области Триполи, не достигаетъ даже 20 сантиметровъ, слѣдовательно, гораздо меньше, чѣмъ въ Мавританіи и Киренаикѣ, т. е. двухъ странахъ, выдвинутыхъ къ сѣверу, съ той и другой стороны глубокой выемки материка, образуемой заливомъ Сиртовъ: по своимъ одометрическимъ условіямъ, т. е. по количеству дождей, Триполитанія принадлежитъ болѣе къ поясу пустыни, чѣмъ къ зонѣ морскаго побережья. Мѣстность, гдѣ дожди выпадаютъ всего чаще и въ наибольшемъ обиліи, — это сѣверные скаты Джебель-Гуриана и другихъ цѣпей, образующихъ окраину плоскогорья: оттого, по богатству растительности, эта область не уступаетъ Кабилии, и сотни тысячъ жителей могли бы легко находить тамъ безбѣдное существованіе. Но въ оазисахъ равнины случается, что полевые работы приостанавливаются впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ по недостатку дождей. Сырые туманы тоже рѣдки; тѣмъ не менѣе, они образуются тамъ и сямъ на воздѣланныхъ плоскогорьяхъ, до восхода солнца, и иногда ихъ видѣли ползущими

по оазисамъ и протягивающими свои завѣсы надъ коронами пальмъ. Впрочемъ, какъ ни велика обыкновенно сухость воздуха, растенія всегда могутъ поглощать часть скрытой влажности, судя по тому, что они живутъ даже многіе годы, не получая дождевой воды. Такъ, одинъ изъ крестоцвѣтныхъ, гелъгеланъ (*mathiola livida*), имѣетъ почти всегда утромъ нѣсколько капелекъ на кончикѣ своихъ листьевъ, хотя нигдѣ вокругъ него не замѣтно росы¹⁾. Да и самые камни не притягиваютъ ли влажность изъ воздуха? Если бы этого не было, какъ могли бы постоянные источники, какъ, напримѣръ, неизсякаемый фонтанъ Гадамеса, всегда изливать свою прозрачную влагу въ оазисахъ, когда десять или даже двадцать лѣтъ проходить безъ того, чтобы дождь хоть разъ обмочилъ скалу, гдѣ сгущается бьющая изъ земли вода?

Хотя ботаническое изслѣдованіе Триполитаніи далеко еще не окончено, однако, можно утверждать, что флора ея относительно очень бѣдна, причины чего, конечно, слѣдуетъ искать въ незначительности рельефа страны и рѣдкости дождей. За исключеніемъ тринадцати новыхъ видовъ или разновидностей²⁾, всѣ растенія береговъ залива Сиртъ и внутреннихъ областей вплоть до Фецана принадлежатъ къ флорамъ Мавританіи, Египта или Сициліи; нѣкоторыя растительныя формы итальянской области, неизвѣстныя въ Тунисѣ, встрѣчаются въ Триполи, переходной странѣ между пустыней и бассейномъ Средиземнаго моря. Почти всѣ фруктовыя деревья умѣренной Европы произрастаютъ въ Триполи, но не всѣ даютъ тамъ хорошіе плоды. Миндальное дерево прекрасно развивается въ этой части африканскаго побережья, и даже въ Гадамесѣ, на границахъ пустыни, образуетъ великолѣпные сады; квиновое, гранатовое, фиговое деревья также отлично растутъ въ оазисахъ, виноградная лоза вездѣ приноситъ превосходный плодъ, который, впрочемъ, не утилизируется для приготовленія вина. Абрикосовыя деревья достигаютъ величественныхъ размѣровъ, но даютъ лишь посредственные плоды въ южныхъ областяхъ; точно также персики, сливы, яблони, живущіе въ оазисахъ подъ благодѣтельной тѣнью финиковыхъ пальмъ, здѣсь не болѣе какъ декоративныя деревья; яблоки, собираемыя въ оазисахъ, величиной не больше грецкаго орѣха и безъ всякаго вкуса. Въ этихъ жаркихъ широтахъ апельсинъ тоже одинъ изъ самыхъ посредственныхъ плодовъ, хотя понятіе «золотыхъ яблокъ» приурочивается легендой къ понятію «Гесперидскихъ садовъ», изъ которыхъ многіе были помѣщены древними въ сосѣдствѣ собственнаго Триполи. Что касается лимоннаго дерева, то оно

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

²⁾ Cossou, note à la „Végétation du Globe“, par Grisebach, trad. de Tchihatcheff.

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

съ трудомъ акклиматизируется вдали отъ морскаго побережья; въ оазисѣ Гадамесѣ существуетъ только одно такое дерево ¹⁾).

Главные плодовые деревья Триполитаніи — маслина и финиковая пальма. По первому изъ этихъ деревъ, прибрежныя равнины Большаго и Малаго Сирта принадлежать къ тому же поясу, какъ Сицилія и южная Италія, тогда какъ по финиковой пальмѣ онѣ составляютъ часть области оазисовъ. На морскомъ берегу, вокругъ многихъ селеній, пальмы и оливковыя деревья растутъ смѣшанно цѣлыми лѣсками, которые представляютъ прелестнѣйшія картины по разнообразію группировки, безчисленнымъ деталямъ кустарниковъ и травъ подлѣсья и живописному виду домиковъ или развалинъ, разсыпанныхъ въ зелени. Но триполитанцы мало искусны въ извлеченіи масла изъ своихъ оливокъ, и въ ихъ торговлѣ эти плоды играютъ весьма незначительную роль. Главное богатство жителей составляютъ финики; однако, нѣкоторые оазисы на югѣ Большаго Сирта имѣютъ лишь дикія финиковыя пальмы, которыя растутъ кустами вайи и производятъ посредственные плоды, идущіе преимущественно въ кормъ скоту; въ этихъ областяхъ попадаются также финиковыя пальмы съ раздвоеннымъ стволомъ, какъ у пальмы думъ ²⁾ — дерево, которое тоже представлено въ флорѣ южной Триполитаніи. Лучшими финиками этой страны считаются финики, производимые пальмовыми плантаціями Гаріа, въ возвышенной долинѣ Уади-Земземъ, но они уступаютъ достоинствомъ какъ финикамъ изъ Суфа въ Алжирѣ, такъ и финикамъ изъ Уади-Драа на югѣ Марокко. Общее число финиковыхъ пальмъ, культивируемыхъ въ Триполитаніи, можно считать приблизительно въ два милліона деревъ.

Пальмовыя насажденія (по Гарту и Рольфу):

Меншія въ Триполи около 1.000.000 деревъ; плантаціи въ Зауя — 130.000; плантаціи въ Зензурѣ — 100.000; плантаціи въ Таджурѣ — 200.000; оазисъ Зелла — 100.000; оазисъ Джофра — 15.000; оазисъ Мисда и Гаріа — 1.000; другія плантаціи — 100.000 (?) деревъ.

Какъ въ оазисахъ, прилегающихъ къ Черной горѣ или къ Красной Гамадѣ, такъ и въ степяхъ, окаймляющихъ побережья Средиземнаго моря, плантаціи финиковыхъ пальмъ вездѣ состоятъ изъ деревъ, посаженныхъ близко одно отъ другаго и придающихъ цѣлому лѣсу видъ островка зелени: потребности орошенія, потребности оплодотворенія женскихъ пальмъ цвѣточной пылью мужскихъ пальмъ, во многихъ мѣстахъ также необходимость защиты отъ бродячихъ племенъ заставили сгруппировать всѣ финиковыя пальмы даннаго округа въ одну сплошную чашу; выйдя изъ такого паль-

моваго лѣса, гдѣ скучена сотня тысячъ деревъ, не встрѣчаешь болѣе ни одного дерева во время перехода въ нѣсколько часовъ или даже дней. Во время путешествія братьевъ Бичи существовала одна единственная пальма на побережьи Большаго Сирта, недалеко отъ мыса Мисрата; когда Бартъ проходилъ тѣ же берега, пятнадцать лѣтъ спустя, дерево это было срублено.

Триполи имѣетъ также, особенно въ долинахъ своихъ временныхъ ручьевъ, обширныя лѣса тальхъ или аравійскихъ акацій, которыя растутъ всегда очень рѣдко, но тѣмъ не менѣе представляютъ чрезвычайно пріятное зрѣлище путешественникамъ, совершившимъ передъ тѣмъ переходъ черезъ голыя каменистыя гаммады. Нѣкоторыя тальхи достигаютъ величины миндальнаго дерева, но по опушкѣ лѣсовъ, и особенно въ мѣстахъ, обращенныхъ на сѣверъ, эти растенія стелются кустами. Тальха даетъ превосходную камедь, качествомъ по меньшей мѣрѣ равную сенегальской, но этотъ продуктъ не утилизируется въ краѣ. Содръ, или *sisyphus lotus*, — растеніе дотога обыкновенное, что отъ него получилъ названіе Содріа цѣлый округъ западной Триполитаніи ³⁾; мастиковое дерево, батумъ, или фисташковое дерево, и большая часть кустарниковъ, свойственныхъ лѣсамъ южной Италіи, принадлежать также къ самобытной флорѣ Триполи и покрываютъ чашами скаты холмовъ. Тамарискъ и ртемъ, или ретама, растутъ въ низменностяхъ, имѣющихъ немного солончаковый характеръ; чернобыльникъ или *ши*, одно изъ любимыхъ верблюдами растеній, растетъ пучками въ каменистыхъ степяхъ; съѣдобный лишай, *lecanora desertorum*, покрываетъ тамъ и сямъ плоскогорья пустыни. На возвышенныхъ площадяхъ растительность состоитъ изъ бешины, вида, ничѣмъ не отличающагося отъ алжирской альфы, и который тоже начинаютъ употреблять на выдѣлку писчей бумаги. Туземцы вѣрятъ, что можно избавиться отъ всякихъ болѣзней, заставляя ихъ переходить въ стебель альфы: путешественникамъ не разъ случалось видѣть, какъ погонщики верблюдовъ нарочно слѣзали съ своего верховаго животного и, ставъ на колѣни передъ пучками альфы, начинали тщательно завязывать его, въ надеждѣ привязать къ нему свои недуги.

Фауна Триполи не отличается отъ фауны сопредѣльныхъ странъ, кромѣ того только, что она менѣе богата: животныя, дикія и домашнія, тамъ менѣе многочисленны, чѣмъ въ Мавританіи. Ни львы, ни пантеры не рыскаютъ въ тамошнихъ горахъ, недостатокъ постоянныхъ рѣкъ повелъ къ исчезновенію крокодила, такъ же, какъ внутри страны истребленіе лѣсовъ было фатальнымъ для слона. Степи предста-

¹⁾ H. Duveyrier, „Exploration du Sahara, les Touaregs du nord“.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

³⁾ Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

вляли бы благоприятныя условія для страусоводства, но нельзя сказать навѣрно, существуетъ ли еще эта птица въ странѣ, и если нѣсколько особей сохранилось, то это, можетъ быть, только въ наименѣ доступныхъ мѣстностяхъ Красной Гамады. Недавно нѣсколько страусовъ были привезены изъ Бурну въ Триполи, и проживающіе тамъ итальянцы занялись, но безъ большого успѣха, разведеніемъ этой бѣгающей птицы, которое, конечно, нигдѣ бы такъ хорошо не удалось, какъ въ обширныхъ Джефарскихъ равнинахъ ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ округахъ, именно въ оазисѣ Джофра и на берегахъ Большаго Сирта, плотоядные не представлены ни гіеной, ни даже шакаломъ: единственные дикіе звѣри этого класса—фенекъ (*canis cerdas, megalotis*) и лисица. Зайцы, кролики, тушканчики, которые прыгаютъ вокругъ норки, волоча по землѣ свой длинный хвостъ съ бѣлымъ хохолкомъ, нѣсколько видовъ газелей и антилопъ, наконецъ, африканскій муфлонъ (дикій баранъ),—единственная дичь, которую встрѣчаютъ охотники въ Триполитаніи; каменистыя гамады пересѣкаются по всѣмъ направленіямъ дорожками газелей, слѣдами гораздо болѣе узкими, чѣмъ тропинки, проложенныя человекомъ, и совершенно освобожденными, благодаря безустанной ходбѣ, отъ камней, которые могли бы поранить нѣжныя ноги этихъ граціозныхъ животныхъ ²⁾. Нѣкоторыя пресмыкающіяся довольно обыкновенны: такъ, напримѣръ, гекконъ песковъ (ящерица), котораго туземцы безпощадно преслѣдуютъ, считая его не только ядовитымъ, но еще и одареннымъ волшебной силой. Гадюка рогатая (*vipera cerastes*) тоже внушаетъ страхъ жителямъ, хотя она никогда не бываетъ опасна зимой и вообще во все время, когда солнце не въ полной своей силѣ: это очень пугливое животное, зарывающееся въ песокъ, на который оно походитъ цвѣтомъ, и впадающее въ оцепенѣніе при малѣйшемъ пониженіи температуры. Скорпионы прячутся подъ камнями. Птицъ рѣдко встрѣтишь въ лѣсахъ Триполи, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней весной и осенью, во время полета странствующихъ стай.

Изъ домашнихъ животныхъ наиболѣе утилизируются вьючныя—верблюды и ослы. Быки и коровы здѣсь очень мелкой породы, да и тѣ очень рѣдки, такъ же, какъ и лошади; въ нѣкоторыхъ оазисахъ едва сыщется два или три коня, которыхъ начальники племени и показываютъ съ гордостью. Эта рѣдкость лошадей происходитъ въ значительной мѣрѣ оттого, что турецкіе паша отобраны у непокорныхъ внутреннихъ племенъ всю ихъ конницу: это было вѣрнымъ средствомъ «обрѣзать имъ крылья» и

заставить ихъ смириться ¹⁾. Собаки, какъ и лошади, немногочисленны въ странѣ; если не считать приморскихъ городовъ, здѣсь не увидишь другихъ собакъ, кромѣ «слуги», арабскихъ борзыхъ. Овцы съ курдюкомъ, единственная порода, существующая въ Триполи, еще покрыты шерстью, несмотря на жаръ; онѣ теряютъ шерсть только въ Фецанѣ, на югѣ Черной Горы. Козы, легко находящія себѣ кормъ въ мелкомъ кустарникѣ, гораздо болѣе обыкновенны, чѣмъ овцы: по словамъ туземцевъ, козы, щиплющія вѣточки ретамы, даютъ молоко опьяняющаго свойства.

Такъ же, какъ въ другихъ государствахъ или владѣніяхъ, называвшихся прежде «варварійскими», населеніе Триполи состоитъ изъ берберовъ и арабовъ,—имя, подъ которымъ понимаютъ всѣхъ потомковъ завоевателей, поселившихся въ краѣ въ эпоху перваго мусульманскаго нашествія и во время великой гилалійской иммиграціи, въ одиннадцатомъ столѣтіи. Берберы, по всей вѣроятности, составляютъ большинство, какъ потомки древнихъ жителей страны; но во многихъ округахъ они уже перестали говорить своимъ первоначальнымъ языкомъ и употребляютъ нынѣ идиомъ своихъ побѣдителей: сдѣлавшись арабами по религіи, они «арабизуются» также по языку и нравамъ. Многія племена, первоначальная основа которыхъ несомнѣнно берберская, тѣмъ не менѣе считаются арабскими: уже Ибнъ-Халдунъ, въ XIV столѣтіи, указывалъ на этотъ постоянный процессъ ассимиляціи. При томъ, въ большей части оазисовъ и селеній, гдѣ берберы и арабы раздѣлены на группы, имѣющія каждая свое имя и свою особую организацію, тѣ и другіе до такой степени смѣшались черезъ браки, что нельзя замѣтить въ нихъ ни малѣйшей физической разницы: во всѣхъ племенахъ встрѣтишь людей съ лицомъ негритянскаго, семитическаго или кавказскаго типа, но почти у всѣхъ безъ исключенія цвѣтъ кожи желтоватый или бронзовый, волосы черные и курчавые, тѣло сухощавое, сочлененія очень тонкія. Какъ у всѣхъ народовъ сѣверной Африки, женщины, сравнительно съ мужчинами, отличаются очень малымъ ростомъ: въ этомъ отношеніи разница между двумя полами гораздо больше, чѣмъ въ Европѣ ²⁾.

Изъ берберовъ собственнаго Триполи, кажется, всего лучше сохранили свой первоначальный характеръ жители горъ Гуріанъ и Іефренъ; эти же туземцы храбрѣе другихъ защищали свою независимость. Всѣ возстанія начинаются въ Джебель-Іефренъ; тамошніе жители всегда съ гордостью говорятъ о героическихъ дѣлахъ своихъ предковъ, особенно о

¹⁾ Eugenio Arbib, „Esplorazione“, 1881.

²⁾ Gerhard Rohlfs, цитированныя сочиненія.

¹⁾ H. von Maltzan, „Reisen in den Regenschatten Tunis und Tripolis“.

²⁾ G. Rohlfs, „Kufra“;—„Quer durch Afrika“.

подвигахъ ихъ послѣдняго героя, Румы, который цѣлые годы воевалъ съ турками. По военной энергіи, такъ же, какъ по трудолюбію, по старательности, съ которою они обрабаты-

западу отъ Джебель-Иефрена, другой массивъ, Джебель-Нефуса, тоже населенъ берберскими племенами, изъ которыхъ нѣкоторые говорятъ еще нарѣчіемъ, довольно близкимъ къ туарегскому;

Типы триполитанцевъ.

ваютъ свои поля и сады, по уму и природной живости характера, это триполійскіе «кабилы»: они составляютъ полный контрастъ съ апатичными обитателями равнины. Къ сѣверо-

но большинство жителей, вѣроятно, потомки тѣхъ луата или ліуата, древнихъ либу или либийцевъ¹⁾, которые господствовали въ краѣ до

¹⁾ Carette;—Tissot;—Rohlfs.

арабовъ, и которые, подобно этимъ послѣднимъ, пришли съ Востока, чтобы овладѣть въ теченіе многолѣтняго похода странами Запада ¹⁾. У одного изъ племенъ, живущихъ въ горахъ Нефуса, существуетъ, какъ у племени ауладъ-найль въ Алжирѣ, обычай, по которому молодыя дѣвушки уходятъ въ оазисы и окрестные города, чтобы заработать себѣ приданое проституціей. Тарикъ, завоеватель Испаніи, былъ нефеси, берберъ съ Джебель-Нефусы, и, быть-можетъ, принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ племенъ, которыя, смѣшавшись съ христіанскимъ населеніемъ, исповѣдывали іудейство: этимъ можно бы было объяснить милость, которую онъ оказывалъ евреямъ во время завоеванія ²⁾. Въ наши дни жители Джебель-Нефусы, хотя обращенные въ магометанскую вѣру, принадлежатъ къ «пятой сектѣ»: они ибадиты, подобно племени бенимзабъ въ Тунисѣ ³⁾. Между берберскими горами нѣкоторые племена живутъ еще подземными деревнями, и, по словамъ Дюверье, жилищамъ этихъ троглодитовъ Джебель-Гаріанъ, или «гора Пещеръ», — обыкновенно, но невѣрно называемая Джебель-Гуріанъ, — и обязанъ своимъ именемъ. Въ песчаной или известковой скалѣ вырывается четырехугольное пространство, глубиной отъ 8 до 10 метровъ, равной длины и ширины, и въ бокахъ этой шахты, служащей дворомъ, открываются комнаты со сводами, гдѣ и пребываютъ обитатели; колодезь, выкопанный по серединѣ двора, спускается до слоя воды, который вообще находятъ на глубинѣ всего лишь нѣсколькихъ метровъ. Съ вѣншимъ міромъ дворъ сообщается посредствомъ извилистаго корридора, защищеннаго на обоихъ концахъ солидной дверью, и каждый вечеръ люди, вмѣстѣ со скотомъ и домашней птицей, возвращаются въ свое подземное убѣжище ⁴⁾.

Прежде чѣмъ обараться и обратиться въ магометанство, троглодиты воздвигали жертвенники изысканнымъ богамъ. Въ сосѣдствѣ горъ и преимущественно вокругъ Мсида, на возвышенныхъ равнинахъ Таръ-Гона, сохранились религіозные памятники, которые несомнѣнно восходятъ къ эпохѣ, предшествовавшей приходу арабовъ, и сооруженіе которыхъ приписываютъ предкамъ берберовъ. Это мегалиты, похожіе на мегалиты Бретани, Андалузін, южной Алжиріи; однако, они представляютъ нѣкоторыя особенности. Берберскіе памятники въ Триполи — это портики около 3 метр. средней высоты, состоящіе изъ двухъ четырехугольных столбовъ, покоящихся на общемъ пьедесталѣ и поддерживающихъ четырехугольную каменную

глубу, болѣе широкую, чѣмъ вертикальные камни: между этими послѣдними отверстіе, говоритъ Бартъ, дотого узко, что человѣку, если онъ не отличается чрезвычайной худобой, невозможно пролѣзть. У западнаго основанія горной цѣпи Мсидъ-асъ-Меселлата путешественники видѣли шесть такихъ кромлеховъ, частью еще стоящихъ, частью поваленныхъ подлѣ развалинъ храма; стиль этого зданія, почти римскій, позволяетъ предполагать, что строители мегалитовъ жили въ эпоху, когда страна находилась уже подъ властью италійскихъ завоевателей, и на одномъ изъ портиковъ вырѣзано животное, напоминающее римскую волчицу ¹⁾. Впрочемъ, нѣкоторые писатели не признаютъ въ триполійскихъ «билитахъ» и «трилитахъ» какихъ-либо религіозныхъ памятниковъ, а считаютъ ихъ просто остовамъ дверей, строившихся, по мѣстному обычаю, изъ матеріала гораздо болѣе прочнаго, чѣмъ стѣны домовъ. Въ то время, какъ битая глина жилищъ постепенно обваливалась и сравнивалась съ почвой, двери продолжали стоять и сохранились до настоящей минуты въ видѣ кромлеха ²⁾.

Если берберскій элементъ преобладаетъ въ горахъ и на плоскогорьяхъ, то арабы, болѣе или менѣе смѣшанной расы, получили перевѣсъ въ равнинѣ. Какъ кочевники, они предпочитаютъ обширныя пространства, гдѣ бы можно было свободно гонять стада, мѣняя мѣстопребываніе по произволу, смотря по обилію травы и воды, здоровости почвы и удобству сношеній съ сосѣдними мѣстностями. Арабъ не любитъ лѣса; онъ истребляетъ его огнемъ, для того, чтобы трава замѣнила деревья, и чтобы вѣтви не стѣсняли его кругозоръ: такимъ-то образомъ между горами Гуріанъ и холмами Меселлата плоскогорье Таръ-Гона было совершенно вынестошено, такъ что не осталось ни одного деревца. Какъ всѣ кочевыя населенія, которыя, благодаря именно своему разброду, кончаютъ тѣмъ, что распадаются на множество группъ, различающихся между собой преданіями, нравами, интересами, триполійскіе арабы дѣлятся на самостоятельныя племена, хотя память о первоначальномъ родствѣ сохраняется въ продолженіи многихъ поколѣній. Нѣкоторые изъ этихъ народцевъ выделяются числомъ, могуществомъ или благородствомъ происхожденія. На востокѣ, одно изъ значительнѣйшихъ племенъ — ауладъ-слиманъ, горячіе сенусіи, кочующіе въ стѣнахъ по берегамъ Большаго Сирта и доходившіе, въ своихъ воинственныхъ набѣгахъ, до бассейна озера Чаде, подобно назапонскимъ путешественникамъ, о которыхъ разсказываетъ Геродотъ. Южнѣе, номады ауладъ-хрисъ частью осѣли на землѣ, какъ владѣльцы оазиса Зелла,

¹⁾ Tauxier, «Revue Africaine», 1887.

²⁾ Henri Fournel, «Etude sur la conquête de l'Afrique par les Arabes».

³⁾ Henri Duveyrier, «La Tunisie».

⁴⁾ Lyon, «A Narrative of travels in Northern Africa»; — Mircher, «Expédition de Ghadamès».

¹⁾ H. Barth, «Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central-Afrika».

²⁾ G. Rohlfs, «Kufra»; — von Bary, «Jahresbericht der Leipziger Geograph. Gesellschaft», XV.

а въ сосѣдствѣ овраги Чернаго Гаруджа пріютили разные племена, которыя такимъ образомъ ускользнули отъ вымогателей поборовъ, посылаемыхъ пашей. Урфилы или орфелы, обитающіе въ холмистыхъ мѣстностяхъ, лежащихъ у восточнаго основанія большаго плоскогорья,—самые воинственные и грозные изъ арабовъ Триполи; еще недавно ихъ даже обвиняли, будто они крадутъ дѣтей, чтобы ѣсть ихъ мясо; они называютъ себя арабами и говорятъ по-арабски, но способъ постройки ихъ жилищъ, ихъ земледѣльческіе приемы, имена подплеменъ и деревень доказываютъ, что первоначальная основа населенія—берберская¹⁾. На сѣверо-западѣ, по направленію къ столицѣ, слѣдуютъ одно за другимъ племена менѣе многочисленные и болѣе мирныя: кедадифа, ауладъ-бу-сейфъ, сфрадна, ауладъ-юзефъ, гамадатъ, таръ-гона. Изъ всѣхъ этихъ родовыхъ группъ наиболѣе уважаемая—бу-сейфы, живущіе главнымъ образомъ въ долинахъ Уади-Суфеджина и его притоковъ. Въ видахъ охраненія чистоты своихъ нравовъ, бу-сейфы не позволяютъ чужеземцу останавливаться въ ихъ становищахъ, но отводятъ ему по сосѣдству отдѣльную палатку, гдѣ, впрочемъ, всегда оказываютъ ему самое радушное гостепріимство. Ауладъ-бу-сейфъ, племя «Отца меча», славится своими верблюдами, которые считаются лучшими во всемъ Триполи: въ каждомъ шатрѣ молодые верблюжата пользуются такимъ же заботливымъ уходомъ, какъ дѣти семьи.

На западѣ Триполи, около границъ съ Тунисомъ, главные племена—уэршефана, бенъ-аджела и нуайль. Недавно въ пограничной полосѣ, раздѣляющей эти два государства, часто бывали столкновенія, и, смотря по исходу борьбы, племена, побѣдившія или обращенныя въ бѣгство, переносили свои становища на другое мѣсто. Хотя искусство письма утратилось у триполійскихъ берберовъ, однако большинство народцевъ обозначены на пескѣ или на стѣнахъ скалъ чертами или сложными знаками, въ которыхъ надо видѣть либо сокращенныя имена, либо символическія мѣтки, въ родѣ *тотема* индійцевъ Сѣверной Америки²⁾.

Есть также цѣлыя племена арабовъ, которыя пользуются всеобщимъ уваженіемъ не за чистоту нравовъ или какія-нибудь заслуги, а благодаря предполагаемой святости ихъ происхожденія. Племена эти состоятъ изъ «шорфа», то-есть потомковъ Пророка, но подлинность этой генеалогіи въ большинствѣ случаевъ довольно сомнительна: если женщина вступила въ бракъ съ шерифомъ, хотя бы даже она вскорѣ послѣ того была отослана своимъ мужемъ, то этого уже достаточно, чтобы каждый изъ ея сыновей и внуковъ считалъ себя въ пра-

вѣ принять и носить почетное имя³⁾. «Марабутскіе» роды Триполи, такъ же, какъ и «шорфы», говорятъ про себя, что они пришли съ Запада. Дѣйствительно, весьма большое число арабскихъ племенъ проникли до береговъ Атлантическаго океана въ первыя времена завоеванія. Съ тѣхъ поръ произошло общее обратное движеніе, и теперь самыми благородными племенами считаются тѣ, которыя во время своихъ переселеній дважды совершили переходъ черезъ Мавританію, взадъ и впередъ: ихъ почитаютъ больше, чѣмъ если бы они пришли изъ святыхъ городовъ Аравіи. Впрочемъ, это обратное движеніе еще продолжается, и теперь оно даже болѣе дѣятельно, чѣмъ когда-либо. Алжирскіе шорфы тысячами эмигрировали въ Триполи съ женами, дѣтьми и скотомъ, чтобы не нести ига невѣрныхъ. Да и хуаны (братья) религіознаго ордена сенуси, которые такъ размножились въ оазисахъ Триполи,—не алжирскіе ли это эмигранты? Послѣ занятія Туниса французскими войсками, многія непокорныя племена пошли искать себѣ убѣжища въ Джефарскихъ равнинахъ, на западѣ Триполи.

Послѣ элементовъ берберскаго и арабскаго, наиболѣе значительная доля въ триполійскомъ населеніи приходится на негрскую расу. Между выдающимися себя за арабовъ или даже за шорфовъ есть тысячи индивидовъ, которые, по цвѣту кожи и волосъ, настоящіе негры: только черты лица свидѣтельствуютъ о смѣшеніи съ бѣлыми семитами. Торговья сношенія между Триполи и внутренней Африкой такъ часты и такъ правильны, что присутствіе большаго числа негровъ на побережьѣ не представляло бы ничего удивительнаго; однако, огромное большинство людей этой расы, живущихъ нынѣ въ Триполи, были приведены туда насильно, какъ невольники. Прежде, бывало, не приходилъ ни одинъ караванъ изъ Судана, который бы не тащилъ за собой цѣлой партіи плѣнныхъ: нужно считать сотнями тысячъ число черныхъ, которые были такимъ образомъ приведены въ Триполи и частію остались въ краѣ, частію отправлены далѣе въ Египетъ или въ Турцію. Въ наши дни торгъ невольниками уже не производится открыто въ столицѣ вилайета, но онъ не совсѣмъ прекратился: получивъ извѣстіе о прибытіи каравана въ южныя оазисы, неготорговцы поручаютъ своимъ корреспондентамъ продать по выгодѣ ихъ живой товаръ, и послѣдній всегда находитъ покупателя. Впрочемъ, негры и негритянки, по крайней мѣрѣ въ столицѣ, могутъ во всякое время потребовать себѣ увольнительную грамоту, и никогда не получаютъ отказа. Многіе изъ вольноотпущенныхъ остаются въ домахъ своихъ бывшихъ господъ, а тѣ, которые уходятъ, чтобы жить независимо, всегда смотрятъ на нихъ какъ на своихъ

¹⁾ Lyon, «Narrative of Travels in Northern Africa».

²⁾ Вратъя Бичи, цитированное сочиненіе.

³⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

патроновъ и покровителей; въ праздники они приходятъ раздѣлить радость семьи.

Главная масса негрскаго населенія живетъ не въ Триполи и вообще не въ городахъ. Вѣрные своимъ расовымъ инстинктамъ, они сгруппировались маленькими деревнями, представляющими собраніе шалашей изъ вѣтокъ, вай и тростника; ни дома цивилизованныхъ турокъ, ни шатеръ араба-номада не приходится имъ по вкусу: они живутъ, какъ ихъ земляки на берегахъ Нигера или озера Чаде. Большинство, хотя понимаютъ по-арабски, говорятъ еще нарѣчіями своихъ предковъ: отъ земли ням-нямовъ до земли фулаховъ, всѣ страны Центральной Африки представлены въ Триполи своими языками, но большинство чернокожихъ, около двухъ третей, употребляетъ «суданскій» языкъ жителей Гауссы; во многихъ мѣстахъ иностранецъ можетъ подумать, что это господствующій языкъ страны,—такъ рѣзко негры отличаются отъ арабовъ своей неустанной болтовней. Мало вѣроятія, однако, чтобы гаусскій діалектъ удержался въ Триполи въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній, ибо, какъ ни чиста обыкновенно семейная жизнь триполійскихъ негровъ, какъ ни сильна ихъ любовь къ своимъ дѣтямъ, рѣдко случается, чтобы жены иммигрантовъ были плодотворны, и шансы смертности очень велики для новорожденныхъ. Негритянки, кажется, лучше выносятъ тамошній климатъ, чѣмъ ихъ мужья; многія даже достигаютъ преклоннаго возраста ¹⁾).

Турки, которые съ 1835 года пользуются не только сюзеренной, но и дѣйствительной властью, составляютъ меньшинство населенія, даже въ столицѣ; однако, рѣчь ихъ одержала верхъ у большинства тарабулсіевъ: преобладающее вліяніе администрація доставило перевѣсъ официальному языку надъ арабскимъ. Тѣмъ не менѣе, турки все еще иностранцы и держатся особнякомъ отъ другихъ жителей: уже вѣроисповѣданіе отличаетъ ихъ немного отъ туземцевъ, такъ какъ они малекиты, среди ганефитскаго населенія; кромѣ того, они во всемъ слѣдуютъ стамбульскимъ модамъ и, напуская на себя важный видъ, стараются отличаться отъ толпы, которой продаютъ правосудіе и защиту, какъ судьи и администраторы; но при всемъ ихъ стараніи казаться благородными, они сильно унижаютъ себя, предаваясь пьянству: триполійскій турокъ рѣдко садится за столъ съ головой, неотуманенной парами раки. Болѣе достойными являются кулугли, то есть потомки турокъ и мавританокъ или другихъ женщинъ, черныхъ или бѣлыхъ, взятыхъ въ краѣ; они не платятъ никакого налога, но обязаны идти, по первому требованію, на службу, въ качествѣ солдатъ нерегулярнаго войска.

Съ тѣхъ поръ, какъ многочисленныя алжирскія семейства, бѣжавшія отъ французскаго господства, поселились въ Триполи, турки обыкновенно выбираютъ себѣ женъ между дочерьми этихъ иммигрантовъ, которые вообще отличаются отъ другихъ жителей Триполи честностью, трезвостью, чистотой нравовъ. Кромѣ того, между молодыми алжирянками много красавицъ съ миловидными чертами лица: въ этомъ отношеніи онѣ составляютъ полный контрастъ съ тарабулсіянками и триполійскими мавританками, которыя, впрочемъ, пользуются такой дурной репутаціей, что бракъ съ одною изъ этихъ женщинъ считается почти что безчестіемъ. Но какъ ни уважаемы супруги турецкихъ чиновниковъ, сыновья ихъ рѣдко достигаютъ почетныхъ должностей; прослуживъ извѣстное время въ жандармеріи или въ другихъ родахъ войска, большинство этихъ кулугли удаляются въ деревню, гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ города, и тамъ постепенно смѣшиваются съ остальнымъ населеніемъ.

Въ Триполитаніи, какъ и въ другихъ «варварійскихъ» земляхъ, евреи составляютъ самую презираемую расу. А между тѣмъ они принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ жителей страны, такъ какъ пришли сюда въ эпоху Птолмеевъ: въ первыя времена римскаго господства, они даже пользовались особымъ покровительствомъ императора Августа. Къ западу отъ Мухтара, на берегу Большаго Сирта, одно становище носитъ названіе Іегудія, или «іудейская колонія», въ память израильянъ, населившихъ эту мѣстность до арабскаго нашествія. Въ горахъ Джебель-Гурианъ евреи занимаютъ, бокъ-о-бокъ съ берберами, подземныя деревни, гдѣ, по словамъ Лайона, жилища ихъ опрятнѣе и лучше высѣчены, чѣмъ жилища ихъ сосѣдей: эти еврей-троглодиты, единственные ремесленники въ краѣ, не подвергаются такому дурному обращенію со стороны остальнаго населенія, какъ ихъ единовѣрцы въ другихъ округахъ Триполитаніи. Въ столицѣ, гдѣ ихъ насчитывается около 8.000 душъ, они живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ, которымъ управляетъ «политическій раввинъ», мало свѣдущій въ Пятикнижьи и въ Талмудѣ, но облеченный властью распределять налоги, налагать пени и наказанія палочными ударами, даже изрекать запрещеніе на то или другое семейство. Дважды поработенные, триполійскіе евреи стоятъ гораздо ниже мавританскихъ по образованію и строже придерживаются древнихъ ортодоксальныхъ обрядностей и отеческихъ нравовъ.

Нѣсколько коптскихъ семей, пришедшихъ съ арабами, сохранились отдѣльными группами въ Триполитаніи, но группы эти слишкомъ малочисленны, чтобы могли имѣть какое-либо вліяніе. Болѣе дѣятельны берберы джерба, переселенцы съ тунисскаго острова Джерба, хотя община ихъ тоже очень немногочисленна: имъ

¹⁾ Н. von Maltzan, „Reisen in den Regentschaften Tunis und Tripolis“.

принадлежать богатѣйшія лавки на базарѣ Триполи; но имъ приходится выдерживать конкуренцію нѣсколькихъ тысячъ мальтійцевъ, которые тоже арабы, хотя христіане по вѣроисповѣданію, англичане по юрисдикціи, итальянцы по родному языку, въ большей части офранцузенные школой. Эта полу-европейская колонія ежегодно усиливается настоящими европейцами, по большей части итальянцами, гостями, надѣющимися вскорѣ быть завоевателями, и которые тоже дѣятельно основываютъ школы, въ видахъ распространенія своего языка. Въ 1884 году итальянцевъ насчитывалось 800 человекъ на 1.000 уроженцевъ континентальной Европы ¹⁾.

Къ западу отъ Мухтара, на триполійскихъ берегахъ Большаго Сирта, нѣтъ ни одного города, даже ни одного постоянного селенія въ нѣсколько сотъ лачугъ: на пространствѣ 500 километровъ встрѣчаются лишь группы палатокъ, изрѣдка одинокія хижины, да безформенныя развалины. Но нѣкогда на этомъ побережьи находился по крайней мѣрѣ «большой городъ», тотъ, о которомъ упоминаетъ средневѣковой писатель Абу-Обейдъ-Бекри, называя его Сортъ, и развалины котораго извѣстны нынѣ у арабовъ подъ именемъ Мединетъ-эль-Султанъ, или «городъ Султана». Сортъ, или Сиртъ, былъ исходнымъ пунктомъ каравановъ, отправлявшихся во внутреннюю Африку черезъ оазисы Уаданскій и Мурзукскій; но купцы, не будучи въ состояніи защищаться отъ нападеній кочевниковъ-бедуиновъ, принуждены были выбрать другую дорогу, именно ту, которая проходитъ на востокъ отъ плоскогорій, черезъ оазисы, населенные осѣдлыми земледѣльцами. Нѣкоторые изъ развалинъ Сорты представляютъ остатки римскихъ строеній; водопроводы, резервуары еще вполнѣ сохранились ²⁾.

Все степное пространство, къ югу отъ Большаго Сирта, не имѣетъ, какъ и самый берегъ, городовъ, хотя колодцы и лощины уади, гдѣ вода скопляется въ наибольшемъ обиліи, служатъ естественными сборными пунктами для разсѣянныхъ по степи пастуховъ. Города въ собственномъ смыслѣ находятся только у основанія Гаруджа и Черной Горы, тамъ, гдѣ воды текутъ въ количествахъ довольно значительныхъ, чтобы питать пальмовыя плантаціи и покрывать потребности орошенія полей, засѣянныхъ хлѣбомъ. Даже естественные оазисы, слѣдующіе одинъ за другимъ отъ востока къ западу, подѣлютъ тою же широтой, какъ оазисы Ауджила и Джало, необитаемы. Джиббена на востокъ, Мараде въ серединѣ, Абу-Наимъ на западѣ, — вотъ три главные низменности, усѣ-

янные зеленѣющими купами деревьевъ, которые, казалось бы, должны были привлекать къ себѣ колоніи земледѣльцевъ. Эти впадины лежатъ выше уровня моря, но на незначительной высотѣ, не болѣе 50 метровъ; съ сѣверной стороны, по направленію къ Большому Сирту, также какъ на югъ, по направленію къ предгорьямъ Гаруджа, высятся известковыя скалы, остатки существовавшаго нѣкогда плоскогорья, которое атмосферныя дѣятели, можетъ-быть, также работа водъ, разрѣзали во всѣхъ направленіяхъ на колонны и причудливыя зданія. Эти скалы наполнены ископаемыми организмами, составляющими во многихъ мѣстахъ всю массу камня; песокъ оазиса тоже усѣянъ безчисленными раковинами и фораминиферами. На востокъ, со стороны оазиса Ауджила, поднимаются дюны, одні изъ самыхъ высокихъ во всей Сахарской области: нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ 160 метровъ высоты. Эти три оазиса очень богаты пальмами, но, за исключеніемъ нѣсколькихъ тысячъ, всѣ эти деревья дикія или одичалыя, растущія въ видѣ кустарника и приносящія плоды посредственнаго качества и безъ косточекъ; въ оазисѣ Абу-Наимъ, вѣроятно, нѣтъ мужскихъ особей финиковой пальмы, и особи женскаго пола тамъ не оплодотворяются. Во всѣхъ трехъ оазисахъ встрѣчаются дикія яблони, дающія плоды величиной съ грецкій орѣхъ.

Сосѣднія племена или шайки грабителей, бродящія въ степяхъ, приходятъ повременамъ собирать финики оазисовъ и пасти верблюдовъ въ поросшихъ травой лощинахъ. Джиббена и Мараде были еще населены въ половинѣ настоящаго столѣтія; въ 1862 году въ оазисѣ Мараде жилъ уже только одинъ человекъ, невольникъ, которому поручено было наблюдать за мародерами и указывать ихъ своимъ господамъ, во время ихъ годового визита. Основанію колоніи вокругъ источниковъ Абу-Наимъ мѣшаетъ качество воды, очень сѣрнистой, содержащей много сѣрнокислой магнезіи. Безъ сомнѣнія, придетъ время, говоритъ Рольфсъ, когда посѣщеніе этихъ сѣрныхъ водъ восточнаго Триполи будетъ рекомендоваться европейскими докторами, какъ очень дѣйствительное средство. Залежи сѣры встрѣчаются во множествѣ въ этой области; недалеко отъ оазиса, на сѣверѣ, находятся разрабатываемыя копи, и добываемая на нихъ руда вывозится черезъ маленькую гавань Брайга.

Оазисъ Зелла или Залла, въ каменистомъ циркѣ, лежащемъ у сѣвернаго основанія Чернаго Гаруджа, есть одинъ изъ наиболѣе населенныхъ оазисовъ Триполи; въ 1879 г. тамъ насчитывалось около 1.200 жителей, принадлежавшихъ по большей части къ арабскому племени ауладъ-хрисъ. Циркъ оазиса, образуемый разорванными скалами, имѣетъ 12 километровъ протяженія съ востока на западъ и 5 кило-

¹⁾ Paul Melon, séance de l'Alliance française, 17 janvier 1885.

²⁾ Barth, „Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres“.

съ сѣвера на югъ; вмѣстѣ съ оазисомъ Тирса, лежащимъ сѣвернѣе, онъ заключаетъ около сотни тысячъ приносящихъ плоды пальмъ. Въ 1862 году, во время путешествія Бейермана, оазисъ Тирса былъ еще обитаемъ; теперь онъ совершенно покинутъ, вѣроятно, по причинѣ опаснаго сосѣдства арабовъ орфелла ¹⁾. Придя изъ Египта, тысячу лѣтъ тому назадъ, рассказываютъ арабы ауладъ-хрисъ, они прогнали христіанскія племена и служили конвоирами караванамъ Центральной Африки ²⁾. Эдризъ говоритъ, что ихъ городъ былъ главнымъ этапомъ между Сортомъ и оазисомъ Зилла, въ Феццанѣ. Но «Городъ Султана» уже не существуетъ, и главная торговая приморская пристань находится теперь гораздо западнѣе, въ портѣ Триполи. Жители оазиса Зелла принимаютъ участіе въ торговлѣ лишь окольными путями. Во время прохода Рольфса, въ 1879 году, они уже нѣсколько лѣтъ перестали ходить прямо въ Триполи, изъ опасенія вендетты орфеловъ, у которыхъ они убили около пятидесяти человекъ въ одной стычкѣ, и черезъ земли которыхъ должны бы были проходить. Зато они не боятся пускаться далеко въ южныя пустыни, и наука даже обязана имъ въ это послѣднее время настоящимъ географическимъ открытіемъ — открытіемъ необитаемаго оазиса Вау-эль-Намусъ, который еще не былъ посѣщенъ ни однимъ европейцемъ. Жители Зеллы, изъ всѣхъ триполійскихъ арабовъ, самые богатые верблюдами. Они же одни занимаются еще страусоводствомъ; но со времени путешествія Гамильтона этотъ промыселъ сталъ приходить въ упадокъ. Въ 1879 году два страуса, которыхъ кормили финиками, давали своему владѣльцу чистаго дохода отъ 150 до 200 франк.

Оазисъ Джофра, болѣе обширный и болѣе населенный, чѣмъ оазисъ Зелла, далеко не такъ богатъ культивируемыми пальмами: изъ 2.000 квадр. километровъ, занимаемыхъ имъ, едва двадцатая часть приноситъ доходъ своими пальмовыми плантаціями, полями или садами. Самое имя Джофра, происшедшее отъ Джофъ, «чрево», указываетъ форму оазиса: онъ занимаетъ циркъ, удлиненный по направленію отъ востока къ западу и доминируемый на всей своей окружности горами, которыя поднимаются на 200 метровъ надъ равниной; только на югѣ выступаютъ, за предгорьями, высокія кручи массива Гаруджъ. Съ сѣвера на югъ, образуя, такъ сказать, малую ось цирка, тянется цѣль холмовъ, мѣстами прерывающаяся и дѣлящая оазисъ на двѣ равныя части, изъ которыхъ каждая имѣетъ сады, пальмовые лѣса, степи, каменистыя пространства и соляныя озера. Песчаные овраги, въ которыхъ вода рѣдко показывается на поверхности почвы, схо-

дятся на сѣверѣ двойнаго оазиса въ Уади-Мисиферъ, который, подъ другимъ именемъ, извивается по равнинѣ до Большаго Сирта. Несмотря на свое положеніе на покатоости Средиземнаго моря, оазисъ Джофра, по управленію, принадлежитъ къ области Феццанъ. Жители его долгое время сохраняли независимость и не платили налоговъ ни Триполи, ни Мурзуку; они составляли тогда маленькую республику, довольно сильную, и изъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстностей угнетаемые приходили просить у нихъ убѣжища; населеніе, исчисляемое нынѣ въ 6.000 человекъ, было въ то время гораздо многочисленнѣе ³⁾.

Въ нѣкоторыхъ изъ пальмовыхъ плантацій Джофры есть отличная вода; тѣмъ не менѣе, города основались возлѣ горькихъ источниковъ. Несмотря на эту невыгоду, оазисъ этотъ — одинъ изъ самыхъ здоровыхъ въ области пустыни; перемежающіяся лихорадки тамъ неизвѣстны; глазныя болѣзни рѣдки; другія болѣзни, обыкновенныя въ оазисахъ Феццана, не проникаютъ въ оазисъ Джофры; но, хотя здоровые и сильные, туземцы, берберы и арабы, имѣютъ болѣзненный видъ, кожу желтую и сморщенную; рѣдко встрѣтишь между ними мужчину съ правильными чертами лица. Хотя арабы, въ качествѣ избранной расы и учениковъ Пророка, считаютъ себя выше берберовъ, они признаютъ однако за ними права первыхъ владѣльцевъ почвы. Право собственности на землю сохранено за берберами; арабы могутъ приобретать только деревья: отсюда иногда столкновенія и битвы, влекуція за собой вмѣшательство турецкихъ гарнизоновъ Феццана. Расы, правда, очень смѣшались, и теперь трудно различать арабовъ и берберовъ, населяющихъ Джофру; однако, традиціонное соглашеніе позволяетъ охранять первоначальное право собственности: сынъ, каково бы ни было происхожденіе его матери, всегда считается принадлежащимъ къ націи отца. Сады, окружающіе города оазиса, превосходно содержатся и производятъ въ изобиліи зерновые хлѣба, томаты, баджиджаны, лукъ, чеснокъ и другія овощи; во время сбора плодовъ, рукъ владѣльцевъ садовъ и ихъ невольниковъ бываетъ недостаточно, и въ извѣстныя эпохи эмигранты изъ Феццана приходятъ къ Джофру наниматься на нѣсколько недѣль. Обогащаемые земледѣіемъ, жители оазиса не занимаются торговлей, какъ обитатели Мурзука, Гадамеса и Гата: посредниками въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ служатъ арабы другихъ племенъ. Разведеніе страусовъ, практиковавшееся съ успѣхомъ въ началѣ настоящаго столѣтія, теперь оставлено.

Нынѣшняя столица оазиса, заключающая въ своихъ каменныхъ стѣнахъ около трети всего населенія, — городъ Сокна, имя котораго

¹⁾ G. Rohlfs, „Kufra“.

²⁾ Von Beurmann, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 8.

³⁾ Lyon, „Travels in Northern Africa“.

иногда дается всей странѣ. Жители почти всѣ принадлежать къ берберской расѣ и говорятъ древнимъ языкомъ, впрочемъ, съ примѣсью множества арабскихъ словъ. Гонъ, лежащій

Уаданъ, у основанія горъ того же имени, почитается «святымъ», благодаря пребыванію въ немъ шорфовъ, которые пользуются двойной привилегіей благородства, какъ потомки Про-

Видъ города Триполи.

почти въ центрѣ Джофры, въ восточной половинѣ оазиса, раздѣленъ между берберами и арабами: это самый многолюдный городъ въ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ первый по количеству воздѣлываемыхъ земель. На востокъ, городъ

Географ. Рекл. т. XI.

рока и какъ члены родовъ, переселившихся изъ Марокко. Построенный амфитеатромъ на скалѣ, Уаданъ представляетъ очень живописный видъ: это городъ древній, упоминаемый уже арабскими географами среднихъ вѣковъ;

именемъ его прежде назывался весь оазисъ. По словамъ Рольфа, стѣны его покоятся на римскихъ фундаментахъ.

Слѣдуя дорогой, которая изъ оазиса Джофра направляется къ Триполи, огибая восточное основаніе предгорій плоской возвышенности, караваны избрали главнымъ этапомъ деревню Бу-Нджеймъ, населенную нѣсколькими семействами арабовъ племени орфела, которыя живутъ торговлей съ прохожими купцами и пастухами. Колодцы этого селенія, находящіеся въ глубокой впадинѣ стени на незначительной высотѣ надъ уровнемъ моря, посѣщаются верблюдами съ окрестныхъ пастбищъ, на сто верстъ кругомъ. Животныя отлично знаютъ дорогу къ водою: каждый мѣсяцъ, а въ жаркое время года и чаще, они отправляются длинными веревницами къ Бу-Нджеймскимъ колодцамъ, и если никто не является вытянуть воды и напонтъ ихъ, они терпѣливо ждутъ по цѣлымъ часамъ или даже днямъ прибытія пастуховъ. Всѣ другіе колодцы страны, до оазиса Бени-Улитъ, принадлежатъ тоже орфеламъ. Въ этомъ обширномъ оазисѣ разсѣяно, среди маслинъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ, около пятидесяти деревень и поселковъ, обитаемыхъ постояннымъ образомъ. Обозрѣваемая съ высоты, долина уади, заключенная между обрывистыхъ береговъ, высотой въ 130 до 150 метровъ, известковыхъ стѣнъ, покрытыхъ лавами, представляется въ видѣ зеленой рѣки, шириной около километра и продолжающейся отъ запада къ востоку до предѣловъ горизонта. Оливковый лѣсъ раздѣленъ на безчисленное множество загородей плотинами изъ большихъ камней, которыя останавливаютъ воды разлива и въ то же время задерживаютъ слой растительной земли. Колодцы въ Уади-Бени-Улидъ выкопаны до глубины 40 слишкомъ метровъ ¹⁾.

Нѣкоторыя группы мазанокъ, расположенныя у подошвы гамады въ вырѣзкахъ каменистаго плато, заслуживаютъ названія городовъ. Таковы двѣ Гаріи: Гарія-эль-Шеркія, или «Восточная», и Гарія-эль-Гарбія, или «Западная», находящіяся на днѣ одного уади, притока Земзема. Эти два города, построенные верстахъ въ пятидесяти одинъ отъ другаго, были нѣкогда укрѣпленными мѣстами, какъ показываетъ ихъ имя, означающее «крѣпость». Въ западной Гаріи уцѣлѣли еще величественныя римскія ворота эпохи Антониновъ, составляющія рѣзкій контрастъ съ убогими арабскими лачугами, прильпившимися къ античной стѣнѣ; восточная Гарія славится своими превосходными финиками, производимыми деревьями, которыя поливаются солоноватой водой, собираемой въ подземныхъ галлерейхъ фогаратовъ. Сѣвернѣе, въ верхней долині

Уади-Софеджинъ, городъ Мисда, хотя имѣющій не болѣе 500 жителей, важнѣе обѣихъ Гарій, благодаря частому проходу каравановъ. Въ этомъ мѣстѣ Триполійская дорога раздвояется: одна вѣтвь, направляющаяся на юго-западъ къ Гадамесу, поднимается на гамаду; другая, идущая на югъ къ Мурзуку, переходитъ послѣдовательно цѣпи высотъ, окаймляющихъ восточный край плоскогорья Красная Гамада. Населеніе Мисды—берберскаго происхожденія, но сильно обарабившееся, хотя слѣды древняго языка еще сохранились,—принадлежитъ все безъ исключенія къ ордену сенусіевъ ²⁾; во время путешествія Барта, въ 1850 году, все имущество монастыря состояло изъ двухъ голубей; теперь онъ владѣетъ обширными имѣніями. Въ окрестностяхъ видны многочисленныя развалины гробницъ и другихъ римскихъ памятниковъ.

Относительно населенные, Джебель-Гуріанъ и горы, составляющія его западное продолженіе, не имѣютъ городовъ въ собственномъ смыслѣ, если не считать городомъ подземныхъ галлерей Зентана. Въ этомъ мѣстѣ плоскогорье разрѣзано во всѣхъ направленіяхъ неглубокими оврагами, образующими своего рода улицы. По обѣимъ сторонамъ оврага жилища высѣчены рукой человѣка въ каменистой массѣ, гдѣ бѣлый известнякъ чередуется съ желтымъ мергелемъ; наименѣе твердыя части вынуты такимъ образомъ, что совокупность пещеръ напоминаетъ расположеніе мавританскаго дома, съ дворомъ и боковыми горницами, но разлеченныя комваты этажа сообщаются черезъ наружный карнизъ, выступъ скалы, на который взбираются либо по углубленіямъ камня, либо по лѣстницъ изъ положенныхъ одна на другую плитъ. Такихъ подземныхъ жилищъ въ Зентанѣ отъ тысячи до тысячи двухсотъ, такъ что общее число обитателей этого крытаго города можно приблизительно опредѣлить въ 6.000 душъ. Кругомъ и надъ гротами растутъ оливковыя деревья, которыя и составляютъ главный источникъ богатства пещернаго населенія, такъ какъ пахатныя земли рѣдки въ этой части плоскогорья ³⁾; деревья окружены стѣной, задерживающей плодородный мергель, который иначе могъ бы быть смытъ дождями. На все время полевыхъ работъ и сбора плодовъ троглодиты покидаютъ свои пещеры и живутъ въ шатрахъ, что нѣрѣдко излечиваетъ ихъ отъ болѣзней, приобрѣтенныхъ въ сыромъ подземельѣ. Послѣ Зентана важнѣйшія, по цифрѣ жителей, поселенія этихъ «горъ»—два мѣстечка, приютившіяся у основанія турецкихъ замковъ Касръ-Гуріанъ и Касръ-эль-Джебелъ. Въ цѣломъ этотъ край относительно довольно многолюденъ: онъ

¹⁾ Henri Duveyrier, цитирован. мемуаръ.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

³⁾ Micher, „Mission de Ghadamès“.

заключаетъ въ себѣ не менѣе «ста одной» деревни¹⁾.

Нужно спуститься до самаго берега, чтобы найти настоящій городъ—Триполи, единственный, впрочемъ, на всемъ пространствѣ между Тунисомъ и Киренаикой. Даже возвышенныя равнины Таръ-гона, плодородная почва которыхъ прокармливала нѣкогда несчетное множество людей, имѣютъ нынѣ только рѣдкіе поселки да становища арабовъ, и главный пунктъ области побережья, Мисрата, лежащій близъ мыса, ограничивающаго на западѣ заливъ Большой Сирты, представляетъ собою лишь маленькое бѣдное мѣстечко, хотя и значится административнымъ центромъ сорока-четырехъ деревень. Одинъ каменный домъ, маякъ новой постройки, двѣ или три узкія, неровныя улицы, обставленные мазанками, хижины, разбѣянные подъ маслинами и пальмами,—такова эта столица области, имѣющая, впрочемъ, довольно важное значеніе, какъ мѣровой пунктъ для окрестныхъ племенъ. Ковры, циновки, мѣшки изъ козьей и верблюжьей шерсти—очень цѣнныя произведенія мѣстной промышленности. Въ Мисратѣ находится колыбель знаменитаго ордена Сиди-эль-Мадани, основатель котораго эмигрировалъ изъ Медины въ 1833 году²⁾. Въ XVI столѣтіи Мисрата была богатымъ городомъ и вела торговлю съ Венеціей; въ то же время она была исходнымъ пунктомъ для большинства каравановъ, отправлявшихся въ Феццанъ, и еще недавно кафилахъ изъ Триполи слѣдовали вдоль берега моря до Мисраты, чтобы обойти Гуріанскія горы, обитатели которыхъ пользовались дурной славой³⁾.

Къ западу отъ Мисраты находится Слитенъ, мѣстечко или, вѣрнѣе, группа деревень, затерянныхъ подъ пальмами и отчасти населенныхъ марабутами и евреями. Затѣмъ слѣдуетъ деревня Хомсъ, или Лебда, бѣдная наслѣдница античной Лептиды, которую прозвали «Великою» (Leptis Magna) за ея обширность и великолѣпіе. Первая Лептида, основанная бѣглыми сидонцами, была расположена на высокомъ мысѣ, который съ востока ограниченъ ручьемъ: полуостровной холмъ, защищенный со стороны твердой земли тремя рядами укрѣпленій, былъ акрополемъ города. Волноразбиватели, защищающіе стрѣлку мыса отъ удара волнъ, построены изъ огромныхъ четырехугольных камней, въ родѣ тѣхъ, какіе уцѣлѣли на островѣ Рюадъ, на Сирійскомъ берегу; вообще въ этой части Африки находятъ еще вполне сохранившіеся остатки финикійской архитектуры. Внутри этихъ стѣнъ набережной открываются, черезъ извѣстныя промежутки, редюиты, длиной около 30 метровъ, служившіе, по мнѣнію Барта,

сараями, куда ставились сидонскія барки. Къ югу отъ акрополя, на лѣвомъ берегу ручья, постепенно выросъ новый городъ Неаполь (Neapolis), сдѣлавшійся съ теченіемъ времени однимъ изъ значительнѣйшихъ центровъ населенія Старога Свѣта; сотни тысячъ жителей группировались въ стѣнахъ этого африканскаго города, зданія котораго, построенныя частью изъ мѣстныхъ мраморовъ, уступали богатствомъ и красотой только зданіямъ Рима. Пески засыпали его руины; памятники, нѣкогда украшавшіе улицы и площади многолюднаго города, погребены подъ дюнами вышиной въ 20 метровъ. Триумфальная арка, на которой еще видна дата, была воздвигнута при Маркѣ Авреліи⁴⁾; но большинство строеній, отъ которыхъ еще уцѣлѣли кое-какіе остатки, базилика и мавзолей, появились въ царствованіе Септимія Севера, который былъ уроженецъ Лептиды и даровалъ своему родному городу многочисленныя привилегіи. Нѣсколько античныхъ колоннъ лежатъ также на землѣ; но большая часть колоннъ, открытыхъ среди развалинъ, были увезены въ Англію или Францію: многія изъ нихъ находятся теперь въ церкви Saint-Germain des Près въ Парижѣ. При раскопкахъ въ развалинахъ Лептиды нашли прекрасныя каменныя надписи на трехъ языкахъ: пуническомъ, греческомъ и латинскомъ, — памятникъ, свидѣтельствующій о множествѣ иностранцевъ, толпившихся въ этомъ африканскомъ городѣ⁵⁾. На восточномъ берегу ручья тоже былъ раскинутъ кварталъ Лептиды, а на низменной стрѣлкѣ, тянувшейся вдоль устья, стоитъ фортъ, часто отстраивавшійся, съ высоты котораго можно окинуть взоромъ все поле развалинъ. Вдали, за этими обломками сѣдой старины, видѣются купы пальмъ, маслячныя роши и циркъ холмовъ Меселлата, увѣчаныхъ укрѣпленіями въ сосѣдствѣ моря; весь городъ въ совокупности занималъ пространство въ пять разъ больше, чѣмъ то, которое занимаетъ нынѣшній Триполи⁶⁾. Портъ Лептиды почти совершенно занесенъ пескомъ; однако, небольшія суда, почти исключительно англійскія, приходятъ туда въ лучшее время года за грузами альфы, собираемой въ сосѣднихъ степяхъ⁷⁾. По словамъ туземцевъ, культура оливковаго дерева была введена въ краѣ египтянами: одна масляная роша въ округѣ Меселлата, состоящая изъ огромныхъ стволовъ, носитъ названіе «Фараонова лѣса»⁸⁾. Колесная дорога, соединяющая Триполи съ округомъ Меселлата, проходитъ во многихъ мѣстахъ возлѣ древней дороги, которую можно узнать по колеямъ, оставленнымъ въ твердомъ камнѣ

¹⁾ Richardson, «Narrative of a Mission to Central Africa».

²⁾ Henri Duvoyrier, «Tunisie».

³⁾ Pezant, «Voyage en Afrique».

⁴⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

⁵⁾ Fulgence Fresnel, «Journal Asiatique», 1846.

⁶⁾ G. Rohlfs, «Petermann's Mittheilungen», 1865.

⁷⁾ Yacht-Reisen in den Syrten, 1873.

⁸⁾ Gerhard Rohlfs, «Kufra».

колесницами кареагенянъ, грековъ и римлянъ. На этой дорогѣ самая многолюдная группа деревень—Таджурахъ, жители котораго—народъ промышленный, въ одно и то же время землевладѣльцы, ткачи и красильщики. Таджурахъ нѣкогда былъ воинственнымъ городомъ и постоянно велъ борьбу съ мальтійскими рыцарями ¹⁾).

Нынѣшняя столица Триполитаніи далеко не можетъ сравниться, по числу жителей и богатству, съ древней Leptis Magna. По степени важности Триполи занимаетъ лишь третье мѣсто между городами средиземнаго побережья, хотя въ эти послѣдніе годы населеніе его значительно увеличилось, и онъ принялъ болѣе красивый и болѣе оживленный видъ. Подобно Лептидѣ, Триполи—финикійскаго происхожденія: подъ именемъ Уайата, передѣланнымъ по-латини въ Эа (Oea), онъ былъ посвященъ богу Мелькарту, высшему тирскому божеству, и сдѣлался значительнымъ городомъ; неизвѣстно, въ какую эпоху онъ принялъ имя Триполи, которое въ началѣ было именемъ цѣлой провинціи: изъ трехъ городовъ, Лептиды, Собраты и Эи, послѣдняя, выбранная столицей, въ концѣ-концовъ получила общее наименованіе страны ²⁾. Турки сохранили греческое слово Триполи подъ формой Тароболосъ, но для отличія отъ Сирійскаго Триполи они прибавляютъ къ названію африканскаго города слово эль-Гарбъ, то-есть «Западный». Кое-какіе остатки римской Эи еще существуютъ; глубоки цистерны, фундаменты городскихъ стѣнъ относятся къ этой эпохѣ; даже одно прекрасное зданіе вполне сохранилось: это—тріумфальная арка, сооруженная въ честь Марка Аврелія и Луція Аврелія Вера. Легко было бы освободить этотъ античный памятникъ отъ песка, засыпавшаго его до половины высоты, и отъ гнусныхъ строеній, опирающихся на его столбы, составленные изъ огромныхъ глыбъ мрамора.

Съ моря Триполи имѣетъ очень красивый видъ. Цѣпь подводныхъ камней, частію выступающая изъ голубыхъ водъ, тянется на 3 километра отъ берега, и при основаніи ея, со стороны твердой земли, высятся большая башня и укрѣпленія. На западѣ развернулся, въ видѣ полумѣсяца, самый городъ, отдѣленный отъ плоскаго берега линіей валовъ, надъ которой господствуетъ рядъ бѣлыхъ домовъ съ террасами, и которая замыкается, на восточной оконечности порта, массивнымъ дворцомъ генералъ-губернатора, окруженнымъ садами и пальмами. Надъ мечетями и домами, прилегающими къ морскому берегу, возвышаются минареты, такіе же стройные, какъ минареты мече-

тей въ Турціи, и длинныя мачты, на которыхъ развѣваются консульскіе флаги, а далѣе, въ глубинѣ картины, показываются, командуя надъ городами, цитадели «французскій маякъ», открытый въ 1880 году. Левъ Африканецъ, писавшій въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, сообщаетъ преданіе, по которому Триполи, будто бы, былъ нѣкогда построенъ съверяѣе, и въ его время еще видѣлись подъ водой фундаменты исчезнувшихъ зданій; но этотъ предпологаемый провалъ побережья сводится, безъ сомнѣнія, къ простому явленію мѣстнаго размыванія, такъ какъ нынѣшніе городскіе валы покоятся частію на основаніяхъ стѣнъ древней Эи ³⁾.

Въ новомъ Триполи, который окруженъ потрескавшимися стѣнами, построенными во времена Карла Пятаго, перемѣшаны весьма различные архитектурные стили. Внутри города, въ лабиринтѣ узкихъ и кривыхъ улицъ, большинство домовъ, тамъ и сямъ соединенныхъ надъ дорогой пассажами со сводами, сохранили арабскую фizioномію, съ ихъ бѣлыми, голыми стѣнами и дворами, окруженными галереями. Почти всѣ зданія, построенныя правительствомъ—казармы, тюрьмы, госпитали, магазины,—напоминаютъ огромныя и неуклюжія турецкія постройки Стамбула, тогда какъ Мальтійскій кварталъ походитъ на предмѣстье итальянскаго городка, а на Портовой улицѣ красуются пышные дома, неуступающіе домамъ большихъ торговыхъ городовъ Европы. Даже негритянская архитектура съ береговъ Нигера представлена въ этомъ городѣ Средиземнаго моря. Во многихъ мѣстахъ среди развалинъ группируются хижины съ куполами изъ древесныхъ вѣтвей, подобныя жилищамъ западнаго Судана: этому способу постройки триполійскіе бедуны научились отъ негровъ-невольниковъ. Хотя все еще очень грязный, поочередно болотный и пыльный, или то и другое вмѣстѣ, Триполи, однако, много украсилась съ половины настоящаго столѣтія. Гара, то-есть еврейскій кварталъ, по-прежнему представляетъ лабиринтъ грязныхъ закоулковъ, но черезъ весь старый городъ проведенъ центральный бульваръ; рынокъ, гдѣ царятъ негоціанты съ острововъ Мальты и Джербы, значительно расширился, нѣсколько новыхъ предмѣстій появилось среди садовъ. Выкопали даже артезіанскіе колодцы, чтобы восполнить недостатокъ годной для питья воды, такъ какъ содержимаго цистернъ обыкновенно хватаетъ только на шесть или на семь мѣсяцевъ въ году; но до сихъ поръ буренія давали лишь солоноватую жидкость. Городское населеніе значительно увеличилось и доходитъ теперь до 30.000 или 35.000 человекъ, между которыми насчиты-

¹⁾ Elie de la Primaudaie, „Le littoral de la Tripolitaine“.

²⁾ Vivien de Saint-Martin, „Les anciens sites de la Tripolitaine“;—Heinrich Kiepert, „Lehrbuch der alten Geographie“.

³⁾ H. von Maltzan, „Reise durch die Regenthschaften Tunis und Tripolis“.

ваютъ отъ четырехъ до пяти тысячъ европейцевъ, почти исключительно итальянцевъ и мальтийцевъ. Туземцы, мужчины и женщины, носятъ почти одинаковый костюмъ, только драпируются въ свою тогу или *гаули* разнымъ маверомъ. Женщины накладываютъ себѣ на плечи три гаули, одну на другую—газовую, шелковую и шерстяную¹⁾.

Поясъ пальмовыхъ плантацій, называемый Мешіа, который тянется вокругъ Триполи, имѣя около пятнадцати километровъ средней ширины, представляетъ собою многолюдный пригородъ столицы; населеніе его, по Крафту, простирается до 30.000 человекъ: тутъ есть и негры изъ Борну и государствъ по Нигеру, которые, получивъ вольную, вернулись къ прежнему образу жизни, какой вели въ родныхъ поселкахъ; и прохожіе арабы, разбивающіе свои палатки подъ тѣнью пальмъ, вблизи святой куббы; и мальтійскіе *пегсанті*, расположившіеся со своей мелочной лавочкой или харчевней на перекресткѣ дорогъ; и европейцы или турки, удалившіеся на отдыхъ въ хорошенекій загородный домикъ, среди зеленѣющихъ и цвѣтущихъ массивовъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мешіа грозитъ нашествіе песковъ, которые море оставило нѣкогда въ высохшемъ заливѣ; многіе сады покрыты дювой въ 30 или 40 метровъ вышины; тамъ и сямъ видны деревья, у которыхъ стволъ совершенно засыпанъ, а верхушка разматываетъ песокъ своими высокими вѣтвями. Жители Триполи обыкновенно, хотя не совсѣмъ правильно, даютъ этому поясу джонъ названіе «пустыни», считая себя, изъ какого-то страннаго тщеславія, близкими сосѣдями Сахары, отъ которой они отдѣлены еще всею областью степей и горами Джебель-Гурианъ. Но, дѣйствительно, Триполи и его окрестности представляютъ во многихъ отношеніяхъ видъ оазиса, и тотчасъ же по выходѣ изъ тамошнихъ садовъ караваны должны уже измѣнить свой путь по колодцамъ. Въ самой Мешіа безчисленные колодцы спускаются до слоя воды, который ирригаціонные насосы никогда не исчерпывали, и который находятъ въ сосѣдствѣ моря на глубинѣ менѣе одного метра. Вода здѣсь сама собой бьетъ ключемъ изъ песковъ, когда очень низкіе приливы имѣютъ слѣдствіемъ обнаженіе плоскихъ береговъ, почти всегда затопленныхъ.

Для торговли съ бассейнами озера Чаде и Нигера Триполи имѣетъ надъ западными городами, Тунисомъ, Боной, Алжиромъ, Ораномъ, то преимущество, что онъ находится въ прямыхъ сношеніяхъ съ покатостью Гвинейскаго залива. Двѣ главныя дороги, одна на Мурзукъ, другая на Гадамесъ, соединенныя между собой промежуточными путями, служатъ средствомъ сообщенія Триполи съ городами Бурну

и Гауссы. До 1873 г. караванщики изъ Гадамеса пользовались монополіей торговли съ этими странами, но теперь европейскіе негодіанты въ Триполи организуютъ караваны у самыхъ дверей своихъ магазиновъ, заинтересовывая въ своихъ гешефтахъ, предоставленіемъ половины барыша, начальниковъ племени, которымъ ввѣряется предводительство надъ кафилахомъ, и которые, впрочемъ, всегда отдають вѣрный отчетъ въ своихъ коммерческихъ операціяхъ. Среднимъ числомъ, изъ Триполи ежегодно отправляется шесть или восемь большихъ каравановъ, имѣющихъ отъ одной до трехъ тысячъ верблюдовъ и всегда эскортируемыхъ сотнями вооруженныхъ арабовъ, которые безбоязненно пускаются во враждебную террицію. Путешествіе до первыхъ городовъ Судана продолжается, среднимъ числомъ, отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Обыкновенно нѣсколько негодіантовъ соединяются въ товарищество, внося каждый извѣстную сумму на общее предпріятіе; но они могутъ получить свои пропорціональныя вложенному капиталу, доли барыша не ранѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ успѣшныя операціи по обмѣну бумажныхъ тканей, талеровъ Маріа-Терезіи и другихъ европейскихъ товаровъ на страусовыя перья, слоновую кость, золотой песокъ и невольниковъ—требуютъ много времени, и триполитанскимъ караванщикамъ часто приходится по нѣскольку разъ перевозить свои товары съ одного рынка на другой. На обратномъ пути они посылаютъ изъ Сокны или изъ Гадамеса впередъ конныхъ курьеровъ съ извѣстіемъ о своемъ возвращеніи, и тогда завязываются новыя сдѣлки съ европейскими купцами, въ предвидѣніи скорого прибытія обоза; обыкновенно товары продаются съ публичнаго торга, по прибытіи каравана. Съ тѣхъ поръ, какъ Удай добровольно заперъ свои рынки для египетской торговли, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ провинція по верхнему Нилу возстала противъ господства хедива, установилось новое торговое теченіе поперекъ сѣверо-восточной Африки, черезъ Дарфоръ и Удай; въ настоящее время уже не Александрія, а Триполи служитъ ввозной гаванью для предметовъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, покупаемыхъ Кордофаномъ. Однако, въ послѣдніе годы главной причиной благосостоянія для Триполи былъ вывозъ алыфы.

Отпускъ алыфы изъ порта Триполи:

Въ 1870 году—1.022 тонны, цѣнностью—40.000 франк.; въ 1875 году—33.590 тонны, цѣнностью—2.372.680 франк.

Триполи пользуется большою выгодой въ томъ отношеніи, что ему принадлежитъ монополія прямого обмѣна съ внутренней частью континента; кромѣ того, онъ занимаетъ счастливое географическое положеніе, почти по срединѣ африканскаго берега Средиземнаго моря, ко

¹⁾ Krafft, „Tour du Monde“, 1861.

вблизи Мальты, Сицилии и Южной Италии. Однако, его торговые обороты, хотя они нынѣ въ шесть разъ превосходятъ обороты цѣлой Триполитаніи въ 1825 г.¹⁾, гораздо меньше, чѣмъ обороты Туниса и Алжира, городовъ, которые должны удовлетворять своей торговлей потребности болѣе многочисленнаго мѣстнаго населенія, и гдѣ число европейцевъ несравненно значительнѣе.

Внѣшняя специальная торговля порта Триполи въ 1893 году выразилась слѣдующими цифрами:

Привозъ—11.125.000 франковъ, вывозъ—11.000.000 франковъ.

Великобританія, владѣтельница острова Мальты, съ которымъ Триполи находится въ постоянныхъ, почти ежедневныхъ сношеніяхъ, имѣетъ на свою долю болѣе половины обмѣна въ общей торговлѣ; она доставляетъ почти всѣ бумажныя матеріи, называемыя «мальтійскими» (maltese), по имени островнаго склада, и беретъ въ уплату почти всю альфу, производимую этой страной. Итальянцы, представляющие собою почти всю колонію европейскихъ иммигрантовъ въ этомъ городѣ, занимаютъ лишь второе мѣсто въ движеніи торговаго обмѣна. Что касается Франціи, то она стояла даже позади Турціи въ движеніи судоходства въ Триполи, но со времени завладѣнія регентствомъ Тунисъ, сопредѣльнымъ съ Триполитаніей, ея участіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ этой послѣдней страной значительно увеличилось.

Движеніе судоходства въ портѣ Триполи въ 1892 г.: пришло—279 пароходовъ, въ 244.997 тоннъ, и 203 парусныхъ судна, въ 13.930 тоннъ.

Однако, важность Триполи, какъ большаго рынка, всегда останется непрочной, пока гавань его не будетъ углублена и защищена отъ опасныхъ вѣтровъ. Особенно въ январѣ мѣсяцѣ моряки боятся близко подходить къ этому порту: въ эту пору года часто случалось, что корабли были выбрасываемы на берегъ бурнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ. Необходимо было бы повысить естественное жето изъ подводныхъ камней, чтобы оно задерживало волны, и убрать подводные камни, заграждающие входъ. Фарватеръ имѣетъ всего только отъ 5 до 6 метровъ глубины при отливѣ, немного болѣе 6 метр. при приливѣ, но судно, сидящее въ водѣ болѣе, чѣмъ на 4 метра, не можетъ безопасно пускаться черезъ баръ.

Къ западу отъ Триполи, на берегу Средиземнаго моря тянутся прекрасныя поля, гдѣ разсѣяны постоянныя селенія, тогда какъ во внутренней части равнинъ Джефары, отъ природы плодородныхъ и обильно орошаемыхъ водами уади, живутъ только кочевыя племена:

¹⁾ „Voyages“ de Graberg de Hemsö.

равнины эти, говоритъ Рольфсъ, можно бы было превратить во вторую Метиджу, болѣе богатую, чѣмъ алжирская. Дорога, идущая вдоль побережья, проходитъ черезъ Зензуръ, затѣмъ черезъ Зауйю, административный центръ восточнаго округа Триполитаніи, и вскорѣ послѣ того показываются развалины древней Сабраты финикянъ, то-есть «Рынка», одного изъ трехъ городовъ, принявшихъ коллективное имя Tripolis; ея упадокъ и окончательное паденіе относятся, вѣроятно, къ восьмому столѣтію христіанской эры¹⁾. Итальянскіе моряки дали руинамъ Сабраты и бѣдной деревушкѣ, приютившейся въ сосѣдствѣ съ остатками античныхъ стѣнъ, имя Tripoli Vecchio (Старый Триполи), которое не оправдывается исторіей и не имѣетъ соотвѣтственнаго названія въ арабскомъ языкѣ. Далѣе слѣдуетъ маленькая гавань Зоарахъ, пальмовымъ рощамъ которой, какъ и плантаціямъ Триполи, грозитъ нашествіе песковъ; это послѣдній городъ Триполитаніи. Сосѣдняя песчаная коса, Расъ-эль-Махбасъ, прославилась обширными салинами, которыя она защищаетъ со стороны моря. Въ тринадцатомъ вѣкѣ венеціанцы получили отъ триполійскаго эмира исключительную привилегію разрабатывать себѣ Расъ-эль-Махбаса, называемую также Зоарахской, и этотъ соляной промыселъ получилъ такое важное значеніе, что республика назначила специальныхъ должностныхъ лицъ для надзора за нимъ. Каждый годъ, въ опредѣленное время, венеціанскій флотъ бросалъ якорь въ бухтѣ Расъ-эль-Махбасъ и нагружался солью для рынковъ всей сѣверной Италіи, Швейцаріи, Тироля, Далмаціи. Въ XVIII столѣтіи венеціанцы были вытѣснены генуэзцами, которые связали въ аренду эти салины²⁾.

На югѣ и юго-западѣ простирается помятъ границы, который долгое время былъ чѣмъ-то въ родѣ марши, предоставленной въ распоряженіе разбойничьихъ племенъ. Когда французы овладѣли Тунисомъ, около 75.000 арабовъ южныхъ племенъ удалились въ эту пустынную область и, не находя себѣ пропитанія на невоздѣланной почвѣ, стали дѣлать постоянно набѣги на окрестныя мѣстности. Теперь большинство этихъ бѣглыхъ вернулись на родину, и въ степи, недавно усыянной палатками, остались только рѣдкія становнища нуайленъ и другихъ кочевыхъ племенъ.

У. Феѣцанъ.

Въ политическомъ отношеніи Феѣцанъ принадлежитъ къ турецкой провинціи Триполи; по

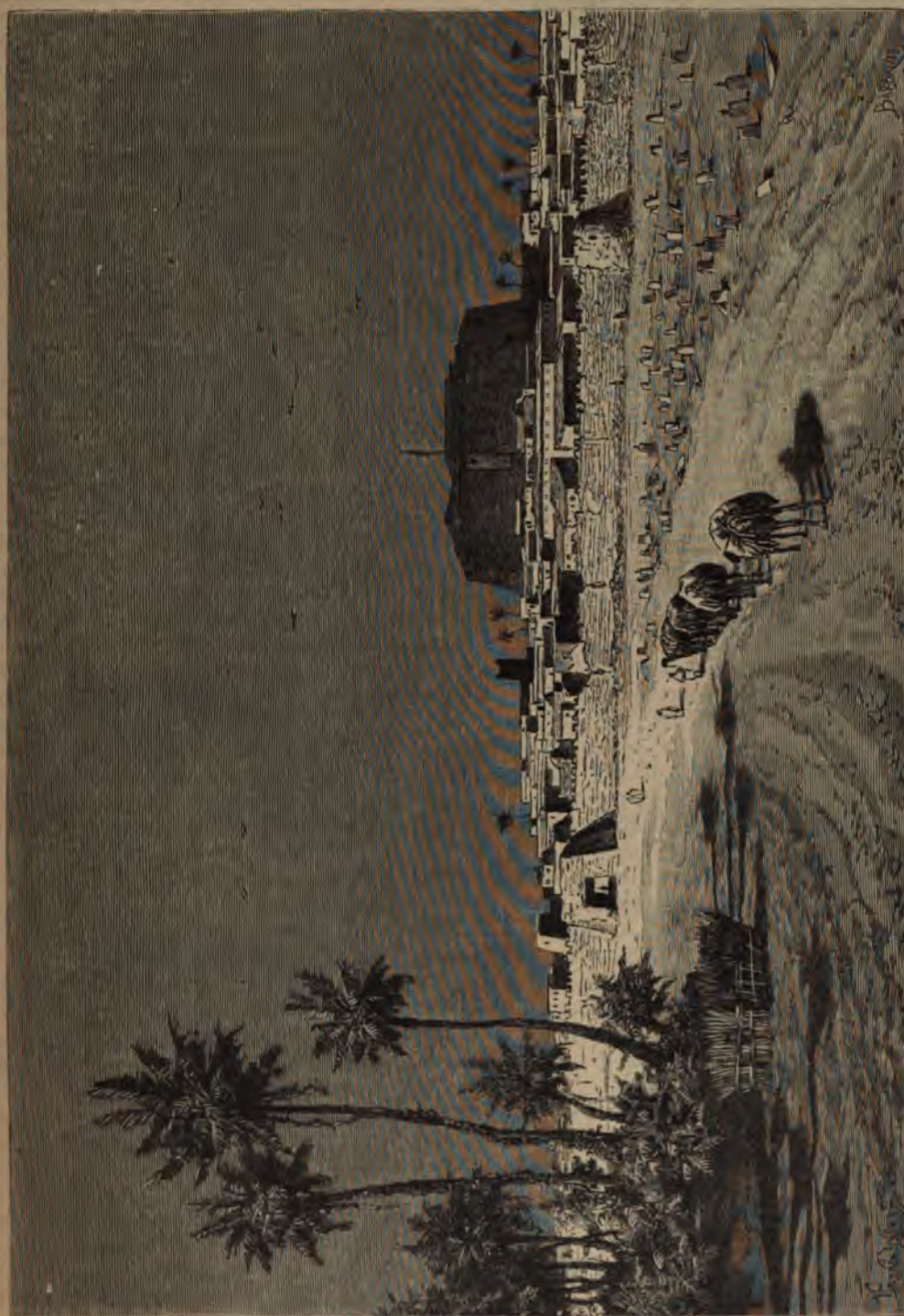
¹⁾ Vivien de Saint-Martin, „Les anciens sites de la Tripolitaine“.

²⁾ Elie de la Primadaie, „Le Littoral de Tripolitaine“.

своему положенію на югѣ Черныхъ горъ, также по климату, онъ составляетъ часть Сахарскаго пояса; наконецъ, по его негритянскому населенію, онъ долженъ быть причисленъ

къ Сахарой. Въ древности римское завоеваніе присоединило страну «Фазанію» къ средиземноморскому міру; затѣмъ арабы проникли туда побѣдителями, въ первое полутолѣтіе

Городъ Мурзукъ.

скорѣе къ области Судана, чѣмъ къ сѣверной Африкѣ. Однако, относительно значительное протяженіе его оазисовъ и ихъ доступность черезъ дороги, идущія изъ Триполи, дѣлаютъ его промежуточной областью между побережь-

геджры, и наконецъ, турки, наслѣдники Рима черезъ Константинополь, окончательно установили тамъ свое владычество въ первые годы настоящаго столѣтія, послѣ длиннаго ряда войнъ, которыя происходили не отъ стремле-

ния жителей къ независимости, а отъ честолюбия соперничавшихъ родовъ, добивавшихся власти. Въ наши дни черезъ Феццанъ ввозятся большая часть европейскихъ товаровъ въ самый центръ чернаго континента, и, следовательно, совершается постепенная работа ассимиляции между людьми. Впрочемъ, какъ ни велика историческая роль Феццана, служившаго входными воротами Центральной Африки, самъ онъ, какъ область малонаселенная, не представляетъ сколько-нибудь важнаго значенія; по детальной статистикѣ путешественника Нахтигали, все населеніе этой страны не превышаетъ 43.000 человекъ, даже 37.000, если исключить обитателей оазисовъ, лежащихъ на сѣверѣ раздѣльной цѣпи¹⁾. Но хотя бы населеніе простиралось до 200.000 человекъ, какъ полагаетъ Рольфсъ, и тогда не пришлось бы, среднимъ числомъ, даже по одному жителю на квадрат. километръ, ибо въ естественныхъ своихъ предѣлахъ, между Черной горой на сѣверѣ, предгорьями Джебель-Ахаггаръ на западѣ, передовыми плато Тибести на югѣ, и ливійскими пустынями на востокѣ,—Феццанъ занимаетъ пространство по меньшей мѣрѣ въ 300.000 кв. километровъ. Административные предѣлы этой территоріи гораздо шире, такъ какъ они заключаютъ въ себя также, на сѣверѣ Черной горы, оазисы Зелла, Джофра и всю покатость Средиземнаго моря до Бу-Нджейма.

Въ послѣднія сто лѣтъ Феццанъ былъ посѣщенъ многими путешественниками. Въ 1798 г. Горнеманъ, одинъ изъ миссіонеровъ, посланныхъ обществомъ изслѣдованія Африки, перешелъ оба Гаруджа, Черный и Бѣлый, путемъ, которымъ не ходилъ ни одинъ европеецъ послѣ него. Двадцать лѣтъ спустя, Лайонъ изучилъ главную торговую дорогу изъ Триполи въ Мурзукъ и опредѣлилъ астрономически нѣсколько пунктовъ, къ которымъ впослѣдствіи примкнули маршруты Уднея, Денгама и Клаппертона. Путешествіе Барта, Овервега и Ричардсона, въ 1850 году, было совершено по прямой дорогѣ, идущей черезъ большую Красную Гаммаду. Затѣмъ слѣдовали важныя изслѣдованія Фогеля. Дюверье, Бейермана, Рольфса, фонъ-Бари, Нахтигали, которые не только начертили на картѣ сѣтъ пройденныхъ ими путей, но еще прибавили къ нимъ маршруты многочисленныхъ арабскихъ развѣдчиковъ: такъ, Рольфсъ сообщилъ въ Европѣ объ открытіи одного изъ оазисовъ Вау арабомъ Могамедомъ-эль-Таргонни, уроженцемъ оазиса Зелла.

Въ цѣломъ, Феццанъ расположенъ въ видѣ амфитеатра: онъ окруженъ съ трехъ сторонъ плоскогорьями, а дно его покато къ востоку. Средняя его высота надъ уровнемъ моря около 500 метр., и низшія точки оазисовъ, вѣроятно,

лежать не ниже 200 метровъ. По Барту, самая глубокая впадина находится около колодца Шараба, къ востоку отъ Мурзукъ; озеро держится по цѣлымъ мѣсяцамъ въ этой котловинѣ, куда стекаютъ воды обширнаго бассейна. Внутренность феццанскаго цирка довольно холмистая, и видъ рельефа, также какъ абсолютная высота страны, доказываютъ, что этотъ бассейнъ не былъ покрытъ морскими водами въ недавнюю геологическую эпоху, какъ предполагали многіе географы во только относительно Феццана, но и относительно всей Сахары. Тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстахъ замѣчаются слѣды прежняго пребыванія соленой воды, и волны сыпучихъ песковъ, гонящихся одна за другой на западныхъ плоскогорьяхъ, равно какъ мозаичные полы изъ шлифованныхъ и разноцвѣтныхъ камешковъ, украшающіе поверхность восточныхъ сериоровъ, свидѣлствуютъ въ пользу гипотезы, по которой эти пространства когда-то находились подъ водой¹⁾. Между гористыми краями окружности, поверхность Феццана состоитъ изъ второстепенныхъ террасъ, большая ось которыхъ направлена отъ запада къ востоку, и которыя отдѣлены одна отъ другой разсѣлинами около 50 метр. средней глубины. Эти промежуточные пониженія почвы, узкія и извилистыя, тоже называются «уади», подобно ложамъ временныхъ ручьевъ сѣвернаго Триполи; но въ нихъ никогда не образуется правильнаго потока, такъ что вѣрнѣе было бы дать имъ названіе *юфра*, или «ровъ», которое носятъ одинъ изъ этихъ овраговъ, Мурзукскій. Одни изъ уади—песчаные или глинистыя долины безъ всякой растительности, другіе—зеленѣющія лощины, осыненные пальмами. Не образуя рѣчнаго развитія въ собственномъ смыслѣ, рвы эти сходятся, однако, одинъ къ другому, но не всѣ достигаютъ общаго русла въ восточной части страны: гдѣ пески, гдѣ скалы прерываютъ на востокъ эти неразвившіяся долины.

Южный склонъ массивовъ Джебель-эль-Сода и Гаруджъ-Черный представляетъ очень пологій скатъ; онъ продолжается на югѣ предгорьями и террасами серира Бентъ-Афиенъ, невысокихъ плато, покрытыхъ мелкимъ камнемъ, который сильно затрудняетъ ходьбу. На югѣ хребта Сода нужно пройти пространство около 130 километр., прежде чѣмъ достигнешь утеса, у подошвы котораго начинается собственно Феццанъ; на всемъ этомъ пространствѣ, почти совершенно пустынномъ, есть только одно зеленѣющее воронкообразное углубленіе—оазисъ Фога. Первый уади Феццана тянется вдоль самаго основанія Краснаго плоскогорья; это—уади Геранъ, гдѣ виднѣются тамъ и сямъ одиноко стоящія деревья около колодцевъ, въ сырыхъ ложбинахъ; за исключеніемъ этихъ лож-

¹⁾ „Sahara und Sudan“; — Behm und Wagner, „Bevölkerung der Erde“, VI.

¹⁾ Gerhard Rohlf, „Quer durch Afrika“.

бинъ, почти на всемъ своемъ протяженіи онъ представляетъ лишь сыпучіе пески, усѣянные глыбами песчаника, почернѣвшими отъ солнечнаго зноя. Но при слияніи его съ другимъ, болѣе широкимъ, уади, надъ которымъ господствуютъ, съ сѣверной стороны, крутые откосы предгорій Черной Горы, видъ долины мѣняется: слой чернозема покрываетъ дно уади Эшъ-Шіати, и корни пальмъ встрѣчаютъ сырой песокъ на глубинѣ (средней) 3 метр. Измѣренія абсолютной высоты этого уади, сдѣланные путешественниками, настолько разнятся между собою (отъ 350 до 500 метр.), что нельзя составить себѣ понятіе объ истинномъ скатѣ долины: полагаютъ, что она наклонена отъ запада къ востоку, подобно другимъ уади; возможно, однако, что она выше къ серединѣ, чѣмъ на оконечностяхъ¹⁾.

Къ югу отъ рва Эшъ-Шіати, теряющагося на востокъ среди скалъ Гаруджа Бѣлаго, высятся терраса, имѣющая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около сотни верстъ въ ширину, хотя тамъ и сямъ въ этой мощной массѣ открываются узкіе уади и маленькія зеленѣющія долины, по большей части необитаемыя. Одинъ изъ этихъ уади, Зелафъ, имѣющій видъ трещины почвы, наполненъ лѣсомъ финиковыхъ пальмъ, великолѣпные плоды которыхъ принадлежатъ проходимъ; однако, обычай запрещаетъ имъ уносить съ собою запасы плодовъ: оставшіеся послѣ прохода каравановъ финики собираются жителями Эшъ-Шіати. Плоскогорье, въ которомъ открывается зеленѣющій ровъ, уади Зелафъ, все занято на западѣ моремъ песковъ; *эдейены*, то-есть «песчаная горы» на языкѣ темагакъ восточныхъ туареговъ, тянутся, по Дюверье, который переходилъ ихъ въ двухъ мѣстахъ, на пространствѣ 800 килом. въ длину, отъ запада къ востоку, при средней ширинѣ около 80 километр.; въ той части плоскогорья, гдѣ проходитъ главная караванная дорога между Триполи и Мурзукъ, песчаная масса перестаетъ разстилаться въ видѣ сплошнаго моря и разлагается на отдѣльные архипелаги и горки. Грады дюнъ не слѣдуютъ одна за другой въ правильномъ порядкѣ; нѣкоторыя изъ этихъ высотъ стоятъ даже въ видѣ совершенно уединенныхъ остроконечныхъ горъ. На сѣверѣ Джермы караванъ Барта встрѣтилъ извилистые валы песковъ, переходъ черезъ которые былъ дотогу труденъ, что люди принуждены были разравнивать гребни руками для того, чтобы верблюдамъ было гдѣ поставить ногу. А между тѣмъ это были еще не самыя высокія дюны: восточнѣе, Фогель, измѣряя тригонометрически высоту одной песчаной горы, нашелъ, что она поднимается на 162 метра надъ уровнемъ маленькаго озера, наполняющаго впадину плоскогорья²⁾.

¹⁾ Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

²⁾ „Petermann's Mittheilungen“, Sept. 1855.

Удивительно, что въ этой области, гдѣ дожди такъ рѣдки, сохраняются, среди дюнъ, озера, постоянныя или періодическія. Въ одной только группѣ, на сѣверѣ Мурзукской гамады, насчитываютъ съ десятокъ такихъ озеръ; впрочемъ, почти все они трудно доступны, по причинѣ окружающихъ ихъ бугровъ мелкаго песку, въ которомъ глубоко вязнуть ноги. Два изъ этихъ озеръ содержатъ въ своей водѣ хлористый натрій и углекислый натръ, какъ Натроновыя озера египетской пустыни: отсюда и названіе Бахръ-эль-Труніа, или «Натроновое море», подъ которымъ извѣстно одно изъ озеръ Феццана. Многія другія озера населены червями, которые очень цѣнятся мѣстными ласкомками. То изъ нихъ, которое особенно изобилуетъ этими червями, специально обозначается именемъ «Червякаго моря», Бахръ-эль-Дудъ, а прибрежныхъ рыбаковъ называютъ «червячниками», дувада. Этотъ бассейнъ, окаймленный пальмами, имѣетъ форму круга, около 1.000 метр. въ окружности, и наибольшая глубина его почти 8 метровъ, хотя туземцы считаютъ его «бездоннымъ», и его черныя воды, густыя какъ сиропъ, — до такой степени онѣ солены, — дѣйствительно выказываютъ его очень глубокимъ. Больные изъ Феццана толпами приходятъ туда купаться, послѣ чего они погружаются въ находящееся рядомъ съ озеромъ резервуаръ прѣсной воды, чтобы смыть съ себя слой соли, покрывающій ихъ тѣло. «Червякъ», называемый натуралистами *artemia oudneyi*, есть не что иное, какъ личинка двукрылаго насекомыхъ, движущаяся чрезвычайно быстро; ея извивающееся тѣло, золотисто-краснаго цвѣта, какъ у китайскаго чебака, мелкаетъ огненной чертой среди окружающихъ маленькихъ животныхъ, покрывающихъ поверхность озера; длина ея около 8 миллиметровъ. При помощи сѣтей вылавливаются личинки «черви», смѣшанные съ другими личинками, преслѣдующими артемій, и съ водорослями, служащими имъ пищей; все это мѣсятъ, и получается родъ тѣста, вкусомъ напоминающее креветки «съ душкомъ». Употребляютъ его всего чаще въ видѣ приправы къ другимъ кушаньямъ¹⁾.

Плоскогорье дюнъ круто обрывается на югѣ и образуетъ долину уади Лажаль, общее направленіе которой отъ запада-юго-запада къ востоку-сѣверо-востоку. Въ цѣломъ, этотъ ровъ имѣетъ около 500 километр. длины, между пустынями, отдѣляющими Ратъ отъ Феццана, и пустынями, простирающимися къ Бѣлому Гаруджу, но оазисы занимаютъ дно долины только на пространствѣ около 200 килом., при средней ширинѣ въ 8 килом.; около западнаго своего начала уади Лажаль лежитъ на высотѣ 600 метр., а въ пустыняхъ, съ которыми онъ

¹⁾ Vogel, „Petermann's Mittheilungen“, Sept. 1855; — Henri Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

сливается на востокъ,—на высотѣ всего только 400 метр. Противоположные берега этого уади представляютъ рѣзкій контрастъ: на сѣверѣ они состоятъ изъ песчаныхъ бугровъ, съ округлыми контурами, тогда какъ на югѣ высятся крутые утесы, продолженіе цѣпи Амсака (частію девонской формации), которая господствуетъ надъ западнымъ входомъ долины. Около середины рва Лажаль, два выступа горъ, выдвинувшіеся на встрѣчу одинъ другому, дѣлятъ долину на двѣ половины, называемыя, по ихъ географическому положенію, одна—уади Эль-Гарби, или «Западный», другая—уади Эшъ-Шерки, или «Восточный». Послѣдній значительно больше; онъ соединяется на востокѣ съ пальмовыми рощами Себха, затѣмъ, прерываемый пустыней, снова появляется въ небольшихъ оазисахъ Теменгинтъ, Семну, Зигенъ, положеніе которыхъ, повидимому, указываетъ на существованіе въ прежнія времена сліянія между уади Лажаль и уади Эшъ-Шіати; теперь долину загромождаютъ пески.

Почва уади Лажаль, какъ и другихъ низменностей Феццана, состоитъ изъ *гейши*, то-есть очень легкаго чернозема, насыщеннаго солью и разрыхленнаго совокупнымъ дѣйствіемъ глубокихъ водъ и жары; соляныя эфлоресценціи образуютъ во многихъ мѣстахъ средній поясъ, окаймленный съ той и другой стороны пашнями, разработанными у основанія дюнь и утесовъ. Средняя глубина воды въ уади Лажаль 3,40 метр., и потому тамъ нѣтъ надобности въ поливкѣ пальмъ, которыя сами втягиваютъ корнями потребную влагу; но для культуры овощей и хлѣбныхъ растений ирригаціонную воду достаютъ изъ колодцевъ, погружая въ нихъ снаряды, сдѣланные изъ дерева финиковой пальмы и напоминающіе издали подъемные краны приморскихъ городовъ. Что бы ни говорилъ путешественникъ Рольфсъ, въ Феццанѣ несомнѣнно существуютъ системы колодцевъ съ подземными галлереями, или фогараты: Дюверье видѣлъ такой фогаратъ на склонѣ южныхъ утесовъ этого уади, недалеко отъ Джермы.

Мурзукская гамада, отдѣляющая уади Лажаль отъ долины, специально обозначаемой именемъ Гофра, или «Ровъ», представляетъ почти вездѣ ровное плоскогорье; только часть ея сѣвернаго края образуетъ крутой выступъ, называемый цѣпью Амсака; кромѣ того, она изборозжена разсѣлинами, въ которыхъ мѣстами вырыли колодцы, и которыя кое-гдѣ даже заняты оазисами: таковъ оазисъ Годва, черезъ который проходитъ большинство каравановъ, между Мурзукомъ и Триполи. Очень узкая на западѣ, гдѣ ее можно перейти въ одинъ день, эта гамада расширяется къ востоку и, наконецъ, сливается съ каменистыми серирами и неизслѣдованными пустынями, надъ которыми господствуютъ, на сѣверѣ, известковыя террасы Бѣлаго Гаруджа. Въ западной своей части Мур-

зукское плоскогорье ограничено съ юга очень узкой долиной, уади Аберджунъ, за которой снова начинаются каменистыя плато, продолжающіяся безъ конца въ южномъ направленіи до земли тиббу, и углубленія которыхъ не имѣютъ никакой растительности, кромѣ изрѣдка встрѣчающихся камедныхъ деревьевъ. Но на востокѣ открывается, въ видѣ полукруга, обширная долина Гофра, впадина Феццана, въ которой находится городъ Мурзукъ, нынѣшняя столица страны. Эта низменность раздѣлена безплодными каменистыми пространствами на двѣ, рѣзко отличающіяся одна отъ другой части: на западѣ—Мурзукскій оазисъ, на востокѣ—длинный и узкій рядъ оазисовъ, называемый общимъ именемъ Эшъ-Шеркія, «Восточный», который подраздѣляется на множество второстепенныхъ впадинъ, разгороженныхъ песчаными буграми, и не представляетъ въ своемъ протяженіи никакого правильнаго ската. Высота различныхъ оазисовъ—отъ 300 до 500 метр. Послѣдній, съ восточной стороны, оазисъ, Темисса, окруженъ со всѣхъ сторонъ пустынями. Дно долины Гофра, также какъ дно другихъ впадинъ Феццана, состоитъ изъ *гейши*, съ тою разницей, что здѣсь почва содержитъ немного больше глины; но эта глина до такой степени насыщена солью, что выдѣляемые изъ нея кирпичи, изъ которыхъ построены всѣ тамашніе дома, расплываются отъ сильнаго дождя ¹⁾. Вода, доставаемая изъ нижнихъ слоевъ почвы при помощи особыхъ снарядовъ, имѣетъ солоноватый вкусъ, и чужеземцы съ трудомъ привыкаютъ къ ней; во многихъ мѣстахъ она достигаетъ поверхности земли и разливается въ видѣ болотъ или себхъ, окаймленныхъ поясомъ кристаллической соли.

Гофра, съ ея восточнымъ продолженіемъ Шеркія, есть послѣдній большой оазисъ Феццана въ южномъ направленіи; на пути къ плато въ 700 метр. высоты, отдѣляющему Феццанъ отъ страны Тиббу, караваны встрѣчаютъ только колодцы, да два маленькихъ оазиса: Гатрунъ и Теджерри. На востокѣ, по направленію къ Куфрѣ, пустыня имѣетъ еще болѣе дикій видъ, чѣмъ къ югу: сериры, дюны, солончаки слѣдуютъ одни за другими на пространствѣ 200 слишкомъ километровъ, прежде чѣмъ встрѣтишь первый оазисъ—Вау-эль-Кебиръ, или «Большой Вау» или Уау (не произошло ли это имя отъ египетскаго слова Ва, изъ котораго греки сдѣлали «оазисъ»?), который не былъ извѣстенъ географамъ до путешествія Бейермана, въ 1862 году. Прежде этотъ оазисъ находился во владѣніи негровъ тиббу, но въ 1841 году арабскіе грабители выгнали ихъ отсюда и сдѣлали оазисъ центромъ своихъ разбойничьихъ набѣговъ. Туббусы тщетно пытались отвоевать похищенную у нихъ землю; но

¹⁾ Н. Duveyrier, цитируемое сочиненіе.

племя завоевателей, въ свою очередь, уступило мѣсто новымъ пришельцамъ, и, во время путешествія Бейермана, Вау былъ уже занятъ хуанами братства сенусіа, которые всѣ соблюдаютъ обѣтъ безбрачія: ни одна женщина не имѣетъ права пребыванія въ оазисѣ. Бейерманъ узналъ, что въ трехъ дняхъ ходьбы, къ западу, находится другой оазисъ, называемый Вау-эсъ-Сериръ, «Малый Вау», или Вай-Намусъ, «Москитовый Вау»; но никто въ краѣ не могъ указать ему дорогу туда: единственный человѣкъ, знавшій ее, умеръ незадолго передъ тѣмъ въ преклонныхъ лѣтахъ ¹⁾. Этотъ потерянный оазисъ и есть тотъ самый, который былъ найденъ въ 1876 г. арабомъ Могамедомъ Таргономъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими изслѣдователями-добровольцами изъ оазиса Зелла. Малый Вау теперь необитаемъ, но многочисленные черепки глиняной посуды и пальмовые лѣса съ вырубленнымъ подлѣсьемъ свидѣлствуютъ, что еще недавно онъ имѣлъ нѣкоторое населеніе, состоявшее, вѣроятно, изъ негровъ племени Флору «оазиса Москитовъ» составляютъ, кромѣ пальмъ, акаціи, тамариски и другія, менѣе высокія, деревца и кустарники ²⁾; въ скалахъ находятъ «прекрасную желтую сѣру». Маленькое озеро, по серединѣ оазиса, объясняетъ обиліе москитовъ, отъ которыхъ этотъ зеленѣющій островокъ пустыни и получилъ свое названіе; бывшіе жители селились обыкновенно на «очень высокой горѣ», надъ озеромъ и тучами москитовъ ³⁾. По преданіямъ, на юго-востокъ отсюда существуетъ другой оазисъ, Вау-Гариръ, долина, богатая растительностью и населенная большимъ числомъ животныхъ: дикихъ барановъ, газелей и антилопъ, которыя еще нѣсколько не боятся человѣка; онѣ доверчиво подпускаютъ его къ себѣ и даютъ пронзать себя копьемъ. Верблюды, одичавшіе, тоже, говорятъ, живутъ тамъ подъ тѣнью пальмъ, на берегу «ручьевъ», текущихъ въ таинственномъ оазисѣ.

Феццанъ, лежащій подъ болѣе южной широтой, чѣмъ собственно Триполи, имѣетъ, конечно, и болѣе высокую среднюю температуру, именно отъ 27 до 28 градусоу Цельсія; однако холода тамъ сильнѣе, отчасти по причинѣ большаго удаленія отъ моря, которое всегда оказываетъ умѣряющее вліяніе на климатъ, отчасти вслѣдствіе большей чистоты воздуха, которая дѣлаетъ возможнымъ свободное лучеиспусканіе теплоты ночью. Впрочемъ, небо рѣдко бываетъ совершенно чисто; оно не блеститъ тамъ чудной синевой умѣренныхъ поясовъ, а имѣетъ скорѣе молочно-бѣлый цвѣтъ, и появляющіяся на немъ облака—почти всегда барашки, полоски или мелкіе узоры, перистыя

облака (cirrus) высшихъ областей атмосферы. Въ декабрѣ и въ первой половинѣ января термометръ, наблюдаемый при восходѣ солнца, показываетъ не выше 5 или 6 градусоу, и во многихъ мѣстахъ плоскогорья вода иногда замерзаетъ ночью ⁴⁾; видѣли даже снѣгъ на горахъ, окружающихъ страну. Что касается крайностей жары, то онѣ почти невыносимы для иностранцевъ. Если уже средняя лѣтняя температура въ Мурзукѣ, по Лайону, 32,°5, то неудивительно, что Дюверье два раза въ іюлѣ наблюдалъ тамъ температуру 44,°6 въ тѣни, а въ собственной пустыни термометрической столбикъ часто поднимался выше 50 градусоу Цельсія. На солнцѣ жары превышаютъ 60 градусоу, достигаютъ даже 70. По климату Феццанъ принадлежитъ къ поясу Сахары, гдѣ скачки температуры такъ велики, что, по выраженію Геродота ⁵⁾, достаточны, чтобы истребить «самый грунтъ страны». Въ самомъ дѣлѣ, какія горныя породы устоятъ передъ силой расширенія и сжатія, производимыхъ крайностями тепла и холода, годовая разность которыхъ доходить до 70, можетъ-быть даже до 80 градусоу? ⁶⁾.

Что касается дождей, то они тѣмъ рѣже, что Джебель-эсъ-Сода и Черный Гаруджъ задерживаютъ дождевыя облака на проходѣ. Даже росы почти совсѣмъ не бываетъ, по причинѣ сухости воздуха. Впрочемъ, дождя и не желаютъ въ оазисахъ Феццана, не только потому, что онъ размываетъ хижины изъ битой глины, но также и потому, что онъ наноситъ вредъ деревьямъ, измѣняя нормальный порядокъ ихъ питанія почвенными водами. «Вода дождей мертвая, вода почвы живая», говорятъ туземцы. Дожди выпадаютъ вообще зимой и весной, то есть съ декабря по апрѣль, когда сѣверные вѣтры оспариваютъ преобладаніе у южныхъ.

Крайности тепла и холода имѣютъ слѣдствіемъ большую бѣдность флоры: растенія, невыносящія суровыхъ холодовъ, и растенія, боящіяся сильныхъ жаровъ, погибаютъ подъ этимъ неравномернымъ климатомъ. Въ Феццанѣ почти нѣтъ самородной флоры: акаціи тальха съ рѣдкой листвою, чахламы тамариски, колючіе альхаги, составляющіе пищу верблюдовъ, колоковникъ песковъ, альфа, нѣсколько кустарниковъ, одна солянка, два или три злака—вотъ и все, что производитъ пустыня въ своихъ защищенныхъ долинахъ ⁷⁾. Культурныя растенія, можетъ-быть, болѣе многочисленны, нежели дикія, хотя во многихъ оазисахъ сады очень бѣдны видами. Феццанъ имѣетъ, въ томъ или другомъ уади, пшеницу, ячмень и многіе другіе роды зерновыхъ хлѣ-

¹⁾ Moritz von Beurmann, „Ergänzungsheft, № 8, zu Petermann's Mittheilungen“.

²⁾ G. Rohlf, „Kufra“.

³⁾ Beurmann, цитирован. жемуръ.

⁴⁾ Vogel, „Petermann's Mittheilungen“, Sept. 1855.

⁵⁾ Книга I V, глава 184.—H. Duveyrier, „Les Tonaregs du Nord“.

⁶⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

⁷⁾ Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

бовъ, гомбо, слизистый плодъ котораго очень любимъ арабами, десятка три овощей, перечисляемыхъ Нахтигелемъ, и въ томъ числѣ почти всѣ виды, воздѣлываемые въ нашихъ садахъ и огородахъ; смоковница, миндальное дерево приносятъ превосходные плоды, но большинство другихъ фруктовыхъ деревьевъ, свойственныхъ умѣренному поясу, здѣсь рѣдки или даже представлены только нѣсколькими чахлыми растениями; послѣднія маслины, на югѣ, встрѣчаются въ уади Отба къ западу отъ Мурзука ¹⁾. Табакъ, хлопчатникъ, индиговое дерево хорошо растутъ въ садахъ Феццана, но производство ихъ очень ограниченное. Камедное дерево, особенно въ уади Лажаль, вокругъ оазиса Убари, даетъ превосходную камедь, которую туземцы не брезгаютъ употреблять въ пищу, въ случаѣ недостатка обычныхъ съѣстныхъ припасовъ. Кормовыя растения: люцерна, клеверъ, донникъ различныхъ разновидностей, имѣютъ болѣе важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ страны.

Феццанъ можно считать настоящей родиной финиковой пальмы; по словамъ туземцевъ, въ Гофрѣ, особенно въ томъ оазисѣ, середину котораго занимаетъ городъ Трагенъ, находится центръ ея области произрастанія; нигдѣ это дерево не встрѣчается такими большими лѣсами, съ такими густыми пучками вайй. Въ Феццанѣ насчитываютъ не менѣе трехсотъ разновидностей финиковой пальмы, болѣе тридцати въ одномъ только Мурзукскомъ оазисѣ; много лѣсовъ, выросшихъ изъ сѣмянъ, развиваются въ видѣ кустарника, плоды котораго предоставлены газелямъ ²⁾. Въ оазисахъ пальмы скучены милліонами; въ Мурзукскомъ оазисѣ турецкое правительство уже присвоило себѣ цѣлый милліонъ, да и въ другихъ плантаціяхъ оно не менѣе богато. Понятно, какую громадную пользу приноситъ это чудесное дерево въ краѣ, который такъ бѣденъ другими растениями: плоды, стволъ, вѣтви, стебельки, волокна, сердцевина, сокъ—все утилизируется жителями. Финики, вмѣстѣ съ зерновыми хлѣбами, составляютъ главную пищу осѣдлыхъ феццанцевъ; для кочевыхъ же эти плоды да верблюжье молоко—единственная провизія; домашнія животныя, даже собаки, тоже ѣдятъ финики, или какъ главный кормъ, или какъ замѣну обычныхъ порцій. Замѣчено, что у жителей Феццана почти у всѣхъ испорченные зубы, что приписываютъ слишкомъ исключительному употребленію этихъ плодовъ, которые, впрочемъ, не такъ хороши, какъ египетскіе и алжирскіе (изъ Суфа), но далеко превосходятъ качествомъ финики триполійскаго побережья.

Недостатокъ пастбищъ препятствуетъ развитію скотоводства въ оазисахъ; домашнія жи-

вотныя здѣсь вообще очень мелки и сравнительно такъ же малочисленны, какъ и дикія, лишеныя травы и воды. «Левъ пустыни» не бродитъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ Феццана; тамъ не встрѣтишь ни пантеръ, ни гиенъ, даже шакалъ не тавкаетъ вокругъ деревень и становищъ кочевниковъ; только хитрая лисица феннекъ, съ огромными, постоянно дрожащими, ушами, подкарауливаетъ добычу вблизи хижинъ и палатокъ; газели и антилопы, которыхъ Лайонъ описываетъ подъ именемъ «буйволовъ» ¹⁾, должно быть, довольно рѣдки, такъ какъ на рынкахъ нигдѣ не видать этой дичи. Ястребы, соколы и вороны, ласточки и воробы, вѣрные товарищи человека—вотъ и всѣ птицы Феццана, если не считать вихирей и утокъ, прилетающихъ лѣтомъ изъ болѣе южныхъ странъ, гдѣ они проводили зиму ²⁾.

На заднихъ дворахъ увидишь только куръ да голубей; овцы и козы вырождаются, а изъ сохранившихся почти всѣ ширококостны, съ вытянутой шеей, маленькой головой и тонкой шерстью; быки и коровы, привезенные съ сѣвера, всѣ малорослы и трудно переносятъ здѣшній климатъ. Что касается лошадей, то ихъ можно встрѣтить только на конюшняхъ знатныхъ особъ; едва-ли наберется и полсотни коней во всей странѣ. Единственное четвероногое, серьезно приобщенное къ труду человека,—верблюдъ, принадлежащій къ арабской породѣ, мало отличающейся отъ туарегской. Самые рослые и сильные верблюды живутъ въ Черныхъ горахъ и на Гаруджѣ; зимой они обрастаютъ густой шерстью, которую стригутъ каждый годъ для тканья ковровъ и грубой матеріи для шатровъ. Известно, что, по свидѣтельству большинства историковъ, верблюдъ былъ введенъ изъ Египта въ болѣе западныя области Ливіи только въ первые вѣка христіанской эры: гараманты употребляли воловъ, лошадей и колесницы для ѣзды и перевозки тяжестей черезъ песчаные бугры и каменистые сериры. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о большой перемѣнѣ климата въ послѣднія два тысячелѣтія, ибо въ наши дни невозможно было бы перейти пустыню безъ помощи верблюда. Изваянія на скалахъ въ Телисарге, въ юго-западной части Феццана, представляютъ съ поразительной вѣрностью быковъ, идущихъ на водопой; на тѣхъ же скалахъ замѣтны черты, изображающія лошадь и осла ³⁾.

Жители Феццана принадлежатъ ко всѣмъ расамъ Сѣверной Африки и составляютъ совершенно смѣшанный народъ, первоначальными элементами котораго являются черные аѳіоны, древнѣйшіе обитатели края, и бѣлые берберы. Въ послѣднее время арабы, особенно изъ племени ауладъ-слиманъ изъ Египта и

¹⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

²⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

¹⁾ „Narrative of Travels in Northern Africa“.

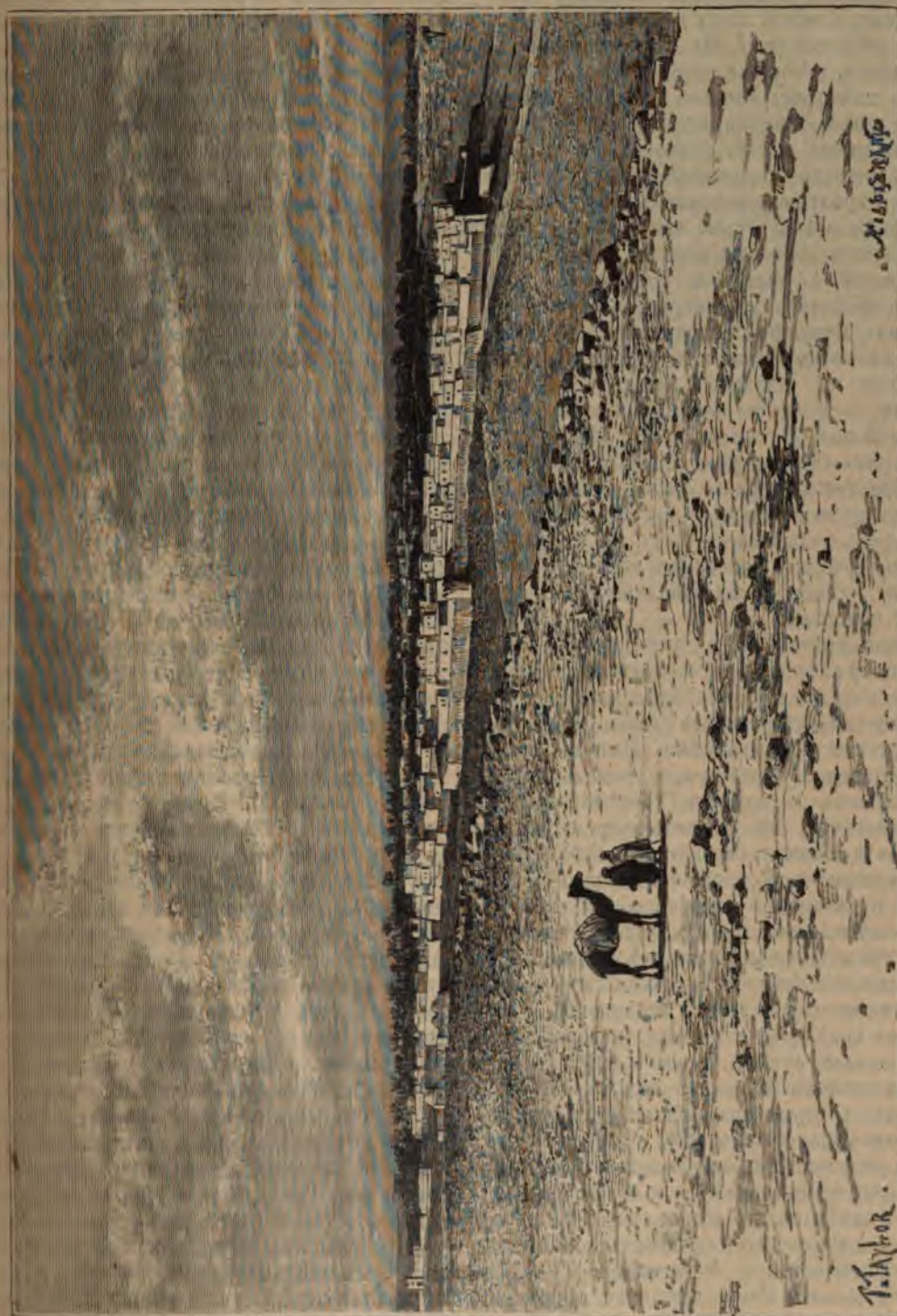
²⁾ Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

³⁾ H. Barth, „Reisen und Skizzen“.

Киренаики, тоже способствовали въ значительной мѣрѣ обновленію мѣстнаго населенія, а прежде, когда варварійскіе пираты еще разбойничали на Средиземномъ морѣ, много итальян-

кожи, отъ чернаго, какъ смоль, до чисто-бѣлаго. Рольфсъ разсказываетъ даже, что здѣсь довольно часто можно наблюдать явленіе, при мѣры котораго во множествѣ представляютъ

Общій видъ Гадамеса.

скихъ плѣнницъ поступало въ гаремы мурзукскихъ шейховъ, внося съ собой новый этнический элементъ, имѣвшій свою цѣну въ столь малочисленномъ населеніи. Между туземцами Феццана мы находимъ всевозможные оттѣнки

населенія испанской Америки, именно—встрѣчаются пѣгіе субъекты, люди съ пестрой кожей, т. е. съ бѣлыми пятнами или полосами на черномъ фонѣ, или наоборотъ—съ черными на бѣломъ фонѣ. Точно также въ Феццанѣ перѣд-

ко можно видѣть чернокожихъ съ длинной и гладкой шевелюрой, тогда какъ бѣлокожіе, напротивъ, бываютъ къ короткимъ и курчавымъ волосами. Можно сказать, что въ среднемъ преобладающій цвѣтъ кожи—желтый, какъ у малайцевъ, а черты лица и шевелюра принадлежатъ негрской расѣ. Не менѣе многочисленны и языки, которыми говорятъ въ этой странѣ, гдѣ смѣшалось столько расъ. Самый употребительный—канури, идиомъ страны Борну, и многія имена мѣстъ, деревень и колодезевъ свидѣлствуютъ о пребываніи негровъ языка канури, вѣроятныхъ потомковъ древнихъ гарамантовъ¹⁾; всѣ взрослые понимаютъ арабскій языкъ, языкъ торговли; нарѣчія Гауссы и другихъ частей Африки тоже раздаются въ хижинахъ феццанскихъ негровъ. Живущіе въ предѣлахъ Феццана туареги, менѣе рослые и менѣе сильные, чѣмъ ихъ единоплеменники, обитающіе въ Джебель-Ахаггарѣ, на югѣ Алжиріи, кочуютъ по большей части въ юго-восточной полосѣ страны, между Мурзукомъ и Ратомъ; это—тизилькумы, вольные люди, презирающіе араба, подлаго «плательщика подати». Они принадлежатъ къ братству Могамедаль-Мадани, колыбель котораго въ Мисраті²⁾, и вообще говорятъ арабскимъ языкомъ; по Ричардсону, общее число этихъ номадовъ около тысячи человекъ.

Рабство, которое такъ много способствовало племенному смѣшенію населенія края, не уменьшилось, хотя, для формы, были изданы турецкими властями въ Феццанѣ указы, воспрещающіе торговлю невольниками. Вывозъ живаго товара, правда, сократился, но невольники, не направляемые къ портамъ Триполитаніи или не посылаемые въ Египетъ черезъ оазисы Ауджила и Сивахъ, остаются въ странѣ, увеличивая собою число поработенныхъ. По Нахтигалю, въ половинѣ настоящаго столѣтія черезъ Феццанъ ежегодно проходило отъ пяти до восьми тысячъ невольниковъ; въ семидесятыхъ же годахъ численность проходящихъ партій уменьшилась на двѣ трети. Чернокожіе, остающіеся въ краѣ, рѣдко имѣютъ поводъ жаловаться на свою судьбу; на нихъ всѣ смотрятъ какъ на членовъ купившей ихъ семьи, и тѣ изъ нихъ, которые возвращаются на родину, вступаютъ туда обыкновенно не какъ бѣглецы, а какъ уполномоченные представители торговыхъ интересовъ своихъ господъ. Нравы феццанцевъ замѣчательно мягкіе, но очень распущенные, и много дѣтей погибаетъ покинутыхъ на порогѣ мечетей и монастырей. Тотъ, кто нагнется поднять новорожденнаго, становится пріемнымъ отцомъ, и всегда обращается съ нимъ какъ съ другими своими дѣтьми.

Торговля невольниками не была замѣнена,

для жителей Феццана, какой-либо другой отраслю коммерческой дѣятельности. Единственный, сколько-нибудь значительный предметъ вывоза—сода, добываемая изъ «Натроновыхъ озеръ» и продаваемая въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ тоннъ, на рынкѣ Триполи. Прошло то время, когда золотой песокъ, слоновая кость, страусовыя перья способствовали, вмѣстѣ съ живымъ товаромъ, обогащенію феццанскихъ торговцевъ. Впрочемъ, послѣдніе никогда не могли выдерживать конкуренціи съ жителями Гадамеса, Джофры, Ауджила, и хотя товары, пересылаемые между Суданомъ и морскимъ побережьемъ, проходятъ, по ихъ территоріи, феццанцы извлекаютъ изъ этого транзита лишь весьма незначительныя выгоды: почти вся торговля Мурзука находится въ рукахъ моджабровъ, уроженцевъ оазиса Джало. При громадности разстояній между оазисами, феццанцы могутъ разсчитывать лишь на мѣстные ресурсы. Нормальное движеніе торговаго обмѣна, происходящее въ Мавританіи между населеніемъ Телля и населеніемъ оазисовъ, изъ которыхъ первое покупаетъ шерсть и финики, давая въ обмѣнъ свои зерновые хлѣба, — едва существуетъ между племенами триполійскихъ оазисовъ и жителями Феццана; однако, нѣкоторыя пальмовыя плантаціи уади Шіати, на югѣ Черной горы, принадлежатъ триполійскимъ арабамъ, которые каждый годъ переходятъ горы и плоскогорья, чтобы собрать финики на этихъ плантаціяхъ¹⁾. Вообще земля довольно равномерно подѣлена между жителями, и каждый имѣетъ свое поле, свою пальмовую рощу, но налоги слишкомъ тяжелы, чтобы населеніе могло жить въ довольствѣ. Не имѣя возможности обогащаться скотоводствомъ, по причинѣ сухости страны, и обладая самой рудиментарной промышленностью, едва достаточной для удовлетворенія первыхъ нуждъ, постоянные жители Феццана не располагаютъ средствами, чтобы покупать что бы то ни было за границей. Съ половины настоящаго столѣтія они даже обѣднѣли, такъ какъ болѣе энергическіе молодые люди эмигрировали въ большомъ числѣ въ Нигріцію, чтобы избѣгнуть воинской повинности, которая то не требуется ни отъ кого, то налагается безразлично на все годное къ службѣ мужское населеніе того или другаго оазиса. По словамъ Ричардсона, мужчинъ въ Феццанѣ гораздо меньше, чѣмъ женщинъ: на общую цифру населенія, исчисляемую имъ только въ 26.000 человекъ, насчитывается не болѣе 11.000 лицъ мужскаго пола. Причину этого явленія, вѣроятно, слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ торговлѣ невольниками, вводящей въ краѣ много суданокъ, съ другой—въ эмиграціи, которая увлекаетъ за границу молодыхъ фец-

¹⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

²⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Quer durch Africa“.

цанцевъ, бѣгущихъ отъ непосильнаго бремени налоговъ или отъ военной службы, или уходящихъ искать счастья въ приморскихъ городахъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, посѣщенныхъ французскимъ путешественникомъ Дюверье, оставалось не болѣе десятка способныхъ къ работѣ мужчинъ на сотню жителей. И здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, господство чужеземца имѣло слѣдствіемъ опустѣніе страны и возвращеніе къ первобытному варварству.

Главный оазисъ сѣвернаго Феццана имѣетъ двѣ группы населенія, заслуживающія названія городовъ по административному рангу или стратегическому положенію: на востокъ — Бракъ, мѣстопробываніе мудира, или губернатора; на западъ — Эдери, обнесенный стѣной, на высокомъ бугрѣ, среди широкой долины уади; пещеры, вырытыя въ скалѣ, на которой стоитъ этотъ послѣдній городъ, теперь необитаемы. Къ югу отъ Брака, въ оазисѣ Себха, находится городъ Джебидъ, т. е. «Новый», хотя онъ существуетъ уже около трехъ столѣтій. Городъ этотъ окруженъ стѣнами съ башнями по угламъ и имѣетъ нѣсколько мечетей, минареты которыхъ высоко поднимаются надъ домами, построенными изъ камня или битой глины; жителей въ немъ, по Нахтигалю, немного болѣе тысячи. Прежде онъ былъ населенъ, какъ и сосѣдній городъ Карда, арабами, принадлежащими къ племени ауладъ-слиманъ, но послѣдніе были прогнаны турками и разсѣялись во всѣхъ сосѣднихъ странахъ, даже въ Уадаѣ: населеніе оазиса теперь слишкомъ малочисленно, чтобы собирать всѣ финики съ пальмовыхъ плантацій, которыя заключаютъ въ себѣ многіе милліоны деревъ. На сѣверо-востокъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ оазисахъ того же имени, три города: Теменгинтъ, Семну, Зигентъ. Самый важный изъ нихъ — Семну: это лабиринтъ улицъ, довольно чистыхъ, но дотогу узкихъ, что навьюченные верблюды не могутъ проходить по нимъ; населеніе его состоитъ изъ людей разныхъ расъ, между которыми не мало семействъ, пользующихся репутацией святыхъ. Зигентъ, группа лачугъ, расположенныхъ вокругъ замка, сплошь населенъ марабутами, выходцами изъ оазиса Фога, лежащаго въ сосѣдствѣ цѣли Гаруджъ.

Въ собственномъ уади Лажаль, къ юго-западу отъ Джедиды, самыя большія мѣстечки, Тертиба, Угразфе, Убари, и лучшія плантаціи находятся около западной оконечности долины. Тамъ же находится маленькая бѣдная деревушка Джерма, «Новая», расположенная вблизи развалинъ древняго города Гарамы, столицы могущественнаго народа гарамантовъ, который за двѣ съ половиной тысячи лѣтъ до нашей эпохи господствовалъ въ оазисахъ Ливіи, до границъ страны, называемой нынѣ Марокко. Джерма Кадимъ, или «Старая Джерма», дав-

но уже обратилась въ пустыню, но отъ нея остались городскія стѣны, болѣе 4 километровъ въ окружности, съ широкими глиняными башнями по бокамъ. Недалеко отъ пальмовыхъ плантацій Джермы, въ заливѣ долины, окруженномъ утесами южнаго плоскогорья, виденъ хорошо сохранившійся античный памятникъ, самое дальнее римское сооруженіе внутри континента. До этого мѣста доходилъ, въ царствованіе Августа, Корнелій Бальбъ, завоеватель Цидамы, или Гадамеса, и Гарамы, — фактъ, придающій высокій историческій интересъ этой четырехугольной гробницѣ, въ формѣ жертвенника, украшенной по угламъ пилястрами съ коринтской капителю¹⁾. Въ горныхъ породахъ, окружающихъ Джерму, теперь не находятъ «карбункуловъ» (красная вениса), которыми славилась древняя Гарамы, и которые, вѣроятно, привозились купцами изъ болѣе отдаленныхъ краевъ.

Мурзукъ, нынѣшняя столица Феццана, занимаетъ выгодное положеніе въ самомъ обширномъ оазисѣ страны, въ южномъ «Раву», но совершенно непопотно, почему въ этихъ здоровыхъ мѣстностяхъ властители Феццана выбрали для своей резиденціи именно эту болотистую равнину, испаренія которой лѣтомъ чрезвычайно опасны. Въ это время года, почти всѣ иностранцы, даже негры, страдаютъ маляріей (болотной лихорадкой), и еще недавно бѣлымъ запрещено было пребываніе въ городѣ, за исключеніемъ трехъ зимнихъ мѣсяцевъ, не изъ заботливости объ ихъ здоровьѣ, но подъ влияніемъ нелѣпаго повѣрья, что тѣло ихъ вырабатываетъ и дѣлаетъ болѣе губительнымъ мiasmатическій ядъ. На городскомъ кладбищѣ похороненъ одинъ европейскій путешественникъ, Ричи. Несмотря на нездоровый климатъ и относительно бѣдность садовъ и плантацій, Мурзукъ благодаря своему политическому значенію, какъ столица страны, и счастливому положенію на главномъ караванномъ пути, у входа дорогъ, идущихъ черезъ южныя плоскогорья къ Судану, — сдѣлался самымъ многочисленнымъ городомъ Феццана; по Нахтигалю, онъ имѣетъ около 6.500 жителей внутри стѣнъ и въ окружающихъ пальмовыхъ плантаціяхъ. Рольфсъ даетъ ему даже болѣе значительную цифру населенія. Расположенный на высотѣ, которую путешественники опредѣляютъ различно, отъ 456 до 510 метровъ, Мурзукъ занимаетъ пространство около 3 квадр. километровъ, ограниченное глиняной стѣной съ башнями и бастіонами. Вокругъ городской ограды тянется поясъ песковъ и солончаковъ, гдѣ бьютъ изъ земли нѣсколько струекъ прѣсной воды, а за этимъ поясомъ простираются сады и рѣдкія группы пальмъ. Въ самомъ городѣ улицы по большей части пересѣкаются подѣ

¹⁾ Н. Barth, цитированное сочиненіе.

прямымъ угломъ, и *дендаля*, или широкій бульваръ, продолжающійся отъ однихъ воротъ до другихъ, дѣлитъ городъ на двѣ половины. На сѣверо-западѣ расположена цитадель (Касръ) съ высокими (25 метровъ) и толстыми стѣнами, постепенно суживающимися къ вершинѣ, а въ серединѣ города правильные портики образуютъ входъ на базаръ, гдѣ можно слышать всѣ языки сѣверной Африки. Средняя цѣнность оборотовъ на мурзукскомъ базарѣ исчисляется въ полмилліона франковъ.

Къ западу отъ столицы, на Ратской дорогѣ, оазисъ Отба, или Тессауа, бывшая колонія негровъ изъ Гауссы, есть единственный, имѣющій центръ населенія; далѣе встрѣчаются только колодцы, между прочимъ, Шарабскій, подлѣ котораго, въ 1869 г., была убита дѣвица Тинне, «королевна», какъ ее называли туареги и арабы, пораженные ея богатствами. Къ востоку отъ Мурзука, въ центральномъ оазисѣ Гофры, называемомъ Трагенъ, расположенъ пришедшій въ упадокъ городъ того же имени, окруженный стѣнами, заключающими теперь внутри только развалины, среди которыхъ пріютилось нѣсколько хижинъ; но внѣ этихъ глиняныхъ оплотовъ шалаши изъ вѣтвей разбѣяны сотнями подъ сѣнію пальмъ. Въ теченіе вѣковъ Трагенъ былъ столицей Феццана, резиденціей королей, пришедшихъ изъ Нигрици, и до сихъ поръ еще показываютъ ихъ могильные курганы въ окрестностяхъ города. Вслѣдствіе малочисленности населенія, великолѣпныя пальмовыя плантаціи Трагена обратились въ обширный лѣсъ, почти не приносящій никакой пользы: принадлежащія казнѣ финиковыя пальмы однѣ могли бы давать правительству доходъ, далеко превосходящій всю сумму его феццанскаго бюджета, но большее число деревъ погибло за неимѣніемъ ирригаціи, а другими пользуются только для приготовления лакби, сладкаго напитка, производимаго броженіемъ сока. У самыхъ стѣнъ Трагена протекаетъ бьющій изъ земли ключъ, самый обильный во всемъ Феццанѣ; но во время междоусобной войны онъ былъ въ большой части теченія заваленъ, и теперь драгоценная влага теряется, просачиваясь по сторонамъ и образуя болотистую почву: это—источникъ Гандерма.

Зуила, управляемая шорфами, или потомками Магомета, и Темисса, населенная берберами, говорящими еще своимъ роднымъ языкомъ¹⁾,—города «Восточнаго» оазиса, въ которыхъ, какъ и въ Трагенѣ, иногда составляются караваны, отправляющіеся на сѣверъ и сѣверо-востокъ къ оазисамъ Фога, Джофра, Зелла. Зуила была столицей всего Феццана, и негры тиббу до сихъ поръ еще называютъ ея именемъ всю страну

оазисовъ²⁾. Дюверье былъ очень дурно принятъ тамъ фанатическими жителями. На югѣ Феццана оазисъ, окружающій «святой» городъ Гатрунъ, тоже служитъ исходнымъ пунктомъ для каравановъ. Грамотные марабуты, чтецы Корана, управляющіе страной и монополизировавшіе торговлю съ населеніемъ горъ Тибести, говорятъ, что предки ихъ пришли сюда изъ Марокко, триста или четыреста лѣтъ тому назадъ; но ихъ никомъ образомъ нельзя признать за чистокровныхъ «сыновъ Пророка», какъ они себя величаютъ; ихъ черты лица ясно свидѣтельствуютъ о смѣшеніи расъ, происшедшемъ въ этой части Феццана: марабуты вообще берутъ себѣ женъ изъ Тибести, а негры племени тиббу живутъ въ окрестностяхъ, помѣщаясь въ хижинахъ изъ пальмовыхъ листьевъ. Городъ Гатрунъ лежитъ въ гаттин, или сырой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ дюнами и скалами. Его огромный лѣсъ пальмъ, корни которыхъ проникаютъ въ почву до глубины отъ 3 до 5 метровъ, гдѣ находится слой воды, производитъ лучшіе финики во всемъ Феццанѣ. Гатрунскія женщины занимаются плетеніемъ корзинъ, которыя вывозятся во всѣ окрестные оазисы. Гатрунъ находится на сѣверной оконечности цѣпи оазисовъ, продолжающейся до Теджерри, послѣдняго феццанскаго города на границахъ пустыни: тамъ путешественникъ видитъ послѣднія финиковыя пальмы³⁾ и первыя пальмы думъ въ направленіи Сахары. Туземцы не согласны въ своихъ показаніяхъ относительно покатоности этого уади, и Рольфсъ тоже не могъ въ точности опредѣлить ее: можетъ-быть, это просто впадина въ бывшемъ озерномъ днѣ.

Къ югу отъ Теджерри, гдѣ уже негское населеніе, по численности, много превосходитъ собственно феццанцевъ, существуетъ только одинъ колодезь на караванной дорогѣ въ Суданъ, да и этотъ колодезь, называемый Бирь-Мешру, часто былъ засыпаемъ пескомъ; вокругъ него на землѣ разбѣяны скелеты людей и животныхъ, еще покрытые высохшимъ мясомъ. Исполосованныя кнутомъ или палкой, изнуренные ходьбой черезъ каменистыя плато, палимые знойнымъ и пыльнымъ воздухомъ чуждаго климата, столь отличнаго отъ влажной атмосферы ихъ родины³⁾, негры падаютъ въ изнеможеніи посреди дороги; отлежавшись немного, они съ трудомъ поднимаются, чтобы кое-какъ дотащиться до ближайшаго колодца, но часто не могутъ продолжать путь; тогда караванъ бросаетъ ихъ на произволъ судьбы, а жгучее солнце и голодъ доканчиваютъ несчастныхъ.

¹⁾ Richardson, „Narrative of a Mission to Central Africa“.

²⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

³⁾ Lyon, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

Города Феццана, съ приблизительной цифрой населенія:

Въ оазисѣ Уади Шати: Бракъ—1.000 жит.; Эдери—800; въ оазисѣ Уади Лажаль: Текертиба—1.000; Уграфе—800; Убари—1.200; Джебидъ (по Нахтигалю)—1.500; Карда—1.000; Теменгитъ—800; Семну—1.500; Зигенъ (по Нахтигалю)—1.000; въ о. Гофра: Мурзукъ, съ окрестностями (по Нахтигалю)—6.500; Трагенъ—1.500; Зуила—1.000; Темисса—600; въ другихъ оазисахъ: Фога—1.000; Гатрунъ (по Нахтигалю)—1.500; Теджерри—800 жит.

VI. Гадамесъ.

Хотя причисляемый въ политическомъ и административномъ отношеніи къ турецкой территоріи, этотъ городъ и окружающіе его оазисы составляютъ особую область по населенію, исторіи, правамъ и торговымъ сношеніямъ. Съ географической точки зрѣнія Гадамесъ также принадлежитъ къ области, совершенно отличной отъ собственной Триполитаніи. Въ то время, какъ послѣдняя составляетъ часть пояса побережья, и скаты ея наклонены къ Средиземному морю, Гадамесъ, съ его округомъ, находится на покатохъ пустыни, въ бассейнѣ, воды котораго никогда не достигаютъ внутренняго моря. Временная рѣка, берущая начало на сѣверо-западѣ Красной Гамады, и послѣ теченія, подъ разными именами, на пространствѣ около 250 километровъ, достигая, наконецъ, оазиса Гадамесъ,—не имѣетъ видимаго русла въ области дюнъ, которыя тянутся за этимъ оазисомъ до бассейна Игаргаръ. Точно также другіе параллельныя уади, которые текутъ сѣвернѣе, спускаясь изъ южныхъ овраговъ массива Джебель-Нефуса, теряются въ поясѣ песковъ, такъ что до сихъ поръ еще не могли опредѣлить, какое направленіе имѣло ихъ теченіе въ то время, когда они были настоящими рѣками. Вѣроятно, они соединялись тогда въ одинъ обширный рѣчной бассейнъ, разливавшій свои воды въ большія южныя себхи Туниса.

Въ этой области Сахарской покатохъ Гадамесъ не единственный оазисъ, и даже далеко не самый значительный по обилію нитающей растительности воды и по протяженію пальмовыхъ плантацій. Но Гадамесъ обязанъ своимъ важнымъ значеніемъ не земледѣлю и промышленности, а коммерческой дѣятельности своихъ жителей, которые являются главными посредниками торговаго обмѣна между портами Средиземнаго моря и рынками Нигриціи. Гадамесъ, древній Цидамъ (Cudamus) римлянъ, съ незапамятныхъ временъ служитъ мѣстомъ снаряженія для обозовъ, которые должны перейти песчаный океанъ, чтобы достигнуть береговъ озера Цаде и Нигера. Какая причина этого

первенствующаго торговаго значенія маленькаго оазиса? Мѣстныя выгоды его не представляютъ ничего исключительнаго, но онъ лежитъ какъ разъ въ точкѣ схожденія дорогъ изъ Габеса и Триполи, на самой границѣ пустыни, между двухъ негостепримныхъ и почти недоступныхъ областей, которыя не позволяютъ караванамъ уклоняться ни въ ту, ни въ другую сторону: съ запада тянутся движущіеся песчаные бугры, съ востока идутъ каменистыя террасы Красной Гамады. Этотъ передовой постъ, родъ дефилея, врѣзывающагося въ пустыню¹⁾, сдѣлался неизбѣжнымъ исходнымъ пунктомъ для каравановъ, отправляющихся изъ Триполитаніи къ странѣ туареговъ, къ оазисамъ Туата и Уэдъ-Драа, и благодаря промежуточному этапу Ратъ, на дорогѣ въ Нигрицію, онъ могъ вступить въ конкуренцію съ Сокной и съ городами Феццана по торговымъ сношеніямъ съ центральной Африкой. Со времени завоеванія Алжира французами наибольшая часть за-сахарской торговли, направлявшаяся къ Уарглѣ и другимъ оазисамъ алжирской Сахары, уклонилась отъ своего естественнаго пути, чтобы избѣгнуть территоріи румовъ; она избрала дорогу на Гадамесъ, лежащій всего только въ 25 километрахъ отъ идеальной границы, отдѣляющей владѣнія Франціи отъ владѣній Турціи: если маршрутъ измѣнился, то, по крайней мѣрѣ, обыкновенная рутинка караваннаго дѣла и обычные приемы берберскихъ или арабскихъ посредниковъ не были нарушены, какъ это случилось бы на французскихъ постахъ. Возможны въ будущемъ новыя перемѣны политическаго равновѣсія и въ особенности постройка желѣзныхъ путей несомнѣнно повлекутъ за собой новое перемѣщеніе торговаго потока.

Гадамесъ отстоитъ отъ Триполи всего только на 500 километр., а до ближайшаго приморскаго пункта, около общей границы Триполитаніи и Туниса, разстояніе не превышаетъ 400 километр.: для обыкновеннаго каравана на это путешествіе требуется отъ 10 до 12 дней ходьбы. Притомъ дорога, очень часто посѣщаемая купцами, почти на всемъ своемъ протяженіи не затруднительна, и разбойничье племя ургамма изъ тунисской пограничной области не осмѣливается нападать на хорошо вооруженные караваны. Оттого многіе европейцы посѣтили городъ берберскихъ негоціантовъ по слѣдамъ Ленга, который первый проникъ туда въ 1826 г.; Ричардсонъ, Диксонъ, Бонменъ слѣдовали одинъ за другимъ около половины текущаго столѣтія; Дюверье прожилъ тамъ нѣкоторое время въ 1860 г., а два года спустя туда прибыла французская миссія, подъ начальствомъ Мишера, для изученія края, особенно въ геологическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Во время своего большаго путешествія въ централь-

¹⁾ Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

ную Нигрицію, въ 1865 г., Рольфсъ заходилъ въ Гадамесъ, и послѣ того Ларжо и многіе другіе французскіе изслѣдователи переходили со-сѣднюю границу, чтобы изучить этотъ рынокъ пустыни. Скоро Гадамесъ будетъ на дорогѣ туристовъ: присоединеніе Туниса къ Франціи еще болѣе приблизило его къ европейскому міру.

Равнина, покрытая песчанымъ гипсомъ, въ которой находится Гадамесъ, на высотѣ 351 (по Дюверье) или 423 метровъ (по Ватону), имѣла бы самый печальный видъ, если бы паль-леры изъ пальмъ, маскирующія часть города, не представляли такого яркаго контраста своей зеленью съ однообразнымъ желтымъ пространствомъ, испещреннымъ сѣрыми или красноватыми полосами. Мучнистая почва, гдѣ вязнуть ноги верблюдовъ, усѣяна глыбами сѣрно-кислой извести, образующими тамъ и сямъ полидрическія группы, смѣси гипса и кварцеваго песка, соединенныхъ въ различныхъ пропорціяхъ, почти поровну, въ среднемъ. Посреди равнины возвышаются уединенно *цурь*, или *кефы*, бугры въ 40 или 50 метр. высоты, покрытые на вершинѣ плитой бѣлаго мѣла, остатки верхняго слоя плоскогорья, занимавшаго нѣкогда всю страну и постепенно разрушеннаго физическими дѣятелями, внутренними или вѣшными. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ этого слоя остался только одинъ камень, похожій на могильную плиту; въ другихъ—груды камней представляютъ видъ крѣпкаго замка въ развалинахъ, или видна только одна башня, одинъ каменный кубъ; многіе холмы, уже потерявшіе свой вѣнецъ, початы въ нижнихъ пластахъ, которые менѣе выносятъ крайности тепла и холода; скоро горка совершенно развалится, и почва выровняется, какъ остальная поверхность гипсоваго плато. Здѣсь легко захватить, такъ сказать, на дѣлѣ работу разрушенія. Залегающія одна на другой группы песчаника, углекислой извести, гипса, мергеля, глины въ различной степени испытываютъ вліяніе тепла и холода, разность которыхъ такъ велика въ этихъ пространствахъ пустыни; отъ этого происходятъ движенія расширенія и сжатія, сопровождающіяся перемѣщеніемъ слоевъ; кромѣ того, вода, проникающая въ поры почвы, дѣйствуетъ на нѣкоторыя горныя породы такимъ образомъ, что онѣ разбухаютъ и распадаются; подъ внутреннимъ давленіемъ верхнія плиты разламываются. Это явленіе замѣчается на всемъ плато Гадамеса: повсюду почва усѣяна маленькими конусами поднятія, произведенными напоромъ ниже лежащихъ горныхъ породъ; между этими неравными горками изъ безпорядочно нагроможденныхъ каменныхъ глыбъ видны еще правильно залегающіе одинъ на другомъ пласты; камень является здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ твердаго и плотнаго состоянія до совершеннаго размельченія. Нѣкоторые холмы, еще сохранившіе верхній столъ, и пла-

сты которыхъ слѣдуютъ одинъ за другимъ въ правильномъ порядкѣ, точно ступени пирамиды, открылись на одномъ изъ боковъ, и подобно прорвавшимся мѣшкамъ, откуда сыплется мука, изливаютъ на свои скаты потокъ песку, образующійся изъ горныхъ породъ, постепенно размельчаемыхъ дѣйствіемъ перемѣной температуры ¹⁾. Такимъ образомъ плоскогорье, сначала разрѣзанное на отдѣльные холмы, превращается мало-по-малу въ дюны, изъ которыхъ однѣ держатся цѣлые вѣка около твердаго ядра, тогда какъ другія, совершенно вывѣтрившіяся, перемѣщаются всей своей массой подъ дуновеніемъ вѣтра, чтобы идти присоеди-ниться къ грядамъ дюнъ, покрывающихъ своими длинными песчаными волнами нѣкоторыя части пустыни. Изъ различныхъ встрѣчающихся здѣсь, горныхъ породъ наибольшее сопротивленіе разрушительному дѣйствію времени оказываютъ пласты желѣзистаго песчаника: во многихъ мѣстахъ почва, откуда известнякъ и гипсъ исчезли, покрыта твердыми черноватыми глыбами камня, которые, когда идешь по нимъ, издають металлическій звукъ: это остатки бывшей песчаниковой облицовки ²⁾.

Стѣна, около 6 километр. въ окружности, идетъ вокругъ всего оазиса Гадамесъ; но этотъ древній оплотъ, воздвигнутый нѣкогда для защиты отъ нападений набѣдниковъ пустыни, не имѣетъ болѣе никакой оборонительной цѣны; широкія бреши прерываютъ его слои битой глины, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окружности, особенно на западной сторонѣ, онъ служитъ точкою опоры грудамъ песку, съ которыхъ вѣтеръ сбиваетъ гребни, чтобы наполнять пылью улицы и сады. Городъ, раздѣленный на нѣсколько кварталовъ, расположенъ въ юго-западной части оазиса, тамъ, гдѣ выкопаны колодцы, питающіе своей водой людей и ихъ пашни и сады. Главный ключъ, «творецъ оазиса», наполняетъ, по выходѣ изъ нѣдръ земли, обширный бассейнъ римской постройки ³⁾; обозначаемаый обыкновенно, какъ вода не преимуществу, именами *анин* по-арабски и *тинъ* по берберски, онъ называется специально *Аинъ-эль-Ферсъ*, или «Источникъ кобылы», и *Арше-шувъ*, что значить, на мѣстномъ нарѣчій те-макакъ, «Источникъ крокодила». Вода этого источника, слегка термальная (отъ 29 до 30,15° Ц.), такъ какъ температура ея почти 7 градусами выше средней температуры Гадамеса, происходитъ изъ водной площади, которую сондъ, вѣроятно, нашелъ бы на глубинѣ 140 метровъ, ибо многолѣтній опытъ инженеровъ, завѣдывающихъ буреніемъ артезианскихъ колодцевъ, доказалъ, что въ Алжиріи температура нижнихъ слоевъ земли возрастаетъ, сред-

¹⁾ Vatonne, „Mission de Ghadamès“.

²⁾ Victor Largeau, „Le Sahara, premier voyage d'exploration“.

³⁾ G. Rohlf, „Quer durch Afrika“.

нимъ числомъ, на одинъ градусъ Ц. на каждые 20 метр. Хотя вода Крокодилова источника содержитъ около 3 граммовъ соли на литръ, она не имѣетъ, однако, непріятнаго вкуса, если

артезианскихъ колодцевъ, семь или восемь обыкновенныхъ колодцевъ, глубиной около 20 метровъ, даютъ воду, температура которой всего только 18° Ц., но вода эта до такой степени

Тунисскій пейзажъ.

ей дать простыть ¹⁾. Плявки живутъ во множествѣ на берегахъ бассейна, среди водяныхъ растений. Кромѣ главнаго источника и другихъ

¹⁾ Vatonne;—Hoffmann, цитированныя сочиненія.

насыщена солью, что ее нельзя пить. Жители оазиса пользуются также, для орошенія, большою лужей, которая наполняется путемъ инфильтраціи къ декабрю мѣсяцу и держится до мая; наконецъ, они вырыли также фогараты,

или подземныя галлерей, чтобы собирать даже капли, просачивающіяся въ почву. Скупо отмѣриваемая, вода источника и колодезевъ едва достаточна для ирригаціи около 75 гектаровъ (почти 69 десятинъ), гдѣ скучены 63.000 пальмъ, и гдѣ, кромѣ того, воздѣлываются различныя фруктовыя деревья и овощи, впрочемъ, довольно посредственныя, за исключеніемъ дынь и арбузовъ; человѣческое удобрѣніе, компосты тщательно примѣняются къ унавоживанію земель. Прежде оазисъ былъ обширнѣе: пространство, заключенное внутри стѣнъ оградъ, обнимаетъ 160 гектаровъ, и все это пространство было подъ культурой. Уменьшился ли въ теченіе вѣковъ запасъ животворной влаги, даваемой источникомъ, или жители Гадамеса, уставшіе бороться противъ песковъ, захватывающихъ ихъ сады и плантаціи, ослабѣли въ своихъ усиліяхъ? Мало найдется въ свѣтѣ странъ, гдѣ бы поземельная собственность была болѣе раздроблена, чѣмъ въ оазисѣ Гадамеса: каждый владѣетъ садомъ, хотя бы имѣлъ одну единственную пальму или только квадратную сажень почвы, на которой растетъ это дерево, составляющее собственность другаго владѣльца; оттого могущая быть орошаемой земля продается по цѣнѣ, далеко превышающей ея производительную стоимость.

Городъ Гадамесъ представляетъ тотъ же родъ постройки, какъ Сивахъ и старыя берберскіе города, встрѣчающіеся до Нубіи. Улицы—это корридоры со сводами, куда свѣтъ проникаетъ лишь черезъ рѣдкія отверстія въ родѣ шахты, оставленныя въ толщѣ домовъ: въ этихъ корридорахъ проходятъ только мужчины и невольницы, но темнота тамъ такъ велика, что нужно давать о себѣ знать, чтобы избѣжать столкновеній; мужчины ударяютъ ногой, а женщины выпускаютъ родъ жалобнаго ворчанья¹⁾; люди зажиточные выходятъ не иначе, какъ съ фонаремъ. Дома, построенные изъ камня и кирпича, высушеннаго на солнцѣ, состоятъ по большей части изъ подвального этажа, служащаго кладовой, и изъ бель-этажа, гдѣ центральная большая комната окружена рядомъ горенокъ: общее расположеніе такое же, какъ въ мавританскихъ домахъ, но вмѣсто того, чтобы быть открытыми на вольный воздухъ, жилища Гадамеса получаютъ свѣтъ лишь черезъ дыру, сдѣланную въ потолокъ. Всѣ террасы, хотя огорожены невысокими стѣнами, сообщаются между собой, такъ что женщины, которымъ онѣ предоставлены въ исключительное пользованіе, могутъ прогуливаться съ одного конца квартала на другой; проложены даже настоящія улицы между домами надъ туннелями, гдѣ ходятъ мужчины и невольницы. На террасахъ ежедневно бываетъ спеціальныи рынокъ, гдѣ продаются матеріи и женскія украшенія, но ни

одинъ мужчина не имѣетъ права приносить туда свои товары. Взрослыя дѣти проводятъ ночь внѣ родительскаго дома: молодые люди спятъ въ садахъ, на скамьяхъ перекрестковъ или въ незанятыхъ домахъ; дѣвушки идутъ на ночлегъ къ какой-нибудь родственницѣ или подругѣ, мужъ которой въ отсутствіи²⁾.

Основу населенія Гадамеса составляютъ берберы, и общеупотребительный языкъ близко подходитъ къ нарѣчіямъ, которыми говорятъ туареги и жители оазисовъ Сивахъ, Ауджила, Джофра. Однако, раса здѣсь очень смѣшанная, и черты лица, также какъ цвѣтъ кожи, свидѣтельствуютъ о скрещеніяхъ съ арабами и неграми. Вообще гадамесцы, которые, подобно туарегамъ, внѣ дома ходятъ съ завѣшеннымъ или полузавѣшеннымъ лицомъ, отличаются правильными чертами, но не обладаютъ ни силой, ни гибкостью алжирскихъ туземцевъ; большинство ихъ лимфатичны или нервозны: путешественникъ пораженъ, встрѣчая такое множество людей съ лоснящейся кожей, съ пухлымъ и дряблымъ тѣломъ, съ глазами безъ блеска, съ толстыми губами, съ слабымъ голосомъ³⁾. Однако, женщины отличаются истинно благороднымъ типомъ лица, также какъ большимъ изяществомъ формъ, которое еще усиливается граціознымъ костюмомъ: платье ихъ состоитъ изъ куска красной или синей матеріи съ бѣлыми полосами, которая оставляетъ правую руку свободной и завязывается на лѣвомъ плечѣ; поясъ обрисовываетъ талію, а на плечи накинута бѣлая шерстяная мантилья; головнымъ уборомъ служитъ шелковый платокъ съ золотой бахромой, и на лбу всегда виситъ пунсовый помпонъ; башмаки, тоже красные, расшитыя узорами, и драгоценности всякаго рода—кораллы, жемчугъ, монеты, золотыя и серебряныя украшенія—блестятъ на шеѣ, на груди, на кистяхъ рукъ, на лодыжкахъ. Менѣе богатыя женщины, которыя иногда вынуждены спускаться съ террасы за какимъ-нибудь дѣломъ по хозяйству, носятъ на головѣ родъ каски въ формѣ фригійскаго колпака, но у всѣхъ болтается на лбу красный помпонъ, знакъ свободы: невольницамъ запрещено ношеніе такой шапки³⁾.

Такъ же какъ въ большой части берберскихъ городовъ, и какъ это было въ средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ, населеніе Гадамеса дѣлится на враждующія партіи, антагонизмъ которыхъ, повидимому, лишь въ очень слабой степени происходитъ отъ различія расъ: бени-уазиты, распадающіеся, въ свою очередь, на четыре *шуэры*, или второстепенныя группы, занимаютъ южную и восточную части города; бени-улиды или теску, состоящіе изъ двухъ шуэръ, населяютъ сѣверный и сѣверо-

¹⁾ Victor Largeau, цитированное сочиненіе.

²⁾ Mircher, „Mission de Chadamès“.

³⁾ Hoffmann, „Mission de Ghadamès“.

³⁾ Largeau, цитированное сочиненіе.

западный кварталы. Последніе, т.е. бени-улиды, занимаются преимущественно торговлей, тогда какъ бени-уазиты владѣютъ большимъ числомъ домовъ и садовъ. До завоеванія Гадамеса турками, бени-уазиты и бени-улиды часто воевали между собой; двѣ крѣпостцы, стоящія одна противъ другой на площади, защищали внутреннія сообщенія каждаго изъ двухъ враждебныхъ бурговъ; теперь эти двѣ группы населенія живутъ въ мирѣ, но такова сила преданія, что онѣ остаются кантонированными каждая въ своей области и даже не ходятъ въ гости другъ къ другу изъ одной половины города въ другую; не было примѣра браковъ между ихъ дѣтьми. Единственное мѣсто, гдѣ встрѣчаются бени-уазиты и бени-улиды,—это рынокъ; они могутъ также сойтись внѣ города, въ зауяхъ или братскихъ монастыряхъ; но многимъ изъ жителей Гадамеса, принадлежащимъ къ двумъ враждебнымъ группамъ, случается познакомиться лишь за сотни и тысячи верстъ отъ своего отечества, въ Триполи, въ Кано, въ Томбукту, въ отдаленныхъ городахъ, куда ихъ приводятъ торговые дѣла: тамъ только они подають другъ другу руку, какъ дѣти одной родины¹⁾.

Кромѣ цивилизованныхъ берберовъ, населеніе Гадамеса заключаетъ въ своихъ рядахъ арабовъ сосѣднихъ племенъ, суафовъ, или выходцевъ изъ алжирскаго Суфа, негровъ изъ западнаго Судана, даже фуллаховъ съ верха Нигера. Потомство черныхъ невольниковъ составляетъ цѣлый классъ,—классъ атривей, между которыми очень употребительно нарѣчіе гаусса; они не пользуются всѣми гражданскими правами. Туареги племени азджаръ въ большомъ числѣ стоятъ лагеремъ на сосѣднемъ плато, возвышающемся къ юго-западу за городскими стѣнами: это самые вѣрные союзники гадамесцевъ и охранители ихъ торговли; безъ ихъ поддержки прекратились бы всякія сношенія оазиса съ бассейнами озера Чаде и Нигера; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ городъ даже признаетъ себя составляющимъ часть конфедерации туареговъ. Туарегскій шейхъ, или начальникъ племени, внавшій въ бѣдность, приглашается въ Гадамесъ и содержится на счетъ городского общества; всякій туарежь, вольный или крѣпостной, пользуется гостеприимствомъ во все время его пребыванія²⁾. Но господствующее вліяніе между всѣми этими различными элементами принадлежитъ арабской цивилизаціи, хотя народъ, говорящій языкомъ Магомета, очень слабо представленъ въ Гадамесѣ. Негоціанты этого города, всѣ полиглоты, всѣ мастера въ искусствѣ чтенія и письма, употребляютъ арабскій языкъ для своей корреспонденціи, и берберскій ідиомъ получаетъ сильную

примѣсь словъ и оборотовъ, заимствованныхъ изъ Корана. Въ краѣ не осталось слѣдовъ древняго берберскаго алфавита; однако, мѣстные торговцы имѣютъ особенную систему счисленія, пятиричную, которая позволяетъ имъ держать въ секретѣ свои сдѣлки съ купцами другихъ городовъ¹⁾.

Продуктовъ садоводства едва хватило бы на содержаніе шести или семи тысячъ постоянныхъ жителей Гадамеса въ теченіе одного мѣсяца; мѣстная промышленность, состоящая въ выдѣлкѣ кожъ и въ фабрикаціи башлыковъ и военныхъ поясовъ, тоже въ очень небольшой мѣрѣ способствуетъ увеличенію доходовъ города. При такихъ условіяхъ гадамесцы, естественно, должны прибѣгать къ торговой дѣятельности для пополненія своихъ ресурсовъ. Благодаря своимъ сношеніямъ съ большей частью рынковъ западной Африки, ихъ негоціанты приобрѣли-было не только довольство, но даже богатство, когда явилось турецкое правительство, чтобы брать себѣ долю прибылей и стѣснять мѣстную инициативу своими регламентами и предписаніями. Гадамесъ, такъ же какъ Мурзукъ и другіе промежуточные рынки Судана и Триполи, въ значительной степени утратилъ свою торговую важность съ тѣхъ поръ, какъ, съ одной стороны, уменьшился торгъ невольниками, а съ другой—триполійское правительство запретило прямые торговые сношенія съ Алжиріей и Тунисомъ, хотя древній Цидамъ, по своему географическому положенію, находится въ естественной связи интересовъ съ Нумидіей, провинціей, къ которой онъ принадлежалъ въ римскую эпоху. Тѣмъ не менѣе, торговля Гадамеса все еще весьма значительна, хотя рынки его довольно скудно снабжаются: тамошніе склады наполняются товаромъ для дальняго вывоза, а не для мѣстнаго потребленія; товары, издѣлія или продукты, каково бы ни было ихъ происхожденіе или назначеніе, не обложены ни таможенной пошлиной, ни заставнымъ сборомъ; но купцы должны платить турецкому правительству годовой налогъ въ суммѣ около 250.000 франковъ.

Годовая цѣнность торговли Гадамеса съ Суданомъ, по Миршеру:

Съ Томбукту около 1.000.000 франк., съ Кано около 2.000.000 франк.

Торговцы Гадамеса пользуются высокой репутацией коммерческой честности: слова ихъ вѣрны въ всякихъ актахъ, и не бывало примѣра, чтобы они не исполняли своихъ обязательствъ, хотя проходятъ многіе годы, прежде чѣмъ операціи, всегда начинаемыя въ кредитъ, приведутся къ концу. Когда караванъ теряетъ одного или нѣсколькихъ верблюдовъ, павшихъ отъ болѣзни или изнеможенія на од-

¹⁾ Mircher;—Largeau;—Rohlf's.

²⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

¹⁾ G. Rohlf's, цитированное сочиненіе.

ной изъ обычныхъ дорогъ, охраняемыхъ союзными племенами аджарцевъ, товары складываются тутъ же подлѣ тропы, и хотя бы лежали годъ или больше, ни одинъ изъ слѣдующихъ путешественниковъ не воспользуется чужимъ добромъ: владѣлецъ на обратномъ пути найдетъ свое имущество въ цѣлости на томъ же мѣстѣ, гдѣ его оставилъ¹⁾.

Но въ отношеніи гордости характера гадамесцы совсѣмъ не походятъ на своихъ соплеменниковъ, храбрыхъ туареговъ: они, напротивъ, славятся своей трусостью. Караваны ихъ всегда конвоируются наемниками, какъ караваны древнихъ карфагенянъ. Въ 1878 г., во время второго путешествія миссіонера Ларжо, достаточно было десяти турецкихъ солдатъ инвалидной команды, чтобы заставить уважать власть Блистательной Порты, хотя жители Гадамеса съ тщеславіемъ вспоминаютъ о былой независимости и ненавидятъ иноземное иго. Вынужденные во время своихъ путешествій имѣть дѣло съ людьми всевозможныхъ религій—съ мусульманами разныхъ сектъ, христіанами, іудеями и язычниками,—они вообще отличаются большою вѣротерпимостью, хотя сами строго исполняютъ предписанія малекитской обрядности; однако, они не терпятъ въ своей средѣ евреевъ, можетъ-быть, какъ соперниковъ по ремеслу. Братья далеко распространившагося духовнаго ордена эсъ-сенуси²⁾ основали монастырь въ ихъ городѣ, въ 1876 г. Случай многоженства рѣдки въ самомъ Гадамесѣ; но большинство негоціантовъ обзавелись женами въ различныхъ городахъ, гдѣ дѣла заставляютъ ихъ проживать подолгу. Свадьбы отличаются нѣкоторыми особенными обрядами: такъ, напримѣръ, въ первые семь дней брачнаго союза жена обречена на безусловное молчаніе³⁾.

Самый городъ не имѣетъ другихъ древностей, кромѣ бассейна фонтана, одного барельефа, въ которомъ Дюверье призналъ вліяніе египетскаго стиля, нѣсколькихъ колоннъ, отесанныхъ глыбъ камня; къ этому надо еще прибавить найденную въ развалинахъ одной башни надпись на двухъ языкахъ—греческомъ и какомъ-то неизвѣстномъ, «можетъ-быть, гарамантскомъ»,—драгоценный деталь, свидѣтельствующій о торговыхъ сношеніяхъ, существовавшихъ, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ или больше, между Цидомомъ и эллинскимъ міромъ. За городомъ Дюверье открылъ римскую надпись временъ Александра Севера: это, безспорно, памятникъ большой исторической важности, такъ какъ на основаніи его можно заключить, вмѣстѣ съ Леономъ Ренье, что Цидомъ, въ то время соединенный, по управле-

нію, съ Ламбессой, оставался по крайней мѣрѣ два съ половиною столѣтія во власти римлянъ послѣ завоеванія его Корнелиемъ Бальбомъ, въ царствованіе Августа. На плато, возвышающемся къ юго-западу отъ Гадамеса, и гдѣ обыкновенно разбиваютъ свои палатки туареги-аджарцы, стоятъ безформенные столбы, извѣстные у туземцевъ подъ именемъ «идоловъ», Эль-Эснаментъ: по мнѣнію Дюверье, эти руины, предшествующія римской эпохѣ, суть обломки гарамантскихъ памятниковъ, можетъ-быть, гробницъ, такъ какъ въ сосѣдствѣ раскинуто, на пространствѣ нѣсколькихъ квадр. километровъ, кладбище Гадамеса, расширяющееся изъ года въ годъ; къ древнимъ могиламъ гадамесцы всегда относились съ уваженіемъ, и потому возможно, что здѣсь откроютъ еще римскія надгробныя надписи. Тамъ и сямъ, въ окрестностяхъ, видны остатки башенъ и стѣнъ. На сѣверѣ развалины одной деревни, жители которой бѣжали въ Алжиръ, вслѣдствіе раздоровъ съ своими сосѣдами, вѣнчаютъ вершину Тукутъ, доломитовый конусъ, совершенно уединенный.

Оазисъ Держъ, лежащій въ сотнѣ верстъ къ востоку отъ Гадамеса по прямой линіи, въ томъ же бассейнѣ истеченія, заслуживалъ бы быть торговымъ центромъ страны, если бы торговля измѣрялась обиліемъ воды и зелени. Держъ, т. е. «Ступень», называемый такъ потому, что оазисъ занимаетъ первый уступъ Красной Гамады, окруженъ садами, содержащими около 300.000 пальмъ и производящими финики, другіе фрукты и овощи въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ сколько нужно жителямъ для своего потребленія; оттого гадамесцы приходятъ въ Держъ за провизіей, но не въ качествѣ покупателей: они уже съ незапамятныхъ временъ присвоили себѣ болѣе половины деревъ этого оазиса. Это не малое богатство, такъ какъ хорошая пальма, приносящая каждый годъ столько финиковъ, сколько нужно, чтобы навьючить одного верблюда, представляетъ цѣнность въ 500 франк. ⁴⁾ Обитатели оазиса, сгруппированные въ четырехъ деревняхъ, называютъ себя одни берберами, другіе арабами, но они до такой степени смѣшаны скрещиваніями съ невольниками, что походятъ скорѣе на негровъ, чѣмъ на «кавказцевъ» или семитовъ. Въ каждомъ домѣ парадная зала украшена мѣдными вазами, представляющими покупную цѣну женъ, и супруга съ гордостью показываетъ гостямъ всю эту блестящую батарею.

Другой оазисъ, къ сѣверо-востоку отъ Гадамеса, расположенъ на отлогости плоскогорья, обращенной къ пустынѣ: это пальмовый ронци Синаунъ, подъ тѣнью которыхъ останавливаются караваны на дорогѣ изъ Гадамеса въ

¹⁾ Bou-Derba;—Bonnemaïn;—Duveyrier.

²⁾ H. Duveyrier, «La Confrérie musulmane de Sidi es-Senousi».

³⁾ Lagcau, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ G. Rohlf, «Quer durch Afrika».

Триполи. Но этот островок зелени приходить въ полный упадокъ: его пальмовыя плантаціи, осаждаемыя песками, уменьшаются мало-по-малу, сады исчезаютъ, рвы засыпаются, и оборонительныя стѣны, окружавшія некогда двѣ деревни оазиса и ихъ воздѣланныя земли, обращаются въ развалины; здѣсь мы видимъ то же явленіе, что и въ Гадамесѣ, но какая его причина? Оскудѣніе ли животворныхъ источниковъ, или ослабленіе энергіи жителей, утомленныхъ непрестанной борьбой противъ скушной природы? Много переселенцевъ изъ Синауна живутъ въ Гадамесѣ: это уладъ-беллильцы, населеніе благородное, очень гордящееся своимъ происхожденіемъ.

УП. Р а т ъ.

Ратъ (Гатъ), городъ торговый, какъ и Гадамесъ, тоже составляетъ, съ 1874 г., берберскую общину, официально подвластную Турціи, и если бы какая-либо европейская держава овладѣла Триполитаніей, то она, безъ сомнѣнія, заявила бы притязаніе и на Ратскій оазисъ, какъ на нераздѣльную часть своего новаго завоеванія. Гораздо болѣе удаленный отъ триполійскаго побережья, чѣмъ Гадамесъ (расстояніе отъ моря по прямой линіи слишкомъ 900 килом.), Ратъ, кромѣ того, отдѣленъ отъ береговой области Красной Гамадой, гамадой Тингертъ, или «Известковаго Камня», и другими каменными плато, а также океаномъ большихъ дюнь. Еще болѣе, чѣмъ природой, Ратъ былъ защищенъ отъ нескромнаго любопытства бѣлыхъ фанатизмомъ и коммерческой ревностью жителей. Измаилъ Бу-Дерба, первый настоящій изслѣдователь, посѣтившій Ратскій оазисъ, въ 1858 г., былъ избранъ для этой миссіи, какъ арабъ; но послѣ него Ричардсонъ, Овервегъ, Бартъ, Дюверье, фонъ-Бари, Шиллагъ видѣли, въ свою очередь, знаменитый африканскій городъ, и два послѣдніе тамъ и скончались. Въ 1869 г. m-He Тинне была умерщвлена, прежде чѣмъ достигла этого города, а въ 1874 года путешественники Дурно-Дюперре и Жуберъ погибли на дорогѣ изъ Гадамеса въ Ратъ, въ одномъ или двухъ дняхъ ходьбы къ сѣверу отъ колодца Энъ-Азаръ: неизвѣстно, какая была побудительная причина этого убійства. Зарѣзаны ли они простыми разбойниками, или наемными убійцами, подосланными какими-нибудь фанатиками секты сиди-эсъ-сенуси, или, какъ ходила молва, ахаггары и шамбы, убившіе ихъ, хотѣли отомстить за смерть своихъ соотечественниковъ, перебитыхъ французскими силами? Въ 1881 г. три католическихъ миссіонера, Ришаръ, Морать и Пупларъ, не могли даже настолько проникнуть въ глубь пустыни: туареги и шамба покончили съ ними въ разстояніи одного дня ходьбы отъ Гадамеса.

Ратъ, лежащій на высотѣ около 400 метровъ, находится, какъ и Гадамесъ, на покатохъ бассейна, по которому протекала некогда рѣка Игаргаръ; но долина, дно которой онъ занимаетъ, и которая извивается въ сѣверномъ направленіи, теперь заперта песками: воды, текуція иногда — впрочемъ, очень рѣдко — въ руслѣ ея уади, теряются подъ дюнами. Подобно Гадамесу, этотъ городъ выпавшею ему на долю торговой ролью обязанъ своему географическому положенію. Его узкая долина представляетъ удобнѣйшій путь между горами и плоскогорьями, которыя, въ этой части континента, составляютъ водораздѣлъ между океаномъ и Средиземнымъ моремъ. На западѣ высятся вулканическіе массивы Тасили, у подножія которыхъ извивается Агеладъ, т. е. «Проходъ», родъ корридора, по которому идетъ главная караванная дорога между Ратомъ и Гадамесомъ, и который продолжается на сѣверо-западъ долиной Титерсинъ и долиной Игаргарена, притока Игаргара. На востокѣ вздымается зубчатый горный валъ, Акакусъ, песчаники и сланцы котораго почти неприступны: хорошо, если на пространствѣ одного поколѣнія выберется два или три туарега довольно ловкихъ, чтобы взобраться прямо на эту стѣну, цѣпляясь за выступы скалы¹⁾. Обычная тропа, ведущая въ Фецапъ, обходитъ эту цѣпь у сѣверной ея оконечности, слѣдуя пустынной долиной Тавецуфъ, и достигаетъ Мурзукскаго плато черезъ проломъ Ралле и пустыню Танта, каменистую равнину безъ всякой растительности. Наконецъ, на югѣ долина Ратъ опять поднимается мало-по-малу къ горному проходу высотой около 1.000 метр., служащему воротами Суданской Сахары. Здѣсь, между глыбъ и столбовъ песчаника, въ виду гранитныхъ пирамидъ и куполовъ, оканчивается длинный корридоръ, въ которомъ купцы устроили свой главный складъ между Гадамесомъ и Суданомъ. Бартъ далъ этимъ горамъ названіе «Аджарскихъ возвышенностей»: это, по его мнѣнію, Джебель Тавтана средневѣковыхъ арабскихъ писателей.

Ратъ построенъ на небольшомъ возвышеніи почвы, у сѣверо-западнаго основанія скалистаго холма. Защищенный оградой, онъ раздѣленъ почти геометрически правильно на шесть кварталовъ улицами, оканчивающимися шестью воротами. Дома его, построенные въ томъ же стилѣ, какъ жилища Гадамеса, но вообще меньшихъ размѣровъ, уступаютъ имъ также и числомъ. Внутри пространства, ограниченнаго валомъ, поселилось не болѣе 4.000 жителей, но нѣсколько пригородныхъ деревень составляютъ часть той же группы населенія, и большой годовой рынокъ, которому Ратъ и обязанъ своимъ благосостояніемъ, собирается

¹⁾ H. Duveyrier, „Les Tonaregs du Nord“.

въ центрѣ пространства, очерченнаго этими различными поселеніями. Тамъ и сямъ въ равнинѣ видѣются купы пальмъ и другихъ деревьевъ; но этотъ оазисъ не представляетъ, какъ оазисъ Гадамеса, сплошнаго массива зелени. Однако, легко было бы расширить площадь воздѣланной земли, такъ какъ вода находится въ обиліи на небольшой глубинѣ; во многихъ мѣстахъ выкопаны артезианскіе колодцы, откуда бьетъ фонтаномъ вода, употребляемая для ирригаціи окружающихъ земель. Дюверье долженъ былъ остановиться въ 800 метрахъ отъ стѣнъ Рата, такъ какъ жители грозили ему смертью, если бы онъ попытался проникнуть въ городъ; тѣмъ не менѣе, ему удалось сдѣлать набросокъ Рата, на основаніи собственныхъ наблюденій и свѣдѣній, данныхъ ему нѣкоторыми туземцами. Этотъ планъ, единственный, который былъ снятъ на мѣстѣ, еще не появился въ печати.

По преданію, Ратъ — городъ относительно новый: прошло, будто-бы, только двѣнадцать или пятнадцать поколѣній съ той поры, какъ берберы племени игаджененъ положили ему основаніе, вмѣстѣ съ другими сосѣдними племенами; но между этими народцами одинъ носилъ имя кельрафса, и Дюверье видитъ въ нихъ потомковъ тѣхъ, которые, въ римскую эпоху, населяли *oppidum Rapsa*: этотъ древній военный и торговый городъ, безъ сомнѣнія, стоялъ на томъ же самомъ мѣстѣ, у входа въ дефилей, черезъ который сообщаются двѣ сахарскія покатости. Какъ бы то ни было, игадженны и другіе окрестные туареги долгое время оставались господами или по крайней мѣрѣ покровителями Рата; но эти кочевники, трудно уживающіеся въ тѣсной городской оградѣ, были постепенно замѣнены потомками торговыхъ людей, переселившихся сюда изъ другихъ оазисовъ сѣверной Африки; однако, данный родъ считается принадлежащимъ къ древней расѣ до тѣхъ поръ, пока сохранялась, отъ матери къ матери, нисходящая линія игадженовъ, ибо эти послѣдніе суть бени-умми, или «сыны матери», т. е. у нихъ власть и имущество переходятъ не отъ отца къ сыну, а отъ дяди къ племяннику, съ материнской стороны. Въ Ратѣ берберское право предоставляетъ женщинамъ, представительницамъ древнихъ владѣтелей почвы, управленіе родовымъ наслѣдіемъ: онѣ одни распоряжаются домами, источниками и садами, и по административному таланту, такъ же, какъ по коммерческой инициативѣ, онѣ, повидимому, нисколько не уступаютъ мужчинамъ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ семействахъ дѣти наслѣдуютъ движимое имущество, но право командованія рабами и традиціонныя

пошлины, платимыя путешественниками, переходятъ къ старшему сыну сестры¹⁾.

Большинство жителей не-туарегскаго происхожденія состоитъ изъ уроженцевъ Гадамеса и Туата и особенно изъ такъ называемыхъ гартенесовъ, дѣтей негритянокъ, покинутыхъ ихъ прохожими супругами; но населеніе всякаго племени и цвѣта, толпящееся на рынкѣ Рата, и къ которому въ послѣднее время примѣшались турки, стоящіе гарнизономъ, настолько подчиняется еще вліянію мѣстныхъ преданій, что сохранило берберскій діалектъ. Костюмъ большинства жителей также туарегскій: блуза, панталоны, вуаль. Равнымъ образомъ не измѣнились и торговыя традиціи: уже многіе вѣка караваны слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же маршрутомъ, установленнымъ обычаями и требованіями племенъ, которымъ купцы платятъ пошлину за проходъ и охрану: такъ, чтобы отправиться въ Томбукту, ратскіе торговцы до сихъ поръ еще принуждены дѣлать огромный крюкъ на оазисъ Туатъ²⁾; кромѣ того, прямыя торговыя сношенія съ французскими владѣніями запрещены имъ турками, такъ же, какъ фанатизмомъ «братьевъ» сенусіа, приобретшихъ большую силу въ Ратѣ съ половины настоящаго столѣтія. Такимъ образомъ средства пропитанія для этого города ограничиваются барышами, приносимыми ему мѣновой торговлей съ отдаленными рынками страны, заключающейся между Нигеромъ и озеромъ Чаде: его земледѣліе и промышленность, еще менѣе развитыя, чѣмъ въ Гадамесѣ, даютъ ему лишь незначительную часть потребныхъ ресурсовъ. Окрестные сады содержатъ слишкомъ 3.000 пальмъ; между кучами финиковыхъ пальмъ разсыяны каменные или глиняные домики туареговъ, ихъ хижины изъ древесныхъ вѣтвей и кожаныя палатки.

Кромѣ Рата, въ этой долинѣ существуетъ еще только одинъ городъ, Эль-Баркатъ (Баракатъ, Иберке), населенный туарегами и лежащій верстахъ въ десяти къ югу отъ Рата: этотъ чистенькій, хорошенькій городокъ, лучше орошаемый и болѣе богатый зеленью, чѣмъ Ратъ, представляетъ путешественнику предельную картину, какой онъ не увидитъ болѣе на пространствѣ сотенъ или даже тысячи верстъ. Какой рѣзкій контрастъ между этимъ зеленымъ оазисомъ и окружающими его дикими горами, черными, разорванными, во многихъ мѣстахъ неприступными! А между тѣмъ встрѣчаются тамъ и сямъ развалины, свидѣтельствующія, что и въ этой дикой странѣ жили когда-то люди. Даже въ Джебель-Акауфъ туземцы указываютъ мѣстоположеніе древняго города Тедерарта, гдѣ еще видны кусты миртовъ,

¹⁾ Bou-Derba, „Revue algérienne et coloniale“, déc. 1859.

²⁾ H. Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central-Afrika“.

¹⁾ H. Duvoyrier, цитированное сочиненіе

введенныхъ, безъ сомнѣнія, земледѣльческимъ народомъ, и изваянія, высѣченныя на бокахъ скалъ ¹⁾. Нѣсколько домашнихъ зебу въ оазисѣ Рать суть единственные остатки этого животнаго вида, нѣкогда представленнаго во всей Триполитаніи, когда дожди были обильнѣе, и когда уади, нынѣ высохшіе, были настоящими рѣками ²⁾.

На сѣверъ отъ Рата массивъ скалъ, расположенный въ формѣ полумѣсяца и обращенный выпуклостью къ югу, вздымаетъ свой зубчатый гребень между узкимъ разрѣзомъ Агелада и долиной, идущей вдоль западнаго основанія Акакуса. Этого уединенный массивъ, называемый Идененъ, извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Касръ-Дженунъ или «Замокъ Духовъ»; джины собираются сюда, говорятъ, со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ за тысячи миль кругомъ, чтобы приготовить здѣсь свои злокозненные замыслы ³⁾. Ричардсонъ, взбравшійся на эту гору, едва не погибъ; Бартъ, тоже предпринимавшій восхожденіе на нее, не могъ достигнуть вершины, и его неуспѣхъ, такъ же, какъ неудачная попытка Ричардсона, оправдывали въ глазахъ туземцевъ ужасъ, который они испытываютъ, приближаясь къ Чертовой горѣ: изнуренный усталостью, пожираемый лихорадкой, отважный путешественникъ свалился у подножія одного дерева и пролежалъ тамъ двадцать семь часовъ, пока спутники не отыскали его. Средняя высота хребта около 700 метровъ, а песчаниковыя башни вздымаются еще на 50—100 метровъ выше, уединенныя или сгруппированныя въ цитадели.

VIII. Правительство и администрація регентства Триполи.

Часть Триполитаніи, присоединенная къ Турецкой имперіи, составляетъ отдѣльный вилайетъ, подобно оттоманскимъ провинціямъ Европы и Азіи. Высокая Порта не управляетъ здѣсь косвенно, чрезъ посредство вассальнаго государя, какъ это было недавно въ Тунисѣ и какъ это имѣетъ еще мѣсто, въ силу дипломатической фикціи, на берегахъ Нила. Вали, или генералъ-губернаторъ, управляющій Триполійскимъ вилайетомъ, вообще выбирается изъ высшихъ офицеровъ арміи; обыкновенно онъ имѣетъ рангъ мушира, или маршала, и ему вѣрено командованіе находящеюся въ краѣ арміей, которая иногда не превышала цифры 5.000 человекъ, но которая нынѣ предста-

вляетъ силу, втрое болѣе многочисленную. Подъ главнымъ начальствомъ паши, облеченнаго высшей военной и гражданской властью въ краѣ, мутасерифы или каймаканы управляютъ второстепенными провинціями, а кантоны, или каза, подчинены мудирамъ, замѣнявшимъ прежнихъ кайдовъ. Но во главѣ каждого племени, каждой арабской общины стоятъ шейхъ, называемый шейхъ-эль-беледъ въ городахъ и деревняхъ. Эта должность, считающаяся безвозмездной, обходится, однако, всего дороже бѣдному народу, ибо шейхи отправляютъ и, по большей части, продаютъ правосудіе. Въ то время, какъ въ Константинополѣ чиновники министерства финансовъ исчисляютъ доходы триполійскаго вилайета въ три или четыре милліона франковъ ⁴⁾, въ дѣйствительности деньги, уплачиваемыя населеніемъ въ видѣ налоговъ и штрафовъ, составляютъ, можетъ-быть, сумму, вдесятеро превосходящую эту цифру. «Цѣна туфлей», которыя носятъ чиновники, шествуя по стезѣ правосудія, достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ четверти обыкновенныхъ податей ⁵⁾.

Въ берберскихъ общинахъ, гдѣ демократическій инстинктъ развитъ гораздо больше, чѣмъ у арабовъ, управленіе общими дѣлами принадлежитъ собранію или сходу, джемаа, на совѣщаніяхъ котораго свободно присутствуютъ всѣ члены общины. Сходъ этотъ распределяетъ подати, судитъ преступленія и проступки, назначаетъ пени и, въ важныхъ обстоятельствахъ, постановляетъ приговоръ объ удаленіи виновнаго изъ среды общества. Но въ значительныхъ городахъ, каковы Гадамесъ и Рать, правительство измѣнило въ свою пользу мѣстныя учрежденія. Оно поставило мудира, который почти не имѣетъ другой миссіи, кромѣ взиманія обычнаго побора. При этомъ должностное лицо есть совѣтъ, или меджелесъ, состоящій изъ муфтія, шейха-эль-беледа и четырехъ именитыхъ жителей, избираемыхъ ихъ согражданами и утверждаемыхъ въ должности пашей, по представленію мудира. Собраніе это вѣдаетъ преимущественно торговыя дѣла, и рѣшенія его подлежатъ исполненію даже въ томъ случаѣ, когда только одинъ изъ его членовъ за сѣдаетъ съ губернаторомъ. Дѣла специально общинныя обсуждаются собраніемъ джемаа, которое состоитъ изъ выборныхъ отъ жителей различныхъ кварталовъ. Кади, или точнѣе наибъ (намѣстникъ) триполійскаго кади, разбираетъ дѣла, касающіяся наслѣдства, брака и развода. Жандармы, или заптія, вооруженныя палками, наблюдаютъ за порядкомъ на улицахъ, и нарушителей общественнаго спокойствія отводятъ въ полицію: сами они вообще люди, сосланные по приговорамъ константинопольскихъ судовъ. Впрочемъ, большинство выс-

¹⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

²⁾ Tissot, „Géographie comparée de l'ancienne province d'Afrique“.

³⁾ Richardson, „Narrative of a mission in Central-Africa“; — Bou-Derba, „Revue algérienne et coloniale“, № 1859.

⁴⁾ Von Maltzan, „Reise in den Regenttschaften Tunis und Tripolis“.

⁵⁾ H. Duveyrier, „La Tunisie“.

нихъ чиновниковъ въ Триполи и въ провинціи обязаны не чему иному, какъ немилости султана, своимъ переводомъ на африканскую землю.

Въ восточной Триполитаніи почти вездѣ населеніемъ управляютъ начальники религіознаго ордена сенусіа. Они командуютъ либо непосредственно, какъ въ оазисахъ Куфра, не тронутыхъ турецкими солдатами, либо черезъ посредство официальныхъ чиновниковъ, которые ограничиваются полученіемъ своей доли мѣстныхъ доходовъ.

Въ Феццанѣ высшіе чиновники всѣ турецкой національности, такъ же, какъ офицеры гарнизона. Только шейхъ-эль-беледъ, уроженецъ края, всегда выбирается въ томъ же кланѣ. Туземная королевская фамилія, состоявшая изъ двухсотъ членовъ, была вся истреблена.

Слѣдующая таблица даетъ имена главныхъ дѣлений и подраздѣленій Триполитаніи, которыя, впрочемъ, очень часто измѣнялись по

размѣрамъ пространства и степени административной важности:

Провинціи.	Главные дѣленія.	Главные города.
Барка...	Джебелъ-эль-Акабахъ.	Дерна.
	Джебелъ-эль-Ахдаръ.	Бенгази.
	Оазисъ Ауджила.	Ауджила.
	" Джало.	Лебба.
	" Лешкере.	
Триполитанія.	Триполи.	Триполи.
	Зауйя.	Зауйя.
	Хомсъ.	Лебда.
	Джебелъ.	Касръ-эль-Джебелъ.
	Гадамесъ.	Гадамесъ.
	Бу-Нджеймъ.	Бу-Нджеймъ.
	Джюфра.	Сокна.
Феццанъ...	Зелла.	Зелла.
	Уади-Шіати.	Бракъ.
	Фога.	Фога.
	Уади - Лажаль (Себха).	Джедидъ.
	Гофра.	Мурзукъ.
Ратъ....		Ратъ.

Глава II

Тунисъ.

I.

Въ нынѣшнихъ своихъ предѣлахъ Тунисъ не составляетъ географическаго цѣлаго, отличающаго отъ остальной Мавританіи: горы его принадлежатъ къ той же системѣ, какъ и горы Алжиріи, главные его рѣки берутъ начало внѣ его границъ; впрочемъ, послѣднія часто перемѣщались, и переходъ территоріи во владѣніе французовъ оставилъ за ними лишь чисто условное значеніе. Поэтому нельзя изучать Тунисъ, не связывая его общими чертами съ совокупностью областей Атласа. Онъ составляетъ лишь особую провинцію этихъ областей, имѣющую, впрочемъ, если не въ видѣ естественныхъ границъ, то по крайней мѣрѣ въ видѣ межевыхъ массивовъ, нѣсколько группъ дикихъ и почти ненаселенныхъ горъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ отличается отъ Алжиріи своей исторіей, и жители его находятся еще подъ дѣйствіемъ нѣаго законодательства и управленія.

Мавританія, рассматриваемая въ самомъ общемъ смыслѣ, а не въ историческомъ ея значеніи, обнимающемъ лишь часть территоріи, составляетъ совершенно самостоятельное цѣлое, одну изъ естественныхъ областей, съ точно очерченными границами: это часть Сѣвер-

ной Африки, заключающая въ своихъ предѣлахъ Тунисъ, Алжирію, Марокко, и обозначаемая арабами именами Гарбъ или Магребъ, какъ «Западъ» по преимуществу; они называли ее также «Западнымъ островомъ», Джезиратъ-эль-Магребъ. Принадлежитъ къ средиземному пространству, какъ страны южной Европы—Испанія, Лангедокъ, Провансъ, Италия, — она гораздо болѣе сплочена, чѣмъ эти различныя территоріи, расположенныя полукругомъ около Балеарскаго и Тирренскаго морей; она не изрѣзана заливами, не раздѣлена на полуострова, но, напротивъ, отличается удивительной простотой контуровъ. Это почти правильный четырехугольникъ, ограниченный съ сѣвера Средиземнымъ моремъ, съ востока и запада заливомъ Габесъ и Атлантикой, съ юга другимъ океаномъ, океаномъ песковъ, глинъ, камней и скалъ. Впрочемъ, большая часть этого пустыннаго пространства, можетъ-быть, цѣлый поясъ, протянувшійся черезъ всю ширину Сахары,—была морскимъ дномъ въ предшествовавшую геологическую эпоху, какъ это пытался доказать Бургинья въ своихъ изслѣдованіяхъ относительно малакологической фауны (фауны мягкотѣлыхъ) Мавританіи, и какъ это впоследствии повторяли очень многіе писатели.

Но это Сахарское море, давно уже высохшее, по крайней мѣрѣ съ первыхъ временъ миоценоваго періода ¹⁾, не оставило по себѣ ископаемыхъ, которыя бы свидѣтельствовали о его

го «внутренняго моря», повели бы только къ образованію ряда озеръ, занимающихъ впадины шоттовъ, лежащихъ ниже уровня залива Габесь. Какъ бы то ни было, Магрель пред-

Островъ Табарка.

пребываніи, и, какъ извѣстно, проекты искусственнаго наводненія, для восстановленія это-

ставляется несомнѣнно островнымъ массивомъ съ географической точки зрѣнія; онъ не имѣетъ ни большой рѣки, ни большой торговой дороги, естественной или искусственной, которая соединяла бы его съ плодородными и населен-

¹⁾ Pomel, Bulletin de la Société de Géographie d'Oran, № 8, 1881.

ными странами Центральной Африки. Онъ останется простой провинціей средиземной Европы до тѣхъ поръ, пока не соединится съ бассейнами Сенегала и Нигера дорогами, какія умѣетъ создавать современная индустрія, до тѣхъ поръ, пока не будетъ устраниено громадное препятствіе, являющееся въ видѣ безпредѣльной пустыни.

Атласскія горы, образующія остовъ Мавританіи и доставившія ей имя Атлантиды ¹⁾, подъ которымъ, вѣроятно, понимали Мароккскую область ²⁾ на зарѣ писанной исторіи, принадлежатъ къ той же системѣ, которая захватываетъ все пространство отъ Атлантическаго океана до Сицилійскаго моря. Онѣ не составляютъ одной цѣпи, какъ ихъ изображали на прежнихъ картахъ, но поднимаются въ видѣ отдѣльныхъ выступовъ рельефа, хребтовъ или массивовъ, и во многихъ мѣстахъ замѣнены плоскостями съ слегка волнообразной поверхностью. Только западная часть системы, та, которой даютъ болѣе специально имя Атласа, составляетъ цѣпь истинно альпійскую по высотѣ вершинъ, такъ какъ высшія точки ея достигаютъ, вѣроятно, 4.000 метровъ слишкомъ: оттого первые мореплаватели, финикияне и греки, видѣвшіе издали ея гребни, то бѣлые, то голубые, на сѣромъ или лазурномъ фонѣ небеснаго свода, описывали ихъ какъ высочайшія горы земли. Геродотъ говоритъ, что Атласъ — это «колонна, подпирающая небеса» — имя, которое было дано также горѣ Этнѣ, и совершенно естественно, что древніе такъ называли высокія вершины, потому что облака и пары, то-есть то, что для нашихъ взоровъ и составляетъ настоящее небо, часто носятъ на половинѣ высоты склоновъ и скрываютъ главы горъ. Легенда только воспроизводила рассказы путешественниковъ, но олицетворяя Атласъ и придавая словамъ иносказательный смыслъ. Эта гора дѣйствительно несетъ небо на своихъ сѣдлахъ, убѣжденных снѣгомъ плечахъ: оттого фантазія древняго грека заставила ее поддерживать міръ, и ваятели изображали ее въ видѣ могучаго гиганта, сгибающаго свой широкій торсъ подъ громадную массу земнаго шара. По мнѣнію большинства писателей, имя Атласъ есть смягченная форма слова Адраръ, которое по-берберски значитъ «гора» ³⁾. Мароккскій Атласъ еще обозначается наименованіемъ Идраренъ, «горы», или чаще Деренъ: слѣдовательно, въ теченіе двухъ тысячелѣтій, то-есть со временъ Страбона ⁴⁾,

имя не перемѣнилось, безъ сомнѣнія, потому, что тѣ же берберскія населенія до сихъ поръ живутъ у подножія Атласа.

Горы Марокко, хотя отдѣленные нынѣ отъ Испаніи Гибралтарскимъ проливомъ, принадлежатъ, тѣмъ не менѣе, къ той же системѣ выступовъ рельефа, какъ Сьерра-Невада и другія сіерры Иберійскаго полуострова. Онѣ выше и вмѣстѣ съ южной цѣпью Анти-Атласа, съ предгорьями, массивами и второстепенными цѣпями, занимаютъ болѣе значительное пространство, но онѣ состоятъ изъ тѣхъ же горныхъ породъ, расположенныхъ въ томъ же порядкѣ, и ихъ общее направленіе, отъ запада-юго-запада къ востоку-сѣверо-востоку, почти параллельно на томъ и другомъ континентѣ. Подобно сіеррамъ Испаніи, горныя цѣпи Мавританіи также продолжаютъ, въ части своего протяженія, высокими плоскогорьями. На востокъ Марокко, на продолженіи Дерена, тянется, отъ одного конца Алжиріи до другаго и даже въ Тунисѣ, поясъ большихъ плоскогорій, средняя высота которыхъ слишкомъ тысяча метровъ. Алжирскія цѣпи по большей части суть лишь краевыя горы на сѣверной и южной сторонѣ плоскихъ возвышенностей. Горы побережья занимаютъ наибольшую ширину, около 80 километр., въ среднемъ; южныя, покатыя къ Сахарѣ, имѣютъ не болѣе пятидесяти километровъ, отъ края плоскогорій до рубежа пустыни; но къ востоку, на границахъ Туниса, двѣ горныя зоны сходятся и образуютъ новыя цѣпи, сохраняющія нормальное направленіе всей орографической системы; даже крайній полуостровъ, Дахла-эль-Магунъ, раздѣляющій заливы Гаммамъ и Тунисскій, тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ, какъ бы идя на соединеніе съ Сициліей. Между границей Марокко и центральной Алжиріей ни одна вершина не достигаетъ 2.000 метровъ, но къ западу отъ Алжира, высшіе пики переходятъ за 2.300 метровъ въ Джуржуръ и въ Джебель-Ауресъ. Далѣе горы понижаются мало-по-малу: самыя высокія вершины Туниса поднимаются только на 1.500 метровъ. Отъ одного конца до другаго система Атласа имѣетъ не менѣе 2.300 километровъ въ длину.

Слѣдствіемъ параллельнаго расположенія горныхъ цѣпей, плоскогорій и равнинъ въ длинномъ четырехугольникѣ Мавританіи является раздѣленіе всей страны, отъ Атлантическаго океана до залива Габесъ, на узкія полосы, различныя по виду, климату, произведеніямъ и населенію. Въ плодородныхъ долинахъ побережья живутъ земледѣльцы, тогда какъ высокія степи населены пастухами-номадами и ихъ стадами; на югѣ, въ оазисахъ пустыни, главная масса населенія тоже состоитъ изъ воздѣлывателей почвы. Такъ тянутся параллельно одинъ другому отдѣльные поясы, обитатели которыхъ различаются образомъ жизни, харак-

¹⁾ Ch. Tissot, «Géographie comparée de la province romaine d'Afrique».

²⁾ Berlioz, «La Terre habitable vers l'Equateur, par Polybe».

³⁾ Carl Ritter, «Erdkunde»; — Castiglioni, «Recherches sur les Berbères atlantiques»; — Vivien de Saint Martin, «Nord de l'Afrique dans l'Antiquité»; — de Foucauld, «Voyage au Maroc».

⁴⁾ Книга XVII, гл. III, § 2.

теромъ, преданіями и часто также происхожденіемъ. Отъ одной до другой покатоности устанавливается торговый обмѣнъ необходимыми для жизни продуктами, но сношенія не всегда имѣютъ мирный характеръ, и часто различные племена оспариваютъ другъ у друга сопредѣльные территоріи. Это естественное дѣленіе Мавританіи на длинныя полосы, различающіяся между собой этнологическими условіями, есть, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ причинъ политической раздробленности страны. Береговой поясъ, простирающійся отъ мыса Бонъ до мыса Спартель, былъ слишкомъ длиненъ, сравнительно съ незначительной шириной, и потому раздѣлился на нѣсколько кусковъ. Здѣсь мы видимъ историческое явленіе, подобное тому, которое разбило единство Италіи. Но теперь форма и контуры земель все менѣе и менѣе оказываютъ вліянія на судьбу націй: реагируя на природу своими изобрѣтеніями всякаго рода, искусство и трудъ человѣка постепенно сокращаютъ разстоянія, сглаживаютъ противоположности скала и климата. Тунисъ теперь ближе къ Тангеру, чѣмъ былъ прежде отъ своихъ сосѣдей Боны или Габеса, отдѣленныхъ отъ залива опасными мысами.

По истеченію водъ Тунисъ, Алжиръ и Марокко представляютъ сходныя условія. Сѣверный скатъ Атласа, обращенный къ Атлантическому океану и Средиземному мѣрю, недостаточно широкъ, чтобы рѣки могли проходить длинный путь и соединяться въ обширныя бассейны; только немногіе потоки, берущіе начало на высокихъ степныхъ плоскогорьяхъ или по крайней мѣрѣ питаемые притоками, выходящими изъ этой области, смогли открыть себѣ проходъ черезъ сѣверныя краевыя цѣпи и достигнуть развитія, приближающагося къ протяженію европейскихъ рѣкъ, впадающихъ въ западный бассейнъ Средиземнаго моря. Такъ, рѣки Малуйя въ Марокко, Шелифъ въ Алжирѣ, Меджерда въ Тунисѣ, по длинѣ русла, уступаютъ, въ томъ же бассейнѣ истеченія, только Ровѣ и Эбро. На покатоности Сахары, пространства, конечно, хватило бы текучимъ водамъ, чтобы вырыть себѣ длинныя долины къ Атлантикѣ, Нигеру или заливу Сиртовъ; но облака не приносятъ достаточнаго количества дождей, и рѣки тамъ велики только размѣрами своихъ бассейновъ. За исключеніемъ рѣки Драа, берущей начало на южномъ склонѣ марокканскаго Атласа, и которая все-таки не достигаетъ Атлантическаго океана, противъ Канарскихъ острововъ, въ сахарской области нѣтъ ни одного потока, который бы бѣжалъ свободно на поверхности земли, развертывая свои излучины отъ горъ до моря. Но русла, вырытыя въ предшествующую эпоху, когда дожди выпадали обильнѣе, чѣмъ нынѣ, еще примѣтны, несмотря на аллювіальныя образованія и дюны, и видно еще, что въ нихъ текли боль-

шія рѣки, площадь истеченія которыхъ соперничала по размѣрамъ съ площадью Евфрата. Одна изъ этихъ древнихъ рѣкъ, вытекавшая съ Атласа, спускалась на югъ къ Нигеру; другая, Игаргаръ, съ обширнымъ развѣтвленіемъ притоковъ, образующихся въ Джебель-Ахагаръ и Джебель-Тасили, текла на сѣверъ, къ низменности алжирскихъ портовъ; но въ нынѣшнемъ геологическомъ періодѣ она уже не имѣла истока къ заливу Габесъ. Поверхность ея бассейна, вѣроятно, превышающая 800.000 квадр. километровъ, не меньше площади Дунайскаго бассейна.

Такъ какъ среда, представляемая почвой, водами и воздухомъ, мало разнится отъ одной оконечности Мавританіи до другой, то флора и фауна тоже должны сходствовать отъ Туниса до Марокко, хотя многочисленныя препятствія дороги во многихъ мѣстахъ замедлили или даже остановили движеніе переселенія и тѣмъ вызвали постепенныя видоизмѣненія въ совокупности видовъ. Подобное же явленіе замѣчается и относительно людей: отъ мыса Бонъ до мыса Нунъ мы находимъ представителей тѣхъ же расъ, распредѣленіе которыхъ разнится, сообразно безконечному разнообразію географическихъ чертъ и безпрестанному круговороту событій. Повсюду въ Мавританіи берберскій элементъ, первоначальное происхожденіе котораго, впрочемъ, неизвѣстно, составляетъ основу населенія: изъ десяти милліоновъ жителей, населяющихъ страну, между моремъ и пустыней, по крайней мѣрѣ три четверти, по Федербу¹⁾, принадлежатъ къ этой расѣ; но, несмотря на такой огромный численный перевѣсъ, они были со всѣхъ сторонъ оттѣсняемы съ равнинъ къ высотамъ: мирные земледѣльцы, слишкомъ лѣнныя, чтобы сплотиться въ сильное цѣлое, они должны были отступать передъ арабами, соединенными въ воинственные племена. Эти послѣдніе, не составляющіе даже шестой части мавританскаго населенія, встрѣчаются осѣдлыми или кочевыми общинами по всей странѣ до береговъ Атлантическаго океана; однако, въ восточныхъ областяхъ они гораздо болѣе многочисленны; вообще они постепенно уменьшаются въ числѣ отъ востока къ западу, по мѣрѣ удаленія отъ азіатскаго полуострова. Чернокожіе, которые черезъ скрещиванія тоже имѣли весьма значительную долю вліянія на другіе этнические элементы, были введены, какъ невольники или какъ солдаты, во всѣ части страны, но они тѣмъ многочисленнѣе въ различныхъ областяхъ, чѣмъ чаще сношенія съ ихъ родиной: всего сильнѣе они представлены въ Марокко, находящемся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ верхнимъ Нигеромъ; даже императорская фамилія скорѣе негрской, чѣмъ арабской, крови, хотя она

¹⁾ „Instructions sur l'Anthropologie de l'Algérie.“

и претендует на происхождение по прямой линии от пророка Магомета. Наконецъ, всѣ города страны въ большей части населены «маврами», т. е. людьми до безконечности смѣшанной расы, гдѣ слилась кровь римлянъ и вандаловъ, арабовъ и берберовъ, итальянцевъ, испанцевъ, французовъ и средиземноморцевъ всякаго происхожденія. Если мавры представляютъ аналогичный типъ отъ одной до другой оконечности обитаемой ими страны, то они обязаны этимъ не расѣ, такъ какъ различные элементы, образовавшіе этотъ народъ, конечно, смѣшивались между собою въ каждомъ городѣ въ различныхъ пропорціяхъ; сходство типа они приобрѣли благодаря своей общей исторіи цивилизованныхъ горожанъ, благодаря одинаковому, въѣками дѣйствующему, гигиеническому условію и одинаковому образу жизни. Впрочемъ имя «мавры» — одно изъ тѣхъ неопредѣленныхъ выраженій, которыя часто мѣняли смыслъ. Можетъ-быть, согласно гипотезѣ Тиссо, слово «мавры» значитъ просто «западные люди». Можетъ-быть, какъ полагаетъ Сабатье, это названіе примѣнялось въ началѣ къ жителямъ горъ: «Мавританія», вѣроятно, значитъ «горная страна», какъ позволяетъ думать корень *мавр*, *мур*, встрѣчающійся еще во всѣхъ частяхъ страны. Испанцы, а вслѣдъ за ними и другіе христіане Европы, придали имени «мавры», или *Mogos*, гораздо болѣе широкое значеніе: оно обнимало всѣхъ магометанъ и даже, въ обыкновенномъ языкѣ, всѣхъ язычниковъ; даже въ Новомъ Свѣтѣ географическая номенклатура напоминаетъ намъ это презрительное прозвище, которымъ завоеватели награждали туземцевъ. Въ настоящее время названіе мавровъ оставлено за магометанами «варварійскихъ» городовъ; постоянное жительство и цивилизованные нравы отличаютъ ихъ отъ арабовъ деревни, чистыхъ или смѣшанныхъ. Всего многочисленнѣе мавры въ Тунисѣ, сравнительно съ другими жителями.

Хотя чужеземцы, составляющіе меньшинство въ землѣ берберовъ, арабы Мавританіи долго, однако, были господами страны, и они-то главнымъ образомъ и оспаривали у французовъ обладаніе Алжиріей. Замѣчательно, что этотъ этнический элементъ распространился довольно равномерно во всѣхъ открытыхъ равнинахъ, на всѣхъ ровныхъ плоскогорьяхъ. Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ послѣдовательныхъ переселеніяхъ, при которыхъ одни племена мало-по-малу оттѣсняли другія, вслѣдствіе чего происходило въ разныя эпохи общее перемѣщеніе отъ востока къ западу. Уже задолго до геджры различные народцы, пришедшіе съ Аравійскаго полуострова, двинулись къ Мавританіи: таковы зуата или руадиты, поселившіеся въ Киренаикѣ въ первые вѣка нашей эры, и, постепенно подвигаясь все далѣе на западъ, заняли, наконецъ, подъ различ-

ными именами, восточныя области Мавританіи ¹⁾. Затѣмъ слѣдовалъ періодъ завоеванія и обращенія въ магометанскую вѣру, который тоже оставилъ въ странѣ нѣкоторое число арабскихъ племенъ, а четыре столѣтія спустя совершилось великое иммиграціонное движеніе, которое привело большую часть арабовъ, кочующихъ теперь въ варварійскихъ странахъ. Это еще не все. Обратно этому приливу, устремлявшемуся въ западномъ направленіи, отливъ увлекалъ нѣкоторые племена къ востоку. Какъ бы по закону паденія и отраженія, племена, достигшія крайнихъ предѣловъ Марокко, на берегахъ Атлантики, возвращались по своимъ слѣдамъ, идя по направленію къ своей первоначальной родинѣ; во всей Мавританіи, равно какъ въ Триполи и въ восточныхъ оазисахъ, племена, возводящія свою родословную наидальѣе въ глубь вѣковъ и претендующія на титулъ шорфовъ, или «потомковъ пророка», суть именно тѣ, которыя побывали въ Марокко, прежде чѣмъ вернуться къ востоку ²⁾. Другое возвратное движеніе привело въ Мавританію «арабовъ», нѣкогда овладѣвшихъ Иберійскимъ полуостровомъ, но эти испанскіе арабы несомнѣнно были въ большинствѣ берберы, которые во время своего долгаго пребыванія на европейскомъ полуостровѣ смѣшались со всѣми мѣстными населеніями—лигурийскими, иберійскими, кельтскими или визиготскими; впрочемъ, большинство этихъ бѣглецовъ, извѣстныхъ въ Мавританіи подъ именемъ андалузцевъ, поселились въ городахъ, гдѣ и слились съ другими маврами, прибавивъ такимъ образомъ новыя узлы къ запутанному сплетенію этническихъ происхожденій. Эти испанскіе мавры, кажется, всего сильнѣе представлены въ Тунисѣ.

Въ краѣ, такъ часто подвергавшемся иноземному нашествію и населенномъ такими разнообразными элементами, еще не слившимися въ одну сплоченную націю, не можетъ быть патріотизма въ томъ смыслѣ, какъ въ европейскихъ странахъ, гдѣ продолжительная общность интересовъ и превратностей судьбы сообщила, въ концѣ концовъ, всей націи индивидуальность высшаго порядка. Берберъ, арабъ имѣютъ чувство солидарности лишь въ отношеніи рода или племени, но у нихъ вовсе нѣтъ сознанія, что они могли бы составлять часть народа. Арабъ Мавританіи только какъ мусульманинъ, а не какъ единоплеменникъ или соотечественникъ, соединялся съ другими арабами, чтобы бороться противъ христіанина, и при томъ послѣдній всегда могъ рассчитывать на внутренніе раздоры и войны между племенами, какъ на выгодное для него обстоятельство, могущее ускорить дѣло завоеванія. Дѣло

¹⁾ Tauxier, „Revue Africaine“.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

это, однако, потребовало много времени въ Алжирѣ, не только по причинѣ ошибокъ, колебаній и противорѣчій, сопровождавшихъ первыя военныя операціи, но въ особенности потому, что страна долго оставалась открытою вѣтревѣніямъ южныхъ племенъ. Разъ покоренная, область морскаго побережья была тѣмъ не менѣе угрожаема населеніями сосѣднихъ горъ; затѣмъ, когда и эти горы были заняты, нужно было опасаться набѣговъ со стороны жителей плоскогорья: до тѣхъ поръ, пока длинныя параллельныя поясы, составляющіе алжирскую территорію, не были всѣ защищены городами, земледѣльческими колоніями и укрѣпленными постами, новое завоеваніе, не имѣвшее на югѣ прочной границы, могло быть внезапно атаковано въ тысячу чувствительныхъ пунктовъ. Не то мы видимъ въ Тунисѣ. Омываемый съ двухъ сторонъ моремъ, прилегающій съ третьей стороны къ цѣпи укрѣпленныхъ постовъ, наконецъ, ограниченный на югѣ пустыней и лагунами, этотъ край былъ, такимъ образомъ, напередъ запертъ съ моря и съ суши, осаждаемый какъ крѣпость; кромѣ того, онъ былъ уже перерѣзанъ съ востока на западъ желѣзной дорогой; нигдѣ продолжительное сопротивление не было бы возможно, если бы даже разница вооруженія не была такъ значительна. Впрочемъ, пораженіе всегда неизбѣжно, когда оно предвидится долгіе годы, почти желается тѣми, чьихъ судьба призываетъ къ защитѣ отечества, но которые изъ поколѣній въ поколѣніе привыкли къ рабству.

II.

Пространство тунисской земли, границы которой еще не фиксированы съ точностью ни со стороны Триполитаніи, ни даже со стороны Алжирѣ, можетъ быть исчисляемо лишь приблизительно; по планиметрическимъ вычисленіямъ, сдѣланнымъ различными географами въ послѣднія десять лѣтъ, точная мѣра этой территоріи заключается между 116.000 и 118.000 квадр. километровъ, включая сюда лагуны и себхи, занимающія большую часть центральнаго и южнаго Туниса. Скоро точная триангуляція, къ которой уже приступлено, значительно уменьшитъ разницу, существующую еще между крайними результатами приблизительнаго исчисленія. Въ сравненіи съ цѣлой Мавританіей, Тунисъ представляетъ, слѣдовательно, только тринадцатую или четырнадцатую часть страны, но относительная густота его населенія придаетъ ему гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ какое онъ долженъ бы былъ имѣть соотвѣственно своему протяженію. Правда, что на счетъ приблизительнаго числа жителей будетъ оставаться сомнѣніе до тѣхъ поръ, пока правильная народная перепись, суммарная или подробная, не замѣнитъ общихъ исчисленій точ-

ными цифрами. Еще недавно статистики народонаселенія разнились на цѣлый миллионъ, опредѣляя цифру его то въ 1, то въ 2 миллиона; но со времени французской оккупации всѣ сходятся въ томъ, что цифра полтора миллиона должна быть принята, какъ наиболѣе вѣроятная. Но хотя бы даже наименьшій изъ этихъ выводовъ, то-есть одинъ миллионъ, былъ ближе къ истинѣ, и въ такомъ случаѣ Тунисъ значительно превосходитъ Алжиръ и Марокко относительнымъ числомъ жителей. Пространство Туниса, по Бему и Вагнеру, 116.348 квадр. километр.; вѣроятное населеніе — 1.500.000 душъ, такъ что, среднимъ числомъ, приходится 13 жителей на 1 квадр. километр.

Впрочемъ, нельзя не удивляться, что даже подъ деспотическимъ правленіемъ и несмотря на перемѣщеніе главнаго потока исторіи, край, занимающій такое счастливое географическое положеніе, какъ Тунисъ, сдѣлался такимъ незначительнымъ по относительной важности, и что его роль въ исторіи средиземноморскихъ странъ могла быть низведена почти къ нулю. Помѣщаясь въ самомъ центрѣ Средиземнаго моря, въ углу Мавританіи и напротивъ Сициліи, на порогѣ сообщенія между двумя половинами этого внутренняго моря, располагая очень длинной береговой линіей, гдѣ открываются лучшія гавани и заливы, болѣе удобные для судоходства, чѣмъ заливы Алжирѣ и Марокко, обладая, кромѣ того, плодородными и здоровыми землями,—Тунисъ имѣетъ огромныя выгоды, которыя нѣкогда доставили ему преобладающую роль въ исторіи. Форма рельефа во внутренней части страны не менѣе благоприятна, чѣмъ очертаніе вѣшнихъ контуровъ. Продольные поясы, на которые дѣлится Мавританія съ сѣвера на югъ, и которые составляютъ какъ бы особыя области, утрачиваютъ свои рѣзкіе контрасты около восточной оконечности. Широкая выемка Тунисскаго залива позволяетъ обходить гористую зону побережья и проникать далеко внутрь пояса плоскихъ возвышенностей черезъ долины Меджерда и Меллегъ. Точно также восточный берегъ, къ югу отъ залива Гаммамъ, открываетъ широкіе выходы изъ центральной области въ Алжирію, и большая дорога пустыни начинается у залива Габесъ. Черезъ эти бреши не разъ устанавливалось политическое единство сѣверной Африки, которой, повидимому, суждено было служить лишь мѣстомъ жительства для племенъ враждебныхъ или по крайней мѣрѣ чуждыхъ другъ другу. Восточные заливы и равнины служили путемъ, по которому проходили финикійцы, римляне, византийцы, арабы: вліяніе Азіи, какъ и вліяніе Европы, проникало черезъ эти восточныя ворота Мавританіи¹⁾. На самомъ берегу Тунисскаго залива,

¹⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

господствуя въ одно и то же время надъ центральнымъ проходомъ Средиземнаго моря и надъ естественнымъ входомъ Ливійскаго континента, стоялъ цвѣтущій Карфагенъ, поднявшійся на степенъ главнаго торговаго города Старога Свѣта и долго уравновѣшивавшій могущество Рима. Даже послѣ утраты своей независимости, африканская провинція, обратившаяся въ колонію Европы, заслуживала, по своей дѣятельности торговой, промышленной и научной, права дать свое имя всему континенту. Наконецъ, въ средніе вѣка Тунисъ тоже имѣлъ свой періодъ цивилизаціи и процвѣтанія. Ближнему будущему предстоитъ возвратить ему ту роль и значеніе, которыя принадлежатъ ему естественно, благодаря его географическому положенію. Для торговли Средиземнаго моря онъ поставленъ въ болѣе благоприятныя условія, чѣмъ Алжиръ, чѣмъ Неаполь или Мессина, а для сношеній съ бассейномъ Нигера Малый Сиртъ представляетъ большія выгоды, нежели Большой, по своей относительной близости и менѣе опасному мореплаванію.

Средняя высота Туниса постепенно уменьшается въ направленіи отъ запада къ востоку; тѣмъ не менѣе, самыя высокія массивы, достигающіе 1.200—1.500 метровъ, разсѣяны въ разныхъ частяхъ страны. Одинъ изъ значительнѣйшихъ занимаетъ сѣверо-западный уголъ края, на границахъ Алжиріи. Этотъ разорванный массивъ, въ которомъ съ перваго взгляда трудно опредѣлить порядокъ расположенія частей, протянулъ свой хребетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ: его можно назвать «Хумирскими горами», по имени знаменитой группы племенъ, обитающихъ на его полянахъ, гдѣ воздѣлываются ячмень, кукуруза, табакъ. На юго-западѣ, эти высоты продолжаются горами Уштетта, почти такими же высокими, и горами Бени-Салахъ, ограниченными на югѣ дикими ущельями, черезъ которыя проходитъ верхняя Меджерда, въ Константинскомъ департаментѣ. Вершины, называемыя общимъ именемъ *кефъ* или «скала», по большей части имѣютъ видъ длинныхъ хребтовъ, но нѣкоторыя оканчиваются пирамидальными массами или зубчатыми гребнями, пласты которыхъ, состоящіе изъ чернаго и краснаго песчаника, вздымаются въ причудливыхъ формахъ. Почти всѣ склоны покрыты сплошными лѣсами большихъ лиственныхъ деревьевъ, такъ что съ вершины горъ видишь во всемъ громадномъ кругѣ горизонта только безконечный океанъ зелени. Горная масса во всѣхъ направленіяхъ изрѣзана крутыми оврагами, узкими долинами, которыя, взаимно пересѣкаясь, образуютъ цѣлыя лабиринты корридоровъ, и по дну которыхъ бѣгутъ ручьи, спускающіеся либо на югъ—къ Меджердѣ, либо на западъ—къ уѣду аль-Кебиръ, либо на сѣверъ—къ бухтамъ Средиземнаго моря. Высокіе выступы горъ далеко выдвину-

лись въ область водъ: таковъ мысъ Рыжій, обозначающій своими кручами и старинными укрѣпленіями (теперь въ развалинахъ) общую границу Туниса и Алжира. Далѣе, къ востоку, джебелъ Мермаль выдѣляется изъ себя другой мысъ, у подножія котораго показывается островъ Табарка, еще увѣнчанный генуэзскими укрѣпленіями, и нѣкогда соединявшійся съ берегомъ дамбой, которую теперь замѣнилъ песчаный перешеекъ, лежащій въ уровень съ поверхностью воды.

Къ востоку отъ предгорій массива Хумиръ простирается область менѣе возвышенная, но все еще гористая, которую называютъ Могодъ, и которая оканчивается, на сѣверо-западѣ и на сѣверѣ отъ Бизерты, нѣсколькими мысами, какъ-то: расъ Дуккара, расъ-эль-Керунъ, расъ-Энгела и расъ-эль-Абюдъ, или мысъ Бланко (Бѣлый). Эти мысы, самыя сѣверныя выступы африканскаго материка, переходятъ минутъ на двадцать за 37-й градусъ сѣв. широты: они почти на 150 километровъ ближе къ полюсу, чѣмъ мысъ Сеута, южный столпъ Геркулесовыхъ воротъ. Вдоль морскаго берега разсѣяно нѣсколько тунисскихъ острововъ; таковы, на примѣръ, подводныя скалы «Братьевъ» или «Фрателли», которыя римляне называли «Жертвенниками Нептуна». Далѣе въ морѣ, на одной линіи съ островами «Сестеръ» или «Сорелле», поднимаются, на 300 и даже на 393 метра надъ поверхностью водъ, горы Галиты, африканской земли, еще болѣе сѣверной, чѣмъ расъ-эль-Абюдъ (мысъ Бланко). Впрочемъ, относительно этого островнаго массива, окруженнаго нѣсколькими меньшими «Галитами» и подводными камнями, является вопросъ—связанъ ли онъ геологически съ сосѣднимъ материкомъ, такъ какъ онъ отдѣленъ отъ твердой земли морскими пучинами въ 300 метровъ глубины и состоитъ изъ трахитовъ, имѣющихъ большое сходство съ андезитами Эквадора и синими порфирами Эстереля. Эти лавы вылились съ глубокаго дна моря, часто колеблемаго вулканическими сотрясеніями: въ этихъ водахъ случалось, что корабли вдругъ подвергались сильной качкѣ, какъ будто отъ ударовъ о подводный камень. Галита составляетъ совершенно особый мірокъ; растительность ея состоитъ лишь изъ низкой травы, папоротника, мелкаго кустарника и смоковницы, единственнаго дерева на всемъ архипелагѣ¹⁾. Говорятъ, дикія козы прыгаютъ еще по скаламъ, и вырывающіеся у нихъ изъ-подъ ногъ камни, падая съ уступа на уступъ, спускаются до самаго моря. Сторожъ на маякѣ, два или три неаполитанскихъ колониста, пришедшихъ изъ порта Калле, стада овецъ, иногда нѣсколько итальянскихъ рыболововъ—вотъ единственные обитатели этого никому не подвластнаго острова:

¹⁾ O. Niel, „Tunisie“.

рыбачьи барки, нагружаемые морскими раками, качаются на водѣ у берега, изрытого пещерами, куда вливаются волны. Плиніи утверждалъ, что почва Галиты убиваетъ скорпіона; моряки, посѣщающіе этотъ островъ, повторяютъ ту же басню въ другой формѣ, говоря, что ни одно ядовитое животное не можетъ жить на этихъ скалахъ изъ лавы ¹⁾. Это отсутствіе гадовъ на Галитѣ, если рассказы моряковъ вѣрны, было бы новымъ доказательствомъ того, что островъ не фрагментъ, оторванный отъ континентальнаго берега. Однако, на вулканическихъ скалахъ острова находятъ песчанныя отложенія, содержащія сухопутныя раковины тѣхъ же видовъ, какіе встрѣчаются на твердой землѣ ²⁾.

На югѣ отъ рѣки Меджерды область алжирской границы не представляетъ обособленной орографической системы. Разрѣзанные на массивы уадамъ Меллегъ и его притоками, горы и холмы слѣдуютъ одни за другими отъ юго-апада къ сѣверо-востоку, по направленію общей оси Атласа, оставляя между собой многочисленныя бреши, гдѣ проходятъ дороги, почти всегда удобопрѣзжаемыя, такъ что человѣку нѣтъ надобности выравнивать или устилать почву мелкимъ камнемъ. Въ дѣйствительности, этотъ поясъ составляетъ восточное продолженіе степнаго плоскогорья, раздѣляющаго двѣ крайнія цѣпи Алжиріи, изъ которыхъ одна поката къ прибрежью, а другая обращена къ Сахарѣ. Продолженіе массива Джебель-Ауресъ, область тунисскихъ степей усѣяна уединенными высотами, которыя оканчиваются на вершукѣ столообразными плато, остатками пластовъ, смытыхъ водами. Многія изъ этихъ площадокъ, окруженныхъ обрывистыми утесами и такимъ образомъ хорошо защищенныхъ самой природой, часто служили убѣжищемъ цѣлымъ племенамъ, съ ихъ стадами ³⁾: такова, на сѣверо-востокѣ отъ Тебессы, большая скала, называемая Калаа-эс-Сенамъ, «Замокъ идиловъ» (по Макъ-Карті, «Замокъ Зубовъ») ⁴⁾, вѣроятно, по причинѣ какихъ-нибудь построекъ или естественныхъ башенъ, принятыхъ арабскими завоевателями за кумирни туземцевъ. Опасная тропинка ведетъ въ деревню, гдѣ племя ганениша хранило свои запасы продовольствія и свои сокровища. Этотъ арабскій акрополь, построенный на остаткахъ болѣе древней крѣпости, — самая высокая группа жилищъ въ Тунисѣ: онъ находится на высотѣ 1.452 метра. Другой «свидѣтель» древнихъ исчезнувшихъ плато, поднимающійся теперь подъ понизившейся равниной, на востокѣ

отъ уада Меллегъ, есть холмъ, носящій спеціально имя Кефъ; это «Скала», по преимуществу, по причинѣ города, занимающаго ея вершину (735 метр.). Далѣе на востокѣ, почти въ географическомъ центрѣ Туниса, отрывки плоскогорья довольно обширны и болѣе или менѣе одинаковой высоты, вслѣдствіе чего имъ дали названіе «гамада», обыкновенно примѣняемое къ каменистымъ полямъ пустыни. Въ этой области тунисскихъ гамадъ, наименѣе вывѣтрившейся части плоскогорья, находятъ самыя высокія вершины всей страны: джебелъ Верберу (1.480 метр.), расъ Си-Али-бу-Мусивъ (1.520 м.), джебелъ Галукъ (1.445 м.). Самая правильная изъ этихъ гамадъ, Кессерская, верхняя площадь которой состоитъ изъ громадной плиты въ 25 квадр. километровъ, круто обрывающейся со всѣхъ сторонъ, имѣетъ маленькую себху въ одной изъ своихъ впадинъ; откосы ея, продолжающіеся на большое разстояніе, поросли лѣсомъ почти на всей ихъ покатости. Деревня Кессера, давшая свое имя этому плато, помѣщается на краю кручи, изрызанной оврагами, гдѣ журчатъ ручьи въ періодъ таянія снѣговъ.

На сѣверо-востокѣ отъ гамадъ центральнаго Туниса горные массивы слѣдуютъ одинъ за другимъ, образуя настоящую цѣпь. Джебелъ Джугаръ, изливающий свою чистую воду въ тунисскій водопроводъ, и величественный Загуанъ, давшій странѣ, въ римскую эпоху, имя Зевгитаніи, принадлежатъ къ этому ряду горъ. Изъ всѣхъ горныхъ вершинъ Туниса ни одна не пользуется такой славой, какъ Загуанъ: не то, чтобы это была самая высокая гора страны (высота его 1.343 метра), но, наблюдаемый изъ Туниса, онъ доминируетъ горизонтъ своей синеватой пирамидой и кромѣ того онъ, вмѣстѣ съ Джугаромъ, питалъ Карфагенъ своими источниками, утилизируемыми нынѣ для новой столицы: это была «гора Господня». Высшая ея точка была, вѣроятно, посвящена Ваалу Хамону, главному божеству пуническаго культа; на этой горѣ, двадцать два вѣка тому назадъ, сицилианецъ Агаоклъ зажегъ въ травѣ и кустарникѣ тотъ огромный пожаръ, который былъ виденъ одновременно изъ Карфагена и изъ Гадрумета (нынѣшняго Суза), и который навелъ ужасъ на обѣ воевавшія арміи, — на осажденныхъ гадруметцевъ и на осаждавшихъ карфагенянъ ⁵⁾. Джебелъ-Рессасъ, или «Свинцовая гора», на юго-востокѣ отъ Туниса, который отдѣленъ отъ нея долиной уада Меланъ, тоже есть одна изъ болѣе извѣстныхъ вершинъ Сѣверной Африки, благодаря ея сосѣдству съ главнымъ городомъ страны и великолѣпному виду, который открывается съ конечной скалы (выс. 700 метровъ) на два залива, Тунисскій и Гаммаметскій, и на полуостровъ, продолжаю-

¹⁾ Ch. Tissot, «Géographie comparée de la province romaine d'Afrique».

²⁾ Vélain, «Comptes rendus de l'Académie des Sciences», 1879, vol. LXXVIII, p. 70.

³⁾ E. Masqueray, «Revue Africaine», 1878.

⁴⁾ Q. Mac Carthy, рукописныя замѣтки.

⁵⁾ Pellissier, «Description de la régence de Tunis».

щийся на сѣверо-востокъ къ мысу Аддаръ. Другая крутая гора, Бу-Курнейя, или «Двурогій Отецъ», подымается близъ южнаго берега Тунисскаго залива: она примѣтна издалика по ея двуглавой вершинѣ, покоящейся на красноватомъ массивѣ скалъ.

Къ востоку отъ этихъ горъ, почва понижается и образуетъ широкую долину, по которой пролегаетъ большая дорога, и, можетъ быть, пройдетъ въ скоромъ времени соединительный желѣзный путь между берегами двухъ заливовъ, Тунисскаго и Гаммаметскаго. Далѣе, за этимъ пониженіемъ рельефа, опять идутъ высоты: полуостровъ Дахелатъ-эль-Магунинъ, настоящий островъ по орографическому строенію, вздымаетъ нѣсколько вершинъ и утесы своихъ мысовъ до высоты слишкомъ въ 300 метровъ. Мысъ Фортасъ лежитъ противъ мыса Карагенскаго, на другой сторонѣ собственно Тунисской бухты, а на самой оконечности полуострова, различныя стрѣлки раса Аддаръ, или мыса Бонъ, ограничиваютъ своими зелеными косогорами восточный входъ большаго залива. Западный входъ, въ 70 километрахъ отъ восточнаго, обозначенъ мысомъ Расъ-эль-Хайръ или «Добрымъ», болѣе извѣстнымъ подъ именемъ расъ Сиди-Али-эль-Мекки; форма его, какъ и форма Гибралтарской скалы, напоминаетъ позу лежащаго льва. Два противоположащія мыса, западный, посвященный въ древности Аполлону, и восточный, гдѣ стоялъ жертвенникъ Меркурія, окружены островами и подводными скалами. Западный мысъ продолжается въ морѣ островомъ Плане, или эль-Камада, въ сосѣдствѣ котораго лежитъ островокъ Пилавъ, названный такъ потому, что онъ напоминаетъ своей формой извѣстное рисовое блюдо, одно изъ любимыхъ кушаній ту-роков^{*)}.

На западѣ отъ мыса Аддаръ, на поверхности воды высится два острова, Зембра и Зембретта (иначе Символо и Символетто), по-арабски Джамуръ-эль-Кебиръ и Джамуръ-эль-Сериръ, «Эгимурскіе» острова древнихъ, — оба необитаемые. Крутые скалы Зембры, почти отвѣсно спускающіяся въ глубокую воду, вздымаютъ свои вершины на высоту слишкомъ 400 метровъ. Въ 40 километрахъ къ востоку отъ тунисскаго берега, находится другой гористый островъ, Пантелларія; но эта земля, вулканическаго образованія, принадлежитъ уже къ Европѣ, судя по расположенію долинъ на окружающемъ днѣ моря. Въ политическомъ отношеніи она зависитъ отъ Италіи.

Къ югу отъ фрагментовъ разрушенныхъ плато, занимающихъ центръ Туниса, горные массивы менѣе высоки, отдѣлены одинъ отъ другаго болѣе широкими долинами и ограничены на востокъ обширными равнинами, гдѣ

скопилась солоноватая вода себхъ. Но за этими пониженіями почвы, область Сахель или «Береговая», выдвинутая полукругомъ въ море между заливами Гаммаметскимъ и Габесскимъ, продолжается холмистымъ плоскогорьемъ, оканчивающимся обширными равнинами и остро-конечными мысами. Къ западу отъ себхи, Южный Тунисъ сохраняетъ видъ гористой страны, и джебелъ слѣдуетъ тамъ за джебелемъ до большой низменности шоттовъ, составляющей естественную границу между мавританскимъ островомъ и пустыней. Почти всѣ эти небольшія цѣпи расположены правильно съ юго-запада на сѣверо-востокъ, въ томъ же направленіи, какъ часть берега Малаго Сирта, заключающаяся между Габесомъ и Сфаксомъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ массивовъ страны — джебелъ Бу-Гедма, господствующій надъ солянымъ озеромъ или себхой Манзуна (иначе себха энъ-Нуайль), на сѣверо-западѣ залива Габесъ: гребни его, почти столь же высокіе, какъ и гребни центральныхъ горъ, достигаютъ 1.300 метровъ и имѣютъ тѣмъ болѣе величественный видъ, что у подошвы ихъ разстилаются широкія степи, наплавняющія пустыню; въ стѣнахъ ущелій открываются галлерей римскихъ рудниковъ, гдѣ горный инженеръ Фуксъ нашелъ золотую руду. Далѣе на западѣ, въ сосѣдствѣ Гафса, тянется почти такой же высокій хребетъ, джебелъ Арбетъ, съ вершины котораго (1.100 метровъ) можно обозрѣвать безконечную панораму горъ, моря, оазисовъ и песковъ. На югѣ этотъ горный массивъ вдругъ прерывается брешью, гдѣ должна пройти со временемъ желѣзная дорога изъ Константины въ Габесъ; но за этимъ перерывомъ плоскогорье опять появляется, представляя рядъ уступовъ, постепенно понижающихся къ себхѣ Фараунъ. Разноцвѣтные пласты мергелей и песчаниковъ перерѣзаны глубокими ущельями, черными разбѣлинами, чередующимися съ блестящими, ярко окрашенными скалами. Вечеромъ, когда солнце только-что закатилось подъ горизонтъ, высокіе утесы кажутся еще освѣщенными, тогда какъ однообразный сѣрый колоритъ сумерекъ уже разлился по безпредѣльной равнинѣ^{*)}.

На югѣ большой низменности себхъ показываются нѣсколько холмовъ, первые выступы цѣпи, продолжающейся на юго-востокъ хребтомъ Метмата и горами Ургамма къ массивамъ Джебель-Нефуза и Джебель-Иефренъ, составляющимъ остоу Триполитаніи. Гребень цѣпи Ургамма очень узокъ, и съ вершины его видны разомъ два моря, песчаное и водное. Эти высоты отдѣлены степями отъ дюнъ и скалистыхъ выступовъ побережья.

^{*)} O. Mac. Carthy, рукописныя замѣтки.

^{*)} Ch. Tissot, «Géographie comparée de la province romaine d'Afrique».

Гидрографія Туниса объясняется рельефомъ его почвы. На «железномъ берегу», который тянется отъ мыса Рыжаго до мыса Бѣлаго, очевидно, могутъ существовать лишь короткіе ручьи, спускающіеся съ сѣднхъ горъ, тогда какъ на восточномъ побережьи, несмотря на меньшее количество выпадающей тамъ дождевой воды, могли образоваться рѣки съ довольно длиннымъ теченіемъ, благодаря широкимъ выходамъ, открывающимся съ этой стороны между цѣпами и на плоскогорьяхъ Мавританіи. Сѣверный скатъ Туниса, хотя онъ тоже имѣетъ, близъ острова Табарки, свой уѣздъ эль-Кебиръ, или «Большую рѣку», не заключаетъ ни одного потока, длина котораго превышала

моря ¹⁾. Во время большихъ разливовъ Эскель представляетъ водную площадь въ 200 слишкомъ квадр. километровъ, и его каналъ истеченія, уѣздъ Этъ-Тинджа, или «рѣка Лагуны», катитъ значительное количество воды, усиливая, въ свою очередь, другой бассейнъ, Тинджа Бензертъ: это—Бизертское озеро, сообщающееся съ моремъ длиннымъ каналомъ. Этотъ послѣдній бассейнъ, разстилающійся на пространствѣ около 150 квадр. километровъ, гораздо глубже Эскеля; уже близъ береговъ толщина слоя воды въ немъ отъ 3 до 5 метровъ, по серединѣ же лотъ опускается до 12 и 13 метр. Бизертское озеро, если бы его соединить съ открытымъ моремъ большимъ судоходнымъ

Джебелъ Загуанъ.

бы 100 километровъ: самый обильный — уѣздъ Этъ-Тинъ, изливающийся въ *гараа*, или бассейнъ Эшкель или Эскель, названный такъ отъ крутой горы (выс. 520 метровъ), которая во время наводненій бываетъ со всѣхъ сторонъ окружена водами этого озера. Смотря по обилію дождей и дѣятельности испаренія, уровень и соленость этого бассейна значительно разнятся: въ среднемъ, онъ имѣетъ отъ 60 сантиметр. до 2 съ половиной метровъ глубины; подводные камни на восточномъ берегу, содержащіе во множествѣ ископаемыхъ *cardium edule*, доказываютъ, что это озеро нѣкогда было резервуаромъ солоноватой или соленой воды, вѣроятно, морской заливомъ, который, вслѣдствіе поднятія берега, отдѣлился отъ Средиземнаго

каналомъ, прорытымъ прямо черезъ песчаную косу побережья, представляло бы удобную якорную стоянку для всѣхъ кораблей Средиземнаго моря. Тогда какъ въ озерѣ Эскель вода почти прѣсная въ сезонъ дождей, въ Бизертскомъ озерѣ она почти такъ же соленая, какъ въ морѣ, и рыбы, которыхъ тамъ ловятъ въ большомъ количествѣ, принадлежатъ къ морской фаунѣ. Уже Плиній указываетъ поперебѣнное движеніе теченія въ Бизертскомъ каналѣ: вода то направляется изъ озера къ морю, то течетъ обратно изъ моря въ бассейнъ. Причина этого явленія — нарушеніе равновѣсія жидкой массы, происходящее отъ дождей, те-

¹⁾ J. de Crozals, „Revue de Géographie, octobre 1881.

чей или вѣтровъ. Когда ручьи приносятъ большое количество воды, каналъ превращается въ рѣку, уносящую въ море излишекъ водъ озернаго бассейна; когда, напротивъ, убыль вслѣдствіе испаренія превышаетъ приходъ воды, недостатокъ жидкости въ резервуарѣ пополняется изъ моря. Обыкновенно западные вѣтры совпадаютъ съ притокомъ морской воды, восточные — съ выходомъ озернаго теченія.

Устье главной тунисской рѣки, Меджерды, отдѣлено отъ Бизертскаго озера только массивомъ высокихъ холмовъ, который оканчивается въ морѣ остроконечнымъ мысомъ Сиди-Али-эль-Мекки. Меджерда — Баграда римлянъ, Макаратъ карфагенянъ — беретъ начало въ Алжирѣ, въ томъ же горномъ массивѣ, изъ котораго вытекаютъ воды Сейбузы; въ своихъ безчисленныхъ извилинахъ она принимаетъ среднее направленіе, параллельное тунисскому берегу. На югѣ плоскогорья Сукъ-Ахрасъ, Меджерда проникаетъ въ извилистое ущелье, по которому теперь идутъ двѣ дороги, желѣзная и обыкновенная, при чемъ послѣдняя двадцать семь разъ пересѣкаетъ ручей; но въ древности движеніе арміи по опасному дефилю было слишкомъ затруднительно, и потому стратегическія дороги римлянъ проходили въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ущелья, одна на сѣверѣ, другая на югѣ отъ рѣки Баграды ¹⁾. У Гардимау, на тунисской территоріи, рѣка, усиленная многочисленными ручьями, вступаетъ въ равномѣрно покатыи бассейны, бывшіи нѣкогда озеромъ и замыкаемый на половину, верстахъ въ двадцати ниже, противолежащими выступами двухъ горныхъ массивовъ. Ущелье это, въ которомъ рѣка вырыла себѣ глубокое русло, выходитъ на аллювиальную равнину Дахла, пространствомъ по меньшей мѣрѣ 750 квадр. километровъ, которая образовалась изъ наносовъ, отложенныхъ водами Меджерды, Меллега и другихъ притоковъ на днѣ бывшаго озера. До высоты 22 метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ равнины находятъ озерныя отложения, восходящія къ той эпохѣ, когда истокъ бассейна еще не успѣлъ размыть каменстаго порога, задерживавшаго воды. Въ этой равнинѣ Меджерда принимаетъ въ себя самый большой изъ своихъ притоковъ, уэдъ Меллегъ, который длиннѣе главной рѣки по крайней мѣрѣ на сотню километровъ (во всей Мавританіи, вмѣсто *уади*, множ. число *уиданъ*, употребляютъ форму *уэдъ*, для обозначенія какъ почти всегда сухихъ руселъ, гдѣ повременамъ бѣгутъ ручьи дождевой воды, такъ и постоянныхъ потоковъ). Уэдъ Меллегъ, верхняя долина котораго гораздо болѣе доступна, чѣмъ долина Меджерды, беретъ свое начало также на алжирской территоріи, недалеко отъ

Тебессы, и сохраняетъ нормальное направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ; часть его теченія испаряется въ пути: отсюда соленость его водъ, отъ которой онъ, можетъ-быть, и получилъ свое названіе. По мнѣнію Тиссо, теченіе этихъ двухъ рѣкъ въ переходѣ черезъ равнину не измѣнилось чувствительно съ начала историческихъ временъ. Древняя римская дорога пересѣкаетъ Дахлу по прямому направленію, касаясь мѣстами излучинъ лѣваго берега.

При слияніи съ уэдомъ Бежа, текущимъ съ сѣвера, начинается рядъ дефилеовъ, которыми главная рѣка пробилъ порогъ изъ раковистаго известняка, преграждавшій ей движеніе. Вода извивается короткими излучинами, и русло глубоко врѣзывается въ почву между высокихъ, крутыхъ береговъ. Въ одной части ущелья ясно видны, даже изъ окна быстро несущагося вагона желѣзной дороги, повороты старыхъ руселъ, покинутыхъ потокомъ, который на половину заполнилъ ихъ своими наносами; мертвыя рѣки сопровождаютъ справа и слѣва живую. Но, при впаденіи уэда Зерга, Меджерда ударяется о каменные породы, которыхъ она не могла пробить; въ этомъ мѣстѣ рѣка круто поворачиваетъ къ югу до встрѣчи съ уэдомъ Силіана, гдѣ находитъ удобную брешь, позволяющую ей продолжать свое движеніе на сѣверо-востокъ. Она проходитъ черезъ свои послѣднія ворота изъ скалъ, затѣмъ, при вступленіи въ равнину, черезъ Тебурбскую запруду, построенную, въ 1622 г., голландскими инженерами. Изъ двадцати-четырехъ отверстій плотины четыре теперь заперты, и ширина рѣки уменьшилась до 80 метровъ; но не трудно было бы возстановить это сооруженіе для цѣлей ирригаціи. По вычисленіямъ Калы, послѣдовательныя наводненія, производимыя зимой, могли бы удесятерить урожай. Самый важный разливъ, которымъ слѣдовало бы пользоваться съ величайшей заботливостью, — тотъ, который бываетъ въ октябрѣ мѣсяцѣ: при помощи его можно бы было усилить ростъ маслинъ и подготовить пахотныя земли къ первому посѣву ¹⁾. Количество протекающей воды въ Меджердѣ, у Тебурбской запруды, колеблется въ слѣдующихъ предѣлахъ: Наибольшій расходъ зимой, въ продолженіе 11 д. разлива, — 987 куб. метр.; въ лѣтнее время — 1.861 куб. метр. въ секунду.

Ниже запруды, Меджерда, оставивъ вправо джебелъ Ахморъ, вступаетъ въ аллювиальную равнину, которую она образовала постепеннымъ отложеніемъ ила, постоянно придающаго ей водѣ мутный, желтый цвѣтъ. Рѣка впадаетъ не прямо въ Средиземное море, а въ мелководную береговую лагуну, Эль-Багира или Гаръ-эль-Меллахъ, которая сообщается съ мо-

¹⁾ Ch. Tissot, дѣтское сочиненіе. — „Mémoires sur le Jagerda“.

¹⁾ Caillat, рукописныя замѣтки.

ресть через протокъ, куда заходятъ только барки рыболововъ. Заносимый постепенно рѣчными осадками, этою лиманъ, бывший въ семнадцатомъ столѣтіи «лучшей гаванью Варварійскихъ земель», не перестаетъ мелѣть: за послѣднія сто лѣтъ глубина его уменьшилась, говорятъ, на 10 метровъ; теперь человекъ средняго роста нигдѣ въ немъ не погрузился бы съ головой. Въ 1819 г. флотъ бѣа могъ еще укрыться въ этой гавани, расчистивъ предварительно часть бара; но скоро онъ долженъ былъ уйти обратно въ море, оставивъ на мѣстѣ одинъ фрегатъ, глубоко вѣзавшійся въ песокъ. По всей вѣроятности, это озеро скоро исчезнетъ, можетъ-быть, еще до конца настоящаго столѣтія, какъ исчезло ранѣе другое озеро дельты, древній Утичскій заливъ, превратившійся уже шестнадцать вѣковъ тому назадъ въ болотистую впадину, гараа Мабтуха, въ которую, во время разливовъ, изливается излишекъ рѣчнаго теченія. Себха эръ-Руанъ и другія озера этой области изъ году въ годъ уменьшаются въ размѣрахъ, и кривая морскаго берега, между мысомъ Сили-Али-эль-Мекки и холмами Кареагена, все болѣе и болѣе выдвигается въ море. По Тиссо, пространство суши, образовавшейся на счетъ моря въ послѣднія 2.100 лѣтъ, можетъ быть подсчитано въ 250 кв. километровъ. Въ теченіе историческаго періода рѣка нѣсколько разъ мѣняла русло, и на основаніи свидѣтельствъ древнихъ авторовъ, а также на основаніи изслѣдованія почвы, можно возстановить карту дельты въ разные эпохи. Въ пуническія времена Макаратъ, или Баграда, огибала на сѣверѣ джебелъ Ахморъ и, оставляя влѣво небольшую цѣпь островныхъ скалъ, высшая точка которой не превышаетъ 50 метровъ, впадала въ часть залива, омывающую съ сѣверной стороны Кареагенскій мысъ; старое русло еще можно узнать по его гравію и песку, на которыхъ кое-гдѣ растутъ олеандры. Затѣмъ рѣка послѣдовательно вырыла себѣ два новыхъ русла сѣвернѣе, но и то, и другое брали свое начало въ ущельѣ, открывающемся у сѣвернаго основанія горы Джебелъ-Ахморъ. Нынешнее русло, напротивъ, поворачивается прямо на сѣверъ и идетъ вдоль впадины древняго Утическаго озера, оканчиваясь непосредственно на югѣ отъ мыса, ограничивающаго Тунисскій заливъ ¹⁾.

Къ югу отъ Меджерды нѣтъ постоянныхъ рѣкъ; по крайней мѣрѣ всѣ тамошнія рѣки въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году бываютъ заперты при устьяхъ песчаной мелью. Но тамъ есть еще лагуна, сообщающаяся съ моремъ: это — Тунисское озеро, другая Багира,

подобная той, въ которую впадаетъ Меджерда; она занимаетъ болѣе значительную площадь, и воды ея немного глубже, достигая 1,70 метра въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ; ея «продливъ», лучше содержимый — каналъ, вырытый рукою человека и замѣнившій естественный протокъ, открывавшійся нѣкогда немного южнѣе, — позволяетъ входить судамъ, имѣющимъ болѣе метра осадки; но вода ея, загрязняемая сточными канавами Туниса, очень мутная и омываетъ зловонные берега. Это озеро, гдѣ нѣкогда сталкивались флоты римлянъ и кареагенянъ, уменьшилось въ размѣрахъ, какъ и озера дельты Меджерды, и по всей его окружности тянется полоса выступившихъ изъ-подъ воды пространствъ дна, превратившихся въ тонкія болота или въ плоскіе песчаные берега. Уадъ Меліанъ, имя котораго, можетъ-быть, имѣетъ смыслъ, нынѣ мало заслуженный, «Многоводной рѣки», спускается съ Загуанскихъ горъ, которыя давали ему воду, собираемую теперь тунисскимъ водопроводомъ; рѣка эта не притокъ Багиры: она огибаетъ на югѣ небольшое возвышеніе почвы, предѣлъ озерной впадины.

На восточномъ берегу Туниса многочисленныя себхи тянутся вдоль побережья, отдѣленные отъ Средиземнаго моря песчаными косами. Но есть также внутри материка, на довольно большомъ разстояніи отъ морскаго берега, впадины, въ которыхъ теряются ручьи, испаряя свои воды на глинистомъ днѣ, насыщенномъ солью: таковы себхи, слѣдующія одна за другой на западѣ, юго-западѣ и югѣ отъ Сузы и являющіяся попеременно то обширными водными площадями, то солончаковыми равнинами. Случалось, что Кайруанъ зимой бывалъ отрѣзанъ этими болотистыми пространствами отъ остальнаго Туниса. При первыхъ дождей большая часть страны превращается въ сплошное болото, и тогда караваны могутъ ходить только по промежуточнымъ гребнямъ между котловинами. Самая обширная изъ этихъ лагунъ — себха Сиди-эль-Гани, или Кайруанское озеро, поверхность котораго, во время наводненій, не менѣе 500 кв. километровъ, и которое въ дождливые годы сохраняетъ немного воды въ своей центральной впадинѣ. Эта себха совершенно отдѣлена отъ береговой области цѣпями холмовъ Сахель, тогда какъ настоящее озеро, Кельбіа, менѣе обширное, но всегда наполненное водой и даже судоходное, изливаетъ иногда свой излишекъ въ низменности, черезъ порогъ высотой около 20 метровъ; истокъ его, называемый уадъ Менфесъ, достигаетъ, во время обильныхъ ливней, т. е., среднимъ числомъ, черезъ каждыя восемь лѣтъ, прибрежной лагуны, себхи Джериба, сообщающейся съ моремъ посредствомъ рѣчки Галькъ-эль-Менгель. Въ этомъ мѣстѣ морскаго берега проходъ опасенъ, по причинѣ топей, и еще недавно, до постройки шоссе, не прохо-

¹⁾ Daux, «Etude sur Utique et ses environs (Comptes rendus l'Académie des Inscriptions), avril 1868; — Tissot, «Géographie comparée de la province romaine d'Afrique»; — Partsch, «Petermann's Mittheilungen», 1883 № V.

дило зимы безъ того, чтобы караваны не теряли людей или животных¹⁾.

По словамъ Кампу и Руира, озеро Кельбиа, поверхность котораго измѣняется отъ 8.000 до 13.000 гектаровъ (отъ 7.200 до 11.700 десятивъ), смотря по времени года, есть бассейнъ, принимающій воды рѣчной системы, столь же обширной и даже болѣе значительной, чѣмъ система рѣки Меджерды²⁾; однако, уездъ Багла, изливающийся въ это озеро и принимающій въ себя Фекка, Маргелиль и другія рѣки, спускающіяся съ высотъ центральнаго Туниса, представляется на новѣйшихъ точныхъ картахъ площадь истеченія меньшую сравнительно съ областью сѣверной рѣки, а именно: площадь бассейна Меджерды—22.540; озера Кельбиа—21.130 кв. километр. Въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ³⁾ Руиръ пытался также доказать тожество узда Багла съ Тритоновою рѣкой древнихъ авторовъ; но гдѣ помѣстить съ увѣренностью рѣку, которая, по Плинію, есть не что иное, какъ начало Нила, и которая своими вѣтвями соединяется съ Нигеромъ? Что касается озера того же имени (Тритонъ), которое Руиръ отождествляетъ съ озеромъ Кельбиа, то это, какъ извѣстно, тотъ таинственный бассейнъ, который различные писатели древняго міра заставляли, такъ сказать, странствовать по всѣмъ южнымъ берегамъ Средиземнаго моря: Страбонъ помѣщалъ его въ Вереникѣ, къ востоку отъ Большаго Сирта, а Діодоръ искалъ его въ сосѣдствѣ «Океана, окружающаго землю». Конечно, бесполезно стараться согласовать все, что говорятъ древніе авторы о рѣкѣ и озерѣ Тритонъ, тѣмъ болѣе, что ни одно изъ ихъ описаній не сходится съ нынѣшней топографіей указываемыхъ мѣстностей: всѣ предложенныя идентификаціи противорѣчатъ тому или другому разсказу древнихъ писателей, такъ какъ, безъ всякаго сомнѣнія, произошли значительныя перемѣны въ физической географіи страны, изгладившія тотъ или иной топографическій деталь, тщетно разыскиваемый комментаторами. Достаточно сказать, что, мало правдоподобная въ другихъ отношеніяхъ, гипотеза Руира о тожествѣ узда Багла и рѣки Тритонъ согласуется по крайней мѣрѣ въ томъ съ текстомъ Птолемея, что этотъ потокъ дѣйствительно беретъ начало въ оврагахъ горы Уссалетъ (Уссалетонъ у александрийскаго географа). Кромѣ того, уездъ Багла—дѣйствительно единственный на всемъ восточномъ побережьи Туниса уездъ, который, начинаясь на довольно большомъ разстояніи внутри страны, продолжается примѣтнымъ русломъ, если не до Малаго Сирта, то, по край-

ней мѣрѣ, по толкованію Руира, до «Маленькаго Сирта» (залива), и приносить ему иногда нѣкоторое количество воды. Что касается озера Кельбиа, то оно представляетъ почти съ точностью окружность въ тысячу стадій или 185 километровъ, которую Скилакес давалъ озеру Тритонъ; впрочемъ, эта окружность озера можетъ показаться слишкомъ большой, если правда, какъ разсказываетъ Геродотъ, что ливійскія дѣвы, послѣ ратоборства въ честь богини Аѳины, съ торжествомъ «водили самую храбрую вокругъ озера»⁴⁾. Продолжительный крикъ, который испускали женщины на праздникахъ богини, походилъ на крики: *заиритъ! тулуй! или ю-ю!* которыми въ наши дни ливійки всѣхъ племенъ оглашаютъ воздухъ, ударяя себя по губамъ, чтобы сдѣлать звукъ прерывистымъ, во время празднествъ, свадебныхъ пиршествъ, похоронныхъ процессій, военныхъ экспедицій⁵⁾.

На юго-западѣ отъ Сфакса, другое углубленіе почвы содержитъ соляное озеро, называемое Мта эль-Гарра, а южнѣе, въ сосѣдствѣ правильной кривой, описываемой заливомъ Габесъ, виднѣется еще впадина, наполненная водой или соленой пылью, Манзуна или Себха-эль-Нуайль. Но эти остатки озеръ очень не велики въ сравненіи съ равниной, частью затопленной, которая составляетъ естественную границу между островомъ Магребъ (Мавританія) и Сахарой: на пространствѣ слишкомъ 400 километровъ, отъ востока къ западу, тянется рядъ водныхъ площадей, солончаковъ, болотъ, глинистыхъ впадинъ, на югѣ Туниса и восточной Алжиріи. Вѣроятно, въ какой-нибудь части этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ котловины большинство древнихъ географовъ помѣщали священный бассейнъ, близъ котораго родились Минерва и Бахусъ. Шау, въ концѣ прошлаго столѣтія, первый высказалъ предположеніе о тожествѣ Тритонова озера съ одной изъ тунисскихъ себхъ⁶⁾. Какъ раздѣльный поясъ между двумя естественными областями, между двумя фаунами и двумя расами, и какъ гидрографическое цѣлое, поражающее воображеніе и величиной своихъ размѣровъ, и разнообразіемъ своихъ явленій, это пространство должно было несравненно болѣе интересоваться географовъ, нежели маленькое озеро восточнаго берега, на сѣверѣ острововъ⁷⁾. Обширный бассейнъ Игаргара, воды котораго изливались нѣкогда въ цѣль «Тритоновыхъ» озеръ, представляетъ площадь по меньшей мѣрѣ въ 800.000 квад. километровъ, въ сорокъ

¹⁾ Rouire, «Revue de Géographie», janvier 1884.

²⁾ «Comptes rendus de l'Académie des Sciences», janvier 1884; рукописныя замѣтки.

³⁾ «Nouvelle Revue», 15 juillet 1883; — «Revue de Géographie», septembre 1884.

⁴⁾ Tissot, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Shaw; — Virlet d'Aoust; — Desor; — Charles Martin; — Roudaire, etc.

⁶⁾ Ch. Tissot, «De Tritonide Lacu»; — Dupaty de Clair, «Comptes rendus de la Société de Géographie», 1885.

разъ превосходящую площадь тунисскихъ уадовъ, питающихъ озеро Кельбиа. Правда, этотъ бассейнъ совершенно отдѣленъ отъ Средиземнаго моря съ геологическихъ временъ, предшествовавшихъ исторіи. Судя по ископаемымъ раковинамъ, морской протокъ или рѣчное русло между Средиземнымъ моремъ и озернымъ бассейномъ Сахары окончательно закрылся въ постплиоценовую эпоху ¹⁾; однако, прибрежные жители шоттовъ, пораженные видомъ высохшихъ заливовъ, который представляютъ эти бассейны, повторяютъ съ увѣренностью, что нѣкогда существовало сообщеніе между моремъ и себхами, но что «Двурогій» Александръ своими чарами заперъ эти ворота ²⁾.

Прежде, когда геологическое изслѣдованіе страны еще не было произведено, на Габесскій перешеекъ, между себхами и моремъ, смотрѣли какъ на одинъ изъ тѣхъ песчаныхъ береговъ, какіе образуются вездѣ на побережьи, передъ рѣками, теченіе которыхъ, вспомоствуемое морскимъ приливомъ и отливомъ, не имѣетъ силы прочищать проходъ. Полагали, что дюны постепенно возвысили порогъ, и что, можетъ-быть, послѣдній, кромѣ того, еще поднялся немного надъ уровнемъ моря, вслѣдствіе внутренняго давленія ³⁾. Фуксъ, измѣряя высоту порога съ помощью барометра, узналъ, наконецъ, каковы были его истинныя условія: оказалось, что небольшая цѣпь холмовъ, средняя высота которой около 100 метровъ, имѣетъ въ двухъ мѣстахъ бреши высотой отъ 57 до 61 метра, и названный изслѣдователь описываетъ ея остовамъ, какъ состоящій изъ эоценовыхъ известняковъ и песчаниковъ. Итальянская экспедиція, посѣтившая берега залива Габесъ въ 1875 году, подъ начальствомъ Антинори, тоже констатировала, что порогъ состоитъ отчасти изъ каменныхъ пластовъ, а не изъ однихъ только песковъ, нанесенныхъ вѣтромъ; самая низкая точка, которую она нашла на водораздѣлѣ между водами, спускающимися къ морю, и водами, текущими на западъ къ себхѣ, лежитъ на 53 метра выше морскаго уровня ⁴⁾. Послѣ того, офицеръ Рудеръ, составляя съ точностью детальную карту всей области, заключающейся между заливомъ Габесъ и шоттами Алжиринъ, окончательно устранилъ всякое сомнѣніе. Габесскій порогъ въ низшей своей точкѣ представляетъ еще выступъ высотой слишкомъ 47 метровъ; сами себхи, которыя онъ отдѣляетъ отъ Средиземнаго моря, лежатъ на высотѣ отъ 15 до 26 метровъ надъ морскимъ уровнемъ и оканчиваются на западѣ другимъ порогомъ, возвышающимся на 91 метръ: только за этимъ порогомъ начинаются

впадины, вырытыя ниже уровня Средиземнаго моря; общая ширина земель, которая нужно пройти, чтобы соединить бассейнъ шоттовъ съ Средиземнымъ моремъ, составляетъ 173 километра ¹⁾.

Если вся система шоттовъ и уади—или, употребляя арабскую форму множественнаго числа, штутъ и уиданъ,—которую можно назвать «тритонической» системой, согласно гипотезѣ большинства археологовъ, была нѣкогда, какъ это весьма вѣроятно, рѣчнымъ бассейномъ, начинавшимся у истоковъ Игаргара, то это гидрографическое цѣлое давно уже разорвано, рѣчное ложе во многихъ мѣстахъ загромождено дюнами, и пороги выступившихъ изъ-подъ воды скалъ отдѣлили второстепенныя впадины. Особенно восточная впадина, самая обширная, вполнѣ ограничена гористыми порогами, примыкающими къ южнымъ цѣпямъ Туниса: отъ порога Габесъ до порога Крицъ тянется, на сѣверѣ бассейна, рядъ крутыхъ утесовъ, называемыхъ «Губами» (Эшъ-Шербъ), какъ бы по сходству равнины бывшаго озера съ громаднымъ ртомъ. Узкая въ началѣ, эта себха, извѣстная въ восточной ея части подъ именемъ шотта Эль-Феджеджъ, постепенно расширяется въ западномъ направленіи; потомъ, за мысомъ южнаго берега, длинной скалой, продолжающейся дюнами, бассейнъ, называемый въ этомъ мѣстѣ шоттъ Фараунъ, вдругъ дѣлается вдвое шире и образуетъ шоттъ Эль-Джеридъ, или «Пальмовый». На западной оконечности эта обширная озерная равнина носитъ другія названія. Она имѣетъ не менѣе 200 километровъ протяженія отъ востока къ западу, а ширина ея съ сѣвера на югъ, между двумя наиболѣе удаленными одинъ отъ другаго берегами, около 75 километровъ. Постоянная вода, по словамъ прибрежныхъ жителей, остается только въ центральной части шотта Эль-Джеридъ, да и тамъ ея не видно на поверхности: она прикрыта соляной корой, которая дала поводъ арабскимъ писателямъ сравнивать озеро съ серебрянымъ листомъ, съ хрустальнымъ стекломъ, съ камфарнымъ ложемъ ²⁾, и на которой шаги отдаются, какъ на каменномъ полу подъ сводомъ. Кромѣ глубокой воды собственно озера, скрытой подъ соляными плитами, поверхностныя воды занимаютъ обыкновенно самыя низкія части озерной впадины и, смотря по направленію вѣтра, перемѣщаются то въ ту, то въ другую сторону; иногда онѣ бываютъ довольно глубоки, по грудь лошадямъ, переходящимъ себху. Когда эти жидкія массы, гонимыя вѣтромъ, разольются по соляной корѣ надъ скрытыми водами, онѣ частію растворяютъ промежуточный слой, и въ поверхности шотта происходятъ перемѣны уровня. Случается также,

¹⁾ Fuchs;—Antinori;—Pomel;—Cossen, etc.

²⁾ Ch. Tissot, «Expedition scientifique de la Tunisie».

³⁾ «Bulletin de la Société de Géographie», sept. 1877.

⁴⁾ «Bollettino della Società geographica italiana», sept. 1875.

¹⁾ Rondairé, «Archives des Missions scientifiques et littéraires», tome VII, 1881.

²⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

что соляная плита, подъ напоромъ глубокой воды или выдѣляющихся изъ нея газовъ, вздувается въ формѣ конуса, какъ будто открылся подводный вулканъ. Такъ возникаютъ острова, которые издали, отъ дѣйствія миража, кажутся настоящими островами, какъ ихъ и называютъ прибрежные жители. Одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ, извѣстный подъ именемъ джебъ эль-Мелахъ, «Соляная гора», имѣетъ не болѣе двадцати шаговъ въ діаметрѣ и поднимается менѣе, чѣмъ на метръ надъ уровнемъ себхи; по серединѣ верхней площадки горы находится старый колодезь, теперь засыпанный, отъ котораго этотъ островокъ получилъ другое названіе, Биръ-эль-Неофъ, или «Срединный колодезь» ¹⁾. Подобные ключи бьютъ во многихъ мѣстахъ себхи изъ отвердѣвшаго грунта, и вода, которую они даютъ, не болѣе солоновата, чѣмъ вода источниковъ въ окружающихъ оазисахъ. Четыре островка, лежащіе близъ южнаго берега Фараонова шотта, носятъ общее имя Нхаль-Фараунъ, «Пальмы Фараона», въ силу легенды, рассказывающей о проходѣ египетской арміи по этому озерному дну, болѣе или менѣе смѣшиваемому въ мѣстныхъ преданіяхъ съ Чернымъ моремъ ²⁾. Финиковыя пальмы, растущія на этихъ четырехъ островкахъ, были, будто-бы, посажены царемъ Фараономъ на мѣсто масличныхъ деревьевъ, покрывавшихъ равнину, нынѣ затопленную ³⁾; онъ не принадлежать ни къ одной изъ разновидностей, извѣстныхъ въ Джеридѣ, и плоды ихъ никогда не достигаютъ полной зрѣлости.

Большая тунисская себха пересѣкается нѣсколькими караванными дорогами, соединяющими оазисы двухъ береговъ: Тиссо перечисляетъ девять такихъ переходовъ; кромѣ того, существуютъ другіе, менѣе посѣщаемые, особенно въ восточной части бассейна, которая такъ и называется шоттъ эль-Феджеджъ, или шоттъ «Проходовъ», по причинѣ пролегающихъ черезъ него дорогъ. Нѣкоторыя изъ этихъ тропъ вполнѣ надежны, но другія очень опасны: идти по нимъ нужно съ величайшей осторожностью, чтобы избѣжать топей, въ которыхъ можно увязнуть, пропастей, гдѣ можно исчезнуть безслѣдно; при отправленіи въ путь проводникъ всегда совѣтуетъ путешественникамъ слѣдовать за нимъ «шагъ въ шагъ». Болѣе неровная, чѣмъ Раннъ въ англійской Индіи (такъ какъ она представляетъ скатъ отъ десяти до одиннадцати метровъ съ востока на западъ), тунисская себха въ то же время и гораздо болѣе опасна для перехода: облако пыли, миражи, скрывающіе вѣхи или искажающіе ихъ фигуру и положеніе, ошибка проводника,

внезапный испугъ животныхъ — могутъ повлечь за собой гибель каравана. Въ силу традиционныхъ соглашеній между племенами, дорога должна быть обозначена съ одной стороны камнями, съ другой стволами финиковыхъ пальмъ, помѣщенными на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ одинъ отъ другаго; но это правило мало соблюдается: большая часть условленныхъ знаковъ, или *майровъ*, теперь уже не на своемъ мѣстѣ или замѣнены костями павшихъ верблюдовъ. Подлѣ дороги, соединяющей оазисъ Кризъ съ оазисами южнаго мыса, открываются пропасти, наполненные зеленой водой, «болѣе горькой, чѣмъ вода Океана», и до того глубоки, что лотъ, сдѣланный изъ какого-нибудь тяжелаго предмета, привязаннаго къ веревкамъ каравана, не достаетъ дна. Легенды и старыя арабскія рассказы говорятъ о внезапныхъ провалахъ, которые происходили подъ тяжестью людей и животныхъ: бездна, будто-бы, все поглощала, и ея чудовищная пасть тотчасъ же опять закрывалась надъ пограничными жертвами. На югъ отъ озера, въ сосѣдней области Нефзауа, гдѣ бьютъ многочисленные теплые ключи, также находится естественный колодезь невѣдомой глубины, называемый поберберски Тауэрга: онъ каждый годъ требуетъ человѣческой жертвы, говорятъ окрестные жители. По мѣстному преданію, эта пропасть, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, перемѣстилась, вслѣдствіе землетрясенія ⁴⁾.

На сѣверо-западъ отъ большой тунисской себхи, утесы «Губъ» продолжаютъ неровной стѣной, которая въ одномъ мѣстѣ вздымается, чтобы образовать послѣдній холмъ, высотой въ 171 метръ, затѣмъ теряется въ пескахъ, и въ видѣ едва примѣтныхъ волнообразныхъ повышений и пониженій почвы. Эта цѣпь, долины которой заключаютъ прелестные оазисы Джерида, составляетъ раздѣльный порогъ, отдѣляющій шоттъ эль-Джеридъ отъ шотта Гарса — бассейна, подобнаго восточной себхѣ, но гораздо меньшаго по размѣрамъ. Шоттъ Гарса, имѣющій форму полумѣсяца, обращеннаго выпуклой стороной на сѣверъ, лежитъ ниже эль-Джериды; онъ весь находится ниже уровня моря, и если бы когда-нибудь былъ прорытъ каналъ, устанавлиющій сообщеніе этой впадины съ Средиземнымъ моремъ, берега ея были бы затоплены на пространствѣ 8 или 10 километровъ далѣе линіи нынѣшняго побережья. Западной своей оконечностью шоттъ Гарса врѣзывается въ алжирскую территорію и продолжается, въ видѣ широкаго рукава моря, передъ лабиринтомъ шоттовъ, гораздо болѣе обширныхъ, совокупность которыхъ извѣстна подъ именемъ Мельгигъ (Мельрирь). Невысокіе пороги, промежуточные впадины раздѣляютъ эти два бассейна. Этотъ-то шоттъ Мельрирь и предназна-

¹⁾ Ch. Tissot, «Bulletin de la Société de Géographie», juillet 1879.

²⁾ H. von Maltzan, «Reise in den Regentschaften Tunis und Tripoli».

³⁾ Grenville Temple, «Algiers und Tunis».

⁴⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе и *жюуаръ*.

чался, по проекту, съ которымъ связано имя Рудера,—къ образованію, на югѣ Алжири, того «внутренняго моря», которое, въ воображеніи его творцовъ, должно измѣнить современемъ климатъ сосѣднихъ странъ, вызывая скопленіе облаковъ на горахъ Ауресъ, увеличивая количество дождей, наполняя постояннымъ образомъ русла ручьевъ, нынѣ высохшихъ, вновь изводя изъ почвы источники, болѣе не существующіе ¹⁾. Но если трудно представить себѣ прорытіе судоходнаго пути, направляющагося отъ порога Габесъ къ оазисамъ алжирской пустыни, то по крайней мѣрѣ можно понять, какъ полезно было бы реставрировать старую дорогу, которая шла вдоль южной стороны острова Магребъ, между Малымъ Сиртомъ и долиной Драа ²⁾.

Побережье тунисской Сахары, какъ и восточный берегъ собственно Туниса, не имѣетъ постоянныхъ рѣкъ, а только уэды, почти всегда безводные; важнѣйшія изъ нихъ, не по длинѣ теченія, а по объему жидкой массы,—уэды Акарить, Мелахъ и Габесъ; послѣдній течетъ всего только около десяти километровъ, хотя каботажныя суда во время прилива могутъ подниматься по этому уэду до оазиса, гдѣ расположенъ городъ ³⁾. Нѣкоторые полагаютъ, что который-нибудь изъ этихъ небольшихъ потоковъ, Акарить или Габесъ, и есть «рѣка Тритонъ» древнихъ. Эта гипотеза не лишена вѣроятія, если принять въ соображеніе, что ливійцы, какъ о томъ свидѣлствуетъ легендарная гидрографія Африки, охотно вѣрили въ подземное теченіе рѣкъ въ области песковъ ⁴⁾. Несомнѣнно, впрочемъ, что пріемный бассейнъ уэдовъ Акарить и Габесъ имѣетъ весьма значительные размѣры выше истоковъ, такъ какъ вода вытекаетъ изъ земли, въ видѣ обильныхъ ключей, и невольно является вопросъ: не даетъ ли какая-нибудь трещина скалы, черезъ истокъ морской покатости, выхода глубокимъ водамъ, скрытымъ подъ соляной корою шотта эль-Феджеджъ?

Хотя горы, составляющія продолженіе триполійскаго «Джебеля», близко подступаютъ къ морскому берегу въ южномъ Тунисѣ, однако, остается еще довольно пространства для того, чтобы и тутъ могли образоваться береговыя лагуны: себха эль-Мелахъ, или «Соляная лагуна», Бу-Герара и Багиретъ-эль-Бибанъ, или «озеро Воротъ». Этотъ послѣдній, совершенно такого же образованія, какъ пруды Лангедока, отдѣленъ отъ моря узкой косой, называемой «Собачья Морда»; въ самой тонкой части этого

исто открываются два протока, изъ которыхъ одинъ настолько глубокъ, что лошади каравановъ могутъ переправиться черезъ него не иначе, какъ вплавь ¹⁾. Островокъ береговаго пояса, лежащій между этими двумя каналами, занятъ крѣпостью Бибанъ, или «крѣпостью Воротъ», получившей такое названіе отъ морскихъ проходовъ, которые она защищаетъ; кромѣ того онъ служитъ также воротами Туниса, на триполійской границѣ. Эта часть побережья, повидимому, подверглась большимъ перемѣнамъ съ начала историческихъ временъ. Эдризизъ упоминаетъ о лежавшемъ въ милѣ разстоянія отъ Бибанскаго берега островѣ Зиру, который нынѣ уже не существуетъ, если только это не береговой поясъ озера, какъ полагаютъ многіе писатели ²⁾; но въ такомъ случаѣ нужно допустить, что первоначальная форма его сильно измѣнилась, и что онъ былъ постепенно изгрызенъ моремъ. ибо во времена Эдризиза, въ двѣнадцатомъ столѣтіи, онъ былъ покрытъ деревьями, окруженными виноградниками и пальмовыми рощами. Во всякомъ случаѣ, этотъ островъ, простиравшійся на 40 миль въ длину, при ширинѣ не болѣе полумили, вѣроятно, былъ не что иное, какъ песчаная коса, соединенная съ берегомъ. Положеніе этой исчезнувшей земли, вѣроятно, указывается подводными камнями и песчаной мелью Зиры; въ этомъ мѣстѣ еще въ шестнадцатомъ столѣтіи находилась подводная банка, выступавшая наружу во время отлива ³⁾; здѣсь имѣлъ свой сборный пунктъ флотъ герцога Медина-Чели, посланный противъ острова Джерба, въ 1560 году.

Острова южнаго Туниса не самостоятельнаго происхожденія, какъ вулканическій массивъ Пантелларія, лежащій противъ мыса Бонъ; это простые отрывки материка, отдѣленные отъ сосѣдняго берега размывающимъ дѣйствіемъ водъ или пониженіемъ почвы. Особенно острова Керкenna, Cercina и Cercinitis Страбона, составляющіе, противъ Сфакса, сѣверный предѣлъ Малаго Сирта или залива Габесъ, имѣютъ этотъ видъ обломка, постоянно подтачиваемаго волнами. Даже весьма вѣроятно, что этотъ маленькій архипелагъ, состоящій изъ двухъ острововъ и прилежащихъ подводныхъ скалъ, въ историческія времена уменьшился въ размѣрахъ. Скилакъ говоритъ о существованіи только одного острова, отъ котораго, можетъ быть, осталась лишь часть, въ видѣ нынѣшнихъ двухъ земель, и размѣры, приписываемые Геродотомъ и Плиніемъ Церцинъ (Curgaunis) и Церцинитидъ, не соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ. Оба острова сдѣлались меньше; сѣверная сторона ихъ была частью разрушена волнами, но проливъ, раздѣляющій острова, не измѣнился

¹⁾ «Rapport sur la dernière expedition des Chotts» (Archives des Missions scientifiques et littéraires, tome VII, 1881).

²⁾ Berlioux, «La terre habitable vers l'Equateur, par Polybe».

³⁾ Ch. Tissot, «Géographie comparée de la province romaine d'Afrique».

⁴⁾ H. Barth, «Küstenländer des Mittelmeeres».

¹⁾ H. Barth, цитируемое сочиненіе;—Elie de la Primaudais, «Littoral de la Tripolitaine».

²⁾ D'Avezac, «Univers illustré, Îles de l'Afrique».

³⁾ Ch. Tissot, цитируемое сочиненіе.

въ теченіе двухъ послѣднихъ тысячелѣтій. Еще видны быки моста, длиной около 1.000 метровъ, соединявшаго противоположные берега: не трудно было бы отстроить это сооруженіе. На южной оконечности залива Габесъ, большой островъ Джерба, древній Менинкъ, «земля лотофаговъ», кажется, лучше сохранилъ контуры, которые онъ имѣлъ въ первыя времена исторической эпохи. Впрочемъ, онъ почти не отдѣленъ отъ материка, такъ какъ пѣшеходъ можетъ безъ труда перейти проливъ въ бродъ. Островъ оканчивается на югъ двумя стрѣлками, къ которымъ направляются два мыса большой земли, и съ той и съ другой стороны берегъ врѣзывается между этими мысами, такъ что образуется родъ озера, по виду мало отличающагося отъ двухъ сосѣднихъ озеръ, себхи эль-Мелахъ и Багиретъ-эль-Бибанъ; по мнѣнію Вуда, это морское озеро и есть тотъ Тритонъ, котораго такъ усердно ищутъ на сосѣднихъ берегахъ. Только западный рукавъ пролива, имѣющій около 2.500 метровъ въ ширину и доминируемый высокими берегами и утесами, удобенъ для прохода судовъ, такъ какъ глубина его фарватера, вырытаго теченіями прилива и отлива, отъ 3 до 17 метровъ. Восточный рукавъ, вообще болѣе широкій, частію загроможденъ островками, подводными камнями, песчаными мелями, и во время отлива даже въ самомъ глубокомъ мѣстѣ прохода остается слой воды толщиной не болѣе 60 сантиметровъ. Бродъ, гдѣ переходятъ караваны, носятъ названіе Трикъ-эшъ-Джемель, или «Дорога верблюдовъ»; онъ находится на западѣ отъ римскаго моста, упоминаемаго въ древнихъ маршрутахъ, и отъ котораго еще сохранились кое-какіе обломки. Два замка, Борджъ-эль-Кантара, или «Замокъ моста», на островномъ берегу, и Борджъ-эль-Бабъ, или «Замокъ воротъ», въ самомъ центрѣ пролива, напоминаютъ древній путеводъ, достойный быть поставленнымъ на ряду съ сооруженіями современныхъ инженеровъ, если не по смѣлости постройки, то по крайней мѣрѣ по длинѣ; другой островной замокъ защищаетъ «Дорогу верблюдовъ». Въ пуническую эпоху восточный рукавъ пролива былъ судоходенъ, какъ показываетъ одинъ древній маршрутъ ¹⁾. Издали островъ Джерба кажется продолженіемъ твердой земли, выдвинутымъ въ море въ видѣ длиннаго низкаго мыса, покрытаго пальмами и окаймленнаго крѣпкими замками, которые были воздвигнуты нѣкогда противъ испанцевъ или мальтійскихъ рыцарей. Самыя высокія выпуклости почвы, въ центрѣ острова, поднимаются всего только на нѣсколько метровъ. На всемъ пространствѣ равнины Джербъ нѣтъ ни одного ручейка, и туземцы не имѣютъ другой воды, кромѣ колодезной; однако, островъ представляетъ одинъ сплошной лѣсъ,

и маслины достигаютъ тамъ размѣровъ, неизвѣстныхъ даже въ Сахелѣ.

Заливъ Габесъ, разстилающійся полукругомъ между архипелагомъ Керкенна и островомъ Лотофаговъ, слытъ у древнихъ не менѣе опаснымъ, чѣмъ Большой Сиртъ. Пока караваняне пользовались монополіей торговли на берегахъ Малаго Сирта, они не упускали случая рассказывать на счетъ плаванія въ этихъ водахъ всевозможные ужасы, чтобы запугать мореходовъ другихъ націй, и, дѣйствительно, тѣ изъ иностранцевъ, которые первые отважились пуститься по невѣдомому заливу, могли на первыхъ порахъ думать, что ревнивый Караванъ не обманулъ ихъ, когда они были поражены сильными измѣненіями уровня воды во время прилива, которыми Малый Сиртъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ морей средиземнаго резервуара. Первый римскій флотъ, проникшій въ этотъ заливъ двадцать-одно столѣтіе тому назадъ, сѣлъ на мель при отливѣ, и когда слѣдовавшій затѣмъ приливъ снова поднялъ корабли, они уже успѣли облегчиться, выбросивъ за бортъ товары и съѣстные припасы; лишенный продовольствія, флотъ долженъ былъ немедленно вернуться къ берегамъ Сициліи ¹⁾. Передъ устьемъ уада Габесъ, въ крайнемъ изгибѣ Малаго Сирта, вода попеременно поднимается и опускается на 2 слишкомъ метра; у береговъ острова Джерба средняя амплитуда прилива не меньше 3 метровъ. На другой оконечности залива, въ гавани Сфакесъ, средняя разность уровней прилива и отлива составляетъ около полутора метра, но въ эпоху равноденствій эта разность достигаетъ 2,60 метровъ. Это явленіе значительныхъ приливовъ въ водахъ Габеса объясняется расположеніемъ залива въ формѣ воронки и постепеннымъ поднятіемъ дна: масса воды, приходящая съ открытаго моря, легче скопляется въ Маломъ Сиртѣ, чѣмъ въ моряхъ почти замкнутыхъ, каково Адриатическое, или въ бухтахъ, слишкомъ широко открытыхъ, каковы Большой Сиртъ. Но теперь, хорошо извѣстные морякамъ, приливы Габеса утратили свой ужасъ, и для небольшихъ судовъ эти воды вовсе не представляютъ тѣхъ опасностей, которыхъ такъ пугались древніе. Вооруженный лотомъ, каботажки, плавающія по заливу, идутъ осторожно, чтобы не потерпѣть крушенія, и держать якорь на-готовѣ, чтобы запустить его въ песокъ, какъ только окажется слишкомъ тонкій слой воды подъ килемъ. Впрочемъ, даже въ случаѣ кораблекрушенія опасность не велика; до разстоянія 10 километр. отъ берега море такъ мелко, что человѣкъ можетъ идти по дну. Большихъ волнъ здѣсь тоже никогда не бываетъ. На обширныхъ меляхъ мягкаго

¹⁾ Ch. Tisso, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Полибий, томъ I, стр. 39; — Ch. Tisso, цитированное сочиненіе.

ила, окружающих острова Керкenna, поверхность залива всегда гладкая, какъ бы ни была велика ярость вѣтра, вздымающаго горами воды открытаго моря; суда здѣсь въ полной безопасности, благодаря извѣстному явленію ослабленія волнъ, происходящаго отъ недостатка сопротивленія дна ¹⁾. Итальянскіе моряки называютъ Малый Сиртъ «мертвымъ моремъ», *mare morto*, въ противоположность глубокимъ водамъ «живаго моря», *mare vivo* ²⁾.

Большія перемѣны, происшедшія въ контурахъ острововъ и континентальныхъ береговъ Туниса, приписывались нѣкоторыми путешественниками мѣстнымъ колебаніемъ уровня почвы; они полагаютъ, что берега Джербы и группы Керкenna, подобно берегамъ Триполи, опустились и вслѣдствіе того уменьшились въ протяженіи. Гренвилъ Темплъ старается доказать, что въ историческую эпоху острова Куріатеи составляли часть берега между Мо-настиромъ и мысомъ Димасъ. Съ другой стороны, образованіе порога Габесъ было, по мнѣнію Рудера и геологовъ, участвовавшихъ въ его экспедиціи, результатомъ поднятія, которое въ то же время повысило шоттъ эль-Джеридъ надъ уровнемъ моря и перевернуло его скатъ въ направленіи отъ востока къ западу ³⁾. Дѣйствительно, берегъ Туниса представляетъ во многихъ мѣстахъ, высоко надъ уровнемъ моря, остатки старыхъ береговъ и береговыхъ поясовъ. Такъ на Габесскомъ порогѣ и на всѣхъ извилинахъ берега до Сфакеса, затѣмъ по другую сторону мысовъ, на побережьѣ Сузы, Фуксъ обследовалъ, въ 1874 г., старый морской берегъ, лежащій теперь на постоянной высотѣ 12 до 15 метровъ, хотя онъ содержитъ виды, еще нынѣ живущіе въ Средиземномъ морѣ ⁴⁾. Но существованіе этихъ высокихъ береговъ, свидѣтельствуя объ измѣненіи относительной высоты суши и моря, еще не даетъ права заключить, что внутренняя подъемлющая сила продолжаетъ дѣйствовать, какъ это утверждали многіе путешественники ⁵⁾. Указывали на обмеленіе гаваней Махдинъ, Карвагена, Утики, Порто-Фарина, какъ на доказательство поднятія побережья; но между этими примѣрами нѣтъ ни одного, который не могъ бы быть объясненъ отложеніемъ морскихъ песковъ или рѣчныхъ наносовъ. При томъ надо принять въ соображеніе и то обстоятельство, что та или другая гавань, куда проникали га-

леры древнихъ, благодаря своей незначительной осадкѣ (около 1,30 метра), была бы недоступна въ наше время обыкновеннымъ судамъ, если бы даже не обмелѣла ¹⁾. Нигдѣ на тунисскомъ берегу не найдено постройки, теперь удаленной отъ моря, которая носила бы на своихъ камняхъ слѣды прежняго соприкосновенія съ водой. Взамѣнъ того, многіе островки или подводные камни, указываемые древними писателями, греческими, римскими, арабскими, и теперь такъ же едва выступаютъ изъ-подъ воды, какъ и въ прошлые вѣка: гавани Карвагена, расчищенные изслѣдователемъ Беле до уровня просачивающихся морскихъ водъ, оказались на той же самой высотѣ, на которой онѣ были двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ ²⁾.

Положеніе Туниса на восточномъ углу Мавританіи, между двухъ бассейновъ Средиземнаго моря и у воротъ Сахары, сообщаетъ климату этой страны особенный характеръ. Омываемая моремъ съ востока и юго-востока, такъ же какъ съ сѣвера и сѣверо-запада, африканская провинція древняго Рима естественно отличается болѣе ровнымъ климатомъ, чѣмъ климатъ Алжира; при томъ же, не имѣя такихъ высокихъ горъ, такихъ обширныхъ возвышенностей и оканчиваясь, въ своихъ гористыхъ мѣстностяхъ, долинами, широко открытыми морской бризѣ, она пользуется далеко внутри температурой болѣе мягкой, чѣмъ центральныя области Магриба. Точныхъ метеорологическихъ наблюденій еще не имѣется для частей Туниса, удаленныхъ отъ побережья; тѣмъ не менѣе, характеръ растительности позволяетъ опредѣлить общія черты климата и отмѣтить контрасты, которые онъ представляетъ съ сопредѣльными странами. Такъ, восточные вѣтры, рѣзкіе и сухіе въ алжирской Сахарѣ, приносятъ съ собой нѣкоторую долю влажности въ Сахару тунисскую и вызываютъ тамъ къ жизни растенія, которыхъ не увидишь въ западныхъ пустыняхъ ³⁾. Хотя средняя годовая температура въ древней африканской провинціи выше, чѣмъ въ Алжиріи, климатъ первой влажнѣе и ровнѣе. Впрочемъ, сѣверная часть страны и побережье болѣе, чѣмъ алжирскій Телль, выставлены жгучимъ вѣтрамъ юга, и когда дуетъ симунъ, или самумъ, случается, что термометръ показываетъ 45, даже 48 градусовъ Ц. на улицахъ города Туниса. Съ другой стороны, зимой, при сѣверномъ вѣтрѣ, который приноситъ холодный воздухъ съ Апеннинъ, въ этомъ городѣ иногда бывають холода, напоминающіе европейскую зиму: такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1854 г., по словамъ Феррини, въ Тунисѣ однажды цѣлый день шелъ снѣгъ.

¹⁾ Le Gras; — Sevestre, „Annales hydrographiques“, 1874.

²⁾ H. von Maltzan, „Reise in den Regenthschaften Tunis und Tripoli“.

³⁾ Dru, „Archives des Missions scientifiques et littéraires“, tome VII, 1881.

⁴⁾ „Comptes rendus de l'Académie des Sciences“, 1874 2e semestre.

⁵⁾ E. Guérin, „Voyage archéologique dans la régence de Tunis“; — Fischer, „Beiträge zur physikalischen Geographie der Mittelmeerländer“.

¹⁾ Beulé, „Fouilles à Carthage“.

²⁾ Partsch, „Petermann's Mittheilungen“, 1883, № V.

³⁾ H. Duveyrier, „La Tunisie“.

Средняя температура въ Тунисѣ 20,44° Ц, въ Сузѣ 24° Ц.

Времена года чередуются въ этой странѣ съ большою правильностью. Зима, совпадающая съ періодомъ дождей и называемая тѣмъ же именемъ, *зим-шта*¹⁾, начинается вообще въ январѣ и продолжается всего два мѣсяца. Затѣмъ слѣдуетъ пора «зелени», или весна, тоже очень короткая, тогда какъ лѣто продолжается шесть мѣсяцевъ, съ мая до октября. Наступленіе осени возмѣщается нормальнымъ возвратомъ дождей, хотя ни одно время года не обходится безъ ливней; въ среднемъ, насчитываютъ въ городѣ Тунисѣ 90 дождливыхъ дней въ году. Обыкновенно вѣтры дуютъ со стороны моря, то-есть съ сѣверо-востока и сѣверо-запада. Сѣверо-восточное воздушное теченіе, которое есть не что иное, какъ нормальный полярный вѣтеръ, господствуетъ вообще въ лѣтніе мѣсяцы, тогда какъ въ остальное время года преобладаетъ сѣверо-западный вѣтеръ, продолженіе благотѣльнаго мистрала. Эти вѣтры съ моря, самые здоровые, приносятъ дожди, но они не отличаются такой правильностью, какъ пассаты, и рѣзкія перемены погоды здѣсь не рѣдки. Во время равноденствій воздухъ часто увлекается въ сильные круговороты; почти каждый годъ, около половины сентября, Тунисскій заливъ подвергается яростному шторму, который христіане первыхъ вѣковъ называли «Кипріановой бурей», потому что онъ часто разражался въ годовщину смерти епископа Кипріана. Обыкновенно столкновение вѣтровъ проявляется съ особенной силой около мыса Бонъ; у этого угла континента встрѣчаются различныя воздушныя теченія, и между ними происходитъ борьба изъ-за преобладанія: отсюда имя «Добрый» или «Прекрасный» мысъ, которое кароагеняне дали ему по антифразису, лѣтъ гению мыса, чтобы снискать благоволеніе; арабы часто называютъ его расъ-Гаддаръ, «Обманчивый мысъ», вмѣсто расъ - Аддаръ, «Добрый мысъ». Морскія теченія тоже сталкиваются вокругъ этого мыса, какъ и теченія атмосферныя: сила теченія, направляющагося изъ Западнаго моря въ заливъ Большой и Малый Сиртъ, такъ велика и производитъ такое множество водоворотовъ, что парусныя суда, плывущія на западъ, не могутъ преодолѣть это препятствіе безъ помощи юго-восточныхъ вѣтровъ, которые обыкновенно дуютъ изъ Сиртовъ къ острову Мальтѣ, и помогаютъ имъ обогнуть страшный мысъ²⁾. Въ ясную погоду, когда небо совершенно чисто отъ паровъ, съ вершины мыса можно различить берега Сициліи, и часто видали отсюда на дальнемъ горизонтѣ зарево отъ изверже-

ній Этны³⁾. Замѣчательно, что на берегахъ Туниса грозы рѣдко сопровождаются молніей. Громъ разражается только на горахъ, и по увѣренію Феррини, не бывало примѣра, чтобы онъ упалъ въ равнину; въ городѣ Тунисѣ и его окрестностяхъ до сихъ поръ не имѣли случая почувствовать пользу защищенія зданій отъ грозы съ помощью громоотводовъ. Нельзя сказать того же о Сфакесѣ, гдѣ, по словамъ Герена, одна городская башня была нѣсколько разъ поражена громомъ, въ 1882 году. Въ цѣломъ, климатъ Туниса—одинъ изъ лучшихъ на средиземноморскомъ побережьи. Военная статистика, веденная съ августа 1883 по мартъ 1884 года, показываетъ, что случаи поступленія солдатъ въ госпиталь были въ Тунисѣ рѣже, чѣмъ въ какой-либо изъ провинцій Алжиріи, рѣже даже, чѣмъ во Франціи⁴⁾. Бертолонъ сравниваетъ тунисское побережье съ Австраліей по его прекрасному климату; однако, въ тѣхъ изъ внутреннихъ долинъ, гдѣ воздухъ не обновляется сѣверными вѣтрами, свирѣпствуютъ эпидемическія лихорадки.

Принадлежа къ средиземному поясу по натурѣ своихъ горныхъ породъ и по климату, Тунисъ лежитъ въ той же географической области по своей флорѣ и фаунѣ. Подобно Алжиріи, Иберійскому побережью, нижнему Лангедоку и Провансу, Италіи и Греціи, Тунисъ составляетъ часть области маслины, «перваго между деревьями», по выраженію Колумеля. По своимъ специальнымъ чертамъ, тунисская флора почти тождественна съ алжирской, какъ доказывали изслѣдованія ботаниковъ; однако, различія, представляемыя рельефомъ почвы и климатомъ, имѣли слѣдствіемъ гораздо большее смѣшеніе видовъ въ восточной области сравнительно съ западной. Тогда какъ въ Алжирѣ флора побережья и флора горъ, плоскогорій и Сахары точно разграничены, въ Тунисской области онѣ перепутаны безъ всякой правильности. Растительныя виды Сахары, поднимающіяся по морскому берегу вдоль заливовъ Габесъ и Гаммаметъ, достигаютъ, наконецъ, дюнь прибрежья въ сосѣдствѣ Туниса и Бизерты; повсюду, гдѣ находятся пески, ботаникъ навѣрно встрѣтитъ десять-двѣнадцать растений, которыми онъ видѣлъ въ сахарскихъ *эригах*⁵⁾, между прочимъ, *аринг* (*arthrastrum pungens*). Съ другой стороны, нашли на югѣ отъ шотта эль-Джеридъ, подъ той же широтой, какъ самый сѣверный оазисъ Суфа, нѣсколько растений, свойственныхъ высокимъ плоскогорьямъ Сети-фъ⁶⁾. Габесъ есть точка встрѣчи самыхъ разнообразныхъ флоръ; здѣсь сходятся флоры морскихъ песковъ и дюнь пустыни, глинистыхъ ложъ уэдовъ и ихъ аллювіальныхъ отложеній, гли-

¹⁾ Ch. Tissot, «Géographie comparée de la province romaine d'Afrique».

²⁾ H. Barth, «Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres».

³⁾ Shaw;—O. Mac Carthy, etc.

⁴⁾ Bertolon, «Revue de Géographie», octobre 1884.

⁵⁾ Letourneux, *рыкошасыи сахарки*.

⁶⁾ Cosson; H. Duveyrier, etc.

нисто-известковой равнины, простирающейся у подошвы горъ и оазисовъ съ растительностью средиземноморской и почти европейской¹⁾. Благодаря своему положенію напротивъ Сициліи, Тунисъ имѣетъ также нѣсколько сицилійскихъ и итальянскихъ растительныхъ видовъ, которыхъ нѣтъ въ Алжирѣ; мысъ Бонъ, граница двухъ бассейновъ Средиземнаго моря, восточнаго и западнаго, раздѣляетъ двѣ области, имѣющія въ своей флорѣ нѣсколько отличную физономію. Совокупность тунисской растительности, которую Дефонтенъ исчислялъ, въ прошломъ столѣтіи, въ 300 видовъ, состоитъ, по Коссону, изъ 1.780 растений, изъ которыхъ только нѣсколько видовъ свойственны исключительно этой странѣ: по направленію отъ запада къ востоку, отъ Марокко къ Тунису, число растений, принадлежащихъ исключительно мѣстной флорѣ, постепенно сокращается, по причинѣ уменьшенія высоты почвы; на 563 вида, найденныхъ въ Габесѣ, насчитываютъ только 25 формъ, не встрѣчающихся въ алжирской Сахарѣ. Нѣкоторые растения такъ многочисленны, что придаютъ полямъ однообразную окраску на протяженіи нѣсколькихъ верстъ: пространства, сплошь покрытыя голубыми цвѣтками желтокорня или колокольчиковъ, кажутся издали поверхностью обширнаго озера²⁾.

Горы бассейна Меджерды и горы, господствующія надъ средиземноморской покатостью, между Бизертой и Ла-Калле, сохранили еще обширные лѣса; благодаря относительной влажности климата, дубъ (*quercus mirbeckii*) достигаетъ тамъ исполинскихъ размѣровъ; падубъ растетъ тамъ между мелкимъ кустарникомъ, черешня—между небольшими деревцами. Если рѣка Меджерда имѣетъ воду во всякое время года, то она обязана этимъ лѣсамъ, покрывающимъ ея скаты. Но въ среднемъ Тунисѣ и въ сосѣдствѣ заливовъ Большой и Малый Сиртъ страна почти совершенно обезлѣсена: единственные деревья тамъ—маслины, да еще смоковницы, которыя растутъ вокругъ городовъ, возвышаясь надъ живыми изгородями изъ кактусовъ; на плоскогорьяхъ, какъ и въ Алжирѣ, растительность состоитъ лишь изъ чернобыльника (*artemisia*) и изъ альфы, употребляемой на выдѣлку писчей бумаги; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почва совершенно голая и не имѣетъ даже тонкаго слоя перегноя: когда идешь по ней, вездѣ подъ ногами звенитъ каменистый туфъ. А между тѣмъ въ этихъ оголенныхъ мѣстностяхъ, у южнаго основанія массива Бу-Гедма, тянется обширный лѣсъ камедоносной акаціи, занимающій пространство около 30 километровъ въ длину и километровъ 12 въ ширину. Въ Африкѣ это самая сѣверная область, гдѣ встрѣчается камедное дерево; но число

этихъ акацій, *acacia sayal*, не превышаетъ 40.000 во всемъ лѣсу,—такъ рѣдко растутъ деревья: ими пользуются только для приготовления кушаньевъ, камедъ же пропадаетъ безъ употребленія, или служитъ пищей дикимъ животнымъ³⁾. Смола, сочащаяся изъ нѣкоторыхъ разновидностей мастикового дерева, какъ на островѣ Хиосѣ, не утилизируется для выдѣлки мастики и другихъ благовонныхъ жидкостей.

Большіе шотты, отдѣленные отъ Малаго Сирта лишь узкимъ перешейкомъ, имѣютъ на своихъ берегахъ великолѣпные «лѣски», какъ ихъ называютъ туземцы, Беледъ-эль-Джеридъ или «Финиковой земли», которые заключаютъ въ себѣ слишкомъ миллионъ деревьевъ, принадлежащихъ къ ста пятидесяти разновидностямъ. Вкусъ плодовъ удивительно измѣняется, смотря по климатическимъ условіямъ. Тогда какъ въ Сфакесѣ и на островѣ Джерба финиковыя пальмы служатъ почти только для украшенія пейзажа, и плоды ихъ идутъ большей частью въ кормъ скоту, въ Габесѣ финики уже довольно вкусны; въ оазисѣ Эль-Гамма они хороши, а въ Джеридѣ и Суфѣ превосходны. Причина тому, во всей вѣроятности, не въ различіи температуры, а въ различной пропорціи влажности. Между разновидностями финиковъ также замѣчается большая разница вкуса въ разныхъ оазисахъ: въ Джеридѣ лучшимъ считается сортъ *дельетъ-нуръ*, «финикъ-свѣтъ», названный такъ по причинѣ прозрачности его мякоти; въ Суфѣ есть сорта еще лучше на вкусъ⁴⁾. Жители оазисовъ любятъ свои финиковыя деревья, какъ домашнихъ товарищей: они рѣшаются «убить» пальму, т. е. срубить для приготовленія напитка лакби, *sağurtis* древнихъ⁵⁾, только по поводу какого-нибудь важнаго событія—рожденія ребенка, свадьбы, прибытія почетнаго гостя⁶⁾.

Нѣкогда Джерба, античный Мениксъ, «островъ Лотофаговъ», славился однимъ растеніемъ, *lotus*, которое съ достовѣрностью еще не отыскано. Что это былъ за плодъ, столь пріятный на вкусъ, что чужеземцы, отведавъ его, забывали о своей родинѣ? Этотъ разсказъ Гомера означаетъ ли какой-нибудь таинственный продуктъ, символизирующій миръ и благоденствіе, или онъ относится къ дѣйствительному плоду, который очень понравился эллинскимъ мореходамъ? Описаніе лотуса, данное древними авторами, повидимому, всего болѣе подходитъ къ одному виду юбы (*zizurhus lotus*), *ceder* или *синра*, которую находятъ еще на островѣ Джерба, а также на сосѣднемъ побережьи и даже далеко внутри материка до

¹⁾ Rabatel et Tirant, „Tour du Monde“, 1815, 1-^r semestre

²⁾ Letourneux, рукописныя замѣтки.

³⁾ E. Desjardins, рукописныя замѣтки.

⁴⁾ Tissot, антированное сочиненіе.

⁵⁾ Cosson et Kralik, „Sertulum tunetanus“.

⁶⁾ Pellissier „Description de la Régence de Tunis“.

земли туареговъ ¹⁾. Изъ этой ягоды пригото-
вляютъ кисловатый напитокъ, очень приятный
на вкусъ; самый же плодъ, сладкій, но без-
вкусный, не цѣнится: Магометъ говоритъ о
ююбѣ (*zizyphus lotus*), какъ о проклятомъ ку-
старникѣ, замѣнившемъ въ садахъ Савской
земли деревья съ великолѣпными плодами. Мо-
жетъ-быть, первые эллинскіе мореплаватели,
разсказывавшіе своимъ соотечественникамъ
про чудеса дальнихъ странъ, отвѣдали, не ви-
давъ самаго дерева, превосходные финики изъ
Беледъ-эль-Джериды, и этотъ плодъ былъ при-
писанъ ими ююбѣ, или, можетъ-быть, вкусы
перемѣнились, какъ мы видимъ примѣръ тому
въ Египтѣ относительно плода сикоморы. Эль-
Бекри разсказываетъ, что яблони на островѣ
Джерба не имѣли во всемъ свѣтѣ равныхъ себѣ
по красотѣ и превосходному вкусу плодовъ; но
плантаціи этого дерева были заброшены, по-
тому что христіане брали яблоки, не возна-
граждая жителей острова.

Фауна Туниса, подобно его флорѣ, отличает-
ся отъ фауны Алжира и Триполи очень не-
большимъ числомъ видовъ: немного болѣе бо-
гатый животными формами, чѣмъ сосѣднія съ
пустыней области, прилегающія къ Большому
Сирту, Тунисъ нѣсколько бѣднѣе въ этомъ от-
ношеніи западной Мавританіи. Вообще замѣ-
чается постепенное возрастаніе числа видовъ
по направленію отъ востока къ западу. Но въ
Тунисѣ, какъ и въ сопредѣльныхъ странахъ,
большія перемѣны, происшедшія въ теченіе
исторической эпохи, измѣнили и самую фауну.
Истребленіе лѣсовъ повело къ тому, что нѣко-
торы виды совершенно исчезли, или зона
ихъ обитанія значительно сѣзилась; съ дру-
гой стороны, люди ввели домашнихъ живот-
ныхъ, можетъ-быть, также дикихъ звѣрей,
какъ, напримѣръ, оленя ²⁾, ибо, по свидѣтель-
ству древнихъ писателей, олень не существова-
лъ въ Африканской провинціи, и карагенане,
привезшіе съ собой это животное, держали
его въ полудомашнемъ состояніи, чтобы при-
носить его въ жертву Ваалу-Гаммону ³⁾. Те-
перь олень встрѣчается изрѣдка въ западныхъ
горахъ страны, особенно на югѣ отъ Табарки,
въ массивахъ Хумиръ и Уштетта. Медвѣдь,
который прежде былъ, какъ полагаютъ, однимъ
изъ обыкновенныхъ представителей мѣстной
фауны, судя по часто встрѣчающимся назва-
ніямъ мѣстъ, гдѣ находится его имя, повиди-
мому, исчезъ съ начала настоящаго столѣтія ⁴⁾.

¹⁾ Peyssonnel et Desfontaines, "Voyage dans la Ré-
gence de Tunis et d'Alger"; — H. Duveyrier, "Les Touaregs
du nord".

²⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе; — Judas, "Soci-
été archéologique de Constantine", 1865.

³⁾ Clermont-Ganneau, "Comptes rendus de l'Académie
des Sciences", 1844.

⁴⁾ L. Playfair, "In the footsteps of Bruce"; — Tissot,
цитированное сочиненіе.

Мартышку можно видѣть только въ ближай-
шемъ къ южнымъ шоттамъ углу Туниса. Львы
рыскаютъ еще въ нѣкоторыхъ массивахъ, со-
сѣднихъ съ алжирской границей; особенно въ
Хумирѣ, въ земляхъ племени уштетта, и въ
горахъ Джебель-эль-Ганумъ ихъ осталось еще
довольно много; но вообще теперь эти хищни-
ки далеко не такъ многочисленны, какъ въ
карагенскую эпоху, когда они подстерегали
поселянъ и путешественниковъ вокругъ горо-
довъ, и когда вдоль большихъ дорогъ стояли
висѣлицы, на которыхъ распинали «царя звѣ-
рей» ¹⁾. По преданію, территория Бу-Ганемъ
прокармливала еще тысячи этихъ звѣрей, нѣ-
сколько вѣковъ тому назадъ, когда одинъ изъ
туземныхъ государей уступилъ край одному пле-
мени, подъ условіемъ, чтобы оно не употреба-
ляло въ пищу никакого другого мяса, кромѣ
львиного ²⁾. Что касается слоновъ, которые,
какъ утверждаютъ многочисленные свидѣтель-
ства, существовали въ странѣ въ первые нѣка-
мѣстной исторіи, то они исчезли вмѣстѣ съ лѣ-
сами, служившими имъ мѣстомъ обитанія: вѣ-
роятно, послѣдній былъ убитъ въ эпоху рим-
скаго владычества; уже во времена Плинія ихъ
приводили изъ областей, лежащихъ «за пусты-
нями, прилегающими къ заливамъ Сиртъ» ³⁾;
впрочемъ, одинъ испанскій писатель сообщаетъ,
по наслышкѣ, что въ концѣ шестнадцатаго сто-
лѣтія эти великаны животного царства еще
встрѣчались въ Тунисѣ. Буйволъ не былъ со-
вершенно истребленъ, какъ слонъ: сохранилось
еще нѣсколько стадъ этого животного вокругъ
озера Бизертскаго и даже на островкѣ Эшкелъ;
но въ другихъ частяхъ страны его нигдѣ не
видно. Нѣсколько представителей дикаго бара-
на живутъ еще въ южныхъ горахъ Туниса,
тогда какъ во всѣхъ другихъ массивахъ они
уже вывелись. Но, какъ и въ остальной части
западной Африки, домашняя фауна Туниса обо-
гатилась приобрѣтеніемъ драгоцѣннаго живот-
наго — верблюда: по Тиссо, верблюда сѣдлали
для западныхъ африканцевъ почти необходи-
мымъ выючнымъ животнымъ, какимъ онъ
является нынѣ, не далѣе, какъ за полторы ты-
сячи лѣтъ до нашей эпохи.

Извѣстны разсказы древнихъ писателей о
борьбѣ, которую войско Регула должно было
выдержать на берегахъ Баграды противъ змѣя
длиной около 35 метровъ: въ наши дни ни одинъ
изъ тунисскихъ гадовъ не достигаетъ даже пя-
той доли этихъ исполинскихъ размѣровъ. Чи-
сло видовъ змѣйнаго рода тоже уменьшилось,
хотя, можетъ-быть, еще не всѣ нынѣ живущіе
извѣстны, и хотя, съ другой стороны, нужно
причислить къ баснословнымъ животнымъ мно-
гихъ пресмыкающихся, которыхъ древніе ав-
торы описываютъ, какъ родившихся изъ крови

¹⁾ Полибій; — Плиній; — Гюставъ Флоберъ, "Саломбо".

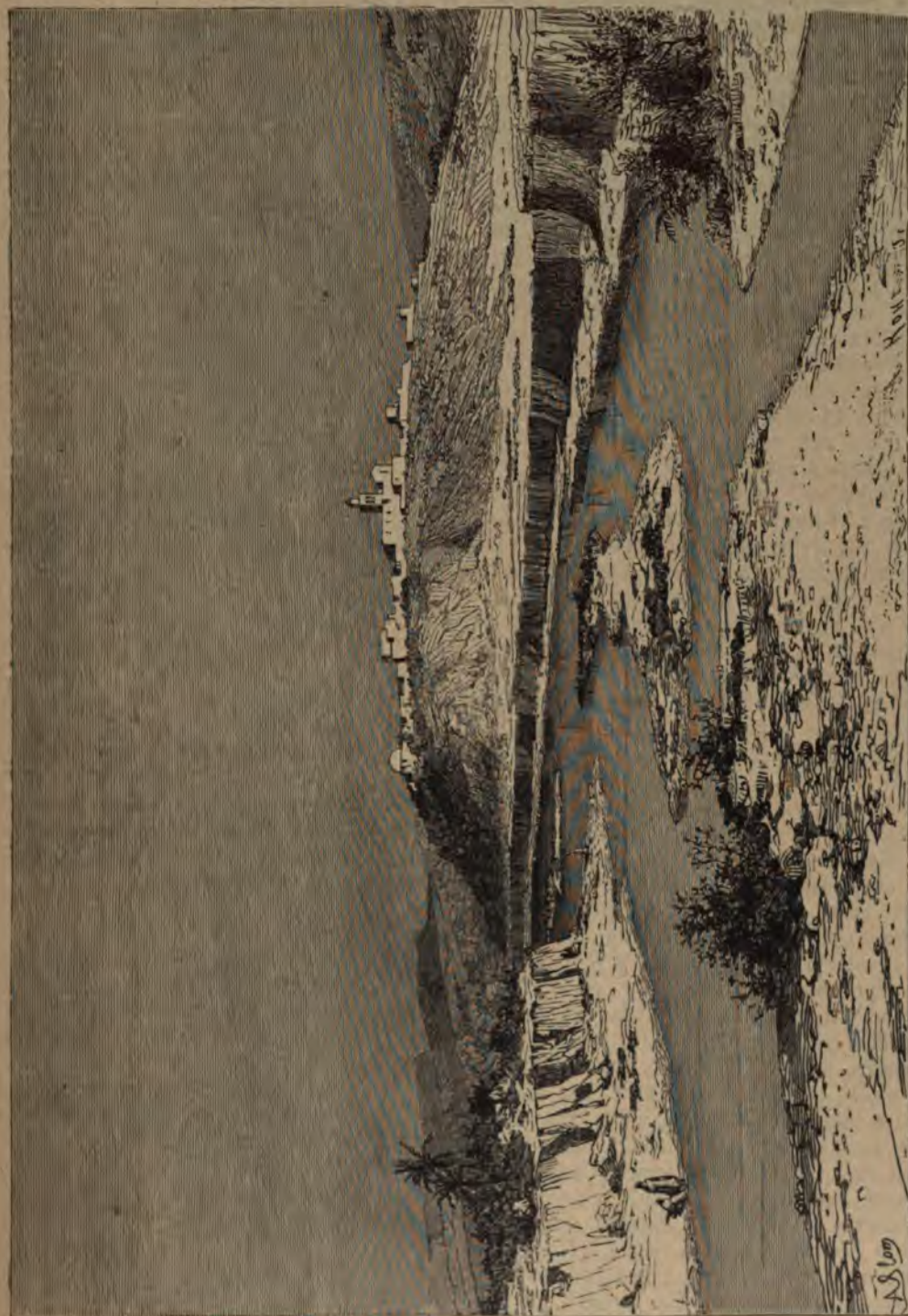
²⁾ Pellissier, цитированное сочиненіе.

³⁾ E. Desjardins, рукописныя замѣтки.

Горгона. Одна изъ наиболѣе богатыхъ змѣями областей—горы, окаймляющія тунисскую Сахару: туземцы принуждены были даже совсѣмъ покинуть джебелъ Тельджу, на сѣверо-востокѣ

ся вокругъ вѣтвей тамариска, и оттуда однимъ прыжкомъ кидается на свою добычу: это, вѣроятно, *jaculus*, «крылатый змѣй» латинскихъ авторовъ ¹⁾; новѣйшая экспедиція, подѣ на-

Меджерда.

отъ шотта Эль-Гарса, по причинѣ великаго множества водящихся тамъ гадовъ вида *tartar*. Восточнѣе, около Сфакеса, номады степей особенно боятся змѣи *zorрейга* (*echis carinata*), которая, вблизи источниковъ, обвиваетъ

частьствомъ Думета-Адансона, также открыла одинъ видъ змѣи, *бу-фтира*, наія натуралистовъ ²⁾. Другой гадъ тунисской флоры, скор-

¹⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

²⁾ „Tunis Journal“, № 26, 6 іюля 1884 г.

ионъ, очень опасенъ, гораздо опаснѣе, чѣмъ алжирскій и мароккскій: ужаленіе его часто смертельно. У туземцевъ существуетъ повѣрье, что достаточно положить на порогъ двери камешекъ извѣстнаго рода раковистаго известняка, чтобы прекратить входъ скорпионамъ; послѣдніе, будто-бы, никогда не проникаютъ въ древній амфитеатръ Эль-Джемъ, потому что онъ построенъ изъ этихъ камней. Саранча иногда прилетаетъ тучами въ тунисскій Телль и пожираетъ всѣ его посѣвы; саранча, опустошавшая Алжирію въ 1845 году, родилась, по словамъ Пелисье, въ сосѣдствѣ тунисскаго Джерида. Что касается бабочекъ различныхъ видовъ, то онѣ рѣдки въ Тунисѣ; этой прелести нашихъ полей недостаетъ полямъ сѣверной Африки, за исключеніемъ, впрочемъ, цвѣтущихъ полей въ горахъ; рѣдкость чешуекрылыхъ объясняется большимъ числомъ птицъ, которыя истребляютъ гусеницъ. Мѣстная фауна заключаетъ въ себѣ нѣсколько особенныхъ видовъ птицъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны джеридскій воробей, бу-хабиби или «отецъ дружбы», летающій среди пальмъ, съ жалобнымъ пѣніемъ, напоминающимъ пѣніе канарейки. На эту граціозную птичку, прославляемую въ народныхъ пѣсняхъ, смотрятъ какъ на добраго генія, и туземцы ревностно защищаютъ ее противъ иностранцевъ; попытки акклиматизаціи ея въ Тунисѣ не удалась¹⁾. На соляныхъ озерахъ многочисленны стаи голубыхъ и розовыхъ фламинго походить издали на солдатъ въ мундирахъ яркихъ цвѣтовъ; надъ полями кружатся тучи скворцовъ, затмевая небо.

Моря, омывающія берега Туниса, очень богаты рыбой. Вокругъ острова Джерба и архипелага Керкенна, которые въ древнихъ текстахъ описываются уже какъ «окруженные сваями», вода, довольно мелкая, раздѣлена на неправильныя перегородки рядами пальмъ, которыя качаются по волѣ волнъ и разграничиваютъ корридоры и камеры, куда рыба заходитъ во время прилива, и откуда она не можетъ выйти во время отлива. Островитяне налавливаютъ такимъ образомъ большое количество рыбы, которую они солятъ для вывоза въ города сосѣдняго побережья и даже въ Итацію; осьминоги, которыхъ ловятъ преимущественно на мели, лежащей между Сфаксомъ и островами, сушатся на солнцѣ и почти всѣ отправляются въ Грецію. Жители острововъ Джерба и Керкенна ловятъ также губокъ, либо зимней порой, при помощи длинныхъ шестовъ съ крючкомъ, которыми они водятъ по поверхности подводныхъ камней, либо лѣтомъ, проходя по мелямъ и раскапывая ихъ ногой²⁾. Воды около мыса Бенъ, менѣе богаты живот-

ной жизнью, чѣмъ воды архипелага Керкенна, посѣщаются стаями рыбы, отправляющейся изъ одного бассейна Средиземнаго моря въ другой; заколы (мадрага), установленные черезъ извѣстные промежутки вдоль берега, задерживаютъ тунцовъ, самую цѣнную изъ этихъ странствующихъ рыбъ. Бизертское озеро, которое, по словамъ легенды, сообщаемой арабскимъ писателемъ Эль-Эдризи, доставляетъ точно двѣнадцать разныхъ рыбныхъ породъ, по одной каждый мѣсяцъ,—тоже служитъ мѣстомъ обширнаго лова, преимущественно лова головлей, который производится слѣдующимъ остроумнымъ способомъ, унаслѣдованнымъ, можетъ-быть, отъ временъ пуническихъ: съ одного берега канала на другой протянута веревка, на которой скользитъ кольцо, удерживающее самку, плавающую посреди водъ; самцы собираются вокругъ этой живой приманки и во множествѣ попадаютъ въ сѣти рыбаковъ³⁾; ставятъ также поперегъ теченія загородки изъ колевъ, снабженныхъ камерами, въ которыя проникаетъ рыба, и откуда она уже не можетъ выйти⁴⁾. Наконецъ, на западномъ берегу Туниса, около мысовъ Серратъ и Негро, въ Табаркской бухтѣ, существуютъ коралловые мели, теперь оскудѣвшія, которыя продолжаютъ на западъ, и которыя еще не такъ давно привлекали сотни судовъ изъ Торредель-Греко. Ловля раковинъ, дававшихъ пурпуровую краску, оставлена со временъ римскаго господства. На берегахъ острова Джерба, какъ и на берегахъ озера Бибанъ, огромныя кучи раковинъ *murex* и *purpura*, неуступающія размѣрами подобнымъ же кучамъ, сохранившимся на берегахъ Сидона, свидѣлствуютъ о важномъ значеніи, какое имѣла некогда пурпурная промышленность въ финикійскихъ колоніяхъ Африки⁵⁾.

За областями Триполи, по большей части пустынными и представляющими, вдоль побережья, лишь небольшія гавани и узкую полосу воздѣланной земли или даже рѣдко разсѣянные оазисы, Тунисъ долженъ былъ казаться всѣмъ завоевателямъ, пришедшимъ сухимъ путемъ или высадившимся съ моря, страной желанной по преимуществу. Его рѣчной бассейнъ, первый, встрѣчаемый нами въ Африкѣ къ западу отъ египетскаго Нила, отъ котораго онъ отдѣленъ такими обширными пространствами; его плодородныя равнины; его озера и заливы, изобилующіе рыбой; его гавани, занимающія такое удобное положеніе, какъ для торговли, такъ и для военнаго господства въ бассейнѣ Средиземнаго моря,—всѣ эти выгоды, есте-

¹⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе

²⁾ J. de Crozals, „Revue de Géographie“, décembre 1881.

³⁾ H. Barth, „Wanderungen durch die Küstenländer de Mittelmeeres“.

⁴⁾ Grenville Temple, „Algiers and Tunis“.

⁵⁾ „Tunis-Journal“, 13 mars 1884

ственно, должны были привлекать къ этому краю завоевательныя націи и сдѣлать его полемъ битвы между арміями. Станціи, гдѣ разсыяны каменные орудія¹⁾, мегалиты, менгиры, дольмены, кромлехи, камни съ выдолбленнымъ круглымъ углубленіемъ, рѣдкіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Туниса, очень обыкновенные въ другихъ, напоминаютъ пребываніе населеній, имѣвшихъ либо то же происхожденіе, либо ту же религію, какъ жители Британіи, Бретани и Андалузіи. Въ началѣ писанной исторіи мы уже застаемъ финикійцевъ, поселившихся въ самомъ углу континента, откуда они могли наблюдать, съ одной стороны, за Тирренскимъ моремъ, съ другой—за водами, окружающими островъ Критъ. Затѣмъ римляне, когда достигли могущества, захотѣли, въ свою очередь, завоевать эту передовую землю Африки, безъ которой ни одно изъ ихъ владѣній на Средиземномъ морѣ—ни Сицилія, ни Сардинія, ни самая Италія—не было бы крѣпко въ ихъ рукахъ, и вотъ въ продолженіи слишкомъ сталтъ извѣстный тогда міръ быть потрясаямъ столкновеніемъ этихъ двухъ могучихъ соперниковъ; наконецъ, финикійскій городъ палъ, но чтобы возродиться городомъ римскимъ. Послѣ того вандалы, византійцы оспаривали другъ у друга эту страну, и нѣсколько послѣдовательныхъ нашествій арабовъ ввели ея жителей въ кругъ ислама. Что касается турокъ, то дѣло ихъ ограничивалось присылкой краю правителей, а вторженія европейскихъ христіанъ, при Людовикѣ IX и императорѣ Карлѣ V, были слишкомъ кратковременны, чтобы имѣть сколько-нибудь замѣтное вліяніе на тунисскую цивилизацію; правда, что морское разбойничество, часто вводя въ страну невольниковъ, должно было способствовать въ довольно значительной мѣрѣ смѣшенію населенія въ городахъ.

Древніе владѣтели края, кароагеняне и римляне, царствовавшіе тамъ по нѣскольку столѣтій и покрывшіе страну городами, крѣпостями, памятниками, не оставили въ фізіономіи ея обитателей слѣдовъ, которые можно было бы признать съ достовѣрностью, и нѣтъ никакихъ преданій, которыя связывали бы то или другое племя съ этими давними господами. Точно также ничто, ни въ физическихъ чертахъ, ни въ языкѣ и нравахъ, не напоминаетъ грековъ или вандаловъ. Единственные два этнические элемента, представленные въ краѣ, за исключеніемъ евреевъ и недавно переселившихся иностранцевъ,—это различныя группы, понимаемыя, правильно или неправильно, подъ общимъ именемъ берберовъ, и потомки арабскихъ пришельцевъ. Эти послѣдніе, судя по языку и нравственному превосходству, которое имъ даютъ традиціи завоеванія и ихъ роль

распространителей новой религіи, составляютъ по виду значительнѣйшую часть націи; но, въ дѣйствительности, народцы, которые, въ кароагенскую эпоху, составляли, подъ разными именами, основу населенія, и теперь еще являются самой многочисленной его частью, хотя они въ сильной степени смѣшаны съ другими элементами, которые скрещивались между собой и постепенно слились въ туземномъ типѣ. Древній языкъ не исчезъ совершенно. Жители острова Джербы говорятъ берберскимъ нарѣчіемъ и даже писали на немъ прежде; въ одной изъ деревень острова существуетъ книга, написанная по-берберски, вѣроятно, древними ливійскими знаками, ибо джерабинцы, какъ называютъ этихъ островитянъ, признаютъ буквы ихъ собственной азбуки въ ливійскихъ надписяхъ, которыя имъ показывали въ копіяхъ²⁾. Могущественное племя ургамма, кочующее въ мѣстностяхъ Туниса, прилегающихъ къ триполійской границѣ, также говоритъ берберскимъ діалектомъ, довольно близкимъ къ нарѣчію островитянъ; горцы Джебель-Дуирата и Джебель-Метматы, принадлежащіе къ той же «кабийской» группѣ, какъ и триполійскіе берберы Джебель-Иефрена, тоже употребляютъ этотъ идиомъ. Что же касается племени дридъ или деридъ, живущаго на сѣверѣ страны, по обѣ стороны рѣки Меджерды, относительно котораго прежде полагали, что оно сохранило берберскій говоръ,—то это предположеніе оказалось ошибочнымъ. Всѣ тунисскія племена сѣверной и центральной частей края, даже тѣ, которыя вполне сохранили свои берберскія преданія и родословную, арабизировались по языку. Впрочемъ, эти два этнические элемента такъ тѣсно сблизились, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ совместнаго существованія, что иное племя, носящее одно общее имя, состоитъ изъ различныхъ фракцій, частію берберскаго, частію арабскаго происхожденія. Такъ, хумиры, которыхъ обыкновенно считаютъ составляющими одну однородную группу, дѣлятся на самомъ дѣлѣ на нѣсколько второстепенныхъ племенъ, изъ которыхъ одно чисто-берберскаго происхожденія, тогда какъ три другія причисляютъ себя къ арабамъ; но всѣ эти племенные подраздѣленія говорятъ мавританскимъ діалектомъ. Однако, традиціонная філіація того или другаго племени не можетъ служить вѣрнымъ признакомъ чистоты его происхожденія, такъ какъ изъ поколѣнія въ поколѣніе браки могутъ значительно видоизмѣнить расу. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ сѣверномъ и среднемъ Тунисѣ скрещиванія почти смѣшали двѣ расы: арабы оберберберились, а берберы обарабились. Небольшая, относительно, высота горныхъ массивовъ и ширина долинъ, развѣтвляющихся далеко внутрь страны, облегчали это этническое смѣ-

¹⁾ Doumet Adanson, „Tunis-Journal“, № 20, 6 іюля 1884.

²⁾ Henri Duveyrier, „La Tunisie“.

шеніе, и рѣзкіе контрасты, наблюдаемые въ Алжирѣ и въ Марокко между кабилами и арабами, какъ по наружности, такъ и по нравамъ, не повторяются въ Тунисѣ. Берберскій типъ въ чистомъ видѣ встрѣчается лишь у южныхъ горцевъ и на островѣ Джерба. Тамъ, какъ и въ алжирской области Джурджура, большинство аборигеновъ имѣютъ, сравнительно съ арабами, лицо болѣе широкое и болѣе короткое, черепъ и овалъ лица менѣе правильные, волосы менѣе черные, глаза болѣе живые, улыбку болѣе добродушную, и отличаются болѣе веселымъ, болѣе увлекающимся и предприимчивымъ характеромъ ¹⁾.

Гораздо рѣзче, чѣмъ дѣленіе расъ, обозначено дѣленіе, происходящее отъ различія образа жизни. Горожане и кочевники, каково бы ни было ихъ происхожденіе, представляютъ полную противоположность другъ другу и обращаются взаимно такъ, какъ будто они принадлежатъ къ двумъ различнымъ народностямъ. По приблизительнымъ народнымъ переписямъ, населеніе Туниса дѣлится почти поровну между «людьми дома» и «людьми шатра». Въ сѣверныхъ областяхъ, кочевыя племена, окруженные со всѣхъ сторонъ городами, деревнями и воздѣланными землями, располагаютъ лишь незначительнымъ пространствомъ для кочевокъ, тогда какъ на югѣ передъ ними открыты обширныя степи, гдѣ они могутъ на просторѣ выбирать любое мѣсто для своихъ становищъ. Впрочемъ, во всѣхъ частяхъ Туниса живутъ семьи полу-осѣдлыя, полу-кочевыя, то воздѣлывающія свое поле въ долинѣ, то слѣдующія за своими стадами на горныя пастбища. Голодовки, междоусобія, войны часто раздѣляютъ племена и раскидываютъ группы ихъ на сотни верстъ одну отъ другой. Не проходитъ поколѣнія безъ того, чтобы не случались эти «исходы», подобные тѣмъ, о которыхъ намъ рассказываютъ исторія и мѣстные преданія. Такъ, дриды или дериды, всюду сопровождавшіе «военнаго бея» въ качествѣ сборщиковъ податей, разсыпались въ разныхъ частяхъ Туниса, по обѣ стороны рѣки Меджерды, а племя улад-сиди-абидъ, сосѣднее съ племенемъ беджа, на сѣверѣ, послало одинъ изъ своихъ роевъ въ оазисъ Нафта, близъ шотта эль-Джеридъ. Дедмаки или тадемаки, одно изъ племенъ группы хумировъ, суть, по Дюверье, братья кель-тадемекетовъ, вошедшихъ теперь въ составъ союза гуареговъ ауэлиниденъ, на берегахъ Нигера ²⁾, и всѣ другіе хумиры, даже тѣ, которые называютъ себя арабами, пришли съ юга и съ запада, нѣсколько вѣковъ тому назадъ ³⁾. Наконецъ, что такое земледѣльцы тарабельси въ

окрестностяхъ Туниса, если не потомки выходцевъ изъ Триполи, какъ показываетъ ихъ имя? Съ другой стороны, по общераспространенному въ странѣ преданію, мальтійцы, эти островные арабы, сдѣлавшіеся такими ревностными католиками, суть единоплеменники улад-сандовъ, кочующихъ въ окрестностяхъ Сузы ⁴⁾.

Еще въ недавнюю эпоху много номадовъ жили войной и грабежомъ, или какъ солдаты бея, или какъ разбойники. Кочевники племени ургамма, на триполійской границѣ, въ числѣ 30.000 душъ, что представляетъ вооруженную силу по меньшей мѣрѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ человекъ, были освобождены отъ всякой дань по той простой причинѣ, что они не согласились бы платить ее; но имъ официально поручено было защищать пограничную область противъ иноземныхъ грабителей, и подъ предлогомъ исполненія этой обязанности, они врывались въ кочевья сопредѣльных племенъ, убивали мужчинъ, захватывали женщинъ, дѣтей, животныхъ, съѣстные припасы. Ургамские войны, гордившіеся своими кровавыми подвигами, имѣли привычку дѣлать наѣзку на дулъ своего ружья для каждаго убитаго ими непріятеля: показываютъ подобныя ружья, сплошь исчерченныя наѣзками, отъ курка до отверстія дула ⁵⁾. Туземцы племени ханенша въ Кала-э-Сенамъ, хорошо защищенные въ своей горной крѣпости, питали такую ненависть къ солдатамъ бея, что когда тѣ являлись требовать подати, то имъ бросали въ высоты скалъ дохлую собаку, съ насмѣшливыми криками: «вотъ дань бею!» ⁶⁾. Номады племени гамамма, кочующіе по степямъ въ окрестностяхъ Гафсы, выдавали себя за вѣрныхъ подданныхъ бея, но только для того, чтобы грабить его именемъ. Каждаго ребенка мужескаго пола, въ самый день его рожденія, отецъ клалъ на осѣдланную лошадь и привѣтствовалъ новорожденного двумя стихами: «Сѣдло и узда,—и жизнь по исламу!» Это означало, что ребенокъ не получитъ другаго наслѣдства, кромѣ коня и оружія; онъ самъ долженъ будетъ добывать себѣ хлѣбъ насущный, обирая своихъ братьевъ-мусульманъ, населяющихъ обширный міръ ислама ⁷⁾. Въ настоящее время сыновья бандитовъ, не имѣя болѣе возможности снискивать себѣ пропитаніе грабежомъ, эмигрируютъ въ города, преимущественно въ Бону и Тунисъ, гдѣ работаютъ въ качествѣ носильщиковъ. Путешественникъ, проѣзжая по землямъ племени ургамма, съ удивленіемъ встрѣчаетъ подъ шатрами номадовъ, говорящихъ по-французски: это разбогатѣвшіе эмигранты, вернувшіеся на родину.

¹⁾ P. Topinard, «Instructions sur l'Anthropologie de l'Algérie».

²⁾ Henri Duveyrier, «La Tunisie».

³⁾ Letourneux, рукописныя замѣтки;—Playfair, «Travels in the footstep of Bruce».

⁴⁾ Pellissier, цитируемое сочиненіе;—O. Mac Carthy, рукописныя замѣтки.

⁵⁾ Henri Duveyrier, цитируемое сочиненіе;—P. Zaccane, «Notes sur la Régence de Tunis».

⁶⁾ O. Mac Carthy, рукописныя замѣтки.

⁷⁾ Henri Duveyrier, цитируемое сочиненіе.

До занятія Туниса французскими войсками, сильно измѣнившіаго составъ партій, туземцы всей страны дѣлились на два враждебныхъ *софа*, или союза, которые, впрочемъ, часто мѣнялись, смотря по распредѣленію налоговъ и вымогательствамъ кади ¹⁾. Изъ этихъ двухъ большихъ партій, одна, *асхимин*, называла себя партіей *бея*: въ центральномъ Тунисѣ она была представлена главнымъ образомъ многочисленнымъ племенемъ *гамамма*, тогда какъ племя *бени-зидъ* стояло во главѣ партіи *башіевъ* или независимыхъ арабовъ; послѣдніе приписываютъ себѣ происхождение отъ одного французскаго ренегата и на этомъ основаніи хорошо приняли путешественника *Пелисье*, величая его «кузиномъ». Племена *уладъ-айаръ* изъ *Кефа*, *зласъ* изъ *Кайруана*, *нефетъ* изъ *Бу-Гедма*, *ургамма*, *аккара* изъ пограничной съ Триполи области были въ союзѣ съ племенемъ *гамамма*, тогда какъ племена *металитъ* изъ *Сфакса*, *суасъ* изъ *Сузы*, *маджеръ*, *фрашишъ* съ алжирской границы, *газемъ* изъ *Габеса* принадлежали къ числу *бедуиновъ*, не признававшихъ надъ собой никакой власти. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, *бени-зиды* смѣлымъ нападеніемъ овладѣли *касбой* *Сфакса* и выпустили на волю всѣхъ арестантовъ своего *софа*, которыхъ правительство *бея* заключило въ эту крѣпость. *Магадебы*, живущіе на побережьи между *Сфаксомъ* и *Малымъ Сиртомъ*, пользуются, какъ *марабутское племя*, всеобщимъ уваженіемъ: *бей* освободилъ ихъ отъ податей, подъ условіемъ, чтобы они давали у себя пріютъ проходящимъ караванамъ. Что касается *нефзауевъ*, обитающихъ на полуостровѣ того же имени, между шоттами *Эль-Джеридъ* и *Эль-Феджеджъ*, то они раздѣлены между двумя *софами*. Племена, принадлежавшія къ независимому *софу*, пытались-было оказать сопротивленіе французамъ, но послѣ нѣсколькихъ стычекъ, бѣжали на триполійскую территорію. Эти бѣглецы, въ числѣ около тридцати тысячъ человѣкъ, съ трудомъ находили себѣ пропитаніе у южныхъ племенъ, и большинство ихъ вернулись просить мира. Предводитель этого возстанія былъ изъ племени *нефетъ*.

У арабовъ, жителей городовъ, которыхъ очень часто называютъ *маврами*, какъ и ихъ соплеменниковъ въ городахъ *Алжиріи* и *Марокко*, образовавшіе ихъ различные этническіе элементы такъ тѣсно слились, что теперь невозможно ихъ распознать. Даже *мавры*, изгнанные изъ *Испаніи*, одни въ пятнадцатомъ, другіе въ началѣ семнадцатаго столѣтія, и которыми были указаны для жительства особые кварталы и отведены точно опредѣленные участки пахотной земли въ окрестностяхъ городовъ, оставили по себѣ лишь въ немногихъ мѣстахъ

потомство, которое можно отличить отъ другихъ горожанъ арабскаго происхожденія ¹⁾. Только нѣсколько благородныхъ фамилій, тщателью сохранившихъ свою генеалогію или даже хранящихъ ключи своего севильскаго или гренадскаго дома, продолжаютъ называться *андулосами* или *андалосами*, то-есть «*андалузцами*». Кромѣ того, указываютъ нѣсколько городовъ и деревень, гдѣ есть рабочіе родомъ изъ *Испаніи*, занимающіеся какимъ-либо специальнымъ промысломъ, и которымъ традиціи ремесла позволили сохранить память о происхожденіи: искусные садовники *Тестура* и *Тебурбы*, на нижней *Меджердѣ*, знаютъ, что отцы ихъ жили на берегахъ *Хениля* и *Гвадалквивира*; въ *Небелѣ*, на восточномъ берегу, *гончары* сохранили имя *андалузцевъ* и хранятъ, какъ святыню, передаваемые изъ рода въ родъ сосуды, привезенные изъ *Малаги* ихъ предками. Во время путешествія *Пейсонеля*, сто лѣтъ спустя послѣ ихъ изгнанія съ *Иберійскаго* полуострова, они еще говорили *испанскимъ* языкомъ и одѣвались по старинной *андалузской* модѣ. Въ составъ «*маврскаго*» населенія *Туниса* входитъ также извѣстная доля *ренегатовъ* всякой національности, ввезенныхъ, въ видѣ живаго товара, въ эпоху торга невольниками.

Жители городовъ, особенно *туниси* или *уладъ-туне*, то-есть «*дѣти Туниса*», имѣютъ цвѣтъ лица гораздо болѣе свѣтлый, чѣмъ кочевыя племена; только у немногихъ лицо смуглое; оттѣнкомъ кожи они походятъ на *испанцевъ* и южныхъ *итальянцевъ*. Лицо у нихъ вообще овальное, носъ длинный, брови густыя, борода черная, какъ смоль, и довольно рѣдкая; роста они средняго, стройныя, граціозныя, отличаются благородствомъ движеній; у нихъ не замѣчается той худобы икръ, которая бросается въ глаза у *семитовъ Аравійскаго* полуострова; также какъ у *индусовъ*, и между ними не встрѣчаются субъекты, которые бы походили дородностью на своихъ согражданъ, *испанскихъ евреевъ*. Большинство *тунисцевъ* религіозны, но безъ всякаго фанатизма; они вообще серьезны, степенны, доброжелательны, и какъ бы ни были испорчены *торгашествомъ*, они все-таки, въ среднемъ, честиѣ своихъ соперниковъ изъ *израильтянъ* и *христіанъ*; во времена морскаго разбойничества и невольничества *тунисскіе* рабовладѣльцы славились своимъ хорошимъ обращеніемъ съ плѣнными ²⁾; вѣроятно, «*плѣнные дѣвы изъ Туниса и Бизерты*», прившія шерсть въ жилищахъ *христіанскихъ пиратовъ*, были менѣе счастливы, чѣмъ *христіанскіе плѣнники*, попавшія въ руки *тунисцевъ* ³⁾. Между *тунисцами*, если исключить *купцовъ*, мало та-

¹⁾ Rabatel et Tirant, «*Tour du Monde*», 1875, 1 semestre; — P. Zaccane, цитированное сочиненіе.

¹⁾ H. von Maltzan, «*Reise in den Regenschäften Tunis und Tripolis*».

²⁾ Poyssonnel et Desfontaines, «*Voyages dans les régences de Tunis et d'Alger*».

³⁾ Malherbe; — «*Revue de Géographie*», janvier 1883.

кихъ, которые, слѣдуя примѣру Магомета, имѣютъ болѣе одной супруги за разъ. По своему искусству въ ремеслахъ, хорошему вкусу, коммерческой смѣлливости, наконецъ по своей относительной образованности и начитанности, но не по нравственности, тунисцы считаются стоящими выше всѣхъ другихъ мавровъ. До турецкаго господства, когда южныя племена, расположившія свои становища на большихъ торговыхъ дорогахъ, не предавались разбойничеству, — Тунисъ былъ главнымъ вывознымъ рынкомъ для населенія Судана; негры на берегахъ Нигера и озера Чаде не находили никакой товаръ достойнымъ восхищенія, если онъ не былъ сфабрикованъ тунисцемъ. «Тунисъ изобрѣтаетъ, Алжиръ отдѣливаетъ, Оранъ портитъ», гласитъ арабская пословица, цитируемая Теофиломъ Готье; но по физической энергіи и увлеченію въ работѣ упомянутыя народности располагаются въ обратномъ порядкѣ: триполійскіе африканцы — самые плохіе работники, тунисскіе получше, хотя не такъ хороши, какъ алжирцы, которые, въ свою очередь, уступаютъ мароканцамъ ¹⁾.

Турецкій элементъ въ Тунисѣ, представленный нѣкогда беями и янычарами, давно уже пересталъ пополняться новобранцами, и теперь тамъ уже не увидишь настоящихъ турокъ: чрезъ браки османлисы, въ томъ числѣ и бейская фамилія, всѣ сдѣлались кулуглисами и расторяются мало-по-малу въ господствующей расѣ арабскихъ «мавровъ»; малекитское вѣроисповѣданіе, къ которому они принадлежали, постепенно замѣняется ганефитской обрядностью, которой придерживается огромное большинство мавританскихъ мусульманъ. Расколъ имѣетъ, однако, многочисленныхъ послѣдователей въ тунисскихъ городахъ. Бени-мзабы, которые регулярно ходятъ въ Тунисъ на заработки, въ качествѣ продавцовъ угля и банныхъ истопниковъ, всѣ хареджиты или «диссиденты»; ихъ называютъ также «людьми пятой» (вѣры), въ томъ смыслѣ, что они не находятся въ донѣ ни одной изъ четырехъ правовѣрныхъ сектъ. Джерабинцы — тоже «пятой» вѣры и ибадитскаго исповѣданія, какъ бени-мзабы и берберы Джебель-Нефусы, съ которыми они сходятствуютъ обычаями и повѣрыми: они носятъ шенію, шерстяную гандуру, вышитую, какъ коверъ, узорами яркихъ цвѣтовъ, считаютъ кошку поганой и боятся хамелеона. Правила культа обязываютъ ихъ снимать шаровары во время молитвы ²⁾. Правовѣрные религіозныя братства представлены въ Тунисѣ главнымъ образомъ тиджаніями, маданиями, анссауами, и во многихъ племенахъ есть почитаемыя семьи, состоящія изъ шорфовъ, или «сыновъ Пророка». Вообще въ городахъ болѣе фаватизма, чѣмъ въ де-

ревняхъ, у осѣдлыхъ жителей болѣе, чѣмъ у кочевниковъ. Причина тому, говоритъ Целисье, въ системѣ образованія, господствовавшей въ мусульманскомъ мірѣ: «самые большіе грамотеи — самые глупые люди». При томъ, въ краѣ сохранились многія повѣрья, предшествующія введенію ислама. Туземцы до сихъ поръ еще вѣшаютъ лоскутки шерстяной матеріи на извѣстныя деревья, указываемыя преданіемъ; они очень боятся дурнаго глаза и защищаютъ свои жилища знакомъ пяти пальцевъ, такъ какъ число пять — символъ рыбы — считается особенно благоприятнымъ. Отецъ многочисленнаго семейства всегда скажетъ: «у меня пятеро дѣтей», хотя бы ихъ было гораздо больше; онъ боится произнести другое число, какъ могущее имѣть менѣе счастливое или даже пагубное вліяніе. Во время засухъ туземцы прибѣгаютъ къ заклинаніямъ и колдовству, чтобы открыть «ворота тучъ»; когда дождь слишкомъ долго не приходитъ, и посѣвамъ ихъ грозитъ серьезная опасность, они схватываютъ свой кайдъ и, обмакнувъ его въ фонтанъ, спускаютъ съ конца капли воды себѣ на бороду: «это ихъ манера совершать молебствіе», замѣчаетъ путешественникъ Беле.

Пропорціонально магометанскому населенію, евреи болѣе многочисленны въ Тунисскомъ регенствѣ, чѣмъ въ Алжиріи. Они образуютъ значительныя общины не только въ столицѣ страны, но также въ другихъ городахъ побережья и на островѣ Джерба. Между этими сынами Израиля многіе ведутъ свой родъ отъ евреевъ, поселившихся въ краѣ до арабскаго завоеванія, и даже, можетъ-быть, въ этихъ семействахъ, еще недавно такъ презираемыхъ, отыскались бы кое-какіе остатки древнихъ властителей страны, караагянъ. Евреи, изгнанные изъ Испаніи и Португаліи, равно какъ всѣ тѣ, которые эмигрировали въ теченіе послѣднихъ столѣтій, извѣстны вообще подъ именемъ «грана», то-есть ливорнцевъ, потому что Гурна, или Ливорно, былъ главнымъ рынкомъ іудеевъ, изгнанныхъ съ Иберійскаго полуострова ³⁾. Эти «ливорняцы», поставившіе себя подъ покровительство итальянскаго консула или другихъ представителей иностранныхъ державъ, рѣдко имѣли поводъ жаловаться на тунисцевъ, тогда какъ «старые евреи» были лишены всякой законной защиты противъ дѣлаемыхъ имъ притѣсненій или вымогательствъ. Очень большое число семействъ вынуждены были отречься отъ своей вѣры, чтобы избѣгнуть преслѣдованія, и хотя эти еврей-мусульмане охотно вступаютъ въ общеніе со своими бывшими единовѣрцами, они остались въ донѣ ислама. Есть также евреи, культъ которыхъ существенно измѣнился; таковы, напр., израильтяне острова Джерба, ко-

¹⁾ Beule; — Barth; — Maltzan etc.

²⁾ Maltzan; — Bordier, рукописныя замѣтки.

³⁾ H. von Maltzan, цитированное сочиненіе; — Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

торые почитаютъ святыхъ и мусульманскихъ марабутовъ. Еще въ 1868 году семнадцать чело-вѣкъ тунисскихъ евреевъ были умерщвлены безнаказанно, и никто не осмѣлился заикнуться о судебномъ преслѣдованіи убійцъ. Въ прежнее время особый головной уборъ отличалъ безправныхъ евреевъ отъ тѣхъ, которыхъ не смѣли трогать безъ позволенія консуловъ. По странной превратности судьбы, большинство испанскихъ евреевъ Тунисскаго регенства, помня, что ихъ предки жили на Пиренейскомъ полуостровѣ, заявили свои права по происхож-

на арабскомъ языкѣ, и при томъ, говорить Мальцанъ, воззваніе, всего чаще произносимое и единственное, которое повторяютъ женщины: эта древняя молитва проситъ Господа «распространить свой гнѣвъ на Испанію, равно какъ на Измаиль, на Кедаръ и на Эдомъ», — три имени, которыя въ фигуральномъ смыслѣ означаютъ арабовъ, магометанъ всякой расы и христіанъ. Несмотря на эти моленія, обращенныя къ Богу Мстителю, тунисскіе евреи отличаются очень мирнымъ нравомъ; они, кажется, также не вполнѣ заслуживаютъ репута-

Тунисская еврейка.

денію, чтобы, въ качествѣ иностранныхъ подданныхъ, поставить себя подъ покровительство страны своихъ бывшихъ преслѣдователей. Точно также, до присоединенія Туниса къ французскимъ владѣніямъ, многіе эмигранты, покинувшіе Алжирію, чтобы не покориться ненавистнымъ завоевателямъ, называли себя алжирцами, чтобы найти поддержку у французскаго консула противъ правительства бея.

Всѣ тунисскіе евреи, какъ уроженцы края, такъ и пришельцы извнѣ, придерживаются испанской обрядности: читаютъ Пятикнижіе и произносятъ свои молитвы на еврейскомъ языкѣ; но одно изъ воззваній къ Богу составлено

цію жадныхъ, которая имъ приписывается наравнѣ со всѣми ихъ единовѣрцами, но они очень ловко пользуются всякимъ представляющимъ случаемъ практиковать какой-нибудь новый промыселъ. Число ихъ быстро возрастаетъ вслѣдствіе перевѣса рождаемости надъ смертностью; они давно уже перешли за черту тунисской «гары», или *гетто*, гдѣ были интернированы, и теперь распространяются во всѣхъ кварталахъ города; нѣкоторыя части базара были совершенно отвоеваны ими у арабовъ, лавка за лавкой. Въ настоящее время ихъ уже не всегда узнаешь по костюму, такъ какъ законъ, воспрещавшій имъ одѣваться по-мусуль-

мански, не существует болѣе, и многіе изъ нихъ носятъ европейское платье; но ихъ легко отличить по физіономіи, по походкѣ и часто также по породности, такъ какъ испанскіе евреи Туниса имѣютъ необыкновенную склонность толстѣть. Еще недавно молодыя дѣвушки были специально подвергаемы откармливанію; искусство помогало природѣ въ сообщеніи имъ тучности. Прежде, чѣмъ быть признанными обладающими достаточной полнотой, молодыя дѣвушки должны были имѣть ноги и руки довольно толстыя, чтобы удерживать кольца и браслеты, которые носили ихъ матери ¹⁾. Въ то время, какъ почти во всемъ свѣтѣ евреи выгодно отличаются отъ другихъ этническихъ элементовъ относительной чистотой нравовъ, тунисскіе потомки Израиля составляютъ контрастъ съ другими жителями нравственной распущенности: мѣстная проституція пополняетъ свои ряды преимущественно еврейками.

Подобно евреямъ, тунисскіе европейцы дѣлятся на два класса: на купеческіе роды, издавна поселившіеся въ краѣ, и на свѣжихъ иммигрантовъ, которые еще смотрятъ на себя какъ на иностранцевъ. Классъ «старыхъ тунисцевъ», къ которому принадлежитъ нѣсколько сотъ французскихъ и итальянскихъ семействъ, еще недавно составлялъ какъ бы отдѣльную націю въ государствѣ, подобно левантийцамъ Константинополя и Смирны. Ихъ національность давала имъ особыя привилегіи, которыми они гордились; сплоченные вокругъ своихъ консуловъ, они избѣгали притѣсненій и вымогательствъ, которымъ подвергались туземцы, и должны были, вслѣдствіе того, испытывать коллективную гордость, привязывавшую ихъ къ родинѣ; но духомъ и нравами они значительно отличаются отъ своихъ заморскихъ соотечественниковъ. Подъ этими купеческими родами патрицевъ копошится толпа простыхъ пришельцевъ, иммигрантовъ-продетаріевъ, состоящихъ подъ покровительствомъ иностранныхъ державъ. Англійскій консулъ могъ бы собрать вокругъ себя такую массу этихъ протеже, что изъ нихъ сформировалась бы цѣлая армія, ибо мальтійцы составляютъ самую многочисленную группу между европейцами, живущими въ Тунисскомъ регентствѣ, если только можно назвать европейцами арабовъ римско-католическаго вѣроисповѣданія. Сосѣдство архипелага, лежащаго всего въ двадцати часахъ отъ Тунисскаго порта, позволяетъ даже самымъ бѣднымъ уроженцамъ Мальты отправиться попытать счастья на африканскомъ континентѣ, гдѣ они водворяются въ качествѣ носильщиковъ, лодочниковъ, мелкихъ торговцевъ, харчевниковъ, садовниковъ; нѣкоторыя улицы Туниса заняты исключительно мальтійцами, и даже на самыхъ отдаленныхъ отъ столицы дорогахъ, на опас-

ныхъ горныхъ тропинкахъ можно встрѣтить mercanti мальтійскаго происхожденія, странствующихъ пѣшкомъ съ женой и дѣтьми, въ сопровожденіи лошади, нагруженной разными матеріями и другими товарами. Сицилійцы, калабрийцы тоже составляютъ значительную группу населенія, къ которой нужно прибавить постоянно возрастающую колонію, сѣверныхъ итальянцевъ.

Иностранная колонія въ Тунисѣ въ 1891 г. распределялась, по національностямъ, слѣдующимъ образомъ:

Итальянцевъ—22.000, англо-мальтійцевъ—9.000, французовъ—19.647, другихъ иностранцевъ (грековъ, швейцарцевъ, австрійцевъ и пр.)—2.000.

Присоединеніе Тунисскаго регентства къ Франціи естественно имѣло слѣдствіемъ значительное возрастаніе числа французскихъ иммигрантовъ, которые селятся теперь уже не только въ Тунисѣ и другихъ приморскихъ городахъ: желѣзная дорога, перерѣзывающая всю страну съ востока на западъ, телеграфныя станціи, разбѣянные по территоріи, лагеря и крѣпостцы, занимающіе стратегическіе пункты, земли, покупаемыя для культуры винограда и маслины,—привлекаютъ во внутреннія мѣстности постоянно возрастающее число французовъ, чиновниковъ и служащихъ, купцовъ, спекуляторовъ или работниковъ всякаго рода, и «французы» же африканскаго происхожденія, то-есть кабилы, приходятъ на временный заработокъ, въ качествѣ косцовъ и жнецовъ. Французское населеніе регентства, по переписи 29 ноября 1896 г., состояло изъ 26.678 человекъ, въ томъ числѣ 10.144 военныхъ. Экономическое завоеваніе Тунисскаго регентства идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ шло подобное же завоеваніе Алжира: на нашихъ глазахъ, страна, такъ долго отдѣленная отъ Европы и связанная своими историческими судьбами съ азіатскимъ міромъ, снова занимаетъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря то мѣсто, которое ей указано природой и рельефомъ почвы, климатомъ и естественными произведеніями.

IV.

Эль-Бибанъ, пограничное мѣстечко, близъ триполійскаго берега, могло бы имѣть нѣкоторую важность, стратегическую или торговую, если бы два пролива, которыми оно командуетъ, у входа въ «озеро Воротъ», Багиретъ-эль-Бибанъ, позволяли большимъ судамъ проникать въ этотъ обширный бассейнъ; но по причинѣ недоступности проливовъ, теперь едва лишь нѣсколько рыбачьихъ барокъ бросаютъ якорь передъ фортомъ; торговое движеніе, впрочемъ, очень слабое, направилось на сѣверо-западъ къ рейду Зарзиса, или Джерджиса, города, состоящаго изъ пяти отдѣльныхъ деревень, раз-

¹⁾ Maggil;—de Flaux, etc.

сѣянныхъ среди пальмовыхъ и масличныхъ рощъ и полей, засѣянныхъ пшеницей. Эта область нѣкогда была такъ плодородна, что, по мѣстной легендѣ, каналъ, вырытый въ окрестностяхъ Зіана, или Медиветъ-Зіана, внутренняго города, теперь лежащаго въ развалинахъ, приносилъ въ портъ Зарзисъ цѣлый потокъ оливковаго масла, которое туземцы собирали въ боченки, чтобы грузить на корабли, но эта масляная рѣка давно уже изсякла, благодаря окрестнымъ бедуинамъ-грабителямъ, племень аккара и ургамма, вырубившимъ лѣса¹⁾.

ружнымъ видомъ походить на утесы, въ которыхъ овальныя отверстія, сдѣланныя на разныхъ высотахъ, изображаютъ входы гротовъ. При помощи наружныхъ лѣстницъ, грубо высѣченныхъ въ камнѣ, обитатели собираются въ эти искусственныя пещеры, имѣющія до пяти и даже до шести этажей. Въ сосѣднихъ горахъ, преимущественно въ горахъ Метмата, многочисленныя жилища, вырытыя въ пластахъ мягкаго известняка, напоминаютъ жилища триполійскихъ троглодитовъ. Пещеры, служащія жильемъ для людей и хлѣвомъ для

Жилища въ Касръ-эль-Муденинъ.

Недавно въ руинахъ Зіана найдены античныя статуи, римскія надписи и другіе драгоценные предметы. По Барту, въ этой части морскаго берега, между Триполи и островомъ Джерба, нѣкогда жили въ большомъ числѣ коптскіе колонисты²⁾.

На западѣ, города Метамеръ и Касръ-эль-Муденинъ, населенные отдѣлами племени ургамма, стоятъ посреди равнины, на укрѣпленныхъ горкахъ; до занятія Тунисскаго регентства французами касръ, или замокъ, Эль-Муденинъ выдержалъ осаду противъ арміи бей. Въ этихъ городахъ можно наблюдать переходъ отъ пещерной архитектуры къ архитектурѣ домовъ въ собственномъ смыслѣ. Постройки на

животныхъ, вырыты по бокамъ на днѣ открытой шахты съ вертикальными стѣнками, но со двора къ поверхности вѣтшей почвы поднимается полого корридоръ, запираемый снаружидверью. Въ окрестныхъ равнинахъ тоже встрѣчаются большія подземныя камеры, въ родѣ тѣхъ, какія выкапывали себѣ галлы, и какія до сихъ поръ еще въ употребленіи въ землѣ сѣверныхъ галласовъ: туда, безъ сомнѣнія, туземцы прятались, чтобы не быть замѣченными непріятелемъ, проходившимъ по странѣ³⁾. Въ той же области Тунисскаго регентства найдены надгробныя памятники въ формѣ усѣченныхъ пирамидъ, помѣщенные внутри ограды изъ колевъ или круга изъ менгировъ или другихъ мегалитовъ.

Островъ Джерба, пространствомъ около

¹⁾ V. Guérin, „Voyage archéologique dans la régence de Tunis“.

²⁾ „Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres“.

³⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

64.000 гектаровъ (58.000 десятинъ),—самая населенная земля въ Тунисскомъ регентствѣ; пропорціонально протяженію, онъ еще недавно былъ почти такъ же густо населенъ, какъ Франція, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ холера похитила много жертвъ. Его 40.000 жителей смотрятъ на свой островъ какъ на одинъ большой городъ, такъ какъ всѣ значительныя группы домовъ, защищенныя фортами испанской конструкціи, обозначаются именемъ *хумтъ*, или «кварталь». Большинство джербинцевъ живутъ небольшими поселками или отдѣльными дворами, огороженными заборомъ. Весь островъ воздѣланъ, и хотя вода для орошенія получается только изъ колодцевъ и цистернъ, онъ необычайно плодороденъ, благодаря упорному труду неутомимыхъ береберовъ, обрабатывающихъ его почву. Тамашнія оливковыя плантаціи считаются лучшими во всей странѣ, и джербинское масло цѣнится гораздо выше производимаго на материкѣ. Другіе плоды фруктовыхъ садовъ, абрикосы, гранаты, винныя ягоды, миндаль, тоже превосходны, а виноградъ, культивируемый преимущественно евреями, даетъ золотистое вино, которое сравниваютъ съ винами Самоса и Санторина. Куны пальмъ, разсыяныя среди садовъ, усажены вѣтками финиковъ, которые, хотя лучше керкенскихъ, но много уступаютъ беледъ-эль-джеридскимъ: оттого эти деревья часто употребляются для производства пальмоваго вина, которое получается при помощи надрѣзовъ, дѣлаемыхъ на оконечности ствола. Земледѣіе, при всемъ трудолюбіи джербинцевъ, недостаточно для прокормленія всего населенія; прибрежные жители занимаются ловлей рыбы, осьминоговъ, губокъ; кромѣ того, гончары мастерятъ особаго рода посуду, сообщая ей бѣлый тонъ посредствомъ погруженія въ морскую воду; многочисленные ткачи, работающіе у себя на дому, выдѣлываютъ одѣяла и разныя матеріи, шелковыя, шерстяныя и бумажныя, которыя высоко цѣнятся на тунисскомъ базарѣ и вывозятся далеко за предѣлы страны, даже на рынки королевства Борну⁴⁾. Молодые люди съ острова Джерба массами уходятъ на заработки въ большіе города Тунисскаго и Триполійскаго регентствъ, подобно своимъ единовѣрцамъ-диссидентамъ, бени-мзабамъ; ихъ можно встрѣтить повсюду, даже на отдаленныхъ рынкахъ внутренней Африки, также какъ въ Константинополѣ и въ Египтѣ. Однако, мальтійцы являются уже ихъ конкурентами на самомъ островѣ: въ 1860 г. насчитывалось до трехсотъ этихъ пришельцевъ въ главномъ мѣстечкѣ Джербы.

Древняя столица, носившая имя Менинсъ, какъ и весь островъ, была расположена на бе-

регу восточнаго пролива, противъ твердой земли: отсюда начинался мостъ, соединяющій островъ съ континентомъ Африки. Стѣны этого большого города, еще примѣтныя, имѣютъ пять километровъ въ окружности. Во всѣхъ частяхъ острова, который въ римскую эпоху былъ дачнымъ мѣстомъ для богатыхъ купцовъ Бизацены, находятъ и другія развалины городовъ и виллъ, но нигдѣ не сохранились остатки зданій, замѣчательныхъ своей архитектурой. На мѣстѣ древняго Менинкса теперь видѣется лишь одинъ изъ тѣхъ «борджей», или старыхъ крѣпкихъ замковъ, какіе разсыяны по всей окружности острова; единственный «хумтъ», на южномъ берегу, заслуживающій имени города, — Аджимъ, построенный недалеко отъ западнаго пролива, черезъ который проходитъ суда. Нынѣшняя столица Джербы лежитъ на сѣверномъ берегу, въ мѣстѣ мало благоприятномъ для торговли, такъ какъ большія суда не могутъ тамъ приставать и бросаютъ якорь въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега. Этотъ городъ, или вѣрнѣе собраніе разбросанныхъ жилищъ, сборный пунктъ всѣхъ джербинскихъ купцовъ, не имѣетъ другаго имени, кромѣ имени «Рынокъ»: это хумтъ Сукъ, или Сукъ-эль-Кебиръ. Евреи, очень многочисленные, единственные жители, сгруппированные въ одинъ сплошной кварталъ, живутъ въ грязныхъ, вонючихъ лачугахъ, обвѣшанныхъ разнымъ тряпьемъ; они утверждаютъ, что предки ихъ пришли на этотъ островъ во времена вавилонскаго плѣненія. Въ центрѣ католическаго кладбища одна колонна напоминаетъ старинный борджъ Ріусъ, или «замокъ Головъ», пирамиду изъ человѣческихъ костей, которую турки воздвигли въ 1560 году, складывая въ кучу черепа павшихъ въ битвѣ испанцевъ. Въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія тунисское правительство велѣло убрать этотъ костникъ, въ знакъ международной вѣжливости.

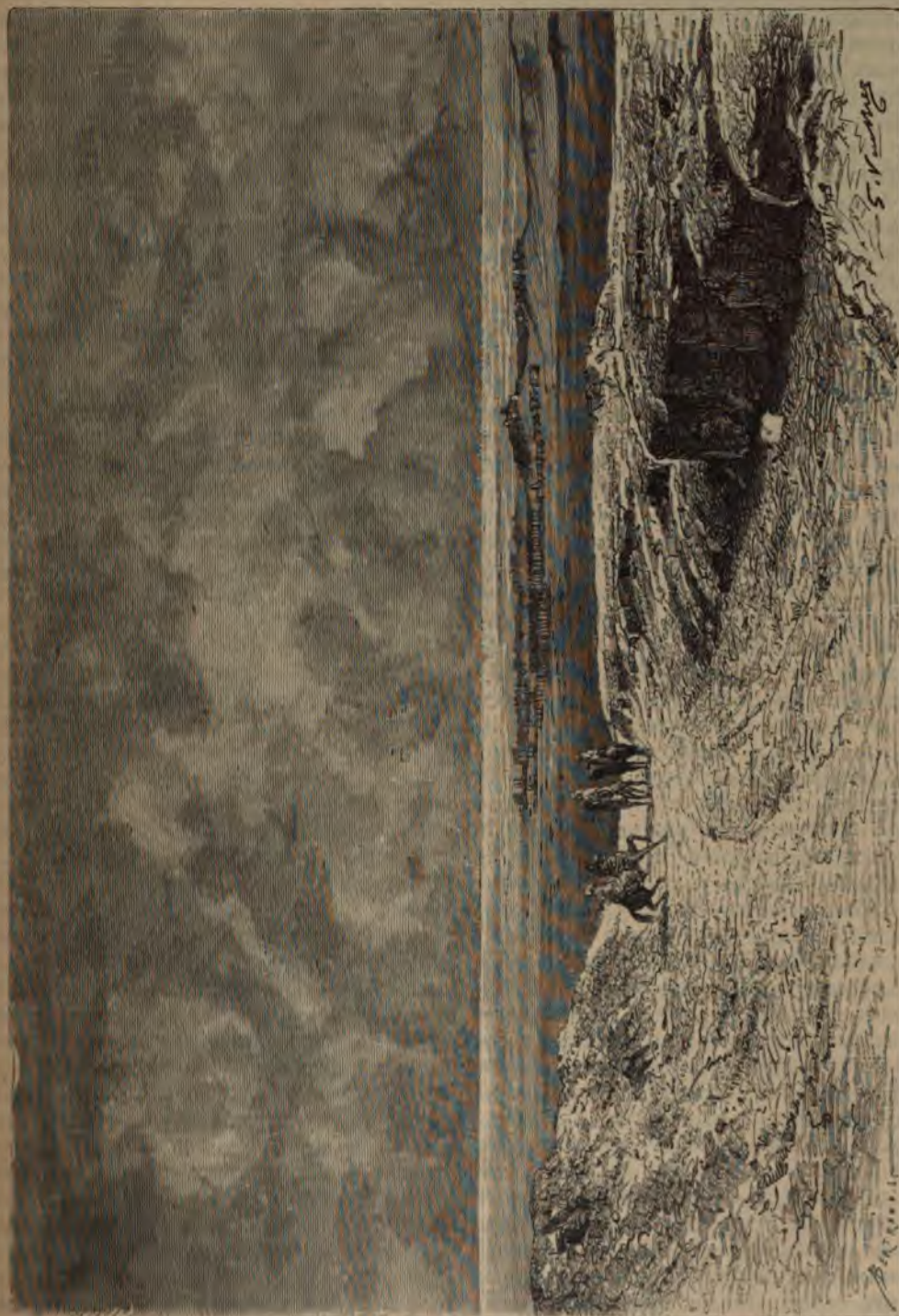
На континентальномъ берегу Малаго Сирта самая значительная группа населенія — та, которой дали названіе Габесъ. Это не городъ въ собственномъ смыслѣ, а совокупность мѣстечекъ и поселковъ, разсыянныхъ среди пальмъ; съ моря оазисъ представляется островомъ зелени, гдѣ блестятъ тамъ и сямъ бѣлыя стѣны; ручей, иногда пересыхающій въ своемъ главномъ руслѣ и почти всегда загражденный въ устьѣ песками во время отлива, вѣется между деревнями, развѣтляясь по всѣмъ направленіямъ безчисленными ирригаціонными каналами. У входа этого узда стоятъ борджъ Джедидъ, или «Новый фортъ», окруженный досчатыми хижинами мѣстечка, населеннаго торговымъ людомъ, *mercanti*, которое солдаты окрестили именемъ «города плутовъ»: такъ начали свою карьеру многіе города. Выше, на обоихъ берегахъ, группируются дома Джары, главнаго

⁴⁾ G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“; — Mohammed Abou Rasse Ahmed en-Naceur, „Description de Djerba“, trad. par Exiga.

васеленнаго мѣста этого оазиса: по самому плану ирригаціонныхъ канавокъ, проведенныхъ ломаной линіей, какъ бы вокругъ крѣпости, можно догадаться, что тутъ стоялъ укрѣп-

формой Габесъ, Габесъ или Кабесъ. Остатки римскихъ зданій были употреблены на постройку мѣстечка Джара и мѣстечка Мензель, лежащаго въ верстѣ отъ первого, на правомъ

Нафта и шоттъ Эль-Джеридъ.

ленный городъ. Это была, безъ сомнѣнія, цитадель древняго города, первоначально карфагенскаго, потомъ послѣдовательно римскаго, византийскаго, арабскаго, прежнее имя котораго Та-Кана продолжаетъ существовать подъ

берегу узда, въ центральномъ пунктѣ оазиса, гдѣ происходитъ рынокъ. Далѣе, къ западу, разсѣяно, среди садовъ, нѣсколько другихъ деревень. Эти различныя группы жилищъ оазиса заключаютъ, вмѣстѣ, около 10.000 постоянныхъ

жителей, между которыми насчитываютъ нѣсколько сотенъ евреевъ. Къ малочисленной европейской колоніи прибавился небольшой французскій гарнизонъ, съ тѣхъ поръ, какъ Габесъ назначенъ главнымъ пунктомъ одного изъ военныхъ округовъ; недавно тамъ основана франко-арабская школа. До прибытія французовъ, между Джарой и Мензелемъ происходили постоянныя ссоры: отсюда, говорили въ шутку, и самое имя провинціи Арадъ, означающее «Раздоръ»¹⁾.

Благодаря своимъ садамъ и полямъ, жители Габеса—одни изъ самыхъ счастливыхъ и зажиточныхъ между населеніемъ Туниса. Земля, оплодотворяемая водой ирригаціонныхъ каналовъ, дѣлится на безчисленное множество участковъ, раздѣленныхъ живыми изгородями изъ кактусовъ, глинобитными стѣнами, переплетенными пальмовыми вѣтвями; фиговые, миндальные, померанцевыя и другія фруктовыя деревья растутъ смѣшанно подъ правильными вѣрами, которые распустили высоко въ воздухѣ стройныя финиковыя пальмы; виноградъ обвиваетъ свои кисти вокругъ вѣтвей деревьевъ, и ячмень зрѣетъ въ тѣни густой листвы. Но ни бананъ, ни сахарный тростникъ, составлявшіе богатство Габеса въ одиннадцатомъ столѣтіи, теперь тамъ уже не воздѣлываются, и отъ прежнихъ масличныхъ лѣсовъ едва осталось нѣсколько деревьевъ. Плодородіе окружающей почвы сдѣлало Габесъ важнѣйшей пристанью въ этой части морскаго побережья; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ вывознымъ портомъ для альфы, производимой центральными областями Туниса; кромѣ того, и стратегическое его значеніе немаловажно. Расположенный на восточной окраинѣ низменности, которая, черезъ шоттъ Эль-Джеридъ, врѣзывается далеко внутрь африканскаго континента, Габесъ позволяетъ экспедиціямъ огибать на югъ, переходя изъ оазиса въ оазисъ, горы и плоскогорья Туниса и Алжира: тѣми именно мѣстами и ввозились, во время всѣхъ алжирскихъ возстаній, оружіе и боевыя припасы; обширная контрабандная торговля, весьма опасная для прочности власти Франціи на ея сахарской границѣ, слѣдовала этимъ окольнымъ путемъ; такъ что, овладѣвъ Габесомъ, французы обезпечили за собой одни изъ воротъ Алжиріи. Къ несчастію, этотъ городъ не имѣетъ гавани. Существовавшая вѣкогда при Такапѣ бухточка, куда, впрочемъ, могли входить лишь мелкія суда, обмелѣла, а глубины, достаточныя для большихъ судовъ, начинаются далеко отъ берега. Въ настоящее время изучаютъ планъ устройства искусственнаго порта съ помощью жете и драгажей; мѣсто выбрано противъ устья узда Мелахъ, или «Соля-

наго оврага», въ который изливаются термальные воды Аннъ-Удрефа: артезианскій колодезь, недавно вырытый близъ узда Мелахъ, на разстояніи километра отъ Средиземнаго моря, спускается на глубину 91 метра и даетъ обильную массу воды, которая бьетъ фонтаномъ на высоту 4 метровъ надъ уровнемъ почвы. Проектъ искусственной гавани дополняется проектомъ желѣзной дороги, которая должна примкнуть къ алжирской сѣти черезъ Гафсу, Тебессу и Сукъ-Ахрасъ: Бона и Габесъ сдѣлаются тогда двумя соответственными портами, между которыми торговое сообщеніе будетъ производиться непосредственно сухимъ путемъ, и коммерсантамъ не нужно будетъ, какъ теперь, обходить на сѣверѣ тунисскіе мысы. Когда Габесъ, съ устройствомъ искусственнаго порта, въ состояніи будетъ принимать суда большаго водоизмѣщенія, ни одинъ городъ французскихъ владѣній не будетъ представлять болѣе выгодныхъ условий, чтобы сдѣлаться исходнымъ пунктомъ будущей транс-сахарской желѣзной дороги къ озеру Чаде: оттуда же, безъ сомнѣнія, будетъ начинаться продольный путь, направляющійся отъ моря къ морю на югъ острова Магребъ, или Мавританіи. Торговля новаго города уже довольно значительна: вывозятся на пароходахъ альфа, финики, лавзонія.

Къ западу отъ Габеса и близъ южнаго берега шотта Эль-Феджеджъ, нѣсколько селеній, разсѣянныхъ, подобно деревнямъ Габеса, среди кушъ деревьевъ, составляютъ одно цѣлое, извѣстное подъ именемъ Эль-Гамма, или «Термъ»: это *Aquae Tascapitanae* (Такапитанскія воды) древнихъ. Четыре источника горячей воды, которые дали свое имя всему оазису, и температура которыхъ довольно высока, отъ 34 до 45 градусовъ Цельсія, еще утилизируются туземцами въ заведеніи, построенномъ на развалинахъ древнихъ термъ. За оазисами Эль-Гамма, которые окружены песками и степями, гдѣ кочуютъ берберы племени бени-зидъ, нужно идти между крутыми склонами джебель Тебаги и берегами большой себхи, прежде чѣмъ достигнешь, километрахъ въ шестидесяти, пальмовыхъ плантацій области Нефзауа. Въ числѣ около сорока, эти плантаціи занимаютъ, среди песковъ или въ циркахъ скалъ, низменные части треугольнаго полуострова, который выдвинулся къ сѣверо-западу между шоттомъ Эль-Феджеджъ и шоттомъ Эль-Джеридъ. Самыя многочисленныя изъ нихъ тянутся одна за другой по южной сторонѣ цѣпи холмовъ и дюнъ, вдоль берега большаго шотта; во многихъ мѣстахъ онѣ образуютъ сплошной лѣсъ пальмъ, очень красивый на видъ, но иногда опасный для обитанія, по причинѣ вредныхъ испареній, поднимающихся съ прудовъ. Въ области Нефзауа нерѣдко можно видѣть отъ десяти до двѣнадцати стволовъ финиковой

¹⁾ Pelissier, цитированное сочиненіе;—O. Mac Carthy, рукописныя замѣтки.

пальмы, выросших наклонно из одного корня, такъ что совокупность ихъ имѣетъ видъ громадной корзины, которая снаружи обложена кругомъ гарнитурой изъ опадающихъ съ вѣтвей фруктовъ.

Большинство деревень имѣютъ ограду изъ стѣнъ и рововъ, которые могли бы защитить ихъ отъ нападенія бедуиновъ, но не устояли бы противъ организованныхъ военныхъ силъ. Кебилли, близъ сѣверо-восточной оконечности шотта Эль-Джеридъ, есть главное мѣстечко на полуостровѣ Нефзауа; въ одной изъ сосѣднихъ деревень къ западу, видны еще древнія надписи, позволяющія думать, что въ эпоху императора Адриана главное римское поселеніе находилось въ этомъ мѣстѣ. Осѣдлые жители оазиса Нефзауа, арабизованные по языку и религіи, принадлежатъ къ двумъ первоначальнымъ расамъ, нынѣ слившимся въ одно смѣшанное населеніе: къ черной расѣ земледѣльцевъ и къ берберамъ племени нефзауа, вѣтви большого племени луата, пришедшаго изъ Мармариды. Вокругъ этихъ постоянныхъ обитателей оазисовъ живутъ въ шатрахъ кочевыя арабскія племена, по большей части мирныя. Таковы меразиги, пасущіе свои стада на югѣ области Нефзауа и посѣщающіе рынокъ Дузъ; иногда, въ своихъ торговыхъ экспедиціяхъ, они доходятъ до Гадамеса. Далѣе на югѣ, въ рѣдкихъ оазисахъ и вокругъ колодезевъ, окаймляющихъ южную часть шотта Эль-Джеридъ, кочуетъ могущественное племя горивовъ, родственное алжирскимъ народцамъ, живущимъ по уѣду Суфъ, отъ которыхъ оно отдѣлено областью дюнъ. Не такъ многочисленно, но очень опасно по своей разбойничьей повадкѣ племя уладъ-Якубъ или «сыны Іакова», которое не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ племенемъ того же имени, кочующимъ въ горахъ, къ югу отъ рѣки Меджерды. Уладъ-якубы пустыни бродятъ на юго-востокѣ полуострова Нефзауа, по высокимъ степямъ, откуда они командуютъ дорогами между Тунисскимъ регентствомъ и Гадамесомъ. Эти-то номады и прекратили, своими грабежами, прямое караванное сообщеніе между Тунисомъ и Нигрицей¹⁾. Туземные жители оазисовъ, какъ осѣдлые, такъ и кочевые, носятъ, подобно туарегамъ, вуаль, или «лицамъ», скрывающій лицо до основанія носа. Тейсеренкъ де-Боргъ нашелъ въ области Нефзауа множество каменныхъ орудій.

Къ западу отъ полуострова Нефзауа, по другую сторону себхи Эль-Фараунъ, возвышаются холмы узкаго перешейка, которому специально дали названіе Беледъ-эль-Джеридъ, «страна пальмъ», или просто Джеридъ, «Пальмовый лѣсъ», распространяемое часто на всю область южныхъ оазисовъ. Въ самомъ дѣлѣ,

Джеридъ—по преимуществу страна финиковой пальмы. Окруженный шоттомъ и песками, защищенный отъ сѣверныхъ вѣтровъ горами, поднимающимися на сѣверо-востокъ, Джеридъ дѣйствительно имѣетъ тотъ «огненный воздухъ», который всего болѣе соответствуетъ листвѣ пальмъ; въ то же время, онъ обладаетъ въ своихъ обильныхъ источникахъ водой, необходимой для корней, и эта вода, болѣе высокой температуры, чѣмъ воздухъ, образуетъ настоящія горячія рѣки, ускоряющія развитіе деревьевъ. Оазисы Джерида—это, по выраженію Дюверье, «естественныя теплицы», гдѣ можно бы было культивировать растенія тропическихъ странъ, растенія, свойственныя Антильскимъ островамъ и Сондскому архипелагу; но ихъ великолѣпные финики, изъ которыхъ самыя лучшіе прежде оставались для стола бей, апельсины, не менѣе высоко цѣнимые, фрукты всякаго рода, овощи и зерновые хлѣба вполне достаточны для мѣстнаго населенія, и матеріальное благосостояніе было бы всеобщее, если бы не тяжелые налоги, которыми обременены жители этого богатнаго уголка. Въ Джеридѣ насчитываютъ около милліона финиковыхъ пальмъ, хотя общее пространство, занимаемое садами, не превышаетъ двухъ тысячъ гектаровъ (1.830 десятинъ); изъ этого числа (по Дюверье и Тейсеренку): въ оазисахъ Тозеръ — 313.000, Нафта — 240.000, Эль-Удианъ—188.000, Эль-Гамма 80.000 пальмъ.

До двадцати тысячъ верблюдовъ приходятъ ежегодно за грузами этихъ плодовъ¹⁾. Кромѣ того, здѣшнія женщины занимаются ткацкимъ промысломъ и выдѣлываютъ бурнусы, хаики, одѣяла, очень цѣнимыя во всей Мавританіи. Но жители Джерида не пользуются уже, какъ въ средніе вѣка, когда они были поставщиками невольниковъ на рынки Туниса, выгодами непосредственной торговли съ морскими портами и городами Сахары. Теперь эта торговля находится въ рукахъ посредниковъ, поселившихся въ ихъ краѣ, преимущественно евреевъ и мзабитовъ, которые и отправляютъ произведенія оазисовъ на отдаленные рынки. Оазисъ Нафта былъ прозванъ Марсатъ-эсъ-Сахара, или «Портомъ пустыни»: и теперь еще показываютъ мѣсто, откуда, будто-бы, отправлялись корабли и гдѣ, говорятъ, даже былъ найденъ остовъ судна²⁾.

Арабскимъ городамъ во всей «странѣ финиковыхъ пальмъ» предшествовали города римскіе, остатки которыхъ видны до сихъ поръ, хотя большая часть матеріаловъ съ этихъ развалинъ была употреблена на постройку мечетей, монастырей, укрѣпленій: въ оазисѣ Тозеръ распределеніе водъ и теперь еще регулируется римскими плотинами. Какъ въ боль-

¹⁾ Playfair, "Travels in the footsteps of Bruce".

²⁾ Tissot, "Géographie comparée de la province romaine d'Afrique".

¹⁾ Henri Duveyrier, "La Tunisie".

шей части оазисовъ, въ Джеридѣ городскія населенія не составляютъ сплоченныхъ городовъ, а состоятъ изъ отдѣльныхъ кварталовъ, разсѣянныхъ среди садовъ. Нафта, западный оазисъ, пользующійся нѣкотораго рода религиознымъ первенствомъ, во вниманіе къ тому, что извѣстное число его обитателей—«сыны Пророка», заключаетъ въ себѣ девять отдѣльныхъ деревень и четыре монастыря (зауя); Тозеръ, самый большой и самый населенный изъ этихъ оазисовъ, служащій административнымъ центромъ всего Джерида, дѣлится на девять кварталовъ; въ Эль-Уиданѣ, восточной группѣ оазисовъ, населеніе распределяется между нѣсколькими деревнями: Дгашъ, Кризъ, Седдада, довольно отдаленными одна отъ другой; наконецъ, оазисъ, называемый Эль-Гамма или «оазисомъ Термъ», подобно оазису, находящемуся въ сосѣдствѣ Габеса, пріютилъ подъ тѣнью своихъ пальмъ четыре группы домиковъ: обильный горячій источникъ (36°), отъ котораго онъ получилъ свое имя, и пріемникомъ которому служить бассейнъ римской постройки, имѣетъ слегка сѣрную воду, и туземцы приписываютъ ему чудодѣйственную силу, которой онъ обязанъ заслугамъ одного святаго, погребеннаго подъ сосѣднимъ куполомъ. Одна скала, возвышающаяся къ сѣверу отъ селенія Кризъ, въ оазисѣ Эль-Уиданъ, изрыта древними каменоломнями и пещерой, извѣстной подъ именемъ «грота Семи спящихъ отроковъ». Съ вершины этой горки, господствующей надъ самой узкой частью перешейки, между шоттомъ Эль-Джеридъ и шоттомъ Эль-Гарса, открывается чудный видъ на архипелагъ оазисовъ и на два обширныхъ пространства, нѣкогда озерныя, которыя теряются за линіей горизонта на востокъ и западъ. На сѣверѣ высятся другія горы, называемыя «Усами равнины», откуда лазутчики племени гамамма высматривали въ окружающемъ пространствѣ караваны или одинокихъ путешественниковъ и сообщали о появленіи ихъ грабителямъ, спрятавшимся въ засадѣ подлѣ дороги. Недалеко отъ Криза, на сѣверномъ берегу шотта Эль-Джеридъ, виднѣется, начертанная на скалѣ, круглая фигура съ полумѣсяцемъ наверху: Тиссо считаетъ это изображеніе, представляющее луну, памятникомъ древне-ливійскаго культа. Нравы джеридцевъ нѣсколько отличаются отъ нравовъ сосѣднихъ племенъ: эти послѣдніе корятъ ихъ тѣмъ, что будто они питаются собачьимъ мясомъ.

Въ долинѣ уада, который подъ именемъ Тарфауи, или «ручья Тамарисковъ», теряется подъ конецъ въ пескахъ, на восточной оконечности шотта Гарса, слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько оазисовъ, раздѣленныхъ дикими пустынями. Около начала уада, называемаго въ этомъ мѣстѣ Бу-Гайя, находится первый оазисъ, по имени Феріана, два поселка котораго обра-

зуютъ зауяю, или монастырь: окрестные помады, принадлежащія къ племени уладъ-сиди-абидъ, составляютъ родъ братства. Убогія постройки Феріаны кажутся такимъ ничтожествомъ въ сравненіи съ римскимъ городомъ, вѣроятно, Телентомъ, который нѣкогда стоялъ въ сосѣдствѣ. Руины, пройденныя Гереномъ, занимаютъ пространство по меньшей мѣрѣ пять километровъ въ окружности, и почти всѣ камни, изъ которыхъ были построены публичныя зданія, театръ, бани, а также и частные дома, поражаютъ громадностью размѣровъ. Гора, откуда извлекался этотъ строительный матеріалъ, выломана на большую глубину: исчезли цѣлыя пласты ея массы; вершина этой горы-каменоломни увѣнчана стариннымъ замкомъ. Кромѣ развалинъ Мединетъ-эль-Кадимахъ, или «Стараго города», на обоихъ берегахъ уада, теперь необитаемыхъ, встрѣчаются многочисленные остатки римской эпохи, преимущественно могилы. На югѣ отъ оазиса Феріана виднѣется почернѣлая, словно обугленная, скала, извѣстная подъ именемъ Хаджаръ-Сода, или «Чернаго камня»; въ Джеридѣ, близъ оазиса Эль-Гамма, Геренъ открылъ другую каменную глыбу такого же вида. По мнѣнію французскаго путешественника, эти «Черныя камни» не что иное, какъ аэролиты.

Оазисъ Гафса, причисляемый иногда къ Джериду, хотя онъ отдѣленъ отъ Кризскаго перешейка пустыннымъ и безводнымъ поясомъ, шириной въ добрый день ходьбы, лежитъ на главномъ изгибѣ уада Бейашъ, составляющаго продолженіе Бу-Гайя и принимающаго въ низовьѣ имя Тарфауи. Городъ, который изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ южнаго Туниса имѣетъ наибольшее число жителей, соединенныхъ въ одной сплошной группѣ домовъ, стоитъ на террасѣ, окруженной, на разстояніи нѣсколькихъ километровъ, циркомъ скалъ и горъ; одна изъ этихъ горъ изрыта глубокими каменоломнями, развѣтвляющимися въ цѣлый лабиринтъ подземныхъ галлерей. Основанный Мелькартомъ, или Ливійскимъ Геркулесомъ, этотъ древній городъ, Кафазъ финикянъ (то-есть «обнесенный стѣной»), Капса римлянъ, имя котораго почти не измѣнилось въ теченіе вѣковъ, есть, можетъ-быть, какъ полагаетъ Манвертъ, тотъ самый Гекомпиль, гдѣ карфагенскій полководецъ Ганнонъ одержалъ свою знаменитую побѣду во время второй пунической войны. Во всѣ времена хорошо понимали стратегическую важность этого оазиса, лежащаго на крайнемъ предѣлѣ воздѣлываемой области, при выходѣ изъ области горъ, между песчаной равниной Амра и воротами пустыни: здѣсь граничатъ двѣ зоны, различающіяся видомъ и жителями. Капса, вооруженная пушками, защищаетъ этотъ пограничный городъ отъ набѣговъ племени гамамма; теперь тунисскіе солдаты замѣ-

нены въ ней французами; Гафса сдѣлалась главнымъ пунктомъ военнаго отдѣла. Это городъ ученый, гдѣ говорятъ, какъ и въ Джеридѣ, гораздо болѣе чистымъ языкомъ, чѣмъ на по-

Капсу, и во многихъ новыхъ постройкахъ можно признать камни, вынутые изъ древнихъ зданій. Къ югу отъ города тянется обширный лѣсъ, заключающій болѣе ста тысячъ пальмъ,

Типы и костюмы крумировъ.

бережь¹⁾. Сохранившіяся античныя колонны, надписи, стѣны напоминаютъ еще римскую

подъ тѣнью которыхъ растетъ второй лѣсъ фруктовыхъ деревьевъ. Финиковыя пальмы, еще болѣе высокія, чѣмъ въ Нафтѣ, даютъ не менѣе вкусные плоды. Вода, питающая паль-

¹⁾ Pollissier, „Description de la Régence de Tunis“.

мовый лѣсъ, всегда течетъ въ изобиліи, орошая корни своимъ теплымъ теченіемъ; жителямъ оазиса не приходится оспаривать другъ у друга ея драгоцѣнный потокъ. Три главныхъ источника (температура отъ 29 до 32 градусовъ Цельсія) наполняютъ бассейны римской постройки, извѣстные до сихъ поръ подъ именемъ *термилъ*; арабы приходятъ туда купаться, пользуясь для этого кѣлками, устроенными въ стѣнахъ окрестности. Въ этихъ теплыхъ водахъ живутъ во множествѣ рыбы изъ рода *chromis*, повидимому, приближающіяся, по своимъ отличительнымъ признакамъ, къ исключительно морскимъ формамъ ¹⁾; рѣчные черепахи, черныя змѣи новаго вида *tropidonotus* тоже плаваютъ въ бассейнахъ и ручьяхъ Гафсы. Подобно другимъ оазисамъ южнаго Туниса, Гафса является также промышленнымъ центромъ, главнымъ образомъ по ткацкому производству, и его шерстяные и шелковые ханки, сбытомъ которыхъ занимаются мѣстные евреи, высоко цѣнятся на тунисскомъ рынкѣ; стада племени хамама доставляютъ жителямъ оазиса сырой матеріалъ для выдѣлки одѣжды и бурнусовъ.

Древне-римская дорога, отысканная Ребателемъ и Тираномъ, соединяетъ Гафсу съ побережьемъ Малаго Сирта, проходя мимо фонтановъ и черезъ небольшой оазисъ Эль-Геттаръ, страну камеднаго дерева, затѣмъ мимо минеральныхъ источниковъ Бу-Гедма. Вдоль морскаго берега, на сѣверъ отъ Габеса, становища и селенія слѣдуютъ одно за другимъ, черезъ длинныя промежутки, въ территоріи племени мегадаба, «мирныхъ потомковъ одного почтеннаго марабута»; важнѣйшее населенное мѣсто прибрежья — маленькая, нынѣ пришедшая въ упадокъ, гавань Махрезъ, имѣющая мѣше тысячи жителей, которые занимаются по большей части производствомъ разнаго рода плетеныхъ издѣлій. Далѣе, деревня Бограра расположилась среди развалинъ пунико-римскаго города Гетисъ ²⁾.

Сфакесъ (Сфаксъ), лежащій на берегу пролива шириной около 50 километровъ, отдѣляющаго архипелагъ Керкенна отъ твердой земли, по числу жителей занимаетъ второе мѣсто между городами Туниса; населеніе его, не превышавшее въ 1848 году, по приблизительному исчисленію Пелисье, 8.000 душъ, увеличилось съ того времени въ пять разъ (нынѣ — около 42.000 чел.); жители тѣсно скучены въ высокихъ домахъ, окаймляющихъ узкія улицы города, и въ новомъ кварталѣ, который выстроился за юго-западнымъ валомъ вдоль берега. Издали видны только бѣлая стѣна четырехугольной городской ограды, да высокіе минареты мечетей; башни, зубчатая стѣна, угловые

бастіоны придаютъ цѣлому средневѣковой видъ, какого не имѣютъ въ той же степени другіе укрѣпленные города Туниса; на южномъ углу ограды стоитъ цитадель, построенная, говорятъ, христіанскими невольниками. Занимая довольно возвышенное положеніе на покатой мѣстности, Сфаксъ не имѣетъ постоянныхъ потоковъ, ни даже ключей или колодцевъ, и довольствуется водой изъ цистернъ, изъ которыхъ одна находится въ самомъ городѣ, другія за городской стѣной. Въ окрестностяхъ видны еще кое-какіе римскіе остатки, но до сихъ поръ не нашли ни одной надписи, по которой можно бы было установить тождество города съ той или другой станціей, упоминаемой древними авторами; вѣроятно, это была Тафрура Верстахъ въ двадцати къ юго-западу, на берегу залива, находятся развалины Тине, очевидно, остатки римской Тины (Thinae), крайняго пункта рва, который Сципіонъ Младшій велѣлъ выкопать на югѣ римской территоріи, чтобы отдѣлить ее отъ Нумидіи.

Евреи и европейцы, мальтійцы, итальянцы и французы, въ числѣ около семи тысячъ (европейцевъ — 5.000, евреевъ — 2.000), живутъ почти всѣ въ нижнемъ городѣ, куда ихъ призываютъ торговля дѣла, и который соединенъ недавно насаженнымъ бульваромъ съ лагеремъ, расположеннымъ на сѣверной сторонѣ города; мусульмане населяютъ верхній городъ, обнесенный стѣнами. Жители Сфакса, «сфаксика», отличаются отъ своихъ тунисскихъ единоверцевъ. Ихъ можно сразу узнать уже по нѣкоторой разницѣ одежды, такъ какъ они не хотятъ, чтобы ихъ смѣшивали съ тунисцами; но особенно характеромъ и нравственными качествами они выгодно отличаются отъ другихъ горожанъ: у нихъ больше инициативы, больше усердія въ работѣ, больше смелости и изобрѣтательности; они во всемъ болѣе дѣтельны и болѣе серьезны, чѣмъ ихъ сосѣди. Сфакесцы славятся ревностными мусульманами, даже дѣти исправно посѣщаютъ мечети, и женщины усердно читаютъ молитвы. Во время занятія Тунисскаго регентства французскими войсками въ 1881 году, жители Сфакса вполне доказали свой патріотизмъ; они почти одни оказывали энергическое сопротивленіе иноземному нашествію и дрались отчаянно во время бомбардированія, котораго, впрочемъ, легко было бы избѣгнуть. Многія учрежденія Сфакса свидѣтельствуютъ о развитіи у жителей его духа общественной: не говоря уже о мечетяхъ и монастыряхъ (зауя), они основали также госпиталь, прекрасно содержимый; находящійся за городской стѣной центральный бассейнъ, называемый «Помощью», обязанъ своимъ происхожденіемъ щедрости одного гражданина; окружающія его «триста шестьдесятъ пять» цистернъ, расположенныхъ на подобіе склеповъ некрополя, тоже напоминаютъ о духѣ

¹⁾ Tristram; — Redatel et Tirant, «Tour du Monde», 1875, 1-er semestre.

²⁾ Massonet, «Expédition du Jaguar en 1883».

солидарности, которым проникнуты богатые жители въ отношеніи своихъ мусульманскихъ братій. Другіе большіе резервуары построены въ окрестностяхъ города, а дома снабжены аппаратомъ, который позволяетъ прохожимъ утолять жажду, втягивая черезъ наружную трубку воду изъ скрытаго резервуара; теперь думаютъ устроить водопроводъ длиной около 60 километровъ, который доставлялъ бы въ городъ воды массива Бу-Гедма. О трудолюбіи сфакесцевъ свидѣлствуютъ ихъ прекрасно воздѣланныя земли, сады и плантаціи, которые за песчаной полосой, опоясывающей городъ въ видѣ круговой дороги, тянутся на пространствѣ отъ семи до двадцати верстъ въ ширину; въ послѣдніе годы насажено вокругъ Сфакса слишкомъ миллионъ оливковыхъ деревьев¹⁾; въ 1874 году общее производство масла (оливкового) въ окрестностяхъ Сфакса исчислялось до 27 миллионновъ литровъ (около 220.000 ведеръ). Въ городскомъ округѣ насчитываютъ отъ восьми до десяти тысячъ огороженныхъ участковъ, раздѣленныхъ живыми изгородями изъ кактусовъ, засаженныхъ фруктовыми деревьями и доминируемыхъ борджемъ, четырехугольной башней, въ которую владѣлецъ прячетъ свои рабочіе инструменты, и которая, въ случаѣ надобности, могла бы выдержать осаду противъ шайки грабителей. Равнина, уставленная тысячами этихъ маленькихъ крѣпостей, походитъ на воздѣланныя поля Сѣверной Персіи, приведенныя въ оборонительное положеніе противъ нападений туркменъ. Въ лѣтнюю пору почти всѣ жители, владѣющіе земельнымъ участкомъ, переселяются въ деревню; городъ совершенно пустѣетъ. Сфаксъ лежитъ на естественной границѣ между областью маслинъ и областью пальмъ; эти два вида представлены тамъ въ меньшемъ числѣ, чѣмъ на сѣверѣ и югѣ этой полосы: въ послѣдней встрѣчается сравнительно больше другихъ фруктовыхъ деревьевъ — миндальныхъ, абрикосовыхъ, фиговыхъ, персиковыхъ, фисташковыхъ и виноградной лозы; но въ эти послѣдніе годы культура масличнаго дерева получила большое развитіе. Почва оливковыхъ рощъ каждый годъ увеличивается на нѣсколько сотъ метровъ; если это возрастаніе пойдетъ и далѣе въ той же пропорціи, то сфакесцы скоро включатъ въ свои сады всѣ отдѣльные лѣски маслины, — называемые «маслинами бея», потому что они не имѣютъ признанныхъ владѣльцевъ — и плантаціи ихъ распространятся до Эль-Джема²⁾. Что касается пальмъ, то плоды ихъ, плохо вызрѣвающіе по причинѣ частыхъ дождей, идутъ лишь въ кормъ скоту. Изъ овощей въ садахъ Сфакса всего больше разводится огурцы, *факусъ*, слово, отъ котораго нѣмцы произ-

водятъ и самое имя города: по Шау, Сфакесъ или Сфаксъ означаетъ «городъ огурцовъ».

Кромѣ земледѣлія, сфакесцы занимаются также очень дѣятельно промышленностью и торговлей. Вообще они не пренебрегаютъ никакимъ родомъ труда, какъ мусульмане многихъ другихъ городовъ. Сфакесскій рынокъ такъ же обильно снабжается товарами, какъ и тунисскій. Этотъ городъ ввозитъ шерсть, кожи, европейскіе товары и продаетъ въ обмѣнъ оливковое масло, — больше для промышленныхъ надобностей, чѣмъ для употребленія въ пищу, — фрукты всякаго рода, виноградъ, винныя ягоды, миндаль, губки и сушеную рыбу, подвозимую рыболовами съ острововъ Керкенна; въ послѣднее время англійскія суда приходятъ сюда также за грузами альфы, которая собирается на западѣ въ равнинахъ и долинахъ, гдѣ кочуютъ мирныя арабскія племена металить и нефеть. Къ сожалѣнію, Сфаксъ не имѣетъ гавани для принятія большихъ кораблей; суда, глубоко сидящія въ водѣ, должны бросать якорь въ 3 верстахъ отъ берега; сандалы, мистики и другія мелкія суда подходятъ къ самому городу, благодаря приливу, но и тѣ стоятъ на илѣстомъ днѣ въ часы отлива; по крайней мѣрѣ рейдъ, защищенный съ востока мелями и архипелагомъ Керкенна, представляетъ совершенно безопасное мѣсто для стоянки судовъ. Эти рыбачьи острова не имѣютъ городовъ, а только деревни и поселки (по Шове здѣсь ежегодно ловится рыбы на сумму около 100.000 франковъ). Аннибалъ, Марій находили тамъ убѣжище; служившіе мѣстомъ изгнанія при господствѣ римлянъ, острова Керкенна были мѣстомъ ссылки еще недавно, при правленіи беевъ; туда интернировали женщинъ, изобличенныхъ въ прелюбодѣянніи. У жителей архипелага съ давнихъ временъ есть виноградники; эти островитяне не видятъ никакого грѣха въ употребленіи вина³⁾.

Въ то время, какъ береговая дорога направляется на сѣверо-востокъ, чтобы обогнуть расъ-Капудіа, самый восточный мысъ Туниса, дорога изъ Сфакса въ Сузу, построенная еще римлянами, слѣдуетъ въ сѣверномъ направленіи, проходя по землямъ племени металить. Около середины этой дороги въ древности стояли, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, два важныхъ города, Bararus и Thysdrus, превратившіеся нынѣ въ генширъ, или «ферму», Руга и убогую деревушку Эль-Джемъ. Развалины Барара занимаютъ пространство около 5 километр. въ окружности и заключаютъ въ себѣ остатки театра, триумфальныхъ воротъ и другихъ зданій, тогда какъ въ Тисдрѣ существуетъ еще одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Африки, амфитеатръ, сохранившійся лучше всѣхъ другихъ зданій этого рода,

¹⁾ Melon, „De Tunis à Palerme“.

²⁾ Rouire, „Revue de Géographie“, май 1892.

³⁾ Nachtigal, „Sahara — Sudan“.

оставленныхъ намъ древнимъ міромъ, не исключая и амфитеатра Помпей ¹⁾. Когда эта область Туниса, въ наши дни почти пустынная, прокармливала многочисленное населеніе, Тисдръ, благодаря своему центральному положенію, былъ наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для празднествъ и общественныхъ увеселеній; со всѣхъ сторонъ стекался народъ въ его колоссальный амфитеатръ, который, какъ полагаютъ, былъ, если не построенъ, то по крайней мѣрѣ основанъ Гордіаномъ Старшимъ, въ знакъ признательности за провозглашеніе его императоромъ въ городѣ Тисдрѣ. Тамъ же, въ Эль-Джемскомъ амфитеатрѣ, на собраніи старшинъ и депутатовъ южныхъ племенъ Туниса, въ 1881 году, было рѣшено поголовное возстаніе противъ французовъ ²⁾. Уже съ разстоянія 10 слишкомъ верстъ кругомъ ясно видна громадная масса, стоящая на широкомъ бугрѣ высотой около 185 метровъ: издали ее можно принять за каменную гору; но когда подойдешь ближе, эта громада скрывается за густымъ лѣсомъ гигантскихъ смоковницъ варварійскихъ, между которыми извивается ведущая къ амфитеатру тропинка. По измѣреніямъ Паскаля Коста, коллизей древняго Тисдра, одинъ изъ обширѣйшихъ во всемъ римскомъ мірѣ, имѣетъ 150 метровъ (70 сажень) длины по большой оси, 130 метровъ по малой оси, направленной почти точно съ сѣвера на югъ; вѣроятно, онъ былъ построенъ по образцу амфитеатра Флавіевъ въ Римѣ. Эллиптический фасадъ, состоявшій некогда изъ 68 аркадъ, поддерживавшихъ три этажа съ коринфскими колоннадами, представляетъ замѣчательное единство стиля, но онъ уже не полный: въ 1710 году, вслѣдствіе возмущенія арабовъ, тунисскій бей Могамедъ велѣлъ взорвать на воздухъ пять аркадъ на восточномъ фасѣ, и съ того времени брешь была постоянно увеличиваема эль-джемскими металитами, которые пользуются матеріалами амфитеатра для постройки своихъ лачугъ и даже продаютъ ихъ окрестнымъ строителямъ. Внутри зданія большая часть расположенныхъ ярусами лавокъ исчезла, и обломки ихъ осыпались въ видѣ откоса: это разрушеніе приписываютъ преобразованію, которому знаменитая Кагина, или «Жрица», велѣла подвергнуть амфитеатръ, когда она защищалась тамъ противъ арабскихъ завоевателей, въ 689 году. Преданіе окружающихъ племенъ, прославляющее Кагину, хотя она была врагомъ арабовъ, рассказываетъ, что эта воинственная женщина, вѣроятно, еврейскаго происхожденія ³⁾, какъ большое число берберовъ въ ту эпоху, стала во главѣ своихъ соотечественниковъ и грековъ, ихъ союзниковъ. Вынужденная запер-

таться въ амфитеатръ, который съ того времени стали называть, по ея имени, Касръ-эль-Кагина («крѣпость Кагины»), она выдержала тамъ трехлѣтнюю осаду; подземный ходъ, служившій несомнѣнно для снабженія навмахіа продовольствіемъ, указывается арабами какъ остатокъ потайной дороги, посредствомъ которой гарнизонъ поддерживалъ сообщеніе съ морскимъ берегомъ и получалъ съѣстные припасы. Самый городъ мало оставилъ по себѣ развалинъ, но раскопки обнаружили тамъ колонны огромныхъ размѣровъ и глубокія цистерны. По словамъ Руира, номады этой области постепенно замѣщаютъ осѣдлыхъ населеніи; каждая деревня, покинутая жителями, сейчасъ же занимается бродячими туземцами, которые основываютъ тамъ свой главный рынокъ и переносятъ туда гробницы своихъ святыхъ.

По мнѣнію металитовъ, песчаникъ, служившій матеріаломъ для постройки Эль-Джемскаго амфитеатра, былъ извлекаемъ изъ каменоломней Бу-Джеридъ, находящихся на морскомъ берегу, въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Махдіи (иначе Мехедія), «Города Махди». Названная такъ по сану своего основателя или возстановителя, махди Обендъ-Алаха, въ 912 году, Махдія сразу сдѣлалась важнымъ городомъ, благодаря своему стратегическому положенію: христіанскіе мореплаватели Средиземнаго моря долго называли ее просто Африкой, видя въ ней главный укрѣпленный городъ всего чернаго континента ⁴⁾. Оттого она часто подвергалась нападеніямъ. Въ 1147 году норманнъ Рожеръ Сицилійскій овладѣлъ Махдіей, но магометане взяли ее обратно тринадцать лѣтъ спустя. Въ 1557 году императоръ Карлъ V, наконецъ, занялъ городъ своими войсками, послѣ кровопролитнаго штурма, и велѣлъ срыть укрѣпленія. Съ той эпохи стѣны не были поправляемы и проломы увеличились: фортъ, защищавшій узкій перешеекъ, которымъ полуостровъ города соединялся съ материкомъ, лежитъ теперь въ развалинахъ; говорятъ, прежде существовалъ каналъ, соединявшій два залива. Старый портъ, вырытый рукой человека, какъ гавани Утики и Кароагена, засыпанъ обломками, и суда, приходящія грузиться оливковымъ масломъ, фруктами, губками, должны бросать якорь въ рейдѣ. Иностранная колонія, состоящая, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ побережья, изъ мальтійцевъ, итальянцевъ и французовъ, поселилась въ Махдіи для отпускной торговли и для лова сардинокъ; вмѣсто дюжины барокъ, какъ было прежде, теперь насчитываютъ въ портѣ болѣе двухъ сотенъ; съ мая по іюль воды моря въ тѣхъ мѣстахъ буквально кипятъ рыбой, такъ, что каждая барка налавливаетъ, среднимъ

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

²⁾ G. Rouire, «Revue de Géographie», mai 1882.

³⁾ H. Barth, «Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres».

⁴⁾ V. Guérin, «Voyage archéologique dans la régence de Tunis».

числомъ, отъ 200 до 300 килограм. (отъ 12 до 18 пудовъ) сардинокъ въ одну ночь. Для дневнаго лова тамошніе моряки разстилаютъ на водѣ альфовыя циновки, подъ тѣнью которыхъ и собирается рыба. Тогда рыбаки осторожно приближаются, окружая сѣтями все пространство, занимаемое циновкой и укрывшись подъ нею рыбками ¹⁾. На юго-западѣ, въ удаленной отъ моря воздѣланной лощинѣ, находится мѣстечко Куръ-эсъ-Сефъ, болѣе многолюдное, чѣмъ Махдія: отсюда-то и получаютъ почти всѣ мѣстныя произведенія, отправляемыя купцами древней «Африки».

Въ нѣсколькихъ километрахъ къ западу отъ Махдіи раскинулся, на пространствѣ многихъ квадр. километровъ, античный некрополь, мо-

литическая стѣна амфитеатра, арена котораго теперь распахана, указываютъ, близъ Бокальты, мѣсто, гдѣ былъ расположенъ кареагенскій городъ Тапсъ (Thapsus), прославившійся въ исторіи побѣдой, одержанной тамъ Юліемъ Цезаремъ надъ Сципіономъ и нумидійскимъ царемъ Юбой. Далѣе, на части побережья, лежащей противъ острововъ Куріатейнъ, мѣстечки Тебульба и Мокнинъ, окруженные масличными рощами, также занимаютъ мѣстоположенія античныхъ городовъ. Затѣмъ береговая дорога идетъ на Лемту, деревню, смѣнившую собою Leptis Minor, или «Малую Лептиду», названную такъ по сравненію съ «Большой Лептидой» нынѣшняго Триполи. Несмотря на свое имя, «Малая Лептида» была зна-

Эль-Джемскій амфитеатръ.

гилы котораго, вырытыя въ скалѣ, Ренанъ уподобляетъ могиламъ Арада, въ Сиріи; не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ мѣстѣ стоялъ финикійскій городъ ²⁾. Вся окружающая мѣстность усѣяна развалинами древнихъ городовъ. Верстахъ въ двадцати къ югу, нынѣшній «генширъ» (ферма) Селекта занимаетъ мѣстоположеніе города Syllectum, а далѣе, близъ расъ-Капудія, Caput Vada римлянъ, борджъ (башня) стоитъ на мѣстѣ византійскаго города Юстіанополя. На сѣверѣ, на остроковечномъ мысѣ расъ Димасъ, гдѣ находится портъ, защищенный остаткомъ жете, загорода, сложенная изъ античныхъ камней цистерны, эл-

чительнымъ городомъ: развалины ея раскинуты по берегу моря на пространствѣ около 4 километровъ, и между ними видны еще слѣды водопровода, амфитеатра, набережныхъ и жете. Древній портъ превратился въ уздъ, носящій названіе уздъ-эсъ-Сукъ или «Долина Рынка». Въ настоящее время самый многолюдный городъ этого округа—Джемаль, построенный внутри материка, къ юго-западу отъ Лемты.

Монастирь, или Мистиръ, напоминаетъ, можетъ-быть, своимъ именемъ, что онъ былъ когда-то христіанскимъ монастыремъ, но въ древности это былъ кареагенскій и римскій городъ, вѣроятно, Рустина, то-есть «Голова Мыса» ³⁾. Подобно Сфаксу, онъ огороженъ зубча-

¹⁾ Cagnat et Saladin, „Tour du Monde“, 1885, premier semestre.

²⁾ Melon, цитированное сочиненіе.

³⁾ Ch. Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“.

той стѣной, съ башнями по бокамъ, изъ-за которой показываются куполы и минареты многочисленныхъ мечетей, и которая окружена великолѣпнымъ маслянымъ лѣсомъ, широкимъ поясомъ тѣни и прохлады. Еще недавно Монастирь былъ населенъ мусульманами-фанатиками, не терпѣвшими въ своемъ городѣ никакой другой вѣры, кромѣ магометанской; но со времени установленія правильного пароходнаго сообщенія стала мало-по-малу возрастать европейская колонія, и теперь это самый чистенькій, наилучше содержимый городъ во всемъ Тунисѣ. Недалеко отъ мыса, юго-восточный уголъ котораго занимаетъ Монастирь, находится маленькая группа острововъ, изъ которыхъ одинъ изрытъ множествомъ (около пятидесяти) искусственныхъ гротовъ, вѣроятно, финикійскаго происхожденія; они служили недавно пристанищемъ рыбакамъ, занимающимся ловлей тунца, а иногда ихъ употребляли какъ мѣсто карантинна для матросовъ и путешественниковъ. Далѣе на востокъ, группа острововъ Куріатеинъ, соединяющаяся съ массивомъ мыса Димасъ перешейкомъ изъ подводныхъ скалъ и мелей, есть, по мнѣнію Тиссо, остатокъ значительной земли, существовавшей въ пуническую эпоху; но документы, на которыхъ основывается эта гипотеза, недостаточно точны, чтобы можно было придавать ей большую цѣну.

Суза, главный городъ тунисскаго Сахеля, считается вторымъ городомъ Тунисскаго регентства, если не по числу жителей,—такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ Сфаксу,—то по крайней мѣрѣ по стратегической важности. Большая часть окружающей территорія воздѣлана, и почти все населеніе живетъ осѣдно. Суза—портъ Кайруана, главнаго города и военнаго центра внутренняго Туниса. Основанная финикійцами, она тоже была столицей края. Подъ именемъ Гадрумета (Hadrumentum), она была въ римскую эпоху главнымъ мѣстомъ провинціи Бизацены, и богатства ея, также какъ важное стратегическое положеніе, часто привлекали къ ней иноземныхъ завоевателей: вандалы, арабы, испанцы и французы поочередно осаждали и штурмовали ее, разрушали или бомбардировали; развалины различныхъ эпохъ нагромождены въ видѣ горокъ; обломки съ античными изваяніями и надписями употреблены какъ матеріалъ для постройки нынѣшнихъ домовъ, но отъ большихъ зданій, о которыхъ говорятъ средне-вѣковые арабскіе писатели, какъ, напримѣръ, амфитеатра, не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Древній храмъ представляетъ теперь куча мусора, Хаджаръ-Маклубахъ или «Опрокинутый Камень» ¹⁾, а круглый кароагенскій портъ, или «котонъ», походившій на гавани Утики и

Кароагена, можно признать только по двумъ крайнимъ воротамъ шлюзовъ ¹⁾, каменнымъ массамъ, которыя издали легко принять за скалы; наибольшая часть гавани была засыпана и обращена въ эспланаду. Также какъ почти во всѣхъ старинныхъ городахъ Туниса, цистерны, болѣе драгоцѣнныя, чѣмъ всякія другія постройки, содержались или ремонтировались при всѣхъ правительствахъ. Что касается некрополей различныхъ вѣковъ, то они образуютъ почти полный кругъ около города: самыя древнія, въ которыхъ еще видны погребальныя камеры, высѣченныя въ нѣжномъ известнякѣ, напоминаютъ внутреннимъ расположеніемъ своихъ галлерей могильные склепы Финикіи и Палестины. Римская цистерна и теперь еще снабжаетъ городъ водой.

Современная Суза, подобно другимъ городамъ восточнаго Туниса, окружена большимъ четырехугольникомъ каменныхъ стѣнъ, съ башнями по бокамъ и касбой, или замкомъ, на одномъ изъ угловъ. Внѣ этой ограды, имѣющей около трехъ километровъ въ окружности и заключающей внутри лабиринтъ кривыхъ улицъ, выстроился, въ сосѣдствѣ берега, новый, открытый городъ, далеко не такой живописный, какъ старый. Въ новомъ городѣ находятся склады купцовъ, еврейскихъ и европейскихъ, съ ихъ цистернами для оливковаго масла, содержимое которыхъ отправляется въ Марсель для фабрикаціи мыла. Средній годовой вывозъ масла изъ Сузанскаго порта составляетъ 40.000 гектолитровъ, на сумму около 4 милліоновъ франк.; а общая цѣнность внѣшней торговли Сузы простирается до 10 000.000 франк. Число оливковыхъ деревьевъ въ Сузанскомъ сахелѣ считаютъ милліонами, и плантаціи могли бы быть еще расширены, хотя въ ихъ мѣстахъ позволяютъ пескамъ засыпать культурныя земли. До недавняго времени бочки съ масломъ, отправляемыя сузанскими торговцами на корабли, стоящія въ рейдѣ, спускались прямо на воду и буксировались шаландами, которыя тянулись одна за другой длинными вереницами; на обратномъ пути шаланды опорожненные бочки выбрасывались за бортъ и, подхваченныя прибоемъ, сами подплывали къ берегу, гдѣ владельцы распознавали свое добро; теперь искусственная дамба принимаетъ пассажировъ и товары, подвозимые къ берегу на шаландахъ или баркахъ. Сицилійскія шлюпки приходятъ ловить сардинокъ въ водахъ Сузы, не менѣе богатыхъ рыбой, чѣмъ воды Махдинъ, и пойманная ими добыча отправляется въ Грецію и въ Далмацію ²⁾. Итальянцы и мальтійцы, очень многочисленные въ Сузѣ, до недавняго времени составляли почти все европейское населеніе города; но большинство не-мусульманъ состояло

¹⁾ Н. Barth, „Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres“.

¹⁾ Victor Guérin, цитированное сочиненіе; — Daux „Année géographique“, 1869.

²⁾ Paul Melon, „De Palerme à Tunis“.

изъ евреевъ; ихъ насчитывалось около двухъ тысячъ душъ, и вся внутренняя торговля была сосредоточена въ ихъ рукахъ. Сотни негровъ, сыновья бывшихъ невольниковъ, занимаются

шей частью переводчиками и подмастерьями. Здѣшніе магометане, между которыми нѣрѣдки блондины съ голубыми глазами, энергически протестуютъ, когда ихъ называютъ арабами:

Островъ Джерба. Замокъ близъ Хумтеуна.

ремесломъ каменщиковъ, землекоповъ, бѣлизильщиковъ домовъ, а со времени французской оккупации стали приходить изъ Алжира кабилы и арабы искать счастья въ Сузѣ: благодаря знанію французскаго языка, они служатъ боль-

«мы—сузанцы», говорятъ они съ гордостью¹⁾. Между окрестными мѣстечками нѣкоторые, по числу жителей, не уступаютъ самому городу.

¹⁾ Berthelon, „Revue de Géographie“, 1882.

Такова Келаа-Кебира, въ 13 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Сузы; другой пригородъ, Мсакенъ, окруженный густымъ оливковымъ лѣсомъ, лежитъ въ 11 километр. къ юго-западу: это святое мѣсто мусульманъ, входъ въ которое до недавняго времени былъ запрещенъ евреямъ и христіанамъ.

Рельсовый путь, проложенный по неровной почвѣ, черезъ холмы, долины и себхи, соединяетъ Сузанскій берегъ съ террасой, на которой стоитъ городъ Кайруанъ, духовная столица Туниса, господствующій своей бѣлой массой надъ обширными, слегка волнистыми, но безлѣсными пространствами. Основанный завоевателемъ Окбаомъ въ 671 году, въ эпоху перваго арабскаго нашествія въ Мавританію, городъ «Двойной Побѣды» до сихъ поръ сохранилъ большой престижъ въ глазахъ мусульманъ, и паломничество къ предполагаемой могилѣ основателя считается богоугоднымъ дѣломъ, способствующимъ очищенію души вѣрующихъ: «Кайруанъ—одни изъ четырехъ вратъ рая»; «недѣля въ Кайруанѣ имѣетъ ту же цѣну, что одинъ день въ Меккѣ», и даетъ право на титулъ хаджи ¹⁾. Легенда рассказываетъ, что прежде, чѣмъ положить основаніе Кайруану, Сиди-эль-Окбахъ объявилъ всѣмъ полевымъ звѣрямъ, что на этомъ мѣстѣ будетъ воздвигнутъ святой градъ, и впродолженіи трехъ дней львы, барсы, вепри и другія дикія животныя, большія и малыя, дефилировали массами, оставляя свободное мѣсто поклонникамъ Пророка. Люди нечистые тоже не могли, говоритъ легенда, жить въ святомъ градѣ: духи блаженныхъ истребили бы ихъ, если бы они осмѣлились подойти близко къ мечетямъ. Евреямъ запрещено было имѣть пребываніе въ городѣ; ихъ хара находилась въ двухъ верстахъ за городской стѣной. Что касается христіанъ, то нѣкоторые изъ нихъ, именно путешественники, охраняемые грамотой бея, проникали въ Кайруанъ и были вѣжливо принимаемы шейхами, но въ религіозныя зданія ихъ не пускали. Тогда какъ всѣ города тунисскаго побережья были послѣдовательно посѣщены побѣдовосными иностранными арміями, Кайруанъ въ первый разъ увидалъ непріятели передъ своими стѣнами только въ 1881 году, когда имъ овладѣли французы, и тогда только первый христіанинъ переступилъ порогъ его мечетей; впрочемъ, городъ отворилъ свои ворота безъ сопротивленія. Съ этого времени онъ сдѣлался главнымъ пунктомъ военнаго округа, и ограда его, доминируемая касбой, была дополнена новыми бастіонами.

Кайруанъ, окруженный развалинами, голыми землями, солончаками, обиженъ природой, сравнительно съ другими тунисскими городами; онъ не имѣетъ ни текучихъ водъ, ни фонтановъ, и

долженъ довольствоваться исключительно водой цистернъ, изъ которыхъ нѣкоторыя наполняются, во время продолжительныхъ дождей, уадамъ Мергъ-эль-Лиль, очищающимъ свой потокъ при переходѣ изъ бассейна въ бассейнъ ¹⁾. Въ городѣ нѣтъ еще тѣнистыхъ садовъ; кругомъ него больше кладбищъ, нежели воздѣланныхъ земель. Съ перваго взгляда Кайруанъ, благодаря своему центральному положенію, производитъ пріятное впечатлѣніе только своимъ величественнымъ видомъ: наблюдаемый издали, онъ господствуетъ надъ окружающимъ пространствомъ своими высокими стѣнами, многочисленными куполами своихъ мечетей, великолѣпнымъ трехъ-этажнымъ минаретомъ, который вздымается на сѣверо-восточной сторонѣ города, надъ мечетью Сиди-Окбаха. Даже Тунисъ далеко не можетъ равняться съ Кайруаномъ богатствомъ своихъ мечетей и заимъ: святой городъ имѣетъ болѣе восьмидесяти этихъ религіозныхъ зданій, храмовъ или монастырей, и одинъ изъ нихъ, Джемаа-эль-Кебиръ, состоитъ изъ семнадцати двойныхъ параллельныхъ нефовъ, заключающихъ слишкомъ четырехъ колоннъ изъ рѣдкихъ матеріаловъ: опикса, порфира, мрамора. Еще большей славой, чѣмъ главная мечеть, пользуется мечеть «Товарища», названная такъ потому, что она заключается въ одной нишѣ, украшенной чудными арабесками, могилу товарища Пророка, его цирюльника, и еще болѣе драгоценныя реликвіи—три волоса изъ бороды Магомета. Самыя могущественныя братства въ Кайруанѣ—айссауа, тиджанія и гиланія. Подобно многимъ другимъ городамъ, Кайруанъ одинъ изъ самыхъ испорченныхъ нравственно, и классъ тунисскихъ танцовщицъ вербуетъ главнымъ образомъ въ этомъ городѣ мечетей и духовныхъ братствъ. Обитатели «святаго града» хвастаются, что они живутъ паразитами, на счетъ вѣрующаго; оттого-то они такъ сильно выродились и по большей части страдаютъ худосочиемъ: ракъ, золотуха, недуги всякаго рода придаютъ населенію отталкивающую наружность; они безсильны для работы, такъ же какъ были безъ энергіи для сопротивленія вѣншему врагу. Впрочемъ, городъ имѣетъ кое-какія промышленныя заведенія, занимающіяся производствомъ предметовъ роскоши, особенно фабрики вышитыхъ сѣделъ, мѣдныхъ сосудовъ, розовой эссенціи; базары его—одни изъ богатѣйшихъ во всемъ Тунисѣ. Что касается жизненныхъ припасовъ, то они получаютъ изъ отдаленныхъ мѣстностей: такъ, овощи и зерновые хлѣба привозятся за сто верстъ, изъ Гальнамета.

Въ Кайруанскомъ округѣ нѣтъ другихъ городовъ; античная Сабра, стоявшая въ верстѣ

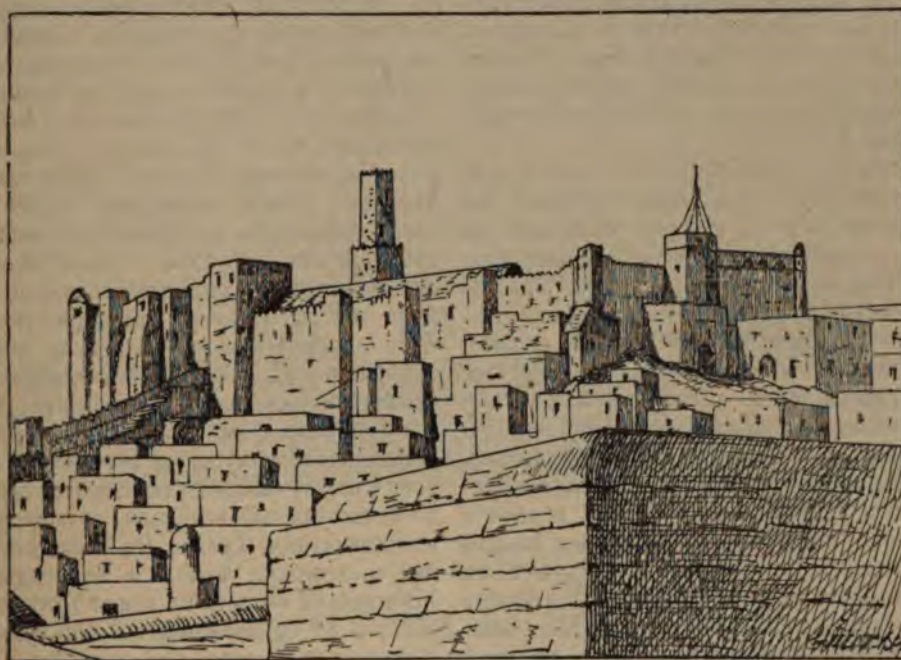
¹⁾ Ed Raa, «The Country of the Moors».

¹⁾ Guérin, цитированное сочиненіе — R. Cagnat et H. Saladin, «Tour du Monde», année 1885, N° 1272.

или двухъ южнѣе, оставила послѣ себя только двѣ розовыя колонны, изъ которыхъ, какъ гласитъ легенда, «струилась кровь» подѣ пилой рабочихъ. Зрѣлище городской жизни вдругъ, безъ постепеннаго перехода, смѣняется зрѣлищемъ жизни пастушеской ¹⁾. Всѣ окрестныя населенія, арабы и берберы, вполнѣ или отчасти номады. Самое могущественное племя, злать, на югѣ и на западѣ отъ Кайруана, принадлежитъ къ расѣ аборигеновъ; численность его опредѣляютъ въ тридцать тысячъ душъ; оно населяетъ западное предмѣстье Кайруана. Арабы племени суаза живутъ на востокѣ, вокругъ котловинъ, гдѣ скопились воды себхи Сиди-эль-Гани, и умѣютъ извлекать изъ нихъ соль, которую складываютъ въ горки; на этихъ горкахъ они жгутъ хворостъ, для того чтобы

оставили послѣ себя руины, называемыя «генширь» во всей восточной Мавританіи, тѣмъ же именемъ, какъ и фермы или имѣнія. Киринъ, древній Scyllium, покрывающій своими развалинами нѣсколько холмовъ, заключаетъ въ себѣ еще трехъэтажный мавзолей съ коринтскими пилястрами, триумфальную арку и многочисленныя зданія, менѣе хорошо сохранившіяся. Недалеко оттуда, желѣзная дорога изъ Габеса въ Тебессу пройдетъ подѣ двумя триумфальными арками ⁴⁾. Къ востоку отъ Касрина, генширь Сбейтла, надѣ которымъ господствуетъ джебелъ того же имени, и черезъ который проходитъ уадъ Менассеръ, притокъ эль-Фокки, сохранилъ нѣкоторые грандіозныя памятники римской эпохи; когда Геренъ посѣтилъ этотъ генширь, тамъ проживало только одинъ мара-

Цитадель Сузы.

отъ плавленія верхнихъ кристалловъ образовался твердый слой, препятствующій растворенію соли подѣ дѣйствіемъ дождей ²⁾. На сѣверо-востокѣ расположены становища племени уладъ-ягія, а на западѣ около истоковъ рѣчекъ, изливающихъ въ озеро Кельбіа, — становища племени маджеръ.

Область, по которой кочуютъ эти арабизованные берберы, одна изъ тѣхъ, гдѣ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ жило многочисленное осѣдлое населеніе. Верхній бассейнъ уада эль-Фокка, потока, мѣняющаго имя при каждомъ слияніи съ другимъ ручьемъ, особенно богатъ остатками римской старины. Обширные античные города и ихъ пышныя памятники всюду

буть, и каково же было удивленіе путешественника, когда онъ открылъ, что этотъ марабуть — французъ! Нѣсколько горячихъ ключей, бьющихъ на днѣ высохшаго ложа близъ Сбейтлы, довольно обильны, чтобы образовать прозрачный ручей, такой же многоводный, какъ и Загуанскіе источники; воды его достаточно было для значительнаго населенія, и, дѣйствительно, все доказываетъ, что эта мѣстность, нынѣ почти пустынная и безлюдная, была густо населена двѣ и три тысячи лѣтъ тому назадъ ³⁾. Древняя Суффетула, то-есть, для карфагенянъ, «Городъ Суффетовъ», продолжала существовать, какъ важный городъ и какъ мѣсто пребыванія главнаго управленія провинціи,

¹⁾ Rouire, „Revue de Géographie“, 1882.

²⁾ Pellissier, „Description de la Régence de Tunis“.

⁴⁾ Henri Duportal, рукописныя замѣтки.

³⁾ L. Playfair, „Travels in the footsteps of Bruce“.

до арабских нашествий; сохранившиеся храмы, колоннады, триумфальные арки, городские стены и башни, гробницы с надписями позволили археологам восстановить план города. Один храм с двумя выступающими флигелями, окруженный изящными колоннами, горделиво высится на вершине холма: въ преддверие этого тройного святилища вступали через триумфальные ворота, украшенные, как и самый храм, изящными прекрасного стиля, напоминающими орнаментировку храмов Бальбека. Вся эта область, усаянная римскими развалинами, повидимому, была обширным оливковым лесом: подлѣ каждой, даже самой маленькой руины, находят слѣды снарядовъ для выдавливанія изъ оливокъ масла; близъ каждаго зданія видны также цистерны и крепостцы, куда колонисты укрывались въ случаѣ тревоги¹⁾. Въ настоящее время эта страна маслинъ, гдѣ кочуетъ племя фрашишъ, не даетъ никакихъ продуктовъ, кромѣ шерсти своихъ стадъ, которая, впрочемъ, считается лучшей во всемъ Тунисѣ.

На сѣверѣ отъ Сузы, береговая дорога, сжатая между лагунами и моремъ, проходитъ черезъ мѣстечко Хергла, которое сохранило отъ римскихъ вѣковъ только свое древнее имя, *Norrea Caelia*, да груды безформенныхъ развалинъ; въ сосѣдней равнинѣ почва усаяна доменами на пространствѣ около 2 кв. километровъ. Далѣе, въ сосѣдствѣ острокопечной горы Такруна, на которой расположена деревня того же имени, находится ферма Даръ-эль-Бей или «Дворецъ бея», центръ обширной долины Эфиды Уладъ-Сандъ, которую долго оспаривали другъ у друга ивостранныя компаніи спекулянтовъ, поддерживаемыя кажда своимъ правительствомъ: присоединеніе Туниса къ Франціи положило конецъ этой борьбѣ, рѣшивъ дѣло въ пользу одного марсельскаго общества, которому были уступлены также, на правахъ концессионера, и другія государственныя имущества. Громадное пространство, еще не смѣренное, но навѣрно обнимающее не менѣе 120.000 гектаровъ (около 110 т. десятинъ), заключаетъ въ себѣ земли разнаго качества, безплодныя и плодородныя, совокупность которыхъ составляетъ одну изъ лучшихъ, по природнымъ условіямъ, областей Туниса: при римскомъ владычествѣ эта часть Бизацены имѣла не менѣе семнадцати городовъ, развалины которыхъ разсыпаны подлѣ кустарникомъ; теперь же здѣсь существуютъ только три деревни, построенныя на холмахъ и населенныя берберами-земледѣльцами, да еще мальтійское поселеніе, основанное недавно въ 10 километрахъ сѣверу отъ Даръ-эль-Бея. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оливковыя плантаціи тянутся

на необозримое пространство; другія части, обильно орошаемыя, могли бы быть употреблены для садоводства; равнины засѣваются зерновыми хлѣбами; сосновые и туйевые лѣса осѣняютъ склоны на предгорьяхъ хребта Загуанъ; прекрасныя пастбища какъ нельзя болѣе благоприятствуютъ развитію овцеводства. Къ этой-то специальной отрасли сельской промышленности, посредствомъ введенія алжирскихъ стадъ, да къ насажденію виноградниковъ и были направлены главнѣйшія усилія новыхъ владѣльцевъ; но недостатки веденія хозяйства черезъ управляющихъ и за счетъ живущихъ за моремъ капиталистовъ не преминули обнаружиться въ этой тунисской домѣнѣ, какъ и во всѣхъ вообще латифундіяхъ. Проценты по займамъ, плата за комиссію, расходы на бесполезныхъ посредниковъ, дороговизна рабочихъ рукъ, враждебность обиженныхъ туземцевъ всегда, въ концѣ концовъ, разоряютъ подобныя предпріятія, или по крайней мѣрѣ мѣшаютъ тому, чтобы они приносили, пропорціонально, такой же доходъ, какъ мелкіе земельные участки, обрабатываемые самимъ владѣльцемъ. Чтобы избѣгнуть полной неудачи своей спекуляціи, концессионеры Эфиды должны были отказаться отъ веденія хозяйства на собственный страхъ и рискъ: они ограничиваются теперь, подобно арабскимъ сюзеренамъ, сдачей своихъ земель въ аренду окрестнымъ хлѣбопашцамъ и пастухамъ; арендная плата немного больше двухъ франковъ съ гектара, за исключеніемъ земли, занятой кустарникомъ¹⁾. Подписывать контракты и получать аренду — вотъ къ чему свелось дѣло, которое торжественно провозгласили исходной точкой новой эры въ цивилизаціи Туниса. Въ Эфидѣ есть обильные источники, горячіе и минеральные. Населеніе этой области въ концѣ 1882 года состояло изъ 40 европейцевъ и 6.850 туземцевъ, а къ концу 1884 года оно возросло до 12.000 душъ.

Маленькій городокъ Гаммамъ, называемый «городомъ Голубей», по причинѣ безчисленнаго множества вяхирей (дикихъ голубей), гнѣздящихся въ скалахъ сосѣднихъ горъ, далъ свое имя широкому заливу, открывающемуся между полуостровомъ мыса Бонъ и мысомъ Монастирь. Этой честью онъ обязанъ не древности происхожденія, такъ какъ основанъ въ XV стол., и не богатству, потому что населеніе его очень немногочисленно и окрестности плохо обработаны; но онъ имѣетъ нѣкоторый видъ, благодаря своимъ бѣлымъ стѣнамъ, съ четырехугольными башнями по угламъ, и положеніе его какъ разъ на южной оконечности дороги, пересѣкающей сѣверо-восточный полуостровъ Туниса, сдѣлало его довольно важнымъ

¹⁾ R. Cagnat et H. Saladin, „Journal officiel“, 20 juillet 1883.

¹⁾ R. Cagnat et H. Saladin, „Voyage en Tunisie“, Tour du Monde, XLVII, 7 juin 1884.

стратегическимъ пунктомъ и въ то же время необходимымъ этапомъ: здѣсь путешественники, прибывшіе изъ города Туниса, достигаютъ восточнаго моря, и потому очень естественно, что они дали заливу имя того мѣста, гдѣ кончается дорога, ведущая изъ внутренней части страны. Но торговая и промышленная жизнь направилась далѣе на востокъ, въ городъ Набель, основанный ранѣе арабскаго нашествія, какъ о томъ свидѣлствуетъ его греческое имя Неаполисъ, едва измѣнившееся въ нынѣшней формѣ. Несмотря на это названіе «Новаго Города», онъ существуетъ уже съ незапамятныхъ временъ: въ остаткахъ Набель-эль-Кедима, или «Стараго Набеля», находятъ еще

фабрикуетъ также ткани, а цвѣты его садовъ идутъ на приготовленіе эссенцій. Въ эти послѣдніе годы Набель получилъ нѣкоторую извѣстность, какъ «зимній городъ» для чахоточныхъ. Хорошо защищенный съ сѣвера холмами сѣверо-восточнаго полуострова, этотъ городъ обращенъ къ водамъ Гаммаметскаго залива, гдѣ море рѣдко волнуется и бушуетъ такъ, какъ на сѣверѣ; вѣтеръ не дуетъ яростной бурей въ его улицахъ, какъ на дорогахъ Туниса, вздымая и кружа столбы пыли. Къ сѣверу отъ Гаммамета короли вандаловъ имѣли свой «Парадись», то-есть загородный дворецъ; но тамъ, гдѣ находились эти волшебные сады, теперь едва увидишь одинокое дерево. Песокъ

Кайруанъ.—Мечеть Сабель.

кое-какіе слѣды карфагенскихъ построекъ; Пелрингъ Скилакса упоминаетъ уже объ этомъ африканскомъ Неаполѣ. Почва равнины, гдѣ возникали послѣдовательно «новые города», замѣняя старыя, усыяна черепками, разбитыми сосудами, и въ наши дни еще вокругъ безчисленныхъ гончарныхъ заводовъ видны кучи бракованной посуды, подобной той, которую выбрасывали горшечники древняго Неаполиса, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ: мѣстная промышленность не измѣнилась съ той эпохи. Отсюда главнымъ образомъ получаютъ охлаждаемые кувшины, кружки, цвѣточные горшки, курильницы, глиняныя лампы и другія гончарныя издѣлія, продаваемые на рынкахъ Туниса и даже въ Алжирѣ и въ Триполи. Набель

съ каждымъ днемъ все, больше захватываетъ сады и кладбища ¹⁾.

Дахелатъ-эль-Магуинъ, какъ называютъ полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Аддаръ, есть одна изъ многочисленныхъ областей Туниса. Города и большія деревни, окруженные фруктовыми садами и масличными рощами, слѣдуютъ другъ за другомъ на высокихъ берегахъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ восточнаго побережья. Береговая дорога проходитъ черезъ Бени-Хриаръ, Курбу, Куршинъ, Мензель-Темиръ, Келибію, наследницу древней Клипеи (Слураеа), по-гречески Асписъ, названной такъ отъ холма въ формѣ «щита», на которомъ стоялъ ак-

¹⁾ R. Cagnat et H. Saladin, цитированное сочиненіе.

рополь. Расположенный близъ мыса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ морской берегъ изгибается къ юго-западу, давая кораблямъ защиту противъ сѣверныхъ вѣтровъ, городъ «Щита» всегда имѣлъ нѣкоторую важность, какъ морская пристань, и хотя объ его гавани давно обмелѣли, но и теперь еще небольшія морскія суда, застигнутыя бурей, приходятъ сюда искать убѣжища. Сѣверный берегъ полуострова, омываемаго водами Тунисскаго залива, менѣе населенъ, чѣмъ противоположащее побережье, по причинѣ небольшой ширины годнаго къ культурѣ пояса земли, заключеннаго между холмами и моремъ. Самыя значительныя группы населенія, Солиманъ и Мензель, или этапъ, называемый Мензель-Бу-Зальфа, находятся въ сѣверной части равнины, черезъ которую берегъ Тунисскаго залива сообщается съ берегомъ залива Гаммамetskаго. Жители Солимана—андалузскаго происхожденія, какъ и обитатели многихъ другихъ мѣстечекъ Дахелать-эль-Магуина, и, по словамъ Гренвиля Темпля, многіе изъ потомковъ этихъ андалузскихъ выходцевъ носятъ еще испанскія фамиліи; чума 1819 года истребила болѣе двухъ третей населенія Солимана.

На морскомъ берегу семь горячихъ источниковъ Гаммамъ-Курбесъ (Горбусъ), имѣющихъ, сравнительно съ другими теплыми водами Туниса, наиболѣе высокую температуру, отъ 25 до 59 градусовъ Цельсія, вытекаютъ изъ земли недалеко отъ мыса Расъ-Форастъ, какъ разъ противъ Кареагенскаго мыса; кромѣ того, штукъ двѣнадцать кипящихъ ключей, примѣтныхъ по клубящемуся надъ ними столбу пара, бьютъ со дна моря, въ небольшомъ разстояніи отъ берега *). На плоскомъ берегу, составляющемъ крайнюю вогнутость залива, у основанія откосовъ Двурогой горы, текутъ другія теплыя воды (40 градусовъ) Гаммамъ-Лифъ или Гаммамъ-эль-Энфъ, утилизируемыя въ бывшемъ дворцѣ бея, который вскорѣ будетъ замѣненъ новымъ заведеніемъ, устроеннымъ съ большою роскошью и со всѣми удобствами; особенно осевью воды эти посѣщаются иностранцами, преимущественно евреями. Гаммамъ-Лифъ, или Гаммамъ-эль-Энфъ, составляетъ уже часть обширнаго городского округа Туниса и соединенъ съ столицей рельсовымъ путемъ, который въ послѣдствіи предполагаютъ продолжить до Гаммамета; въ скоромъ времени тамъ будетъ устроена небольшая гавань. Двурогая гора заключается въ своихъ нѣдрахъ залежи свинцовой руды, содержащей серебро, которыя, впрочемъ, не эксплуатируются; но въ Джебель-Рессасъ, или «Свинцовой горѣ», стоящей немного южнѣе, работаютъ уже сотни рудокоповъ, почти все итальянцы.

Бассейнъ узда Меліанъ впадаетъ въ Тунис-

скій заливъ близъ Радеса, античной деревни, смотрящей на Кареагенъ съ высоты своего холма. Въ этомъ бассейнѣ существуетъ только одинъ городъ, Загуанъ, который тоже можно считать пригородомъ столицы регентства. Расположенный южнѣ Туниса, на высотѣ отъ 196 до 236 метровъ, Загуанъ служитъ дачнымъ мѣстомъ для тунисцевъ, благодаря своему чистому воздуху, обильнымъ текучимъ водамъ, прекраснымъ садамъ и лѣсамъ, гдѣ растутъ, между прочимъ, и европейскія породы деревьевъ; онъ же снабжаетъ столицу водой. Въ близкомъ будущемъ Загуанъ сдѣлается аванпостомъ Туниса, съ точки зрѣнія стратегической и торговой, когда построится желѣзная дорога, которая будетъ командовать восточными и южными городами, Сузой, Кайруаномъ, Гафсой. Уже обыкновенныя, недавно открытыя, дороги сдѣлали Загуанъ торговымъ и производственнымъ центромъ. Триумфальная арка, хорошо сохранившаяся, и древнія надписи свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ городъ нѣкогда былъ занятъ римлянами. Во время иммиграціи андалузскихъ мавровъ, одна колонія этихъ бѣглецовъ поселилась въ Загуанѣ, и потомки этихъ трудолюбивыхъ ремесленниковъ до сихъ поръ еще населяютъ городъ; они занимаются главнымъ образомъ садоводствомъ, крашеніемъ фесокъ, или шепіа, выдѣлкой кожъ; загуанская вода, говорятъ, обладаетъ особеннымъ свойствомъ уплотнять смачиваемыя ею ткани, влѣдствіе чего онѣ лучше принимаютъ краску: оттого тунисскія шапки во всемъ Левантѣ предпочитаютъ издѣліямъ этого рода, привозимымъ изъ Франціи и другихъ странъ *). Съ вершинъ изрѣзанной оврагами горы, которая господствуетъ надъ Загуаномъ, открывается великолѣпный видъ на всю сѣверно-восточную часть страны, отъ береговъ Сузы до мысовъ Кареагена. На одномъ изъ предгорій этого массива путешественники Ребателъ и Тиранъ открыли до-историческій некрополь, заключающій около трехсотъ долменовъ, которые всѣ расположены по направленію отъ востока къ западу. Въ одномъ изъ сосѣднихъ съ Загуанской горой ущелій находится такъ называемый дефилей «Пилы», гдѣ были перебиты наемники, въ концѣ той жестокой войны, которая грозила самому существованію Кареагена.

Грандіозныя или живописныя виды слѣдуютъ одинъ за другимъ на всей окружности горнаго массива, но самый прелестный пейзажъ представляетъ мѣстность, окружающая нимфеумъ большаго источника, главнаго потока Кареагенскаго водопровода. Этотъ храмъ, стоящій на террасѣ, въ двухъ верстахъ къ югу отъ Загуана, и на половинѣ склона массива, построенъ на скалѣ и дополняется перистилами, лѣстницами, бассейнами, бѣлизна которыхъ соста-

*) Lafitte, рукописныя замѣтки; —Guyon, „Eaux thermales de la Tunisie“.

*) Alphonse Devoux, „Revue Africaine“, 1874.

иаетъ яркій контрастъ съ зеленою деревнею съ разнообразными цвѣтами обвалившихся амней на склонѣ горы. Загуанскій водопро-

тянется на сѣверъ къ городу Тунису и Ла-Гулеттѣ, и общая длина котораго, вмѣстѣ съ развѣтвленіями, 131 километръ. Подземными уча-

С ф а к с ъ.

водъ примыкаетъ къ водопроводу съ джебеля Джугаръ, несущему меньшее количество воды, и эти два потока соединяются въ римскомъ водопроводѣ, теперь реставрированномъ, который

стками древняго водопровода въ большей части воспользовались для новаго канала, но тамъ, гдѣ черезъ пониженія почвы были перекинуты длинныя ряды аркадъ, эти послѣднія замѣнены

теперь трубами, проложенными въ видѣ сифона въ землѣ. Къ югу отъ перехода черезъ уэдъ Меліанъ, одинъ участокъ древняго водопровода продолжается безъ перерыва на протяженіи болѣе 2 километр., при чемъ нѣкоторыя изъ его аркадъ достигаютъ высоты 25 метровъ; но почти повсюду развалины водопровода представляютъ лишь короткіе отрывки, эксплуатируемые, какъ каменоломни, окрестными строителями, которые сдираютъ съ нихъ облицовку изъ шлифованныхъ камней. Даже инженеры, поправлявшіе водопроводъ, уничтожили прекраснѣйшую руину, которая оставалась отъ этого памятника, воздвигнутаго императорами Адрианомъ и Септимомъ Северомъ: они сломали мостъ черезъ уэдъ Меліанъ, чтобы поставить на его фундаментъ свой современный путеводъ, который легко было бы провести въ другомъ мѣстѣ, безъ увеличенія расходовъ; обломки водопровода, также какъ развалины древне-римскаго города Удина (Удина), послужили матеріаломъ для постройки стѣнъ, домовъ и дворцовъ, нынѣ покинутыхъ. Могамедіа: огромные мегалиты разсыяны вокругъ руинъ Удины, а цистерны обращены въ подземныя жилища и помѣщенія для скота. Среднее количество воды, даваемое утилизируемыми источниками, въ 1885 году составляло 7.000 кубич. метровъ въ день; благодаря новымъ запрудамъ, оно въ скоромъ времени будетъ увеличено на половину *); надѣются, что наибольшее снабженіе достигнетъ 17.000 кубич. метровъ въ день, а среднее будетъ колебаться между 10.000 и 11.000 куб. метровъ.

Тунисъ, столица регентства и одинъ изъ многочисленнѣйшихъ городовъ континента, уступалъ въ началѣ настоящаго столѣтія только одному африканскому городу, Каиру, по числу жителей; теперь онъ превзойденъ Александріей и, можетъ-быть, также Алжиромъ, если считать все населеніе послѣдняго, внутри и внѣ городской ограды: хотя во многихъ отношеніяхъ Тунисъ поставленъ въ гораздо болѣе благоприятныя условія, чѣмъ алжирская столица, однако, послѣдняя, если не опередила, то, по крайней мѣрѣ, сравнялась съ нимъ, благодаря централизациі, политической, военной, административной и экономической, которую доставила ей слишкомъ полувѣковая французская оккупациа. Съ общей точки зрѣнія географическихъ условій, Тунисъ имѣетъ за собой нѣкоторыя изъ тѣхъ первостепенныхъ выгодъ, какими пользовался древній Карфагенъ: онъ лежитъ въ сосѣдствѣ выступающаго угла Мавританіи, между двумя бассейнами Средиземнаго моря, и вмѣстѣ съ тѣмъ находится вблизи выхода главной долины рѣки Меджерды, которая своими многочисленными развѣтвленіями проникаетъ вглубь горъ и плоскихъ возвы-

шенностей Магриба; кромѣ того, онъ пользуется здоровымъ климатомъ, благодаря свободной циркуляціи сѣверныхъ вѣтровъ. Три тысячи лѣтъ тому назадъ, или, можетъ-быть, въ еще болѣе отдаленную эпоху, когда основывался Тунисъ, нѣкоторыя черты рельефа, представляющія удобства въ торговомъ отношеніи и обезпечивающія защиту отъ внѣшняго врага, должны были повліять рѣшительнымъ образомъ на выборъ строителей. Въ этомъ мѣстѣ цѣпь невысокихъ известковыхъ холмовъ прерываетъ большую равнину, открытую на востокъ къ Меджердѣ, и эта стратегическая позиція является тѣмъ болѣе сильной, что по обѣ стороны каменистаго хребта разстилаются обширныя озерныя котловины: на юго-западѣ — себха Эль-Сельджумъ, размѣры которой увеличиваются и уменьшаются съ дождями и засухами, на сѣверо-востокѣ — Багира, или «Малое Море», уровень котораго не мѣняется, благодаря узкому каналу (la goulette), черезъ который воды Средиземнаго моря свободно входятъ въ лагуну. Такимъ образомъ городъ, стоящій на тунисскомъ перешейкѣ, былъ почти недоступенъ нападенію на двухъ изъ своихъ сторонъ; онъ командовалъ дорогой, черезъ которую поддерживается сообщеніе между долинами Меджерды и Меліана. Кромѣ того, «Малое Море», хотя очень мелкое, было, однако, довольно глубоко, чтобы принимать небольшія суда; подъ защитой отъ бурь, они приходили выгружать свои товары на тунисскомъ берегу. Правда, въ теченіе вѣковъ то или другое географическое условіе, бывшее нѣкогда благоприятнымъ, сдѣлалось, въ концѣ-концовъ, гибельнымъ: такъ, мелководная лагуна Бахира, куда не могутъ проникать употребляемыя въ наши дни крупныя суда, обратилась въ громадный сточный бассейнъ, воды котораго распространяются въ воздухѣ нестерпимое зловоніе. При такихъ условіяхъ, Тунисъ лишь въ незначительной мѣрѣ пользуется выгодами, свойственными приморскому положенію: это скорѣе внутренній городъ, старающійся устройствомъ искусственнаго порта вернуть себѣ то преимущество, которое нѣкогда было дано ему природой.

Возникшій, вѣроятно, ранѣе Карфагена, Тунисъ, или Тунесъ, имѣлъ свои эпохи цвѣтущаго состоянія. Когда лѣтописи упоминаютъ о немъ въ первый разъ, онъ находился въ орбитѣ своего могущественнаго сосѣда, Карфагена; послѣ паденія послѣдняго, Тунисъ сдѣлался самымъ многочисленнымъ городомъ края, но не на долго; отстроенный римлянами, Карфагенъ снова занялъ первенствующее мѣсто, какъ столица страны. Въ концѣ седьмаго столѣтія нашей эры, Карфагенъ, вторично разрушенный, навсегда прекратилъ свое существованіе, и съ той эпохи Тунисъ, одинъ изъ центровъ мусульманскаго могущества, оставался столицей, не-

*) Caillat, рукописныя замѣтки.

смотря на междоусобія и вѣшнія войны. Одинъ только разъ, въ продолженіе двѣнадцатилѣтняго періода, онъ подпалъ подъ власть христіанъ; ибо осаждавшій его, въ 1270 году, Людовикъ IX, король французскій, успѣлъ овладѣть только Карфагенскимъ замкомъ, «chastel», и умеръ на ложѣ изъ пепла, прежде чѣмъ тунисскій султанъ, Абу - Могаммедъ, доведенъ былъ до необходимости просить мира. Только въ 1535 г. императоръ Карлъ V, пользуясь помощью двадцати тысячъ невольниковъ, возмущившихся противъ Хейръ-адъ-Дина, вступилъ въ Тунисъ, отданный имъ одному вассальному князю, и построилъ фортъ Гулетты, чтобы командовать сообщеніями столицы съ моремъ. Но не прошло и года, какъ городъ былъ взятъ обратно Хейръ-адъ-Диномъ, и съ того времени онъ оставался подъ правленіемъ беевъ, вассаловъ Турціи, до 1881 года, когда официальная сюзеренная власть, принадлежавшая Портѣ, была присвоена Франціей. До турецкаго господства Тунисъ, эта «бѣлая, благоухающая, цвѣтущая невеста Запада», считался у мусульманъ городомъ, неимѣющимъ себѣ равнаго во всемъ свѣтѣ. Онъ былъ сборнымъ пунктомъ путешественниковъ Востока и Запада, которые находили тамъ всѣ удобства, какія только можетъ пожелать человѣкъ. Какую бы прихоть ни придумало воображеніе, ее всегда можно было исполнить въ Тунисѣ. Его могущество и слава ставили его, какъ владыку, превыше всѣхъ его соперниковъ, главныхъ городовъ «Восхода и Заката солнца»... Тунисъ въ правѣ былъ сказать про себя: «Я лѣстница храма, по которой восходятъ дороги на небеса!»¹⁾ И теперь еще въ глазахъ мусульманъ Сѣверной Африки, за исключеніемъ жителей Марокко и Египта, Тунисъ—городъ хорошаго вкуса, средоточіе учености, законодатель моды, словомъ—нѣчто въ родѣ «Ливійскаго Парижа»²⁾.

Занимая пространство слишкомъ въ 3 кв. километр., съ каждымъ годомъ разрастающееся (въ августѣ 1883 г. собственно городъ занималъ 92, предмѣстья 173, новый городъ 40 гектаровъ), Тунисъ расположенъ на обращенномъ къ востоку пологомъ скатѣ холмовъ, господствующихъ надъ западнымъ берегомъ «Малаго моря». Съ сѣвера на югъ, онъ тянется на два съ половиною километра, тогда какъ съ востока на западъ ширина его почти вездѣ меньше километра. Центральныя кварталы, называемый еще жителями Мединой, «городомъ» по преимуществу, образуетъ неправильный овалъ, большая ось котораго тоже направлена съ сѣвера на югъ, и который почти на всей своей окружности сохранилъ еще старую стѣну, примыкающую къ укрѣпленіямъ касбы. Сѣвер-

ное предмѣстье, Бабъ-эсъ-Суика, и южное, Бабъ-эль-Джезира, тоже окружены оградой, состоящей изъ ломаной линіи валовъ, которая, начинаясь отъ четырехугольника цитадели, стоящей на холмѣ, тянется отъ бастіона къ бастіону; но на востокъ, со стороны озера Бахира, стѣны исчезли, уступая, такъ сказать, напору разливающегося населенія, и выросъ новый городъ по обѣ стороны центрального бульвара, называемаго Портовымъ, который ведетъ къ площади, окаймленной плотинами, гдѣ начинается судоходный каналъ лагуны. Съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія береговой поясъ Бахиры увеличился по меньшей мѣрѣ на 700 метровъ; онъ расширяется съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе отложенія грязи, наносимой изъ стоковъ, и сваливанія земли, вынимаемой при постройкахъ. По своему низменному положенію, «Новый Тунисъ»—наименѣе здоровая часть города; но это мѣсто, гдѣ находятся двѣ железнодорожныя станціи (итальянская и французская) и портъ, гдѣ выстроится современемъ городская дума, зданіе судебныхъ установлений, театръ, биржа, имѣетъ ту выгоду, что представляетъ строителямъ неограниченный просторъ, и уже теперь между бѣлыми домами «франкскаго квартала» открываются длинныя прямолинейныя проспекты, пересѣкающіеся подъ прямымъ угломъ. Эти проспекты, безъ сомнѣнія, продолжатся современемъ и черезъ лабиринтъ тысячи трехсотъ улицъ стараго города. Въ сосѣдствѣ касбы, широкія аллеи, проведенныя между публичными памятниками, уже положили начало преобразованію, и бульваръ, устраиваемый теперь кругомъ всей Медины, или собственно города, послужитъ приманкой новымъ улицамъ, распланированнымъ по-европейски. Какъ во многихъ другихъ городахъ, эта перемѣна совершится, конечно, въ грубой формѣ: немного останется старинныхъ мавританскихъ домовъ, которымъ дадутъ больше воздуха, свѣта и комфорта, не разрушая аркады и арабесокъ, чтобы превратить ихъ въ безобразныя каменные кубы! Между тѣмъ удивительное искусство мавританскихъ архитектурныхъ украшеній еще не утрачено, и было бы варварствомъ дать ему погибнуть.

Улицы стараго Туниса имѣютъ надъ правильными проспектами франкскаго города преимущество живописности и неожиданности. Между ними ни одной нѣтъ прямой: вездѣ углы и выступы, кривыя разнаго радіуса. Надъ улицей идутъ своды неравной высоты, иные—просто арки, соединяющія два противоположныхъ дома, другіе несутъ одинъ или два этажа на своихъ перекрестныхъ стрѣлкахъ. Нѣкоторые изъ этихъ сводовъ настолько длинны, что образуютъ настоящія галлерей, подобныя галлереймъ берберскихъ городовъ въ оазисахъ. Мраморныя колонны, привезенныя изъ Кар-

¹⁾ Мокаррибъ, трактатъ о риторикѣ, цитируемый Огюстомъ Шербономъ, въ «Revue de Géographie», 1880.

²⁾ H. Duveyrier, «La Tunisie».

вагена, поддерживаютъ основаніе аркадъ или обрамляютъ двери домовъ своими разноцвѣтными капителями. Дикая трава пробивается изъ каждой трещины сводовъ; въ углахъ наклонно растутъ деревья, прикрывая своими вѣтвями какую-нибудь мелочную лавочку или скамьи кофейни. Около верхней части города, подъ касбой и дворцомъ беевъ, Даръ-эль-Бей, развѣтвляется лабиринтъ *суковъ* (рынковъ), каждая улица котораго населена людьми одной и той же корпорациі—сѣдельниками, продавцами матерій, котельниками, ювелирами, парфюмерами. Часто мастерская помѣщается рядомъ съ лавкой; ремесленники ткутъ полотно, мотають шерсть, красятъ шени, куютъ мѣдь на глазахъ толпы покупателей и прохожихъ, тѣснящейся въ узкомъ переулкѣ; тамъ и сямъ черезъ полуотворенныя ворота виднѣется почти пустой дворъ между аркадами: это духовная школа или мечеть, тихое убѣжище среди царящаго кругомъ городского шума. Животныхъ рѣдко увидишь въ этомъ торговомъ концѣ города; но зато въ предмѣстьяхъ, улицы, ведущія къ городскимъ воротамъ, запружены лошадьми, ослами, мулами, верблюдами, между которыми съ большимъ трудомъ пробираются повозки, подпрыгивающія на камняхъ и вязнуція въ лужахъ.

Въ разныхъ кварталахъ преобладаютъ типы различныхъ національностей. Въ верхней части города живутъ тунисцы въ собственномъ смыслѣ, къ которымъ, въ предмѣстьѣ Бабъ-эсъ-Сунка, примѣшиваются потомки андалузскихъ мавровъ. Щеголеватые тунисцы, за которыми издавна утвердилась во всей Мавританіи репутація законодателей моды, отличаются большимъ вкусомъ въ выборѣ матерій для своей одежды, всегда свѣтлыхъ оттѣнковъ: мягкаго голубаго, нѣжно-розоваго, цвѣта персика или сливокъ; ханкъ всегда изящно драпируется на ихъ плечѣ. Но тунисянки, у которыхъ тучность въ слишкомъ большой чести, не могутъ похвалиться, какъ ихъ мужья, прелестью костюма: несмотря на красоту полосатыхъ шелковыхъ матерій, трудно не быть шокированнымъ при видѣ этихъ тушъ, которыя грузно переваливаются съ боку на бокъ въ своихъ широкихъ, но черезчуръ короткихъ блузахъ, показывая узкія панталоны и спустившіеся чулки; по черному вуалю, въ которомъ оставлены только шелки для глазъ, издали этихъ женщинъ можно принять за негритянокъ; но послѣднія, по крайней мѣрѣ, имѣютъ за собой блескъ кожи и бѣлизну зубовъ. Рядомъ съ богато-наряженными маврами толпятся болѣе многочисленные бѣдняки мусульмане, одѣтые въ простой бурнусъ изъ сѣрой шерсти или въ грубый коричневый халатъ съ бѣлыми вышивками; только послѣ долгихъ наблюдений можно различить между всѣми этими типами джерабинцевъ, то-есть торговцевъ съ острова

Джерба, суафанцевъ, или выходцевъ изъ Суфа, мзабитовъ, сѣверныхъ алжирцевъ, мароканцевъ, появившихся въ большомъ числѣ со времени прибытія французовъ. Что касается евреевъ, которые сгруппированы преимущественно въ восточной части квартала Бабъ-эсъ-Сункъ, то они дѣлятся на два класса: итальянскіе евреи или грана,—то-есть уроженцы Гурны или Ливорно,—носятъ европейскій костюмъ, тогда какъ другіе одѣваются почти такъ же, какъ мавры; но ихъ жены, не менѣе тучныя, чѣмъ мавританки, ходятъ съ открытымъ лицомъ, и головной ихъ уборъ состоитъ изъ остроконечной, расшитой золотомъ шапочки. Мальтійцы, давшіе свое имя одной изъ самыхъ бойкихъ улицъ торговой части, идущей вдоль восточной стѣны, составляютъ какъ по языку, такъ и по нравамъ, переходъ между арабами и сицилійцами, которые представляютъ большую часть итальянскаго пролетаріата въ Тунисѣ. Тосканцы представлены только еврейскимъ элементомъ, хотя Ливорно нѣкогда оспаривало у Марсели первенство по торговлѣ съ Тунисомъ, и даже все Средиземное море извѣстно было у тунисцевъ подъ именемъ «Ливорискаго»¹⁾. Такъ, въ 1783 году, въ Тунисъ было ввезено товаровъ изъ Марсели на сумму 1.326.559, а изъ Ливорно на сумму 907.524 ливра²⁾. Французы, число которыхъ болѣе, чѣмъ утроилось послѣ событій 1881 года, живутъ почти исключительно въ Новомъ городѣ, около «Морскихъ воротъ», перекрестка, гдѣ непрерывно сталкиваются люди всякой національности и всякаго костюма, даже мусульмане въ цилиндрахъ и христіане въ чалмахъ, продукты соприкосновенія двухъ цивилизацій. Населеніе столицы регентства около 170.000 душъ, въ томъ числѣ около 50.000 европейцевъ и 40.000 евреевъ.

Преобразование Туниса въ европейскій городъ еще мало подвинулось впередъ въ отношеніи подземной канализаціи. Большинство улицъ не имѣютъ стоковъ, и нечистоты изъ домовъ скопляются въ канавахъ безъ выхода, откуда рабочіе должны убирать ихъ отъ времени до времени: до 1856 года эта отвратительная натуральная повинность лежала исключительно на евреяхъ, но, со времени эмансипаціи послѣднихъ, вывозомъ нечистотъ занимаются иммигранты изъ Джерида, освобожденные отъ всякихъ налоговъ въ обмѣнъ за оказываемыя ими обществу услуги, и, сверхъ того, получающіе обычную плату за трудъ³⁾. Часто случается, что улицы въ продолженіи нѣсколькихъ дней бываютъ загромождены кучами земли и песку, среди которыхъ вылиты жидкія нечистоты, чтобы дать имъ высохнуть и

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

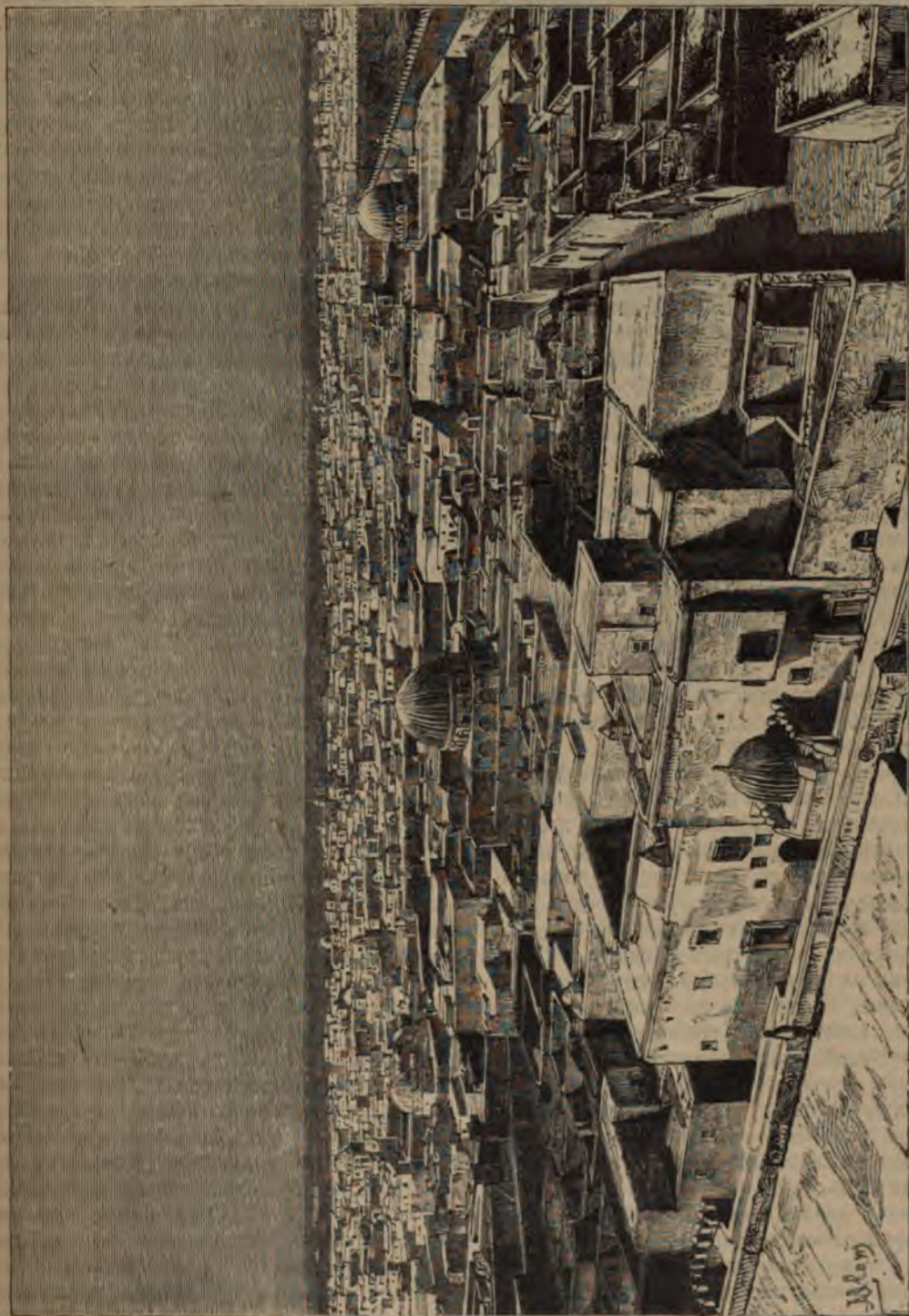
²⁾ Peyssonnel et Desfontaines, «Voyages dans les Régences de Tunis et d'Alger».

³⁾ Caillat, рукописныя замѣтки.

отвердѣть на открытомъ воздухѣ, въ видахъ болѣе удобной перевозки. Городскіе стоки, спускаясь къ Багарѣ по скату почвы, соединяются въ семь *кандаковъ*, или открытых каналовъ,

климатъ Туниса, зависящій, вѣроятно, отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Между тѣмъ именно на земляхъ, орошаемыхъ этими вонючими водами, и будутъ строиться новые кварталы. Въ виду

Общій видъ Кайруана.

которые идутъ черезъ огородныя земли и впадаютъ въ озеро. Эти рвы, никогда не очищаемые и превратившіеся въ извилистые ручьи, распространяютъ невыносимое зловоніе, которому туземцы прежде приписывали здоровый

этого, является настоящая необходимость какъ можно скорѣе приняться за работу канализации, направляя каналы въ коллекторъ, который уносилъ бы городскія нечистоты въ какое-нибудь отдаленное мѣсто въ окрестно-

стях, гдѣ эти вещества должны быть подвергаемы химической переработкѣ. Хотя Тунисъ не получаетъ еще въ достаточномъ количествѣ воды, необходимой для содержанія въ чистотѣ домовъ и улицъ, но онъ все-таки имѣетъ ея довольно, чтобы уничтожать эти убійственныя испаренія, которыя не менѣе, чѣмъ благоуханіе цвѣтовъ, оправдываютъ данный ему туземными риториками эпитетъ «душистый».

Вопросъ объ ассенизации Туниса, и особенно франкскаго квартала, тѣсно связанъ съ вопросомъ объ устройствѣ новаго порта, ибо бассейны или доки для большихъ судовъ предположено выкопать въ сосѣдствѣ нынѣшней «Морской пристани», гдѣ уже существуетъ необходимое приспособленіе для мелкой каботажной торговли, пользующейся водами лагуны Багира. Отъ рѣшенія, какое будетъ дано вопросу о приморскомъ Тунисѣ, зависитъ процвѣтаніе или упадокъ города. Въ настоящее время большія суда бросаютъ якорь противъ Голетты, на разстояніи слишкомъ километра отъ берега, такъ что пассажиры и товары пересаживаются и перегружаются въ паровыя шлюпки или шаланды, которыя проникаютъ въ узкій каналъ, чтобы сложить грузъ на набережныхъ Голетты, или продолжать плаваніе къ Тунису черезъ мели озера: смотря по свойству и цѣнности товаровъ, приходится платить отъ 3 до 60 франк. съ тонны за перевозку отъ Голетты до Туниса.

Движеніе судоходства въ рейдѣ Голетты въ 1892 году: пришло 1.332 судна, общей вмѣстимостію въ 547.758 тоннъ.

Въ дурную погоду, при сильномъ волненіи, короткая переправа съ корабля на берегъ далеко небезопасна, и грузы очень часто подвергаются аваріямъ: торчащія изъ воды мачты указываютъ мѣсто крушенія судовъ, затонувшіе корпусы которыхъ образуютъ своего рода подводные камни. Такимъ образомъ перевозка пассажировъ и товаровъ съ рейда въ Тунисъ сопряжена съ значительными издержками и опасностями. Съ тѣхъ поръ, какъ открылось прямое желѣзнодорожное сообщеніе между Тунисомъ и Боной, и установился двойной торговый потокъ внутри материка черезъ таможенную станцію Гардимау, торговое движеніе направилось главнымъ образомъ къ Алжиріи: точка равновѣсія притягательныхъ силъ, дѣйствующихъ изъ Туниса и Боны, находится не на половинѣ дороги; наибольшій поясъ притяженія принадлежитъ Бонѣ, благодаря тому, что этотъ городъ имѣетъ хорошо защищенную гавань, гдѣ товары могутъ быть грузимы прямо съ набережной; даже изъ окрестностей Туниса грузы иногда отправляются въ Европу черезъ бонскій портъ.

Понятно, какъ важно для тунисцевъ возстановить естественное равновѣсіе устройствомъ искусственнаго порта, достаточно глу-

бокаго и хорошо обезопасеннаго отъ вѣтровъ. По проекту, предполагено сдѣлать въ рейдѣ глубокий входъ при помощи жете и продолжить этотъ каналъ прорѣзомъ въ береговомъ поясѣ или косѣ Голетты, къ югу отъ города и узкаго прохода, которымъ теперь слѣдуютъ барки, и который самъ, вѣроятно, есть не что иное, какъ прорѣзъ, сдѣланный рукой человѣка и замѣнившій собой древній протокъ. Посреди озера Багира судоходный путь будетъ расчищенъ драгами въ мягкомъ илѣ и въ известковой скалѣ лежа до глубины шести съ половиной метровъ, вполне достаточной для судовъ, посѣщающихъ Голетту; вся площадь будущаго бассейна исчислена въ десять гектаровъ¹⁾. Рыбная ловля довольно прибыльна въ Тунисскомъ озерѣ; ею занимаются десятка три барокъ, добывающихъ около 1.500 тоннъ рыбы въ годъ²⁾. Нѣкоторые спекуляторы предлагали совершенно осушить это озеро, за исключеніемъ канала; но едва-ли это дѣло, впрочемъ, легко осуществимое, стоитъ труда, если принять въ соображеніе, что известковая почва дна не могла бы быть обращена на пользу земледѣлія безъ большихъ затратъ на удобреніе. Скорѣе нужно было бы осушить себху Сельджумъ, на юго-востокъ отъ Туниса; простаго разрѣза достаточно было бы, чтобы дренировать это нездоровое озеро или, вѣрнѣе, болото, разливающееся на пространствѣ 2.500 гектаровъ, и уровень котораго почти на 6 метровъ выше уровня моря³⁾. Въ настоящее время изъ этой себхи добывается небольшое количество соли.

Какъ «ученый городъ», Тунисъ не имѣетъ никакого значенія; ему нужно еще все сдѣлать, прежде чѣмъ можно надѣяться снова заслужить ту лестную репутацію, какою онъ пользовался въ средніе вѣка, когда имя эль-тунси, «тунисецъ», было почти синонимомъ человѣка науки и литературы. Правда, онъ и теперь имѣетъ не менѣе 113 начальныхъ, или «коранскихъ» школъ на 500, существующихъ во всемъ регентствѣ, а высшія его училища или медресе, основанныя при мечетяхъ, всегда переполнены студентами, которые читаютъ на память коранъ, изучаютъ «науку преданій» и повторяютъ, подобно воспитанникамъ каирскаго университета эль-Ахзаръ, правила грамматики, медицинскія формулы, астрологическіе рецепты, волшебныя заклинанія. Джемаа Зитуна, «мечеть маслинъ», красивѣйшее религиозное зданіе Туниса, посѣщается 600 воспитанниковъ, тунисскихъ или иногороднихъ уроженцевъ; молодые алжирцы представлены въ этой школѣ многочисленной колоніей. Приѣзжающіе

¹⁾ Теперь планъ этотъ осуществляютъ, и съ 1893 г. открытъ каналъ для большихъ торговыхъ судовъ, проведенный отъ Голетты до новой гавани Туниса. Ред.

²⁾ «Journal officiel de la République française», 28 nov. 1881.

³⁾ «Tunis-Journal», 25 fevr. 1885.

изъ внутреннихъ мѣстъ регентства почти всѣ записываются въ студенты, чтобы избѣгнуть воинской повинности и избавиться отъ платежа подушной подати. Тунисскіе студенты штудируютъ преимущественно право и грамматику, чтобы получить дипломъ, который даетъ имъ возможность занять мѣсто преподавателя или нотариуса. Эта мечеть имѣетъ двѣ библіотеки, состоящія изъ сочиненій старыхъ арабскихъ комментаторовъ, сочиненій очень чтимыхъ, которыми можно позаниматься не иначе, какъ съ разрѣшенія шейхъ-эль-ислама, главы университета ¹⁾.

Но теперь толчокъ для обновленія науки долженъ придти извнѣ. И онъ дѣйствительно приходитъ: кромѣ начальныхъ школъ, итальянскихъ и французскихъ, и учебныхъ заведеній, основанныхъ духовенствомъ, каковы еврейскія школы и католическая коллегія св. Карла, пощащаемая 240 воспитанниковъ, существуютъ институты, гдѣ мусульмане могутъ изучать французскій языкъ и первыя начала науки. Коллегія Садики, основанная въ царствованіе Садока, имѣетъ слишкомъ полтораста учениковъ, и уже многіе изъ ея воспитанниковъ могли перейти въ высшее учебное заведеніе, институтъ Алауи, недавно основанный, нѣчто въ родѣ нормальной школы, гдѣ получаютъ образованіе учителя для будущихъ школъ регентства, и гдѣ молодые люди, мусульмане и европейцы, сидятъ рядомъ на однихъ и тѣхъ же скамьяхъ. Въ 1885 году насчитывали до шестисотъ дѣтей магометанской религіи, получающихъ французское воспитаніе; даже студенты мечетей приходятъ на вечерніе курсы, открытые для взрослыхъ, пополнять свое образованіе, съ разрѣшенія своихъ духовныхъ наставниковъ. Что касается франко-еврейскихъ школъ, основанныхъ обществомъ Alliance israélite, то онѣ обучаютъ французскому языку слишкомъ тысячу двѣсти дѣтей.

Въ концѣ 1894 г. существовало 93 публичныхъ учебныхъ заведеній, изъ нихъ 22 женскихъ и 10 смѣшанныхъ, кромѣ того—8 частныхъ заведеній. Общее число учащихся—13.970 (4.814 дѣвочекъ).

По ассимиляціи идей, которую даетъ изученіе вмѣстѣ однихъ и тѣхъ же предметовъ и на одномъ и томъ же языкѣ, Тунисъ уже стоитъ выше своего соперника Алжира, несмотря на то, что послѣдній уже болѣе полвѣка находится подъ французскимъ владычествомъ²⁾. Но столица регентства до сихъ поръ не обзавелась еще ни публичной библіотекой, ни музеемъ, хотя въ ней есть драгоценныя частныя коллекціи; она не нашла другаго помѣщенія, кромѣ ящиковъ, для книгъ, которыя были принесены ей въ даръ или отказаны по духовному

завѣщанію. Арабскій историкъ Ибнъ-Хаддунъ родился въ Тунисѣ.

Внѣ укрѣпленій здѣсь не видно, какъ вокругъ французскихъ городовъ, предмѣстій, вытянувшихъ длинныя ряды своихъ домовъ по обѣимъ сторонамъ дороги: пустыня начинается у самыхъ воротъ города; только на холмахъ цѣпи, отдѣляющей лагуну Бахира отъ озера Сельджумъ, есть нѣсколько фортовъ и два монастыря. Замокъ Бардо, въ равнинѣ, къ сѣверу отъ озера Сельджумъ,—не одинокое зданіе, а особый городъ, съ валами и угловыми башнями, предназначенный для помѣщенія не только бея, но также его двора, гарнизона и цѣлаго населенія придворныхъ поставщиковъ и мастеровъ: прежде, чѣмъ достигнешь собственно дворца, нужно пройти по кругообразной улицѣ, которая представляетъ настоящій базаръ, въ родѣ тунисскихъ *суковъ*, съ тою разницей, что здѣсь не увидишь ни красивыхъ тканей, ни драгоценныхъ украшеній, ни кожаныхъ издѣлій артистической работы. Самые апартаменты бея, испещренные орнаментами, арабесками, вышивками, нарисованными цвѣтками, уставленные мраморами и алебастрами, увѣшанные золотыми нитями и бляхами, производятъ невеселое впечатлѣніе безпорядочной и безвкусной смѣсю формъ и цвѣтовъ, и весь этотъ мишурный блескъ и роскошь кажется тѣмъ уродливѣе, что разорванные обои, щели въ стѣнахъ, покривившіеся полы, поломанная мебель обнаруживаютъ бѣдность построекъ. Не имѣя пышныхъ претензій замка Бардо, нѣкоторые загородные дома, находящіеся западнѣе, въ масличныхъ рощахъ Манубы, или на сѣверѣ отъ Туниса, въ Ариавѣ и Бельведерѣ, такъ же, какъ на берегу моря, въ долинѣ Марсы, гораздо красивѣе этого замка, который они далеко превосходятъ архитектурнымъ стилемъ, изяществомъ украшеній, обиліемъ цвѣтовъ, густотой тѣни. Обычная резиденція бея—въ Марсѣ, гдѣ вокругъ его дворца группируются отели французскаго министра-резидента, англійскаго консула и другихъ сановниковъ. Лѣтомъ въ Марсу набѣгаетъ много тунисцевъ купаться въ морѣ.

Это дачное мѣсто, расположенное въ долинѣ, которая раздѣляетъ массивъ Карвагенскихъ холмовъ и плато некрополей, Джебель-Хауи, оканчивающійся мысомъ Камратъ, соединено съ столицей и Голеттой желѣзной дорогой, «послѣдней закладной Италіи на Тунисъ и Карвагенъ»: несмотря на разстояніе, городъ, дачное мѣсто и портъ тѣсно связаны въ одинъ организмъ. Но приморская часть этого цѣлаго въ настоящее время не имѣетъ большаго значенія. Голетта, или Гулетта (La Goulette), Халькъ-эль-Уадъ, то-есть «Горло рѣки»,—это маленькій городокъ, съ итальянской фizioноміей, занимающій, вокругъ старой, полуразрушенной цитадели, западный берегъ канала,

¹⁾ Machuel, „L'enseignement public en Tunisie“.

²⁾ Delmas, рукописныя замѣтки.

которым суда входят въ Тунисское озеро; на восточномъ берегу казармы, мечеть, фабрика и ворота, дающія проходъ на дорогу въ Радесь, — единственные постройки Гулетты: новые дома, составляющіе уже цѣлый кварталъ, строятся въ самой узкой части песчаной косы, *ligula* древнихъ. Далѣе, у подошвы Кароагенскихъ холмовъ, военный госпиталь въ Крамѣ («Смоковницы») служитъ ядромъ новаго поселенія кузнецовъ, харчевниковъ, садовниковъ. На высотахъ, Малка занимаетъ то самое мѣсто, гдѣ было расположено одноименное предмѣстіе древняго Кароагена, и домишки ея, какъ и лачуги въ Сиди-Даудъ и Дуаръ-Эс-Шотъ, построены изъ обломковъ античныхъ цистернъ, городскихъ стѣнъ, амфитеатра, цирка. Наконецъ, на высшей вершинѣ Кароагенскаго мыса показываются, среди масличныхъ деревьевъ, бѣлые дома деревни Сиди-Бу-Саидъ, похожие на глыбы мрамора: это было нѣкогда священное мѣсто, куда не допускались христіане. Теперь эта деревня, надъ которой господствуетъ высокій (около 130 метровъ) маякъ, освѣщающій рейдъ, — одно изъ любимыхъ дачныхъ мѣстъ тунисцевъ.

Первая финикійская колонія, вѣроятно, была построена на оконечности мыса, между моремъ и озеромъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся Крамъ и полузасыпанные бассейны портовъ; но Комбе, Камби или Каккаби (?), городъ сидонскихъ переселенцевъ, древнѣйшая колонія на этомъ берегу, вмѣстѣ съ Гиппоной, повидимому, не достигъ цвѣтущаго состоянія. Счастье пришло лишь съ тирской иммиграціей, когда былъ основанъ «новый городъ», Киріаѳъ-Хадешатъ или Картадашъ, — откуда римское названіе *Carthago* (Кароагенъ) ¹⁾. Плато, на которомъ первые тирскіе поселенцы хоронили своихъ покойниковъ за городомъ, и гдѣ они воздвигли впоследствии крѣпость Бирсу, было отождествлено археологами несомнѣннымъ образомъ. Лежащее на югѣ, въ массивѣ кароагенскихъ холмовъ, это плоскогорье ниже мыса Сиди-Бу-Саидъ, но оно удобнѣе въ томъ отношеніи, что представляетъ для обширныхъ строеній болѣе правильное основаніе; впрочемъ, вѣроятно, человекъ дополнилъ въ этомъ мѣстѣ дѣло природы, не насыпкой земли, какъ полагалъ Бартъ ²⁾, а наоборотъ — выравниваніемъ почвы, подобно тому, какъ афиняне сравняли поверхность подъ Акрополь ³⁾. Центръ возвышенной площади былъ занятъ храмомъ Эшмуна, а во времена римскаго господства тамъ поклонялись Эскулапу, представляющему, подъ другимъ именемъ, ту же божественную силу; съ 1842 г. на этой землѣ, уступленной Франціи, стоитъ часовня, посвященная Луи-Филиппомъ Людо-

вику Святому. По мѣстной легендѣ, король Франціи передъ смертью перешелъ въ исламъ, и его-то арабы чтутъ до сихъ поръ подъ именемъ «Отца-Господина», Бу-Саидъ. Другая легенда, сложившаяся у христіанъ Туниса, утверждаетъ, что слой пепла, на которомъ умеръ св. Людовикъ, находился на плато Бирса, тамъ, гдѣ теперь стоитъ часовня, но это не подтверждается никакимъ историческимъ документомъ; преданіе это, по всей вѣроятности, создано естественнымъ желаніемъ связать съ священнымъ мѣстомъ то или другое памятное событіе. Часовня окружена прекраснымъ садомъ, а стѣны ограды заключаютъ въ своей каменной работѣ тысячи древнихъ камней, надписи пуническія, римскія и христіанскія, бюсты, барельефы, фрагменты изваяній, изображенія языческихъ боговъ и христіанскихъ святыхъ и мучениковъ, алтари и надгробные камни. Постройки семинаріи, занимающія одну изъ сторонъ четырехугольника Бирсы, содержатъ въ нижнемъ этажѣ драгоцѣннѣйшія надписи, коллекции, урны, камни съ рѣзбой, разныя вещи изъ стекла и металловъ. Что придаетъ еще больше цѣны этому музею, составленному преимущественно изъ мѣстныхъ древностей, такъ это чудная панорама, развертывающаяся передъ глазами зрителя съ высоты террасы Бирсы: озеро и рейдъ, Гулетская коса, гора Бу-Курнейнъ, напоминающая Везувій, отдаленный пикъ Загуавъ, и, въ непосредственномъ сосѣдствѣ плоскогорья, блестящія извилистыя воды древнихъ гаваней Кароагена.

На самой крутой сторонѣ скалы Бирса, нынѣ покрытой слоемъ растительной земли, изслѣдователь Беле открылъ стѣны, имѣющія кое-гдѣ до 5 метровъ высоты и по роду постройки похожія на стѣны, извѣстныя подъ именемъ циклопическихъ. Одно мѣсто, покрытое пепломъ и содержащее во множествѣ куски металла, обломки стекла, мелкіе черепки глиняной посуды, есть, можетъ-быть, остатокъ пожара, предшествовавшаго сдачѣ Бирсы, во время осады ея солдатами Сципіона. Стѣна, обнаруженная раскопками, имѣетъ не менѣе 10 метровъ (14 аршинъ) въ ширину, такъ что, слѣдовательно, пять или шесть колесницъ могли ѣхать въ рядъ на террасѣ вершины; въ толщѣ этого сооруженія были устроены обширныя комнаты, служившія, безъ сомнѣнія, магазинами и приютомъ для гарнизона. Вся постройка отличается твердостью самыхъ крѣпкихъ скалъ. Что касается римскихъ стѣнъ, построенныхъ на фундаментѣ пуническихъ сооружений, то онѣ гораздо менѣе прочны, и порохъ безъ труда разламываетъ ихъ. Другіе памятники, даже прикрытые грудами послѣдующихъ развалинъ, тоже разрушены или обращены въ безформенныя обломки. Въ самомъ дѣлѣ, «Тунисъ и его окрестности не имѣютъ другой каменоломни, кромѣ Кароагена; арабы не уступятъ кротамъ

¹⁾ Fr. Lenormant, «Histoire ancienne de l'Orient».

²⁾ Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres.

³⁾ Tissot, цитированное сочиненіе.

въ искусствѣ минировать почву; они пробиваются подземными траншеями и постепенно идутъ вдоль античныхъ стѣнъ, выламывая камень за камнемъ; они уносятъ обломки, не зная даже, что разрушаютъ». Еще недавно существовала особая корпорація «искателей камней». Въ средніе вѣка итальянскія республики систематически эксплуатировали руины Карфагена для постройки своихъ собственныхъ зданий; по преданію, городъ Пиза весь построенъ изъ мраморовъ пуническаго города⁴⁾. Теперь Карфагенъ своимъ большимъ кирпичнымъ заводомъ, устроеннымъ у подошвы холма Бу-Сайдъ, доставляетъ строительный матеріалъ окружающимъ городамъ и деревнямъ.

Къ востоку отъ террасы Бирса, на пологомъ скатѣ холма, видѣются древнія цистерны, сохранившіяся лучше всѣхъ другихъ резервуаровъ, принимавшихъ воды изъ Адрианова водопровода. Къ сожалѣнію, на восточной оконечности, гдѣ былъ убранъ слой земли, защищавшій ихъ отъ непогоды, эти цистерны частью засыпаны обвалившимися обломками свода, но западная сторона ихъ еще въ отличномъ состояніи: дождевыя воды, просачивающіяся сквозь почву, сохраняются тамъ чистыми, и арабы прѣзжаютъ къ этимъ античнымъ водохранилищамъ наполнять свои бочки съ помощью ведеръ; шумъ отъ наливаемой воды разносится далекимъ эхомъ по пещерамъ. Уже не разъ поднимался вопросъ о поправкѣ карфагенскихъ цистернъ для водоснабженія Гулетты и Марсы, и, безъ всякаго сомнѣнія, эта настоятельно необходимая работа будетъ исполнена въ близкомъ будущемъ. Общая вместимость цистернъ въ Бирсѣ, исчисляемая въ 30.000 кубич. метровъ, превосходитъ вместимость всѣхъ другихъ резервуаровъ, лежащихъ на пути Загунанскаго водопровода. Что касается цистернъ въ Малкѣ, то онѣ были обращены арабами-троглодитами въ жилища и погреба.

Древніе порты Карфагена, выкопанные въ томъ мѣстѣ, гдѣ основалась первая пуническая колонія, тоже вполне сохранились, но входъ въ нихъ закрылся, и военная гавань не сообщается болѣе съ купеческими бассейнами или доками. Археологи отыскали въ наносной землѣ стѣны и набережныя, которыя и служатъ опорной точкой для опредѣленія первоначальнаго состоянія, и островъ, гдѣ имѣлъ пребываніе адмиралъ, все еще виденъ посреди сѣвернаго бассейна; остаются сомнѣнія только относительно нѣкоторыхъ деталей. Впрочемъ, всякія попытки реставраціи Карфагенскаго порта были бы бесполезны, въ виду того, что нынѣшнимъ судамъ нужны, для ихъ эволюцій и якорной стоянки, бассейны съ широкимъ входомъ и съ большою глубиной. Если бы Кар-

фагенъ былъ вновь отстроенъ, какъ это неоднократно предлагали, то новый портъ слѣдовало бы устроить не внутри материка, а въ открытомъ морѣ. Можно бы было отъ послѣдняго основанія каменистыхъ холмовъ, при началѣ Гулетской стрѣлки, провести прямо на югъ, до глубины 10 метровъ, жете, которое отдѣлило бы отъ моря обширное водное пространство, почти всегда тихое, даже безъ искусственнаго прикрытія, благодаря мысу Бу-Сайдъ, защищающему эту часть рейда отъ западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ. Во время присоединенія Туниса къ Франціи, можетъ-быть, возможно было, смѣлымъ ударомъ, перенести столицу опять въ Карфагенъ; какъ показываетъ планъ римскаго города, улицы, пересекающіяся подъ прямымъ угломъ, всѣ уже проведены, такъ что фундаменты новыхъ домовъ могли бы опираться на погребенныя подъ землей античныя постройки. По здоровости климата, красотѣ и живописности мѣстоположенія, торговымъ удобствамъ, не менѣе, чѣмъ по славію своего имени, этотъ новый Карфагенъ далеко превосходилъ бы Тунисъ; но, несмотря на все это, не рѣшились затронуть установившіяся права, ни измѣнить привычки торговли. При томъ же торговлѣ трудно было вновь приобрести почву древняго Карфагена, наибольшая часть которой сдѣлалась, какъ холмъ Бирса, церковнымъ имуществомъ. Весь периметръ ограда пуническаго города превышалъ 28 километровъ; онъ обнималъ на сѣверѣ холмъ Камартъ, или джебелъ Хауи, бывшій въ одно и то же время некрополемъ и каменоломней Карфагена: нѣжный известнякъ этой горы изрытъ сотнями тысячъ могилъ пуническихъ, римскихъ и христіанскихъ. У подножія холма разстилаются лагуны Сухара, бывшее мѣсто стоянки пуническаго флота; сухарскія салины, плохо разрабатываемыя, являются, однако, важнымъ, по количеству добычи, солянымъ промысломъ регентства.

Хотя нынѣшняя столица, Тунисъ, такъ же какъ древній Карфагенъ, лежитъ у географическаго выхода равнинъ и верхнихъ долинъ Меджерды, но собственно бассейны этой рѣки не заключаетъ въ себѣ городскихъ поселеній, которыя могли бы сравниться, по числу жителей, съ приморскими городами, каковы Сфаксъ и Суза. На берегахъ притоковъ уэда Меллегъ, который по длинѣ теченія можетъ считаться главной рѣкой этого бассейна, встрѣчаются лишь становища арабовъ среди развалинъ обширныхъ городовъ. Въ римскую эпоху эта область, которая теперь на первый взглядъ кажется совершенно пустынной, потому что жилища ея обитателей почти не отличаются отъ почвы, была одной изъ многочислѣннѣйшихъ странъ цивилизованной Африки; подобно тому, какъ на верхнихъ притокахъ уэда Гафса и рѣкъ, впадающихъ въ озеро Кельбіа, путеше-

⁴⁾ Beulé, «Fouilles à Carthage»; — Tissot, цитированное сочиненіе.

ственниковъ каждый день встрѣчаетъ въ этой мѣстности величественныя руины, господствующія надъ обширными пространствами обломковъ. Одинъ изъ этихъ древнихъ городовъ, лежащій близъ алжирской границы, верстахъ въ сорока къ сѣверо-востоку отъ Тебессы, по мнѣнію путешественниковъ Темпли, Пелисье, Герена, есть Аммедара Птолемея; у арабовъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Хайдра. Эти развалины имѣютъ около шести километровъ въ окружности и заключаютъ въ себѣ цидатель, триумфальную арку, воздвигнутую во времена Септимія Севера, театръ, нѣсколько христіанскихъ базиликъ. Въ 20 километрахъ къ сѣверо-востоку, тоже на берегу уэда, подпритока Меллега, мѣстечко Тала, еще обитаемое, затеряно среди обширнаго поля развалинъ, которое, подъ тѣмъ же именемъ Тала, было нѣкогда богатѣйшимъ городомъ, куда Югурта, во время войны съ римлянами, пытался, но тщетно, помѣститься, какъ въ безопасное убѣжище, свое семейство и свои сокровища: послѣ сорокадневной осады и нѣсколькихъ приступовъ, городъ палъ, но защитники его, укрывшіеся въ царскомъ дворцѣ, сожгли себя, вмѣстѣ со всѣми драгоценностями, насмѣявшись такимъ образомъ надъ яростью римлянъ и обманувъ ихъ алчность. Недалеко отъ Талы видны остатки другаго города, термы котораго еще посѣщаются сосѣдними арабами, принадлежащими къ племени маджеръ. Эль-Гаммамъ, или «Горячая ванна»—такъ называютъ они всю эту группу построекъ, частію разрушенныхъ частію пощаженныхъ временемъ.

Эль-Кефъ, главный городъ всего бассейна уэда Меллега и вмѣстѣ съ тѣмъ всего западнаго Туниса, тоже ведетъ свое начало со временъ глубокой древности. Уже въ финикійскую эпоху онъ пользовался громкой славой, которой обязанъ былъ главнымъ образомъ храму Астарты, куда приходили со всѣхъ сторонъ на поклоненіе богинѣ; подъ римскимъ господствомъ культъ этотъ сохранился, и пилигримы продолжали въ теченіе вѣковъ стекаться къ храму Венеры, а мѣстныя дѣвушки, жрицы Афродиты, по-прежнему соблюдали обычай отдаваться прохожимъ, чтобы скопить себѣ этимъ способомъ приданое. Названіе города, *Sicca Veneria* ¹⁾, сохранялось долго подъ формами Шикка-Бенарія или Шакбанарія: арабы передѣлали его въ Шокъ-бенъ-Нахръ, или «Огненный хребетъ», что дало поводъ предполагать, —но совершенно ошибочно—существованіе вулкановъ въ странѣ ²⁾; теперь городъ извѣстенъ только подъ именемъ Эль-Кефъ, или «Скала». Построенный амфитеатромъ на откосѣ и вершинѣ горы Джебель-Диръ, на средней высотѣ 800 метровъ, Эль-

Кефъ приобрѣлъ важное значеніе, благодаря своему стратегическому и торговому положенію, въ центрѣ соединенія почти всѣхъ большихъ дорогъ западнаго Туниса, расходящихся въ разныя стороны на югъ отъ Меджерды; кромѣ того, онъ имѣетъ одну выгоду, чрезвычайно цѣнную въ этой области, гдѣ воды вообще скудны, это—обиліе родниковыхъ водъ: одинъ изъ его фонтановъ выходитъ изъ пещеры съ римскими аркадами; сохранились также прекрасныя римскія цистерны. Французы выбрали Кефъ какъ удобную военную позицію, откуда можно командовать всей страной между Кайруаномъ, Тебессой и Сукъ-Ахрасомъ, и гарнизонъ, который они тамъ поставили, много способствовалъ увеличенію мѣстной торговли. Двѣ колесныя дороги, впрочемъ, очень трудныя, а иногда и не безопасныя, соединяютъ Эль-Кефъ съ тунисской желѣзно-дорожной линіей: онѣ проходятъ черезъ Неберъ, маленькій городокъ, окруженный садами и гранатовыми деревьями. Недавно въ Кефѣ основаны географическое и археологическое общества, — примѣръ, которому не мѣшало бы послѣдовать многимъ другимъ, болѣе важнымъ городамъ.

Въ долинѣ Меджерды военный и таможенный постъ — нарождающаяся деревня Гардимау; она занимаетъ выходъ ущелій, по дну которыхъ бѣжитъ извилистая рѣка, спускающаяся съ алжирскихъ плоскогорій, и отсюда начинаются великолѣпныя равнины центрального Туниса. Несмотря на естественную важность этой позиціи, защищаемой крѣпостцой, Гардимау пока еще не болѣе, какъ кучка убогихъ домишекъ. Гораздо значительнѣе была римская колонія Симитту, развалины которой находятся на сѣверо-востокѣ отъ Гардимау, между двухъ каменистыхъ холмовъ, господствующихъ надъ равниной. Симитту, называемая нынѣ Шемту, была одна изъ главныхъ станцій на дорогѣ изъ Карфагена въ Гипповъ; съ далекаго разстоянія видѣются руины ея амфитеатра и остатки моста черезъ Меджерду, по которому проходила дорога изъ *Sicca Veneria* къ порту Табарка. Скалы, возвышающіяся надъ Шемту, состоятъ изъ прекраснаго мрамора съ розовыми, желтыми, зелеными, пурпурными прожилками, который эксплуатировали уже въ римскую эпоху для постройки императорскихъ дворцовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ возобновлена разработка этой древней каменоломни, и цѣлая колонія итальянскихъ рабочихъ поселилась на развалинахъ Симитту: исчисляють въ 25 милліоновъ кубич. метровъ годный къ разработкѣ массивъ мраморовъ, выступающихъ надъ поверхностью почвы ¹⁾. Выламываемые глыбы мрамора доставляются по особой вѣтви на желѣзную дорогу, идущую вдоль рѣки, и перевозятся въ тунисскій портъ; въ

¹⁾ Victor Guérin, цитируемое сочиненіе.

²⁾ Pellissier, «Description de Régence de Tunis».

¹⁾ Rénier-Malherbe, «Tunis-Journal», 4 juillet 1885.

кую эпоху ихъ отправляли прямо въ Та-
гу, черезъ горы Хумирин.

Же Гардимау другая станція желѣзной
и свидѣтельствуеъ о большомъ контрастѣ,
ый современное состояніе представляетъ
ой области Туниса съ цивилизаціей прош-
временъ. Сукъ-эль-Арба, или «Рынокъ
ды», лежитъ на правомъ берегу Меджер-
посреди большой равнины Дахла, необо-
ой площади, засѣянной хлѣбными расте-
и, высокіе стебли которыхъ, колеблемые
омъ, наклоняются и поднимаются въ видѣ
ныхъ волнъ. Черноземъ, слой котораго до-
етъ здѣсь нѣсколькихъ метровъ толщины,
аается рѣдкимъ плодородіемъ, и ни одинъ
регентства не даетъ такихъ прекрасныхъ
овъ, какъ садъ, недавно разведенный
ѣ желѣзно-дорожной станціи. Съ стратеги-
ой точки зрѣнія Сукъ-эль-Арба тоже имѣетъ
вычайно важное значеніе: здѣсь проходитъ
та, построенная инженерами между крѣ-
ми Эль-Кефъ и Айнъ-Драгамъ, въ Хуми-
недавно въ этомъ мѣстѣ, на самомъ бе-
Меджерды, устроенъ небольшой укрѣ-
ный лагерь, командующій надъ перепра-
черезъ рѣку, гдѣ еще нѣтъ моста; впро-
арабы племени джандуба, владѣющіе
иной, всегда были союзниками францу-

Будущая цѣнность этой позиціи такъ
шо понята, что компанія желѣзной дороги
ала ее центральной станціей между Туни-
и Сукъ-Ахрасомъ; а между тѣмъ Сукъ-эль-
земли котораго, принадлежащая одному
Альцу, продаются по баснословно доро-
цѣнамъ, представляетъ еще только кучку
ныхъ лачугъ. Правда, въ окрестностяхъ
ины во множествѣ дуары (селенія ара-
), закрытыя чащами варварійской смоков-
и репейника, въ которыхъ исчезла бы-
адъ съ всадникомъ. По средамъ несмѣтная
покупателей и продавцовъ тѣснится на
гахъ, ведущихъ къ Сукъ-эль-Арба, а на
ующий день торговое движеніе напра-
тся на сѣверо-востокъ, къ другой станціи
ины, Сукъ-эль-Хмисъ, или «Четверговой
окъ». Римскій городъ, гдѣ сосредоточива-
торговля этой плодородной области Аф-
а, находился къ сѣверо-западу отъ Сукъ-
Арба, на западномъ мысѣ цѣпи холмовъ,
извѣстнѣйшій джебелъ Ларбеахъ. Этотъ
дъ, Булла-Регія, оставилъ послѣ себя толь-
развалины укрѣпленій, триумфальной арки,
ра, моста¹⁾. Термы его были питаемы во-
очень обильнаго ручья, который недавно
ли въ лагерь при Сукъ-эль-Арба.

Бежа, самый значительный городъ въ части
иса, ограниченной съ юга теченіемъ Ме-
рды, — тоже древняго происхожденія. Ны-

нѣшнее его названіе происходитъ отъ имени
Вакка, или Вага, которое онъ носилъ въ рим-
скую эпоху; но въ самомъ городѣ не видно
никакихъ обломковъ старины. Бежа построенъ
амфитеатромъ на восточной отлогости холма,
надъ зеленой долиной, по дну которой
извивается уздъ того же имени; со всѣхъ сто-
ронъ къ городскимъ воротамъ сходятся широкія
прекрасныя дороги, охватывающія тамъ и сямъ
островки зелени и вездѣ исполосованныя чер-
ными колеями, которыя отдѣлены одна отъ
другой блестящими слѣдами, оставленными
подковами лошадей. Окруженный старыми,
иззубренными стѣнами, Бежа доминируется
касбой краснаго и сѣраго цвѣта, которую те-
перь занимаетъ маленькій французскій гарни-
зонъ; нижняя часть города, видъ котораго еще
не измѣненъ никакой постройкой европейской
архитектуры, представляетъ террасами своихъ
домовъ рядъ бѣлыхъ ступеней. Главная ме-
четь, посвященная Сиди-Аиссѣ, то-есть «Гос-
поду Иисусу», есть древняя базилика, какъ о
томъ свидѣтельствуеъ надпись на стѣнѣ,
открытая Гереномъ: по словамъ туземцевъ,
это древнѣйшій религіозный памятникъ во
всемъ Тунисѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ
десятковъ мальтійцевъ, на улицахъ Бежи не
видать иностранцевъ, и европейцы рѣдко по-
сѣщаютъ тамошній базаръ. Тѣмъ не менѣ,
этотъ городъ связанъ соединительной вѣтвью
съ главной желѣзно-дорожной линіей регент-
ства, благодаря важности его рынка для тор-
говли хлѣбомъ и другими земледѣльческими
продуктами; во время ярмарокъ купцы съѣз-
жаются со всѣхъ концовъ, и населеніе его
почти удваивается. Окружающая мѣстность
сохранила специальное имя «Фраскіа», принад-
лежавшее нѣкогда всей римской провинціи¹⁾:
по странному контрасту, это имя «Африка»,
съ одной стороны, сгузилось до того, что
обозначаетъ одинъ маленькій округъ, а съ
другой — получило такой широкій смыслъ, что
примѣняется ко всему континенту. Многочи-
сленные рудники въ горахъ, къ сѣверу отъ
Бежи, въ скоромъ времени будутъ имѣть къ
своимъ услугамъ желѣзно-дорожныя линіи, ко-
торыя направятся къ мысу Серратъ и къ Та-
баркѣ. Совершенно естественно, что торговля
этой области должна направляться прямо къ
ближайшему морскому берегу, вмѣсто того,
чтобы дѣлать длинный обходъ черезъ Тунисъ
и Гулетту.

Бассейнъ узда Халладъ, впадающаго въ
Меджерду, у входа ушелій, гдѣ извивается эта
рѣка, есть одна изъ богатѣйшихъ мѣстностей
регентства по обилію прекрасныхъ остатковъ
карагенской и римской старины. Въ верхней
долинѣ притока слѣдуютъ одинъ за другимъ
Зенфуръ (древній Ассурасъ) и Местъ (древній

¹⁾ Tissot, «Le bassin de Bagrada et la voie romaine
orthage à Hipponne, par Bulla Regia», mémoire présenté
à l'Académie des Inscriptions, 1881.

¹⁾ Pellissier, «Description de la Régence de Tunis».

Мусты), съ ихъ развалинами храмовъ, театровъ, съ античными мавзолеями и триумфальными воротами. Въ нижней части долины, Дугга, древняя Тугга финикійская и римская, представляетъ еще болѣе интересъ для археолога: здѣсь можно видѣть почти всю серію публичныхъ памятниковъ, которыми во времена имперіи украшались большіе города; но среди этихъ руинъ уже нѣтъ знаменитой двуязычной надписи, пунической и ливійской, драгоцѣннѣйшаго текста, завѣщаннаго регентствомъ современнымъ эпиграфистамъ: этотъ камень, открытый въ 1631 году французскимъ ренегатомъ Томасомъ д'Аркостъ¹⁾, и изученіе котораго послужило исходной точкой для изслѣдованій, приведшихъ къ восстановленію берберскаго алфавита, былъ отдѣленъ отъ величественнаго мавзолея, гдѣ онъ составлялъ одинъ изъ фасовъ, и перевезенъ въ Британскій музей въ Лондонѣ. Къ несчастію, арабы, которыхъ Ридъ нанялъ для исполненія этой работы, разломали значительную часть зданія, и теперь входъ въ усыпальницы заваленъ грудой обрушившихся камней. Верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ Дугги, среди оливковыхъ плантацій, дающихъ лучшее масло этой области, новый городокъ Тебурсукъ лѣпится по крутому склону горы, окруженный бѣлой стѣной, съ четырехугольными башнями по бокамъ: тутъ тоже стоялъ финикійскій городъ, отстроенный впоследствии римлянами, и до сихъ поръ сохранилось много античныхъ обломковъ, особенно вокругъ обильнаго фонтана, который видѣтъ рожденіе города Thibursicum Buge. На западъ отъ Тебурсука высятся кручи Джебель-Горры, какъ говорятъ, очень богатой жилами серебряно-свинцовой руды; однако, эти рудники, изрытые сотнями буровыхъ скважинъ, пробитыхъ карфагенянами и римлянами, теперь заброшены, хотя не трудно было бы соединить ихъ вѣтвью съ главнымъ желѣзнымъ путемъ Туниса.

Другой рѣчной бассейнъ, бассейнъ узда Силіана, впадающаго въ долину Меджерды на сѣверо-востокъ отъ Тебурсука, почти не менѣе предыдущаго богатъ остатками античныхъ городовъ; въ этомъ бассейнѣ, также какъ въ бассейнахъ Халлада и Мелага, археологи ищутъ мѣсто, которое нѣкогда занимала «Таинственная Зама»²⁾. Недалеко отъ плато Эль-Кессера, гдѣ найдено много дольменовъ, сохранились еще грандіозныя руины римскаго oppidum Mactaritanum, нынѣ Мактеръ. Лагерь Сукъ-эль-Джемаа, расположенный на сосѣднемъ плато, былъ выбранъ какъ промежуточный постъ между Кефомъ и Кайруаномъ: это стратегическій центръ всего Туниса къ югу отъ Меджерды.

Ниже слиянія узда Силіана съ главной рѣ-

¹⁾ Carette, «Études sur la Kabylie»; — Barth, цитир. сочиненіе.

²⁾ Julien Poinet, «Mission en Tunisie».

кой, маленькій городокъ Тестуръ, древняго происхожденія, построенъ на правомъ берегу Меджерды; благодаря трудолюбію «андалузскихъ» мавровъ, составляющихъ большинство его населенія, онъ окруженъ садами и полями, лучше содержимыми, чѣмъ въ другихъ городахъ внутренняго Туниса. Ниже, на томъ же берегу, стоитъ мѣстечко Слугія, населенное торговцами и проводниками, которые указываютъ караванамъ броды въ рѣкѣ и облегчаютъ имъ переходъ. Еще ниже, Меджезъ-эль-Бабъ, тоже на правомъ берегу, охраняетъ входъ въ нижнюю долину Меджерды; свое названіе, означающее «Бродъ» или «Переходъ у воротъ», онъ получилъ отъ триумфальной арки, построенной нѣкогда на южной оконечности римскаго моста, но отъ которой теперь остались только отдѣльно лежащіе камни, посреди стараго русла. Современный мостъ перекинутъ черезъ новое русло, которое вырыла себѣ Меджерда. Маленькіе города, которые мы встрѣчаемъ далѣе на берегахъ этой рѣки, Тебурба и Джедейда, принадлежатъ уже къ городскому округу Туниса, и жители ихъ, изъ которыхъ многіе приписываютъ себѣ андалузское происхожденіе, снабжаютъ столицу овощами и плодами. Тотъ и другой имѣютъ мостъ черезъ рѣку, желѣзно-дорожную станцію и кое-какія мелкія промышленныя заведенія: въ Тебурбѣ дѣлаютъ шенинъ, въ Джедейдѣ существуетъ большая мукомольная мельница. Тебурба сохранила имя римскаго города Tiburbo minus (Тубурбо Малый), и въ окрестностяхъ ея видны еще кое-какіе остатки амфитеатра, арены котораго заросла кустарникомъ; но городъ перемѣстился: римская колонія находилась западнѣе, на скатахъ холма.

Къ сѣверу отъ Джедейды, Меджерда, протекающая по низменностямъ и болотамъ, не имѣетъ болѣе городовъ на своихъ берегахъ. Городъ, командовавший ея устьемъ, Утика, старшая сестра Карфагена, исчезъ, и мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, указывается теперь только кубой, «марабутомъ» Бу-Шатеръ; можетъ-быть, это имя, которое значитъ «Отецъ ловкости», человекъ мудрый, напоминаетъ знаменитаго Катона Утическаго, прославившагося своими высокими доблестями и спокойствіемъ духа передъ смертью¹⁾. Изслѣдованіе почвы и раскопки позволили опредѣлить мѣстонахожденіе акрополя Утики, водопровода, цистернъ, амфитеатра и театра, термъ, набережныхъ «котона», или военнаго порта; археологи могли даже возсоздать приблизительно планъ города, съ его стѣнами и зданіями, и въ грудѣхъ обломковъ открыли нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей²⁾.

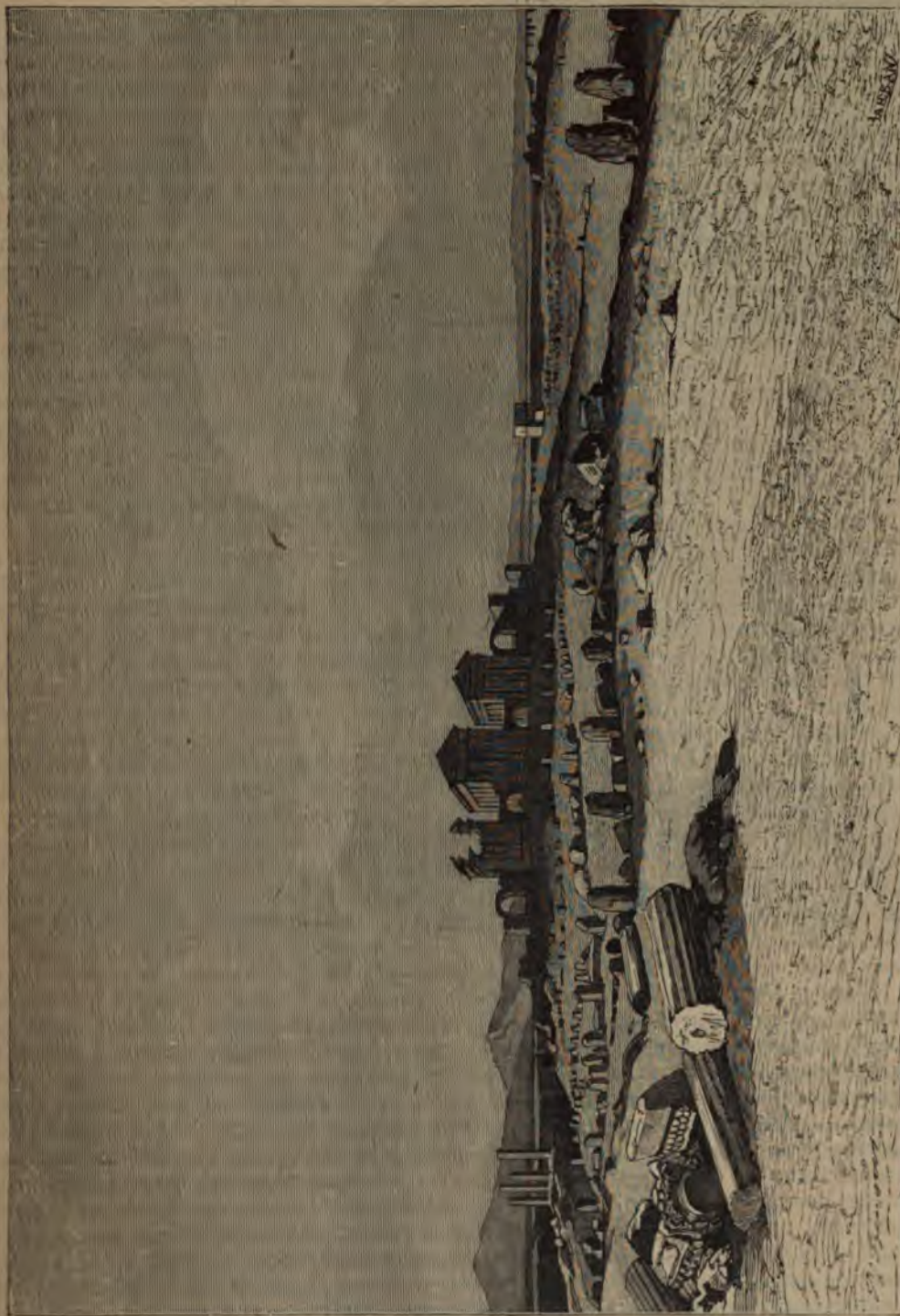
¹⁾ Grenville Temple, «Excursions in the Mediterranean»; — Victor Guérin, «Voyage archéologique dans la Régence de Tunis»; — Guyon, «Eaux thermales de la Tunisie».

²⁾ Daux, «Tour du Monde», № 590.

но не осталось ни одного памятника, стѣны котораго возвышались бы еще надъ поверхностью почвы. На оконечности Утической скалы бьетъ изъ земли горячій ключъ, воды котораго

на которомъ Спидионъ, во время своего похода противъ Карфагена, расположилъ съ войскомъ на зимнія квартиры: это *Castra Cornelia* (Корнеліевы лагери). Городъ Раръ-эль-Мелакъ,

Развалины Сбейтла.—Древняя Суфетула.

необыкновенно богаты мышьяковыми солями. Къ востоку отъ этого мыса, по другую сторону равнины, по которой въ наши дни протекаетъ Меджерда, находится другой мысъ, тотъ самый,

который итальянцы называли Порто-Фарина, пересталъ быть портомъ съ тѣхъ поръ, какъ наносы Меджерды почти совершенно заперли протокъ, черезъ который его озеро сообщалось

съ открытымъ моремъ; гавань его, замыкавшаяся цѣпью, опустѣла; верфи, откуда выходили каперы, заброшены.

Бизерта, или вѣрнѣе Бензертъ, сохранившая, въ очень искаженной формѣ, имя древняго финикійскаго города Гиппо-Зарите (Hippo Diarrhytus), расположена большею частью на западномъ берегу неглубокаго канала, отъ котораго городъ и получилъ названіе Diarrhytus, что значитъ «Прорытый». Островокъ, раздѣляющій два рукава канала, занятъ домами европейскаго квартала; замокъ, стоящій на берегу, называется Борджъ-эль-Зензела или «Цѣпной», потому что отсюда протягивалась цѣпь, запиравшая проходъ. Бизерта не въ такомъ упадкѣ, какъ Порто-Фарина, и даже имѣетъ довольно внушительный видъ, благодаря своимъ каменнымъ стѣнамъ съ башнями по бокамъ и своей четырехугольной касбѣ, высшейся у самаго входа въ каналъ; если ея честолюбивымъ видамъ суждено когда-нибудь осуществиться, она сдѣлается значительнымъ городомъ, какъ главный военный портъ французскихъ владѣній въ Африкѣ. Послѣ Мессинскаго пролива, ни одна гавань не представляла бы такихъ удобствъ, какъ ея озеро, для стоянки военныхъ флотовъ и для наблюденія за наиболѣе посѣщаемымъ торговымъ путемъ Средиземнаго моря; съ сосѣднихъ мысовъ часто можно видѣть цѣлыя вереницы проходящихъ кораблей. Теперь суда вмѣстимостью свыше двадцати тоннъ принуждены бросать якорь въ открытомъ морѣ противъ Бизерты. Ловля коралловъ, издавна уступленная французскому правительству, задолго до присоединенія Туниса, давала прежде занятіе десяткамъ двумъ сицилійскихъ барокъ, плававшихъ подъ французскимъ флагомъ; теперь этимъ промысломъ занимается не болѣе десятка судовъ¹⁾; но ловъ рыбы, именно голавля, и приготовленіе икры также даетъ работу большому числу моряковъ: одна марсельская компанія пользуется монополіей рыболовства, купленной за опредѣленную ежегодную ренту. Годовой уловъ рыбы въ Бизертскомъ озерѣ составляетъ около 350.000 килограммъ.²⁾ Андалузскіе мавры, населяющіе отдѣльный кварталъ за городской стѣной, и мальтійскіе иммигранты придаютъ городу довольно оживленный видъ своей промышленной дѣятельностью; при всемъ томъ дѣйствительное значеніе Бизерты слишкомъ маловажно, чтобы стоило торопиться постройкой желѣзнодорожной линіи, концессія на которую выдана въ первый годъ завоеванія. Въ настоящее время могло бы принести пользу только проведеніе вѣтви желѣзнаго пути отъ Туниса до города Матеръ, лежащаго въ хлѣбородной и

богатой скотомъ мѣстности. Нѣкоторыя деревни въ окрестностяхъ Бизерты окружены прекрасными садами и плантаціями: такова хорошенеккая деревня Мензель-эль-Джемиль, живописно расположенная на крутомъ холмѣ, къ сѣверо-западу отъ озера.

На западъ отъ Бизерты тунисскій берегъ Средиземнаго моря носитъ названіе «желѣзнаго», и суда объѣзжаютъ его: въ сосѣдствѣ его, внутри материка, нѣтъ ни одного города, кромѣ Бежи; туземныя племена: могудъ, амдудъ, нефза, были еще почти независимы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а хумиры часто прогоняли отряды войскъ, приходившіе за сборомъ налога. Табарка, римская Табрака, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ алжирской границы, служитъ пристанью для каботажныхъ судовъ и, по своему положенію на полпути между Боной и Бизертой, имѣетъ шансы сдѣлаться современнымъ довольно оживленной гаванью, когда устроить у себя молы, доки, набережныя и другія портовые приспособленія, и когда на дорогахъ, ведущихъ внутрь материка, появятся города и селенія. Въ Табаркскомъ рейдѣ начались первыя операціи французскаго флота во время вторженія въ Хумирию; планъ новаго города былъ начертанъ въ сосѣдствѣ морскаго берега, у юго-восточнаго основанія крутаго холма, увѣнчаннаго «Новымъ Формомъ», Борджъ-Джедидъ, и къ югу отъ островка, гдѣ стоитъ еще старинный замокъ генуэзцевъ. Ломеллини, который былъ занятъ ими въ продолженіи почти двухъ столѣтій, съ 1540 до 1742 года; кое-какіе сохранившіеся еще остатки римскихъ построекъ напоминаютъ о важномъ значеніи, которое имѣлъ приморскій городъ Табрака, когда онъ былъ соединенъ широкими дорогами съ мраморными ломками въ Симитту и, вдоль берега, съ Гиппоной и Гиппо-Заритомъ. Теперь двѣ новыхъ дороги ведутъ внутрь материка: одна изъ Табарки въ Ла-Калле черезъ рудники Умъ-Тебуль, другая къ айвъ-драгамскому лагерю, въ самомъ центрѣ Хумири; въ скоромъ времени узкоколейная желѣзная дорога будетъ привозить на набережныя Табарки дубильное вещество, пробки, лѣсной матеріалъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ, различныя руды, желѣзо, свинецъ, цинкъ, серебро, добываемыя въ горахъ Нефза; другой рельсовый путь, выходящій изъ той же горнозаводской области, одной изъ богатѣйшихъ въ Старомъ Свѣтѣ, долженъ оканчиваться въ маленькой гавани, защищенной отъ западныхъ вѣтровъ скалами мыса Серратъ. Древнія шахты и кучи обломковъ, называемыя «Желѣзными буграми», «Стальными горками», доказываютъ, что многіе изъ этихъ рудниковъ разрабатывались, вѣроятно, въ римскую эпоху. Нѣкоторое число семействъ, избѣгшихъ плѣна во время взятія Табарки тунисцами, въ 1742 году, поселились въ разныхъ мѣстахъ побережья, гдѣ они до

¹⁾ Sombrou, Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux.

²⁾ Journal officiel de la République française, 28 nov. 1881.

сихъ поръ еще извѣстны подъ именемъ табарканцевъ, а сотенъ пять бѣглецовъ пробрались на островъ Санъ-Піетро, близъ береговъ Сардиніи. Около девятисотъ человѣкъ были обращены въ рабство, и еще до недавняго времени производился торгъ табарканцами и табарканками ⁴⁾. Въ Тунисѣ эти эмигранты въ теченіе почти ста лѣтъ были лишены правъ, дарованныхъ европейцамъ; наконецъ, въ 1816 году, сардинскій консулъ принялъ ихъ подъ свое покровительство.

На югѣ возвышаются лѣсистыя и богатыя металлами горы, произведенія которыхъ должны со временемъ обогатить Табарку; но лѣса

Айнъ-Драгамъ, имя котораго означаетъ «Серебряный Ключъ», считается городомъ только благодаря тому, что въ немъ стоитъ войско; онъ увеличивается или уменьшается пропорціонально численности гарнизона. Впрочемъ, если бы даже всѣ солдаты были выведены оттуда, какъ бесполезные для надзора за страной, Айнъ-Драгамъ, вѣроятно, продолжалъ бы существовать какъ мѣстечко на этомъ высокомъ хребтѣ джебеля Биръ, благодаря дорогамъ, которыя сходятся въ немъ и дѣлаютъ его торговымъ центромъ: ни одно сѣверное мѣсто торга не представляетъ по своему положенію такихъ удобствъ для племенъ сѣверо-западна-

Пробковый дубъ на горѣ Фернанъ.

уже истреблены на обширныхъ пространствахъ, и даже на югѣ Хумиріи почти ничего не осталось отъ прежнихъ лѣсныхъ богатствъ. На длинномъ хребтѣ горы Фернана, куда сходятся множество народа въ базарные дни, стоитъ великолѣпный пробковый дубъ, одинокій гигантъ, вѣтви котораго имѣютъ около 100 метровъ въ окружности, и который издали указываетъ горнымъ племенамъ сборное мѣсто торга; это «фернанское дерево», подъ тѣнью котораго въ былое время собирались делегаты хумировъ для совѣщаній о войнѣ и мирѣ, является теперь послѣднимъ могиканомъ исчезнуваго лѣса ⁵⁾. Главный пунктъ этой области,

го Туниса, какъ Айнъ-Драгамъ. Недалеко оттуда, на одномъ зеленѣющемъ холмѣ, ограниченномъ съ востока глубокой долиной, находится знаменитый «марабутъ» Сиди-Абдаллахъ-бенъ-Джемаль, куда со всѣхъ сторонъ стекаются хумирцы въ день праздника своего патрона.

V.

Тунисъ находится въ остромъ переходномъ состояніи. Официально считаясь еще мусульманскимъ государствомъ, онъ въ дѣйствительности составляетъ провинцію французской колониальной имперіи, и тѣ, кто носятъ въ странѣ титулъ господъ, низведены на степень слугъ, всего болѣе испытывающихъ на себѣ тягость

⁴⁾ Playfair, "In the footsteps of Bruce".

⁵⁾ Cosson, "Forêts de l'Algérie".

подчиненнаго положенія. Приказы все еще датируются годомъ геджры и содержатъ въ началѣ старинныя восточныя формулы; но новая эра началась, и теперь уже съ Запада приходитъ живая сила и воля. Все замѣтно мѣняется подъ вліяніемъ чужеземныхъ элементовъ: населеніе, видъ городовъ и даже деревень, пути сообщенія, промышленность, направленіе торговыхъ потоковъ.

Иммиграція, направляющаяся къ Тунису, состоитъ почти исключительно изъ средиземноморскихъ уроженцевъ, такъ какъ и французы, переселяющіеся въ регентство, принадлежатъ по большей части къ покатоли великаго Внутренняго моря. До установленія французскаго протектората, итальянцы составляли огромное большинство проживающихъ въ регентствѣ иностранцевъ; съ того времени они сохранили за собой и даже увеличили численное превосходство, благодаря близости ихъ родины и выгодамъ, которые даетъ новоприбывшимъ хорошо знакомая торговая рутиня; въ 1891 году ихъ насчитывалось около 22.000. Публичныя работы, земледѣліе, мелкіе уличныя промыслы непрерывно вербуютъ свою армію между итальянскими пролетаріями; французскіе же иммигранты ищутъ занятій, лучше оплачиваемыхъ, и потому самому рѣже встрѣчающихся. Что касается мальтійцевъ, сравнительно очень многочисленныхъ въ Тунискомъ регентствѣ, то они распадаются на двѣ совершенно отдѣльныя національности. Между ними почти всѣ бѣдняки—горячіе католики, усердно исполняющіе приказы французскаго прелата въ Тунисѣ, тогда какъ мальтійцы, принадлежащіе къ классу буржуазіи, у которыхъ обычный языкъ итальянскій, естественно тяготеютъ къ Италіи, съ которой они связаны нравами и политическими симпатіями. Нельзя скрыть, что въ Тунисѣ господствуетъ настоящая вражда между двумя группами колонистовъ—французами и итальянцами. Послѣдніе не могутъ еще примириться съ совершившимся фактомъ; они смотрятъ на себя какъ на законныхъ наслѣдниковъ, которыхъ насильственнымъ захватомъ лишили имущества, принадлежавшаго имъ по праву, въ силу его географическаго положенія и тѣхъ интересовъ, которые они тамъ себѣ создали. Даже въ главномъ городѣ края, въ Тунисѣ, экономическая борьба между двумя иностранными колоніями приняла характеръ національной вражды: двѣ желѣзныя дороги, итальянская линія Ла-Гулеттъ и французская—Бона-Гельма, останавливаются каждая въ особой половинѣ франкскаго квартала, не соединяясь даже къ пристани боковымъ путемъ; два предпріятія, гарантированныхъ національнымъ бюджетомъ подлежащихъ государствъ, ревниво охраняютъ каждое свою область и не подпускаютъ къ ней своего соперника.

Присоединеніе Туниса, какъ дополненія

алжирской территоріи, измѣнило, однако, положеніе дѣлъ въ пользу французскаго элемента. Еще недавно господствующимъ европейскимъ языкомъ былъ итальянскій; даже во французскихъ семействахъ дѣти, привыкшія болтать по-итальянски со своими товарищами, уроженцами Сициліи или Неаполя, переставали, наконецъ, употреблять, какъ обычный языкъ, родную рѣчь своей собственной семьи. Теперь наоборотъ—французскій діалектъ стремится завоевать себѣ преобладающую роль въ европейскомъ и мальтійскомъ кругу. Въ школахъ въ собственномъ смыслѣ, свѣтскихъ и конгрегационистскихъ, также какъ въ великой школѣ улицы, евреи и мусульмане выучиваются французскому языку, сдѣлавшемуся, послѣ арабскаго, языкомъ страны. Основаны уже правильныя школы въ большей части значительныхъ городовъ регентства, а въ главныхъ городахъ, каковы: Тунисѣ, Габесѣ, Сфаксѣ, Монастирѣ, Сузѣ, Кайруанѣ, Визертѣ, Эль-Кефѣ, существуютъ, кромѣ того, нормальныя училища, или учительскія семинаріи, гдѣ получаютъ образованіе туземные наставники.

Въ 1894 г. по національностямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Евреевъ — 4.500; мусульманъ — 3.520; мальтійцевъ — 1.447; итальянцевъ — 2.146; французовъ — 2.135.

Преобладаніе марсельской торговли также способствуетъ офранцуженію страны; наконецъ, гарнизоны и группы чиновниковъ и служащихъ всякаго рода, разбѣянные по территоріи, распространяютъ все далѣе и далѣе употребленіе французскаго языка вокругъ центровъ военныхъ и административныхъ, каковы: Айя-Драгамъ, Эль-Кефъ, Кайруанъ, Суза, Габесъ. Покупка земель производится почти исключительно за счетъ французскихъ спекулянтовъ: нѣтъ сомнѣнія, что со стороны плоскихъ возвышенностей Запада установится значительное иммиграціонное движеніе изъ Сукъ-Ахраса и изъ Тебессы, принося въ Тунисѣ элементы совершенно офранцуженные, какъ элементы этой области алжирской территоріи.

Большія перемѣны совершаются также въ мусульманскомъ мірѣ регентства. Въ то время, какъ нѣкоторые племена, привыкшія къ независимости, покинули край, чтобы не быть подъ властью независимаго руми, на смѣну имъ пришли во множествѣ алжирцы, почти всѣ въ надеждѣ утилизировать свою опытность въ свѣтѣ новыхъ господъ: ихъ можно встрѣтить во всѣхъ городахъ, въ качествѣ кучеровъ, извозчиковъ, носильщиковъ, служителей. Теперь въ страдную пору корабли привозятъ кабилоньцѣлыми грузами въ нѣсколько сотъ человѣкъ, и эти-то пришлые алжирцы и научили тунисцевъ искусству косить луга. Мароканцы, гораздо болѣе сильные и неутомимые на работѣ, чѣмъ тунисскіе арабы, тоже явились въ боль-

помъ числѣ, и вмѣстѣ съ сицилійцами расчищаютъ почву подъ пашни и садятъ виноградъ въ имѣніяхъ, недавно пріобрѣтенныхъ фран-

детъ въ началѣ возрастать численно подѣ новымъ режимомъ; но примѣръ городовъ Алжирія, гдѣ, по неумолимому закону, смертность

Улица въ Тунисѣ.

дузами. Вѣроятно, мусульманское населеніе Туниса, отнынѣ избавленное отъ междоусобныхъ войнъ, отъ набѣговъ разбойничьихъ племенъ, отъ неожиданныхъ и частыхъ поборовъ, бу-

аравовъ постоянно превышаетъ ихъ рождаемость, заставляя опасаться, какъ бы и въ городахъ Туниса не оказался съ теченіемъ времени тотъ же результатъ, вслѣдствіе близ-

каго соприкосновенія европейцевъ съ маврами. То социальное состояніе, такъ изобилующее пороками, которое мы называемъ цивилизаціей, не дѣйствуетъ ли преимущественно своими дурными сторонами, принося слабымъ элементы нравственной порчи и не давая имъ въ то же время силы сопротивленія?

Около городовъ и станцій желѣзныхъ дорогъ земельная собственность постепенно переходитъ въ другія руки. Съ 1861 года многіе иностранцы покупаютъ земли у магометанъ, несмотря на неясность правъ владѣнія и рискъ процессовъ; ожидаютъ, что покупка земель приметъ обширные размѣры съ того, вѣроятно, недалекаго времени, когда принятіемъ такъ называемаго «Торренсова акта», заимствованнаго изъ законодательства австралійскихъ колоній, формальности будутъ сокращены и ограничены простой записью состоявшейся сдѣлки въ особую, предназначенную для того, книгу. Дебюты французской оккупациі въ Тунисѣ отличаются отъ дебютовъ завоеванія Алжира въ особенности быстротой, съ которой французы приобрѣтаютъ имѣнія: въ первомъ общая площадь земель, ежегодно переходящихъ въ руки французскихъ собственниковъ, даже превышаетъ совокупность приобрѣтеній, дѣлаемыхъ на алжирской территоріи, хотя послѣдняя въ три раза больше пространствомъ. Такъ, въ 1884 году, европейцами куплено земель въ Тунисѣ, въ общей сложности, около 40.000 гектаровъ. Эта разница между двумя смежными странами объясняется тѣмъ, что въ Тунисѣ приобрѣтатели прямо покупаютъ земли у туземныхъ владѣльцевъ, тогда какъ въ Алжирѣ земельные участки отводились колонистамъ по концессіямъ правительства, послѣ длинныхъ административныхъ формальностей. Но если французское землевладѣніе водворяется въ Тунисѣ гораздо скорѣе, чѣмъ водворялось въ Алжирѣ, то здѣсь оно въ сущности имѣетъ менѣе демократическій характеръ. Въ Алжирѣ мы видимъ настоящихъ колонистовъ—земледѣльцевъ, то-есть людей, которые сами обрабатываютъ почву, которые воспитываютъ дѣтей своихъ на пашнѣ, которые сами стерегутъ свои поля и сады. Эти-то колонисты, больше, чѣмъ солдаты, и составляютъ истинную силу французскаго Алжира, потому что они переселились туда по доброй волѣ и смотрятъ на него какъ на свое второе отечество. Въ Тунисѣ же нѣтъ такихъ поселенцевъ, мелкихъ собственниковъ, которые, кладя краеугольный камень своего жилища, сами, такъ сказать, становятся твердой ногой на почву и пускаютъ въ ней корни: за исключеніемъ мальтійскихъ садовниковъ и огородниковъ, промыселъ которыхъ, впрочемъ, быстро развивается (въ 1883 году изъ регентства было вывезено около 2.460.900 килограммъ плодовъ и овощей, изъ этого числа 2.250.400 килограмм. изъ портовъ тунисскаго и бизерт-

скаго), приобрѣтателями земель являются представители европейскихъ финансовыхъ компаній, агенты живущихъ за моремъ капиталистовъ, или, въ лучшемъ случаѣ, предприниматели, которые только присматриваютъ за обширными пространствами земли, обрабатываемой для нихъ чужими руками. Дѣйствительная колонизація Туниса французскими работниками имѣетъ нѣкоторые шансы на успѣхъ только на западныхъ плоскогорьяхъ, гдѣ сходство физическихъ условій, по обѣ стороны границы, стремится создать сходныя социальныя условія. Дѣло облѣсенія, столь важное для края, начато пока еще только въ дюнахъ Джерида и вдоль желѣзной дороги изъ Боны въ Гельму. Въ Джеридѣ имѣли въ виду главнымъ образомъ прикрѣпленіе сыпучихъ песковъ, тогда какъ желѣзнодорожная компанія занимается акклиматизаціей новыхъ древесныхъ породъ: между 400.000 деревъ, которыя она насадила вдоль дороги, наибольшая часть состоитъ изъ австралійскихъ акацій, дающихъ превосходное дубильное вещество, и изъ одного вида эвкалипта, «синей акаціи». Новый оазисъ нарождается близъ уѣда Мелакъ, на Габесскомъ порогѣ, благодаря артезианскому колодезю, плодотворныя воды котораго извлекаетъ изъ земли путешественникъ-ислѣдователь Ландасъ. Но, съ другой стороны, обезлѣсеніе продолжается, и дѣло разрушенія навѣрно перевѣшиваетъ работу возстановленія. Цѣлые сосновые лѣса близъ гамады Эль-Кессера были истреблены единственно для продажи коры.

Контрастъ, существующій между двумя формами землевладѣнія, въ Тунисѣ и въ Алжирѣ, проявляется также и въ способѣ земледѣлія. Тогда какъ алжирскіе земледѣльцы въ первое время колонизаціи и до недавней эпохи придерживались той же системы хозяйства, какъ и французскіе крестьяне, стараясь получать со своей земли разнаго рода произведенія, необходимыя для прокормленія людей и скота—зерновой хлѣбъ, корни, плоды и сѣно, тунисскіе плантаторы не занимаются этими многообразными культурами; хотя ими введены нѣкоторыя новыя растенія, какъ, напримѣръ, земляныя фисташки и рамія, но они спекулируютъ главнымъ образомъ на сборъ одного продукта—винограда; земледѣліе измѣнило характеръ, чтобы сдѣлаться преимущественно промышленной эксплоатаціей почвы. Такимъ образомъ эволюція, совершившаяся въ экономическомъ мірѣ вслѣдствіе сосредоточенія капиталовъ, проявляется въ Тунисѣ установленіемъ порядка землевладѣнія и способовъ сельскаго хозяйства, отличныхъ отъ тѣхъ, какіе существовали въ Алжирѣ, въ первые полвѣка французской оккупациі. Рабство отменено съ 1842 года, даже ранѣе, чѣмъ оно было официально уничтожено въ сосѣдней Алжирѣ; но множество туземныхъ поденщиковъ,

хаммесовъ или «пятинныхъ» пахарей, работающихъ въ имѣніяхъ крупныхъ землевладельцевъ, въ сущности тѣ же невольники или крѣпостные, которыхъ хозяева держатъ въ постоянной кабалѣ посредствомъ ссудъ, выдаваемыхъ за ростовщичьи проценты подъ слѣдующую имъ долю урожая. Голодъ часто свирѣпствовалъ среди населенія Туниса, какъ ни велико естественное плодородіе страны; въ зиму 1867—68 гг. мечети и монастыри были переполнены голодающими, и каждое утро цѣлыми телгами увозили трупы погибшихъ голодной смертью ¹⁾.

Промышленность въ собственномъ смыслѣ почти не измѣнилась въ способахъ производства съ того времени, какъ иностранная колонія приобрѣла такое важное значеніе въ странѣ: торговое присоединеніе Туниса имѣло слѣдствіемъ главнымъ образомъ уменьшеніе работы въ туземныхъ мастерскихъ въ пользу иностранной промышленности: хотя механическіе станки Жаккара введены и у тунисскихъ ткачей, но ліонскіе фабриканты стремятся вытѣснить мѣстные издѣлія съ рынковъ регентства. Точно также съ тѣхъ поръ, какъ большія пароходныя компаніи, и особенно общество, получающее правительственную субсидію, устроили правильное сообщеніе посредствомъ своихъ пакетботовъ, которые ходятъ отъ пристани до пристани, выгружая товары и забирая грузы мѣстныхъ произведеній, не осталось почти никакого заработка для мелкихъ парусныхъ судовъ, которыя прежде плавали изъ гавани въ гавань, по волѣ вѣтровъ, теченій и приливовъ.

Движеніе судоходства въ тунисскихъ портахъ въ 1896 г.: пришло — 8.389 судовъ, общей вмѣстимостью 1.805.814 тоннъ; изъ нихъ — 2.145 пароходовъ, въ 1.669.181 тонну. Въ общемъ числѣ пришедшихъ судовъ было 1.237 французскихъ, вмѣстим. 846.718 тоннъ.

Обороты вѣншей торговли регентства въ 1896 г.: привозъ — 46.444.548 франк., вывозъ — 34.507.532 франк.

Въ оборотахъ вѣншей торговли, быстро возрастающей, самая значительная доля принадлежитъ Франціи съ Алжиріей (около 27 милліоновъ франк. по ввозу, и около 26 милліон. по вывозу).

Желѣзныя дороги производятъ внутри страны переворотъ, подобный тому, который вызвала замѣна паруса паромъ; они выводятъ изъ употребленія старый способъ перевозки караванами и перемѣщаютъ торговые потоки. Уже рельсовый путь изъ города Туниса въ Бону и Гельму, проникая въ ущелья верхней Меджерды, обойденной римскими шоссе, отвлекъ къ Бонѣ часть торговаго движенія, которое до того времени всегда направлялось къ

Тунису. Точно также желѣзная дорога, которая пройдетъ черезъ сѣверный Тунисъ на городъ Бежа, оканчиваясь въ портѣ Табарка, откроетъ торговлѣ новый, доселѣ непрактиковавшійся путь. Другая, болѣе важная линія — изъ Сукъ-Ахраса въ Габесъ черезъ Тебессу — позволитъ обходить всю полуостровную область регентства и направлять товары и пассажировъ прямо изъ алжирскихъ портовъ въ Джериду и въ оазисы Триполитаніи. Въ 1895 г. общая длина находящихся въ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ регентствѣ была 1.422 километр., въ томъ числѣ 1.397 километр. казенныхъ линій.

Уже задолго до приобретенія сюзеренной власти надъ Тунисомъ, именно съ 1847 года, французское правительство организовало тамъ почту; впоследствии оно взяло на себя также передачу телеграммъ. Теперь между главными городами существуетъ правильное почтовое сообщеніе, а телеграфныя линіи пересѣкаютъ страну во всѣхъ направленіяхъ, соединяя алжирскую съ тунисской. Арабы уважаютъ, какъ святыню, телеграфныя проволоки и столбы, которые служатъ имъ указателями дороги. Въ 1895 г. общая длина телеграфныхъ линій въ Тунисѣ составляла 3.317 километр.

VI.

Правительство въ Тунисѣ, или «Тунисиі» (название, впервые употребленное Макъ-Карти въ 1847 году), двуглавое — беевское и французское. Въ силу конвенціи, подписанной въ Бардо, царствуетъ бей, пользующійся даже неограниченной властью во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ; но Франція, сдѣлавшись протектрисой Туниса, беретъ на себя заботу защищать его вѣншую безопасность и управлять его финансами чрезъ посредство «генеральнаго резидента», то-есть одна распоряжается военными ресурсами и казной страны. Слѣдовательно, въ дѣйствительности французамъ и принадлежитъ власть, наружные атрибуты которой оставлены бейу и его агентамъ. Можно сказать, однако, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Тунисъ остался особымъ государствомъ, чуждымъ Франціи: это политическая индивидуальность, имѣющая свое собственное законодательство и управленіе, свои собственные интересы, теперь противоположные интересамъ сосѣдней Алжиріи. Въ маленькихъ городахъ отношенія между французами и туземцами регулируются чрезъ посредство консуловъ и такъ называемыхъ «гражданскихъ контролеровъ», какъ между иностранными населеніями; не позволяютъ даже, чтобы, «подданные бей» натурализовались французами; таможня

¹⁾ Gustav Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

осматриваетъ французскіе и алжирскіе товары, какъ будто бы они пришли изъ Италіи или изъ Англіи, и заставляетъ оплачивать ихъ пошлиной въ размѣрѣ 8 процентовъ стоимости. Даже мѣры и вѣсы разные, и въ то время, какъ метрическая система, предложенная Франціей, принята полмилліардомъ людей въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, она еще не введена официально въ Тунисъ¹⁾. Трибуналы 1-ой инстанціи въ Тунисѣ и Сузѣ и девять мировыхъ судей — въ Тунисѣ, Бизертѣ, Сузѣ, Сфаксѣ, Эль-Кефѣ, Габесѣ, Громбаліи, Кайруанѣ и Сукъ-эль-Арбѣ — разбираютъ по французскимъ законамъ дѣла между европейцами и туземцами; съ 1885 года должностныя лица судебного вѣдомства даже получаютъ жалованье изъ тунисскаго бюджета, какъ чиновники беевскаго правительства, хотя они подчинены алжирскому апелляционному суду. Консульскіе трибуналы различныхъ націй упразднены; вѣи горюдовъ отправление правосудія ввѣрено каждамъ, которымъ подвѣдомственны низшіе судебныя органы — халифы и шейхи, въ числѣ перемѣнномъ. Унизительное наказаніе палочными ударами, примѣнявшееся всегда руками презрѣнныхъ евреевъ, теперь уже вышло изъ употребленія. Пресса, состоявшая въ 1885 г. только изъ девяти періодическихъ изданій, подчинена обязательству внесенія залога.

Въ Тунисѣ не существуетъ никакой формы парламентарнаго представительства, которая олицетворяла бы собой конституціонныя фикціи. «Самодержавной» власти бея, теперь ограниченной строго опредѣленнымъ бюджетомъ, противопоставлена власть генеральнаго резидента, которая, не будучи самодержавной въ принципѣ, тѣмъ не менѣе осуществляется декретами, составляющими верховный законъ для всѣхъ и для самого бея: этотъ генеральный резидентъ, «полномочный представитель республики въ регенствѣ», одинъ имѣетъ право сноситься съ французскимъ правительствомъ, чрезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ. Ему подчинены командиры сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ и всѣ высшіе чиновники административныхъ вѣдомствъ. Генералъ, командующій оккупационнымъ войскомъ и, слѣдовательно, располагающій матеріальной силой, является по этому самому однимъ изъ общепризнанныхъ начальниковъ княжества; архіепископъ, начальникъ маленькой арміи священнослужителей и монашествующей братіи и духовный вожь всей мальтійской общины, пользуется неоспоримымъ вліяніемъ, хотя это вліяніе не опирается ни на какую официальную хартію. По наружности управленіе государственными дѣлами сосредоточено въ рукахъ тунисскаго министерства, которое подраздѣ-

ляется на слѣдующіе отдѣлы: финансовъ, «пера», юстиціи, общественныхъ работъ, военный и морской; иностранными же сношеніями завѣдуетъ французскій министръ-резидентъ, какъ представитель сюзеренной власти въ средѣ государственнаго совѣта. Согласно преданіямъ, власть бея переходитъ въ мужскомъ поколѣніи къ старшему въ родѣ, какова бы, впрочемъ, ни была степень родства. Нынѣшній наслѣдникъ престола — братъ бея; официальный его титулъ — «полевой бей», и, дѣйствительно, до недавняго времени онъ командовалъ военными отрядами, посылавшимися изъ провинціи къ провинціи за сборомъ податей.

Финансовыя затрудненія повелителя Тунисскаго регентства были, какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ поводовъ занятія страны французскими войсками. Долгъ бея, составлявшій въ 1859 году 20 милліоновъ, возросъ въ 1869 г. до 275.000.000 франк. Займодавцы, такъ охотно снабжавшіе бея — конечно, за большіе проценты — деньгами подъ залогъ его имущества (доля французовъ въ этихъ займахъ около трехъ пятыхъ), кончили тѣмъ, что забрали въ свои руки взиманіе налоговъ; но имъ нуженъ былъ болѣе вѣрный залогъ, — косвенное обладаніе политической властью, чтобы обезпечить свои доходы: отсюда интриги и борьба всякаго рода, которыя въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ политическими complicациями, привели къ событіямъ 1881 года. Оттого одна изъ главныхъ статей трактата, положившаго конецъ независимости Туниса, поставила непремѣннымъ условіемъ финансовую реорганизацію регентства, которая «обезпечивала бы платежи по государственному долгу и гарантировала права кредиторовъ Туниса». Доходы страны были раздѣлены на двѣ части, изъ которыхъ одна предназначена на покрытіе обыкновенныхъ расходовъ по управленію государствомъ, а другая, болѣе значительная, предоставлена кредиторамъ, въ видѣ обезпеченія; такимъ образомъ, по конвенціи, долгъ, въ суммѣ 137.500.000 франк., былъ гарантированъ бюджетомъ государства. Финансовая коммиссія, назначенная для охраненія интересовъ кредиторовъ, получила тѣ доходы, которые всего легче собирать, и поступленіе которыхъ, слѣдовательно, наиболѣе обезпечено; въ случаѣ недостаточности этого источника, она могла пополнять дефицитъ посредствомъ предварительнаго отчисленія потребной суммы изъ государственныхъ доходовъ, за бюджетомъ которыхъ она наблюдала: правительству даже запрещено было дѣлать какія бы то ни было преобразованія, вводить или измѣнять налоги, выпускать займы, устанавливать какую-либо общественную службу безъ согласія его финансовыхъ контролеровъ. Коммиссія эта не существуетъ болѣе, но интересы кредиторовъ и те-

¹⁾ Съ 1895 г. въ Тунисѣ введена метрическая система, кромѣ мѣръ поверхностей и объемовъ. Ред.

перь такъ же хорошо охраняются. Главные доходы, которые имъ предоставлены,—таможенные сборы, получаемые отъ взиманія пошлины съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ,

популярный налогъ, меджба или подушная подать, все еще взимается въ пользу государства: онъ состоитъ въ сборѣ 27 франк. съ души, къ которому прибавляются издержки взим-

Древній портъ Картегена

арендная плата за сдаваемые на откупъ монополіи табачную, рыболовную и соляную, рыночный и складочный сборъ въ большей части городовъ, налогъ на оливковыя деревья въ Сахелѣ и въ другихъ округахъ. Самый не-

манія, тѣмъ болѣе значительныя, чѣмъ болѣе плательщикъ затрудняется взносомъ; при томъ же этотъ налогъ падаетъ почти только на бѣдняковъ, такъ какъ люди состоятельные нашли средство избавиться отъ него; всѣ жители

столицы изъяты отъ платежа подушныхъ. Другой крайне обременительный налогъ—*камуна*, взимаемый съ маслинъ, кромѣ десятины: въ неурожайные годы часто случалось, что земледѣльцы сами срубали свои деревья, чтобы сборщики не пришли къ нимъ требовать налога, котораго они не въ состояніи заплатить¹⁾. Значительное возрастаніе торговли въ эти послѣдніе годы, обузданіе контрабанды, увольненіе четырехъ тысячъ чиновниковъ-паразитовъ и строгое примѣненіе правилъ о взиманіи таможенныхъ пошлинъ позволили ввести нѣкоторый порядокъ въ финансовый хаосъ; утверждаютъ даже, что теперь доходы превышаютъ расходы, какъ будто не нужно считать издержекъ по содержанію оккупационной арміи и другихъ расходовъ, покрываемыхъ изъ французскаго бюджета и представляющихъ въ совокупности почти всю сумму тунисской государственной росписи. Кредиты, вотируемые съ 1881 по 1885 годъ для цѣлей оккупации Туниса, составляли въ сложности до 181.275.229 франк.²⁾

Бюджетъ Тунисскаго регентства въ 1897 г.:

Приходъ—23.676.100 франк.; расходы—23.675.257 франк.; государственный долгъ около 144 милліон. франк.

Габбусы, то-есть не отчуждаемая земля, приписанная къ богоугоднымъ заведеніямъ, не вошли въ смѣтныя исчисления. Имущества эти, говорятъ, занимаютъ треть тунисской территоріи, а платятъ въ казну не болѣе сотни тысячъ франковъ.

Французская оккупационная армія, значительно уменьшенная позаймствованиями для тонкинской экспедиціи, въ настоящее время состоитъ изъ 2 полковъ и 2 батальоновъ пѣхоты, 2 полковъ кавалеріи и 4 батарей артиллеріи, распределенныхъ по стратегическимъ постамъ страны; въ первое же время завоеванія она достигала цифры 43.000 человекъ. Главные военные центры—города Тунисъ, Суза и Габесь, а внутри страны существуютъ военно-окружныя управленія въ Аинъ-Драгамъ, Эль-Кефъ, Кайруанъ, Гафсъ, имѣющія свои отдѣлы, гдѣ стоятъ небольшіе отряды. Смѣшанные роты, которые были первоначально организованы, постепенно преобразовались въ отряды спаги, или «алжирскихъ стрѣлковъ», на подобіе того же рода войска въ сосѣдней колоніи; въ официальной номенклатурѣ они даже не получили названія «тунисскихъ», которое принадлежитъ имъ по праву, и которое даже слѣдовало имъ дать въ виду нѣкотораго національнаго соперничества, суще-

ствующаго между двумя сосѣдними націями. Въ Тунисѣ дѣйствуетъ конскрипція, посредствомъ которой набирается маленькая беевская армія, организованная по образцу французской, но употребляемая главнымъ образомъ для парадовъ въ трехъ резиденціяхъ бее—Марсѣ, Бардо и Ла-Гулеттѣ, хотя, по закону о рекрутскомъ наборѣ, изданному въ 1860 году, она все еще величается «священнымъ воинствомъ, сражающимся на божественномъ пути въ сомкнутихъ, какъ стѣна, рядахъ». Солдатъ, поступившій по жребію, обязанъ служить восемь лѣтъ, если не замѣнитъ себя замѣстителемъ или не принадлежитъ къ классу имановъ, учителей или ученыхъ. Нынѣ эта почетная гвардія бее состоитъ изъ 1 батальона пѣхоты, 1 эскадрона кавалеріи и небольшого отряда артиллеріи.

Отставныхъ офицеровъ, получающихъ пенсію, насчитывается больше, чѣмъ солдатъ на дѣйствительной службѣ. Но кромѣ регулярной арміи, существуютъ еще отряды *маззена*, состоящіе изъ спаги и хамба, и несущіе полицейскую службу. Въ 1884 году были распущены два полка нерегулярныхъ войскъ, кулугли или ханефія, турецкаго происхожденія, и зуавовъ, по большей части кабилловъ. Этотъ корпусъ, организованный въ XVI столѣтіи, постоянно пополнялся новыми иммигрантами изъ Алжиріи: зуавы образовали дивизію Меръ-Энджинъ, арабы же составляли особый полкъ. Въ числѣ около 4.000 человекъ, эти войска несли гарнизонную службу въ крѣпостяхъ. Послѣдній ихъ генералъ принадлежалъ къ племени аинтъ-иратенъ, самому воинственному изъ кабилскихъ племенъ³⁾.

Естественныя дѣленія Тунисскаго регентства такъ ясно разграничены, что не трудно было намѣтить военные округа и центры ихъ управленія. Вся нижняя долина Меджерды, бассейны уѣзда Меліанъ и полуостровъ Дахелатъ-эль-Магунъ находятся въ военномъ районѣ города Туниса. Въ четырехугольникѣ горъ и холмовъ, ограниченномъ съ юга теченіемъ Меджерды, главнымъ пунктомъ выбранъ городъ Бежа, а для наблюденія специально за массивомъ Хумирія учрежденъ въ центрѣ области укрѣпленный лагерь Аинъ-Драгамскій. Точно также въ гористыхъ округахъ, отдѣляющихъ рѣку Меджерду отъ притоковъ озера Кельбіа, центральнымъ мѣстомъ служить городъ Эль-Кефъ, а надъ дикой областью гамадъ командуетъ укрѣпленный лагерь Сукъ-эль-Джемаа. Кайруанъ уже по самому своему положенію былъ, такъ сказать, напередъ предназначенъ сдѣлаться главнымъ городомъ долины и равнины, покатыхъ къ озеру Кельбіа, а Сахель раздѣленъ мысомъ Канудіа на двѣ половины, изъ которыхъ одна подчинена воен-

¹⁾ Antonin Dubost, «Documents parlementaires, Journal officiel de la République française», août 1882, janvier 1884.

²⁾ «Débats parlementaires», séance du 12 juillet, 1885.

³⁾ O. Mac-Carthy, рукописныя замѣтки.

но-окружному управленію въ Сузѣ, а другая управленію въ Сфаксѣ. Что касается степей и уединенныхъ массивовъ южнаго Туниса до низменности шоттовъ, то ихъ естественный центръ—въ городѣ Гафсѣ, а вся южная область до триполійской границы и до пустыни составляетъ военный округъ Габесскій, самый важный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, такъ какъ онъ командуетъ входомъ въ сахарскія области и позволилъ бы непріятелю зайти въ тылъ алжирской территоріи съ южной стороны горъ Джебель-Аурестъ.

Въ административномъ отношеніи регентство раздѣлено на *утаны*, или области, различнаго протяженія, управляемыя кайдами, при которыхъ состоятъ одинъ или нѣсколько халифовъ, или «намѣстниковъ», смотря по важности провинціи. Что касается городовъ, деревень, кочующихъ племенъ или родовъ (клановъ), то они управляются шейхами, которые берутъ вознагражденіе за исполненіе своихъ обязанностей непосредственно съ самихъ управляемыхъ: эти случайные доходы обозначаются эвфемическимъ выраженіемъ «цѣна туфлей», потому что расходъ на обувь, изнашиваемую по дѣламъ просителей, оправдываетъ въ глазахъ чиновниковъ вымогательства, которыя они себѣ позволяютъ¹⁾. Муниципальныя комиссіи, существующія въ нѣкоторыхъ городахъ, имѣющихъ городское общественное управленіе, каковы: Голетта, Эль-Кефъ, Бизерта, Суза, Сфаксъ, состоятъ изъ европейскихъ резидентовъ, назначаемыхъ правительствомъ, и изъ мусульманъ, выбираемыхъ почетными жителями. Муниципальный совѣтъ Туниса (столицы) былъ учрежденъ въ 1858

году, по ходатайству французскаго консула Леона Роша; онъ состоялъ тогда только изъ туземныхъ нотаблей, по назначенію бея.

Число *утановъ* часто мѣнялось. Въ эпоху присоединенія регентства къ Франціи ихъ было больше двадцати, не считая областей особыхъ племенъ, кочевыхъ или полусѣдлыхъ, которыя имѣли отдѣльное управленіе.

Утаны, или области.	Главные города.	Населеніе.
Тунисъ.....	Тунисъ.....	170.000
Голетта.....	Голетта.....	3.500
Махоммедія и Морнакъ.....		
Хамманъ-Лифъ.....		
Бизерта.....	Бизерта.....	5.000
Матеръ.....	Матеръ.....	2.500
Табарка.....	Табарка.....	
Бежа.....	Бежа.....	4.500
Эль-Кефъ.....	Эль-Кефъ.....	5.000
Тебурсукъ.....	Тебурсукъ.....	2.500
Тестуръ.....		
Меджесъ-эль-Бабъ.....		
Тебурба.....	Тебурба.....	2.500
Загуанъ.....	Загуанъ.....	2.900
Салиманъ.....	Набель.....	4.800
	Келибіа.....	2.500
	Суза.....	8.000
Сахель и Суза.....	Мсакенъ.....	10.000
	Келаа-Кебира.....	7.000
	Монастиръ.....	8.000
	Джемаль.....	6.000
Монастиръ.....	Моквинъ.....	6.000
	Вокальта.....	4.000
	Тебульба.....	3.000
Махдіа.....	Махдіа.....	6.000
Сфаксъ и Керкенна.....	Сфаксъ.....	30.000
Кайруанъ.....	Кайруанъ.....	15.000
Гафса.....	Гафса.....	4.500
	Тозеръ (оазисъ).....	10.000
	Нафта.....	8.000
Джеридъ.....	Эль-Удіанъ (оазисъ).....	3.800
Араль.....	Габесъ.....	12.600
Утанъ Гебли.....		
Джерба.....	Хумтъ-Сукъ.....	3.000

¹⁾ Henri Duveyrier, „Tunisie“.

Глава III

Алжирія.

I.

Центральная часть Мавританіи, этого «острова Запада», который по своему геологическому строенію, также какъ по климату и произведеніямъ, принадлежалъ нѣкогда къ сѣверному континенту, была въ новѣйшее время политически завоевана обратно отъ Африки и присоединена къ противоположащимъ берегамъ

Средиземнаго моря. Впрочемъ, съ самаго начала историческихъ временъ наиболѣе дѣятельныя и частыя сношенія этой страны, мирныя или воинственные, всегда имѣли мѣсто не съ африканскими землями, отъ которыхъ она отдѣлена пустынями Сахары, а съ заморскими областями, лежащими на сѣверѣ и на востоки. Археологи показываютъ намъ уже въ доисторическую эпоху строителей долменовъ, пробивающихся изъ Галліи черезъ Иберійскій полу-

островъ въ Мавританію; затѣмъ, на зарѣ вѣковъ, о которыхъ повѣствуютъ древнѣйшія лѣтописи, мы видимъ сидонянъ и тирянъ, основывающихъ свои рынки на побережьи Мавританіи. За вліяніемъ Финикіи слѣдуютъ вліянія Рима и Византіи; даже въ періодъ междоусобствія, произведеннаго переселеніемъ народовъ между двумя имперіями, завоеватели съ береговъ Балтики, вандалы, забрели въ эти дальніе южные края и пропали тамъ, не оставивъ по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ въ пестрой смѣси африканскихъ націй. Потомъ арабы, смѣшанные съ сирійцами и египтянами, изливаются на Магрибъ стремительными потоками, и наконецъ, являются турки, не затѣмъ, чтобы занять страну, а чтобы господствовать надъ ней и установить тамъ средоточіе своего морскаго могущества.

Но даже въ то время, когда Мавританія принимала своихъ иммигрантовъ изъ восточныхъ странъ, сношенія ея, мирныя или воинственныя, устанавливались съ противоположными берегами средиземной Европы, и почти всегда въ этихъ сношеніяхъ преобладало состояніе войны. Въ теченіе слишкомъ десяти столѣтій южные пираты, извѣстные сначала подъ именемъ мавровъ или сарацинъ, впоследствии — барбаресковъ или варварійцевъ, вели борьбу со всей торговой Европой и пускались даже въ океанъ, чтобы захватывать тамъ купеческіе корабли. Для защиты отъ ихъ внезапныхъ нападений, города и деревни средиземнаго побережья строились на холмахъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, и окружали себя стѣнами. Въ войнѣ, продолжавшейся изъ вѣка въ вѣкъ между мусульманами и христіанами, первые вначалѣ одерживали верхъ: они овладѣли Испаніей, Сициліей, даже занимали долгое время горы Мавровъ на французскомъ побережьи, а ихъ экспедиціи проникали въ долины Гаронны, Луары и Роны, вторгались вглубь Альпъ. Однако, въ средніе вѣка война была перенесена въ Африку, со времени крестоваго похода Людовика Святаго; она кончилась неудачно для христіанъ, но немного времени спустя послѣ завоеванія Гранады кастильцами, послѣдніе, преслѣдуя выгоды одержанной побѣды на африканской землѣ, овладѣли Ораномъ, Буджіей, Мостаганемомъ, Алжиромъ; даже Тлемсенъ, внутри страны, сталъ ихъ данникомъ, и можно было думать, что Испанія, нѣкогда поработенная арабами и берберами, теперь, въ свою очередь, поработитъ ихъ самихъ. Но эти успѣхи были лишь временныя: несмотря на титулъ «*Africanus*» («Африканскій»), принятый по примѣру римскаго полководца Сципіона, Карлъ V былъ менѣе счастливъ въ Мавританіи, чѣмъ его дѣдъ Фердинандъ; испанскій флотъ былъ уничтоженъ бурей, и съ тѣхъ поръ эта «буря Карла Пятаго» всегда помогала пиратамъ разсѣивать своихъ враговъ.

Большинство европейскихъ державъ платили налоги алжирскимъ туркамъ, чтобы обезопасить свою торговлю, а когда отказывались отъ платежа этой постыдной дани, то должны были скорѣ прибѣгать къ блокадѣ и бомбардированію прибрежныхъ городовъ Алжиріи или выплачивать большіе выкупы, чтобы освободить своихъ подданныхъ, захваченныхъ въ плѣнъ пиратами. Подъ различными формами война продолжалась безъ перерыва между Варварійскими владѣніями, Европой и ея передовымъ постомъ — Мальтой. Нѣкоторая выгода осталась въ концѣ концовъ за европейскими государствами, такъ какъ турки не завоевали ни одной пяди земли на сѣверныхъ берегахъ, тогда какъ на берегахъ Африки нѣкоторыя конторы, какъ наприм. Табарка и Ла-Калле, были заарендованы сѣверными купцами, и многіе островки и укрѣпленные полуострова, какъ наприм. *regidios* (крѣпости) на мароккомъ берегу, и даже городъ Оранъ, до 1791 года, были заняты испанскими гарнизонами.

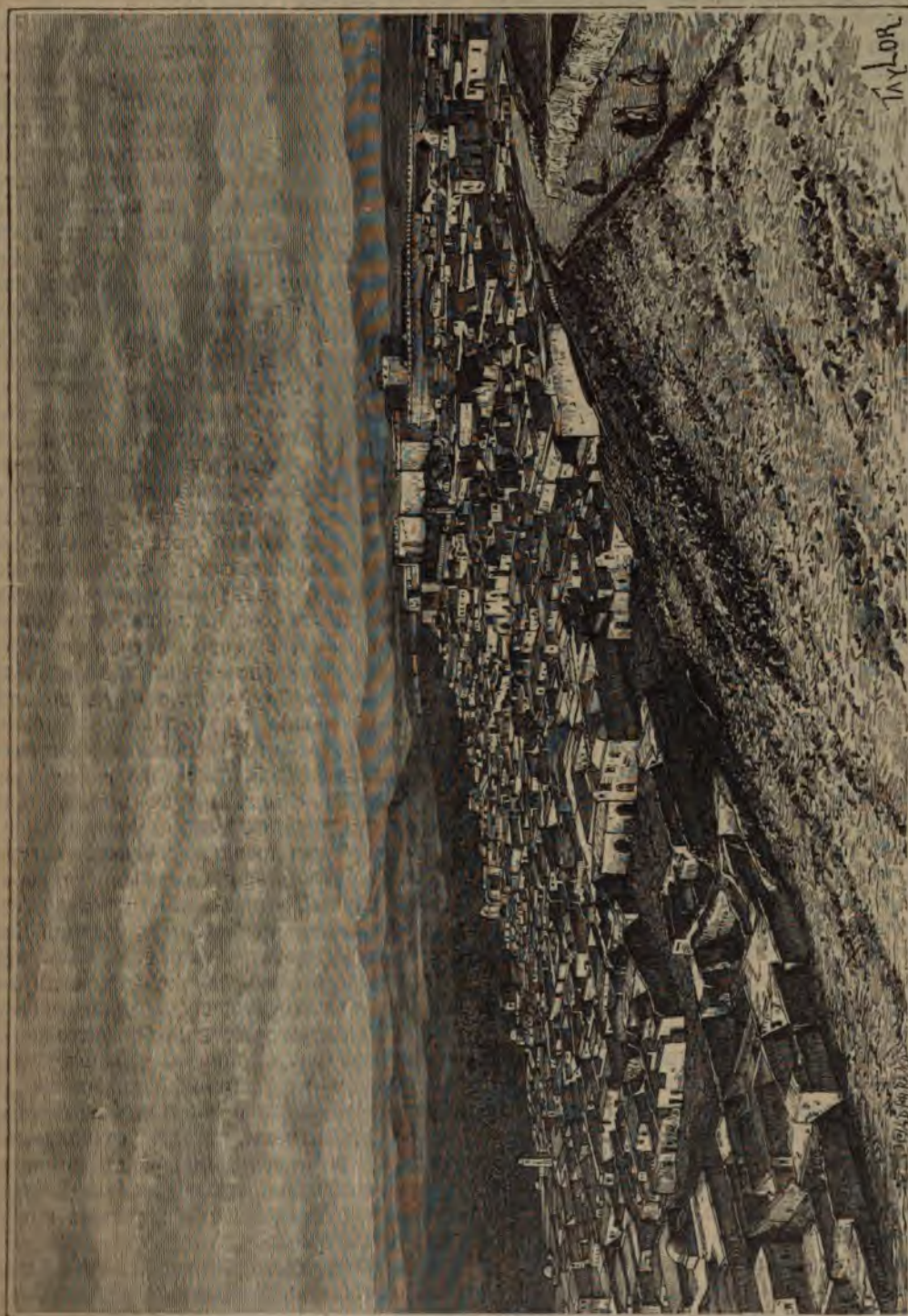
Въ 1830 году былъ нанесенъ рѣшительный ударъ: городъ Алжиръ, гдѣ были собраны сокровища, награбленные корсарами, взятъ французами; затѣмъ послѣдовательно были заняты другіе пункты побережья, и самой силой вещей, несмотря на отсутствіе опредѣленнаго плана, перемѣны политики, временныя отступленія, завоеваніе внутренней части страны распространялось все далѣе и далѣе: послѣ области Телль, были покорены плоскія возвышенности, затѣмъ оазисы пустыни. Вся Алжирія, пространствомъ превосходящая Францію, была постепенно присоединена до границъ, начертанныхъ кочевками племенъ и ихъ стадъ и воздѣланными землями осѣдлыхъ жителей. Тунисъ подвергся той же участи, какъ и Алжирія, и если Марокко, отдѣленный отъ Оранской провинціи недостаточно точной границей, еще не сдѣлался европейской территоріей, то причина тому взаимное соперничество державъ, которыя не позволяютъ одна другой трогать эту спорную землю; однако, Испанія, послѣ долгаго перерыва снова перешедшая въ наступленіе, заставила уступить себѣ извѣстное пространство морскихъ береговъ на покатоости Атлантическаго океана, а французскія войска, съ своей стороны, неоднократно переходили въ Удждѣ (у шотта Тигри, въ оазисѣ Фингъ) условную линію марокской границы, чтобы окружить враждебныя племена. Марокко напередъ можно считать присоединеннымъ политически къ Европѣ, и сами жители его первые сознаютъ неизбежность предстоящей ихъ участи судьбы. Такимъ образомъ вся Африка, даже въ тропическихъ областяхъ, гдѣ бѣлый человѣкъ еще не акклиматизировался, постепенно захвачена европейцами на всей ея окружности.

Отнынѣ соединенная съ Европой, Сѣверная

Африка получила довольно важное значение въ современной исторіи. Особенно Алжирія уже участвуетъ въ напряженной, кипучей жизни, волнующей нынѣ цивилизованныя об-

Доброй Надежды, Алжирія является самымъ большимъ центромъ европейскаго заселенія въ Африкѣ, и, несмотря на тридцатилѣтнюю, почти непрерывную войну, эта страна заселилась

Эль-Кефъ.

щества. Послѣ Египта, Алжирія была, между африканскими землями, вторымъ, по степени важности, театромъ событій, влияние которыхъ отразилось далеко за предѣлами чернаго континента: послѣ англійской колоніи на Мысѣ

даже, если принять во вниманіе непродолжительность періода колонизаціи, гораздо быстрее, чѣмъ англійскія владѣнія Южной Африки. Это не территория промышленной или фискальной эксплуатаціи, не огромная доходная ферма,

какъ Ява или Британская Индія, часто называемыя ошибочно колоніями и слишкомъ часто приводимыя въ примѣръ военнымъ державамъ Европы; она сдѣлалась, какъ Канада, хотя подъ другими политическими формами, территоріей заселенія, продолженіемъ Франціи по другую сторону Средиземнаго моря. Рассматриваемое въ цѣломъ, дѣло завоевательной націи, представляющее смѣсь добра и зла и очень сложное въ своихъ слѣдствіяхъ, какъ всѣ человѣческія дѣла, не имѣло въ общемъ результатовъ численнаго уменьшенія и приниженія туземцевъ. Находились, конечно, люди, требовавшіе, чтобы къ арабамъ былъ примѣненъ законъ историческаго возмездія, и чтобы они были «оттѣснены» къ пустынь, подобно тому, какъ сами они нѣкогда оттѣснили берберовъ къ горамъ. Во многихъ мѣстахъ Телля и въ окрестностяхъ городовъ эта политика «оттѣсненія» была даже примѣняема на практикѣ, косвеннымъ образомъ и на законномъ основаніи, именно—«путемъ экспроприаціи въ видахъ общественной пользы»; но большинство арабовъ по-прежнему владѣютъ своими землями, и оставшаяся имъ доля была бы вполне достаточна для ихъ прокормленія, если бы она принадлежала самимъ земледѣльцамъ, а не шейхамъ, истиннымъ владѣльцамъ подлѣ именъ племенъ. Несмотря на несправедливости и жестокости, которыми сопровождается всякое насильственное завладѣніе, положеніе арабовъ не ухудшилось; положеніе же кабилонъ, бискровъ, мзабитовъ даже улучшилось, благодаря расширенію, которое получили ихъ промыслы и торговля. Алжирія гораздо больше пріобрѣла отъ Франціи, чѣмъ сколько сама дала ей, и жители этой страны, хотя не уравнины въ правахъ съ французами, во многихъ отношеніяхъ выиграли въ свободѣ съ той эпохи, когда надъ ними командовалъ турокъ. Если европейскіе колонисты водворились на алжирской почвѣ рядомъ съ арабами и кабилами, то многіе изъ нихъ трудомъ стараются завоевать себѣ право на оккупацию, и если есть трудовое существованіе, исполненное самоотверженія и мужества, то это, конечно, жизнь переселенца, употребляющаго всѣ свои силы на воздѣлываніе почвы, часто неплодотворной, въ неблагоприятномъ для него климатѣ, къ которому онъ долженъ постепенно приспособляться, среди населенія безпокойнаго, иногда враждебнаго, нерѣдко разжигаемого проповѣдями фанатиковъ. Многіе, нынѣ здоровые, города и деревни, гдѣ теперь видишь группы румяныхъ дѣтей, весело играющихъ на улицахъ, заключаютъ въ оградѣ своихъ кладбищъ два или три наслоенія безвременно погибшихъ колонистовъ, которые умерли на чужбинѣ отъ непосильнаго труда, расчистивъ и ассенизовавъ почву для своихъ преемниковъ. Часто земледѣльцы различныхъ національностей пробовали свои силы одни за дру-

гими: швейцарцы, эльзасцы, испанцы, мальтійцы, провансальцы поочередно вносили свою долю труда въ исполненіе далеко не легкой задачи. Земля была завоевана здѣсь гораздо больше плугомъ, чѣмъ мечемъ.

Въ этой части завоеванія, хотя мирной, но не менѣе трудной, чѣмъ военная сторона дѣла, колонисты не-французы составляли въ началѣ большинство, да и теперь они не уступаютъ французскимъ переселенцамъ въ работахъ по распаханію земель. Поэтому было бы несправедливо не признавать за ними права на хлѣбъ, который они заработали въ потѣ лица. Безъ нихъ да безъ южныхъ французовъ, провансальцевъ и лангедокцевъ, вопросъ объ акклиматизаціи европейцевъ въ Берберіи, возбужившій столько споровъ, не былъ бы рѣшенъ на практикѣ. Иммигранты изъ Сѣверной Франціи и Средней Европы не такъ энергически сопротивляются причинамъ смертности, какъ уроженцы береговъ Средиземнаго моря: у нихъ число смертныхъ случаевъ довольно правильно превышаетъ число рожденій. Если бы колонисты набирались единственно между этими этническими элементами, дѣло заселенія пришлось бы безпрестанно начинать съизнова, и можно бы было опасаться, что жгучая земля Африки пожретъ послѣдовательно всѣхъ сѣверныхъ людей, какъ она поглотила нѣкогда вандаловъ. Но, несмотря на перемѣну географической широты для колонистовъ, переселяющихся съ сѣвера на югъ внутренняго моря, по направленію меридіана, переселеніе каталонцевъ, провансальцевъ и генуэзцевъ совершается безъ особенныхъ неудобствъ. Флора и фауна мало различаются на томъ и другомъ берегу; многіе этническіе элементы тоже сходны, и, какъ это было во времена древнихъ иберовъ и лингуровъ, въ западномъ бассейнѣ Средиземнаго моря селятся народы одинаковаго происхожденія. Акклиматизація прибрежныхъ жителей сѣвера на южныхъ берегахъ этого моря тѣмъ легче, что непосредственно къ югу отъ алжирскаго побережья возвышаются холмы и плоскогорья, такъ что градусы высоты приблизительно компенсируютъ градусы широты. Такимъ образомъ иммиграція колонистовъ средиземной расы обезпечиваетъ дѣло преобразованія: благодаря имъ въ особенности, будетъ сохраняться и расширяться эта новая Алжирія, съ ея городами, путями сообщенія, тщательно воздѣланными садами и полями, промышленнымъ и торговымъ механизмомъ.

Нельзя сказать, чтобы присоединеніе Алжиріи къ Франціи и къ средиземной Европѣ совершилось по опредѣленному плану и безъ ослабленія разнаго рода злоупотребленіями. Въ дѣлѣ оккупации этой страны, какъ и въ политикѣ относительно колонистовъ и туземцевъ, замѣчается недостатокъ системы и послѣдовательности. Долго сомнѣвались даже, будутъ ли

удержаны нарождающіяся колоніи. Впрочемъ, эти колебанія покажутся менѣе удивительными, если припомнить, какое огромное разстояніе отдѣляло Францію отъ Алжиріи въ то время, когда парусныя суда медленно совершали свой рейсъ отъ одного берега до другаго, плаваая въ сопровожденіи конвойа или задерживаясь подолгу въ какомъ-нибудь рейдѣ Балеарскихъ острововъ. Каждое изъ слѣдовавшихъ одно за другимъ министерствъ во Франціи имѣло свой особый планъ, при чемъ алжирскіе губернаторы иногда отказывались приводить въ исполненіе эти планы, а съ другой стороны, образъ дѣйствія губернаторовъ часто не одобрялся центральнымъ правительствомъ. Завоеванная африканская земля, можетъ-быть, была бы со всѣмъ эвакуирована, если бы на первыхъ же порахъ королевская власть, угрожаемая въ улицахъ Парижа республиканцами, не постаралась избавиться отъ беспокойныхъ элементовъ, отправляя ихъ въ Алжирію, въ качествѣ авангарда. Уже до іюльской революціи «завоеваніе Алжира, повидимому, открыло поприще эмиграціи, необходимой для спокойствія Франціи, полезной для ея величія», и въ началѣ 1831 года полицейская префектура ухитрилась завербовать 4.500 парижанъ изъ самыхъ энергическихъ, выбранныхъ между тѣми, «которыхъ несчастіе нашего времени дѣлало постояннымъ орудіемъ въ рукахъ агитаторовъ», и послала ихъ въ Алжирію подъ именемъ «волонтеровъ»¹⁾. Такимъ образомъ новое завоеваніе было мѣстомъ ссылки, прежде чѣмъ сдѣлаться мѣстомъ колонизаціи. До половины текущаго столѣтія мысль объ эвакуаціи Алжира не выходила изъ головы у нѣкоторыхъ государственныхъ людей, слѣдствіемъ чего являлись постоянныя противорѣчія въ веденіи войны и въ колонизаціонныхъ предпріятіяхъ. То доказывали необходимость расширенія колоніальной территоріи, то, наоборотъ — толковали объ уменьшеніи ея предѣловъ; то предполагали сдѣлать изъ Алжиріи группу французскихъ департаментовъ, то думали создать изъ нея особое «арабское королевство», и часто эти противорѣчивые проекты одновременно приводились въ исполненіе въ разныхъ частяхъ страны. Многочисленные чиновники, не всегда выбираемые между лучшими, ѣхали продолжать въ Алжиріи бюрократическую рутину, къ которой они привыкли во Франціи, или старались видоизмѣнить ее сообразно политикѣ данной минуты. Такъ проходили годы, принося безпрестанно новыя колебанія и перемѣны.

И однако, несмотря на эту нерѣшительность высшихъ сферъ, колонизація совершалась движеніемъ снизу. Но въ подобномъ вопросѣ, который имѣетъ связь съ общимъ равновѣсіемъ міра и съ будущностью человѣчества, необхо-

димо принимать въ расчетъ также событія, происходившія въ самой метрополіи. Присоединеніе обширной территоріи къ области западной цивилизаціи не могло совершиться безъ того, чтобы завоевавшая нація не почувствовала вліяніе этого факта въ своемъ собственномъ развитіи. Не только она должна была употреблять величайшія усилія, чтобы обезпечить за собой это заморское завоеваніе, столь трудное и столь продолжительное по причинѣ нерѣшительнаго образа дѣйствій и частичнаго примѣненія противорѣчащихъ одинъ другому проектовъ; не только ей пришлось обременять свой бюджетъ ежегодными дополнительными расходами, общая сумма которыхъ простирается по меньшей мѣрѣ до шести милліардовъ, и жертвовать сокровищемъ болѣе драгоценнымъ, чѣмъ деньги, — людьми, солдатами или колонистами, сотнями тысячъ; но къ этимъ фактамъ матеріальнаго порядка, которые могутъ быть исчислены приблизительно въ цифрахъ, присоединились еще косвенныя послѣдствія во внутренней жизни самой націи; событія въ Алжиріи неминуемо должны были отразиться на исторіи самой Франціи. Одинъ изъ естественныхъ результатовъ завоеванія Алжира былъ тотъ, что это событіе отдало взоры французовъ отъ восточныхъ границъ и направило ихъ на югъ, къ африканскимъ берегамъ, вслѣдствіе чего политика Англіи и сѣверныхъ державъ получила большую свободу дѣйствія въ спорныхъ вопросахъ чисто-европейскихъ. Съ 1830 года, то-есть со времени завоеванія, Алжирія становится между Парижемъ и Брюсселемъ, между Сеной и Рейномъ¹⁾. Содержаніе за-моремъ цѣлой арміи, которой приходилось вести постоянную борьбу, ослабляло военную силу сѣверныхъ областей, прежде такъ часто оспариваемыхъ на поляхъ битвы. Забывая сосѣднія страны, общественное вниманіе сосредоточивалось на отдаленной Алжиріи: туда были направлены усилія, далеко за естественные предѣлы отечества, и соразмѣрно тому уменьшалась сила сопротивленія на противоположной сторонѣ. И въ то самое время, когда нарушеніе политическаго равновѣсія становилось неизбежнымъ, вслѣдствіе неравнаго возрастанія народонаселенія, увеличивающагося гораздо быстрее въ нѣмецкихъ земляхъ, чѣмъ во Франціи, завоеванная Алжирія притягивала къ себѣ центръ тяжести метрополіи и удаляла его отъ угрожаемыхъ пунктовъ. Совершившееся измѣненіе границы на сѣверовостокъ Франціи, можетъ-быть, зависѣло косвеннымъ образомъ отъ присоединенія обширной территоріи, сдѣланнаго на африканскомъ континентѣ на счетъ турокъ, арабовъ и кабилловъ. Эти общія движенія исторіи трудно раз-

¹⁾ Baudé, „L'Algérie“, vol. III, p. 148 et suivantes.

¹⁾ Ламартинъ, „Засѣданіе палаты депутатовъ 10 іюня 1846 г.“.

личить въ сутолокѣ тысячи мелкихъ повседневныхъ фактовъ и событій, въ своемъ равномъ колебаніяхъ текущей политики; однако, за ними можно слѣдить мыслью, изучая ихъ издали и въ ихъ совокупности, подобно тому, какъ съ высоты береговаго утеса наблюдаешь попеременные теченія прилива и отлива.

Алжирию часто называютъ «Новой Франціей» или «Африканской Франціей», и во многихъ отношеніяхъ это названіе справедливо. Дѣйствительно, французы очень прочно водворились на африканскомъ континентѣ, принеся туда свой языкъ и свои нравы. Города и деревни европейской постройки появились не только въ области побережья, но и во всѣхъ частяхъ территоріи; дороги проведены черезъ всю страну до самыхъ границъ пустыни. Дѣло, совершенное французами въ полстолѣтіе, сравнивали съ тѣмъ, которое было результатомъ семивѣковой римской оккупации. Если ихъ цивилизация еще далеко не въ такой сильной степени ассимилировала туземное населеніе, если ихъ колоніи въ восточной области плоскогорій еще рѣдки въ сравненіи съ колоніями римлянъ, то въ другихъ отношеніяхъ французы сдѣлали больше. Наука дала имъ элементъ могущества, котораго не доставало древнимъ,—скорость. Посредствомъ желѣзной дороги, телеграфа, оптическихъ сигналовъ они вездѣсущи. Въ ихъ рукахъ край, такъ сказать, уменьшился въ протяженіи; они дальше римлянъ провишли въглубь пустыни, такъ какъ остатковъ римской старины не находятъ южнѣ Джельфы¹⁾, лежащей на 300 километрахъ къ сѣверу отъ эль-Голеа, послѣдняго французскаго оазиса; даже море, омывающее алжирскіе берега, съзидилось подъ килемъ ихъ судовъ, и кораблекрушенія стали рѣже, благодаря моламъ и жете, защищающимъ нынѣ гавани; Алжиръ, отстоящій отъ Марсели менѣе, чѣмъ на тридцать часовъ, ближе къ Франціи, чѣмъ, напримѣръ, Тулонъ къ Бресту. Что бы ни говорили, политическое присоединеніе Алжирии къ Европѣ можно считать совершившимся фактомъ, который уже сдѣлался достояніемъ исторіи. Возмущенія туземцевъ, раздѣленныхъ между собою разстояніемъ, происхожденіемъ, частными интересами, не могутъ одержать верхъ надъ европейскимъ населеніемъ, сравнительно очень малочисленнымъ, но крѣпко соединеннымъ для защиты и имѣющимъ въ своемъ распоряженіи города, арсеналы, стратегическіе пункты и всѣ ресурсы, предоставляемые современной индустріей.

Какъ бы то ни было, Алжиръ остается еще многое сдѣлать, прежде чѣмъ ее можно будетъ по всей справедливости сравнить съ метрополіей, какъ «Новую Францію». Нужно,

во-первыхъ, чтобы ея территорія, почти безлюдная въ большей части своего протяженія, заселилась или вновь населилась, и чтобы ея несмѣтные богатства, рудныя, земледѣльческія, промышленныя, утилизировались какъ слѣдуетъ; надо также, чтобы край, теперь, такъ сказать, висящій на воздухѣ, потому что онъ граничитъ съ неизслѣдованными пространствами, былъ связанъ правильными маршрутами и научными изысканіями съ оазисами пустыни и съ многолюдными областями Сенегала и Нигера; необходимо въ особенности, чтобы различные этнические элементы страны слились въ однородное населеніе.

Пространство и народонаселеніе Алжирии, со включеніемъ алжирской Сахары (въ 1896 г.): 797.770 кв. килом.; 4.479.000 ж.; въ среднемъ, 6 жит. на 1 кв. километръ.

Алжирія еще далеко не достигла нравственного и политическаго единства: не только не совершилась ассимиляция между побѣдителями и побѣжденными, но арабскій міръ, какъ мусульманскій, еще сохраняетъ свою замкнутость, и кабилское общество только едва начало открывать нѣкоторый доступъ къ себѣ современнымъ идеямъ. Единеніе пока еще устанавливается только въ отдѣльныхъ случаяхъ, единичными личностями, а не большими массами. Съ той и другой стороны толпы еще проникнуты взаимной ненавистью, или по крайней мѣрѣ косо смотрятъ другъ на друга, потому что не понимаютъ другъ друга, а обиды всегда вдвойнѣ чувствуются, когда она исходитъ отъ чужеземца. Однако, примѣръ жителей Туниса и Джерида, или «Страны Пальмъ», такъ легко принявшихъ французское господство, позволяетъ надѣяться, что подчиненіе, пассивное или добровольное, алжирскихъ туземцевъ европейскому режиму будетъ увеличиваться или уменьшаться соразмѣрно гарантіямъ справедливости, которыя имъ будутъ обеспечены. При томъ же въ Алжиріи есть племена, какъ, наприм., дуэръ и смела въ окрестностяхъ Орана, которыя всегда, даже въ несчастіи, оставались вѣрными союзниками французовъ, вопреки той, якобы, непобѣдимой ненависти, которая, какъ это часто повторяли, должна на вѣки раздѣлить эти двѣ расы. Покореніе ксуровъ въ Сахарѣ, въ мѣстностяхъ почти недоступныхъ для людей сѣвера, было бы невозможно, если бы французамъ не помогали *кумы* различныхъ племенъ. И развѣ не случалось часто такъ, что когда завоеватели проникали въ первый разъ внутрь страны, то бѣдняки, нахари, обязанные отдавать часть урожая владѣльцу земли, негры, угнетенные всякой расы и всякаго сословія, радостно встрѣчали чужеземца, тогда какъ главные начальники, въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ, покидали родныя мѣста или пытались продолжать борьбу? По арабской пословицѣ, народу нужны только

¹⁾ Ch. Féraud, «Algérie, archéologie, histoire».

двѣ вещи — «дождь и правда». Первый даетъ хлѣбъ, вторая — обезпечиваетъ миръ, социальный прогрессъ, постепенную ассимиляцію элементовъ, недавно находившихся въ борьбѣ, ассимиляцію не въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ мыслили одинаково, говорили однимъ языкомъ, сообразовались съ нравами и обычаями столицы, а такую, которая основывалась бы на взаимномъ уваженіи и соблюденіи права въ отношеніи другъ друга. Но пусть не забываютъ, что между смѣшанными населеніями, раздѣленными происхожденіемъ, преданіями, нравами, социальнымъ состояніемъ, вѣтъ другаго выбора, кромѣ постепенной ассимиляціи, порабощенія, или рѣзни.

Съ географической точки зрѣнія присоединеніе Алжиріи къ извѣстному свѣту уже далеко подвинулось. Сочиненія всякаго рода, относящіеся къ этой колоніи, считаются тысячами, и въ числѣ ихъ есть труды, имѣющіе высокую научную цѣнность, есть и произведенія, составляющія вкладъ въ литературную сокровищницу Франціи. Давно подготовлявшійся детальными работами, маршрутами, планами городовъ, частными картами, большой топографическій атласъ Алжиріи, выходящій теперь отдѣльными листами, можетъ быть поставленъ наряду съ трудами этого рода, издаваемыми въ разныхъ странахъ Европы, хотя остается еще воспользоваться многими драгоценными документами, даже весьма важными работами, продолжающимися долгіе годы; не мало цѣнныхъ изысканій лежатъ забытыя въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ канцелярій. Тѣмъ не менѣе, географическое изслѣдованіе пополняется изо дня въ день основательнымъ изученіемъ почвы, и предварительныя геологическія карты скоро будутъ, въ свою очередь, замѣнены болѣе подробными листами, гдѣ исторія почвы будетъ изображена серіей ея горныхъ породъ. Въ то же время стараются возсоздать древнюю исторію края, изучая надписи и другіе памятники сѣдой старины, еще не уничтоженные заступомъ; но надо торопиться, ибо въ послѣднее столѣтіе много группъ мегалитовъ, много фрагментовъ античныхъ храмовъ разломано и расташено, много статуй превращено въ известку! Кое-гдѣ видны еще пробѣлы на картѣ Алжиріи, особенно въ окрестностяхъ Мзаба; но маршруты путешественниковъ начинаютъ уже пересѣкаться и въ этихъ малоизвѣстныхъ пространствахъ, и скоро явится возможность продолжать систематически дѣло дальняго изслѣдованія къ Судану, начатое трудами Дюверье, Солелье, Ларжо, Фляттера. Для географовъ это вопросъ чести — достигнуть горъ Ахазгаръ, перейти большія дюны и изслѣдовать уады, спускающіеся къ Нигеру: если бы сдѣлать кличъ, вѣроятно, не мало нашлось бы отважныхъ изслѣдователей, готовыхъ взять на себя исполненіе этой задачи.

II.

Рельефъ Алжиріи отличается замѣчательной простотой формъ: мало найдется странъ, гдѣ бы гармонія географическихъ чертъ болѣе приближалась къ геометрической правильности. Образуя массивный четырехугольникъ, стороны котораго почти равны, алжирская территорія составляетъ контрастъ даже съ сосѣдними странами, Марокко и Тунисомъ, правильнымъ, почти ритмическимъ движеніемъ почвы, напоминающимъ рядъ волнъ, слѣдующихъ одна за другою на краю плоскаго берега. Въ Марокко большой центральный узелъ Дерена, гдѣ беретъ начало вся система Атласа, въ Тунисѣ пониженіе плоскогорья и краевыхъ цѣпей прерываютъ общую симметрію рельефа Мавританіи.

Нормальное направленіе морскаго берега между Немуромъ и Алжиромъ — съ юга-запада на сѣверо-востокъ, и въ томъ же направленіи протянулись горы, долины и плоскогорья на всемъ пространствѣ, шириной, въ среднемъ, около 300 километровъ, которое отдѣляетъ побережье водъ отъ побережья песковъ. Насчитываютъ цѣлыя сотни *джебелей*, образующихъ отдѣльные выступы поверхности и извѣстныхъ каждый подъ особымъ именемъ; смотря по работѣ разрушенія, которая совершилась въ теченіе вѣковъ, въ одномъ мѣстѣ пощадишь горную цѣпь, въ другомъ уничтоживъ ее цѣликомъ, земныя волны слѣдуютъ одна за другою, болѣе или менѣе многочисленныя, отъ морскаго берега къ внутренности материка; но въ цѣломъ, онѣ группируются въ отдѣльные поясы, ясно характеризованные. Въ первое время послѣ завоеванія Алжира, когда еще не имѣлось достовѣрныхъ данныхъ относительно рельефа страны, предполагали существованіе двухъ главныхъ параллельныхъ цѣпей между побережьемъ и пустыней: Малаго Атласа — на сѣверѣ и Большаго Атласа — на югѣ. Но эта двойная орографическая система въ дѣйствительности не существуетъ: изслѣдователи не замѣтили этого контраста высотъ между сѣверными и южными горами; при томъ же неровности почвы въ Алжиріи являются не въ видѣ сплошныхъ цѣпей, а въ видѣ параллельныхъ, тамъ и сямъ прерывающихся, выступовъ рельефа.

Въ западной части страны первый рядъ высотъ тянется въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ моремъ, прерываемый въ разныхъ мѣстахъ полукруглыми бухтами, которыя были постепенно вырыты волнами. Но къ востоку размывающее дѣйствіе Средиземнаго моря было значительнѣе, и морской берегъ, вмѣсто того, чтобы продолжаться въ нормальномъ направленіи отъ юго-запада къ сѣверу-востоку, параллельно гребнямъ горъ, тянется почти неуклонно

отъ запада къ востоку, такъ что параллельные валы горъ послѣдовательно подступаютъ къ морю, образуя мысы, выдвинувшіеся остроко-
нечными стрѣлками къ сѣверо-востоку: нѣко-
торые изъ нихъ, какъ наприм., мысъ Деллисъ,
имѣютъ правильную форму наконечника копья.
Благодаря этимъ выступамъ горныхъ цѣпей,
промежуточные долины которыхъ были захва-
чены морскими водами, опасные берега Алжи-
рин представляютъ нѣсколько естественныхъ,
защищенныхъ отъ сѣвернаго и сѣверо-запад-
наго вѣтра, гаваней, на берегу которыхъ мо-
гли основаться торговые города: Деллисъ, Бу-
жи, Джиджелли, Колло, Стора, Бона. Такимъ
образомъ совокупность горныхъ высотъ, косо
срѣзанныхъ размывами моря, суживается по-
степенно отъ запада къ востоку; такъ, подъ
меридіаномъ Константины, вся гористая вы-
пуклость береговой области имѣетъ не болѣе
225 километровъ по прямой линіи, съ сѣвера
на югъ, тогда какъ подъ меридіаномъ Орана
ширина ея достигаетъ 355 километр. Извѣст-
ныя прежде подъ общимъ именемъ Сахель, бе-
реговые горы западной Алжирии, первоначаль-
ная архитектура которыхъ лучше сохранилась,
отдѣлены отъ другихъ выступовъ рельефа ши-
рокой впадиной, параллельной морю. Начи-
наясь на югъ отъ Оранскаго массива бассей-
номъ, гдѣ отражаются соляные берега себхи,
эта низменность продолжается къ югу отъ
Арзенскихъ горъ равнинами Сига, затѣмъ къ
югу отъ Дахры длинной долиной Шелифа, па-
раллельной морю до основанія холмовъ, гдѣ
находится г. Миліана; только узкій перешеекъ
высотъ, называемый Гантасъ (300 метр. на
самомъ низкомъ порогѣ), отдѣляетъ долину
Шелифа отъ равнины Митиджи, которая тя-
нется на югъ алжирскаго Сахеля. Въ неболь-
шомъ разстояніи за Сахелемъ равнина изъ
континентальной превращается въ морскую и
оканчивается плоскимъ берегомъ у подножія
мыса: послѣ системы береговыхъ горъ долина,
тянувшаяся вдоль ихъ южной стороны, тоже
исчезаетъ, въ свою очередь. Вся эта низмен-
ность прежде обозначалась географическимъ
терминомъ Эль-Ута, теперь забытымъ ¹⁾.

Изъ горныхъ хребтовъ Алжирии наиболѣ-
шей правильностью отличаются краевые вы-
ступы плоскогорья, которые на западной сто-
ронѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ видѣ па-
раллельныхъ стѣнъ, къ югу отъ долинъ рѣкъ
Сига, Шелифа, Митиджи, а на восточной—
послѣдовательно придвигаются къ самому морю.
Эти горы, раздѣленные узкими поперечными
долинами, почти всѣ круто обрываются со сто-
роны, обращенной на сѣверъ, тогда какъ юж-
ный скатъ у нихъ гораздо болѣе пологій. Мно-
гіе изъ этихъ параллельныхъ хребтовъ огра-
ничены на югѣ, подобно береговой цѣпи, ши-

рокими равнинами, которыя нѣкогда были
озерами: таковы равнины Эгрисъ, къ югу отъ
Маскары, Бени-Слиманъ, между Медеей и Ома-
лемъ, равнина уэда Сахель, къ югу отъ Джур-
джуры; высота этихъ равнинъ увеличивается
по мѣрѣ удаленія отъ моря, такъ что онѣ пред-
ставляютъ какъ бы вѣшнія ступени плоско-
горій центральной Алжирии. «Джебелъ», то-есть
совокупность краевыхъ цѣпей, высота кото-
рыхъ въ одномъ только массивѣ Джурджура
переходитъ за 2.000 метровъ, составляетъ,
вмѣстѣ съ береговой полосой, область Телль,
то-есть «страну Холмовъ»; но въ этой гори-
стой области находятся плодородныя долины
и травяныя покатоки: отсюда и странное
оближеніе, которое сдѣлали между именемъ
Телль и латинскимъ словомъ tellus (земля),
какъ будто эта область является для жителей
страны «Землей» по преимуществу. Въ Теллѣ
главнымъ образомъ и селятся колонисты, обра-
ботывая поля для посѣва зерновыхъ хлѣбныхъ
или для насажденія винограда. Благодаря оби-
лію дождей и плодородію почвы, пятнадцать
милліоновъ гектаровъ (около 13 съ половиной
милліоновъ десятинъ) Телля легко прокорми-
ли бы такое же число жителей.

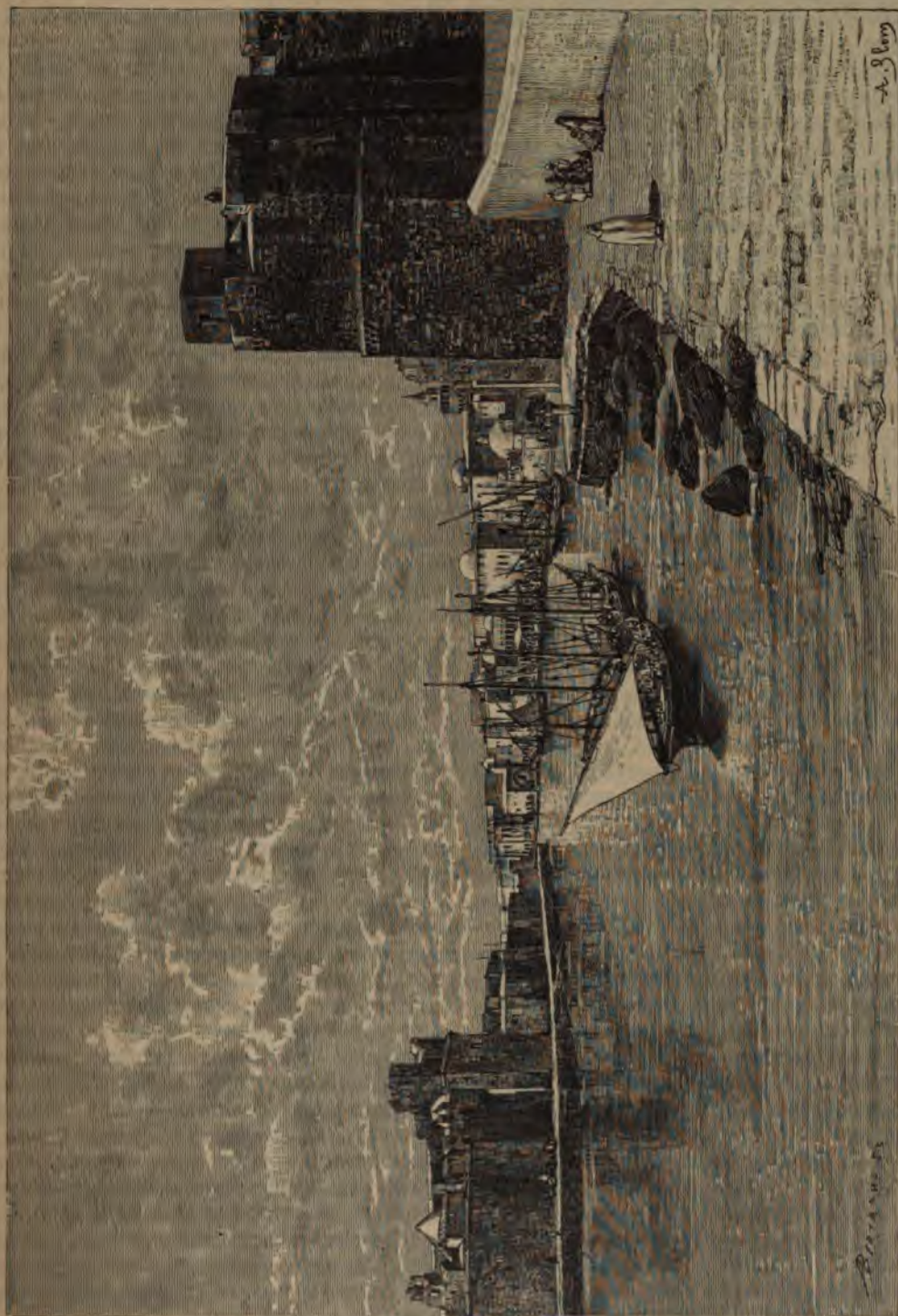
Къ югу отъ параллельныхъ массивовъ Дже-
беля простирается ровная поверхность плоско-
горья. На мароккской границѣ, начертанной
наугадъ, безъ всякаго соображенія съ физиче-
скими чертами страны, равнина, заключаю-
щаяся между сѣверными горами и горами,
окаймляющими Сахару, имѣетъ не менѣе 200
километр. въ ширину, а средняя высота ея
около 1.100 метр. По виду совершенно гори-
зонтальная, какъ поверхность озера, она, одна-
ко, представляетъ въ дѣйствительности котло-
вину: по краямъ, у подошвы горъ, ея песчаная,
глинистая и каменистая пространства лежать
на 1.150 метр. выше уровня моря, тогда какъ
около середины высота не достигаетъ 1.000
метр. Въ этой низкой части плоскогорья ско-
пляются дождевыя и просачивающіяся воды,
образуя иногда огромные потоки, развѣтвля-
ющіеся въ видѣ заливовъ и проливовъ, но
обыкновенно оставляющіе послѣ себя на поч-
вѣ лишь солончаковые берега, надъ которыми
дрожитъ сильно нагрѣваемый воздухъ, слагая
и разлагая образы своихъ миражей. На этомъ
безпредѣльномъ однообразномъ пространствѣ
тамъ и сямъ показываются холмы и пригорки,
одни—вытянутые въ прямую линію, какъ от-
рывки разрушенной стѣны, другіе—совершен-
но изолированные: это, очевидно, остатки, или,
какъ ихъ обыкновенно называютъ, «свидѣте-
ли» (témoins) прежняго, гораздо болѣе высо-
каго уровня почвы. Въ восточномъ направле-
ніи промежуточный поясъ высокихъ плато, по-
степенно суживающійся, содержитъ значи-
тельно большее число этихъ выступовъ поч-
вы, устоявшихъ противъ разрушительнаго дѣй-

¹⁾ А. Berbrugger;—Mac Carthy.

ствія стихій. Даже подъ меридіаномъ Алжира высокая равнина раздѣлена на нѣсколько особыхъ бассейновъ средотѣвіями, и въ восточной части Константинской провинціи она, на-

отъ моря до Сахары, если не считать нѣсколькихъ промежуточныхъ впадинъ, мы видимъ лишь рядъ горъ, которыя тянутся въ нормальномъ направленіи, отъ юго-запада къ сѣверо-

Б и с е р т ъ.

конецъ, утрачиваетъ свой характеръ раздѣльнаго пояса между сѣверными и южными горами: пространство между тѣми и другими занято многочисленными параллельными цѣпами. Въ этой части Алжиріи поясы сближаются, и

востоку: понятно, что вся эта область была включена въ составъ Телля вплоть до песковъ пустыни.

Но на трехъ четвертяхъ своего протяженія, отъ мароккской границы до окрестностей

Батны, система краевых цѣпей Юга остается совершенно обособленной, образуя выступъ рельефа между возвышенностями нагорья и низменностью Сахары. Этими-то горамъ Киблы, или «Стороны молитвы», — то-есть юго-восточной ¹⁾, — и давали прежде названіе «Большаго Атласа»; впрочемъ, средняя высота ихъ не превышаетъ средней высоты сѣвернаго Жебеля, хотя одинъ изъ массивовъ, Жебель-Ауресъ, представляетъ одною изъ своихъ вершинъ высшую точку Алжиріи. Подверженные дѣйствию тѣхъ же эрозивныхъ силъ, которыя выровняли плоскогорье, горы южныхъ краевыхъ цѣпей были сильно изрыты и разрушены, такъ что во многихъ мѣстахъ отъ нихъ остались лишь узкіе массивы, раздѣленные «устыями», которыя даютъ доступъ прямо съ возвышенностей въ низменность Сахары. Передъ фронтомъ горъ нѣсколько уединенныхъ пригорковъ среди песковъ или каменныхъ площадей свидѣтельствуютъ о совершившейся работѣ разрушенія. Такимъ образомъ берегъ пустыни перемѣстился, подобно тому, какъ на сѣверѣ передвинулся берегъ моря: съ обѣихъ сторонъ гористая область, составляющая остовъ Магриба, сѣззилась. Совокупность различныхъ параллельныхъ поясовъ возвышенной Алжиріи, Сахель, Жебель, высокіе равнины и горы Киблы занимаютъ пространство, почти равное алжирской Сахарѣ, съ ея дюнами, низменностями и плоскогорьями. Истинными предѣлами французской Алжиріи, какъ они указаны самой природой, должны бы быть самое побережье пустыни, или водораздѣлъ между бассейнами Игаргара и Нигера, или, наконецъ, берега этой послѣдней рѣки до Верхняго Сенегала. Если подѣлить Алжирію въ собственномъ смыслѣ понимать только область четырехугольной, почти геометрически правильной, формы, заключающуюся между моремъ и пустыней, то пространство этой области составляетъ около 300.000 квадр. километр., немного меньше половины той территоріи, на которую французы заявляютъ притязанія. Аванпосты ихъ заходятъ далеко за естественную границу горъ и Сахары и разсѣяны неравномѣрно въ пустынѣ, останавливаясь или передъ непроходимой областью дюнъ, «страной Жажды», или передъ поясами кочевки туареговъ и шамбасовъ. Хотя сообщеніе черезъ пустыню до сихъ поръ еще гораздо труднѣе, чѣмъ черезъ Средиземное море, тѣмъ не менѣе, она находится въ сношеніяхъ съ Алжиріей по обмѣну финиковъ и зерновыхъ хлѣбовъ: долины и оазисы взаимно дополняются. Наибольшее пространство сахарскихъ земель присоединено къ собственной Алжиріи на востокъ и въ центрѣ, въ бассейнахъ Игаргара и узда Міа: эль-Голеа, платящая дань, лежитъ въ 700 километр. по

прямой линіи къ югу отъ Алжира, въ 400 километр. отъ ближайшихъ горъ Лагуатъ. На югѣ западной Алжиріи французскія экспедиціи часто посѣщали ксуры Сахары, онѣ проникали даже въ территорію Фигигъ, но не присоединили ее, уважая фиктивную сюзеренную власть мароккескаго императора. Между Алжиріей и западнымъ Магрибомъ граница очень худо опредѣлена: тамъ не было выбрано никакой естественной демаркаціонной линіи, которая служила бы указаніемъ политическихъ границъ. Проще было бы взять за границу теченіе рѣки Малуи, которая во всѣ времена считалась рубежомъ двухъ частей Мавританіи; но при заключеніи тангерскаго трактата, въ 1844 году, раздѣльная линія была проведена почти наугадъ и разрѣзала на-двое горы, долины, шотты и земли многихъ племенъ.

Въ цѣломъ, параллельныя полосы алжирской территоріи отличаются большой простотой геологическаго строенія, меньшей, однако, чѣмъ простота рельефа. На западѣ, въ Оранской провинціи, центральныя своды всей гористой области заняты юрскими формациями, которыя составляютъ главные пласты всего плоскогорья. Съ той и другой стороны, на сѣверѣ и на югѣ, мѣловые слои опираются на породы юрскаго періода, а въ восточной части Алжиріи, гдѣ работа эрозіи была не такъ значительна, они сплошь покрываютъ ихъ. На сѣверной покатости поверхъ мѣла залегаютъ миоценовые и пліоценовые пласты, затѣмъ тамъ и сямъ на морскомъ берегу показываются новыя отложенія. Аллювіальныя образованія различныхъ вѣковъ, расположенныя громадными слоями, занимаютъ рѣчныя долины, и на большей части плоскогорья прикрываютъ юрскіе и мѣловые пласты. Тріасы, древніе сланцы представлены нѣсколькими массивами, а въ сосѣдствѣ морскаго берега гранитные холмы или горы господствуютъ надъ миоценовыми формациями окрестностей; большой массивъ Джурджура, къ сѣверу отъ известковыхъ хребтовъ главной цѣпи, состоитъ изъ гнейса въ сѣверной своей части. Тоже на побережьи, и выступая почти вездѣ въ видѣ мысовъ въ Средиземное море, высятся эруптивные породы, трахиты и базальты. Залежи металловъ, мраморовъ, пласты гипса и каменной соли, горючіе ключи встрѣчаются въ многихъ мѣстахъ въ точкахъ соприкасанія различныхъ горныхъ породъ и составляютъ для Алжиріи весьма значительный запасъ минеральныхъ богатствъ. Такъ какъ глубокія воды почти вездѣ содержатъ морскую соль, то окружающая почва покрывается толстой корой, состоящей изъ известковыхъ частицъ, которыя хлористый натрій увлекаетъ съ собою, поднимаясь мало-по-малу къ поверхности земли ¹⁾. Впрочемъ, боль-

¹⁾ Ricot;—Lambert, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Pomel, „Congrès de l'Association française pour l'avancement des Sciences“, 1885.

шая часть земель Телля покрыта каменистой корой различной толщины, очень твердой и съ прожилками разныхъ цвѣтовъ, зависящихъ отъ присутствія глины и окисловъ желѣза. Вѣроятно, эта кора обязана своимъ происхожденіемъ дѣйствию водъ, которыя просачиваются въ почву, насыщенные углекислой и сѣрнокислой известью ¹⁾. Каменистыя отложения образуются также въ почвѣ кустарника, растущаго подъ чашами мастикового дерева, ююбы и приземистыхъ пальмъ; корни этихъ растений подлѣсья заключены какъ бы въ каменные чехлы: это образованіе, по своему происхожденію, сходно съ аліосомъ (родъ желѣзняка) французскихъ ландъ, который цементируется дубильнымъ веществомъ вересковъ.

По Бурдону, побережье въ сосѣдствѣ съ устьемъ Шелифа представляетъ признаки поднятія почвы. Такъ, въ портѣ Мостаганемъ подводныя римскія сооруженія теперь выступили наружу, и море проникаетъ туда только во время бурь. Въ этомъ мѣстѣ берегъ поднялся, слѣдовательно, на метръ или полтора за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ. Въ Куриномъ портѣ (Port-aux-Poules), около устья Макты, поднятіе происходило немного скорѣе. У деревни Каруба и въ другихъ пунктахъ побережья береговые утесы расположены ярусами, раздѣленными старыми плоскими берегами, которые усыяны раковинами тѣхъ же видовъ, какъ нынѣ живущія въ сосѣднемъ морѣ, и сохранившими еще всю яркость окраски; очевидно, море отступило, или земля повысилась въ этой части берега, но до сихъ поръ не найдено никакихъ слѣдовъ человеческого труда, которые позволили бы измѣрить это вѣковое движеніе. Подобному же поднятію почвы, только производимому не однообразнымъ давленіемъ, а мѣстными точками изнутри, Бурдонъ приписываетъ небольшія возвышенія или выпуклости, встрѣчающіяся въ низменныхъ равнинахъ Шелифа и Минны, также какъ на высокихъ внутреннихъ плоскогорьяхъ: это какъ бы вздутія почвы, высотой отъ 3 до 12 метровъ, происшедшія отъ мѣстныхъ дѣйствій, — можетъ-быть, въ связи съ исчезаніемъ дождевыхъ водъ въ проницаемомъ грунтѣ верхнихъ откосовъ ²⁾. Извѣстно, что землетрясенія не рѣдки на побережьи Алжиріи. Оранъ, Тенесъ, Алжиръ и нѣкоторые другіе города часто испытывали вибраціи почвы. Въ 1724 году корабль «La Gazelle» почувствовалъ послѣдовательно три сильныхъ подводныхъ толчка противъ мыса Себа-Русъ (Семглавий), между Джиджелли и Колло ³⁾. Въ слѣдующемъ году внезапное по-

вышеніе уровня моря у береговъ тоже, повидимому, было слѣдствіемъ сотрясенія скалъ ¹⁾.

Въ цѣломъ, берегъ Алжиріи, какъ и берегъ всей Мавританіи, изрѣзанъ маленькими заливами и бухтами въ формѣ полукруга или квадранта, напоминающими изсѣченія береговъ Италіи на Тирренскомъ морѣ. На обоихъ противоположащихъ побережьяхъ почва круто обрывается со стороны моря, и воды очень глубоки уже въ небольшомъ разстояніи отъ берега. Кромѣ того, и тутъ, и тамъ раздѣльные мысы между заливами состоятъ въ большей части изъ эрузивныхъ породъ. Вѣроятно, берегъ Магреба, также какъ берегъ Тосканы и Неаполитанской области, идетъ вдоль взброса земной поверхности ²⁾. Но послѣ образованія разрыва, сторона его, обращенная къ морю, была источена дѣйствіемъ волнъ, которыя постепенно размывали хрупкія породы, заключенныя между болѣе твердыми массивами. Этотъ процессъ размыванія проявляется съ большою силой и въ наши дни въ нѣкоторыхъ частяхъ морскаго побережья, особенно на оранскомъ берегу, къ востоку отъ большой себхи: тамъ высокіе берега постоянно подтачиваются волнами, и обломки, постепенно размельчаемые въ песокъ, перекачиваются взадъ и впередъ, вмѣстѣ съ движеніемъ воды.

Мало найдется странъ, гдѣ бы слѣды размыванія были такъ явственны, какъ въ Алжиріи: благодаря рельефу почвы, можно, такъ сказать, прослѣдить на ходу большіе потоки, которые изрыли горы, выровняли плоскогорья, нанесли слои гальки и площади аллювіальныхъ отложений. Карта Алжиріи, составленная Титромъ, отчетливо показываетъ этотъ процессъ разрушенія и созиданія, совершеннаго дѣйствіемъ водъ; кажется, что работа только-что закончена. Въ какую эпоху и какимъ образомъ воды такъ изваяли рельефъ алжирской почвы? По этому вопросу были высказаны различныя гипотезы, между прочимъ, гипотеза общаго движенія водъ, устремляющихся съ сѣвера на югъ, вслѣдствіе измѣненія равновѣсія на нашей планетѣ ³⁾. Но, не прибѣгая къ подобнымъ обширнымъ геологическимъ переворотамъ для объясненія нынѣшняго физическаго вида Алжиріи, не можемъ ли мы приписать его дѣйствію льдовъ и снѣговъ, затѣмъ дѣйствию водъ, которыя въ озерную эпоху слѣдовали за глетчернымъ періодомъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Алжиріи существовали ледники: слѣды ихъ видны еще на сѣверномъ склонѣ массива Джурджура, а мароккскій Дерентъ, много превосходящій высотой горы Кабилін, долженъ былъ изливать гораздо болѣе могучія ледяныя рѣки въ долины и на плоскогорья при его основаніи, особенно на возвышенности оран-

¹⁾ Ville;—Bourdon, Bulletin de la Société de Géographie de Paris, janvier-février 1871.

²⁾ Bulletin de la Société de Géographie de Paris, juin 1869.

³⁾ Shaw, „Travels in Barbary“.

¹⁾ Peyssonnel;—Dureau de la Malle.

²⁾ Ed. Suss, „Antlitz der Erde“.

³⁾ Adhémar, „Révolutions de la Mer“.

Батны, система краевых цѣпей Юга остается совершенно обособленной, образуя выступъ рельефа между возвышенностями нагорья и низменностью Сахары. Этими-то горами Киблы, или «Стороны молитвы», — то-есть юго-восточной ¹⁾, — и давали прежде названіе «Большаго Атласа»; впрочемъ, средняя высота ихъ не превышаетъ средней высоты сѣвернаго Джебеля, хотя одинъ изъ массивовъ, Джебель-Ауресъ, представляетъ одною изъ своихъ вершинъ высшую точку Алжиріи. Подверженные дѣйствію тѣхъ же эрозивныхъ силъ, которыя выровняли плоскогорье, горы южныхъ краевыхъ цѣпей были сильно изрыты и разрушены, такъ что во многихъ мѣстахъ отъ нихъ остались лишь узкіе массивы, раздѣленные «устыями», которыя даютъ доступъ прямо съ возвышенностей въ низменность Сахары. Передъ фронтомъ горъ нѣсколько уединенныхъ пригорковъ среди песковъ или каменистыхъ площадей свидѣтельствуютъ о совершившейся работѣ разрушенія. Такимъ образомъ берегъ пустыни перемѣтился, подобно тому, какъ на сѣверѣ передвинулся берегъ моря: съ обѣихъ сторонъ гористая область, составляющая остовъ Магриба, сѣзилась. Совокупность различныхъ параллельныхъ поясовъ возвышенной Алжиріи, Сахель, Джебель, высокія равнины и горы Киблы занимаютъ пространство, почти равное алжирской Сахарѣ, съ ея дюнами, низменностями и плоскогорьями. Истинными предѣлами французской Алжиріи, какъ они указаны самой природой, должны бы быть самое побережье пустыни, или водораздѣлъ между бассейнами Игаргара и Нигера, или, наконецъ, берега этой послѣдней рѣки до Верхняго Сенегала. Если подъ Алжиріей въ собственномъ смыслѣ понимать только область четырехугольной, почти геометрически правильной, формы, заключающуюся между моремъ и пустыней, то пространство этой области составляетъ около 300.000 квадр. километр., немного меньше половины той территоріи, на которую французы заявляютъ притязанія. Аванпосты ихъ заходятъ далеко за естественную границу горъ и Сахары и разсыяны неравномѣрно въ пустынѣ, останавливаясь или передъ непроходимой областью дюнъ, «страной Жакды», или передъ поясами кочевки туареговъ и шамбасовъ. Хотя сообщеніе черезъ пустыню до сихъ поръ еще гораздо труднѣе, чѣмъ черезъ Средиземное море, тѣмъ не менѣе, она находится въ сношеніяхъ съ Алжиріей по обмѣну финиковъ и зерновыхъ хлѣбовъ: долины и оазисы взаимно дополняются. Наибольшее пространство сахарскихъ земель присоединено къ собственной Алжиріи на востокъ и въ центрѣ, въ бассейнахъ Игаргара и уада Мія: эль-Голеа, платящая дань, лежитъ въ 700 километр. по

прямой линіи къ югу отъ Алжира, въ 400 килом. отъ ближайшихъ горъ Лагуатъ. На югъ западной Алжиріи французскія экспедиціи часто посѣщали ксуры Сахары, онѣ проникали даже въ территорію Фигигъ, но не присоединили ее, уважая фиктивную сюзеренную власть мароккесскаго императора. Между Алжиріей и западнымъ Магрибомъ граница очень худо опредѣлена: тамъ не было выбрано никакой естественной демаркаціонной линіи, которая служила бы указаніемъ политическихъ границъ. Проще было бы взять за границу теченіе рѣки Малуи, которая во всѣ времена считалась рубежомъ двухъ частей Мавританіи; но при заключеніи тангерскаго трактата, въ 1844 году, раздѣльная линія была проведена почти наугадъ и разрѣзала на-двое горы, долины, шотты и земли многихъ племенъ.

Въ цѣломъ, параллельныя полосы алжирской территоріи отличаются большою простотой геологическаго строенія, меньшей, однако, чѣмъ простота рельефа. На западѣ, въ Оранской провинціи, центральный сводъ всей гористой области занятъ юрскими формациями, которыя составляютъ главные пласты всего плоскогорья. Съ той и другой стороны, на сѣверѣ и на югѣ, мѣловые слои опираются на породы юрскаго періода, а въ восточной части Алжиріи, гдѣ работа эрозіи была не такъ значительна, они сплошь покрываютъ ихъ. На сѣверной покатости поверхъ мѣла залегаютъ миоценовые и пліоценовые пласты, затѣмъ тамъ и сямъ на морскомъ берегу показываются новыя отложенія. Аллювіальныя образованія различныхъ вѣковъ, расположенныя громадными слоями, занимаютъ рѣчныя долины, и на большей части плоскогорья прикрываютъ юрскіе и мѣловые пласты. Триасы, древніе сланцы представлены нѣсколькими массивами, а въ соседствѣ морскаго берега гранитные холмы или горы господствуютъ надъ миоценовыми формациями окрестностей; большой массивъ Джурджура, къ сѣверу отъ известковыхъ хребтовъ главной цѣпи, состоитъ изъ гнейса въ сѣверной своей части. Тоже на побережьи, и выступая почти вездѣ въ видѣ мысовъ въ Средиземное море, высятся эруптивные породы, трахиты и базальты. Залежи металловъ, мраморовъ, пласты гипса и каменной соли, горючіе ключи встрѣчаются въ многихъ мѣстахъ въ точкахъ соприкасанія различныхъ горныхъ породъ и составляютъ для Алжиріи весьма значительный запасъ минеральныхъ богатствъ. Такъ какъ глубокія воды почти вездѣ содержатъ морскую соль, то окружающая почва покрывается толстой корою, состоящей изъ известковыхъ частицъ, которыя хлористый натрій увлекаетъ съ собою, поднимаясь мало-по-малу къ поверхности земли ¹⁾. Впрочемъ, боль-

¹⁾ Ricot;—Lambert, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Pomel, «Congrès de l'Association française pour l'avancement des Sciences», 1885.

Изучаемые отдѣльно, различные горные массивы Алжирин ясно отличаются между собой строеніемъ и рельефомъ. На сѣверо-западѣ, первая группа высотъ, принадлежащая къ береговой системѣ, есть группа горъ Трара, ущелья которыхъ даютъ проходъ рѣкѣ Тафиѣ; средняя высота ихъ вершинъ меньше 500 метровъ, но одна уединенная гора, стоящая на берегу моря, къ востоку отъ г. Немура, воздымаетъ четырехугольный столъ своего усѣченного конуса на 864 метра: это «Ноева» гора, какъ называютъ ее моряки, по имени разореннаго города Гонеинъ, построеннаго близъ сѣднѣяго мыса. Внутри материка, самый высокій пикъ, Фильгаусенъ, на юго-востокѣ отъ Немура, достигаетъ 1.157 метровъ. Эта остроконечная известковая гора, господствующая надъ сланцевыми столами, гранитными хребтами, базальтовыми площадями, получила отъ насъ извѣстность въ исторіи науки. Какъ это давно уже было замѣчено, всѣ горы, заключающіяся между Оранскимъ массивомъ и мароккской границей, достаточно высоко поднимаются надъ стелющимися по поверхности земли туманомъ, чтобы съ вершины ихъ можно было, при благоприятныхъ атмосферныхъ условіяхъ, разглядѣть верхушки южныхъ сіерръ Испаніи. Обыкновенно осенью, около времени заката солнца, всего яснѣе открывается этотъ чудный горизонтъ, въ разстояніи 270 километровъ. Это обстоятельство навело на мысль, что есть возможность, въ эту пору года, связать триангуляціонныя сѣти Испаніи и Алжирин непосредственно, минуя Марокко. Четыре точки, выбранныя для соединительнаго четырехугольника, были: Мульхасенъ, въ сіеррѣ Невадѣ, Тетика, въ сіеррѣ Лось-Филабресъ, на юго-восточномъ углу Пиренейскаго полуострова, Фильгаусенъ, въ горахъ Трара, и Мсабиха, въ небольшомъ массивѣ не далеко отъ Орана. Двадцать ночей подрядъ испанскіе и французскіе офицеры-геодезисты, расположившіеся на горныхъ вершинахъ, тщетно старались увидать пучки электрическаго свѣта, направленного черезъ Средиземное море; но на двадцать-первую огненные звѣзды показались наконецъ—и двѣ сѣти триангуляціи были связаны. Теперь цѣпь треугольниковъ тянется отъ сѣвернаго острова Шетландскаго архипелага до 34 градуса широты въ Алжирин; она продолжится скоро еще далѣе въ пустыню: это самая длинная дуга меридіана, какая до сихъ поръ была «измѣрена на землѣ и проектирована астрономически на небѣ»¹⁾.

Къ югу отъ большой себхи, разстилающейся у основанія маленькаго береговаго массива, Оранскаго, возысится длинный мѣловой валъ горы Тессалы, оканчивающійся джебелемъ

Тафарауи (1.063 метра), который огибаетъ на сѣверѣ, востокѣ и югѣ желѣзная дорога изъ Орана въ Сиди-Бель-Аббессъ. Это одна изъ самыхъ грандіозныхъ по виду горъ Алжира, благодаря ея изолированности. Массивъ Арзевъ, обыкновенно называемый «Львиной горой», также обязанъ своимъ величественнымъ видомъ окружающему его поясу синихъ водъ и равнинъ, то зеленѣющихъ, то желтыхъ отъ пыли; самый высокій его пикъ едва превышаетъ 600 метр. Далѣе береговая цѣпь, прерываемая обширнымъ заливомъ, развертывающимся въ формѣ полукруга между городами Арзевъ и Мостаганемъ, снова появляется въ видѣ сплошнаго плато только на востокѣ отъ устья Шелифа. Это гористое плоскогорье составляетъ Дахру, или «Страну, противоположную Киблѣ», то-есть сѣверо-восточную¹⁾; изъ долины Шелифа оно кажется правильнымъ валомъ почти одинаковой высоты, отъ 500 до 600 метровъ; но, проникнувъ въ самый массивъ, мы увидимъ, что онъ разлагается на параллельные гребни, ориентированные соответственно профилю морскаго берега и перерѣзанные глубокими ущельями, надъ которыми господствуютъ стратегическія дороги, проведенныя по высокимъ промежуточнымъ хребтамъ. Со стороны моря земли круто обрываются утесами въ 60 до 120 метр. высоты, но самые высокіе холмы находятся со стороны Шелифа: южный склонъ имѣетъ крутой скатъ. Къ востоку, система Дахры, извѣстная подъ другими названіями, поднимается мало-по-малу, и именно на оконечности ея стоятъ самыя высокія ея вершины, двѣ горы Заккаръ (1.580 и 1.527 метр.), пирамидальной формы, поросшія мелкимъ кустарникомъ до самой верхушки. Далѣе массивъ быстро понижается къ равнинѣ Митиджи; но въ непосредственномъ сосѣдствѣ моря, цѣпь прерывается только долиной ручья: къ востоку отъ высокаго мыса Шенуа (907 метр.) она продолжается узкимъ валомъ, въ родѣ земляной насыпи, пощаженной процессомъ размыванія, но которая въ самой тонкой и вмѣстѣ съ тѣмъ самой высокой (261 метр.) части имѣетъ не болѣе 3 километр. въ ширину. На востокѣ, проломъ, гдѣ извиваются воды Мазафрана, отдѣляетъ этотъ валъ конечнаго массива отъ береговой цѣпи алжирскаго Сахеля. Въ этомъ мѣстѣ гранитное ядро, прикрытое третичными формациями, образуетъ маленькую группу холмовъ, которой событія и сосѣдство большаго города доставили такую извѣстность, какую не пользуются многіе изъ самыхъ значительныхъ массивовъ. Высшая вершина Сахеля, называемая Бу-Зареахъ, то-есть «Отецъ хлѣба», по причинѣ плодородія ея высокихъ долинъ, имѣетъ всего только 407 метр. высоты. Къ востоку отъ этой высшей вершины продолжается

¹⁾ Perier, «Comptes rendus de l'Académie des Sciences», 1879.

¹⁾ Ricot;—Lambert, рукописная записка.

скаго юга, которыя и теперь еще каждую зиму покрываются снѣгомъ. Дѣйствіе этихъ ледниковъ въ продолженіи цѣлаго цикла земной исторіи, переносъ моренъ и рѣчного ила, образованіе озеръ и глетчерныхъ ручьевъ, не были ли достаточны, чтобы измѣнить мало-по-малу поверхность Алжиріи и придать ей видъ діалювіальнаго ложа, который она представляетъ въ настоящее время?

Впрочемъ, процессъ размыванія непрерывно продолжается и теперь. Онъ идетъ очень быстро въ Дахрѣ, гдѣ холмы состоятъ изъ плотной массы бѣлой земли, очень глинистой, безъ всякихъ слѣдовъ наслоенія; въ нѣсколько лѣтъ, дороги, хотя продолженныя по хребтамъ, наимѣнѣе подверженнымъ дѣйствію водъ, бывають изрѣзаны рывинами и оврагами. Смытыя массы глины часто соскальзываютъ въ долины и заполняютъ ихъ на подобіе лавы. Въ 1870 году одинъ изъ такихъ потоковъ, содержавшій отъ 3 до 4 миллионъ кубич. метровъ глины, вылился вдругъ въ море, гдѣ онъ образовалъ мысъ длиной въ 100 слишкомъ метровъ, который вскорѣ былъ смытъ водами берегового теченія, направляющагося отъ запада къ востоку. Явленія размыванія очень дѣятельны также на югѣ долины Шелифа, въ краевыхъ горахъ плоскогорья, состоящихъ изъ глинъ и рыхлыхъ мергелей, легко обваливающихся въ овраги вездѣ, гдѣ скаты не защищены густой растительностью. Только на вершинѣ горы эти увѣчаны слоями песчаника различной толщины, отъ 10 до 40 метровъ, которые долго протавятся атмосфернымъ дѣятелямъ. Но, покоясь на менѣе прочныхъ пластахъ, они мало-по-малу обнажаются, выдвигаются въ видѣ нависшей скалы, затѣмъ обрушиваются большими глыбами на нижніе откосы и, постепенно разрушаемые временемъ, соскальзываютъ въ долины. Такимъ образомъ сѣверный фронтъ горы постепенно отступаетъ къ югу: мысы и овраги годъ отъ году мѣняють видъ, такъ сказать, сбрасываютъ свою поверхность; рано или поздно выступъ горы, пожираемый стихіями, исчезнетъ, и земли высокихъ плато будутъ господствовать надъ промежуточной цѣпью. Въ верхнихъ песчаникахъ берутъ начало почти всѣ истоки рѣкъ; ниже, рыхлая почва поглощаетъ воды, которыя исчезаютъ въ ней, прежде чѣмъ достигнуть равнины ¹⁾. Холмы высокаго плоскогорья и массивы южныхъ краевыхъ цѣпей тоже состоятъ въ большей части изъ песчаниковыхъ скалъ, которыя легко вывѣтриваются и обращаются въ песокъ отъ дѣйствія жаровъ и холодовъ, засухъ и дождей. Эти высоты такого же образованія, какъ многія горныя группы Сирин, Аравин, египетскихъ пустынь, и точно также

даютъ начало песчанымъ потокамъ, которые разливаются далеко, дѣлая бесплоднымъ все захватываемое ими пространство ¹⁾. Ручьи, зарождающіеся на плоскогорьяхъ и текущіе къ Сахарѣ черезъ широкія отверстія *фумовъ* («устья»), увлекають всѣ эти обломки, которые располагаются въ пустынь въ видѣ длинныхъ откосовъ изверженія ²⁾.

На сѣверѣ Сахары, большой четырехугольникъ Алжиріи, почти сплошь состоящій изъ плоскогорій и горъ, не имѣетъ господствующаго массива въ своемъ обширномъ протяженіи. Четыре главные группы—на сѣверѣ Уарсенисъ и Джурджура, на югѣ Амуръ и Ауресъ—расположены симметрично, и ни одна изъ нихъ не составляетъ горнаго центра, вокругъ котораго бы правильно развѣтвлялись воды и распределялись населенія. Точно также не существуетъ бассейна, который бы по плодородію почвы, соединенію рѣкъ или счастливому торговому положенію рынковъ, сдѣлался собирательнымъ фокусомъ для всей страны. Раздѣленная на длинныя неравныя полосы, жители которыхъ непосредственно обмѣниваются своими произведеніями, Алжирія не имѣетъ естественнаго средоточія; она распадается на столько особыхъ территорій, сколько въ ней отдѣльныхъ массивовъ, ясно ограниченныхъ ущельями или долинами, и сколько бассейновъ, обставленныхъ кругомъ горъ. Это и есть причина, почему во всѣ времена окончательное завоеваніе страны было такъ трудно: самыя блистательныя побѣды подчиняли власти завоевателя лишь одну какую-нибудь, болѣе или менѣе значительную, группу племенъ, и дѣло нужно было продолжать съ большими усиліями въ разныхъ областяхъ, между различными народцами; правда, что народцы эти, несмотря на препятствія мѣстности, были по большей части легко покоряемы, именно благодаря ихъ разрозненности, которая мѣшала имъ соединиться во-едино для общаго сопротивленія ³⁾. Въ настоящее время центръ, котораго не дала природа, создается мало-по-малу, увеличивая изо дня въ день свою притягательную силу сосредоточеніемъ путей сообщенія и административнымъ преобладаніемъ. Центръ этотъ—городъ Алжиръ: искусственный портъ, шоссе и желѣзныя дороги обезпечили за нимъ выгоды, которыми онъ прежде не обладалъ. Впрочемъ, онъ и ранѣе уже пользовался нѣкоторыми естественными преимуществами: опираясь на солидный массивъ холмовъ, онъ находится въ то же время у выхода одной изъ плодороднѣйшихъ равнинъ края, соединяющейся, черезъ легкодоступный порогъ, съ долиной самой длинной алжирской рѣки.

¹⁾ Lartet;—Péron, „Annales des Sciences géologiques“, 1883.

²⁾ Ch. Tissot, „Exploration scientifique de la Tunisie“.

³⁾ Niox, „Algérie, Géographie physique.“

¹⁾ Bourdon, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, juin 1869.

Изучаемые отдѣльно, различные горные массивы Алжиріи ясно отличаются между собой строеніемъ и рельефомъ. На сѣверо-западѣ, первая группа высотъ, принадлежащая къ береговой системѣ, есть группа горъ Трара, ущелья которыхъ даютъ проходъ рѣкѣ Тафитъ; средняя высота ихъ вершинъ меньше 500 метровъ, но одна уединенная гора, стоящая на берегу моря, къ востоку отъ г. Немура, возмаетъ четырехугольный столъ своего усѣченного конуса на 864 метра: это «Ноева» гора, какъ называютъ ее моряки, по имени разореннаго города Гонейнъ, построеннаго близъ сѣвернаго мыса. Внутри материка, самый высокій пикъ, Фильгаусенъ, на юго-востокѣ отъ Немура, достигаетъ 1.157 метровъ. Эта остроконечная известковая гора, господствующая надъ сланцевыми столами, гранитными хребтами, базальтовыми площадями, получила отъ нынѣ извѣстность въ исторіи науки. Какъ это давно уже было замѣчено, всѣ горы, заключающіяся между Оранскимъ массивомъ и мароккской границей, достаточно высоко поднимаются надъ стелющимся по поверхности земли туманомъ, чтобы съ вершины ихъ можно было, при благоприятныхъ атмосферныхъ условіяхъ, разглядѣть вершушки южныхъ сіерръ Испаніи. Обыкновенно осенью, около времени заката солнца, всего яснѣе открывается этотъ чудный горизонтъ, въ разстояніи 270 километровъ. Это обстоятельство навело на мысль, что есть возможность, въ эту пору года, связать триангуляціонныя сѣти Испаніи и Алжиріи непосредственно, минуя Марокко. Четыре точки, выбранныя для соединительнаго четырехугольника, были: Мульхасенъ, въ сіеррѣ Невадѣ, Тетика, въ сіеррѣ Лосъ-Филабресъ, на юго-восточномъ углу Пиренейскаго полуострова, Фильгаусенъ, въ горахъ Трара, и Мсабиха, въ небольшомъ массивѣ не далеко отъ Орана. Двадцать ночей подрядъ испанскіе и французскіе офицеры-геодезисты, расположившіеся на горныхъ вершинахъ, тѣсно старались увидать пучки электрическаго свѣта, направленного черезъ Средиземное море; но на двадцать-первую огненные звѣзды показались наконецъ—и двѣ сѣти триангуляціи были связаны. Теперь цѣль треугольниковъ тянется отъ сѣвернаго острова Шетландскаго архипелага до 34 градуса широты въ Алжиріи; она продолжится скоро еще далѣе въ пустыню: это самая длинная дуга меридіана, какаго до сихъ поръ была «измѣрена на землѣ и проектирована астрономически на небѣ» ¹⁾.

Къ югу отъ большой себхи, разстилающейся у основанія маленькаго береговаго массива, Оранскаго, высится длинный мѣловой валъ горы Тессалы, оканчивающійся джебелемъ

Тафарауи (1.063 метра), который отгибаетъ на сѣверѣ, востокѣ и югѣ желѣзная дорога изъ Орана въ Сиди-Бель-Аббесъ. Это одна изъ самыхъ грандіозныхъ по виду горъ Алжира, благодаря ея изолированности. Массивъ Арзевъ, обыкновенно называемый «Львиной горой», также обязанъ своимъ величественнымъ видомъ окружающему его поясу синихъ водъ и равнинъ, то зеленѣющихъ, то желтыхъ отъ пыли; самый высокій его пикъ едва превышаетъ 600 метр. Далѣе береговая цѣпь, прерываемая обширнымъ заливомъ, развертывающимся въ формѣ полукруга между городами Арзевъ и Мостаганемъ, снова появляется въ видѣ сплошнаго плато только на востокѣ отъ устья Шелифа. Это гористое плоскогорье составляетъ Дахру, или «Страну, противоположную Киблѣ», то-есть сѣверо-восточную ¹⁾; изъ долины Шелифа оно кажется правильнымъ валомъ почти одинаковой высоты, отъ 500 до 600 метровъ; но, проникнувъ въ самый массивъ, мы увидимъ, что онъ разлагается на параллельные гребни, ориентированные соответственно профилю морскаго берега и перерѣзанные глубокими ущельями, надъ которыми господствуютъ стратегическія дороги, проведенныя по высокимъ промежуточнымъ хребтамъ. Со стороны моря земли круто обрываются утесами въ 60 до 120 метр. высоты, но самые высокіе холмы находятся со стороны Шелифа: южный склонъ имѣетъ крутой скатъ. Къ востоку, система Дахры, извѣстная подъ другими названіями, поднимается мало-по-малу, и именно на оконечности ея стоятъ самыя высокія ея вершины, двѣ горы Заккаръ (1.580 и 1.527 метр.), пирамидальной формы, поросшія мелкимъ кустарникомъ до самой верхушки. Далѣе массивъ быстро понижается къ равнинѣ Митиджи; но въ непосредственномъ сосѣдствѣ моря, цѣпь прерывается только долиной ручья: къ востоку отъ высокаго мыса Шенуа (907 метр.) она продолжается узкимъ валомъ, въ родѣ земляной насыпи, пощаженной процессомъ размыванія, но которая въ самой тонкой и вмѣстѣ съ тѣмъ самой высокой (261 метр.) части имѣетъ не болѣе 3 километр. въ ширину. На востокѣ, проломъ, гдѣ извиваются воды Мазафрана, отдѣляетъ этотъ валъ конечнаго массива отъ береговой цѣпи алжирскаго Сахеля. Въ этомъ мѣстѣ гранитное ядро, прикрытое третичными формациями, образуетъ маленькую группу холмовъ, которой событія и сосѣдство большаго города доставили такую извѣстность, какою не пользуются многіе изъ самыхъ значительныхъ массивовъ. Высшая вершина Сахеля, называемая Бу-Зареахъ, то-есть «Отецъ хлѣба», по причинѣ плодородія ея высокаго долинъ, имѣетъ всего только 407 метр. высоты. Къ востоку отъ этой высшей вершины продолжается

¹⁾ Perier, „Comptes rendus de l'Académie des Sciences“, 1879.

¹⁾ Ricot;—Lambert, рукописныя записки.

цѣнь высотъ, которыя господствуютъ надъ городомъ Алжиромъ, и затѣмъ, постепенно понижаясь мягкими ондуляціями, пропадаютъ въ долину Гарраша.

Къ югу отъ береговой цѣпи, первый большой массивъ, на границѣ Марокко,—массивъ Тлемсенскихъ горъ. Онъ образуетъ одну изъ самыхъ правильныхъ орографическихъ системъ Алжіріи, и гребни его протянулись безъ всякихъ изгибовъ по направленію общей оси Атласа. Самая высокая гора, гдѣ беретъ начало рѣка Тафна, пробивающаяся послѣдовательно всѣ параллельныя гряды, лежитъ въ южной цѣпи: это Тенушфи (1.842 метра); но и многія другія вершины переходятъ за 1.500 метровъ, и дорога изъ Тлемсена въ Себду, выбравшая, однако, самый низкій порогъ, проходитъ на высотѣ 1.450 метровъ. Одна вершина (1.580 метр.) носитъ имя Надоръ, «Обсерваторія», довольно обыкновенное въ горахъ Алжіріи. Очень крутыя съ сѣверной стороны, Тлемсенскія горы представляютъ зрѣлище рѣдкое на востокъ отъ мароккескаго Атласа — зрѣлище струящихся водъ и каскадовъ. На южномъ своемъ склонѣ горныя хребты, наполовину вѣтвящіяся въ высокое плоскогорье, имѣютъ менѣе грандіозный видъ. Вдали къ югу, показываются холмы и маленькія цѣпи Эль-Ариша, надъ которыми господствуетъ известковая пирамидальная гора Мекайду (1.470 метр.).

Равнина рѣки Сигъ, къ востоку отъ низменности, въ которой находится Сиди-Бель-Аббесъ, ограничена съ юга горами Бени-Шугранъ, составляющими продолженіе тлемсенскаго Атласа. Эта цѣпь и южныя параллельныя гряды воспроизводятъ на болѣе обширномъ пространствѣ, но съ менѣе значительнымъ рельефомъ, черты горъ, продолженіе которыхъ онѣ составляютъ. Онѣ тоже обращены крутой стороной на сѣверъ, тоже перерѣзаны узкими долинами многихъ рѣкъ, и самыя высокія вершины ихъ, Дайя (1.392 метр.) и Бегира (1.400 метр.), находятся въ южной части системы. Между этими параллельными цѣпями, обвалы и размыты изгладили или по крайней мѣрѣ уменьшили нѣкоторые изъ первоначальныхъ выступовъ: есть даже пространства, совершенно выровненные,—безъ сомнѣнія, продолжительнымъ пребываніемъ озерныхъ водъ. Такова, къ югу отъ Маскары, большая равнина Эгрисъ, которая соединяется, на юго-западѣ, съ другою, менѣе значительною, равниною, называемою Траріа.

Далѣе на востокъ продолженіе цѣпей Бени-Шугранъ составляетъ массивъ Уарсенисъ (Уаншеритъ, Уаренсенисъ), одинъ изъ самыхъ величественныхъ во всей Алжіріи по высотѣ и формѣ вершинъ: отсюда его берберское имя, которое буквально значитъ «ничего нѣтъ выше»¹⁾. Главную вершину (1.985 метр.), окан-

¹⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

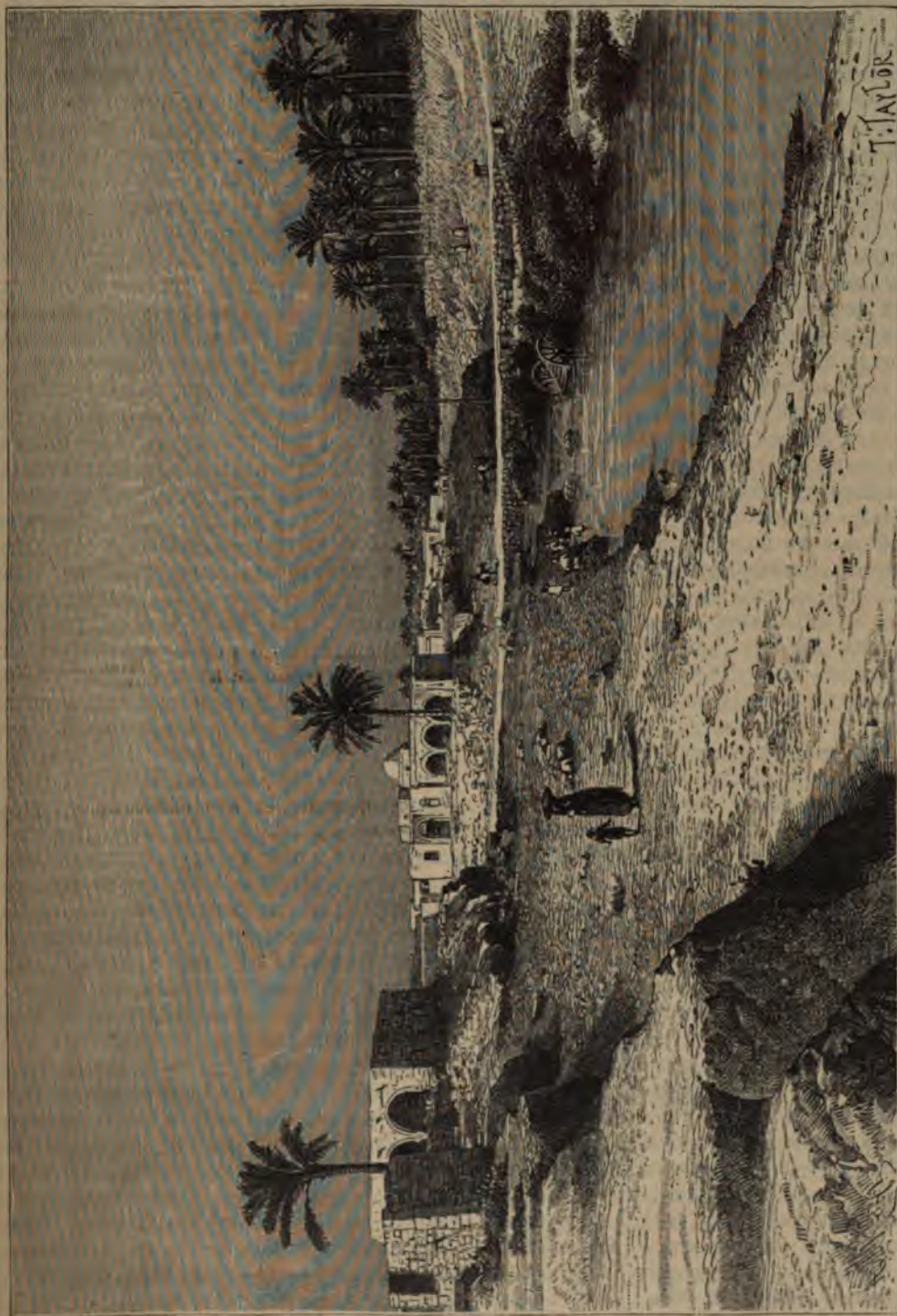
чивающуюся двойнымъ пикомъ, солдаты прозвали «Окомъ міра», по причинѣ необъятнаго горизонта, который открывается взорамъ наблюдателя съ высшей пирамиды: это фрагментъ юрскаго купола, окруженнаго мѣловыми пластами. Въ цѣломъ этотъ массивъ, перерѣзанный нѣсколькими ручьями съ юга на сѣверъ и огибаемый на востокъ глубокою долиною Шелифа, представляетъ менѣе симметріи въ своемъ рельефѣ, чѣмъ западныя группы, и высокія вершины распределены въ немъ довольно неправильно, хотя по большей части онѣ находятся въ средней полосѣ цѣпи, между пикомъ Уарсенисъ и мысомъ, гдѣ расположенъ городъ Богаръ, на восточной оконечности главнаго гребня. Абдель-Кадеръ сдѣлалъ изъ этой гористой мѣстности свой главный плацдармъ; затѣмъ, когда онъ былъ побѣжденъ, и всѣ его крѣпости скрыты, французы, въ свою очередь, расположили тамъ свои укрѣпленные лагеря и форты для наблюденія за высокими плато и за горными проходами, ведущими въ область Телль. На югѣ горъ Уарсенисъ, терраса, со всѣхъ сторонъ ограниченная оврагами и извѣстная подъ именемъ «плато Серсу», составляетъ какъ бы ступень между горами и низменностью, нѣкогда озерной, заключающеюся между двумя «Атласами»; но она отдѣлена отъ нихъ нѣсколькими небольшими, но очень крутыми хребтами, изъ которыхъ самый высокій — массивъ Фортасъ (1.530 метр.).

Всего менѣе единства представляютъ крайнія цѣпи «Малаго Атласа» на югѣ Митиджи, подъ меридіаномъ Алжіра: овраги, равнины, широкія поперечныя бреши раздѣляютъ ихъ на множество небольшихъ массивовъ, которые, впрочемъ, всѣ ориентированы совершенно правильно, по направленію оси Атласа. Ніоксъ предложилъ дать всей этой орографической системѣ имя «горъ Титтери», на томъ основаніи, что вся эта область составляла часть прежней провинціи, такъ называвшейся до французской оккупации. Особенно трудно доступны тѣ группы, которыя вздымаютъ свои кручи на югѣ Митиджи, именно группы: Гонтасъ, Музайя, горы Бени-Сала и Бени-Муса, джебелъ-Зима, Бу-Зегза: военныя дороги, проведенныя черезъ эти горы, то проникаютъ въ узкія ущелья, какъ тѣснина Шиффы, то взбираются зигзагами по крутымъ склонамъ на высокіе хребты; дорога изъ Алжіра въ Омаль достигаетъ 1.000 метровъ въ высшей точкѣ горнаго прохода, въ землѣ племени бени-муса; знаменитый Тениа, или «перевалъ» по преимуществу, бывший театромъ многочисленныхъ битвъ въ первыя времена завоеванія, пересѣкаетъ массивъ Музайя на высотѣ 1.043 метровъ. Расположенные на высокомъ фундаментѣ плоскогорій внутреннія горы, несмотря на то, что высота ихъ болѣе значительна, легче доступны, чѣмъ соедѣнная съ Митиджей цѣпь. Высшій пикъ въ

этихъ горахъ, джебелъ Дира (1.810 метр.), господствуетъ своимъ лѣсистымъ конусомъ надъ городкомъ Омаль. Подобно хребту Уарсенисъ, цѣпь Титтери ограничена на югѣ высокими

настоящую стѣну изъ мѣловыхъ скалъ, возвышающуюся изъ аллювіальныхъ образований четвертичной эпохи. Брешь Гельтъ-зъ-Стель, черезъ которую проходитъ дорога изъ Алжира

Габесъ.

равнинами, отличными отъ центрального плоскогорья въ собственномъ смыслѣ. Раздѣльный барьеръ между этими двумя областями, хребетъ Укеитъ (1.193 метра), представляетъ

въ Лагуать, отдѣляетъ хребетъ Укеитъ отъ восточнаго его продолженія, горы Себа-Русъ, или «Семиглавой». Трюмле сравниваетъ эту небольшую, перерѣзанную оврагами, цѣпь съ зуб-

чатыми стѣнами города, «несущими на своихъ зубцахъ головы семи обезглавленныхъ великановъ»¹⁾.

Одинъ изъ наиболѣе отчетливо ограниченныхъ массивовъ Алжириі—Джурджура, возвышающійся на востокъ и на сѣверо-востокъ Титтери: это *mons Ferratus* римлянъ, названный такъ, безъ сомнѣнія, потому, что они не въ состояніи были завоевать его. Глубокая долина узда Сахель и долина узда Иссеръ окружаютъ, вмѣстѣ съ моремъ, пространство овальной формы, южная часть котораго занята горами верхней Кабилиі. Съ равнинъ, то зеленѣющихъ, то желтоватыхъ, по которымъ протекаетъ Сахель, эти горы и прилегающія къ нимъ террасы, изрѣзанныя оврагами, являются во всемъ своемъ величіи, съ переходами цвѣтовъ, отъ зеленого къ фіолетовому и лазурному, и съ безчисленными неровностями ихъ поверхности, здѣсь покрытой кустарникомъ или лѣсомъ, тамъ одѣтой пастбищами, во многихъ мѣстахъ убѣленной полосами или даже сплошной пеленой снѣга. Самая высокая вершина Джурджуры достигаетъ 2.308 метр., слѣдовательно, только нѣсколькими метрами ниже вершины Шеліа въ джебель Ауресъ; но по относительной высотѣ надъ уровнемъ равнинъ,—это безспорно самая величественная гора Алжириі. Крутые склоны ея разомъ вздымаются слишкомъ на 2.000 метровъ: ей дали имя Лалла-Хедриджа въ честь одной мусульманской святой, можетъ-быть, преемницы финикійской богини Таниты; но стоящая на вершинѣ кубба есть лишь пустынь, капелла же святой находится на другой, второстепенной горѣ²⁾. Съ сѣвера главная цѣпь Джурджуры тоже представляетъ грандіозный видъ: здѣсь, вдоль ея основанія, по всей длинѣ, простирается глубокая долина, покрытая лѣсами, лугами и воздѣланными землями, надъ которыми господствуетъ весь амфитеатръ горъ. Съ этой стороны, обращенной къ сѣверу, снѣга обильнѣе, чѣмъ на противоположномъ склонѣ, и даже въ лощинахъ кучи камней и красноватой земли указываютъ мѣста, гдѣ обрушиваются снѣжные лавины. Въ предшествующую геологическую эпоху со склоновъ пика, или «тамгута» Гайзеръ и пика Лалла-Хедриджа спускались ледяныя рѣки: до сихъ поръ еще видна огромная конечная морена въ верхней долині узда Айси; глыбы гранита, сланца, мрамора, изъ которыхъ нынѣ такъ велики, что могли бы быть эксплуатируемы въ видѣ каменоломни, скупилась тутъ, задержанныя выходящимъ угломъ скалъ; это постепенное нисхождение эрратическихъ камней и есть, можетъ-быть, скрытый смыслъ легенды, которая показываетъ намъ пророчицу Хедриджу спускаю-

щей съ горъ верхомъ на скалѣ³⁾. Въ другихъ мѣстахъ также примѣтны, по высокимъ обрывамъ изъ обломковъ, окаймленнымъ поясомъ правильныхъ плоскихъ береговъ, древнія озера, которыя образовались въ пониженіяхъ почвы, но въ послѣдствіи были опорожнены вытекавшими изъ нихъ ручьями. Изъ всѣхъ алжирскихъ массивовъ горы цѣпи Джурджура, по обилію текучихъ водъ, богатству зелени, равномерной свѣжести долинъ, защищенныхъ какъ отъ знойныхъ, иссушающихъ вѣтровъ юга, такъ и отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера, всего болѣе походятъ, если не на большія Альпы, то, по крайней мѣрѣ, на ихъ предгорья; кромѣ того, онѣ имѣютъ элементы красоты, которыхъ не увидишь въ другомъ мѣстѣ: крутые склоны, покрытые оливковыми деревьями и культурами до самыхъ вершинъ, остроконечные пики, преобразованные рукою человѣка въ пирамиды со ступенями и увѣчанные деревьями.

Цѣпи верхней Кабилиі расположены правильнымъ полукругомъ по окружности страны. Разрѣзанныя и частію размытыя ручьями въ средней ихъ части, эти горы сохранились на обѣихъ оконечностяхъ, восточной и западной, и слѣдуютъ одна за другой до самаго моря, оставляя лишь узкіе проходы между раздѣляющими ихъ параллельными долинами. Береговые массивы, базальтовый мысъ Джинетъ, известковая цѣпь Деллисъ, «тамгутъ» Азефунъ дополняютъ эту громадную естественную крѣпость, которая не имѣетъ другихъ брешей, кромѣ трудно доступныхъ хребтовъ и прохода, открывающагося, на сѣверо-западѣ, между нижними долинами Иссера и Себау. Въ то время, какъ весь массивъ Большой Кабилиі, отъ Бужи до Мевриля, опоясанъ большою дорогой, рядомъ съ которою скоро будетъ положенъ рельсовый путь,—во внутрь этой области пока проведена еще только одна проѣзжая дорога; другія же, именно дорога на югъ черезъ перевалъ Тиурда и дороги на востокъ черезъ перевалы Шеллата и Акфаду, еще не окопчены для движенія экипажей.

Къ востоку отъ долины Сахеля начинается длинная цѣпь Баборъ, составляющая продолженіе Джурджуры; посреди долины, уединенный конусъ, носившій прежде имя Акбу, присвоенное нынѣ сосѣдней деревнѣ, указываетъ переходъ отъ одной цѣпи къ другой. Называемая другими именами на восточной ея оконечности, цѣпь Баборъ, частію вулканическая, тянется на пространствѣ слишкомъ 200 километровъ, и нѣкоторые изъ ея хребтовъ, покрытые снѣгомъ до начала лѣта, соперничаютъ высотой съ второстепенными вершинами Джурджуры. Гора Табаторъ имѣетъ 1.965 метр. высоты; Большой Баборъ, исходный пунктъ

¹⁾ „Les Français dans le désert“.

²⁾ C. Devaux, „Les Kebailles du Djerdjera“.

³⁾ Mercier, рукописныя замѣтки;—C. Devaux, пяти-рошное сочиненіе.

параллельной цѣпи на югѣ, еще немного выше (1.970 метр.); сѣвернѣе, джебелъ Адраръ достигаетъ въ высшей своей точкѣ 1.944 метр. Непосредственно на западѣ отъ этой господствующей горы, воды уада Агриунъ вырыли глубокую и узкую поперечную долину, называемую шабетъ эль-Акра, то-есть «ущелье Вѣчности», въ смыслѣ «долины Ада». Съ той и другой стороны, надъ глубокой тѣниной, на днѣ которой шумитъ горный потокъ, вздымаются крутыя каменные стѣны на сотни метровъ высоты; вслѣдствіе рѣзкихъ извилилъ трещины, видъ ущелья безпрестанно мѣняется, и путешественнику кажется, что онъ запертъ въ пропасти, не имѣющей выхода. Одна изъ двухъ дорогъ, проложенныхъ черезъ цѣпь Бабора, пользуется этимъ ущельемъ, чтобы спуститься къ морю, но къ востоку отъ этого прохода гребень еще не перейденъ инженерами окончательно: гористая область, простирающаяся на сѣверѣ къ Джиджели и Колло — одна изъ наименѣе доступныхъ мѣстностей Алжиріи.

Цѣпь Бибанъ, или «Воротъ», къ югу отъ горъ Джурджура и Бабора, составляетъ продолженіе массива Джебелъ-Дира. Имя это она получила отъ проломовъ, которые открываются въ ея толщѣ, давая въ дождливое время года проходъ водамъ, изливающимся на плоскогорье. Двое «воротъ», часто называемыя «Желѣзными», какъ многіе другіе горные проходы, прежде казавшіеся страшными, не имѣютъ теперь уже ничего, что могло бы пугать путешественника, и съ 1839 года даже арміи не останавливаются болѣе передъ этимъ препятствіемъ, какъ останавливались нѣкогда римскіе легіоны, а въ новѣйшее время турки во все продолженіе своего господства: французскія оккупационныя войска, которыя въ началѣ не могли попасть изъ одной алжирской провинціи въ другую иначе, какъ по морю, установили впервые свои сообщенія внутри страны, пройдя Желѣзные Ворота. Порогъ Большихъ Воротъ, то-есть западнаго пролома, перейденъ теперь шоссею и желѣзной дорогой изъ Алжира въ Константину; черезъ Малыя Ворота, открывающіяся верстахъ въ четырехъ къ востоку отъ Большихъ, тоже проведена удобная дорога, и геологъ можетъ совершенно безопасно изучать въ этихъ ущельяхъ приподнятые пласты чернаго известняка, которымъ размываніе промежуточныхъ песчаниковыхъ слоевъ придало причудливыя формы: въ одномъ мѣстѣ эти известняковые пласты имѣютъ видъ колоссальнаго органа, въ другомъ напоминаютъ контрфорсы громаднаго собора. Къ востоку отъ Желѣзныхъ Воротъ цѣпь Бибанъ перерѣзана нѣсколькими брешами, защищаемыми военнымъ постомъ Такитунъ, который расположенъ на высотѣ 1.051 метра, на уединенномъ

гребнѣ, между двухъ горныхъ валовъ. Одна изъ вершинъ Бабора, джебелъ Саттера — бывший вулканъ, съ кратеромъ, края котораго покрыты шлаками и лемзой.

Въ то время, какъ въ цѣпяхъ Бибанъ и Бабора воды пробили только бреши для прохода, горы, стоящія на югѣ, между равниной рѣки Меджаны и большимъ бассейномъ Годны, были разрѣзаны процессомъ размыванія на множество отдѣльных массивовъ, окруженныхъ горизонтальными низменностями, точно острова посреди моря. Изъ всѣхъ этихъ горъ, обломковъ гораздо болѣе высокихъ выступовъ рельефа, самая значительная — джебелъ-Мадгидъ (1.840 метр.); далѣе на востокъ, по направленію къ Константинѣ, вершины постепенно понижаются, а раздѣляющія ихъ долины расширяются въ равнины: тутъ мы находимся въ промежуточномъ поясѣ, составляющемъ переходъ отъ краевыхъ горъ къ центральному плоскогорью. Цѣпи въ собственномъ смыслѣ снова появляются въ составѣ Константины, но только немногія изъ ихъ вершинъ достигаютъ высоты 1.000 метр. Горы этой области Алжиріи замѣчательны не высотой, а крутизной ихъ утесовъ, обнаженныхъ обвалами и размываніемъ. На сѣверо-востокѣ орографическая система сѣверныхъ краевыхъ цѣпей заканчивается могучей массой горы Эдугъ (1.008 метр.), на передовомъ основаніи которой расположена касба Боны. Мысъ Гардъ, ограничивающій рейдъ, имѣетъ нормальное направленіе всѣхъ алжирскихъ мысовъ, именно съ юго-запада на сѣверо-востокъ, тогда какъ на западѣ массива, Желѣзный мысъ выдвинулся въ противоположномъ направленіи; но онъ, подобно горамъ Колло, состоитъ изъ вулканическихъ формаций, не принадлежащихъ къ общему острову страны.

Въ то время, какъ въ провинціи Константинѣ система сѣверныхъ краевыхъ цѣпей оканчивается у моря, гряды, ограничивающія на югѣ высокія плоскогорья, начинаются на мароккской границѣ въ 350 километрахъ отъ морскаго берега. Къ сѣверу отъ оазиса Фигигъ, гористый рельефъ, составляющій барьеръ между возвышенной пустыней плоскогорья и низменной пустыней Сахары, состоитъ изъ ряда небольшихъ массивовъ, которые въ сѣверо-восточномъ направленіи представляютъ постепенно уменьшающіеся выступы надъ плоскогорьемъ возвышенностей. Всей этой системѣ дали имя цѣпи Ксуровъ, по причинѣ «укрѣпленныхъ замковъ», частію разрушенныхъ, которые занимаютъ ихъ проходы; но каждая группа горъ, называемая арабами *кисигъ*, «фортъ» или *келла*, «замокъ», имѣетъ свое особенное наименованіе. Раздѣленные уадами, которые спускаются съ сѣверныхъ плато, теряясь затѣмъ въ Сахарѣ, многіе изъ этихъ

массивы действительно имѣютъ форму крѣпости: они представляютъ на окружности родъ вала, а внутри образуютъ котловину, вмѣсто того, чтобы подниматься въ видѣ пирамиды или округленнаго купола. По высотѣ главные массивы не уступаютъ господствующимъ группамъ Алжиріи: гора Маизъ, на сѣверо-западѣ отъ Фигига, имѣетъ 1.850 метр.; на сѣверѣ того же оазиса, массивъ Бени-Смиръ достигаетъ 2.000 метр.; джебелъ Мзи, къ югу отъ Айнъ-Стиссифа, еще на 200 метр. выше. Съ этихъ обсерваторій, окруженныхъ зеленѣющими и цвѣтушими весной долинами, взоръ теряется въ безконечности Сахары, въ ея безпредѣльныхъ пескахъ, глинахъ и каменистыхъ плато.

Къ сѣверу отъ цѣпи Ксуръ, нѣсколько хребтовъ, имѣющихъ, въ среднемъ, 1.500 метр. абсолютной и 500 метр. относительной высоты, джебелъ Аисса, Мергадъ, Геттаръ, доломитовый валъ Антара, Амрагъ, разбѣяны по поверхности плоскогорья, повсюду изрызанной оврагами, изрытой ямами, отчего вся эта область получила имя Меканемъ, что значитъ «страна засадъ»¹⁾. Къ востоку цѣпь Ксуръ не имѣетъ болѣе въ равнинѣ ни одного предгорья; горный хребетъ суживается, и проходы черезъ него легко доступны; но вскорѣ выпуклость рельефа снова расширяется, представляя нѣсколько параллельныхъ отроговъ, Бу-Дерга, Ксель, Тарфъ, которые можно бы было назвать массивомъ Жеривиль, по имени военного поста, которому поручено наблюдать за проходящими тамъ дорогами. Но эти отроги образуютъ лишь западную оконечность болѣе могучей орографической системы—Джебелъ-Амура, то-есть «Горы» по преимуществу, такъ какъ эти два соединенныхъ имени имѣютъ одно и то же значеніе, первое по-арабски, второе на древнеберберскомъ языкѣ. Въ цѣломъ Амуръ представляетъ плоскогорье, разрѣзанное горными потоками, которые изливаются съ одной стороны къ внутреннимъ шоттамъ, съ другой—къ шоттамъ Сахары. Вмѣсто того, чтобы быть перерѣзаннымъ черезъ всю ширину, подобно почти всѣмъ другимъ массивамъ краевыхъ цѣпей, Джебелъ-Амуръ образуетъ раздѣльную линію между водами; даже на восточной своей оконечности, гдѣ беретъ начало рѣка Шелифъ, онъ составляетъ водораздѣлъ между бассейномъ Средиземнаго моря и бассейномъ рѣкъ Джедди и Игаргара. Центральная область Амура занята такъ называемыми *идами*, большими каменными площадями съ длинными откосами по бокамъ. Нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ плоскогорья почти неприступны, и тѣ изъ нихъ, на которыхъ есть колодцы или источники, могли бы быть превращены въ горныя крѣпости. Вокругъ этихъ большихъ мѣловыхъ массъ, при-

крытыхъ на вершинѣ гладкою плитою, извиваются глубокия долины, сообщающіяся между собой черезъ вырѣзки плоскогорья. Ни одинъ выступъ массива не достигаетъ 2 километровъ высоты: высшая точка, Туила-Макна, соединяющая Амуръ съ горами Жеривиль, поднимается на 1.900 метр.; джебелъ Окбахъ и джебелъ Гуру, господствующіе съ юга надъ долиной нарождающагося Шелифа, имѣютъ соответственно 1.710 и 1.708 метр. высоты. Самыя грандіозныя по виду, если не самыя высокія, вершины—тѣ, которыя высятся на югѣ массива, на конечной стѣнѣ, называемой Кефъ-Гебли, или «Скалой полудня»; разстилающаяся у ихъ подножія пустыня составляетъ рѣзкій контрастъ съ этою бѣлою стѣною, круто поднимающейся къ синему небу. Черезъ извѣстные промежутки въ каменной массѣ открываются ворота, чтобы пропустить горные потоки: таковы ворота, дающія проходъ уѣду Мелакъ (иначе уѣдъ-эль-Малехъ), или «Соляной рѣкѣ». Здѣсь скала состоитъ изъ соляныхъ массъ, окрашенныхъ въ фіолетовый, розовый и зеленый цвѣта химическими тѣлами, примѣшанными къ ихъ кристалламъ. На всемъ полуденномъ фронтѣ горъ, господствующемъ надъ Сахарой, видны соленосные слои, изрытые сверху атмосферными осадками, подточенные снизу ключевыми водами: это двойное разрушительное дѣйствіе воды имѣло слѣдствіемъ опрокидываніе пластовъ и провалы въ формѣ кратера, которые придаютъ цѣлому хаотическій видъ.

Къ востоку отъ Джебелъ-Амура, цѣпи, прерываемыя очень широкими брешами, представляютъ незначительные выступы надъ поверхностью плоскогорья; большинство превышаетъ лежащія у ихъ основанія равнины не болѣе, какъ 100 или 200 метровъ; самая высокая, джебелъ Сенальба, господствующій на западѣ надъ дорогой изъ Джельфы въ Лагуатъ, рядомъ съ которой вскорѣ будетъ проведенъ рельсовый путь, достигаетъ 1.580 метр. Къ востоку, горный валъ еще болѣе понижается; въ то же время онъ постепенно суживается, и на сѣверо-западѣ отъ Бискры является уже въ видѣ небольшого узкаго кряжа, раздѣляющаго долины Годна и Зибанъ. Желѣзная дорога изъ Батны въ Бискру не имѣла даже надобности проходить черезъ горы туннелемъ; она слѣдуетъ ущельемъ уѣда Эль-Кантара и спускается съ высокихъ внутреннихъ плато къ «Устью Сахары», откуда видна простирающаяся на южномъ горизонтѣ необъятная пустыня.

Но если желѣзный путь легко переходитъ изъ одного пояса въ другой, то это потому, что онъ описываетъ большую дугу вокругъ западной оконечности самаго высокаго массива Алжиріи, Джебелъ-Ауреса. Уже на сѣверѣ эта группа высокихъ горъ обозначена собраніемъ предгорій, которое по высотѣ соперничаетъ съ главными вершинами Алжиріи: это горы Батна,

¹⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

возвышающіяся на сѣверо-западѣ вокругъ города того же имени, съ господствующею вершиною Тугеръ (2.100 метр.). Собственно Ауресь, кражи котораго тянутся на востокъ отъ доли-

направленія: онъ постепенно отклоняется около восточной своей оконечности и, наконецъ, принимаетъ направленіе отъ запада къ востоку; къ югу отъ этого перваго хребта, другія

Бухга-Стора.

ны, гдѣ проходитъ уездъ Эль-Кантара, не представляетъ въ своемъ образованіи такой правильности, какъ большинство другихъ массивовъ Алжиріи. Сѣверный хребетъ, самый высокій, не вполнѣ придерживается нормального

складки Джебель-Ауреса правильнѣе сохраняютъ направленіе, параллельное общей оси алжирскихъ горъ, однако и онъ слегка изгибаются къ югу, приближаясь къ тунисской границѣ: въ цѣломъ, горы Ауреса имѣютъ форму

немного раскрытого вѣра. Въ сѣверной цѣпи высится гигантъ всей Алжиріи, гора Шелія, высій пикъ которой, называемый Кельтумъ (2.328 метр.), превышаетъ на нѣсколько метровъ вершину Лалла-Хедиджа, въ массивѣ Джурджура: съ вершины его, подъемъ на которую не труденъ, наблюдатель обзрѣваетъ на сѣверѣ безпредѣльную поверхность высокихъ плато и ихъ шоттовъ, между Батной и Айнъ-Бендой, тогда какъ на югѣ, черезъ сѣвраты очертанія нижнихъ горъ, виднѣется «синяя, прямая, безконечная линія» — море Сахары ¹⁾. Надъ песчаными равнинами, впадина которыхъ занята шоттомъ, скалы, точно спаленныя жгучими лучами солнца, отражающимися отъ раскаленной почвы, такъ же лишены всякой растительности, какъ гранитныя и порфировыя горы, выдвинувшіяся, въ видѣ мысовъ, въ Красное море, и блестятъ не менѣе яркими цвѣтами. Этому ослѣпительному сіянію вершинъ одна изъ южныхъ цѣпей Ауреса, возвышающаяся на 1.500 метр. надъ низменной равниной Бискры, обязана своимъ именемъ джебелъ Ахмаръ-Хадду, которое значитъ «Краснощекая гора» ²⁾.

Явленія размыванія и вывѣтриванія, которыя такъ легко можно констатировать во всей Алжиріи, быть-можетъ, яснѣе замѣтны въ горахъ Ауреса, чѣмъ во всякомъ другомъ массивѣ Сѣверной Африки: можно подумать, что скала, такъ сказать, растворилась, растаяла въ дилувіальномъ потокѣ, и громадныя груды обломковъ, извергнутыхъ изъ горныхъ ущелій въ сахарскую низменность, показываютъ намъ размельченныя скалы Ауреса, отложенныя снова подъ видомъ мелкаго камня, песка и глины. Въ иныхъ мѣстахъ обрушились цѣлыя каменные массы, какъ столбы, подкопанныя при основаніи, и ихъ развалины нагромождены въ видѣ запруды поперегъ долинъ; въ другихъ — отъ цѣлыхъ горъ и цѣпей остался только «свидѣтель» древнихъ пластовъ, уединенный столъ, болѣе или менѣе высокій, обыкновенно утилизируемый мѣстными племенами какъ крѣпость, благодаря удобствамъ обороны, которыя представляютъ верхніе слои, обрѣзанные утесами, опоясанные обвалами, содержащіе въ своихъ впадинахъ немного колодезной или ключевой воды. Къ востоку отъ Ауреса, джебелъ Шешаръ, или «Каменная гора» ³⁾, и горы Немемша, равно какъ уединенныя отроги плоскогорья Тебесса и кражи на тунисской границѣ, тоже имѣютъ свои естественныя крѣпкіе замки, обращенные туземцами въ мѣста убѣжища. Средняя высота этихъ юго-восточныхъ горъ Алжиріи — отъ 1.200 до 1.400 метр. Самая высокая

вершина Шешара, кефъ Али-эвъ-Насъ, достигаетъ 1.878 метр.

На югъ отъ краевыхъ цѣпей алжирскаго плоскогорья высоты вдругъ прерываются обширными равнинами, покрытыми четвертичными аллювіемъ и образующими родъ пролива между островомъ Магребъ и сахарскими массивами; но почва постепенно поднимается къ югу почти незамѣтною отлогостью до длинныхъ хребтовъ цѣпи высотъ, которая тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ, параллельно системѣ Атласа. Эта цѣпь, называемая расъ Шабъ, достигаетъ въ своей высшей точкѣ 850 метр., возвышаясь на сотню метровъ меньше надъ оазисомъ Лагуать ¹⁾. Далѣе начинается уже Сахара, которая въ этой области состоитъ главнымъ образомъ изъ земель пліоценоваго вѣка, нѣкогда отложенныхъ проточными водами и, безъ сомнѣнія, разнесенныхъ вѣтромъ, какъ желтоземъ въ Китаѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти слои рыхлой земли имѣютъ, по Роллану, до 300 метр. толщины. Однако, тамъ и сямъ надъ этими сахарскими пространствами возвышаются мѣловыя скалы, въ видѣ островныхъ массивовъ, и нѣкоторые изъ этихъ острововъ занимаютъ значительную поверхность. Такова, къ западу отъ уѣда Гиръ, цѣпь высотъ, ограничиваемая съ сѣвера долиной уѣда Джедди. Но самый обширный мѣловый островъ этой части Сахары — плато Мзабъ, названное такъ по имени уѣда, который тамъ беретъ начало, и населеній, группирующихся въ скалистыхъ циркахъ. Массивъ Мзабъ, хотя отдѣленный отъ алжирскихъ горъ проливомъ изъ четвертичной аллювіальной формации, можетъ быть рассматриваемъ какъ родъ перешейка, соединяющаго высоты Магреба съ девонскими плоскогорьями внутренней Сахары и съ кристаллическими горами Джебелъ-Ахаггара.

На сѣверъ отъ мѣловыхъ плато Мзаба переходъ не рѣзокъ: онъ замаскированъ известковыми образованіями; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ чаще встрѣчаются островки бѣловатыхъ скалъ, пробившихъ бугорчатую кору: это выступы мѣловаго плоскогорья, которое, наконецъ, занимаетъ все пространство и образуетъ обширную гамаду безъ видимыхъ предѣловъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменная поверхность совершенно ровная; она была стерта песками, и никакая травка, никакой лишай не можетъ прикрѣпиться къ голому камню; въ другихъ мѣстахъ попадаются впадины, содержащія немного растительной земли. Съ западной стороны эта гамада достигаетъ наибольшей абсолютной высоты — 725 метр.; но она круто обрывается утесомъ въ 100 или 208 метр. высоты ²⁾, у подошвы котораго извивается безводное русло уѣда Луа и простираются на необо-

¹⁾ Valentin de Gorloff, «De Batna au djebel Cheliya»; — Playfair, «Travels in the Footsteps of Bruce».

²⁾ E. Masqueray, «Bulletin de la Société de Géographie», nov. 1876.

³⁾ E. Masqueray, «Revue Africaine», 1878.

¹⁾ G. Rolland, «Mission transsaharienne de Lagouat».

²⁾ H. Duveyrier, «Bulletin de la Société de Géographie», juin 1876.

зримое пространство четвертичных аллювиальных равнины, ограниченные на сѣверѣ горами оранскаго юга, на югѣ—сыпучими песками безбрежнаго моря дюнь. Этотъ край плоскогорья обозначаетъ водораздѣльную возвышенность между двумя покатостями Сахары, спускающимися одна—къ океану черезъ Нигеръ, другая—къ Средиземному морю черезъ Игаргаръ и рядъ шоттовъ. Начиная отъ хребта гамада представляетъ правильный скатъ въ юго-восточномъ направленіи, но она изрѣзана во всѣ стороны оврагами, узкими и глубокими долинами, развѣтвляющимися въ формѣ трещинъ: этой трудно проходимою области, куда невозможно пускаться безъ опытныхъ проводковъ, дали названіе шебка или «сѣтка», вѣроятно, потому, что совокупность развѣтвляющихся долинъ образуетъ какъ бы громадную сѣть. Въ шебки Мзаба нѣсколько скалистыхъ перешейковъ, черезъ которые можно попасть въ низменности оазисовъ, получили имя *кантара*: это дѣйствительно «мосты», облегчающіе сообщеніе между центральнымъ массивомъ гамады и вѣшними землями; на востокѣ, по обѣ стороны узда Мія, высятся *иури*, или скалы, отрѣзанныя отъ плоскогорья, то совершенно изолированныя, то расположенныя въ видѣ цѣпи, но всѣ равно замѣчательныя обвалами своихъ скатовъ и своими столообразными, мѣстами нависшими вершинами. Къ югу плоскогорье Мзабъ постепенно суживается и, наконецъ, въ области Эль-Голеа даетъ проходъ песчанымъ потокамъ, рукамъ обширнаго моря дюнь, наполняющаго Сахару между Туатомъ и степями Уладъ-Сиди-Шейхъ. Эти маленькіе песчаные проливы составляютъ южный предѣлъ плоскогорья ¹⁾.

III.

Алжирія не имѣетъ большихъ рѣкъ; хотя она получаетъ изъ облаковъ количество дождевой воды, по меньшей мѣрѣ равное тому, которое уноситъ такой могучій потокъ, какъ Нилъ, въ ней нѣтъ ни одной судоходной рѣки: нѣсколько паромовъ, два или три ялика на Сейбузѣ—вотъ и весь флотъ внутренняго судоходства, какимъ обладаетъ эта страна. Общій рельефъ почвы не благоприятствовалъ развитію обширнаго рѣчнаго развѣтвленія. Береговой поясъ такъ узокъ, что Средиземное море могло бы получать изъ внутренней части материка развѣ только ничтожныя ручьи, если бы краевыя цѣпи не представляли мѣстами проломовъ, черезъ которые изливаются потоки, зарождающіеся на высокихъ плоскогорьяхъ. Но эти потоки въ наши дни не были бы въ состояніи открыть себѣ проходъ черезъ параллельныя цѣпи, ограничивающія на

сѣверѣ поясъ возвышенностей; при видѣ этихъ ущелій, мысль переносится къ тому «озерному» періоду, во время котораго значительныя жидкія массы занимали всѣ бассейны горъ: низкіе пункты, откуда изливался ихъ излишекъ водъ, были постепенно вырыты и преобразованы въ рѣчныя русла, слишкомъ широкія для нынѣ бѣгущаго въ нихъ потока. На югѣ плоскогорій наблюдается подобное же явленіе, какъ и на сѣверномъ склонѣ: большинство ручьевъ, спускающихся къ Сахарѣ, берутъ начало на внутренней сторонѣ краевыхъ горъ и достигаютъ области оазисовъ черезъ рядъ дефилеевъ.

Общая площадь средиземной покатости въ Алжиріи можетъ быть исчисляема приблизительно въ 200.000 кв. километр.; вся остальная часть страны раздѣлена на замкнутыя бассейны, вода которыхъ испаряется, образуя соляныя лагуны, или даже улетучивается, прежде чѣмъ достигнетъ центрального углубленія котловины. Впрочемъ, почти всѣ потоки Алжиріи пересыхаютъ на продолжительное время, и тогда ложе ихъ представляетъ, въ возвышенныхъ мѣстностяхъ, голый камень, а въ низменныхъ—песчаные пространства, гдѣ вѣтеръ, какъ на большихъ дорогахъ, поднимаетъ столбы пыли. Рѣчки, сохраняющія небольшое теченіе въ лѣтнее время, бывають заперты при устьѣхъ крѣпкимъ песчанымъ баромъ, который служитъ дорогою пѣшеходамъ и всадникамъ. Тѣмъ не менѣе, узды не совершенно изсякають, какъ это кажется на первый взглядъ: подъ высохшимъ поверхностнымъ ложемъ находится подземное русло; вода, просачиваясь черезъ песокъ, проникаетъ въ нижніе слои, и тамъ, гдѣ какія-либо запруды, наприм. каменистые пороги, плотины, непроницаемыя формации, задерживають подземное теченіе водъ, послѣднія поднимаются на поверхность, образуя маленькое озеро выше преграды. Въ нѣкоторыхъ рѣчныхъ бассейнахъ средній расходъ (количество протекающей воды) скрытаго потока составляетъ значительную часть общаго расхода, включая сюда и періоды разлива: до сихъ поръ еще не воспользовались этими подземными водами для цѣлей ирригаціи ¹⁾. Даже на высокихъ плоскогорьяхъ овраги, спускающіеся къ шоттамъ и почти круглый годъ имѣющіе видъ безводныхъ дорогъ, скрываютъ потоки подъ своими песками и камнями. Эти инфильтраціонныя воды, напитывающія почву, проникають нѣкоторыя горныя породы и химически соединяются съ ними, такъ что измѣняютъ ихъ объемъ и тѣмъ производятъ движенія въ массѣ земель ²⁾.

На сѣверо-западной оконечности Алжиріи маленький уздъ Аджерудъ обозначаетъ марокк-

¹⁾ G. Rolland, „Bulletin de la Société géologique de France“, 1881.

¹⁾ Bailla, „Bulletin de la Société de Géographie de la province d'Oran“, n° 15, 1882.

²⁾ Bourdon, „Bulletin de la Société de Géographie“, janvier—février 1874.

скую границу; но первый поток, который действительно можно назвать рѣкой по длинѣ теченія и по развитію притоковъ, — это Тафна. Она получаетъ нѣсколько притоковъ съ мароккской территоріи, именно съ большой равнины Ангадской, къ западу отъ Уджды; но главные ея истоки находятся въ предѣлахъ Алжиріи, самый высокій — на джебель Тенушфи, юго-западномъ нѣтъ горъ Тлемсенъ. Несмотря на незначительную длину теченія — около 150 километровъ — Тафна одна изъ тѣхъ рѣкъ, которыя Риттеръ называетъ «геройскими» за смѣлость, съ какою онѣ переходятъ одну гору за другой. Тафна, рядомъ узкихъ поперечныхъ долинъ, перерѣзываетъ горы Тлемсенъ, затѣмъ другую передовую группу цѣпи Трара. Иссеръ, ея главный притокъ, тоже беретъ свое начало на южной сторонѣ Тлемсенскихъ горъ, пробиваетъ ихъ извилистыми ущельями и сливается съ Тафной, описывая кривую, симметричную съ кривою главной рѣки.

Прежде вся низменность, ограниченная на сѣверѣ Оранскими береговыми горами, Львиной горой и западною оконечностію Дахры, была покрыта водою. Отъ этого древняго озера остались еще большая себха Миссергинская или Оранская, соленоводная площадь въ нѣсколько сантиметровъ толщины, нѣсколько другихъ менѣе обширныхъ соляныхъ водовмѣстителей и болотистыя пространства, въ которыя изливались Сигъ и Габра при малѣйшемъ повышеніи ихъ уровня. Эти двѣ рѣки, послѣ соединенія, впадающія, подъ именемъ Макты, въ Арзевскій заливъ, берутъ начало на сѣверномъ краю средняго плоскогорья Алжиріи и спускаются крутыми поворотами въ поперечныхъ трещинахъ горъ. Благодаря проницаемости почвы въ бассейнахъ Габры и другихъ рѣкъ края, количество протекающей воды далеко не такъ постоянно, какъ можно было бы ожидать въ странѣ, гдѣ сильные ливни смѣняются продолжительными засухами; но все-таки это количество очень не велико. Въ то время, какъ рѣка Ардешъ (во Франціи) въ исключительно большіе разливы несетъ отъ 5.000 до 10.000 кубич. метровъ, Габра, бассейнъ которой обширнѣе и получаетъ почти столь же значительную долю дождей, катить, во время самыхъ большихъ наводненій, только десятую часть теченія французской рѣки ¹⁾. Въ западной Европѣ средній стокъ или расходъ рѣкъ заключается между четвертью и половиною объема дождей; въ Алжиріи же, на средиземной покатости, онъ составляетъ не болѣе одной двадцатой или одной тридцатой выпадающей изъ атмосферы влаги; вода рѣкъ, мутная отъ примѣси земныхъ частицъ, почти всегда движется очень медленно, безъ замѣтнаго теченія. Коровы по цѣлымъ часамъ бродятъ въ грязномъ потокѣ.

¹⁾ Bourdon, цитир. сборникъ, за июль 1867.

Шелифъ, по длинѣ теченія — главная рѣка Алжиріи; общее протяженіе его, не считая малыхъ извилинъ, по крайней мѣрѣ 700 километровъ. Онъ беретъ начало за поясомъ возвышенностей, въ Джебель-Амуръ, и подъ именемъ уада Намусъ, «ручья Москитовъ», течетъ сначала въ продольной долинѣ, параллельной оси этихъ горъ. Затѣмъ онъ пересѣкаетъ плоскогорье, постепенно уменьшаясь въ объемъ вслѣдствіе испаренія и рискуя исчезнуть совершенно, какъ одинъ изъ его естественныхъ притоковъ, уады Сусъ-Селлемъ, теряющійся въ почвѣ, прежде чѣмъ достигнуть главной долины. Дойдя до подошвы сѣверныхъ горъ, Шелифъ является уже дотога ослабленнымъ, что притокъ его Нахръ-Уассель, текущій изъ Тарета вдоль основанія горъ, принимаютъ за настоящую рѣку, какъ показываетъ самое названіе «нахръ». Благодаря этому увеличенію объема, Шелифъ получаетъ возможность перейти сѣверныя краевыя цѣпи Богарскимъ ущельемъ, послѣ чего ему остается только слѣдовать далѣе длиннымъ пониженіемъ почвы, отдѣляющимъ горы Уарсенисъ отъ горъ Дахра, и усиленный Мимой, проходящей передъ тѣмъ по южнымъ ущельямъ, смѣшиваетъ свои желтыя воды съ водами моря, немного сѣвернѣе Мостаганема. Подобно Сигу и Габрѣ, Шелифъ и Мина протекаютъ по проницаемому грунту, чѣмъ и объясняется относительное постоянство ихъ теченія: тѣмъ не менѣе, большіе разливы ихъ достигаютъ страшныхъ размѣровъ, тогда какъ въ меженное время эта главная алжирская рѣка, длиною теченія превосходящая Гаронну, бѣднѣе водой, чѣмъ многіе изъ ручьевъ Пиренейскихъ горъ.

Рѣчки Митиджи, уады Мазарфанъ, принимающій въ себя, между прочимъ, знаменитую Шиффу, уады Гарашъ, уады Гамизъ — все незначительные потоки, обязанные своей извѣстностью только сосѣдству Алжира, битвамъ, происходившимъ на ихъ берегахъ, да городамъ, деревнямъ, садамъ и нивамъ ихъ бассейновъ. Уады Иссаръ, берущій начало въ горахъ, къ юго-востоку отъ Меден, и нижнее теченіе котораго служитъ западною границею Большой Кабилии, — болѣе значительная рѣчка, а уады Себау, питаемый снѣгами высокихъ массивовъ Джурджуры, представляетъ собою уже настоящую рѣку: всѣ стремительные ручьи, бѣгущіе съ сѣвернаго склона горъ, гдѣ климатъ гораздо влажнѣе, чѣмъ на противоположномъ скатѣ, соединяются посредствомъ развитія многочисленныхъ долинъ съ главной долиной Себау, который течетъ параллельно морскому берегу, совершенно ориентированному въ этомъ мѣстѣ по градусамъ широты; чтобы достигнуть моря, рѣка изгибается къ сѣверо-западу и къ сѣверу черезъ широкую долину между горъ; большую половину года рѣчное теченіе соединяется съ морскими водами черезъ баръ. Ме-

нѣ значителенъ уездъ Сахель, или Сумманъ, главный потокъ, который направляется на сѣ-
 который, хотя и длиннѣе, но течетъ на югъ веро-востокъ, въ заливъ Бужи, проходя между
 горъ Джурджура, образуя какъ бы ровъ гро- цѣями Джурджура и Баборъ, черезъ брешь

Шабель-экъ-акреская дорога.

мадной естественной крѣпости. На этой сторо-
 нѣ горъ дожди и снѣга менѣе обильны, и
 скудная струя впадающихъ ручьевъ, прѣсно-
 водныхъ или соляныхъ, очень мало усиливаетъ
 Акбу. Выше этого пролома происходитъ слі-
 яніе Сахеля и его главнаго притока, узда Ву-
 Селламъ, получающаго свои воды изъ Меджа-
 ны и съ плоскогорья Сетифъ, то-есть изъ об-

ластей, куда двойная поперечная стѣна горъ Бибанъ и Баборъ преграждаетъ доступъ обильнымъ дождямъ побережья.

Несмотря свое имя «Уэдъ-эль-Кебиръ», т. е. «Большая рѣка», потокъ, впадающій въ море между мысомъ Джиджели и массивомъ Колло, кажется значительнымъ только по сравненію съ маленькими береговыми ручьями: верхніе его притоки, Бу-Мерзугъ, Руммель, Энджа, берутъ начало на сѣверной границѣ пояса плоскогорій и проходятъ послѣдовательно всѣ береговыя цѣпи дикими ущельями или трещинами скалъ, какъ тѣснина Руммеля между мысомъ Константина и плато Мансура. Выше этой брешіи происходитъ соединеніе притоковъ Руммель и Бу-Мерзугъ, изъ которыхъ послѣдній въ древности назывался Амсагаъ и во времена римскаго господства долго служилъ условной границей между Африканской провинціей и Мавританіей.

Къ востоку отъ Константинскаго узда эль-Кебиръ текутъ двѣ другія «Большія рѣки», — уэдъ эль-Кебиръ, зарождающійся въ холмахъ Гельма и впадающій въ Средиземное море южнѣ Желѣзнаго мыса, и уэдъ эль-Кебиръ, первые истоки котораго находятся въ тунисскихъ горахъ Хумиріи: это одинаковое названіе, приписанное къ сосѣднимъ потокамъ, свидѣлствуетъ объ отчужденности, въ которой жили различныя племена; они, очевидно, не знали другъ друга, составляя каждое отдѣльный замкнутый мірокъ. Между этими двумя уздами эль-Кебиръ восточной Алжиріи, въ Бонскій заливъ изливается Сейбуза, послѣдній большой потокъ страны, который изъ всѣхъ ея проточныхъ водъ имѣетъ наиболѣе постоянное теченіе, и часть котораго, близкая къ морю, наиболѣе представляетъ видъ настоящей рѣки. Нижній ея бассейнъ имѣетъ форму обширнаго цирка, расположеннаго такимъ образомъ, что онъ получаетъ изъ дождевыхъ облаковъ значительное количество воды. Между Эдугомъ и мысомъ Роза на морскомъ берегу простирается большая равнина, и горы, ограничивающія ее съ юга, слѣдуютъ одна за другой постепенно повышающимися уступами, изъ которыхъ каждый получаетъ свою долю дождей, не лишая атмосферной влаги болѣе отдаленную цѣпь. Истоки узда Шерфъ, главной вѣтви Сейбузы, переплетаются на плоскостяхъ Айнъ-Беда съ источниками тунисской Меджерды и ея притока, узда Меллегъ, также принадлежащихъ къ бассейну Средиземнаго моря. Въ предшествовавшую геологическую эпоху равнина, пересѣкаемая нижнимъ теченіемъ Сейбузы, была покрыта морскими водами; отъ бывшаго залива до сихъ поръ осталось мелководное озеро или, вѣрнѣе, болото Фецара, которое еще не удалось вполне осушить. Количество воды, протекающей въ секунду, предста-

вляетъ, для трехъ главныхъ рѣкъ Алжиріи, слѣдующія цифры:

	Площадь бассейна. кв. килом.	Расходъ во время разлива. куб. метр.	Въ мелководье. куб. метр.	Средній расходъ. куб. метр.
Макта	10.700	800	2	10
Шелифъ	38.200	1.448	1,5	15
Сейбуза	10.000	1.000	0,15	20

Между моремъ и теченіемъ восточнаго узда эль-Кебиръ, называемаго при устьѣ Мафрагъ, расположены три озера, образующія родъ пояса вокругъ города Ла-Кале; видъ этихъ озерныхъ бассейновъ представляетъ зрѣлище рѣдкое въ Алжиріи, гдѣ встрѣчаются только пруды и салины. Одно изъ озеръ, западное, Гера (Гара)-эль-Мелахъ, или «Соляная лагуна», — дѣйствительно резервуаръ соленой воды, сообщающейся съ моремъ. Среднее озеро, Гера-эль-Убейра, вода въ которомъ прѣсная, представляетъ, тѣмъ не менѣе, бассейнъ почти всегда замкнутый; но въ періодъ разливовъ, когда уровень поднимается на 3 метра выше ординара, излишекъ водъ озера выливается на югъ, въ долину узда Эль-Кебиръ. Наконецъ, третье озеро, называемое Гера-эль-Гутъ, или «Рыбная лагуна», соединяется съ моремъ посредствомъ лѣнливой рѣчки Месиды, заросшей камышами; пытались-было ассенизировать, прорытіемъ сточныхъ каналовъ, плодородныя земли, окружающія это озеро, но лихорадки похищали такъ много рабочихъ, что пришлось отказаться отъ этого предпріятія.

Вся зона плоскихъ возвышенностей, за исключеніемъ узкой песчаной полосы, по которой протекаетъ верхній Шелифъ, и площади истеченія, гдѣ образуется Меджерда и уэдъ Меллегъ, дѣлится на замкнутые бассейны. Вслѣдствіе сильнаго испаренія, быстро уносящаго приносимую дождями влагу, всѣ ручьи или принимающіе ихъ неглубокіе водоёмы постепенно иссыкаютъ, и такимъ образомъ территория дробится на безчисленное множество маленькихъ бассейновъ, нѣкогда соединявшихся въ одно цѣлое, и которые слились бы снова, если бы дожди были болѣе обильны или температура менѣе высока. Когда впадина довольно большаго протяженія, она получаетъ имя *шотта*; менѣе обширная и наполняющаяся прѣсной или солоноватой водой, которую всасываютъ корни нѣкоторыхъ кустарниковыхъ растений, называется *дайя*; простая грязная лужа известна подъ названіемъ *едиръ*. Ровная на видъ по причинѣ сѣраго цвѣта почвы, сглаживающаго всѣ неровности рельефа, плоская возвышенность представляетъ рядъ длинныхъ повышеній и пониженій, на подобіе правильныхъ морскихъ волнъ, образующихся отъ дѣйствія пассатныхъ вѣтровъ: цѣлая армія могла бы спрятаться въ *фидакъ* и *мадерахъ*, между двумя волнообразными возвышеніями почвы, такъ

что на разстояніи двухъ километровъ нельзя было бы догадаться о ея присутствіи ¹⁾. Большинство шоттовъ имѣютъ на окружности настоящіе высокіе берега, какъ озера, а мѣстами даже крутые утесы, поднимающіеся на 15 или 20 метровъ; но вода не оmyваетъ болѣе основанія утесовъ, жидкую поверхность замѣнили солончаковыя пространства или полосы пыльного гипса, смѣшаннаго съ пескомъ; кое-гдѣ образовались даже дюны, развертывающія свои правильныя волны на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда волновались водныя пространства ²⁾. Таковъ видъ шотта Гарби, или «Западнаго», часть котораго, по условной линіи границы, причисляется къ Марокко; нѣсколько маленькихъ водныхъ площадей занимаютъ самыя низкія его впадины. Шоттъ Шерги, или «Восточный», тянется въ средней части плоскогорья, имѣя около 200 километровъ длины, при различной ширинѣ, достигающей къ западу до тридцати километровъ. Онъ раздѣленъ на два бассейна перешейкомъ Хейдеръ, гдѣ стоитъ горка, изъ основанія которой вытекаетъ источникъ: это-то «водяной мостъ» между двумя солончаковыми низменностями и былъ выбранъ для прокладки желѣзной дороги, направляющейся къ южнымъ военнымъ постамъ. Къ востоку отъ Хейдера низменность шотта Шерги имѣетъ кольцообразную форму; это—овальная, довольно узкая впадина, заключающая внутри островъ болѣе высокихъ земель.

На востокъ отъ Шелифа поясъ плоскихъ возвышенностей, уже гораздо менѣе широкій, представляетъ лишь маленькіе бассейны, гдѣ испаряются воды: таковы даія Дахла, на сѣверѣ горъ Укаитъ, и на югѣ этой цѣпи два бассейна Захрезъ «Западный» (Гарби) и «Восточный» (Шерги), содержащіе, по вычисленіямъ Фурнеля и Вилля, количество соли около 600 миллионовъ тоннъ (около 3.700 миллионновъ пудовъ). Къ сѣверо-востоку отъ Бу-Сада, циркъ, вдругъ прерывающій рядъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, получаетъ довольно значительное количество воды, такъ что тамъ образуется обширный шоттъ Годна, который въ предшествующую геологическую эпоху несомнѣнно былъ альпійскимъ озеромъ: послѣ зимнихъ дождей часто случается, что центральная котловина сплошь занята водною площадью; со всѣхъ сторонъ громаднаго амфитеатра бѣгутъ горные потоки, которые можно бы было, посредствомъ гидравлическихъ работъ, отвести на окрестныя воздѣланныя пространства. За этимъ озернымъ бассейномъ, на плоскогорьяхъ Сетифъ и Айнъ-Бенда, разсѣяно нѣсколько маленькихъ себхъ (себхъ): самая значительная изъ нихъ—себха Тарфъ, гдѣ теря-

ются нѣсколько ручьевъ, спускающихся съ Джебелъ-Ауреса; воды достигаютъ тамъ высшей возможной степени насыщенія, именно 27 процентовъ, не будучи въ состояніи растворить всю соль, содержащуюся въ бассейнѣ ³⁾.

Обращенная къ Сахарѣ покатость краевыхъ цѣпей плоскогорья изливаетъ свои ручьи въ пустыню, но большая часть этихъ потоковъ поглощается, при самомъ выходѣ изъ ущелій горъ, обработанными землями оазисовъ; вся влага, приносимая дождями, скопляется въ даіяхъ: на югѣ отъ Лагуата виднѣются тамъ и сямъ, сгруппированные въ архипелаги, лѣски и рощи, питаемые этими лужами. Впрочемъ, многіе изъ этихъ уѣдовъ продолжаютъ изъ плантаціи въ плантацію на довольно большое разстояніе отъ возвышенностей, и даже тамъ, гдѣ теченіе ихъ совершенно изсякло, русло еще примѣтно и тянется правильными излучинами, какъ будто вода только недавно покинула ихъ. Направленіе уѣдовъ обнаруживаетъ отчасти форму рельефа въ области пустыни. Съ западной стороны, въ Оранской провинціи, русла рѣкъ спускаются прямо на югъ, показывая, что уровень почвы постепенно понижается въ этомъ направленіи; восточнѣе, въ Алжирской провинціи, главный потокъ, вмѣсто того, чтобы направиться прямо на югъ, слѣдуетъ вдоль южнаго основанія горъ, параллельно общей оси Алжирин: онъ течетъ въ бороздѣ между двухъ обступавшихъ его возвышенностей; наконецъ, въ провинціи Константинѣ, недалеко отъ тунисской границы, Игаргаръ, бывшій нѣкогда большой рѣкой, а теперь представляющій лишь широкую извилистую долину, спускается съ юга на сѣверъ къ низменности шотта Мельгигъ; высокіе массивы, стоящіе въ пустынѣ, далеко на югѣ собственной Алжирин, даютъ всей промежуточной области скатъ, обращенный къ сѣверу, въ сторону противоположную покатости, которую представляетъ поверхность пустыни на югѣ отъ Оранской провинціи. Это одинъ изъ капитальныхъ фактовъ въ географіи пустыни; въ то время, какъ на востокъ воды спускались нѣкогда либо къ «внутреннему морю», либо къ Габесскому заливу,—на западѣ онѣ текли на югъ. Достигали ли ихъ соединенныя вѣтви теченія Нигера, или, можетъ-быть, рѣчное русло, усиливается частными потоками, поворачивало на западъ, чтобы идти прямо къ Атлантическому океану? Эта проблема пока еще не разрѣшена изслѣдованіями европейскихъ путешественниковъ; но свѣдѣнія, принесенныя туземными караванщиками, дѣлаютъ первую гипотезу очень вѣроятною. Юго-западный уголъ Алжирин, повидимому, принадлежитъ къ бассейну Нигера нѣсколькими уѣдами области Ксуръ, текущими къ оазису Фигигъ.

¹⁾ Arnaud, „Revue africaine“, 1866; — Guy de Mau-passant, „Au Soleil“.

²⁾ Marès, „Bulletin de la Société Géologique de France“, 15 nov. 1858.

³⁾ Ch. Feraud, „Revue Africaine“.

Въ нынѣшнихъ предѣлахъ алжирской территории, другіе потоки, берущіе начало въ краевыхъ цѣпяхъ высокаго плато, теряются подъ песками донъ, поясъ которыхъ тянется на югъ; такъ исчезаютъ: уэдъ Намусъ, или «Москитовый», вытекающій въ сосѣдствѣ Тиута; уэдъ эль-Гарби; уэдъ эль-Сеггеръ, выходящій изъ Брезины, къ югу отъ Жеривила; уэдъ Зергунъ, принимающій въ себя ручьи, бѣгущіе съ Джебель-Амура; уэдъ Луа, ограничивающій на востокъ плато Мзабъ. Другіе потоки этого массива соединяются съ уэдомъ Мзи, рѣкой Лагуата: это главная вѣтвь уэда Джедди, который течетъ сначала на востокъ, затѣмъ на сѣверо-востокъ, усиливаемый на пути, во время внезапныхъ дождей, всѣми ручьями, спускающимися съ горъ, вдоль основанія которыхъ направляется его теченіе, до цѣпи Зибанъ близъ Бискры. Джедди—это, можетъ-быть, Иджиди или «рѣка Песковъ»¹⁾; онъ въ самомъ дѣлѣ образуетъ геологическую границу, совершенно явственную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между основаніемъ мѣловыхъ плато и песками четвертичной равнины: на лѣвой сторонѣ, земли и скалы вдругъ прекращаются на высокихъ берегахъ рѣки; направо—начинаются аллювиальные пространства²⁾. Этотъ геологическій фактъ такъ поразителенъ, что всѣ прибрежные жители замѣтили его, какъ о томъ свидѣлствуетъ постоянство имени уэда почти на всемъ его протяженіи. Тогда какъ большинство африканскихъ рѣкъ мѣняютъ названіе при каждомъ новомъ притоцѣ, при каждомъ ущельѣ, черезъ которое проходятъ, при каждомъ племени, территорію котораго орошаютъ,—Джедди, напротивъ, сохраняетъ свое имя отъ Лагуата до самаго устья³⁾. Впрочемъ, Джедди только тѣмъ и похожъ на рѣку, что имѣетъ широкое дно и высокіе берега, вода же встрѣчается въ немъ только тамъ, гдѣ каменные пороги прерываютъ русло. На юго-востокъ отъ Бискры, послѣ теченія на пространствѣ около 500 километровъ, берега его сравниваются съ окружающею почвой, и русло сливается съ обширной низменностью шотта Мельгигъ. Джедди и другія сахарскія рѣки, текуція по каменистому или песчаному грунту, представляютъ гораздо чаще, чѣмъ рѣки Талля, текуція въ проницаемыхъ ложахъ, примѣръ внезапныхъ и страшныхъ наводненій. Бывали случаи, что Джедди, сухой наканунѣ, разливался, при устьѣ уэда Бискра, на 11 или 12 километровъ въ ширину. Въ Годнѣ уэдъ Меифъ,

случалось, внезапно превращался въ рѣку шириной до 3 километр., и тогда дуары, цѣлыя стада, захваченныя врасплохъ, уносились потокомъ. Въ землѣ Мзабъ, когда небо потемнѣетъ въ сѣверной сторонѣ, на поворотахъ рѣкъ разставляютъ конныхъ караульныхъ, и какъ только послышится отдаленный гулъ, возвѣщающій движеніе потока, ружейные выстрѣлы этихъ развѣдчиковъ, слѣдующіе одинъ за другимъ вдоль долинъ, даютъ знать прибрежнымъ жителямъ о приближающемся наводненіи⁴⁾.

Другіе уэды, выходящіе изъ ущелій Джебель-Ауреса и Джебель-Шешара, или берущіе начало въ пустынѣ у подошвы скалистыхъ откосовъ, направляются къ низменности шотта, но не всѣ ея достигаютъ. Самая большая рѣка бассейна, по длинѣ теченія и ширинѣ русла, есть одинъ изъ тѣхъ угасшихъ потоковъ, отъ которыхъ сохранились лишь болѣе или менѣе замѣтные остатки: гдѣ болота, гдѣ колодцы, гдѣ сырыя низины, или просто вырытыя водами русла, нынѣ совершенно сухія, съ высокими берегами и отмелями. Эта рѣка, нѣкогда могучая, которую теперь можно узнать только по ея слѣдамъ, какъ змѣю, которая убѣгаетъ, оставляя извилистый отпечатокъ своихъ колецъ на пескѣ,—Игаргаръ. Въ тысячъ километровъ къ югу отъ бассейна, въ который впадаетъ его высохшее русло, ручьи, которыхъ еще не видѣли европейскіе изслѣдователи, бѣгутъ со склоновъ Джебель-Ахаггара; но эти ручьи изсыкаютъ въ пустынѣ, и развѣтвленіе рѣчныхъ ложъ становится все болѣе неяснымъ; они соединяются въ одну обширную дорогу, отъ 2 до 10 километровъ шириной, могущую вмѣстить такую рѣку, какъ Нилъ или Миссисипи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русло совершенно изгладилось, такъ что теперь нельзя замѣтить даже общаго ската почвы; дюны тянутся одна за другою, на подобіе волнъ, поперекъ бывшаго ложа великой рѣки; но прежній ходъ уэда извѣстенъ по преданію, и туземцы, которые поднимаются или спускаются по теченію Игаргара, превратившагося въ караванную дорогу, показываютъ мѣста, гдѣ проходила рѣка, даже тамъ, гдѣ уже не видно ни малѣйшаго слѣда разливанія. Бывшій главный притокъ исчезнувшей рѣки, уэдъ Миз, или рѣка «съ сотней притоковъ»⁵⁾, подходитъ на Игаргаръ и, подобно ему, представляетъ рядъ водоемовъ, низменностей, небольшихъ шоттовъ, прерываемыхъ песками, наносимыми вѣтромъ. Но подземныя воды, текуція въ Мизъ, подъ высохшимъ дномъ бывшаго видимаго ложа, мало-по-малу увеличиваютъ свой скрытый потокъ; струйки просачивающейся жидкости спускаются изъ параллельныхъ рѣчекъ,

¹⁾ Carette, „Exploration scientifique de l'Algérie“, tome II.—Названіе уэда эль-Джедди значитъ „рѣка Коаленка“ (Lambert, рукописныя замѣтки).

²⁾ Roland, „Bulletin de la Société Géologique de France“, 1881, Planché XIII.

³⁾ Carette, „Exploration scientifique de l'Algérie“;—Wolters, „Société de Géographie de Constantine“; 4-e bulletin, 1-e octobre 1883.

⁴⁾ Carette, „Exploration scientifique des vallées de l'Algérie“, tome II.

⁵⁾ Faidherbe;—Parmentier etc.

берущихъ начало въ разорванномъ плато мѣловыхъ скалъ, на югѣ Лагуата и Мзаба; влажность почвы становится значительнѣе ниже этихъ подземныхъ притоковъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда соединялись Игаргаръ и Мія, начинается ясно обозначенная долина, усѣянная шоттами, колодцами, прудами, источниками, которые образуютъ какъ бы остатокъ рѣки: долина эта извѣстна подъ именемъ уэда Ригъ или Риръ. Самое слияніе отмѣчено себхами, всегда покрытыми водой, которая окружена пальмовыми рощами Темасина. Эти воды, медленно текуція въ нѣдрахъ земли, должны представлять значительную жидкую массу, судя по числу пальмъ, растущихъ въ многочисленныхъ оазисахъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ

носить названіе шотта Меруанъ. Онъ соединенъ съ шоттомъ Мельгигъ въ собственномъ смыслѣ лишь узкимъ проливомъ и развѣтвляется къ востоку на второстепенныя себхи, которыя увеличиваются или уменьшаются въ протяженіи, смотря по обилію дождевыхъ водъ и дѣятельности испаренія. Шоттъ Мельгигъ, сѣверный бассейнъ низменности, оканчивается на востокѣ шоттомъ Селлемъ, за которымъ слѣдуютъ нѣсколько другихъ шоттовъ, расположенныхъ по направленію съ сѣвера на югъ и отдѣленныхъ перешейкомъ отъ тунисской водной площади шотта Гарса. Последний, въ свою очередь, отдѣленъ отъ Джерида лишь обширными себхами, простирающимися на востокъ до Габесскаго перешейка; на окружности

Долина Уэдъ-Мія.

по теченію Игаргара, Мія и Рига; но пока еще наибольшая часть подземной воды остается безъ употребленія и теряется путемъ испаренія въ лощинахъ. Въ оазисѣ Уаргла измѣряли количество влаги, которую почерпаютъ корни пальмъ въ невидимомъ руслѣ Мія: оказалось, что стокъ скрытой рѣки составляетъ немного болѣе кубическаго метра въ секунду¹⁾. Часто случается, что внутреннее давленіе жидкой массы разрываетъ потолокъ изъ гравія, прикрывающій подземное русло, и выступившая наружу вода разливается въ видѣ лужъ, тамъ, гдѣ передъ тѣмъ видѣли только песокъ. Въ другихъ мѣстахъ слой гравія вдругъ проваливается, и образуется естественный колодезь, спускающійся до нижней поверхности водъ.

Пріемный бассейнъ бывшихъ южныхъ рѣкъ

шоттовъ, длинныя долины, называемыя *шара*, или «улицы», разрѣзываютъ на мысы песчаный грунтъ²⁾. На первый взглядъ въ этой цѣпи впадинъ, слѣдующихъ одна за другою отъ запада къ востоку, между подземной дельтой уэда Ригъ и заливомъ Габесъ, казалось бы, всего естественнѣе видѣть остатокъ бывшаго лимана, черезъ который изливались воды большой африканской рѣки, и эту мысль развивали большинство географовъ³⁾, пока истинная форма рельефа въ этой части сѣверной Африки не была обнаружена изслѣдователями. Теперь извѣстно, что ни въ историческія времена, ни даже въ настоящемъ геологическомъ періодѣ воды Игаргара не текли въ тунисскихъ шот-

¹⁾ H. Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie“, mars 1875.

²⁾ Vivien de Saint-Martin, „L'Afrique du Nord dans l'Antiquité“.

³⁾ Brosselard, „Voyage de la mission Flatters“.

тахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго и отъ моря двумя каменными порогами, гдѣ не видно никакого слѣда прежняго дѣйствія воды. При томъ же общій скатъ почвы имѣетъ направленіе какъ разъ обратное тому, которое было бы необходимо для истеченія рѣки: наклонъ земель идетъ отъ морскаго побережья къ внутреннимъ озерамъ, и для того, чтобы потокъ спускался отъ шотта Мельгигъ къ заливу Габесъ, нужно было бы, чтобы вся эта область качательнымъ движеніемъ, въ родѣ коромысла вѣсовъ, перевернула покатою. Соли шоттовъ имѣютъ весьма разнообразный составъ, отличающійся отъ растворовъ морской воды, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается больше сѣрнистаго натра, чѣмъ морской соли¹⁾; но есть также бассейны, покрытые соляной корой: шоттъ Гарса особенно замѣчателенъ своими красивыми плитами, которыя туземцы племени немеша ломаютъ какъ камень. Эти бассейны нѣкогда были озерами, воды которыхъ частію испарились, и гдѣ сухой климатъ сконцентрировалъ соли; окружающія ихъ четвертичныя формации содержатъ только наземныя или свойственныя солоноватымъ водамъ ископаемыя.

Поверхность главнаго алжирскаго шотта и другихъ, окружающихъ его, солончаковыхъ котловинъ, лежитъ ниже уровня моря, какъ это установилъ впервые Вирле д'У (Virlet d'Aoust), въ 1845 г., и какъ это подтвердили барометрическія наблюденія Дюбока, въ 1849 г.; въ этой части сѣверной Африки, также какъ въ Палестинѣ, въ Абиссиніи, въ Триполи и даже во Франціи, на провансальскомъ озерѣ Лестома, наблюдается явленіе сильнаго испаренія, которое понижаетъ водную площадь внутреннихъ бассейновъ до уровня, лежащаго ниже поверхности сосѣднихъ морей²⁾. Констатируя тотъ фактъ, что Мельгигъ и окружающія его низменныя равнины лежатъ ниже уровня Средиземнаго моря, изслѣдователи алжирской Сахары полагали даже, что эта впадина, которую можно наводнить прорытіемъ восточнаго перешейка, простирается на огромныя пространства въ пустынѣ: «стоитъ только пробить Габесскій порогъ,—говорилъ Шарль Мартенъ,—и Сахара опять сдѣлается моремъ, Балтикой Средиземнаго моря». Барометрическія измѣренія, произведенныя въ разныя времена, дали различные результаты, и вопросъ о протяженіи низменной области оставался нерѣшеннымъ; наконецъ, Рудеръ опредѣлилъ точнымъ образомъ высоту Мельгига,—сначала связавъ этотъ прудъ съ Биской геодезическимъ нивелированіемъ, затѣмъ провѣривъ

эти измѣренія другимъ нивелированіемъ, обнимавшимъ весь рядъ шоттовъ, начиная отъ залива Габесъ. Самая низкая точка впадины, около западной части шотта Мельгигъ, находится на глубинѣ немного болѣе 31 метра, а средний уровень дна—на глубинѣ 24 метровъ. Шоттъ Гарса лежитъ метровъ на десять ниже воображаемой плоскости, составляющей продолженіе поверхности моря, и отдѣленъ отъ шотта Мельгигъ небольшимъ порогами. Что касается общей площади этой области, лежащей ниже уровня Средиземнаго моря, въ двухъ сейчасъ названныхъ шоттахъ, то она составляетъ всего только 8.200 квадратныхъ километровъ, слѣдовательно, меньше, чѣмъ многіе французскіе департаменты. Вотъ какъ ничтожно это пространство въ сравненіи со всѣмъ протяженіемъ Сахары, которую надѣялись было снова превратить во внутреннее море.

Проектъ этотъ, въ свое время сильно интересовавшій общественное мнѣніе, былъ впервые¹⁾ формально изложенъ Жоржемъ Лавинь, въ 1869 г., то-есть въ то время, когда недостатокъ точныхъ нивелировокъ позволялъ вѣрить, что легко будетъ «затопить Сахару». Эта идея, хорошо принятая, нашла въ лицѣ Рудера горячаго поборника, и проектъ созданія «Внутренняго моря» скоро былъ представленъ какъ дѣло, неуступающее по важности прорытію Суэзскаго и Панамскаго перешейковъ. Указывали на огромныя выгоды, которыми будутъ пользоваться Тунисъ и восточный Алжиръ, обладая морскимъ берегомъ на своей границѣ съ пустыней; видѣли въ будущемъ цѣлыя флоты купеческихъ кораблей, плавающихъ по озеру и каналу, и цвѣтущіе торговые города, разсыянные по ихъ берегамъ; предсказывали даже, что населеніе бывшихъ, нынѣ высохшихъ, озеръ будетъ имѣть слѣдствіемъ пониженіе средней температуры, и что годовое испареніе, исчисленное отъ 6 до 10 миллиардовъ кубич. метровъ, дастъ матеріалъ для образованія облаковъ, которыя будутъ падать въ видѣ дождей на склоны Джебелъ-Ауреса, снова наполнять водою высохшіе ручьи и рѣчки, и вернуть плодородіе нынѣ неплодороднымъ мѣстностямъ, простирающимся вокругъ оазисовъ. Но осуществленіе подобныхъ надеждъ представляется мало вѣроятнымъ, и еще вопросъ, были ли бы берега алжирскаго внутренняго моря поставлены относительно дождей въ болѣе благоприятныя условія, чѣмъ берега Краснаго моря, омываемые, однако, почти постоянно влажной атмосферой? Безъ сомнѣнія, всякая перемена въ распредѣленіи сушн и водъ должна повлечь за собою соотвѣтственное измѣненіе въ мѣстномъ климатѣ; но мы не знаемъ, насколько значительно было бы это

¹⁾ H. Le Chatelier, «La mer Saharienne», «Revue Scientifique», 1878.

²⁾ Pomel, «Le Sahara»;—Roland, «Comptes rendus de l'Académie des sciences», 9 juin 1884.

¹⁾ «Percement de l'isthme de Gabès», «Revue Moderne» 25 novembre 1869.

измѣненіе, и не имѣло ли бы оно послѣдствій, невыгодныхъ для произрастанія пальмовыхъ плантацій и для здоровья воздуха ¹⁾. Какъ бы то ни было, проектъ пришлось оставить въ

миссію, назначенную въ 1882 году для изслѣдованія этого предпріятія, исчислила въ миліардъ слишкомъ франковъ сумму, необходимую для прорытія канала, проводящаго воды

Игаргарскія скалы.

виду громадныхъ издержекъ, которыхъ потребовало бы его осуществленіе: специальная ко-

¹⁾ Cosson;—Doumet;—Adanson;—Renire;—Rolland;—Lefournaux, „Association française pour l'avancement des sciences“, Congrès de Blois, 1884.

Средиземнаго моря, и никто, конечно, не рѣшится затратить такіе капиталы на дѣло, польза котораго болѣе чѣмъ сомнительна. Для исполненія этой колоссальной работы нужно бы было вынуть нѣсколько сотъ милліоновъ

кубических метров земли, коная черезъ пески, болота и скалы путь длиною 180 километровъ, глубиною 14 метровъ и шириною 30 метровъ наверху, приносящій въ теченіе десяти лѣтъ, чтобы наполнить шотты и компенсировать испареніе, слишкомъ 700 кубическихъ метровъ воды въ секунду, то-есть почти вдвое больше того количества, которое катитъ Сена при устьѣ. Отъ этихъ проектовъ осталась цѣлая геологическая литература и болѣе глубокое ознакомленіе съ одною изъ интересныхъ областей планеты.

Есть, по крайней мѣрѣ, одно средство преобразования алжирской Сахары, относительно котораго согласны геологи, и которое съ давнихъ поръ практикуется съ большимъ успѣхомъ. Средство это состоитъ въ томъ, чтобы отыскивать въ почвѣ пропавшія воды, выводить ихъ на поверхность и утилизировать для расширенія существующихъ оазисовъ или созданія новыхъ. Съ незапамятныхъ временъ сахарцы поддерживаютъ свои источники съ величайшею заботливостію, и когда вода въ нихъ начинаетъ уменьшаться, они роютъ землю, чтобы перехватить струйку, такъ чтобы не пропадала ни одна капля. Тѣмъ не менѣе, бывають случаи, что ключи изсякають совершенно, и встрѣчается не мало мѣстъ, носящихъ имя Айнъ-Мита, или «Мертвый ключъ», имя, которое напоминаетъ побѣду песковъ надъ плодотворною водою оазисовъ. Въ вѣчной борьбѣ стихій, непрерывно видоизмѣняющей поверхность земнаго шара, пустыни не переставали распространяться въ сахарской области; во многихъ мѣстахъ впадины, нѣкогда наполненныя водою, какъ о томъ свидѣлствуютъ старые берега, нынѣ лишены всякой видимой влаги; бывшіе ключи, которые племя бени-мзабъ находило въ своихъ скалистыхъ циркахъ, исчезли ¹⁾; слѣды земледѣлія, остатки построекъ, каналы, запесенные пескомъ, встрѣчаются въ мѣстностяхъ, гдѣ теперь не растетъ ни одна былинка, и гдѣ не существуетъ другихъ жилищъ, кромѣ палатокъ кочевниковъ ²⁾; даже въ наши дни бывали примѣры, что исчезали «живые» пруды, и прибрежные жители должны были покидать свои пальмы, оставляя ихъ въ жертву дюнамъ, которыя мало-по-малу погребаютъ деревья подъ своими желтоватыми волнами ³⁾. Мѣстная фауна доказываетъ, что климатъ сталъ суше: подъ камнями натуралисты находятъ остатки тѣхъ маленькихъ организмовъ, которые развиваются въ сырой землѣ. Съ постепеннымъ высыханіемъ почвы исчезли и эти организмы ⁴⁾.

Но сахарцы со времени глубокой древности вступили въ борьбу съ климатомъ и трудятся

надъ тѣмъ, чтобы «воскресить землю», снова заставить цвѣсти бесплодную почву. Гораздо раньше, чѣмъ начали бурить артезианскіе колодцы во французской провинціи Артуа, ихъ уже копали въ Сѣверной Африкѣ. Туземецъ приписываетъ созданіе бьющихъ фонтаномъ ключей мнѣшескому государю первыхъ вѣковъ, Ду'ль-Корнейну, «Двурогому» князю, котораго легенда часто смѣшиваетъ съ Александромъ Великимъ, называвшимъ себя сыномъ Юпитера Аммона. Въ первые вѣка Ду'ль-Корнейнъ пробивалъ камень землянымъ буравомъ, чтобы извести изъ почвы новые ключи; ибо онъ знаетъ «источникъ жизни»; онъ безсмертенъ, «вѣчно зеленъ», какъ оазисъ, который вызванъ имъ къ жизни. Но онъ не является болѣе людямъ пустыни, и начатое имъ дѣло было продолжаемо лишь потомками его первыхъ учениковъ, составляющими особую корпорацію *тета-соа*, или водолазовъ. При добровольномъ и безвозмездномъ содѣйствіи всего племени, эти копатели колодцевъ выбирали мѣсто, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, должна быть подземная вода, и покуривъ немного ладономъ въ честь духовъ нижняго моря, вырывали — поверхностный водоемъ и цилиндрическую яму, гдѣ скопляются испорченныя воды подпочвы. Затѣмъ, обвязавъ себя веревками изъ пальмовыхъ волоконъ, они спускались на двоѣ колодца, наполняли тамъ взятая съ собою корзины изъ пальмовыхъ листьевъ землей, пескомъ, каменными обломками, смотря по свойству земляныхъ пластовъ, и укрѣпляли обваливающіяся стѣнки колодца срубомъ изъ пальмовыхъ досокъ; такимъ образомъ они постепенно спускались до глубины 50, 60 и даже иногда 75 метровъ, до послѣдняго слоя, обыкновенно состоящаго изъ твердаго камня. Если вода, теченіе которой они слышали подъ собой, пробивала каменную крышку черезъ какую-нибудь боковую трещину, они рисковали быть поглощенными внезапно; но обыкновенно они предвидѣли опасность и во-время давали знакъ, чтобы ихъ подняли на веревкахъ, пробивъ предварительно камень послѣднимъ ударомъ заступа или тяжелой массой, брошенной сверху. Бербруггеръ увѣряетъ, что сахарскіе водолазы, какъ ему не разъ самому случалось видѣть, могутъ оставаться подъ водой болѣе пяти минутъ: два раза продолжительность нырнутаго доходила даже до 5 минутъ 55 секундъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи черныя фонтанчики Сахары далеко превосходятъ барейнскихъ, цейлонскихъ и панамскихъ искателей жемчуга; впрочемъ, нужно принять въ расчетъ разницу вѣса между соленою и прѣсною водою. Гетасы курятъ коноплю и тщательно нагрѣваютъ себѣ все тѣло, прежде чѣмъ предпринять свое нисхождение въ нѣдра земли, а уши затыкають ватой, пропитанной козымъ жиромъ; по возвращеніи со дна колодца, ихъ

¹⁾ A. Coyne, „Revue Africaine“, 1879.

²⁾ E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1879.

³⁾ A. Bergbrugger, „Les puits artésiens“; — L'Argence.

⁴⁾ Letourneux, рукописныя замѣтки.

завертываютъ въ одѣяло, чтобы согрѣть: впрочемъ, они скоро умираютъ, по большей части въ чахоткѣ ¹⁾.

Артезианскіе колодцы, вырытые туземными водолазами, были не долговѣчны. Нѣкоторые изсякли лѣтъ черезъ пять; другіе продолжали существовать до восьмидесяти или даже до ста лѣтъ, но и тутъ приходилось приступить къ реставраціи или даже къ новому буренію, по причинѣ порчи крѣпленія или обшивки, обвала стѣнокъ, смѣшенія живой воды съ испорченной. Наука измѣнила приемы, преподаваемые «двуругимъ» царемъ, и съ 1856 года пальмовыя корзины ныряльщиковъ замѣнены бурами и другими европейскими машинами, за исключеніемъ области, подвластной темасинскимъ марабутамъ, гдѣ гетасы все еще продолжаютъ работать за скромное вознагражденіе, но поддерживаемые надеждой приобщиться къ радостямъ рая ²⁾. Не спускаясь въ буровой колодезь, инженеръ Жюсъ достигъ, на глубинѣ 60 метровъ, Бахръ-Тахтани, или «Подземнаго моря», текущаго подъ высохшимъ ложемъ уада Ригъ, и жители оазиса Тамерна (съ сѣвера отъ Тугурта) съ радостнымъ удивленіемъ увидѣли живой источникъ, бьющій съ кипѣніемъ изъ отверстія почвы и выбрасывающій около 67 литровъ воды въ секунду,—источникъ, который сейчасъ же вырылъ себѣ русло въ песокъ и образовалъ рѣчку. Этотъ фонтанъ получилъ отъ марабутовъ названіе «Источника мира», въ память договора о дружбѣ, заключенной съ этого времени между сахарцами и французами, творцами живыхъ водъ; матери купали въ этихъ водахъ своихъ дѣтей, чтобы принести имъ счастье. Французы, говорили туземцы, отыскали «буравъ двуругаго царя, ключъ къ подземнымъ водамъ, спрятанный волшебниками» ³⁾. Французскіе колодцы оказались долговѣчнѣе колодезей гатесовъ, но и они съ теченіемъ времени заносятся пескомъ, такъ что инженеры должны были производить расчистку.

Со времени этого перваго вызова подземныхъ водъ выкопано болѣе сотни артезианскихъ колодезей въ гидрологическомъ бассейнѣ Мельгига, и постоянно бурятъ новые; одинъ изъ нихъ, въ эль-Фандѣ (Зибанъ), спускается на 156 метровъ отъ поверхности, но вода его не достигаетъ отверстія. Колодцы, вырытые въ періодъ времени съ 1856 по 1883 г., въ южной части провинціи Константины, представляютъ общую глубину 24.190 метровъ и даютъ вмѣстѣ 3.468 литровъ въ секунду, или около 110 милліоновъ кубическихъ литровъ въ годъ ⁴⁾. Изъ всѣхъ артезиан-

скихъ колодезей, выкопанныхъ до 1884 года, наибольшее количество воды выбрасываетъ колодезь, пробуренный въ оазисѣ Сиди-Амранъ, въ уадѣ Ригъ, къ сѣверу отъ Тугурта: онъ даетъ цѣлый гектолитръ (слишкомъ 8 ведеръ) въ секунду. Въ среднемъ, глубина колодезей 70 метровъ, а температура выбрасываемой воды отъ 18 до 26 градусовъ Цельсія; она повышается на одинъ градусъ на каждые 20 метровъ буренія.

Уадъ Ригъ въ 1856 и 1880 годахъ:

	1856 г.	1880 г.
Число оазисовъ . . .	31	38
„ колодезей . . .	282	434
Объемъ даваемой воды въ литрахъ, въ секунду	883	1 200 (?)
Число пальмъ	360.000	518.000
„ другихъ плодовыхъ деревьевъ . .	40.000	90.000
Цѣнность культуры .	1.660.000 фр.	5.550.500 фран.
Жителей	6.772	12.827 ¹⁾ .

Иногда бывали рѣзкія измѣненія въ количествѣ выбрасываемой воды, даже внезапныя остановки дѣйствія фонтановъ. Въ 1862 г., въ Годнѣ, подземное потрясеніе, происшедшее вслѣдствіе бури, прекратило истеченіе двухъ колодезей и уменьшило на половину истеченіе третьяго.

Благодаря увеличенію ирригаціонной воды, число пальмъ, расширившихъ протяженіе оазисовъ, превзошло цифру 250.000; Роланъ одинъ насадилъ 40.000 пальмъ вокругъ живыхъ водъ, изведенныхъ имъ изъ нѣдръ земли; число другихъ фруктовыхъ деревьевъ почти удвоилось; въ такой же пропорціи возрасли другія культуры оазисовъ; даже введены нѣкоторыя новыя растенія въ садахъ; выстроились новыя деревни подъ пальмами, и населеніе Руара удвоилось; дуары кочевыхъ племенъ превратились въ постоянныя селенія, расположенныя около источника въ новомъ оазисѣ ²⁾. Недалеко то время, когда сравнительное изученіе артезианскихъ колодезей позволить измѣрить общій расходъ рѣки, текущей въ нѣдрахъ земли, начертить точную ея карту со всѣми притоками и развѣтвленіями и вычислить ея производительную силу въ растительности и, слѣдовательно, въ человѣческихъ жизньяхъ ³⁾. Приемы буренія могутъ быть примѣнены также во многихъ мѣстахъ къ разысканію горячихъ и минеральныхъ водъ, и такимъ образомъ увеличить и безъ того уже значительное богатство Алжиріи въ источникахъ, употребляемыхъ съ успѣхомъ для лѣченія болѣзней. Возможно даже, что подземныя воды рано или поздно

¹⁾ Ch. Laurent, „Mémoires de la Société des Ingénieurs civils“, 20 juin 1856.

²⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

³⁾ Malte-Brun, „Annales des Voyages“, 1856, № XI.

⁴⁾ Jus, „Rapport sur les travaux de Sondage“.

¹⁾ Jus, „Les oasis de l'oued Rir en 1856 et en 1880“.

²⁾ Jules Duval, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, février 1867.

³⁾ Rolland, рукописныя замѣтки;—Fau et Poureau, „Paris, Biskra-Tougourt“.

будутъ служить для цѣлей рыбоводства, такъ какъ во многихъ колодцахъ водятся множество маленькихъ рыбокъ, принадлежащихъ къ пяти видамъ родовъ *Chromis*, *Nemichromis* и *Cyprinodon*; колодцы въ Урланѣ, Мазерѣ и Сиди-Амранѣ выбрасывали, вмѣстѣ съ водою, рыбъ, раковъ, прѣсноводныхъ моллюсковъ¹⁾. Подобное же явленіе было наблюдаемо Аймомъ въ колодцахъ египетскихъ оазисовъ, также какъ во Франціи въ одномъ быющемъ изъ земли ключѣ Эльбефа²⁾.

На высокихъ плоскогорьяхъ и на средиземной покатости Алжиріи французы тоже бурили почву во многихъ мѣстахъ, разыскивая артезианскія водныя площади. Такіе колодцы были вырыты близъ Батны, въ низменностяхъ Годны, на высокихъ плато, особенно вдоль большой дороги между Алжиромъ и Лагуатомъ; но количество дождей такъ ничтожно въ этихъ областяхъ, и протяженіе приемныхъ бассейновъ такъ мало, что экономическіе результаты этихъ буреній не могутъ имѣть большой важности. На средиземной покатости Телля выгоды, по всей вѣроятности, будутъ значительнѣе, въ виду обилія водъ, составляющихъ подземную рѣку и текущихъ въ глубокихъ слояхъ ниже уровня Средиземнаго моря. Съ 1844 года начали копать первый артезианскій колодезь въ Оранской равнинѣ, но попытка оказалась безуспѣшною, хотя буреніе было доведено до глубины 593 метровъ³⁾; впоследствии, однако, копатели были болѣе счастливы въ своихъ поискахъ: такъ, на покатости Телля удалось вывести на поверхность воды бассейна Гарраша, питающія нынѣ городъ Алжиръ, и воды, которыя прежде пропадали безъ пользы въ заливѣ, гдѣ они были подводными ключами на глубинѣ 70 метровъ подъ поверхностью моря; эти послѣднія воды орошаютъ теперь сады Гуссейнъ-деа. Бассейнъ Сейбузы, получающій, въ среднемъ, большее количество воды, чѣмъ сколько выпадаетъ во французской территоріи, былъ бы, по мнѣнію Тиссо, наиболѣе благоприятною областью для буренія артезианскихъ колодцевъ.

Но одновременно съ этимъ дорого-стоящимъ разысканіемъ подземныхъ водъ, для орошенія почвы, полезно было бы дѣйствовать съ тою же цѣлью и въ другомъ направленіи, именно—не давать пропадать поверхностнымъ водамъ, которыя теперь изливаются въ овраги и уѣды и уходятъ въ пески и трещины почвы. Для успѣшнаго веденія гидравлическаго хозяйства страны, необходимо, чтобы дождевая вода была утилизируема по возможности немедлен-

но послѣ ея выпаденія, дабы атмосферная влага не возвращалась назадъ въ воздушное пространство путемъ испаренія, или не исчезала въ трещинахъ почвы. Для достиженія этой цѣли, нужно задерживать дождевую воду въ выложенныхъ камнемъ цистернахъ, повсюду, гдѣ рельефъ мѣстности представляетъ подходящія условія для постройки такихъ резервуаровъ, и употреблять воду ключей непосредственно по выходѣ ея на поверхность земли и вдоль первоначальныхъ ручьевъ. Безчисленные остатки маленькихъ водоотводныхъ запрудъ, сохранившіеся на высокихъ плато востока и въ горахъ Джебель-Ауресса, доказываютъ, что римскіе колонисты тщательно утилизировали воды въ верхнихъ частяхъ cadastra бассейна, не давая пропадать ни одной каплѣ драгоценной стихіи: почва покрывалась дерномъ и укрѣплялась, вода не вырывала овраговъ, края плоскогорій не обваливались. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей⁴⁾, Алжиріа и въ наше время получаетъ то же количество дождей, какое получала двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, климатъ ея не сдѣлался суше, и возрастающее безводіе происходитъ единственно отъ того, что позволяютъ водамъ убѣгать бесполезно изъ мѣста паденія и заставляться въ падахъ въ видѣ болотъ, въ то время, какъ между рѣчными бассейнами простираются обширныя пространства, справедливо прозванныя бледъ-эль-Аштенъ, или «страшной Жажды».

Эта гипотеза не оправдывается перемѣнами флоры и фауны въ Алжирской Сахарѣ: не подлежитъ сомнѣнію, что дожди дѣйствительно уменьшились въ Магребѣ, но если климатъ сталъ суше, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ заботиться о возможно лучшемъ употребленіи воды, чего нѣтъ въ дѣйствительности. Французскіе колонисты, пришедшіе изъ страны, гдѣ рѣчныя воды почти повсюду существуютъ въ изобиліи, прежде всего принялись задерживать воды потоковъ, при помощи запрудъ; при томъ же они начали селиться въ нижней части долинъ и въ равнинахъ, работы Митиджа, и предпринимаемыя ими работы по сбереженію водъ имѣли чисто мѣстный характеръ, производились безъ всякаго общаго плана. Съ 1851 года построили первую запруду въ ущельяхъ Мерада, выше Маренго, въ западной Митиджѣ; затѣмъ воздвигли въ бассейнѣ Макты огромныя задерживательныя плотины на рѣкахъ Сигъ и Габра. Уже много лѣтъ работаютъ надъ устройствомъ другой запруды, поперекъ рѣки Гамизъ, къ юго-востоку отъ Алжира. Подобныя же сооруженія возводятся въ бассейнѣ Шелифа, на его притокахъ и на другихъ рѣкахъ Алжиріи. По проектамъ ниже-

¹⁾ Jus;—Ville;—P. de Tchihatchef;—Rolland;—Lambert etc.

²⁾ A. Berbrugger, «Les puits artésiens des oasis méridionales de l'Algérie».

³⁾ Jules Duval, «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», févr. 1876.

⁴⁾ Cosson, «Le projet de création d'une mer dite intérieure. Congrès de Blois», 1884.

неровъ, настанетъ день, когда всѣ рѣки, берущія начало въ горахъ, будутъ задерживаемы при выходѣ ихъ въ равнину, валомъ, который заставитъ воды течь по боковымъ каналамъ.

Ливо пугается при видѣ этихъ колоссальныхъ плотинъ, длиной въ нѣсколько сотъ метровъ, вышиной отъ 30 до 40 метровъ, за которыми жидкая масса въ 15, 20 или даже 30 миллю-

Кочевники въ сахарской степи.

Нѣкоторые изъ воздвигнутыхъ уже стѣнъ представляютъ собою достойные удивленія памятники человѣческаго искусства, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по массѣ воды, которую онѣ задерживаютъ; но зритель справед-

новъ кубическихъ метровъ виситъ надъ полями и селеніями, грозя залить ихъ при малѣйшей трещинѣ, могущей образоваться въ каменной кладкѣ. И дѣйствительно, два главныхъ резервуара на Сигѣ и Габрѣ разъ уже уничто-

жили противопоставленную имъ преграду и страшнымъ потокомъ хлынули въ равнину, опустошая сады и посѣвы, сметая жилища. Катастрофа этого рода неминуемо должна развиться рано или поздно, когда резервуаръ устроенъ не въ боковой долигѣ притока, а въ большой долигѣ, по которой течетъ главная рѣка; тогда невозможно вычислить съ точностью силу водъ, которыя на далекое пространство распространяютъ свое разрушительное дѣйствіе, разрывая пески, перемѣщая глины, подтачивая фундаменты домовъ. Бѣдствія, причиняемыя разрывами плотинъ, отчасти вознаграждаются обновленіемъ аллювіальныхъ земель, составляющихъ верхній слой равнинъ. Рѣчныя наводненія миллионами тоннъ отлагаютъ на своихъ берегахъ землистые наносы.

IV.

Различія климата соотвѣствуютъ различіямъ рельефа, географической широты, положенія мѣста относительно странъ свѣта. Каждая полоса территории—морское побережье, краевая цѣпь горъ, плоская возвышенность, южная покатость, пустыня—имѣютъ свой особенный климатъ, гдѣ разнообразно переплетаются измѣняющія кривыя температуръ, влажности воздуха и другихъ метеорологическихъ явленій.

Алжиръ, лежащій около середины сѣвернаго берега страны, противъ побережья Прованса, можетъ быть разсматриваемъ какъ представитель всей береговой области; къ тому же климатъ этого города лучше изученъ, благодаря рессурсамъ существующихъ тамъ ученыхъ обществъ. Въ общемъ, это климатъ мягкій и умѣренный, подобно климату большинства приморскихъ мѣстностей, въ сравненіи съ внутренними областями, но онъ довольно измѣнчивъ, по причинѣ рѣзкой перемѣны вѣтровъ, различающихся одинъ отъ другаго температурой, содержаніемъ водянаго пара, степенью электрической напряженности. По наблюденіямъ Булара, произведеннымъ на высотѣ 217 метр. надъ уровнемъ моря, средняя температура Алжира, выведенная за три года, оказалась 18°,27 Цельсія. Въ самомъ холодномъ мѣсяцѣ, январѣ, она не спускается ниже 12°,20, тогда какъ въ самомъ тепломъ, августѣ, она достигаетъ только 25°54: разница, слѣдовательно, составляетъ немного болѣе 13 градусоѡ. Наблюденія официальной метеорологической службы, установленной въ сорока-четыре-хъ станціяхъ Алжира, даютъ цифры нѣсколько отличныя, вычисленныя, впрочемъ, для другаго періода.

Обычное дѣленіе года на четыре времени непримѣнимо къ Алжиру: тамъ бываетъ только два рѣзко отличающихся періода: сырой и умѣренный сезонъ, начинающійся въ сентябрѣ, вообще между 12 и 20 числами, и оканчивающійся обыкновенно около конца мая, и жаркій

и сухой сезонъ, продолжающійся только отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ, съ іюня по сентябрь¹⁾. Въ іюлѣ дожди такъ рѣдки, что ихъ можно считать явленіемъ совершенно аномальнымъ; средняя изъ двадцатилѣтнихъ наблюденій даетъ для этого мѣсяца всего только одинъ миллиметръ дождя; въ августѣ иногда случается, но и то очень рѣдко, что гроза прерываетъ ясную погоду, а около половины сентября опять начинаются правильные дожди, освѣжающіе почву. Тогда наступаетъ вторая «весна», или «нижняя», какъ ее обыкновенно называютъ колонисты, понимая это слово въ смыслѣ обновленія растительности: земля, изсушенная лѣтними жарами, опять покрывается, съ наступленіемъ дождей, темною зеленью газона, вѣжными оттѣнками новыхъ побѣговъ, прелестными цвѣтами поздняго времени года. Первая, или «верхняя», весна—это та пора года, которая слѣдуетъ за зимними, не очень суровыми, холодами, и которая убираетъ безчисленными цвѣтами всѣ кустарники: боярышникъ, дрокъ, ладонникъ, вѣничикъ²⁾.

Положеніе Алжира, на берегу, открытомъ вѣтрамъ съ моря, даетъ анеометрическому режиму капитальное вліяніе въ распредѣленіи теплоты, влажности, атмосфернаго давленія: вѣтеръ здѣсь свободно дуетъ со всѣхъ сторонъ, даже со стороны материка, гдѣ массивъ Сахеля замедляетъ его движеніе, не измѣняя чувствительно направленія. Но дѣйствіе вѣтровъ ослабляется этой преградой, и сила ихъ рѣдко принимаетъ размѣры бури. Горячіе вѣтры юга, извѣстные подъ именемъ широко, освѣжаются содѣйствіемъ моря и получаютъ значительную долю водянаго пара; въ продолженіи восьми или девяти мѣсяцевъ сыраго времени года средняя температура для южныхъ вѣтровъ не превышаетъ 23 градусоѡ, а содержаніе пара или влажность воздуха составляетъ 50%. Съ другой стороны, вѣтры, дующіе съ сѣвера, сѣверо-запада, сѣверо-востока, нагрѣваются при проходѣ надъ обширной площадью Средиземнаго моря: температура ихъ, въ среднемъ, отъ 10 до 13 градусоѡ; они тоже содержатъ большое количество водянаго пара,—меньше, однако, чѣмъ западный вѣтеръ, приходящій съ Атлантическаго океана и проникающій въ средиземный бассейнъ черезъ Гибралтарскій проливъ³⁾. Во время грозъ часто слышны раскаты грома, но молнія рѣдко упадаетъ на города побережья, словно вершины Атласа служатъ имъ громоводомъ.

Алжиръ вся лежитъ въ пояса правильныхъ вѣтровъ: на морскомъ берегу атмосферныя теченія, почти всегда находящіяся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, повидимому, не подчинены никакому закону,—такъ измѣнчиво

¹⁾ Bolard, «Notice sur le climat d'Alger».

²⁾ Paul Blanc, «Vie des colons en Algérie».

³⁾ Bolard, цитирован. мемуаръ.

ихъ направленіе. Замѣчено, однако, что восточные и юго-восточные вѣтры относительно рѣдки и составляютъ лишь переходныя движенія между воздушными потоками, принадлежащими къ нормальному порядку пассатовъ и контръ-пассатовъ. Что касается вѣтровъ, распространяющихся отъ запада къ востоку, то они дуютъ очень часто и происходятъ вслѣдствіе притяженія, оказываемаго относительно теплыми областями сѣверной Африки на болѣе свѣжій воздухъ атлантическихъ пространствъ. Но въ общемъ вѣтры довольно неопредѣленны: то одинъ преобладаетъ, то другой, и при томъ непродолжительное время; часто устанавливается полное затишье въ атмосферѣ¹⁾; явленіе вращенія вѣтровъ, въ направленіи отъ востока къ западу черезъ югъ и отъ запада къ востоку черезъ сѣверъ, совершается въ Алжирѣ съ гораздо большею правильностью, чѣмъ въ западной Европѣ²⁾. Обыкновенно воздушный ритмъ указывается не столько общими вѣтрами, сколько чередующимися бризами. Во все продолженіе лучшаго времени года и даже зимой, при безоблачномъ небѣ, легкая морская и не менѣе мягкая материковая бризы слѣдуютъ одна за другой въ правильномъ порядкѣ; днемъ свѣжій воздухъ моря направляется къ твердой землѣ, палимой солнцемъ, ночью охладившіеся воздушные слои текутъ обратно къ морю; обыкновенно въ десять часовъ утра и въ одиннадцать часовъ вечера происходятъ перемѣна этихъ атмосферныхъ теченій, впрочемъ, очень часто раздѣленныхъ періодами затишья. Эти солнечныя бризы не распространяются далеко внутрь материка, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ долины открываются широко и съ однообразнымъ скатомъ въ южномъ направленіи. Но въ равнинахъ, параллельныхъ морю и отдѣленныхъ отъ него массивами холмовъ, воздухъ застаивается, не освѣжаемый ни морскою, ни материковою бризою. Указываютъ особенно на равнины по теченію Шелифа, какъ на одну изъ такихъ мѣстностей, гдѣ атмосфера не обновляется и гдѣ лѣтомъ жара невыносимая. Въ Орлеанвилѣ температура доходитъ до 43° въ тѣни; въ нѣкоторыхъ внутреннихъ оврагахъ, между Ораномъ и Айнъ-Темущентомъ, войска никогда не проходили безъ того, чтобы не потерять нѣсколькихъ человѣкъ; словно въ жарко натопленную печь вступаешь въ эти ущелья безъ тѣни, гдѣ раскаленная атмосфера заставляетъ термометръ подниматься до 55 градусовъ³⁾.

Суточные измѣненія температуры весьма значительны, вслѣдствіе лученіи-спусканія. Тогда какъ днемъ термометръ на солнцѣ поднимаетъ свой столбикъ ртути до 56° Цельсія, онъ по-

казываетъ не болѣе двадцати градусовъ въ самыя теплыя ночи, такъ что разность наибольшей и наименьшей температуры въ періодъ 24 часовъ составляетъ отъ 30 до 36 градусовъ. Слѣдствіемъ этого является значительное сгущеніе водянаго пара: роса очень обильна на побережьи и туманы часты, хотя иностранцы, привыкшіе поздно вставать, могутъ долго жить въ Алжирѣ, не зная о постоянномъ, почти ежедневномъ, появленіи этихъ ночныхъ тумановъ; обыкновенно между двумя и четырьмя часами утра пары стелются по землѣ густыми слоями, но въ восходѣ солнца они разрываются, ползутъ облаками вокругъ мысовъ и исчезаютъ въ нагрѣвшемся воздухѣ¹⁾. Дожди тоже болѣе обильны, чѣмъ можно бы было думать, судя по нѣкоторымъ описаніямъ: всѣ вѣтры, даже южные и восточные, приносятъ дожди; но хотя вѣтеръ, дующій съ запада, самый влажный, но онъ, однако, изливаетъ на землю наиболѣе значительное количество воды, ибо онъ движется параллельно берегу, ударяясь лишь о выступающіе мысы. Самые сильныя ливни приносятся сѣверо-западнымъ вѣтромъ, который составляетъ продолженіе прованскаго мистраля и разбиваетъ свою силу о береговыя горы; самыя страшныя бури тоже приходятъ съ сѣверо-запада и съ сѣвера: вѣтеръ, дующій съ Балеарскихъ острововъ, заслужилъ у алжирскихъ моряковъ прозвище «маюркскаго плотника», по причинѣ обломковъ разбитыхъ судовъ, которыми онъ усѣваетъ море. Общее количество дождя, выпадающее на восточные берега Алжирѣ, колеблется, смотря по годамъ, между 60 и 150 сантиметрами. На метеорологической обсерваторіи въ Алжирѣ годовая средняя за одиннадцать лѣтъ, съ 1862 по 1873 годъ, достигала 935 миллиметровъ,—пропорція влажности, далеко превосходящая количество атмосферныхъ осадковъ во Франціи, взятой въ цѣломъ; общая продолжительность дождя надъ городомъ Алжиромъ въ теченіе года всего только 310 часовъ, такъ что, слѣдовательно, каждый часъ паденія атмосферной влаги приноситъ 3 миллиметра, въ среднемъ²⁾. По направленію къ востоку влажность воздуха постепенно возрастаетъ до границъ Туниса; въ Филиппвилѣ, въ Бонѣ, въ Ла-Калле средняя годовая дождей больше, чѣмъ во Франціи, но они тамъ распределены гораздо болѣе неравномерно. Въ Оранской провинціи, омываемой слишкомъ узкимъ моремъ, гдѣ вѣтеръ, спустившійся съ безводныхъ горъ Картагены и Мурсіи, не успѣваетъ насытиться водянымъ паромъ, количество атмосферныхъ осадковъ меньше, а въ долинахъ, которыя отдѣлены отъ Средиземнаго моря холмами, задерживающими облака на про-

¹⁾ Aimé, «Recherches de physique générale sur la Méditerranée»;—Pauly, «Esquisses de climatologie comparée».

²⁾ Ch. Simon, «Revue Africaine», mars 1861, № 26.

³⁾ A. Martin, «Manuel d'hygiène en Algérie».

¹⁾ Pauly, цитир. сочиненіе;—Villète, «Topographie médicale de la Mitidja».

²⁾ Bulard, «Observations pluviométriques».

ходъ, скатъ, удаленный отъ моря, почти совсѣмъ лишенъ воды; однако, замѣчено, что съ половины текущаго столѣтія, какъ бы для возстановленія равновѣсія, дожди постепенно увеличивались въ Оранской провинціи, тогда какъ въ Алжирской они, наоборотъ, уменьшались. Въ нижней долины Шелифа, не получающей живительнаго воздуха морскихъ бризъ, дожди тоже очень рѣдки; большіе ливни бываютъ тамъ, среднимъ числомъ, лишь разъ въ семь или восемь лѣтъ.

Средняя температуръ и дождей на алжирскомъ берегу:

	Самый холод- ный мѣсяцъ: январь.	Самый теплый мѣсяцъ: ав- густъ.	Годо- вая.	Дожди. миллим.
Оранъ.....	10° 9	23° 7	16° 6	306
Алжиръ....	14	23° 7	17° 8	697
Филиппвиль (14 лѣтъ).	—	—	17° 7	846
Ла-Калле..	13° 7	26° 5	18° 6	933

Для всего Телля, къ сѣверу отъ сахарской зоны, средняя дождей составляетъ 550 миллиметровъ ¹⁾).

Господствуя надъ городами побережья, холмы и горы, возвышающіеся надъ поверхностью морскихъ водъ, имѣютъ воздухъ болѣе свѣжій и болѣе чистый, чѣмъ въ городахъ; каждая гора имѣетъ свой особенный климатъ, указываемый разницей растительности. Безконечное разнообразіе въ метеорологическихъ явленіяхъ, благоприятныхъ или неблагоприятныхъ въ санитарномъ отношеніи, дѣлаютъ изъ каждаго мѣста отдѣльный мірокъ, смотря по формѣ рельефа, положенію склоновъ относительно странъ горизонта, степени проницаемости горныхъ породъ для воды. Общій климатъ, подчиненный правильнымъ законамъ, устанавливается опять только на возвышенностяхъ внутри материка, гдѣ ровныя высоты сохраняются на обширныхъ пространствахъ, гдѣ геологическая природа почвы не представляетъ разнообразія. На плоскогорьяхъ атмосферныя теченія распространяются такъ же свободно, какъ надъ поверхностью моря, и, сообразно ихъ измѣненію, чередуются холода и жары, періоды влажности и засухи. На этихъ высокихъ равнинахъ разность между зимними и лѣтними температурами гораздо значительнѣе, чѣмъ на морскомъ берегу. Тамъ нерѣдко бываютъ суровые холода, которые кажутся тѣмъ чувствительнѣе, что они сопровождаются сильными вѣтрами. Зимой часто выпадаетъ снѣгъ, и бѣлая пелена занимаетъ иногда половину алжирской территоріи; въ углубленіяхъ почвы снѣжные хлопья, на носимые вѣтромъ, скопляются огромными сугробами въ нѣсколько метровъ толщины; отряды войска, когда имъ приходилось совершать походъ черезъ снѣга, терпели больше, чѣмъ

одного изъ десятирехъ отъ непривычной стужи. Лѣтомъ жара, усиливаемая отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ сѣрой почвы, мѣстами отъ крутыхъ обрывовъ и скалъ, очень велика, хотя ее переносятъ довольно легко, благодаря сухости воздуха. Когда дуетъ широко, этотъ знойный вѣтеръ проникаетъ черезъ многочисленные проломы южныхъ краевыхъ горъ и распространяется по плоскогорью, не теряя своей первоначальной силы. Но сѣверные дождевые вѣтры приходятъ туда уже утративъ большую часть влажности, которую они несли, такъ какъ склоны и вершины сѣверныхъ горъ задерживаютъ дождевыя облака на проходѣ. На побережьѣ почти каждый день можно видѣть плавающія по небу облака, приносимыя морскимъ вѣтромъ, но которыя постепенно таютъ и разсѣваются по мѣрѣ движенія къ югу.

Среднія температуръ и дождей въ краевыхъ горахъ и на плоскогорьяхъ Алжири:

	Темпера- тура ян- варя.	Темпера- тура ав- густа	Средняя годовая.	Дожд. миллим.
Горы: Тлем- сенъ.....	9° 2	26°	16° 8	524
Фортъ-Насіо- наль.....	10° 1	27°	14° 2	982
Константина..	8° 5	26° 9	15° 2	408
Плоскогорья:				
Жеривиль....	7° 2	25° 3	14° 1	126
Джелъфа.....	7° 2	27° 6	15° 2	176
Тебесса.....	8° 1	27° 7	15° 6	251

За краевыми горами, ограничивающими на югъ плоскія возвышенности, начинается Сахара, характеризуемая особенными климатическими явленіями. Тамъ обыкновенные вѣтры тѣ, которые вращаются вмѣстѣ съ видимымъ движеніемъ солнца, описывая каждый день полный кругъ горизонта. Между этими малыми мѣстными теченіями воздуха начинается обрисовываться правильное движеніе сѣверо-восточныхъ пассатовъ; но за этимъ нормальнымъ потокомъ слѣдуетъ второстепенный противоположный потокъ, подобный водовороту рѣки, — жгучій широко, распространяющійся по плоскогорьямъ и до самаго побережья ¹⁾). Такимъ образомъ весь климатъ Алжири въ большей части управляется явленіями вѣтровъ, которые приходятъ изъ Сахары, принося сухой воздухъ. Ночное охлажденіе, происходящее отъ лучеиспусканія, весьма значительно; такъ, въ уѣдѣ Ригъ случалось наблюдать температуру 3 градуса, слѣдовавшую въ ночное время за дневными жарамъ отъ 45 до 46 градусовъ. Поразительно путешественниковъ, разность въ температурѣ Тугурта достигала 63 градусовъ, отъ —7 до +56° Ц. Обильныя росы образуются еще въ сѣверныхъ областяхъ Сахары

¹⁾ Reynard, „La Question forestière en Algérie“.

¹⁾ Griesbach, „Végétation du Globe“, trad. par Tchihatchef.

подъ вліяніемъ этого ночнаго холода; но дожди очень рѣдки: иногда они бываютъ представлены лишь крупными каплями, до такой степени насыщенными газомъ, что они разѣдаютъ известковую скалу; термическія сжатія и расширенія, дѣйствія вѣтровъ мало-по-малу обрабатываютъ въ пыль части скалы, на которыя унали дождевыя капли, и въ результатѣ получаются совершенно правильныя круглыя отверстія, которыя прежде считали пробуренными рукою человека¹⁾. Иногда проходитъ нѣсколько лѣтъ безъ того, чтобы выпалъ хоть одинъ порядочный дождь, о которомъ бы помнили туземцы; впрочемъ, наблюденія метеорологовъ позволяютъ исправить нѣсколько преувеличенныя показанія мѣстныхъ жителей: такъ, въ Бискрѣ, по наблюденіямъ Коломбо, средняя дождей за время съ 1878 по 1883 годъ составляла 77 миллиметровъ, а въ 1884 — годъ совершенно исключительный — общее выпаденіе атмосферныхъ осадковъ достигало 414 миллиметровъ, то есть почти въ шесть разъ превосходило нормальное количество (для опредѣленія климата Бискры, наблюденія того же изслѣдователя и за тотъ же періодъ времени, т. е. съ 1878 г., представляютъ слѣдующія данныя: крайній минимумъ температуры, въ декабрѣ 1879 г.: 4° 7; крайній максимумъ, въ августѣ 1879 г.: 42° 5; средняя годовая: 21° 9). Въ обыкновенные годы почти всегда ясно, и до самаго края горизонта предметы обрисовываются совершенно отчетливо: черныя пятна кустарника на отдѣльныхъ дюнахъ, стада, группы шатровъ, арабы и верблюды, шагающіе въ пескахъ черныя точки, медленно движущіяся на сѣромъ фонѣ равнины, — все ясно представляется взорамъ въ безграничномъ пространствѣ пустыни. Даже пребрежныя мѣстности Алжири, хотя въ меньшей степени, часто омываются этимъ свѣтлымъ, удивительно прозрачнымъ воздухомъ, который придаетъ столько прелести пейзажамъ, и о которомъ путешественникъ съ грустью вспоминаетъ, когда ѣдетъ по туманнымъ странамъ сѣвера, съ ихъ узкими горизонтами. Сколько французовъ, покинувъ Алжиръ безъ мысли о возвратѣ, вернулись туда, однако, притягиваемые этимъ чуднымъ мягкимъ свѣтомъ, который безъ ихъ вѣдома сдѣлался для нихъ потребностью!²⁾

V.

Алжирская флора, мало отличающаяся отъ флоры западнаго Туниса, между границею и мысомъ Бонъ представляетъ, однако, болѣе опредѣленныя дѣленія въ своихъ различныхъ областяхъ, по причинѣ преградъ, противопоставляемыхъ горами и плоскогорьями распро-

страненію растений. Въ прибрежной зонѣ и на сѣверной покатости краевыхъ горъ растительныя виды, приносимые водами, вѣтрами, людьми, составляютъ самую многочисленную и самую богатую флору, благодаря разнообразію почвъ, положенія въ отношеніи странъ горизонта, мѣстныхъ климатовъ. Тамъ встрѣчаются еще лѣса, хотя пожары и варварская эксплуатация сильно уменьшили ихъ протяженіе. Въ лощинахъ по берегамъ рѣкъ, осина, тополь, ясень, соединенные въ одинъ массивъ сѣтью лѣанъ, образуютъ непроницаемыя чащи; на скатахъ горъ лѣса состоятъ преимущественно изъ алепской сосны (*pinus halepensis*), можжевельника и другихъ деревьевъ, принадлежащихъ къ семьѣ хвойныхъ. Различныя породы дуба — пробковый, *quercus mirbeckii* — также образуютъ большіе лѣса, особенно въ восточныхъ частяхъ алжирскаго побережья. На вершинахъ растутъ кедръ, простая разновидность ливанскаго, отъ котораго они отличаются только тѣмъ, что иглы у нихъ немного короче; впрочемъ, они еще болѣе похожи на кипрскій кедръ³⁾. Въ молодости или въ оврагахъ алжирскій кедръ часто принимаетъ пирамидальную форму, тогда какъ на скатахъ онъ широко раскидываетъ свои вѣтви въ видѣ короны; можно подумать, что это два разныхъ дерева⁴⁾. Ботаники не указываютъ особыхъ древесныхъ породъ, свойственныхъ исключительно Алжиру, но они встрѣчаютъ тамъ и самыя заблудшія представители отдаленныхъ флоръ. Такъ, въ сосѣднихъ съ Ла-Калле лѣсахъ сырая почва по берегамъ озера Эль-Гутъ производитъ ольху, какую мы видимъ въ сырыхъ мѣстностяхъ Франціи; тамъ же встрѣчается крушина (*hamnus frangula*), ничѣмъ не отличающаяся отъ растущей въ Бретани⁵⁾. Въ сырыхъ и лѣсистыхъ горахъ Тлемсена ботаникъ Кремеръ открылъ одинъ древесный видъ, евфратскій тополь (*populus euphratica*), который встрѣчается только въ Марокко и въ Азій, на берегахъ Иордана и Евфрата; такимъ образомъ двѣ половины области произрастанія этого дерева раздѣлены громаднымъ пространствомъ равнинъ, скалъ и горъ, которое тянется черезъ все побережье Средиземнаго моря, отъ Суэзскаго залива до Оранской бухты⁶⁾. Точно также дубъ съ листьями каштана (*quercus castaneaefolia*), который до сихъ поръ извѣстенъ былъ только на Кавказѣ, распространенъ между городами Ла-Калле и Бу-жи, въ горахъ Баборъ, гдѣ онъ образуетъ

¹⁾ Joseph Hooker, "Journal of the Linnean Society", vol XVII, 1880; — William Mathews, "The Flora of Algeria".

²⁾ Cosson, "Bulletin de la Société botanique de France", séance du 28 mars 1856; — Tissot, цитирован. сочиненіе.

³⁾ Letourneur, рукописныя замѣтки.

⁴⁾ Cosson, "Règne végétal en Algérie" ("Revue scientifique", 21 juin 1879).

¹⁾ Ch. Amat, "La Géologie du M'zab".

²⁾ Pauly, цитированное сочиненіе; — Fromentin, "Un Été dans le Sahara"; — Guy de Maupassant, "Au Soleil".

высокоствольные лѣса, не уступающіе лучшимъ лѣсамъ Франціи ¹⁾. Каштанъ встрѣчается въ дикомъ состояніи только на горѣ Эдугъ, близъ Боны. Выпашательство человека обогатило алжирскую флору многими другими древесными породами, происходящими изъ отдаленныхъ странъ: такъ, роши и шпалеры эвкалипта уже измѣнили видъ полей почти во всей сѣверной Алжиріи; къ сожалѣнію, не ограничились насажденіемъ этихъ деревьевъ въ сырыхъ земляхъ, требующихъ осушенія: ихъ разводятъ также во многихъ мѣстахъ на сухой почвѣ, которую они еще больше ухудшаютъ, лишая ее влаги, находящейся въ нижнихъ слояхъ.

Большинство алжирскихъ лѣсовъ усыяны кустами, принимающими форму порослей, называемыхъ въ Корсикѣ *маки* (отъ итальянскаго *macchia*, чащи деревцовъ, какъ лавръ, миртъ и пр.), чащей кустарника, характеризующихъ средиземную область растительности. Прежде это были настоящіе лѣса, какъ ихъ и теперь еще называютъ, и для того, чтобы они снова приняли свой лѣсной характеръ, достаточно было бы защитить ихъ отъ пожара и пастьбы скота. Лѣсъ повсюду обнаруживаетъ стремленіе разрастаться: вокругъ каждого кедра весною видны сотни молодыхъ побѣговъ; но проходящая корова разомъ уничтожаетъ нѣсколько будущихъ деревьевъ. Уже опустошенные римлянами, истреблявшими цѣлые лѣса въ поискахъ драгоцѣннаго *citrus*, жизненнаго дерева (*thuya articulata*), пни котораго такъ высоко цѣнились за ихъ красивые прожилки и волнистыя полоски, лѣса Алжиріи, выросшіе послѣ того на горахъ, теперь снова уничтожаются угольщиками и сдиральщиками коры: опустошители срубаютъ цѣлыя деревья, чтобы вырѣзывать трости изъ ихъ вѣтвей. Въ настоящее время обширныя «лѣса», простирающіеся на пространствѣ сотенъ квадр. километровъ, не содержатъ болѣе ни одного дерева: они представляютъ лишь низкія деревянистыя растенія и кустарники, высотой отъ одного до трехъ метровъ, каковы: мастиковое дерево, крушина, юбоа, земляничное дерево, миртъ, верескъ; бобовыя, какъ, напримѣръ, шильникъ и испанскій дрокъ, тамъ такъ же многочисленны, какъ въ андалузскихъ чащахъ кустарника; встрѣчаются также пучки тапсія (*thapsia garganica*), пользовавшейся нѣкогда такой славой въ Киренаикѣ подъ именемъ *силфія* (*silphium*), и очень цѣнной также алжирцами, которые называютъ ее *бунафа*, «отецъ полезнаго». Низкорослыя пальмы, приводящія въ отчаяніе колонистовъ-распахивателей своими безконечно переплетающимися корнями, но волокна которыхъ употребляются въ иныхъ мѣстахъ для выдѣлки корзинъ, веревокъ, ра-

стительнаго конскаго волоса, образуютъ почти однѣ обширныя лѣсныя чащи. Обыкновенно кустарникъ придаетъ горамъ Алжиріи печальный и монотонный видъ, онъ скрываетъ подъ своею курчавою растительностью чистый профиль холмовъ, подъ его однообразной пеленой исчезаютъ всѣ выступы, всѣ неровности рельефа почвы; но весною горы, покрытыя цвѣтущимъ дрокомъ, кажутся одѣтыми въ золотой плащъ. Степи тоже убраны цвѣтами, ослѣпительнымъ ковромъ, который скоро смѣняется сѣрымъ колоритомъ растеній, спаленныхъ солнцемъ: только очень немногіе изъ травянистыхъ видовъ выносятъ жару и сохраняютъ свою зелень въ продолженіе всего лѣта.

Изъ 2.964 видовъ, составляющихъ, по Коссону, алжирскую флору (2.993, по Мэтью), 1.537 специально средиземныхъ и 1.316 принадлежатъ къ испанской флорѣ; 896 схожи съ сицилійскими растеніями. Точныя статистическія данныя позволяютъ констатировать аналогію растительности на алжирскомъ побережьи съ соответственными частями береговъ Европы. Такъ, средиземная область провинціи Константины своими растительными формами напоминаетъ въ особенности Сардинію, Сицилію, Италію и Мальту; флора Алжирской провинціи соответствуетъ физономіи растеній сѣверо-восточной Испаніи, Балеарскихъ острововъ, южной Франціи; флоры Орана и Мурсії, раздѣленной лишь узкимъ рукавомъ моря, представляютъ большое сходство между собою. Въ алжирской флорѣ первое мѣсто занимаютъ сложнотвѣтныя, составляющія около восьмой части всей растительности; за ними слѣдуютъ бобовыя и злаки ¹⁾.

Выше береговой области и по ту сторону краевыхъ горъ растительность мѣняется, не столько по причинѣ измѣненія высоты надъ уровнемъ моря, сколько вслѣдствіе положенія мѣстности относительно странъ горизонта и содержанія въ воздухѣ водянаго пара. Маслина, характеристическое плодовое дерево прибрежной области и горныхъ склоновъ, обращенныхъ къ Средиземному морю, не проникаетъ въ поясъ плоскихъ возвышенностей или, по крайней мѣрѣ, встрѣчается тамъ лишь въ видѣ кустовъ; однако, она растетъ еще въ Джебелъ-Ауресѣ, на сахарской покатости этихъ горъ, и въ оазисахъ, лежащихъ у ихъ подношья. Пробковый дубъ и аленская сосна исчезаютъ на той же высотѣ, какъ и оливковое дерево: дубъ *quercus mirbeckii* не показывается на склонахъ, омываемыхъ недостаточно влажнымъ воздухомъ; выше 1.600 метровъ не видно болѣе зеленыхъ дубовъ. Въ Джурджурѣ кедръ начинаетъ образовывать цѣлые лѣса на различныхъ высотахъ, отъ 1.050 до 1.200 ме-

¹⁾ E. Cossou, «Itinéraire d'un voyage botanique en Algérie».

¹⁾ Cossou, «Règne végétal en Algérie»; — Mathews, «Flora of Algeria».

тровъ, и поднимается по склонамъ выше, чѣмъ краевыхъ горъ растительность высотъ про-
другія древесныя породы; по мѣрѣ того, какъ должнаеся на плоскогорьяхъ авангардомъ смѣ-
поднимаешься въ гору, дубы постепенно исче- лыхъ деревьевъ: сосны, можжевельника и ясе-

Типы и костюмы: Нищій арабъ. Негританка изъ Бискры. Жевщина изъ Эль-Кантары.

заятъ на сѣверномъ склонѣ, а сосны—на юж-
номъ, уступая мѣсто кедромъ ¹⁾. Въ сосѣдствѣ

ихъ; но ихъ приземистый, искривленный стволъ,
ихъ скудная растительность свидѣтельствуютъ
о трудности акклиматизаціи: они являются
какъ бы чужеземцами во враждебномъ имъ кли-

¹⁾ С. Devaux. „Les Kabyles du Djerdjera“.

матѣ. Единственное дерево, встрѣчающееся на плоскогорьяхъ, вдали отъ горъ, и вполнѣ освоившееся съ этой средой сильныхъ вѣтровъ, сухаго воздуха и крайностей температуры, это — бетумъ, родъ терпентиннаго или фисташкового дерева (*pistacia atlantica*), издали похожій на дубъ; онъ стоитъ одиноко и своею черною листвою прерываетъ однообразіе сферической поверхности безконечной равнины. Нѣкоторые виды тамариска растутъ въ падахъ, на краю овраговъ, въ которыхъ бѣгутъ быстрые воды послѣ таянья снѣговъ; по краямъ рѣдкихъ дагія, въ которыхъ сохраняется влажность впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, появляются различныя растенія европейскаго типа. За исключеніемъ терпентиннаго дерева, тамариска, рѣдкихъ древесныхъ видовъ, живущихъ въ лощинахъ, и породъ, насажденных колонистомъ вокругъ станцій военныхъ или гражданскихъ, — въ области высокихъ плато нѣтъ ни деревьевъ, ни кустарниковъ; большія зонтичныя, виднѣющіяся тамъ и сямъ на возвышеніяхъ почвы, словно вырѣзанныя на небѣ, кажутся деревьями гигантскихъ размѣровъ. Характеристическую растительность составляютъ жесткія травы. Высокія части плоскогорья, на пространствахъ около 4-хъ милліоновъ гектаровъ, покрыты большими злаками рода ковыль (*stipa*) и особенно видомъ, хорошо извѣстнымъ въ промышленности подъ именемъ альфы (*stipa tenacissima*), но долины заключаютъ другое растеніе, *ши* (*artemisa herba alba*), тотъ видъ чернобыльника, сухіе листья котораго арабы курятъ, какъ табакъ, и который населяетъ обширныя пространства сѣверной Африки, отъ марокканскаго Атласа до припильскихъ пустынь. На всемъ оранскомъ югѣ, контрастъ между двумя площадями растительности, артемизией и альфой, указываетъ въ то же время контрастъ высотъ въ общемъ рельефѣ страны ¹⁾. На высокихъ восточныхъ плато, именно въ равнинахъ, по которымъ кочуютъ племена немемша и гаракта, господствующее растеніе — гетафъ (*atriplex halimus*), очень любимый верблюдами; маленькіе пучки его покрываютъ почву на необозримое пространство ²⁾. Днсъ (*ampelodesmus tenax*), похожій на альфу, — тоже одно изъ самыхъ обыкновенныхъ растений на плоскогорьяхъ; арабы кроютъ имъ свои хижины и вяжутъ изъ него веревки. Между тайнобрачными бѣлый трюфель, или *терфасъ* (*tuber piveum*), такъ распространенъ на высокихъ оранскихъ плоскогорьяхъ и въ Годнѣ, что составляетъ значительную часть продовольствія жителей; вскорѣ послѣ дождей, этотъ клубень обнаруживается маленькимъ вздутіемъ почвы, и, чтобы собрать его, нужно только разрыть землю на не-

большую глубину. Кое-гдѣ на землѣ около пучковъ травы стелется лишай, называемый солдатами «таппе», а у ботаниковъ извѣстный подъ именемъ *parmelia esculenta* (сапога).

Сахарская область не есть страна, лишенная всякой растительности, какъ обыкновенно думаютъ; не говоря уже объ оазисахъ, гдѣ подлѣсье пальмъ состоитъ изъ плодовыхъ деревьевъ различныхъ породъ и многочисленныхъ травъ, сотни растений развиваются на глинистыхъ, каменистыхъ, песчаныхъ или болотистыхъ пространствахъ пустыни; какъ и на высокихъ плато, бетумъ или фисташковые деревья съ широкимъ зонтикомъ, съ могучимъ стволомъ, откуда вытекаетъ смола, похожая на хлѣбную мастику, показываются тамъ и сямъ, покрывая сферу земли черною тѣнью, къ которой направляются стада; въ этой области дерево представляетъ болѣе поражающій предметъ, чѣмъ гора. Но растенія съ европейскою фizioноміею довольно рѣдки въ Алжирской Сахарѣ; сахарская флора не представляетъ почти никакого сходства съ итальянской; болѣе всего сродства замѣчается съ флорами Египта, Палестины, Аравіи, южной Персіи. Коссонъ, излагая законъ послѣдовательности растительныхъ видовъ съ сѣвера на югъ Алжира, говоритъ, что по мѣрѣ удаленія отъ морскаго побережья по направленію меридіана, приближаешься менѣе къ тропическому поясу, чѣмъ въ зонѣ Востока. Въ цѣломъ сахарская флора, заключающая 560 видовъ, въ томъ числѣ около сотни особенныхъ, исключительно ей свойственныхъ, отличается однообразіемъ видовъ на большихъ пространствахъ. Большинство этихъ растений многолѣтнія, тощія, усаженные иглами или узкими листьями, и живутъ особнякомъ, уединенными пучками. Тамарискъ и дрокъ — почти единственныя деревья; но легко было бы увеличить ихъ число, и европейцы уже сдѣлали успѣшныя попытки насажденія разныхъ древесныхъ породъ въ соосѣдствѣ бьющихъ изъ земли ключей. Даже пески могутъ покрываться растительностью. Различныя растенія, произрастающія въ дикомъ состояніи, рождаются на дюнахъ и способствуютъ укрѣпленію, если не верхней части, которая движется, смотря по направленію вѣтра, то, по крайней мѣрѣ, нижнихъ ея скатовъ: постепенное прикрѣпленіе песчанаго бугра и преобразование его въ постоянный холмъ происходитъ отъ основанія къ вершинѣ. Разные виды дрока являются единственными представителями древесной растительности на дюнахъ и образуютъ въ промежуточныхъ узкихъ долинахъ или оврагахъ округлые и рѣдко разбросанные кусты. Травянистыя растенія также встрѣчаются въ сыпучихъ пескахъ, которые они скрѣпляютъ своими корнями: таковъ злакъ, называемый дринъ (*arthrathrum pungens*), сѣмена котораго замѣняютъ ячмень во время голодов-

¹⁾ E. Cossou, „Itinéraire d'un voyage botanique en Algérie“.

²⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

ки, для прокормленія людей и скота: въ среднемъ, три мѣры зеренъ дрова обмѣниваются за одну мѣру ячменя ¹⁾).

Фауна Алжиріи, какъ и ея флора, составляетъ часть средиземной зоны, свидѣтельствуя о существовавшей въ прежнія времена непрерывности материковъ. Мавританскія животныя принадлежатъ не къ континенту Африки, но къ Европѣ. Почти всѣ виды общи — или, по крайней мѣрѣ, прежде были общи — двумъ странамъ, которые въ настоящее время раздѣлены водами Внутренняго моря. Однако, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься къ югу, удаляясь отъ морскаго побережья, аналогія уменьшается и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, сначала для млекопитающихъ, затѣмъ для птицъ; въ южной области замѣчается даже между алжирскими видами и видами Нубіи, Абиссиніи, Сеннаара все болѣе и болѣе разительныя сходства ²⁾). Несмотря на существованіе пустыни, которая, впрочемъ, прежде была менѣе обширна и болѣе богата растительностью, многіе животныя виды могли переселяться изъ Центральной Африки въ Мавританію и такимъ образомъ придавать нѣкоторое сходство мѣстнымъ фаунамъ; но что касается раковинъ, которыя перемѣщаются медленно и могутъ переходить лишь узкія пространства, неблагоприятныя ихъ развитію, то нормальное распредѣленіе видовъ сохранилось до сихъ поръ; между малакологической фауной Алжиріи и Судана замѣчается полный контрастъ. Одинъ только видъ раковинъ, общераспространенный въ пустынѣ, *melania tuberculata*, не принадлежитъ ни къ какому изъ центровъ европейской системы и происходитъ изъ собственно африканскаго центра; но этотъ видъ можно считать почти космополитомъ: его находятъ въ Египтѣ, въ Передней Азіи и даже въ Индіи и на Маскаренскихъ островахъ; онъ составляетъ единственное звено, связующее малакологическія фауны Сѣверной и Центральной Африки. Нельзя также дѣлать сближенія между раковинами Алжиріи и раковинами острововъ Атлантическаго океана, Канарскихъ и Мадеры: единственные виды, общіе этимъ двумъ областямъ, — это прибрежныя формы космополиты, встрѣчающіеся повсюду, гдѣ вліяніе Средиземнаго моря могло быть ощутительно въ какомъ-либо геологическомъ періодѣ ³⁾). Такимъ образомъ, по происхожденію своихъ животныхъ видовъ, Алжирія совершенно отграничена на югѣ и на западѣ; во внутренней своей части она также дѣлится на области, ясно обособленныя климатомъ: по Бургинья (Bourguignat), въ алжирской терри-

торіи съ сѣвера на югъ слѣдуютъ одна за другою шесть параллельныхъ фаунъ: прибрежная, горная, затѣмъ фауна плоскихъ возвышенностей, за которой слѣдуютъ вторая горная и вторая прибрежная, то-есть фауна исчезнушаго моря; далѣе идетъ фауна пустыни. Изъ всѣхъ этихъ фаунъ горная обнимаетъ наибольшее число видовъ. Нѣкоторыя фауны занимаютъ площадь, точно обведенную теченіемъ рѣкъ: такъ, одна ящерица водится только въ треугольномъ пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны Сигомъ, съ другой — Шелифомъ ⁴⁾).

Для однихъ и тѣхъ же формъ установился нѣкоторый контрастъ между Алжиріей и средиземнымъ побережьемъ Европы. Однородные виды разнятся величиной, именно алжирскіе вообще мельче, что, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ ихъ вынужденной большей умѣренности въ пищѣ: въ Алжиріи природа скупѣе на счетъ корма, но она даетъ имъ болѣе блестящее одѣяніе; болѣе яркій свѣтъ отражается даже въ шерсти звѣрей, исключая тѣ области, гдѣ животное, чтобы не отличаться окраской отъ окружающаго сѣроватаго пространства, приняло, въ силу миметизма, угрюмый колоритъ пустыни. Періоды воспроизведенія и линіянія наступаютъ у алжирскихъ млекопитающихъ и птицъ позднѣе, чѣмъ у ихъ европейскихъ родичей, хотя, казалось бы, должно быть наоборотъ: причина тому — опасности, которымъ иначе подвергались бы во время весеннихъ дождей новорожденные и животныя, лишенныя теплой зимней одежды ⁵⁾).

Съ тѣхъ поръ, какъ алжирская фауна отдѣлена отъ европейской морскими пространствами, та и другая измѣнились, не столько вслѣдствіе образованія новыхъ разновидностей, сколько по причинѣ исчезновенія многихъ старыхъ видовъ. Изъ двухъ половинъ средиземной области Европа, ранѣе заселенная и распаханная въ большей части своего протяженія, конечно, потеряла сравнительно больше видовъ изъ своей первоначальной фауны; но и въ Мавританіи число животныхъ породъ уменьшилось, даже въ историческія времена. Не подлежитъ сомнѣнію, что слонъ жилъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ лѣсахъ Нумидіи; охотники ловили его тамъ, чтобы везти въ Римъ, гдѣ онъ участвовалъ въ бояхъ цирка. Теперь неизвѣстно даже, къ какой разновидности принадлежалъ этотъ представитель большихъ толстокожихъ, но, по всей вѣроятности, онъ былъ той же породы, какъ слоны Мальты и Испаніи, кости которыхъ находятъ въ пещерахъ ⁶⁾: на скалѣ эль-Хевга, между Гельмой и Уадъ-Зенати, изсѣчены грубые барельефы, изображающіе слоновъ и еще какое-то безформенное жи-

¹⁾ E. Cosson, «Itinéraire d'un voyage botanique en Algérie»; — H. Duveyrier, «les Touaregs du Nord».

²⁾ I. R. Bourguignat, «Malacologie de l'Algérie».

³⁾ Loche, «Exploration scientifique de l'Algérie».

⁴⁾ M. Wagner; — Ratzel, «Schöpfungsgeschichte».

⁵⁾ Loche, цитированное сочиненіе.

⁶⁾ Winwood Reade, «The Martyrdom of Man».

ручили ¹⁾). Дикій кабанъ тоже довольно рѣдокъ и встрѣчается почти только на крутыхъ горныхъ массивахъ, господствующихъ надъ высокимъ покоемъ плоскогорья. Газели, принадлежащія къ тремъ различнымъ видамъ, стараются держаться подальше отъ человѣка и спускаются съ плоскогорій къ сахарскимъ пустынямъ; но иногда недостатокъ воды заставляетъ ихъ возвращаться на высоты. Недавно, когда еще охоты въ большихъ размѣрахъ не опустошили плоскихъ возвышенностей, можно было встрѣтить стада въ двѣсти или триста газелей, такъ тѣсно скученныхъ, что иной разъ онѣ мѣшали другъ другу бѣжать, и сталкивающихся рога ихъ «производили шумъ, напоминавшій барабанную дробь». Тушканчики живутъ еще мірадами въ своихъ подземныхъ галереяхъ; на восточныхъ плато, въ окрестностяхъ Тебессы и Хеншелы, встрѣчается грызунъ того же рода, очень похожій на степного зайца: это — гунди ²⁾).

Хотя высокія плато уже перестали быть главнымъ мѣстомъ охоты, однако, тамъ все еще сохраняются традиціи высшаго звѣроловнаго искусства. Феодалыныя фамиліи края держатъ ловчихъ соколовъ изъ породы балабана (*falco lanarius*), и имена славнѣйшихъ изъ этихъ «пернатыхъ охотниковъ» переходятъ изъ устъ въ уста на всемъ пространствѣ Алжиріи. Прекрасныя борзые, или «слуги», тоже высоко цѣнятся, имѣютъ своихъ лестоцовъ и исторіографовъ, тогда какъ другія собаки, презираемыя мужчинами, избиваемыя женщинами, остаются въ полудикомъ состояніи: какъ большинство кошекъ, онѣ привязываются къ мѣсту, а не къ хозяину ³⁾, и бродятъ вокругъ шатровъ, наводя страхъ на путешественниковъ. Изъ всѣхъ товарищей алжирскаго охотника ни одинъ не пользуется такою любовью, какъ его конь, и, дѣйствительно, во всемъ сѣвернѣйшій лошади, которая превосходила бы алжирскую статностью, ретивостью, кротостью, умѣренностью и неприхотливостью въ пищѣ, неутомимостью и выносливостью къ переменамъ температуры.

Зоологія, какъ и ботаника, ясно указываютъ на сродство южной Алжиріи съ Востокомъ въ отношеніи животнаго и растительнаго царствъ. Газели, встрѣчаемыя иногда на высокихъ плоскогорьяхъ, принадлежатъ къ тѣмъ же видамъ, какъ газели Аравіи; египетскій заяцъ, *Lepus isabellinus*, водится также въ Сахарѣ; меха, нубійская антилопа *addax*, была найдена и въ алжирскихъ дюнахъ; тамъ можно видѣть также африканскаго буйвола, *yaouk*, называемаго «варварійской коровой», у котораго глаза помѣщены по бокамъ и какъ бы назади его длин-

ной головы; феннекъ, *canis zerda*, подкрадывающійся къ хижинамъ оазисовъ въ уэдѣ Ригъ, ничѣмъ не отличается отъ своихъ родичей, обитающихъ въ Нубіи и на скалахъ абиссинскихъ горъ. Гадюка рогатая (*vipera cerastes*) и многіе другіе виды пресмыкающихся общи Египту и алжирской Сахарѣ ⁴⁾. Огромная ящерица уаранъ, называемая также египетскимъ караульщикомъ (*monitor*), часто встрѣчается въ Сахарѣ и даже въ проходахъ, поднимающихся къ плоскогорьямъ; попадаются экземпляры, достигающіе метра въ длину и похожіе на маленькихъ крокодиловъ. Туземцы очень боятся этой ящерицы, которой они приписываютъ волшебную силу: сложилось повѣрье, что отъ удара ея хвоста женщина становится безплодною, а мужчина импотентнымъ; оттого кто хочетъ овладѣть этимъ опаснымъ животнымъ, употребляетъ величайшія предосторожности, чтобы не подвергнуться фатальному удару. Рассказываютъ, что уаранъ сосетъ козъ и овецъ, обвивая свой хвостъ вокругъ ихъ заднихъ ногъ, и даже усиленные толчки жертвы не могутъ заставить его выпустить добычу. Подобно хамелеону, уаранъ, говорятъ, смертельный врагъ гадюки рогатой, и когда эти два гада встрѣтятся, бой между ними оканчивается не иначе, какъ смертью одного изъ борцовъ ⁵⁾. Другой замѣчательный видъ того же семейства — доббъ, или пальмовая ящерица, нѣжное мясо которой употребляется въ пищу жителями юга, а изъ кожи ея выдѣлываютъ саше и корбки. По рассказамъ туземцевъ, въ знойной области, отдѣляющей оазисы и краевыя горы отъ плоскогорья, водится несмѣтное множество змѣй. Одинъ изъ видовъ, описываемый арабами, но еще не видѣнный натуралистами, походитъ на найю индусовъ или очковую змѣю, судя по тому, что рассказываютъ о раздуваніи ея шеи подъ влияніемъ гнѣва; арабы называютъ ее «тамой» ⁶⁾. Пивоны тоже, говорятъ, очень многочисленны въ этой сахарской маршіи ⁷⁾. Что касается крокодила, котораго считали совершенно исчезнувшимъ изъ Мавританіи съ исторической эпохи, то онъ еще существуетъ въ текущихъ и стоячихъ водахъ пустыни. Окапитанъ первый открылъ этого звѣря въ руслѣ уэда Джедди, а послѣ того его находили въ верхнихъ притокахъ Игаргара.

Насѣкомоядныя птицы, которыхъ охотники преслѣдуютъ только въ окрестностяхъ городовъ, чрезвычайно многочисленны, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полеты ихъ, словно тучи, застилаютъ небо. Обилію этихъ птицъ и слѣдуетъ приписывать рѣдкость гусеницъ и

¹⁾ Arnaud, „Revue Africaine“, janvier, mars 1863.

²⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

³⁾ A. Berbrugger, „Voyage au camp d'Abd-el-Kader“; — Daumas, „Les chevaux du Sahara“.

⁴⁾ Cosson, „Revue Scientifique“, 21 juin 1879.

⁵⁾ Arnaud, „Revue Africaine“, janvier, mars 1863.

⁶⁾ Bernard, „Comptes rendus des séances de la Société de Géographie“, 1884 № 1.

⁷⁾ E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1879.

бабочек¹⁾. Саранча (*adipoda graciata*), этот величайший бичъ Алжири, бывшій одною изъ главныхъ причинъ страшнаго голода 1867 года, кишеть мириадами только въ исключительные годы; обыкновенно же размноженіе сдерживается аистами, этими «провидѣніями земледѣльца». На плоскогорьяхъ Сетифъ иногда выдали тысячи аистовъ, выстроившихся въ боевую линію и клювами пробивающихъ движущуюся стѣну саранчи²⁾.

VI.

Перемѣны, совершившіяся въ историческія времена въ человѣческомъ населеніи Алжири, еще гораздо значительнѣе, чѣмъ перемѣны флоры и фауны, да при томъ отъ внимательства того же человѣка, какъ разрушителя и создателя, произошли и главные видоизмѣненія въ окружающемъ мірѣ животныхъ и растений. Исторія переселеній, войнъ, смѣны одного народа другимъ дополнялись исторіей видовъ вновь вводимыхъ или изгоняемыхъ, приручаемыхъ или опять обращающихся въ дикое состояніе.

Первый вопросъ, который самъ собою представляется относительно жителей Алжири, есть слѣдующій: принадлежатъ ли они, подобно животнымъ и растительнымъ формамъ, къ общей области, обнимающей, на сѣверѣ и на югѣ, всѣ берега западнаго бассейна Средиземнаго моря? Тотъ характеръ единства, который являетъ намъ органическая жизнь въ ея совокупности на всей окружности Западнаго моря, отъ Прованса до Магриба, повторяется ли также и въ людяхъ, если не для всѣхъ элементовъ населенія, то по крайней мѣрѣ для элементовъ, составляющихъ его основу? Пока еще нельзя отвѣтить положительно на эти вопросы; но нѣтъ сомнѣнія, что существовали большія переселенія и частыя сношенія отъ одного берега къ другому: навѣрно была эпоха, предшествовавшая исторіи, когда по обѣ стороны моря группы населенія жили общей цивилизаціей, каково бы ни было, впрочемъ, ихъ происхожденіе, одинаковое или различное. Во всей Мавританіи, и особенно въ провинціи Константинѣ, на туниской границѣ, встрѣчаются мегалитовые памятники, подобные тѣмъ, какіе мы видимъ въ западной Европѣ: ихъ насчитывали уже десятками тысячъ, но изслѣдователи все еще находятъ новые, несмотря на то, что эти остатки сѣдой старины слишкомъ часто уничтожаются мѣстными жителями, которые употребляютъ ихъ какъ матеріалъ для постройки домовъ или мощенія дорогъ. Въ равнинѣ Меджаны, къ востоку отъ Сетифа, Пайенъ опредѣляетъ въ десять тысячъ

число менгировъ (длинные могильные камни), разбѣянныхъ по одиночкѣ или группами среди степи: можно подумать, что видишь передъ собою окаменѣлый народъ, тѣмъ болѣе, что средняя высота камней почти равна высотѣ малолѣтнихъ людей. Долмены (плита, въ формѣ стола, положенная на двухъ, вертикально стоящихъ камняхъ) или *кбуръ-эль-джухала*, то-есть «языческія могилы», по большей части меньше столовъ того же происхожденія, существующихъ еще въ Бретани и въ Вандеѣ, изъ чего заключили—одни, какъ Бертранъ, что мегалитовое искусство Алжири было еще въ зачаточномъ состояніи¹⁾, другіе, какъ Федербъ, что оно, напротивъ, является намъ уже въ состояніи упадка²⁾; однако, офицеры генеральнаго штаба, занимающіеся триангуляціей восточной Алжири, между городами Ла-Калле и Сукъ-Ах-расъ, находили могильныя плиты огромныхъ размѣровъ, почти не уступающія по величинѣ бретонскимъ долменамъ Гавр'инниса и Локмариакера. Кромѣ столовъ и высокихъ камней, въ Алжири находятъ всевозможныя формы мегалитовыхъ построекъ—кромлехи, или ряды камней, симметрично расположенныхъ въ видѣ круга, груды большихъ камней, могилки, имѣющія на вершинѣ долменъ или на скатахъ концентрическія ограды, террасы, окруженныя перилами, подземныя камеры, изсѣченныя на скалѣ, камни съ выдолбленнымъ углубленіемъ въ формѣ чашки, жертвенники, ряды «ганутовъ», или «лавокъ» въ склепахъ, «куши», или гробницы въ видѣ цилиндрическихъ печей, прикрытыхъ большой плитой, «базинны», или горки, состоящія изъ концентрическихъ слоевъ въ видѣ пирамиды со ступеньками. Въ алжирской Сахарѣ, Тейсеренкъ-де-Боръ, Фо и Фуру открыли также большіе глиняные сосуды, поставленные плотно одинъ къ другому, которые служили гробами: голова и туловище покойника занимали одинъ сосудъ, ноги помѣщались въ другомъ.

Остатки смолистаго дерева, находимые возлѣ черепковъ глиняной посуды, и еще болѣе—слои отесанныхъ кремней, разбѣянные тамъ и сямъ, не только на высотахъ, но также на гемадахъ и даже въ пустынѣ, между Тугуртомъ и Гадамесомъ³⁾, принадлежатъ къ числу фактовъ, на которые ссылаются геологи, какъ на доказательство перемѣнъ, происшедшихъ въ относительно недавнее время въ климатѣ Африки. Близъ Гамманъ-эль-Месхутина, могилы въ Рокниа, относящіяся частію къ бронзовому вѣку, заключаютъ въ себѣ тысячи моллюсковъ, расположенныхъ послѣдовательными слоями: по изслѣдованіямъ Бургинья, многіе виды раковинъ, жившихъ тогда въ этой странѣ, вымерли или, по крайней мѣрѣ, стали очень рѣд-

¹⁾ Séraziat, «Séances de l'Académie d'Hippone», 1884.

²⁾ Guyon, нитированное сочиненіе.

³⁾ «Revue Archéologique», Paris, 1869.

²⁾ «Instruction sur l'Anthropologie de l'Algérie».

³⁾ Clavé;—Rolland;—Tarry;—Teisserenc de Bort.

ки; не менѣ замѣчательнъ тотъ фактъ, что одинъ видъ постепенно измѣнился въ теченіе этого періода Рокнійскихъ могилъ: изъ вѣка въ вѣкъ онъ стремился принять все болѣе и болѣе плоскую форму. Съ этихъ эпохъ каменныхъ орудій и шлифованныхъ топоровъ, которые употреблялись населеніями, жившими даже въ болѣе сыромъ климатѣ, мегалитовое искусство продолжалось въ періоды писаной исторіи и даже до новѣйшихъ временъ. Во многихъ некрополяхъ находили грубые камни туземцевъ въ перемежку съ четырехугольными столбами римлянъ, съ колоннами, съ плитами, покрытыми надписями ливійскими или двуязычными. Берберскія племена еще недавно воздвигали камни на своихъ кладбищахъ. Въ началѣ XVII столѣтія нѣкоторые кабилскія «джемаа» имѣли обыкновеніе ставить подлѣ мѣста ихъ сходовъ менгиръ, который долженъ былъ напоминать будущимъ поколѣніямъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ народнымъ собраніемъ⁴⁾.

Подъ камнями доленовъ (кбуръ-эль-джу-хала) и «кушъ» открыли множество скелетовъ, почти всегда лежащихъ на лѣвомъ боку и съ согнутыми колѣнями: способъ погребенія вездѣ одинъ и тотъ же, каковы бы ни были предметы, положенные вблизи покойника — грубые глиняные сосуды и каменные орудія, или кольца и браслеты изъ серебра, мѣди, бронзы и желѣза. Череповъ собрано, правда, немного, но и тѣхъ, которые были измѣрены и классифицированы, вполне достаточно, чтобы доказать, что въ эту до-историческую эпоху, до пришествія римлянъ, вандаловъ, византійцевъ и арабовъ, существовали между коренными жителями, нынѣ смѣшиваемыми подъ общимъ именемъ аборигеновъ, два типа, явственно различавшихся формой черепа и, какъ полагаютъ, имѣвшихъ также различное происхожденіе. Тѣ и другіе были длинноголовые (долихоцефалы), но у людей, принадлежащихъ къ рослому типу, макушка была откинута назадъ, вмѣсто того, чтобы наклоняться, какъ у людей другой расы, прямо надъ слуховымъ проходомъ; діаметръ наибольшей ширины, измѣряющій головной указатель черепа, тоже былъ передвинутъ къ затылку; скуловые дуги были очень выдающіяся, также какъ выступы носа и лобныя кости. Такое же устройство черепа встрѣчается въ наши дни у большинства бискровъ и номадовъ, которые кочуютъ около оазисовъ и часто поработали ихъ обитателей; замѣчено, кромѣ того, что у этихъ индивидуумовъ волосы на головѣ расположены такъ, что образуютъ остроконечный пучокъ на серединѣ лба. Строеніемъ скелета эти люди тоже отличаются отъ своихъ сосѣдей: прислонясь къ стѣнѣ, они не могутъ вытянуть рукъ, прикладывая ихъ плотно: позади плечевой кости

всегда остается значительный пустой промежутокъ. Это особенное образованіе рукъ объясняется, можетъ-быть, привычку туземцевъ помышлять свою палку позади шеи и держать ее, сгибая руки съ той и другой стороны и опираясь на середину палки заднею, самую тяжелую частью своего черепа. Что касается второго типа, находимаго въ древнихъ могилахъ, то онъ походитъ на типъ нынѣшнихъ обитателей оазисовъ. У этихъ послѣднихъ черепъ пропорціональный, лицо прямое, руки расположены какъ у европейцевъ, но они худощавы и малорослы; людей этого типа можно видѣть также въ самыхъ высокихъ частяхъ Джурджуры, въ сосѣдствѣ бѣглыхъ племенъ обезьянъ, какъ будто тѣ и другія принуждены были искать убѣжища на неприступныхъ горахъ⁵⁾.

Въ первыя времена французской оккупации всѣ туземцы Алжиріи были смѣшиваемы подъ общимъ именемъ арабовъ, да и теперь еще часто случается, что не дѣлаютъ никакого различія между арабами и берберами: вновь прибывшіе европейцы воображаютъ, что всѣ коренные жители края принадлежать къ одной и той же расѣ. Впослѣдствіи, замѣтивъ большой контрастъ, существующій между потомками аборигеновъ и потомками арабскихъ завоевателей, они легко впадаютъ въ новую ошибку, полагая, что всѣ не-арабы, вообще обозначаемые именемъ берберовъ, составляютъ одну и ту же этническую группу: въ дѣйствительности эти туземцы тоже представляютъ различные типы, и, изучая ихъ, скоро приходишь къ убѣжденію, что многіе элементы, различнаго происхожденія, способствовали образованію племенъ, называемыхъ берберами, въ противоположность группамъ арабскаго происхожденія. Кромѣ контраста, который представляютъ между «берберами» люди, различающіеся ростомъ, расположеніемъ членовъ, формой черепа, существуетъ еще другой, зависящій отъ цвѣта кожи и волосъ. Въ сѣверной Африкѣ встрѣчаются блондины и рыжіе, хотя огромное большинство населенія состоитъ изъ брюнетовъ. Во всѣхъ племенахъ можно встрѣтить людей со свѣтлыми волосами и даже съ голубыми глазами; со временъ Шау всѣ путешественники говорятъ о бѣлокурыхъ африканцахъ, которыхъ они видѣли сами или о которыхъ слышали; а въ послѣднее время точныя наблюденія позволили констатировать изъ географическое распредѣленіе. Они многочисленны въ Джебель-Ауресъ и особенно близъ Хеншелы и въ джебель Шешаръ; въ провинціи Константинѣ число ихъ доходитъ, по Федербу, до одной десятой всего населенія. Денхаджи, живущіе въ долинѣ притока Сафсара, къ юго-востоку отъ Филиппвиля, производятъ свой родъ отъ бѣлокурыхъ предковъ, хотя скре-

⁴⁾ Letourneau; — Faidhebe et Topinard, „Instructions sur l'Anthropologie de l'Algérie“.

⁵⁾ Camille Sabatier, рукописныя замѣтки.

живанія съ сѣдними племенами сообщили болѣе ширинѣ изъ нихъ темный цвѣтъ глазъ и волосъ; сами себя они называютъ Уладъ-эль-Джухала, «сыны язычниковъ», и еще недавно у нихъ существовалъ обычай воздвигать на могилахъ умершихъ массивные камни, вокругъ которыхъ они совершали религиозныя церемоніи¹⁾. Этотъ фактъ даетъ нѣкоторое основаніе гипотезѣ ученыхъ, приписывающихъ сооруженіе алжирскихъ мегалитовъ бѣлокурнымъ народамъ, пришедшимъ съ сѣвера черезъ Иберійскій полуостровъ и Гибралтарскій проливъ; въ этихъ африканскихъ блондинахъ видѣли также потомковъ римскихъ наемниковъ, и именно галловъ, которымъ римлянами поручено было защищать южныя границы. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, вандалы, оттѣсненные Велизаріемъ въ горы Ауресъ, въ 533 году, не исчезли совершенно: благодаря высотѣ долинъ, эти переселенцы съ дальняго сѣвера приспособились къ африканскому климату, и теперь этихъ единоплеменниковъ скандинавовъ причисляютъ къ берберамъ Алжиріи²⁾.

Римляне тоже не пропали безслѣдно. Извѣстно, какъ велико было ихъ вліяніе въ теченіе вѣковъ. Сотнями считаютъ сохранившіеся еще остатки ихъ городовъ и военныхъ постовъ, десятками тысячъ собранныя до сихъ поръ ихъ надписи. Еще и въ наши дни, на плоскогорьяхъ провинціи Константины, присутствіе ихъ кажется болѣе замѣтнымъ по ихъ сооруженіямъ, чѣмъ присутствіе французскихъ колонистовъ. Тамъ руины древнихъ городовъ болѣе многочисленны и гораздо болѣе обширны, чѣмъ европейскіе города новѣйшей постройки. Даже съ этой стороны они заняли весь горный массивъ Ауреса (Aurasius) и проникли далеко въ глубь пустыни. На югѣ Алжирской провинціи тоже видны ихъ развалины на границахъ Сахары; въ западныхъ областяхъ они, по крайней мѣрѣ, воздвигли многочисленные города на средиземной покатоости Телля. Ихъ колонисты, поселившіеся по большей части на высокихъ плато Нумидіи и Мавританіи ситифійской³⁾, то-есть въ областяхъ, гдѣ климатъ самый здоровый и наиболѣе подходящий для сохраненія ихъ расы, навѣрно оставили своихъ потомковъ въ Алжиріи. Такъ, римскій типъ очень хорошо сохранился у племени уланъ-эль-аскеръ, или «сыны воиновъ», въ восточной Кабиліи⁴⁾. Хотя добрые мусульмане, жители Тебессы называютъ себя «римлянами»: для нихъ имя «руми» не смѣшивается съ именемъ христіанина, какъ у другихъ магометанъ Алжиріи.

Въ 1842 году, когда французы овладѣли этимъ городомъ, между жителями его ходили еще римскія монеты¹⁾. Изъ десяти подраздѣленій племени амавра, обитающаго въ сѣверной части Джебель-Ауреса, два слывутъ за потомковъ римлянъ, три, говорятъ, берберскаго происхожденія, а остальные, основанныя марабутами, образовались уже послѣ мусульманскаго нашествія²⁾.

Какова бы ни была, въ первоначальномъ населеніи Алжиріи, доля завоевателей или колонистовъ, пришедшихъ изъ Европы, преданія, также какъ различныя историческія свидѣтельства, указываютъ на восточныя области какъ на мѣсто происхожденія иммигрантовъ: это изъ Азіи прибывали послѣдовательно завоеватели или мирные переселенцы, употребляя иногда долгіе вѣка на прохожденіе этаповъ, раздѣляющихъ долину Нила и островъ Магреба. Такъ пришли древніе либу, то-есть ливійцы, давшіе свое имя всему континенту, и представителей которыхъ мы видимъ въ луата или дѣлата, одномъ изъ могущественныхъ племенъ Берберіи во времена арабскаго завоеванія³⁾. Магометанскія полчища, покорившія населенія Мавританіи, затѣмъ гиллалійскія племена, которыя осѣли въ открытыхъ равнинахъ, оттѣснивъ прежнихъ жителей въ высокія долины горъ, только слѣдовали за общимъ эмиграционнымъ движеніемъ, которое изъ вѣка въ вѣкъ направлялось на западъ. При томъ перемѣны почвы и климата, иноплеменные нашествия и вытѣсненія одного народа другимъ, естественно, сопровождались соответственнымъ измѣненіемъ въ нравахъ жителей, каково бы ни было происхожденіе послѣднихъ, и усиливало или сглаживало контрасты между ними. При вступленіи въ страну, берберскіе покорители, по всей вѣроятности, мало отличались отъ своихъ преемниковъ, арабскихъ завоевателей. Война, набѣги, грабежи развили у нихъ привычки, вполне подходящія къ кочевому образу жизни; покореніе, обложеніе правильною данью заставило многія племена прикрѣпиться къ землѣ, промѣнять степную жизнь на бытъ земледѣльца. Родъ занятій не всегда служитъ вѣрнымъ указателемъ этническаго происхожденія. За много вѣковъ до прибытія арабовъ, нумиды или нумидійцы, отчасти предки населенія, называемаго берберскимъ, тоже были «номады», какъ, вѣроятно, показываетъ и самое ихъ имя. Плиній говоритъ, что они безпрестанно мѣняли пастбища, унося съ собою колыя своихъ жилищъ: подобно нынѣшнему арабу, древній нумидіецъ быстро строилъ себѣ хижину, «гурби», рядомъ

¹⁾ Sergeant;—Henri Martin, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 1870.

²⁾ Périer, „Mémoires de la Société d'Anthropologie“, 1873.

³⁾ O. Mac Carthy, „Les Antiquités algériennes“.

⁴⁾ Brunon, „Recueil de la Société Archéologique de Constantine“.

¹⁾ V. Maltzan, „Drei Jahre im Nordwesten von Afrika“.

²⁾ Justin Pont;—Faidherbe, „Instructions sur l'Anthropologie de l'Algérie“.

³⁾ Ernest Mercier, „Histoire de l'établissement des Arabes dans l'Afrique Septentrionale“;—Carette;—Tissot; Taurin, etc.

съ мѣстомъ пастбы своего скота. Въ настоящее время дѣленіе между расами указывается, хотя не вполне точно, образомъ жизни, кочевымъ или осѣлымъ. Бродячіе пастухи—въ большинствѣ арабы; земледѣльцы съ постояннымъ мѣстомъ жительства обозначаются обыкновенно собирательнымъ именемъ берберовъ.

Одно только изъ племенъ Сѣверной Африки, обитающее въ долинахъ мароккского Атласа, носятъ специально это древнее этническое названіе берберовъ, которымъ оно, впрочемъ, гордится¹⁾; но, примѣняемое къ совокупности населеній, многочисленное происхожденіе которыхъ ученые разыскиваютъ въ разныхъ мѣстахъ: въ самой Мавританіи, въ западной Европѣ и въ азиатскихъ странахъ, сосѣднихъ съ Египтомъ,—это слово не имѣетъ точнаго значенія, и между отдѣльными народцами, между шауя и рифеномъ, кабилонъ и тарги, замѣчается большое различіе нравовъ и обычаевъ, соответствующее, можетъ-быть, различію происхожденія амазигскаго, луатскаго, зенатскаго, гетульскаго или гештульскаго. Имя «берберъ» имѣетъ общій смыслъ только съ точки зрѣнія глоссологической, такъ какъ оно примѣняется ко всѣмъ туземцамъ, которые говорятъ, или говорили въ историческія времена однимъ изъ языковъ, принадлежащихъ къ ливійской семьѣ. Эта группа нарѣчій, бывшихъ въ употребленіи у тамагутовъ, которые изображаются на египетскихъ картинахъ, сохранилась черезъ тысячу лѣтъ подъ своимъ древнимъ именемъ: у туареговъ и различныхъ народцевъ Сахары ее и теперь еще называютъ тамагакъ, тамагугъ или тамашекъ; близкими къ языку тарги нарѣчіями говорятъ большое число другихъ народцевъ Африки, отъ западныхъ оазисовъ Египта до береговъ Атлантическаго океана. Семья берберскихъ діалектовъ, повидимому, приближается къ семитическимъ языкамъ, не словаремъ, но гортанными звуками, синтаксисомъ, грамматикой; хотя она составляетъ, вмѣстѣ съ коптскимъ нарѣчіемъ, группу хамитскихъ говоровъ²⁾, но носитъ на себѣ всѣ признаки восточнаго происхожденія, и, опираясь главнымъ образомъ на это сходство языковъ, нѣкоторые писатели хотѣли, справедливо или нѣтъ, установить сходство расъ.

Но хотя между берберами и ихъ сосѣдами арабами существуютъ всевозможные переходные типы, замѣчаются, однако, большія различія между этими двумя главными группами алжирскаго населенія. Истинные семиты, представляемые арабами, рѣзко отличаются отъ различныхъ народцевъ, ранѣе ихъ поселившихся въ странѣ. У джурджурскихъ кабилонъ,

принимаемыхъ за типичныхъ представителей берберской расы, черепъ и обликъ менѣе овальные, чѣмъ у арабовъ, лицо болѣе широкое и болѣе полное, лобъ менѣе правильный и не такъ подавшійся назадъ, брови менѣе выгнуты; носъ рѣдко орлиный, чаще широкій и короткий, подбородокъ энергическій, ротъ довольно большой, обрамленный толстыми губами. Ансамбль фizioноміи рѣдко отличается тою тонкостью чертъ, какую мы замѣчаемъ у арабовъ, но выраженіе лица болѣе простосердечное, глаза болѣе живые; мускулы очень крѣпки. Если тѣло не имѣетъ той же гибкости, какъ тѣло араба, то оно превосходитъ послѣднее силой и, по наблюденіямъ Дюгессе, крѣпче держится на ногахъ: сильно выгнутая ступня кабила оставляетъ въ сыромъ пескѣ болѣе глубокій отпечатокъ пятки и большого пальца, чѣмъ обыкновенная ступня араба или европейца. Кабилы вообще менѣе смуглы, чѣмъ арабы, что объясняется ихъ болѣе осѣдымъ образомъ жизни. Въ среднемъ, они мало отличаются отъ южныхъ европейцевъ, и между ними встрѣтишь тысячи индивидуумовъ, которыхъ, если бы они перемѣнили костюмъ, легко было бы смѣшать съ оверньятами, кадюрками или линзунцами. Такъ называемые арабы въ окрестностяхъ Саиды и Френды, почти чистокровные берберы, несмотря на ихъ родословную, напоминаютъ самую обыкновенную крестьянскую фizioномію на французскомъ югѣ³⁾.

Съ духовной или нравственной точки зрѣнія, контрастъ между арабами и людьми племенъ, называемыхъ берберскими, не менѣе значителенъ, чѣмъ съ точки зрѣнія физической; впрочемъ, эти контрасты въ большей части объясняются различіемъ среды и образа жизни. Хотя между берберами есть народы кочевые по преимуществу, какъ, напримѣръ, туареги, однако, они охотно переходятъ къ осѣдой жизни, когда это позволяютъ естественныя условія мѣстности, или когда представится удобный случай. Горцы-земледѣльцы по большей части, они, понятно, не могутъ имѣть нравовъ и обычаевъ, политическихъ и социальныхъ учрежденій, подобныхъ тѣмъ, какіе мы находимъ у жителей равнинъ, пастуховъ и воиновъ. Кабилы отличаются трудолюбіемъ, предприимчивостью, большимъ практическимъ смысломъ: они любопытны, любятъ поспѣвать, большіе спорщики, желаютъ отдать себѣ отчетъ во всемъ, что видятъ. Они умѣютъ удивляться и восхищаться, тогда какъ арабъ старается казаться безстрастнымъ и равнодушнымъ ко всему. Они не впадаютъ въ мистическое созерцаніе; суевѣрные, какъ всѣ невѣжественные люди, они не придаютъ большой цѣны религіи въ своей повседневной жизни и въ управленіи

¹⁾ Garette, "Exploration de l'Algérie";—de Foucauld, рукописныя замѣтки.

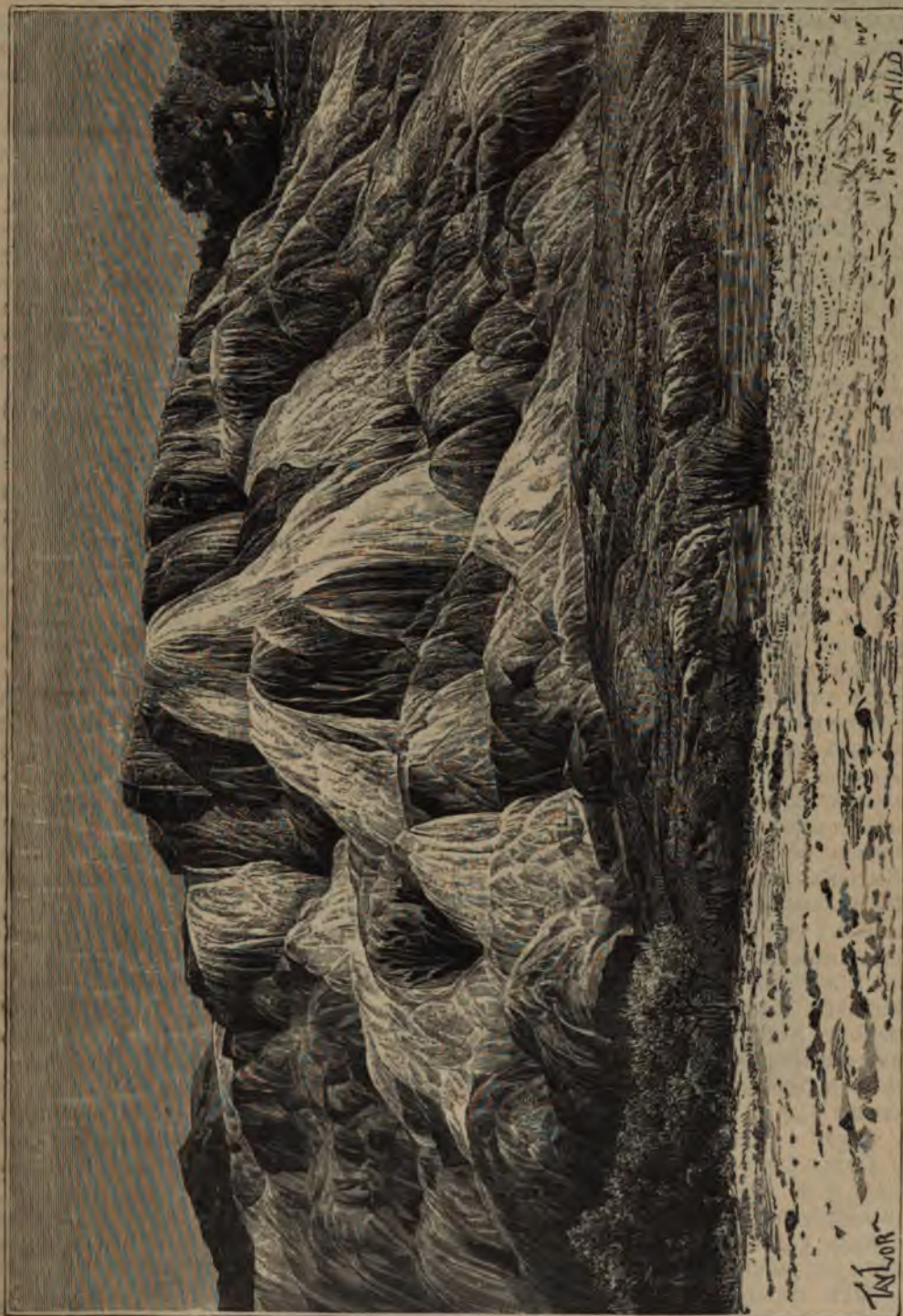
²⁾ E. Renan, "Histoire générale et Système comparé des langues sémitiques".

³⁾ R. de Blanchère, "Voyage d'étude dans une partie de la Maurétanie Césarienne".

ихъ обществомъ; они не обладаютъ образнымъ языкомъ семитовъ, и трубадуры ихъ не украшаютъ рассказъ изящными оборотами рѣчи, остроумными сравненіями, утонченными пре-

ють прежде всего, чтобы къ нимъ относились съ должною справедливостію; у тѣхъ изъ нихъ, которымъ французы оставили общинное самоуправленіе, существуетъ полная равноправ-

Гамманъ-эль-Мескутинскій каменѣлый водопадъ.

лестями стили, которые такъ любятъ арабскій поэтъ. Гордые, какъ подобаетъ людямъ, имѣющимъ право на уваженіе за свою трудовую жизнь, они отличаются въ высокой степени чувствомъ собственного достоинства и требу-

ность между всѣми членами общины. Кабилъ не обладаетъ въ такой же степени родовымъ духомъ, какъ арабъ, житель равнины, однако, индивидуальныя и партійныя интересы уравновѣшиваются въ его общинѣ съ такою точно-

стью, что политическая жизнь идет у него правильнее и реже нарушается резкими перевертываниями, чем у араба¹⁾.

Хотя, впрочем, алжирские берберы, как земледельцы, поднялись на более высокую степень цивилизации, сравнительно с арабом, и хотя они, вероятно, единоплеменники тех же испанских мавров, которые, в средние века, когда Европа снова погрузилась в варварство, поддерживали безкорыстный культ науки, однако, они еще во многих отношениях подчиняются преобладающему влиянию арабов. Эти последние, как потомки завоевателей, сохранили еще частицу того престижа, который некогда дала им победа; кроме того, это они принесли религию ислама, они поставляют марабутов и ученых. Они — «люди Книги», и это, благодаря им, кабийские дѣти умѣют читать и говорить наизусть стихи Корана. Несмотря на кочевую жизнь, арабы в большей степени, чем отшельники в горы берберы, пользуются выгодами, которые доставляет относительная национальная связь: в самом дѣлѣ, обитая в равнинах, они находятся в постоянных сношениях между собою, через посредство «братий» всяких орденов; к их же выгодѣ служит влияние цивилизованных мавров на внутренних рынках и в портах морского побережья. Берберы, хотя численно превосходящие арабов, не составляют сплоченного национального союза, который позволял бы им оказывать достаточное сопротивление напору окружающего их арабского мира, и во всѣх частях Алжира указывают берберские племена «арабизованные», утратившие свой первоначальный язык, часто даже предания своей расы: иногда даже, как это замѣчал уже Ибнъ-Халдунъ²⁾, преобразование доходит до того, что выдумывают ложные родословия: насчитывают десятки кабийских народцев, претендующих на арабское происхождение, тогда как известно не более двух групп, первоначально арабских, которые, будучи поставлены в особенные условия и разобщены со своими соплеменниками, по необходимости должны были берберизоваться. Даже племена, сохранившие родные нарѣчія, кабилы Джурджуры, шауя Джебель-Ауреса, некоторые группы Дахры, берберы марокканской границы, ввели в свой говор множество арабских слов и оборотов; они забыли древнее письмо *тефинаг*, надписи на котором встречаются еще в разных мѣстах Алжира³⁾. Изъ них, которые обучаются, получают образование чрезъ посредство арабского языка,

который является в одно и то же время языкомъ религиознымъ, гражданскимъ и литературнымъ, но въ которомъ они никогда не достигаютъ такого совершенства, чтобы выговаривать правильно всѣ звуки⁴⁾.

Слово «антъ» — «ида» в южномъ Марокко — применяется только къ берберамъ. Точно также большинство племенъ, передъ именемъ которыхъ стоитъ арабское слово «бени» (сыны или потомки) — берберской расы, тогда какъ слово «ауладъ» — или чаще уладъ, уездъ въ алжирскомъ говорѣ — прилагается почти всегда къ народцамъ арабскаго происхожденія, безразлично — пришли ли они во время перваго завоеванія, или при послѣдующихъ переселеніяхъ. Но и это не безусловное правило, и относительно многихъ группъ, носящихъ названіе «уладъ», является вопросъ: дѣйствительно ли они арабы, или только «арабизованные» берберы? Племя уладъ-абди, въ Джебель-Ауресѣ, — несомнѣнно берберы⁵⁾. Вслѣдствіе неопредѣленности классификаціи, различные писатели сильно расходятся между собою въ опредѣленіи численности расъ, населяющихъ Алжиръ. Въ то время, какъ Федербъ⁶⁾, Варнье, Дюваль, Макъ-Карти насчитываютъ на алжирской территоріи слишкомъ два милліона берберовъ, въ томъ числѣ около 900.000 говорящихъ еще ливійскимъ языкомъ, — Помель находитъ ихъ не больше одного милліона⁷⁾. Различія и контрасты, порожденные языками и образомъ жизни, передвиженія, вольныя или невольныя, массовыя ссылки или интернированія дѣлаютъ невозможнымъ всякое общее описаніе: приходится изучать отдѣльно въ каждомъ равнинномъ или горномъ округѣ этнические группы. Очень многія изъ тысячи или тысячи ста племенъ, насчитываемыхъ въ Алжирѣ, состоятъ изъ элементовъ различной расы; есть даже второстепенныя группировки или подраздѣленія, какъ-то «дуаре», «дашера», «ферка», «аршъ»: они могутъ разниться между собою этническимъ составомъ въ одной и той же кабайѣ или союзѣ племенъ. Некоторые народцы представляютъ лишь смѣшанное собраніе семействъ всякаго цвѣта и всякаго происхожденія, сошедшихся изъ всѣхъ частей страны: по французскому выраженію, это — «Beni Ramassés» (арабскій сбродъ). Такія сборныя племена можно видѣть въ предмѣстьяхъ каждого города.

Главная масса чистокровныхъ арабовъ населяетъ западныя области Алжира: городъ Маскара можно считать ихъ естественной станціей: Абдель-Кадеръ, самъ одинъ изъ совершеннѣйшихъ типовъ араба, выбралъ этотъ

¹⁾ Faidherbe; — Devaux; — Letourneux et Hanoteau; — Topinard; — C. Sabatier, etc.

²⁾ De Slane, «Notes sur la langue, la littérature et les origines du peuple berbère».

³⁾ Faidherbe; — Reboud; — Judas, etc.

⁴⁾ L. Rian, «Revue Africaine», mars-avril 1882 № 152.

⁵⁾ E. Masqueray, «Revue Africaine», 1878.

⁶⁾ «Instructions sur l'Anthropologie de l'Algérie».

⁷⁾ «Les races indigènes de l'Algérie».

пунктъ центромъ своего царства. Въ сосѣднихъ равнинахъ и долинахъ, также какъ на высокихъ плоскогорьяхъ Оранскаго юга, не увидишь другихъ домовъ, кромѣ зданій французской постройки: всѣ туземцы, чистые арабы, живутъ въ шатрахъ. По Федэру, арабское население Алжиріи, включая мавровъ, живущихъ въ городахъ, составляетъ только пятую часть общаго числа жителей, то-есть около 600.000 душъ. Эта цифра, слишкомъ преувеличенная, по мнѣнію Макъ-Карті, показалась

орлиный, ноздри широкія и подвижныя, глаза черные, вдавленные подъ орбитой, бровныя дуги выступающія, уши оттопыренныя, черепъ высокій, лобъ открытый и выпуклый. Принимая за типъ красоты Аполлона Бельведерскаго, находимъ, что у арабовъ ноги и шея слишкомъ длинны относительно развитія торса, а грудь слишкомъ узка для ихъ роста ¹⁾. Женщины сравнительно очень малорослы. Въ публикѣ арабы умѣютъ драпироваться съ граціею и величавостію; они кажутся всегда важными,

Арабскій типъ. — Тугуртскій ага.

черезчуръ малою нѣкоторымъ другимъ писателямъ: она, въ самомъ дѣлѣ, была бы гораздо ниже дѣйствительности, если бы считать въ числѣ арабовъ всѣхъ тѣхъ, которые выдають себя за таковыхъ, связывая свою родословную съ какимъ-нибудь шерифомъ, то есть потомкомъ Пророка, или съ какою-нибудь значительною личностію Ислама; но эти притязанія на благородство происхожденія не всегда оправдываются. Въ Алжиріи у чистокровныхъ арабовъ цвѣтъ лица матовый или смуглый, волосы черные, борода рѣдкая, зубы прекрасные, носъ

безстрашными, проникнутыми чувствомъ собственнаго достоинства; никогда не слышнши, чтобы они пѣли за работой, но у себя дома, въ интимной жизни, они легко сбрасываютъ напускную торжественность, говорятъ и жестикулируютъ съ большою живостію. Истинные арабы очень плохіе земледѣльцы: по ихъ поговоркѣ, «стыдъ и сошникъ въ одно время входятъ въ домъ». Они не любятъ тихой жизни осѣдлаго человѣка: имъ больше по душѣ существо-

¹⁾ Bodichon; — Topinard.

ваніе номада—приволье степей, скаканье на конѣ черезъ необозримыя пространства, убѣгающіе въ даль горизонты, миражи пустыни, группы шатровъ, разбитыхъ на травѣ или на пескѣ. Чтобы понять и полюбить араба, надо видѣть его въ степи, въ его родной стихіи: тамъ онъ счастливъ, гостепріименъ, великодушенъ, сообщителенъ и разговорчивъ, тамъ онъ съ удовольствіемъ рассказываетъ про свои экспедиціи и охотничьи приключенія¹⁾. Потомки воиновъ, побѣдоносно прошедшихъ весь сѣверъ Африки, отъ Египта до Марокко, истые номады, съ презрѣніемъ смотрящіе на жалкія люди, живущіи подъ кровлей, они охотно покидаютъ родимыя мѣста; во всѣхъ концахъ Мавританіи встрѣчаешь одноплеменниковъ, которые разбрелись въ разныя стороны, увлекаемые какою-то смутною потребностью перемѣны. Несмотря на суровую необходимость, заставляющую ихъ дѣлаться землепашцами или, по крайней мѣрѣ, царапать почву, чтобы извлечь изъ нея случайную жатву, эти люди, отъ природы склонные къ бродячей жизни, не привязываются къ землѣ: они недостаточно строго уважаютъ межевыя столбы, водруженные колонистомъ, да и сами не умѣютъ защищать съ должнымъ упорствомъ принадлежащую имъ борозду. Ихъ понятія о собственности далеко не отличаются тою точностью, какая требуется кодексомъ, принесеннымъ новыми господами края: отсюда частые споры и столкновения, осложняемые иногда инстинктивною ненавистью одной расы къ другой. Впрочемъ, арабы рѣдко бываютъ собственниками: право на землю, безъ опредѣленія границъ, присвоивается всѣмъ племенемъ, а представителемъ племени является его глава, шейхъ, который и дѣлается истиннымъ землевладѣльцемъ и господиномъ. Арабское общество почти всегда имѣетъ феодальную организацію. «Какъ только васъ будетъ трое, имѣйте старшаго», говоритъ пророкъ²⁾. Религіозный фанатизмъ также держитъ арабовъ въ состояніи враждебныхъ группъ, ибо они гораздо болѣе, чѣмъ кабилы, склонны къ мистицизму: большинство ихъ люди вѣрующіе и подчиняются предписаніямъ Магомета, повторяя вполголоса тѣ мѣста Корана, гдѣ рекомендуется истребленіе невѣрныхъ.

Такимъ образомъ, по своему образу мыслей и чувствъ, по своимъ преданіямъ и нравамъ, арабъ племенъ съ трудомъ приспосабливается къ новой средѣ, которую создаютъ вокругъ него антропоиды и культура почвы, основаніе городовъ и деревень, постройка шоссе и желѣзныхъ дорогъ; онъ становится постепенно чужимъ въ странѣ, завоеванной его предками, и во многихъ округахъ вымираетъ, усту-

пая мѣсто людямъ другой расы. Одна изъ самыхъ деликатныхъ проблемъ алжирской демографіи—это опредѣлить, въ какихъ условіяхъ географической и социальной среды арабы побѣдоносно противятся неблагоприятнымъ вліяніямъ. Можно только сказать вообще, что имъ хорошо живется на высокихъ, достаточно орошаемыхъ плоскогорьяхъ, гдѣ передъ ними открываются почти безграничныя пространства для кочевки, и гдѣ французы пока еще основали только небольшое число станцій военныхъ и гражданскихъ, тогда какъ въблизи городовъ или въ самыхъ городахъ они постепенно элиминируются: тамъ раса ихъ является уже въ состояніи упадка, убиваемая нищетою, порокомъ, недостаткомъ вѣры въ будущее, угнетеніемъ, которое они испытываютъ отъ главныхъ начальниковъ. Той же участи подвергаются мавры, или «гадри»—резиденты—то-есть цивилизованные мусульмане, живущіе въ городахъ прибрежья, на глазахъ у чужестранныхъ властителей. Они быстро уменьшаются въ числѣ, но, можетъ-быть, эта постоянная убыль происходитъ частію отъ неустойчивости самой расы, слишкомъ смѣшанной, куда война, рабство, многоженство, захваты корсаровъ внесли множество самыхъ разнородныхъ элементовъ: берберовъ, сирійцевъ, черкесовъ, албанцевъ, испанцевъ и магоновъ, итальянцевъ и провансальцевъ, гауссу, бамбару, пейлевъ и мандинговъ. Даже группы цыганъ, или гсани (гецпани), проникли въ алжирскій Магребъ, въ то же время, какъ и андалузскіе мавры, изгнанные изъ Испаніи³⁾. Кудугли или куръ-огли, потомки турокъ и туземныхъ женщинъ, были прежде очень многочисленны въ приморскихъ городахъ и въ нѣкоторыхъ внутреннихъ селеніяхъ, служившихъ, при беяхъ, мѣстомъ ссылки⁴⁾. Эти метисы почти совершенно исчезли въ остальной массѣ городского мусульманскаго населенія.

По смѣшенію съ другими расами, негрскій элементъ играетъ весьма важную роль въ составѣ народонаселенія Алжиріи, гдѣ цѣлыя племена, даже среди горцевъ кабилловъ, являются черты, свидѣтельствующія о скрещиваніяхъ между аборигенами морскаго побережья и суданскими неграми. Можетъ-быть, больше половины алжирцевъ, какъ бы они ни назывались, арабами или берберами,—люди смѣшанной крови. Но въ Алжиріи рѣдко можно встрѣтить негровъ чистой расы, безъ сомнѣнія, потому, что прямыя сношенія отъ Средиземнаго моря до Нигера черезъ алжирскую Сахару почти совсѣмъ прекратились. Въ прежнее время изъ страны чернокожихъ приходили многочисленныя караваны, приводя съ собою свободныхъ людей и невольниковъ, которые

¹⁾ Daumas, «Le Grand Désert»;—L. de Colomb, «Exploration des Ksour et du Sahara de la province d'Oran»,—E. Fromentin, «Un été dans le Sahara».

²⁾ Daumas, «Le Grand Désert».

³⁾ Paul Bataillard, «Notes et questions sur les Bohémiens en Algérie».

⁴⁾ Pomel, «Races indigènes de l'Algérie».

затѣмъ населяли казармы и гаремы беевъ: черезъ браки, заключенію которыхъ не мѣшало никакой предвзвѣдѣнности относительно цвѣта кожи, населеніе постепенно видоизмѣнялось во всей Мавританіи. Но съ 1848 г. рабство негровъ отмѣнено, негритянскіе элементы постепенно уменьшаются, а у переселенцевъ изъ Судана, чистокровныхъ негровъ, дѣти рѣдко выживаютъ: акклиматизація расы еще не совершилась. Негры, остающіеся въ Алжиріи, всѣ очень трудолюбивы: они—чернорабочіе, землекопы, каменщики, служители, сторожа, часто также колдуны и знахари. Въ близкомъ будущемъ, когда Алжирія, теперь еще отдѣленная отъ Судана, будетъ соединена съ нимъ быстрыми путями, иммиграціонное движеніе негровъ, по всей вѣроятности, снова приметъ значительные размѣры, такъ какъ мало найдется расъ, которыя бы отличались такою подвижностью и предприимчивостью, какъ эти народы верхней области Нигера.

Гораздо менѣе многочисленные въ Алжиріи, чѣмъ въ Марокко, евреи имѣютъ нѣкоторую важность въ составѣ алжирскаго населенія только своею крѣпкою сплоченностью въ городахъ и тѣмъ искусствомъ, съ которымъ они умѣютъ притягивать сбереженія страны; кромѣ того они принимаютъ участіе въ политической власти, благодаря своему титулу французскихъ гражданъ; но численно они далеко уступаютъ этническимъ элементамъ, введеннымъ завоеваніемъ. Европейскіе иммигранты, составляющіе седьмую часть общаго числа жителей, являются уже, благодаря ресурсамъ, которые имъ даетъ высшая цивилизація, господствующая расою въ Алжиріи; даже помимо спеціальнаго могущества, которое имъ обеспечиваютъ пользованіе политической властью и организація вооруженной силы, они играютъ роль господъ, такъ какъ управляютъ предпріятіями, раздають работу, платятъ жалованье. Берберы, коренные жители, и арабы, потомки прежнихъ завоевателей, равно вынуждены обращать взоры къ этимъ новымъ пришельцамъ, какъ къ своимъ инициаторамъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не нужно бояться ихъ какъ властителей. Французы возобновляютъ дѣло римлянъ, но въ совершенно иныхъ условіяхъ, существенно измѣненныхъ ходомъ исторіи. Заключеніемъ западной Европы и Мавританіи, непосредственно прилегающихъ къ океану, римскій міръ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ невѣдомыми странами, населенными враждебными народами; вѣншее давленіе постоянно чувствовалось на границахъ, и малѣйшее ослабленіе силъ во внутреннемъ организмѣ позволяло этимъ плотно охватывающимъ тискамъ сближать свои вѣтви: кончилось тѣмъ, что онѣ сомкнулись совершенно со времени нарушенія политическаго равновѣсія, произведеннаго великимъ переселеніемъ народовъ. Теперь же

цивилизованный міръ, который, за неимѣніемъ другаго собирательнаго имени, можно назвать «европейскимъ», не окруженъ варварскими населеніями; напротивъ, онъ самъ окружаетъ ихъ поясомъ, безпрестанно увеличивающимся, приноситъ въ ихъ среду, преобразуетъ ихъ, приноситъ имъ новую промышленность и новые нравы. Сообщенія устанавливаются черезъ внутреннія страны между противоположными берегами континентовъ. Если не ассимиляція народовъ, то по крайней мѣрѣ пріобщеніе ихъ къ одной и той же наукѣ, къ одной и той же культурѣ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, и это дѣло пропаганды, сознательной или безсознательной, въ областяхъ Сѣверной Африки, выпало на долю переселенцевъ съ побережья Средиземнаго моря, особенно французовъ. Римская кровь, какъ извѣстно, не совсѣмъ исчезла въ бывшихъ африканскихъ провинціяхъ Нумидіи и Мавританіи: вліяніе италійскихъ колонистовъ продолжается еще въ тысячахъ различныхъ формъ, но его невозможно распознать съ точностью въ этомъ безконечномъ смѣшеніи расъ; исторія среднихъ вѣковъ въ Магрибѣ слишкомъ неясна, чтобы можно было строго прослѣдить преемственность людей и идей. Теперь началась новая эра, благодаря постепенному присоединенію варварскаго міра къ области европейской цивилизаціи, и потомство безъ труда признаетъ долю труда, совершенную съ 1830 года колонизаторами французскими, испанскими, италійскими. Доля эта уже весьма значительна; годъ отъ году видъ Алжиріи измѣняется основаніемъ городовъ и деревень, увеличеніемъ площади воздѣлываемыхъ земель, расширеніемъ сѣти шоссе и желѣзныхъ дорогъ. Хотя европейцы составляютъ еще меньшинство въ Алжиріи, однако, отпечатокъ ихъ труда виденъ уже почти повсюду, отъ побережья до высокихъ плато и до границъ пустыни.

VII.

Путешественникъ, проѣзжающій по Алжиріи, удивляется, что тамошніе города по виду такъ мало разнятся отъ городовъ Франціи, которые онъ только-что покинулъ: если бы не пальмы и бамбуки, украшающіе публичные сады, да не арабы и мавры, работающіе или гуляющіе на набережныхъ и улицахъ, онъ могъ бы спросить себя, не иллюзія ли это, и точно ли онъ переправился черезъ Средиземное море. Кварталы, которые онъ посѣщаетъ, построенные французскими архитекторами, какъ будто скопированы съ кварталовъ Марсели; почти вездѣ живописные арабскіе дома замаскированы улицами съ правильными и банальными фасадами: иностранецъ можетъ долго жить въ алжирскомъ городѣ, не имѣя случая заглянуть въ эти лабиринты жилищъ, напоминающіе о минув-

шемъ періодѣ. Деревни колонистовъ, тоже французской конструкція, хотя часто построенныя на мѣстѣ арабскихъ мѣстечекъ съ перемѣною ихъ именъ, имѣютъ надъ селами метрополіи то преимущество, что улицы въ нихъ шире, дома чище, общій видъ привѣтливѣе, благодаря садамъ, аллеямъ, пестрящимъ цвѣтами площадямъ. Что касается арабскихъ селеній, то ихъ трудно примѣтить. Эти кучки палатокъ или черноватыхъ барачковъ смѣшиваются съ окружающею почвою или теряются среди кустарника; впрочемъ, арабы въ самомъ дѣлѣ старались, да и теперь еще стараются, прятать свои дуары. Они боятся наѣзжающихъ «ѣдоковъ», чиновниковъ или военныхъ, и «прячутся въ свои норы», чтобы избавиться отъ дорогостоящей чести принимать своихъ господъ и угощать ихъ «диффой», или почетнымъ обѣдомъ. Вотъ почему густо населенныя мѣстности кажутся безлюдными. Деревни кабилловъ, пріютившіяся на вершинахъ, больше бросаются въ глаза, чѣмъ дуары арабовъ; но и эти селенія, такого же сѣроватаго цвѣта, какъ скалы, на которыхъ они лѣплятся, похожи на естественные выступы горы. Туземное общество обнаруживаетъ свою долю труда въ человѣческихъ постройкахъ только мавзолеями святыхъ, куполами съ четырехугольнымъ основаніемъ, ослѣпительная бѣлизна которыхъ рѣзко выдѣляется изъ блѣдно-зеленой листвы маслинъ.

Но еще очень обширны области Алжиріи, гдѣ можно ѣхать долгіе часы, не встрѣчая ни одного человѣческаго жилья. Такова, на плоскогорьяхъ восточной Алжиріи, страна, воды которой текутъ въ Меджерду и въ ея притокъ, уэдъ Меллегъ. Эта область, географически принадлежащая къ Тунису, занимаетъ около 7.000 квадратныхъ километровъ, можетъ-быть, даже около 10.000, если считать сосѣднія пространства съ неопредѣленнымъ скатомъ: это — возвышенность (отъ 1.000 до 1.100 метр.), ограниченная на югѣ сѣверными отрогами Джебель-Ауреса, на сѣверѣ — лѣсистыми горами Бени-Салахъ. Благодаря значительному возвышенію почвы, здоровому климату, природному плодородію полей, соединенію дорогъ, которыми во всѣ времена слѣдовали караваны между побережьемъ Средиземнаго моря, пустыней и Габесскимъ заливомъ, этотъ округ алжирской территоріи, нынѣ почти безлюдный, есть одинъ изъ тѣхъ, которые обѣщаютъ самую блестящую будущность колонизаціи: нигдѣ въ Африкѣ, кромѣ развѣ Визагены, римскіе поселенцы не были скучены въ такомъ большомъ числѣ, и оставленные ими руины почти такъ же многочисленны, какъ въ смежной Тунисской области. Каждый годъ новые переселенцы направляются къ этимъ высотамъ, хотя не прошелъ еще періодъ жизни одного поколѣнія съ той поры, какъ европеецъ далъ первый ударъ заступу на этихъ плато. Военная рекогносци-

ровка была произведена тамъ еще въ 1841 году, но окончательная оккупация состоялась лишь во второй половинѣ столѣтія, и долгое время французскіе резиденты боязливо оставались сгруппированными вокругъ фортвъ.

Три главныхъ племени, подраздѣляющіяся на множество второстепенныхъ клановъ, занимаютъ область плоскогорья: на югѣ — немемша, въ центрѣ — уладъ-сиди-ягія-бенъ-талебъ, на сѣверѣ — ганенша, распространяя свои кочевки въ предѣлы тунисской территоріи; это берберы шауйскаго и зенатскаго происхожденія, болѣе или менѣе смѣшанные съ арабами, предшшими во время гилалійскаго нашествія въ XI столѣтіи. Между ганешами живутъ еще еврей-земледѣльцы, и, по общераспространенному въ Алжиріи мнѣнію, это племя и само нѣкогда придерживалось Моисеева закона: сосѣди, арабы и берберы, часто даютъ имъ обидное прозвище ягуди (іудеи), также какъ прозвища бенъ-габешъ, или «сыны абиссинцевъ», и бенъ-феллашъ, или бенъ-феннашъ, «сыны феллата»; такъ сохранилось смутное воспоминаніе о разбѣниіи евреевъ: мало-по-малу алжирскіе берберы узнали о существованіи феллаша на эоіопскихъ плоскогорьяхъ ¹⁾. Мѣстечко Калаа-эсъ-Сенамъ, стоящее на уединенномъ плато, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ надъ размытой водами равниной, есть крѣпость ганеншей, которая, при турецкомъ господствѣ, считалась зависящею отъ Константинскаго бейлика. Въ 1871 г. это племя возмутилось, но съ того времени все спокойно, и колонизація безпрепятственно развивается вокругъ городовъ, которые выстроены французами на мѣстѣ римскихъ поселеній.

Главный изъ этихъ городовъ, Тебесса, замѣтно растетъ, хотя ему далеко до могущественной Тевесты, которую онъ смѣнилъ, и отъ которой еще сохранились величественные памятники. Расположенный на высотѣ 1.088 метровъ, напоминающей климатъ средиземной Европы, у сѣвернаго основанія горнаго вала, образуемаго Джебель-Дукканомъ и защищающаго его отъ знойныхъ сухихъ вѣтровъ пустыни, обильно снабжаемый водою (главный фонтанъ даетъ 2.000 литровъ въ минуту), имѣющій, кромѣ того, обширные лѣса на сосѣднихъ горахъ, ломки мрамора и другіе строительные матеріалы, — Тебесса есть одинъ изъ тѣхъ городовъ Алжиріи, которымъ, повидимому, предстоитъ самая блестящая будущность: онъ уже окруженъ фруктовыми садами, которые орошаются водами, образующими ниже уэдъ Гелатъ, восточный притокъ Меллега. Тевеста не принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Африки: она основана при Веспасіанѣ, но благодаря своему счастливому страте-

¹⁾ Ab. Cahen, «Mémoires de la Société archéologique de Constantine», 1969; — Ch. Feraud, «Revue Africaine», 1874; — Lambert, рукописныя замѣтки.

гическому и торговому положенію, быстро сдѣлалась важнымъ городомъ, съ сорокатысячнымъ населеніемъ; разоренная вандалами, затѣмъ занимаемая послѣдовательно византійцами, арабами и берберами, она нѣсколько разъ получала жителей различнаго происхожденія; до французской оккупации она служила общимъ рынкомъ всѣмъ окружающимъ племенамъ. Теперь арабско-французскій городъ, Тебесса все еще импонируетъ своими руинами римскими или византійскими, своей горделивой оградой, фланкированной тринадцатью башнями, своей прекрасной триумфальной аркой, самой красивой постройкой этого рода, какую намъ оставили римскіе зодчіе, своими некрополями, своимъ водопроводомъ, который поправленъ французами, и храмомъ Минервы, обращеннымъ въ церковь, послѣ того какъ онъ служилъ послѣдовательно мастерскою, складочнымъ магазиномъ и тюрьмой. Большая часть нынѣшнихъ домовъ тоже построены изъ римскихъ фрагментовъ; французская касба (цитадель), занимающая юго-западный уголъ первоначальной ограды, вся сооружена изъ камней, вытесанныхъ колонистами Рима и Византіи. Даже дороги, сходящіяся къ Тебессѣ, во многихъ мѣстахъ не что иное, какъ древне-римскія *viae*, только немного реставрированны: на одной изъ нихъ, которая направлялась къ Ситифису, черезъ Маскулу, Тамгадъ, Ламбезу, Диану, было столько портиковъ, храмовъ, водопроводовъ, что она и теперь еще имѣетъ видъ «триумфальнаго пути»¹⁾. Весьма важно было бы всѣ эти дороги, теперь удобопрѣзжаемыя только въ лѣтнее время, привести какъ можно скорѣе въ исправное состояніе, въ виду того, что Тебесса является естественнымъ посредникомъ между Бонной и Габесомъ, между Тугуртомъ и Тунисомъ. Тебесса связана съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Алжиріи рельсовымъ путемъ, который идетъ черезъ плоскогорья вдоль тунисской границы и, перейдя Меджерду, поднимается къ Сукъ-Ахрасъ; безъ всякаго сомнѣнія, современемъ Тебесса будетъ поставлена также въ прямое сообщеніе съ Константиной посредствомъ другой желѣзной линіи, проходящей на сѣверо-западъ черезъ Аинъ-Бенда: это—мѣсто снабженія провіантомъ для всѣхъ военныхъ станцій южнаго Туниса.

Къ сѣверу отъ Тебессы нѣтъ ни одного центра колонизации до самой Меджерды. Въ этихъ странахъ, гдѣ еще видны слѣды ста-гятидесяти римскихъ городовъ или мѣстечекъ, единственные французскіе посты—*борджи* (крѣпостцы), построенные съ большими издержками вдоль тунисской границы и сдѣлавшіяся почти бесполезными, съ тѣхъ поръ какъ военное наблюденіе перенесено въ укрѣпленный

городъ Кефъ, на территоріи регентства; имъ даже не суждено было сдѣлаться станціями желѣзной дороги изъ Сукъ-Ахраса въ Тебессу, и, можетъ-быть, еще не скоро настанетъ время, когда земледѣльцы переймутъ многочисленныя источники, теряющіеся въ падяхъ плоскогорья. На верхнемъ Меллегѣ, который круглый годъ сохраняетъ теченіе, благодаря сосѣдству горъ Джебель-Ауресъ, исходнымъ пунктомъ земледѣльческаго завоеванія страны является деревня Мескіана, служащая этапомъ на дорогѣ изъ Константины въ Тебессу. Между Мескіаной и Тебессой дорога идетъ по длинному дефилею джебеля Галлуфа, защищенному нѣкогда римскимъ городомъ. Въ этой области почва устьяна до-историческими и римскими развалинами: весь край былъ громаднымъ лѣсомъ оливковыхъ деревьевъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ прессы для выдавливанія масла, остатки которыхъ находятъ въ каждой ruinѣ римской фермы.

Сукъ-Ахрасъ, главный городъ пограничнаго плато, стоитъ на высотѣ 700 метровъ, на скатѣ горъ, ограниченномъ на югѣ извилистымъ теченіемъ верхней Меджерды. Построенный на мѣстѣ древней Тагасты, гдѣ родился блаженный Августинъ, епископъ Гиппонскій, Сукъ-Ахрасъ еще въ 1852 г. былъ не болѣе, какъ военный постъ, угрожаемый могущественнымъ племенемъ ганенша, которое кочевало въ окрестныхъ степяхъ. Сосѣдство тунисской границы придавало этому посту нѣкоторую стратегическую важность, но со времени постройки дорогъ и открытія рельсоваго пути скромная горная деревня быстро превратилась въ цвѣтущій городъ. Сукъ-Ахрасъ, сдѣлавшійся главнымъ внутреннимъ этапомъ между двумя портами, Бонной и Тунисомъ, всего болѣе напоминаетъ города Новаго Свѣта тою горячкою матеріальною прогресса, которая овладѣла его населеніемъ; годъ отъ году улицы вытягиваются все далѣе къ желѣзнодорожной станціи и, по скатамъ плоскогорья, къ долинѣ Меджерды; земли въ окрестностяхъ, продаваемыя администраціей или уступаемыя въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, обращаются въ поля и сады; хребты холмовъ, недавно покрытые кустарникомъ, распахиваются для насажденія винограда; постепенно весь округъ заселяется, и переселенцы находятъ тамъ какъ бы вторую Францію по обилію водъ, здоровости климата, разнообразію и превосходному качеству земледѣльческихъ произведеній. Центръ заселенія для плоскогорій восточной Алжиріи, Сукъ-Ахрасъ является, кромѣ того, промышленнымъ инициаторомъ для западнаго Туниса: отсюда будетъ совершаться мало-по-малу присоединеніе долины Меджерды къ европейскому міру.

Городъ новый, Сукъ-Ахрасъ сохранилъ отъ римской древности только надписи да безформенные камни; главная его достопримѣчатель-

¹⁾ E. Masqueray, "Coup d'œil sur l'histoire de l'Afrique Septentrionale".

ность — произведение современной индустрии: это желѣзная дорога, поднимающаяся съ береговъ Меджерды, чтобы перейти траншеями и туннелемъ Феджъ-эль-Мокта гребень горъ (778 метр.), на южной сторонѣ города, и спуститься черезъ скалы и лѣса длиннымъ рядомъ кривыхъ въ долину Сейбузы: немногія мѣстности Алжири могутъ сравниться, по красотѣ пейзажа, съ видами, которые открываются взорамъ путешественника во время этого подъема на горы, когда поѣздъ послѣдовательно переходитъ изъ одного климата въ другой. Большіе лѣса, которые тянутся къ сѣверу отъ Сукъ-Ахраса, на высотахъ Бени-Салахъ, принадлежатъ къ лучшимъ въ Алжиріи, и въ прогалинахъ этихъ лѣсовъ бьютъ изъ земли горячіе и сѣрные ключи, изъ которыхъ нѣкоторые утилизируются. На южныхъ плато, за глубокой впадиной, гдѣ течетъ Меджерда, деревья рѣдки, хребты покрыты травой, на которой пасутся стада племені ганенша; но римскія развалины разсѣяны тамъ въ большомъ числѣ: къ юго-востоку отъ Сукъ-Ахраса, близъ Айнъ-Геттара, генширъ Таура стоитъ на мѣстѣ древней Тагуры, отъ которой уцѣлѣлъ храмъ, преобразованный арабами въ фортъ; на югѣ, у подошвы зубчатого гребня, кругъ обломковъ, Мдаурушъ, напоминаетъ Мадауру, родину риторы Апулея, городъ словесниковъ, гдѣ св. Августинъ проходилъ курсъ ученія, прежде чѣмъ отправиться въ Карфагенъ; далѣе къ западу, на томъ же плато, изрытомъ ручьями, спускающимися къ верхней Меджердѣ, разсѣяны развалины Тифеша, Типазы (Tirasa) римлянъ. У самыхъ истоковъ Меджерды, на округлыхъ пригоркахъ расположены руины Хемиссы, которая въ римскую эпоху называлась Тубурсикумъ «нумидійцевъ»: дѣйствительно, между надгробными надписями, найденными среди фрагментовъ дворцовъ и храмовъ, многія носятъ ливійскія или «нумидійскія» имена, рѣзко отличающіяся отъ римскихъ praenomina.

Алжирскія общины бассейна Меджерды, съ цифрой ихъ населенія (1881 г.):

Сукъ-Ахрасъ—5.961 ж. (3.840 европейцевъ и евреевъ); Тебесса—3.048 ж. (1.009 европейцевъ и евреевъ).

Сѣверный склонъ горъ, проходящихъ на сѣверѣ отъ Сукъ-Ахраса и соединяющихся съ тунисскими массивами Хумиріи, даетъ начало нѣсколькимъ многоводнымъ ручьямъ, которые всѣ вмѣстѣ образуютъ бассейнъ рѣки Мафрагъ. Въ настоящее время только становища племені бени-ахмаръ, да нѣсколько французскихъ поселковъ разсѣяны въ этомъ бассейнѣ, очень рѣдко населенномъ, но которому суждено сдѣлаться одною изъ многочислѣннѣйшихъ мѣстностей Алжири, судя по обилію дождей и плодородію почвы. Единственный городъ этого края лежитъ внѣ бассейна р. Мафрагъ, на берегу бухточки Средиземнаго моря, отдѣленный

отъ внутренности материка амфитеатромъ холмовъ съ крутыми скатами. Городъ этотъ—Ла-Калле (la Calle). Сосѣднія высоты покрыты лѣсами, состоящими большею частію изъ пробковаго дуба; только нѣсколько садовъ и полей образуютъ узкій поясъ вокругъ домовъ. Ла-Калле не разъ рисковалъ бы умереть съ голоду, если бы его не выручало чрезвычайное обиліе рыбы, живущей въ его водахъ; съ другими городами Сѣверной Африки онъ соединенъ только бонскою дорогою, впрочемъ, довольно трудною для проѣзда въ нѣкоторыхъ частяхъ ея протяженія. Кажется, что имя la Calle было присвоено бывшему арабскому мѣстечку Мерсъ-эль-Херразъ по причинѣ формы его порта, который походитъ на «cale», бассейнъ для починки судовъ; или, можетъ-быть, названіе это произошло отъ слова Калаа, то-есть, «замокъ». Гавань этой крѣпости была гнѣздомъ корсаровъ; но уже почти за полтора столѣтія до завоеванія Алжири скалистый полуостровъ, на которомъ стоитъ первоначальное мѣстечко, сдѣлался французскою землею. Съ 1560 г. нѣкоторые марсельскіе негодяи, учредивъ компанію подъ названіемъ «африканской», основали «Французскій Бастіонъ» (Bastion de France) недалеко отъ канала, черезъ который изливается въ море излишекъ воды озера Меллахъ, и провансальскіе матросы, служившіе при этой конторѣ, занимались, въ пользу компаніи, ловлею коралловъ на сосѣднихъ берегахъ. Въ 1694 г. поселеніе было переведено въ Мерсъ-эль-Херразъ, сдѣлавшійся портомъ Ла-Калле, и маленькая колонія «дрягилей» (frégataires), вербовавшихся главнымъ образомъ въ тюрьмахъ Франціи, продолжала существовать на этой скалѣ африканскаго берега; доступъ женщинамъ на станцію былъ безусловно воспрещенъ. Во время войнъ первой имперіи англичане купили у туземцевъ контору въ Ла-Калле, но въ 1816 г. возвратили ее французамъ. Затѣмъ маленький гарнизонъ провансальской компаніи снова долженъ былъ покинуть портъ въ 1827 г., когда вспыхнула война между Франціей и алжирскимъ деємъ: оккупанція развалинъ послѣдовала лишь въ 1836 г. Новый городъ выстроился на континентальномъ берегу, напротивъ стараго мѣстечка.

Несмотря на эту давность занятія французами, Ла-Калле изъ всѣхъ городовъ Алжири наименѣе французскій по національности его жителей: между поселившимися тамъ европейцами три четверти—итальянцы, преимущественно изъ Неаполя и Сициліи. Ловля коралловъ, главный промыселъ этихъ водъ, до недавняго времени практиковалась исключительно одними итальянцами; почти на всѣхъ судахъ, занятыхъ этимъ промысломъ на коралловыхъ меляхъ, экипажъ состоялъ изъ итальянскихъ моряковъ, уроженцевъ Торре-дель-Греко. Съ 1864 г. монополія ловли перешла въ

другія руки, по крайней мѣрѣ официально; чтобы освободиться отъ платежа пошлины за патентъ, многіе неаполитанскіе ловцы приняли

быстро возрасло; но когда способъ ловли измѣнился и, вмѣсто прежнихъ примитивныхъ снарядовъ, стали употреблять драгу, мели посте-

Природная арка въ Константиѣ.

французское подданство и, водворившись на постоянное жительство въ Ла-Калле, способствовали поднятію торговли этого алжирскаго города; число судовъ, посылаемыхъ на мели,

пленно опустѣли, и большинство барокъ остались безъ дѣла. Вообще эксплуатація коралловыхъ банокъ теперь въ упадкѣ въ водахъ Ла-Калле, какъ и въ водахъ Табарки; цѣнность

вывоза уменьшилась болѣе, чѣмъ на половину, какъ показываютъ слѣдующія цифры, относящіяся къ первому изъ этихъ городовъ: въ 1821 г.: 241 судно; 2.600 ловцовъ; уловъ: 37.950 кило; цѣнность: 1.983.000 франк.; въ 1882 г.: 150 судовъ; 1.054 ловца; уловъ: 19.720 кило; цѣнность: 983.000 франк.

По счастью, другой промыселъ — соленье сардинокъ — замѣнилъ отчасти коралловую ловлю; въ окрестностяхъ города основано три солильни, продукты которыхъ отправляются въ Неаполь и во всю Южную Италию. Тамонские рыболовы снабжаютъ также свѣжею рыбою города побережья, но пока Ла-Калле не обзаведется портомъ, доступнымъ большимъ морскимъ судамъ, и не будетъ соединенъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, онъ не можетъ имѣть сколько-нибудь важнаго значенія для торговли въ собственномъ смыслѣ. Теперешняя «гавань» его очень опасна: какъ только вѣтеръ немного усилится, волны въ видѣ пѣнящагося буруна врываюся въ узкій проходъ, и суда вынуждены держаться въ открытомъ морѣ, подъ ударами бури: по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ портъ остается неприступнымъ. Были, правда, предпринимавы работы по сооруженію гавани, но безъ всякаго плана и послѣдовательности. Бухта св. Мартина, къ востоку отъ города, была выкопана, затѣмъ завалена, и теперь она наполнена глыбами бетона, оставшимися безъ употребленія. По новому проекту, предполагается продолжить стрѣлку маяка при помощи криволинейнаго жете и такимъ образомъ защитить входъ отъ вѣтра и волнъ. Черная скала, на которую должно опираться проектированное жете, замѣчательна сотнями круглыхъ ямъ, наклонныхъ, горизонтальныхъ и вертикальных, которыя вырыты круговращательнымъ движеніемъ камней, принесенныхъ волнами. Эти «котлы гигантовъ» такъ многочисленны и такъ часты, раздѣлены стѣнками дотого острыми и разорванными, что далеко не безопасно пробираться по этой скалѣ, просверленной во всѣхъ направленіяхъ кружащимися камнями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ котлы сообщаются съ моремъ, и ревущія волны льются въ нихъ пѣнистыми снопами. Внутри материка встрѣчаются подобныя же углубленія, вырытыя нѣкогда моремъ.

Километрахъ въ десяти къ востоку отъ Ла-Калле, на тунисской границѣ, деревня Умъ-эль-Тебуль, защищенная укрѣпленнымъ зданіемъ, занимаетъ нижніе хребты каменистой горы, очень богатой залежами серебряноснаго свинца; тутъ начинается горнопромышленная область, продолжающаяся въ Тунисъ, въ территоріи племенъ хумиръ и нефза. Рудники въ Умъ-эль-Тебуль, «Матери шлаковъ», дѣятельно разрабатываются; около трехсотъ рудокоповъ, по большей части пѣмонтцевъ, добываютъ каждый годъ отъ 2.500 до 3.000 тоннъ руды, которая

перевозится по особой желѣзнодорожной вѣтви на морской берегъ въ Мезиду, гдѣ ее грузятъ на суда. За неимѣніемъ порта въ Ла-Калле, тебульскіе рудокопы должны были построить собственный амбаркадеръ у подошвы «Круглой» горы, совершенно правильнаго конуса, который господствуетъ надъ выходомъ канала, проведеннаго изъ Гараа-эль-Гутъ. Область Ла-Калле, Умъ-эль-Тебуль и тунисской границы замѣчательна еще тѣмъ, что въ ея древнихъ некрополяхъ найдены самыя большіе долмены и наибольшее число двуязычныхъ надписей, латинскихъ и берберскихъ¹⁾.

Въ бассейнѣ Сейбузы, одномъ изъ главныхъ бассейновъ Сѣверной Африки, стражемъ его устья служить городъ Бона, пятый между городами Алжиріи по числу жителей и одинъ изъ ея исторически замѣчательныхъ городовъ; въ области истоковъ, рѣка Шерфъ, главная вѣтвь Сейбузы, тоже охраняется городомъ, но это городъ новѣйшей формации — Аинъ-Бинда, «Бѣлый Ключъ», или просто Бинда; онъ основанъ въ 1848 г., и развалины, мегалитовыя и другія, находимыя въ этомъ мѣстѣ, не были отождествлены съ какими-либо римскимъ постомъ. Аинъ-Бенда, лежащая на плато, почти на полпути изъ Константины въ Тебессу, обладаетъ тѣми же выгодами, какъ и этотъ послѣдній городъ: здоровымъ климатомъ, плодородными землями, обильными водами. Евреевъ очень много, больше даже, чѣмъ французовъ, въ этомъ рынкѣ, куда спускаются за покупками горныя племена съ Джебель-Ауреса: эти еврейскіе торговцы, между прочимъ, снабжаютъ мануфактурными товарами могущественный народецъ гаракта, нѣкогда владѣвшій всею этой частью плоскогорья и центральной впадины, называемой Гараа-отъ-Тарфъ, куда изливаются во время дождей многочисленные ручьи, берущіе начало на плато и въ долинахъ Ауреса. Племя гаракта, численность котораго опредѣляютъ въ 30.000 душъ, сдѣлало большіе успѣхи въ культурѣ: очень многія семьи изъ кочевниковъ обратились въ осѣдлыхъ жителей, и верблюды уже замѣнены у нихъ рабочими волами. На сѣверо-западѣ отъ «Бѣлаго Источника» находится другой важный рынокъ этого племени, Умъ-эль-Буаги, гдѣ выдѣлываютъ кадки и другую деревянную посуду, отправляемую даже въ отдаленныя мѣстности.

Уадъ Зенати, называемый обыкновенно Гамданъ, образуетъ, вмѣстѣ съ уадомъ Шерфъ, рѣку Сейбузу. Въ верхней его долині, еще нездоровой и посѣщаемой періодически лихорадками, главная община — городъ того же имени, Уадъ-Зенати. Это большое мѣстечко, быстро растущее, окружено хребтами, покры-

¹⁾ Rebound; — Jadas; — Letourneux; — Mercier; — E. Renard, „Revue des Deux Mondes“, 11 sept. 1873.

тыми травой, но лишенными древесной растительности; впрочем, теперь разводить деревья въ лощинахъ и по скатамъ вокругъ каждого жилища. Земли Уадъ-Зенати, Аинъ-эръ-Регада, Аинъ-эль-Абидъ и всего тамошняго округа были уступлены казною одной финансовой компаніи и составляли, вмѣстѣ съ нѣсколькими разбросанными островками, громадное имѣніе въ 100.000 гектаровъ, въ томъ числѣ около 75.000 гектар. въ одной межѣ. Небольшая часть этого пространства была продана, но утилизируемыя земли почти всѣ сдаются въ аренду или въ наемъ поселенцамъ-исполовичникамъ. Вокругъ каждой деревни селятся колонисты, поля и сады которыхъ представляютъ рѣзкій контрастъ съ обширными невоздѣланными пространствами, служащими еще выгодомъ для скота.

Нѣсколько домовъ и желѣзнодорожная станція расположились на берегу узда Гамданъ, недалеко отъ слиянія его съ Шерфомъ; поселеніе это носитъ названіе Гаммамъ-эль-Месхутинъ, то-есть «купальни проклятыхъ». Въ этомъ мѣстѣ русло ручья захвачено окаменѣлымъ водопадомъ, около десяти метровъ высоты, который трудно видѣть во всемъ его объемѣ по причинѣ выпуклой формы, которую приняла эта масса известковыхъ слѣпковъ. Ниспадая рядомъ маленькихъ каскадовъ, которые безпрестанно мѣняютъ мѣсто, вслѣдствіе постепеннаго нарастанія скалы, вода отложила изъ водоема въ водоемъ свои разноцвѣтныя инкрустаціи, красныя, фіолетовыя, синеватыя, сѣрыя, мѣстами ослѣпительно бѣлыя, какъ недавно выпавшій снѣгъ. По ступенькамъ, высѣченными въ камнѣ, съ боку дымящагося водопада, можно взобраться на вершину кручи, откуда низвергаются ключи, вытекающие съ елокотаніемъ изъ воронкообразныхъ отверстій въ известковой корѣ, синеватой, какъ трещины ледника; надъ кипящими источниками поднимаются столбы пара, колеблемые вѣтромъ и попеременно то скрывающіе, то открывающіе окружающій пейзажъ — оливковыя деревья въ долинѣ, поросшіе травой скаты холмовъ и волнистый профиль гребней горъ. Ключи въ Гаммамъ-эль-Месхутинѣ очень обильны: они выбрасываютъ 1.650 литровъ въ секунду, — объемъ воды, какого не даютъ ни одинъ изъ горячихъ источниковъ Франціи; въ то же время температура ихъ чрезвычайно высока — отъ 90 до 95 градусовъ Цельсія: окрестные арабы пользуются этими фонтанами для варки пищи и для мочки растенія дысь, изъ волоконъ котораго вяжутъ веревки. Инкрустаціи, довольно крупнаго зерна, отлагаются такъ быстро, что для поддержанія рыбныхъ садковъ, устроенныхъ по сторонамъ каменнаго водопада, приходится безпрестанно проводить новыя канавки. Позади катаракта, на плато, высятся сѣроватые конусы, отъ которыхъ источники и по-

лучили свое настоящее названіе «Проклятыхъ бань». Конусы эти, какъ гласитъ легенда, — персонажи кровосмѣсительной свадьбы, обращенные въ камень: деревья, выступы скалъ, бугры изображаютъ головные уборы, покрывала, развѣвающиеся мантии, и не нужно обладать особенно пылкимъ воображеніемъ, чтобы представить себѣ свадебный поѣздъ гигантовъ. Эти естественные обелиски свидѣлствуютъ объ уменьшеніи дѣятельности въ изверженіи фонтановъ: въ эпоху образованія конусовъ, воды, болѣе обильныя, имѣли болѣшую силу подъема и могли взлетать на 5 метровъ надъ ихъ нынѣшнимъ уровнемъ при выходѣ на поверхность. Позади этого передоваго фронта травертиноваго каскада, та же горная порода, отложенная горячею водою, занимаетъ взбросъ пласта, около 2 километр. длиной, направленный съ юга на сѣверъ, и на этомъ пространствѣ видѣются другіе осадочные конусы, другіе застывшіе водопады и обрушившійся сводъ, на днѣ котораго разстилается подземное озеро: всѣ эти многочисленныя источники пропадаютъ безъ пользы въ оврагахъ. Термальный воды Гаммамъ-эль-Месхутинъ утилизируются въ военномъ госпиталѣ и въ гражданской больницѣ, посѣщаемой преимущественно евреями; вѣтъ сомнѣнія, станція «Проклятой бани» рано или поздно получитъ первостепенную важность въ терапевтикѣ Алжиріи. Римское ея имя *Aquae Tibilitanae* (Тибилитанскія воды) происходитъ отъ города Тибили, или Ануна, развалины котораго находятся верстахъ въ десяти къ юго-западу, на дорогѣ, соединяющей деревни Клозель и Уадъ-Зенати; неподалеку отсюда, одна скала, Гаджаръ-эль-Хенга, покрыта странными изваяніями, между которыми различаютъ людей, собакъ, быковъ и страуса ¹⁾. На сѣверѣ отъ Гаммамъ-эль-Месхутинъ, по другую сторону цѣли голыхъ холмовъ, лежитъ мѣстность Рокниа, усыпанная доисторическими памятниками; скалы тамъ покрыты долменами и изрыты безчисленными (болѣе трехъ тысячъ) могильными склепами, извѣстными у туземцевъ подъ именемъ *tanutz*, или «лавки»; изъ этихъ усыпальницъ извлечено много скелетовъ, очень любопытныхъ для антропологическаго изученія расъ Алжиріи.

По соединеніи выше Меджезъ-Ахмара или «Краснаго Брода», двѣ рѣки, Шерфъ и Зенати, образуютъ Сейбузу, которая течетъ извилинами черезъ луга и поля. На одномъ изъ холмовъ праваго берега, за каменными стѣнами и густою зеленью, прячется городокъ Гельма, наслѣдникъ имени, если не мѣстоположенія, римской Каламы, гдѣ еще въ пятый столѣтіи говорили «пуническимъ языкомъ». Чистенькій и хорошо построенный, на общей границѣ арабской и берберской территорій, Гельма,

¹⁾ Ch. de Vigneral, „Ruines romaines de l'Algérie“.

между второстепенными городами Алжиріи, одинъ изъ самыхъ пріятныхъ; виноградники, покрывающіе скаты холмовъ, и масличныя рощи, окаймляющія берега Сейбузы, образуютъ вокругъ него зеленѣющій поясъ. Хорошенькія деревни, Айнъ-Тута, Геліополь, Миллезимо, Пети, раскиданы въ долині. Въ окрестностяхъ Гельмы есть минеральные источники; самые обильные и наиболѣе утилизируемые изъ нихъ—ключи Гаммамъ-эль-Бейда, въ 9 километр. къ сѣверо-востоку, въ бассейнѣ, который окружаютъ римскія руины, обвитыя гирляндами листвы.

Живописная деревня Дювиье господствуетъ надъ правымъ берегомъ Сейбузы, противъ станціи, гдѣ расходятся двѣ желѣзныя дороги, алжирская и тунисская. Благодаря удобству сообщеній и плодородію почвы, европейскія поселенія довольно многочисленны въ нижней долині Сейбузы. Барраль, Мондови, славящійся своимъ табакомъ, Дюзервилъ, занимаютъ западный склонъ; Уадъ-Бесбе, Мерде или Комбъ, Зеризеръ, Рандонъ, Моррисъ, Бланданъ, окруженные рощицами, расположились въ восточной равнинѣ; на западѣ, въ долині Мебуджи, притока Сейбузы, виднѣется мѣстечко Пантьевръ. Усадьбы, фермы встрѣчаются все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ Бонѣ: передъ входомъ въ этотъ городъ тянется цѣлое предмѣстье, принадлежащее къ его округу. Слѣдующій фактъ даетъ понятіе объ успѣхахъ колонизаціи и перемѣнѣ вида этой мѣстности: отъ Боны до Константины, на пространствѣ 200 километровъ, въ 1837 году, во время побѣдоносной экспедиціи французовъ, существовало одно только строеніе—марабутъ (мавзолей) Сиди-ибнъ-Темтамъ, близъ узда Зенати. Другія зданія, видѣвшіяся по сторонамъ дороги, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ нея, тоже были гробницы¹⁾.

Бона, сохранившая римское имя Гиппоны (Убба карфагенцевъ), стоитъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ находился этотъ древній городъ. Hierro Regius, гдѣ знаменитый епископъ Августинъ провелъ тридцать-пять лѣтъ, и который разрушили вандалы въ слѣдующемъ послѣ его кончины году (431), былъ расположенъ въ 2 километрахъ отъ нынѣшняго города, на холмѣ, съ котораго открывается чудный видъ на разстилающуюся внизу зеленѣющую равнину, по которой извиваются серебристою лентою рѣчки, окаймленные деревьями и садами, и на синее море, надъ которымъ высится могучій конусъ горы Эдугъ. Нѣсколько развалинъ, послѣднихъ остатковъ бывшей Глизіа-Руми («церковь римлянъ»), разсыпаны еще по скату Гиппонскаго холма, и недалеко отъ его основанія, мостъ, перекинутый черезъ

Буджему (Бу-Джемаа), притокъ Сейбузы, покоится на римскихъ фундаментахъ. Постоянное приращеніе аллювальной равнины, образуемой наносами Сейбузы, вѣроятно, и заставило выбрать для города мѣсто сѣвернѣе руинъ Гиппоны: портъ, находившійся двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ у подошвы холма, былъ постепенно отодвинутъ къ сѣверу, и суда, вмѣсто того, чтобы заходить въ естественную, но мелководную гавань, которую представляло устье Сейбузы, должны были бросать якорь въ морѣ, подъ мало надежною защитою скалы, на которой теперь расположена Бонская касба (цитадель). Арабскій городъ построенъ на скатахъ этой горки, но послѣ французскаго завоеванія это пространство было недостаточно для принятія переселенцевъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ, и за стѣнами ограды, оказавшейся слишкомъ тѣсною, выросъ цѣлый городъ, протянувшій свои широкія, вѣерообразно расходящіяся улицы въ низменной равнинѣ, которая простирается къ Сейбузѣ. Между старыми и новыми кварталами тянется красивый бульваръ, отъ моря до холма, обсаженного деревьями, который скоро будетъ частію скрытъ для того, чтобы можно было продолжить аллею далеко въ поле. Благодаря чистотѣ своихъ улицъ, хорошо поливаемыхъ, благодаря своимъ тѣнистымъ гульбищамъ и прекраснымъ садамъ, Бона—одинъ изъ самыхъ пріятныхъ городовъ Алжиріи, одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе отличаются промышленною и политическою инициативою. Мѣстопробываніе Гиппонской академіи, Бона проявляетъ даже нѣкоторое научное и литературное движеніе. Она оспариваетъ у Константины первенство въ восточной Алжиріи и заранѣе присвоиваетъ себѣ титулъ главнаго города департамента Сейбузы¹⁾. Арабское ея имя Бледъ-эль-Гунель (Аннаба) значить «городъ юлюбъ»: прежде эти деревца, теперь замѣненные апельсиновыми и другими фруктовыми деревьями, окружали городскія стѣны поясомъ зелени.

Какъ приморскій портъ, Бона имѣетъ большія преимущества: рейдъ ея, хорошо защищенный отъ западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ мысомъ Гардъ, былъ извѣстенъ морякамъ въ средніе вѣка, и несмотря на пиратскія экспедиціи, предпринимавшіяся съ той и другой стороны, спеціальныя конвенціи охраняли европейскихъ мореходовъ,—лизанскихъ, флорентійскихъ, генуэзскихъ, каталонскихъ, марсельскихъ—которые въ разныя эпохи или одновременно вели мѣновую торговлю съ бонскими маврами: дважды, въ 1152 и 1535 гг., этотъ городъ даже попадалъ подъ власть христіанъ. Занятая французами въ 1830 году, затѣмъ покинутая и снова взятая окончательно въ

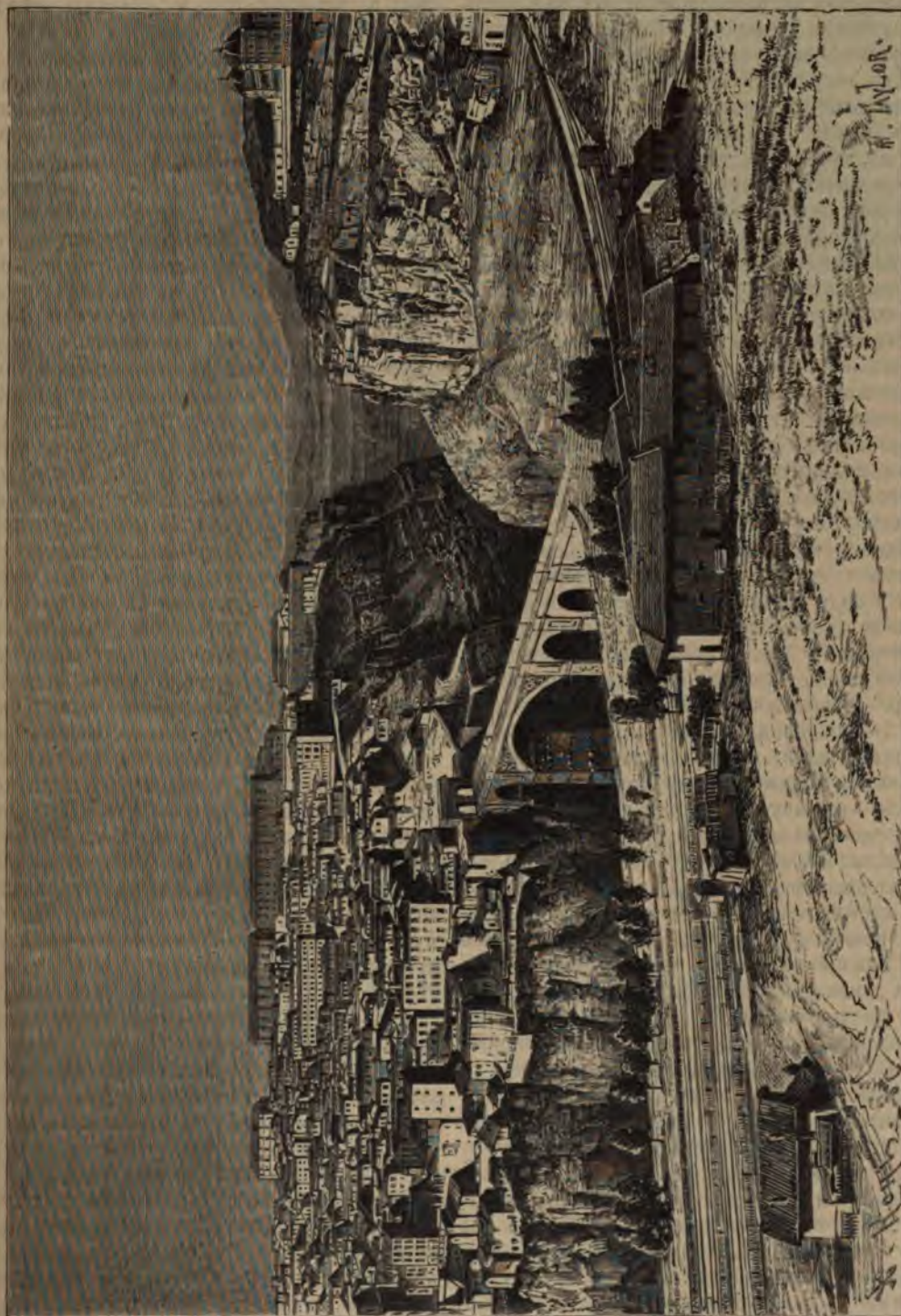
¹⁾ Falbe et Grenville Temple, «Excursion à Constantine, à la suite de l'armée française».

¹⁾ O. Niel, «Carte du futur département de la Seybouse».

1832 году, Бона сдѣлалась однимъ изъ главныхъ рейдовъ для эскадръ на алжирскомъ берегу, но къ устройству въ ней порта приступили только послѣ бури 1835 года, выбросив-

10 гектаровъ, а передовой портъ, защищенный отъ волненія открытаго моря жете длиной около 800 метровъ, занимаетъ площадь въ 70 гектаровъ; но возрастающія потребности тор-

Общій видъ города Константины.

шей на берегъ одиннадцать кораблей. Нынѣшняя гавань, одинъ изъ рѣдкихъ бассейновъ Алжиріи, гдѣ большія морскія суда, сидяція въ водѣ отъ 5 до 6 метровъ, могутъ причаливать къ набережной, занимаетъ площадь въ

говли, которая ведется главнымъ образомъ съ Алжиромъ, Марселемъ, Тунисомъ, требуютъ также увеличенія пространства, удобнаго для якорной стоянки. Землистыя частицы, приносимыя водами Сейбузы, осаждаются тысячами

кубических метровъ въ бассейнахъ, и суда не всегда могутъ безопасно входить въ портъ, когда море взволновано: большіе корабли, грузящіе желѣзную руду, принуждены доканчивать нагрузку въ передовомъ портѣ при помощи лихтеровъ и шаландъ. Теперь занимаются преобразованиемъ большей части вѣшняго порта во второй бассейнъ и обведеніемъ его набережными, отвоеванными у моря.

Торговля Бонны, естественно, должна возрастать по мѣрѣ того, какъ сѣтъ удобныхъ путей сообщенія будетъ расширяться и желѣзные дороги будутъ проникать въ глубь страны: связующій пунктъ рельсовыхъ линій Туниса и Алжира, Бона важнѣе даже, чѣмъ городъ Тунисъ, по размѣрамъ товарнаго движенія, направляющагося черезъ ея желѣзно-дорожную станцію, и черезъ ея портъ вывозится весьма значительная часть земледѣльческихъ продуктовъ, собираемыхъ въ бассейнѣ Меджерды. Послѣ занятія регентства французскими войсками, тысячи бонцевъ устремились въ Тунисъ искать счастья, и одно время можно было опасаться, что городъ совсѣмъ опустѣетъ; но большинство эмигрантовъ вернулось на родину, и теперь они изъ своего города управляютъ движеніемъ тунисскаго экспорта. Торговое движеніе Бонны въ 1883 году выразилось слѣдующими цифрами: число судовъ, прибывшихъ и вышедшихъ изъ порта, 1.231, общая вмѣстимость ихъ 512.709 тоннъ, годовая цѣнность оборотовъ — 60.000.000 франковъ; въ 1891 г. было въ приходѣ: 763 парохода, въ 548.945 тоннъ, и 346 парусныхъ судовъ, въ 17.694 т. Населеніе Бонны очень смѣшанное; между европейцами большинство — французы, но они составляютъ не болѣе трети числа жителей; за ними слѣдуютъ итальянцы; изъ европейцевъ особенно малѣйцы, разведеніемъ садовъ и дренажемъ почвы, много способствуютъ постепенному ассенизированию равнины и превращенію ея въ чудный «садъ Алжира», который мало-по-малу покрывается домиками и вилами. Въ городѣ живетъ около тысячи кабилонъ и мзабитовъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе въ качествѣ черно-рабочихъ и носильщиковъ. Испанцы немногочисленны въ Боннѣ, а бывшіе господа края, магометане, составляютъ не болѣе шестой части всего городского населенія; нѣсколько тысячъ ихъ, почти исключительно кабилы, имѣющіе своихъ марабутовъ, своихъ законниковъ, коммерсантовъ, также и своихъ ростовщиковъ, живутъ за городомъ, въ грязныхъ, но живописныхъ лугахъ (гурби), обсаженныхъ варварскими смоковницами и образующихъ большое пригородное село или предмѣстье, известное у французовъ подъ именемъ «Beni Ramasés» (сбородъ). Такъ возникали въ Галліи, во времена римскаго владычества, деревни канавцевъ: это было генерическое имя, даваемое всѣмъ жителямъ группъ санавас или хатъ, обра-

зовавшимся въ сосѣдствѣ полей. Таково было происхожденіе, на границахъ имперіи, городовъ, которые впоследствии поднялись на степень муниципій: можно указать, между прочимъ на Argentoratum, и Aquincum, нынѣшніе Страсбургъ и Буда ¹⁾

Пользуясь столькими преимуществами между алжирскими городами, Бона представляетъ еще ту выгоду, что въ сосѣдствѣ ея имѣется великолѣпный санаторій или дачное мѣсто, въ горахъ Эдугъ, которыя господствуютъ надъ нею съ западной стороны, и высокіе скаты которыхъ напоминаютъ почву Франціи своей растительностью — каштаномъ, орѣшиной, лещиной; впрочемъ, преобладающая древесная порода — пробковый дубъ, который и эксплуатируется всего дѣятельнѣе. Деревня Бюжо и многія другія группы домовъ, расположенныя близъ гребня и водопровода, питающаго Бону, привлекаютъ во время лѣтняго сезона множество посѣтителей, которые прѣзжаютъ туда для возстановленія силъ, уменьшенныхъ разслабляющимъ воздухомъ равнины; нельзя, однако, не удивляться, что станція Эдугъ еще не оценена по достоинству, и что ея долины, замѣчательно плодородныя, остаются почти безъ жителей. Съ вершины на всемъ пространствѣ, которое можно окинуть взоромъ, видишь только деревья и кустарники въ обширномъ массивѣ горъ и холмовъ, постепенно спускающемся съ одной стороны къ морю, съ другой — къ низменности, занимаемой озеромъ Фепара; на сѣверномъ берегу, между мысомъ Гардъ и мысомъ Желѣзнымъ, существуетъ только одно населенное мѣсто — маленькая гавань Эрбилонъ (Такушъ), гдѣ живутъ нѣсколько рыбаковъ. Южный склонъ Джебель-Эдуга болѣе населенъ, благодаря желѣзнымъ рудникамъ Мокта-эль-Гадидъ, которые доставляютъ превосходную руду, почти такъ же высоко цѣнимую, какъ далекарлійская, и содержащую 62 процента чистаго металла; въ шахтахъ работаетъ болѣе тысячи рудокоповъ. Годовая добыча, далеко превосходящая потребности мѣстныхъ заводовъ, составляетъ около 400.000 тоннъ (свыше 24 милл. пуд.), на сумму 7 миліоновъ франк., и продукты ея отправляются не только во Францію, но также въ Англію, въ Нидерланды, въ Новый Свѣтъ. Въ 1873 году, который былъ годомъ наиболѣе дѣятельной эксплуатаціи, рудники дали въ сложности 845.000 тоннъ руды. Что касается залежей, очень богатыхъ, мѣди и цинка, находящихся въ Аннъ-Барбатъ, въ самомъ сердцѣ Эдуга, то онѣ болѣе не разрабатываются, по причинѣ крайней трудности перевозки руды.

Менѣе, чѣмъ въ полверстѣ къ югу отъ рудниковъ Мокта-эль-Гадидъ, расположено большое село Аннъ-Мохра, къ сожалѣнію, выста-

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

вленное вреднымъ испареніямъ Фецары, озера или, вѣрнѣе, болота, средняя глубина котораго не превышаетъ 2 метровъ. Это, очевидно, остатокъ древняго залива, который продолжалъ нынѣшній Бонскій заливъ равнинами, теперь обсохшими, рѣкъ Мафрага и Мемуджи: наносы Сейбузы и другихъ рѣчекъ равнины постепенно расширили перешеекъ, раздѣляющій море и восточную оконечность первоначальной бухты; но дно озерной впадины было мало-по-малу поднято отложеніемъ наносовъ, такъ какъ оно теперь лежитъ на 11 метровъ выше уровня Средиземнаго моря. Можетъ-быть, засореніе каналовъ, черезъ которое уходила вода, задержало жидкую массу въ озерѣ Фецара и повысило его уровень, или даже было причиной образованія этого озера; послѣднее предположеніе всего вѣроятнѣе, если правда, что найдены развалины въ глубокой части бассейна. Какъ бы то ни было, часто поднимался вопросъ о томъ, чтобы опорожнить озеро Фецара и такимъ образомъ пріобрѣсти для земледѣлія и правильнаго орошенія 12.700 гектаровъ, которые оно покрываетъ своими водами и грязями; инженеры даже систематически вели, въ теченіе многихъ лѣтъ, работы по осушенію этого пространства; но зимніе дожди снова завоевали осушенные земли. Однако, не трудно было бы углубить русло Мебуджи до уровня ниже Фецары и спустить всю воду изъ озера въ нижнюю Сейбузу. По крайней мѣрѣ, болотистый поясъ сузился съ прорытіемъ обводнаго канала, идущаго вокругъ озера, и съ насаженіемъ эвкалипта и другихъ деревьевъ; впрочемъ, эти плантаціи во многихъ мѣстахъ погибли вслѣдствіе гніенія корней. Лѣтомъ почти вся котловина озера пересыхаетъ, и поверхность ея покрывается безконечною сѣтью трещинъ: отсюда и названіе Гараа-эль-Фецара, или «Потрескавшійся прудъ», которое дали этой водной площади ¹⁾).

Рудники и мѣстечко Аинъ-Мохра соединены съ Бонскимъ портомъ желѣзною дорогою, которая проходитъ черезъ узкій проломъ, раздѣляющій два массива, Эдугъ и Белелнта: пороги прохода лежатъ на высотѣ всего только 35 метровъ. Дорога эта скоро будетъ продолжена на западъ къ станціи Сенъ-Шарль, на рельсовомъ пути изъ Константины въ Филиппивиль; легко можно бы было продолжить ее также къ морю, такъ какъ Аинъ-Мохра лежитъ на высотѣ всего какихъ-нибудь тридцати метровъ, на пороги между бассейномъ озера Фецара и покатою уада Эль-Кебиръ или Сангеджа. Чтобы достигнуть Филиппивля, эта желѣзная дорога должна бы была обогнуть мысъ Филфила, очень богатый желѣзною рудою; знаменитые филфильскіе мраморы, которые эксплуатировались римлянами, представляютъ большое разнообразіе оттѣнковъ, отъ бѣлаго

статуянаго до бѣлаго крапчатаго. Ожидаютъ только постройки пути, чтобы возобновить работы въ ломкахъ.

Главные полноправныя общины на сѣверо-востокѣ и въ бассейнѣ р. Сейбузы: Бона—31.000 жит.; Ла-Калле—7.000; Гельма—6.000; Уадъ-Зенати—14.000; Рандонъ—6.000; Дюзервиль—3.000; Аинъ-Мохра—3.000 жит.

Бассейнъ уада-эль-Кебиръ, обнимающій всю область, обитаемую берберскими племенами зердеза, реджата, санхеджа, къ западу отъ озера Фецара, и воды котораго изливаются въ заливъ, защищенный Желѣзнымъ мысомъ, имѣетъ довольно значительный европейскій городъ; это Жеммапъ, окруженный полями, виноградниками и фермами. Въ Алжиріи мало найдется мѣстностей, которымъ можно бы было предсказать такую счастливую земледѣльческую будущность, какъ плодороднымъ и обильно орошаемымъ долинамъ Жеммапскаго округа. Племя санхеджа, давшее свое имя небольшой рѣкѣ, сохранило названіе, которое нѣкогда носила могущественная нація зенага. Въ 3.500 километрахъ отсюда, имя рѣки Занега или Сенегаль представляетъ другое доказательство обширнаго распространенія берберской расы, послѣ того, какъ она была разбѣяна арабами.

За бассейномъ Санхеджи слѣдуютъ, въ западномъ направленіи, бассейны Сафсафа и уада Гебли; новъ этой области естественныя водоскаты не совпадаютъ съ географическими бассейнами: трудъ человѣка во многихъ случаяхъ измѣнилъ первоначальную экономію страны; такъ, желѣзная дорога изъ Константины въ Филиппивиль связала бассейнъ Сафсафа съ бассейномъ Румелля, и отнынѣ эти два бассейна образуютъ одно цѣлое, несмотря на цѣпи горъ, составляющія водораздѣльную возвышенность. Филиппивиль сдѣлался устьемъ всего торговаго потока, который въ высокихъ плато, гдѣ берутъ начало Руммель и Бу-Мерзугъ, направляется по гужевымъ и желѣзнымъ дорогамъ изъ Гельмы, Тебессы, Батны, Сетифа. Жители Константины называютъ «Спускомъ» (Гедератъ) всю страну, заключающуюся между ихъ городомъ и моремъ.

Константина, главный административный пунктъ восточнаго департамента и третій городъ Алжиріи, есть одинъ изъ знаменитыхъ городовъ Африки: благодаря своей сильной военной позиціи, онъ естественно долженъ былъ сдѣлаться крѣпостью съ тѣхъ поръ, какъ начались войны между жителями страны, то-есть съ самаго начала жизни человѣчества. Въ первыя времена мавританской исторіи онъ является подъ именемъ Сирты, которое, кажется, означало «крѣпость»; названіе Константины, сохранившееся въ арабскомъ языкѣ подъ формою «Ксантина», было дано ему въ честь Константина Великаго, въ началѣ четвертаго столѣтія; значительныя развалины на скалахъ горо-

¹⁾ O. Mac-Carthy, „Africa“, 1881, № 4.

да и въ окрестностяхъ свидѣлствуютъ о важности, которую приобрѣла столица Нумидіи пертръ римскаго господства во всей Сѣверной Африкѣ. Но такой сильный городъ, естественно, долженъ былъ привлекать къ себѣ, какъ особенно желательная добыча, всѣхъ завоевателей: накакая побѣда не могла считаться рѣшительною, пока не была покорена главная твердыня; по преданію, Константина была, въ разные времена, взята непріателемъ восемьдесятъ разъ. Старожилы помнятъ еще двѣ послѣднія осады—1836 и 1837 годовъ. Первая, предпринятая въ началѣ зимы, съ недостаточными силами, кончилась гибельнымъ отступленіемъ; вторая—торжествующимъ приступомъ. Съ этого времени французы имѣли твердую точку опоры внутри восточнаго Телля, и всѣ мѣстныя возмущенія, лишенные центра сопротивленія, были заранѣе обречены на безуспѣшный исходъ. Удалившись въ Джебель-Аурессъ, послѣ потери своей столицы, Ахмедъ-бей, константиискій паша, тщетно пытался продолжать войну; окруженный со всѣхъ сторонъ французскими войсками, онъ принужденъ былъ изъявить покорность, въ 1848 году.

Собственно городъ занимаетъ столообразную, слегка покатую скалу, сѣверный выступъ которой поднимается на 640 метровъ, тогда какъ южный мысъ лежитъ на 110 метровъ ниже. Въ цѣломъ эта терраса образуетъ довольно правильную трапецію, имѣющую около 3 километровъ въ периметрѣ, и стороны которой обращены на юго-востокъ, сѣверо-востокъ, юго-западъ и сѣверо-западъ. Двѣ первыя стороны круто обрываются надъ Руммелемъ; сѣверо-западный бокъ—тоже почти отвѣсный на большей части своего протяженія; только юго-западный фазъ соединенъ съ остальными плато перешейкомъ около 300 метровъ ширины, которымъ французскіе солдаты и воспользовались, въ 1837 году, чтобы установить осадныя батареи и повести приступъ. Непосредственно къ югу отъ бреши, холмъ понижается, образуя обширный циркъ, надъ которымъ высятся вертикальная стѣна скалы, занимаемой Константиною. Въ самомъ углу скалистаго мыса, на высотѣ 70 метровъ надъ ущельемъ, въ которомъ исчезаетъ Руммель, стоитъ небольшой куполъ Сиди-Рашедъ; отсюда арабы нѣкогда сбрасывали прелюбодѣкъ.

Передъ вступленіемъ въ узкое ущелье, которому «воздушный городъ» обязанъ своей военной силой, Руммель, или «рѣка Песковъ», соединяется съ Бу-Мерзугомъ, «рѣкой, несущей плодородіе». Переходъ отъ ярко освѣщенной долины въ мрачную аллею между скалъ совершается внезапно. Ручей, вдругъ сгущивающійся, течетъ мимо заведенія горячихъ водъ, пріютившагося въ углубленіи скалы, затѣмъ проходитъ подъ аркой «Чортова моста» и убѣгаетъ пѣнящимися стремнинами въ извилистое

ущелье. Съ краевъ пропасти не видно потока, скрытаго поворотами оврага; выступы скалъ, выдвинувшіеся соответственно отъ одного утеса до другаго и прерываемые тамъ и сямъ вертикальными корридорами, мѣшаютъ взору спуститься до дна пучины, гдѣ кружатся ласточки.

Пять мостовъ соединяли нѣкогда двѣ губы пропасти: отъ четырехъ изъ нихъ остались лишь безформенные фрагменты; пятый, построенный на восточномъ углу Константиинской скалы, постоянно отстраивался за-ново, и подъ его большою желѣзною аркадою, перекинутою на высотѣ 105 метровъ французскими инженерными, залегаютъ одинъ на другомъ обрывки стѣнъ всѣхъ эпохъ, начиная отъ времени Антонина Пія. Тотчасъ за мостомъ Руммель исчезаетъ подъ сводомъ скалъ; оврагъ обращается въ узкую разорванную ложбину, со дна которой доносится журчаніе каскадовъ; въ 500 метрахъ ниже ручей выходитъ изъ этихъ темныхъ галлерей, и съ той и другой стороны утесы спускаются отвѣсно до дна ущелья; только уединенная арка, естественный сводъ, поражающій правильностью формы, соединяетъ еще двѣ противоположныя стѣны. Здѣсь разрывъ почвы представляетъ наиболѣе грандіозный характеръ: стѣны, окрашенныя въ разные цвѣта и мѣстами нависшія, вздымаются на высоту слишкомъ 200 метровъ, поддерживая на вершинѣ нѣсколько строеній; прежде тутъ находились «три камня», помѣщенные на кефѣ Шекора, или «скалы Мѣшка», съ высоты которой паша сбрасывалъ зашатыхъ въ мѣшокъ женъ или невольницъ, отъ которыхъ хотѣлъ отдѣлаться¹⁾. Внизу потокъ дѣлится на нѣсколько рукавовъ между камнями, затѣмъ, достигнувъ выхода ущелья, низвергается тремя послѣдовательными водопадами въ нижнюю долину, обширный зеленѣющій циркъ, усыпанный мельницами и домиками, исполосованный бѣлыми дорогами, которыя спускаются крутыми зигзагами. Отъ водопадовъ Руммеля можно пробраться на нѣкоторое разстояніе въ дефилей, но исходящее оттуда зловоніе отбиваетъ всякую охоту предпринять такую экскурсію. Какъ легко вообразить на основаніи ходячей поговорки: «въ другихъ мѣстахъ вороны гадятъ на людей, а въ Константиинѣ—люди на воронъ», оврагъ былъ превращенъ въ городскую клоаку, въ стокъ для нечистотъ. Нельзя не пожелать, чтобы городъ изъ уваженія къ самому себѣ и къ окружающимъ его чудесамъ природы позаботился очистить ущелье Руммеля и облегчить доступъ къ нему посѣтителемъ.

Дома тѣсно скучены на глыбѣ камня надъ глубокимъ и безмолвнымъ ущельемъ Руммеля. На сѣверѣ расположены военныя постройки: казармы, госпиталь, арсеналъ, касба, или цитадель. Во время штурма Константины, арабы

¹⁾ Ch. Feraud, „Tour du Monde“ 1877, 1-er semestre.

пытались спуститься на веревкахъ, держась одинъ за другаго, въ пропасть, зѣвшую у нихъ подъ ногами, но веревки оборвались, и трупы нагромодились у подошвы скалы, въ видѣ кровавыхъ пирамидъ: спасли только нѣсколькихъ дѣтей, которыхъ матери инстинктивно приподняли, вытянувъ руки къверху. На югѣ касбы пересѣкаются правильныя улицы европейскаго квартала; евреи обитаютъ, на восточной окраинѣ, въ лабиринтѣ неровныхъ улицъ; около центра группируются мзабиты; на югѣ, въ нижнемъ городѣ, кишатъ арабы въ лабиринтѣ закоулковъ и дворовъ, куда европейцы обыкновенно ходятъ не иначе, какъ съ проводникомъ. Слишкомъ стѣсненные въ своемъ кварталѣ, арабы распространились за городскую черту и покрыли своими живописными хижинами откосъ горы близъ западныхъ воротъ. Въ этомъ становищѣ царствуетъ такое же оживленіе, какъ на улицахъ и площадяхъ Константины. Скученное въ тѣсномъ пространствѣ населеніе загромождаетъ улицы и площади; почти всѣ ремесла, особенно кожевенная промышленность, составляющая специальность Константины, практикуются подъ открытымъ небомъ; можно насчитать сотни кожевниковъ, сѣдельщиковъ, сапожниковъ. Последніе занимаютъ цѣлыя улицы; они дѣлятся на двѣ корпораціи, изъ которыхъ одна занимается приготовленіемъ мужской, а другая—женской обуви.

Хотя арабы въ Константинѣ численностью уже уступаютъ европейскому населенію, усиленному въ нѣсколько тысячъ человекъ, однако они все еще образуютъ довольно сплоченныя группы, такъ что здѣсь лучше можно изучать національныя и религіозныя нравы, чѣмъ во всякомъ другомъ большомъ городѣ Алжиріи: различныя братства, особенно братства айссауа, имѣютъ въ средѣ здѣшнихъ арабовъ многочисленныхъ послѣдователей. Но мало найдется городовъ, гдѣ бы смерть съ такою ужасающею быстротою косила туземное населеніе. Недѣлю за недѣлей, смертность постоянно превышаетъ рождаемость, и нѣсколько разъ въ день движеніе на улицахъ прерывается похоронными процессіями: надъ толпою, разнообразно одѣтою въ бѣлые костюмы, медленно двигается гробъ, покрытый яркими матеріями; оспариваемый носильщиками, онъ переходитъ послѣдовательно съ плечъ на плечи, качаясь словно барка на морѣ.

Въ Константинѣ нѣтъ замѣчательныхъ памятниковъ строительнаго искусства. Изъ существовавшихъ нѣкогда девяносто-пяти мечетей уцѣлѣли очень немногія, да и тѣ утратили свой первоначальный видъ послѣ перестройки по плану европейскаго архитектора; цитадель приняла чисто казарменный видъ, но въ наружныхъ стѣнахъ ея вставлены драгоценныя надписи. Главный административный центр провинціи, гдѣ собрано около десяти тысячъ

писаныхъ камней, Константина обладаетъ также археологическими коллекціями, и на площади Вале, находящейся внѣ пролома, выставлены римскія статуи, бюсты, амфоры, могильные или votivные (воздвигнутые по обѣту) камни. Самое достопримѣчательное зданіе города и одно изъ интереснѣйшихъ мавританскихъ жилищъ въ Алжиріи—это дворецъ послѣдняго дея, Ахмеда, занимаемый теперь штабомъ французскаго гарнизона: снаружи это просто собраніе невзрачныхъ домишекъ, но внутри онъ заключаетъ богатые колоннады, украшенныя изваяніями, изразцами, даже фресками, а прекрасныя сады его представляютъ пріятный контрастъ съ движеніемъ и шумомъ окружающихъ улицъ. Недалеко отъ этого дворца, господствующаго надъ необозримою панорамой нижней долины Руммеля, расположились, на сѣверо-западномъ краю утеса, новыя муниципальныя постройки, гдѣ собираются городской и департаментскій совѣты, а также географическое и другія ученые общества. Прокладка широкихъ улицъ и срытіе частныхъ домовъ, замѣняемыхъ публичными зданіями, все болѣе и болѣе уменьшаетъ пространство, предоставленное на Константинской скалѣ гражданскому населенію, вслѣдствіе чего послѣднее принуждено выселяться въ быстро разрастающіяся предмѣстья, которыя уже захватили земли, занятія нѣкогда внѣшними кварталами древней Цитры. Вокругъ холма Кудіатъ-Ати, античнаго некрополя, выстроился непрерывный поясъ домовъ. Въ видахъ пріобрѣтенія новыхъ мѣстъ для постройки, недавно рѣшено срыть эту горку и вынутую землю свалить въ южный оврагъ, внизу арабскаго города: перешеекъ пролома будетъ такимъ образомъ значительно увеличенъ, и новая Константина, болѣе правильная, чѣмъ старая, можетъ выстроиться внѣ городскихъ стѣнъ. Предположено также построить по крайней мѣрѣ одинъ новый мостъ черезъ оврагъ, чтобы соединить южную часть города съ дачными мѣстами, съ садами Сиди-Мабрукъ и съ промышленнымъ кварталомъ желѣзнодорожной станціи, который раскинулся на восточной террасѣ, у подошвы высокаго укрѣпленнаго холма и казармъ Мансура. На сѣверѣ, скала Сиди-Месидъ слишкомъ высока, чтобы разрастающійся городъ могъ захватить ее въ свою черту; тамъ теперь стоитъ только одно зданіе—большой гражданскій госпиталь, къ сожалѣнію, остающійся недоконченнымъ уже многіе годы; онъ окруженъ кладбищами и плантаціями.

Въ окрестностяхъ населеніе Константины отдыхаетъ и освѣжается въ очаровательныхъ мѣстахъ прогулки. На югѣ прекрасныя деревья осѣняютъ берега Руммеля, Бу-Мерзуга и ихъ притока, близъ котораго видѣются пять высокихъ аркадъ древняго водопровода, построеннаго, вѣроятно, въ царствованіе Юстиніана и замѣненнаго теперь подземными трубами. На

сѣверѣ Константины, затерянные въ гнѣздѣ зелени, при основаніи крутыхъ откосовъ Сиди-Месида, бьютъ изъ гротовъ и трещинъ скалы четыре ключа теплой воды, часто посѣщаемые любителями загородныхъ прогулокъ; арабы и еврейки приходятъ туда по пятницамъ купаться и совершать обряды, напоминающіе культъ источниковъ; однажды въ годъ негры справляютъ тамъ «праздникъ» коршуновъ, бросая, при звукахъ тамбурина, куски мяса прожорливымъ птицамъ, гнѣздящимся въ сосѣднихъ скалахъ. Ниже, на правомъ берегу Руммеля, разсѣяны, среди деревьевъ, дачи и мельницы селенія Гамма, черезъ которое протекаютъ живительныя воды обильнаго горячаго ручья. За деревней Аинъ-Керма, внизъ по теченію, долина суживается и образуетъ Хенегъ, или «Де-филай», дикое ущелье, похожее на Константиновскій проломъ. Надъ проходомъ, на скалѣ, связанной съ сосѣдними горами узкимъ перешейкомъ, нѣкогда стояла крѣпость, носившая имя Тидди, какъ обнаружила одна древняя надпись, найденная при раскопкахъ; недалеко оттуда, на правомъ берегу Сменду, восточнаго притока Руммеля, находится одна изъ замѣчательнѣйшихъ римскихъ гробницъ Алжиріи — монументъ Лоллиевъ. Наконецъ, на западѣ отъ Константины, тянутся гребни джебеля Шеллата, усыпанные римскими руинами: крѣпостцами, храмами и гробницами. Эльзасскіе колонисты, главные центры поселенія которыхъ — деревни Руффашъ, Аинъ-Керна, Бельфоръ, Альткирхъ и другія, утилизировали въ многихъ мѣстахъ римскія развалины для постройки своихъ жилищъ.

Средоточіе обширной торговли, не только для мѣстнаго потребленія, но также для вывоза хлѣба и другихъ продуктовъ, Константина является соединительнымъ пунктомъ многихъ желѣзныхъ путей. Впрочемъ, рельсы этихъ различныхъ дорогъ сходятся не на самой станціи Константины: бифуркація линіи изъ Гельмы въ Тунисъ происходитъ близъ важнѣйшаго въ восточной Алжиріи рынка для продажи скота — деревни Хрубъ или Хорубъ, то-есть «Развалины», гдѣ дѣйствительно видны кое-какіе остатки старины, мѣнѣе, однако, замѣчательные, чѣмъ римскіе фрагменты и мегалиты, находящіеся къ юго-востоку оттуда, на плоскогорьяхъ. Желѣзная дорога изъ Аинъ-Бенды и Тебессы отдѣлится отъ главной линіи у деревни Уладъ-Рамунъ, недалеко отъ истока Бу-Мерзуга, постоянно изливающего слишкомъ 500 литровъ въ секунду. Наконецъ, двѣ южныя линіи — линія пустыни и линія Сетифа — раздѣляются въ Эль-Герра. На востокъ отъ этого поселка, желѣзная дорога изъ Алжира, направляющаяся къ западу безъ большихъ изгибовъ, приближается къ верхней долиנѣ Руммеля, гдѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько центровъ европейской колонизаціи: Аинъ-Смара,

Уадъ-Атменія (Уадъ Отманія), Шатоданъ, Кульмье, Саадуна, которую игра словъ передѣлала въ Севъ-Дона (св. Донатъ), Паладинъ, Севтъ-Арно. Деревня Сегганъ, имя которой передѣлано по-французски въ Сегенъ или Уадъ-Сегенъ, лежитъ въ боковой долинѣ Руммеля, между этимъ потокомъ и желѣзною дорогою. Абдъ-анъ-Нуръ или «Служители свѣта», кочевавшіе въ верхней долинѣ Руммели до прибытія французскихъ колонистовъ, перешли по большей части къ осѣдлой жизни. Дома ихъ встрѣчаются въ перемежку съ усадьбами европейцевъ, и между ними есть немало хорошихъ земледѣльцевъ, фермы которыхъ окружены прекрасно воздѣланными полями и снабжены современными земледѣльческими орудіями. Впрочемъ, эти «служители свѣта» въ большинствѣ — берберскаго происхожденія, и ихъ совершенно ошибочно причисляютъ къ арабамъ. Они происходятъ главнымъ образомъ отъ кетамовъ, къ которымъ примѣшались шауя и джебель-Ауреса, кабилы изъ Джурджуры, сахарцы и немного арабовъ: очень многіе изъ нихъ имѣютъ бѣловолосые волосы и голубые глаза. Въ половинѣ настоящаго столѣтія большая часть ихъ говорили еще берберскимъ языкомъ, котораго нынѣшнее поколѣніе уже не понимаетъ¹⁾. Племя абдъ-анъ-нуръ сильно пострадало отъ голода въ 1868 году; теперь въ числѣ около двадцати тысячъ душъ, оно снова заселяетъ свою обширную территорію, «коверь въ сорокъ сажень длины», какъ они ее называютъ по сравненію съ маленькими «ковриками» сосѣднихъ племенъ.

Желѣзный путь изъ Константины къ морю удаляется отъ долины Руммеля и идетъ извилистою линіею по склону горъ, затѣмъ, достигнувъ Масличнаго перевала, въ общинѣ Эль-Кантуръ, спускается съ этихъ высотъ въ равнины Сафсафа, почти совершенно необитаемыя до французской оккупации. На пространствѣ отъ Константины до раздѣльнаго порога слѣдуютъ одна за другой, вблизи дороги, двѣ большія деревни — Бизо и Конде-Сменду; во въ сосѣдствѣ перевала высокіе хребты, покрытые пастбищами, почти пустыни, и поселки общины Эль-Кантуръ причуты въ лощинахъ. Городокъ эль-Гаррушъ, прежде пользовавшійся дурною славою за его нездоровый климатъ, тоже лежитъ вдали отъ желѣзной дороги, среди масличныхъ плантацій и садовъ, орошаемыхъ водами Сафсафа. Сосѣднія деревни, Робертвилъ, Гастонвилъ, теперь цвѣтущія группы населенія, начали свое существованіе въ 1848 г., какъ настоящія больницы для прокаженныхъ: парижскіе колонисты, добровольные изгнанники, прельщенные заманчивыми благами, которыя имъ сулили за-моремъ, нашли только ни-

¹⁾ Ch. Feraud, «Notices et mémoires de la Société archéologique de Constantine», 1864.

щету и лихорадку въ этомъ новомъ отечествѣ, которое имъ описывали какъ рай земной, и большинство ихъ пало въ борьбѣ съ неблагоприятными условіями. Но упорный трудъ по-

числу богатѣйшихъ въ Алжиріи: мало найдется мѣстностей, гдѣ бы культура винограда сдѣлала большіе успѣхи, чѣмъ на холмахъ, прилегающихъ къ этимъ поселеніямъ.

Кабилъская семья въ пути.

селенцевъ съ теченіемъ времени ассенизировалъ почву и увеличилъ производительность земель. Деревни нижней долины, Сентъ-Шерль, Сентъ-Антуанъ, Димремонъ, Вале, принадлежать къ

Филишвилъ, морская пристань Константины и одинъ изъ самыхъ оживленныхъ портовъ алжирскаго побережья,—не новый городъ, какъ можно бы было предполагать, судя по его име-

ни: это городъ финикійскій, Русъ-Ликарь, или «Огненный мысъ» ¹⁾, названіе котораго было измѣнено римлянами въ Rusicada, и затѣмъ восстановлено арабами въ формѣ Расъ-Скида—у берберовъ Тасикда. Когда французы въ 1838 г. высадились на берегъ Рузикады, чтобы основать тамъ приставъ для снабженія войска провіантомъ, гораздо болѣе близкую къ Константинолю, чѣмъ Бона, служившая для этой цѣли до того времени, они нашли въ этомъ мѣстѣ только лагучи, пріютившіяся у подножія полуразрушенныхъ стѣнъ: мѣсто, занимаемое древнимъ городомъ, было куплено у туземцевъ за 150 франковъ. Съ той эпохи большинство древнихъ памятниковъ исчезли, систематически разрушаемые для постройки огромнаго четырехугольника валовъ, который тянется вдоль гребня холмовъ на восточной сторонѣ города, заключая внутри дома и обширные пустыри; уцѣлѣли только руины театра, частію высеченнаго въ скалѣ, многочисленныя цистерны, очень красивыя мозаики и различныя древности, собранныя въ музеѣ: статуи и бюсты, урны, надписи.

Городъ построенъ въ оврагѣ, между двухъ горныхъ хребтовъ: на западѣ—джебель Бу-Яла, на востокѣ—джебель Аддунъ. Главная улица, обставленная по всей длинѣ домами съ арками, занимаетъ ложе бывшаго узда, и съ той и другой стороны поперечныя улицы поднимаются въ гору, либо крутыми всходами, либо уступами въ родѣ лѣстницы. Этимъ расположеніемъ улицъ Филиппвиль представляетъ нѣкоторое сходство съ центральной частью Ла-Валетты, главнаго города Мальты; но онъ не отличается ни той же чистотою, ни той же красотою архитектуры. Со стороны моря городъ оканчивается высокою террасою, откуда видишь у себя подъ ногами эспланаду желѣзнодорожной станціи, завоеванную у моря, обширный бассейнъ порта, окруженный жете: внутренняя гавань имѣетъ площадь около 19 гектаровъ, а передовой портъ, еще недостаточно защищенный, занимаетъ болѣе значительное пространство. Филиппвильскій портъ посѣщается большимъ числомъ судовъ, особенно каботажныхъ: по прибрежному судоходству, онъ оспариваетъ первенство у Орана и Алжира. Извѣстно, какъ боялись моряки заходить въ Филиппвильскій заливъ до сооруженія моловъ, ограждающихъ нынѣ гавань отъ волненія моря. Въ то время суда должны были бросать якорь въ 4 километрахъ къ сѣверо-западу, въ бухтѣ Стора, бывшемъ «портѣ генуэзцевъ», довольно хорошо защищенномъ отъ западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ. Но во время большихъ бурь и шкваловъ якорная стоянка въ Сторѣ становилась очень опасна, и нерѣдко

суда были выбрасываемы на берегъ. Мѣстные моряки до сихъ поръ помнятъ ураганы 1841 и 1854 годовъ, послѣ которыхъ въ рейдѣ остались только обломки и палубы безъ мачтъ. Движеніе судоходства въ портахъ Филиппвиля и Стора въ 1883 году: судовъ въ приходѣ и отходѣ 1.581, общая ихъ вмѣстимость 649.984 тонны, цѣнность обмѣненныхъ товаровъ 86.000.000 франк.

Маленькій портъ Колло — Хуллу (Chullu) римлянъ, Куллу туземцевъ — занимаетъ такое же положеніе, какъ Стора: рейдъ его тоже защищенъ отъ западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ высокимъ мысомъ, и во все время служилъ часто посѣщаемымъ мѣстомъ пристанища для судовъ: важность этого убѣжища, представляемаго бухтою Колло, увеличивалось еще соседство мыса, часто трудно переходимаго, грознаго мыса Себаа-Русъ, или «Семиглаваго», извѣстнаго также подъ именемъ Бу-Горунъ, или «Гора съ рогами», которое моряки передѣляли въ Буджіароне. Римляне, поселившіеся въ Хуллу, завели тамъ мастерскія для окраски матерій въ пурпуръ. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ Колло былъ значительнымъ торговымъ пунктомъ, гдѣ лизанцы, генуэзцы и марсельцы закупали и грузили на корабли зерновые хлѣба, воскъ, медъ, деревянное масло, кожи и другіе продукты, привозимые кабилами; въ 1282 году этимъ городкомъ овладѣлъ Петръ Аррагонскій; въ семнадцатомъ столѣтіи французско-африканская компанія имѣла тамъ одну изъ важнѣйшихъ своихъ конторъ. Послѣ взятія Константины, былъ поднятъ вопросъ объ основаніи въ естественномъ портѣ Колло морской пристани этого города, но окончательно выборъ остановился на Рузикадѣ, какъ болѣе близкомъ пунктѣ (хотя разница только въ нѣсколькихъ верстахъ), послѣ чего маленькое кабильское мѣстечко утратило всякое торговое значеніе. Французы заняли Колло лишь въ 1843 году. Если теперь этотъ хорошенькій городокъ развивается, то онъ обязанъ этимъ разработкѣ естественныхъ богатствъ окружающей страны: въ равнинѣ, по берегамъ узда Эль-Гебли, тянутся сады и масличныя рощи; на скатахъ горъ, надъ которыми господствуетъ величественный джебель Гуфи, возвышающійся на 1.400 метр., эксплоатируютъ лѣса пробковаго дуба; залежи серебрянаго свинца доставляютъ руду; неаполитанскіе матросы ловятъ въ заливѣ мириадами сардинокъ и другихъ рыбъ, которыхъ солятъ въ особыхъ заводахъ, устроенныхъ на берегу; по размѣрамъ этого промысла, Колло соперничаетъ съ Ла-Калле и Сторой. Главное, чего недостаетъ этому приморскому городу, чтобы пріобрѣсти ту важность, какую ему обезпечиваетъ его счастливое положеніе у выхода плодородной долины,—это удобныхъ сообщеній; онъ связанъ съ остальнымъ міромъ только

¹⁾ Ch. Feraud, „Revue Africaine“, 1875;—Gesenius;—von Maltzan, „Drei Jahre im Nord-Westen von Afrika“.

прибрежными пароходами да дилижансами, ходящими вдоль морского берега до Филиппвиля. Другая дорога, называемая проѣзжей, соединяет его со станціей Робертвиль, на Константинской желѣзной дорогѣ; во всѣхъ же другихъ направленіяхъ единственные пути сообщенія—дикія горныя тропинки. Движеніе судоходства въ портѣ Колло въ 1883 году: 709 судовъ, имѣвшихъ общую вмѣстимость 130.895 тоннъ.

Незначительная рѣчка, уѣздъ Зуръ, единственная въ Алжиріи, гдѣ ловится форель, ограничиваетъ на западѣ массивъ Бу-Горунъ¹⁾. Далѣе встрѣчаемъ болѣе обильный потокъ, впадающій въ Средиземное море къ западу отъ горъ Колло, который хотя и носитъ громкое имя «уѣздъ эль-Кебиръ», или «Великая рѣка», есть, однако, не что иное, какъ продолженіе константинскаго Руммеля. Казалось бы, нижняя долина рѣки, протекающей черезъ многочисленный городъ, столицу провинціи, должна быть усѣяна городами; на самомъ же дѣлѣ потокъ этотъ пересекаетъ мѣстности, почти пустынные, ниже своего слиянія съ уѣздомъ Сменду, или, по крайней мѣрѣ, обитатели его береговъ, почти исключительно кабилы, не имѣютъ селеній, которыя были бы примѣтны издали; ихъ хаты смѣшиваются со скалами или прячутся въ чащахъ растительности. Европейскіе резиденты здѣсь еще очень малочисленны: жизнь сосредоточилась около станцій филиппвильской желѣзной дороги, ставшей, вопреки естественнымъ покатостямъ, выходомъ провинціи. Но, по всей вѣроятности, торговля земледѣльческими произведеніями скоро измѣнитъ видъ долины уѣзда эль-Кебиръ, и особенно береговъ его западнаго притока, Энджи, гдѣ многочисленныя руины напоминаютъ о долгомъ пребываніи римлянъ.

Близъ истоковъ этой рѣчки, эль-Джемила, или «Хорошенькая», *Cuculum* древнихъ, представляется теперь груды развалинъ, среди которыхъ стоитъ еще нѣсколько памятниковъ: триумфальная арка, театръ, языческій храмъ, христіанская базилика. Ниже, въ сосѣдствѣ слиянія Энджи и уѣзда эль-Кебиръ, основались самыя многочисленныя мѣстечки новѣйшей формации, Зерай и Мила. Это послѣднее, титулуемое городомъ, построено на высотѣ почти 500 метровъ, на сѣверномъ отрогѣ горы Лахала (эль-Ахалъ, или «Черный»); кабилскій кварталъ состоитъ изъ домишекъ, сооруженныхъ по большей части изъ матеріаловъ, уже бывшихъ въ употребленіи въ римскихъ постройкахъ: почва тамъ представляетъ конгломератъ развалинъ до глубины семи или восьми метровъ²⁾. Одна изъ сосѣднихъ деревень, Сиди-Меруанъ, единственная въ Алжиріи по проис-

хожденію ея жителей, населена греками, потомками тѣхъ майнотовъ, которые эмигрировали въ Каргезу, въ Корсикѣ, около конца семнадцатаго столѣтія; они отличаются между всѣми другими колонистами строгою честностью и отвращеніемъ ко всякаго рода тягбамъ. У самаго основанія холма, на которомъ расположено село Сиди-Меруанъ, соединяются двѣ названныя рѣчки, Энджа и эль-Кебиръ. Ниже этого слиянія пока еще нѣтъ французскихъ поселеній, если не считать военный постъ эль-Миліа, на верху крутой горы праваго берега, построенный въ 1858 году, чтобы держать въ повиновеніи кабилское населеніе этой лѣсистой территоріи, очень удобной для засадъ. Вся область Бабора, простирающаяся на западъ отъ уѣзда эль-Кебиръ до окрестностей города Бужи, извѣстна вообще подъ именемъ Малой Кабиліи: это гористая и лѣсистая страна, одна изъ богатѣйшихъ мѣстностей Алжиріи по красотѣ пейзажей, но довольно трудно доступная для всякихъ другихъ путешественниковъ, кромѣ пѣшеходовъ. Въ Малой Кабиліи не существуетъ даже колесной дороги къ Джиджелли, приморской пристани этой живописной области побережья.

Джиджелли, который носитъ еще едва измѣненное древнее ливійское имя Игилгили, переданное надписями, ведетъ свое начало съ первыхъ временъ исторіи. Усыпальницы, высѣченныя на скалѣ вдоль берега, обязаны своимъ происхожденіемъ финикійскимъ поселенцамъ, какъ доказываетъ совершенное ихъ сходство со склепами некрополей въ Сиріи. Прочлѣвѣвшій въ римскую эпоху, Джиджелли продолжалъ быть важнымъ торговымъ центромъ при византіяцахъ и при арабахъ; затѣмъ, попавъ во власть христіанскихъ купцовъ, онъ долго былъ самой оживленной факторіей на этомъ берегу. Уже сицилійскіе норманны овладѣли имъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ; послѣ нихъ пришли пизанцы, потомъ генуэзцы, которыхъ выжилъ, въ 1514 году, знаменитый Барбаросса. Съ того времени до завоеванія Алжиріи французами Джиджелли оставался во власти турокъ, ибо двѣ экспедиціи, одна подъ начальствомъ Санта-Круца въ 1611 году, другая подъ предводительствомъ герцога Бофора въ 1664 г., не привели ни къ чему, кромѣ разрушенія нѣсколькихъ кабилскихъ лачугъ и кратковременнаго изгнанія магометанскаго гарнизона; но торговля Джиджелли пришла въ совершенный упадокъ, и самый городъ снова приобрѣлъ нѣкоторое значеніе, въ началѣ этого столѣтія, только какъ гнѣздо корсаровъ. Джиджелли былъ уже бѣднымъ мѣстечкомъ, когда французы заняли его въ 1839 году, и оставленный тамъ многочисленный гарнизонъ оставался запертымъ и отрѣзаннымъ отъ оккупационной арміи до 1852 года, эпохи, когда окрестная

¹⁾ «Bulletin de la Société de Géographie de Constantine», dec. 1883.

²⁾ Cherbonneau, „Excursion dans les ruines de Mila“.

племена были покорены и возстановилось безпрепятственное сообщеніе съ Сефитомъ и Константиной черезъ горы Баборъ. Французскіе колонисты стали селиться въ сосѣдствѣ Джиджелли только послѣ возстанія 1871 года, когда земли нѣкоторыхъ возмущившихся племенъ были отобраны въ казну.

Древній Игильгилі стоялъ на побережьи южнаго нынѣшняго города; арабскій городъ, напротивъ, занималъ узкій скалистый полуостровъ, соединенный съ твердою землею песчанымъ мысомъ; турецкія укрѣпленія еще существуютъ, заключаая казармы и груды развалинъ, остатки домовъ, разрушенныхъ землетрясеніемъ 1856 года. Французскій городъ, съ прямыми улицами, обсаженными платанами, былъ построенъ на югѣ отъ полуострова, въ равнинѣ, разстилающейся у подножія холмовъ; окружающая его каменная ограда съ бастіонами оканчивается на юго-восточной сторонѣ фортомъ Дюкенъ, построеннымъ на высокомъ каменистомъ мысѣ. Джиджелли—одинъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ алжирскаго берега, благодаря отсутствію утреннихъ тумановъ, окутывающихъ Алжиръ и другіе города побережья; этой привилегіей онъ обязанъ, безъ сомнѣнія, свободному движенію морскихъ вѣтровъ, которые, вмѣсто того, чтобы ударяться о холмы Джиджелли, отлагая свои пары, проникаютъ далеко въглубь материка черезъ долину уада Джинденъ¹⁾. Джиджелли окруженъ прекрасными садами, которые воздѣлываются иностранными колонистами, испанцами и мальтійцами, и въ сосѣдствѣ, на дорогѣ въ Константину, слѣдуютъ одна за другой двѣ богатныя деревни новаго основанія, Дюкенъ и Страсбургъ, или Джинденъ. Эти маленькіе центры колонизаціи, и еще болѣе кабилскія поселенія въ сосѣднихъ горахъ, питаютъ торговлю Джиджелли, доставляя лѣсные продукты, шерсть, кожи и зерновые хлѣба. Портъ, уже хорошо огражденный отъ западныхъ вѣтровъ, очень легко могъ бы быть защищенъ отъ бурь и волнъ съ сѣверной стороны: рядъ подводныхъ камней, въ родѣ того, какой расположенъ передъ рейдомъ Триполи, тянется, начиная отъ утесовъ полуострова, на разстояніи около версты до глубины 20 метровъ, такъ что самыя большія суда могли бы находить безопасное пристанище въ той части рейда, которая защищена этимъ естественнымъ жетомъ; остается только запереть каменной кладкой бреши и обвести жетомъ набережныя, но эта работа, уже начатая, не можетъ имѣть важнаго значенія, пока не будутъ окончены постройкой дороги изъ Джиджелли къ внутреннимъ городамъ. На островѣ, близъ восточной оконечности гряды подводныхъ скалъ, поставленъ маякъ. Движеніе судоходства въ портѣ Джид-

желли въ 1883 году: 454 судна, общая вместимость 178.372 тонны.

Главныя «полноправныя» общины долины Сафсафа, уада аль-Кебиръ и сосѣдняго прибрежья:

Константина (1896 г.)—47.770 ж.; Филиппвиль (1896 г.)—19.515 ж.; Конде-Смеду—12.000 ж.; Бизо—7.000 ж.; Эль-Хрубъ—7.000 ж.; Мила—7.000 ж.; Руффашъ—7.000 ж.; Уадъ-Атменія—5.000 ж.; Робервиль—5.000 ж.; Джиджелли—5.000 ж.; Гамма—4.000 ж.; Сентъ-Арно—4.000 ж.; Эль-Гаррушъ—3.000 ж.; Уладъ-Рамунъ—3.000 ж.; Гастонвиль—3.000 ж.; Дюкенъ—3.000 ж.; Эль-Кантуръ—3.000 ж.; Сиди-Меруанъ—3.000 ж.; Сентъ-Шарль—2.000 ж.; Антъ-Смара—2.000 ж.; Колло—2.000 жит.

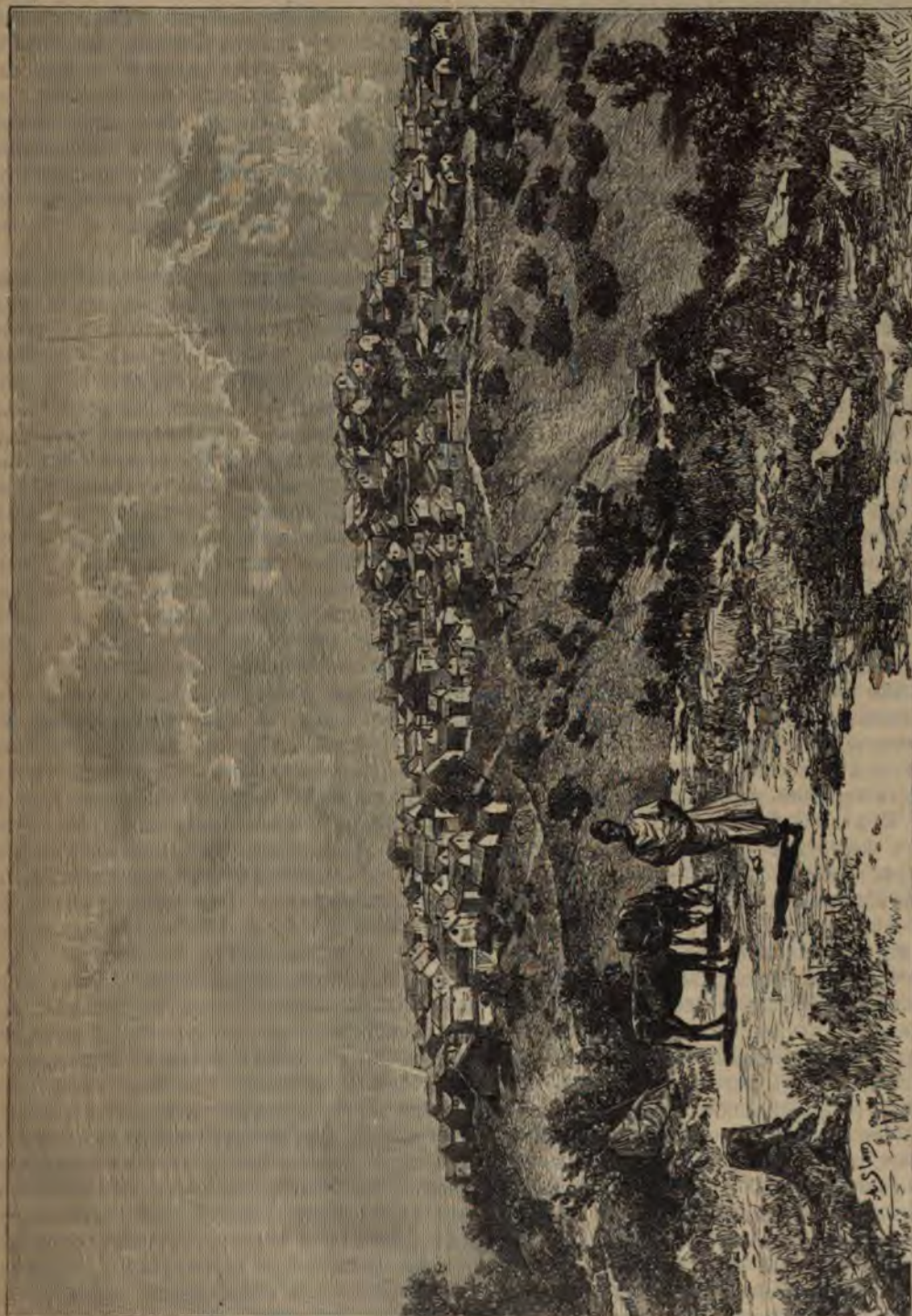
Городъ Сетифъ, лежащій на высотѣ около 1.100 метровъ, на длинномъ холмистомъ плато, отдѣляющемъ береговыя горы отъ массива Годна и Джебель-Ауреса, принадлежитъ къ бассейну уада Сахель, рѣки, образующей на югѣ и востокѣ циркумвалаціонный валъ Большой Кабилии; Бу-Селламъ и другіе притоки уада Мельхъ, который по длинѣ теченія можетъ считаться главною вѣтвью уада Сахель, берутъ начало въ окрестностяхъ Сетифа, въ красноземѣ плоскогорья. Ситифа (Sitifis) была римскою колоніей и, благодаря своему центральному положенію, въ пунктѣ схожденія многихъ дорогъ, она сдѣлалась, въ четвертомъ столѣтіи, столицей одной изъ Мавританій. Когда французы прибыли въ край, ограда и внутреннее укрѣпленіе были въ довольно хорошемъ состояніи, такъ что пришельцы могли окопаться тамъ, не опасаясь нападеній со стороны туземцевъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1837 до 1847 г., Сетифъ былъ только военный постъ, затѣмъ небольшая гражданская колонія поселилась рядомъ съ казармами, и городъ сталъ быстро расти и развиваться, благодаря здоровому климату и плодородію почвы, по крайней мѣрѣ въ ложбинахъ, получающихъ достаточную долю влажности. Сетифъ приобрѣлъ важное значеніе преимущественно какъ рынокъ для сельско-хозяйственныхъ произведеній, а въ сосѣдствѣ его выросло нѣсколько цвѣтущихъ деревень. Прежде въ этихъ необозримыхъ пустыняхъ, гдѣ теперь нѣсколько шпалеръ зелени возвыщаютъ присутствіе европейскихъ группъ населенія, существовало только одно дерево, боярышникъ, прозванное солдатами «Сетифскимъ трипичникомъ», по причинѣ безчисленнаго множества лоскутковъ, которыми его обвѣшивали, въ видѣ приношеній, туземные пилигримы. Нѣкоторые изъ деревень плоскогорья обязаны своимъ происхожденіемъ одной жевевской колонизаціонной компаніи, которая получила отъ французскаго правительства слишкомъ 20.000 гектаровъ отборныхъ земель. Это общество теперь уже само не ведетъ хозяйства, какъ оно пробовало дѣлать

¹⁾ Camille Sabatier, рукописныя замѣтки.

это въ началѣ, но сдаетъ земли въ пользова-
ніе европейцамъ или туземцамъ за арендную
плату или извѣстную долю урожая; оно замѣ-
няетъ собою казну, въ качествѣ крупнаго зем-

турѣ и 1.101 гектар. въ залежи; цѣнность
имѣнія: 5.500.000 франк.; доходъ въ 1884 г.:
439.617 франк.; населеніе: 2.982 туземца и
265 европейцевъ.

Кабилъская деревня.

левладѣльца. Положеніе дѣлъ женеваго об-
щества колонизаціи въ Сетифѣ къ 31 декабря
1884 года представлялось въ слѣдующемъ
видѣ: общая площадь земель 15.677 гек-
таровъ; изъ этого числа 14.576 гектар. въ кул-

Послѣ Сетифа, самая многочисленная община
этого округа—Аинъ-Абесса, лежащая на ска-
тахъ массива Магрисъ, между двухъ горныхъ
дорогъ, которыя ставятъ Сетифъ въ прямое
сообщеніе съ портомъ Бужи, одна—черезъ

Такитунтъ, Керрату и ущелья Табора, въ Шабетъ-эль-Акра, другая—черезъ Анъ-Руа и уэдъ Гергуръ. Обѣ эти дороги, замѣчательныя какъ памятники инженернаго искусства, представляютъ при спускѣ съ плоскогорій на побережье пейзажи грандіозной красоты. Еще неизвѣстно, какому направленію будетъ отдано предпочтеніе для постройки желѣзнаго пути, который будетъ вывозить продукты страны, избавляя грузы отъ необходимости дѣлать длинный крюкъ на Алжиръ или Константину. Долина Агріуна, по которой, вѣроятно, пройдетъ этотъ новый путь, составляетъ естественную границу между западной Кабиліей, населенной цивилизованными берберами, которые обитаютъ въ домахъ относительно чистыхъ, и дикими восточными мѣстностями, гдѣ живутъ кабилы въ крайней бѣдности, помѣщаясь въ грязныхъ берлогахъ, крытыхъ соломой и вымазанныхъ коровьимъ каломъ; да и эта ornamentация примѣняется скупно и только внутри жилищъ¹⁾. Агріунское ущелье есть въ то же время и глоссологическая граница: къ востоку отъ него говорятъ арабскимъ, къ западу—берберскимъ языкомъ. Тамоннія горы изобилуютъ залежами желѣза, мѣди, свинца, которые разрабатываются кабилами племени бени-слиманъ; во многихъ долинахъ встрѣчаются горячіе ключи.

Борджъ Бу-Аррериджъ, городъ новѣйшей формации, возведенный въ муниципальную общину только въ 1870 г. и вновь отстроенный послѣ возстанія 1871 года,—тоже цвѣтущій земледѣльческій центръ и, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлается современемъ однимъ изъ значительныхъ городовъ Алжиріа, благодаря плодородію Меджанской равнины, которой онъ занимаетъ восточную оконечность, на высотѣ 915 метровъ, близъ водораздѣла между притоками уэда Сахель и притоками Ходны. Кромѣ того, Бу-Аррериджъ имѣетъ за собою еще ту выгоду, что онъ находится на серединѣ желѣзной дороги, соединяющей Алжиръ съ Константиной: это будетъ главная станція для скрещивающихся поѣздовъ. Въ 12 километрахъ къ западу, между станціями Эль-Аширъ и Мансура, рельсовый путь переходитъ черезъ горный порогъ по самой длинной подземной галерей, какая въ настоящее время существуетъ въ Африкѣ: это такъ называемый «Пальмовый туннель», имѣющій 3.000 метровъ протяженія отъ однихъ воротъ до другихъ. До общаго умиротворенія Алжиріа позиція борджа Бу-Аррериджъ представляла капитальную стратегическую важность. Недалеко оттуда открываются «Желѣзные ворота», дефила горной цѣпи Бибанъ, черезъ которые плоскогорья сообщаются съ долиной Сахеля: тамъ находится ключъ ко всѣмъ территоріямъ, лежащимъ на

югъ Большой Кабиліи. Оттого крѣпкіе замки этой страны заботливо охранялись племенами. Во время прибытія французовъ всѣ признавали верховную ленную власть могущественнаго рода Уладъ-Мокранъ и платили ему дань; взимаемые главнымъ шейхомъ налоги, простиравшіеся, по исчисленію Каретта, до 700.000 франковъ въ годъ, помѣщались въ торговлю всей Кабиліи и приносили ему большіе проценты. Оттого-то уладъ-мокраны, желая сохранить за собою свой *liste civile* и свое высокое положеніе, и поспѣшили признать французскую власть; они подали сигналъ къ возстанію только въ 1871 году, когда узнали, что грозитъ опасность ихъ привилегіямъ.

Въ 25 километрахъ по прямой линіи къ сѣверо-западу отъ Бу-Аррериджа, на одной скалѣ цѣпи Бибанъ стоитъ, на высотѣ 1.200 метровъ, главная крѣпость страны, носящая имя Калаа (Гала или Гела), то-есть «Замокъ» по преимуществу: это одинъ изъ рѣдкихъ кабилскихъ городовъ, окруженныхъ сплошной стѣною. Цитадель богатаго племени бени-аббесъ, Калаа служила также мѣстомъ убѣжища для всѣхъ, искавшихъ спасенія отъ гнѣва деевъ и ихъ вассаловъ. Когда герцогъ Вофоръ вынужденъ былъ покинуть Джиджелли, одна изъ оставленныхъ имъ пушекъ была перевезена въ Калаа, гдѣ она была взята обратно французами два вѣка спустя, въ 1871 году. Акрополь всей страны, главный рынокъ для торговли оливковымъ масломъ, производимымъ Кабиліей, Калаа служила складочнымъ мѣстомъ окрестнымъ племенамъ для сокровищъ и для зерновыхъ хлѣбовъ: благодаря чистотѣ воздуха, пшеница сохранялась долгіе годы въ корзинахъ, сплетенныхъ изъ альфы. Пользуясь полною безопасностью, жители Калаа и окрестностей могли спокойно предаваться промышленной дѣятельности; они ткали бурнусы высокой цѣны, отъ 30 до 35 франковъ за штуку, которые находили сбытъ во всей Алжиріи. Промыселъ этотъ сохранился до сихъ поръ, несмотря на иностранную конкуренцію: женщины, обрабатывающія шерсть, и мужчины, сшивающіе матерію, никогда не принимаютъ за работу, не вымывъ предварительно рукъ мыломъ. Этою роскошью чистоты и опрятности бени-аббесы выгодно отличаются отъ большинства другихъ кабилъ; у нихъ въ каждой деревнѣ существуютъ мыловаренные заводы. Къ востоку отъ Калаа, другой укрѣпленный городокъ, Замура или Земмура, «Масличная роца», подпалъ подъ власть турокъ, которые держали тамъ гарнизонъ, чтобы защищать свои сообщенія между плоскогорьемъ и портомъ Бужи. Населеніе этого города и теперь еще состоитъ въ большей части изъ кулуги.

Въ западной части бассейна уэда Сахель, Омаль, древняя Авзія (Auzia) римлянъ, занимаетъ такую же стратегическую позицію, какъ

¹⁾ Carette, «Études sur la Kabylie proprement dite».

въ восточной части города Сетифъ и Бу-Арре-риджъ: стоявшій тамъ турецкій гарнизонъ наблюдалъ за дорогами, направляющимися отъ уада Сахель къ Шелифу черезъ равнины племенъ арибъ и бени-слиманъ, и командовалъ верхнимъ бассейномъ территории Иссеръ. Французы водворились тамъ только въ 1846 году, но они сразу оцѣнили стратегическую важность этого пункта, и гряда развалинъ, называвшаяся Суръ-эгъ-Гозланъ, или «Оплотъ Газелей», скоро сдѣлалась, подъ именемъ Омаль (Aumale), одною изъ самыхъ твердыхъ опорныхъ точекъ военной оккупации во внутренней Алжиріи. Городъ лежитъ на высотѣ 850 метровъ, въ циркѣ горъ, гдѣ беретъ начало аль-Акаль, одинъ изъ притоковъ уада Сахель, и съ юго-западной стороны надъ нимъ господствуютъ высокіе хребты джебея Дира, сочныя травы котораго питаютъ столько стадъ, что арабы, какъ иѣкогда евреи Ханаана, говорятъ о «молочныхъ ручьяхъ», текущихъ съ этихъ горъ. Омаль—одинъ изъ важнѣйшихъ рынковъ Телли для обмѣна зерновыхъ хлѣбныхъ береговой области на произведенія плоскихъ возвышенностей—шерсть, кожи, циновки и корзины изъ альфы, финики, живой скотъ. Но, помимо этой мѣнливой торговли, Омаль, оставленный въ сторонѣ отъ сѣти желѣзныхъ дорогъ,—городъ мало оживленный; онъ состоитъ всего только изъ одной длинной улицы, прерываемой по срединѣ общественнымъ садомъ; тамъ нашли большое число фрагментовъ, изваяній и надписей, остатковъ римской Авзии. Въ окрестностяхъ разсѣяно нѣсколько колонистскихъ поселеній; самыя многочисленныя изъ нихъ—Биръ-Рабалу, на сѣверо-западѣ, въ равнинѣ Арибъ, и Анъ-Бессемъ, на сѣверо-востокѣ, на дорогѣ въ Буиру.

Борджъ Буира, или «крѣпость Малаго Коллца», пересталъ быть военнымъ пунктомъ; по крайней мѣрѣ, фортъ, стоящій на холмѣ, между городомъ и станціей желѣзной дороги, теперь не занятъ войскомъ; легкость сообщеній, на боковой дорогѣ, огибающей массивъ Большой Кабилии, и созданіе значительнаго центра колонизации позволили вывести гарнизонъ. Ниже, въ долинѣ Сахеля, крѣпостца Бени-Мансуръ еще занята военнымъ отрядомъ. Въ этомъ мѣстѣ отъ главной желѣзнодорожной линіи изъ Алжира въ Константинополь отдѣляется вѣтвь къ городу Бужи; тутъ же по близости живутъ различныя племена, еще недавно повиновавшіяся могущественной и грозной фамиліи Уладъ-Мокранъ; кромѣ того, необходимо наблюдать за дорогою, поднимающейся на сѣверъ къ кедрамъ Талараны и къ перевалу Тирурда, и проникающей въ высокій массивъ Большой Кабилии. На востокѣ, по другую сторону долины, слѣдуютъ одно за другимъ мѣстечки трудолюбивыхъ бени-аббесовъ и поселенія мирныхъ бени-айделей, пользующихся

доброю славою за рѣдкую заботливость, которую они прилагаютъ къ содержанію въ порядкѣ своихъ жилищъ и мечетей. Далѣе идутъ земли племени бени-хیارъ, затѣмъ земли санхеджей, которые носятъ славное имя древняго союза берберскихъ племенъ.

Новыя поселенія, основанныя французскими колонистами, слѣдуютъ одно за другимъ въ довольно большомъ числѣ въ нижней долинѣ Сахеля, и нѣкоторые изъ нихъ очень живописны, съ ихъ бѣлыми домами и красными крышами, выглядывающими сквозь листву большихъ деревьевъ. Между этими деревнями, изъ которыхъ каждая имѣетъ запасной водоемъ, фонтаны и широкія аллеи или бульвары, самая значительная—Акбу, официально называемая Мецомъ. Эта группа жилищъ, военный и административный центръ почти стотысячнаго населенія, лежитъ на высокомъ хребтѣ, къ западу отъ долины Сахеля, называемого также уадомъ Акбу, и при выходѣ дороги, пока еще не пройденой, которая спускается изъ Большой Кабилии черезъ горный проходъ Шеллата. Римскія развалины встречаются во всѣхъ частяхъ долины, а на половинѣ дороги изъ Акбу въ Бужи, между Сиди-Аишъ и Эль-Ксаръ (Биче), онѣ сплошь покрываютъ почву: отрывки стѣнъ, надгробные камни, остатки мощеныхъ плитой дорогъ, подземныхъ галлерей, зданій; тутъ стоялъ въ древности Tubusuctus. До сихъ поръ этотъ могущественный римскій городъ, лежащій въ развалинахъ, еще не имѣетъ себѣ преемника въ видѣ французскаго городскаго поселенія: внутри его иззубренныхъ временемъ стѣнъ, среди масличныхъ рощъ, пріютились только небольшія деревни Тауриртъ-Игиль, Анъ-Гана, Тимери и Тиклатъ. Изъ новыхъ мѣстечекъ, основанныхъ въ нижней долинѣ, самое многочисленное—Реюнъонъ, главный пунктъ обширной общины Феная, состоящей частью изъ земель, конфискованныхъ въ 1871 году, послѣ возстанія. Самая богатая часть страны—земельная собственность кабилскаго племени бени-бумессаудъ.

Бужи (Bugie), Saldæ римлянъ,—городъ, пришедшій въ упадокъ, хотя съ половины текущаго столѣтія онъ опять въ большей части заселился. Дважды онъ былъ даже столицей государства: въ первый разъ во время нашего владычества, до взятія Каррагена, во второй—подъ владычествомъ племени бени-гаммадъ, въ концѣ одиннадцатаго и въ началѣ двѣнадцатаго вѣка; по свидѣтельству Мармоля, въ стѣнахъ его въ ту эпоху насчитывалось не менѣе двадцати тысячъ домовъ; онъ былъ тогда маленькой «Меккой», благодаря своимъ мечетямъ и школамъ, и съ того времени одинъ изъ его фонтановъ получилъ названіе коллца «Земземъ»¹⁾. Даже когда онъ не былъ поли-

¹⁾ Carette, цитированное сочиненіе.

тическимъ центромъ, Беджайя или Бужи, названный такъ по имени одного племени соседнихъ горъ, имѣлъ важное торговое значеніе, благодаря выгодамъ своего порта, который считается одною изъ самыхъ безопасныхъ гаваней алжирскаго берега. Въ этомъ мѣстѣ гора Лалла Бурайя, или «госпожа Гурайя», имѣющая слишкомъ 700 метровъ высоты, выдвинулась въ море мысомъ, по направленію отъ запада къ востоку, такъ что бухта, которую она ограничиваетъ, совершенно защищена отъ западныхъ, сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, столь опасныхъ въ этихъ водахъ. Съ одиннадцатаго столѣтія итальянскіе мореходы стали вести мѣновую торговлю съ Беджайей, и въ теченіе трехъ слѣдующихъ вѣковъ республики Пиза, Генуя, Амальфи, каталонцы, марсельцы оспаривали другъ у друга первое мѣсто въ торговлѣ этого порта, который снабжалъ ихъ хлѣбомъ, оливковымъ масломъ, лучшими винными ягодами, сладкими рожками, шерстью, кожами, медомъ и воскомъ, уже отлитымъ въ свѣчѣй, по-французски «bougies», названный такъ по имени этого кабилскаго города ¹⁾, который принялъ своимъ гербомъ пчелиный улей. Точно также отъ стариннаго имени этого города нѣкоторые сорта кожи стали называть «basape» (баранья кожа, употребляемая для переплета книгъ) ²⁾. Сношенія Бужи съ Европой сдѣлались такъ часты, что въ началѣ XIV ст. этотъ городъ сталъ подъ покровительство королей арагонскихъ, чтобы успѣшнѣе воевать съ другими городами побережья: въ ту эпоху тамошніе кабилы, безъ сомнѣнія, не были болѣе ревностными мусульманами, чѣмъ нынѣ, хотя миссіонеръ Раймондъ Лулле погибъ тамъ, побитый камнями въ 1314 году. Но за періодомъ мирныхъ торговыхъ сношеній слѣдовалъ періодъ морскаго разбойничества; Бужи сдѣлался гнѣздомъ страшныхъ корсаровъ, что побудило испанцевъ, по завоеваніи Орана, атаковать этотъ разбойничій притонъ. Педро Наварскій безъ труда овладѣлъ имъ, въ 1509 году, и съ того времени въ продолженіи сорока-четырехъ лѣтъ знамя Кастиліи развѣвалось на бужійскихъ фортахъ: никакой другой городъ восточной Алжиріи не оставался такъ долго во власти европейской державы. Снова взятый турками въ 1555 году, Бужи былъ уже городъ безъ торговли, окруженный враждебными кабилскими племенами. До французской оккупации, въ 1833 году, онъ оставался какъ бы въ осадномъ положеніи, затѣмъ почти совсѣмъ опустѣлъ; въ 1869 году въ немъ насчитывалось только 330 жителей. Кабилы держали его запертымъ, и только въ 1847 году гарнизонъ въ первый разъ сдѣлалъ мирную прогулку внѣ городскихъ стѣнъ.

Въ настоящее время Бужи занимаетъ гораздо меньшую площадь, чѣмъ какую занимать въ эпоху своего цвѣтушаго состоянія: городская ограда значительно сдузилась, и многіе внѣшніе кварталы, обремененные военными повинностями, были покинуты жителями; даже внутри круга валовъ одна часть города была присвоена инженернымъ вѣдомствомъ. Сарацинская арка, называемая Бабъ-эль-Бахаръ («Морскія Ворота») и составлявшая часть древнихъ стѣнъ, есть самый любопытный остатокъ средневѣковой Беджайи и, вмѣстѣ съ общественнымъ садомъ и амфитеатромъ домовъ и апельсинныхъ рощъ, образуетъ очень живописное цѣлое. Обширные пустыри тянутся еще въ соседствѣ моря, но теперь населеніе, вѣроятно, возрастетъ съ проведеніемъ желѣзной дороги изъ Алжира черезъ Бени-Мансуръ, которая оканчивается на югъ отъ города, близъ устья уада Сахель, называемаго также уадомъ Суммамъ въ нижнемъ его теченіи; кромѣ того, скоро долженъ быть построенъ другой рельсовый путь, направляющійся къ Сетифу черезъ горы Баборъ и Бибанъ. Правильное пароходное сообщеніе соединяетъ нынѣ столицу Кабилій съ Марселемъ. Бужи лежитъ у естественнаго выхода обширнаго бассейна, простирающагося отъ Сетифа до Омалы, и хотя онъ находится на внѣшней покатости горъ Большой Кабиліи, населеніе его пользуется до извѣстной степени выгодами торговли этой страны. Но для того, чтобы Бужи могъ выполнять роль, которая должна выпасть ему со временемъ въ общей экономіи Алжиріи, необходимо, чтобы портъ его былъ снабженъ набережными, амбаркадерами и молотомъ, который прикрывалъ бы его отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ портъ этотъ почти всѣмъ обязанъ исключительно природѣ; во времена турецкаго господства галеры передъ наступленіемъ осенняго равноденствія покидали опасныя воды Алжира, чтобы идти на зимнія квартиры въ Бужійскій рейдъ.

Движеніе судоходства въ портѣ Бужи въ 1891 г.: въ приходѣ 588 судовъ, общей вмѣстимостью—280.760 тоннъ.

Сосѣдняя бухта Сиди-Яя, совершенно защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ мысомъ Буакъ, преуказана какъ будущій военный портъ, и уже неоднократно было предпринимаемо изученіе этой гавани ³⁾. Пытаясь пробить подземную галерею къ западу отъ города на горѣ Туджъ, чтобы перехватить ключевыя воды, инженеры убѣдились, что римляне уже предупредили ихъ: инженеры нашли старый туннель, длиною въ 438 метровъ; какъ показываетъ одна древняя надпись, эта подземная галерея была вырыта въ царствованіе Антонина Піа. Туджинскій водопроводъ имѣетъ 21 километръ длины.

¹⁾ E. Littré, «Dictionnaire de la langue française».

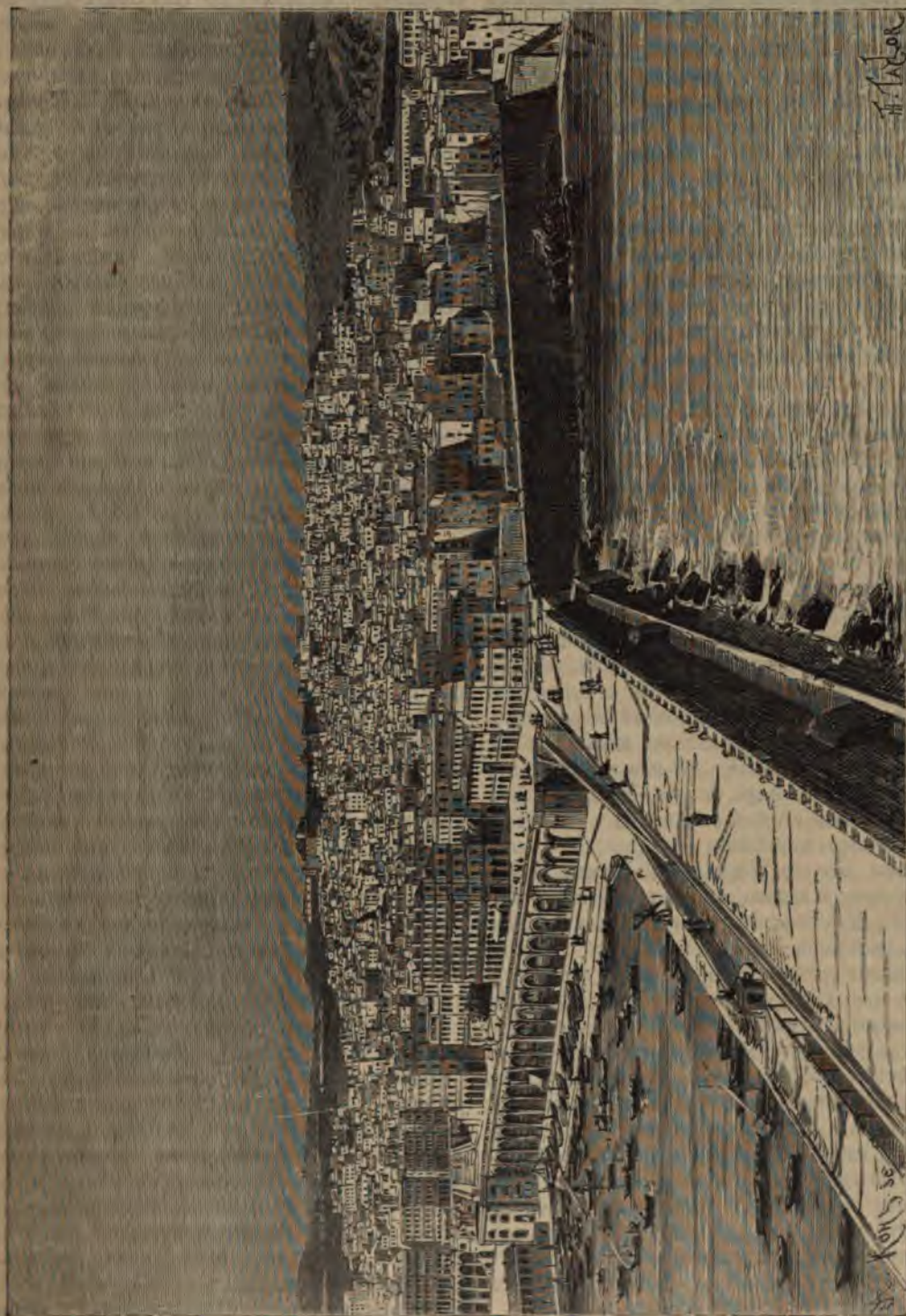
²⁾ Baude, «Algérie».

³⁾ Ch. Feraud, «Histoire de Bougie».

Главныя полноправныя общины въ бассейнѣ Сахеля, включая Бу-Аррериджъ (бассейнъ Ходны): Сетифъ—12.000 жит., Бужи—12.380 жит., Виръ Рабалу—6.000 жит., Смаль—6.000

торую окружаютъ полукругомъ двѣ рѣки, уѣдъ Сахель и уѣдъ Иссеръ, вообще обозначается именемъ «Большой Кабиліи», въ отличіе отъ «Малой Кабиліи», подъ которою понимаютъ

Общій видъ Алжира.

жит., Аннъ-Абесса—4.000 жит., борджъ-Бу-Аррериджъ—3.000. жит.

Точно отграниченная область Джурджуры, или Адара («Гора» по преимуществу)¹⁾, ко-

¹⁾ Hanoteau et Letourneux, „La Kabylie et les coutumes kabyles“.

гористую область, занимаемую цѣлыми Бибанъ и Баборъ. Сравнительная высота окружающихъ ихъ горъ—единственная причина, заставившая установить это различіе между двумя странами: по протяженію, «Малая» Кабилія не уступаетъ «Большой». Что касается наимено-

ванія «Кебаиль», или «кабилы», то оно не имѣетъ никакого этническаго значенія: это арабское слово *кабила*, которое значитъ просто «племя» или «колѣно», и которое въ разныхъ странахъ прилагается къ населеніямъ различныхъ расъ: такъ, въ Аравіи оно означаетъ арабовъ, а въ равнинахъ, лежащихъ къ востоку отъ Абиссиніи, его носятъ афары или данакилы. Въ Мавританіи мусульманскіе завоеватели употребляли его для обозначенія всѣхъ не-арабскихъ народцевъ, которыхъ находили въ завоеванной территоріи, и которыхъ отъсѣняли въ горы: мало-по-малу, подъ вліяніемъ расовой ненависти, этотъ терминъ получилъ презрительное значеніе; алжирскіе арабы чаще обозначаютъ свои собственные племена другимъ словомъ, аршъ, имѣющимъ тотъ же смыслъ ¹⁾. Принадлежа по языку къ большой берберской семьѣ и происходя преимущественно отъ древняго союза племенъ санхеджа, джурджурскіе кабилы сами себя называютъ «имазигенъ» или «амзигъ», то-есть «вольные люди» ²⁾. По мнѣнію Сабатье, имя это, тоже-ственное съ именемъ «максинъ», употребляемымъ Геродотомъ, имѣетъ другой смыслъ: подъ нимъ слѣдуетъ понимать просто «земледѣльцевъ» ³⁾.

Безъ сомнѣнія, огромное большинство кабилонъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, имѣютъ право на этотъ эпитетъ «вольныхъ», такъ какъ они убѣгали въ горы, чтобы сохранить свою независимость, и во всѣ времена оказывали сопротивленіе иноземнымъ захватчикамъ: римлянамъ, вандаламъ, византіянамъ, арабамъ или французамъ. Арабы называли эту страну Бледъ-эль-Адуа, т. е. «Вражьей Землей». Со всѣхъ сторонъ, племена, тѣснимыя завоевателями римскими, вандальскими или арабскими, искали убѣжища въ этихъ высокихъ долинахъ и даже на вершинѣ горъ. Повидимому, Кабилия, нынѣ самая многочисленная область Сѣверной Африки, была мало населена въ первые времена историческаго періода ⁴⁾; каждый новый потокъ завоевателей давалъ ей новый контингентъ бѣглецовъ, которые упорнымъ трудомъ надъ обработкою почвы успѣли приобрести себѣ право на мѣсто рядомъ съ первыми поселенцами. Неудивительно, поэтому, что населеніе Джурджуры и ея долинъ представляетъ такое разнообразіе типовъ: отъ чернокожаго до европейца, всѣ разновидности человѣческаго рода имѣютъ тамъ своихъ представителей. Въ Кабилии встрѣчаются негры, или, по крайней мѣрѣ, помѣсь негровъ: таковы абида, или «служители», въ Богни, въ юго-за-

падной области страны. Затѣмъ, есть кабилы, якобы, европейскаго происхожденія, какъ, напримеръ, племя антъ-бу-юссефъ, живущее на сѣверной покатости главной цѣпи, къ югу отъ укрѣпленія, называемаго Національнымъ Фортъ (Fort National); впрочемъ, это, можетъ-быть, потомки іудействующихъ берберовъ, которые были очень многочисленны въ Мавританіи до мусульманскимъ нашествіемъ ⁵⁾. Извѣстно также, что, по общераспространенному у кабилонъ мнѣнію, одинъ народецъ на верхнемъ Себау, называемый антъ-фраусенъ, считается, вѣроятно, по причинѣ сходства имени, соплеменникомъ французовъ. Говорятъ, въ Кабилии имѣются также и германцы, «антъ-иджерменъ», которые живутъ на сѣверо-востокѣ страны, между Буджи и Азеффуномъ. Дѣйствительно, между этими антъ-иджерменами встрѣчается очень много индивидуумовъ бѣлокурыхъ или рыжихъ, чертами лица, будто бы, похожихъ на нѣмцевъ. На основаніи сходства имени, можно бы, пожалуй, искать германцевъ также у горцевъ Джермуны, которые охотятся на кабановъ и барсовъ въ сосѣднихъ съ мысомъ Локасъ лѣсахъ.

Но какъ ни разнообразно происхожденіе жителей Джурджуры, можно сказать, что, взятые въ массѣ, они представляютъ древнее берберское населеніе, и, вѣроятно, между ними-то и слѣдуетъ искать наиболѣе чистыхъ потомковъ первоначальныхъ мавританцевъ, тѣхъ потомковъ, которые всегда лучше сохраняли нравы и преданія расы, нѣкогда распространенной по всей Сѣверной Африкѣ. По одной изъ ихъ легендъ, они «родились изъ земли». Гигантъ, пришедшій изъ тѣхъ странъ, гдѣ восходитъ солнце, принесъ на своихъ широкихъ плечахъ скалы и горы Джурджуры; дойдя до мѣстности за уѣдомъ Сахель, онъ опустился на землю отъ усталости, и громадная ноша задушила его: броженіе этого великана, раздавленнаго подъ тяжестью горъ Кабилии, и породило на свѣтѣ племена страны. Впрочемъ, существуютъ также легенды о населеніи, предшествовавшемъ нынѣшнимъ кабиламъ, которое называютъ «джугала», именемъ, примѣняемымъ, кромѣ того, къ римлянамъ и къ «язычникамъ»; этому древнѣйшему населенію приписываются остатки старинныхъ построекъ и камни странной формы, представляющіе людей или животныхъ. Во многихъ мѣстахъ находятъ круглыя ямы, наполненныя мусоромъ, которыя, повидимому, служили жилищами. Кровли, образующія сводъ надъ ямой, были подперты центральнымъ столбомъ. Съ этими древнѣйшими постройками Кабилии связана легенда, совершенно подобная той, которую рассказываютъ на Алтаѣ про таинственную чуждъ: говорятъ, когда обитатель такого полу-

¹⁾ De Slane, „Histoire des Berbères“, par Ibn'Khaldoun.

²⁾ Carotte, „études sur la Kabylie“, Exploration scientifique de l'Algérie, IV.

³⁾ „Société d'Anthropologie“, séance du 21 juillet 1881.

⁴⁾ Masqueray, „Correspondance Africaine“.

⁵⁾ Devaux, „Les Kebailles de Djerdjara“.

подземного жилища тяжело заболѣвалъ и чувствовалъ приближеніе смерти, онъ подпиливалъ столбъ, затѣмъ, въ послѣдній моментъ, собиралъ остатокъ силъ и, оттолкнувъ столбъ, погребалъ самъ себя подъ облоками крыши').

Народонаселеніе Большой Кабиліи весьма значительно. По переписи 1881 года, пространство около 5.500 квадр. километровъ, заключающееся въ обширномъ полукругѣ, образуемомъ уздами Иссеръ и Сахель, было обитаемо 467.000 чел. Народонаселеніе Кабиліи, безъ Палестро и Бени-Мансуръ: Большая Кабилія: округъ Тизи-Узу, съ общинами Бужи, Акбу и Фенайя: 417.012 жит. на 525.008 гектаровъ. Малая Кабилія: округъ Бужи, безъ общинъ Бужи, Акбу и Фенайя: 200.615 жит. на 484.562 гектарахъ.

Такъ какъ нормальный приростъ у джурджурскихъ кабилонъ составляетъ, въ среднемъ, по крайней мѣрѣ, пять тысячъ каждый годъ, отъ избытка рожденій надъ смертностью, то общее число жителей въ этой области можно считать въ полмилліона, что составитъ 90 человекъ на квадр. километръ. Если бы плотность населенія была такая же и въ остальной Алжиріи, между берегомъ моря и опушкой пустыни, то тамъ насчитывалось бы 40 милліонъ жителей, то-есть не меньше, чѣмъ во Франціи. До французской оккупации безпрестанныя войны между племенами, даже между отдѣльными деревнями, поглощали всѣ излишки населенія: по самому ничтожному поводу, иногда просто потому, что наскучилъ миръ, возгоралась вооруженная вражда между соседними народцами. Два племени антъ-уагеннунъ и антъ-дженнадъ, къ сѣверу отъ Себау, обмѣнивались ружьями при заключеніи мира и требовали ихъ обратно, когда хотѣли объявить другъ другу войну: эти два символическихъ ружья носили названіе *мезрагъ*, то-есть «копье», въ память о временахъ, предшествовавшихъ введенію огнестрѣльнаго оружія²⁾. Кабилы, раздѣленные на сто слишкомъ племенъ, на тысячу слишкомъ второстепенныхъ клановъ, дѣлятся также на *софы*, или политическія партіи, которыя безпрестанно группируются, распадаются, вновь соединяются, соответственно столкновенію интересовъ и страстей. Туземцы говорили, что имъ уже на-роду написано постоянно воевать между собой: проклятіе Лаллы-Хедиджи осудило ихъ на вѣчные раздоры. Союзы, устраивавшіеся между разными деревнями противъ общаго врага, были непродолжительны: по минованіи опасности, лига распадалась, и каждая группа снова получала свою автономию. Однако, кабиламъ небезизвѣстно, какія узы родства связываютъ племена одно съ другимъ, и имена, общія всей

кабилѣ клановъ, напоминаютъ общность происхождения. Названіе «антъ», употребляемое ими для выраженія связи конфедерации, указываетъ солидарную группировку, а не происхождение, какъ арабское слово «уладъ» («уледъ» въ единственномъ числѣ), присвоенное племенамъ семитическаго происхождения, и заимствованное слово «бени», примѣняемое къ двумъ расамъ, но преимущественно къ кабиламъ³⁾.

Главная группировка племенъ—это «зуауа» (игауауенъ), имя которой часто было употребляемо въ обширномъ смыслѣ, обнимающемъ всѣхъ кабилонъ; еще недавно въ Тунисѣ слово «зуауа» примѣнялось ко всѣмъ горцамъ-берберамъ, а въ первое время французской оккупации, то же общее наименованіе давали—подъ формой «зуавы»—отрядамъ туземныхъ солдатъ, которые набирались преимущественно между кабилскими горцами. Зуауа, въ числѣ 150.000 человекъ, занимаютъ на сѣверной покатости Джурджуры почти весь бассейнъ верхняго Себау, почти до мѣста слиянія его съ уedomъ Ансси. Къ этой группѣ зуауа принадлежатъ, между прочимъ, племенной союзъ антъ-яхіа, одна изъ деревень котораго, Куку (Куко), основанная на мѣстѣ римскаго поселенія⁴⁾, считалась нѣкогда чѣмъ-то въ родѣ столицы для всей кабилской земли, хотя число ея жителей не превышало 1.600; въ шестнадцатомъ столѣтіи Мармоль обозначалъ именемъ Куко всѣ населенія Джурджуры, и оливковое масло «сосе» было хорошо извѣстно въ Марсели и во всемъ Провансѣ⁵⁾. Антъ-фраусены, эти, якобы, французы, которые, впрочемъ, оказывали энергическое сопротивленіе французскому нашествію въ 1857 году,—тоже «зуауа», и на ихъ территории тоже есть мѣстечко, которому присвоивалось первенство надъ всѣми другими поселеніями: это Джема эсъ-Сахридждъ, или «Собраніе бассейновъ», названное такъ отъ римскихъ резервуаровъ, которые свидѣтельствуютъ о пребываніи тамъ древнихъ завоевателей Мавританіи, или, по крайней мѣрѣ, о вліяніи ихъ цивилизации на туземныя искусства. Племена, отличающіяся наибольшимъ разнообразіемъ своихъ промышленныхъ произведеній, именно тѣ, которыя живутъ на западѣ отъ узда Ансси, принадлежатъ къ той же кабилской группѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, составляющія племенной союзъ антъ-батрунъ, или «Сыны Камня»⁶⁾ называютъ себя «Сердцемъ народа зуауа». Наконецъ, Кареттъ⁷⁾ причисляетъ къ зуавамъ также храбрыхъ ритъ-иратеновъ, которые населя-

¹⁾ Carette, цитированное сочиненіе.

²⁾ Cherbonneau, «Revue de Géographie», 1881.

³⁾ Aucapitaine, «Les Kabyles et la colonisation de l'Algérie».

⁴⁾ Dugas, «La Kabylie et le peuple kabyle».

⁵⁾ «Etudes sur la Kabylie».

⁶⁾ Devaux, цитированное сочиненіе;—Ядринцевъ, русскія записки.

⁷⁾ Devaux, цитированное сочиненіе.

ютъ «гору Побѣды»,—нынѣ «Национальный Фортъ» (Fort National), и у которыхъ всѣ угнетенные жители низменности находили наиболѣе безопасное убѣжище: одна изъ ихъ деревень, Ишерайуентъ, была скрыта французами, которые построили на мѣстѣ ея главную крѣпость Большой Кабилии. По преданію, сообщаемому Кареттомъ, антъ-иратены или ратены не коренные жители края, а переселенцы, пришедшіе изъ сахарскаго оазиса Рать.

Около юго-западнаго угла гористой области, въ верхнемъ бассейнѣ узда Бу-Гдура, живутъ кабилскія населенія, которымъ приписываютъ особое происхожденіе, и самое имя которыхъ возбуждаетъ вниманіе историковъ. Это гештула, или игешдула (игешдуленъ), которыхъ обыкновенно отождествляютъ съ гетулами древнихъ писателей. Гештулы замѣтно отличаются отъ другихъ жителей Джурджуры, что оправдываетъ гипотезу относительно ихъ особеннаго происхожденія. Они вообще малорослы и худощавы, съ круглой, «какъ шаръ», головой. Менѣе ловкіе въ ручныхъ работахъ, чѣмъ зуавы, они уступаютъ имъ также въ искусствѣ земледѣлія, и большинство ихъ занимаются скотоводствомъ, да и то скотъ у нихъ не собственный: они не болѣе, какъ пастухи на службѣ у хозяевъ изъ зуавскихъ деревень. Въ то время, какъ у другихъ «кабиловъ» собственность всегда личная, пастбища въ большей части территоріи гештуловъ находятся въ общемъ владѣніи^{*)}. Наконецъ, и дома у нихъ строятся не такъ, какъ у ихъ сосѣдей: они гораздо ниже и крыты не черепицей, а террасой изъ бѣлой глины, положенной на перекладинахъ изъ масличнаго дерева. Рядомъ съ гештулами, въ бассейнѣ Бу-Гдура, живетъ племя негритянскаго происхожденія, абиды, потомки отпущенныхъ на волю рабовъ. Далѣе на сѣверѣ обитаютъ магакты, нѣкогда очень могущественное племя.

Западные горы Кабилии населены флиссаумъ-эль-лиль, или «ночные флиссаны», называемые также «лѣсными». Какъ ближайшіе къ нижнимъ долинамъ Митиджи, эти горцы всего чаще воевали съ иноземными завоевателями равнины: уже ихъ предки, Issaflenses, должны были вести борьбу съ римлянами, да и сами они, съ первыхъ же временъ французской оккупации, часто имѣли столкновенія съ солдатами аванпостовъ. Другіе флиссаны, «приморскіе», были отдѣлены отъ главной массы націи различными чуждыми имъ племенами, гисерами, антъ-уагеннунами и другими. Приморскіе флиссаны нѣкогда славились во всей Кабилии какъ искусные оружейники: они фабриковали сабли, которыми было вооружено большинство туземцевъ, и которыя носили то же

названіе «флисса». Эти палаши, подражаніе римскимъ мечамъ, имѣютъ деревянную или мѣдную рукоятку, которая представляетъ, довольно аляповато, голову рыся, фигурирующую на оружіи легіонеровъ¹⁾.

Между другими группами кабилскихъ племенъ самыя значительныя:—группа зарфауа, въ Азеффунскомъ округѣ; группа бу-даудъ, на сѣверо-восточной оконечности горнаго массива; группа антъ-гобри, къ востоку отъ зуавовъ. На вѣншней покатости Джурджуры тоже организовались союзы могущественныхъ племенъ, таковы: антъ-угли, между городами Акбу и Бужи; иллуда-асаммеръ, или «солнечные» иллуда, называемые такъ въ отличіе отъ иллудималу, т. е. «темныхъ», живущихъ на сѣверномъ скатѣ высокой Джурджуры; антъ-мликенъ, переселившіеся, какъ говорятъ, съ холмовъ изъ окрестностей Алжира; бени-мансуръ, племена марабутскаго происхожденія, населяющія нѣсколько деревень на югѣ отъ узда Сахель. Наконецъ, въ нижней долиніѣ Себау, до сліянія этой рѣки съ уездомъ Ансси, разсыяны деревни амарауа, населенія, которое не сплотилось въ одно цѣлое, подобно другимъ кабилскимъ племенамъ. Оно состоитъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: горцевъ, вынужденныхъ покинуть свою деревню по случаю грозившей кары за совершенные проступки или по причинѣ политическихъ раздоровъ; арабовъ, переселившихся изъ равнины; турокъ и кулугли, пришедшихъ съ гарнизономъ *борджей*, расположенныхъ по окрестности горъ. Долгое время амарауа составляли «махзентъ», то-есть военное племя, постоянно ведущее борьбу со своими сосѣдами и всегда готовое на бой и грабежъ по первому приказу турецкихъ военачальниковъ. Тѣмъ не менѣе, продолжительное пребываніе въ краѣ, культура почвы и брачные союзы постепенно преобразовали амаравовъ въ настоящихъ кабиловъ: по уходѣ турокъ, племя махзентъ, теперь живущее въ мирѣ съ горцами, осталось въ отведенной ему территоріи.

Различію происхожденія соотвѣтствуетъ различіе типовъ въ совокупности этихъ населеній Большой Кабилии. Однако, преобладающими являются два типа: одинъ, повидимому, принадлежащій первоначальнымъ жителямъ страны, отличается округлостью лица, выдающимися скулами, остроконечной формой нижней челюсти. Отличительные признаки другаго типа: лицо овальное, короткое, плоское, съ довольно широкими скулами, съ маленькими, блестящими глазами; носъ вдавленъ при основаніи и у иныхъ вздернутъ; зубы не такъ красивы, какъ у арабовъ, и средніе рѣзцы въ верхней челюсти у многихъ превосходятъ сосѣдніе

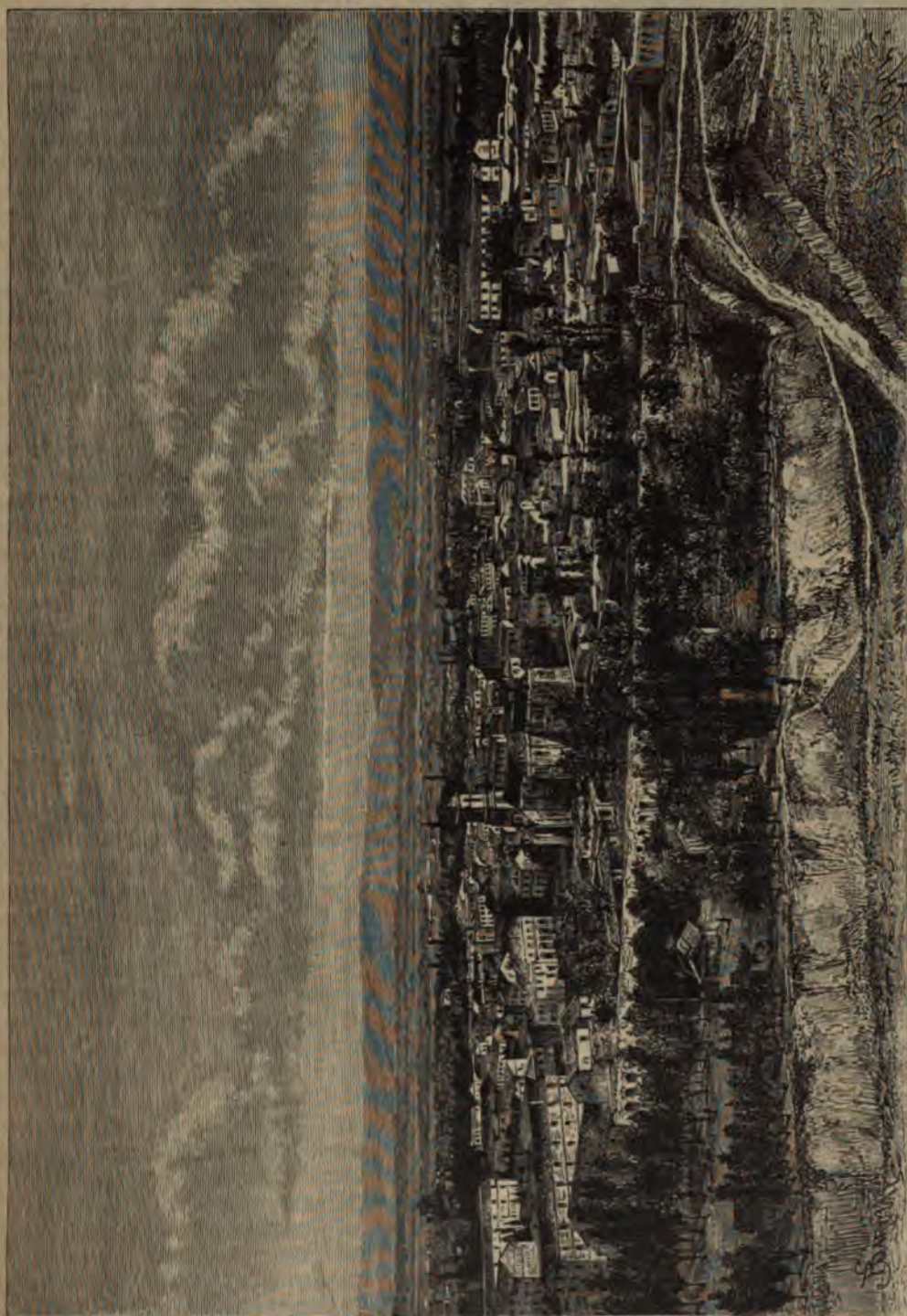
^{*)} Camille Sabatier, „Société d'Anthropologie“, séance du 5 janvier 1882.

¹⁾ Carotte, цитированное сочиненіе.

зубы шириной и выступомъ ¹⁾). Вообще, кабилы роста средняго, мускулисты, сильны и ловки; однако, сифилитическое зараженіе—впрочемъ, менѣе тяжкое у нихъ, чѣмъ у евро-

Различаясь типомъ, кабилы Джурджуры и горныхъ цѣпей, продолжающихъ ее на востокъ, составляютъ одинъ народъ по языку. Всѣ они говорятъ берберскимъ нарѣчіемъ, *зуауийя*, въ

Городъ Блида.

пейцевъ—испортило кровь большинства туземцевъ: есть деревни, гдѣ поголовно всѣ жители одержимы дурною болѣзнью.

¹⁾ Topinard, „Études sur les types de l'Algérie“. („Boll. de la Société d'Anthropologie de Paris“, 1881).

которомъ, впрочемъ, очень много — можетъ быть, не менѣе трети—арабскихъ словъ. Вообще словъ, выражающихъ умственные или нравственные способности и качества человѣка, не существуетъ къ кабилскимъ діалек-

тахъ, и всѣ такіа слова заимствованы изъ арабскаго языка; то же самое нужно сказать о терминахъ, относящихся къ религіи, правовѣдѣнію, наукамъ и искусствамъ, животнымъ, растеніямъ и всякаго рода предметамъ, введеннымъ въ край со времени арабскаго завоеванія; теперь въ говоръ кабилъ подобнымъ же образомъ входятъ французскія слова. Нѣтъ ничего удивительнаго, что арабскій языкъ постепенно проникъ въ берберскую рѣчь. Во-первыхъ, это былъ языкъ властителей страны и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ религіозныхъ наставниковъ; стихи Корана, какъ и приказы сувереновъ, были на арабскомъ языкѣ; по-арабски же были написаны сочиненія, которыя читались немногими образованными, такъ какъ берберскій идиомъ не имѣетъ письменности, у него нѣтъ никакой литературы, кромѣ богословскихъ диссертаций, хранимыхъ въ монастырѣ, и пѣсней, воспроизведенныхъ арабскими буквами, да при томъ отличающихся отъ обыкновенной рѣчи гораздо болѣе значительнымъ числомъ семитическихъ выраженій. Большую силу даетъ арабскому діалекту, въ этой борьбѣ языковъ, также и то обстоятельство, что кабилъ долженъ спускаться въ равнину для обмена своихъ произведеній на нужные ему предметы потребленія, тогда какъ арабу нѣтъ ни малѣйшей надобности идти къ кабилу въ его горы ¹⁾; мало-по-малу послѣдній выучивается говорить по-арабски такъ же хорошо, какъ по-берберски, и на границѣ двухъ языковъ кончается тѣмъ, что забываетъ родной языкъ, который ему менѣе полезенъ. Однако, въ виду значительнаго возрастанія кабилскаго населенія, его прогресса и усиливающегося національнаго самосознанія, можно надѣяться, что современемъ языкъ предковъ снова войдетъ въ честь.

Главное различіе между арабомъ и кабиломъ то, что первому нравится особенно пастушеская, кочевая жизнь, тогда какъ берберскій горецъ живетъ возлѣ своего поля. Кабилскій поселянинъ любитъ землю съ такой же страстью, какъ французскій крестьянинъ, и земля вполнѣ вознаграждаетъ его за эту любовь; нѣкогда дикія кручи, покрытыя камнемъ или заросшія мелкимъ кустарникомъ, теперь засажены маслинами и засѣяны питательными растеніями. «Что сталося бы со мной—воскликаетъ земля въ одной кабилской легендѣ—если бы люди покинули меня? Не вернулась ли бы я въ первобытное состояніе и не сдѣлалась ли бы снова логовищемъ дикихъ звѣрей?» ²⁾. Чтобы сдѣлать гору плодородною, кабилы приносятъ растительную землю со дна долины и смѣшиваютъ ее съ растертыми кусками камня; случалось видѣть, какъ косари велѣли привязывать себя

къ выступу скалы, чтобы сорвать листья ясени или срѣзать траву, растущую на уединенной террасѣ, между вертикальною скалою и пропастью. Раздробленность земельной собственности доходитъ до того, что даже деревья поделены: иная маслина принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ, изъ которыхъ каждый владѣетъ одною вѣтвью и собираетъ съ нея плоды ³⁾. Оттого земля приобрѣла непомѣрно высокую цѣнность въ этомъ густо населенномъ краѣ, гдѣ жители оспариваютъ другъ у друга каждую пядь почвы; кладбища всѣ расположены по окраинамъ дорогъ, въ мѣстахъ совершенно негодныхъ для культуры—такъ кабилъ дорожитъ каждымъ клочкомъ земли, удобной для посадки деревьевъ или посѣва хлѣбныхъ растений. Въ среднемъ, покупная цѣна гектара въ кабилской территоріи въ сто разъ выше, чѣмъ въ арабской; она достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ франковъ, какъ ни значительны подобныя суммы у людей съ такими ограниченными потребностями. Французамъ, слѣдовательно, нечего и думать селиться, въ качествѣ колонистовъ, между кабилами; они не могли бы поддержать конкуренціи привычныхъ къ упорному труду туземныхъ работниковъ, которымъ не приходится затрачивать капиталъ на распашку и обработку почвы. Земли, конфискованныя въ долинѣ Себау послѣ возстанія 1871 года, казна принуждена была сдать въ аренду тѣмъ же кабиламъ, и эти арендаторы во многихъ мѣстахъ уже обратно завоевали заступомъ часть бывшей своей отчины.

Отличные земледѣльцы, или точнѣе садовники, джурджурскіе кабилы въ то же время искусные ремесленники; у нихъ всѣ ремесла одинаково пользуются уваженіемъ, даже кузнечное, которое у арабовъ въ такомъ загонѣ, что кузнецъ даже не считается достойнымъ смерти: въ бою арабъ всегда даетъ пощадѣ тому, кто проситъ ее, махая, какъ бы для удара, молотомъ по наковальнѣ, но такой человекъ обрекается на вѣчное презрѣніе. Вслѣдствіе постепенно установившагося раздѣленія труда, различныя кабилскія племена избрали каждое какой-нибудь специальный промыселъ, такъ что на торжкахъ, которые происходятъ послѣдовательно въ каждой деревнѣ, въ разные дни недѣли, можно достать всѣ нужныя мануфактурныя издѣлія. Во многихъ зуавскихъ племенахъ женщины прилагаютъ всѣ свои старанія къ фабрикаціи красивыхъ вазъ, особенно таурирутскія женщины, изъ племени бенниенни, отличаются въ этой отрасли промышленности ⁴⁾. Въ другихъ мѣстахъ выдѣлываютъ преимущественно грубую глиняную посуду; ткацкимъ промысломъ занимаются племена бушанъ и антъ-иджеръ, въ восточныхъ горахъ;

¹⁾ Carette, цитированное сочиненіе

²⁾ Devaux, „Les Kébailles du Djerdjara“.

³⁾ Camille Sabatier, „Congrès de l'Association française en 1881“.

⁴⁾ Guillaumet „Tableaux algériens“.

у племенъ иллигентъ и иллула, на скатахъ верхней цѣпи Джурджуръ, главная специальность—рѣзба на деревѣ; аитъ-фраусенъ—по преимуществу кузнецы, а фенайя, на восточномъ склонѣ, научились отъ одного французскаго дезертира искусству фабриковать ружья; аитъ-иенни тоже очень искусны въ выдѣлкѣ оружія и прежде снабжали другія племена боевыми припасами; кромѣ того, у нихъ была еще одна специальность—фабрикація фальшивой монеты, составлявшей въ былое время предметъ обширной торговли, которою занимались цѣлыя банды сбытчиковъ, развозившихъ эту монету по всѣмъ рынкамъ Берберин. Лишившись этого промысла, аитъ-иенни все-таки остались литейщиками и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерами: они передѣлываютъ испанскіе дуросы въ ожерелья, въ кольца, въ діадемы, и фиксируютъ эмаль на металлѣ. Около 1855 г. туземцы изъ племени аитъ-уасифъ ухитрились смастерить пушку, которая выпалила три или четыре раза въ одной изъ мѣстныхъ войнъ¹⁾; во время возстанія 1871 года горскія племена, спустившіяся съ Джурджуръ, тоже употребляли самодѣльную пушку при осадѣ крѣпостцы Бени-Мансуръ. Кабильскіе рынки, снабжаемые товарами мѣстнаго производства и привозными изъ-за границы, имѣютъ очень оживленный характеръ. Они происходятъ обыкновенно изъ селеній, вблизи кладбища; въ политическихъ обстоятельствахъ это въ то же время и народныя собранія, гдѣ обсуждаются общественныя дѣла: на этихъ вѣчахъ прежде рѣшался вопросъ о войнѣ или мирѣ; теперь же на базарахъ, происходящихъ подъ наблюдениемъ французскихъ агентовъ, можно заниматься только обмѣномъ продуктовъ.

Большая Кабилья такъ густо населена, что земледѣліе не можетъ прокормить всѣхъ жителей: производимыхъ въ краѣ пшеницы, винныхъ ягодъ, маслинъ, муки изъ желудей не хватаетъ для мѣстнаго потребленія, и продажа оливковаго масла и плодовъ недостаточна для покупки, въ обмѣнъ, всего нужнаго хлѣба; поэтому каждый годъ тысячи мужчинъ должны покидать родныя мѣста, чтобы искать заработковъ на чужбинѣ. Въ прежнее время большое число горцевъ продавали себя, какъ нѣкогда швейцарцы, въ солдаты, чтобы воевать въ пользу турокъ, да и въ наши дни между кабилями, особенно среди зуавовъ, набирается большинство «алжирскихъ стрѣлковъ». Аитъ-ира-тенцы, поселившіеся въ городѣ Алжирѣ, держатъ тамъ булочные; бени-абесы дѣлаются банкирами своихъ земляковъ въ столицѣ и въ другихъ городахъ побережья²⁾. Но большинство эмигрантовъ уходитъ въ города, чтобы служить тамъ въ качествѣ чернорабочихъ или

носильщиковъ; нѣкоторые занимаются корабельничествомъ, развѣзая съ товаромъ по деревнямъ. Во время большихъ земледѣльческихъ работъ кабилю спускаются со своихъ горъ многочисленными партіями, чтобы предложить колонистамъ свои услуги, въ качествѣ расчищателей нови, жнецовъ или пахарей. Цѣлыя колоніи горцевъ соединяются съ арабскими племенами равнины и кончаютъ тѣмъ, что сами становятся земледѣльцами: такъ возникли многія кабильскія поселенія въ окрестностяхъ Гельмы, Шершеля, Омаля, Орлеансвилля¹⁾. Теперь, съ прекращеніемъ постоянныхъ междоусобныхъ войнъ, быстрый ростъ населенія заставляетъ кабилъ все болѣе и болѣе расширять кругъ эмиграціи; они проникаютъ уже въ Тунисъ, уходятъ въ оазисы и на границы Марокко. Около половины настоящаго столѣтія опредѣляли въ 12.000 цифру покинувшихъ родину кабилъ; въ наши дни, со включеніемъ временныхъ эмигрантовъ, число ихъ простирается до сорока тысячъ. Прежде алжирскіе деи, зная духъ солидарности, связывающій всѣхъ кабилъ, часто успѣвали взыскивать подати съ горныхъ зуавовъ, задерживая ихъ единоплеменниковъ, пришедшихъ на заработки въ Алжиръ, въ качествѣ заложниковъ, или запрещая входить туда новоприбывшимъ эмигрантамъ²⁾.

Кабилы, земледѣльцы по образу жизни, отличаются всѣми хорошими качествами крестьянина. Они терпѣливы, воздержны, расчетливы и бережливы. Очень честные, неспособные ни на какой обманъ, они требуютъ и отъ другихъ такой же добросовѣстности въ торговыхъ сношеніяхъ; свято исполняя свои долговые обязательства, они всегда аккуратно отдадутъ то, что имъ одолжили, но хотятъ, чтобы и въ отношеніи ихъ поступали также, и для того, чтобы вернуть съ должника самую ничтожную сумму, не задумаются предпринять длинное путешествіе, затѣять дорого-стоющій процессъ. Чтобы защитить то, что ему кажется справедливымъ, упрямый кабилъ готовъ лѣзть на стѣну: какъ рассказываетъ Варнье, арабы въ укоръ кабилу говорятъ, что у него сидитъ камень въ черепѣ, на что онъ отвѣчаетъ: «а у васъ барабанъ въ головѣ». Очень разсудительный, кабилъ всегда видитъ положительную сторону вещей, но умѣетъ также развлекаться отъ труда смѣхомъ, пѣснями, шутками; вообще онъ не прочь повеселиться, рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ араба, всегда сохраняющаго важный видъ,—араба, который никогда не поетъ за плугомъ, чтобы подбодрить воловъ. Кабильскіе земледѣльцы, какъ ни велико у нихъ уваженіе къ старымъ обычаямъ, все-таки не такіе упорные рутин-

¹⁾ Devaux, цитированное сочиненіе.

²⁾ Carette, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Aucasitain, „Les Kabyles et la colonisation de l'Algérie“.

²⁾ Aucasitain, „Les Kabyles“.

воюющимъ. Самая вліятельная изъ этихъ религіозныхъ общинъ — обитель Бенъ-Али-Шерифъ, въ Шеллатъ, на вѣншемъ скатѣ восточной Джурджуры: настоятель ея сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ владѣтельнаго князя, однимъ изъ туземныхъ магнатовъ Алжирии. Что касается евреевъ, то нѣкоторыя кабилскія племена не допускаютъ ихъ на свою территорию: они боятся, чтобы тѣ путемъ ростовщичества не сдѣлались мало-по-малу господами и хозяевами края; аитъ-иенни, кромѣ того, опасаются встрѣтить въ нихъ соперниковъ по ювелирному ремеслу. Но большая часть рынковъ посѣщается сынами Израиля, и даже существуютъ кабилскіе іудеи, говорящіе только берберскимъ языкомъ¹⁾.

Кабилское общество, несмотря на перемѣны, совершившіяся въ немъ подѣ влияніемъ французскаго завоеванія, сохранило еще въ своемъ политическомъ устройствѣ многія особенности, которыя дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и самыхъ любопытныхъ между человѣческими обществами. Всѣ исторіи, которые описывали его бытъ, Кареттъ, Дево, Феро, Окапитенъ, Ганото и Летурне, Сабатье и другіе, говорятъ о немъ съ удивленіемъ и, конечно, европейскія націи, даже самыя цивилизованныя, могли бы многому поучиться у этихъ, до недавняго времени никому неизвѣстныхъ, африканскихъ горцевъ. Тамъ, гдѣ ни военные посты, ни административное давленіе не остановили или не парализовали свободнаго дѣйствія старыхъ обычаевъ, каждая деревня, или *таддертъ*, представляетъ маленькую самоуправляющуюся республику, къ которой принадлежатъ всѣ граждане, богатые и бѣдные, старые и молодые: по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста юноша становится полноправнымъ гражданиномъ; если онъ достаточно силенъ, чтобы приложить къ плечу свое оружіе для прицѣла, онъ имѣетъ право подавать голосъ въ общественныхъ дѣлахъ; отъ него требуется только, чтобы онъ оказывалъ подобающее уваженіе людямъ взрослымъ и старикамъ. Народное собраніе, или «джемаа», состоящее изъ всѣхъ гражданъ различныхъ *харубъ*, происходитъ разъ въ недѣлю (иногда и чаще, если на очереди стоятъ болѣе важные вопросы), обсуждаетъ и рѣшаетъ общественныя дѣла и выбираетъ лицъ, должностныхъ исполнить его волю. Такъ какъ это вѣче состоитъ изъ совокупности гражданъ, то оно совмѣщаетъ въ себѣ всѣ власти — политическую, административную и судебную; оно судитъ безчестные поступки, дѣйствія, недостойныя свободнаго человѣка, нарушеніе законовъ гостепріимства; бывали даже примѣры, что когда кто нибудь изъ членовъ племени нажилъ себѣ большое состояніе, то ему объ-

являли, что пора отдохнуть отъ дѣлъ, чтобы дать другимъ случай обогатиться¹⁾. Народное собраніе налагаетъ на виновныхъ наказаніе, которое почти всегда ограничивается штрафомъ въ нѣсколько су или франковъ, поступающихъ въ общественную кассу, по которому, въ особо важныхъ случаяхъ, можетъ доходить до удаленія изъ общины. Тотъ, кто наноситъ безчестіе своему племени, долженъ покинуть его: чтобы объявить ему объ изгнаніи, у него снимаютъ съ крыши черепицу; домъ его обреченъ на разрушеніе. Къ аресту или тюремному заключенію никто и никогда не приговаривается, на томъ основаніи, что свобода слишкомъ драгоценное благо, чтобы можно было лишать ея даже преступника. Всякое тѣлесное наказаніе считается унижительнымъ какъ для наказуемаго, такъ и для наказывающаго; этотъ родъ кары неизвѣстенъ въ свободныхъ горахъ. Смертная казнь назначалась только за измѣну отечеству, но каждый частный человѣкъ сохранялъ за собою въ отношеніи своего врага право мести. Общее презрѣніе навлекъ бы на себя тотъ, кто не пролилъ бы крови за кровь; «убійство — это ссуда, которую надо возвратить», гласитъ кабилская народная мудрость²⁾.

Для административнаго управленія общиной, въ качествѣ уполномоченнаго отъ народнаго собранія, и для наблюденія за поддержаніемъ доброй славы деревни, граждане выбираютъ старшину, или «амина», обыкновенно изъ богатыхъ жителей, такъ какъ никакого жалованья за эту службу не полагается; напротивъ, ему часто приходится дѣлать значительные расходы изъ собственныхъ средствъ, и если онъ принимаетъ постъ слуги общества, возлагаемый на него общиной, то только потому, что, занимая этотъ постъ, онъ пользуется, самъ лично и его семейство, нѣкоторымъ почетнымъ отличіемъ. Онъ остается въ должности до тѣхъ поръ, пока хорошо исполняетъ свои обязанности; но какъ только обнаружится, что сограждане перестали быть имъ довольны, онъ считается долгомъ тотчасъ же удалиться: рѣдко случается, чтобы аминъ, въ такихъ случаяхъ, былъ настолько не деликатенъ, чтобы ждать мірскаго приговора, лишающаго его данныхъ полномочій. Тѣмъ не менѣе, можно опасаться, что аминъ, назначенный *софтомъ* или партіей большинства, будетъ служить интересамъ избравшей его группы, въ ущербъ меньшинству, и потому община позаботилась о томъ, чтобы интересы менѣе многочисленнаго софа были ограждены отъ всякаго произвола. Аминъ, представитель исполнительной власти, назначается партіей, имѣющей за собой численное превосходство; но казначей, *укиль*, всегда вы-

¹⁾ Lambert, цитированное сочиненіе.

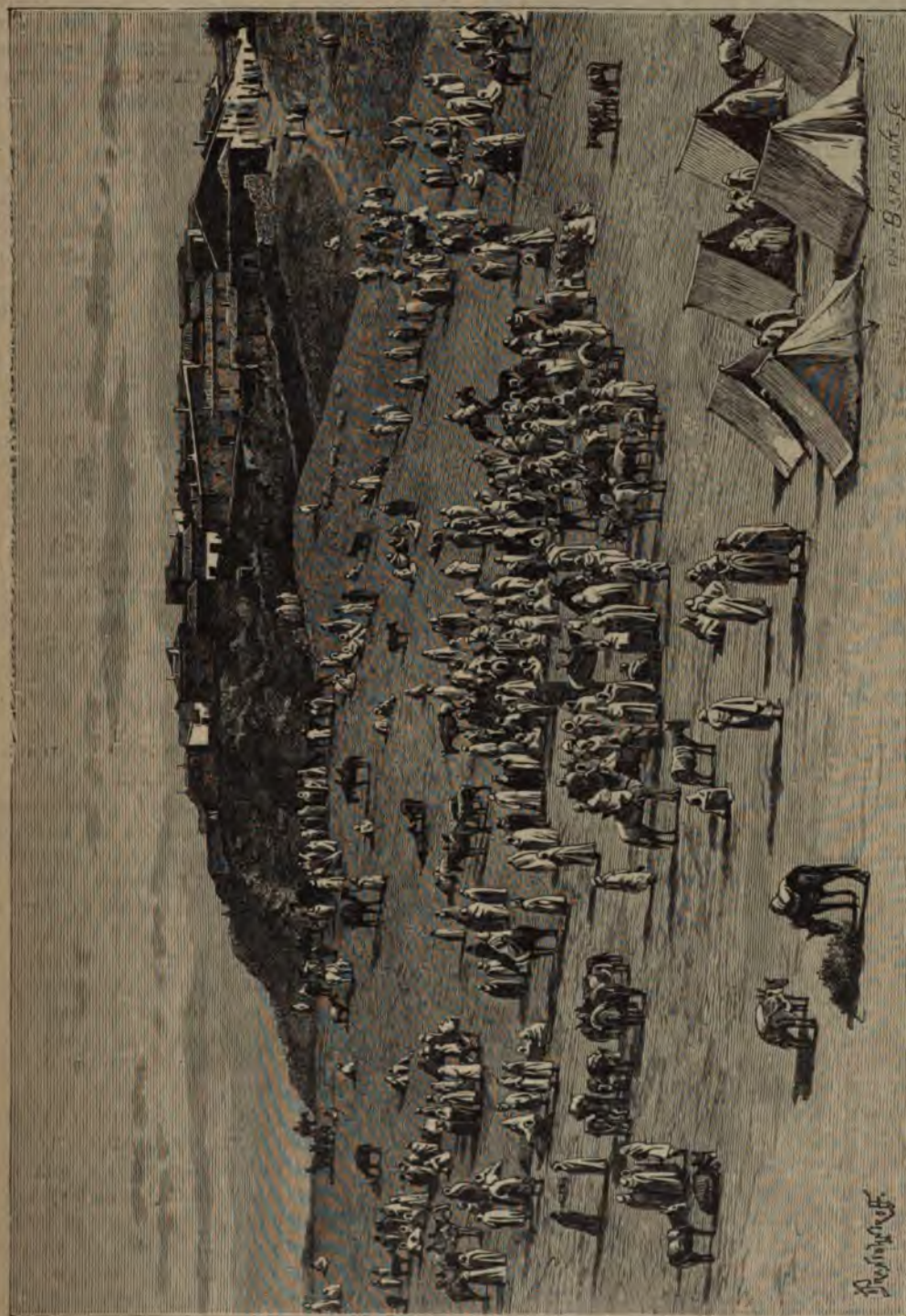
¹⁾ Carotte, цитированн. сочиненіе.

²⁾ Dugas, «La Kabylie et le peuple kabyle».

бирается меньшинством: онъ завѣдуетъ фондами общины. Никакой расходъ не можетъ быть сдѣланъ, если объ партіи не дадутъ на него своего согласія, если эти два делегата не

и даже отдаленныхъ племенныхъ союзовъ. Располагая достаточными денежными средствами, получаемыми въ видѣ добровольныхъ сборовъ, софы обязаны оказывать взаимную по-

Деревня и рынокъ бохчарисовъ.

приложить своихъ печатей къ приказу, составленному общественнымъ писаремъ. Кромѣ того, каждый софъ составляетъ какъ бы общину въ общинѣ и вступаетъ въ ассоціацію съ соотвѣтственными софами сосѣднихъ мѣстечекъ

и даже отдаленныхъ племенныхъ союзовъ. Вообщемъ, софы обязаны оказывать взаимную помощь всѣмъ своимъ членамъ; они принимаютъ на свое попеченіе дѣтей общниковъ, даютъ пріютъ и защиту бѣглецамъ ¹⁾. Вообще ассо-

¹⁾ Hanoteau et Letourneux;—Ernest Renan, „Revue des Deux Mondes“, 1873.

циация практикуется въ Кабилии въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. То она обнимаетъ нѣсколько семействъ, соединяющихся для общаго владѣнія и пользованія извѣстнымъ имуществомъ, и составляетъ большую семью, въ родѣ сербской «задружи»; то ограничивается въ своей цѣли какимъ-нибудь частнымъ трудомъ, земледѣльческимъ или промышленнымъ. Впрочемъ, члены ассоціи всегда связаны круговой порукой: въ Кабилии не знаютъ «ограниченной ответственности», въ родѣ той, которою обставляють себя французскія общества ¹⁾).

Благодаря духу республиканской солидарности, соединяющему всѣхъ членовъ деревни, тамъ нѣтъ людей, лишенныхъ всякихъ средствъ существованія. Безъ всякаго ущерба своему личному достоинству, бѣднякъ получаетъ отъ общины паекъ, необходимый для пропитанія. Когда кто-нибудь убиваетъ скотину для собственнаго употребленія, онъ обязанъ извѣстить объ этомъ «таддертъ» чрезъ публичнаго глашатая, дабы больныя и беременныя женщины могли получить на свою долю свѣжаго мяса. По временамъ устраиваются общественныя трапезы, въ которыхъ обязательно должны принимать участіе всѣ жители, какъ богатые, такъ и бѣдные: не допускается, чтобы какой-либо членъ общины брезговалъ блюдомъ, которое его брать вѣстъ съ охотой. Приступающій къ постройкѣ дома имѣетъ право на пособіе всей деревни; запахивающій поле или собирающій жатву можетъ разсчитывать, въ случаѣ надобности, на помощь сосѣда и въ свою очередь долженъ помогать ему въ работѣ, когда это требуется; поле, хозяинъ котораго сдѣлался неспособнымъ къ труду, воздѣлывается общими силами всей деревни, словомъ, всѣ обязаны оказывать другъ другу всякое содѣйствіе. Даже въ отношеніи чужака, находящагося въ бѣдственномъ положеніи, кабилъ обязанъ вести себя какъ другъ: онъ долженъ идти къ нему на встрѣчу въ дни грозы, долженъ накормить его во время голодовки. Въ страшную зиму 1867—68 гг., когда погибло много тысячъ туземцевъ около французскихъ городовъ, нищіе, стекавшіеся со всѣхъ концовъ къ горамъ Джурджуры, получали пропитаніе отъ кабилловъ, и ни одинъ изъ нихъ не умеръ отъ голода ²⁾).

Казалось бы, это кабилское общество, раздробленное на столько маленькихъ демократій, сколько деревень въ краѣ, должно быть безсильно противъ вѣшняго врага. Напротивъ—оно было сильнѣе, чѣмъ централизованныя мелкія арабскія государства, гдѣ толпа подданныхъ, слѣдуя за своимъ властелиномъ, падала въ борьбѣ или измѣняла вмѣстѣ съ нимъ. Въ минуту общей опасности образовались конфедераціи между софами племенъ, какъ и между самими

племенами, и со всѣхъ сторонъ стекались молодые люди, давая клятву принести въ жертву свою жизнь: это были *имессебеленъ*, или «преданные». Передъ битвой марабуты читали надъ ними отходную, и они дѣйствительно умирали, если не одерживали побѣды ³⁾. Всѣ кабилы, несмотря на ихъ раздробленность, чувствовали себя, въ виду общей опасности, связанными узами коллективной солидарности. Всѣ признавали силу *анайи*—арабское слово, которое собственно значить «покровительство» ⁴⁾, но употребляется также въ смыслѣ «честь»: это—«султанъ кабилловъ, дѣлающій добро и не требующій никакихъ податей». Обращался ли путешественникъ, нищій, всякій угнетенный или притѣсняемый съ просьбой о помощи къ кабилу—послѣдній долженъ былъ взять его подъ свою защиту: къ этому обязывали его какъ его личная «анайя», такъ и честь всего племени. Возгоралась ли война между двумя деревнями,—женщины тотчасъ же ставились подъ общее покровительство, подъ «анайю» воюющихъ; иногда условливались, чтобы извѣстная дорога, извѣстный округъ, извѣстный день недѣли были исключены изъ сферы непріятельскихъ дѣйствій, и этотъ уговоръ, поставленный подъ коллективную гарантію «анайи», всегда свято соблюдался. Когда усобица тянулась слишкомъ долго, являлись миротворцы и «бросали» свою «анайю» между враждующими: этого было достаточно, чтобы возстановить миръ: никто не осмѣлился бы нанести оскорбленіе чести друзей.

Теперь французы, въ свою очередь, «бросаютъ анайю» между племенами, и эти племена, чувствуя себя на половину французскими, свято соблюдаютъ миръ. Есть не мало европейцевъ, которые, соблазнившись демократическимъ образомъ жизни кабилловъ, поселились между ними, носятъ ихъ костюмъ, ѣдятъ то же, что и они, и живутъ съ ними въ джемаахъ; съ другой стороны, кабилы считаютъ себя счастливыми и очень гордятся, когда имъ даютъ натурализацію, и если бы не боязнь получить отказъ, навѣрно цѣлыя племена просили бы о внесеніи ихъ въ списки французской національности. Начальное образованіе, постепенно распространяющееся у кабилловъ (въ нѣкоторыхъ деревняхъ введено обязательное и бесплатное обученіе дѣтей), безъ сомнѣнія, поднимаетъ ихъ съ теченіемъ времени на равный уровень со многими народностями, называемыми «арійскими». Во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью разсчитывать на историческую будущность этого сильнаго и трудолюбиваго народа, который уже оказалъ, подъ именемъ арабовъ, огромную услугу человечеству, сохраняя и развивая въ Испаніи науки, завѣщанныя элли-

¹⁾ Bibesco, цитированное сочиненіе; — Clamagreau, цитированное сочиненіе.

²⁾ Hanoteau et Letourneux, цитированное сочиненіе.

³⁾ Hanoteau et Letourneux, цитирован. сочиненіе; — N. Robin, „Revue Africaine“, 1784.

⁴⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

скимъ міромъ, которымъ, въ остальной Европѣ, грозила опасность потеряться навсегда во мракъ среднихъ вѣковъ.

Слишкомъ тысяча-четыреста селъ и деревень разбѣяно на вершинахъ, террасахъ и мысахъ Большой Кабилии, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ до 2.000, даже до 2.400 жителей. Селенія эти представляютъ обыкновенно собраніе тѣсно скученныхъ хатъ; однако, можно подмѣтить извѣстный порядокъ въ распредѣленіи кварталовъ. Всѣ обыватели, принадлежащіе къ одной семейной группѣ или роду, составляютъ *харубу*, жилища которой образуютъ отдѣльную часть селенія, и узкія улицы различныхъ харубъ сходятся къ общей площади, или собственно «джемаа»; по срединѣ этого пространства, подъ аркой, перекинутой между двумя противоположными домами, помѣщаются скамьи, на которыхъ воссѣдаютъ старѣйшины, когда они председательствуютъ въ народномъ собраніи. Несмотря на густоту населенія, Джурджура не имѣетъ городовъ въ общепринятомъ значеніи этого слова: Національный Фортъ (Fort National), главный военный пунктъ края, представляетъ собою собраніе казармъ, интендантскихъ магазиновъ, гостиницъ, нѣсколько частныхъ домовъ, бульваровъ и садовъ, заключенное въ неправильной оградѣ, которая идетъ вдоль гребня горы, спускаясь съ террасы на террасу, по крутымъ скатамъ, откуда взорамъ открывается безпредѣльный горизонтъ. За такъ называемыми «Алжирскими» воротами по средамъ происходитъ базаръ, отъ котораго бывшая деревня и получила свое арабское имя Сукъ-эль-Арба («Середовый рынокъ»). Нынѣшняя крѣпость была основана въ 1857 году, почти въ географическомъ центрѣ Большой Кабилии, въ самой срединѣ территоріи могущественнаго племеннаго союза Аитъ-Иратенъ, деревни которыхъ виднѣются на всѣхъ окрестныхъ вершинахъ. Во время возстанія 1871 г. кабилы пытались снова овладѣть этимъ ненавистнымъ укрѣпленіемъ, которое «постоянно колетъ имъ глаза» и напоминаетъ объ уtratѣ независимости; они даже вели правильные траншеи и апроши противъ стѣнъ, но послѣ двухмѣсячной осады принуждены были удалиться, и въ наказаніе за этотъ бунтъ у многихъ племенъ были отняты земли. Самая высота мѣстоположенія (916 метровъ), благодаря которой Національный Фортъ сдѣлался главнымъ военно-обсервационнымъ пунктомъ всей страны, и, безъ всякаго сомнѣнія, современемъ сдѣлается одною изъ лучшихъ санаторій для алжирцевъ, служить препятствіемъ къ тому, чтобы городъ пріобрѣлъ большую важность, какъ мѣсто заселенія и торговаго обмѣна; тѣмъ не менѣе, онъ несомнѣнно сдѣлается необходимымъ центромъ торговли, когда дороги изъ Дра-эль-Мизанъ, изъ Бени-Мансуръ, изъ Акбу, еще не оконченныя, будутъ соединяться въ немъ съ алжирской линіей. Самое

большое кабийское мѣстечко въ Джурджури, Бени-Ясенъ (по-берберски), Бени-эль-Гассенъ (по-арабски), расположено на вершинѣ остро-конечной горы, въ территоріи племени бени-иенни, въ юго-западной части края; онъ заключаетъ около шестидесяти торговыхъ лавокъ, гдѣ выдѣлываютъ оружіе и разныя драгоценныя украшенія; изъ четырехъ его мечетей двѣ съ высокими минаретами.

Въ долинахъ рѣки Себау и ея притоковъ, которые огибаютъ высоты, доминируемыя Національнымъ Фортомъ, европейскіе колонисты уже основали нѣсколько поселеній, которымъ отведены земли, конфискованныя у туземцевъ послѣ возстанія 1871 года. Колонистскія деревни Азазга, Фреха, Мекла, Темда, слѣдующія одна за другой въ долинѣ по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, являются уже вѣхами будущей дороги, которая установитъ прямое сообщеніе между Алжиромъ и Бужи. Но въ настоящее время почти вся торговая жизнь этой области сосредоточивается въ новомъ городѣ Тизи-Узу, — по-арабски Феджъ-эль-Гендуль (то-есть «горный проходъ, заросшій дикимъ терномъ»), — который построенъ на небольшомъ порогѣ холмовъ, на высотѣ 257 метровъ, къ западу отъ обширной равнины, гдѣ соединяются воды двухъ уѣдовъ, Себау и Аисси. Въ этомъ мѣстѣ у турокъ былъ борджъ (крѣпостца), откуда они наблюдали издали за горами, занятыми независимыми племенами; народецъ амарау служилъ имъ орудіемъ, «мах-зентъ», при помощи котораго они держали въ повиновеніи окрестныя кабийскія племена; кромѣ того, онъ сторожилъ рынки, куда горцы приходили обмѣнивать свои продукты, маслины и винныя ягоды, на хлѣбъ. Когда крѣпость Тизи-Узу была занята, въ 1851 г., французами, подъ защитой ея вскорѣ выстроилась гражданская деревенька, которую въ 1871 году смѣнилъ быстро растущій городъ. Въ Алжиріи мало найдется городскихъ поселеній, которыя бы такъ скоро развивались, какъ этотъ административный центръ Кабилии: горцы тысячами спускаются на его рынки, и въ его тѣнистыхъ улицахъ постоянно движутся ряды экипажей и телѣгъ. На сѣверной сторонѣ города высится холмъ Джебель-Беллуа, откуда можно созерцать развертывающійся во всей его красѣ громадный амфитеатръ горъ. Уадъ Себау огибаетъ этотъ холмъ узкимъ дефиле, который однажды заперли груды увлеченныхъ потокомъ деревьевъ, превративъ въ озеро всю верхнюю равнину ¹⁾. Недалеко отъ этого города, въ горахъ Аитъ-Дженадъ, была открыта любопытная берберская колонна Абизаръ, часто упоминаемая археологами: на ней изображенъ голый всадникъ, вооруженный щитомъ и тремя дротиками ²⁾.

¹⁾ Carrette, цитированное сочиненіе.

²⁾ Masqueray, — Tissot, etc.

Городъ Тизи-Узу соединенъ съ Алжиромъ желѣзной дорогой, постройка которой вызвала приливъ колонистовъ въ мѣстности вокругъ станцій этого пути, ведущаго въ Кабилию. Теперь проектирована постройка другаго желѣзнаго пути, который долженъ идти вверхъ по долинѣ уада Бу-Гдура къ цвѣтущему селу Борджъ-Богни, построенному въ зеленѣющемъ циркѣ, у подножія укрѣпленнаго холма, откуда турки наблюдали за гештулами. Въ 16 километрахъ къ западу отъ Борджъ-Богни, на скалѣ круглой горы, расположенъ городокъ Дра-эль-Мизанъ, имѣвшій недавно, до общаго умиротворенія страны, важное стратегическое значеніе, такъ какъ онъ занимаетъ, на юго-западѣ Большой Кабилии, порогъ, черезъ который войска, пришедшія съ юга, легко могутъ обойти высокую цѣпь Джурджуры и проникнуть въ продольную долину, идущую параллельно гребню, внутри массива. Теперь Дра-эль-Мизанъ не причисляется болѣе къ военнымъ пунктамъ края.

Ниже слиянія съ Бу-Гдура, уэдъ Себау, по выходѣ изъ горъ, поворачиваетъ на сѣверо-западъ, затѣмъ на сѣверъ. Въ нижней долинѣ его тоже основались многочисленные поселенія: Ребеваль, Уледъ-Кеддашъ, Буа-Сакре слѣдуютъ одинъ за другимъ по берегамъ рѣки; но приморскій рынокъ находится не у самаго устья: онъ лежитъ восточнѣе, у перваго мыса, представляющаго защиту отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Рынокъ этотъ—маленькій городокъ Деллисъ, состоящій изъ одной длинной улицы, которая тянется вдоль ската холма, и изъ нѣсколькихъ переулковъ, изъ которыхъ одни поднимаются въ гору, а другіе круто спускаются къ порту; строящееся жете, которое пока еще выдвинуто въ заливъ не болѣе, какъ на сотню метровъ, будетъ защищать якорную стоянку отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ. Въ ожиданіи этого волноразбивателя и желѣзной дороги, долженствующей связать Деллисъ съ общей сѣтью, этотъ городъ развивается медленно, несмотря на значительное возрастаніе населенія и торговли въ долинѣ Себау, для которой онъ служитъ естественнымъ вывознымъ пунктомъ. Это объясняется тѣмъ, что устройство удобнаго и быстрого сообщенія между городами Тизи-Узу и Алжиромъ отняло у Деллиса роль складочнаго мѣста и вывознаго порта, въ пользу столицы. Деллисъ сохранилъ за собой очень ограниченный кругъ притяженія для экспорта мѣстныхъ произведеній, хлѣба, винограда, апельсиновъ (движеніе судоходства въ 1883 г.: 236 судовъ вмѣстимъ 84.640 тоннъ). Однако, въ немъ находится одно изъ главныхъ учебныхъ заведеній Алжирскаго департамента—политехнический институтъ, или училище искусствъ и ремеселъ (école des arts et metiers), гдѣ получаютъ образованіе молодые люди почти исключительно кабилскаго происхожденія.

Къ востоку отъ Деллиса, на морскомъ берегу, почти прямолинейномъ и не имѣющемъ никакой защиты въ видѣ мысовъ, существуютъ только два центра европейской колонизаціи—Тикзиртъ, неподалеку отъ котораго находится маленькая гавань Таксебтъ, и Азеффунъ или Зеффунъ, называемый также Портъ-Гейдонъ. Въ Азеффунѣ почти всѣ домики кабилонъ выстроены изъ обломковъ римскаго города. Бу-Даудъ, принадлежащій племени того же имени («Давидовы отцы»), тоже служитъ мѣстомъ пристанища для каботажныхъ судовъ.

Полноправныя общины Большой Кабилии: Тизи-Узу (1896 г.)—27.106 жит.; Деллисъ (1897 г.)—13.000; Буа-Сакре (1881 г.)—7.200; Ребеваль (1881 г.)—5.200; Дра-эль-Мизанъ (1881 г.)—2.400; Форъ-Насиональ (Насиональн. Фортъ)—236 жит.

Иссеръ, ограничивающій западные массивы Большой Кабилии, беретъ начало на большомъ разстояніи къ западу отъ этихъ горъ, въ одной изъ впадинъ, открывающихся между параллельными цѣпями горъ Титтеръ, непосредственно на югъ отъ Алжира. Недалеко отъ порога, раздѣляющаго истоки Иссера и восточный водоскатъ Шелифа, основался городъ Бериуагіа, получившій нѣкоторую важность въ эти послѣдніе годы; сохранившіеся развалины напоминаютъ о пребываніи въ этой мѣстности римлянъ. Бериуагіа (имя это значитъ «Златоцвѣты») является земледѣльческимъ центромъ края, благодаря плодородію почвы въ долинѣ и обилію луговъ на окружающихъ горахъ. Турки содержали въ этомъ городѣ конскій заводъ, а французы основали образцовую овчарню и сельско-хозяйственное училище; существующая здѣсь исправительная земледѣльческая колонія заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ слишкомъ тысячу осужденныхъ. Бериуагіа будетъ одною изъ главныхъ станцій желѣзной дороги изъ Алжира въ Лагуатъ; кромѣ того, ее можно безъ труда соединить съ рельсовымъ путемъ изъ Алжира въ Константину, либо на востокъ черезъ плодородную равнину Бени-Слиманъ и городъ Омаль, либо на сѣверо-востокъ черезъ долину Иссера и деревню Таблатъ.

Ниже крутаго поворота, который дѣлаетъ Иссеръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣчаетъ горы Большой Кабилии, на правомъ берегу рѣки раскинулся цвѣтущій городокъ, окруженный и пересѣкаемый прекрасными бульварами: это—Палестро, основанный со времени открытія шоссеиной дороги, проникающей въ Иссерскія ущелья, и рядомъ съ которой теперь пролегаетъ рельсовый путь; первыми жителями Палестро были землекопы и каменщики. Въ 1871 году нарождающійся городъ былъ совершенно разрушенъ возставшими кабилами, которые умертвили при этомъ около полсотни европейцевъ; теперь здѣсь возведено укрѣпленіе, могущее

служить убъжищемъ въ случаѣ нападенія. Палестро—одно изъ любимыхъ мѣстъ загородной прогулки для алжирцевъ, которые во множествѣ пріѣзжаютъ сюда любоваться живописнымъ ущельемъ Иссера.

Равнина, открывающаяся на сѣверѣ отъ этого узкаго горнаго прохода, принадлежитъ къ числу самыхъ населенныхъ мѣстностей Алжирии. Иссерцы, до недавняго времени почти единственные обитатели этой равнины, составляли могущественное племя, одна колонія котораго, говорятъ, поселилась на островѣ Мальтъ¹⁾. Теперь здѣсь появилось много французскихъ поселеній. Бени-Амранъ лежитъ на западѣ, на отлогости горы; Иссербургъ—на лѣсистомъ холмѣ, господствующемъ надъ правымъ берегомъ рѣки; Бладъ-Гитунъ—на сѣверѣ, на возвышенности, заставляющей Иссеръ повернуть къ востоку; Иссервиль—на сѣверѣ отъ узда Шендеръ, въ центрѣ равнины, близъ того мѣста, гдѣ происходитъ главная ярмарка иссерцевъ, бывшая прежде сборнымъ пунктомъ всего кабилскаго населенія. Различнымъ племенамъ, разсѣяннымъ въ высокихъ долинахъ или по вершинамъ горъ, необходимо было общее торжище, гдѣ они могли бы встрѣчаться съ жителями равнины, и такое сборное мѣсто естественно должно было находиться около оконечности кабилскаго края, ближайшей къ арабскимъ территоріямъ, въ сосѣдствѣ въ входными воротами, которые образуютъ горный проходъ Бени-Айша. Покореніе страны французами измѣнило ея экономическія условія и повлекло за собой сокращеніе годовыхъ оборотовъ Иссерской ярмарки. Основаніе города Тизи-Узу, лежащаго гораздо далѣе внутри края, создало постоянный рынокъ въ близкомъ сосѣдствѣ со всей областью верхняго Себау; кромѣ того, въ 4-хъ верстахъ отъ ярмарочнаго поля возникла цвѣтущая деревня Борджъ-Менайель, а въ 10-ти верстахъ далѣе, на дорогѣ изъ Тизи-Узу, основалась другая значительная европейская колонія, именно эльзасская, Азибъ-Замунъ, официально называемая Осонвиле. Однако, сила привычки такъ велика, что Иссерскій рынокъ не покинуть окончательно; большой каравансарай его все еще стоитъ, и передъ арками бывшей арабской конторы показываютъ еще мѣсто, гдѣ арестованные туземцы, послѣ короткаго суда, были подвергаемы публичной расправѣ на глазахъ собравшагося на ярмарку народа. Къ сѣверу отъ Иссербурга рѣка Иссеръ течетъ въ широкой долинѣ и теряется въ морѣ недалеко отъ мыса Джинетъ, составляющаго оконечность величественнаго базальтоваго массива, гдѣ производится ломка камня. Римскій городъ Цисси не замѣненъ новымъ поселеніемъ, и на прилегающемъ къ устью Иссера морскомъ берегу нѣтъ ни одной гавани, хотя изъ Алжи-

ра каждый день ходятъ суда въ сосѣднюю бухту, гдѣ находятся рыбные промыслы, доставляющіе отличную рыбу¹⁾.

Главные полноправныя общины бассейна Иссера (1881 г.):

Иссервиль—5.732 жит., изъ нихъ 515 европ. и евреевъ. Менервиль—5.704 жит., изъ нихъ 1.014 европ. и евреевъ. Палестро—2.694 жит., изъ нихъ 582 европ. и евреевъ. Борджъ-Менайель—2.322 жит., изъ нихъ 603 европ. и евреевъ.

Съ Иссерскаго ярмарочнаго поля виденъ, въ семи километрахъ къ западу, широкій проломъ горъ, приобрѣвшій важное значеніе въ военной и торговой исторіи страны,—проломъ извѣстный подъ именемъ прохода Бени-Айша, и порогъ котораго завять теперь оживленнымъ городкомъ Менервиль. Желѣзнодорожная вѣтвь изъ Тизи-Узу примыкаетъ въ этомъ мѣстѣ къ линіи алжиро-константинской; остается только спуститься съ горъ, чтобы достигнуть Алжира, который вскорѣ и показывается вдали въ видѣ бѣлой полосы, окаймляющей берега синяго залива.

Алжиръ, столица «африканской Франціи», носитъ еще свое арабское имя Эль-Джезаиръ, или «Островной», которымъ онъ обязанъ четыремъ островкамъ или подводнымъ скаламъ, соединеннымъ теперь съ твердой землей²⁾; но какъ мало походить нынѣшній пышный городъ на ту скромную деревушку, которая основалась въ двѣнадцатомъ столѣтіи на развалинахъ римскаго Икозіума, въ территоріи санхеджскаго племени бени-мезганна, родственнаго, какъ говорятъ, итѣ-мликешамъ, живущимъ на южныхъ склонахъ Джурджуры!³⁾. Поперемѣнно то поработенный, то независимый, Алжиръ является уже довольно важнымъ пунктомъ въ началѣ шестнадцатаго вѣка, когда испанцы, послѣ правильной осады, овладѣли его крѣпостью, подъ защиту которой укрывались корабли корсаровъ; но побѣдители оставались тамъ не болѣе двадцати лѣтъ. Знаменитый Хеиръ-Эддинъ, алжирскій властитель, велѣлъ построить жете, соединяющее городъ съ островкомъ и подводными скалами⁴⁾: такъ была создана гавань, довольно хорошо защищенная отъ бурь, которая на этомъ берегу, не имѣющемъ удобныхъ пристаней, обезпечивала за Алжиромъ первенство между всѣми городами мавританскаго побережья, съ одной стороны до Бужи, съ другой—до Мерсъ-эль-Кебира. Извѣстно, какъ хорошо воспользовался городъ Барбароссы этимъ преимуществомъ. Впродолженіи трехъ столѣтій Алжиръ оказывалъ сопротивленіе Европѣ, благодаря боязни однихъ, взаимно-

¹⁾ A. de Tialar, "Africa", 1880.

²⁾ Devaux, "Les Kebailes du Djerdjara".

³⁾ Alb. Devouix, "Revue Africaine", 1871.

⁴⁾ Tauxier, —Rerbrugger, "Revue Africaine", № 78, nov. 1868.

¹⁾ C. Devaux, "Les Kebailes du Djerdjara".

му соперничеству других. Одиннадцать раз он был безуспешно осажден или бомбардирован, послѣ обратнаго взятія его крѣпости мусульманами; въ 1830 году Алжиръ «Воинственный» считалъ себя еще неодолимымъ, когда французы, высадившіеся въ Сиди-Ферутъ, шли уже на фортъ «Императора».

Теперь Алжиръ сдѣлался первымъ городомъ африканскаго континента, не по числу жителей—въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ двумъ столицамъ Египта, а также Тунису,—но по своей исторической роли, какъ центръ европейской цивилизаціи. Въ то же время онъ—первый по красотѣ и грандіозности вида: кому удалось видѣть столицу африканской Франціи со стороны моря, тотъ никогда не забудетъ дивной картины, которая открылась его взорамъ при поворотѣ парохода за стрѣлку *Pointe Pescade*. Еще въ половинѣ этого столѣтія Алжиръ можно было приводить въ примѣръ какъ правильный типъ города, построеннаго треугольнымъ амфитеатромъ на скатѣ горы¹⁾, но съ тѣхъ поръ онъ выросъ и теперь образуетъ гораздо болѣе обширное цѣлое, имѣющее менѣе правильныя очертанія. Около вершины холма, увѣнчаннаго касбой (цитаделью), виднѣются еще остатки стараго Алжира, который издали походить на ломку бѣлаго мрамора, уставленную глыбами, неравными по величинѣ и плохо отесанными. Синяя или желтая окраска стѣнъ, зеленныя жалюзи не замѣтны съ извѣстнаго разстоянія; всѣ цвѣта пропадаютъ въ ослѣпительной бѣлизнѣ камня; только утромъ нарождающійся свѣтъ восхода отражается розовыми лучами, да вечеромъ закатъ набрасываетъ фіолетовые оттѣнки. Прежде водопадъ домовъ спускался до самаго моря; въ наши дни онъ останавливается на половинѣ горы, ограничиваемый и сдерживаемый, словно плотиною, правильными массами французскихъ построекъ, которыя тянутся непрерывнымъ рядомъ надъ набережными. На югѣ треугольника, образуемаго арабскимъ городомъ, взбирается по скатамъ горы другой городъ; во онъ весь состоитъ изъ домовъ европейской архитектуры и не сливается въ одинъ громадный обвалъ бѣлыхъ камней: въ немъ можно различить сѣроватыя стѣны и красныя крыши, вездѣ составляющія яркій контрастъ съ темной зеленью садовъ. Далѣе, строенія рѣзко ограничены зеленымъ поясомъ, поясомъ валовъ, обросшихъ травой, и откосовъ, покрытыхъ деревьями; но за этой оградой опять начинается городъ, болѣе раскиданный, но зато и болѣе живописный, гдѣ въ каждомъ оврагѣ тѣсятся дома нижнихъ кварталовъ, на каждомъ выступѣ склоновъ группируются виллы и дачи, а около верушки холма расположились богатые палатки, съ ихъ кіосками и башенками,

выступающими надъ густой листвою деревьевъ: здѣсь живутъ преимущественно англичане и другіе иностранцы, прїѣзжающіе провести зимній сезонъ въ мягкомъ климатѣ Алжира. Южныя предмѣстья тянутся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ вдоль морскаго берега, параллельно линіи гребня, который постепенно понижается въ равнинѣ Гаррашъ, тогда какъ по другую сторону Алжира высится могучая масса Сахеля, гдѣ тоже разбѣяны виллы и дачи, которыя издали кажутся бѣлыми точками, рѣзко выдѣляющимися на общемъ фонѣ горъ.

Малая ширина пространства, заключающагося между прибрежными холмами и моремъ, была причиною того, что разрастающійся городъ долженъ былъ расширяться вдоль моря, по обѣ стороны своего первоначальнаго ядра, расположеннаго противъ четырехъ островковъ Бени-Мезганна, образующихъ теперь полуостровъ внутренней гавани. Первоначальный городъ, какимъ онъ былъ въ 1830 году, занималъ на боку холма, доминируемаго касбой, треугольное пространство, каждая сторона котораго имѣла не болѣе 500 метровъ въ длину, а площадь равнялась 60 гектарамъ: въ этомъ тѣсномъ убѣжищѣ копошилось, точно въ муравейникѣ, многотысячное населеніе торговцевъ, феллаховъ и невольниковъ, цифру котораго опредѣляли, но, безъ сомнѣнія, преувеличено, въ сто слишкомъ тысячъ душъ¹⁾; во время занятія страны французскими войсками численность его не превышала сорока тысячъ. Французы срыли живописную ограду, въ которой задыхался городъ, но поясъ новыхъ валовъ, въ свою очередь, скоро оказался слишкомъ узкимъ: на сѣверо-западѣ, за воротами Бабъ-эль-Уэдъ, рядъ предмѣстій, прерываемыхъ кладбищами, идетъ до безконечной улицы пригорода Сентъ-Эженъ (св. Евгенія); въ южномъ направленіи, за воротами Бабъ-Азунъ, гдѣ въ былое время вывѣшивали казнимыхъ, живыхъ или мертвыхъ, Алжиръ продолжается пригородами Ага, Мустафа, Белькуръ. Далѣе слѣдуютъ поле для маневровъ, опытный садъ, а затѣмъ снова начинаются ряды домовъ. Пространство, которое занимаютъ три соединенныя общины, Алжиръ, Мустафа и Сентъ-Эженъ, тянется въ длину на десять километровъ, а между тѣмъ во многихъ мѣстахъ городъ, сжатый между горами и моремъ, не имѣетъ даже 200 метровъ ширины. При такомъ расположеніи города, понятно, всѣ главныя улицы идутъ параллельно берегу, и черезъ извѣстныя промежутки окрываются площади, откуда можно спуститься къ самому морю.

Главная площадь, называемая «*place du Gouvernement*», до сихъ поръ осталась, несмотря на огромное превращеніе города, центромъ жизни Алжира, какъ была съ самаго начала оку-

¹⁾ Théophile Gautier, «*Loin de Paris*».

¹⁾ Shaw, «*Travels in Barlas*».

паціи, когда сломали цѣлый кварталъ стараго Эль-Джезаира, чтобы облегчить движеніе войска. На углу этой площади стоитъ «Новая» мечеть, на минаретѣ которой помѣщены город-

устройства, военныхъ и гражданскихъ, находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ. На площадь «Правительства» выходятъ оживленныя улицы, самыя бойкія лѣстницы, ведущія

Городъ Оранъ.

скіе часы; въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда расположенъ главный рынокъ; Большая мечеть, кафедральный соборъ, дворецъ генералъ-губернатора, главный штабъ, городская ратуша и большинство другихъ правительственныхъ

изъ порта въ городъ; отсюда же отправляются почти всѣ общественныя кареты, воззяція пассажировъ въ окрестности Алжира и во внутренніе города. Пестрая разноплеменная и разноязычная толпа постоянно наполняетъ

эту центральную площадь; хотя банальный костюмъ, предписываемый модою, преобладаетъ надъ всѣми другими нарядами, тѣмъ не менѣе тамъ и сямъ проглядываютъ яркіе цвѣта, рѣзко выдѣляясь на темномъ или сѣроватомъ фонѣ, который образуетъ вѣчно движущаяся масса гуляющихъ и дѣловыхъ людей: красныя шапки рыбаковъ, шени носильщиковъ, вышитыя гандуры бискрийцевъ то и дѣло встрѣчаются съ желтыми или клѣтчатыми турбанами старыхъ евреевъ, съ разноцвѣтными платьями, шарфами и шляпками ихъ женъ и дочерей. Знатные арабы, шейхи или выдающіе себя за таковыхъ, важно расхаживаютъ въ своихъ хаикахъ изъ чистой шерсти и безукоризненной бѣлизны, или, сядя передъ кофейнями, величественно прихлебываютъ какой-нибудь напитокъ, запрещенный Кораномъ. Мавританки, въ широкихъ пышныхъ шальварахъ, всегда по-двое, скорымъ шагомъ проскальзываютъ черезъ толпу, показывая из-подъ фаты только черные глаза, обведенные темнымъ кругомъ.

Въ городѣ населеніе раздѣлилось на зоны, по національностямъ. Французы обитаютъ въ новыхъ квартирахъ; неаполитанцы, испанцы, мальтійцы, пропорціонально, гораздо болѣе многочисленны въ нижней части стараго города, въ сосѣдствѣ порта и рыболовныхъ тоней; евреи, которымъ принадлежитъ половина магазиновъ во французскомъ кварталѣ, живутъ главнымъ образомъ на средней части горы, между христианами и мусульманами; эти послѣдніе по-прежнему скучены въ лабиринтѣ узкихъ улицъ и переулковъ, покрывающемъ бокъ холма до касбы. Извилистые корридоры, въ видѣ лѣстницъ, поднимаются въ гору между двумя рядами низенькихъ домиковъ, кое-гдѣ соединенныхъ перекинутыми черезъ улицу арками. Верхній этажъ домовъ выступаетъ надъ нижнимъ, поддерживаемый торчащими изъ стѣны бревнами. Въ углахъ или подъ арками открываются двери съ рѣзными украшеніями; рѣдкія окна, съ рѣшетками наружу, пробиты въ выбѣленныхъ известкой стѣнахъ, гдѣ видѣется намалеванный красной краской кабалистическій отпечатокъ руки, долженствующій отгонять злыхъ духовъ. Этотъ магометанскій кварталъ, нисколько не измѣнившійся со времени французской оккупации, населенъ, какъ и во времена деевъ, людьми всякой расы и національности: тутъ можно встрѣтить и кабилонъ, и уроженцевъ Мзаба, и бискрийцевъ-водоносовъ, и выходцевъ изъ оазисовъ, изъ Тугурта, изъ Уарглы, изъ Суфа, и негровъ изъ Бамбары и Гауссы; нѣкоторые улицы этого разноплеменнаго лабиринта предоставлены дѣламъ племени уладъ-наиль, которыя возсѣдаютъ, важныя и безмолвныя, въ глубинѣ своихъ гнѣздъ, обвѣшенные металлическими украшеніями, точно идолы. Сдѣлать этнографическую прогулку въ

верхнемъ Алжирѣ—это все равно, что совершить путешествіе внутрь Африки до Томбукту.

По своей архитектурѣ новый городъ еще не можетъ сравниться съ тѣмъ, что осталось отъ стараго Алжира; главные его зданія—громадныя, многэтажныя постройки, напоминающія зданія Новой Марсели, и при возведеніи которыхъ не всегда принимали въ расчетъ мѣстные климатическія условія; кромѣ того, строители, кажется, упустили изъ вида опасность землетрясеній, которыя въ Алжирѣ бываютъ чаще и сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Самые замѣчательные памятники Алжира все еще тѣ, сооруженіе которыхъ относится къ эпохѣ, предшествовавшей завоеванію; но ихъ уже остается немного. Нѣкогда слишкомъ сто-шестьдесятъ мечетей или куббъ горделиво воздымали свои куполы и башни надъ массой домовъ; теперь ихъ осталось не болѣе двадцати, въ томъ числѣ прелестная мечеть Абдъ-эль-Рахманъ-этъ-Цальби, стройный минаретъ которой высоко поднимается надъ купами деревьевъ сада Маренго, близъ воротъ Бабъ-эль-Уэдъ. Въ нижней части города кое-гдѣ сохранились красивыя дома мавританскаго стиля, всѣ построенныя по одному и тому же плану; но многіе изъ нихъ, передѣланные внутри и меблированные по-европейски, утратили свой оригинальный характеръ. Центральныя дворы, гдѣ, бывало, журчалъ фонтанъ среди гнѣистой ливныи деревьевъ, превратился въ магазинъ или салонъ; видъ синяго неба, блистающаго звѣздами, замѣненъ потолкомъ съ висячей по срединѣ люстрой; къ мраморнымъ колоннамъ прикрѣплены прозаическіе подсвѣчники. Впрочемъ, большинство этихъ мавританскихъ дворцовъ, построенныхъ невольниками или ренегатами, выходами всѣхъ странъ, далеко не отличалось полной гармоніей стиля: мраморы Италіи, изразцы Голландіи не всегда были хорошо обтесаны или расположены со вкусомъ. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ и живописнѣйшихъ памятниковъ мавританской архитектуры—это зданіе, въ которомъ помѣщаются драгоценныя коллекціи бібліотеки, содержащей 30.000 томовъ, и музея исторіи и древностей: между многими другими замѣчательными предметами особенно обращаютъ на себя вниманіе античныя статуи Венеры и Нептуна, открытыя при раскопкахъ въ Шершелѣ, и возбуждающій ужасъ гипсовый слѣпокъ съ узника, жившемъ замурованнаго въ стѣнѣ крѣпости. Кромѣ того, существуетъ еще другое публичное книгохранилище, при городской ратушѣ, не считая бібліотекъ, принадлежащихъ учебнымъ заведеніямъ для высшаго и средняго образованія, словесному факультету и лицее. Что касается музея изящныхъ искусствъ, то хотя въ немъ есть нѣсколько хорошихъ картинъ, но въ цѣломъ онъ недостоинъ города, который далъ нѣсколькихъ цѣнныхъ художниковъ, и миссія

котораго—знакомить варварскія населенія съ великими произведеніями искусства.

Въ матеріальномъ отношеніи Алжиръ, испытавшій уже столько перемѣнъ, долженъ еще подвергнуться преобразованію. Прежде всего необходимо избавить его отъ береговыхъ фортовъ, которые мѣшаютъ ему расширяться на

куда ихъ и слѣдуетъ перевести, когда Алжиръ будетъ освобожденъ отъ нынѣшней ограды, оставляющей внѣ всякаго прикрытія самыя необходимыя заведенія: госпитали, провіантскіе и другіе магазины, газовые заводы, гидравлическіе резервуары. Другія, такъ же настоятельно нужныя для благоустройства Ал-

Алжирская улица въ старомъ городѣ.

съверъ и на югъ, и освободить городъ отъ круга военныхъ службъ, которыя охватываютъ его со всѣхъ сторонъ, образуя поясъ въ 150 гектаровъ. Какъ крѣпость, Алжиръ уже не имѣетъ большой цѣны, съ тѣхъ поръ какъ измѣнился весь составъ артиллеріи: для фортовъ, долженствующихъ защищать городъ, самое подходящее мѣсто—на вершинахъ холмовъ Сахеля,

жира, общественныя работы должны быть направлены къ достиженію слѣдующихъ цѣлей: доставлять жителямъ прѣсную воду въ изобиліи—такъ какъ источники Сахеля недостаточны для водоснабженія города,—избавить городъ отъ бича пыли введеніемъ лучшаго способа мощенія улицъ, окончить сѣтъ сточныхъ трубъ, утилизировать нечистоты или, по край-

ней мѣрь, удалять ихъ за городскія стѣны, не заражая атмосферы и рѣчныхъ водъ.

Самый портъ, составляющій гордость и славу Алжира, еще не законченъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ ниже многихъ другихъ искусственныхъ гаваней Средиземнаго моря. Нельзя, конечно, не признать дѣломъ грандіознымъ завоеваніе у бурнаго моря бассейна въ 90 гектаровъ, гдѣ могутъ стоять на якорѣ самые большіе корабли, и съ высотъ, господствующихъ надъ Алжиромъ, самую красивую часть чудной картины, открывающейся взорамъ наблюдателя, составляетъ, безспорно, видъ моловъ, такъ смѣло отрѣзывающихъ кусокъ моря, и ограничиваемой ими гавани, тихія воды которой своими отблесками и отбѣнками цвѣтовъ представляютъ такой рѣзкій контрастъ съ волнующеюся поверхностью открытаго моря. Тѣмъ не менѣе, Алжирскій портъ не представляетъ еще достаточно спокойнаго убѣжища для останавливающихся въ немъ судовъ. Сѣверо-восточные вѣтры, которые въ 1835 году, когда эта турецкая гавань была единственнымъ мѣстомъ якорной стоянки, поломали въ портѣ 19 кораблей, разбившихся отъ столкновенія другъ съ другомъ, всегда нагоняетъ волны въ бассейнъ, и случалось, большія суда обрывали свои швартовы. Для предупрежденія этой опасности на будущее время, намѣрены раздѣлить обширный бассейнъ при помощи другаго жете, которое соединитъ искусственный островокъ Алгефна съ берегомъ и направится ко входу, открывая такимъ образомъ двое воротъ судамъ: одни на югъ—къ военному порту, другія на сѣверъ—къ купеческой гавани. Такъ какъ планы обустройства порта не были задуманы сразу, при началѣ работъ, предпринятыхъ еще въ то время, когда являлся вопросъ, не придется ли покинуть новое завоеваніе, то въ результатъ вышло то, что контуръ порта далеко не отличается такой правильностью, какъ очертаніе большинства искусственныхъ гаваней: сѣверное жете, прозванное въ шутку «кривой непостоянства», по причинѣ частой перемѣны проектовъ, которой оно обязано своей нынѣшней неправильной формой, обращено вогнутою къ открытому морю, такъ что принимаетъ всю силу удара волнъ. Вслѣдствіе этого необходимо постоянно наваливать новыя глыбы камня для того, чтобы оно могло выдерживать напоръ моря.

Важность Алжира, какъ морской пристани, зависитъ отъ судовъ эскадры Средиземнаго моря, часто появляющихся въ его водахъ, и еще болѣе отъ регулярныхъ пакетботовъ, соединяющихъ его съ Марселемъ, Портъ-Вандрою и многими другими портами Франціи и иностранныхъ государствъ. Такимъ образомъ столица Алжиръ періодически посѣщается десятками тремя пароходовъ, но она не имѣетъ еще ежедневнаго пароходнаго сообщенія съ Фран-

ціей, хотя установленіе такого сообщенія представляется необходимымъ въ виду того, что сношенія Алжира съ метрополіей почти не менѣе дѣтельны, чѣмъ сношенія со всей остальной Алжиріей. Какъ рыболовный портъ, Алжиръ тоже очень дѣтеленъ, и рейдъ его каждый вечеръ представляетъ интересное зрѣлище, когда итальянскія барки, пользуясь береговой бризой, распускаютъ паруса и длинными вереницами, словно стаи птицъ, уходятъ въ открытое море.

Движеніе судоходства въ Алжирскомъ портѣ (исключая перевозки пассажировъ) въ 1890 г.:

Въ приходѣ—1.807 судовъ, общей вмѣстимости—1.019.515 тоннъ.

Общая цѣнность вышней торговли въ 1881 году:

По привозу—113.904.836 франк., по вывозу—40.853.223 франк.

Что касается прибрежной или каботажной торговли, производимой мелкими парусными судами, то она въ Алжирѣ менѣе значительна, чѣмъ въ портахъ Орана, Филиппвиля, Бонны: причина тому—недостатокъ удобныхъ и быстрыхъ сообщеній съ внутренними городами и мѣстностями. Алжиръ не имѣетъ еще, въ противоположность Орану и Константинѣ, пути, проникающаго далеко внутрь материка по направлению къ пустынѣ; до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно даже вопросъ о проведеніи дороги въ Лагуать. Что касается подъѣмныхъ дорогъ, которыя были бы такъ полезны между Алжиромъ и общинами, расположенными на высотахъ, то эти дороги пока еще существуютъ только въ видѣ проектовъ. Но если столицѣ Алжиріи недостаетъ желѣзныхъ путей, то она имѣетъ въ своемъ распоряженіи большое число обыкновенныхъ дорогъ, и немногіе города богаче ея всякаго рода общественными экипажами, омнибусами, дилижансами и каретами всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ: запряженные тощими, но неутомимыми лошадами, эти экипажи безпрестанно снуютъ взадъ и впередъ, поднимая столбы пыли.

Счастливое положеніе Алжира на берегу моря и подошвы высокыхъ холмовъ придаетъ большое разнообразіе вида окружающимъ мѣстностямъ, и многія окрестныя деревни представляютъ, кромѣ того, историческій интересъ. На западѣ, за пригородомъ Сентъ-Эженъ, двумя скалистыми мысами Pointe-Pescade и Sahine, и мѣстечкомъ Гюйотвилъ, развертывается правильной линіей плоскій морской берегъ, ограниченный мыскомъ Сиди-Феррушъ (Сиди-Фереджъ), на которомъ теперь стоятъ укрѣпленная казарма, обороняющая подступы Алжира: въ этомъ мѣстѣ 14 іюня 1830 года французскій флотъ высадилъ свои войска; здѣсь же были наскоро возведены первые ретраншементы и произошли первыя стычки, за которыми, пять дней спустя, слѣдовала бит-

ва при Стауэли, открывшая французамъ путь къ Алжиру. Послѣ завоеванія страны, на берегу и въ дюнахъ бухты Сиди-Феррушъ поселились рыбаки и огородники, а самое поле сра-

сидій отъ правительства, устроили ферму, гдѣ на пространствѣ 1.200 гектаровъ воздѣлываются различныя растенія, особенно виноградъ и герань, разводимая для фабрикаціи благо-

Видъ улицы въ Тлемсенѣ.

женія было уступлено казной, въ 1843 году, траппистамъ, которые, при помощи штрафныхъ солдатъ и наемныхъ рабочихъ, испанскихъ и арабскихъ, а также при помощи суб-

вонныхъ эссенцій. Стауэли принадлежитъ къ большой общинѣ Шерага, въ сосѣдствѣ которой есть нѣсколько древнихъ мегалитовъ. На ближайшихъ къ этой общинѣ горныхъ скло-

нахъ, въ Аияъ-Бенненъ, сдѣланы опыты облѣсенія: будущій лѣсъ занимаетъ площадь въ 500 гектаровъ.

Сахель, на югѣ и юго-западѣ отъ Алжира, уже захваченъ земледѣльской культурой почти на всемъ его протяженіи. На самой высокой горѣ этого массива, называемой Бузарей, то-есть «Хлѣбородная», находится главная санаторія столицы; отсюда, особенно съ стараго кладбища, занимающаго высшую вершину, открывается обширный видъ на море и равнины: внизу на правомъ плывѣ выступаютъ селенія, раскиданныя по холмамъ Сахеля; еще ниже видѣются города Митиджи; далѣе обрисовывается на горизонтѣ полукругъ синѣющихъ горъ, отъ двухъ вершинъ Заккара, на западѣ, до высокихъ пиковъ Джурджуры. Сѣверный склонъ Бузарей перерѣзанъ прелестной Консульской долиной, названной такъ потому, что прежде, до завоеванія страны французами, сюда прїѣзжали на дачу иностранные консулы. На одномъ изъ конечныхъ выступовъ массива, надъ кладбищами Сентъ-Эжена, стоитъ часовня Африканской Божіей Матери, посѣщаемая преимущественно испанскими и неаполитанскими рыбаками. На югѣ и юго-востокъ продолжается, постепенно понижаясь, гребень Сахеля, увѣнчанный деревнями и отдѣльными строеніями; близъ Эль-Биара («Колодцы»), виллы котораго разсѣяны среди деревьевъ, виднѣется могучая четырехугольная масса Императорскаго форта, построеннаго, какъ говорить, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ редутъ, взятый войсками императора Карла V; въ глубинѣ тѣнистыхъ долинъ причутся селенія Бирмандрейсъ и Бирхадемъ. Главный населенный пунктъ всего Сахеля — мѣстечко Дуэра («Домикъ»), лежащее въ южной части массива. Въ трудный періодъ завоеванія, когда вокругъ колоній бродили гаджуты, Дуэра была передовымъ укрѣпленіемъ Сахеля; теперь это самый дѣятельный рынокъ и складочное мѣсто для земледѣльческихъ произведеній этой горной области.

Къ юго-востоку отъ Алжира, на дорогѣ, идущей вокругъ Сахеля, цѣнь прибрежныхъ поселеній между Булькурумъ и Гуссейяъ-деемъ прерывается широкимъ поясомъ плантацій, который занимаетъ площадь около 80 гектаровъ и простирается отъ гребня холмовъ до самаго моря: это садъ Гамма, называемый также «Опытнымъ» (*Jardin d'essai*) и основанный въ 1832 году для производства опытовъ по акклиматизаціи иностранныхъ растений. Эти попытки какъ нельзя лучше удались, и мало найдется городовъ, даже въ тропическихъ странахъ, гдѣ бы можно было встрѣтить такіа прекрасныя аллеи пальмъ, вѣрниковъ (латаній), драконниковъ, бамбуковъ, священныхъ индійскихъ смоковницъ; что касается древесной флоры умѣреннаго пояса, то она предста-

влена главнымъ образомъ великолѣпною аллеею платановъ. Хорошо защищенный отъ вѣтровъ, опытный садъ пользуется исключительнымъ на берегахъ Алжиріи климатомъ, и многіе растительные виды, являющіеся здѣсь во всей красѣ, не могли бы считаться акклиматизировавшимися на алжирской территоріи вообще. Въ настоящее время этотъ садъ, уступленный, за фиктивную арендную плату, въ пользованіе одной французской компаніи, служитъ преимущественно для разведенія культуры декоративныхъ растений, сбываемыхъ въ Парижѣ и въ Бельгій. При садѣ существуетъ также страховой дворъ, но содержимыя въ немъ птицы вымираютъ въ своихъ тѣсныхъ паркахъ и портятъ себѣ перья тѣмъ, что чешутся объ ограду; кромѣ того, еще не разрѣшена удовлетворительно проблема искусственнаго вывода страховыхъ цыплятъ. Въ этомъ мѣстѣ высадились, въ 1541 году, армія Карла Пятаго, которая нѣсколько дней спустя едва успѣла сѣсть на корабли, чтобы избѣгнуть грозившаго ей полнаго истребленія: правда, экспедиція эта велась крайне неумѣло, и совѣты «conquistador'a» Фернанда Кортеса, сопутствовавшаго испанскому войску, но не въ качествѣ командующаго, не были приняты во вниманіе *) Здѣсь же, близъ Гаммы, алжирскіе негры справляютъ свой большой годовой праздникъ, называемый «праздникомъ Бобовъ», во время котораго приносится въ жертву быкъ, увѣнчанный цвѣтами и украшенный разноцвѣтными лоскутками шелковой матеріи. Хотя церемонія начинается торжественнымъ пѣніемъ первой молитвы изъ Корана, тѣмъ не менѣе она считается чисто языческимъ празднествомъ у алжирскихъ мавровъ, которые никогда на немъ не присутствуютъ.

Къ городскому округу (*banlieue*) столицы принадлежитъ также обширная, имѣющая форму полукруга, равнина Митиджа, которая тянется на юго-западѣ, на югѣ и на западѣ отъ Алжира, занимая пространство около 100 километровъ въ длину и отъ 15 до 20 килом. въ ширину. Военное завоеваніе этой равнины было продолжительно и трудно, по той причинѣ, что первые губернаторы Алжиріи всѣ ставили себѣ цѣлью овладѣніе крѣпостью Медеа, въ то время, какъ промежуточные пространства были еще заняты враждебными племенами; французскія линіи продовольствія и отступленія постоянно находились подъ угрозой нападенія, и, чтобы освободить ихъ, нерѣдко приходилось вступать въ кровавый бой; случалось даже, что французскіе отряды были совершенно истребляемы превосходными силами непріятеля. Еще гораздо труднѣе оказалось земледѣльческое завоеваніе Митиджи. Бо-

*) E. Pellissier, «Mémoires historiques et géographiques sur l'Algérie».

лота и выступившія из берегов рѣчки заражали атмосферу вредными испареніями; расчистка почвы подъ пашни порождала лихорадки: непривычныя къ новому климату, незнакомые съ правилами гигиены, колонисты погибали одинъ за другимъ подъ тяжестью непосильнаго труда и неблагопріятныхъ санитарныхъ условий. Тѣ изъ нихъ, которые устояли противъ болѣзней, рисковали попасть въ руки гаджувовъ и быть зарѣзанными, если удалялись на минуту изъ-подъ прикрытія лагерей или фортовъ. Способъ труда, принятый большинствомъ земледѣльцевъ, еще болѣе увеличивалъ опасность. Каждый изъ нихъ, получивъ клочокъ земли, обрабатывалъ его отдѣльно отъ сосѣдей и потому не могъ оказать сопротивления цѣлой шайкѣ неожиданно нападавшихъ туземцевъ: такимъ образомъ, колонисты были убиваемы по одиночкѣ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ европейскіе поселенцы, подражая примѣру обезьянъ, которыхъ они иногда заставляли врасплохъ за дѣломъ разграбленія полей, догадались, наконецъ, соединяться въ партіи, чтобы, подъ защитой часовыхъ, сообща производить нужныя работы на всей совокупности отведенныхъ имъ земель. Такъ водворялась мало-по-малу колонизація въ сосѣдствѣ враждебныхъ племенъ. Въ наши дни, хотя дѣло еще далеко не доведено до конца, хотя въ низменностяхъ еще залегаютъ обширныя болотныя пространства, а многія высоты между рѣчными бассейнами покрыты кустарникомъ, въ цѣломъ Митиджа есть безспорно одна изъ наилучше воздѣланныхъ областей Алжиріи, и нигдѣ въ этой странѣ паровой плугъ не завоевываетъ болѣе быстро новыхъ земель, приспособленныхъ къ правильному производству. Въ 1881 году европейское населеніе этой области состояло изъ 30.500 душъ, тогда какъ въ Сахелѣ, за исключеніемъ Алжира, оно не превышало 28.000 чел.

Когда спустишься изъ Менервиля, который служитъ естественными воротами, ведущими изъ Большой Кабиліи въ Митиджу, первое крупное мѣстечко, встрѣчающееся на этомъ пути—Альма, лежащая недалеко отъ Бу-Дуау, среди платановъ и эвкалиптовъ. За Альмой идутъ равнины, орошаемыя водами Гамиза и усѣянныя селеніями, изъ которыхъ главное сохранило турецкое имя Фондукъ, данное ему какъ этапу на дорогѣ верхняго Иссера. Въ 7 километрахъ выше Фондука воды Гамиза запружены исполинскою плотиною, при взглядѣ на которую нельзя безъ ужаса подумать объ участи, ожидающей лежащая ниже запруды деревни въ случаѣ, если бы эта стѣна въ 37 метровъ высоты, удерживающая жидкую массу объемомъ въ 14 милліоновъ кубическихъ метровъ, вдругъ прорвалась. Запруженные воды еще не утилизируются вполне, потому что не окончена еще сѣть оросительныхъ каналовъ. Ни-

же Фондука, Гамизъ переходитъ на территорию Руибы, другаго большаго села, гдѣ находится земледѣльческое училище Алжирскаго департамента; затѣмъ онъ изливается въ море, въ 3 километрахъ къ югу отъ мыса Матифу, по-берберски Таментафусъ, или «Правой руки», названнаго такъ потому, что онъ командуетъ алжирскою бухтой съ правой стороны ¹⁾. На этомъ высокомъ остроконечномъ мысѣ нѣтъ другихъ жилыхъ строеній, кромѣ крѣпостцы, нѣсколькихъ рыбацкихъ бараконъ и маяка, который стоитъ на вершинѣ скалы, на противъ алжирскаго маяка, находящагося на другой сторонѣ бухты, въ разстояніи 15 километровъ. Отъ римскаго города Русгунія, который былъ расположенъ между мысомъ Матифу и устьемъ Гамиза, остались только развалины, частью употребленныя на постройку домовъ Алжира.

Бассейнъ уѣзда Гаррашъ, принимающаго въ себя множество мелкихъ притоковъ, имѣетъ болѣе значительные размѣры, чѣмъ бассейнъ Гамиза. Въ юго-восточной его части важнѣйшія поселенія—Риве и Арба, съ рынкомъ земледѣльческихъ продуктовъ, часто посѣщаемымъ арабами. Ровиго, при главной рѣкѣ, у выхода ея изъ области горъ, и Сиди-Мусса, на небольшомъ притоцѣ, —многолюдныя деревни южной области, гдѣ апельсиныя рощи чередуются съ виноградниками и хлѣбными полями; въ 8 километр. къ югу отъ Ровиго, въ одной тѣснинѣ верхняго Гарраша, бьютъ горячіе соляные ключи Гаммамъ-Мелуанъ, или «Окрашенные», которыми пользуются окрестные арабы, а также мавры и евреи изъ Алжира. Въ сѣверной части бассейна Гарраша находимъ настоящій городъ, расположенный на обоихъ берегахъ рѣки. Мезонъ Карре (Maison Carrée), «Четырехугольный домъ», получившій такое названіе отъ бывшей турецкой казармы, преобразованной теперь въ тюремный замокъ, можетъ быть разсматриваемъ какъ предметъ Алжира, хотя онъ лежитъ въ 12 километрахъ отъ столицы: въ этомъ мѣстѣ желѣзная дорога дѣлится на два пути, изъ которыхъ одинъ направляется на востокъ къ Константинѣ, а другой—на западъ къ Орану. Впрочемъ, и прежде, до прокладки рельсовъ, Мезонъ Карре имѣлъ важное значеніе какъ ключъ сообщеній Алжира съ внутренними городами и областями: оттого этотъ постъ на Гаррашѣ былъ, въ первое время французской оккупации, мѣстомъ многочисленныхъ битвъ; но, по причинѣ вредныхъ испареній болотистой почвы, гарнизонъ вынужденъ былъ каждый годъ эвакуировать крѣпость на время жаровъ. Теперь, когда почва ассенизирована, Мезонъ Карре сдѣлался, подобно Гуссейнъ-дею, фабричнымъ пригородомъ Алжира; онъ имѣетъ боль-

¹⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

шіе кирпичные заводы, паровую мельницу для приготовления предназначенной къ вывозу пшеничной муки и другія фабричныя заведенія. По своимъ огородамъ и питомникамъ онъ тоже составляетъ предметъ столицы; но главный центръ огородничества находится въ 6 километр. къ сѣверо-востоку, въ дюнахъ морскаго побережья: тамъ расположена деревня Fort de l'Eau, населенная преимущественно магонцами, которые такъ же хорошо владѣютъ велосомъ, какъ и заступомъ, и сами возятъ на рынокъ продукты своей маленькой республики.

Буфарикъ, стоящій на небольшомъ возвышеніи почвы, находится въ самомъ центрѣ Митиджи: отсюда важное значеніе его ярмарокъ, на которыя, съ незапамятныхъ временъ, собираются арабы изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстностей. Въ виду этого тамъ былъ основанъ, въ 1835 году, лагерь для наблюденія за племенами; но долгое время этотъ лагерь, постепенно преобразованный въ городъ, заслуживалъ скорѣе названіе госпиталя или даже кладбища; часто въ немъ было больше больныхъ, чѣмъ здоровыхъ; цифра годовой смертности доходила до четверти или даже до трети общаго числа жителей. Но мало-по-малу почва вокругъ ярмарочнаго поля была осушена, болота превратились въ сады, и платаны, посаженные въ 1843 году, образовали тѣнистый бульваръ, опоясывающій весь городъ. Каждая улица Буфарика представляетъ теперь великолѣпную аллею, такъ что городъ имѣетъ видъ парка; предметъ тоже утопаютъ въ зелени садовъ: нигдѣ влажная и плодородная почва Митиджи не производитъ болѣе пышной и богатой растительности. Ярмарки Буфарика по-прежнему посѣщаются тысячами арабовъ, къ которымъ теперь присоединяется многочисленная толпа колонистовъ. Городъ сдѣлался земледѣльческимъ центромъ равнины; онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для произведеній сельскаго хозяйства, имѣетъ мастерскія земледѣльческихъ машинъ и орудій, заводы для добыванія благовонныхъ эссенцій. Въ нѣсколькихъ километрахъ къ востоку находится селеніе Шебли, славящееся во всей Алжиріи своимъ превосходнымъ табакомъ; но главные продукты этого края, послѣ хлѣба и сѣна, — вина и апельсины.

Блида, главный городъ Митиджи и шестой городъ Алжиріи по числу жителей, не новаго происхожденія, какъ Буфарикъ; впрочемъ, до сихъ поръ въ немъ не открыли никакихъ остатковъ римской старины; впервые о немъ упоминается лишь въ средніе вѣка. Кажется, онъ тогда носилъ имя Митиджи, какъ и вся равнина, въ южной части которой онъ играетъ теперь первенствующую роль. Во времена турецкаго господства Блида, или «Городокъ», сдѣлалась увеселительнымъ мѣстомъ, и большинство богатыхъ алжирцевъ имѣли тамъ да-

чи съ садами; но въ 1825 г. землетрясеніе разрушило зданія, подъ развалинами которыхъ погибла половина населенія. Затѣмъ слѣдовали французская оккупация, атаки, битвы въ рукопашную на улицахъ, рѣзня, отступленія, осады и штурмы: Блида была не болѣе, какъ развалина, когда французы поселились тамъ окончательно въ 1839 году. Теперь это совершенно французскій городъ по внѣшнему виду: отъ прошлаго осталась только одна мечеть да нѣсколько арабскихъ домовъ; но въ окрестностяхъ видны еще кое-какіе остатки прежней Блиды: фонтаны, гробницы съ бѣлыми куполами, тропинки, извивающіяся подъ большими маслинами. Изъ всѣхъ городовъ Алжиріи Блида самый богатый апельсиновыми рощами, и его мандарины славятся во всемъ свѣтѣ. Благодаря обильнымъ водамъ узда эль-Кебиръ, или «Большой рѣки», спускающагося съ горъ Бени-Салахъ, Блида имѣетъ также нѣсколько фабрикъ и мельницъ; въ скоромъ времени она будетъ исходнымъ пунктомъ желѣзной дороги, которая проникнетъ на югъ въ долину Шиффы, направляясь къ Лагуату. Нѣсколько деревень слѣдуютъ одна за другой справа и слѣва у подошвы Атласа; самая многолюдная изъ нихъ — Сума. Одна изъ горъ, увѣчанная на вершинѣ (1.627 метровъ) марабутомъ Абдель-Кадера бенъ-Джалали, осынена прекрасными кедрами, а на одномъ изъ ея хребтовъ разрослась великолѣпная плантація каштановъ, оршинъ, вишенъ, напоминающая пейзажи Альпъ и Пиренеевъ. Немногія мѣстности Алжиріи представляютъ такое грандіозное зрѣлище, какъ видъ, открывающійся съ горъ Блиды на зеленѣющую равнину Митиджи, обрамленную перешейкомъ Типаза, цѣлью Сахель и синеватымъ треугольникомъ моря, которое показывается на горизонтѣ изъ-за гребней горъ¹⁾.

«Большая рѣка» Блиды есть не что иное, какъ притокъ Шиффы, которая, въ свою очередь, соединяется съ уездомъ Джеръ, чтобы образовать Мазафранъ. Шиффа, берущая начало на югѣ въ горахъ, гдѣ находится городъ Медеа, течетъ, передъ вступленіемъ въ равнину Митиджа, дикимъ ущельемъ, которое, какъ гласитъ мѣстная легенда, было прорублено однимъ святымъ марабутомъ. Гробница этого угодника, воздвигнутая на оконечности пика Музайя или Тамезгиды, обставлена рядами кувшиновъ, приносимыхъ арабами, которые надѣются, что святой сторицей отплатитъ за ихъ приношенія, ибо это онъ изливаетъ уранъ потоковъ, и отъ его воли зависитъ сдѣлать страну плодородною или безплодною. Гора Музайя названа такъ по имени одного берберскаго племени, приписывающаго себѣ мароккское происхожденіе и очень храбро защищавшаго свои горы противъ французовъ: вокругъ этого

¹⁾ Durando, «Club alpin français».

племени группировались всё другие туземцы массива. Имя Музайя перешло к двум французским поселениям: Mouaïa-les-Mines, на юг, в узкой долине, с медными рудниками, теперь заброшенными, и с обильным минеральным источником; и Mouzaïaville, в равнине Митиджа, на линии железной дороги. Землетрясение 1867 года разрушило Музайявилль и несколько окрестных деревень. Теперь многие из отстроенных домов имеют форму большого ящика, поставленного на землю; сотрясение может только сдвинуть их с места, но не разрушить.

За Эль Афруном, оранская железная дорога, покинув равнину, вступает в узкую долину уэда Джеръ и поднимается к порогу, отделяющему бассейн Мазифрана от бассейна Шиффы. К северу от этой дороги и одного притока Джера, уэда эль-Гаммамъ, на горном хребте находятся знаменитые ключи Гаммамъ-Рига (Рира), наиболее посещаемый курорт Алжира; в римскую эпоху эти Aquae Calidae («Теплые воды») тоже были сборным местом для больных и для богатых щеголей, как о том свидетельствуют надписи и скульптурные работы, найденные при раскопках. Теперь в соседстве источников выстроены величественный курзал, окруженный садами и плантациями. Значительная высота местоположения (около 700 метров над уровнем моря) и грандиозная красота окружающего пейзажа, вместе с целебной силой терм, способствовали тому, что Гаммамъ-Рига сдѣлался главной санаторией столичного населения.

На север Митиджи, нижний бассейн Мазифрана, образуемый соединением уэда Джеръ и Шиффы, заключает в себя городок Колеа, который в первое время завоевания имел важное стратегическое значение, как передовой пост вѣдѣ алжирского Сахеля: это хорошенький городокъ, утопающий в зелени садовъ, хотя теперь онъ уже далеко не так красивъ, какъ былъ въ эпоху, когда по скатамъ горы тѣпились въ живописномъ безпорядкѣ мечети, куббы и домики, обвитые фестонами виноградныхъ вѣтокъ; въ то время онъ назывался «Святымъ», подобно тому, какъ Алжиру присвоенъ былъ эпитетъ «Воинственный», а Блидъ—эпитетъ «Веселый». Здѣшніе мавры, составляющіе теперь меньшинство населения среди французовъ и другихъ европейцевъ, всё андалузскаго происхожденія; они основали городъ въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія. Колеа занимаетъ западную оконечность узкаго перешейка холмовъ, который продолжается до устья Надора, и на высшей вершинѣ котораго стоитъ древняя гробница, извѣстная у туземцевъ подъ именемъ Кобръ-эръ-Руміа, то-есть «Могила Христіанки». Это—массивный памятникъ цилиндрической формы, украшенный по окружности 60 колоннами, съ

ионическими капителями, и увѣнчанный конусомъ съ уступами, высотой въ 33 метра, который, вѣроятно, поддерживалъ статую. Теперь извѣстно, благодаря раскопкамъ Бербруггера и Макъ-Карти, что это тотъ самый монументъ, о которомъ говоритъ Помпоній Мела, и который служилъ общимъ мавзолеемъ для цѣлой царской фамиліи, вѣроятно, династіи Сифаксъ. Само собой разумѣется, арабы, въ поискахъ кладовъ, не разъ разрывали «Могила Христіанки», но безъ успѣха: какъ сообщаетъ легенда, копатели были каждый разъ обрачаемы въ бѣгство легіонами комаровъ, тотчасъ же поднимавшимися съ озера Галула. Это озеро, или вѣрнѣе болото, занимающее впадину Митиджи у подошвы холма «Гробницы», недавно было осушено; но въ дождливые годы, каковъ былъ, наприимѣръ, 1884-й, стоячія воды снова наполняютъ низины, въ ущербъ земледѣлію и народному здравію.

Общины Сахеля и Митиджи, съ населениемъ свыше 3.000 душъ въ 1881 г.: Алжиръ (1896 г.)—92.120 жит.; Блуда (1896 г.)—25.283 ж.; Буфарикъ (1891 г.)—8.064 ж.; Фондукъ—7.035 ж.; Ровиго—6.173 ж.; Арба—5.960 ж.; Колеа—5.439 ж.; Маренго—4.000 ж.; Музайявилль—3.873 ж.; Дуэра—3.492 ж.; Сума—3.477 ж.; Альма—3.430 ж.; Шерага—3.196 ж.; Риве—3.165 ж.; Мезонъ-Карре—3.031 жит.

На западной оконечности Митиджи, въ цѣркѣ холмовъ, имѣющемъ форму залива, расположено красивое мѣстечко Маренго, окруженное виноградниками: это одинъ изъ главныхъ рынковъ равнины, одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ центровъ земледѣльческой культуры. Городскіе фонтаны и оросительныя канавки садовъ питаются искусственнымъ озеромъ уэда Марадъ, образованнымъ въ 10 километр. выше Маренго посредствомъ запруды, которая задерживаетъ около 2 миллионъ кубич. метровъ воды, пропуская 200 метровъ въ секунду. Ниже Маренго, уэдъ Марадъ, соединясь съ уэдомъ Буркика, вступаетъ, подъ именемъ Надора, въ ущелье, надъ которымъ господствуютъ кручи Шенуа, и по выходѣ изъ горъ изливается въ море, близъ небольшого порта Типаза, наследника римскаго города, частью затонувшаго, либо вслѣдствіе осѣданія почвы, либо по причинѣ мѣстнаго размыванія береговъ ¹⁾. Буркика приобрѣла печальную извѣстность, какъ мѣсто ссылки: нигдѣ не погибло больше ссыльныхъ въ первые годы имперіи; идти въ Буркику значило идти на вѣрную смерть ²⁾. Настоящее имя рѣки, называемой въ официальной французской номенклатурѣ «уэдъ-Марадъ», есть, вѣроятно, уэдъ эль-Мердъ, «рѣка Болѣзни» ³⁾.

Массивъ Дахра, ограничиваемый на югъ до-

¹⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

²⁾ O. Ranc, «Une évason de Lambèse».

³⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

линой Шелифа и соединенный съ остальной частью гористой Алжиріи только невысокимъ порогомъ, ввизу котораго проходить желѣзная дорога изъ Алжира въ Оранъ, заключаетъ всего четыре города, изъ которыхъ три расположены на окружности массива—Шершель и Тенесъ на берегу моря, Миліана—на высокомъ мысѣ, господствующемъ надъ долиной Шелифа. Деревень, основанныхъ французами, тоже очень мало, что объясняется бесплодіемъ почвы и недостаткомъ воды.

Шершель, построенный на западной сторонѣ массива Шенуа—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Алжиріи. Дважды возстановленный—въ первый разъ андалузскими маврами, во второй французами,—онъ появляется уже въ первые времена исторіи подъ пуническимъ именемъ Іолъ; но начало его славы и процвѣтанія относится къ римской эпохѣ, когда Юба Младшій сдѣлалъ его столицей своего царства и далъ ему названіе *Caesarea*, которое онъ сохранилъ до настоящей минуты, хотя сильно измѣненное временемъ. Эта «блистательнѣйшая колонія кесарійская» оставила по себѣ многочисленные памятники, между прочимъ, термы, гдѣ нашли прекрасную статую, «Венеру Шершельскую», перевезенную въ музей Алжира, и многія другія замѣчательныя изваянія. Въ 1840 году, когда на развалинахъ выстроился французскій городъ, существовалъ еще ипподромъ, вполне сохранившійся, который теперь представляетъ простое углубленіе почвы¹⁾; театръ разрабатывается какъ каменоломня. Между двумя колоннами, на цюрихской дорогѣ, видны величественныя остатки водопровода съ тремя рядами аркадъ, доставлявшаго воду въ обширныя цистерны: это единственное сооруженіе римской Цезарей, которое было реставрировано. Шершель тоже имѣетъ маленькій музей древностей, который помѣщается на дворѣ, подъ открытымъ небомъ; самый интересный предметъ въ этой коллекціи—фрагментъ египетской статуи. Портъ, пространствомъ около 2 гектаровъ, состоитъ изъ маленькой кругообразной бухты, защищенной отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ островкомъ Жуанвиль, но онъ открытъ сѣвернымъ вѣтрамъ, очень опаснымъ на этомъ берегу, и въ дурную погоду недоступенъ, по причинѣ большихъ волнъ на морѣ, преграждающихъ входъ; когда вѣтры благоприятны, онъ принимаетъ около сорока мелкихъ судовъ, для крупныхъ же глубина воды (отъ 3 до 4 метр.) недостаточна. Бассейнъ этотъ есть не что иное, какъ древне-римская гавань: при очисткѣ его, въ 1843 году, въ тинѣ нашли судно, можетъ-быть, римское, въ которомъ всѣ члены были скрѣплены деревянными болтами и гвоздями. Окрестныя горы заняты берберскимъ племенемъ

бени-менассеръ, говорящимъ арабскимъ языкомъ, которое въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ ожесточеніемъ защищалось отъ французовъ.

Къ западу отъ Шершеля, мѣстечко Нови, земледѣльческая колонія 1848 года, обогащается эксплуатаціей ломокъ лавы, порфира и гранита. Далѣе встрѣчаемъ новое мѣстечко Гурайя, которое обязано своимъ основаніемъ обилію мѣдной и желѣзной руды въ сосѣднихъ горахъ. Въ нѣсколькихъ километрахъ къ западу отъ Гурайи, на плато Сиди-Брагимъ, которое раздѣляетъ двѣ бухточки, довольно хорошо защищенныя отъ вѣтровъ и самыя удобныя на томъ берегу для пристанища судовъ, находился древній *oppidum* Гуругу, представлявшій гораздо болѣе выгодныя условія для устройства порта и расположенный близъ устья уада Дахмусъ, который даетъ легкій доступъ во внутреннія долины¹⁾. Сосѣдство рудниковъ—вотъ одна изъ причинъ относительной важности, которую приобрѣлъ городъ Тенесъ, основанный какъ разъ посерединѣ берега Дахры, между Типазой и Мостаганемомъ. Деревня Монтенотъ, въ 6 километрахъ выше города, въ долинѣ уада Аллала, есть главный центръ горнаго округа, гдѣ разрабатываются залежи желѣзной руды и жилы мѣди, свинца, серебра. Тенесъ, наслѣдникъ римскаго *Cartennae* или *Car Tenna*, то-есть «Мысъ Тенне» по-берберски (на западныхъ берегахъ Алжиріи слово «Каръ» употребляется въ томъ же значеніи, какъ на восточныхъ слово «Русъ» (*Rusica*, *Rusurucus*), именно въ смыслѣ высокаго мыса)²⁾, состоитъ изъ двухъ городовъ: Старога Тенеса, вѣроятно, занимающаго мѣстоположеніе финикійской колоніи, и собственно Тенеса, построеннаго въ верстѣ ниже, при устьѣ уада Аллала; римскихъ развалинъ здѣсь не осталось, но существуютъ еще обширныя подземелья, утилизируемыя теперь какъ кладовыя и погреба: это французскій городъ, занятый тринадцать лѣтъ спустя послѣ завоеванія Алжира. Весьма вѣроятно, что первая колонія Тенеса, хотя лежащая теперь внутри материка, была основана на берегу моря, и что яаносы Аллалы, намывы морскаго песка и, можетъ-быть, также поднятіе почвы пригодили мѣсто, на которомъ стоитъ новый городъ. Аллювіальное происхожденіе мѣстности объясняетъ отчасти обидную поговорку, охотно повторяемую въ соперничающихъ городахъ: «Тенесъ—городъ, построенный на навозѣ; вода въ немъ—кровь, воздухъ—ядъ». Тенесъ, приморскій складочный пунктъ всей области Дахры, связанъ съ остальною Алжиріей пока только грунтовыми дорогами; желѣзныя пути, подлежащіе соединить его съ станціей Орлеан-

¹⁾ Playfair, „In the footsteps of Bruce“.

¹⁾ Cat., „Bulletin de Correspondance Africaine, mai et juin“ 1892.

²⁾ Carette, „Études sur la Kabylie proprement dite“.

виль, еще не начаты постройки. Портъ, находящийся къ сѣверо-востоку отъ города и прикрытый рифами, которые при помощи жете соединены съ берегомъ, представляетъ бассейнъ пространствомъ въ 24 гектара, гдѣ суда находятъ безопасное пристанище; но доступъ къ нему не при всѣхъ вѣтрахъ удобенъ, и когда буря вздымаетъ большія волны, корабли предпочитаютъ держаться въ открытомъ морѣ, опасаясь быть нанесенными на молъ порта.

На всемъ побережьѣ, длиной около ста верстъ, которое простирается къ юго-западу отъ Тенеса до устья Шелифа, нѣтъ французскихъ городовъ или деревень, да и внутри материка колонисты пока еще сгруппировались лишь въ небольшія поселенія, изъ которыхъ

вокругъ дуаровъ свидѣтельствуется о берберской крови обитателей; нѣкоторыя долины сплошь покрыты зеленою маслинъ и смоковницъ; когда урожай обильный, часть плодовъ вывозится, отправляемая на маленькихъ баланселлахъ (неаполитанское одномачтовое судно, съ латинскимъ парусомъ), которые стоятъ на якорѣ въ бухточкахъ побережья. Маленькій городокъ, нѣкогда берберскій, затѣмъ кулуглійскій, Мазуна, занимаетъ въ центрѣ Дахры прелестную долину, обильно орошаемую живыми водами, спускающимися къ Шелифу: во время борьбы между арабами и французами онъ всегда сохранялъ нейтралитетъ, и строгому соблюденію мира обязавъ своей административной автономіей¹⁾; французы не поселились въ

Могила христіанки.

самое значительное — Кассень, административный центръ общины, занимающей пространство слишкомъ въ 1.500 километровъ, но населенной почти исключительно туземцами. Жители Дахры по большей части берберскаго происхожденія, и даже нѣкоторыя племена, какъ, на примѣръ, зериффа и ашана, живущія въ сосѣдствѣ морскаго берега, на западъ отъ Тенеса, до недавняго времени говорили нарѣчіемъ, родственнымъ діалекту кабилонъ; другія же племена давно уже приняли языкъ побѣдителей. Арабскіе нравы преобладаютъ, такъ какъ жизнь въ шатрахъ составляетъ здѣсь общее правило; только чисто-берберскіе народцы обитаютъ въ домахъ; въ промежуточномъ поясѣ мужчины проводятъ время въ налаткахъ, подобно арабамъ, но женщинъ своихъ держатъ въ сосѣднихъ жилищахъ подъ кровомъ и замкомъ. Большое число деревень

нѣмъ. Въ Мазунѣ родился Могамедъ-бенъ-Али-зъ-Сенуси, основатель могущественнаго ордена, горячо проповѣдующаго возвращеніе къ первоначальной чистотѣ мусульманскаго догмата и ненависть къ христіанамъ и туркамъ; на скалѣ видѣется знаменитая кубба и заупи, бывшая колыбелью новаго ордена; теперь этотъ монастырь стоитъ въ заустѣннѣ²⁾. Къ западу отъ Мазуны, холмъ Некмарія увѣнчанъ старымъ борджеромъ, подъ которымъ, въ боку горы, открываются украшенные великолѣпными сталактитами гроты печальной памяти, гдѣ генералъ Пелисье, въ 1845 году, приказалъ выкуривать укрывшееся тамъ племя уледъ-рихъ. По разсказамъ нѣсколькихъ оставшихся въ

¹⁾ Bourdon, „Bulletin de la Société de Géographie“, juin 1872.

²⁾ Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie“, 1884.

живыхъ членовъ этого племени, въ пещерѣ было тогда 1.150 человекъ¹⁾.

Главные полноправныя общины Дахры, съ цифрой ихъ населенія въ 1881 году: Гурайя—23 865 жит. (изъ нихъ 236 европейц.); Шершель—7.785 жит. (изъ нихъ 2.174 европейц.); Тенесъ—4.744 жит. (изъ нихъ 1.643 европейц.); Ментенотъ—3.336 жит. (изъ нихъ 291 европейц.).

Совершивъ половину своего пути и принявъ свой главный притокъ, Нахръ-Уассель, «образующійся изъ семидесяти источниковъ», Шелифъ выходитъ изъ области плоскогорій, чтобы вступить въ ущелья Атласа и достигнуть продольной долины, отдѣляющей Дахру отъ массива Уарсенисъ. При входѣ въ горный проходъ, первое населенное мѣсто, встрѣчаемое путешественникомъ, стоитъ на мысѣ праваго берега, на высотѣ 200 метровъ надъ рѣкой, которая въ этомъ мѣстѣ лежитъ на 450 метр. выше уровня моря. Это—деревня Богари (Букрари), будущая станція желѣзной дороги изъ Алжира въ Лагуать. На вершинѣ холма мзабиты, посредники въ торговлѣ между Теллемъ и Сахарой, построили «ксаръ», въ одно и то же время крѣпость и складочный магазинъ, у подножія котораго собирается рынокъ: невозможно было выбрать болѣе удобное сборное мѣсто на рубежѣ двухъ естественныхъ областей; отсюда вывозится лучшая шерсть, какую производятъ плоскогорья²⁾; здѣсь же складъ альфы и зерновыхъ хлѣбовъ. Къ сѣверо-западу отъ этого рынка, на болѣе высокомъ выступѣ горы (970 метровъ), расположенъ укрѣпленный лагерь Богаръ или Бугаръ, — т. е. «Гротъ»,—который былъ построенъ въ 1838 г., по приказанію Абдель-Кадера, и которымъ французы овладѣли въ 1841 г., чтобы командовать ущельями Шелифа и преградить входъ враждебнымъ племенамъ юга. Съ высоты цитадели, прозванной «южнымъ балкономъ», открывается обширный видъ на южныя степи, первый кусокъ пустыни, отдѣляемый Джебель-Амуромъ отъ безпредѣльных пространствъ Сахары.

Медеа (у арабовъ Мидіа или Лемдіа) занимаетъ, на покатохъ Шелифа, одну изъ высшихъ точекъ горнаго массива, господствующаго съ юга надъ равниной Митиджа; она построена на высотѣ 920 метровъ, близъ южнаго основанія горы Надоръ (1.062 метра), «обсерваторіи», откуда можно обозрѣвать вершины всѣхъ окружающихъ массивовъ, отъ Уарсениса до Джурджуры. Медеа, прежде главный городъ бейлыка Титтери, была театромъ самой ожесточенной борьбы въ первое время завоеванія, и нигдѣ во всей Алжиріи не легло такъ много французовъ, какъ въ знаменитомъ горномъ

проходѣ Тениетъ (Теніа), посредствомъ котораго городъ сообщается съ Митиджей; занятая французскимъ войскомъ въ 1840 г., Медеа окончательно вышла изъ осаднаго положенія только въ слѣдующемъ году. Теперь это чисто-французскій городъ по внѣшнему виду и большинству населенія; единственное, что въ немъ есть замѣчательнаго,—это водопроводъ, состоящій изъ двойнаго ряда арокъ, перекинутого черезъ оврагъ: отъ римскаго города, замѣннаго городомъ арабовъ и французовъ, остались лишь незначительные обломки. Скаты холмовъ, которые переходятъ за предѣлы пояса оливковыхъ деревьевъ, покрыты виноградниками, продукты которыхъ (вина) уже пользуются извѣстностью; спаржа изъ Медеи соперничаетъ на парижскомъ рынкѣ съ аржантейльской; пшеница ея тоже отличается превосходнымъ качествомъ. Медеа занимаетъ слишкомъ возвышенное положеніе, чтобы могла сдѣлаться станціей будущей желѣзной дороги изъ Алжира въ Лагуать; дорога эта пройдетъ восточнѣе, недалеко отъ Даміетты и Бентъ-Шикао, деревни, славящейся своей образцовой овчарней.

Усиленный ручьями, вытекающими изъ горъ Медеи и Джендель, Шелифъ омываетъ холмъ, на которомъ расположена Амура, то-есть «Счастливая», наследница римскаго и берберскаго города Суфасаръ, затѣмъ изгибается къ западу и вступаетъ, наконецъ, близъ Лаваранды, въ широкую равнину, черезъ которую проходитъ желѣзная дорога изъ Алжира въ Оранъ. Эта область—одинъ изъ жизненныхъ пунктовъ Алжиріи, благодаря встрѣчѣ двухъ важныхъ географическихъ путей: съ одной стороны—средней долины Шелифа, открывающей легкій доступъ къ плоскогорьямъ, съ другой—большой продольной долины, образующей проходъ между горами Уарсениса и холмами Дахры. На высотахъ, господствующихъ надъ точкой схождения дорогъ, расположена деревня Аинъ-Султанъ, окруженная обширными виноградниками, гдѣ работаютъ по большей части выходцы изъ Эльзаса. На сѣверѣ этого мыса находится большое село Аффервилъ, одна изъ важнѣйшихъ по торговлѣ станцій желѣзнаго пути; между жителями много переселенцевъ изъ города Миліана, построеннаго сѣвернѣе, на ровной, почти горизонтальной террасѣ скалы Заккаръ-эль-Гарби. Эта скала, высота которой 740 метровъ, съ двухъ сторонъ, на югѣ и востокѣ, оканчивается крутыми обрывами, стоя на краю которыхъ видишь у себя подъ ногами широкую бухту зелени, оживляемую журчаніемъ водъ Бутана, которыя льются пѣнящимися скатертями съ плато Миліана и своими каскадами приводятъ въ движеніе колеса маленькихъ мельницъ. Ручей, берущій начало на самой террасѣ города, даетъ въ періодъ мелководья около 300 куб. метровъ въ секунду; инженеры предлагали провести въ Алжиръ чистыя

¹⁾ Bourdon, «Bulletin de la Société de Géographie», juin 1884.

²⁾ Paul Soleillet, «L'Algérie»; —Mauv; —Tildike.

воды, вытекающая из склонов горы Заккар-эль-Гарби. Хотя построенная на скалах, Милана почти совсем закрыта густыми ветвями высоких платанов, которыми обсажены эспланады городской ограды и боковые аллеи главного бульвара; с края террасы открывается великолѣпный вид на обширный полукругъ синеватыхъ горъ до остроконечныхъ пиковъ Уарсениса. Нынешній городъ по внѣшности совершенно французскій: никакихъ развалинъ римской Миланы не сохранилось, уцѣлѣли только кое-какіе остатки арабскихъ построекъ; впрочемъ, на главной площади существуетъ еще старый минаретъ, весь обросшій плющемъ и служашій башней для городскихъ часовъ. Занятая въ 1840 году французскимъ войскомъ, Милана была изъ всѣхъ алжирскихъ крѣпостей самымъ гибельнымъ для гарнизона мѣстомъ; когда осада, продолжавшаяся шестнадцать мѣсяцевъ, была снята, изъ 1.200 солдатъ осталось въ живыхъ не болѣе сотни; семсотъ человѣкъ умерли отъ лихорадки, лишений или истощенія; живые дотога ослабѣли, что не въ состояніи были хоронить умершихъ. Въ окрестностяхъ разбѣяно много фермъ, и нѣкоторые изъ нихъ окружены виноградниками, производящими высоко цѣнимыя вина.

Въ горахъ, стоящихъ противъ Миланы, по другую сторону Шелифа, другой городъ, менѣе важный, защищаетъ восточные массивы Уарсениса; это — Тениетъ-эль-Гадъ, или «Воскресный проходъ», названный такъ потому, что еженедѣльный рынокъ бываетъ тамъ по воскресеньямъ; высота порога, надъ которымъ господствуетъ это мѣстечко, около 1.145 метр. Арабы тамъ, относительно, многочисленнѣе, чѣмъ въ Миланѣ; въ окрестностяхъ маленькая колонія негровъ занимаетъ двѣ группы хижинъ, называемыя «Томбукту», Верхнее и Нижнее. «Воскресный проходъ» славится въ мірѣ ботаниковъ и путешественниковъ своими великолѣпными дубовыми и кедровыми лѣсами, которые покрываютъ оба склона джебеля Эндатъ; въ лѣсу бьютъ изъ земли очень богатые желѣзные ключи. Къ югу отъ Тарета простирается плоскогорье Серсу, нѣкогда покрытое лѣсомъ и обильно орошаемое источниками, а нынѣ голое, лишенное растительности и изрѣзанное оврагами, въ которыхъ текутъ дикія воды, дѣйствующія разрушительно, вмѣсто того, чтобы приносить плодородіе ¹⁾. Серсу — одна изъ мѣстностей Алжиріи, особенно изобилующихъ доисторическими могилами, оградами, памятниками, сложенными камнями; одинъ древній городъ, верстахъ въ сорока къ юго-западу отъ Тениета, занимаетъ болѣе обширное пространство, чѣмъ нынѣшняя столица страны. Между странными памятниками этой области самые

любопытные — это ряды камней, такъ расположенныхъ, что совокупность ихъ представляетъ фигуру огромной ящерицы въ 80 метровъ длиной. Такимъ образомъ мы находимъ и въ Старомъ Свѣтѣ примѣръ тѣхъ символическихъ памятниковъ, которыми *moundbuilders* въ Огайо любили украшать равнины ¹⁾.

Къ западу отъ Аффервила и Лаваранды многочисленныя селенія слѣдуютъ одно за другимъ въ долину Шелифа. Послѣ Дюперре показывается Сентъ-Сиприенъ (*Saint-Cyprien des Attaf*), гдѣ можно видѣть единственное въ своемъ родѣ зрѣлище общины арабовъ, обращенныхъ въ католическую вѣру; правда, что это все сироты, подобранные во время голода 1867 г. и оставшіеся безъ сношеній со своими единоплеменниками. Далѣе желѣзная дорога проходить черезъ Уадъ-Фодда, лежащій на уадѣ того же имени, спускающемся изъ цирковъ на бокахъ Уарсениса. Ниже, воды Шелифа, задерживаемыя запрудой, изливаются по сторонамъ въ ирригаціонные каналы, разносящіе плодородіе по полямъ. Верстахъ въ пятнадцать ниже по рѣкѣ основанъ въ 1843 году главный городъ нижней долины Шелифа, Орлеансвилъ, построенный на мѣстѣ, извѣстномъ у арабовъ подъ именемъ эль-Аснамъ, то есть «Колонны» или «Идолы» ²⁾; тутъ дѣйствительно стояла нѣкогда церковь римскаго *oppidum Tingetii*, сооруженіе которой, судя по одной надписи, относится къ четвертому столѣтію: теперь отъ храма остались только скелетъ да мозаичный полъ. Какъ административный и военный центръ и какъ промежуточный этапъ между Алжиромъ и Ораномъ, Орлеансвилъ приобрѣлъ нѣкоторую важность въ торговомъ отношеніи, которая съ проведеніемъ желѣзной дороги, направленной къ порту Тенесъ, должна еще болѣе возрасти; но невыносимыя жары лѣтомъ, яростныя вѣтры зимой дѣлаютъ пребываніе въ этомъ городѣ не особенно пріятнымъ для европейцевъ. Хорошо еще, что въ окрестностяхъ есть сосновый и рожковый лѣсъ (около сотни гектаровъ), гдѣ прогуливающіеся находятъ хоть немного тѣни. Въ сосѣдствѣ, близъ деревни Малаховъ Курганъ, разстилаются, по берегамъ уада Сли, вытекающаго изъ горъ Уарсенисъ, обширныя степи, гдѣ предполагаютъ основать птичій дворъ для содержанія и разведенія страусовъ.

Большое мѣстечко Инкерманъ расположилось при слияніи Шелифа и уада Ріу, который передъ тѣмъ протекаетъ черезъ территорію общины Амми-Муса, гдѣ живутъ еще чистокровные берберы, бени-урагъ, сохранившіе нравы и учрежденія, подобныя тѣмъ, какіе мы видимъ у кабилловъ Джурджуръ. Другая община, Земора (Землеура, или «Оливковая роща»),

¹⁾ Trolard, «Ligue du Reboisement»; — R. de la Blanchère, etc.

¹⁾ Letourneux; — Mac-Carthy.

²⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

занимаетъ большую часть массива, который ограниченъ на западъ теченіемъ Минны, берущей начало на высокихъ плато, и на которомъ живутъ жалкіе остатки большого союза племенъ флитта или флита, почти истребленного войной съ французами и голодомъ. Тіаретъ (Тигаретъ, Тигертъ), т. е. «Резиденція» по-берберски, командуетъ всей этой областью съ высоты террасы (1.083 метра) горы Геззуль. Въ 1843 г. онъ смѣнилъ, какъ господствующій пунктъ окрестной страны, Такдеметъ или «Новый Тіаретъ», орлиное гнѣздо, которое Абдель-Кадеръ избралъ въ 1836 г. центральной цитаделью своего царства, и которое было разрушено французами въ 1841 г. Мѣстные жители не говорятъ уже старымъ берберскимъ нарѣчіемъ: оно сохранилось только въ названіяхъ мѣстъ, смыслъ которыхъ непонятенъ туземцамъ. Къ юго-западу отъ двухъ Тіаретовъ, въ томъ же верхнемъ бассейнѣ Минны, находимъ другой городъ берберскаго происхожденія, Френда, лежащій на высотѣ 1.031 метровъ, въ сосѣдствѣ обширныхъ лѣсовъ зеленого дуба, туйи и алепской сосны. На востокъ отъ Френды, близъ источниковъ, называемыхъ Расъ-эль-Мина или «Голова Минны», на трехъ сѣверныхъ отрогахъ джебеля-эль-Ахдаръ или «Зеленой Горы», высятся «джедары», массивныя постройки, бывшія мавзолеями, какъ «Гробница Христіанки», и представляющія, вѣроятно, простую копію этого надгробнаго памятника: это четырехугольная призма, высотой около 18 метровъ, оканчивающаяся въ верхней части пирамидами со ступеньками ¹⁾. На сосѣднихъ скалахъ видны до-историческія изваянія: желобки и ямки, выдолбленные въ камнѣ, заставляютъ думать, что одна изъ этихъ скалъ служила жертвенникомъ. Нѣкоторые изъ сосѣднихъ доменовъ поражаютъ колоссальностью размѣровъ: по словамъ путешественника Томассини, одинъ изъ этихъ камней имѣетъ 45 метровъ (21 сажень) въ длину. Бернаръ, цитируемый Фергюсономъ, говоритъ, что верхняя плита памятника имѣетъ 20 метровъ длины, при 8 метрахъ ширины и 3 метрахъ вышины ²⁾.

Желѣзная дорога, уже начатая постройкой, соединитъ Тіаретъ съ Мостаганемомъ черезъ долину рѣки Минны. Она пройдетъ черезъ деревню Фортасса, пересѣчетъ рельсовый путь изъ долины Шелифа въ Релизану, затѣмъ, перейдя Мину ниже слиянія ея съ уѣдомъ Гиллиль, обогнетъ массивъ холмовъ, чтобы идти вдоль основанія плато Айнъ-Тедлестъ, гдѣ уже начинается городской округъ Мостаганема. Недалеко отсюда находится значительное селеніе Понъ-дю-Шелифъ («Мостъ на Шелифѣ»),

названное такъ отъ путевода, который турки построили руками испанскихъ невольниковъ, и который былъ реставрированъ французами. Нѣсколько другихъ деревень, Айнъ-Бу-Динаръ, Туми, Пелисье, слѣдуютъ одна за другой на дорогѣ въ Мостаганемъ.

Этотъ древній городъ лежитъ не на самомъ берегу моря; онъ построенъ на высотѣ около ста метровъ, на утесѣ, который оврагомъ Айнъ-Сефра, гдѣ течетъ постоянный ручей, раздѣленъ на двѣ части: на востокъ — военный городъ, или Матаморъ, названный такъ отъ *mat-murss*, или силосовъ, въ которыхъ турки хранили зерновые хлѣба; на западъ — собственно Мостаганемъ, почти совершенно перестроенный на европейскій ладъ. Впрочемъ, большинство населенія состоитъ изъ французовъ и другихъ переселенцевъ изъ Европы; старыя семейства мавровъ, пропорціонально болѣе многочисленныя, чѣмъ въ Оранѣ, уменьшаются съ каждымъ годомъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, при Хейръ-Эддинѣ, Мостаганемъ былъ однимъ изъ главныхъ городовъ Алжиріи; до постройки желѣзной дороги изъ Алжира въ Оранъ, въ немъ сосредоточивалась торговля долины Шелифа; съ проведеніемъ же этой линіи онъ снизошелъ на степень второстепеннаго города: плодородіе окружающей мѣстности и выгодное положеніе у выхода главной рѣчной долины Алжиріи были недостаточны, чтобы снова сдѣлать Мостаганемъ однимъ изъ торговыхъ центровъ; нынѣ онъ соединенъ желѣзнодорожной вѣтвью съ общей алжирской сѣтью. Особенно нуженъ ему хорошій портъ; пока онъ имѣетъ только морскую пристань (*maïne*), мало защищенную отъ вѣтровъ, и рейдъ, гдѣ часто бушуютъ волны въ бурную погоду; но теперь уже занялись устройствомъ моловъ.

Движеніе судоходства въ Мостаганемскомъ портѣ въ 1883 году:

Въ приходѣ — 137 судовъ, вмѣстимостью въ 61.026 тоннъ; въ отходѣ — 161 судно въ 63.168 тоннъ; всего, вмѣстѣ съ каботажемъ — 458 судовъ, въ 198.196 тоннъ.

Къ югу и западу отъ Мостаганема разсѣяны многочисленные деревни; самая многолюдная изъ нихъ — Мазагранъ, прославленная геройскимъ сопротивленіемъ ея маленькаго французскаго гарнизона, въ 1840 году; находившееся тамъ ранѣе арабское населеніе было переведено Абдель-Кадеромъ въ его резиденцію Такдеметъ ³⁾. Долина Садовъ, орошаемая источниками Айнъ-Сефра, образуетъ поясъ зелени вокругъ Мазаграна и Мостаганема; между этими двумя общинами находятся конскій заводъ и скаковое поле.

Главныя общины бассейна Шелифа, съ цифрой населенія въ 1881 году:

Алжирскій департаментъ: Медеа (1891 г.) —

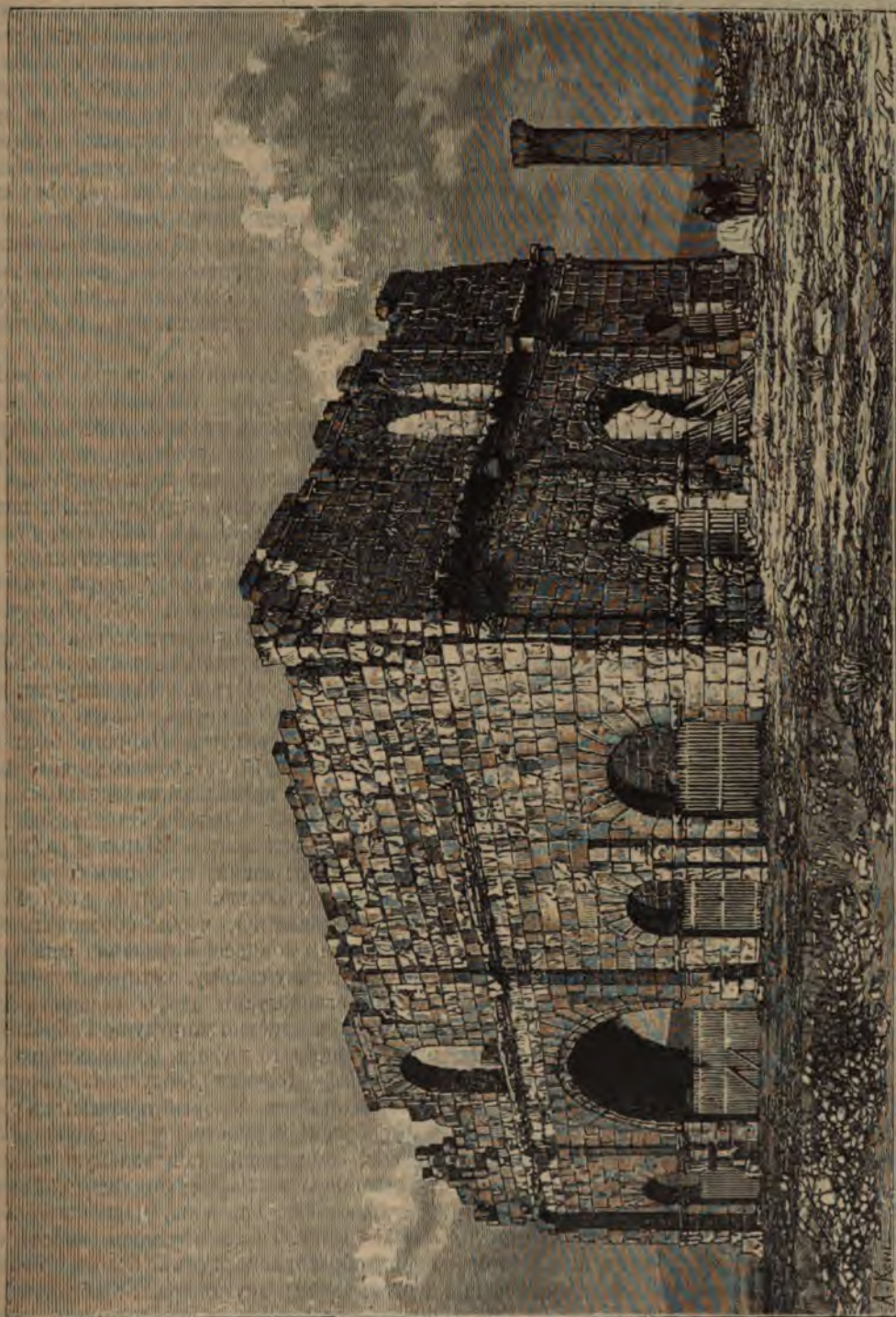
¹⁾ Bordier; — Picavet; — Berbrugger; — R. de la Blanchère, «Voyage d'étude dans une partie de la Mauretanie Césarienne».

²⁾ Broca, «Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris», 1875.

³⁾ Baude, «L'Algérie».

15.563 ж. (1787 франц.); Орлеанвиль (1891 г.)— 5.302 жит.; Повъ-дю-Шелифъ—3.563 жит.;
 11.132 жит. (1.764 франц.); Миліана (1891 г.)— Абукирь—2.698 жит.
 7.406 жит. (1.058 франц.); Дюперре—3.710 ж; Бассейнъ Макты, впадающей въ Арзевскій
 Теніетъ-эль-Гадъ3.—342 жит.; Сентъ-Сипріенъ— заливъ, верстахъ въ тридцати къ юго-западу

Развалины претории въ Ламбезъ.

3.084 жит.; Аффревиль—2.666 жит.; Богаръ—
 2.501 жит. Богари—2.110 жит.

Оранскій департ.: Мостаганемъ (1891 г.)—
 14.374 жит. (3.200 франц.); Релизана —

отъ Мостаганема, заключаетъ въ себѣ, пропор-
 ціонально, больше важныхъ городовъ, чѣмъ
 бассейнъ Шелифа. Около истоковъ главной
 рѣки, которая, подъ разными именами, продол-

жается до Макты, новый городъ Саида, т. е. «Счастливая», основанный въ 1854 г., построенъ на высотѣ 868 метровъ у подошвы холмовъ, ограничивающихъ на сѣверѣ область плоскогорья. Арабскій городъ, теперь разрушенный, занималъ, въ 2 километрахъ оттуда, террасу съ крутымъ скатомъ на берегу уада Саида. Своимъ важнымъ значеніемъ городъ Саида обязанъ счастливому географическому положенію между двухъ естественныхъ областей, и особенно тому, что онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для альфы, собираемой на соседнихъ плато: почти европейскій климатъ позволяетъ культивировать въ окружающей мѣстности плодовые деревья и овощи умѣренной Европы. Саида—центральная станція желѣзной дороги, которая изъ города Арзе поднимается на плоскогорья, переходитъ гребень, на высотѣ 1.170 метр., черезъ перевалъ Тафарауа, вышнюю точку линіи, и вступаетъ въ южныя пустыни, гдѣ продолжается за шотты. Въ 1С километрахъ къ югу отъ Саиды, но уже на 130 метр. выше, на окраинѣ альфоваго моря, расположено большое промышленное мѣстечко Аинъ-эль-Гаджаръ, гдѣ находятся склады концессионерной компаніи и паровыя мастерскія для прессованія волоконъ альфы; населеніе этого городка состоитъ исключительно изъ испанцевъ. Скалы въ окрестностяхъ Саиды, на первыхъ вышнихъ ступеняхъ плоскогорья, изрыты многочисленными гротами, гдѣ текутъ живыя воды. Одинъ изъ обильныхъ ручьевъ, Аинъ-Назерегъ, былъ прослѣженъ въ части его подземнаго теченія: онъ проходитъ по дву воронки, образовавшейся вслѣдствіе провала верхняго слоя почвы и называемой «Голубиной пещерой», затѣмъ разливается озеромъ въ обширномъ гротѣ и выходитъ на свѣтъ Божій, чтобы снова исчезнуть подъ землей въ 1.500 метр. ниже ¹⁾).

Маскара, одинъ изъ уѣздныхъ административныхъ центровъ Оранской провинціи, расположенный на южной террасѣ горы Бени-Шугранъ, изрѣзанной глубокими оврагами, стоитъ слишкомъ высоко (588 метр.), чтобы желѣзная дорога изъ Саиды въ Арзе могла учредить тамъ свою станцію; но онъ соединенъ особой вѣтвью со станціей Тизи, лежащей на юго-западѣ, на западной оконечности большой равнины Эгрисъ. Маскара, или «Постоянный лагерь», еще сохранила свой военный видъ: это была столица царства Абдель-Кадера. Племя хашемъ, къ которому принадлежалъ эмиръ, занимаетъ еще страну, и чтима народомъ кубба его отца, Сиди-Маги-Эддина, стоитъ на юго-востокѣ, въ деревнѣ Кагіеру. Какъ центръ торговли и земледѣлія, Маскара—очень дѣятельный городъ, и важность его должна возрастать по мѣрѣ расширенія культуры на оро-

шаемыхъ склонахъ и въ равнинѣ Эгрисъ, второй Митиджѣ по обширности и плодородію почвы; бѣлая вина Маскары уже пользуются извѣстностью въ Алжиріи. Верстахъ въ двадцати къ юго-западу, на берегахъ уада эль-Гаммамъ, или «рѣки Термъ»—мѣстное имя верхней Макты,—находятся посѣщаемыя большими воды Бу-Ганефіа, которыми пользовались уже римляне подъ именемъ *Aquae Sirenses*. Въ Маскарскомъ округѣ встрѣчаются во множествѣ доисторическіе памятники, а также палеонтологическіе остатки. Помель нашелъ тамъ скелеты атлантического слона (*elephas atlanticus*) и верблюдообразнаго животнаго: такимъ образомъ верблюдъ, не существовавшій въ мавританскихъ странахъ въ первыя времена писаной исторіи, составлялъ часть мѣстной фауны въ предшествовавшую геологическую эпоху ¹⁾).

Перрего, лежащій въ точкѣ пересѣченія желѣзныхъ дорогъ алжиро-оранской и арзе-саидской, занимаетъ первое мѣсто между городами Алжиріи по удобству сообщеній, но имѣетъ значеніе только какъ складочное мѣсто для земледѣльческихъ произведеній; поля его орошаются, съ 1863 г., каналами, проведенными изъ Габры, которой искусственное озеро, самое обширное во всей Алжиріи, содержитъ иногда до 40 милліоновъ куб. метровъ воды; но эти выгоды покупаются цѣной страшныхъ бѣдствій, происходящихъ отъ прорыва плотинъ: такъ, зимой 1881 года стѣна запруды, длиною 445, вышиною 34 метра, частью обрушилась, вся мѣстность вокругъ Перрего была мгновенно залита, и 170 несчастныхъ колонистовъ, захваченныхъ врасплохъ наводненіемъ, нашли смерть въ волнахъ потопа. За два года передъ тѣмъ путешественникъ Шарль Градъ указывалъ легкую трещину въ этомъ сооруженіи ²⁾). На сѣверѣ, большая равнина, гдѣ Габра и Сигъ соединяются, чтобы образовать Макту, почти вся концессионирована финансовому обществу, тому самому, которое получило монополію эксплуатаціи альфы на плоскогорьяхъ, и которое построило запруды на Габрѣ. Центръ этого обширнаго имѣнія, занимающаго 24.500 гектаровъ,—деревня Дебрусвилъ, окруженная виноградникомъ, который покрываетъ равнину на необозримое пространство. Опасныя болота Макты, занимающія центральную часть концессионированныхъ франко-алжирской компаніи земель, еще не осушены.

Рѣка Сигъ, способствующая, вмѣстѣ съ Габрой, образованію этихъ болотъ, сопровождается, какъ и другая рѣка, въ большей части ея теченія желѣзной дорогой, которая поднимается къ плоскогорьямъ. Высшая станція

¹⁾ „Association française pour l'avancement des sciences“, session de Grenoble 1885.

²⁾ „Études de Voyage, les Travaux publiés en Algérie“.

¹⁾ R. de la Blanchère, цитированный мемюаръ.

(1.162 метра) носить имя Расъ-эль-Ма, или «Голова воды» (официальное ее название — Бедо), потому что лежит близъ истоковъ узда эль-Гасанба, главной вѣтви верхняго Сига. Ниже, на высотѣ 955 метровъ, находится новое село Маджента, составляющее часть общины Дайя, военного поста, лежащаго восточнѣе, между лѣсистыми горами. Другая станція, на высотѣ 679 метр., носитъ официальное имя Шанзи: это — Сиди-Али-бентъ-Юбъ, поля котораго частію орошаются теплымъ источникомъ; въ этомъ мѣстѣ находилась римская станція *Albulas* или *ad Albulas*, развалины которой служатъ каменоломнями колонистамъ. Затѣмъ слѣдуютъ станціи Табіа, куда будетъ проведена вѣтвь тлемсенской желѣзной дороги, и Бу-Ханефисъ, деревня, построенная ниже прорвавшейся запруды. Окрестныя горы представляютъ еще мѣстнымъ испанскимъ поселенцамъ нѣсколько пространствъ, годныхъ для эксплуатаціи алыфъ.

Сиди-бель-Аббесъ, названный такъ отъ одной куббы племени бенъ-амеръ — совсѣмъ новый городъ, несмотря на арабское имя. Расположенный на высотѣ 473 метр., на берегахъ Мекерры (такъ называется Сигъ въ этой части своего теченія), онъ возникъ въ 1843 г. вокругъ редута, построеннаго на правомъ берегу узда. Сиди-бель-Аббесъ, административный центръ округа и часто предлагаемый какъ главный городъ будущаго департамента, — одинъ изъ прелестнѣйшихъ и самыхъ цвѣтущихъ городовъ Алжиріи: улицы его, орошаемыя фонтанами, проведенными изъ Мекерры, осынены великолѣпными чинарами, а окружающія равнины, бывшія земли бени-амеровъ, покинувшихъ родной край и удалившихся въ Марокко, усажены дачами и фермами. Сиди-бель-Аббесъ — одинъ изъ тѣхъ городовъ департамента, гдѣ испанцы живутъ въ наибольшемъ количествѣ: они тамъ вдвое многочисленнѣе французовъ. На сѣверо-западѣ отъ города высятся кручи горы Тессала, у подошвы которыхъ расположено селеніе того же имени, состоящее изъ домиковъ, разсѣянныхъ среди воздѣланныхъ полей и садовъ.

На сѣверѣ отъ Сиди-бель-Аббеса желѣзная дорога огибаетъ невысокій порогъ массива Тассала, чтобы направиться къ Орану, тогда какъ Мекерра или Сигъ течетъ на сѣверо-востокъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, по выходѣ изъ области горъ, вступаетъ въ равнину, расположился новый городъ, Сентъ-Дени-на-Сигѣ, окруженный цвѣтущими полями. Подобно Сиди-бель-Аббесу, Сентъ-Дени имѣетъ прекрасныя прямыя улицы, обсаженныя тѣнистыми платанами, и каждая ферма въ окрестностяхъ окружена поясомъ зелени. Одна изъ этихъ фермъ, l'Union du Sig, когда-то возбуждала много надеждъ въ средѣ фаланстеріанцевъ, которые основали ее, въ 1846 году, на

уступленныхъ казной земляхъ, въ количествѣ слишкомъ 3.000 гектаровъ, чтобы примѣнять тамъ на практикѣ свои идеи объ ассоціаціи капитала и труда; недавно въ этомъ имѣніи учреждена сиротская земледѣльческая колонія. Такъ же, какъ Перрего, Сентъ-Дени-на-Сигѣ имѣетъ свою запруду, построенную выше города, и подобно плотинѣ Габры, плотина Сига, задерживающая около 14 миллионныхъ кубич. метровъ воды, не устояла подъ напоромъ жидкой массы. На сѣверо-западѣ, въ безводной и бесплодной части равнины, граничащей съ озеромъ эль-Мелахъ, т. е. «Солянымъ», тянется лѣсокъ, или вѣрнѣе низкій кустарникъ, называемый «лѣсомъ» Мулай-Измаилъ: въ этой трудно проходимой мѣстности происходили кровопролитныя битвы изъ-за обладанія Ораномъ.

Соединенные подъ именемъ Макты, Сигъ и Габра изливаются въ море близъ маленькой гавани, называемой «Port aux Poules» (Куриный портъ), какъ многія другія бухточки прибрежья: это наименованіе «Poules» не есть искаженіе слова «port», какъ оно выговаривается въ сабирѣ туземцевъ; уже Эль-Бекри упоминаетъ Марсъ-эль-Дуджаджъ¹⁾. Впрочемъ, этотъ портъ не имѣетъ никакого торговаго значенія; суда бросаютъ якорь на сѣверо-западѣ, передъ городомъ Арзе. Въ этомъ мѣстѣ берегъ совершенно защищенъ отъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ мысомъ массива Орусъ. Въмѣстѣ съ Мерсъ-эль-Кебиромъ и Бужи, Арзевская бухта есть лучшая естественная пристань на негостепріимныхъ берегахъ Алжиріи, оттого здѣсь во все время существовалъ, или вновь возникалъ, послѣ каждой катастрофы, торговый городъ: это былъ *Portus Magnus* римлянъ. Въ послѣднее десятилѣтіе Арзе приобрѣлъ важное значеніе, какъ конечный пунктъ желѣзной дороги, которая доставляетъ ему алыфу съ высокими плато; кромѣ того, онъ отправляетъ соль, хлоръ, соду и другіе продукты, собираемые или выдѣлываемые въ Соляномъ озерѣ и на заводахъ, устроенныхъ на его берегахъ: исчисляють въ два слишкомъ миллиона тоннъ количество соли, которая отлагается каждый годъ на днѣ озера, и которую лѣтомъ можно собирать лопатами. Движеніе судоходства въ портѣ Арзе въ 1883 г.: 801 судно, общая вмѣстимость 299.752 тонны. Римскія развалины встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ на берегу залива; на подорожѣ между новымъ городомъ и «Куринымъ портомъ» онѣ были такъ многочисленны, что образовали какъ бы цѣлый городъ, которому дали имя «Стараго Арзе». Теперь на мѣстѣ, гдѣ стоялъ римскій городъ, расположены двѣ деревни — Вотиуа, населенная мароккскими кабилами, и Сентъ-Ле, гдѣ европейцы составляютъ около трети населенія.

¹⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

Сенъ-Ле — самая многолюдная община въ окрестностях Арзе; Сенъ-Клу, промежуточный этапъ между Арзе и Ораномъ, которые еще не соединены прямымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ, — тоже значительное поселеніе, окруженное обширными виноградниками.

Оранъ — Уаранъ или Гуаранъ у арабовъ и турокъ — первый городъ Алжиріи по важности торговли, и въ которое время соперничалъ даже съ столицей страны по числу жителей; вмѣстѣ съ тѣмъ это укрѣпленный пунктъ Мавританіи, исторія котораго всего долѣе была связана съ исторіей новой Европы. Основанный въ началѣ десятаго столѣтія андалузскими маврами, на территоріи одного берберскаго племени, Оранъ быстро выросъ, благодаря важности соседняго порта, называемаго Мерсъ-эль-Кебиръ, или «Большой Портъ», который мысомъ джебеля Сантонъ защищенъ отъ сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, самыхъ опасныхъ въ этихъ водахъ. Эта драгоценная гавань, *Portus divinus* римлянъ, окаймлена крутыми утесами, у подножія которыхъ не нашлось бы достаточно мѣста для торговаго города; такой городъ долженъ былъ возникнуть при оконечности залива, тамъ, гдѣ горы понижаются и гдѣ широкій проходъ даетъ доступъ внутрь материка: отсюда и названіе Уаранъ, или «Разрѣзъ», которое осталось за городомъ донынѣ въ испанской формѣ «Оранъ». Съ военной точки зрѣнія эта брешь морскаго побережья тоже представляла большія выгоды: подобно Алжиру, своему западному сопернику, Оранъ опирается на уединенный горный массивъ, на рѣзко ограниченный Сахель, отдѣленный отъ остальной Алжиріи равнинами и большой лагуной; такимъ образомъ городъ защищенъ естественной крѣпостью, уступающей оборонительную цѣну его стѣнъ. Оттого послѣ изгнанія мавровъ изъ Испаніи, побѣдители преслѣдовали бѣжавшаго врага на африканскомъ континентѣ, и первыми завоеваніями, въ 1505 и 1509 годахъ, были портъ Мерсъ-эль-Кебиръ и крѣпость Оранъ. При благоприятномъ вѣтрѣ, военныя и транспортныя суда совершали переходъ отъ одного берега Средиземнаго моря до другаго въ одинъ, много въ два дня. Съ горъ Мурейнъ видны горы Мавританіи: городъ, отнятый у мавровъ, былъ, такъ сказать, постоянно на глазахъ у завоевателей.

Испанцы ревниво удерживали его за собой около трехъ столѣтій, и въ продолженіе этого длиннаго періода времени туркамъ, которые неизмѣнно каждый годъ дѣлали попытки нападенія на городъ, или по крайней мѣрѣ производили набѣги на его окрестности, только разъ удалось снова овладѣть Ораномъ, который оставался въ ихъ рукахъ двадцать-четыре года, съ 1708 по 1732. Наконецъ, въ 1790 году землетрясеніе разрушило почти весь городъ, пожаръ истребилъ остатки, и со всѣхъ сторонъ

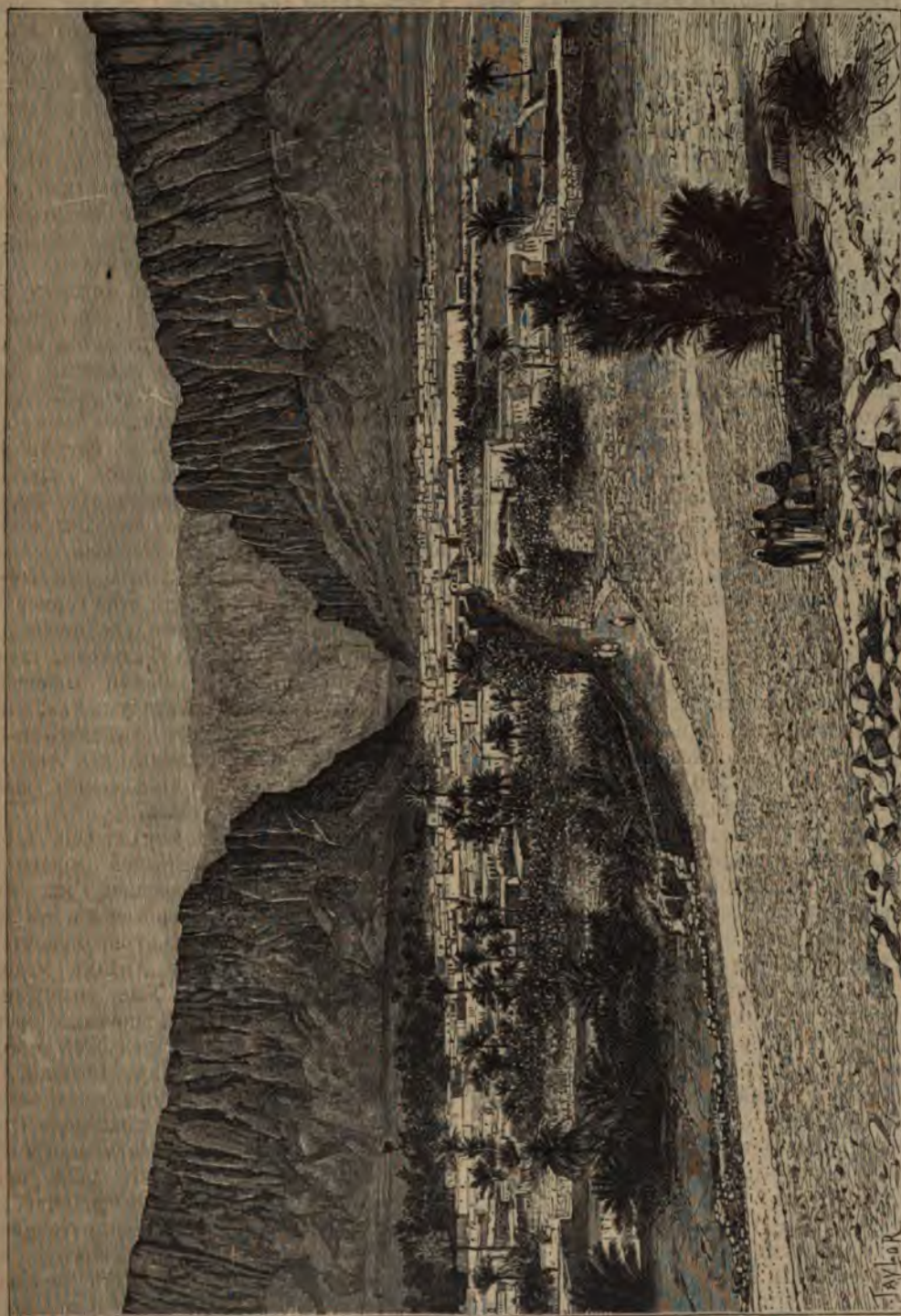
турки и арабы ринулись на развалины, чтобы выгнать оттуда испанскихъ солдатъ и ихъ союзниковъ, «наемныхъ мавровъ». Иностранцы окончательно покинули Оранъ въ 1792 году; впрочемъ, нельзя сказать, чтобы городъ процвѣталъ подъ ихъ господствомъ: отрѣзанный отъ внутренней части страны почти непрерывной осадой, онъ не имѣлъ никакой торговли, и мадридское правительство пользовалось имъ только, какъ мѣстомъ ссылки для придворныхъ, впавшихъ въ немилость; европейское населеніе никогда не превышало тамъ тысячи душъ. Послѣ отъѣзда испанцевъ, Оранъ оставался подъ властью турокъ всего тридцать-девять лѣтъ; въ 1831 году онъ былъ занятъ французами, которымъ нужно было только поправить испанскіе форты, воздвигнутые на вершинахъ горъ и высокихъ мысахъ, чтобы снова сдѣлать городъ неодолимымъ. Эти укрѣпленія, представляющія громадный трудъ, составляютъ почти все, что осталось отъ работъ, совершенныхъ прежними властителями, если не считать нѣсколькихъ испанскихъ домовъ, которые еще видны въ амфитеатрѣ бывшихъ построекъ, занимающемъ скатъ холма, увѣчаннаго касбой: отъ этого квартала домовъ, расположенныхъ ярусами, какъ ступени пирамиды, Оранъ и получилъ прозвище «Бѣлаго» (Blancs).

Въ настоящее время городъ занимаетъ пространство, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ большее того, какое занималъ въ эпоху завоеванія. Старый Оранъ, населеніе котораго не превышало 3.000 душъ, былъ построенъ между полукругомъ горъ и мысомъ, надъ которымъ господствуютъ верки Новаго Замка, теперь бесполезныя; по всей вѣроятности, это укрѣпленіе, которое раздѣляетъ нынѣшній городъ на двѣ половины, лишенные удобныхъ сообщеній одна съ другой, скоро уступитъ мѣсто новому кварталу, которому суждено сдѣлаться лучшей частью города. Оврагъ Линъ-Руина, заключающій нѣсколько садовъ на своихъ крутыхъ откосахъ, былъ засыпанъ выше Новаго Замка для того, чтобы соединить западные кварталы съ кварталами Каргенты, которые тянутся далеко по направленію къ Арзе; на югѣ новые островки домовъ занимаютъ пространство до 2 километровъ отъ моря, и каждый годъ прибавляются новыя улицы, указываемыя издали столбами пыли. Главныя общественныя зданія сгруппированы около центра города, на промежуточной террасѣ, отдѣляющей гавань отъ квартала, расположеннаго вокругъ желѣзнодорожной станціи; къ сожалѣнію, при постройкѣ этихъ зданій, также, какъ при постройкѣ лучшихъ частныхъ домовъ въ нижнемъ городѣ, забыли о катастрофѣ 1790 года: стоятъ почти заколебавшіяся снова — и половина Орана обратится въ груду развалинъ.

Французы, къ которымъ официальная перепись причисляетъ также натурализованныхъ евреевъ, не имѣютъ за собой численнаго большинства въ городѣ; испанцы превосходятъ ихъ

часть ихъ не принадлежитъ уже къ племенамъ берберской расы, болѣе или менѣе арабизованнымъ, которыя прежде населяли край: это люди всякаго рода и племени, собранные въ

Эль-Кантарское ущелье.

числомъ въ этой бывшей столицѣ своихъ африканскихъ владѣній, и въкоторыя изъ мѣстныхъ профессій монополизированы ими. Магометане составляютъ теперь лишь весьма незначительное меньшинство внутри города, и большая

предмѣсть Джахли, или «Иноземцы», болѣе известномъ подъ именемъ «Негрской деревни». Рядомъ съ арабами, берберами, мароккскими или другими, здѣсь встрѣтишь чернокожихъ и цвѣтныхъ людей, носильщиковъ, подметаль-

Сенъ-Ле — самая многолюдная община въ окрестностях Арзе; Сенъ-Клу, промежуточный этапъ между Арзе и Ораномъ, которые еще не соединены прямымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ, — тоже значительное поселеніе, окруженное обширными виноградниками.

Оранъ — Уаранъ или Гуаранъ у арабовъ и турокъ — первый городъ Алжиріи по важности торговли, и въ которое время соперничалъ даже съ столицей страны по числу жителей; вмѣстѣ съ тѣмъ это укрѣпленный пунктъ Мавританіи, исторія котораго всего долѣе была связана съ исторіей новой Европы. Основанный въ началѣ десятаго столѣтія андалузскими маврами, на территоріи одного берберскаго племени, Оранъ быстро выросъ, благодаря важности сосѣдняго порта, называемаго Мерсъ-эль-Кебиръ, или «Большой Портъ», который мысомъ джебеля Сантонъ защищенъ отъ сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, самыхъ опасныхъ въ этихъ водахъ. Эта драгоцѣнная гавань, *Portus divinus* римлянъ, окаймлена крутыми утесами, у подножія которыхъ не нашлось бы достаточно мѣста для торговаго города; такой городъ долженъ былъ возникнуть при оконечности залива, тамъ, гдѣ горы понижаются и гдѣ широкій проходъ даетъ доступъ внутрь материка: отсюда и названіе Уаранъ, или «Разрѣзъ», которое осталось за городомъ донынѣ въ испанской формѣ «Оранъ». Съ военной точки зрѣнія эта брешь морскаго побережья тоже представляла большія выгоды: подобно Алжиру, своему западному сопернику, Оранъ опирается на уединенный горный массивъ, на рѣзко ограниченный Сахель, отдѣленный отъ остальной Алжиріи равнинами и большой лагуной; такимъ образомъ городъ защищенъ естественной крѣпостью, удесятеряющей оборонительную цѣну его стѣнъ. Оттого послѣ изгнанія мавровъ изъ Испаніи, побѣдители преслѣдовали бѣжавшаго врага на африканскомъ континентѣ, и первыми завоеваніями, въ 1505 и 1509 годахъ, были портъ Мерсъ-эль-Кебиръ и крѣпость Оранъ. При благоприятномъ вѣтрѣ, военные и транспортныя суда совершали переходъ отъ одного берега Средиземнаго моря до другаго въ одинъ, много въ два дня. Съ горъ Мурсиіи видны горы Мавританіи: городъ, отнятый у мавровъ, былъ, такъ сказать, постоянно на глазахъ у завоевателей.

Испанцы ревниво удерживали его за собой около трехъ столѣтій, и въ продолженіе этого длиннаго періода времени туркамъ, которые неизмѣнно каждый годъ дѣлали попытки нападенія на городъ, или по крайней мѣрѣ провозводили набѣги на его окрестности, только разъ удалось снова овладѣть Ораномъ, который оставался въ ихъ рукахъ двадцать-четыре года, съ 1708 по 1732. Наконецъ, въ 1790 году землетрясеніе разрушило почти весь городъ, пожаръ истребилъ остатки, и со всѣхъ сторонъ

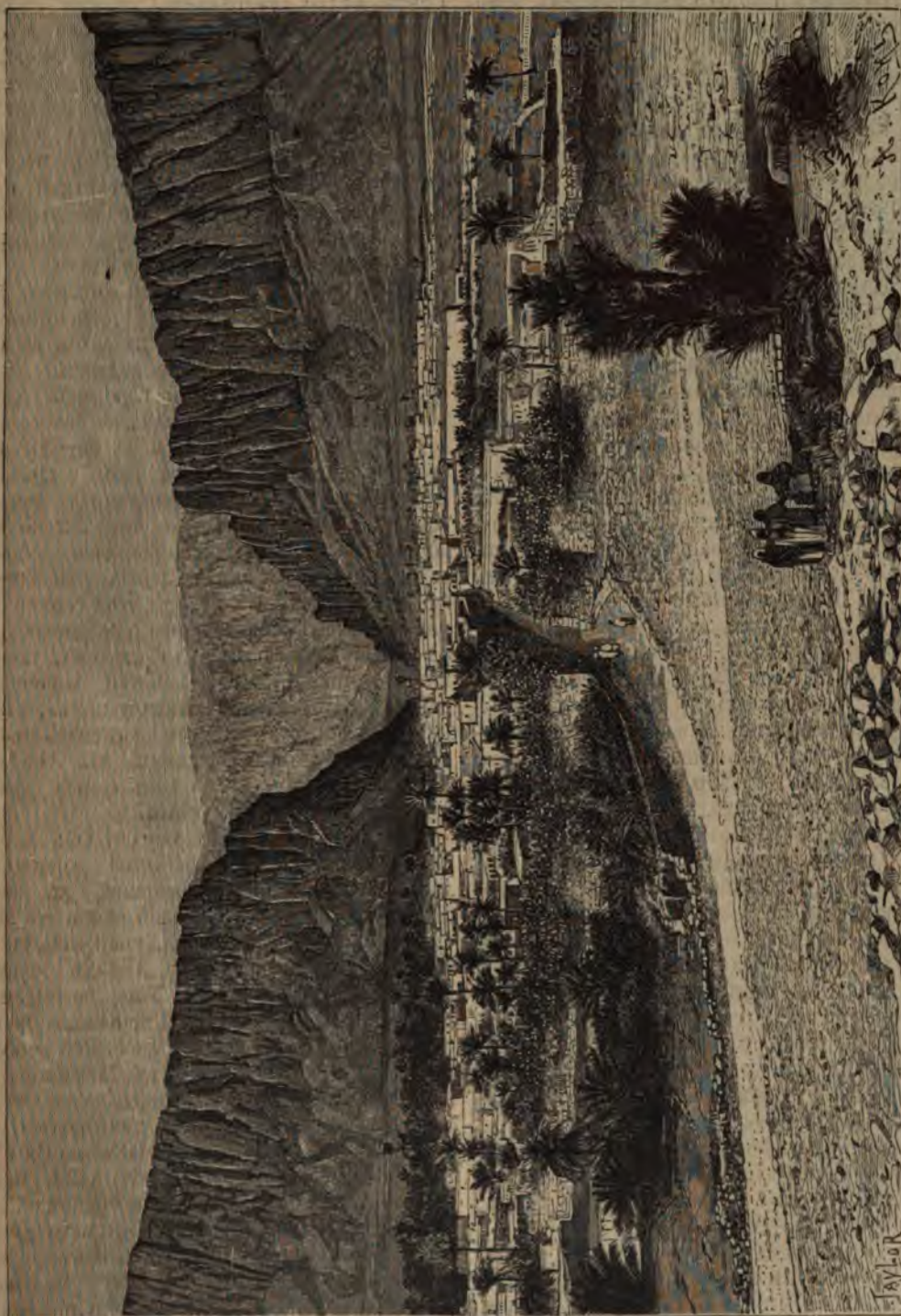
турки и арабы ринулись на развалины, чтобы выгнать отсюда испанскихъ солдатъ и ихъ союзниковъ, «наемныхъ мавровъ». Иностранцы окончательно покинули Оранъ въ 1792 году; впрочемъ, нельзя сказать, чтобы городъ процвѣталъ подъ ихъ господствомъ: отрѣзанный отъ внутренней части страны почти непрерывной осадой, онъ не имѣлъ никакой торговли, и мадридское правительство пользовалось имъ только, какъ мѣстомъ ссылки для придворныхъ, впавшихъ въ немилость; европейское населеніе никогда не превышало тамъ тысячи душъ. Послѣ отъѣзда испанцевъ, Оранъ оставался подъ властью турокъ всего тридцать-девять лѣтъ; въ 1831 году онъ былъ занятъ французами, которымъ нужно было только поправить испанскіе форты, воздвигнутые на вершинахъ горъ и высокихъ мысахъ, чтобы снова сдѣлать городъ неодолимымъ. Эти укрѣпленія, представляющія громадный трудъ, составляетъ почти все, что осталось отъ работъ, совершенныхъ прежними властителями, если не считать нѣсколькихъ испанскихъ домовъ, которые еще видны въ амфитеатрѣ бѣлыхъ построекъ, занимающемъ скатъ холма, увѣчаннаго касбой: отъ этого квартала домовъ, расположенныхъ ярусами, какъ ступени пирамиды, Оранъ и получилъ прозвище «Бѣлаго» (Blanca).

Въ настоящее время городъ занимаетъ пространство, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ большее того, какое занималъ въ эпоху завоеванія. Старый Оранъ, населеніе котораго не превышало 3.000 душъ, былъ построенъ между полукругомъ горъ и мысомъ, надъ которымъ господствуютъ верки Новаго Замка, теперь бесполезные; по всей вѣроятности, это укрѣпленіе, которое раздѣляетъ нынѣшній городъ на двѣ половины, лишенная удобныхъ сообщеній одна съ другой, скоро уступитъ мѣсто новому кварталу, которому суждено сдѣлаться лучшей частью города. Оврагъ Линъ-Руина, заключающій нѣсколько садовъ на своихъ крутыхъ откосахъ, былъ засыпанъ выше Новаго Замка для того, чтобы соединить западные кварталы съ кварталами Каргенты, которые тянутся далеко по направленію къ Арзе; на югѣ новые островки домовъ занимаютъ пространство до 2 километровъ отъ моря, и каждый годъ прибавляются новыя улицы, указываемыя издали столбами пыли. Главныя общественныя зданія сгруппированы около центра города, на промежуточной террасѣ, отдѣляющей гавань отъ квартала, расположеннаго вокругъ желѣзнодорожной станціи; къ сожалѣнію, при постройкѣ этихъ зданій, также, какъ при постройкѣ лучшихъ частныхъ домовъ въ нижнемъ городѣ, забыли о катастрофѣ 1790 года: стоятъ почвѣ заколебаться снова — и половина Орана обратится въ груду развалинъ.

Французы, къ которымъ официальная перепись причисляетъ также натурализованныхъ евреевъ, не имѣютъ за собой численнаго большинства въ городѣ; испанцы превосходятъ ихъ

часть ихъ не принадлежитъ уже къ племенамъ берберской расы, болѣе или менѣе арабизованнымъ, которыя прежде населяли край: это люди всякаго рода и племени, собранные въ

Эль-Кантарское ущелье.

числомъ въ этой бывшей столицѣ своихъ африканскихъ владѣній, и въкоторыя изъ мѣстныхъ профессій монополизированы ими. Магометане составляютъ теперь лишь весьма незначительное меньшинство внутри города, и большая

предмѣстья Джахли, или «Иноземцы», болѣе известномъ подъ именемъ «Негрской деревни». Рядомъ съ арабами, берберами, мароккскими или другими, здѣсь встрѣтишь чернокожихъ и цвѣтныхъ людей, носильщиковъ, подметаль-

щиковъ улицъ, огородниковъ, пахарей-исполнителей и чернорабочихъ. Всѣхъ жителей по переписи 1891 г. насчитывалось 74.510, въ томъ числѣ 19.037 французовъ, 5.528 евреевъ, 9.245 туземцевъ и 35.619 иностранцевъ, главнымъ образомъ испанцевъ. Взятое въ совокупности, населеніе Орана занимается почти исключительно торговлей: научная и литературная дѣятельность очень мало развита въ этомъ главномъ городѣ западной Алжиріи; впрочемъ, онъ имѣетъ съ 1878 года географическое и археологическое общество, важнѣйшее во всей африканской Франціи; публичная бібліотека и музей въ зародышѣ занимаютъ нѣсколько залъ городской ратуши.

Благодаря своей гавани, завоеванной у открытаго моря, Оранъ не зависитъ болѣе, въ своей вѣншей торговлѣ, отъ Мерсь-эль-Кебира, бывшаго «ключа Африки», сдѣлавшагося теперь простымъ пригородомъ сосѣдняго города: корабли приходятъ прямо въ Оранъ грузить альфу, руды, зерновые хлѣба и выгружать европейскіе товары; жете длиной около километра, начинающееся отъ подножія форта Ламунъ (Ламона, Геновъ), проведено до глубины 20 метровъ и ограничиваетъ пространство около 24 гектаровъ, раздѣленное другими молами на второстепенные бассейны: самыя большія суда находятъ въ этой гавани достаточную глубину воды; но волноразбиватель часто страдалъ отъ бурь, такъ что не разъ приходилось задѣлывать въ немъ бреши, пробитыя ударами волнъ. Большая выгода Оранскаго порта — это его близость отъ Испаніи; Картагена всего въ 200 километрахъ — разстояніе, которое пароходъ, обладающій порядочной скоростью, легко проходитъ въ восемь часовъ. Однако, паспорта, таможенные осмотры, медленность службы на желѣзныхъ дорогахъ и высокая провозная плата отвращаютъ тысячи пассажировъ отъ этого естественнаго пути. Альмерія въ такомъ же разстояніи отъ Орана, какъ и Картагена. За десятилѣтіе 1875 — 84 г.г. приходъ и отходъ судовъ въ Оранъ болѣе чѣмъ удвоился. Между французскими портами только Марсель, Парижъ, Гавръ, Бордо и Дюнкеръ имѣютъ болѣе значительное движеніе судоходства.

Движеніе судоходства въ Оранскомъ портѣ и въ рейдѣ Мерсь-эль-Кебиръ:

Въ приходѣ: въ 1875 г. 323.450 тоннъ; въ 1884 г. 667.728 тоннъ.

Итогъ судоходства въ 1883 г.: 4.094 судна, общая вывѣстимость 1.231.024 тонны.

Рыболовныхъ судовъ: 173. Цѣнность улова: 732.000 франковъ.

За чертой своихъ стѣнъ и поясомъ фортовъ Оранъ продолжается предмѣстьями. На западѣ береговые утесы едва оставляютъ мѣсто для дороги, но зато воспользовались всякой, даже самой маленькой брешью въ этой стѣнѣ скалъ,

чтобы построить группы домовъ; близъ теплыхъ ключей, называемыхъ «Купальной королевы», поселокъ Сентъ-Клотильдъ занимаетъ одну изъ этихъ нишъ у подошвы горы; далѣе, селеніе Сентъ-Андре наполняетъ своими кабаками маленькую долину, открывающуюся подъ защитой укрѣпленнаго полуострова Мерсь-эль-Кебиръ. На востокъ и на югъ, гдѣ ничто не препятствуетъ расширенію города, раскинулись обширныя предмѣстья Гамбетта и Нуазе-Экмиль; но джебель Мерджаджо, послѣдній выступъ котораго увѣнчанъ фортами Санта-Круцъ и Сентъ-Грегуаръ, еще не утилизируются, какъ гора Эдугъ въ Бонѣ или Бузареа въ Алжирѣ, для постройки загородныхъ домовъ. А между тѣмъ Оранъ, жители котораго часто должны дышать раскаленнымъ, пропитаннымъ пылью воздухомъ, очень нуждается въ санаторіи, гдѣ бы можно было подышать полной грудью и освѣжиться отъ городской духоты; но склоны массива Мерджаджо дотогу круты и бесплодны, что до сихъ поръ еще ни одинъ оранецъ не пытался оспаривать у арабскихъ пастуховъ пажитей, покрывающихъ вершину горы; не существуетъ даже никакой колесной дороги, по которой можно бы было добраться до гребня: попасть на него можно только черезъ боковой проходъ. На сѣверѣ этой горной цѣпи, равнина треугольной формы, оканчивающаяся на сѣверо-востокъ мысомъ Фальконъ, покрыта виноградниками, окружающими хорошенькія деревни. Это «равнина Андалузцевъ», названная такъ потому, что здѣсь поселились въ большомъ числѣ мавры, изгнанные изъ Андалузіи. Плато мыса несетъ на себѣ самыя высокія дюны алжирскаго побережья.

Въ 6 километрахъ къ югу отъ Орана, близъ Сенія, отъ алжирской желѣзной дороги отдѣляется вѣтвь, направляющаяся на западъ сѣвернымъ берегомъ большой себхи: это линія, еще неоконченная, которая современемъ проникнетъ, черезъ равнину Ангадъ и долину Молуѣ, внутрь Марокко. Уже возникли города, служащіе вѣхами этой дороги, которая доставитъ оранцамъ часть мароккскія торговли. Первый изъ нихъ, Мисергинъ, лежащій у южнаго основанія джебеля Мерджаджо, можетъ быть рассматриваемъ какъ пригородъ Орана, изъ котораго туда переведены многія общественныя заведенія, сиротскіе дома, пріюты и богадѣльни; мисергинскіе огородники, сады которыхъ орошаются обильными источниками, снабжаютъ овощами оранскій рынокъ; вода, которую пьютъ оранцы, тоже получается частью изъ селенія Бредеа, лежащаго близъ Солянаго озера, на юго-западѣ отъ Мисергина. По своему древесному питомнику, своей образцовой овчарнѣ, своимъ виноградникамъ, Мисергинъ — одинъ изъ главныхъ земледѣльческихъ центровъ департамента. На сѣверѣ, въ очень узкой долині, находится паркъ для страусовъ, самый

значительный во всей Алжиріи. Часть себхи, на югъ отъ Мисергина, была приобретена для земледѣлія простымъ поднятіемъ озернаго дна, которое затѣмъ было постепенно выщелочено дождями; не трудно было бы также осушить все озеро прорытіемъ канала, который перешелъ бы на западъ порогъ въ 13 метр. высоты и унесъ бы воды въ Ріо-Саладо (Соляная рѣка), протекающую всего только въ разстояніи около 6 километр. отъ себхи: такимъ образомъ было бы завоевано для культуры пространство въ 32.000 гектаровъ. Два значительныхъ племени этой мѣстности, дуэръ и смела, по происхожденію арабы изъ Марокко, но съ большою примѣсью элементовъ турецкаго и кулуглійскаго, составляли милицію, или «мах-зенъ», во время господства турокъ, а въ 1835 г. поступили на службу къ французамъ, въ качествѣ наемнаго войска, и никогда не нарушали данной клятвы служить вѣрой и правдой.

Населенныя мѣста Бу-Тлемисъ, Лурмель, Эр-Рахель слѣдуютъ одно за другимъ въ небольшомъ разстояніи отъ озера; затѣмъ путешественникъ переѣзжаетъ черезъ Ріо-Саладо, или «Соляную рѣку», которая рано или поздно должна сдѣлаться истокомъ себхи. За этимъ потокомъ солоноватой воды, но въ томъ же бассейнѣ, стоитъ на краю утеса, на высотѣ 250 метр., городъ Аинъ-Темушентъ, *Timi* римлянъ. Немногіе изъ новыхъ городовъ Алжиріи достигли болѣе цвѣтущаго состоянія: поясъ воздѣланныхъ земель, которымъ онъ окруженъ, расширяется съ каждымъ годомъ; въ то же время Темушентъ является центромъ края, очень богатаго рудными мѣсторожденіями. Къ югу отъ города, недалеко отъ долины Иссеры, находится знаменитая Аинъ-текбалекская ломка просвѣчивающаго оникса, которая еще недавно разрабатывалась. Эта ломка, извѣстная уже римлянамъ, самая богатая въ провинціи и лучшая во всемъ свѣтѣ, давала иногда глыбы совершенно чистаго оникса до семи метровъ длиной. Этотъ драгоцѣнный камень, почти неимѣющий себѣ равнаго между матеріалами для декоративнаго искусства, благодаря просвѣчиваемости массы, богатству окраски, контрасту тоновъ и узоровъ, произвелъ, повидимому, путемъ медленной кристаллизаціи углекислой извести, которую отлагали инкрустирующие источники въ присутствіи металлическихъ солей. Ключи Гаммамъ-Бу-Хаджаръ, въ 14 килом. къ сѣверо-востоку отъ Аинъ-Темушента, достигаютъ температуры 95 градусовъ, какъ воды Гаммамъ-эль-Месхутинъ.

Въ бассейнѣ верхняго Иссеры, восточной вѣтви рѣки Тафны, главная община — Ламорисьеръ, станція желѣзной дороги изъ Орана въ Тлемсенъ черезъ Сидибель-Аббесъ; проектированная запруда должна задерживать воды Ис-

сера выше этого поселенія и образовать искусственное озеро, объемомъ около десяти милліоновъ кубич. метровъ, которое будетъ орошать плодородныя равнины Уладъ-Мимунъ. Между мѣстамъ, выбраннымъ для запруды, и домами деревни Ламорисьеръ видны еще, такъ называемые, Хаджаръ-Румъ, или «Римскіе камни», какъ показываетъ одна надпись, дешифрованная Шербонно, — остатки укрѣпленія *Castra Severiana*. Въ сосѣдствѣ находится залежи серебро-свинцовой руды и лигнита.

Тлемсенъ, городъ «съ тысячею источниковъ», также принадлежитъ къ бассейну Иссеры чрезъ ручей уѣда Секакъ. Это одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Алжиріи: его называютъ «африканской Гранадой» именемъ, которое онъ заслужилъ также своей исторіей. Пятый по числу жителей, первый по историческимъ воспоминаніямъ и остаткамъ арабской архитектуры, онъ стоитъ у сѣвернаго основанія скалистой горы, на покрытой лѣсомъ высокой террасѣ (слишкомъ 800 метр.), откуда открывается обширный видъ на долины Иссеры и Тафны, и съ боковъ которой льются многочисленные каскады, доставляя оросительнымъ каналамъ постоянный потокъ, несущій слишкомъ кубич. метръ воды въ секунду. Фруктовыя деревья всякаго рода, отъ которыхъ римская колонія и получила свое имя *Pomaria*, закрываютъ городъ своей густой зеленью: издали, когда подъѣзжаешь къ Тлемсену, видны только башни и минареты, выступающіе надъ сплошнымъ лѣсомъ. Со времени своего основанія городъ уже перемѣнилъ мѣсто. Римская Помарія находилась на юго-востокѣ отъ нынѣшняго города, тамъ, гдѣ видны остатки древнихъ городскихъ стѣнъ и валовъ (Агадиръ); но одинъ минаретъ указываетъ мѣстоположеніе бывшей столицы, обвалившаяся ограда которой служила каменоломней для строеній Тагарты, западнаго города, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ Тлемсена. Сдѣлавшись метрополіей большой берберской конфедераціи племенъ зената, Тлемсенъ, занимаемый послѣдовательно различными династіями, подвергавшійся осадамъ, голоду и опустошеніямъ, продолжалъ, тѣмъ не менѣе, расти, и въ пятнадцатомъ столѣтіи достигъ высшей степени своего могущества. Населеніе его состояло, говорятъ, изъ 25.000 семействъ, и по своей торговлѣ и промышленности, по своимъ богатствамъ, по развитію наукъ и искусствъ, онъ могъ сравниться съ образованными городами Европы: такъ же, какъ Кордова, Севилья и Гранада, онъ далъ свѣдѣтельство высокой цивилизаціи, на которую можетъ подняться берберская раса. Минареты и куполы мечетей, рѣзные украшенія и арабески стѣнъ повѣствуютъ о славѣ зенатскихъ художниковъ; лѣтописцы прославляютъ чудеса искусства, которыя были собраны въ Тлемсенскомъ дворцѣ,

и въ одномъ монастырѣ этого города долго преподавалъ Ибнъ-Халдунъ, авторъ «Исторіи берберовъ».

Когда испанцы загородили ему дорогу къ морю завоеваніемъ Орана и уничтожили торговлю, которую богатыя венеціанскія и генуэзскія колоніи вели на этомъ берберскомъ рынкѣ, Тлемсенъ быстро пришелъ въ упадокъ; впрочемъ, онъ вскорѣ послѣ того потерялъ и свою независимость: онъ сдѣлался вассаломъ кастильцевъ; затѣмъ, въ 1553 г., подпалъ подъ власть турокъ, и большинство его жителей эмигрировали въ Марокко. Это былъ маленький полуразрушенный городокъ, который оспаривали другъ у друга гарнизонъ кулугли и солдаты мароккского императора, когда явились французы въ 1836 году, но чтобы отдать его спустя короткое время эмиру Абдель-Кадеру. Они овладѣли имъ окончательно лишь въ 1842 г., и тогда онъ сдѣлался ихъ главнымъ стратегическимъ пунктомъ на мароккской границѣ. Отстроенный въ большей части на европейскій манеръ, онъ имѣетъ правильныя улицы и площади, военныя и муниципальныя зданія, съ симметрично прорѣзанными окнами, но отличается еще отъ большинства алжирскихъ городовъ обширностью своихъ мавританскихъ кварталовъ: по выходѣ изъ-подъ мрачныхъ сводовъ, перекинутыхъ съ дома на домъ надъ узкими извилистыми улицами, вдругъ видишь лѣстницу, освѣщенную лучами солнца, которые пробиваются сквозь трельяжъ изъ виноградныхъ лозъ; квадратныя ворота обрамляютъ видъ тѣнистыхъ внутреннихъ дворовъ; на вершинѣ улицы, господствуя надъ лабиринтомъ строевѣй и ихъ черепичныхъ крышъ, показывается бѣлый минаретъ. Эти картины, ярко расцвѣченныя группами прохожихъ въ красивыхъ желтыхъ и зеленыхъ костюмахъ, придаютъ городу необыкновенную прелесть; но за этой живописной внѣшностью часто скрывается вопіющая бѣдность; особенно въ еврейскомъ кварталѣ низенькія, тѣсныя и грязныя лачуги представляютъ настоящіе вертепы. Единственныя красивыя зданія, оставшіяся отъ Тлемсена берберскихъ временъ — это мечети: нѣкоторыя изъ нихъ сохранили еще свои изящныя минареты съ мраморными колонками, украшенныя мозаикой, живописью, лакированными изразцами; нефъ главной мечети, поддерживаемый 72 колонками, и особенно нефъ мечети Абуль-Гассана, раздѣленный на три части рядами колоннъ изъ оникса, составляютъ архитектурныя достопримѣчательности Тлемсена, который, кромѣ того, обладаетъ нѣсколькими древними надписями, собранными въ мѣстномъ музеѣ: между этими древностями особенно обращаетъ на себя вниманіе эпитафія съ надгробнаго памятника Боабдила, послѣдняго мавританскаго короля Гранады, умершаго въ Тлемсенѣ, а не на берегу одного марок-

кского ручья, въ безвѣстной стѣлкѣ, какъ утверждаетъ легенда, не имѣющая никакой фактической подкладки ¹⁾. Мешуаръ, или «Палаты Совѣта», находящійся въ южной части города и заключавшій въ себѣ цитадель, королевскіе апартаменты, казармы, тюрьмы, какъ и касбы другихъ городовъ, сохранили только мечеть и двѣ старинныя башни, вошедшія въ составъ группы новыхъ военныхъ сооружений.

Промышленныя искусства, которыми нѣкогда славился Тлемсенъ, не совсѣмъ исчезли: туземцы обрабатываютъ еще кожу и шерсть, ткнутъ матеріи, выдѣлываютъ оружіе, готовятъ оливковое масло и пшеничную муку; но главный промыселъ, тотъ, которому посвящаютъ свой трудъ колонисты французскіе, иностранные и арабскіе, — это садоводство. Воздѣланныя земли Тлемсенской общины занимала, въ 1880 г., слѣдующее пространство ²⁾: апельсиныя рощи — 12 гектар.; масличныя рощи — 468 гектар. (56.495 привит. деревъ); сады и огороды — 650 гектар.; виноградники 462 — гектар.

Обильно орошаемые «двумя тысячами фонтановъ», скаты террасы и нижнія долины обращены въ цвѣтущіе сады; апельсиныя и масличныя рощи образуютъ вокругъ города поясъ зелени шириной отъ 10 до 12 километровъ; кромѣ того, лѣса окружающей мѣстности заключаютъ въ себѣ слишкомъ миллионъ непривитыхъ оливковыхъ деревъ. Оливковое масло составляетъ главный предметъ торговли Тлемсена, которая въ послѣднее время замѣтно уменьшилась, потому что караваны изъ Марокко и Сахары по большей части забыли дорогу къ его рынку, а желѣзный путь еще не поднялся до него. Впрочемъ, центръ соединенія желѣзныхъ дорогъ въ западной Алжиріи не могъ бы быть помѣщенъ на этихъ высотахъ; международная линія изъ Туниса въ Фецъ пройдетъ на сѣверѣ отъ Тлемсена, долиной рѣки Тафны. Соперничество Орана грозитъ лишитъ этотъ городъ прямого желѣзнаго пути, который соединялъ бы его съ Рагунгомъ, его естественнымъ портомъ на Средиземномъ морѣ.

Тлемсенъ окруженъ цѣлымъ рядомъ земледѣльческихъ поселеній. Въ 2 километр. къ юго-востоку, въ самой живописной части восхитительнаго тлемсенскаго сада, въ Эль-Эвбадѣ, стоитъ знаменитая кубба Сиди-Бу-Медина, авдалузскаго мавра, жившаго въ XII ст., который въ разное время былъ профессоромъ въ Багдадѣ, въ Бужіи, въ Испаніи; рядомъ съ надгробнымъ памятникомъ находятся мечеть и медреса. На юго-западѣ отъ Тлемсена, самое замѣчательное по историческимъ воспоминаніямъ и остаткамъ старинны населенное мѣсто —

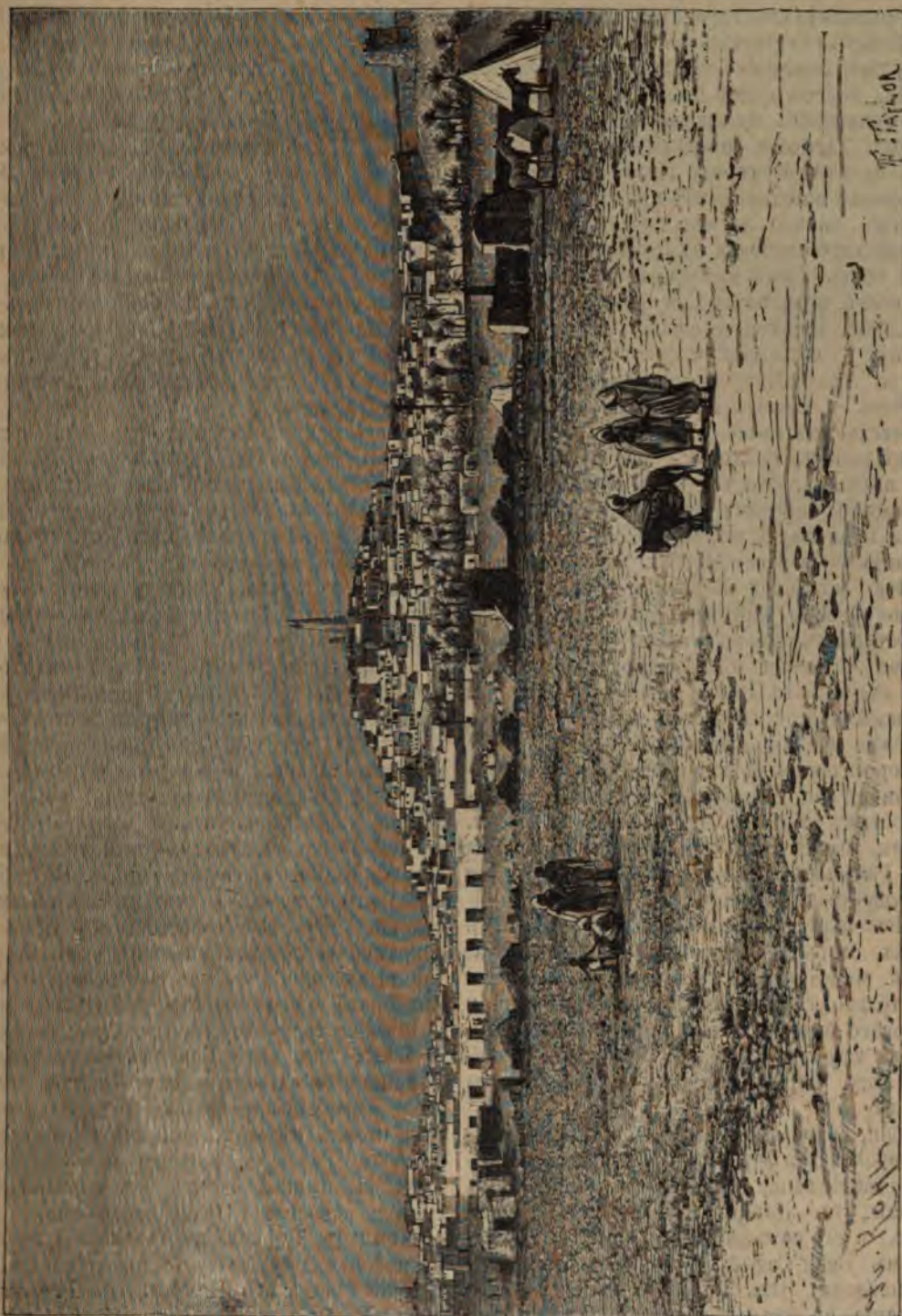
¹⁾ Brosselard, «Journal Asiatique», janvier-février 1876.

²⁾ Gérard, «Africa, Bulletin de la Société de Géographie d'Alger», 1880.

Мансура, въ 3 километр. отъ города. Тамъ еще видна часть четырехугольной ограды (около 6 километр. въ окружности), воздвигнутой по повелѣнію султана Абу-Якуба, въ 1301 году,

отъ древней мечети, находившейся въ центрѣ, сохранился только величественный минаретъ, вышиною въ 40 метровъ; по словамъ легенды, цѣлая половина этого зданія, та, которую стро-

Гардая.

для болѣе удобнаго наблюденія за Тлемсеномъ: такимъ образомъ осаждающій городъ, прозванный «Полемъ Побѣды», выстроился рядомъ съ городомъ осаждаемымъ. Внутри ограды существуютъ еще остатки султанскаго дворца, а

или христіанскіе мастера, отдѣлилась въ продольномъ направленіи, оставивъ только половину, сооруженную чистыми руками правовѣрныхъ. Французское поселеніе прилегаетъ къ стѣнамъ Мансуры; въ окружающихъ ея

виноградниках филлоксера совершила, въ 1885 г., свои первыя опустошенія на алжирской территоріи.

Рѣка Тафна, описывающая обширный полу-кругъ около Тлемсена, беретъ свое начало на самой окраинѣ высокаго плато, недалеко отъ городка Себху («Опушка»), который вмѣстѣ съ Эль-Ариша, лежащимъ на верхнемъ притоцѣ Молуйи, долгое время былъ передовымъ постомъ французовъ на южной границѣ. На западѣ отъ Тлемсена предѣлы Алжиріи охраняетъ, съ 1844 г., городъ Лалла-Магнія, расположенный на одномъ изъ притоковъ Тафны, берущемъ начало на мароккской территоріи. Уже римляне основали на этомъ же мѣстѣ военный постъ Сиръ или Сира, имя котораго указываетъ, повидимому, на финикійское происхожденіе. Благодаря своему положенію на границѣ, у восточной оконечности равнины Ангадъ, Лалла-Магнія—очень бойкое торговое мѣсто, и мароккскіе эмигранты, особенно многочисленныя въ эпохи большихъ земледѣльческихъ работъ, проходятъ здѣсь значительными партіями. Этотъ пунктъ можно считать настоящими воротами Марокко; черезъ него должна проникнуть желѣзная дорога, которая соединитъ Фецъ и все Мароккское государство съ сѣтью остальной Берберіи; уже и теперь годовые обороты торговли съ сосѣднею страной достигаютъ цифры свыше 5 милліоновъ франковъ. Многія рѣки: Уэрфеду, Муила и другія сходятся къ Тафнѣ ниже Лалла-Магнии, и приносятъ этой мѣстности плодородіе, которое можно бы было еще увеличить при помощи оросительныхъ каналовъ. Ниже проектированной запруды, которая будетъ задерживать объемъ воды въ 60 милліоновъ кубич. метровъ, берутъ изъ земли горячіе сѣрные ключи Гаммамъ-Бу-Гара, которыми пользуются преимущественно женщины; арабскія и еврейскія. Въ округѣ Лалла-Магнія въ разныхъ мѣстахъ открыты мѣсторожденія свинцовой, мѣдной, марганцевой руды; разрабатываются пока только гаръ-рубаискія залежи мѣди и свинцоваго блеска, находящіяся въ 25 километр. къ югу отъ главнаго города, въ Асфурскомъ лѣсу, который тянется по обѣ стороны границы.

Ремши, маленькая, пока еще незначительная, европейская деревня, занимаетъ счастливое положеніе выше слиянія двухъ рѣкъ, Иссыра и Тафны: это—этапный пунктъ между Тлемсеномъ и его естественнымъ портомъ, называемымъ Бени-Сафъ, по имени одного сосѣднаго племени. Отъ Тлемсена до Бени-Сафа растояніе по прямой линіи всего только 48 километр., тогда какъ до Орана оно превышаетъ 100 килом. Поэтому было бы крайне нужно, несмотря на оппозицію оранцевъ, желающихъ сосредоточить въ своемъ портѣ торговлю всей западной Алжиріи, построить же-

лѣзвый путь изъ Тлемсена къ нижней Тафнѣ и къ ближайшему порту; но это необходимое дѣло еще не начато; и портъ Бени-Сафъ еще недостаточно защищенъ отъ волнъ моря искусственными молами. Торговля его, однако, очень дѣятельна, благодаря эксплоатаціи сосѣднихъ желѣзныхъ рудниковъ, содержащихъ около десяти милліоновъ тоннъ превосходной руды; слишкомъ тысяча рудокоповъ, испанцевъ и мароканцевъ, работаютъ въ различныхъ рудникахъ; и двѣ желѣзныя дороги перевозятъ добываемую руду къ амбаркадерамъ Бени-Сафа, откуда она отправляется даже въ Америку; кромѣ того, на берегахъ Тафны разрабатываютъ обширныя ломки гипса, продукты которыхъ вывозятся въ разные города прибрежья. Добыча руды въ бени-сафскихъ рудникахъ въ 1883 г.: 264.804 тонны; движеніе судоходства въ портѣ Бени-Сафъ, въ томъ же году: 643 судна, общая ихъ вмѣстимость 386.545 тоннъ.

Одинъ пунктъ сосѣднаго прибрежья также могъ бы быть обращенъ въ портъ; это плоскій берегъ непосредственно къ западу отъ устья Тафны. Въ этомъ мѣстѣ небольшая цѣпь подводныхъ камней, начинаясь отъ скалистаго мыса, идетъ до островка Сига, такъ что нужно бы было только дополнить это естественное жето и построить волноразбиватель, чтобы огородить, съ восточной стороны островка, якорную стоянку въ 10 метр. глубины, достаточную для нѣсколькихъ большихъ судовъ; кромѣ того, пришлось бы построить жето на востокъ, чтобы защитить бассейнъ отъ наносовъ Тафны. Островъ Рашгунъ, по-арабски Аршгудъ, лежащій въ 2 километр. въ открытомъ морѣ, защищаетъ рейдъ, прилежащій къ устью Тафны; на этомъ островѣ, рядомъ съ маякомъ, видны еще развалины арабскаго города. Вся область сосѣднаго прибрежья тоже устлана обломками старины. Но сѣверо-востокъ отъ Бени-Сафа сохранились остатки римскаго порта Камарата; на югъ отъ Рашгуна разбросанные камни Такебрита, или «Сводовъ», указываютъ мѣстоположеніе древняго города Сига; на западѣ, недалеко отъ мыса Гонейнъ—передѣланнаго моряками въ «Ноевъ мысъ»,—видны еще кое-какія развалины и отрывки городскихъ стѣнъ: тутъ стоялъ нѣкогда, доминируемый кручами джебеля Таджеръ, важный арабскій городъ Гонейнъ, бывший однимъ изъ портовъ Тлемсена до завоеванія Орана испанцами.

Между р. Тафной и мароккской границей на побережьи существуетъ только одинъ французскій городъ: это Немуръ, *Ad Fratres* римлянъ, Джемаа-аль-Газауатъ (Раззаватъ) арабовъ. Латинское имя объясняется утесами, и теперь еще называемыми «Два брата», которые высются въ морѣ съ западной стороны, а арабское названіе, «Мечеть пиратовъ», напоминаетъ экспедиціи корсаровъ, которые вы-

брали эту бухточку как пристанище для своих судовъ. Къ востоку отъ города на скалѣ стоитъ бывшій бургъ корсаровъ, оканчивающійся, на краю мыса, высокой мечетью. Жители — довольно красивой породы, и женщины съ большимъ вкусомъ убираютъ свою роскошную шевелюру; красоту ихъ типа и изысканность ихъ костюма объясняютъ испанскимъ и итальянскимъ происхожденіемъ; онѣ происходятъ отъ женщинъ руми (христианокъ), похищенныхъ на противоположныхъ берегахъ Средиземнаго моря ¹⁾. Гавань Немура, хотя снабженная мостами на сваяхъ и нѣсколькими

цовой и другими рудами. На юго-западѣ, близъ куббы Сиди-Брагима, гдѣ за два года передъ тѣмъ былъ истребленъ отрядъ полковника Монтаньяка, Абдель-Кадеръ положилъ оружіе въ 1847 году: это былъ послѣдній актъ многолѣтней войны за независимость арабовъ.

Общины западнаго Телля съ населеніемъ свыше 1.000 человекъ, живущихъ сплоченно (въ 1881 году): Оранъ (1891 г.)—74.510 жит.; Тлемсенъ (1891 г.)—29.544 жит. (3.600 франц.); Айяъ-Темушенъ—5.518 жит.; Бени-Сафъ—4.862 жит.; Миссерганъ—4.496 жит.; Немуръ (1891 г.)—2.828 жит. (574 франц.);

Городъ Немуръ.

молами, не довольно хорошо защищена, чтобы принимать во всякую погоду парусныя суда и пароходы, которые совершаютъ правильные рейсы и ставятъ этотъ городъ въ прямыя сношенія съ Ораномъ и съ испанскими портами: Мелиллою на мароккскомъ берегу, Альмеріей и Малагой на берегахъ Андалузій; вывозится главнымъ образомъ ячмень, а также рогатый скотъ, пригоняемый черезъ Лалла-Магнія съ границъ Марокко. Движеніе судоходства въ Немурскомъ портѣ въ 1883 году: 300 судовъ, общая вмѣстимость 66.281 тонна. Немуръ и берберскій городъ Недрома, лежащій въ 24 километр. южнѣе, на одной изъ террасъ массива Фильгаусентъ, окружены, подобно Бени-Сафу, горами, очень богатыми желѣзной, марган-

Недрома (смѣш. община)—20.453 жит. (381 европейц. и евреевъ).

Арабы и берберы этой области часто мѣняли мѣсто жительства, переходя съ одной стороны границы на другую, чтобы избѣгнуть притѣсненій отъ поставленныхъ надъ ними начальниковъ, или чтобы избавиться отъ платежа военныхъ контингентовъ. Такъ, нѣкоторые роды племени бени-изнатенъ или бени-снассенъ изъ окрестностей Немура и племя хараръ изъ Тлемсенскаго округа покинули территорию Алжира, чтобы удалиться въ Марокко. Но порожнія мѣста въ горахъ Трарасъ были заняты трудолюбивыми кабилами изъ племени бени-мениръ, бенихелаль, бени-уарсусъ, усердными земледѣльцами, извлекающими пользу изъ каждаго клочка земли, гдѣ

¹⁾ De Montgac, „Lettres d'un soldat“

можетъ расти масличное дерево или даже пучекъ пшеницы.

Въ будущемъ, съ устройствомъ удобныхъ путей сообщенія и заселеніемъ плоскогорій и горъ, установятся, конечно, частныя сношенія между жителями Телля и жителями Сахарской покатости. Тогда и административныя дѣленія, какъ онѣ начертаны на картахъ, будутъ болѣе гармонировать съ природою вещей: населенія, учрежденія, нравы сравняются, сдѣлаются болѣе или менѣе сходными на всемъ пространствѣ отъ побережья до пустыни, отъ Боны до Тугурта, отъ Алжира до Мзаба, отъ Орана до Тіута. Въ настоящее же время обращенные къ Сахарѣ скаты, столь отличные отъ поморья по физическому виду, не менѣе рѣзко отличаются и по характеру обитателей. Истинное дѣленіе—это дѣленіе на двѣ покатости: съ одной стороны—Телль, сдѣлавшійся уже почти европейской страной, съ другой—внутренняя область, принадлежащая еще африканскимъ народамъ. Впрочемъ, въ сравненіи съ областю побережья и краевыхъ горныхъ цѣпей Телля, область высокихъ плоскогорій и сахарской покатости представляется почти пустынной; арабскія или берберскія племена занимаютъ тамъ, пропорціонально ихъ числу, огромное пространство, тогда какъ колоніи европейцевъ, очень раскиданныя, состоятъ изъ малочисленныхъ группъ. По переписи 1881 года, все европейское населеніе, не считая евреевъ, которымъ натурализація дала титулъ французовъ, едва достигало 5.000 чел. во всей этой половинѣ Алжири, т. е. составляло только около одной сотой общаго числа ея жителей (не-магометанское населеніе въ замкнутыхъ бассейнахъ Алжири и на покатости пустыни въ 1881 г.: 3.589 французовъ, 1.101 натурализованныхъ евреевъ, 1.784 иностранца).

А между тѣмъ на сахарской покатости есть обширныя мѣстности, представляющія для колонизаціи благоприятныя климатическія и почвенныя условія, какъ о томъ свидѣлствуютъ развалины городовъ и фермъ, оставленныя римлянами. Въ высокихъ долинахъ Джебель-Ауреса европейцы легко акклиматизируются, а зимой имъ даже приходится страдать отъ суровости холода. Джебель-Шешаръ и горы Немеша, гораздо менѣе изслѣдованные, кажется, не такъ богаты здоровыми и годными къ культурѣ землями; особенно ощутителенъ недостатокъ ключей и правильнаго потока ручьевъ: иная долина семь разъ была покидаема жителями, вслѣдствіе продолжительныхъ голодовокъ, и семь разъ заселилась снова. Маскерэ не встрѣчалъ въ этой странѣ мегалитическихъ могилъ, но онъ нашелъ тамъ много римскихъ развалинъ: нарождающаяся колонія Тебееса легко можетъ расширяться, перейдя пороги,

отдѣляющіе верхній бассейнъ уада Меллегъ отъ бассейновъ рѣкъ, которыя спускаются на югъ къ шотту «Внутренняго моря». Народцы зенатской расы, немеша, маафа, апешъ, бени-барбаръ, решающіе или решеніе, кочующіе въ гористой области между собственно Ауресомъ и границей Туниса, имѣютъ нѣсколько укрѣпленныхъ деревень, гдѣ у нихъ хранятся запасы зерноваго хлѣба; при устьяхъ долинъ, въ Сахарѣ, послѣднія воды, изливаемые горными потоками, орошаютъ сады нѣсколькихъ монастырей (зауія) и окружающихъ ихъ хижинъ. Таковы два селенія Ферканъ и Негринъ, близъ тунисской границы, къ сѣверу отъ небольшихъ шоттовъ, соединяющихъ Мельгигъ съ Гарсой. Недалеко отъ Негрина видны развалины одного изъ римскихъ военныхъ постовъ, охранявшихъ подступы къ колоніи на границахъ пустыни: эта груда обломковъ, или генширъ, называемый арабами Бессеріани, представляетъ собою остатки римскаго поста *ad Majores*.

Собственно Ауресъ или Аурасъ, то-есть «Кедровая гора» (по объясненію нѣкоторыхъ этимологовъ), заключается между теченіемъ уада Эль-Кантара и теченіемъ уада Эль-Арабъ: почти на всемъ своемъ протяженіи онъ населенъ народцами берберскаго языка, впрочемъ, весьма различнаго происхожденія¹⁾. Нѣкоторые племена, наприм. уладъ-зейанъ, какъ говорятъ,—арабы, частію берберизованные,—явленіе очень рѣдкое въ Мавританіи, гдѣ, подъ влияніемъ завоеванія и обращенія туземцевъ въ исламъ, арабскій языкъ сдѣлался языкомъ миллионновъ мѣстнаго населенія. Со временъ римской эпохи въ предѣлахъ Ауреса, повидимому, произошли большія этническія перемѣны, причину которыхъ нужно искать въ приливѣ новыхъ элементовъ и передвиженіи населенія. Этотъ горный массивъ не расположенъ, какъ Джурджура, въ формѣ крѣпости, представляющей со всѣхъ сторонъ непріятелю крутыя стѣны; напротивъ, онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ небольшихъ кражей, образующихъ столько же проходовъ, легко доступныхъ съ той и другой оконечности; благодаря такому расположенію, завоеватели могли и съ сѣвера, и съ юга проникать въ самое сердце высокихъ долинъ, не встрѣчая большихъ препятствій. По мнѣнію Маскерэ²⁾, племена, живущія въ сѣверо-восточной части Джебель-Ауреса, около города Хеншела, именно амафра и уджана, имя которыхъ представляетъ лишь другую форму названія «зената» (уджана или у-джана значитъ «сыны Джаны» или Заны; зената—собирательное отъ того же имени), должны считаться древнѣйшими обитателями края, и нарѣчіе ихъ чище, чѣмъ нарѣчіе другихъ племенъ. Уладъ-аззизъ, занимавшіе самую высокую

¹⁾ Tissot, «Exploration scientifique de la Tunisie».

²⁾ «Bulletin de la Société de Géographie», nov. 1876.

область горъ къ югу отъ Махмеля, принуждены были покинуть родныя мѣста и удалиться въ Телль до окрестностей Бонны, гдѣ они смѣшались съ народами различнаго происхожденія¹⁾;

нія которыхъ упоминаютъ о существованіи автохтоновъ (первобытныхъ обитателей), называемыхъ барбарами или берберами, описываютъ ихъ какъ народъ земледѣльцевъ, «уха-

Общій видъ города Лагуата.

между замѣнившими ихъ племенами есть даже выходцы изъ Марокко. Жители Ауреса, преда-

живающихъ за оливковыми деревьями, нестроющихъ домовъ и ходящихъ съ непокрытою головою». Нѣкоторые туземцы племени шауя, на Джебель-Ауресъ, живутъ еще въ подземныхъ галереяхъ, въ родѣ тѣхъ, какія можно

¹⁾ E. Masqueray, „Bulletin de la Société de Géographie“, juillet 1876.

встрѣтить на Джебель-Гурианѣ, въ Триполи ¹⁾. Деревья Тизи-Граривъ, близъ узда Беджеръ, представляетъ въ полномъ смыслѣ убѣжище троплодитовъ. Въ этомъ мѣстѣ вершина горы состоитъ изъ пластовъ съ желобчатыми краями; между этими-то естественными столбами гнѣздятся человѣческія жилища, и жерди, вбитыя горизонтально между каменными слоями, образуютъ площадки, наклонныя плоскости, наружныя ступеньки, по которымъ поднимаются и спускаются люди и животныя, какъ бы висящіе на воздухѣ.

Турки не проникали въ Ауресъ, а французы завоевали его только въ 1845 г. Три города, Хеншела на сѣверо-востокѣ, Батна на сѣверѣ, Бискра на юго-западѣ, служатъ постами, откуда послѣдніе наблюдаютъ за этимъ массивомъ, но они пока еще посѣщали его только въ качествѣ завоевателей или изслѣдователей. А между тѣмъ на французовъ въ край смотрятъ какъ на потомковъ древнихъ колонистовъ тѣхъ горъ, румановъ или римлянъ, называемыхъ также джухала, т. е. «идолопоклонниками», и именно древніе памятники, особенно надписи, составляютъ въ глазахъ туземцевъ наиболѣе законное право французовъ на обладаніе Алжиріей. «Руми, сыны румановъ, говорятъ они, только вернули себѣ имущество своихъ предковъ» ²⁾. По преданію, римляне были великаны, жившіе въ пещерахъ или въ укрѣпленныхъ замкахъ на вершинахъ горъ; имъ приписываютъ всѣ развалины того края, и между прочимъ, круглыя могилы, встрѣчающіяся еще сотнями въ разныхъ мѣстностяхъ Джебель-Ауреса, хотя земледѣльцы обыкновенно убираютъ съ полей груды камней, чтобы легче было пахать. Безъ всякаго сомнѣнія, римляне же и цивилизованные берберы, жившіе рядомъ съ ними въ горахъ Augasius, культивировали оливковые лѣса, отъ которыхъ еще остались кое-гдѣ рощицы на склонахъ, и употребляли для выжиманія масла прессы, находимыя во множествѣ вокругъ древнихъ поселеній. Кровь римлянъ и колонистовъ всякой расы, галловъ и германцевъ, сопровождавшихъ завоевателей, вѣроятно, сохранилась черезъ скрещиваніе и у нынѣшнихъ горцевъ, судя по большому числу блондиновъ, встрѣчающихся между жителями Ауреса ³⁾. Цѣлыя племена, и при томъ самыя значительныя, носятъ названіе «руманія», и даже въ сахарскихъ оазисахъ, у подошвы Ауреса, сохранились эти «римскіе» берберы. Мѣстное нарѣчіе заключаетъ въ себѣ много латинскихъ словъ, между прочимъ, названія мѣсяцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые менѣе измѣни-

лись въ берберскомъ, чѣмъ во французскомъ языкѣ ⁴⁾; слово *бинью*, означающее кедръ, дерево, покрывавшее нѣкогда всѣ горы Ауразиуса, происходитъ, какъ полагаютъ, отъ латинскаго *pinus* ⁵⁾. Многіе праздники, христіанскаго происхожденія, несомнѣнно ведутъ свое начало съ той эпохи, когда горцы провинціи Африки посылали своихъ епископовъ на соборы. На Рождествѣ, или Бу-Ини, женщины одного руманійскаго племени перемѣняютъ камень очага и окружающую его землю; такъ же, какъ во Франціи, желаютъ другъ другу «бу-ини» (*bonne année*), т. е. «добраго года» ⁶⁾. День новаго года, называемый *иннаръ*, т. е. январь, посвященъ поздравленіямъ, визитамъ, увеселеніямъ и пирамъ. Передъ Вознесеніемъ, когда празднуется наступленіе весны, жители Менаа, главнаго мѣстечка племени уладъ-абди, совершаютъ прогулку по горамъ, при звукѣ флейтъ, и приносятъ оттуда зеленые вѣтки и траву. Праздникъ осени тоже соответствуетъ праздникамъ, которые справляютъ въ Европѣ во время сбора винограда. Крестъ, которымъ татуируются нѣкоторые жители Ауреса, есть, какъ полагаютъ, остатокъ старой вѣры.

По существующему на Ауресѣ преданію, туземцы были обращены въ исламъ однимъ мусульманскимъ святымъ, по имени Сиди-Абдаллахъ; нѣкоторые изъ ихъ племенъ принадлежали къ сектѣ ибадитовъ, подобно островитянамъ Джербы и бени-мзабамъ, а у племени уладъ-даудъ сохранились смутныя воспоминанія, заимствованныя изъ іудейства. До прибытія французовъ большинство жителей Ауреса были магометанами только по имени, и такъ же, какъ сѣверныя кабилы, вовсе не сообразовались въ своемъ судопроизводствѣ съ предписаніями Корана: они знали только свои «кануны», впрочемъ, гораздо болѣе простые, чѣмъ каноны джурджурскаго населенія. Это французы, косвенно, всего болѣе способствовали исламизированію ауресскихъ горцевъ, сносясь съ ними исключительно на языкѣ Корана, единственномъ, который они знали, и навязывая имъ арабскихъ кади, творящихъ судъ по обычному кодексу, т. е. по книгѣ Магомета. Политическое единство туземцевъ устанавливается мало-по-малу въ Джебель-Ауресѣ въ пользу расы, которая со всѣхъ сторонъ осаждастъ горы ⁷⁾. Арабскій языкъ тоже все болѣе и болѣе распространяется въ край, сильнѣй своимъ единствомъ, въ сравненіи съ многочисленностью берберскихъ діалектовъ. Въ восточномъ Ауресѣ эти отдѣльныя нарѣчія составляютъ семью зенатскаго языка, тогда какъ въ западномъ говорятъ языкомъ мазехръ или тмазиртъ

¹⁾ Auguste Cherbonneau, „Revue de Géographie“, juillet 1861.

²⁾ Léon Renier; — G. Boissière, — R. de la Blanchère, etc.

³⁾ Bruce; — Playfair; — Guyon; — Périer; — Faïdherbe; — Topinard; — Masqueray, etc.

⁴⁾ Carette, „Exploration scientifique de l'Algérie“.

⁵⁾ H. Daveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie“, juillet 1876.

⁶⁾ Playfair, „In the footsteps of Bruce“.

⁷⁾ E. Masqueray, „Note concernant les Aoulad-Daoud“.

(темазирха), слово, въ которомъ легко признать имя берберской расы амзиговъ или амазиговъ. Но обыкновенно говоръ западныхъ племенъ Ауреса обозначаютъ словомъ «тешавить», въ просторѣчїи «шауѣя». Такъ же называется совокупность племенъ Ауреса, а иногда это имя, происходящее отъ арабскаго слова шави, которое значитъ «пастухъ овецъ»¹⁾, прилагается вообще ко всѣмъ берберамъ Алжири, кромѣ собственно кабилловъ. Ауресскій языкъ шауѣя, которымъ уладъ-абди говорятъ чище, чѣмъ другія амазигскія племена, отличается отъ сѣверныхъ берберскихъ діалектовъ необыкновенной мягкостью.

Несмотря на перемѣны, совершившіяся со времени прибытія французовъ въ управленіи шауѣйскаго общества, многіе національные обычаи сохранились до сихъ поръ. Женщины не закрываютъ лица, но носятъ огромныя серьги; онѣ пользуются большою свободою, путешествуютъ, работаютъ на полѣ вмѣстѣ съ мужчинами, совершенно какъ крестьянки во Франціи; но въ принципѣ онѣ считаются неполноправными и не могутъ наследовать. Дѣвушка или женщина составляетъ собственность отца, брата или мужа; супругъ покупаетъ ее, какъ скотину, и заставляетъ платить себѣ вознагражденіе за всякій проступокъ словомъ или дѣйствіемъ, учиненный противъ его живаго имущества; прелюбодѣяніе оплачивается, какъ и челоуѣкоубійство, цѣной крови. Прежде убійца уходилъ въ изгнаніе на два года, затѣмъ возвращался, чтобы отдать себя въ руки родныхъ жертвы, неся на головѣ извѣстную сумму денегъ. Онъ низко кланялся и говорилъ: «возьмите мою голову». Обыкновенно брали деньги²⁾. Джемаа или вѣча, состоящая изъ именитыхъ членовъ племени, еще сохранила нѣкоторый авторитетъ; у племени уланъ-абди, которые такіе же руманы, какъ уладъ-даудъ или туаба, власть принадлежала въ каждой деревнѣ чetyремъ лицамъ, представлявшимъ столько же группъ или родовъ, нѣкогда враждовавшихъ между собой: примиреніе состоялось установленіемъ этого чetyреглаваго правительства, опирающагося на вооруженную силу изъ сорока челоуѣкъ, по десяти отъ каждого клана. Но учреждая эту аристократію въ видахъ предоставленія соперничающимъ равной доли участія въ управленіи, уладъ-абди принесли въ жертву народную свободу: граждане не собираются болѣе на державные мірскіе сходы для обсуждения общихъ дѣлъ.

Земледѣльцы, подобно кабиламъ, но также и пастухи, на что указываетъ самое ихъ имя, ауресскіе шауѣя уступаютъ жителямъ Джурджуры въ умственныхъ способностяхъ, въ дѣятельности, въ промышленномъ искусствѣ: «у

нихъ мясо вмѣсто мозга въ черепѣ», говорятъ обыкновенно, когда хотятъ выразить, какъ неповоротлива ихъ мысль. Однако, есть много шауѣя, которые являютъ собой доказательство противнаго. Такъ, одинъ изъ ихъ народцевъ, инубленъ, состоитъ изъ людей, которые почти всѣ занимаются лѣченіемъ, правятъ кости и очень искусно дѣлаютъ операцію трепанированія³⁾. Есть также племена, проявляющія замѣчательное искусство въ перехватываніи водъ и направленіи ихъ въ оросительныя каналы. Вокругъ нѣкоторыхъ селеній заботливо культивируютъ плодовые деревья: смоковницы, орѣшны, маслины; Маскерэ нашель у нихъ тиски для выжиманія масла, совершенно похожія на сварядъ, который употребляли для этой цѣли римляне, и одно изъ берберскихъ племенъ, бени-ферахъ, примѣняетъ еще тѣ же способы производства, какіе примѣняли древніе переселенцы изъ Италіи. Еще не такъ давно между различными софами велась вооруженная борьба изъ-за пользованія пастбищами—борьба, сокращавшая излишекъ народонаселенія; теперь равновѣсіе между произведеніями земли и количествомъ ртовъ поддерживается эмиграціей; выходцы племени шауѣя очень многочисленны въ Константиноплѣ, гдѣ они исполняютъ профессіи мясниковъ, хлѣбопековъ, истопниковъ, какъ мзабиты въ Алжирѣ. Впрочемъ, горы Ауреса слишкомъ бесплодны, по крайней мѣрѣ на южной ихъ сторонѣ, палимой солнцемъ, чтобы обитатели могли вести тамъ вполне осѣдлую жизнь: бѣдные огороды на высотахъ даютъ имъ лишь немного плодовъ; они должны гонять стада овецъ и козъ на отдаленныя пастбища, воздѣлывать орошаемыя долины, совершать не близкій путь къ южнымъ сосѣдямъ, чтобы купить финиковъ; почти круглый годъ имъ приходится кочевать, проводя время въ шатрахъ, хотя у нихъ есть и постоянныя жилища, гдѣ, впрочемъ, всегда остаются самыя бѣдныя, не имѣющіе ни поля, ни скота. Со временъ римской эпохи уменьшеніе воды имѣло то роковое слѣдствіе, что жители сдѣлались болѣе, чѣмъ прежде, номадами, и являются таковыми тѣмъ въ болѣе степени, чѣмъ бесплоднѣе мѣстности, по которымъ имъ приходится кочевать: образъ жизни объясняется и обусловливается свойствомъ почвы. Постоянныя селенія уладъ-даудовъ расположены болѣею частію вдоль оросительнаго канала, который вырыли римляне, чтобы утилизировать воды «Бѣлой рѣки», уадъ-эль-Абюдъ, направляющейся на югъ къ впадинѣ шотта Мельгигъ. Надъ деревней, представляющей треугольную кучку сѣроватыхъ хижинъ, которыя лѣнятся по склону горы, господствуетъ стоящая на вершинѣ крѣпость, *гелаа* или *такелатъ*, служащая запаснымъ магазиномъ для жителей

¹⁾ H. Duveyrier, цитиров. мемуаръ; — Masqueray; — Masqueray, etc.

²⁾ Em. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.

³⁾ Em. Masqueray, цитированный сборникъ.

цѣлаго племени. Каждая семья держитъ дома только такое количество провизіи, какое необходимо на нѣсколько недѣль; все же остальное, пшеница въ зернѣ, финики, коровье масло, сушеное мясо, шерсть, хранится въ укрѣпленномъ складѣ.

Хеншела, французское поселеніе, общающееся быть современемъ значительнымъ городомъ, благодаря своему счастливому положенію въ точкѣ соединенія нѣсколькихъ плодородныхъ долинъ, командуетъ восточной частью Ауреса. Изъ этого пункта всего удобнѣе производить изслѣдованіе области горъ; но Хеншелѣ недостаётъ еще сѣти колесныхъ дорогъ, которая сдѣлаетъ ее тѣмъ, чѣмъ нѣкогда былъ римскій городъ Багай, лежавшій сѣвернѣе, то есть центромъ торговли и заселенія для окружающей мѣстности. Къ югу отъ Хеншелы высится почти уединенная гора Джаафа, оканчивающаяся столообразной, окруженной пропастями, площадкой, на которой видны развалины такедета: эта гора, сѣверо-восточный бастионъ всего массива Джебель-Ауресъ, есть, вѣроятно, та скала, которая во времена римлянъ носила специально имя *Aurasius*; она была взята византійскимъ полководцемъ Саломономъ; городъ, расположенный у ея основанія, унаследовалъ стратегическую важность, которую имѣла нѣкогда крѣпость на горѣ¹⁾. Хеншела стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась Маскула римлянъ; въ окрестностяхъ, преимущественно на сѣверѣ, на покатости котловины, дно которой занимаетъ Гараа-эль-Тарфъ, разбѣяны многочисленныя развалины: мегалитическіе памятники, особенно могилы, окруженные рядомъ камней, встрѣчаются тысячами въ этой области. Расположенная на высотѣ слишкомъ 1.000 метр., недалеко отъ водораздѣльнаго порога между Средиземнымъ моремъ и Сахарой, Хеншела господствуетъ въ одно и то же время надъ истоками уэда Меллеъ и надъ истоками ручья, который, подъ разными именами, раздѣляетъ массивъ Ауреса и джебель Шешаръ, впадая въ долину Зибанъ, у Ханга-Сиди-Наджи, главнаго административнаго пункта Шешарскаго округа: тамъ этотъ потокъ носитъ имя уэдъ-эль-Арабъ; близъ Хеншелы онъ назывался уэдъ Мегаръ. Мѣстечко Сиди-Наджи, лежащее въ сѣверо-восточномъ углу Ауреса, могло бы дополнять стратегическій четырехугольникъ этихъ горъ, вмѣстѣ съ городами Хеншела, Батна и Бискра; но оно не занято французскимъ гарнизономъ: важное значеніе его зависитъ главнымъ образомъ отъ его рынковъ. Мечеть его, построенная тунисскими мастерами,—самая красивая и самая знаменитая въ области Зибанъ. Зауи (монастыри) довольно многочисленны въ этомъ краѣ: выше, на той же рѣкѣ Эль-Арабъ, но

въ центрѣ горъ, находится очень богатый монастырь Хайранъ, господствующій надъ населеніями джебеля Шешаръ, и вліяніе котораго распространяется даже на племена Туниса; ниже, въ равнинѣ, близъ древняго римскаго поста Бадосъ (*ad Badias*), существуетъ другая зауи, въ селеніи Ліана, хорошо извѣстная горцамъ и сахарцамъ. На западѣ, въ ущельѣ одного горнаго потока, бѣгущаго съ южныхъ скатовъ джебеля Ахмаръ-Кадду, находится религиозное селеніе Тиммермасинъ, принадлежащее одному специальному братству, духовный авторитетъ котораго признается во всемъ Ауресѣ: братія этой обители, говорятъ, три раза пыталась поднять горцевъ противъ французовъ.

Къ западу отъ большой дороги, которую представляетъ долина уэда эль-Арабъ отъ плоскогорій до Сахары, отъ Хеншелы до Ханга-Сиди-Наджи, открываются другіе естественные пути въ томъ же направленіи черезъ Джебель-Ауресъ. Первый изъ нихъ — тотъ, который начинается на югѣ отъ Шелии горнымъ проходомъ Тизугаринъ и обширной равниной, называемой Мединской, т. е. «Городской», можетъ быть, въ память какого-нибудь древняго города. Это—великолѣпная мѣстность, пастбищами которой пользуется все племя уладъ-даудъ, и которая, по мнѣнію Маскерэ, должна современемъ сдѣлаться средоточіемъ европейской колонизаціи въ центрѣ Ауреса. Тамъ начинается долина «Бѣлой рѣки» (уэдъ эль-Абюдъ), которая тянется на юго-западъ и теряется въ Сахарѣ ниже таргита, или «тѣсныны» Траниминъ. Эта долина, гдѣ находятся мѣсторожденія ртути, составляетъ территорію племени уладъ-даудъ. Долина уэда Абди, параллельная предыдущей и представляющая такой же видъ, населена племенемъ уладъ-абди, которое изъ всѣхъ горскихъ племенъ оказывало самое энергическое сопротивленіе завоеванію. Крѣпость ихъ, Нара, стоявшая на вершинѣ скалы, была срыта въ 1850 г. Нынѣшняя столица племени, мѣстечко Менаа, построенная амфитеатромъ на берегу уэда Эль-Абди, можетъ быть разсматриваема какъ центральное мѣсто массива Ауресъ.

Батна, главный военный и административный центръ въ южной части провинціи Константины, охраняющей на сѣверѣ область Ауреса, занимаетъ, между двумя массивами, Ауресомъ и Тугеромъ, такую же позицію, какъ Хеншела: она расположена въ равнинѣ, имѣющей форму цирка, близъ раздѣльнаго порога, который, съ одной стороны, понижается къ замкнутымъ впадинамъ плоскогорья и къ бассейну Руммеля, а съ другой изрѣзываетъ ущельями, направляющимися къ Сахарѣ; кромѣ того, она сообщается легко-доступными горными проходами и широкими долинами съ бассейномъ Годны. Къ этой равнинѣ сходятся важнѣйшіе

¹⁾ Ем. Mavrogetau, цитированный сборникъ.

естественные пути южной части Константины: оттого римляне выбрали соседнюю мѣстность, Ламбезу (Lambaesis), чтобы учредить тамъ главную квартиру знаменитаго легіона *Fertia Augusta* и центрѣ Военной Нумидіи (*Numidia Miliciaria*¹⁾).

Занятая французами въ первый разъ въ 1844 г., Батна сдѣлалась постояннымъ лагеремъ лишь въ 1848 г., но городъ быстро растетъ, благодаря важности торговаго обмѣна, происходящаго въ этомъ переходномъ мѣстѣ. Главное неудобство Батны—измѣнчивость кли-

«Новая Ламбеза» (какъ сначала называлась официально Батна) далеко не можетъ сравниться великолѣпіемъ съ Старой, извѣстной у берберовъ подъ именемъ Таззутъ. Хотя географическія выгоды мѣстоположенія одинаковы, но Ламбеза пользуется преимуществомъ въ отношеніи здоровья климата и обилія водъ, распределяемыхъ теперь по оросительнымъ каналамъ при помощи запрудъ. Древній городъ занималъ пространство въ нѣсколько лье, которое еще не все изслѣдовано научнымъ образомъ и, безъ сомнѣнія, обѣщаетъ археологамъ

Уледъ-наильская женщина.

мата: лѣтомъ стоятъ большія жары, усиливаемыя знойными, иссушающими вѣтрами юга, которые легко проникаютъ тогда чрезъ ущелье, открывающееся въ юго-западномъ направленіи; зимой, напротивъ, бываютъ сильные холода, такъ какъ Батна лежитъ на высотѣ 1.035 метр., и холодные вѣтры, дующіе надъ плоскогорьемъ, низвергаются между двухъ горныхъ массивовъ, не встрѣчая препятствій. На сѣверо-западъ, по сѣвернымъ скатамъ Тугера, тянутся кедровые лѣса, составляющіе славу и гордость Батны, но, къ сожалѣнію, дурно содержимые.

не мало счастливыхъ находокъ. Въ XVII вѣкѣ, одинъ губернаторъ Французскаго Бастиона (Bastion de France), близъ Ла-Калле, впервые посѣтилъ замѣчательныя руины римской *Lambaesis*¹⁾; въ слѣдующемъ столѣтіи ихъ осматривали путешественники Пейсонель и Шау; со времени первой французской экспедиціи въ 1844 г., тамъ неоднократно производились раскопки. Одинъ Леонъ Ренье прочелъ въ тамошнихъ развалинахъ болѣе тысячи надписей; сборникъ *Inscriptions d'Algerie* содержитъ

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Léon Renier, „Notes d'un voyage archéologique au pied de l'Aurès“.

слишкомъ полторы тысячи надписей, собранныхъ въ этомъ городѣ, и каждый годъ открываютъ много новыхъ; между эпиграфическими памятниками, найденными въ Ламбезѣ, многіе имѣютъ высокую цѣнность для историковъ. Можно распознать еще мѣста расположенія двухъ лагерей, изъ которыхъ одинъ былъ, до времени Діоклетіана, резиденціей третьяго легіона: это наилучше сохранившійся изъ всѣхъ лагерей, оставленныхъ намъ завоевателями Средиземнаго міра. Онъ имѣетъ форму четырехъ угольника въ 600 метр. длины и 400 метр. ширины, окруженнаго валами въ 4 метра высотой, съ башнями по угламъ. Въ центрѣ стоитъ еще развалина преторія, обращенная въ музей и наполненная античными статуями, которыя видны издалека сквозь аркады съ полукруглымъ сводомъ. Изъ сорока триумфальныхъ арокъ, видѣнныхъ Пейсонелемъ въ то время, когда городъ былъ еще почти въ цѣлости, теперь осталось только четыре, да и другія зданія, за исключеніемъ гробницъ, окаймляющихъ римскую *via*, были сломаны и послужили матеріаломъ для постройки домовъ, казармъ, тюремъ. Среди развалинъ пріютилась французская деревня, окруженная садами. Въ политической исторіи Франціи Ламбеза, болѣе извѣстная подъ именемъ Ламбессы, напоминаетъ событія междоусобной войны: въ 1848 г., послѣ июньскихъ дней, туда были водворены на жительство четыреста парижанъ; затѣмъ послѣ государственнаго переворота 1851 г. и въ первые годы имперіи сотни республиканцевъ увеличили собой число ссыльныхъ; это были дебюты колонизаціи у подошвы горъ Ауреса. Ламбезская пенитенциарная тюрьма была преобразована въ домъ заключенія для гражданскихъ преступниковъ, содержащихся по приговору суда.

Въ 20 километр. къ востоку отъ Ламбезы находится генширъ Тимегадъ, остатки римскаго города *Thamugas*, красотой зданій превосходившаго Ламбезу. Послѣдняя была военной столицей, тогда какъ Тамугастъ былъ, безъ сомнѣнія, торговымъ центромъ и складочнымъ мѣстомъ для земледѣльческихъ произведеній¹⁾. Въ небольшомъ разстояніи къ юго-западу отъ Тимегады, открывается, въ толщѣ Ауреса, между двухъ плато Бу-Дріасенъ и Харруба, очень узкій дефиле, почти такъ же трудно доступный, какъ и Константинополь: этимъ, вѣроятно, и объясняется данное ему ими Фумъ Ксантина. Высоты, господствующія надъ этимъ ущельемъ, усеяны круглыми могилами: на первомъ изъ названныхъ плато ихъ насчитываютъ не менѣе тысячи, а на второмъ около двухъ тысячъ; посреди этихъ могилъ стоятъ тамъ и сямъ малень-

кія башни и развалины другихъ значительныхъ зданій²⁾.

Въ округѣ Батна встрѣчается много другихъ остатковъ вѣковъ доисторическихъ и временъ римскихъ; но самый замѣчательный памятникъ той мѣстности принадлежитъ эпохѣ, предшествовавшей пребыванію римскихъ поселенцевъ: это Медрасенъ (Медгасенъ), стоящій на берегу себхи, въ 30 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Батны, недалеко отъ станціи Аинъ-Якутъ («Алмазный родникъ»), на константинопольской желѣзной дорогѣ. Этотъ мавзолей, построенный въ томъ же стилѣ, какъ «Гробница Христіанки», близъ Типазы, состоитъ изъ круглой массы, на которой поставленъ конусъ, представляющій 24 ступени; зданіе имѣетъ 176 метр. въ окружности, и карнизъ его поддерживается 60 колоннами; прежде, пока не осыпалась вершина, высота его была слишкомъ 18 метровъ; по виду, говорить Эль-Бекри, оно походило на «большой холмъ». Археологи единогласно признали въ Медрасенѣ надгробный памятникъ царей Нумидіи, сооруженный ранѣе той усыпальницы, которую воздвигъ Юба, недалеко отъ своей столицы *Jol Caesarea*. Вокругъ Медрасена разсыяны другія гробницы, въ формѣ конусовъ, но меньшихъ размѣровъ. На западѣ, по направленію къ Сетифу, слѣдуютъ одинъ за другимъ у подошвы горъ нѣсколько римскихъ городовъ, сады которыхъ орошались водами, проведенными изъ горныхъ ручьевъ; одинъ изъ этихъ городовъ, нынѣ генширъ Зана, доминируемый высокой усѣченной колонной джебея Мастаа, носилъ названіе *Diana vetagapum*; далѣе слѣдуетъ Зрайя (въ древности Зараи), гдѣ нашли, между прочимъ, любопытный таможенный тарифъ, свидѣтельствующій о важности тогдашнихъ торговыхъ сношеній Судана съ Мавританіей въ сравненіи съ нынѣшнимъ движеніемъ обмѣна³⁾.

Къ западу отъ горъ Ауреса и предгорій Батны, Тугера, Мостауи, Беллезмы, обширный бассейнъ Годны, «малая пустыня», отдѣленная отъ большой цѣнью горъ Зибанъ, заключаетъ въ себѣ только развалины да маленькія селенія почти сахарскаго вида, съ ихъ стѣнами изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей. Нѣкогда обильно орошаемая каналами, слѣды которыхъ (рвы и запруды) еще видны до сихъ поръ, Годна имѣетъ теперь только болота и солончаки. На сѣверо-востокѣ бассейна, недалеко отъ дороги изъ Сетифа въ Батну, протекающей черезъ земли племени уладъ-э-султанъ, мѣстечко Нгаусъ, утопающее въ зелени садовъ и богатое фонтанами, есть центръ населенія, впрочемъ, очень незначительный въ сравненіи съ существовавшими нѣкогда въ этой мѣстности римскими и византийскими города-

¹⁾ Payen; — Playfair; — Em. Masqueray, „Bulletin de la Géographie“, nov. 1876.

²⁾ Ernest Desjardins, „Journal officiel“, 27 nov. 1876.

³⁾ Léon Renier; — Playfair, „In the footsteps of Bruce“.

ми, судя по оставленным ими грудам обломков. На юго-восток той же впадины Годна, поселение Мдукаль, откуда нѣсколько дорогъ пересѣкаютъ горы, направляясь къ цѣпи Зибанъ, само походить на оазисъ Заба своими пальмами, которыя орошаются водами теплаго источника. На сѣверѣ бассейна, мѣстечко Мсила въ послѣднее время получило нѣкоторое значеніе, какъ административный центръ; нѣкогда это былъ многолюдный городъ, отъ котораго центральная впадина Годны получила свое названіе шоттъ Эль-Мсила. Это мѣстечко, гдѣ нѣсколько десятковъ французовъ живутъ среди двухъ тысячъ арабовъ, окружено прекрасными фруктовыми садами, которые можно бы было расширить, утилизируя воды разлива уада Ксобъ для орошенія полей.

Въ настоящее время главный городъ этой области—Бу-Сада (прежде Бевъ-Уазъ), лежащій на высотѣ 578 метр., въ юго-западномъ углу бассейна Годны. Низенькіе домики, построенные въ стилѣ сахарскихъ ксуровъ, лѣнятся одинъ надъ другимъ по скатамъ холма, увѣчаннаго касбой и нѣсколькими домами французской архитектуры; такъ же какъ въ Тугуртѣ, жители сгруппированы въ разныхъ кварталахъ, смотря по происхожденію: люди мѣстныхъ племенъ бассейна Годны, арабы и берберы изъ Сахары, евреи, мзабиты, уады-наиль. Слишкомъ восемь тысячъ пальмъ осыняютъ сады, на берегахъ рѣки, протекающей у подошвы холма. Занятая французами съ 1849 года, Бу-Сада, или «Счастливое мѣсто», заслуживаетъ это названіе, если счастье понимать въ смыслѣ «богатства», ибо ея постоянный рынокъ распространяетъ свои сношенія съ одной стороны до городовъ побережья, съ другой—до оазисовъ пустыни. Сама Бу-Сада по своимъ культурамъ принадлежитъ въ одно и то же время къ Сахарѣ и къ Теллю: находясь въ со-сѣдствіи съ каблами, занимающими горы къ сѣверу отъ Годны, она служитъ мѣстомъ транзита для произведеній ихъ промышленности, отправляемыхъ на югъ; съ другой стороны, она соприкасается съ племенемъ уады-наиль и получаетъ въ складъ всѣ товары, привозимые ими изъ южныхъ ксуровъ ¹⁾. Залежи каменнаго угля пока еще мало разрабатываются.

Большой союзъ наиль, кочевыхъ арабскихъ племенъ, пришедшихъ въ эти мѣста около половины одиннадцатаго столѣтія, занимаетъ обширную территорію къ югу отъ Бу-Сады: на западѣ она достигаетъ Джебель-Амура, на востокѣ простирается до ксуровъ горной цѣпи Зибанъ; уады-наильскіе пастухи, вмѣстѣ со своими союзниками гаразліа, доходятъ во время кочевья до воротъ Тугурта: становища ихъ легко отличить по темнокрасному цвѣту шерстяныхъ палатокъ. Эти арабы разводятъ вер-

блюдовъ въ степяхъ, овецъ на горахъ; кромѣ того, они сѣютъ хлѣбъ въ сырыхъ лощинахъ, служатъ посредниками въ торговлѣ между жителями Сахары и Телли, имѣютъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько складочныхъ деревень съ постояннымъ населеніемъ, составляющимъ въ сложности нѣсколько сотъ человѣкъ; у нихъ есть даже кое-какая промышленность: они продаютъ на рынкахъ шерстяныя ткани, выдѣлываемыя ихъ женщинами; но, тѣмъ не менѣе, они живутъ въ крайней бѣдности. Нищета и голодъ породили, между прочимъ, обычай, общераспространенный у наиль, предлагать за деньги своихъ женъ профѣзжимъ путешественникамъ. Рассказываютъ, что Абдель-Кадеръ, по вступленіи во власть, хотѣлъ-было уничтожить этотъ обычай; но такъ какъ слѣдовавшій затѣмъ годъ былъ отмѣченъ большимъ неурожаемъ, то наиль приписали это бѣдствіе гнѣву Аллаха и посигѣшили возстановить старый обычай ²⁾. У этихъ арабскихъ племенъ не парни уходятъ на чужбину искать счастья, а молодыя дѣвушки, славящіяся красотой, отправляются цѣлыми партіями въ ксуры и въ города побережья зарабатывать себѣ приданое проституціей. Онѣ обыкновенно сидятъ, въ ожиданіи заработка, у своихъ дверей, неподвижныя, молчаливыя, разряженные точно идолы, едва могущія пошевелиться подъ бременемъ тяжелыхъ матерій, всевозможныхъ украшеній и фальшивыхъ драгоценностей. Нѣкоторые изъ нихъ эмигрируютъ безъ намѣренія вернуться; родившихся на чужбинѣ дѣвочекъ онѣ оставляютъ при себѣ, мальчиковъ же отсылаютъ въ родное племя. Мужчины принадлежатъ къ числу красивѣйшихъ между арабами, но ихъ упрекаютъ въ изнѣженности; они славятся своимъ искусствомъ въ игрѣ на флейтѣ ³⁾.

Къ юго-западу отъ города Бу-Сады, военный постъ Джельфа, лежащій на высотѣ 1.167 метровъ, на дорогѣ изъ Алжира въ Лагуатъ, занимаетъ центръ земли уады-наиль. Джельфа не только борджъ,—это въ то же время центръ колонизаціи; и хотя ручей, текущій по этой части плоскогорья, чтобы излиться въ себху Захрезъ-эль-Гарби, есть, подобно многимъ другимъ потокамъ Алжира, «Соляная рѣка», однако, вода его могла быть утилизирована для орошенія; на берегахъ ручья были посажены итальянскіе тополи, и скаты окружающихъ горъ, еще недавно совершенно голые, начинаютъ покрываться лѣсомъ, состоящимъ изъ различныхъ древесныхъ породъ. Успѣшные опыты облѣсенія, сдѣланные въ Джельфѣ, на дикихъ кручахъ джебеля Сахари, имѣютъ рѣшающее значеніе и, безъ сомнѣнія, послу-

¹⁾ Daumas, „Le Sahara algérien“; — Guyon, „Voyage d'Alger au Ziban“.

²⁾ Paul Soleillet, „L'Afrique occidentale. L'Algérie Mzad, Tildikelt“.

³⁾ Carrette, „Commerce d'Algérie“.

жать примѣромъ колонистамъ, которые селятся въ высокихъ долинахъ этихъ областей, особенно на западѣ, въ Джебель-Амурѣ. Но, несмотря на голый видъ этого разорваннаго хребта, отдѣляющаго плоскогорья отъ сахарской покатости, онъ не лишены своего рода красоты, которую имъ придаютъ смѣлость формы, чистота профили, блескъ красокъ. Трудно представить себѣ болѣе живописные утесы, чѣмъ стѣны джебеля Бу-Ханмъ, круто обрывающіяся, изрѣзанныя узкими коридорами отъ дѣйствія размыванія и ограничивающія правильное плато, слегка вогнутое къ центру въ формѣ котловины. Недалеко оттуда, Аинъ-эс-Султанъ, былъ рубежомъ римскихъ владѣній: нѣсколько руинъ—послѣднія, которыя мы встрѣчаемъ въ южномъ направленіи подлѣ меридіана Алжира—свидѣтельствуютъ о пребываніи римлянъ въ этой части плоскогорья, теперь далеко перейденной французами ¹⁾.

На юго-западѣ отъ Батны, дорога въ пустыню и строящійся рельсовый путь направляются къ горному проходу Эль-Біаръ (1.090 метр.), то-есть «Колодцевъ», откуда начинается спускъ къ Сахарѣ, въ началѣ нечувствительный; небольшой ручей, уездъ Эль-Кантара, круто спускающійся рядомъ маленькихъ каскадовъ съ высоты слишкомъ 300 метровъ, течетъ рядомъ съ дорогой, усиливаемый другими потоками при выходѣ каждой боковой долины; кучи обломковъ, извергнутыхъ изъ ущелій въ долину, по мнѣнію Града, суть не что иное, какъ морены глетчернаго происхожденія. Съ той и другой стороны долины высятся зубчатая известковыя скалы, почти лишенные растительности, которая появляется, въ видѣ одинокаго деревца или куста, только тамъ, гдѣ въ углубленіи между камнями скопилось немножко растительной земли. Вдругъ утесы раздвигаются, ручей низвергается водопадомъ, пересѣкаемый римскимъ мостомъ на аркахъ, отъ котораго нижняя долина получила имя Эль-Кантара: это «Мостъ» по преимуществу, мостъ, соединяющій Телль съ Сахарой. Изъ всѣхъ мѣстностей Алжирія, столь богатой, однако, прекрасными пейзажами, ни одна не пользуется большей славой; здѣсь мы видимъ самый яркій контрастъ между каменистыми плоскогорьями и зеленѣющими оазисами; востокъ показывается вдругъ черезъ «золотыя двери». У арабовъ существуетъ повѣрье, отчасти оправдываемое фактами, что скалы Эль-Кантара задерживаютъ на своихъ вершинахъ всѣ облака Телля: «дойдя до этихъ горъ, дождь умираетъ». Съ одной стороны—область зимы, съ другой—область лѣта; вверху—Телль, внизу—Сахара; на одной покатости—гора черная, цвѣта тучъ и дождя, на другой—розовая,

цвѣта ясной погоды ¹⁾. Подъ ногами у себя видишь открывающуюся долину, гдѣ вода бѣжитъ извилистой лентой подлѣ тѣнью пальмъ; три группы домиковъ, составляющія вмѣстѣ деревню Эль-Кантара, показываются въ прогалинахъ оазисовъ, рѣзко отличаясь отъ селеній, встрѣчавшихся въ сѣверной области; жилища и сады, даже стада и люди,—все измѣнилось видомъ, и самое освѣщеніе этихъ картинъ уже иное. Однако, изъ Эль-Кантара еще нельзя созерцать безпредѣльный горизонтъ пустыни: нужно еще пройти обширный и плодородный бассейнъ Эль-Утайа, его соляную гору и теплые источники Фонтъ-Шодъ, называемые туземцами Гаммамъ-эс-Салехинъ, т. е. «Купальни Святыхъ», затѣмъ перевалить черезъ порогъ, горный проходъ Сфа, чтобы увидѣть разстилающееся на югъ безбрежное песчаное море, по которому тамъ и сямъ разбросаны архипелаги оазисовъ, представляющіеся зелеными пятнами: здѣсь открываются «Ворота Пустыни», за которыми начинается безконечная равнина, развѣтывающаяся до красной или фіолетовой, иногда черной линіи горизонта песковъ. Иллюзія полная: эта отдаленная полоса—океанъ!

Бискра, главный городъ горной цѣпи Зибанъ, продолжающейся на востокъ до тунисской границы, имѣетъ важное значеніе по своей стратегической позиціи у воротъ пустыни, а также благодаря происходящему въ немъ торговому обмѣну между произведеніями двухъ смежныхъ поясовъ. Въ этомъ углу древней Мавританіи французы попираютъ ногами почву, которую уже воздѣлывали римляне, и фортъ Сенъ-Жерменъ стоитъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ нѣкогда находилось поселеніе Ad Piscinam; но южнѣе этого пункта до сихъ поръ еще не открыли никакихъ римскихъ камней: легенда говоритъ только объ одной арміи румановъ, истребленной номадами близъ Тамерны, и о другой, которая будто бы увязла въ топкихъ болотахъ Темассина ²⁾. Французскій фортъ въ Бискрѣ, подобно касбѣ, которую онъ замѣнилъ, построенъ выше оазиса, надъ водами котораго это укрѣпленіе вполнѣ господствуетъ при помощи запруды: можно остановить соединенный потокъ уездовъ Эль-Кантара и Абди и тѣмъ истребить, вмѣстѣ съ лѣсомъ пальмъ, всѣхъ людей, живущихъ подлѣ ихъ тѣнью. Этотъ потокъ даже лѣтомъ даетъ нѣкоторое количество воды, исчисляемое въ меженное время слишкомъ въ 600 литровъ въ секунду; кромѣ того, нѣсколько живыхъ ключей бьютъ изъ самаго ложа. Французскій городъ, построенный, какъ всѣ арабскія селенія въ цѣпи Зибанъ, изъ высуненныхъ на солнцѣ кирпичей, сгруппировалъ свои дома съ арками и террасами подлѣ

¹⁾ Reboud, „Revue africaine“, t. I;—Davenet, тамъ же, 1858 г.

²⁾ G. Fromentin, „Un été dans le Sahara“.

³⁾ Ch. Féraud, „Revue Africaine“, 1879.

защитой форта; южнѣе расположены деревни негритянскія, арабскія, берберскія; оазисъ заключаетъ въ себѣ семь кеуровъ, разбросанныхъ, какъ кеуры тунисскихъ оазисовъ; это одианъ сплошной садъ, который тянется на 5 килом. въ длину. Около 140.000 пальмъ, производящихъ вмѣстѣ слишкомъ 100.000 гектолитр. финиковъ, занимаютъ 1.300 гектар.; среди

парки для гулянья ¹⁾. Въ последнее время Бискра сдѣлалась зимней санитарной станціей, и много больныхъ изъ сѣверныхъ французскихъ департаментовъ пріѣзжаютъ искать здоровья подъ ея почти всегда яснымъ небомъ. Но эти гости бѣгутъ отъ жаровъ съ первыхъ же дней весны, и берберы, составляющіе главную массу населенія, уходятъ вслѣдъ за ними на заработ-

Свободная негритянка изъ Бискры.

этого обширнаго пальмоваго лѣса растутъ нѣсколько тысячъ маслинъ, происходящихъ, какъ говорятъ, отъ римскихъ плантацій, и множество другихъ плодовыхъ деревъ; кромѣ того, французами разведены садъ для акклиматизаціи тропическихъ растений, древесные питомники,

ки въ города поморья. Уроженцы Бискры встрѣчаются тысячами въ большихъ городахъ Алжиріи: первый туземецъ, протянувшій руку фран-

¹⁾ E. Carotte, „Etudes sur la Kabylie proprement dite“.

пузамъ, чтобы помочь имъ высадиться на набережную Алжира, былъ бискриецъ, вѣроятно, уроженецъ одного изъ зибанскихъ оазисовъ, такъ какъ съ незапамятныхъ временъ эмигранты изъ этой области исполняютъ по преимуществу профессію лодочниковъ въ городѣ Барбароссы. Правда, этимъ именемъ называютъ обыкновенно всѣхъ выходцевъ съ юга, кромѣ негровъ и мзабитовъ. Къ сѣверо-востоку отъ Бискры, въ горахъ Джебель-Ауресъ, учреждена военная санаторія — лагерь Джемора.

Въ восточномъ Забѣ (Забѣ Шерги) оазисы слѣдуютъ одинъ за другимъ узкой полосой, ограниченной съ одной стороны откосами горъ, съ другой — солончаковыми берегами впадины Мельгига. Въ этой мѣстности главная группа пальмъ образуетъ, на юго-востокѣ отъ Бискры, оазисъ Сиди-Окба, названный такъ по мечети, воздвигнутой надъ могилой знаменитаго завоевателя: здѣсь, вѣроятно, кончилъ жизнь, въ 1860 году геджры, основатель Кайруана, полководецъ, который, какъ гласитъ легенда, по ту сторону Магреба эль-Акса, скакалъ все впередъ до тѣхъ поръ, пока конь его не прыгнулъ въ волны Атлантики. Атакованный немѣтной толпой берберовъ-христіанъ, къ которымъ присоединились греки, еще многочисленные въ томъ краю¹⁾, онъ погибъ со всей своей дружиной. Монастырь (зауя), основанный рядомъ съ его могилой, сдѣлался духовной метрополіей всей страны и одною изъ славнѣйшихъ школъ мусульманскаго права въ Алжирѣ. Обитатели Сиди-Окба живутъ паразитами, кормясь на счетъ пилигримовъ, — жалкое населеніе нищихъ и калѣкъ, слѣпыхъ, хромыхъ и прокаженныхъ.

Къ юго-востоку отъ Бискры, многочисленные оазисы образуютъ архипелагъ воздѣланныхъ земель, которому даютъ названіе сѣвернаго Заба (Забѣ Дахри), или южнаго Заба (Забѣ Габли) — названіе, не оправдываемое положеніемъ ихъ относительно совокупности Зибановъ, т. е. «Деревень», такъ какъ на востокѣ другой Забъ тянется вдоль южной части Ауреса. Туда также проникли арміи Рима, и столица этихъ оазисовъ еще обладаетъ римскимъ замкомъ, сводъ котораго жители замѣнили слоемъ земли, поддерживаемымъ стеблями финиковыхъ пальмъ; черепки глиняной посуды и шлифованные кремни, находимые въ пескахъ около селеній, напоминаютъ также о пребываніи тамъ какихъ-то неизвѣстныхъ народовъ, предшественниковъ римлянъ. Пальмы сѣвернаго Заба даютъ лучшіе финики страны, но плантаціи недостаточны для прокормленія населенія, хотя въ послѣднее время французскими землевладѣльцами создано нѣсколько

новыхъ оазисовъ²⁾; подобно туземцамъ тунисскаго Джерида, жители алжирскихъ оазисовъ занимаются выдѣлкой шерстяныхъ ковровъ; особенно славятся ковровыя издѣлія оазиса Лишанъ. Главный пунктъ этого архипелага — мѣстечко Тольга, расположенное среди великолѣпнаго пальмоваго лѣса, деревья котораго обвиты гирляндами винограда и который оглашается воркованіемъ несмѣтнаго множества горлицъ. Монастырь этого городка, окруженный пятнадцатью мечетями и еще болѣе могущественный, чѣмъ зауя въ Сиди-Окба, привлекаетъ въ свою школу арабской юриспруденціи около тысячи студентовъ, и политическое его вліяніе, всегда проявляемое въ смыслѣ примиренія съ французами, распространяется до тунисской границы³⁾; власть джемаа, которая собирается въ селеніяхъ этого края, какъ въ большинствѣ берберскихъ общинъ, почти подавлена между двумя авторитетами — мусульманской зауи и французской префектуры. На сѣверо-востокѣ отъ Тольги, въ оазисѣ Лишана, находятся развалины мѣстечка Заача, жители котораго долгое время были союзниками французовъ и не пускали къ себѣ посланцевъ Абдель-Кадера, но потомъ возмущенные тяжелой обидой, нанесенной имъ новыми господами, возстали противъ иноземныхъ завоевателей. Не было примѣра болѣе геройскаго сопротивленія: приходилось брать съ бою пальму за пальмой, домъ за домомъ, и во время окончательнаго штурма, произведеннаго послѣ 25-дневной осады, побѣдители пощадили только одну старуху⁴⁾. Съ 1849 года, эпохи разрушенія Заачи, мѣстечко это не было вновь отстроено; уцѣлѣвшіе остатки пальмовой плантаціи сдаются въ аренду жителямъ сосѣднихъ оазисовъ.

На югъ отъ Бискры, дорога въ Тугуртъ, рядомъ съ которой вскорѣ будетъ построенъ рельсовый путь, идетъ черезъ новый оазисъ Умъ-эль-Тіуръ, затѣмъ черезъ рѣдкіе лѣса тамариска, окаймляющіе сѣверный берегъ Джедди, и огибаютъ на западъ топи или борма («котлы») шотта Мельгигъ, южное продолженіе котораго составляетъ шоттъ Меруанъ⁵⁾. Оазисы слѣдуютъ одинъ за другимъ съ сѣвера на югъ въ равнинѣ узда Ригъ, гдѣ протекаютъ подземныя воды, и черезъ извѣстныя промежутки встрѣчаются артезіанскіе колодцы, старые и новые. Благодаря недавнимъ успѣшнымъ буреніямъ, Мгайеръ могъ уплатить протяженіе своей пальмовой плантаціи, содержащей теперь до 50.000 деревьевъ; точно такъ же под-

¹⁾ Cat. „Société de Géographie de Constantine“. 1-er bulletin trimestriel 1884; — Langlois, „Bulletin de la Société de Géographie d'Oran“, 1884.

²⁾ H. Duveyrier, „La Confrérie musulmane de Sidi-es-Senoûsi; — Rion, „Marabouts et Khouan“.

³⁾ H. Duveyrier, „La confrérie musulmane de Sidi-es-Senoûsi; — Rion, „Marabouts et Khouan“.

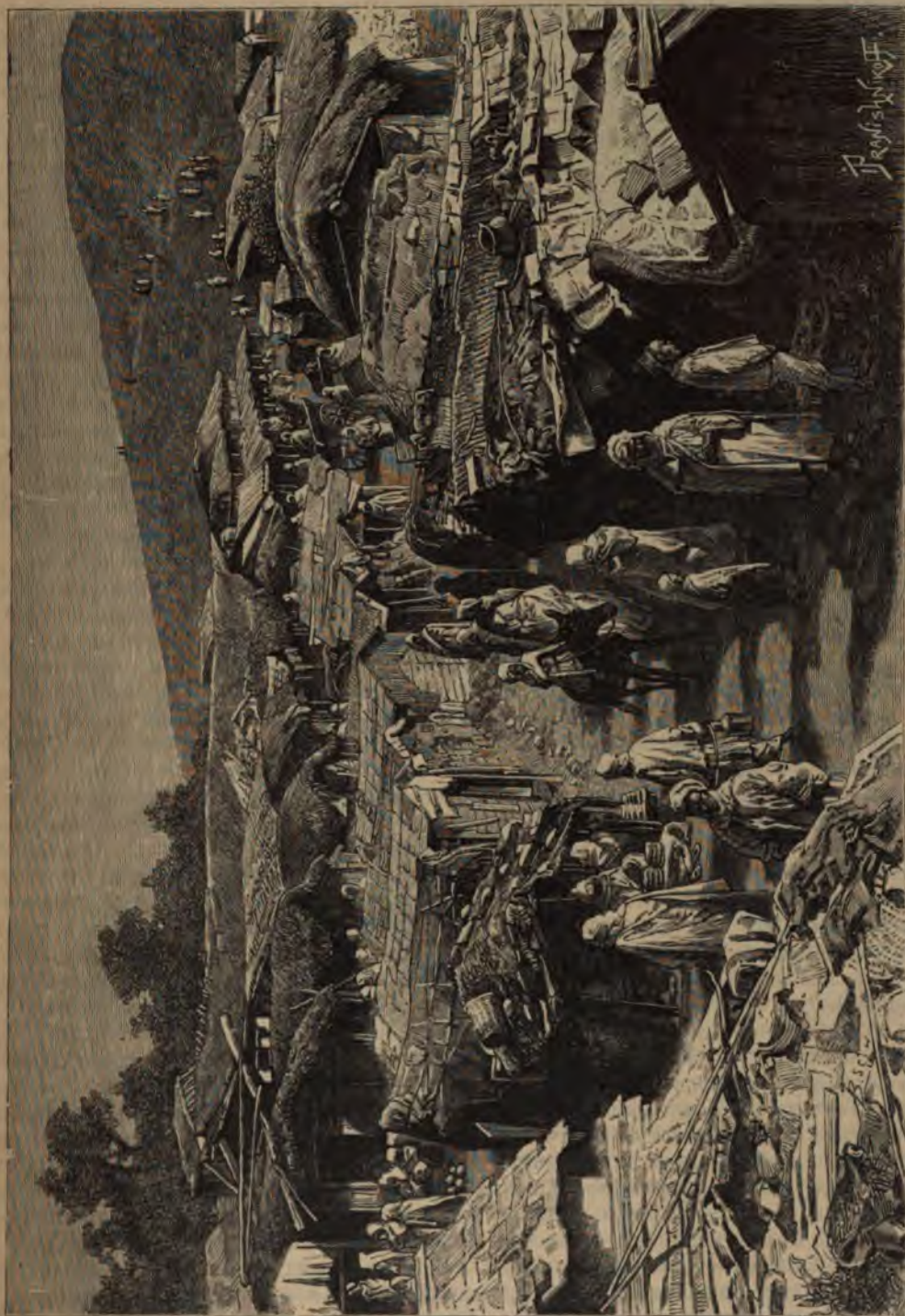
⁴⁾ Guyon, „Voyage d'Alger au Ziban“.

⁵⁾ Guyon, „Voyage d'Alger au Ziban“.

земныя воды, изведенныя на поверхность буровомъ французскихъ инженеровъ, вызвали къ жизни много новыхъ садовъ вокругъ Угланы и Тамерны. Извѣстно, какія преобразованія

цѣнность ихъ ушестерилась; введены новыя культуры, и населеніе значительно возросло; словомъ, видъ мѣстности совершенно измѣнился ¹⁾. Гдѣ показываются воды, тамъ вскорѣ

Жилища племени бени-рамсе въ Константинѣ.

производитъ современная индустрія въ этихъ оазисахъ: количество воды, даваемой артезіанскими колодцами, почти учетверилось съ половины настоящаго столѣтія; число пальмъ почти удвоилось во всей области узда Ригъ, а

возникаютъ людскія поселенія. До употребленія артезіанскаго зонда часто наблюдалось

¹⁾ Jux, „Rapport annuel“;—G. Rolland, рукописныя замѣтки.

обратное явление: источники изсякали, вслѣдъ затѣмъ деревья вымирали, дома покидались, и песокъ скоро засыпалъ нѣкогда цвѣтущій оазисъ. Рядомъ съ каждымъ «новымъ» городомъ видѣется «старый», указывая перемѣщеніе отверстія, черезъ которое воды скрытаго резервуара сообщаются съ поверхностью земли. За исключеніемъ Тугурта (Теккартъ), оазисы уэда Ригъ должны были, такъ сказать, перекочевывать въ равнины, по волѣ подземной воды. Впрочемъ, осады и насильственные разрушенія также нѣрѣдко вынуждали обитателей Рига переносить свои жилища на новыя мѣста.

Эти туземцы, называемые руага (рурха или руара), въ числѣ около 13.000 душъ,—берберы зенатскаго происхожденія, но въ такой сильной степени смѣшанные съ неграми, что походятъ на нихъ цвѣтомъ кожи, чертами лица и шевелюрой ¹⁾. Порабощенные властителями Тугурта съ начала XV ст., они часто были вовлекаемы въ войны между номадами и жителями ксуровъ. Новая исторія началась для нихъ лишь съ 1856 г., когда буръ сталъ вызывать воды, скрытыя въ нѣдрахъ земли. Съ этой эпохи социальныя условія населенія существенно измѣнились. Прежде окрестные номады были истинными владѣльцами оазисовъ. Жители ксуровъ культивировали сады на правахъ исполнителей, тогда какъ кочевники пасли стада и ходили въ Телъ за покупкой зерноваго хлѣба. Но въ обмѣнъ за часть купленной пшеницы они требовали наибольшую часть сбора финиковъ; кромѣ того, они были закладчиками и ростовщиками; осѣдлые земледѣльцы находились у нихъ въ кабалѣ, и положеніе ихъ почти ничѣмъ не отличалось отъ положенія крѣпостныхъ. Но этотъ старый порядокъ вещей постепенно исчезаетъ. Руага стали сѣять ячмень на большихъ пространствахъ, что избавляетъ ихъ отъ дорого-стоющихъ услугъ кочевыхъ поставщиковъ хлѣба; большинство ихъ сдѣлалось собственниками пальмъ; кромѣ того, возрастающая цѣнность деревьевъ и ихъ продуктовъ, а также возвышеніе заработной платы, вслѣдствіе созданія новыхъ оазисовъ французскими обществами, дали возможность туземцамъ освободиться отъ своихъ наслѣдственныхъ долговъ. Даже тѣ руага, которые остались «хаммесами», т. е. пятиниками, много выиграли въ независимости и въ благосостояніи со времени вырытія артезианскихъ колодезевъ. Только нѣкоторые пальмовыя роуи принадлежатъ еще номадамъ, именно уладъ-мулетамъ: эти плантаціи сразу можно узнать по ихъ запущенному виду. Четыре пя-

тыхъ производства финиковъ вывозятся изъ оазисовъ черезъ Бискру ²⁾.

Окруженный 170.000 пальмъ, «древнѣйшій оазисъ страны», Тугуртъ, заслужилъ своими обильными урожаями финиковъ прозвище «Чрева Пустыни»: это естественная столица всей области уэда Ригъ. Съ песчаныхъ пространствъ, разстилающихся на восточной его сторонѣ, этотъ городъ представляетъ импонирующій видъ: передовые бастионы касбы, двѣ массивныя четырехугольныя башни, постепенно суживающіяся къ вершинѣ и оканчивающіяся нависшею галлереей, бѣлые дома съ плоскими крышами, ярко выступающіе на темномъ фонѣ большаго лѣса,—все это вмѣстѣ образуетъ полную и довольно грандіозную картину. Тугуртъ, стоящій на уэдѣ Ригъ, ниже подземнаго слиянія уэда Мия съ уэдомъ Игаргаръ, находится на высотѣ 69 метр., у восточной подошвы плоскогорья, верхнія площади котораго выше метровъ на 100. Городъ имѣетъ форму овала, удлиненаго по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ; длинный ровъ, теперь высохшій, окружаетъ дома, расположенные въ видѣ сплошной стѣны; за ровомъ идетъ валъ, защищающій городъ отъ вторженія песковъ. Внутри ограды, извилистыя улицы и большая площадь раздѣляютъ населенія различнаго происхожденія—здѣсь сгруппированы собственно горожане, тамъ вольноотпущенные негры, въ иномъ мѣстѣ иностранцы или евреи, обращенные въ исламъ. До недавняго времени разные кварталы жили между собой въ постоянной враждѣ и борьбѣ; такъ же, какъ въ Гадамѣ и въ большинствѣ другихъ берберскихъ городовъ, этнические элементы существовали бокъ о бокъ, но не слились въ одно цѣлое: они оставались врагами, и нѣрѣдко вооруженный миръ смѣнялся открытой войной. Съ 1854 г., когда французы овладѣли Тугуртомъ, городъ сталъ быстро развиваться и теперь достигъ цвѣтущаго состоянія: число жителей удвоилось; вмѣсто лачугъ изъ битой глины или высушеннаго на солнцѣ кирпича, появилось много домовъ изъ плитъ гипса, съ галлерейми и верхними этажами; за городскими стѣнами основались обширныя предмѣстья; торговое движеніе, направляемое преимущественно французами, значительно усилилось. Самая дѣятельная промышленность Тугурта, какъ и въ другихъ оазисахъ,—выдѣлка ковровъ и шерстяныхъ тканей. Въ сосѣдствѣ гражданскаго города находится духовная метрополія, Темассинъ, лежащій въ 13 километр. къ югу, у оконечности лужи, образуемой стоками оросительной воды. Зауи́я Тамельгать, въ Темассинскомъ оазисѣ, есть филиальный монастырь зауи́и Антъ-Махди, принадлежащей ордену Тиджанія; но авторитетъ этой филиальной обители теперь уже пре-

¹⁾ Ch. Féraud, „Revue Africaine“, 1879;—Topinard, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 2-e série, № 11, 1870.

²⁾ G. Rolland, рукописныя замѣтки.

восходит авторитетъ начальнаго монастыря и распространяется до Сенегальской области Фута. Темассинская зауя недавно подверглась нашествію тимеди, термитовъ, грызущихъ деревянные постройки: многіе дома уже обрушились.

На юго-востокѣ, по направленію къ Гадамесу, тянется область большихъ дюнь, въ видѣ безконечнаго ряда песчаныхъ волнъ; на югѣ бассейнъ Игаргара занятъ туарегами; поэтому торговые сношенія Тугурта въ сахарскихъ областяхъ возможны только съ племенами бени-мзабъ на западѣ, съ уэдомъ Уаргла на юго-западѣ, и съ уэдомъ Суфъ, или «Рѣка», на востокѣ. Эта послѣдняя группа оазисовъ—самая уединенная изъ всѣхъ оазисовъ алжирской Сахары. Она расположена на джеридской дорогѣ, безъ малаго въ ста километр. отъ Тугурта, и со всѣхъ сторонъ окружена песками; подземная вода нигдѣ не выступаетъ на поверхность: по словамъ мѣстной легенды, христіане, бывшіе владѣтели края, уходя оттуда, спрятали рѣку посредствомъ своего чародѣйскаго искусства, и мусульманамъ еще не удалось разрушить эти чары. Однако, десять оазисовъ уэда Суфъ сохранились, и растущія на нихъ финиковыя пальмы (180.000 деревьевъ) даютъ великолѣпные плоды, безъ всякаго орошенія. Нужно только выбрать благоприятное мѣсто въ промежуткѣ двухъ смежныхъ дюнь и рыть землю, чтобы достигнуть слоя подпочвы, достаточно увлажненнаго, который встрѣчается на разныхъ глубинахъ, иногда на глубинѣ 12 метровъ; посаженные тамъ деревья спускаются корнями до водоносной жилы; но иногда случается, что этотъ подземный резервуаръ перемѣщается или понижается: тогда надо оканывать и подпирать дерево и рыть землю снизу или по бокамъ, чтобы дать ему болѣе благоприятное помѣщеніе. Вынутая земля, расположенная въ видѣ насыпей вокругъ вырытыхъ воронкообразныхъ углубленій и скрѣпленная частоколами, защищаетъ пальмы отъ песковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти огромныя земляныя работы дѣлаются для сада, который будетъ состоять всего изъ четырехъ или пяти деревьевъ; но есть и обширные сады, заключающіе до сотни финиковыхъ пальмъ, а также другія фруктовыя деревья: апельсинное, абрикосовое, фиговое, виноградъ, подъ тѣнью которыхъ произрастаютъ овощи и табакъ.

Сады, плодъ этого упорнаго труда, не принадлежатъ, однако, тѣмъ, кто ихъ воздѣлываетъ. Такъ же, какъ въ большинствѣ другихъ оазисовъ Сахары, воинственные номады присвоили себѣ право взимать львиную долю урожая. Извѣстные подъ именемъ «трудъ» и соединенные съ другими грабителями, ребайя, ферджанъ, уладъ-гамидъ, эти арабскіе пастухи, какъ говорятъ, пришедшіе въ край въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, кочуютъ въ сосѣд-

ствѣ оазисовъ, предоставляя всѣ земледѣльческія работы трудолюбивымъ адуанамъ. Такъ какъ произведенія почвы недостаточны для прокормленія всѣхъ жителей (около 30.000 душъ), то адуаны эмигрируютъ въ большомъ числѣ, особенно въ тунисскіе города, гдѣ зарабатываютъ себѣ хлѣбъ, въ качествѣ землекопцовъ, носильщиковъ и домашней прислуги; ихъ называютъ «суафа», то-есть «уроженцами Суфа». Женщины занимаются тканьемъ «гаули», которыя онѣ красятъ мареной или индиго, и которыя составляютъ предметъ очень прибыльной торговли въ Гадамесѣ ¹⁾. Производство этихъ костюмовъ достигаетъ слишкомъ 70.000 штукъ ежегодно, при средней цѣнѣ 25 франковъ за штуку.

Эль-Уэдъ, или «Ручей», главный оазисъ въ группѣ Суфъ, заключаетъ въ себѣ до тысячи низенькихъ домиковъ (вышиной не болѣе 2-хъ метровъ), имѣющихъ всего только одно отверстіе безъ створки и увѣнчанныхъ маленькими куполами, которые поддерживаются пальмовыми бревнами; ксаръ служитъ исходной точкой для алжирскихъ каравановъ, направляющихся въ Гадамесъ мимо колодца Виръ-эсъ-Софъ. Эль-Уэдъ, такъ же, какъ многіе сосѣдніе оазисы, служитъ мѣстопребываніемъ религіознаго братства, поддерживающаго торговые и дружественныя сношенія съ хуанами всей Сѣверной Африки. Гемаръ и Куининъ—тоже многолюдныя мѣстечки, жители послѣдняго въ большинствѣ почти слѣпые, отъ дѣйствія тонкаго песка, часто наполняющаго атмосферу ²⁾. Суфъ—единственная мѣстность Сахары, гдѣ найдены обломки современныхъ чисто-морскихъ раковинъ, труборога (*buccinum*) и морскаго желудя (*balanus*) ³⁾: до сихъ поръ неизвѣстно другаго признака, свидѣтельствующаго о существованіи морской бухты въ области пустыни, сосѣдней съ заливами Большой и Малый Сиртъ ⁴⁾; но большинство геологовъ полагаютъ, что эти уединенныя раковины не имѣли постояннаго жительства въ этомъ мѣстѣ, и что онѣ происходятъ изъ перенесенныхъ сюда земель.

Оазисы уэда Джеджи, подобно оазисамъ уэда Ригъ, принадлежатъ къ бассейну «внутренняго моря», если можно сохранить это названіе за солончакомъ шотта Мельгигъ. Болѣе половины сахарской покатоности Алжиріи, отъ Джебель-Амура до границъ Туниса, составляетъ часть этого бассейна, центральный резервуаръ котораго теперь почти совершенно высохъ. Безъ всякаго сомнѣнія, эта долина, продолжающаяся на югѣ горъ и параллельно ихъ основанію, приобрѣтеть рано или поздно

¹⁾ V. Largeau, «Le Sahara algérien»,—Bonnemain, «Nouvelles Annales des Voyages» 1857.

²⁾ Ch. Leurent, «Mémoire sur le Sahara oriental».

³⁾ Desor, «La Forêt vierge et le Sahara».

⁴⁾ Ch. Grad, «Bibliothèque universelle».

весьма важное торговое и земледельческое значение, но въ настоящее время она очень слабо населена.

Афлу, нарождающийся городокъ, служащий столицей горцамъ Амура, представляетъ центръ населенія, гдѣ перепись 1881 г. насчитала всего только восемь человѣкъ жителей: одного француза, трехъ евреевъ и четырехъ испанцевъ. Эта маленькая кучка строеній лежитъ на высотѣ 1.350 метр., близъ верхнихъ истоковъ уада Мзи, главной вѣтви уада Джедди, великой сахарской рѣки. У Таджмута уады, выходящій изъ Афлу и съ сѣвернаго ската Джебель-Амура, соединяется съ ручьемъ, который питаютъ южныя долины того же массива, и который проходитъ недалеко отъ Аинъ-Махди, духовной метрополии знаменитаго ордена Тиджанія, основаннаго въ XVIII ст. Городокъ, выстроившійся вокругъ монастыря (зауи), занимаетъ каменистый бугоръ, и высокія зубчатыя стѣны отдѣляютъ его отъ пояса садовъ. Союзники французовъ, хуаны братства, храбро защищались противъ Абдель-Кадера, который вырубилъ деревья въ ихъ садахъ и разорилъ ихъ рынокъ, прежде одинъ изъ важнѣйшихъ въ Мавританіи, на границѣ Сахары и Телля; Фромантенъ видѣлъ тамъ только двѣ пальмы. Но роковой ударъ его торговлѣ нанесло занятіе французами Лагуата, который былъ сдѣланъ главнымъ городомъ сахарскихъ областей Алжирской провинціи: это центръ, къ которому теперь направляется все движеніе торговаго обмѣна.

Лагуать, уже соединенный съ столицей Алжирин колесной дорогой, которой пользуются общественныя кареты, намѣченъ какъ исходный пунктъ будущей желѣзной дороги, которая направится къ Туату; но ему, кажется, придется еще ждать нѣсколько лѣтъ этого рельсового пути, долженствующаго соединить его съ алжирской сѣтью; въ этомъ отношеніи онъ будетъ опереженъ своей соперницей, Бискрой, которая, подобно ему, находится у одной изъ дверей, открывающихъ сообщеніе между Теллемъ и Сахарой. Лагуать, лежащій въ небольшомъ разстояніи къ западу отъ Алжирскаго меридіана и въ разстояніи около полуградуса къ востоку отъ меридіана Парижскаго, является весьма важной геодезической станціей, на большой дугѣ круга, проходящей черезъ африканскій континентъ¹⁾. Этотъ городъ, хотя онъ лежитъ на большой высотѣ (741 метр.), находится уже внѣ краевыхъ цѣпей алжирскаго плоскогорья; мѣловыя горки, которые тянутся въ этой области, параллельно общей оси Атласа, съ юго-запада на сѣверо-востокъ, покрыты при основаніи по-третичными осадочными формациями. Между подошвой плоско-

горья и садами Лагуата течетъ рѣка Мзи, принимающая, нѣсколькими километрами ниже, имя Джедди. Отведенный изъ этого потока оросительный каналъ извивается въ оазисѣ и, пройдя между двухъ холмовъ, развѣтвляется по разстилающейся за ними равнинѣ. На скатахъ этихъ холмовъ, между которыми пробірается струя воды, заботливо регулируемая фонтаникомъ, расположены дома Лагуата, построенные амфитеатромъ. На юго-западѣ находится два квартала на двухъ смежныхъ горкахъ; на сѣверо-востокѣ уединенный бугоръ несетъ на себѣ третью группу домовъ. Такъ же, какъ въ другихъ берберскихъ городахъ, населеніе Лагуата распределено, смотря по происхожденію, въ разныхъ кварталахъ. Въ народныхъ собраніяхъ (джемаа) одинаково участвовали всѣ жители: уады-сергинъ, обыватели западнаго квартала, алафъ, обыватели восточнаго, и уады-аль-хаджъ-аисса, или «сыны пилигрима Аиссы», обитатели южнаго склона; но совѣты стариковъ не всегда одерживали верхъ, и между молодежью двухъ наиболѣе горячихъ партій, сергинами и алафами, нерѣдко дѣло доходило до драки и вооруженнаго столкновенія; что касается «сыновъ Аиссы», то они старались установить свое господство не силой оружія, а путемъ благочестивыхъ интригъ²⁾. Одно изъ лагуатскихъ братствъ принадлежитъ къ знаменитой ассоціаціи сену-сіевъ.

Занятый французами въ первый разъ въ 1844 г., Лагуать снова былъ взятъ ими въ 1852 г., послѣ убійственнаго штурма, окончившагося избѣженіемъ осажденныхъ. Городъ потерялъ почти все свое населеніе. Съ этой эпохи городская ограда была совершенно перестроена, арабскіе кварталы въ большей части разрушены и замѣнены французскими постройками, которыя раздѣлены прямыми улицами; обширные сады, перерѣзываемые широкими дорогами, тянутся на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ. Финиковыя пальмы (около 15.000 деревъ), дающія плоды не высокаго качества, занимаютъ лишь часть оазиса; маслины, апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ тоже немного; но зато путешественникъ, къ немалому своему удивленію, находитъ тамъ въ большомъ числѣ европейскія древесныя породы: груши, персики, абрикосы, смоковницы, гранатовыя деревья, а также виноградъ, и, въ маленькихъ огородахъ, большинство овощей, свойственныхъ Франціи, особенно лукъ³⁾. Благодаря произведеніямъ оазиса, Лагуать является необходимымъ этапомъ для всѣхъ каравановъ, путешествующихъ въ тѣхъ странахъ. Конвоиры продуктовъ и товаровъ, отправляемыхъ съ этого рынка,—по большей части

¹⁾ «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», avril 1878; —Derrien, «La région algérienne traversée par le méridien de Paris», même recueil, 2-e trim. 1885.

²⁾ Trumelet, «Revue africaine», 1877.

³⁾ E. Fromentin, «Un été dans le Désert».

арабы изъ союза ларбаа, названнаго такъ (арба значить «четыре»), по мнѣнію нѣкоторыхъ этимологовъ, потому, что эти люди первоначально состояли изъ четырехъ различныхъ племенъ.

въ экспедиціяхъ къ южнымъ оазисамъ. Обыкновенно эти номады кочуютъ въ мѣстностяхъ къ востоку отъ Лагуата; но зимой они спускаются на югъ до земли Бени-Мзабъ, а лѣтомъ

Городъ Бонъ.

Ларба, почти всѣ принадлежащіе къ братству тиджанія, были вообще, какъ и ихъ патроны айнь-махди, вѣрными союзниками французовъ, и ихъ гумы, состоящіе изъ лучшихъ наѣздниковъ, не разъ опережали регулярныя войска

поднимаются до Богара, Теніеть-эль-Гада, Тіарета, для закупки хлѣба ¹⁾). Ниже Лагуата и

¹⁾ Trumeler, цитированное сочиненіе;—Niox, „Algérie-Géographie physique“.

его оазиса рѣка Джедди протекаетъ черезъ области, которыя во многихъ мѣстахъ могли бы быть обращены въ культурныя земли и при хорошемъ орошеніи давали бы обильные урожаи, такъ какъ накопившіеся рѣчные наносы представляютъ въ лощинахъ слой толщиной въ нѣсколько сотъ метровъ. Русло уада принимаетъ въ себя притокъ Деммедъ, проходящій передъ тѣмъ по ущельямъ горъ, мимо Мессада и Деммеда, живописныхъ кеуровъ племени уладъ-наиль; затѣмъ оно идетъ черезъ обширныя степныя пространства, посѣщаемыя пастухами. Оазисы въ собственномъ смыслѣ появляются снова лишь въ нижней части долины Джедди, къ югу отъ Забъ-Дахри. Самый населенный изъ нихъ—оазисъ Уладъ-Джеллалъ, заключающій не менѣе 1.400 домовъ, каждый съ садомъ, съ пальмовой рощей и съ колодеземъ. Наслѣдственная ненависть раздѣляетъ уладъ-джеллаловъ съ ихъ западными сосѣдями, обитателями оазиса Сиди-Халедъ.

Къ югу отъ области песковъ и степей, гдѣ кочуютъ племена уладъ-наиль, ларба, хаджеджъ и харазліа, племенной союзъ Бени-Мзабъ занимаетъ восточную покатость мѣловыхъ плато, разрываемыхъ долинами уада Мзабъ и другихъ рѣчекъ, видимыхъ или подземныхъ, спускающихся на востокъ къ долинѣ уада Міа. Пользуясь своей отдаленностью отъ мѣстностей, гдѣ поселились самые предприимчивые французскіе понеры, находясь на разстояніи почти 200 километровъ къ югу отъ поста Лагуать, который и самъ лежитъ уже внѣ алжирскихъ плоскогорій,—религіозная и торговая республика мзабитовъ долго пыталась сохранить свою независимость; однако, въ 1850 г. она принуждена была признать сюзеренитетъ Франціи; въ 1857 г. столица ея Гардайа была силой открыта французскимъ отрядомъ, и, наконецъ, въ 1882 г. присоединеніе къ французскимъ владѣніямъ было торжественно провозглашено, и фортъ, воздвигнутый на высотѣ, командующей Гардайей, получилъ небольшой гарнизонъ, которому поручено быть представителемъ новаго правительства. Впрочемъ, сопротивленіе со стороны мзабитовъ было невозможно: ихъ эмигранты слишкомъ многочисленны въ городахъ поморья и ихъ интересы слишкомъ тѣсно связаны чрезъ торговлю съ интересами всей Алжиріи; истинный центръ Мзаба слѣдуетъ искать скорѣе въ Алжирѣ, чѣмъ въ бассейнѣ уада Міа.

Берберы по происхожденію и говорящіе языкомъ кабилловъ и туареговъ, мзабиты примыкаютъ по своимъ догматамъ и обрядностямъ къ вагабитамъ Аравіи: подобно этимъ послѣднимъ, они возводятъ начало своей секты къ вѣроученіямъ Абдъ-Аллахъ-бенъ Ибада, жившаго въ концѣ седьмого столѣтія. Ибадитскія доктрины распространились въ Оманѣ и въ другихъ частяхъ Аравійскаго полуострова, за-

тѣмъ въ Иракѣ, Хорассанѣ, Туркестанѣ и Индіи, но въ послѣдствіи онѣ были забыты въ Азіи, за исключеніемъ ихъ отечества, гдѣ, подъ новой формой, эти ученія породили реформу Вагаба. На западѣ, т. е. въ Африкѣ, ибадитская пропаганда имѣла болѣе продолжительные результаты, но единственно между берберами, горцами области Нефуса въ Триполі, джарабами въ Тунисѣ, мзабитами въ Алжиріи. Арабы четырехъ правовѣрныхъ обрядностей и берберы-ибадиты взаимно третируютъ другъ друга какъ невѣрныхъ, хотя въ городахъ прибрежья они посѣщаютъ одиѣ и тѣ же мечети. Въ общемъ основа ибадитскихъ вѣроученій представляетъ религіозную эволюцію болѣе древнюю, чѣмъ эволюція другихъ магометанскихъ сектъ, и даетъ нѣкоторый просторъ свободному сужденію¹⁾. Часто преслѣдуемые за свои религіозныя убѣжденія и обрядности, мзабиты сдѣлались «въ высшей степени скрытными»²⁾, и получить отъ нихъ какія-либо свѣдѣнія относительно ихъ вѣроученія чрезвычайно трудно. Однако, благодаря своей настойчивости и ловкости, Маскерэ добился того, что они мало-по-малу сообщили ему всѣ свои священныя книги и историческіе документы, и уже многія изъ этихъ драгоценныхъ арабскихъ рукописей вышли въ свѣтъ.

Мзабиты, преслѣдуемые правовѣрными мусульманами, должны были часто мѣнять мѣсто жительства. Берберы зенатской расы, они основали Тіаретъ на высокихъ плато, въ половинѣ восьмага вѣка, и около двухсотъ лѣтъ держались въ этой области сѣверной Мавританіи. Побѣжденные санхеджами, они принуждены были удалиться въ Сахару, гдѣ заняли горы Зибанъ, уадъ Ригъ и Суфъ. Колодцы, фонтаны, сады этихъ оазисовъ были дѣломъ ихъ рукъ; но имъ пришлось покинуть эти мѣста и искать убѣжища въ циркахъ и высокихъ оврагахъ притоковъ Міа³⁾. При каждомъ переселеніи число ихъ уменьшалось; но тѣ, которые оставались, тѣснѣе сплочивались и становились болѣе строгими блюстителями религіозныхъ обрядовъ и національныхъ обычаевъ. Ихъ толбы, въ одно и то же время судьи, священники, блюстители нравовъ, облеченные властью разрѣшенія отъ грѣховъ, очищенія, отлученія, составляютъ настоящее духовенство, организація котораго, какъ говоритъ Маскерэ, напоминаетъ іерархію католической церкви: это, вѣроятно, остатокъ религіи, которую берберы исповѣдывали до обращенія въ исламъ; подъ христіанской основой сохранился даже остатокъ древняго культа богини Таниты,

¹⁾ H. Dureyrier, "Bulletin de la Société de Géographie", 2-e semestre 1878.

²⁾ E. Masqueray, "Chronique d'Abou-Zakaria"; — Amat, "Les Beni-Mzab".

³⁾ E. Masqueray, "Société de Géographie commerciale de Paris", 13 nov. 1879.

«матери дождей»¹⁾). Погребение умерших держится въ большомъ секретѣ; оно совершается ночью, и во время церемоніи очень заботятся о томъ, чтобы удалить отъ кладбища всѣхъ иностранцевъ, европейцевъ, магометанъ или евреевъ²⁾).

Большинство мзабитовъ, очевидно—берберы: ихъ сразу можно узнать по низкому росту, коренастому тѣлосложенію, широкому и даже плоскому лицу, толстымъ губамъ, высокому лбу, впалымъ глазамъ, защищеннымъ густыми бровями³⁾). Между ними живетъ около 1.800 негровъ, которые по большей части все еще остаются въ положеніи невольниковъ *de facto*, несмотря на присоединеніе края къ французской Алжиріи, ибо мзабиты, люди экономные и черствые, не охотно расстаются съ тѣмъ, что разъ купили. Но вольноотпущенные не считаются ниже другихъ гражданъ, доказательствомъ чего можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что изъ ихъ среды всегда выбирается приставъ народнаго собранія, должностное лицо, на обязанности котораго лежитъ главнымъ образомъ приведеніе въ исполненіе приговоровъ вѣча; и такъ какъ республика не имѣетъ ни арміи, ни полиціи, то этотъ приставъ, въ случаѣ надобности, приглашаетъ другихъ гражданъ оказать ему содѣйствіе. Евреи тоже живутъ, въ числѣ около 400 человекъ, между мзабитами, но среди такихъ ловкихъ торговцевъ, какъ ихъ хозяева, они рѣдко успѣваютъ обогатиться; при томъ имъ запрещено владѣть садами въ оазисахъ, и корпорація ихъ не имѣетъ представителей въ народныхъ собраніяхъ. Всѣ они занимаются какимъ-нибудь ремесломъ: ювелиры, оружейники, скорняки, сапожники и т. д.; они же держатъ домашнюю птицу, такъ какъ законъ не дозволяетъ мзабитамъ имѣть животныхъ въ домѣ⁴⁾). Мало воинственные отъ природы, мзабиты вступали въ союзъ съ арабскими кланами, живущими въ шатрахъ подлѣ городовъ, и которые первое время составляли наемное войско; эти группы населенія называютъ зауйями, хотя они вовсе не имѣютъ религіознаго характера. Между этими арабами есть также потомки прежнихъ владѣльцевъ земли, и нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ садами и домами въ оазисѣ. Наконецъ, номады племени шанбаа, по праву своей храбрости, приобрѣли нѣкоторый авторитетъ въ конфедераціи, и многіе изъ нихъ сдѣлались землевладѣльцами.

До присоединенія къ французскимъ владѣніямъ каждый мзабитскій городъ составлялъ независимую республику, управляемую вѣчемъ (джемаа), состоявшимъ изъ членовъ, ко-

торыхъ выбиралъ каждый участокъ города между женатыми обывателями, имѣющими дѣтей и нѣкоторый достатокъ; въ важныхъ случаяхъ общая джемаа, составленная изъ делегатовъ городскихъ собраній, обсуждала дѣла, касающіяся всей конфедераціи. Джемаа никогда не приговаривала виновныхъ ни къ тюремному заключенію, ни къ смертной казни: пеня и, въ случаѣ тяжелаго преступленія, изгнаніе—вотъ единственныя кары, налагаемыя обычаемъ. На площадяхъ нерѣдко происходили рукопашныя схватки между различными софами (партіями), и такъ же, какъ въ Радамесѣ, сражавшіеся наносили другъ другу удары тяжелыми ключами отъ воротъ, которые они всегда носятъ привязанными къ поясу. Совершившій намѣренное убійство выдавался головой ближайшему родственнику жертвы, который могъ пролить кровь за кровь, взять выкупъ или простить преступнику. Мзабиты—неограниченные господа въ своемъ семействѣ; дѣти не могутъ приобрести что-либо въ свою собственность безъ разрѣшенія отца. Женщины, которыя почти всѣ выходятъ замужъ въ родномъ городѣ, не могутъ удалиться изъ отечества; эмиграція имъ запрещена⁵⁾; мужчина, позволившій себѣ заговорить съ женщиной публично, подвергается изгнанію, если та пожелаетъ на него⁶⁾).

Большинство женщинъ занимаются у себя на дому тканьемъ матерій, тогда какъ мужчины работаютъ въ садахъ, коная гряды, строя запруды, регулируя теченіе водъ. По переписи, произведенной по присоединеніи края, въ 1882 г., во всѣхъ оазисахъ насчитывалось 193.000 пальмъ. Между 30.000 мзабитами мало найдется такихъ, которые не владѣли бы небольшимъ участкомъ земли. Въ конфедераціи нѣтъ ни одного нищаго; всѣ нуждающіеся содержатся на счетъ гражданъ ихъ квартала; до присоединенія оазисъ представлялъ обширную мастерскую для фабрикаціи пороха.

Хотя оазисы превосходно воздѣланы, однако произведенія ихъ недостаточны для прокормленія всего населенія Мзаба. Цѣлая треть мзабовъ живетъ на чужбинѣ, преимущественно въ Алжирѣ, въ Тунисѣ и въ другихъ городскихъ побережьяхъ. Эмигранты оставляютъ своихъ женъ въ общинѣ, и если родятся дѣти въ ихъ отсутствіе, они не колеблясь признаютъ ихъ своими, хотя бы это было послѣ многолѣтней отлучки⁷⁾; впрочемъ, большинство ихъ обзаводятся временными супругами въ городахъ Телля, гдѣ они имѣютъ пребываніе⁸⁾. По возвращеніи на родину, они первымъ дѣломъ совершаютъ надъ собой обрядъ очищенія отъ скверны, приобретенной пребываніемъ на чу-

¹⁾ E. Masqueray, „Correspondance Africaine“, 1882.

²⁾ A. Coyne, рукописныя замѣтки.

³⁾ A. Coyne, „Revue Africaine“, 1879.

⁴⁾ Paul Soleillet, „L'Afrique occidentale, Algérie, Mzab, Tidikelt“.

⁵⁾ Coyne, цитирован. мемуаръ.

⁶⁾ H. Duveyrier, „Tour du monde“, 1862.

⁷⁾ Ch. Amat, „Les Beni-Mzab“.

⁸⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

жой землѣ. Впрочемъ, находясь въ отсутствіи, они не перестаютъ быть членами общины и платятъ причитающуюся сумму годовой подати (лезма): фактъ единственный въ исторіи народовъ—эмигранты мзабиты, по словамъ Койна, покрываютъ своими взносами болѣе трети расходовъ метрополи.

До французской оккупации они должны были, кромѣ того, платить очень тяжелую дань конвоирамъ изъ племени ларбаа, мехелефъ, сандъ-отба, сопровождавшимъ караваны между Сахарою и Теллемъ. Благодаря своимъ путешествіямъ въ сѣверную Алжирію, мзабиты говорятъ по-французски и по-арабски такъ же хорошо, какъ на своемъ берберскомъ діалектѣ; образованіе ихъ относительно довольно высоко, такъ какъ всѣ они умѣютъ читать и писать. Во французскихъ городахъ рѣдко случается, чтобы уроженецъ Мзаба судился за какой-нибудь проступокъ.

Изъ семи мзабитскихъ городовъ пять группируются въ продолговатомъ циркѣ, черезъ который проходитъ уэдъ Мзабъ, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, на протяженіи около 18 километровъ.

Главный городъ, Гардаия, или Тагардейкъ, занимаетъ, отъ подошвы до вершины, высокую горку, увѣнчанную мечетью, минаретъ которой походитъ на обелискъ: этотъ холмъ, сплошь покрытый домами, имѣетъ видъ высокой пирамиды со ступенями, украшенными арками. Внутри городъ раздѣленъ на три самостоятельныхъ городка, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое особенное населеніе и свои наслѣдственные интересы; это—единственный городъ, гдѣ дозволено жить евреямъ. Гардаия заключаетъ въ себѣ четверть жителей и около трети пальмъ всей конфедерации. Фортъ-Шепка, построенный съ южной стороны города, командуетъ своими пушками надъ Гардаией и двумя сосѣдними городами, Мелика и Бени-Исгенъ, господствуя такимъ образомъ надъ цѣлою половиною Мзаба. Мелика, или «Царственная», лежащая къ востоку отъ Гардаии, была прежде святымъ городомъ мзабитовъ, и въ подвалахъ ея мечетей хранилась казна всего союза. Бени-Исгенъ, находящійся къ юго-востоку отъ Гардаии, по числу жителей—второй городъ республики; въ то же время это самый чистенькій, наилучше построенный, важѣйшій по торговлѣ и самый богатый городъ Мзаба; при томъ онъ отличается самыми строгими нравами; до недавняго времени ни одному иностранцу не дозволялось жить въ Бени-Исгенъ, ни даже остановиться на ночлегъ; ни за какую цѣну онъ не могъ приобрести индигенатъ, купить домъ или даже дерево. Самый восточный городъ цирка, Эль-Аттефъ, есть первый городъ, основанный мзабитами; рядомъ съ нимъ расположенъ Бу-Нура, «Кривой»¹⁾, названный такъ потому,

¹⁾ Duveyrier, «Tour du monde», 1861.

что онъ скорѣе походитъ на развалины, чѣмъ на городъ; оазисъ его заключаетъ въ себѣ не болѣе 2.000 пальмъ. Что касается городовъ Беррианъ и Гера, дополняющихъ собою мзабитское «Семиградье», то они находятся уже внѣ цирка и даже внѣ бассейна уэда Мзабъ. Беррианъ, лежащій на дорогѣ изъ Лагуата въ Гардаию, занимаетъ маленькую долину, по дну которой протекаетъ одинъ притокъ уэда Нса, питающій 35.000 пальмъ. Эль-Гера, еще болѣе богатый финиковыми пальмами, находится верстахъ въ восьмидесяти къ сѣверо-востоку отъ Гардаии, на другомъ притоцѣ уэда Нса. Городъ Метлили, въ 32 километрахъ къ югу отъ Гардаии, на дорогѣ изъ Эль-Голеа, не принадлежитъ мзабитами: оазисомъ его владѣетъ одно племя номадовъ шаанба, которое защищаетъ земледѣльцевъ отъ нападеній вѣшняго врага, но зато беретъ съ нихъ львиную долю урожая. Городъ, построенный въ песчаномъ оврагѣ, увѣнчанномъ пальмами и окруженномъ со всѣхъ сторонъ разорванными утесами, представляетъ лабиринтъ узкихъ и грязныхъ улицъ, идущихъ между развалинами и логовищами. Въ оврагѣ Метлили растутъ, между прочимъ, асклеіада гигантская (*asclerias gigantea*), одно изъ характеристическихъ растений Судана. Славятся также огурцы этого оазиса, достигающіе около метра въ длину.

Оазисъ Уаргла, расположенный по теченію уэда Міа, выше подземнаго слиянія притоковъ Мзаба, одинъ заключаетъ въ себѣ больше пальмъ, чѣмъ всѣ оазисы мзабитовъ: около 600.000 финиковыхъ пальмъ, изъ которыхъ три четверти приносятъ плоды, окружаютъ городъ въ видѣ густаго лѣса и продолжаются обширнымъ полукругомъ по ту сторону болотистыхъ земель, простирающихся на юго-востокъ.

Число плодоносныхъ пальмъ въ оазисѣ Уаргла—454.309; фруктовыхъ деревьевъ—160.000; туземныхъ артезианскихъ колодезѣй—395; обыкновенныхъ колодезѣй—600; годовой сборъ финиковъ около 7.000 тоннъ¹⁾.

Городъ Уаргла, прежде болѣе многочисленный, имѣетъ такую же форму, какъ и другіе ксуры оазисовъ. Онъ построенъ такимъ образомъ, что на всей своей окружности представляетъ сплошную стѣну и дѣлится внутри на нѣсколько кварталовъ, населенныхъ обитателями различнаго происхожденія, принадлежащими къ племенамъ бени-сиссинъ, бени-уаггинъ, бени-брагимъ; всѣ они чернокожіе и происходятъ отъ берберовъ, смѣшанныхъ съ неграми. Племена шанба командуютъ надъ хаммесами (пятишниками) Уарглы; кромѣ того, въ лабиринтѣ Уарглы живутъ мзабиты и негры; съ 1852 г. эпохи завоеванія, въ городѣ поселилось также нѣсколько французовъ, но они, подобно уро-

¹⁾ G. Rolland, «Revue Scientifique», vol. XXXI.

женцамъ Мзаба, избѣгаютъ оставаться тамъ на лѣто, изъ боязни злокачественныхъ лихорадокъ; впрочемъ, опасность въ этомъ отношеніи уменьшилась съ тѣхъ поръ, какъ осушили рвы вокругъ касбы¹⁾. Къ сѣверу отъ Уарглы, на дорогѣ изъ Тугурта, другой хорошо воздѣланный оазисъ, Нгуса, уже занятъ гаратинами, чернокожими берберами, которые, несмотря на свою сравнительную малочисленность, часто воевали изъ-за главенства съ жителями сосѣдняго большого оазиса; послѣ земледѣлія главныя ихъ занятія—производство «струни», или углекислой соды, и выдѣлка «медалевъ», или большихъ шляпъ, которыя надѣваютъ поверхъ шеніи и тюбана. Артезіанскій поясъ, подобный поясу уада Ригъ, занимаетъ долину Уарглы и сосѣднихъ оазисовъ: общее количество даваемой имъ воды, около одного кубич. метра въ секунду, возрастаетъ, благодаря многочисленнымъ буреніямъ, предпринятымъ съ 1882 года. До недавняго времени ежегодно «умиралъ» одинъ изъ колодцевъ оазиса, а смерть колодца сопровождалась гибелью отъ 1.500 до 2.000 пальмъ²⁾.

Внѣ оазисовъ Уаргла и Нгуса кое-гдѣ встрѣчаются еще купы пальмъ въ низинахъ уада Міа, но какъ ничтожно по численности нынѣшнее населеніе этого края въ сравненіи съ тѣмъ, которое жило тамъ въ предшествующую эпоху, когда разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ развалины были городами, окруженными садами и плантаціями! На сѣверѣ, почти на подорогѣ изъ Уарглы въ Тугуртъ, равнина Эль-Хаджира была покрыта деревьями, а на берегу шотта, теперь высохшаго, стоялъ городъ Багдадъ. Самый замѣчательный изъ тогдашнихъ городовъ этого края былъ Седрата, прозванный «сахарской Помпеей». Подъ дюнами, развертывающимися на юго-западѣ отъ Уарглы, до сихъ поръ еще находятъ его дома съ изваяніями, старинными работами, орнаментами всякаго рода и даже колодцами³⁾: по преданію, этотъ городъ, очевидно, берберскій, судя по архитектурѣ построекъ, и присвоенный мзабитамъ, былъ покинутъ въ эпоху арабскаго нашествія. Но и остатки предшествовавшей эпохи тоже очень часто встрѣчаются у основанія плоскогорій, а по краямъ скалъ, господствующих надъ подземнымъ теченіемъ уада Міа, видны даже слѣды селеній каменнаго вѣка, съ мастерскими для выдѣлки кремневыхъ орудій и множествомъ другихъ предметовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи въ тѣ времена сношеній между сахарцами и прибрежными жителями Индійскаго океана⁴⁾. Недалеко отъ Седра-

ты, гора Хрима вздымаетъ свои крутые откосы на 80 метр. надъ поверхностью песковъ: это естественная твердыня, служившая убѣжищемъ абадитамъ, когда они должны были удалиться изъ Уарглы; но потомъ имъ пришлось покинуть и эту крѣпость и переселиться въ долину уада Мзабъ, отъ котораго они и получили теперешнее свое названіе мзабитовъ. По свидѣтельству одной арабской рукописи, сообщенной путешественнику Тарри однимъ изъ потомковъ бывшихъ султановъ того края, въ XIII столѣтіи существовало 125 городовъ въ этой области, гдѣ теперь осталось только два—Уаргла и Нгуса.

Хотя Уаргла, заранѣе намѣченная какъ одна изъ важныхъ станцій будущей транссахарской желѣзной дороги, лежитъ южнѣе 32° широты, въ пяти градусахъ отъ побережья Средиземнаго моря, однако, она—еще не самый передовой французскій постъ въ южномъ направленіи. Ксаръ Эль-Голеа, находящійся почти подъ меридіаномъ Алжира, слишкомъ въ 900 километрахъ отъ этой столицы по лагуатской и мзабской дорогѣ, былъ посѣщенъ впервые въ 1859 г. Генрихомъ Дюверье, который подвергся тамъ оскорбленію и даже едва не былъ убитъ. Въ 1873 г. одна французская колонна проникла въ этотъ ксаръ, и хотя послѣдній не занятъ французскимъ гарнизономъ, тѣмъ не менѣе, онъ платитъ дань и тѣмъ самымъ признаетъ надъ собой власть алжирскаго правительства. Въ этомъ мѣстѣ французы уже перейденъ бассейнъ уада Міа: съ бугра, на которомъ расположенъ ксаръ, внизу видно высохшее ложе уада Сеггеръ, служащее дорогой караванамъ, направляющимся къ Туату и Томбукту. Въ небольшомъ разстояніи къ западу начинается поясъ большихъ дюнъ, соответствующій арегамъ на востокѣ, между бассейномъ Игаргара и Гадамесомъ. Сады оазиса Эль-Голеа, заключающіе около 16.000 пальмъ, занимаютъ опушку дюнъ и орошаются водой колодцевъ и фогаратовъ, или подземныхъ водопроводовъ. Мѣстнымъ земледѣльцамъ, зенатскаго происхожденія, стѣять большихъ трудовъ охранять плантаціи отъ засыпанія пескомъ, а когда наступитъ пора сбора плодовъ, съ такимъ трудомъ выращенныхъ, номады шанба-муади, пасущіе свои стада въ окружающихъ степяхъ, и марабуты уады-сиди-эшъ-шейхъ являются требовать свою долю урожая, считая себя, по праву силы, владѣльцами земли; берберы, зенатской расы, населяющіе оазисъ, не болѣе какъ хаммасы, получающіе только пятую часть плодовъ; нѣсколько вольноотпущенныхъ негровъ живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ въ сосѣдствѣ ксара.

Уаргла, Эль-Голеа, Метлили—три города или ксура, къ которымъ тяготеютъ кочевники шанба. Они владѣютъ въ этихъ ксурахъ домами и садами и регулярно дѣлаютъ туда два

¹⁾ G. Rolland, „Mission Transsaharienne“.

²⁾ A. de Châtelier;—Tarry;—G. Rolland, „Comptes rendus de l'Académie des sciences“, 14 sept. 1853.

³⁾ Tarry, „Revue d'Ethnographie“, 1883.

⁴⁾ Féraud;—Thomas;—Largeau;—Tarry;—Rolland;—Weisgerber;—Teisserenc de Bort;—Rabourdin, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, séance du 17 février 1881.

визита въ годъ: во время стрижки овецъ и въ сезонъ сбора финиковъ. Въ то время, какъ главная масса кочуетъ со своими стадами въ степяхъ, нѣкоторые изъ номадовъ остаются въ городѣ присматривать за имуществомъ своихъ родичей. Такимъ образомъ шанба пользуются продуктами отъ своего скота, и произведеніями своихъ садовъ; кромѣ того, они занимаются торговлей, въ качествѣ разносчиковъ и конвоировъ мзабитскихъ товаровъ; съ этими товарами они ходятъ въ Туару, въ Марокко, даже въ Суданъ. Между ними есть также и ремесленники, практикующіе свое мастерство въ шатрахъ на кочевкѣ, а женщины ихъ ткуютъ и вышиваютъ разныя матеріи. Наконецъ, они почти не имѣютъ равныхъ себѣ какъ грабители; одна изъ ихъ фракцій за свое искусство въ этомъ промыслѣ прозвана Хабъ-эръ-Рихъ, что значитъ «догони-вѣтеръ». Когда эти баранчаи угоняютъ у кого-нибудь стадо, то пострадавшимъ обыкновенно говорятъ: «иди лови вѣтеръ!» Шанба не полнятся совершить набѣгъ, за тысячу верстъ, чтобы отомстить обиду на врагахъ и захватить у нихъ стада, которыя они и уводятъ къ себѣ домой черезъ дюны и гамады ¹⁾. Когда въ этомъ племени появится на свѣтъ новый членъ семьи, то отецъ первымъ дѣломъ велитъ жечь пороухъ, дабы легкій новорожденнаго, начиная функционировать, наполнился воздухомъ, какимъ подобаешь дышать воинамъ ²⁾. Со времени присоединенія ихъ территоріи кочевковъ къ Алжирин, они составляютъ въ арміи родъ легкаго авангарда, и гумы ихъ сопровождаютъ всѣ военныя экспедиціи. Наслѣдственные враги туареговъ, они часто мѣряются съ ними силами, и хотя сами тоже, вѣроятно, берберскаго происхожденія, но не упускаютъ случая похвалиться передъ ними своимъ родствомъ съ Пророкомъ; они говорятъ не иначе, какъ по-арабски, и регулярно платятъ религиозный налогъ въ пользу марабутовъ уладъ-сиди-эшъ-шейхъ.

Въ западной Алжирин, или Ораніи ³⁾, французы не такъ далеко проникли въ южномъ направленіи, какъ на югъ провинцій Константины и Алжира. Къ западу отъ Жебель-Амура и военной дороги, направляющейся изъ Теніетъ-эль-Гада къ деревнѣ Афлу черезъ хорошенькій нарождающийся городокъ Шеллала, главный постъ находится еще въ области высокихъ плоскогорій, на уздѣ, текущемъ на сѣверъ къ большому шотту Шерги. Этотъ стратегическій пунктъ, Жеривиль (прежде Эдъ-Бидъ), построенъ на высотѣ 1.232 метр., между двухъ параллельныхъ цѣпей горъ, богатыхъ рудными мѣсторожденіями, и въ 15 килом. къ запа-

ду отъ туземнаго городка Ститтенъ; на окружающихъ высотахъ разсыяно множество мегалитовъ. Хотя центръ управленія военнаго округа съ 1853 г., Жеривиль не развился такъ быстро, какъ другія мѣстечки плоскогорья, занимающія менѣе благоприятное положеніе, но пользующіяся той выгодой, что черезъ нихъ проходитъ желѣзная дорога, продолжающаяся на югъ отъ Саиды, въ поясъ альфы. Эта промышленная и стратегическая линія не перемѣнилась въ 1881 г. за станцію Модба, въ сѣверной части котловины высокихъ плато. Но когда возстаніе южныхъ племенъ вызвало необходимость сосредоточить войска у подступовъ Оранской Сахары, немедленно приступили къ продолженію рельсоваго пути, и въ 239 дней, несмотря на двухмѣсячный перерывъ работъ, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ, было прибавлено 115 километр. къ Алжирской сѣти. Низшая точка этой линіи (988 метр.) находится на проходѣ черезъ шоттъ Шерги, гдѣ быють обильные источники Хейдеръ; высшая (1.158 метровъ) лежитъ у города Мешеріа, надъ которымъ съ запада господствуютъ кручи жебель Антаръ: недавно тамъ перехвачены живыя воды и сдѣланы лѣсонасажденія въ долинахъ и на скатахъ горъ. Отъ главной линіи отдѣляются вѣтви, утилизируемыя только для эксплуатаціи альфы, — одна на востокъ, изъ Халфалла въ Зрагетъ, другая на западъ, изъ Модзбы въ Маргумъ. По всей вѣроятности, эта линія рано или поздно примкнетъ къ желѣзному пути изъ Сиди-бель-Аббесъ въ Расъ-эль-Ма.

Изъ Мешеріи желѣзная дорога продолжается на югъ до оазиса и мѣстечка Аинъ-Сефра, или «Желтый Фонтанъ», находящагося на высотѣ 1.073 метр., но уже принадлежащаго къ сахарской покатости чрезъ постоянный ручей, спускающійся къ уэду Намусъ, или «Москитовой рѣкѣ»; нѣсколько пальмъ вздымаютъ свои короны надъ стѣнами ограды, защищающей ихъ отъ дюнъ, приводимыхъ въ движеніе южнымъ вѣтромъ. Аинъ-Сефра служитъ санитарной станціей для войскъ южной Ораніи. Къ востоку отъ Аинъ-Сефра, Тіутъ, лежащій немного ниже и совершенно защищенный съ сѣвера красными скалами, окруженъ большими садами, которымъ купы финиковыхъ пальмъ, миндальныхъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ, обвитыхъ гирляндами винограда, придаютъ чисто-сахарскій видъ; на сосѣдней скалѣ видны грубыя изображенія мужчинъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, женщинъ, животныхъ, между прочимъ, слона, вырѣзаннаго, можетъ-быть, по толстокожимъ, жившимъ въ краѣ въ ту эпоху. Подобныя же изваянія на скалахъ существуютъ близъ оазиса Могаръ-Тахтани, или «Нижній Могаръ», лежащаго около выходныхъ воротъ потока, получающаго ниже имя Намугъ. Всѣ эти кеуры, также какъ Мугаръ-Фукани, и, на мароккской границѣ, холодная Аинъ-Сфи-

¹⁾ A. Coyné, «Une Guazzia dans le Grand Désert».

²⁾ Daumas, «Le Grand Désert»; — P. Soleillet, l'Algérie, Mzab, Tiddikelt».

³⁾ Onésime Réclus, «France et Algérie».

зифа, или «Осиновый источник» (климатъ также кеурами въ Марокко, между прочимъ, тамъ такъ суровъ, что пальма не можетъ расти), представляютъ маленькія самоуправляющіеся кеуры состоятъ главнымъ образомъ изъ лю-

Арабы племени тлемсенъ.

щіе общины; но онѣ признаютъ политическій сюзеренитетъ арабскаго племени гамганъ-гарба, кочующаго въ области высокихъ плато и краевыхъ цѣпей юга; племя это владѣтъ

дей племени амуръ или аморъ, единоплеменниковъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, которые дали свое имя могучему джебелю, гдѣ берутъ начало рѣки Шелифъ и Джедди. Горскіе

амуры — баггара, т. е. «скотоводы»; амуры, живущие в долинах и в сахарской степи, — джемала, т. е. «верблюдоводы». Некоторые из их групп — кочевники и выдают себя то за французских, то за марокканских подданных, смотря по тому, откуда требуют с них налог — из Фецца или из Алжира ¹⁾; у амина их имются две печати, одна французская, другая марокканская, и он употребляет ту или другую, смотря по обстоятельствам. Жизнь хаммесов, работающих в ксурах, чрезвычайно тяжелая. Голодовки составляют обыкновенное явление в деревнях; ослы бдят там человеческие экскременты — до такой степени почва бесплодна ²⁾.

Ксуры, лежащие восточнее, по направлению к Жеривиллю: Асла, Шеллала-Дахрани и Шеллала-Гебли, Бу-Семгун, две Арбы, «верхняя» и «нижняя», тоже признают над собою власть одного племени арабов, могущественного союза уладь-сиди-эш-шейх, или «сыновь господина главы», происходящих от Абу-Бекра, первого калифа. Члены этого племени, гордые и высокомерные, все марабуты и пользуются большим почетом со стороны соседних племен, которые любят и себя выдавать за сиди-шейхов. Эти последние производят свою родословную от одного святого, жившего в XVII ст., и гробница которого находится уже в сахарской равнине, хотя на высоте 861 метра, к югу от двух деревень Арба. Окруженная пятью ксурами, кубба Эль-Абюд-Сиди-Шейх, покрывающая кости святого, высоко чтится арабами, и все возмущения тамошних племен готовились вокруг этого священного места. Эль-Абюд был населен по большей части толбами, которые держали школу для племен пограничных местностей, и — случай редкий в арабской земле — даже девушки слушали курсы этих марабутов. В 1881 году кубба Эль-Абюд была разрушена, но потом снова отстроена, так как обычная политика французского правительства — опираться на крупных феодалов (шейхов), чтобы через них производить господствовать над племенами. Вся область Сахары, от границ Марокко до предельов Триполи, была прежде поставлена под начало главного шейха племени сиди-шейх. Брезина, лежащая на уэд Сеггер, ниже дикаго ущелья, прозванного французскими солдатами «Воротами пустыни», является главной житницей племени. Недалеко оттуда, в южной степи, около Сиди-эль-Хадж-эд-Дин, стоят одиноко три гора высотой в 40 метров, похожие на башни какого-то дворца гигантов: это кубические массы красной земли, с вертикальными стенами, с совершенно от-

четливыми разрезами, оставленными эрозивными водами. Одна из них носит на себе следы каких-то строений, крепость, с которой связаны легенды, но которая уже не имеет истории ¹⁾. Ручьи, спускающиеся с гор и текущие в пустыне, протекают по пастбищам, славящимся во всей Сахаре обилием и сочностью травы. Уэд Зергун орошает своими водами местность, прозванную «земным раем» и дотога богатую, что там «отец, имевший семь сыновей, может дать каждому свой сыр» ²⁾.

Постановленное теперь под непосредственный надзор французских военных сил, благодаря железной дороге, дающей возможность в несколько дней перевезти достаточный отряд войска на южный край высоких плато, племя уладь-сиди-эш-шейх менее страшно, чем оно было до недавнего времени; часть его ушла искать убежища в Марокко, в Туат, или другие местности Сахары; затмев целые группы семейств водворены на житье французским правительством в разных частях внутренней Алжирии. Но, тем не менее, черные шатры сиди-шейхов, украшенные на верхушке султаном из страусовых перьев, еще разбросаны повсюду в пограничной полосе, этой «земле пороха и страха», которая простирается, без точных предельов, в области, хорошо известных французам. С этой стороны граница совершенно открыта по направлению к Марокко: племена могут по желанию переходить с марокканской покатости рёки Дра на сахарскую покатость уэда Саура. Ни одна часть Алжирии не имеет такого важного значения с точки зрения будущих путей сообщения, как эта область, так как железная дорога от берегов Нигера изберет, вероятно, это направление, но здесь-то именно граница остается совершенно неопределенной. Она не охраняется на юге никакой крепостью, никаким постом. В то время, как у ворот Сахары, в провинции Константина, на страже стоит Бискара, а южные подходы Алжирской провинции оберегаются Лагуатом, Оранский юг остается без всякой защиты. Военный город Оранской Сахары, вероятно, будет построен у колодца Эль-Утед, командующаго, на юге от Анн-Сефры, выходами высоких плоскогорий, Фигигом и кочевьями племени уладь-сиди-эш-шейх. Игли, лежащий южнее, при слиянии уэда Гер и уэда Зусфана, будет наблюдать одновременно за Марокко и за Оранией.

Главные общины и города Джебель-Ауреса,

¹⁾ Pomel, «Races indigènes de l'Algérie».

²⁾ Camille Sibatier, рукописные заметки.

¹⁾ Paul Marès, «Notes sur la constitution générale du Sahara dans le sud de la province d'Oran»; — L. de Colomb, «Exploration des ksour et du Sahara dans la province d'Oran».

²⁾ Trumelet, «Les Français dans Le Désert».

Годны, оранскихъ плато и сахарской покатоности:

Провинція Константина: Бискра (1891 г.)—7.166 жит. (изъ нихъ 502 француза); Батна (1891 г.)—5.228 жит. (изъ нихъ 1.595 француз.); Мсила (туземная община)—2.845 жит. (изъ нихъ 26 французовъ); Тугуртъ—6.000 жит.; Суфъ: Эль-Уадъ—9.000 жит.; Гемаръ—4.440 жит.; Куининъ—2.890 жит.

Провинція Алжиръ: Буда-Сада (смѣшанная община)—5.112 жит. (изъ нихъ 73 франц.); Джельфа (смѣшанная община)—842 жит. (изъ нихъ 173 франц.); Лагуатъ—3.808 жит. (изъ нихъ 87 франц.); Мзабъ: Гардайя (смѣшанная община, 1891 г.)—29.000 жит.; Бени-Исгенъ (смѣшанная община)—4.695 жит.; Беррианъ (смѣшанная община)—4.440 жит.; Герара—2.940 жит.; Мелика—1.760 жит.; Эль-Атефъ—1.670 жит.; Бу-Нура—1.190 жит.; Уаргла (смѣшанная община)—2.000 жит.; Эль-Голеа—1.575 жит.

Провинція Оранъ: Жеривиль (смѣшанная община)—832 жит.

VIII.

Несмотря на пропуски и противорѣчія официальной статистики, можно принять за несомнѣнный фактъ постепенное возрастание народонаселенія въ Алжирѣ. До первой суммарной ревизіи число жителей этой страны обыкновенно полагали въ 3 милліона, но по произведенной въ 1851 г. приблизительной переписи, оно оказалось немногимъ болѣе двухъ съ половиною милліоновъ. Въ 1872 г., послѣ страшнаго голода, унесшаго въ могилу по крайней мѣрѣ десятую часть алжирскаго населенія, общая цифра жителей едва превышала 2.400.000; но послѣдующія переписи показали быстрое возрастание населенія. Вотъ точные результаты этихъ переписей:

Годы.	Жителей.
1851—52 г.г.	2.554.121
1872	2.416.225 Уменьшеніе 137.896 или 5,7%
1878	2.857.626 Увеличеніе 451.401, „ 16%
1881	3.310.412 „ 442.786, „ 15%
1891	4.124.732 „ 814.320, „ 24%

Возможно, что въ первыхъ исчисленіяхъ были пропущены многія семейства, роды или даже цѣлыя племена, вслѣдствіе чего разности итоговъ вышли преувеличенныя; однако, общіе результаты, вѣроятно, приблизительно вѣрны, и народонаселеніе Алжирѣ возрастаетъ въ гораздо болѣе быстрой пропорціи, чѣмъ народонаселеніе Франціи. Въ настоящее время населеніе Алжирѣ, со включеніемъ алжирской Сахары, составляетъ около 4 съ половиною милліоновъ душъ.

При народныхъ переписяхъ туземное населеніе считается безъ различія расоваго происхожденія, арабскаго или берберскаго; поэтому

возможно, что возрастаніе одного этническаго элемента совпадаетъ съ уменьшеніемъ другаго. Это именно и утверждаютъ многіе писатели, основываясь на результатѣ статистики городского населенія: они говорятъ, что жители берберской расы увеличиваются въ числѣ, тогда какъ арабы, напротивъ, уменьшаются. Въ большихъ городахъ, каковы Алжиръ, Константина, Оранъ, перевѣсъ смертныхъ случаевъ надъ цифрой рожденій весьма значителенъ между маврами, которые принадлежатъ главнымъ образомъ къ арабской расѣ; чрезвычайно рѣдко, только при исключительно благоприятныхъ санитарныхъ условіяхъ, устанавливается на короткій періодъ времени равновѣсіе между числомъ вступающихъ въ жизнь и числомъ выходящихъ изъ нея. Въ деревняхъ, напротивъ, цифры, даваемая статистикой по книгамъ гражданского состоянія или метрическимъ записямъ (*état civil*), представляютъ совсѣмъ иное отношеніе: тамъ рожденія между туземцами много перевѣшиваютъ смертность, а извѣстно, что внѣ городовъ численно преобладаютъ люди берберской расы.

Движеніе народонаселенія въ городахъ Алжирѣ и Оранѣ въ 1883 и 1884 годахъ, по даннымъ, извлеченнымъ изъ книгъ гражданского состоянія:

	Европейцевъ.	Евреевъ.	Мусульманъ.	Всего.
Алжиръ въ 1883 г.				
Родилось.....	1.330	395	340	2.063
Умерло.....	1.073	263	713	2.049
Разность.....	257	132	373	16
Алжиръ въ 1884 г.				
Родилось.....	1.471	422	363	2.256
Умерло.....	1.037	227	599	1.963
Разность.....	434	195	236	293
Оранъ въ 1883 г.				
Умерло.....	1.750	383	170	2.303
Родилось.....	1.670	377	275	2.322
Разность.....	80	6	105	19
Оранъ въ 1884 г. (Холера).				
Умерло.....	1.776	378	139	2.293
Родилось.....	2.032	405	343	2.779
Разность.....	—255	—27	—204	—486

Извѣстно, какъ сильно размножаются жители Большой Кабилии внѣ своихъ, всегда переполненныхъ ульевъ: въ большихъ смѣшанныхъ общинахъ Джурджуры итогъ рожденій ежегодно въ два раза превышаетъ итогъ смертныхъ случаевъ¹⁾. Даже во многихъ территоріяхъ, называемыхъ «арабскими», но гдѣ основа населенія, по всей вѣроятности, берберская, наблюдается постоянное приращеніе туземцевъ. Въ видѣ примѣра можно указать на племя абдъ-эль-нуръ, живущее въ равнинахъ Сетифа: въ имѣніяхъ Женевской компаніи тщательно изучали съ 1859 г. движеніе мѣстнаго населенія, и оказалось, что регулярно каждый годъ рождаемость превышаетъ смертность.

¹⁾ Camille Sabatier, рукописныя замѣтки.

Движеніе населенія въ смѣшанной общинѣ Бу-Сада (5.192 жит.), по Дега:

1883 г.: 219 родившихся, 192 умерших;
1884 г.: 223 родившихся, 185 умерших.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что элементъ, называемый «туземнымъ», еще долго сохранить за собою численное превосходство, хотя въ кабилскихъ мѣстностяхъ онъ не возрастаетъ такъ быстро, какъ элементъ иностранный. Въ 1885 г. число алжирскихъ арабовъ и берберовъ приблизительно въ шесть разъ превышало цифру переселенцевъ изъ Европы и ихъ дѣтей. Берберы одни составляютъ, вѣроятно, половину всего населенія; они тоже получаютъ нѣкоторый приростъ путемъ иммиграціи, такъ какъ мароккскіе работники, приходящіе въ Алжирію, по большей части принадлежатъ къ кабилской или шеллахской расѣ. Скрещиваясь съ туземцами, негры также содѣйствуютъ укрѣпленію берберскаго элемента, такъ какъ они селятся преимущественно въ сахарскихъ ксурахъ, среди руаговъ; ведя, подобно этому племени, оскдлый образъ жизни, они мало-по-малу усваиваютъ тѣ же привычки и сливаются съ руагами черезъ браки. Со времени прекращенія ввоза невольниковъ, число негровъ въ Алжиріи уменьшается, съ одной стороны вслѣдствіе смѣшенія съ другими расами черезъ браки, съ другой — по причинѣ перевѣса смертности надъ рождаемостью: въ сахарской покатости, до сихъ поръ климатъ Алжиріи былъ имъ губителенъ. Правда ли, какъ это часто повторяли, будто въ Берберіи негрская раса перестаетъ размножаться уже въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи? ¹⁾ По крайней мѣрѣ, это утвержденіе пока еще не подтверждено серьезными статистическими изслѣдованіями.

Со времени завоеванія страны число европейцевъ довольно правильно увеличивалось въ возрастающей прогрессіи. Въ началѣ возрастаніе было замедлено частными эвакуаціями территоріи и препятствіями, которыя губернаторы противопоставляли добровольному переселенію; однажды былъ даже такой случай, что пароходу, привезшему 160 эмигрантовъ изъ Магона, не позволили пристать къ берегу, и бѣдняки принуждены были вернуться на родину, съ которою они уже было-распростились навсегда ²⁾. Увеличеніе европейскаго населенія сначала ограничивалось сотнями душъ въ годъ, потомъ оно дошло до нѣсколькихъ тысячъ, а теперь составляетъ слишкомъ десять тысячъ. Возрастаніе кажется нѣсколько быстрее, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, потому что очень многие евреи, пользуясь званіемъ французскихъ

гражданъ, записываютъ своихъ дѣтей принадлежащими къ нынѣ господствующей націи. Въ первое двадцатипятилѣтіе оккупации европейское населеніе возрастало единственно путемъ притока переселенцевъ. Смертность далеко превосходила рождаемость, что объясняется невѣдѣніемъ новоприбывшихъ относительно законовъ мѣстной гігіены и способами лѣченія, бывшими тогда въ модѣ: съ болотными лихорадками въ то время боролись не стрѣножислымъ хининомъ, а кровопусканіями; страдшіе лихорадкой, если они не переѣзжали въ другой климатъ, были обречены почти на вѣрную смерть; случалось, что полки въ нѣсколько мѣсяцевъ теряли болѣе половины своего наличнаго состава. Новая терапевтика, введенная докторомъ Мальо, была спасеніемъ европейской колонизаціи въ Алжиріи. Благодаря ему, ежегодно были спасаемы тысячи больныхъ, и раса иммигрантовъ могла укорениться въ новомъ отечествѣ. Уменьшенію численности колонистовъ много способствовали также образъ жизни, преобладающій во всякомъ обществѣ, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ женщинъ. Большинство переселенцевъ пріѣзжали въ страну одни, безъ семействъ, и равновѣсіе половъ восстанавливалось лишь постепенно; еще въ 1839 году число мужчинъ почти вътрое превышало число женщинъ. Перевѣс смертности надъ рождаемостью, какъ показываютъ ниже приводимыя статистическія данныя, былъ такъ значителенъ, что гігіенисты ³⁾ считали акклиматизацію европейцевъ въ Алжиріи дѣломъ совершенно неосуществимымъ: воображали, что климатъ Берберіи, какъ это повторяютъ еще относительно климата Египта, смертеленъ для дѣтей европейской расы, и говорили даже, будто никогда иностранное семейство не выживаетъ тамъ далѣе перваго поколѣнія. А между тѣмъ, съ первыхъ же годовъ завоеванія чтеніе эпитафій на римскихъ кладбищахъ въ провинціи Константинѣ показало археологамъ, какъ многочисленны были, дѣтъ тысячи лѣтъ тому назадъ, примѣры долговѣчности между колонистами и ихъ семействами ⁴⁾.

Движеніе европейскаго населенія въ Алжиріи съ 1830 по 1853 г.:

Провинція Алжиръ — 25.411 рождений, 34.979 смерти. случаевъ; провинція Оранъ — 11.755 рождений, 13.692 смерти. случая; провинція Константина — 7.734 рождений, 12.097 смерти. случаевъ.

Факты опровергали теорію, отрицавшую возможность акклиматизаціи европейцевъ. Послѣ періода въ нѣсколько лѣтъ, во время котораго число рождений и смертныхъ случаевъ почти уравнивалось, съ 1865 года

¹⁾ Ch. Laurent, „Mémoire sur le Sahara oriental“; — Boudin, „Histoire statistique de la colonisation et de la population en Algérie“.

²⁾ Campo-Grande, „Boletín de la Sociedad Geográfica de Madrid“, 2 sem. 1881.

³⁾ Boudin, „Du non-cosmopolitisme des races humaines“.

⁴⁾ Foy; — Cherbonneau; — Bertrand; — Masqueray.

рождаемость окончательно взяла верхъ надъ чѣмъ въ Европѣ (среднее число дѣтей на каж- смертностью: въ годовомъ приростѣ европей- дый бракъ въ Алжирѣ, по Рикю: у итальян- скаго населенія около одной пятой приходится цевъ—6; у мальтйцевъ—5, 6; у испанцевъ—

Улица въ Бискрѣ.

на долю избытка рожденій. Браки европей- 5, 4; у французовъ—4; у нѣмцевъ—3); смерт- цевъ въ Алжирѣ, пропорціонально, много- ность менѣе высока; въ нѣкоторые, исключи- численнѣе, чѣмъ въ ихъ метрополіяхъ; пло- тельные годы число рожденій болѣе, чѣмъ на- довитость брачныхъ союзовъ тоже сильнѣе, треть превышало число смертныхъ случаевъ.

хотя десятая часть европейцевъ состоитъ изъ солдатъ, которые лишь въ слабой степени способствуютъ приросту рождений, и между которыми смерть дѣлаетъ, сравнительно, очень обильную жатву.

Движеніе европейскаго и еврейскаго населенія Алжири въ 1883 г. (по даннымъ, сообщаемымъ Рикю въ его книгѣ «*La population européenne en Algérie*»): рождений 12.648; смертныхъ случаевъ 10.512; избытокъ 2.136, или 20%.

Общее движеніе алжирскаго народонаселенія въ періодъ 1886—1893 г.г.: зарегистрировано 136.585 рождений и 118.904 смертныхъ случаевъ.

Правда, частная ассимиляція евреевъ европейцамъ въ реестрахъ гражданскаго состоянія значительно увеличиваетъ пропорцію годового избытка рождений, ибо у алжирскихъ евреевъ, такъ же, какъ и у ихъ европейскихъ единовѣрцевъ, демографическія условія гораздо болѣе благоприятны, чѣмъ у всѣхъ другихъ элементовъ народонаселенія.

Перевѣсъ рождаемости надъ смертностью въ израильскомъ населеніи Алжири¹⁾:

Съ 1887 по 1881 г.—139, въ 1882 г.—149, въ 1883 г.—164 на сто.

Самую благоприятную для себя среду, подобную климатическимъ условіямъ своей первоначальной родины, европейское населеніе находятъ въ возвышенныхъ мѣстностяхъ, и именно въ городахъ, лежащихъ на большой высотѣ, на краю высокихъ плоскогорій, въ Тіаретѣ, Тлемсенѣ, Медеѣ. Уже въ первый періодъ, когда смертность страшно свирѣпствовала въ Алжирѣ и другихъ городахъ побережья, нѣкоторыя поселенія, помѣщенные высоко на горахъ, оказались въ санитарномъ отношеніи неуступающими самымъ здоровымъ мѣстамъ Франціи. Принимая необходимыя предосторожности, европейцы, уроженцы странъ средиземной покатости, чувствуютъ себя въ Алжирѣ такъ же хорошо, какъ чувствовали въ своемъ отечествѣ; что касается сѣверныхъ европейцевъ, то они должны опасаться лѣтнихъ жаровъ, которые могутъ оказывать на нихъ расслабляющее дѣйствіе и постепенно породить анемию. Для европейцевъ опасное время года—періодъ жаровъ, тогда какъ арабы, негры и люди смѣшанной расы всего труднѣе переносятъ холодный сезонъ. Нѣкоторыя болѣзни, какъ напр. дисентерія, болѣе часты въ Алжирѣ, чѣмъ во Франціи; Африка имѣетъ даже свои спеціальныя недуги, напр. такъ называемый «бискрипскій бутонъ», въ оазисахъ; но тифоидальная лихорадка занесена туда недавно, а страшная чахотка тамъ менѣе обыкновенна, чѣмъ въ Западной Европѣ: первыя статистическія изслѣдованія установили

тотъ фактъ, что число случаевъ заболѣванія этимъ недугомъ тамъ, пропорціонально, отъ трехъ до пяти разъ менѣе значительно. Однако, страдающіе грудными болѣзнями, пріѣзжающіе искупать на алжирской почвѣ исцѣленія или продолженія жизни, повидимому, способствуютъ распространенію этого страшнаго бича. Процентъ молодыхъ людей, освобождаемыхъ отъ воинской повинности по болѣзни или по причинѣ слабого тѣлосложенія, болѣе высокъ во Франціи, чѣмъ по другую сторону Средиземнаго моря. Самые красивые люди рождаются на плоскогорьяхъ, особенно въ Тіаретѣ, и изъ равнинныхъ областей населеніе отличается наибольшей силой и красотой въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходитъ смѣшеніе черезъ браки между французами и испанцами.

Въ европейской колоніи французы численно превосходятъ всѣхъ другихъ иностранцевъ, взятыхъ вмѣстѣ. До 1846 года было не такъ, а въ слѣдующіе годы статистика показала лишь состояніе равновѣсія между французами и другими чужеземцами. Начиная съ 1851 г. численный перевѣсъ въ гражданскомъ населеніи Алжири принадлежитъ первымъ; однако, разность незначительна, несмотря на преобладающее вліяніе, даваемое французамъ политическимъ господствомъ.

Численность французовъ и другихъ иностранцевъ въ Алжирѣ съ первыхъ временъ оккупации:

Въ 1833 г.—3.483 франц., 4.329 иностран.; въ 1845 г.—48.274 франц., 61.126 иностр.; въ 1851 г.—66.050 франц., 65.233 иностр.; въ 1881 г.—195.418 франц., 189.944 иностранцевъ; въ 1891 г.—268.000 французовъ, 216.000 иностранцевъ.

Мальтійскіе эмигранты, приходившіе въ первые годы оккупации въ качествѣ мелкихъ торговцевъ (*mercanti*), содержателей трактировъ и садовниковъ, не являются болѣе въ Алжирѣ. Этотъ иммиграціонный потокъ почти изсякъ; но итальянцы, калабріанцы и другіе, являются все болѣе сомкнутыми группами предлагать свои руки для постройки домовъ и дорогъ. Быстрое возрастаніе народонаселенія на Апеннинскомъ полуостровѣ, а также существующая тамъ организація собственности, лишаящая большинство жителей ихъ доли въ землевладѣніи, и обездоленность, являющаяся роковымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей, вынуждаютъ итальянцевъ сотнями тысячъ покидать родину, и Алжирѣ, особенно провинціи Константина, благодаря близости разстоянія, ежегодно получаетъ часть этихъ эмигрантовъ. Но еще гораздо болѣе многочисленны испанскіе колонисты: легкость путешествія черезъ узкій проливъ, раздѣляющій провинціи Мурсію и Оранъ, быть-можетъ, также, до нѣкоторой степени, традиція, оставленная предшущими завоеваніями, и нѣкоторое расовое

¹⁾ Ricoux, «*La population européenne en Algérie*».

родство между обиспанившимися и обарабавившимися берберами, придали капитальную важность движению испанской иммиграции. В первое время, в царствование Фердинанда VII, множество испанских политических эмигрантов также искали убежища в Алжире. В настоящее время переселенцы с Иберийского полуострова, включая сюда и магонцев, считающих себя, впрочем, отдельным населением, составляют почти четверть общего числа европейцев, проживающих в Алжире; в Оранской провинции, административный центр которой, город Оран, некогда был завоеван их предками, они составляют большинство населения.

Народонаселение Алжира по национальностям в 1881 г. (не считая армии):

Берберов и арабов—2.842.497; французов—195.419 и евреев натурализованных—35.663, всего—231.082; испанцев—112.047; итальянцев—31.865; мальтийцев и др. английских подданных—15.149; нѣмцев—3.738; европейцев других национальностей—18.535.

В 1886 г. из общего числа жителей (3.805.684) было 3.565.760 франц. подданных (259.729 французов, 43.182 еврея, 3.262.849 магометан) и 239.924 иностранца (144.530 испанцев, 44.315 итальянцев, 15.533 мальтийца, 4.863 нѣмца).

Испанцы были бы, вѣроятно, еще гораздо более многочисленны, если бы они избѣгали, подобно другим иностранцам, военной службы; но в силу специальной конвенции, все молодые испанцы, проживающие в Алжире, должны выбирать между своим отечеством и алжирской территорией по отбыванию воинской повинности: большинство предпочитают оставаться в Алжире, но служба в рядах французской армии не дает им натурализации.

Однако, даже в Оранской провинции замѣчается стремление к офранужению всех европейских элементов. Так как с званием француза связаны некоторые выгоды, то многие иностранцы стараются воспользоваться ими, приобретая натурализацию. Так, итальянские рыбаки и каботажные моряки, имеющие почти монополию водъ на алжирских берегах, сдѣлались французами; точно также многие испанцы перемѣнили национальность, поступая на государственную или муниципальную службу. Что касается нѣмцев, живущих в Алжире, то треть ихъ натурализовалась с 1871 года, большей частью из желания отклонить от себя подозрѣние во враждебных чувствах к Франціи; кроме того, эльзасъ-лотарингцы, называемые германцами в официальной статистикѣ, также претендуют на титулъ французов. Средним числом, ежегодно 360 иностранцев или тузем-

цевъ подаютъ прошеніе о натурализаціи, не считая тѣхъ, которые по праву получаютъ званіе французскаго гражданина, какъ сыновья иностранцевъ, родившіеся въ краѣ, или какъ поступившіе въ военную службу: это добавочный контингентъ натурализованныхъ, естественно, возрастающій изъ году въ годъ, въ соразмѣрности съ числомъ иностранцевъ. Въ періодъ съ 1865 г. по 1 октября 1885 г. всего разрѣшено натурализацій въ Алжирѣ 7.351.

По национальностямъ, натурализаціи распредѣлялись за время съ 1865 по 1883 г. включительно, слѣдующимъ образомъ:

Нѣмцевъ—2.035; итальянцевъ—1.589; испанцевъ—1.200; мусульманъ туземныхъ, тунисцевъ и мароканцевъ—1.043; швейцарцевъ—226; бельгийцевъ—220; мальтийцевъ—164; другихъ национальностей—330; итого—6.307.

Въ періодъ 1865—94 г.г. натурализовалось 21.636 лицъ; въ 1894 г. 1.460 лицъ.

Иностранцы въ Алжирѣ в 1881 г.:

Родившіеся въ первоначальномъ отечествѣ 118.945 или 62,62%; родившіеся въ Алжирѣ 70.999 или 37,38%.

Изъ этихъ послѣднихъ цифръ видно, что болѣе трети европейцевъ не-французовъ, проживающихъ въ Алжирѣ, принадлежатъ уже ко второму поколѣнію и, слѣдовательно, на половину французы по закону; они сливаются съ алжирцами французской расы въ этомъ обществѣ новой формации, которое стремится организоваться не какъ отдѣльная национальность, а какъ провинціальная группа, имѣющая свои нравы, свои традиціи, свой патріотизмъ, свои спеціальные интересы.

Алжирскіе евреи, происходящіе по большей части отъ евреевъ, изгнанныхъ изъ Андалузіи, были натурализованы гуртомъ въ 1870 году, къ великому скандалу арабовъ и берберовъ мусульманъ, которые недоумѣвали, почему честь быть возведенными на степень гражданъ господствующей расы была дарована этимъ презрѣннымъ существамъ, тогда какъ они, сыны отечества, оставлены на положеніи подданныхъ. Хотя «французы» по имени, большинство туземныхъ евреевъ считаются еще какъ бы составляющими особую націю; однако, ассимиляція, состоявшаяся въ принципѣ, совершается постепенно въ одеждѣ, нравахъ, языкѣ и образѣ мыслей: въ этомъ отношеніи второе поколѣніе натурализованныхъ свидѣлствуетъ о значительной эволюціи, и списки гражданскаго состоянія (l'état civil) не совѣмъ безосновательно смѣшиваютъ, въ большинствѣ муниципальных метрическихъ книгъ, дѣтей французовъ и дѣтей израильтянъ. Что касается арабовъ-магометанъ, то они могли бы требовать натурализаціи лишь въ исключительныхъ случаяхъ и отказываясь отъ предписаній своего священнаго писанія, такъ какъ у нихъ гражданскій

законъ сливается съ религіей: просьба о натурализаціи считается своего рода вѣроотступничествомъ. Не то у кабилонъ, которые никогда не согласовали своей юриспруденціи съ предписаніями Корана; цѣлыя племена требовали натурализаціи, и если бы не канцелярскія формальности и не враждебное отношеніе многихъ чиновниковъ, то навѣрно всѣ пятьсотъ тысячъ жителей Большой Кабиліи охотно ходатайствовали бы о включеніи ихъ во французское общество. Впрочемъ, если туземцы вступаютъ, въ качествѣ гражданъ, въ ряды цивилизованныхъ, то есть не мало французовъ, — больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ, — которые арабизуются или кабилизуются. Первые, принявъ магометанскую вѣру, дѣлаются марабутами по большей части и живутъ припѣвая на приношенія вѣрующихъ. Вторые, одѣтые болѣе чѣмъ просто, какъ и другіе кабилы, работаютъ, какъ они, и разсуждаютъ съ ними въ общественныхъ собраніяхъ. Въ Оранской провинціи много испанокъ повыходили замужъ за арабовъ, не спрашивая разрѣшенія французскихъ властей.

Одна изъ главныхъ причинъ быстрого офранцузенія алжирцевъ различныхъ расъ — это принятіе французскаго діалекта, какъ общеупотребительнаго языка. Можно считать въ миллионъ слишкомъ число дикарей Алжиріи, которые говорятъ этимъ языкомъ или, по крайней мѣрѣ, въ состояніи изъясняться на немъ. До недавняго времени существовалъ родъ посредствующаго языка между людьми всякаго провенанса, населявшими страну; но этотъ языкъ, называемый *zabig*, то-есть «знаніе», какъ будто онъ свидѣлствовалъ объ исключительной наукѣ, былъ безформенный, совершенно рудиментарный говоръ, состоящій изъ двухъ сотенъ словъ, глаголовъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, существительныхъ, прилагательныхъ и нарѣчій, къ которымъ, чтобы сдѣлать рѣчь болѣе повятной, прибавляется живая пантомима и игра фizioноміи. Половина словъ — арабскія, четверть — французскія или провансальскія, остальныя — испанскія, итальянскія или мальтійскія; само собою разумѣется, что на западѣ, противъ Мурсіи, сабиръ содержитъ всего болѣе испанскихъ выраженій, а на востокѣ, особенно въ Ла-Калле, — всего болѣе итальянскихъ формъ. Франко-арабскія школы, еще очень малочисленныя, дѣлаютъ менѣе для исчезновенія сабира, чѣмъ великая школа рынковъ и улицы.

Смѣшанные браки также способствуютъ въ значительной мѣрѣ офранцузенію алжирцевъ. Въ общемъ числѣ ежегодно заключаемыхъ въ Алжиріи браковъ европейцевъ процентъ браковъ между лицами различныхъ національностей годъ отъ году возрастаетъ (въ періодъ съ 1830 по 1881 г. такіе браки составляли 16%;

въ 1882 г. 18%; въ 1883 г. 24%¹⁾). и въ этихъ смѣшанныхъ союзахъ женщины въ большинствѣ случаевъ — иностранки, особенно испанки: честолюбивыя отъ природы, женщины предпочитаютъ вообще француза всякому другому европейцу, даже при равенствѣ состоянія или достоинствъ, просто потому, что французъ принадлежитъ къ господствующей расѣ: впрочемъ, по степени образованія французскій колонистъ стоитъ вообще выше колониста иностраннаго. Однако, эти смѣшанные браки имѣютъ мѣсто по большей части между дѣтьми страны, родившимися на алжирской землѣ и, слѣдовательно, уже соотечественниками, не по происхожденію, но по родной почвѣ. Если французскія семейства возрастаютъ въ числѣ черезъ браки между европейцами, то демаркаціонная линія между европейцами и мусульманами остается почти неподвижной. Брачные союзы, официально заключаемые между эмигрантами и туземцами, очень немногочисленны, составляя всего нѣсколько десятковъ въ десятилѣтіе; а что касается дѣтей смѣшанной расы, рожденныхъ отъ магометанокъ внѣ брака, то они всегда считаются принадлежащими къ расѣ матери, такъ какъ законы Корана не допускаютъ, чтобы могли быть незаконнорожденные дѣти, даже когда они родятся отъ иммигрантокъ племени уладъ-наиль. Вступленіе этихъ метисовъ во французское общество составляетъ исключительный фактъ; но было бы крайне ошибочно полагаться въ этомъ отношеніи на цифры официальной статистики и игнорировать это смѣшанное населеніе, которое образуется въ гражданской территоріи, и которое, оставаясь арабскимъ по имени, становится франко-арабскимъ и по крови, и по нравамъ. Развѣ не къ этому населенію принадлежатъ въ большинствѣ люди всякаго промысла, эти «Beni-Ramassés» (сбродъ), которыхъ въ алжирскомъ жаргонѣ называютъ уладъ-бласа, или «дѣти площади», потому что они не имѣютъ другаго мѣстожителства, кромѣ улицы? По регистрамъ гражданского состоянія, отношеніе незаконныхъ дѣтей къ законнымъ въ европейскихъ семействахъ около одной десятой; оно значительно уменьшилось съ первыхъ десятилѣтій оккупации.

Рожденія въ европейскомъ населеніи Алжиріи въ 1882 г.: законныхъ дѣтей — 12.757; признанныхъ дѣтей — 692; непризнанныхъ дѣтей — 569; всего 14.018.

Одинъ изъ сюрпризовъ, представляемыхъ алжирской статистикой народонаселенія, состоитъ въ томъ, что, будто бы, смертность среди незаконныхъ дѣтей менѣе сильна, чѣмъ среди другихъ новорожденныхъ, пользующихся, однако, вообще гораздо болѣе заботливымъ уходомъ, такъ что невольно задаешь себѣ вопросъ: ста-

¹⁾ Ricoux, «La population européenne en Algérie».

статистическія свѣдѣнія, стоящія въ такомъ явномъ противорѣчіи съ демографическими фактами всѣхъ другихъ странъ, не страдаютъ ли крупными ошибками? Другой выводъ алжирской народной переписи тоже можетъ показаться сомнительнымъ: въ то время, какъ во всѣхъ аріейскихъ странахъ безъ исключенія женщины болѣе многочисленны, чѣмъ мужчины, въ Алжирѣ послѣдніе будто бы имѣютъ численный перевѣсъ, какъ въ Японіи, и даже въ гораздо болѣе значительной пропорціи.

Численное отношеніе половъ въ мусульманскомъ населеніи Алжирѣ, по переписи 1881 г.: мужчинъ — 1.553.768; женщинъ — 1.321.541; разность — 232.227, или 18%.

Весьма вѣроятно, что агенты народной переписи во многихъ случаяхъ не старались добиться на свои вопросы точнаго отвѣта отъ мусульманскихъ главъ семейства. Эти послѣдніе очень неохотно открываютъ тайны семьи: сказать число женщинъ палатки имъ кажется профанаціей; часто отецъ семейства считаетъ только мальчиковъ какъ своихъ «дѣтей»¹⁾. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи статистическія данныя, по всей вѣроятности, ошибочны, ибо численное отношеніе половъ между новорожденными почти такое же для магометанъ, какъ и для европейцевъ Алжирѣ: при переписи несомнѣнно утаили существованіе 200.000 или 250.000 женщинъ, такъ что въ дѣйствительности алжирское народонаселеніе немногимъ менѣе 4 милліоновъ душъ (по переписи 1896 г.: 4.479.000 душъ).

Для этого, относительно, небольшого числа жителей земледѣльческая территорія громадна, но только малая часть ея эксплуатируется; почти всѣ утилизируемыя земли служатъ выгономъ для скота или употребляются для примитивнаго полеводства; даже въ Теллѣ обширныя мѣстности безплодны, а на плоскогорьяхъ глинистыя или солончаковыя площади тянутся на необозримое пространство. Несомнѣнно, что большинство мѣстностей Сѣверной Алжирѣ, нынѣ оголенныхъ, могли бы покрыться лѣсной растительностью и такимъ образомъ приобрести капитальную важность въ составѣ климата и общей экономіи края. По официальнымъ переписямъ, площадь алжирскихъ лѣсовъ почти нормальная: изъ четырнадцати милліоновъ гектаровъ, представляющихъ пространство Телля, около двухъ милліоновъ, то-есть одна седьмая поверхности почвы, будто бы, заняты лѣсами, изъ которыхъ принадлежатъ: казнѣ — 1.403.037 гектар.; общинамъ или племенамъ — 291.666 гектар.; частнымъ лицамъ — 299.428 гектар.

Общую площадь лѣсовъ въ Алжирѣ въ 1893 г. опредѣляли въ 3.248.700 гектаровъ, въ томъ числѣ государственныхъ — 1.759.495 гектар., принадлежащихъ общинамъ — 76.919

гект. и военному управленію — 744.636 гектар. Но въ дѣйствительности большинство этихъ «лѣсовъ» и «лѣсныхъ дачъ» суть не что иное, какъ кустарники, или даже, во многихъ мѣстахъ, залежи, покрытыя тамъ и сямъ мелкой порослью. По исчисленію Тарри, мелкій лѣсъ и кустарникъ составляютъ три пятыхъ всей мѣстной площади; около 822.000 гектаровъ лѣсныхъ дачъ, обмежеванныхъ въ 1884 г. и поставленныхъ подъ надзоръ правительственныхъ агентовъ, принесли доходу всего только 500.000 франк., что составитъ немного болѣе 50 сантим. съ гектара. Хорошо сохранились лѣса только въ восточной Алжирѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Кабилии, въ Теніетъ-эль-Гадѣ и въ массивѣ, продолжающемся на востокъ отъ Уарсениса. Эти лѣса, состоящіе главнымъ образомъ изъ кедра, тянутся на пространствѣ 3.000 гектаровъ, на высотѣ отъ 1.200 до 1.700 метровъ. Вообще можно сказать, что древесная растительность уменьшается въ направленіи съ востока на западъ, въ той же пропорціи, какъ и количество дождей. Въ провинціи Константинѣ лѣса еще довольно значительны; въ провинціи Алжиръ они уже сильно порѣдѣли, а въ Ораніи почти вездѣ исчезли; во многихъ мѣстахъ «лѣсъ» такой, что едва могъ бы давать дрова.

Лѣсная область постепенно суживается подъ влияніемъ различныхъ обстоятельствъ. Во многихъ случаяхъ туземцы, вытѣсненные изъ равнины, должны были удалиться въ лѣса, которые они затѣмъ расчистили подъ плантаціи или подъ выгоны для своихъ стадъ. Въ другихъ мѣстахъ спекулянты повыврубили молодые стволы на жерди и трості и убили старыя деревья, обдирая съ нихъ кору. Но главнымъ факторомъ въ дѣлѣ истребленія лѣсныхъ богатствъ является огонь. Чтобы обновить свои пастбища, иногда также чтобы защитить себя отъ нападенія хищныхъ звѣрей, арабскіе пастухи зажигаютъ сухую траву, пожаръ быстро распространяется, при чемъ не принимаютъ никакихъ мѣръ предосторожности, чтобы ограничить дѣйствіе пламени; при вѣтрѣ огонь охватываетъ лѣса и разливается на обширныя пространства. Иногда туземцы прибѣгаютъ также къ пусканію краснаго пѣтуха, какъ къ средству политической мести. Нѣкоторые изъ этихъ лѣсныхъ пожаровъ принимали ужасающіе размѣры и распространялись на тысячи верстъ. Въ концѣ августа 1865 года огромное пламя, раздуваемое вѣтромъ широко, пожрало въ пять сутокъ, на протяженіи отъ 40 до 75 километровъ, наибольшую часть лѣснаго пояса въ горахъ около Боны. Многочисленныя селенія были осаждены пожаромъ, и жители должны были безпрестанно защищаться отъ огня, срубая всѣ деревья въ сосѣдствѣ своихъ домовъ, выкашивая траву, ударяя зелеными вѣтвями по пылающей землѣ; громадная площадь сли-

¹⁾ Maurice Wahl, „Algérie“.

комъ въ 103.000 гектаровъ была совершенно опустошена. Въ 1881 году лѣса въ окрестностяхъ города Бужи тоже были истреблены огнемъ; 1885 году Оранская провинція потеряла лучшіе остатки своихъ лѣсныхъ богатствъ. Въ 1893 г. въ Алжирѣ выгорѣло 47.756 гектар., а съ 1876 г. убытки, причиненные лѣсными пожарами, составляли слишкомъ 33 милліона франк. Чтобы избѣгнуть на будущее время повторенія подобныхъ катастрофъ и спасти то, что еще уцѣлѣло отъ лѣсныхъ пожаровъ, придумали жестокую мѣру—подвергать отвѣтственности коллективно всѣхъ членовъ племени, на территоріи котораго объявился огонь, и конфисковать ихъ земли. Въ 1881 году недвижимыя имущества 38 такихъ общинъ, связанныхъ круговой порукой, попали подъ секвестръ; но это варварское средство въ то же время и бесполезно, потому что виновники пожара, вольные или невольные, почти всегда принадлежатъ къ другимъ племенамъ, а не къ тому, на которое обрушивается кара: понятно, что такое, принимаемое наугадъ, наказаніе порождаетъ не раскаявающихся, а озлобленныхъ, готовыхъ поднять знамя бунта. Въмѣсто того, чтобы запрещать палы сухой травы и мелкаго кустарника, слѣдовало бы сговориться съ туземцами на счетъ выбора наиболѣе удобнаго момента для пусканія огня и для ограниченія его распространенія ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ арабы и кабилы, которыхъ просили оказывать дѣятельное содѣйствіе охраненію лѣсовъ, не пугая ихъ угрозами наказанія, сдѣлались лучшими союзниками лѣсныхъ сторожей, примѣромъ чего можетъ служить лѣсъ около Акфаду, въ восточной Кабилѣ, такъ же заботливо охраняемый, какъ лучшіе лѣса западной Европы; кабилы окружающихъ племенъ поддерживаютъ тропинки и защищаютъ деревья отъ огня, топора и зуба козъ; они оберегаютъ этотъ лѣсъ съ любовью, какъ славу своей земли. «Мнѣ не такъ тяжело видѣть мертваго человѣка, какъ срубленное дерево» ²⁾, говорилъ одинъ кабилскій аминъ французскому администратору.

Но огромное большинство алжирцевъ, туземцевъ, французовъ или иностранцевъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало заботятся о сохраненіи лѣсныхъ богатствъ, имѣющихъ столь важное значеніе для будущности страны. Нельзя, конечно, утверждать, что обезлѣсеніе влечетъ за собой уменьшеніе годоваго количества дождей, но не подлежитъ сомнѣнію, что съ исчезновеніемъ лѣсовъ дождевая вода получаетъ возможность быстрѣе убѣгать по скатамъ или въ трещины скалы, а въ Алжирѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ, прилегающихъ къ Средиземному морю странахъ, свойство почвы способствуетъ тому,

что обезлѣсеніе сопровождается этими гибельными послѣдствіями. Въ Теллѣ известняки занимаютъ обширѣйшія пространства, и повсюду, гдѣ поверхность обезлѣсена, камень скоро теряетъ весь свой слой растительной земли: остовъ горъ оголяется. Въ другихъ мѣстахъ грунтъ состоитъ изъ земель безъ достаточнаго сцѣпленія; почва, не сдерживаемая болѣе развитіями корней, размывается, образуетъ рытвины и овраги и стекаетъ потоками грязи на воздѣланныя пространства равнины; скаты возвышенностей теряютъ мало-по-малу свой травяной покровъ и слой растительной земли; источники, не поддерживаемые болѣе медленнымъ просачиваніемъ капель сквозь пористую травой почву, изсякаютъ въ нѣсколько лѣтъ; орошеніе становится невозможнымъ, поля покидаются, и иногда даже города остаются безъ ключей и колодезевъ; такъ, напримѣръ, принуждены были организовать правильныя подвозы воды для города Сенъ-Дени на Сигѣ, лежащаго, однако, на берегахъ «рѣки» ¹⁾. Современная исторія Алжирѣ представляетъ уже многочисленные примѣры фонтановъ, которые высохли, долинъ, недавно зеленѣвшихъ, которыя теперь не заключаютъ ничего, кромѣ глины и камней ²⁾. Такъ, по закону сцѣпленія причинъ и слѣдствій, полное обезлѣсеніе почвы повело бы роковымъ образомъ къ уничтоженію земледѣльческой культуры и обезлюднѣнію страны. Принятое разграниченіе между Теллемъ и пустыней не имѣетъ ничего безусловнаго: когда долго не бываетъ дождей, пустыня разрастается на счетъ Телля; тамъ, гдѣ почва орошается, Телль снова отвоевываетъ у пустыни полосу земли ³⁾.

Новое засаженіе деревьями выпущенныхъ пространствъ, разведеніе лѣса или травы на оголенныхъ земляхъ составляетъ, слѣдовательно, одну изъ насущныхъ потребностей края. Если бы не общая безпечность, легко могли бы въ нѣсколько лѣтъ возстановить обширныя лѣсныя площади, такъ какъ почвенныя условія почти вездѣ благоприятны произрастанію деревъ. Даже не было бы надобности въ лѣсосѣяніи или лѣсонасаженіи; такъ же какъ въ Карсо, на берегахъ Адриатики, здѣсь достаточно огородить данный участокъ земли и запретить выгонъ скота, чтобы сѣмена, содержащіяся въ почвѣ, взойшли и скоро образовали нарождающійся лѣсъ. Защищенный кустарникъ тоже превращается въ лѣсъ: достаточно срѣзать кусты вокругъ деревьевъ, стремящихся тамъ и сямъ подняться надъ чащей. Даже большая часть высокихъ плато, хотя получающихъ незначительное количество влаги, могла бы

¹⁾ Camille Sabatier, рукописныя замѣтки.

²⁾ Reynard, «La Question forestière en Algérie:—Influence du déboisement sur le débit des sources», «Ligue du Reboisement».

³⁾ A. Duponchel, «Le Chemin de fer Transsaharien».

¹⁾ Trolard, «Ligne du Reboisement».

²⁾ Duchesne, рукописныя замѣтки.

быть облѣсена, какъ это доказываютъ остатки прежнихъ лѣсовъ и новыя насаждения въ Джельфѣ, Мешеріи и другихъ французскихъ поселеніяхъ; тамъ, гдѣ почва недостаточно влажна, чтобы питать деревья, можно бы было развести кормовыя травы, растущія на безводныхъ и даже солончаковыхъ земляхъ, какъ, напримѣръ, австралійскія лебедовыя (*sheep-or-deae*)¹⁾; это былъ бы большой ресурсъ для стада. Вообще австралійская флора, уже обогащенная Алжирю различными видами эвкалипта и акаци, кажется, всего лучше могла бы дополнять флору средиземную для цѣлей облѣсенія плоскогорій и покатостей Мавританіи; веллингтонія тоже очень хорошо растетъ въ сухихъ мѣстахъ возвышенностей. По программѣ, выработанной въ 1885 г. алжирскимъ правительствомъ, намѣчены пространства, заключающія въ сложности около 110.000 гектаровъ, и облѣсеніе которыхъ обошлось бы около 17 миллионъ франковъ.

По счастью, дѣло колонистовъ не въ одномъ только истребленіи лѣсовъ: они также и насаждали; культура начинается разведеніемъ древесной растительности. Каждый городъ, каждая деревня, каждый отдѣльно стоящій поселокъ имѣетъ свой массивъ деревьевъ и кустарниковъ; въ равнинахъ всѣ жилища указываются издали зеленою эвкалиптовъ и другихъ большихъ деревьевъ. Въ Алжиріи есть много деревень съ такими же прекрасными аллеями, какія можно встрѣтить только въ большихъ городахъ метрополіи. Впрочемъ, эти насаждения были необходимы для ассенизирования страны; такъ Буфарикъ, воздухъ котораго «отравлялъ даже перелетныхъ птицъ», былъ этимъ способомъ избавленъ отъ лихорадки, а Митиджа превращена въ одинъ сплошной садъ; точно такъ же желѣзнодорожныя станціи, гдѣ въ началѣ пребываніе было опасно, сдѣлались здоровыми мѣстами. Вдоль рельсовыхъ путей разведены въ разныхъ мѣстахъ древесные питомники, и въ равнинѣ Шелифа, гдѣ до постройки желѣзной дороги не видно было ни одного дерева, теперь всѣ домики сторожей окружены садами; въ 1884 году вдоль дороги изъ Алжира въ Оранъ насчитывали 470.000 высокоствольныхъ деревъ и около четырехъ миллионъ деревъ на откосахъ и по краямъ полотна. Въ 1867 г. число растений всякаго рода, введенныхъ французами въ культурную флору Алжиріи, доходило уже до сотни, а въ опытномъ саду (*jardin d'acclimatation*) столицы съ успѣхомъ произрастали четыре съ половиной тысячи экзотическихъ видовъ. Эвкалиптъ, самая распространенная древесная порода, распространяемая даже до злоупотребленія, такъ какъ его сажаютъ и на сухихъ почвахъ, у которыхъ

онъ отнимаетъ послѣднюю влагу,—былъ введенъ въ первый разъ въ 1861 году въ саду Гаммы. Теперь уже существуетъ болѣе сотни разновидностей этого дерева.

Нѣкоторые колонисты, пока еще очень немногіе, утилизировали лѣса дикихъ маслинъ, встрѣчающіеся въ одной половинѣ Телля и въ Ауресѣ, и улучшили ихъ прививкой.

Маслинъ, привитыхъ европейскими колонистами въ 1887 г.—500.000; маслинъ, привитыхъ туземцами-колонистами въ 1887 г.—1.200.000.

Ни одна область средиземнаго бассейна не представляетъ болѣе благоприятныхъ условій для производства оливковаго масла; но, за исключеніемъ Кабилии и нѣкоторыхъ округовъ провинціи Константины, масличные рощи въ пренебреженіи и даютъ лишь продуктъ посредственнаго качества, употребляемый марсельцами для приготовленія мыла; столовое же масло, употребляемое въ Алжиріи, почти все привозится изъ Франціи.

Торговля оливковымъ масломъ въ Алжиріи въ 1882 г.: привозъ—2.711.316 килограм.; вывозъ—323.736 килограм.

На восточныхъ плоскогорьяхъ, также какъ въ долинахъ Джебель-Ауреса, гдѣ нашли въ такомъ множествѣ остатки римскихъ прессовъ, существуетъ лишь нѣсколько рощицъ оливковаго дерева, которыя, впрочемъ, вмѣстѣ съ оливковыми плантаціями въ окрестностяхъ Бужи, даютъ лучшее масло, какое производитъ Сѣверная Африка; торговцы племени шанба возятъ его до Туата, а туареги до Томбукту. Между тѣмъ маслина, «первое между деревьями», какъ называетъ ее Колумелла, имѣетъ за собою то капитальное преимущество, что она даетъ одновременно тѣнь, плоды, драгоценный строевой матеріалъ, топливо и защиту растеніямъ, прозябающимъ подъ ея вѣтвями; даже въ многолѣтнемъ возрастѣ она продолжаетъ жить въ той почвѣ, куда ее пересадить¹⁾; нельзя не удивляться, что между такимъ множествомъ страстныхъ насадителей винограда такъ мало находится охотниковъ присоединить разведеніе маслины къ культурѣ виноградной лозы. Смоковница—самое обыкновенное дерево въ Сѣверной Алжиріи, дерево, которое всего лучше выноситъ засуху, благодаря своимъ длиннымъ корнямъ, глубоко проникающимъ въ трещины скалъ, чтобы извлекать тамъ необходимую влагу; особенно хорошо растетъ она въ каменистыхъ оврагахъ, въ узкихъ долинахъ горъ, и преимущественно въ Кабилии, гдѣ она почти такъ же полезна, какъ финиковая пальма на границахъ пустыни. Однако, наиболѣе утилизируемымъ деревомъ въ сѣверной Алжиріи все еще остается пробковый дубъ: кора его, цѣни-

¹⁾ „Bulletin de la Ligue du Reboisement de l'Algérie“, 1885.

¹⁾ Bonnemain, „Bulletin de la Ligue du Reboisement“, 1884.

мая, правда, ниже, чѣмъ кора каталонскихъ дубовъ, составляетъ, тѣмъ не менѣе, весьма важный предметъ торговли; такъ, въ 1881 г. вывезено изъ алжирскихъ портовъ 3.850 тоннъ пробокъ, на сумму 4.620.000 франковъ. Но вычислено, что при болѣе разумной эксплуатаціи существующіе лѣса пробкового дуба могли бы приносить Алжиріи около пятнадцати милліоновъ франковъ, то-есть почти вчетверо больше, чѣмъ нынѣ получаемый съ нихъ годовой доходъ.

Въ алжирской Сахарѣ богатство жителей составляетъ другое, еще болѣе драгоценное дерево—финиковая пальма. Безъ этой пальмы, которая даетъ имъ половину необходимаго пропитанія и средства для покупки другой половины, сахарцы не могли бы жить въ этой мѣстности, окруженной песками: ихъ оазисъ снова былъ бы завоеванъ пустыней. Каждое дерево пользуется тамъ такимъ же заботливымъ уходомъ, какъ членъ семьи: надо поливать его, очищать и подрѣзывать, посыпать его цвѣтки оплодотворяющею цвѣтенью. На него смотрятъ какъ на существо, одаренное жизнью и страстями, умѣющее выражать свою благодарность обиліемъ плодовъ, или гнѣвъ за дурное обращеніе—безплодіемъ. «Когда срубаютъ живую пальму, говоритъ легенда, приведенная у Мишле, дерево испускаетъ жалобные вопли, словно ребенокъ, и эти стоны приводятъ въ содроганіе его палатокъ». До недавняго времени во всѣхъ магометанскихъ странахъ, а въ Марокко и теперь еще, международное право, позволяющее убивать людей, запрещаетъ трогать пальму¹⁾. Сколько разъ, однако, во время войнъ, были истребляемы цѣлые пальмовые лѣса, послѣ чего сыпучіе пески безпрепятственно завладѣвали оазисомъ. Такъ, при осадахъ Лагуата и Заахи финиковыя пальмы вырубались тысячами, чтобы дать проходъ артиллеріи и штурмовымъ колоннамъ, или выморить голодомъ туземцевъ; точно также въ Кабилии часто уничтожали оливковыя деревья, чтобы заставить жителей просить пощады. Въ настоящее время буреніе артезианскихъ колодезевъ позволяетъ вознаграждать съ лихвой за сдѣланное зло, создавая новые оазисы. Совокупность пальмовыхъ лѣсовъ въ южной Алжиріи заключаетъ около трехъ милліоновъ деревъ, и доходы съ нихъ превышаютъ 60 милліоновъ франковъ. Въ нѣкоторыхъ оазисахъ, между прочимъ, въ Мзабѣ, цѣнность этихъ дорогихъ деревьевъ доходитъ до 800 франк. за пальму²⁾.

Число финиковыхъ пальмъ въ Алжиріи, по разнымъ статистическимъ даннымъ, собран-

нымъ въ промежутокъ времени отъ 1880 по 1884 г.

Годна — 20.000; Уаргла — 600.000; Эль-Кантара — 76.000; Лагуатъ и Мзи — 42.000; Зибанъ — 556.000; Уадъ-Джедда — 100.000; Бискра — 150.000; Мзабъ — 193.000; Уадъ-Ригъ — 592.000; Метлили — 17.000; Тугуртъ — 170.000; Эль-Голеа — 16.000; Суфъ — 180.000 Ксуръ Оранскаго юга — 20.000 деревъ.

Доходъ отъ пальмовыхъ плантацій, по Фо и Фуру, простирается до 28.000.000 франковъ.

Главную культуру Телля все еще составляютъ хлѣбныя растенія, какъ во времена римскаго господства: арабы и кабилы сѣютъ твердую пшеницу, ячмень, бешну или просо, кукурузу (маисъ), и со времени прибытія французовъ—рожь, овесъ и мягкую пшеницу; въ дождливые годы эти туземные земледѣльцы, отчасти вытѣсненные европейскими колонистами, которые получаютъ болѣе обильный урожай, благодаря лучшей обработкѣ почвы, доставляютъ количество зерноваго хлѣба болѣе, чѣмъ достаточное для прокормленія людей и животныхъ; кромѣ того, часть хлѣба вывозится за границу—ячмень, овесъ и твердая пшеница, очень цѣнимая для фабрикаціи макаронъ и т. п.: въ обыкновенные годы зерновые продукты составляютъ одну пятую алжирскаго экспорта. Кормовыя травы также собираются въ большомъ количествѣ въ сырыхъ мѣстностяхъ Телля, особенно въ окрестностяхъ Боны.

Средній сборъ хлѣбовъ съ гектара въ 1894 г. въ метрич. квинталахъ:

	Мягкая пшеница.	Твердая пшеница.	Ячмень.
У европейск. колонистовъ.....	9,36	8,33	10,20
„туземныхъ земледѣльцевъ....	5,67	6	7,90

Производство зерновыхъ хлѣбовъ въ Алжиріи въ 1894 г.: 28.178.138 метрич. квинталовъ при площади посѣва 2.799.404 гектар.

Извѣстно, что садоводы алжирскаго побережья отправляютъ во Францію значительныя количества первинковъ и фруктовъ: апельсиновъ, лимоновъ, банановъ, японской ирги (въ 1880 г. апельсинныя роши въ Блидѣ занимали площадь около 400 гектаровъ и производили среднимъ числомъ 40 милліоновъ апельсиновъ цѣнностью на 800.000 франк.); если бы они имѣли достаточные запасы воды для развитія своихъ культуръ, то легко могли бы снабжать своими произведеніями рынки Западной Европы. Вывозимые плоды и теперь уже поддерживаютъ значительное торговое движеніе, но это движеніе несомнѣнно приметъ гораздо болѣе обширныя размѣры, когда весь орошаемый поясъ побережья и Сахары будетъ превращенъ въ одинъ огромный садъ. Между промышленными растеніями табакъ—одно изъ наиболѣе предпочитаемыхъ колонистами, благо-

¹⁾ G. Kohn, „Meine Reise durch Marocco und die grosse Wüste“.

²⁾ Paul Soleillet, „Bulletin de la Société de Géographie de Bordeaux“.

даря свободѣ культуры и фабрикаціи; однако, хлопко́въ Соединенныхъ Штатовъ. Левъ и многіе плантаторы оставили эту отрасль сельскохозяйственной промышленности и перешли къ виноградарству. Хлопчатникъ тоже имѣлъ такъ много толковали, не распространяя ее,

Ущелье Джебель-Тиза.

свой періодъ моды, именно во время американской войны, но теперь его можно увидѣть лишь на немногихъ поляхъ Телля и въ уѣдѣ Ригъ, гдѣ воздѣлываются суданскіе сорта, волокно которыхъ походитъ на «длинно-шелковистый»

однако, по причинѣ трудности обработки волокна, все еще находится въ періодѣ опытовъ. Что касается варварійской смоковницы, которую французы утилизируютъ только для огораживанія своихъ полей, то она способ-

ствуется въ значительной мѣрѣ продовольствію туземнаго населенія. Когда наступитъ «сезонъ фигъ», многіе арабы, имѣя достаточный запасъ пищи, отказываются работать на поляхъ.

Еще гораздо важнѣе эксплуатація одного дикаго горнаго растенія, альфы, на которую одна финансовая компанія выхлопотала себѣ монополію на пространствѣ 300.000 гектаровъ, къ югу отъ Саиды; годовой доходъ отъ этой эксплуатаціи составляетъ отъ 15 до 20 милліоновъ франк. Волокно альфы—или аифе, какъ ее называли прежде въ Марсели—употребляется главнымъ образомъ для приготовления бумажной массы: такъ какъ спарта въ провинціи Мурсиі почти совершенно истощилась, то англійскіе фабриканты, главные покупатели этихъ волоконъ, стали выписывать альфу, которую они находили на рынкѣ Орана, и промыселъ собирателей альфы постепенно распространился на плоскогорьяхъ; первый грузъ этого продукта былъ взятъ англійскимъ кораблемъ, въ Оранскомъ портѣ, въ 1862 году.

Вывозъ альфы изъ Алжиріи (въ метрич. квинталахъ): Въ 1862 г.—10.500; въ 1869 г.—90.000; въ 1870 г.—370.000; въ 1885 г.—800.000; въ 1894 г.—818.816 (изъ этого количества 799.232 квинтала въ Англію).

Французскимъ промышленникамъ трудно конкурировать съ англійскими въ отношеніи утилизаціи этого продукта, такъ какъ писчебумажныя фабрики находятся внутри материка, и потому къ цѣнѣ волокна прибавляется большою дополнителенный расходъ—провозная плата. Но уже обширныя пространства не представляютъ ни одного пучка альфы, и, можетъ быть, даже поздно задаваться мыслью о разведеніи ея вновь на нѣкоторыхъ оранскихъ плато: для «палочекъ», которыми пользуются испанскіе рабочіе, составляющіе почти весь персоналъ рабочихъ на верфяхъ, часто вырывается все растеніе съ корнями. Нѣкоторые спекулянты пытаются замѣнить альфу дисомъ, другимъ растеніемъ, волокна котораго съ давнихъ поръ употребляются арабами для выдѣлки мѣшковъ и веревокъ. Низкорослая пальма, сердцевина и почки которой служатъ пищей туземцамъ, а волокно употребляется для приготовления растительнаго конского волоса, тоже могла бы быть эксплуатируема въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Слѣдовало бы также утилизировать бамбукъ, отличающійся очень быстрой растительностью во влажной атмосферѣ морскаго побережья, но пока еще культивируемый только въ садахъ.

Въ послѣдніе годы дѣятельность земледѣльцевъ направилась, главнымъ образомъ, къ культурѣ винограда; его насадили во всей области Телля и даже на высокихъ плоскогорьяхъ. Эта промышленность, получившая теперь такое важное значеніе, не всегда была покровительствуема французскою администраціей: до 1850

года, пока колонія въ торговомъ отношеніи причислялась къ иностраннымъ государствамъ, введеніе виноградарства было запрещено, какъ могущее нанести ущербъ интересамъ метрополіи. Но въ послѣднее десятилѣтіе площадь алжирскихъ виноградниковъ значительно расширилась, и магометане, относительно которыхъ данныя сельскохозяйственной статистики менѣе точны, чѣмъ относительно европейскихъ колонистовъ, тоже разводятъ виноградники и пробуютъ готовить вина, несмотря на запреты Корана.

Число плантаторовъ винограда въ 1895 г.: 28.727 изъ нихъ—16.734 европейцевъ.

Какъ быстро развивалась эта отрасль сельского хозяйства въ послѣдніе годы—показываютъ слѣдующія цифры:

Виноградники Алжиріи: Въ 1850 г.: Площадь—792 гектар. Сборъ—6.000 гектолитр.; въ 1864 г.: Площадь—9.715 гектар. Сборъ—64.000 гектолитр.; въ 1876 г.: Площадь—16.700 гектар. Сборъ—221.435 гектолитр.; въ 1882 г.: Площадь—39.768 гектар. Сборъ—681.335 гектолитр.; въ 1884 г.: Площадь—60.000 гектар. Сборъ—896.291 гектолитр.; въ 1885 г.: Площадь—100.000 гектар. Сборъ—2.393.000 гектолитр.; въ 1895 г.: Площадь—120.868 гектар. Сборъ—3.797.693 гектолитр.

Такимъ образомъ послѣ странъ съ обширнымъ виноградарствомъ и винодѣліемъ, каковы Франція, Испанія, Италія, Венгрія, алжирская территорія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по протяженію своихъ виноградниковъ; нѣкоторыя изъ ея винъ, между прочимъ, миланскія, высоко цѣнятся; въ прошломъ столѣтіи путешественникъ Шау сравнивалъ вкусъ алжирскаго вина со вкусомъ вина «Эр-митажъ». Въ Алжиріи основывались большія компаніи для расчистки почвы и разведенія винограда на пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ, даже тысячъ гектаровъ въ одной межѣ. Тѣмъ не менѣе, алжирскіе виноградари пользуются своимъ благосостояніемъ не совсѣмъ безмятежно. Съ 1885 г. и здѣсь появилась филлоксера, сначала въ одномъ мансурскомъ виноградникѣ, близъ Тлемсена, затѣмъ въ виноградникахъ Сиди-Бель-Аббеса, и теперь каждый владѣлецъ тревожно осматриваетъ свои растенія, чтобы убѣдиться, что страшное насѣкомое еще не напало на его виноградникъ.

Не менѣе страшенъ другой бичъ—саранча въ такой странѣ, какъ Алжирія, прилегающая къ степямъ, гдѣ эти насѣкомыя рождаются мѣстами, къ великому удовольствію кочевниковъ, которые питаются ими и даже солить ихъ въ прокъ¹⁾. Во время одного маленькаго нашествія, въ округѣ Меден, въ 1874 году, почище саранчи занимало 25 километровъ по

¹⁾ Ch. Tissot, «Géographie comparée de la province romaine d'Afrique».

фронту, при 4 километр. протяженія въ длину, то-есть 100 квадратных километровъ, и заключало въ своихъ рядахъ по меньшей мѣрѣ 50 миллиардовъ грызуновъ. Особенно значительны были опустошенія, произведенныя пѣшей или странствующей саранчей (*acridium migratorium*): непосредственный вредъ, причиненный истребленіемъ растительности, исчисляли въ 50 милліоновъ франковъ; но дальнѣйшія послѣдствія были гораздо серьезнѣе, такъ какъ въ слѣдующемъ году наступилъ страшный голодъ, результатъ неурожая. Сколько арабовъ погибло голодной смертью—въ точности не извѣстно: можетъ-быть, около полмилліона. Съ того времени удалось локализовать ужасный бичъ, воздвигнуть плотину противъ этого живаго наводненія. Металлическіе листы, положенные наклонно и окаймленные рвами, представляютъ непроходимую преграду пѣшей саранчѣ. Что касается крылатой саранчи, то она дѣлаетъ сравнительно мало опустошеній ¹⁾. Въ 1865 году огромное летучее облако было принесено вѣтромъ въ море: на берегу груды гнющихъ труповъ саранчи достигли отъ 3 до 4 метровъ высоты ²⁾.

Скотоводы Алжиріи могутъ похвалиться однимъ животнымъ—великопшными варварійскими лошадьми, которыя рождаются на высокихъ плоскогорьяхъ, въ дуарахъ кочевниковъ. Туземцы владѣютъ четырьмя пятими всего конскаго населенія Алжиріи, но доля европейскихъ колонистовъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ; арабы имѣютъ наибольшее количество муловъ и ословъ; наконецъ, можно сказать, что имъ принадлежатъ всѣ верблюды; изъ европейскихъ поселенцевъ это животное можно встрѣтить лишь у очень немногихъ, пріобрѣвшихъ его путемъ покупки.

Домашній скотъ у европейцевъ и туземцевъ къ 1 января 1895 г.:

	У европейцевъ.	У туземцевъ.	ВСЕГО.
Лошадей.....	40.740	167.797	208.537
Муловъ.....	25.756	113.639	139.395
Ословъ.....	12.471	262.497	274.968
Верблюдовъ.....	103	245.936	246.039
Крупнаго рогатаго скота.....	131.768	1.001.831	1.133.599
Овецъ и барановъ.....	333.926	7.361.863	7.695.789
Козъ.....	71.218	3.296.907	3.368.125
Свиней.....	83.685	15	83.700
ИТОГО.....	699.667	12.450.485	13.150.152
Ульевъ (1893 г.).....			209.807

Такимъ образомъ арабамъ же принадлежатъ большая часть крупнаго рогатаго скота и самыя многочисленныя стада барановъ и козъ, эти «ходячіе силосы», уходъ за которыми, впрочемъ, очень небрежный; главный рынокъ по торговлѣ скотомъ находится въ арабской землѣ, въ Тіаретѣ.

Вывозъ скота и продуктовъ животноводства изъ Алжиріи въ 1896 г.: барановъ, овецъ и пр.—на сумму 41.400.000 фр., шерсти—на 12.000.000 фр., кожъ и шкуръ—на 5.400.000 фр.

Шерсть алжирскихъ овецъ, несмѣшанныхъ съ другой породой, грубая, и каждое руно представляетъ не болѣе двухъ третей руна мериносовой помѣси. До недавняго времени туземные пастухи употребляли для стрижки не ножницы, а серпъ, который, вмѣстѣ съ шерстью, вырѣзывалъ цѣлые куски мяса у несчастныхъ животныхъ ¹⁾. Свиньи почти всѣ у европейскихъ поселенцевъ, но есть и кабилы, которые держатъ это «нечистое» животное. Неурожай кормовыхъ травъ значительно уменьшилъ количество скота въ 1882 г.: у арабовъ погибло болѣе милліона головъ, у колонистовъ же число животныхъ немного возрасло, безъ сомнѣнія, по причинѣ легкости покупки.

Со времени французской оккупации дѣлалось много попытокъ ввести новыя разновидности домашнихъ животныхъ и улучшать мѣстныя породы. На высокихъ плоскогорьяхъ теперь пасется рогатый скотъ швейцарскаго происхожденія, который крупнѣе и сильнѣе алжирскихъ видовъ изъ Гельмы, Кабилии, Орана, Бени-Слиманъ. Алжирцы ввезли также, въ 1868 г., стада мериносовъ, но эти животные подвержены паршѣ. Алжирскіе виды, особенно курдючные или «варварійскіе» бараны, живущіе въ провинціи Алжиръ, избѣгаютъ смертности, причиняемой болѣзью селезенки; они, правда, заболѣваютъ болѣе или менѣе серьезно, но черезъ нѣсколько дней выздоравливаютъ сами собой, безъ всякаго лѣченія. Крупный рогатый скотъ тоже гарантированъ отъ заболѣваемости, но козы и кролики истребляются во множествѣ этой болѣзью. Поэтому было бы желательно введеніе алжирскихъ стадъ въ метрополию для обновленія французской породы въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Босъ, Солонь, Ланды, гдѣ ежегодно погибаетъ много скота вслѣдствіе бактериальнаго зараженія ²⁾; однако, большинство алжирскихъ животныхъ, особенно бараны, качествомъ слишкомъ много уступаютъ французскимъ, чтобы ихъ можно было принять въ овчарни метрополи. Прежде чѣмъ вывозить алжирскихъ барановъ не только подъ видомъ мяса, но и для скрещиванія, необходимо улучшить ихъ породу. Ангорская коза вполне акклиматизировалась въ Алжиріи, гдѣ она лучше арабской выноситъ перемены температуры, давая гораздо болѣе тонкую шерсть, которую начинаютъ употреблять, какъ и на Мысѣ Доброй Надежды, для

¹⁾ Pomel, «Races indigènes de l'Algérie».

¹⁾ Durand, «Association française pour l'avancement des sciences», session d'Alger, 1882.

²⁾ Camille Sabatier, рукописныя записки.

²⁾ Chaveau, рукописныя записки;—Delamote, «Bulletin de l'Association Scientifique Algérienne», 1880, 2-e fascicule.

тканья прекрасной материи, называемой «могеръ». Известно, что многие скотоводы въ окрестностях Алжира, а также въ Ораніи и на уэдѣ Ригъ, пробовали прибавить страуса къ своимъ стадамъ, но дѣло это такъ и остается въ періодѣ попытокъ: всѣ вмѣстѣ они имѣютъ около сотни этихъ птицъ; однако, нельзя еще утверждать, что одомашненіе страуса въ алжирскихъ паркахъ составляетъ совершившійся фактъ.

Также какъ въ большей части другихъ странъ, заселенныхъ путемъ колонизаціи, между которыми первое мѣсто занимаютъ Соединенные Штаты С. Америки, въ Алжирѣ нѣтъ крестьянъ въ собственномъ смыслѣ. Европейское населеніе деревень, представляющее почти половину эмигрантовъ (въ 1881 г. европейское населеніе состояло изъ 146.657 душъ), въ большинствѣ городского происхожденія, и даже то, которое по рожденію принадлежитъ деревнѣ, жило впоследствии въ городахъ, гдѣ его понятія и нравы уже существенно измѣнились. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ явленіе, обратное тому, которое мы наблюдаемъ во Франціи. Въ метрополіи городъ заселяется деревенскими жителями, въ Алжирѣ сельскія мѣстности колонизируются горожанами: это немаловажная выгода, даже съ сельскохозяйственной точки зрѣнія, ибо французъ, переселившійся изъ города въ алжирскую деревню, не связанъ въ своей дѣятельности рутинной; онъ легче, чѣмъ деревенскій житель, приспосабливается къ своей новой средѣ; въ то же время онъ отличается большей инициативой въ своихъ земледѣльческихъ приемахъ, также какъ большимъ духомъ свободы въ своей политической жизни. Сравнительно, алжирцы богаче сельскохозяйственнымъ инвентаремъ, и инвентарь этотъ у нихъ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ у земледѣльцевъ метрополіи; даже туземцы употребляютъ во многихъ мѣстахъ усовершенствованные плуги.

Земледѣльческій инвентарь въ Алжирѣ, въ 1882 г.:

	У европейц.	У туземц.	Всего.
Плуговъ	35.841	251.440	287.281
Фуры и телеги	20.257	865	21.122
Разныхъ орудій	32.512	2.137	34.649
Итого	88.600	254.442	343.052
Цѣнность	14.821.709 фр.	3.429.272 фр.	18.250.981 фр.

Въ европейскомъ сельскомъ населеніи большинство составляютъ, разумѣется, французы, такъ какъ имъ раздаются правительствомъ земли. Послѣ утраты Эльзаса и Лотарингіи, около тысячи семействъ, покинувшихъ родину, были щедро надѣлены полями, благодаря пожертвованіямъ, собраннымъ французскими дамами, и 58 деревень были основаны или расширены, чтобы принять этихъ переселенцевъ. Однако, большинство уступленныхъ казною зе-

мель уже перешли въ другія руки. Колонисты становятся собственниками только подъ условіемъ прожить не менѣе пяти лѣтъ въ имѣніи, данномъ имъ государствомъ. Но въ продолженіи десятилѣтія, слѣдующаго за окончательнымъ утвержденіемъ колонистовъ въ правахъ владѣнія, около половины изъ нихъ продаютъ свои земли другимъ. Въ среднемъ, алжирскіе уроженцы, которымъ правительство уступаетъ половину раздаваемыхъ надѣловъ, выказываютъ больше выдержки, чѣмъ эмигранты, и охотнѣе остаются жить на своихъ земляхъ.

Въ періодъ съ 1871 по 1882 г. включительно, всего роздано земель колонистамъ 475.807 гектаровъ, стоимость которыхъ оцѣнивается въ 43.267.991 франкъ.

Число семействъ, водворившихся на полученныхъ надѣлахъ:

Иммигрантовъ—5.005; алжирцевъ—5.025.

Число семействъ, проживавшихъ на отведенныхъ земляхъ въ 1882 г.:

Иммигрантовъ—3.886; алжирцевъ—4.117; число душъ—25.455.

Часть европейскихъ «колонистовъ» состоитъ изъ кочующихъ работниковъ, называемыхъ «бродячей арміей», которые странствуютъ съ одного конца Алжира на другой, постоянно въ поискахъ новой работы.

Остаются еще для раздачи колонистамъ обширныя пространства земель, принадлежащихъ правительству на разныхъ правахъ, и къ сожалѣнію, на добрую часть присвоенныхъ казною вслѣдствіе секвестровъ, наложенныхъ на туземныя племена; но общественное мнѣніе все энергичнѣе высказывается противъ употребляемаго до сихъ поръ способа раздачи земель (концессіи). Этотъ способъ не только ложится ежегодно на бюджетъ значительнымъ расходомъ, но и колонистамъ въ большинствѣ случаевъ онъ обходится гораздо дороже, чѣмъ если бы уступаемая земля была приобретена куплей.

Расходъ государства на каждый отведенный надѣлъ—4.877 фр.; на каждого члена получившихъ землю семей—2.031 фр.

Обязательства, связанныя съ пользованіемъ отведенной землей, стѣснительный надзоръ чиновниковъ, медленность администраціи въ выдачѣ документовъ на владѣніе часто выводятъ изъ терпѣнія колониста и порождаютъ столкновенія, оканчивающіяся нерѣдко отнятіемъ у него имущества по суду. Кромѣ того, невозможно, чтобы способъ колонизаціи путемъ концессіи земель не былъ испорченъ фаворитизмомъ: въ подобномъ случаѣ рекомендація всемогущи, такъ какъ отводъ надѣла никогда не можетъ быть требуемъ какъ право и всегда сохраняетъ характеръ милости. Въ канцеляріяхъ устанавливается скрытая конкуренція для полученія лучшихъ участковъ, изъ которыхъ нѣкоторые настолько обширны, что составляютъ

большія имѣнія. Да при томъ развѣ не путемъ же концессій и финансовыя компаніи достигли того, что владѣютъ теперь пространствами въ нѣсколько сотъ квадр. километровъ, съ обязательствомъ, болѣе или менѣе выполняемымъ, «содействовать развитію колонизаціи». Въ среднемъ, величина раздаваемыхъ участковъ, отъ 20 до 30 гектаровъ,—пространство слишкомъ значительное для того, чтобы колонисты могли вести интенсивную культуру; оттого поля ихъ болѣею частью обрабатываются руками туземцевъ. У арабовъ земельная собственность, родовая или частная, тоже представляетъ слишкомъ обширныя пространства, чтобы владѣлец могъ самъ вести хозяйство, ихъ воздѣлываетъ несчастный хаммесь, т. е. «пятинникъ». Что касается земель *аризъ*, которыя считаются принадлежащими всему племени, то онѣ состоятъ почти единственно изъ пастбищъ, такъ что у кого вѣтъ стада, тотъ и не пользуется ими.

Непосредственная продажа государственныхъ земель частнымъ лицамъ существуетъ лишь въ очень незначительныхъ размѣрахъ, но зато заключается много сдѣлокъ по куплѣ-продажѣ земельной собственности между европейцами и мусульманами, и большинство этихъ операций даютъ въ результатъ увеличеніе землевладѣнія колонистовъ, въ ущербъ землевладѣнію туземцевъ.

Покупки сельскихъ земельныхъ участковъ, съ 1877 по 1882 г.:

Земель, купленныхъ европейцами у мусульманъ—175.034 гектар.; земель, купленныхъ мусульманами у европейцевъ—16.861 гектар.

Общее количество земель, находившихся во владѣніи европейцевъ въ 1881 г.—1.081.000 гектар., изъ которыхъ только 13.000 гект. въ военной территоріи.

Среднее пространство земельной собственности на cadaго сельского жителя—7½ гект.

Къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ ловкіе спекуляторы, пользуясь невѣжествомъ туземцевъ, отнимаютъ у нихъ землю, съ соблюденіемъ формъ законности: по французскимъ законамъ, «невѣдѣніемъ коихъ никто не можетъ отговариваться», но которыхъ не знаетъ арабъ, всякій совладѣлецъ общаго недвижимаго имущества имѣетъ право требовать раздѣла. Свѣдущіе въ законахъ люди нерѣдко пользуются этой статьей, чтобы разорять въ своихъ интересахъ цѣлыя племена: найдя средство пріобрѣсти долю въ общемъ имуществѣ, они требуютъ раздѣла, затѣмъ возбуждаютъ процессъ противъ своихъ арабскихъ общниковъ, котораго эти послѣдніе не могутъ выдержать, и тяжба кончается въ пользу спекуляторовъ. Чтобы положить конецъ подобнымъ злоупотребленіямъ, также какъ многимъ другимъ, происходящимъ отъ неопредѣленности правъ землевладѣнія, слѣдовало бы сдѣлать перепись арабскимъ землямъ, ограничить ихъ точнымъ образомъ,

обеспечить за каждымъ дуаромъ, за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ владѣніе полями или пастбищами, которыми оно пользуется, произвести кадастръ, подобный тому, какой существуетъ уже для полноправныхъ общинъ, и который обнималъ въ сентябрѣ 1882 г. площадь въ 1.255.000 гектаровъ. Работы по обмежеванію земель туземцевъ были начаты съ 1873 г.; но въ концѣ 1876 г. онѣ были исполнены только для одного дуара, заключающаго менѣе 6.000 гектаровъ. Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ обнародованія закона, въ концѣ 1884 г. только около двадцатой части Телля, 700.000 гектар., было окончательно обследовано; значитъ, чтобы довести это дѣло до конца, потребуется болѣе двухъ столѣтій. Теперь разрабатывается законопроектъ по образцу дѣйствующаго въ Австраліи акта Торренса, законопроектъ, имѣющій въ виду установить такой юридическій порядокъ землевладѣнія, при которомъ переходъ земельной собственности изъ рукъ въ руки будетъ такъ же легокъ, какъ обращеніе денежныхъ знаковъ, но который, можетъ-быть, косвенно будетъ способствовать быстрому образованію крупныхъ имѣній. Среди алжирскаго общества есть цѣлый классъ людей, которые находятъ прямую выгоду въ томъ, чтобы вопросы, относящіеся къ земельной собственности, всегда оставались запутанными, и чтобы права на владѣніе были трудно устанавливаемы. Во времена Ювенала Африка была «матерью адвокатовъ»; не въ правѣ ли мы сказать теперь, что она «мать судебныхъ приставовъ»?

Европейская промышленность представлена въ Алжирѣ только мастерскими и мануфактурами, необходимыми для текущаго производства и мѣстнаго потребленія, а туземная потеряла всякую дѣятельность, вслѣдствіе привоза иностранныхъ фабрикатовъ. По вывозу алжирская торговля состоитъ почти единственно изъ жизненныхъ припасовъ и сырья. Правда, что Алжирія почти совсѣмъ не имѣетъ минеральнаго топлива, и что ей нужно заботливо беречь свои запасы лѣса; аппараты, собирающіе солнечныя лучи¹⁾, чтобы преобразовать ихъ въ движущую силу, пока еще дали результаты, не имѣющіе большой практической цѣны. Фабрики ликеровъ, фабрики благовонныхъ эссенцій и сардинковыя заводы въ восточныхъ портахъ—вотъ почти все, что имѣетъ Алжирія въ видѣ фабричныхъ заведеній, представляющихъ мѣстную промышленность. Кожи, шерсть и другіе животныя продукты перерабатываются на фабрикахъ и заводахъ Марсели; оливковое масло тоже проходитъ черезъ провансальскія фабрики, прежде чѣмъ попасть

¹⁾ Monchot;—De Royanmont, „La Conquête du Soleil“.

въ руки покупателя; альфа вывозится въ Англію, гдѣ она передѣлывается въ писчую бумагу; пробки утилизируются во французскихъ винныхъ погребахъ; руды, добываемыя въ Бени-Сафъ и Аинъ-Махра, не очищаются на мѣстѣ; ихъ отправляютъ на металлургическія заведенія Европы и Новаго Свѣта (въ 1882 г. разрабатывалось 37 рудниковъ, при 3.080 рабочихъ); ломки мрамора, серпентина и оникса едва початы, такъ какъ трудность перевозокъ и дороговизна рабочихъ рукъ чрезмѣрно возвышаютъ цѣну продукта; наконецъ, салины, хотя находящіяся на берегу моря и удобныя для эксплуатаціи, далеко не могутъ сравниться, по размѣрамъ добычи, съ салинами средиземной Франціи; шоттами на плоскогорьяхъ, хотя они содержатъ соль сотнями миллионныхъ тоннъ, пользуются только окрестныя племена. Минеральные и теплые источники, чрезвычайно многочисленныя и разсѣянные по всей территоріи, представляютъ цѣлый рядъ водъ, могущихъ приносить дѣйствительную пользу въ леченіи болѣзней; но только немногіе изъ нихъ посѣщаются больными изъ европейцевъ, проживающихъ въ Алжиріи. Эти послѣдніе предпочитаютъ ѣздить на воды метрополіи, въ томъ убѣжденіи, что воздухъ родины увеличитъ цѣлебную силу водъ. Въ 1884 г. эксплуатируемыхъ минеральныхъ источниковъ въ Алжиріи было 47, посѣтителей, больныхъ, около 5.640.

Обороты вѣншей торговли между Алжиріей и другими странами, включая сюда и Францію, превышаютъ полмилліарда франковъ. Со времени завоеванія средняя цѣна земледѣльческихъ продуктовъ утроилась, а годовая цѣнность торговаго обмѣна увеличилась почти въ сто разъ; но ввозъ всегда превышалъ вывозъ, да иначе и быть не могло, такъ какъ Алжирія постоянно занята арміей, которую содержать метрополія, а колонисты только послѣ многомѣсячнаго или многолѣтняго пребыванія въ краѣ получаютъ возможность оплачивать европейскіе товары произведеніями своихъ полей. Но возрастаніе привоза всегда сопровождается соотвѣстственнымъ увеличеніемъ вывоза, и отнынѣ Алжирія принадлежитъ къ числу странъ, ведущихъ обширную торговлю съ Франціей: по степени важности торговаго обмѣна, она занимаетъ восьмое мѣсто; ея порты: Бона, Филиппвиль, Бужи, Алжиръ, Арзевъ, Оранъ уже могутъ быть причислены къ наиболѣе посѣщаемымъ гаванямъ въ западномъ бассейнѣ Средиземнаго моря. Присоединеніе Туниса значительно увеличило вѣншую торговлю Алжиріи черезъ сухопутныя границы; существуютъ также торговыя сношенія между внутреннимъ Марокко и Оранской провинціей, но эти сношенія, происходящія почти исключительно черезъ посредство евреевъ, по большей части ускользаютъ отъ

таможеннаго надзора. Наконецъ, постоянное торговое движеніе происходитъ на югѣ Алжиріи между оазисами и Теллемъ, по обмѣну финиковъ и шерсти на зерновые хлѣба. «Сахарцы привязаны къ намъ брюхомъ», гласитъ традиціонная алжирская пословица, тогда какъ сами они употребляютъ болѣе изысканную поговорку: «Телль — наша мать!». Но на югѣ Уарглы и Суфы сношенія съ оазисами пустыни почти прекратились; туареги не пропускаютъ каравановъ изъ Алжиріи въ Суданъ, или наоборотъ: только очень незначительное количество продуктовъ проходитъ на западъ черезъ посредство жителей Туата; но какую важность можетъ имѣть торговля, въ которой покупатели не знаютъ мѣста происхожденія товара и дорогъ, по которымъ онъ доставляется? Впрочемъ, въ 1884 г., послѣ четырехлѣтняго перерыва торговыхъ сношеній, караванъ, состоящій изъ 1.000 человекъ и 3.000 верблюдовъ, отправился отъ колодца Бени-Хелиль, въ южной Ораніи, въ оазисы Гурары, и на обратномъ пути соединился съ караваномъ племени дуи-менія изъ Марокко.

Общая торговля Алжиріи:

Годы.	Ввозъ. Франковъ.	Вывозъ. Франковъ.	Вмѣстѣ. Франковъ.
1831 . .	6.504.000	1.479.600	7.983.000
1850 . .	72.692.782	19.262.383	94.955.165
1870 . .	172.690.713	124.456.249	297.146.962
1882 . .	411.929.315	150.032.678	561.961.993
1894 . .	265.134.026	265.713.285	530.847.311

Въ 1896 г. специальная торговля выразилась слѣдующими цифрами: по ввозу—269,2 миллионныхъ, по вывозу—231,1 миллионныхъ франковъ.

Такъ какъ почти вся алжирская торговля производится моремъ, то мореходство, естественно, должно было возрастать въ той же пропорціи, какъ и торговое движеніе; но пароходы, вольные или субсидируемые правительствомъ, вытѣснили парусныя суда, которыя теперь употребляются только для рыбной ловли и мелкаго каботажа; команда на парусныхъ судахъ состоитъ почти исключительно изъ моряковъ итальянскаго происхожденія. Въ 1884 году насчитывали 1.060 рыболовныхъ судовъ, вмѣстимостью 3.587 тоннъ; экипажъ ихъ состоялъ изъ 4.464 человекъ. Общее движеніе алжирскаго судоходства, не считая плаванія между портами вдоль побережья, представлено слишкомъ десятию тысячами судовъ, общая вмѣстимость которыхъ около четырехъ миллионныхъ тоннъ.

Движеніе судоходства въ портахъ Алжиріи въ 1896 г.:

Въ приходѣ — 3.635 судовъ, вмѣстим. — 2.311.935 тоннъ, въ отходѣ — 3.457 судовъ, вмѣстим. — 2.178.852 тонны.

Въ этомъ движеніи алжирскаго судоходства на долю Франціи приходится около двухъ тре-

тей, благодаря пароходамъ, совершающимъ срочные рейсы между противоположными берегами Средиземнаго моря. Послѣ Франціи слѣдуютъ Англія, вывозящая наибольшее количество альфы, и Испанія, пользующаяся выгодой близости разстоянія, но сношенія которой съ алжирскими портами производятся по большей части мелкими судами.

Между всѣми портами Алжиріи и торговыми городами западнаго Средиземнаго моря существуетъ правильное движеніе пакетботовъ: каждый мѣсяцъ десятка три пароходовъ отправляются изъ того или другаго порта алжирскаго побережья къ противоположнымъ берегамъ европейскаго континента. Но въ этомъ движеніи судоходства доля «африканской Франціи», по числу судовъ, весьма незначительна. Торговый флотъ Алжиріи, въ концѣ 1896 г., состоялъ изъ 704 судовъ, съ общей вмѣстимостью 13.966 тоннъ.

Сѣтъ дорогъ довольно развита внутри материка. Пропорціонально своему населенію, Алжирія имѣетъ больше колесныхъ дорогъ, чѣмъ Франція: пропорціонально пространству территоріи, она не уступаетъ въ этомъ отношеніи многимъ европейскимъ странамъ.

Длина проѣзжихъ дорогъ въ Алжиріи въ 1896 г.: государственныхъ—3.507 километр., департаментскихъ—524 километр., общинныхъ—26.588 километр. Иностранецъ, проѣзжающій по окрестностямъ Алжира и другихъ большихъ городовъ этой страны, удивляется при видѣ такого множества широкихъ, хорошо содержимыхъ дорогъ, и сравненіе, которое онъ дѣлаетъ мысленно со многими областями Европы, благоприятно для французской колоніи¹⁾. Въ 1830 г. въ Алжирскомъ регентствѣ не существовало другихъ дорогъ, кромѣ слѣдовъ отъ прогона стадъ, и тропинокъ, проложенныхъ караванами по берегу ручьевъ и въ горныхъ ущельяхъ; дей и главные шейхи не имѣли въ своемъ распоряженіи иной почтовой службы, кромѣ скороходовъ, или регабовъ, которые шествовали гагантскимъ шагомъ по цѣлымъ днямъ, полунагіе, неся депеши и пищу въ полои трости²⁾. Въ первое время оккупации главная дѣятельность французскихъ войскъ состояла въ проложеніи стратегическихъ путей; Алжирія была завоевана гораздо болѣе постройкой дорогъ, чѣмъ оружіемъ. И теперь еще тысячи штрафныхъ солдатъ употребляются на дорожныя работы, совместно съ калабрійцами, туземцами, неграми, почти всегда одѣтыми въ красные панталоны. Несмотря на значительное распространеніе, которое уже получила сѣтъ путей сообщенія, она еще не окончена въ своихъ главныхъ линіяхъ: съ вос-

тока на западъ, между Тунисомъ и Марокко, существуетъ одна только магистральная дорога, проходящая черезъ Сукъ-Ахрасъ, Гельму, Сетифъ, Мезонъ-Карре, Митиджу, долину Шелифа и Тлемсенъ, къ которой съ той и другой стороны примыкаютъ боковые пути, направляющіеся къ морскому берегу или внутрь материка. Береговая дорога, которая со временемъ позволитъ проѣхать изъ Ла-Калле въ Немуръ прямымъ путемъ безъ пересадокъ на пароходъ, пока еще прерывается многочисленными брешами, составляющими въ сложности болѣе половины всей длины. Французы не окончили системы римскихъ дорогъ, представляющей родъ лѣстницы, гдѣ береговой и внутренней пути были стойками, а поперечныя дороги ступеньками¹⁾. И до сихъ поръ еще есть важныя поселенія, до которыхъ можно добраться не иначе, какъ пѣшкомъ или верхомъ на лошади; есть даже городъ, именно Джиджелли, не имѣющій проѣзжихъ дорогъ и совершенно разобщенный съ остальнымъ міромъ.

Постройка желѣзныхъ дорогъ началась съ 1860 г.; первый участокъ былъ открытъ въ 1862 г. Въ настоящее время общая длина желѣзныхъ путей, не считая «однорельсовыхъ» дорогъ, служащихъ для перевозки альфы, достигаетъ 2.000 километровъ; но центральная артерія отъ Туниса до Марокко еще не окончена. Въ 1885 г. существовалъ еще пробѣлъ къ югу отъ массива Большой Кабиліи, между Эль-Аширомъ и Палестро; около мароккской границы локомотивъ останавливается въ Аинъ-Темушентъ, въ Тлемсенъ и въ Аинъ-Сефра. Многіе торговые порты: Немуръ, Бени-Сафъ, Тенесъ, Шершель, Деллисъ, Колло, Ла-Калле не имѣютъ еще вѣтвей, которыя соединяли бы ихъ съ главной линіей; но почти всѣ эти пути, необходимые для промышленнаго механизма Алжиріи, если не начаты постройкой, то, по крайней мѣрѣ, проектированы или подготовлены къ сооруженію предварительными изысканіями.

^{*} Длина эксплуатируемой желѣзнодорожной сѣти Алжиріи, къ 1 января 1897 г.: 3.472 километра, не считая 641 километра на тунисской территоріи.

Желѣзнодорожныя общества, построившія различныя линіи, выхлопотали себѣ содѣйствіе правительства въ формѣ субвенцій и концессіи земель; однако, мѣстное движеніе приняло уже въ нѣкоторыхъ пунктахъ сѣти, особенно между Алжиромъ и Блюдой и между Филиппвилемъ и Константиной, размѣры достаточно обширные, чтобы приносить прибыль на затраченные капиталы. Тарифы алжирскихъ желѣзныхъ дорогъ очень высоки, что

¹⁾ P. de Tchihatcheff, „Espagne, Algérie, Tunisie“.

²⁾ Margeritte;—Trumelet;—Soleillet, etc.

¹⁾ D'Avezac, „Situation des établissements français en Algérie“.

объясняется тѣмъ, что концессионерныя компаніи, заручившись правительственной гарантіей, не считаютъ нужнымъ заискивать расположеніе публики. На всѣхъ линіяхъ гужевая перевозка можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ желѣзнодорожной.

Къ югу отъ главной продольной линіи Алжиріи три рельсовыхъ пути уже проникаютъ въ плоскогорья въ направленіи пустыни: это дороги изъ Константины въ Батну, изъ Саиды въ Мешерію, изъ Сиди-Бель-Аббесъ въ Расъ-эль-Ма. Такимъ образомъ провинціи Константина и Оранъ лучше другихъ снабжены путями сообщенія съ внутренними областями, и благодаря этимъ новымъ путямъ колонизація можетъ распространяться по плоскогорьямъ востока и запада лучше, чѣмъ въ мѣстностяхъ, заключающихся между Омалемъ и Лагуатомъ. Зная привычку къ централизаци, преобладающую во Франціи и въ состоящихъ подъ ея господствомъ странахъ, нельзя не удивляться, что одинъ только Алжирскій департаментъ не имѣетъ еще желѣзной дороги, проникающей внутрь континента, по направленію къ пустынѣ. Причина тому высокіе выступы горъ, вздымающіеся тотчасъ на югъ Митиджи, которые заставляютъ инженеровъ вести трудныя и дорого стоющія работы по подъему на кручи и прорытію туннелей. Кромѣ того, соперничество второстепенныхъ городовъ, желающихъ попасть въ число станцій будущей желѣзной дороги изъ Алжира въ Томбукту, замедлило окончательное рѣшеніе. Вѣроятно, этотъ желѣзный путь, соединяясь у Блidy съ продольной линіей Мавританіи, изъ Туниса въ Оранъ, проникнетъ въ горы, оставивъ немного въ сторонѣ городъ Медею, затѣмъ пройдетъ, близъ Берруагін, въ верхнюю долину Иссеры, и углубится въ новый массивъ, чтобы вступить, при Богари, въ долину Шелифа. Начиная отъ этого пункта подъемъ по высокимъ плато, къ Джельфѣ, и спускъ въ Лагуатъ, къ бассейну уада Джедди, не представляютъ большихъ затрудненій.

Макъ-Карти первый предложилъ проведеніе желѣзной дороги черезъ Сахару, между Алжиріей и бассейномъ Нигера; но голосъ его долго оставался безъ отклика. Когда алжирская съѣзъ, перейдя область поморья, проникла внутрь материка, эта мысль о транссахарской желѣзной дорогѣ снова явилась, и многочисленные проекты со стороны инженеровъ и географовъ были представлены на судъ общественнаго мнѣнія; снаряжались даже значительныя экспедиціи для изученія наиболѣе удобнаго направленія; но печальный исходъ экспедиціи Флятерса приостановилъ на время эти изслѣдованія, производимыя въ пустынѣ въ видахъ проложенія желѣзнаго пути. При томъ нельзя, очевидно, заняться дѣятельно постройкой транссахарской дороги, пока не будутъ окончены

главныя алжирскія линіи. Прежде нужно построить три проникающія внутрь материка линіи, исходящія изъ Константины, Алжира и Орана, и провести продольный путь, который, отправляясь изъ Габеса, будетъ слѣдовать вдоль основанія горъ оазисами и долиной рѣки Джедди. Желѣзныя дороги собственно Алжиріи должны дополниться другими путями, направляющимися къ оазису Туатъ, передовому посту Магриба на дорогѣ въ Суданъ, лежащему почти на полпути изъ Алжира въ Томбукту. Но упомянутыя три дороги, изъ Константины, Алжира и Орана, одинаково легко бы построить въ направленіи Туата. Линія изъ Бискры въ Уарглу, направленіе которой уже трасировано точнымъ образомъ, пойдетъ къ юго-западу, вверхъ по долинѣ уада Мія, который беретъ начало на возвышенностяхъ восточнаго Туата. Линія изъ Лагуата въ Мзабъ, представляющая надъ путемъ по долинѣ Мія то преимущество, что она пролегала бы по плоскогорьямъ, пользующимся здоровымъ климатомъ, но которая не приносила бы почти никакой мѣстной пользы, такъ какъ эти области почти совсѣмъ не населены,—эта линія слѣдовала бы вдоль западнаго края обрывовъ, и, не встрѣчая другихъ препятствій, кромѣ одного или двухъ пороговъ изъ дюнь, достигала бы Эль-Голеа¹⁾, откуда почти на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи до самаго Туата мѣстность представляетъ грунтъ, удобный для прокладки рельсовъ²⁾. Наконецъ, третья, западная желѣзная дорога могла бы, спустившись съ плоскогорій южной Ораніи ущельями Тіута и миновавъ постъ Эль-Утедъ, слѣдовать естественнымъ скатомъ уадовъ, чтобы достигнуть Туата. Отсюда начинаются уже мѣстности, если не таинственныя, то во всякомъ случаѣ извѣстныя только по рѣдкимъ маршрутамъ путешественниковъ и по указаніямъ караванщиковъ. Когда эти области пустыни будутъ достаточно изслѣдованы, транссахарскій путь можетъ быть направленъ къ тому пункту на Нигерѣ, гдѣ долженъ происходить раздѣлъ дорогъ между Сенегаломъ, Бенинскимъ заливомъ и ближайшими къ Новому Свѣту пунктами атлантическаго побережья. Другіе проекты транссахарской желѣзной дороги предлагаютъ соединить долину Игаргары съ бассейномъ озера Чаде черезъ центральную Сахару³⁾.

IX.

Въ одно и то же время завоеванная земля и страна колонизаціи, Алжирія населена жителями, различающимися между собой не только расой и языкомъ, но также и политическимъ устройствомъ. Во главѣ французской

¹⁾ G. Rolland, „Mission transsaharienne“.

²⁾ Duponchel;—Solleillet, etc.

³⁾ Frédéric Bernar, etc.

администрации, подведомственной министерству внутренних дел, стоит «гражданский генерал-губернатор, главнокомандующий морских и сухопутных сил», который управляет краем при помощи генерального директора и совета главного управления; но действие этой центральной власти проявляется не одинаково на туземцах и на европейских колонистах: в то время, как последние пользуются теми же правами, как во Франции, арабы и кабилы в действительности зависят от административного благоусмотрения.

Арабское племя или колло почти всегда имеет аристократическую форму. Союз семейств, считающих себя происходящими от общего родоначальника, оно признает главу, соединяющего в своем лице власть военную и духовную; дуар, т. е. «круг палаток», раскинутых среди пастбищ или в соседстве воздвигнутых местностей, составляет первичную ячейку; из соединения таких ячеек в группы образуются племена. В каждом дуаре власть принадлежит главам семей и специально тому, который может похвалиться наиболее благородным происхождением. Нисколько дуаров, соединенных в ферку, управляются шейхом, то-есть «стариком», или даже кайдом, когда группа «родичей» (бени ам) настолько значительна, что сама по себе может образовать целое племя, то-есть арш или нджа, состоящее из весьма различного числа лиц, от пяти сот до пятидесяти тысяч. Каждая высшая группа, составленная из меньших единиц, тоже повинует одному главе: кайд подчинен агф, а этот — баш-агф или халифу. Все эти начальники являются своего рода царьками в своих маленьких государствах, и при них нет никакого выборного совета; однако, демократический элемент отчасти сохранился в дуарах, благодаря собранию, или джемаа, состоящему из глав семейства или только из кобаров, то-есть «знатных» и с которыми шейх ферки советуется в особо важных случаях. Совсем иной характер имеет джемаа в кабилских и шауиских общинах, где старые обычаи еще сохранили свою силу; там все жители составляют народное собрание или мирской сход, власть которого ограничивается только преданиями.

В арабской земле вопросы, касающиеся родословной, имеют капитальную важность. Оттого «сыны больших палаток» пользуются там всеобщим почетом, и толпа бедняков теснится вокруг них, чтобы иметь право ссылаться на их покровительство. В первое время завоевания французские губернаторы держались того взгляда, что нужно опираться на вождей воинственных племен, чтобы достигнуть господства в стране, и всячески ста-

рались привлечь шейхов на свою сторону титулами, почестями, раздачей ленов и поместий. Но аристократические вкусы и традиции арабского народа неизбежно порождают ожесточенное соперничество в погоню за властью. Три различных класса дворянства оспаривают друг у друга авторитет в племенах: джуады, или сыны шейхов, которые выдавали себя, по праву или по узурпации, за потомков сподвижников Магомета или завоевателей Мавритании; шерфы, претендующие на происхождение от одной общей матери, Фатимы, жены Магомета, и, следовательно, принадлежащие к фамилии пророка; и, наконец, те, которые в числе своих предков имеют какого-нибудь святого марабута, и в силу этого приобрели род дворянства, пользующегося не меньшим почетом, чем два других категории. Все эти люди стоят выше толпы обыкновенных смертных, и когда войны, перевороты, семейные события дают им благоприятный случай, они заставляют уважать свои притязания. Часто также группировка племен изменяется; кланы переходят из одной партии в другую, смотря по тому, на чьей стороне успех в борьбе честолюбив: отрывки одного и того же племени встречаются разбросанными по всей Берберии. Французское правительство напрасно думало, что, заручившись дружбой того или другого шейха, оно может рассчитывать на верность племен: являлся претендент и заманил приверженца французов в расположении народа. Иногда эта политика Франции приводила к тому, что завоеватели сами себе создавали соперников, основывая настоящие арабские монархии: полагали, что дело умиротворения края упростится, когда можно будет иметь сношения только с одним главой туземного населения, вместо того, чтобы возиться с целой толпой тысячеглавных племен. Так, Абдель-Кадер сдвинулся султаном по милости Франции; точно также начальник племени улад-сиди-шейх получил в лен всю область алжирской Сахары, а Мохрани стал почти государем южной Кабилии: земли, предназначенные общинам, вдовам, сиротам, бедным, сдвинулись собственностью главных туземных начальников. Однако, могущество вассалов всегда приводило к войнам с сюзереном.

Эта феодальная система теперь уже близится к концу. Независимые de facto, арабские начальники постепенно замещаются французскими администраторами и мусульманскими кади, на которых возложено отправление правосудия, при чем они обязаны сообразоваться с комментариями, одобренными французскими судебными установлениями. Шейх, кайд, ага и баш-ага утверждаются в должности французской администрацией, которой они непосредственно подчинены; полицейская их власть

строго ограничена, но у нихъ еще не отнята традиціонная прерогатива, — источникъ самыхъ вопиющихъ несправедливостей, — уплачивать себѣ свое содержаніе изъ сбора налоговъ и штрафовъ. Дуары не могутъ уже такъ свободно, какъ прежде, перекочевывать съ горъ въ равнину; образованіе земельной собственности ставитъ кочевымъ племенамъ преграды, отнынѣ непроходимыя; планы землемѣровъ стремятся разграничить поясы, прежде неопредѣленные, которые простирались между территоріями кочевки. Безпрестанно измѣняющееся дѣленіе, зависящее отъ добровольнаго или вынужденнаго перемѣщенія племенъ, мало-по-малу уступаетъ мѣсто точному дѣленію на коммунальные округа. Такимъ образомъ многія племена дробятся на болѣе мелкія группы, которыя въ концѣ-концовъ становятся чуждыми одна другой. При томъ часть, постоянно увеличивающаяся, туземнаго населенія утрачиваетъ первоначальную организацію, входя въ составъ французскихъ общинъ, гдѣ она образуетъ пролетаріатъ. Старые нравы исчезаютъ, костюмы мѣняются: осѣдая жизнь постепенно смѣняетъ кочевое состояніе, «кругъ палатокъ» уступаетъ мѣсто группѣ домовъ, патриархальный бытъ — общинному устройству, многоженство — единобрачію. Послѣдняя перепись населенія города Алжира насчитываетъ всего пять магометанъ, имѣющихъ болѣе одной жены; въ Оранѣ такихъ оказалось только три. Правда, число разводовъ ежегодно превышаетъ треть числа браковъ, а въ нѣкоторые годы составляетъ почти половину. Такъ, напримѣръ, въ 1879 г. записи въ метрическихъ книгахъ, сдѣланныя по заявленіямъ мусульманъ, показываютъ слѣдующія цифры:

Департаменты.	Число браковъ.	Число разводовъ.
Алжирскій.	11.986	4.797
Константинопольскій.	16.561	7.922
Оранскій.	5.407	2.503
Итого	33.954	15.222

Совершающееся нынѣ социальное преобразование позволяетъ надѣяться, что съ теченіемъ времени установится союзъ между различными элементами алжирскаго населенія и произойдетъ сближеніе понятій, такъ какъ смѣшеніе двухъ расъ уже началось. Зловѣщіе пророки должны будутъ тогда сознаться въ своей ошибкѣ. «Этотъ прекрасный народъ весь перемереть отъ нищеты и голода», говорилъ одинъ изъ нихъ: «кому посчастливится избѣгнуть катастрофы, тѣ зачахнутъ и угаснутъ въ мѣзмахъ нашей зараженной цивилизаціи. Гдѣ мы пройдемъ, тамъ смерть и разрушеніе!»¹⁾ Дѣйствительно, истребленіе туземной расы казалось необходимымъ въ первые десятилѣтія оккупации, когда «облавы» опустошали страну, когда

у преслѣдуемыхъ арабовъ не было больше ни хлѣба, ни скота (въ періодъ съ 1830 по 1845 г. было отнято у туземцевъ 18.720.000 барановъ, 3.604.600 коровъ и 917.320 верблюдовъ)²⁾, когда женщины, задержанныя въ качествѣ заложницъ, вымѣнивались на лошадей или продавались съ публичнаго торга, какъ выючныя животныя³⁾, когда за головы арабовъ назначалась денежная премія, когда платили по два дурса за пару человѣческихъ ушей⁴⁾. Въ то время случалось, что обвиняемые изъ арабовъ, признанные судомъ невиновными, тѣмъ не менѣе были подвергаемы казни, — ради примѣра, «дабы другимъ не повадно было»⁵⁾. Впрочемъ, находились философы, оправдывавшіе всѣ несправедливости и жестокости противъ туземцевъ. «Не нарушая законовъ нравственности, говорилъ Бодичонъ, мы можемъ бороться съ нашими африканскими врагами порокомъ и желѣзомъ, въ соединеніи съ голодомъ, внутренними раздорами, войной, водкой, развращеніемъ и дезорганизаціей»⁶⁾. Теперь никто, конечно, не повторилъ бы въ Алжирѣ этихъ словъ, дышавшихъ ненавистью, хотя и теперь еще творится много неправды, и побѣдители все еще злоупотребляютъ своею силою противъ слабыхъ⁷⁾. Если «оттѣсненіе» туземцевъ еще продолжается во многихъ мѣстахъ, то съ другой стороны магометанское населеніе возрастаетъ, рабство существуетъ только на границахъ Сахары; несчастные хаммасы или «меккиносы» только въ исключительныхъ случаяхъ живутъ еще на положеніи крѣпостныхъ, какими они были недавно во всѣхъ помѣстьяхъ главныхъ туземныхъ начальниковъ; арабъ не имѣетъ болѣе права жизни и смерти надъ своею женой; онъ даже не смѣетъ бить ее, изъ боязни, чтобы крики несчастной не дошли до слуха какого-нибудь руми.

Соотвѣтственно глубокимъ преобразованіямъ, совершающимся въ лонѣ магометанскаго общества, происходятъ безпрестанныя перемѣны и въ административной географіи. Для бюрократовъ Алжирія дѣлятся на двѣ половины — территорію гражданскую и территорію военную: въ первой, заключающей въ себѣ часть пространства Телля, управленіе находится въ рукахъ чиновниковъ, подвѣдомственныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ во второй все начальство состоитъ изъ военныхъ. Съ одной стороны, въ административныхъ дѣ-

¹⁾ Bodichon; — M. Topin et F. Jacquot, „De la colonisation et de l'acclimatement en Algérie“.

²⁾ De Montagnac, цитированное сочиненіе, стр. 225.

³⁾ C. Trumet, „Histoire de l'insurrection dans le sud de la province d'Alger“.

⁴⁾ Camille Roussel, „Revue des Deux Mondes“, 1-er mars 1885.

⁵⁾ „Considérations sur l'Algérie“; — „Revue d'Orient“, juillet 1841, p. 40; — цитированная Буденомъ „Histoire statistique de la colonisation et de la population en Algérie“.

⁶⁾ Charles Lagrade, „Une promenade dans le Sahara“.

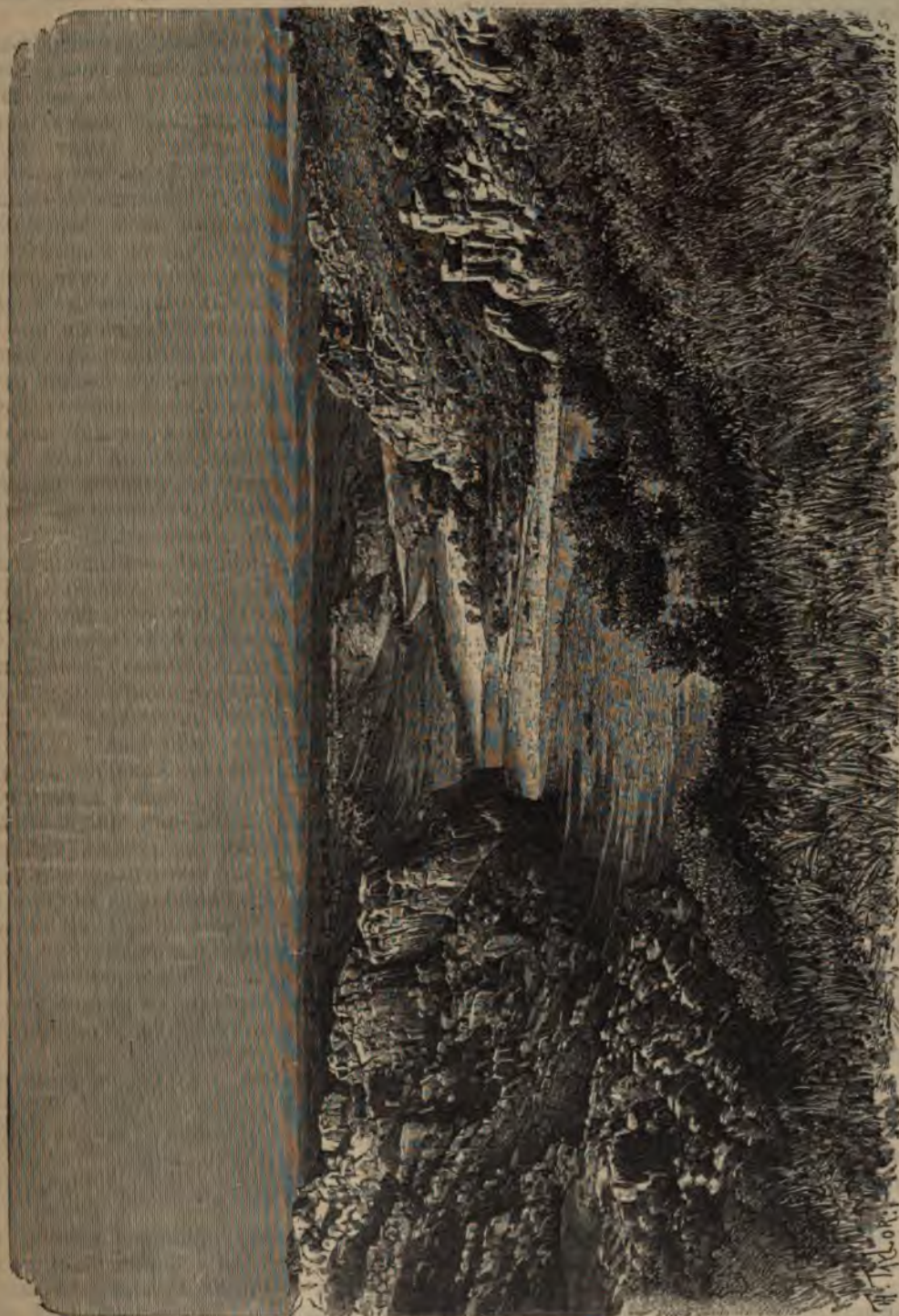
⁷⁾ De Montagnac, „Lettres d'un soldat“, p. 427.

лахъ слѣдуютъ той же рутинѣ, какъ во Франціи; съ другой—въ управленіи туземными племенами преобладаютъ военные порядки. Даже имя территоріальныхъ дѣленій не одинаково.

съ военнымъ управленіемъ сохранено прежнее наименованіе провинцій.

Такъ же, какъ въ метрополіи, департаментъ дѣлится на округа (arrondissements), упра-

Долина рѣки Шератъ.

Въ территоріи, имѣющей гражданское управленіе, три главныя дѣленія Алжиріи: Константина, Алжиръ, Оранъ, называются «департаментами», подобно новымъ административнымъ дѣленіямъ Франціи; въ территоріи

вляемые подирефектами; округа, въ свою очередь, подраздѣляются на уѣзды или дистрикты, а эти послѣдніе—на общины, которыя по большей части «полноправныя» («de plein exercice»), такъ какъ организація ихъ почти

такая же, какъ и французскихъ общинъ. Смѣшанными общинами называются тѣ, въ которыхъ большинство населенія состоитъ изъ туземцевъ, европейскіе же поселенцы пока еще слишкомъ малочисленны, чтобы могли составить самостоятельную общину. Высшее управление въ смѣшанныхъ общинахъ, менѣе многочисленныхъ сравнительно съ полноправными, вѣрено гражданскому администратору, который обязанъ умѣть говорить по-арабски или по-кабильски. Въ военной территоріи административныя дѣленія тоже носятъ названіе «смѣшанныхъ общинъ», но съ той разницей, что тамъ всѣ жители, какъ европейцы, такъ и туземцы, подчинены военной власти, и мѣстный воинскій начальникъ исполняетъ тамъ обязанности мера; помощникъ его по гражданской части завѣдуетъ извѣстными дѣлами, разрѣшаемыми на основаніи обычныхъ правилъ. Наконецъ, въ военной территоріи существуютъ чисто «туземныя» общины, управляемыя офицерами, и въ составъ которыхъ входятъ дуары, фермы, племена, даже отдаленныя одинъ отъ другого города.

Территориальное дѣленіе Алжиріи въ 1895 г.:

1. Территорія съ гражданскимъ управленіемъ: 17 округовъ, подраздѣляющихся на 256 полноправныхъ общинъ (*communes de plein exercice*, т. е. управляемыхъ по муниципальному закону метрополіа, видонизмѣненному сообразно мѣстнымъ условіямъ) и 73 смѣшанныхъ общинъ (*communes mixtes*, т. е. управляемыхъ администраторомъ), общее пространство которыхъ 12.858.743 гектара. 2. Территорія подъ военнымъ управленіемъ: 6 общинъ смѣшанныхъ и 12 общинъ туземныхъ, общее пространство — 35.024.801 гектаровъ.

Изъ всѣхъ общинъ Алжиріи самая малая по пространству, Алжиръ, имѣетъ наибольшее многочисленное населеніе; она обнимаетъ всего только 481 гектаръ, т. е. менѣе 5 квадр. километровъ, тогда какъ протяженіе большинства другихъ общинъ измѣряется тысячами, а протяженіе туземныхъ общинъ милліонами гектаровъ; вообще говоря, пространство административныхъ дѣленій тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше ихъ населенность. Списокъ полноправныхъ общинъ постепенно увеличивается, такъ сказать, путемъ «почкованія», потому что отдѣлы требуютъ для себя муниципальнаго устройства, какъ только почувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы существовать самостоятельной жизнью. Равнымъ образомъ многія изъ смѣшанныхъ общинъ распадаются на округа меньшаго протяженія; нѣкоторыя изъ туземныхъ «общинъ» имѣютъ громадныя размѣры, какъ, напримѣръ, община Гардайя, обнимающая весь Мзабъ, Метлили, территорію племенъ шауба, и общее протяженіе которой опредѣляютъ въ 66.549 квадр. километровъ. Почти вдвое обширнѣе туземная «община» Бискра, простира-

ющаяся отъ Эль-Кантара до Тугурта и Темассина, на протяженіи 250 километровъ по меридіану, и которая обнимаетъ пространство, исчисляемое приблизительно въ 111.844 квадр. километр., то-есть почти равное площади всего Тунисскаго регентства.

Въ европейскихъ общинахъ муниципальные совѣты выбираются французскими гражданами, иностранцы же участвуютъ въ выборахъ лишь въ ничтожной пропорціи: когда число ихъ превышаетъ сто, они имѣютъ право представительства въ общинѣ. Туземные резиденты (постоянные жители), достигшіе 25-лѣтняго возраста, должностныя лица, владельцы недвижимаго имущества или промышленники, взявшіе установленныя патенты, лица, имѣющія знаки отличія или находящіеся въ отставкѣ, тоже могутъ требовать внесенія ихъ въ муниципальные списки и выбирать мусульманскихъ совѣтниковъ, которые принимаютъ участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ, наравнѣ съ французскими совѣтниками, но число которыхъ не должно превышать трети общаго числа членовъ совѣта, и которые по какой-то странной аномаліи не имѣютъ права голоса въ назначеніи меровъ и ихъ помощниковъ; туземные помощники мера (*adjoints*) въ полноправныхъ общинахъ всегда назначаются администраціей и могутъ быть опредѣляемы изъ числа лицъ, не входящихъ въ составъ муниципальнаго совѣта и даже не принадлежащихъ къ общинѣ.

Число муниципальных избирателей въ Алжирскомъ департаментѣ въ 1884 г.:

Французовъ: 20.686; магометанъ: 18.046.

Каждый департаментъ Алжиріи представляетъ въ парламентѣ метрополіа двумя депутатами и однимъ сенаторомъ, выбираемыми согласно избирательнымъ законамъ Франціи; число голосовъ на выборахъ парламентскихъ представителей, приходящееся на каждого избираемаго депутата или сенатора, въ колоніи пропорціонально меньше, чѣмъ въ метрополіи.

Число политическихъ избирателей (т. е. избирающихъ представителей въ палату депутатовъ и въ сенатъ) въ трехъ алжирскихъ департаментахъ:

	Въ 1881 г.	Въ 1885 г.	Поданныхъ голосъ.
Алжиръ	19.208	22.338	14.985
Константина . .	13.882	17.478	11.700
Оранъ	16.144	18.521	11.876
Итого	49.234	58.337	38.561

Каждый департаментъ Алжиріи имѣетъ свой генеральный совѣтъ, избираемый тѣмъ же порядкомъ, какъ генеральные совѣты французскихъ департаментовъ, и который тоже занимается большою частію дѣлъ, относящихся къ путямъ сообщенія и общественнымъ зданіямъ, къ народному образованію и финансамъ общинъ; такъ же какъ во Франціи, эти совѣты собираются дважды въ годъ. Генеральные со-

вѣты посылаютъ восемнадцать своихъ членовъ, по шести изъ каждого департамента, въ высшій совѣтъ Алжири, въ составъ котораго входятъ, кромѣ того, три префекта, три генерала, командующихъ дивизіями, и двѣнадцать членовъ совѣта главнаго управленія, состоящаго при генераль-губернаторѣ. Это собраніе, составленное на половину изъ чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ, и на половину изъ гражданъ, выбираемыхъ изъ своей среды генеральными совѣтами, собирается разъ въ годъ на сессію, продолжающуюся около двадцати дней. Оно устанавливаетъ бюджетъ и дѣлаетъ раскладку налоговъ.

Бюджетъ Алжири 1897 г., безъ издержекъ на содержаніе войска: приходъ—53.802.194 фр., расходы—71.008.728 франк. Бюджетъ общинъ въ 1895 г.: обыкновенные доходы—24.375.569 фр., расходы—21.445.890 фр.

Въ 1822 г. бюджетъ Алжирскаго регентства равнялся 2.174.000 фр., по Вильяму Шалеру.

Доходы, получаемые отъ морскихъ сборовъ, дѣлятся между алжирскими общинами пропорціонально ихъ населенію, при чемъ, однако, арабы и даже натурализованные евреи считаются индивидуально лишь за одну восьмую: «восемь израильтянъ или арабовъ,—все равно что одинъ европеецъ». Впрочемъ, налоги всякаго рода, платимые европейцами, представляютъ сумму гораздо болѣе значительную, чѣмъ подати, собираемыя съ туземцевъ, вшестеро болѣе многочисленныхъ. Арабскіе налоги падаютъ непосредственно на продуктъ: только земли, засѣяныя пшеницей или ячменемъ, платятъ *ашуръ*, земли же необрабатываемыя освобождены отъ всякаго налога; другая главная подать, *зеккатъ*, взимается съ каждой головы скота.

Религія—вотъ что всего болѣе раздѣляетъ жителей Алжири и препятствуетъ имъ соединиться въ одну націю. Правительство, однако, сдѣлало, хотя и безуспѣшно, попытку офранцузить, такъ сказать, мусульманскій культъ. До завоеванія туземцы не имѣли никакой официальной духовной іерархіи, но одною изъ первыхъ заботъ французовъ было ввести въ краѣ соединеніе церкви и государства. На другой же день послѣ взятія Алжира завоеватели велѣли измѣнить текстъ молитвы, произносимой имамами въ мечетяхъ за главу государства: теперь имамы молятся за «благополучное правленіе Франціи». Прежде гражданская власть никогда не вмѣшивалась въ выборъ служителей алтаря; нынѣ муфтіи, имамы и нѣкоторые подчиненные духовныя лица назначаютъ губернаторами изъ числа книжниковъ, преданныхъ французамъ; за исключеніемъ городовъ, гдѣ есть муфтіи, каждый имамъ совершенно независимъ отъ членовъ духовенства и подчиненъ только гражданской власти. Ад-

министрація не только вмѣшивается въ религіозныя дѣла магометанъ назначеніемъ ихъ священниковъ, но она, кромѣ того, нарушаетъ постоянный обычай всѣхъ мусульманскихъ обществъ, по которому запрещено совершать молитвы и поучать Корану «за плату». Правда, что плата эта, даваемая въ видѣ жалованья, очень невелика, и что она оправдывается конфискаціей вакуфовъ, взятыхъ въ казну, которая взаменъ этого приняла на себя заботу о доставленіи средствъ на покрытіе расходовъ, необходимыхъ для потребностей культа; но строгіе мусульмане, тѣмъ не менѣе, мало уважаютъ священниковъ, состоящихъ на жалованьи у правительства; французскимъ имамамъ они предпочитаютъ независимыхъ марабутовъ, которые совершаютъ молитвы передъ гробницами святыхъ, или шорфовъ, принадлежащихъ къ духовнымъ орденамъ и продолжающихъ собою «цѣпь» вѣроучителей, начиная съ пророка ¹⁾.

Расходы различныхъ исповѣданій въ Алжири въ 1880 г., по Гастю и Ринну:

7.500 протестантовъ, бюджетъ 83.100 франк., или 11 фран. 08 сант. на cadaго. 310.000 католиковъ, бюджетъ 920.000 франк., или 2 фран. 93 сант. на cadaго. 35.665 евреевъ, бюджетъ 26.100 франк., или 0 фран. 73 сант. на cadaго. 2.842.497 магометанъ, бюджетъ 216.340 франк., или 0 фран. 08 сант. на cadaго.

Марабуты (маработъ), хотя не имѣющіе официальной связи съ французскимъ правительствомъ, тѣмъ не менѣе мало опасны для новаго режима. Принадлежа по большей части къ стариннымъ фамиліямъ, родословная которыхъ восходитъ очень далеко въ прошлыя времена, привыкши жить податями или милостынями, которые имъ приносятъ регулярно вѣрующіе; имѣя пребываніе всегда подлѣ святыхъ мѣстъ,—марабуты хорошо извѣстны французскимъ властямъ и имѣютъ прямую выгоду жить съ ними въ ладу. Есть даже не мало марабутовъ, которые принимаютъ должности на службѣ правительства, соглашаются быть назначенными въ аги или канды, или даже добиваются почетныхъ званій и знаковъ отличія. Между «марабутскими» родами или племенами только одно, именно уладъ-сиди-шейхъ, въ послѣднемъ его поколѣніи, было почти всегда враждебно Франціи. Это племя, живущее очень далеко отъ побережья, въ южной Оравіи, естественно, должно было съ величайшимъ неудовольствіемъ видѣть приближеніе завоевателей, которымъ нужно уступить политическую власть и взиманіе податей. Но, взятыя въ массѣ, марабуты представляютъ собою консервативный элементъ въ религіи и, слѣдовательно, имѣютъ

¹⁾ Louis Riun, «Marabouts et Kheuan, Étude sur l'islam en Algérie».

прямую выгоду опираться на гражданскую власть, чтобы препятствовать распространению духовных орденовъ, которые отнимаютъ у нихъ вліяніе и уменьшаютъ ихъ доходы: они смотрятъ на независимыя религіозныя общества такъ же недружелюбно, какъ нѣкогда въ католической церкви бѣлое духовенство смотрѣло на черное. Луи Риннъ въ своей книгѣ приводитъ много случаевъ, когда марабуты не принимали въ свои школы студентовъ, принадлежащихъ къ какому-нибудь религіозному ордену.

Эти ордена, которые почти всѣ возникли въ Марокко и которые поддерживаютъ сношенія съ мѣстомъ своего происхожденія черезъ Тлемсенъ и Лалла-Магніа, очень многочисленны во французской Африкѣ, и сила ихъ возрасла именно благодаря милостямъ, которыя правительство распространило на имамовъ и марабутовъ. Древнѣйшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе благотворительнымъ считается орденъ, основанный Сиди-Абдель-Кагеромъ-эль-Джелани, изъ Багдада: его зауи (монастыри) разсѣяны отъ Малайскаго архипелага до береговъ Марокко. Тиджаніи, главные зауи которыхъ находятся въ Антъ-Махди и Темассинѣ, до недавняго времени были самымъ могущественнымъ религіознымъ братствомъ, и хуаны ихъ распространены до береговъ Сенегала; но въ послѣдніе годы вліяніе ихъ уменьшилось въ пользу сенусіевъ и другихъ орденовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что со времени завоеванія страны французами число *хуановъ*—имя, соответствующее факиру на азіатскомъ Востокѣ и дервишу въ Турціи,—значительно увеличилось. Иначе и быть не могло: во всякой странѣ, гдѣ люди лишены или политической свободы, или національной независимости, они стараются создать себѣ, по крайней мѣрѣ, такую область, куда бы не проникалъ чужеземецъ; они замыкаются въ своихъ религіозныхъ идеяхъ, чтобы поддерживать между собою ненависть къ невѣрному, и иногда, въ припадкахъ религіозной горячки, вступаютъ на путь открытаго возстанія. Два ордена, часто подвергавшіеся преслѣдованію со стороны правительства за то, что они поставляли всего больше бойцовъ въ ряды инсургентовъ,—орденъ рахманія въ Кабилии и орденъ шаделіа-деркауа въ разныхъ провинціяхъ,—особенно быстро распространились съ тѣхъ поръ, какъ вся территория Алжиріи была занята французскими войсками. Невозможно съ точностью узнать истинную силу орденовъ, такъ какъ военный надзоръ сдѣлалъ изъ этихъ религіозныхъ братствъ общества частью тайныя. Однако, неоднократно дѣлались попытки составить статистику этой братіи: по Ринну, численность ея, въ 1881 г., простиралась до 170.000 человекъ, изъ которыхъ болѣе половины, именно около 96.000 человекъ, приходится на долю ордена рахма-

ніа. Всѣ эти хуаны, сгруппированные вокругъ 355 зауи, имѣютъ около 2.000 мкаддемъ (старшинъ), подѣ начальствомъ десятковъ двухъ шейховъ. Вообще около одной пятой туземцевъ входятъ въ составъ той или другой изъ шестнадцати главныхъ духовныхъ ассоціацій Алжиріи; много кабилскихъ женщинъ тоже принадлежатъ къ религіознымъ обществамъ, въ качествѣ «сестеръ»¹⁾. Существуютъ также и другія братства, присвоивающія себѣ внѣшнія формы духовнаго товарищества, но которыя въ дѣйствительности не что иное, какъ странствующія корпораціи: пѣвцы, тапцовщики, очарователи змѣй, акробаты и гадалщики.

На первый взглядъ можетъ показаться, что религіозная организація значительной части мусульманскихъ подданныхъ составляетъ весьма серьезную опасность для французскаго господства: многіе публицисты видятъ въ духовныхъ орденахъ своего рода общества заговорщиковъ, соединенныхъ единствомъ вѣры, также какъ общей ненавистью къ иноплеменному и иновѣрному властителю; говорятъ, что по вечерамъ въ мавританскихъ кофейняхъ, когда кончатъ рассказывать забавныя исторіи и декламировать стихи, хуаны собираются въ кучки и передаютъ другъ другу въ полголоса пророчества, возвѣщающія скорое пришествіе Муль-эль-Саа, «Господина Часа»; они говорятъ между собой о томъ желанномъ днѣ, когда мусульманская почва будетъ очищена отъ присутствія ненавистныхъ руми, и стараются взаимно поддерживать и разжигать ненависть къ чужеземцу. Безъ сомнѣнія, подобныя тайныя сходбища, враждебныя французскому господству, часто бывають, но религіознымъ орденамъ недостаетъ необходимаго единства, чтобы привести въ исполненіе заговоры. Правда, что различными *три* исповѣдуютъ чистѣйшій правовѣрный исламъ и отличаются одна отъ другой только молитвенными формулами, жестами, порядкомъ коленопреклоненій и качаній тѣла: правда и то, что члены каждаго духовнаго общества связаны взаимно строжайшими обязанностями братства; но отдѣльныя группы еще далеки отъ сознанія солидарности между собой; каждый орденъ распадается даже на частныя союзы, не имѣющіе между собой ничего общаго, кромѣ духовнаго устава, отличающіеся одинъ отъ другаго только личными интересами шейховъ и мкаддемовъ. Большинство послѣднихъ, подобно марабутамъ, заботятся главнымъ образомъ объ увеличеніи своего богатства и вліянія: они не лгутъ, читая уставы ордена, воспреещающіе имъ всякіе политическіе заговоры, и стараются пріобрѣсти благосклонность установленной власти; иногда даже духовные на-

¹⁾ N. Biheco, „Revue de Deux Mondes“, tome LVI, 1885;—L. Rinn, цитированное сочиненіе.

чальники даютъ христіанамъ охранныя грамоты, «дипломы на званіе почетнаго члена», обезпечивающіе имъ, какъ истиннымъ братьямъ, поддержку общины. Рѣдко случалось, чтобы возстанія были вызваны религиозными мотивами, и никогда ордена не бросались въ цѣломъ составѣ въ «священную войну»; всѣ хуаны, повидимому, помнятъ правило суфизма, запрещающее имъ «подвергать свою жизнь опасности въ непосильныхъ предпріятіяхъ». «Бойся французовъ! Страхъ передъ французами есть страхъ Божій!» говорилъ одинъ духовный шейхъ своимъ ученикамъ въ оазисѣ Хенга ¹⁾. Этотъ недостатокъ воинственной энергіи вполне понятенъ у людей, которые, такъ сказать, перестаютъ принадлежать самимъ себѣ: какъ бы ни была велика ихъ ненависть къ иноземному завоевателю, но у нихъ нѣтъ никакой инициативы, чтобы бороться съ нимъ. Обязанные слѣпо повиноваться своимъ начальникамъ, «какъ самому Богу», не смѣющіе разсуждать, «ибо умствование можетъ ввести въ заблужденіе», не имѣющіе иного честолюбія, кромѣ желанія сообщить своимъ членамъ, голосу, взгляду механизмъ, предписанный ритуаломъ, фанатическіе хуаны постепенно превращаются въ настоящихъ мономановъ, неспособныхъ понимать и хотѣть ²⁾; при сотвореніи нѣкоторыхъ молитвъ, по требованію ритуала, обязательно наклонить голову на правую сторону, произнося звукъ *хи*, затѣмъ въ лѣвую сторону, говоря *ху*, и наконецъ—впередъ, говоря *ха*: безъ этихъ движеній головы и возгласовъ молитва была бы недействительна ³⁾. Исторія Алжириі доказываетъ, что когда возстанія приобрѣли дѣйствительную важность, то это было не среди этихъ отупѣвшихъ декламаторовъ стиховъ Корана, но въ мужественныхъ племенахъ, сохранившихъ полное сознаніе своей политической жизни.

Французское правительство пыталось опереться на исламъ, назначивъ отъ казны жалованье магометанскому духовенству, но до сихъ поръ оно сдѣлало очень мало для сближенія туземцевъ съ французами путемъ образованія. Франко-арабскія школы, открытыя специально для дѣтей туземцевъ, немногочисленны, и по большей части очень плохо содержатся; специально-европейскія училища открыты, правда, мусульманскимъ мальчикамъ, и нѣсколько сотъ ихъ пользуются обученіемъ въ этихъ училищахъ, но число посѣщающихъ школы ничтожно для четырехмилліоннаго населенія. Что касается заужія, на которыя иногда указываютъ какъ на настоящія школы, то онѣ не заслуживаютъ такого названія, ибо въ этихъ мѣстахъ духовной декламации, которыхъ на-

считываютъ около тысячи во всей Алжириі, дѣти, въ числѣ около 30.000, учатся почти только чтенію стиховъ Корана. Дѣвочки рѣдко допускаются въ монастырскія школы; также и въ училища, основанныя французами, онѣ поступаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Да иначе и быть не можетъ, пока существуютъ нравы, обязывающіе молодыхъ магометанокъ обручаться и выходить замужъ въ такомъ возрастѣ, когда европейки еще играютъ въ куклы: обреченныя заранѣе на затворничество, какъ ихъ матери, молодыя мавританки не имѣютъ надобности въ образованіи, которое имъ предлагаютъ ⁴⁾. Тѣ, которыя были, тѣмъ не менѣе, воспитаны на французскій манеръ, не могли помириться съ судьбой, приготовленной имъ въ семьѣ (туземныхъ молодыхъ дѣвушекъ, получающихъ нѣкоторое образованіе, въ 1877 г., по П. Блану, было 103); большинство ихъ вышло изъ своего сословія, чтобы избѣгнуть тяжелаго устава, налагаемаго на женщинъ ихъ націи: въ мусульманскихъ семействахъ на образованіе, даваемое дѣвушкамъ, обыкновенно смотрятъ такъ, что оно должно роковымъ образомъ вести къ распутству. Пока гаремъ не будетъ открытъ, женщина не можетъ пользоваться наравнѣ съ мужчиной правами свободного воспитанія.

У кабилловъ образованіе болѣе цѣнится, чѣмъ у арабовъ, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Всѣ школы, основанныя либо администраторами смѣшанныхъ общинъ, либо университетомъ (т. е. министерствомъ народного просвѣщенія), либо конгрегистами, бѣлымъ духовенствомъ или іезуитами, и протестантскими миссіонерами, усердно посѣщаются учащейся молодежью. Молодые люди стараются въ своихъ путешествіяхъ извлекать пользу изъ познаній, приобретенныхъ ими на школьной скамьѣ; молодыя дѣвушки, не обреченныя на затворническую жизнь, какъ мавританки, могутъ учиться, не боясь навлечь на себя презрѣніе въ своей средѣ; напротивъ, образованіе только дѣлаетъ ихъ въ глазахъ соплеменниковъ болѣе достойными уваженія. Всѣ кабилскія джемаа просятъ, чтобы открывали французскія школы на ихъ территоріи, и напередъ даютъ согласіе на введеніе у нихъ бесплатнаго и обязательнаго обученія. У берберовъ сахарскихъ оазисовъ школы тоже въ большой чести, и во многихъ городахъ и деревняхъ, особенно въ Бискрѣ, всѣ дѣти умѣютъ говорить и писать по-французски: по своей франко-арабской школѣ, также какъ по большому числу посѣтителей, пріѣзжающихъ туда, чтобы имѣть право сказать, что они видѣли пустыню и ея оазисы, этотъ передовой постъ сахарскихъ областей сдѣлался однимъ изъ наиболѣе французскихъ городовъ Алжириі. Результаты, полученные

¹⁾ E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.

²⁾ E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.

³⁾ Ernest Mercier, „L'Algérie et les questions algériennes“.

⁴⁾ L. Rieu, цитированное сочиненіе.

школами, весьма значительны, хотя рутинная программа, принятая въ европейской Франціи, рабски примѣняется и во Франціи африканской: кабилскій ученикъ, пройдя курсъ ученія, знаетъ изъ географіи только административныя дѣленія европейскихъ государствъ, а изъ исторіи только имена королей династии Мероинговъ ¹⁾).

Въ общей сложности можно, безъ преувеличенія, считать въ миллионъ слишкомъ число жителей, говорящихъ французскимъ языкомъ, либо какъ своимъ роднымъ, либо какъ выученнымъ. Что касается арабскаго языка, то какъ ни богата его литература въ прошлыхъ вѣкахъ, но теперь онъ уже не соответствуетъ, по крайней мѣрѣ въ Алжирѣ, развитію современной мысли: всѣ магометане, которые, по своему образованію, принимаютъ участіе въ движеніи науки или просто въ общей жизни цивилизаціи, пользуются французскимъ языкомъ для выраженія своихъ мыслей. За исключеніемъ официального вѣстника и нѣсколькихъ изданій судебныхъ и административныхъ, алжирскіе станки печатаютъ только европейскіе журналы и газеты, почти все французскіе: единственные арабскія книги, которыя тамъ выходятъ въ свѣтъ, это переводы, дѣлаемые европейцами, или сочиненія по исторіи, издаваемые учеными обществами. Вообще въ Алжирѣ не обнаруживается никакого признака литературнаго обновленія со времени полувѣковой французской оккупации; и если когда-либо начнется новая эволюція для арабскаго языка, то заслуга въ этомъ отношеніи не можетъ быть приписана самимъ арабамъ. Рѣдкіе туземные ученые заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобы скрывать свои сокровища. Тысячи книгъ были увезены изъ страны ревнителями ислама, не захотѣвшими подчиниться господству невѣрныхъ; даже въ алжирскихъ городахъ богатые книгохранилища остались закрытыми для французовъ ²⁾).

Въ европейскомъ обществѣ колоніи образованіе, сравнительно, болѣе распространено, чѣмъ въ соотвѣстственныхъ метрополіяхъ: статистика браковъ и конскрипціи показываетъ, что число неграмотныхъ меньше въ Алжиріи, нежели въ странахъ Европы, откуда пришли иммигранты.

Молодые люди, внесенные, въ 1881 году, въ рекрутскіе списки въ Алжиріи: французовъ—1.561, изъ нихъ 185 неграмотныхъ, или 11,2 проц. Евреевъ—403, изъ нихъ 174 неграмотныхъ, или 43,2 проц. Испанцевъ—401, изъ нихъ 194 неграмотныхъ, или 48,3 проц.

Въ настоящее время среднія получившихъ образованіе евреевъ немного меньше средней французовъ, что объясняется принижениемъ

состояніемъ, въ которомъ долго держали эту расу ея мусульманскіе угнетатели; но, съ другой стороны, изъ всѣхъ этническихъ элементовъ алжирскаго народонаселенія евреи наиболѣе заботятся объ образованіи своихъ дѣтей: въ этомъ отношеніи они походятъ на своихъ единовѣрцевъ въ Европѣ и въ Тунисѣ. Правда, восемь ихъ школъ, называемыхъ мидрахимъ, имѣютъ существенно-религіозный характеръ, обучая дѣтей только чтенію Библіи и еврейскому языку, но занятія въ этихъ школахъ бывають не въ тѣ часы, когда открыты коммунальныя учебныя заведенія, и большинство воспитанниковъ мидрахимовъ посѣщаютъ въ то же время обыкновенныя училища. Народное образованіе, на которое алжирскія общины расходуютъ въ среднемъ 17 процентовъ своихъ доходовъ ³⁾, организовано по тому же образцу, какъ во Франціи; здѣсь тоже существуютъ начальныя школы, среднія учебныя заведенія, лицеи, нормальныя училища (учительскіе институты и семинаріи), факультеты юридическій, медицинскій, наукъ и словесности. По закону 1883 г., всякая полноправная или смѣшанная алжирская община обязана содержать одну или нѣсколько общественныхъ начальныхъ школъ, открытыхъ бесплатно дѣтямъ европейцевъ или туземцевъ; женскія училища должны быть учреждены во всѣхъ общинахъ, имѣющихъ свыше 500 жителей. Жалованье персоналу учащихся опредѣлено по штатамъ, установленнымъ для преподавателей вѣдомства народнаго просвѣщенія во Франціи.

Статистика народнаго образованія въ Алжирѣ въ 1894—95 г.:

Низшихъ начальныхъ школъ—1.255, съ 98.085 учащихся.

Число учащихся въ низшихъ начальныхъ школахъ, по національностямъ:

	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
Французовъ . . .	21.169	20.761
Евреевъ	5.668	4.395
Иностранцевъ . .	16.685	12.953
Мусульманъ . . .	17.260	1.299

Высшее начальное образованіе: 3 школы—2 для мальчиковъ и 1 для дѣвочекъ, 7 дополнительныхъ курсовъ для мальчиковъ и 6 для дѣвочекъ,—во всѣхъ этихъ заведеніяхъ 520 учащихся.

Курсы для взрослыхъ: 70, съ 5.387 слушателей.

Среднія учебныя заведенія: 4 лицея, съ 2.048 воспитанниками, 7 коллежей, съ 1.112 воспитанниками, кромѣ того, 2 духовныхъ и 3 свѣтскихъ среднихъ заведеній; для молодыхъ дѣвушекъ—коллежъ въ Оранѣ (170 воспитан.), курсы въ Константинѣ, Бонѣ и Филиппвилѣ (153, 120 и 65 воспитан.) и школа въ Алжирѣ (227 воспитан.).

¹⁾ Paul Bert, „En Kabylie“.

²⁾ Ch. Féraud, „Revue Africaine“, 1874.

³⁾ Ernest Mercier, цитированное сочиненіе.

Высшія учебныя заведенія:

Факультетъ медицинскій (*école de médecine et de pharmacie*), съ 159 студентами; факультетъ юридическій (*école de droit*), съ 168 студентами; факультетъ словесный (*école de lettres*), съ 120 слушателями; факультетъ физико-математ. (*école des sciences*), съ 31 слушателемъ.

Въ силу капитуляціи Алжира, французское правительство обязалось уважать туземные законы и обычаи и не препятствовать ихъ примѣненію; однако, невозможно было, чтобы французскіе судьи, назначенные въ Алжирію, не пытались ограничить мало-по-малу компетенцію мусульманской магистратуры. Вскорѣ кади «съ дырявыми руками», эти творители право-

и комментаріями къ судебнику Сиди-Хелиля и къ другимъ руководствамъ по законовѣдѣнію, сохранились въ судебныхъ рѣшеніяхъ: такъ, еще очень недавно мусульманскіе трибуналы торжественно санкціонировали тотъ фیزیологическій фактъ, неизвѣстный европейскимъ медикамъ, что ребенокъ, прежде чѣмъ родиться, можетъ спать въ чревѣ матери въ продолженіе четырехъ лѣтъ¹⁾. Нынѣ кади (судьи), въ числѣ около 150, и адели (заступающіе мѣсто кади) составляютъ въ каждомъ округѣ *маха* или судебную палату, причисляемую къ судамъ первой инстанціи. Ихъ юриспруденція, руководствуясь Кораномъ, должна согласоваться также съ требованіями французскаго закона, и кади,

Бабъ-Азунъ въ Алжирѣ.

судія, обязанность которыхъ, по мѣстной поговоркѣ, состояла въ томъ, чтобы «объѣдать племя»¹⁾, и приговоры которыхъ были безапелляционны (отмѣнить приговоръ могъ только бей, по ходатайству подсудимаго, или самъ кади, по полученіи болѣе вѣрныхъ и обстоятельныхъ данныхъ), увидѣли надъ собой французскіе трибуналы, куда осужденные ими могли представить свое дѣло для новаго разбирательства. Тѣмъ не менѣе, кади еще въ 1843 г. приговаривали къ смертной казни, и многія нечѣстности, освященные суевѣріемъ туземцевъ

могущій доказать достаточное знаніе французскаго языка, получаетъ годовую премію, сверхъ обыкновенныхъ гонораровъ. Образование, даваемое въ алжирскомъ медресе или школѣ правовѣдѣнія, все болѣе и болѣе приближается къ тому уровню, на которомъ оно стоитъ въ заморскихъ училищахъ этого рода; студенты сдаютъ экзамены по французскому языку и законовѣдѣнію и обязаны слушать по нѣкоторымъ предметамъ лекціи профессорскія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, мусульманское общество постепенно вводится въ

¹⁾ A. Pomel, „Des races indigènes de l'Algérie“.

¹⁾ Ch. Roussel „Revue des Deux Mondes“, 1 août 1876.

кругъ дѣйствія французской юстиціи учрежденіемъ института мировыхъ судей, къ которымъ одинаково обращаются и европейцы, и туземцы, и компетенція которыхъ очень обширна. Что касается джемаа, или народныхъ собраний въ кабилскихъ деревняхъ, то они были упразднены, или по крайней мѣрѣ власть ихъ значительно ограничена: теперь мировые суды, въ числѣ около ста, и 17 судовъ первой инстанціи, въ которыхъ засѣдаютъ также мусульманскіе члены (по одному въ каждомъ судѣ), предоставляютъ себѣ право истолкованія арабской сунны или кабилскихъ кануновъ. Ассизные суды существуютъ въ четырехъ городахъ: Алжирѣ, Оранѣ, Константинѣ и Бонѣ; кромѣ того, въ столицѣ находится апелляціонная палата, высшее судебное учрежденіе Алжирии.

Алжирскіе суды завалены дѣлами; неопредѣленные условія землевладѣнія и неустойчивость состояній имѣютъ слѣдствіемъ частое обращеніе жителей къ содѣйствію законниковъ; особенно въ годы плохого урожая наложеніе запрещенія и продажа имуществъ съ публичнаго торга повторяются то тутъ, то тамъ, почти ежедневно, къ великой радости и выгодѣ нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ. Арабы склонны къ сутяжничеству, но ихъ споры рѣшаются вообще короткимъ судомъ, тогда какъ споры колонистовъ, которые тоже очень любятъ судиться, по большей части поступаютъ на разсмотрѣніе общихъ судебныхъ установленій. Число процессовъ и спорныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію общихъ судовъ, доходитъ до 20.000 слишкомъ ежегодно; а такъ какъ болѣе половины этихъ дѣлъ возникаютъ между французами, то, слѣдовательно, у этихъ послѣднихъ приходится, среднимъ числомъ, по одному дѣлу на каждые двадцать человѣкъ; кромѣ того, на долю французскаго населенія приходится половина изъ 60.000 менѣе важныхъ споровъ и исковъ, разбираемыхъ мировыми судьями. Иностранцы, среди которыхъ собственники менѣе многочисленны, чѣмъ среди французовъ, сравнительно рѣже судятся между собой и съ жителями другихъ національностей.

Процентное отношеніе тяжбъ по національности сторонъ въ 1883 г.:

Между французами—512 изъ 1.000; между другими европейцами—48 изъ 1.000; между мусульманами—112 изъ 1.000; смѣшанныхъ дѣлъ—328 изъ 1.000.

Въ уголовныхъ дѣлахъ приговоры часто отличаются большей строгостью, чѣмъ во Франціи, что, можетъ-быть, зависитъ отъ вліянія военной традиціи.

Рѣшенія алжирскихъ уголовныхъ судовъ, въ 1883 г., по роду наказаній, къ которымъ приговорены обвиняемые:

Смертная казнь (5 приговоровъ приведены въ исполненіе) — 49; каторжные работы на срокъ или безъ срока—255; тюремное заклю-

ченіе—20.059; денежный штрафъ—53.347; оправдательныхъ приговоровъ—5.625.

Принимая во вниманіе относительную численность различныхъ національностей, оказывается, что наибольшій процентъ караемыхъ правосудіемъ составляютъ евреи, за которыми слѣдуютъ французы.

Число заключенныхъ, содержавшихся въ тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства къ 1 января 1883 г.:

Французовъ—564, или 12%; другихъ европейцевъ—284, или 6%; евреевъ—80, или 2%; магометанъ—3.543, или 80%.

«Африканская» армія, образующая девятнадцатый корпусъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ солдатъ всякаго рода оружія, посылаемыхъ изъ Франціи, но заключаетъ въ себѣ также довольно значительную пропорцію людей, поступившихъ на службу въ самой Алжиріи. Ежегодная конскрипція доставляетъ въ ряды войска слишкомъ двѣ тысячи сыновей французовъ и испанцевъ (число конскриптовъ въ Алжиріи въ 1880 г.: 1.589 французовъ, 393 натурализованныхъ евреевъ, 345 испанцевъ, всего 2.227); кромѣ того, три полка *тюркозовъ*, или алжирскихъ стрѣлковъ,—не считая полка, находящагося въ Тунисскомъ регентствѣ,—состоятъ изъ туземныхъ волонтеровъ, почти исключительно кабилловъ, сахарцевъ и бискрийцевъ. Два полка иностраннаго легіона составлены изъ европейцевъ: швейцарцевъ, бельгийцевъ, нѣмцевъ, которыхъ нужда или желаніе попытать счастья на чужбинѣ привели въ африканскую колонію. Алжирская армія, на которую смотрятъ какъ на родъ «исправительнаго заведенія для войскъ метрополіа»¹⁾, заключаетъ въ себѣ также особые части, составленные изъ людей, осужденныхъ военной юрисдикціей: три «африканскихъ баталіона» и пять дисциплинарныхъ ротъ, часто отряжаемыхъ на трудныя и опасныя службы. Въ составъ пѣхоты входятъ также четыре полка зуавовъ, въ которые поступаетъ много вольноопредѣляющихся, а въ составъ кавалеріи—три полка спаги и четыре полка африканскихъ егерей (*chasseurs d'Afrique*). Жан-дармерія, въ числѣ около тысячи человѣкъ, тоже составляетъ часть войска. Наконецъ, къ составу арміи слѣдуетъ причислить также арабскіе *уммы*, то-есть контингенты наѣздниковъ, которые начальники племенъ обязаны, по первому требованію, присылать командующимъ отдѣльными частями генераламъ для развѣдочной службы и для внезапныхъ нападений на непріяеля. Гумы должны сами запасаться продовольствіемъ и лагерными принадлежностями; но эти наѣзники довольствуются очень малымъ запасомъ провизіи: небольшое количество пшеничной муки, мѣшокъ финиковъ хватаютъ имъ на нѣсколько дней.

¹⁾ Camille, «Revue des Deux Mondes», mars 1885.

Общая численность войск въ Алжирѣ—около 55.000 человѣкъ.

Старыя укрѣпленія арабовъ и турокъ сохранились лишь въ очень немногихъ мѣстахъ; касбы почти во всѣхъ укрѣпленныхъ городахъ скрыты или передѣланы до такой степени, что невозможно узнать ихъ первоначальной формы: теперь это просто казармы. Четыреугольные бастионы крѣпостныхъ стѣнъ, съ ихъ стройными угловыми башенками, массивныя ворота съ опускаемыми рѣшетками и крюками, на которыхъ вывѣшивались головы казненныхъ, оставили послѣ себя только имя, какъ, напримѣръ, ворота Бабъ-Азунъ, которыхъ не могла открыть армія Карла V. Даже оплоты, воздвигнутые Абдель-Кадеромъ во время его эфемернаго царствованія, были разрушены: теперь не легко отыскать близъ Тіарета развалины Тагдемта, центральной твердыни его царства. Даже укрѣпленія, построенныя французами въ первые годы оккупации, сдѣлались бесполезными или стѣснительными во многихъ городахъ. Многія крѣпости пришлось упразднить; городъ Алжиръ хлопочетъ о томъ, чтобы нынѣшняя ограда была замѣнена линіей отдѣльныхъ фортовъ на вершинахъ Сахеля. На покатохъ, обращенной къ Сахарѣ, гдѣ нечего опасаться нападеній со стороны европейскихъ армій, военные посты, какъ Бискра и Лагуатъ, суть не что иное, какъ укрѣпленныя казармы, или бывшія касбы, приспособленныя къ потребностямъ французскаго гарнизона. Сахарцы—естественные союзники европейцевъ противъ арабовъ, жителей плоскихъ возвышенностей и степей южной покатохъ. На плоскогорьяхъ крѣпости были бы бесполезны. Если что нужно въ тѣхъ мѣстахъ, такъ это колесныя дороги, которыя позволили бы обгонять самыхъ быстрыхъ на бѣгу кочевъ и не давать имъ соединяться въ большія скопища. Съ того момента, когда палъ Тагдемтъ, главная твердыня Абдель-Кадера, и когда французы продолжили дороги къ высокимъ плато, въ обходъ горныхъ массивовъ прибрежья,—завоеваніе Алжиріи можно было считать совершившимся фактомъ, окончательное занятіе страны было уже дѣломъ времени.

Границы военныхъ округовъ совпадаютъ съ границами департаментовъ Алжирскаго, Оранскаго и Константинскаго, но есть нѣкоторая разнища между подраздѣленіями военными и административными.

Военные округа.	Подраздѣленія.	Военные округа.	Подраздѣленія.
Алжирскій . . .	{ Алжиръ. Омаль. Медеа. Орлеансвилъ. Деллисъ.	Оранскій . . .	{ Оранъ. Маскара. Тлемсенъ. Константина. Бона. Батна. Сетифъ.
		Константинскій	

Въ каждомъ военномъ округѣ учреждены два военныхъ совѣта, которые судятъ лицъ, принадлежащихъ къ арміи, и жителей территорій, состоящихъ подъ военнымъ управленіемъ, за преступленія и проступки. Наказанія, назначаемыя обвиненнымъ, вообще очень строги, и военныя тюрьмы всегда переполнены несчастными, заключенными по приговорамъ военныхъ судовъ. Кромѣ того, существуютъ дисциплинарныя коммисіи, разборательству которыхъ подлежатъ маловажныя провинности, и которыя признанныхъ виновными туземцевъ приговариваютъ къ денежному штрафу или къ заключенію въ земледѣльческія исправительныя колоніи (пенитенціаріи).

Приговоры алжирскихъ военныхъ совѣтовъ въ 1882 г., по роду наказаній:

Приговорено къ смертной казни (исполненъ 1 приговоръ)—36; приговорено къ каторжнымъ или «публичнымъ» работамъ—246; приговорено къ ссылкѣ—5; приговорено къ тюремному заключенію и другимъ наказаніямъ—1.221.

Оправдательныхъ приговоровъ—360; военныхъ, осужденныхъ дисциплинарными коммисіями въ 1882 г.—3.309; туземцевъ, содержащихся въ пенитенціаріяхъ—140.

Такъ называемыя «арабскія конторы» (bureau arabes), состоявшія прежде подъ вѣдѣніемъ военной администраціи, теперь подчинены непосредственно генераль-губернатору: въ нихъ сосредоточены дѣла, касающіяся туземнаго населенія. До недавняго времени военная власть распространялась на всѣ случаи соціальной жизни. Капитанъ санкціонировалъ браки и разводы, принималъ акты о рожденіи и смерти для записи въ метрическія книги, сочинялъ, въ случаѣ надобности, проекты духовныхъ завѣщаній: онъ единолично составлялъ трибуналъ, на рѣшенія котораго не допускалось никакой апелляціи.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ показаны административныя дѣленія и подраздѣленія Алжиріи, съ именами центровъ управленія, имѣющихъ свыше 1.000 жителей.

Департаменты.	Округа (arrondissements).	Общины.
Константинскій.	Бона. Бужи. Батна. Константина	Бона. Ла-Калле. Бужи. Джиджелли. Батна. Бискра. Константина, Мила, Тебесса, Конде-Смеду.
7 округовъ.	Гельма. Филипвиль.	Гельма, Сузъ-Ахрасъ. Филиппиль, Стора, Жемантъ, Колло.
66 полноправныхъ общинъ, 32 смѣшанныхъ общинъ, 7 туземныхъ общинъ.	Сетифъ.	Сетифъ, Борджъ, Бу-Аррериджъ, Сентъ-Арно.

		Алжиръ, Мустафа, Сентъ-Эженъ, Бланда, Буфарики, Шершель, Колеа, Менервилъ, Мезонъ-Карре, Гуссейнъ-бей, Дуэра, Маренго, Омаль, Арба.	Управленія туземными дѣлами.		
Алжирскій. 5 округовъ, 82 полноправныхъ общины, 29 смѣшанныхъ общинъ, 4 туземныхъ общины.	Медейскій. Милианскій. Орлеансвилъскій. Тизи-узунъскій. Маскарскій. Мостаганемскій.	Медеа, Богари. Милиана, Тениетъ-эль-Гадъ, Аффревиль. Орлеансвилъ, Тенестъ.	Дирекція.	Подраздѣленія.	Округа и приписанныя къ нимъ общины.
Оранскій. 63 полноправныхъ общины, 22 смѣшанныхъ общины, 3 туземныхъ общины.	Оранскій. Сиди-бель-аббескій. Тлемсенскій.	Оранъ, Сентъ-Дени на Сигъ, Антъ-Темуншентъ, Сентъ-Ле, Арзе, Тиаретъ, Сентъ-Клу, Перрего, Мерсъ-эль-Кебиръ, Миссергинъ, Сентъ-Барбъ-дю Тлелатъ. Сиди-бель-Аббесъ, Тес-сала. Тлемсенъ, Недрома, Немуръ.	Константи-нская.	Тебесса. Батна. Бона. Мсила. Сетифъ.	Батна, Бискра, Хеншела, Барика. Ла-Калле, Сукъ-Ахрасъ.
			Алжирская.	Омаль. Медеа.	Омаль, Бу-Сада. Богаръ, Джельфа, Лагуатъ, Гардайя, Шеллала.
			Оранская.	Дайя. Маскара. Тлемсенъ.	Маскара Антъ-Шерфа, Жеривиль, Тиаретъ, Саида, Афлу. Лалла-Магния, Себду.

Глава IV

Марокко.

I.

Имя «Марокко», даваемое европейцами треугольной области Берберіи, ограниченной на сѣверо-востокѣ, у Средиземнаго моря, уездомъ Аджерудъ или Кисъ, на юго-западѣ, у Атлантическаго океана, уездомъ Нунъ, не имѣетъ того же значенія въ языкѣ туземцевъ. По ихъ понятію, Марокко или страна Марракешъ (Марруэкошь по-испански) есть лишь одно изъ трехъ государствъ, подвластныхъ султану-шерифу. На сѣверѣ—королевство Фецъ, на юго-востокѣ—оазисъ Тафилельтъ дополняютъ его имперію; кромѣ того, пространство, означаемое на нашихъ картахъ названіемъ Марокко, заключаетъ въ себѣ обширныя территоріи, занятыя многочисленными независимыми племенами. Жители этой страны не имѣютъ общаго термина для обозначенія ея во всей совокупности ¹⁾. Общее наименованіе для ихъ отечества, безъ точнаго опредѣленія границъ, есть Магрибъ-эль-Акса, то-есть «Крайній Западъ».

Несмотря, однако, на неопредѣленность на-

званія, эта область западной Берберіи составляетъ географическое цѣлое. Высокія цѣпи Дерена, его параллельныя складки, предгорья и долины, разрѣзывающія горный массивъ, расширяясь въ равнины съ одной стороны къ морю, съ другой—къ пустынѣ, придаютъ характеръ единства всей сѣверо-западной части африканскаго континента, заключающейся между Алжиріей и низменностями приморской Сахары. При томъ, если въ Марокко не существуетъ политической связи, то общая религія и молитва за его «шерифское величество» даютъ жителямъ нѣкоторую солидарность противъ чужеземцевъ, а соперничество между европейскими державами, особенно между Франціей, Испаніей и Англіей, способствуетъ установленію для совокупности земель, обозначаемыхъ терминомъ Марокко, нѣкотораго рода коллективной личности, отдѣльной отъ остальныхъ странъ Африки. Въ условныхъ предѣлахъ, начертанныхъ дипломатіей для Магриба-эль-Акса, пространство, ограниченное на юго-западѣ прямой линіей, проходящей въ пустынѣ отъ оазиса Фигинъ до устья узда Драа, можетъ быть исчисляемо въ 500.000 кв. киломе-

¹⁾ Jules Erekman, „Le Maroc moderne“

тровъ. Что касается народонаселенія, то, за отсутствіемъ всякой статистики, даже приблизительно, цифру его опредѣлить невозможно. Сравнивая эту страну съ Алжиріей и Тунисомъ, отъ которыхъ она мало отличается какъ по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, такъ и по племенному составу населенія; принимая также во вниманіе тотъ фактъ, что Марокко имѣетъ большіе и многолюдные оазисы, и что онъ съ давнихъ поръ не испытывалъ бѣдствій войны,—можно допустить, какъ вѣроятное, число жителей отъ восьми до девяти милліоновъ ¹⁾. Крайнія исчисленія—2.750.000 душъ по Кледену, 15 милліоновъ по Джаксону.

Марокко еще не былъ пройденъ на всемъ его протяженіи европейскими путешественниками. Въ теченіе трехъ столѣтій появлявшіяся описанія этой страны были не болѣе, какъ перепечатка или пересказъ сочиненія, написаннаго арабскимъ ренегатомъ Львомъ Африканцемъ. Книга Мармоля была первой такой перепечаткой: это простой плагиатъ, къ которому примѣшано нѣсколько личныхъ воспоминаній и заимствованій изъ Птолемея. Миссіонеры, посылаемые для выкупа плѣнниковъ, люди, спасшіеся отъ кораблекрушенія и прошившіе о возвращеніи ихъ въ отечество, нѣсколько дипломатовъ, вѣздившихъ въ сопровожденіи большого кортежа, ко двору султана шерифа,—вотъ единственные европейцы, проникавшіе до конца прошлаго столѣтія, внутрь Марокко. Но уже въ 1789 году медикъ Лампріеръ, приглашенный императоромъ «Крайняго Запада», объѣхалъ его владѣнія. Въ началѣ текущаго столѣтія испанецъ Али-бей также могъ свободно разѣзжать по Марокко, благодаря исповѣдуемой имъ вѣрѣ, и съ этой эпохи очень много другихъ путешественниковъ прослѣдовали по дорогамъ края, между Тангеромъ, Фецомъ, Мекнесомъ и Рбатомъ, между Марокко, южной столицей и Могадоромъ. Но если дороги территорія, непосредственно подвластной шерифу, уже пройдены иностранцами, то изъ независимыхъ территорій еще очень немногія были посѣщены европейскими изслѣдователями.

Сѣтъ часто проходимыхъ путешественниками маршрутовъ указываетъ довольно точно границы, отдѣляющія бледъ-эль-махзенъ, т. е. «страну съ рекрутскимъ наборомъ», отъ бледъ-эль-сиба, т. е. совокупности областей, племена которыхъ отказываются и отъ платежа податей, и отъ исполненія воинской повинности. Въ территоріи бледъ-эль-махзенъ европейцы путешествуютъ совершенно безопасно, не имѣя надобности скрывать свое происхожденіе, такъ какъ вездѣ пользуются защитой со стороны правительственныхъ властей; но они не могли бы, иначе какъ переряженные, проникнуть въ

мѣстности, населенныя независимыми племенами, а эти мѣстности занимаютъ почти пять шестыхъ страны, обозначаемой на географическихъ картахъ подъ именемъ Марокко: обитатели областей бледъ-эль-сиба держатся того мнѣнія, и не безъ основанія, что всякое изслѣдованіе ихъ территоріи христіанскими путешественниками только облегчитъ завоеваніе войскамъ, которыя рано или поздно не преминутъ воспользоваться дорогами, проложенными ихъ мирными предтечами. Къ числу мѣстностей, куда почти еще не заглядывали европейскіе путешественники, принадлежитъ и область Рифъ, мимо береговъ которой ежегодно проходятъ тысячи кораблей, держащихъ курсъ на востокъ отъ Гибралтарскаго пролива. Даже на прямой линіи между Фецомъ и Марокко многія гористыя пространства извѣстны только по рассказамъ туземцевъ. Наконецъ, Атласъ, Анти-Атласъ и вся покатость пустыни, до маршрутовъ французскихъ колоннъ на границахъ Алжирѣ, были пока еще пройдены только двумя или тремя путешественниками: только, пройденный экспедиціей Калье, извѣстенъ лишь приблизительно; Рольфсъ обогнулъ на сѣверѣ главную цѣпь Атласа, а Ленцъ пересѣкъ ее только на южной ея оконечности. Фуко (Foucauld), переодѣтый евреемъ, совершилъ гораздо болѣе полное путешествіе во внутреннемъ Марокко; онъ перешелъ Атласъ на многихъ пунктахъ, первый обслѣдовалъ цѣпь Бани, опредѣлилъ астрономически положеніе сорока слишкомъ мѣстъ и вывезъ три тысячи цифръ, относящихся къ измѣренію высотъ. Но детальная сѣтъ пройденныхъ имъ путей, составленная имъ спеціальныя карты и изложеніе его изслѣдованій еще не опубликованы. Крайне важно, чтобы эти документы были изданы въ свѣтъ, такъ какъ ни одно путешествіе не сдѣлало столько для ознакомленія насъ съ этой таинственной страной, которую испанцы и португальцы уже четыреста слишкомъ лѣтъ тому назадъ пытались присоединить къ европейскому политическому міру.

Въ предѣлахъ Марокко система Атласа достигаетъ наибольшей своей высоты. Главная цѣпь протянулась съ юго-запада на сѣверо-востокъ, какъ разъ по оси сѣверо-западной Африки, отъ мыса Бланко черезъ мысъ Бохадоръ до мыса Алжирскаго; вся береговая полоса Марокко, между устьемъ узда Сусъ и устьемъ Молуйи, лежитъ, такъ сказать, на материковой массѣ Африки, доминируемая массивами, которые принадлежатъ уже къ промежуточному поясу, перерѣзанному Гибралтарскимъ проливомъ. Хотя въ цѣломъ довольно правильная, цѣпь эта, однако, не совсѣмъ прямилинейна; она слегка выгнута, образуя родъ дуги, обращенной выпуклостью къ Сахарѣ; кромѣ того, хребетъ, изрытый съ той и другой

¹⁾ Oscar Lenz, „Timbuktu“.

стороны движением древних ледников и разрывающим действием водъ, описывает многочисленныя извилины. Общую длину его, не считая примыкающих къ нему цѣпей, продолжающихъ въ Алжирѣ атласскую систему, опредѣляютъ въ 600 километровъ, отъ мыса Геръ, къ сѣверу отъ узда Сусъ, до джебеля Айашина, составляющаго на сѣверо-востокѣ главную вѣтвь Атласа. У марокканцевъ нѣтъ общаго имени для всей цѣпи; но западную часть они называютъ Идраренъ, «Горы», или даже Идраренъ-Деренъ (Адраръ и Деренъ, по Фуко), что, кажется, есть лишь повтореніе того же имени. Слово деренъ, очевидно, то же самое, что и слово Дирисъ или Диринъ, известное Страбону.

Джебель Айашинъ (Айаши), начинающій собою, на сѣверо-востокѣ, главную цѣпь Атласа, есть, повидимому, одинъ изъ высочайшихъ массивовъ Марокко: по свидѣтельству Рольфа и Фуко, единственныхъ новѣйшихъ изслѣдователей, сообщившихъ описаніе этой части Атласа (Рене Калье только мелькомъ упоминаетъ объ этой части своего путешествія), вершины Айашина отличаются отъ окружающихъ гребней бѣлизной своихъ куполовъ и шпичекъ: Рольфъ говоритъ даже, какъ говорилъ нѣкогда римскій полководецъ Светоній Паулинъ, что эти горы покрыты «вѣчнымъ снѣгомъ»; но этотъ путешественникъ проходилъ черезъ тѣ мѣстности въ половинѣ мая, а туземцы, которыхъ онъ спрашивалъ, рассказывали, можетъ-быть, о снѣгахъ, которые держатся въ трещинахъ и оврагахъ, куда не проникаютъ солнечные лучи. Какъ бы то ни было, Айашинъ, называемый также джебель Магранъ, достигаетъ, вѣроятно, 3.500 метровъ, уступая по высотѣ лишь очень немногимъ вершинамъ въ этомъ хребтѣ Атласа, который арабскій писатель Эль-Бекри называлъ «величайшей горой во всемъ свѣтѣ». Разрѣзанный долинами потоковъ, направляющихся въ разныя стороны, — на западѣ Умъ-эръ-Рбіа, на сѣверо-западѣ Себу, на сѣверо-востокѣ Молуйа, на юго-востокѣ узда Геръ, на югѣ узда Драа, — высокій массивъ, состоящій главнымъ образомъ изъ песчаниковъ и сланцевъ, выдѣляется изъ себя боковые отроги, составляющіе водораздѣльныя возвышенности между расходящимися рѣчными бассейнами. На западѣ тянется хребетъ Аитъ-Ахія, продолжающійся цѣпью Айанъ и каменистыми предгорьями, которыя господствуютъ надъ равнинами Феца. На сѣверо-востокѣ, одно изъ развѣтвленій Айана, джебель Тамаракутъ, слѣдуетъ нормальному направленію атлантической системы; одну изъ его впадинъ наполняетъ живописное озеро Сиди-Али Мохаммедъ, въ чистыхъ водахъ котораго отражается кругъ лѣсовъ, покрывающихъ его берега; арабы называютъ это альпійское озеро «дайя», то-есть тѣмъ же именемъ, какъ и лужи

периодически высыхающія, которыми устѣяны высокія плато Алжирѣ. На сѣверо-востокѣ продолженіе Тамаракута составляетъ хребетъ, прерываемый долиной рѣки Молуйи, затѣмъ долиной узда Шарфъ, и оканчивающійся въ Алжирѣ Тлемсенскими горами; во многихъ мѣстахъ эта возвышенность принимаетъ форму широкаго плоскогорья. Столь богатый боковыми отрогами, джебель Айашинъ, который можно сравнить съ деревомъ, далеко раскинувшимъ свои вѣтви, тогда какъ главный стволъ сломанъ, — быстро понижается и вдругъ обрывается кручами джебеля Тернеитъ, громаднаго утеса, окруженнаго равнинами, надъ которыми онъ вздымается почти на 2.000 метровъ. Этотъ бастіонъ, образующій сѣверную оконечность могучей атлантической системы, представляетъ грандіозный видъ¹⁾; особенно поразителенъ контрастъ между горами, совершенно закрывающими горизонтъ съ западной стороны, и безпредѣльнымъ пространствомъ плоскихъ возвышенностей, которыя, вѣроятно, были выровнены дѣйствиемъ водъ и льдовъ, нѣкогда спускавшихся съ Атласа. Точно также и въ Алжирѣ Тлемсенскія горы оканчиваются надъ марокканскимъ плоскогорьемъ величественными стѣнами Расъ-Асфура²⁾.

Къ югу отъ джебеля Айашина, главная цѣпь, которую еще ни одинъ европейскій путешественникъ не переходилъ въ этой части ея протяженія, кажется, сохраняетъ высоту болѣе 3.500 метр.: такъ, указываютъ, на югѣ отъ Сефру, брешь, называемую Тениетъ эль-Баксъ, или «Проходъ, поросшій буксомъ», близъ котораго находится «Туатская могила», гдѣ погребены двадцать-три жителя оазиса Туатъ, погибшіе въ снѣгу³⁾. Фуко говоритъ, что на пространствѣ слишкомъ 150 километровъ, къ югу отъ проходовъ, огибающихъ сѣверный склонъ Айашина, на дорогѣ изъ Феца въ Тафилельтъ, нѣтъ переваловъ для движенія каравановъ. Далѣе, къ юго-западу, слѣдуютъ одна за другой нѣсколько брешей, черезъ которыя можно проникнуть изъ бассейна Умъ-эръ-Рбіа въ бассейнъ узда Драа. Главныя брешіи находятся въ Тизи и Глауи, широкое пониженіе между двухъ массивовъ цѣпи, на востокѣ — джебель Анимера, на западѣ — джебель Тидили, покрытаго снѣгомъ. Три прохода въ Тизи и Глауи доступны круглый годъ; но зимой тамъ часто падаетъ такой обильный снѣгъ, что путешественники должны останавливаться въ ближайшихъ къ перевалу селеніяхъ и выжидать, пока не прояснится погода.

Въ ряду горъ, которыя вьсятся на юго-западѣ отъ пониженія Тизи и Глауи, особенно замѣчателенъ джебель Сивра, голая скала

¹⁾ De Foucauld, рукописное сочиненіе.

²⁾ O. Mac-Carthy, рукописныя замѣтки.

³⁾ Delaporte; — Renou, «Description géographique de l'empire de Maroc».

исполвинскихъ размѣровъ, верхній куполъ которой покрытъ «вѣчнымъ снѣгомъ» ¹⁾. Это самая высокая гора въ этой части хребта, и, вѣроятно, во всей системѣ Атласа; она составляетъ горный узелъ, соединяющій главную цѣпь съ «Малымъ Атласомъ»; между бассейнами уэдовъ Сусъ и Драа. Что касается вершины Мильцинъ, которую измѣрилъ изслѣдователь Вашингтонъ въ 1829 г., то ни одинъ изъ послѣдующихъ путешественниковъ не могъ отыскать ее, такъ какъ это имя неизвѣстно жителямъ Марокко и его окрестностей; по мнѣнью Белля и Гукера, дѣло идетъ о горѣ, лежащей въ 61 километрѣ къ юго-востоку отъ Марракеша, при началѣ долины Урика; исправляя измѣренія Вашингтона, который ошибся въ опредѣленіи разстоянія до этой горы, оказывается, что высота ея вершины 4.070 метровъ. Многія другія вершины, составляющія эту часть гребня на юго-востокъ отъ Марракеша, кажется, имѣютъ почти такую же высоту: наблюдаемая изъ этой столицы, цѣпь Атласа тянется на половинѣ горизонта въ видѣ слегка зазубренной стѣны, которая съ наступленіемъ лѣта сбрасываетъ съ себя снѣжный покровъ; остаются только кое-гдѣ бѣлыя полосы, залегающія въ оврагахъ; по Мау, средняя высота Дерена на горизонтѣ Марокко около 3.900 метровъ, и самые высокіе пики поднимаются надъ линіей гребня не болѣе, какъ на 200 метровъ; слѣдовательно, по высотѣ вершинъ Атласъ значительно уступаетъ Альпамъ, но по своей средней высотѣ на большомъ протяженіи, по крайней мѣрѣ на протяженіи 160 километровъ, онъ не имѣетъ себѣ равнаго между альпійскими цѣпями.

Тагерутскій проходъ, перерѣзывающій цѣпь почти подъ меридіаномъ Марокко, и отсюда начинается спускъ на югъ въ верхнюю долину уэда Сусъ,—лежитъ еще очень высоко: онъ открывается, вѣроятно, на высотѣ 3.500 метровъ, и ведущіе къ нему овраги во многихъ мѣстахъ трудно доступны вычнымъ животнымъ; но километрахъ въ тридцати къ западу находится широкій проломъ, представляющій удобный перевалъ для каравановъ; съ вершины джебеля Тиза, стоящаго въ видѣ пирамиды на западной сторонѣ цѣпи и достигающаго еще 3.350 метровъ, ясно видны, въ 1.200 метрахъ ниже, эти ворота, открытыя между скалъ ржаваго цвѣта. На западѣ цѣпи, идущая въ направленіи перпендикулярномъ къ Океану, снова принимаетъ среднюю высоту, меньшую 3.000 метровъ, до другой глубокой выемки около 1.200 метровъ, черезъ которую проходятъ дорога изъ Марокко въ Тарудантъ, въ долину уэда Сусъ: это Тизи, или «перевалъ» по преимуществу, называемый также Бибауанъ и Бибанъ, то-есть «Ворота». Датчанинъ Гестъ,

англичане Ламприеръ и Джаксонъ, имѣющіе Ленцъ перешли Атласъ по этой каменистой дорогѣ, трудно доступной верблюдамъ. За этимъ проходомъ приморскій Атласъ представляетъ еще величественный видъ, и нѣкоторые изъ его пиковъ поднимаются выше 2.500 метровъ. Моряки, огибающіе мысъ Геръ или джебелъ Антъ-Уакаль, крайній выступъ Атласа, видятъ гребень постепенно повышающимся къ внутренности материка.

Такъ какъ Атласъ былъ перейденъ европейскими изслѣдователями только въ очень немногихъ точкахъ, то геологическое строеніе его частью еще не извѣстно. Знаютъ, однако, что песчаники образуютъ тамъ огромные пласты; находили также древніе сланцы, известняки и мраморы, а средній хребетъ главной цѣпи Дерена состоитъ, повидимому, изъ порфировыхъ массъ; діориты и базальты тоже встрѣчаются въ разныхъ частяхъ цѣпи; джебелъ Тиза, на который всходили Белль и Гукеръ, есть порфировый куполъ, пробившійся наружу сквозь слюдяные сланцы; къ югу отъ Марракеша путешественникъ Балакса видѣлъ сланцы съ отпечатками папоротниковъ, горныя породы, которыя почти всегда встрѣчаются въ сосѣдствѣ каменноугольныхъ формаций. На сѣверной оконечности Большаго Атласа долины обращеннаго къ пустынѣ склона вырыты въ гранитѣ ¹⁾. Натура горныхъ породъ, образующихъ главную цѣпь, обнаруживается особенно обломками, разсыянными на скатахъ, даже въ сосѣдствѣ южной столицы. По мнѣнью Мау, обломки эти—ледниковаго происхожденія. На высотахъ отъ 1.750 до 2.400 метровъ долины, спускающіяся къ Атлантическому океану, усыяны моренами, боковыми, срединными и конечными, которыя, по словамъ англійскаго геолога, ничѣмъ не отличаются отъ моренъ, какія мы видимъ на Альпахъ; кромѣ того, холмы, сплошь состоящіе изъ глетчерныхъ обломковъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ у основанія горъ, въ видѣ широкаго пояса, прерываемаго тамъ и сямъ устьями долинъ: эти груды обломковъ, очевидно, были отложены громадными ледниками, нѣкогда покрывавшими откосы горъ, и которые, отступая, оставили между главной цѣпью и холмами изъ мореновыхъ отложений широкую впадину, свидѣтельствующую о климатическихъ перемѣнахъ, происходившихъ въ этой странѣ. Къ востоку отъ Атласа, на большихъ оранскихъ плоскогорьяхъ, которыя тянутся по направленію оси орографической системы, повышенія и пониженія почвы, слѣдующія одно за другимъ на подобіе волнъ морскихъ, по всей вѣроятности, имѣли подобное же происхожденіе. Одинъ шоттъ, имѣющій нѣсколько временныхъ притоковъ, занимаетъ часть плоской возвышенности: это себха Тигри,

¹⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Ball and Hooker, цитированное сочиненіе.

усыпанная буграми изъ красноватой глины. Этотъ бассейнъ дѣлится на нѣсколько второстепенныхъ впадинъ, высота которыхъ отъ 1.119 до 1.137 метровъ, и которыя въ зимнее время наполняются водой въ самыхъ низкихъ частяхъ ¹⁾).

Поразителенъ контрастъ между двумя противоположными склонами Атласа. Сторона горъ, обращенная къ дождливымъ вѣтрамъ Атлантики, является тамъ и сямъ зеленѣющей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно около сѣверной своей оконечности, она даже покрыта великолѣпными лѣсами, хотя въ Марокко, какъ и въ остальной Мавританіи, пастухи имѣютъ привычку предавать деревья и кустарники пламени, чтобы обновить растительность пастбищъ. На сторонѣ же, обращенной къ пустынѣ, почти вездѣ гораздо болѣе крутой, чѣмъ противоположный скатъ ²⁾, видишь только голый камень, какъ бы спаленный жгучимъ дыханіемъ нескровъ. Впрочемъ, южные откосы Атласа почти на всемъ ихъ протяженіи защищены отъ иссушающихъ вѣтровъ Сахары параллельной цѣпью, которая служитъ какъ бы ширмами. Въ этой цѣпи, соединяющейся посредствомъ горныхъ узловъ съ Большимъ Атласомъ, берутъ начало многіе ручьи, текущіе на юго-западъ или на сѣверо-востокъ, параллельно оси горъ. Совокупность этихъ кражей, раздѣленная на нѣсколько отрывковъ устьями рѣчекъ, теряющихся въ пустынѣ, получила у географовъ названіе «Малаго Атласа» или Анти-Атласа: такъ точно въ Азіи Ливанъ, Тавръ, Кавказъ сопровождаются другими цѣпами: Анти-Ливаномъ, Анти-Тавромъ, Анти-Кавказомъ. Въ западной его части, къ югу отъ уѣзда Сусъ, Малый Атласъ показался Беллю и Гукеру, видѣвшимъ его съ вершины Джебель-Тиза, большой горой, имѣющей около 3.000 метровъ высоты; верхніе хребты представляютъ очень правильный профиль, безъ рѣзкихъ выступовъ и остроконечныхъ вершинъ. Напротивъ, Рольфсъ, который переходилъ черезъ Анти-Атласъ, во время своего путешествія изъ Таруданта въ Тафилельтъ, полагаетъ, что этотъ хребетъ едва достигаетъ половины высоты главной цѣпи, т. е. около 1.500 метровъ ³⁾. Около истоковъ уѣзда Сусъ Малый Атласъ не составляетъ цѣпи въ собственномъ смыслѣ, но совокупность голыхъ скалъ, усыпанныхъ зелеными цирками. Одно изъ перерѣзывающихъ его ущелій представляетъ узкій корридоръ, шаговъ пять шириной, идущій между двухъ стѣнъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, отражающихъ свѣтъ отъ своихъ гладкихъ, точно полированныхъ поверхностей. Къ востоку Ма-

лый Атласъ извѣстенъ у туземцевъ подъ именемъ джебеля Шагерунъ.

Южное основаніе этихъ горъ частію зарыто въ пескахъ пустыни. Широкий поясъ, на взглядъ совершенно ровный, отдѣляетъ Малый Атласъ отъ другаго ряда скалъ, который тянется параллельно атлантической оси. Это промежуточное пониженіе почвы извѣстно подъ именемъ Фейжа; скалистая стѣна, которою оно ограничено на юго-востокъ, носитъ названіе Бани. Это не хребетъ значительныхъ размѣровъ, такъ какъ онъ возвышается всего только на двѣсти или триста метровъ надъ уровнемъ окружающей почвы, а наибольшая толщина его, отъ одного основанія до другаго, измѣняется отъ одного до двухъ километровъ; на вершинѣ это просто каменный клинокъ, «остріе», какъ нѣкоторые сланцевые гребни на французскихъ Альпахъ. Безъ предгорій и боковыхъ отроговъ, Бани начинается, говорить, близъ Тамагута, на Драа, и продолжается къ сѣверу отъ этой рѣки до Атлантическаго океана на пространствѣ около 600 километровъ, почти безъ изгиба и безъ массива, который служилъ бы точкой опоры этой странной стѣнѣ. Въ разныхъ мѣстахъ своего протяженія Бани перерѣзанъ воротами или ущельями, *xeneŷ*, вообще очень узкими, выше которыхъ соединяются пять или шесть рѣчекъ, приносящихъ рѣкѣ Драа, черезъ единственный каналъ, воды, текущая съ горъ Малаго Атласа. Одинъ изъ этихъ хенеговъ считается у берберовъ мѣстомъ происхожденія ихъ націй; они каждый годъ ходятъ туда на поклоненіе и совершаютъ тамъ жертвоприношенія, сопровождающіяся пиромъ и пляской. Стѣнки Бани представляютъ чистый камень, безъ малѣйшаго слоя земли, безъ всякихъ признаковъ растительности въ углубленіяхъ. На всемъ своемъ протяженіи стѣна состоитъ изъ песчаника, на видъ какъ бы кальцинированнаго, покрытаго черной блестящей корой ⁴⁾. Отъ дѣйствія какихъ причинъ въ этомъ случаѣ образовался на камнѣ родъ коры, тогда какъ склоны горъ, состоящихъ изъ другихъ каменныхъ породъ, сохраняютъ свои первоначальные цвѣта? Песчаники стѣны Бани, вѣроятно, девонскаго происхожденія, какъ черноватые песчаники, находясь въ центральной Сахарѣ. Подобно этимъ послѣднимъ, они мѣстами гладкіе, словно полированные, мѣстами полосатые, жалобчатые, узорчатые, что вполнѣ объясняется непрерывнымъ треніемъ нескровъ; но если лѣтъ, покрывающій каменистую поверхность, можно приписать, съ большой вѣроятностью, атмосферному или солнечному дѣйствію, то до сихъ поръ еще не удалось объяснить точный способъ его образованія ⁵⁾.

¹⁾ H. Duveyrier, «Histoire des Explorations au sud et au sud-est de Geryville».

²⁾ Oscar Lenz, «Timbuctou».

³⁾ «Mein erster Aufenthalt in Marokko».

⁴⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ G. Rolband, рукописныя записки.

Рельефъ и направленіе Бани, расположеннаго параллельно Атласу и Анти-Атласу, позволяютъ сравнивать его съ послѣдней маленькой волной, замирающей на отлогомъ берегу, впереди большихъ волнъ. Но и за этой рябью, окаймляющей берегъ, видѣются еще пѣнящіеся бугорки, оставляемые на пескѣ каждой набѣгающей волной. Такъ, въ мароккской пустынѣ, между стѣной Бани и долиной рѣки Драа, встрѣчаются тамъ и сямъ каменистые выступы: туземцы называютъ ихъ «змѣями», и, дѣйствительно, они издали похожи на гадовъ, растянувшихся на пескѣ. Подобно Бани, эти каменные змѣи расположены съ юго-запада на сѣверо-востокъ, по направленію оси атлантической системы. Къ востоку отъ узда Драа простирается гористая область, составляющая продолженіе краевыхъ горъ Оранскаго юга; нѣкоторыя изъ вершинъ поражаютъ своимъ причудливымъ видомъ, являясь въ формѣ зубчатыхъ стѣнъ, пирамидъ, башенъ; между Фигигомъ и Тафилельтомъ Рольфсъ видѣлъ гору, похожую на церковь съ колокольней; первую минуту онъ подумалъ, что это оптический обманъ.

Къ западу отъ Большаго Атласа, второстепенныя цѣпи расположены не параллельно главному хребту; напротивъ, онѣ отдѣляются отъ него и идутъ по направленію къ морю. Одинъ изъ этихъ отроговъ, начинающійся около западной оконечности Атласа, близъ Бибауанскаго прохода, поднимается нѣкоторыми своими вершинами до высоты слишкомъ 1.000 метровъ, и, подъ именемъ джебеля Хадидъ, или «Желѣзной горы», постепенно сливается съ равниной на берегу моря, между Могадоромъ и устьемъ узда Тенсифтъ. Другая второстепенная цѣпь, извинаясь на сѣверѣ Марокко, имѣетъ земляные хребты на высотѣ 900 метр.; кромѣ того, многочисленные массивы съ округлыми контурами поднимаются въ разныхъ мѣстахъ среди равнины. Между городами Марокко и Могадоромъ встрѣчаются также гурь, подобные тѣмъ, которые разбѣяны въ пустынѣ восточнаго Магриба, между Гадамесомъ и Мзабомъ: это известковыя горы высотой отъ 80 до 100 метровъ, съ правильными откосами осыпанія, оканчивающіяся на верху плитой изъ песчаника съ вертикальными краями. Всѣ горизонтальныя столообразныя площадки находятся на одинаковомъ уровнѣ: это остатки бывшаго поверхностнаго слоя почвы, который атмосферныя дѣтели разрѣзали на кружки, постепенно суживавшіеся. Въ то время, какъ однѣ формации разрушаются, другія образованія постепенно растутъ и распространяются. Такъ, Мароккская равнина покрыта туфовой корой, облекающей всѣ неровности почвы: эта известковая кора, толщина которой измѣняется отъ нѣсколькихъ сантиметровъ до одного метра, имѣетъ во многихъ мѣстахъ видъ агата,

и плотность ея такъ велика, что подъ ней можно рыть землю для устройства подваловъ, гдѣ хранить зерновой хлѣбъ и другую провизию; испанцы называютъ эти силосы *matamoras*,—слово арабскаго происхожденія. Очевидно, не рѣчные наносы образовали этотъ известковый слой, такъ какъ онъ покрываетъ одинаково впадины и высоты; происхождение его слѣдуетъ приписать дѣйствию солнца, которое быстро обращаетъ въ пары дождевую воду, упавшую на землю; эта вода поднимается на поверхность, унося съ собою известковыя частицы, которыя отлагаются въ видѣ тонкаго налета или пленки: подобное же явленіе наблюдается во многихъ мѣстахъ Оравіи и происходить также въ умѣренныхъ климатахъ Европы, на поверхности кирпичей, сложенныхъ на кирпичныхъ заводахъ¹⁾. На мароккскомъ побережьи въ горныхъ породахъ новаго образованія попадаютъ куски лавы и вулканическій пепелъ; можетъ-быть, эти обломки происходятъ изъ кратеровъ Канарскихъ острововъ и принесены сюда пассатными вѣтрами.

Изъ всѣхъ боковыхъ кражей, выдѣляющихся изъ Большаго Атласа на атлантической покатости, самый высокій и самый обширный тотъ, который беретъ начало около сѣверной оконечности главной цѣпи и раздѣляетъ верхнія долины рѣкъ Себу и Умъ-эръ-Рбіа. Джебель Айанъ, часто покрытый снѣгомъ, есть центральный узелъ, откуда развѣтвляются разныя отрасли этой водораздѣльной области. До сихъ поръ эта часть Марокко почти неизвѣстна географамъ, и горы ея, видимыя издали, еще не были измѣрены. Долины этого возвышеннаго лабиринта заняты берберскими населеніями, не платящими дани и не несущими военной службы. Такимъ образомъ обширное пространство треугольной формы, вершину котораго составляетъ портъ Рбатъ, отрѣзано отъ территоріи «бледъ-эль-махзенъ», и съ той и другой стороны, подвластныя султану-шерифу жители обѣихъ частей, сѣверной и южной, вынуждены обходить на западъ, по берегу моря, эти горы независимыхъ берберовъ.

Сѣверный Марокко занятъ горными массивами, косвенно связанными съ системой Атласа. Съ одной стороны уздъ Себу, изливающейся въ Атлантическій океанъ, съ другой—рѣка Молуйа, впадающая въ Средиземное море, описываютъ своими долинами и долинами своихъ притоковъ пространство четырехугольной формы, гребни котораго ориентированы иначе, чѣмъ Атласъ: порогъ, высота котораго еще не измѣрена, но который, вѣроятно, не достигаетъ тысячи метровъ, раздѣляетъ двѣ области, на дорогѣ изъ Феца въ Тлемсенъ; большая часть промежуточнаго пространства занята

¹⁾ Maw. „Geology of Morocco and Great Atlas“;—Adamoli; „Esploratore“, anno 1.

холмами изъ красноватой глины ¹⁾. Въ сѣверной области главный рельефъ земель приближается къ побережью Средиземнаго моря; тамъ находятся самые высокіе джебели, направляющіе выступами своихъ гребней прибрежное судоходство. Совокупность этихъ возвышенностей, гдѣ, по Ленцу, преобладаютъ древнія формации, понижается къ Рифу, т. е. къ Берегу, представляя горный скатъ, который тянется въ видѣ полукруга отъ мыса Тресъ-Форкасъ до мыса Сеутскаго. Центральный массивъ этого обширнаго полукруга носить имя Санхеджатъ-Сериръ, или «долины санхеджей», напоминающее объ иммиграціи этихъ древнихъ берберскихъ населеній. Въ сосѣдствѣ морскаго берега самыя высокія горы находятся на западѣ отъ Тетуана: это вершины Бени-Гассанъ, по морскимъ картамъ высшая ихъ точка достигаетъ 2.010 метр. Джебель Бени-Гассанъ продолжается на югъ массивами Мецедежелъ, Эль-Кмасъ и Зарзаръ, изъ которыхъ послѣдній господствуетъ надъ городомъ Уецанъ своей конусообразной массой. Горы Бени-Гассанъ образуютъ цѣль величественнаго вида, похожую формой на скалы Гибралтара, поставленные рядомъ на общемъ пьедесталѣ ²⁾. Обильныя ручьи, луга, лѣса, нивы и сады на склонахъ дѣлаютъ эту мѣстность однимъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Берберіи, составляющимъ поразительный контрастъ съ дикими, безплодными кручами Рифа, простирающимися на востокъ.

Горы, окаймляющія проливъ, противъ Гибралтара и испанскихъ мысовъ, не имѣютъ ни высоты, ни величественнаго вида, ни пышной растительности, какими отличается цѣль Бени-Гассанъ; но, тѣмъ не менѣе, онѣ приобрѣли громкую извѣстность, благодаря своему положенію на краю великаго морскаго пути. Продолжаясь на сѣверъ, краевая цѣль, называемая джебель Гаузь, оканчивается массивомъ Беллуменшъ, по-испански Sierra de Bullones: это тотъ самый хребетъ, который въ древности носилъ имя Septem Fratres (семь братьевъ) ³⁾. Съ одной стороны этотъ массивъ выдѣляетъ изъ себя узкій полуостровъ, соединенный укрѣпленнымъ перешейкомъ съ островнымъ массивомъ Сеуты; съ другой — онъ выдвинулся на сѣверъ, чтобы образовать мысъ Джебель-Муса, южный столпъ Геркулесовыхъ воротъ. Этотъ столпъ, древній Абила, раздѣленный на-двое вертикальной трещиной, не менѣе величественъ, чѣмъ Гибралтарская скала, а высотой (856 метр.) онъ даже превосходитъ послѣднюю; но вблизи это — безформенная масса, хаосъ нагроможденныхъ камней, гдѣ лишь изрѣдка встрѣтишь отдѣльныя деревня, растущія на бокахъ

пропастей. Волки, кабаны и обезьяны — единственные обитатели этихъ дикихъ скалъ, такъ что испанцы прозвали южный столпъ *sierra de las Monas*, т. е. «горой Мартышекъ». Страбонъ называлъ его «Слономъ», и, дѣйствительно, профиль горы, наблюдаемой съ моря, оправдываетъ это названіе; кромѣ того, по свидѣтельству Плинія, лѣса, покрывавшіе въ его время эту область Африки, были населены слонами ⁴⁾.

Къ западу отъ горы Абила, нѣсколько другихъ вершинъ слѣдуютъ одна за другой вдоль самой узкой части пролива; но за мысомъ Сирисъ морской берегъ начинаетъ изгибаться къ югу рядомъ кривыхъ, которыя раздѣляютъ мысы, образуемые выступами джебеля Гаузь. Далѣе, за Тангеромъ, берегъ круто мѣняетъ направленіе, поворачивая на югъ. Надъ мысомъ, образующимъ сѣверо-западный уголъ африканскаго континента, поднимается гора Спартель или Ишбертиль, Тарфъ-эшъ-Шакръ туземцевъ, имѣющая 314 метровъ высоты. Первый рядъ утесовъ тянется вдоль берега моря, затѣмъ другія вертикальныя скалы опоясываютъ скатъ полукругомъ пропастей, а самая вершина окружена крутыми стѣнами, образующими родъ короны. Мысъ Спартель — это древній Амπεлузіонъ, т. е. «мысъ, покрытый виноградниками»: и теперь еще виноградъ изъ этой мѣстности считается лучшимъ въ Марокко; при кладкѣ фундамента для первокласснаго маяка, освѣщающаго нынѣ проливъ, въ землѣ нашли большія виноградныя лозы; на гербѣ сосѣднаго города, Эль-Арайшъ, изображены грозды винограда, которые человекъ поднимаетъ съ усиліемъ. Въ утесахъ мыса Спартель есть нѣсколько гротовъ, вырытыхъ ударомъ волнъ. Одинъ изъ этихъ гротовъ былъ посвященъ Геркулесу, недалеко отсюда находилась гробница Автея, и римляне вѣрили даже, что имъ удалось отыскать тѣло гиганта, «длиной въ шестьдесятъ локтей» ⁵⁾. На этомъ «концѣ земли», откуда корабли пускались въ безпредѣльный океанъ, была символизирована борьба между слѣпыми силами природы и торжествующимъ геніемъ человека.

Въ 5 километрахъ къ югу отъ мыса Спартель, берегъ образуетъ еще одинъ скалистый выступъ, въ которомъ проводники показываютъ большую пещеру, увѣряя, что это и есть «Геркулесовъ гротъ», упоминаемый древними писателями; постоянно увеличиваемая каменоломщиками, которые вырѣзываютъ здѣсь жерновые камни, пещера закругляется въ видѣ свода и продолжается далеко подъ скалой. Съ этой стороны это послѣдній высокій мысъ. Далѣе тянется до линіи горизонта голый плоскій берегъ, куда несчастный донъ Себастьянъ вы-

¹⁾ Colville, "Ride in Petticoats and Slippers".

²⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

³⁾ Tissot, "Recherches sur la Géographie comparée de la Maurétanie Tingitane".

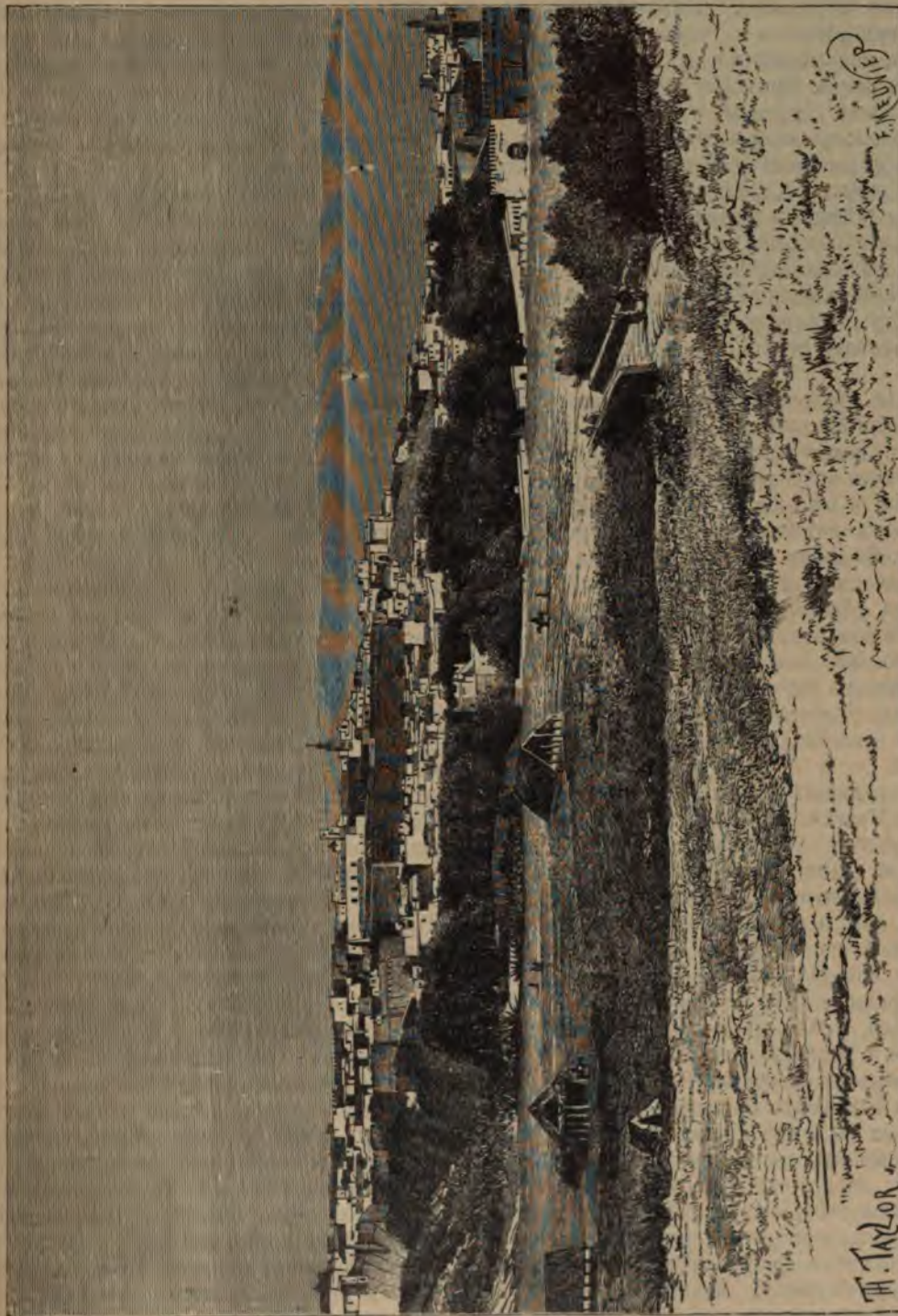
⁴⁾ Tissot, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Плутархъ, "Жизнеописаніе Серторія".

садили своих храбрых португальцев, которые всё до единого человека, вместе с вождемъ, погибли на полѣ битвы около Каср-аль-Кебира. Среди обширныхъ прибрежныхъ

цѣпь береговыхъ дюнъ. До самого Могадора, на пространствѣ слишкомъ 600 километр., атлантическое поморье представляетъ почти вездѣ, даже у подошвы краевыхъ холмовъ, низ-

Городъ Танжеръ.

болотъ, составляющихъ, повидимому, остатокъ большого озера, виднѣются тамъ и сямъ, точно острова, холмы разной величины, служившіе нѣкогда мѣстоположеніемъ для городовъ и деревень; ручьи медленно пробираются сквозь

менный и опасный для кораблей берегъ; въ открытомъ морѣ только на разстояніи пятидесяти километр. отъ берега начинается линія глубины около 200 метр. На этомъ огромномъ протяженіи морскихъ береговъ самый значи-

тельный по величинѣ утесъ—мысъ Кантинъ, состоящій изъ чередующихся пластовъ сѣраго и краснаго мергеля, известняка и желѣзистой глины, которые оканчиваются въ иныхъ мѣстахъ вертикальной стѣной, въ другихъ—неравными ступенями. Дюны, окаймляющія берегъ, прикрѣплены кустарникомъ мастикового дерева, покрывающимъ всѣ откосы, обращенные къ морю. Признаки медленнаго поднятія почвы были замѣчены въ разныхъ пунктахъ побережья; прежній плоскій берегъ, содержащій слои раковинъ, тянется вдоль Атлантического океана на средней высотѣ 20 метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ воды ¹⁾. Но, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, въ настоящее время наблюдается обратное явленіе, по крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ побережья: городъ Могадоръ, говорятъ, находится въ площади постепеннаго осѣданія почвы ²⁾.

Болѣе обильно орошаемый дождями, чѣмъ остальная Мавританія, Марокко изливаетъ въ море большее число рѣкъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, хотя очень ослабленные при устьѣ испареніемъ и отводомъ боковыхъ каналовъ, превосходятъ потоки Алжиріи объемомъ жидкой массы. По Беллю и Гукеру, которые, впрочемъ, не приводятъ именъ наблюдателей, средній расходъ рѣкъ Марокко, спускающихся съ Атласа къ Атлантикѣ, составляетъ около 225 куб. метровъ въ секунду. Однако, ни одинъ изъ мароккскихъ уѣзовъ не служитъ цѣлямъ судоходства; единственные суда, которыя тамъ можно увидѣть,—это паромы примитивной формы.

На средиземной покатости Марокко главная рѣка—Молюйя. Питаемая въ верховьяхъ сѣгами массива Айашинъ, она катитъ довольно большое количество воды, увеличиваемое восточными притоками, особенно уѣдомъ За, бассейна котораго обнимаетъ небольшую часть Оранской провинціи. Молюйя—это Молохатъ, Малуа или Мальва древнихъ географовъ; въ ихъ время теченіе ея считалось естественной границей между двумя Мавританіями, Кесарійской и Тингитанской; точно также въ эпохи берберскую и арабскую, до 1830 года, она отдѣляла алжирскую Берберію отъ Магрибъ-эль-Акса; но такъ какъ трактатами тафненскимъ и тангерскимъ географическая граница передвинута къ востоку, то оба берега этой рѣки находятся теперь въ мароккской территоріи. Заффарянскіе острова, принадлежащіе берберскому племени бени-джаферъ, живущему на сосѣднемъ берегу ³⁾, командуютъ съ сѣверо-западной стороны устьемъ Молюйи и выходомъ

ея долины: расположенные полукругомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, оканчивающагося мысомъ Агеддинъ, или по-испански, cabo de Aguas, эти острова защищаютъ рейды, наименѣе опасный на всемъ побережьи Рифа; суда укрываются за этотъ мощный волноразбиватель, когда дуетъ страшный сѣверо-восточный вѣтеръ: западный островъ возвышается на 135 метровъ надъ поверхностью моря. Во время разливовъ обильныя воды Молюйи иногда увлекаются морскими волнами почти до самыхъ острововъ.

На западѣ вся береговая полоса Рифа, слишкомъ узкая для того, чтобы рѣки могли достигнуть значительнаго развитія, представляетъ лишь рядъ небольшихъ долинъ, спускающихся къ морю. Далѣе, треугольный массивъ, продолжающійся по направленію къ Испаніи, имѣетъ нѣсколько рѣкъ, благодаря обилію дождей на горахъ Бени-Гассанъ; но большинство этихъ потоковъ не что иное, какъ ручейки: таковъ, напримѣръ, живописный уѣдъ эшъ-Шератъ, изливающійся въ море близъ Тангера. Непосредственно къ югу отъ мыса Спартель на атлантической покатости, болѣе широкой, чѣмъ склонъ, обращенный къ Средиземному морю, текутъ также и болѣе длинныя рѣки. Первая рѣка, уѣдъ эль-Хусъ, получающій свои воды съ западныхъ откосовъ горъ Бени-Гассанъ, впадаетъ въ океанъ въ шестидесяти километрахъ къ югу отъ пролива. Далѣе песчаный берегъ, окаймленный дюнами и рядомъ скалъ, которыя задерживаютъ истеченіе ручьевъ и заставляютъ ихъ разливаться длинными болотами, параллельными морю, продолжается, почти безъ изгибовъ, въ юго-западномъ направленіи. Въ формѣ побережья ничто не указываетъ на выходъ широкой рѣчной долины, хотя въ этой области берега изливается въ море главная рѣка Марокко, Себу, Субуръ (Себуръ) финикіянъ: переходя черезъ устье рѣки, линія морскаго берега продолжается совершенно правильно, безъ малѣйшаго отклоненія. Себу—самый обильный потокъ Сѣверной Африки, послѣ Нила: Плиній прозвалъ его «великолѣпнымъ». Шириной отъ ста до трехсотъ метровъ въ своей нижней равнинѣ, устьяной римскими развалинами ⁴⁾, онъ течетъ лучинами между крутыхъ земляныхъ береговъ, изъ которыхъ онъ иногда выходитъ во время разливовъ: средняя его глубина 3 метра. Слѣдовательно, можно бы было утилизировать Себу для судоходства: небольшіе пароходы, имѣя на буксирѣ плоскодонныя шаланды, могли бы безъ труда подниматься вверхъ по рѣкѣ почти до самой столицы ⁵⁾; но всѣ перевозки продуктовъ, всѣ путешествія между побережьемъ и этапными пунктами долины, лежащими на

¹⁾ Maw, цитированный мемуаръ.

²⁾ Beaumier, „Bulletin de la Société de Géographie“;—Tissot, цитированное сочиненіе.

³⁾ Tissot, „Recherches sur la Géographie comparée de la Maurétanie Tingitane“.

⁴⁾ Tissot, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Oscar Lenz, „Timbuktu“.

фецскихъ дорогахъ, совершаются сухопутнымъ. Прибрежныя племена слишкомъ безыюкойны, чтобы могла установиться правильная торговля рѣчнымъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, немногія изъ областей Марокко имѣютъ болѣе важное экономическое значеніе. Главная долина Себу составляетъ естественный путь сообщенія между средиземнымъ бассейномъ Молуйи и атлантическимъ поморьемъ; она образуетъ географическую раздѣльную линію между системою Атласа и горами Рифа, и въ богатыхъ равнинахъ, орошаемыхъ водами этой рѣки, находится Фецъ, первый городъ имперіи. Путешественники, слѣдующіе береговой дорогой изъ Тангера въ Могадоръ, переправляются черезъ Себу на паромѣ примитивной конструкции, который не избавляетъ пассажировъ отъ непріятности плюхаться въ тинѣ¹⁾; морской приливъ поднимается по рѣкѣ на большое разстояніе отъ устья. Чтобы облегчить султану и его свитѣ переходъ черезъ уэдъ Эль-Хусъ, иногда устраиваютъ родъ пловучаго моста изъ тростника, связаннаго пучками, или изъ надутыхъ кожаныхъ мѣшковъ, покрытыхъ землей и досками²⁾.

Километрахъ въ тридцати къ юго-западу отъ Себу, другая рѣка, Бу-Реграгъ, названная такъ по имени одного исчезнуваго племени, изливается въ море черезъ вырѣзку, открывающуюся въ невысокомъ каменистомъ плато. Этотъ потокъ беретъ начало не въ снѣговыхъ циркахъ Большаго Атласа, какъ Молуйа, Себу, Умъ-эръ-Рбіа, Драа: онъ вытекаетъ изъ передовыхъ горъ, ограничивающихъ на югъ территорию Фецъ, и развернутая длина его теченія, вѣроятно, не превышаетъ 200 километр. Тѣмъ не менѣе Бу-Реграгъ получилъ въ политической географіи Марокко болѣе важное значеніе, чѣмъ всѣ другіе потоки: онъ обозначаетъ границу между двумя государствами, Фецъ и Марокко, а въ древности недалеко отъ этой рѣки, у передоваго поста Ad Mercutios, оканчивалась территория Мавританіи Тингитанской³⁾.

Рѣка Умъ-эръ-Рбіа, или «Мать пастбищъ», названная такъ за обиліе на ея берегахъ луговыхъ пространствъ, беретъ начало, какъ и уэдъ Себу, въ сѣверномъ массивѣ Большаго Атласа и, подобно этой рѣкѣ, катитъ могучую массу воды: Рену и Гугеръ называютъ ее даже, — вѣроятно, ошибочно — самымъ обильнымъ потокомъ Марокко. Въ дождливое время года путешественникамъ приходится по цѣлымъ недѣлямъ жить на берегу, въ ожиданіи, пока вода сбудетъ настолько, чтобы можно было безопасно совершить переправу: единственныя лодки, употребляемыя на этой рѣкѣ, — плоты

изъ камыша, въ родѣ танкуа, на которыхъ плаваютъ по озеру Тана, въ Эіопіи. Во время засухъ рѣка можетъ быть переходима въ бродъ во многихъ мѣстахъ, но она постоянно катитъ свои воды до самаго моря, и неглубоко сидящія шлюпки могутъ проникать въ рѣку, переходя черезъ баръ. Къ югу отъ рѣки Умъ-эръ-Рбіа, на пространствѣ около 200 километр., до устья уэда Тенсифтъ, нѣтъ ни одного потока, изливающагося въ море. Плоскогорье Дуккала, занимающее внутреннюю область, оканчивается надъ моремъ высокимъ приподнятымъ краемъ, который не позволяетъ дождевымъ водамъ открывать себѣ дорогу къ Атлантикѣ.

Уэдъ Тенсифтъ, въ бассейнѣ котораго находится городъ Марокко, не принадлежитъ къ числу большихъ потоковъ Магреба; въ этомъ мѣстѣ Атласъ уже приблизился къ морю, и средняя высота его понизилась; при томъ, и дожди гораздо менѣе обильны подъ этой широтой, чѣмъ въ сѣверной области: лѣтомъ, устье Тенсифта, во время отлива, бываетъ совершенно заперто песчанымъ баромъ. Уэдъ Сусъ (Sibus древнихъ географовъ), который беретъ начало и развиваетъ свое теченіе между Атласомъ и Анти-Атласомъ, — тоже перемежающаяся рѣка, обильная зимой и почти совсѣмъ изсякающая лѣтомъ, въ нижней части теченія; однако, онъ никогда не пересыхаетъ совершенно; въ мартѣ мѣсяцѣ, когда путешественникъ Ленцъ переходилъ черезъ него, ниже Таруданта, верстахъ въ ста отъ устья, Сусъ имѣлъ видъ ручейка, отъ 3 до 4 метровъ шириной и отъ 30 до 50 сантиметр. глубиной⁴⁾. Уэдъ Ассака, текущій вдоль южной подошвы Малаго Атласа, еще чаще пересыхаетъ, и путешественники, проходившіе тѣми мѣстами, нерѣдко находили только песокъ въ его ложѣ: этимъ и объясняется неувѣренность, сохранившаяся до самаго послѣдняго времени въ начертаніи картъ, относительно его истиннаго теченія.

Что касается уэда Драа, который по длинѣ теченія занимаетъ первое мѣсто между мароккскими рѣками, то по объему жидкой массы онъ далеко уступаетъ Молуйѣ, Себу, Умъ-эръ-Рбіа, и даже рѣдко случается, чтобы онъ достигалъ Атлантическаго океана. Главные его истоки изливаются изъ снѣговыхъ цирковъ Большаго Атласа; на пространствѣ около 300 километр, отъ горъ Идраренъ-Деренъ до массива Айашинъ, всѣ воды южнаго ската главной цѣпи спускаются къ этой рѣкѣ, которая уходитъ на югъ рядомъ дефилеевъ черезъ джебелъ Шагерунъ, составляющій продолженіе Анти-Атласа. Въ этой части своего теченія Драа и ея главный притокъ Дадесъ катитъ наибольшее количество воды; но затѣмъ на

¹⁾ Decugis, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“.

²⁾ Tissot, цитированное сочиненіе.

³⁾ Tissot, цитированный мемуаръ.

⁴⁾ O. Lenz, „Timbuctu“; — G. Rohlfis, „Mein erster Aufenthalt in Marocco“.

протяженіи 1.000 километр. ниже ущелій рѣка постепенно уменьшается въ объемѣ, вслѣдствіе отвода ея водъ на прибрежныя поля, испаренія и просачиванія въ пескахъ. По выходѣ изъ верхнихъ тѣснинъ, Драа течетъ сначала въ направленіи съ сѣвера на югъ, окаймленная съ той и другой стороны поясомъ пальмъ, ширина котораго мѣняется отъ 500 метр. до трехъ километр.; въ иныхъ мѣстахъ рѣка касается пустыни своими излучинами: одинъ берегъ бѣлый отъ покрывающаго его слоя песку, тогда какъ другой исчезаетъ подъ яркой зеленою растительности. Но послѣ обхода восточной оконечности цѣпи Бани и параллельныхъ стѣнъ черныхъ «Змѣй», Драа, истощенная оросительными каналами, развѣтвляющимися на обоихъ берегахъ по пальмовымъ плантаціямъ, не имѣетъ уже достаточно воды, чтобы сохранять характеръ правильного потока. Она разливается въ широкой впадинѣ Дебайа, которая бываетъ попеременно озеромъ, надъ которымъ кружатся несмѣтныя стаи птицъ, затѣмъ болотомъ, и, наконецъ, сырой равниной, запахиваемой подъ посѣвъ зерновыхъ хлѣбовъ. Ниже этой котловины, уездъ Драа, теченіе котораго остается параллельнымъ оси атлантической системы, направляется къ юго-западу, имѣя съ той и другой стороны крутые берега, дотога высокіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что, проходя песчанымъ ложемъ рѣки, можно подуматъ, что идешь по дну глубокаго ущелья между двухъ горныхъ кражей¹⁾. Мѣстами въ скалахъ сѣверной стороны открываются хенегі, пропускающіе, во время таянія снѣговъ или сильныхъ дождей, избытокъ водъ, падающихъ на Малый Атласъ; но обыкновенно эти русла горныхъ потоковъ не приносятъ ничего въ рѣку. Тогда мароккскій «Ниль» не имѣетъ ни капли поверхностной воды въ своемъ нижнемъ теченіи. По мѣстному преданію и свидѣтельству историческихъ документовъ, въ прежнія времена р. Драа, въ которой тогда водились крокодилы и бегемоты, и которая давала пріютъ слонамъ въ своихъ прибрежныхъ лѣсахъ, спускалась до самаго моря, соединяясь съ солеными водами широкимъ устьемъ. Теперь же теченіе ея достигаетъ океана только во время таянія снѣговъ, да и то лишь въ исключительные годы: иногда проходятъ цѣлыя десятилѣтія, прежде чѣмъ прибрежные жители низовьевъ Драа увидятъ струйку воды, пробирающуюся въ песчаномъ ложѣ. Однако, небольшое количество влаги несомнѣнно всегда сочится въ нижнихъ слояхъ почвы, такъ какъ посѣвы на вспаханныхъ пространствахъ рѣчнаго ложа регулярно даютъ жатву; во многихъ мѣстахъ выкопанные колодцы мало-по-малу наполняются водой. Въ 1850 г., когда путешествен-

никъ Пане переправлялся черезъ Драа, въ концѣ апрѣля, она имѣла видъ настоящей рѣки: ширина ея была около 150 метр., а слой воды, на серединѣ теченія, достигалъ 60—70 сантиметровъ²⁾.

Ручей, который, подъ именами уада Зисъ и уада Герсѣ, спускается прямо на югъ отъ горнаго узла, на сѣверной оконечности Большаго Атласа, пробѣгаетъ гораздо меньшее протяженіе, чѣмъ р. Драа: оросивъ оазисы Тафилельта, въ 250 километр. отъ своихъ первыхъ истоковъ, онъ теряется въ пустынѣ, и ни одинъ путешественникъ не могъ сказать, продолжается ли его русло далѣе на югъ, черезъ большія дюны, чтобы или повернуть на западъ къ р. Драа, или присоединиться на востокъ къ бассейну Мессауры, или, наконецъ, чтобы сохранить независимое теченіе въ направленіи къ Нигеру. Гидрографическая система уада Гиръ, начинающаяся непосредственно на востокъ отъ уада Зисъ въ верхнихъ циркахъ Большаго Атласа, лучше извѣстна въ верхней ея части, благодаря многочисленнымъ экспедиціямъ, совершеннымъ въ этомъ направленіи французскими колоннами, и свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ пилигримовъ и торговцевъ. Уадъ Гиръ соединяется съ рѣками Фигига, спускающимися изъ дистрикта Инъ, на оранской границѣ, и подъ разными названіями направляется къ оазису Туатъ; но о дальнѣйшемъ его теченіи ничего не извѣстно. Соединяется ли этотъ уадъ съ рѣкой Драа, въ которой онъ былъ бы, по длинѣ теченія, главной вѣтвью³⁾. Не теряется ли онъ въ безвыходномъ бассейнѣ, или не соединяется ли съ водами Нигера около западной оконечности большой дуги, описываемой этой рѣкой по направленію къ сѣверу?

Марокко весь находится въ поясѣ пассатныхъ вѣтровъ, но Атласскія горы, положеніе страны у воротъ Средиземнаго моря и соседство большаго тепловаго фокуса, Сахары, видоизмѣняетъ нормальный порядокъ атмосферныхъ теченій. Лѣтомъ береговья и морскія бризы чередуются каждый день на побережьѣ, а общіе вѣтры приходятъ съ юга и съ востока; зимой, то-есть съ октября по февраль, вѣтры часто дуютъ съ сѣверо-запада, принося съ собой довольно большое количество влаги, которая изливается обильными дождями на скаты Атласа; во въ южныхъ областяхъ Марокко преобладающее вліяніе принадлежитъ пассатамъ. Такъ какъ направленіе этихъ вѣтровъ параллельно оси Атласа и направленію большей части морскаго берега, то воздушный потокъ слѣдуетъ, такъ сказать, готовымъ русломъ, образуемымъ атлантической покатостью Магриба. Впродолженіи 271 дня въ году въ Мога-

¹⁾ "Revue Coloniale et Algérienne", nov.—dec 1850.

²⁾ H. Duveyrier, "Histoire des Explorations au sud et au sud-est de Geryville".

³⁾ Gerhard Rohlfs, цитированное сочиненіе.

дорѣ господствуютъ вѣтры полярнаго происхожденія, дующіе съ сѣвера или съ сѣверо-востока; противоположные воздушные токи, западный или юго-западный, проходящіе обыкновенно въ верхнихъ областяхъ атмосферы, спускаются въ нижніе слои въ теченіе 57 дней въ году, вообще зимой, въ то время, когда солнце находится надъ тропикомъ Козерога, и когда вся система вѣтровъ умѣренного пояса передвигается къ югу. Что касается южнаго вѣтра, страшнаго широко или «сахель», какъ его называютъ жители южнаго Марокко, то онъ ощущается въ Могадорѣ среднимъ числомъ всего только два дня въ году, и разслабляющее вліяніе его здѣсь гораздо меньше, чѣмъ на островѣ Мадерѣ, очевидно, потому, что Большой Атласъ, служащій предохранительными ширмами, тѣмъ лучше защищаетъ лежащія подъ его покровомъ мѣстности, чѣмъ онѣ ближе къ его основанію ¹⁾. По той же самой причинѣ тучи саранчи, приносимыя вѣтромъ пустыни, такъ рѣдко появляются на приморской покатости Большаго Атласа; эти опустошители показываются тамъ лишь небольшими отдѣльными стадами ²⁾.

Подъ вліяніемъ пассатныхъ вѣтровъ и морскихъ бризъ, климатъ Могадора и, въ меньшей мѣрѣ, климатъ всего атлантическаго побережья Магриба отличаются почти полнымъ отсутствіемъ измѣчивости: мало найдется мѣстъ на земномъ шарѣ, гдѣ бы средняя температура была болѣе равномерная, чѣмъ въ Могадорѣ, который въ этомъ отношеніи превосходитъ даже острова, лежащіе среди океана.

Климатъ Могадора, по наблюденіямъ Бомье, производившимся въ теченіе девяти лѣтъ:

Средняя температура:—19,4° Цельзія, средняя температура самаго теплаго мѣсяца (августа)—21,8°. Цельзія, средняя температура самаго холоднаго мѣсяца (февраля)—16,5° Цельзія, крайняя наблюдавшаяся степень тепла—31° Цельзія, крайняя наблюдавшаяся степень холода—10,4° Цельзія.

Такимъ образомъ разность между крайними температурами, какія были наблюдаемы въ продолженіе девятилѣтняго періода, не достигаетъ даже 20 градусовъ Цельзія; суточное измѣненіе высоты ртутнаго столбика въ термометрѣ составляетъ въ среднемъ отъ 2½ до 4 градусовъ Ц. Эта замѣчательная равномерность температуры объясняетъ рѣдкость грудныхъ болѣзней: чахотка почти неизвѣстна въ этой части Африки; въ продолженіе десяти лѣтъ врачъ Тевененъ видѣлъ всего только пять случаевъ этой болѣзни между туземцами, при чемъ въ трехъ случаяхъ недугъ начался во время пребыванія пациента въ дальнихъ краяхъ. На европейскихъ больныхъ климатъ этой ча-

сти побережья всегда оказывалъ благотворное дѣйствіе.

На сѣверѣ, востокѣ и югѣ отъ Могадора, который можно принять за типичную станцію мароккесскаго климата на атлантическомъ побережьи, температуры лѣта и зимы, дня и ночи представляютъ болѣе значительныя отклоненія: причины тому разныя, но слѣдствія одинаковы. На сѣверномъ берегу, отъ мыса Спартель до мыса Кантенъ, пассатные вѣтры, не отличаясь правильностью, не оказываютъ того же вліянія въ смыслѣ уравниванія климата; воздушныя теченія, идущія изъ Сахары, и вѣтры, дующіе съ Средиземнаго моря, устремляются къ побережью черезъ брешь, открывающуюся между Атласомъ и горами Рифа. Внутри материка, гдѣ морскія бризы ощутительны лишь въ слабой степени, разность температуръ лѣта и зимы, дня и ночи увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ моря; наконецъ, на южныхъ берегахъ климатъ, подъ вліяніемъ близкаго сосѣдства Сахары, приближается къ климату пустыни, съ его сильными дневными жарами и очень дѣятельнымъ ночнымъ лучеиспусканіемъ. По рельефу и мѣстоположенію Марокко естественно дѣлится на три области или полосы. На сѣверѣ бассейнъ Молуйи, Рифъ и полуостровъ Танжерскій принадлежатъ къ Теллю, прилежащему къ Средиземному морю, и представляютъ почти тѣ же климатическія явленія, какъ и соответственныя части Алжиріи; въ центрѣ и на югѣ Атласъ точно разграничиваетъ двѣ области, изъ которыхъ одна получаетъ воздушныя теченія съ Атлантическаго океана, а въ другой свободно распространяется вѣтеръ пустыни. Между этими двумя поясами та или другая долина, тотъ или другой горный округъ принадлежитъ одновременно къ двумъ областямъ: въ одномъ мѣстѣ зеленѣющій скатъ обращенъ къ Атлантикѣ, въ другомъ голый откосъ отражаетъ палящій зной Сахары.

Въ цѣломъ Марокко превосходитъ Алжирію по обилію дождей. Полуостровъ Танжерскій, мѣстность всего чаще посѣщаемая европейцами, омывается со всѣхъ сторонъ влажной атмосферой; здѣсь господствуютъ западные вѣтры, насыщенные парами Океана, но и восточные вѣтры, обыкновенно очень сухіе, въ бассейнѣ Средиземнаго моря, приносятъ большое количество влаги на горы сѣвернаго Марокко: когда этотъ вѣтеръ проходитъ въ верхнихъ слояхъ воздуха, горы Бени-Гассанъ и вершины, окаймляющія проливъ, всегда окутаны облаками. Снѣгъ выпадаетъ иногда въ большомъ обиліи на эти горы, струящіеся круглый годъ живыми водами; однажды въ 1871 году, во время быстрой перемѣны воздушныхъ теченій, даже набережныя Танжера покрылись снѣжной пеленой ³⁾. Часто роса смачиваетъ

¹⁾ Thévenin;—Beaumier;—Seux;—Ollive;—Leared;—Ball and Hooker, etc.

²⁾ Rohlf, цитированное сочиненіе.

³⁾ Ball and Hooker, цитированное сочиненіе.

крыши домовъ и на всей береговой полосѣ воздухъ почти насыщенъ парами; ботаники жалуются на трудность засушивать собираемые растенія; желѣзо, привезенное изъ Европы, тотчасъ же покрывается ржавчиной. Пропорція дождей относительно очень велика, въ сравненіи съ количествомъ атмосферныхъ осадковъ въ восточномъ Магрибѣ и, безъ сомнѣнія, превышаетъ одинъ метръ въ годъ въ нѣкоторыхъ долинахъ Атласа, обращенныхъ къ дождевымъ вѣтрамъ; но на южномъ склонѣ горъ рѣдко скопляются облака, проливающія дождь на землю: ручьи могутъ орошать оазисы только благодаря таянію снѣговъ, выпавшихъ на высотахъ горъ. Области морскаго побережья часто получаютъ дожди красной пыли, переносимые обратными пассатами въ верхнихъ слояхъ атмосферы; пыль эта, какъ извѣстно, состоитъ главнымъ образомъ изъ кремнистыхъ панцирей микроскопическихъ животныхъ, происходящихъ изъ льяносовъ Южной Америки ¹⁾.

Всѣдствие различія климатовъ, флора Марокко отличается большимъ разнообразіемъ; но хотя ботаникамъ предстоитъ еще сдѣлать много открытій во внутреннихъ частяхъ страны, прежде чѣмъ можно будетъ считать точнымъ образомъ ея растительныя богатства, однако и теперь уже извѣстно, что въ цѣломъ растенія Марокко принадлежатъ къ средиземной области: изъ двухсотъ сорока-восьми растительныхъ родовъ, представленныхъ въ этой странѣ, всѣ, за исключеніемъ одного ²⁾, находятся въ той или другой изъ странъ, прилегающихъ къ Внутреннему морю; даже добрая треть мароккскихъ видовъ встрѣчается въ Англій и въ центральной Европѣ. Съ другой стороны, мароккская флора заключаетъ въ себѣ лишь весьма небольшое число видовъ, общихъ ей съ флорами собственно Африки, простирающейся къ югу отъ великой пустыни. Такимъ образомъ по своимъ естественнымъ произведеніямъ, какъ и по строенію горъ, Магрибъ-эль-Акса сохраняетъ европейскій характеръ: онъ входитъ въ составъ особаго отдѣла бассейна, которому Гукеръ далъ названіе области ладанника и вереска. Политическая географія не была въ разладѣ съ естественными дѣленіями, когда Диоклетіанъ присоединилъ Мавританію Тингитанскую къ Иберійскому полуострову ³⁾.

По характеру своей растительности Марокко всего болѣе имѣетъ сходства съ Испаніей: Атласъ и Сьерра-Невада составляютъ соответственные области по обѣ стороны Гибралтарскаго пролива; однако, аналогія не такъ велика, какъ прежде думали ботаники. Изъ 631 вида растеній, собранныхъ въ долинахъ и на высотахъ Атласа, 181, т. е. болѣе четверти, не встрѣчаются въ Испаніи: различіе флоръ посте-

пенно увеличивается, по мѣрѣ того, какъ поднимаешься къ гребню Атласа. Между Марокко и островами Канарскими, Азорскими, Мадерой контрастъ почти полный. Изъ растеній, общихъ обѣмъ областямъ, большинство такихъ, которыя распространяются на огромномъ пространствѣ, занимая страны весьма различныя по климату: изъ 1.627 видовъ явнобрачныхъ, насчитываемыхъ донинѣ въ Марокко, только около пятнадцати принадлежатъ одновременно матеріку и островамъ. Этотъ ботаническій фактъ достаточно доказываетъ, что Канарскіе острова, несмотря на ихъ близкое соудство съ африканскимъ континентомъ, составляютъ земли независимаго происхожденія.

Немного болѣе одной десятой растительныхъ видовъ Марокко свойственны исключительно этой странѣ. Эти туземныя формы заключены по большей части въ предѣлахъ гористой области, на склонахъ Атласа. Здѣсь именно, въ центрѣ края, развились, путемъ постепеннаго приспособленія къ условіямъ среды, растенія, отличныя отъ всѣхъ тѣхъ, которыя мы видимъ въ другихъ мѣстахъ; сюда же, къ вершинамъ Атласа, удалились европейскіе виды, которые встрѣчаются островками на гребняхъ горъ, между прочимъ, одна порода сосны, распространяющая ароматическій запахъ, и дерево которой идетъ на выдѣлку дорогой мебели ⁴⁾. Въ то время, какъ отступленіе снѣговъ и льдовъ позволяло растеніямъ европейскаго происхожденія подниматься къ вершинамъ горъ, виды пустыни постепенно расширяли свою площадь въ сѣверномъ направленіи. Не только на южной покатости Анти-Атласа, но также въ долинѣ Суса и въ области поморья, до узда Тенсифъ, можно встрѣтить многія растительныя формы, происходящія изъ центра разсѣянія, который лежитъ гораздо южнѣе, въ жаркомъ поясѣ. Таковы каменные акаціи и разныя породы большихъ молочайниковъ, смола которыхъ утилизируется въ фармакопей и въ промышленности. Финиковая пальма тоже можетъ быть включена въ число этихъ тропическихъ видовъ, живущихъ на чужбинѣ, въ южной покатости Атласа. Она растетъ въ Танжерѣ, на сѣверныхъ берегахъ Марокко, какъ и въ Алжирѣ, но не приноситъ плодовъ; даже въ Могадорѣ она даетъ лишь финики посредственнаго качества. Нужно идти въ оазисы, орошаемые р. Драа и другими рѣчками южной отлогости, чтобы найти пальмовыя плантаціи, доставляющія плоды цѣнимые или даже превосходные: финики изъ оазисовъ по теченію узда р. Драа не уступаютъ джеридскимъ, а по словамъ мѣстныхъ жителей, даже не имѣютъ себѣ равныхъ въ отношеніи сочности, сладости и тонкости вкуса. Низкорослая пальма, столь обык-

¹⁾ Ehrenberg;—Maury, „Geography of the Sea“.

²⁾ Ball and Hooker, цитированное сочиненіе.

³⁾ H. Barth, „Küsten des Mittelmeeres“.

⁴⁾ Drummond Hay, „Wester Barbary“;—G. Rehlis, цитированное сочиненіе.

новенная въ Алжирѣ, довольно рѣдка въ Марокко; въ видѣ лѣсной поросли, ее можно найти только въ провинціи Тага, вокругъ Могадора.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ туземныхъ видовъ мароккской флоры—арганія-железнякъ (*argania Sideroxylon*), дерево, которое часто сравнивали съ маслиной; оно встрѣчается только въ южной части страны, къ югу отъ узда Тенсифты. Арганія, упоминаемая въ первый разъ Львомъ Африканцемъ, растетъ на самыхъ бесплодныхъ земляхъ и обходится безъ всякаго орошенія; даже на голыхъ каменистыхъ косогорахъ часто можно встрѣтить это неприхотливое дерево, съ неровнымъ и узловатымъ стволомъ, усаженнымъ кривыми вѣтвями съ тощей листвою. Домашнія животныя, за исключеніемъ лошади и осла, съ жадностью ѣдятъ ягоды арганіи, а изъ косточекъ туземцы готовятъ масло, имѣющее особенный, противный для европейца, вкусъ. Древесина арганіи отличается необычайной твердостью, за которую ей и дали названіе железняка. Полезно было бы акклиматизировать это драгоценное дерево и въ другихъ странахъ: въ Алжирѣ оно отлично принимается, но растетъ дотога медленно, что большинство лѣсоводовъ, которымъ были розданы сѣмена арганіи, потеряли охоту продолжать опыты ея разведенія¹⁾. Между мароккскими растеніями, утилизируемыми ради ихъ продуктовъ, и до сихъ поръ еще не найденными въ другихъ странахъ, путешественники Джаксонъ и Лердъ указываютъ также родъ дурнопахучника, который доставляетъ «аммиачную» камедь, смолу съ острымъ запахомъ, отправляемую въ Египетъ и въ Аравію, гдѣ ее употребляютъ для окуриваній. На это растеніе нападаетъ одно двукрылое наѣжкомое, составляющее лакомую пищу для ястребовъ: оттого по полету этихъ птицъ узнаютъ мѣста, гдѣ находится драгоценное растеніе²⁾.

Фауна Марокко очень мало отличается отъ алжирской, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ видовъ, которые натуралистамъ удалось изучить до настоящаго времени. Самые страшные звѣри, левъ и барсъ, водятся лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны; въ сравнительно наибольшемъ числѣ они сохранились въ сосѣдствѣ алжирской границы, среди горъ Рифа. Медвѣдь, исчезнувшій въ Алжирѣ, еще не вывелся въ Марокко. Кролики кишмя-кишатъ на полуостровѣ Танжерскомъ, но число ихъ постепенно уменьшается по направленію къ югу, и южнѣе Бу-Реграга не встрѣчали этихъ грызуновъ³⁾. Обезьяны рѣдки; кромѣ породы, живущей также на скалахъ Гибралтара, и которая не встрѣчается даже въ южныхъ провинціяхъ, въ Марокко не видно четырехрукихъ. Дикій кабанъ,

гроза земледѣльцевъ, довольно распространенъ во всѣхъ лѣсныхъ чащахъ; богатые и знатные люди имѣютъ привычку держать его въ конюшняхъ для того, чтобы злые духи не трогали лошадей и вселялись въ нечистое животное. Въ южныхъ степяхъ, на границахъ пустыни, страусы бродятъ еще стадами; кромѣ того, тамъ водятся разныя породы газелей, на которыхъ туземцы охотятся не столько ради ихъ мяса, сколько ради сростковъ, называемыхъ «безоардъ», которые часто находятъ у нихъ въ желудкѣ и которые служатъ амулетами⁴⁾; для подобной же цѣли, именно чтобы найти куски сѣрой амбры, рыбаки вскрываютъ трупы китообразныхъ, выброшенные волнами на морской берегъ⁵⁾. Высокія долины Атласа, съ ихъ почти европейскимъ климатомъ, представляли бы вполне благоприятныя условія для разведенія всякихъ домашнихъ животныхъ, также какъ и всякихъ растеній умѣреннаго пояса. Воды изобилуютъ черепаками, а въ рѣчныхъ устьяхъ ловятъ преимущественно сабала, родъ лосося, съ очень нѣжнымъ мясомъ. Океанская фауна мароккскихъ водъ мало отличается отъ фауны Антильскаго моря: перламутровыя раковины корабликовъ плаваютъ на поверхности воды; летучія рыбы порхаютъ съ волны на волну, а подъ водой быстро скользятъ страшныя акулы съ молотообразной головой. Изслѣдованіе океанскихъ пучинъ на широтѣ Марокко, до глубины 5.000 метровъ, открыло натуралистамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи корабля «Талисманъ», множество новыхъ видовъ рыбъ, ракообразныхъ, моллюсковъ, червей и губокъ.

Такъ же, какъ въ остальной Мавританіи, основу населенія въ Марокко составляютъ берберы: со временъ финикянъ этотъ этническій элементъ по численности всегда сохранялъ за собой преобладающую роль; завоеватели различныхъ расъ и даже арабы, которые, однако, занимаютъ, въ качествѣ господъ, равнины и большіе города страны, могли только оттѣснить туземцевъ въ долины горъ, не приобрѣтая надъ ними численнаго перевѣса. По приблизительному исчисленію, берберы составляютъ по крайней мѣрѣ двѣ трети всего народонаселенія Марокко, и адали отъ городовъ и поморья, особенно въ гористыхъ мѣстностяхъ, территория населена почти исключительно берберскимъ элементомъ. Впрочемъ, это общее названіе берберовъ, примѣняемое ко всѣмъ населеніямъ Марокко не-семитическимъ и не-негритянскимъ, отнюдь не предполагаетъ общности происхожденія; напротивъ, весьма вѣроятно, что много различныхъ этническихъ элементовъ способствовали образованію той расы, которая теперь представляетъ аборигеновъ предъ лицомъ араб-

¹⁾ Hooker, „Journal of a Tour in Morocco“.

²⁾ Arthur Leared, „Morocco and the Moors“.

³⁾ Jackson, „Account of the empire of Morocco“.

⁴⁾ Arthur Leared, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ G. Adomoli, „Lettere dal Marocco“, *Esploratore* I.

ских пришельцев; даже некоторые иберийские племена, как полагают, занимали некогда склоны Атласа. Так же как в остальной Берберии, особенно в регентствѣ Триполи и в восточной Алжиріи, в разных частях Марокко находят мегалиты, совершенно похожие на те, которые существуют в Великобритании и в Бретани, долмены, менгиры, кромлехи, так что, естественно, является вопрос: не были ли эти могильные камни воздвигнуты населеніями, происшедшими от одного общего корня, или исповѣдовавшими одну и ту же религію? ¹⁾ В этих могилах умершие всегда погребались в сидячем положеніи. Самый красивый изъ открытых до сих пор в Марокко памятниковъ этого рода — монолитъ Мэора, стоящій на восточной окраинѣ одного плато, откуда открывается обширный видъ на афимитеатръ Тетуанскихъ горъ: это менгиръ высотой слишкомъ 6 метровъ, называемый Эль-Утедъ или «Столбъ палатки».

Мароккские берберы, или имазигенъ, между которыми встрѣчается много племенъ, носящихъ те же имена, какъ в Алжиріи, — шауйа, бераберъ, зенага или санхеджа, гепула или гештула, распадутся на четыре группы, совершенно отличныя одна отъ другой по мѣсту обитанія и по образу жизни. Сѣверные берберы, населяющіе горы Рифъ, полуостровъ Танжерскій и наибольшую часть холмистой области, ограниченной на югъ теченіемъ уада Себу, обозначаются родовымъ именемъ акбанлъ или кебанлъ: это «кабилы», такіе же, какъ горцы Джурджуры. На приморской покатости Атласа городъ Сефру, лежащій немного южнѣе Феца, есть пограничный пунктъ области акбайловъ: къ сѣверу отсюда это имя принадлежитъ всѣмъ туземцамъ берберской расы; къ югу всѣ жители называютъ себя шлейхъ или шеллаха. Это послѣднее наименованіе примѣняется, подъ разными формами, къ осѣдымъ имазигенамъ бѣлой расы, населяющимъ долины Атласа; но в южномъ Марокко, на обоихъ склонахъ горъ, и в сахарскихъ оазисахъ, земледѣльцы, походящіе на алжирскихъ руага чернымъ цвѣтомъ кожи, тоже причисляются къ имазигенамъ: они извѣстны подъ именемъ харатинъ. На южной отлогости Атласа каждое поселеніе представляетъ смѣсь шеллаховъ и харатиновъ, въ которой пропорція послѣднихъ постепенно увеличивается съ сѣвера на югъ, отъ верховьевъ Молуйи къ низовьямъ Драа. Шеллахи, въ силу цвѣта своей кожи, считаютъ себя выше харатиновъ, и при заключеніи браковъ эта разница вообще принимается въ расчетъ, такъ какъ покупная цѣна бѣлой невѣсты дороже, чѣмъ черной. Между тѣмъ харатинскія женщины часто отличаются замѣчательной красотой: большинство изъ нихъ имѣютъ великолѣпные, очень

выразительные глаза, и въ молодости смѣющуюся фizioномію и необыкновенную грацію въ движеніяхъ ²⁾. Избраніе харатина въ шейхи оазиса составляетъ очень рѣдкій, исключительный случай; обыкновенно въ этотъ санъ возводятся бѣлые имазигены. Такъ же какъ шауйи и кабилы Алжиріи, многіе изъ мароккскихъ имазигеновъ имѣютъ бѣлокурые волосы и голубые глаза; но въ центральныхъ и южныхъ мѣстностяхъ этотъ типъ блондина, повидимому, очень рѣдокъ, за исключеніемъ развѣ южныхъ горъ, если вѣрить свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Федербу ³⁾; другой изслѣдователь, Рольфсъ, говоритъ, что во время своихъ многочисленныхъ путешествій онъ видѣлъ только одного субъекта, отличавшагося отъ другихъ туземцевъ свѣлымъ цвѣтомъ волосъ. Повидимому, всего больше попадаетъ бѣлокурыхъ кабилловъ въ Рифъ, т. е. въ области прибрежья, по которой часто проходили завоеватели или переселенцы съ Пиренейскаго полуострова. Тиссо, когда путешествовалъ между племенами Рифа, былъ немало удивленъ, встрѣчалъ такой большой процентъ туземцевъ съ чисто-европейскимъ лицомъ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ, вмѣстѣ съ Федербомъ, потомковъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ, того неизвѣстнаго народа, которымъ воздвигнуты мегалитическіе памятники страны?

Огромное большинство мароккскихъ берберовъ говоритъ языкомъ тамазигтъ, шлейхъ или шеллаха: старое нарѣчіе, благодаря убѣжищу, которое представляютъ племенамъ горы Атласа, гораздо лучше сохранилось въ Магребѣ эль-Акса, чѣмъ въ остальной Берберіи, и въ горахъ Рифа еще существуютъ, какъ рассказывали французскимъ путешественникамъ Тиссо и Дюверье, древніе списки Корана, написанные берберскими буквами. Но въ Марокко, какъ и въ Алжиріи, цивилизованный языкъ — арабскій, единственный, который имѣетъ письменность и на которомъ произносятся стихи Корана. Берберъ, когда учится молиться, начинаетъ съ того, что повторяетъ слово за словомъ фату, первую главу священной книги мусульманъ. Почти у всѣхъ сѣверныхъ племенъ женщины и даже дѣти понимаютъ и говорятъ по-арабски; но въ горахъ и въ оазисахъ сахарской покатости Атлантического океана нѣкоторые народцы, живущіе въ сторонѣ отъ торговыхъ путей, знаютъ только шеллахское нарѣчіе и прибѣгаютъ къ посредничеству толмачей, обыкновенно евреевъ, при сношеніяхъ съ арабами. Съ другой стороны, есть племена берберскаго происхожденія, совершенно забывшія рѣчь предковъ и знающія только арабскій языкъ: таковы бени-гассены, населяющіе горы около Тетуана.

¹⁾ De Foucauld, „Voyage au Maroc“ (изъ рукописи).

²⁾ „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 15 juillet 1869; — „Revue d'Anthropologie“, II, 1874.

³⁾ Faïdherbe; — Tissot, etc.

Между отдельными группами этих имазигеновъ, разсыянных на таком обширном пространствѣ, говорящихъ разными нарѣчіями, представляющихъ всевозможные оттѣнки цвѣта кожи, отъ бѣлаго до чернаго, — различіе типовъ, костюмовъ, нравовъ очень велико. Есть берберскія племена, у которыхъ женщины еще сохранили обычай татуироваться; впрочемъ, такихъ племенъ немного: указываютъ, между прочимъ, на туземцевъ въ окрестностяхъ Могадора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщины закрываютъ лицо чернымъ вуалемъ, когда увидятъ чужаго мужчину, или останавливаются на краю дороги, повернувшись спиной къ прохожему, но почти вездѣ онѣ ходятъ смѣло, съ открытымъ лицомъ. Обычай откармливать молодыхъ дѣвушекъ при помощи шариковъ изъ тѣста, чтобы придать имъ ту полноту, которая у мароканцевъ считается большой красой, распространена у большинства городскихъ населеній и даже у очень многихъ кочевыхъ народовъ. Костюмъ разнится почти въ каждомъ племени такъ, что туземцы издали легко узнаютъ по одеждѣ и оружію, къ какому клану принадлежатъ встрѣтившіеся люди. Обыкновенно весь нарядъ, у мужчинъ и у женщинъ, состоитъ изъ ханка, шерстяного или бумажнаго, который застегивается на шеѣ. Почти у всѣхъ мароканцевъ ноги кривыя, выгнутыя наружу, благодаря привычкѣ матерей носить ребятъ верхомъ на спинѣ, въ складкѣ ханка ¹⁾).

За исключеніемъ номадовъ, кочующихъ въ равнинахъ у основанія хребтовъ Анти-Атласа и Бани, и полуномадовъ сѣвера и юга, соломенные жилища которыхъ походятъ на пчелиные ульи и при перемѣнѣ мѣстопробыванія переносятся обитателями на собственной спинѣ ²⁾, почти всѣ имазигены живутъ въ настоящихъ домахъ, построенныхъ изъ камня; но эти дома группируются различно. Большинство селеній представляютъ собою просто кучки хатъ, обыкновенно расположенныя на вершинахъ горъ, въ легко защищаемой позиціи, но безъ всякой ограды. На южной покатости Атласа деревни построены въ формѣ крѣпкихъ замковъ: это такіе же ксуры, какъ укрѣпленныя селенія краевыхъ горъ на границахъ пустыни, въ южной Ораніи. Наконецъ, есть независимыя племена, чувствующія себя достаточно сильными, чтобы не имѣть надобности группироваться въ деревни: каждая семья живетъ отдѣльно; жилища раскиданы въ безпорядкѣ по склонамъ горъ, какъ дома пиренейскихъ басковъ.

О чисто-берберскихъ населеніяхъ Магреба аль-Акса можно сказать, что въ цѣломъ они остались независимыми. Нѣкоторыя племена, живущія въ сосѣдствѣ городовъ равнины и

главныхъ путей сообщенія, были силой присоединены къ территоріи бледъ-аль-махзентъ; но число такихъ племенъ очень не велико. Отъ подвластнаго состоянія до полной автономіи существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ степеней зависимости. Есть имазигены, которые соглашаются платить налогъ и даже сами приносятъ его, такъ что властямъ не приходится посылать къ нимъ солдатъ для реквизицій. Большинство же оброчныхъ племенъ обыкновенно ждутъ визита экзекуціонной команды и уплачиваютъ налогъ только для того, чтобы избавиться поскорѣе отъ этихъ непрошенныхъ гостей, если, впрочемъ, данное племя не признало заранее рѣшенія обѣжать къ союзникамъ, предоставляя сборщикамъ податей совершить бесплодную прогулку по опустѣлымъ селеніямъ. Бываютъ также случаи, что тѣ или другія племена, желая положить конецъ своимъ междоусобіямъ, покоряются временно султану и просятъ дать имъ начальника, но эта попытка рѣдко имъ удается; угнетеніе становится для нихъ болѣе невыносимымъ, чѣмъ война, и скоро они прогоняютъ поставленнаго надъ ними каида, чтобы вернуться къ своей дикой свободѣ. Нѣкоторыя могущественныя племена, у которыхъ султанъ не посмѣлъ бы требовать дани, соглашаются однако принять назначеннаго каида, нѣчто въ родѣ посланника, котораго уважаютъ, если онъ справедливъ, у котораго спрашиваютъ совѣта, если онъ съумѣетъ приобрести расположеніе народа, но котораго обыкновенно только терпятъ, какъ чужаго челоуѣка. Иногда зависимость племени отъ султана-шерифа имѣетъ чисто духовный характеръ и выражается тѣмъ, что ежегодно марбуты этого племени являются ко двору, чтобы представить какіе-нибудь дары, за которые имъ отплачиваютъ соответственными подарками. Другія племена, совершенно независимыя, считаютъ себя союзниками императора и сносятся съ нимъ какъ равныя державы. Наконецъ, есть и такіе народцы, которые никогда не вступаютъ ни въ какія сношенія съ султаномъ-шерифомъ: таковы ріаты (по Кольвиллю, граяца) ¹⁾, обитатели горъ, господствующихъ надъ дорогой изъ Тлемсева въ Фецъ «У нихъ нѣтъ ни Бога, ни султана, они знаютъ одинъ только покой». Они не имѣютъ надъ собой ни шейха, ни какихъ-либо другихъ начальниковъ. «Всякъ самъ себѣ господинъ, было бы только ружье!» — таковъ девизъ этихъ горцевъ. Ріатскія женщины, рослыя и сильныя, съ открытымъ лицомъ, въ короткой, выше колѣнъ, юбкѣ спускаются въ большомъ числѣ на рынки равнины, и видъ у нихъ дотога воинственный, что если бы не отсутствіе оружія, ихъ легко бы было принять за мужчинъ ²⁾; впрочемъ, англійскому пу-

¹⁾ G. Rohlfs, „Globus“, XVIII, 1875.

²⁾ Colville, „Ride in Petticoat and Slippers“.

¹⁾ Colville, „A Ride in Petticoats and Slippers“.

²⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

тешественнику Кольвилю случалось видѣть и вооруженныхъ женщинъ, молодцовато носившихъ свои ружья. Другія горскія женщины сопровождаютъ мужчинъ на войну, неся съ собой горшокъ, наполненный краской: всякій бѣглець былъ бы тотчасъ же схваченъ ими и заклеиваютъ на лицѣ знаками, присвоенными трусамъ.

Подобно кабиламъ Джурджуры, мароккскіе берберы по большей части не имѣютъ иного правительства, кромѣ своей джемаа или *анфализъ*. Племена—это большія семьи, которыя дробятся по произволу, смотря по мѣсту жительства и частнымъ интересамъ; группы распадаются и вновь соединяются, какъ имъ заблагоразсудится; союзы заключаются, ссоры улаживаются безъ всякаго вмѣшательства высшей власти во взаимныя отношенія семействъ, родовъ или племенъ. Даже рѣдко гдѣ общины имѣютъ кануны или своды традиціонныхъ законовъ; обыкновенно у нихъ не существуетъ никакого закона, кромѣ рѣшенія собраний или мірскихъ сходовъ, принятаго единогласно главами семейства. Такова форма правленія, преобладающая у берберскихъ племенъ атлантической покатости Атласа. На сахарской отлогости народцы сильнѣе сплочены, чтобы быть въ состояніи успѣшнѣе оказывать сопротивленіе кочевникамъ; деревни тамъ формально соединены въ союзы или націи, и черезъ своихъ уполномоченныхъ совѣщаются и условливаются между собой о мѣрахъ, направленныхъ къ общей оборонѣ. Другія племена, менѣе заботящіеся о сохраненіи своей независимости, добровольно принимаютъ вассальное положеніе и признаютъ главенство какого-нибудь шейха или болѣе могущественнаго племени: маленькая ежегодная дань свидѣтельствуетъ объ отношеніяхъ, связывающихъ вассаловъ съ сюзеренами. Нѣкоторыя племена продаютъ свою свободу лишь на время и стараются связать своего начальника нѣкотораго рода конституціонными гарантіями. Такъ берберы Атласа выбираютъ своего шейха только на одинъ годъ. Власть начальниковъ почти всегда очень непрочная: тѣ, которые остаются на мѣстѣ, обыкновенно соединяютъ съ талантами управленія большое состояніе и благородное происхожденіе, но имъ рѣдко удается нейтрализовать вліяніе мірскаго схода: во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ *анфализъ* собирается и принимаетъ окончательное рѣшеніе, въ качествѣ высшей власти.

Между такимъ множествомъ различныхъ націй сношенія были бы невозможны, если бы взаимные договоры не обезпечивали проѣздъ или проходы путешественниковъ и провозъ товаровъ. Посредниками въ торговлѣ обыкновенно служатъ евреи; но, презираемые и ненавидимые населеніемъ, они рисковали бы жизнью при входѣ въ каждую деревню, если бы не были

защищены коллективной волей даннаго племени или словомъ уважаемаго человѣка. Есть, однако, народцы, гдѣ никакое вмѣшательство не заставило бы разрѣшить доступъ еврею: послѣдній можетъ проходить по территоріи этихъ берберовъ не иначе, какъ переодѣтый, и если бы его узнали, то ничто бы не спасло его отъ смерти; трупъ его бросили бы на дорогѣ, какъ тѣло нечистаго животнаго, даже не обобравъ его, не тронувъ золота, лежащаго въ его карманахъ. На территоріи большинства племенъ дозволяется проходъ евреямъ, такъ же какъ и другимъ чужеземцамъ, если только они прибыли въ сопровожденіи поручителя или людей его клана. *Мезрагъ* (охрана), соотвѣтствующій кабилской *анайѣ*, почти всегда продается за деньги. Путешественникъ обращается къ какому-нибудь вліятельному лицу и торгуется съ нимъ на счетъ цѣны мезрага; но съ момента уплаты условленной суммы покровитель отвѣтствуетъ за жизнь и благосостояніе своего гостя: онъ не можетъ его покинуть, пока не сдастъ въ вѣрныя руки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мезрагъ богатаго человѣка или даже цѣлаго племени покупается на всю жизнь; тогда онъ носитъ названіе *дебиха* или «жертвоприношеніе», потому что прежде обычаи требовали, чтобы проситель закалывалъ барана на порогѣ человѣка, къ которому онъ обращался за покровительствомъ; съ момента этого закланія кліентъ принадлежалъ уже всей общинѣ въ совокупности, какъ членъ, имѣющій право на ея защиту. Дебиха дается подъ разными формами то однимъ племенемъ другому, то однимъ человѣкомъ деревнѣ или союзу деревень, то общиной отдѣльному лицу; иное племя имѣетъ нѣсколько сюзереновъ заразъ.

При существованіи этихъ узъ солидарности, поддерживаемыхъ мезрагомъ, торговныя сношенія могли бы безпрепятственно производиться отъ одного конца Магриба до другаго, если бы между племенами не было такихъ, которыя, живя грабежемъ, не принимаютъ никакихъ охранныхъ грамотъ, и если бы пошлыны, взимаемыя на пути въ каждой деревнѣ и постепенно нарастающія отъ таможни до таможни, не достигали, въ концѣ концовъ, огромной суммы, вдесятеро увеличивающей первоначальную цѣну товара. Даже въ сѣдствіи Феца горы заняты берберскимъ племенемъ *геруанъ*, которое не даетъ *анайи*, но пропускаетъ путешественниковъ, подѣ условіемъ, чтобы они уплатили сполна *зстату* (пошлину); вездѣ у входа въ деревню всадники и пѣхотинцы преграждаютъ путникамъ дорогу и взимаютъ налогъ съ оружіемъ въ рукахъ. На южномъ скатѣ Атласа, на окраинѣ Сахары, туземцы племени *дун-белла* предлагаютъ караванамъ свои услуги, въ качествѣ эскорта; но если ихъ не берутъ какъ конвоировъ, они устраиваютъ засаду, чтобы ограбить несговорчивыхъ про-

хожихъ. Когда эти прохожіе—евреи или люди дальнаго и слабаго племени, ихъ обираютъ до послѣдней нитки и отпускаютъ голыхъ, но цѣлыхъ и невредимыхъ; когда, напротивъ, путешественники принадлежатъ къ могущественному племени, отъ котораго можно опасаться возмездія, то ихъ обыкновенно убиваютъ, дабы никто не пошелъ разсказать о совершенномъ нападеніи, такъ какъ вендетта считается священнымъ долгомъ у мароккескихъ берберовъ. Тѣмъ не менѣе, бѣднымъ людямъ рѣдко удается отмстить за себя; когда богатые или силь-

ными: такъ, женщины ихъ татуируются знакомъ креста, и при трудныхъ родахъ возносятъ молитвы о помощи къ «Пресвятой Дѣвѣ Маріи» ¹⁾. Въ языкѣ ихъ осталось не мало латинскихъ словъ ²⁾. Римскій календарь все еще въ употребленіи, совместно съ календаремъ арабскимъ, и для обозначенія фазъ земледѣльческой жизни всегда пользуются первымъ ³⁾. Марабуты, читающіе нараспѣвъ стихи Корана, вообще принадлежатъ къ арабской расѣ, и вліяніе ихъ различно, смотря по племенамъ. Тогда какъ въ нѣкоторыхъ племенахъ на нихъ смотрятъ подоз-

Арабъ-верблюдовожатый.

ные люди убиваютъ бѣдняка, они обыкновенно отдѣлываются уплатой «цѣны крови», ничтожной суммы, мѣняющейся, смотря по мѣсту; а если они къ тому же пользуются властью и заручились сообщничествомъ всѣхъ кліентовъ и трусовъ, то не считают нужнымъ платить даже этотъ ничтожный выкупъ ¹⁾.

Подобно кабиламъ Алжирѣ, кебайлы и другіе берберы Марокко мало знакомы съ догматами и обрядами исповѣдуемой ими вѣры. У арабовъ поморья сохранились даже нѣкоторыя обрядности, заимствованныя отъ ненавистныхъ

рительно, въ другихъ мѣстахъ они, напротивъ, почитаются какъ святые, какъ непогрѣшимые геніи, и всякому приказу ихъ повинуются съ благоговѣніемъ. Нѣкоторые изъ ихъ монастырей славутъ священными мѣстами, и преступникъ находитъ тамъ самое надежное убѣжище, тогда какъ еврей долженъ дѣлать длинный обходъ, чтобы не осквернить своей тѣнью землю, освященную пребываніемъ праведниковъ. Многія племена совершенно игнорируютъ обязанность хожденія въ Мекку, и на памяти

¹⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

²⁾ Delaporte;—Renou, цитированное сочиненіе.

³⁾ Ch. Tissot, „Exploration Scientifique de la Tunisie“.

¹⁾ Drumm Honday, „Western Barbary“.

нынѣ живущихъ людей не дали еще ни одного хаджи. Но есть и очень религіозныя племена, откуда каждый годъ отправляются пилигримы для посѣщенія каабы и гробницы Пророка: къ этимъ благочестивымъ племенамъ принадлежатъ, между прочимъ, бени-гассаны, обитающіе въ сосѣдствѣ Тетуана. Впрочемъ, хаджи, которыхъ обыкновенно предполагаютъ фанатиками, оказываются, напротивъ, изъ всѣхъ туземцевъ наиболѣе справедливыми и добродетельными въ отношеніи иностранцевъ: во время своихъ долгихъ странствованій они имѣли случай познакомиться съ могуществомъ и культурой народовъ, не принадлежащихъ къ мусульманскому міру; они знаютъ, и даже иногда усваиваютъ нѣкоторые изъ ихъ обычаевъ, и когда какой-либо представитель посѣщенныхъ ими націй появляется между ними, они принимаютъ его съ почтеніемъ, часто даже съ симпатіей ¹⁾. Къ хаджамъ, совершающимъ путешествіе съ религіозной цѣлью, каждый годъ прибавляется постоянно увеличивающееся число эмигрантовъ, почти исключительно берберовъ, отправляющихся на заработки въ качествѣ землекоповъ или жнецовъ въ разныя мѣстности Алжиріи и Туниса: такимъ образомъ мароккскій народъ мало-помалу знакомится съ иностранцами, и подъ влияніемъ этого знакомства постепенно измѣняется его міросозерцаніе. Отчего бы не давать ему хорошихъ примѣровъ, отчего не обращаться съ нимъ всегда справедливо и гуманно? Политическое присоединеніе Марокко къ колониальной имперіи Европы есть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые обсуждаются въ совѣтахъ державъ съ ревнивой страстностью. Гораздо важнѣе было бы стараться о нравственномъ завоеваніи марокканцевъ, посвящая ихъ, во время ихъ ежегодныхъ посѣщеній, въ болѣе цивилизованную жизнь, чѣмъ дикій бытъ ихъ варварскаго общества.

Арабы, жители деревень, и мавры, жители городовъ, представляющіе продуктъ разнообразнаго смѣшенія крови берберской, арабской и европейской (отъ ренегатовъ, выходцевъ изъ прилегающихъ къ Средиземному морю странъ), но всѣ говорящіе мавританскимъ нарѣчіемъ арабскаго языка, происходятъ отъ завоевателей, пришедшихъ съ Аравійскаго полуострова во время послѣдовательныхъ переселеній, и отъ мавровъ, изгнанныхъ изъ Испаніи. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ среди шеллаховъ и гаративовъ, въ равнинахъ, лежащихъ къ югу отъ Атласа и Анти-Атласа, обозначаются общимъ именемъ «арабы», какъ будто они по преимуществу представители этой расы. Между этими номадами, кочующими вокругъ крайнихъ оазисовъ Сахары, встрѣчаются самыя красивыя женщины Марокко: онѣ имѣютъ

классически правильный профиль и отличаются замѣчательной бѣлизной лица и рукъ, хотя рѣдко моются, и хотя синяя одежда, которую онѣ обыкновенно носятъ, придаетъ кожѣ синеватый оттѣнокъ. Всѣхъ жителей, которые могутъ быть причислены къ арабамъ, насчитываютъ болѣе милліона; въ городахъ они составляютъ огромное большинство населенія, и за исключеніемъ мѣстностей, лежащихъ на полуденномъ склонѣ Атласа, въ сосѣдствѣ пустыни, они ведутъ осѣдлый образъ жизни: контрастъ, существующій въ Алжиріи между берберомъ-земледѣльцемъ и арабомъ-номадомъ и пастухомъ, повторяется въ Марокко лишь въ очень слабой степени.

Арабы Гарба отличаются сильно развитымъ духомъ общительности: почти въ каждой деревнѣ, даже въ дуарахъ, они собираются въ зданіи или шатрѣ, служащемъ мечетью, и приносятъ каждый свою долю пищи для общей трапезы; но женщины остаются дома ²⁾. Замѣчательно обиліе святыхъ между семитами Марокко. Есть цѣлыя племена, состоящія изъ шорфовъ, или потомковъ Магомета; другія, хотя и не претендующія на столь знаменитое родство, тоже пользуются большимъ уваженіемъ, и всѣ духовные ордена Магреба, между прочимъ, аиссауа и деркауа, получили начало въ Марокко. Послѣ Аравіи эта страна считается благороднѣйшимъ мѣстомъ происхожденія для истинныхъ мусульманъ; семитическіе завоеватели, повидимому, выиграли въ достоинствѣ своимъ прибытіемъ на берега Атлантическаго океана. Память о могуществѣ и цивилизации, которыхъ достигли нѣкогда населенія Гарба, придавала имъ особенное обаяніе въ глазахъ обитателей оазисовъ между Мавританіей и Египтомъ. Тогда какъ магометане Востока молятся за стамбульскаго калифа, магометане Запада, включая сюда и Туатъ, просятъ Аллаха о ниспосланіи благодати на главу мароккскаго султана, за которымъ они, впрочемъ, не признаютъ ни малѣйшаго политическаго права надъ ними.

Послѣ берберовъ различныхъ расъ и арабовъ, самымъ сильнымъ этническимъ элементомъ въ Марокко являются евреи, происходящіе въ большей части отъ израильтянъ, прогнанныхъ изъ Испаніи католическими королями; они такъ и называютъ себя «герушъ Кастильи», т. е. «изгнанники изъ Кастиліи», и при совершеніи брачнаго обряда раввины до сихъ поръ еще употребляютъ формулы, оканчивающіяся словами: «во всемъ согласно кастильскому обычаю» ³⁾. Всѣ евреи, живущіе въ приморскихъ портахъ, на сѣверѣ отъ узда Тенсифтъ, пользуются еще испанскимъ язы-

¹⁾ G. Rohlfs, «Reise durch Marocco».

²⁾ Elie de la Prunauderie, «Revue Africaine», 1872; — Léon Godard, «Le Maroc».

³⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

комъ, какъ своей обычной рѣчью ¹⁾, іудеи Фецца и Мекнеса (Мекинеца) говорятъ по-арабски. По словамъ большинства писателей, ев-

ственниковъ, посѣтившихъ многія мѣстности во внутреннемъ Магрибѣ эль-Акса, не думаетъ, чтобы еврейское населеніе достигало трети

Танжерскіе арабы.

реевъ въ Марокко насчитывается болѣе ста тысячъ; однако, Рольфсъ, одинъ изъ путеше-

этого числа: это было бы очень мало, судя по важности ихъ роли, какъ посредниковъ въ торговлѣ, и по существованію ихъ колоній въ каждомъ городѣ и почти въ каждомъ племени.

¹⁾ G. Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

Преслѣдуя евреевъ, марокканцы въ то же время хотѣли сохранить ихъ для торговли, и ни одинъ еврей не можетъ уйти изъ страны безъ паспорта, купленного за хорошія деньги; сумма, которую пришлось бы заплатить еврейской женщинѣ, желающей покинуть свое мѣстопробываніе, такъ велика, что нужно быть почти богачемъ, чтобы пріобрѣсти право передвиженія. Самыя красивыя женщины въ Марокко, говорятъ, — еврейки изъ Мекнеса, такъ что имя Мекнасія примѣняется безразлично ко всѣмъ женщинамъ поразительной красоты ¹⁾).

Негритянскій элементъ также представленъ во всѣхъ областяхъ Магреба-эль-Акса: по Рольфсу, чернокожихъ чистой расы, родомъ изъ Судана, наберется около пятидесяти тысячъ во всей странѣ, отъ Таруданта до Танжера. Черезъ скрещиванія они вошли особенно въ могущественныя фамиліи городовъ: такъ, нынѣ царствующій домъ отчасти негритянскаго происхожденія. Но въ сельскихъ мѣстностяхъ случаи смѣшенія расъ не часты. У берберовъ сѣверной покатости Атласа они совсѣмъ не встрѣчаются. Негрское населеніе Магреба продолжаетъ пополняться покупкой новыхъ невольниковъ, приводимыхъ караванами изъ Судана. Въ Марокко ихъ пріобрѣтаютъ за деньги, но на родинѣ они были куплены въ обмѣнъ на плитки каменной соли: отсюда названіе *темт-эль-мельха*, «цѣна соли», которое часто даютъ, въ видѣ обидной клички, рабамъ и вольноотпущеннымъ. На рынкахъ Марокко негры продаются совершенно такимъ же образомъ, какъ скотъ: продавецъ божится-клянется, что у предлагаемаго живаго товара нѣтъ никакихъ «пороковъ», а покупатель дѣлаетъ товару подробный осмотръ черезъ ветеринара: цѣна мѣняется отъ 20 до 500 франкъ, смотря по возрасту, силѣ и здоровью покупаемаго субъекта. Случается, что молодые дѣвушки туземныхъ племенъ, гонимыя нуждой, уходятъ въ города, чтобы имѣть кусокъ хлѣба, и хозяева ихъ при первомъ удобномъ случаѣ продаютъ ихъ, какъ невольницъ, за цѣну, вообще говоря, гораздо болѣе высокую, чѣмъ покупная цѣна негритянокъ ²⁾).

Нѣсколько тысячъ вольныхъ иностранцевъ въ приморскихъ портахъ, нѣсколько сотенъ ренегатовъ, испанскихъ и французскихъ, въ Фецѣ, въ Мекнесѣ, въ Марракешѣ и въ другихъ городахъ внутренняго Марокко, представляютъ европейскій элементъ въ Магребѣ-эль-Акса; но этотъ элементъ существуетъ также въ самой крови мароккскихъ населеній черезъ прежнія смѣшенія на Иберійскомъ полуостровѣ и въ европейскихъ владѣніяхъ поморян.

Извѣстно, что по скату водъ, часть сѣверо-

восточнаго Марокко составляетъ естественную область Алжиріи: городъ Ужда и сосѣдняя территорія принадлежатъ къ бассейну Тафны. Этотъ пограничный городокъ, лежащій у подношья холма Кудіатъ-эль-Хадра, въ Ангадской «равнинѣ» (пересѣкаемой буграми изъ красноватой глины и продолжающейся на востокъ до французскаго города Лалла-Магна), состоитъ изъ кучки домиковъ, окруженныхъ оливковыми деревьями, но торговля его довольно значительна, благодаря сосѣдству Алжиріи. Близость границы и французскихъ военныхъ постовъ заставила мароккское правительство прочно установить свою власть въ этой части своихъ владѣній: Ужда — «султанскій городъ», имѣющій гарнизонъ и чиновниковъ, зависящихъ непосредственно отъ государя. Верстахъ въ десяти отъ этого города, на берегахъ Исли, подпритока Тафны, происходила, 14 августа 1844 г., извѣстная битва, часто приводимая какъ примѣръ тѣхъ сраженій, гдѣ маленькая армія, сознающая свою силу и значеніе совершаемыхъ ею движеній, выступаетъ противъ несвязной толпы съ полной увѣренностью въ побѣдѣ. Послѣ этой битвы, отдавшей мароккское правительство во власть Франціи, заключенъ былъ Танжерскій трактатъ, по которому за султаномъ оставленъ почти весь поясъ спорной территоріи къ востоку отъ Молайи.

Эта рѣка, получающая чрезъ свои верхніе восточные притоки немного воды съ оранскихъ плоскогорій, питается главнымъ образомъ горными потоками, которые спускаются съ сѣверной оконечности Атласа въ обширный циркъ, образуемый снѣговымъ гребнемъ Аїашина (Аячина) на юго-востокѣ, хребтомъ Антъ-Яхія на югъ и джебелемъ Тамаракуитъ на западѣ и сѣверо-западѣ. Въ этомъ амфитеатрѣ горъ проходитъ главная дорога изъ Фецы въ Тафилельтъ, переваливая черезъ хребетъ Тамаракуитъ близъ озера Сиди-Али-Мохамеда, подтѣнью деревьевъ: туйи, зеленого дуба, бузини; съ этихъ лѣсистыхъ высотъ она спускается къ Молайѣ, уже широкому и быстрому ручью, и перейдя черезъ него, снова поднимается къ горѣ на юго-востокъ и огибаютъ хребетъ Аїашинъ горнымъ проходомъ, называемымъ Тизинтъ эръ-Ріутъ. Съ южной стороны этотъ дефилей оканчивается естественнымъ портомъ, которому дали названіе Саламъ-у-Алхумъ («привѣтствую тебя»), какъ-бы желая тѣмъ выразить радостное чувство, которое испытываетъ путешественникъ при видѣ долины Зисъ, простирающейся далеко со своими оазисами и деревнями ³⁾. Сѣверный скатъ и дно цирка заняты берберскимъ племенемъ бени-мгиль, языка тамазитъ, которое пользуется полной независимостью, хотя всѣ его войны, собраныя вмѣстѣ, представляютъ силу никакъ не

¹⁾ Colville, цитированное сочиненіе; — H. von Maltzan.

²⁾ Erekman, „Le Maroc“.

³⁾ G. Rohlf, „Reise durch Marokko“.

болѣе полуторы тысячи человекъ; они владѣютъ превосходными конями, отличающимися крупнымъ ростомъ,—что большая рѣдкость у горныхъ лошадей,—и не уступающими въ красотѣ и выносливости знаменитымъ скакунамъ, воспитываемымъ въ мѣстности между Могодоромъ и Мазаганомъ. Главный ксаръ этого племени—Булайулъ, лежащій на высотѣ около 1.000 метровъ, на берегу одного изъ потоковъ, образующихъ верхнюю Молуйю. При обиліи текущихъ водъ и плодородіи почвы, бени-мгиль могли бы обогатиться земледѣліемъ; но они предпочитаютъ жить поборами съ проходящихъ каравановъ, отъ которыхъ они требуютъ пошлыны до 8 франк. за каждое вьючное животное: этимъ они загнали купцовъ, и теперь торговля между Фецомъ и Тафилельтомъ избрала кружной путь на Марракешъ, удваивающій разстояніе. Мало измѣненное соприкосновеніемъ съ арабами, племя бени-мгиль сохранило нѣкоторые обычаи, не встрѣчающіеся болѣе у другихъ населеній Атласа. Такъ, молодые люди этого племени бѣгаютъ голые по аренѣ, какъ древніе греки на олимпійскихъ играхъ, и женщины награждаютъ ихъ рукоплесканіями.

Ниже въ долинѣ живетъ другой берберскій союзъ племенъ, менѣе могущественный, айтъ-у-афелла, признающій власть султана и за это получившій разрѣшеніе прижимать путешественниковъ, взимая по франку пошлыны «съ головы скота и еврея», проходящихъ по его землямъ⁴⁾. Ксаръ Ксаби-эшъ-Шорфа, обитаемый, какъ показываетъ его имя, святыми, якобы потомками Пророка, лежитъ въ равнинѣ, гдѣ соединяются верхнія вѣтви Молуи: выше по теченію виднѣется зеленѣющей амфитеатръ горъ, ниже—разстилается обширная бѣловатая пустыня, мѣстами каменистая и усеянная пучками алычи. Ксаби-эшъ-Шорфа находится на границѣ двухъ языковъ: съ одной стороны, по направленію къ Атласу, говорятъ только нарѣчіемъ тамазигтъ; съ другой, по направленію къ равнинѣ, оба ідіома борются изъ-за преобладанія; далѣе, у племени уады-хауа, общеупотребительный діалектъ—арабскій. Костюмъ также мѣняется, и по виду туземцевъ можно подумать, что находишься въ Алжирѣ: берберы плоскогорій употребляютъ уже веревку изъ верблюжьей шерсти для подвязыванія капюшона своего ханка.

Городокъ Дебду находится не на берегу Молуи, а въ боковомъ бассейнѣ, къ востоку отъ главной долины, на дорогѣ, направляющей къ высокимъ плато Марокко. Мѣстоположеніе этого города, окруженнаго садами и дугами, восхитительно. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ вздымается, на 80 метр. вы-

соты, вертикальная стѣна, изрѣзанная трещинами, на половину прикрытыми гирляндами переплетающихся лѣнъ. Старая крѣпость и минареть господствуютъ надъ городомъ съ края утеса. Далѣе почва поднимается рядомъ террасъ съ крутыми откосами, и горизонтъ ограниченъ лѣсвстымъ гребнемъ: это край плоскогорья Гада, ровная поверхность котораго, оживляемая многочисленными источниками, покрыта великолѣпнымъ лѣсомъ, однимъ изъ лучшихъ въ Марокко. По описанію Фуко, городъ Дебду состоитъ изъ четырехсотъ домовъ, построенныхъ изъ битой глины; во многихъ домахъ нижніе покои и дворы лежатъ ниже уровня почвы, въ углубленіяхъ, вырытыхъ въ скалѣ. Городъ вполне подчиненный султану, Дебду пунктуально платитъ налогъ, за которымъ каждый годъ прѣзжаетъ кайдъ изъ Тазы; это единственное мѣсто въ Марокко, гдѣ большинство населенія іудейское. Три четверти жителей еврей, которые занимаютъ торговлей, преимущественно съ Алжиріей, гдѣ Тлемсентъ—ихъ главный складочный пунктъ, а также съ Фецомъ черезъ Тазу, и съ испанской Мелильей, черезъ нижнюю долину Молуи. Въ окружающихъ горахъ пасутся стада коровъ и козъ и многочисленные табуны муловъ, порода которыхъ славится во всемъ сѣверномъ Марокко.

Къ западу отъ Дебду р. Молуи перерѣзываетъ область горъ глубокими ущельями, затѣмъ вступаетъ въ обширную каменистую равнину Тафрата, которая почти каждый годъ принимаетъ видъ настоящей пустыни; но когда зимніе дожди были обильны, она покрывается весной зеленѣющимъ ковромъ, и тогда палатки арабовъ племени гуара разсѣяны по всему ея пространству сотнями черныхъ точекъ⁵⁾. Равнина Тафрата составляетъ западную оконечность длинной низменности, которая на востокѣ оканчивается Ангадской «пустыней», на границѣ Марокко и Алжиріи. Молуи течетъ въ западной части этой низменности и принимаетъ здѣсь свой главный притокъ, уады За, усиливаемый уадомъ Шарфъ, и другими потоками, берущими начало на высокихъ плато, на югѣ мароккка Телля. Уады За всегда катитъ нѣкоторое количество воды, даже среди лѣта, и даетъ своей долинѣ богатый уборъ растительности. Главный рынокъ прибрежнаго населенія находится не въ самой долинѣ, а къ востоку отъ нея, въ Ангадской пустынѣ. Тамъ стоитъ, на горкѣ, знаменитая кубба Сиди Меллука, вокругъ которой сгруппированы дома арабскихъ и еврейскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю съ Уджой и Тлемсентомъ; деревню Сиди Меллукъ обыкновенно называютъ Ксаба аль-Айунъ, т. е. «Замокъ Ключей», по причинѣ многочисленныхъ колодезевъ, выкопанныхъ

⁴⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ A. Colville, „A Ride in Petticoats and Slippers“

вокруг холма. Этот пограничный пункт занят гарнизоном из 160 солдат регулярного войска, который наблюдает за полунезависимыми берберскими племенами, живущими в окрестностях. Самое могущественное из этих племен—бени-изнатен, или, как его обыкновенно называют его французские соседи в Алжире, бени-снассент; оно состоит из нескольких кланов, которые принуждены были покинуть свою первоначальную территорию, в окрестностях Немура. Эти непримиримые враги христиан населяют горы, высиющиеся в видъ единеннаго массива между Ангадской пустыней и нижним течением Молуйи. Они очень богаты, благодаря обилію превосходных пастбищ, дающих кормъ ихъ стадамъ.

Въ низменной равнинѣ, по которой протекаетъ Молуйя до впаденія въ Атлантическій океанъ, нѣтъ ни одного значительнаго города; ближайшая военная позиція—Заффаринскіе острова (Джаферинъ или Chaffarinas)—принадлежатъ Испаніи. Эти острова, Tres Insulae (три острова) древнихъ географовъ,—голыя скалы, почти безъ растительности и культуры, имѣющія важность только какъ безопасное убѣжище для кораблей, а также по стратегическому положенію противъ долины Молуйи и недалеко отъ оранской границы. Въ первые годы завоеванія Алжирѣ французы предполагали занять также и этотъ маленькій архипелагъ, и въ 1849 г. рѣшились, наконецъ, привести въ исполненіе свое намѣреніе, но были предупреждены на нѣсколько часовъ испанцами: когда они явились туда, на главномъ островѣ уже развѣвалось кастильское знамя¹⁾. Возведенныя испанцами укрѣпленія защищаютъ теперь этотъ островъ противъ всякой попытки высадки и образуютъ какъ-бы аванпостъ крѣпости Мелильи, лежащей верстахъ въ пятидесяти къ западу, при основаніи гористаго полуострова, оканчивающагося высокимъ мысомъ Расъ-эдъ-Денръ (Раседдиръ), cabo Tres Forcas (мысъ Трехъ Ущелій), какъ его называютъ испанскіе моряки. Мароккскій султанъ, по всей вѣроятности, изъ желанія поссорить правительства Франціи и Испаніи, изъявилъ готовность уступить послѣдней изъ этихъ державъ Кабо-де-Агуасъ (Мысъ водъ), напротивъ Заффаринскихъ острововъ, и пространство земли до устья Молуйи.

Мелилья или Мелилла (Млила на языкѣ туземцевъ) занимаетъ то самое мѣстоположеніе, гдѣ стоялъ финикійскій городъ Руссадиръ, имя котораго сохранилось до сихъ поръ въ названіи сосѣдняго мыса. Нынѣшній городъ построенъ на террасѣ, у подножія крутой скалы, на вершинѣ которой расположенъ испанскій фортъ

Розаріо, акрополь, воздвигнутый на фундаментахъ другихъ цитаделей, смѣнявшихъ одна другую въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ; бухта, вдающаяся въ материкъ на юго-западъ отъ крѣпости, служитъ убѣжищемъ для кораблей отъ опаснаго восточнаго вѣтра; бассейны, высѣченный въ живой скалѣ для разгрузки судовъ, можетъ-быть, устроенъ еще финикиянами, какъ бассейны въ Кароагенѣ и Утикѣ¹⁾. Въ 1848 г. укрѣпленія Мелильи были на половину разрушены землетрясеніемъ. До недавняго времени этотъ городъ, которымъ испанцы владѣютъ уже болѣе четырехъ столѣтій (съ 1496 г.), былъ не болѣе, какъ тюрьма, въ одно и то же время для ссыльно-каторжныхъ и для стражи, приставленной стеречь ихъ; тогда неблагоприятно было выходить за крѣпостной валъ далѣе, какъ на ружейный выстрѣлъ, и горцы изъ Рифа часто забавлялись стрѣльбой въ часовыхъ, какъ въ мишень. Теперь этого уже нѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ правильное пароходное сообщеніе, установившееся между метрополіей и Мелилей, вызвало въ этомъ городѣ болѣе оживленную торговую дѣятельность и позволило чаще обновлять гарнизонъ, который нерѣдко страдаетъ отъ лихорадки, порождаемой вредными испареніями болотъ, окаймляющихъ побережье на югъ отъ города. Морской берегъ, простирающійся къ западу отъ мыса Трехъ Ущелій, прежде пугалъ моряковъ, какъ гнѣздо грозныхъ пиратовъ, которые грабили суда, выброшенные волнами на подводные камни, и уводили въ неволю матросовъ; но съ 1855 г. не слыхать о разбояхъ въ этихъ опасныхъ водахъ. На мысахъ Трехъ Ущелій нѣкогда воздвигали жертвенники въ честь боговъ, оказывающихъ помощь находящимся въ опасности мореплавателямъ. Въ открытомъ морѣ, на разстояніи 50 километр. отъ мыса, высится остроконечная гора, укрѣпленная испанцами,—безплодный островокъ Альборанъ.

На полукругломъ берегу Рифа, между мысомъ Трехъ Ущелій и полуостровомъ Тетуанскимъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ военные посты Альхусемасъ и Пенъонъ-де-Велецъ, принадлежащіе испанцамъ уже болѣе трехъ столѣтій. Первый изъ этихъ presidio, называемый у древнихъ арабскихъ писателей Мерса-аль-Мземма, есть не что иное, какъ островокъ, морская тюрьма, гдѣ люди построили другую тюрьму. Пенъонъ-де-Велецъ, или Велецъ-де-ла-Гомера,—тоже островной военный постъ и острогъ для каторжниковъ, куда испанскіе корабли привозятъ лѣтомъ прѣсную воду для гарнизона и арестантовъ; но онъ господствуетъ надъ частью побережья, представляющей очень выгодныя условія для торговли: противъ острова на материкѣ видны остатки римскаго города Бадистъ,

¹⁾ Bulletin de la Société de Géographie d'Oran, avril—juin 1884.

¹⁾ Ch. Tissot, „Recherches sur la Géographie comparée de la Mauretaine Tingitane“.

считавшагося въ средніе вѣка портомъ Феца на Средиземномъ морѣ ¹⁾. Его смѣнило теперь мѣстечко того же имени; недавно тамъ хотѣли было основать горный заводъ, но попытка эта не удалась. Это мѣсто было бы самымъ удобнымъ пунктомъ высадки для того, чтобы попасть съ берега Рифа въ долину Себу, но, къ сожалѣнію, не существуетъ никакихъ проѣзжихъ дорогъ черезъ тамошнія горы, населенныя независимыми берберскими племенами. Въ одной долинѣ этихъ горъ находятся городъ Шешауэнъ, окруженный виноградниками, и въ сосѣдствѣ его первоначальный монастырь духовнаго ордена Деркауа.

Главный городъ средиземнаго побережья въ Мароккской имперіи—Тетуанъ, называемый маврами Титауаномъ, и берберами Теттауэнномъ, что значитъ «Мѣсто источниковъ»; въ самомъ дѣлѣ, воды, бѣгущія съ крутыхъ горъ, разветвляющихся на западъ свой обширный амфитеатръ, текутъ обильными ручьями въ его садахъ подъ густой листвою апельсиновыхъ деревьевъ. Внизу террасы (около 60 метр. высотой), на которой расположенъ Тетуанъ, протекаетъ извилистая рѣчка, направляющаяся на сѣверо-востокъ и впадающая въ море въ 6 километр. отъ города; баръ, черезъ который могутъ проходить только барки, защищенъ укрѣпленной таможей. Городъ, доминируемый цитаделью, окруженъ высокой оградой, съ башнями по бокамъ, и заключаетъ внутри второй кругъ стѣнъ, меллахъ, гдѣ живутъ евреи. Эти послѣдніе составляютъ около четверти городского населенія и владѣютъ почти всѣми его богатствами. Ихъ кварталъ, гдѣ они пользуются нѣкоторой автономіей, отличается отъ другихъ частей города относительной чистотой, дома ихъ болѣе комфортабельны, костюмы богаче: по праздникамъ тамошнія еврейки, славящіяся красотой, щеголяютъ въ шелкахъ и золотѣ. Вообще Тетуанъ—одинъ изъ центровъ израильскаго міра. Евреи владѣютъ тамъ всѣми лавками на базарѣ и служатъ посредниками въ торговлѣ этого города съ сосѣдними странами черезъ Сеуту, Танжеръ и Гибралтаръ; они вывозятъ апельсины и родъ водки, *маайя*, приготовляемой изъ винограда. Промышленность Тетуана, ограничивающаяся производствомъ глиняныхъ издѣлій и другими, обычными въ мусульманскихъ городахъ, ремеслами, сосредоточена преимущественно въ рукахъ алжирцевъ, покинувшихъ отечество, чтобы не оставаться подъ властью французовъ. Превратности войны часто заставляли Тетуанъ мѣнять своихъ властителей. Населенный въ большей части мудежарами, т. е. маврами, изгнанными изъ Гранады и Кастиліи, онъ долженъ былъ часто вести борьбу со своими сѣверными побѣдителями. Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія Тетуанъ былъ

преданъ разграбленію кастильцами; сто лѣтъ спустя его пираты завладѣли моремъ и захватывали плѣнниковъ тысячами на берегахъ Андалузіи, продолжая мирно торговать съ англичанами, голландцами и венеціанцами ¹⁾. Въ 1564 г., король испанскій Филиппъ II велѣлъ разрушить тетуанскій портъ; наконецъ, въ 1859 г. испанцы снова овладѣли Тетуаномъ и одержали надъ мароккскимъ войскомъ рѣшительную побѣду, близъ этого города, на скалахъ горъ, черезъ которыя проходитъ дорога въ Танжеръ. Послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ, Тетуанъ былъ возвращенъ мароккскому султану. Обороты внѣшней торговли Тетуана въ 1893 г. простирались до 1.528.740 франк.

Сеута принадлежитъ сѣвернымъ сосѣдямъ Мавританіи уже около пяти столѣтій. Въ 1415 г. португальцы заняли этотъ городъ, въ самый день высадки на берегъ; затѣмъ, въ 1570 г., онъ перешелъ во власть Испаніи, которая владѣетъ имъ до настоящаго времени. Одна изъ осадъ, которую ему пришлось выдержать со стороны марокканцевъ, въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ слѣдующаго вѣка, продолжалась ровно двадцать-шесть лѣтъ ²⁾. Хотя «вольный портъ», Сеута теперь уже не торговый центръ, какимъ она была въ магометанскую эпоху; купцы изъ внутренняго Марокко обходятъ христіанскій городъ, защищенный тройной стѣной, уставленной пушками и рогатками. По важности торговли, контрастъ огромный между двумя Гибралтарами, мароккскимъ и испанскимъ, которые походятъ другъ на друга геологическимъ строеніемъ, полуостровной формой, позиціей въ видѣ часовыхъ у входа въ проливъ, и пушками, переглядывающимися черезъ море. Сеута, городъ молчаливый и безъ торговли, отличается по крайней мѣрѣ красотой вида, чистотой стѣнъ, бѣлизной домовъ, съ рѣзными балконами, декорированными цвѣтами. Надъ городомъ господствуетъ фортъ, доминируемый, въ свою очередь, вершинами внутреннихъ горъ, изъ которыхъ нѣкоторыя увѣнчаны укрѣпленіями, принадлежащими также Испаніи. До сихъ поръ англичане успѣли своей дипломатіей помѣшать испанцамъ преобразовать Сеуту въ сильную крѣпость, которая могла бы бравировать Гибралтаръ. На сѣверо-западѣ виднѣются «семь» скалистыхъ вершинъ, отъ которыхъ городъ и получилъ имя Сеута, если только это имя не происходитъ отъ семи выступовъ самаго полуострова, или отъ ограды, образуемой вокругъ Сеуты моремъ и ретраншементами перешейка ³⁾. Заколы и стѣны часто заграждаютъ якорную стоянку на югѣ города: тамъ среднимъ числомъ наливляютъ

¹⁾ Etie de la Primaudaie, „Revue Africaine“, 1872.

²⁾ R. Thomassy, „Relations de la France avec l'empire du Maroc“.

³⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Etie de la Primaudaie, „Revue Africaine“, 1872.

ежедневно по пяти тысячъ макрелей, и боль-
шая часть этой рыбы отправляется въ порты
Андалузіи. Тетуанъ снабжаетъ Сеуту плодами,
но, по существующимъ конвенціямъ, испан-
цамъ не дозволяется имѣть сухопутное сооб-
щеніе между этими двумя рынками.

На мароккскомъ берегу Геркулесова про-
лива, между Сеутой и Танжеромъ, нѣтъ болѣе
городовъ. Касръ-эсъ-Сериръ, или «Малый За-
мокъ», названный такъ по сравненію съ
Касръ-эль-Кебиръ, или «Большимъ замкомъ»
въ внутреннемъ Марокко, теперь не болѣе,
какъ груда развалинъ, которую пески оспари-
ваютъ у мелкой поросли. Въ средніе вѣка
это была верфь, откуда мусульмане Гарба вы-
пускали свои суда, торговые и военные. Въ
настоящее время Марокко уже не можетъ со-
держать собственного флота, и посредниками
въ его торговлѣ служатъ иностранные моряки.
Все торговое движеніе направилось къ полу-
европейскому городу, охраняющему западный
входъ Гибралтарскаго пролива. По своимъ при-
ливамъ Танжеръ находится уже на берегу
Атлантическаго океана: разность высоты воды
во время прилива и отлива превышаетъ тамъ
два съ половиной метра, тогда какъ въ Сеутѣ
эта разность составляетъ только одинъ метръ,
а въ Тетуанѣ 70 сантиметровъ⁴⁾.

Танжеръ или Тангеръ (Танджа на языкѣ
туземцевъ) есть древній городъ Тингисъ, назва-
ніе котораго значитъ «Лагуна», по объясне-
нію Тиссо. Онъ родился изъ земли, вмѣстѣ съ
Автеемъ: легенда относитъ его основаніе ко
временамъ, предшествовавшимъ исторіи. Подъ
владычествомъ римлянъ Тингисъ сдѣлался сто-
лицей Мавританіи Тингитанской, соответствующей
нынѣшнему сѣверному Марокко; но раз-
мѣры его въ ту эпоху, кажется, не были об-
ширны, чѣмъ въ наши дни: онъ занималъ то
же самое мѣсто и покрывалъ такое же про-
странство земли, какъ и нынѣ: «Старый Тан-
жеръ», развалины котораго видны еще на юго-
востокѣ, былъ арабскій городъ, существовав-
шій въ средніе вѣка. Положеніе Танжера на
берегу полукруглой бухты, представляющей,
у воротъ пролива, нѣкоторую защиту противъ
западныхъ вѣтровъ, должно было во всѣ вре-
мена обезпечивать этому пункту прибрежья
большую торговую важность. Венеціанцы до-
лго были тамъ допускаемы, какъ гости; порту-
гальцы хотѣли войти туда въ качествѣ завое-
вателей и были неоднократно отражаемы.
Наконецъ, въ 1471 г. имъ удалось овладѣть
Танжеромъ, и въ теченіе слишкомъ двухсотъ
лѣтъ этотъ городъ былъ потерянъ для Ма-
рокко; португальцевъ смѣнили испанцы, а ис-
панцевъ англичане. Англія не щадила ника-
кихъ издержекъ, чтобы укрѣпить и устроить

этотъ портъ Африки: для подобнаго завоева-
нія, «даже мѣдная стѣна не была бы слишкомъ
дорогимъ сооруженіемъ». Однако, нападенія
мавровъ, недостатокъ жизненныхъ припасовъ,
трудность продовольствованія въ концѣ кон-
цовъ утомили англичанъ; они эвакуировали
городъ въ 1684 г., и передъ уходомъ взорвали
молы и жете, чтобы завалить гавань; двадцать
лѣтъ спустя они овладѣли Гибралтаромъ, ко-
торый представляетъ такіе же военные выго-
ды, какъ и Танжеръ, и, сверхъ того, выгоду
островнаго положенія, но который не имѣетъ
продовольственнаго пояса. Покинутый какъ
стратегическій пунктъ, мароккскій городъ тѣмъ
болѣе сталъ привлекать негоціантовъ всѣхъ
націй; онъ сдѣлался центромъ быстрого торго-
ваго обмѣна между Марокко и портами Евро-
пы; чужеземные министры, аккредитованные
при султанѣ Магреба, имѣютъ здѣсь свою по-
стоянную резиденцію; здѣсь же проживаетъ и
сановникъ, исполняющій функции министра
иностранныхъ дѣлъ, чтобы удобнѣе было сно-
ситься съ Европой. Такимъ образомъ Танжеръ
является какъ-бы второй столицей государ-
ства, и, въ виду такого его значенія французы,
чтобы нанести ударъ имперіи въ одномъ изъ
ея жизненныхъ пунктовъ, бомбардировали
этотъ городъ въ 1844 году, а испанцы угро-
жали ему тѣмъ же въ 1860 г. Впрочемъ, Тан-
жеръ начинаетъ принимать европейскій видъ,
который ему придаютъ его новые дома евро-
пейской архитектуры, дебаркадеръ, фабрики
и заводы, собственные органы періодической
печати, дальнобойныя орудія береговыхъ ба-
тарей, сосѣдній маякъ и виллы, разсыпанные
на окрестныхъ холмахъ. Кавалькады молодыхъ
щеголей разѣзжаются взадъ и впередъ по до-
рогѣ, идущей вдоль берега, между Танжеромъ
и мысомъ Снартель.

По красотѣ своего вида Танжеръ пред-
ставляетъ нѣкоторое сходство съ Алжиромъ. Онъ
также расположенъ амфитеатромъ на холмѣ,
увѣнчанномъ зубчатыми стѣнами касбы; ми-
нареты, пальмы поднимаются тамъ и сямъ
надъ массой бѣлыхъ домовъ. На улицахъ по-
стоянное движеніе между гаванью и воротами
верхняго города, куда погонщики приводятъ
своихъ навьюченныхъ верблюдовъ, свои стада
барановъ и коровъ. Хотя портъ все еще ме-
локъ, на половину засыпанный обломками со-
оруженій, взорванныхъ англичанами, и хотя
большія суда принуждены оставаться въ от-
крытомъ морѣ, тѣмъ не менѣе Танжеръ ве-
детъ значительную торговлю, преимущественно
съ Гибралтаромъ, снабжая его гарнизоны
мясомъ, овощами и плодами.

Движеніе судоходства въ Танжерскомъ портѣ
въ 1895 г.: въ приходѣ—598 пароходовъ и
565.882 тонны и 146 парусныхъ судовъ и
5.674 тонны, всего 744 судна, общая вмѣстимость
571.556 тоннъ.

⁴⁾ Vincendon-Dumoulin et de Kerhallet, «Manuel de la Navigation».

Цѣнность оборотовъ вѣншей торговли въ 1895 г.:

Привозъ — 9.348.725 франк., вывозъ — 4.435.375 франк.

Евреи, черезъ руки которыхъ идетъ почти вся торговля, отправляютъ за границу также шерсть и кожи, какъ сырыя, такъ и выдѣланныя, а корабли Франціи и Англіи привозятъ въ обмѣнъ разный желѣзный товаръ, бумажныя ткани, чай, сахаръ, свѣчи. Къ нѣсколькимъ сотнямъ иностранцевъ, ежегодно пріѣзжающихъ въ этотъ мароккскій городъ по дѣламъ, слѣдуетъ прибавить посѣтителей, путешествующихъ ради собственнаго удовольствія, и лицъ, привлекаемыхъ сюда заботами о своемъ здоровьи: мало найдется городовъ, даже на побережьи Средиземнаго моря, которые бы представляли больше выгодъ, чѣмъ Танжеръ, по мягкости воздуха и вообще всей совокупности климатическихъ условий. Кромѣ того, Танжеръ имѣетъ за собой историческія воспоминанія и великолѣпные горизонты. Съ дачи и виллы, вѣнящихся подъ тѣнью Джебель-Кебира, видны вдаль, на берегахъ Испаніи, бѣлыя точки Тарифы и слышна пушка Гибралтара. Внизу сливаются два моря; часто короткія, разорванныя волны Средиземнаго моря сталкиваются и переплетаются съ длинными складками могучихъ атлантическихъ валовъ.

На океанскомъ прибрежьи Марокко путешественникъ, идущій по плоскому берегу речушкаго моря, переходя въ бродъ устья ручья и рѣчекъ, достигаетъ перваго мѣстечка въ 40 километрахъ къ югу отъ мыса Спартель: тутъ стоялъ нѣкогда римскій городъ Зилисъ, сдѣлавшійся впоследствии арабскимъ, подъ тѣмъ же, немного измѣненнымъ именемъ—Азила (Арзила, Арзеила); теперь это не болѣе, какъ кучка бѣдныхъ домишекъ, гдѣ еще видны, какъ и во всѣхъ городахъ мароккскаго берега, остатки португальскихъ построекъ. Въ 30 километрахъ далѣе на берегу появляется первый торговый, приморскій городъ, эль-Арайшъ или Ларашъ (т. е. «Бесѣдка изъ виноградныхъ лозъ»). Административный центръ провинціи Гарбъ, или «Западъ», эль-Арайшъ существовалъ уже въ началѣ девятаго столѣтія¹⁾, но долгое время оставался на степени простой деревни. При португальскомъ господствѣ, затѣмъ подъ властью Испаніи, онъ сдѣлался значительнымъ портомъ, самымъ дѣятельнымъ на этомъ берегу, и къ той эпохѣ относятся сохранившіяся донинѣ городскія стѣны, площадь, окруженная арками, и даже мечеть, бывшая церковъ, построенная въ іезуитскомъ стилѣ²⁾. Обратное завоеваніе этой крѣпости султаномъ Мулай-Измаиломъ, въ 1769 г.,

составляетъ одно изъ славныхъ событій мароккской исторіи: гарнизонъ, въ числѣ 3.200 человекъ, былъ частью истребленъ, частью обращенъ въ рабство, продолжавшееся около двухъ лѣтъ, и 180 пушекъ достались въ руки мусульманъ. Съ этого времени эль-Арайшъ, городъ махзенъ, всѣ жители котораго обязаны отправлять воинскую повинность на службѣ султана, успѣшно отражалъ всѣ морскія демонстраціи: французовъ въ 1785 г., австрійцевъ въ 1829 г., испанцевъ въ 1860 г. Остатки потопленныхъ канонерокъ гниютъ теперь въ водахъ рѣки.

Расположенный на южномъ берегу узда эль-Хусъ или Луккосъ, у самаго устья рѣки, городъ обращенъ къ морю западной стороною. Входъ въ гавань загражденъ баромъ, который могутъ переходить только небольшія суда, поднимающія отъ 150 до 200 тоннъ груза; несмотря на то, эль-Арайшъ довольно часто посѣщается, особенно марсельскими судами и португальскими рыболовными барками: главные предметы вывоза—шерсть, бобы и канареечникъ, злакъ, крахмалъ котораго употребляется для приданія лоска и твердости бумажнымъ тканямъ. Эти продукты провинціи Гарбъ оплачиваются преимущественно сахаромъ. Движеніе судоходства въ портѣ эль-Арайшъ въ 1890 г.: въ приходѣ—346 судовъ, общей вмѣстимости—56.869 тоннъ; цѣнность оборотовъ вѣншей торговли—около 6 милліоновъ фр. Сосѣднія воды, недавно изобиловшія рыбой, были почти совершенно выпутошены паровыми рыболовными судами, которыя ходили вереницей, таща за собой громадную сѣть, захватывавшую всѣ живыя существа въ промежуточномъ пространствѣ³⁾. Мѣстные рыбаки должны были искать себѣ другихъ промысловъ; теперь они эксплуатируютъ окрестныя саванны, культивируютъ апельсинныя рощи, собираютъ кору съ пробковаго дуба въ лѣсахъ, окаймляющихъ морской берегъ между городами эль-Арайшъ и Азила.

Ливійскій городъ, затѣмъ финикійскій и римскій, которому наследовалъ эль-Арайшъ, не совсѣмъ исчезъ. Въ 4 километрахъ къ востоку отъ нынѣшняго города, на горѣ, поросшей мелкимъ кустарникомъ и господствующей надъ двумя извилинами рѣки, видны еще остатки финикійскихъ стѣнъ, построенныхъ изъ огромныхъ камней, какъ стѣны Арада, и продолжаемыхъ римскими стѣнами, меньшихъ размѣровъ: это валы Ликса или Ликсуса, извѣстнаго нынѣ у арабовъ подъ именемъ Чеммишъ. У подошвы холма, въ аллювиальныхъ земляхъ бухты, замѣтны слѣды порта, гдѣ могли имѣть приставище нѣсколько кораблей. Но ни одинъ изъ болотистыхъ полуострововъ, образуемыхъ излучинами рѣки Луккосъ, очевидно, не могъ

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

²⁾ Teodoro de Cuevas, „Boletín de la Sociedad Geographica de Madrid“, 1894.

³⁾ T. de Cuevas, цитированное сочиненіе.

быть «Гесперидскими садами», о которых упоминают древние писатели. Тиссо ¹⁾ думает, что эти сады находились на островкѣ, теперь соединенномъ съ твердой землей, вследствие поворота русла рѣки: за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ форма устья, повидимому, совершенно измѣнилась. Менгиръ и другіе мегалиты, встрѣчающіеся на дорогѣ изъ Танжера въ Ксаръ-эль-Кебиръ ²⁾, восходятъ, можетъ-быть, къ еще болѣе отдаленной эпохѣ. Въ одномъ берберскомъ племени, въ окрестностяхъ города эль-Арайшъ, ежегодно бываетъ ярмарка невѣсть. Кандидатки на бракъ сидятъ въ рядѣ, съ открытыми лицами, одѣтыя въ свои лучшіе наряды. Приличія требуютъ, чтобы претенденты показывали видъ, будто они торгуютъ только костюмы продающихся особъ — молодыхъ дѣвушекъ или вдовъ: они шуютъ матерію, внимательно рассматриваютъ ея ткань, изучаютъ цвѣта, и если одежда имъ нравится, начинаютъ сговариваться на счетъ цѣны; но подразумевается, что продавщица сама принесетъ свое одѣяніе въ домъ покупателя, въ качествѣ законной супруги. Условленная цѣна за ея платье составляетъ сумму ея приданаго ³⁾.

Славный городъ Ксаръ-эль-Кебиръ, или «Большой Замокъ», произведенія котораго вывозятся черезъ эль-Арайшъ, лежитъ, какъ и этотъ послѣдній, на берегахъ Луккоса, въ болотистой, часто затопляемой мѣстности; онъ окруженъ виноградниками, оливковыми и апельсиновыми рощами; на соседнихъ высотахъ пасутся многочисленные стада барановъ и крупнаго рогатаго скота. Городъ, не имѣющій никакой ограда, несмотря на его названіе, построенъ изъ кирпича и покоится на фундаментахъ, сложенныхъ болѣею частью изъ античныхъ матеріаловъ; Тиссо нашелъ тамъ греческія надписи, единственные, какія были до сихъ поръ открыты въ Марокко. Дома въ Ксаръ-эль-Кебирѣ не бѣлые, какъ въ большинствѣ другихъ мароккскихъ городовъ, отчего этотъ городъ имѣетъ грязную, непривлекательную фیزیомію; но издали пальмы, поднимающія свои кроны надъ моремъ домовъ, стаи аистовъ, кружащихся около минаретовъ, придаютъ ему живописный видъ. Битва, извѣстная подъ именемъ Альказаръ-кебирской, которая положила конецъ владычеству португальцевъ въ Марокко, въ 1578 г., происходила, повидимому, не подлѣ городомъ, носящимъ это названіе: двѣ враждебныя арміи, какъ кажется, встрѣтились въ 10 километр. къ юго-востоку отъ эль-Арайша, на берегахъ узда эль-Махзенъ, притока р. Луккосъ ⁴⁾.

Къ югу отъ эль-Арайша и устья Луккоса, побережье Марокко, представляющее лишь незначительные изгибы, тянется на пространствѣ около 150 километр. безъ всякихъ перерывовъ, до того мѣста, гдѣ впадаетъ другая рѣка, уздъ Себу. Плоскій берегъ, напоминающій французскія ланды, окаймленъ дюнами, узкими песчаными плотинами, удерживающими лагуны. Только нѣсколько выступовъ прерываютъ монотонную линію берега: на одномъ изъ этихъ выступовъ стоитъ кубба Булай-Бу-Селама, или «Отца мира», одна изъ наиболѣе посѣщаемыхъ богомольцами святынь мароккского запада. На югѣ отъ этого мыса находится большая лагуна, сообщающаяся съ моремъ. Дюны покрыты лѣсами пробковаго дуба и мастикового дерева, образующими поясъ зелени вдоль морскаго берега, на югѣ и сѣверѣ отъ устья Себу ¹⁾.

Въ области верхняго Себу центральный рынокъ — городъ Таза, лежащій на высотѣ 830 метровъ, недалеко отъ порога, который раздѣляетъ горы Рифа и систему Атласа, приводя такимъ образомъ въ сообщеніе бассейны Себу и западный Марокко съ покатостью Моулуйи и Алжиріей. Изъ всѣхъ мароккскихъ городовъ Таза занимаетъ наиболѣе важную стратегическую позицію: современемъ она, безъ сомнѣнія, сдѣлается одной изъ главныхъ станцій магистральнаго желѣзнаго пути Магреба между Тунисомъ и Фецомъ. Этотъ городъ, обладающій которымъ имѣетъ такую огромную цѣну, принадлежитъ официально султану, который держитъ тамъ небольшой гарнизонъ; но султанскіе солдаты, запертые въ двойной оградѣ Тазы, оказываются въ дѣйствительности арестантами: племя ріата, занимающее горы на сѣверной и южной сторонахъ города, является истиннымъ хозяиномъ всей этой мѣстности. Никто не смѣетъ выходить за городскую стѣну иначе, какъ въ сопровожденіи горца этого племени; всякій, кто, не имѣя охраннаго листа, отважился бы отойти отъ городского вала на разстояніе брошеннаго камня, рисковалъ бы быть ограбленнымъ, избитымъ, можетъ-быть, убитымъ. Жителямъ запрещено даже ходить съ кувшинами за водой къ ручью, протекающему у самыхъ стѣнъ: тѣ же горцы ріата присвоили себѣ монополію снабженія города водой и всѣми съѣстными припасами. Такимъ образомъ городское населеніе находится совершенно во власти этого горскаго племени, которое держитъ его въ осадѣ. Когда Фуко проѣзжалъ черезъ этотъ городъ, въ 1883 г., все населеніе, измученное гнетомъ, подлѣ которымъ оно томится, и не надѣясь болѣе на помощь отъ султана, высказывало путешественнику, что оно ждетъ не дождется того «радостнаго дня, когда придутъ французы». Однако, городъ ве-

¹⁾ «Géographie comparée de la Mauretanie Tingitane».

²⁾ Tissot, цитированное сочиненіе; — Décugis, «Bulletin de la Société de Géographie», août — septembre 1878.

³⁾ Drummond Hay, «Western Barbary».

⁴⁾ Renou, «Description géographique de l'empire de Maroc».

¹⁾ G. Rohlf, «Reise durch Marokko».

считавшагося въ средніе вѣка портомъ Феца на Средиземномъ морѣ ¹⁾. Его смѣнило теперь мѣстечко того же имени; недавно тамъ хотѣли было основать горный заводъ, но попытка эта не удалась. Это мѣсто было бы самымъ удобнымъ пунктомъ высадки для того, чтобы попасть съ берега Рифа въ долину Себу, но, къ сожалѣнію, не существуетъ никакихъ проѣзжихъ дорогъ черезъ тамошнія горы, населенныя независимыми берберскими племенами. Въ одной долинѣ этихъ горъ находится городъ Шешауэнъ, окруженный виноградниками, и въ сосѣдствѣ его первоначальный монастырь духовнаго ордена Деркауа.

Главный городъ средиземнаго побережья въ Мароккской имперіи—Тетуанъ, называемый маврами Титауаномъ, и берберами Теттауэнномъ, что значитъ «Мѣсто источниковъ»; въ самомъ дѣлѣ, воды, бѣгущія съ крутыхъ горъ, развертывающихся на западъ свой обширный амфитеатръ, текутъ обильными ручьями въ его садахъ подлѣ густой листвою апельсиновыхъ деревьевъ. Внизу террасы (около 60 метр. высотой), на которой расположенъ Тетуанъ, протекаетъ извилистая рѣчка, направляющаяся на сѣверо-востокъ и впадающая въ море въ 6 километр. отъ города; баръ, черезъ который могутъ проходить только барки, защищенъ укрѣпленной таможней. Городъ, доминируемый цитаделью, окруженъ высокой оградой, съ башнями по бокамъ, и заключаетъ внутри второй кругъ стѣнъ, меллахъ, гдѣ живутъ евреи. Эти послѣдніе составляютъ около четверти городского населенія и владѣютъ почти всѣми его богатствами. Ихъ кварталъ, гдѣ они пользуются нѣкоторой автономіей, отличается отъ другихъ частей города относительной чистотой, дома ихъ болѣе комфортабельны, костюмы богаче: по праздникамъ тамошнія еврейки, славящіяся красотой, щеголяютъ въ шелкахъ и золотѣ. Вообще Тетуанъ—одинъ изъ центровъ израильскаго міра. Евреи владѣютъ тамъ всѣми лавками на базарѣ и служатъ посредниками въ торговлѣ этого города съ сосѣдними странами черезъ Сеуту, Танжеръ и Гибралтаръ; они вывозятъ апельсины и родъ водки, *магайя*, приготавливаемой изъ винограда. Промышленность Тетуана, ограничивающаяся производствомъ глиняныхъ издѣлій и другими, обычными въ мусульманскихъ городахъ, ремеслами, сосредоточена преимущественно въ рукахъ алжирцевъ, покинувшихъ отечество, чтобы не оставаться подъ властью французовъ. Превратности войны часто заставляли Тетуанъ мѣнять своихъ владельцев. Населенный въ большей части мудежарами, т. е. маврами, изгнанными изъ Гранады и Кастиліи, онъ долженъ былъ часто вести борьбу со своими сѣверными побѣдителями. Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія Тетуанъ былъ

преданъ разграбленію кастильцами; сто лѣтъ спустя его пираты завладѣли моремъ и захватывали плѣнниковъ тысячами на берегахъ Андалузіи, продолжая мирно торговать съ англичанами, голландцами и венеціанцами ¹⁾. Въ 1564 г., король испанскій Филиппъ II велѣлъ разрушить тетуанскій портъ; наконецъ, въ 1859 г. испанцы снова овладѣли Тетуаномъ и одержали надъ мароккскимъ войскомъ рѣшительную побѣду, близъ этого города, на скалахъ горъ, черезъ которыя проходитъ дорога въ Танжеръ. Послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ, Тетуанъ былъ возвращенъ мароккскому султану. Обороты внѣшней торговли Тетуана въ 1893 г. простирались до 1.528.740 франк.

Сеута принадлежитъ сѣвернымъ сосѣдямъ Мавританіи уже около пяти столѣтій. Въ 1415 г. португальцы заняли этотъ городъ, въ самый день высадки на берегъ; затѣмъ, въ 1570 г., онъ перешелъ во власть Испаніи, которая владѣетъ имъ до настоящаго времени. Одна изъ осадъ, которую ему пришлось выдержать со стороны марокканцевъ, въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ слѣдующаго вѣка, продолжалась ровно двадцать-шесть лѣтъ ²⁾. Хотя «вольный портъ», Сеута теперь уже не торговый центръ, какимъ она была въ магометанскую эпоху; купцы изъ внутренняго Марокко обѣгаютъ христіанскій городъ, защищенный тройной стѣной, уставленной пушками и рогатками. По важности торговли, контрастъ огромный между двумя Гибралтарами, мароккскимъ и испанскимъ, которые походятъ другъ на друга геологическимъ строеніемъ, полуостровной формой, позиціей въ видѣ часовыхъ у входа въ проливъ, и пушками, переглядывающимися черезъ море. Сеута, городъ молчаливый и безъ торговли, отличается по крайней мѣрѣ красотой вида, чистотой стѣнъ, близкой домовъ, съ рѣзными балконами, декорированными цвѣтами. Надъ городомъ господствуетъ фортъ, доминируемый, въ свою очередь, вершинами внутреннихъ горъ, изъ которыхъ нѣкоторыя увѣнчаны укрѣпленіями, принадлежащими также Испаніи. До сихъ поръ англичане успѣли своей дипломатіей помѣшать испанцамъ преобразовать Сеуту въ сильную крѣпость, которая могла бы бравировать Гибралтаръ. На сѣверо-западѣ видныются «семь» скалистыхъ вершинъ, отъ которыхъ городъ и получилъ имя Сеута, если только это имя не происходитъ отъ семи выступовъ самаго полуострова, или отъ ограды, образуемой вокругъ Сеуты моремъ и ретраншементами перешейка ³⁾. Заколы и стѣны часто заграждаютъ якорную стоянку на югѣ города: тамъ среднимъ числомъ наваливаются

¹⁾ Elie de la Primaudaie, „Revue Africaine“, 1872.

²⁾ R. Thomassy, „Relations de la France avec l'empire du Maroc“.

³⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Elie de la Primaudaie, „Revue Africaine“, 1872.

находится въ состояніи упадка, хотя онъ получилъ многочисленный контингентъ иммигрантовъ, именно «андалузскихъ мавровъ», изгнанныхъ изъ Испаніи: эти переселенцы нѣкогда были настолько могущественны, что составляли вліятельную партію, господствовавшую въ цѣлой половинѣ города. Какъ торговый центръ, Фецъ все еще имѣетъ первостепенную важность, на-ряду съ Танжеромъ, Марокко, Рбатомъ и Тлемсеномъ. Его промышленность, раздѣленная между нѣсколькими корпораціями, свито соблюдающими традиціи ремесла и ревниво охраняющими свои привилегіи, отличается нѣкоторой оригинальностью въ ткацкихъ и вышивальныхъ работахъ, въ выдѣлкѣ кожъ, въ гончарномъ производствѣ, въ приготовленіи эмалированныхъ сосудовъ, оружія съ золотой или серебряной настьчкой. Со всѣхъ концовъ Марокко сюда приходятъ покупать нарядную одежду, желтую для магометанъ, черную для евреевъ, красную для женщинъ. Недавно возникла новая отрасль промышленности, которую какъ-то странно встрѣтить въ «святомъ» градѣ: это приготовленіе водки изъ плодовъ, финиковъ, винныхъ ягодъ, лѣсныхъ яблокъ. На сѣверѣ отъ Феса, по другую сторону долины Себу, разрабатываютъ обширныя соляныя копи; въ краѣ добывается также желѣзная руда для фабрикаціи земледѣльческихъ орудій. Окружающая мѣстность, откуда вытекаютъ сѣрные ключи, вдвойнѣ священна — по цѣлебной силѣ своихъ минеральныхъ водъ, и по куббамъ, стоящимъ на холмахъ.

Къ югу отъ Феса притоки верхняго Себу орошаютъ сады городковъ и деревень, снабжающихъ столицу овощами, фруктами и другими продуктами. Изъ всѣхъ этихъ городовъ, самый живописный и цвѣтушій — Сефру, лежащій на границѣ земли Аитъ-Юсси, перваго берберскаго племени, которое, съ этой стороны, принадлежитъ къ народцамъ Шеллаха. Съ высоты холмовъ сады Сефру представляются въ видѣ безконечнаго лѣса, и городъ совершенно исчезаетъ подъ тѣнью деревьевъ. Между многими городами сѣвернаго Марокко, утопающими въ зелени богатыхъ плодовыхъ садовъ, нѣтъ ни одного, который могъ бы сравниться съ предѣстнымъ Сефру, благоухающимъ запахомъ фруктовъ. Въ то время, какъ даже въ столицѣ повсюду видишь только слѣды упадка, Сефру пріятно поражаетъ своимъ цвѣтушимъ состояніемъ; онъ вывозитъ въ Фецъ огромныя количества плодовъ: маслинъ, лимоновъ, вишенъ, винограда, и производитъ очень хорошія вина, продаваемые по самой дешевой цѣнѣ; горы Сефру доставляютъ столицѣ отличный строевой лѣсъ — смолистыя бревна беллуты, душистаго хвойнаго дерева, похожаго на ливанецъ¹⁾.

¹⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

Мекнесъ или Микнаса, по-испански Мекинець, описывается путешественниками какъ «мароккскій Версаль». Оттого и дорога, соединяющая его съ Фецомъ, содержится лучше, чѣмъ всѣ другіе пути сообщенія въ имперіи; на этой дорогѣ повсюду устроены мосты черезъ глубокіе овраги, вырытые притоками Себу въ конгломератовомъ плато, кое-гдѣ прикрытомъ плитами известняка. Пространство безъ деревьевъ, раздѣляющее два города, имѣло бы почти на всемъ своемъ протяженіи видъ пустыни, если бы не встрѣчались черезъ нѣвысые промежутки эти тѣнистыя и цвѣтушія долины, гдѣ воды льются каскадами¹⁾. Мекнесъ, лежащій километрахъ въ шестидесяти къ западу отъ Феса, находится также въ бассейнѣ Себу чрезъ притоки уада Рдемъ, впадающаго въ главную рѣку въ нижней части ея теченія. Онъ занимаетъ очень значительное пространство, ограниченное каменной оградой, лучше сохранившейся, чѣмъ ограда Феса, и, подобно другимъ городамъ Марокко, заключаетъ въ себѣ укрѣпленную касбу и еврейскій меллахъ (кварталь), окруженный стѣнами. Укрѣпленія и валы Мекнеса возведены руками христіанскихъ плѣнниковъ; рассказываютъ, что когда кто-нибудь изъ этихъ несчастныхъ падалъ въ изнеможеніи отъ непосильной работы, его сейчасъ же доканчивали и замуровывали его трупъ въ каменной кладкѣ²⁾. Улицы широкія и во многихъ мѣстахъ раздѣлены садами, «лучшими въ свѣтѣ»³⁾, которые снабжаютъ Фецъ плодами и овощами, какъ сады Сефру. Зданія этого мароккскаго Версаля имѣютъ больше архитектурнаго блеска, въ сравненіи съ зданіями столицы и резиденціи. Главный порталъ императорскаго замка съ его мраморными колоннами, подковообразными сводами, надписями изъ орнаментальныхъ буквъ, отличается очень красивымъ стилемъ, но уже значительно попорченъ, и нижняя его часть аляповато размазана. Мраморныя колонны, привезенныя нѣкогда изъ Генуи или Ливорно, валяются на землѣ, покрытая пылью; мечеть Мулай-Измаила, «Свят-Дени» мароккскихъ императоровъ, представляетъ изъ себя полуразвалину. Обширный паркъ, имѣющій, говорятъ, около 2 километровъ въ окружности, заключаетъ въ себѣ изящныя дворцы и кіоски, конскій заводъ, гдѣ держатъ слишкомъ тысячу отборныхъ кобылицъ; подъ дворцомъ простирается цѣлый городъ подземныхъ галлерей, которые недавно служили силосами для храненія зерна. Въ 1878 г., когда въ Марокко свирѣцествовалъ страшный голодъ, отъ котораго жители валились сотнями тысячъ, султанъ, побѣжденный

¹⁾ O. Lenz, цитированное сочиненіе.

²⁾ F. Warren, "Fortnightly Review", apr. 1884; Drummond Hay, etc.

³⁾ De Amicis, "Marocco".

альбами народа, долженъ былъ открыть свои
сѣбные магазины, но наибольшая часть гро-
дныхъ запасовъ оказалась испорченной.
ародная молва гласитъ, что въ Мекнесскомъ
орцѣ находится также сокровищница импе-
торовъ, тайное подземелье, охраняемое «тре-

движенія. На сѣверѣ, между долиной р. Рдемъ
и долиной р. Себу, высятся горы Заргунъ,
на одной изъ террасъ которыхъ стоитъ го-
родъ того же имени, бывший нѣкогда однимъ
изъ фокусовъ умственной культуры въ Бер-
беріи; склоны усеяны многочисленными се-

Улица въ Фецѣ.

стами негровъ невольниковъ, которымъ не
ждено никогда снова увидѣть дневной
вѣтъ».

Мекнесъ окруженъ масличными рощами, и
сосѣднихъ холмахъ видѣются безчислен-
не хуторки, бѣлыя точки, разсыпанныя въ зе-
ни; эта мѣстность есть земледѣльческій
итръ государства, и степень ея благосостоя-
на обуславливаетъ годовые обороты торговаго

леніями, какъ говорятъ, очень богатыми, и въ
которыхъ иные дома, будто бы, такъ же пышны,
какъ лучшіе дома столицы. Населеніе Заргу-
на, арабскаго происхожденія, очень фанатично
и часто посѣщается эмиссарами ордена сену-
сія. Впрочемъ, Мекнесъ и вся окрестная мѣ-
стность пугаютъ иностранцевъ, ренегатовъ и
евреевъ, по причинѣ религіозной ревности та-
мошнихъ жителей. Орденъ аиссауа или «іезуи-
*

товъ»—таково значеніе этого имени—возникъ въ Мекнесѣ; члены его ежегодно посѣщаютъ массами зауйю, которою они владѣютъ въ этомъ городѣ, и обязаны совершать туда торжественный пелеринажъ каждыя семь лѣтъ; тогда меллахъ запирается, и ни одинъ еврей не смѣетъ выходить за черту своего квартала; лиссау дѣлаются полными хозяевами города въ теченіе двѣнадцати дней, и въ это время никто другой не можетъ показаться на улицахъ, рядомъ съ ними. Оттого большинство жителей Мекнеса вступили, по крайней мѣрѣ для формы, въ число хуановъ¹⁾.

Кубба Мулай-Эдрисъ, на сѣверѣ отъ Мекнеса, есть самое священное, наиболѣе чтимое мѣсто во всей Мароккской имперіи: до сихъ поръ ни одинъ иностранный путешественникъ, ни даже Рольфсъ, который, однако, исповѣдывалъ магометанскую вѣру, не отважился побывать въ святомъ мѣстечкѣ, которое занимаетъ одно дикое ущелье Заргуна, подлѣ святой зауйи. Въ большіе праздники вѣрующіе, мужчины и женщины, въ припадкѣ религіознаго экстаза, вооружаются ножами и топорами и дѣлаютъ себѣ порѣзы на тѣлѣ и на лицѣ; иные бросаются на встрѣтившихся животныхъ, собакъ, козъ, барановъ, и разрываютъ ихъ зубами; случалось, говорятъ, что и люди были также пожираемы живьемъ. Но если европейскіе или еврейскіе посѣтители не осмѣливаются проникать въ мѣстечко Мулай-Эдрисъ, то они давно уже побывали на развалинахъ Касръ-Фараунъ («Замокъ Фараона»), стоящихъ на возвышенности, въ 2 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Мулай-Эдрисъ: уже въ 1721 году Виндусъ видѣлъ эти остатки старины и срисовалъ ихъ. Имя Уалили, носимое соседнимъ мѣстечкомъ, и древнія надписи, найденныя въ этомъ мѣстѣ, доказываютъ, что замокъ Фараона есть не что иное, какъ Volubilis римлянъ. Эти руины, служившія каменоломней строителямъ Мекнеца, сохранили только два памятника своей былой славы—триумфальную арку и порталъ базилики. По словамъ Джексона мраморы изъ этого города были частію увезены въ прошломъ столѣтіи, въ которые даже въ оазисъ Тафилельтъ, черезъ Атласъ. Другая римская станція, Токолозида, находилась въ соседствѣ Волюбилиса.

Уэццанъ, святой городъ, лежащій на сѣверномъ скатѣ долины Себу, почти на полдорогѣ между рѣкой и Касръ-эль-Кебиромъ, не закрытъ европейцамъ, какъ Мулай-Эдрисъ. Онъ занимаетъ прекрасное мѣстоположеніе въ плодородной котловинѣ, у подошвы одного изъ отроговъ цѣпи Зарзаръ, двуглавой горы Бу-Хеллиль, задерживающей удупленные вѣтры юга и сгущающей въ дождь водяные пары,

приносимые морскимъ воздухомъ; скаты горы поросли оливковымъ деревомъ, а въ верхней части—пробковымъ дубомъ. Основанный въ концѣ девятаго вѣка прямымъ потомкомъ пророка Магомета, Мулай-Тайэбомъ, Уэццанъ населенъ исключительно шорфами, которые пользуются большимъ уваженіемъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ, но которые въ самомъ городѣ не болѣе, какъ покорные слуги «Господина», шерифа по преимуществу, превосходящаго святостью самого султана. Происхожденіе сдѣлало этого шерифа почти обожаемымъ; богатства возвели его почти на степень Бога; на всемъ пространствѣ Марокко и почти въ каждомъ селеніи мкаддемы ордена тайбія собираютъ для него налоги натурой и деньгами. Съ своей стороны, онъ щедро раздаетъ собранныя подаянія; часто сотни, иногда тысячи пилигримовъ, пришедшихъ поцѣловать полу его хайка, продовольствуются на его счетъ; житницы его всегда открыты. Императоръ признается истиннымъ государемъ только по полученіи имъ изъясненія преданности отъ уэццанскаго святого. Уголовные преступники могутъ избѣгнуть преслѣдованія, укрываясь подъ защиту шерифа: весь городъ есть *даръ-демана*, т. е. «мѣсто убѣжища», и солдаты не смѣютъ схватить человѣка, поставившаго себя подъ охрану могилы основателя Уэццана, хотя бы даже этотъ человѣкъ былъ преслѣдуемъ личнымъ гнѣвомъ султана; однако, зауйя становится тюрьмой для бѣглецовъ: удаляющійся изъ нея находится внѣ закона. Мечеть пригробницъ потомка пророка заключаетъ въ себѣ, между прочими богатствами, большое собраніе (около тысячи) арабскихъ рукописей²⁾. Недавнія событія нѣсколько уменьшили духовный авторитетъ уэццанскаго шерифа: ему ставятъ въ вину его стражу изъ испанскихъ ренегатовъ, его дружбу съ европейцами, его бракъ съ христіанкой, его дворецъ въ итальянскомъ стилѣ, его костюмъ, похожій на одежду ненавистныхъ «руми». Въ 1876 г. онъ просилъ, но безуспѣшно, о дарованіи ему званія французскаго гражданина³⁾.

Бассейнъ Себу, самый многолюдный и богатый въ Марокко, не имѣетъ при своемъ выходѣ къ морю значительнаго торговаго города, который служилъ бы вывознымъ пунктомъ для его произведеній: стражемъ устья является простая деревня, Мехдія, древняя Мамора, построенная на холмѣ высотой около 150 метр., надъ лѣвымъ берегомъ рѣки; кое-какіе остатки укрѣпленій напоминаютъ о попыткахъ португальцевъ и испанцевъ, направленныхъ къ завоеванію Марокко. Левъ Африканецъ присутствовалъ при кровавомъ зрѣлищѣ, когда магометанская армія, въ 1515 году, напала

¹⁾ H. von Maltzan, „Drei Jahre Reisen in Nordwesten von Afrika“.

²⁾ G. Rohlfs, „Revue Africaine“ № 39, mai 1883.

³⁾ L. Rinn, „Marabouts et Khouan“.

врасплохъ на шести или семи-тысячный португальскій гарнизонъ и перебила большую его часть. Сто лѣтъ спустя, испанцы были счастливы, но въ 1681 г. и они, въ свою очередь, должны были очистить фортъ при устьѣ. Съ той эпохи не существуетъ никакого укрѣпленія, защищающаго входъ въ рѣку, который, впрочемъ, почти совершенно загражденъ песчанымъ баромъ. Вся торговля страны сосредоточилась въ двухъ городахъ-близнецахъ, построенныхъ километрахъ въ тридцати къ юго-западу отъ Себу, при устьѣ Бу-Реграга. Большой Маморскій лѣсъ, состоящій почти сплошь изъ пробковаго дуба, раздѣляетъ эти двѣ рѣки; въ прогалинахъ его встрѣчаются тамъ и сямъ становища туземцевъ племени шеллаха. По словамъ Друммонда Гэ¹⁾, въ этомъ лѣсу еще недавно водились многочисленныя стада дикихъ быковъ, такъ что въ то время проходить черезъ лѣсъ было далеко не безопасно.

Эти два противоположащихся города—Сла (Сала, Сале) и Рбатъ, первый на правомъ, второй на лѣвомъ берегу Бу-Реграга. Сла, въ которомъ улицы, площади и стѣны ограды сохранили кое-какіе слѣды португальской архитектуры, не имѣетъ за собой древности происхожденія, хотя и носятъ имя финикійскаго города Сала (т. е. «Скала»), который стоялъ на противоположномъ берегу и былъ смѣненъ римской колоніей Хелла. Далеко уступающій, по степени важности, своему южному сосѣду, Сла представляетъ собою міръ прошлаго, въ сравненіи съ Рбатомъ, который имѣетъ уже почти европейскую фizioномію. Мѣстное населеніе происходитъ по большей части отъ андалузскихъ мавровъ, изгнанныхъ изъ Испаніи, и сохранило еще традиціонную ненависть къ христіанамъ; впрочемъ, моряки этого города, составлявшіе нѣкогда маленькую воинственную республику, были тѣ грозные пираты, которые бравировали всю Европу; многія драгоценныя вещи, встрѣчающіяся въ Сла, между прочимъ, китайскіе фарфоры, попали сюда въ числѣ добычи, привезенной нѣкогда лихими корсарами²⁾. До недавняго времени ни одному путешественнику не-магометану не позволили бы переночевать на правомъ берегу Бу-Реграга, да и днемъ христіане и евреи благоразумно воздерживались отъ посѣщенія фанатическаго города; впрочемъ, въ 1880 г. присутствіе тамъ Ленца было терпимо. Безъ маклеровъ и купцовъ еврейскихъ, Сла лишился всякой торговли, на половину опустѣлъ, и теперь пустыри, покрытые развалинами, занимаютъ добрую половину города: три четверти населенія сгруппировалось въ Рбатѣ, городѣ торговли и промышленности; тамъ же поселилась вся еврейская колонія, тамъ же живутъ

и европейскіе иммигранты, въ домахъ, фасады которыхъ походятъ на фасады зданій въ приморскихъ городахъ Европы. Одинъ прекрасный памятникъ зодчества господствуетъ надъ другими зданіями Рбата: это башня минарета, напоминающая формой, высотой и орнаментацией стиль севильской Хиральды; арабы говорятъ, что эти двѣ башни и Кутубія въ Марокко были построены въ одну и ту же эпоху и даже подъ руководствомъ одного и того же архитектора христіанскими невольниками¹⁾. Промышленность Рбата довольно дѣятельна: въ домахъ женщины, наслѣдницы древнихъ красильщиковъ пурпуромъ, прославившихъ имя Хеллы, занимаются тканьемъ шерстяныхъ ковровъ, очень прочныхъ, но цвѣта которыхъ, худо фиксируемые нынѣшними способами, легко линяютъ. Рбатъ вывозитъ также въ остальныя мѣстности Марокко камышевыя циновки разнообразныхъ узоровъ, хаики, башмаки. Но торговля съ Европой, стѣсняемая опасностью плаванія черезъ мелководный баръ, на которомъ постоянно бурлятъ разбивающіяся волны Атлантики, незначительна, въ сравненіи съ важностью этого двойнаго города и бассейновъ, у выхода которыхъ онъ расположенъ. Заграничная торговля Сла-Рбата въ 1883 году, по Вашингтону Серрувсу, выразилась слѣдующими цифрами: движеніе судоходства—69 судовъ, съ общей вмѣстимостью—21.584 тонны; цѣнность торговаго обмѣна: 2.220.450 фр. Часто суда подолгу стоятъ въ рейдѣ, не будучи въ состояніи высадить своихъ пассажировъ и выгрузить товары, или проходятъ мимо, чтобы бросить якорь передъ Казабланкой. Важное значеніе Сла-Рбата между городами Марокко всего болѣе обуславливается его положеніемъ на перешейкѣ, черезъ который поддерживается сообщеніе между различными частями имперіи, разрѣзанной на двѣ половины обширной территоріей, гдѣ кочуютъ независимыя племена. Часто городъ находился какъ бы въ осадѣ, отрѣзанный этими берберами отъ остальной страны: они-то, по всей вѣроятности, разрушили водопроводъ, питавшій прежде Рбатъ, теперь вода, часто очень рѣдкая, доставляется арабами, которые развозятъ ее въ кожаныхъ мѣшкахъ изъ улицы въ улицу. Касба солидно укрѣплена какъ съ сухаго пути противъ кочевниковъ, такъ и со стороны моря противъ европейскихъ флотовъ: слишкомъ сто шестьдесятъ орудій защищаютъ крѣпость и городъ²⁾. Въ этой цитадели хранится, какъ реликвія, «Святой ключъ отъ Кордовы», и во время послѣдней войны съ Испаніей онъ былъ выставленъ публично въ теченіе нѣсколькихъ дней. Мароканцы надѣялись снова отпереть ворота потеряннаго города.

¹⁾ «Western Barbary, Savage Beasts und wild Tribes».

²⁾ Paléologue, «Revue des Deux Mondes», 15 avril 1885.

¹⁾ O. Lenz, цитированное сочиненіе.

²⁾ Erckman, «Le Maroc moderne».

Недавно нація бенни-гессемъ (бени-гассантъ), ближайшая къ Сла-Рбату, должна была признать державную власть султана и допустить раздѣленіе своей территоріи на шестнадцать участковъ, начальники которыхъ отвѣтствуютъ за сохраненіе порядка въ кланахъ; но живущіе восточнѣе земмуры и зайаны совершенно независимы, и если когда присоединяются къ султану, то не какъ его подданные, а въ качествѣ союзниковъ. Эти двѣ берберскія націи занимаютъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими менѣе важными племенами, все пространство, простирающееся отъ прибрежья до Атласа и отъ Мекнеса до долины рѣки Умъ-эръ-Рбіа. Эта область, протяженіемъ не менѣе 40.000 кв. километр., доступна мароканцамъ изъ территоріи бледъ-эль-махзенъ не иначе, какъ съ охраннымъ листомъ. Земмуры и зайаны имѣютъ много сходства между собой. Тѣ и другіе отличаются большой простотой костюма, который часто состоитъ изъ одного бурнуса, накинутого на голое тѣло, и, подобно евреямъ, носятъ коротко остриженные волосы, съ однимъ или двумя пейсами. Земмуры, обитающіе на землѣ баснословно плодородной, занимаются немного земледѣліемъ; зайаны, самая сильная нація на всемъ приморскомъ скатѣ Атласа, могущая, говорятъ, выставить въ поле до 18.000 наѣзниковъ, живутъ почти исключительно скотоводствомъ: ни одно племя не сравнится съ ними по богатству въ стадахъ барановъ, козъ, верблюдовъ, коровъ, изъ которыхъ послѣднія замѣчательны высотой роста. Агенты изъ Меккинеца постоянно развѣзжаютъ по зайанской территоріи для закупки кожъ и живаго скота; Танжеръ тоже продовольствуется частію мясомъ, которое даютъ гурты, пригоняемые изъ этой мѣстности. Рассказываютъ про одно племя этихъ берберовъ, живущее въ сосѣдствѣ Рбата, что оно отличается удивительной ловкостью по части кражи: искусство воровать составляетъ одинъ изъ обязательныхъ предметовъ при обученіи дѣтей. Молодые люди не допускаются въ число взрослыхъ, пока не докажутъ на дѣлѣ достаточнаго усвоенія этой науки. Высланные изъ родительскаго шатра, они могутъ вернуться туда не иначе, какъ гоня передъ собой какую-нибудь скотину; кто дастъ себя поймать на кражѣ, на того ложится пятно вѣчнаго позора ¹⁾.

Между устьями рѣкъ Себу и Умъ-эръ-Рбіа, нѣсколько группъ домовъ слѣдуютъ одна за другой вдоль морскаго берега. Самое большое изъ этихъ поселеній получило довольно важное значеніе съ половины текущаго столѣтія: это мѣстечко Даръ-эль-Беида, или «Бѣлый Домъ», болѣе извѣстное подъ испанской формой его имени — Казабланка; оно основано португаль-

цами въ шестнадцатомъ столѣтіи, на мѣстѣ средневѣковаго города Анфа. Своимъ цвѣтущимъ состояніемъ Даръ-эль-Беида обязанъ своему рейду, хотя мало защищенному отъ вѣтровъ и волненій, но довольно глубокому, чтобы принимать большіе корабли: всѣ суда, которыя не могутъ пройти черезъ баръ въ устьяхъ рѣкъ, идутъ выгружаться въ Казабланку. Движеніе судоходства и торговли въ этомъ портѣ въ 1883 г., по свѣдѣніямъ, собраннымъ Вашингтонъ Серруисомъ, представляло слѣдующія цифры: судовъ въ приходѣ и расходѣ 125, вмѣстимость 68.159 тоннъ; сумма оборотовъ: 6.682.450 франк. Даже Рбатъ отправляетъ черезъ эту пристань свои шерстяныя издѣлія, ковры и произведенія окружающихъ мѣстностей; кукуруза, шерсть, турецкіе бобы составляютъ главные предметы вывоза; Казабланка посылаетъ также черезъ Гибралтаръ тысячи бабуть въ Александрію ¹⁾. Этотъ городъ морскаго побережья, гдѣ существуетъ маленькая европейская колонія, состоящая преимущественно изъ французовъ, принялъ уже фizioномію европейскаго приморскаго мѣстечка, но воздухъ въ немъ очень нездоровый, и нѣтъ города, который имѣлъ бы такой печальный видъ, какъ Казабланка, по причинѣ совершеннаго отсутствія растительности: ни одного большаго дерева не видно на обрывахъ и плато изъ краснаго песчаника, возвышающихся съ той и другой стороны надъ плоскимъ берегомъ; только кое-гдѣ показываются кучки смоковницъ и мастиковыхъ деревьевъ; попытки насажденія апельсиновыхъ и декоративныхъ деревьевъ не удалась ²⁾.

Весь верхній бассейнъ рѣки Умъ-эръ-Рбіа, на сѣверныхъ скатахъ Большаго Атласа, отправляетъ свои земледѣльческія произведенія — плоды, хлѣбъ, кожи, черезъ портъ Казабланки. Хотя легко доступная войскамъ, расположеннымъ въ городѣ Марокко, эта область, однако, занята почти исключительно независимыми берберскими племенами: племя бени-мескинъ, къ сѣверу отъ рѣки, единственное, которое принадлежитъ къ покорнымъ (бледъ-эль-махзенъ). Иногда султанъ, въ сопровожденіи значительной арміи, предпринимаетъ экспедиціи въ этотъ край, но жители, слишкомъ разбросанные, чтобы воспротивиться массой проходу войскъ, разбѣгаются направо и налево въ горы, затѣмъ возвращаются, когда потокъ людей отхлынетъ. Завоевательныя стремленія султана становятся понятными, когда увидишь эти великолѣпныя равнины, по которымъ протекаетъ рѣка Умъ-эръ-Рбіа, эти тѣнистыя долины, откуда вытекаютъ многочисленные ручьи, изъ которыхъ она образуется, эти горныя склоны, покрытые маслинами и орѣшниками, лѣса

¹⁾ Beaumier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“.

¹⁾ A. Leard, „Marocco and the Moors“.

²⁾ Ball and Hooker, „Journal of a Tour in Marocco“.

которых постепенно поднимаются къ гребнямъ Атласа. Многія сотни тысячъ людей, земледѣльцевъ и пастуховъ, населяютъ эту плодосную страну; табуны лошадей, верблюдовъ, стада барановъ привольно разгуливаютъ по обширнымъ пастбищамъ; на выступахъ горъ видѣются многочисленныя зданія въ формѣ замковъ, *тиррематинъ*, служащіе магазинами для храненія хлѣба и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Городовъ въ собственномъ смыслѣ почти совсѣмъ нѣтъ въ этой области, но деревни образовались тамъ и сямъ, либо вокругъ

приходятъ, кланъ за кланомъ, получить благословеніе сѣда и преподнести ему свои дары. Святой и его ближніе, почти всѣ смѣшанной крови, живутъ налогами, которые охотно вносятъ вѣрующіе: въ этой области нельзя путешествовать иначе, какъ подъ покровительствомъ Бенъ-Дауда, «сыны Давидова», влстителя Бу-эль-Джада. Въ концѣ восьмага столѣтія, по свидѣтельству Эль-Эдризи, вся эта страна, гдѣ нынѣ господствуетъ самый пылкій фанатизмъ, была населена христіанами и евреями ¹⁾, и тамъ видны еще развалины церк-

Мулла Тайебъ, уецданскій шерифъ.

монастырей (зауія), либо у подножія крѣпкихъ замковъ, защищающихъ входъ въ ущелья или переправу черезъ рѣки, либо, наконецъ, въ равнинахъ, служащихъ сборнымъ мѣстомъ для рынковъ. Почти всѣ эти селенія окружены лѣсами фруктовыхъ деревьевъ.

Между этими мѣстечками самое знаменитое, хотя число его жителей не достигаетъ даже двухъ тысячъ, есть Бу-эль-Джадъ, гдѣ царствуетъ самодержавно *сидъ*, или духовный «господинъ», власть котораго признается всѣми окрестными племенами слишкомъ на два дня ходьбы вокругъ, націей тадла на югъ и на востокъ, націей антъ-сери на западъ, націей шауя на сѣверо-западъ: каждый годъ эти народцы

ви, носящей латинскую надпись ²⁾: Земля Тадла, простирающаяся на юго-востокъ, занята девятью кочевыми племенами, силой около двадцати тысячъ наѣзтниковъ, имѣетъ нѣчто въ родѣ общей столицы: это касба Этъ-Тадла, построенная на р. Умъ-аръ-Рбіа, которая въ этомъ мѣстѣ извивается въ обширной равнинѣ; у подножія крѣпости, одной изъ сильнѣйшихъ въ Марокко, черезъ рѣку, имѣющую около 40 метровъ въ ширину, перекинутъ мостъ о двухъ аркахъ, «величайшій въ свѣтѣ», говорятъ мѣстные жители. Въ окрестностяхъ, на

¹⁾ Н. Barth, „Küsten des Mittelmeers“.

²⁾ Arth. Leared, „Marocco and the Moors“.

территории Бени-Мусса, находятся ломки каменной соли, которая далеко развозится племенами Тадлы. На юго-востокъ, въ землѣ Бени-Меллалъ, другая крѣпость, касба Бени-Мелласъ или Бель-Кушъ, служитъ ядромъ болѣе значительному городу, окруженному великолѣпными садами, которые оканчиваются у подошвы стѣны изъ скалъ, откуда льются обильные источники чистой воды. Демната, на одномъ изъ южныхъ притоковъ Умъ-эръ-Рбіа, — тоже хорошенькій городокъ, утопающій въ зелени садовъ и виноградниковъ; недавно онъ пользовался большимъ благосостояніемъ, какъ торговый пунктъ, но онъ находится всего въ какой-нибудь сотнѣ километровъ отъ Марракеша, и это близкое сосѣдство было ему фатально. Султанъ имѣлъ возможность установить тамъ свою власть и взимать налоги: чтобы избѣжать высокихъ пошлинъ, которыми теперь обложены всѣ товары, вступающіе въ городъ, караваны направляются къ другимъ рынкамъ. Третъ населенія Демнаты состоитъ изъ евреевъ, которые живутъ въ перемежку съ мусульманами: до послѣдняго времени это былъ одинъ изъ тѣхъ уголковъ Марокко (другой городъ Сефру), гдѣ имъ всего лучше жилось¹⁾; но недавно они подверглись насилиямъ, которыя подали поводъ къ вмѣшательству европейской дипломатіи.

Собравъ въ своемъ руслѣ всѣ воды, спускающіяся съ Атласа, Умъ-эръ-Рбіа течетъ къ сѣверо-западу, между территоріей берберскихъ племенъ шауѣа на сѣверѣ и землей племенъ дуккала, въ большей части арабскихъ, на югѣ. Старинный городъ «Маслинь», Аземмуръ или Азамуръ, охраняющій рѣчное устье на лѣвомъ берегу, часто обозначается какъ развалина, потому что европейцы рѣдко его посѣщаютъ. Изъ всѣхъ городовъ поморья Аземмуръ наиболѣе сохранилъ чисто-мароккскій видъ: его торговля рыбой и промышленность приводятъ его въ сношенія только съ внутренними городами²⁾; никогда христіанинъ не получалъ разрѣшенія переночевать тамъ. Ни одинъ корабль не пытается переходить черезъ опасный баръ, запирающій, противъ Аземмура, входъ въ рѣку. Единственная якорная стоянка, представляющаяся судамъ въ сосѣдствѣ устья р. Умъ-эръ-Рбіа, находится въ семи километрахъ къ юго-западу: это портъ Мазаганъ, называемый туземцами Эль-Джедидъ или Эль-Бриджа, т. е. «Новый» или «Крѣпостца». Этотъ городъ, хотя онъ меньше Аземмура, имѣетъ болѣе важное значеніе для европейцевъ и особенно для жителей Канарскихъ острововъ, которыхъ онъ снабжаетъ хлѣбомъ, фасолью и другими произведеніями полей племени дуккала, слабо орошаемыхъ и, однако, отличающихся необы-

чайнымъ плодородіемъ. Движеніе судоходства и торговли въ Мазаганскомъ портѣ въ 1883 г., по свѣдѣніямъ Вашингтона Серруиса: 116 судовъ, вмѣстим. 56.236 тоннъ; цѣнность обмѣна: 4.557.200 франкъ. Теперь почти всѣ націи Запада имѣютъ въ этомъ портѣ консуловъ и купцовъ. Руины памятниковъ, воздвигнутыхъ португальцами на Аземмурскомъ утесѣ, имѣютъ еще величественный видъ. Мореходы изъ Лиссабона въ пятнадцатомъ вѣкѣ сняли въ аренду рыбную ловлю въ рѣкѣ Умъ-эръ-Рбіа; они владѣли Аземмуромъ слишкомъ два съ половиной столѣтія, до 1770 г., и вся территорія была имъ подвластна до самыхъ воротъ Марракеша³⁾. Даже, если вѣрить туземцамъ, «Португальскіе» замки стояли на первыхъ предгорьяхъ Атласа⁴⁾. Къ юго-востоку отъ Мазагана, между этимъ городомъ и мысомъ Кантинъ, двѣ бреши берега открываютъ входъ въ лагуну Уалидія, бывший портъ Эль-Гантъ. По мнѣнію Тиссо, легко было бы реставрировать эту гавань и сдѣлать его лучшей якорной стоянкой на томъ берегу. Мысъ Кантинъ, въ древности называвшійся мысомъ Солнца, есть, какъ и во времена Скилакса, одно изъ самыхъ святыхъ мѣстъ Африки: цѣлое населеніе мусульманскихъ теологовъ живетъ тамъ въ многочисленныхъ заупейхъ⁵⁾.

На югѣ отъ мыса Солнца или Кантинъ, другой городъ, Асфи, называемый иностранцами Саффи, ведетъ непосредственно торговлю съ Европой: это ближайшій къ городу Марокко портъ; однако, онъ менѣе посѣщается судами, чѣмъ Могадоръ, по причинѣ буруновъ, которые тамъ еще болѣе опасны, нежели въ остальныхъ пунктахъ побережья: большинство кораблей проходятъ мимо, не пытаясь вступать въ сообщеніе съ берегомъ посредствомъ барки черезъ рядъ параллельныхъ волнъ, разбивающихся при входѣ въ портъ. Изъ Асфи вывозятъ хлѣбъ въ зернѣ и лошадей, приводимыхъ дуккаласами и другими туземцами изъ сосѣднихъ мѣстностей. Движеніе судоходства и торговли въ портѣ Асфи въ 1883 г., по Вашингтону Серруису: 60 судовъ, вмѣстим. 34.095 тоннъ; цѣнность оборотовъ: 2.181.275 франка. Благодаря своимъ португальскимъ стѣнамъ, своему горделивому замку, башни котораго высоко поднимаются надъ массой домовъ, группирующихся на скатахъ горы, Асфи — самый живописный изъ всѣхъ городовъ поморья⁶⁾; сады его отличаются баснословнымъ плодородіемъ. «Домъ Семи Братьевъ», за городомъ, замѣчательнъ какъ святое мѣсто, одинаково чтимое маврами и евреями, куда стекается масса больныхъ всякой религіи. Не менѣе славится другая святая, также привлекающая

¹⁾ De-Foucauld, цитированное сочиненіе.

²⁾ G. Rehlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

³⁾ E. Peilissier, „Mémoires historiques sur l'Algérie“.

⁴⁾ Ball and Hooker, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Ch. Tissot, цитиров. сочиненіе.

⁶⁾ H. von Mailzan, цитированное сочиненіе.

пилигримовъ—Лалла Гобуша, или «Маслина Божіей Матери», дерево съ исполинскимъ стволомъ и громадными вѣтвями, не имѣющее себѣ равнаго во всемъ Марокко.

Вторая столица имперіи, Марокко, или вѣрнѣе Марракешъ, по-берберски Темракешъ, есть единственный городъ въ долинѣ узда Тенсифтъ, впадающаго въ Атлантическій океанъ между Асфи и Могадоромъ; но это значительный городъ, и снаружи онъ представляетъ величественный видъ: пилигримы называютъ его «Дамаскомъ Запада». Когда подъѣзжаешь съ сѣвера или сѣверо-востока, берегомъ рѣки Тенсифтъ, протекающей въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города, дорога лежитъ черезъ обширный лѣсъ, состоящій изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ пальмъ, къ которымъ примѣшиваются тамъ и сямъ маслины и другія плодовые деревья. Когда, напротивъ, приближаешься къ Марокко по могодорской дорогѣ, встрѣчаются лишь изрѣдка массивы зелени, прерывающіе тамъ и сямъ разнообразіе голой каменистой равнины, но зато городъ является тѣмъ болѣе величественнымъ, съ его стѣнами и башнями, высокимъ минаретомъ главной мечети и длинной зубчатой цѣпью Атласа, которая ограничиваетъ горизонтъ. Синяя у основанія, лазурная, съ бѣлыми полосами,—около вершинъ. Расположенный на высотѣ 500 метровъ, верстахъ въ пятидесяти отъ предгорій Атласа, Марракешъ получаетъ воду въ изобиліи; безчисленные ручьи протекаютъ черезъ сады, въ каждомъ домѣ есть свой источникъ живой воды. Климатъ, почти всегда ровный и умѣренный, содѣйствуетъ горь, одинъ изъ самыхъ пріятныхъ въ свѣтѣ: онъ, такъ сказать, отражается въ растительности, гдѣ деревья умѣреннаго пояса перемѣшаны съ деревьями тропическихъ странъ.

Марракешъ-эль-Гамра, или «Красный», основанъ во второй половинѣ одиннадцатаго вѣка, въ сорока километрахъ къ сѣверу отъ существовавшаго въ то время города Ахматъ или Арматъ, жители котораго переселились въ новый городъ. Эта столица быстро росла: уже въ слѣдующемъ столѣтіи она была одной изъ «царицъ» Магриба. Нынѣ развѣчанная, она уступаетъ численностью населенія, развитіемъ промышленности и торговли Фецу, своему сѣверному сопернику. Однако, она все еще считается императорской резиденціей, и султанъ каждый годъ пріѣзжаетъ туда на нѣкоторое время; приближеніе его возвышается присылкой человѣческихъ головъ, предназначенныхъ украшать фасадъ дворца, въ видѣ предостереженія злоумышленникамъ, которые вздумали бы затѣять бунтъ¹⁾. Впрочемъ, ему не разъ приходилось являться въ Марракешъ въ каче-

ствѣ разгнѣваннаго повелителя. Въ шестидесятихъ годахъ, рахменна, одно изъ могущественныхъ берберскихъ племенъ, возмутилось и захватило всю мѣстность вокругъ городскихъ стѣнъ: надо было вытѣснить его съ помощью пушекъ, преслѣдовать въ горы и взять приступомъ одну изъ его крѣпостей, зайю Бенъ-Саси²⁾, лежащую къ востоку отъ города, на другой сторонѣ узда Тенсифтъ. Берберское населеніе изъ окрестностей довольно сильно представлено внутри городскихъ стѣнъ, и въ базарные дни, четвергъ и пятницу, гораздо больше слышится нарѣчіе тамазигтъ, чѣмъ арабскій языкъ. Негры тоже многочисленны въ Марракешѣ, сравнительно съ общимъ числомъ жителей гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ въ сѣверной столицѣ. Евреи, защищаемые теперь всемірнымъ израильскимъ союзомъ (Alliance israélite), заперты, какъ почти во всѣхъ другихъ городахъ Марокко, въ стѣнахъ отдѣльнаго квартала (меллаха), общей тюрьмы, изъ которой они могутъ выходить не иначе, какъ босоногіе, съ опущенными глазами.

Столь грандіозный снаружи, Марракешъ представляетъ внутри видъ города въ упадкѣ. Его ограда, имѣющая около двѣнадцати километровъ въ окружности, не считая стѣны императорскаго парка, на южной сторонѣ города, прерывается широкими брешами; улицы, сходящіяся къ семи городскимъ воротамъ, во многихъ мѣстахъ обставлены больше развалинами, чѣмъ домами; обширные пустыри, покрытые горами обломковъ, сады въ культурѣ или залежи, занимаютъ больше половины пространства, обнимаемаго городскими стѣнами. Улицы, довольно широкія въ сосѣдствѣ воротъ, постепенно суживаются къ центру города, образуя лабиринтъ тѣсныхъ проходовъ, заваленныхъ всякимъ соромъ: выдѣлыватели пороха, собирающіе селитру на сырыхъ стѣнахъ, обязаны также мести улицы; но они обыкновенно забываютъ исполнять эту часть своего контракта. Большинство домовъ крайне невзрачны, а памятники всѣ въ развалинахъ; единственное красивое зданіе—это мечеть Кутубія или вѣрнѣе Куцубія, т. е. «Каллиграфовъ», названная такъ отъ писцовъ, которые держатъ свои лавочки рядомъ съ святымъ мѣстомъ³⁾. Высокая башня этой мечети, современница башни Гассана въ Рбатѣ и Хиральды въ Севильѣ, повидимому, построена тѣмъ же зодчимъ: это самая высокая, самая красивая изъ этихъ трехъ замѣчательнѣйшихъ башенъ мавританскаго стиля; на ея зубчатой платформѣ кіоскъ, украшенный рѣзбой, вздымаетъ свой куполь, увѣнчанный тремя позолоченными шарами, на высоту слишкомъ 82 ме-

¹⁾ Arthur Leared, «Marocco and the Moors».

²⁾ Oscar Lenz, «Timbuctu».

³⁾ G. Rohfs, «Mein erster Aufenthalt in Marokko».

⁴⁾ H. von Maltzan, «Drei Jahre im Nordwesten von Afrika».

тровъ ¹⁾. Двое городскихъ воротъ Марракеша, тѣ, которыя отрываются на дворецъ, и другія, ведущія въ мечеть, были, говорятъ, перевезены по частямъ изъ Испаніи.

Промышленность города сильно сократилась: цѣлыя улицы, вѣкогда населенныя кожевниками, теперь опустѣли; пользовавшіеся такой славой сафьяны (по-французски «марокины», *maroquins*—отъ Марокко), которые приготовляли мавры, изгнанные изъ Кордовы, не выдѣлываются болѣе въ Марракешѣ; лучшія кожи выдѣлываются теперь въ Фецѣ, хотя южная столица все еще имѣетъ важное значеніе для торговли кожаными товаромъ съ южной покатостью Атласа. Марракешскіе ковры отличаются тщательной работой, но цѣнятся гораздо ниже, чѣмъ рбатскіе. Главный промыселъ жителей—садоводство: одинъ изъ садовъ, заключенныхъ въ оградѣ императорскаго парка, приноситъ, говорятъ, плодовъ ежегодно на полмилліона франка. Поясъ садовъ, служащихъ для питанія города, тянется на десятки верстъ со стороны горъ. Деревни садоводовъ разсыпаны въ большомъ числѣ вокругъ городскихъ валовъ. Одна изъ этихъ отдѣльныхъ группъ жилищъ, на сѣверо-западѣ отъ города, населена исключительно прокаженными, которые составляютъ самоуправляющуюся общину, маленькую республику, имѣющую свой рынокъ, свою тюрьму, свой еврейскій кварталъ и мечеть въ честь своего святаго патрона. На югѣ у выхода одной изъ очаровательныхъ долинъ, поднимающихся къ Большому Атласу, видны кое-какіе слѣды города Агмата, бывшаго столицей царства ламтуновъ, болѣе извѣстныхъ подъ именемъ мработинъ: это были альморавиды, или «марабуты». Въ сосѣдствѣ сохранились развалины другаго города того же имени ²⁾. Къ востоку отъ Марракеша одна высокая долина занята могущественнымъ союзомъ племенъ тиффа, зенагскаго корня ³⁾.

Главный портъ Марракеша—нынѣ третій по важности во всемъ Магрибѣ эль-Акса, слѣдуя непосредственно за Танжеромъ и Казабланкой. Это городъ Суэйра, или «Прекрасный», болѣе извѣстный европейцамъ подъ именемъ Могадора, происходящимъ отъ куббы въ честь святаго Могдала или Могдула, которая находится въ 2 километр. къ югу отъ города. Торговая гавань издавна существовала въ этомъ мѣстѣ, какъ показываетъ одна испанская карта 1608 г.; но нынѣшній городъ основанъ немногимъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, съ 1760 по 1773 годъ, и говорятъ ⁴⁾, что невольники, употребляемые на работы при постройкѣ

его, были въ большей части французскіе плѣнники, захваченные во время несчастной эль-арайшской экспедиціи 1765 г. Построенный по правильному плану, Могадоръ имѣетъ самый монотонный видъ: всѣ дома представляютъ собою совершенно правильные кубы, окрашенные въ сѣрый цвѣтъ. По крайней мѣрѣ улицы содержатся въ чистотѣ; въ этомъ отношеніи мароккскій городъ превосходить многіе города Европы ¹⁾. Могадоръ построенъ на оконечности песчавой стрѣлки или косы, вытянувшейся къ югу и отдѣленной каналомъ отъ укрѣпленнаго островка, который защищаетъ якорную стоянку, впрочемъ, неглубокую и угрожаемую зыбью океана; часто случалось, что корабли должны были поспѣшно уходить въ открытое море. Пушки, заклепанныя во время бомбардированія, въ 1844 г., когда Марокко было въ войнѣ съ Франціей, еще не поправлены до сихъ поръ, и бомбы, пущенныя французской эскадрой, лежатъ неподобравныя у подножія крѣпостныхъ стѣнъ ²⁾. Важность торговли Могадора зависитъ отъ того, что этотъ городъ служитъ морской пристанью не только для Марракеша, но и для всѣхъ южныхъ областей Атласа: произведенія долинъ уада Сусъ и уада Драа до недавняго времени были, по приказанію султана, направляемы къ Могадору; отправлять ихъ прямо по назначенію не дозволялось. Зерновые хлѣба, оливковое масло, фрукты, кожи, смолы (камедь), шерсть, альфа—вотъ главные продукты, вывозимые въ Европу. Движеніе судоходства и торговли въ могадорскомъ портѣ въ 1893 г.: судовъ въ приходѣ 103, вмѣст. 83.387 тон.; цѣнность оборотовъ внѣшней торговли—11.046.250 франка. Могадоръ посѣщается только пароходами; единственные парусныя суда, пристающія въ его гавани—барки съ Канарскихъ острововъ. Асви и Могадоръ подверглись въ формѣ своего побережья перемѣнамъ, происходящимъ либо вслѣдствіе процесса размыванія, либо вслѣдствіе медленнаго опусканія почвы. Въ половинѣ настоящаго столѣтія можно было еще ходить по берегу вдоль крѣпостныхъ стѣнъ, защищающихъ Асфи съ западной стороны; теперь море совершенно омываетъ ихъ. Прежде скотъ легко переходилъ, въ часъ отлива, съ Могадорскаго полуострова на сосѣдній островъ; въ наши дни этотъ островъ отдѣленъ отъ материка судоходнымъ каналомъ ³⁾.

Главные племена, арабскаго происхожденія, или по крайней мѣрѣ обарабившіеся ⁴⁾, которыя населяютъ внутреннія области въ сосѣдствѣ Могадора, принадлежатъ къ могущественному союзу шиадма. Этотъ союзъ пропускаетъ караваны и признаетъ верховную власть

¹⁾ Ball and Hooker, цитированное сочиненіе.

²⁾ Renou, «Description géographique de l'empire de Maroc».

³⁾ Camille Sabatier, «Bulletin de la Société de Géographie d'Oran», 16.

⁴⁾ Delaporte;—Renou, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Ball and Hooker, цитированное сочиненіе.

²⁾ Erckmann, «Le Maroc moderne».

³⁾ Tissot;—Maw;—Beaumier.

⁴⁾ G. Rohlf, «Mein erster Aufenthalt in Marokko».

султана, отказываясь, однако, платить налогъ; тели живутъ группами изъ четырехъ или пяти семей, въ крѣпкихъ каменныхъ замкахъ, построенныхъ въ формѣ четырехугольника и фланкированныхъ на двухъ углахъ высокими баш-

Городъ Тетуанъ.

ль-Галида до предгорій Атласа. Къ югу отъ Могадора, по направленію къ мысу, которымъ оканчивается главная атлантическая цѣпь, не видно болѣе городовъ; не встрѣчаются даже деревни или отдѣльные поселки. Всѣ обита-

ными; край террасъ усаженъ зубцами, и все зданіе окружено рвомъ. Проникнуть въ эту крѣпость можно только черезъ одно отверстіе, къ которому ведетъ подъемный мостъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается скоть; верхній, куда

поднимаются по приставной лестницѣ, убираемой въ случаѣ опасности, раздѣленъ на нѣсколько комнатъ, по числу семействъ¹⁾. Осѣдлые земледѣльцы, берберы гага, населяющие эту страну, не нашли иного средства жить въ безопасности среди своихъ культуръ; обыкновенно арабы-номады, приходящіе изъ Сахары, мирно дефилируютъ передъ ихъ жилищами. Но случается также, что сами гага нападаютъ на караваны, поэтому купцы не отваживаются ходить въ ихъ землю иначе, какъ значительной партіей и хорошо вооруженные. Испанскій писатель Альваресъ Пересъ опредѣляетъ въ 280.000 душъ численность различныхъ *идановъ*, или племенъ, составляющихъ союзъ Гага.

Долина уада Сусъ, отличающаяся необычайнымъ плодородіемъ, благодаря водѣ и илу, приносимому ручьями съ двухъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, Атласа и Анти-Атласа, изобилуетъ большими селеніями, окруженными пальмами, маслинами, арганами (железякѣ). Нигдѣ въ этой долині не бродятъ номады: плодородіе почвы вездѣ побуждаетъ жителей къ земледѣльческой культурѣ. Въ прежнее время бассейна уада Сусъ, такъ хорошо отграниченный самой природой, составлялъ независимое государство: въ средніе вѣка его промышленность пользовалась большой извѣстностью, обитатели его славились умомъ, знаніемъ, духомъ инициативы; теперь они извѣстны въ мусульманскомъ мірѣ только по множеству плясуновъ, очарователей змѣй, фокусниковъ, которыхъ эта долина посылаетъ во все концы Магриба: нѣтъ такого арабскаго рынка, гдѣ бы не встрѣчались эти кудесники съ береговъ уада Сусъ; нѣкоторые изъ нихъ пробираются даже въ Европу. Они составляютъ родъ корпораціи, поставленной подъ покровительство святаго Мохамеда-бенъ-Муса, и почти всегда, прежде чѣмъ начать свои упражненія, они призываютъ въ молитвѣ имя своего патрона²⁾. Изъ этой же долины, по нѣкоторымъ мусульманскимъ пророчествамъ, долженъ выйти махди, который обновитъ міръ и «наполнитъ землю правдой, насколько она теперь наполнена беззаконіемъ»³⁾.

Официально Уадъ-Сусъ принадлежитъ къ Мароккской имперіи, и делегаты султана принимаются тамъ съ почетомъ; однако, большинство племенъ еще сохранили свою независимость, и внимательство сюзерена, поселяющего и поддерживающего между ними рознь, для того, чтобы современемъ достигнуть господства надъ ними, только усиливаетъ ихъ внутренніе раздоры и подстрекаетъ ихъ къ междоусобицамъ. Довольно смѣшаннаго

происхожденія, жители долины Уадъ-Сусъ въ огромномъ большинствѣ берберы; впрочемъ, одинъ изъ многочислѣннѣйшихъ союзовъ причисляетъ себя къ арабамъ: это союзъ ауара, состоящій изъ семи племенъ и поселившійся на южномъ склонѣ Атласа, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Бибауанскимъ горнымъ проходомъ. Подобно племенамъ гага, населяющимъ противоположный скатъ, туземцы ауара живутъ въ крѣпкихъ замкахъ, построенныхъ на уединенныхъ холмахъ или выступахъ горъ, откуда можно обозрѣвать обширное пространство и видѣть всехъ проходящихъ—какъ опасныхъ враговъ, такъ и мирные караваны, маяющіе къ нападенію. Союзъ шуга, занимающій всю территорию между Атлантическимъ океаномъ и Тарудантомъ, главнымъ городомъ долины, состоитъ исключительно изъ берберскихъ племенъ.

Тарудантъ построенъ въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ рѣки, въ обширной равнинѣ, которая нечувствительно поднимается къ подгорьямъ, занятымъ племенами ауира, и къ южнымъ откосамъ Атласа. По занимаемому пространству, это—обширный городъ; Рольфсъ говоритъ, что онъ больше Феца и не уступаетъ протяженіемъ Марракешу; но неправильная городская ограда, фланкированная башнями изъ битой глины, которыя слѣдуютъ одна за другой черезъ промежутки отъ 60 до 100 метр., заключаетъ внутри стѣнъ гораздо больше саводовъ и масличныхъ рощъ, чѣмъ группъ жилищъ; только въ центральной части растительность уступаетъ мѣсто настоящему городу, съ узкими улицами, извивающимися между двумя рядами низенькихъ домовъ. Въ одномъ концѣ этого центрального квартала находится касба солидной конструкціи, окруженная высокими стѣнами. Тарудантъ, подобно всемъ мароккскимъ городамъ, имѣетъ мастерскія для выдѣлки кожъ, а также ткацкія фабрики и красильни; но специальная его промышленность—котельное производство: аванпостъ Магриба на окраинѣ пустыни, Тарудантъ снабжаетъ кухонными батареями рынки Кука, Капо, Томбукту въ Суданѣ⁴⁾. Эта промышленность была обязана своимъ происхожденіемъ мѣднымъ рудникамъ, разрабатываемыхъ на сѣверѣ отъ Таруданта, въ сланцахъ и песчаникахъ предгорій Атласа; но въ наши дни почти вся мѣдь не въ дѣлѣ привозится уже изъ Англіи⁵⁾; содержація мѣдныхъ породы едва утилизируются, а жаль другихъ металловъ, кажется, не эксплуатировались ни въ какую эпоху. Что касается плантацій сахарнаго тростника, которыя во времена Льва Африканца составляли источникъ благосостоянія Таруданта, то онѣ давно уже не существуютъ; на сахарныхъ заводахъ работаютъ

¹⁾ José Alvarez Perez. "Boletín de la Sociedad Geográfica de Madrid," sem. 1877.

²⁾ Drummond Hay, "Western Barbary";—Oscar Lenz, "Timbuktu".

³⁾ L. Rinn, "Marabouts et Khouan".

⁴⁾ G. Rohlf's цитированное сочиненіе.

⁵⁾ O. Lenz, цитированное сочиненіе.

христианские невольники, и даже переселенцы изъ Европы приходили предлагать свои руки тарудантскимъ плантаторамъ. Теперь христианамъ запрещенъ входъ въ этотъ городъ; впрочемъ, грамота феэскаго султана отворила его ворота путешественнику Ленцу. Недавно одинъ англичанинъ тщетно добивался концессии земель въ долинь Сусъ для разведенія плантаций сахарнаго тростника ¹⁾.

Естественнымъ портомъ долины узда Сусъ былъ бы Агадиръ, лежащій въ небольшомъ разстоянн къ сѣверу отъ рѣчнаго устья. Это лучшая гавань на всемъ этомъ морскомъ побережьи. На сѣверо-западѣ, мысъ Геръ, или Джебель-Аить-Уакаль, крайній выступъ атлантической цѣпи, защищаетъ заливъ отъ восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ; другой мысъ, выдвинутая конечность боковой цѣпи, ограничиваетъ бухту въ самой глубокой части залива и защищаетъ ее отъ большой зыби океана: это портъ Агадиръ. Обильный ключъ, получившій отъ португальцевъ имя Fonte, какъ «источникъ» по преимуществу, и который туземцы до сихъ поръ называютъ Фонти, бьетъ изъ земли у основанія скалы, питаа группу приютившихся около него хижинъ. Крѣпость, стоящая на высотѣ 188 метровъ и командующая входомъ въ портъ, доставила этому мѣсту имя Агадиръ, т. е. «Укрѣпленіе», имя, которое нѣкогда принадлежало также Тлемсену. Полное названіе этого мароккескаго порта—Адиръ-не-Ириръ, т. е. «Укрѣпленіе на мысѣ» ²⁾. Съ начала шестнадцатаго столѣтія Агадиръ, подъ властью португальцевъ, перекрестившихъ его въ Санта-Круцъ, сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ. Завоеванный обратно мароккескимъ султаномъ, онъ продолжалъ пользоваться цвѣтущимъ состояніемъ, какъ отпускной портъ для произведений, привозимыхъ караванами изъ странъ, лежащихъ въ бассейнѣ Нигера: это были въ то время «Ворота Судана». Но эти ворота находились далеко отъ центра Мароккеской имперіи, и тамошнее купечество претендовало на независимость. Вслѣдствіе этого, султанъ Мохамедъ разрушилъ Агадиръ, чтобы замѣнить его Могадоромъ, портомъ болѣе досягаемымъ для его оружія, такъ какъ онъ лежитъ къ сѣверу отъ конечныхъ мысовъ Атласа. Въ настоящее время судамъ запрещено бросать якорь въ Агадирскомъ портѣ, и товары, прибывающіе изъ Судана, направились, по очисткѣ ихъ таможенной пошлиной, къ горнымъ проходамъ Атласа. Какъ наблюдательный постъ, Агадиръ до недавняго времени указывалъ на южномъ побережьи истинную административную границу имперіи,

но основаніе въ сосѣдствѣ его испанской колоніи побудило мароккескаго султана утвердить прочнѣе свою власть въ этой части южной окраины, и внутри материка, километрахъ въ двадцати отъ берега, появился новый городъ, Тизнитъ. Деревня Аглу (Агула), лежащая километрахъ въ тридцати къ югу отъ устья узда Эль-Гасъ, будетъ служить гаванью этому городу. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ власть Альмогадовъ простиралась далѣе на югъ, и говорятъ, что султанъ Абдъ эль-Муменъ велѣлъ смѣрять цѣпью разстояніе, раздѣляющее двѣ конечности его имперіи, отъ Барки до узда Нунъ ¹⁾.

Въ небольшомъ разстоянн къ югу отъ узда Сусъ оканчиваются шерифскія владѣнія. Хотя на протяженіи около 400 километровъ, до мыса Юби и до «Красной Канавы», Сакіетъ-эль-Хамра, территория еще обозначается на картахъ, какъ принадлежащая феэскому султану, но его представители могутъ переходить за Уедъ-Сусъ уже только въ качествѣ посланниковъ. Необитаемая полоса земли образуетъ даже родъ маршіи или пограничной области на югѣ страны, гдѣ признается верховная власть Марокко: это высокая долина узда Эль-Гасъ (Рацъ, Уэльгасъ), которая, однако, есть одна изъ наиболѣе обильно орошаемыхъ и плодороднѣйшихъ мѣстностей во всемъ Магрибѣ; тамъ могли бы жить многочисленные населенія, если бы война и дипломатія не создали пробѣла на этой границѣ имперіи.

Мелкія государства, съ измѣнчивыми предѣлами, образовавшіяся на югѣ отъ узда Эль-Гасъ, всѣ населены берберами и неграми, которые служатъ посредниками въ торговлѣ между Марокко и Суданомъ. Хотя эти племена живутъ на сѣверѣ Сахары, но черезъ торговлю они уже участвуютъ въ жизни суданцевъ. Большинство называютъ себя гецулами или джелулами: это имя, очевидно, аналогично съ именемъ гештуловъ, живущихъ въ Кабилии, и полагаютъ, что тѣхъ и другихъ можно признать потомками гетуловъ Нумидіи, о которыхъ упоминаютъ древніе писатели ²⁾.

Изъ всѣхъ этихъ прибрежныхъ государствъ сахарскаго океана наиболѣе извѣстное, если не самое значительное по пространству—то, которому обыкновенно даютъ названіе «королевства Сиди-Гешамъ», по имени шейха, недавно царствовавшего надъ этой землей, и фамилія котораго до сихъ поръ сохраняетъ за собой власть: въ силу своихъ генеалогическихъ правъ, она претендуетъ даже на обладаніе Мароккеской имперіей. Настоящее имя страны—Таццерультъ; такъ же называется и

¹⁾ Joaquim Gatell, «Viajes por Marruecos, el Sus, Tad-Nun y Tekna».

²⁾ Renou, «Description géographique de l'empire de Maroc».

¹⁾ De Castries, «Bulletin de la Société de Géographie», 1880.

²⁾ Renou, цитирован. сочиненіе; — Camille Sabatier, «Bulletin de la Société d'Anthropologie», 1881.

поднимаются по приставной лестницѣ, убираемой въ случаѣ опасности, раздѣленъ на нѣсколько комнатъ, по числу семействъ ¹⁾. Осѣдлые земледѣльцы, берберы гага, населяющие эту страну, не нашли иного средства жить въ безопасности среди своихъ культуръ; обыкновенно арабы-номады, приходящіе изъ Сахары, мирно дефилируютъ передъ ихъ жилищами. Но случается также, что сами гага нападаютъ на караваны, поэтому купцы не отваживаются ходить въ ихъ землю иначе, какъ значительной партией и хорошо вооруженные. Испанскій писатель Альваресъ Пересъ опредѣляетъ въ 280.000 душъ численность различныхъ *идановъ*, или племенъ, составляющихъ союзъ Гага.

Долина уада Сусъ, отличающаяся необычайнымъ плодородіемъ, благодаря водѣ и илу, приносимому ручьями съ двухъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, Атласа и Анти-Атласа, изобилуетъ большими селеніями, окруженными пальмами, маслинами, арганами (железнякъ). Нигдѣ въ этой долині не бродятъ номады: плодородіе почвы вездѣ побуждаетъ жителей къ земледѣльческой культурѣ. Въ прежнее время бассейнъ уада Сусъ, такъ хорошо ограниченный самой природой, составлялъ независимое государство: въ средніе вѣка его промышленность пользовалась большой извѣстностью, обитатели его славились умомъ, знаніемъ, духомъ инициативы; теперь они извѣстны въ мусульманскомъ мірѣ только по множеству плясуновъ, очарователей змѣй, фокусниковъ, которыхъ эта долина посылаетъ во всѣ концы Магриба: нѣтъ такого арабскаго рынка, гдѣ бы не встрѣчались эти кудесники съ береговъ уада Сусъ; нѣкоторые изъ нихъ пробираются даже въ Европу. Они составляютъ родъ корпораціи, поставленной подъ покровительство святаго Мохамеда-бенъ-Муса, и почти всегда, прежде чѣмъ начать свои упражненія, они призываютъ въ молитвѣ имя своего патрона ²⁾. Изъ этой же долины, по нѣкоторымъ мусульманскимъ пророчествамъ, долженъ выйти махди, который обновитъ міръ и «наполнитъ землю правдой, насколько она теперь наполнена беззаконіемъ» ³⁾.

Официально Уадъ-Сусъ принадлежитъ къ Мароккской имперіи, и делегаты султана принимаются тамъ съ почетомъ; однако, большинство племенъ еще сохранили свою независимость, и внимательство сюзерена, поселяющаго и поддерживающаго между ними рознь, для того, чтобы современемъ достигнуть господства надъ ними, только усиливаетъ ихъ внутренніе раздоры и подстрекаетъ ихъ къ междоусобицамъ войнамъ. Довольно смѣшаннаго

происхожденія, жители долины Уадъ-Сусъ въ огромномъ большинствѣ берберы; впрочемъ, одинъ изъ многочислѣннѣйшихъ союзовъ причисляетъ себя къ арабамъ: это союзъ ауара, состоящій изъ семи племенъ и поселившійся на южномъ склонѣ Атласа, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Бибауанскимъ горнымъ проходомъ. Подобно племенамъ гага, населяющимъ противоположный скатъ, туземцы ауара живутъ въ крѣпкихъ замкахъ, построенныхъ на уединенныхъ холмахъ или выступахъ горъ, откуда можно обозрѣвать обширное пространство и видѣть всѣхъ проходящихъ—какъ опасныхъ враговъ, такъ и мирные караваны, манящіе къ нападенію. Союзъ шуга, занимающій всю территорию между Атлантическимъ океаномъ и Тарудантомъ, главнымъ городомъ долины, состоитъ исключительно изъ берберскихъ племенъ.

Тарудантъ построенъ въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ рѣки, въ обширной равнинѣ, которая нечувствительно поднимается къ подгорьямъ, занятымъ племенами ауира, и къ южнымъ откосамъ Атласа. По занимаемому пространству, это—обширный городъ; Рольфсъ говоритъ, что онъ больше Феца и не уступаетъ протяженіемъ Марракешу; но неправильная городская ограда, фланкированная башнями изъ битой глины, которая слѣдуютъ одна за другой черезъ промежутки отъ 60 до 100 метр., заключаетъ внутри стѣнъ гораздо больше садовъ и масличныхъ рощъ, чѣмъ группъ жилищъ; только въ центральной части растительность уступаетъ мѣсто настоящему городу, съ узкими улицами, извивающимися между двумя рядами низенькихъ домовъ. Въ одномъ концѣ этого центрального квартала находится касба солидной конструкции, окруженная высокими стѣнами. Тарудантъ, подобно всѣмъ мароккскимъ городамъ, имѣетъ мастерскія для выдѣлки кожъ, а также ткацкія фабрики и красильни; но специальная его промышленность—котельное производство: аванпостъ Магриба на окраинѣ пустыни, Тарудантъ снабжаетъ кухонными батареями рынки Кука, Каио, Томбукту въ Суданѣ ⁴⁾. Эта промышленность была обязана своимъ происхожденіемъ мѣднымъ рудникамъ, разрабатываемыхъ на сѣверѣ отъ Таруданта, въ сланцахъ и песчаникахъ предгорій Атласа; но въ наши дни почти вся мѣдь не въ дѣлѣ привозится уже изъ Англіи ⁵⁾; содержація мѣдныя породы едва утилизируются, а жалы другихъ металловъ, кажется, не эксплуатировались ни въ какую эпоху. Что касается плантацій сахарнаго тростника, которыя во времена Льва Африканца составляли источникъ благосостоянія Таруданта, то онѣ давно уже не существуютъ; на сахарныхъ заводахъ работали

¹⁾ José Alvarez Perez. „Boletín de la Sociedad Geográfica de Madrid.“ sem. 1877.

²⁾ Drummond Hay, „Western Barbary“;—Oscar Lenz, „Timbuktu“.

³⁾ L. Rinn, „Marabouts et Khouan“.

⁴⁾ G. Rohlfс цитированное сочиненіе.

⁵⁾ O. Lenz, цитированное сочиненіе.

христианские невольники, и даже переселенцы из Европы приходили предлагать свои руки тарудантским плантаторам. Теперь христианамъ запрещено входить въ этотъ городъ; впрочемъ, грамота феэскаго султана отворила его ворота путешественнику Ленцу. Недавно одинъ англичанинъ тщетно добивался концессии земель въ долину Сусъ для разведенія плантаций сахарнаго тростника ¹⁾.

Естественнымъ портомъ долины уада Сусъ былъ бы Агадиръ, лежащій въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ рѣчнаго устья. Это лучшая гавань на всемъ этомъ морскомъ побережьи. На сѣверо-западѣ, мысъ Геръ, или Джебель-Аить-Уакаль, крайній выступъ атлантической цѣпи, защищаетъ заливъ отъ восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ; другой мысъ, выдвинутая конечность боковой цѣпи, ограничиваетъ бухту въ самой глубокой части залива и защищаетъ ее отъ большой зыби океана: это портъ Агадиръ. Обильный ключъ, получившій отъ португальцевъ имя Fonte, какъ «источникъ» по преимуществу, и который туземцы до сихъ поръ называютъ Фонти, бьетъ изъ земли у основанія скалы, питая группу пріютившихся около него хижинокъ. Крѣпость, стоящая на высотѣ 188 метровъ и командующая входомъ въ портъ, доставила этому мѣсту имя Агадиръ, т. е. «Укрѣпленіе», имя, которое нѣкогда принадлежало также Тлемсену. Полное названіе этого мароккискаго порта—Адиръ-не-Ириръ, т. е. «Укрѣпленіе на мысѣ» ²⁾. Съ начала шестнадцатаго столѣтія Агадиръ, подъ властью португальцевъ, перекрестившихъ его въ Санта-Круцъ, сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ. Завоеванный обратно мароккскимъ султаномъ, онъ продолжалъ пользоваться цвѣтущимъ состояніемъ, какъ отпускной портъ для произведений, привозимыхъ караванами изъ странъ, лежащихъ въ бассейнѣ Нигера: это были въ то время «Ворота Судана». Но эти ворота находились далеко отъ центра Мароккской имперіи, и тамошнее купечество претендовало на независимость. Вслѣдствіе этого, султанъ Мохамедъ разрушилъ Агадиръ, чтобы замѣнить его Могадоромъ, портомъ болѣе досягаемымъ для его оружія, такъ какъ онъ лежитъ къ сѣверу отъ конечныхъ мысовъ Атласа. Въ настоящее время судамъ запрещено бросать якорь въ Агадирскомъ портѣ, и товары, прибывающіе изъ Судана, направляются, по очисткѣ ихъ таможенной пошлиной, къ горнымъ проходамъ Атласа. Какъ наблюдательный постъ, Агадиръ до недавняго времени указывалъ на южномъ побережьи истинную административную границу имперіи,

но основаніе въ сосѣдствѣ его испанской колоніи побудило мароккискаго султана утвердить прочнѣе свою власть въ этой части южной окраины, и внутри материка, километрахъ въ двадцати отъ берега, появился новый городъ, Тизнитъ. Деревня Аггу (Агула), лежащая километрахъ въ тридцати къ югу отъ устья уада Эль-Гасъ, будетъ служить гаванью этому городу. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ власть Альмогадовъ простиралась далѣе на югъ, и говорятъ, что султанъ Абдъ эль-Муменъ велѣлъ смѣрять цѣпью разстояніе, раздѣляющее двѣ оконечности его имперіи, отъ Барки до уада Нунъ ¹⁾.

Въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ уада Сусъ оканчиваются шерифскія владѣнія. Хотя на протяженіи около 400 километровъ, до мыса Юби и до «Красной Канавы», Сакіетъ-эль-Хамра, территория еще обозначается на картахъ, какъ принадлежащая феэскому султану, но его представители могутъ переходить за Уедъ-Сусъ уже только въ качествѣ посланниковъ. Необитаемая полоса земли образуетъ даже родъ марши или пограничной области на югѣ страны, гдѣ признается верховная власть Марокко: это высокая долина уада Эль-Гасъ (Рацъ, Уэльгасъ), которая, однако, есть одна изъ наиболѣе обильно орошаемыхъ и плодороднѣйшихъ мѣстностей во всемъ Магрибѣ; тамъ могли бы жить многочисленные населенія, если бы война и дипломатія не создали пробѣла на этой границѣ имперіи.

Мелкія государства, съ измѣнчивыми предѣлами, образовавшіяся на югѣ отъ уада Эль-Гасъ, всѣ населены берберами и неграми, которые служатъ посредниками въ торговлѣ между Марокко и Суданомъ. Хотя эти племена живутъ на сѣверѣ Сахары, но черезъ торговлю они уже участвуютъ въ жизни суданцевъ. Большинство называютъ себя гецулами или джелулами: это имя, очевидно, аналогично съ именемъ гештуловъ, живущихъ въ Кабилии, и полагаютъ, что тѣхъ и другихъ можно признать потомками гетуловъ Нумидіи, о которыхъ упоминаютъ древніе писатели ²⁾.

Изъ всѣхъ этихъ прибрежныхъ государствъ сахарскаго океана наиболѣе извѣстное, если не самое значительное по пространству—то, которому обыкновенно даютъ названіе «королевства Сиди-Гешамъ», по имени шейха, недавно царствовавшего надъ этой землей, и фамилія котораго до сихъ поръ сохраняется за собой власть: въ силу своихъ генеалогическихъ правъ, она претендуетъ даже на обладаніе Мароккской имперіей. Настоящее имя страны—Таццерультъ; такъ же называется и

¹⁾ Joaquim Gatell, «Viajes por Marruecos, el Sus, Uad-Nun y Tekna».

²⁾ Renou, «Description géographique de l'empire de Maroc».

¹⁾ De Castries, «Bulletin de la Société de Géographie», 1880.

²⁾ Renou, цитирующій сочиненіе; — Camille Sabatier, «Bulletin de la Société d'Anthropologie», 1881.

ея рѣка, спускающаяся съ Анти-Атласа. Этотъ маленький рѣчной бассейнъ, слѣдующій на югъ за бассейномъ уада Эль-Гасъ, беретъ свое начало на одномъ плато, которое окружаютъ, въ видѣ амфитеатра, горы, имѣющія 1.000 метр. средней высоты. Жители, антъ-таццерультъ, сѣютъ пшеницу и ячмень, разрабатываютъ рудныя мѣсторожденія, но главное ихъ занятіе — разведеніе верблюдовъ, которыхъ они продаютъ купцамъ и которые служатъ имъ самымъ для перевозки товаровъ черезъ Сахару. Три раза въ году бываетъ большой *мугаръ*, или рынокъ, около заиы Сиди Гамеда бенъ-Муса, предка царствующаго государя, и на ярмарочномъ полѣ иногда можно видѣть отъ четырехъ до пяти тысячъ верблюдовъ. До недавняго времени еврейскіе покупатели не допускались въ это торговое мѣсто, по причинѣ святости гробницы, подъ покровительствомъ которой оно поставлено; но таццерультъ шейхъ, самъ очень алчный коммерсантъ, снялъ запретъ, тяготѣвшій надъ сынами Израиля, чтобы придать больше важности своему мугару; онъ даже взялъ на себя ручательство за общественную безопасность передъ всѣми иностранными негодіантами, и тѣ изъ нихъ, которые были ограблены на пути племенемъ ауара или другими разбойниками, получаютъ отъ него вознагражденіе за понесенныя убытки. Такимъ образомъ монастырь Сиди Гамеда сдѣлался значительнымъ торговымъ центромъ. Столица этого маленькаго государства, Илегъ, лежащая, по Ленцу, на высотѣ 460 метр., кажется на половину суданскимъ городомъ — такъ много въ ней негровъ; армія шейха, который и самъ чернокожій, состоитъ исключительно изъ невольниковъ всякаго провенанса, купленныхъ въ Суданъ; въ рядахъ ея встрѣчаются даже фулахи; большія серебряныя серьги, украшающія нѣкоторыхъ солдатъ, свидѣлствуютъ объ особой милости повелителя. Синія матеріи преобладаютъ въ костюмѣ антъ-таццерультовъ, какъ у суданскихъ народовъ, и мужчины имѣютъ привычку закрывать часть лица, тогда какъ женщины всегда ходятъ съ открытымъ лицомъ.

Около истоковъ уада Таццерультъ, на эруптивномъ конусѣ, совершенно изолированномъ отъ гранитныхъ и сланцевыхъ склоновъ Анти-Атласа, стоитъ крѣпость, неодолимая силой, но не имѣющая ключевой воды: это Агадирская скала, обозначающая южный предѣлъ «королевства Сиди-Гешамъ». Далѣе начинается территория берберовъ племени меджадъ. Воды, спускающіяся съ южнаго ската Малаго Атласа, стекаютъ въ долину уада Нунъ, которая дѣлится на нѣсколько самостоятельныхъ владѣній; главное изъ нихъ, простирающееся въ сосѣдствѣ морскаго берега, извѣстно подъ тѣмъ же именемъ, какъ и самая рѣка. Жители земли Уадъ-Нунъ искони поль-

зуются самой дурной репутаціей у канарскихъ рыболововъ и вообще мореходовъ, потому что всякое судно, прибитое бурей къ этимъ негостепріимнымъ берегамъ, разсматривалось туземцами какъ законный призъ, и потерпѣвшіе крушеніе дѣлались въ большинствѣ случаевъ невольниками. Впрочемъ, въ числѣ путешественниковъ, описавшихъ свое невольное посѣщеніе Мароккискаго царства, указываютъ много моряковъ, выброшенныхъ на берегъ Нуна, которымъ удалось избѣгнуть рабства. Въ это послѣднее время чужеземцы, задерживаемые въ плѣну цѣлыми годами, отпускались на волю не иначе, какъ за большой выкупъ.

Главный городъ Огульминъ, называемый обыкновенно Уадъ-Нунъ, какъ рѣка и вся территория, лежитъ на довольно значительной высотѣ, можетъ-быть, на высотѣ около 1.000 метр., судя по тому, что плоды пальмъ тамъ не вызрѣваютъ; маслины также растутъ въ садахъ, но не такъ успѣшно, какъ въ сѣверномъ Марокко. Видъ зеленѣющаго пояса, окружающаго городъ, виденъ только амфитеатръ голыхъ холмовъ и горъ, которые, по словамъ туземцевъ, изобилуютъ мѣдными и серебряными жилами, и красноватая почва равнины почти вездѣ покрыта камнями песчаника. Самый городъ представляетъ хаосъ глиняныхъ кубовъ, доминируемыхъ тамъ и сямъ домами современной конструкціи, съ наружными окнами, какъ зданія Мароккскихъ городовъ; жилища богатыхъ людей украшены рѣзбой, матеріаломъ для которой послужили обломки кораблей, выброшенныхъ на берегъ. Огульминъ — одинъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ между Могадоромъ и Томбукту; онъ отправляетъ въ Могадоръ въ небольшомъ количествѣ страусовыя перья и золотой песокъ, получаемые изъ Судана; но важнѣйшую статью его торговли составляютъ невольники, товаръ, для котораго онъ служитъ складочныхъ пунктомъ; кромѣ того, отсюда вывозятся лошади и мулы хорошей породы, а также стада барановъ. Огульминъ принадлежитъ племени антъ-гассанъ. Говорятъ, что евреи въ землѣ Уадъ-Нунъ пользуются полной равноправностью съ мусульманами: вѣдять верхомъ на конѣ и носятъ оружіе. Это, вѣроятно, берберы, обращенные въ іудейство еще до прибытія арабовъ: какъ не участвовавшіе въ умерщвленіи Сидна-Аиса, «Господа Иисуса», они не должны, говорятъ магометане, носить на себѣ бремя проклятія, тяготеющаго на другихъ евреяхъ¹⁾.

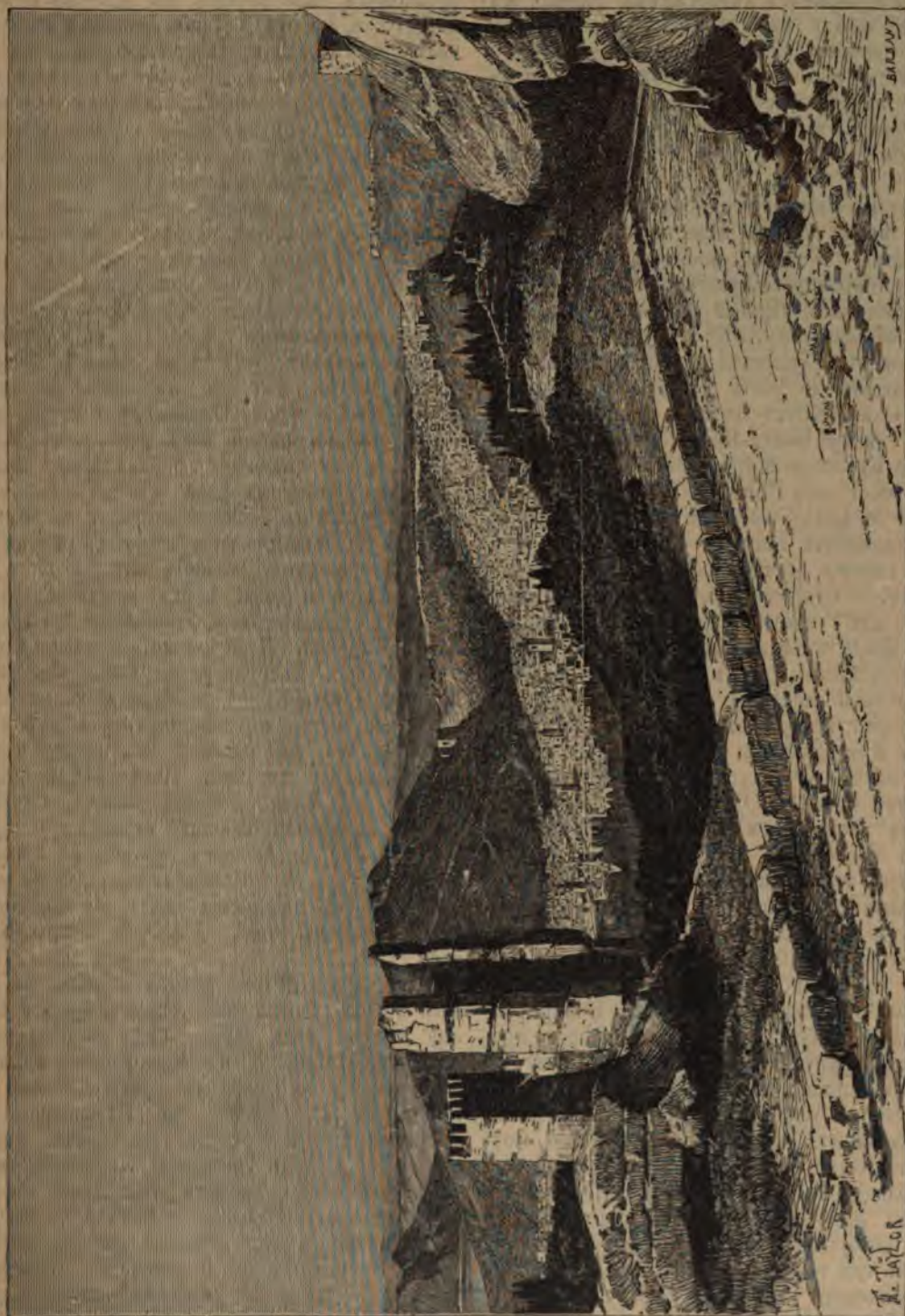
Другой городъ, Тизги, или Фумъ-эль-Госсанъ, лежащій километрахъ въ сорока къ востоку, находится во власти арабскаго народа марибда; тамъ нѣтъ еврейской колоніи, какъ въ Огульминѣ, городѣ торговцевъ. Тизги за-

¹⁾ Soleillet, «L'Afrique occidentale».

нимаетъ великолѣпное мѣстоположеніе на высотѣ 510 метр. (по Ленцу), при выходѣ каменистаго ущелья, у подошвы пирамидальныхъ горъ; оазисъ, поросшій пальмами, тянется

Въ той мѣстности открыты также и другія древности: сплошная стѣна, опоясывавшая цѣлый округъ, нѣчто въ родѣ «Великой китайской стѣны»; затѣмъ высокія башни съ рѣз-

Ф е ц ъ .

вдоль ручья, воды котораго иногда достигаютъ русла уѣда Нунъ. Къ сѣверу отъ Тизги, на горѣ, видны остатки стѣнъ, сооруженіе которыхъ туземцы приписываютъ римлянамъ, съ чѣмъ согласенъ и путешественникъ Ленцъ.

ными зубцами ¹⁾, гробницы, наконецъ «писанные камни», или петроглифы, какіе встречаются во множествѣ на всемъ пространствѣ

¹⁾ John Davidson, „African Journal“

отъ горъ Триполи до возвышенностей Марокко. Путешественникъ Мардохей видѣлъ много такихъ камней въ области Уадъ-Сусъ: на этихъ каменныхъ рисункахъ, кромѣ надписей на языкѣ тефинагъ, изображены разныя животныя, между которыми можно различить слона, носорога, лошадь, жирафа, страуса и журавля; другія изваянія неясственны, и нигдѣ не нашли фигуры человѣка; но фигуры человѣческаго издѣлія, оружіе и одежда, представлены на многихъ изъ писанныхъ камней¹⁾.

Въ этой области, именно въ мѣстности, лежащей между уадамъ Илегъ и уадамъ Нунъ изъ Ассака, Испанія, повидимому, рѣшилась взять ту территоріальную точку опоры, которую ей предоставилъ мирный трактатъ, заключенный съ Марокко въ 1860 г. Въ силу специальной статьи этого трактата, испанское правительство выговорило себѣ право вновь занять портъ Санта-Круцъ-де-Маръ-Пекенья, называемый также Санта-Круцъ-де-Маръ-Меноръ и Санта-Круцъ-де-Маръ-Чика (Mar Pequeña, Mar Menor или Chica по-испански значить «Малое Море»),—которымъ оно владѣло въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1507 до 1527 года. Но въ какомъ мѣстѣ находилось это старое завоеваніе? Существуютъ ли еще развалины Агадиръ или Гуадера, разрушеннаго марокканцами? Когда происходили переговоры между уполномоченными двухъ государствъ, испанцамъ не было извѣстно вѣроятное мѣстоположеніе порта, возвращенія котораго они требовали, да и марокканцы знали не больше, развѣ только то, что онъ находится въ нѣкоторыхъ предѣлахъ имперіи. Однако они не безъ труда уступили клочекъ земли, лежащій въ странѣ, которая вовсе имъ не принадлежитъ: они опасались, что набѣги враждебныхъ племенъ на испанскую территорію въ концѣ концовъ вовлекутъ Марокко въ новую войну. Оттого ихъ уполномоченные предлагали, взаменъ требуемаго порта, либо денежное вознагражденіе въ 3 милліона піастровъ, на что Испанія не согласилась, либо бухту Агуасъ на берегу противъ Заффаринскихъ острововъ—что возбудило бы подозрѣнія Франціи, помѣщая между Алжиріей и Марокко кастильскую колонію, либо, наконецъ, расширенія территоріи Сеуты,—что было бы крайне неприятно Англіи, какъ обладательницѣ Гибралтара. Испанія настаивала на возвращеніи ей порта Санта-Круцъ, который географы тщетно розыскивали двадцать три года. Находился ли этотъ портъ, какъ полагаетъ Рену²⁾, на берегу неглубокой бухты Пуэрто-Кансадо, открывающейся въ 80 километрахъ къ востоку отъ мыса Юби? Или его слѣдуетъ искать, согласно съ мнѣніемъ

другаго писателя, Селло, при устьѣ уада Драа, вхodu въ который почти всегда загражденъ песчанымъ баромъ? Специальная экспедиція, отправленная на кораблѣ Blasco de Garay, остановила свой выборъ на другомъ пунктѣ побережья, на бухтѣ Ифни, лежащей въ тридцати километрахъ къ сѣверо-востоку отъ устья уада Нунъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ Ифни видны развалины испанскихъ или португальскихъ сооружений: это остатки агадиръ, какіе встрѣчаются на многихъ другихъ пунктахъ побережья, и, по словамъ канарскихъ рыболововъ, этотъ агадиръ носилъ имя Santa-Cruz de Berberia, имя, которое, впрочемъ, приписывалось къ цѣлой области на югѣ отъ португальскаго Санта-Круца, командовавшаго входомъ въ уадъ Сусъ. Гавань Ифни, выборъ которой былъ ратификованъ въ 1883 г. мароккскимъ правительствомъ, имѣетъ за собой то важное преимущество, что она находится недалеко отъ торговаго города Огульмина, и что устройство путей сообщенія поставитъ ее въ непосредственныя сношенія съ богатыми, плодородными равнинами уада Эльсъ-Гасъ и уада Сусъ; кромѣ того, если ее выбрали съ заднею мыслію завоеванія, то и въ этомъ отношеніи она представляетъ большія выгоды, какъ самое сѣверное изъ всѣхъ предлагавшихся мѣстъ и, слѣдовательно, ближайшее къ границамъ Марокко. Невѣроятно, однако, чтобы бухта Ифни дѣйствительно была искомымъ портомъ Санта-Круцъ-де-Маръ-Пекенья, такъ какъ она вовсе не соответствуетъ описанію этого порта, находимому въ документахъ шестнадцатаго столѣтія. Испанскій писатель Галиано полагаетъ, что ему удалось отыскать точное положеніе бывшаго испанскаго порта въ Бока-Гранде (Большое Устье), составляющей входъ въ уадъ Шибика: эта вырѣзка морскаго берега находится почти на подорожьи между баромъ уада Драа и Пуэрто-Кансадо³⁾.

Уадъ Драа, долина котораго, если не самый потокъ, достигаетъ Атлантическаго океана южнѣе уада Нунъ, какъ развѣ противъ острова Лансароте, въ Канарскомъ архипелагѣ, беретъ начало менѣе, чѣмъ въ 100 километрахъ къ востоку отъ Марракеша,—въ массивѣ Атласа, откуда вытекаетъ также уадъ Сусъ и уадъ Тенсифъ. Населеніе оазисовъ, орошаемыхъ водами рѣки Драа, численность котораго Рольфсъ опредѣляетъ въ четверть милліона душъ,—почти сплошь берберскаго происхожденія и говоритъ нарѣчіемъ тамазигтъ; въ этомъ бассейнѣ живутъ даже бераберы или браберы, сохранившіе имя расы. Однако, нѣкоторые ксары населены исключительно арабами шорфа, «изъ фамиліи Про-

¹⁾ Marochée;—H. Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie“, аout 1871.

²⁾ „Description géographique de l'empire de Maroc“.

³⁾ Pelayo Alcalá Saliano, „Memoria sobre la situación de Santa-Cruz de Mar Pequeña“.

рока»; кромѣ того, «сыны Магомета» (Бени-Мохаммедъ или Бени-Махмидъ) живутъ разсѣянно въ пальмовыхъ хижинахъ. Негры образуютъ маленькія колоніи въ каждомъ оазисѣ, и ихъ кровь смѣшивается черезъ браки съ кровью другихъ жителей. Что касается евреевъ, то они представлены во всѣхъ деревняхъ общиной ремесленниковъ,—оружейниковъ, жестяниковъ, столяровъ, портныхъ, сапожниковъ; на верхнемъ Драа они занимаются преимущественно фабрикаціей мыла; сравнительно еврей-торговцы менѣе многочисленны на южной покатости Атласа, чѣмъ въ городахъ противоположнаго склона ¹⁾. Всѣ оазисы по теченію уада Драа независимы, или только номинально признаютъ власть императора. Во многихъ отношеніяхъ населеніе этой покатости кажется болѣе цивилизованнымъ, чѣмъ населеніе западныхъ провинцій. Строенія здѣсь красивѣе, съ террасами и башенками, съ балюстрадами и рѣзными украшеніями ²⁾.

Вся долина верхняго Драа, отъ горнаго прохода Тагерутъ до слиянія съ рѣчкой Дадесъ, занята народцемъ глауа. Главное мѣстечко этихъ племенъ, Тигиртъ, лежитъ на сѣверной окраинѣ безплодной, покрытой черноватыми камешками, равнины, которая простирается на югъ къ основанію Анти-Атласа. Прежде чѣмъ вступить въ ущелье, перерѣзывающее этотъ хребетъ, Драа принимаетъ въ себя потокъ Дадесъ, берега котораго воздѣланы и окаймлены домиками, вездѣ, гдѣ скалы не жали рѣку въ узкой тѣсницѣ. На протяженіи около 160 километровъ оба ската долины покрыты садами, масляничными рощами, усѣяны селеніями. Тамъ и сямъ на выступахъ горы видѣются агеддими, высокія (отъ 10 до 12 метр.) четырехугольныя башни, съ зубцами и бойницами. Каждая деревня построила себѣ такую башню близъ границы своихъ воздѣланныхъ земель; когда между двумя сосѣдними кланами вспыхнетъ война, противостоящія крѣпостцы наполняются вооруженными людьми, и начинается перестрѣлка: вообще эти столкновенія возникаютъ по поводу оросительныхъ каналовъ. Но обыкновенно селенія живутъ въ мирѣ между собой, и каждое изъ нихъ посылаетъ своихъ делегатовъ на общую джемаа, которая принимаетъ оборонительныя мѣры противъ набѣговъ племенъ антъ-атта. Обитатели Дадеса искони приписываютъ себѣ специальный даръ лѣченія глазныхъ болѣзней, и каждый годъ окулисты изъ этой мѣстности отправляются въ отхожіе промыслы — практиковать свое врачебное искусство во всѣхъ странахъ Берберіи ³⁾.

По выходѣ изъ ущелій Малаго Атласа, каждый берегъ уада Драа представляетъ одно непрерывное селеніе до того мѣста, гдѣ рѣка, достигнувъ границы пустыни, принимаетъ юго-западное направленіе; на пространствѣ около 200 километровъ, отъ земли Мескита до земли Ктауа, ксары, зауи, группы хижинъ слѣдуютъ одни за другими въ видѣ двухъ параллельныхъ рядовъ въ узкой аллеѣ. Населеніе, состоящее главнымъ образомъ изъ гаратиновъ или черныхъ берберовъ, превратило долину въ одинъ обширный садъ. Тамощніи пальмы производятъ лучшіе финики во всемъ западномъ Магрибѣ, и въ такомъ обиліи, что во время путешествія Рольфеа грузъ въ 150 килограм. (9 пудовъ) продавался по цѣнѣ менѣе 2 франк. Въ тѣни финиковыхъ пальмъ растутъ зерновые хлѣба, но площадь посѣва ихъ недостаточна для покрытія собственнаго потребленія, и жители области Уадъ-Драа должны прикупать зерно у горскаго населенія. Главныя культуры — овощи: капуста, рѣпа, морковь, лукъ, томаты, дыни; въ южной части этого длиннаго оазиса почти вся свободная почва между стволами финиковыхъ пальмъ занята плантаціями лаврицы. Самый знаменитый ксаръ въ долинѣ уада Драа — городъ Тамагрутъ, лежащій на восточномъ берегу рѣки, противъ оконечности хребта Бани: онъ считается какъ бы столицей, благодаря религиозному вліянію его зауи, посвященной Сиди-Гамеду бенъ-Нассеръ, и важности его рынка, куда евреи не допускаются, какъ недостойные встрѣчаться съ истинно вѣрующими у подножія святыхъ стѣнъ; духовный орденъ нассиріа имѣетъ наибольшее число адептовъ въ южномъ Марокко. Тамагрутъ не самый многолюдный ксаръ: по численности населенія онъ уступаетъ городу Бени-Сбихъ, главному пункту богатой провинціи Ктауа и Бени-Мохаммедъ, гдѣ «сто ксаровъ» тѣснятся вдоль рѣки, выпивая послѣднія струйки воды, текущія въ песчаномъ руслѣ ¹⁾. Въ сосѣдствѣ, на югѣ, живутъ номады аль-гарибъ, прозванные «извозчиками Судана», одно становище которыхъ приобрѣло извѣстность въ исторіи географіи пребываніемъ путешественника-ислѣдователя де-Калье, въ 1828 г. Ксаръ гарибовъ, откуда отправляются суданскіе караваны, носитъ названіе Заиръ ²⁾.

Къ западу отъ верхняго Драа, въ четыре угольномъ пространствѣ, ограниченномъ съ сѣвера Анти-Атласомъ, съ юга — безводнымъ ложемъ нижняго Драа, нѣсколько оазисовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, съ обѣихъ сторонъ хребта Бани, по теченію ручьевъ, разрѣзывающихъ черезъ извѣстные промежутки стѣну скалъ. Первый изъ этихъ оазисовъ, Тазенахтъ,

¹⁾ G. Rohlfs, *путешествіе, сочиненіе*.

²⁾ De Foucauld, *путешествіе, сочиненіе*.

³⁾ De Castries, *Bulletin de la Société de Géographie de Paris*, 1880.

¹⁾ G. Rohlfs, *„Mein erster Aufenthalt in Marocco“*.

²⁾ De Castries, *путешествіе, мемуаръ*.

через который протекает рѣка того же имени, населенъ преимущественно ткачами, прежде очень богатыми, но нынѣ обѣдѣвшими, вследствие многолѣтней засухи, сопровождаемой неурожаями и голодовками. Далѣе, въ западномъ направленіи, простирается обширный оазисъ Тиссентъ, почти сплошной, безъ прогалнѣвъ, лѣсъ, орошаемый многочисленными источниками. Въ рѣкѣ Тиссентъ всегда есть вода, но соленая; оттого мѣстные жители говорятъ, что уэдъ Тиссентъ вытекаетъ изъ моря: такъ же, какъ европейскіе физики до Палисси, марокканцы воображаютъ, что воды океана просачиваются въ землѣ подъ горами, чтобы снова выйти на поверхность, въ видѣ источниковъ. Обогащаемый обильными сборами финиковъ, оазисъ Тиссентъ ведетъ большую торговлю съ Марокко, Могадоромъ и областью Уадъ-Сусъ. Суданское вліяніе тамъ такъ же замѣтно, какъ въ Нунѣ и въ королевствѣ Сиди-Гешамъ: жители, хотя и называютъ себя шеллахами, тѣмъ не менѣе почти всѣ черные берберы (гаратины), и обычная ихъ одежда, кешкаба, похожая покроемъ на пончо испано-американцевъ, сдѣлана изъ синей бумажной матеріи, какъ и у обитателей Судана. Населеніе Тиссента славится своимъ благочестіемъ; совершить путешествіе въ Мекку составляетъ предметъ пламеннаго желанія и цѣль высшаго честолюбія для всѣхъ и каждаго. Тиссентъ едва-ли не единственное мѣсто въ Марокко, гдѣ можно встрѣтить, видѣ городовъ и монастырей, образованныхъ марокканцевъ, владѣющихъ искусствомъ чтенія и письма *).

Берберскія населенія сосѣднихъ горъ, состояща изъ пастуховъ и земледѣльцевъ, принадлежатъ къ большой семьѣ зенага или савхеджа и носятъ ея имя. Они очень гордятся своимъ происхожденіемъ и ревниво охраняютъ чистоту своей крови: между этими берберами не увидишь ни одного гаратина. Что касается языка, то они употребляютъ почти исключительно нарѣчіе тамазигтъ; между ними большая рѣдкость встрѣтить такого, который говорить бы по-арабски. По описанію Фуко, посѣтившаго этихъ горцевъ, они имѣютъ темно-бронзовый цвѣтъ кожи, мужественныя и жесткія черты лица; почти всѣ рослы, худощавы, сильны и неуклюжи. Они извѣстны какъ грозные воины, менѣе грозные, впрочемъ, чѣмъ арабскія племена равнины, дуи-беллалы, сюзерены и покровители оазиса Тиссентъ. Прежде эти дуи-беллалы были гораздо болѣе могущественны, и ни одно племя, на всемъ пространствѣ отъ Атласа и до Нигера, не могло бы устоять противъ нихъ; но постоянныя междоусобія дотога ослабили ихъ численно, что во время проѣзда Фуко, въ 1883 г., въ краѣ осталась только молодежь; всѣ мужчины зрѣла-

го возраста пали въ войнахъ, и совокупность боевыхъ силъ состояла всего изъ 1.800 ружей. По чистотѣ своего арабскаго діалекта, красотѣ лица, стройности фигуры и изяществу манеръ, дуи-беллалы не имѣютъ себѣ равныхъ между другими номадами южнаго Марокко.

Оазисъ Татта, слѣдующій за Тиссентомъ въ западномъ направленіи, въ большей части разоренъ дуи-беллалами: призываемые въ качествѣ союзниковъ въ междоусобныхъ войнахъ, они пользовались этимъ случаемъ, чтобы грабить ксары; около десятка деревень были совершенно покинуты жителями. Татта—самый обширный изъ всѣхъ оазисовъ, находящихся между уэдомъ Драа и Атлантическимъ океаномъ, но онъ дѣлится на нѣсколько группъ, окруженныхъ пустынями. Къ сѣверу отъ Бани оазисъ заключаетъ нѣсколько ксаровъ, расположенныхъ по берегамъ трехъ потоковъ; къ югу отъ этой цѣпи онъ представляетъ въ большей части своего протяженія эргъ, песчаное пространство, среди котораго тамъ и сямъ встрѣчаются въ ложбинахъ кучки жилищъ, окруженныхъ чахлыми камедными деревцами. Торговля этого оазиса, нѣкогда весьма значительная, нынѣ почти совсѣмъ прекратилась. Точно также оазисъ Акка, лежащій западнѣе, недалеко отъ истоковъ уэда Нунъ, пересталъ быть торговымъ центромъ между Могадоромъ и Томбукту. До недавняго времени онъ былъ главнымъ сборнымъ пунктомъ южныхъ каравановъ, приводящихъ невольниковъ, приносящихъ золото, кожи и ткани изъ Судана. Его ювелиры изъ евреевъ славятся своимъ искусствомъ; но промышленность и торговля одинаково пришли въ упадокъ: населеніе Акки живетъ теперь исключительно доходомъ отъ финиковъ. Маленькій еврейскій меллахъ (колонія), поселившійся въ этомъ оазисѣ, замѣчательнъ какъ мѣсто рожденія раввина Мардохея, одного изъ рѣдкихъ путешественниковъ, рассказавшихъ географамъ о своемъ пребываніи въ Томбукту.

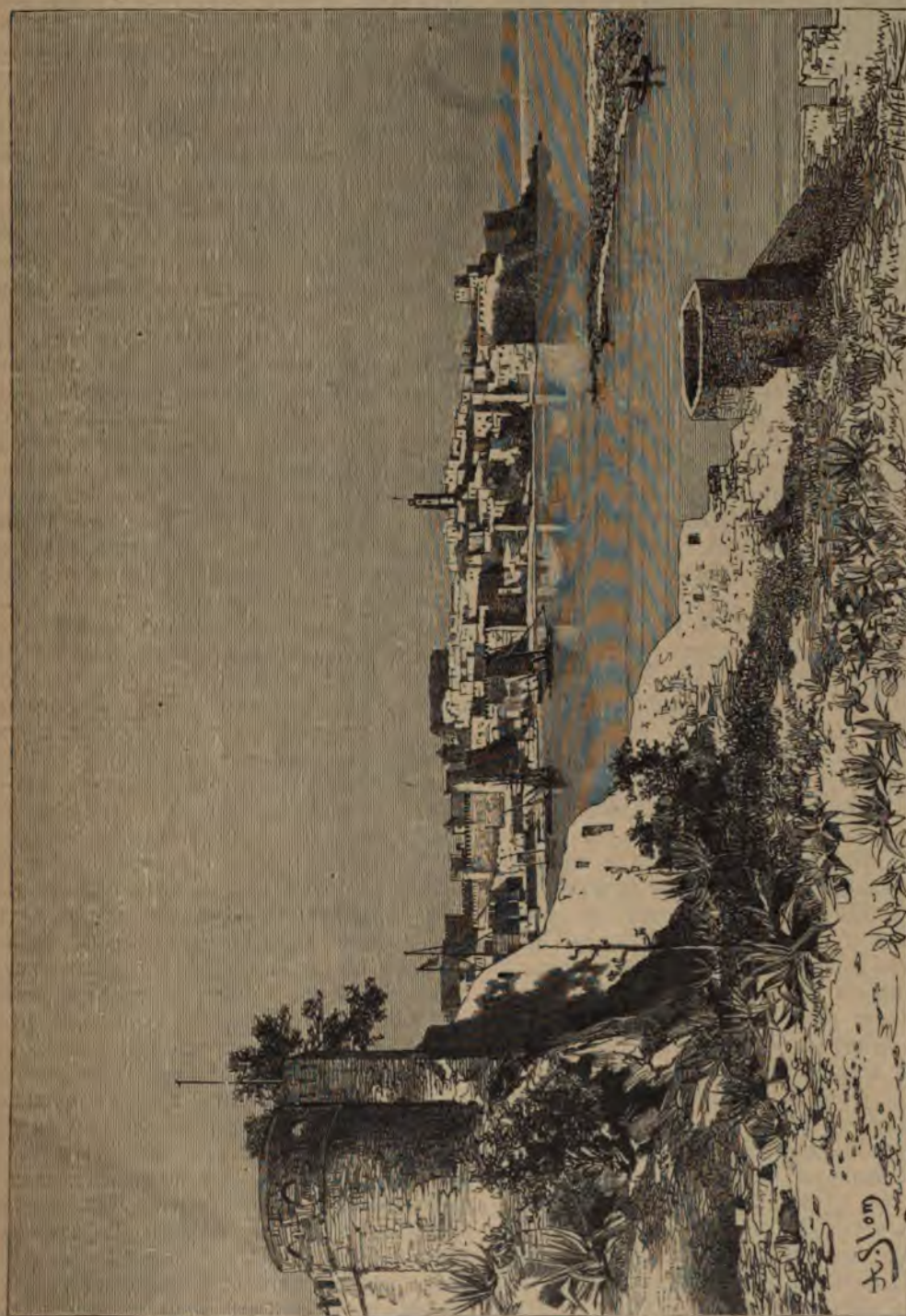
Въ настоящее время главный рынокъ области уэда Драа—мѣстечко Мриминія (Рагунимія), лежащее къ югу отъ хребта Бани, на уэдѣ Зе-гидъ, рыбной рѣчкѣ, гдѣ вода течетъ во всякое время года. Святости марабутовъ Мриминія кунцы обязаны возможностью собираться безопасно въ этомъ мѣстѣ, несмотря на сосѣдство кочевниковъ дуи-беллалъ. Зауяя Сиди Абди-Аллаха и куббы его предковъ образуютъ центръ селенія, вокругъ котораго группируются хажины свободныхъ гаратиновъ и невольниковъ. Нѣсколько человекъ марабутовъ остаются постоянно въ монастырѣ, но большинство страстствуютъ по деревнямъ и становищамъ съ спеціальной цѣлью—разносить «благословеніе» жатвамъ и стадамъ; они получаютъ обычную дань отъ того или другаго племени только послѣ того, какъ достаточно долго «освящали» его

* De Foucauld, цитированное сочиненіе.

своимъ присутвіемъ. На ярмарку въ Мриминіѣ, продолжающуюся три дня, сходятся со всего бассейна Драа, изъ мѣстностей по теченію уѣда Сусъ и изъ Тафилельта; по размѣрамъ

часть же вымещено на заложникахъ, присутствующихъ на рынкѣ. Между Мриминіей и Сиди-Гамедъ-бенъ-Мусой, другая ярмарка, называемая Сукъ-эль-Мурукъ, въ территоріи

Рбатъ и устье Бу-Реграгъ.

торговаго движенія она уступаетъ только ярмаркѣ въ Сиди-Гамедъ-бенъ-Муса, въ землѣ Таццерультъ, гдѣ тоже купцамъ гарантирована безопасность дороги: всякое нападеніе, совершенное какимъ-либо племенемъ, было бы тотъ-

племень антъ-юсса, тоже привлекаетъ много народу, менѣе, однако, чѣмъ двѣ предыдущія ¹⁾).

¹⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

Къ востоку отъ длиннаго оазиса уада Драа, главные берберскія племена—антъ-седратъ и антъ-атта, грозные воины, нравы которыхъ мало отличаются отъ нравовъ племени дуи-бел-лалъ. Географическимъ условіямъ соответствуетъ и образъ жизни населенія: въ степи кочуютъ помады; по берегамъ рѣкъ осыли земледѣльцы. Такъ образовались оазисы вдоль уада Тодра, уада Зисъ и другихъ потоковъ, которые соединяются въ землѣ Тафилельтъ, затѣмъ пропадаютъ въ пустынь. Первый изъ этихъ оазисовъ, граничащій съ Дадесомъ и территоріей Антъ-Седратъ, называется Тодра или Тодга: это узкая полоса воздѣланной земли, которая тянется съ сѣвера на югъ въ низменности, заключенной между Большимъ Атласомъ и южной цѣпью. Оазисъ Феркла, гораздо меньше предыдущаго, лежитъ на той же рѣкѣ, ниже по теченію: средняя ширина этого оазиса около 1.500 метр. Часть его пальмовыхъ плантацій принадлежитъ могущественному племени антъ-мебрадъ, которое въ 1883 г. дало генеральное сраженіе племени антъ-атта и разбило его на голову; по рассказамъ, которые слышалъ французскій путешественникъ Фуко объ этомъ кровавомъ боѣ, двадцать тысячъ человѣкъ сошлись въ равнинѣ и двѣ тысячи труповъ унесли собой поле сраженія.

Сравнительно съ долиной уада Тодра (известнаго ниже подъ именемъ Хрисъ) гораздо болѣе населена долина уада Зисъ, который течетъ на югъ, и во время таянія снѣговъ соединяется въ той же лагунѣ съ выступившими изъ береговъ водами Тодры. Долина уада Зисъ, начинающаяся у горнаго прохода Тизинтъ-эръ Ріутъ, огибающаго Большой Атласъ, искони служитъ караванной дорогой между Фецомъ и Томбукту, какъ самая доступная и представляющая наиболѣе удобствъ для путниковъ въ отношеніи продовольствія. Почти отъ самаго перевала верхняя долина уада Зисъ или Герсъ, населенная берберами племени антъ-сдигъ, по справедливости можетъ быть названа второй «Италіей» за разнообразіе ея произведеній и мягкость климата; берега рѣки представляютъ сплошной длинный садъ, гдѣ ксары слѣдуютъ одинъ за другимъ черезъ небольшіе промежутки⁴⁾; нигдѣ не видно палатокъ, всѣ жилища построены изъ битой глины, смѣшанной съ соломой и мелкими камешками. Ниже одного хенегъ, гдѣ рѣка пробирается между двухъ высокихъ стѣнъ (180 метр.), пальмы присоединяются къ береговой растительности и скоро образуютъ длинный лѣсъ, продолжающійся изъ оазиса въ оазисъ до самой пустыни. Мдагра, первый изъ оазисовъ, принадлежащихъ къ области, известной подъ общимъ именемъ Тафилельта, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и много-

людныхъ на сахарской покатоости: онъ заключаетъ въ себѣ около сорока укрѣпленныхъ мѣстечекъ и селеній, или ксаровъ, изъ которыхъ нѣкоторые занимаютъ значительное пространство; самое большое изъ этихъ селеній, Касба эль-Кедима, или «Старая Крѣпость», имѣетъ не менѣе 1.500 жителей. Мдагринскіе финики славятся своимъ превосходнымъ вкусомъ, также какъ и другіе фрукты: виноградъ, маслины, персики, абрикосы и сливы. Казалось бы, этотъ благодатный уголокъ долженъ быть раемъ земнымъ; но обитатели его, «арабы изъ семьи Пророка», берберы племени антъ-сдигъ и евреи живутъ далеко не какъ братья, и между ними есть много обездоленныхъ, которые терпятъ крайнюю нужду, и которыхъ косятъ болѣзни, порождаемыя дурными гигиеническими условіями: по словамъ Рольфа, болѣе двухъ третей жителей оазиса страдаютъ, въ большей или меньшей степени, глазными болѣзнями.

Къ югу отъ Мдагры не встрѣчается болѣе селеній племени антъ-сдигъ; большинство жителей принадлежитъ къ большому союзу племенъ антъ-атта, территорія котораго простирается на западъ до уада Драа: по преданію, они прогнали, лѣтъ сто тому назадъ, арабскихъ шорфовъ, которые владѣли ксарами этой части Тафилельта, известной подъ именемъ Эрбитъ или Ретебъ; но, поселившись въ краѣ и смѣшаваясь съ прежними обитателями, они утратили чистоту своей расы и частію усвоили нравы арабовъ; ихъ женщины ходятъ съ открытымъ лицомъ и отличаются отъ большинства другихъ марокканокъ тѣмъ, что татуируютъ себѣ различныя части тѣла. Столица Эртиба, эзъ-Зеригатъ, лежащая на правомъ берегу уада Зисъ, есть, можетъ-быть, самый большой городъ во всемъ Тафилельтѣ: по словамъ Рольфа, она можетъ выставить въ поле болѣе тысячи двухсотъ вооруженныхъ людей; три раза въ недѣлю въ Зеригатѣ бываетъ значительный рынокъ. Недалеко оттуда, около Дуэры, останавливается теченіе уада Зисъ: ниже, прибрежные жители принуждены рыть песокъ въ сухомъ руслѣ, чтобы достать воды, кромѣ одного только мѣста—оазиса Тиссини, гдѣ рѣка вдругъ выходитъ на поверхность: съ той и другой стороны этого отпрыска исчезнутаго уада воздвигнуты крѣпкіе замки, гарнизонъ которыхъ зорко наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы враги не сдѣлали попытки отвести потоки въ сторону. Ниже, вода снова пропадаетъ, и жители южнаго Тафилельта получаютъ ее въ видѣ потока только весной, во время таянія снѣговъ; но тогда этотъ потокъ нерѣдко заливаетъ всѣ сады, и оазисъ Тафилельтъ становится озеромъ. Дайя эль-Даура, себха, въ которой теряются воды всѣхъ потоковъ, спускающихся съ восточнаго Атласа, тоже превращается во временное озеро: въ благоприятные годы ее можно распаивать и за-

⁴⁾ Gerhard Rohlfs, „Reise durch Marocco“.

сѣвать, какъ ложе уада Драа, въ котловинѣ Дебайя ¹⁾).

Оазисъ, означаемый специально именемъ Тафилельтъ, или Тафилала, которое прежде ошибочно считали принадлежащимъ особому городу, есть самый важный центръ населенія во всей Сахарѣ; по Рольфсу, онъ имѣетъ не менѣе сотни тысячъ жителей, сгруппированныхъ въ полутораста слишкомъ ксарехъ. Туземцы, прибавляя къ деревнямъ разбѣянные въ разныхъ мѣстахъ поселки, кучки избушекъ, жилыхъ, разоренныхъ или строящихся, могутъ сказать безъ преувеличенія, что ихъ оазисъ заключаетъ въ себѣ столько ксаровъ, сколько дней въ году. Пространство, на которомъ скучено такое множество земледѣльцевъ, вѣроятно, обнимаетъ около тысячи квадр. километровъ, и при томъ оно совершенно ограничено амфитеатромъ горъ; на сѣверо-западѣ джебелъ Бельгруль господствуетъ надъ долиной уада Зисъ и посредствомъ полукруга высотъ примыкаетъ къ Адра-ру, т. е. «Горѣ» по преимуществу, солончатыми скалы которой вздымаются на югъ въ степи, на востокъ и сѣверо-востокъ высятся обрывы плато; мѣстность открыта только съ двухъ сторонъ: на сѣверѣ, черезъ долину, и на юго-востокѣ въ пустынѣ. Тафилельтъ почти не имѣетъ другой древесной растительности, кромѣ пальмъ; недостатокъ воды лѣтомъ не позволяетъ культивировать другія породы деревьевъ: но когда зимнія орошенія были достаточно обильны, здѣсь сѣютъ также пшеницу, ячмень, клеверъ. Населеніе оазиса до недавняго времени состояло почти исключительно изъ арабовъ, но въ наши дни оно имѣетъ очень смѣшанный характеръ, и племя антъ-атта овладѣло большимъ числомъ ксаровъ: въ Тафилельтѣ, какъ во всемъ Марокко и въ сосѣдней Алжиріи, старая берберская раса мало-по-малу вытѣсняется потомкомъ арабскихъ завоевателей ²⁾. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ Тафилельта, среди восточныхъ степей, живутъ пастухи-номады различныхъ племенъ, извѣстныхъ подъ именемъ браберъ или бераберъ.

Столица территоріи Тафилельтъ состоитъ изъ двухъ, близко одинъ отъ другаго лежащихъ ксаровъ. На сѣверо-востокѣ стоитъ ксаръ эръ-Риссани, резиденція губернатора оазиса; на юго-западѣ торговый людъ сгруппировалъ свои жилища въ ксарѣ Абуамъ или Бу-Амъ. Послѣдній занимаетъ первое мѣсто въ оазисѣ по числу и богатству жителей: это главный рынокъ всей мароккской Сахары между Туатомъ и областью Уадъ-Драа. Обширный кварталъ сплошь занятъ глиняными куполами, прикрывающими лавки купцовъ; можно подумать, что видишь передъ собой собраніе большихъ кучъ земли, нарытыхъ кротоми. Каждая улица

является центромъ той или другой спеціальной отрасли торговли и промышленности. Здѣсь водворились суконники, торговцы краснымъ и суровскимъ товаромъ; далѣе сосредоточены продавцы мыла и масла, оливковаго и коровьяго; въ другихъ мѣстахъ поселились оружейники, столяры, портные, сѣдельщики и сапожники, тѣ сапожники, которые уже многіе вѣка составляютъ славу и гордость Тафилельта: прежде утверждали даже, что только одни блугородные имѣютъ право заниматься сапожнымъ ремесломъ,—въ такой великой чести была эта профессія ¹⁾. Знаменитыя *джильдъ-эль-филали*, кожи, дубленныя въ Тафилельтѣ, при помощи одного плода, свойственнаго этой странѣ (вѣроятно, акаціи), отправляются въ Фець и Тлемсенъ; изъ Судана привозятъ на абуамскій рынокъ страусовыя перья и золотой песокъ въ небольшомъ количествѣ, а также приводятъ невольниковъ на продажу. На базарѣ можно найти всякаго рода европейскіе товары, доставляемые главнымъ образомъ алжирскими купцами, за исключеніемъ чая, который всегда покупается у англійскихъ коммерсантовъ. Денежнымъ знакомъ въ торговыхъ сдѣлкахъ, какъ и въ сѣверномъ Марокко, служитъ почти исключительно пятифранковая монета, и европейскіе товары вѣшаются на фунтъ, равный полкилограмму.

Губернаторъ, имѣющій пребываніе въ ксарѣ Эр-Риссани, всегда назначается изъ братьевъ или по крайней мѣрѣ близкихъ родственниковъ султана, но власть его безсильна передъ волей общинныхъ собраній: онъ не можетъ даже помѣшать жителямъ своего собственнаго ксара воевать съ сосѣдями. Если онъ остается въ городѣ, то только потому, что ему нужно сохранять по крайней мѣрѣ видъ власти, такъ какъ Тафилельтъ родина его фамиліи. Это имѣетъ не что иное, какъ берберская форма имени Филаль, мѣста въ Аравіи, откуда, будто бы, вышли предки Мулай Али-Шерифа, основателя нынѣ царствующей династіи. Гробница этого перваго государя изъ дома Фелали еще существуетъ въ 4 километрахъ къ юго-востоку отъ Абуама, но никакой заупи не было основано рядомъ съ этимъ памятникомъ. На западѣ отъ нынѣшней столицы простирается обширное поле развалинъ, имѣющее по меньшей мѣрѣ 8 километровъ въ окружности: среди этой груды обломковъ, носящей имя Амра, стоятъ еще минареты и аркады мечети, украшенныя прелестными арабесками, такъ хорошо сохранившимися, какъ будто онѣ только вчера сдѣланы ²⁾. Амра или Мединетъ эль-Амера, «Населенный Городъ», есть несомнѣнно славный городъ Седжельмасса, или Сиджилмасса, о которомъ рассказываютъ средневѣковые писате-

¹⁾ Dastugue, „Bulletin de la Société de Géographie“, avril 1867.

²⁾ G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Raffonell, „Voyage au pays des Nègres“.

²⁾ G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

ли, и который географы долго искали въ оазиса Тафилельтъ, пока Валькенеръ и д'Авезакъ не доказали, что эти два имени, Тафилельтъ и Седжельмасса, тождественны какъ названіе страны ¹⁾. Седжельмасса былъ построенъ сто съ лишнимъ лѣтъ послѣ геджры, и хотя разоряемый осадами и войнами, даже разрушенный «пушкой» ²⁾ въ 1274 г., онъ служилъ резиденціей Тафилельтскому губернатору до конца семнадцатаго вѣка, когда былъ построенъ фортъ Эр-Риссани. Но и послѣ того его продолжали считать какъ бы формально существующимъ. Еще въ началѣ XVIII ст. караванъ богомольцевъ, отправляющійся въ Мекку, собирався у воротъ Седжельмассы, прежде чѣмъ выступить въ путь къ святымъ мѣстамъ. Мечеть была до 1815 г. университетскимъ центромъ, гдѣ около пятисотъ студентовъ содержались на счетъ государства; даже во второй половинѣ настоящаго столѣтія тамъ еще читалась по пятницамъ публичная молитва за мароккескаго императора ³⁾.

Рѣчная система, слѣдующая за бассейномъ уадовъ Хрисъ и Зисъ въ восточномъ Марокко, гораздо обширнѣе по развѣтвленію своихъ потоковъ; но, получая начало въ менѣе высокихъ горахъ, покрывающихся снѣгомъ лишь на нѣсколько недѣль въ году, она бѣднѣе водой; селенія тамъ рѣже и малолюднѣе; впрочемъ, проходя на сѣверѣ большой гамады, путникъ можетъ быть увѣренъ, что найдетъ на каждомъ этапѣ фонтанъ или ручей, пастбища и жилища ⁴⁾. Мароккескія войска никогда не проникаютъ въ эти области сахарской покатости, хотя тамошнія племена признаютъ духовное главенство султана-шерифа, но французскіе экспедиціонные отряды много разъ проходили тѣми мѣстами въ погонѣ за враждебными алжирцами. Въ 1870 г. колонна Вимпфена обслѣдовала въ 250 килом. отъ оранской границы часть верхняго бассейна уада Гиръ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ оазисовъ Тафилельта; такимъ образомъ прибавился новый маршрутъ къ тому, который, за восемнадцать вѣковъ до нашей эпохи, начертала, отъ Мавританіи Тингитанской до рѣки Геръ, римская экспедиція подъ начальствомъ претора Светонія Паулина. Точныя указанія одного воина племени шанба, Ахмеда бенъ-Ахмеда, позволили также построить путевникъ, простирающійся отъ эль-Голеа до Тафилельта черезъ Туатъ ⁵⁾. Главныя племена, обитающія въ этой пограничной съ пустыней области,—бераберъ, бени-гиль, дуи-

менія и уладъ-джериръ. Берберы бени-гиль занимаютъ преимущественно горныя пастбища, около истоковъ ручьевъ, изъ которыхъ образуются уады Гиръ, Кенаца и Зусфана; племена дуи-менія и уладъ-джериръ, оба арабскаго происхожденія и родственны алжирскимъ гаміанамъ, живутъ ближе къ области песковъ. Эти различные народцы часто называются общимъ именемъ зегду, т. е. «Союзники».

Верхніе истоки Гира (слово это значить «рѣка») ¹⁾ берутъ начало на плоскогорьяхъ, недалеко отъ верхнихъ притоковъ Молуйи, и глубокими ущельями перерѣзываютъ южные откосы горъ, окаймляющихъ Сахару. Главный оазисъ этой возвышенной области, Аинъ-Шаиръ, имѣетъ еще нѣсколько палмъ, хотя онъ лежитъ на высотѣ 980 метр.; но, какъ показываетъ самое имя его, «Фонтанъ Ячменя», онъ воздѣлывается главнымъ образомъ хлѣбными растеніями, и жители всѣхъ нижнихъ оазисовъ приходятъ сюда запастись хлѣбомъ. По соединенія съ другими источниками, ручьи Аинъ-Шаира вырыли себѣ широкое русло, которое они наполняютъ зимой, и въ которомъ пробирается подъ пескомъ невидимый потокъ въ лѣтнее время. При выходѣ изъ области горъ, въ землѣ Дуи-Менія, рѣчное ложе становится дотога обширнымъ, что его прозвали Бахаріатъ, или «Малымъ моремъ»; и дѣйствительно, это было озеро въ предшествующую эпоху: воды дробятся здѣсь на безчисленное множество струекъ, между которыми тамариски разрослись въ цѣлые лѣса; всѣ прогалины распаханы и засѣяны; только около центра равнины, нѣкогда затопленной, пески образовали дюны ²⁾. Непосредственно за этой зеленѣющей низменностью слѣдуетъ одна изъ самыхъ мрачныхъ и самыхъ страшныхъ областей пустыни, залегающая между уадомъ Гиръ и уадомъ Зисъ: это высокая каменистая равнина, называемая иногда «гамада эль-Кебиръ» (Большая), по причинѣ ея значительнаго протяженія. Впрочемъ, размѣрами она далеко уступаетъ многимъ другимъ плато Сахары, такъ какъ ширина ея не болѣе 100 километр.; но переходъ черезъ нее крайне утомителенъ, по причинѣ острыхъ камней, которыми она покрыта. Средняя высота ея около 800 метр.; она поднимается постепенно, почти нечувствительно, отъ береговъ уада Гиръ въ западномъ направленіи, и круто понижается къ оазисамъ Тафилельта.

На опушкѣ пустыни, между Тафилельтомъ и алжирской границей, находимъ два религіозныхъ центра. Одинъ—городъ Эсъ-Сахели, на верхнемъ Гирѣ, гдѣ властвуетъ «верховный глава» ордена нассирия, имѣющій право брать себѣ долю изъ всѣхъ приношеній, дѣлаемыхъ

¹⁾ Walkenaer, «Recherches géographiques sur l'intérieur de l'Afrique septentrionale»;—d'Avezac, «Etudes de Géographie critique»;—Renou, «Description géographique de l'empire de Maroc».

²⁾ De Slane, «Révue Africaine», avril 1857.

³⁾ Dastogue, «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», avril 1867.

⁴⁾ G. Roblfs, «Mein erster Aufenthalt in Marocco».

⁵⁾ A. Coyne, «Une Ruazzia dans le grand Sahara».

¹⁾ H. Duvevriar, «Bulletin de la Société de Géographie», sept. 1872.

²⁾ Wimpffen, «Bulletin de la Société de Géographie».

меаддемамъ другихъ духовныхъ братствъ ¹⁾. Другой—городъ Кенаца, лежащій недалеко отъ истоковъ уада того же имени, среди маленькаго песчанаго моря и у основанія уединеннаго плато. Въ этомъ городѣ существуетъ заупя орденъ Сиди Бу-Зіанъ, основанная въ одиннадцатомъ столѣтіи; монастырь не защищенъ никакими стѣнами: нѣтъ разбойника, который бы не уважалъ его и не привѣтствовалъ его хуановъ низкимъ поклономъ и цѣлованіемъ полы ихъ платья; въ большинствѣ сосѣднихъ оазисовъ самое назначеніе шейховъ принадлежитъ этимъ святымъ марабутамъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи лишь немного пальмъ и небольшія поля, засѣваемые ячменемъ, обитатели заупи зависятъ въ отношеніи пропитанія отъ добродѣтельныхъ приношеній вѣрующихъ. Къ западу отъ Кенацы, на дорогѣ изъ оазиса Боанамъ, кабилы племени бени-сите добываютъ свинцовую и сурмяную руду. Сотни жителей этой области уходятъ каждый годъ на заработки въ города Марокко: это мзабиты западнаго Магреба ²⁾.

Оазисъ Фигигъ, самый многолюдный во всемъ верхнемъ бассейнѣ уада Гиръ, лежитъ верстахъ въ пятидесяти отъ воображаемой линіи, фиктивно принятой за границу между двумя государствами, Алжиріей и Марокко. Въ ксарахъ этого оазиса живетъ около 15,000 человекъ, принадлежащихъ почти исключительно къ племени амуръ, а между тѣмъ слава этого маленькаго центра населенія гремитъ во всѣхъ концахъ обширной Сахары, благодаря установившемуся и общераспространенному преданію, что Франція и обитатели Фигиги уже съ половины настоящаго столѣтія ведутъ войну между собой, и что послѣдніе въ концѣ концовъ одержали верхъ. Не имѣя никакого понятія о дипломатическихъ фикціяхъ, они воображаютъ, что если французы не овладѣли непріятельскимъ оазисомъ, то это потому, что такой подвигъ былъ имъ не подъ силу ³⁾. Правда, что французскіе экспедиціонные отряды, обоедѣшіе область высокихъ плато и горъ, оставляли въ сторонѣ Фигигъ, или по крайней мѣрѣ не проникали внутрь его ксаровъ. Въ 1866 г. колонна подъ командой де-Коллона установила свой лагерь въ равнинѣ, разстилающейся непосредственно на сѣверѣ оазиса и его холмовъ, изслѣдованныхъ во всѣхъ направленіяхъ. Топографы этой экспедиціи могли безъ всякой помѣхи снимать планъ страны. Сосѣдство французовъ и военное безсиліе маленькихъ ксаровъ Фигиги въ виду солидныхъ армій имѣло то слѣдствіе, что придавало нѣкоторую реальность узамъ зависимости, связывающимъ этотъ оазисъ съ Мароккской имперіей.

Совокупность ксаровъ, средняя высота кото-

рыхъ превосходить 700 метр., окружена горами, раскиданными въ безпорядкѣ на плато и поднимающимися на 200—400 метр. надъ пальмовыми плантаціями равнины Рѣчка, или вѣрнѣе русло, заключающее тамъ и сямъ лужи стоячей воды, извивается на сѣверѣ оазиса, затѣмъ уходитъ черезъ хенегъ, открывающійся на западѣ отъ деревень, и спускается на югъ, чтобы идти на соединеніе съ Зусфаной, одной изъ главныхъ вѣтвей уада Гиръ: противъ Фигиги рѣчка называется уадъ эль-Галлуфъ, или «Кабаній потокъ»; но это названіе мѣняется при каждомъ новомъ ущельѣ, при каждомъ сліяніи съ другимъ ручьемъ. Пальмы оазиса производятъ еще превосходные финики: мы находимся на естественной границѣ между областью плоскогорій и областью Сахары; альфа смѣняется дриномъ, растеніемъ, свойственнымъ по преимуществу пескамъ пустыни ⁴⁾. Ячмень даетъ обильные урожаи въ орошаемыхъ лощинахъ; часто окрестныя племена приходятъ на фигигскій рынокъ запастись хлѣбомъ. Почти всѣ ксары, расположенные на неправильной террасѣ, окружены общей оградой, имѣющей около 16 километр. длины; впрочемъ, эта ограда есть не что иное, какъ стѣна изъ битой глины въ 2 метра вышиной, прорѣзанная бойницами и фланкированная маленькими башнями. Самое большое село, лежащее въ юго-западномъ углу, носить имя Зенага, напоминающее бывший союзъ племенъ зенага или санхеджа, члены котораго разсѣяны по всей сѣверной Африкѣ, отъ Туниса до Сенегала. Это мѣстечко единственное въ Фигигѣ, не имѣющее собственнаго источника: оттого жители его не успокоились до тѣхъ поръ, пока не отвоевали оросительный потокъ у своихъ сосѣдей; при помощи подземнаго канала они отвели источникъ Эль-Удагиръ, затѣмъ соорудили борджъ для защиты своего новаго приобрѣтенія. Вода такъ дорога въ этомъ оазисѣ, что харубба, т. е. право пользованія источникомъ дважды въ мѣсяцъ, въ теченіе одного часа каждый разъ, продается у зенаговъ по 600 франк.

Всѣ другіе ксары построены при источникахъ. Въ сѣверо-восточномъ углу оазиса двѣ деревни, называемыя Эль-Гаммамъ, т. е. «Термы», имѣютъ даже воды высокой температуры. Дома вообще содержатся очень опрятно, и сами обитатели отличаются заботливостью о своей особѣ, также какъ красотой чертъ и благородствомъ осанки; у нихъ, какъ и у многихъ другихъ берберовъ, бѣлокурые волосы и голубые глаза—не рѣдкость. Кромѣ девяти ксаровъ, запертыхъ стѣной оазиса, два мѣстечка. Тарла и Бени-Унифъ, находятся внѣ ограды, на западномъ берегу долины, и многочисленныя группы палатокъ, гильтана, разсѣяны по ска-

¹⁾ De Castries, цитирован. мемуаръ.

²⁾ Renou, «Description géographique de L'empire de Maroc».

³⁾ De Foucauld, цитирован. сочиненіе.

⁴⁾ H. Duveyrier, «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», sept. 1862.

тамъ холмовъ. Всѣ вѣншіе оазисы, или *джали* ¹⁾, принадлежать зенагамъ, которые, не будучи въ состояніи культивировать всѣ свои пальмы, собираютъ съ нихъ плоды въ два года разъ. Во всѣхъ оазисахъ вмѣстѣ насчитывается около 200.000 финиковыхъ пальмъ. Каждый ксаръ черезъ двухлѣтніе промежутки избираетъ мѣстный совѣтъ (по одному члену на пятьдесятъ избирателей), который назначаетъ изъ своей среды начальника совѣта, казначея и судью, могущихъ быть вновь выбранными неопредѣленное число разъ. Четыре раза въ годъ, въ обыкновенное время, и чаще въ критическіе моменты, общее вѣче, или *джемаа*, собирается въ прогалинѣ, нейтральной мѣстности, лежащей въ центрѣ оазиса Фигигъ, и обсуждаетъ общія дѣла республики. Попеченіе о духовныхъ нуждахъ народа вѣряется этимъ общимъ собраніемъ группъ *марабутовъ*, вліяніе которыхъ, религиозное и политическое, распространяется, повидимому, до предѣловъ алжирскаго Телля; въ каждой деревнѣ есть мечеть, которая всегда строится подлѣ источника, и сюда-то приходитъ поучаться юношество изъ оазисовъ и изъ Марокко. Фигигъ—это главный университетъ страны. Понятно, что этотъ очагъ пропаганды противъ руми, лежащій въ непосредственномъ соедѣствіи границы и служащій убожищемъ для мятежниковъ и дезертировъ, представляетъ, въ политическомъ смыслѣ, гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ то, которое принадлежитъ этому оазису по численности его населенія. Жители Фигига уходятъ въ большомъ числѣ на заработки: они славятся какъ отличные каменщики и искусные рудокопы. Женщины ткутъ бумажныя и шерстяныя матеріи, вышиваютъ ханки и красятъ ткани. Въ оазисѣ живетъ нѣсколько евреевъ, но имъ запрещено «подъ страхомъ смерти» давать деньги въ ссуду; точно также они не имѣютъ права приобретать въ собственность дома или сады ²⁾.

Фигигъ находится недалеко отъ одного изъ будущихъ путей, которые направятся черезъ Сахару; но важнѣйшій жизненный пунктъ—это ксаръ Игли, лежащій при слияніи угодъ Гиръ и Зусфана, образующихъ уадъ Саура, долина котораго продолжается на югъ между грядями дюнь. Этотъ оазисъ, гдѣ соединяются долины, есть обязательное мѣсто прохода для каравановъ: здѣсь сходятся дороги Алжирія, Марокко, Туата ³⁾. Населеніе его состоитъ изъ семействъ, принадлежащихъ къ двумъ племенамъ, дуи-менія и уладъ-сади-шейхъ. Между Фигигомъ и оазисомъ Игли, самые большіе пальмовые лѣса, содержащіе около 100.000 финиковыхъ пальмъ, принадлежать богатому племени бени-

гуми, состоящему въ вассальной зависимости отъ племени дуи-менія. Въ этой области періодически происходитъ большое передвиженіе людей и стада, сообразно смѣнѣ времени года. Лѣтомъ пастухи кочуютъ на плоскогорьяхъ, а на зиму спускаются въ равнины; если они замѣшкнутся, стада сами уходятъ, такъ что пастухи поневолѣ должны слѣдовать за скотомъ ⁴⁾.

II. Соціальное и экономическое состояніе Марокко.

«Нельзя слишкомъ превознести Марокко», замѣчаетъ Гукеръ, когда говоришь о богатствѣ его естественныхъ ресурсовъ. Эта страна имѣетъ всѣ выгоды: теплый климатъ, обиліе водъ, плодородіе почвы, разнообразіе произведеній, счастливое торговое положеніе между двухъ морей, въ углу континента. Хотя лежащій подъ той же широтой, какъ и Алжирія, Магребъ эль-Акса далеко превосходитъ послѣднюю совокупностью своихъ географическихъ условій. Тогда какъ во французской колоніи центральную полосу занимаетъ область однобразныхъ плоскогорій, солонцоватыхъ и почти безводныхъ пространствъ, въ Марокко хребетъ страны образуетъ великолѣпная цѣпь горъ, съ обильно орошаемыми долинами, съ поднимающимися одинъ надъ другимъ поясами климатовъ и растительности, которые представляютъ всю послѣдовательность земныхъ флоръ: за исключеніемъ нѣсколькихъ растений тропическаго пояса, марокканцы могли бы воздѣлывать всѣ растительные виды, полезные для питанія и промышленности; въ то же время горы ихъ не менѣе богаты металлоносными жилами, чѣмъ горы Испаніи. А между тѣмъ эта земля, такъ щедро одаренная природой, играетъ ничтожную роль въ общемъ равновѣсіи націй. Это потому, что мало найдется странъ, гдѣ бы жители были болѣе поработены: правительство тамъ присвоило себѣ всѣ права, и произволу его нѣтъ границъ. Счастье еще, что большинство берберскихъ племенъ внутренняго Марокко могли сохранить свою независимость отъ султана, а въ приморскихъ городахъ европейскіе консулы могутъ сдерживать агентовъ власти. «Этимъ только, говоритъ Гукеръ, и объясняется тотъ странный фактъ, что правительство, которому иногда оказываютъ содѣйствіе засухи, саранча и холера, не успѣло еще превратить страну въ пустыню». Въ неурожайные годы населеніе иногда должно питаться жолудями ⁵⁾.

Тѣмъ не менѣе было бы несправедливо повторять, вмѣстѣ съ нѣкоторыми писателями,

¹⁾ De Castries, «Bulletin de la Société de Géographie de la province d'Oran», 1882. № 14.

²⁾ Anne Levineck, «Revue de Géographie», janvier 1885.

³⁾ Rohfs, «Reise durch Marocco»;—Camille Sabatier, «La Question du sud-ouest».

⁴⁾ L. de Colomb, «Exploration des ksour et du Sahara dans la province d'Oran».

⁵⁾ Oscar Lenz, цитированное сочиненіе.

что «варварійскій Китай» запертъ всякому прогрессу. Сравнивая рассказы путешественниковъ, прежнихъ и новѣйшихъ, убѣждаешься, что въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ и здѣсь совершились большія перемѣны. Теперь европейцы безопасно разъѣзжаютъ по всей территоріи бледъ-эль-махзень; имъ не запрещается болѣе учиться арабскому языку, и они безъ труда находятъ себѣ преподавателей; фанатическая ненависть къ иностранцамъ уже не проявляется, какъ было прежде, и во многихъ мѣстахъ смѣнилась дружескими отношеніями; принятый очень ласково жителями Марракеша, путешественникъ Ленцъ съ удивленіемъ спрашивалъ себя: тотъ ли это городъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ его соотечественникъ Мальцанъ долженъ былъ преобразиться въ еврея, чтобы пробраться въ святой градъ, подъ покровомъ общественнаго презрѣнія. Если и теперь еще опасно путешествовать между берберскими племенами, то причина тому не ненависть къ руми, а недоверіе къ наблюдателю, на котораго они смотрятъ какъ на согдатель. Марокко постепенно вовлекается въ орбиту европейскихъ націй; каждый городъ побережья имѣетъ маленькую колонію негодантовъ, а въ городѣ Фецѣ насчитываютъ около пяти сотъ испанцевъ, по большей части дезертировъ или бѣглыхъ. Защищенный политически взаимной завистью соперничающихъ державъ, Марокко аннексируется мало-по-малу посредствомъ торговли. Нѣтъ ни одной шеллахской деревни на Атласѣ, ни одного гаратинскаго ксара въ мароккскомъ Суданѣ, гдѣ бы не прохладжались чаемъ, привезеннымъ изъ Китая англичанами, гдѣ бы не жгли керосина, происходящаго изъ нефтяныхъ источниковъ Америки. Съ другой стороны, Марокко въ послѣднее время сдѣлался одной изъ любимыхъ странъ у европейскихъ художниковъ. Сколько прекрасныхъ картинъ, которыми мы любуемся въ нашихъ галереяхъ, были написаны на базарахъ, передъ воротами и башнями Феца и Танжера!

Земледѣліе, эта древнѣйшая и всего медленнѣе преобразующаяся промышленность, очень мало измѣнилось въ своей традиціонной рутинѣ. Вслѣдствіе запрещенія вывоза пшеницы и ячменя, культура ихъ нисколько не расширяется, несмотря на то, что почва Марокко, особенно почва Гарба и всѣхъ западныхъ равнинъ какъ нельзя болѣе пригодна для воздѣлыванія этихъ хлѣбныхъ злаковъ; но площадь полей, засѣваемыхъ кукурузой, горохомъ, бобами, чечевицей, всѣми зерновыми продуктами, вывозъ которыхъ разрѣшенъ, постоянно возрастаетъ; торговое благосостояніе западныхъ равнинъ, процвѣтавшихъ въ XVI вѣкѣ, въ эпоху португальскихъ предпріятій¹⁾, снова подня-

лось въ землѣ Дуккала и въ соседнихъ мѣстностяхъ. Въ послѣднее время не было акклиматизировано ни одного растительнаго вида; марокканцы не культивируютъ земляныхъ фиستانекъ, которыя вполне удались бы въ областяхъ атлантическаго побережья; не развели они и чайнаго дерева въ долинахъ Атласа. Точно также не было сдѣлано никакой попытки ввести новыя породы животныхъ или улучшить туземныя посредствомъ скрещиванія¹⁾. Вывозъ рогатаго скота ограничивается нѣсколькими тысячами головъ для каждого изъ государствъ западной Европы; что касается вывоза овецъ и лошадей, то онъ строго запрещенъ, и въ Европѣ не увидишь другихъ мароккскихъ коней, кромѣ тѣхъ, которыхъ султаны присылаютъ въ подарокъ европейскимъ государямъ. Всѣмъ извѣстны неопредѣлимые качества варварійской лошади; впрочемъ, кажется, эта порода, взятая въ цѣломъ, значительно выродилась въ Магребѣ-эль-Акса. Мароккскіе мулы отличаются такой же силой и выносливостью, какъ испанскіе.

Приблизительное исчисленіе домашнихъ животныхъ Марокко, по Ленцу:

Овецъ — 40 000.000, козъ — 11.000.000, крупнаго рогатаго скота — 5.500.000, ословъ и муловъ — 4.000.000, лошадей — 500.000, верблюдовъ — 500.000.

Мароккская промышленность, защищенная системой отчужденія, которой всегда придерживалась шерифская политика, лучше сохранилась, чѣмъ промышленность другихъ магометанскихъ странъ. Ковры, матеріи, сафьяны, оружіе, изразцы — все еще дѣлаются въ Марокко по преданіямъ стараго искусства, и нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, между прочимъ, бѣлые хаики, сотканые изъ тонкой шерсти по шелковой основѣ, отличаются замѣчательной красотой. Но десяти-процентная ввозная пошлина, тяготящая надъ иностранными товарами, не въ состояніи устранить ихъ съ рынковъ Марокко, и произведенія европейскихъ мануфактуръ все болѣе и болѣе вытѣсняють туземныя издѣлія. Пароходы, поддерживающіе правильное сообщеніе между всѣми городами поморья, караваны, приходящіе туда запасаться провизіей, содѣйствуютъ ежедневно промышленной революціи, совершающейся внутри имперіи. Еще гораздо болѣе будутъ перемѣны, когда Марокко, неимѣющій теперь никакихъ правильныхъ дорогъ, кромѣ одной, да и то плохо содержимой, — дороги изъ Феца въ Меккинецъ, — обзаведется, въ свою очередь, удобными и скорыми путями сообщенія. Въ настоящее время посылства, отправляющіяся изъ Танжера въ Фецъ, употребляютъ среднимъ числомъ отъ 12

¹⁾ E. Pellissier, „Mémoire historique et géographique sur l'Algérie“.

¹⁾ H. von Maltzan, „Drei Jahre im Nordwesten von Afrika“.

до 14 дней на этот короткий переѣздъ въ какихъ-нибудь 200 километровъ¹⁾. Но давно уже была предложена постройка желѣзной дороги изъ Феца въ Лалла-Магнью²⁾, и хотя это дѣло остановилось въ виду дипломатическихъ препятствій, такъ какъ опасаются, и не безъ причины, что за проходомъ локомотивовъ послѣдуетъ проходъ армій,—тѣмъ не менѣе китайская стѣна, начинающаяся отъ алжирской границы, не можетъ долго существовать. Торговый кругъ Европы все тѣснѣе и тѣснѣе охватываетъ магометанскую энклаву. Изъ европейскихъ государствъ всего больше имѣютъ торговыхъ сношеній съ Марокко Англія и Франція: половина всего обмѣна приходится на долю Великобританіи; непрерывное сообщеніе между Танжеромъ и Гибралтаромъ, имѣющее цѣлью снабженіе послѣдняго продовольствіемъ, уже само по себѣ составляетъ значительную часть мароккской торговли.

Обороты вѣдшей торговли Марокко въ 1895 г. представляли слѣдующія цифры (въ фунтахъ стерлинг.):

Привозъ—1.706.176, вывозъ—1.586.345 фунт. стерлинг.

Торговля Марокко съ Франціей въ 1895 г.:

Вывозъ—328.389, ввозъ—446.991 фунт. стерлинг.

Движеніе судоходства въ 1895 г.: въ приходѣ—1.895 судовъ, вмѣстим.—862.714 тон.

Къ показываемой статистикой цифрѣ торговыхъ оборотовъ съ Франціей слѣдовало бы прибавить еще цѣнность контрабандной торговли, которая ведется съ Тлемсеномъ черезъ сухопутную границу. Право собственности въ Марокко признано за всѣми иностранцами, въ силу мадридской конвенціи, подписанной въ 1880 г.; но покупка земель можетъ быть дѣлаема не иначе, какъ съ предварительнаго согласія шерифскаго правительства, а это согласіе очень трудно получить.

Перемены, совершающіяся въ нравахъ и понятіяхъ, еще не довольно значительны, чтобы обнаружиться косвенно въ учрежденіяхъ, за исключеніемъ городовъ, гдѣ проживаютъ иностранцы. Такъ, школы, существующія во внутреннемъ Марокко, все тѣ же медресе, гдѣ читаютъ на распѣвъ стихи Корана; тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того факта, что уровень образованія поднимается, благодаря возрастающимъ сношеніямъ Марокко съ другими странами, чрезъ посредство торговли, временной эмиграціи, даже хожденія на богомолье въ Мекку, благодаря также примѣру, который подають еврейскія школы, основанныя съ 1862 года въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Марокко израильскимъ союзомъ (Alliance Israélite); въ 1884 г. въ этихъ школахъ

числилось свыше 1.150 учащихся, которые всѣ получаютъ образованіе на французскомъ языкѣ, сдѣлавшемся цивилизованнымъ діалектомъ еврейскаго и иностраннаго общества. Газеты и журналы издаются только въ портовыхъ городахъ и въ столицѣ; арабскихъ книгъ болѣе не пишутъ. Полигамія такъ же рѣдка въ Марокко, какъ и въ Алжиріи; исключеніе составляютъ только вельможи, которые уже для поддержанія своего достоинства обязаны имѣть большое число женъ. Султанъ-шерифъ имѣетъ ихъ цѣлыя сотни: говорятъ, гаремъ его каждую пятницу увеличивается новой супругой. Наконецъ, старыя формы рабства продолжаютъ еще существовать въ Марокко; если торговля бѣлыми невольниками отмѣнена формально уже съ 1777 г., то торговля неграми до сихъ поръ практикуется регулярно съ той и другой стороны Сахары, и даже у самыхъ дверей консульствъ Танжера. Публичная продажа живаго товара официально воспрещена, но въ послѣдніе годы обороты этой гнусной торговли болѣе, чѣмъ удвоились: многія тысячи несчастныхъ приводятся ежегодно караванами изъ Судана, складочные пункты которыхъ находятся въ Тафилельтѣ и въ области Уадъ-Сусъ. Высшіе сановники имперіи все еще имѣютъ позорную привычку подвергать дѣтей кастраціи³⁾.

Султанъ, происходящій изъ рода тафилельтскихъ шорфовъ—откуда и титулъ его «шерифское величество»—есть самодержавный государь, настолько, по крайней мѣрѣ, насколько это позволяетъ законъ Корана; впрочемъ, ему же принадлежитъ право истолкованія этого закона, ибо онъ не только свѣтскій повелитель, но также и духовный владыка миллионныхъ людей, населяющихъ западный Магрибъ; его императорская воля—вотъ единственный законъ. Султанъ удостоиваетъ братья себѣ совѣтниковъ и правительственныхъ агентовъ, но у него нѣтъ министровъ въ точномъ смыслѣ этого слова; онъ даетъ приказы, даже когда спрашивается совѣта. Тѣмъ не менѣе, ему достаточно обратить взоры къ Танжеру, гдѣ имѣютъ пребываніе иностранные консулы, чтобы понять, насколько власть его отнынѣ ограничена. Одинъ португальскій орденъ, «Башня и Шпага», постоянно напоминаетъ марокканцамъ, что завоеваніе Феца и его башенъ осталось цѣлымъ честолюбивыхъ стремленій его сѣверныхъ сосѣдей. Впрочемъ, территория западнаго Магриба уже почта, такъ какъ испанцы владѣютъ крѣпостями на побережьи и прочно утвердились у внутреннихъ воротъ Гибралтарскаго пролива; кромѣ того, Мароккской имперіи нужно еще переносить униженіе, предоставляя побѣдителямъ при Тетуанѣ искать себѣ на атлантическомъ берегу стратегическую или военную

¹⁾ Oscar Lenz, „Timbuctu“.

²⁾ O Mac Carthy, „Carte du Sud Oranaise et des parties limitrophes du Maroc“, 1881.

³⁾ Oscar Lenz, цитирующій сочиненіе:—„Parliamentary Papers“, 1885, № 1.

позицію, какая имъ понравится. Со стороны Алжири царство султана-шерифа точно ограничено, и Франція не владѣетъ никакими энклавами на территоріи, оставленной марокканцамъ; но сколько разъ эта фиктивная демаркаціонная черта, не совпадающая съ какими-либо естественными границами, долинами или горными цѣпями, и не имѣющая никакого этнологическаго или военнаго значенія, была переходима французскими отрядами во время преслѣдованія враждебныхъ племенъ амуръ, бени-изнатенъ или сидишейхъ, которыя всегда находятъ хорошій пріемъ у султана, но которыхъ онъ не защи-

жалобу со стороны какого-нибудь европейскаго протекже о нарушеніи его интересовъ, султанское правительство сѣмшитъ заплатить вознагражденіе за убытки, чтобы только избѣжать дипломатическихъ затрудненій. Часто этимъ пользуются беззастѣнчивые люди, заставляя себя платить крупныя суммы, на которыя они не имѣли ни малѣйшаго права.

Власть иностранныхъ консуловъ распространяется иногда на самихъ магометанъ: каждый консулъ пользуется даже привилегіей брать подъ свое покровительство до двѣнадцати человѣкъ туземцевъ. Когда марокканецъ имѣетъ какую-нибудь претензію къ европейцу, онъ

Школа въ Фецѣ.

щаетъ силой своего оружія! Съ своей стороны, Великобританія присвоила себѣ роль державы-покровительницы въ отношеніи Марокко и часто давала ему субсидіи: это она помѣшала побѣдоносной арміи испанцевъ идти на Танжеръ. Наконецъ, торговые трактаты, заключенные съ Марокко европейскими державами, развѣ не продиктованы ему, статья за статьей? Даже маякъ мыса Спартель, освѣщающій входъ въ проливъ, у порога имперіи, былъ построенъ иностранцемъ, и заботы о содержаніи его берутъ на себя, по-очередно, европейскіе консулы. Султанъ-шерифъ знаетъ, что у него нѣтъ необходимой силы, чтобы противиться волѣ Европы, и что существованіе его имперіи не имѣетъ другой гарантіи, кромѣ взаимной зависти большихъ государствъ. Оттого, услышавъ

долженъ жаловаться консулу-покровителю и у него искать правосудія. Съ другой стороны, иностранецъ, въ случаѣ тяжбы съ марокканцемъ, долженъ обращаться къ кади; но если онъ недоволенъ рѣшеніемъ туземнаго судьи, то имѣетъ право апеллировать къ султану, чрезъ посредство своего посланника. Но съ марокканцами судъ гораздо короче. Система наказаній, или вѣрнѣе судебная месть, отлывается въ Марокко ужасающей жестокостью. Если осужденные рѣдко караются насильственной смертію, то многіе изъ нихъ только больше страдаютъ отъ этого, будучи обречены на медленную агонію. Въ государственныхъ тюрьмахъ томится не мало несчастныхъ, у которыхъ голова продѣта въ желѣзный ошейникъ, заставляющій ихъ все время оставаться въ стоячемъ

положеніи; многіе остроги представляют собою вонючія клоаки, гдѣ забытые арестанты умираютъ голодной смертью. Воровъ иногда подвергаютъ особому наказанію, запирая имъ навсегда кисти руки: преступнику сжимаютъ кулаки такъ, чтобы ногти впились въ живое мясо, открытое предварительно ножомъ; свѣжая кожа, постепенно обтягивающая руку, держитъ ее въ состояніи обрубка ¹⁾. Обыкновенныя наказанія — палочные удары и штрафы, присуждаемые безапелляціоннымъ приговоромъ кади. Верховный судья — фецскій кади, должность котораго всегда занимаетъ одинъ изъ шорфовъ императорской фамиліи. Избираемый султаномъ, онъ назначаетъ окружныхъ кади, которые, въ свою очередь, собственной властью опредѣляютъ сельскихъ кади.

Комплектованіе мароккской арміи дѣлается немногомъ наудачу: весной каждое изъ племенъ, составляющихъ махзенъ, т. е. военную часть націи, обязано поставить по одному ратнику съ очага; но обыкновенно кайды, получивъ предписаніе прислать рекрутъ, хватаютъ первыхъ попавшихся мужчинъ, заковываютъ ихъ въ цѣпи и доставляютъ своему господину, который держитъ завербованнаго такимъ способомъ воина на службѣ до самой смерти, если тотъ современемъ не представитъ замѣстителя изъ своей семьи. Общая численность войскъ, составляемыхъ махзеномъ, простирается до 25,000 человекъ, изъ которыхъ семь тысячъ пѣхотинцы; въ случаѣ войны султанъ могъ бы собрать по крайней мѣрѣ вдвое большію армію, около сорока тысячъ пѣхоты и столько же конницы ²⁾. Самый солидный корпусъ, такъ называемый *гинш*, составляющій ядро мароккской арміи, состоитъ изъ девяти тысячъ человекъ, которые въ одно и то же время солдаты, жандармы, правительственные агенты. Между солдатами гинша самые грозные тѣ, которые называются абидъ-сиди-бохари, или «слуги бухарскаго господина», потому что при сформированіи этого корпуса, въ 1679 г., онъ былъ поставленъ подъ покровительство одного бухарскаго святаго. Эти «бухарцы», сплошь негры, недавно составляли родъ преторіанской гвардіи, которая хотѣла-было командовать самими султанами, вслѣдствіе чего правительство вынуждено было раскассировать ихъ по разнымъ провинціямъ; хотя послѣ того вліяніе ихъ значительно ослабло, однако они и теперь занимаютъ почти всѣ высшія должности въ войскахъ. Такъ же какъ другіе солдаты, воины корпуса «гинш» употребляютъ главнымъ образомъ для сбора податей; они почти круглый годъ странствуютъ по горамъ и доламъ, переходя изъ деревни въ деревню, отъ одного племени къ другому и забирая изъ собранныхъ

жителями плодовъ земныхъ долю, вдвое или втрое большію той, которая доходитъ до казеннаго сундука, въ формѣ налоговъ. Сельскіе обыватели, какъ только запримѣтятъ вдали высокія красныя шапки махзенцевъ, бросаются прятать все, что у нихъ есть цѣннаго. Когда путешественники проѣзжаютъ по опустѣлымъ мѣстамъ и спрашиваютъ у проводниковъ о причинѣ запустѣнія, тѣ отвѣчаютъ лаконически: «саранча или махзенская команда» ³⁾. Въ страдную пору солдаты бѣгутъ домой цѣлыми партіями, и пойманные дезертиры почти не подвергаются наказанію — такъ велико число провинившихся въ этомъ капитальномъ нарушеніи воинскаго устава. Плохо одѣтые, плохо вооруженные, плохо командуемые, безъ дисциплины, марокканцы, тѣмъ не менѣе, хорошіе солдаты, храбрые въ бою, неутомимые въ походѣ, трезвые, терпѣливые, толковые, понятливые въ военномъ дѣлѣ. Одинъ батальонъ, обучаемый въ Гибралтарѣ, на средства англійскаго правительства, служитъ единственно къ тому, чтобы фигурировать на церемоніяхъ и давать чужестраннымъ посламъ выгодное понятіе о мароккской арміи. Пушкамъ приписываютъ нѣчто въ родѣ мистической силы: всякій преслѣдуемый по политическимъ причинамъ имѣетъ право искать убѣжища подлѣ артиллерійскихъ орудій, откуда никто не смѣетъ взять его безъ разрѣшенія султана ⁴⁾.

Нѣкоторое число иностранныхъ офицеровъ, по большей части ренегатовъ, организовали военныя службы и обучили войска; но постоянно подозрѣваемые, какъ чужеземцы, они никогда не достигали вліятельнаго положенія; впрочемъ, какъ при всякомъ деспотическомъ режимѣ, недобѣріе составляетъ одно изъ главныхъ средствъ правленія. Высшій чинъ въ арміи — кайды-ага, соотвѣтствующій батальонному командиру; въ рангъ генерала никого не производятъ изъ боязни, что подобная власть можетъ угрожать безопасности имперіи. Наказаніе палками примѣняется и къ офицерамъ такъ же, какъ къ нижнимъ чинамъ. Чтобы увеличить силу своей арміи, не имѣя надобности прибѣгать къ услугамъ и совѣтамъ иностранныхъ инструкторовъ, мароккское правительство посылаетъ теперь извѣстное число молодыхъ военныхъ въ заграничныя спеціальныя училища, въ Монпелье и въ Шпацдау. Однако, полевая артиллерія и часть пѣхоты все еще обучаются французской военной миссіей, посланной въ 1877 г., а обученіемъ остальной пѣхоты руководить одинъ англичанинъ, бывшій офицеръ британской службы. Пушки и военные снаряды выносятся изъ-за границы; Танжерская крѣпость вооружена орудіями большаго калибра, батареи которыхъ были построены гибралтарскими ин-

¹⁾ Erckmann, „Le Maroc moderne“; — Colville, цитируемое сочиненіе.

²⁾ Erckmann, цитируемое сочиненіе.

³⁾ A. Beaumier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“.

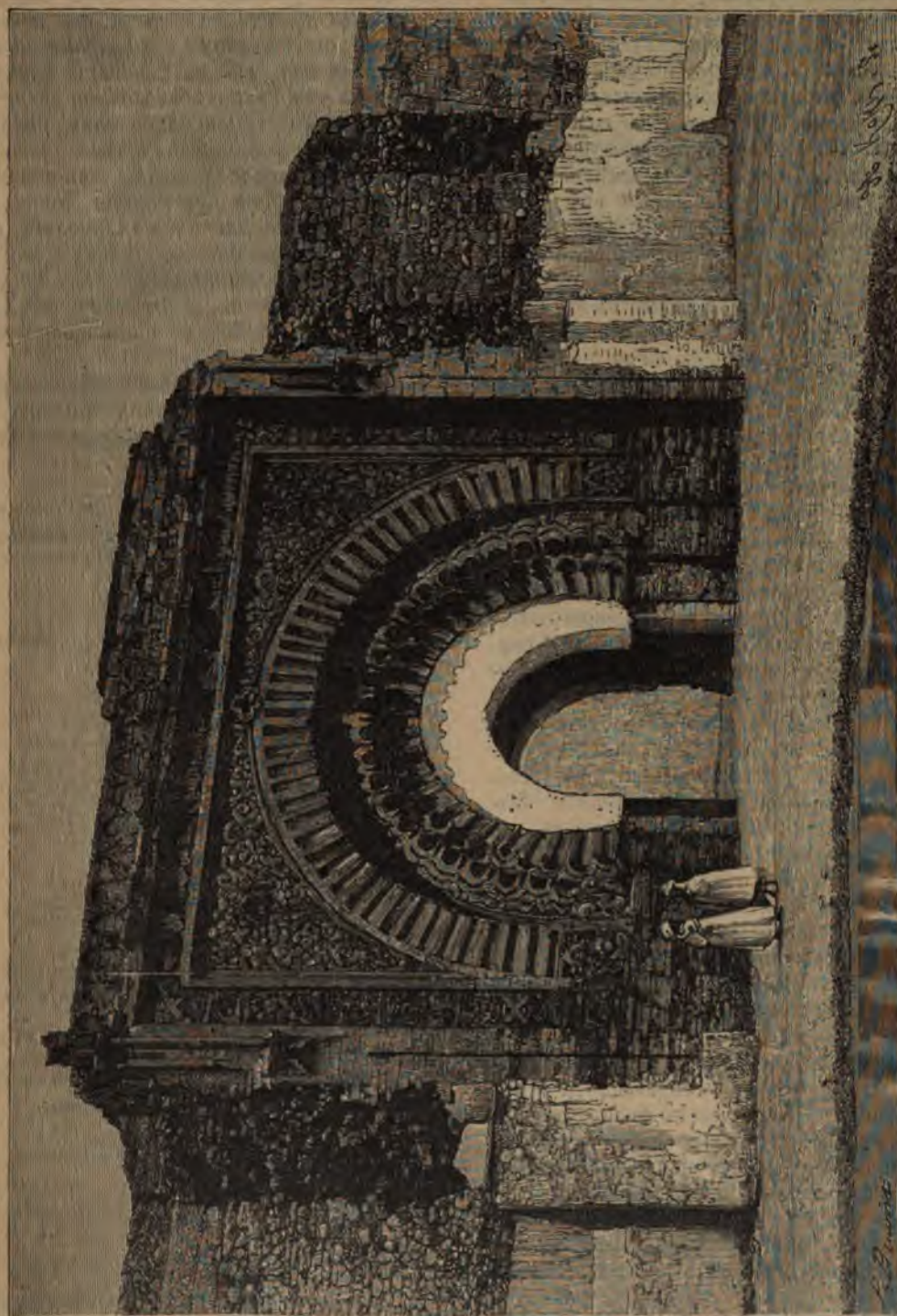
⁴⁾ „Revue Scientifique“, 24 mars 1883.

женерами. Флота въ Марокко совсѣмъ нѣтъ, кромѣ одного купеческаго корабля, экипажъ котораго состоитъ изъ бельгийцевъ. Потомки грозныхъ некогда корсаровъ, въ числѣ нѣсколь-

занныхъ ихъ предками, правительство выдаетъ имъ ежемесячно каждому по три франка изъ таможенныхъ доходовъ ¹⁾.

Марокко принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣд-

Христіанскія ворота въ Марокко.

кихъ сотенъ, употребляются только для нагрузки и выгрузки судовъ; очень искусные гребцы, они однако не выходятъ, въ своихъ баркасахъ, за предѣлы рейдовъ, гдѣ стоятъ на якорѣ иностранные корабли. Въ память услугъ, ока-

ныхъ странъ, которыя не имѣютъ государственнаго долга, или по крайней мѣрѣ располагаютъ

¹⁾ Erckmann, путевое сочиненіе; — Beaumier, „Le Maroc“; — „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“.

активомъ, вполне достаточнымъ для покрытія всѣхъ расходовъ. Это потому, что въ дѣйствительности тамъ не существуетъ бюджета: то, что называютъ этимъ именемъ, есть просто частное состояніе султана; что касается императорской фамилии, очень многочисленной, то она состоитъ изъ лицъ, большинство которыхъ возвращается въ толпу подданныхъ, и только немногіе изъ родственниковъ государя получаютъ опредѣленную сумму на свое содержаніе. Въ собственную кассу султана поступаютъ не только доходы съ его личныхъ имѣній и всякаго рода подарки, приносимые ему, какъ государю или покровителю, городами, племенами и общинами, но даже правильные налоги, которые въ европейскихъ странахъ составляютъ достояніе государственной казны: въ эту кассу передаются подать со стадъ и десятина ашурсъ недвижимыхъ имуществъ; ей же принадлежатъ денежные штрафы, таможенные сборы (ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ), прибыль отъ регалій или монополій, между прочимъ, отъ продажи табаку и кифа, или конопли, хапиша восточныхъ людей. Расходы, производимые почти единственно на содержаніе арміи и двора, не достигаютъ даже половины доходовъ, такъ что ежегодно долженъ оставаться значительный излишекъ, который накапливается въ казну (такъ напримѣръ, въ 1880 г. доходы имперіи составляли сумму 12.660.000, а предположенные расходы всего только 5.300.000 франковъ). Титулъ *мулай*, даваемый султану, также какъ шерифу Уэццана, значить «господинъ», но особенно въ смыслѣ владыка. Обычныя почетныя qualificacіи, употребляемыя въ трехъ варварійскихъ странахъ, какъ замѣчаетъ Кареттъ, соответствуютъ тремъ различнымъ порядкамъ превосходства. Въ Тунисѣ титулъ *арфи* указываетъ на знаніе; въ Алжирѣ названіе *си, сиди* относится къ силѣ, могуществу; въ Марокко слово *мулай* заключаетъ въ себѣ преимущественно понятіе о богатствѣ.

Послѣ войны съ Испаніей, Марокко долженъ былъ подписать обязательство объ уплатѣ побѣдителя суммъ въ 100 милліоновъ, въ видѣ выкупа за Тетуанъ, и, вслѣдствіе того, половина таможенныхъ сборовъ, простирающихся среднимъ числомъ до 7 милліоновъ франковъ, предоставлена Испаніи, контролеры которой облечены правомъ надзора надъ мароккскими таможенными чинами. Четверть тѣхъ же доходовъ принадлежитъ англійскимъ займодателямъ, которые служили посредниками мароккскому императору и Испаніи во время заключенія мирнаго трактата, султану же достается только послѣдняя четверть, которая, впрочемъ, представляетъ болѣе значительную сумму, чѣмъ та, какую давали всѣ таможенные пошлины въ половинѣ настоящаго столѣтія. Единственная національная монета, чеканящаяся въ Марокко, — маленькая мѣдная монета цѣнностью

немного менѣе сантима; самая употребительная монета — испанскій дура, равняющийся пяти франкамъ.

Въ административномъ отношеніи Мароккская имперія дѣлится на области, или *амалаты*, управляемые амилами или кандами; кромѣ того, къ каждому изъ вассальныхъ племенъ приставлена чиновная особа, которая является представителемъ султана, либо какъ начальникъ, либо какъ посланникъ, смотря по степени покорности, къ которой приведено данное племя. Въ 1880 г., во время путешествія Ленца, государство было раздѣлено на 44 амалата, изъ которыхъ 35 находились въ странахъ Фецъ и Марокко и 9 въ территоріяхъ Уэдъ-Сусъ и Тафилельтъ; кромѣ того, по Эркану, 330 кандовъ управляютъ болѣе или менѣе зависимыми племенами.

Слѣдующая таблица содержитъ списокъ главныхъ территоріальныхъ дѣленій Марокко, съ цифрами населенія городовъ, показанными у новѣйшихъ путешественниковъ:

Амалаты.	Города.	Число жителей.
Ужда.	Ужда.	8.000 (Ля-Мазе).
Таза.	Таза.	3.500 (де-Фуко).
	Дебду.	2.000
Тетуанъ.	Тетуанъ.	25.000
Тавджа.	Танжеръ.	30.000
	Шешауенъ.	3.500 (де-Фуко).
	Эль-Арайшъ.	15.000
Гарбъ-эль-Изаръ.	Касръ-эль-Кебиръ.	9.000
	Уэццанъ.	3.000 (?)
	Фецъ.	14.000—15.000
Фумъ-эль-Гарбъ.	Мекиненъ.	25.000 (Ленцъ).
	Зерхунъ.	6.000 (Бонелли).
	Сефру.	3.000 (де-Фуко).
Рбатъ.	Рбатъ Сла.	35.000 (Ленцъ).
	Аземмуръ.	
Аземмуръ.	Даръ-эль-Бейда (Казабланка).	
	Мазаганъ (эль-Бриджа).	
Талла.	Касба Бени-Меллазъ.	3.000 (де-Фуко).
Демната.	Демната.	3.000 (де-Фуко).
Марракешъ.	Марракешъ или Марокко.	50.000 (Ламберъ).
Гага.	Могадоръ.	20.000
Абда.	Асфи.	3.000 (Рольфсъ).

Земли вассальныя или независимыя.

Рифъ.	Таферсать.	
Уэдъ-Сусъ.	Таруданъ.	8.300 (Гателъ).
Таазерультъ.	Илегъ.	
	Фумъ-эль-Госсанъ.	
Уэдъ-Нууъ.	Огульманъ.	
	Тамагрутъ.	
Уэдъ-Драа.	Бени-Обихъ.	
	Эль-Зеригатъ.	4.000 (Рольфсъ).
Тафилельтъ.	Абуамъ, эръ-Риссанъ.	
Кенада.	Кенада.	2.000
Фигигъ.	Зевага.	5.000 (де-Болонъ).
Испанскія владѣнія.		
	Меллиль.	4.000
	Сеута.	11.000

Глава V

Сахара.

I. Великая пустыня.

Имя «Сахара», т. е. «Обширная и пустынная равнина», по объяснению Дюверье, не имѣетъ точнаго значенія. Это географическій терминъ, примѣняемый разными авторами къ совокупности областей, которой они приписываютъ весьма различное протяженіе. Вообще, подъ Сахарой понимаютъ пространство, почти безводное и очень мало населенное, которое отдѣляетъ плоскогорья Барки и горы атлантической системы отъ странъ, орошаемыхъ Сенегаломъ, Нигеромъ, притокомъ озера Чаде и верхними данниками Нила. Но гдѣ начинается это раздѣльное пространство между Великой Африкой и той частью чернаго континента, которой дали названіе «Черной Африки» ¹⁾? По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, сѣверная его граница, идущая вдоль основанія Атласа, сливается съ берегомъ Сиртовъ, такъ что оно обнимаетъ всю триполійскую область ²⁾ и, слѣдовательно, начинается отъ береговъ Средиземнаго моря. Однако, въ силу установившагося обычая, принято брать въ расчетъ политическія границы, проводимыя на югъ прибрежныхъ государствъ, и многія мѣстности, принадлежащія по своему виду и климату одновременно къ тому и другому поясу, помѣщаются въ Сахару, въ средиземную область.

Естественные предѣлы Сахары очерчены природой почвы и измѣнчивыми явленіями климата. Гдѣ прекращается выпаденіе правильныхъ дождей, тамъ начинается пустыня; но движенію облаковъ не начертано точныхъ барьеровъ: они подвигаются болѣе или менѣе далеко, проникая въ поясъ бездождія или не доходя до него, смотря по цикламъ годовъ или вѣковъ. Поэтому тамъ, гдѣ горные хребты, какъ Атласъ, или большія рѣки, какъ Нилъ, не отмѣтили точныхъ рубежей, переходъ отъ Сахары къ другимъ естественнымъ областямъ совершается полосами неравной ширины: Сахара въ собственномъ смыслѣ окружена передовыми пустынями. При томъ же, до сихъ поръ еще не изслѣдована вся ея окружность, и очертанія ея, показываемыя на картахъ, имѣютъ лишь приблизительное значеніе. Сахара,

въѣдъ, это—цѣлый міръ, величиной почти равный Европѣ. Съ востока на западъ, отъ береговъ Нила до береговъ Атлантическаго океана, пустыня тянется на пространствѣ 5.000 километровъ; съ сѣвера на югъ, отъ подошвы берберскаго Атласа до воздѣланныхъ мѣстностей Судана, протяженіе меньше, всего только 1.500 километровъ въ среднемъ; но какимъ безконечно длиннымъ кажется это пространство караванамъ, которые страиваются подъ палящими лучами солнца, среди раскаленныхъ, ослѣпляющихъ глаза, песковъ, томимые мучительной жаждой, которую они мечтаютъ утолить на ближайшемъ привалѣ, гдѣ источникъ живительной влаги, можетъ-быть, изсякъ до ихъ прихода! Безъ оазисовъ Барки и Куфры, безъ Триполи и Феццава, безъ частныхъ «Сахаръ» Туниса, Алжирія и Марокко, поверхность Большой Сахары можно считать въ 6.200.000 квадр. километровъ. Населеніе ея оазисовъ, ея острововъ, горъ и сырыхъ низменностей, заключенныхъ въ ея безпредѣльномъ пространствѣ, исчисляется приблизительно въ полмилліона душъ.

Населеніе Сахары къ востоку отъ Ливійской пустыни:

Эннеди, Тибести, Ваджанга—50.000 жит.; Борку—12.000; Каваръ и сосѣдніе оазисы—5.000; Аиръ—100.000; земли сѣверныхъ туареговъ—30.000; Ауеллиментъ и другіе южные туареги къ сѣверу отъ Нигера—45.000; Туать, берега уада Саура и побочныя долины—120.000; западная Сахара—25.000 душъ.

Какъ во времена Геродота и Страбона, переходъ черезъ пустыню все еще очень труденъ, даже, вѣроятно, труднѣе, чѣмъ въ ту эпоху, потому что почва высохла, рѣки изсякли, лѣса исчезли. Правда, описанія древнихъ авторовъ преувеличены, какъ и слѣдовало быть въ эпоху, когда путешественники не располагали точными инструментами, и когда ихъ рассказы, переходя изъ устъ въ уста, въ концѣ концовъ сливались съ басней. Ливія, къ югу отъ средиземнаго побережья, слыха «пылающей» страной, гдѣ не могутъ жить ни люди, ни звѣри, ни растенія, гдѣ самая земля сожжена въ уголь знойными лучами солнца. Тѣмъ не менѣе, путешествія и военныя экспедиціи доказывали, что эти «жаркія» страны не недоступны. Уже Геродотъ передаетъ исторію пяти молодыхъ Назамоновъ, которые пустились на-удачу въ пустыню, «направляясь къ зефиру», и кото-

¹⁾ R. Thomassy, «Le Maroc et ses Caravanes»;—Onésime Reclus, «France, Algérie et Colonies».

²⁾ Josef Chavanne, «Die Sahara».

«послѣ многихъ дней ходьбы», достигли, въ землѣ черныхъ людей, города, стоящаго на берегу большой рѣки: былъ ли это Нигеръ у его изгиба въ странѣ Томбукту, или озеро Чаде, близъ впаденія одного изъ его притоковъ, Комадугу¹⁾? Какъ бы то ни было, ливійскіе изслѣдователи несомнѣнно переходили Сахару, судя по направленію, котораго они держались, и по тѣмъ подробностямъ, которыя они сообщаютъ о рѣкѣ, населенной крокодилами и текущей съ запада на востокъ. Не заходя такъ далеко, римскіе военачальники тоже проникли въ глубь Сахары, такъ какъ въ Кидамѣ и Гарамѣ еще сохранились остатки ихъ сооружений, а въ западной пустынѣ Светоній Паулинъ обслѣдовалъ долину узда Гиръ, можетъ-быть, притока рѣки, до которой доходили Назамоны. Но сколько другихъ армій, сколько каравановъ погибло въ этой страшной пустынѣ, поглощенные раскаленной почвой, какъ ручьи, выпиваемые капля по каплѣ песками ихъ лошадей!

Съ того времени, какъ въ Англіи основалось, въ концѣ прошлаго столѣтія, общество для изслѣдованія Африки, пути, проходимые европейскими путешественниками, тщательно отмѣчаются на картахъ; даже маршруты европейскихъ и арабскихъ купцовъ были сняты и приобщены къ сѣти научныхъ изслѣдованій. Сахара была уже пройдена во многихъ мѣстахъ съ сѣвера на югъ, но до сихъ поръ еще ни одинъ путешественникъ не прошелъ ее вполнѣ въ продольномъ направленіи отъ береговъ Нила до побережья Атлантики: всѣмъ памятна еще экспедиція Рольфа и его товарищей, которые, тщетно попытавъ сдѣлать первый переходъ на этомъ пути изъ оазиса Дахель въ оазисъ Куфра, принуждены были оставить первоначально избранное направленіе и повернуть на сѣверъ, чтобы пробраться между параллельными грядами дюнъ къ оазису Сивахъ. Даже морской берегъ Сахары, между мысомъ Бохадоръ и мысомъ Бланко, принадлежитъ къ числу наименѣе извѣстныхъ мѣстностей на африканскомъ побережьи, хотя онъ давно уже присоединенъ къ владѣніямъ европейской державы. Нѣсколько звеньевъ сѣти дорогъ, пройденныхъ изслѣдователями, занимаютъ пространство около полмилліона квадратныхъ километровъ. Говоря о Сахарѣ, нельзя не повторить слова Колумба: «Свѣтъ не великъ». Въ то время, какъ остальная часть земнаго шара уменьшилась подъ колесами пароходовъ и локомотивъ, въ то время, какъ повсюду строятся дороги и организуется быстрая перевозка людей и товаровъ, Сахара осталась такой же трудно доступной, такой же страшной, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ. Если океанъ соединяетъ берега противоположныхъ материковъ, то пустыня почти совершенно раздѣляетъ прилегающія къ ней страны. На сѣ-

верѣ и на югѣ Сахары флоры и фауны различаются родами и видами, народы рѣзко различаются наружностью, происхожденіемъ и нравами. На средиземномъ побережьи Африки, такъ же какъ въ Европѣ, населенія часто обновлялись вслѣдствіе большихъ переселеній: вандалы пришли туда съ Запада, совершивъ путешествіе черезъ цѣлый континентъ; арабы проникли туда, пройдя вдоль всего сѣвернаго берега Средиземнаго моря¹⁾. Но съ сѣвера на югъ Сахары не было массовыхъ переселеній, не было даже завоеванія какой-нибудь военной экспедиціей. Въ этомъ направленіи перемѣны въ расахъ, учрежденіяхъ и нравахъ совершались совершенно инымъ способомъ — путемъ медленнаго проникновенія новыхъ элементовъ отъ одного края до другаго. Невольники, приводимые съ юга, видоизмѣнили расу сѣверныхъ берберовъ и породили новыя смѣшанныя племена, каковы гаратинны въ мароккскихъ оазисахъ, атріа въ Туатѣ и Гадамесѣ, руага въ оазисахъ Алжири; арабскіе миссіонеры и купцы измѣнили религію и форму правленія у суданскихъ народовъ.

Сахара не высохшее морское дно, какъ ошибочно предполагали геологи, когда еще не были достаточно извѣстны природа почвы и неравенство ея рельефа. Даже самая низкая часть пустыни, простирающаяся къ югу отъ французскихъ владѣній, въ которой нѣкоторыя впадины лежатъ ниже уровня Средиземнаго моря, не была покрыта морскими водами и въ третичномъ періодѣ. Кромѣ берберской Сахары, нигдѣ въ другихъ областяхъ пустыни не находили какихъ-либо остатковъ морскаго происхожденія: мѣловыя и песчаниковыя формации, граниты, гнейсы, порфиры и базальты, образующіе выступы на неровной поверхности Сахары, не носятъ на себѣ нѣмыхъ слѣдовъ, кромѣ тѣхъ, которые оставлены дѣйствіемъ воздуха, дождя и солнца. На всемъ своемъ протяженіи пустыня есть континентальная область: она представляетъ, впрочемъ, нѣкоторое разнообразіе вида и заключаетъ обширныя пространства, къ которымъ неправомерно примѣняютъ названіе пустыни; но на значительныхъ протяженіяхъ поверхность ея состоитъ сплошь изъ ровной скалы или волнообразнаго песку. Подобно другимъ частямъ континента, Сахара имѣетъ свои горы съ долинами и потоками живой воды, но преобладающія формы ея рельефа — обширныя, однообразныя плато, каменистыя равнины и длинныя гряды дюнъ, слѣдующихъ одна за другой, какъ волны безбрежнаго моря: это и есть настоящая пустыня, безъ деревьевъ и цвѣтущихъ растений, безъ птицъ и мотыльковъ, это

¹⁾ Ernest Desjardins рукописныя замѣтки.

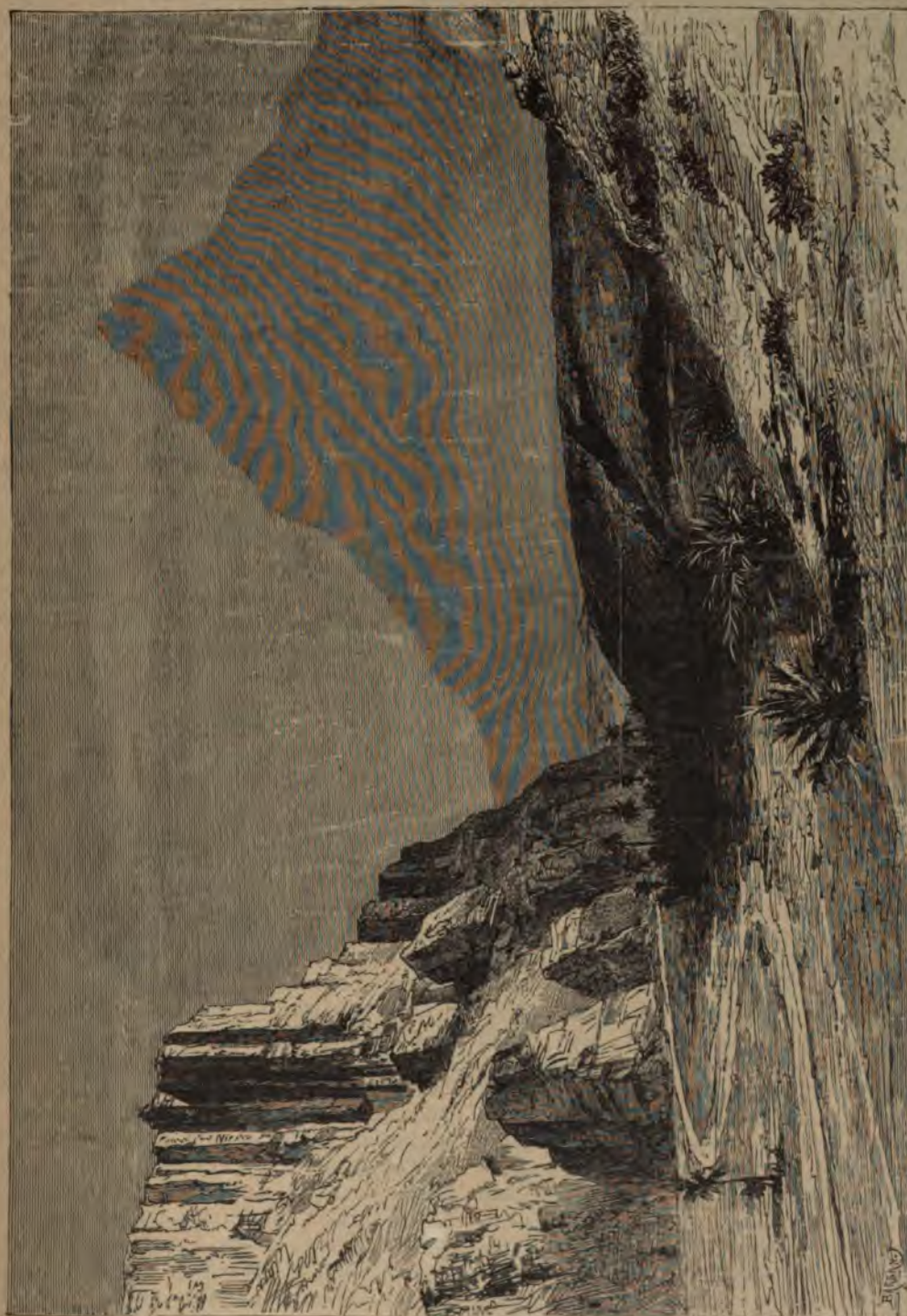
¹⁾ Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

область слѣпыхъ силъ тепла и вѣтра. По приблизительному исчисленію, плато, горизонтальные или изрѣзанные оврагами, занимаютъ почти половину Сахары; пески покрываютъ около одной девятой, а остальная часть по-

Гамады и сариры—3.600.000 кв. километр.; горы и скалы—2.000.000 кв. километр.; степи и пажити—1.500.000 кв. километр. Пески—850.000 кв. километр.

Оазисы и культурные поясы—200.000 кв.

Уэдъ аль-Халуфъ

верхности распределена между горами, скалами, степями, лощинами, оазисами и краевыми полосами воздѣланныхъ земель.

Поверхность Сахары, вмѣстѣ съ Триполи, берберской Сахарой, по Шаванну:

Географія Рекла. т. XI.

килом. По Циттелю, средняя высота Сахары 350 метровъ.

Что придаетъ громадному протяженію Сахары характеръ единства, несмотря на разнообразіе рельефа, — это рѣдкость или полное

отсутствіе живой воды во всѣхъ частяхъ территоріи, за исключеніемъ горныхъ областей, высокія вершины которыхъ поднимаются въ верхніе слои атмосферы. Происхожденіе Сахары нужно искать не въ самой почвѣ, а въ воздушныхъ пространствахъ: этотъ обширный бѣлый поясъ, раздѣляющій на-двое африканскій материкъ, есть, такъ сказать, лишь отраженіе неба, которое его освѣщаетъ. Очевидно, великая африканская пустыня создана дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ, которыя привели къ образованію другихъ пустынь на азіатскомъ континентѣ. Сахара только продолжаетъ собою въ западномъ направленіи тотъ поясъ земель, почти совершенно лишенныхъ древесной растительности, который тянется черезъ Монголію, Камгарію, Туранъ, Иранъ и Аравію, прерываемый черезъ большіе промежутки долинами рѣкъ, окаймленныхъ лѣсами, и цѣпями горъ съ зеленѣющими долинами. Эта длинная полоса пустынь, около 12.500 километровъ, перерѣзывающая наискось весь Старый Свѣтъ, съ ея параллельными полосами степей и передовыхъ пустынь, обязана своимъ происхожденіемъ не чему иному, какъ сухости вѣтровъ. Гумбольдтъ далъ совокупности пустынь Азій и Африки названіе «русла полярныхъ вѣтровъ», какъ будто воздушные токи, становящіеся въ тропическомъ поясѣ пассатными вѣтрами, правильно слѣдуютъ, при своемъ движеніи черезъ эти два материка, путемъ, указываемымъ бѣлой полосой песковъ. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: общее движеніе воздушныхъ массъ, устремляющихся отъ сѣвернаго полюса къ экваторіальнымъ областямъ, не принимаетъ столь косвеннаго направленія; хотя отклоняемое къ югу-западу вращеніемъ земли, это движеніе не всегда, однако, совершается правильно съ востока на западъ, по оси Большой Сахары, параллельной экватору. Метеорологическія наблюденія, производившіяся въ самой Сахарѣ или на ея окраинахъ, показали, что обыкновенный ходъ воздушныхъ массъ направляется отъ Средиземнаго моря къ главному тепловому фокусу: за исключеніемъ восточной части пустыни ¹⁾, и даже земли туареговъ ²⁾, гдѣ, впрочемъ, атмосферныя теченія очень измѣнчивы, господствующіе вѣтры въ Сахарѣ не тѣ, которые приходятъ съ востока или съ востоко-сѣверо-востока, растерявъ почти всѣ свои водяныя частицы во время длиннаго перехода черезъ материкъ Азіи. Тѣмъ не менѣе, направленіе, которымъ слѣдуютъ большинство воздушныхъ потоковъ, увлекаемыхъ къ Сахарѣ, достаточно объясняетъ ихъ бѣдность содержаніемъ водянаго пара. Въ Азій полярные вѣтры, сложивъ свою ношу влажности на горахъ Байкала, на Алтаѣ, на Тянь-

Шанѣ, на туркменскомъ Кавказѣ и высокихъ цѣляхъ Малой Азіи, не имѣютъ болѣе воды, чтобы проливать дожди на восточный Китай, Иранъ и Аравію; точно также вѣтры, иссушенные на своемъ пути черезъ Европу, не получаютъ, при переходѣ Средиземнаго моря, достаточнаго количества паровъ для орошенія африканскаго континента; они истощаютъ свои облака на береговыхъ холмахъ и горахъ и несутъ далѣе лишь весьма незначительную пропорцію влаги, рѣдко выпадающую въ видѣ дождей. При томъ, по мѣрѣ движенія къ югу, т. е. къ поясу болѣе высокой температуры, ихъ способность поглощенія водянаго пара возрастаетъ: они дѣлаются относительно все суше и суше. Всего чаще дожди выпадаютъ въ августѣ мѣсяцѣ, когда солнце находится въ зенитѣ Сахары.

Видъ Сахары свидѣтельствуеетъ о большихъ перемѣнахъ, которыя могли быть произведены только дѣйствіемъ водъ. Широкія русла, съ ихъ обрывами и плоскими берегами, повѣствуютъ о проходѣ рѣкъ въ этихъ областяхъ, нынѣ безвозводныхъ; глубокіе овраги, врѣзывающіеся въ толщу плоскихъ возвышенностей, также свидѣствуютъ о работѣ потоковъ и ручьевъ, которые разорвали почву и разнесли ея обломки по равнинамъ, въ видѣ мощныхъ слоевъ аллювиальной формации. Въ тѣ времена росла лѣса, окаменѣлые пни которыхъ встрѣчаются во многихъ частяхъ пустыни; тогда жили слоны и носороги, фигуры которыхъ представлены въ изваяніяхъ, находимыхъ на скалахъ горъ Феццана, Алжиріи, Марокко; тогда выюные вола, которыхъ въ наши дни замѣнили верблюды, медленно шагали чрезъ пустыню ¹⁾. Рѣки, гдѣ плавали крокодилы, теперь иссякли, большія животныя исчезли, вмѣстѣ съ лѣсами, которые давали имъ убѣжище; остались лишь кое-гдѣ живые ключи, и чтобы добыть воды, надо копать колодцы въ благоприятныхъ мѣстахъ, которыя умѣетъ распознавать опытный глазъ номада. Но эта вода почти всегда солоновата, и путникъ съ трудомъ привыкаетъ къ ней: по прибытіи къ колодцу Диббела, первому колодцу пустыни на дорогѣ съ береговъ озера Чаде въ Феццанъ, люди каравановъ, пришедшихъ съ юга, богатаго живыми водами, всегда заболѣваютъ отъ тамошней дурной воды; возвращаясь съ сѣвера, они постепенно привыкаютъ къ вкусу сахарскихъ водъ, и та же вода изъ Диббельскаго колодца кажется имъ хорошей ²⁾. Тѣ же явленія высыхания почвы, какія были наблюдаемы въ степяхъ и пустыняхъ Центральной Азіи и Южной Россіи, имѣли мѣсто и на югѣ Атласа; но можетъ быть, что взаимно того площадь правильныхъ дождей увеличилась въ южной части Сахары, приводи съ со-

¹⁾ G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

²⁾ H. Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

¹⁾ H. Barth; — H. Duveyrier, etc.

²⁾ G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

бой ручьи, растения и людей. Таково явление качания, или попеременнаго равновѣсія, которое путешественникъ Рольфсъ, какъ онъ полагаетъ, замѣтилъ въ сахарскомъ климатѣ.

Какова бы ни была степень вѣроятія этой гипотезы, не подлежитъ сомнѣнью, что перемены, совершающіяся въ наше время въ Сахарѣ, зависятъ почти исключительно отъ дѣйствія свѣта, вѣтровъ и альтернативъ температуры. Великое геологическое преобразование твердыхъ скалъ въ подвижныя дюны производится всецѣло работой метеорическихъ дѣятелей. Какъ только плиты плато дадутъ гдѣ-нибудь трещину, черезъ которую можетъ проникать наружный воздухъ, тотчасъ же начинается процессъ вывѣтриванія и разложенія: доломиты, гипсы или песчаники дѣлаются ломкими, рассыпчивыми, и превращаются постепенно въ песокъ или пыль; поверхностная часть горной породы мало-по-малу вывѣтривается, оставляя лишь тамъ и сямъ менѣе податливыя ядра, которыя высятся въ видѣ пирамидъ или колоннъ среди песковъ; слой за слоемъ, камень за камнемъ размельчается и уносится вѣтромъ; кое-гдѣ, на верху откосовъ, выступаетъ какой-нибудь карнизъ, который время еще не успѣло обглодать ¹⁾. Глинистая земля вывѣтривается подобнымъ же образомъ: во многихъ мѣстахъ можно видѣть тамариски и другія деревья, окружающія своими корнями земляныя горки, которыя они защитили отъ разрушенія, тогда какъ вокругъ нихъ земля была разметена вѣтрами. Послѣ распада не всѣ эти обломки остаются на мѣстѣ: происходитъ сортировка. Мелкія частицы: глина, гипсъ, известнякъ, кремнеземъ, все, что обращается въ пыль, уносятся далеко вѣтромъ и способствуютъ образованію въ долинахъ тѣхъ землестыхъ отложений, которыя походятъ на китайскій «желтоземъ», но которыя не получаютъ плодотворнаго дождя и не доставляютъ, въ видѣ хлѣба, пищу миллионамъ людей. Крупные обломки, слишкомъ тяжелые, чтобы вѣтеръ могъ поднять ихъ, остаются на мѣстѣ, образуя родъ булыжниковой мостовой, которую путешественники встрѣчаютъ во многихъ мѣстахъ Сахары. Что касается зеренъ кварца, разной величины, то они перекатываются, уносимыя съ этажа на этажъ, и отлагаются въ видѣ дюнъ, этихъ «воздушныхъ наносовъ», которые измѣняютъ форму и перемѣщаются, соотвѣтственно движенію, столкновенію и круговращенію атмосферныхъ потоковъ. Такимъ образомъ дюны несомнѣнно новѣйшаго происхожденія. Если бы Вогезы, горы, состоящія изъ песчаника и слѣпившагося песку, находились въ сахарскомъ климатѣ, онѣ скоро обратились бы въ груды дюнъ, какъ горы африканской пустыни; точно

также тріасовыя известняки Лотаринги сдѣлались бы гамадами, каменными плато, лишенными всякой растительности ¹⁾.

По мнѣнію или гипотезѣ нѣкоторыхъ изслѣдователей, дюны, образовавшіяся путемъ разложенія горныхъ породъ, остаются на мѣстѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что горки сыпучаго песка не передвигаются такъ быстро, какъ могъ бы предположить наблюдатель при видѣ бури, срывающей гребни дюнъ и распространяющей въ атмосферѣ песчаную тучу, которая затмеваетъ солнце. Среди этихъ пыльных вихрей, почти столь же опасныхъ, какъ свѣжныя мятели, путешественники припоминаютъ легенды о караванахъ, о цѣлыхъ арміяхъ, поглощенныхъ движущимися дюнами, и въ страхѣ ждутъ, что скоро и ихъ постигнетъ участь тѣхъ несчастныхъ, которые покоятся подъ рыжимъ саваномъ песковъ. Однако, когда буря стихнетъ, когда гребни дюнъ перестанутъ «дымиться», и облака пыли пропадаютъ на горизонтѣ, расплываясь въ красноватый туманъ ²⁾, общій видъ пейзажа почти нисколько не измѣнился; песчаныя горки стоятъ на томъ же мѣстѣ, и профиль ихъ не представляетъ сколько-нибудь замѣтно перемѣны; *асси*, т. е. узкія долины, раздѣляющія дюны, повидимому, сохранили прежніе контуры. Но одинъ вѣтренный день ничего не значить въ исторіи земли, да при томъ извѣстны примѣры въ современномъ періодѣ, доказывающіе, что если большинство дюнъ остаются или переобразовываются на тѣхъ же мѣстахъ, то есть и такія, которыя перемѣщаются. Часто проводники находили песчаные бугры тамъ, гдѣ прежде была долина, служившая дорогой караванамъ. Впрочемъ, иначе и быть не можетъ, если не предположить, что каждый годъ равнодѣйствующая вѣтровъ представляетъ полное равновѣсіе между силами, дѣйствующими по разнымъ направленіямъ, т. е. что за каждымъ воздушнымъ токомъ слѣдуетъ противоположный токъ равной силы и равной продолжительности. Но такого равновѣсія не существуетъ: извѣстно, что въ цѣломъ преобладаютъ вѣтры, дующіе отъ Средиземнаго моря къ пустынѣ. Во многихъ мѣстностяхъ промежутки между дюнами обнаруживаютъ прежній каменистый грунтъ, совершенно отличный, по геологическому происхожденію, отъ верхнихъ песковъ. Такъ, на югѣ земли Мзабъ мѣловое плоскогорье покрыто тамъ и сямъ дюнами, происходящими изъ большаго западнаго резервуара песковъ: къ востоку отъ эль-Голеа путешественникъ Роланъ обследовалъ двѣ такихъ цѣпи странствующихъ дюнъ, имѣющія въ длину около 50 километровъ, при средней ширинѣ

¹⁾ Vatonne, «Missions de Ghadamès»;—V. Largeau, «Le Sahara algérien»; «Le Pays de Birha».

¹⁾ E. Joudry, «Philosophie positive» 1875 et 1876;—G. Rolland, «Nature», 3 juin 1882.

²⁾ P. Mares, «Note sur la constitution générale du Sahara dans la province d'Oran».

въ четыре километра ¹⁾. Но разгуливая по широкому раздолью Сахары, песчаная пыль не образуетъ дюнъ безразлично на всѣхъ пунктахъ пустыни: рельефъ плоскогорій, углубленіе долинъ, круговороты воздушныхъ теченій вліяютъ на направленіе песковъ, защищая одно мѣсто отъ наносовъ, открывая другое отложенію песчинокъ. Переминаясь съ дюны на дюну, подъ дуновеніемъ вѣтра, песчаная частица скопляются въ сугробы, какъ снѣгъ, наметаемый въ прикрытыя мѣста. Такъ точно, когда наблюдаешь прибой волнъ, кажется, что всегда ударяются о берегъ одні и тѣ же волны, а между тѣмъ жидкая масса ихъ постоянно обновляется. Впрочемъ, встрѣчаются также дюны, окончательно утвердившіяся на мѣстѣ, благодаря растительности травъ съ разстилающимися корнями, которые проникаютъ глубоко въ почву, чтобы найти нужную влагу: въ сосѣдствѣ оазисовъ можно бы было остановить движеніе дюнъ, насаждая дринъ и другія породы, которыя доволствуются песчаной почвой. Кроме того, существуютъ небки, родъ полу-дюнъ, состоящихъ изъ крупнаго матеріала, который переминаясь только отъ дѣйствія сильныхъ вѣтровъ. Во многихъ мѣстахъ пески, склеенные гипсовымъ или известковымъ цементомъ, представляютъ твердый грунтъ, по которому идешь, какъ по мостовой; въ другихъ мѣстахъ песокъ смѣшанъ съ соляными частицами, которыя поглощаютъ влагу изъ воздуха и скрѣпляютъ почву, такъ что ни малѣйшей пыли не поднимается подъ копытами лошадей, даже когда онѣ скачутъ во весь опоръ ²⁾.

Главные области песковъ: — большая Ливійская пустыня, между египетскими оазисами и горными хребтами Тибести; два Эрга, или «Жилы» въ берберской Сахарѣ, названные такъ отъ узкихъ овраговъ, извивающихся между дюнами ³⁾; пески Эдейенъ въ землѣ туареговъ; пески Игиди, къ западу отъ уада Саура; дюны Махтирскія, Адаферскія и другія, окружающія Джуфъ на сѣверо-западѣ Томбукту. Изъ всѣхъ этихъ песчаныхъ пространствъ наиболѣе извѣстенъ восточный Эргъ, заключающійся между уадамъ Игаргаръ и Красной Гамадой: европейскіе путешественники даже проходили черезъ него нѣсколько разъ, отправляясь въ Гадамесъ. Медленное поступательное движеніе этихъ дюнъ совершается въ юго-восточномъ направленіи, какъ доказываетъ вышнее мѣстоположеніе ихъ главныхъ цѣпей по отношенію къ центрамъ вывѣтриванія. Западный Эргъ дѣлаетъ захваты на востокъ въ области мѣловыхъ плато; въ Уадъ-Ригъ и въ Уаргъ пески направляются къ сѣверу и западу, наступая на

оазисы ⁴⁾, тогда какъ дюны Игиди, открытыя муссонамъ побережья, переминаятся главнымъ образомъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ ⁵⁾. Въ цѣломъ, по Дюверье, общее движеніе сахарскихъ песковъ совершается съ сѣверо-востока на юго-западъ, по направленію воздушнаго теченія пассатовъ. Нѣкоторыя изъ вершинъ восточнаго Эрга достигаютъ гораздо болѣе значительной высоты, чѣмъ дюны французскихъ ландъ, на побережьи Гаскони: такъ, гурдъ (дюна) эль-Хадемъ, измѣренный гг. Ларжо, Сэ и Лемэ, поднимается на 139 метровъ; другіе гурды возвышаются на 150 метр., на 12 метр. менѣе, чѣмъ дюна, измѣренная Фогелемъ въ сосѣдствѣ «Червиваго озера», въ Феццанѣ; Дюверье видѣлъ въ восточномъ Эргѣ дюны высотой въ 200 метр., а Ларжо говоритъ о гурдахъ, имѣющихъ полкилометра вертикальнаго возвышенія. Болѣе подробное изслѣдованіе Сахары откроетъ намъ, какой высоты могутъ достигать странствующие песчаные холмы. Легко вообразить себѣ, какое величественное зрѣлище представляютъ эти горы, блистающія на солнцѣ золотистыми цвѣтами и перерѣзываемыя большими тѣнями, черными днемъ отъ контраста ярко освѣщенныхъ скатовъ, синеватыми вечеромъ, когда онѣ смѣшиваются съ косвеннымъ свѣтомъ радужныхъ лучей; надъ откосами вершины отчетливо выдѣляются на лазурномъ фонѣ неба рѣзко очерченными линиями, *сиуфами*, или «саблями», какъ говорятъ арабы ⁶⁾. Съ высоты холмовъ, откуда виденъ безконечный рядъ дюнъ, слѣдующихъ одна за другой въ необятномъ пространствѣ Эрга, зрителю кажется, что онъ созерцаетъ океанъ, развертывающій свои исполинскія, вдругъ окаменѣвшія, волны.

Кромѣ аллей, образующихся между дюнами, во многихъ мѣстахъ встрѣчаются глубокія впадины, похожія на кратеры вулкановъ. Такова котловина Аинъ-Таиба, имѣющая форму чаши съ зазубренными краями, глубина которой около 18 метровъ, а длина окружности отъ 150 до 200 метровъ. Дно кратера занимаетъ лужа, обросшая по краямъ тростникомъ; чтобы добраться до нея, нужно пустить огонь по этимъ шпалерамъ растеній, и зрѣлище пламени на днѣ жерла напоминаетъ вулканическое изверженіе. По преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится впадина Аинъ-Таиба, прежде стояла высокая дюна. Въ сосѣдствѣ виденъ другой подобный кратеръ, частію засыпанный пескомъ ⁷⁾. Многіе ключи представляютъ обратное явленіе: вмѣсто того, чтобы вытекать со дна

¹⁾ G. Rolland, „Nature“, 8 juillet 1882.

²⁾ Lenz, „Timbuctou“.

³⁾ H. Duveyrier, „Le Pays des Touaregs“; — Larguez, „Le Pays de Rirha“.

⁴⁾ Foureaux, „Bulletin de la Société de Constantine“, 1 août 1883; — Frédéric Bernard, „Quatre mois dans le Sahara“.

⁵⁾ „Bulletin de la Société Géologique de France“, 1881.

⁶⁾ Escher von der Linth; — Desor, „La forêt vierge et le Sahara“.

⁷⁾ H. Duveyrier, „Le Pays des Touaregs“.

впадинъ, они бьютъ изъ вершины маленькихъ конусовъ, которые, очевидно, образовались путемъ отложенія осадковъ, принесенныхъ водой изъ глубокихъ слоевъ почвы: извѣстно, что такимъ же способомъ постепенно выросли горки вокругъ «источниковъ Моисея» на Синайскомъ полуостровѣ. Во многихъ мѣстахъ находили въ этомъ пескѣ жилы сростковъ, свидѣтельствующія о проходѣ инкрустирующихъ источниковъ, нынѣ не существующихъ. Но между камнями, покрывающими почву въ нѣкоторыхъ областяхъ Сахары, есть много такихъ, происхожденіе которыхъ нельзя объяснить при настоящемъ состояніи нашихъ знаній. Что такое эти кристаллы въ формѣ пирамидъ, крестовъ или звѣздъ, эти «рыбы чешуйки», эти мѣшечки черного цвѣта и различной величины, отъ вишни до куриного яйца, внутри пустые или наполненные пескомъ? Что такое эти трубки изъ остеклованнаго кремнезема, обыкновенно длиной около тридцати сантиметровъ и съ утолщеніемъ на концахъ? Эти трубки находятъ въ такомъ множествѣ въ южныхъ областяхъ Аира, что невозможно видѣть въ нихъ фульгуриты. Бернаръ полагаетъ, что это логовища особой породы пауковъ. Сахара представляетъ для научнаго изслѣдованія обширное поле, гдѣ геологамъ предстоитъ открыть еще много секретовъ.

Въ дюнахъ Игиди и въ нѣкоторыхъ частяхъ Эрга не рѣдкость услышать «пѣніе» песковъ, какъ при подъемѣ на гору Клошъ, на скатахъ Сербалъ, въ массивѣ Синая. Среди мертвой тишины, въ которую погружена угрюмая пустыня, вдругъ раздается вибрирующий звукъ, какъ будто отдаленная игра на рожкѣ, затѣмъ пески умолкаютъ, и голосъ появляется въ другомъ мѣстѣ. Это не галлюцинація, потому что животныя слышатъ звуки такъ же, какъ и люди, и большинство изъ нихъ, не зная причины этой музыки днютъ, приходятъ въ ужасъ: французскіе солдаты, слышавшіе таинственные звуки въ Суфѣ или въ пустынѣ Уаргла, прозвали ихъ «барабаномъ песковъ», и не одинъ ветеранъ, изнуренный усталостью и томимый жаждой, думалъ, вѣроятно, какъ и его проводникъ арабъ, что это какой-нибудь джинъ, издѣваясь надъ его страданіями, напѣваетъ ему близкую смерть. Очевидно, эта музыка песковъ происходитъ отъ осыпанія поверхностнаго слоя и тренія другъ о друга миллиардовъ песчинокъ: многіе путешественники, стремительно спускаясь въ песчаный корридоръ Сербалъ и увлекая за собой массы песку, замѣчали, что звуки усиливаются и журчаніе переходитъ въ настоящій громъ. Но все-таки остается выяснить одинъ вопросъ: почему не слышали этого голоса песковъ во всѣхъ областяхъ днютъ? Какова кристаллографическая природа вибрирующихъ частицъ ¹⁾?

Эти песчаная моря свидѣлствуютъ о су-

хости климата. По выраженію Карла Риттера, «Сахара—это югъ свѣта», хотя она вся лежитъ на сѣверѣ отъ экваторіальной линіи, и хотя многія другія точки земной поверхности, Маскатъ, Аденъ, Таджура, имѣютъ болѣе высокую среднюю температуру. Одну изъ характеристическихъ особенностей сахарскаго климата составляетъ огромная разность температуръ дня и ночи, рѣзкій переходъ отъ сильной жары къ большому холоду. Тогда какъ днемъ на солнцѣ песокъ нагрѣвается до 60, даже до 70 градусовъ, и даже въ тѣни жаръ доходитъ до 40 и 45 град., ночное лучеиспусканіе иногда заставляетъ ртуть въ термометрѣ опускаться до 2 и 3 градусовъ ниже нуля, и въ горахъ родники и ручьи покрываются тонкимъ слоемъ льда. Содержаніе водянаго пара въ атмосферѣ такъ ничтожно, что туманы тамъ почти неизвѣстны; иногда только появляется скудная роса на растеніяхъ, при восходѣ солнца, либо послѣ продолжительнаго дождя, либо во время быстрого пониженія температуры. Въ этомъ воздухѣ, лишенномъ влажности, оружіе не ржавѣетъ и мясо никогда не портится. Большіе дожди заставляютъ ждать себя по цѣлымъ годамъ; въ землѣ туареговъ проходитъ десять, двѣнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ сильныя ливни наполняютъ русла потоковъ и обновятъ растительность. Но когда пойдутъ дожди, то часто случается, что ливень слѣдуетъ за ливнемъ, и это бываетъ въ разные времена года. Ограниченная на сѣверѣ и на югѣ странами съ правильнымъ выпаденіемъ дождей, Сахара не представляетъ никакого ритма въ своихъ метеорологическихъ явленіяхъ: она образуетъ какъ бы нейтральный поясъ, гдѣ нормальное чередованіе воздушныхъ теченій прекращается. Одинъ изъ самыхъ страшныхъ метеоровъ—это южный вѣтеръ, широко (самумъ), который часто гонитъ передъ собою песчаные смерчи: словно огненные столбы проносятся передъ глазами наблюдателя эти пыльные вихри, красноватыя массы, движущіяся по поверхности пустыни съ быстротой урагана, то поднимаясь надъ горизонтомъ, то спускаясь до земли. Захваченный однимъ изъ этихъ смерчей пылающаго воздуха, путешественникъ Дюверье видѣлъ, какъ по окраинѣ облаковъ падали крупныя капли холоднаго дождя, которые показались ему похожими на тающій снѣгъ.

Сыпучіе пески, длинныя каменныя гамады, тропическіе жары, круто смѣняющіеся сильной стужей, ядовитые вѣтры, пыльные смерчи, «небо безъ облаковъ и земля безъ тѣни», безконечность пути, отдаленность колодцевъ, засухи, истощающія ихъ, обвалы, засыпающіе живительную влагу, или враги, не допускающіе къ ней,—вотъ тѣ препятствія, которыя ожидаютъ путника, и совершенно понятна торжественность, съ которой караваны приготовляются къ переходу черезъ страшную пустыню. Профес-

¹⁾ Oscar Lenz, „Timbuctu“.

сія проводника, наследственная въ нѣкоторыхъ семьяхъ, составляетъ родъ священства, ибо проводникъ держитъ въ своихъ рукахъ, вмѣстѣ съ собственной жизнью, жизнь всѣхъ людей, которые его сопровождаютъ: при отправленіи въ дорогу каждого каравана, всѣ свидѣлствуютъ ему почтеніе, смѣшанное съ моленіемъ; по благополучномъ прибытіи къ цѣли, его осыпаютъ благодарностями. Въ самой однообразной мѣстности онъ распознаетъ примѣты, указывающія направленіе, котораго нужно держаться; всякій кустикъ, слѣды на пескѣ, непримѣтные другимъ, дуновение вѣтра,—все служитъ ему указателемъ дороги; онъ вопрошаетъ облака, и въ сосѣдствѣ оазисовъ слѣдитъ взоромъ за полетомъ воробьевъ и ласточекъ. Онъ умѣетъ точно ориентироваться, даже не глядя на солнце или звѣзды, и всегда безошибочно покажетъ пальцемъ то мѣсто горизонта, гдѣ находятся этапы дороги и города, окружающіе пустыню. Если онъ принадлежитъ къ расѣ, у которой кожа сѣрая, какъ песокъ, или красная, какъ почва гамадъ, онъ снимаетъ съ себя одежду и ползетъ по землѣ, чтобы сдѣлать рекогносцировку и развѣдать, что за люди показавшіеся вдали встрѣчные путешественники—друзья или враги ¹⁾. Ему извѣстно мѣстоположеніе каждого оазиса, каждого «водянаго пункта», лужи, ключа, колодца или сырыхъ песковъ; такимъ образомъ дороги пустыни начертаны въ его памяти отъ этапа до этапа, а когда ему еще не случалось проходить той или другой дорогой, онъ долженъ угадывать ея направленіе. Бываетъ, однако, что дороги, прежде знакомыя, исчезаютъ, либо вслѣдствіе вторженія песковъ и завала колодцевъ, либо вслѣдствіе внимательства враждебныхъ племенъ, занявшихъ лежащія на пути оазисы. Тогда точное воспоминаніе о потерянной мѣстности превращается мало-по-малу въ смутную легенду, и фантазія облакаетъ эту мѣстность въ образъ райскаго уголка. Такъ описывали «Малый Бау», пока арабъ Могамедъ Таргони, изъ Зеллы, не отыскалъ этого необитаемаго оазиса. Жители Тибести потеряли дорогу, которая вела ихъ предковъ въ Египетъ черезъ Ливійскую пустыню, и то же рассказываютъ о промежуточномъ оазисѣ, который, будто-бы, весь изрѣзанъ источниками живой воды, весело журчащими подъ сѣнью пальмъ ²⁾. Съ другой стороны, караваны Удаа проложили новые пути торговли по направленію къ Триполи въ 1811 и 1813 гг., но проходить цѣлмя десятилѣтія прежде, чѣмъ кто-нибудь воспользуется этими путями. Впрочемъ, если бы даже переходъ черезъ Сахару вездѣ былъ удобенъ, дороги пустыни все-таки будутъ болѣе и болѣе покидаемы, такъ какъ европейская торговля избрала себѣ

другой путь вглубь Африки—по Сенегалу и Нигеру. Пустыня обходится торговымъ движениемъ до тѣхъ поръ, пока Туатъ не будетъ соединенъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Совокупность торговаго обмѣна черезъ Сахару достигаетъ, говорятъ, по цѣнности, слишкомъ десяти милліоновъ франковъ ¹⁾.

Но какъ ни опытенъ и осмотрителенъ проводникъ, какъ ни сильны и выносливы верблюды, перевозящіе путешественниковъ по пустыннымъ пространствамъ Сахары, несчастія не рѣдки. Кто заблудился, тотъ погибъ. Онъ обреченъ на муки голода, на муки жажды, еще болѣе страшныя; скоро идея близкой смерти, неотступно преслѣдующая его, убиваютъ въ немъ всякую другую мысль; онъ впадаетъ въ галлюцинаціи и видитъ себя на днѣ темной ямы постоянно взбирающимся на крутой холмъ. Когда онъ, потерявъ силы, ляжетъ, наконецъ, на сухой песокъ, то только затѣмъ, чтобы умереть, и трупъ его, подлѣ котораго вѣтеръ наметаетъ маленькую дюну, быстро высыхаетъ. Полное единеніе и сплоченность всѣхъ людей каравана составляетъ необходимое условіе для благополучнаго прибытія къ пристани: они всегда должны держаться близко другъ отъ друга, на разстояніи голоса и зрѣнія, чтобы взаимно оказывать помощь въ случаѣ опасности; всякій разбродъ можетъ сдѣлаться роковымъ, какъ это доказала трагическая участь второй экспедиціи, посланной изъ Уарглы въ пустыню для изученія направленія будущаго желѣзнаго пути черезъ Сахару. Смотря по нравамъ и учрежденіямъ различныхъ племенъ, обитающихъ въ оазисахъ и на окраинахъ Сахары, эта необходимая солидарность каравана понимается различно. У многихъ берберскихъ клановъ, привыкшихъ къ самоуправленію и не признающихъ надъ собою никакого господина, группа путниковъ представляетъ собою странствующую джемаа, гдѣ каждый даетъ свое мнѣніе и выполняетъ свою специальную функцію для общей службы. Что касается арабскаго каравана, то онъ управляется деспотически: хебиръ есть полновластный господинъ, которому всѣ обязаны повиноваться; подъ его начальствомъ состоятъ: чауши, диктующіе его волю, шауфы, наблюдающіе за страной, ходжа, составляющій письменные акты, бирючь, разглашающій объявленія, муэдзинъ, призывающій на молитву, имамъ, читающій ее всенародно.

II. Тибести и Борку.

Естественныя дѣленія громаднаго пространства Сахары указаны горными массивами, каковы Тибести, Тассили, джебелъ Ахаггаръ.

¹⁾ Vincent, «Tour du Monde», 1861, livraison 56.

²⁾ G. Nachtigal, «Sahara und Sudan».

¹⁾ P. Soleillet;—Watbled, «Relations de l'Algérie avec l'Afrique centrale».

Если бы дожди выпадали въ пустынь въ достаточномъ количествѣ, тамъ несомнѣнно образовались бы особыя рѣчные бассейны, связан-

стей, кромѣ уединенныхъ песчаниковыхъ хребтовъ и песчаныхъ горокъ, какъ въ областяхъ, пройденныхъ европейскими путешественниками.

Вѣздъ въ цитадель въ Фецѣ.

ные съ Ниломъ, съ заливами Сиртъ, съ Атлантическимъ океаномъ или съ Нигеромъ.

Восточный бассейнъ, означаемый специально подъ именемъ Ливійской пустыни, вѣроятно, не заключаетъ въ себѣ другихъ возвышенно-

ми между большимъ колѣномъ Нила и Кордофаномъ: сквозь прозрачный воздухъ пустыни нигдѣ не видѣли горъ на восточномъ горизонтѣ и не встрѣчали ни одного потока, свидѣтельствующаго о существованіи горныхъ вершинъ.

лежитъ въ одной долині сѣверо-восточной покатости горъ: оно находится почти на срединѣ теченія *энгери* (уэда) того же имени, который, по принятіи нѣсколькихъ притоковъ, теряется въ направленіи къ оазису Вау; горячія воды прославленнаго «фонтана» или *ерике* принадлежатъ къ бассейну этого потока. Вокругъ Бардая простираются самые обширные пальмовые лѣса Тибести, оттого почти всѣ тиббусы бывали въ этой мѣстности въ поискахъ за финиками. Они бродятъ также по окрестнымъ горамъ со своими стадами, а большинство тиббусовъ-купцовъ ведутъ торговлю съ Мурзукомъ. Нѣкоторые направляются къ южнымъ оазисамъ, въ Борку и сосѣднія земли; но они уже забыли дорогу къ таинственному оазису Уадикуръ, находящемуся, будто-бы, въ пяти дняхъ ходьбы къ юго-западу отъ оазисовъ Куфра, и который, какъ гласитъ легенда, необычайно богатъ растительностью¹⁾, какъ всѣ оазисы, путь къ которымъ забытъ. Уадикуръ представляется тиббусамъ «потеряннымъ раемъ».

Въ Борку оазисы, питаемые прѣсными или солоноватыми водами, разсѣяны во всѣхъ низменныхъ мѣстахъ и даютъ финики качествомъ лучше тѣхъ, которые производитъ Тибести; пальма думъ растетъ тамъ во множествѣ и, по всей вѣроятности, въ этихъ оазисахъ можно бы съ успѣхомъ развести многія древесныя породы Судана. Но во время путешествія Нахтигала сады были большею частію запущены, пальмовыя рощи во многихъ мѣстахъ засыпаны песками, селенія, состоящія изъ покрытыхъ рогожами шалашей, покинуты жителями и повалены дикими звѣрями. Ауладъ-слиманы, даже туареги изъ южныхъ степей и магамиды изъ Уадаля регулярно грабятъ оазисы, опустошая житицы, уводя въ неволю женщинъ и дѣтей, убивая всякаго, кто окажетъ сопротивление. Потерявъ своихъ близкихъ, дазаны снова принимаются за работу или, въ свою очередь, предпринимаютъ разбойничьи экспедиціи, съ цѣлью собрать достаточно денегъ, чтобы идти во вражью землю выкупить изъ плѣна своихъ родичей, которыхъ, можетъ-быть, скоро опять потеряютъ при первомъ новомъ набѣгѣ. Жизнь ихъ походитъ на жизнь лѣснаго звѣря, травимаго охотниками. Главный оазисъ, Вунъ, оказывающій наиболѣе энергичное сопротивление грабителямъ, лежитъ въ южной долині Борку, направляющейся къ бассейну Бахръ-эль-Газаль и къ озеру Чаде. Цѣпь оазисовъ, начинаясь отъ пальмовыхъ плантацій Вуна, тянется къ сѣверо-западу, между двухъ параллельныхъ горъ.

III. Дорога изъ Феццана на озеро Чаде. Оазисы Каваръ.

Большая караванная дорога между Мурзукомъ и озеромъ Чаде, которую рано или поздно замѣнитъ желѣзная дорога, есть безспорно главный и лучшій путь черезъ Сахару. Не только пространство, проходимое отъ сѣверныхъ до южныхъ воздѣланныхъ земель, меньше, чѣмъ во всякой другой части пустыни, такъ какъ отъ Феццана до Канема разстояніе не достигаетъ даже тысячи километровъ, но, кромѣ того, въ этомъ направленіи слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько оазисовъ, между прочимъ, архипелагъ Каваръ. Такимъ образомъ этотъ торговый путь служитъ естественной раздѣльной линіей между восточной частью пустыни, въ которой Тибести составляетъ центральный массивъ, и той областью, гдѣ возвышаются холмы Аиръ. При томъ и этнологическая граница между тиббусами и туарегами находится недалеко отъ этой цѣпи оазисовъ: она проходитъ въ небольшомъ разстояніи къ западу, переминаясь соответственно набѣгамъ, которые дѣлаются съ той и другой стороны.

Пройдя «Ворота», открывающіяся въ раздѣльномъ плато на югъ Феццана, караваны спускаются въ красноватую равнину, нечувствительно понижающуюся въ южномъ направленіи. Перевалъ совершается на высотѣ около 650 метровъ; а озеро Чаде, къ которому направляется дорога, почти не дѣлая изгибовъ, и которое находится въ 950 километрахъ по прямой линіи, лежитъ на высотѣ 275 метровъ. Слѣдовательно, въ цѣломъ спускъ составляетъ 375 метровъ, но онъ распределенъ неравномерно: относительно довольно сильное въ сѣверной части плоскогорья, паденіе выравнивается южнѣе, въ средней области пустыни. Тамъ высоты держатся между 350 и 400 метрами на пространствѣ четырехъ градусовъ по широтѣ. Холмистое плоскогорье развѣртывается въ видѣ большихъ волнъ, надъ которыми на горизонтѣ показываются правильныя известковыя или песчаниковыя плато. То тутъ, то тамъ, среди угрюмой пустыни, видѣются массивы голыхъ безплодныхъ скалъ, которые кажутся спаленными или еще пылающими, — такъ сильно онѣ отражаютъ жгучіе лучи солнца. Впадины, открывающіяся въ камнѣ или глинѣ, между обрывами или дюнами, сырѣ окружающихъ пространствъ и заключаютъ въ себѣ колоды, постоянныя или временныя, засыпаемые пескомъ и вновь очищаемые каждымъ проходящимъ караваномъ.

Нѣсколько оазисовъ занимаютъ самую большую изъ этихъ низменностей. Такой оазисъ Ятъ, называемый арабами Сахія, т. е. «Веселый»; онъ тянется на пространствѣ 20 кило-

¹⁾ G. Nachtigal, цитированное сочиненіе.

метровъ съ востока на западъ и 3 километровъ съ сѣвера на югъ: путешественникъ, проходившій передъ тѣмъ по обширнымъ, лишеннымъ всякой растительности, равнинамъ, готовъ на-

ны въ оазисѣ Ятъ: онѣ достигаютъ здѣсь своего сѣвернаго предѣла. Оазисъ Еггеба, къ юго-западу отъ предыдущаго, гораздо меньше и малолюднѣе; оазисъ Сиггедимъ, хотя очень бо-

Племя тиббу.

звать этотъ оазисъ «лѣсомъ»,—такъ поразителенъ контрастъ, который составляютъ съ окружающими песками чащи дикихъ финиковыхъ пальмъ, акацій, пространства, поросшія травой; пальмы думъ тоже очень многочислен-

гаты финиковыми пальмами, не имѣлъ ни одного жителя во время прохода Нахтигала, въ 1870 г.; но оазисъ Джебадо, на сѣверо-западѣ, населенъ, какъ и оазисъ Ятъ, тиббусами и канури; сколько извѣстно, до сихъ поръ онѣ

только разъ былъ посѣщенъ европейцемъ. Въ 1862 г. путешественникъ Берманъ прошелъ черезъ этотъ оазисъ, послѣднюю станцію тиббузовъ и ихъ единоплеменниковъ канури въ западномъ направленіи.

Отдѣленный отъ оазиса Еггеба каменистой гамадой, оазисъ Каваръ тянется на пространствѣ около 80 километровъ: ось его направлена точно съ сѣвера на югъ, и караванная дорога идетъ отъ одного до другаго конца пальмовой аллеи, прерываемой тамъ и сямъ песками и скалами; рядомъ съ оазисомъ, на восточной его сторонѣ, тянется, параллельно низменности цѣнь скалъ, поднимающихся въ иныхъ мѣстахъ на сотню метровъ: вѣроятно, этотъ край и далъ поводъ тиббусамъ назвать этотъ оазисъ Эннери Туге, что значитъ «долина Скалъ». Около десятка мѣстечекъ, принадлежащихъ племени теда, слѣдуютъ одно за другимъ въ этой длинной долиנѣ. Большинство этихъ поселеній построены у подножія глыбы песчаника, съ вертикальными стѣнками, которая служитъ укрѣпленіемъ въ случаѣ внезапнаго нападенія: крѣпость изрыта галлереями и подземельями, куда складываютъ запасы продовольствія; для воды вырыты цистерны въ камнѣ; родъ лѣстницы или наклонной плоскости, устроенной изъ стволовъ пальмъ, съ перекладинами изъ дерева акаци, позволяетъ взбираться на вершину цитадели. Эти укрѣпленные городки, населенные главнымъ образомъ эмигрантами племени канури, построены на тотъ же ладъ, какъ города Гауссы: дома расположены на правильно распланированныхъ улицахъ, и общая ограда окружаетъ всѣ постройки. Такъ былъ построенъ, вѣроятно, въ одиннадцатомъ вѣкѣ, городъ Дирки или Дирко, столица всего оазиса. Около южной оконечности Кавара, другой городъ, Гару, болѣе многочисленный, чѣмъ резиденція, построенъ тоже въ суданскомъ стилѣ, и жители его въ большинствѣ канурійскаго происхожденія.

Смѣшеніе расъ не повредило красотѣ племени тиббу или теда: въ оазисѣ Каваръ женщины отличаются той же чистотой чертъ, той же стройностью и пропорциональностью формъ, какъ ихъ сестры въ Тибести, но къ этому у нихъ присоединяется еще грація движеній, пріятность фizioноміи, прелесть улыбки. Празднества въ Каварѣ веселѣе, чѣмъ въ восточныхъ горахъ, продолжительнѣе, и кавалькады пышнѣе. Правы тиббусовъ въ этомъ оазисѣ, лежащемъ на большой караванной дорогѣ, уже не тѣ, что въ безплодной, уединенной метрополіи, столь рѣдко посѣждаемой, и мѣстная независимость не могла здѣсь сохраниться: дардай, чаще называемый май или «царекъ», пользуется дѣйствительной властью надъ своими подданными; но онъ имѣетъ могущественнаго соперника по власти въ лицѣ мкаддема сенусіевъ, пребывающаго въ монастырѣ Шиммедру,

недалеко отъ столицы. Наконецъ, есть и еще господа надъ жителями Кавара: это арабы племени ауладъ-слиманъ, которые прежде кочевали въ степяхъ триполійскаго побережья, а затѣмъ передвинулись къ югу, чтобы искать себѣ новаго поля для грабежей въ сосѣдствѣ озера Цаде. Наслѣдственные враги тиббусовъ, эти хищники часто нападаютъ врасплохъ на Каварскіе оазисы, убиваютъ мужчинъ, уводятъ въ неволю женщинъ и дѣтей, забираютъ все цѣнное имущество; деревни пустѣютъ, но достаточно короткаго періода мира, чтобы покинутые дома заселились новыми иммигрантами. Во время путешествія Нахтигала совокупность жилыхъ строеній въ разныхъ частяхъ оазиса могла бы вмѣщать до 6.000 обитателей, а между тѣмъ все населеніе состояло только изъ 2.300 душъ.

Если разоренныя набѣгами общины снова возрождаются, то причина тому не плодородіе почвы и обиліе урожая. Финики, производимые тамошними пальмовыми плантаціями, посредственнаго качества, а хлѣбопашествомъ жители не смѣютъ заниматься. Но выгоды, доставляемыя торговлей въ этомъ обязательномъ мѣстѣ привала, на подорожѣ изъ Мурзука въ Куку, достаточно велики, чтобы побудить жителей воспользоваться ими, даже подвергаясь опасности; кромѣ того, оазисъ Каваръ обладаетъ сокровищемъ, которое обезпечиваетъ ему постоянныхъ покупателей изъ болѣе части суданскихъ областей: это его соляныя озера. Главный городъ Дирко, лежащій почти въ центрѣ оазиса, окруженъ нѣсколькими резервуарами соленой воды, изъ которыхъ одинъ производитъ также «червей» (*artemia oudneyi*), какъ Бахр-эль-Дудъ въ Фецфанѣ; но самыя богатые озера, дающія наибольшее количество соли, лежатъ въ Бильмѣ, — такъ называется южная часть оазиса, гдѣ находится городъ Гару, дома котораго построены изъ земли, смѣшанной съ солью. Соляныя озера Бильмы неглубоки и разгорожены на отдѣленія глиняными стѣнами, въ родѣ «горбовъ» (*bosses*) на солончакахъ во Франціи. Вслѣдствіе испаренія, соль кристаллизуется на поверхности воды и, смѣшиваясь съ пылью и пескомъ, наносимыми вѣтромъ, скоро образуетъ сѣроватую кору, по виду не отличающуюся отъ окружающей почвы. На днѣ отлагается второй слой соли, которую рабочіе собираютъ и складываютъ въ кучки, сортируя ее по качеству: которая лучше — для людей, похуже — для животныхъ. Затѣмъ они дѣлаютъ изъ нея плитки или кирпичи различныхъ формъ и вымѣниваютъ верблюжій вьюкъ на количество хлѣба въ зернѣ стоимостью около пяти франковъ. На рынкахъ Судана эта цѣна увеличивается по малой мѣрѣ въ тридцать разъ.

Правда, въ суданскихъ областяхъ ухитряются добывать соль сжиганіемъ нѣкоторыхъ

растений и даже коровьяго кала; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее можно получать также выщелачиваніемъ солончаковыхъ земель; но эти способы добыванія длинны и трудны, да при томъ получается продуктъ гораздо низшаго качества, чѣмъ кристаллическая соль, покупаемая въ пустыни. Изъ всѣхъ соляныхъ промысловъ Бильма самый богатый и даетъ лучшую соль, оттого туда стекаются за сотни верстъ кругомъ за покупкой драгоцѣннаго минерала; въ видѣ привѣтствія пріѣзжимъ, женщины того края бросаютъ имъ на платье пригоршни соли, какъ бы желая этимъ сказать: «вотъ вамъ лучшее, что имѣетъ наша земля!» По словамъ Нахтигала, около 70.000 верблюдовъ приходится ежегодно за грузами соли на озера Бильмы, и нѣкоторые изъ каравановъ, между прочимъ, караваны туарегскихъ купцовъ, доставляющихъ соль въ Гауссу, состоятъ каждый изъ трехъ тысячъ вьючныхъ животныхъ. Тиббусамъ принадлежатъ монополія перевозки соли между оазисомъ Каваръ и ихъ горами въ Тибести; соплеменники ихъ, дазаны, поставляютъ этотъ товаръ въ Канемъ и въ Борну; но всѣ западные и сѣверо-западные земли снабжаются солью чрезъ посредство туарегскихъ каравановъ, которые присвоили себѣ родъ сюзеренной власти надъ населеніемъ оазиса и даже запрещаютъ ему заниматься хлѣбопашествомъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы оно всегда оставалось въ зависимости отъ нихъ по покупке этого необходимаго продукта.

Къ востоку и къ западу отъ оазиса Каваръ, этой длинной проходной аллеи, жители которой всегда въ дорогѣ, либо по торговымъ дѣламъ, либо спасаясь бѣгствомъ, мѣста привала и пребыванія очень удалены одно отъ другаго. Первые деревни Тибести находятся въ 400 километрахъ къ востоку; разстояніе до Рата, на сѣверо-западѣ, вдвое больше; до Агадеса, въ оазисѣ Аиръ, насчитываютъ 700 километровъ, при чемъ нужно еще переходить черезъ каменистую и безводную гамаду. Главный этапъ на этомъ трудномъ пути — оазисъ Аграмъ, аванпостъ тиббусовъ въ западномъ направленіи; впрочемъ, тиббусы не единственные его обитатели: вмѣстѣ съ ними, эту узкую впадину пустыни занимаютъ переселенцы изъ Борну.

Область, отдѣляющая оазисъ Каваръ отъ окраины Судана, одна изъ самыхъ трудныхъ для перехода. Дюна слѣдуетъ за дюной до безконечности: огромныя песчаныя волны, высотой до пятнадцати метровъ, тянутся непрерывнымъ рядомъ отъ одного горизонта до другаго, въ направленіи съ востока на западъ, то-есть въ томъ же направленіи, какъ и правильные вѣтры пустыни. Необозримое пространство сыпучихъ песковъ прерывается только въ одномъ пунктѣ такъ называемой «Уединенной Скалой», Кау-Гило. Пройдя маленький оазисъ Зау, снова вступаешь въ безконечное

царство дюнъ; на пространствахъ сотни верстъ верблюды все время поднимаются и спускаются съ бугра на бугоръ: здѣсь-то въ особенности верблюдъ, поочередно появляющийся и исчезающий, какъ судно на волнахъ, можетъ быть названъ «кораблемъ пустыни». Скалы Диббела составляютъ южный рубежъ этой области дюнъ; въ этомъ мѣстѣ скончался англійскій путешественникъ Уаррингтонъ. Мы уже вышли изъ Сахары въ собственномъ смыслѣ слова, чтобы вступить въ поясъ степей, окаймляющихъ на сѣверѣ влажныя земли Судана. Трава растетъ въ изобиліи, сначала въ узкихъ долинахъ между волнообразными повышеніями почвы, затѣмъ и на возвышенныхъ мѣстахъ; сѣрый или желтоватый колоритъ ландшафта смѣняется цвѣтомъ зелени; въ оазисѣ Агадемъ является первое дерево, не принадлежащее ни къ пальмамъ, ни къ акаціямъ: это тундубъ (*sarrapis sodada*), съ искривленнымъ и разорваннымъ стволомъ, съ большими раскидистыми вѣтвями. Мало найдется мѣстностей въ свѣтѣ болѣе богатыхъ животной жизнью, чѣмъ этотъ поясъ сахарскихъ степей. Антилопы пасутся тамъ стадами въ десятки и сотни головъ; во многихъ мѣстахъ можно подумать, что попалъ въ огромный паркъ, населенный домашними животными. Пустыня пройдена.

IV. Джебель-Ахаггаръ и окружающія плоскогорья. Сѣверные туареги.

На западъ и сѣверо-западъ отъ «воротъ», черезъ которыя проходитъ дорога изъ Мурзука къ озеру Чаде, средній остовъ Сахары продолжается крутыми скалами, постепенно поднимающимися до высоты 1.200 и даже 1.500 метровъ, чтобы образовать изрѣзанное оврагами плоскогорье: это, вѣроятно, та самая область, которую средневѣковые арабскіе писатели называли джебель Тантана¹⁾. На югѣ Рата, путникамъ, направляющимся къ Аиру, открывается узкая брешь, перерѣзанная пропастями. Нигдѣ природа не имѣетъ болѣе недружелюбнаго и грознаго вида, чѣмъ въ дикихъ ущельяхъ этихъ горъ. Совершенно голыя кручи, темный блескъ скалъ черноватаго песчаника, странная форма выступовъ, на которыхъ не видно ни былинки, ни полоски мха, — весь этотъ угрюмый ансамбль производитъ на путешественника еще болѣе подавляющее впечатлѣніе, чѣмъ безконечныя пространства песковъ. Среди этихъ скалъ, и особенно въ землѣ Джавъ, простирающейся къ западу отъ бреши, нѣкоторыя впадины наполнены водой, и, по словамъ туземцевъ, многія изъ нихъ населены крокодилами. На югѣ плоскогорья круто обрѣ-

¹⁾ Bartu, цитированное сочиненіе.

вается къ равнинамъ, спускаясь опасными уступами между песчаниковыхъ стѣнъ, за которыми южнее слѣдуютъ гранитныя скалы.

Къ западу отъ бреши, которою прошли Бартъ и его спутники, горы и плато извѣстны намъ только по разсказамъ туземцевъ; тѣмъ не менѣе подступы этой страны были посѣщены, на сѣверной покатости, Генрихомъ Дюверье, въ 1860 г., и послѣ его памятнаго изслѣдованія, двумя мирными экспедиціями подъ начальствомъ Фляттерса; кромѣ того, Ленгъ обогнулъ эту гористую область въ 1822 г., во время своего путешествія въ Томбукту черезъ Сахару; но его путевой журналъ потерялся, и ни одно изъ его наблюденій не было передано въ Европу. Рольфсъ, болѣе счастливый, сдѣлалъ почти тотъ же переходъ, что и англійскій изслѣдователь, только въ обратномъ направленіи, изъ Туата въ Гадамесъ. Всѣмъ памятно, какія надежды возлагались на двѣ экскурсіи въ страну туареговъ, которыя, подъ управленіемъ полковника Фляттерса, должны были пройти пустыню изъ конца въ конецъ, отъ Алжирѣ до Судана! Первая экспедиція, организованная въ Уарглѣ, въ 1880 г., не придерживалась заранее начертаннаго маршрута и кончила тѣмъ, что взяла направленіе на Ратъ, котораго она, впрочемъ, не достигла: уклончивые отвѣты туарегскихъ старшинъ, истощеніе запасовъ провизіи и денегъ заставили членовъ экспедиціи вернуться назадъ. Вторая миссія, состоявшая частію изъ тѣхъ же офицеровъ, возобновила, въ слѣдующемъ году, попытку перейти пустыню. Она проникла гораздо далѣе, перейдя на югъ за сѣверный Тассили, но окончилась страшной катастрофой. За караваномъ, который раздѣлился на группы, слѣдовавшій одна за другой на разстояніи нѣсколькихъ километровъ, тайно слѣдила, постоянно возрастающая въ числѣ, шайка туареговъ; измѣнники пробрались до начальника экспедиціи, предложивъ ему свои услуги въ качествѣ проводниковъ; весь планъ нападенія былъ условленъ заранее. Въ роковой моментъ, Фляттерсъ, почти одинокій, былъ убитъ вмѣстѣ съ однимъ изъ его спутниковъ, вожаки верблюдовъ разбѣжались, и многочисленная толпа набросалась на обозъ, слѣдовавшій въ нѣкоторомъ разстояніи. Пятьдесятъ-девять человѣкъ, оставшіеся въ живыхъ послѣ первой атаки, должны были покинуть станъ ночью и начать отступленіе къ Уарглѣ, отстоявшей въ 800 километрахъ по прямой линіи, въ 1.200 километр. по цѣпи колодезевъ. Всѣ французы погибли во время этого отступленія, только тринадцать человѣкъ добрались до Уарглы, послѣ двухмѣсячнаго странствованія, въ продолженіе котораго несчастные неразъ принуждены были, для утоленія мучительной жажды и голода, пить кровь и ѣсть человѣ-

ческое мясо. Однако, тотъ фактъ, что бѣглецы могли во время своего гибельнаго отступленія давать побѣдоносныя битвы и сдѣлать еще много переходовъ, прежде чѣмъ окончательно потерять силы,—служить достаточнымъ доказательствомъ возможности успѣшной экспедиціи черезъ землю туареговъ. Караванъ, снабженный достаточнымъ запасомъ продовольствія и все время держащійся на-сторожѣ противъ внезапнаго набѣга хищниковъ, навѣрно могъ бы благополучно пройти эту страну: тѣ самые туземцы, которыхъ удобный случай сдѣлалъ измѣнниками и грабителями, оказались бы вѣрными, видя свое безсиліе^{*)}.

Плоскогорье, въ которомъ теряется цѣпь горъ Джанетъ, извѣстно подъ именемъ Тассили,—берберское слово, указывающее именно видъ почвы: этотъ Тассили, называемый «сѣвернымъ» или «Азджарскимъ», въ отличіе отъ другихъ плато, лежащихъ къ югу отъ Ахаггара, есть совокупность возвышенностей, очень холмистыхъ, ось которыхъ идетъ по направленію отъ юго-востока къ сѣверо-западу, на продолженіи системы, начинающейся въ Тибести. Обрывъ плоскогорья, ограничиваемаго на юго-западѣ по-третичнымъ аллювіемъ, изъ котораго состоитъ почва сахарскихъ равнинъ, кажется продолжающимся правильно по орографической оси. Около середины этого края плато высится массивъ вершинъ, означаемый, какъ многія другія группы горъ, именемъ Адраръ или «Гора» по преимуществу: по мнѣнію Дюверье, пикъ, господствующій надъ этимъ массивомъ, Инъ-Эзокаль, высотой около 1.500 метровъ,—несомнѣнно, вулканическаго происхожденія; лавы его вылились на девонскія формации плоскогорья. На западѣ, Тассили разрѣзанъ на острова и островки, а съ сѣверной стороны долины уѣдовъ вдаются, въ видѣ заливовъ и бухтъ, въ толщу массива: такимъ образомъ это плоскогорье раздѣлено на множество отрывковъ, изъ которыхъ каждый носитъ особое имя у туареговъ, кочующихъ въ той странѣ. Эгеле, ближайшее къ уѣду Ригъ плато, окружено съ трехъ сторонъ, на сѣверѣ, востокѣ и западѣ, «Песками», или Эдейентъ. Холмъ Ханфуса (583 метра), первая девонская скала на дорогѣ изъ Тугурта въ Иделесъ, въ джебелѣ Ахаггаръ,—тоже обломокъ разорваннаго плоскогорья. Къ западу отъ долинъ, въ которыхъ нѣкогда текли воды системы Игаргара, находимъ другія холмистыя плато, принадлежащія къ той же девонской формации, но уже не ориентированныя по оси горъ восточной Сахары: Муидиръ, водораздѣльный хребетъ между уѣдомъ Игаргаръ и рѣками Туата, выдвинулся длиннымъ треугольникомъ въ за-

^{*)} J. Brosselard, «Voyage de la mission de Flatters»;—J. V. Barbier, «A travers le Sahara».

падномъ направленіи. Около западной оконечности этого плато высится пикъ Ифеттесенъ, которому Дюверье приписываетъ, какъ и главной вершинѣ Адраара, вулканическое происхождение.

нами или непокрытыя песками, принадлежать къ мѣловой формации. Таково плато Тингертъ, т. е. «Известковое», длинная гамада, составляющая продолженіе, на западъ и юго-западъ, триполійской «Красной гамады». Таково же

Джебель Кханфуза.

Къ сѣверу отъ девонскихъ плато, слѣдующихъ одно за другимъ, отъ окрестностей Рата до Инсалаха и далѣе, всѣ каменистыя массы, господствующія надъ аллювіальными равни-

плато Тадемантъ, образующее на сѣверѣ оазисовъ Туата родъ круглаго бастиона и примыкающее къ плоскогорью Эль-Голеа, въ алжирской Сахарѣ; на югъ и на западъ Тадемантъ

оканчивается скалами, съ рѣзко очерченнымъ рельефомъ, и даже настоящими утесами или обрывами, задерживающими пески; но на противоположномъ скатѣ гамада полого спускается къ сѣверо-востоку, перерѣзанная разсѣлинами, въ которыхъ иногда текутъ воды, выпадающія въ уэдъ Міа. Съ этой стороны армія джонъ во многихъ мѣстахъ вторгается въ поясъ скалъ. Въ цѣломъ, мѣловыя формаціи расположены на югѣ Алжири въ формѣ огромной подковы, окружающей бассейнъ уэда Міа и нижняго Игаргара ¹⁾.

За мѣловыми формаціями Тингерта и Тадеманта, за девонскими плато сѣвернаго или Азджарскаго Тассили и Муидира слѣдуютъ, въ южномъ направленіи, кристаллическіе массивы Ахаггара, окруженные каменными островками того же происхожденія: на востокъ — Ангэфъ, увѣнчанный острокопечными вершинами въ 1.500 или 1.800 метровъ, которыя Бартъ видѣлъ во время своего путешествія изъ Рата въ Агадесъ; на сѣверѣ — плато Эгере, граниты котораго пробиты вулканическими взбросами; на сѣверо-западѣ — хребетъ или *батенъ* Агенетъ, продолжающійся къ оазисамъ Туата. Въ цѣломъ, центральный массивъ, круговидной формы, имѣетъ слишкомъ 600 километровъ въ окружности и состоитъ изъ поставленныхъ одно на другомъ плато, поднимающихся эстажами отъ высоты 500—600 метровъ до 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря, въ область зимнихъ снѣговъ. По нашимъ картамъ, представляющимъ въ главныхъ чертахъ лишь воспроизведеніе той карты, которую шейхъ Отманъ, по просьбѣ Дюверье, начертилъ передъ нимъ на пескѣ, высшее плато, стоящее въ центрѣ Ахаггара, увѣнчано двумя пиками-близнецами, изъ которыхъ одинъ называется Уателленъ, а другой Гикена. Сѣверный выступъ или мысъ всего массива, Тифедесъ, оканчивается, среди четвертичныхъ аллювиальныхъ образований, вулканическимъ конусомъ Уданъ, который туземцы прозвали «Носомъ Ахаггара»; вѣроятно, и другія вершины, въ томъ числѣ и два господствующихъ пика, тоже состоятъ изъ лавы и пепла, выброшенныхъ изверженіемъ на гранитныя скалы ²⁾. Прежде думали, основываясь на разсказахъ туареговъ, что Ахаггаръ заключаетъ въ себѣ залежи «черныхъ камней, которые горятъ», то-есть каменнаго угля; но кажется, эти горячіе камни не что иное, какъ пористая лава, которую поливаютъ деревяннымъ масломъ и употребляютъ для освѣщенія, вмѣсто лампъ. Южный Ахаггаръ еще не былъ посѣщенъ европейскими изслѣдователями; онъ такъ же неизвѣстенъ, какъ плато, граничащее съ нимъ на югѣ, *тассили*, означаемое на картахъ подъ именемъ южнаго или ахаггарскаго Тас-

сили. Изъ разсказовъ туареговъ извѣстно только, что это — каменистое пространство, безъ воды, безъ растительности, тщательно обѣгаемое караванами и номадами. Заблудившіеся тамъ верблюды, говорятъ ахаггарцы, погибаютъ отъ голода и жажды, или дичають, потому что никто не хочетъ рисковать жизнью, чтобы идти на поиски потерявшихся животныхъ.

Расположенный въ самомъ центрѣ Сахары, джебелъ Ахаггаръ былъ бы раздѣльнымъ хребтомъ для рѣчныхъ бассейновъ, если бы воды были достаточно обильны, чтобы образовать настоящія рѣки внѣ массива. Несомнѣнно, однако, что воды, бѣгущія со склоновъ Ахаггара, теряются, по выходѣ изъ долины, въ песчаныхъ руслахъ, которыя прежде, при другихъ климатическихъ условіяхъ, были долинами, куда изливались большія рѣки: на сѣверѣ текли притоки Игаргара; на югѣ соединялись уэды, которые черезъ общее русло Тафассасета усиливали Нигеръ; на западѣ долины Тигехерта, Тархита и нѣкоторыхъ другихъ уэдовъ принадлежатъ къ системѣ Мессауры. Составляетъ ли бассейнъ этой рѣки часть атлантической покатости, какъ предполагалъ Дюверье, и несмотря на препятствіе, представляемое дюнами Игиди, ея фильтраціонныя воды направляются ли къ уэду Драа, или, какъ это дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ новѣйшія свѣдѣнія ³⁾, не есть ли Мессаура притокъ Тигехерта и Нигера? Перерѣзываетъ ли она плоскогорье глубокимъ ущельемъ? По барометрическимъ измѣреніямъ, сдѣланнымъ Рольфсомъ въ оазисѣ Туатъ, истеченіе Тигехерта или Тегазерта въ Нигеръ представляется невозможнымъ, ибо вода должна бы была течь снизу вверхъ и, на пространствѣ около 800 километровъ, подняться слишкомъ на 100 метровъ, чтобы достигнуть главной рѣки; но цифры, даваемые однимъ путешественникомъ, который не можетъ сравнить свои, наскоро сдѣланные, наблюденія, съ наблюденіями другихъ изслѣдователей, нельзя признать имѣющими рѣшающее значеніе. Поэтому вопросъ объ истеченіи Мессауры, составляющій одну изъ важнѣйшихъ проблемъ африканской географіи, долженъ пока считаться открытымъ.

Впрочемъ, и самый бассейнъ Игаргара, который уже изслѣдовали многіе путешественники, еще недостаточно извѣстенъ, чтобы можно было сказать съ полной увѣренностью, что онъ во всей своей совокупности принадлежитъ къ покатости шоттовъ Алжири. Несомнѣнно, что одинъ уэдъ, называемый Игаргаръ, беретъ свое начало на сѣверномъ склонѣ джебеля Ахаггаръ, огибаетъ, въ видѣ постоянного ручья, восточное основаніе Удана, затѣмъ, по принятіи притоковъ съ плоскогорья Эгере, проходитъ

¹⁾ G. Rolland, «Carte géologique du Sahara».

²⁾ H. Duveyrier, «Les Touaregs du Nord».

³⁾ Camille Sabatier, «Mémoire sur la Géographie physique du Sahara central».

между Азджарскимъ Тассили и горами Ирауэнъ, чтобы вступить въ аллювіальныя равнины, простирающіяся на сѣверъ отъ девонскихъ плато. До этого мѣста теченіе его совершенно обособленное и паденіе правильное: близъ зауи Темассининъ, у южнаго основанія скалъ мѣлового пояса, русло его лежитъ на высотѣ 375 метровъ; здѣсь съ нимъ соединяются, если не воды, то по крайней мѣрѣ долины, нѣкогда наводненныя, которыя берутъ начало въ центральныхъ впадинахъ плоскогорья Азджаръ; черты этихъ долинъ притоковъ Игаргара, называемыхъ Игаргаренъ и Иссауанъ, явственно обозначены цѣпями дюнъ, обрывами, излучинами, змѣевидными извилинами. Сѣвернѣе такъ же отчетливо видна брешь, перерѣзывающая область мѣловыхъ формаций; но вскорѣ затѣмъ скатъ становится неяснымъ: неизвѣстно—понижается ли мѣстность къ сѣверу, и трудно сказать, въ какую сторону потекла бы вода, если бы она существовала въ долинахъ; впрочемъ, ее никогда не видали въ этой области уади Игаргаръ. Низменность, походившая на рѣчное ложе, между высокими берегами, удаленными одинъ отъ другаго на разстояніе отъ 2 до 10 километровъ, въ концѣ концовъ сливается съ поверхностью окружающей пустыни: это рядъ даиъ или дхай (лощинъ съ песчанымъ дномъ), прерываемыхъ дюнами; во многихъ мѣстахъ странствующіе пески совершенно загородили долину. По мнѣнію Дюверье, соединеніе между Игаргаромъ и Игаргареномъ происходитъ подземнымъ путемъ, подъ дюнами.

Многочисленныя озера рѣзѣны въ котловинахъ сѣвернаго Тассили и во внѣшнихъ вырѣзкахъ, гдѣ уади берутъ свое начало: Дюверье полагаетъ, что эти озера представляютъ собою бывшіе кратеры вулкановъ, гдѣ скопились воды. По крайней мѣрѣ этого нельзя сказать про лужи, обыкновенно обозначаемыя под именемъ «озера» Михаро, или даже величавыя «моремъ» (бахръ). Осмотрѣнные въ 1876 г. путешественникомъ фонъ-Бари, эти лужи оказались просто впадинами въ руслѣ уади, содержащими воду во всякое время года. Когда воды бѣгутъ въ обиліи съ горъ, отдѣльныя лужи сливаются въ прудъ; во время засухи онѣ стуживаются до размѣра ямъ, наполненныхъ водой; въ сосѣдствѣ быть изъ земли газовые ключи, называемые Себарбаръ, или «бурчаніе», по причинѣ пузырей, безпрестанно поднимающихся со дна и лопающихся на поверхности; по наблюденію фонъ-Бари, вода этихъ родниковъ, если и не кипятъ, какъ говорятъ туареги, то все-таки довольно горячая: температура ея слишкомъ 37 градусовъ по Цельсію. Нѣмецкій изслѣдователь не видалъ крокодиловъ въ лужахъ Михаро, но явственно различилъ ихъ слѣды на пескѣ. Судя по отпечаткамъ ихъ лапъ, эти животныя, внушающія большой страхъ па-

стухамъ, имѣютъ не болѣе двухъ метровъ въ длину. На сѣверо-западѣ, на той же отлогости плоскогорья, находится озеро Менхугъ, посѣщенное первой миссіей полковника Флятерса, въ 1880 г. Это большой прудъ, который въ среднее время года имѣетъ километръ въ длину, около сотни метровъ въ ширину и 4 метра глубины; но въ сухой сезонъ уровень воды понижается на 3 метра, и прудъ обращается въ простую воронку, какъ источники Себарбаръ; напротивъ, послѣ сильныхъ дождей, онъ наполняетъ обширный циркъ дюнъ и омывается своими водами основаніе тамарисковъ. Французскіе офицеры не видали тамъ крокодиловъ, но ловили огромныхъ рыбъ, принадлежащихъ къ тѣмъ же видамъ, которые встрѣчаются въ водахъ Нила и Нигера¹⁾. Фактъ этотъ служить новымъ доказательствомъ того, что прежде климатъ здѣсь былъ болѣе влажный: большія рѣки текли тогда въ пространствахъ, которыя въ наши дни представляютъ безводную пустыню; водяныя животныя свободно переходили изъ рѣки въ рѣку, теперь же они заперты въ тѣсныхъ предѣлахъ и подвергаются опасности погибнуть въ случаѣ исключительныхъ засухъ, когда воды могутъ испариться до послѣдней капли.

На противоположной покатости Тассили, между этимъ плоскогорьемъ и массивомъ Ахаггаръ въ собственномъ смыслѣ, простирается большая себха, бывшая нѣкогда озеромъ, и воды которой изливались либо на юго-востокъ чрезъ уади Тафассасетъ, либо на сѣверъ чрезъ Игаргаръ: этотъ солончакъ находится почти на водораздѣльномъ хребтѣ между Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, чрезъ бассейны Нигера. Амадгоръ впервые былъ посѣщенъ европейцами во время второй миссіи Флятерса; но трагическая участь, постигшая эту экспедицію, лишила географію картъ и описаній, относящихся къ этой части путешествія. Извѣстно только, что равнина Амадгоръ очень обширна, потому что на переходъ черезъ нее требуется не менѣе пяти дней. Солончакъ, питаемый ручьями, спускающимися изъ долинъ плоскогорья Эгере и джебеля Ахаггаръ, получаетъ, вѣроятно, значительное количество воды. Соль тамошняя превосходнаго качества, и ее можно бы собирать столько, что хватило бы для миллионовъ людей; но постоянныя войны между Ахаггаромъ и Азджаромъ заставили оставить эксплуатацію этихъ соляныхъ богатствъ; по той же причинѣ большую ярмарку, которая прежде собиралась на берегу себхи, пришлось перевести въ Ратъ²⁾. Нѣтъ сомнѣнія,

¹⁾ H. Brosselard, „Voyage de la mission Flatters“.

²⁾ H. Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

что съ возстановленіемъ мира въ тѣхъ странахъ Амадгоръ снова приобрететъ важное торгово-промышленное значеніе и опять сдѣлается оживленнымъ рынкомъ для каравановъ между Сахарой и Нигриціей.

Благодаря относительному обилію водъ въ массивѣ Ахагаръ, флора этой области сравнительно довольно богата: въ хорошо орошаемыхъ долинахъ, акаціи, особенно тотъ видъ, который даетъ аравійскую камедь, и другія древесныя породы образуютъ настоящіе лѣса; фонъ-Вари видѣлъ даже, въ сосѣдствѣ озера Михаро, деревья, соединенныя сѣтью лѣанъ въ непроницаемую массу зелени. Достаточно малѣйшаго дождя, чтобы одѣтъ въ нѣсколько часовъ голую почву богатой травяною растительностью. Дюверье рассказываетъ, что ему случалось видѣть, какъ обширныя пространства, совершенно обнаженныя накануне, покрывались на другое утро, послѣ ночного ливня, великолѣпнѣйшей зеленью: одной недѣли достаточно, чтобы новая трава, называемая туарегами «весенней», могла прокормить стада. Между обыкновенными растеніями края особенно замѣчательнъ одинъ видъ бѣлены, называемый фалезлезъ, токсическія свойства котораго, говорятъ, усиливаются пропорціонально высотѣ мѣстъ произрастанія: почти безвредная въ низменныхъ равнинахъ, она становится опасной на нижнихъ террасахъ, чрезвычайно ядовитой на высокихъ горахъ, но не для жвачныхъ животныхъ; листья ея идутъ въ прокъ верблюдамъ и козамъ, тогда какъ лошади, ослу, собакамъ и человѣку они приносятъ смерть. Культурная флора туареговъ заключаетъ въ себѣ очень ограниченное число видовъ: два дерева, финиковую пальму и смоковницу, виноградъ и четыре хлѣбныхъ злака—пшеницу, ячмень, сорго и просо ¹⁾).

Кажется, что львовъ нѣтъ въ горахъ Ахагаръ; барсъ, кабанъ, буйволъ, носорогъ и бегемотъ тоже не водятся въ землѣ туареговъ; но тамъ встрѣчаются разновидности волка и гиены; на плоскогорьяхъ и въ равнинахъ, окружающихъ этотъ джебель, много антилопъ; на сѣверномъ Тассили живутъ стадами онагръ (дикій оселъ): онъ такъ быстро бѣгаетъ, что догнать его нѣтъ никакой возможности; съ трудомъ удается иногда поймать его въ западню. Рассказываютъ, что онагръ нападаетъ на домашнихъ ословъ и убиваетъ ихъ на смерть. Вокругъ болотъ и въ лѣсистыхъ ложинахъ летаютъ птицы, но онѣ очень рѣдки и принадлежатъ къ небольшому числу видовъ: «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сахары можно путешествовать цѣлую недѣлю, не встрѣтивъ ни одного представителя пернатого царства».

У туареговъ есть домашнія животныя, лошади и оселъ, баранъ и коза, борзая собака

особой породы, называемой «слуги», и даже страусъ. Дюверье видѣлъ одного изъ этихъ ручныхъ страусовъ, которымъ надѣваютъ путы, какъ лошадямъ, пускаемымъ на подножный кормъ. Извѣстно, какимъ заботливымъ уходомъ окружаютъ туареги верблюда, своего излюбленнаго товарища, позволяющаго имъ, такъ сказать, быть вездѣсущими въ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ, которое простирается отъ узда Ригъ до Нигера. Верблюдъ и былъ главной причиной того, что туареги сдѣлались скорѣе кочевникомъ, чѣмъ земледѣльцемъ; во многихъ долинахъ джебеля Ахагаръ обработка почвы могла бы дать достаточныя средства для прокормленія жителей, но владѣлецъ верблюда не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ: ему нужно, смотря по времени года и выпаденію дождей, искать пастбищъ, пригодныхъ для его скота.

Стада состоятъ преимущественно изъ вьючныхъ верблюдовъ, которыхъ иногда дрессируютъ для быстрыхъ экспедицій, но бѣговые верблюды составляютъ особую породу, называемую *мегари* (по-берберски *аргеламъ*), которая отличается высокимъ ростомъ, тонкими и стройными ногами, длинной шеей, необычайной быстротой хода, изумительной выносливостью и умѣренностью въ пищѣ. Мегари не кричитъ, когда ему больно, изъ боязни, чтобы крикъ не выдалъ его хозяина; онъ можетъ выносить до семи сутокъ воздержаніе въ лѣтнюю пору, когда онъ на ходу и навьюченъ; зимой онъ остается по два мѣсяца на пастбищѣ, не ходя на водопой. Въ то время какъ вьючный верблюдъ идетъ обыкновенно шагомъ 3 съ половиной до 4 километровъ въ часъ, т. е. отъ 25 до 26 километровъ въ день, мегари безъ труда проходитъ въ четверо большее разстояніе. Путешественникъ Фуру рассказываетъ о трехсотверстной поѣздкѣ, совершенной въ два дня на мегари однимъ инсалахскимъ шейхомъ ¹⁾. Верблюдоводство поглощаетъ такую большую часть жизни туарега, что послѣдній имѣетъ въ своемъ распоряженіи десятки названій для обозначенія мегари во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ состояніяхъ здоровья и болѣзни, отбѣлковъ цвѣта шерсти, работы и отдыха. Воспитаніе животного для бѣга и для войны ведется съ величайшей заботливостью и тщательностью, и дѣйствительно нельзя достаточно налюбоваться чуднымъ зрѣлищемъ многочисленныхъ мегари, облеченныхъ въ ратную сбрую и выстроенныхъ въ боевомъ порядкѣ: верблюды, вытянувшіе шею, люди, высоко держащіе копыя, кажутся какъ бы составляющими одно странное существо грознаго вида. Мегари, на которыхъ ѣздятъ женщины, выучиваются плавно

¹⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

¹⁾ „Bulletin de la Société de Géographie de Constantine,“ 1-er août 1883.

покачиваться изъ стороны въ сторону подъ звуки музыки: когда туарегскія женщины явились привѣтствовать членовъ миссіи Флятерса, одна изъ нихъ играла на какомъ-то инструментѣ въ родѣ мандолина туземныя аріи, тогда какъ верблюдъ ея танцевалъ на мѣстѣ, соблюдая тактъ съ изумительною точностью. Туареги управляютъ движеніями животнаго давленіемъ ноги. Сидя на высокомъ сѣдлѣ и опершись спиной на луку, съ ногами,

свою пищу его семьи въ сезонъ пастбы; изъ верблюжьей шерсти плетутъ веревки; калъ употребляется для унавоживанія пальмъ, или, высушенный на солнцѣ, служитъ топливомъ. Мясо верблюда считается самымъ лакомымъ блюдомъ, которымъ обыкновенно угощаютъ почетныхъ гостей; наконецъ, кожа его, одна изъ лучшихъ, какія существуютъ, утилизируется для приготовленія палатокъ, сбруи и разной хозяйственной утвари¹⁾. Вообще для

Таргуинскій типъ.

скрещенными вокругъ сѣдельной шишки въ формѣ креста, онъ дѣйствуетъ босыми ступнями на шею верблюда, сохраняя такимъ образомъ руки свободными для дѣйствія оружіемъ: оттого, въ бою, туареги всегда мѣтятъ въ ступню своего врага; если ему удастся отрубить ее, животное не слушается больше, такъ какъ уже не составляетъ одного тѣла со своимъ господиномъ. Страшный на войнѣ, необходимый для перевозки людей и вещей, верблюдъ способствуетъ также содержанію туарега: верблюжье молоко составляетъ един-

ственное богатство, но они относительно малочисленны: самый зажиточный изъ горцевъ имѣетъ не болѣе полсотни головъ этого драгоценнаго животнаго.

Въ странѣ туареговъ, какъ въ регентствѣ Триполи, въ Феццанѣ и въ Алжирской Сахарѣ, находили каменные орудія и другіе предметы, принадлежащіе доисторическимъ вѣкамъ. Пу-

¹⁾ Н. Dutreuil, цитированное сочиненіе.

тешественники встрѣчали также древнія могилы, уже разрытыя и перерытыя искателями кладовъ; но не извѣстно, какимъ народамъ должно приписать эти остатки отдаленной эпохи. Берберы-туареги съ незапамятныхъ временъ кочуютъ въ Центральной Сахарѣ, и, несомнѣнно, они уже занимали край, когда арабы проникли въ Мавританію и въ первый разъ встрѣтились съ обитателями пустыни. Арабы-то и дали этимъ кореннымъ жителямъ имя «туареговъ», которое значитъ «покинутые», отвергнутые Богомъ, по причинѣ сопротивленія, которое эти народцы, «сабяне или идолопоклонники», какъ ихъ называютъ арабскіе писатели, долго оказывали магометанству: они обратились въ исламъ только въ третьемъ столѣтіи геджры. Сами себя туареги называютъ имохагъ, имошаръ, имажирхевъ, смотря по нарѣчіямъ. Это то же имя, какъ амзигъ въ Джурджурѣ и имазигенъ въ Марокко, и также происходитъ отъ корня, заключающаго въ себѣ понятіе о свободѣ, гордой независимости. Что касается происхожденія этой расы, то оно «смѣшанное и переплетающееся, какъ ткань шатра, въ которую входятъ волосы верблюда съ шерстью барана: нужно быть очень искуснымъ, чтобы различить, которая верблюжья и которая овечья». Такъ говоритъ шейхъ Брагимъ-Ульд-Сиди, слышущій образованнѣйшимъ человекомъ между туарегами ¹⁾. Вслѣдствіе родства чрезъ брачные союзы, главные берберскіе роды центральной Сахары, — вѣроятно, санхеджанскаго происхожденія, — могутъ присвоивать себѣ титулъ арабовъ и шорфовъ, такъ что косвенно и они имѣютъ въ жилахъ частицу крови Пророка. Имохаги или имошары дѣлятся на множество племенъ, составляющихъ четыре большихъ союза: азджаръ и ахаггаръ или хоггаръ — сѣверные туареги, кель-ови и ауэллимиденъ — южные туареги. Вся раса въ совокупности занимаетъ половину Сахары, а языкомъ ея, называемымъ темахагъ, темашекъ или тамазиггъ, говорятъ въ четверти Африки, отъ береговъ Атлантическаго океана до оазисовъ Юпитера Аммона. Самое слово Аммонъ не то ли же, что названіе народа Тамагу, упоминаемое въ Египтѣ на памятникахъ Эдфу? ²⁾.

Изъ четырехъ сейчасъ названныхъ племенныхъ союзовъ тотъ, который занимаетъ сѣверо-восточную часть громадной области распространенія туарегскаго народа, союзъ азджарцевъ, имѣетъ первенствующее значеніе, не по численности и не по богатству, а по степени цивилизаціи и покровительству, которое онъ оказываетъ торговымъ людямъ: благодаря азджарцамъ, европейскіе путешествен-

ники могли проникнуть во внутренность Сахары, и эти дотолѣ невѣдомыя области стали намъ извѣстны. Изъ всѣхъ туареговъ азджарцы наиболѣе обнаруживаютъ склонности принимать кочевую жизнь на осѣдлую, и даже одно изъ племенъ, тинъ-алькумъ, или тизилькумъ, какъ его называетъ Ричардсонъ, живетъ въ оазисахъ, воздѣлываемыхъ собственными руками, въ окрестностяхъ Мурзукъ и Рата. Прежде самымъ могущественнымъ между азджарскими племенами было племя имананъ, или «султановъ», къ которому принадлежалъ амовакаль, или государь всѣхъ сѣверныхъ туареговъ; теперь господствующее племя — орагены, кочующіе въ долинахъ Игаргарена, Михеро, Джанета; самое цивилизованное — ифогасы, которыхъ считаютъ специально союзниками французовъ, по причинѣ покровительства, которое они оказывали европейскимъ путешественникамъ: шейхъ этого племени, Отманъ, сопровождалъ Ленга въ Инсалахъ и собралъ его бумаги; тотъ же шейхъ три раза водилъ французскихъ изслѣдователей въ свою страну, между прочимъ, и Генриха Дюверье; наконецъ, онъ же первый рѣшился покинуть родную пустыню, чтобы сѣздить во Францію. Ифогасы пользуются большимъ вліяніемъ, какъ марабуты и продавцы амулетовъ: ихъ можно встрѣтить во всѣхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ земли туареговъ. Союзъ племенъ ахаггаръ — или хоггаръ на языкѣ арабовъ — отличается гораздо болѣе воинственнымъ характеромъ, чѣмъ азджарцы. Обитая въ гористой области, гдѣ ихъ никто не осмѣливается преслѣдовать, ахаггарскія племена укрываются тамъ, какъ въ крѣпости, откуда могутъ удобно дѣлать набѣги въ сосѣднія территоріи. Сюзеренное племя ахаггарцевъ, называемое кель-рела, занимаетъ центръ плоскогорья, главную твердыню союза. Начальникъ его, амгаръ, есть въ то же время вождь всѣхъ другихъ племенъ джебели. Между ахаггарцами только очень немногіе занимаются земледѣльемъ; почти все они пастухи. Дюверье опредѣляетъ общую численность сѣверныхъ туареговъ приблизительно въ 30.000 человекъ, что составитъ немного болѣе тысячи душъ на племя; пространство же территоріи, на которой они кочуютъ со своими стадами, никакъ не менѣе милліона квадратныхъ километровъ.

Большинство туареговъ — народъ рослый; все они худощавы и сильны; блѣдые отъ прирѣдъ, они дѣлятся смуглыми отъ вліянія солнца; по цвѣту кожи и по чертамъ лица ихъ можно смѣшать съ европейцами, но они всегда отличаются нервною, хотя медленною и важною, поступью, большими шагами и гордымъ держаніемъ головы: Дюверье сравниваетъ ихъ позу съ позой страуса или верблюда, и приписываетъ ее привычкѣ постоян-

¹⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

²⁾ Ch. Tissot, „Exploration scientifique de la Tunisie“.

но носить копы. Между туарегами встрѣчаются голубоглазые, и у женщинъ этотъ цвѣтъ радужной оболочки считается большой красой. Среди имошаровъ не увидишь болѣзненныхъ и рахитиковъ: слабые, хилые быстро уносятся въ могилу, но зато тѣ, которые выживаютъ, не боятся никакой хвори, не знаютъ усталости; между ними не рѣдкость встрѣтить столѣтнихъ стариковъ. Этимъ завиднымъ здоровьемъ туареги, безъ сомнѣнія, обязаны своей крайней умѣренности въ пищѣ: между прочими обидными кличками, которыми эти африканцы щедро осыпаютъ арабовъ, они обзываютъ послѣднихъ «большими ѣдоками», обжорами; сами они ѣдятъ только разъ въ день въ пути и два раза во время пребывания въ становищѣ: зерна, финики и смоквы, ягоды салвадоры персидской (*Salvadora persica*), зелень, немного мяса—вотъ и всѣ ихъ яства; имъ запрещено обычаемъ питаться птицами и рыбой; одни только марабуты позволяютъ себѣ употреблять въ пищу мясо этихъ животныхъ. Самые обыкновенныя болѣзни у туареговъ—ревматизмъ и офталмъ (глазные болѣзни); происхожденіе этихъ недуговъ объясняется привычкой спать ночью на голомъ пескѣ и отраженіемъ яркаго солнца на дюнахъ. У этихъ обитателей пустыни зрительный аппаратъ не такой, какъ у жителей оазисовъ: у первыхъ глазное яблоко, маленькое и глубоко-выпалое, защищено очень густыми бровями, рѣсницы очень длинныя, роговая оболочка отдѣлена отъ склеротики бѣловатымъ кругомъ, и весь глазъ имѣетъ красноватый цвѣтъ, зависящій отъ обилия кровеносныхъ сосудовъ ¹⁾.

Извѣстно, что для защиты зрѣнія отъ блеска солнечныхъ лучей и отъ пыли, поднимающейся съ песковъ, туареги всегда ходятъ съ закрытымъ лицомъ, и этотъ обычай въ концѣ концовъ обратился въ своего рода религіозный обрядъ у мужчинъ; даже ночью они не снимаютъ вуаля, оправдывая эту привычку тѣмъ, что приличіе требуетъ прятать ротъ, служащій дверью, черезъ которую вводится пища въ тѣло ²⁾. Такъ же какъ тиббусы и большинство другихъ сахарцевъ, туареги уже съ незапамятныхъ временъ получили отъ своихъ сосѣдей арабовъ названіе «Ахаль-эль-Лицамъ», т. е. «Люди съ покрываломъ на лицѣ». Благородные и богатые носятъ обыкновенно черный вуаль; люди низшей касты, у которыхъ иногда преобладаетъ негритянская кровь, отдали предпочтеніе бѣлому покрывалу: такимъ образомъ нація дѣлится въ глазахъ арабовъ на два класса—«Черныхъ» и «Бѣлыхъ», то-есть въ обратномъ порядкѣ съ

цвѣтомъ кожи. Женщины никогда не закрываютъ себѣ лица, развѣ только передъ иностранцемъ, въ знакъ уваженія. Подобно арабамъ, сѣверные туареги бреютъ голову, оставляя только рядъ волосъ отъ лба до затылка, родъ гребня, который поддерживаетъ ткань, служащую вуалемъ и позволяетъ воздуху циркулировать вокругъ головы. Мужчины, по достиженіи возраста, когда можно носить оружіе, надѣваютъ себѣ на правую руку кольцо изъ зеленого серпентина, чтобы придать, говорятъ они, больше силы двухглавой мышцѣ, когда рука наноситъ ударъ саблей; кромѣ того, туареги никогда не разлучаются съ длиннымъ кинжаломъ, привязаннымъ къ предплечію кожанымъ браслетомъ. Обыкновенное ихъ оружіе—копье и мечъ; теперь они употребляютъ также ружье, называя его «оружіемъ измѣны». Они не татуируются, но при помощи индиго въ порошокъ красятъ себѣ въ синій цвѣтъ лицо и руки, отъ плеча до кисти; что касается остальнаго тѣла, то оно облечено въ тотъ же цвѣтъ самымъ костюмомъ, состоящимъ изъ синей бумажной блузы и такихъ же штановъ,—костюмомъ, напоминающимъ одежду древнихъ галловъ. Женщины же раскрашиваютъ себя охрой: такимъ образомъ туареги, хотя бѣлые отъ природы, кажутся синими или желтыми. Никто изъ нихъ никогда не моется, потому что водѣ приписываютъ свойство дѣлать кожу болѣе чувствительной къ переменамъ температуры: предписанныя религіей омовенія исполняются, для виду, съ помощью песка или камешковъ.

Нравственная характеристика туареговъ была представлена, можетъ-быть, въ слишкомъ лестномъ свѣтѣ французскимъ путешественникомъ Дюверье, который не могъ нахвалиться любовью и поддержкой, оказанной ему шейхомъ Отманомъ, однимъ изъ начальниковъ племени ифогасъ; съ другой стороны, трагическая участь миссіи полковника Фляттерса и ужасы, которыми она сопровождалась, дотога возмущали общественное мнѣніе, что оно стало смотрѣть на имошаровъ въ массѣ какъ на злыхъ, безчеловѣчныхъ, алчныхъ и вѣроломныхъ дикарей. Но нельзя, конечно, примѣнять ко всѣмъ приговоръ, произнесенный надъ нѣсколькими. Туареги несомнѣнно обладаютъ многими хорошими качествами: они очень храбры, вѣрны слову, данному своему брату-мусульманину, уважаютъ честь друзей. Туарегскій грабитель, который иной разъ трясется десять дней на спинѣ мегари, чтобы украсть скотину у враждебнаго племени, не тронетъ склада, оставленнаго караваномъ; должникъ и его наслѣдники никогда не забываютъ своего долга, точно такъ же, какъ ни обиженный, ни его дѣти никогда не забудутъ отплатить за нанесенное оскорбленіе. Впрочемъ, между различными племенами туареговъ замѣчается боль-

¹⁾ Bonnefont, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 5 fevrier 1885.

²⁾ W. Reade, „The Martyrdom of allan“.

шая разница: азджарцы, и особенно ифогасы, гораздо меньше свирѣпы, меньше дики, чѣмъ ахаггарцы; этимъ послѣднимъ и должны быть приписаны тѣ кровавыя дѣянія, которыя навели страхъ на алжирскія населенія. Туарегскому обществу свойственны пороки, вытекающие изъ его соціальнаго устройства, существенно аристократическаго, основаннаго на рабствѣ, и потому презирающаго трудъ, какъ недостойный свободныхъ людей, прославляющаго войну и грабежъ, какъ величайшіе подвиги. Нѣкоторыя изъ племенъ — благородныя, *шапарены*: это единственные племена, пользующіяся политическими правами и обладающія властью, единственные люди которыхъ, по достиженіи сорокалѣтняго возраста, могутъ засѣдать въ совѣтахъ и проявлять ораторскіе таланты, которыми такъ гордятся благородные туареги: ремесло ихъ — война; трудъ былъ бы для нихъ безчестіемъ. Да и зачѣмъ имъ трудиться, когда для этого есть покоренныя племена, которыя платятъ имъ дань, и въ особенности племена порабощенныя, крѣпостные, передаваемые по наслѣдству и въ формѣ дара, такъ называемые *имрады* или «скотники», которые занимаются скотоводствомъ въ пользу своихъ господъ и собираютъ плоды въ садахъ и лѣсныхъ чащахъ? Кромѣ того, у нихъ имѣются черные невольники и вольноотпущенные, остающіеся въ крѣпостномъ состояніи. Что касается марабутовъ, также причисляемыхъ къ людямъ благороднаго происхожденія, то они тоже имѣютъ кліентовъ и рабовъ, работающихъ на нихъ, и взимаютъ свою долю съ богатства жителей; впрочемъ эта доля во всякой другой странѣ была бы очень скуднымъ ресурсомъ. За исключеніемъ оазисовъ, воздѣлываемыхъ руками имрадовъ, въ Джанетѣ, въ землѣ Азджаръ, въ Иделесѣ и въ Тазерукѣ, въ землѣ Ахаггаръ, не наберется, вѣроятно, и тысячи гектаровъ подъ культурой на всей территоріи туареговъ, а промышленность ограничивается мелкими работами, необходимыми для выдѣлки и переработки кожъ, гончарнаго производства, фабрикаціи грубой мебели, починки оружія. Кузнецы составляютъ уважаемую корпорацію; жены ихъ, почти такія же сильныя, какъ и они сами, помогаютъ мужьямъ ковать желѣзо. Старыя цистерны, высѣченныя въ камнѣ въ мѣстностяхъ, нынѣ пустынныхъ, доказываютъ, что прежде тамъ земледѣліе было гораздо болѣе развито. Въ наше время бѣдность края такъ велика, что голодающіе часто ходятъ на поиски муравейниковъ, чтобы поживиться сѣменами дринна, собранными запасливыми насѣкомыми; они оставляютъ нѣсколько горстей хозяевамъ муравейника, а изъ остальнаго забраннаго сѣмени приготавливаютъ себѣ родъ кускуса ¹⁾.

Традиціи матеріальнаго быта сохранились до сихъ поръ у сѣверныхъ туареговъ. По общему праву, называемому арабами Бени-Уммія, т. е. «Сыны Матери», старшій сынъ старшей сестры всегда пользуется привилегіей при дѣлѣжѣ наслѣдства; въ случаѣ смерти главы семейства, — все равно, будетъ ли то благородный, марабутъ, данникъ или рабъ, — имущество его дѣлится на двѣ части: «правое», приобретенное трудомъ, и «неправое», завоеванное съ оружіемъ въ рукахъ; первое распределяется поровну между всѣми дѣтьми, безъ различія возраста и пола; неправое же имущество переходитъ цѣликомъ къ старшему сыну старшей сестры: такъ поддерживается могущество крупныхъ феодальныхъ фамилій ¹⁾. Когда завоеванная территорія должна быть поделена между племенами, она отдается вдовствующимъ дамамъ дворянства: таковъ старинный законъ, который, повидимому, соблюдался всѣми санхеджами Африки до магометанскаго нашествія, и который сохранился у многихъ другихъ берберскихъ націй, кромѣ туареговъ. У имохаговъ или имошаровъ дѣти всегда сохраняютъ званіе матери; какъ гласитъ формула изъ традиціоннаго права, «чрево даетъ окраску ребенку»: сынъ невольника и благородной принадлежитъ къ дворянскому сословію; сынъ дворянина и невольницы считается рабомъ. Впрочемъ, въ обыденной жизни женщина равноправна съ мужчиной, а во многихъ отношеніяхъ поставлена даже выше его. Она свободно располагаетъ своею рукой, и родители вмѣшиваются только въ томъ случаѣ, когда нужно помѣшать заключенію неравнаго брака; она сама управляетъ своимъ личнымъ имуществомъ, не будучи обязана содѣйствовать покрытію расходовъ хозяйства: оттого жена вообще богаче мужа; ей принадлежитъ воспитаніе и руководство дѣтей; на праздничныхъ собраніяхъ ей всегда уступаютъ первое мѣсто, а за трапезой она получаетъ лучшіе куски; но обычай запрещаетъ ей пить кофе или чай, предоставленные исключительно мужчинамъ. Часто она допускается къ участию въ совѣтахъ племени; иногда же она исполняетъ функціи шейха и въ этомъ случаѣ пользуется двойнымъ почетомъ — какъ глава племени, и какъ женщина. Вопреки Корану, туарегскія женщины воспретили многоженство, и нѣтъ примѣра, чтобы женщина имѣла двухъ женъ; разводъ дозволенъ, но новая супруга не можетъ вступить въ супружескій очагъ, пока не будетъ надлежащимъ образомъ устроена судьба отвергнутой жены. Ранніе браки здѣсь не въ обычаѣ, какъ у арабовъ, и когда туарегская дѣвушка беретъ себѣ мужа, что бываетъ обыкновенно около двадцатилѣтняго возраста, она уже обладаетъ достаточной силой воли и

¹⁾ Margueritte, „Chasses de l'Algérie“.

¹⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

сумѣетъ заставить уважать свои права. Подобно супругу, она можетъ ѣздить верхомъ на верблюдахъ и путешествовать по пустынь для по-

ска женщина, «ревниво охраняющая свои права, такъ же строго относится и къ своимъ обязанностямъ»; кажется, однако, что въ со-

Туареги въ набѣгѣ.

сѣщенія родственниковъ и друзей, не будучи обязана кому бы то ни было отдавать отчетъ; но она рѣдко злоупотребляетъ этой полной свободой, ибо, по выраженію Дюверье, туарег-

сѣдствіе Рата дѣтубійства съ цѣлью сокрытія плода незаконной связи не принадлежать къ числу совершенно неизвѣстныхъ преступленій. Впрочемъ, обычай отнюдь не воспрещаетъ

туарегским дамамъ имѣть, подобно средневѣковымъ владѣтельницамъ замковъ, ухаживателей, *servants d'amour*, въ честь которыхъ онѣ вышиваютъ вуали или сочиняютъ стихи. На вечеринкахъ, которыя онѣ даютъ, забавляя гостей пѣніемъ, подъ аккомпаниментъ барабана или тобола и особаго инструмента въ родѣ скрипки, называемаго ребаза, онѣ усаживаютъ на почетное мѣсто тѣхъ, кого отличили, и никто не позволяетъ себѣ порицать ихъ выбора. Особенно женщины племени имананъ, прозванные «царственными», славятся своимъ музыкальнымъ талантомъ, прелестью и поэзіей своихъ импровизаций; оттого на ихъ вечеринки мужчины приходятъ за сотни верстъ вокругъ, наряженные въ лучшія свои платы. Послѣ войны туареги ничего такъ не любятъ, какъ музыкальные вечера, и въ битвахъ побѣдители, чтобы нанести послѣдній ударъ побѣжденнымъ, кричатъ имъ, что они не будутъ встрѣчены пѣніемъ своихъ женъ.

Поэтессы и музыкантши націи, женщины являются также хранительницами сокровища знаній. У азджарцевъ почти всѣ женщины умѣютъ читать и писать, тогда какъ изъ мужчинъ едва-ли треть достигаетъ этой степени образованія. Женщины обучаютъ родному языку и грамматикѣ, пишутъ тефинагскими буквами, мало отличающимися отъ письменныхъ знаковъ, найденныхъ на камнѣ въ Тугга, современномъ кареагенской эпохѣ. Почти всегда бывая въ пути по ночамъ, мужчины знаютъ въ совершенствѣ форму и движеніе созвѣздіи; но эта наука, вмѣстѣ съ изумительнымъ знаніемъ мѣстной топографіи, есть единственная, которою они обладаютъ; всякое ученіе и образованіе они предоставляютъ женщинамъ. Когда Дюверье привезъ въ край «Темашекскую грамматику» Ганото, это событіе произвело настоящую революцію въ женскомъ мірѣ: всѣ дамы хотѣли видѣть, осязать, изучить это чудесное твореніе, которое восхваляло ихъ языкъ и содержало, кромѣ того, много незнакомыхъ имъ басенъ, стихотвореній, исторій. Эта грамматика, вмѣстѣ съ другими сочиненіями того же рода и съ отрывками изъ библіи, изданными въ Лондонѣ, составляютъ нынѣ всю темахагскую литературу; берберскій переводъ Корана, сдѣланный нѣкогда въ Марокко, былъ уничтоженъ, въ тѣхъ видахъ, какъ рассказываетъ Ибнъ-Халдунъ, чтобы слово Аллаха не подвергалось человѣческому толкованіямъ. Всѣ произведенія письменности, какими обладаютъ туареги, составлены на арабскомъ языкѣ; на этомъ же діалектѣ ведется корреспонденція, и пишутся амулеты.

Подобно своимъ единоплеменникамъ, кабиламъ Джурджуры, имошары, обитатели Тассили и Ахаггара, не особенно ревностные мусульмане: они предоставляютъ марабутамъ заботу молиться за нихъ; рѣдко встрѣтишь имошара,

который бы далъ себѣ трудъ исполнить какую-нибудь, даже самую легкую, религіозную церемонію. Но многіе обряды, происхожденія которыхъ относится ко временамъ, предшествовавшимъ введенію ислама, сохранились до сихъ поръ: крестъ для имошаровъ — священный символъ, и небесныхъ духовъ они называютъ ангелами, анджелусъ¹⁾. Туареги страшно боятся духовъ и привидѣній. Онѣ ни за что не будутъ оплакивать покойника, изъ опасенія, чтобы тотъ не воскресъ. По совершеніи обряда погребенія, становяща переносится на другое мѣсто для того, чтобы положить пространство между живыми и умершими; сыну никогда не даютъ отцовскаго имени, какъ это дѣлаютъ арабы: это имя должно умереть вмѣстѣ съ человѣкомъ, который его носилъ. Одни только марабуты, арабизованные религіей, принявъ для родовыхъ прозвищъ обычай своихъ пресвѣтителей. Впрочемъ марабуты работаютъ медленно, даже самаго не сознавая, надъ доставленіемъ преобладающаго вліянія арабскимъ правамъ. Когда ихъ призываютъ въ качествѣ судей или посредниковъ, они рѣшаютъ дѣла на основаніи Корана. Что касается внутренняго благочинія племенъ и родовъ, то оно поддерживается единственно силой обычая. Лѣстница наказаній, налагаемыхъ шейхомъ, исчерпывается неней и бастонадой (палочными ударами); тюрьма, смертная казнь никогда не примѣняются законнымъ порядкомъ: обиженному предоставляется самому отплатить кровью за кровь.

Сосѣдство алжирской территоріи поставило туареговъ въ сношенія съ французами, и распространеніе культуры на югъ французской колоніи неминуемо поведетъ къ развитію и усиленію этихъ сношеній. Вслѣдствіе путешествія Анри Дюверье, одинъ шейхъ ифогасовъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ другихъ туареговъ, посѣтилъ Алжиръ и даже Парижъ: можно было думать, что, благодаря этимъ новымъ союзникамъ, дороги Судана будутъ открыты караванамъ, отправляющимся изъ Лагуата и Бискры. Даже въ 1862 г. былъ заключенъ въ Гадамесѣ формальный договоръ между французскимъ уполномоченнымъ Миршеромъ и туарегскими шейхами племени азджарскаго союза, при чемъ на одно изъ этихъ племенъ, по имени орагенъ, специально была возложена обязанность конвоировать путешественниковъ и товары во время ихъ слѣдованія черезъ Сахару; но этимъ трактатомъ и ограничили дружественныя сношенія. Съ этой эпохи, какъ извѣстно, было нѣсколько случаевъ умиранія путешественниковъ, и члены миссіи Фактерса погибли подъ ударами вѣроломныхъ туземцевъ. Правда, ответственность за эти зло-

¹⁾ «Annales de la Propagation de la Foi», 1869.

дѣянія не можетъ быть возложена на всѣхъ туареговъ: азджарскіе шейхи отместили смерть Дурно-Дюперре и Жубера на виновникахъ преступленія, а что касается измѣны, положившей конецъ послѣдней сахарской экспедиціи, то ее приписываютъ исключительно ахаггарцамъ; есть даже несомнѣнные доказательства того, что послѣ избіенія миссіи Фляттерса ахаггарцы сдѣлали набѣгъ на территорію ифогасовъ и перебили у нихъ много народа, что бы наказать ихъ за то, что они «привели христіанъ въ страну» ¹⁾.

Очевидно, что если французы, разсматриваемые какъ военная держава, захотятъ открыть себѣ дорогу черезъ джебель Ахаггаръ, то имъ легко будетъ это сдѣлать, пославъ туда достаточную вооруженную силу, настолько значительную, чтобы ей даже не было надобности устранять непріятеля, такъ какъ этотъ непріятель не въ состояніи будетъ оказать сопротивленіе. Тридцать тысячъ жителей, много-много что десять тысячъ воиновъ, на пространствѣ вдвое большемъ Франціи, не имѣли бы, если бы даже соединились, достаточныхъ ресурсовъ для защиты своей территоріи противъ отряда, солидно организованнаго и снабженнаго смертоносными снарядами, какіе доставляетъ современная индустрія: никогда больше двухсотъ туареговъ не соединяются въ одну шайку, потому что въ ихъ краѣ не существуетъ колодцевъ, гдѣ бы можно было напоить быстро двѣсти верблюдовъ ²⁾. Между тѣмъ французы имѣютъ въ своемъ распоряженіи орудія, позволяющія имъ рыть колодцы въ дорогѣ; кромѣ того, они могутъ перевозить съ собою запасы воды, какъ это дѣлали Рольфсъ и Циттель во время своей памятной экспедиціи 1874 г. черезъ Ливійскую пустыню, когда они шли двадцать два дня, не встрѣтивъ ни одного источника или колодца ³⁾. При томъ дорога изъ Уарглы въ сердце джебеля Ахаггаръ хорошо извѣстна, и можно заранѣе съ точностью указать пункты, гдѣ должны быть помѣщены продовольственные посты: колодцы Моханца, Аинъ-Беида, Эль-Бютъ, зауія Темассининъ, джебель Хонфуса, Аинъ-эль-Хаджаждъ, Менгугъ, Амгидскій колодезь, солончакъ Амадгоръ — вотъ естественные этапы на дорогахъ Джанета, въ землѣ Азджаръ, или Иделеса, въ землѣ Ахаггаръ. Нѣкоторыя изъ этихъ станцій, кажется, имѣли довольно важное значеніе въ предшествовавшую историческую эпоху, о чемъ свидѣлствуютъ сохранившіеся каменные ограды и стѣны, первоначальное назначеніе которыхъ не извѣстно. Это, очевидно, не мечети среди пустыни, какія встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ Сахары, потому что туареги, ког-

да останавливаются около этихъ развалинъ, не выказываютъ къ нимъ ни малѣйшаго почтенія ⁴⁾.

Но туареги не въ самой ихъ землѣ всего болѣе уязвимы, ибо имъ легко мѣнять мѣста становинъ, убѣгая передъ наступающимъ непріателемъ за сотни верстъ. Это въ мѣстахъ торгова, гдѣ они должны запастись жизненными припасами, можно нанести имъ самый чувствительный ударъ. Окруженные почти со всѣхъ сторонъ песками или скалами, они находятся относительно продовольствія въ естественной зависимости отъ большихъ оазисовъ — на востокъ отъ Гадамеса и Рата, на западѣ отъ Туата, прозваннаго «садомъ пустыни». Открытіе рынковъ Туата алжирскимъ французамъ было бы въ то же время открытіемъ долинъ джебеля Ахаггаръ.

У. Туатъ.

Въ собственномъ смыслѣ подъ Туатомъ понимаютъ лишь узкую равнину, окаймляющую на востокъ ложе узда Саура, Мессаура или Мессаудъ, выше того мѣста, гдѣ теченіе его теряется въ пескахъ или въ ущельяхъ горъ; но въ обыкновенной рѣчи имя Туатъ, — слово берберское, означающее «Оазисы», — примѣняется къ совокупности пальмовыхъ лѣсовъ, разбѣянныхъ въ пустынѣ между землей туареговъ и областью большихъ западныхъ дюнь. Гурара, которую эти песчаные горы окружаютъ на сѣверѣ въ видѣ обширнаго амфитеатра, составляетъ часть Туата, также какъ и полоса земли, увлажняемой подземными водами, отъ Карзаса до Таурирта; наконецъ, оазисы Тидикельтъ, составляющіе самую значительную группу культурныхъ земель, тоже принадлежатъ къ территоріи Туатъ. Можно сказать, вообще, что Туатъ есть область потретичнаго аллювія, развѣтывающагося въ формѣ полумѣсяца на западъ и югъ большаго мѣловаго плоскогорья Тадемайтъ: на сѣверѣ, дюны западнаго Эрга; на западѣ, по другую сторону узда Саура, песчаное море Игиди; на югѣ, девонское плато Муидиръ — составляютъ естественныя границы равнинъ Туата; впрочемъ, каменистыя гамады и цѣпи дюнь дѣлятъ эти равнины на уединенные бассейны.

Торговля сношенія такъ часты между Берберіей и Туатомъ, естественнымъ центромъ обмѣна въ Сахарѣ, что легко можно бы было получать отъ тамошнихъ уроженцевъ всѣ желаемыя свѣдѣнія; но что касается европейскихъ путешественниковъ, то до сихъ поръ еще очень немногіе проникали къ этимъ мусульманскимъ населеніямъ. При содѣйствіи шейха ифогасовъ Отмана, Ленгъ посѣтилъ Туатъ въ 1826 г., въ эпоху, когда жители этихъ оазисовъ еще не

¹⁾ Frédéric Bernard, «Quatre mois dans le Sahara».

²⁾ H. Daveyrier, цитирован. сочиненіе.

³⁾ «Briefe aus der libyschen Wüste».

⁴⁾ Frédéric Bernard, «Quatre mois dans le Sahara».

имѣли повода опасаться, что руми могутъ придти и овладѣть ихъ территоріей. Въ 1861 г. французскіе офицеры Колонье и Бюрень, пройдя полей большихъ дюнь на югѣ Ораніи, вступили въ Туару, но дальше ихъ не пустили, и они должны были вернуться въ Алжирію, не исполнивъ своей миссии. Герхардъ Рольфсъ, болѣе счастливый, прожилъ въ оазисахъ Туата болѣе мѣсяца, въ 1864 г., но подъ видомъ мусульманина и въ качествѣ посланца Уэццанскаго шерифа; онъ догадался похвастать знаменитой генеалогіей, выдавая себя за потомка фамилии Абассидовъ. Вѣрующіе приходили почтительно цѣловать полы его ханка и повсюду разносили молву о совершаемыхъ имъ чудесныхъ исцѣленіяхъ больныхъ и немощныхъ: рассказывали, что онъ даже возвращалъ зрѣніе слѣпымъ ¹⁾. Десять лѣтъ спустя, Солелье, пришедшій съ сѣвера, тоже явился въ Инсалахъ; но онъ не былъ ни Абассидъ, ни магометанинъ: тщетно просилъ онъ пропуска въ оазисъ и долгень былъ вернуться въ Эль-Голеа, съ четырьмя своими спутниками. Три католическихъ миссіонера, слѣдовавшіе той же дорогой въ 1876 г., были убиты въ пути, прежде чѣмъ достигли Туата.

Что касается матеріальныхъ препятствій къ достиженію «Оазисовъ», то они относительно очень не велики; отъ Эль-Голеа до Тимимунъ, въ Гурарѣ, выборъ пути не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія: стоитъ только слѣдовать между оазами большихъ дюнь и западнымъ обрывомъ мѣловаго плоскогорья по долинѣ уэда Мегидентъ, занятой четвертичнымъ аллювіемъ «сахарской» формации. Даже когда идутъ прямо черезъ плоскогорья, чтобы попасть изъ Эль-Голеа въ Тидикельтъ, и то встрѣчаютъ черезъ извѣстные промежутки дхали, колодцы и пастбища; дюны приходится переходить, въ первый день ходьбы, къ югу отъ Эль-Голеа, всего только на протяженіи 4 километровъ, а каменистыя, лишенныя растительности гамады тщательно обставлены вѣхами, указывающими направленіе пути: меджебелъ, или обычная дорога каравановъ, въ большей части ея протяженія очищена отъ камня на нормальной ширинѣ отъ восьми до десяти метровъ; всѣ камни, большіе и малые, убраны и сложены по обѣ стороны дороги, въ видѣ грубыхъ стѣнъ. Когда совершенъ этотъ громадный трудъ — не извѣстно; туземцы племени шанба приписываютъ его легендарному богатырю, по имени Бенъ-Буоръ, жившему въ ту отдаленную эпоху, когда Туатъ еще не былъ обитаемъ ²⁾.

Естественныя произведенія Туата ничѣмъ не отличаются отъ произведеній другихъ странъ центральной Сахары, находящихся въ тѣхъ же условіяхъ относительно высоты мѣстополюженія

и климата. Главное дерево въ этихъ оазисахъ, какъ и въ оазисахъ Марокко и восточной Берберіи, — финиковая пальма; но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ разновидностей, она даетъ менѣе цѣнные плоды сравнительно съ финиками изъ Суфа и Тафилельта. Пальмы Туата вообще мелки, но дерево ихъ лучше и крѣпче, чѣмъ отъ пальмъ западныхъ оазисовъ. Въ тѣни пальмъ сѣютъ пшеницу, ячмень и бешну, которая даетъ двѣ жатвы въ годъ; фруктовые сады производятъ также гранаты и виноградъ, но въ маломъ количествѣ, такъ какъ сильная жара обыкновенно выжигаетъ эти плоды. Туатцы получаютъ также, при помощи искусственнаго орошенія своихъ садовъ, овощи разнаго рода; но мѣстнаго производства все-таки не хватаетъ, и жители вынуждены покупать въ алжирскомъ Теллѣ недостающее количество жизненныхъ припасовъ; впрочемъ, часть оазиса занята подъ культуру промышленныхъ растений — хлопчатника, лавзоніи (*lawsonia inermis*), коруяки (*calotropis procera*), кустарника, древесина котораго даетъ уголь, употребляемый при выдѣлкѣ пороха. Опіумъ, который туатцы курятъ со страстью, культивируется преимущественно въ сѣверныхъ оазисахъ, тогда какъ табакъ составляетъ одинъ изъ главныхъ продуктовъ южныхъ оазисовъ. Домашнія животныя тѣ же, что и въ другихъ оазисахъ, только здѣсь они малочисленнѣе. Верблюды въ Туатѣ — главный товарищъ человека, какъ вычное и какъ верховое животное; лошади, которыхъ кормятъ, какъ и ословъ, попорченными финиками, очень рѣдки; коровъ совсѣмъ нѣтъ; овцы, покрытыя волосами, какъ козы, походятъ на своихъ родичей въ Тибести, а куры по величинѣ не больше европейскихъ цыплятъ ¹⁾.

По мнѣнію Рольфса, первыми насельниками Туата были туареги, какъ о томъ свидѣлствуютъ названія разныхъ сортовъ финиковъ, почти всѣ на темахакскомъ языкѣ, и эти первоначальные обитатели края некогда находились, также какъ горцы Ауреса и Ахаггара, подъ вліяніемъ римской и византійской цивилизаціи, судя по тому, что употребляемыя въ этомъ оазисѣ имена мѣсяцевъ заимствованы изъ латинскаго календаря. Впрочемъ, въ Туатѣ еще существуютъ туарегскія населенія несмѣшанныя, говорящія только берберскимъ языкомъ и живущія въ пальмовыхъ шалахахъ, или въ палаткахъ; даже между туземцами, называющими себя арабами, есть чистокровные берберы: таковы кельмеллель, живущіе недалеко отъ Инсалаха; они только изъ тщеславія причисляютъ себя къ арабамъ, то-есть къ расѣ пророка. Другіе берберы, шеллахскаго племени, какъ большинство марокканцевъ, составляютъ основу населенія въ оазисахъ и говорятъ еще берберскимъ нарѣчіемъ, мало отличающимся отъ ді-

¹⁾ „Reise durch Marokko“.

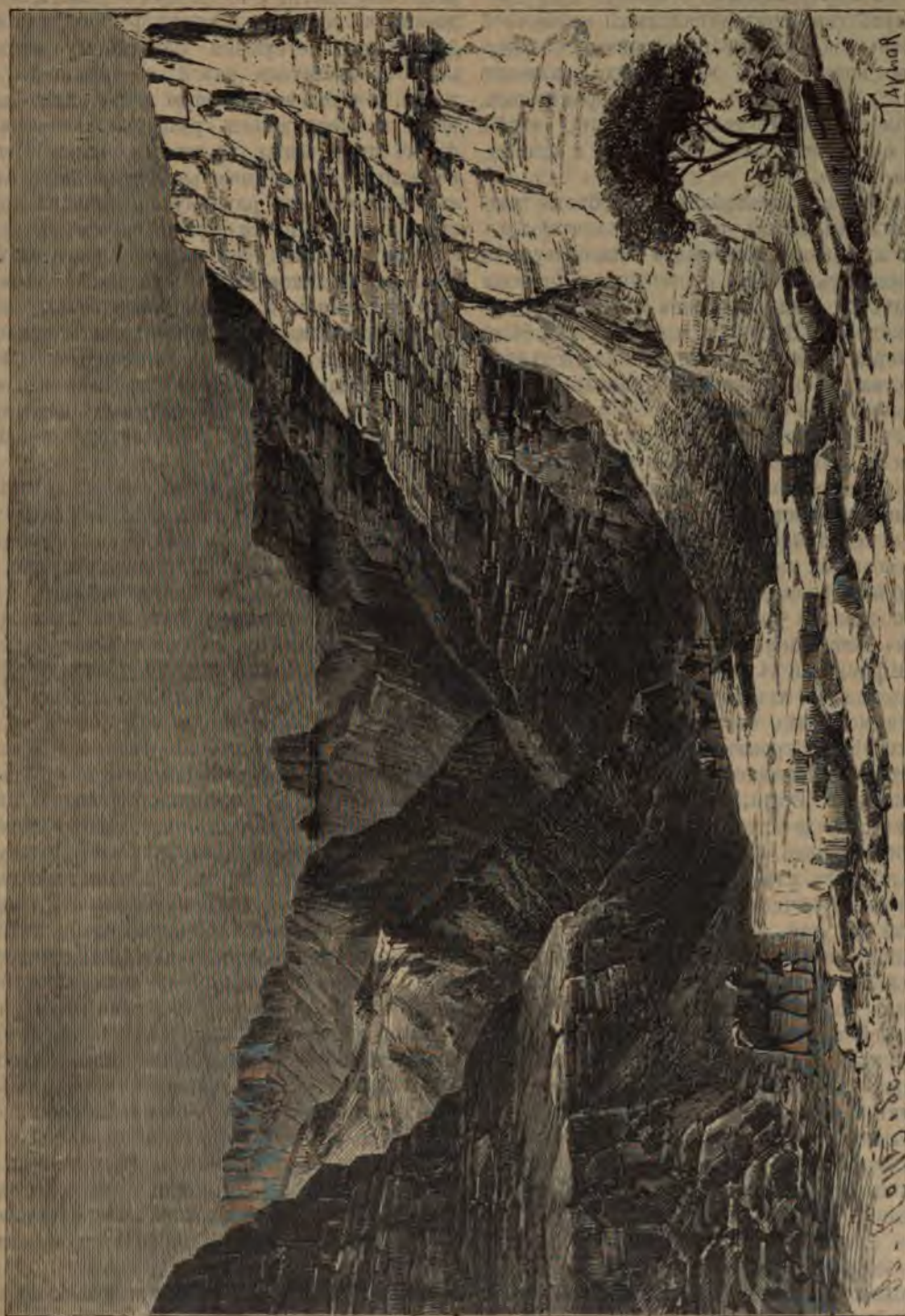
²⁾ P. Soleillet, „L'Afrique occidentale, Algérie, Mzab, Tidikelt“.

¹⁾ G. Rohlfs, „Reise durch Marokko“.

лектонъ Западнаго Магриба. Арабы тоже представлены въ Туатѣ различными племенами, марабутскими и другими; но какъ арабы, такъ и берберы, въ сильной степени смѣшались съ

вають лица, какъ мусульманки въ городахъ Телля, очень граціозны и свободно разговариваютъ съ мужчинами. Туатцы добродушны, какъ негры, и имѣютъ многія хорошія качества: меж-

Спускъ въ Эгуери.

нигриційскими элементами. Рѣдко встрѣишь туземца съ бѣлой или смуглой кожей; почти все они черные; лицо у нихъ шире, носъ менѣе правильный, но улыбка пріятнѣе и взглядъ ласковѣе; женщины, которыя никогда не закры-

ду прочимъ, хвалятъ ихъ честность въ торговыхъ дѣлахъ, уваженіе къ иностранцу, миролюбіе; но при этомъ они отличаются узкимъ и ревнивымъ фанатизмомъ: усердіемъ въ дѣлѣ вѣры они превосходятъ все другія магометан-

скія населенія Сѣверной Африки. Несмотря на бѣдность края, подавнѣя, собираемыя тамъ эмиссарами Уэцанскаго шерифа, составляютъ, въ общей сложности, кругленькую сумму въ пятьдесятъ тысячъ франковъ, а сколько еще другихъ марабутовъ приходятъ взимать съ жителей религіозные поборы! Въ послѣднее время сенуси тоже водворились во многихъ оазисахъ страны ¹⁾. Если Туатъ закрыть французамъ, то это не изъ одного только опасенія, чтобы они не овладѣли краемъ, но также и потому, что они руми.

Однако, въ минуту страха, миролюбивые туатцы пришли къ мысли, что для того, чтобы избѣгнуть завоеванія, имъ всего благоразумнѣе будетъ самимъ просить протектората Франціи и платить ей дань, какъ они платили прежде алжирскому дею. Въ 1857 г. изъ Инсалаха были отправлены посланцы съ порученіемъ вступить въ переговоры о заключеніи трактата, подобнаго тому, какой связывалъ тогда націю Бени-Мзабъ съ Франціей, и который оставлялъ этому племени полную политическую и административную независимость, въ замѣнъ изъявленія вассальной вѣрности и преданности; но это посольство не имѣло успѣха ²⁾. Четыре года спустя, военный караванъ, подъ управленіемъ Колонье и Бюрена, явился въ Гурару. Жители Туата подумали, что это изслѣдованіе будетъ началомъ завоеванія, и вскорѣ послѣ того мкаддемы отправились къ Фецскому двору съ дарами, состоявшими изъ пяти тысячъ франковъ и двадцати молодыхъ негрятенокъ, чтобы просить въ замѣнъ покровительства его шерифскаго величества ³⁾. Мароккскій султанъ, уже духовный сюзеренъ Туата, охотно обѣщалъ свою поддержку; но до сихъ поръ не послалъ еще своего намѣстника, который служилъ бы представителемъ его власти въ оазисахъ. Авторитетъ его остается чисто фиктивнымъ, и дѣловыя сношенія ведутся по-прежнему съ французской Алжиріей. Политическая власть принадлежитъ джемаа въ каждомъ оазисѣ; но рядомъ съ этими народными собраніями, мкаддемы монастырей и шейхи племенъ пользуются значительнымъ и часто преобладающимъ вліяніемъ.

Гурара, — по-берберски Тигуаринъ или Тиджураринъ, — есть сѣверная часть Туата, всего болѣе зависящая отъ Алжиріи по своимъ торговымъ сношеніямъ; съ географической точки зрѣнія она даже составляетъ непосредственное продолженіе французской колоніи, такъ какъ воды ея оазисовъ вытекаютъ подземными путями съ Жеривильскихъ горъ. Различныя рѣчки, изливающіяся въ пустыню, уэдъ энъ-Намусъ, уэдъ эль-Гарби, уэдъ Сеггеръ, уэдъ Зергунъ и промежуточные ручьи исчезаютъ по выходѣ изъ своихъ долинъ, подъ песками Эрга, но воды

продолжаютъ течь подъ дюнами, чтобы снова выступить на поверхность земли, къ югу отъ моря сыпучихъ песковъ; охотники на газелей и грабители изъ племени шанба, желая составить себѣ понятіе о направленіи долинъ, обслѣдовали въ разныхъ мѣстахъ фейджи, или впадины, соотвѣтствующія подземному проходу водъ ⁴⁾. Избытокъ влаги, содержащейся въ землѣ, сочится въ большую себху, или солонцоватую низменность, развѣтвляющуюся въ формѣ полумѣсяца, въ южный заливъ Песчаного моря: иногда довольно трудно переходить эту солончаковую равнину, по причинѣ недостаточной плотности сыраго грунта. Вокругъ этой себхи, длина которой, съ сѣвера на югъ, около сотни километровъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ оазисы и укрѣпленные ксары, которыхъ насчитываютъ до восьмидесяти; кажется, прежде число ихъ было еще значительнѣе, такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются разрушенные ксары, среди заброшенныхъ плантацій, дающихъ еще немного финиковъ, безъ искусственнаго орошенія ⁵⁾.

Населеніе Гурары, — имя, подъ которымъ специально понимаютъ область, лежащую къ сѣверу и къ востоку отъ себхи, — въ огромномъ большинствѣ берберское, принадлежащее къ расѣ зената; впрочемъ, племя мехарса, населяющее сѣверный оазисъ, Тинъ-эръ-Кукъ, арабскаго происхожденія, и часто семьи народа уада-сиди-шейхъ располагаютъ свои становища въ этомъ оазисѣ, вокругъ пальмовыхъ роцъ города Табель-куза. Къ западу отъ себхи, въ оазисѣ Шерунъ, населеніе, славящееся своей храбростью, тоже въ большей части арабскаго происхожденія. Въ совокупности оазисы, окружающіе себху, содержатъ нѣсколько миллионовъ пальмъ: семь ксаровъ Дельдуль или Дельдунъ, принадлежавшихъ племени зуа, одинъ имѣютъ въ своемъ владѣніи слишкомъ восемьсотъ тысячъ деревьевъ; на югѣ себхи все время идешь въ тѣни лѣсовъ на пространствѣ 15 или 16 километровъ. Сады Гурары орошаются не поверхностными проточными водами, а фогаратами (феггагаръ) или колодцами съ подземными галлереями, въ родѣ ханатовъ, устраиваемыхъ въ Персіи и Афганистанѣ. Многочисленныя себхи, разбѣяныя въ равнинѣ вокругъ главной низменности, вѣроятно, и служатъ причиной страшныхъ лихорадокъ, свирѣпствующихъ въ оазисахъ въ лѣтніе мѣсяцы: туземцы дали этимъ болотнымъ лихорадкамъ, неизвѣстнымъ въ остальномъ Туатѣ, названіе *икрудъ*, что значитъ «болѣзнь-истребитель».

Главный оазисъ, простирающійся вдоль восточнаго берега большой себхи, называется Тиммунъ: здѣсь стоитъ, окруженный зубчатыми стѣнами, самый многолюдный городъ Гурары

¹⁾ Rinn, „Marabouts et Khouan“.

²⁾ O. Mac Carthy; — P. Soleillet, цитиров. сочиненіе.

³⁾ G. Rohlf; — Soleillet, цитированнаго сочиненія.

⁴⁾ Parisot, „Bulletin de la Société de Géographie“ 1880; — Duveyrier, etc.

⁵⁾ A. Coyne, „Une Ghazzia dans le Grand Sahara“.

и даже всей группы оазисовъ; его обыкновенно величаютъ столицей Туата, и шейхъ, имѣющій тамъ пребываніе, есть одно изъ могущественнѣйшихъ лицъ страны; сосѣдняя зауйя, принадлежащая ордену тиджаніа, тоже пользуется значительнымъ вліяніемъ на окрестныя населенія. Тимимунъ—одинъ изъ трехъ главныхъ рынковъ Туата и всего чаще посѣщается караванами изъ Алжира, состоящими преимущественно изъ купцовъ племени гаміанъ. Однако, этотъ городъ не отмѣченъ на картахъ какъ одна изъ станцій будущей транссахарской желѣзной дороги: песчаное море, облегающее съ сѣвера оазисы Гурары, заставляеть путешественниковъ дѣлать обходъ, либо на востокъ на эль-Голеа, либо на западъ черезъ Бени-Аббасъ, Карзасъ и долину уэда Саура.

Бени-Аббасъ, сборное мѣсто для каравановъ, есть первый оазисъ на уэдѣ Саура, ниже Игли и впаденія верхнихъ потоковъ: селеніе, насчитывающее около 600 жителей, сдавлено между дюнами, обступающими его съ двухъ сторонъ. Нигдѣ въ мусульманскомъ мірѣ не найдется болѣе разительнаго примѣра могущества духовныхъ братствъ: здѣсь представлены цѣлыхъ пять орденовъ, и всѣ они, конечно, взимають дань съ населенія ¹⁾. Одинъ изъ этихъ орденовъ, содержащихъ усердіемъ вѣрующихъ, имѣетъ свой главный монастырь въ сотнѣ километровъ ниже, въ городѣ Карзасѣ. Расположенный на лѣвомъ берегу уэда Саура въ узкой аллеѣ, образуемой этимъ рѣчнымъ русломъ между двухъ песчаныхъ морей, между Эргомъ на востокъ и дюнами Игиди на западъ, Карзасъ тоже служитъ обязательнымъ этапомъ для путниковъ, спускающихся съ высокихъ мароккскихъ и алжирскихъ долинъ верхняго бассейна или поднимающихся по усѣянными оазисами равнинамъ Туата. Находясь на большой дорогѣ пустыни, Карзасъ былъ бы открытъ всѣмъ нападеніямъ, если бы съ общаго согласія окружающихъ народцевъ не сдѣлался нейтральнымъ городомъ: самая беззащитность охраняетъ его отъ набѣговъ; въ немъ нѣтъ никакихъ стѣнъ; всѣ приходящіе въ зауйю находятъ радужный пріемъ, какъ гости, но рѣдко бываетъ, чтобы эти гости приходили съ пустыми руками. Марабуты Карзаса не только пользуются доходами со своихъ пальмовыхъ плантацій, которыя тянутся вдоль уэда Саура, въ видѣ громаднаго сада, и производятъ превосходные финики, между прочимъ, одинъ особенный сортъ, не встрѣчающійся въ другихъ мѣстахъ,—они владѣють, кромѣ того, значительными стадами, которыя могутъ спокойно пускать на пастбу въ окрестныя степи и дюны, такъ какъ никто не тронетъ скотины, отмѣченной ихъ знакомъ; наконецъ, и торговля доставляетъ имъ боль-

шія выгоды: они являются главными посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ между Алжиріей и Туатомъ. Карзасскіе марабуты почти всегда женятся очень рано; до наступленія пятнадцатилѣтняго возраста. Управление общиной не наследственное, какъ во всѣхъ другихъ зауйяхъ, не сынъ наследуетъ достоинство отца: въ шейхи всегда выбирается старшій по лѣтамъ ¹⁾.

За Карзасомъ слѣдуютъ другіе ксары въ долинѣ Сауры. Одно изъ этихъ мѣстечекъ, Уладъ-Раффа, такъ же значительно, какъ городъ марабутовъ; оно населено племенемъ генема или генанема—рльнема, по Рольфсу,—мусульманами не особенно ревностными, такъ какъ вмѣсто того, чтобы самими поститься во время рамазана, они нанимають какого-нибудь субъекта, готового подвергать себя воздержанію за другихъ. Впрочемъ, это—бѣдняки, вѣчно голодающіе и живущіе грабежомъ, потому что почти всѣ воздѣланныя земли долины принадлежатъ нѣсколькимъ отдѣльнымъ лицамъ: господствующая система крупнаго землевладѣнія также составляетъ бытъ оазисовъ. Не трудно было бы увеличить площадь садовъ въ долинѣ, такъ какъ хотя вода рѣдко бываетъ видима въ руслѣ уэда Саура, но средняя часть песковъ всегда влажна, и чтобы найти фильтраціонный потокъ, достаточно разрыть землю до глубины нѣсколькихъ сантиметровъ или нѣсколькихъ футовъ. Ниже Уладъ-Раффы, песчанниковые холмы, обступающіе рѣку, и основаніе которыхъ образуетъ запруды, заставляютъ воду выходить на поверхность; въ этомъ хенегѣ, называемомъ Фумъ-эль-Хинкъ, находятся постоянныя лужи, гелъта, всегда наполненныя жидкостью, нѣсколько солоноватой, но годной для питья ²⁾. Къ югу отъ этого дефилеа, во многихъ мѣстахъ были съ успѣхомъ вырыты фогараты, питаемые подземными водами, и обширныя болотистыя пространства залегаютъ въ долинахъ дювъ на западной сторонѣ уэда Саура. Надъ одной изъ этихъ себхъ стоитъ ксаръ эль-Угарта, населенный бераберами и зенатами; западнѣе, почти на полпути отъ уэда Саура до Тафилельта, другая себха окаймлена оазисомъ, состоящимъ изъ пяти или шести тысячъ пальмъ и усѣянными селеніями Табелельта.

Къ югу отъ большой себхи Гурары, оазисы тѣсно скучены между западными утесами плоскогорья и теченіемъ уэда Саура, называемаго здѣсь Мессаудъ. Оазисъ Аугерутъ (Уагерутъ, Угерутъ), населенный племенами кенафса и уладъ-абдъ-эль-мулатъ, тянется на пространствѣ около тридцати километровъ у подошвы линіи высотъ, изрытыхъ колодцами съ подземными галлереями: главный городъ его состоитъ

¹⁾ H. Duveyrier, "Histoire des Explorations au sud et au sud-ouest de Gêryville".

Географія Рекл. т. XI.

²⁾ G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

³⁾ A. Coyne, "Une Guazzia dans le Grand Sahara".

изъ двухъ частей—собственно города, называемаго Шарефъ, и зауйи Сиди-Аомаръ. Слѣдующій затѣмъ оазисъ Тсабитъ меньше предъидущаго, но имѣетъ болѣе важное торговое и стратегическое значеніе, по своему положенію на большой караванной дорогѣ; столица его, Бринкенъ, — одинъ изъ многочисленныхъ городовъ Туата, хотя въ 1848 г., во время гражданской войны между оазисами, онъ потерялъ половину своихъ жителей и пальмъ. Далѣе, въ южномъ направленіи, слѣдуютъ три оазиса: Сба, Буда и Тимми. Во время путешествія Рольфа, группа двадцати ксаровъ, составляющая оазисъ Тимми, была самой цвѣтущей во всемъ Туатѣ; столица ея, Адраръ, имѣющая постоянный рынокъ, пользуется этой привилегіей вмѣстѣ съ Тиммунумъ, въ Гурарѣ, и съ городомъ Таментитъ, лежащимъ въ 10 километр. къ югу отъ Адрара, по другую сторону солончака, въ которомъ никогда не скопляется вода. Таментитъ, самый большой городъ Туата, составляетъ независимую республику, управляемую собраніемъ (джемаа) именитыхъ жителей и шейхомъ. Населеніе состоитъ изъ хуановъ ордена тайбія, которые регулярно посылаютъ свои приношенія Уэццанскому шерифу; однако, жители Таментита еврейскаго происхожденія, какъ и обитатели большей части другихъ оазисовъ Туата. Обращенные силой въ исламъ, они сдѣлались яростными магометанами и почти превратились въ нигриційцевъ, вслѣдствіе смѣшенія расъ, но по крайней мѣрѣ сохранили отъ своего еврейскаго происхожденія большое искусство въ торговыхъ дѣлахъ и способность ко всякимъ ремесламъ: золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, оружейники, слесари, сапожники и портные открыли лавочки на базарѣ и работаютъ не хуже своихъ собратьевъ въ городахъ Марокко и Алжирѣ. Во дворѣ таментитской касбы туземцы съ гордостью показываютъ «камень, упавшій съ неба», черную блестящую каменную глыбу, вѣроятно, метеоритъ; преданіе гласитъ, что онъ прежде былъ серебряный, а потомъ превратился въ желѣзо, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе нравственной порчи людей.

Къ югу отъ Таментита, оазисы, носящіе здѣсь спеціально имя Туатъ (южнѣе онъ называется Бладъ-Сали и Бладъ-Регганъ), продолжаютъ вдоль узда Мессаудъ до Тиллулина и Тауирта, при слияніи съ другимъ уездомъ, вытекающимъ изъ восточныхъ плоскогорій. Эта мѣстность одна изъ самыхъ населенныхъ въ области пальмовыхъ лѣсовъ; далѣе идетъ пустыня, среди которой и теряется долина, либо въ солончаковой низменности, какъ говорили туатцы Рольфу, либо въ ущельѣ, которое, можетъ-быть, соединяетъ ее съ русломъ Тегазерта, рѣки южнаго ската Ахаггара. По свѣдѣніямъ, собраннымъ путешественниками Пуянъ и Сабатье отъ многихъ туземцевъ, эта рѣка, прерываемая только

цѣпью дюнъ, которую можно пройти мѣня, чѣмъ въ два часа, принадлежитъ къ бассейну Нигера и соединяется съ нимъ болотами, попеременно высыхающими и наполняющимися водой. Но съ этой стороны нѣтъ болѣе ксаровъ, встрѣчаются только, на большихъ разстояніяхъ одно отъ другаго, становища туареговъ, подлѣ «водяныхъ пунктовъ» или колодцевъ, какъ Инзизъ и Тиммисау.

Къ востоку отъ собственнаго Туата, за каменистымъ плато или гамадой, шириной около 12 километровъ, снова начинаются архипелаги оазисовъ. Тамъ группируются ксары Тидикельта, Аулафъ, Титтъ, Акебли, славящіеся во всей Сахарѣ, какъ рынокъ черныхъ невольниковъ и сборное мѣсто для купцовъ, идущихъ караваномъ въ Суданъ; въ сосѣдствѣ разрабатываются квасцовые рудники. Важнѣйшіе пальмовые лѣса находятся въ оазисѣ Инсалахъ (но-арабски Аннъ-Салахъ, или «Источники Мира»), въ восточной части Тидикельта. Рядъ селеній этого оазиса тянется съ сѣвера на югъ, по берегу себхи и вдоль основанія цѣпи дюнъ, господствующихъ надъ солончакомъ съ восточной стороны. Колодцы съ галлереями, гдѣ скопляется вода, просачивающаяся изъ песковъ, достаточны для содержанія пальмовыхъ плантацій, и въ послѣднее время даже успѣли значительно расширить площадь культуръ, на счетъ себхи и непроизводительныхъ чащей кустарника; въ Туатѣ, какъ и въ остальной Сахарѣ, земля принадлежитъ тому, кто копаетъ на ней колодцы, содержитъ ихъ и «оживляетъ почву»; но эта работа можетъ быть предпринята только цѣлымъ племенемъ или могущественными шейхами. Въ оазисѣ Инсалахъ преобладаетъ крупная земельная собственность: шейхъ и другіе члены его рода владѣютъ тысячами пальмъ и окружаютъ себя сотнями кліентовъ, которые ѣдятъ ихъ хлѣбъ и защищаютъ ихъ въ случаѣ ссоръ. Въ Туатѣ тщательно утилизируютъ человѣческія удобренія, особенно въ тѣхъ оазисахъ, гдѣ преобладаетъ мелкое землевладѣніе: какъ китайцы на берегахъ Янтсекянга, туатскіе земледѣльцы устраиваютъ въ углу своего сада отхожее мѣсто, предназначенное для пользованія прохожихъ.

Между сѣверными ксарами оазиса замѣтельна Меліана или Миліана, въ которую проникъ путешественникъ Солелье, въ 1873 г. Главное мѣстечко, Ксаръ-эль-Арбъ или Ксоръ-эль-Арбъ, находится на югѣ; здѣсь имѣетъ пребываніе шейхъ, особа очень могущественная, благодаря его богатствамъ и героическимъ преданіямъ рода буджуда, котораго онъ является представителемъ, а также благодаря его патронату надъ сосѣдними туарегами и покровительству, которое онъ оказываетъ караванамъ. Племя его, уладъ-ба-хаму, располагаетъ нѣкоторымъ числомъ лошадей, чѣмъ обезпечиваетъ ему превосходство въ битвахъ, и кромѣ того,

онъ давно уже вооружаетъ своихъ воиновъ ружьями. Бахаму—арабы, также какъ другое племя, уладъ-мохтаръ; но основа населенія берберская и говорить языкомъ, приближающимся

Тимбукту, изъ Гауссы, изъ Гадамеса, изъ Рата, бени-мзабы ведутъ тамъ свои дѣла; негры тоже довольно многочисленны, и цѣлое общество вольноотпущенныхъ, которыхъ, однако, не счи-

Лиманъ Уадъ-Дра.

къ туарегскому; кромѣ того, въ Тидикельтѣ, и особенно въ оазисѣ Инсалахъ, встрѣчаются люди всѣхъ расъ, существующихъ въ Сѣверной Африкѣ. Племя уладъ-сиди-шейхъ основало тамъ четыре деревни; торговцы, бѣглецы изъ

таются вполне свободными людьми, составляетъ касту атривъ ¹⁾. Наконецъ, туареги, которые, по выраженію туатцевъ, «появляются и исче-

¹⁾ P. Soleillet, „Algérie, Mزاب, Tidikelt“.

заютъ, какъ духи», приходятъ осенью вымѣнивать на финики мясо антилопы и газели, а также другіе мелкіе продукты. Нѣкоторые, преимущественно женщины, просятъ монастырскихъ ученыхъ выучить ихъ читать стихи Корана и объяснить имъ тайны арабскаго языка: большинство этихъ пришлыхъ туареговъ ахагарцы и преимущественно сгомарены, уроженцы плоскогорій Мундиръ. Во время своего пребывания въ оазисѣ, они строятъ себѣ маленькіе шалаши изъ пальмовыхъ вѣтокъ, по образцу кожаныхъ хижинъ, въ которыхъ они живутъ на высотахъ; одежда ихъ, рубаха и штаны, тоже кожаная; только ханкъ спитъ изъ шерстяной или бумажной матеріи, какъ у другихъ туареговъ. Сгомарены отличаются отъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ религіозной ревностью, отчего и называютъ себя арабами, хотя на самомъ дѣлѣ они чистокровные берберы.

Кастовый духъ довольно сильно развитъ у туатцевъ Тидикельта, и представители различныхъ расъ рѣдко смѣшиваются въ этой области: шорфы женятся исключительно на дѣвушкахъ, принадлежащихъ къ шерифскимъ фамиліямъ; арабы, берберы, атрий тоже вступаютъ въ бракъ только между собой. У тамошнихъ женщинъ тучность въ большой чести; молодые дѣвушки откармливаютъ себя, подобно своимъ сестрамъ въ Карагуэ и во многихъ другихъ африканскихъ странахъ, объѣдаясь молокомъ и масломъ, и съ двадцатилѣтняго возраста дѣлаются дотогу толстыми, что едва могутъ ходить.

Ксары Туата и уэда Саура, съ цифрой ихъ населенія (по Рольфсу, Койну и Сабатье):

Карзасъ (уэдъ Саура)—2.000 жит.; Уладъ-Раффа (уэдъ Саура)—2.000; Шеруинъ (Гура-ра)—300 домовъ (1.300?); Шарефъ и зауйя Сиди-Амоаръ (Аугеруть)—400 домовъ (2.000?); Бринкенъ (Тсабитъ)—3.000; Адраръ—2.500; Таментитъ—6.000; Тауриртъ—600 домовъ (3.000); Тиллулинь—600 домовъ (3.000); Ксаръ-эль-Арбъ (Инсалахъ)—1 550 жит.

VI. Аиръ и плоскогорье Ауэллимиденъ.

Посреди пространства, раздѣляющаго горы Тибести и большой изгибъ Нигера, высокіе массивы Аиръ (Ахиръ по-арабски), окруженные со всѣхъ сторонъ каменистыми плато, образуютъ самостоятельную орографическую систему, высшія вершины которой расположены по направленію съ сѣвера на югъ. Эта горная страна, Асбенъ или Абсенъ нигриційцевъ и несомнѣнно Агезимба Птолемея, только разъ была посѣщена европейцами, именно экспедиціей Ричардсона, Барта и Овервега, въ 1850 г. Путешественники, прибывшіе изъ Рата, перешли средній хребетъ Сахары разорваннымъ плоскогорьемъ Азджаръ и ущельемъ Эгери; за-

тѣмъ, покинувъ область песчаниковъ и вступивъ въ область гранитовъ, слѣдовали сначала въ юго-западномъ, потомъ въ южномъ направленіи и достигли колодцевъ Асіу, одного изъ важнѣйшихъ «водныхъ пунктовъ» пустыни, такъ какъ здѣсь сходятся четыре дороги: изъ Гадамеса, изъ Тибести, изъ Туата и изъ Агадеса. Четыре колодца, вода которыхъ довольно обильна, но желѣзиста и непріятна на вкусъ, выкопаны въ совершенно ровной мѣстности: два изъ этихъ колодцевъ принадлежатъ туарегамъ-азджарцамъ, а два другіе считаются собственностью жителей Аира, и въ силу извѣстнаго соглашенія, которое, впрочемъ, не соблюдается, владѣльцы водъ должны бы были воздерживаться отъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій каждый за предѣлами своего владѣнія. Несмотря, однако, на этотъ договоръ, Бартъ и его спутники, хотя стоявшіе подъ защитой магометанскихъ проводниковъ, подверглись нападенію со стороны азджарцевъ и были обворованы до-чиста.

Массивы Аира занимаютъ значительное пространство. Отъ долины Тидикъ, открывающейся на сѣверо-западъ сѣверной группы горъ, въ родѣ циркумвалляціоннаго рва вокругъ крѣпости, до горной цѣпи Багсенъ, составляющей рубежъ этой возвышенной области, разстояніе по прямой линіи около 200 километровъ; по направленію съ востока на западъ ширина колеблется отъ шестидесяти до ста километровъ: такъ что, слѣдовательно, площадь всей системы можно считать въ 15.000 квадр. километровъ. Гранитъ, повидимому, является господствующей породой, но Бартъ и его спутники видѣли также песчаники; кромѣ того, горы Аира, какъ и горы Тибести, заключаютъ въ себѣ также базальты. Поднимаясь среди равнинъ, средняя высота которыхъ отъ пятисотъ до шестисотъ метровъ, скалы Аира переходятъ за 1.500 метровъ нѣкоторыми изъ своихъ вершинъ. Самая высокая вершина, Тенгигъ или Тимге, имѣющая пирамидальную форму, находится близъ сѣверо-западной оконечности массива: Бартъ опредѣляетъ высоту ея между 1.650 и 1.800 метровъ. Около середины орографической системы, гора Эгеллатъ имѣетъ, вѣроятно, 1.350 метровъ; два крайнихъ массива, Догемъ и Багсенъ, достигаютъ по меньшей мѣрѣ такой же высоты: идя у подошвы базальтовыхъ скалъ Догема, въ глубокомъ ущельѣ, Бартъ даже думалъ сначала, что эта гора самая высокая во всемъ Аирѣ. Ни внутри, ни на окраинахъ этой области нигдѣ не образовалось долинъ, похожихъ на долины Европы: здѣсь есть только ущелья, овраги, представляющіе родъ шебки или «струи», какъ русла горныхъ ручьевъ въ Мзабѣ; но эти овраги, по дну которыхъ бѣгутъ бѣшеные потоки послѣ сентябрьскихъ и октябрьскихъ ливней, не оканчиваются рѣчными руслами: они либо теряются

въ однообразномъ пространствѣ песковъ или каменистыхъ гамадъ, либо приводятъ къ какому-нибудь цирку скалъ, къ котловинѣ, гдѣ скопляющаяся дождевая вода образуетъ временныя озера, постепенно испаряющіяся. Въ цѣломъ Аиръ имѣетъ видъ массива, который еще не разрѣзанъ водами на правильную цѣпь горъ, съ боковыми отрогами и поперечными долинами. Здѣсь, какъ и въ Феццанѣ, впадины или пониженія между горами суть единственные годныя для земледѣлія пространства, промежуточные же скалы представляютъ совершенно безплодныя кручи.

По своей растительности Аиръ не исключительно сахарская гора: нѣкоторые изъ его растений свидѣтельствуютъ о близости Судана. Самыя плодородныя впадины покрыты настоящими лѣсами, гдѣ преобладаютъ мимозовыя; чащи пальмъ думъ довольно обыкновенны; трава на пастбищахъ настолько обильна, что жители имѣютъ возможность заниматься не только верблюдоводствомъ, но также разведениемъ зебу, который служить имъ какъ рабочимъ, такъ и верховымъ животнымъ; но овецъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а лошади очень рѣдки; на всѣхъ поросшихъ травой откосахъ пасутся во множествѣ козы. Большинство деревень имѣютъ рощи финиковыхъ пальмъ и поля, засѣянные просомъ (*pennisetum typhoideum*); но воздѣланныя земли далеко не такъ обширны, какъ онѣ могли бы быть; въ то время, какъ въ Суданѣ полютъ почву, рѣдкіе земледѣльцы Аира, послѣдніе въ южномъ направленіи, употребляютъ еще соху; огромное большинство асбенасовъ состоитъ изъ пастуховъ и торговцевъ. Большая часть необходимаго для горцевъ зерноваго хлѣба доставляется суданскими неграми.

Левъ, отсутствующій въ восточныхъ горахъ пустыни, часто встрѣчается въ Аирѣ, иногда даже группами; это безгривая порода, какъ левъ Индіи, и, кажется, отличающаяся отъ сенегальскаго вида. Леопардъ менѣе распространенъ, но туземцы боятся его больше льва. Гиены здѣсь рѣдки, но шакалы бродятъ во множествѣ вокругъ полей. Дикіе кабаны живутъ въ лѣсныхъ чащахъ, а обезьяны пробираются даже въ рощи и купы деревьевъ по соседству съ домами. Различныя виды антилопъ, одни уроженцы сѣверной Сахары, другіе пришельцы изъ Судана, разгуливаютъ по окружающимъ равнинамъ и проникаютъ въ ущелья Аира. Миръ пернатыхъ представленъ лишь небольшимъ числомъ видовъ, но каждый видъ—мирадами недѣлимыхъ; самыя обыкновенныя птицы—горлицы и цесарки. Хотя очень богатый животной жизнью сравнительно съ остальной Сахарой, массивъ Аиръ кажется почти пустыннымъ въ сравненіи съ поясомъ степей, который простирается на югѣ, въ видѣ бордюра Судана, отдѣленнаго отъ Аира голымъ ка-

менистымъ плато Абадарженъ. «Эти степи», говоритъ Бартъ, истинное отечество жирафа и длиннорогой антилопы орикса бѣлый (*antelope leucogux*); страусы живутъ тамъ стадами; почва, пугающая лошадей, повсюду изрыта подземными галлереями, гдѣ прячется уродливый землекопъ эіопскій (*orycteropus aethiopicus*).

Такъ же какъ флора и фауна, населеніе Аира свидѣтельствуетъ о борьбѣ и смѣшеніи расъ между Сахарой и Суданомъ: берберы и нигриційцы часто оспаривали другъ у друга обладаніе этой страной. Древніе гоберауа, нѣкогда господствовавшіе въ Аирѣ, какъ гласитъ преданіе, были черные берберы, составлявшіе одинъ изъ аристократическихъ родовъ негрской націи гаусса. Затѣмъ, будто бы, явились другіе завоеватели, берберы по происхожденію, пришедшіе съ сѣверныхъ горъ: это кель-гересы, то-есть «жители Гереса», и итиссаны, причисляемые Ибнъ-Халдуномъ къ племенамъ могущественнаго союза санхеджа. Эти бывшіе побѣдители теперь попали въ разрядъ побѣжденныхъ: вытѣсненные съ горъ Аира въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, они бросились въ равнины на западъ и юго-западъ и поселились въ территоріи, уступленной имъ аузалимиденами. Кель-гересы и итиссаны принадлежатъ къ числу тѣхъ берберовъ, которые особенно славятся физической силой, стройностью и красотой: они имѣютъ сравнительно довольно свѣтлый цвѣтъ лица и хвалятся чистотой своей крови; они слывятся очень храбрыми и, хотя численностью много уступаютъ нынѣшнимъ владѣльцамъ горъ Аира, но имѣютъ надъ ними то важное преимущество, что почти всѣ они конные, тогда какъ ихъ враги по большей части ѣздятъ на верблюдахъ. Воины, сражающіеся на конѣ, обладаютъ несравненно большей свободой и быстротой въ движеніяхъ: они составляютъ какъ бы одно тѣло со своимъ верховымъ животнымъ¹⁾.

Владѣтели Аира или Асбена, извѣстные у суданцевъ подъ именемъ «асбенава», сами себя называютъ кель-ови, т. е. «люди изъ Ови», по мѣсту происхожденія, еще не отысканному историками. Они тоже берберы, и родина ихъ находится на сѣверѣ отъ Аира; они даже принадлежатъ къ прославившейся націи аурагеновъ и могутъ считать себя «африканцами» по преимуществу, если вѣрно мнѣніе многихъ ученыхъ, полагающихъ, что названіе чернаго континента заимствовано отъ имени этихъ аурагеновъ или аурига²⁾. Но эти аирскіе берберы не сохранили чистоту своей расы. По преданію, кель-ови, при завоеваніи края, око-

¹⁾ Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central Afrika“.

²⁾ Carrette, „Origine et migrations des principales tribus de l'Afrique“;—Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“;—Vivien de Saint-Martin, „Nouveau Dictionnaire de Géographie universelle“.

ло 1740 г., дали слово щадить жизнь чернокожих туземцев и въ доказательство союза установили правило, что ихъ вождь всегда обязательно долженъ брать себѣ въ жены черную женщину. Такъ же поступало большинство воиновъ, и теперь кель-ови, оставшіеся впрочемъ «людьми съ покрываломъ», подобно другимъ туарегамъ⁴⁾, имѣютъ по большей части очень темный цвѣтъ кожи и чертами лица походятъ на негровъ Гауссы, съ которыми у нихъ много общаго и въ характерѣ: они такіе же веселые, ласковые и добродушные. «Порода рабовъ примѣшалась къ породѣ вольныхъ людей», говорятъ чистокровные туареги про племя кель-ови, которое они прозвали ике-ланъ, то-есть «невольниками». Старый берберскій языкъ «аурагіе», теперь испорченный, содержитъ значительную примѣсь словъ и оборотовъ гаусскаго нарѣчія, и большинство кель-ови говорятъ обоими діалектами. Есть также берберы, забывшіе говоръ своихъ предковъ: такъ, жители Агадеса, въ юго-западной области Аира, принадлежатъ къ глоссологическому поясу «сонгай», негритянскаго идіома, употребляемаго въ Томбукту. Но старые обычаи матриархальнаго быта еще сохранились у народа кель-ови: въ Асбенѣ не мужъ уводитъ жену въ свою деревню, а наоборотъ—онъ слѣдуетъ за ней въ домъ ея родителей; что касается порядка наслѣдованія, то имущество, какъ и власть, переходятъ не отъ отца къ сыну, а отъ дяди къ сыну дочери; обычаи эти встрѣчаются какъ у берберскихъ племенъ, такъ и у негритянскихъ народцевъ²⁾).

Кромѣ берберовъ чистокровныхъ и тѣхъ, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе женятся на негритянкахъ, существуетъ также въ Аирѣ, и особенно въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, на югѣ и юго-востоку, смѣшанное населеніе, происходящее отъ туарегскихъ женщинъ, вступившихъ въ бракъ съ неграми племенъ гауссы и сонгай. Эти метисы, называемые бузауэ или абогелите, лучше сохранили берберскій типъ, чѣмъ кель-ови, но они чернѣе и меньше роста; говорятъ также, что они уже совершенно утратили гордую осанку и мужество, отличающія истыхъ туареговъ. Наконецъ, на большой караванной дорогѣ, направляющейся изъ Аира къ Капо, уже въ области стеней, живутъ берберы тагама, «святые», которые носятъ бѣлую одежду и заплетаютъ волосы въ длинныя косы, дабы всякій могъ издали отличить ихъ. Однако, эти «святые» марабуты скандализуютъ честныхъ мусульманъ, торгуя своими женами, которыхъ они предлагаютъ путешественникамъ. Это одинъ изъ традиционныхъ промысловъ, вмѣстѣ съ охотой на антилопу, скотоводствомъ (разведеніемъ зебу) и

перевозкой соли между Бильмой и Капо. Берберы тагама признаютъ, какъ большинство народовъ Аира, верховную ленную власть агадесскаго аманокала или султана. Для кельгересовъ и итассановъ эта сюзеренная власть есть не болѣе, какъ фикція, и нисколько не мѣшаетъ междоусобнымъ войнамъ; но она по крайней мѣрѣ указываетъ на существованіе нѣкотораго рода національной связи между разбѣянными элементами. Все населеніе Аира и сосѣднихъ территорій, признающихъ номинально власть аманокала, можно считать приблизительно въ сто тысячъ душъ. Въ самомъ дѣлѣ, три главныя этническія группы страны, кель-ови, кель-герасы и итиссаны, могутъ вмѣстѣ выставить въ поле пятнадцать тысячъ человекъ, не считая невольниковъ; бузауэ, тагама и другіе мелкіе народцы прибавляютъ нѣсколько тысячъ душъ къ агломерации большихъ племенъ.

Мѣстечки сѣвернаго Аира, Селуфійетъ и Тинтагода, населенныя марабутами, представляютъ собою просто кучки сараевъ, покрытыхъ вѣтками пальмы думъ. Резиденція второстепеннаго аманокала, Тинтеллусть, лежащая на высотѣ 577 метровъ, при уздѣ, отдѣляющемъ массивъ Тимге отъ массива Бундай, тоже состоитъ изъ собранія хижинъ; разбѣянныя деревья придаютъ равнинѣ видъ большого парка; въ окрестностяхъ живутъ знатнѣйшія семейства народа кель-ови. По числу осѣлаго населенія превзошли Тинтеллусть два мѣстечка, лежащія южнѣе: на юго-востоку—Тафидетъ, группа трехъ деревень, изъ которыхъ одна служитъ резиденціей князька, пользующагося репутацией святости, и на юго-западѣ—Ассоди, который, говорятъ, нѣкогда былъ очень многочисленнымъ городомъ, имѣвшимъ до тысячи домовъ и семь мечетей; и теперь еще тамъ насчитываютъ около 80 жилыхъ строеній. На югѣ отъ этого города караванная дорога идетъ мимо величественной горы Тегерата, съ крутыми стѣнами, оканчивающимися на верху двойнымъ конусомъ; затѣмъ огибаетъ на западѣ высокія кручи массива Догемъ и вступаетъ въ долину Аудерасъ, открывающуюся на юго-западной сторонѣ горъ, въ области каменистыхъ равнинъ. На сѣверѣ выходнаго дефілея, въ угрюмомъ циркѣ скалъ, находится мусульманская святыня, мсадъ или мѣсто молитвы, основанное въ память обращенія язычниковъ Гауссы въ вѣру ислама. Священная ограда состоитъ изъ камней, правильно сложенныхъ вокругъ площадки, около двадцати метровъ длинной; высокая акація осѣняетъ мѣсто, гдѣ имамъ воздвигаетъ руки для молитвы. Ни одинъ правоправный, пришедшій съ сѣвера, не преминетъ помолиться Аллаху, проходя подлѣ мсада или макама, славящагося во всей Сахарѣ подъ именемъ Макама-эшъ-Шейхъ-бентъ-Абдъ-эль-Керимъ.

⁴⁾ Richardson, "Narrative of a Mission in Central Africa".

²⁾ Barth, цитирован. сочиненіе.

Прежде столицей Асбена былъ Тиншаманъ, городъ грамотеевъ и купцовъ, который теперь не болѣе, какъ бѣдная, разоренная деревушка. Населеніе и торговля перемѣстились верстъ за сорокъ южнѣе, въ славный городъ Агадесъ, самый многолюдный во всей Сахарѣ: если вѣрить преданію, онъ имѣлъ нѣкогда столько же постоянныхъ жителей, какъ Тунисъ, и точныя измѣренія Барта доказали, что пространство, которое занималъ прежній городъ, было вполне достаточно, чтобы вмѣщать до пяти тысячъ обитателей. Эпохой наибольшаго процвѣтанія Агадеса было начало шестнадцатаго столѣтія: въ то время онъ былъ главнымъ рынкомъ краеваго пояса Сахары и велъ непосредственно торговлю съ Томбукту и важнѣйшими городами Судана. Разрушенный въ концѣ прошлаго столѣтія туарегами, онъ снова поднялся изъ развалинъ, и во время путешествія Барта въ немъ было отъ шестисотъ до семисотъ жилыхъ домовъ¹⁾; населеніе его простирается до семи тысячъ душъ, включая сюда главъ семейства и молодыхъ людей, приѣзжающихъ на время по торговымъ дѣламъ. Кромѣ того, въ Агадесѣ проживаютъ въ большомъ числѣ иностранные купцы, преимущественно уроженцы Туата, самые ловкіе купцы въ Сахарѣ, всѣ до одного занимающіеся розничной торговлей: между прочимъ, они являются складчиками и продавцами хлѣба, покупаемаго въ землѣ негровъ. Различіе происхожденія жителей и ихъ торговые сношенія съ сосѣдними странами сдѣлали изъ Агадеса многоязычный городъ, гдѣ одинаково слышатся нарѣчія ауригіе, гаусса, сонгай; что касается арабскаго языка, то его понимаютъ только грамотеи, впрочемъ, довольно многочисленные; около трехсотъ дѣтей учатся въ мечетяхъ читать на распѣвъ стихи Корана.

Агадесъ стоитъ на высотѣ около 750 метровъ, на краю песчаниковаго и гранитнаго плато, воды котораго приносятъ изъ глубокихъ слоевъ почвы нѣкоторое количество соли. Городъ представляетъ во многихъ кварталахъ видъ груды развалинъ; жилые дома окружены курганами, состоящими изъ мусора. Единственное, сколько-нибудь замѣчательное зданіе Агадеса—это его «башня», служащая въ одно и то же время минаретомъ и сторожевой будкой; имѣя около 30 метровъ высоты, она представляетъ утолщеніе по серединѣ, какъ стволъ пальмы, и постепенно суживается къ верхушкѣ; но что особенно придаетъ ей странный видъ, такъ это перекладины изъ дерева пальмы думъ, расположенныя въ формѣ пола черезъ извѣстные промежутки, чтобы скрѣпить битую глину стѣнъ и выступающіе на метръ наружу. Промышленность въ Агадесѣ очень слабо развита, и почти всѣ его ремесленники

женщины: между прочимъ, онѣ готовятъ различныя издѣлія изъ кожи и ткуть цыновки; айрскіе сыры славятся во всей Сахарѣ. Что касается торговли, то она все еще довольно значительна, но дѣйствительно важную отрасль ея составляетъ только перевозка соли: кельгересы и другіе берберы страны организуютъ цѣлыя караваны, чтобы идти за солью въ Бильму и перепродавать ее нигриційцамъ, по цѣнѣ отъ 40.000 до 60.000 каури за грузъ животнаго; такой обозъ никогда не бываетъ менѣе, какъ изъ трехъ тысячъ верблюдовъ. На агадесскомъ рынкѣ во время Барта ходячей монетой были не золото или серебро, не раковины или куски матеріи, а зерна проса (*pennisetum*); но прошло уже слишкомъ сорокъ лѣтъ съ той поры, какъ великій изслѣдователь постигъ эти области Сахары, а сорокъ лѣтъ—большой періодъ времени въ жизни народовъ.

На западъ отъ Аира, за степями, гдѣ живутъ кельгерасы и итиссаны, лежитъ еще не посѣщенная европейцами область возвышенностей, занимающая пространство по меньшей мѣрѣ въ 200.000 квадр. километровъ. Самое имя ея, Адгагъ или Адрагъ, позволяетъ думать, что эта страна не плоскогорье съ ровной поверхностью, но состоитъ изъ настоящихъ горъ. Эти высоты, образующія массивъ въ родѣ Ахаггара и Тибести, поднимаются на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ большой дуги, описываемой теченіемъ Нигера, къ западу отъ глубокой долины, гдѣ сочатся подъ песками воды уэда Тафассасетъ, извѣстнаго подъ именемъ Баллуль-Бассо въ нижней его части, въ сосѣдствѣ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ сливается съ Нигеромъ. Южный скатъ горъ Адгагъ находится уже въ поясѣ правильныхъ дождей; вѣтры, направляющіеся къ сѣверу, будучи насыщены водянымъ паромъ, который сгущается въ облака на горныхъ склонахъ, приносятъ въ долины значительное количество дождевой воды и часто также градъ; по своему основанію Адгагъ принадлежитъ къ Сахарѣ, а по вершинамъ къ Судану. Страна Адгагъ, богатая пастбищами и деревьями, которыя растутъ вдоль ручьевъ, могла бы сдѣлаться африканской Швейцаріей, пригодной не только для верблюдоводства, но также и для скотоводства, и жители ея, сотнями тысячъ, могли бы культивировать аллювиальныя земли у выхода ущелій¹⁾. Въ настоящее время этотъ край находится во власти туареговъ, различныя племена которыхъ извѣстны подъ общимъ именемъ ауэлиимиденъ, и которые называютъ себя потомками выходцевъ изъ странъ сахарскаго Сахеля: предки ихъ жили въ западныхъ равнинахъ, въ перемежку съ туземцами племени уладъ-делимъ, съ которыми

¹⁾ Barth, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Pouyanne, «Notes sur l'établissement de la carte de la région comprise entre le Touat et Timbouctou».

ми они и породнились через брачные союзы. Сдѣлавшись владѣтелями Адгага и окружающих равнинъ, они соединились съ другими берберскими или негритянскими племенами; затѣмъ, распространяясь за предѣлы своей горной страны черезъ Нигеръ, они проникли далеко въ Суданъ и завоевали нѣкоторые негритянскія владѣнія; но и сами, въ свою очередь, были частью покорены, съ точки зрѣнія этнологической и глоссологической: очень многіе изъ нихъ походятъ типомъ лица на негровъ гаусса, и въ языкъ ихъ вошло множество словъ и оборотовъ негритянскихъ нарѣчій.

Путешественники упоминаютъ также о народахъ, еще не обращенныхъ въ исламъ, которые живутъ въ Ауэллимиденскихъ горахъ. Эти аборигены, называемые даггатунами, говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ и туареги, но цвѣтъ лица у нихъ бѣлый, и они всегда заключаютъ браки исключительно между собой; ни одинъ туарежь, даже бѣднякъ, ни за что на свѣтѣ не согласился бы выдать свою дочь замужъ за богатаго наслѣдника изъ даггатуновъ. Послѣдніе имѣютъ права только чрезъ посредство туарегскаго патрона, который за приличную дань соглашается быть «щитомъ» даггатуна; когда племя отправляется въ экспедицію, даггатуновъ всегда выставляютъ впереди отряда. По словамъ еврейскаго путешественника Мардохея, эти кліенты ауэллимиденовъ—іудеи, если не по религіи, то по крайней мѣрѣ по расѣ, и подобно своимъ соплеменникамъ они занимаются главнымъ образомъ мелкой торговлей¹⁾. Не очень ревностные въ своей вѣрѣ и пренебрегающіе постомъ и молитвой, ауэллимидены не имѣютъ ни школъ, ни мечетей; ихъ религіозный центръ находится въ Суданѣ: марабутами для нихъ служатъ баккаи, обитающіе въ Томбукту, которымъ они посылаютъ свои приношенія и отъ которыхъ получаютъ объясненіе Корана и новыя учрежденія²⁾. Такъ, старинное право матриархата, по которому наслѣдство переходитъ къ сыновьямъ сестры, не существуетъ болѣе для ауэллимиденскихъ марабутовъ; оно сохранилось только въ гражданскомъ населеніи. Впрочемъ, нравы южныхъ туареговъ мало отличаются отъ нравовъ ихъ сѣверныхъ соплеменниковъ. Ауэллимидены тоже живутъ въ кожаныхъ палаткахъ или въ шалашахъ изъ роговъ; они дѣлятся на благородныхъ и на имрадовъ, или порабощенныхъ работниковъ; трудъ у нихъ презирается, и безпрестанныя войны приводятъ ихъ въ столкновение съ сосѣдями, какъ съ единоплеменниками, каковы кель-герасы и итиссаны, такъ и съ иноплеменниками, каковы прибрежные жители Нигера. Земли, окружающія ихъ территорію, были опустошены и города разру-

шены. Ни одно становище, ни одно поселеніе страны не указывается нынѣ купцами, какъ заслуживающее названія города; осталось только имя существовавшего нѣкогда города, Тадемакка или эсь-Сукъ, имя, означающее «Рынокъ» по преимуществу. Этотъ городъ былъ разрушенъ въ послѣдней половинѣ пятнадцатаго столѣтія однимъ сонгайскимъ завоевателемъ, но владѣвшее имъ племя сохранилось подъ наименованіемъ Кель-эсь-Сукъ, или «Люди Рынка»; другіе туземцы того же племени тадемакка, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Дюверье, переходя съ мѣста на мѣсто, поселились, наконецъ, въ предѣлахъ Туниса, гдѣ и смѣшались съ народомъ хумиръ. Развалины города Тадемакка находятся въ лѣсистой долинѣ, заключенной между двухъ холмовъ, на сѣверо-западѣ территоріи Адгагъ; на западѣ простирается грозная пустыня Танезруфтъ, но въ сосѣдствѣ Тадемакки она, повидимому, менѣе широка, чѣмъ въ западной части. Здѣсь проходить, по мнѣнію Пуйана, болѣе удобная дорога между Туатомъ и Томбукту.

VII. Западная Сахара.

Къ западу отъ поперечной низменности, простирающейся отъ южной Ораніи до Нигера, и которая, можетъ-быть, по всей ея длинѣ занята рѣчнымъ ложемъ Мессауры, Сахара не заключаетъ въ себѣ ни одного большого горнаго массива, который бы образовалъ особую естественную область. Въ цѣломъ эта обширная страна, охватывающая пространство слишкомъ въ два милліона квадр. километровъ, состоитъ лишь изъ ряда дюнь, долинъ, невысокихъ гамадъ, скалистыхъ цѣпей, маленькихъ горъ, не превышающихъ 500 метровъ. Береговые жители уэда Саура даютъ всей западной пустынѣ, которая, однако, протянулась въ ширину слишкомъ на 1.000 километровъ, названіе Сахель, или «Прибрежье», какъ будто вся эта обширная полоса есть не что иное, какъ морской берегъ.

Сѣверная часть этой области Сахары состоитъ главнымъ образомъ изъ каменистыхъ плато и дюнь; холмы образуютъ тамъ лишь маленькіе массивы, затерянные словно островки въ морѣ. На югѣ отъ уэда Драа караванныя дороги, направляющіяся къ Томбукту, идутъ въ началѣ черезъ гамады, отъ 375 до 400 метровъ средней высоты, раздѣленные оврагами, русла которыхъ всѣ имѣютъ скатъ въ западномъ направленіи. Поверхность этихъ плато почти вездѣ состоитъ изъ палеозойскихъ формаций, прикрытыхъ новѣйшими образованіями, которымъ размывающее дѣйствіе водъ придало причудливыя формы башенъ и зубчатыхъ стѣнъ. Нѣкоторые сериры покрыты точно мозаикой, составленной изъ мириадъ маленькихъ

¹⁾ Mardochée;—Léon Philippe;—Duveyrier.

²⁾ M. Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

кашечковъ кварца, агата, опала и халцедона. Къ югу отъ этихъ плоскогорій простирается, на подобіе рукава моря, ориентированнаго въ томъ же направленіи, какъ система Атласа, то-есть съ сѣверо-востока на юго-западъ, Большой Эрѣ песковъ Игиди, начинающійся въ виду Туата, на западномъ берегу узда Саура. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ путешественникъ Оскаръ Ленцъ переходилъ цѣпь дювъ, къ востоку отъ пользующагося большою извѣстностью колодца Бель-Аббасъ, сборнаго пункта каравановъ, общее движеніе песковъ совершается съ сѣверо-запада на юго-востокъ, судя по ориентировкѣ дювъ, которыя пологимъ скатомъ обращены къ морскому вѣтру, а крутымъ — къ внутренности континента¹⁾: господствующимъ атмосфернымъ теченіемъ въ этихъ областяхъ является морская бриза, происходящая отъ уклоненія правильнаго пассата. Средняя высота дювъ Игиди около сотни метровъ, но многіе гребни поднимаются значительно выше. Песокъ дювъ усѣянъ маленькими черными точками: это кристаллы распавшейся горной породы.

Къ югу отъ цѣпи песковъ, горы эль-Эглабъ, гранитныя и порфиоровыя массивы, вздымаются на триста и четыреста метровъ, — высота, кажущаяся огромной, вслѣдствіе контраста съ окружающимъ однообразнымъ пространствомъ. На востокъ продолжается, неизвѣстно какъ далеко, область Танезруфта, обходимая караванами по причинѣ отсутствія тамъ воды, тогда какъ на югѣ извиливается русло потока, называемаго уздомъ Сусъ, какъ рѣка на мароккской границѣ, и содержащаго иногда жидкую струйку. На югѣ отъ сахарскаго Суса нужно еще переходить другія песчаные пространства, рукава песчаного моря, которое тянется въ западномъ направленіи на сотни километровъ: это область, означаемая на картахъ подъ именемъ Джуфъ, или «Впадина»; впрочемъ, Ленцъ не слыхалъ этого названія, употребляемаго въ такомъ обширномъ значеніи: по словамъ его, оно примѣняется только къ одному оврагу, называемому уздъ эль-Джуфъ. Дорога изъ Марокко въ Томбукту спускается въ восточной части этой низменности, но нигдѣ высота ея не менѣе 120 метровъ; можетъ-быть, къ западу Джуфъ не такъ высокъ, но нѣтъ причины предполагать, что его уровень опускается ниже поверхности океана, и проектъ одного спекулятора, предлагавшаго прорыть каналъ, чтобы образовать въ этомъ мѣстѣ «внутреннее море»²⁾, площадь котораго была заранѣе вычислена въ 90 милліоновъ гектаровъ, то-есть почти вдвое больше поверхности Франціи, основывался просто на фантазіи, лишенной всякой географической подкладки. Область Джуфъ есть наи-

менѣе извѣстная часть западной Сахары; какъ ливійская пустыня, это пространство представляеть еще пробѣлъ на картахъ: ни одинъ маршрутъ путешественника-ислѣдователя, ни одинъ караванный путь не былъ проложенъ на этомъ громадномъ протяженіи слишкомъ въ 300.000 квадр. километровъ.

Къ западу отъ Джуфа и страшныхъ дювъ Магтеръ появляется, среди пустыни, массивъ скалъ, которому дали названіе Адраръ (Адереръ), т. е. «Гора», какъ многимъ другимъ группамъ высотъ, находящимся въ берберской землѣ: специальное его наименованіе — Темаръ. Но эта «Гора» западной Сахары не походитъ на другія Адрары Берберіи и центральныхъ областей пустыни: въ дѣйствительности это не гора, а каменистая страна, примыкающая своей южной оконечностью къ холмистымъ плато Таганта и поднимающаяся нѣкоторыми выдающимися точками всего только на 75—90 метровъ надъ уровнемъ песчаныхъ пространствъ, которыми она окружена³⁾; по описанію Адрара, сдѣланному тремя молодыми пилигримами французскому путешественнику Маскерэ, это — «длинный островъ, заключенный между песчаными равнинами, которые имѣютъ видъ моря, и подвижная почва которыхъ катится, какъ волны»⁴⁾. Но эти песчаные пространства, служащія пьедесталомъ «горъ», довольно высоки, если вѣрно, что на сѣверѣ Адрара, на спускѣ плоскогорья эль-Аксаби, вѣшніе обрывы имѣютъ отъ четырехъ до пятидесяти метровъ высоты⁵⁾. Часто верблюды, спускаясь съ этихъ крутыхъ откосовъ, скатываются и разбиваются у основанія утеса.

Къ сѣверу и западу отъ этой «Горы» по преимуществу, разсѣяны многія другія горы, либо въ формѣ цѣпей, либо въ видѣ уединенныхъ островковъ. Большинство ихъ состоитъ изъ пластовъ песчаника. Самыя замѣчательныя, по описанію Пана, — скалы эль-Генатеръ, то-есть «Мосты» или «Арки», находящіяся почти на подорожѣ между вершинами Адрара и долиной узда Драа: это базальтовыя скалы, между которыми висятъ каменные глыбы, точно своды исполинскихъ арокъ. Къ западу отъ Адрара, самый значительный массивъ — Адраръ-Сеттуфъ или «Гора Раковинъ», вокругъ которой тянется самая выдающаяся часть сахарскаго побережья, отъ мыса Барбасъ до Мыса Бланко; точно также и морской берегъ состоитъ изъ невысокихъ утесовъ, содержащихъ много раковинъ, которыя по большей части принадлежатъ къ видамъ, донныѣ

¹⁾ Vincent, „Voyage dans l'Adrar“, „Tour du Monde“, 1861, livr. 56.

²⁾ „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Paris“, mars et avril 1880.

³⁾ Léopold Panet, „Revue Coloniale et Algérienne“, novembre—décembre, 1850.

⁴⁾ Oscar Lenz, „Timbuktu“.

⁵⁾ Donald Mackenzie, „The flooding of the Sahara“.

живущимъ въ сосѣднемъ морѣ¹⁾. На сѣверѣ отъ Раковинной Горы простираются обширныя равнины Тирисъ, образующія родъ гранитной мостовой, пробитой тамъ и сямъ остро-конечными скалами, которыя служатъ «наблюдательными пунктами муфлонамъ (дикій степной баранъ) и людямъ». На пескѣ, происходящемъ отъ разложенія гранита, растутъ ароматическія травы, очень любимыя верблюдами²⁾.

Сосѣдство моря и пояса правильныхъ тропическихъ дождей обезпечиваетъ западной Сахарѣ количество воды, достаточное для того, чтобы эта страна не была совершенно лишена сѣти, если не рѣкъ, то по крайней мѣрѣ руслъ истечения. На югѣ отъ уада Драа, принимающаго въ себя цѣлую вѣтвь боковыхъ овраговъ, къ Атлантическому океану спускается другое русло потока, оканчивающееся между стѣнами утесовъ широкимъ отверстіемъ, которое рыболовы съ Канарскихъ острововъ называютъ Бока-Гранде (Большое Устье): это уздѣ Шибика арабовъ, и здѣсь, по всей вѣроятности, находился давно разыскиваемый портъ Санта-Круцъ-де-Маръ-Пекенья. Упомянутый выше прожекторъ Дональдъ Макензи предлагалъ прорыть въ этомъ мѣстѣ входъ канала, по которому полились бы воды океана въ воображаемую низменность Джуфъ, черезъ порогъ водораздѣла. Въ разстояніи отъ 300 до 350 километровъ отъ атлантическаго берега дѣйствительно существуетъ водораздѣльная возвышенность, идущая параллельно морскому берегу: съ одной стороны, дождевыя воды стекаютъ по оврагамъ къ морю, съ другой — онѣ спускаются на юго-востокъ и пропадаютъ подъ дюнами Игиди, чтобы снова выступить на поверхность въ видѣ ключей, или образовать небольшія гелты, то-есть лужи и солончаки. Къ югу отъ Бока-Гранде только одинъ рѣчной бассейнъ обнимаетъ значительное пространство: это Сакіетъ эль-Гомра, или «Красный Потокъ», который иногда означали какъ официальный предѣлъ Мароккской имперіи, хотя онъ находится на разстояніи 500 километровъ отъ истинной границы. Что касается массива Адраръ, то онъ тоже имѣетъ свою отдѣльную маленькую гидрографическую систему. Съ цѣней скалъ, ограничивающихъ на востокъ совокупность этого массива, спускаются источники, достаточно обильные для питанія двухъ рѣчекъ, текущихъ параллельно оси скалъ по направлению отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Сѣверная рѣчка останавливается въ низменности, гдѣ воды ея разливаются и испаряются; южная, повидимому, составляетъ продолженіе первой, такъ какъ начало ея находится въ той же долинѣ. Этотъ потокъ, на берегахъ котораго жи-

ветъ почти все населеніе Адрара, выходитъ изъ области горъ и теряется на югѣ въ одномъ болотѣ пустыни¹⁾.

Морской берегъ, утесы и дюны котораго разступаются черезъ извѣстные промежутки, чтобы дать проходъ водамъ временныхъ потоковъ, есть одинъ изъ самыхъ опасныхъ во всей Африкѣ, и легко понять безпокойство португальскихъ мореплавателей пятнадцатаго столѣтія, которые, въ силу полученныхъ ими инструкцій, должны были слѣдовать вдоль этихъ береговъ, уже видѣнныхъ до нихъ финикійцами и мореходами изъ Діеппа. Мысъ Нунъ, или «Нѣтъ», былъ названъ такъ, говорили моряки, играя словами, потому, что море отвѣчало «нѣтъ» всякому кораблю, который хотѣлъ пройти далѣе; было бы безразсудно и нечестиво пытаться обогнуть мысъ; люди, отправлявшіеся туда бѣлыми, возвращались черными, утверждала легенда²⁾. Отъ этого страшнаго мыса до мыса Юба, отъ мыса Юба до Парчеля или Бохадора, отъ Бохадора до мыса Бланко, на пространствѣ около 1.200 километровъ, видъ побережья почти не измѣняется: выступы мысовъ едва замѣтны, высоты материка состоятъ лишь изъ правильныхъ столообразныхъ плато или изъ песчаныхъ холмовъ. Сѣрые дюны, плоскіе берега, осыпаемые брызгами буруна и потому неясственные, не представляютъ растительности, на которой могъ бы отдохнуть взоръ и которая возвышалась бы сосѣдство чловѣка. Прибой волнъ распространяется на нѣсколько километровъ отъ берега; иногда даже, когда дуетъ западный вѣтеръ, первый пѣнящійся гребень образуется уже на такомъ разстояніи, гдѣ глубина достигаетъ 16 метровъ. Въ періодъ съ октября до апрѣля корабли тщательно обѣгаютъ эти воды, гдѣ еще не существуетъ никакихъ маяковъ, гдѣ земля почти постоянно окутана густымъ туманомъ, и гдѣ вѣтеръ вздымаетъ въ нѣсколько часовъ чудовищныя волны. Для парусныхъ судовъ самымъ опаснымъ мѣстомъ на сахарскомъ берегу считается пространство, заключающееся между Бока-Гранде и мысомъ Юба: теченіе, идущее вдоль африканскаго побережья съ сѣвера на югъ, и которое обыкновенно слѣдуетъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, имѣя наибольшую силу километрахъ въ десяти отъ него, устремляется также прямо къ прибрежью, увлекая попадающіеся на пути суда: оттого случаи кораблекрушенія были очень многочисленны въ этихъ водахъ. Обыкновенная скорость береговаго теченія равна километру въ часъ; но около мыса Юба она превышаетъ два километра, можетъ-быть, по причинѣ сосѣдства Канарскихъ острововъ, которые сѣживаютъ

¹⁾ Pomel, „Le Sahara“.

²⁾ Vincent; — Masqueray, цитирован. жемуары.

¹⁾ Em. Masqueray, цитирован. жемуары.

²⁾ Juan de Barros; — Alcalá Galiano; — O. Peschel „Geschichte der Erdkunde“.

русло течения ¹⁾). Пристанница рѣдки на сахарскомъ берегу; однако, около середины побережья, простирающагося отъ мыса Бохадоръ до мыса Бланко, открывается длинная бухта, параллельно морю, проникая черезъ брешь въ изгибъ береговыхъ обрывовъ: это Рио-де-Оро, или «Золотая рѣка», названная такъ потому, что португальцы достали тамъ, посредствомъ мѣны, немного золотого песку, въ 1442 году: они думали, что напали на золотоносную рѣку «шактоль», о которой ходили рассказы, что она развѣтвляется съ Ниломъ во внутренности Африки ²⁾). Входъ въ эту бухту затруднителенъ, и моряки, проникающіе туда, чтобы укрыться отъ непогоды, подвергаются опасности умереть тамъ съ голода, потому что баръ препятствуетъ выйти въ открытое море ³⁾).

Получая свою долю дождей, западная Сахара не лишена растительности; она имѣетъ оазисы, какъ и другія области пустыни. Даже среди дюнь, узкія долины, раздѣляющія песчаные бугры, усеяны пучками травы, и пастухи водятъ туда на пастбу своихъ верблюдовъ. Въ южной части Джуфа обширныя пространства покрыты альфой: эти пространства называются эль-Мирайя, или «Зеркало», безъ сомнѣнія потому, что море альфы, колеблемое вѣтромъ, отликаетъ попеременно матовыми и серебристыми цвѣтами ⁴⁾). Эти поросшія альфой равнины указываютъ на сосѣдство области степей, опушки Судана, который слѣдуетъ за ней на югъ, со своими лѣсами акацій и мимозъ. Адраръ, принадлежащій уже къ этому промежуточному поясу, наполненъ камедными деревьями, которые растутъ тамъ въ такомъ множествѣ, что «камедь отдавали бы за безцѣнокъ, если бы нашлись охотники придти за ней» ⁵⁾). Въ этихъ мѣстностяхъ начинается показываться зебръ; но одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ представителей животнаго царства въ этой области Сахары—страусъ. Здѣсь нѣтъ надобности, при охотѣ на страуса, употребить нѣсколько перемѣнъ лучшихъ скакуновъ, или преслѣдовать его на быстромъ мегари. Исполинская птица такъ сильно страдаетъ отъ жары, что днемъ, при полномъ блескѣ солнца, ее можно догнать даже на обыкновенной лошади: охотникъ стрѣляетъ въ упоръ въ настигнутое животное. На берегу моря рыболовы племени уладъ бу-сба подкарауливаютъ страусовъ, когда тѣ приходятъ освѣжиться, ударая по водѣ крыльями; тогда рыбаки подкрадываются изъ-за дюнь и вдругъ появляются, испуская громкіе крики: испуганные страусы бѣгутъ въ воду, но ихъ намокшія

крылья скоро утомляются, и пловцы, бросившіеся въ догонку, убиваютъ уставшихъ птицъ одну за другой ⁶⁾).

Такъ же, какъ Марокко и Берберія, западная Сахара раздѣлена между берберами, коренными жителями, и завоевателями арабами. Племена антъ-атта, дуи-менія, бераберъ, дуи-беллалъ и другіе народцы кочуютъ въ степяхъ, мѣняя мѣста стоянокъ, смотря по состоянію пастбищъ, принимая иногда дальнія экскурсіи, либо для нуждъ своей торговли, либо для мщенія и грабежа; Дюверье рассказываетъ, что арабскіе наѣзники Сахеля дѣлаютъ набѣги даже въ мѣстности, лежащія на дорогѣ изъ Инсалаха въ Томбукту, и нападаютъ на проходящіе караваны, съ цѣлью грабежа. Эти отдаленныя экспедиціи совершаются обыкновенно въ сопровожденіи продовольственного обоза изъ верблюдовъ, нагруженныхъ водой и саломъ. Сначала кормятъ верблюдовъ саломъ; когда животное освободится отъ своей ноши, его убиваютъ, и мясо его служитъ пищей людямъ и скоту. Эти разбойничьи объѣзды продолжаются иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ ⁷⁾).

Караваны, собирающіеся на югъ Марокко для перехода черезъ пустыню, организуются либо въ Тафилельтѣ, либо въ оазисахъ, находящихся на большомъ изгибѣ уѣда Драа, или, наконецъ, въ маленькихъ берберскихъ владѣніяхъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ побережья. Оазисъ Текна служитъ сборнымъ пунктомъ для караванщиковъ; впрочемъ, этому посту, находящемуся въ бассейнѣ Краснаго Потока, обыкновенно предпочитаютъ городокъ Тендуфъ, построенный въ текущемъ столѣтіи, единственно для торговыхъ цѣлей. Это группа около сотни домовъ изъ битой глины, окруженная нѣсколькими пальмами и лежащая на уѣдѣ, спускающемся къ одному изъ притоковъ рѣки Дра; населеніе городка состоитъ изъ берберовъ таджакантъ, признающихъ надъ собой власть арабскаго шейха племени марибда. Этотъ рынокъ ведетъ весьма значительную торговлю не только съ Марокко и Суданомъ, но также съ Туатомъ и Аравіей. Каждый годъ берберы-таджакантъ собираются здѣсь въ декабрѣ или январѣ, чтобы сформировать «большой караванъ» въ Томбукту, «кафила эль-кебиръ», который часто состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ и нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ ⁸⁾). Ленцу говорили, во время его проѣзда черезъ этотъ городъ, что цѣнность товаровъ, перевозимыхъ большимъ караваномъ, простирается въ среднемъ до 750.000 франковъ. Купцы возвращаются обыкновенно въ маѣ или іюнѣ. Жители Тендуфа, при господствующемъ у нихъ торговомъ духѣ, отличаются

¹⁾ Arlett, „Journal of the Geographical Society“.

²⁾ Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

³⁾ Em. Bonelli, „Boletin de la Sociedad Geografica de Madrid“.

⁴⁾ O. Lenz, „Timbuktu“.

⁵⁾ Em. Masqueray, цитированный мемуаръ.

⁶⁾ Vincent, цитированный мемуаръ.

⁷⁾ H. Duveyrier, „Exploration du Sahara“.

⁸⁾ De Castries, „Bulletin de la Société de Géographie“, 1880.

полной религиозной терпимостью. Образование гораздо болѣе распространено у таджакантовъ, чѣмъ въ большинствѣ другихъ сахарскихъ племенъ: они снабжаютъ наставниками всѣхъ окрестныхъ народцевъ¹⁾. Различныя племена бассейна Краснаго Потока сливаются особеннымъ благородствомъ происхожденія: даже въ Алжирѣ многіе берберскіе кланы съ гордостью говорятъ, что предки ихъ вышли изъ Сакіетъ-эль-Гамра.

На дорогѣ изъ Тендуфа въ Томбукту, направляющейся прямо къ юго-западу, черезъ гаммады и пески, существуютъ только двѣ группы населенія, имѣющія названія городовъ,—Таудени и Арауанъ. Таудени, лежащій близъ узда Тели, въ нижней части долины Джуфа, служитъ сборнымъ пунктомъ для каравановъ, которые находятъ тамъ воду въ изобиліи; но осѣдлыхъ жителей сюда привлекли собственно залежи каменной соли, питающія часть западнаго Судана. Здѣшніе солепромышленники ломаютъ соль въ копяхъ большими плитами, длиной около метра и вѣсомъ до 27 килограммовъ: четыре такихъ плиты составляютъ полный грузъ верблюда; караваны круглый годъ приходятъ сюда запасаться драгоценнымъ минераломъ. Въ окрестностяхъ встрѣчаются остатки прежнихъ культуръ, даже покинутыя деревни; но нынѣшніе обитатели Таудени, смѣсь негровъ и арабовъ, невольниковъ или свободныхъ людей, занимаются исключительно добычею соли: они называютъ себя драуи, то-есть уроженцами области узда Драа; не имѣя никакихъ сношеній съ своимъ прежнимъ отечествомъ, они зависятъ теперь отъ арабовъ племени берабишъ и отъ купцовъ изъ Томбукту; они живутъ въ крайней бѣдности и пьютъ лишь солоноватую воду, которую стараются сдобрить кислымъ молокомъ и другими снадобьями²⁾. Солеконы въ Таудени бываютъ временно троглодитами: когда жара становится слишкомъ сильной, они переселяются въ искусственные гроты, вырытые въ бокахъ туфовыхъ обрывовъ, господствующихъ надъ уездомъ Тели. Еще недавно они пользовались для выламыванія плитокъ соли инструментами изъ серпентина (змѣвика), и эти каменные орудія до сихъ поръ составляютъ предметъ настоящей торговли съ Томбукту, такъ какъ суданскія женщины употребляютъ ихъ для размельченія зерна.

Арауанъ, недалеко отъ южной окраины пустыни, есть передовой постъ Томбукту: какъ въ Тендуфѣ, на другой сторонѣ Сахары, караваны здѣсь составляются или раздѣляются. Несмотря на близкое сосѣдство травяныхъ степей и мимозовыхъ лѣсовъ, лежащихъ немного сѣвернѣе, несмотря на чрезвычайное

обиліе воды, которая течетъ подземной рѣкой подъ домами Арауана,—этотъ городъ самый печальный на видъ изъ всѣхъ городовъ Сахары: вездѣ кругомъ дюны; нигдѣ не видно ни одного деревца, ни даже пучка травы для верблюдовъ. Дома, разбросанные въ безпорядкѣ, числомъ около сотни, представляютъ собою четырехугольныя массы, имѣющія только подвальный этажъ: стѣны изъ битой земли содержатъ одно только отверстіе, низенькую дверь, обрамленную архитектурными украшеніями, которая занимаетъ всю высоту стѣны; край террасы обведенъ лѣпной работой изъ глины. Внутри четырехугольника, образуемаго зданіемъ, помѣщается дворъ, въ которомъ, однако, обитатели дома рѣдко сидятъ по причинѣ мелкаго песка, наполняющаго атмосферу, и обилія мухъ, которыхъ караваны верблюдовъ привлекаютъ цѣлыми тучами на городъ. Торговый пунктъ, гдѣ занимаются только коммерціей, не заботясь о религіи посѣтителей, Арауанъ населенъ исключительно купцами изъ Томбукту, ихъ прислугою и вольными неграми, гаратинами, которые поятъ, запрягаютъ и нагружаютъ верблюдовъ. Берабиши, сопровождающіе караваны и защищающіе ихъ противъ своихъ наслѣдственныхъ враговъ, туареговъ, взимаютъ дорожную пошлину со всѣхъ путешественниковъ, проходящихъ по ихъ территории; несмотря на свое имя, повидимому, указывающее на берберское происхожденіе, берабиши, по Ленцу, истые арабы. Во время проѣзда этого путешественника, берабишскій шейхъ владѣлъ болѣею частью вещей, найденныхъ на трупѣ изслѣдователя Ленга, убитаго въ пустынѣ въ 1826 году. По разсказамъ туземцевъ, причиной его смерти была безуспѣшность его лѣкарствъ: двое больныхъ, которыхъ онъ лѣчилъ, умерли одинъ за другимъ; это обстоятельство возбудило подозрѣніе, не даетъ ли онъ яду, или не дурной ли у него глазъ. Въ той же области Сахары, «въ десяти дняхъ ходьбы къ сѣверу отъ города Таудени», находится Сукайя, мѣсто, гдѣ англійскій путешественникъ былъ убитъ гарибами, десять лѣтъ спустя послѣ умерщвленія Ленга¹⁾.

Нѣсколько другихъ городовъ были основаны на южной границѣ пустыни. Въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Арауана, на дорогѣ изъ бывшаго поселенія эсъ-Сукъ, или «Рынокъ», недалеко отъ пустыни Танезруфтъ, стоятъ города Мабрукъ, или Мебрука, и Мамунъ, населенные неграми, также подвластными арабамъ-берабишъ, а вокругъ которыхъ иногда бродятъ туареги. Другой, болѣе значительный городъ Уалата, такой же большой, какъ Томбукту²⁾, и посѣщенный въ 1860 г. сенегальскимъ офицеромъ Алиунъ-Саль, нахо-

¹⁾ "Revue Africaine", janvier 1868.

²⁾ René Caillé, "Journal d'un voyage à Tombouctou et à Jenné";—O. Lenz, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Willshire, "Appendice to Notes taken during the Travels in Africa".

²⁾ René Caillé, цитированное сочиненіе.

дится въ 400 километрахъ къ юго-западу отъ Арауана, на сѣверѣ плоскогорья эль-Годъ. Этотъ городъ, построенный такъ же, какъ Арауанъ, тоже не имѣющій садовъ и продовольствуемый проходящими караванами, занимаетъ пространство около одного квадр. километра: это большой рынокъ, гдѣ сосредотчивается мѣшковая торговля между племенами Сенегала и таджакантами Тендуфа; кромѣ того, у жителей его есть специальный промыселъ—фабрикація кожаныхъ мѣшковъ и кисетовъ, которые продаются на всѣхъ рынкахъ Судана. Въ окрестностяхъ города видны многочисленные развалины, остатки жилищъ какого-то исчезнувшего народа. Но къ сѣверо-западу, въ направленіи Адара, слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько оазисовъ, между прочимъ, оазисъ Тишитъ, гдѣ находится столица племени кунта, довольно большой городъ, въ которомъ насчитываютъ около шестисотъ каменныхъ домовъ. Въ этомъ краевомъ поясѣ Сахары кочуютъ различныя арабскія племена: уладъ-махмудъ, уладъ-амбарекъ, уладъ-энъ-насеръ; но осѣдлое населеніе оазисовъ состоитъ изъ азеровъ, чернокожихъ мандингской расы, пришедшихъ изъ-за Сенегала.

Въ собственномъ Сахелѣ нѣтъ городовъ, есть только рудники и становища кочевниковъ. Термасонъ, на югѣ узда Драа, въ территоріи племени регибатъ или ргеибатъ, теперь представляетъ лишь собраніе силосовъ, гдѣ окрестныя арабы хранятъ свои запасы зерновыхъ хлѣбцовъ. На водораздѣльной возвышенности между покатою Краснаго Потока и покатою Джуфа, населенныя мѣста Грона, Земмуръ, отмѣчаемыя на картахъ какъ города, въ дѣйствительности суть лишь группы шатровъ, разбитыхъ среди небольшихъ долинъ, гдѣ растутъ въ маломъ количествѣ мимозы ¹⁾. Номады этихъ странъ принадлежатъ къ различнымъ расамъ: здѣсь кочуютъ арабы племени уладъ-бу-сба, или «Сыны Льва», очень опасные грабители и неготорговцы; берберы племени шергинъ, отличающіеся отъ всѣхъ своихъ сосѣдей круглымъ и короткимъ лицомъ, маленькимъ носомъ, оттопыренными ушами, очень развитымъ лбомъ, низкимъ ростомъ; тидрарины, народецъ, который держится вообще въ сосѣдствѣ моря и охотно ведетъ мѣшковую торговлю съ канарскими рыбаками. Эти послѣдніе приносятъ имъ рыбу и другіе продукты и берутъ въ обмѣнъ молоко. Тидрарины ловятъ рыбу съ помощью удочки или сѣти; у нихъ нѣтъ кожаныхъ барокъ, какъ это говорили нѣкоторые путешественники, посѣтившіе край до изслѣдованія Паве. Тидрарины составляютъ часть могущественнаго союза Уладъ-Делимъ, племена котораго разсѣяны по всему Сахелю, отъ устья узда Драа до равнинъ, прилегающихъ

къ Адразу. Эти кочевники, того же происхожденія, какъ племена трарза и бракна, живущія на правомъ берегу Сенегала, принадлежатъ къ народу зенага, но въ сильной степени смѣшались съ арабами и отчасти, хотя гораздо слабѣе, съ неграми; они тоже говорятъ берберскимъ нарѣчіемъ, мало отличающимся отъ языка тамазигтъ. Женщины ихъ замѣчательно красивы, и благодаря передвиженію, къ которому вынуждаютъ постоянныя экспедиціи племени, онѣ въ меньшей степени страдаютъ тучностью, такъ высоко цѣнимой у другихъ народцевъ западной Сахары. Номады уладъ-делимъ всегда держатся на-готовѣ къ нападенію или къ бѣгству, и когда данъ приказъ сниматься со становища, имъ достаточно полчаса времени, чтобы собрать стада, свернуть палатки, уложить весь домашній скрабъ и выступить въ путь ¹⁾.

Кочевники племени уладъ-делимъ, уладъ-бу-сба, ягія-бенъ-отманъ сходятся на берегахъ большаго солянаго озера Иджиль (Ижилъ, Иниль), но не имъ принадлежатъ его минеральныя богатства: владѣльцы себхи—люди племени кунта, живущіе на юго-востокѣ Адара; они заставляютъ платить себѣ верблюдами за право добыванія и вывоза соли. На берегахъ салины нѣтъ ни одного города, хотя въ становищахъ солепромышленниковъ идетъ довольно бойкая торговля; послѣ сезона дождей, когда себха наполнится водой и работы приостанавливаются. Соль ломаютъ плитами такой же величины, какъ въ Таудени; по Венсану, общее количество соли, вывозимой съ озера Иджиль въ Суданъ, составляетъ двадцать тысячъ верблюжьихъ грузовъ, или около четырехъ тысячъ тоннъ. Главный рынокъ по торговлѣ иджильской солью находится въ оазисѣ Тишитъ, у владѣльцевъ солянаго озера: жители Судана приводятъ туда невольниковъ и обмѣниваютъ ихъ на плиты соли, при чемъ три плиты представляютъ среднюю цѣну человека ²⁾.

Владѣтели Адара, ягія-бенъ-отманы, не имѣютъ тамъ постояннаго пребыванія: они ходятъ изъ одного мѣста въ другое за сборомъ налога. Осѣдлое населеніе, въ числѣ около семи тысячъ душъ, не считая невольниковъ, состоитъ изъ берберовъ, гораздо менѣе смѣшанной расы, чѣмъ сосѣдніе «мавры», и говорящихъ языкомъ зенага: эти берберы живутъ по большей части на берегахъ рѣчекъ, берущихъ начало вѣнутри Адара. Впрочемъ, древнѣйшій ихъ городъ, эль-Гедимъ (эль-Кедима), или «Старый», лежитъ вѣн массива, на границѣ восточной пустыни; недалеко оттуда находится Уаданъ, вѣвсегда самый многочисленный и самый богатый городъ страны. Въ то

¹⁾ Leopold Panet, цитированный жемуаръ.

²⁾ Vincent, цитированное сочиненіе.

³⁾ Em. Masquaray, „Le Sahara occidental“.

же время онъ былъ и самый ученый; отсюда и произошло его имя, которое буквально значить «Двѣ Рѣки»; это была «рѣка финиковъ и рѣка знаній», по распространенной въ Адрафѣ поговоркѣ. Въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія португальцы имѣли тамъ торговую контору, но принуждены были покинуть ее, по причинѣ огромнаго разстоянія, которое отдѣляло ихъ отъ морскаго берега ¹⁾. Во время путешествія Венсана, столицей былъ городъ Шингити, лежащій къ юго-западу отъ Уадана, въ области джунъ; онъ имѣлъ не менѣе 800 домовъ и населеніе его простиралось до трехъ или четырехъ тысячъ душъ. Аттаре, нынѣшняя резиденція, и Уджефъ—тоже многочисленные ксары. Въ оазисахъ Адрара насчитывается около шестидесяти тысячъ финиковыхъ пальмъ; кромѣ того, тамъ сѣютъ просо, ячмень, пшеницу, арбузы. По словамъ Леопольда Пана, вѣно или калымъ, даваемый женихомъ невестѣ, есть въ дѣйствительности не что иное, какъ покупная цѣна, опредѣленная въ тринадцать локтей бумажной матеріи. Когда супруга перестаетъ нравиться мужу, послѣдній обязанъ оставить ей этотъ кусокъ матеріи, отсылая ее отъ себя. Если мужъ опостылѣлъ, жена должна отдать ему свадебный подарокъ, чтобы вернуть себѣ свободу.

Все берберскіе жители Адрара—марабуты; они признаютъ главенство шейха, имѣющаго пребываніе въ Эль-Гедимѣ и пользующагося нѣкоторой свѣтской властью; нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ религіознымъ братствамъ, главные монастыри которыхъ находятся въ Марокко, въ Алжирѣ, въ регентствѣ Триполи. Въ большинствѣ магометанскихъ странъ марабуты пользуются уваженіемъ со стороны воиновъ; но въ этой области, на окраинахъ Сахары, ихъ обыкновенно мало почи-

таютъ. Конечно, ихъ ставятъ выше рабовъ и невольниковъ, обзываемыхъ кличкой *мазме*, что значить «мясо годное къ ѣдѣ», но имъ оказываютъ уваженіе только для формы, исключая случаи совершенія религіозныхъ церемоній, когда, стоя на горкѣ или на скалѣ посреди пространства безъ кустарника и безъ камней, называемаго мечетью, какъ молитвенные дома въ городахъ, марабуты громкимъ голосомъ читаютъ на распѣвъ молитвы и повергаются ницъ, вмѣстѣ съ собравшимися воинами. Мистики и кроткіе нравомъ, марабуты Адрара и сосѣднихъ странъ безропотно переносятъ приниженное положеніе, въ которомъ ихъ держатъ мавры военной касты, и вѣроятно, не воспротивились бы перемѣнѣ режима, которая, можетъ-быть, дала бы имъ болѣе значительную долю вліянія. При посредствѣ марабутовъ французы Сенегала нѣсколько разъ пытались возстановить конторы португальцевъ, покинутыя четыре столѣтія тому назадъ.

Точно также, благодаря поддержкѣ марабутовъ, испанцы сдѣлались, съ конца 1884 года, номинальными владѣтелями всей линіи морскихъ береговъ, заключающейся между мысомъ Бохадоръ и мысомъ Бланко, на протяженіи около 800 километровъ; при помощи тѣхъ же марабутовъ, они надѣются подвинуться внутрь материка и направить караваны къ своимъ новымъ поселеніямъ. Уже основаны четыре конторы на морскомъ берегу: въ Вилла Сиснеросъ, на полуостровѣ Эргибатъ, на востокѣ на берегу бухты, образуемой устьемъ Ріо-де-Оро, и южнѣе, на берегахъ двухъ заливовъ Сянтара и дель-Эсте. Пока это только рыболовные станціи, менѣе важныя, чѣмъ были прежде подобныя же поселенія, основанныя канарскими рыболовами. Тогда суда собирались во множествѣ въ окружающихъ мысахъ Бохадоръ водахъ, особенно въ Анградосъ-Руйвось или «Бухтѣ Барвенъ».

¹⁾ Н. Barth, цитирован. сочиненіе.

КОНЕЦЪ 11-го ТОМА

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ГЛОССАРІЙ СѢВЕРНОЙ АФРИКИ.

Нижеслѣдующій списокъ заключаетъ только имена мѣстъ, упоминаемыхъ въ этомъ трудѣ. Полная номенклатура была бы здѣсь излишня; географы найдутъ ее въ словарѣ Шербоно (*Sherbonneau*), издаванномъ журналомъ *Revue de Géographie*, и въ мемуарѣ г. Пармантье, представленномъ въ 1881 г. алжирскому конгрессу. Къ заимствованіямъ, сдѣланнымъ у этихъ двухъ авторовъ, мы прибавили другія, взятые въ сочиненіяхъ гг. Дюверье, г. Маскера и другихъ ученыхъ, а также въ рукописныхъ замѣткахъ г. Ламбера; но при этомъ мы не

придерживались какой-либо опредѣленной системы ореографіи. Такъ какъ специалисты, занимающіеся арабскимъ языкомъ и литературой, не пришли еще къ соглашенію относительно транскрипціи арабскихъ звуковъ французскими буквами, то намъ казалось всего естественнѣе принять, для общей номенклатуры Алжира и Туниса, обыкновенное правописаніе официальныхъ документовъ, которое, впрочемъ, разнится въ различныхъ частяхъ страны, сообразно мѣстному произношенію.

АРАВСКІЯ СЛОВА.

А.

Абдъ, служитель. Примѣры: Абдъ-энъ-Нуръ, арабизованные берберы на плоскогорьяхъ Сети-фъ, «Служители Свѣта». — *Абидъ*, невольникъ, негръ.

Абидъ, иногда *Абюдъ*, бѣлый. Прим.: Ма-эль-Абидъ. Вѣлая вода (пр. Константина); Эл-Абюдъ, Бѣлый (Южн. Оранія). — Женская форма: *Беида*. Прим.: Беида-Борджъ, Бѣлая крѣпость (окр. Сети-фъ); Аинъ-Беида, Бѣлая вода (окр. Константина); уэдъ-Беида, Бѣлая рѣка; Даръ-эль-Беида (Каза-бланка), Марокко.

Азибъ, ферма. — Прим.: Азибъ-Замунъ, арабск. названіе г. Осонвиле (пров. Алжиръ).

Азрагъ, *Азрегъ*, голубой. — Прим.: Джебель-Азрагъ, Голубая гора (Алжирія). — Женск. форма: *Зергъ*. Прим.: Гельтъ-Зерга, Голубая лужа (пров. Константина); уэдъ-Зерга, Голубая рѣка (Тунисъ); Джебель-Зерга, Голубая гора (Марокко).

Аинъ (множ. Айунъ, Эйунъ, Ойунъ), вода, ключъ, фонтанъ, источникъ, — слово сходное съ старымъ франц. *Aigue* или *Font*. Прим.: Аинъ-эль-Ферсъ, ключъ Кобылицы (Гадамесъ); Аинъ-Темушентъ, источникъ Шакаловъ (пров. Оранская); Аинъ-Шаиръ, фонтанъ Ячменя (марок. (сахара); Аинъ-эль-Бей, фонтанъ Бея (Константина); Аинъ-эль-Гаммамъ, Теплая вода (пр. Константина); Аинъ эшъ-Шегадъ, Вѣчный фонтанъ (имя Кирены); Аинъ-Мита, Мертвая вода, (Сахара). — Уменьш. *Ауни*, маленькій ключъ.

Акба, *Акбетъ*, подъемъ, кособоръ. — Прим.: Акба эль-Кебира, Большой подъемъ (Барка); Акбетъ эль-Джемель, подъемъ Верблюдовъ (пров. Константина); Расъ эль-Акба, мысъ Морск. Берега (пров. Алжиръ).

Акбу, берберизация арабск. слова *кубба* (Шербоно), куполь, мавзоль со сводомъ. Прим.: Акбу (Мецъ), въ Кабилии.

Арба, среда, Сукъ-эль Арба, Середовый рынокъ (Тунисъ); Феджъ-эль-Арба, Середовый горн. проходъ (Алжирія); Арба (окрестн. Алжира).

Арабъ, Арбъ (множ. отъ *Арби*), арабы. — Прим.: Арабъ-Шерага, Восточн. арабы; Арбъ эль-Уэдъ, Рѣчн. арабы (пров. Константина).

Арегъ, дюны (*Ариа* въ единств.). — Прим.: Арегъ-адъ-Демъ, Красноватая или Кровавая дюна; Арегъ-эръ-Ригъ, Дюна Вѣтра (Шербоно); Эль-Арегъ, Песчаный барьеръ; Расъ-эль-Арегъ, голова Дюнъ (Сахара). — Уменьшит. *Аригъ*, маленькая дюна. Беръ-эль Аригъ, страна Малыхъ Дюнъ.

Ариша, виноградникъ. Прим.: Эль-Ариша (Оранія); эль Арайшъ (Марокко).

Асудъ, *Асуадъ*, *Асуадъ* (множ. *Судъ*), черный. — Прим. Расъ-эль-Асуадъ, Черный мысъ (Тунисъ). — Женск. форма: *Суда*. Прим.: Джебелъ: Суда, Черная гора (Тунисъ). Производн. отъ множествъ: *Суданъ*, земля черныхъ.

Асфаръ, желтый. Прим.: Уэдъ-эль-Асфаръ, Желтый ручей (Алжирія). — Женск. форма: *Сафра*, *Сефра*. Прим.: Аинъ-Сефра, Желтый ключъ (Оранск. провинц.).

Атеишъ, жажда. — Прим.: Бледъ-эль-Атешъ, страна жажды, пустыня.

Ахалъ, черный. Прим.: Уэдъ-эль-Ахалъ, Черная рѣка (Алжирія). — Женск. форма: *Кахела*, *Кахла*. Прим.: Дайя-Кахела, Черное болото (пров. Алжиръ), Феджъ-Кахла, Черный проходъ (Константина). — Производ. *Кахиль*, черноватый. Прим.: Джебель-бу-Кахиль, Черноватая гора (Констант.).

Ахдаръ, *Ахдеръ*, зеленый. — Джебель-Ахдаръ, Зеленая гора (Триполи, Оранъ). — Женск. форма: *Хадра*. Прим.: Эль-Хадра, Зеленая область (Алжир.), Аинъ-эль-Хадра, Зеленая вода (тамъ же); Худіатъ-эль-Хадра, Зелен. холм. (Марокко). — Производ. *Хейдеръ*, зеленѣющій (Шербоно). Прим.: Эль-Хейдеръ, Зелен. поле (Оранъ).

Б.

Бабъ (двойствен. *Бибанъ*, множ. *Абуадъ*), воротъ. Прим.: Бабъ-эль-Уэдъ, ворота Рѣки (Алжиръ); Бабъ-эль-Бахаръ, ворота Моря (Бужи); Бибанъ-эль-Хадидъ, Железные ворота (въ цѣпи Бибанъ). — Вѣроятно. производн.: *Бибауанъ*, горный проходъ на Атласъ.

Бададъ, голая равнина. — Багдадъ, близъ Уарглы.

Бахаръ, *Бахръ*, *Бехаръ*, море, озеро или болото. Прим.: Бахръ-эль-Устъ, Срединное море (названіе Средиземн. моря); Бахръ-эль-Дудъ, озеро Червей (Феццанъ); Бахръ-эль-Труниа, Натровое море (Феццанъ); Бахаръ-эль-Наклатъ, Финиковое море (Уэдъ-Ригъ), Бахръ-Тахтани, Нижнее море, подземная водная площадь уэда Ригъ. — Другое значеніе: рѣка. Прим.: Бахръ-эль-Арабъ, рѣка Арабовъ. — Уменьшит.: *Бахира*, *Бахиретъ*, *Бахаріатъ*. Прим.: Бахира-этъ-Туила, Длинное болото (Алжирія), Бахиретъ-эль-Бибанъ, озерко у Воротъ (Тунисъ); эль-Бахаріатъ, Малое море (Уэдъ-Гиръ).

Беири, коровушка, названіе одной горы въ Ораніи.

Беида, см. Абидъ.

Баладъ, Беледъ, Бладъ, Бледъ, земля, страна, поле. Прим.: Баладъ-Амеръ, земля амеровъ; Бладъ-эль-Ахмаръ, Красная земля; Бладъ-эль-Джеридъ, земля Пальмъ (Тунисъ); Бладъ-эль-Барудъ, земля Пыли, название Сахары; Бледъ-эль-Суданъ, земля Черныхъ Суданъ.—Другое значеніе: городъ. Прим.: Бледъ-эль-Гунель, городъ Ююбъ (арабск. имя Бонны)—Уменьшительн. *Блида*, городокъ; Блдетъ-Амеръ, городокъ амеровъ.—Другое значеніе: оазисъ: Бладъ-Реганъ, оазисъ Реганъ (Туатъ).

Бенъ (мн. бени), сынъ. Прим.: Бенгази, сынъ пилигрима; Бени-Аббасъ, потомки Аббаса (Алжир.)—Имя *бени* примѣняется обыкновенно къ племенамъ берберскаго происхожденія.—Въ топографическомъ языкѣ кабилонъ, *Бени* имѣетъ тотъ же смыслъ, что *Атл* люди, населеніе (Шербоно). Прим.: Бени-б' Удраръ, жители Горы.

Беруана, золотоцѣтники, гор. въ провинц. Алжиръ.

Бесбесъ, укротъ. Аинъ-Бесбесъ, Источникъ Укропа, близъ Бонны.

Биръ (мн. *Біаръ, Абіаръ, Абаръ*), колодезь. Прим.: Биръ-эль-Абиадъ, Бѣлый колодезь (Алжир.); Биръ-эль-Дуаръ, колодезь Становища (Тунисъ); Биръ-Тута, колодезь Тутоваго дерева (Алжир. округъ); эль-Біаръ, Колодцы; Бирхадемъ, колодезь Негритянки (окрестн. Алжира).—Уменьш.: *Буэйра, Буира*. Прим.: Буира, Маленькій колодезь (пров. Алжиръ).

Борджъ, транскрипція латинск. *burgus* по Шербоно. Крѣпость, замокъ, также загородный домъ, дача. Прим.: Эль-Борджъ, Фортъ, (пров. Алжиръ и Оранъ), Борджъ-эль-Бабъ, Замокъ у Воротъ (о. Джерба); Борджъ-Джежидъ, Новый Фортъ (Тунисъ); Борджъ-эль-Ахмаръ, Красный Замокъ (Алж.)—

Бриджъ, Бриджа. Эль-Бриджа, крѣпостца, или Мазаганъ (Марокко).

Бу, сокращеніе слова *Абу*, отецъ. Прим.: Бу-Курнеинъ, Двурогій Отецъ (Тунисъ); Бу-Джемаа (близъ Бонны), мѣсто соединенія водъ, сѣяніе: Бу-Гадиръ, отецъ Зелени (Кирена). Въ обыкновенной номенклатурѣ слово *бу* есть приставка, указывающая положеніе, форму, сходство, аналогію, свойства, владѣніе и т. д. (Шербоно, Ламберъ). Прим.: Бу-Зареа (Бузареа), мѣсто хлѣбородное (окрестн. Алжира). Буфарикъ, мѣсто скороспѣлой пшеницы (Алжир. окр.); уэдъ-бу-Мерзугъ, рѣка Богатства (Константъ); Бу-Гаръ (Богаръ), мѣсто Пещеры (пров. Алжиръ).

Г.

Габа, лѣсъ.—Уменьш. Гуиба. Прим.: Гуиба (окр. Алж.), Лѣсокъ (Ламберъ).

Гамада или хамада, безводное, пустынное

плато; каменистая равнина, безъ растительности. Прим.: Гамада-эль-Хомра, Красное плато (Триполи); Гамада-эль-Кебиръ, Большое плато (Сахара), эль-Гамада, Спаленная равнина (Блида).

Гара, гаратъ (мн. *Гуръ*), уединенный бугоръ въ Сахарск. равнинахъ. Гаратъ - эль-Тіуръ, Птичій бугоръ.

Гараа, гараа, ложбина прудъ. Прим.: Гараа-эль-Фецара, прудъ Разсѣлинъ (Джеридъ, Тунисъ); Герааль-Малехъ, Соляной прудъ; Гераатъ-эль-Гаутъ, Рыбный прудъ (Ла-Калле).—Уменьшит.: *Герейя*. Прим. Герейя-эль-Гарбинъ, Западный прудокъ (Шербоно).

Гарби, западный. Шотъ-эль-Гарби, Западное Соляное озеро (Марокко); Уадъ-эль-Гарби, Западная рѣка (Сахара).

Гарія, крѣпость. Гарія-эль-Шеркія, Восточ. крѣпость; Гарія-эль-Гарбія, Западн. крѣпость (Триполи).

Гаръ (мн. *гиранъ*), пещера, гротъ, яма. Прим.: Гаръ-эль-Машукъ гротъ Любовника (Тунисъ); Гаръ-Себара-Регудъ, пещера Семи Спящихъ отроковъ.

Гасси, твердая почва, узкая долина, проходъ между дюнами (Фуру).

Гебли, южный. Прим.: Уадъ-Гебли, Южная рѣка (Константъ).

Гедиръ, Р'диръ, на плоскогорьяхъ и въ Сахарѣ, колодезь вровень съ землей; яма, наполненная водой; невысыхающая лужа. Гедиръ-эль-Мезрагъ, лужа Коня.

Гельта, гелтатъ (мн. *гелтъ*), лужа, прудъ. Прим.: Гельтатъ-эль-Гаутъ, Рыбная лужа (Алжирія); Гельтатъ-эль-Бенда, Бѣлая лужа (тамъ же).—Уменьшит.: *Гулеита*.

Гергуръ, журчаніе, шумъ.—Уэдъ-Гергуръ, между Боной и Сетифомъ. Журчащая рѣка.

Гернъ, Горнъ и Корнъ, остроконечная вершина, пикъ (Шербоно). Прим.: Горнъ-Бенъ-Абдъ-эль-Кадеръ, пикъ Бенъ-Абдъ-эль-Кадера; Гернъ-Ахмаръ, Красная вершина (Аурестъ).

Гетаръ, Геттаръ, Геттара, медленно текущій источникъ, просачиваніе воды. Аинъ-эль-Геттаръ, Сочащійся источникъ (южн. Алж.); Эль-Геттара, Струйка (Сахара).

Глауи, крутой.—Тизи-н'Глауи, Крутой проходъ (Марокко).

Голаа, Галаа, Гелаа.—См. *Кала*.

Гурдъ, дюна.—Гурдъ-эль-Сба, Львиная дюна (Триполи); Гурдъ-Менфруда, Уединенная дюна (близъ Гадамеса).

Д.

Даръ (мн. *Діаръ и Діуръ*), домъ, помѣщеніе, станція. Прим.: Даръ-эль-Бенда, Бѣлый Домъ или Казабланка (Марокко);—Даръ-эль-Хаджаджъ, станція Пилигримовъ (Алж.); Даръ-Демана, Мѣсто убѣжища, имя Уэццана

(Марокко).—Другое значеніе: страна. Даръ-эль-Магребъ, страна Запада, Марокко.—Уменьшит.: *Дуира*.

Дуэра. Прим.: Дуэра (окрест. Алжира), До-мьякъ.

Дайя, или лучше *дахья* (Ламберъ), низина съ песчанымъ дномъ, лощина, прудъ, лужа. Прим.: Дайя-эль-Хамра. Красная лощина (Алжир.); Дайетъ-эръ Ремель, лужа въ пескѣ (Сахара).—Уменьш.: *Дуайя*, лужица въ пескахъ (Пармантье).

Джебелъ, гора. Прим.: Джебелъ Гуріанъ, гора съ пещерами (Триполи); Джебелъ-эль-Хадидъ, Желѣзная гора (Марокко); Джебелъ-эсъ-Сахра, Скалистая гора (Алжир.), Джебелъ Ахдаръ, Зеленая гора (Киренаика).—Уменьш.: *Джебила*, Малая гора (Оранъ).

Джедидъ, новый. Прим.: Феъ-эль-Джедидъ, Новый Феъ (Марокко); Бабъ-эль-Джедидъ, Новые Ворота (Констант.).—Женск. форма: *Джедиди*. Прим.: эль-Джелида, Новая (Алж.); Тамерна Джедиди, Новая Тамерна (Уадъ-Ригъ).

Джезира, *Джезира*тъ, *Джезиретъ* (мнж. *Джеззайръ*), островъ, островокъ, полуостровъ. Прим.: Джезиратъ-эль-Магребъ, островъ Запада. Слово *Алжиръ* произведено отъ *Ал-Джезайръ*, островки.—Другія формы: *Джиретъ*, *Дзайръ*.

Джема, *джемаи*, *джема*, собраніе, также мечеть (мѣсто собранія) и пятница (день собранія въ мечети). Прим.: Джемаа-эсъ-Сахридъ, собраніе бассейновъ (Кабилія); Джема-энъ-Нахла, мечеть Пальмы; Сукъ-эль-Джема, Пятничный рынокъ (Тунисъ).—Другое значеніе: школа (Шербоно). Джаманъ-Тадаръ, школа Деревни.

Джемелъ, красивый.—Уменьш.: Джемила (Констант.), Красотка.

Джефна, скала. Альжефна, жете въ Алж. портъ (Ламберъ).

Джунъ, бухта, заливъ.—Мерсъ-эсъ-Джунъ, портъ Залива (Констант.); Джунъ-эль-Кебрить, Сѣверная бухта (Большой сиртъ).

Джеурджура, журчанье воды (Казимирскій, Ламберъ). Имя «Джурджура» не значитъ ли «гора съ водопадами»?

Дира, гора въ пров. Алжиръ, «Монастыри» (Ламберъ).

Драа, *Дра*, рукавъ, также косогоръ, длинный холмъ Дра-эль-Мизанъ, рукавъ Вѣсовъ (Кабилія); Дра-эль-Барудъ, холмъ Пыли (тамъ же).

Дуаръ, кругъ шатровъ, становище кочевниковъ. Прим.: Дуаръ-Мсифъ, Лѣтнее становище (Ходна); Дуаръ-эшъ-Шоттъ, деревня на озерѣ (Тунисъ).

Дхаръ, *дахръ*, *дахаръ*, хребетъ, горный скатъ. Дхаръ-эль-Ахмаръ, Красный скатъ (Алжир.).—Производ.: *Дихра*, *Дахара*, никъ остроконечная вершина (Ламберъ). Прим.:

Дахра, горы Алжири. Вообще имя этихъ горъ объясняютъ въ смыслѣ «Страна Сѣвера».

З.

Зарайя, имѣющій нѣжный зеленый цвѣтъ (Ламберъ). Зерайя (Малая Кабилія).

Зауя, *зауиетъ*, духовное училище, монастырь. Прим.: Зауя-Сиди-Даутъ (Тунисъ); Зауя-эль-Истатъ, Монастырь Чистоты (оаз. Куфра).

Земля, *землетъ* (мнж. *земуль*), продолговатая дюна, въ формѣ хребта осла (Шербоно).—Землетъ-эсъ-Земута, Пестрая дюна (Триполи).—Уменьш.: *Земила*, маленькая дюна.

Зеря.—См. *Азретъ*.

Зерзуръ, скворецъ (Ламберъ).—Зеризеръ (близъ Бонъ), Скворцы.

Зериба, *Зерибетъ*, производи. отъ *Зербъ*, изгородь (Пармантье). Огороженное мѣсто, куда загоняютъ скотъ на ночь. Прим.: Зерибетъ-эль-Уадъ, ограда Рѣки (восточ. Забъ).

Змала (мнж. *зюмуль*), станъ, становище племени или шейха.

Ж.

Калаа, *Калатъ*, крѣпкій замокъ, въ общирномъ смыслѣ — естественная крѣпость. Прим.: Калаа (Оранъ); Калаа-эсъ-Сенамъ, замокъ Идоловъ (Тунисъ).—Другія формы: *Галаа*, *Гелаа*.—Уменьш.: *Голеа* (Пармантье). Эль-Голеа, крѣпостца (Сахара).

Кантара, *кантаретъ*, *кантра*, *гантра*, мостъ. Прим.: Эль-Кантара, Мостъ (Конст.); Борджъ-эль-Кантара, замокъ у Моста (о. Джерба).

Каруба, *харубба*, рожковое дерево.—Каруба, деревня въ Дахрѣ.

Касба, *Касбатъ*, замокъ, цитадель, крѣпость.—Касба-эль-Кедима, Старая крѣпость (Марокко); Касбатъ-эль-Хамра, Красный замокъ (Констант.).

Касръ (мнж. *Ксуръ*), замокъ, дворецъ, укрѣпленный бургъ. Прим.: Касръ-эль-Сериръ, Малый Замокъ; Касръ-эль-Кебиръ, Больш. Замокъ (Марокко); Касръ-эль-Джебелъ, Замокъ Горы (Триполи).—Другая форма: *Ксаръ*. Ксаръ-Абуамъ, мѣстечко Абуама (Тафилельтъ); Ксаръ-Меллуль, Бѣлый фортъ (Константин.).—Искаженныя производ.: *Ксеръ*, *ксоръ*. Эль-Ксеръ, укрѣпл. постъ (Констант.).

Кберъ, *кборъ* (мнж. *кобуръ*), могила (Алжир.). Кберъ-эръ-Руміа, могила Христианки.

Кебиръ, *кбиръ* (женск. *Кэбира*), большой. Уадъ-эль-Кебиръ, Большая рѣка; Шоттъ-эль-Кебиръ, Большое Соляное озеро (Тунисъ); Расъ-эль-Кебиръ, Большой Мысъ (Констант.).

Кедимъ, старый, древній.—Мединетъ-эль-Кедимъ, Старый городъ (Триполи).

Кефъ, кафъ (мн. *кифанъ*), скала, пикъ—Эль-Кефъ (Тунисъ); Кефъ-эль-Герая, Скала озера (Гадамесъ); Борджъ-эль-Кифанъ, Крѣпость на скалахъ (мысъ Матифу).

Кнатиръ, аркады или водопроводъ. Расъ-эль-Кнатиръ, голова Аркады, арабск. имя мыса Каксинъ, близъ Алжира.—Другая форма: *Генатеръ*. Эль-Генатеръ, Аркады (зап. Сахара).

Кубба (мн. Кубабъ или Кибабъ), куполъ, мавзолей въ формѣ купола—Эль-Кубба (близъ Алжира); Биръ-Эль-Кубба, колодезь Мавзолея (Триполи). Бербер. формы: *Куббетъ, Акбу*.

Кудіа, Кудіатъ, высота, холмъ. Кудіатъ-Батталъ, Невоздѣланный холмъ (Шербоно).

М.

Ма (мн. *Міазъ* и *Аміа*), вода. Прим.: Ма-эль-Абладъ, Бѣлая вода; Ма-эль-Ферсъ, Вода коня (Оранъ); Мазафранъ, Желтая вода (пров. Алжиръ).—Производн.: *Муи, Муія, Муйя*, «водный пунктъ», колодезь (Шербоно); Муи-Ансса, колодезь Ансса.

Мааскаръ, лагерь.—Производн.: Маскара; по-франц. *Cartres*.

Мабрукъ, благословенный. Сиди-Мабрукъ (близъ Констант.).

Магалла, роздыхъ привалъ. Эль-Магалла (Алжир.).

Магребъ, Западъ. Арабское названіе всей сѣверной Африки къ западу отъ Египта. Прим.: Магребъ-эль-Адна, ближній Западъ, т. е. Триполи и Тунисъ; Магребъ-эль-Акса, дальній Западъ, или Марокко; Магребъ-эль-Устъ, Средній Западъ или Алжирія.

Мафрагъ, раздѣленная Мафрагъ, близъ Бонны, рѣка Сліяній.

Маизъ (мн. *Маза*), козы (Шербоно).—Джебелъ-эль-Маизъ, Козья гора (о. Фигигъ).—Уменьш. *Маиза*, козочка. Уэдъ-эль-Маиза, рѣка Козочки.

Макта, Мокта, каменоломня, рудникъ, копъ. Макта-эль-Хадидъ, Желѣзный рудникъ (Констант.).—Другое значеніе: бродъ (Шербоно). Макта-эль-Устъ, Средній бродъ (Лагуатъ).

Малехъ, Мелехъ, Мелакъ (правильно *Милехъ*), соль Шоттъ-эль-Малехъ, Соляная лагуна (Южн. Оранъ).—Прилагат. форма: *Малехъ*, Уэдъ-Малехъ, Соляной ручей (Алж.).—Производн.: *Маллаха, Меллаха*. Маллаха-Ламта, салина Ламта (Тунисъ).

Мансура, побѣдоносная. Мансура, близъ Тлемсена.

Марса, Мерса, Мерсъ, портъ, гавань, бухта. Прим.: Эль-Марса, портъ (Тунисъ); Марсъ-эль-Харразъ, или Ла-Калле, Портъ съ корал-

ловыми брелоками (Ламберъ); Мерсъ-эль-Кебиръ, Большой портъ (Оранъ).

Матморъ (мн. *Матамуръ*), селость, житница (Ламберъ). Матаморъ, кварталъ въ Мостаганемѣ.

Меджазъ, Меджесъ, бродъ (Шербоно). Меджазъ-эль-Ахмаръ, Красный бродъ (Констант.); Меджазъ-эль-Бабъ, бродъ у Воротъ.

Медина, Мединетъ (мн. *Модонъ*), городъ. Прим.: Медина (пров. Констант.); Мединетъ-эль-Султанъ, Султанскій городъ (Триполи).—Другое значеніе: нора, логовище (Шербоно). Мединетъ-эль-Конфудъ, Нора ежа.

Мезаръ, Мезара, святыня, мѣсто паломничества. Прим.: Мезаръ (Тун.), Мезара (Ауресъ); Мезаратъ-эль-Хаджаждъ, святыня пилигримовъ.

Мердеръ (мн. *Мерадеръ*), лужа, болото, топь (Шербоно). Мердеръ-эль-Хадемъ, лужа Негритянки.

Мерджъ (мн. *Моруджъ*), лугъ, пажитъ (Шербоно). Мерджъ-эль-Аса, Лугъ посоха; Мерджъ-эль-Зитъ, Масляный лугъ.—Другая форма: *Мерджа, Мерджетъ*. Мерджетъ-эль-Кала, Крѣпостной лугъ.—Уменьш.: *Мериджъ, Мериджа* (пров. Оранъ и Констант.).

Мешера, дорога къ водою, бродъ, проходъ. Мешератъ-эль-Ниса, Женскій бродъ.—Вѣроятное уменьш. *Мешерія* (Шербоно).

Мешта, зимнія квартиры, зимовка. Мешта-эль-Арби, зимовье номада (Констант.); Мешта-эль-Кбира, Большое зимовье (близъ Умт-Геригешъ).

Миліана, наполненная. Прим.: Миліана, близъ Алжира, Обильная водой (Ламберъ).

Митиджа, Увѣнчанная, вѣроятно въ смыслѣ Окруженная горами (Ламберъ).

Мсидъ, мѣсто, изобилующее дичью, паркъ для охоты (Шербоно).—Джебелъ-Мсидъ, Гора богатая дичью (Констант.).

Музайя, наводненная, залитая (Ламберъ). Музайя, близъ Меден,—можетъ быть названа такъ отъ ручьевъ, разливающихся въ долины.

Н.

Надоръ, надхоръ, сторожевая башня.—Прим.: эль-Надоръ (имя многихъ горъ въ Алжиріи); Уэдъ-эль-Надоръ, рѣка Сторожевой башни.—Другія формы: *Наберъ, Надуръ*.

Намусъ, москитъ.—Уэдъ-эль-Намусъ, рѣка Москитовъ, притокъ Шелифа.

Нахла (мн. *Нахалъ*) пальма, пальмовый лѣсъ.—Эль-Нахла, Пальма (Констант.); Бу-Нахалъ, Пальмовый лѣсъ.—Уменьш.: Эль-Нохайла, Маленькая Пальма (юж. Оранъ).

Нахръ, потокъ, рѣка. Прим.: Нахр-эль-Хайатъ, Змѣиная рѣка; Нахр-эль-Раба, Лѣсная рѣка.—Производ.: *Нахреинъ*. Двѣ рѣки.

Небка, песчаная мѣстность; названіе, упо-

требляемое въ Сахарѣ. Прим.: Бабъ-энь-Небка, Ворота Песковъ (Лагаутъ).

Незаа, *Иза*, курганъ изъ камней, набросанныхъ въ мѣстѣ, гдѣ была пролита человѣческая кровь. Прим.: Незаа-эль-Усифъ, курганъ Негра (Уадъ-Джедди).

Р.

Расъ (мн. *Русъ*), голова, мысъ, источникъ. Прим.: Расъ-эль-Хадидъ, Железный мысъ; Расъ-эль-Хамра, Красный мысъ (Констант.); Расъ-эль-Мелахъ, Соляной мысъ (Киренаика); Расъ-эль-Ма, голова, начало Воды (Оранъ и Констант.), Себа-Русъ, Семь мысовъ (Константина).

Рахель, мѣсто отъѣзда (Ламберъ). Прим.: Эръ Рахель, дер. близъ Аинъ-Темупента.

Регъ (Сахара), почва, состоящая изъ песку и гравія и вообще очень низменная.

Ремель, *Румель*, песокъ. Ремель-эръ-Абюдъ, Бѣлый песокъ (Сахара); Ругибъ-эръ-Ремель, Песчаный холмъ (тамъ же), Уадъ-эръ-Ремель, Песчаная рѣка (Констант.) — Производн.: *Ремла* (*Ремля*), дюна Ремли-эль-Кебира, Большая дюна (Сахара).

Ркика, мелкій. Уадъ-Бу-Ркика, близъ Шершеля, Маленькая рѣка (Ламберъ).

Рокниа, уголь, колѣно. Прим.: Рокниа, близъ Тельмы.

Румъ, *Руми*, римляне, и въ обширномъ смыслѣ вообще христіане. Прим.: Хаджаръ-эръ-Румъ, Римскія развалины (Тлемсенъ); Сакіетъ-эръ-Румъ, Римскій водопроводъ. — Женск. форма: *Руміа*; Кберъ-эръ-Руміа, Могила Христіанки (пров. Алжиръ).

С.

Сада, счастье. Прим.: Бу-Сада, мѣсто Счастья (пров. Алжиръ); Борджъ-Сада, Счастливый Замокъ (Константина); Саида, Счастливая (Оранъ).

Сагіа, *Сагіетъ*, *Сакіетъ*, ручей, потокъ, *аседина* по-испански. Прим.: Сагіетъ-эль-Хамра, Красный потокъ (Сахара).

Саханъ, котловина, впадина, долина (Пармантъ). Прим.: Саханъ-эль-Кельбъ, Собачья лощина (Сахара); Саханъ-эль-Херецъ, Жемчужная долина.

Сахара, обширная равнина, безъ растительности (Дюверье).

Сахель, берегъ, побережье. Алжирск. Сахель, горы прибрежья Сахель, западная Сахара.

Себха, озерная впадина, соляная лагуна. Прим.: Себха-эль-Мелахъ, Соляное озеро (Тунисъ); Себха-энь-Нама, Страусовая лагуна (Алжирія); Себха Зерга, Синяя лагуна (тамъ же).

Сенизъ, зубъ, острокопечная вершина Сень-эль-Лебба, зубъ Лыницы (гора въ Алжиріи).

Сериръ, малый. Прим.: Касръ-эсъ-Сериръ, Малый замокъ (Марокко).

Сиди, господинъ. Прим.: Сиди-бель-Аббесъ (Оранъ); Сиди-Феррюшъ или Сиди-Фереджъ (Алжир.); Сиди-Даудъ (Тунисъ); Сиди-Нафедъ (Сахара). — Уменьшит. форма: *Си*, аналогичная французск. *Sieur*. Прим.: Си-Али; Аинъ-си-Шерифъ (Мостаганемъ).

Сифъ, сабля; длинная дюна съ гребнемъ въ формѣ сабельнаго клинка. Прим.: Сифъ-эксъ-Солтанъ, сабля Султана (на дорогѣ изъ Эль-Уада). — Мн. *Сифъ*.

Стора, скрытая (Ламберъ). — Стора близъ Филипвиля.

Сукъ, рынокъ и базаръ. Прим.: Сукъ-эль-Арба, Середовой рынокъ (Кабилія и Тунисъ), Сукъ-эль-Хадъ, Воскресный рынокъ (Марокко и Алжиръ) — Уменьш. *Сунка*, Бабъ-Сунка, ворота Малаго рынка.

Сума (мн. *Суама*), минареть, башня, башенка. Прим.: Сума (Алж. и Констант.); Суама, Башни (Кабилія).

Суръ, стѣна оградъ, валъ. Суръ-эль-Гозланъ, валъ Газелей (арабское имя города Омаль).

Т.

Табіа, огороженное мѣсто (Ламберъ). Табіа, близъ Сиди-бель-Аббесъ.

Тарфъ, оконечность, мысъ Эль-Тарфъ (Констант.); Джебель-Тарфъ, гора Мыса (Оранъ); Тарфъ-эшъ-Шакръ, имя мыса Спартель; въ Испаніи, Трафальгаръ или Тарфъ-эль-Гаръ, мысъ Пещеры (дела-Примоды).

Тахтани, нижній Арба-эль-Тахтани, Нижняя Арба (Жеривиль).

Тасибъ, добрый, женск. *Тауба*. Прим.: Аинъ-Тауба, Добрый ключъ (Алжирск. Сахара).

Тель (*Тель*), холмъ, горка, возвышенная страна, въ противоположность Сахарѣ. Въ Алжиріи, плодородная область въ противоположность пустынѣ.

Теніа, *Теніетъ*, горный проходъ, ущелье. Прим.: Теніетъ-эль-Хадъ, Воскресный проходъ (Алж.); Теніетъ-эль-Хамра, Красный проходъ (близъ Фигига).

Трикъ, дорога. Борджъ-эль-Трикъ, замокъ Дороги (о. Джерба); Аинъ-Трикъ, вода Дороги (окр. Сетифъ).

У.

Уади, *уадъ* (мн. *Уиданъ*), рѣка, ручей, пересохшее русло потока, также впадина, разсѣлина, ровъ, долина. Прим.: Уади-эшъ-Шегга, ручей Трещины (Тунисъ); Уади-эшъ Шерки, Восточн. долина (Феццанъ). Другая форма: *Уэдъ*. Прим.: Уэдъ-Шелифъ, рѣка Шелифъ.

(Алж.); Уэль-эль-Абиадъ, Бѣлая рука (Констант.); Уадъ-эль-Мелахъ, Соляной ручей (шоттъэль-Ходна). — Простонародн. множеств.: *Удианъ* (Шербоно). Удианъ-эль-Кебаръ, Большая Долина (Алж.).

Уммъ, Умъ, мать. Прим.: Умъ-эль-Тебуль, мать Шлаковъ (Констант.); Умъ-эль-Рбіа, рѣка Травъ (Марокко). — Въ топографіи то же значеніе, что и *бу* (отецъ). Прим.: Умъ-эль-Диабъ, сборное мѣсто Шакаловъ (Констант.); Умъ-эль-Абаръ, группа Колодцевъ (Констант.); Умъ-эль-Шукъ, мѣсто, наполненное терновникомъ или кустарникомъ (во Франціи: *Épineau, Buissonnière*); Умъ-эль-Кумъ, группа Горокъ.

Устъ, середина, центръ. Прим.: Джебель-Устъ; гора Центра (Алж.); Хенширъ-эль-Устъ, равнина Средины (Тунисъ). — Прилагат. форма: *Устани*, центральный, средний. Ксаръ-эль-Устани, Центральный замокъ.

Ута, плоская страна, однообразная равнина (Алжирія). Прим.: Ута-эль-Андалусъ, равнина Андалузцевъ. — Производ.: *Утайя*. Эль-Утайя, большая Равнина. — Другая форма: *Утіа*. Бельадъ-эль-Утіа; поле въ видѣ равнины; Утіатъ-эль-Гази, равнина Мародеровъ (Шербоно).

Ф.

Феджъ (мнж. *Феджуджъ*), горный проходъ, ущелье, дефилей. Прим.: Феджъ-Бенда, Бѣлый проходъ (Алж.); Феджуджъ, дефилей (тамъ же). — Въ Сахарѣ: *Фейджъ* (Пармантъе), проходъ или узкая долина между дюнами Фейджъ-Бенда, Бѣлая долина. — Другая форма: *Фейжа*, долина между Анти-Атласомъ и Бани. Фигигъ происходитъ, вѣроятно, отъ того же корня (Ламберъ).

Фогара, Фогара, Фогаратъ, Фогаретъ, колодезь съ галлереями. Фогаретъ-эль-Арабъ, Фогаратъ Арабовъ (Сахара). — Множ.: *Фенатиръ*.

Фондукъ, каравансарай, гостиница. Прим.: Фондукъ, близъ Алжира.

Фортаса, (Оранія), паршивая (Ламберъ). — Джебель Фортасъ (пров. Алжиръ).

Фумъ, устье, входъ, выходъ, дефилей. Прим.: Фумъ-эль-Феджъ, входъ въ горный проходъ; Фумъ-эль-Сахара, входъ въ Сахару (Констант.); Фумъ-эль-Уадъ, устье рѣки (Тунисъ).

Х.

Хаджаръ, камень, скала. Прим.: Эль-Хаджаръ, арабск. имя Бизота (Констант.); Хаджаръ-эль-Румъ, Римскіе камни; Хасси-эль-Хаджаръ, колодезь Камней (Сахара).

Халлуфъ, кабанъ. Джебель Халлуфа, гора Кабановъ (Конст.); уадъ-эль-Халлуфъ, рѣка Кабана, близъ Фигига.

Халкъ, горло, узкій проливъ. Халкъ-эль-Уадъ, тѣснина Рѣки (Лагулетъ).

Хамма, горячій ключъ. Во Франціи *Eaux-Chaudes, Chaudes-Aigues*. Эль-Хамма (Тунисъ, Алж., Констант.). — *Хаммамъ* (мнж. *Хаммаматъ*), ванны, горячій источникъ, термы. Хаммамъ-эль-Месхутинъ, купальня Проклятыхъ (Констант.); эль-Хаммамъ Фухани, Верхнія термы (о. Фигигъ).

Хангъ, также *хенгъ*, ущелье, горный проходъ, оврагъ. Хангъ-эль-Мелахъ, Соляное ущелье (гора Сахары). — Женск. форма: *Ханга*, *Хангетъ*. Хангетъ-эль-Хаджаръ, Каменный дефилей. Уменьш.: *Хонемъ*, маленькое ущелье (Шербоно).

Ханутъ, множ. *Хаунитъ*, Лавки, гробницы. Ханутъ-эль-Рокніа, близъ Гельмы.

Харба, *херба*, *харбетъ* (мнж. *Хорубъ*, *Хрубъ*), домишко, зданіе въ развалинахъ. Прим.: Эль-Харба (Оранъ); Херба (окр. Милана), Харбетъ-Зерга, Сивія развалины (Констант.). — Уменьшит.: *Херибъ*, маленьк. развалина.

Харрата, *Каррата*, рывина, оврагъ. Прим.: Каррата, при входѣ въ Шабетъ-эль-Акра (Кабилія); слово, передѣланное кабилами въ *тажерратъ*.

Харрашъ, слѣды, неровная поверхность (Ламберъ). Эль-Харрашъ, арабск. имя м. Мезонъ-Карре, близъ Алжира.

Харрушъ, кустарникъ. Эль-Харрушъ, близъ Константины.

Хасси (мнж. *Хассианъ*), колодезь, вырытый въ пескѣ. Прим.: Эль-Хасси, колодезь (Констант.); Хасси-эль-Мелахъ, Соляной колодезь; Хасси-Земля, колодезь дюны.

Хаушъ, ферма. Хаушъ-Бу-Кандура, ферма Бу-Кандура (Алж.); Хаушъ-Смара, ферма Дикаго Терна.

Хиснъ, редутъ, валъ, крѣпость. Эль-Хиснъ, Редутъ (Гадамесъ).

Ходна, охапка, беремя, имя плато и шотта (пров. Констант.).

Хофра, *хофратъ*, впадина, копань, ровъ, яма (Шербоно). Прим.: Хофра, «Впадина», имя оазиса Мурзукъ; Хофратъ-эль-Биръ, яма Колодца; Хофретъ-эль-Борджъ, ровъ Крѣпости (Алж.).

Ш.

Шаба, *шабетъ* (мнж. *Шаабъ*) оврагъ, ущелье. Эшъ-Шаба-Хамра, Красный оврагъ. — Другая форма: *Шачба* (Ламберъ). Прим.: Эшъ-Шаба, Рывины (Маджанта). — Въ Триполи: пропасть изверженія, окруженная потоками лавы, Шабетъ-эль-Ашера, близъ Джебель-Гуріана.

Шаребъ (мнж. *Шуарибъ*), гребень (Шербоно). Прим.: Шаребъ-эль-Ригъ, гребень вѣтра (Оранъ).

Шарфъ, *Шерфъ*, *Шаредъ*, оголенное пространство (Ламберъ). Прим.: Уадъ-Шарфъ (Марокко), голая долина; Шаредъ, городъ Туата.

Шебка, *шебкетъ*, сѣтъ; сѣтъ холмовъ или дюнъ (Шербоно). Шебка-Бени-Мзабъ, скалистая сѣтъ Мзаба.

Шери (множ. *Шерага*), восточный. Шоттъ-эль-Шери, Восточный шоттъ.

Шершаръ, каскадъ. Джебель, лежащій къ в. отъ Ауреса, называется джебель Шешаръ, гора Камней, или, можетъ-быть, джебель Шершаръ, гора Каскадовъ.

Шифра, рѣка въ Алжиріи «все выпивающая», по Казимирскому.

Шоттъ (множ. *Штутъ*, *Шотутъ*), берегъ; соляное озеро, лѣтомъ пересыхающее. Прим.: Шоттъ-эль-Джеридъ, озеро Пальмъ (Тунисъ); Шоттъ-эль-Беида, Бѣлый шоттъ (Конст.); Шоттъ-эль-Тигри, шоттъ Посѣва (Марокко), по Ламберу.

Э.

Эрисъ, равнина на югъ отъ Маскары; производн. отъ *Герисъ*, стада, плантаціи (Ламберъ).

БЕРБЕРСКІЯ СЛОВА.

А.

Агадиръ (множ. *Игадиренъ*, *Иударъ*), скала, крѣпость, стѣна. Прим.: Агадиръ, прежнее имя Тлемсена; Агадиръ-ве-Ириръ, валь Мыса (Уадъ-Сусъ).

Агезеръ, рѣка (Бернаръ). Женск. форма: *Тегазертъ*. Прим.: Тегазертъ, рѣка южн. склона Ахаггара.

Агеладъ, дефилей (Дюверье). Агеладъ. Проходъ (земля Ратъ).

Агемунъ, бугоръ, холмъ Агемунъ-Иземъ, холмъ Льва (Кабилія).—Женск. форма: *Тагемунтъ*, горка (Кабилія).

Агеръ-Сафбенъ, междурѣчье, имя аналогичное Месопотаміи или франц. *Entraigues*, *Entre-deux-Eaux*, *Entre-deux-Mers*, *Entre-deux-Estey* *Frane-zaigues*.

Агульминъ, лужа, болото. Огульминъ гл. гор. Уада Нунъ.

Адехи (множ. *Эдейненъ*) дюна, Эдейенъ, страна Дюнъ (Феццанъ).

Адраръ (множ. *Идраренъ*), гора. Адраръ, Гора (Тафилельтъ и земля туареговъ). Другія формы: *Адагъ*, *Адераръ*, *Адереръ* (Сахара)—Женск. форма: *Тедраретъ*. Прим.: Тетраредъ, Гора (Константъ).

Аитъ, люди, племя, потомство, родъ. Аитъ—б'Удраръ, люди горы, горцы.—Другая форма: *Атъ*. Въ Марокко, Ида, во множ. *Иданъ*, *Адуи*, *Дуи* (Рену). Прим.: Дуи-Меніа, Дуи-Беллалъ (Юж. Марокко).

Акбу, берберск. форма слова *Кубба*. Прим.: Акбу (городъ въ Кабиліи).

Акфаду, гребень Вѣтра.

Альма, дугъ (Шербоно).

Аманъ, вода, ключъ. Аманъ-Имеллулгинъ, Бѣлыя Воды (Кабилія).

Амассинъ, мѣсто, гдѣ есть вода (Ламберъ). Женск. форма: *Темассинъ*. Прим.: Темассинъ (алж. Сахара).

Б.

Асифъ (множ. *Сафбенъ*), рѣка (Баборъ).

Ауриръ, пригорокъ, холмъ. Ауриръ-эль-Амеръ, холмъ Амеръ.—Женск. форма: *Тауриртъ*, круглая гора, плато.

Ацибъ или *азибъ*, хивияна; ферма или паркъ для скота (Шербоно). Ацибъ-Шаферъ, хивияна Скалы (Алж.).

Аиру, скала Адру-Гуганъ, скала Быковъ (Шербоно).

Г.

Баланъ, плоскіе камни, плиты, по инверсіи *таблатъ*. Прим.: Таблатъ (пров. Алжиръ).

Батенъ, хребетъ (Дюверье). Прим.: Батенъ-Агонетъ (земля туареговъ).—Въ другихъ мѣстахъ, Батенъ означаетъ впадину, низину, какъ франц. слово *coline*, которое въ Пиренеяхъ значитъ «долина, спускъ съ горнаго прохода».

Бу-Адда, нижній. Таддертъ-бу-Адда, Нижній домъ (Кабилія).

Д.

Генширъ (множ. *Генаширъ*), развалина, слѣды. Генширъ-эль-Абаиръ, развалины Колодцевъ (Константъ). Генширъ-Селекта, развалины Силлектума (Тунисъ).

Гумтъ, деревня, кварталъ. Гумтъ-Сукъ. Торговый кварталъ (о. Джерба).

З.

Деренъ, гора. Прим.: Деренъ, Атласъ, Идраренъ и' Деренъ, Гора Горъ (Фуко).

Земмура, масляная роща. При м.: Земмора или Замора (Кабилія); Аземмуръ (Марокко).

И.

Ииди, дюны. Прим.: Игиди, дюны на западѣ Сауры.

Ииаль, бугоръ. Имя Релизана произошло отъ Игиль-Изанъ, холмъ Мухъ (Ламберъ).

Иделесъ, женск. форма *Теделлесъ*, растеніе дисъ (Ламберъ). Прим.: Деллисъ (Алж.). Иделесъ (земля туареговъ).

Ифри, отъ глагола *тифферъ*, укрывать, приютить. Гротъ, пещера (Шербоно). Феджъ-Ифри, дефилей Пещеры; Ифри-и' Тергунъ, Гротъ Фей.

Ииъ, рогъ, карнизъ, вершина (Шербоно). Прим.: Ишъ (Юж. Оранъ); Ишъ-эль-Гумъ, вершина Гумъ; Ишъ-Иллефъ, Кабаній карнизъ (Кабилія).

Л.

Лалла или Лелла, дама, госпожа. Лалла-Хедиджа, госпожа Хедиджа (Джурджура). Это слово въ кабийской терминологіи имѣетъ смыслъ *святой*.

М.

Мадеръ, равнина, пажить. Мадеръ-эль-Фердъ, Пажи́ть Быка.

Мези́та, Мези́да, Тимези́да, берберск. формы арабск. слова Мезждедъ, Мечеть (де-Кастри). Мезкита, оазисъ на уэдъ Драа.

О.

Ола, Оломъ, колодезь или ключъ на пескѣ. Прим.: Эль-Огла, Колодцы (Алж.), Оглатъ-эль-Джелиба, колодцы Газелей (Эль-Олеа), Оглатъ, эсь-Сба, колодезь Льва.—Другая форма: *Алу*, Прим.: Аглу, Колодцы (Марокко).

С.

Сепаръ, роющий. Уэдъ Сеггаръ рѣка, размывающая пески (Трюмеле).

Суфъ, рѣка (Тиссо). Прим.: р. Суфъ (алж. Сахара).

Т.

Тадрартъ, гора. Прим.: Тедерартъ, разрушенный городъ на в. Рата (Дюверье).

Тазультъ, колючій дрокъ. Прим.: Тазультъ, берберск. имя Ламбезы.

Такитунъ, берберск. форма и арабск. слова *Катунъ*, палатки (Ламберъ). Такитунтъ (Баб-боръ), Пикъ Шатра.

Тала, ключъ, фонтанъ. Тала-Хиба, ключъ Опасности (Кабилія); Тала Хадидъ. Желѣзный фонтанъ (Кереттъ, Шербоно).

Тама, таменъ, сторона (Каретъ). Примѣч.: Таментитъ, сторона Титта (оазисъ Туатъ). *Таментъ*, правая. Прим.: Таментафусъ или Матунфу, мысъ Правой руки, къ в. отъ Алжира (Ламберъ).

Тамазиртъ (мн. *Тамизаръ*), поле. Тамазиртъ, деревня близъ Націон. Форта; Тимизаръ Лербаръ, Удобренныя поля (Шербоно).

Тамуль, пикъ. Тамгуль въ Азефунъ (Кабилія).

Танезруфъ, Танеззуфъ, каменистое плато, гамада. Прим.: Танеззуфъ, на с. отъ Рата (Дюверье), Танезруфъ, плато въ зап. Сахарѣ.

Тархитъ, тѣснина (Маскерэ). Тархитъ-эль-Транимъ, тѣснина Камышей (Ауресь).

Тассили, плоскогорье (Дюверье).

Тауриртъ, горка, холмъ. Тауриртъ-эль-Арба, горка Среды; Тауриртъ-эль-Тезги, горка Лѣса; Тауриртъ-эль-Хаджаждъ, холмъ Пилигримовъ (Шербоно, Кареттъ).

Тигемми (мн. *Тегумма*), имѣніе, отчина, собственность (Шербоно). Тигемми-у-Фелла, Верхнее имѣніе.

Тигертъ, небольшое поле, *Тигертъ-эль-Тела*, поле у Фонтана.

Тизи, горный проходъ. Тизи узу, проходъ Колючаго Дрока (Кабилія).

Тимри, пикъ (Кабилія). Тимри-у-Малу, Западный пикъ.

Тирильтъ, маленький гребень (Кабилія). Тирильтъ Ифуцаръ, гребень худыхъ земель (Шербоно).

Титъ, источникъ. Титауэнъ или Тетуанъ, Источники; Титъ, въ Туатъ, Ключи.

Тифритъ, маленький гротъ (Шербоно). Тифритъ-Наитъ или Малекъ, гротъ Аитъ или Малекъ.

Туатъ, Оазисы, женск. форма слова *уагъ*, оазисъ.

ТИВБУССКІЯ СЛОВА.

Терикъ, горячій источникъ.

Эми, гора (Нахтигаль). Прим.: Эми-Туссиде, горы Туссиде (Тибести).

Эниери, рѣка, уэдъ. Прим.: Эниери-Бардай, р. Бардай; Эниери-Туге (Каваръ), долина Скаль.

КОНЕЦЪ СЪВЕРНОЙ АФРИКИ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ десятый.

С ъ в е р н а я А ф р и к а.

А.

- Абабдехи, племя, 431, 493.
 Абай (Бахръ-эль-Азрекъ), рѣка, 67, 71, 72, 239, 241—246, 269.
 Абба, островъ, 171, 382.
 Абба-Яредъ, гора, 191.
 Абби-Адди, городъ, 251, 264, 268.
 Аблерасуль, деревня, 297, 309.
 Абидосъ, городъ, 531, 532.
 Абиссинія, страна, 28, 175, 178, 179, 204, 209—237, 241, 256, 264, 266, 269, 275, 310.
 Абиссинцы, народъ, 179, 180, 210, 220, 224, 225, 233, 259, 280, 318, 327, 338, 340.
 Абу, городъ, 519.
 Абу-Ахразъ, островъ, 358, 366, 373.
 Абу-Габле, рѣка, 377, 392.
 Абу-Гамедъ, городъ, 319, 360, 413, 415, 432, 433.
 Абу-Гиргъ, городъ, 540.
 Абу-Госси, мѣстечко, 435.
 Абуджериды, племя, 343.
 Абу-Дибабъ, каналъ, 573.
 Абу-Думъ, мѣстечко, 435.
 Абу-Зайдъ, бродъ, 358.
 Абукайя, племя, 157.
 Абукирскій мысъ, 92.
 Абукирское озеро, 94, 573, 575.
 Абукиръ, городъ, 574, 582.
 Абуна-Иозефъ, гора, 195.
 Абу-Одфа, скала, 324.
 Абу-Рамлехъ, гора, 321, 327.
 Абу-Рофъ, племя, 172, 321, 347.
 Абу-Симбелъ, городъ, 442.
 Абу-Синъ (см. Гедерефъ).
 Абу-Спръ, скала, 78.
 Абу-Сомеръ, бухта, 530.
 Абутигъ, городъ, 533, 582.
 Абу-Харазъ, городъ, 391.
 Абы, племя, 492.
 Агары, народъ, 157.
 Агаусы (Агау), племя, 211, 251, 285, 335, 347.
 Агерми, городъ, 536.
 Агерутъ, деревня, 564.
 Аддиградъ, городъ, 254, 264, 268.
 Адель, государство, 301.
 Адель (Адайль), племя, 279.
 Аденскій заливъ, 4, 175.
 Адуа, городъ, 190, 251, 252, 256, 264, 268.
 Адулисъ, бухта, 182, 196, 263, 282.
 Азгедъ, гора, 189.
 Айлетъ, деревня, 259.
 Аканіару, озеро, 45.
 Акика, мѣстечко, 343, 375.
 Акка (Тикки-тикки), племя, 26.
 Аккара, племя, 147.
 Аккасы, племя, 113.
 Аксумъ, городъ, 252, 264.
 Алаальбедъ, озеро, 198, 199, 251, 265, 279, 282.
 Алату, племя, 309.
 Алеква, гора, 190.
 Александрія, городъ, 41, 478, 497, 512, 544, 551, 574—581.
 Александрія, провинція, 593.
 Аліу-Амба, мѣстечко, 297, 304.
 Алоа, городъ, 347, 359.
 Алоа, королевство, 336.
 Альбертъ-Ніанца (Мвутанъ-Нзиге), озеро, 62, 101, 104.
 Альгаденъ, мѣстечко, 369.
 Альмерійскій проливъ, 39.
 Амбабо, мѣстечко, 301.
 Амба-Магдала, гора, 246.
 Амба-Маріамъ, крѣпость, 240.
 Амбуколь, селеніе, 416, 435.
 Амамъ, гора, 166.
 Амамы, народъ, 169.
 Амидебъ, станція, 369.
 Аммонъ-Ра, храмъ, 434.
 Амру, городъ, 557.
 Амхара (Амгара), область, 219, 267, 288.
 Амхаринцы, народъ, 224, 276, 287, 304.
 Ангола, коловія, 33.
 Анголада, городъ, 295, 304.
 Анготъ, страна, 248, 269.
 Анкоберъ, городъ, 269, 276, 295, 297.
 Аниобонъ, островъ, 11.
 Ансази, гора, 198.
 Ансеба, рѣка, 189, 369.
 Антало, городъ, 253, 264.
 Антифилъ, портъ, 264.
 Апаба, рѣка, 63.
 Арамба, городъ, 296.
 Арбаджи, городъ, 358.
 Арборе, племя, 147.
 Арго, островъ, 436.
 Аргоббъ, гора, 194, 270.
 Ардиббо, озеро, 192, 248.
 Аркико, деревня, 260, 264.
 Арсиноа, станція, 564.
 Артали (Ортаоле), вулканъ, 197, 198.
 Арусси, племя, 294.
 Асмара, деревня, 259.
 Ассабъ, городъ, 296, 303, 316.
 Ассабы, племя, 179.
 Ассака, рѣка, 53.
 Ассалъ, озеро, 273.
 Ассамъ, рѣка, 252.
 Ассасифъ, горы, 527.
 Ассебо, племя, 294.
 Ассиутъ, провинція, 593.
 Ассиутъ, городъ, 487, 501, 582, 593.
 Астаборасъ, рѣка, 318.
 Астапусъ, рѣка, 318.
 Ассуанъ, бухта, 518.
 Асуа, рѣка, 59, 132.
 Атбара, рѣка, 73, 74, 217, 267, 317, 319, 366, 418.
 Атласъ, горы, 6, 18.
 Атеби (Ацебидера), мѣстечко, 254.
 Атсега, городъ, 264.
 Ауашъ, рѣка, 179, 187, 269, 273—279.
 Аувакиль, бухта, 198.
 Ауладъ-али, племя, 493.
 Аусимы, племя, 493.
 Аусса, городъ, 301.
 Афары, народъ, 179, 280, 348.

Афоджъ, племя, 151.
Афъ-Абадъ (Та-Маріамъ), го-
родъ, 264, 369.
Ахагаръ, гора, 6.
Ахминъ, городъ, 533, 582.
Ахнасъ - эль - Медине, деревня,
540.
Ахръ-эль-Вабары, племя, 492.
Апагъ, городъ, 258.
Апанга, озеро, 192, 248.
Апантинъ, племя, 31.
Аштентъ, горы, 247.
Ашфа, городъ, 247, 267.
Аякъ, городъ, 157.

Б.

Бабъ - эль - Казы, порталъ, 463,
465.
Бабъ - эль - Мандебскій проливъ,
3, 301, 476.
Бабъ-эль-Ясундъ, городскія во-
рота, 463.
Баггара (Багарасы), племя, 163,
173, 387, 388, 404.
Будуръ, деревня, 375.
Базены (Кунаи), племя, 170,
339, 340, 342.
Байбуль, деревня, 304.
Бако, рѣка, 167.
Балагастъ, рѣка, 191.
Балла, озеро, 567.
Балоки, племя, 170.
Банда, городъ, 123.
Баніаны, народъ, 261.
Бантусы, племя, 25, 172, 348.
Бара, городъ, 392.
Барабра (Барабрасы), племя, 24,
370, 423, 427, 495.
Бардаръ, мѣстечко, 243, 247.
Барса (Барасы), племя, 338, 339,
340.
Барн, племя, 24, 144, 173.
Баринго, озеро, 57.
Барна (Баракъ), рѣка, 74, 188,
189, 267.
Баркаль, гора, 77, 434.
Баро, рѣка, 65, 167.
Бассо, городъ, 245, 247, 311.
Батнъ-эль-Бакара, дельта, 90.
Бахаріе, оазисъ, 464, 470, 536,
538.
Бахръ-Бела-Ма, рѣка, 87, 415,
464, 467, 469.
Бахръ-эль-Зарафъ, («Рѣка жира-
фовъ»), 60, 154—571.
Бахръ-эль-Абиадъ («Бѣлая рѣ-
ка»), 64, 65, 151, 174, 315,
329.
Бахръ-эль-Азрекъ («Голубая рѣ-
ка»), 66, 329, 357, 359, 360.
Бахръ-эль-Арабъ, рѣка 133, 162,
388, 399, 400.
Бахръ-эль-Асвадъ («Черная рѣ-
ка»), 75.
Бахръ-эль-Газаль, провинція, 32,
135.
Бахръ-эль-Газаль, рѣка, 62, 132,
151, 376.
Бахръ-эль-Джебелъ («Горная рѣ-
ка»), 57, 59, 60, 150, 151,
155.
Бахръ - эль - Фергитъ, рѣка, 398,
399.
Бахръ-эль-Согаиръ, рѣка, 570.

Бархъ-Юефъ-Баюда («Иосифова
рѣка»), 83.
Баюда, пустыня, 319, 416, 418.
Бегемедеръ, горы, 195, 240, 247.
Бегерахъ, провинція, 593.
Бедденъ, мѣстечко, 146.
Беджасы, народъ, 24, 326, 340,
347, 348, 349, 351, 352—355,
372, 424, 522.
Бедрашейнъ, деревня, 501, 544.
Бедуны, народъ, 453.
Бейтъ - эль - Уалли, усыпальница,
442.
Бекеръ, гора, 58.
Беланда, племя, 160.
Беледъ-эль-Суданъ, область, 317.
Белесса, провинція, 247.
Белессъ, горы, 195.
Белли, племя, 157.
Бельбенсъ, городъ, 565, 582.
Бельбелла, гора, 271.
Бени-амеры, племя, 179, 217, 219,
347, 348, 351, 354—375, 384.
Бени-Гассанъ, подземелья, 539.
Бенинскій заливъ, 32.
Бени-Суэфъ, городъ, 540, 582,
593.
Бени-Суэфъ, провинція, 593.
Бени-Шовгуль, мѣстечко, 357.
Бенха - л'Ассаль, городъ, 569,
593.
Берари, острова, 584.
Берберія, страна, 23.
Берберъ, городъ, 324, 360, 370.
Берберы, народъ, 1, 23, 30.
Береника, портъ, 411.
Берисъ, оазисъ, 468, 535.
Берри, племя, 147.
Берта, гора, 166, 320.
Бертасы, племя, 330, 332.
Бетъ-Малъе, племя, 217.
Бехайръ, озеро, 65.
Бехнесе, городъ, 540.
Бешило, рѣка, 187, 195, 246.
Бибанъ-эль-Моукуъ («Врата па-
рей»), ущелье, 526.
Бигтехъ, островъ, 518.
Биллингтъ, мѣстечко, 147.
Вильбисъ, рѣка, 249.
Вимбаши, городъ, 356, 372.
Бири, рѣка, 162.
Биркетъ-эль-Керунъ, озеро, 85,
542.
Виссагость, островъ, 11.
Витана, округъ, 245.
Вишари, племя, 30.
Вишарины, племя, 352, 416, 425,
428, 431, 438.
Бого, провинція, 203, 208.
Богосы, племя, 179, 189, 214,
259.
Большой Ламотъ, область, 294.
Большой Сиртъ, заливъ, 11.
Бонго, городъ, 313, 315, 316.
Бонго, рѣка, 157.
Бонгосы, племя, 158, 159, 160.
Бонджакъ, племя, 170.
Бонъ, мысъ, 4.
Бордейнъ, мѣстечко, 565.
Борены, племя, 294.
Боръ, крѣпость, 152.
Ботнъ - эль - Хагаръ («Каменное
брюхо»), городъ, 78, 81, 440.
Боходоръ, мысъ, 36.
Буагитъ, гора, 192.
Букеребе, островъ, 51.

Букиндо, городъ, 101, 108.
Булакъ, городъ, 552, 559, 560.
Бури, городъ, 197, 245, 247, 282,
359.
Бурлосъ, озеро, 94, 571.
Бурну, страна, 31.
Буруны, племя, 335.
Буширъ, городъ, 102.
Бутъ-Кора, станція, 540.
Бушмены, племя, 26.
Вѣлый Нилъ, рѣка, 43, 67, 321,
332, 357.
Бѣлая рѣка, 173.
Бѣла, гора, 195.

В.

Ваби, рѣка, 298, 308.
Ва-ганда, племя, 114, 115, 118,
128.
Вагари, горы, 195.
Вагъ, провинція, 248.
Ваде, рѣка, 54.
Ваделай, крѣпость, 142.
Ваделька, гора, 384.
Ваджъ, племя, 151.
Ваза, племя, 309.
Ва-Зинджа, народъ, 109.
Вайсъ, рѣка, 308.
Ва-Кавирондо, племя, 124.
Ваккала, деревня, 149.
Ва-Кара (Ва-Кури), племя, 125.
Валлегъ, мѣст., 167.
Вали-дабба, горы, 196, 238.
Вальдебба, провинція, 247.
Вальдіа, мѣстечко, 248.
Ва-Ніамбо, племя, 111, 115.
Ва-Ніоро, племя, 116, 127.
Ванциге, клѣтъ, 242.
Варахандже, городъ, 112.
Варварійцы, народъ, 155.
Варио, гора, 271.
Ва-сога, племя, 115.
Ва-туси, племя, 169.
Вау, городъ, 161.
Ва-хума, племя, 115, 285, 328.
Ва-чони (шефалу), племя, 130.
Вашити, племя, 309.
Велло, племя, 291.
Вереника, гавань, 477.
Верхній Египетъ, страна, 479,
482, 486, 493, 496, 534, 593.
Верхній Маресъ, рѣка, 252.
Верхній Нилъ, рѣка, 62, 104, 175,
284, 287.
Верхній Собатъ, рѣка, 170.
Верхній Суданъ, страна, 370.
Верхняя Нубія, 317, 319, 323, 332,
372, 423.
Викторія-Ніанца, озеро, 47, 51,
55, 62, 101, 104.
Вивегуръ, кратеръ, 270.
Вобо, племя, 309.
Водъ-Медивехъ, городъ, 359, 373.
Войтосы, племя, 214.
Воллосы, племя, 304.
Вольдъ-эль-арабъ, племя, 342.
Ворейлла, городъ, 306.
Вошо, горы, 272.
Вулкано, горы, 270.

Г.

Габабъ, племя, 369.
Габаніехъ, племя, 403.
Габа-Шамбе, станція, 154.

Гавакильская бухта, 264.
 Гаварахи, племя, 493.
 Гавалима, рѣка, 195.
 Гавзигивла, гора, 195.
 Гада, племя, 294.
 Гадамъ, гора, 196.
 Гадасъ, оврагъ, 255.
 Гадендоасы, племя, 217, 347, 349, 352, 354, 372, 384.
 Гадибурсы, племя, 300, 324.
 Газа, заливъ, 3.
 Газелей, рѣка, 130.
 Галабатъ, провинція, 203, 232, 339, 357, 365.
 Галай, мѣстечко, 255, 264.
 Галассы, народъ, 167, 172, 219, 228, 246, 280, 284, 286, 287—291, 293, 309, 310, 348, 356.
 Галенгасы, племя, 304, 347.
 Галла-Волло, плоскогорье, 195.
 Гальдесъ, долина, 300.
 Гальфайя, городъ, 359, 373.
 Гамасень, плоскогорье, 190, 215, 217.
 Гамбарагара, гора, 5, 39, 101, 113, 119.
 Гамбилъ, племя, 168.
 Гамбиа, рѣка, 9, 32.
 Гамдо, гора, 271.
 Гаммеджи, племя, 335.
 Гамраны, племя, 324, 347.
 Гамрахъ, портъ, 533.
 Гана (Джебелъ - Арангъ), гора, 196.
 Гавда, королевство, 114, 115, 124.
 Гандасы, племя, 117.
 Гавдубъ, портъ, 370.
 Ганнекъ, водопадъ, 77.
 Ганфила, бухта, 197, 264.
 Гара, оазисъ, 467, 538.
 Гараа, озеро, 84.
 Гарабатъ-эль-Мадфуне, деревня, 531.
 Гарамоия, озеро, 297.
 Гаратри, горный проходъ, 370.
 Гарбихъ, провинція, 593.
 Гарраръ, городъ, 298, 300, 304, 316.
 Гарраръ, горы, 283.
 Гарре, рѣка, 167.
 Гарри, водопадъ, 76.
 Гарфъ-Хоссайнъ, пещера, 442.
 Гассаніехи, племя, 347, 352, 389, 432.
 Гаупны, племя, 432.
 Гауссенъ, деревня, 254, 267.
 Гафатъ, деревня, 241.
 Гашъ, рѣка, 347.
 Гвардафуй, мысъ, 4.
 Гвинейскій заливъ, 4, 11.
 Гвинейскія горы, 9.
 Гвиней, страна, 6.
 Гебиссо, городъ, 309, 315.
 Гедарефъ, провинція, 203, 321, 357.
 Гедарме, племя, 371.
 Геджасъ, страна, 348.
 Гезанъ, деревня, 357.
 Гелуанъ, курортъ, 560.
 Гептастадионъ, перешеекъ, 575.
 Гера, королевство, 309.
 Гермамъ (Казамъ), рѣка, 274.
 Гетемъ, племя, 343.
 Гибе, рѣка, 309.
 Гибралтарскій проливъ, 3.

Гизехскія пирамиды, 545, 548, 563.
 Гизехъ, городъ, 581, 593.
 Гиксы, народъ, 492, 541, 570.
 Гилледаты (говамехи), племя, 381.
 Гимира, королевство, 309.
 Гинжары, племя, 335, 337.
 Гиргехъ, провинція, 593.
 Гиргехъ, городъ, 582, 593.
 Гита-Нзиге, озеро, 52.
 Гифри, городъ, 162.
 Гиереръ, горы, 307.
 Гнума, племя, 383.
 Гоангъ, рѣка, 73.
 Гобо, деревня, 329.
 Годжамъ, горы, 184, 195, 270.
 Годжамъ, королевство, 267, 269, 311, 332.
 Годіаты, племя, 381, 389.
 Голима, рѣка, 296.
 Голосы, племя, 161.
 Голубая рѣка, 176, 218, 320, 343, 355, 358.
 Голубой Нилъ, рѣка, 179, 239, 247, 267, 315, 321, 332, 354, 358.
 Гомры, племя, 404.
 Гондаръ, городъ, 238, 247, 268.
 Гондокоро, городъ, 146.
 Гонду, городъ, 163.
 Горгоръ, мысъ, 240.
 Горгуръ, городъ, 365.
 Гордонъ, гора, 58.
 Горіено, городъ, 309, 315, 316.
 Горочень, гора, 271.
 Горькія озера, 508.
 Гость-Реджебъ, городъ, 366, 373.
 Готтентоты, народъ, 26.
 Готумлу, городъ, 260.
 Гутса, рѣка, 271, 309.
 Гудара, городъ, 245, 247.
 Гудда-Гудди, мѣстечко, 256.
 Гудрусы, племя, 287, 294.
 Гума, королевство, 309.
 Гумара, рѣка, 240, 242.
 Гумбали, мѣстечко, 329.
 Гумусы, племя, 196, 295, 333.
 Гундетскій округъ, 256.
 Гура, мѣстечко, 248.
 Гураге, область, 271, 308.
 Гургеръ, гора, 397.
 Гуфъ, деревня, 437, 527.
 Гхагары, народъ, 495.

Д.

Даббе, мѣстечко, 392, 405, 413, 416, 432.
 Даблотъ, гора, 368.
 Давезута, водопадъ, 184.
 Дагомей, страна, 31.
 Дакке, городъ, 442.
 Далакскіе (коралловые) острова, 262.
 Далакъ, островъ, 199, 262.
 Даманхуръ, городъ, 573, 582, 593.
 Дамбага, городъ, 247.
 Дамбеласы, племя, 215.
 Даміетта (Думіатъ), городъ, 570, 582, 593.
 Даміетта, провинція, 497, 593.
 Дамоть, горы, 207, 329, 333.
 Данагеле, племя, 382.
 Данакилы, народъ, 279, 282, 283.

Данакиль, равнина, 195.
 Дара, городъ, 408.
 Дара-Дали (Восточный), область, 406.
 Даръ-Дима (Юго-западный), область, 406.
 Дарита, мѣстечко, 240, 247.
 Дарфурцы, народъ, 396, 402.
 Дарфуръ, городъ, 381, 396, 397.
 Дарфуръ, страна, 396, 397, 399, 400, 403, 406, 427.
 Даръ-Токонава (Сѣверный), область, 406.
 Даръ-Ума (Южный), область, 406.
 Даръ-Фертитъ, городъ, 162.
 Даръ-эль-Гарбъ (Западный), область, 406.
 Даури, племя, 294.
 Дауэ, городъ, 296.
 Дахалихъ, провинція, 593.
 Дахель (Дакле), оазисъ, 463, 464, 468, 470, 471, 483, 535, 538.
 Дебароа, городъ, 256.
 Дебра-Берхамъ, городъ, 295, 304.
 Дебра-Веркъ, городъ, 245, 247.
 Дебра-Дамо, монастырь, 255.
 Дебра-Либаность, монастырь, 304.
 Дебра-Маріамъ, городъ, 243, 247, 248.
 Дебра-Сина (Синай), гора, 189.
 Дебра-Таборъ (Ѧаворъ), гора, 184, 195, 241, 244, 269.
 Деръ-Аби, гора, 189.
 Дега, островъ, 244.
 Деиръ-эль-Медине, храмъ, 524.
 Делоль, сольфатара, 197.
 Дембея, область, 238, 270.
 Демеле, деревня, 262.
 Демъ-Сулейманъ, городъ, 157, 161, 162.
 Денабъ, деревня, 174.
 Дендерахъ, городъ, 531.
 Дендеръ, рѣка, 72, 218, 358.
 Денкасы, племя, 24, 136, 152, 153, 172, 329, 338.
 Десіукъ, городъ, 582.
 Дефафангъ, гора, 321.
 Джабарта, городъ, 277.
 Джабусъ, рѣка, 309, 317, 320, 323, 327, 329, 356.
 Джагадда, племя, 294.
 Джаины, племя, 344, 382.
 Джаль, рѣка, 166.
 Джау, рѣка, 157.
 Джебелъ-Абашъ, гора, 321.
 Джебелъ-Абу-Ахразъ, гора, 397.
 Джебелъ-Авангъ, гора, 321.
 Джебелъ-Анка, гора, 398.
 Джебелъ-Арданъ, гора, 363.
 Джебелъ-Аттака, гора, 456, 565.
 Джебелъ-эль-Айнъ, гора, 398.
 Джебелъ-эль-Ахмаръ, гора, 463.
 Джебелъ-Гаразъ, гора, 377, 392.
 Джебелъ-Гарибъ, гора, 456.
 Джебелъ-Гекдуль, гора, 416.
 Джебелъ-Гилянъ, гора, 416.
 Джебелъ-Гузе, гора, 320.
 Джебелъ-эль-Гиллетъ, гора, 398.
 Джебелъ-Данго, гора, 398.
 Джебелъ-Дейеръ, гора, 377, 382.
 Джебелъ-Доръ, гора, 398.
 Джебелъ-Доханъ, гора, 456.
 Джебелъ-Дуль, гора, 356.
 Джебелъ-Кабретъ, гора, 274.

Джебелъ-Каджа, гора, 377.
 Джебелъ-Кордофанъ, гора, 377.
 Джебелъ-Магага, гора, 416.
 Джебелъ-Медобъ, гора, 397.
 Джебелъ-Мокадтамъ, гора, 459, 461, 552, 559.
 Джебелъ-эль-Мутахъ, гора, 537.
 Джебелъ-Нуба, гора, 377.
 Джебелъ-Олба, гора, 411.
 Джебелъ-Си, горы, 398.
 Джебелъ-Сильсиле, гора, 458.
 Джебелъ-Симри, гора, 417.
 Джебелъ-Таби, гора, 320.
 Джебелъ-Уракамъ, гора, 459.
 Джебелъ-Фатире, гора, 456.
 Джебелъ-Шеллала, гора, 456.
 Джебелъ-Шикръ, гора, 413.
 Джеда, портъ, 371.
 Джезиретъ-эль-Раудахъ, рѣка, 560.
 Джемма, рѣка, 187, 295.
 Дженда, мѣстечко, 239, 247.
 Дженколи-Гарбо, рѣка, 59.
 Джералды, племя, 432.
 Джерба, островъ, 11.
 Джесси, гора, 58.
 Джи, см. Павго.
 Джибассы, племя, 339.
 Джимма-Кака, королевство, 309.
 Джимма-Лагамара, горы, 309.
 Джинджи, водопадъ, 52.
 Джуба, рѣка, 5, 9, 177, 179.
 Джуда, вулканъ, 272.
 Дигса, мѣстечко, 255.
 Диллала, деревня, 308, 315.
 Дима, городъ, 245, 247.
 Дирико, гора, 271.
 Диуръ, рѣка, 14, 63, 157, 160.
 Диуры, народъ, 160, 172.
 Добарекъ, мѣстечко, 247, 264.
 Додо, народъ, 316.
 Дока, городъ, 366, 373.
 Доко, племя, 26.
 Долька, городъ, 264, 369.
 Донгола-эль-Аджуа (Донгола Старая), городъ, 435.
 Донгола-эль-Джедиде (Донгола Новая), городъ, 435.
 Донгольцы, народъ, 427.
 Донгуръ, городъ, 365.
 Дофана, кратеръ, 270, 274.
 Драа, рѣка, 10.
 Дульга, островъ, 77.
 Дунье-Мбура («Гора дыма»), гора, 45.
 Дунье-Нгай («Небесная гора»), гора, 45.
 Дуфизе, станція, 58, 143.

Е.

Египетъ, страна, 2, 27, 400, 412, 443, 475, 479, 495, 496, 498, 500, 501, 508, 511, 516, 517, 544, 551, 556, 568, 569, 579, 580, 589, 591, 593.
 Египтяне, народъ, 445, 480, 486, 498.
 Еджиббе, городъ, 245, 247.

З.

Загаангъ, городъ, 565, 581, 593.
 Залабаты, племя, 344.
 Замбези, рѣка, 5, 9, 10.
 Занзибаръ, островъ, 12, 103.

Западный Нилъ, рѣка, 66.
 Зауатъ-эль-Дейръ, деревня, 534.
 Зебуль, гора, 192, 269.
 Зебуль, страна, 248.
 Зейла, городъ, 283, 301, 302, 304, 318.
 Зена-Макось, монастырь, 304.
 Зига-Водямъ, рѣка, 304.
 Зиге, полуостровъ, 243.
 Зикуала, гора, 271.
 Зинджасы, племя, 109.
 Зифта (Зифтахъ), городъ, 570, 582.
 Зогвасы, племя, 382.
 Золотой берегъ, 31.
 Зулла, портъ.

И.

Ибрагимъ, каналъ, 538.
 Ибрагимъ, озеро, 53, 123.
 Игаргаръ, рѣка, 11.
 Изанга, рѣка, 109.
 Изманли, каналъ, 552, 568.
 Изманли (Гондокоро), городъ, 59.
 Изманли, городъ, 567, 582.
 Изманли, провинція, 593.
 Изури, рѣка, 242.
 Ильмъ-Орма, область, 272.
 Ильмъ-Орма, племя, 147, 238, 269, 287, 294, 348.
 Имазиги (кабилы), племя, 23.
 Имарага, горы, 195.
 Имохаги (туареги), племя, 23.
 Ингасаны, племя, 335.
 Индери, племя, 162.
 Индикены, племя, 170.
 Индійскій океанъ, 8, 34.
 Инварійцы, народъ, 310.
 Инвария (Эвария), область, 272, 294, 310.
 Инчаткабъ, городъ, 247, 264, 268.
 Ирба, горы, 411.
 Иренаты, племя, 492.
 Иренга, племя, 147.
 Исмаля, городъ, 247, 268.
 Иссаны, племя, 179.
 Иссасы, племя, 283.
 Итту, племя, 294.
 Ифагъ, городъ, 240.
 Ифатъ, провинція, 277.
 Ишингъ, племя, 167.

I.

Ией, рѣка, 63, 64.
 Иербора, мѣстечко, 59.

K.

Кабабиши, племя, 387, 393, 432, 439.
 Кабена, племя, 309.
 Кабондо, городъ, 126.
 Кавирондо, государство, 124.
 Катеи, пристань, 108.
 Кадало, племя, 332.
 Кадил, стремнина, 54.
 Казентъ, городъ, 259.
 Каиръ, городъ, 551.
 Какуаки, племя, 154.
 Калагари, пустыня, 13, 15.
 Каліубъ, городъ, 593.
 Кало, гора, 271.

Калубіахъ, провинція, 593.
 Камараносъ, полуостровъ, 11.
 Камбаніе, племя, 400.
 Камлинъ, городъ, 358.
 Камреле, городъ, 124.
 Камъ, племя, 251.
 Канара, деревня, 365.
 Канопъ, городъ, 574.
 Капръ, городъ, 134.
 Карагусе, королевство, 104, 110, 112, 128.
 Каранмъ, деревня, 566.
 Карачи, городъ, 102.
 Каркодждъ, деревня, 357, 373.
 Карре, озеро, 64.
 Карума, водопадъ, 53.
 Кассала-эль-Лузъ, городъ, 326, 360, 367, 368, 374.
 Касръ-Дахель, городъ, 582.
 Катавана-Луаджерри, рѣка, 123.
 Катонга, рѣка, 46, 48.
 Кафръ-Дуаръ, переселенъ, 574.
 Кафры, народъ, 26.
 Кафръ-эль-Занатъ, городъ, 572.
 Кафу, рѣка, 53.
 Каффа, королевство, 28, 178, 272, 309, 312, 315.
 Кашгиль, притокъ, 392.
 Бехеру, племя, 154.
 Кейлакъ, рѣка, 376.
 Кельбъ («Собацій бродъ»), 358.
 Кенехъ (Кайнополъ), городъ, 82, 528, 531, 581, 593.
 Кевил, гора, 5, 285.
 Кенузи, племя, 427.
 Керакери, гора, 397.
 Керентъ, городъ, 189, 190, 259, 264.
 Кетуту, стремнина, 54.
 Кибанга, гора, 113.
 Кибери, портъ, 131.
 Кибреаль («Сѣверная гора»), гора, 197.
 Кивира, рѣка, 64.
 Киджъ, племя, 151.
 Килиманджаро, вулканъ, 5, 45, 214.
 Кира, рѣка, 60.
 Киренаика, страна, 13, 537.
 Киринтъ, племя, 167.
 Киринъ, селеніе, 331.
 Кири, станція, 146.
 Киръ (Верхній Нилъ), рѣка, 64.
 Китвара, королевство, 126.
 Кіуджа, болото, 53.
 Кладіева гора, 508.
 Коанца, рѣка, 9.
 Коарата, городъ, 241, 242, 243, 247.
 Кобе, городъ, 407.
 Кобешъ, деревня, 408.
 Коббо, городъ, 248, 268.
 Кодо-Феласси, городъ, 264, 268.
 Койе, мѣстечко, 441.
 Койкойны, племя, 26.
 Кокі, область, 14.
 Кокъ-Фара, городъ, 296, 316.
 Коломваръ, городъ, 415.
 Кома, горы, 168.
 Комаджи («Коровья рѣка»), рѣка, 168.
 Комасы, народъ, 168, 169.
 Комъ-Омбо, село, 520.
 Комъ-эль-Султанъ («Царская гора»), 532.

Конго, рѣка, 5, 6, 9, 21, 39, 43, 63, 132.
 Кошты, народъ, 488, 491, 584, 542, 592.
 Кордофанъ, страна, 43, 106, 323, 336, 352, 375, 376, 377—382, 427, 432, 442, 462.
 Короко, станція, 319, 415, 428, 441.
 Корти, мѣстечко, 425.
 Коссеиръ, городъ, 83, 493, 529, 594.
 Коссеиръ, провинція, 594.
 Кра (крумены), племя, 30.
 Красное море, 2, 8, 34, 175, 492, 508, 511, 512, 514, 530, 564.
 Креды (креджи), племя, 161.
 Куала-Вагара, область, 208.
 Куалла-Вагара, гора, 195, 208.
 Куба, островъ, 332.
 Кабуль, рѣка, 131.
 Кулло, королевство, 309.
 Кунамы, народъ, 337, 338, 339, 342.
 Кунджары, народъ, 382, 408.
 Кунене, рѣка, 9.
 Куркуръ, оазисъ, 463.
 Курнакъ, горы, 526.
 Кустъ, городъ, 528.
 Куфитъ, станція, 369.
 Куфра, оазисъ, 472.
 Кучукъ-Аме, городъ, 161.

Л.

Лаборе, постъ, 143.
 Лагамара, городъ, 316.
 Ладю, городъ, 157.
 Лаки, озеро, 274.
 Лалибала, городъ, 247, 264.
 Ламальмовъ, гора, 192.
 Ланго, племя, 129, 140.
 Ласта, горы, 184, 249.
 Ласта, провинція, 267.
 Латукъ, племя, 147, 148, 149, 328.
 Леадо, озеро, 274.
 Левантинцы, народъ, 494.
 Лега, горы, 320.
 Легасы, племя, 168, 328, 329.
 Леси, племя, 157.
 Летъ-Марефія, станція, 296.
 Либень, нація, 294, 309.
 Ливійская пустыня, 460, 472, 478, 493, 544.
 Линму, область, 310.
 Луинусы, племя, 287, 294.
 Линпоно, рѣка, 5, 8, 10, 16.
 Липарскіе острова, 272.
 Личе, королевство, 295, 304, 316.
 Лоанда, рѣка, 5.
 Логкекъ («Дрожащая гора»), 59.
 Логоне, область, 159.
 Локойя, горы, 147.
 Лона, гора, 9.
 Лори, племя, 157.
 Лороніо, деревня, 149.
 Лофитъ, гора, 148.
 Лохугати, рѣка, 110.
 Луаджерри, рѣка, 53.
 Луксоръ, городъ, 523.
 Луинны горы, 5, 44.
 Лури, племя, 139.
 Луръ, область, 131.
 Лифиджіе, рѣка, 9.

М.

Мавры, народъ, 23.
 Мавританія, страна, 3, 6, 23, 29, 30.
 Магасы, племя, 427.
 Магатта, рѣка, 517, 518.
 Магдала, крѣпость, 181, 195, 246, 247.
 Магенди, городъ, 442.
 Магунго, станція, 129, 131.
 Магхагъ, городъ, 540.
 Малагаскаръ, островъ, 12, 16, 26.
 Маджетте, городъ, 296.
 Мади, деревня, 156.
 Мади, племя, 140, 143, 155.
 Мазехи, племя, 493.
 Мазинди, городъ, 130.
 Майендуть, мѣстечко, 163.
 Макаберабы, племя, 369.
 Макале, городъ, 254, 264, 268, 269, 296.
 Макаракарп, озеро, 10.
 Македо, мѣстечко, 59.
 Макарака, племя, 154, 155.
 Мала, племя, 167.
 Малупа, рѣка, 10.
 Малый Нилъ, рѣка, 143.
 Малый Сиртъ, заливъ, 11.
 Мандарасы, народъ, 163.
 Мандарахъ, мѣстечко, 574.
 Манкуса, городъ, 570, 581, 593.
 Мангалутъ, городъ, 581.
 Маргабле, деревня, 303.
 Мареза, племя, 215.
 Марезъ, рѣка, 73, 187, 190, 267, 318, 338, 342.
 Марейтида, озеро, 584.
 Мариутъ, озеро, 573, 581.
 Марра, горы, 395, 397, 398.
 Маруи, деревня, 433.
 Масай, область, 170.
 Масарахъ, горы, 548.
 Маскатъ, городъ, 102.
 Массабаты, племя, 403.
 Массалиты, племя, 403.
 Массова, область, 179, 189, 217, 319.
 Массова, городъ, 196, 261, 264, 254.
 Массовскій заливъ, 262.
 Мастаба-эль-Фараунъ, гробницы, 544.
 Матаніе, деревня, 543.
 Матаріе, деревня, 562.
 Матаріехъ, островъ, 244.
 Мафія, островъ, 12.
 Махаллетъ-эль-Кебиръ, городъ, 57, 581.
 Махлера-Маріамъ, городъ, 242, 246, 247.
 Махмуліе, каналъ, 503, 504, 572, 573, 576, 580.
 Маце-Малеа, племя, 167.
 Мачега, рѣка, 239.
 Мбаковія, портъ, 131.
 Мбаринго, озеро, 58.
 Мвару, рѣка, 44.
 Мвару-Луаджерри, бухта, 123.
 Мверанго, рѣка, 123.
 Мвутагъ-Нзиге, озеро, 46, 55, 63, 64, 120, 130, 131, 133.
 Меджерда, рѣка, 10.
 Медиветъ-Абу, храмъ, 524.

Мединетъ-эль-Файюмъ, городъ, 541, 581, 593.
 Мейдамъ, возвышенность, 298.
 Мекка, городъ, 31.
 Мелаве-эль-Аришъ, городъ, 539.
 Меллавехъ, городъ, 582.
 Мелле (Аддифуахъ), рѣка, 296.
 Мельбейсъ, городъ, 41, 548.
 Мемфисъ, городъ, 41, 548.
 Мензалехъ, озеро, 93, 567, 568, 569, 570, 584.
 Меночи, деревня, 408.
 Менсан, племя, 179, 215, 259, 319.
 Менуфіе, каналъ, 91, 564.
 Менуфіехъ, провинція, 593.
 Менуфъ, городъ, 43, 347, 352, 364.
 Меридово, озеро, 89, 541.
 Мерозъ, городъ, 43, 347, 352, 364.
 Масауратъ, развалины, 359.
 Мессаламіе, мѣстечко, 358, 373.
 Мессопотамскій полуостровъ, 358.
 Метаммехъ, городъ, 31, 363, 365, 373.
 Метамите, гора, 269, 295.
 Метта, племя, 295.
 Мечасы, племя, 294.
 Мешарехъ, рѣка, 365.
 Мешразръ-Рекъ, мѣстечко, 63, 161.
 Миктиаабъ, село, 368.
 Миніехъ, провинція, 593.
 Миніе (Миніехъ), городъ, 539, 581, 593.
 Минчаръ, вулканы, 270.
 Митъ-Гамръ, городъ, 570, 581.
 Митъ-Рахине, мѣстечко, 544.
 Миосъ-Гормосъ, гавань, 477.
 Мкула, рѣка, 260, 261.
 Могаръ, городъ, 309, 315, 316.
 Могратъ, островъ, 433.
 Моданты, племя, 24, 27, 33, 157.
 Монкореръ, городъ, 245, 268.
 Мори, рѣка, 124.
 Морія, гора, 212.
 Моронго, водопады, 111.
 Мору, народъ, 155.
 Мору, область, 156.
 Мота, городъ, 247.
 Мпороро, область, 113.
 Мрули, городъ, 124.
 Мтогата, ключъ, 111.
 Муги, постъ, 143.
 Мударъ, деревня, 581.
 Мулла, равнина, 297.
 Мураукъ, городъ, 102.
 Мусабаты, племя, 381.
 Мусалли, вулканы, 272.
 Мфумбиро, гора, 5, 39, 40, 45, 101, 110, 112, 113.

Н.

Нага, область, 363.
 Нагала, городъ, 268.
 Накони, стремнина, 54.
 Накфа, горы, 322.
 Нанда, горы, 126.
 Нассеръ, постъ, 170.
 Наталь, колонія, 16, 41.
 Нафка, плато, 188, 216.
 Нафтъ, островъ, 435.
 Нгами, озеро, 10.
 Небтабы, племя, 217.
 Невольничій берегъ, 33.

Негры, народъ, 24, 32, 330, 336, 555.
 Неджранъ, страна, 188.
 Некоса, рѣка, 508.
 Нзиге, озеро, 127.
 Ниваки, племя, 170.
 Нигеръ, рѣка, 7, 9, 10, 21, 29, 30, 104.
 Нигриидцы (см. негры).
 Нигриция (см. Суданъ).
 Нижний Египетъ, область, 476, 477, 503, 513, 568, 593.
 Нижний Нилъ, рѣка, 103, 420, 443, 483, 484.
 Нилъ, рѣка, 2, 6, 9, 16, 21, 23, 24, 29, 39, 41, 53, 59, 63, 64, 65, 75, 76, 78, 83, 104, 179, 187, 211, 319, 327, 416, 417, 420, 434, 440, 446, 447, 475, 478, 495, 505, 511, 523, 563, 586.
 Ниль Александры, рѣка, 46.
 Ниль-Сомерсетъ, рѣка, 62.
 Нильская Месопотамія, область, 352.
 Ниавя, городъ, 126.
 Ниабары, племя, 150, 151.
 Ниамога, городъ, 130.
 Ниами-Ниами (ниам-ниамъ), племя, 154, 160, 161.
 Нияца, озеро, 5, 7, 42, 47, 51, 62, 120.
 Ниасса, озеро, 109.
 Но, озеро, 60.
 Новая Соба, городъ, 359.
 Нонно, племя, 294.
 Нора, островъ, 262.
 Нгебби, пристань, 123.
 Нубасы, племя, 382, 424.
 Нубийская пустыня, 319, 419, 462.
 Нубийскія горы, 411.
 Нубийцы, народъ, 81, 172, 336, 348, 412, 423, 426, 427, 522.
 Нубія, страна, 28, 348, 363, 400, 408, 411, 414, 416, 420, 436, 441, 447, 482, 486, 517.
 Нури, деревня, 434.
 Нуэры, племя, 61, 136, 163, 170.

О.

Оббо, мѣстечко, 143.
 Область рѣкъ, 132, 338.
 Обоки, племя, 179.
 Обокъ, городъ, 301, 302, 318.
 Обонгосы, племя, 113.
 Ова, островъ, 19.
 Огове, область, 26, 28, 39.
 Огове, рѣка, 9, 16.
 Омбость, область, 98.
 Омдурманъ, деревня, 360.
 Омшавга, городъ, 407.
 Омъ-Бедръ, оазисъ, 404, 407.
 Оранжевая рѣка, 9, 16.
 Оргесъ, рѣка, 309.
 Оромо, племя, 286.
 Ортоале («Дымящаяся гора»), 272.
 Островъ «Грома», 248.

П.

Па-Аменъ (Но), городъ, 523.
 Панго, рѣка, 63.
 Па-Себакъ («Городъ крокодиловъ»), 541.

Пелуза, городъ, 568.
 Пемба, островъ, 12.
 Питхомъ, городъ, 566.
 Плоскогорье, 105, 111, 114, 179.
 Понго, рѣка, 9.
 Портъ-Сандъ, городъ, 477, 513, 567, 568, 581, 593.
 Портъ-Сандъ, провинція, 593.

Р.

Раба, гора, 245.
 Раверу, озеро, 111, 112.
 Рагейта, мѣстечко, 303, 304.
 Рагуали, рѣка, 198, 273.
 Рапа, племя, 294.
 Ракотисъ, мѣстечко, 574.
 Рамади, каналь, 585.
 Рамлехъ, городъ, 582.
 Расъ-Бенасъ, мысъ, 411, 455.
 Расъ-Дажанъ, гора, 191.
 Расъ-Магометь, мысъ, 530.
 Расъ-эль-Биръ («Мысъ колодца»), мысъ, 302.
 Расъ-эль-Гимсахъ, мысъ, 530.
 Расъ-эль-Филь, горы, 365.
 Расъ-эль-Филь, мысъ, 196.
 Расъ-эль-Хартумъ, мысъ, 360.
 Рахадъ (Абу-Ахрасъ), притокъ, 72, 196, 218, 321, 358.
 Рашитъ (Розетская рѣка), 91, 92, 94.
 Ребъ, рѣка, 240, 241.
 Реджафъ, холмъ, 59.
 Рекъ, племя, 151.
 Ретъ, племя, 24, 28.
 Роботаты, племя, 379.
 Ровума, рѣка, 9.
 Рогге, гора, 271, 307, 309, 315, 316.
 Розересъ, городъ, 327, 357, 373.
 Розетта (Решидъ), городъ, 572, 574, 581.
 Розетта, провинція, 593.
 Роль, рѣка, 63, 64, 157.
 Роль, городъ, 157.
 Ромы, народъ, 215.
 Роя, рѣка, 63, 64.
 Рубага, городъ, 102, 123.
 Ругеши, проливъ, 47.

С.

Са, городъ, 572.
 Саадіе, крѣпость, 563, 585.
 Саати, станція, 260.
 Сабдератъ, мѣстечко, 368.
 Савагили, племя, 315.
 Сагало, мѣстечко, 301.
 Сандъ, городъ, 586.
 Сака, городъ, 309, 311, 315, 316.
 Сакалава, островъ, 19.
 Саккара, деревня, 543.
 Салкиехъ, мѣстечко, 492.
 Самангудъ, городъ, 570, 581.
 Самара (см. Дебра-Табора).
 Самре, городъ, 256, 264, 268.
 Самхара, побережье, 219, 260.
 Сангурсъ, городъ, 581.
 Санъ (Танисъ), гора, 492, 560.
 Саны, племя, 26.
 Саорты, племя, 282.
 Сантине, племя, 24.
 Сарам, городъ, 268.
 Саураты, племя, 432.
 Сахара, пустыня, 13, 19.

Сахель, область, 188.
 Сахо, племя, 217.
 Селиме, оазисъ, 439.
 Семайята, гора, 190, 196, 252.
 Семне, городъ, 440.
 Сенааръ, городъ, 28, 203, 323, 358, 373, 405, 462.
 Сенааръ, королевство, 318, 335, 336, 343, 352, 355.
 Сенаарская Месопотамія, 321.
 Сенаарскій островъ, 383.
 Сенафе, деревня, 255, 264.
 Сендеге, городъ, 126.
 Сенегаль, рѣка, 9, 31, 34, 40.
 Сенегамбія, страна, 6.
 Сенгитъ, крѣпость, 214, 259.
 Сенгурсъ, городъ, 542.
 Сенуси, секта, 31.
 Серапеумъ, городъ, 544, 577.
 Серауэ, провинція, 256.
 Серены, племя, 161.
 Серхубъ, городъ, 499.
 Сессе, острова, 50, 114.
 Сеттитъ, рѣка, 366.
 Сивахъ, городъ, 536, 557, 538.
 Сивахъ, оазисъ, 464, 470, 475, 581.
 Сивахъ, провинція, 593.
 Сидамъ, королевство, 309.
 Сидамы, племя, 294, 309.
 Сильсиле, гора, 82, 521.
 Симейу, рѣка, 107.
 Симентъ, плоскогорье, 184, 191, 192, 247.
 Синайскій полуостровъ, 530.
 Синдже, городъ, 357.
 Синкаты, долина, 372.
 Сиртъ, заливъ, 538.
 Ситра, озеро, 464.
 Сиенетжо, племя, 337.
 Сіутъ, городъ, 406, 533, 536, 538.
 Собатъ, рѣка, 64, 147, 152, 164, 167, 175, 179, 317.
 Соддо, племя, 294, 308.
 Сокога, городъ, 248, 251, 264, 268.
 Сокотора, островъ, 2, 12.
 Солебъ, деревня, 439.
 Сомали, племя, 30, 279, 284, 285, 324, 333.
 Сомерсетъ, рѣка, 64.
 Сохагъ, городъ, 533, 582.
 Средній Нилъ, рѣка, 176, 370.
 Старая Соба, деревня, 359.
 Старый Кавръ, городъ, 560.
 Суагели, племя, 47.
 Суакимъ, портъ, 6, 319, 324, 370.
 Суданъ, страна, 14, 23, 29, 317, 320, 324.
 Сукума (У-Сукума), область, 107, 108.
 Сукъ-Абу-Сияъ, городъ, 374.
 Сүросы, племя, 169.
 Суэзскій заливъ, 2.
 Суэзскій каналъ, 515, 528.
 Суэзскій перешеекъ, 2.
 Суэцъ, городъ, 552, 564, 565, 581, 593.
 Суэцъ, провинція, 593.
 Сѣверная Нубія, 493.

Т.

Таби, горы, 335.
 Тагала, нагорье, 383, 385.
 Тагаласы (тегеле), племя, 383, 385.

Тада, порогъ, 54.
 Таджураская бухта, 273, 296.
 Таджураск., мѣстечко, 301, 304.
 Таджурскій заливъ, 195, 300.
 Таймо, озеро, 399.
 Така, область, 324, 355, 367.
 Така, степь, 179.
 Таккаце, рѣка, 73, 187, 191, 195, 209, 241, 247, 338.
 Такруры (такакры), народъ, 31, 337, 365, 369.
 Такуэ, племя, 215.
 Талибаны, секта, 276.
 Талталы, племя, 199, 251, 272, 282.
 Тальба-Вага, гора, 195, 196, 245.
 Тана, озеро, 6, 71, 176, 214, 239.
 Танганика, озеро, 55, 113.
 Тангуре, озеро, 45, 48, 49, 101, 110.
 Танта, деревня, 246.
 Тарранголе, городъ, 149.
 Таулудъ, островъ, 261.
 Тауфикія, постъ, 175.
 Тантахъ, городъ, 571, 581, 593.
 Тахта, городъ, 533.
 Тевфикъ, портъ, 564.
 Тегулетъ («Городъ волковъ»), городъ, 295.
 Тегулетъ-Ватъ, пропасть, 269.
 Тейріехъ, городъ, 572.
 Тель-Монфъ, гора, 544.
 Тель-эль-Баста, гора, 565.
 Тель-эль-Бибиръ, гора, 566.
 Тель-эль-Масхута, гора, 566.
 Тель-эль-Одамехъ, гора, 566.
 Тембелле (см. Дебръ-Аби).
 Тембіенъ, провинція, 251.
 Тенасебъ, гора, 456.
 Тендельти, прудъ, 407.
 Теннехъ, островъ, 569.
 Теремо-Гарбо, порогъ, 59.
 Терране (Терранехъ), мѣстечко, 469, 572.
 Тибести, горный массивъ, 6.
 Тигре, область, 176, 179, 191, 220, 241, 258, 267, 284, 288.
 Тигрейцы, народъ, 215, 219, 224, 240.
 Тимбукту, городъ, 30.
 Тимсахъ, озеро, 2, 508, 513, 514, 566.
 Тисъ (Тинисъ), древній городъ, 531.
 Тисъ-Эсать, водопадъ, 71.
 Тоббусы, народъ, 404.
 Тогой, племя, 162.
 Токаръ, крѣпость, 372, 374.
 Токаръ, равнина, 118.
 Толле, городъ, 316.
 Томатъ, мѣстечко, 367.
 Тора (Торанъ), мѣстечко, 407.
 Тора, область, 406, 456.
 Торахъ, горы, 548.
 Граянова, рѣка, 508.
 Триполи, страна, 31.
 Тулу-Ашара, гора, 271.
 Тулу-Валлель, гора, 328.
 Туматъ, рѣка, 72, 218, 317, 320, 329, 355.
 Тумилаты, племя, 565.
 Тунджуры (тундзеры), племя, 404.
 Тунчъ, племя, 151.
 Туннахъ, островъ, 569.
 Тунисъ, страна, 340.
 Тура, гора, 397.
 Туэша, деревня, 408.

У.

Уадай, область, 31, 337.
 Уади-Абу-Думъ, долина, 433, 434.
 Уади-Азума, рѣка, 398.
 Уади-Аллаки, долина, 412, 416.
 Уади-Амуръ, рѣка, 398, 408.
 Уади-Баре, оазисъ, 404.
 Уади-Гальфа, долина, 417, 420.
 Уади-Джеена, долина, 417.
 Уади-Кабъ, оазисы, 437.
 Уади-Мелекъ, рѣка, 376, 395, 405, 417, 435.
 Уади-Мокатамъ, низменность, 416, 435, 437.
 Уади-Натрувъ, долина, 572.
 Уади-Нуба, область, 408.
 Уади-Рейанъ, ручей, 85, 543.
 Уади-Саррастъ, ручей, 440.
 Уади-Тумилатъ, долина, 552, 565, 566.
 Уади-Хальфа, деревня, 78, 79, 81, 440, 441.
 Уади-эль-Ко, рѣка, 399.
 Уауа (блемисы), племя, 427.
 Уахъ-эль-Габріехъ, оазисъ, 535.
 У-Вумъ, островъ, 51, 52.
 У-Гавда, королевство, 46, 50, 52, 53, 104, 113, 115, 118, 120, 126, 128, 130.
 У-Ду, область, 114, 123.
 Уей, рѣка, 154, 156.
 Уиндермиръ, озеро, 111, 112.
 У-Кава, островъ, 47, 108, 124.
 Улебъ-Аббасъ, племя, 348.
 Ума, рѣка, 272.
 Умъ-эль-Кетефъ, заливъ, 455.
 У-Ніамези, страна, 44, 101, 108, 109.
 У-Ніоро, страна, 56, 127, 128.
 У-Римо, округъ, 108.
 У-Сагара, область, 113.
 У-Сога, область, 120.
 У-Суй, племя, 104, 109.
 У-Сукумъ, область, 107.
 Уссубъ-Оммане, гора, 416.
 Уэлле, область, 26, 113.

Ф.

Фадаси, область, 356.
 Фаджелло, гора, 143.
 Фаджеллу, племя, 154.
 Фадибекъ, гора, 143.
 Фазогль, гора, 355.
 Фазогль, городъ, 355, 373.
 Файюмъ, провинція, 84, 87, 88, 487, 492, 586, 593.
 Факі-Эндоа, городъ, 367.
 Фалоро, мѣстечко, 143.
 Фамака (см. Фазогль).
 Фамиканъ (см. Бахръ-эль-Арабъ).
 Фаны, племя, 28.
 Фараджакъ, городъ, 143.
 Фарастъ-Саберь, городъ, 247, 264.
 Фараффе, оазисъ, 463, 464, 468, 470, 536, 538.
 Фаредга, оазисъ, 467, 538.
 Фарре, городъ, 297, 316.
 Фаростъ, островъ, 574, 580.
 Фатигаръ, область, 270.
 Фатико, городъ, 142.
 Фашода, городъ, 175.
 Фекере-Гембъ, гора, 296.
 Феллаты, народъ, 382.

Феллаши, племя, 211.
 Фенджа, городъ, 240, 247.
 Ферка-Беръ, таможня, 240.
 Фецпанъ, оазисъ, 472, 475.
 Фешнъ, городъ, 540.
 Филикъ, городъ, 368, 373.
 Фивфини, округъ, 273.
 Финфини, племя, 294.
 Финфини, равнина, 307.
 Фиче, городъ, 304, 315.
 Фишо, этапъ, 254.
 Фовейра, городъ, 130, 131.
 Фогара, область, 240, 241.
 Фоже, городъ, 407.
 Фолла, городъ, 316.
 Форъ, страна, 63, 135, 323, 337.
 Фремона, городъ, 252.
 Фуахъ, городъ, 572, 582.
 Фуласы, народъ, 403.
 Фунджи, народъ, 24, 335, 336, 365, 524.

Х.

Хабешъ, область, 175, 176, 180.
 Хабабы (Азъ-Гибессы), племя, 216, 217.
 Хагаръ, городъ, 188.
 Ханкъ (Ганкъ), озеро, 192, 195.
 Халигъ, каналъ, 552.
 Хамиты, народъ, 423.
 Харге, оазисъ, 463, 470, 483, 538.
 Харгехъ, городъ, 582.
 Харраръ (Гараръ), городъ, 297, 298.
 Хартумъ, городъ, 134, 323, 354, 358, 373, 416, 427.
 Хоръ, рѣка, 74.
 Хота, гора, 272.
 Хума (Хумасы), племя, 109, 111, 113.

Ц.

Цадъ-Амба, гора, 189.
 Цалимъ, гора, 188.
 Цвай, озеро, 274, 308.
 Целланы, народъ, 214.
 Целари, рѣка, 195.
 Цикуалъ, горы, 275.

Ч.

Чадъ (Цадъ), озеро, 6, 10, 21, 395.
 Чаликутъ, городъ, 252, 264, 268.
 Чангаръ, село, 240.
 Чельга, городъ, 239, 247, 268.
 Чилимо, гора, 271.
 Чиппендалъ, гора, 58.
 Чора, городъ, 309, 315.

Ш.

Шаба, гора, 322.
 Шайкіехи, племя, 432.
 Шакка, гора, 269, 270.
 Шалагане, островъ, 563.
 Шангаласы, племя, 170, 338, 342.
 Шаркіехъ, каналъ, 563.
 Швейнфуртъ, гора, 58.
 Шейхъ-Абадехъ, мѣстечко, 539.
 Шейхъ-Абдала, островъ, 370.
 Шейхъ-Абъ-эль-Курнахъ, гора, 527.

Шекка, мѣстечко, 408.

Шеллфъ, рѣка, 10.

Шеллалл, племя, 518.

Шелота, гора, 252.

Шенди, городъ, 362, 378.

Шибинъ-эль-Канатеръ, станція, 565.

Шибинъ-эль-Комъ, городъ, 571, 581.

Шиллуки, народъ, 24, 124, 143, 171, 335.

Ширь, племя, 163.

Шоа, королевство, 178, 179, 208, 219, 246, 256, 267, 275, 276, 294, 297, 302, 304, 315, 316.

Шоа-Мору, деревня, 54.

Шогосы, племя, 224, 279.

Шона, гора, 142.

Шохо, племя, 218.

Шукріехи, племя, 347, 432.

Шули, племя, 139, 140, 141.

Э.

Эганъ, гора, 272.

Эддъ, гавань, 197, 265.

Эдъ-Дамеръ, городъ, 369, 370, 374.

Эджугаллы, племя, 294, 296.

Эдку (Эдко), озеро, 94, 573.

Эдфу, городъ, 520, 522.

Элефантина («Островъ цвѣтовъ»), 79, 519.

Эль-Араджъ, оазисъ, 464, 470.

Эль-Аришъ, городъ, 568, 582, 593.

Эль-Биркетъ, озеро, 377.

Эль-Кабъ, деревня, 522.

Эль-Кантара, деревня, 567.

Эль-Касръ, городъ, 535.

Эль-Кефъ, пригородъ, 371.

Элитъ, деревня, 540.

Эль-Натрунъ, долина, 469.

Эль-Обейдъ, городъ, 289—292, 376, 381.

Эль-Рахадъ, озеро, 377.

Эль-Сафи, оазисъ, 392.

Эль-Сафи, озеро, 393.

Эль-Тибъ, оазисъ, 372.

Эль-Уастъ, мѣстечко, 540.

Эль-Фашеръ, городъ, 404, 405, 407, 408.

Эль-Халла, гѣсъ, 400.

Эль-Харге, оазисъ, 531, 534, 535, 538.

Эманбретъ (Эмебретъ), гора, 296.

Эмбабе, деревня, 563.

Эминъ-бей, гора, 58.

Эмка, деревня, 440.

Эмфрасъ, округъ, 240.

Энтото, гора, 271.

Эритрейское море, 74.

Эрментъ, деревня, 522.

Эснехъ, провинція и оазисъ, 593.

Эсъ-Суръ, деревня, 364.

Этбай, горы, 411, 415.

Эфатъ, провинція, 297.

Эѳіопія, страна, 3, 5, 28, 175, 176,

179, 180, 185, 187, 189, 196, 200,

206, 211, 214, 231, 233, 235, 237,

252, 256, 269, 272, 286, 288, 295,

313, 317, 327, 334, 357, 358, 360,

366, 462.

Эѳіопскія, горы, 203, 355.

Эѳіоны, народъ, 175, 223, 225, 228, 245, 338.

Ю.

Юнкеръ, гора, 58.

Юпитеръ-Аммонъ, храмъ 464.

Я

Ябусъ, рѣка, 72.

Явашъ, рѣка, 331.

Ямбо, племя, 167.

Янгара, государство, 309, 311,

312.

Яхуды (евреи), 494.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ одиннадцатый.

Сѣверная Африка. Тунисъ, Алжирія, Марокко, Сахара.

А.

- Абазарджень, плато, 790.
 Абендаты, племя, 17.
 Аберджущъ, долина, 96.
 Абда, уэдъ, 512, 712.
 Абдъ-эль-Нуръ, племя, 396, 542.
 Абидъ-Сиди-Бохари, солдаты, 707.
 Абиды, племя, 415, 419.
 Абила, гора, 612.
 Абиссинцы, народъ, 739.
 Або, гора, 733.
 Абуамъ, ксаръ, 693.
 Абукиръ, городъ, 474.
 Абу-Наимъ, оазисъ, 73, 74.
 Ага, мѣстечко, 444.
 Агадесъ, городъ, 749, 755, 788, 791, 793, 794.
 Агадиръ, городъ, 677, 683.
 Агединъ, мысъ, 616.
 Агеладъ, горный проходъ, 122.
 Агенетъ, гора, 755.
 Аглу, деревня, 678.
 Аграмъ, оазисъ, 749.
 Адгалъ, область, 794—796.
 Аддаръ, мысъ, 143, 218.
 Аддунъ, гора, 399.
 Аджабия, городъ, 30, 35.
 Аджарскія горы, 122.
 Аджерудъ, уэдъ, 306, 599.
 Аджимъ, городъ, 188.
 Адраръ, область, 787, 806—808.
 Адраръ, гора, 693, 752, 753, 783, 799, 801.
 Адуаны, племя, 522.
 Азджаръ, плоскогорье, 767, 773, 787.
 Азджары, племя, 117, 763, 764.
 Аземуръ, городъ, 667, 712.
 Аверы, племя, 805.
 Азефунъ, гора, 296, 416, 440.
 Азибъ-Замунъ, колонія, 441.
 Авила, городъ, 649, 650.
 Аинъ-Абесса, городъ, 406, 413.
 Аинъ-Бенненъ, гора, 455.
 Аинъ-Бессемъ, равнина, 409.
 Аинъ-Махди, монастырь, 521, 525, 587.
 Аинъ-Мохра, село, 388, 390.
 Аинъ-Назерегъ, рѣка, 475.
 Аинъ-Руа, городъ, 407, 536, 540.
 Аинъ-Сефра, оврагъ, 472.
 Аинъ-Смара, городъ, 404.
 Аинъ-Сфинифа, городъ, 536.
 Аинъ-Талба, котловина, 724.
 Аинъ-Темушенъ, городъ, 333, 485, 494, 574, 600.
 Аинъ-Шаиръ, область, 696.
 Аинъ-Шерфа, округъ, 690.
 Аинъ-эль-Абидъ, область, 381.
 Аинъ-эль-Гаджаръ, мѣстечко, 475.
 Аинъ-эль-Хаджаджъ, гора, 773.
 Аинъ-эръ-Регата, область, 381.
 Аинъ-эсъ-Султанъ, деревня, 468, 511.
 Аиръ, оазисъ и городъ, 714, 749, 787, 790, 791.
 Аиссауа, племя, 636.
 Ансси, уэдъ, 418, 420, 438.
 Анти-Атта, племя, 691, 693.
 Анти-Батрунъ, племя, 418.
 Анти-бу-Юссефъ, племя, 416.
 Анти-Гава, деревня, 410.
 Анти-Гобри, племя, 420.
 Анти-Дженнадъ, горы, 438.
 Анти-Дженнадъ, племя, 417.
 Анти-Иджеръ, племя, 424.
 Анти-Иджермененъ, племя, 416.
 Анти-Иенни, племя, 425.
 Анти-Иратены, племя, 410, 442.
 Анти-Сдигъ, племя, 692.
 Анти-Седрагъ, территорія, 691.
 Анти-Сери, нація, 665.
 Анти-Таццерультъ, племя, 679.
 Анти-Уагенунъ, племя, 417, 419.
 Анти-Уакалъ, гора, 606.
 Анти-у-Афелла, союзъ племенъ, 641.
 Анти-Угли, племя, 420.
 Анти-Фраусенъ, племя, 416, 418, 425.
 Анти-Юсса, область, 655.
 Анти-Яхія, гора, 418, 603, 640.
 Айанъ, гора, 603, 610.
 Айашинъ, горы, 604.
 Айнь-Бенда, плоскогорье, 803, 811, 313, 373, 380, 395.
 Айнь-Геттара, плоскогорье, 375.
 Айнь-Драгамъ, крѣпость, 241, 250, 252, 263.
 Айнь-Кебритъ, мѣстность, 32.
 Айнь-Керма, деревня, 395.
 Айнь-Мита, ключъ, 323.
 Айнь-Стиссифъ, ключъ, 299.
 Айнь-Тедлесъ, плато, 471.
 Айнь-Удrefъ, рѣка, 193.
 Айнь-эль-Ферсъ, источникъ, 112.
 Айнь-эль-Шехадъ, ключъ, 24.
 Айнь-Якутъ, станція, 508.
 Айссауа, братство, 212.
 Акабахъ-эль-Солумъ, гора, 10.
 Акаль, рѣка, 409.
 Акбаилъ (кабилы), племя, 627.
 Акбу, гора, 296, 310, 410, 417.
 Акбали, городъ, 784.
 Аккара, племя, 177, 185.
 Акфаду, переваль, 296.
 Алаото-Киу, плоскогорье, 733.
 Алафъ, племя, 524.
 Алгефна, островъ, 451.
 Алжирцы, народъ, 228.
 Алжирія, страна, 266, 599.
 Алжиръ, городъ, 331, 412, 439, 442, 444, 446, 447, 448, 451, 452, 458, 461, 462, 494, 535, 539, 542, 547, 557, 566, 571, 576, 580, 585, 595, 596, 597.
 Алжиръ, провинція, 544, 584, 599.
 Али-эль-Насъ, гора, 304.
 Альборанъ, островъ, 644.
 Альма, мѣстечко, 457, 462.
 Альмерія, портъ, 483, 493.
 Альморавиды (Марабуты), 671.
 Альхусемасъ, воен. постъ, 644.
 Амадгоръ, городъ, 758, 773.
 Амапра, племя, 358, 495.
 Амарауа, племя, 420.
 Амми-Муса, городъ, 471.
 Амра, равнина, 196.
 Амсакъ, гора, 95.
 Амура, городъ, 468.
 Амуръ (Аморъ), гора, 238, 299, 300.
 Ангадская пустыня, 613.
 Ангадъ, равнина, 484, 491.
 Анградосъ-Руйвостъ („Бухта Барвенъ“), бухта, 808.

Анимеръ, горы, 604.
 Анти-Атласт, горы, 132.
 Аокастъ, мысъ, 416.
 Арадъ, провинція, 191, 266.
 Араунъ, городъ, 803, 804.
 Арба, мѣстечко, 458, 462.
 Арзе (Арзевъ), городъ, 475, 478, 479, 480, 571.
 Арзевскій заливъ, 307, 474.
 Арзевъ („Львиная гора“), мас-сивъ, 290.
 Арзенскія горы, 279.
 Арибъ, равнина, 409.
 Ариана, область, 234.
 Аршешуфъ, ключъ, 112.
 Асбенъ (Абсенъ), страна, 787, 793.
 Асиу, колодцы, 788.
 Асла, городъ, 539.
 Ассака, уездъ, 683.
 Ассоди, городъ, 792.
 Асфи (Саффи), городъ, 669, 672, 712.
 Атластъ, горы, 131, 460, 605—610, 617, 623, 624, 627, 632, 635, 641, 653, 663, 669, 675, 797.
 Аттаръ, городъ, 807.
 Ауара, союзъ племенъ, 776.
 Аугерутъ, оазисъ, 782.
 Аудерастъ, долина, 792.
 Ауджила, оазисъ, 31—37, 73, 104, 116, 128.
 Ауладъ-Али, племя, 17.
 Ауладъ-бу-сеифъ, племя, 69.
 Ауладъ-беллиль, племя, 121.
 Ауладъ-слиманъ, племя, 69, 100, 743, 748.
 Ауладъ-хрисъ, племя, 69.
 Ауладъ-юзефъ, племя, 69.
 Аулафъ, городъ, 784.
 Аурагены, племя, 790.
 Аурестъ, область, 500, 502, 503, 504, 515.
 Аурестъ, горы, 157, 288, 357, 504, 508, 558.
 Ауалимидень, племя, 795.
 Афары, племя, 415.
 Афафи, горы, 733.
 Афлу, городъ, 523, 535, 600.
 Аффервилъ, городъ, 468, 470, 473, 599.
 Ахаггаръ, гора, 756—760, 767, 771, 773, 774, 794.
 Ахаггары, племя, 763, 764, 773.
 Ахазгаръ, городъ, 277.
 Ахладъ, гора, 471.
 Ахмаръ-Кадду, гора, 303.
 Ашаша, племя, 465.
 Ашешъ, народецъ, 496.

Б.

Баборъ, область, 402.
 Баборъ, горы, 296, 297, 298, 311, 333, 403, 412, 414.
 Бабъ-Азунъ, предмѣстье, 444.
 Бабъ-эль-Бахаръ, арка, 412.
 Бабъ-эль-Джезира, предмѣстье, 226.
 Бабъ-эль-Уэдъ, предмѣстье, 444, 448.
 Бабъ-эль-Сунка, предмѣстье, 226, 227, 228.
 Багиретъ-эль-Бибанъ, озеро, 157.
 Багла, рѣка, 151.
 Баграда, рѣка, 147, 149, 168.

Багсенъ, горы, 788.
 Бадестъ, постъ, 504.
 Баллудъ-Вассо, уездъ, 794.
 Бамбара, область, 448.
 Бани, горы, 62, 608, 609, 629.
 Барбастъ, мысъ, 798.
 Бардай, мѣстечко, 742.
 Бардо, городъ, 264.
 Барика, округъ, 600.
 Барка, провинція, 2, 6, 11, 12, 14—19, 28, 128, 613.
 Барка-эль-Бейда („Бѣлая барка“), горы, 11, 13.
 Батва, городъ, 300, 303, 390, 499, 503, 504, 508.
 Батофль (Баттифаль), оазисъ, 36.
 Бахира (Багира), озеро, 226, 229, 231, 232, 234.
 Бахръ-Тахтанъ, „подземное море“, 325.
 Бахръ-эль-Газаль, озеро, 734, 743.
 Бахръ-эль-Дудъ, озеро, 94.
 Бахръ-эль-Труния („Натровое море“), озеро, 94.
 Базле, племя, 741.
 Башра, гора, 291.
 Беджа, племя, 175.
 Беджайя, см. Бужа.
 Бежа, городъ, 241, 248.
 Бейашъ, рѣка, 196.
 Бендха, ручей, 56.
 Беледъ-эль-Джеридъ, лѣсъ, 166, 167, 193.
 Беледита, гора, 389.
 Белезма, гора, 508.
 Беллиунешъ, горный массивъ, 611.
 Бель-Аббастъ, колодезь, 797.
 Бельгуль, гора, 693.
 Белькуръ, пригородъ, 444.
 Бель-Кушъ, крѣпость, 667.
 Бенгази, городъ, 10, 13, 14, 16—19, 23, 28—32, 128.
 Бени, племя, 643.
 Бени-аббестъ, племя, 408, 425.
 Бени-Айша, горный проходъ, 441, 442.
 Бени-Али-Шерифъ, монастырь, 431.
 Бени-амеръ, племя, 477.
 Бени-Амранъ, поселеніе, 441.
 Бени-барбаръ, племя, 496.
 Бени-брагимъ, племя, 532.
 Бени-бу-мессаудъ, племя, 410.
 Бени-гаммадъ, племя, 410.
 Бени-Гассанъ, гора, 611, 616, 622.
 Бени-Гессемъ (бени-Гассанъ), племя, 663.
 Бени-Гиль, племя, 695.
 Бени-Гуми, племя, 699.
 Бени-Зидъ, племя, 177, 191.
 Бени-Исгенъ, городъ, 531, 541.
 Бени-Иенни, племя, 424.
 Бени-Мазганна, острова, 444.
 Бени-Мазганна, племя, 442.
 Бени-Мансуръ, крѣпость, 409, 412, 425.
 Бени-Мансуръ, племя, 420.
 Бени-Мгиль, племя, 641.
 Бени-Мелладъ, область, 667.
 Бени-Менассеръ, племя, 464.
 Бени-Мениръ, племя, 494.
 Бени-Мескинъ, племя, 664.
 Бени-Мзабы, племя, 179, 500, 521, 527, 531.
 Бени-Мохамедъ, племя, 685.
 Бени-Муса, гора, 292, 667.

Бени-Сафъ, городъ, 492, 494, 571, 574.
 Бени-Сала (Бени-Салахъ), горы, 139, 292, 371, 375, 460.
 Бени-Сбихъ, городъ, 686, 712.
 Бени-Сиссинъ, племя, 532.
 Бени-Сите, племя, 697.
 Бени-Слиманъ, равнина, 280, 409, 440.
 Бени-Смиръ, гора, 299.
 Бени-Снасенъ, см. Бени.
 Бени-уатгинъ, племя, 532.
 Бени-уазиты, племя, 117.
 Бени-уарсуъ, племя, 494.
 Бени-улидъ, колодезь, 79.
 Бени-улиды (теску), племя, 117.
 Бени-Унифъ, мѣстечко, 698.
 Бени-урагъ, племя, 470.
 Бени-хелалъ, колодезь, 572.
 Бени-Хриаръ, мѣстечко, 218.
 Бени-Шугранъ, гора, 291.
 Бени-Ясенъ, мѣстечко, 438.
 Бентъ-аджеза, племя, 69.
 Бентъ-Афиенъ, гора, 92.
 Бентъ-Саси, крѣпость, 670.
 Бентъ-Шикао, деревня, 468.
 Берабишъ, племя, 803, 804.
 Берберія, страна, 272, 358, 425, 600, 616, 656, 686, 735, 774.
 Берберы, народъ, 64, 100, 116, 136, 173, 192, 213, 356, 359, 363, 364, 369, 372, 470, 495, 498, 501, 512, 527, 528, 535, 543, 590, 608, 626, 631, 636, 641, 676, 680, 691, 696, 763, 776, 790—793.
 Беррианъ, городъ, 532, 541.
 Бериуагъ, городъ, 440.
 Бибанъ, озеро, 172.
 Бибанъ („Ворога“), горы, 297, 298, 311, 407, 408, 412, 414.
 Бибауанскій горный проходъ, 676.
 Бибель, гора, 53.
 Бидейатъ (базле), племя, 731.
 Визапена, область, 371.
 Визерта, городъ, 164, 165, 247.
 Визертское озеро, 147.
 Вильма, оазисъ, 748, 792.
 Бирмандрейс, селеніе, 455.
 Бирса, гора, 236.
 Бирхадемъ, селеніе, 435.
 Биръ-Мешру, колодезь, 108.
 Биръ-Рабалу, колонія, 409, 413.
 Биръ-Расамъ, долина, 32.
 Биръ-эль-Неофъ, островъ, 155.
 Вискра, городъ, 300, 303, 315, 499, 503, 512—516, 523, 541, 560, 576, 583, 597, 600, 772.
 Вискрийцы, 355, 447.
 Бладъ-Гитунъ, рѣка, 441.
 Вланданъ, поселеніе, 383.
 Бланко, мысъ, 602, 715, 738, 799, 800, 808.
 Бледъ-эль-Адуа, страна, 415.
 Бледъ-эль-Атешъ, пустыня, 328.
 Бледъ-эль-Гунель (Аннаба), городъ, см. Бона.
 Бледъ-эль-Сибя, страна, 601.
 Блида, городъ, 459.
 Бознамъ, оазисъ, 617.
 Богари (Буерари), деревня, 467, 473, 575.
 Богаръ, городъ, 292, 473, 527, 600.
 Бокальта, городъ, 266.
 Большой Атластъ, горы, 278.
 Большая Кабилия, область, 447, 420, 425, 437, 440, 457.

Большой Сирть, заливъ, 5, 7, 8, 30, 35, 39, 44, 46, 56, 57, 63, 69, — 73, 160, 163, 165, 522.
Бомба, заливъ, 10, 20, 23.
Бона, городъ, 231, 248, 256, 257, 279, 373, 380, 383, 384, 387—452, 484, 495, 560, 571.
Бонский заливъ, 389.
Бонъ, мысъ, 133, 163, 165, 171, 337.
Борджъ, община, 598.
Борджъ-Богни, село, 439.
Борджъ-Бу-Аррериджъ, городъ, 407, 413.
Борджъ-Джедидъ, фортъ, 247.
Борджъ-Менайель, городъ, 442.
Борджъ-эль-Вабъ, замокъ, 159.
Борджъ-эль-Контора, замокъ, 159.
Борку, область, 714, 728—734, 741, 743.
Борну, страна, 103.
Ботиуа, деревня, 478.
Боходоръ, мысъ, 715, 801, 808.
Брайга, гавань, 30, 46.
Бракна, племя, 806.
Бракъ, городъ, 105, 109, 128.
Бринкентъ, городъ, 783, 787.
Буакъ, мысъ, 412.
Бу-Аррериджъ, городъ, 598.
Буа-Сакре, городъ, 440.
Бу-Гайл, оазисъ, 196.
Бу-Гедма, гора, 177, 199, 201.
Бу-Герара, лагуна, 157.
Бу-Гаура, уэдъ, 419, 439.
Бу-Горунъ, гора, 401.
Буда, оазисъ, 783.
Бу-даудъ, племя, 420.
Бу-Дерга, гора, 299.
Буджема (Бу-Джемаа, притокъ, 384.
Бу-Джеридъ, каменоломня, 204.
Бу-Дриасена, плато, 507.
Бу-Дуау, мѣстечко, 457.
Бужи, городъ, 279, 338, 348, 406, 409—413, 420, 442.
Бужи, заливъ, 310.
Бужи, округъ, 417, 598.
Бузарра, гора, 455.
Бу-Зареа, гора, 290.
Бузауа, племя, 791.
Бу-Зегза, гора, 292.
Буира, крѣпость, 409.
Бу-Курнейнъ, гора, 143.
Булайулъ (ксаръ), городъ, 641.
Бульгада, племя, 741.
Бу-Мерзугъ, притокъ, 311, 390, 391, 394, 395.
Бу-Нджидъ, деревня, 79, 91, 128.
Бу-Нура, городъ, 531, 541.
Бурника, городъ, 462.
Бу-Реграгъ, рѣка, 617, 627, 661.
Бу-Сада, городъ, 313, 509, 541, 543, 600.
Бусейма, оазисъ, 44.
Бусейма, озеро, 40, 43.
Бу-Селламъ, уэдъ, 310, 404, 562.
Бу-Семгунъ, ксуръ, 539.
Бу-Теллисъ, мѣстечко, 485.
Буфарикъ, городъ, 459, 462, 557.
Бу-Ханиъ, гора, 510.
Бу-Ханефисъ, деревня, 447.
Бу-Хеллиль, гора, 659.
Бушанбъ, племя, 424.
Бу-эль-Джадъ, мѣстечко, 665.
Бу-Яла, гора, 399.

В.

Ваджангъ, оазисъ, 34, 36, 39, 714, 731, 736.
Вау, оазисъ, 741, 742.
Вау-Гариръ, оазисъ, 97.
Вау-эль-Кебиръ («Вольшой-Вау»), оазисъ, 90.
Вау-эль-Намусъ, оазисъ, 75, 97.
Вау-эсъ-Сериръ («Малый Вау»), оазисъ, 97.
Верхний Сенегалъ, рѣка, 283.
Вунъ, оазисъ, 743.

Г.

Габесъ, городъ, 164, 168, 252, 258, 263, 266, 373, 576.
Габесъ, заливъ, 53, 110, 130, 132, 138, 152, 154, 160, 319.
Габра, рѣка, 307, 308, 328, 330.
Гага, область (амалатъ), 712.
Гада, плоскогорье, 642.
Гадамесъ, городъ и оазисъ, 51, 60, 76, 80, 86, 104, 109, 115, 123, 354—716, 723, 751, 772, 784, 788.
Гадмесцы, народъ, 119.
Гаджаръ-эль-Хенга, скала, 382.
Гаджуты, племя, 455, 457.
Газемъ, племя, 177.
Гайзеръ, гора, 295.
Галуль, озеро, 462.
Галуфа, гора, 374.
Галькъ-эль-Менгелъ, рѣка, 150.
Гамадаты, племя, 69.
Гамада-эль-Гомра («Красное плато») 40, 50, 52—61, 80, 109, 120.
Гамамма, племя, 177, 195, 196.
Гамбетта, предмѣстье, 484.
Гамданъ, уэдъ, 381.
Гамизъ, рѣка, 308, 328, 457, 458.
Гаміанъ, племя, 781.
Гамма, городъ, 395, 404, 455, 456, 558.
Гаммаметъ, городъ, 216, 219.
Гаммаметъ, заливъ, 132, 138, 164.
Гаммамъ-Бу-Гара, ключи, 491.
Гаммамъ-Бу-Хаджаръ, ключи, 485.
Гаммамъ-Курбесъ, ключъ, 219.
Гаммамъ-Лифъ, область, 219, 266.
Гаммамъ-Мелуанъ, ключъ, 458.
Гаммамъ-Рига, санаторія, 461.
Гаммамъ-эль-Бенда, ключъ, 383.
Гаммамъ-эсъ-Месхутинъ, поселеніе, 354, 381, 382, 485.
Гаммамъ-эсъ-Салехинъ, ключъ, 512.
Ганенша, племя, 372.
Гараа-эль-Гутъ, озеро, 312, 380.
Гараа-отъ-Тарфъ, озеро, 380, 503.
Гараби, племя, 17.
Гаракта, племя, 380.
Гарама, племя, 105.
Гараманты, народъ, 43.
Гаратинъ, племя, 635, 686, 716.
Гарбъ, провинція, 636, 650, 701.
Гарбъ-эль-Изаръ, область (амалатъ), 712.
Гардаи, городъ, 527, 531, 583.
Гардимау, деревня, 147, 240, 241.
Гардъ, мысъ, 298, 384, 388.
Гаріа, оазисъ, 61.
Гаріа-эль-Гарбія (Западная), городъ, 79.
Гаріа-эль-Шеркія (Восточная), городъ, 79.

Гаррашъ, уэдъ, 291, 308, 327, 444, 458.
Гарса, солончакъ, 150, 169, 319, 496.
Гартенесы, народъ, 124.
Гару, городъ, 746, 748.
Гардужъ-эль-Абиадъ («Гаруджъ Бѣлый»), холмы, 91, 95.
Гаруджъ-эль-Асуадъ («Гаруджъ Черный»), горы, —47, 48, 73, 92, 100.
Гасса, ключъ, 53.
Гастонвилъ, городъ, 404.
Гата, городъ, 76.
Гатрунъ, городъ, 96, 108, 109.
Гаусса, область, 71, 103, 448, 791, 792.
Гафса, городъ, 747, 749.
Гафса, оазисъ и городъ, 192, 196, 199, 220, 238, 263, 264—266.
Гезуль, гора, 471.
Гелатъ, уэдъ, 372.
Гельма, городъ, 256, 257, 311, 382, 383, 390, 395, 566, 574.
Гельма, округъ, 598.
Гельтъ-эсъ-Стель, горы, проходъ, 294.
Гемаръ, городъ, 522, 541.
Геранъ, оазисъ, 92.
Гера-эль-Мелатъ (Гара), озеро, 312.
Гера-эль-Убейра, озеро, 312.
Гересъ, область, 790.
Гесперида, городъ, 27.
Геттаръ, гора, 299.
Гешула (гештула), племя, 627.
Гештулы (игешдулы), народъ, 419, 778.
Гикена, гора, 755.
Гиланія, городъ, 212.
Гиллиль, уэдъ, 471.
Гиссеры, племя, 419.
Глауа, горы, проходъ, 604.
Годва, оазисъ, 95.
Годна, гора, 298, 300, 315, 327, 404, 504, 508, 509, 560.
Голетта (Гулетта), городъ, 231, 232, 234.
Гонейнъ, городъ, 289, 492.
Гонейнъ, мысъ, 492.
Гонтасъ, гора, 279, 292.
Гонъ, городъ, 77.
Гофра, долина, 96, 128.
Грона, становище, 805.
Гсани (Гецдани), цыгане, 368.
Гуара (племя), 642.
Гурайя, мѣстечко, 464, 467.
Гураара, городъ, 532, 535, 572.
Гураара, область, 774, 779, 780.
Гуріанскія горы, 5.
Гуссейнъ-бей, мѣстечко, 599.

Д.

Даггатуны, народецъ, 795.
Далесъ, рѣка, 618, 685.
Дазаны, народецъ, 740, 741, 743, 749.
Дайя, гора, 291.
Дайя, округъ, 477, 600.
Даміетта, мѣстечко, 468.
Дарфуръ, страна, 37, 731, 740.
Даръ-эль-Бенда, городъ, 663, 712.
Дахель-эль-Магунинъ, полуостровъ, 143, 218, —219, 264.
Дахель, оазисъ, 715.
Дахла, равнина, 147, 148, 313.

- Дахмуст, уэль, 464.
 Дахра, гора, 279, 287, 290, 308, 363, 462, 468.
 Дахра, область, 464, 465, 466.
 Даврогая, гора, 219.
 Дагшт, деревня, 195.
 Дебайн, озеро, 619.
 Дебау, городъ, 641, 642, 712.
 Дедмаки (тадемани), племя, 175.
 Делись, округъ, 597.
 Деллисъ, гора, 296.
 Деллисъ, городъ, 440, 600.
 Деллисъ, мысъ, 279.
 Дельдуть (Дельдунъ), городъ, 780.
 Дель-Эсте, заливъ, 808.
 Деммедъ, рѣка, 527.
 Лемната, городъ, 667, 712.
 Денхаджи, племя, 356.
 Деружъ, оазисъ, 120.
 Деренъ, гора, 132, 278, 600, 605, 606.
 Деркауа, племя, 336.
 Дерна, городъ, 16, 17, 23, 24, 128.
 Джаафа, гора, 503.
 Джало, оазисъ, 32, 35, 36, 73, 104, 128.
 Джара, мѣстечко, 188, 191.
 Джарабуба, городъ, 18, 39.
 Джарабы, племя, 528.
 Джахли, предмѣстье, 482.
 Джаяутъ, область, 750.
 Жебадо, оазисъ, 744.
 Жебелъ, гора, 9, 53, 54, 128, 157.
 Жебелъ-Аисса, гора, 299.
 Жебелъ-Айатинъ, гора, 603, 604.
 Жебелъ-Аитъ-Уакаль, мысъ, 677.
 Жебелъ-Акаусъ, гора, 124.
 Жебелъ-Амуръ, гора, 299, 300, 308, 467, 509, 511, 523.
 Жебелъ-Арбетъ, гора, 144.
 Жебелъ-Ауресъ, гора, 141, 265, 283, 295, 300, 303, 311, 313, 316, 328, 340, 357, 358, 364, 374, 391, 404, 495, 498, 499, 504, 540.
 Жебелъ-Аххагаръ, гора, 91, 103, 134, 304.
 Жебелъ-Ахдаръ («Зеленая гора»), 10, 11, 14, 16, 17, 31, 128.
 Жебелъ-Ахморъ, гора, 149.
 Жебелъ-Беллуа, гора, 438.
 Жебелъ-Берберу, гора, 142.
 Жебелъ-Биръ, гора, 250.
 Жебелъ-Бу-Гедма, гора, 144.
 Жебелъ-Бульбуль («гора соловья»), 50.
 Жебелъ-Бусейма, гора, 43, 44.
 Жебелъ-Гаукуъ, гора, 142.
 Жебелъ-Гаузы, гора, 612.
 Жебелъ-Горра, гора, 243.
 Жебелъ-Гурианъ, гора, 54, 56, 59, 67, 72, 80, 85, 499.
 Жебелъ-Гуру, гора, 300.
 Жебелъ-Гуфи, гора, 400.
 Жебелъ-Джугаръ, гора, 142.
 Жебелъ-Диръ, гора, 239, 293, 297, 409.
 Жебелъ-Дукканъ, гора, 372.
 Жебелъ-Зима, массивъ, 292.
 Жебелъ-Ифренъ, гора, 53, 64, 74, 144.
 Жебелъ-Кебиръ, гора, 649.
 Жебелъ-Ларбеахъ, гора, 241.
 Жебелъ-Магранъ, горы, 603.
 Жебелъ-Мадгидъ, гора, 298.
 Жебелъ-Мастал, гора, 508.
 Жебелъ-Мерджаджа, гора, 484.
 Жебелъ-Мермалъ, гора, 140.
 Жебелъ-Метмата, гора, 174.
 Жебелъ-Мзп, гора, 299.
 Жебелъ-Мсиаъ, гора, 54.
 Жебелъ-Муса, гора, 611.
 Жебелъ-Нари, гора, 44.
 Жебелъ-Нефусъ, гора, 67, 109, 144, 179.
 Жебелъ-Окбахъ, гора, 300.
 Жебелъ-Рессасъ («Овинцовая гора»), 142, 219.
 Жебелъ-Сантонъ, гора, 479.
 Жебелъ-Саттера, гора, 298.
 Жебелъ-Сенальба, гора, 300.
 Жебелъ-Сиргенъ, гора, 44.
 Жебелъ-Таръ, скалы, 49.
 Жебелъ-Тасили, гора, 134.
 Жебелъ-Тельджа, горы, 169.
 Жебелъ-Тиза, 606.
 Жебелъ-Хадамия, гора, 52, 56.
 Жебелъ-Хадидъ, 609.
 Жебелъ-Хауи, гора, 234, 238.
 Жебелъ-Шагерунъ см. Малый Атласъ.
 Жебелъ-Шеллатъ, горы, 395.
 Жебелъ-Шешаръ, гора, 316, 356, 495, 503.
 Жебелъ-Эргенъ, горы, 52.
 Жебелъ-эль-Акабахъ, гора, 128.
 Жебелъ-эль-Галидъ, 673.
 Жебелъ-эль-Ганумъ, горы, 168.
 Жебелъ-эль-Мелахъ («Соляная гора»), островъ, 155.
 Жебелъ-эль-Сола («Черная гора»), гора, 48, 92, 98.
 Джеди, рѣка, 299, 304, 315, 352—516, 523, 524, 527, 576.
 Джедейда, рѣка, 244.
 Джедидъ (Джебидъ), городъ, 105, 109, 128, 188.
 Джезиратъ-эль-Макребъ, островъ, 128.
 Джелъфа, воен. постъ, 300, 510.
 Джемма-эль-Кебиръ, храмъ, 212.
 Джемаль, городъ, 206, 266.
 Джемора, санаторія, 515.
 Джема-эль-Сахридъ, мѣстечко, 418, 430.
 Джендель, гора, 468.
 Джендуба, племя, 241.
 Джерабинцы, островитяне, 179, 227.
 Джерба, островъ, 55, 72, 159, 160, 166, 186, 187, 188, 228, 266, 500.
 Джеряба, лагуна, 150.
 Джерибъ, оазисъ и городъ, 156, 193, 195—197, 256, 257, 266, 276, 318, 516.
 Джерма-Кадимъ, пустыня, 105.
 Джиджелъ, городъ, 279, 285, 297, 311, 402, 404, 408.
 Джиббена, оазисъ, 73, 74.
 Джинетъ, мысъ, 296.
 Джофра, оазисъ, 48, 58, 75, 79, 91, 104, 107, 116, 128.
 Джофъ, деревня, 44.
 Ажрагеди, городъ, 43.
 Джурджура, гора, 280, 286, 295, 297, 303, 308, 455.
 Джурджура, область, 175, 340, 356, 363, 413, 415, 416, 419, 420, 425, 427, 438, 442, 531, 763, 771.
 Дибеда, колодезь, 720, 750.
 Дирки (Дирко), городъ, 747, 748.
 Диана, городъ, 373.
 Догемъ, гора, 788, 792.
 Домаръ, долина, 735.
 Дорса, племя, 17.
 Драа, рѣка, 133, 157, 600, 603, 604, 608, 609, 617, 618, 620, 672, 684, 688, 691—692, 756, 796, 799, 802, 803, 805.
 Дранъ, портъ, 452.
 Дра-эль-Мизанъ, городъ, 437, 439, 440.
 Дуга, долина, 243.
 Дузы, рынокъ, 193.
 Дун-белаль, племя, 632, 688, 691, 802.
 Дун-Менія, племя, 696, 700, 804.
 Дуиратъ, гора, 53, 174.
 Дуккала, плоскогорье, 612, 667, 702.
 Дуэрия, мѣстечко, 455, 599.
 Люервилъ, поселеніе, 383.
 Люкенъ, городъ, 403, 404.
 Люверре, городъ, 473.
 Е.
 Егеба, оазисъ, 745, 747.
 Ерике, ключъ, 733.
 Ж.
 Желѣзный мысъ, 311.
 Жемалъ, мѣстечко, 599.
 Жербода, низменность, 32.
 Жеривиль, гора, 299, 300, 535.
 Жеривиль, мѣстечко, 536, 541, 600.
 З.
 Заачи, мѣстечко, 516, 559.
 Заба, оазисъ, 509.
 Забъ-Гебли, оазисъ, 515.
 Забъ-Дахри, оазисъ, 515, 527.
 Забъ-Шерги, оазисъ, 515.
 Загуанъ, городъ, 266.
 Загуанъ, горы, 150, 216, 220, 236.
 Заиръ, городъ, 636.
 Зайаны, народъ, 663.
 Заккаръ-эль-Гарби, скала, 468.
 Замура (Земмура), городъ, 408, 805.
 Замура (Земмура), племя, 663.
 Зана, солончакъ, 508.
 Заргунъ, область и уэль, 315, 658, 659.
 Зарзаръ, горы, 611, 659.
 Зарансъ, портъ, 184.
 Зарфау, племя, 420.
 Зау, оазисъ, 749.
 Зафранъ, гавань, 46, 57.
 Заффаринскіе острова, 643.
 Захрезъ-эль-Гарби, солончакъ, 313, 510.
 Зегду, народъ, 696.
 Зелафъ, оазисъ, 93.
 Зелла, оазисъ и городъ, 48, 61, 74, 75, 91, 97, 107, 128.
 Зембра, островъ, 143.
 Зембретта, островъ, 143.
 Зенага, область, 712.
 Зенага (Санхеджа), племя, 627, 687, 699.
 Зената, раса, 780, 782.
 Зензуръ, мѣст., 88.
 Зевтана, подземн. галлерей, 80.
 Зенфуръ, городъ, 242.
 Зерал, мѣстечко, 401.
 Зерхунъ, городъ, 712.
 Зердеза, племя, 390.
 Зеризеръ, поселеніе, 383.
 Зериффа, племя, 465.
 Зибанъ, горы, 315, 325, 509, 512.

Зибанъ, область, 300, 503.
 Зигенъ, городъ и оазисъ, 95, 105, 109.
 Зиру, островъ, 158.
 Зистъ, долина, 640.
 Зистъ, уэль, 691, 693, 695, 697.
 Зласть, племя, 213.
 Зоарахъ, гавань, 88.
 Зогава, племя, 731, 741.
 Зрагетъ, гора, 536.
 Зуауа, племя, 418.
 Зуила, городъ, 107.
 Зуйя, городъ, 128.
 Зуйя (Суайя), племя, 17, 36, 43.
 Зусфана, уэль, 696.

И.

Иберійскій полуостровъ, 639.
 Игаджены, племя, 123.
 Игаргаръ, рѣка, 122, 134, 283, 299, 305, 314, 316, 317, 520, 521, 723, 752, 756.
 Игиди, пески, 723, 725, 781, 797, 799.
 Игли, оазисъ и городъ, 540, 699.
 Идеаель, область, 752, 768, 773.
 Идвенъ, гора, 125.
 Иджи, рѣка, 315.
 Иджиль, озеро, 806.
 Идраренъ-Деренъ, гора, 603, 618.
 Идгъ, городъ, 679, 683, 712.
 Иллихтенъ, племя, 425.
 Илуда-Асамеръ, племя, 420.
 Илуда-Ималу, племя, 420.
 Имазигены, народъ, 628—630.
 Имананъ, племя, 764, 771.
 Имохаги (имомары), нація, 763, 768, 771.
 Инвизъ, колодезь, 784.
 Инсалахъ, оазисъ, 753, 764, 775, 779, 784, 802.
 Инубленъ, колодезь, 502.
 Инъ-Эвокаль, гора, 752.
 Ирауэнъ, гора, 757.
 Иссаръ, уэль, 295, 296, 307, 308.
 Иссербургъ, городъ, 442.
 Иссервилъ, городъ, 442.
 Иссерскія ущелья, 440, 441.
 Иссеръ, рѣка, 295, 296, 307, 308, 409, 414, 417, 440, 441, 457, 486, 491, 575.
 Итисаны, народъ, 790, 792, 796.
 Ифеттесенъ, гора, 753.
 Ифни, бухта, 684.
 Ифогасы, племя, 764.
 Ишерауэнъ, деревня, 419.
 Ишъ, городъ, 538.

К.

Кабилія, область, 295, 347, 357, 423, 430, 431, 432, 435, 439, 554, 555, 559, 566, 587, 678.
 Кабилы, народъ, 359, 362, 363, 367, 387, 396, 411, 415, 417, 420, 426, 436, 447, 495, 501, 697, 771.
 Кабо-де-Агуасъ, см. Мысь водъ.
 Каваръ, оазисъ, 714, 736, 744—746.
 Казабланка, мѣстечко, 663, 664.
 Кайруанское озеро, см. Сиди-эль-Гани.
 Кайруанъ, городъ, 211, 220, 240, 252, 263, 264, 266.
 Кайруанъ, округъ, 212.

Калаа-эль-Сенамъ, мѣстечко, 141, 176, 372.
 Кальбъ-Варкау, гора, 48.
 Камратъ, мысь, 234.
 Канемъ, страна, 744, 749.
 Кано, городъ, 792.
 Кантинъ, мысь, 615, 622, 668.
 Канури, племя, 745, 746.
 Канудия, мысь, 264.
 Карда, городъ, 105, 109.
 Карзасъ, оазисъ и городъ, 774, 781, 782, 788.
 Каруба, деревня, 283.
 Касба - Бени - Меллааль, городъ, 712.
 Касба-эль-Ауанъ, деревня, 642.
 Касба-эль-Кедима, крѣпость, 692.
 Касринъ, городъ, 214.
 Касръ-Гуріанъ, замокъ, 125.
 Касръ-Фараунъ, „Замокъ фараона“, 659.
 Касръ-эль-Джебелъ, городъ, 53, 80.
 Касръ-эль-Кебиръ „Большой замокъ“, городъ, 613, 647, 652, 659, 712.
 Касръ-эль-Муденинъ, городъ, 185.
 Касръ-эль-Сериръ, „Малый замокъ“, городъ, 647.
 Кассенъ, городъ, 465.
 Кау-Тило, скала, 749.
 Кафъ-Мужеладъ, гора, 52.
 Кебабо, оазисъ, 44, 736.
 Кебили, мѣстечко, 193.
 Кедадифа, племя, 89.
 Кедровая гора, см. Агресъ.
 Келаа-Кебира, городъ, 266.
 Келибіа, городъ, 266.
 Кельбіа, озеро, 151, 152, 213, 238, 265.
 Кель-Гересы, народъ, 790, 792, 795.
 Кельмеллель, племя, 786.
 Кель-ови, племя, 763, 790, 791.
 Кель-рела см. Ахаггары.
 Кель Тадемекеты, племя, 175.
 Кельтумъ, гора, 303.
 Кенафса, племя, 782.
 Кенаца, городъ, 712.
 Кенаца, уэль, 696.
 Керкенна, островъ, 158—161, 171, 172, 202.
 Керрата, мѣст., 407.
 Кессера, деревня, 142.
 Кессербская гавань, 142.
 Кетамы, племя, 396.
 Кефъ-Гебли, гора, 300.
 Кефъ, городъ, 373.
 Кибла, гора, 283.
 Кирена, городъ, 6, 25, 26.
 Киренаика, плоскогорье, 5—12, 15—17, 20, 23, 32, 103, 135.
 Кириахъ-Хадешатъ (Картадашъ), городъ, 235.
 Клозель, деревня, 382.
 Клошъ, гора, 725.
 Кобръ-эль-Руміа, „могила Христіанки“, гробница, 461.
 Колеа, городъ, 408, 461, 462, 599.
 Колло, гора, 311, 401, 600.
 Колло, городъ, 278, 285, 291, 298, 400, 404, 574.
 Конде-Сменду, городъ, 404, 600.
 Константина, городъ, 383, 384, 390, 393, 395, 396, 404, 458, 502, 504, 535, 541, 542, 544, 548, 554, 575, 576, 581, 584, 598.

Константина, провинція, 298, 314, 340, 353, 357, 374, 380, 458, 502, 504.
 Крамъ, мѣстечко, 235.
 Красный Потокъ, уэль, 802, 803.
 Крицъ, деревня, 154, 195.
 Ксаби-эль-Шорфа, городъ, 641, 642.
 Ксаръ-эль-Арбъ, мѣстечко, 784.
 Ксаръ-эль-Голеа, мѣстечко, 534.
 Ксель, гора, 299.
 Ксобъ, уэль, 509.
 Ксуры, горы, 298, 299, 314.
 Ктауа, территория, 686.
 Кудіатъ-Ати, гора, 394.
 Кудіатъ-эль-Хадра, гора, 640.
 Куннинъ, мѣстечко, 522, 541.
 Кукъ, городъ, 46, 736, 748.
 Кулугли (куръ-огли), метисы, 71, 368, 408.
 Кунта, племя, 805.
 Курба, городъ, 218.
 Курийный портъ, 283, 478.
 Куріатеинъ, островъ, 206.
 Куршинъ, городъ, 218.
 Куръ-эль-Сефъ, мѣстечко, 205.
 Кусси, гора, 732.
 Куфра, оазисъ, 5, 34, 36, 37, 39, 40, 42, 43, 127, 714, 715, 733, 736, 743.

Л.

Лаваранда, мѣст., 468, 470.
 Лагуатъ, область, 294, 300, 304, 314, 315, 327, 460, 510, 524, 541, 559, 575, 600.
 Лажаль, низменность, 94, 95, 97, 105.
 Ла-Калле, городъ, 165, 248, 268, 312, 334, 338, 354, 376, 379, 551, 574, 599, 600.
 Лалла-Бураба, гора, 411.
 Лалла-Магния, городъ, 491, 493, 587, 600.
 Лалла-Хедриджа, гора, 295, 303.
 Ламбеза, область, 373, 505, 507.
 Ламорисьеръ, городъ, 486.
 Ламунъ, фортъ, 482.
 Ларба, племя, 525.
 Лахала (эль-Ахаль), гора, 401.
 Лебба, городъ, 128.
 Лептида, портъ, 82, 83.
 Лешкерре, оазисъ, 36, 43, 128.
 Либу (ливійцы), народъ, 358.
 Ливійская пустыня, 723, 728, 733, 773.
 Ливія, оазисъ, 43, 105.
 Лишанъ, оазисъ, 516.
 Ліана, мѣстечко, 504.
 Лохмани, скалы, 48.
 Луата (Ліуата), племя, 193, 358.
 Луккость, рѣка, 650, 651.
 Лурмель, городъ, 485.

М.

Маафа, племя, 496.
 Мабрукъ, городъ, 804.
 Мабтуха, болото, 149.
 Мавританія, страна, 132, 134, 135, 194, 267, 286, 347, 353, 358, 359, 367, 369, 376, 479, 512, 647, 763.
 Мавры, народъ, 135, 807, 808.
 Магакты, племя, 419.

- Магамиды, племя, 743.
 Магребъ, „островъ“, страна, 152, 157, 192, 267, 284, 286, 304, 328, 358, 370, 575, 610, 618, 620, 623, 632, 636, 639.
 Магребъ-эль-Акса (Марокко), страна, 515, 599, 600, 615, 623, 628, 639, 653, 671, 700.
 Магрибъ, горы, 406.
 Магтеръ, дюны, 798.
 Меджента, мѣстечко, 477.
 Мазагранъ, деревня, 472—641, 668, 712.
 Мазера, поселение, 327.
 Мазуна, городъ, 466.
 Манзъ, гора, 299.
 Малка, мѣстечко, 234.
 Макта, рѣка, 285, 307, 312, 474, 476, 478.
 Малая Кабилия, область, 402, 414, 417.
 Малая Лептида, деревня, 206.
 Малый Атласъ, горы, 278, 292, 605, 607, 608, 619, 679, 686.
 Малый Сиртъ, заливъ, 45, 144, 157, 158, 161, 163, 165, 166, 188, 199, 522.
 Малуйя, рѣка, 133, 284.
 Мамунъ, городъ, 804.
 Манзуна (Сабха-эль-Нуайль), солончакъ, 152.
 Мансура, плоскогорье, 311, 407.
 Мантерусъ, вулканъ, 54.
 Мануба, мѣстность, 234.
 Марабуты, 108, 764, 772, 781, 792, 795, 808.
 Мараде, оазисъ, 73, 74.
 Маргелиль, уездъ, 150.
 Маргумъ, городъ, 536.
 Маренго, городъ, 462, 600.
 Марибда, народецъ, 682, 802.
 Мармарика, плоскогорье, 19, 32.
 Мароканцы, народъ, 228.
 Марокко, городъ, 669, 678, 680, 681, 687, 797, 807.
 Марокко, страна, 128, 132, 133, 134, 165, 177, 268, 278, 291, 364, 367, 487, 488, 491, 495, 497, 535, 538, 540, 571, 574, 599—602, 605—607, 610, 612, 616, 618, 620, 622—628, 641, 646, 647—652, 653—655, 660, 667, 693, 697—702, 710, 720, 771, 776.
 Марракешъ (Марокко), городъ, 605, 606, 639, 641, 667, 669—674, 684, 701, 712.
 Марракешъ-эль-Гамра (Марокко), городъ, 669.
 Марса, городъ, 234, 264.
 Марсатъ-эль-Сахара (см. оазисъ Нафта).
 Марсъ-эль-Дуджаджъ, портъ, 478.
 Масарфанъ, уездъ, 308.
 Маскара, городъ, 280, 291, 364, 475, 597, 600.
 Маскула, городъ, 373.
 Мессаудъ, уездъ, 783.
 Матаморъ, городъ, 472.
 Матеръ, городъ, 247, 266.
 Матеръ, область, 266.
 Матифу, мысъ, 458.
 Мафрагъ, рѣка, 312, 375, 389.
 Махдйя, городъ, 204, 205, 266.
 Махмелъ, мѣст., 497.
 Махмедия, область, 266.
 Махрезъ, гавань, 199.
 Мдагра, оазисъ, 691, 692.
 Мдаурушъ, развалины, 375.
 Мдукаль, мѣстечко, 509.
 Мебуджа, рѣка, 383, 389.
 Мегиденъ, уездъ, 775.
 Медеа, городъ, 456, 460, 472, 547, 564, 575, 597, 600.
 Меджана, рѣка, 298, 310, 353.
 Меджезъ - Ахмаръ, „Красный бродъ“, 382.
 Меджезъ-эль-Бабъ, провинция, 244, 266.
 Меджерда, рѣка, 133, 139, 141, 147—151, 165, 174, 175, 178, 238—240, 244—246, 257, 264, 312, 371, 373, 374, 375, 387.
 Мединетъ-Зиана, городъ, 185.
 Мединетъ-эль-Кадимахъ, городъ, 196.
 Мединетъ-эль-Султанъ, городъ, 57.
 Медрасенъ, городъ, 508.
 Мезида, рѣка, 312, 380.
 Мезонъ-Карре, пригородъ, 458, 462, 574, 599.
 Мкайду, гора, 291.
 Меканемъ, область, 299.
 Мекинецъ, городъ, 656.
 Меккера, рѣка, 477.
 Мекнесъ см. Мекинецъ.
 Мелакъ, солончакъ, 192.
 Мелилья (Мелилла), городъ, 643.
 Меллегъ, рѣка, 138, 141, 311, 312.
 Мельгинъ (Мельриръ), солончакъ, 156, 314, 316, 318, 319—320, 496, 502, 515, 516.
 Мельхъ, уездъ, 404.
 Менаа, городъ, 500, 504.
 Менассеръ, уездъ, 214.
 Менгутъ, мѣстность, 773.
 Менервилъ, городъ, 442, 457.
 Мензель, мѣстечко, 191.
 Мензель-Бу-Зальфа, мѣстечко, 219.
 Мензель-Теминъ, мѣстечко, 218.
 Мензель-эль-Джмиль, деревня, 248.
 Ментенотъ, деревня, 464.
 Менфестъ, уездъ, 150.
 Мерада, рѣка, 328.
 Меразиги, племя, 193.
 Мергадъ, гора, 299.
 Мергъ-эль-Лилъ, уездъ, 211.
 Мерде (Комбъ), городъ, 383.
 Мерджаджо, гора, 484.
 Мерджъ, котловина, 26.
 Мерха-эль-Мазма см. Пенъонъ-де-Велецъ.
 Мерсъ-эль-Кебиръ, солончакъ, 442, 478, 479, 483, 484.
 Мерсъ-эль-Херразъ, солончакъ, 376.
 Меруанъ, солончакъ, 318, 516.
 Мескинъ, область, 686.
 Мескиана, область, 374.
 Мессаура, уездъ, 47, 620, 756, 774, 796.
 Местъ, городъ, 242.
 Металитъ, племя, 177.
 Метамеръ, городъ, 185.
 Метлиа, городъ, 532, 534, 583.
 Метмата, гора, 144, 186.
 Мехарса, племя, 780.
 Мехдйя, деревня, 660.
 Мехелефъ, племя, 531.
 Мецеджелъ, горы, 611.
 Мешерия, гора, 536, 557, 575.
 Мешия, область, 85.
 Мзабиты, племя, 228, 502, 509, 528, 530.
 Мзабъ, городъ и оазисъ, 277, 304, 315, 317, 527, 530, 476, 583, 609, 722, 788.
 Мила, мѣстечко, 401, 404, 599.
 Милана, мѣстечко, 279, 463, 469, 473, 599, 784.
 Мильцинъ, гора, 605.
 Мина, рѣка, 285, 305, 471.
 Мисда, оазисъ, 61.
 Мисергинъ, городъ, 484, 494, 600.
 Мисратъ, городъ, 57, 81.
 Митиджа, рѣка, 279, 290, 292, 328, 419, 455, 456, 457, 459, 462, 468, 476, 557—574, 575.
 Михаро, озеро, 757, 759, 764.
 Мкаддемы, племя, 779.
 Могадоръ, городъ, 601, 609, 610, 614, 615, 621, 622, 624, 633, 641, 672, 673, 680, 687, 712.
 Могарба, племя, 17.
 Могаръ-Тахтани, оазисъ, 536.
 Моджабры, племя, 36.
 Модба, станция, 536.
 Мокнинъ, мѣстечко, 206, 266.
 Мокта-эль-Гадидъ, рудникъ, 388.
 Монастирь (Мистиръ), городъ, 206, 252, 266.
 Мондови, поселение, 383.
 Морнакъ, провинция, 266.
 Моррисъ, поселение, 383.
 Мостаганемъ, портъ, 283, 290, 308, 464, 472, 473, 600.
 Моханцъ, колодецъ, 773.
 Мриминия, мѣстечко, 690.
 Мсабиха, гора, 289.
 Мсавенъ, городъ, 211, 266.
 Мсидъ-эль-Месселата, гора, 68.
 Мсила, городъ, 541, 600.
 Мсифъ, уездъ, 315.
 Мта-эль-Гарра, солончакъ, 152.
 Мугаръ-Фузани, городъ, 536.
 Муджары, народъ, 645.
 Музайя, горы, 292, 460.
 Музайявилъ, городъ, 461, 462.
 Мундиръ, плато, 752, 774, 787.
 Муила, рѣка, 491.
 Мулай-Измаиль, гѣсъ, 478.
 Мулай-Эдрисъ, городъ, 659.
 Мульхасенъ, гора, 289.
 Муравуъ, городъ, 51, 75, 76, 85, 104, 106, 107, 109, 118, 128—736, 744, 748, 750.
 Мустафа, пригородъ, 444, 599.
 Мухтаръ, мѣст., 31, 73.
 Мысъ солнца, 668.
 Мысъ Трехъ Ущелй см. Расъ-эль-Денръ.

Н.

- Набель-эль-Кедима («Старый Набель»), городъ, 217, 266.
 Наберъ-эль-Джругъ, горы, вершина, 48.
 Надоръ, гора, 291, 467.
 Надоръ, рѣка, 461, 462.
 Намгръ, см. Могаръ-Тахтани.
 Намусъ, уездъ, 315, 336.
 Нара, крѣпость, 504.
 Нафта, оазисъ и городъ, 175, 194, 266.
 Нахръ-Уассель, рѣка, 308, 467.
 Нгаусъ, мѣстечко, 508.

Нгуса, оазисъ, 533.
 Неберъ, городъ, 240.
 Негро, мысъ, 172.
 Негры, народъ, 639.
 Недрома, городъ, 493, 494, 600.
 Некмарія, гора, 466.
 Немемша, горы, 495.
 Немемша, племя, 342, 372, 495.
 Немуръ, городъ, 289, 493, 494, 574, 600, 643.
 Нефетъ, племя, 177.
 Нефауа, область, 156, 192, 193.
 Нефуа, гора, 53, 528.
 Нигеръ, рѣка, 179, 283, 540, 576, 620, 713, 756, 757—760, 787, 794, 795, 796.
 Нигриційцы, народъ, 731.
 Нилъ, рѣка, 713.
 Новая Ламбеза см. Батна.
 Нови, мѣстечко, 464.
 Новый Феңъ, городъ, 654.
 Ноева гора, 289.
 Нуазе-Экмюль, предмѣстье, 484.
 Нуайль, племя, 69.
 Нумидія, провинція, 370, 391.
 Нумиды (Нумидійцы), народъ, 354.
 Нунъ, уездъ, 599, 679, 680.
 Нхаль-Фараунъ, островъ, 155.

О.

Огульминъ, городъ, 680, 684, 712.
 Омаль, городъ, 292, 408, 409, 412, 413, 440, 575, 597—598, 599.
 Орагевы, племя, 764.
 Оранія см. Алжирія.
 Оранская провинція, 314, 335.
 Оранъ, городъ, 285, 333, 335, 340, 399, 458, 463, 468, 470—479, 484, 486, 487, 542, 544, 549, 557, 566, 571, 575, 576, 579, 581, 584—595, 597, 600.
 Орлеансвилъ, городъ, 334, 465, 470, 473, 598.
 Орусъ, гора, 478.
 Отба, оазисъ, 99, 107.

П.

Палестро, городъ, 440, 442, 574.
 Пантелларія, островъ, 143, 158.
 Парчель, мысъ, 800.
 Пенюнь-де-Велецъ, постъ, 644.
 Перрегго, городъ, 476, 478, 600.
 Пизавъ, островъ, 143.
 Пилы, ушелье, 220.
 Повъ-дю-Шелифъ, городъ, 471, 474.
 Портъ-Генданъ см. Азефунъ.

Р.

Радесъ, деревня, 220.
 Равденъ, мѣстечко, 383.
 Раръ-эль-Мелахъ, городъ, 246.
 Расъ-Аддаръ, мысъ, 163.
 Расъ-Асфуръ, гора, 604.
 Расъ-Димасъ, мысъ, 205.
 Расъ-Дуккара, мысъ, 140.
 Расъ-Канудия, мысъ, 202, 205.
 Расъ-Семъ, мысъ, 14.
 Расъ-Форгасъ, мысъ, 219.
 Расъ-Шабъ, горы, 304.
 Расъ-аръ-Деиръ, мысъ, 643.
 Расъ-эль-Абюдъ см. мысъ Бланко.
 Расъ-эль-Керувъ, мысъ, 140.
 Расъ-эль-Ма, плоскогорье, 477, 536.

Расъ-эль-Махбасъ, бухта, 83.
 Расъ-эль-Мелахъ, мысъ, 9.
 Расъ-эль-Тавъ, мысъ, 10, 23.
 Расъ-эль-Хайръ, мысъ, 143.
 Расъ-Энгела, мысъ, 140.
 Рать, оазисъ и городъ, 45, 94, 110, 121—125, 128, 419, 750, 751, 753, 758, 764, 774, 787.
 Рашгунъ, островъ, 492.
 Рбатъ, городъ, 601, 610, 655, 664.
 Рбатъ, провинція, 712.
 Рдемъ, рѣка, 656, 657.
 Ребеваль, мѣстечко, 439, 440.
 Регабатъ, племя, 805.
 Реджата, племя, 390.
 Релизана, городъ, 473, 600.
 Ремши, деревня, 491.
 Решайшъ (Решенъ), племя, 496.
 Реюньонъ, мѣстечко, 460.
 Риве, мѣстечко, 458, 472.
 Ригъ, уездъ, 752, 760.
 Рифъ, область, 602, 611, 616, 617, 622, 625, 627, 628, 644, 645, 712.
 Риоты, племя, 632.
 Рио-де-Оро, рѣка, 801.
 Рио-Саладо, рѣка, 485.
 Робервилъ, городъ, 404.
 Ровито, городъ, 458, 462.
 Рокниа, мѣстность, 354, 382.
 Руага (Рурха, Руари), племя, 519, 543.
 Руиба, городъ, 358.
 Руманы (римляне), 499.
 Руми, потомки румановъ, 499.
 Руммель, рѣка, 311, 390, 491—496, 504.
 Русгунія, городъ, 458.
 Русъ-Ликарь («Огненный мысъ»), городъ, 399.
 Руфашъ, городъ, 404.

С.

Саида, городъ, 475, 575, 600.
 Сандъ-отба, племя, 531.
 Сакіеъ-эль-Хамра, область, 678, 799, 803.
 Саламъ-у-Аликумъ, портъ, 640.
 Сангеджа см. Эль-Кебиръ.
 Сангеджа, племя, 390, 410, 415, 790.
 Санта-Круцъ, фортъ, 484.
 Санхеджатъ-Серіеръ, горы, мас-сивъ, 611.
 Сафсафъ, рѣка, 356, 390, 396, 404.
 Сахара, пустыня, 5, 153, 157, 162, 164, 284, 288, 298, 299, 300, 304, 306, 320, 323, 336, 337, 359, 467, 488, 496, 504, 509, 511, 521—523, 528, 531, 597, 602, 607, 608, 620, 632, 635, 675, 693, 704, 713—723, 805, 810.
 Сахель, гора, 150, 283, 290, 332, 444, 479.
 Сахель, область, 264, 265, 266.
 Сахель, уездъ, 279, 280, 295, 296, 309, 404, 407, 408, 412, 417, 420, 450, 597, 795, 796, 802, 805.
 Сахія см. Ятъ.
 Сауръ, уездъ, 723, 731, 774, 781—783, 787, 797.
 Сба, оазисъ, 783.
 Сбейтла, ферма, 214.
 Сгомарены, племя, 787.
 Себаа-Русъ, мысъ, 284, 400.
 Себа-Русъ, гора, 294.

Себарбаръ, источникъ, 758.
 Себау, рѣка, 296, 308, 416, 418, 420, 424, 430, 438, 439, 441.
 Себда, городъ, 291, 491.
 Себха-аръ-Руанъ, озеро, 149.
 Себха, оазисъ, 105.
 Сеггеръ, уездъ, 315.
 Седдада, деревня, 195.
 Седжельмасса, городъ, 695.
 Сейбуза, рѣка, 147, 312, 327, 347, 375, 380, 383, 384, 389.
 Секака, рѣка, 486.
 Селекта, городъ, 205.
 Селуфиеъ, мѣстечко, 792.
 Сельджумъ, озеро, 232, 234.
 Семну, оазисъ, 95, 105, 109.
 Сенегаль, рѣка, 713.
 Сентъ-Арно, городъ, 404, 598.
 Сентъ-Барбъ-дю-Тегалъ, городъ, 600.
 Сентъ-Эженъ, мѣстечко, 444, 452, 455, 599.
 Сентъ-Грегуаръ, фортъ, 512.
 Сентъ-Клу, мѣстечко, 479, 600.
 Сентъ-Ле, мѣстечко, 478, 600.
 Сентъ-Сиприенъ, городъ, 473.
 Сентъ-Шарль, мѣстечко, 389, 404.
 Сербаль, гора, 725.
 Серратъ, мысъ, 172, 242, 248.
 Серсу, плоскогорье, 292, 469.
 Сетифъ, городъ, 164, 310, 313, 353, 390, 395, 403, 404, 409, 412, 413, 508, 598—600.
 Сеута, городъ, 140, 611, 646, 647.
 Сеута, территория, 712.
 Сефру, городъ, 604, 627, 655, 656, 712.
 Си-Али-бу-Мусинъ, гора, 142.
 Сивахъ, оазисъ, 32, 38, 103, 315.
 Сигедимъ, оазисъ, 746.
 Сигъ, рѣка, 279, 307, 308, 328, 330, 476, 477, 478.
 Сигъ, островъ, 492.
 Сиди-Абдалахъ-бекъ-Джсмаль, ма-рабутъ, 250.
 Сиди-Аишъ, мѣст., 410.
 Сиди-Али-бенъ-Юбъ, станція, 477.
 Сиди-Али-Мохамедъ, озеро, 640.
 Сиди-Али-эль-Мекки, мысъ, 147, 149.
 Сиди-Амранъ, оазисъ, 326, 327.
 Сиди-Аомаръ, монастырь, 783, 787.
 Сиди-Бель-Аббесъ, городъ, 290, 291, 477, 485, 536, 600.
 Сиди-Брагимъ, плоскогорье, 464, 494.
 Сиди-Бу-Сандъ, деревня, 235, 237.
 Сиди-Гамедъ, монастырь, 679, 690.
 Сиди-Гешамъ, королевство, 679, 687.
 Сиди-ибнъ-Темтамъ, мавзолей, 383.
 Сиди-Мабрукъ, мѣстечко, 394.
 Сиди-Меллука, деревня, 642.
 Сиди-Меруанъ, село, 402, 404.
 Сиди-Месидъ, горы, 395.
 Сиди-Мусса, деревня, 458.
 Сиди-Окба, оазисъ, 515, 516.
 Сиди-Феруша, мысъ, 445, 452.
 Сиди-эль-Гани, себха, 150, 213.
 Сиди-Хя, бухта, 412.
 Симитту (Шемту), городъ, 240, 248.
 Синаунъ, оазисъ, 121.
 Синай, гора, 725.
 Синтара, заливъ, 808.

- Сиргенъ см. Зигенъ.
 Сирисъ, мысъ, 612.
 Сируа, гора, 604.
 Сиръ (Сира), воен. постъ, 491.
 Сла, городъ, 661.
 Слитенъ, мѣстечко, 81.
 Слуйа, мѣстечко, 244.
 Сменду, рѣка, 395.
 Сода-Гарбіяхъ („западная“), гора, 48.
 Сода-Шеркіяхъ („Восточная“), гора, 48.
 Сокина, городъ, 76, 128.
 Солиманъ, городъ, 219, 288.
 Солумъ, заливъ, 10.
 Сортъ см. Мединетъ-эль-Султанъ.
 Спартеъ (Имбертилъ), мысъ, 133, 612, 616, 622, 649, 705.
 Стауэли, ферма, 454.
 Ститтенъ, городъ, 536.
 Стора, городъ, 279, 400.
 Суасъ, племя, 177.
 Суафанцы см. Мзабиты.
 Суафы, племя, 117.
 Суданъ, страна, 535, 704, 714, 743, 748, 749, 750, 772, 784, 789, 790, 794, 795, 801, 803, 806.
 Суданцы, 739.
 Сукъ-Ахрасъ, плоскогорье и городъ, 147, 192, 240, 241, 252, 258, 354, 374, 375, 589, 600.
 Сукъ-эль-Арба, деревня, 241, 437.
 Сукъ-эль-Джемаа, укрѣпленный лагерь, 243, 264.
 Сукъ-эль-Кебиръ, городъ, 188.
 Сукъ-эль-Хмисъ, станція, 241.
 Суліанъ, рѣка, 243.
 Сума, городъ, 460, 462.
 Суммамъ, уездъ, 412.
 Сусъ-эгъ-Говаланъ, развалины, 409.
 Сусъ, уездъ, 603, 605, 606, 607, 608, 618, 624, 672, 677, 678, 683—688, 704, 797.
 Сусъ-Селземъ, рѣка, 308, 318.
 Суфаджинъ, рѣка, 56.
 Суфасаръ, городъ, 468.
 Суфъ, оазисъ, 166, 193, 447, 528, 541, 725.
 Суэйра, городъ, 671.
 Сфакесъ (Сфаксъ), городъ, 161, 164, 166, 169, 177, 199, 202, 238, 252, 259, 265, 266.
 Сфрадна, племя, 69.
- Т.**
- Табаборъ, гора, 296, 407.
 Табарка, область, 145, 240, 242, 248, 249, 258, 266, 268.
 Табарка, островъ, 140.
 Табіа, станція, 477.
 Таблатъ, деревня, 440.
 Табель-Куза, городъ, 780.
 Тагама, племя, 791, 792.
 Тагаста, городъ, 374.
 Татерутъ, горы, проходъ, 685.
 Тадемтъ, развалины, 587, 588.
 Тада, область, 666, 712.
 Тадемантъ, плоскогорье, 755, 774.
 Тадемакка (эсъ-Сукъ), городъ, 796.
 Таджакантъ, племя, 802, 805.
 Таджемутъ, мѣст., 523.
 Таджурахъ, городъ, 83.
 Таза, область, 641, 652, 653, 712.
 Тазерукъ, область, 768.
 Тазенахтъ, оазисъ, 686.
 Таззутъ, городъ, 506.
 Тайсербо, оазисъ, 39, 43, 44.
 Такдемтъ, городъ, 472.
 Такитунтъ, воен. постъ, 298, 407.
 Такруна, гора, 215.
 Таксебтъ, гавань, 440.
 Таза, городъ, 239.
 Таларана, мѣст., 409.
 Тамагрутъ, городъ, 608, 686, 712.
 Тамагуты, народъ, 359.
 Тамаракунтъ, гора, 604, 640, 641.
 Тамгадъ, мѣст., 373.
 Тамельгатъ, монастырь, 520.
 Таментитъ, городъ, 783, 784, 786.
 Тамерна, оазисъ, 325, 512, 516.
 Танджа, область, 712.
 Тансаруфъ, пустыня, 796, 797, 798.
 Танауфъ, долина, 122.
 Танжеръ (Тангеръ), полуостровъ и городъ, 601, 612, 616, 622, 624, 625, 627, 639, 646, 650, 652, 655, 663, 671, 701, 702, 704, 712.
 Тарла, мѣстечко, 698.
 Тарсо, гора, 732.
 Тарудантъ, городъ, 605, 607, 618, 639, 676, 712.
 Тарфауи, рѣка, 196.
 Тарфъ, гора, 299, 313.
 Тарфъ-эшъ-Шакръ см. Спартеъ.
 Тархитъ, рѣка, 756.
 Таръ-Гона, равнина, 54, 67, 68, 81.
 Тассили, горы, 122, 728, 751, 758, 759, 771.
 Татта, оазисъ, 688.
 Тауга, солончакъ, 57.
 Таудени, городъ, 803, 805, 806.
 Таура, генширъ, 376.
 Тауриртъ, городъ, 774, 783, 787.
 Тауриртъ-Игиль, деревня, 410.
 Тафарауа, перевалъ, 475.
 Тафассасетъ, уездъ, 756, 758, 794.
 Таферситъ, мѣстечко, 653, 712.
 Тафидетъ, городъ, 792.
 Тафилельтъ, оазисъ, 599, 604, 609, 620, 640, 641, 659, 691—695, 704, 712, 782.
 Тафна, рѣка, 485, 491, 492.
 Тафратъ, равнина, 642, 643.
 Тацерультъ, область, 689, 712.
 Тацерультъ, уездъ, 679.
 Тебаги, гора, 193.
 Тебесса, городъ, 148, 192, 239, 240, 259, 303, 351, 357, 372, 373, 599, 600.
 Тебульба, мѣстечко, 206, 266.
 Тебурба, рѣка, 244, 266.
 Тебурсукъ, городъ, 243, 266.
 Тегазертъ, рѣка, 783.
 Тегератъ, гора, 792.
 Тедератъ, городъ, 124.
 Теджера, оазисъ, 96, 108.
 Текертиба, городъ, 105, 109.
 Текна, оазисъ, 802.
 Телл, уездъ, 803, 804.
 Телъ, область, 268, 280, 285, 292, 315, 327, 335, 357, 494, 495, 497, 511, 519, 523, 531, 553, 556, 779.
 Темаръ, гора, 798.
 Темассинъ, оазисъ и городъ, 512, 520, 757.
 Теменгинтъ, оазисъ и городъ, 95, 105, 109.
 Темисса, городъ и оазисъ, 96, 109.
 Темминъ, рѣка, 10.
 Тенгикъ (Тимке), гора, 788.
 Тендуфъ, городъ, 802—806.
 Тенесъ, городъ, 285, 463, 464, 465, 467, 470.
 Тенія, перевалъ, 292.
 Тениетъ, горы, проходъ, 468, 469.
 Тениетъ-эль-Гадъ, городъ, 469, 473, 526, 535, 554.
 Тенсифтъ, уездъ, 609, 618, 619, 624, 625, 636, 673, 684.
 Тенушфи, гора, 296, 307.
 Термасомъ, мѣстечко, 805.
 Тернеитъ, гора, 604.
 Тессау см. Отба.
 Тессими, оазисъ, 693.
 Тестуръ, городъ, 244.
 Тестуръ, область, 266.
 Тетика, станція, 289.
 Тетуанъ, городъ, 611, 629, 635, 645, 646, 712.
 Тяббу, страна, 96, 108, 634.
 Тяббусы, народъ, 44, 96, 108, 732.
 Тибести, гора, 733, 735—741, 743, 744.
 Тибести, оазисъ, 108, 735.
 Тибили, городъ, 382.
 Тигехертъ, долина, 756.
 Тигри, себха, 606.
 Тиджаниа, городъ, 212.
 Тидикельтъ, оазисъ, 774, 775, 784—786.
 Тидикъ, долина, 788.
 Тидили, гора, 604.
 Тидраринъ, народъ, 805.
 Тизги, городъ, 680, 681.
 Тизи, городъ, 600, 604.
 Тизилькумы, народъ, 103.
 Тизинтъ-эръ-Риутъ, горный проходъ, 640.
 Тизи-Узу, городъ, 438, 439, 440, 441, 442.
 Тизи-Узу, округъ, 417.
 Тизинтъ, городъ, 678.
 Тизугаринъ, горы, проходъ, 504.
 Тикзиртъ, колонія, 440.
 Тикиртъ, мѣстечко, 685.
 Тиклатъ, деревня, 410.
 Тиллунинъ, городъ, 783, 787.
 Тимге, гора, 792.
 Тимегадъ, генширъ, 507.
 Тимери, деревня, 410.
 Тимикунъ, оазисъ и городъ, 775, 780, 783.
 Тимиссау, колодезь, 784.
 Тиммермасинъ, мѣстечко, 504.
 Тимми, оазисъ, 783.
 Тингертъ, плоскогорье, 51, 121, 755.
 Тине, развалины, 200.
 Тивтагода, мѣстечко, 792.
 Тинтелустъ, мѣстечко, 792.
 Тиншаманъ, городъ, 793.
 Тивъ-алькумъ (тивизилькумъ), племя, 763.
 Тивъ-эръ-Букъ, оазисъ, 780.
 Типазъ, мѣстечко, 460, 464, 508.
 Тирисъ, равнина, 799.
 Тирсъ, оазисъ, 75.
 Тируда, перевалъ, 296, 409.
 Тиссенъ, рѣка, 687.
 Титтери, гора, 291, 292.
 Титтъ, городъ, 784.
 Тифедестъ, гора, 756.
 Тифешъ, развалины, 375.
 Тиффа, племя, 671.
 Тишнъ, оазисъ, 805, 806.

Тіаретъ, городъ, 308, 469, 471, 526, 528, 547, 548.
 Тіутъ, городъ, 315, 495, 536.
 Тіемсень, городъ, 486, 487—489, 494, 547, 600, 642.
 Тіемсень, горы, 291, 307, 338, 604.
 Тобрукъ, портъ, 13, 19, 20.
 Тодръ, оазисъ, 691, 692.
 Тозеръ, оазисъ, 266.
 Тозеръ, монастырь, 195.
 Токоловида, станція, 609.
 Токра, городъ, 27.
 Толбы, племя, 539.
 Тольга, мѣстечко, 516.
 Тольмита, городъ, 27.
 Трагенъ, городъ, 99, 107, 109.
 Трара, горы, 289, 307.
 Трарасъ, горы, 494.
 Трарза, племя, 806.
 Траріа, равнина, 291.
 Тресь-Форкасъ, мысъ, 611.
 Трикъ-эшъ-Джебелъ, бродъ, 159.
 Тритонови озера, 152.
 Тсабитъ, оазисъ, 783.
 Ту, горы, 731, 735.
 Туареги, народъ, 103, 110, 117, 123, 124, 359, 521.
 Туатны, народъ, 779.
 Туатъ, оазисъ, 110, 124, 305, 523, 534, 540, 601, 802.
 Тугеръ, гора, 303, 505, 508.
 Тугуртъ, городъ, 326, 354, 373, 447, 495, 516, 519, 520, 521, 552.
 Туджа, гора, 412.
 Туила-Макна, гора, 300.
 Тукутъ, гора, 120.
 Туммо, плато, 733.
 Тунисскій заливъ, 219, 220.
 Тунисцы, народъ, 178, 228.
 Тунисъ, городъ, 223.
 Тунисъ, страна, 127—266.
 Тусенде, гора, 732.

У.

Уадай, государство, 37, 105, 743.
 Уаданъ, городъ, 78, 807.
 Уади, оазисъ, 35, 36.
 Уади-Гаэра, рѣка, 56.
 Уади-Земзень, оазисъ, 56, 61.
 Уадикуръ, оазисъ, 743.
 Уади-Лажаль, солончакъ, 128.
 Уади-Миссиферъ, оазисъ, 76.
 Уади-Сертъ, оазисъ, 53.
 Уади-Суфеджина, рѣка, 69, 80.
 Уади-Фарегъ, рѣка, 32.
 Уади-Шіати, оазисъ, 104, 128.
 Уади-эль-Газасъ, рѣка, 55.
 Уади-эль-Каанъ, рѣка, 56.
 Уади-эль-Мгаръ-эль-Гринъ, рѣка, 56.
 Уади-эль-Эгелъ, рѣка, 56.
 Уалата, городъ, 804.
 Уалидія, лагуна, 668.
 Уаргла, оазисъ и городъ, 317, 447, 521, 532, 533, 534, 541, 723.
 Уарсенисъ, гора, 288, 292, 348, 468, 470, 554.
 Уателменъ, гора, 755.
 Убари, оазисъ, 99, 105, 109.
 Углана, городъ, 517.
 Угразфе, городъ, 105, 109.
 Уджана, племя, 496.
 Уджа, городъ, 268, 307, 640, 712.
 Уджа, провинція, 712.

Уджефъ, городъ, 807.
 Уеццанъ, городъ, 659, 660, 712.
 Укантъ, гора, 293, 294, 313.
 Уладъ-абди, племя, 364, 500, 501, 504.
 Уладъ-абдъ-эль-Мулатъ, племя, 782.
 Уладъ-азизъ, племя, 496.
 Уладъ-апаръ, племя, 177.
 Уладъ-ба-хаму, племя, 784.
 Уладъ-бу-сба, племя, 801, 806.
 Уладъ-гамидъ, племя, 521.
 Уладъ-даудъ, племя, 500, 501, 504.
 Уладъ-дезимъ, племя, 806.
 Уладъ-Джелладъ, оазисъ, 527.
 Уладъ-джериръ, племя, 696.
 Уладъ-Зейанъ, племя, 496.
 Уладъ-Махмудъ, племя, 805.
 Уладъ-Мимувъ, равнина, 486.
 Уладъ-Мокравъ, родъ, 409.
 Уладъ-Мохтаръ, племя, 785.
 Уладъ-наилы, племя, 509, 510, 527, 552.
 Уладъ-Рамунъ, городъ, 404.
 Уладъ-Раффа, мѣстечко, 782, 787.
 Уладъ-сайды, племя, 176.
 Уладъ-сергинъ, племя, 524.
 Уладъ-сиди-Шейхъ, племя, 305, 534, 540, 541.
 Уладъ-сиди-Ягія-бенъ-талебъ, племя, 372.
 Уладъ-эль-джухала, племя, 357.
 Уладъ-эль-хаджъ-аисса, племя, 524.
 Уладъ-Эмбарекъ, племя, 805.
 Уладъ-эвъ-Нассеръ, племя, 805.
 Уладъ-Ягія, племя, 213.
 Уладъ-Якуби, племя, 193.
 Уладъ-эль-аскеръ, племя, 357.
 Уледъ-кедашъ, мѣстечко, 439.
 Умъ-Тебуль, область, 248, 380.
 Умъ-эль-Буаги, мѣстечко, 380.
 Умъ-эль-Тіуръ, оазисъ, 516.
 Умъ-эръ-Рбіа, рѣка, 603, 663, 668.
 Умъ-эшъ-Шейль, рѣка, 56.
 Ургамма, горы, 144.
 Ургамма, племя, 174, 176.
 Урика, долина, 605.
 Урлана, область, 327.
 Урфилы см. Орфелы.
 Утанъ-Гебли, область, 266.
 Утика, городъ, 244.
 Уштетта, племя, 168.
 Уштетъ, горы, 39.
 Уэль-Аисси, рѣка, 295.
 Уэль-Ассана, потокъ, 618.
 Уэль-Атменіа, оазисъ, 404.
 Уэль-Веджеръ, 499.
 Уэль-Весбе, 383.
 Уэль-Гебли, 390, 400.
 Уэль-Геркуръ, 407.
 Уэль-Герсъ, 620.
 Уэль-Гиръ, рѣка, 804.
 Уэль-Джеди, оазисъ, 560.
 Уэль-Джеръ, 460—461.
 Уэль-Джинденъ, деревня, 403.
 Уэль-Драа, 61, 110, 624, 712.
 Уэль-За, 643.
 Уэль-Зенати, 380.
 Уэль-Зергунъ, 540.
 Уэль-Зуръ, рѣка, 401.
 Уэль-Зусфанъ, 541.
 Уэль-Луа, рѣка, 304, 315.
 Уэль-Мегаръ, 503.
 Уэль-Меліанъ, 150, 219, 264.
 Уэль-Мерадъ, 462.

Уэль-Мзи, 315.
 Уэль-Мія, 283, 305, 317, 520, 527, 532, 755.
 Уэль-Нса, 532.
 Уэль-Саура, 540.
 Уэль-Сли, 471.
 Уэль-Ріу, 471.
 Уэль-Фодда, 470.
 Уэль-Шерфъ, 311, 642.
 Уэль-эль-Абюдъ, рѣка, 502, 504.
 Уэль-эль-Махзенъ, притокъ, 651.
 Уэль-эль-Хусъ, рѣка, 616, 617.
 Уэль-эль-Тинъ, потокъ, 145.
 Уэрфеда, рѣка, 491.
 Уэршефана, племя, 69.

Ф.

Фальковъ, мысъ, 484.
 Фараунъ, солончакъ, 154.
 Фередга, оазисъ, 5, 18, 31.
 Феджедъ, оазисъ, 192.
 Феджъ-эль-Гендулъ см. Тизи-Узу.
 Феджъ-эль-Мокта, гора, 374.
 Фекка, рѣка, 151.
 Февайя, городъ, 410, 417, 425.
 Феджанъ, племя, 521.
 Феркла, оазисъ, 691.
 Феріана, оазисъ, 196.
 Фернана, горы, 249.
 Фецара, озеро, 311, 388, 389, 390.
 Феццанъ, провинція, 45, 75, 92, 96—109, 128, 731, 733, 762.
 Фецъ, городъ, 653, 654, 701, 712.
 Фецъ, область, 488, 491, 539.
 Фецъ-эль-Баля, городъ, 654.
 Фецъ-эль-Джедидъ, городъ, 654.
 Фигигъ, плоскогорье, 284, 298, 314, 541.
 Филипвилъ, городъ, 335, 356, 389, 390, 396, 404, 452.
 Филфила, мысъ, 389.
 Фильгаузенъ, гора, 289, 493.
 Фишгъ, оазисъ, 268.
 Флесса-умъ-эль-лиль, племя, 419.
 Фога, оазисъ и городъ, 48, 92, 107, 109, 128.
 Фондукъ, городъ, 457, 458, 462.
 Фортасъ, область, 143, 292, 471.
 Фортъ-Шенка, 531.
 Форъ-Насіональ, городъ, 440.
 Фраскія, область, 242.
 Фрашишъ, племя, 177.
 Френда, городъ, 471, 600.
 Фумъ-эль-Гарбъ, область, 712.
 Фумъ-эль-Госсанъ, область, 712.
 Фумъ-эль-Хинкъ, хенегъ, 782.
 Фута, область, 521.

Х.

Хаджаръ-Румъ, развалины (Римскіе камни), 486.
 Хаджаръ-Сода, скала, 196.
 Хаджедъ, племя, 527.
 Халладъ, рѣка, 242, 243.
 Халькъ-эль-Уэль см. Голлета.
 Ханга-Зиди-Наджи, городъ, 503, 504.
 Хавенша, племя, 176.
 Ханфуса, джебелъ, 773.
 Харазліа, племя, 527.
 Харруба, плато, 507.
 Хашемъ, племя, 475.
 Хейдеръ, ключи, 313, 536.
 Хемисса, городъ, 375.

Хенга, оазисъ, 590.
Хенегъ („Дефилей“), ущелье, 395.
Хеншела, городъ, 351, 356, 496, 499, 503.
Хергла, мѣстечко, 215.
Ходна, рѣка, 407.
Хомсъ см. Лебда.
Хрима, гора, 534.
Хрисъ, уэдъ, 695.
Хумиря, область, 140, 168, 241, 248, 249, 264, 311, 375.
Хумиры, племя, 139, 174, 175.
Хумтъ-Сукъ, городъ, 266.

Ц.

Цаде см. Чадъ.

Ч.

Чадъ, озеро, 46, 68, 71, 109, 117, 124, 179, 192, 715, 731.
Червиное озеро, 723.
Чадъ-Нунъ см. Огульминъ.

Ш.

Шаауба, племя, 529, 532, 535.
Шабетъ-эль-Акра, долина, 297, 407.
Шадаренъ, племя, 769.
Шанба-Муади, племя, 534.
Шарефъ, городъ, 783, 787.
Шауна, племя, 363, 396, 498, 501, 502.
Шебли, мѣстечко, 459.
Шекора, скала, 392.
Шелифъ, рѣка, 133, 279, 285, 292, 299, 308, 312, 313, 328, 333, 346, 348, 409, 440, 463, 465, 467, 468, 470, 472, 538.
Шеллала, городъ, 535, 600.
Шеллала-Гебли, городъ, 539.
Шеллала-Дахран, городъ, 539.
Шеллата, плоскогорье, 296, 410, 431.
Шеллахи, народъ, 636.
Шеллиа, гора, 295, 303, 504.
Шендеръ, уэдъ, 441.
Шенуа, мысъ, 290, 462, 463.
Шераза, городъ, 462.
Шерги, солончакъ, 313, 535.
Шерунтъ, оазисъ, 680, 687.
Шерфъ, рѣка, 380—382, 604.
Шершель, городъ, 463, 467, 600.
Шешаръ, гора, 301.
Шешауанъ, городъ, 645, 712.
Шибика, уэдъ, 684.
Шингити, городъ, 807.

Шиффа, рѣка, 292, 308, 460, 461.
Шлейхъ (шеллаха), племя, 627.
Шокъ-бент-Нахръ см. Эль-Кесръ.
Штуна, племена, 676.

Э.

Эгере, плоскогорье, 755, 756, 758, 788.
Эгрисъ, равнина, 280, 291, 475.
Эдепенъ, городъ, 723.
Эдери, городъ, 105, 109.
Эдугъ, гора, 298, 383, 389, 484.
Эзъ-Зеригатъ, область, 692, 712.
Эль-Абюдъ-Сиди-Шейхъ, городъ, 539.
Эль-Абди, уэдъ, 504.
Эль-Аксаби, плоскогорье, 798.
Эль-Арабъ, уэдъ, 496, 503, 504.
Эль-Арайшъ, городъ, 612, 650, 652, 712.
Эль-Арегъ, оазисъ, 36.
Эль-Аришъ, городъ, 36, 291, 491.
Эль-Аттефъ, городъ, 531, 541.
Эль-Аширъ, мѣстечко, 407.
Эль-Баркатъ, городъ, 124.
Эль-Бибанъ, мѣстечко, 184.
Эль-Віаръ, гор. проходъ, 455, 511.
Эль-Віодъ, постъ, 773.
Эль-Валлуфъ, уэдъ, 688.
Эль-Гамма, оазисъ, 166, 192, 194, 195, 196.
Эль-Гаммамъ, деревни, 239, 461, 476, 698.
Эль-Гарби, уэдъ, 95, 315, 779.
Эль-Гарибъ, номады, 686, 687.
Эль-Гаррушъ, городъ, 396, 404.
Эль-Гарса, солончакъ, 195, 196.
Эль-Гасанбъ, уэдъ, 477.
Эль-Гасъ, уэдъ, 678, 680, 684.
Эль-Гедимъ, городъ, 806.
Эль-Генатеръ, скалы, 798.
Эль-Геттаръ, оазисъ, 199.
Эль-Годъ, плоскогорье, 805.
Эль-Голеа, область, 283, 305, 532, 695, 781.
Эль-Гутъ, озеро, 338.
Эль-Джезаиръ см. Алажиръ.
Эль-Джемила, городъ, 401.
Эль-Джемъ, деревня, 202.
Эль-Джеридъ, солончакъ, 191, 193, 195, 196.
Эль-Джефарахъ, низменность, 53.
Эль-Джедида, городъ, 667.
Эль-Джуфъ, область, 797, 798, 800.
Эль-Истатъ, монастырь, 39, 44.
Эль-Камада (Плане), островъ, 143.
Эль-Кантаръ, уэдъ, 496.

Эль-Кебиръ, уэдъ, 390, 401—403, 460.
Эль-Кефъ, городъ, 239, 241, 252, 259, 265, 266.
Эль-Кессера, плоскогорье, 243, 256.
Эль-Кмасть, гора, 711.
Эль-Ксаръ см. Баче.
Эль-Мелахъ, солончакъ, 157, 159, 478.
Эль-Милла, воен. постъ, 401.
Эль-Мирайя, равнина, 801.
Эль-Мунденинъ, замокъ, 185.
Эль-Угартъ, городъ, 782.
Эль-Удагиръ, источникъ, 698.
Эль-Удианъ, оазисъ, 194, 195, 266.
Эль-Утайа, солончакъ, 512.
Эль-Утедъ, гора, 541, 627.
Эль-Уэдъ, городъ, 541.
Эль-Фаида см. Зибанъ.
Эль-Феджеджъ, солончакъ, 154, 178.
Эль-Хадемъ, дюна, 724.
Эль-Хаджиръ, равнина, 533.
Эль-Хрубъ, городъ, 404.
Эль-Хусъ (Дуккосъ), уэдъ, 650.
Эль-Эглабъ, горы, 797.
Энджа, рѣка, 311, 401.
Эннеди, область, 714, 731.
Эннери-Туге, оазисъ, 747.
Энфида-Уладъ-Сандъ, долина, 215.
Энъ-Намусъ, уэдъ, 779.
Эрбехна, оазисъ, 44, 45.
Эрбиллонъ см. Такушъ.
Эргивацъ, полуостровъ, 808.
Эргъ, горы, 723, 724, 725, 774, 781.
Эртибъ, провинція, 692.
Эръ-Рахель, мѣстечко, 485.
Эръ-Риссани, фортъ, 694.
Эсъ-Сахели, городъ, 696.
Эсъ-Сукъ, мѣстечко, 804.
Эшъ-Шератъ, уэдъ, 616.
Эшъ-Шерхи („Восточный“), оазисъ, 95, 96.
Эшъ-Шіати, оазисъ, 93, 95.

Ю.

Юба, мысъ, 800, 801.
Южный Туинсъ, область, 144, 157, 158, 196.
Юпитеръ Аммонъ, оазисы, 32, 763.

Я.

Ягил-бинъ-отманъ, кочевники, 806, 807.
Ятъ, оазисъ, 744.